Жизнь животныхъ Брэма.

Сокращенное изданіе

для

школы и домашняго чтенія.

Второй томъ.

Жизнь животныхъ

Брэма.

Полный переводъ **М. Чепинской** со второго нѣмецкаго изданія,

вновь обработаннаго **Рихардомъ Шмидтлейномъ**

для школы и домашняго чтенія,

подъ ред. проф. Спб. университета **А. С. Догеля** (съ 401 стран.)
и **П. Ф. Лесгафта** (до 160 стр.).

Второй томъ. — Птицы.

Съ 10 хромолитографіями, 19 черными таблицами и 225 рисунками въ текстѣ,
исполненными **Л. Бекманомъ, Р. Кречмеромъ, В. Кюнертомъ, Г. Мютцелемъ, Фр. Шпехтомъ** и др.

Библиотека В. П. И.
Инв. № 38777

С.-Петербургъ.
Типографія Книгоиздательскаго Товарищества „Просвѣщеніе“.
1901.

Дозволено цензурою. Спб., 18 декабря 1900 г.

Оглавленіе.

Птицы.

Общій обзоръ жизни птицы . . . . . Стр. 3

Первый отрядъ: **Древесныя птицы** (Coracornithes).

Стр.

Первое семейство: **Пѣвчія птицы** (Sylviidae).

Дроздовыя (Turdinae).

1-й родъ: Соловьи (Erithacus) . . . 21
Западный соловей (E. luscinia) . 21
Восточный соловей (E. philomela) 21
Краснозвѣздая варакушка (E. suecicus) 25
Бѣлозвѣздая варакушка (E. cyaneculus) 26
Малиновка (E. rubeculus) . . . 27
Домовая горихвостка (E. titis) . 30
Садовая горихвостка (E. phoenicurus) 32
2-й родъ: Чекканки (Pratincola) . . . 33
Чекканчикъ луговой (P. rubetra) 33
Чекканчикъ чернохвостый (P. rubicola) 33
3-й родъ: Каменки (Saxicola) 34
Каменка бѣлохвостая (S. leucura) 34
Каменка-попутчикъ (S. oenanthe) 34
Каменка ушастая (S. rufescens) . 35
Каменка черногорлая (S. stapazina) 35
4-й родъ: Оляпки (Cinclus) 37
Оляпка (C. merula) 37
5-й родъ: Каменные дрозды (Monticola) 41
Каменный дроздъ (M. saxatilis) . 41
Синій дроздъ (M. cyanus) . . . 42
6-й родъ: Настоящіе дрозды (Turdus) 43
Деряба (T. viscivorus) 43
Пѣвчій дроздъ (T. musicus) . . 43
Орѣховикъ (T. iliacus) 44
Рябинникъ (P. pilaris) 45
Бѣлозобый дроздъ (T. torquatus) 45
Черный дроздъ (T. merula) . . 45

Славковыя (Sylviinae).

7-й родъ: Завирушки (Accentor) . . 51
Лѣсная завирушка (A. modularis) 51
Альпійская завирушка (A. collaris) 52
8-й родъ: Славки (Sylvia) 53
Пестрогрудка (S. nisoria) . . . 54
Славка пѣвчая (S. orphaea) . . 54

Стр.

Черноголовка (S. atricapilla) . . 56
Садовая славка (S. hortensis) . . 57
Мельничекъ (S. curruca) 58
Говорунчикъ (S. rufa) 59
Очковая славка (S. conspicillata) 60
Бѣлобородая славка (S. subalpina) 60
Бѣлобрюхая славка (S. melanocephala) 61
Сардинская славка (S. sarda) . . 61
Провансальская славка (S. provincialis) 61
9-й родъ: Камышевки (Acrocephalus) . 62
Дроздовидная камышевка (A. arundinaceus) 62
Береговая камышевка (A. schoenobaenus) 64
10-й родъ: Сверчковыя камышевки (Locustella) 65
Полевой сверчокъ (L. naevia) . . 65
11-й родъ: Садовыя пѣночки (Hypolais) 66
Пѣночка пересмѣшка (H. philomela) 66
Сѣрая пѣночка (H. opaca) . . . 67
12-й родъ: Настоящія пѣночки (Phylloscopus) 67
Обыкновенная пѣночка (P. trochilus) 68
Пѣночка-теньковка (P. rufus) . 68
Таловка (P. tristis) 68
Зарничка (P. superciliosus) . . . 69
13-й родъ: Корольки (Regulus) . . . 69
Желтоголовый королекъ (R. cristatus) 69
Красноголовый королекъ (R. ignicapillus) 70

Второе семейство: **Тималіи** (Timeliidae).

Дрозды пересмѣшники (Miminae).

1-й родъ: Пересмѣшники (Mimus) . . 73
Пересмѣшникъ (M. polyglotta) . 73

Крапивниковыя (Troglodytinae).

2-й родъ: Крапивники (Troglodytes) . 76
Крапивникъ (T. parvulus) . . . 76

Стр.

Швейки (Cisticolinae).

3-й родъ: Цистиколы (Cisticola) . . . 78
Цистикола бѣгающая (C. cursitans) 78
4-й родъ: Портнихи (Orthotomus) . . 79
Портниха длиннохвостая (O. bennetti) 79
5-й родъ: Мягкохвостки (Stipiturus) . 81
Мягкохвостка австралійская (S. malachurus) 81
6-й родъ: Настоящія тималіи (Timelia) 81
Тималія бурая (T. pileata) . . . 81
7-й родъ: Абиссинскіе дрозды (Crateropus) 81
Бѣлолицый абиссинскій дроздъ (C. leucopygius) 81

Третье семейство: **Синицы (Paridae).**

1-й родъ: Лѣсныя синицы (Parus) . . 83
Большая синица (P. major) . . 83
Лазоревка (P. caeruleus) . . . 85
Московка (P. ater) 86
Болотная синица (P. fruticeti) . 86
Хохлатая синица (P. cristatus) . 86
2-й родъ: Длиннохвостыя синицы (Acredula) 87
Аполлоновка (A. caudata) . . . 87
3-й родъ: Бородатки (Panurus) . . . 89
Бородатка (P. biarmicus) . . . 89
4-й родъ: Ремезы (Aegithalus) . . . 89
Ремезъ (A. pendulinus) 89

Четвертое семейство: **Древолазы (Certhiidae).**

Поползни: (Sittinae)

1-й родъ: Поползни (Sitta) 92
Сѣверный поползень (S. caesia) . 92
Поползень-ямщикъ (S. europaea) 92
Волчекъ (S. sibirica) 92
Каменный поползень (S. neumayeri) 94

Древолазы: (Certhiinae).

2-й родъ: Пищухи (Certhia) 95
Пищуха-сверчокъ (C. familiaris) . 95
3-й родъ: Стѣнолазы (Tichodroma) . . 96
Краснокрылый стѣнолазъ (T. muraria) 96

Пятое семейство: **Нектарницы (Nectariniidae).**

Единств. родъ: Нектарницы (Nectarinia) 100
Нектарница блестящая (N. metallica) 100

Шестое семейство: **Медоѣды (Meliphagidae).**

Единств. родъ: Поэ (Prosthemadera) . 100
Новозеландскій поэ (P. novae-seelandiae) 100

Седьмое семейство: **Коротконогіе дрозды (Brachypodidae).**

Единств. родъ: Бюль-бюли (Pycnonotus) 102
Бюль-бюль темный (P. nigricans) 102
Бюль-бюль сѣрый (P. arsinoë) . 102

Стр.

Восьмое семейство: **Жаворонки (Alaudidae).**

1-й родъ: Настоящіе жаворонки (Alauda) 103
Полевой жаворонокъ (A. arvensis) 103
Каландра (A. calandra) 105
Черный жаворонокъ (A. yeltoniensis) 107
2-й родъ: Ушастые жаворонки (Otocorys) 107
Рюмъ (O. alpestris) 107
3-й родъ: Хохлатые жаворонки (Galerita) 109
Хохлатый жаворонокъ (G. cristata) 109
Лѣсной жаворонокъ (G. arborea) . 110
4-й родъ: Пустынные жаворонки (Ammomanes) 112
Африканскій жаворонокъ (A. deserti) 112
5-й родъ: Длинноногіе жаворонки (Alaemon) 112
Сахарскій жаворонокъ (A. desertorum) 112

Девятое семейство: **Лѣсные пѣвцы (Sylvicolidae).**

Трясогузки (Motacillinae).

1-й родъ: Трясогузки (Motacilla) . . . 113
Трясогузка бѣлая (M. alba) . . 114
Черная трясогузка (M. lugubris) . 114
Горная трясогузка (M. melanope) 115
2-й родъ: Плиски (Budytes) 116
Желтая плиска (B. flavus) . . . 116
Желтоголовая плиска (B. citreolus) 117
3-й родъ: Ласточковыя плиски (Enicurus) 117
Менинтингъ (E. leschenaulti) . . 117
4-й родъ: Щеврицы (Anthus) 117
Луговой конекъ (A. pratensis) . 118
Лѣсной конекъ (A. trivialis) . . 119
Водяной конекъ (A. spipoletta) . 120
Степной конекъ (A. campestris) . 120
Шпорцевый конекъ (A. richardi) 121

Тангары (Thraupinae).

5-й родъ: Тангары (Thraupis) . . . 122
Красная тангара (T. rubra) . . 122
Съѣдобная тангара (T. aestiva) . 122
6-й родъ: Органисты (Euphonia) . . 123
Фіолетовый органистъ (E. violacea) 123

Десятое семейство: **Вьюрки (Fringillidae).**

Настоящіе вьюрки (Fringillinae).

1-й родъ: Воробьи (Passer) 125
Домашній воробей (P. domesticus) 126
Испанскій воробей (P. hispaniolensis) 130
Красноголовый воробей (P. montanus) 131
Каменный воробей (P. petronius) 132
Общественный воробей (P. socius) 132
2-й родъ: Дубоноски (Coccothraustes) . 134
Обыкновенная дубоноска (C. vulgaris) 134

Стр.

3-й родъ: Зяблики (Fringilla) 136
Обыкновенный зябликъ (F. coelebs) 136
Сарка (F. montifringilla) 138
Горный зябликъ (F. nivalis) . . 139
4-й родъ: Подорожниковые вьюрки (Zonotrichia) 139
Бѣлогрудый воробей (Z. albicollis) 139
Снѣжный вьюрокъ (Z. hiemalis) . 140

Снигиревыя (Pyrrhulinae).

5-й родъ: Зеленушки (Chloris) . . . 141
Лѣсная канарейка (C. hortensis). 141
6-й родъ: Коноплянки (Acanthis) . . 142
Обыкновенная коноплянка (A. cannabina) 142
Желтоносъ (A. flavirostris) . . . 142
Чечотка (A. linaria) 143
7-й родъ: Чижи (Chrysomitris) . . . 144
Обыкновенный чижикъ (C. spinus) 144
8-й родъ: Щеглята (Carduelis) . . . 145
Щегленокъ (C. elegans) 145
9-й родъ: Желтые снигири (Serinus) . 147
Желтозобикъ (S. hortulanus) . . 147
Дикая канарейка (S. canarius) . 149
10-й родъ: Красные снигири (Pinicola) 151
Красный снигирь (P. erythrinus) 151
Щуръ (P. enucleator) 152
11-й родъ: Длиннохвостые снигири (Uragus) 153
Сибирскій снигирь (U. sibiricus). 153
12-й родъ: Настоящіе снигири (Pyrrhula) 154
Обыкновенный снигирь (P. europaea) 154
Снигирь-жуланъ (P. rubilcilla). . 154
Пустынный снигирь (P. githaginea) 156
13-й родъ: Клесты (Loxia) 158
Сосновикъ (L. pityopsittacus) . . 159
Еловикъ (L. curvirostra) 159
Краснопоясный клестъ (L. rubrifasciata) 159
Бѣлопоясной клестъ (L. bifasciata) 159

Кардиналовыя (Coccoborinae).

14-й родъ: Кардиналы (Coccoborus) . 163
Красногрудый кардиналъ (C. ludovicianus) 163
Виргинскій кардиналъ (C. virginianus) 164

Овсянковыя (Emberizinae).

15-й родъ: Настоящіе подорожники (Calcarius) 165
Лапландскій подорожникъ (C. lapponicus) 165
Пуночка (C. nivalis) 167
16-й родъ: Овсянки (Emberiza) . . . 168
Тростниковая овсянка (E. schoeniclus) 168
Просянка (E. calandra) 169
Обыкновенная овсянка (E. citrinella) 170
Огородная овсянка (E. cirlus) . . 171
Ортоланъ (E. hortulana) 171
Сѣроголовая овсянка (E. caesia). 172
Дурачекъ (E. cia) 173
Черноголовая овсянка (E. melanocephala) 174

Одиннадцатое семейство: **Ткачевыя птицы (Ploceidae).**

Ткачи (Ploceinae).

1-й родъ: Ткачи (Textor) 179
Бѣлоклювый ткачъ (T. albirostris) 179
Свѣтлый ткачъ (T. dinemelli) . 179
2-й родъ: Древесные ткачи (Ploceus). 179
Золотистый ткачъ (P. galbula) . 179

Ткачевые вьюрки (Spermestinae).

3-й родъ: Огненные ткачи (Euplectes) 181
Огненный вьюрокъ (E. franciscanus) 181
4-й родъ: Вдовушки (Vidua) 181
Райская вдовушка (V. paradisea) 182
5-й родъ: Амарантовые ткачи (Habropyga) 182
Амаранта (H. minima) 182
6-й родъ: Амадины (Sperinestes) . 183
Полосатая амадина (S. fasciata). 183
Рисовка (S. oryzovora) 184

Двѣнадцатое семейство: **Трупіалы (Icteridae).**

1-й родъ: Трупіалы (Icterus) 186
Балтиморскій трупіалъ (I. galbula) 186
2-й родъ: Желтушники (Agelaeus) . . 187
Рисовый желтушникъ (A. oryzovorus) 187
Подродъ: рисовые трупіалы . . 188
Коровій желтушникъ (A. pecoris) 189
Красноплечій желтушникъ (A. phoeniceus) 190
3-й родъ: Халкофаны (Cassicus) . . 191
Шапу (C. cristatus) 191

Тринадцатое семейство: **Скворцы (Sturnidae).**

1-й родъ: Настоящіе скворцы (Sturnus) 193
Обыкновенный скворецъ (S. vulgaris) 193
Черный скворецъ (S. unicolor) . 193
2-й родъ: Розовые скворцы (Pastor) . 197
Розовый скворецъ (P. roseus). . 197
3-й родъ: Волоклюи (Buphaga) . . . 198
Волоклюй африканскій (B. erythrorhyncha) 198
4-й родъ: Блестящіе скворцы (Lamprotornis) 200
Бронзовый скворецъ (L. aeneus). 200
Стальной скворецъ (L. chalybeus) 200
Великолѣпный скворецъ (L. superbus) 201
Мѣднобрюхій скворецъ (L. chrysogaster) 201
Бѣлобрюхій скворецъ (L. leucogaster) 202

Стр.

5-й родъ: Мейны (Eulabes) 202
Пѣвчая мейна (E. religiosus) . . 203
6-й родъ: Ласточковые скворцы (Artamus) 203
Ласточковый скворецъ (A. fuscus) 204

Четырнадцатое семейство: **Иволги (Oriolidae).**

1-й родъ: Иволги (Oriolus) 204
Иволга обыкновенная (O. galbula) 204
2-й родъ: Дронго (Dicrurus) 206
Райскій дронго (D. paradiseus) . 206

Пятнадцатое семейство: **Райскія птицы (Paradiseidae).**

Райскія птицы (Paradiseinae).

1-й родъ: Настоящія райскія птицы (Paradisea) 210
Безногая райская птица (P. apoda) 210
Малая райская птица (P. minor) 210
Красная райская птица (P. sanguinea) 210
2-й родъ: Лофорины (Lophorina) . . 213
Царская лофорина (L. regia) . . 213
Епанчевая лофорина (L. superba) 213
Черная лофорина (L. nigra) . . 214
3-й родъ: Райскіе удоды (Epimachus) 21
Черноватый райскій удодъ (E. nigricans) 215
Большой райскій удодъ (E. speciosus) 216

Плащеносцы (Chlamydoderinae).

4-й родъ: Шалашники (Chlamydodera) 217
Шалашникъ шелковистый (C. holosericea) 217
Шалашникъ пятнистый (C. maculata) 217

Лопастоносцы (Glaucopinae).

5-й родъ: Лопастоносцы (Creadion) . 219
Лопастоносецъ тонкоклювый (C. acutirostris) 219

Шестнадцатое семейство: **Вороновыя птицы (Corvidae).**

Воронны (Corvinae).

1-й родъ: Полевые вороны (Corvus) . 221
Большой воронъ (C. corax) . . 221
Черная ворона (C. corone) . . . 224
Сѣрая ворона (C. cornix) . . . 224
Грачъ (C. frugileus) 227
Бѣлогрудая ворона (C. scapulatus) 229
Грифовая ворона (C. crassirostris) 229
Бѣлошейная ворона (C. albicollis) 229
2-й родъ: Галки (Colaeus) 229
Галка (C. monedula) 229
3-й родъ: Сороки (Pica) 231
Сорока обыкновенная (P. rustica) 231
4-й родъ: Синія вороны (Cyanocorax) 233
Хохлатая ворона (C. chrysops) . 233
5-й родъ: Циссы (Cissa) 334
Китайская цисса (C. erythrorhyncha) 234

Стр.

Сойковыя (Garrulinae).

6-й родъ: Сойки (Garrulus) 234
Кукша (G. glandarius) 234
Ронжа (G. infaustus) 237
7-й родъ: Синія сойки (Cyanocitta) . 239
Хохлатая сойка (C. cristata) . . 239
8-й родъ: Голубыя сороки (Cyanopolius) 239
Испанская голубая сорока (C. cookii) 239
9-й родъ: Орѣховки (Nucifraga) . . . 240
Орѣховка обыкновенная (N. caryocatactes) 240

Странствующія сороки (Dendrocittinae).

10-й родъ: Лѣсныя сороки (Dendrocitta) 242
Странствующая сорока (D. rufa). 242

Горныя вороны (Pyrrhocoracinae).

11-й родъ: Клушицы (Pyrrhocorax) . . 242
Клушица (P. graculus) 242
Альпійская галка (P. alpinus) . 245

Свистящія вороны (Streperinae).

12-й родъ: Свистящія вороны (Strepera) 246
Флейтщикъ (S. tibicen) 246

Семнадцатое семейство: **Сорокопутовыя птицы (Laniidae).**

Сорокопуты (Laniinae).

1-й родъ: Сорокопуты (Lanius) . . . 249
Сѣрый сорокопутъ (L. excubitor) 249
Малый сорокопутъ (L. minor) . . 251
Жуланъ (L. collurio) 251
Красноголовый сорокопутъ (L. senator) 254
Нубійскій сорокопутъ (L. nubicus) 254

Лѣсные сорокопуты (Malaconotinae).

2-й родъ: Лѣсные сорокопуты (Malaconotos) 255
Чагра (M. erythropterus) 255
Пурпуровый сорокопутъ (M. erythrogaster) 256
Пѣвчій сорокопутъ (M. aethiopicus) 256
3-й родъ: Соколиные сорокопуты (Falcunculus) 257
Соколиный сорокопутъ (F. frontatus) 257

Восемнадцатое семейство: **Личинкоѣды (Campephagidae).**

Единственный родъ: Красныя птицы (Pericrocotus) 258
Красная птица (P. speciosus) . . 258

Девятнадцатое семейство: **Мухоловковыя (Muscicapidae).**

1-й родъ: Свиристели (Bombycilla) . . 258
Свиристель обыкновенная (B. garrula) 258
2-й родъ: Мухоловки (Muscicapa) . . 261
Мухоловка сѣрая (M. grisola) . , 261

Стр.

Мухоловка-пеструшка (M. atricapilla) 262
Мухоловка-бѣлошейка (M. collaris) 263
Лоцманчикъ (M. parva) 263

Тропическія мухоловки (Myiagrinae).

3-й родъ: Вѣерохвостки (Rhipidura) . 264
Вѣерохвостка чернобрюхая (R. melanogastra) 264

Двадцатое семейство: **Ласточковыя (Hirundinidae).**

1-й родъ: Касатки (Hirundo) 266
Деревенская ласточка (H. rustica) 266
2-й родъ: Воронки (Chelidonaria) . . 270
Городская ласточка (C. urbica) . 270
3-й родъ: Земляныя ласточки (Clivicola) 272
Горный стрижокъ (C. rupestris) . 272
Береговая ласточка (C. riparia) . 272
4-й родъ: Древесныя ласточки (Progne) 273
Пурпуровая ласточка (P. purpurea) 273

Двадцать первое семейство: **Шерстоспинныя птицы (Eriotoridae).**

1-й родъ: Питты (Coloburis) 274
Питта бенгальская (C. bengalensis) 274
2-й родъ: Муравьеловки (Formicivora) 275
Муравьеловка огнеглазая (F. domicella) 276
3-й родъ: Гилактины (Hylactes) . . . 276
Тюрко (H. megapodius) 276
Птица-лайка (H. tarnii) 277

Двадцать второе семейство: **Горшечники (Anabatidae).**

1-й родъ: Печники (Furnarius) . . . 277
Печникъ рыжій (F. rufus) . . . 278

Двадцать третье семейство: **Тиранны (Tyrannidae).**

1-й родъ: Пипры (Pipra) 279
Манакинъ (P. manacus) 280
2-й родъ: Настоящіе тиранны (Tyrannus) 281
Тираннъ каролинскій (T. carolinensis) 281
Бентеви (T. sulfuratus) 281

Двадцать четвертое семейство: **Ампелидовыя птицы (Ampelidae).**

Косцы (Phytotominae).

1-й родъ: Косцы (Phytotoma) 283
Рарита (P. rara) 284

Настоящія ампелиды: (Ampelinae).

2-й родъ: Головачи (Cephalopterus) . 285
Хохлатый головачъ (C. ornatus) 285
3-й родъ: Колокольчики (Chasmorhynchus) 287
Птица-колокольчикъ (C. nudicollis) 287
Звонарь (C. carunculatus) . . . 287
Арапонга (C. variegatus) . . . 288
Молотобой (C. tricarunculatus). . 288

Стр.

4-й родъ: Пѣтушки (Rupicola) . . . 288
Каменный пѣтушокъ (R. crocea). 289

Двадцать пятое семейство: **Рогоклювыя птицы (Eurylaemidae).**

Единст. родъ: Рогоклювы (Eurylaemus) 291
Яванскій рогоклювъ (E. javanicus) 291

Двадцать шестое семейство: **Лировыя птицы (Pseudoscines).**

Единств. родъ: Лирохвосты (Menura) . 291
Лирохвостъ (M. superba) 292

Двадцать седьмое семейство: **Дятловыя птицы (Picidae).**

Зеленые дятлы (Picinae).

1-й родъ: Настоящіе зеленые дятлы (Picus) 296
Зеленый дятелъ (P. viridis) . . . 296
2-й родъ: Шилоклювые дятлы (Colaptes) 299
Золотистый дятелъ (C. auratus) . 299
Мѣдный дятелъ (C. mexicanus) . 299
Полевой дятелъ (C. campesrtis) . 300
Красноголовый дятелъ (C. erythrocephalus) 300
Калифорнскій дятелъ (C. formicivorus) 300

Пестрые дятлы (Dendrocopinae).

3-й родъ: Черные дятлы (Dryocopus) . 301
Желна (D. martius) 301
Бѣлоклювый дятелъ (D. principalis) 303
4-й родъ: Пестрые дятлы (Dendrocopus) 303
Большой пестрый дятелъ (D. major) 304
Средній пестрый дятелъ (D. medius) 306
Малый пестрый дятелъ (D. minor) 306

Мягкохвостые дятлы (Picumninae).

5-й родъ: Настоящіе мягкохвостые дятлы (Picumnus) 306
Карликовый дятелъ (P. minutus) 306

Вертиголовки (Junginae).

6-й родъ: Настоящія вертиголовки (Jynx) 306
Вертиголовка (J. torquilla) . . . 306

Двадцать восьмое семейство: **Перцеяды (Rhamphastidae).**

1-й родъ: Настоящіе перцеяды (Rhamphastus) 310
Большой туканъ (R. magnirostris) 310
Кирима (R. erythrorhynchus) . . 311
Оранжевый перцеядъ (R. temminckii) 311
2-й родъ: Арасари (Pteroglossus) . . 314
Арасари (P. atricollis) 314

Двадцать девятое семейство: **Бородачи (Capitonidae).**

Единственный родъ: Зеленые бородачи (Megalaema) 316

Стр

Желтозобый бородачъ (M. flavigula) 316

Тридцатое семейство: **Медоуказчики (Indicatoridae).**

Единств. родъ: Медовѣды (Indicator) . 317
Блѣдноклювый медовѣдъ (I. sparrmanni) 317

Тридцать первое семейство: **Колибри (Trochilidae).**

Гномы (Polytminae).

1-й родъ: Орлиный клювъ (Eutoxeres) 321
Орлиный клювъ (E. aquila) . . . 321
2-й родъ: Солнечные колибри (Phaëthornis) 321
Отшельникъ (P. superciliosus) . . 321

Лѣсные колибри (Lamporninae).

3-й родъ: Лѣсные колибри (Lamprornis) 321
Манго (L. mango) 321
4-й родъ: Горные колибри (Oreotrochilus) 322
Чимборасовый колибри (O. chimborazo) 322
5-й родъ: Яхонтовые колибри (Topaza) 322
Топазовый колибри (T. pella) . 322

Цвѣточные колибри (Heliotrichinae).

6-й родъ: Цвѣтковые колибри (Heliothrix) 323
Ушастый колибри (H. aurita) . . 323

Настоящіе колибри (Trochilinae).

7-й родъ: Колибри обыкновенные (Trochilus) 324
Рубиновый колибри (T. colubris) 324
8-й родъ: Эльфы (Lophornis) 324
Великолѣпный эльфъ (L. ornata) 324
9-й родъ: Хвостатые эльфы (Heliactinus) 324
Рогатый колибри (H. cornutus) . 324
10-й родъ: Знаменщики (Steganurus) . 325
Венецуэльскій знаменщикъ (S. underwoodi) 325
11-й родъ: Вилохвостые колибри (Sparganura) 325
Сафо (S. sappho) 325
12-й родъ: Исполинскіе колибри (Hypermetra) 325
Исполинскій колибри (H. gigas) . 325
13-й родъ: Мечеклювы (Docimastes) . . 325
Мечеклювъ (D. ensifer) 325
14-й родъ: Шлемовые колибри (Oxypogon) 326
Парамскій колибри (O. lindeni) . 326

Тридцать второе семейство: **Стрижи (Cypselidae).**

1-й родъ: Настоящіе стрижи (Micropus) 340
Бѣлобрюхій стрижъ (M. melba) . 340
Башенный стрижъ (M. apus) . . 341

Стр.

2-й родъ: Древесные стрижи (Dendrochelidon) 343
Клэхо (D. longipennis) 343
3-й родъ: Саланганы (Collocalia) . . 344
Салангана (C. nidifica) 344
Кузаппи (C. fuciphaga) 346

Тридцать третье семейство: **Мышанки (Coliidae).**

Единственный родъ: Мышанки (Colius) 349
Мышанка длиннохвостая (C. macrourus) 349

Тридцать четвертое семейство: **Зубоклювыя птицы (Trogonidae).**

1-й родъ: Огненныя кукуруйки (Harpactes) 352
Полосатая кукуруйка (H. fasciatus) 352
2-й родъ: Настоящія кукуруйки (Trogon) 352
Настоящая кукуруйка (T. surucua) 352
Помпей (T. viridis) 352
3-й родъ: Павлиньи кукуруйки (Calurus) 353
Квезалъ (C. resplendens). . . . 353

Тридцать пятое семейство: **Птицы-носороги (Bucerotidae).**

1-й родъ: Токи (Rhynchaceros) . . . 355
Токъ (R. erythrorhynchus) . . . 355
2-й родъ: Шлемоносные калао (Buceros) 356
Двурогій калао (B. bicornis) . . 356
Джуланъ (B. plicatus) 359
3-й родъ: Абагамбы (Tmetoceros) . . 359
Абагамба (T. abyssinicus) . . . 359

Тридцать шестое семейство: **Удодовыя птицы (Upupidae).**

1-й родъ: Удоды (Upupa) 361
Обыкновенный удодъ (U. epops) . 361
2-й родъ: Древесные удоды (Irrisor) . 364
Древесный удодъ (I. erythrorhynchus) 364

Тридцать седьмое семейство: **Щурковыя птицы (Meropidae).**

Единственный родъ: Щурки (Merops) . 364
Золотистая щурка (M. apiaster) . 364
Пурпуровая щурка (M. nubicus) . 366
Австралійская щурка (M. ornatus) 367

Тридцать восьмое семейство: **Зимородковыя птицы (Alcedinidae).**

Зимородки-рыболовы (Alcedininae).

1-й родъ: Зимородки (Alcedo) . . . 369
Обыкновенный зимородокъ (A. ispida) 369
2-й родъ: Сѣрые зимородки (Ceryle) . 372
Сѣрый зимородокъ (C. rudis) . . 372

Алціоновыя птицы (Halcyoninae).

3-й родъ: Древесныя алціоны (Halcyon) 373

Стр

Древесная алціона (H. semicoeruleus) 373
Гигантская алціона (H. giganteus) 375
4-й родъ: Райскія алціоны (Tanysiptera) 377
Райская алціона (T. galatea) . . 377

Тридцать девятое семейство: **Плоскоклювыя птицы (Todidae).**

1-й родъ: Плоскоклювы (Todus) . . . 378
Тоди (T. viridis) 378
2-й родъ: Момоты (Prionites) 378
Момотъ (P. brasiliensis) 378

Сороковое семейство: **Кукушки (Cuculidae).**

Древесныя кукушки (Cuculinae)

1-й родъ: Кукушки (Cuculus) 380
Обыкновенная кукушка (C. canorus) 380
2-й родъ: Золотистыя кукушки (Chrysococcyx) 383
Золотистая кукушка (C. cupreus) 383

Тукановыя кукушки (Coccystinae).

3-й родъ: Исполинскія кукушки (Scythrops) 384
Исполинская кукушка (S. novae hollandiae) 385
4-й родъ: Кукилы (Eudynamis) . . . 386
Кукилъ (E. nigra) 386
5-й родъ: Сойковыя кукушки (Coccystes) 386
Хохлатая кукушка (C. glandarius) 386

Кустовыя кукушки (Zanclostominae).

6-й родъ: Ящеричныя кукушки (Saurothera) 386
Ящеричная кукушка (S. vetula) . 386
7-й родъ: Шпорцевыя кукушки (Centropus) 387
Сенегальскій кукалъ (C. senegalensis) 387
Фазановая кукушка (C. phasianus) 387

Клещеядныя кукушки (Crotophaginae).

8-й родъ: Клещеяды (Crotophaga) . . 388
Ани (C. minor) 388

Сорокъ первое семейство: **Бананоѣдовыя птицы (Musophagidae).**

1-й родъ: Турако (Corythaeolus) . . . 390
Исполинскій турако (C. cristatus) 390
2-й родъ: Бананоѣды (Musophaga) . . 390
Фіолетовый турако (M. violacea) . 390
3-й родъ: Шлемоносные турако (Corythaix) 391
Бѣлощекій турако (C. leucotis) . 391
4-й родъ: Крикливые турако (Schizorhis) 392

Стр.

Гугука (S. zonura) 392

Сорокъ второе семейство: **Блестянковыя птицы (Galbulidae).**

1-й родъ: Жакамары (Galbula) . . . 393
Жакамаръ (G. viridis) 393

Сорокъ третье семейство: **Лѣнивки (Bucconidae).**

Сорокъ четвертое семейство: **Совиныя птицы (Strigidae).**

Сипухи (Striginae).

1-й родъ: Настоящія сипухи (Strix) . 397
Обыкновенная сипуха (S. flammea) 398

Неясыти (Syrniinae).

2-й родъ: Настоящія неясыти (Syrnium) 400
Сѣрая сова (S. aluco) 400
Лапландская сова (S. lapponicum) 402
3-й родъ: Снѣжныя совы (Nyctea) . . 402
Сова-бѣлянка (N. scandiaca) . . 402
Ястребиная сова (N. ulula) . . . 404
4-й родъ: Сирины (Carine) 405
Синъ домовый (C. noctua) . . 405
Синъ воробьиный (C. passerina) 407
5-й родъ: Пещерныя совы (Speotyto) 408
Кроликовая сова (S. cunicularia) 408
Подземная сова (S. hypogaea) . 408

Филиновыя птицы (Buboninae).

6-й родъ: Филины (Bubo) 409
Филинъ-пугачъ (B. ignavus) . . 409
Блѣдный филинъ (B. turcomanus) 409
Фараоновъ филинъ (B. ascalaphus) 409
7-й родъ: Ушастыя совы (Asio) . . . 412
Ушастая сова (A. otus) 412
Болотная совы (A. accipitrinus) . 413
8-й родъ: Карликовыя совы (Pisorhina) 413
Сплюшка (P. scops) 413
9-й родъ: Водяныя совы (Smilonyx) . 415
Водяная сова (S. ceylonensis) . . 415

Сорокъ пятое семейство: **Козодоевыя птицы (Caprimulgidae).**

1-й родъ: Козодои (Caprimulgus) . . 417
Обыкновенный козодой (C. europaeus) 417
Рыжезобый козодой (C. ruficollis) 417
Жалобный козодой (C. vociferus) 418
2-й родъ: Длиннохвостые козодои (Scotornis) 418
Длиннохвостый козодой (S. longicaudus) 418
3-й родъ: Водные козодои (Hydropsalis) 419
Лирохвостый козодой (H. forcipatus) 419
4-й родъ: Вымпеловые козодои (Cosmetornis) 419
5-й родъ: Четырехкрылые козодои (Macrodipteryx) 419
Четырехкрылый козодой (M. longipennis) 419

Стр.

6-й родъ: Исполинскіе козодои (Nyctibius) 423
Ибихау (N. grandis) 423

Сорокъ шестое семейство: **Жирные козодои** (Steatornithidae).

Единствен. родъ: Гуахаро (Steatornis) 424
Гуахаро (S. caripensis) 424

Сорокъ седьмое семейство: **Подарговыя птицы** (Podargidae).

1-й родъ: Бѣлюноги (Podargus) . . . 428
Исполинскій бѣлоногъ (P. australis) 428

Стр.

2-й родъ: Карликовые бѣлоноги (Aegotheles) 428
Карликовый бѣлоногъ (A. novae-hollandiae) 428

Сорокъ восьмое семейство: **Сиворакши** (Coraciidae).

1-й родъ: Сивоворонки (Coracias) . . 430
Сивоворонка (C. garrula) . . . 430
2-й родъ: Широкороты (Eurystomus) . 432
Азіатскій широкороть (E. orientalis) 432

Второй отрядъ: **Попугай** (Psittacornithes).

Стр.

Первое семейство: **Попуги** (Psittacidae).

Короткохвостые попугаи (Psittacinae).

1-й родъ: Вѣерные попугаи (Deroptyus) 442
Вѣерный попугай (D. accipitrinus) 442
2-й родъ: Амазонскіе попугаи (Androglossa) 442
Амазонскій попугай (A. amazonica) 442

Клинохвостые попугаи (Conurinae).

3-й родъ: Толстоклювые попугаи (Bolborhyncus) 444
Калита (B. monachus) 444
4-й родъ: Длинноклювые попугаи (Henicognathus) 445
Длинноклювый попугай (H. leptorhynchus) 445
5-й родъ: Клинохвостые попугаи (Conurus) 446
Каролинскій попугай (Conurus carolinensis) 446
6-й родъ: Арары (Sittace) 447
Араканга (S. coccinea) 449
Арарауна (S. caerulea) 449
7-й родъ: Сѣрые попугаи (Psittacus) . 451
Жако сѣрый попугай (P. erithacus) 451
8-й родъ: Попугайчики (Palaeornis) . 455
Ожереловый попугайчикъ (P. torquatus) 455

Лори (Trichoglossinae).

9-й родъ: Попугаи-нетопыри (Coryllis) 457
Серендакъ (C. galgulus) 458
10-й родъ: Дамскіе лори (Domicella) . 459
Дамскій лори (D. atricapilla) . . 459

Стр

Карликовые попугаи (Micropsittacinae).

11-й родъ: Дятловые попугайчики (Nasiterna) 459
Карликовый зеленый попугайчикъ (N. pygmaea) 459
12-й родъ: Широкохвостые попугаи (Platycercus) 459
Розелла (P. eximus) 460
13-й родъ: Нимфы (Callipsittacus) . . 461
Корелла (C. novae-hollandiae) . . 461
14-й родъ: Волнистые попугайчики (Melopsittacus) 462
Волнистый попугайчикъ (M. undulatus) 462

Какаду (Plissolophinae).

15-й родъ: Черные какаду (Microglossus) 467
Черный какаду (M. aterrimus) . 467
16-й родъ: Вороновые какаду (Calyptorhynchus) 468
Красноголовый какаду (C. galeatus) 469
Банксовый какаду (C. banksi) . 569
17-й родъ: Настоящіе какаду (Plissolophus) 469
Молуккскій какаду (P. moluccensis) 469
Инка (P. leadbeateri) 470
18-й родъ: Несторы (Nestor) 470
Кака (N. meriodionalis) 470
Кэа (N. notabilis) 471

Совиные попугаи (Stringopinae).

19-й родъ: Земляные попугаи (Pezoporus) 471
Земляной попугай (P. formosus). 471
20-й родъ: Какапо (Stringops) 473
Какапо (S. habroptilus) 473

Третій отрядъ: **Голубиныя птицы** (Peliornithes).

Первое семейство: **Голуби** (Columbidae). Стр.

Древесные голуби (Columbinae).

1-й родъ: Хвостатые голуби (Ectopistes) 479
Странствующій голубь (E. migratorius) 479

Стр.

2-й родъ: Лѣсные голуби (Columba) . 482
Вяхирь (C. palumbus) 482
Клинтухъ (C. oenas) 484
Дикій полевой голубь (C. livia) . 485
3-й родъ: Горлицы (Turtur) 488
Горлица обыкновен. (T. communis) 488

	Стр.
Египетскій голубь (T. risorius) .	490
4-й родъ: Зеркальные голуби (Phaps)	491
Хохлатый голубь (P. lophotes) .	491
Бронзовый голубь (P. chalcoptera)	491
Бѣгающіе голуби (Geotrygoninae).	
5-й родъ: Земляные голуби (Geotrygon)	491
Рябчиковый голубь (G. cyanocephala)	491
6-й родъ: Никобарскіе голуби (Caloenas)	493
Никобарскій голубь (C. nicobarica)	493
7-й родъ: Вѣнценосные голуби (Megapelia)	493
Вѣероносный голубь (M. coronata)	493
Вѣнценосный голубь (M. victoriae)	493
Зубчатые голуби (Diduncu-linae).	
8-й родъ: Зубчатые голуби (Diduncu-lus)	494
Зубчатый голубь (D. strigirostris)	494
Второе семейство: **Рябки** (Pteroclidae).	
1-й родъ: Степныя курочки (Syrrhaptes)	496
Саджа (S. paradoxus)	496
2-й родъ: Собственно рябки (Pterocles)	500
Ганга (P. arenarius)	500
Кхата (P. alchata)	500
Сенегальскій рябокъ (P. exustus)	501

Четвертый отрядъ: **Куриныя птицы** (Alectoridonithes).

	Стр
Первое семейство: **Фазановыя птицы** (Gallidae).	
Тетеревиныя птицы (Tetraoninae).	
1-й родъ: Тетерева (Tetrao)	508
Глухарь (T. urogallus)	508
Косачъ (T. tetrix)	514
Тетеревъ-межнякъ (T. urogallo-tetrix)	517
Рябчикъ (T. bonasia)	517
Луговой тетеревъ (T. cupido) .	520
2-й родъ: Бѣлыя куропатки (Lagopus)	521
Бѣлая куропатка (L. albus) . .	521
Шотландскій тетеревъ (L. scoticus)	522
Горный тетеревъ (L. mutus) . .	523
Куропатковыя птицы (Perdiciniae).	
3-й родъ: Горныя куропатки (Caccabis)	527
Каменная куропатка (C. saxatilis)	527
Красная куропатка (C. rufa) . .	528
Западная куропатка (C. petrosa)	530
4-й рядъ: Сѣрыя куропатки (Perdix) .	530
Сѣрая куропатка (P. cinerea) . .	530
5-й родъ: Франколины (Pternistes) . .	535
Турачъ (P. vulgaris)	536
6-й родъ: Горныя индѣйки (Megaloperdix)	536
Кавказская горная индѣйка (M. caucasica)	536
7-й родъ: Перепела (Coturnix) . . .	537
Перепелъ (C. communis)	537
Древесныя куры (Odontophorinae).	
8-й родъ: Древесные перепела (Ortyx)	541
Виргинская перепелка (O. virginianus)	541
9-й родъ: Хохлатые перепела (Callipepla)	542
Калифорнскій перепелъ (C. californica)	542
Хохлатый перепелъ (C. gambeli)	543
Фазаны (Phasianinae).	
10-й родъ: Пѣтухи (Gallus)	546
Банкивскій пѣтухъ (G. ferrigineus	546
Джунглевый пѣтухъ (G. stanleyi)	546
Каркающій пѣтухъ (G. sonneratii)	546
11-й родъ: Фазановыя куры (Euplocomus)	548
Серебряный фазанъ (E. nycthemerus)	548
12-й родъ: Ушастые фазаны (Crossoptilon)	549
13-й родъ: Настоящіе фазаны (Phasianus)	549
Обыкновенный фазанъ (P. colchicus)	550
Королевскій фазанъ (P. reevesii)	550
Золотистый фазанъ (P. pictus) .	552
Алмазный фазанъ (P. amherstiae)	554
14-й родъ: Павлины (Pavo)	554
Обыкновенный павлинъ (P. cristatus)	554
15-й родъ: Лофофоры (lophophorus) . .	557
Монаулъ (L. impeyanus)	557
16-й родъ: Сатиры (Ceratornis) . . .	558
Сатиръ (C. satyra)	558
Іеваръ (C. melanocephala) . . .	558
17-й родъ: Шпорники (Polyplectron) .	558
Чинкисъ (P. chinquis)	558
18-й родъ: Аргусы (Argus)	560
Аргусъ (A. giganteus)	560
Индюковыя птицы (Meleagrinae).	
19-й родъ: Индюки (Meleagris)	560
Индюкъ (M. gallopavo)	560
Павлиній индюкъ (M. ocellata) .	561
Цесарковыя птицы (Numidinae).	
20-й родъ: Цесарки (Numida)	564
Грифовая цесарка (N. vulturina) .	564
Хохлатая цесарка (N. cristata) .	564
Обыкновенная цесарка (N. meleagris)	564
Второе семейство: **Гокко** (Cracidae).	
1-й родъ: Настоящіе гокко (Crax) . .	567
Гокко (C. alector)	567

	Стр.
2-й родъ: Пенелопы (Penelope) . . .	569
Шакупемба (P. superciliaris) . . .	570
Третье семейство: **Большеногія куры (Megapodiidae).**	
1-й родъ: Большеногъ (Megapodius) .	571
Большеногъ (M. tumulus) . . .	571
2-й родъ: Молотковые большеноги (Catheturus)	572
Кустовая курица (C. lathami) . .	572
Четвертое семейство: **Скрытохвостыя куры (Crypturidae).**	
Единственный родъ: Скрытохвостыя куры (Rhynchotus)	574
Инамбу (R. rufescens)	574
Пятое семейство: **Безкрыловыя птицы (Apterygidae).**	
Единств. родъ: Безкрылы (Apteryx) .	576
Безкрылъ (A. australis)	576
Киви (A. mantelli)	576

Пятый отрядъ: **Водяныя курочки** (Phalaridornithes).

	Стр.
Первое семейство: **Настоящія водяныя курочки (Rallidae).**	
Лысуховыя птицы (Gallinulinae).	
1-й родъ: Водяныя курочки (Fulica) .	579
Лысуха (F. atra)	579
2-й родъ: Камышницы (Gallinula) . .	581
Камышница зеленоногая (G. chloropus)	581
3-й родъ: Порфироноски (Porphyrio) .	582
Султанская курочка (P. hyacinthinus)	582
Египетская порфироноска (P. smaragdonotus)	583
Болотныя курочки (Rallinae).	
4-й родъ: Коростели (Crex)	584
Дергачъ (C. pratensis)	584
5-й родъ: Пастушки (Rallus)	585
Водяной пастушокъ (R. aquaticus)	585
Второе семейство: **Триперстковыя птицы (Turnicidae).**	
1-й родъ: Триперстки (Turnix) . . .	587
Триперстка африканская (T. sylvatica)	587

Шестой отрядъ: **Журавлиныя птицы** (Geranornithes).

	Стр.
Первое семейство: **Настоящіе журавли (Gruidae).**	
Единственный родъ: Журавли (Grus) .	590
Журавль сѣрый (G. communis) .	590
Стерхъ (G. leucogeranus) . . .	590
Журавль даурскій (G. antigone) .	590
Красавка (G. virgo)	590
Журавль павлиній (G. pavonina)	593
Второе семейство: **Трубачи (Psophiidae).**	
Единственный родъ: Трубачи (Psophia)	594
Агами (P. crepitans)	594
Третье семейство: **Серимовыя птицы (Dicholophidae).**	
Единств. родъ. Серимы (Dicholophus) .	595
Серима (D. cristatus)	595
Четвертое семейство: **Солнечныя цапли (Eurypygidae).**	
Единственный родъ: Солнечныя цапли (Eurypyga)	695
Солнечная цапля (E. helias) . .	596

Седьмой отрядъ: **Поисковыя птицы** (Charadriornithes).

	Стр.
Первое семейство: **Ржанковыя птицы (Charadriidae).**	
Бекасовыя птицы (Scolopacinae).	
1-й родъ: Бекасы (Scolopax)	597
Вальдшнепъ (S. rusticula) . . .	597
2-й родъ: Болотные бекасы (Gallinago)	601
Обыкновенный бекасъ (G. caelestis)	601
Гаршнепъ (G. gallinula)	603
3-й родъ: Бекасо-курочки (Rhynchaea)	603
Золотистый куликъ (R. capensis)	603
Водные бѣгуны (Totaninae).	
4-й родъ: Кроншнепы (Numenius) . .	604
Кроншнепъ (N. arcuatus) . . .	604
5-й родъ: Сукальни (Limosa)	605
Лапландскій сукалень (L. lapponica)	605
6-й родъ: Улиты (Totanus)	606
Турухтанъ (T. pugnax)	606
Большой улитъ (T. littoreus) . .	609
7-й родъ: Песочники (Tringa) . . .	610
Керкунъ (T. canutus)	610
Обыкновенный песочникъ (T. minuta)	611
8-й родъ: Плавунчики (Phalaropus) .	611
Одинова курица (P. hyperboreus)	611
Плосконосый плавунчикъ (P. rufus)	612

Стр.

9-й родъ: Ходулочники (Himantopus) . 612
Ходулочникъ (H. candidus) . . . 612
10-й родъ: Шилоклювки (Recurvirostra) 612
Шилоклювка (R. avosetta) . . . 613

Ржанковыя птицы (Charadriinae).

11-й родъ: Пигалицы (Vanellus) . . . 614
Обыкновенный чибисъ (V. capella) 614
Шпорцевый чибисъ (V. spinosus) 617
12-й родъ: Ржанки (Charadrius) . . . 617
Сивка (C. pluvialis) 618
Глупая ржанка (C. morinellus) . 619
Рѣчная ржанка (C. curonicus) . 620
13-й родъ: Бѣгунки (Cursorius) . . . 620
Бѣгунокъ песчаный (C. gallicus) 620
Египетскій бѣгунокъ (C. aegyptius) 620
14-й родъ: Камнешарки (Arenaria) . . 623
Камнешарка (A. interpres) . . . 623
15-й родъ: Морскіе кривки (Haematopus) 624
Куликъ-сорока (H. ostrilegus) . . 624

Второе семейство: **Тиркуши** (Glareolidae).

1-й родъ: Тиркуши (Glareola) . . . 626
Луговая тиркуша (G. pratincola) 626

Третье семейство: **Чайковыя птицы** (Laridae).

Крачки (Sterninae).

1-й родъ: Настоящія крачки (Sterna) 628
Крачка-чеграва (S. caspia) . . . 628
Мартышка (S. hirundo) 629
Малая крачка (S. minuta) . . . 629
2-й рядъ: Болотныя крачки (Hydrochelidon) 630
Черная крачка (H. nigra) . . . 630
Свѣтлокрылая крачка (H. leucoptera) 630
Бѣлощекая крачка (H. hybrida) . 630
3-й родъ: Шелковистыя крачки (Gygis) 631
Шелковистая крачка (G. alba) . 631

Ножеклювы (Rhynchopsinae).

4-й родъ: Ножеклювы (Rhynchops) . 631
Нильскій ножеклювъ (R. flavirostris) 631

Чайки (Larinae).

5-й родъ: Настоящія чайки (Larus) . 634
Большая полярная чайка (L. glaucus) 634
Малая полярная чайка (L. leucopterus) 634
Серебристая чайка (L. argentatus) 634
Большая морская чайка (L. marinus) 634
Черноголовый хохотунъ (L. ichtyaëtus) 635
Обыкновенная чайка (L. ridibundus) 635
6-й родъ: Бѣлыя чайки (Gavia) . . . 636
Бѣлая чайка (G. alba) 637
7-й родъ: Трехпалыя чайки (Rissa) . 637
Трехпалая чайка (R. tridactyla) 637

Поморники (Stercorariinae).

8-й родъ: Поморники (Stercorarius) . 639
Большой поморникъ (S. catarrhactes) 639
Исправникъ (S. parasiticus) . . 641

Четвертое семейство: **Чистиковыя птицы** (Alcidae).

1-й родъ: Чистики (Fratercula) . . . 642
Чистикъ (F. arctica) 642
2-й родъ: Гагарки (Alca) 643
Гагарка (A. torda) 643
3-й родъ: Безкрылыя гагарки (Plautus) 644
Безкрылая гагарка (P. impennis) 644
4-й родъ: Кайры (Uria) 647
Атлантическій чистикъ (U. grylle) 647
Норвежская кайра (U. lomvia) . 648
Бѣлоглазая кайра (U. ringvia) . 648
Кайра-гагарка (U. bruennichii) . 648
5-й родъ: Малыя гагарки (Mergulus) . 651
Люрикъ (M. alle) 655

Пятое семейство: **Парровыя птицы** (Parridae).

Единственный родъ: Парры (Parra) . 652
Яссана (P. nigra) 652

Шестое семейство: **Дрохвовыя птицы** (Otididae).

Единственный родъ: Дрохвы (Otis) . 654
Дрохва (O. tarda) 654
Стрепетъ (O. tetrax) 657
Вихляй (O. macqueeni) 657
Дрохва-красотка (O. undulata) . 657

Седьмое семейство: **Авдотковыя птицы** (Oedicnemidae).

Единств. родъ: Авдотки (Oedicnemus) 658
Авдотка (O. scolopax) 658

Восьмой отрядъ: **Ластокрылыя птицы** (Aptenodytiornithes).

Первое семейство: **Пингвиновыя птицы** (Aptenodytidae).

Стр.

Единственный родъ: Нелеты (Aptenodytes). 659
Патагонскій пингвинъ (A. pennantii) 659
Златовласый пингвинъ (A. chrysocome) 660

Девятый отрядъ: **Буревѣстниковыя птицы** (Thalassornithes).

	Стр.
Первое семейство: **Буревѣстниковыя птицы (Procellariidae).**	
Альбатросовыя птицы (Diomedeinae).	
1-й родъ: Альбатросы (Diomedea)	664
Обыкновенный альбатросъ (D. exulans)	664
Чайки-буревѣстники (Procellariinae).	
2-й родъ: Буревѣстники (Procellaria)	668
Исполинскій буревѣстникъ (P. gigantea)	668
Глупышъ (P. glacialis)	668
Капскій буревѣстникъ (P. capensis)	669
3-й родъ: Качурки (Thalassidroma)	670
Качурка малая (T. pelagica)	670
Качурка большая (T. leucorrhoa)	670
Буревые нырки (Puffininae).	
4-й родъ: Буревые нырки (Puffinus)	673
Буревѣстникъ обыкновенный (P. anglorum)	673

Десятый отрядъ: **Боевыя птицы** (Pelargornithes).

	Стр.
Первое семейство: **Соколиныя птицы (Falconidae).**	
Соколы (Falconinae).	
1-й родъ: Настоящіе соколы (Falco)	677
Обыкновенный кречетъ (F. candicans)	681
Арктическій кречетъ (F. arcticus)	682
Исландскій кречетъ (F. rusticulus)	682
Сапсанъ (F. peregrinus)	683
Соколъ-турумди (F. chiquera)	685
Чеглокъ (F. subbuteo)	685
Пустельга (F. tinnunculus)	688
Красная пустельга (F. cenchris)	690
Кобчикъ (F. vespertinus)	690
2-й родъ: Карликовые соколы (Hierax)	691
Мути (H. coerulescens)	691
Сарычевыя птицы (Buteoninae).	
3-й родъ: Орлы (Aquila)	691
Беркутъ (A. chrysaëtos)	692
Могильникъ (A. melanaëtus)	695
Крикунъ (A. pomarina)	696
Карликовый орелъ (A. pennata)	696
Клинохвостый орелъ (A. audax)	698
Ястребиный орелъ (A. fasciata)	698
4-й родъ: Канюки (Archibuteo)	699
Канюкъ (A. lagopus)	699
5-й родъ: Сарычи (Buteo)	699
Сарычъ обыкновенный (B. vulgaris)	699
6-й родъ: Крачуны (Circaëtus)	701
Крачунъ голубоногій (C. gallicus)	701
7-й родъ: Фигляры (Helotarsus)	704
Фигляръ (H. ecaudatus)	704
8-й родъ: Орланы (Haliaëtus)	706
Орланъ-бѣлохвостъ (H. albicilla)	706
Бѣлоголовый орланъ (H. leucocephalus)	706
Орланъ-крикунъ (H. vocifer)	709
9-й родъ: Рѣчныя скопы (Pandion)	710
Рѣчная скопа (P. haliaëtus)	710
10-й родъ: Осоѣды (Pernis)	711
Осоѣдъ европейскій (P. apivorus)	711
11-й родъ: Кани (Elanus)	713
Каня чернокрылая (E. melanopterus)	713
12-й родъ: Коршуны (Milvus)	714
Красный коршунъ (M. ictinus)	714
Черный коршунъ (M. migrans)	716
Коршунъ-паразитъ (M. aegyptius)	717
Тетеревятниковыя птицы (Accipitrinae).	
13-й родъ: Хохлатые орлы (Spizaëtus)	718
Хохлатый орелъ (S. bellicosus)	718
Гребневый орелъ (S. occipitalis)	720
14-й родъ: Коршуновые орлы (Morphnus)	720
Гвіанскій перепелятникъ (M. guianensis)	720
15-й родъ: Гарпіи (Thrasaëtus)	722
Гарпія (T. harpyia)	722
16-й родъ: Ястребы (Accipiter)	724
Ястребъ-перепелятникъ (A. nisus)	724
17-й родъ: Тетеревятники (Astur)	726
Тетеревятникъ (A. palumbarius)	726
18-й родъ: Пѣвчіе ястребы (Asturina)	730
Пѣвчій ястребъ (A. musicus)	730
Саранчевый ястребъ (A. polyzona)	730
19-й родъ: Луни (Circus)	730
Полевой лунь (C. cyaneus)	730
Степной лунь (C. macrurus)	730
Луговой лунь (C. pygargus)	732
Камышевый лунь (C. aeruginosus)	732
Каракары (Polyborinae).	
20-й родъ: Крикливые луни (Ibycter)	734
Химахима (I. crotophagus)	734
Химанго (I. australis)	735
21-й родъ: Каракары настоящія (Polyborus)	735
Каранхо (P. brasiliensis)	735
Ягнятники (Gypaëtinae).	
22-й родъ: Ягнятники (Gypaëtus)	737
Бородатый ягнятникъ (G. barbatus)	737

Стр.

Грифовыя птицы (Vulturinae).

23-й родъ: Настоящіе грифы (Vultur) . 748
Сѣрый грифъ (V. monachus) . . 748
Ушастый грифъ (V. auricularis) . 749
Лысый грифъ (V. calvus) . . . 750
24-й родъ: Сипы (Gyps) 751
Бѣлоголовый сипъ (G. fulvus) . 751
Сипъ Рюппеля (G. rüppellii) . . 752
25-й родъ: Стервятники (Neophron) . . 753
Стервятникъ (N. percnopterus) . 753
Мохнатый стервятникъ (N. pileatus) 755

Второе семейство: **Американскіе грифы** (**Sarcorhamphidae**).

1-й родъ: Гребневые грифы (Sarcorhamphus) 756
Кондоръ (S. gryphus) 756
Королевскій грифъ (S. papa) . . 759
2-й родъ: Индюковые грифы (Catharista) 760
Индюковый грифъ (C. aura) . . 760
Урубу (C. atrata) 760

Третье семейство: **Голенастые грифы** (**Serpentariidae**).

Един. родъ: Секретари: (Serpentarius) 763
Секретарь (S. secretarius) . . . 763

Четвертое семейство: **Цапли** (**Ardeidae**).

1-й родъ: Дневныя цапли (Ardea) . . 770
Сѣрая цапля (A. cinerea) . . . 770
Исполинская цапля (A. nobilis) . 770
Бѣлая цапля (A. alba) 770
Нужда (A. garzetta) 771
Ибисовая цапля (A. ibis) . . . 772
2-й родъ: Малыя цапли (Ardetta) . . 773
Малая цапля (A. minuta) . . . 773
3-й родъ: Выпи (Botaurus). 774
Выпь обыкновенная (B. stellaris) 774
4-й родъ: Ночныя цапли (Nycticorax) 776
Кваква (N. griseus). 776
Саваку (N. cancrophagus) . . . 777

Пятое семейство: **Китоглавовыя** (**Balaenicipidae**).

Един. родъ: Китоглавы (Balaeniceps) 777
Королевскій китоглавъ (B. rex) . 777

Шестое семейство: **Аисты** (**Ciconiidae**).

1-й родъ: Настоящіе аисты (Ciconia) . 779
Бѣлый аистъ (C. alba) 779
Черный аистъ (C. nigra). . . . 784
2-й родъ: Исполинскіе аисты (Mycteria) 785
Миктерія (M. senegalensis) . . . 785
3-й родъ: Зобастые аисты (Leptoptilus) 785
Марабу (L. crumenifer) 785
4-й родъ: Разини (Anastomus) . . . 787
Разиня (A. lamelligerus). . . . 787
5-й родъ: Клювачи (Tantalus) . . . 787
Клювачъ (T. ibis) 787

Стр.

Седьмое семейство: **Молотоглавы** (**Scopidae**).

Един. родъ: Тѣневыя птицы (Scopus) 789
Тѣневая птица (S. umbretta) . . 789

Восьмое семейство: **Ибисовыя птицы** (**Ibidae**).

Ибисы (Ibidinae).

1-й родъ: Коровайки (Plegadis) . . . 790
Коровайка (P. falcinellus) . . . 790
2-й родъ: Настоящіе ибисы (Ibis) . . 791
Священный ибисъ (I. aethiopica) 791

Цапли-колпицы (Plataleinae).

3-й родъ: Колпицы (Platalea) 793
Колпица (P. leucerodia) 793

Девятое семейство: **Фламинговыя птицы** (**Phoenicopteridae**).

Един. родъ: Фламинго (Phoenicopterus) 795
Красный гусь (P. roseus) . . . 795

Десятое семейство: **Баклановыя птицы** (**Phalacrocoracidae**).

Бакланы (Phalacrocoracinae).

1-й родъ Бакланы (Phalacrocorax) . . 800
Большой бакланъ (P. carbo) . . 800

Змѣешейки (Plotinae).

2-й родъ: Змѣешейки (Plotus) . . . 803
Африканская змѣешейка (P. levaillantii) 803
Американская змѣешейка (P. anhinga) 803

Олуховыя птицы (Sulinae).

3-й родъ: Олуши (Sula) 805
Олушь (S. bassana) 805

Одиннадцатое семейство: **Пеликановыя птицы** (**Pelecanidae**).

Единств. родъ: Пеликаны (Pelecanus) 806
Баба-птица (P. onocrotalus) . . 806

Двѣнадцатое семейство: **Фрегатовыя птицы** (**Atagenidae**).

Единственный родъ: Фрегаты (Atagen) 809
Фрегатъ (A. aquila) 809

Тринадцатое семейство: **Фаэтоновыя птицы** (**Phaëtontidae**).

Единственн. родъ: Фаэтоны (Phaëton) 812
Фаэтонъ (P. aethereus) 812

Четырнадцатое семейство: **Гагаровыя птицы** (**Colymbidae**).

Единственн. родъ: Поганки (Colymbus) 814
Чомга (C. cristatus) 814
Малая поганка (C. fluviatilis) . . 816

Пятнадцатое семейство: **Морскія гагары** (**Urinatoridae**).

Един. родъ: Морскія гагары (Urinator) 817
Полярная гагара (U. glacialis) . 817
Чернозобая гагара (U. arcticus) . 817

Стр.

Краснозобая гагара (U. septentrionalis) 817

Шестнадцатое семейство: **Зубчатоклювыя птицы (Anatidae).**

Лебединыя птицы (Cygninae).

1-й родъ: Лебеди (Cygnus) 822
Лебедь-шипунъ (C. olor) . . . 822
Лебедь-кликунъ (C. musicus) . . 822
Малый лебедь (C. bewickii) . . 822
Черношейный лебедь (C. nigricollis) 823
Черный лебедь (C. atratus) . . . 824

Гусиныя птицы (Anserinae).

2-й родъ: Гуси (Anser) 826
Сѣрый гусь (A. ferus) 826
Бѣлый гусь (A. hyperboreus) . . 829
3-й родъ: Казарки (Branta) 829
Черная казарка (B. bernicla) . . 829
4-й родъ: Древесные гуси (Chenalopex) 831
Нильскій гусь (C. aegyptiacus) . 831
5-й родъ: Норковые гуси (Tadorna) . 832
Карагатка (T. casarca) 832
Пѣганка (T. damiatica) 832
6-й родъ: Шпорцевые гуси (Plectropterus) 834
Шпорцевый гусь (P. gambensis) 834
7-й родъ: Новоголландскіе гуси (Cereopsis) 835
Новоголландскій гусь (C. novaehollandiae) 835

Плавающія утки (Anatinae).

8-й родъ: Настоящія утки (Anas) . . 837
Кряква (A. boscas) 837
Широконоска (A. clypeata) . . . 839
9-й родъ: Каролинскія утки (Lampronessa) 840
Каролинская утка (L. sponsa) . . 840

Ныряющія утки (Fuligulinae).

10-й родъ: Гаги (Somateria) 843
Настоящая гага (S. mollissima) . 843
11-й родъ: Чернети (Fuligula) 846
Красноголовая чернеть (F. ferina) 846

Савки (Erismaturinae).

12-й родъ: Савки (Erismatura) . . . 847
Савка бѣлоголовая (E. leucocephala) 847

Крохалевыя птицы (Merginae).

13-й родъ: Крохали (Mergus) . . . 848
Малый крохаль (M. albellus) . . 848
Большой крохаль (M. merganser) 848

Одиннадцатый отрядъ: **Шпорцекрылыя птицы** (Palamedeornithes).

Первое семейство: **Шпорцекрылыя птицы (Palamedeidae).** Стр.

Единственный родъ: Паламедеи (Palamedea) 851
Паламедея (P. cornuta) 851

Двѣнадцатый отрядъ: **Нанду** (Rheornithes).

Первое семейство: **Нанду (Rheidae).**

Единственный родъ: Нанду (Rhea) 855
Нанду (Rhea americana) 855

Тринадцатый отрядъ: **Казуаровыя птицы** (Hippalectryornithes).

Первое семейство: **Казуары (Hippalectryonidae).**

Единственный родъ: Казуары (Hippalectryo) 861
Новоголландскій каазуръ (H. [casuarius] galeatus) 861

Второе семейство: **Эму (Dromaeidae).**

Единственный родъ: Эму (Dromaeus) 862
Эму (D. novae-hollandiae) 863

Четырнадцатый отрядъ: **Страусовыя птицы** (Struthiornithes).

Первое семейство: **Страусы (Struthiornidae).**

Единственный родъ: Страусы (Struthio) 865
Обыкновенный страусъ (S. camelus) 865

Перечень рисунковъ.

Хромолитографіи.

Стр.

Оляпка. Крапивникъ. Горная трясогузка 37
Щегленокъ, чижикъ и снигирь . . . 145
Райскія птицы 209
Квезалъ 353
Арара 447
Золотистый фазанъ 552
Исполинскій пингвинъ 659
Беркутъ 692
Дикая утка 837
Страусъ 865

Рѣзанныя на деревѣ картины.

Синицы: 1) Большая синица. 2) Лазоревка. 3) Сѣрая синица. 4) Болотная синица. 5) Московка 82
Вьюрки: 1) Дубоноска. 2) Зеленушка. 3) Коноплянка. 4) Зябликъ. 5) Вьюрокъ 124
Вороны: 1) Галка. 2) Грачъ. 3) Сѣрая ворона. 4) Сорока. 5) Воронъ . . 220
Лирохвостъ 292
Черный дятелъ 294
Шлемовые колибри 326
Сѣрый зимородокъ 372
Исполинскій бѣлоносъ 428
Какаду Инка 470
Вѣероносный голубь 493
Аргусъ 560
Безкрылъ 576
Малый и павлиній журавль 593
Кречетъ 682
Орланъ бѣлохвостъ 706
Рѣчная скопа 710
Бородатый ягнятникъ 737
Африканскіе грифы 755
Китоглавъ 777

Рисунки въ текстѣ.

Древесныя птицы.

Западный и восточный соловей . . . 22
Малиновка и садовая горихвостка . . 28
Попутчикъ, чеккапчикъ луговой и чеккапчикъ чернохвостый 35
Оляпка, крапивникъ и горная трясогузка 38
Каменный дроздъ 42
Пѣвчій дроздъ и бѣлозобый дроздъ . 44
Лѣсная завирушка и альпійская завирушка 52
Пестрогрудка, садовая славка и черноголовка 55
Мельничекъ и говорунчикъ 59
Дроздовидная камышевка 63
Пѣночка-пересмѣшка 66
Корольковая пѣночка, желтоголовый королекъ и красноголовый королекъ . 70
Пересмѣшникъ 73
Портниха длиннохвостая 80
Длиннохвостая синица 88
Сѣверный поползень 93
Пищуха-сверчокъ 96
Краснокрылый стѣнолазъ 97
Новозеландская поэ 101
Полевой, лѣсной и хохлатый жаворонокъ 104
Каландра 106
Рюмъ 108
Бѣлая трясогузка 114
Менинтингъ 118
Лѣсной конекъ 119
Шпорцевый конекъ, водяной конекъ и степной конекъ 121
Фіолетовый органистъ 124
Каменный, испанскій, красноголовый и домашній воробей 126
Общественный воробей 133
Дикая канарейка 149
Пустынный снигирь 157
Виргинскій и красногрудый кардиналъ 163
Лапландскій подорожникъ 166
Тростниковая овсянка 168
Огородная овсянка и дурачокъ . . . 172
Ортоланъ и черноголовая овсянка . . 173
Ткачевыя птицы: Полосатая амадина, райская вдовушка, амаранта и огненный вьюрокъ 177
Свѣтлый ткачъ и бѣлоклювый ткачъ 178
Рисовка 185
Рисовый желтушникъ 188
Коровій желтушникъ 190
Шапу 192
Обыкновенный и черный скворецъ . . 194
Розовый скворецъ 197
Волоклюй африканскій 199
Великолѣпный скворецъ 202

Стр.

Иволга обыкновенная 205
Красная райская птица 211
Черная лофорина 214
Черноватый райскій удодъ 215
Большой райскій удодъ 216
Шалашникъ пятнистый 218
Лопастоносецъ тонкоклювый 220
Грифовая ворона 227
Китайская цисса 233
Кукша 235
Обыкновенная орѣховка и ронжа . . 238
Странствующая сорока 241
Клушица и альпійская галка 243
Флейтщикъ 247
Сѣрый сорокопутъ и жуланъ 250
Красноголовый сорокопутъ, нубійскій сорокопутъ и чагра 255
Пѣвчій сорокопутъ 256
Свиристель обыкновенная 259
Мухоловка сѣрая и мухоловка-пеструшка 262
Вѣерохвостка чернобрюхая 265
Деревенск. ласточка и городск. ласточка 267
Питта бенгальская 274
Тюрко 277
Манакинъ 280
Тираннъ каролинскій и бентеви . . . 282
Фарита 284
Хохлатый головачъ 286
Птица-колокольчикъ 287
Каменный пѣтушокъ 289
Зеленый дятелъ 297
Большой, средн. и мал. пестрые дятлы 304
Вертиголовка 307
Токо 311
Арасари 315
Желтозобый бородачъ 317
Орлиный клювъ 322
Топазовый колибри 323
Великолѣпный эльфъ 325
Рогатый колибри 326
Венецуэльскій знаменщикъ 327
Мечеклювъ 328
Бѣлобрюхій стрижъ и башенный стрижъ 341
Клэхо 344
Мышанка длиннохвостая 350
Токъ 356
Двурогій калао 357
Абагамба 358
Обыкновенный удодъ 361
Обыкновенный зимородокъ 368
Гигантская алціона 376
Обыкновенная кукушка 380
Золотистая кукушка 384
Кукилъ 385
Ани 388
Исполинскій турако 389
Бѣлощекій турако 391
Сипуха обыкновенная 398
Сѣрая сова 401
Сова-бѣлянка и лапландская сова . . 403
Сиринъ домовый 406
Филинъ-пугачъ 410
Болотная сова 414
Обыкн. козодой и рыжезобый козодой 418
Четырехкрылый козодой 420
Гуахаро 425
Карликовый бѣлопогъ 429
Сивоворонка 431

Попуган.

Стр.

Амазонскій попугай 443
Калита 445
Арары 448
Жако 452
Ожереловый попугайчикъ 456
Серендакъ 458
Розелла 461
Волнистый попугайчикъ 463
Черный какаду 468
Земляной попугай 472
Какапо 473

Голубиныя птицы.

Странствующій голубь 480
Вяхирь и клинтухъ 483
Дикій полевой голубь 486
Горлица обыкновенная 488
Хохлатый голубь и бронзовый голубь 490
Никобарскій голубь 492
Вѣнценосный голубь 494
Саджа 497
Сенегальскій рябокъ 501

Куриныя птицы.

Глухарь 509
Рябчикъ 518
Луговой тетеревъ 520
Горный тетеревъ въ лѣтней одеждѣ . 524
Горный тетеревъ въ зимней одеждѣ . 526
Красная куропатка 529
Сѣрая куропатка 531
Перепелъ 537
Калифорнскій перепелъ 543
Серебряный фазанъ 548
Алмазный фазанъ 553
Обыкновенный павлинъ 555
Сатиръ 559
Индюкъ 561
Хохлатая цесарка и обыкнов. цесарка 565
Гокко 568
Кустовая курица 572
Инамбу 575

Водяныя курочки.

Султанская курочка 583

Журавлиныя птицы.

Агами 595

Поисковыя птицы.

Вальдшнепъ 598
Кроншнепъ 604
Турухтанъ 607
Шилоклювка 613
Обыкновенный чибисъ 615
Глупая ржанка и сивка 618
Египетскій бѣгунокъ 622
Камнешарка 623
Куликъ-сорока 624
Луговая тиркуша 626
Крачка-чеграва 628
Обыкновенная чайка 636
Большой поморникъ 640
Безкрылая гагарка 645
Норвежская кайра 648
Яссана 653
Дрохва 655

Стр.

Ластокрылыя птицы.

Златовласый пингвинъ 660

Буревѣстниковыя птицы.

Обыкновенный альбатросъ 665
Глупышъ 669
Малая качурка 671

Боевыя птицы.

Сапсанъ 684
Чеглокъ 686
Пустельга 689
Кобчикъ 690
Могильникъ 695
Сарычъ обыкновенный 700
Крачунъ голубоногій 702
Фиглярь 705
Осоѣдъ европейскій 712
Черный коршунъ и красный коршунъ 715
Хохлатый орелъ 718
Гребневый орелъ 719
Гарпія 721
Ястребъ-перепелятникъ 725
Тетеревятникъ 727
Камышевый лунь 732
Каранхо 736
Южно-европейскіе грифы: сѣрый грифъ, стервятникъ, бѣлоголовый сипъ . . 744
Лысый грифъ 750
Сипъ Рюппеля 752
Кондоръ 757
Королевскій грифъ 759
Индюковый грифъ 762
Секретарь 764
Бѣлая цапля 771

Стр.

Выпь обыкновенная 774
Бѣлый аистъ 780
Марабу 786
Клювачъ 788
Священный ибисъ 792
Колпица 794
Красный гусь 796
Большой бакланъ 802
Африканская змѣешейка 804
Баба-птица 807
Фрегатъ 810
Фаэтонъ 811
Чомга 815
Лебедь-кликунъ 822
Черный лебедь 824
Сѣрый гусь 826
Нильскій гусь 830
Пѣганка 833
Шпорцевый гусь 835
Кряква 838
Широконоска 840
Каролинская утка 841
Настоящая гага 843
Большой крохаль 849

Шпорцекрылыя птицы.

Паламедея 852

Нанду.

Нанду 857

Казуаровыя птицы.

Эму 863

Страусовыя птицы.

Обыкновенный страусъ 866

Птицы.

Общій обзоръ жизни птицъ.

„Птицу узнаютъ по перьямъ“. Въ этой нѣмецкой поговоркѣ народъ совершенно правильно выразилъ, въ чемъ состоитъ отличіе птицъ отъ всѣхъ прочихъ позвоночныхъ животныхъ. Если же къ этой поговоркѣ прибавить, что челюсти пернатыхъ позвоночныхъ покрыты роговыми пластинками, образующими клювъ, а переднія конечности обращены въ крылья, такъ что птицы ходятъ только на двухъ ногахъ, то внѣшній видъ птицъ будетъ вполнѣ очерченъ.

Какъ ни своеобразно, повидимому, строеніе птицы, но скелетъ ея представляетъ большое сходство со скелетомъ пресмыкающихся; поэтому пресмыкающіяся и считаются предшественниками пернатыхъ позвоночныхъ. Характерный признакъ птицъ — это ихъ способность летать, съ которой тѣсно связаны особенности внѣшней формы и внутренняго строенія.

Черепъ птицъ весьма выпуклый и состоитъ изъ различныхъ костей; соединяющіе ихъ швы, явственно видные въ молодости, у взрослыхъ птицъ такъ срастаются, что не остается никакого слѣда прежняго разъединенія. Слѣдуетъ замѣтить, что глазныя впадины очень велики, а перегородка, раздѣляющая ихъ, очень тонка, что затылочная кость снабжена только одною суставной головкой, вслѣдствіе чего голова у птицъ значительно подвижнѣе, чѣмъ у млекопитающихъ. Число шейныхъ позвонковъ колеблется между 9—23; эти позвонки отличаются подвижностью, между тѣмъ какъ 6—10 грудныхъ и 9—20 поясничныхъ или крестцовыхъ позвонковъ крайне неподвижны и часто срастаются. Тонкія и широкія ребра, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу грудныхъ позвонковъ, соединяются съ этими позвонками при помощи особыхъ костныхъ прослоекъ; за исключеніемъ первой и послѣдней пары, ребра снабжены на заднемъ краю крючкообразными отростками, которые примыкаютъ къ верхнему краю слѣдующихъ нижнихъ реберъ и существеннымъ образомъ способствуютъ укрѣпленію грудной клѣтки. Грудная кость можетъ быть уподоблена большому щиту, на серединѣ котораго возвышается гребень. Величина грудной кости и вышина гребня обусловливаются прикрѣпленіемъ сюда сильныхъ грудныхъ мышцъ и, слѣдовательно, мѣняются въ зависимости отъ большей или меньшей способности птицъ къ летанію. У соколовъ, напримѣръ, гребень очень высокъ и сильно выгнутъ, а у страусовъ — совершенно отсутствуетъ. Плечевой поясъ состоитъ изъ длинной лопатки, которая спереди соединяется съ такъ называемой клювовидной косточкой для образованія плечевого сустава и изъ сросшихся на переднемъ концѣ ключицъ, которыя вмѣстѣ составляютъ вилочку или дужку; крыло состоитъ изъ длинной трубчатой плечевой кости, наполненной воздухомъ, изъ сильно развитой въ противоположность млекопитающимъ локтевой кости и сравнительно слабой лучевой кости, образующихъ предплечье; изъ двухъ, много трехъ костей пясти и трехъ пальцевъ: большого, который у многихъ птицъ снабженъ когтевиднымъ ногтемъ, спрятаннымъ, впрочемъ, подъ перьями, и еще изъ двухъ: одного большого двухсуставнаго пальца и сросшагося съ нимъ односуставнаго маленькаго пальца. Ноги образованы изъ бедра, голени, плюсны и собственно ступни или пальцевъ. Голень

состоитъ изъ плохо развитой малой берцовой кости, сросшейся съ большой берцовой; плюсна представляетъ собою длинную трубчатую кость, съ которой сочленяются пальцы. Три пальца, обыкновенно, бываютъ направлены впередъ, а одинъ назадъ; у немногихъ птицъ задній палецъ однако отогнутъ впередъ, у другихъ онъ совсѣмъ не развитъ, у третьихъ одинъ изъ переднихъ пальцевъ, наружный или внутренній, отогнутъ назадъ; есть и такія птицы, у которыхъ на ногѣ развивается только два явственно различимыхъ пальца. Задній (большой) палецъ состоитъ изъ двухъ частей, первый передній изъ трехъ, второй изъ четырехъ, наружный изъ пяти частей.

Изъ мышцъ прежде всего слѣдуетъ указать на грудныя, т. е. на приводящія въ движеніе крылья. У птицъ эти мышцы достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ ни у одного другого позвоночнаго животнаго.

Нервная система развита хуже, чѣмъ у млекопитающихъ. Головной мозгъ вѣсомъ превосходитъ еще спинной, но устроенъ проще, чѣмъ у млекопитающихъ; большой мозгъ хотя и распадается на два полушарія, но здѣсь нѣтъ такихъ извилинъ, какъ у млекопитающихъ.

У птицъ существуютъ всѣ органы высшихъ чувствъ и притомъ хорошо развитые; иные изъ нихъ упрощены, но не отсутствуютъ. Всего лучше развиты глаза какъ по величинѣ, такъ и по внутреннему строенію. Форма и величина глазъ весьма различны; всѣ дальнозоркія и всѣ ночныя птицы отличаются, напримѣръ, большими глазами, у прочихъ глаза меньше. Глазъ птицъ снабженъ такъ называемымъ костянымъ кольцомъ, состоящимъ изъ 12—30 четвероугольныхъ тонкихъ пластинокъ, налегающихъ черепицеобразно другъ на друга и весьма разнообразныхъ по величинѣ, твердости и формѣ; кромѣ того въ глазу птицы замѣчается вѣеръ или гребень — перепонка, сложенная густыми складками, богатая кровеносными сосудами и покрытая чернымъ пигментомъ; перепонка эта помѣщается въ томъ мѣстѣ стекловиднаго тѣла, гдѣ входитъ зрительный нервъ, и часто доходитъ до хрусталика. Какъ костяное кольцо, такъ и вѣеръ, вѣроятно, даютъ птицѣ возможность становиться по желанію дальнозоркой или близорукой и во всякомъ случаѣ обусловливаютъ необычайную внутреннюю подвижность глаза. Кромѣ обоихъ вѣкъ, составляющихъ у птицы неизмѣнную принадлежность глаза, замѣчается еще третье полупрозрачное вѣко или такъ называемая мигательная перепонка, находящаяся во внутреннемъ углу глаза; птица можетъ натягивать ее кнаружи на глазъ и при очень яркомъ освѣщеніи это третье вѣко можетъ оказаться ей весьма полезнымъ. Наружнаго уха нѣтъ. Большія ушныя отверстія лежатъ по бокамъ задней части головы и у большинства птицъ окружены или покрыты лучеобразными перьями, которыя не задерживаютъ звуковыхъ волнъ. У совъ ушная раковина замѣняется кожистой складкой, которая можетъ открывать и закрывать ушное отверстіе. Органы обонянія несомнѣнно уступаютъ органамъ обонянія млекопитающихъ. У птицъ нѣтъ наружнаго носа и большихъ носовыхъ полостей. Чувство вкуса тонко развито лишь у немногихъ птицъ, такъ какъ только у немногихъ птицъ строеніе языка указываетъ на способность ощущать вкусъ. Языкъ не столько служитъ для распознаванія вкуса, сколько для осязанія, и птица пользуется имъ также для подбиранія и схватыванья пищи.

Органы кровообращенія и дыханія устроены весьма совершенно. Сердце птицъ состоитъ изъ двухъ предсердій и двухъ желудочковъ и по строенію своему очень похоже на сердце млекопитающихъ, но отличается сравнительно болѣе сильными мышцами. По обѣ стороны сердца расположены легкія, а кнаружи отъ верхушки сердца обѣ дольки печени. Легкія срастаются съ ребрами и простираются внизъ дальше, чѣмъ у млекопитающихъ, такъ какъ вообще нѣтъ рѣзкаго разграниченія между грудной полостью и брюшной. Кромѣ легкихъ, птицы при вдыханіи наполняютъ воздухомъ воздушные мѣшки и ячейки, находящіеся во всѣхъ частяхъ тѣла; воздухъ изъ легкихъ проникаетъ въ грудные воздушные мѣшки, а отсюда распространяется по всему тѣлу, проникаетъ даже въ большую часть костей, наполняя въ нихъ пустыя трубки или ячейки, которыми у птицъ снабжены обыкновенно кости. Дыхательное горло состоитъ изъ костяныхъ колецъ, соединенныхъ

перепонкою, и имѣетъ двѣ гортани, верхнюю и нижнюю. Верхняя гортань находится подъ языкомъ, имѣетъ почти треугольную форму и лишена надгортаннаго хряща; голосовая щель окружена сосочками; она богата нервами и по краямъ покрыта мягкой, мышечной перепонкою, благодаря которой гортань можетъ быть совершенно закрыта. Нижняя гортань находится на концѣ дыхательнаго горла до раздѣленія его на вѣтви и въ сущности представляетъ собою только увеличенное послѣднее кольцо дыхательнаго горла. Перекладинка въ серединѣ этого кольца, образованная удвоеніемъ внутренней перепонки дыхательнаго горла, раздѣляетъ нижнюю гортань на двѣ щели, края которыхъ при выдыханіи воздуха приходятъ въ колебаніе и служатъ, слѣдовательно, для образованія голоса. По обѣ стороны нижней гортани расположены мышцы, числомъ 1—5, которыя могутъ сообщать большую подвижность нижней гортани, представляющей въ сущности голосовой аппаратъ. Лишь у немногихъ птицъ этихъ мышцъ нѣтъ вовсе, у другихъ же, между прочимъ у большинства пѣвчихъ птицъ, ихъ имѣется пять паръ. У нѣкоторыхъ птицъ дыхательное горло принимаетъ крайне своеобразное направленіе: оно не всегда прямо опускается отъ нижняго конца шеи въ полость грудной клѣтки, а иногда сначала заворачивается на гребень грудной кости или образуетъ болѣе или менѣе глубокую петлю, помѣщающуюся на наружныхъ грудныхъ мышцахъ, потомъ снова поднимается назадъ и затѣмъ только входитъ въ полость грудной клѣтки.

Органы пищеваренія у птицъ существенно отличаются отъ пищеварительныхъ органовъ млекопитающихъ уже тѣмъ, что у птицъ нѣтъ зубовъ, и онѣ глотаютъ пищу цѣликомъ. Слюнныя железы у птицъ есть, но врядъ ли пища во рту смачивается слюной, такъ какъ пища передъ проглатываньемъ не жуется. У очень многихъ птицъ проглоченный кусокъ сначала попадаетъ въ расширеніе пищевода, называемое зобомъ, и здѣсь на время удерживается и подвергается предварительному размягченію; у другихъ птицъ пища прямо попадаетъ въ первый желудокъ или въ расширеніе нижней части пищевода; этотъ первый желудокъ богатъ железами, всегда тоньше собственно желудка и имѣется у всѣхъ птицъ, но особенно великъ у тѣхъ видовъ, которые лишены зоба. Желудокъ у различныхъ птицъ устроенъ различно. У птицъ, питающихся главнымъ образомъ или исключительно другими животными, желудокъ отличается тонкими стѣнками, у птицъ же, питающихся растительными веществами, онъ содержитъ толстый мышечный слой и выложенъ внутри твердой, складчатой оболочкой, которая играетъ роль терки и при помощи сильныхъ мышцъ измельчаетъ и перетираетъ пищу, часто смѣшанную съ песчинками и съ мелкими камешками.

Кожа птицъ по своему образованію въ общемъ напоминаетъ кожу млекопитающихъ. Она также состоитъ изъ трехъ слоевъ — наружной кожицы, слизистаго слоя и собственно кожи. Первая — тонкая и складчатая, но на плюснѣ и на пальцахъ утолщается и обращается въ роговыя чешуйки; подобнымъ же образомъ кожица преобразуется на клювѣ; собственно кожа по толщинѣ бываетъ различна, у иныхъ птицъ она очень тонкая, у другихъ — твердая и крѣпкая, но всегда она обильно снабжена кровеносными сосудами и нервами и очень часто съ внутренней стороны содержитъ плотный слой жира. Перья развиваются въ сумкахъ кожи, которыя первоначально представляли собой обильно снабженные кровеносными сосудами сосочки на кожицѣ, но мало по малу опустились въ углубленія собственно кожи. Перья такія же образованія, какъ волосы, иглы или чешуя млекопитающихъ, но у различныхъ представителей пернатаго царства они бываютъ весьма различны и далеко не одинаковы даже на различныхъ частяхъ тѣла одной и той же птицы. Перо состоитъ изъ ствола, опахала, состоящаго изъ бородокъ и стержня, прилегающаго къ стволу. Перья распадаются на собственно перья и пухъ; первыя дѣлятся на туловищныя, маховыя, рулевыя и кроющія, причемъ маховыя подраздѣляются на перья кисти, предплечія и плеча. Къ костямъ пясти прикрѣпляется обыкновенно десять маховыхъ перьевъ перваго порядка, тогда какъ число маховыхъ перьевъ второго порядка непостоянно; хвостъ обыкновенно состоитъ изъ 12 рулевыхъ перьевъ, которыхъ рѣдко бываетъ меньше, но часто больше 12. Туло-

вищныя или кроющія перья не вездѣ одинаково густы, а расположены какъ бы полосами, такъ что въ сущности большая часть тѣла остается голою, и опереніе ограничивается узкими рядами, расположенными различно у различныхъ птицъ. Тѣ птицы, у которыхъ опереніе распредѣлено равномѣрно, неспособны къ полету. Туловищныя перья налегаютъ другъ на друга черепицеобразно, а маховыя и рулевыя расположены вѣерообразно; кроющія перья прикрываютъ основаніе маховыхъ и рулевыхъ перьевъ и сообразно съ этимъ раздѣляются на верхнія и нижнія перья крыльевъ и на покровныя перья хвоста. Пухъ отличается болѣе пушистымъ, мягкимъ и гибкимъ опахаломъ, бородки между собою болѣе или менѣе разъединены, такъ что строеніе пера получаетъ совершенно иной характеръ. Различный цвѣтъ перьевъ зависитъ отъ ихъ строенія: одно и то же перо, отливающее различными цвѣтами, обнаруживаетъ различіе въ своемъ строеніи, такъ что цвѣтъ пера зависитъ не столько отъ красящихъ веществъ, сколько отъ способности пера отражать тотъ или другой цвѣтъ.

Ни у одного животнаго не происходитъ такого быстраго обмѣна веществъ, какъ у птицъ, ни одно животное не обладаетъ такою теплою кровью, какъ пернатыя. Одно вытекаетъ изъ другого: усиленное дыханіе вызываетъ усиленную жизнедѣятельность и энергію птицъ. Онѣ вдыхаютъ гораздо бо́льшее количество воздуха, чѣмъ прочія твари; воздухъ же не только химически воздѣйствуетъ на кровь въ легкихъ, но вліяетъ и прямо на всѣ части тѣла, ибо, какъ уже было замѣчено, воздухомъ наполняются, кромѣ легкихъ, еще воздушные мѣшки, пустыя пространства и ячейки костей, а иногда даже особаго рода ячейки въ кожѣ. Кровь такимъ образомъ обильнѣе снабжается кислородомъ, чѣмъ у другихъ животныхъ; процессъ горѣнія происходитъ быстрѣе и энергичнѣе, возбуждающее дѣйствіе его сильнѣе, и все кровообращеніе происходитъ быстрѣе. Найдено, что у птицъ артеріи и вены относительно толще, чѣмъ у млекопитающихъ, кровь краснѣе и содержитъ больше кровяныхъ тѣлецъ, чѣмъ у остальныхъ позвоночныхъ животныхъ. Въ связи съ этимъ находится изумительная подвижность, а изъ неизбѣжнаго усиленнаго обмѣна веществъ, разумѣется, вытекаетъ очень быстрое пищевареніе.

Можно утверждать, что птица ѣстъ сравнительно больше, чѣмъ всѣ прочія живыя существа. Не мало есть такихъ птицъ, которыя ѣдятъ все время, пока находятся въ бодрствующемъ состояніи; количество пищи, ежедневно поглощаемое насѣкомоядными, вдвое или втрое превосходитъ вѣсъ ихъ тѣла. У птицъ, питающихся мясомъ, отношеніе это меньше — онѣ довольствуются пищей, равной шестой части вѣса ихъ тѣла; птицы, питающіяся растительными веществами, врядъ ли ѣдятъ больше; тѣмъ не менѣе, мы и ихъ должны назвать прожорливыми по сравненію съ млекопитающими. Пища либо непосредственно вводится въ первый желудокъ, либо сначала попадаетъ въ зобъ, и здѣсь первоначально размягчается, а въ желудкѣ окончательно переваривается или, какъ мы говорили, въ буквальномъ смыслѣ слова измельчается словно мельничными жерновами. Нѣкоторыя птицы, во время ѣды, наполняютъ свой пищеводъ пищей до самой глотки, другія такъ набиваютъ зобъ, что онъ выступаетъ на шеѣ въ видѣ круглой шишки. Хищныя птицы переваривaютъ кости, у крупныхъ зерноядныхъ даже куски желѣза перерабатываются въ желудкѣ такъ, что совершенно мѣняется ихъ прежняя форма. Непереваримыя вещества цѣлыми недѣлями лежатъ у птицъ въ желудкѣ прежде чѣмъ извергаются вонъ, а иныя птицы выплевываютъ ихъ въ видѣ шарообразныхъ комковъ. Несмотря на дѣятельный обмѣнъ веществъ, при обильномъ питаніи подъ кожей и между кишками накопляется очень много жиру; но для его безслѣднаго исчезновенія достаточно нѣсколькихъ дней голоданія. Тѣмъ не менѣе птицы дольше выносятъ голодъ, чѣмъ большинство млекопитающихъ.

Полетъ является самымъ характернымъ движеніемъ птицъ. Всѣ прочія животныя, способныя двигаться въ воздухѣ, только порхаютъ, однѣ птицы летаютъ. Этимъ онѣ обязаны устройству своихъ крыльевъ, перья которыхъ налегаютъ другъ на друга на подобіе черепицы и согнуты такъ, что образуютъ сверху выпуклую поверхность. Когда крылья поднимаются, то маховыя перья нѣсколь-

расходятся, и воздухъ можетъ проходить между ними; когда же крылья опускаются, бородка каждаго пера плотно прилегаетъ къ бородкѣ сосѣднихъ перьевъ, такъ что крыло представляетъ значительное сопротивленіе для воздуха: такимъ образомъ, при каждомъ взмахѣ крыльевъ птица поднимается на воздухъ и такъ какъ она машетъ при этомъ крыльями спереди и сзади и сверху внизъ, то въ это же время подвигается впередъ. По быстротѣ полета птица безъ сомнѣнія превосходитъ всѣхъ животныхъ; относительно же выдержки при полетѣ можно сказать, что птица не уступаетъ никакому другому животному, что она совершаетъ перелеты, которые кажутся намъ невѣроятными, пролетаетъ въ нѣсколько дней нѣсколько тысячъ километровъ и въ нѣсколько часовъ перелетаетъ широкое море. Перелетныя птицы летятъ по нѣскольку дней подрядъ почти безъ отдыха; птицы, парящія въ воздухѣ, цѣлыми часами рѣютъ въ высотѣ, и только при особенно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно обезсиливаютъ.

Обыкновенно, хорошо летающія птицы болѣе или менѣе плохо ходятъ; впрочемъ, есть между ними и такія, которыя хорошо бѣгаютъ. Самый способъ хожденія птицъ очень разнообразенъ: однѣ быстро бѣгаютъ, другія трусятъ рысью, третьи несутся въ карьеръ, иныя прыгаютъ, иныя ходятъ шагомъ или медленно выступаютъ, иныя, наконецъ, неуклюже переваливаются или скользятъ по землѣ. Походка птицъ замѣтно отличается отъ походки человѣка, который, подобно птицамъ, ходитъ на двухъ ногахъ. За исключеніемъ немногихъ плавающихъ птицъ, которыя только умѣютъ скользить на всей ступнѣ, всѣ птицы ходятъ на пальцахъ; лучше, хотя и не быстрѣе всего ходятъ тѣ, у которыхъ центръ тяжести приходится въ серединѣ тѣла; хорошо ходятъ и мѣрно выступаютъ голенастыя; коротконогія ходятъ плохо, обыкновенно въ припрыжку, птицы же съ ногами средней величины быстро бѣгаютъ, скорѣе даже мчатся; всѣ птицы, туловище которыхъ поставлено почти вертикально, переступаютъ тяжело и неуклюже; тѣ, у которыхъ ноги тоже прикрѣплены близко къ хвосту, причемъ, однако, передняя часть тяжелѣе задней и свѣшивается внизъ, врядъ ли ходятъ болѣе легко, такъ какъ у нихъ при каждомъ шагѣ передняя часть тѣла неизбѣжно передвигается. Нѣкоторые превосходные летуны совсѣмъ утратили способность ходить, а нѣкоторыя великолѣпно ныряющія птицы могутъ передвигаться по землѣ лишь скользя или ползкомъ. При очень быстромъ бѣгѣ нѣкоторыя птицы пользуются крыльями.

Многія птицы искусно двигаются въ водѣ, плавая, удовлетворяютъ большую часть своихъ потребностей и, гребя лапами, передвигаются по поверхности воды и ныряютъ въ глубину. Всякая птица, брошенная въ воду, начинаетъ плавать; искусство плаванія вовсе не исключительно свойственно плавающимъ птицамъ. У плавающихъ, какъ вообще у всѣхъ птицъ, живущихъ въ водѣ, перья гуще, чѣмъ у другихъ, постоянно обильно смазываются жиромъ, и такимъ образомъ прекрасно приспособлены къ тому, чтобы не дать птицѣ вымокнуть. Птица, плавающая по водной поверхности, безъ всякаго усилія сохраняетъ свое положеніе, и каждое движеніе ногъ вызываетъ движеніе всего тѣла. При плаваніи птица обыкновенно пользуется только ступнями ногъ, которыя она складываетъ и направляетъ впередъ, расширяетъ ихъ и изо всей силы нажимаетъ ими на воду — при тихомъ плаваніи дѣйствуя ногами по-очереди, а при быстромъ — обыкновенно обѣими заразъ. Если птицѣ нужно повернуться на водѣ, то она поджимаетъ одну ногу съ разведенными пальцами и гребетъ другою. Съ искусствомъ плаванія часто соединяется способность къ нырянію. Нѣкоторыя птицы быстрѣй плаваютъ подъ водою, чѣмъ на поверхности, такъ что могутъ соперничать съ рыбами; другія птицы могутъ нырять только тогда, когда бросаются въ воду съ извѣстной высоты. Объ эти способности оказываютъ большое вліяніе на образъ жизни. Настоящими нырцами можно считать тѣхъ птицъ, которыя ныряютъ съ поверхности воды, дѣлая при этомъ болѣе или менѣе замѣтный прыжокъ; остальныя устремляются въ воду съ высоты и только окунаются. Глубина, на которую птицы ныряютъ въ воду, направленіе, скорость и продолжительность нырянія, у различныхъ птицъ бываютъ различны. Гаги, какъ говорятъ, могутъ оставаться подъ водою въ теченіе 7-ми минутъ и погружаться на глубину 120 метровъ; большинство ныряющихъ птицъ конечно не-

способны погружаться такъ глубоко и вновь показываются на поверхности самое бо̀льшее спустя три минуты, чтобы подышать.

Нѣкоторыя птицы, не принадлежащія къ плавающимъ, умѣютъ не только плавать и нырять, но бѣгать по дну.

Птицы способны еще къ одному роду передвиженія: многія изъ нихъ лазаютъ и притомъ великолѣпно. Для этой цѣли онѣ пользуются главнымъ образомъ ногами, но также клювомъ и хвостомъ, а въ иныхъ случаяхъ даже крыльями.

Замѣчательный даръ птицъ составляетъ ихъ громкій, звучный и чистый голосъ. Правда, не мало есть птицъ, издающихъ лишь немного звуковъ или издающихъ только непріятные рѣзкіе или пронзительные звуки; но большинство обладаетъ удивительно гибкимъ и звонкимъ голосомъ, совершенно нѣмыхъ птицъ не встрѣчается. Благодаря голосу, возможно существованіе богатаго птичьяго языка и пріятнаго пѣнія. При тщательномъ наблюденіи всякій замѣтитъ, что для выраженія различныхъ ощущеній, впечатлѣній и понятій птицы издаютъ особаго рода звуки, которымъ, безъ всякихъ преувеличеній, можно приписывать значеніе словъ, такъ какъ птицы не только понимаютъ другъ друга, но могутъ быть поняты и внимательнымъ наблюдателемъ. Онѣ манятъ и зовутъ, выражаютъ радость и любовь, вызываютъ другъ друга на бой, призываютъ на помощь, предостерегаютъ отъ враговъ и другихъ опасностей и вообще дѣлаютъ другъ другу всевозможныя сообщенія. Къ тому же, не только отдѣльные виды могутъ понимать другъ друга, но птицы, одаренныя болѣе искусною рѣчью, умѣютъ бесѣдовать съ менѣе одаренными. Мелкія болотныя птички принимаютъ во вниманіе предостереженіе болѣе крупныхъ пернатыхъ обитателей болотъ, вороны предупреждаютъ объ опасности скворцовъ и другихъ полевыхъ птицъ, а тревожный крикъ дрозда можетъ всполошить весь лѣсъ. Наиболѣе осторожныя птицы дѣлаются сторожами всего общества, и ихъ крики сильно вліяютъ на прочихъ. Въ періодъ ухаживанья птицы разговариваютъ между собой, болтая большею частью чрезвычайно мило, и мать столь-же нѣжно бесѣдуетъ съ дѣтьми. Иныя птицы перекликаются, издавая самымъ правильнымъ образомъ опредѣленные звуки; другія выражаютъ свои чувства, не заботясь, понимаютъ ли ихъ, или нѣтъ. Къ числу послѣднихъ относятся пѣвчія птицы, своего рода перлы созданія, — тѣ члены пернатаго царства, изъ за которыхъ мы такъ любимъ птицъ.

Пока дѣло касается простого разговора, оба пола обнаруживаютъ приблизительно одинаковыя способности; но пѣніе является даромъ мужского пола, самка же очень рѣдко выучивается пѣть нѣсколько строфъ. У всѣхъ настоящихъ пѣвцовъ мышцы на нижней гортани въ общемъ развиты одинаково; но ихъ искусство пѣть весьма различно. Каждый отдѣльный видъ издаетъ ему одному свойственные звуки и имѣетъ извѣстный регистръ голоса; каждый видъ особеннымъ образомъ соединяетъ звуки въ строфы, которыя отличаются отъ другихъ строфъ бо́льшею или меньшею звучностью, законченностью и силой; у иныхъ пѣніе происходитъ въ предѣлахъ лишь немногихъ нотъ, между тѣмъ какъ другія имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлыя октавы. Если каждая строфа выдѣляется рѣзко и опредѣленно, то пѣніе называется щелканьемъ; настоящее же пѣніе получается въ томъ случаѣ, когда звуки постоянно мѣняются, но не образуютъ строфъ. Соловей и зябликъ щелкаютъ, жаворонокъ и щегленокъ поютъ. Каждая пѣвчая птица умѣетъ впрочемъ разнообразить свое пѣніе, и потому оно такъ сильно дѣйствуетъ на насъ. На пѣніе вліяютъ также мѣстныя условія, ибо одни и тѣ же виды птицъ въ горахъ поютъ иначе, нежели въ равнинахъ, хотя оттѣнки того и другого пѣнія могутъ быть подмѣчены только знатокомъ. У хорошаго щелкуна или пѣвца въ извѣстной мѣстности могутъ явиться хорошіе ученики, плохой же пѣвецъ можетъ испортить хорошихъ: молодыя птицы учатся у старшихъ своего вида, но, къ сожалѣнію, подобно нашимъ дѣтямъ, легче усваиваютъ себѣ недостатки, чѣмъ достоинства. Нѣкоторыя птицы не довольствуются пѣніемъ, свойственнымъ ихъ виду, но примѣшиваютъ къ нему отдѣльные звуки или строфы другихъ птицъ или же поразившіе ихъ голоса и шумы; такихъ птицъ мы называемъ пересмѣшниками, хотя совершенно неправильно. Пѣвчія птицы, въ настоящемъ значеніи

слова, т. е. такія, которыя не только обладаютъ необходимыми для пѣнія мышцами на нижней гортани, но дѣйствительно поютъ, встрѣчаются во всѣхъ странахъ земного шара и преимущественно въ умѣренномъ поясѣ.

Относительно отправленій мозга, которыя мы называемъ умомъ, а также относительно характера птицъ вѣрно все то, что́ уже раньше было сказано о млекопитающихъ; мы, по крайней мѣрѣ, затруднились бы указать на какую нибудь душевную способность или черту характера млекопитающихъ, которой не замѣчалось бы у птицъ. При всякихъ вопросахъ подобнаго рода нельзя забывать, что объясненія, даваемыя нами явленіямъ въ жизни животныхъ, не болѣе, какъ предположенія. Въ лучшемъ случаѣ мы понимаемъ животное и его характеръ лишь отчасти. О его мысляхъ и выводахъ мы иногда составляемъ себѣ представленіе, но насколько это представленіе вѣрно — этого мы не знаемъ.

Птицы — граждане всего міра. Человѣкъ встрѣчалъ ихъ вездѣ, куда только проникалъ: на островахъ, окружающихъ оба полюса, въ экваторіальныхъ странахъ, на морѣ и на вершинахъ высочайшихъ горъ, въ плодородныхъ мѣстностяхъ и въ пустынѣ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ и на голыхъ скалахъ, торчащихъ въ видѣ конусовъ изъ моря. Каждый поясъ земного шара имѣетъ своихъ особыхъ обитателей. Въ общемъ, птицы подчиняются законамъ распредѣленія животныхъ на земномъ шарѣ: въ холодныхъ поясахъ онѣ встрѣчаются въ огромныхъ количествахъ, но въ весьма ограниченномъ числѣ видовъ; по направленію же къ экватору разнообразіе и число видовъ мало по малу возрастаетъ. Вода, умѣряющая всякія крайности, оказываетъ свое вліяніе и на птицъ; она даетъ пріютъ сравнительно немногимъ видамъ, тогда какъ разнообразіе условій на сушѣ отражается и на пернатыхъ ея обитателяхъ. Не только въ каждомъ поясѣ, но и въ каждой мѣстности встрѣчаются различныя птицы; въ полярной тундрѣ — водной пустынѣ, водятся не тѣ птицы, что́ въ песчаной пустынѣ, въ равнинахъ живутъ другія птицы, чѣмъ въ горахъ, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ — иныя, чѣмъ въ лѣсахъ. Свойства почвы и климатъ страны неминуемо накладываютъ свой отпечатокъ на птицъ. На водѣ область распространенія отдѣльныхъ видовъ больше, чѣмъ на сушѣ, гдѣ границей распространенія того или другого вида можетъ явиться широкая рѣка, морской проливъ, горная цѣпь; но такого рода границы существуютъ и на морѣ. Лишь очень немногія птицы встрѣчаются по лицу всей земли; насколько пока извѣстно, въ числѣ такихъ птицъ находится лишь одна сухопутная и нѣсколько болотныхъ и водяныхъ; гражданиномъ всего міра является напр. болотная сова, которая водится во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, а также камнешарка, встрѣчающаяся на побережьяхъ всѣхъ пяти частей свѣта и притомъ какъ въ восточномъ, такъ и въ западномъ полушаріи. Обыкновенно, область распространенія простирается дальше съ востока на западъ, нежели съ сѣвера на югъ: на крайнемъ сѣверѣ живетъ много птицъ, встрѣчающихся на всѣхъ трехъ материкахъ приблизительно въ одинаковомъ количествѣ, между тѣмъ какъ на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ верстъ къ югу замѣтно уже сильное измѣненіе птичьей фауны. Способность птицы къ передвиженію не зависитъ отъ величины области ея распространенія: превосходные летуны иногда ограничиваются сравнительно небольшой областью, тогда какъ птицы, летающія гораздо хуже, населяютъ пространство гораздо бо́льшее. Правильныя путешествія, перелеты и странствованія птицъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, также не способствуютъ расширенію области ихъ распространенія.

Сравнительныя наблюденія надъ птичьей фауной показываютъ, что въ восточномъ полушаріи число видовъ простирается приблизительно до 4300, а въ западномъ — до 3000. Эти цифры впрочемъ вѣрны только приблизительно и далеко не совпадаютъ съ данными, приводимыми другими знатоками птичьяго міра. Вѣроятно мы не слишкомъ ошибемся, оцѣнивъ число нынѣ извѣстныхъ видовъ птицъ въ 10,000.

Мѣстожительство птицъ въ высшей степени различно. Онѣ населяютъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ только могутъ существовать. Птицы, живущія въ водѣ, съ мор-

ского берега иногда поднимаются на высокія горы, а еще выше забираются болотныя птицы по той простой причинѣ, что онѣ не столь неразрывно связаны съ водной стихіей. На сушѣ также встрѣчаются постоянные обитатели: даже среди пустыни, на песчаныхъ пространствахъ, на нашъ взглядъ едва ли способныхъ пропитать живое существо, птицы находятъ себѣ насущный хлѣбъ. Но большинство птицъ такъ же, какъ и млекопитающія, если не прямо, то хоть косвенно зависятъ отъ растительности. Только въ лѣсу обнаруживается все богатство и разнообразіе пернатаго царства. Море доставляетъ пропитаніе милліонамъ водныхъ птицъ, а въ періодъ насиживанья онѣ собираются на откосахъ скалъ, на островахъ и шхерахъ; но какъ ни многочисленно общество птицъ на морѣ, однако на сушѣ и даже въ лѣсу живутъ стаи не меньшія и въ высшей степени разнообразныя, въ противоположность морскимъ обитателямъ. По мѣрѣ приближенія къ экватору, богатство видовъ возрастаетъ, такъ какъ въ тропическихъ странахъ природа разнообразнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а слѣдовательно разнообразнѣе и условія жизни. Въ согласіи съ этимъ находится тотъ фактъ, что наибольшее разнообразіе встрѣчается не въ мѣстностяхъ, поросшихъ сплошь лѣсомъ, а въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ чередуются между собою лѣсъ и степь, долины и горы, сухія мѣста, болота и вода. На берегахъ рѣки, протекающей по лѣсу, въ болотѣ, окруженномъ деревьями, въ залитой водой части лѣса всегда можно найти больше видовъ птицъ, чѣмъ обыкновенно, ибо тамъ, гдѣ соединены вода и суша, непремѣнно должно быть больше питательныхъ веществъ, чѣмъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ та или другая стихія. Бо́льшая или меньшая легкость добыванія пропитанія привязываетъ птицъ, какъ и всѣхъ прочихъ животныхъ, къ извѣстному мѣсту.

Птицы превосходно умѣютъ обратить въ свою пользу все, чѣмъ только можно воспользоваться въ извѣстной мѣстности. Онѣ обыскиваютъ всѣ укромные уголки, всѣ щели, всѣ убѣжища животныхъ и подбираютъ все съѣдобное. Если мы обратимъ вниманіе на то, какъ онѣ кормятся, то пожалуй будемъ имѣть право говорить о ихъ профессіи или ремеслѣ. Нѣкоторыя птицы, какъ наприм. многія зерноядныя и голуби, просто подбираютъ зерна, открыто лежащія на землѣ; другія зерноядныя вынимаютъ сѣмена изъ оболочекъ, куры же выскребываютъ изъ земли зерна, корни и подобныя вещества. Птицы, питающіяся плодами, срываютъ клювомъ ягоды и плоды, причемъ нѣкоторыя птицы на лету схватываютъ замѣченную добычу. Насѣкомоядныя подбираютъ съ земли насѣкомыхъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, снимаютъ ихъ съ вѣтвей и листьевъ, вытаскиваютъ изъ цвѣтовъ, щелей и всякихъ отверстій, причемъ добываютъ ихъ иногда съ большимъ трудомъ и достаютъ языкомъ изъ самыхъ сокровенныхъ убѣжищъ. Вороны занимаются всѣми этими промыслами сообща, не брезгая иногда и поистинѣ разбойническимъ способомъ добыванія себѣ пищи. Изъ хищныхъ птицъ каждая преслѣдуетъ добычу самостоятельно. Среди хищниковъ есть нищіе и паразиты, есть птицы, подбирающія соръ и отбросы на улицахъ и въ помойныхъ ямахъ, есть птицы, питающіяся исключительно падалью или преимущественно костями; многія не брезгуютъ падалью, но въ то же время охотятся на живыхъ тварей; нѣкоторыя хищныя птицы гоняются, главнымъ образомъ, за крупными насѣкомыми и лишь изрѣдка нападаютъ на мелкихъ позвоночныхъ; другія преслѣдуютъ только мелкихъ позвоночныхъ; иные хищники схватываютъ лишь сидящую или бѣгающую дичь, другіе набрасываются только на летающую добычу, есть и такіе, которые занимаются всевозможными промыслами. Такими уже способами промышляютъ болотныя и водяныя птицы. Многія изъ нихъ подбираютъ лишь то, что́ открыто лежитъ на землѣ; другія обыскиваютъ скрытыя убѣжища животныхъ; иныя ѣдятъ растительную и животную пищу, другія — исключительно животную; однѣ отыскиваютъ себѣ пропитаніе въ жидкомъ илѣ, другія ныряютъ за добычей на значительную глубину; однѣ ищутъ себѣ пищу подъ водою, другія сверху устремляются на высмотрѣнную добычу. Нѣтъ ни одной мѣстности, ни одного уголка на всей землѣ, гдѣ птицы не искали бы себѣ пищи. Каждая птица старается наилучшимъ образомъ воспользоваться всѣми данными ей средствами и изо всѣхъ силъ

борется за свое существованіе. Образъ жизни и способъ питанія птицы зависитъ, слѣдовательно, отъ строенія птицы и отъ устройства ея органовъ.

Дѣтство птицы бываетъ коротко, юность же ея длится долго, хотя не всегда соотвѣтствуетъ продолжительности жизни птицы. Правда, птица быстро вырастаетъ и уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего появленія на свѣтъ способна отстаивать свое существованіе и бороться со всякими житейскими невзгодами; но еще много времени должно пройти, прежде чѣмъ она вполнѣ уподобится своимъ родителямъ. Она развивается, какъ извѣстно, изъ яйца, чему способствуетъ теплота, сообщаемая яйцу родителями или матерью, сидящими на яйцахъ, гніющими растительными веществами или солнцемъ. Величина и форма яйца бываютъ весьма различны. Величина яйца обыкновенно находится въ зависимости отъ объема тѣла матери, такъ какъ яйцо по вѣсу своему составляетъ извѣстную часть вѣса птицы; но и тутъ замѣчаются значительныя неправильности: есть птицы, кладущія сравнительно очень большія яйца и есть другія, кладущія яйца сравнительно очень маленькія. Форма яйца обыкновенно не отличается сильно отъ формы куринаго яйца; у иныхъ птицъ она однако больше приближается къ шарообразной, у другихъ къ грушевидной формѣ, у третьихъ принимаетъ форму, напоминающую цилиндръ. Относительно окраски яицъ извѣстно только, что яйца, которыя кладутся въ закрытыя углубленія, большею частью бываютъ бѣлыя или одноцвѣтныя, тѣ же, которыя кладутся въ открытыя гнѣзда, покрыты крапинками. Число яицъ одной кладки колеблется между 1—24; чаще всего птица кладетъ 4—6 яицъ.

Когда самка положитъ надлежащее количество яицъ, начинается высиживаніе. Мать не покидаетъ гнѣзда, а грѣетъ грудью, одна или по очереди со своимъ супругомъ, зародышъ, скрытый въ яйцѣ, пользуясь иногда для вывода птенцовъ теплотою солнца или гніющихъ растительныхъ веществъ. Смотря по погодѣ, дѣтеныши вылупляются изъ яицъ раньше или позже, причемъ, однако, у одного и того же вида періодъ высиживанья длится приблизительно одинаковое время. Но, какъ и слѣдуетъ ожидать, періодъ высиживанья яицъ у различныхъ видовъ птицъ бываетъ весьма различенъ; страусъ высиживаетъ яйца дольше, чѣмъ колибри: первый сидитъ на яйцахъ 55—60 дней, второй 10—12 дней. Средней продолжительностью высиживанья можно считать 18—26 дней.

Для развитія зародыша въ яйцѣ, необходимое условіе составляетъ температура въ 37,5—40 градусовъ Цельсія. Эта теплота не должна непремѣнно исходить отъ матери, но съ извѣстными ограниченіями можетъ быть замѣнена всякимъ другимъ согрѣваніемъ. Древніе египтяне уже многія тысячи лѣтъ тому назадъ знали, что курицу-насѣдку можно замѣнить искусственной равномѣрной теплотой. Если заставить извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на оплодотворенное куриное яйцо равномѣрную температуру въ 37,5 градусовъ Цельсія въ теченіе двадцати одного дня, то почти навѣрное изъ яйца выйдетъ цыпленокъ. Для развитія зародыша необходимъ обмѣнъ веществъ и особенно доступъ воздуха; яйцо, лишенное притока кислорода, всегда погибаетъ.

Не много птицъ, которыя въ яйцѣ достигали бы такого развитія, какъ курица; сравнительно мало такихъ птицъ, которыя, черезъ нѣсколько минутъ послѣ своего вылупленія, способны пробивать себѣ путь въ жизни подъ руководствомъ матери или даже безъ всякой помощи со стороны родителей. Именно тѣ птицы появляются на свѣтъ особенно безпомощными, которыя въ зрѣломъ возрастѣ отличаются наибольшей подвижностью и силой. Выводковыя птицы выходятъ изъ яицъ опереннными и съ развитыми органами чувствъ, птенцовыя же птицы родятся голыми и слѣпыми; выводковыя тотчасъ послѣ вылупленія производятъ весьма пріятное впечатлѣніе, такъ какъ онѣ довольно хорошо развиты; птенцовыя же поражаютъ насъ своей непривлекательностью и безобразіемъ. Дальнѣйшее развитіе до оставленія молодыми птицами гнѣзда требуетъ различнаго времени. Болѣе мелкія птенцовыя птицы свободно летаютъ уже черезъ три недѣли послѣ вылупленія; болѣе крупныя начинаютъ летать лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; есть и такія

птицы, которыя становятся взрослыми лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего появленія на свѣтъ. Юношескій возрастъ птицы продолжается не до того времени, пока она научится летать, а пока одежда ея не уподобится оперенію родителей. Очень многія птицы сначала носятъ одежду изъ перьевъ, не похожую на одежду родителей; иныя птицы въ молодости похожи на самокъ, и различія, связанныя съ поломъ, появляются лишь тогда, когда онѣ облекаются въ одежду взрослыхъ. Нѣкоторымъ хищнымъ птицамъ приходится прожить нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ онѣ могутъ назваться старыми, т. е. дѣйствительно взрослыми.

Измѣненія въ опереніи птицъ происходятъ вслѣдствіе стиранія, выцвѣтанія и линянія или образованія новыхъ перьевъ. Стираніе перьевъ не всегда убавляетъ красоту птицы, а напротивъ, часто дѣлаетъ ее красивѣе, такъ какъ благодаря стиранію исчезаютъ тускло окрашенные кончики перьевъ и становятся замѣтными болѣе ярко окрашенныя среднія части. Выцвѣтаніе, до сихъ поръ отвергавшееся многими изслѣдователями, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно существующее у птицъ, вызываетъ не совсѣмъ яснымъ для насъ способомъ измѣненія въ окраскѣ отдѣльныхъ частей оперенія. Молодые морскіе орлы облечены, напр., въ довольно одноцвѣтную темную одежду, между тѣмъ какъ въ зрѣломъ возрастѣ у иныхъ только хвостъ, у другихъ хвостъ и голова становятся бѣлыми.

Возрастъ, до котораго доживаетъ птица, обусловливается въ извѣстной мѣрѣ величиной птицы и продолжительностью ея молодости. Въ общемъ можно утверждать, что птица живетъ очень долго. Канарейки, при хорошемъ уходѣ, живутъ приблизительно такъ же долго, какъ комнатныя собаки — то есть двѣнадцать, пятнадцать, восемнадцать лѣтъ, а на свободѣ еще дольше, если не погибаютъ насильственной смертью; орлы выживали въ неволѣ болѣе ста лѣтъ, попугаи переживали нѣсколько поколѣній людей.

Ни одно живое существо не живетъ такою полною жизнью, какъ птица, и не умѣетъ такъ хорошо пользоваться своимъ временемъ. Самый длинный день кажется ей слишкомъ короткимъ, самая короткая ночь — слишкомъ длинною; вѣчно подвижная, она не проводитъ половины своей жизни въ мечтаніяхъ или во снѣ: она желаетъ бодро, весело, жизнерадостно проводить время, которое ей суждено прожить.

Всѣ птицы просыпаются рано послѣ краткаго ночного отдыха. Большинство пробуждается раньше, чѣмъ утренняя заря начинаетъ золотить небосклонъ. Въ странахъ, лежащихъ за полярнымъ кругомъ, онѣ, повидимому, почти не отличаютъ дня отъ ночи.

Птица, одаренная звонкимъ голосомъ, привѣтствуетъ разсвѣтъ пѣніемъ; только послѣ этого она начинаетъ искать себѣ кормъ. Почти всѣ птицы утоляютъ голодъ два раза въ день — утромъ и вечеромъ, а середину дня посвящаютъ покою, чисткѣ и приведенію въ порядокъ перьевъ. Исключеніе изъ этого правила составляютъ всѣ тѣ птицы, которымъ приходится выжидать счастливаго случая для отысканія себѣ добычи. Хищныя птицы обыкновенно ѣдятъ только разъ въ день; тѣ изъ нихъ, которыя сами не охотятся, а питаются падалью, ѣдятъ далеко не каждый день и часто по цѣлымъ днямъ голодаютъ. Въ большинствѣ случаевъ, съѣдается та пища, которую удалось раздобыть; иныя, какъ, напримѣръ, птицы, давящія свою добычу и лазающія, а именно дятлы и сорокопуты, собираютъ съѣдобныя вещества и хранятъ ихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, такъ что дѣлаютъ себѣ запасы, и иногда запасаются на зиму. Послѣ ѣды птицы пьютъ, потомъ купаются, причемъ вода иногда по необходимости замѣняется пескомъ, пылью или снѣгомъ. Послѣ такого подкрѣпленія силъ птица предается пріятному покою и перевариваетъ пищу; къ концу этого времени птица приводитъ въ порядокъ и чиститъ свои перья; затѣмъ принимается за новую охоту. Если и эта охота оказывается удачной, то вечеромъ птица отправляется въ условленныя мѣста, гдѣ проводитъ время въ обществѣ другихъ, или же, если это птица пѣвчая, то съ большимъ увлеченіемъ еще разъ распѣваетъ свою пѣсню; послѣ этого она, наконецъ, засыпаетъ или отправляется вмѣстѣ съ другими на опредѣленныя мѣста ночлега; во время

высиживанья и воспитанія птенцовъ, отецъ прилетаетъ спать около гнѣзда поближе къ своей супругѣ, сидящей на яйцахъ, и къ малымъ дѣтямъ, которыхъ, впрочемъ, иногда беретъ съ собою на ночлегъ. Птицы укладываются спать не безъ предварительныхъ приготовленій и совѣщаній; онѣ долго щебечутъ, шумятъ и прыгаютъ, пока, наконецъ, усталость не одолѣетъ ихъ. Неблагопріятная погода нарушаетъ правильность ихъ образа жизни; вообще, погода имѣетъ огромное вліяніе на птицу.

Когда оживаетъ природа, то оживаютъ и птицы. Потомство свое онѣ всегда производятъ весною, на тропикахъ, значитъ, въ началѣ дождливаго времени, соотвѣтствующаго не зимѣ, а нашей веснѣ. Въ противоположность другимъ животнымъ, большинство птицъ живетъ всю жизнь парами, и только немногія, подобно млекопитающимъ, живутъ въ многобрачіи. Птицы, соединившіяся въ парочку, всю жизнь остаются вѣрными другъ другу. Самцы усердно ухаживаютъ за самками, пуская въ ходъ всѣ свои чары, состоящія у однихъ въ страстныхъ призывахъ или пѣніи, у другихъ въ граціозныхъ пляскахъ, у третьихъ въ разныхъ искусныхъ штукахъ при летаніи и т. д.

Уже во время любовныхъ игръ парочка отыскиваетъ себѣ подходящее мѣсто для гнѣзда, если только птица не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя вьютъ гнѣзда сообща или ежегодно возвращаются въ одно и то же мѣсто. Обыкновенно гнѣздо сооружается приблизительно въ центрѣ области, занимаемой даннымъ видомъ птицъ, но разумѣется каждый видъ располагаетъ его различнымъ образомъ. Строго говоря, каждое подходящее мѣсто, высоко надъ землею и подъ поверхностью земли, на сушѣ и на водѣ, въ лѣсу и на полѣ, находитъ себѣ жильцовъ. Хищныя птицы устраиваютъ обыкновенно гнѣзда на высокихъ мѣстахъ и рѣдко вьютъ гнѣздо прямо на землѣ; почти всѣ бѣгающія птицы, наоборотъ, гнѣздятся на землѣ; лѣсныя и древесныя птицы помѣщаютъ свои гнѣзда на вѣтвяхъ, въ естественныхъ или ими самими выдолбленныхъ дуплахъ, или во мху на землѣ и т. д.; болотныя птицы — въ тростникѣ, камышѣ, въ прибрежной травѣ, на маленькихъ островкахъ или прямо на водѣ; нѣкоторыя морскія птицы прячутъ свои гнѣзда въ разсѣлинахъ скалъ, въ углубленіяхъ, ими самими вырытыхъ, и въ подобныхъ мѣстахъ; словомъ, способъ сооруженія гнѣздъ весьма различенъ, и въ общемъ можно только сказать, что гнѣздо устраивается въ скрытомъ мѣстѣ съ цѣлью избѣжать взоровъ враговъ, если же оно построено на открытомъ мѣстѣ, то сооружается такъ, чтобы его не легко было замѣтить, или помѣщается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ врагъ не можетъ до него добраться. Изъ того, что птица принадлежитъ къ извѣстному семейству или отряду, нельзя заключать о томъ, что гнѣздо ея сооружено такъ же, какъ гнѣзда ея родственниковъ, ибо члены одного и того же рода и даже одного и того же вида устраиваютъ гнѣзда весьма различнымъ образомъ.

Самыя простыя гнѣзда у тѣхъ птицъ, которыя кладутъ яйца прямо на землю, безъ всякаго приготовленія; затѣмъ слѣдуютъ гнѣзда птицъ, вырывающихъ въ землѣ для яицъ небольшія ямки; слѣдующую ступень составляютъ ямки, выстланныя болѣе мягкими веществами. Такая же постепенность замѣчается у птицъ, высиживающихъ свои яйца въ дуплахъ, а также у тѣхъ, которыя устраиваютъ пловучее гнѣздо, хотя послѣднія, разумѣется, должны сначала соорудить для него плотъ. Гнѣзда, свитыя на деревьяхъ, такъ же разнообразны, какъ и древесныя птицы. Иныя птицы безпорядочно складываютъ гнѣзда изъ немногихъ прутьевъ, другія сооружаютъ по крайней мѣрѣ сносную площадку для гнѣзда, третьи выдалбливаютъ въ этой площадкѣ углубленіе; иныя выстилаютъ эти углубленія травой или тонкимъ хворостомъ, другія — прутиками, сучками, корешками, волосами и перьями; многія птицы строятъ надъ гнѣздомъ сводъ, а нѣкоторыя удлиняютъ углубленіе въ видѣ трубы. Къ птицамъ, вьющимъ гнѣзда изъ прутьевъ, ближе всего стоятъ ткачи, которые переплетаютъ между собою не только траву, но и шерстистыя растительныя вещества, а также ткутъ ихъ или дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто вродѣ войлока; полученная такимъ образомъ ткань иногда прямо таки сшивается подобранными или самостоятельно изготовленными нитями, такъ что птицы поистинѣ являются въ этомъ дѣлѣ мастерами. Но мастерами въ своемъ искусствѣ являются также тѣ птицы, которыя лѣпятъ стѣнки своихъ гнѣздъ изъ глины. Для этого

глина смачивается слюной, отъ чего пріобрѣтаетъ бо́льшую пластичность и крѣпость, такъ что гнѣздо дѣлается очень прочнымъ. Нѣкоторыя птицы лѣпятъ гнѣзда не изъ глины, а изъ тонкихъ растительныхъ веществъ, мха и кусочковъ листьевъ, склеенныхъ слю́ной; иныя, наконецъ, употребляютъ для этой цѣли одну слюну, которая, быстро затвердѣвая, образуетъ стѣнки гнѣзда. Обыкновенно гнѣздо служитъ только для кладки яицъ и является колыбелью и дѣтской молодыхъ птицъ; нѣкоторыя же птицы сооружаютъ себѣ гнѣзда для игры или для удовольствія, или же пользуются ими какъ убѣжищами на зиму. Къ числу первыхъ принадлежатъ многіе ткачи и шалашники, а также одна болотная птица, гигантское гнѣздо которой содержитъ въ себѣ отдѣленіе для выведенія птенцовъ, гостиную, столовую и сторожку; ко вторымъ относятся между прочимъ дятлы, которые всегда спятъ въ дуплахъ деревьевъ, а также наши воробьи, которые зимою грѣются по ночамъ въ теплыхъ покинутыхъ гнѣздахъ.

Гнѣздо строитъ самка, самецъ же носитъ ей матеріалъ. Таково правило; но иногда случается и обратное. У ткачей самецъ вьетъ гнѣздо одинъ, а самки помогаютъ только немного внутри гнѣзда. У большинства другихъ птицъ самецъ береть на себя по крайней мѣрѣ роль сторожа при гнѣздѣ и только живущіе въ многобрачіи вовсе о гнѣздѣ не заботятся. Во время самаго сооруженія гнѣзда самцы многихъ птицъ стараются развлекать свою работающую подругу пѣніемъ или болтовней.

Нѣкоторыя птицы устраиваютъ себѣ гнѣзда сообща, и разныя матери всѣ кладутъ туда яйца и сидятъ на нихъ поочередно; другія птицы раздѣляютъ сообща сооруженное гнѣздо на отдѣльныя каморки, изъ которыхъ каждая служитъ жилищемъ одному семейству. Послѣ вылупленія молодой птицы изъ яйца, начинается ея кормленіе, которое производится весьма умѣлымъ образомъ. Вначалѣ птенцы получаютъ только самыя мягкія удобоваримыя вещества, съ теченіемъ времени пища становится мало по малу болѣе грубой, и наконецъ родители начинаютъ кормить своихъ дѣтенышей тѣмъ, что ѣдятъ сами. Когда птенцы вылетаютъ изъ гнѣзда, то ихъ еще обучаютъ искусству добывать себѣ пропитаніе, и только послѣ этого родители покидаютъ ихъ. Всѣ птицы нѣжно любятъ своихъ дѣтенышей, всѣми силами защищаютъ ихъ отъ всякой опасности, употребляютъ всякія ухищренія, чтобы отвлечь отъ нихъ вниманіе врага и ради дѣтей безстрашно рискуютъ собственной жизнью. Дѣти съ своей стороны такъ же сильно привязаны къ родителямъ и послушно внимаютъ всякому ихъ зову или указанію.

Многія птицы тотчасъ послѣ выведенія и воспитанія птенцовъ предпринимаютъ путешествіе, которое у различныхъ видовъ и семействъ и въ зависимости отъ родины или области распространенія птицъ бываетъ то болѣе продолжительнымъ, то болѣе короткимъ, то болѣе далекимъ, то болѣе близкимъ. Эти путешествія мы называемъ перелетами, странствованіями или перекочевываньемъ съ мѣста на мѣсто. Перелетъ это такое путешествіе, которое происходитъ ежегодно въ опредѣленное время; странствованіе обусловливается необходимостью, а потому не имѣетъ опредѣленнаго направленія, совершается не въ опредѣленное время года и прекращается, когда въ немъ больше не оказывается надобности; подъ перекочевываньемъ же или странствованіемъ въ тѣсныхъ границахъ, совершаемымъ такъ называемыми бродячими птицами, мы разумѣемъ перемѣну прежняго мѣста жительства на другое съ цѣлью воспользоваться кормомъ, въ изобиліи находимымъ въ извѣстное время въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Вслѣдствіе перелета, мы осенью теряемъ нашихъ пѣвцовъ, которые снова прилетаютъ весною; тотъ же перелетъ прогоняетъ нашихъ водныхъ птицъ передъ тѣмъ какъ покроются льдомъ воды, среди которыхъ онѣ живутъ; онъ-же заставляетъ хищныхъ птицъ летѣть въ догонку своей добычѣ. Изъ европейскихъ птицъ бо́льшая половина совершаетъ перелетъ; то-же самое можно сказать о сѣверо-азіатскихъ и сѣверо-американскихъ птицахъ. Всѣ онѣ улетаютъ болѣе или менѣе прямо на югъ, причемъ изъ восточной части земли многія птицы устремляются на юго-западъ, а изъ западной — на юго-востокъ, соотвѣтственно положенію ихъ ро-

дины на земномъ шарѣ и свойствамъ пояса, въ которомъ онѣ проводятъ зиму. При перелетѣ птицы руководятся рѣками и долинами, расположенными по ихъ пути, а высокія горныя ущелья служатъ путникамъ проходами; тамъ мало по малу набирается много путешественниковъ. Нѣкоторыя птицы совершаютъ перелетъ парами, другія въ обществѣ; слабыя большею частью летятъ ночью, сильныя — и днемъ, и ночью. Летятъ птицы бо́льшею частью быстро, словно ихъ что-то неудержимо гонитъ впередъ. Когда наступаетъ время перелета, птицы становятся безпокойными и въ томъ случаѣ, если сидятъ въ клѣткѣ и даже если еще птенцами были вынуты изъ гнѣзда и выкормлены въ неволѣ. Нѣкоторыя птицы покидаютъ насъ уже раннею осенью, другія позднѣе, но каждый видъ улетаетъ въ опредѣленное время, уклоненія отъ котораго бываютъ весьма ничтожны. Птицы, улетающія всего позднѣе, возвращаются раньше прочихъ; птицы же, всего раньше насъ покинувшія, прилетаютъ всего позднѣе: стрижи, напримѣръ, улетающіе уже въ послѣднихъ числахъ іюля, снова появляются только въ маѣ; послѣднія перелетныя птицы улетаютъ лишь въ ноябрѣ и въ февралѣ уже прилетаютъ обратно. Зимнія пристанища птицъ иногда бываютъ очень обширны; относительно нѣкоторыхъ птицъ мы даже не знаемъ, гдѣ онѣ наконецъ находятъ себѣ покой. Иныя проводятъ зиму на югѣ Европы, многія въ сѣверной Африкѣ между 37 и 24 градусами сѣверной широты; не мало такихъ, которыя глубоко забираются внутрь жаркаго пояса и зимуютъ на берегахъ Краснаго моря, Индійскаго и Атлантическаго океана. Подобное же пристанище для перелетныхъ птицъ представляютъ собою Индія, Барма, Сіамъ и южный Китай съ прилежащими островами. Сѣверо-американскія птицы улетаютъ въ южную часть Соединенныхъ Штатовъ и въ центральную Америку. Въ южномъ полушаріи также происходитъ правильный перелетъ птицъ. Южно-американскія птицы перелетаютъ въ южную и среднюю Бразилію, южно-австралійскія — въ сѣверную часть этого материка, на Новую Гвинею и на сосѣдніе острова.

Передъ отлетомъ путники обыкновенно устраиваютъ большія сборища, которыя въ теченіе нѣсколькихъ дней остаются на одномъ мѣстѣ, и привлекаютъ къ себѣ пролетающихъ мимо птицъ; наконецъ, когда стая достигла извѣстныхъ размѣровъ, птицы сразу снимаются съ мѣста и улетаютъ. Нѣкоторыя птицы сначала подвергаютъ осмотру всѣхъ своихъ товарищей по путешествію. Общество, совершающее перелетъ, обыкновенно во время пути и бо́льшею частью во время зимовки остается болѣе или менѣе вмѣстѣ. Доро́гой птицы соблюдаютъ извѣстный порядокъ, располагаясь обыкновенно клиномъ или, вѣрнѣе, въ видѣ двухъ сходящихся спереди прямыхъ линій, напоминающихъ фигуру Λ; другія птицы летятъ рядами, третьи на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга въ видѣ безпорядочныхъ, но до нѣкоторой степени закругленныхъ стай. Большинство совершаетъ свой перелетъ на значительной высотѣ; иныя птицы, впрочемъ, вдругъ устремляются съ этой высоты внизъ, нѣкоторое время летятъ надъ самой поверхностью земли, а затѣмъ постепенно снова поднимаются на прежнюю высоту. Болѣе слабыя птицы доро́гой прячутся въ лѣсахъ и кустахъ и по крайней мѣрѣ днемъ стараются перелетать отъ дерева къ дереву, отъ лѣса къ лѣсу. Бѣгающія птицы, которымъ трудно летать, добрую часть пути пробѣгаютъ, а иныя водныя птицы проплываютъ не слишкомъ большія разстоянія. Встрѣчный вѣтеръ ускоряетъ и облегчаетъ полетъ, вѣтеръ же, дующій сзади, замедляетъ и иногда на цѣлые дни задерживаетъ движеніе. Волненіе и безпокойство, охватывающее птицъ во время перелета, оканчивается лишь тогда, когда онѣ достигаютъ цѣли путешествія; но обычная жизнь возстановляется лишь къ тому времени, когда въ сердцахъ снова пробуждается любовь.

Странствованіе при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть похоже на перелетъ тѣмъ, что происходитъ въ опредѣленное время и притомъ съ бо́льшею или ме́ньшею правильностью. Къ странствующимъ принадлежатъ многіе виды птицъ, живущихъ на далекомъ сѣверѣ; онѣ кочуютъ ежегодно въ предѣлахъ извѣстной области, но не предпринимаютъ каждый годъ путешествій въ страны съ болѣе мягкимъ климатомъ и съ болѣе обильнымъ кормомъ. Побудительной причиной къ такого

рода странствованіямъ является вѣроятно наступающій или наступившій недостатокъ въ пищѣ. Всѣ птицы, подбирающія кормъ съ земли — чему въ теченіе извѣстнаго времени мѣшаетъ снѣгъ — странствуютъ правильнѣе, чѣмъ тѣ птицы, которыя отыскиваютъ себѣ пищу на вѣтвяхъ деревьевъ. Поэтому послѣдняго рода птицы и особенно птицы, питающіяся древесными сѣменами и ягодами, появляются въ нашихъ краяхъ не каждую зиму, иногда даже не показываются нѣсколько зимъ подрядъ; но онѣ неминуемо прилетаютъ къ намъ, когда у насъ хорошо уродятся сѣмена и ягоды. Въ противоположность этимъ непостояннымъ странникамъ, всѣ птицы, живущія въ верхнемъ поясѣ высокихъ горъ, ежегодно на время спускаются нѣсколько ниже, а съ наступленіемъ весны снова возвращаются на прежнее мѣсто; странствованіе ихъ, значитъ, похоже на настоящее переселеніе перелетныхъ птицъ.

Бродячія птицы кочуютъ въ теченіе цѣлаго года по всей землѣ. Всѣ холостяки и вдовцы бродятъ съ мѣста на мѣсто; крупнымъ хищникамъ приходится это дѣлать уже ради добыванія пищи; другія птицы кочуютъ повидимому больше для своего удовольствія, чѣмъ по необходимости; нѣкоторыя переходятъ съ мѣста на мѣсто въ очень тѣсной области, другія проходятъ цѣлыя мили.

Сколько бы птица ни кочевала въ качествѣ перелетнаго путешественника, странника или бродяги, какъ бы далеко она ни улетала, но родина ея тамъ, гдѣ она любитъ и размножается. Въ этомъ смыслѣ гнѣздо можетъ быть названо домомъ птицы.

Млекопитающія животныя приносятъ человѣку пользу, птицы же служатъ ему для удовольствія. Первыя должны работать на него, отдавать ему свой трудъ и жизнь, чтобы избѣжать истребленія, вторыя же пользуются привилегированнымъ положеніемъ по сравненію со всѣми прочими животными: человѣкъ любуется птицами и любитъ ихъ. Насъ непреодолимо влекутъ къ себѣ ихъ грація, красота ихъ перьевъ, быстрота и ловкость ихъ движеній, благозвучность ихъ пѣнія, прелесть ихъ нрава. Уже первые люди, о чувствахъ которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, были друзьями птицъ; дикари брали ихъ подъ свое покровительство; жрецы въ древности видѣли въ нихъ священныхъ животныхъ; древніе и новые поэты восхищаются ими. Насъ оживляетъ и пріятно настраиваетъ ихъ жизнь, ихъ голосъ, ихъ полетъ, ихъ видимое довольство своею судьбою. Мы охотно оказываемъ имъ гостепріимство, въ которомъ отказываемъ млекопитающимъ, а тѣмъ болѣе пресмыкающимся и земноводнымъ, и готовы пріютить птицу даже тогда, когда она не приноситъ намъ почти никакой пользы; изъ царства пернатыхъ мы охотнѣе выбираемъ себѣ друзей, живущихъ у насъ въ домѣ или въ комнатахъ, чѣмъ изъ другихъ классовъ животнаго міра; даже когда мы разставляемъ имъ силки и сѣти и охотимся на нихъ, мы все-таки продолжаемъ питать къ нимъ расположеніе. Это наши баловни, наши любимцы. Но жизнь птицъ имѣетъ также большое значеніе для нашего благосостоянія. Въ ряду живыхъ существъ птицы представляютъ собою необходимое звено; онѣ поддерживаютъ равновѣсіе въ мірѣ животныхъ и противодѣйствуютъ злоупотребленіямъ другихъ классовъ, особенно насѣкомыхъ, которыя, не будь птицъ, производили бы на землѣ страшныя опустошенія. Пользу, приносимую птицами, нельзя ни исчислить, ни оцѣнить съ точностью, такъ какъ тутъ приходится имѣть дѣло со множествомъ неразрѣшенныхъ вопросовъ; но мы можемъ съ довольно большой вѣроятностью утверждать, что эта польза больше вреда, причиняемаго намъ птицами. И потому намъ слѣдуетъ заботиться о птицахъ и оберегать ихъ. Наше нынѣшнее сельское и лѣсное хозяйство особенно неблагопріятно для полезныхъ птицъ: оно отнимаетъ или ограничиваетъ области, занимаемыя этими птицами, изгоняетъ ихъ изъ ихъ гнѣздъ и жилищъ, заставляя ихъ выселяться въ другія мѣста. Поэтому мы должны были бы охранять мѣста, населенныя птицами, и создавать для нихъ убѣжища. Вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать мои слова, которыя я уже много лѣтъ твержу всѣмъ разумнымъ людямъ: „Берегите птицъ!“

Первый отрядъ.

Древесныя птицы (Coracornithes).

Подобно Фюрбрингеру, мы считаемъ наиболѣе высоко развитыми птицами древесныхъ птицъ; на основаніи тщательныхъ изслѣдованій внутренняго строенія, этотъ ученый слагаетъ этотъ отрядъ изъ семи подотрядовъ, а именно мелкихъ воробьиныхъ, зубоклювыхъ, коротконогихъ, плоскоклювыхъ, лѣнивокъ, кукушковыхъ и ракшевыхъ. На первомъ планѣ изъ нихъ стоятъ мелкія воробьиныя птицы (Picopasseriformes); онѣ распадаются на пять семействъ — настоящихъ воробьиныхъ, ложно-пѣвчихъ, дятловыхъ, шумокрылыхъ и мышанокъ. Изъ нихъ обратимся прежде всего къ настоящимъ воробьинымъ.

Болѣе половины всѣхъ птицъ до сихъ поръ еще обыкновенно принято относить къ воробьинымъ (Passeres). Вслѣдствіе многочисленности видовъ ихъ и разнообразія ихъ строенія трудно установить общіе признаки этихъ птицъ. Величина птицъ, принадлежащихъ къ этому семейству, колеблется въ предѣлахъ гораздо болѣе значительныхъ, чѣмъ въ какихъ нибудь другихъ семействахъ, а именно между чернымъ ворономъ и королькомъ; клювъ и ноги, крылья и хвостъ, качество и окраска перьевъ представляютъ собою не менѣе рѣзкія различія. О клювѣ различныхъ воробьиныхъ птицъ можно сказать, что онъ средней длины и лишенъ восковицы, о ногахъ, что голень до плюсны оперена, передняя часть плюсны покрыта всегда довольно крупными щитками, въ большинствѣ случаевъ доходящими числомъ до семи, ступня изящная и внутренній палецъ, обыкновенно болѣе сильный и длинный, чѣмъ второй, направленъ назадъ. Самымъ важнымъ признакомъ является то, что у большинства воробьиныхъ нижняя гортань достигаетъ особеннаго развитія, приводимая въ движеніе 2—5 парами мышцъ, распредѣленныхъ по передней и задней поверхности.

Кроющія перья, число которыхъ сравнительно незначительно, расположены опредѣленными полосами, изъ которыхъ спинная и брюшная полоса отличаются одинаковымъ строеніемъ. На большомъ пальцѣ крыла всегда находится 9 или 10 маховыхъ перьевъ. Число малыхъ маховыхъ перьевъ колеблется между 9 и 14; первое число слѣдуетъ считать нормальнымъ. Хвостъ состоитъ изъ 12-ти, а въ исключительныхъ случаяхъ изъ 10-ти рулевыхъ перьевъ.

Распространенность воробьиныхъ птицъ соотвѣтствуетъ огромному числу ихъ. Птицы эти являются гражданами всего міра и составляютъ существенную часть пернатыхъ обитателей всѣхъ поясовъ широты и долготы, всѣхъ мѣстностей и уголковъ земного шара. Онѣ водятся во всякой странѣ, во всякомъ округѣ, населяютъ какъ ледяныя пространства сѣвера и высокихъ горъ, такъ и жаркія низменности тропиковъ, живутъ какъ на горныхъ вершинахъ, такъ и въ долинахъ, какъ въ лѣсахъ, такъ и на поляхъ, какъ въ болотныхъ камышахъ, такъ и въ степи, лишенной растительности, какъ въ многолюдныхъ городахъ, такъ и въ пустынѣ; онѣ

Библиотека В. П. И.
Инв. № 38777

встрѣчаются вездѣ, гдѣ только есть какая нибудь возможность существовать; даже на пустынныхъ скалистыхъ островахъ среди ледовитаго моря онѣ находятъ себѣ пристанище и пропитаніе. Онѣ чаще встрѣчаются въ лѣсахъ, нежели въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, и въ бо́льшихъ количествахъ водятся подъ тропиками, нежели въ умѣренномъ или холодномъ поясѣ; но и это для всей массы ихъ можно утверждать только относительно. Многіе виды живутъ исключительно или почти исключительно на самой землѣ, и огромное большинство по крайней мѣрѣ ей не чуждо. Очень немногія изъ этихъ птицъ избѣгаютъ близости человѣка; многія, напротивъ, являются у него гостями, довѣрчиво посѣщая его домъ и дворъ, его садъ и огородъ.

Тотъ, кто считаетъ воробьиныхъ птицъ высокоодаренными членами того класса животныхъ, къ которому онѣ принадлежатъ, отдаетъ имъ только должное. Многіе, по примѣру Кабаниса, считаютъ соловья самой совершенной птицей, а Овенъ однажды сказалъ, что то-же самое можно утверждать о во́ронѣ. Дѣйствительно, воробьиныя птицы весьма богато одарены, и душевныя ихъ способности не уступаютъ физическимъ. Не всѣ могутъ назваться прекрасными летунами; но нѣкоторыя въ этомъ отношеніи могутъ соперничать со всякой другой птицей, и огромное большинство все-таки превосходитъ въ этомъ смыслѣ всѣхъ членовъ цѣлыхъ отрядовъ. По землѣ большинство воробьиныхъ передвигаются легко и ловко, причемъ однѣ изъ нихъ мѣрно выступаютъ, другія прыгаютъ, а иныя быстро передвигаютъ ногами; сквозь густой кустарникъ многія воробьиныя пробираются съ проворствомъ мыши; по стволу, по вѣтвямъ деревьевъ однѣ лазаютъ, другія кувыркаются и продѣлываютъ разныя гимнастическія штуки. Большинство избѣгаетъ воды; но нѣкоторыя изъ нихъ изумительно ловко справляются съ этой стихіей, бѣгая по дну или перелетая черезъ ревущіе и пѣнящіеся водопады.

Всѣ внѣшнія чувства у воробьиныхъ птицъ развиты хорошо. Лучше всего вѣроятно у всѣхъ безъ исключенія развито зрѣніе, затѣмъ слухъ и осязаніе. Присутствія вкуса хотя и нельзя отрицать, но онъ врядъ ли имѣетъ особенное значеніе, а обоняніе сколько-нибудь тонко только у немногихъ, такъ что эти послѣднія два внѣшнія чувства можно считать слабыми. Большинство воробьиныхъ добродушныя и довѣрчивыя птицы, и часто о нихъ судятъ неправильно; но всѣ эти птицы обнаруживаютъ полное пониманіе окружающихъ ихъ условій. Онѣ умѣютъ различать и оцѣнивать своихъ враговъ, выучиваются избѣгать опасности, а съ друзьями своими находятся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и цѣнятъ ихъ гостепріимство; онѣ, значитъ, мѣняютъ свой образъ дѣйствій смотря по обстоятельствамъ, смотря по тому, съ какими людьми, условіями, событіями и происшествіями имъ приходится имѣть дѣло. Достоинство и страсти ихъ сильны, онѣ бываютъ общительны, миролюбивы, нѣжны, но подчасъ удаляются отъ себѣ подобныхъ и ссорятся съ ними. Имъ свойственны такія сильныя чувства, что онѣ часто одолѣваютъ ихъ разумъ и нѣкоторыми изъ нихъ всецѣло завладѣваютъ, лишая ихъ сознанія и даже жизни. Отрицать этого никто не можетъ; ибо каждый, кто наблюдалъ за этими птицами, можетъ привести данныя, доказывающія справедливость этого; нерѣдко можно видѣть, какъ воробьиная птица оказываетъ помощь слабому, безпомощному и больному товарищу; какъ комнатныя птицы этого семейства выказываютъ любовь своему хозяину, заботящемуся о нихъ, молчатъ въ его отсутствіи и радостно его встрѣчаютъ; наконецъ, сильное чувство выражается и въ чудномъ пѣніи, которымъ эти птицы умѣютъ такъ очаровывать насъ. Прекрасная память, какою отличаются многія изъ этихъ птицъ, также значительно способствуетъ развитію и усовершенствованію ихъ душевныхъ способностей.

Огромное большинство ихъ обладаетъ высоко-развитою способностью къ пѣнію. Всѣ настоящіе пѣвцы, истинные мастера этого благороднаго искусства, принадлежатъ къ воробьинымъ птицамъ; они умѣютъ очаровывать знатоковъ своего пѣнія не хуже, чѣмъ наши оперные пѣвцы очаровываютъ своихъ слушателей. Всѣ птицы, дѣйствительно умѣющія пѣть, дѣлаютъ это съ увлеченіемъ и съ выдержкой, и поютъ не только для своихъ самокъ и воспитателей, но и для своего собственнаго удовольствія; иногда онѣ пользуются своею пѣснью, какъ оружіемъ,

съ помощью ея борятся и изъ этой борьбы выходятъ побѣдителями или побѣжденными.

Многостороннимъ способностямъ воробьиныхъ птицъ соотвѣтствуетъ ихъ образъ жизни, поведеніе, питаніе, размноженіе и другія стороны ихъ дѣятельности и существованія. Образъ жизни ихъ столь же разнообразенъ, какъ и внѣшній видъ ихъ, какъ ихъ способности и мѣстопребываніе; поведеніе ихъ такъ же разнообразно, какъ и онѣ сами. Большинство изъ нихъ — животныя въ высшей степени общительныя. Отдѣльныхъ птицъ можно встрѣтить только случайно, парами же — только во время періода размноженія; въ прочіе мѣсяцы года пары и семьи собираются въ общества, въ стаи, нерѣдко въ цѣлыя толпы. Собираются обществами не только члены одного вида, но и члены родственныхъ видовъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ живутъ вмѣстѣ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, при чемъ образуютъ между собою союзъ и дѣйствуютъ сообща. Подобныя сборища мы можемъ видѣть позднею осенью, по окончаніи воспитанія дѣтей и линянія, среди нашихъ жилищъ и полей; подобные союзы поселяются зимою въ деревняхъ и городахъ въ качествѣ нищихъ; общества такого рода сохраняются и на чужбинѣ. Другія воробьиныя птицы живутъ впрочемъ отшельниками, ревниво отграничиваютъ для себя извѣстную область, въ которой не терпятъ присутствія другой пары и выгоняютъ изъ нея своихъ собственныхъ дѣтей.

Строго говоря, членовъ разсматриваемаго нами подотряда слѣдуетъ считать хищными птицами, хотя и не въ обыкновенномъ значеніи этого термина. Огромное большинство питается если не исключительно, то преимущественно другими животными, насѣкомыми и ихъ личинками, мягкотѣлыми и всевозможными червями, и наиболѣе крупные члены этого подотряда — самые отъявленные разбойники, такъ какъ охота ихъ отнюдь не ограничивается мелкими животными. Впрочемъ, почти всѣ, питающіяся преимущественно другими живыми существами, питаются въ то-же время плодами, ягодами и зернами, причемъ птицы, питающіяся зернами, всегда при случаѣ охотятся на насѣкомыхъ. Поэтому ихъ пожалуй всего вѣрнѣе назвать всеядными.

Смотря по тому, состоитъ ли пища воробьиной птицы главнымъ образомъ изъ животныхъ или растительныхъ веществъ, она принуждена бываетъ покидать свою родину, когда зима лишаетъ ее возможности находить кормъ, или же изъ года въ годъ въ сущности обитаетъ въ одной и той же мѣстности. Всѣ воробьиныя птицы, живущія въ теплыхъ странахъ, не совершаютъ перелета, а самое большее кочуютъ изъ одной области въ другую, какъ это дѣлаютъ также многіе изъ нашихъ сѣверныхъ видовъ. Въ средней Европѣ населеніе лѣсовъ и полей зимою значительно уменьшается, ибо сравнительно немногія изъ птицъ, живущихъ въ средней Европѣ, способны вынести въ ней зиму, и не только большая часть насѣкомоядныхъ, но и многія зерноядныя птицы улетаютъ на югъ, и даже часть всеядныхъ птицъ подчиняется той-же необходимости.

Весна, представляетъ-ли она собою пробужденіе природы къ жизни или долгливое время года, является періодомъ любви для большинства воробьиныхъ птицъ; но есть между ними нѣкоторые виды, которымъ дѣла нѣтъ до пробужденія жизни въ природѣ, и у которыхъ выведеніе дѣтенышей не связано ни съ какимъ временемъ года; онѣ выдерживаютъ такъ же хорошо зимнюю стужу на сѣверѣ, какъ и удушливую жару тропическихъ странъ. Большинство же все-таки сообразуется въ своей жизни съ временами года и лучшимъ временемъ считаетъ весну. Гнѣзда воробьиныхъ птицъ столь-же различны, какъ и внѣшній видъ самихъ птицъ; здѣсь умѣстно только сказать, что наилучшіе зодчіе, истинные художники встрѣчаются именно въ разсматриваемой группѣ птицъ. Воробьиныя кладутъ 4—12 и болѣе яицъ, обыкновенно пестрыхъ. Оба родителя сидятъ на яйцахъ и оба общими силами выкармливаютъ своихъ птенцовъ. Въ теченіе лѣта большею частью онѣ во второй, а иногда и въ третій разъ выводятъ дѣтенышей.

Въ общемъ мы должны считать воробьиныхъ птицъ полезными животными. Правда, есть между ними нѣсколько такихъ, которыя приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы; но ихъ такъ мало, что ихъ дѣятельность почти-что исчезаетъ по

сравненію съ дѣятельностью другихъ. Громадное большинство оказываетъ намъ великую услугу, истребляя вредныхъ насѣкомыхъ на нашихъ поляхъ и огородахъ, и многія оживляютъ лѣса и поля своимъ чудеснымъ даромъ пѣнія такъ, что безъ нихъ весна лишилась бы своего радостнаго характера. Мы не желали бы утратить птицъ, даже въ томъ случаѣ, если бы онѣ были намъ вредны. Но именно лучшіе пѣвцы приносятъ намъ только пользу; самые вредные тѣ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются и самыми плохими пѣвцами. Къ такимъ птицамъ слѣдуетъ отнести нѣкоторыхъ воронъ, многихъ мелкихъ зябликовъ и ткачей, которые, хотя и приносятъ пользу тѣмъ, что подбираютъ сѣмена сорныхъ растеній и иногда ловятъ насѣкомыхъ, но въ извѣстныя времена, нападая большими стаями на созрѣвающія нивы или на плодовыя деревья, могутъ сдѣлаться весьма несносными. Энергичная борьба съ ними оправдывается еще тѣмъ, что мясо ихъ можетъ считаться лакомымъ кушаньемъ. Ловля нѣкоторыхъ многочисленныхъ, но не вредныхъ видовъ, напр. дроздовъ, также не можетъ быть названа непростительнымъ преступленіемъ, какъ обыкновенно утверждаютъ; по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя считать охотниковъ на птицъ единственными виновниками уменьшенія ихъ числа, если вообще можно доказать, что такое уменьшеніе дѣйствительно существуетъ.

По крайней мѣрѣ столько же воробьиныхъ птицъ, сколько въ настоящее время приносится въ жертву кумиру-желудку, ловится съ тою цѣлью, чтобы онѣ могли служить комнатными товарищами человѣку. Ни одна группа этого класса не доставляетъ такъ много птицъ, заключаемыхъ въ клѣтки, какъ группа воробьиныхъ. Къ нимъ относится и единственное домашнее животное, которое мы въ настоящемъ смыслѣ слова держимъ въ клѣткѣ; комнатныя птицы даютъ намъ возможность среди зимы вспоминать весну и весеннюю зелень.

Что касается раздѣленія этой богатой видами группы, при описаніи которой мнѣ придется ограничивать себя болѣе, чѣмъ при описаніи другихъ, существуютъ взгляды столь различные, что каждый сколько нибудь самостоятельно работающій изслѣдователь держится своей собственной системы. Нѣкоторые считаютъ правильнымъ раздѣлять всю группу на два разряда — на пѣвчихъ и одноголосыхъ или кричащихъ птицъ, смотря по тому, развиты-ли мышцы на нижней гортани или же не развиты. Объ этомъ взглядѣ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи.

У пѣвуновъ (Oscines), огромнаго большинства всѣхъ воробьиныхъ птицъ, нижняя гортань развита въ совершенствѣ и большею частью бываетъ снабжена пятью парами мышцъ, расположенныхъ на передней и задней стѣнкахъ. Внѣшними признаками пѣвуновъ является то, что изъ десяти маховыхъ перьевъ первое коротко, плохо развито или совершенно отсутствуетъ, плюсна же спереди покрыта слившймися большими щитками, а сбоку одѣта сплошной гладкой кожей.

По примѣру Рейхенова, мы поставимъ во главѣ пѣвуновъ настоящихъ пѣвчихъ птицъ (Sylviidae). По мнѣнію этого естествоиспытателя, это самыя совершенныя птицы, такъ какъ онѣ развиты наиболѣе гармонично. Онѣ по внѣшнему виду сходны со славками и дроздами, клювъ у нихъ короткій, тонкій или умѣренно толстый, шилообразный или слегка изогнутый, крылья хорошо развитыя, острыя, хвостъ умѣренной длины, лишь незначительно длиннѣе или короче крыльевъ, и плюсна, лишь немного превосходящая по длинѣ средній палецъ ноги. Это семейство, по Рейхенову, обнимаетъ около 370 видовъ и имѣетъ представителей во всѣхъ частяхъ свѣта, причемъ сравнительное большинство живетъ въ умѣренномъ поясѣ Стараго свѣта.

Пѣвчія птицы распадаются на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ дроздовыя птицы (Turdinae), плюсна которыхъ спереди покрыта сплошной роговой оболочкой, а молодыя птицы отличаются отъ старыхъ крапчатымъ опереніемъ.

Дроздовыя птицы встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта и населяютъ самыя разнообразныя мѣстности, хотя большая часть ихъ обитаетъ въ лѣсу. Для нихъ характерно то, что большинство часто пребываетъ на землѣ, все равно, покрыта-ли она растеніями, камениста-ли она или скалиста, находится-ли въ тѣни или освѣщается самымъ жаркимъ солнцемъ. Богато одаренныя во всѣхъ отношеніяхъ, эти птицы своимъ, большею частью, прекраснымъ пѣніемъ снискиваютъ себѣ наше расположеніе; къ тому же онѣ приносятъ намъ только пользу и потому пользуются всеобщей симпатіей. Насѣкомыя и ихъ личинки, разныя мягкотѣлыя животныя, черви и всевозможная мелюзга, водящаяся на землѣ и въ водѣ, составляютъ ихъ пищу, а въ то время, когда созрѣваютъ плоды — разнообразныя ягоды. Гнѣзда и яйца ихъ такъ различны, что о нихъ врядъ-ли можно сказать что-нибудь общее; воспитаніе молодыхъ птицъ также весьма разнообразно.

Пойманныя въ надлежащее время и умѣло выращенныя, эти птицы быстро привыкаютъ къ утратѣ свободы, искренно привязываются къ своему хозяину, всячески показываютъ свое расположеніе къ нему, выражаютъ горе въ его отсутствіи и шумную радость при его появленіи, словомъ вступаютъ въ истинно дружескія отношенія съ человѣкомъ.

*

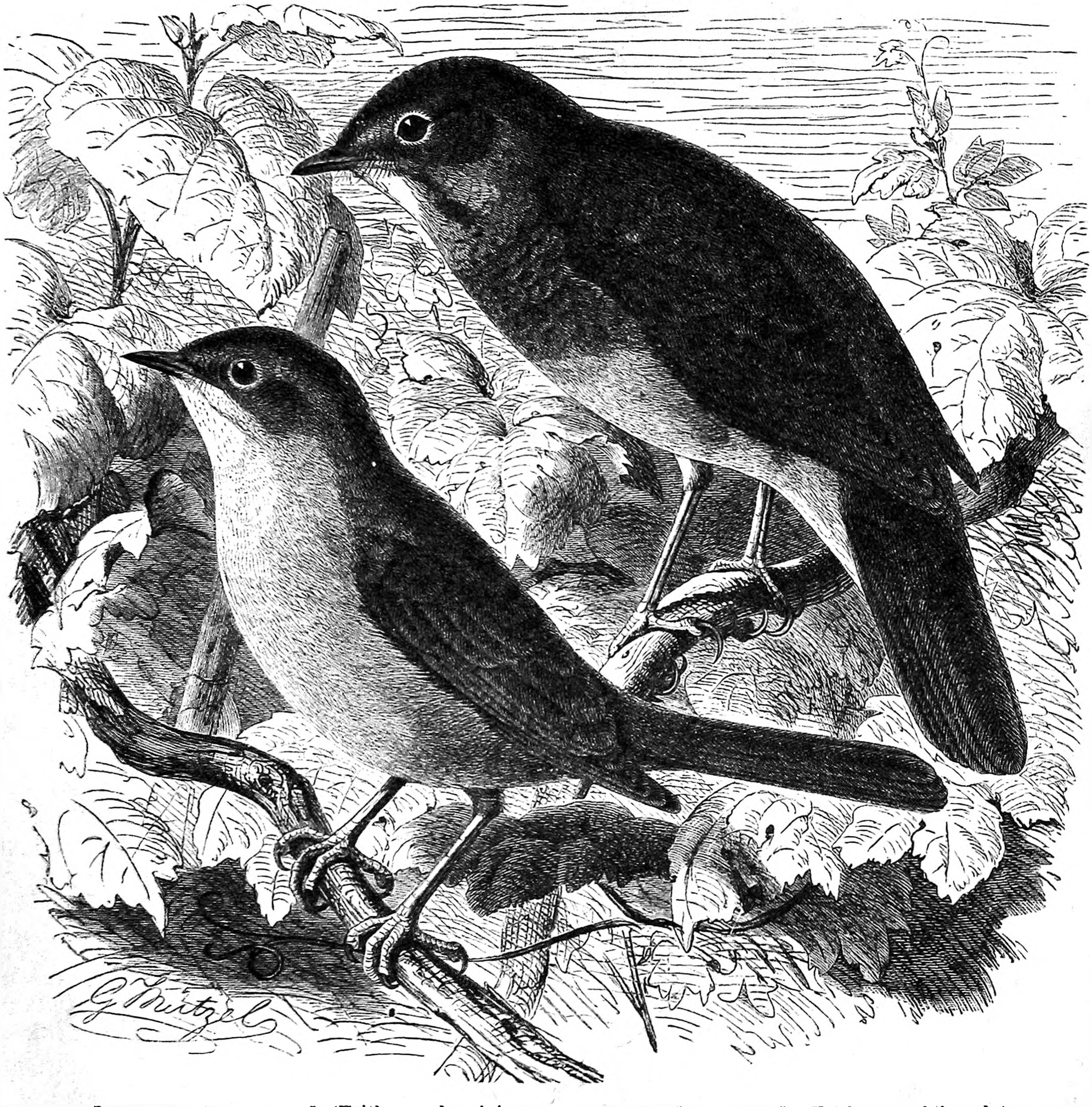
Изъ дроздовыхъ на высшей ступени развитія стоятъ вѣроятно соловьи (Erithacus). Они прежде всего отличаются ржаво-бурой окраской хвоста, затѣмъ маленькимъ клювомъ, сравнительно слабыми щетинками около клюва и крыльями средней длины.

Нашъ западный соловей (Erithacus luscinia), извѣстный съ древнѣйшихъ временъ, можетъ быть описанъ въ немногихъ словахъ. Опереніе верхней его части ржаво-красно-сѣрое и всего темнѣе оно на темени и на спинѣ; нижняя сторона свѣтло-желтовато-сѣрая, всего свѣтлѣе на горлѣ и на серединѣ груди; на крыльяхъ внутренняя поверхность бородокъ перьевъ темно-бурая, а рулевыя перья ржаво-буровато-красныя. Глазъ красновато-карій, клювъ и ноги красновато-сѣро-бурые. Молодыя птицы покрыты крапинками на красновато-буро-сѣромъ фонѣ, такъ какъ на стержняхъ нѣкоторыхъ кроющихъ перьевъ замѣчаются свѣтло-желтыя пятна и темныя каемки. Длина этихъ птицъ равняется 17 сантиметрамъ. Самка немного меньше самца.

Восточный или курскій соловей (Erithacus philomela) больше, т. е. толще западнаго, но оба они очень похожи другъ на друга. Главными отличительными признаками восточнаго соловья являются: значительно болѣе короткія первыя маховыя перья и туманныя пятна на верхней части груди, напоминающія собою пятна на раковинахъ. Западный соловей размножается въ Великобританіи, въ западной, средней и южной Европѣ, но, повидимому, для выведенія птенцовъ не забирается слишкомъ далеко на востокъ и на югъ; впрочемъ, онъ еще довольно часто встрѣчается въ южной Россіи и въ Крыму, на Кавказѣ, въ малой Азіи и въ Палестинѣ. Онъ предпочитаетъ равнины, но не всегда избѣгаетъ гористыхъ мѣстностей, если только находитъ тамъ лиственныя деревья и кусты. По словамъ Чуди, въ Швейцаріи онъ не особенно рѣдко встрѣчается на горахъ на высотѣ 1000 метровъ надъ уровнемъ моря; въ Испаніи, по собственнымъ моимъ наблюденіямъ, онъ вездѣ живетъ на такой же высотѣ и не рѣдкость встрѣтить его еще на 600 метровъ выше. Любимыя мѣста жительства соловьевъ— это лиственные лѣса со множествомъ низкорослыхъ деревьевъ, а еще лучше кустовъ, пересѣкаемые ручьями и канавами съ водой, берега большихъ рѣкъ и озеръ и сады съ кустами въ укромныхъ уголкахъ. Въ такихъ мѣстахъ живетъ одна пара около другой, причемъ каждая имѣетъ свой опредѣленный участокъ, который строго охраняется и мужественно защищается отъ другихъ. Тамъ, гдѣ есть мѣстности, отвѣчающія ихъ требованіямъ, соловьи очень обыкновенны, особенно въ южной Европѣ. Можно утверждать, безъ преувеличенія, что напр. въ Испаніи въ подходящихъ мѣстностяхъ каждая изгородь, каждый кустъ даетъ пріютъ парочкѣ соловьевъ. Никто изъ имѣющихъ уши, чтобы слышать, не забу-

деть весенняго утра, проведеннаго на Монсерратѣ или вечерней прогулки въ стѣнахъ Альгамбры. Вся огромная, зеленая Сіерра Морена можетъ быть названа соловьинымъ садомъ, и такихъ горъ еще много въ Испаніи. Трудно понять, какъ такой маленькій клочекъ земли, какой приходится здѣсь на долю каждой птицы, можетъ прокормить двухъ такихъ требовательныхъ птицъ вмѣстѣ съ ихъ многочисленнымъ потомствомъ.

Область распространенія восточнаго соловья примыкаетъ на сѣверѣ и на востокѣ къ области распространенія западнаго. Восточный соловей — самый обык-

Западный соловей (Erithacus luscinia) и восточный соловей (Erithacus philomela).
$^2/_3$ естеств. велич

новенный въ Даніи и единственный, встрѣчающійся въ Скандинавіи, въ восточной Помераніи и въ сѣверной и средней Россіи, а также замѣняетъ западнаго соловья въ Польшѣ, живетъ вдоль средняго теченія Дуная, начиная отъ Вѣны внизъ по рѣкѣ, и, наконецъ, встрѣчается по ту сторону Урала, во всѣхъ рѣчныхъ долинахъ западной Сибири.

Восточный и западный соловей такъ сходны другъ съ другомъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ, что при описаніи жизни ихъ можно почти ограничиться изображеніемъ одного какого-нибудь вида. Это я и намѣренъ сдѣлать, причемъ буду имѣть въ виду, главнымъ образомъ, западнаго соловья. Тамъ, гдѣ эта птица, обладающая столь чуднымъ голосомъ, можетъ разсчитывать на защиту человѣка,

она поселяется непосредственно около его жилищъ, не обнаруживаетъ передъ нимъ ни малѣйшей робости, проявляетъ скорѣе даже извѣстную смѣлость и не мѣшаетъ наблюдать за своею жизнью и дѣятельностью. „Поведеніе соловья“, говоритъ Науманнъ, „показываетъ, что эта птица обладаетъ серьезнымъ нравомъ и обдумываетъ свои поступки. Движенія ея разумны и исполнены достоинства; въ ея манерѣ держать себя видна гордость, и въ этомъ отношеніи соловей стоитъ выше всѣхъ прочихъ пѣвцовъ, живущихъ съ нимъ въ однихъ мѣстахъ. Движенія соловья, повидимому, показываютъ сознаніе, что за нимъ всѣми признается это преимущество. Онъ очень довѣрчивъ по отношенію къ людямъ, охотно пребываетъ въ сосѣдствѣ съ ними и отличается спокойнымъ, тихимъ нравомъ. Относительно другихъ птицъ онъ отличается миролюбіемъ и только изрѣдка ссорится съ себѣ подобными“. Обыкновенно соловьевъ можно видѣть сидящими довольно прямо на вѣткахъ близко къ землѣ, причемъ хвостъ ихъ приподнятъ, крылья же такъ низко опущены, что концы ихъ свѣшиваются ниже основанія хвоста. Среди вѣтвей соловей рѣдко прыгаетъ, а если прыгаетъ, то большими прыжками; на землѣ онъ держится очень прямо и, вздернувъ хвостъ, совершаетъ настоящіе скачки, причемъ они прерываются моментами спокойствія. Если что нибудь привлечетъ къ себѣ его вниманіе, то соловей вдругъ сильно взмахиваетъ хвостомъ; это движеніе онъ вообще производитъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Полетъ его, быстрый и легкій, производится въ видѣ подымающихся и опускающихся дугъ, причемъ онъ на небольшихъ пространствахъ порхаетъ и какъ бы колеблется; но онъ пролетаетъ лишь небольшія разстоянія, отъ куста къ кусту, и днемъ никогда не летаетъ черезъ открытыя мѣста. Соловей можетъ летать и очень быстро, какъ это случается, когда два ревнивыхъ самца преслѣдуютъ другъ друга.

Призывной звукъ соловья — это звонкое протяжное „віид“, къ которому обыкновенно присоединяется ворчащее „карр“. Въ страхѣ соловей нѣсколько разъ подрядъ повторяетъ свое „віид“ и только изрѣдка кричитъ „карр“. Въ гнѣвѣ онъ издаетъ непріятное „рээ“, въ благодушномъ настроеніи духа глубокое „так“. Молодыя птицы сначала кричатъ „фіид“, затѣмъ „кроэк“. Понятно, что всѣ эти звуки при различной интонаціи, ускользающей обыкновенно отъ нашего слуха, получаютъ различное значеніе. Щелканье, благодаря которому соловьи пользуются нашимъ расположеніемъ преимущественно передъ другими птицами, производится ими великолѣпно и своеобразно и при томъ отличается такой полнотой тоновъ, такимъ пріятнымъ разнообразіемъ и такой увлекательной гармоніей, какихъ мы не встрѣчаемъ въ пѣніи другихъ птицъ. Съ удивительной прелестью нѣжныя флейтовыя строфы смѣняются громкими, жалобныя — радостными, сливающіяся съ отрывистыми; въ то время какъ одна строфа начинается нѣжно, мало по малу крѣпнетъ и кончается словно замирая, въ другихъ строфахъ съ изящной твердостью поспѣшно берется рядъ нотъ и меланхолическіе звуки, подобные самымъ чистымъ тонамъ флейты, мягко переходятъ въ звуки болѣе радостные. Паузы между строфами усиливаютъ впечатлѣніе, производимое этими чарующими мелодіями, а господствующій въ нихъ умѣренный темпъ прекрасно приспособленъ къ тому, чтобы дать возможность вникнуть въ красоту ихъ. Приходится изумляться то разнообразію этихъ волшебныхъ звуковъ, то полнотѣ и силѣ ихъ, и намъ кажется почти чудомъ, что такая маленькая птичка способна производить столь сильные звуки, что въ такихъ гортанныхъ мышцахъ заключается такая большая сила. Нѣкоторыя строфы поются такъ энергично, что вблизи больно слышать эти пронзительные звуки.

Щелканье соловья, чтобы имѣть право считаться превосходнымъ, должно содержать въ себѣ 20—24 строфъ; у многихъ пѣвцовъ разнообразія меньше. Мѣстныя условія имѣютъ на соловья большое вліяніе; такъ какъ молодые соловьи воспитываются старыми, живущими въ той же мѣстности, то понятно, что въ одной области встрѣчаются почти исключительно великолѣпные щелкуны, а въ другой — посредственные. Болѣе старые самцы всегда щелкаютъ лучше молодыхъ, ибо и въ мірѣ птицъ искусство требуетъ упражненія. Самое пылкое щелканье раз-

дается тогда, когда въ дѣло замѣшивается ревность; въ такихъ случаяхъ пѣсня обращается въ оружіе, которымъ каждая борющаяся сторона старается воспользоваться наилучшимъ образомъ. Нѣкоторые соловьи поютъ преимущественно ночью (отсюда и нѣмецкое названіе ихъ — Nachtigall), другіе почти всегда днемъ.

Призывный голосъ восточнаго соловья звучитъ иначе, не „віид—карр“, а „глок—аррр“; щелканье отличается бо̀льшею глубиною тоновъ, производится медленнѣе, сдержаннѣе, прерывается болѣе длинными паузами; оно сильнѣе и звучнѣе, чѣмъ щелканье западнаго соловья, но строфы его менѣе разнообразны; несмотря на это, щелканье восточнаго соловья нисколько не уступаетъ щелканью западнаго. Нѣкоторые любители даже предпочитаютъ щелканье восточнаго соловья и говорятъ, что издаваемые имъ звуки, напоминающіе звонъ колокольчика, ни съ чѣмъ не могутъ идти въ сравненіе.

Всевозможные черви, живущіе на землѣ и личинки насѣкомыхъ, напр. мучные черви, личинки муравьевъ и маленькія гусеницы съ гладкой кожей и т. п., а осенью разныя ягоды составляютъ кормъ западнаго соловья. Онъ подбираетъ ихъ съ земли и всегда тутъ какъ тутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля разрыта. За летающими насѣкомыми соловьи охотятся рѣдко. Почти каждая находка привѣтствуется выразительнымъ вздергиваніемъ хвоста.

Соловьи появляются въ Германіи въ послѣдней половинѣ апрѣля, иногда, въ зависимости отъ погоды, нѣсколько раньше или позже, приблизительно около того времени, когда начинаетъ зеленѣть боярышникъ. Перелетъ они совершаютъ въ одиночествѣ и по ночамъ, причемъ впереди летятъ самцы, а за ними самки. Иногда рано утромъ можно видѣть, какъ соловей стрѣлою низвергается съ высоты по направленію къ какому нибудь кусту, въ которомъ онъ и пребываетъ въ теченіе дня; обыкновенно же соловьи даютъ знать о своемъ присутствіи щелканьемъ. Каждый изъ нихъ снова поселяется въ той же части лѣса, въ томъ же саду, въ томъ же кустарникѣ, гдѣ жилъ прѐдыдущее лѣто; молодой самецъ старается основаться по близости къ тому мѣсту, гдѣ находилась его колыбель. Тотчасъ послѣ благополучнаго прибытія на родину соловьи начинаютъ щелкать; въ перыя ночи послѣ возвращенія щелканье раздается непрерывно, вѣроятно для того, чтобы въ ночной тишинѣ подать знакъ супругѣ, пролетающей вверху, или съ цѣлью побѣдить еще свободное сердце. Парочка соединяется не безъ борьбы и заботъ, ибо каждый холостой самецъ старается отбить у другого жену или невѣсту.

Затѣмъ начинается постройка гнѣзда, которое быстро приводится къ концу. Гнѣздо не представляетъ собою произведенія искусства. Основаніемъ ему служитъ кучка сухихъ листьевъ, именно дубовыхъ, остовъ его сооружается изъ сухихъ стебельковъ и палочекъ, листьевъ тростника и камыша, а внутри гнѣздо выстилается тонкими корешками, былинками и травками, а также конскимъ волосомъ и растительнымъ пухомъ. Въ исключительныхъ случаяхъ соловей употребляетъ для сооруженія остова толстый хворостъ, а стѣнки устраиваетъ изъ соломы. Гнѣздо восточнаго соловья отличается отъ гнѣзда западнаго болѣе толстыми стѣнками и большимъ количествомъ шерсти животныхъ, выстилающей гнѣздо. Гнѣздо и тотъ и другой устраиваютъ очень близко къ землѣ или на самой землѣ, въ углубленіяхъ между молодыми побѣгами срубленнаго дерева или около нея въ кустарникѣ, въ пучкѣ травы. Изъ этого правила извѣстны и исключенія; по разсказу Науманна одинъ соловей устроилъ себѣ гнѣздо въ кучѣ сухого хвороста, лежавшаго внутри садоваго домика; другой помѣстился въ гнѣздѣ крапивника, находившемся на еловой вѣткѣ, на разстояніи $1^1/_2$ метровъ отъ земли. Яйца соловья, числомъ 4—6, отличаются тонкой и гладкой скорлупой, матовымъ блескомъ и буровато-зеленой окраской.

Какъ только яйца снесены и начинается высиживанье, самецъ мѣняетъ свое поведеніе. Выведеніе дѣтенышей и отъ него требуетъ дѣятельности; онъ долженъ замѣнять самку, высиживающую яйца, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ около полудня, и уже вслѣдствіе этого меньше времени можетъ посвящать пѣнію. Онъ еще щелкаетъ для своего собственнаго удовольствія и для удоволь-

ствія самки, но почти исключительно днемъ и очень рѣдко ночью. Заботливо охраняетъ онъ гнѣздо и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы самка усердно высиживала птенцовъ; одинъ восточный соловей, самку котораго Песслеръ согналъ съ гнѣзда, тотчасъ же пересталъ пѣть, кинулся вслѣдъ за самкой и заставилъ ее вернуться къ своимъ семейнымъ обязанностямъ при помощи сердитыхъ криковъ и ударовъ клювомъ. Западные соловьи, сидящіе на яйцахъ или воспитывающіе своихъ птенцовъ, съ большимъ страхомъ относятся къ приближающимся врагамъ; но въ то же время они проявляютъ и много мужества, трогательнымъ образомъ подвергаясь опасности и обнаруживая большое самоотверженіе ради своего потомства. Молодыя птицы выкармливаются всевозможными червями и быстро растутъ; гнѣздо они покидаютъ уже тогда, когда едва выучатся перелетать съ вѣтки на вѣтку“, но до линянія остаются въ обществѣ родителей. Родители же во второй разъ пытаются вывести дѣтенышей лишь въ томъ случаѣ, если первыя яйца ихъ были кѣмъ нибудь похищены. Ихъ нѣжность по отношенію къ дѣтенышамъ остается неизмѣнной, если молодыхъ птицъ, еще не научившихся летать, вынуть изъ гнѣзда, посадить въ клѣтку и повѣсить эту клѣтку по близости къ гнѣзду: любящіе родители продолжаютъ и въ такомъ случаѣ кормить своихъ дѣтей, какъ будто птенцы еще сидятъ въ гнѣздѣ. Уже вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ молодые самцы начинаютъ упражнять свой голосъ: они „сочиняютъ“ или пробуютъ пѣть. Это пѣніе не похоже на щелканье ихъ отца; учитель же замолкаетъ къ тому времени, когда потомки его начинаютъ лепетать, ибо, какъ извѣстно, соловьи перестаютъ щелкать уже около Иванова дня. Молодые пѣвцы учатся еще въ слѣдующую весну. Сначала пѣсни ихъ тихи и робки; но подъ вліяніемъ пробуждающейся любви они вполнѣ овладѣваютъ этимъ чудеснымъ искусствомъ и скоро достигаютъ въ немъ полнаго совершенства.

Въ іюлѣ соловьи мѣняютъ свою одежду, а послѣ линянія семьи разлетаются въ разныя стороны; въ сентябрѣ старъ и младъ отправляются въ путь, обыкновенно опять таки семьями, а въ иныхъ случаяхъ и цѣлыми обществами. Они летятъ быстро и улетаютъ далеко, но на чужбинѣ мало замѣтны. Я встрѣчалъ ихъ въ лѣсахъ восточнаго Судана.

Вслѣдствіе того, что у соловья много враговъ, разумный человѣкъ долженъ заботиться о томъ, чтобы соловьи могли находить для себя мѣста, по возможности защищенныя. По совѣту высоко заслуженнаго Ленца, въ большихъ садахъ слѣдуетъ сажать густыя изгороди, состоящія напримѣръ изъ кустовъ крыжовника, и оставлять около нихъ всю листву, спадающую осенью. Подобными мѣстами навѣрное воспользуются соловьи, какъ вполнѣ отвѣчающими ихъ требованіямъ. Густой кустарникъ защищаетъ ихъ, опавшая листва даетъ пріютъ множеству червей и насѣкомыхъ, и шуршаніе ея предупреждаетъ о приближеніи врага. Соловьевъ приходится больше оберегать отъ глупыхъ людей, чѣмъ отъ четвероногихъ и пернатыхъ разбойниковъ. Какъ ни умны разсматриваемые нами несравненные пѣвцы, но они нисколько не боятся западней, петель и сѣтей; ихъ можно поймать при помощи самой простой ловушки.

Ближайшими родственниками соловьевъ считаются варакушки (Cyanecula).

У самцовъ-варакушекъ верхняя часть тѣла землянисто-бураго цвѣта, нижняя грязновато-бѣлая, по бокамъ и сзади опереніе у нихъ съ сѣровато-бурымъ налетомъ, горло же великолѣпнаго лазореваго цвѣта со звѣздой или пятнами другого цвѣта или безъ подобной звѣзды; внизу оно переходитъ въ черный ошейникъ, который отдѣляется тонкой, свѣтлой полоской отъ пятна на груди, имѣющаго форму полумѣсяца; надъ глазами находятся бѣловатыя бровныя полоски, сливающіяся на лбу, уздечка темная; крылья буровато-сѣрыя, хвостовыя перья темно-бурыя. Глаза темно каріе, клювъ черный, ноги спереди зеленоватыя, сзади желтовато-сѣрыя. Длина равняется приблизительно 15 сантиметрамъ.

Различные виды распознаются главнымъ образомъ по окраскѣ горла. Такъ, самецъ краснозвѣздой или шведской варакушки (Erithacus suecicus)

отличается тѣмъ, что имѣетъ на голубомъ полѣ горла коричнево-красную звѣзду, а бѣлозвѣздая варакушка (Erithacus cyaneculus) имѣетъ звѣзду бѣлую. Бѣлозвѣздая варакушка больше и толще краснозвѣздой. Самки всегда однихъ размѣровъ съ самцомъ. Жизнь и образъ дѣйствія обоихъ видовъ въ существенныхъ чертахъ сходны.

Варакушки водятся на сѣверѣ Стараго Свѣта и отсюда совершаютъ перелеты въ южную Азію и въ сѣверную Африку. Въ Германіи варакушки появляются въ началѣ апрѣля, рѣдко раньше этого времени, большею же частью ближе къ серединѣ мѣсяца, а въ сентябрѣ улетаютъ на мѣста своей зимовки. Мѣстами ихъ жительства въ Германіи служатъ берега озеръ, рѣкъ, ручьевъ, обильно поросшіе кустарникомъ, травою и камышомъ, а на сѣверѣ — тундры; въ зимніе мѣсяцы онѣ пребываютъ въ садахъ, среди густого кустарника, на поляхъ, на лугахъ съ высокою травою, въ болотахъ, изобилующихъ камышомъ и не слишкомъ богатыхъ водою и въ подобныхъ мѣстахъ. Онѣ улетаютъ не такъ далеко, какъ другія пѣвчія птицы, зиму проводятъ уже въ нижнемъ и среднемъ Египтѣ или въ среднемъ Китаѣ и въ сѣверной Индіи; немногіе изъ нихъ пробираются въ южныя низменности Остъ-Индіи или въ лѣса, находящіеся въ области верхняго Нила.

Лѣтомъ варакушки всегда селятся въ сырой чащѣ кустарниковъ по близости къ водѣ. Поэтому бѣлозвѣздая варакушка въ Германіи избѣгаетъ производить свое потомство въ гористыхъ мѣстностяхъ; краснозвѣздая же варакушка, наоборотъ, не дѣлаетъ на сѣверѣ различія между низменными и возвышенными мѣстами, а въ Скандинавіи даже предпочитаетъ возвышенности, такъ какъ здѣсь на широкихъ фіельдахъ горъ множество озеръ или по крайней мѣрѣ лужъ, которыя соединены между собою сотнями ручейковъ, окаймленныхъ низкимъ кустарникомъ. Такія мѣстности рай для этихъ птицъ, и въ такомъ же родѣ должны быть мѣстности въ Германіи, которыя нравятся бѣлозвѣздой варакушкѣ, и гдѣ охотно поселяются пары, стремящіяся къ произведенію потомства.

Варакушка милая птичка, и всякій наблюдатель не можетъ относиться къ ней иначе, какъ съ симпатіей. Насъ привлекаютъ и притягиваютъ къ себѣ не только красота ихъ, но еще болѣе ихъ поведеніе, нравы и привычки. Какъ у большинства дроздовыхъ птицъ, физическія и душевныя способности у варакушекъ находятся въ счастливомъ сочетаніи. На землѣ движенія этой птицы отличаются большою ловкостью; она оправдываетъ вполнѣ свое нѣмецкое названіе (Erdsänger = земные пѣвцы). Она не шагаетъ, а прыгаетъ; но отдѣльные прыжки такъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, что ихъ нельзя различить, и бѣгущую варакушку скорѣе можно признать за бѣгающую птицу, чѣмъ за пѣвчую. При этомъ ей безразлично, приходится-ли пролагать себѣ путь по сухой или вязкой поверхности, по открытымъ мѣстамъ или сквозь самый густой кустарникъ или траву, ибо она вездѣ сумѣетъ пробраться. На деревѣ она самое бо́льшее перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку и спокойно сидитъ въ томъ мѣстѣ, куда прилетѣла. Когда она бѣгаетъ или сидитъ на землѣ, то производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Она держится прямо, хвостъ у нея приподнятъ, а потому она кажется самоувѣренной и даже смѣлой. Полетъ у нея быстрый, но не особенно стремительный; онъ совершается въ видѣ бо́льшихъ или меньшихъ дугъ, но рѣдко простирается на далекое разстояніе. Обыкновенно, варакушка поднимается лишь на 1—2 метра надъ землею, бросается въ первое мѣсто, гдѣ можетъ укрыться, и продолжаетъ свой путь бѣго́мъ. Внѣшнія чувства ея находятся приблизительно на той же ступени развитія, какъ у соловья, смышленность ея не уступаетъ смышленности соловья. Варакушка умная птица и скоро замѣчаетъ, относятся ли къ ней другія существа доброжелательно или враждебно. Обыкновенно она не подозрительна и по отношенію къ человѣку даже довѣрчива; но если ее начнутъ преслѣдовать и ловить, то она скоро становится осторожной и робкой. Когда ее не трогаютъ, она проявляетъ безконечную жизнерадостность и завидную веселость, всегда находится въ хорошемъ расположеніи духа, пока имѣетъ кормъ, всегда рѣзва, бодра, подвижна, а весною охотно предается пѣнію. Съ другими птицами она живетъ мирно; другъ друга варакушки любятъ дразнить, но подобная игра можетъ обратиться въ

серьезную борьбу, когда пробуждается любовь, а вмѣстѣ съ нею и ревность. Тогда случается, что два самца вступаютъ между собою въ поединокъ, причемъ впадаютъ въ сильное ожесточеніе, и часто до тѣхъ поръ не выпускаютъ другъ друга, пока одинъ изъ противниковъ не погибнетъ. Двѣ варакушки, живущія въ одной комнатѣ или въ одной клѣткѣ, иногда такъ ссорятся, что одна умираетъ отъ укусовъ другой.

Свойственный многимъ дроздовымъ звукъ „так так“ является также призывнымъ голосомъ варакушки; мягкое „фіид фіид“ выражаетъ на ихъ языкѣ нѣжность, а неподражаемое ворчаніе служитъ для изъявленія гнѣва. Пѣніе у различныхъ видовъ различно. Всего лучше и усерднѣе поетъ бѣлозвѣздая варакушка, а всего хуже — краснозвѣздая. Почти всѣ самцы на первыхъ порахъ заимствуютъ звуки изъ пѣсенъ другихъ птицъ, а также крики и призывы животныхъ, лишенныхъ способности пѣть. Что такая подражательность варакушекъ подмѣчена и другими, доказывается тѣмъ, что лапландцы называютъ эту птицу „стоязычнымъ пѣвцомъ“.

Пища варакушекъ состоитъ изъ всевозможныхъ червей и насѣкомыхъ, которые водятся въ сырыхъ мѣстностяхъ, а осенью также изъ ягодъ.

Гнѣздо устраивается неподалеку отъ воды на землѣ или очень невысоко надъ землею, между корнями или въ кустарникѣ. Въ серединѣ мая туда кладется 6—7 яицъ съ очень тонкой скорлупою, окрашенныхъ въ свѣтлый голубовато-зеленый цвѣтъ и покрытыхъ красновато-бурыми точками или туманными бурыми пятнами на тупомъ концѣ. Высиживанье длится около двухъ недѣль, причемъ оба старика чередуются при исполненіи этого дѣла.

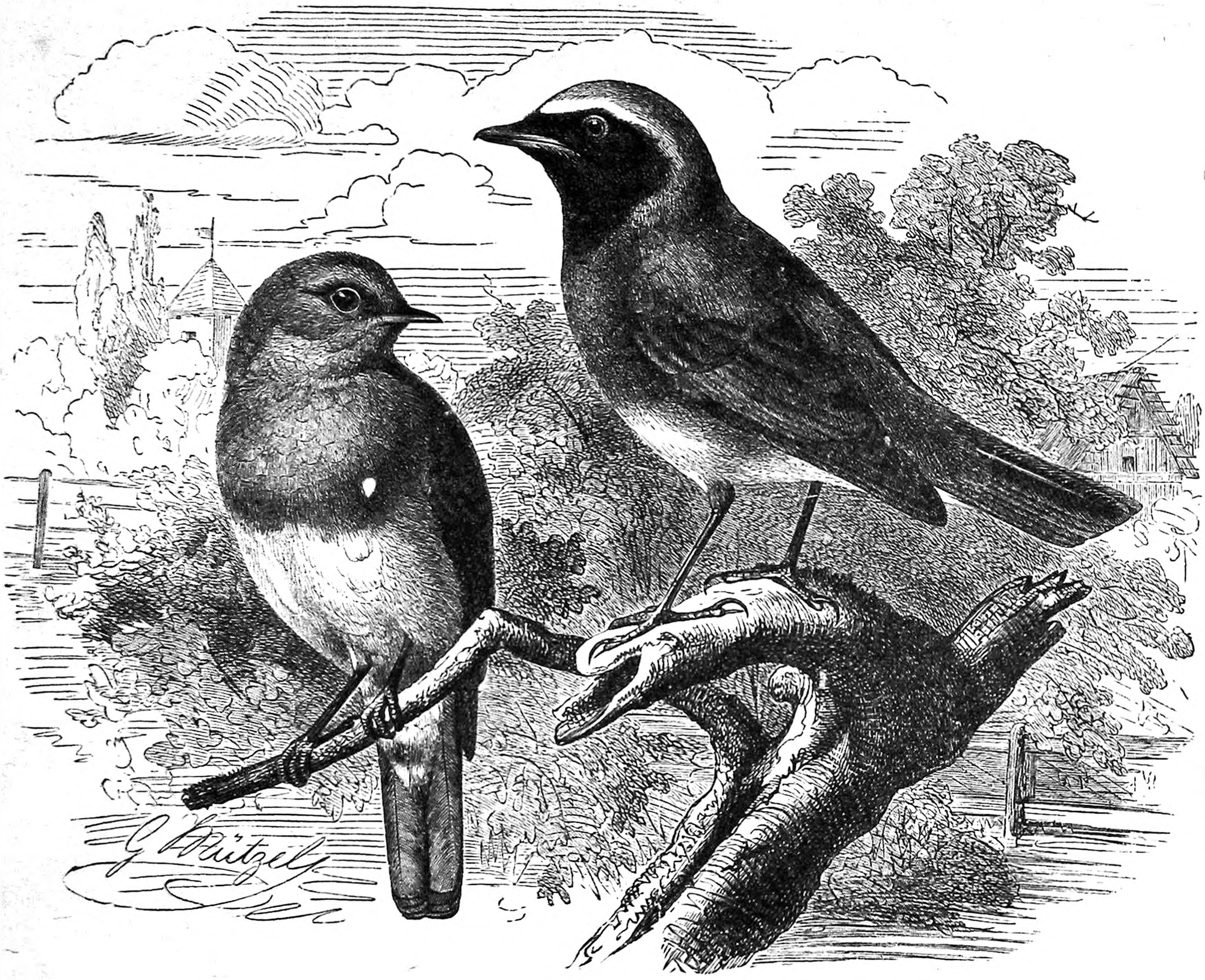
Въ неволѣ варакушки являются поистинѣ украшеніемъ жилища. При надлежащемъ обхожденіи онѣ скоро становятся въ высшей степени ручными, какъ бы дики и робки онѣ ни были сначала, но требуютъ за собой тщательнаго ухода.

Клювъ, напоминающій клювъ дрозда, на верхушкѣ нѣсколько изогнутый, съ небольшой вырѣзкой передъ слегка намѣченнымъ крючкомъ, слабыя ноги средней высоты, довольно короткія и не сильныя крылья, въ которыхъ четвертое и пятое маховое перо длиннѣе прочихъ, хвостъ, состоящій изъ остроконечныхъ перьевъ, и съ небольшой выемкой въ серединѣ и неплотное, пушистое опереніе, одинаковое у обоихъ половъ, а у молодыхъ птицъ пятнистое — вотъ признаки подрода, извѣстнѣйшимъ представителемъ котораго является наша малиновка, ольшанка, реполовъ, зарянка (Erithacus rubeculus, см. рис. на стр. 28). Верхняя часть ея тѣла оливково-сѣраго цвѣта, нижняя часть — сѣроватая, лобъ, горло и верхняя часть груди желтовато-краснаго цвѣта. Глаза большіе каріе, клювъ черновато-бурый, ноги цвѣта красноватаго рога. Длина птицы — 15 сантиметровъ.

Повидимому, родина нашей малиновки — Европа: по крайней мѣрѣ птица эта не распространяется далеко за предѣлами этой части свѣта. Во время своего перелета она посѣщаетъ сѣверную Африку, Сирію, Палестину и Персію; но большинство малиновокъ, покидающихъ насъ зимою, остаются въ южной Европѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже въ южной Германіи. Южную Англію эта птица вообще не покидаетъ или покидаетъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ Германіи она встрѣчается повсемѣстно. Каждый лѣсъ съ густымъ кустарникомъ даетъ ей пріютъ, а во время своихъ путешествій она садится на всякій кустъ, всякую изгородь какъ въ горахъ, такъ и въ равнинѣ, какъ въ полѣ, такъ и въ саду, непосредственно прилегающихъ къ человѣческому жилью или находящихся между жилищами людей.

Это премилое существо, при всякомъ удобномъ случаѣ проявляющее свой живой, веселый нравъ. Сидя на землѣ, малиновка держится прямо, причемъ крылья ея нѣсколько свѣшиваются внизъ, хвостъ направленъ горизонтально; сидя же на вѣткѣ дерева, она держится нѣсколько свободнѣе. Она легко и быстро скачетъ въ припрыжку, но съ перерывами, по землѣ или по горизонтальнымъ вѣтвямъ, перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку и искусно, хотя и не вполнѣ правильно, пролетаетъ короткія разстоянія полупрыгая, полупорхая, и притомъ жужжа, какъ говоритъ Науманнъ; болѣе длинныя разстоянія она пролетаетъ по извилистой

линіи, состоящей изъ дугъ бо́льшей или меньшей длины, быстро пробирается сквозь самый густой кустарникъ и вообще обнаруживаетъ большую ловкость. Она охотно сидитъ на торчащей вѣткѣ или на землѣ, но неохотно летаетъ высоко по воздуху, и днемъ врядъ-ли когда-либо на это отваживается; она въ сущности постоянно озабочена мыслью о своей безопасности, хотя и кажется весьма смѣлой. Человѣка она врядъ-ли боится, но враговъ своихъ знаетъ хорошо и при появленіи ихъ обнаруживаетъ страхъ или озабоченность. Относительно слабыхъ существъ или себѣ подобныхъ она проявляетъ милую шаловливость, но любитъ также дразнить другихъ и ссориться съ ними, а потому не особенно хорошо уживается въ обществѣ и рѣдко оказывается миролюбивой. Съ другой стороны въ этой

1) Малиновка (Erithacus rubeculus). 2) Садовая горихвостка (Erithacus phoenicurus). $^1/_2$ естеств. велич.

птицѣ замѣчено добродушіе, жалостливость и даже состраданіе. Осиротѣвшія пѣвчія птицы, еще неспособныя пробить себѣ въ жизни дорогу, находятъ въ лицѣ малиновокъ заботливыхъ пріемныхъ родителей, а больныя птицы одного съ ними вида — сострадательныхъ помощниковъ.

Самецъ-малиновка, пойманный однажды на гнѣздѣ своихъ птенцовъ, былъ принесенъ вмѣстѣ съ ними въ комнату, гдѣ онъ продолжалъ ухаживать за ними, кормить и грѣть ихъ и благополучно вырастилъ ихъ. Около восьми дней спустя птицеловъ принесъ другое гнѣздо съ молодыми малиновками въ ту же комнату, гдѣ еще оставался старый самецъ. Когда птенцы проголодались и начали громко выражать свои чувства, старая птица приблизилась къ нимъ, долго глядѣла на нихъ, затѣмъ подошла къ горшку съ муравьиными куколками, съ величайшимъ усердіемъ принялась за кормленіе малютокъ и вырастила ихъ, какъ и своихъ собственныхъ. Науманну пришлось наблюдать такой же случай, когда онъ хотѣлъ выкормить молодую коноплянку. Вѣчно-голодная птичка кричала безъ устали и привлекала къ себѣ такимъ образомъ вниманіе летавшей въ комнатѣ малиновки.

Она направилась къ клѣткѣ крикуна, который заявилъ ей о своемъ голодѣ. „Она тотчасъ же подлетѣла къ столу за крошками, набила ими ротъ птенца и дѣлала это всякій разъ, какъ сирота подавалъ голосъ“. На свободѣ малиновка также вступаетъ въ тѣсную дружбу съ другими птицами. Въ одной рощѣ недалеко отъ Кэтена произошелъ удивительный случай: малиновка снесла свои яйца въ одно гнѣздо съ корольком. Гнѣздо было сооружено послѣдней птицей, и каждая положила по шести яицъ; обѣ онѣ въ полномъ согласіи одновременно сидѣли на 12-ти яйцахъ.

Малиновка обладаетъ еще другими хорошими качествами. Это одинъ изъ нашихъ самыхъ милыхъ пѣвцовъ. Пѣніе ея состоитъ изъ чередующихся между собою флейтовыхъ строфъ и трелей, которыя льются громко и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанно, такъ что пѣніе носитъ торжественный характеръ. Такое пѣніе производитъ одинаково пріятное впечатлѣніе какъ въ лѣсу, такъ и въ комнатѣ, а потому малиновокъ нерѣдко держатъ въ клѣткѣ. Она быстро привыкаетъ къ неволѣ, утрачиваетъ всякую робость, проявляемую ею на первыхъ порахъ и со свойственнымъ ей издавна довѣріемъ относится къ человѣку. Спустя нѣкоторое время, малиновка сильно привязывается къ своему хозяину и привѣтствуетъ его милымъ щебетаньемъ, растопыриваньемъ перьевъ на головѣ и разными т. п. движеніями. При надлежащемъ уходѣ она можетъ прожить въ неволѣ много лѣтъ и повидимому совершенно примиряется со своей участью. Извѣстны примѣры, когда малиновки, прожившія одну зиму въ комнатѣ и весною выпущенныя на свободу, позднею осенью снова прилетали въ домъ своего прежняго хозяина и какъ бы просили его опять принять ихъ къ себѣ; нѣкоторыхъ изъ нихъ удавалось пріучить къ тому, чтобы онѣ вылетали и снова прилетали; были и такія пары, которыя въ комнатѣ размножались.

Малиновка появляется въ Германіи уже въ началѣ марта, если только этому не мѣшаетъ погода; но и на родинѣ, гдѣ она возвѣщаетъ наступленіе весны, ей часто еще приходится страдать отъ холода и разныхъ лишеній. Она совершаетъ свои перелеты по ночамъ, въ одиночку, съ громкими криками; летитъ она высоко въ воздухѣ и съ наступленіемъ дня спускается въ лѣса, кусты и сады, чтобы поѣсть и отдохнуть. Когда малиновки уже прочно поселяются въ извѣстныхъ мѣстахъ, лѣсъ наполняется ихъ звонкими призывами, рѣзкимъ звукомъ вродѣ „шникерикик“, который часто повторяется и иногда звучитъ на подобіе трели; съ первымъ теплымъ лучомъ солнца начинается и ихъ прекрасное пѣніе. Если пойти по тому направленію, откуда раздается голосъ малиновки, то можно увидѣть самца, сидящаго на одной изъ верхнихъ вѣтвей высокаго дерева; онъ сидитъ прямо, нѣсколько свѣсивъ крылья внизъ и надувъ горло, осанка его преисполнена достоинства и гордости, и онъ поетъ торжественно, словно исполняетъ самое важное дѣло въ жизни. Малиновка распѣваетъ уже на зарѣ и поетъ до наступленія ночи какъ весною, такъ и осенью. Она ревниво охраняетъ свой участокъ и не допускаетъ, чтобы въ немъ поселилась другая парочка; но область одной парочки непосредственно прилегаетъ къ области другой. Среди отвоеваннаго себѣ парочкой участка находится гнѣздо, всегда устраиваемое близко къ землѣ или на самой землѣ, въ ямкахъ или прогнившихъ пняхъ, между корнями, во мху, за пучками травы, даже въ покинутыхъ жилищахъ нѣкоторыхъ млекопитающихъ и т. д. Сухіе древесные листья, которыми отчасти заполняется слишкомъ большое углубленіе, мохъ, сухіе стебельки растеній и листья или одинъ только мохъ служатъ для сооруженія внѣшнихъ стѣнокъ, а нѣжные корешки, травки, волосы, шерсть и перья употребляются для внутренней тонкой отдѣлки гнѣзда. Если углубленіе таково, что надъ гнѣздомъ не образуется крышки, то такого рода крышка сооружается и затѣмъ сбоку устраивается входъ. Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая завершается кладка 5—7 яицъ съ тонкой скорлупой и со множествомъ темныхъ ржаво-желтоватыхъ крапинокъ по желтовато-бѣлому полю; оба родителя сидятъ на яйцахъ поочередно, выводятъ дѣтенышей приблизительно черезъ 14 дней и быстро выкармливаютъ ихъ; послѣ того, какъ молодыя птицы вылетаютъ изъ гнѣзда, родители еще дней 8 пекутся о нихъ, а затѣмъ

предоставляютъ ихъ собственной ихъ судьбѣ и, если погода благопріятствуетъ этому, выводятъ дѣтенышей вторично. Если кто нибудь приближается къ гнѣзду или къ только что вылетѣвшимъ изъ гнѣзда птицамъ, старики испускаютъ свой призывный крикъ, а также нѣсколько разъ повторяютъ свой тревожный, предостерегающій звукъ „зи-и“ и обнаруживаютъ всѣ признаки страха; молодыя птицы, до тѣхъ поръ щебетавшія, заслышавъ этотъ звукъ, моментально умолкаютъ и скорѣе лазая, чѣмъ летая, взбираются на болѣе высокія вѣтви.

Первоначально молодыхъ птицъ кормятъ всякими мягкими червями и личинками, затѣмъ онѣ получаютъ такую же пищу, какъ и старики, а именно всякаго рода насѣкомыхъ на всѣхъ ступеняхъ развитія, пауковъ, слизняковъ, дождевыхъ червей и т. д.; осенью и старъ, и младъ наслаждаются ягодами, поспѣвающими на лѣсныхъ и садовыхъ кустахъ. Въ неволѣ малиновка привыкаетъ употреблять въ пищу всѣ вещества, которыми питается человѣкъ.

По окончаніи періода выведенія дѣтенышей, а именно въ іюлѣ или въ августѣ, малиновки линяютъ; облекшись въ новую одежду, онѣ мало по малу приготовляются къ отлету и затѣмъ удаляются въ мѣста своихъ зимовокъ. Тамъ, гдѣ лѣтомъ не удалось бы найти ни одной малиновки, онѣ теперь выглядываютъ изъ каждаго куста. Онѣ находятъ себѣ зимній пріютъ на всѣхъ высокихъ горахъ южной и средней Испаніи, во всѣхъ живыхъ изгородяхъ, во всѣхъ садахъ. Каждая изъ нихъ пріобрѣтаетъ себѣ и здѣсь опредѣленный участокъ и умѣетъ отстоять его отъ другихъ; но здѣсь онѣ скромнѣе, нежели на родинѣ; каждая изъ нихъ довольствуется однимъ кустомъ, и вся совокупность въ извѣстномъ смыслѣ составляетъ лишь одну единственную семью. Зимніе гости сначала тихи и нѣмы, но когда солнце поднимается выше, жизнерадостность ихъ возвращается: онѣ поютъ, дразнятъ другъ друга, борятся. На первыхъ порахъ онѣ поютъ тихо, и пѣніе ихъ больше походитъ на щебетанье; но съ каждымъ днемъ радостное настроеніе ихъ растетъ и весна пробуждается въ ихъ сердцахъ еще задолго до того времени, какъ наступаетъ на ихъ родинѣ. Начало пѣнія есть въ то же время и начало возвращанія въ родные края.

Краснохвостки или горихвостки (Ruticilla) отличаются стройнымъ сложеніемъ, шилообразнымъ клювомъ, на концѣ верхней части снабженнымъ маленькимъ крючечкомъ, но безъ вырѣзки, стройными, длинными тонкими, нѣсколько слабыми ногами, довольно длинными крыльями, въ которыхъ самое длинное маховое перо — третье, хвостомъ средней длины, почти прямо отрѣзаннымъ и неплотно прилегающими другъ къ другу перьями различной окраски, въ зависимости отъ пола и возраста. Онѣ обитаютъ въ Старомъ Свѣтѣ и особенно многочисленны въ Азіи.

Наша домовая горихвостка (Erithacus titis) чернаго цвѣта; голова ея, спина и нижняя часть груди болѣе или менѣе пепельно-сѣраго цвѣта, животъ бѣловатый, крылья съ бѣлыми пятнами. Перья хвоста и надхвостья, за исключеніемъ двухъ среднихъ темно-бурыхъ, желтовато-ржаво-красныя. У самки и однолѣтняго самца главная окраска — равномѣрный темно-сѣрый цвѣтъ; у молодыхъ птицъ на сѣромъ фонѣ замѣчаются черныя волнистыя полоски. Длина птицы 16 сантиметровъ.

Родина горихвостки — средняя и южная Европа и кромѣ того Малая Азія и Персія. На югѣ Европы эта птица живетъ круглый годъ, на сѣверѣ же зима принуждаетъ ее покидать тѣ мѣста, гдѣ вырастаетъ ея потомство, и искать убѣжища въ южной Европѣ, Малой Азіи, Сиріи, Палестинѣ и сѣверной Африкѣ. Первоначально обитательница горъ и скалъ, эта птица, сдѣлавшаяся теперь у насъ домашнимъ животнымъ, привыкла ютиться на жилищахъ людей, не дѣлая различія между многолюднымъ городомъ и одинокимъ крестьянскимъ дворомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ горихвостка встрѣчается, ее почти всегда можно видѣть на новыхъ постройкахъ не въ качествѣ обитателя ихъ, а въ качествѣ перваго довѣрчиваго гостя, который, не обращая вниманія на рабочихъ, охотится за своей добычей на возводимыхъ и сырыхъ еще стѣнахъ. „Эта птица“, говоритъ В. Маршалль,

противопоставляющій птицъ, приспособляющихся къ человѣческой культурѣ, птицамъ, избѣгающимъ культуры, „является въ своемъ родѣ также приспособляющейся къ культурѣ, но не къ той культурѣ, которая занимается земледѣліемъ, а къ той, которая воздвигаетъ каменные дома, церкви, дворцы, башни и крѣпости; подобно стрижамъ и ласточкамъ, домовая горихвостка, повидимому, думаетъ, что зданія эти не что иное, какъ скалы, число коихъ изъ года въ годъ растетъ въ Европѣ и въ которыхъ — что́ весьма непріятно — кромѣ горихвостокъ часто поселяются люди со своими злыми дѣтьми и съ гадкими кошками. Колыбелью этому веселому созданію, повидимому, служила западная и средняя Швейцарія; здѣсь, по словамъ Чуди, горихвостки встрѣчаются начиная съ низменностей, гдѣ водятся соловьи, до границы вѣчнаго снѣга, гдѣ живетъ альпійская завирушка, и даже за этой границей. Западнѣе Альпъ и ихъ отроговъ птица эта встрѣчается рѣдко; въ горахъ Испаніи она попадается лишь въ видѣ единичныхъ экземпляровъ; въ Португаліи она встрѣчается очень рѣдко, на Балеарскихъ островахъ и въ Алжирѣ ея совсѣмъ нѣтъ, хотя садовая горихвостка во всѣхъ этихъ мѣстахъ выводитъ дѣтенышей. Вообще надо замѣтить, что эти двѣ птички рѣдко уживаются по сосѣдству другъ съ другомъ — въ Германіи, напр., садовая горихвостка встрѣчается все рѣже по мѣрѣ того, какъ число домовыхъ горихвостокъ растетъ. На восточномъ полуостровѣ Европы домовая горихвостка также представляетъ собою рѣдкость“. Въ Германію эта птица попала различными путями. Геснеру три столѣтія тому назадъ она доставлялась изъ Страсбурга; по словамъ Ландуа (1885 г.) она лишь въ послѣднее время поселилась въ Вестфаліи; въ Ольденбургѣ она появилась лишь въ 1820 г. и теперь также часто встрѣчается на островѣ Зильтѣ, гдѣ еще въ концѣ 50-хъ годовъ очень рѣдко выводила дѣтенышей. Около этого времени ее иногда удавалось увидѣть и застрѣлить въ южной Швеціи. Въ Англіи, насколько извѣстно, первая горихвостка была убита близъ Лондона въ 1829 г., а въ слѣдующемъ году удалось убить еще двухъ близъ Бристоля и Брайтона; но еще въ началѣ 50-хъ годовъ эту птицу можно было считать лишь случайно появляющейся въ Англіи.

Въ Германіи домовыя горихвостки появляются въ послѣдней трети марта, въ южной Германіи — нѣсколько раньше. Онѣ летятъ также въ одиночку и по ночамъ, причемъ самцы летятъ впереди, а самки прилетаютъ нѣсколькими днями позднѣе. Прибывъ на родину, птица поселяется на той же крышѣ, которая служила ей любимымъ мѣстопребываніемъ, а затѣмъ начинается оживленная лѣтняя возня. Подобно всѣмъ членамъ своего семейства, горихвостка чрезвычайно подвижная, дѣятельная, живая, безпокойная и легкая на подъемъ птица, которая бодрствуетъ и возится отъ утренней зари до солнечнаго заката; пѣсня ея одна изъ первыхъ слышится въ весеннее утро, и простая мелодія этой пѣсни раздается и вечеромъ послѣ наступленія сумерекъ. Движенія горихвостки имѣютъ много общаго съ движеніями каменки. Горихвостка чрезвычайно проворна и ловка, прыгаетъ и летаетъ съ одинаковою легкостью и при всякомъ удобномъ случаѣ и даже безъ такового нагибается или по крайней мѣрѣ встряхиваетъ хвостомъ. Сидя, горихвостка держится прямо, какъ будто задорно; прыгая, она дѣлаетъ большіе прыжки, скачетъ также назадъ и съ краткими перерывами; полетъ ея совершается „почти что въ припрыжку или съ жужжаніемъ, напоминающимъ жужжаніе пули; она пролетаетъ большія разстоянія, но по неправильной извилистой линіи, состоящей изъ бо́льшихъ и меньшихъ дугъ. Летаетъ она такъ хорошо, что, подобно мухоловкамъ, можетъ безъ труда ловить и схватывать добычу, а именно насѣкомыхъ, на лету. Внѣшнія чувства дѣйствуютъ у нея прекрасно, умственныя же способности никакъ нельзя назвать неразвитыми. Смышленая и изобрѣтательная эта птица прекрасно умѣетъ отличать своихъ враговъ, не вполнѣ довѣряетъ даже своимъ друзьямъ, обыкновенно съ недовѣріемъ относится къ человѣку, у котораго является въ качествѣ гостя, предпочитаетъ находиться отъ него въ нѣкоторомъ отдаленіи, по возможности на гребнѣ крыши. Здѣсь она чувствуетъ себя въ безопасности и повидимому не принимаетъ участія въ томъ, что́ происходитъ внизу. Мало общительная, эта птица норовитъ одна со своимъ супругомъ занять извѣстный

участокъ, въ которомъ не терпитъ присутствія парочки того же вида, всегда ссорится и съ другими птицами и дразнитъ ихъ, если только онѣ захотятъ поселиться въ ея области. Призывной голосъ горихвостки пріятенъ, но пѣніе ея не особенно привлекательно и имѣетъ въ себѣ что-то скрипящее. Призывной голосъ звучитъ вродѣ „фид-тек-тек“ и въ страхѣ или въ опасности быстро повторяется безчисленное множество разъ подрядъ; пѣніе же состоитъ изъ 2 или 3 строфъ и слагается изъ звуковъ частью свистящихъ, частью визгливыхъ или хриплыхъ, лишенныхъ всякой благозвучности. Но и горихвостка обладаетъ способностью подражать пѣнію другихъ птицъ.

Горихвостка питается почти исключительно насѣкомыми, преимущественно мухами и бабочками. Она рѣдко спускается на землю, но и на землѣ пребываетъ въ тихихъ дворахъ, подолгу сидитъ тамъ или на рѣшетчатыхъ оградахъ съ тою цѣлью, чтобы ловить низко летающую добычу, или собирать въ саду спѣлыя ягоды.

Размноженіе происходитъ въ маѣ. Въ горахъ парочка гнѣздится въ трещинахъ и углубленіяхъ скалъ; въ равнинѣ она почти исключительно устраиваетъ свои гнѣзда на зданіяхъ, то въ широкихъ или узкихъ отверстіяхъ стѣнъ, то прямо на выступающихъ балкахъ, на карнизахъ и другихъ выступахъ, сколько нибудь защищенныхъ отъ непогоды. Иногда, хотя и очень рѣдко, горихвостка овладѣваетъ древеснымъ дупломъ. Въ горахъ, гдѣ низкія деревья и сосны окружаютъ отдѣльныя скалы, горихвостка можетъ на время выведенія дѣтенышей сдѣлаться лѣснымъ жителемъ; случается ей устраивать себѣ гнѣздо и на землѣ, между кустарникомъ и камнями, если она не находитъ себѣ болѣе подходящихъ мѣстъ для сооруженія гнѣзда; забывая всякую робость, она можетъ сдѣлаться даже обитателемъ комнаты, избрать себѣ жильемъ печку въ школѣ или почтовый ящикъ. Если гнѣздо устраивается въ углубленіи, то горихвостка просто выстилаетъ это углубленіе; нѣсколько тщательнѣе оно обрабатывается въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщается свободно на балкѣ. Тогда сюда приносится большая куча корней, стеблей, травинокъ, которыя складываются безпорядочно, углубленіе же очень мягко выстилается множествомъ волосъ и перьевъ. Горихвостка кладетъ 5—7 хорошенькихъ яичекъ, съ тонкой скорлупой и блестящаго бѣлаго цвѣта. Оба родителя сидятъ на яицахъ, оба выкармливаютъ дѣтенышей и принимаютъ одинаковое участіе въ ихъ судьбѣ. Когда грозитъ опасность, старыя птицы проявляютъ поистинѣ возвышенное мужество и всякими средствами стараются отвлечь вниманіе врага отъ своихъ дорогихъ дѣтей. Молодыя птицы большею частью покидаютъ гнѣздо слишкомъ рано, а потому легко становятся добычей хищныхъ животныхъ, но, спустя нѣсколько дней, пріобрѣтаютъ ловкость и самостоятельность. Считая, что дѣти могутъ уже сами о себѣ заботиться, родители приступаютъ къ выведенію птенцовъ во второй и даже въ третій разъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ случается, что нѣкоторыя домовыя горихвостки какъ разъ во время выведенія птенцовъ вступаютъ въ удивительную дружбу съ другими птицами. „Въ моемъ лѣсномъ сараѣ“, разсказываетъ Песслеръ, „горихвостка снесла яйца въ гнѣздо ласточки. Когда ласточки, соорудившія гнѣздо, вернулись изъ своего зимняго путешествія и нашли свое гнѣздо занятымъ, то устроили себѣ другое гнѣздо рядомъ съ первымъ. Пока ласточки еще были заняты постройкой гнѣзда, горихвостка начала высиживать яйца, и хлопотливыя ласточки часто покрывали ее хвостомъ или задѣвали по головѣ; но горихвостка продолжала сидѣть. Затѣмъ и ласточка усѣлась на яйцахъ, и обѣ матери тихо и мирно дѣлали свое дѣло. Когда самецъ прилеталъ къ ласточкѣ и разсказывалъ ей чудныя вещи про голубое небо и про жирныхъ мошекъ, то иногда онъ обращался и къ сосѣдкѣ. Горихвостка вывела птенцовъ, и теперь ласточка также терпѣла прикосновеніе самца-горихвостки, приносившаго кормъ. Когда молодыя птицы выросли, горихвостка выбрала для устройства новаго гнѣзда стоявшій напротивъ экипажный сарай. И что же? туда послѣдовали за нею ласточки. починили тамъ старое гнѣздо, и обѣ парочки стали и тутъ жить въ мирѣ и согласіи“.

Второй видъ, встрѣчающійся въ Германіи, въ отличіе отъ перваго называется садовой горихвосткой (Erithacus phoenicurus) изображеніе на

стр. 28) и вполнѣ заслуживаетъ свое названіе; она живетъ почти исключительно на деревьяхъ какъ въ садахъ, такъ и въ лѣсахъ. У взрослаго самца лобъ, бока головы и горло черные, вся остальная верхняя часть тѣла пепельно-сѣрая, грудь, бока и хвостъ яркаго ржаво-краснаго цвѣта, верхняя часть головы и средина нижней части тѣла — бѣлыя. Самка отличается темно-сѣрой окраской верхней части тѣла, нижняя часть тѣла у нея сѣрая, а горло иногда потемнѣе. У молодыхъ птицъ верхняя часть тѣла сѣрая, съ ржаво-желтыми и бурыми пятнами, а сѣрыя перья нижней части съ ржаво-желтыми каемками. Глаза каріе, клювъ и ноги черные. Длина 14 см.

Садовая горихвостка распространена въ болѣе обширной области, чѣмъ ея родственница; она водится во всѣхъ европейскихъ странахъ, предпочитая, правда, равнины, поросшія лиственнымъ лѣсомъ, но не избѣгая и горъ, и вообще поселяясь во всякой подходящей мѣстности. На востокѣ область, занимаемая ею, простирается до Персіи и Туркменіи, а еще дальше на востокъ живутъ родственные ей виды. Въ Германіи она появляется лишь въ апрѣлѣ, покидаетъ эту страну въ сентябрѣ и добирается до внутренней Африки и до Индіи.

Образъ жизни, нравы и обычаи садовой горихвостки сильно напоминаютъ жизнь ея родственницы, съ тѣмъ только различіемъ, что садовая горихвостка предпочитаетъ гнѣздиться на деревьяхъ. Пѣніе садовой горихвостки лучше, благозвучнѣе и богаче, чѣмъ пѣніе домовой; звуки 2-хъ или 3-хъ строфъ, изъ которыхъ состоитъ это пѣніе, мягкіе и похожіе на флейту; они, правда, нѣсколько меланхоличны, но въ общемъ производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Садовая горихвостка также охотно подражаетъ пѣнію другихъ птицъ. Питается она тѣмъ же, чѣмъ и домовая горихвостка; но садовая больше нежели домовая подбираетъ кормъ съ листьевъ и съ земли, соотвѣтственно мѣсту своего пребыванія. Гнѣздо обыкновенно устраивается въ дуплахъ деревьевъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ въ углубленіяхъ стѣнъ и скалъ, но всегда почти въ какихъ-нибудь углубленіяхъ и по возможности съ узкимъ отверстіемъ. Гнѣздо устраивается небрежно, изъ сухихъ корешковъ и стебельковъ, безпорядочно сваленныхъ въ кучу, и внутри обильно выстилается перьями. Яйца, въ числѣ 5—8, которыя кладутся въ такое гнѣздо въ концѣ мая, отличаются гладкой скорлупой съ голубовато-зеленоватой окраской. Во второй разъ дѣтеныши выводятся въ іюлѣ мѣсяцѣ; но для устройства второго гнѣзда парочка всякій разъ выбираетъ новое гнѣздо и лишь въ слѣдующее лѣто возвращается въ первое свое жилище.

Садовую горихвостку чаще, чѣмъ ея родственницу, держатъ въ клѣткѣ; въ неволѣ она усердно распѣваетъ почти круглый годъ, но ея вѣчно повторяющійся призывной крикъ „уит уит так так“ легко надоѣдаетъ. Тѣмъ не менѣе, она пріобрѣла себѣ среди любителей искреннихъ друзей.

*

Изъ рода чекканокъ (Pratincola) назовемъ чекканчика лугового или суранчика, каменщика и т. д. (Pratincola rubetra, рисунокъ на стр. 35). Верхняя часть его тѣла черно-бурая и пятнистая вслѣдствіе того, что края перьевъ окрашены въ ржаво-сѣрый цвѣтъ; нижняя часть тѣла ржаво-желтовато-бѣлая, подбородокъ, передняя часть шеи, бровныя полоски надъ глазами и средина крыльевъ — бѣлыя.

Чекканчикъ чернохвостый (Pratincola, rubicola), (см. рисунокъ на стр. 35) нѣсколько больше, и окраска его красивѣе. Верхняя часть тѣла и горло у него черныя, нижняя часть ржаво-красная, надхвостье и задняя часть брюшка, а также пятна на крыльяхъ и по бокамъ шеи чистаго бѣлаго цвѣта.

Чекканчикъ луговой очень часто встрѣчается во всѣхъ равнинахъ Германіи и сосѣднихъ странъ, водится кромѣ того въ сѣверной и южной Европѣ и въ западной Азіи, а зимою посѣщаетъ Африку и Индію. Въ Германіи онъ появляется лишь въ концѣ апрѣля и остается самое бо́льшее до конца сентября; въ Испаніи же онъ живетъ круглый годъ и не покидаетъ зимою даже Великобританіи.

Любимымъ мѣстопребываніемъ чекканокъ являются луга, орошаемые ручьями или другими водами, граничащіе съ открытымъ полемъ или съ лѣсомъ и тамъ и сямъ покрытые низкорослымъ кустарникомъ. Онѣ избѣгаютъ пустынныхъ мѣстъ и встрѣчаются только на воздѣланной землѣ.

Нельзя отрицать, что чекканки скучнѣе прочихъ видовъ своего семейства; но все-таки онѣ принадлежатъ къ самымъ живымъ, подвижнымъ, безпокойнымъ и проворнымъ птицамъ въ Германіи. По землѣ онѣ быстро прыгаютъ, на всякомъ возвышеніи останавливаются, быстро нагибаются впередъ и трясутъ хвостомъ, наклоняя его внизъ. Ихъ пріятное пѣніе состоитъ изъ звучныхъ, чистыхъ тоновъ, слагающихся въ разнообразныя короткія строфы; тоны эти часто смѣняются и между ними вплетаются голоса другихъ птицъ въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ живутъ чекканки.

Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ жуковъ, маленькихъ кузнечиковъ и ихъ личинокъ, изъ гусеницъ, муравьевъ, мухъ, комаровъ и т. п., которыхъ эти птицы подбираютъ съ земли или ловятъ на лету. Гнѣздо обыкновенно находится на лугу въ травѣ, чаще всего въ небольшомъ углубленіи, иногда подъ кустикомъ, причемъ оно всегда очень хорошо спрятано, такъ что чрезвычайно трудно его найти. Если ничто не помѣшаетъ парочкѣ вывести птенцовъ, то она высиживаетъ яйца только однажды въ годъ.

Молодымъ птичкамъ угрожаетъ опасность отъ многихъ враговъ, а именно отъ всѣхъ мелкихъ хищниковъ, крысъ, мышей, а наши маленькіе кречеты нападаютъ и на взрослыхъ луговыхъ чекканчиковъ. Человѣкъ нигдѣ не преслѣдуетъ ихъ систематически, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже защищаетъ ихъ. Въ Швейцаріи распространено повѣрье, что на той горѣ, гдѣ будетъ убитъ чернохвостый чекканчикъ, коровы станутъ давать съ этого самаго момента красное молоко. Въ неволѣ чекканчики бываютъ тихи и скучны, даже если имъ позволяютъ летать по комнатѣ.

*

Каменки (Saxicola), составляющія ядро всего подсемейства, птицы довольно стройныя съ шилообразнымъ клювомъ, съуженнымъ къ носовымъ отверстіямъ и который у основанія больше въ ширину, нежели въ вышину, на кончикѣ нѣсколько согнутъ, у расщепа чуть замѣтно загнутъ внутрь, а на верхнемъ краю снабженъ ребромъ; ноги у этихъ птицъ длинныя и слабыя, пальцы на ногахъ средней длины, крылья нѣсколько притуплены, причемъ третье и четвертое маховое перо длиннѣе прочихъ; хвостъ короткій, довольно широкій и спереди прямо обрѣзанъ; опереніе довольно обильное, не плотно прилегающее и по окраскѣ, хотя разнообразное, но сходное у всѣхъ видовъ.

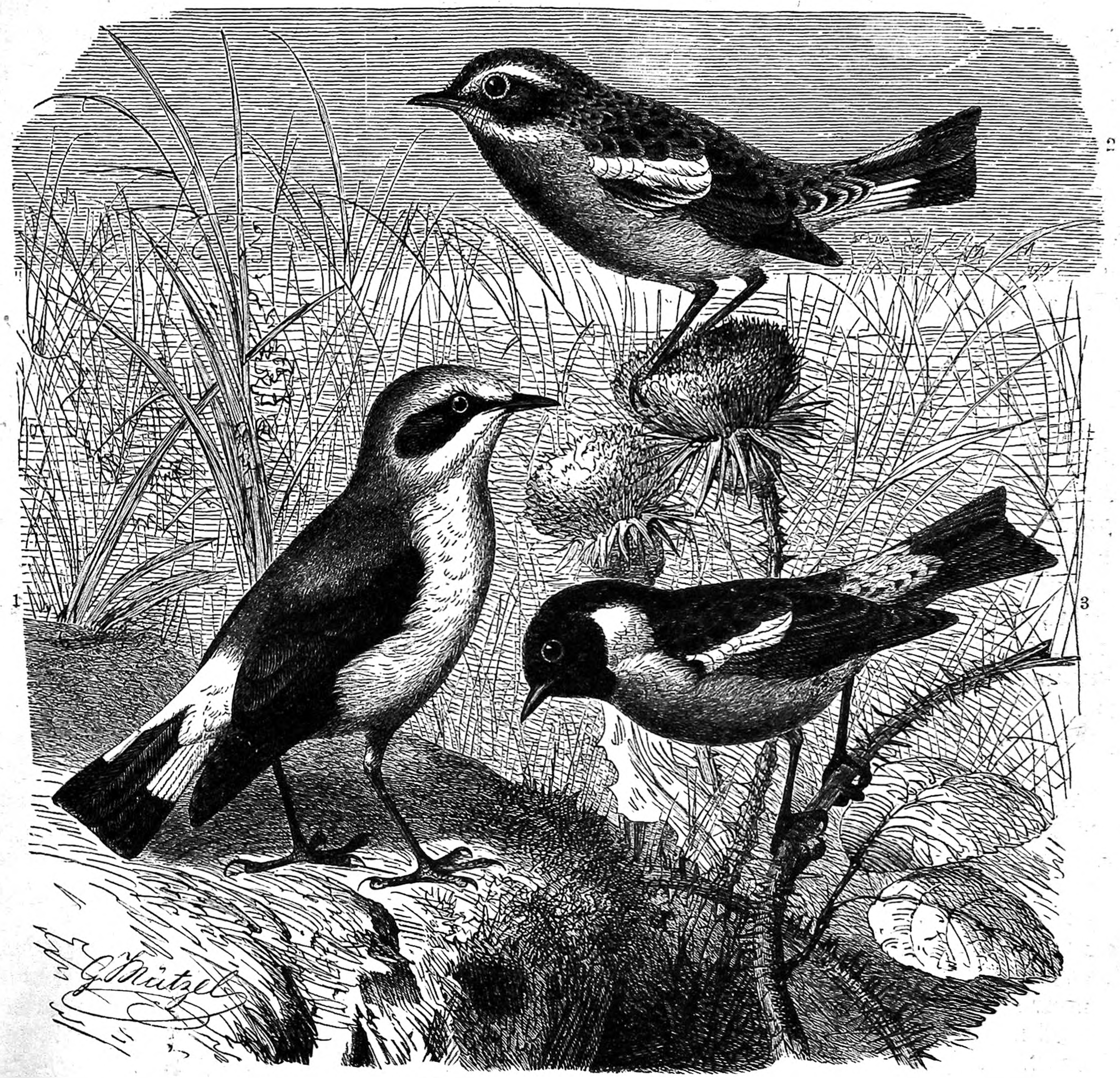
Изъ европейскихъ видовъ первое мѣсто занимаетъ каменка бѣлохвостая (Saxicola leucura), одинъ изъ самыхъ крупныхъ экземпляровъ этого рода. Длина птицы 20 см. Перья равномѣрнаго чернаго, чуть-чуть блестящаго цвѣта, за исключеніемъ ослѣпительно бѣлаго хвоста (кромѣ кончика) и верхнихъ и нижнихъ кроющихъ перьевъ.

Эта изящная птица распространена по бо́льшей части Испаніи и встрѣчается кромѣ того въ южной Франціи, южной Италіи, Греціи и въ сѣверо-западной Африкѣ. Она вездѣ живетъ на горахъ, начиная съ подножія ихъ и до высоты въ 2500 метровъ. Любимыя мѣста ея — самыя дикія изорванныя скалы. Это умная, живая и робкая птица, которая способна оживить самую пустынную горную страну.

Каменка попутчикъ (Saxicola oenanthe) отличается свѣтлой пепельно-сѣрой окраской верхней части, надхвостье же и нижняя часть, за исключеніемъ ржаво-желтоватой груди, у него бѣлыя; лобъ и начинающаяся ото лба полоска надъ глазами — бѣлые; пятно, образующее уздечку, крылья и оба среднія хвостовыя пера — черныя, прочія же перья при основаніи бѣлыя,

на концѣ черныя. Глазъ карій, клювъ и ноги черныя. Длина 16 сантиметровъ.

Легче сказать, въ какихъ сѣверныхъ странахъ Новаго и Стараго свѣта попутчикъ не встрѣчается, чѣмъ сказать, въ какихъ странахъ онъ водится. Дѣтенышей своихъ онъ выводитъ начиная съ Пиренеевъ и Парнаса до самой Лапландіи, живетъ также въ Исландіи и во всѣхъ азіатскихъ странахъ, находящихся приблизительно на той же широтѣ; въ Америкѣ онъ, повидимому, водится только на далекомъ сѣверѣ. Во время своего зимняго путешествія онъ успѣваетъ перс-

1) Попутчикъ (Saxicola oenanthe), 2) Чекканчикъ луговой (Pratincola rubetra), 3) Чекканчикъ черноxвостый (Pratincola rubicola). ½ естеств. велич.

бывать въ бо́льшей половинѣ Африки. То-же самое можно сказать относительно Азіи; въ Индіи онъ иногда, хотя рѣдко, бываетъ зимнимъ гостемъ въ верхнихъ провинціяхъ.

Два близко родственныхъ вида, встрѣчаемыхъ иногда въ Германіи, а именно: каменка ушастая (Saxicola rufescens) и каменка черногорлая (Saxicola stapazina), являются представителями этого рода въ южной Европѣ. У первой изъ нихъ верхняя часть тѣла бѣловато-сѣрая, нижняя — красновато-бѣлая; узкая полоска, идущая отъ клюва къ глазу и продолговатое пятно на щекѣ, отчасти окружающее глазъ, крылья, среднее хвостовое перо и кончики осталь-

ныхъ — чернаго цвѣта. Вторая птица отличается ржавой окраской верхней части тѣла, груди и брюшка, горло и крылья у нея черныя, а небольшія кроющія перья съ ржавой каемкой. У молодыхъ птицъ обоихъ видовъ голова, задняя часть шеи и спина сѣровато-желтоватыя, всѣ перья отличаются бѣлой полоской на стержнѣ и сѣрой каемкой на кончикѣ; нижняя сторона тѣла грязновато-бѣлая, грудь сѣроватая съ мало-замѣтными сѣровато-бурыми каемками кончиковъ перьевъ; маховыя и хвостовыя перья тускло-черныя, кроющія — съ ржаво-сѣрой каемкой.

Любимыми мѣстами всѣхъ поименованныхъ каменокъ являются мѣстности, изобилующія камнями. Каменки рѣдко встрѣчаются на обработанной землѣ, но всегда можно найти ихъ тамъ, гдѣ среди полей торчатъ большіе камни или находятся развалившіяся стѣны и кучи камней. Въ каменистой Швеціи, въ южной Германіи и Швейцаріи попутчикъ встрѣчается часто; въ Скандинавіи попутчики могутъ считаться одними изъ послѣднихъ представителей живыхъ существъ. Въ швейцарскихъ Альпахъ каменка забирается выше того пояса, гдѣ растутъ деревья. Подобнымъ же образомъ живутъ прочіе виды. Это обитатели самыхъ пустынныхъ мѣстностей и настоящихъ пустынь; ихъ можно видѣть среди знойныхъ песковъ, гдѣ всякая жизнь кажется вымершей.

Попутчикъ — чрезвычайно подвижная, живая, ловкая, безпокойная, перемѣнчивая, необщительная и осторожная птица, относящаяся къ людямъ съ нѣкоторою робостью. Она любитъ жить одиноко и не вступаетъ въ близкія отношенія ни съ какимъ другими птицами. Только во время перелета и во время зимовокъ она сближается съ другими птицами, принадлежащими къ одному съ ней роду или семейству, но къ другому виду; но никогда попутчикъ не вступаетъ съ ними въ дружбу. Случается, что двѣ парочки поселяются по близости и выводятъ птенцовъ; но въ это время онѣ непрерывно ссорятся и грызутся. Всякій наблюдатель непремѣнно скоро замѣтитъ попутчика. Эта птица всегда отдыхаетъ сидя на самомъ высокомъ пунктѣ своего участка, но врядъ-ли хоть минуту остается спокойной, а почти непрерывно находится въ движеніи. На скалахъ попутчикъ сидитъ выпрямившись, но не смирно; по крайней мѣрѣ отъ поры до времени онъ движетъ хвостомъ, опуская его внизъ, и то и дѣло кланяется, особенно если замѣчаетъ что нибудь особенное. Испанцы называютъ попутчика и другіе виды каменокъ „Sakristan“ (ризничій) за ненужные его поклоны, и всѣ каменки оправдываютъ это названіе. По землѣ попутчикъ прыгаетъ быстрыми и короткими прыжками и притомъ такъ скоро, словно катится. Но въ разгарѣ самаго быстраго бѣга онъ вдругъ останавливается, встрѣтивъ на пути своемъ камень; непремѣнно взбирается на возвышеніе, нѣсколько разъ кланяется и лишь затѣмъ продолжаетъ свой путь. Летаетъ онъ отлично. Попутчикъ всегда летаетъ надъ самой землей, даже если незадолго передъ тѣмъ сидѣлъ на значительной высотѣ и только что спустился внизъ. Онъ двигаетъ крыльями очень быстро и летитъ надъ землей почти по прямой линіи (которая при тщательномъ разсмотрѣніи оказывается состоящей изъ короткихъ дугъ) обыкновенно до довольно далекаго мѣста, гдѣ можетъ посидѣть и куда онъ въ полномъ смыслѣ слова вскарабкивается, потому что достигнувъ подножія, снова взвивается наверхъ. Призывной звукъ его „гіув — гіув“, и къ этому нѣжно-свистящему звуку обыкновенно и особенно при волненіи присоединяется щелкающее „так“. Своеобразное и не слишкомъ пріятное пѣніе состоитъ бо́льшею частью изъ немногихъ строфъ, въ которыхъ чередуются преимущественно призывной звукъ съ хриплыми нотами. Но встрѣчаются иногда и между попутчиками хорошіе пѣвцы, которые довольно хорошо подражаютъ пѣнію другихъ птицъ; къ тому же они стараются замѣнить недостатокъ дарованія усердіемъ: попутчикъ поетъ съ небольшими перерывами съ ранняго утра до поздняго вечера и нерѣдко до глубокой ночи.

Пищу попутчика составляютъ маленькіе жучки, бабочки, мухи, комары и ихъ личинки. Съ своего высокаго пункта онъ обозрѣваетъ свой участокъ, и зоркій глазъ его подмѣчаетъ каждое живое существо, двигающееся по землѣ или въ воздухѣ. За бѣгающими насѣкомыми онъ гоняется бѣгомъ, а летаю-

„Жизнь животныхъ Брэма".

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ОЛЯПКА. КРАПИВНИКЪ. ГОРНАЯ ТРЯСОГУЗКА.

щихъ преслѣдуетъ на подобіе горихвостки, хотя бы они высоко поднимались на воздухъ.

Гнѣздо обыкновенно устраивается въ трещинахъ скалъ или въ углубленіяхъ камней, рѣже въ кучахъ дровъ, подъ старыми стволами деревьевъ, въ углубленіяхъ на поверхности земли, подъ нависшими скалами или даже въ дуплахъ деревьевъ; гнѣздо всегда хорошо спрятано и обыкновенно сверху защищено. Это безпорядочное, небрежное сооруженіе съ толстыми стѣнками изъ тонкихъ корешковъ, листьевъ и стебельковъ травы, внутри густо и мягко выложенное растительнымъ пухомъ, волосами и перьями. Яйца, сильно выпуклыя, съ тонкой скорлупой свѣтло-голубого или зеленовато-бѣловатаго цвѣта, кладутся въ числѣ 5—7; только въ видѣ исключенія встрѣчаются яйца съ тусклыми желтовато-красноватыми крапинками. На яйцахъ сидитъ почти исключительно самка; но оба родителя съ одинаковымъ усердіемъ занимаются воспитаніемъ птенцовъ. Они сильно заботятся о своемъ потомствѣ. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ сторожитъ невдалекѣ и, крича отъ страха, кружится надъ всякимъ приближающимся врагомъ. Самка при большой опасности прибѣгаетъ къ притворству. Обыкновенно парочка выводитъ дѣтенышей только разъ въ годъ, а именно въ маѣ мѣсяцѣ. Птенцы, вылетѣвшіе изъ гнѣзда, до перелета остаются съ родителями и вмѣстѣ съ ними предпринимаютъ путешествіе. Они исчезаютъ въ концѣ сентября и снова возвращаются въ мартѣ.

Старые попутчики трудно привыкаютъ къ утратѣ свободы, молодые же, вынутые изъ гнѣзда, легко осваиваются съ неволей, но привлекаютъ къ себѣ сердца лишь свѣдущихъ наблюдателей.

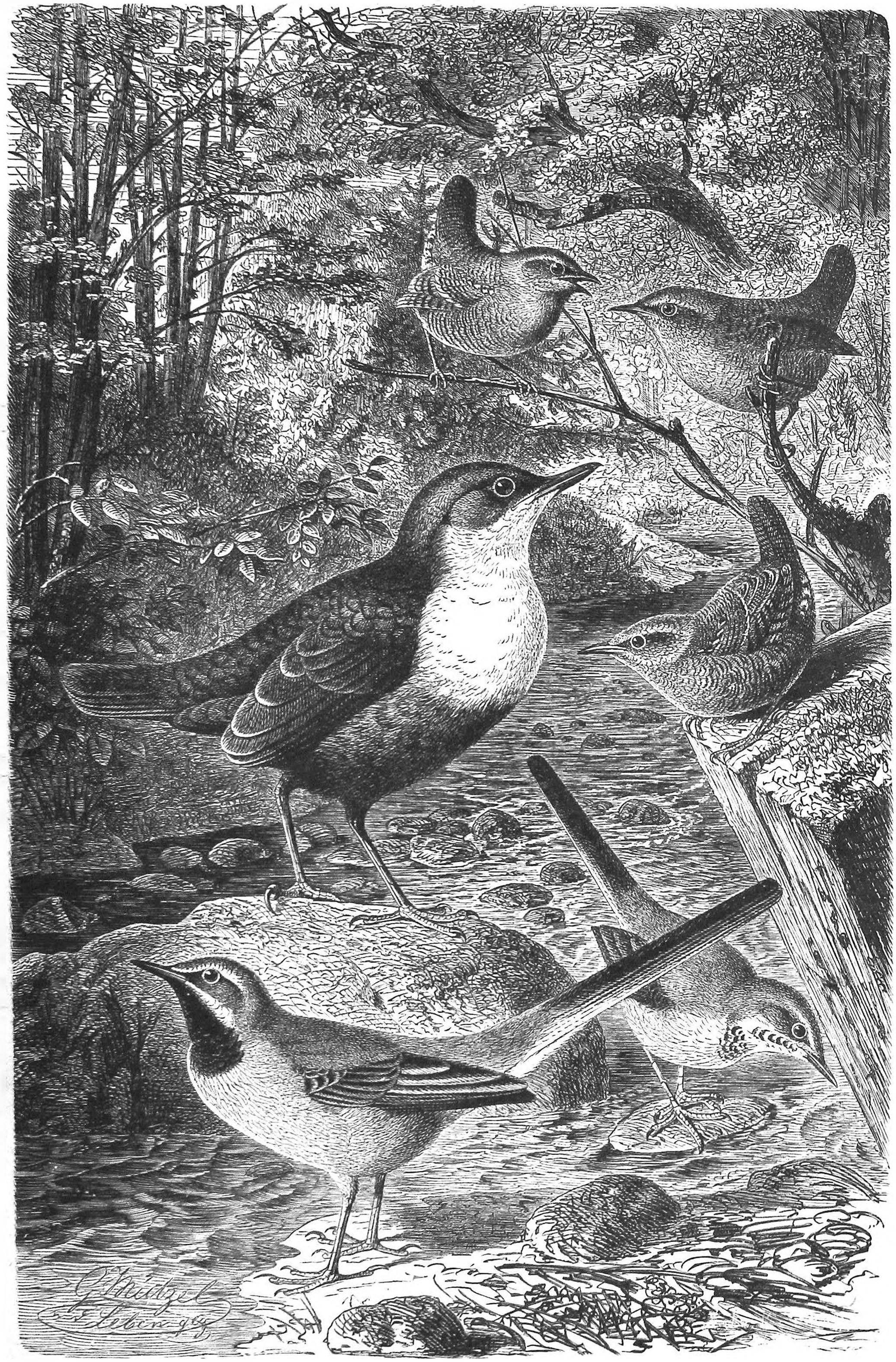
*

Тѣло оляпокъ (Cinclus) кажется толстымъ вслѣдствіе весьма густого оперенія, но на самомъ дѣлѣ оно тонко; клювъ сравнительно слабый, прямой, съ маленькимъ горбикомъ наверху, на концѣ загнутый внизъ, сбоку сжатый и спереди тонкій; носовыя отверстія могутъ затягиваться кожистымъ клапаномъ; ноги длинныя, но сильныя, съ длинными пальцами, вооруженными изогнутыми, сильными, узкими, а снизу расщепленными на двое когтями; крылья короче обыкновенныхъ, закругленныя и почти одинаковыя въ ширину; третье маховое перо самое длинное, четвертое почти равно третьему, первое очень короткое, а хвостъ такой короткій, что его почти что можно считать неразвитымъ; перья, наконецъ, очень густыя и мягкія, и какъ у плавающихъ птицъ, составлены изъ верхнихъ перьевъ и нижнихъ перьевъ, похожихъ на пухъ. Внутреннее строеніе въ главныхъ чертахъ похоже на признаки другихъ пѣвчихъ птицъ.

Оляпки населяютъ Старый и Новый Свѣтъ, преимущественно сѣверную часть земли, но встрѣчаются и на южныхъ горахъ, какъ, напримѣръ на Андахъ. По образу жизни немногіе извѣстные доселѣ виды похожи другъ на друга, такъ что описаніе жизни вида, встрѣчающагося въ Германіи, вполнѣ достаточно для знакомства со всѣми членами этого рода.

Оляпка, водяной дроздъ, водяной скворецъ, водяной воробей (Cinclus merula) длиною въ 20 см. Голова, затылокъ и задняя часть шеи чалобурыя, остальныя перья верхней части аспидно-сѣраго цвѣта съ черными каемками, горло, зобъ и шея молочно-бѣлаго цвѣта, нижняя часть груди и брюшко темно-бурыя; верхняя часть груди красновато-бурая.

Всѣ горныя страны средней Европы, богатыя водою, даютъ пріютъ оляпкѣ. Въ извѣстныхъ мѣстахъ, хотя и встрѣчается не часто, она представляетъ собою обыкновенное явленіе. Любимыя ея мѣста — это чистые, осѣненные деревьями ручьи съ форелями, которыми изобилуютъ высокія и среднія по высотѣ горы средней Европы. Вдоль этихъ ручьевъ оляпка забирается до ихъ истоковъ, хотя бы истоки эти находились въ ледникахъ; вдоль этихъ же ручьевъ эта птица спускается и въ равнины, которыхъ въ другое время обыкновенно избѣгаетъ; по берегамъ ручьевъ оляпокъ можно найти всегда, если только вода ихъ не отравлена стоками

Олянка. Крапивникъ. Горная трясогузка.

съ фабрикъ или по крайней мѣрѣ не замутилась. Оляпка не покидаетъ разъ избраннаго мѣстопребыванія своего даже въ самую суровую зиму. Въ холмистой странѣ она выбираетъ себѣ такую часть ручья, которая, по крайней мѣрѣ мѣстами, остается свободной отъ ледяного покрова, потому что пропитаніе она отыскиваетъ себѣ не на берегу, а въ самой водѣ. Поэтому она предпочитаетъ селиться около водоворотовъ или около водопадовъ и пороговъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ тепло или стремительное движеніе воды мѣшаетъ образованію льда. Чѣмъ болѣе бурно течетъ горный потокъ, чѣмъ больше онъ образуетъ паденій, чѣмъ сильнѣе онъ бурлитъ и клокочетъ, тѣмъ охотнѣе поселяются на немъ оляпки. Птица эта еще болѣе, чѣмъ самое паденіе и образующійся ниже его водоворотъ, любитъ границы имѣющейся здѣсь обыкновенно спокойной водной поверхности, такъ какъ туда воворотъ сноситъ всякаго рода пищу. Каждая парочка беретъ въ свое владѣніе самое большее 2 километра вдоль рѣки, по этой полосѣ бродитъ взадъ и впередъ и никогда не покидаетъ берега. Гдѣ кончается участокъ одной парочки, тамъ начинается участокъ другой, и такимъ образомъ горный потокъ можетъ быть населенъ оляпками начиная съ своихъ истоковъ и кончая своимъ впаденіемъ въ болѣе обширное водное пространство.

Оляпка принадлежитъ къ числу не только самыхъ замѣтныхъ, но и къ числу самыхъ привлекательныхъ птицъ. Дарованія ея весьма своеобразны. Съ ловкостью и проворствомъ трясогузки она перебѣгаетъ черезъ русло рѣки по камнямъ, причемъ по примѣру трясогузки и пигалицы трясетъ хвостомъ и задней частью тѣла вверхъ и внизъ, затѣмъ идетъ вбродъ и опускается все ниже и ниже, сперва до груди, затѣмъ до глазъ, а тамъ и еще ниже, пока вода не покроетъ ее, и въ теченіе 15 -20 секундъ совершаетъ прогулку по дну подъ водою, а зимой и подъ ледянымъ покровомъ, противъ теченія или по теченію, словно ей приходится ходить по ровному мѣсту. Она бросается въ самый страшный водоворотъ, въ самый стремительный водопадъ, ходитъ по дну, плаваетъ, пользуется своими короткими крыльями,какъ веслами, и, такъ сказать, летаетъ подъ водою, когда проносится, летя черезъ низвергающуюся вертикально массу воды. Ни одна птица не справляется такъ хорошо съ водой, какъ оляпка. Не всегда она постепенно спускается въ воду съ своего возвышеннаго мѣста, гдѣ сидитъ, а очень часто низвергается съ своего наблюдательнаго поста прямо въ пучину, скорѣе на подобіе лягушки, чѣмъ на подобіе зимородка. Полетъ напоминаетъ полетъ зимородка, но еще болѣе пожалуй похожъ на полетъ крапивника. Если вспугнуть оляпку, то она, быстро махая крыльями, летитъ на одинаковой высотѣ надъ водою, слѣдуя всѣмъ изгибамъ рѣки. Полетъ прекращается внезапно, какъ только птица достигаетъ безопаснаго мѣста для отдохновенія; случается также, и притомъ вовсе не рѣдко, что въ догонку за высмотрѣнной добычей прямо изъ воздуха бросается въ воду. Если оляпку преслѣдуютъ, то она пролетаетъ разстояніе шаговъ въ 400—500; въ противномъ случаѣ она только перепархиваетъ съ одного торчащаго изъ воды камня на другой. Если преслѣдованіе становится серьезнымъ, и птица считаетъ себя въ опасности, то иногда перестаетъ летѣть низко и взвивается прямо на высоту, выше верхушекъ прибрежныхъ деревьевъ. Можетъ случиться, что въ такомъ случаѣ птица уклоняется отъ разъ принятаго направленія, даже отлетаетъ отъ теченія потока и большими дугами направляется впередъ или же возвращается на свое прежнее мѣсто.

Оляпка умна, осторожна, хитра и пронырлива; она не робка, но чрезвычайно внимательно слѣдитъ за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ кругомъ. Она хорошо знаетъ своихъ друзей и не хуже знакома со своими врагами. Она издали бѣжитъ отъ человѣка, посѣщающаго изрѣдка ея тихое пристанище; всевозможныхъ хищныхъ животныхъ она также опасается. Но та же самая птица, которая въ Сіеррѣ Невадѣ и близъ альпійскихъ ледниковъ такъ же боязлива, какъ на берегахъ горныхъ потоковъ Лапландіи, привыкаетъ къ дѣятельности человѣка и становится даже очень довѣрчивой, когда убѣждается, что ей не грозитъ никакой опасности. Она часто посѣщаетъ мельницы, считая мельника и его работника своими добрыми друзьями; но и среди деревень она иногда чувствуетъ себя вполнѣ безопасной.

А. фонъ Гомейеръ наблюдалъ парочку оляпокъ среди города Баденъ-Бадена, передъ самыми оживленными гостинницами; онѣ безъ всякаго смущенія производили свои нырянія и всякія штуки передъ глазами публики, зная по опыту, что здѣсь имъ опасаться нечего.

По примѣру многихъ другихъ птицъ, промышляющихъ рыболовствомъ, оляпка не любитъ общества себѣ подобныхъ. Только въ періодъ насиживанья парочки живутъ въ тѣсномъ союзѣ, и семьи остаются вмѣстѣ, пока молодыя птицы нуждаются въ руководствѣ родителей; во всѣ прочія поры года каждая оляпка живетъ болѣе или менѣе для себя самой, хотя супруги, составляющіе пару, нерѣдко посѣщаютъ другъ друга. Если какой-нибудь сосѣдъ вторгнется въ область, занимаемую одной парочкой, то начинается отчаянное преслѣдованіе, и законный владѣлецъ изгоняетъ непрошеннаго гостя немилосердно. Даже собственныхъ своихъ дѣтей, какъ только они станутъ самостоятельными, оляпка безпощадно выталкиваетъ на всѣ четыре стороны, и трудно понять, какимъ образомъ каждый изъ птенцовъ создаетъ себѣ родной уголокъ. До птицъ другихъ видовъ оляпкѣ нѣтъ дѣла, и она относится къ нимъ скорѣе равнодушно, чѣмъ дружелюбно. Въ предѣлахъ своего участка оляпка терпитъ трясогузокъ и зимородковъ.

Если вспугнуть оляпку, то она обыкновенно издаетъ звукъ вродѣ „церр“ или „церб“; пѣніе самца представляетъ собою тихое, но чрезвычайно пріятное щебетанье, состоящее изъ нѣжныхъ, ворчащихъ звуковъ и изъ болѣе рѣзкихъ щелкающихъ звуковъ, напоминающихъ отчасти пѣніе варакушки и щелканіе каменки; Спеллъ мѣтко сравнилъ пѣніе оляпки съ журчаніемъ ручейка, текущаго по каменистому дну. Особенно усердно оляпка распѣваетъ въ ясные весенніе дни и особенно въ утренніе часы, не обращая вниманія даже на холодъ: она поетъ, пока небо остается голубымъ. „Странно слышать пѣніе этой птицы“, говоритъ Шинцъ, „въ январѣ мѣсяцѣ, въ сильную стужу; сидя среди льда, на столбѣ или на камнѣ, она распѣваетъ себѣ, хотя вся природа вокругъ нея кажется окоченѣвшей“; я прибавлю, что опытный наблюдатель приходитъ дѣйствительно въ восхищеніе, наткнувшись на веселаго пѣвца и увидѣвъ, какъ по окончаніи своей пѣсни пѣвецъ весело бросается въ ледяныя волны, купается въ нихъ, бѣгаетъ по дну или плаваетъ, точно зимы и мороза для него вовсе не существуетъ.

Пища состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ. При изслѣдованіи въ желудкѣ оляпокъ находили комаровъ, водяныхъ насѣкомыхъ, поденокъ и различныхъ жучковъ, а на ряду съ этимъ кусочки растительныхъ веществъ, проглоченныхъ вѣроятно лишь случайно, а также крошки дресвы, которую многія птицы глотаютъ для пищеваренія. Глогеръ первый выразилъ мнѣніе, что оляпка зимою ѣстъ также маленькія раковины и молодыхъ рыбъ, почему и пахнетъ немного ворванью.

По словамъ А. фонъ Гомейера ежедневная жизнь оляпки протекаетъ такимъ образомъ: „Пока вода горнаго ручья остается прозрачной и чистой, птица живетъ обычнымъ образомъ. Она уже пробудилась, какъ только на востокѣ показывается первый лучъ свѣта, и дѣятельность ея не прерывается до наступленія сумерекъ. Въ утренніе часы она прилежно поетъ и въ то же время усердно охотится; потомъ нерѣдко случается борьба или ссора съ назойливымъ сосѣдомъ; но это прерываетъ ежедневныя занятія лишь на нѣсколько минутъ, потому что битва быстро оканчивается и непрошенный гость изгоняется. Когда наступаетъ полдень и солнце сильно припекаетъ, оляпка удаляется въ свои любимые укромные уголки среди камней или въ отверстія между корнями на берегу, или же подъ нависшіе выступы берега и здѣсь дремлетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, обративъ свою бѣлую грудь къ водѣ, но и въ это время не пропускаетъ мимо себя ничего съѣдобнаго. Къ вечеру опять начинается усердная ловля добычи въ водѣ, охота, ныряніе и пѣніе; затѣмъ каждая оляпка отправляется въ одно изъ тѣхъ углубленій, гдѣ она спитъ, какъ видно изъ того, что мѣста эти больше загрязнены ея выдѣленіями. Пока свѣтитъ солнце, оляпка бодра, оживлена, вѣчно подвижна и дѣятельна и при этомъ всегда сохраняетъ свое веселое настроеніе. Но дѣла принимаютъ другой оборотъ, когда въ теченіе долгаго времени идетъ дождь, и прозрачныя

воды ручья становятся мутными. Тогда оляпкѣ становится трудно добыть себѣ необходимое пропитаніе, и ей приходится прибѣгать къ особаго рода штукамъ. Она покидаетъ свои любимыя мѣстечки среди бурнаго потока и отправляется на берегъ, гдѣ сверху свѣшивается въ воду трава, или же на немногія водныя растенія, которыя остаются на поверхности и несутся по теченію. Между этими растеніями оляпка усердно ловитъ себѣ кормъ на подобіе утокъ, бѣгая между ними по дну или же, гдѣ вода глубока, плаваетъ и переворачиваетъ клювомъ каждую травку, каждый листокъ, каждый усикъ, собирая всѣхъ водныхъ животныхъ, пріютившихся на ихъ обратной сторонѣ. Если дождь идетъ долго, то птицѣ приходится терпѣть тяжкія лишенія, которыя настраиваютъ ее грустно. Тогда наступаетъ конецъ всякому пѣнію, всякому ненужному движенію. Въ самые критическіе моменты оляпка посѣщаетъ тихія бухты на берегу, которыхъ въ другихъ случаяхъ избѣгаетъ, и здѣсь охотится. Но какъ только вода опять становится прозрачной и снова начинаетъ сіять солнце, хорошее настроеніе оляпки возвращается, и она опять весела и жизнерадостна, какъ прежде.

Оляпка обыкновенно, если ей не мѣшаютъ, высиживаетъ птенцовъ одинъ разъ; въ видѣ исключенія она выводитъ дѣтенышей два раза въ годъ — въ первый разъ въ апрѣлѣ. Въ началѣ этого мѣсяца она начинаетъ вить гнѣздо и черезъ двѣ недѣли кладетъ туда яйца. Гнѣздо всегда находится близъ воды, особенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ изъ нея торчитъ или около нея расположена скала, или же гдѣ въ стволѣ ольхи или въ плотинѣ образовалось подходящее отверстіе, а также подъ мостами, во впадинахъ русла, въ стѣнахъ мельницъ, подъ огромными желѣзными молотами и т. п., даже между лопастями мельничныхъ колесъ, если колеса эти нѣкоторое время находятся въ бездѣйствіи. Всего пріятнѣе оляпкѣ устраивать гнѣздо такъ, чтобы впереди гнѣзда низвергалась масса воды. Тогда гнѣздо вполнѣ защищено отъ нападенія кошекъ, куницъ, хорьковъ и ласокъ и доступно однѣмъ только крысамъ. Снаружи гнѣздо состоитъ изъ прутиковъ, стебельковъ, корешковъ, листьевъ, соломинокъ, а также изъ воднаго или земляного мха, а внутри выложено древесными листьями. Оно построено неплотно, но стѣнки его толстыя, и внутри оно глубже, чѣмъ полушаріе; входъ въ него всегда узкій, обыкновенно вслѣдствіе того, что гнѣздо занимаетъ все углубленіе, въ которомъ помѣщается. Если же отверстіе, гдѣ помѣщается гнѣздо, слишкомъ велико, то къ гнѣзду прилаживается крышка, на подобіе гнѣзда крапивника, и входъ въ него съуживается. Въ такихъ случаяхъ гнѣздо состоитъ главнымъ образомъ изъ мха. Самка такъ усердно высиживаетъ яйца, что ее можно схватить сидящей на нихъ или около своихъ птенцовъ; тѣмъ не менѣе, она обыкновенно воспитываетъ только двухъ, рѣже трехъ птенцовъ; многія яйца этой птицы гніютъ вѣроятно потому, что гнѣздо часто бываетъ совершенно сырое. Гиртаннеръ вынималъ изъ гнѣзда молодыхъ оляпокъ и выкармливалъ ихъ; ему удавалось даже пріучить къ корму и старыхъ пойманныхъ птицъ. Я получилъ отъ него нѣсколько парочекъ и въ теченіе довольно долгаго времени держалъ ихъ у себя; признаюсь, немногія птицы изъ водящихся въ Германіи доставили мнѣ столько удовольствія.

*

Другая замѣчательная группа этого семейства содержитъ въ себѣ каменныхъ дроздовъ (Monticola).

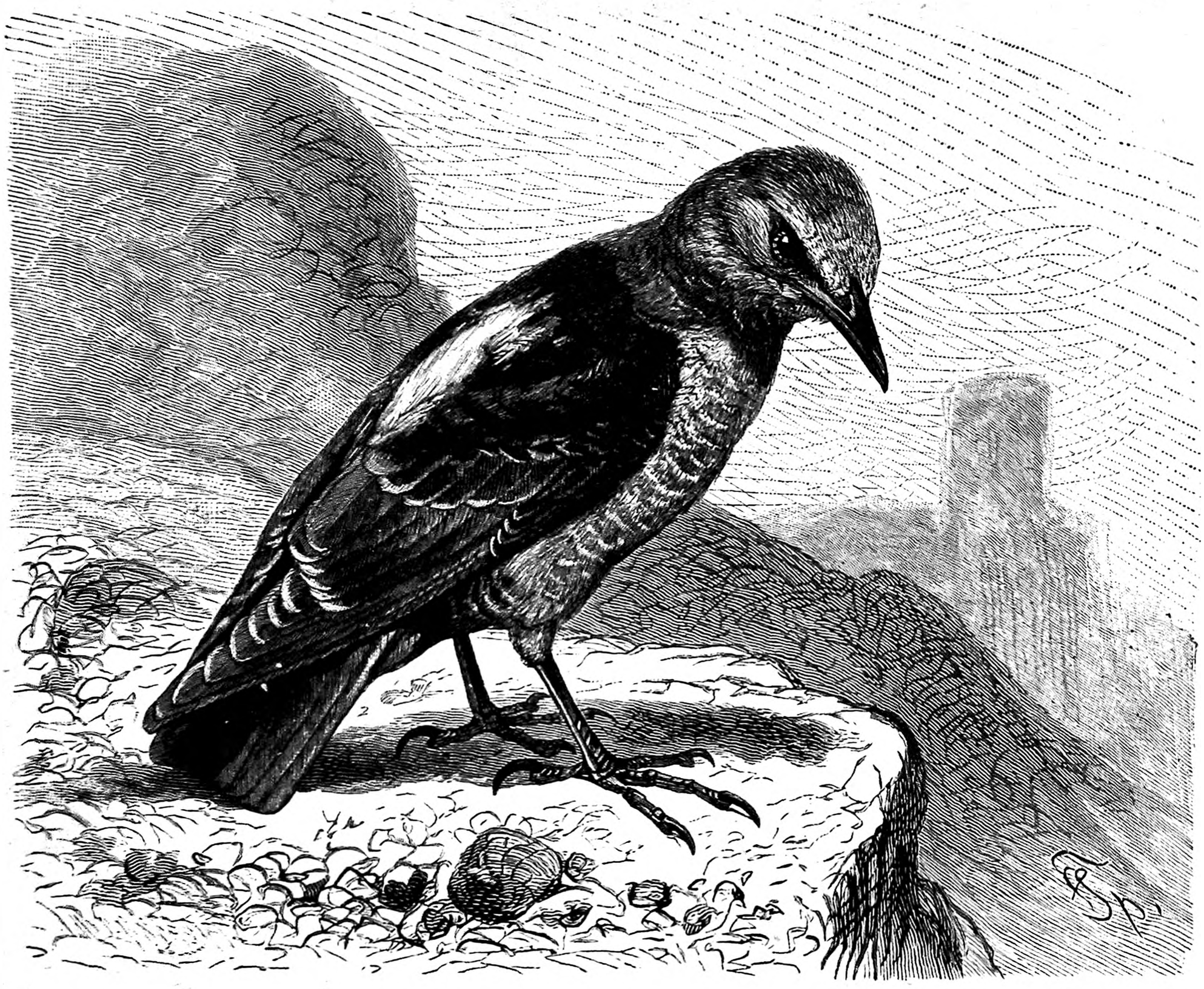
Сюда относится каменный дроздъ (Monticola saxatilis), который въ сущности представляетъ собою въ большомъ видѣ краснохвостку. Опереніе на головѣ, на передней части шеи, на затылкѣ и надхвостьѣ красиваго голубовато-сѣраго цвѣта, на нижней части спины бѣловато-голубое или бѣлое, на всей нижней части тѣла великолѣпнаго яркаго ржаво-краснаго цвѣта; на плечахъ перья немного пепельно-сѣраго или аспидно-чернаго цвѣта, маховыя перья черно-бурыя. Глаза красновато-бурые, клювъ матово-черный, ноги красновато-сѣрыя. Длина птицы равна 23 сантиметрамъ.

Каменный дроздъ — обитатель области Средиземнаго моря и потому чувствуетъ себя какъ дома почти на всѣхъ высокихъ горахъ южной Европы. На

сѣверъ эта птица попадается лишь въ видѣ единичныхъ экземпляровъ, которые выводятъ тамъ птенцовъ; довольно обыкновенное явленіе каменные дрозды представляютъ въ Штиріи, Каринтіи, Верхней Австріи, Тиролѣ и вдоль Рейна; въ видѣ исключенія они встрѣчаются въ Чехіи, въ Лузаціи и въ Гарцѣ.

Образъ дѣйствій этихъ птицъ напоминаетъ горихвостокъ, съ которыми каменные дрозды вообще очень сходны. Пѣніе каменныхъ дроздовъ превосходно, богато и разнообразно, громко и благозвучно, хотя въ то же время мягко и похоже на флейту; пѣніе ихъ отличается еще тѣмъ, что въ него вплетается щелканье и даже цѣлыя строфы изъ пѣсенъ другихъ птицъ.

Пищей имъ служатъ всевозможныя насѣкомыя, а осенью ягоды и фрукты. При тщательномъ уходѣ эти птицы проявляютъ такія замѣчательныя и разнообразныя свойства, что ихъ можно назвать лучшими комнатными птицами, какихъ имѣетъ Европа.

Каменный дроздъ (Monticola saxatilis). $^1/_2$ естеств. велич.

Синій дроздъ (Monticola cyanus) нѣсколько больше каменнаго, дрозда; длина его равняется 23—25 см. Опереніе самца равномѣрное, аспидно-голубого цвѣта; матово-черныя маховыя и рулевыя перья оторочены голубою каемкой. Глаза каріе, клювъ и ноги черные.

Вся южная Европа, сѣверная Африка и значительная часть средней Азіи служатъ родиной синему дрозду. Въ южныхъ коронныхъ земляхъ Австро-Венгріи, а именно въ Далмаціи, Истріи, Кроаціи и въ южномъ Тиролѣ синіе дрозды встрѣчаются часто. Кромѣ того они встрѣчаются въ Греціи, Италіи, южной Франціи и Испаніи, а также въ Палестинѣ, Египтѣ вплоть до Абиссиніи и въ горахъ Атласа. Зимою синій дроздъ аккуратно появляется въ Индіи, хотя его нельзя считать перелетной птицей въ настоящемъ значеніи слова, потому что уже въ южной Европѣ

онъ встрѣчается изъ году въ годъ на тѣхъ же мѣстахъ, съ тою только разницей, что зимою онъ предпочитаетъ склоны, освѣщаемые солнцемъ.

По своему характеру и образу дѣйствій синій дроздъ очень похожъ на каменнаго дрозда, но во многихъ отношеніяхъ отличается отъ него. Синій дроздъ больше каменнаго любитъ уединеніе, скалы и узкія горныя ущелья, лишенныя деревьевъ, и особенно скалистыя рѣчныя долины. Это чрезвычайно живая, подвижная птица и поетъ весьма усердно. Пѣніе ея хотя уступаетъ пѣнію каменнаго дрозда, но все-таки можетъ считаться превосходнымъ и раздается почти во всякое время года. При надлежащемъ уходѣ синій дроздъ, подобно каменному, живетъ много лѣтъ. Въ Италіи, на Мальтѣ и въ Греціи синяго дрозда очень любятъ, какъ комнатную птицу. Изъ Греціи многіе дрозды вывозятся въ Турцію, а на Мальтѣ хорошіе пѣвцы цѣнятся такъ высоко, что за одного самца платятъ 20 — 30 руб. на наши деньги. Одна богатая жительница острова Мальты считала себя счастливой, что ей удалось купить особенно хорошій экземпляръ синяго дрозда за 75 руб. на наши деньги, а „бывшій владѣлецъ лишь съ трудомъ разстался со своею птицей“.

*

Настоящіе дрозды (Turdus), составляющіе богатый видами родъ, распространенный по всему міру, и члены котораго чрезвычайно похожи другъ на друга по внѣшнему виду и по характеру, принадлежатъ къ крупнымъ пѣвчимъ птицамъ и отличаются болѣе или менѣе продолговатымъ строеніемъ. Клювъ ихъ средней длины, почти прямой, слегка выгнутый вдоль верхушки верхней челюсти, а на концѣ съ небольшой зарубкой, ноги средней длины и тонкія, крылья хоть не особенно длинныя, но сравнительно острыя, третье и четвертое маховое перо длиною превосходятъ остальныя, хвостъ рѣдко бываетъ больше средней длины и обыкновенно прямо обрубленъ или немного закругленъ сбоку, опереніе нѣжное и мягкое, но бородки не особенно длинныя, окраска же птицы весьма разнообразная. У большинства видовъ оба пола окрашены одинаково; но и различіе въ окраскѣ самца и самки случается не рѣдко. Молодыя птицы носятъ пятнистую одежду. Виды дроздовъ, встрѣчающіеся въ Германіи, даютъ намъ понятія о нравахъ и привычкахъ всѣхъ дроздовъ вообще.

Изъ видовъ, размножающихся въ Германіи, самымъ крупнымъ является деряба (Turdus viscivorus). Длина ея равняется 26-ти, а длина хвоста 11-ти см. Опереніе верхней части темно-сѣрое и безъ крапинъ, опереніе боковъ головы чало-ржаво-желтоватое, опереніе нижней части ржаво-желтовато-бѣлое, на горлѣ съ треугольными, на груди съ яйце- или почкообразными буровато-черными пятнами; маховыя перья, большія кроющія перья крыльевъ и рулевыя перья черновато-сѣрыя, окаймленныя свѣтлымъ сѣровато-желтоватымъ ободкомъ. Глаза каріе, клювъ темный, ноги свѣтлаго рогового цвѣта. Самка меньшихъ размѣровъ, нежели самецъ. У молодыхъ птицъ на нижней части тѣла вдоль перьевъ — остроконечныя желтыя пятна, а по краямъ — черныя; кроющія же перья крыльевъ окаймлены желтой оторочкой.

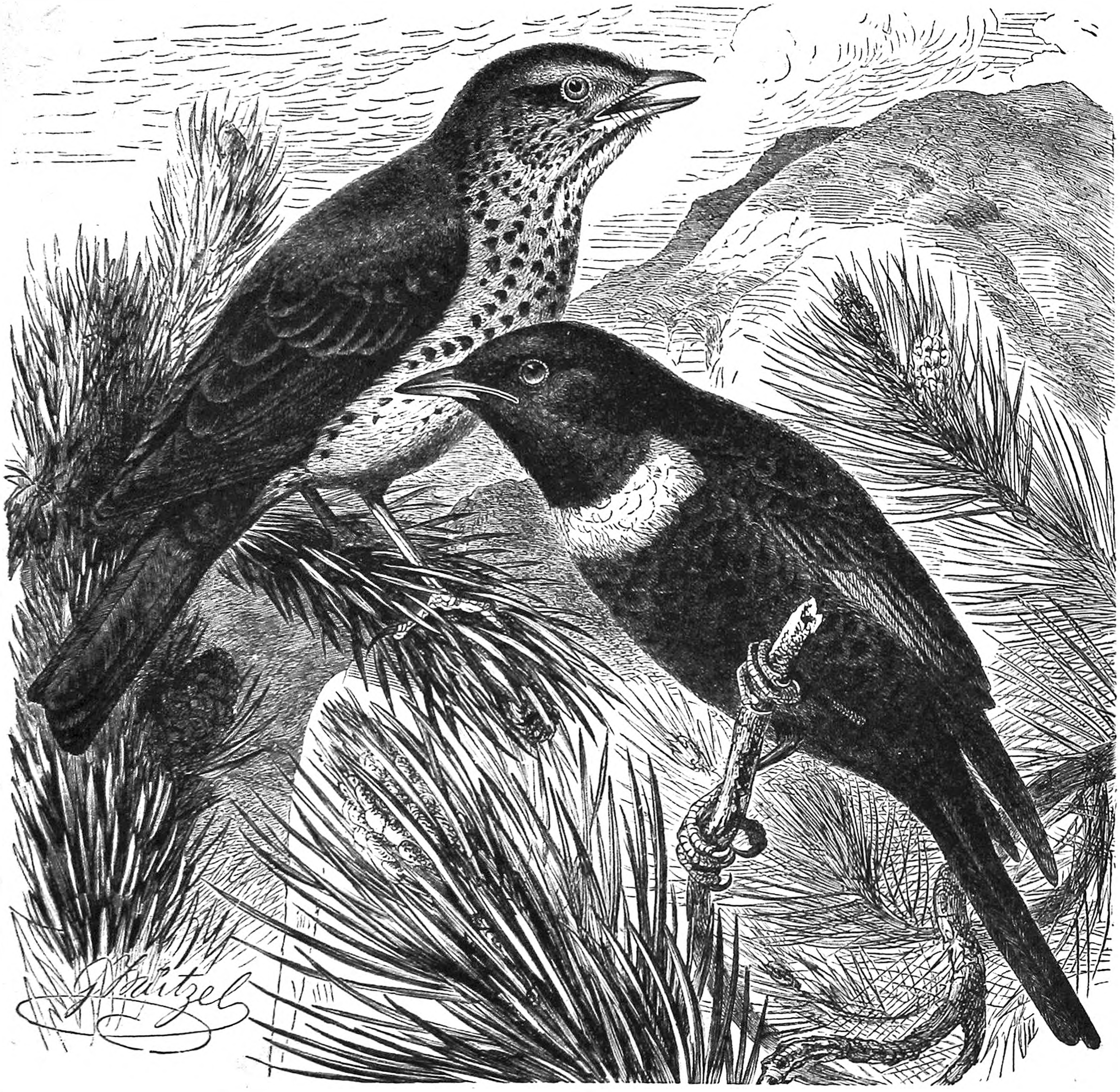
Родиной дерябы являются всѣ европейскія страны, начиная съ самыхъ сѣверныхъ и кончая самыми южными, а также Гималайскій хребетъ; мѣстопребываніемъ ей служатъ всевозможные лѣса съ высокими деревьями, особенно же Шварцвальдъ. Съ далекаго сѣвера она перекочевываетъ въ страны болѣе южныя и болѣе западныя и при этомъ проникаетъ до сѣверной части западной Африки.

Съ дерябой сходенъ, но значительно меньше ея, любимецъ всѣхъ горныхъ жителей пѣвчій дроздъ (Turdus musicus). Длина его 22 см. Опереніе верхней части маслянисто-сѣрое, нижней части — желтовато-бѣлое съ треугольными или яйцеобразными бурыми пятнами, которыхъ на брюшкѣ однако меньше, нежели у дерябы. Нижнія кроющія перья крыльевъ у пѣвчаго дрозда блѣднаго ржаво-желтаго цвѣта, а у дерябы бѣлаго и верхнія кроющія перья крыльевъ отли-

чаются остроконечными грязноватыми, ржаво-желтыми пятнами. Самецъ и самка отличаются другъ отъ друга только величиной.

Пѣвчій дроздъ населяетъ бо́льшую часть Европы, а также сѣверную и среднюю Азію и во время своихъ странствованій нерѣдко появляется въ сѣверо-западной, рѣже въ сѣверо-восточной Африкѣ. Въ Германіи онъ размножается во всѣхъ большихъ лѣсахъ.

Орѣховикъ или красный дроздъ (Turdus iliacus) отличается оливково-землянисто-бурой окраской верхней части; нижняя часть тѣла у

Пѣвчій дроздъ (Turdus musicus) и бѣлозобый дроздъ (Turdus torquatus). ½ естеств. велич.

него бѣловатая, по обѣ стороны груди яркаго ржаво-краснаго цвѣта, на шеѣ желтоватая, вездѣ испещренная темно-бурыми треугольными, круглыми и продолговатыми пятнами. Глаза кофейно-карiе, клювъ черный, ноги красноватыя. Длина птицы 22 сантиметра.

Выводя свое потомство на далекомъ сѣверѣ Европы, а также въ сѣверной и восточной Азіи и въ сѣверо-западной части Гималаевъ, орѣховикъ въ исключительныхъ случаяхъ поселяется также въ болѣе южныхъ широтахъ. Обыкновенно онъ появляется въ Германіи вмѣстѣ съ рябинникомъ и иногда забирается даже въ сѣверную Африку, хотя огромное большинство въ зимнее время находитъ себѣ пріютъ на югъ Европы.

Рябинникъ (Turdus pilaris) отличается пестрымъ опереніемъ. Голова, задняя часть шеи и надхвостье пепельно-сѣрые, верхняя часть спины и мѣста около плечей каштаново-бураго цвѣта, маховыя и хвостовыя перья черныя, кроющія перья крыльевъ снаружи и по краямъ пепельно-сѣрыя, оба крайнія рулевыя пера съ бѣлой оторочкой, горло и передняя часть шеи темнаго ржаво-желтаго цвѣта съ черными продолговатыми пятнами, бурыя перья по бокамъ груди съ бѣловатой каемкой, остальныя нижнія части тѣла бѣлыя. Глаза каріе, клювъ желтый, ноги темно-бурыя. Длина птицы 26 сантиметровъ.

Родина рябинника первоначально находилась на сѣверѣ Европы и Азіи; но вотъ уже въ теченіе трехъ человѣческихъ поколѣній онъ началъ селиться въ Германіи и ютится здѣсь въ лѣсахъ и всевозможныхъ плодовыхъ плантаціяхъ, а также въ садахъ, часто остается на родинѣ и зимою и на югъ забирается самое бо́льшее въ сѣверную Африку, Палестину и Кашмиръ.

На высокихъ горахъ живетъ дроздъ бѣлозобый (Turdus torquatus). Длина его равняется 26 сантиметрамъ. Опереніе самца отличается свѣтлыми пятнами полулунообразной формы на тускло-черномъ фонѣ, за исключеніемъ широкой бѣлой полосы въ видѣ полумѣсяца на груди. Глаза каріе,клювъ черный, нижняя челюсть при основаніи своемъ красновато-желтая, ноги черновато-бурыя.

Бѣлозобый дроздъ горная птица и живетъ всего чаще на высокихъ горахъ средней Европы, рѣже на горахъ средней величины. Въ Скандинавіи онъ встрѣчается столь же часто, какъ и въ Швейцаріи. При перелетѣ онъ пролетаетъ по всѣмъ странамъ Европы, лежащимъ южнѣе Скандинавіи, и добирается до горъ Атласа.

Дроздъ черный (Turdus merula) отличается отъ своихъ родственниковъ своими сравнительно короткими, тупыми крыльями, а также сравнительно длиннымъ, на концѣ закругленнымъ хвостомъ. Опереніе взрослаго самца черное, глаза каріе, края вѣкъ ярко желтые, клювъ оранжево-желтый, ноги темнобурыя. Длина 15 сантиметровъ.

Начиная съ 66° сѣв. широты черный дроздъ водится въ подходящихъ для него мѣстахъ по всей Европѣ, но живетъ также въ западной Азіи, въ сѣверо-западной Африкѣ, на островѣ Мадейрѣ, на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ. Лишь немногіе изъ черныхъ дроздовъ, выросшихъ на далекомъ сѣверѣ, совершаютъ перелеты, но многіе проводятъ зиму уже въ южной Швеціи; большинство черныхъ дроздовъ зимуетъ въ Германіи, преимущественно же самцы. Черный дроздъ предпочитаетъ селиться въ сырыхъ лѣсахъ и въ большихъ рощахъ съ густымъ подлѣскомъ. Но въ привычкахъ и образѣ жизни черныхъ дроздовъ за послѣдніе 50—60 лѣтъ, т. е. отчасти на нашихъ глазахъ, происходитъ весьма знаменательная перемѣна. Еще въ началѣ 30-хъ годовъ Глогеръ могъ выразиться о дроздахъ вообще слѣдующимъ образомъ: это очень робкая лѣсная птица, живущая замкнуто и одиноко, которая никогда безъ нужды не выходитъ на свѣтъ Божій, даже во время странствованій очень неохотно ютится въ небольшихъ и рѣдкихъ рощахъ и почти никогда не садится на открытомъ мѣстѣ или даже на высокомъ деревѣ. Тѣ черные дрозды, которые остались лѣсными птицами, и донынѣ вполнѣ оправдываютъ подобную характеристику; но она уже не подходитъ къ возрастающимъ стаямъ тѣхъ, которые, живя въ западной части Германіи, постепенно проникаютъ въ сады и аллеи среди человѣческихъ поселеній, и здѣсь вполнѣ обжились и сдѣлались довѣрчивыми гостями людей.

Когда „вюрцбургскій процессъ о черныхъ дроздахъ“, рѣшенный въ 1879 г., поднялъ такъ много пыли, возникли споры за и противъ черныхъ дроздовъ, сильно измѣнившихъ свой образъ жизни. Въ томъ, что они клюютъ и портятъ нѣжныя и преимущественно ползучія растенія, легко можетъ убѣдиться всякій любитель садовъ; но не трудно такого рода цѣнныя растенія защищать свободно сплетенной проволочной сѣткой. Судя по произведеннымъ наблюденіямъ, нельзя сомнѣваться

въ томъ, что „черный дроздъ, обжившійся зимою въ городахъ и нерѣдко обильно питавшійся тамъ какъ сырымъ, такъ и варенымъ мясомъ, пріучился удовлетворять свою жадность къ мясу тѣмъ, что внѣ города глотаетъ молодыхъ и, главнымъ образомъ, не оперившихся еще пѣвчихъ птицъ. „Но подобныя разбойническія продѣлки въ чужихъ гнѣздахъ совершаютъ лишь немногіе выродившіеся экземпляры, а не весь родъ. Нельзя также утверждать, что черные дрозды вытѣсняютъ болѣе мелкихъ пѣвчихъ птицъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся въ значительныхъ количествахъ. Разумѣется, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скудна пища, болѣе сильныя птицы мало оставляютъ для пропитанія болѣе слабымъ и такимъ образомъ косвенно вытѣсняютъ ихъ; но отсутствіе болѣе мелкихъ пѣвцовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ обусловливаться другими, не вполнѣ ясными для насъ причинами. Сваливать всю вину на черныхъ дроздовъ только потому, что они остаются въ этихъ мѣстностяхъ, или потому, что нѣкоторые изъ нихъ были замѣчены въ неблаговидныхъ поступкахъ, — было бы слишкомъ рискованно; притомъ многія наблюденія показываютъ, что черные дрозды и болѣе мелкіе пѣвцы прекрасно уживаются въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ.

Кромѣ указанныхъ видовъ, встрѣчающихся въ Германіи, въ ту-же страну залетали не только сибирскіе и сѣверо-американскіе дрозды, но также индійскіе и японскіе.

Дрозды распространены по всей землѣ и живутъ въ разныхъ странахъ и въ разныхъ условіяхъ, но преимущественно всегда и вездѣ селятся въ лѣсу. Менѣе разборчивые, чѣмъ пѣвчія птицы, селящіяся близко къ землѣ, дрозды обживаются во всякой мѣстности; ихъ приковываетъ къ себѣ не только богатый лѣсъ въ равнинахъ или дѣвственный лѣсъ подъ тропиками, но также Шварцвальдъ или рѣдкій кустарникъ степей; даже за предѣлами лѣсовъ, подъ самыми глетчерами или среди глетчеровъ они находятъ пристанища, удовлетворяющія ихъ требованіямъ. Правда, лишь немногіе виды изъ году въ годъ живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; большинство обнаруживаетъ такую страсть къ переселеніямъ, какая рѣдко встрѣчается у птицъ. Тѣ дрозды, которые являются въ Германіи рѣдкими гостями, перебывали почти въ цѣломъ полушаріи земли. Они прилетѣли въ Среднюю Европу изъ восточной Сибири, изъ Камчатки, перелетали даже черезъ Берингово море, и, исколесивъ всю Азію, появились въ Европѣ.

Всѣ дрозды богато одарены отъ природы, очень способны къ передвиженію, ловки, понятливы, смышлены, искусны въ пѣніи, оживлены и безпокойны, общительны, но не миролюбивы. У нихъ много хорошихъ свойствъ, но много и такихъ, которыя мы называемъ дурными. Съ ранняго утра до поздняго вечера они почти непрерывно находятся въ движеніи; только полуденный зной до нѣкоторой степени ослабляетъ ихъ дѣятельность. Своими движеніями они во многихъ отношеніяхъ сходны съ другими дроздовыми птицами. По землѣ они ловко прыгаютъ, подскакивая и притомъ большими прыжками; какъ только замѣчаютъ что нибудь интересное, вздергиваютъ хвостомъ вверхъ, какъ болѣе мелкія дроздовыя, и въ то-же время подергиваютъ крыльями внизъ. По вѣткамъ они прыгаютъ быстро и ловко; перепрыгиваютъ также большія разстоянія, пуская при этомъ въ ходъ крылья. Полетъ у нихъ превосходный. Большинство видовъ, если спугнуть ихъ, порхаютъ, повидимому, неуклюжимъ образомъ надъ землей, по возможности перелетая отъ одного куста къ другому; но тѣ-же самыя птицы плавно и чрезвычайно быстро летятъ по воздуху, какъ только поднимутся на извѣстную высоту.

Внѣшнія чувства ихъ развиты равномѣрно. Дрозды издалека замѣчаютъ даже самыхъ маленькихъ насѣкомыхъ и, летя высоко по воздуху, самымъ точнымъ образомъ различаютъ находящіеся подъ ними предметы; они не только отлично слышатъ, но и весьма точно распознаютъ звуки, какъ это доказывается ихъ пѣніемъ; они большія лакомки, чѣмъ обнаруживаютъ тонкій вкусъ. Душевныя способности ихъ оцѣнитъ каждый, кто знаетъ ихъ. Они не только умны, но и хитры, не только робки, но и разсчетливо-осторожны, смѣлы и въ то же время недовѣрчивы; они быстро понимаютъ и правильно судятъ и пользуются всѣми путями и средствами, чтобы обезпечить свою безопасность. Въ лѣсу они предостерегаютъ объ

опасности, и тревожнымъ крикамъ ихъ внимаютъ не только птицы ихъ рода, но и другія птицы и даже млекопитающія. Все бросающееся въ глаза, все непривычное, новое привлекаетъ ихъ вниманіе. Они подходятъ съ явнымъ любопытствомъ, чтобы лучше разсмотрѣть привлекающій ихъ предметъ, но и тогда не приближаются безъ оглядки, а всегда держатся на благоразумномъ разстояніи. Виды, выросшіе на дальнемъ сѣверѣ, въ безлюдныхъ мѣстахъ, легко поддаются на приманку, повѣшенную на видномъ мѣстѣ или завлекаются въ западни другими птицами одного съ ними вида; но опытъ очень пріучаетъ ихъ быть на-сторожѣ, и разъ обманутые дрозды, никогда уже не могутъ быть обмануты прежнимъ способомъ. Общительность повидимому является потребностью большей части видовъ. Дрозды, какъ уже было замѣчено, далеко не миролюбивы; они часто ссорятся, но не могутъ, какъ о нихъ говорятъ, обходиться другъ безъ друга, и призывной крикъ одного дрозда почти всегда собираетъ около него другихъ. Дрозды соединяются не только съ птицами одного съ ними вида, но вообще со всѣми дроздами, и иногда случается, что дрозды различныхъ видовъ долгое время вмѣстѣ живутъ, вмѣстѣ совершаютъ перелетъ и вмѣстѣ проводятъ зиму на чужбинѣ. Въ крайнихъ случаяхъ дрозды смѣшиваются и съ другими птицами. Попавъ въ неволю, дрозды въ первое время ведутъ себя крайне бурно; но скоро они убѣждаются въ томъ, что хозяинъ, если онъ хорошо обращается съ ними, является ихъ другомъ и искренно къ нему привязываются.

Голосъ и пѣніе дроздовъ въ одно и то же время и сходны, и весьма различны. Призывной голосъ дерябы звучитъ „шнерр“, вродѣ того звука, какой получается, если провести палочкой по зубцамъ гребенки. При волненіи звуки „шнерр“ усиливаются вставляемымъ между нимъ „ра та та“. Тревожный крикъ, представляетъ собою непередаваемый пронзительный звукъ, издаваемый вообще большинствомъ дроздовъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Призывной голосъ пѣвчаго дрозда—это хрипло свистящее, слышное лишь на недалекомъ разстояніи „ципъ“, къ которому часто прибавляется слогъ „так“ или „тэк“. Призывной голосъ рябинника—это быстро и рѣзко выкрикиваемое „чак чак чак“, къ которому прибавляется звонкое „гри гри“, когда птица приглашаетъ къ себѣ другихъ. Призывъ орѣховика звучитъ вродѣ высокаго „ци“, за которымъ слѣдуетъ „гак“, а тревожный крикъ его похожъ на шипящій звукъ „шерр“ или „черр“. Бѣлозобый дроздъ зоветъ „тэк тэк тэк“, чередуя эти звуки съ звукомъ „так“, производимымъ съ сильнымъ удареніемъ; онъ, впрочемъ, по примѣру прочихъ родственниковъ издаетъ также шипящіе звуки. Черный дроздъ призываетъ переливающимися въ видѣ трели звуками „срр“ или „трэнк“, а при видѣ чего нибудь подозрительнаго звонко и подозрительно кричитъ „дикс, дикс“, послѣ чего въ случаѣ необходимости раздается быстрое „гри гих гих“. Всѣ эти звуки, которые могутъ быть переданы лишь крайне несовершеннымъ образомъ, сильно мѣняются въ зависимости отъ обстоятельствъ. Впрочемъ, звуки эти понятны всѣмъ дроздамъ; ибо одинъ видъ идетъ на призывной голосъ другого, а тревожный крикъ принимается во вниманіе всѣми.

Пѣніе дроздовъ — одно изъ лучшихъ у всѣхъ пѣвчихъ птицъ. Всѣхъ лучше поетъ пѣвчій дроздъ, почти на одной доскѣ съ нимъ стоитъ черный дроздъ; за ними слѣдуютъ деряба и рябинникъ. Норвежецъ съ гордостью величаетъ пѣвчаго дрозда „сѣвернымъ соловьемъ“. Пѣніе его содержательное, благозвучное и разносится на далекое разстояніе. Съ флейтовыми звуками правда переплетаются и пронзительные, менѣе громкіе и не особенно пріятные; но это почти что не мѣшаетъ пріятности общаго впечатлѣнія. Пѣніе чернаго дрозда врядъ-ли уступаетъ пѣнію пѣвчаго, отличаясь многими удивительно красивыми строфами, но не звучитъ такъ весело, а скорѣе носитъ характеръ болѣе торжественный и печальный, нежели пѣніе его даровитаго родственника. Пѣніе дерябы состоитъ изъ немногихъ, самое большое изъ 5—6 строфъ, не особенно сильно отличающихся другъ отъ друга и притомъ почти исключительно слагающихся изъ полныхъ флейтовыхъ звуковъ, почему это пѣніе и можетъ считаться превосходнымъ. То же самое можно сказать объ орѣховикѣ и бѣлозобомъ дроздѣ. „Пѣніе ихъ“, говоритъ

Чуди, „которому правда не хватаетъ нѣжности, присущей соловьиному щелканью, раздается радостными хорами въ сотню голосовъ изъ всѣхъ нагорныхъ лѣсовъ и сообщаетъ несказанно-радостную жизнь тихому и величественному горному пейзажу.“ Для дроздовъ характерна самая ихъ манера пѣть. Не мѣшаетъ замѣтить, что пѣніе ихъ находится повидимому въ противорѣчіи съ ихъ поведеніемъ. Многія птицы сопровождаютъ свои пѣсни оживленными движеніями; дрозды же во время пѣнія сидятъ смирно, и самыя пѣсни ихъ звучатъ спокойно и торжественно, словно церковное пѣніе. Каждая отдѣльная строфа закруглена, каждый звукъ законченъ, такъ что пѣніе дроздовъ скорѣе подходитъ къ лѣсу, чѣмъ къ комнатѣ. Черный дроздъ, живущій въ Германіи, начинаетъ пѣть уже въ февралѣ, когда въ лѣсахъ еще лежатъ снѣгъ и ледъ; пѣвчій дроздъ, пребывающій въ это время въ чужихъ краяхъ, вспоминаетъ свою родину и повидимому привѣтствуетъ ее пѣніемъ. Какъ у большинства хорошихъ пѣвцовъ, между самцами происходитъ соревнованіе. Когда одинъ дроздъ начинаетъ пѣть, то всякій другой, слышащій это пѣніе, стремится отвѣтить ему тоже пѣніемъ. Одинъ дроздъ также учится у другого: хорошіе пѣвцы воспитываютъ прекрасныхъ учениковъ, плохіе портятъ цѣлыя поколѣнья. Особенно черный дроздъ легко перенимаетъ пѣніе другихъ птицъ своего вида и даже птицъ другихъ родовъ и иногда дѣлается настоящимъ пересмѣшникомъ. Каждый дроздъ въ пѣніи своемъ обнаруживаетъ повидимому нѣкоторое тщеславіе; ибо, имѣя обыкновеніе скрываться, онъ держится совершенно открыто, когда начинаетъ пѣть. Тогда онъ обыкновенно усаживается на верхушкѣ высокаго дерева и оттуда распространяетъ свои чудные звуки по всему лѣсу.

Пища дроздовъ состоитъ изъ насѣкомыхъ, улитокъ и червей, а осенью и зимою изъ ягодъ. Указанныхъ мелкихъ животныхъ дрозды бо́льшею частью подбираютъ съ земли, а потому ежедневно проводятъ на землѣ по нѣскольку часовъ. Изъ лѣсу они вылетаютъ на луга и поля, на берега рѣкъ и ручьевъ и въ другія мѣста, гдѣ есть надежда поживиться. Здѣсь они подбираютъ кормъ или роются въ облетѣвшихъ листьяхъ, разыскивая скрытые въ нихъ запасы. На летающихъ насѣкомыхъ они обращаютъ мало вниманія, но иные дрозды въ нѣкоторыхъ случаяхъ не безъ искусства охотятся на воздухѣ. Большей части видовъ повидимому очень нравятся ягоды, и одни дрозды любятъ одни сорта ягодъ, другіе—другіе сорта. Такъ деряба имѣетъ пристрастіе къ ягодамъ омелы, вездѣ разыскиваетъ ихъ и изъ за нихъ страшно ссорится съ другими птицами своего вида. Уже древніе утверждали, что омела только дерябами и распространяется, и это предположеніе кажется имѣетъ основаніе. Дроздъ бѣлозобый послѣ выведенія птенцовъ отыскиваетъ вмѣстѣ съ своей семьей кусты черники и такъ наѣдается ею, что мясо его становится синимъ, кости красными, а перья пятнистыми. Рябинникъ зимою самымъ тщательнымъ образомъ разыскиваетъ ягоды на кустахъ можжевельника и такъ много съѣдаетъ ихъ, что мясо его вслѣдствіе этого получаетъ особенный пріятный привкусъ. Кромѣ того, всѣ дрозды поѣдаютъ землянику, малину, ежевику, смородину, красную и черную бузину, бруснику, черемуху, крушину, калину, рябину, вишни, виноградъ и т. д.

Вскорѣ по возвращеніи на родину дрозды приступаютъ къ размноженію, причемъ живущіе на сѣверѣ не раньше однако начала іюня. Многіе виды, а именно рябинникъ и бѣлозобый дроздъ, сохраняютъ свою общительность и при произведеніи потомства, другіе же на это время отстраняются отъ себѣ подобныхъ и ревностно оберегаютъ отвоеванный участокъ. Расположеніе гнѣздъ различно и зависитъ отъ вида и мѣста жительства птицъ; но сами гнѣзда по существу своему очень сходны между собою. Деряба вьетъ себѣ гнѣздо уже въ мартѣ, обыкновенно на хвойномъ деревѣ и бо́льшею частью на высотѣ 10—15 метровъ надъ поверхностью земли. Гнѣздо сооружается изъ тонкихъ сухихъ прутиковъ, стебельковъ, лишаевъ, древеснаго и земляного моха съ прилипшей къ нему землей, изъ тоненькихъ корешковъ или вѣточекъ и т. п.; внутри оно аккуратно и гладко выстилается сухими листьями, травкой и цвѣтовыми метелочками. Въ гнѣздо кладется 4—5 сравнительно небольшихъ яицъ съ гладкой скорлупой и съ круп-

ными или мелкими фіолетово-сѣрыми точками на свѣтломъ фонѣ цвѣта морской волны. Въ сколько нибудь благопріятные годы парочка выводитъ дѣтенышей дважды въ теченіе лѣта. Гнѣздо пѣвчаго дрозда обыкновенно устраивается ниже прочихъ, бо́льшею частью на небольшихъ деревьяхъ или въ кустахъ; оно сооружается изъ такого же матеріала, но изящнѣе, съ болѣе тонкими стѣнками и внутри выложено прочно и опрятно проклеваннымъ насквозь гнилымъ деревомъ, склееннымъ слюною и очень гладко выровненнымъ помощью клюва. Въ началѣ апрѣля въ гнѣздѣ оказывается 4 — 6 яицъ, блестящихъ и гладкихъ, съ черными или черно-бурыми пятнами побольше или поменьше на фонѣ цвѣта морской волны. Еще до наступленія лѣта происходитъ вторичная кладка. Рябинникъ уже въ теченіе цѣлаго почти столѣтія вьетъ себѣ гнѣзда между прочимъ и въ Германіи; но настоящими мѣстами, гдѣ онъ выводитъ дѣтенышей, являются береговыя рощи на сѣверѣ. Здѣсь почти на каждомъ деревѣ можно увидѣть гнѣздо рябинника. На нѣкоторыхъ деревьяхъ такихъ гнѣздъ находится 5—10, изъ которыхъ однако большею частью въ извѣстное время употребляется лишь одно; отсюда слѣдуетъ, что одна и та-же часть лѣса ежегодно снова посѣщается для выведенія потомства. Въ то время, какъ птицы сидятъ на яйцахъ или только что вывели птенцовъ, въ этихъ частяхъ лѣса царствуетъ чрезвычайное оживленіе. Весь лѣсъ полонъ пѣніемъ и тревожными криками дроздовъ, ибо парочекъ, высиживающихъ или воспитывающихъ птенцовъ, насчитываются цѣлыя сотни Пять-шесть яицъ, снесенныхъ въ гнѣздо, отличаются тускло или ярко зеленымъ фономъ, испещреннымъ красно-бурыми расплывающимися или рѣзко очерченными пятнами и точками, которыя на толстомъ концѣ обыкновенно чаще, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и иногда расположены въ видѣ вѣнца.

Наконецъ, черный дроздъ, не поселившійся въ городахъ или деревняхъ, вьетъ себѣ гнѣзда въ чащѣ, охотнѣе всего на молодыхъ хвойныхъ деревьяхъ и всегда близко къ землѣ, иной разъ даже на самой землѣ. Гнѣздо въ различныхъ мѣстностяхъ бываетъ различно. Если оно сооружается въ дуплахъ съ большимъ отверстіемъ, какъ это случается нерѣдко, то представляетъ собою сплетеніе мха и сухой травы; если оно расположено на открытомъ мѣстѣ, то внѣшнія стѣнки составлены изъ тонкихъ корешковъ, стебельковъ и травъ, а внутренность выложена слоемъ жирной влажной земли, тщательно выровненной, но остающейся влажной. При очень благопріятной погодѣ уже въ половинѣ марта, въ противномъ случаѣ въ концѣ мѣсяца, въ гнѣздѣ чернаго дрозда можно найти 4—6 сравнительно большихъ яицъ со множествомъ свѣтло-коричневыхъ или ржавыхъ пятенъ, крапинъ и точекъ на блѣдномъ голубовато-зеленоватомъ фонѣ. Вторично яица кладутся въ началѣ мая. Самецъ смѣняетъ самку только въ обѣденные часы; но оба родителя самымъ нѣжнымъ образомъ любятъ свое потомство и обнаруживаютъ сильный страхъ, когда къ гнѣзду приближается какой нибудь врагъ. Иногда дрозды прямо нападаютъ на приближающагося врага, сталкиваютъ его внизъ, летаютъ передъ нимъ и стараются такимъ образомъ испугать его. Если храбрость оказывается безполезною, то они прибѣгаютъ къ хитрости, прикидываются хромыми или больными, порхаютъ и прыгаютъ по землѣ повидимому съ величайшимъ усиліемъ, отвлекаютъ отъ гнѣзда хищника, поддающагося на эти штуки, завлекаютъ его все дальше и дальше и затѣмъ весело возвращаются къ своимъ птенцамъ. Послѣ усерднаго высиживанья въ теченіе 14—16 дней изъ яицъ выходятъ молодыя птицы, которыхъ кормятъ преимущественно насѣкомыми и о которыхъ чрезвычайно заботятся; черезъ три недѣли онѣ уже способны летать. Спустя нѣсколько недѣль послѣ того, какъ онѣ вылетѣли изъ гнѣзда, молодыя птицы линяютъ и когда наступаетъ время перелета, онѣ уже успѣваютъ облечься во вторую одежду.

Кромѣ чернаго дрозда, всѣ средне-европейскіе дрозды осенью покидаютъ родину и переселяются въ болѣе южныя страны. Для дроздовъ, живущихъ на далекомъ сѣверѣ, мѣстомъ зимовки можетъ уже служить Германія; но большинство устремляется на зиму въ южную Европу. Здѣсь въ зимніе мѣсяцы вездѣ кишмя кишатъ дрозды. На солнечныхъ склонахъ высокихъ горъ Испаніи поселяются

болѣе или менѣе многочисленными стаями бѣлозобые дрозды; въ лѣсахъ, кустахъ и виноградникахъ цѣлыми тысячами появляются пѣвчіе и орѣховики. Деряба встрѣчается рѣже, если только эти дрозды, попадающіеся въ Испаніи, вообще могутъ считаться перелетными птицами; рябинникъ принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ зимнимъ гостямъ Иберійскаго полуострова. То-же самое можно сказать о южной Италіи и Греціи. Всѣ дрозды странствуютъ большими обществами, иногда огромными стаями, которыя собираются уже на сѣверѣ, и летятъ на большой высотѣ, почти на высотѣ 2000 метровъ. „Осенью 1852 года“, разсказываетъ Гадамеръ, „я вдругъ услышалъ надъ собою въ лѣсу страшный гулъ, соединенный съ рѣзкимъ воющимъ звукомъ. Шумъ испугалъ меня, такъ какъ я подумалъ, что это падаетъ метеоръ. Вскорѣ однако загадка разрѣшилась, ибо я внезапно очутился среди стаи дроздовъ, числомъ болѣе 10,000; низвергнувшись съ большой высоты, они расположились на окружавшихъ меня деревьяхъ. Они ринулись внизъ съ такой быстротою, что я не могъ увидѣть птицъ, прежде чѣмъ онѣ ударились о деревья“. Мы можемъ допустить, что и въ прежнія времена дроздовъ ловили такъ-же, какъ и теперь, хотя прежде можетъ быть не употребляли птицеловныхъ токовъ и волосяныхъ силковъ, какъ въ настоящее время. Теперь впрочемъ и тотъ, и другой способъ ловли птицъ начинаетъ выходить изъ обыкновенія; въ Италіи же, въ Испаніи и въ Греціи всѣ разставляютъ сѣти и силки дроздамъ, и количества истребляемыхъ тамъ птицъ почти невозможно исчислить.

Всѣ дрозды легко привыкаютъ къ неволѣ; ихъ благозвучное и громкое пѣніе пожалуй однако слишкомъ сильно для тѣсной комнаты, а ненасытная ихъ прожорливость влечетъ за собой нѣкоторыя непріятныя послѣдствія, которыхъ немыслимо устранить вполнѣ даже самой тщательной чисткой. Зато большую общую клѣтку, устроенную на открытомъ воздухѣ, дрозды оживляютъ самымъ пріятнымъ образомъ. Ихъ живость и подвижность доставляетъ имъ искреннихъ друзей, а ихъ чудное пѣніе приводитъ любителя въ восхищеніе уже въ первые мѣсяцы года, когда прочія птицы еще молчатъ.

Второе подсемейство пѣвчихъ птицъ состоитъ изъ славковыхъ птицъ (Sylviinae) — маленькихъ, продолговатыхъ птичекъ съ изящнымъ, тонкимъ, шилообразнымъ клювомъ, загнутымъ на верхушкѣ, причемъ кончикъ верхней части клюва нѣсколько выступаетъ сравнительно съ нижней, съ короткими ногами, которыя не бываютъ больше средней длины, крыльями средней длины, большею частью закругленными, болѣе или менѣе длиннымъ или короткимъ хвостомъ различной формы и съ мягкимъ шелковистымъ опереніемъ.

Къ этому подсемейству принадлежитъ нѣсколько болѣе 100 видовъ пѣвчихъ птицъ. Онѣ водятся во всей восточной половинѣ земного шара, но не встрѣчаются въ Америкѣ. Славковыя птицы живутъ во всѣхъ областяхъ и поясахъ широты и долготы и въ нихъ нигдѣ нѣтъ недостатка, гдѣ мѣстность покрыта растительностью; онѣ обитаютъ какъ въ лѣсу, такъ и въ отдѣльныхъ кустахъ, какъ въ высокоствольномъ хвойномъ лѣсу, такъ и въ камышѣ и тростникѣ; онѣ поэтому оживляютъ самыя разнообразныя мѣстности и притомъ большею частью чрезвычайно пріятнымъ образомъ, благодаря своимъ богатымъ способностямъ. Живыя и дѣятельныя, подвижныя и безпокойныя, онѣ съ неподражаемой ловкостью пробираются сквозь самыя густыя части разнообразнѣйшихъ растеній. Онѣ такъ же искусно двигаются по вѣтвямъ деревьевъ, какъ и по запутанной чащѣ кустарниковъ и по самому густому камышу; онѣ часто бѣгаютъ такъ же хорошо, какъ и ползаютъ и летаютъ если не превосходно, то въ большинствѣ случаевъ очень недурно и даже при полетѣ продѣлываютъ всякія штуки. Всѣ члены цѣлыхъ родовъ иногда принадлежатъ къ наиболѣе прекраснымъ изъ извѣстныхъ намъ пѣвцовъ; иные являются даже настоящими мастерами этого искусства. Ихъ умственныя способности также можно назвать хорошо развитыми. Внѣшнія чувства развиты повидимому довольно равномѣрно, а смышленность ихъ не можетъ не оцѣнить всякій, близко съ ними познакомившійся. Онѣ умны, умѣютъ устроиться

сообразно съ обстоятельствами, отличаютъ друзей отъ враговъ, проявляютъ довѣрчивость вездѣ, гдѣ для этого имѣются основанія, и робость, гдѣ терпѣли преслѣдованія, обнаруживаютъ хитрость и честность, прямоту, преданность и подозрительность; съ другими птицами живутъ въ ладу до тѣхъ поръ, пока это оказывается возможнымъ, а съ себѣ подобными — въ согласіи, пока вмѣстѣ съ любовью не пробуждается въ нихъ ревность; онѣ являются вѣрными супругами и любящими родителями, жертвуютъ собою самымъ трогательнымъ образомъ для своего потомства, словомъ, соединяютъ въ себѣ самыя разнообразныя и прекрасныя качества.

Всѣ славковыя птицы, живущія на сѣверѣ Германіи, — птицы перелетныя; большинство изъ нихъ появляются на родинѣ только съ наступленіемъ весны. Затѣмъ каждая парочка отграничиваетъ себѣ бо́льшій или меньшій участокъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ терпитъ въ этомъ участкѣ присутствіе другой пары себѣ подобныхъ. Вслѣдъ за выборомъ участка начинается сооруженіе гнѣзда, которое у различныхъ видовъ вьется и располагается различнымъ образомъ. Обыкновенно родители побчередно сидятъ на своихъ 4—6, самое большее 8-ми яйцахъ, и оба съ одинаковымъ усердіемъ растятъ своихъ дѣтенышей. Молодыхъ птицъ кормятъ исключительно насѣкомыми, которыя составляютъ главную пищу старыхъ птицъ, хотя эти послѣднія осенью не пренебрегаютъ ягодами и всякими другими плодами. Замѣтнаго вреда не причиняетъ намъ ни одна славковая птица, но пользу приноситъ всякая, хотя иногда въ этомъ и трудно бываетъ убѣдиться. Поэтому всѣ онѣ заслуживаютъ съ нашей стороны любви и защиты, которыя къ счастью онѣ почти всегда и встрѣчаютъ со стороны старыхъ и молодыхъ, благодаря своему превосходному пѣнію; всѣ онѣ также годятся въ комнатныя птицы и въ этомъ отношеніи имѣютъ преимущество передъ многими другими.

*

Отличительными признаками завирушекъ (Accentor) являются сильное туловище, конусообразный, шиловидный прямой клювъ средней длины, сильно втянутый на остромъ концѣ своемъ, — причемъ щелеобразныя носовыя отверстія сверху покрыты кожей, — ноги средней вышины, нѣсколько толстыя, съ короткими, но сильными пальцами, крылья довольно длинныя или средней длины, и въ нихъ обыкновенно самымъ длиннымъ бываетъ третье или четвертое маховое перо, короткій, не особенно широкій хвостъ и неплотно прилегающее опереніе. Самецъ и самка мало отличаются другъ отъ друга, но молодыя птицы замѣтно отличаются отъ старыхъ.

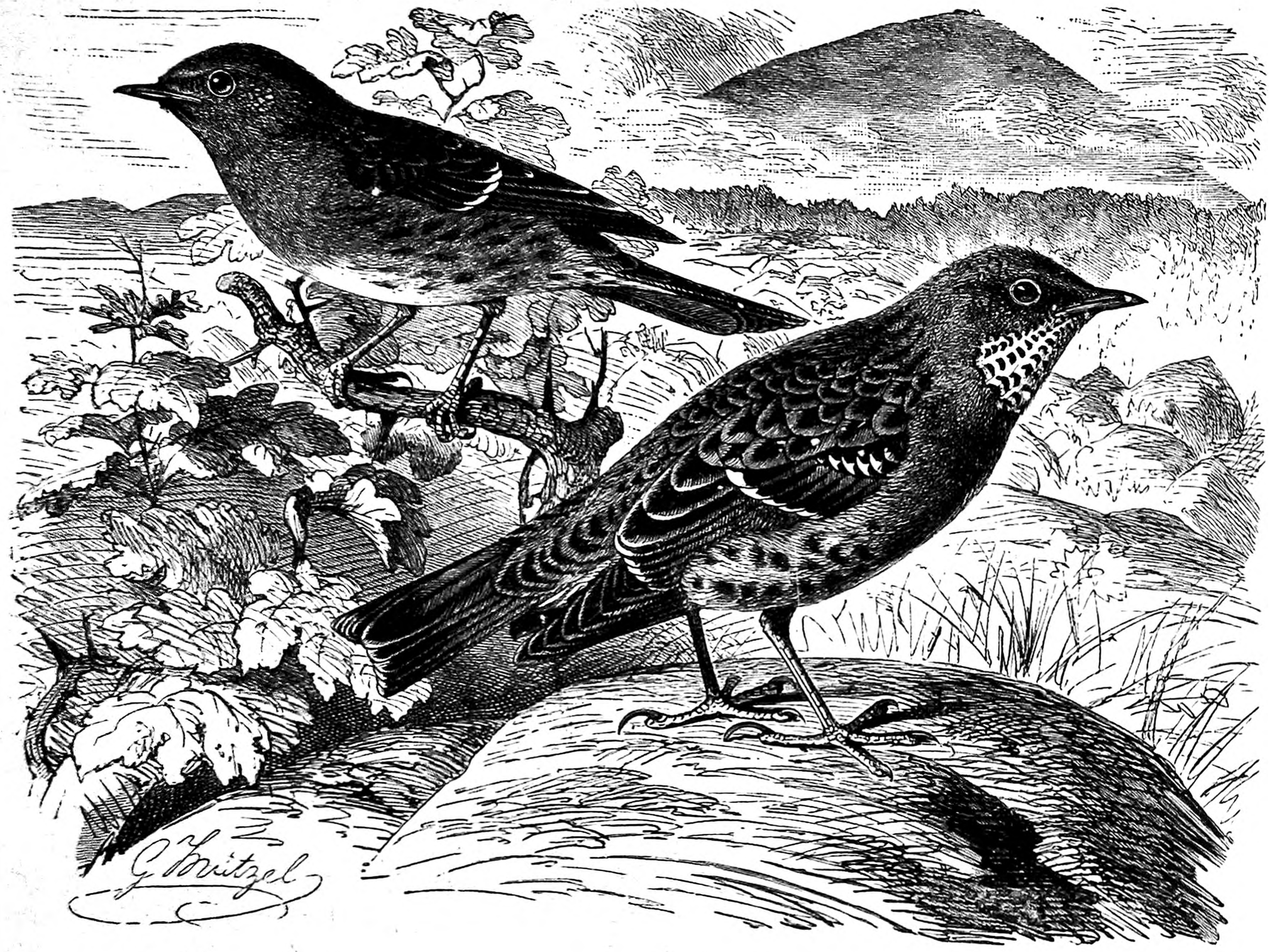
Къ этому роду причисляется до двѣнадцати видовъ; область распространенія ограничивается Европой и умѣренной частью Азіи. Въ Европѣ встрѣчается только два вида. Большинство этихъ птицъ живутъ на горахъ и преимущественно пребываютъ на землѣ, прыгаютъ въ особомъ согнутомъ положеніи болѣе или менѣе быстро, летаютъ почти всегда низко надъ землею и ищутъ себѣ пищу на землѣ или въ низкомъ кустарникѣ; пища эта состоитъ изъ насѣкомыхъ, ягодъ и мелкихъ сѣмянъ. Съ наступленіемъ зимы иныя изъ нихъ покидаютъ сѣверъ и направляются въ болѣе южныя страны; другія съ вершинъ своихъ горъ спускаются въ болѣе низменныя мѣстности и поселяются на южныхъ склонахъ горъ. Уже въ началѣ года онѣ приступаютъ къ размноженію, строютъ довольно искусно гнѣзда и кладутъ 3—6 зеленоватыхъ яицъ.

Завирушка лѣсная (Accentor modularis) отличается пепельно-сѣрой окраской головы, шеи, горла и зоба, подбородокъ у нея бѣловато-сѣрый, на верхней части головы замѣчаются неопредѣленныя бурыя полоски на стержняхъ; около ушей опереніе буроватое съ болѣе свѣтлыми полосками, грудь и брюшко бѣловатыя, сбоку буроватыя съ темными полосками на стержняхъ, нижнія перья хвоста бурыя, каждое съ бѣловатой каемкой; маховыя и рулевыя перья буровато-черныя, снаружи отороченныя ржаво-бурой каймой. Глаза свѣтло-каріе, клювъ бурый, ноги красноватыя. Длина равняется 15 см.

Начиная съ 64° сѣверной широты и до Пиренеевъ, Альпъ и Балкановъ, лѣсная завирушка, повидимому, вездѣ выводитъ птенцовъ; но она встрѣчается еще

сѣвернѣе и зимою всегда появляется на югѣ Европы, забирается иногда даже въ сѣверную Африку и въ западную Азію. Въ среднюю Германію она прилетаетъ въ мартѣ, нѣкоторое время пребываетъ въ живыхъ изгородяхъ или въ кустарникахъ, а затѣмъ направляется на то мѣсто, гдѣ выводитъ свое потомство, въ лѣсъ, въ хвойныя и лиственныя рощи, отдавая предпочтеніе горнымъ странамъ передъ равниной.

„По складу своему," пишетъ мой отецъ, „лѣсная завирушка такъ непохожа на другихъ птицъ, что знатокъ уже издали отличитъ ее по ея образу дѣйствій. Она чрезвычайно ловко прыгаетъ не только въ самой чащѣ кустарника, но и по землѣ, ползаетъ по всякимъ укромнымъ уголкамъ, пробирается сквозь сухую густую траву, обыскиваетъ облетѣвшіе листья и во всемъ этомъ обнаруживаетъ большую лов-

Завирушка лѣсная (Accentor modularis) и завирушка альпійская (Accentor collaris). ½ естеств. велич.

кость. По землѣ она прыгаетъ такъ быстро, что наблюдатель можетъ принять ее за бѣгущую мышь. Пѣніе ея состоитъ изъ немногихъ звуковъ, которые перемѣшиваются между собой и не имѣютъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго. Призывной голосъ звучитъ вродѣ „ди ди дій" или „фри фри"; выраженіемъ страха служитъ звонкое „дидид", крикъ, издаваемый ею на лету, звучитъ какъ „бибибиль"; пѣніе состоитъ главнымъ образомъ изъ звуковъ „дидидейде". Всѣ птицы поютъ почти одинаково; но въ пѣніи ихъ замѣчены незначительныя отклоненія. Лѣтомъ лѣсная завирушка питается главнымъ образомъ насѣкомыми, а именно жучками и ихъ личинками; во время перелета она ѣстъ почти только мелкія зерна и глотаетъ крупинки песку для облегченія пищеваренія.

Лѣсныя завирушки быстро привыкаютъ къ неволѣ и скоро становятся совсѣмъ ручными. Любитель птицъ цѣнитъ ихъ за ихъ довѣрчивость, несмотря на то, что пѣніе ихъ весьма посредственно.

На болѣе высокихъ горахъ южной и средней Европы часто встрѣчается альпійская завирушка (Accentor collaris).

Эта птица нѣсколько похожа на жаворонка. Верхнія части у нея сѣровато-бурыя, затылокъ и бока шеи болѣе сѣрые, кроющія перья передней части спины и плечи отличаются широкими темно-бурыми пятнами на стержняхъ, перья на подбородкѣ и на горлѣ бѣлыя съ черными полосками по краямъ, прочія нижнія части буровато-сѣрыя, по бокамъ ржаво-красныя, маховыя и покровныя перья крыльевъ буровато-черныя, перья хвоста черно-бурыя, снаружи окаймленныя чало-бурой полоской, на концѣ внутренней бородки ржаво-бѣловатыя. Глаза каріе, клювъ цвѣта чернаго рога, ноги желтовато-буроватыя. Длина птицы 18 сантиметровъ.

На Альпахъ эта птица вездѣ встрѣчается часто, на Исполинскихъ горахъ — рѣже, но все-таки всегда аккуратно появляется. Въ Швейцаріи она, какъ кажется, водится на всѣхъ горныхъ хребтахъ; по крайней мѣрѣ Гиртаннеръ встрѣчалъ ее на горахъ вездѣ, гдѣ имѣлись на лицо всѣ условія, какія она предъявляетъ къ жизни. Въ Исполинскихъ горахъ она водится въ немногихъ мѣстахъ, а именно на вершинахъ и на высокихъ утесахъ этихъ горъ, гдѣ, разъ подмѣтивъ ее, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, можно всегда увидѣть ее на томъ же мѣстѣ, такъ какъ ей повидимому совершенно достаточна область въ нѣсколько гектаровъ. Въ Швейцаріи она почти всегда встрѣчается небольшими стаями, которыя повидимому предпочитаютъ держаться близъ хижинъ пастуховъ и хлѣвовъ скота, чѣмъ въ уединеніи горъ; по крайней мѣрѣ, онѣ показываются вблизи этихъ строеній, когда погода бываетъ бурная или на вершинахъ горъ идетъ снѣгъ. На такую вышину, какъ горный зябликъ, альпійская завирушка никогда не забирается, охотнѣе всего она пребываетъ на каменныхъ откосахъ, прилегающихъ къ скаламъ и не лишенныхъ всякой растительности. На защищенныхъ отъ дождя уступахъ этихъ стѣнъ помѣщается обыкновенно гнѣздо парочки. Для пѣнія самецъ выбираетъ себѣ или торчащую скалу, или отдѣльно лежащій высокій камень. Пѣніе этой птицы не представляетъ собою ничего особеннаго, но оно не скучно и вполнѣ соотвѣтствуетъ кроткому, привѣтливому нраву самого пѣвца.

Никѣмъ не наблюдаемая или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ увѣренная въ своей безопасности, стая альпійскихъ завирушекъ непрерывно прыгаетъ по скаламъ и камнямъ, поросшимъ мхомъ, все время издавая привѣтливые призывные возгласы и мало по малу подвигаясь. Тѣмъ временемъ онѣ схватываютъ клювомъ то насѣкомое, то зернышко, то червячка, то ягоду, ибо завирушка ѣстъ все, что́ только не слишкомъ твердо и не оказываетъ слишкомъ сильнаго сопротивленія. Пока возможно, т. е. пока массы снѣгу не засыплютъ горы толстымъ покровомъ, альпійская завирушка пребываетъ на вершинахъ, но, разумѣется, спускается внизъ, когда зима налагаетъ свою холодную руку на источникъ пропитанія этой птицы. Зимою она спускается до горныхъ деревень, вмѣстѣ съ каменнымъ вороном и горнымъ зябликомъ отыскиваетъ лошадиные слѣды на дорогѣ или появляется даже среди мирныхъ хижинъ альпійскихъ жителей.

Если лѣтомъ погода благопріятная, то альпійская завирушка выводитъ птенцовъ дважды; яйца въ гнѣздѣ ея можно найти какъ раннею весною, такъ и въ концѣ іюля. Гнѣздо сооружается въ трещинахъ камней и въ углубленіяхъ подъ скалами или въ густомъ кустарникѣ альпійскихъ розъ; оно всегда располагается въ скрытыхъ, укромныхъ мѣстахъ, строится изъ земляного мха и травы и внутри тщательно выстилается самымъ тонкимъ мхомъ или шерстью, конскимъ волосомъ или волосами коровъ. Голубовато-зеленоватыя, продолговатыя яйца, съ гладкой скорлупой кладутся въ числѣ 4—6 и отличаются только по величинѣ отъ яицъ лѣсной завирушки.

Къ неволѣ альпійскія завирушки привыкаютъ быстро, скоро дѣлаются ручными, при надлежащемъ уходѣ выживаютъ въ клѣткѣ по нѣскольку лѣтъ и доставляютъ людямъ удовольствіе своимъ пріятнымъ, нѣжнымъ пѣніемъ и тою неутомимостью, съ которой онѣ распѣваютъ свою простую пѣсню.

*

Изъ всѣхъ родовъ разсматриваемаго подсемейства самый извѣстный это славки (Sylvia). Отличительные признаки ихъ составляютъ стройное сложе-

ніе, конусообразный, шиловидный клювъ, нѣсколько изогнутый наверху и загибающійся на кончикѣ внизъ, причемъ верхняя часть выступаетъ надъ нижней, а передъ кончикомъ находится небольшой вырѣзъ; сильныя, довольно короткія ноги, слегка закругленныя крылья средней длины, короткій или средней длины хвостъ и наконецъ обильное, мягкое, шелковистое и обыкновенно не особенно ярко окрашенное опереніе.

Славки, обнимающія около 23-хъ видовъ, живутъ въ восточномъ полушаріи, бо́льшею частью въ сѣверной его части, т. е. въ Старомъ Свѣтѣ, селятся въ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсахъ, въ кустарникахъ и въ садахъ, водятся какъ на горныхъ вершинахъ, такъ и въ низменностяхъ, соединяютъ въ себѣ почти всѣ дарованія, какими отличаются члены этого семейства, поютъ превосходно, питаются насѣкомыми, пауками, плодами и ягодами и устраиваютъ себѣ низко въ кустарникѣ незатѣйливыя гнѣзда.

Изъ всѣхъ видовъ этого рода, живущихъ въ Германіи, наибольшей величиною отличается пестрогрудка или ястребиная славка (Sylvia nisoria). Длина ея 18 см. Верхняя часть оперенія оливково-сѣрая, верхняя часть головы, нѣсколько темнѣе, нижняя часть тѣла бѣлая, по бокамъ тѣла и головы по подбородку и горлу проходятъ узкія темныя полоски на концахъ перьевъ, подъ крыльями и подъ кроющими перьями хвоста — темныя клинообразныя пятна.

Начиная съ южной Швеціи, пестрогрудка населяетъ или посѣщаетъ всю среднюю и южную Европу, кромѣ Великобританіи, западную Азію и сѣверный Китай, а зимою забирается до центральной Африки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, а именно на лугахъ и на поросшихъ кустарникомъ берегахъ большихъ рѣкъ, пестрогрудка встрѣчается часто, въ другихъ же мѣстахъ она вовсе не водится или принадлежитъ къ крайне рѣдкимъ явленіямъ. Въ Германіи она никогда не появляется раньше послѣдняго дня апрѣля, а большею частью — въ началѣ мая и остается самое бо́льшее до августа.

По землѣ она двигается тяжеловѣсно, а потому рѣдко спускается на землю, зато хорошо, хотя неохотно, летаетъ и съ поразительной ловкостью пробирается сквозь вѣтви деревьевъ. Призывной голосъ ея — щелкающій звукъ „чек“, предостерегающій крикъ — хриплое „ерр“; пѣніе ея представляетъ какъ бы соединеніе пѣнія садовой и полевой славки и бываетъ различно въ различныхъ мѣстностяхъ, но въ общемъ оно благозвучно и разнообразно.

При надлежащемъ уходѣ пестрогрудка такъ же скоро привыкаетъ къ клѣткѣ, какъ ея прочіе родственники, живущіе въ Германіи; она не болѣе прихотлива, чѣмъ ея родственники, скоро начинаетъ пѣть въ неволѣ, а подъ конецъ становится совсѣмъ ручной.

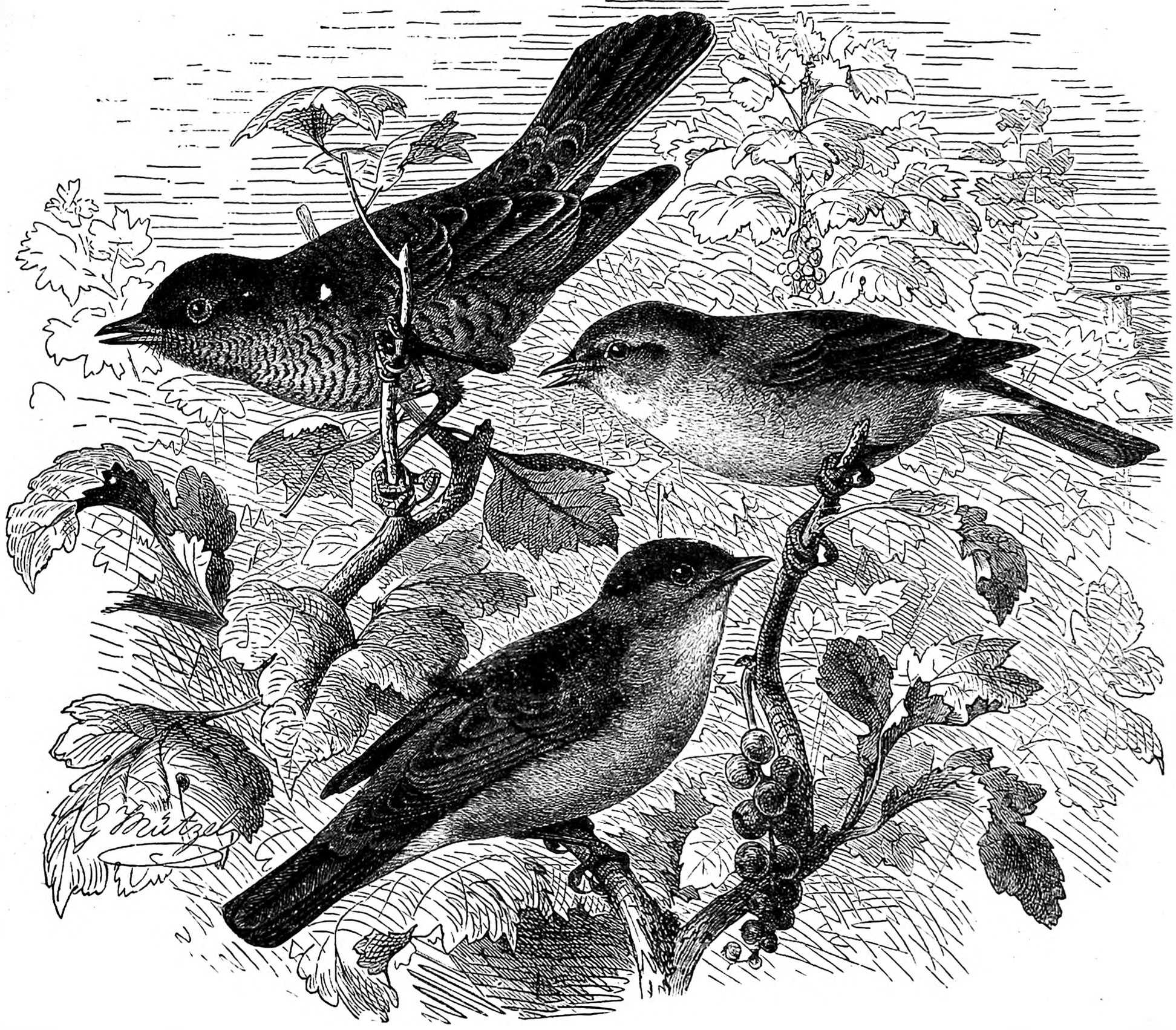
Вторая по величинѣ европейская славка это славка пѣвчая (Sylvia orphaea). Длина ея равняется 17 сантиметрамъ. Опереніе ея на верхней сторонѣ пепельно-сѣрое, на спинѣ слегка буроватое, на темени и на затылкѣ — буроватое или матово-черное, на нижней сторонѣ — бѣлое, по бокамъ груди свѣтлаго ржаваго цвѣта; маховыя и рулевыя перья тускло-черновато-бурыя, узкое внѣшнее опахало крайняго хвостоваго пера бѣлое; широкое внутреннее опахало на кончикѣ снабжено бѣлымъ клиновиднымъ пятномъ того же цвѣта, второе опахало имѣетъ бѣлое пятно на концѣ. Глаза свѣтло-желтые, верхняя часть клюва черная, нижняя часть клюва синевато-черная, ноги красновато-сѣрыя, кольцо вокругъ глаза синевато-сѣрое.

Пѣвчая славка водится на югѣ Европы. Почти всегда можно встрѣтить ее тамъ, гдѣ въ Испаніи пинія раскинула свою зонтикообразную верхушку, гдѣ въ плодородныхъ равнинахъ растутъ рожковое, фиговое деревья и маслина. Зимнее путешествіе свое она простираетъ до центральной Африки и Индіи.

Въ противоположность другимъ славкамъ, пѣвчая славка предпочитаетъ селиться на высокихъ деревьяхъ; въ низкорослomъ лѣсу мнѣ никогда не удавалось ее видѣть. Въ равнинахъ она обитаетъ гораздо чаще, чѣмъ въ городахъ, такъ

какъ обработанная, плодородная земля, правильно подвергающаяся орошенію, повидимому способна удовлетворить всѣ ея потребности. Очень охотно селится она также въ хвойныхъ лѣсахъ. Въ подобныхъ мѣстностяхъ вездѣ раздается ея пѣніе, и идя по звуку ея голоса, можно увидѣть парочку, сидящую на верхушкѣ самыхъ высокихъ деревьевъ.

Пѣвчая славка заслуживаетъ свое названіе. Иные находятъ ея пѣніе не особенно замѣчательнымъ; но несомнѣнно, что птица эта занимаетъ по своему пѣнію высокое положеніе въ своей семьѣ. Пѣніе ея отчасти напоминаетъ щелканье чернаго дрозда, но не такъ громко и не такъ размѣренно. Гомейеръ, долгое

Пестрогрудка (Sylvia nisoria). Славка садовая (Sylvia hortensis). Черноголовка (Sylvia atricapilla). ½ естеств. велич.

время державшій пѣвчую славку въ клѣткѣ, утверждаетъ, что она поетъ лучше всѣхъ славокъ. Нѣкоторыя пѣвчія славки вводятъ въ свое пѣніе звуки, издаваемые другими птицами.

Пища ихъ состоитъ изъ мелкихъ животныхъ, плодовъ и ягодъ, растущихъ на родинѣ.

Время выведенія и выращиванья птенцовъ начинается въ половинѣ мая и продолжается до половины іюля; затѣмъ наступаетъ линяніе. Въ періодъ спариванья самцы въ высшей степени легко ссорятся, а когда пробуждается въ нихъ ревность, то съ яростью преслѣдуютъ другъ друга. Гнѣздо устраивается на верхушкѣ деревьевъ.

„Птица, поющая на Канарскихъ островахъ лучше всѣхъ другихъ, а именно капріотъ, въ Европѣ неизвѣстна. Эта птица такъ любитъ свободу, что при-

ручить ее невозможно. Я любовался ея нѣжнымъ, мелодичнымъ щелканьемъ въ одномъ саду близъ Оротавы, но мнѣ не удалось увидѣть ее вблизи и опредѣлить, къ какому роду она принадлежитъ". Такъ пишетъ Александръ Гумбольдтъ, и многіе годы протекли послѣ посѣщенія Канарскихъ острововъ великимъ ученымъ, прежде чѣмъ выяснилось, о какой птицѣ онъ говоритъ. Теперь мы знаемъ, что славный капріотъ, котораго житель Канарскихъ острововъ съ гордостью называетъ своимъ соловьемъ, есть не кто иной, какъ черноголовка или черношляпка (Sylvia atricapilla, рисунокъ на стр. 55), одинъ изъ самыхъ способныхъ, пріятныхъ и знаменитыхъ лѣсныхъ и садовыхъ пѣвцовъ. Опереніе верхней части сѣровато-черное, нижней части — свѣтло-сѣрое; горло бѣловато-сѣрое, темя у стараго самца совсѣмъ черное, а у самки и молодого самца красновато-бурое. Глаза каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. Длина — 15 сантиметровъ.

Черноголовка обитаетъ по всей Европѣ, причемъ на сѣверъ забирается до Лапландіи, а также живетъ въ западной Азіи, на о. Мадейрѣ, на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, въ Испаніи же и въ Греціи появляется во время перелета и даже иногда зимуетъ въ этихъ странахъ, но долетаетъ нерѣдко и до центральной Африки. Въ Германіи эта птица появляется около середины апрѣля, селится въ рощахъ, садахъ и кустахъ и снова улетаетъ въ сентябрѣ.

„Черноголовка", пишетъ мой отецъ, „живая, ловкая и осторожная птица. Она постоянно въ движеніи, не переставая прыгаетъ съ большою ловкостью по самому густому кустарнику, держитъ при этомъ свое тѣло обыкновенно горизонтально, ноги нѣсколько втягиваетъ, а перья почти всегда гладко складываетъ и выглядываетъ всегда нарядной и хорошенькой. На землю она рѣдко спускается. Если она сидитъ свободно, и если кто-нибудь къ ней подходитъ, она тотчасъ же старается скрыться въ густыхъ вѣтвяхъ или спасается бѣгствомъ. Это она дѣлаетъ такъ искусно, что за старыми птицами часто долгое время приходится напрасно ходить съ ружьемъ. Молодыя птицы, даже осенью, бываютъ не такъ осторожны. Черноголовка летаетъ быстро, почти прямо, причемъ сильно машетъ крыльями, но рѣдко улетаетъ далеко въ одинъ пріемъ. Только послѣ долгаго преслѣдованія она поднимается на воздухъ и совершенно покидаетъ извѣстную мѣстность. Во время выведенія птенцовъ черноголовка отводитъ себѣ довольно большой участокъ и иногда не ограничивается и имъ. Призывной голосъ ея — это пріятное „так так так", за которымъ слѣдуетъ чрезвычайно нѣжный звукъ, котораго буквами передать невозможно. Это „так" настолько похоже на звуки, издаваемые соловьемъ и мельничкомъ, что распознать крики черноголовки можетъ только знатокъ. При различной интонаціи этотъ крикъ выражаетъ различныя душевныя состоянія и потому чаще всего издается старыми птицами, руководителями молодыхъ. Самецъ поетъ превосходно, и пѣніе его считается вторымъ послѣ соловьинаго. Иные ставятъ пѣніе черноголовки выше, другіе ниже, нежели пѣніе садовой славки. Чистота, сила звуковъ и флейтовый оттѣнокъ ихъ вполнѣ вознаграждаютъ любителя за краткость строфъ. Это прекрасное пѣніе, которое у одной черноголовки лучше, чѣмъ у другой, начинается раннимъ утромъ и раздается почти цѣлый день".

Птенцовъ черноголовка выводитъ дважды въ годъ, въ первый разъ въ маѣ, во второй разъ въ іюлѣ. Гнѣздо всегда устраивается въ густыхъ вѣтвяхъ, преимущественно среди чернаго лѣса, всего чаще въ густомъ сосновомъ кустарникѣ, а тамъ, гдѣ есть лиственныя деревья, въ разнаго рода терновыхъ кустахъ. Построено гнѣздо сравнительно хорошо, но въ такомъ же родѣ, какъ у другихъ славокъ. Въ гнѣздо кладется 4—6 продолговато-круглыхъ, гладкихъ, блестящихъ яицъ, испещренныхъ по мясному красному фону болѣе темными и красновато-бурыми пятнами, крапинами и точками.

Благодаря превосходному пѣнію, черноголовку чаще прочихъ славокъ держатъ въ клѣткѣ. „Черноголовка", говоритъ графъ Гурси, „это одинъ изъ самыхъ лучшихъ пѣвцовъ и, по моему, какъ комнатная птица, стоитъ на одной доскѣ съ соловьемъ. Ея продолжительное, почти непрерывное пѣніе нѣжнѣе и сложнѣе и притомъ менѣе пронзительно, чѣмъ пѣніе обоихъ видовъ соловьевъ, изъ щелканья

которыхъ черноголовка многое примѣшиваетъ къ своему пѣнію. Многія черноголовки поютъ почти круглый годъ, другія 8—9 мѣсяцевъ въ году. Птицы, воспитанныя въ неволѣ, поютъ плохо, но иногда выучиваются свистать небольшую пѣсенку. Одна изъ такихъ птицъ прекрасно воспроизводила трубу почталіона". Всѣ черноголовки, даже пойманныя взрослыми, становятся чрезвычайно ручными и такъ привязываются къ своему хозяину, что часто уже издали привѣтствуютъ его пѣніемъ и продолжаютъ пѣть даже, когда онъ носитъ клѣтку по комнатѣ. „Въ главномъ городѣ Канарскихъ острововъ сохранилось еще воспоминаніе о капріотѣ бывшей монахини, которая ежедневно, давая кормъ еще молодой птичкѣ, повторяла: „Mi niño chiceritito" („мой милый ребеночекъ"), и эти слова птица скоро стала повторять за нею безъ всякаго труда, громко и звучно. Народъ былъ пораженъ этимъ изумительнымъ явленіемъ — говорящей пѣвчей птицей. Цѣлые годы черноголовка эта приводила въ восторгъ населеніе, и обладательницѣ предлагали за нее большія суммы денегъ. Но напрасно! Она не могла разстаться со своей любимицей, составлявшей единственную радость, единственное счастіе ея жизни. Но чего не могли лишить ее блестящія обѣщанія, то отняла у нея злоба, не совсѣмъ исчезнувшая, несмотря на мягкіе нравы жителей Канарскихъ острововъ: какой то завистникъ отравилъ птицу. Но слава пережила ее, и еще долго будутъ разсказывать о ней въ Эюдадѣ де-ласъ Пальмасъ.

Садовая славка, травникъ или садовый кузнечикъ (Sylvia hortensis, рисунокъ на стр. 55) поетъ почти такъ же хорошо, какъ пѣвчая славка и черноголовка. Длина садовой славки — 16 сантиметровъ. Самка меньше самца, но похожа на него по цвѣту оперенія. Верхняя часть тѣла оливково-сѣрая, нижняя часть — свѣтло-сѣрая, горло и брюшко бѣловатыя: крылья и хвостъ оливково-бурые, глаза свѣтлые сѣровато-каріе, клювъ и ноги грязноватаго свинцово-сѣраго цвѣта.

Родиной садовой славки можетъ считаться средняя Европа. На сѣверъ она забирается до 69° широты; по направленію къ югу количество садовыхъ славокъ быстро убываетъ. Въ Германіи она появляется самое раннее въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая и покидаетъ насъ въ сентябрѣ. Живетъ она также въ лѣсу, какъ въ лиственномъ, такъ и въ хвойномъ, но оправдываетъ и свое названіе: она охотно селится также въ каждомъ саду, богатомъ кустами, особенно же въ фруктовыхъ садахъ. Она пребываетъ какъ въ невысокихъ кустахъ, такъ и на верхушкахъ деревьевъ средней вышины, но для пѣнія любитъ забираться на нѣкоторую высоту.

Это одинокая, безвредная птица, ведущая тихую и въ то же время дѣятельную жизнь; при этомъ она ни въ чемъ не мѣшаетъ окружающимъ птицамъ, не враждуетъ съ ними и выказываетъ даже нѣкоторое довѣріе къ человѣку; она осторожна, но не робка и часто беззаботно живетъ себѣ на вѣтвяхъ фруктовыхъ деревьевъ, подъ которыми работаютъ люди. Подобно другимъ славкамъ, она, сильно согнувшись, легко и быстро прыгаетъ по вѣтвямъ, по землѣ же скачетъ тяжело, криво и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ и другія птицы одного рода съ нею. Такъ какъ она больше живетъ на деревьяхъ, чѣмъ въ кустахъ, то ее чаще, чѣмъ другіе виды, можно видѣть перелетающею съ дерева на дерево и пролетающею значительныя разстоянія надъ равниной; тогда она летитъ скачками, а во время перелета описываетъ правильную извилистую линію. Призывной голосъ ея — щелкающій звукъ „тэк тэк", предостерегающій крикъ — хриплое „раар", страхъ она выражаетъ пискомъ, трудно поддающимся описанію, а благосостояніе — нѣжнымъ звукомъ „бивэвэвю", слышнымъ вблизи. Пѣніе ея — одно изъ лучшихъ. какое только раздается въ садахъ и лѣсахъ Германіи. Какъ только самецъ весною появляется у насъ, то тотчасъ же слышится его чудное пѣніе, состоящее изъ флейтовыхъ, нѣжныхъ, но въ то же время и изъ громкихъ и постоянно смѣняющихся тоновъ, и длинная мелодія поется въ умѣренномъ темпѣ и раздается почти безъ перерывовъ изъ листвы деревьевъ съ ранняго утра до заката солнца вплоть до конца іюня. Только въ ту пору, когда самецъ помогаетъ самкѣ высиживать и

выращивать птенцовъ, онъ въ полуденные часы перестаетъ пѣть, а въ остальное время онъ поетъ почти непрерывно цѣлый день, пока не явится у него потомство; тогда забота о послѣднемъ дѣлаетъ частыя остановки необходимыми. Во время пѣнія самецъ только раннимъ утромъ, на разсвѣтѣ, сидитъ спокойно на изгороди или на верхушкѣ дерева, а въ другое время постоянно находится въ движеніи, распѣвая, перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку и при этомъ ищетъ себѣ корма. Пѣніе отличается отъ пѣнія другихъ славокъ самой длинной мелодіей и имѣетъ нѣкоторое сходство съ пѣніемъ черноголовки, но еще болѣе похоже на пѣніе пестрогрудки, на которое походило бы вполнѣ, за исключеніемъ чрезвычайно чистаго флейтоваго тона, если бы въ пѣніи пестрогрудки не встрѣчались нѣкоторые менѣе мелодическіе и болѣе рѣзкіе звуки.

Гнѣздо расположено то низко, то высоко надъ землею, иногда помѣщается въ низкихъ кустахъ, иногда на высокихъ деревьяхъ. Изъ всѣхъ гнѣздъ, сооружаемыхъ славками, это гнѣздо наименѣе прочное; дно его подчасъ бываетъ такое тонкое, что трудно понять, какъ могутъ въ немъ удерживаться яйца. Кладка яицъ оканчивается лишь въ концѣ мая. Яйца, числомъ 5—6, обыкновенно покрыты пепельно-сѣрыми и матово-бурыми пятнами и мраморными разводами на тускломъ красновато-бѣломъ фонѣ. Если парочкѣ ничто не помѣшаетъ, то она выводитъ птенцовъ только разъ въ годъ.

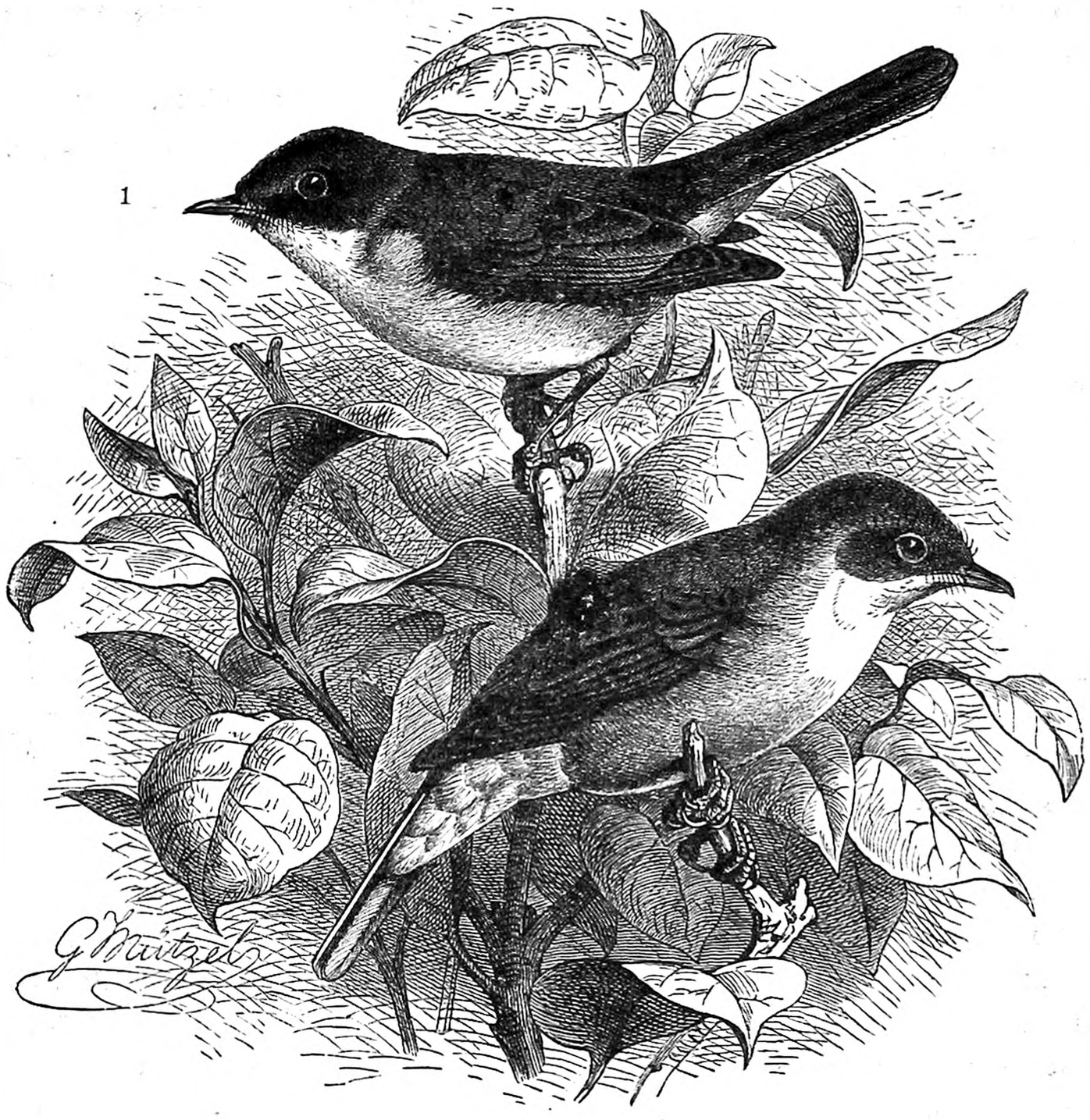
За превосходное пѣніе садовую славку часто держатъ въ клѣткѣ: къ неволѣ она пригодна не менѣе другихъ видовъ своего рода, легко дѣлается ручною, прилежно поетъ и выживаетъ при хорошемъ уходѣ лѣтъ 10—15 въ неволѣ.

Всѣмъ извѣстный мельничекъ или славка-пересмѣшка (Sylvia curruca) по окраскѣ своей похожъ на садовую славку, но значительно меньше ея; длина мельничка равняется только 14 см. Опереніе на верхней части головы пепельно-сѣрое, на спинѣ буровато-сѣрое, на уздечкѣ сѣровато-черное, на нижней части тѣла бѣлое, по бокамъ груди съ желтовато-краснымъ налетомъ; оливково-бурыя перья крыльевъ и хвостъ снаружи имѣютъ узкую чало-бурую полоску, а крылья перьевъ снабжены бѣлой каемкой и съ внутренней стороны; крайнее перо хвоста съ обѣихъ сторонъ снаружи бѣлое, а конецъ этихъ перьевъ бѣлый и съ внутренней стороны. Глаза каріе, клювъ темный, ноги синевато-сѣрыя.

Мельничекъ водится по всей умѣренной полосѣ Европы и Азіи, на сѣверъ забирается до Лапландіи, на востокъ до Китая, на югъ до Греціи, а во время своихъ странствованій долетаетъ до средней Африки и Индіи. Въ Германіи мельничекъ появляется лишь въ началѣ мая и покидаетъ эту страну уже въ сентябрѣ. Во время своего краткаго пребыванія на родинѣ онъ селится преимущественно въ садахъ, кустахъ и изгородяхъ, близъ мѣстечекъ и между отдѣльными дворами, даже въ большихъ городахъ. Но и въ лѣсу онъ также встрѣчается, живетъ по крайней мѣрѣ на опушкѣ его и на полянахъ. Это чрезвычайно живая и привлекательная птица, никогда почти долго не пребывающая на одномъ мѣстѣ, но постоянно въ движеніи; она любитъ дразнить другихъ птицъ, водится съ себѣ подобными и преслѣдуетъ ихъ, при этомъ не обращаетъ вниманія на присутствіе человѣка и безъ всякаго страха продѣлываетъ передъ нимъ всѣ свои штуки. Только при суровой или сырой погодѣ она иногда растопыриваетъ перья; во всякое другое время она всегда имѣетъ видъ гладкій и стройный, ловко прыгаетъ и пробирается съ вѣтки на вѣтку и такимъ образомъ быстро скрывается изъ глазъ преслѣдующаго ее наблюдателя. Насколько легко и быстро она прыгаетъ по кустамъ, настолько же тяжеловѣсна она на землѣ, а потому рѣдко спускается на землю. Полетъ мельничка легкій и быстрый, когда приходится пролетать большія разстоянія, а въ другихъ случаяхъ больше похожъ на неувѣренное порханіе. Призывной голосъ ея — это щелкающій, чмокающій звукъ, а крикъ испуга — звукъ визгливый. Пѣніе, въ которомъ очень часто упражняется самецъ, „состоитъ изъ долгаго piano, слагающагося изъ чередующихся щебечущихъ и тихонько свистящихъ звуковъ, къ которымъ примѣшивается чириканье и къ которымъ въ концѣ прибав-

ляется болѣе краткое forte“: это рядъ звучныхъ или трескучихъ трелей, которыя отличаютъ пѣніе мельничка отъ пѣнія всѣхъ прочихъ славокъ.

Гнѣздо устраивается въ густомъ кустарникѣ, очень низко надъ землей, въ лѣсахъ преимущественно въ хвойныхъ кустахъ и въ боярышникѣ, на поляхъ — въ изгородяхъ изъ терновника, въ садахъ — въ кустахъ крыжовника; оно сооружено очень непрочно, просто поставлено на вѣтви, не прикрѣпленное къ нимъ, и въ общемъ сходно съ гнѣздами родственныхъ видовъ. Въ гнѣздо кладется 4—6 яичекъ съ тонкой скорлупой, испещренныхъ пепельно или фіолетово-сѣрыми и желтовато-бурыми пятнами и точками по совершенно бѣлому или голубовато-зеленому полю. Оба родителя сидятъ на яйцахъ по очереди, черезъ 13 дней выводятъ птенцовъ, любятъ свое потомство столь же сильно, какъ и другія славки, такъ же

1) Мельничекъ (Sylvia curruca). 2) Говорунчикъ (Sylvia rufa). ½ естеств. велич.

точно притворяются, когда дѣтенышамъ грозитъ опасность и преслѣдуютъ приближающагося врага испуганнымъ крикомъ. Молодыхъ птицъ родители никогда не покидаютъ; они самоотверженно выращиваютъ и подкинутыхъ имъ въ гнѣздо молодыхъ кукушекъ, для которыхъ очень часто играютъ роль пріемныхъ родителей.

Подобно большинству славокъ, мельничекъ безъ особеннаго труда со стороны человѣка пріучается къ замѣнѣ естественной пищи чѣмъ нибудь другимъ и долго выживаетъ въ клѣткѣ.

Говорунчикъ, полевая славка или болотная завируха (Sylvia rufa) — послѣдній видъ разсматриваемаго рода, живущій въ Германіи, отличается стройнымъ сложеніемъ. Длина птицы — 15 сантиметровъ. Верхнія части ея тѣла землянисто-бураго цвѣта, подбородокъ, горло и нижняя часть щекъ бѣлые, прочія нижнія части тѣла нѣжнаго мясного краснаго цвѣта, малыя маховыя перья и ихъ покровныя перья съ ржаво-бурой каемкой.

Изъ всѣхъ родственныхъ видовъ болотная завируха всего далѣе проникаетъ на сѣверъ, такъ какъ встрѣчается даже въ сѣверной Скандинавіи; на востокъ она

распространяется до западной Азіи. Зимою она долетаетъ до цетральной Африки и посѣщаетъ въ это время и Канарскіе острова. Въ Германіи она охотнѣе всего селится въ низкихъ терновыхъ кустахъ.

Это чрезвычайно живая, проворная и ловкая птица, не знающая ни минуты покоя; она непрерывно прыгаетъ въ кустахъ и благодаря своему тонкому тѣлу изумительно ловко пробирается по самой густой чащѣ и надолго скрывается изъ глазъ. Пѣніе самца хотя разнообразно, но не отличается звучностью; оно слагается изъ множества отрывистыхъ звуковъ и сильно уступаетъ пѣнію большинства пернатыхъ, живущихъ въ Германіи. Болотная завируха поетъ не только сидя или прыгая, но и летая. Съ пѣніемъ взбирается она на высочайшую верхушку куста, порхая поднимается вверхъ на 15—30 метровъ и, не переставая пѣть, снова бросается внизъ или порхая въ косомъ направленіи, или же, сложивъ крылья, въ направленіи почти вертикальномъ. По этому признаку опытный наблюдатель узнаетъ ее уже издали.

Въ клѣткѣ болотную завируху держатъ рѣже, чѣмъ ея родственниковъ. Пѣніе ея приходится по вкусу не всѣмъ любителямъ, но нѣкоторые любятъ его, и потому птицу эту цѣнятъ теперь больше, чѣмъ прежде.

Прикрашенный портретъ болотной завирухи, но въ уменьшенномъ видѣ, представляетъ очковая славка (Sylvia conspicillata). Длина ея—12,7 сантиметра. Глазъ ея окруженъ бѣлымъ кольцомъ — отсюда и ея названіе. Отъ болотной завирухи, разновидностью которой нѣкоторые ученые считаютъ очковую славку, эта послѣдняя отличается, кромѣ меньшей величины и болѣе красиваго оперенія, еще и тѣмъ, что у нея четвертое, а не третье маховое перо длиннѣе прочихъ.

Очковую славку можно считать характернымъ обитателемъ странъ, расположенныхъ на южныхъ внутреннихъ моряхъ. Она живетъ въ южной Франціи, въ Испаніи, Португаліи, въ сѣверо-западной Америкѣ, въ Палестинѣ (до Персіи), въ Малой Азіи, Греціи и южной Италіи, на островахъ Зеленаго Мыса, въ Испаніи и Греціи, на островахъ Сардиніи и Мальтѣ, она живетъ на склонахъ горъ, покрытыхъ самымъ низкимъ кустарникомъ, а именно чертополохомъ и розмариномъ. Здѣсь очковая славка является постояннымъ или по крайней мѣрѣ временнымъ обитателемъ.

Всѣ южныя береговыя области Средиземнаго и Чернаго моря на востокъ до Закавказья даютъ у себя пріютъ во время выведенія и выращиванья птенцовъ, а центральная и западная Африка — зимою такъ называемой бѣлобородой славкѣ (Sylvia subalpina), которая представляетъ собою дѣйствительно премилое существо. Верхняя часть ея тѣла красиваго пепельно-сѣраго цвѣта, нижняя часть сѣровато-бѣлая, горло же яркаго ржаво-буро-краснаго цвѣта и отдѣляется отъ болѣе темной окраски верхней части тонкой бѣлой полоской, идущей отъ основанія клюва къ плечамъ; глазъ окруженъ кольцомъ красноватыхъ перьевъ; перья, покрывающія ушную раковину, буроватыя, маховыя и хвостовыя перья темно-бурыя, внѣшняя бородка наружныхъ рулевыхъ перьевъ на три четверти длины пера бѣлая, на внутренней бородкѣ замѣчается свѣтлое клинообразное пятно, прочія рулевыя перья имѣютъ бѣлую каемку. Глаза красновато-сѣрые, вѣко блѣдно-кирпичнаго цвѣта, клювъ цвѣта тусклаго рога, ноги красновато сѣрыя. Длина равняется 12,5 — 13 см.

Всѣ среднія и невысокія горы сѣверной Испаніи покрыты замѣчательнымъ лѣсомъ. который жители называютъ низкорослымъ или кустарниковымъ; это карликовый лѣсъ въ полномъ смыслѣ этого выраженія. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ великолѣпныхъ видовъ вереска, кустовъ цисты вѣчнозеленыхъ дубковъ и вязовъ, образующихъ почти непроницаемую чащу. Отдѣльныя деревца поднимаются надъ этимъ хаосомъ растеній и только потому кажутся выше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, что карликовый лѣсъ подъ ними является масштабомъ ихъ вышины. Этотъ лѣсъ, преобладающій теперь въ южной Европѣ и въ сѣверо-западной Африкѣ, можетъ быть названъ настоящей родиной разсматриваемой карликовой славки. Отличаясь

бо́льшею довѣрчивостью, чѣмъ прочія славки, она позволяетъ наблюдать себя вблизи и, не пугаясь приближающагося человѣка, продолжаетъ распѣвать свою пріятную пѣсенку. Пока она не подвергалась преслѣдованію, она повидимому всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ считаетъ злѣйшаго врага звѣрей за совершенно безвредное существо. Въ образѣ дѣйствій ея обнаруживается много сходнаго съ мельничкомъ, но еще больше общаго имѣетъ она съ бѣлобрюхой славкой, обитающей въ тѣхъ же краяхъ. Она великолѣпно обжилась въ чащѣ кустарника, но движется больше на кустахъ, чѣмъ внутри чащи.

Если поименованныя доселѣ славки такъ похожи другъ на друга, что нѣтъ надобности подраздѣлять рода, то другія славки обнаруживаютъ нѣсколько иное строеніе, а именно въ ихъ чрезвычайно короткихъ и закругленныхъ крыльяхъ третье, четвертое и пятое маховое перо самыя длинныя, длинный хвостъ ясно-ступеньчатый, а богатое опереніе какъ бы расчесано на подобіе волосъ.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ видовъ этой группы — это бѣлобрюхая славка (Sylvia melanocephala). Длина ея — 14 сантиметровъ. Опереніе верхней части тѣла сѣровато-черное, нижней части — бѣлое, съ красноватымъ отливомъ, голова бархатисто-черная, горло чистаго бѣлаго цвѣта. Крылья и перья хвоста черныя, три крайнихъ рулевыхъ пера съ обѣихъ сторонъ и крайнія бородки первыхъ — бѣлыя. Глаза желтовато-каріе, голое, сильно выдающееся вѣко кирпично-красное, клювъ синевато-сѣрый, ноги красновато-сѣрыя.

Начиная съ южной Франціи и южной Италіи, бѣлобрюхая славка распространена по всей Европѣ, сѣверной Африкѣ и западной Азіи и встрѣчается также на самыхъ маленькихъ островахъ, если на нихъ есть только хоть нѣсколько густыхъ живыхъ изгородей. Въ низкорослomъ лѣсу, во всѣхъ садахъ Греціи, Италіи и Испаніи она составляетъ явленіе обыкновенное. Она не странствуетъ, а подобно другимъ своимъ родственникамъ изъ году въ годъ остается на родинѣ. Призывной звукъ ея — не особенно рѣзкое „трек трек трек“, и имъ обыкновенно начинается пѣніе, очень сложная, довольно длинная пѣсенка, состоящая изъ трескучихъ и свистящихъ звуковъ и въ концѣ которой раздается нѣсколько совсѣмъ прилично звучащихъ строфъ. Эту пѣсенку она распѣваетъ часто, перелетая съ одного мѣста на другое или поднимаясь наверхъ и снова опускаясь на вѣтку.

На Сициліи, Сардиніи, Корсикѣ, Мальтѣ, на Балеарскихъ островахъ въ Португаліи, Греціи и на сосѣднихъ островахъ живетъ второй видъ этой группы, сардинская славка (Sylvia sarda). Опереніе верхней части тѣла черновато-пепельно-сѣрое, съ легкимъ ржавымъ отливомъ, опереніе нижней части — матово-ржаво-буроватое, горло бѣловатое, брюшко грязновато-бѣлое; маховыя и рулевыя перья черновато-бурыя съ ржаво-бурыми каемками; крайняя пара рулевыхъ перьевъ снаружи оторочена ржаво-бѣловатой полоской. Глаза орѣхово-каріе, голый край вѣка желтоватаго мясного цвѣта, клювъ черный, при основаніи нижней челюсти желтоватый, ноги свѣтлаго рогового цвѣта.

Эта славка на островѣ Сардиніи является пожалуй самой обыкновенной птицей. Она населяетъ горы и равнину, но живетъ только тамъ, гдѣ почва покрыта цистою (Cistus) и верескомъ. На холмахъ, поросшихъ этими растеніями, славки обитаютъ въ большихъ количествахъ. Безустали перемѣщаясь съ куста на кустъ, то выклевывая жучковъ изъ цвѣтовъ, то преслѣдуя бѣгомъ порхающее надъ землей насѣкомое, она отъ поры до времени распѣваетъ свою звонкую пѣсенку, очень напоминающую щебетанье молодого самца канарейки, съ тою однако разницей, что пѣніе сардинской славки, подобно пѣнію малиновки, оканчивается минорными звуками. Хотя пѣніе сардинскаго пѣвца само по себѣ не громко, но слышится издалека, особенно же хорошо слышатся нѣкоторые звучные тона, вполнѣ похожіе на звонъ маленькаго колокольчика.

Провансальская славка (Sylvia provincialis), очень часто встрѣчающаяся въ Испаніи, должна считаться ближайшей родственницей сардинскаго пѣвца. Верхняя часть тѣла ея пепельно-сѣрая, нижная часть цвѣта темнаго

краснаго вина, горло покрыто желтовато-бѣлыми полосками; маховыя и рулевыя перья буровато-сѣрыя, причемъ четыре крайнихъ хвостовыхъ пера съ каждой стороны снабжены бѣлой оторочкой. Глаза свѣтлаго красновато-каряго цвѣта, кольцо вокругъ глаза кирпично-красное, клювъ черный. Родину этихъ птицъ составляютъ чащи невысокихъ хвойныхъ деревьевъ, сѣверные склоны горъ Каталоніи, покрытые великолѣпными кустами вереска и цисты, едва поросшія скуднымъ кустарникомъ пустыни Валенсіи, степныя пространства Кастиліи, дубовые лѣса, живыя изгороди, низкіе кусты, словомъ кустарники въ обширномъ значеніи этого слова. Стоитъ только вступить въ эти чащи, обитаемыя маленькими пѣвцами, какъ слышится простая, но пріятная пѣсенка провансальской славки, которая такъ похожа на пѣніе сардинской славки, что это можетъ ввести наблюдателя въ обманъ; при этомъ, если наблюдателю везетъ, то онъ можетъ увидѣть на концѣ вѣтки какого нибудь куста красногрудую птичку.

*

Родъ камышевокъ (Acrocephalus), нѣсколько видовъ которыхъ населяютъ главнымъ образомъ сѣверныя части Стараго Свѣта, но встрѣчаются также въ Индіи, Эѳіопіи и Австраліи, отличается стройнымъ сложеніемъ, продолговатой головой съ плоскимъ лбомъ, сравнительно толстымъ клювомъ правильной конусообразной или шилообразной формы, высокими, сильными ногами съ толстыми пальцами и большими, сильно изогнутыми когтями, короткими закругленными крыльями, въ которыхъ самымъ длиннымъ бываютъ второе или второе и третье маховое перо, закругленнымъ, ступеньчатымъ или клинообразнымъ хвостомъ средней длины и гладкимъ, нѣсколько жесткимъ опереніемъ зеленаго или сѣровато-желтоватаго цвѣта, соотвѣтствующаго окраскѣ камыша или тростника.

Характеръ и привычки этихъ весьма своеобразныхъ пѣвцовъ соотвѣтствуютъ ихъ мѣстопребыванію. Эти пѣвцы живутъ въ камышѣ, тростникѣ, осокѣ и травѣ, всегда селятся на землѣ и обнаруживаютъ всѣ свойства, которыя обусловливаются подобнымъ образомъ жизни. Высокоодаренныя во всѣхъ отношеніяхъ, камышевки замѣчательны и своимъ пѣніемъ: этимъ пѣніемъ оглашаются усердно водныя пространства и болота. Пищу свою онѣ ищутъ и находятъ на землѣ и надъ самой водой, на растеніяхъ, въ чащѣ которыхъ онѣ живутъ; свое большею частью искусное гнѣздо онѣ устраиваютъ тутъ же.

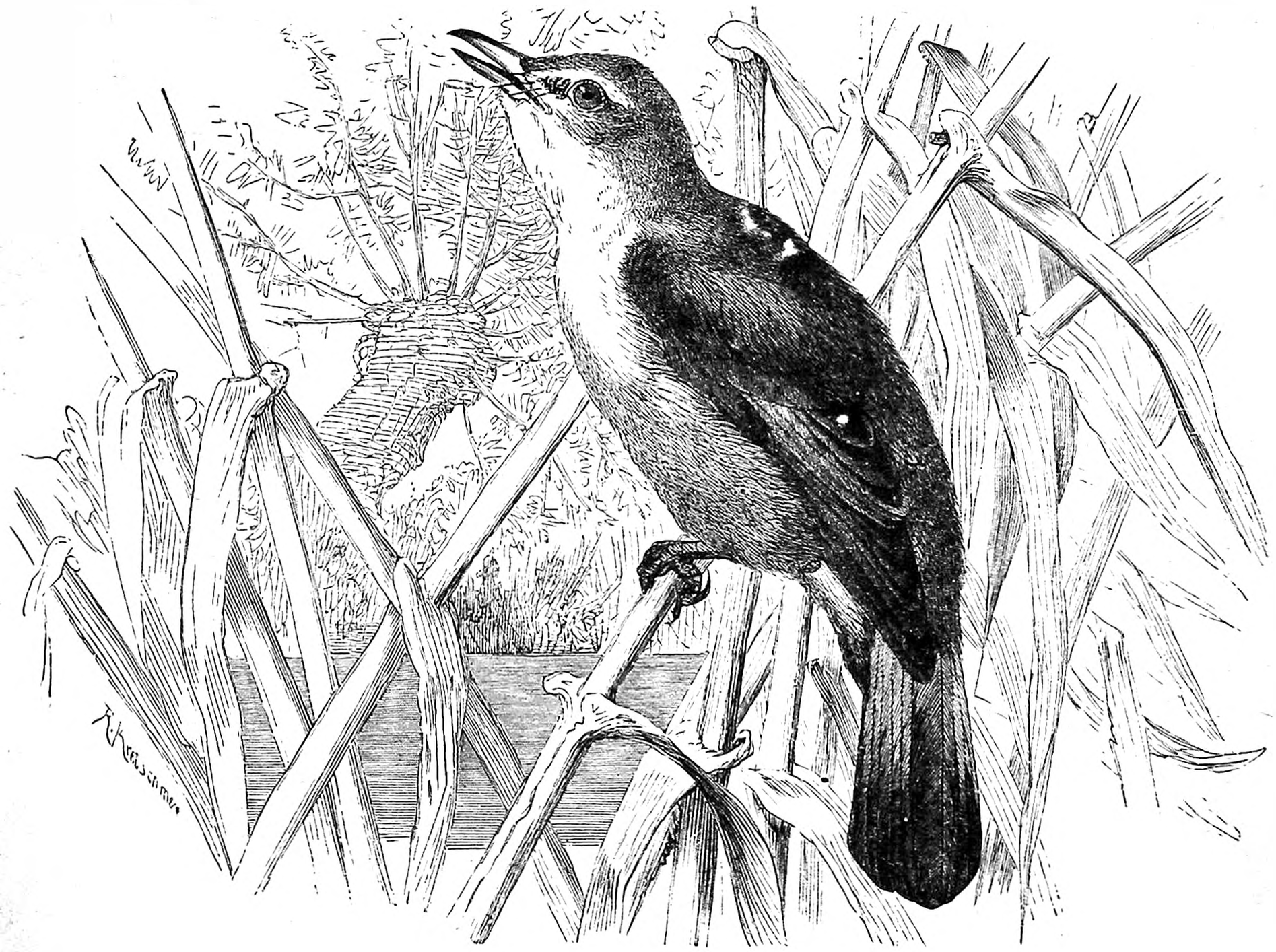
Самый крупный и извѣстный видъ этого рода представляетъ дроздовидная камышевка (Acrocephalus arundinaceus). Длина его — 21 сантим. Опереніе верхней части темно-бурое, нижней части — ржаво-желтовато-бѣлое, на горлѣ и на серединѣ груди свѣтлѣе. Глаза темно-каріе, клювъ темнаго бураго рогового цвѣта, внизу желтаго рогового цвѣта, ноги буроватаго рогового цвѣта.

За исключеніемъ Великобританіи дроздовидная камышевка, начиная съ южной Швеціи, водится во всѣхъ равнинахъ средней и южной Европы, обитаетъ также въ западной Азіи, а зимою посѣщаетъ бо́льшую часть Африки, добираясь до мыса Доброй Надежды. Дроздовидная камышевка никогда не покидаетъ камыша и даже во время своихъ странствованій перелетаетъ отъ одной водной поверхности къ другой. На мѣстѣ выведенія потомства эта птица появляется не раньше конца апрѣля и остается на родинѣ не далѣе конца сентября.

Тотчасъ послѣ появленія ея весною, съ ранняго утра до поздняго вечера, а въ первое время послѣ ея возвращенія во всѣ часы ночи, слышится непрерывно звонкое пѣніе самца, состоящее изъ полныхъ, сильныхъ тоновъ, сложенныхъ въ разнообразно смѣняющіяся строфы. На это пѣніе явнымъ образомъ оказали вліяніе свое лягушки, такъ какъ оно столько же напоминаетъ трещаніе и кваканье лягушекъ, сколько пѣніе другихъ птицъ. Нѣжные флейтовые тона чужды разсматриваемому пѣвцу: вся его пѣсня представляетъ собою не болѣе, какъ трещаніе и писк. „Дорре дорре дорре, карре карре карре, керр керр керр, кей кей кей. карре карре карре, китт“ — вотъ самыя главныя и существенныя части этого пѣнія, Тѣмъ не менѣе, оно скорѣе пріятно. Въ этихъ звукахъ есть что-то задушевное,

а въ самой манерѣ пѣть — что-то веселое. Такъ какъ тамъ, гдѣ пѣніе это раздается, почти никогда не слышится другого пѣнія, а обыкновенно раздаются голоса водныхъ птицъ, кряканье утокъ и гоготанье гусей, пискъ цапель, трещанье красноногихъ куропатокъ, то приходится довольствоваться немногимъ и быть снисходительнымъ въ своихъ сужденіяхъ.

Дроздовидная камышевка, какъ и всѣ ея родственники, садится на яйца лишь тогда, когда разрастающійся камышъ достигнетъ надлежащей вышины, т. е. самое раннее въ концѣ мая, большею же частью въ серединѣ іюня; обыкновенно цѣлое общество выводитъ птенцовъ на одномъ мѣстѣ, хотя бы это былъ лишь маленькій прудъ. Гнѣздо почти всегда устраивается на той сторонѣ камыша, которая обращена къ водѣ, и никогда не помѣщается глубоко въ тростникѣ, а напротивъ, виситъ очень свободно, почти всегда надъ водой или вѣрнѣе между четырьмя, рѣже между пятью, самое же большее между шестью стебельками, вплетенными въ стѣнки гнѣзда или пробуравливающими эти стѣнки; притомъ гнѣздо обыкновенно располагается на такой высотѣ, до которой вода не поднимается даже при необычайномъ повышеніи уровня, но высота гнѣзда рѣдко доходитъ до цѣлаго метра надъ поверхностью воды. Правдивые изслѣдователи замѣтили, что дроздовидныя камышевки, жившія въ окрестностяхъ, въ иные годы, безъ всякой видимой причины, устраивали свои гнѣзда гораздо выше, чѣмъ обыкновенно, и сначала покачивали на это головой; и вдругъ, спустя уже долгое время по окончаніи гнѣзда, наступали продолжительные дожди, и уровень прудовъ и рѣкъ поднимался значительно выше обыкновенной мѣры: гнѣзда же оставались въ сохранности, хотя были бы залиты водою, если бы птицы помѣстили ихъ на обыкновенной высотѣ! Самое гнѣздо въ вышину гораздо больше, нежели въ ширину, стѣнки его толстыя и край его загнутъ внутрь. Стѣнки состоятъ изъ сухихъ листьевъ и стебельковъ травы, которые по направленію внутрь становятся тоньше и вмѣстѣ съ нѣсколькими корешками выстилаютъ гнѣздо. Смотря по мѣсту

Дроздовидная камышевка (Acrocephalus arundinaceus). ½ естеств. велич.

жительства, для этого выбираются различные листья, къ которымъ примѣшиваются волокна крапивы, листочки плакуна, сѣмянной пухъ и даже паутина гусеницъ, пеньковыя и шерстяныя нити, или сухія метелочки злаковъ, соцвѣтія розмарина, конскій волосъ и т. д. употребляются для выстиланія гнѣзда. Кладка яицъ, числомъ 4—5, завершается рѣдко раньше половины іюня; яйца, покрытыя темными оливково-бурыми, пепельно-сѣрыми или аспидными пятнами, крапинами и точками на голубоватомъ или зеленовато-бѣловатомъ фонѣ, высиживаются усердно въ теченіе 14—15 дней. Молодыя птицы выкармливаются насѣкомыми, причемъ старыя нѣжно любятъ ихъ, оберегаютъ отъ опасности и еще долго заботятся о нихъ послѣ того, какъ онѣ покинутъ гнѣздо.

Пойманныя дроздовыя камышевки представляютъ собою пріятныхъ, но довольно хилыхъ комнатныхъ птицъ; пріучившись къ комнатному корму, онѣ держатся чисто и опрятно, доставляютъ зрителю удовольствіе своей изумительной ловкостью, своимъ искуснымъ лазаньемъ, поютъ также весьма усердно и съ теченіемъ времени становятся весьма ручными.

Въ Германіи и другихъ странахъ очень распространена береговая камышевка или трескунчикъ (Acrocephalus schoenobaenus). Длина этой птицы — 14 сантиметровъ. Верхнія части тѣла и узкія каемки темно-бурыхъ маховыхъ перьевъ, кроющихъ перьевъ крыла и рулевыхъ перьевъ — чало-буроватыя, на спинѣ и плечахъ стержни перьевъ покрыты расплывающимися темными пятнами, темя и верхняя часть головы на черновато-буромъ фонѣ отмѣчены чало-буроватой продольной полосой съ темными черточками; надъ обоими глазами находится по широкой бровной полосѣ, уздечка украшена узкой полоской, пересѣкающей глазъ, голова съ боковъ и нижнія части ржаво-желтоватыя, горло, брюшко и нижнія кроющія перья хвоста свѣтлѣе, скорѣе бѣловатаго цвѣта.

Начиная съ 68° сѣверной широты, береговая камышевка водится по всей Европѣ и приблизительно начиная съ той же широты, распространена по Сибири и западной Азіи.

Птица эта живетъ главнымъ образомъ въ болотахъ или по берегамъ водъ, поросшимъ высокой осокой, озернымъ ситникомъ и другими узколистными болотными растеніями, но также на поляхъ, расположенныхъ среди топей и отдѣленныхъ другъ отъ друга канавами, поросшими тростникомъ, словомъ, ютится въ болотистыхъ мѣстахъ, а не въ камышахъ. Береговая камышевка появляется въ Германіи въ послѣдней трети апрѣля мѣсяца и покидаетъ эту страну лишь въ октябрѣ; иногда этихъ птицъ можно встрѣтить въ Германіи еще въ ноябрѣ. Зиму онѣ проводятъ въ средней Африкѣ.

Береговая камышевка всюду умѣетъ пролѣзть лучше всѣхъ извѣстныхъ донынѣ видовъ и въ этомъ отношеніи стоитъ на одной доскѣ съ сверчковыми камышевками. Съ ловкостью, достойной мыши, движется она по чащѣ растеній или по землѣ; не столь искусно она летаетъ, такъ какъ то снуетъ по воздуху, то порхаетъ, то прямо прыгаетъ, подвигаясь впередъ по извилистой линіи, рѣдко пролетаетъ большія разстоянія и большею частью вдругъ низвергается въ камышъ. Призывной голосъ ея — это щелкающій звукъ, неудовольствіе выражается хриплымъ „шарр“, страхъ — пронзительнымъ пискомъ, пѣніе отличается длинной громкой, долготянущейся и часто повторяющейся трелью; пѣніе это, хотя и похоже на пѣніе другихъ камышевокъ, однако напоминаетъ также пѣніе бѣлой трясогузки и деревенской ласточки и притомъ такъ разнообразно, что можетъ быть уподоблено пѣнію нѣкоторыхъ славокъ.

Обыкновенно береговая камышевка скрывается, насколько это возможно; но въ періодъ спариванія она садится на верхушку высокихъ растеній или на свободно торчащую вѣтку и поетъ или выслѣживаетъ соперника, пѣсня котораго возбудила въ ней ревность. Къ этому же побуждаетъ ее и любопытство. Если заставить лягавую собаку искать въ кустахъ, и если она подойдетъ къ береговой камышевкѣ, то нерѣдко можно видѣть, что птица появляется на верхушкѣ камыша или ситника, озирается кругомъ и затѣмъ съ быстротой молніи снова исчезаетъ.

Когда самка сидитъ на яйцахъ, самецъ во всякую пору дня поетъ весьма усердно, особенно на утренней зарѣ, но также въ свѣтлыя ночи, и пріятнымъ образомъ оживляетъ мѣстности, гдѣ въ другое время не слышно никакихъ звуковъ и никакого пѣнія. Чѣмъ болѣе самецъ воодушевляется, тѣмъ болѣе мѣняется его образъ дѣйствій. Войдя въ полный азартъ, онъ начинаетъ дѣйствовать такъ, что неопытный наблюдатель пожалуй не признаетъ въ немъ камышевки; ибо тогда — особенно въ хорошую погоду и около полудня — онъ очень часто, медленно махая крыльями, съ пѣніемъ снимается съ мѣста, летитъ въ косомъ направленіи вверхъ и паритъ въ воздухѣ, причемъ такъ высоко поднимаетъ крылья, что концы ихъ соприкасаются, затѣмъ медленно спускается внизъ или низвергается сверху по прямой линіи, не переставая пѣть что̀ есть мо̀чи и къ тому же раздуваясь, какъ шаръ.

Приблизительно тѣ-же насѣкомыя, которыми кормятся другія камышевки, составляютъ пищу и береговой камышевки; она ѣстъ также и ягоды. Гнѣздо устраивается въ различныхъ, большею частью трудно доступныхъ мѣстахъ, среди осоки или довольно далеко въ болотѣ, часто же на совершенно сухомъ мѣстѣ, по близости отъ воды или на разстояніи 100—200 шаговъ отъ нея, даже на песчаной почвѣ, поросшей однако кустарникомъ и травою, иногда на самой землѣ, иногда на низкихъ ивовыхъ узлахъ, причемъ гнѣздо вплетается между ивовыми прутьями, стеблями крапивы или другими шероховатыми стеблями. Пять или шесть яицъ, находимыхъ въ гнѣздѣ въ началѣ іюня, на одномъ концѣ сильно закруглены, а на другомъ чрезвычайно заострены; они раскрашены подъ мраморъ и на грязномъ или сѣровато-бѣломъ фонѣ испещрены тусклыми и расплывчатыми пятнами, неяснымн точками буровато-сѣраго или сѣраго цвѣта. Молодыя птицы покидаютъ гнѣздо, научившись уже вполнѣ хорошо летать, но вначалѣ вовсе не пользуются своими крыльями, а ползаютъ какъ мыши сквозь самыя густыя водяныя растенія.

Встрѣтить береговую камышевку въ клѣткѣ — большая рѣдкость, не потому что онѣ не выносятъ неволи, а потому, что ихъ трудно поймать.

*

Сверчковыя камышевки (Locustella) въ достаточной мѣрѣ отличаются по строенію и характеру отъ другихъ членовъ того же семейства, чтобы составить отдѣльный родъ. Тѣло у нихъ стройное, клювъ широкій, на кончикѣ шилообразный, ноги довольно длинныя и съ длинными пальцами, крылья короткія и закругленныя, причемъ второе и третье маховое перо самыя длинныя, хвостъ средней длины, широкій и ступеньчатый, кроющія перья нижней части тѣла очень длинныя, прочія перья мягкія и тонкія, окраска ихъ буровато-зеленая съ темными пятнами на спинѣ и на верхней части груди.

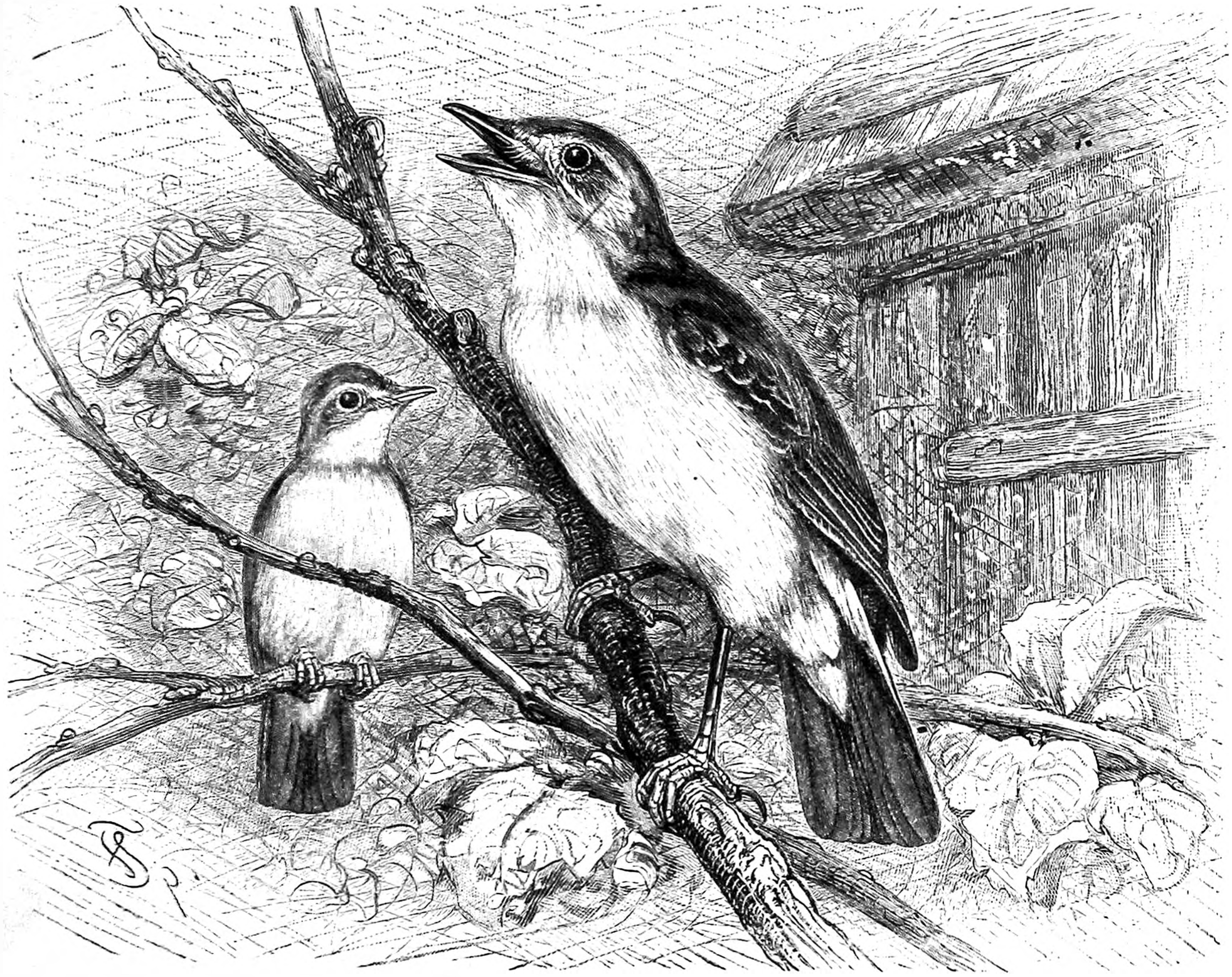
Представителемъ рода можно считать полевого сверчка или камышевку-кобылочку (Locustella naevia). Длина этой птицы 13,5 см. Опереніе верхней части тѣла оливково-бурое съ маленькими круглыми пятнышками на головѣ и съ широкими стрѣловидными буровато-черными пятнами на спинѣ и на плечахъ; нижнія части тѣла почти ржаво-желтаго цвѣта, подборок̀ъ, горло, нижняя часть груди и средняя часть живота свѣтлѣе, съ бѣловатымъ оттѣнкомъ; зобъ украшенъ тонкими темными полосками на стержняхъ, нижнія покровныя перья хвоста — широкими расплывчатыми пятнами на стержняхъ; маховыя перья черновато-бурыя съ тонкими маслянисто-сѣрыми боковыми каемками, которыя по направленію назадъ расширяются; рулевыя перья темныя, зеленовато-буровато-сѣраго цвѣта съ каемками посвѣтлѣе, причемъ обыкновенно поперечныя каемки бываютъ темнѣе прочихъ. Глаза сѣровато-карiе, клювъ рогового цвѣта, ноги свѣтло-красноватыя.

Начиная съ Швеціи или съ Россіи полевой сверчокъ распространенъ по всей средней Европѣ; во время перелета онъ появляется на югѣ Европы и въ сѣверной Африкѣ. Живетъ онъ въ равнинахъ, но встрѣчается далеко не вездѣ,

а мѣстами попадается очень часто, мѣстами, напр. въ горахъ, совсѣмъ не встрѣчается. Въ Германіи онъ появляется въ половинѣ апрѣля и остается до конца сентября.

*

Садовыя пѣночки (Hypolais) — это въ сущности сравнительно крупныя славки, распространенныя на сѣверѣ Стараго Свѣта, въ Индіи и Эѳіопіи; клювъ у нихъ большой, крѣпкій и широкій, съ острыми краями, но лишь чуть-чуть втянутый, ноги сильныя, крылья умѣренной длины, причемъ третье или четвертое

Пѣночка-пересмѣшка (Hypolais philomela). $^2/_3$ естеств. велич.

маховое перо длиннѣе прочихъ, хвостъ средней длины или короткій, слегка выръзанный.

Пѣночка садовая или пѣночка-пересмѣшка (Hypolais philomela, hortensis) отличается оливково-зеленовато-сѣрой окраской перьевъ верхней части тѣла, уздечка и нижняя сторона тѣла у нея блѣднаго сѣрнисто-желтаго цвѣта, вокругъ ушей, на бокахъ шеи и туловища окраска расплывчатая, слабаго маслянисто-сѣраго цвѣта; маховыя перья оливково-бурыя, съ зеленоватыми наружными бородками, а внутри съ широкой чало-бѣлой каймой; хвостовыя перья свѣтлѣе маховыхъ и снаружи снабжены такою же каемкой. Глаза темно-каріе, клювъ сѣровато-бурый, при основаніи нижней челюсти красновато-желтый, ноги свѣтло-голубыя. Длина 14,5 сант.

Родиной садовой пѣночки мы должны считать среднюю Европу. Отсюда она распространяется къ сѣверу до Скандинавіи. Грецію она посѣщаетъ только во время перелета.

Изъ всѣхъ своихъ родственниковъ садовая пѣночка самая избалованная и изнѣженная. Въ Германіи она появляется лишь тогда, когда всѣ деревья покроются

зеленью, никогда не прилетаетъ раньше конца апрѣля и остается, самое бо́льшее, до конца августа. Зиму она проводитъ въ Африкѣ. Она охотно селится поближе къ человѣку, отдавая предпочтеніе садамъ и плантаціямъ фруктовыхъ деревьевъ передъ лѣсомъ, въ лѣсу же поселяется ближе къ опушкѣ, чѣмъ къ серединѣ, никогда не встрѣчается въ хвойномъ лѣсу и не забирается высоко на горы. Ее всегда почти можно найти въ садахъ съ живыми изгородями и съ густо разросшимися, но не слишкомъ низкими кустами бузины, черемухи, бирючины и т. п.

Участокъ свой она всегда выбираетъ весьма тщательно; но разъ занявъ его, она упорно держится его и возвращается на то же мѣсто каждое лѣто, пока длится ея жизнь. Только во время пѣнія она сидитъ болѣе или менѣе долгое время на одномъ и томъ же мѣстѣ; все остальное время она находится, такъ сказать, въ непрерывномъ странствованіи. Призывной голосъ ея — это нѣжное „тек тек“, къ которому присоединяется благозвучное „терют“ для выраженія особенно сильнаго желанія, ревности или злобы, а также при видѣ грозящей опасности; гнѣвъ или стремленіе къ борьбѣ выражается обыкновенно слогами „хеттеттетт“. Пѣніе садовой пѣночки приходится по вкусу далеко не всякому, и потому о немъ высказываются мнѣнія весьма различныя; притомъ же каждая садовая пѣночка поетъ по сво́ему; одна является великолѣпнымъ пересмѣшникомъ, вплетающимъ въ свою мелодію самые разнообразные звуки, издаваемые птицами, живущими въ окрестностяхъ, другая способна издавать лишь весьма мало благозвучныхъ тоновъ и преимущественно издаетъ звуки непріятные. Она поетъ начиная съ утренней зари до полудня и вечеромъ до заката солнца; всего усерднѣе распѣваетъ она тогда, когда самка сидитъ на яйцахъ или когда соперникъ вызываетъ ее на бой.

Главную пищу садовыхъ пѣночекъ составляютъ жучки и другія небольшія летающія насѣкомыя, которыхъ птицы подбираютъ съ листьевъ или ловятъ на воздухѣ.

Если ничто не мѣшаетъ ей вывести птенцовъ, то садовая пѣночка дѣлаетъ это лишь однажды въ годъ, а именно въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Гнѣздо всегда устраивается въ самомъ густомъ кустѣ занимаемаго пѣночкой участка, чаще всего въ кустѣ черемухи, орѣшника, бирючины, крушины и рѣдко въ кустахъ съ шипами; гнѣздо при этомъ не то что спрятано, но всегда покрыто и защищено листвой. Гнѣздо сооружено въ видѣ изящнаго мѣшка, внѣшнія стѣнки котораго чрезвычайно искусно скатываются изъ сухой травы, листьевъ пырея, мочалы, растительнаго пуха и шерсти, бересты, паутины личинокъ, бумаги и т. п. и представляетъ собою весьма прочное строеніе; внутри гнѣздо выложено нѣсколькими перышками, тонкими стебельками и конскимъ волосомъ. Продолговатыя яйца, число которыхъ бываетъ 4—6, испещрены черноватыми или красновато-бурыми точками или жилками на розовомъ или розовато-маслянисто-сѣромъ фонѣ. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ поочередно, черезъ 13 дней выводятъ птенцовъ и выкармливаютъ подростающихъ дѣтенышей разными маленькими насѣкомыми.

Садовая пѣночка — одна изъ самыхъ хрупкихъ комнатныхъ птицъ; она требуетъ самаго тщательнаго ухода и самой отборной пищи, но и въ наилучшихъ условіяхъ рѣдко долго выживаетъ въ клѣткѣ, къ огорченію всѣхъ любителей птицъ. Близкая родственница садовой пѣночки живетъ на югѣ Европы и въ сѣверо-западной Африкѣ и извѣстна подъ названіемъ сѣрой пѣночки (Hypolais opaca).

*

Въ ближайшемъ родствѣ съ садовыми пѣночками находятся настоящія пѣночки (Phylloscopus) — мелкіе виды подсемейства съ слабымъ, у основанія нѣсколько расширеннымъ, въ общемъ шилообразнымъ, спереди сплюснутымъ клювомъ, слабыми ногами средней длины съ короткими пальцами, съ довольно длинными крыльями, въ которыхъ третье и четвертое маховое перо самыя длинныя, съ хвостомъ средней длины, прямо обрѣзаннымъ или съ небольшой выемкой и съ неплотно прилегающимъ опереніемъ, почти совершенно одинаково окрашеннымъ у обоихъ половъ.

Въ предѣлахъ Германіи живетъ четыре вида настоящихъ пѣночекъ, образъ жизни которыхъ сходенъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ.

Самый обыкновенный видъ, очень часто встрѣчающійся въ Германіи — это пѣночка обыкновенная (Phylloscopus trochilus). Длина ея — 12 сантиметровъ. Верхнія части ея тѣла оливково-сѣрыя, на надхвостьѣ цвѣтъ этотъ переходитъ въ зеленый, нижнія части тѣла блѣдно-желтыя, нижняя часть груди и брюшко бѣлыя, маховыя и хвостовыя перья оливково-бурыя, снаружи съ узкой буровато-зеленой каемкой, а маховыя перья и съ внутренней стороны снабжены болѣе широкой бѣловатой каемкой.

*

Начиная съ средней Швеціи и Шотландіи, пѣночка обыкновенная распространена по всей Европѣ и по бо́льшей части Азіи, а зимою встрѣчается какъ въ Индіи, такъ и по всей Африкѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи чаще встрѣчается пѣночка тенековка (Phylloscopus rufus), чѣмъ пѣночка обыкновенная.

Въ сѣверо-восточной Европѣ, особенно на сѣверномъ Уралѣ представителемъ разсматриваемаго рода является пѣночка печальная или таловка (Phylloscopus tristis), отличающаяся тусклой оливково-бурой окраской верхней части и чалыми, ржаво-красноватыми полосками надъ глазами, и такою же окраской боковъ головы и туловища, горла и зоба.

Движенія и дѣйствія настоящихъ пѣночекъ свидѣтельствуютъ о постоянномъ веселомъ настроеніи. Усидѣть на одномъ мѣстѣ имъ очень трудно. Подобно славкамъ, онѣ постоянно находятся въ движеніи, то ловко пробираясь между вѣтвями, то взлетая на верхній конецъ вѣтки и нѣкоторое время порхая передъ нимъ, чтобы поймать какое-нибудь насѣкомое, то съ пѣніемъ перелетая съ одного дерева на другое. Даже если имъ и доводится посидѣть спокойно на мѣстѣ, то онѣ по крайней мѣрѣ дергаютъ хвостомъ. Полетъ у нихъ порхающій и нѣсколько невѣрный, такъ какъ совершается скачка́ми; при перелетѣ черезъ большія пространства онѣ описываютъ неправильную извилистую линію, состоящую изъ болѣе длинныхъ и болѣе короткихъ дугъ. Пѣніе обыкновенной пѣночки представляетъ собою лишь рядъ нѣжныхъ тоновъ, звучащихъ вродѣ „хюид, хюид, хойд, хойд, хойд, хойд“; но мелодичность и пѣвучесть издаваемыхъ ею звуковъ, повышеніе и мягкость тоновъ придаетъ ея пѣнію нѣчто до такой степени своеобразное и привлекательное, что его можно предпочесть пѣнію многихъ другихъ птицъ. Всѣ виды поютъ усердно во время высиживанья, при этомъ надуваютъ горло, растопыриваютъ перья на темени, опускаютъ крылья, иногда подрагиваютъ ими, и начиная пѣть съ самаго утра, кончаютъ лишь послѣ заката солнца.

Всѣ настоящія пѣночки сооружаютъ болѣе или менѣе искусныя гнѣзда вродѣ хлѣбныхъ печей прямо на землѣ или непосредственно надъ землею. Лѣсная пѣночка выбираетъ для своего гнѣзда нижнюю часть стараго пня, основаніе большого или небольшого древеснаго ствола, окруженнаго густо разросшимися кустами вереска, черники и брусники, мхомъ и травою; здѣсь она сооружаетъ постройку съ куполомъ, имѣющую въ поперечникѣ около 13-ти сантиметровъ, изъ крѣпкихъ стебельковъ травы, тонкихъ прутиковъ, стебельковъ мха, скорлупокъ насѣкомыхъ, мелкихъ кусочковъ дерева и т. п. матеріаловъ; входъ въ такое гнѣздо имѣетъ въ ширину 4 сант., и внутри оно чрезвычайно тщательно выложено тонкими травками. Сооружать гнѣздо самки начинаютъ съ того, что выдалбливаютъ углубленіе, въ которомъ гнѣздо помѣщается, вытаскиваютъ иногда съ большимъ трудомъ стебельки травы и мха и до тѣхъ поръ долбятъ это мѣсто клювомъ, пока не получается полушарообразная ямка. Тогда только птицы приступаютъ къ собиранію и приведенію въ порядокъ матеріаловъ для своей постройки и при этомъ обнаруживаютъ столько усердія, что гнѣздо уже спустя нѣсколько дней оказывается готовымъ, хотя птицы работаютъ надъ нимъ только въ утренніе часы. Во время

работы онѣ заботливо стараются скрываться и скрыть, гдѣ находится ихъ гнѣздо; мохъ и травки ощипываютъ вдали отъ него, взлетаютъ съ ними на высокія деревья, стоящія по близости къ гнѣзду, и лишь послѣ этого спускаются къ тому мѣсту, гдѣ расположено гнѣздо.

Кромѣ покрытыхъ шерстью и пернатыхъ хищниковъ, преслѣдующихъ маленькихъ птицъ вообще, врагами пѣночекъ являются мыши, лѣсныя землеройки, а можетъ быть змѣи и ящерицы; но еще болѣе вреда наносятъ этимъ птицамъ продолжительные ливни. Человѣкъ преслѣдуетъ этихъ веселыхъ и милыхъ птицъ только въ Италіи, южной Франціи и Испаніи, гдѣ дѣлаетъ изъ нихъ употребленіе на кухнѣ. Въ клѣткѣ пѣночки рѣдко встрѣчаются, хотя онѣ весьма пригодны къ неволѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, онѣ не выносятъ плѣна и требуютъ къ себѣ вниманія, но при заботливомъ уходѣ привыкаютъ къ комнатной пищѣ, скоро становятся ручными и довѣрчивыми и вознаграждаютъ своего обладателя сторицей за всѣ потраченные на нихъ труды.

Незамѣченная или неузнанная, изъ восточной Азіи пролетаетъ ежегодно черезъ Германію зарничка или корольковая пѣночка (Phylloscopus superciliosus, рис. на стр. 70), направляясь на зиму въ западную Африку, находящуюся на разстояніи многихъ тысячъ верстъ отъ ея родины. Верхняя часть ея тѣла тусклаго, оливково-зеленаго цвѣта, отъ носовыхъ отверстій черезъ глаза проходитъ довольно широкая блѣдно-желтая полоска съ черной каемкой, доходящая до задней части головы, черезъ темя тянется другая, менѣе замѣтная полоска нѣсколько свѣтлѣе окружающихъ перьевъ; вся часть туловища, начиная отъ зуба и до голени нѣжнаго зеленовато-желтоватаго цвѣта, остальная нижняя часть тѣла бѣловато-желтоватая; маховыя и хвостовыя перья черно-бурыя, снаружи съ узкой оливково-зеленой каемкой, причемъ маховыя перья и изнутри окаймлены бѣлой полоской; малыя маховыя перья и самыя крупныя изъ покровныхъ перьевъ верхней части крыла на концѣ съ блѣдно-желтыми каемками, а на крылѣ находится двѣ свѣтлыхъ поперечныхъ полоски. Длина птицы 9—10 сантиметровъ.

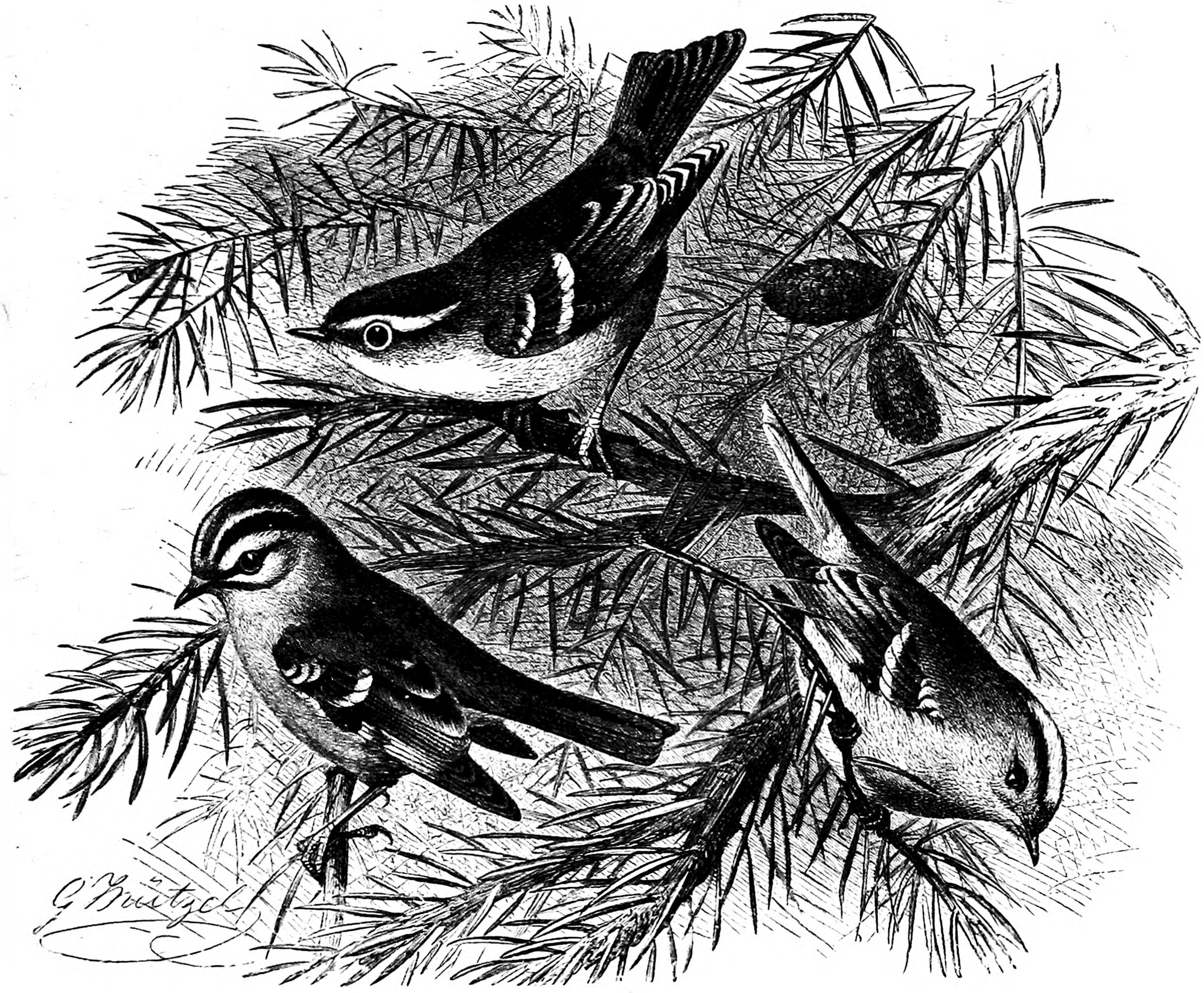
Насколько обширна область, гдѣ корольковая пѣночка выводитъ своихъ птенцовъ, пока еще неизвѣстно; мы знаемъ только, что она обитаетъ и выживаетъ потомство въ Туркестанѣ, въ восточной Сибири, начиная съ Байкальскаго озера, въ Китаѣ и на Гималаяхъ, на высотѣ 1000—2500 метровъ и всякую зиму перелетаетъ въ южную Индію. Не менѣе правильно, но въ значительно меньшемъ количествѣ, направляются эти птицы и по западному пути, идущему по сѣверной и западной Европѣ. По словамъ Гэткеса, почти ежегодно можно ее увидѣть на маленькомъ островѣ Гельголандѣ, и предположеніе этого проницательнаго наблюдателя, будто эта птица несомнѣнно каждый годъ пролетаетъ черезъ Германію, повидимому вполнѣ оправдывается. Въ самомъ дѣлѣ, корольковую пѣночку удавалось видѣть близъ Берлина и въ Ангальтѣ, кромѣ того въ Англіи, Голландіи, близъ Вѣны, Милана, а также въ Палестинѣ.

*

Относимые то къ той, то къ другой группѣ корольки (Regulus) наконецъ нашли себѣ мѣсто въ разсматриваемомъ подсемействѣ. Признаки ихъ слѣдующіе: длинный, тонкій, острый какъ иголка, клювъ, нѣсколько расширенный при основаніи и съ горбикомъ, причемъ верхняя челюсть передъ загибающимся внизъ кончикомъ снабжена небольшой выемкой; стройныя, высокія ноги, короткія, сильно закругленныя, широкія крылья, въ которыхъ четвертое и пятое маховое перо самыя длинныя, хвостъ средней длины съ небольшой вырѣзкой и обильное опереніе, состоящее изъ длинныхъ пушистыхъ перьевъ. Этотъ родъ распространенъ въ Европѣ, Азіи и въ сѣверной Америкѣ.

Королекъ желтоголовый (Regulus cristatus) отличается чало-оливково-зеленоватой окраской верхней части тѣла, края темени и полоска надъ

глазами у него свѣтлѣе, перья на верхней части головы желтыя; удлиненныя перья темени ярко-оранжевыя, сбоку ограниченныя черной полоской; нижнія части тѣла ржаво-желтовато-бѣлыя, маховыя и хвостовыя перья оливково-бурыя, малыя маховыя перья — съ бѣлой внутренней каемкой, а позади желтовато-бѣлаго основанія внѣшней бородки находится черная поперечная полоска, заднія же перья имѣютъ на концѣ бѣлое пятно, а кроющія перья крыла и переднія изъ самыхъ большихъ верхнихъ кроющихъ перьевъ украшены на концѣ широкой желтовато-бѣлой каемкой, благодаря чему образуются на тѣлѣ птицы двѣ поперечныхъ линіи. Глаза темно-каріе, клювъ цвѣта чернаго рога, ноги буроватыя. Длина 9 сантим.

1) Корольковая пѣночка (Phylloscopus superciliosus), 2) Красноголовый королекъ (Regulus ignicapillus), 3) Желтоголовый королекъ (Regulus cristatus). $^1/_2$ естеств. велич.

Королекъ желтоголовый, распространенный почти по всей Европѣ до крайняго сѣвера и по всей сѣверной Азіи до приамурскихъ странъ, въ Германіи причисляется къ птицамъ, выводящимъ своихъ дѣтенышей въ хвойныхъ и именно въ сосновыхъ лѣсахъ; лѣтомъ живетъ также на высокихъ горахъ южной Европы и во время своего осенняго перелета посѣщаетъ тамошнія равнины, но съ наступленіемъ весны снова исчезаетъ.

Равный по величинѣ корольку желтоголовому королекъ красноголовый (Regulus ignicapillus) во всякомъ возрастѣ и во всякое время года отличается отъ своего родственника бѣлой полоской надъ глазами и черной полоской, проходящей черезъ глазъ. Темя въ серединѣ огненно-красное, а съ боковъ — огненно-желтое; черная полоска, ограничивающая коронку, шире, чѣмъ у желтоголоваго королька. Отношенія частей тѣла приблизительно одинаковыя у обѣихъ птицъ; красноголовый королекъ пожалуй немного меньше.

Кромѣ Германіи, эта хорошенькая птичка встрѣчается во Франціи, Италіи, Греціи и Испаніи, но только въ качествѣ зимняго гостя.

Оба вида очень сходны между собой какъ по характеру, такъ и по образу жизни. Они очень часто водятся въ той же мѣстности, употребляютъ одинаковую пищу и устраиваютъ одинаковыя гнѣзда.

Въ Германіи желтоголовый королекъ бываетъ и постояннымъ жителемъ, и перелетной птицей. Часто онъ цѣлый годъ живетъ въ маленькомъ квадратномъ участкѣ, который можно обойти въ полчаса или въ часъ; но въ октябрѣ мѣсяцѣ многія птицы этого вида прилетаютъ съ сѣвера; ихъ можно видѣть въ садахъ, въ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсахъ, а также въ мѣстностяхъ, изобилующихъ кустарникомъ; онѣ часто зимуютъ въ средней Европѣ, частью улетаютъ южнѣе, въ мартѣ же и апрѣлѣ снова появляются въ Германіи и посѣщаютъ тѣ-же мѣста, что́ и осенью. Королекъ же красноголовый зимуетъ не въ Германіи, а въ болѣе теплыхъ краяхъ, въ Германіи же появляется въ послѣднихъ числахъ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля и остается до конца сентября или начала октября. Прилетѣвъ, красноголовые корольки ютятся въ живыхъ изгородяхъ и въ кустахъ, но скоро укрываются въ хвойные лѣса и тамъ разсыпаются между елями. Многіе улетаютъ сѣвернѣе, многіе же остаются уже въ Германіи. Они странствуютъ по ночамъ и днемъ ищутъ себѣ пищу. Лѣтомъ они почти всегда живутъ на высокихъ деревьяхъ и лишь изрѣдка спускаются въ чащу лѣса или на невысокія, молодыя деревья; въ сентябрѣ они кочуютъ. Оба вида корольковъ преимущественно пребываютъ въ хвойныхъ лѣсахъ, бо́льшею частью на деревьяхъ, но иногда и на низкихъ кустахъ и сами нерѣдко спускаются на землю. Желтоголовый королекъ предпочитаетъ сосну, красноголовый — ель всѣмъ другимъ деревьямъ; но оба они охотнѣе селятся въ небольшихъ рощахъ, чѣмъ въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ. „Замѣчательно предпочтеніе, отдаваемое ими хвойнымъ деревьямъ“, говоритъ Науманнъ. „Если позднею осенью и зимою появляется общество этихъ птицъ въ какомъ нибудь саду, гдѣ стоитъ одна единственная сосна или ель, то вся компанія тотчасъ же летитъ на это хвойное дерево, въ такихъ садахъ пребываетъ долѣе, чѣмъ въ другихъ, и бо́льшею частью прыгаетъ по этимъ деревьямъ. Но во время своихъ странствованій корольки посѣщаютъ и исключительно лиственные лѣса“. Когда зимою бываетъ хорошая, ясная и не слишкомъ холодная погода, то корольки сидятъ высоко на хвойныхъ деревьяхъ, но во время дождя, вѣтра и бури или при сильной стужѣ они спускаются въ низкій кустарникъ или на землю. Зимою они всегда держатся въ тѣхъ мѣстяхъ лѣса, которыя освѣщаются солнцемъ.

Безпокойный нравъ корольковъ невольно бросается въ глаза. Красноголовый королекъ непрерывно перескакиваетъ съ вѣтки на вѣтку и лишь изрѣдка ненадолго сохраняетъ спокойствіе, привѣшиваясь, на подобіе синицъ, снизу къ вѣткѣ, держится, порхая, на мѣстѣ, по примѣру пѣночекъ, съ цѣлью снять насѣкомое съ самаго конца вѣтки, и легко и безшумно перелетаетъ съ одного дерева на другое. Кромѣ того времени, когда выводятся птенцы, корольковъ рѣдко можно встрѣтить въ одиночку, обыкновенно они находятся въ обществѣ себѣ подобныхъ и другихъ птицъ.

Призывной звукъ звучитъ какъ слабое „зи зи“, а также какъ „цит“, издается какъ самкой, такъ и самцомъ сидя. Пѣніе взрослыхъ весною и лѣтомъ, а молодыхъ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, даже пѣніе линяющихъ птицъ начинается съ звука „зи зи“, затѣмъ сводится къ чередованію двухъ звуковъ неодинаковой высоты и оканчивается довольно хорошо. Въ теплые зимніе дни корольки поютъ превосходно. Нѣсколько странно ведутъ они себя часто осенью, съ начала сентября до конца ноября. Одинъ изъ нихъ начинаетъ кричать „зи зи“, поворачивается и машетъ крыльями. На этотъ крикъ собираются нѣсколько корольковъ, которые повторяютъ тѣ-же маневры и гоняются другъ за другомъ, и этой необыкновенной игрой занимается отъ 2-хъ до 6-ти птицъ. Красноголовый королекъ гораздо ловче, безпокойнѣе и проворнѣе въ своихъ движеніяхъ и притомъ менѣе общителенъ, чѣмъ его родственникъ. Въ то время, какъ желтоголо-

ваго королька, за исключеніемъ періода высиживанія, всегда можно видѣть въ обществѣ и стаями, красноголовый королекъ живетъ одиноко или парами. Осенью часто можно встрѣтить двухъ красноголовыхъ корольковъ вмѣстѣ, и они всегда составляютъ парочку. Если одного изъ нихъ застрѣлить, то другой выражаетъ сильную печаль, безпрерывно кричитъ и долго не можетъ рѣшиться летѣть дальше. Призывной звукъ красноголоваго королька звучитъ иначе, чѣмъ голосъ его родственника; звуки „зи зи зи“ гораздо громче и издаются съ другой интонаціей, такъ что по одному призывному звуку можно отличить одинъ видъ отъ другого, хотя трудно описать разницу настолько хорошо, чтобы непосвященный могъ составить себѣ о ней ясное представленіе. Гораздо легче указать на разницу въ пѣніи той и другой птицы. У желтоголоваго королька въ пѣніи чередуются два тона и въ концѣ слышится заключительная строфа; у красноголоваго-же королька звукъ „зи“, все время повторяется въ одномъ тонѣ, причемъ пѣніе его не имѣетъ заключенія, такъ что пѣніе это есть не что иное, какъ быстро повторяемое „зи зи зи“. Красноголовый королекъ часто поетъ весною и позднимъ лѣтомъ, даже во время перелета, осенью же — очень рѣдко, чѣмъ и отличается отъ другихъ птицъ. Пѣніе обоихъ родственныхъ видовъ такъ различно, что въ тихую погоду пѣніе каждаго изъ нихъ можно отличить издалека.

Оба королька выводятъ птенцовъ два раза въ годъ — одинъ разъ въ маѣ, другой разъ — въ іюлѣ. Шарообразныя гнѣзда съ очень толстыми стѣнками, имѣющія въ поперечникѣ снаружи 9—11, внутри лишь 6 сантиметровъ, а глубиною доходящія до 4-хъ сантиметровъ, одинаковы у обоихъ видовъ; они помѣщаются въ скрытомъ мѣстѣ на концѣ длинныхъ сосновыхъ или еловыхъ вѣтокъ, между густыми вѣточками и иглами и на вѣткахъ, свѣшивающихся внизъ, обхватываемыхъ вполнѣ или отчасти уже первымъ слоемъ матерьяла, изъ котораго строится гнѣздо и надъ гнѣздомъ склоняющихся до самой или почти до самой земли. Первый, крѣпко сплетенный слой состоитъ изъ сосновыхъ вѣточекъ и древеснаго мха, къ которымъ примѣшивается иногда немного земляного мха и шерсти козули; надлежащую прочность придаетъ гнѣзду паутина гусеницъ, которая обматывается главнымъ образомъ вокругъ вѣтокъ, несущихъ на себѣ гнѣздо; внутри гнѣздо выстилается перьями маленькихъ птичекъ; эти перья наверху всѣ направлены внутрь и такъ торчатъ на краю гнѣзда, что отчасти закрываютъ въ него отверстіе. Въ первый разъ кладется 8—10 яицъ, во второй 6—9; яички очень маленькія, испещренныя глинисто-сѣрыми точками — обыкновенно болѣе густыми на широкомъ концѣ, — причемъ фонъ яицъ бѣловато-сѣрый и блѣднаго мясного краснаго цвѣта, и покрытъ множествомъ жилокъ или разводовъ. Яйца эти такъ хрупки, что съ ними приходится обращаться чрезвычайно осторожно, чтобы не раздавить ихъ пальцами. Молодыя птицы выращиваются обоими родителями съ большимъ трудомъ, такъ какъ птенцовъ приходится кормить самыми маленькими личинками и яичками насѣкомыхъ; маленькія птички сидятъ въ гнѣздѣ прижавшись другъ къ другу или другъ надъ другомъ, такъ что мало по малу расширяютъ гнѣздо, чтобы какъ нибудь въ немъ помѣститься. Семья корольковъ живетъ вмѣстѣ короткое время; старики скоро разстаются съ молодыми послѣ выведенія первыхъ птенцовъ для того, чтобы приняться за выведеніе вторыхъ, или же послѣ выведенія вторыхъ соединяются съ другими семьями для перелетовъ.

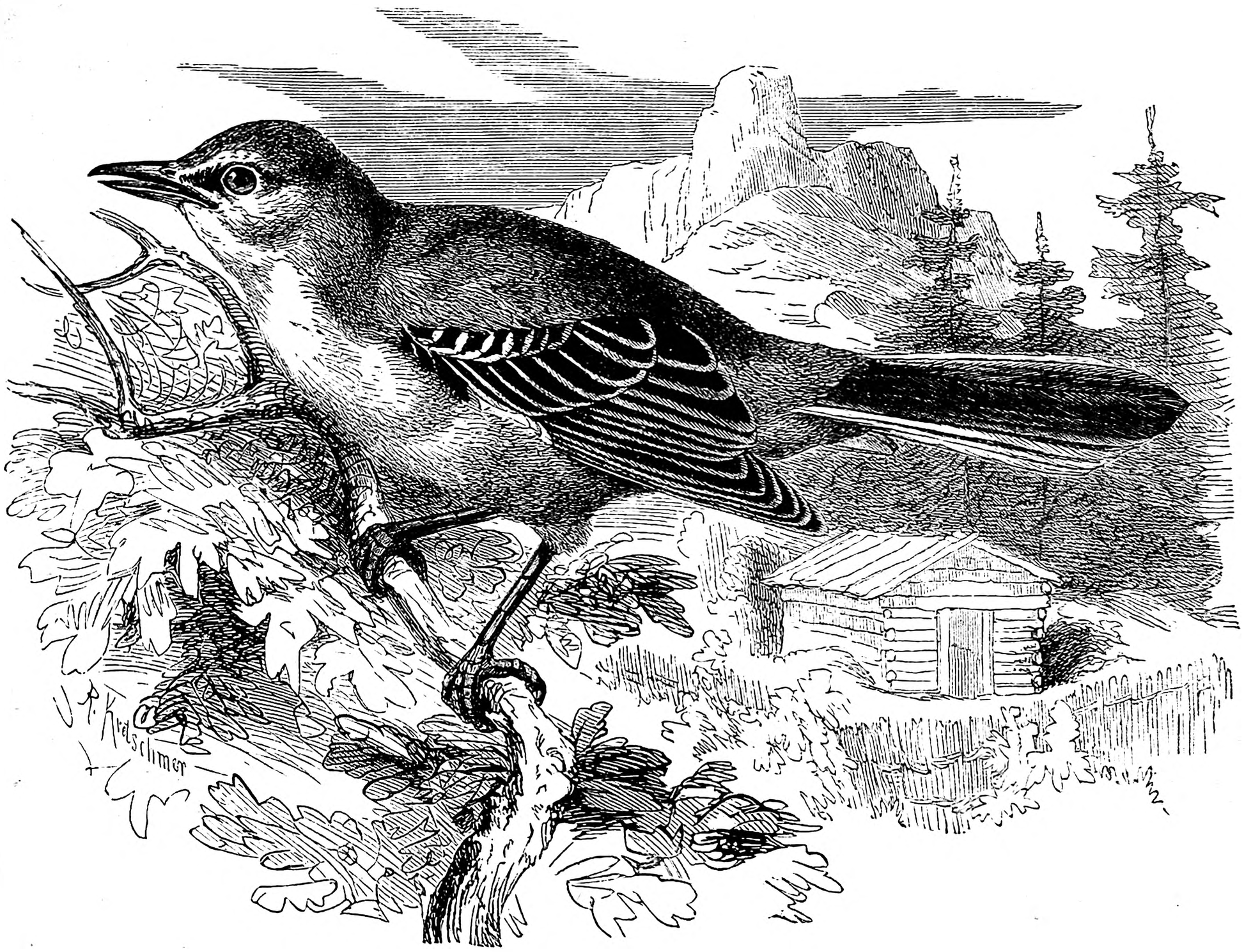
Пищу корольковъ составляютъ различныя насѣкомыя и ихъ личинки, а также мелкія сѣмена. Лѣтомъ они ѣдятъ маленькихъ жучковъ и гусеницъ, зимою почти исключительно питаются яичками и личинками насѣкомыхъ. Яички и личинки собираютъ они съ вѣтвей, нѣкоторое время порхаютъ передъ замѣченной добычей, а за летающей добычей отправляются въ догонку.

Въ неволѣ корольки встрѣчаются рѣдко, такъ какъ ихъ трудно пріучить къ комнатной пищѣ, и они очень легко заболѣваютъ и иногда даже умираютъ при ловлѣ. Если же ихъ удается пріучить къ жизни въ комнатѣ, то при надлежащемъ уходѣ они могутъ цѣлые годы жить въ клѣткѣ и являются въ такомъ случаѣ чрезвычайно пріятными людямъ. Свободно порхая по комнатѣ, они ловятъ мухъ

и этимъ приносятъ не меньшую пользу, чѣмъ поѣдая въ лѣсу вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ.

Ближайшее къ пѣвчимъ птицамъ, но не вполнѣ точно опредѣленное семейство образуютъ тималіи (Timeliidae). Это сходныя съ пѣвчими воробьиныя птицы, въ большинствѣ случаевъ съ короткими и круглыми крыльями, съ сравнительно длиннымъ первымъ маховымъ перомъ и съ мягкими, длинными перьями, въ особенности на надхвостьѣ.

Дроздовидныя птицы образуютъ подсемейство дроздовъ пересмѣшниковъ (Miminae), самымъ извѣстнымъ представителемъ котораго является пе-

Пересмѣшникъ (Mimus polyglotta). ½ естеств. велич.

ресмѣшникъ (Mimus polyglotta). Опереніе верхней части сѣро-бурое, нижней—чало-буроватое, а на подбородкѣ и брюшкѣ перья свѣтлѣе, почти бѣлыя. Глаза блѣдно-желтые, клювъ буровато-черный, ноги темно-бурыя. Длина составляетъ 25 сантиметровъ.

Соединенные Штаты—родина пересмѣшника polyglotta; но онъ попадается чаще на югѣ, нежелѣ на сѣверѣ. Отсюда онъ осенью правильно переселяется въ болѣе низкія широты; но уже въ Луизіанѣ онъ остается въ теченіе цѣлаго года, если и не на одномъ и томъ же мѣстѣ, то во всякомъ случаѣ въ одной и той же области. Онъ населяетъ кусты всякаго рода, рѣдкій лѣсъ, равно какъ плантаціи и сады, преспокойно высиживаетъ свои яйца по близости къ человѣку, защитою котораго пользуется, и держится по возможности вблизи жилищъ, въ особенности зимою. Излюбленными мѣстами его являются песчаныя равнины на берегахъ рѣкъ или на морскихъ побережьяхъ, поросшія низкими деревьями или рѣдкимъ кустарникомъ. Въ лѣсной чащѣ онъ попадается рѣдко, развѣ только во время своихъ переселеній.

Движенія его похожи на движенія дроздовъ, но часто они напоминаютъ движенія пѣвчихъ птицъ. Онъ скачетъ по землѣ, подобно дрозду, но при этомъ хвостъ его очень часто растопыривается и потомъ сново быстро складывается. Полетъ совершается короткими дугами, когда онъ перелетаетъ съ одного куста на другой, причемъ хвостъ его также поперемѣнно то растопыривается, то снова складывается. Во время своихъ переселеній онъ пролетаетъ обширныя пространства; однако никогда не летитъ продолжительное время, какъ это дѣлаютъ дрозды, а перелетаетъ лишь съ одного дерева на ближайшее.

Не присущее ему пѣніе, а лишь даръ подражанія, какимъ обладаетъ пересмѣшникъ polyglotta, создалъ ему большую славу и послужилъ предметомъ вдохновенныхъ описаній американскихъ изслѣдователей. Вильсонъ и Одюбонъ сходятся въ томъ мнѣніи, что никакая другая пѣвчая птица не можетъ сравниться съ нимъ по богатству и разнообразію своего голоса. „Слышится не нѣжный звукъ флейты или какого-нибудь другого музыкальнаго инструмента“, говоритъ Одюбонъ, „а болѣе красивые звуки самой природы. Звучность напѣва, разнообразіе оттѣнковъ и ступеней, богатство голоса, вся прелесть пѣнія недосягаемы. По всей вѣроятности нѣтъ ни одной птицы въ мірѣ, которая обладала бы такими большими музыкально художественными дарованіями, какъ этотъ выдрессированный самой природой царь пѣнія. Многіе европейцы утверждали, что пѣніе соловья можетъ сравняться съ пѣніемъ пересмѣшника; я часто слышалъ обоихъ какъ на свободѣ, такъ въ неволѣ, и готовъ согласиться, что отдѣльные звуки у соловья такъ же прекрасны, какъ и звуки, издаваемые пересмѣшникомъ: но сравнивать пѣніе соловья съ поразительнымъ дарованіемъ пересмѣшника, по моему мнѣнію, нелѣпо“. Вильсонъ не заходитъ такъ далеко, а европейскіе знатоки птичьяго пѣнія держатся совершенно другого мнѣнія. „Свою большую извѣстность“, говоритъ Гергардтъ. „пересмѣшникъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ благодаря своей способности подражать чужому пѣнію. Такъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ крайне рѣдко приходится слышать хорошее птичье пѣніе, то уже посредственное пѣніе обращаетъ на себя вниманіе, и въ этомъ скрывается причина высокой славы пересмѣшника. Дѣло во всякомъ случаѣ сильно преувеличено: знатокъ европейскихъ пѣвчихъ птицъ не сталъ бы курить ему такъ много благоухающаго ѳиміама“. Впрочемъ Гергардтъ вполнѣ подтверждаетъ заявленія американскихъ изслѣдователей относительно поразительнаго дара подражанія. „29-го іюня“, разсказываетъ онъ, „я наблюдалъ по близости поющаго самца. Какъ обыкновенно, призывной звукъ и пѣніе американскаго крапивника составляли почти четвертую часть пѣнія пересмѣшника. Онъ началъ съ пѣнія упомянутой птицы, перешелъ къ призывному звуку пурпуровой ласточки, потомъ вдругъ закричалъ, какъ соколъ; затѣмъ слетѣлъ съ сухой вѣтки, на которой сидѣлъ до тѣхъ поръ, и во время полета подражалъ призывному голосу двуцвѣтной синицы и странствующаго дрозда. На одномъ заборѣ онъ сталъ бѣгать, опустивъ крылья и поднявъ хвостъ вверхъ и при этотъ пѣлъ, какъ мухоловка, горная трясогузка и тангара и издавалъ призывной кликъ поползня; затѣмъ перелетѣлъ на кустъ ежевики, съѣлъ двѣ, три ягодки и закричалъ, какъ золотистый дятелъ и виргинская перепелка; увидѣвъ кошку, бродившую около пня, онъ тотчасъ же съ громкимъ крикомъ бросился ей въ догонку и, обративъ ее въ бѣгство, съ пѣніемъ взлетѣлъ на обломанную вѣтку и началъ свою пѣсню съизнова. По словамъ Вильсона, голосъ у пересмѣшника звонкій, сильный и чрезвычайно гибкій. „Начиная съ звонкихъ и нѣжныхъ тоновъ лѣсного дрозда. онъ издаетъ всевозможные тона, не исключая даже дикаго хрипѣнія коршуна. Темпъ и интонацію пересмѣшникъ въ точности заимствуетъ у пѣвца, которому подражаетъ, но обыкновенно придаетъ пѣснѣ еще больше прелести и выразительности. Въ лѣсахъ на его родинѣ ни одна птица не можетъ съ нимъ состязаться. Пѣсни его почти безконечно разнообразны. Они состоятъ изъ короткихъ тактовъ въ 2—6 тоновъ, которые издаются очень сильно и быстро, а иногда, нисколько не ослабѣвая, продолжаются непрерывно цѣлый часъ. Часто слушателю кажется, что онъ слышитъ пѣніе множества птицъ, которыя поютъ одновременно. Одинъ пѣвецъ можетъ обмануть охотника и даже другихъ птицъ“. Пѣсни пере-

смѣшника мѣняются въ зависимости отъ мѣстности. Въ лѣсу пересмѣшникъ подражаетъ лѣснымъ птицамъ, по сосѣдству съ человѣкомъ онъ вплетаетъ въ свое пѣніе всѣ тѣ звуки, какіе слышатся близъ человѣческаго жилья. Тогда онъ перенимаетъ не только крикъ пѣтуха, кудахтанье курицы, гоготанье гусей, кряканье утокъ, мяуканье кошки, лай собаки и хрюканье свиньи, но подражаетъ скрипу двери, визжанію флюгера, скрипѣнію пилы, трещанію мельницы и передаетъ по возможности точно еще сотню другихъ звуковъ. Иногда эта птица приводитъ въ смятеніе домашнихъ животныхъ. Она будитъ спящую собаку свистомъ, столь похожимъ на свистъ ея хозяина, что собака вскакиваетъ и напрасно ищетъ своего господина; насѣдокъ пересмѣшникъ приводитъ въ отчаяніе, подражая въ совершенствѣ писку испуганнаго цыпленка, пугаетъ робкую домашнюю птицу, передразнивая хищную птицу и обманываетъ влюбленнаго кота, весьма вѣрно передавая нѣжное приглашеніе кошекъ. Въ неволѣ пересмѣшники нисколько не утрачиваютъ своихъ дарованій, научаются подражать еще всякимъ другимъ звукамъ и шумамъ и часто самымъ забавнымъ образомъ примѣшиваютъ ихъ къ своимъ благозвучнымъ напѣвамъ.

Смотря по мѣстности, гдѣ онъ живетъ, дроздъ пересмѣшникъ выводитъ птенцовъ раньше или позднѣе. Въ первый разъ кладется 4—6 яицъ, во второй отнюдь не больше пяти, въ третій рѣдко больше трехъ. Яйца по формѣ приближаются къ шару и отличаются темно-бурыми пятнами и точками на свѣтло-зеленомъ фонѣ.

Пищу пересмѣшники употребляютъ разную. Лѣтомъ они главнымъ образомъ кормятся насѣкомыми, осенью и старъ, и младъ наслаждаются разнообразными ягодами. Въ противоположность дроздамъ, взрослыя птицы преслѣдуютъ летающихъ бабочекъ, жуковъ, долгоножекъ и мухъ, взвиваются въ погонѣ за ними высоко на воздухъ, но точно такъ же собираютъ подобныхъ животныхъ съ древесныхъ листьевъ. Въ клѣткѣ они привыкаютъ къ той пищѣ, какою кормятъ дроздовъ, но оказываются требовательнѣе дроздовъ и прежде всего пожираютъ довольно много мучныхъ червей и муравьиныхъ яицъ. При хорошемъ обращеніи они становятся очень ручными и довѣрчивыми. Американскіе естествоиспытатели увѣряютъ, что нѣкоторыхъ пересмѣшниковъ удавалось пріучить вылетать изъ клѣтки и снова въ нее возвращаться; нѣкоторые же пересмѣшники въ неволѣ размножались.

По строенію, образу жизни и правамъ крапивниковыя (Troglodytinae) напоминаютъ собою оляпокъ. Что́ оляпки представляютъ собою на водѣ, тѣмъ крапивниковыя являются на землѣ.

Крапивниковыя — это маленькія, плотныя короткокрылыя и короткохвостыя тималіи съ очень однообразнымъ опереніемъ. Клювъ короткій или средней длины, слабый, шилообразный, сдавленный съ боковъ и наверху загнутый, ноги средней длины, довольно слабыя и съ короткими пальцами, крылья короткія, закругленныя и выпуклыя, причемъ четвертое или пятое маховое перо самое длинное; хвостъ очень короткій, клинообразный или закругленный. Главная окраска оперенія — красновато-бурая съ черноватыми поперечными полосками.

Крапивниковыя птицы водятся преимущественно въ Америкѣ, и лишь немногіе виды обитаютъ въ Европѣ и въ Азіи. Онѣ живутъ въ мѣстностяхъ, изобилующихъ кустами, охотнѣе всего тамъ, гдѣ много воды и много укромныхъ уголковъ, куда можно спрятаться. На горахъ онѣ забираются до предѣльной линіи, за которой уже нѣтъ деревьевъ, на сѣверѣ онѣ встрѣчаются даже въ холодномъ поясѣ. Онѣ въ сущности неразборчивы, ибо, такъ сказать, вездѣ умѣютъ найти себѣ удобное мѣстечко. Поэтому ихъ можно встрѣтить и среди лѣса, и въ деревенскихъ и городскихъ садахъ, и на берегахъ рѣкъ и озеръ, и на склонахъ горъ. Онѣ боязливо избѣгаютъ только открытыхъ полей, не покрытыхъ кустами. Всѣ виды крапивниковыхъ — живыя, подвижныя и веселыя птицы. Онѣ летаютъ плохо и потому никогда не залетаютъ далеко, но прыгаютъ чрезвычайно быстро

и искуснѣе другихъ воробьиныхъ пробираются сквозь запутанныя заросли и углубленія. Насколько намъ извѣстно до сихъ поръ, всѣ виды поютъ болѣе или менѣе прекрасно. Нѣкоторыя изъ крапивниковыхъ птицъ принадлежатъ къ наилучшимъ пѣвцамъ своей родины; одинъ видъ, а именно флажолетовый пѣвецъ (Cypsorhinus musicus) считается даже наилучшимъ пѣвцомъ въ тропическихъ странахъ Америки; пѣніе его сравниваютъ съ звономъ маленькихъ стеклянныхъ колокольчиковъ, подобранныхъ такимъ образомъ, что соблюдена самая правильная разница между тонами, и соединенныхъ въ настоящую мелодію, медленно и тихо раздающуюся съ вершинъ деревьевъ; говорятъ, что нельзя себѣ представить ничего прелестнѣе этихъ звучныхъ и въ то же время мягкихъ, нѣжныхъ, умиротворяющихъ и словно неземныхъ звуковъ. Можно утверждать, что эти милыя существа имѣютъ для насъ неотразимую прелесть; этимъ, мнѣ кажется, объясняются и многія поэтическія сказанія, связанныя у разныхъ народовъ съ этими птицами.

*

Достойнымъ представителемъ своего семейства служитъ крапивникъ или лазутчикъ (Troglodytes parvulus, рис. на стр. 38). Длина его 10 сантиметровъ. Опереніе верхней части отличается темно-бурыми волнообразными линіями на ржаво-буромъ или ржаво-сѣромъ фонѣ; бурая полоска идетъ отъ уздечки и проходитъ черезъ глазъ, а надъ нею помѣщается другая ржаво-буровато-бѣлая узская полоска; среднія кроющія крылья перьевъ украшены на концахъ овальными бѣлыми точками, сзади ограниченными черной полоской, внутренняя бородка маховыхъ перьевъ темная, буровато-сѣрая, а наружная снабжена попеременно свѣтлыми ржаво-желтыми и черными полосками и пятнами; хвостовыя перья красновато-бурыя, по бокамъ свѣтлѣе съ явственными волнообразными темно-бурыми поперечными полосками. Глаза каріе, клювъ и ноги красновато-сѣрые. Самка окрашена нѣсколько блѣднѣе самца; у молодыхъ птицъ на верхней части тѣла меньше пятенъ, а на нижней больше, чѣмъ у взрослыхъ, но зато пятна на нижней части блѣднѣе.

Крапивникъ встрѣчается во всѣхъ европейскихъ странахъ, начиная съ сѣверной Скандинавіи и Россіи до южныхъ частей Испаніи и Греціи, а также въ сѣверозападной и средней Азіи.

Въ Германіи нѣтъ мѣстности, нѣтъ округа, гдѣ не встрѣчался бы крапивникъ, а въ извѣстныхъ мѣстностяхъ его всегда почти можно найти. Онъ селится въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, преимущественно же въ долинахъ, склоны которыхъ покрыты кустами, и по которымъ протекаетъ какой нибудь ручей. Подобно другимъ членамъ своего семейства, крапивникъ появляется въ деревняхъ и даже въ городскихъ садахъ и поселяется вблизи человѣческихъ жилищъ, если около нихъ есть кусты, живыя изгороди или по крайней мѣрѣ большія кучи сухого хвороста. „По своей живости и рѣзвости“, говоритъ Науманнъ, „по ловкости и быстротѣ, съ какою онъ пробирается по кустамъ, и по извѣстной, присущей ему смѣлости, крапивникъ превосходитъ большинство нѣмецкихъ птицъ. Смѣлость его, впрочемъ, совершенно своеобразная; она исчезаетъ при малѣйшемъ намекѣ на опасность и внезапно превращается въ безграничный страхъ, но затѣмъ снова возвращается. Веселое настроеніе рѣдко покидаетъ его. Онъ постоянно прыгаетъ съ такимъ веселымъ видомъ, какъ будто живетъ среди полнаго изобилія, и это даже зимою, когда вѣтеръ бываетъ не слишкомъ сильный или когда солнце по крайней мѣрѣ хоть отъ поры до времени выглядываетъ изъ-за тучъ. Даже когда самые вѣрные и постоянные жители нашихъ краевъ — воробьи, — недовольные стужей, растопыриваютъ перья и своимъ печальнымъ видомъ выдаютъ, что имъ не по себѣ, крапивникъ все таки продолжаетъ быть веселымъ и распѣваетъ свою пѣсенку, словно уже наступила весна“. Все существо крапивника въ высшей степени привлекательно. Нѣсколько согнувшись, онъ быстро прыгаетъ по землѣ, такъ что сразу его скорѣе можно принять за мышь, чѣмъ за птицу, съ изумительнымъ проворствомъ и ловкостью проползаетъ сквозь щели и отверстія, недоступныя ни для какой другой птицы, неутомимо перебирается съ одной изгороди, съ

одного куста или кучи хвороста на другіе, все изслѣдуетъ и лишь на мгновеніе показывается на открытомъ мѣстѣ, при этомъ съ самымъ неустрашимымъ видомъ — опустивъ грудь и задравъ свой короткій хвостикъ кверху. Если что нибудь особенное привлекаетъ его вниманіе, то онъ выражаетъ это быстро слѣдующими другъ за другомъ поклонами и поднимаетъ хвостъ еще выше, чѣмъ обыкновенно. Если онъ чувствуетъ себя въ безопасности, то всякое свободное мгновеніе предается пѣнію или по крайней мѣрѣ издаетъ свой призывной звукъ; спокойнѣе бываетъ онъ только во время линянія. Окончивъ пѣніе, онъ снова начинаетъ ползать и рыскать по окружающимъ мѣстамъ.

Летать онъ рѣшается только тогда, когда безъ этого ему невозможно обойтись. Обыкновенно, махая трепещущими крыльями, онъ низко проносится надъ землей по прямой линіи; пролетая же бо̀льшія разстоянія, онъ описываетъ извилистую линію, состоящую изъ плоскихъ, короткихъ дугъ. Преслѣдуя его въ открытомъ полѣ, нетрудно замѣтить, какъ трудно дается ему полетъ. Быстро бѣгущій человѣкъ, по словамъ Науманна, можетъ такъ утомить крапивника, что затѣмъ удается взять его руками. Впрочемъ, крапивникъ настолько хорошо сознаетъ свою неприспособленность къ полету, что никогда добровольно не покидаетъ кустовъ, служащихъ ему защитой; въ случаѣ необходимости предпочитаетъ даже забиться въ какую нибудь яму, чѣмъ отважиться на полетъ. Звукъ, чаще всего издаваемый имъ, это съ различными интонаціями произносимый имъ звукъ „церр“ или „церц“, тревожный крикъ, принимаемый во вниманіе и другими птицами, есть растяженіе этихъ звуковъ или же часто повторяемое „цек цек цек“. Прекрасное и чрезвычайно пріятное пѣніе состоитъ „изъ множества пріятнымъ образомъ смѣняющихся, звонко-свистящихъ тоновъ, которые въ серединѣ довольно длинной мелодіи складываются въ благозвучную трель, къ концу понижающуюся въ тонѣ“; трель эта въ концѣ пѣсни часто повторяется и такимъ образомъ представляетъ собою какъ бы заключеніе всего цѣлаго. Звуки отличаются такою силою и полнотою, что удивляешься, какимъ образомъ могутъ они исходить изъ такой маленькой птички. Въ зимніе мѣсяцы пѣніе крапивника производитъ весьма сильное впечатлѣніе на человѣка. Вся природа погружена въ покой и смерть, деревья обнажены, земля покрыта снѣгомъ и льдомъ, всѣ прочія птицы безмолвствуютъ и чувствуютъ себя скверно, и только эта, почти самая маленькая птичка, весела и бодра и вѣчно распѣваетъ свою пѣсенку о томъ, что скоро наступитъ весна; такого рода мысли должны приходить въ голову всякому, даже самому жалкому и сухому филистеру, который не хочетъ понять, что поэтическое отношеніе къ природѣ имѣетъ право на существованіе. Въ комъ зимою пѣніе крапивника не пробуждаетъ радостнаго чувства, тотъ правда достоинъ сожалѣнія!

Пищу крапивника составляютъ насѣкомыя во всѣхъ стадіяхъ своего развитія, пауки и всякая другая живая мелюзга, осенью же — разнообразныя ягоды.

Гнѣздо сооружается въ зависимости отъ мѣста, гдѣ оно расположено, весьма различнымъ образомъ и на различной высотѣ. Гнѣзда крапивниковъ находили довольно высоко на верхушкахъ деревьевъ и на землѣ, въ древесныхъ дуплахъ и въ углубленіяхъ въ землѣ, въ отверстіяхъ стѣнъ и въ разсѣлинахъ скалъ, въ хижинахъ угольщиковъ и подъ крышами домовъ, въ густомъ кустарникѣ и среди корней, среди сложенныхъ дровъ и въ штольняхъ рудокоповъ, причемъ всегда эти гнѣзда устраиваются въ тщательно выбранныхъ мѣстахъ, особенно когда свивается первое гнѣздо весною, прежде чѣмъ распустилась зелень. Нѣкоторыя гнѣзда состоятъ только изъ зеленаго, другія изъ пожелтѣвшаго мха, который такъ густо сплетается, что все гнѣздо кажется склееннымъ; форма ихъ шарообразная и внутрь ведетъ небольшое отверстіе. Другія гнѣзда похожи на безпорядочную кучу листьевъ, и внутри выложены перьями; третьи — это не что иное, какъ починенныя старыя гнѣзда. Какъ бы то ни было, гнѣздо всегда устроено сообразно съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ помѣщается, и матеріалъ выбирается извѣстнымъ образомъ, такъ что трудно бываетъ найти гнѣздо, которое кажется огромнымъ по сравненію съ величиной крапивника. Замѣчательно, что эта птица иногда самымъ рѣшительнымъ образомъ предпочитаетъ однѣ мѣстности другимъ. Такъ напр.,

Тринтгаммеръ разсказываетъ, что одинъ крапивникъ, жившій въ горахъ, путешествовалъ вмѣстѣ съ угольщиками и смолокурами, т. е. всегда селился въ хижинахъ этихъ людей и въ нихъ устраивалъ себѣ гнѣздо, независимо отъ того, ставилась-ли хижина на томъ же мѣстѣ, что̀ и въ предыдущемъ году или же въ другомъ мѣстѣ. Угольщики отлично знали птицу, знали, что она чувствуетъ себя у нихъ какъ дома, ибо объ этомъ свидѣтельствовалъ весь ея образъ дѣйствій. Надо замѣтить также, что крапивникъ вьетъ гнѣзда, которыя служатъ ему только для ночлега, а не для выведенія птенцовъ. Эти гнѣзда обыкновенно бываютъ меньше гнѣздъ, сооружаемыхъ для выведенія птенцовъ, бо̀льшею частью состоятъ изъ мха и внутри выложены перьями. Наблюденія показываютъ, что крапивники любятъ ночью отдыхать въ своихъ старыхъ гнѣздахъ и притомъ не въ одиночку или парами, а цѣлыми семьями. Это наблюдалъ между прочимъ одинъ англійскій крестьянинъ, который однажды въ зимній вечеръ отправился въ хлѣвъ съ цѣлью поймать воробья, скрывавшагося въ находившемся тамъ гнѣздѣ ласточки, и вдругъ, къ удивленію своему, схватываетъ цѣлыхъ пять крапивниковъ, которые мирно проводили ночь въ одномъ гнѣздѣ. При нормальныхъ условіяхъ пара крапивниковъ выводитъ птенцовъ дважды въ годъ, въ первый разъ въ апрѣлѣ, во второй разъ въ іюлѣ. Яицъ кладется 6—8: они сравнительно большія, довольно круглы, испещренныя на чисто бѣломъ или желтовато-бѣломъ фонѣ маленькими красно-бурыми и кровяного цвѣта точками, которыя на толстомъ концѣ расположены въ видѣ вѣнчика. Оба родителя сидятъ на яйцахъ поочередно въ теченіе 13-ти дней и общими силами выкармливаютъ птенцовъ. Молодыя птицы долго остаются въ гнѣздѣ, держатся еще нѣкоторое время вмѣстѣ послѣ того, какъ научатся летать, и вѣроятно каждую ночь возвращаются въ свое родимое гнѣздышко для ночевки.

Крапивника удавалось иногда ловить сѣтями, силками и прутиками, намазанными клеемъ, но къ неволѣ птица эта привыкаетъ не легко. Если удастся приручить ее, то она, оставаясь столь же милымъ созданіемъ въ клѣткѣ, доставляетъ много удовольствія своему обладателю.

Камышевокъ напоминаютъ собою такъ называемыя **швейки** (Cisticolinae). Подъ этимъ названіемъ мы разумѣемъ группу тималій, живущую лишь въ Старомъ Свѣтѣ и въ Австраліи и особенно многочисленную въ жаркомъ поясѣ; признаки этой группы составляютъ клювъ умѣренной длины, сплюснутый съ боковъ и обыкновенно слегка загнутый, сравнительно очень сильныя ноги, короткія, закругленныя крылья, хвостъ различной длины, обыкновенно ступеньчатый и одноцвѣтное, въ отдѣльныхъ случаяхъ великолѣпное опереніе.

Въ общемъ швейки выбираютъ себѣ такія же мѣста, какъ и камышевки, но еще исключительнѣе селятся среди низкаго кустарника, ситника и длинной травы. Швейки соединяютъ въ себѣ ловкость болотныхъ и кустарныхъ пѣвцовъ, лазаютъ, бѣгаютъ и вездѣ проползаютъ съ одинаковымъ искусствомъ, но зато плохо летаютъ—движенія ихъ на воздухѣ невѣрны; впрочемъ, одушевленныя любовью, онѣ поднимаются выше растеній, на которыхъ живутъ, подпрыгиваютъ и порхаютъ на воздухѣ, издаютъ свою простенькую пѣсенку, а потомъ снова низвергаются въ находящуюся внизу чащу. Здѣсь, бо́льшею частью надъ самой землей, находятся ихъ искусныя, въ своемъ родѣ несравненныя гнѣзда, сооружаемыя ими внутри сшитыхъ листьевъ; здѣсь воспитываютъ онѣ своихъ птенцовъ, находятъ себѣ пищу и проводятъ бо́льшую часть своей жизни.

Цистикола бѣгающая (Cisticola cursitans) — птица длиною въ 11 сантиметровъ. Опереніе верхней части, за исключеніемъ буроватой области затылка и ржаво-бураго надхвостья, покрыто маслянисто-бурыми и темно-бурыми пятнами; на головѣ находится три черноватыхъ и двѣ свѣтло-желтыхъ продольныхъ полоски; шея, горло и нижняя часть тѣла чистаго бѣлаго цвѣта, грудь, бока и

нижнія кроющія перья хвоста ржаво-желтыя, маховыя перья сѣровато-желтыя. Глаза коричневато-свѣтло-сѣрые, клювъ рогового цвѣта, ноги красноватыя.

Цистиколу бѣгающую можно встрѣтить въ средней и южной Испаніи, въ южной Италіи, Сардиніи и Греціи, въ сѣверной Африкѣ, въ средней, восточной и южной Азіи. Тамъ, гдѣ эта птица вообще встрѣчается, она представляетъ собою явленіе частое, во многихъ мѣстахъ даже заурядное. Это птица осѣдлая до такой степени, что живетъ и размножается въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ сама родилась. Въ Испаніи она живетъ во всѣхъ глубокихъ долинахъ, которыя хоть сколько нибудь удовлетворяютъ ея требованіямъ: на плотинахъ рисовыхъ полей, поросшихъ высокимъ тростникомъ, въ камышѣ, на поляхъ кукурузы, люцерны и конопли и въ т. п. мѣстахъ. Во время періода выведенія птенцовъ самецъ невольно бросается въ глаза. Онъ какъ бы краткими скачками взвивается на воздухъ съ громкимъ крикомъ „циттиттит“, затѣмъ обыкновенно долго летаетъ съ крикомъ, описывая дуги, и въ теченіе цѣлыхъ минутъ кружится вокругъ человѣка, который оказывается по близости. Въ травѣ эта птица бѣгаетъ чрезвычайно ловко, такъ что ее можно сравнить съ мышью; взрослыя птицы, въ которыхъ цѣлятся, въ нѣсколько мгновеній успѣваютъ скрыться такъ, что затѣмъ невозможно отыскать ихъ. „Замѣчательно“, говоритъ Гаусманнъ, „какъ птица соединяетъ между собою листья, окружающіе гнѣздо и укрѣпляетъ стѣны своей постройки. Вдоль края каждаго листа она прокалываетъ маленькія отверстія, въ которыя пропускаетъ одну или нѣсколько нитей, скрѣпляющихъ листья. Эти нити изготовляются изъ паутины или изъ растительнаго пуха; онѣ неравномѣрной толщины и не очень длинныя (такъ какъ самое большее два или три раза пропускаются сквозь листья). Во внутренней части гнѣзда преобладаетъ растительный пухъ, и немногія нити паутины, примѣшиваемыя къ нему, служатъ только для скрѣпленія другихъ матеріаловъ. По бокамъ и въ верхнихъ частяхъ гнѣзда внѣшняя и внутренняя стѣнки непосредственно соприкасаются; но въ нижней части между ними находится болѣе или менѣе плотный слой, состоящій изъ маленькихъ сухихъ листьевъ или лепестковъ, которые дѣлаютъ болѣе плотнымъ дно гнѣзда, куда складываются яйца. Въ верхней трети стѣнки устраивается круглое входное отверстіе. Вся постройка имѣетъ форму овальнаго или яйцевиднаго мѣшка. Мѣшокъ этотъ помѣщается среди куста травы, осоки или ситника, причемъ дно гнѣзда не выше 15 сантиметровъ надъ землею; гнѣздо пришито къ поддерживающимъ его листьямъ и опирается на другіе листья, которые подкладываются, образуя собою какъ бы пружины. Такимъ образомъ колеблющіяся травки придаютъ гнѣзду достаточную прочность и сопротивляемость противъ самыхъ сильныхъ вѣтровъ“.

До сихъ поръ мы думали, что настоящими строителями является самка; но наблюденія Тристрама, подтвержденныя Іердономъ, доказали, что главную долю работы беретъ на себя самецъ.

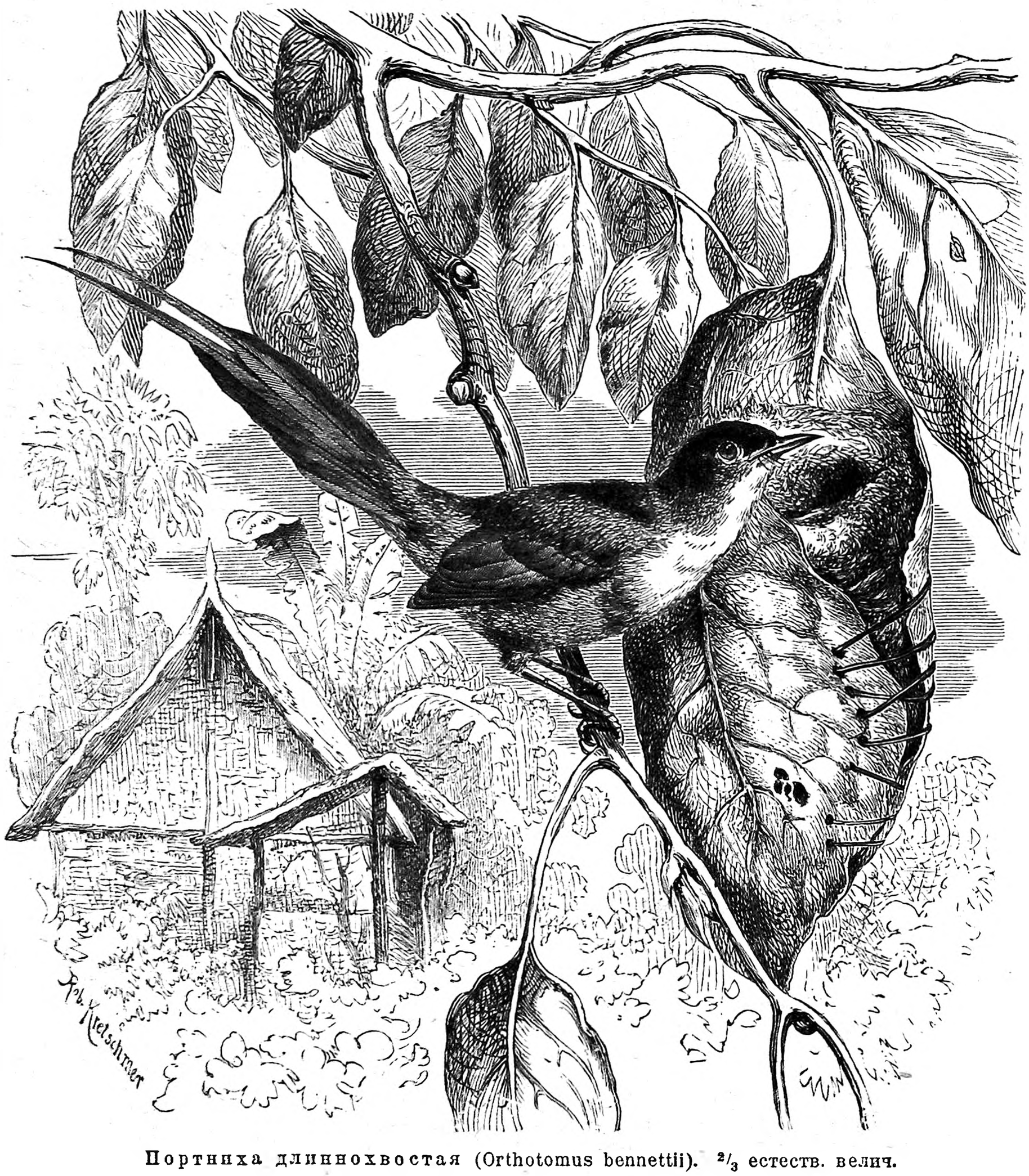
*

Портнихи (Orthotomus) отличаются продолговатымъ строеніемъ; клювъ у нихъ длинный, слабый, прямой, ноги сильныя, длинныя, крылья короткія, очень округленныя, хвостъ, большею частью короткій и съ узкими перьями, сильно закругленный или ступеньчатый.

Портниха длиннохвостая (Orthotomus bennettii) имѣетъ покровныя перья желтовато оливково-зеленыя, темя ржаво-красное, затылокъ сѣро-красноватый; нижняя часть тѣла у нея бѣлая, по бокамъ расплывчато-сѣроватая; маховыя перья оливково-бурыя съ зеленовато-бурыми каемками, рулевыя перья бурыя съ зеленоватымъ налетомъ, концы крайнихъ перьевъ бѣлые. У самцовъ оба среднія хвостовыя пера выдаются надъ прочими. Длина птицы достигаетъ 17 сантиметровъ.

Портниха водится на высотѣ 1300 метровъ начиная съ Гималаевъ до южной оконечности Индіи, на Цейлонѣ и въ Бармѣ, въ Сіамѣ и въ южномъ Китаѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, не лишенныхъ деревьевъ. Она обитаетъ въ садахъ, на

фруктовыхъ плантаціяхъ, въ живыхъ изгородяхъ, въ густомъ тростникѣ и въ лѣсахъ съ деревьями средней вышины; живетъ обыкновенно парами, иногда маленькими семействами, прыгаетъ безъ устали по вѣтвямъ деревьевъ и кустовъ, часто издаетъ свой крикъ, звучащій вродѣ „туви“ или „претти претти“; это довѣрчивая птица и часто держится около самыхъ домовъ, но становится осторожной, если замѣчаетъ, что за ней наблюдаютъ, и боязливой, когда ее преслѣдуютъ. Пища ея состоитъ изъ различныхъ насѣкомыхъ, преимущественно изъ муравьевъ, цикадъ,

Портниха длиннохвостая (Orthotomus bennettii). $^2/_3$ естеств. велич.

гусеницъ и другихъ личинокъ, которыхъ она подбираетъ съ коры и съ листьевъ, а подчасъ и съ земли. Прыгая или клюя пищу, она поднимаетъ хвостъ и растопыриваетъ перья на головѣ.

Гнѣзда, найденныя Гуттономъ, были очень изящно построены и состояли изъ тростниковаго пуха и хлопка, а также изъ обрывковъ шерстинокъ; всѣ матеріалы были крѣпко переплетены между собою, густо выложены конскимъ волосомъ и удерживались въ висячемъ положеніи между двумя листьями на вѣткѣ амальтуса. Эти два листа сначала были наложены другъ на друга въ продольномъ направленіи, а затѣмъ сшиты съ боковъ, начиная съ концовъ и нѣсколько выше середины при помощи крѣпкой нити, приготовленной самою птицей изъ хлопка; такимъ образомъ входъ въ гнѣздо оставался открытымъ между черешками листьевъ

въ томъ мѣстѣ, гдѣ листья прикрѣплялись къ вѣткѣ. Другое гнѣздо висѣло на концѣ вѣтки на высотѣ около 60-ти сантиметровъ надъ землею и было сооружено изъ тѣхъ же матеріаловъ, какъ и предыдущее. Листья были сшиты нитями, приготовленными самой птицей, или же тонкими веревочками, подобранными ею. Съ помощью клюва и ногъ птица накладываетъ края листьевъ другъ на друга, прокалываетъ ихъ затѣмъ клювомъ, въ которомъ держитъ ею самою приготовленную или найденную гдѣ нибудь нить и достигаетъ того, что листья принимаютъ извѣстное положеніе, а затѣмъ уже сооружаетъ внутреннюю часть гнѣзда. Яицъ она кладетъ 3—4; они покрыты на остромъ концѣ буровато-красноватыми крапинами, фонъ же яицъ бѣлый, красноватый или голубовато-зеленый.

*

Мягкохвостка австралійская (Stipiturus malachurus), представительница рода мягкохвостокъ, отличается особенно устройствомъ своего хвоста, который состоитъ только изъ шести перьевъ съ ощипанными бородками и очень великъ у самцовъ. Верхняя часть тѣла бурая съ черными продольными полосками, верхняя часть головы ржаво-красная, вокругъ горла опереніе свѣтло-сѣрое; нижняя часть тѣла ярко-красная, крылья темно-бурыя. Длина птицы равняется 17 сантиметрамъ.

О жизни этой птицы, извѣстной всѣмъ жителямъ Австраліи, собрали довольно подробныя свѣдѣнія Гульдъ и Рамсай. Мягкохвостка австралійская водится въ болотистыхъ мѣстностяхъ южной Австраліи, начиная отъ залива Моретонъ на восточномъ берегу и кончая Лебяжьей рѣкой на западномъ берегу, а также въ Тасманіи; тамъ, гдѣ эта птица встрѣчается, она встрѣчается часто. Быстрая и подвижная, ловкая и проворная, она бѣгаетъ по землѣ такъ же скоро, какъ полупорхая, полупрыгая пробирается между травою, поворачивается и раскачивается съ невѣроятною легкостью и потому почти всѣ попытки изловить ее оказываются безплодными. Когда преслѣдователь внезапно подходитъ къ ней совсѣмъ близко, она исчезаетъ у него на глазахъ, пользуясь своимъ искусствомъ прятаться. Летать она рѣшается только тогда, когда это необходимо; если ее спугнуть дѣйствительно, то она улетаетъ надъ самою травою и внезапно съ высоты опять бросается внизъ. Иногда она появляется на верхушкѣ травы и отсюда обозрѣваетъ свой міръ. Сидя смирно, она держитъ хвостъ прямо, порой даже надъ спиною заворачиваетъ его впередъ; при быстромъ же бѣгѣ хвостъ ея направленъ горизонтально назадъ. Самецъ въ періодъ любви издаетъ краткое, но пріятное щебетанье; призывной звукъ — это тихое чириканье.

*

Настоящія тималіи (Timelia) живутъ въ южной Азіи.

У тималіи бурой (Timelia pileata) темя блестящаго коричнево-бураго цвѣта, прочая верхняя часть тѣла буровато-сѣрая, крылья и хвостъ нѣсколько темнѣе, уздечка черная, полоска надъ нею и щеки бѣлыя, нижняя часть тѣла блѣдно-буроватая, горло и грудь съ боковъ сѣрѣе, на зобу стержни перьевъ украшены темными черноватыми полосками, глаза тускло-красные, клювъ черный, ноги мясного краснаго цвѣта. Длина птицы 18 сантиметровъ.

Горсфильдъ нашелъ тималію бурую на Явѣ и описалъ ея жизнь; особенно замѣчательнымъ онъ считаетъ то, что пѣніе самца состоитъ только изъ пяти тоновъ c, d, e, f, g, которые издаются черезъ короткіе промежутки съ самою большою правильностью.

*

Изъ группы абиссинскихъ дроздовъ (Crateropus), тималій, живущихъ въ Африкѣ и юго-западной Азіи, укажемъ только на одинъ видъ, а именно на бѣлолицаго абиссинскаго дрозда (Crateropus leucopygius). Эта птица темно-коричневаго цвѣта, голова до затылка и до середины горла, а также надхвостье, задъ и нижнія покровныя перья хвоста бѣлыя, глаза темно-кармин-

наго цвѣта, клювъ черный, ноги сѣрыя. Въ длину эта птица достигаетъ 26 сантиметровъ.

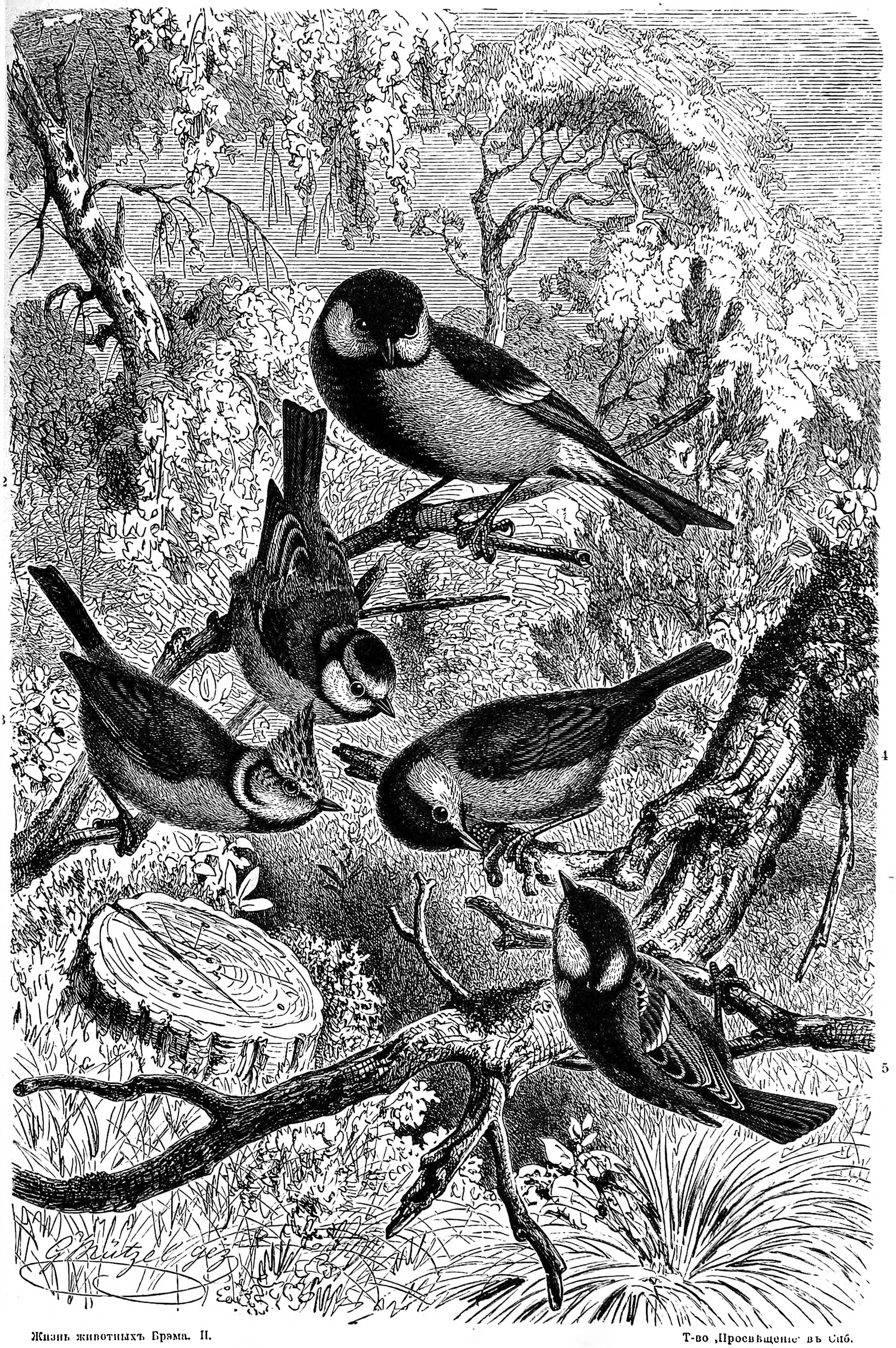
Бѣлолицый абиссинскій дроздъ водится въ лѣсахъ Абиссиніи, изобилующихъ кустами, а близкій его родственникъ обитаетъ въ такихъ же лѣсахъ восточнаго Судана. Врядъ-ли можно найти на свѣтѣ болѣе ужасныхъ крикуновъ. Эти птицы вызываютъ у людей не то гнѣвъ, не то удовольствіе; онѣ разгоняютъ дичь, что́ порождаетъ справедливое неудовольствіе; но зато онѣ такъ занятны, такъ веселы, такъ своеобразны, что человѣкъ невольно смѣняетъ гнѣвъ на милость. Крикъ ихъ никакъ нельзя назвать благозвучнымъ или особенно разнообразнымъ, но онъ трудно поддается описанію.

Семейство съ довольно опредѣленными признаками составляютъ синицы (Paridae). Клювъ у нихъ конусообразный, прямой и короткій, сверху нѣсколько закругленный, съ боковъ сплюснутый, съ острыми краями; ноги сильныя и плотныя, пальцы на ногахъ сильные, средней длины, когти сравнительно большіе и очень загнутые; крылья, острая часть которыхъ образуется четвертымъ и пятымъ маховымъ перомъ, короткія и закругленныя; хвостъ бо́льшею частью бываетъ короткій, прямо отрѣзанный или лишь немного вырѣзанный; иногда же хвостъ бываетъ длинный и въ такомъ случаѣ ступеньчатый, опереніе густое, мягкое и ярко окрашенное.

Это семейство живетъ на всемъ сѣверѣ земного шара, но встрѣчается также въ индѣйской, эѳіопской и австралійской области. Нѣкоторые виды этого семейства можно причислить къ странствующимъ птицамъ, другіе къ осѣдлымъ или кочующимъ, которыя въ извѣстныя времена въ большихъ количествахъ переносятся въ другія мѣста, но никогда не улетаютъ далеко, а переселяются лишь въ предѣлахъ весьма ограниченной области. Настоящее мѣсто жительства и охоты представляетъ для нихъ лѣсъ, ибо почти всѣ виды живутъ исключительно на деревьяхъ и на кустахъ, и лишь немногіе скрываются больше въ тростникѣ, нежели въ кустарникѣ. Онѣ не только соединяются съ себѣ подобными, но и съ другими видами своего семейства, подчасъ даже съ птицами изъ другихъ семействъ, и въ обществѣ ихъ остаются иногда по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ.

Нравъ и образъ дѣйствій ихъ въ высшей степени привлекателенъ. Это одни изъ самыхъ живыхъ и подвижныхъ птицъ. Весь день онѣ ни минутки не бываютъ спокойны, а всегда чѣмъ нибудь заняты. Онѣ перелетаютъ съ дерева на дерево и безъ устали лазаютъ по вѣтвямъ, ибо вся жизнь ихъ въ сущности представляетъ собою безпрерывную охоту. Дарованія этихъ птицъ могутъ считаться разнообразными. На землѣ онѣ, правда, очень неловки, а потому никогда долго на землѣ и не остаются, а постоянно снова возвращаются на свои вѣтви. Здѣсь онѣ ловко прыгаютъ взадъ и впередъ, искусно прикрѣпляются снизу, умѣютъ не только держаться, но и работать въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, лазаютъ прекрасно и чрезвычайно ловко пробираются и проползаютъ сквозь запутанныя мѣста. Летаютъ синицы шумно, описывая короткія дуги и повидимому съ большимъ трудомъ; поэтому бо́льшая часть видовъ рѣдко залетаетъ далеко, а только лишь перелетаетъ съ дерева на дерево. Голосъ ихъ — это тихое щебетанье, нѣсколько напоминающее писк мышей и издается постоянно, повидимому, безъ всякаго повода.

Многія синицы наряду съ насѣкомыми поѣдаютъ также зерна; большинство однако исключительно питается насѣкомыми, преимущественно мелкими, а еще охотнѣе ихъ личинками и яйцами. Вотъ почему эти птицы имѣютъ такое большое значеніе для надлежащаго процвѣтанія деревьевъ, которыя мы особенно холимъ. Вслѣдствіе своей подвижности синицы нуждаются въ сравнительно большомъ количествѣ пищи. Это наилучшіе истребители насѣкомыхъ, какіе живутъ среди насъ. Немногія птицы умѣютъ такъ основательно какъ синицы обыскать какой нибудь участокъ и разыскать наиболѣе ловко запрятавшихся

Синицы.

1) Большая синица. 2) Лазоревка. 3) Гренадерка. 4) Болотная синица. 5) Московка.

насѣкомыхъ. Благодаря подвижности и неутомимости, ловкости и проницательности синицъ, отъ нихъ не многое можетъ укрыться, не многое оказывается для нихъ недосягаемымъ. Это самые вѣрные хранители лѣсовъ, такъ какъ пребываютъ въ опредѣленной области, и во всякое время года исполняютъ свое назначеніе. Невозможно оцѣнить всю пользу, приносимую синицами; но мы навѣрное не впадемъ въ преувеличеніе, сказавъ, что каждая синица въ теченіе всей своей жизни истребляетъ ежедневно среднимъ числомъ до тысячи насѣкомыхъ. Въ числѣ ихъ много и такихъ, которыя не причиняютъ вреда нашимъ деревьямъ; но большинство яичекъ, подбираемыхъ и поглощаемыхъ синицами, развились бы въ насѣкомыхъ, чрезвычайно вредныхъ для растеній. Всякій разумный человѣкъ долженъ по мѣрѣ силъ не только охранять такихъ птицъ, но и заботиться о нихъ, устраивать имъ жилища въ лѣсу, оставлять для нихъ старыя дуплистыя деревья или привѣшивать на вѣтви коробки, гдѣ онѣ могли бы выводить своихъ птенцовъ. Особенно въ Германіи синицы страдаютъ отъ отсутствія пристанищъ, и это зло будетъ расти въ возрастающей прогрессіи, если противъ него не примутъ никакихъ мѣръ; а оно причиняетъ синицамъ больше вреда, чѣмъ могутъ причинить имъ всѣ ихъ враги, вмѣстѣ взятые, не исключая и человѣка. Къ счастью, синицы размножаются быстро, такъ какъ большею частью несутся два раза въ годъ и всякій разъ кладутъ по 7 — 12 яицъ. Многочисленное потомство, выращиваемое ими, уже къ слѣдующей веснѣ само способно къ размноженію.

Въ клѣткѣ многія синицы бываютъ весьма забавны. Онѣ изумительно быстро привыкаютъ къ неволѣ, но рѣдко удается сдѣлать ихъ вполнѣ ручными. Ихъ нельзя запирать вмѣстѣ съ другими птицами; синицы нападаютъ страшнымъ образомъ даже на большихъ птицъ, вцѣпляются имъ въ спину, заклевываютъ ихъ до-смерти, проламываютъ имъ черепъ и съѣдаютъ мозгъ убитыхъ ими жертвъ съ такою же жадностью, съ какою хищная птица пожираетъ свою добычу.

Лѣсныя синицы (Parus) отличаются сильнымъ, конусообразнымъ, сжатымъ съ боковъ клювомъ, спереди острымъ, но не настолько, какъ иголка; ноги у нихъ сильныя съ большими, толстыми когтями, крылья короткія и широкія, причемъ третье и четвертое маховое перо длиннѣе прочихъ, хвостъ средней длины или довольно длинный, либо слегка закругленный либо немного вырѣзанный, опереніе обильное, пушистое, часто великолѣпно окрашенное.

Наиболѣе извѣстнымъ видомъ этого рода является большая или обыкновенная синица (Parus major), представительница, всегда имѣющаяся на лицо и самый большой изъ европейскихъ членовъ семейства вообще и лѣсныхъ синицъ въ особенности. Верхняя часть тѣла у нея оливково-зеленая, нижняя часть — блѣдно-желтая; верхняя часть головы, горло, полоски, съуживающіяся книзу и проходящія по всей нижней сторонѣ, а также дугообразныя полоски, идущія отъ гортани къ задней части головы,—чернаго цвѣта, маховыя и рулевыя перья синевато-сѣрыя, бока головы и полоска на крыльяхъ — бѣлые. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. Длина 26 сантиметровъ.

Начиная съ 65-го градуса сѣверной широты, большая синица водится по всей Европѣ, но далеко не вездѣ встрѣчается часто; въ южныхъ странахъ она лишь время отъ времени появляется зимою, кромѣ того обитаетъ въ сѣверо-западной Африкѣ и на Канарскихъ островахъ, представляетъ собою обыкновенное явленіе въ сѣверной Персіи, но совершенно отсутствуетъ въ Закаспійской области. Въ Германіи ее можно видѣть вездѣ и во всякое время года, чаще же всего весною и осенью, когда выросшіе на сѣверѣ экземпляры спускаются въ среднюю Европу или перелетаютъ черезъ нее, хотя далеко не въ такихъ количествахъ, какъ одно или два человѣческихъ поколѣнія тому назадъ; ибо ни одинъ изъ родственныхъ видовъ не уменьшился такъ замѣтно въ числѣ, какъ большія синицы. Пока ихъ можно еще встрѣтить во всѣхъ плантаціяхъ фруктовыхъ деревьевъ, во всѣхъ большихъ садахъ; но съ каждымъ годомъ этой птицѣ все

труднѣе становится найти себѣ пристанище, и она избѣгаетъ по необходимости селиться вблизи человѣческихъ жилищъ, около которыхъ прежде селилась столь же охотно, какъ въ лѣсу. Въ концѣ сентября она начинаетъ странствовать, а въ началѣ октября она уже отправляется въ далекій путь. Около этого времени, особенно въ пасмурные дни, можно видѣть цѣлыя сотни большихъ синицъ летящими большею частью въ опредѣленномъ направленіи, причемъ онѣ часто вмѣстѣ съ другими синицами, древолазами и корольками слѣдуютъ за пестрымъ дятломъ. Въ мартѣ странники возвращаются, а въ апрѣлѣ стаи разбиваются на парочки.

Большая синица до извѣстной степени соединяетъ въ себѣ всѣ свойства членовъ семейства синицъ. Подобно прочимъ синицамъ, это чрезвычайно живая и рѣзвая, безпокойная и неугомонная, любопытная, дѣятельная, смѣлая и драчливая птица. „Очень рѣдко удается“, говоритъ Науманнъ, „увидѣть ее сидящей спокойно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и въ сколько нибудь дурномъ расположеніи духа. Всегда веселая и рѣзвая, она безъ устали прыгаетъ и лазаетъ по вѣтвямъ деревьевъ и кустовъ, по живымъ изгородямъ и заборамъ, подвѣшивается то тутъ, то тамъ къ стволу дерева или качается, перевернувшись вверхъ ногами на тонкомъ концѣ вѣтки, ползаетъ внутри дуплистаго ствола и ловко проползаетъ сквозь щели и отверстія — и все это съ самыми разнообразными ужимками, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, съ такой живостью и быстротой, которая доходитъ до комичнаго. Одержимая необыкновеннымъ любопытствомъ и съ интересомъ разсматривая, изслѣдуя и выстукивая со всѣхъ сторонъ все, что встрѣчается ей на пути, она ничего не дѣлаетъ легкомысленно; напротивъ, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ обнаруживается большая смышленность. Такъ, она умѣетъ не только осторожно увертываться отъ тѣхъ, кто стремится изловить ее, но избѣгаетъ и тѣхъ мѣстъ, гдѣ съ нею уже однажды случилось что-нибудь непріятное, хотя въ общемъ не отличается робостью. Можно, такъ сказать, уже по глазамъ ея видѣть, что это прехитрая и прешаловливая птица: взглядъ у нея чрезвычайно хитрый“. Пока возможно, она пребываетъ на древесныхъ вѣтвяхъ; на землю спускается рѣдко. Неохотно также пролетаетъ она большія разстоянія, ибо полетъ ея, хотя она летаетъ лучше другихъ синицъ, все-таки тяжеловѣсный и неуклюжій. Голосъ ея обыкновенно звучитъ вродѣ „цитт“ или „зитт“; если грозитъ опасность, она присоединяетъ къ нему предостерегающее „терррр“, а въ страхѣ предпосылаетъ обыкновенному своему крику звукъ „пинк пинк“; нѣжныя чувства выражаются слогами „вюди вюди“. Пѣніе ея простое, но не непріятное; „тона пѣсни“, по словамъ Науманна, „звучатъ чисто, какъ колокольчики“, вродѣ „стити зицициди“ и „зитидн зитидн“. Нѣмецкіе крестьяне подражаютъ этому звуку въ словахъ: „Sitz ich hoch, so flick' den Pelz“ (если я сижу высоко, то чини шубу). Насколько синица общительна, настолько же она нетерпима и даже зла по отношенію къ болѣе слабымъ. Трусливая до послѣдней степени, когда боится опасности, она совершенно безумѣетъ при видѣ хищной птицы, пугается, если издать сильный звукъ или подбросить кверху шляпу, которую она принимаетъ за сокола; но на всякую болѣе слабую птицу она нападаетъ съ цѣлью лишить ее жизни и убиваетъ ее, если только это возможно. Слабыя и больныя птицы разсматриваемаго вида подвергаются со стороны своихъ собратьевъ безжалостному нападенію и дурнымъ обращеніемъ доводятся до того, что испускаютъ духъ. Большая синица нападаетъ даже на птицъ больше ея самой. Она исподтишка накидывается на нихъ, пытается — какъ описываетъ Бехштейнъ — сильнымъ ударомъ повалить ихъ на спину, запускаетъ глубоко въ грудь и брюшко своей жертвы острые когти и изо всей силы ударяетъ ее по головѣ, пока не разобьетъ ей черепа и не доберется до мозга, составляющаго для синицы величайшее лакомство. Эти качества повидимому въ неволѣ усиливаются, но и у птицъ, живущихъ на свободѣ, они развиты, а потому птицы эти вполнѣ заслуживаютъ названіе, даваемое имъ испанцами, а именно Guerrero, т. е. воинъ, борецъ, ссорщикъ.

Насѣкомыя, ихъ яйца и личинки составляютъ главную пищу большой синицы, а мясо, зерна и древесные плоды являются для нея лакомствомъ. Эта птица кажется ненасытной; она ѣстъ съ утра до вечера и если не можетъ уже съѣсть

насѣкомаго, то по крайней мѣрѣ убиваетъ его. Она умѣетъ овладѣть добычей, какъ бы искусно она ни была запрятана; ибо если она не можетъ до нея добраться, то подобно дятлу до тѣхъ поръ будетъ долбить около того мѣста, гдѣ подозрѣваетъ присутствіе насѣкомаго, пока не отвалится кусочекъ коры и не обнаружится убѣжище насѣкомаго. Въ крайнемъ случаѣ большая синица прибѣгаетъ къ хитрости. Такъ, она зимою умѣетъ извлекать пчелъ, скрытыхъ въ ульѣ. По словамъ Ленца, большая синица приближается къ отверстіямъ въ ульѣ, откуда пчелы вылетаютъ, и стучится въ нихъ клювомъ, какъ стучатся въ двери. Внутри улья начинается тогда жужжаніе и скоро одинъ или нѣсколько обитателей улья вылетаютъ съ цѣлью прогнать уколами нарушителя спокойствія. Эта же тотчасъ схватываетъ за шиворотъ защитника крѣпости, отважившагося высунуться наружу, взлетаетъ съ нимъ на вѣтку, становится на него ногами, распарываетъ ему клювомъ животъ, съ большой жадностью лакомится его мясомъ, отбрасываетъ верхніе жесткіе покровы и отправляется на поиски новой добычи. Между тѣмъ пчелы, испугавшись холода, снова успѣваютъ забраться внутрь улья. Но опять раздается стукъ, опять одну изъ нихъ схватываютъ за шиворотъ, и такъ продолжается изо дня въ день, съ утра до вечера“. Когда зимою закалываютъ свинью, большая синица всегда прилетаетъ и утаскиваетъ себѣ по возможности большіе куски. Всякая пища первоначально измельчается этой птицей. Подобно воронамъ и воронамъ, она придерживаетъ добычу пальцами ногъ, размельчаетъ ее клювомъ и съѣдаетъ по маленькимъ кусочкамъ. При этомъ она непрерывно хлопочетъ, и ея дѣятельность представляетъ собою весьма притягательное зрѣлище. Если пищи у нея избытокъ, то она часть ея прячетъ, а затѣмъ разыскиваетъ.

Гнѣздо устраивается то надъ самой землей, то высоко на верхушкѣ дерева, но всегда въ углубленіи. При этомъ отдается предпочтеніе дупламъ деревьевъ, но часто для устройства гнѣзда выбираются щели въ каменныхъ стѣнахъ и даже употребляются старыя покинутыя гнѣзда бѣлокъ, сорокъ и воронъ; вообще, вслѣдствіе существующаго теперь недостатка въ мѣстахъ жительства, большія синицы пользуются всякой сколько нибудь сносной возможностью найти себѣ помѣщеніе. Гнѣздо сооружается не особенно искуснымъ образомъ. Сухія травки, корешки и немного мха составляютъ нижнюю часть гнѣзда, а верхняя часть строится изъ волосъ, шерсти, щетины и перьевъ. Яйца, испещренныя ржавыми или свѣтло-красноватыми мелкими или крупными крапинками по блестящему бѣлому полю и отличающіяся тонкой скорлупой, кладутся въ числѣ 8—14. Оба супруга сидятъ на яйцахъ поочередно, оба съ самоотверженіемъ выращиваютъ свое многочисленное потомство, заботятся о немъ еще нѣкоторое время послѣ того, какъ молодыя птицы покинутъ гнѣздо, и тщательно учатъ своихъ дѣтенышей добывать себѣ пищу. Въ хорошее лѣто большія синицы выводятъ птенцовъ дважды.

Синицъ ловить нетрудно, такъ какъ любопытство часто губитъ ихъ. Однажды обманутыя птицы, разумѣется, вторично не такъ легко поддаются обману. Попавъ въ комнату, онѣ тотчасъ же свыкаются съ новой обстановкой, поступаютъ по крайней мѣрѣ такъ, какъ будто съ самаго начала чувствуютъ себя здѣсь какъ дома, присаживаются на всякое подходящее мѣстечко, все обыскиваютъ и всюду забираются, ловятъ мухъ и безъ труда принимаютъ предложенный имъ кормъ; но дѣйствительно ручными онѣ становятся не тотчасъ, и прежде чѣмъ довѣрять человѣку, должны вполнѣ убѣдиться въ его доброжелательствѣ. Ихъ живость, ихъ веселый, рѣзвый нравъ всякому доставляетъ удовольствіе; но много непріятнаго можетъ причинить то, что онѣ постоянно теребятъ домашнюю утварь, ползаютъ и лазаютъ по всѣмъ угламъ, ящикамъ и коробкамъ, пачкаютъ питье, а также ссорятся съ другими птицами и стремятся убивать ихъ.

Лазоревка или синяя синица (Parus caeruleus, рис. на стр. 86) отличается синевато-зеленоватой окраской верхней части; голова, крылья и хвостъ у нея синіе, нижняя часть тѣла желтая. Бѣлая полоска, начинающаяся на лбу и доходящая до задней части головы, ограничиваетъ темное темя, темная, синевато-черная полоска отдѣляетъ его отъ бѣлой щеки, которая внизу огранн-

чивается синеватымъ ошейникомъ. Маховыя перья аспидно-сѣрыя, заднія — небесно голубыя на наружной бородкѣ и бѣлыя на концѣ, вслѣдствіе чего на крыльяхъ образуются полоски; рулевыя перья аспидно-голубыя. Глаза темно-каріе, клювъ черный, по краямъ грязновато-бѣлый, ноги свинцово-сѣрыя. Длина 11,8 сантиметровъ.

Лазоревка водится въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ всей Европы, Малой Азіи, Персіи и западной Сибири. Мѣстопребываніемъ своимъ она избираетъ, главнымъ образомъ, лиственные лѣса, плантаціи деревьевъ и сады. Въ хвойныхъ лѣсахъ она встрѣчается рѣдко, лѣтомъ почти никогда, между тѣмъ какъ въ лиственномъ лѣсу ее можно найти почти всегда. Весною этихъ птицъ можно видѣть парами, лѣтомъ — семьями, осенью — стаями, которыя дѣлаютъ сообща болѣе или менѣе далекое путешествіе. Тѣ лазоревки, которыя странствуютъ настоящимъ образомъ, доходятъ до южной Европы, а именно забираются въ Испанію, гдѣ зимою ихъ можно встрѣтить вездѣ; въ мартѣ онѣ снова возвращаются въ сѣверныя страны.

По своему нраву и образу дѣйствій лазоревка представляетъ собою большую синицу въ миніатюрѣ. Она такъ же предпріимчива, проворна, ловка, смѣла, весела и бодра, почти такъ же любопытна и такъ же зла, сварлива и драчлива, какъ большая синица. Пѣніе ея не представляетъ собою ничего особеннаго. Пища такова же, какъ и пища другихъ синицъ. Зеренъ лазоревка не любитъ; главный кормъ ея составляютъ яички насѣкомыхъ.

Гнѣздо устраивается большею частью въ дуплѣ, рѣдко въ отверстіи каменной стѣны или въ старомъ сорочьемъ или бѣличьемъ гнѣздѣ; оно всегда помѣщается довольно высоко надъ землею, причемъ углубленіе обыкновенно дѣлается самими птицами. Подходящія для устройства гнѣзда отверстія, заманчивыя и для другихъ птицъ, высиживающихъ яйца въ углубленіяхъ, лазоревка отвоевываетъ настойчиво и мужественно и потому всегда на ея долю выпадаетъ хорошее мѣстечко. Гнѣздо устраивается соотвѣтственно величинѣ углубленія, но обыкновенно состоитъ только изъ небольшого количества волосъ и перьевъ. Маленькія яйца съ тонкой скорлупой кладутся въ числѣ 8—10; они покрыты ржавыми крапинками по чисто-бѣлому полю. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ поочередно и сообща выращиваютъ птенцовъ. Первые птенцы вылетаютъ изъ гнѣзда въ половинѣ іюня, вторые — въ концѣ іюля или въ началѣ августа.

Московка или малая синица (Parus ater), длиною въ 11 сантиметровъ, окрашена въ верхней части тѣла въ пепельно-сѣрый цвѣтъ; нижняя часть тѣла у нея сѣровато-бѣлая, шея и голова черныя, съ боковъ бѣлыя. Начиная съ далекаго сѣвера, она населяетъ хвойныя лѣса Стараго Свѣта до Японіи и питается частью насѣкомыми, частью сѣменами хвоевъ. Болотная синица (Parus fruticeti) живетъ только въ средней Европѣ, гдѣ обитаетъ лишь на низменныхъ полосахъ, изобилующихъ водою.

У хохлатой синицы (Parus cristatus) опереніе верхней части красновато-буро-сѣрое или блѣдно-мышинаго цвѣта, опереніе нижней части — сѣровато-бѣловатое; перья хохолка черныя съ бѣлыми каемками, щеки бѣлыя, полоска, проходящая черезъ глаза, горло и отходящая отъ него полоска на шеѣ — черныя, маховыя и рулевыя перья темнаго сѣровато-бураго цвѣта, съ болѣе свѣтлою наружною каймою. Глаза каріе, клювъ черный, по краямъ свѣтлѣе, ноги грязноватаго свѣтло-синяго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 13 сантиметровъ.

Насколько извѣстно до сихъ поръ, хохлатая синица водится только въ Европѣ. Въ хвойныхъ лѣсахъ Германіи она встрѣчается довольно часто, въ исключительно же лиственныхъ лѣсахъ не встрѣчается вовсе. Это осѣдлая птица, которая остается вѣрна своему мѣсту жительства и лишь на время покидаетъ его осенью и зимою.

Этому виду также свойственны черты, характерныя для синицъ вообще, а

именно рѣзвость, подвижность, ловкость и проворство при лазаньѣ, умѣнье всюду прицѣпиться, смѣлость, храбрость, склонность къ ссорамъ и дракамъ. Обычный звукъ, издаваемый этой птицей — свистящее „зитт“, растянутое „тэе тэе“, призывной звукъ — „циръ гюррр“ или „глюррр“, пѣніе ничего особеннаго изъ себя не представляетъ. Распѣвая свою пѣсенку, самецъ принимаетъ различныя позы, вертится и поворачивается, растопыриваетъ хохолокъ и снова складываетъ, и вообще всякими движеніями старается понравиться.

Гнѣздо помѣщается обыкновенно въ дуплахъ съ узкимъ входомъ, высоко или низко надъ землею, гдѣ случается найти удобныя дупла, а также въ полыхъ стволахъ и не менѣе часто въ старыхъ гнѣздахъ хищныхъ птицъ, воронов, воронъ, сорокъ и бѣлокъ.

Хохлатая синица можетъ считаться однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей хвойныхъ лѣсовъ, ибо она живетъ главнымъ образомъ яйцами и личинками вредныхъ насѣкомыхъ и почти совершенно не употребляетъ въ пищу зеренъ и сѣмянъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера она занята разыскиваньемъ себѣ корма, и опытъ показалъ, что она преимущественно истребляетъ яйца вредныхъ для лѣса бабочекъ. Только зимою приходится ей иногда питаться зернами; но пока есть возможность уничтожать насѣкомыхъ, она не ѣстъ ничего другого. По этой причинѣ она труднѣе другихъ видовъ привыкаетъ къ неволѣ.

*

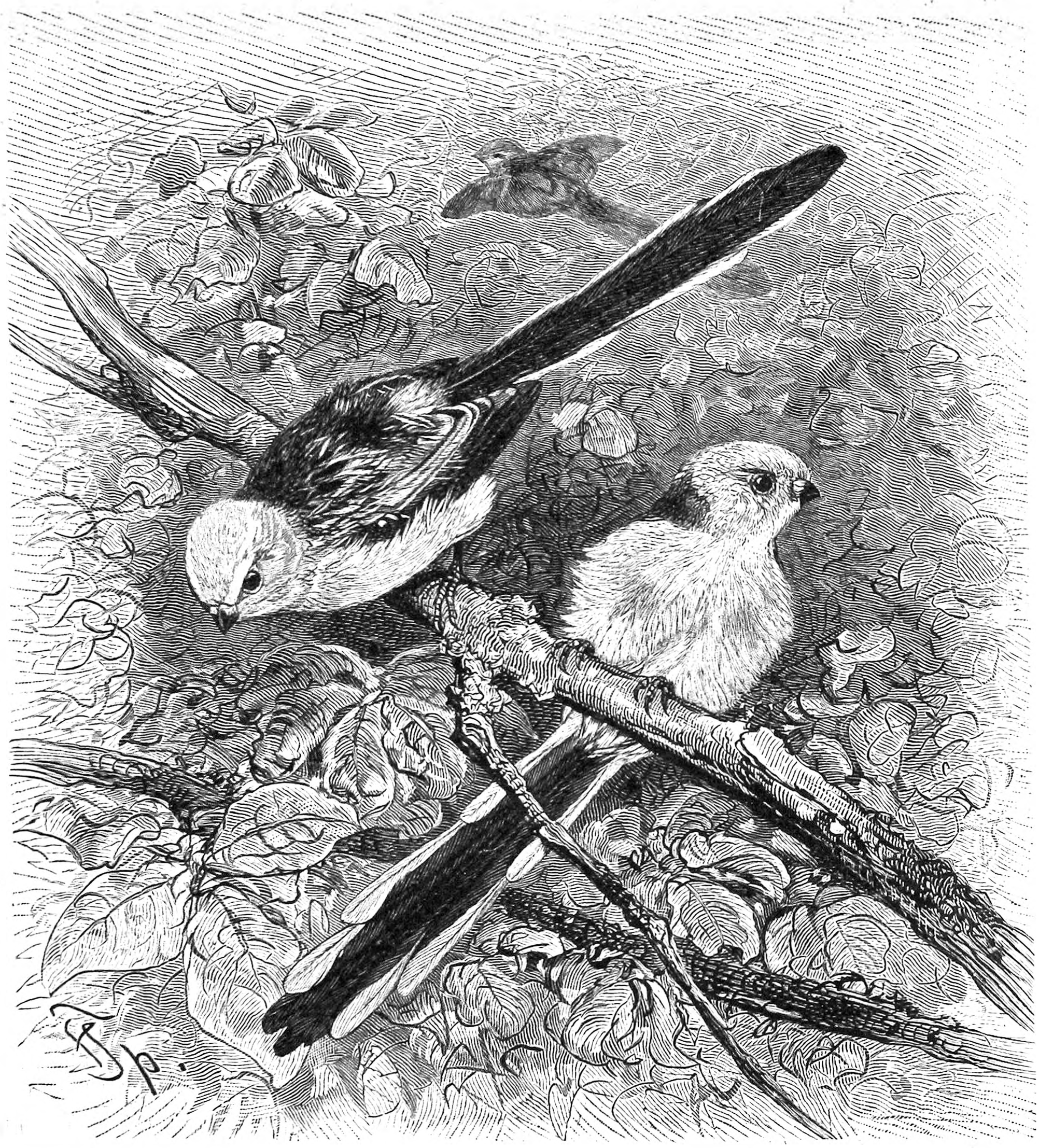
Представителями другой группы являются длиннохвостыя синицы (Acredula).

У длиннохвостой синицы или аполлоновки (Acredula caudata, рис. на стр. 88) верхняя часть головы и нижняя часть тѣла бѣлыя съ нѣжно-розовато-коричневымъ отливомъ въ пахахъ, вся верхняя часть тѣла черная, плечи розовато-красноватo-бурыя. Заднія малыя маховыя перья снаружи имѣютъ широкую бѣлую-каемку, наружныя хвостовыя парныя перья снаружи и на концахъ бѣлыя. Глаза темно-каріе, неоперенный край ихъ у старыхъ птицъ свѣтло-красный, у молодыхъ ярко желтый, клювъ и ноги черные. Длина всей птицы 14,6 сант., причемъ длина хвоста составляетъ 8,7 см.

Аполлоновка не забирается далеко на югъ; уже въ Греціи и въ Испаніи эти птицы представляютъ собою рѣдкое явленіе, однако встрѣчаются еще въ Малой Азіи. Зато онѣ далеко распространяются на сѣверъ и попадаются также въ средней Азіи. Въ средней Европѣ онѣ появляются довольно правильно каждую весну и осень во время перелета; многія же семьи и въ самую суровую зиму остаются въ Германіи. Повидимому длиннохвостая синица отдаетъ предпочтеніе лиственнымъ лѣсамъ передъ хвойными; еще охотнѣе, чѣмъ въ лѣсахъ, она селится на фруктовыхъ плантаціяхъ или на лугахъ, гдѣ растутъ деревья. Она рѣзва, подвижна, жива и дѣятельна, вмѣстѣ съ тѣмъ веселѣе, мягче, менѣе запальчива и отличается менѣе разбойническими наклонностями, чѣмъ другіе виды ея семейства. Обычное щебетанье ея — это шипящій звукъ „зит“, призывной голосъ — свистящее „ти ти“, предостерегающій крикъ — пронзительное „цирири“ и „терр“, пѣніе ея тихо и пріятно, хотя ничего особеннаго не представляетъ. Пища ея состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ и притомъ преимущественно изъ мелкихъ видовъ.

Гнѣздо длиннохвостой синицы похоже на гнѣздо ремеза, но отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что виситъ не свободно, а всегда подпирается. По формѣ оно похоже на большое яйцо съ входнымъ отверстіемъ сбоку. Вышина гнѣзда равняется приблизительно 24, а ширина 10 сантиметрамъ. Наружная часть стѣнокъ составляется изъ зеленаго древеснаго мха, скрѣпленнаго паутиной насѣкомыхъ, а также древесныхъ лишаевъ, скорлупокъ отъ куколокъ, бересты и паутины пауковъ или гусеницъ; внутри гнѣздо выложено множествомъ перьевъ, шерсти и волосъ. Парочка длиннохвостыхъ синицъ всегда беретъ мохъ и лишаи съ того самаго дерева, на которомъ сооружаетъ свое гнѣздо, и всегда располагаетъ ихъ въ томъ же родѣ, какъ они расположены на древесной корѣ. Такимъ образомъ гнѣздо пріобрѣтаетъ

такое замѣчательное сходство со всей окружающей обстановкой, что даже опытный глазъ съ трудомъ можетъ открыть его. Такъ какъ доставать необходимые матеріалы не легко, то парочка, которая вынуждена вить себѣ второе гнѣздо, иногда пользуется уже собранными матеріалами и снова сплетаетъ ихъ. Самая постройка продолжается иногда двѣ, часто даже три недѣли, хотя оба супруга работаютъ

Длиннохвостая синица (Acredula caudata). $^3/_4$ естеств. велич.

очень усердно и самецъ по меньшей мѣрѣ занятъ передаваніемъ матеріала самкѣ. Въ серединѣ или въ концѣ апрѣля завершается первая кладка яицъ. Яицъ много, а именно 9—12, иногда же 15—17. Яйца маленькія, съ чрезвычайно тонкой скорлупкой, съ блѣдными ржаво-красными крапинками на бѣломъ фонѣ. Нѣкоторыя самки кладутъ только бѣлыя яйца. Послѣ 13-тидневнаго высиживанья для обоихъ родителей начинается непрерывная работа, такъ какъ что нибудь да значитъ выкормить такую многочисленную гурьбу дѣтей. Уже для взрослыхъ птицъ, сидящихъ на яйцахъ, гнѣздо слишкомъ мало, а птенцамъ и подавно тамъ скоро дѣлается слишкомъ тѣсно. Каждый птенецъ всѣми силами старается создать себѣ мѣстечко пошире, и такимъ образомъ плетеныя стѣнки гнѣзда раздаются вширь, а мѣстами

даже разрываются. Если дырки образуются въ днѣ гнѣзда, то оно получаетъ очень странный видъ, потому что молодыя птицы, становясь больше, пропускаютъ въ дыру свои неудобные хвосты. Впослѣдствіи то-же отверстіе употребляется и съ другою цѣлью, такъ что матери приходится меньше заботиться о чисткѣ гнѣзда.

Изъ всѣхъ синицъ длиннохвостая синица наименѣе дика и поэтому, какъ вообще по своему поведенію, она пріятнѣе всѣхъ прочихъ.

*

Къ бородаткамъ (Panurus) принадлежитъ бородатка или усатая синица (Panurus biarmicus); у нея верхняя часть головы и затылокъ красиваго пепельно-сѣраго цвѣта, остальная верхняя часть тѣла свѣтлаго коричнево-краснаго цвѣта, верхнія покровныя перья хвоста и бока груди нѣжнаго желтовато-розоваго цвѣта; нижняя часть тѣла въ серединѣ чисто-бѣлая; отъ уздечки начинается черная полоска, состоящая изъ удлиненныхъ перьевъ и представляющая собою какъ бы бороду; нижнія покровныя перья хвоста также черныя; маховыя перья черно-бурыя, большія маховыя перья и кроющія ихъ перья — снаружи серебристо-бѣлыя, малыя маховыя перья болѣе яркаго коричнево-краснаго цвѣта, чѣмъ верхняя часть тѣла. Глаза оранжево-желтовато-каріе, клювъ красиваго желтаго цвѣта, ноги черныя. Длина птицы 16 сантиметровъ.

Родина бородатки — юго-восточная Европа, но также Голландія, Великобританія, южная Венгрія, Италія, Греція, Испанія и значительная часть средней Азіи; водится она въ обширныхъ тростниковыхъ зарослях. Она тѣсно связана съ камышомъ, покидаетъ его только въ случаѣ необходимости, живетъ парами или маленькими семьями и притомъ очень скрывается; это птица ловкая, проворная, живая и безпокойная, рѣзвая и смѣлая, подобно прочимъ синицамъ; она двигается по стеблямъ камышей съ ловкостью камышевки, летаетъ легко и какъ бы скачками; призывной голосъ ея — „цит цит“, пѣніе же ея незначительно: это тихое щебетаніе, къ которому примѣшивается нѣсколько отрывистыхъ хриплыхъ звуковъ. Во всемъ остальномъ образъ жизни бородатокъ соотвѣтствуетъ дѣйствіямъ и нраву другихъ птицъ. Гнѣздо устраивается надъ самой землей въ пучкахъ травы, большею частью такъ, что отдѣльные стебельки травы вплетаются во внѣшнюю стѣнку, состоящую исключительно изъ сухихъ метелокъ нѣкоторыхъ видовъ тростника и камыша, а потому напоминаетъ гнѣзда камышевокъ, отличаясь отъ нихъ тщательной отдѣлкой. Яйца, которыя кладутся въ числѣ 4—6, покрыты довольно рѣдкими точками и крапинками по чисто-бѣлому или красновато-бѣлому фону.

Изъ-за красоты и пріятнаго нрава бородатку часто держатъ въ клѣткѣ. Иныя птицы умираютъ въ неволѣ, какъ полагаютъ, отъ тоски по своимъ спутникамъ жизни, и смерть одной птицы большею частью влечетъ за собой смерть другой. При тщательномъ уходѣ эти хорошенькія птицы выживаютъ въ неволѣ по нѣсколько лѣтъ.

*

Клювъ ремезовъ (Aegithalus) имѣетъ настоящую шилообразную форму; ноги снабжены необыкновенно сильными пальцами; крылья короткія и тупыя, и въ нихъ всего длиннѣе третье, четвертое и пятое маховое перо, хвостъ средней длины, съ небольшой выемкой, опереніе очень пушистое и неплотное.

Ремезъ (Aegithalus pendulinus) представляетъ собою одинъ изъ самыхъ мелкихъ видовъ всего разсматриваемаго семейства. Длина его 12,2 см. Лобъ, уздечка и пятно подъ глазомъ черные, верхняя часть головы, затылокъ и задняя часть шеи грязновато-сѣраго цвѣта, спина и плечи коричнево-желтовато-красныя, подбородокъ и горло чисто бѣлые, прочія нижнія части тѣла блѣдно-желтовато-бѣлыя, маховыя и рулевыя перья буровато-черныя съ чало-бѣлой каемкой на наружныхъ частяхъ, покровныя перья малыхъ маховыхъ перьевъ каштаново-красновато-бурыя. Глаза каріе, клювъ очень черный съ бѣловатыми краями, ноги черныя или сѣровато-черныя.

Родиной этой чрезвычайно изящной птицы являются восточная часть Европы, Польша, Россія, Галиція, южная Венгрія, придунайскія низменности, Турція, Греція и Малая Азія. Въ Германіи она представляетъ собою рѣдкое явленіе, хотя все-таки иногда встрѣчается. Водится она въ болотахъ и тому подобныхъ мѣстахъ, въ чащахъ, густо поросшихъ разными видами ивъ и тополей. До сихъ поръ не могли рѣшить вопроса, слѣдуетъ ли считать ремеза перелетной или только бродячей птицей. Одно извѣстно, что ежегодно въ довольно опредѣленное время, а именно въ мартѣ, ремезъ появляется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высиживаетъ птенцовъ и часто, по крайней мѣрѣ, снова покидаетъ ихъ въ сентябрѣ или октябрѣ. Во время своихъ странствованій онъ появляется въ такихъ странахъ, которыя находятся внѣ предѣловъ той области, гдѣ онъ, собственно говоря, водится, напр., довольно правильно появляется на берегу нѣкоторыхъ озеръ сѣверной или восточной Германіи.

По своей живости, ловкости и смѣлости ремезъ является достойнымъ членомъ своего семейства. Его движенія и призывной голосъ также напоминаютъ синицъ. Онъ искусно лазаетъ по вѣтвямъ и по камышу вверхъ и внизъ, держится по возможности въ скрытыхъ мѣстахъ, и его далеко слышное, звучное „цитт“ раздается почти безъ перерыва. Отличаясь безпокойствомъ, онъ постоянно чѣмъ нибудь занятъ, и вѣчно переходитъ въ своемъ участкѣ съ мѣста на мѣсто. Полетъ его быстрый, ловкій, но въ то же время какой то судорожный; онъ избѣгаетъ также, насколько это возможно, пролетать большія разстоянія, на которыхъ ему негдѣ укрыться. Въ пищу онъ употребляетъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, которыя водятся въ камышѣ, а также ихъ личинки и яички. Зимою онъ довольствуется сѣменами тростника и другихъ болотныхъ растеній.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ все относящееся къ размноженію этой птицы. Она принадлежитъ къ числу самыхъ искусныхъ изъ извѣстныхъ намъ строителей. Гнѣздо ея, представляющее собою великолѣпное произведеніе искусства, прикрѣпляется только верхнимъ концомъ и виситъ свободно, подобно гнѣздамъ ткачей, и притомъ бо̀льшею частью надъ водою. Бальдамусъ, давшій самое лучшее описаніе гнѣзда ремеза, говоритъ: „Въ теченіе семи недѣль я почти ежедневно имѣлъ возможность наблюдать за работой маленькихъ строителей, за высиживаньемъ и выращиваніемъ птенцовъ и имѣлъ въ рукахъ болѣе 30 гнѣздъ. Если вообще чрезвычайно пріятно украдкой слѣдить за работой искусныхъ строителей гнѣздъ, то наблюдать за ремезомъ имѣетъ двойную прелесть, такъ какъ онъ благодаря своей безпечности не затрудняетъ доступа къ своей мастерской. Я наблюдалъ за ходомъ работы, видѣлъ и уносилъ гнѣзда на различныхъ стадіяхъ развитія постройки. Гнѣзда я находилъ (въ Бѣломъ болотѣ) только на крайнихъ концахъ вѣтокъ преобладающей тамъ ломкой ивы. Хотя вода и камышъ всегда находятся по близости (вода всегда по крайней мѣрѣ имѣется во время постройки гнѣзда), но не всѣ гнѣзда устраивались непосредственно надъ водою, и ни одно не было помѣщено въ чащѣ камыша такъ, чтобы камышъ сколько нибудь скрывалъ гнѣздо. Напротивъ, всѣ гнѣзда ремезовъ нетрудно было найти, такъ какъ они были устроены на небольшой высотѣ всегда внѣ камыша, а большинство — на краю камышевой заросли, близъ воды или надъ водою. Гнѣзда висѣли на высотѣ 4—5 метровъ надъ землею; только два гнѣзда помѣщались на высотѣ 2—3 метровъ, нѣсколько гнѣздъ на высотѣ 6—10 метровъ, а одно даже на вершинѣ высокой ивы. Оба супруга вьютъ гнѣздо съ равнымъ усердіемъ, и кажется просто невѣроятнымъ, что они выполняютъ такую сложную постройку менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли.

„Что же касается самаго хода работы, то ремезъ почти всегда обвиваетъ шерсть, иногда козьи и волчьи или собачьи волосы, или же мочалу или волокна конопли вокругъ тонкой, висящей внизъ вѣточки, которая на разстояніи нѣсколькихъ см. отъ точки прикрѣпленія гнѣзда образуетъ одну или нѣсколько вилокъ. Между этими вилками располагаются опирающіяся на нихъ боковыя стѣнки. Затѣмъ птица продолжаетъ вить до тѣхъ поръ, пока боковыя стѣнки, свѣшивающіяся надъ кончиками вилокъ, не стягиваются внизу и не образуютъ пло-

скаго дна. Теперь гнѣздо имѣетъ видъ корзиночки съ плоскими краями, и такія то гнѣзда въ прежнее время считались увеселительными гнѣздами самцовъ. Матеріалъ, употребляемый для сооруженія гнѣзда, это пухъ тополя и ивы, переплетаемый съ мочалой, шерстью и волосами; сѣменной пухъ смачивается слюной, скатывается въ шарики, которые потомъ дергаются и сплетаются съ другими. Гнѣздо принимаетъ постепенно форму корзиночки съ довольно толстымъ закругленнымъ дномъ. Тогда начинается устройство одного бокового отверстія, которое все затягивается, кромѣ маленькаго круглаго отверстія, въ то же время и другой бокъ возводится снизу вверхъ. Одно изъ круглыхъ отверстій снабжается трубкой длиною въ 2—8 сантиметровъ, другое же остается открытымъ и только по краямъ разглаживается и плотно приминается. Затѣмъ одно отверстіе закрывается, но я видѣлъ также гнѣздо съ двумя трубами. Подъ конецъ внутреннее дно гнѣзда густо выстилается нескатаннымъ цвѣточнымъ пухомъ — и гнѣздо кончено. Теперь оно представляетъ собою круглый мячъ или мѣшокъ въ 15—20 сантиметровъ вышины и въ 10—12 сантиметровъ ширины, къ которому, на подобіе горлышка бутылки, прикрѣпляется круглый входъ; онъ бываетъ или отогнутъ и придѣланъ къ гнѣзду, или же горизонтально и неплотно прилегаетъ къ гнѣзду. Такое гнѣздо никакъ нельзя смѣшать съ гнѣздами другихъ птицъ, и потому-то мы и знаемъ навѣрное, что ремезъ выводилъ птенцовъ въ Германіи.“

Бальдамусъ никогда не находилъ въ гнѣздѣ ремеза болѣе 7-ми яицъ и менѣе 7-ми птенцовъ. Скорлупа яицъ ремеза чрезвычайно нѣжна и тонка, безъ сильнаго блеска и мелкозернистаго строенія, окраска ея бѣлоснѣжная, которая впрочемъ до удаленія содержимаго кажется блѣдно-красноватой. Оба супруга сидятъ на яйцахъ поочередно и вмѣстѣ выкармливаютъ свое потомство главнымъ образомъ мягкими гусеницами и летающими насѣкомыми, особенно изъ породы комаровъ.

„Въ теченіе нѣкотораго времени“, говоритъ Бальдамусъ, „я держалъ у себя 14 молодыхъ ремезовъ, которыхъ кормилъ сладкимъ творогомъ, смѣшаннымъ съ протертыми куриными сердцами. Всѣ они тотчасъ же принялись за кормъ, были всегда довѣрчивыми и ручными, вѣчно бывали голодны и тотчасъ же вылетали изъ своего гнѣзда мнѣ навстрѣчу, когда я входилъ въ комнату послѣ краткаго отсутствія. Нѣкоторые, правда, умерли у меня не смотря на тщательный уходъ; однако не подлежитъ сомнѣнію, что можно вырастить этихъ миленькихъ птичекъ въ искусственныхъ условіяхъ.“

Къ синицамъ примыкаютъ древолазы (Certhiidae), которые отличаются длинными пальцами на ногахъ, вооруженными острыми, тонкими когтями. Это семейство распадается на два подсемейства.

Подъ именемъ поползней (Sittinae) мы разумѣемъ подсемейство, состоящее приблизительно изъ 30-ти видовъ, признаки которыхъ слѣдующіе: клювъ у нихъ средней длины, клинообразно-конусообразной формы, острый, прямой въ верхней части, слегка загибающійся къ краямъ; короткія ноги съ очень длинными пальцами, вооружены длинными, острыми, сильно загнутыми когтями; крылья, остріе которыхъ образуется третьимъ и четвертымъ маховымъ перомъ, широкія и тупыя, хвостъ короткій и широкій, опереніе обильное и мягкое. При подробномъ разсмотрѣніи обнаруживается въ строеніи большое сходство съ прочими пѣвчими птицами.

Насколько извѣстно до сихъ поръ, поползней нѣтъ въ средней и южной Африкѣ, а также въ южной Америкѣ; они водятся преимущественно, но не исключительно въ лѣсахъ и лазаютъ внизъ и вверхъ по деревьямъ или бѣгаютъ взадъ и впередъ по самымъ крутымъ откосамъ скалъ. Пожалуй мы не впадаемъ въ преувеличеніе, сказавъ, что это самыя совершенныя изъ всѣхъ лазающихъ птицъ, такъ какъ поползни не только ничуть не уступаютъ ни въ чемъ дятламъ, но въ одномъ отношеніи даже превосходятъ ихъ, а именно въ томъ, что умѣютъ спу-

скаться сверху внизъ по вертикальной плоскости, чего, кромѣ поползней, не можетъ дѣлать ни одна птица.

Насколько извѣстно, всѣ виды подсемейства — бродячія птицы, которыя только внѣ періода выведенія птенцовъ бродятъ внутри небольшого участка, но въ общемъ пребываютъ изъ года въ годъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Тамъ, гдѣ они могутъ найти себѣ достаточно пищи на высокихъ старыхъ деревьяхъ, а иногда и на откосахъ скалъ, они всегда имѣются на лицо, притомъ же они забираются довольно высоко въ горы. Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ и растительныхъ веществъ, а именно изъ сѣмянъ, подбираемыхъ какъ съ деревьевъ, такъ и со скалъ и съ земли. Они выводятъ птенцовъ въ дуплахъ деревьевъ и въ углубленіяхъ скалъ, и входъ въ свои гнѣзда почти всегда вымазываютъ глиной и иломъ. Свѣтлыя яйца съ красными крапинками кладутся въ числѣ 6—9.

*

Одинъ изъ самыхъ важныхъ видовъ это сѣверный поползень (Sitta caesia); верхняя часть тѣла у него свинцово-сѣрая, нижняя часть тѣла ржаво-желтая; черная полоска проходитъ черезъ глаза и по бокамъ головы спускается до шеи; подбородокъ и горло бѣлые, перья въ пахахъ и нижнія кроющія перья хвоста каштановаго цвѣта, маховыя перья буровато-черновато-сѣрыя съ свѣтлыми каемками, переднія бѣлыя при основаніи, среднія перья хвоста пепельно-сѣровато-синеватыя, прочія совсѣмъ черныя съ пепельно-голубыми пятнами на концахъ, а первыя имѣютъ на наружномъ опахалѣ бѣловатое пятно передъ сѣрымъ концомъ и большое четвероугольное бѣлое пятно на внутреннемъ опахалѣ. Глаза орѣховаго цвѣта, клювъ наверху рогового чернаго цвѣта, внизу свинцово-сѣрый, ноги цвѣта желтаго рога. Длина 16 сантиметровъ.

Прежде полагали, что въ Европѣ водится только одинъ единственный видъ этого рода, отличительными признаками котораго являются указанные выше признаки всего семейства; въ настоящее же время стали общеизвѣстными, какъ особые виды, бо́льшій по величинѣ поползень-ямщикъ (Sitta europaea), живущій въ Скандинавіи и въ сѣверной Россіи, и очень похожій на него, но значительно меньшій волчекъ (Sitta sibirica), обитающій въ восточной Россіи и въ Сибири до самой Японіи.

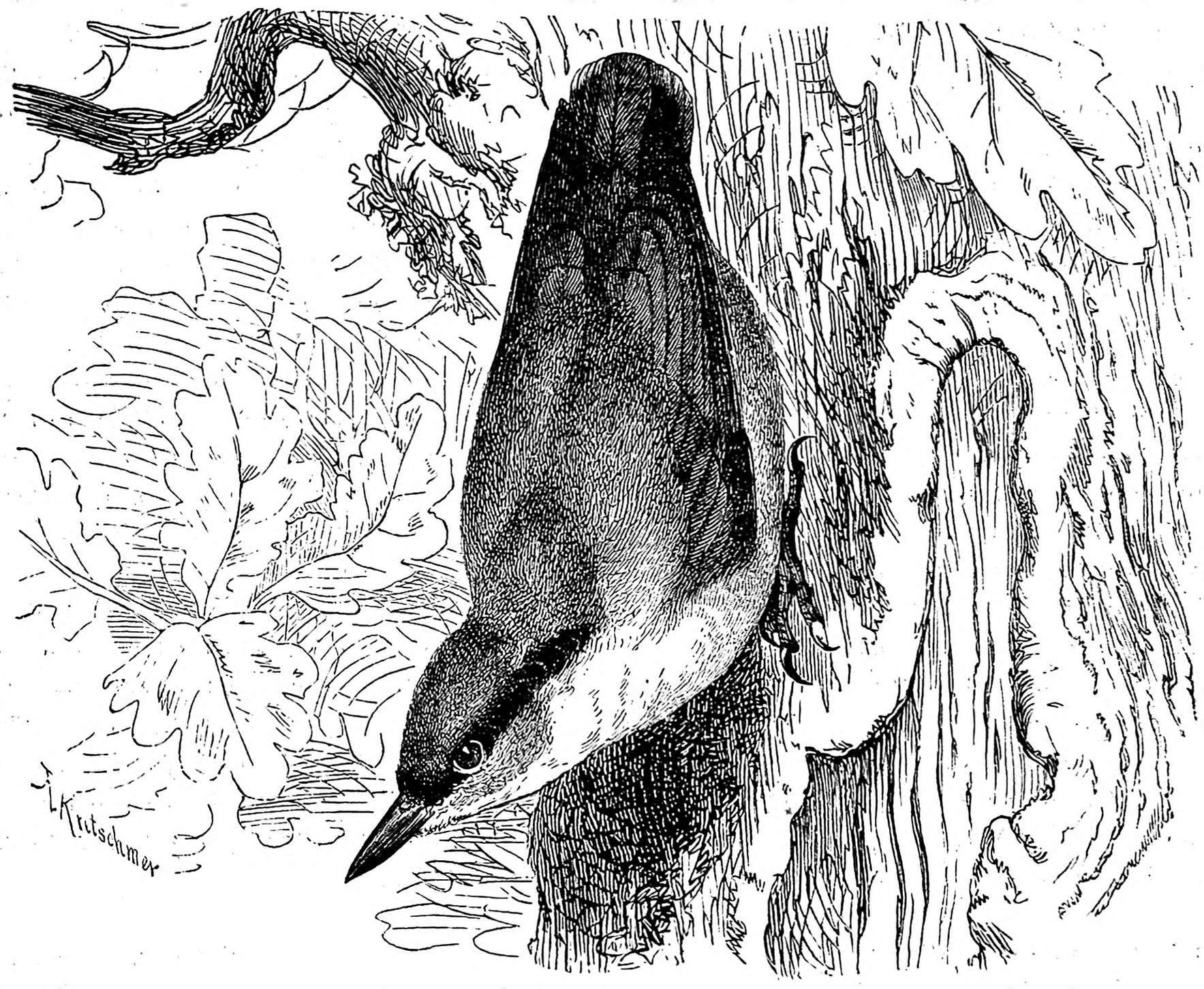
Сѣверный поползень не встрѣчается въ сѣверной Европѣ, но начиная съ Ютландіи живетъ по всей средней Европѣ вплоть до южной Европы. Онъ нигдѣ не живетъ большими обществами, а вездѣ парами или очень маленькими семьями, иногда же соединяется съ другими птицами. Всякимъ другимъ мѣстностямъ онъ предпочитаетъ смѣшанные лѣса съ высокими деревьями и съ нѣкоторымъ количествомъ кустовъ. Онъ не боится близости человѣка и встрѣчается передъ городскими воротами или въ городскихъ садахъ такъ же часто, какъ и въ уединенныхъ лѣсахъ. Лѣтомъ одинъ единственный дубъ можетъ приковать его къ себѣ на многіе часы и дать ему занятіе, поглощающее всѣ его способности; осенью его также охватываетъ желаніе путешествовать, и онъ простираетъ свои странствованія нѣсколько дальше. По возможности держится онъ на деревьяхъ, и только въ крайнемъ случаѣ рѣшается пролетѣть пространство, лишенное деревьевъ.

Птица эта отличается отъ многихъ другихъ птицъ качествами, дѣлающими ей честь, а именно подвижностью и непритязательностью.

Призывной звукъ ея — пѣвучее „тю тю тю“, обыкновенный же издаваемый ею звукъ, не имѣющій никакого особеннаго значенія, это короткое, не далеко разносящееся и тѣмъ не менѣе рѣзкое „зит“. Кромѣ того, она издаетъ тона, звучащіе вродѣ „цирр твит твит твит“ или „твэт твэт твэт“. Призывъ къ спариванью состоитъ изъ очень красивыхъ, громкихъ и свистящихъ звуковъ, которые слышатся издалека. Главный звукъ — это „тю тю“; къ нему присоединяется „кви кви“ и „тирр“. Самецъ сидитъ на верхушкахъ деревьевъ, вертится взадъ и впередъ и издаетъ свое „тю“; самка, по возможности не оставляющая древеснаго ствола, выражаетъ свои чувства звукомъ „твэт“. Затѣмъ оба летаютъ вмѣстѣ и, играя, гоняются другъ за другомъ, то порхая вокругъ верхушекъ деревьевъ, то прыгая

по вѣтвямъ и упражняясь во всевозможныхъ способахъ лазанья съ громкими криками. Такимъ то образомъ одна единственная парочка этихъ милыхъ птицъ способна оживить довольно большую часть лѣса.

Питается сѣверный поползень насѣкомыми, сѣменами и ягодами и для болѣе успѣшнаго пищеваренія глотаетъ песчинки. Насѣкомыхъ онъ собираетъ со стволовъ и вѣтвей, выискиваетъ ихъ во мху или въ трещинахъ коры и ловитъ ихъ, быстро спускаясь съ вѣтви, когда они пролетаютъ мимо него. Для плотничьей работы, производимой дятлами, клювъ его не приспособленъ; поползень не выдалбливаетъ въ деревьяхъ дыръ, но откалываетъ довольно большіе куски коры. Охотясь за насѣкомыми, онъ часто очень близко подходитъ къ строеніямъ, лазаетъ по нимъ и даже входитъ въ комнаты. „Его кладовая“, говоритъ мой отецъ, „это,

Сѣверный поползень (Sitta caesia). $^5/_8$ естеств. велич.

смотря по обстоятельствамъ, то трещина въ деревѣ, то какая-нибудь другая щель, подчасъ даже крыша дома. Но онъ не сноситъ въ одно мѣсто большого количества орѣховъ, а засовываетъ ихъ по одиночкѣ то туда, то сюда, вѣроятно, чтобы все его богатство какъ-нибудь сразу не погибло. Въ здѣшней мѣстности сѣверный поползень избралъ для устройства своей кладовой соломенную крышу одного крестьянскаго дома“. По наблюденію Гааке, плѣнные сѣверные поползни зарывали сѣмена конопли въ песокъ на полу своей клѣтки.

Гнѣздо всегда устраивается въ углубленіяхъ, обыкновенно въ дуплахъ деревьевъ и въ видѣ исключенія въ трещинахъ стѣнъ и скалъ. Умная птица очень охотно пользуется жилищами, сооруженными дятломъ, но не любитъ, чтобы входъ въ ея домъ былъ больше, чѣмъ это нужно, и прибѣгаетъ къ очень остроумному средству — а именно замазываетъ входъ въ свое гнѣздо, оставляя лишь небольшое отверстіе, сквозь которое можно только-только проникнуть внутрь. „Это дѣлается при помощи глины и вязкой земли, которая, какъ при устройствѣ гнѣздъ ласточекъ, смачивается густой слюной, склеивается и скрѣпляется ею. Птица скоро законопачиваетъ свое гнѣздо, принося въ клювѣ одинъ кусочекъ глины за дру-

гимъ и прилѣпляя его къ прочимъ, первоначально смочивъ его слюною со всѣхъ сторонъ. Она дѣйствуетъ на подобіе маленькаго каменщика, который, задѣлывая дверное отверстіе, накладываетъ одинъ камень на другой и замазываетъ щели. Эта глиняная стѣна въ толщину достигаетъ 2-хъ сантиметровъ и болѣе и, высохнувъ, пріобрѣтаетъ такую прочность, что сломать ее пальцемъ невозможно, и разбить ее можно лишь при помощи остраго орудія". Окончаніе постройки повидимому доставляетъ родителямъ большое удовольствіе. „Самецъ сидитъ близъ гнѣзда и издаетъ тотъ же радостный крикъ, какъ при спариваньи, между тѣмъ какъ самка то и дѣло снуетъ въ гнѣздо и изъ гнѣзда". При этомъ птицы имѣютъ такой видъ, что не только радуются, но и чувствуютъ себя въ полной безопасности. Такъ, Пралле изслѣдовалъ одно гнѣздо и, чтобы узнать, обитаемо-ли оно, постучалъ внизу о стволъ. Птица наполовину высунулась изъ отверстія, нѣкоторое время съ любопытствомъ смотрѣла на наблюдателя и потомъ, преисполненная сознанія своей безопасности, снова юркнула въ гнѣздо. Эта игра повторялась еще нѣсколько разъ, и птица улетѣла лишь тогда, когда наблюдатель полѣзъ на дерево. Въ лиственныхъ лѣсахъ гнѣздо состоитъ изъ кусочковъ буковыхъ и дубовыхъ листьевъ, въ хвойныхъ лѣсахъ — изъ очень тонкихъ кусочковъ сосновыхъ чешуекъ, которыя такъ неплотно прилегаютъ другъ къ другу, что трудно понять, какимъ образомъ яйца могутъ удерживаться наверху, когда птица вылетаетъ изъ гнѣзда. Казалось бы, что яйца должны быть зарыты подъ массою этихъ тонкихъ чешуекъ. На такой то плохой подстилкѣ въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ первыхъ числахъ мая можно найти 6—9 яицъ, очень похожихъ на яйца синицъ и весьма мелко испещренныхъ по известковому или молочно-бѣлому фону свѣтло или темно-красными точками. Самка одна высиживаетъ яйца, и черезъ 13—14 дней изъ нихъ вылупляются птенцы. Молодыхъ птицъ старики выкармливаютъ насѣкомыми, главнымъ образомъ гусеницами; птенцы быстро вырастаютъ, но сидятъ въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не выучиваются летать совсѣмъ хорошо.

Сѣверный поползень безъ колебаній забирается въ коробки, поставленныя для синицъ, если туда въ видѣ приманки насыпанъ овесъ или сѣмена конопли, вмѣстѣ съ синицами приходитъ на ихъ пляски; ловятъ его силками или прутиками, обмазанными клеемъ, или же на птицеловномъ току; иногда же случайно удается его поймать въ комнатѣ, куда онъ неосторожно забирается; съ утратой свободы онъ повидимому мирится безъ труда; пищу въ неволѣ принимаетъ тотчасъ же, вообще не требователенъ и въ плѣну сохраняетъ свой симпатичный нравъ. Съ другими птицами онъ ладитъ превосходно.

Кромѣ указаннаго вида слѣдуетъ еще упомянуть каменнаго поползня (Sitta neumayeri), такъ какъ онъ отличается отъ предыдущаго по своему образу жизни. Эренбергъ видѣлъ его въ Сиріи, Михагеллесъ нашелъ его на высокихъ горахъ между Босніей и Далмаціей, а другіе изслѣдователи встрѣчали его часто въ Греціи. Онъ живетъ вродѣ своего родственника, но почти исключительно на скалахъ и особенно охотно на стѣнахъ старинныхъ венеціанскихъ крѣпостей, въ бойницы которыхъ онъ то и дѣло снуетъ взадъ и впередъ. Онъ изумительно ловокъ и лазаетъ по совершенно горизонтальнымъ поверхностямъ скалъ съ такою же увѣренностью, какъ по отвѣснымъ стѣнамъ, обративъ голову вверхъ или внизъ и словно поддерживаемый магнитомъ.

Гнѣздо прилѣпляется къ крутымъ склонамъ скалъ подъ естественнымъ выступомъ. Оно снаружи очень велико, строится искусно изъ глины, снабжено входомъ длиною въ 3—5 сантиметровъ, внутри выстлано шерстью козъ, коровъ, собакъ или шакаловъ, а снаружи выложено жесткими крылышками разныхъ жуковъ.

Древолазы въ болѣе узкомъ смыслѣ слова (Certhiinae) — это маленькія, продолговатыя птицы съ слабымъ, болѣе или менѣе загнутымъ угловатымъ, остроконечнымъ клювомъ, съ довольно слабыми ногами, вооруженными большими, кривыми, острыми когтями, съ тупыми крыльями, состоящими изъ слабыхъ перьевъ и изъ маховыхъ

перьевъ, изъ которыхъ самое длинное четвертое, съ довольно длиннымъ, узкимъ клинообразнымъ хвостомъ, однако раздвоеннымъ и состоящимъ изъ двѣнадцати одинаково сильныхъ, одинаково упругихъ перьевъ. Перья у этихъ птицъ длинныя и мягкія, на верхней части тѣла цвѣта древесной коры, на нижней части тѣла — бѣловатыя. Языкъ роговой съ острыми краями, длинный и тонкій, спереди нѣсколько расщепленный, сзади зазубренный и не выдвигающійся. Мышцы, помощью которыхъ производится пѣніе, развиты очень слабо.

Эти птицы распространены по всему сѣверу обоихъ полушарій, а также въ Индіи и въ Австраліи. Всѣ виды живутъ въ лѣсу и въ немъ проводятъ всю свою жизнь. Онѣ лазаютъ по стволамъ деревьевъ, какъ дятлы, лазаютъ также по горизонтальнымъ вѣтвямъ, но никогда, подобно поползнямъ, не спускаются головой внизъ. Большинство — одиноко живущія и спокойныя птицы, ищущія себѣ пропитанія, но не бросающіяся въ глаза. Обыкновенно онѣ встрѣчаются парами, а семьями только послѣ того, какъ молодыя птицы научились летать. Нѣкоторыя изъ нихъ иногда соединяются съ птицами другихъ видовъ и вмѣстѣ съ ними довольно долго бродятъ по лѣсу; другія повидимому избѣгаютъ всякаго общества. Питаются онѣ насѣкомыми, ихъ яичками, личинками, куколками, пауками и тому подобными существами; случайно онѣ проглатываютъ и зерна. Своимъ слабымъ клювомъ онѣ умѣютъ обшаривать всякія щели и трещины, но долбить не умѣютъ. Почти всѣ виды выводятъ птенцовъ въ дуплахъ деревьевъ и строятъ въ нихъ довольно большія гнѣзда.

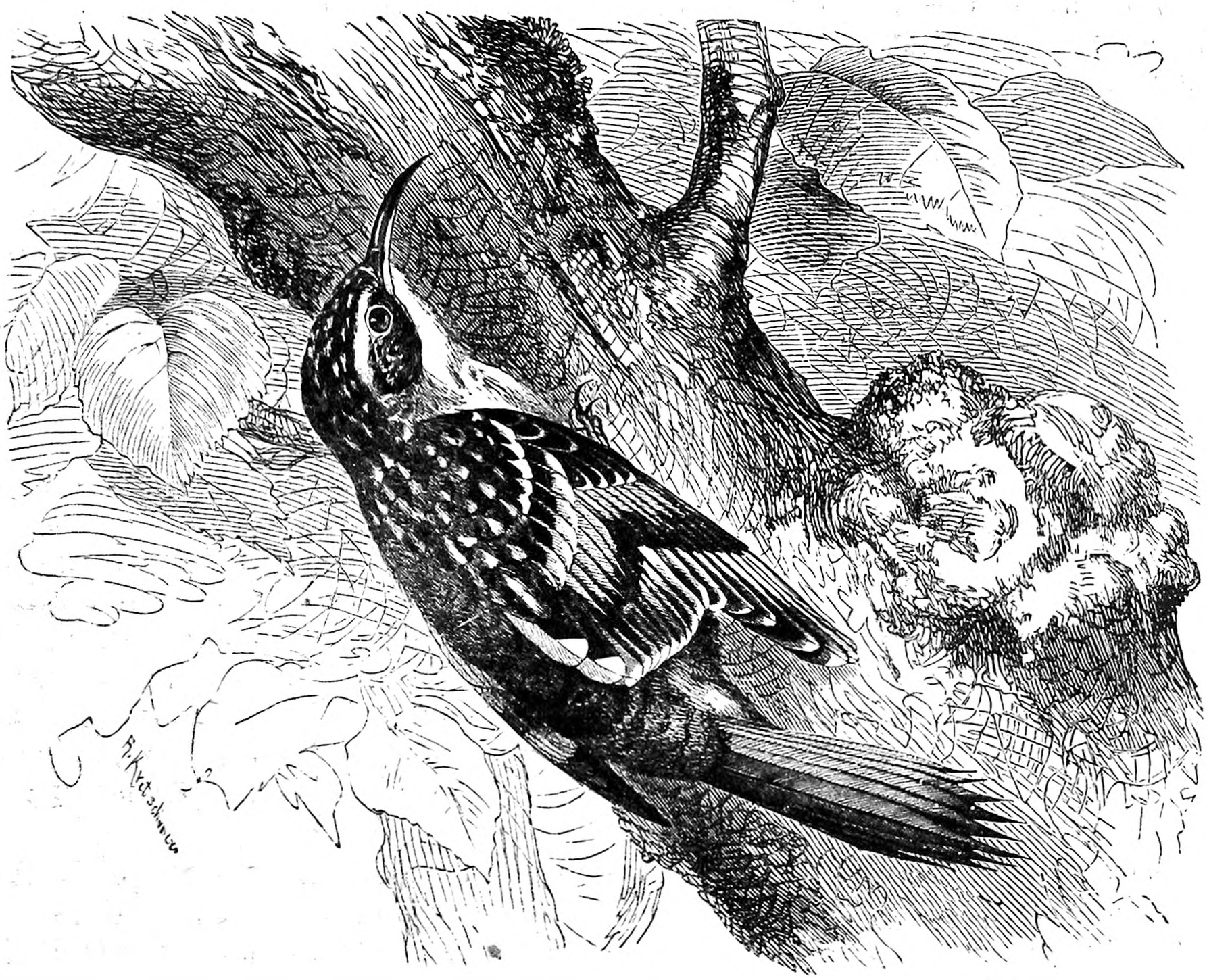
*

Пищуха-сверчокъ (Certhia familiaris) отличается темно-сѣрымъ съ бѣловатыми крапинками опереніемъ верхней части тѣла; нижняя часть тѣла у нея бѣлая, уздечка буровато-сѣрая, черезъ глазъ проходитъ бѣлая полоска, надхвостье буровато-сѣрое съ желтоватымъ ржавымъ отливомъ; маховыя перья черновато-буровато-сѣрыя и снабжены, за исключеніемъ переднихъ, бѣлымъ пятномъ на концѣ и бѣловато-желтоватой полоской посрединѣ; хвостовыя перья буровато-сѣрыя, снаружи съ свѣтло-желтой каемкой. Глаза темно-каріе, верхняя часть клюва черная, нижняя часть клюва рогового цвѣта, ноги красновато-сѣрыя. Оперніе расчесано на подобіе волосъ и мягкое, какъ шелкъ. Длина 13 сантиметровъ.

Пищуха-сверчокъ водится по всей Европѣ, Сибири и Сѣверной Америкѣ исключительно въ лѣсныхъ пространствахъ и встрѣчается кромѣ того въ сѣверо-западной Африкѣ, Малой Азіи, Палестинѣ и можетъ быть въ сѣверной Персіи. По примѣру другихъ бродячихъ птицъ, она во время періода размноженія обитаетъ въ очень тѣсномъ участкѣ; по окончаніи этого періода она странствуетъ вмѣстѣ съ синицами, поползнями и дятлами, но никогда далеко не забирается. Подобно всѣмъ лазающимъ птицамъ, пищуха постоянно дѣятельна, а потому и находится постоянно въ движеніи. Всегда занятая, она ловко лазаетъ по деревьямъ, часто по прямой линіи, но часто также по спирали, при этомъ обыскиваетъ каждую щель, каждую трещинку въ корѣ, всовываетъ свой тонкій клювъ въ мохъ и въ лишаи и такимъ образомъ успѣваетъ вездѣ раздобыть себѣ немножко пищи. Лазаетъ она какъ бы скачками, но съ большою легкостью и умѣетъ бѣгать и по нижней части вѣтвей. На землю она спускается рѣдко, а когда спускается, то прыгаетъ по землѣ очень неловко. Полетъ ея неравномѣрный, но довольно быстрый; но и она неохотно пролетаетъ большія разстоянія, предпочитая слетать съ верхушки дерева къ началу ствола другого, причемъ съ размаху бросается сверху, нѣкоторое время летаетъ надъ самой землей, опять немного поднимается и, спустя мгновеніе, снова по прежнему прилипаетъ къ дереву. Обычный голосъ ея — это тихое „зит“, очень похожее на звукъ, издаваемый синицами и корольками: призывной звукъ сильнѣе и звучитъ какъ „зри“; удовольствіе выражается соединеніемъ звуковъ „зит зри“, къ которымъ прибавляется рѣзкое „ци“. Въ хорошую весеннюю погоду самецъ соединяетъ эти разнообразные звуки въ однообразный и скучный напѣвъ; но, собственно говоря, это сочетаніе звуковъ даже нельзя назвать

пѣніемъ. Человѣка пищуха нисколько не боится. Она безъ всякаго страха забирается въ сады, лазаетъ по стѣнамъ зданій такъ же, какъ по стволамъ деревьевъ и нерѣдко устраиваетъ себѣ гнѣзда въ углубленіяхъ между балками домовъ.

Гнѣздо помѣщается въ дуплѣ, въ трещинѣ или въ щели — гдѣ случится. Пищуха не всегда выводитъ дѣтенышей въ дуплахъ деревьевъ, а часто выбираетъ для этого подходящія трещины подъ крышей или между досками, которыми въ горныхъ мѣстностяхъ защищаютъ стѣны зданій, а также въ кучахъ дровъ, между стволомъ и отдѣлившеюся корою и т. д. Чѣмъ глубже впадина, тѣмъ это птицѣ повидимому пріятнѣе. Гнѣздо устраивается такъ или иначе, смотря по тому, гдѣ оно расположено, и бываетъ большимъ или маленькимъ. Оно состоитъ изъ сухихъ прутиковъ, злаковъ, листиковъ травы, древеснаго лыка, соломы и т. п.;

Пищуха-сверчокъ (Certhia familiaris). $^5/_6$ естеств. велич.

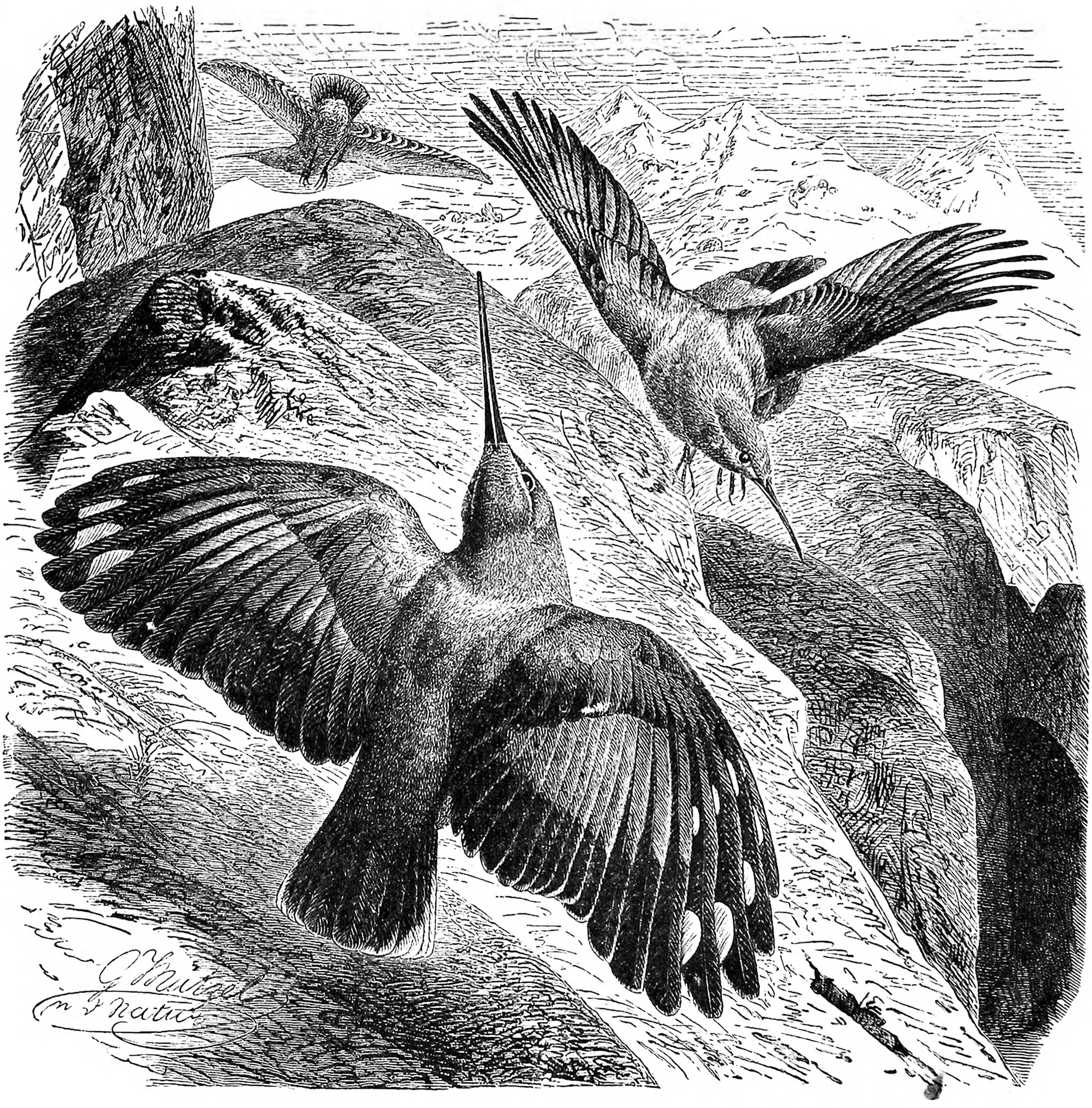
эти вещества переплетаются съ паутиной гусеницъ и пауковъ, а внутри гнѣздо выстилается мочалой, паклей и множествомъ различной величины перьевъ. Самое углубленіе гнѣзда невелико, но всегда круглой формы и тщательно сработано, такъ что должно считаться однимъ изъ искусныхъ птичьихъ сооруженій. Бѣлыя яйца, съ мелкими красными точками, чрезвычайно похожія на яйца синицъ, кладутся въ числѣ 8—9. Оба родителя сидятъ на яйцахъ и оба выкармливаютъ свое многочисленное потомство съ несказаннымъ трудомъ. Молодыя птицы долго сидятъ въ гнѣздѣ, но покидаютъ его, даже не научившись еще летать, если нарушить ихъ покой, и стараются какъ-нибудь обойтись при помощи лазанья; онѣ умѣютъ съ такой поразительной быстротой исчезать изъ глазъ наблюдателя, что потомъ трудно отыскать ихъ. Старыя птицы долго еще руководятъ молодыми послѣ того, какъ онѣ покинутъ гнѣздо, и наблюденіе за такою семьею можетъ доставить любителю птицъ много удовольствія.

Для жизни въ неволѣ пищуха мало пригодна.

*

Большинство изслѣдователей жизни птицъ причисляютъ краснокрылаго стѣнолаза (Tichodroma muraria) къ семейству древолазовъ. Родъ стѣно-

лазовъ характеризуется скорѣе плотнымъ, чѣмъ продолговатымъ сложеніемъ, короткой шеей, большой головой, очень длиннымъ, тонкимъ, почти круглымъ и только у основанія угловатымъ, спереди острымъ, слегка загнутымъ клювомъ, довольно сильными ногами съ длинными пальцами, вооруженными очень большими, сильно загнутыми, тонкими и острыми когтями, широкими, короткими, закругленными крыльями, въ которыхъ первое маховое перо очень короткое, а четвертое или пятое — самое длинное, короткимъ хвостомъ, состоящимъ изъ мягкихъ широкихъ,

Краснокрылый стѣнолазъ (Tichodroma muraria). ½ естеств. велич.

закругленныхъ на концѣ перьевъ, и неплотно-прилегающимъ, словно расчесаннымъ, шелковистымъ и мягкимъ опереніемъ, которое отчасти отличается яркой окраской, мѣняющейся смотря по временамъ года. Языкъ въ общемъ похожъ на языкъ дятловъ; онъ такъ длиненъ, что доходитъ до конца клюва, острый, какъ игла но выдвигается мало и усѣянъ множествомъ крючечковъ, напоминающихъ щетинки.

Главный цвѣтъ оперенія — пепельно-сѣрый, область горла лѣтомъ черная, зимой бѣлая; маховыя и рулевыя перья черныя, причемъ первыя, начиная съ 3-го и до 15-го въ той половинѣ своей, которая примыкаетъ къ основанію, великолѣпнаго ярко-краснаго цвѣта; такого же цвѣта и мелкія покровныя перья крыльевъ и узкія каемки на внѣшнихъ опахалахъ большихъ кроющихъ перьевъ; рулевыя перья снабжены на концѣ бѣлой каемкой; внутреннія опахала прочихъ перьевъ

украшены желтыми пятнами, которыя по направленію къ туловищу становятся менѣе яркими и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ и бываютъ весьма различны числомъ. Глаза карiе, клювъ и ноги черные. Длина птицы 16 см.

Краснокрылый стѣнолазъ обитаетъ во всѣхъ горныхъ странахъ южной и средней Европы, западной и средней Азіи, на востокъ забирается до сѣвернаго Китая и встрѣчается, какъ говорятъ, въ Абиссиніи. На Альпахъ онъ попадается нерѣдко, на Карпатахъ и Пиренеяхъ встрѣчается въ не менѣе значительномъ числѣ. Съ Альпъ онъ часто залетаетъ въ Германію.

Объ его образѣ жизни мы имѣли до-послѣдняго времени крайне скудныя свѣдѣнія. Лишь въ 1864 г. благодаря Гиртаннеру, мы дѣйствительно познакомились съ жизнью этой птицы. Поэтому самое лучшее что́ я могу сдѣлать, — это предоставить слово этому превосходному наблюдателю.

„Когда странникъ въ швейцарскихъ горахъ, вступивъ въ верхнія области альпійскаго пояса, минуетъ границу высокихъ лѣсовъ и станетъ проникать все дальше въ дикія дебри скалъ, то нерѣдко приходится ему слышать — особенно въ извѣстныхъ альпійскихъ мѣстностяхъ — тонкій, протяжный свистокъ, раздающійся съ верху утеса. Этотъ свистокъ напоминаетъ больше всего извѣстное пѣніе обыкновенной овсянки; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ довольно громкихъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ и одинаково высокихъ слоговъ, которые оканчиваются болѣе высокимъ и протяжнымъ свистомъ; характеръ этой пѣсни приблизительно можно передать слогами „дю дю дю дюиии.“ Удивленный и обрадованный тѣмъ, что среди безмолвныхъ нагроможденныхъ другъ на друга камней вдругъ раздаются признаки жизни другого существа, странникъ взглядываетъ на верхъ на голую стѣну скалы и обыкновенно не безъ усилія усматриваетъ между камнями маленькую птичку, которая, полуоткрывъ свои красныя крылья, безъ всякаго труда лазаетъ по отвѣсной, мѣстами выступающей скалѣ. Это краснокрылый стѣнолазъ, живая альпійская роза, который шныряетъ по своей родной области, безъ страху глядитъ на запыхавшагося путника который съ довольно таки большимъ трудомъ взобрался до его возвышеннаго жилища.

„Краснокрылый стѣнолазъ любитъ лазить только по совсѣмъ голымъ скаламъ, и чѣмъ диче альпійская область, чѣмъ болѣе она лишена растеній, тѣмъ вѣрнѣе можно встрѣтить эту птицу. Широкія полосы травы, тянущіяся вдоль склоновъ, стѣнолазъ посѣщаетъ только для того, чтобы поискать насѣкомыхъ и вообще пищи; большею же частью онъ быстро пролетаетъ надъ ними и старается какъ можно скорѣе добраться до голыхъ камней. На древесные стволы онъ никогда не садится; я никогда не видѣлъ также, чтобы онъ появлялся на кустахъ или на вѣтвяхъ, торчащихъ надъ скалами. Онъ живетъ только на воздухѣ и на крутыхъ скалахъ. Спускаться на землю онъ также не любитъ. Насѣкомыхъ, находящихся на землѣ, онъ старается схватить со скалы, если же это ему не удается, несмотря на всевозможные повороты, то онъ быстро подлетаетъ, садится на мгновеніе, схватываетъ добычу, а въ слѣдующее мгновеніе снова оказывается на стѣнѣ, и отыскиваетъ себѣ удобное мѣстечко для того, чтобы проглотить свою добычу. Онъ безъ труда ловитъ на воздухѣ маленькихъ жучковъ, которые притворяются мертвыми и, въ надеждѣ упасть на недосягаемое мѣсто, скатываются внизъ по камнямъ, и пауковъ, которые поспѣшно сползаютъ внизъ по скаламъ на своемъ спасательномъ канатѣ.

„Взлѣзая наверхъ, стѣнолазъ всегда держитъ голову прямо вверхъ, и шея у него кажется такою же короткою, какъ у сѣвернаго поползня. Около выступовъ стѣнолазъ даже отгибаетъ голову назадъ, чтобы не испортить своего нѣжнаго клюва о выступающіе камни. Частью отдѣльными скачками, изъ которыхъ каждый связывается съ одновременнымъ взмахомъ крыльевъ и нерѣдко, особенно при большой поспѣшности или при большомъ усиліи, сопровождается краткимъ горловымъ звукомъ, частью прыгая настоящимъ образомъ, онъ съ изумительной быстротой взбирается на самыя крутыя скалы, на самыя высокія башни. При этомъ онъ никогда не опирается на концы маховыхъ перьевъ, какъ это часто говорятъ: для этого эти перья слишкомъ слабы

и мягки. Если смотрѣть на него издали, то кажется, что онъ опирается на маховыя перья; но вблизи можно увидѣть, что онъ пользуется своими крыльями какъ разъ въ обратномъ смыслѣ. Сильно согнувъ локтевой суставъ, онъ тѣмъ самымъ отодвигаетъ маховыя перья назадъ и вверхъ отъ отвѣсно поставленнаго на скалѣ туловища, а слѣдовательно и отъ скалы, и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ возможность дѣйствовать непосредственно сверху на лежащій подъ нимъ столбъ воздуха и благодаря этому подвигаться кверху. Такое примѣненіе крыльевъ находится въ самой тѣсной связи съ ихъ своеобразно притупленной формой: острыя крылья несомнѣнно нанесли бы ущербъ силѣ, влекущей птицу наверхъ. Стѣнолазъ впрочемъ во время порханія поднимаетъ крылья лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы надлежащимъ образомъ пропустить воздухъ; маховыя перья должны еще въ достаточной степени налегать другъ на друга. При лазаньи стѣнолазъ старается держать какъ можно дальше отъ скалы свой короткій хвостъ, который нисколько не облегчаетъ птицѣ лазанья, чтобы какъ нибудь не повредить его. При взлѣзаніи на стѣну утеса стѣнолазъ обнаруживаетъ большую силу и ловкость и можно смѣло допустить, что не найдется въ горахъ такой стѣны утеса, которая была бы слишкомъ гладка или крута для этой птицы. Плѣнные стѣнолазы легко бѣгаютъ по стѣнамъ комнаты, цѣпляясь за обои. Чѣмъ круче и глаже однако плоскость, по которой стѣнолазы взбираются, тѣмъ скорѣе приходится имъ лазить, такъ какъ на совсѣмъ гладкихъ поверхностяхъ даже эта птица способна лишь на мгновеніе удерживаться въ равновѣсіи.

„Кромѣ періода размноженія стѣнолазовъ рѣдко приходится встрѣчать парами. Онъ бо́льшею частью въ одиночествѣ бродитъ по пустыннымъ мѣстамъ и приэтомъ неустанно распѣваетъ свою короткую и незначительную, но довольно пріятную арію. Относительно другихъ видовъ, бродящихъ по той же мѣстности, онъ держитъ себя или равнодушно или старается выгнать ихъ своими преслѣдованіями. Съ птицами другихъ родовъ онъ вообще не приходитъ въ соприкосновеніе, если же это случается, то спасается отъ нихъ бѣгствомъ. Пищу его составляютъ насѣкомыя и пауки, виды которыхъ на такой высотѣ немногочисленны, а потому стѣнолазу не приходится быть очень разборчивымъ. Своимъ тонкимъ клювомъ онъ увѣренно схватываетъ даже самую маленькую добычу словно тонкими щипчиками. Языкъ служитъ птицѣ для того, чтобы, быстро выдвигая его, подхватывать насѣкомыхъ, личинокъ или куколокъ, подобранныхъ клювомъ, и слизывать добычу, забравшуюся въ заднюю часть клюва.

„Потомство выводится въ маѣ и въ іюнѣ; гнѣздо помѣщается въ плоскихъ углубленіяхъ скалы и представляетъ собою большое, круглое, низкое, плоское и замѣчательно легкое сооруженіе изъ тонкаго мха, растительнаго пуха, волоконъ корней, большихъ хлопьевъ овечьей шерсти, кусочковъ тканей, волосъ и т. п. Въ гнѣздо кладется четыре яйца, отличающихся на бѣломъ фонѣ буровато-черными пятнами, рѣзко очерченными крапинками, особенно обильными на тупомъ концѣ.

„Не можетъ быть и рѣчи о томъ, приноситъ ли краснокрылый стѣнолазъ вредъ, такъ какъ онъ исключительно питается насѣкомыми; но и пользу онъ, разумѣется, приноситъ самую ничтожную, въ виду того, что водится и кормится лишь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Но какъ одно изъ величайшихъ украшеній Альпъ онъ имѣетъ неоцѣнимую прелесть для любителя горной природы. Когда внезапно раздается его короткая пѣсенка на пустынныхъ высотахъ, то странникъ радуется тому, что такъ близко отъ него находится столь милое созданіе, и глазъ человѣка съ удовольствіемъ останавливается на живой альпійской розѣ, такъ пріятно оживляющей величественную, но вѣчно-неподвижную природу окрестныхъ мѣстъ.“

Въ старомъ Свѣтѣ водятся нектарницы (Nectariniidae) — маленькія изящныя птицы, частью окрашенныя въ великолѣпные цвѣта и этимъ напоминающіе колибри. Но отъ колибри нектарницы отличаются прежде всего своими короткими крыльями и длинными ногами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образомъ жизни.

Это семейство распространено въ Африкѣ, Азіи, Новой Гвинеѣ и въ сѣверной Австраліи; особенно много видовъ водится въ Африкѣ. Гдѣ вообще встрѣчаются нектарницы, тамъ онѣ встрѣчаются часто и представляютъ собою большое украшеніе садовъ, кустарника и лѣсовъ. Ихъ нравы и дѣятельность имѣютъ въ себѣ очень много привлекательнаго, такъ какъ эти птицы принадлежатъ къ наиболѣе даровитымъ и милымъ членамъ своего отряда. Когда въ сѣверо-восточной Африкѣ цвѣтетъ фиговый кактусъ, то это растеніе дѣлается сборнымъ пунктомъ всѣхъ видовъ нектарницъ, живущихъ въ данной мѣстности. То-же самое можно сказать о лѣсахъ, если въ нихъ одиноко стоитъ подъ другими деревьями цвѣтущая мимоза или если въ нихъ есть деревья, цвѣты которыхъ привлекаютъ къ себѣ насѣкомыхъ. Въ періодъ любви самцы нектарницъ кичатся своею красотой, принимаютъ разнообразныя позы, двигаются своеобразно и при этомъ очень мило поютъ. Гнѣздо представляетъ собою искусную постройку, въ большинствѣ случаевъ привѣшенную къ тонкимъ вѣтвямъ. Яйца кладутся въ небольшомъ числѣ и отличаются чисто-бѣлымъ цвѣтомъ. Къ видамъ ярко окрашеннымъ, но совсѣмъ или почти совсѣмъ не отличающимся металлическимъ блескомъ, принадлежитъ нектарница блестящая (Nectarinia metallica), первая птица на тропикахъ, которую встрѣчаетъ путешественникъ, направляющійся съ сѣвера внутрь Африки. Она перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, не переставая ѣсть, кричать, пѣть и не разлучаясь со своей самочкой. Другихъ птицъ она не особенно боится и людямъ также позволяетъ близко подходить къ ней и разсматривать ее.

Значительнѣйшая часть растительности Австраліи состоитъ изъ каучуковыхъ деревьевъ и банксій, дающихъ удобный пріютъ многимъ семействамъ птицъ, напр. попугаямъ и чрезвычайно многочисленнымъ медоѣдамъ (Meliphagidae). Образъ жизни этихъ птицъ такъ тѣсно связанъ съ указанными деревьями, что однихъ безъ другихъ и представить себѣ невозможно. Медоѣды питаются насѣкомыми, цвѣточною пылью и сладкимъ сокомъ или медомъ, столь обильнымъ въ цвѣтахъ каучуковыхъ деревьевъ, и поѣдаютъ эту пищу при помощи своего длиннаго языка, на концѣ расщепленнаго въ видѣ кисточки, а потому удивительно хорошо приспособленнаго для этой цѣли.

„Характерный по своему голосу обитатель романтическихъ дебрей Новозеландіи — это поэ“ или туи, говоритъ Рошеласъ. „Безъ преувеличенія можно сказать, что съ этой птицей не можетъ идти въ сравненіе ни одинъ пѣвецъ европейскихъ лѣсовъ. Чистота и нѣжная прелесть ея пѣнія кажется мнѣ положительно ни съ чѣмъ не сравнимой. Хотя я очень люблю щелканье европейскаго соловья, однако нахожу, что поэ поетъ значительно лучше, и я долженъ признаться, что никогда въ жизни не имѣлъ понятія о томъ, что птица можетъ издавать такіе чарующіе музыкальные звуки. „Путешественники, упоминавшіе о поэ позднѣе, говорятъ о ея пѣніи безъ такого увлеченія; но они все-таки всѣ въ одинъ голосъ хвалятъ ее, какъ одного изъ лучшихъ пѣвцовъ Океаніи.

Новозеландская поэ (Prosthemadera novae-seelandiae, рис. на стр. 101), является представительницей рода поэ (Prosthemadera) и отличается сильнымъ клювомъ, слегка загнутымъ вверху и внизу, сильными длинными ногами, крыльями умѣренной длины, средней длины закругленнымъ хвостомъ, расчесанными и шарообразно свернутыми пучками перьевъ по обѣ стороны шеи и длинными, узкими перьями съ нитевидными стержнями на верхней части шеи. Преобладающій цвѣтъ оперенія блестящій зеленый со стальнымъ оттѣнкомъ; мелкія верхнія покровныя перья крыльевъ, концы самыхъ длинныхъ перьевъ на плечахъ, самые переднія перья спины, надхвостья и нижней части груди — съ синимъ стальнымъ отливомъ; на спинѣ, плечахъ, нижней части спины, на брюшкѣ и на ляжкахъ — перья темнобурыя съ бронзовымъ отливомъ; самыя крупныя верхнія кроющія перья, стержни удлиненныхъ перьевъ шеи и оба пучка перьевъ

на шеѣ — бѣлые, маховыя и хвостовыя перья черныя, снаружи кажутся темно-зелеными: глаза темно-карiе, клювъ и ноги черные. Длина достигаетъ 30 сантиметровъ.

Благодаря своей необычайной способности къ подражанію, поэ сдѣлалась любимицей какъ туземцевъ, такъ и переселенцевъ. Разъ привыкнувъ къ клѣткѣ и къ комнатной пищѣ, она легко и быстро выучивается произносить нѣкоторыя слова, насвистывать арію, лаять по собачьи, подражать крику попугая, кудахтанью курицы и т. д. Буллеръ былъ однажды сильно ею изумленъ. „Однажды въ ратушѣ Ромчитикая я держалъ рѣчь въ собранiи туземцевъ и разбиралъ вопросъ

Новозеландская поэ (Prosthemadera novae-seelandiae). $^{3}/_{10}$ естеств. велич.

большой важности, излагая свое мнѣнiе съ полной серьезностью и настолько краснорѣчиво, насколько я къ этому способенъ. Каково же было мое удивленiе, когда тотчасъ по окончанiи рѣчи и прежде чѣмъ старый вождь, къ которому я главнымъ образомъ обращался, успѣлъ мнѣ отвѣтить, поэ или туи, висѣвшiй въ клѣткѣ надъ нашими головами, явственно и съ совершенно правильной интонацiей крикнулъ „тито“, т. е. „неправда!“ „Другъ“, сказалъ мнѣ старый вождь Непiа Тараtао, послѣ того, какъ общее удовольствiе по поводу этого случая нѣсколько улеглось, „твои доводы конечно очень хороши; но моего Мокая, умной птицы, ты все-таки не убѣдилъ!“

Повидимому новозеландцы искони любили держать поэ въ неволѣ.

Весьма характерными животными Индiи и Эѳiопiи являются коротконогiе дрозды или бюль-бюли (Brachypodidae); родовъ въ этомъ семействѣ мало,

но за то число видовъ доходитъ до 150. Величина этихъ птицъ приблизительно равна величинѣ небольшого дрозда. Клювъ у нихъ тонкій, ноги короткія, крылья довольно длинныя, хвостъ средней длины и сильно закругленный, опереніе мягкое и густое.

Одинъ изъ видовъ этого семейства, а именно бюль-бюль темный (Pycnonotus nigricans), живущій въ Сиріи, Палестинѣ и Аравіи, а также на островахъ Кипрѣ и Родосѣ, встрѣчается и въ Европѣ, а именно на Цикладахъ.

Другой видъ, бюль-бюль сѣрый (Pycnonotus arsinoë), обитающій въ странахъ, лежащихъ по теченію р. Нила, меньше величиною и отличается отъ темнаго бюль-бюля буроватой окраской нижнихъ покровныхъ перьевъ хвоста.

Кто привыкъ обращать вниманіе на голосъ птицъ, тотъ очень скоро обратитъ вниманіе на крикъ сѣраго бюль-бюля. Это рѣзвое, подвижное и привлекательное существо, селящееся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ и проводящее свою жизнь надъ хижинами туземцевъ или по близости отъ нихъ. Пѣсня его приковываетъ къ себѣ вниманіе, такъ какъ это одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ сѣверной Африки; изъ немногихъ птицъ, составляющихъ конкурренцію нашимъ европейскимъ пѣвцамъ, ни одна не выдерживаетъ сравненія съ сѣрымъ бюль-бюлемъ.

Въ Индіи бюль-бюли часто приручаются и цѣнятся не ради пѣнія, а ради своихъ боевыхъ наклонностей.

Жаворонки (Alaudidae) представляютъ собою сильно сложенныхъ воробьиныхъ птицъ съ большой головой, короткимъ или средней длины клювомъ различной крѣпости, довольно короткими ногами и пальцами средней длины, изъ которыхъ задній снабженъ шпорообразнымъ когтемъ, съ длинными и очень широкими крыльями, не особенно длиннымъ, и не особенно короткимъ, бо́льшею частью прямо обрѣзаннымъ хвостомъ и опереніемъ землистаго цвѣта, мало различающимся у самца и у самки, но весьма различнымъ въ различные возрасты птицы. Внутреннее строеніе въ сущности сходно съ строеніемъ прочихъ воробьиныхъ птицъ.

Жаворонки, которыхъ извѣстно около 110 видовъ, хотя и имѣютъ своихъ представителей во всѣхъ частяхъ свѣта, водятся однако главнымъ образомъ въ Старомъ свѣтѣ. Они селятся въ открытыхъ мѣстностяхъ, на обработанныхъ поляхъ и на необработанныхъ пространствахъ, въ пустыняхъ и степяхъ. Азіатскія степи жаворонки прямо таки оживляютъ своимъ пѣніемъ. Парочка одного вида живетъ рядомъ съ другою, и совмѣстное ихъ пѣніе весною во всякое время дня услаждаетъ слухъ путника. Одного изъ нихъ можно всегда видѣть парящимъ въ воздухѣ хотя бы потому только, что проносящійся мимо экипажъ или всадникъ вспугнулъ его и заставилъ на короткое время съ пѣніемъ взлетѣть ввысь. Всѣ жаворонки, живущіе на сѣверѣ, — птицы перелетныя или по крайней мѣрѣ странствующія, а живущіе на югѣ — птицы осѣдлыя или бродячія. Жаворонки улетаютъ не особенно далеко и недолгое время пребываютъ на чужбинѣ. Это однѣ изъ первыхъ птицъ, появляющихся весною, остаются они у насъ до поздней осени.

Изъ всѣхъ воробьиныхъ птицъ жаворонки бѣгаютъ всего лучше; но и полетъ ихъ отличается разнообразіемъ. Когда они торопятся, то быстро летятъ, описывая при этомъ большія дуги; во время же пѣнія они, порхая, прямо поднимаются вверхъ, взлетаютъ наверхъ по спиральной линіи, а внизъ спускаются, сначала медленно паря въ воздухѣ, а затѣмъ, совершенно сложивъ крылья, вдругъ низвергаются на землю, словно безжизненный предметъ. Органы чувствъ у нихъ повидимому хорошо развиты, но смышленностью они не отличаются. Это птицы живыя, рѣдко бывающія спокойными, постоянно находящіяся въ движеніи и въ извѣстномъ смыслѣ неутомимыя. Съ другими птицами своего вида они живутъ очень мирно, пока въ отношенія не замѣшается любовь, а въ періодъ спариванія безпрерывно ссорятся. До другихъ птицъ имъ дѣла мало, но нѣкоторые виды жаворонковъ смѣшиваются со стаями овсянокъ и вьюрковъ; болѣе сильныхъ жи-

вотныхъ жаворонки очень боятся, человѣка же перестаютъ бояться только тогда, когда, принявъ всѣ необходимыя мѣры для огражденія себя отъ бѣды, совершенно убѣждаются въ своей безопасности. Большинство жаворонковъ--хорошіе пѣвцы. Ихъ пѣніе бѣдно строфами, но богато смѣной звуковъ; нѣкоторые тона на сотню ладовъ соединяются съ другими и образуютъ постоянно новое цѣлое. Всѣ виды обладаютъ способностью перенимать чужое пѣніе: всѣ жаворонки, живущіе въ степи, въ сущности поютъ одинаково, такъ какъ каждый учится у другихъ и имъ подражаетъ.

Питаются они насѣкомыми и растительными веществами. Лѣтомъ они ѣдятъ жуковъ, мелкихъ бабочекъ, улитокъ, пауковъ и личинокъ; осенью и зимою они подбираютъ хлѣбныя зерна и сѣмена растеній, весною кормятся насѣкомыми и молодыми растительными веществами, а именно побѣгами хлѣбовъ. Зерна они проглатываютъ вмѣстѣ съ кожицей, а потому всегда глотаютъ песокъ и мелкіе камешки, которые способствуютъ пищеваренію. Питьемъ служитъ имъ роса на листьяхъ; безъ воды впрочемъ они могутъ совершенно обходиться долгое время; въ водѣ они не купаются, а купаются въ пыли.

Гнѣздо, построенное небрежно, но всегда свитое изъ такихъ же злаковъ и листьевъ травы, какіе въ данномъ мѣстѣ покрываютъ почву, а потому прекрасно спрятанное, устраивается въ углубленіи, вырытомъ самими птицами; въ первый разъ яицъ несется 4—6, во второй разъ 3—5; яйца пятнистыя.

Врагами жаворонковъ являются всевозможные хищники, млекопитающія, птицы и пресмыкающіяся, а также и люди; но жаворонки размножаются такъ быстро, что число ихъ не убавляется, а при усиленіи культуры земли даже постоянно растетъ.

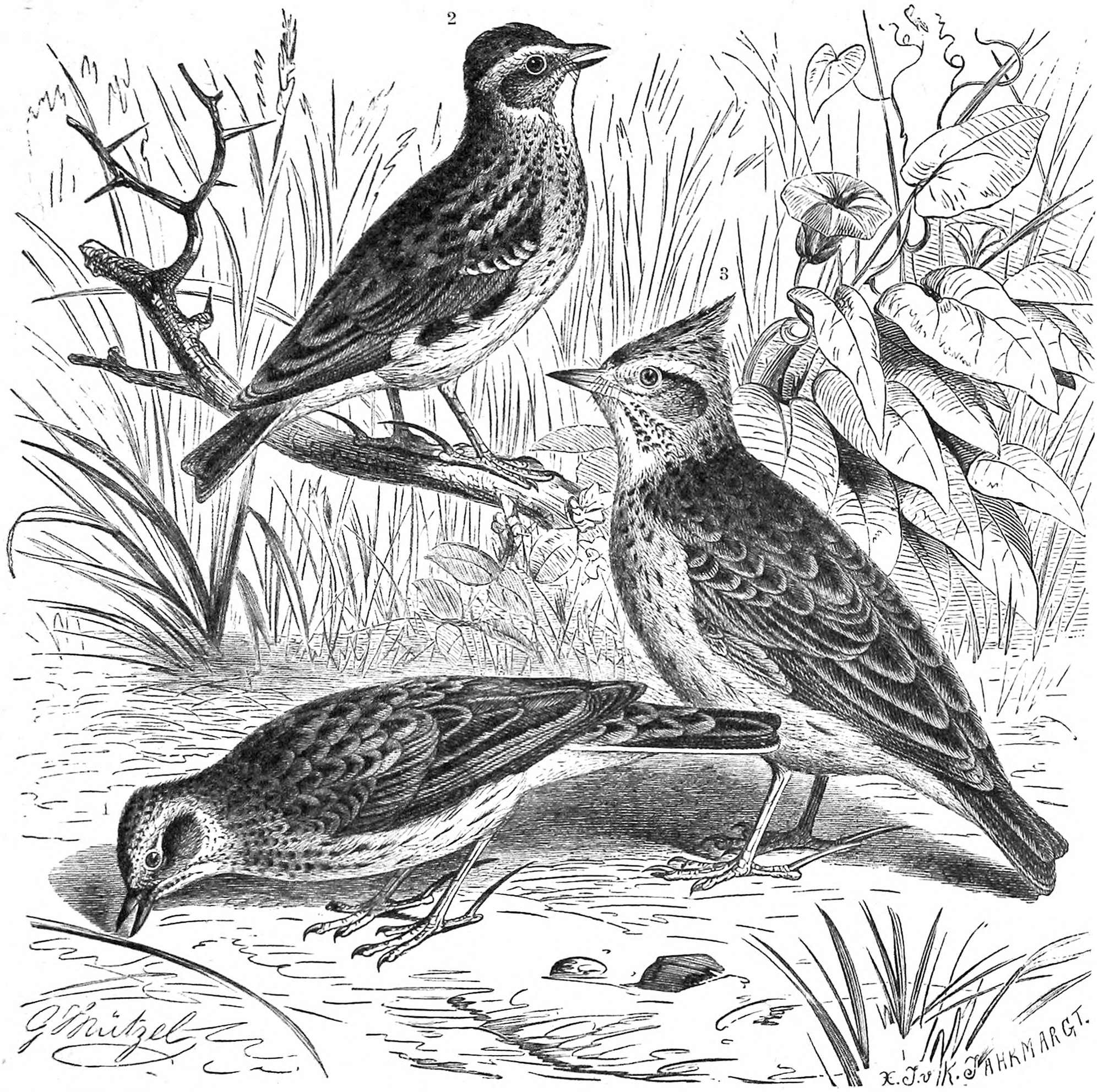
*

У полевого жаворонка (Alauda arvensis) тѣло отличается сравнительно стройнымъ сложеніемъ, клювъ у него нѣсколько конусообразный, довольно короткій, крылья острыя, средней длины, въ которыхъ самое длинное — третье маховое перо, хвостъ средней длины, съ вырѣзомъ и слабыя ноги съ довольно короткими пальцами. Длина 18 сантиметровъ. Перья верхней части землисто-бурыя, по бокамъ снабжены желтовато-сѣровато-бурыми каемками и черно-бурыми пятнами на стержняхъ, уздечка, полоска, проходящая черезъ глазъ и подбородокъ изжелта-сѣровато-бѣлаго цвѣта, щеки и мѣста вокругъ ушей ржаво-буроватыя съ темными полосками, горло, голова, верхняя часть груди и бока окрашены точно такъ же, но полоски на нихъ шире, прочія нижнія части тѣла изжелта-сѣровато-бѣлыя, маховыя перья черно-бурыя, первое съ бѣлой наружной каемкой, прочія съ узкой ржаво-желтовато-сѣрой каемкой, которая становится шире на заднихъ малыхъ маховыхъ и на ихъ покровныхъ перьяхъ, причемъ на концѣ ихъ находится ржаво-буроватая каемка; вслѣдствіе чего образуются двѣ болѣе свѣтлыя поперечныя полосы; заднія малыя маховыя перья и переднія большія маховыя перья на концѣ бѣловатыя, нижнія кроющія перья крыльевъ черно-бурыя, хвостовыя перья буровато-черныя съ желтовато-сѣроватыми наружными полосками, крайнія же перья бѣлыя съ широкой черной внутренней каймой, которая на второмъ перѣ съ каждой стороны доходитъ до самаго стержня. Глаза темно-каріе, клювъ бураго рогового цвѣта, ноги желтовато-буроватыя.

Родина полевого жаворонка — это вся Европа, начиная съ сѣверной Норвегіи и сѣверной Россіи, и средняя Азія, начиная съ южной лѣсной границы до пограничныхъ горъ; зимою эта птица долетаетъ до сѣверной Африки и до южной Индіи.

Для насъ полевой жаворонокъ служитъ вѣстникомъ весны; онъ появляется во время таянія снѣга, иногда уже въ началѣ февраля, и къ концу мѣсяца эти птицы уже занимаютъ опредѣленныя мѣста жительства, гдѣ пребываютъ въ теченіе всего лѣта, и лишь позднею осенью предпринимаютъ свое зимнее путешествіе въ южною Европу, самое большее въ сѣверную Африку. Полевой жаворонокъ — птица непостоянная, рѣдко долгое время остающаяся на одномъ мѣстѣ; онъ то и дѣло бѣгаетъ взадъ и впередъ, летаетъ взадъ и впередъ, ссорится и дерется

съ себѣ подобными и въ промежуткахъ издаетъ свой призывной крикъ и поетъ. Онъ ходитъ хорошо, при медленной ходьбѣ кланяется, быстро же бѣгаетъ почти такъ же хорошо, какъ голенастая птица, летаетъ превосходно и весьма разнообразно, смотря по цѣли, какою задался; при быстромъ полетѣ, который совершается въ видѣ большихъ дугъ, онъ то прижимаетъ маховыя перья, то движетъ ими какъ бы для порханія, а при пѣніи равномѣрно и медленно ударяетъ крыльями и часто паритъ въ воздухѣ, поднимаясь въ то-же время все выше и выше. На

1) Полевой жаворонокъ (Alauda arvensis), 2) Лѣсной жаворонокъ (Galerita arborea), 3) Хохлатый жаворонокъ (Galerita cristata). $^2/_5$ естеств. велич.

землѣ онъ охотно держится на открытомъ мѣстѣ, становится на комки земли, на маленькіе пригорки или камни, иногда садится на верхушку куста, дерева или столба, и съ упорной настойчивостью отстаиваетъ такія мѣстечки. Призывной голосъ его — это пріятное „герр“ или „геррель“, къ которому прибавляется звонкосвистящее „трит“ или „ти“. Около гнѣзда слышится звонкое „титри“, а въ гнѣздѣ птица издаетъ трескучее „шерреререрр“. Пѣніе, всѣмъ хорошо знакомое и самымъ восхитительнымъ образомъ оживляющее поля и луга на равнинахъ и въ горныхъ странахъ и даже не слишкомъ мокрыя болота, начинается тотчасъ послѣ прибытія полевого жаворонка и продолжается во время выведенія птенцовъ. Полевой жаворонокъ поетъ съ самаго ранняго утра до вечернихъ сумерекъ, время

отъ времени поднимается съ земли, постепенно взлетаетъ все выше и выше, трепеща крыльями, порой почти скрывается съ глазъ, поетъ безъ перерыва съ бо́льшей выдержкой, чѣмъ всякая другая птица, описываетъ при этомъ большія спиральныя линіи, понемногу возвращается къ тому мѣсту, откуда поднялся, опускается все больше и больше, низвергается внизъ съ сложенными крыльями, словно камень, передъ тѣмъ какъ упасть на землю растопыриваетъ крылья и опять садится около своего гнѣзда. Пѣніе состоитъ лишь изъ немногихъ звонкихъ, чистыхъ сильныхъ тоновъ, но изъ безконечно большого количества строфъ, которыя издаются то въ видѣ трели, то разсыпаются дробью, то переходятъ въ звонкій свистъ, но различными пѣвцами поются различно; нѣкоторые же пѣвцы примѣшиваютъ къ своей пѣснѣ строфы изъ пѣсенъ другихъ птицъ. Даже самки чирикаютъ, и молодые самцы, черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ вылетятъ изъ гнѣзда, уже пробуютъ свой голосъ. Жаворонки, вынутые изъ гнѣзда молодыми, часто выучиваются въ совершенствѣ передавать пѣніе другихъ птицъ.

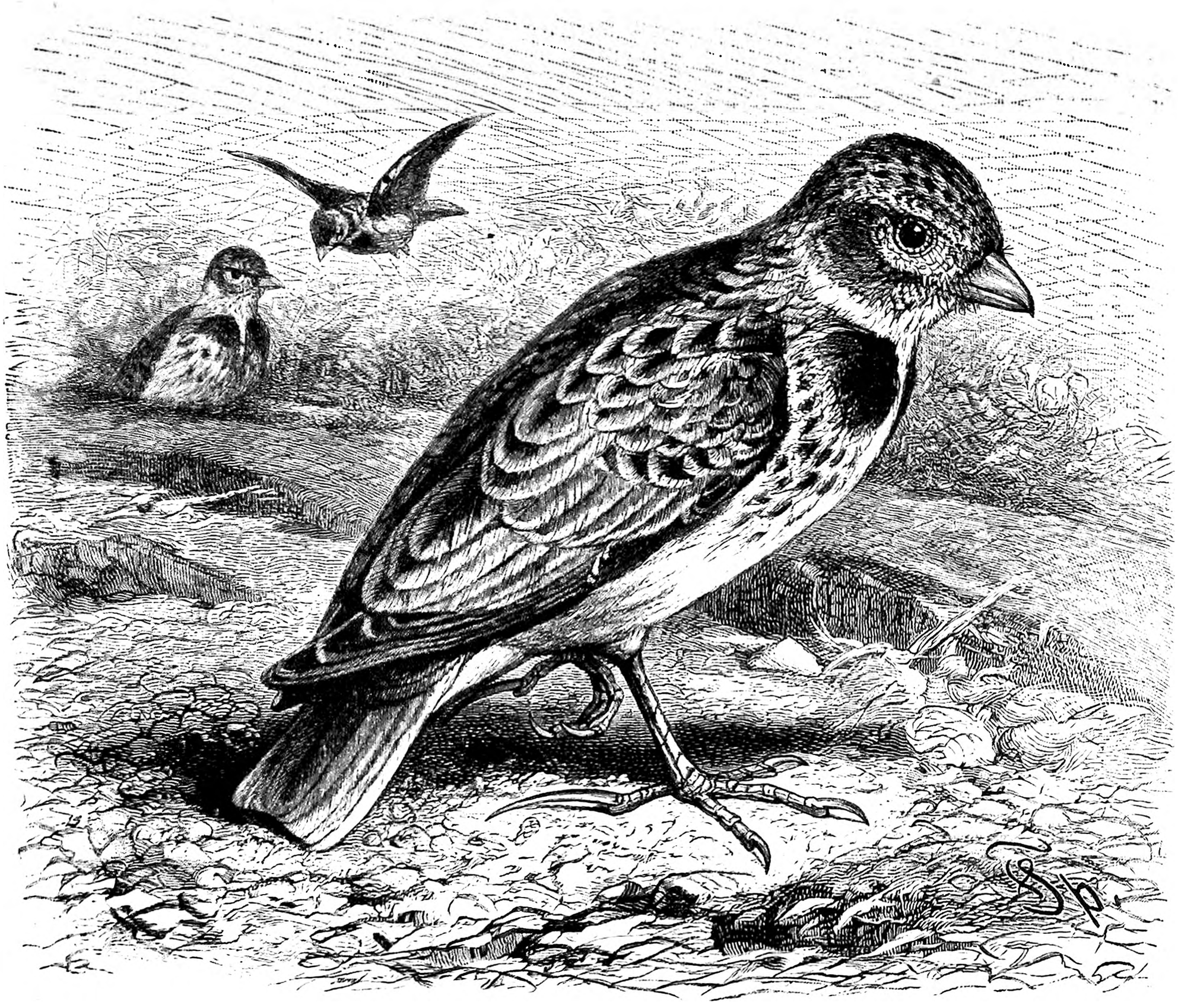
Съ другими членами своего вида полевой жаворонокъ живетъ въ ладу только во время перелета и во время зимовки. Пока самецъ находится подъ вліяніемъ любви, онъ ссорится съ самцами всѣхъ другихъ парочекъ, попадающимися ему на глаза, и притомъ часто съ большой запальчивостью. Оба борца хватаютъ и теребятъ другъ друга; нерѣдко въ эту борьбу вмѣшивается еще третій самецъ, и тогда всѣ трое вмѣстѣ, кружась въ воздухѣ, опускаются на землю. Здѣсь ссора на время оканчивается, но минуту спустя возобновляется. Иногда два противника сцѣпляются прямо на землѣ и принимаютъ тогда такія позы, какъ два дерущихся пѣтуха; оба борятся храбро, причемъ однако ни одному изъ борцовъ не наносится существеннаго вреда. Побѣжденный долженъ бѣжать, побѣдитель радостно возвращается къ своей самкѣ, которая очень нерѣдко принимаетъ участіе въ дракахъ самца.

Гнѣздо уже можно найти въ самомъ началѣ марта на нивахъ и лугахъ, а также въ болотахъ на возвышенныхъ островкахъ, поросшихъ травой или осокой и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ водою. Небольшое углубленіе, въ которомъ помѣщается гнѣздо, въ случаѣ необходимости вырывается обоими жаворонками или по крайней мѣрѣ расширяется и закругляется; затѣмъ самка съ помощью самца скудно выстилаетъ его старыми пустыми колосьями, пучками травы, нѣжными корешками и злаками и иногда конскимъ волосомъ. Яйца кладутся въ числѣ 5—6; они очень различнымъ образомъ испещрены сѣровато-бурыми или сѣрыми крапинками и пятнышками по зеленовато-желтому или красновато-бѣлому фону. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ поочередно и черезъ 15 дней выводятъ птенцовъ. Молодыя птицы покидаютъ гнѣздо, когда выучиваются бѣгать. Когда молодое поколѣніе дѣлается самостоятельнымъ, старики выводятъ птенцовъ вторично, а въ хорошее лѣто и въ третій разъ.

Молодыхъ жаворонковъ преслѣдуютъ всѣ маленькіе четвероногіе хищники, начиная съ домашней кошки и лисицы до ласки, землеройки и полевки, а также луни, воро̀ны, дрохвы и аисты; на старыхъ птицъ охотятся чеглоки, сокола-дербники и перепелятники. Слѣдуетъ отмѣтить, что человѣкъ, даже тогда, когда ловитъ птицъ массами, далеко не причиняетъ жаворонкамъ такого вреда, какъ ихъ естественные враги. По мѣрѣ развитія полевой культуры, число полевыхъ жаворонковъ растетъ, а не убавляется. Эти птицы ввезены въ Новую Зеландію и тамъ сильно размножились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; но тамъ, говорятъ, нравы ихъ отчасти измѣнились; сельскіе хозяева обвиняютъ ихъ въ уничтоженіи хлѣбныхъ зеренъ, и эта привычка ихъ возрасла повидимому въ такой же пропорціи, въ какой пѣніе ихъ ухудшилось. Полевого жаворонка поселили и въ сѣверной Америкѣ; тридцать лѣтъ тому назадъ пытались водворить его въ штатѣ Делаваръ, но безуспѣшно, два года тому назадъ — близъ Нью-Іорка съ малымъ успѣхомъ, а въ Нью-Джерсеѣ даже весьма успѣшно. Кромѣ того нашъ полевой жаворонокъ наблюдался въ Гренландіи и на Бермудскихъ островахъ.

Великолѣпный и высоко цѣнимый пѣвецъ южной Европы, а именно каландра (Alauda calandra) отличается сильнымъ сложеніемъ, замѣчательно

большимъ, толстымъ клювомъ, длинными, сильными ногами, большими, широкими крыльями и почти прямымъ, короткимъ хвостомъ, съ незначительнымъ вырѣзомъ. Въ длину эта птица достигаетъ 21 см. Перья верхнихъ частей тѣла желтовато - сѣровато - буроватыя, съ блѣдно - желтыми каемками, уздечка и неясно очерченная глазная полоска, подбородокъ, горло, голова и грудь нѣжнаго ржаво-желтоватаго цвѣта, прочія нижнія части тѣла бѣлыя, по бокамъ блѣдно-желтовато-буроватыя, области ушей и неясная полоска на бородѣ буроватыя, два иногда соприкасающіяся пятна по бокамъ шеи чернаго цвѣта, маховыя перья буровато-черныя, малыя маховыя перья землисто-бурыя, хвостовыя перья буровато-черныя съ широкой желтовато-сѣрой наружной каемкой. Радужная оболочка темно-каряя,

Каландра (Alauda calandra). $^1/_2$ естеств. велич.

верхняя часть клюва бураго рогового цвѣта, нижняя желтоватаго рогового цвѣта, ноги красноватыя.

Родина каландры — это южная Европа, особенно прибрежныя страны Средиземнаго моря, а также сѣверо-западная Африка и туркестанскія степи; отсюда она залетаетъ въ сѣверо-восточную часть Африки, но рѣдко посѣщаетъ страны на верховьи Нила. Она охотнѣе всего селится на сухихъ, неорошенныхъ поляхъ или на обширныхъ пастбищахъ, а въ Азіи избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ степь вмѣстѣ съ пятью другими видами жаворонковъ, надъ которыми во всѣхъ отношеніяхъ господствуетъ.

Нравы каландры не отличаются существеннымъ образомъ отъ нравовъ полевого жаворонка. Признаками, отличающими каландру отъ полевого и прочихъ извѣстныхъ мнѣ видовъ жаворонковъ, являются ея манера выпрямляться при ходьбѣ и необычайно сильныя движенія ея очень широкихъ крыльевъ. Кромѣ того, изъ числа другихъ жаворонковъ каландра выдѣляется своимъ великолѣпнымъ

пѣніемъ. Кто въ первый разъ слышитъ пѣніе каландры, тотъ съ изумленіемъ остановится, а затѣмъ начинаетъ вслушиваться съ восхищеніемъ. Отъ пѣнія прочихъ жаворонковъ, пѣсня каландры отличается поразительнымъ богатствомъ, а также большою звучностью и силой. Въ степи каландра соединяетъ и сливаетъ въ своемъ пѣніи пѣсни всѣхъ живущихъ на землѣ жаворонковъ, причемъ воспроизводитъ ихъ пѣніе въ лучшемъ видѣ и благодаря этому, а также и благодаря своему сильному голосу господствуетъ надъ пѣніемъ другихъ жаворонковъ, которое въ весеннее время непрерывно раздается сверху. „Превосходя всѣхъ членовъ семейства величиной“, говоритъ Четти, „каландра превосходитъ всѣхъ ихъ своимъ пѣніемъ. Естественный голосъ ея, какъ мнѣ кажется, — это не особенно пріятное щебетаніе; но она своимъ воображеніемъ охватываетъ все, что только ей приходится слышать и ея поэтическое горло все воспроизводитъ въ лучшемъ видѣ. Въ деревнѣ она является эхомъ всѣхъ птицъ; вмѣсто того, чтобы слушать всѣхъ другихъ, достаточно послушать одну каландру. Она воспроизводитъ крики хищныхъ птицъ и напѣвы пѣвцовъ и, паря въ воздухѣ, издаетъ тысячи переплетающихся между собою строфъ, трелей и арій. Она выучивается всему тому, что̀ слышитъ; особенно хорошо перенимаетъ она флажолетъ. Достигнувъ большого совершенства, каландра не становится тщеславной и поетъ съ утра до вечера. Одной каландры, повѣшанной въ клѣткѣ за окномъ, достаточно, чтобы оживить всю мѣстность. Она составляетъ радость и гордость ремесленника, восхищеніе прохожаго“. Всѣ прочіе наблюдатели единогласно вторятъ этой похвалѣ. Жаль только, что пѣніе каландры слишкомъ громко для комнаты, и что въ четырехъ стѣнахъ ея долго выносить невозможно.

Гнѣздо ея — незатѣйливая постройка изъ сухихъ стеблей и тонкихъ корешковъ; оно помѣщается въ скрытомъ мѣстѣ, за бороздами земли, маленькими кустиками или среди засѣянныхъ хлѣбомъ полей, но всегда въ небольшомъ углубленіи. Яйца, числомъ 3--5, округлой формы, въ серединѣ очень выпуклыя и на блестяще бѣломъ или желтовато-бѣломъ фонѣ густо усѣяны желтовато-бурыми и сѣрыми пятнами и точками, которыя къ концу сходятся нерѣдко въ видѣ вѣнца.

Въ Испаніи ловятъ этого всѣми любимаго пѣвца на поляхъ, гдѣ онъ живетъ; нѣкоторые ловцы надѣваютъ на себя бубенчики, другіе берутъ потайные фонари, прочіе вооружаются сѣтями. Свѣтъ фонаря ослѣпляетъ каландръ, звукъ бубенчиковъ и колокольчиковъ заставляетъ ихъ думать, что приближается стадо скота. Птицы спокойно ждутъ, чтобы ловцы подошли къ нимъ, прижимаются къ землѣ и затѣмъ или накрываются сѣтями, или прямо берутся руками.

Въ азіатскихъ степяхъ, кромѣ каландры, водится почти равный ей по величинѣ черный или татарскій жаворонокъ (Alauda yeltoniensis), иногда залетавшій и въ западную Европу. Осенняя одежда его совсѣмъ черная, спина, плечи, заднія малыя маховыя перья и перья хвоста на концѣ явственно оторочены блѣдно-желтовато-бѣловатой полоской, а перья на бокахъ груди такой же неявственной каемкой. Глаза темно-каріе, клювъ сѣраго розоваго цвѣта, ноги черныя.

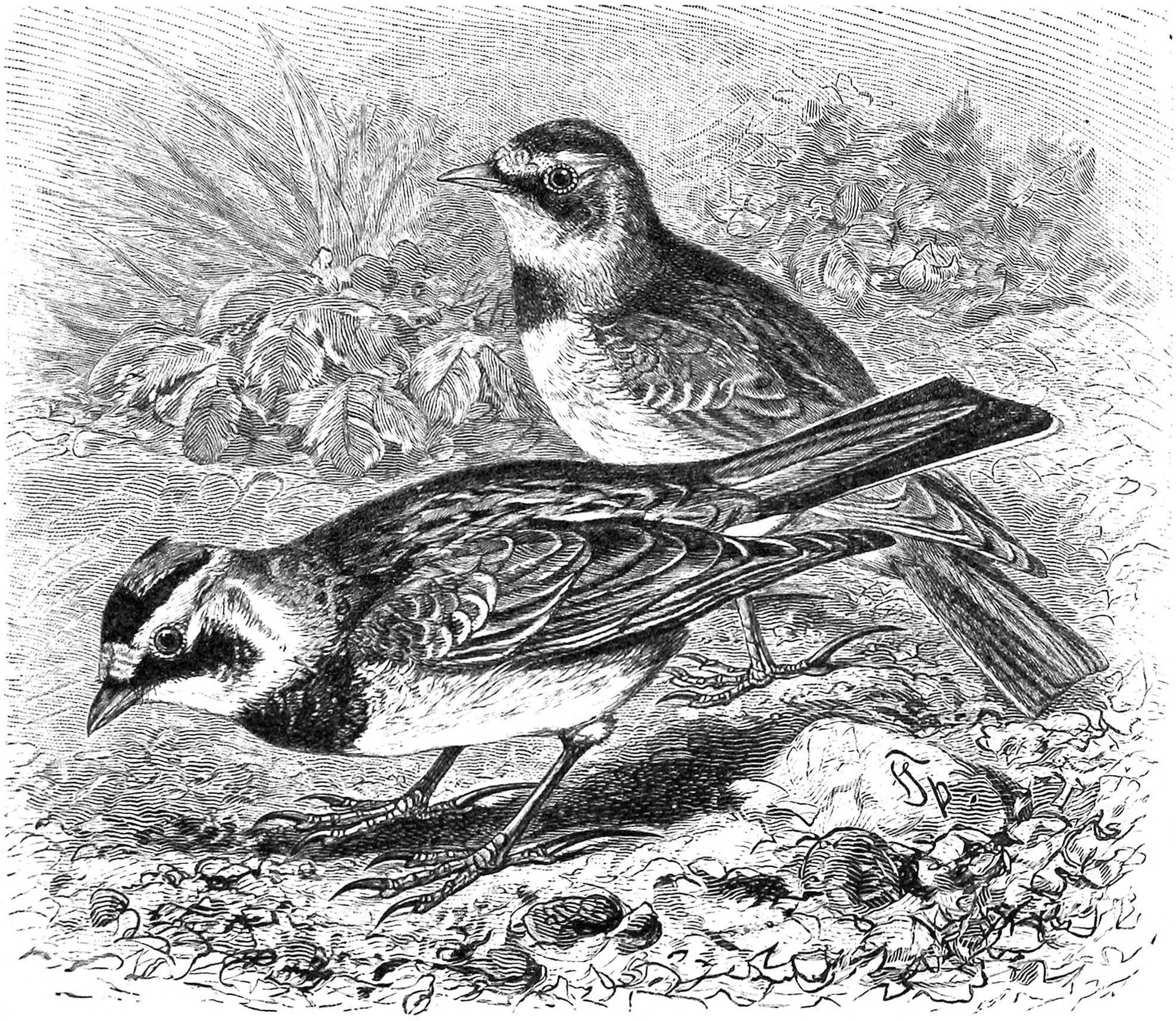
Всѣ солончаковыя степи средней Азіи изъ года въ годъ даютъ пріютъ этому жаворонку; повидимому, онъ не пускается въ далекія странствованія, а самое бо̀льшее отыскиваетъ такія мѣста, съ которыхъ сходитъ снѣгъ.

*

Одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ видовъ семейства — это рюмъ или альпійскій жаворонокъ (Otocorys alpestris). Длина его равняется 17-ти сантиметрамъ. Лобъ, бровныя полоски, подбородокъ и горло у него блѣдно-желтыя, поперечная полоска на задней части головы, проходящая черезъ виски и оканчивающаяся въ видѣ направленнаго вверхъ острія, уздечка и область ушей, а также широкое полулунообразное пятно на зобѣ — черныя; верхняя часть головы, задняя часть шеи и верхнія покровныя перья крыльевъ нѣжнаго блѣдно-краснаго цвѣта, прочія верхнія части тѣла землисто-бурыя съ темными пятнами на стержняхъ, нижнія части тѣла бѣлыя, по бокамъ блѣдно-красныя, ляжки украшены тем-

ными продольными полосками, маховыя перья бурыя, снаружи желтовато-сѣровато-буроватыя, кроющія перья малыхъ маховыхъ перьевъ и наибольшія кроющія перья крыльевъ на концѣ снабжены такими же каемками, хвостовыя перья черныя, за исключеніемъ двухъ среднихъ темно-бурыхъ съ сѣровато-желтовато-бурыми каемками, два крайнихъ пера бѣлыя. Кольцо вокругъ глаза темно-бурое, клювъ синевато-сѣрый, ноги бураго рогового цвѣта.

Альпійскій жаворонокъ получилъ свое названіе не отъ швейцарскихъ Альпъ, а отъ сѣверныхъ горъ. Это дитя тундры, и въ тундрѣ онъ выводитъ своихъ птенцовъ, а потому водится какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ Свѣтѣ. Прежде

Рюмъ (Otocorys alpestris). $^1/_2$ естеств. велич.

рюмъ былъ рѣдкостью въ сѣверо-западной Европѣ; но въ послѣдніе 50 лѣтъ птицы эти очень распространились, и теперь представаляютъ собою обыкновенное явленіе въ сѣверной Скандинавіи.

Нравы и образъ жизни рюма такъ сходны съ полевымъ жаворонкомъ, что я не могу указать ни на какое существенное различіе между ними. Впрочемъ я никогда не видѣлъ, чтобы рюмъ съ пѣніемъ поднимался на воздухъ, а слышалъ только, какъ онъ, сидя на камнѣ или на вѣткѣ дерева, распѣвалъ свою простую, но пріятную пѣсенку; по словамъ же Коллетта, рюмъ поднимается на воздухъ и при этомъ поетъ совершенно иначе, чѣмъ сидя. Питается онъ растительными веществами, именно зернами и насѣкомыми, а именно комарами, во множествѣ водящимися во всѣхъ тундрахъ, и личинками комаровъ, которыми выкармливаются птенцы.

*

Хохлатый жаворонокъ (Galerita cristata, рис. на стр. 104) служитъ представителемъ рода, носящаго то-же названіе (Galerita). Относительно окраски оперенія трудно сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ окраска этой птицы бываетъ очень различна. Хохлатые жаворонки, живущіе въ Германіи окрашены слѣдующимъ образомъ: верхняя часть у нихъ покрыта темно-бурыми, а хохолокъ черными пятнами на красновато-глинисто-буромъ фонѣ, уздечка и неявственная глазная полоска свѣтлаго блѣдно-желтаго цвѣта, бока головы глинисто-буроватые, нижнія части тѣла блѣдно-желтовато-бѣлыя, на груди и бокахъ съ красноватымъ отливомъ, зобъ и грудь украшены широкими, расплывающимися, темными пятнами на стержняхъ, нижнія кроющія перья хвоста еще болѣе расплывчатыми пятнами, маховыя перья темно-бурыя, снаружи и на концѣ съ тонкими, а внутри съ широкими ржавыми полосками, послѣднія малыя маховыя перья и кроющія перья хвоста снаружи на концахъ съ широкими глинисто-буроватыми каемками, черно-бурыя хвостовыя перья снаружи и на концѣ снабжены узкими каемками, на обоихъ крайнихъ перьяхъ все внѣшнее опахало ржаво-красноватое. Глаза темно-каріе, клювъ буроватаго рогового цвѣта, нижняя часть клюва, прилегающая къ основанію, и ноги желтоватаго рогового цвѣта. Длина 18 сантиметровъ.

Хохлатый жаворонокъ населяетъ всю Европу, за исключеніемъ дальняго сѣвера, часть Азіи и значительную часть Африки; на югѣ онъ встрѣчается чаще, нежели на сѣверѣ, и въ Испаніи и сѣверной Африкѣ является самымъ распространеннымъ видомъ своего семейства, но начинаетъ распространяться по горнымъ дорогамъ изъ года въ годъ все болѣе по средней Европѣ и селится тамъ, гдѣ прежде его не было. „Чрезвычайно большой интересъ“, пишетъ В. Маршалль, „имѣетъ переселеніе хохлатаго жаворонка въ среднюю Европу; онъ часто встрѣчается, живя осѣдло, начиная съ подножія китайскихъ и монгольскихъ горъ, въ Туркестанѣ, Персіи, въ Закаспійской области вплоть до южной Россіи, но не водится въ западной Сибири, вѣроятно распространяясь на востокъ лишь до р. Урала, а можетъ быть до Волги. Изъ своихъ юго-восточныхъ родныхъ краевъ онъ проникъ въ Европу тремя, много четырьмя путями: можетъ быть, уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ онъ проникъ въ Европу по пути, лежащему южнѣе Альпъ, изъ Болгаріи и Малой Азіи вокругъ бассейна Средиземнаго моря, добрался до Атлантическаго океана, и здѣсь образовался цѣлый рядъ породъ, отличающихся окраской, величиной, даже пѣніемъ и привычками, какъ другъ отъ друга, такъ и отъ предъальпійскихъ жаворонковъ.

„Второй путь, которымъ хохлатый жаворонокъ могъ проникнуть на западъ, это Желѣзныя Ворота; но этимъ путемъ ему не удалось забраться далеко вверхъ по Дунаю: въ 1864 г. его еще не было близъ Арнсдорфа въ Вѣнскомъ лѣсномъ округѣ, гдѣ онъ сталъ чаще встрѣчаться черезъ 6 лѣтъ, а въ 1879 г. онъ уже сталъ часто появляться въ окружностяхъ Вѣны.

„Третій путь можно было бы назвать сѣверо-германскимъ; онъ идетъ вдоль Одера (быть можетъ есть еще четвертый путь вдоль Вислы), затѣмъ направляется къ западу, а потомъ идетъ вдоль морского берега. Около Петербурга хохлатаго жаворонка еще нѣтъ, въ Швецію и въ Англію онъ залетаетъ лишь изрѣдка, въ Шлезвигѣ онъ появляется только зимою, но зато часто, выводитъ птенцовъ уже съ 1850 г. въ Голштиніи, а съ 1856 г. на Зильтѣ; съ 1820 г. онъ сталъ встрѣчаться въ Ольденбургѣ, сначала рѣдко, а съ 1853 г. — во множествѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія эта птица была во всей Тюрингіи лишь зимнимъ гостемъ и въ южной Тюрингіи только во время суровыхъ зимъ, представляетъ рѣдкое явленіе, между тѣмъ какъ на сѣверо-западѣ близъ Шлотгейма недалеко отъ Мюльгаузена съ 1854 г. уже часто выводитъ дѣтенышей.

Хохлатый жаворонокъ болѣе заслуживаетъ названіе степного животнаго, чѣмъ прочія птицы, проникшія въ Европу съ юго-востока; очень вѣрно замѣчено, что онъ направляется къ западу преимущественно по большимъ дорогамъ и любитъ выводить птенцовъ по близости отъ нихъ, такъ какъ эти дороги имѣютъ большое сходство съ пустынными степями Китая и Монголіи. Но именно благодаря этой привычкѣ эта чужеземная птица, пробирающаяся вдоль дорогъ, привлекла къ

себѣ вниманіе народа своимъ своеобразнымъ головнымъ опереніемъ и голосомъ; поэтому въ Тюрингіи простолюдинъ думаетъ, что хохлатый жаворонокъ съ 1813 г. появился вмѣстѣ съ русскими, что̀ утверждается и о тараканѣ.“

На югѣ Европы хохлатаго жаворонка можно видѣть какъ на пустынной, безлюдной равнинѣ, такъ и въ горахъ; въ Германіи онъ предпочитаетъ селиться въ сосѣдствѣ съ человѣкомъ, зимою прилетаетъ въ города и селенія и побирается по амбарамъ и по кухнямъ.

Внѣ періода спариванья хохлатый жаворонокъ — тихая птица, замѣтная тѣмъ, что всюду поспѣваетъ, но не имѣющая никакихъ претензій. Отъ полевого жаворонка онъ нѣсколько отличается своимъ плотнымъ сложеніемъ и остроконечнымъ хохолкомъ, который почти всегда торчитъ кверху. По манерѣ сидѣть и бѣгать, а также по полету хохлатый жаворонокъ очень похожъ на прочихъ своихъ родственниковъ. Голосъ его — это тихое „хойд хойд“, за которымъ слѣдуетъ обыкновенно звонкое, пріятное „кви кви“. Пѣніе характеризуется разнообразіемъ строфъ, но все-таки отличается отъ пѣнія полевого и лѣсного жаворонка.

Пищу хохлатый жаворонокъ употребляетъ смѣшанную. Осенью, зимою и весною онъ довольствуется всевозможными зернами и сѣменами; весною срываетъ кончики злаковъ и другія зеленыя травы.

Гнѣздо устраивается на поляхъ, на сухихъ лугахъ, въ виноградникахъ, въ садахъ и подобныхъ мѣстахъ, часто въ близкомъ сосѣдствѣ съ человѣческимъ жильемъ, въ общественныхъ садахъ, усердно посѣщаемыхъ публикой, даже на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, но всегда помѣшается въ скрытомъ мѣстѣ, такъ что найти его трудно. Оно свито приблизительно такъ же, какъ гнѣзда другихъ жаворонковъ; яйца, числомъ 4—6, рѣже 3, испещрены по желтому или красновато-бѣлому полю множествомъ пепельно-сѣрыхъ и желтовато-бурыхъ мелкихъ крапинокъ и точекъ. Либе, пріютившій у себя парочку хохлатыхъ жаворонковъ, сдѣлалъ надъ ними наблюденія, уясняющія неожиданнымъ образомъ размноженіе этихъ, а можетъ быть и всякихъ другихъ жаворонковъ. Самка высиживаетъ яйца одна, но если погода не слишкомъ холодна, въ теченіе дня мало сидитъ на яйцахъ, а слетаетъ съ нихъ приблизительно черезъ каждые полчаса, чтобы почиститься и поискать себѣ пищи, такъ какъ самецъ не кормитъ ея. Черезъ 13 дней изъ яицъ вылупляются молодыя птицы, которыя, хотя скудно покрыты пухомъ, такъ что вездѣ виднѣется фіолетово-черноватая кожа, все-таки снабжены маленькимъ хохолкомъ. Только ночью или въ суровую погоду мать сидитъ въ гнѣздѣ, не отлучаясь. Самецъ принимаетъ лишь косвенное участіе въ выкармливаніи птенцовъ, отыскиваетъ насѣкомыхъ, измельчаетъ ихъ клювомъ и затѣмъ преподноситъ самкѣ, которая уже кормитъ маленькихъ. На 9-й день молодыя птицы вылетаютъ изъ гнѣзда и больше ужъ въ него не возвращаются. Походка ихъ — безпомощное прыганье, и только съ 12-го дня онѣ начинаютъ бѣгать на подобіе своихъ родителей. Какъ только птенцы становятся самостоятельными, родители приступаютъ къ выведенію второго выводка, а затѣмъ и третьяго.

Хохлатый жаворонокъ счастливъ въ томъ отношеніи, что его не ловятъ для кухни въ такихъ количествахъ, какъ полевого жаворонка, и почти совсѣмъ не преслѣдуютъ. Враги его тѣ-же, какъ и враги другихъ живущихъ на землѣ птицъ. Въ клѣткѣ хохлатыхъ жаворонковъ держатъ рѣдко.

Хорошенькій лѣсной жаворонокъ (Galerita arborea, рис. на стр. 104) самый малый по величинѣ видъ своего семейства изъ высиживающихъ своихъ птенцовъ въ Германіи. Длина его 15,3 — 15,8 сантиметр. Опереніе верхней части такое же, какъ и у другихъ жаворонковъ съ ржаво-краснымъ налетомъ, опереніе нижней части бѣловатое съ продольными полосами, доходящими до груди.

Эта милая птичка водится во всей Европѣ, начиная съ средней Швейцаріи, а также въ западной Азіи. Но живетъ лѣсной жаворонокъ только въ самыхъ дикихъ лѣсныхъ пространствахъ. Послѣ выведенія птенцовъ лѣсной жаворонокъ вмѣстѣ со своимъ потомствомъ посѣщаетъ скошенные луга, а во время перелета спускается на сжатыя нивы и на поля, оставленныя подъ паромъ въ низменныхъ

мѣстностяхъ, ибо во время перелета онъ еще въ теченіе дня совершаетъ маленькія путешествія для разысканія себѣ пищи, состоящей изъ жучковъ и зеренъ и встрѣчающейся въ довольно скудныхъ количествахъ. Какъ только снѣгъ на горахъ стаетъ, а именно въ послѣдней половинѣ февраля, лѣсной жаворонокъ возвращается въ среднюю Европу изъ своего путешествія, которое обыкновенно оканчивается уже въ южной Европѣ, но иногда захватываетъ и Африку, и снова занимаетъ свои прежнія мѣста.

„По своимъ нравамъ“, говоритъ Брэмъ отецъ, „это прелестная птица, проворная и ловкая въ своихъ движеніяхъ; тамъ, гдѣ ея не трогаютъ, она бываетъ ручная и довѣрчивая, а гдѣ ее преслѣдуютъ или гдѣ ей приходится опасаться преслѣдованій, она осторожна и робка. Она бѣгаетъ быстро, маленькими шажками, выпятивъ грудь и при этомъ имѣетъ очень милый видъ.

„Изящное гнѣздо лѣсного жаворонка можно найти раньше или позже, смотря по весенней погодѣ, иногда даже въ послѣдніе дни марта, подъ кустомъ сосны или можжевельника или же въ травѣ. Гнѣздо сооружено въ вырытомъ въ землѣ и ничѣмъ не покрытомъ углубленіи изъ тонкихъ, сухихъ злаковъ и листьевъ травы; оно глубже полушарія и внутри выложено очень гладко и хорошо. Въ гнѣздо несется 4—5 яицъ, рѣже 3; яйца бѣловатыя, густо усѣянныя сѣрыми и свѣтло-бурыми крапинками и пятнышками, и съ большимъ самоотверженіемъ высиживаются одной самкой, которую самецъ снабжаетъ кормомъ. Послѣ выведенія первыхъ птенцовъ оба родителя заботятся о своемъ потомствѣ лишь недолго; они скоро начинаютъ приготовленія къ выведенію вторыхъ птенцовъ. Послѣ совершенія этого дѣла они соединяются со всѣми своими дѣтьми въ маленькое общество и странствуютъ или семьями, или стаями, состоящими изъ двухъ или нѣсколькихъ соединившихся семействъ. Лѣсные жаворонки покидаютъ среднюю Европу въ концѣ октября или въ началѣ ноября.

„Самую большую прелесть лѣсного жаворонка составляетъ его превосходное пѣніе. Совершаешь напр. путешествіе пѣшкомъ по пустынной мѣстности, въ которой даже красивый пейзажъ, открывающійся вдали, не можетъ вознаградить за видъ бѣдной окружающей растительности. Все живое словно вымерло. Вдругъ поднимается кверху милый лѣсной жаворонокъ, издаетъ сначала свой нѣжный призывъ „люлю“, поднимается все выше и выше и съ громкимъ пѣніемъ и трелями, по цѣлымъ получасамъ носится подъ облаками или садится на дерево, чтобы тамъ закончить свою пѣсенку. Еще пріятнѣе звучитъ это пѣніе ночью. Когда мнѣ случалось въ тихіе полунощные часы проходить по мѣстамъ, обитаемымъ этимъ жаворонкомъ, слышать вдали крикъ филина или козодоя или вблизи жужжаніе жука и чувствовать себя очень одинокимъ въ пустынной мѣстности, я всегда испытывалъ большую радость, когда поднимался кверху лѣсной жаворонокъ и издавалъ свои великолѣпныя трели. Я долго стоялъ и прислушивался къ этимъ звукамъ, словно нисходящимъ съ неба. Подкрѣпленный, продолжалъ я путь свой. Я прекрасно знаю, что лѣсной жаворонокъ пѣлъ потому, что чувствовалъ въ этомъ потребность и хотѣлъ доставить этимъ удовольствіе своей самочкѣ; но мнѣ все-таки казалось, что онъ поднялся для того, чтобы мнѣ, какъ старому его другу, оказать вниманіе и усладить мое одиночество.“

Лѣсной жаворонокъ по своему пѣнію не можетъ идти въ сравненіе съ жаворонкомъ и тѣмъ не менѣе замѣняетъ его. Пѣніе соловья раздается лишь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ: лѣсной жаворонокъ поетъ, начиная съ марта и до августа, и еще послѣ линянія въ послѣднихъ числахъ сентября и въ первыхъ числахъ октября, и поетъ онъ въ пустынныхъ, бѣдныхъ мѣстностяхъ, въ горахъ, куда кромѣ нея залетаетъ лишь немного другихъ хорошихъ пѣвцовъ, а не живетъ пожалуй ни одного! Лѣсной жаворонокъ любимецъ всѣхъ горныхъ обитателей, гордость любителей комнатныхъ птицъ, радость ремесленника, цѣлую недѣлю прикованнаго къ мастерской; и онъ вполнѣ заслуживаетъ всей любви, съ какой къ нему относятся, всей славы, какая его окружаетъ. Къ сожалѣнію онъ не только не увеличивается, а уменьшается численно, почему именно — сказать невозможно.

*

Африканскій или пустынный жаворонокъ (Ammomanes deserti) отличается сѣровато-коричневатой окраской верхней части тѣла, надхвостье у него ржаво-красноватое, нижняя часть тѣла блѣдно-желтовато-бѣловатая, мѣста около ушей, зобъ, бока, нижнія перья хвоста и крыльевъ нѣжнаго блѣдно-желтовато-красноватаго цвѣта, причемъ на зобѣ замѣчаются неясныя темныя продольныя полоски; маховыя и хвостовыя перья оливково-бурыя, маховыя перья снаружи коричневато-ржаво-красноватыя, а оба крайнихъ хвостовыхъ пера снаружи и почти до конца ржаво-блѣдно-желтоватыя. Глаза каріе, клювъ буроватаго рогового цвѣта, ноги темно-бурыя. Длина 16 см.

Пустынный жаворонокъ водится въ бо́льшей части сѣверной и сѣверо-восточной Африки, въ западной Азіи и средней Индіи; иногда, но все-таки очень рѣдко онъ залетаетъ въ южную Европу и причисляется Эргардомъ къ лѣтнимъ обитателямъ Цикладскихъ острововъ.

Эта птица избѣгаетъ обработанной земли и встрѣчается только тамъ, гдѣ безплодный песокъ словно насмѣхается надъ животворящей силой воды. Въ пескахъ она исчезаетъ изъ глазъ своихъ враговъ, въ пескѣ находитъ себѣ кормъ; она всецѣло и исключительно принадлежитъ пустынѣ. Призывъ пустыннаго жаворонка слышится уже въ верхнемъ Египтѣ, какъ только переправишься черезъ послѣднюю плотину, защищающую во́ды рѣки отъ песка; онъ встрѣчается въ странѣ фараоновъ среди величественныхъ памятниковъ прошлыхъ временъ; онъ бродитъ по пустымъ храмамъ, словно уцѣлѣвшій съ древнихъ временъ, заколдованный и принявшій птичій образъ жрецъ Изиды; въ то же время онъ является въ полномъ смыслѣ слова домашней птицей въ палаткѣ темнокожаго кочевника. Это милое, но тихое, серьезное созданіе. Бѣгаетъ пустынный жаворонокъ очень быстро, летаетъ хорошо и ловко, хотя немного порхаетъ. Обыкновенный призывной крикъ его заключаетъ въ себѣ что-то до того печальное, что невольно забываешь почти о его благозвучности. Пустынный жаворонокъ встрѣчается часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится, живетъ обыкновенно парами и въ ладу съ птицами одного съ нимъ вида, рѣже встрѣчается стаями.

Пустынный жаворонокъ людей не боится. Арабу не приходитъ въ голову враждебно относиться къ довѣрчивой птичкѣ, а европеецъ скоро начинаетъ такъ любить ее, что положительно не рѣшается ее убивать.

*

Отъ привычнаго намъ характера жаворонка отличаются существенно длинноногіе жаворонки (Alaemon). Характеристическія черты ихъ — это стройное сложеніе, длинный, сравнительно тонкій, болѣе или менѣе сильно загнутый клювъ, длинныя ноги съ пальцами средней длины, изъ которыхъ задній палецъ снабженъ довольно короткой, слегка загнутой шпорой, очень длинныя и широкія крылья, умѣренно длинный или довольно длинный хвостъ и обильное, гладкое опереніе.

У сахарскаго жаворонка (Alaemon desertorum) верхняя часть тѣла блѣдно-желтовато-красноватая, уздечка, глазныя полоски, бока головы и нижнія части тѣла бѣлые, зобъ нѣжнаго блѣдно-желтовато-сѣраго цвѣта и украшенъ тонкими темными полосками на стержняхъ, большія маховыя перья черныя, покровы малыхъ маховыхъ перьевъ на концѣ бѣлые, малыя маховыя перья бѣлыя и образуютъ широкую поперечную полосу, хвостовыя перья буровато-черныя съ блѣдно-желтоватыми каемками снаружи и на концѣ. Длина птицы 22 сантиметра.

Сахарскій жаворонокъ, котораго не разъ удавалось застрѣлить въ Европѣ, водится по всей сѣверо-восточной Африкѣ и западной Азіи, въ Палестинѣ, Персіи и Синди. Особенно часто наблюдалъ я его между Каиромъ и Суэцомъ. Я встрѣчалъ этихъ птицъ самое бо́льшее маленькими семьями въ 4—6 экземпляровъ, никогда не видѣлъ ихъ стаями, а обыкновенно парами. Эти парочки живутъ одна близъ другой и, какъ кажется, сосѣди часто вполнѣ мирно посѣщаютъ другъ друга.

По своимъ нравамъ сахарскій жаворонокъ является какъ бы посредствующимъ звеномъ между своими ближайшими родственниками и бѣгающими птицами. Онъ бѣгаетъ словно скачка́ми, необычайно быстро, скорѣе на подобіе песочниковъ, чѣмъ

на подобіе жаворонковъ, почти совсѣмъ такъ, какъ песчаный бѣгунокъ, летаетъ легко, нерѣдко паритъ въ воздухѣ и очень часто летитъ совершенно прямо, не поднимаясь медленно вверхъ, какъ другіе жаворонки, а возносясь быстрыми ударами крыльевъ, паритъ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній на одномъ мѣстѣ и вдругъ, сложивъ крылья, низвергается на землю или на кустъ, откуда спрыгиваетъ на землю, и поспѣшно мчится дальше. Эту игру онъ иногда повторяетъ по нѣскольку разъ подъ рядъ. По моему, подобныя штуки при полетѣ продѣлываетъ одинъ самецъ; мнѣ казалось, что все это дѣлается ради удовольствія самки. Самецъ и самка сохраняютъ по отношенію другъ къ другу большую вѣрность, бѣгаютъ всегда рядышкомъ и поднимаются на воздухъ почти одновременно. Человѣка сахарскій жаворонокъ нисколько не боится; къ населеннымъ станціямъ остъ-индской дороги между Каиромъ и Суэцомъ онъ приближается такъ же довѣрчиво, какъ хохлатый жаворонокъ: я часто видалъ сахарскаго жаворонка внутри обширныхъ станціонныхъ строеній.

У членовъ семейства лѣсныхъ пѣвцовъ (Sylvicolidae) не хватаетъ перваго махового пера. Они распадаются на формы, сходныя съ щеврицами, со славками и съ вьюрками.

Трясогузки (Motacillinae) характеризуются чрезвычайно стройнымъ сложеніемъ, тонкимъ, прямымъ, продолговатымъ шилообразнымъ клювомъ, угловатымъ наверху и на концѣ верхней челюсти снабженнымъ неглубокимъ вырѣзомъ; крылья у этихъ птицъ средней длины, и третье маховое перо самое длинное, причемъ малыя маховыя перья врядъ-ли короче большихъ, хвостъ длинный, съ узкими перьями, сильно раздвоенный, ноги довольно высокія, со стройной плюсною и длинными пальцами, вооруженными большими когтями, изъ которыхъ коготь на заднемъ пальцѣ часто бываетъ удлиненъ на подобіе шпоры, а опереніе пестрое, нѣсколько различное у самца и у самки.

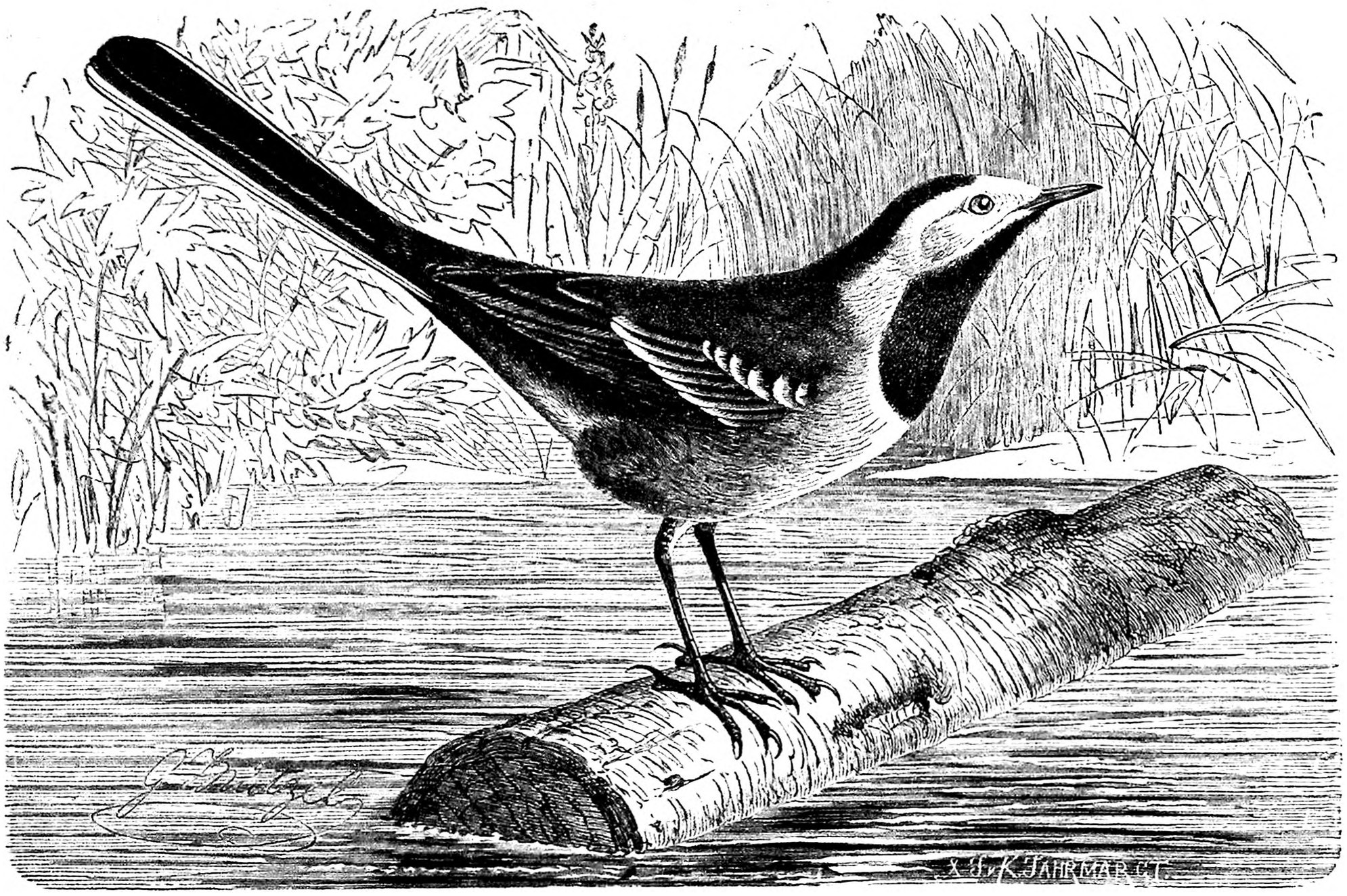
*

Трясогузки въ тѣсномъ смыслѣ (Motacilla), распадающіяся на дюжину видовъ, водятся исключительно въ Старомъ Свѣтѣ, во всѣхъ поясахъ широты и долготы. Селятся онѣ въ мѣстностяхъ, богато орошенныхъ водою. Нѣкоторые виды удаляются отъ воды только во время своего перелета, другіе, отыскивая себѣ пищу, забираются въ сухія мѣста, но потомъ всегда опять возвращаются къ водѣ. Виды, живущіе на сѣверѣ, — птицы перелетныя, а виды, живущіе на югѣ, — странствующія; нѣкоторые же виды безусловно осѣдлые. Трясогузки появляются на сѣверѣ въ началѣ года и остаются тамъ до поздней осени, но залетаютъ далеко на югъ. Движенія ихъ изящны и милы. Онѣ обыкновенно шагаютъ, выступая осмотрительно, при каждомъ шагѣ киваютъ головой, причемъ держатъ длинный хвостъ горизонтально или немного поднимаютъ его вверхъ, постоянно двигая имъ вверхъ и внизъ. Ихъ быстрый и искусный полетъ состоитъ изъ большихъ дугъ. Голосъ ихъ нельзя назвать мелодичнымъ, пѣніе ихъ просто, но пріятно. Въ пищу онѣ употребляютъ всевозможныхъ насѣкомыхъ или ихъ личинки и мелкихъ водныхъ животныхъ. Гнѣздо ихъ построено плохо и сооружается изъ тонкихъ прутиковъ, корешковъ, злаковъ и травъ, мха, сухихъ листьевъ и т. п., а внутри выстилается шерстью и другими мягкими веществами; оно помѣщается въ дуплахъ или углубленіяхъ, всегда близко къ водѣ; яйца отличаются тонкой скорлупой и покрыты мелкими крапинками по свѣтлому или сѣроватому фону.

Большинство трясогузокъ своей миловидностью и довѣрчивостью пріобрѣтаютъ симпатію самыхъ суровыхъ душъ, а потому среди людей враговъ у нихъ почти нѣтъ; зато много враговъ у нихъ среди хищныхъ звѣрей, и не мало приходится имъ переживать опасностей вслѣдствіе расположенія ихъ жилища; тѣмъ не менѣе трясогузки размножаются быстро и такимъ образомъ восполняютъ всѣ потери, по-

стигающія ихъ родъ. Въ клѣтку ихъ сажаютъ рѣдко; но, живя въ комнатѣ, онѣ доставляютъ человѣку много удовольствія своею миловидностью и своимъ изяществомъ.

Типичная представительница рода — это бѣлая трясогузка (Motacilla alba). Верхняя часть тѣла у нея сѣрая, задняя часть шеи и затылокъ бархатисто-черные, горло, глотка и верхняя часть груди — черныя, лобъ, уздечка, щеки, бока шеи и нижнія части тѣла бѣлые, маховыя перья черноватыя съ бѣловато-сѣроватыми каемками и съ двумя свѣтлыми полосами вслѣдствіе того, что крающія перья на концѣ бѣлыя, среднія рулевыя перья черныя, прочія бѣлыя. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черныя. Длина 20 см. Въ Великобританіи наряду съ бѣлой трясогузкой встрѣчается еще родственница ея, которую иногда разсматри-

Трясогузка (Motacilla alba). $^3/_5$ естеств. велич.

ваютъ, какъ отдѣльный видъ, иногда, какъ разновидность. Это черная трясогузка (Motacilla lugubris), отличающаяся только тѣмъ, что весною у нея спина, надхвостье и плечи бываютъ черныя. Мы считаемъ ее разновидностью.

Трясогузка живетъ во всей Европѣ, а также въ Исландіи, въ западной и средней Азіи, въ Гренландіи, а зимою залетаетъ даже въ центральную Африку, хотя иногда проводитъ зиму въ южной Европѣ, даже въ Германіи. Въ Германіи она появляется всегда уже въ началѣ марта, при благопріятной погодѣ уже въ послѣднихъ числахъ февраля, а улетаетъ лишь въ октябрѣ и иногда даже позднѣе. Она избѣгаетъ высокихъ лѣсовъ и горныхъ мѣстностей, находящихся выше границы лѣсовъ, но помимо этого селится буквально вездѣ, вступаетъ въ дружбу съ человѣкомъ, охотно сооружаетъ себѣ жилище по сосѣдству съ человѣческимъ жильемъ, по мѣрѣ того, какъ обрабатываются бо́льшія пространства земли увеличивается численно, примѣняется ко всякимъ обстоятельствамъ и потому представляетъ собою обыкновенное явленіе въ большихъ городахъ.

Въ высшей степени подвижная, безпокойная и рѣзвая, эта птица находится въ непрерывномъ движеніи съ ранняго утра до поздняго вечера. Только во время пѣнія она сидитъ дѣйствительно спокойно на одномъ мѣстѣ, выпрямившись и опустивъ хвостъ; все остальное время она безпрестанно бѣгаетъ взадъ и впередъ,

а если остается на мѣстѣ, то по крайней мѣрѣ трясетъ хвостомъ. Ходитъ трясогузка быстро и ловко и притомъ шагаетъ; при ходьбѣ держитъ тѣло и хвостъ горизонтально и нѣсколько вытягиваетъ шею, летаетъ легко и быстро, описывая восходящія и нисходящія дуги, изъ которыхъ слагается линія съ широкими извилинами; большею частью она летитъ низко и пролетаетъ небольшія разстоянія надъ водой или надъ землей, но часто сразу пролетаетъ черезъ большія пространства, бросается прямо внизъ, желая сѣсть, и уже почти достигнувъ земли, выпрямляетъ хвостъ, чтобы умѣрить силу паденія. Призывной звукъ, издаваемый ею, это внятное „циви“, удлиняемое иногда въ „цизис“ или въ „ціувис“; нѣжныя чувства выражаются тихимъ звукомъ „квирири“; пѣсенка ея, которая поется и въ сидячемъ положеніи, и при бѣганьи, и налету, и повторяется очень часто, хотя проста, но не непріятна. Трясогузка любитъ общество себѣ подобныхъ, но не прочь подразнить своихъ товарищей, играя гоняться за ними и даже вступать съ ними въ болѣе серьезную драку. Къ другимъ птицамъ она не обнаруживаетъ симпатіи, относится къ нимъ скорѣе враждебно, часто ссорится съ вьюрками, овсянками и жаворонками и задѣваетъ даже хищныхъ птицъ.

Всевозможныхъ насѣкомыхъ, ихъ личинки и куколокъ бѣлая трясогузка ищетъ на берегахъ водъ, въ илѣ, на камняхъ, въ кучахъ мусора, на крышахъ домовъ и въ другихъ мѣстахъ, съ быстротою молніи накидывается на добычу и увѣренно и неминуемо схватываетъ ее. Трясогузка отправляется слѣдомъ за земледѣльцемъ и подбираетъ насѣкомыхъ, которыя появляются на поверхности земли послѣ его работы; эту птицу всегда можно встрѣтить около стадъ рогатаго скота, а стада барановъ она не покидаетъ иногда цѣлыми днями. Осенью семьи трясогузокъ направляются каждый вечеръ къ прудамъ, поросшимъ тростникомъ, и ищутъ себѣ мѣстечко для ночлега между ласточками и скворцами. Затѣмъ всѣ семьи, живущія по сосѣдству, соединяются въ болѣе или менѣе многочисленныя стаи, такъ что на берегахъ рѣкъ число птицъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. Эти стаи сообща отправляются странствовать, въ теченіе дня перелетаютъ съ одного пастбища на другое или съ одного только что вспаханнаго поля на другое, причемъ слѣдуютъ направленію, въ которомъ совершается путешествіе, до наступленія темноты, затѣмъ поднимаются и съ громкимъ крикомъ улетаютъ къ юго-западу.

Еще милѣе и пріятнѣе бѣлой трясогузки прелестная горная трясогузка (Motacilla melanope). У самца весною верхняя часть тѣла пепельно-сѣрая, нижняя часть сѣрнисто-желтая, горло черное, отдѣленное бѣлой полоской отъ сѣрой окраски верхней части; другая бѣлая полоса проходитъ черезъ глазъ, по крыльямъ тянутся двѣ свѣтло-сѣрыя полоски.

Горная трясогузка водится во всей Европѣ, начиная съ южной Швеціи, въ бо́льшей части Азіи и въ нѣкоторыхъ горныхъ странахъ сѣверной, восточной и западной Африки, особенно въ горахъ Атласа, на Абиссинскомъ плоскогоріи и на плоскогоріяхъ западнаго берега Африки. Въ сѣверной Европѣ горная трясогузка — рѣдкое явленіе; но начиная съ средней Германіи къ югу она встрѣчается въ горахъ почти вездѣ, попадается уже почти у каждаго прозрачнаго ручья въ предгоріяхъ, изрѣдка селится на берегахъ такихъ же ручьевъ въ равнинѣ, а на югѣ встрѣчается лишь на сравнительно высокихъ горахъ. На Канарскихъ островахъ она встрѣчается часто.

Трудно найти птичку милѣе изящной, привлекательной горной трясогузки. Словно подпоясанная передничкомъ, она бродитъ вдоль края берега или въ мелкихъ мѣстахъ входитъ въ воду, тщательно остерегается, какъ бы не запачкать какой-нибудь части своего тѣла и при ходьбѣ раскачивается какъ танцовщица. Призывъ ея, издаваемый преимущественно налету и рѣже въ сидячемъ положеніи, очень похожъ на призывъ бѣлой трясогузки, такъ что для отличія одного вида отъ другого надо хорошо знать ихъ обѣихъ. Горная трясогузка также выводитъ птенцовъ весною, въ первый разъ въ апрѣлѣ, во второй разъ самое позднее въ іюлѣ.

Желтая плиска (Budytes flavus) считается представительницей рода плисокъ (Budytes) вслѣдствіе своего короткаго хвоста и шпорообразнаго когтя на заднемъ пальцѣ ноги. Длина ея въ среднемъ равняется 17 см. Верхняя часть головы, затылокъ и задняя часть шеи, кромѣ бѣлой полоски, проходящей черезъ глазъ, пепельно-сѣраго цвѣта, прочія верхнія части тѣла оливково-зеленыя, верхнія покровныя перья хвоста темнѣе, бока головы и шеи, а также нижнія части тѣла сѣрнисто-желтаго цвѣта, маховыя перья буровато-черныя, послѣднія большія маховыя перья снабжены желтовато-сѣровато-бѣлой каемкой, самыя большія верхнія кроющія перья оторочены точно такимъ же образомъ, такъ что образуется свѣтлая поперечная полоса; хвостовыя перья черныя, оба крайнихъ пера бѣлыя. Кольцо вокругъ глаза буровато-черное, клювъ и ноги черные.

Кромѣ желтой плиски, есть другія формы того же рода, которыя считаются нѣкоторыми естествоиспытателями за виды, другими — за разновидности. Рейхеновъ разсматриваетъ трясогузку съ колпачкомъ, полевую трясогузку и норвежскую плиску, какъ отдѣльные самостоятельные виды.

На всемъ сѣверѣ плиски являются лѣтними птицами; онѣ появляются гораздо позднѣе, чѣмъ бѣлыя трясогузки, самое раннее въ началѣ, а большею частью лишь къ концу апрѣля и даже въ первыхъ числахъ мая, а зимнее свое путешествіе предпринимаютъ въ августѣ, самое позднее въ сентябрѣ. Во время перелета ихъ можно видѣть въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ не выводятъ птенцовъ, такъ какъ каждое большое стадо скота привлекаетъ ихъ къ себѣ и часто приковываетъ къ одному мѣсту на цѣлый день. Птенцовъ онѣ выводятъ — не говоря уже о тундрахъ, гдѣ живутъ сотни тысячъ этихъ любителей болотъ, — въ сырыхъ мѣстностяхъ или въ низменностяхъ, отъ поры до времени заливаемыхъ водою. „Тамъ, гдѣ высиживаютъ своихъ птенцовъ плиски“, говоритъ Науманъ, „нельзя лѣтомъ встрѣтить ни полей кормовой или полевой рѣпы, ни сколько-нибудь значительныхъ посѣвовъ гороха, бобовъ или вики, ни клевернаго поля, ни открытаго, жирнаго луга, ни болотистаго пространства, лишеннаго деревьевъ и густо поросшаго травой, гдѣ не жило бы по крайней мѣрѣ нѣсколько этихъ птицъ. Иныя болотистыя мѣстности онѣ населяютъ въ невѣроятныхъ количествахъ. Въ топкихъ мѣстахъ, гдѣ кромѣ обилія зеренъ и жирныхъ полевыхъ плодовъ, есть вода, болота, камышъ и луга, на которыхъ пасется скотъ, плиски имѣютъ все, чего только могутъ пожелать, и потому въ такихъ мѣстностяхъ представляютъ собою явленіе весьма обыкновенное.“

Движенія ихъ болѣе похожи на движенія бѣлой трясогузки, чѣмъ на движенія горной трясогузки. Плиски хорошо бѣгаютъ, но особенно искусно летаютъ. Когда онѣ пролетаютъ небольшія разстоянія, то полетъ ихъ кажется почти что прыгающимъ, между тѣмъ какъ во время перелета онѣ несутся впередъ съ большой быстротой. Нерѣдко онѣ, порхая или покачиваясь, довольно долгое время держатся въ воздухѣ надъ однимъ и тѣмъ же мѣстомъ, и часто бросаются внизъ съ большой высоты, сложивъ крылья и падая почти вертикально на землю. Призывной голосъ ихъ — это свистящій звукъ вродѣ „бзіюб“ или „билиб“ или вродѣ нѣжнаго „зиб зиб“; предостерегающій звукъ у нихъ рѣзкое „зри“, звукъ, издаваемый въ періодъ спариванья — протяжное „цирр“. Пѣніе напоминаетъ пѣніе бѣлой трясогузки.

Гнѣздо устраивается на землѣ между травою, хлѣбными злаками или болотистыми растеніями, большею частью въ небольшомъ углубленіи, иногда между корнями. Тонкіе корешки, злаки, листья, сухіе листочки травы и зеленый земляной мохъ неплотно и незатѣйливо переплетаются, внутри гнѣздо выстилается тонкими травками, пухомъ чертополоха, шерстью, нѣсколькими конскими волосами и перьями. Яйца, числомъ 4—6, отличаются тонкой скорлупой и покрыты по грязновато-бѣлому или красноватому фону желтоватыми или буровато-сѣрыми, а также фіолетовыми крапинками и туманными разводами. Каждая парочка выводитъ птенцовъ только одинъ разъ въ годъ, а именно въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Самочка сидитъ на яйцахъ одна и черезъ 13 дней выводитъ птенцовъ. Оба родителя такъ сильно стараются оберегать свое потомство, что своимъ тревожнымъ крикомъ выдаютъ знатоку, гдѣ находится ихъ гнѣздо. Молодыя птицы

сначала искусно прячутся въ травѣ, но скоро выучиваются летать не хуже взрослыхъ. До отлета молодыя держатся вмѣстѣ со старыми; затѣмъ, въ одинъ прекрасный осенній день и старъ, и младъ улетаютъ въ свое зимнее путешествіе.

Тогда можно видѣть и слышать плисокъ вездѣ, гдѣ есть стада, и между прочимъ въ горахъ. Перелетъ повидимому совершается быстро. Многія зимуютъ уже въ Египтѣ; огромное же большинство забирается на зиму въ центральную Африку. Здѣсь во время зимнихъ мѣсяцевъ эти хорошенькія птички окружаютъ всякое стадо рогатаго скота, овецъ или козъ, даже всякаго верблюда, лошадь, мула или осла, а пастбища иногда буквально кишатъ плисками. Онѣ выбираются въ степь вслѣдъ за пасущимися коровами и вмѣстѣ съ ними возвращаются къ водопою.

Съ сѣверо-востока Европы не разъ залетала въ западную Европу, а также въ Германію одна изъ самыхъ красивыхъ трясогузокъ, пожалуй даже самая красивая, а именно желтоголовая плиска (Budytes citreolus). Она больше желтой плиски; длина ея 18 см. Ея голова и вся нижняя сторона тѣла, кромѣ бѣлыхъ нижнихъ покровныхъ перьевъ хвоста, яркаго лимонно-желтаго цвѣта, затылокъ и передняя часть спины черные, постепенно переходящіе въ аспидно-сѣрый цвѣтъ, какимъ отличается прочее опереніе, верхнія кроющія перья хвоста буровато-черныя.

*

Крупные южно-азіатскіе виды трясогузокъ относятся къ роду ласточковыхъ плисокъ (Enicurus), признаки которыхъ составляютъ сравнительно длинный, прямой клювъ, сильныя ноги съ высокою плюсной, короткія крылья и длинный, сильно раздвоенный хвостъ.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ это менинтингъ, какъ называютъ его малайцы (Enicurus leschenaulti). Верхняя сторона тѣла и крылья, передняя часть шеи и грудь темнаго бархатисто-чернаго цвѣта; темя, на которомъ перья удлиняются въ видѣ хохолка, основанія большихъ маховыхъ и ихъ покровныхъ перьевъ, образующихъ полулунообразную полосу на спинѣ, а также нижняя часть спины и брюшко — бѣлыя; маховыя перья черноватыя, хвостовыя перья, за исключеніемъ двухъ боковыхъ, совершенно бѣлыхъ, черныя съ широкимъ бѣлымъ пятномъ на концѣ. Клювъ черный, ноги желтыя. Длина 26—28 см.

„Эта птица“, говоритъ Бернштейнъ, „водится только въ горахъ Явы, богатыхъ ручьями и источниками, а также часто встрѣчается въ предгоріяхъ; ея родина — это поясъ отъ 500 до 1200 метровъ высоты. Здѣсь можно ее встрѣтить почти у каждаго ручья. Отъ воды она никогда далеко не уходитъ, но нерѣдко, направляясь вверхъ по теченію рѣки, углубляется въ первобытные лѣса, такъ что путникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ ее въ такихъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ не ожидалъ ея видѣть.

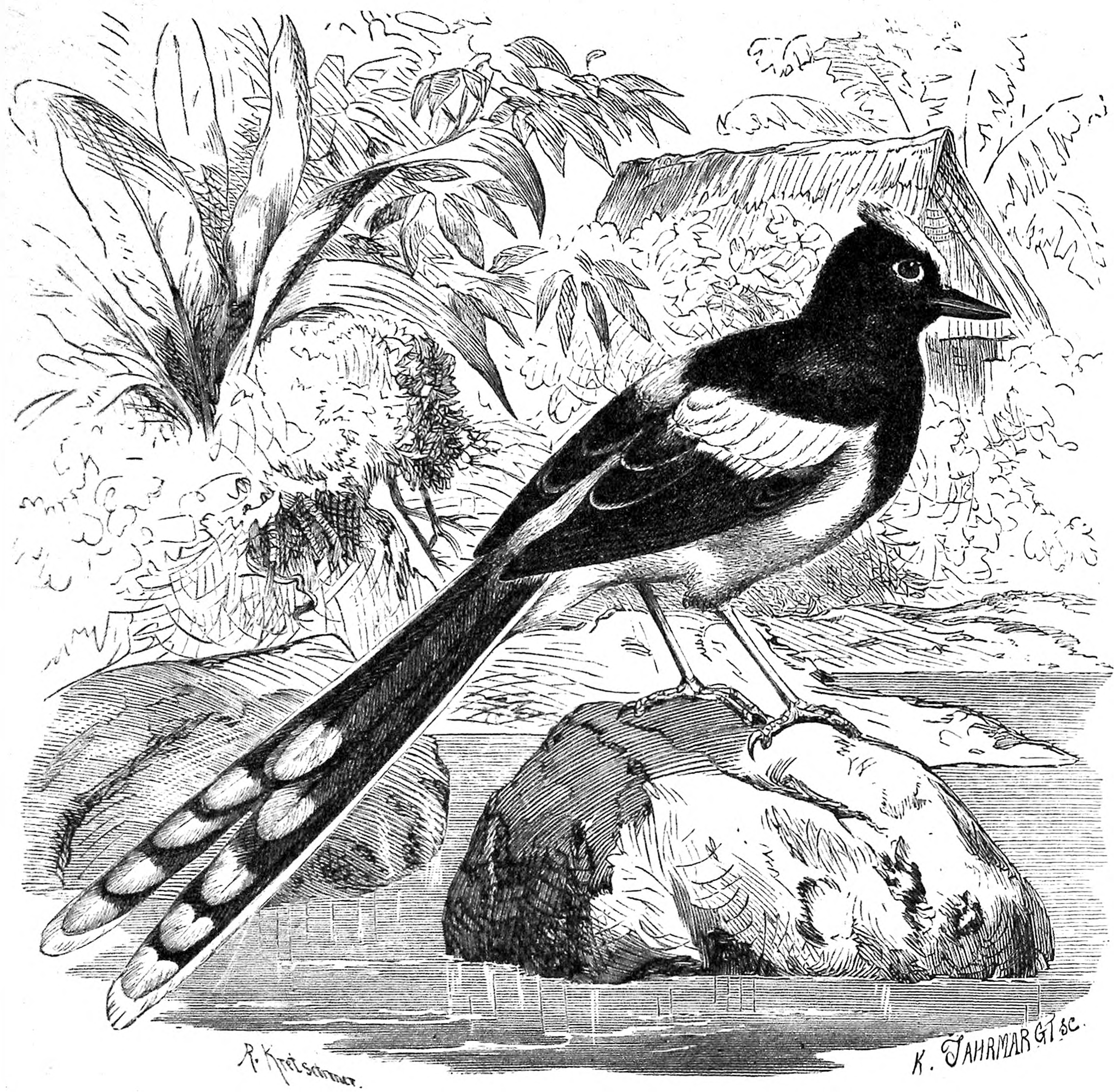
По своей любви къ водѣ менинтингъ напоминаетъ горную трясогузку, а окраска его оперенія напоминаетъ европейцу, попавшему на Яву, хорошо знакомую бѣлую трясогузку.“

*

Щеврицы (Anthus) могутъ считаться переходными формами отъ пѣвчихъ птицъ къ жаворонкамъ. Признаки ихъ слѣдующіе: стройное сложеніе, тонкій, прямой, узкій при основаніи, шилообразный клювъ съ втянутыми краями и съ небольшой выемкой передъ чуть-чуть согнутымъ внизъ кончикомъ верхней створки клюва, стройныя ноги съ слабыми пальцами, но съ большими когтями, изъ которыхъ одинъ, на заднемъ пальцѣ, удлиненъ въ видѣ шпоры, крылья средней длины. средней же длины хвостъ, гладкое опереніе землистаго или травянистаго цвѣта.

Этотъ родъ, въ которомъ насчитывается до 50-ти видовъ, распространенъ по всей землѣ. Всѣ щеврицы проводятъ бо́льшую часть своей жизни на землѣ и

только иногда садятся на деревья. Это подвижныя, рѣзвыя, проворныя птицы, которыя, шагая, быстро бѣгаютъ и при этомъ тихонько трясутъ хвостомъ; если приходится переправляться черезъ большія пространства, то онѣ летаютъ хорошо, быстро, легко и дугообразно, если же поднимаются на воздухъ для пѣнія, то порхаютъ или парятъ; онѣ издаютъ призывной пискъ и поютъ простую, но пріятную пѣсенку, ѣдятъ насѣкомыхъ, а именно жуковъ, моль, мухъ, клещей, мошекъ, тлей,

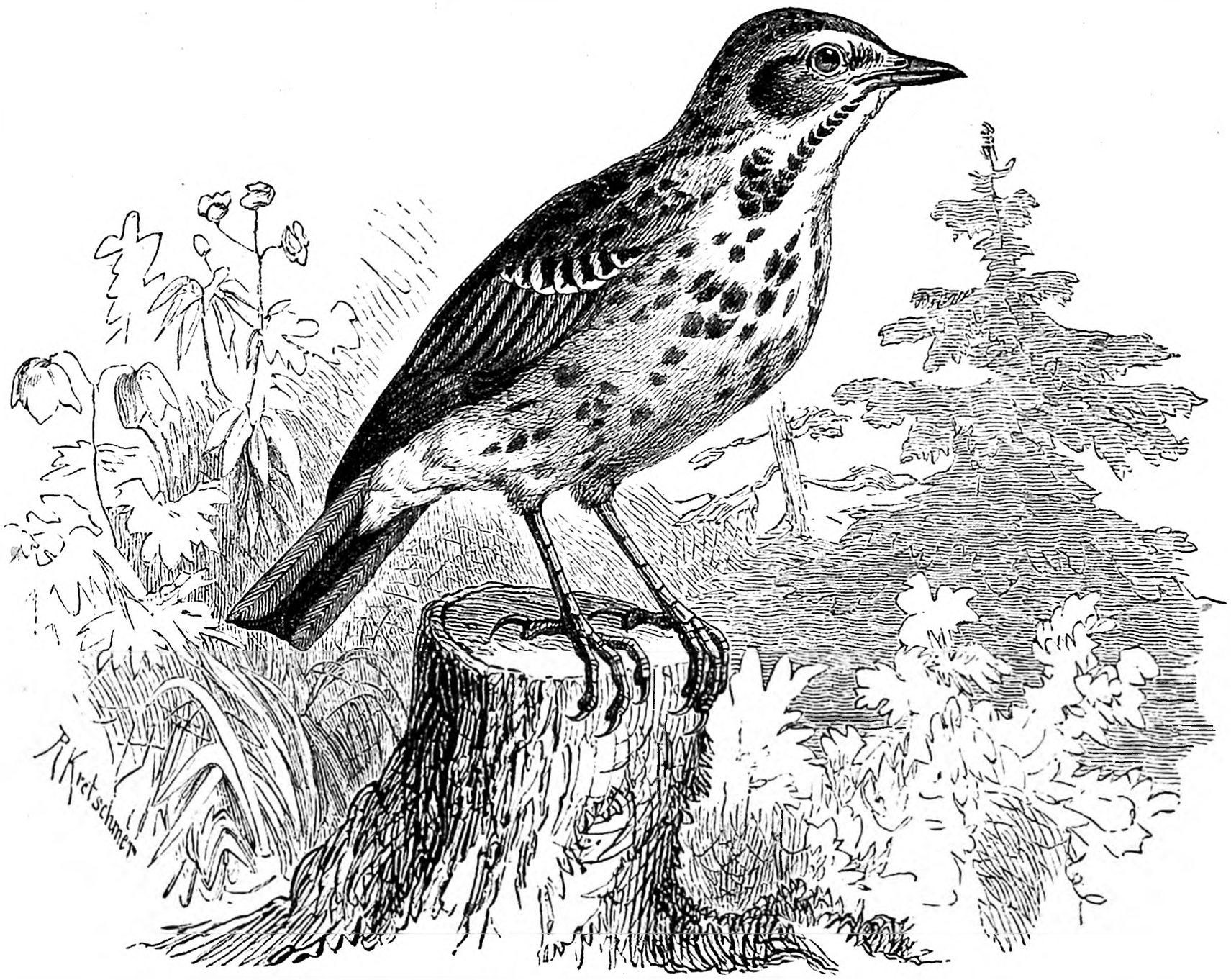
Меннитингъ (Enicurus leschenaulti). $^2/_3$ естеств. велич.

а также пауковъ, червей, мелкихъ водныхъ животныхъ, даже мелкія сѣмена, всегда подбираютъ ихъ съ земли и только въ видѣ исключенія налету гоняются за пролетающей добычей. Гнѣзда устраиваются на землѣ и сооружаются главнымъ образомъ изъ сухихъ злаковъ и корешковъ травы, которые не плотно сплетаются съ другими растительными веществами и выстилаются шерстью и волосами. Яйца покрыты по темному фону нѣжными расплывающимися пятнами, составленными изъ точекъ, крапинъ и черточекъ. Самочка повидимому одна сидитъ на яйцахъ; но оба родителя очень любятъ свое потомство. Большинство выводитъ птенцовъ болѣе одного раза въ годъ.

Наиболѣе извѣстный видъ этого рода представляетъ луговой конекъ (Anthus pratensis). Перья верхней части тѣла оливково-бурыя съ легкимъ

оливково-зеленымъ отливомъ и съ темно-бурыми неясными пятнами на стержняхъ; надхвостье окрашено ярче и однообразнѣе, полоска надъ глазами, щеки и нижнія части тѣла нѣжнаго ржаво-желтоватаго цвѣта, полоска подъ глазами и полоска, идущая къ бокамъ шеи, черныя; маховыя и хвостовыя перья темнаго оливково-бураго цвѣта, крайнія перья хвоста снаружи бѣлыя съ тусклыми концами. Глазное кольцо темно-бурое, верхняя часть бедра рогового бураго цвѣта, ноги буроватыя. Длина птицы 15 см.

Луговой конекъ выводитъ своихъ птенцовъ во всей сѣверной Европѣ и въ бо̀льшей части сѣверной Азіи, зимою же встрѣчается въ южной Европѣ, въ юго-западной Азіи и въ сѣверной Африкѣ. Въ Германіи онъ появляется, когда начинаетъ таять снѣгъ, обыкновенно уже въ началѣ марта, самое позднее въ половинѣ

Лѣсной конекъ (Anthus trivialis). $^2/_3$ естеств. велич.

апрѣля, и остается до ноября, даже до декабря. Онъ странствуетъ большими стаями, нерѣдко вмѣстѣ съ полевыми жаворонками, и путешествуетъ какъ днемъ, такъ и ночью.

Въ большой клѣткѣ очень хорошо можно держать лугового конька; онъ становится совсѣмъ ручнымъ и распѣваетъ довольно усердно.

Лѣсной конекъ (Anthus trivialis) очень похожъ на лугового конька, но немножко больше, клювъ его крѣпче, плюсна сильнѣе и коготь на заднемъ пальцѣ короче и болѣе загнутъ. Верхнія части тѣла покрыты по желтовато-буровато-сѣрому или грязно-маслянисто-зеленому фону болѣе темными продольными пятнами, нижняя часть спины и надхвостье почти одноцвѣтныя, глазная полоска, глотка, зобъ, бока груди, покровныя перья бедра и нижней части хвоста блѣдно-ржаво-желтыя, зобъ, верхняя часть груди и бока покрыты черными продольными пятнами, полоски на крыльяхъ и каемки перьевъ плеча свѣтлѣе, чѣмъ у лугового конька. Глаза карiе, клювъ чернаго рогового цвѣта, ноги красновато-рогового цвѣта. Длина 17 см.

Лѣтомъ лѣсному коньку даютъ пріютъ лѣсныя пространства Европы и Сибири, зимою — лѣса въ степяхъ Африки и нижнихъ Гималаевъ. Птенцовъ онъ

выводитъ на лѣсныхъ полянахъ, въ просѣкахъ, въ свѣжихъ прогалинахъ и въ другихъ мало заросшихъ мѣстахъ лѣса, а также въ такихъ мѣстахъ, которыя ежегодно заливаются водою. Въ средней Германіи лѣсной конекъ встрѣчается часто, и изъ году въ годъ число этихъ птицъ значительно увеличивается, мѣстами въ ущербъ лѣсному жаворонку. Нравами своими лѣсной конекъ напоминаетъ лугового конька, но не такъ много пребываетъ на землѣ. Пѣніе его лучше пѣнія другихъ щевриць; оно звонкое и пріятное, нѣсколько похожее на щелканье канарейки, и отличается полнотою и чистотою звуковъ, разнообразіемъ и постоянной смѣной мелодіи.

Плѣнные лѣсные коньки легко выдерживаютъ неволю, становятся чрезвычайно ручными и доставляютъ удовольствіе какъ изяществомъ своихъ движеній, такъ и своимъ превосходнымъ пѣніемъ.

У водяного конька (Anthus spipoletta) верхняя часть тѣла темнаго оливково-сѣраго цвѣта съ неясными черновато-сѣрыми продольными пятнами, нижняя часть тѣла грязновато или сѣровато-бѣлаго цвѣта, бока груди покрыты темными оливково-бурыми пятнами; за глазомъ проходитъ свѣтло-сѣрая полоска; на крыльяхъ — двѣ свѣтло-сѣрыя полосы. Глаза темно-каріе, клювъ чернаго рогового цвѣта, кончикъ нижней части клюва желтоватый, ноги темно-бурыя. Длина 18 см.

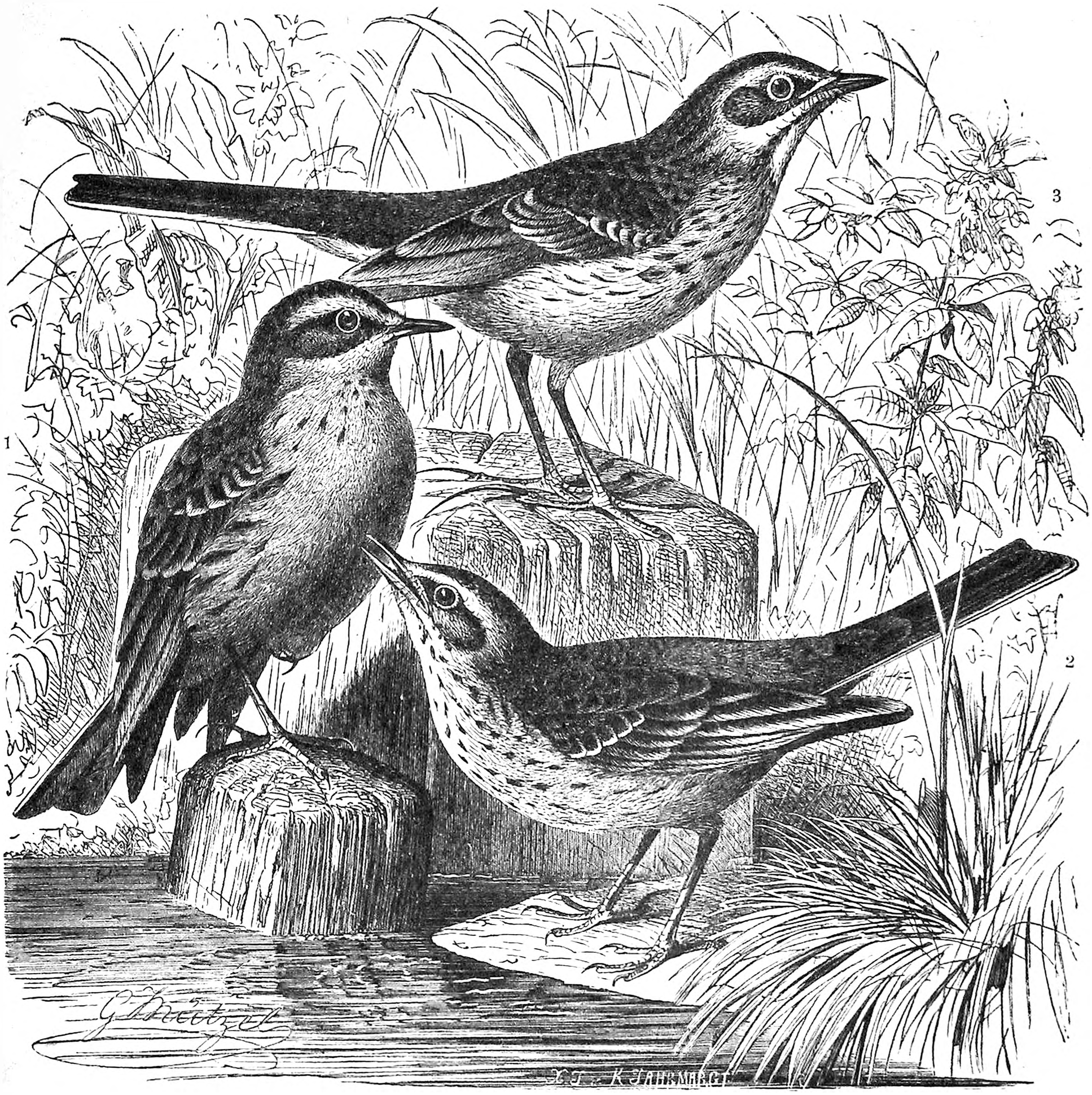
Хотя прочіе виды щевриць рѣшительно предпочитаютъ равнину и лишь изрѣдка селятся въ гористыхъ мѣстностяхъ, но водяной конекъ водится исключительно только въ горахъ. Эти птицы живутъ въ большомъ числѣ въ полосѣ кустарниковъ на Альпахъ, Карпатахъ, въ Шварцвальдѣ, въ Гарцѣ и въ Исполинскихъ горахъ и только во время перелета спускаются въ равнины. Въ Швейцаріи это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ альпійскихъ птицъ; Исполинскія горы населены цѣлыми тысячами водяныхъ коньковъ. По словамъ Чуди, водяные коньки, выводящіе птенцовъ на Альпахъ, часто сильно страдаютъ отъ суровой весенней погоды. „Въ иные годы поздно выпавшій снѣгъ покрываетъ гнѣздо съ яичками, сгоняетъ съ мѣста самку, сидящую на яйцахъ, нерѣдко убиваетъ ее или заставляетъ позднѣе свить себѣ гнѣздо въ другомъ мѣстѣ.“

Степной конекъ (Anthus campestris) отличается желтовато-сѣрой окраской верхней части тѣла, покрытой къ тому же неясными, темными, рѣдкими пятнами; нижняя часть тѣла у него тускло-желтовато-бѣлая, на зобу нѣсколько темныхъ пятенъ на стержняхъ; надъ глазомъ проходитъ свѣтло-желтая полоска; крылья снабжены двумя желтовато-бѣлыми полосами. Длина равняется 18 см.

Степной конекъ, кромѣ сѣверной тундры и Великобританіи, водится во всей Европѣ, въ средней и южной Азіи и въ сѣверной Африкѣ, не исключая и Канарскихъ острововъ. Онъ предпочитаетъ всякимъ другимъ мѣстностямъ сухія, каменистыя, пустынныя мѣста и потому чаще встрѣчается на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ Европы. Въ Германіи онъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается довольно часто, въ другихъ представляетъ собою крайне рѣдкое явленіе; въ плодородныхъ полосахъ онъ отсутствуетъ совершенно. Въ южной Европѣ степной конекъ появляется нѣсколько раньше, чѣмъ въ Германіи, въ Германію же прилетаетъ около половины апрѣля и уже въ августѣ готовится къ отлету.

Движеніями своими степной конекъ напоминаетъ столько же жаворонковъ, сколько и бѣлыхъ трясогузокъ. При бѣгѣ онъ держится почти горизонтально, часто трясетъ хвостомъ и по возможности старается укрыться за чѣмъ-нибудь; отъ поры до времени онъ появляется на высокомъ предметѣ, тамъ нѣсколько мгновеній отдыхаетъ, нѣсколько приподнявшись осматриваетъ кругомъ и затѣмъ продолжаетъ свой бѣгъ или улетаетъ по очень извилистой линіи. Голосъ степного конька уступаетъ голосу другихъ щевриць. Призывъ его звучитъ вродѣ „дилемм“ или „длемм“, нѣжность выражается звуками „критлин цирлюй“ и „цiир“, и эти же звуки составляютъ существенную часть его весьма простой пѣсенки.

Во время вывода птенцовъ каждая парочка ревниво охраняетъ и отстаиваетъ довольно большой участокъ. Въ этотъ періодъ самецъ часто показывается одинъ, садится на высокій камень, на уступъ скалы, на каменную стѣну, песчаный пригорокъ и т. п. или же на кустъ, даже на нижнія вѣтки дерева, поднимается въ косомъ направленіи на воздухъ, на высотѣ 30—50 метровъ начинаетъ дрожать и колебаться, неправильно летаетъ взадъ и впередъ и при этомъ то и дѣло издаетъ свое „цирлюй цирлюй“.

1) Шпорцевый конекъ (Anthus richardi), 2) Водяной конекъ (A. spipoletta), 3) Степной конекъ (A. campestris). $^2/_3$ естеств. велич.

Направляясь въ сѣверо-западную Африку, по сѣверной Германіи пролетаетъ родственный степному коньку шпорцевый конекъ (Anthus richardi). Это самая большая изъ щевриць, наблюдаемыхъ въ Германіи, и ее легко отличить отъ степного конька по очень длинному, почти прямому когтю на заднемъ пальцѣ. Длина шпорцеваго конька 20 см.

Родиной шпорцеваго конька служитъ степная область восточной Азіи, не исключая и сѣвернаго Китая. Отсюда эта птица каждую зиму улетаетъ на югъ и появляется въ южномъ Китаѣ и во всей Индіи. Та-же птица, впрочемъ, улетаетъ и въ направленіи къ западу и при этомъ быть можетъ ежегодно залетаетъ на всѣ принадлежащіе Германіи острова Нѣмецкаго моря, въ Данію, южную Швецію, Ве-

ликобританію, Голландію, западную Францію, Испанію, Португалію и сѣверо-западную Африку.

Тангары (Thraupinae) — это птицы величиной съ нашего воробья или немного больше, съ очень различнымъ, но всегда конусообразнымъ, слегка согнутымъ на гребнѣ клювомъ, съ короткой плюсной и тонкими пальцами, съ крыльями и хвостомъ средней длины. Опереніе довольно грубое, пестрое и яркое, большею частью синее, зеленое, красное, смѣшанное съ чернымъ и бѣлымъ, хоть такимъ образомъ бываютъ обыкновенно окрашены только самцы, между тѣмъ какъ опереніе самокъ тусклѣе и болѣе невзрачно.

За исключеніемъ четырехъ видовъ, живущихъ на сѣверѣ, всѣ тангары, въ числѣ 300 видовъ, живутъ въ Южной Америкѣ. Онѣ водятся главнымъ образомъ въ лѣсныхъ пространствахъ, нѣкоторые виды пребываютъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ, другіе въ низкомъ кустарникѣ. Онѣ рѣдко селятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ; но часто онѣ совершаютъ опустошительные набѣги на плантаціи и тогда становятся чрезвычайно непріятны. Въ лѣсу онѣ приводятъ въ восхищеніе наблюдателя, такъ какъ уже издали ихъ яркое опереніе бросается въ глаза, и онѣ являются великолѣпнымъ украшеніемъ высокихъ деревьевъ. Но красота ихъ перьевъ — это единственное, что въ нихъ есть привлекательнаго, ибо во всемъ прочемъ онѣ оказываются тихими и скучными созданіями. Дара пѣсенъ тангары лишены совершенно; онѣ едва способны издавать нѣсколько почти совсѣмъ безсвязныхъ звуковъ. Только немногія тангары, какъ говорятъ, умѣютъ тихо пѣть.

Пища ихъ разнообразна; но главный кормъ ихъ, повидимому, составляютъ ягоды или небольшіе мягкіе, сочные, сладкіе и мучнистые мясистые плоды. Многія наряду съ плодами поѣдаютъ также насѣкомыхъ, а нѣкоторые роды питаются исключительно сухими сѣменами.

Въ неволѣ держатъ лишь немногіе виды, и ни одинъ изъ нихъ не пользуется любовью человѣка.

*

Укажемъ на два вида тангаръ въ тѣсномъ смыслѣ (Thraupis), какъ на представителей подсемейства.

Наиболѣе часто встрѣчается, наиболѣе распространена и потому представляетъ собою наиболѣе извѣстный видъ рода красная тангара (Thraupis rubra). Длина ея 17 см. Свадебная одежда самца яркаго алаго цвѣта, за исключеніемъ черныхъ крыльевъ, черныхъ маховыхъ перьевъ, снабженныхъ бѣлой внутренней каемкой, рулевыхъ и бедренныхъ перьевъ, а также бѣлыхъ среднихъ и нижнихъ кроющихъ перьевъ крыла. Вскорѣ послѣ періода выниванья самецъ лишается своей великолѣпной одежды и облекается въ простую одежду самки, которая окрашена въ верхнихъ частяхъ въ зеленый цвѣтъ, сходный съ цвѣтомъ чижа, а внизу бываетъ желтовато-зеленаго цвѣта.

Съѣдобная тангара (Thraupis aestiva) нѣсколько больше своей родственницы. Длина ея 19 см. Опереніе нижней части тѣла ярко-пурпурово-красновато-розовое, опереніе верхней части такого же цвѣта, но нѣсколько темнѣе; бурыя маховыя и рулевыя перья снабжены розовыми наружными и буровато-бѣлыми внутренними каемками. Самка оливково-зеленая, голова и шея съ буроватымъ налетомъ, нижняя часть тѣла желтаго цвѣта, вдоль средины груди и брюшка съ красноватымъ отливомъ.

По образу жизни обѣ красныя тангары похожи другъ на друга. Онѣ населяютъ богатые разнообразными видами деревьевъ величественные лѣса Сѣверной Америки и живутъ здѣсь тихо и уединенно, бо́льшею частью парами. Обыкновенно ихъ можно видѣть высоко на верхушкахъ деревьевъ. „Когда весною“, разсказываетъ принцъ фонъ Видъ, „мы снова спускались по Миссури и въ маѣ мѣ-

сяцѣ добрались до большихъ замкнутыхъ лѣсныхъ пространствъ нижняго теченія рѣки, то бродили по этимъ высокимъ и густымъ борамъ изъ разнообразныхъ видовъ деревьевъ, гдѣ царила глубокая тишина и слышались разные незнакомые птичьи голоса. Среди многочисленныхъ птицъ мы часто видѣли на верхушкахъ самыхъ высокихъ деревьевъ красную тангару, сіявшую при солнечномъ свѣтѣ и великолѣпно выступавшую на голубомъ небѣ, и это зрѣлище приводило насъ въ восхищеніе". Нерѣдко тангары приближаются къ жилищамъ плантаторовъ и забираются даже въ сады, обыкновенно въ качествѣ непрошенныхъ гостей, и собираютъ свою пошлину съ ягодъ, плодовъ, а также съ коробочекъ льна. Онѣ нигдѣ не встрѣчаются часто, но вездѣ замѣтны; съѣдобная тангара извѣстна во всей Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ она пребываетъ около четырехъ мѣсяцевъ въ году; она появляется тамъ въ маѣ и улетаетъ въ серединѣ сентября.

Вильсонъ разсказываетъ очень милую исторію о родительской любви этихъ птицъ. „Однажды я поймалъ молодую красную тангару, покинувшую свое гнѣздо только за нѣсколько дней до этого. Я унесъ ее съ собою за полмили, посадилъ въ клѣтку и повѣсилъ въ саду недалеко отъ гнѣзда обыкновенной иволги, въ которомъ были птенцы, и надѣялся, что иволга приметъ участіе въ новоприбывшей птицѣ. Но, несмотря на жалобный крикъ бѣдной сироты, никто не обращалъ на нее вниманія. Изъ моихъ рукъ она корму не брала, и я хотѣлъ было уже отнести ее обратно на то мѣсто, гдѣ поймалъ. Но подъ вечеръ я увидѣлъ, какъ какая-то красная тангара, безъ сомнѣнія одинъ изъ родителей кружится вокругъ клѣтки и всячески старается проникнуть туда. Понявъ, что это невозможно, старая птица улетѣла, но скоро вернулась съ кормомъ въ клювѣ. Это продолжалось до заката солнца; затѣмъ старая птица усѣлась на одной изъ верхнихъ вѣтокъ дерева. На разсвѣтѣ она принялась за ту же дѣятельность, какъ и наканунѣ и продолжала ее до вечера, не смотря на нападки иволги. На 3-й и 4-й день старая тангара на всѣ лады старалась освободить молодую птицу, и издавала всевозможные крики страха и нѣжности, чтобы побудить молодую птицу придти на зовъ. Этого уже не могъ равнодушно перенести наблюдатель: онъ освободилъ плѣнника, который полетѣлъ къ своему родителю, и старая птица съ громкими криками радости увлекла его съ собой въ свои родные лѣса!"

Въ неволѣ этихъ тангаръ можно поддерживать зернами и плодами. Но онѣ не доставляютъ никакого удовольствія своимъ обладателямъ; онѣ слишкомъ тихи и спокойны, и пѣніе ихъ слишкомъ незначительно, такъ что человѣкъ врядъ-ли можетъ восхищаться такими комнатными животными.

*

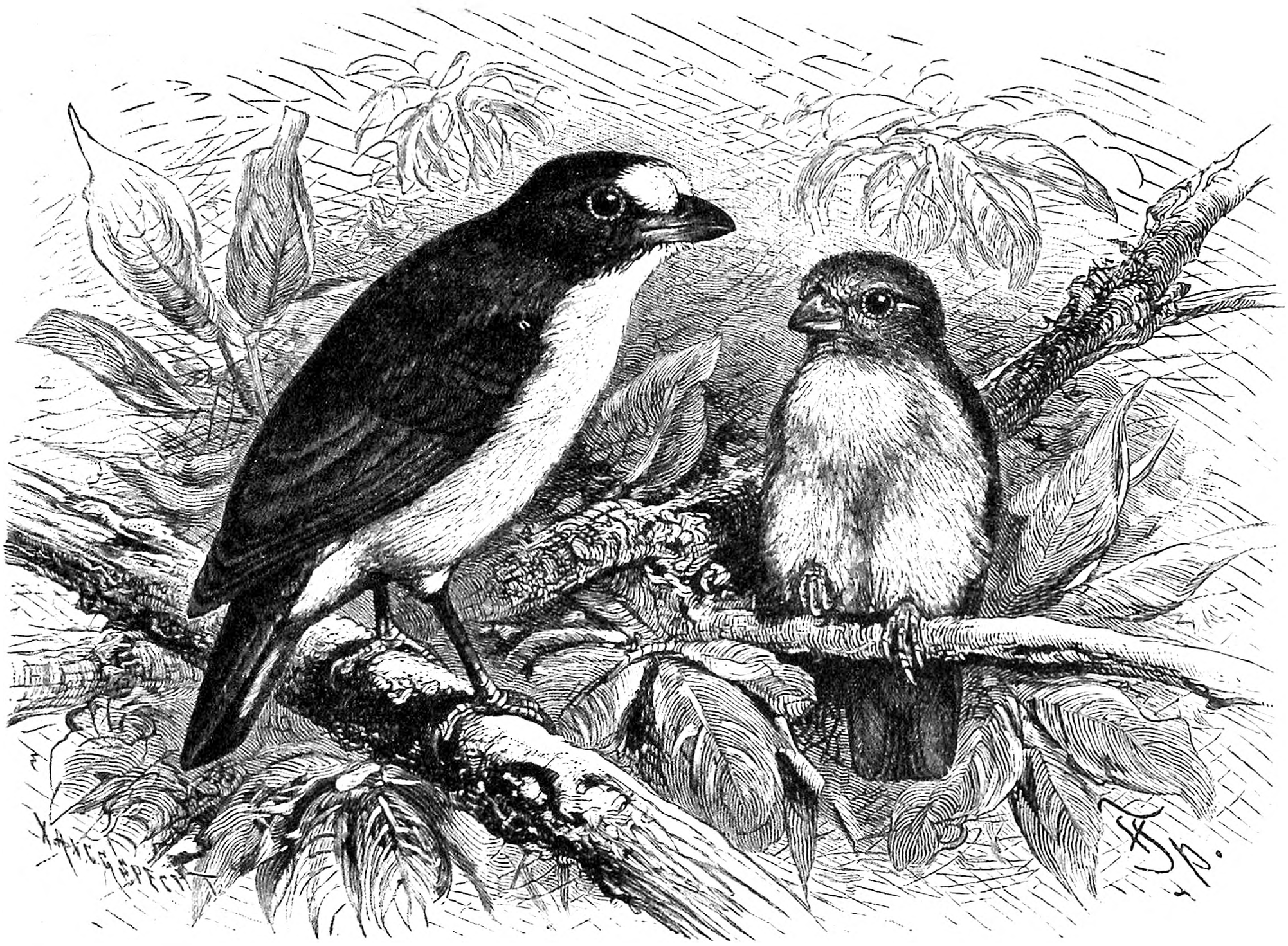
Второй видъ тангаръ составляютъ органисты (Euphonia). Это небольшія птицы съ толстой головой, крѣпкимъ клювомъ, мелко зазубреннымъ на концѣ верхней створки; клювъ ихъ отличается еще тѣмъ, что онъ у основанія широкій и высокій; спереди болѣе сжатъ, съ боковъ и по краямъ не выступаетъ, а втянутъ. Крылья короткія; три первыхъ маховыхъ пера одинаковой длины. Хвостъ очень маленькій, короткій и съ узкими перьями. Оперенie у самца на спинѣ преимущественно стального синяго или зеленаго цвѣта, у самки всегда оливково-зеленое, на брюшкѣ обыкновенно болѣе яркаго желтаго или блѣдно-зеленаго цвѣта, чѣмъ на верхней части тѣла. При анатомированьи этихъ птицъ обнаружена удивительная особенность ихъ. У нихъ нѣтъ настоящаго желудка, а на концѣ зѣва находится лишь веретенообразное расширенie, похожее на зобъ.

По словамъ Бурмейстера, органисты живутъ одиноко въ густомъ лѣсу, питаются мелкими многосѣмянными ягодами, обладаютъ пріятнымъ чрезвычайно мелодичнымъ голосомъ съ „настоящими модуляціями октавы", поютъ часто, гнѣздятся въ густомъ кустарникѣ и кладутъ очень длинныя блѣдно-красноватыя яйца съ красно-бурыми крапинками на тупомъ концѣ.

Достаточно будетъ указать на одинъ видъ этого рода, а именно на живущаго въ Бразиліи и Гвіанѣ фіолетоваго органиста или гуттараму

(Euphonia violacea). Длина этой птицы 10 см. У самца лобъ и вся нижняя часть тѣла цвѣта яичнаго желтка, верхняя часть тѣла начиная ото лба фіолетово-стальнаго синяго цвѣта, переходящаго въ мѣдно-зеленый на кроющихъ перьяхъ крыла и на краяхъ маховыхъ перьевъ, при основаніи снабженныхъ бѣлой внутренней каемкой; хвостовыя перья наверху стальнаго сине-зеленаго цвѣта, внизу черныя, оба наружныхъ пера съ каждой стороны имѣютъ бѣлое внутреннее опахало. Самочка тускло оливково-зеленаго цвѣта, нижняя часть ея тѣла желтовато-сѣрая; маховыя и хвостовыя перья сѣровато-бурыя.

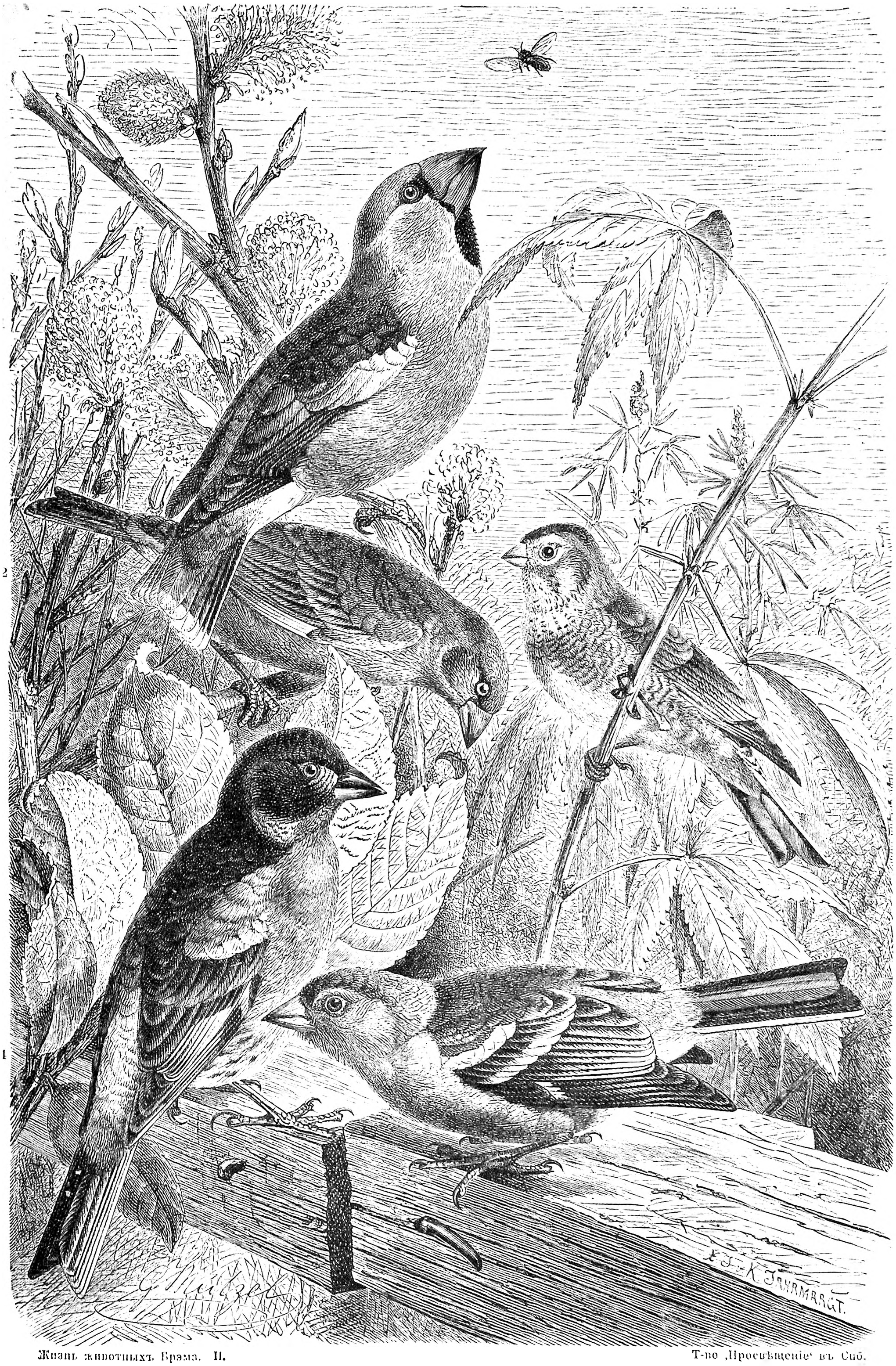
Объ образѣ жизни этой птицы мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія, хотя ее часто держатъ въ клѣткѣ. Фіолетовый органистъ-очень милое, живое, подвижное созданіе, ловко прыгающее на верхушкахъ деревьевъ, быстро летающее и часто

Фіолетовый органистъ (Euphonia violacea). Естеств. велич.

издающее свой короткій мелодичный призывъ. Пищу его составляютъ различные плоды; особенно же сильно портитъ онъ апельсины, бананы и гуявы. Отъ прочихъ тангаръ органисты отличаются не только своей подвижностью, но и своимъ пріятнымъ пѣніемъ, которое состоитъ изъ ряда отрывочныхъ тоновъ и связывающихъ ихъ жужжащихъ или трескучихъ звуковъ; поютъ эти птицы тихо, но усердно и издаваемые ими звуки пріятно дѣйствуютъ на слухъ.

Семейство вьюрковъ (Fringillidae) обнимаетъ собою приблизительно 600 видовъ, распространенныхъ по всѣмъ частямъ свѣта, за исключеніемъ Австраліи. У принадлежащихъ къ этому семейству воробьиныхъ птицъ клювъ конусообразный, различной толщины, при основаніи снабженный болѣе или менѣе замѣтнымъ утолщеніемъ, верхняя створка клюва обыкновенно немного длиннѣе нижней и загибается надъ нижней въ видѣ слегка изогнутаго крючка, а въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ скрещивается съ нижней створкой; края клюва до угловъ рта втянуты, ноги умѣренной длины, большею частью съ короткими пальцами, обык-

Вьюрки.

1) Дубонос. 2) Зеленушка. 3) Коноплянка. 4) Зяблик. 5) Вьюрок.

новенно снабженными слабыми когтями, плюсна сзади покрыта сплошными чешуйками; большихъ маховыхъ перьевъ всегда девять, крылья однако бываютъ различной длины, хвостъ самое большее средней длины, перья за немногими исключеніями плотно прилегаютъ къ тѣлу и большею частью значительно разнятся по окраскѣ, въ зависимости отъ пола и возраста, иногда же совсѣмъ не различаются въ этомъ отношеніи.

Въ указанныхъ предѣлахъ вьюрки водятся во всѣхъ поясахъ широты и долготы, во всѣхъ мѣстностяхъ, начиная отъ морского берега и кончая высочайшими вершинами горъ, живутъ какъ на уединенныхъ островахъ, такъ и въ многолюдныхъ городахъ, какъ въ пустынѣ, такъ и въ лѣсу, какъ на голыхъ скалахъ, такъ и на пространствахъ, поросшихъ всевозможными растеніями. Многіе изъ сѣверныхъ видовъ принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ, виды же, живущіе на югѣ умѣреннаго пояса и въ экваторіальныхъ странахъ — всѣ безъ исключенія осѣдлыя птицы; но многіе изъ тѣхъ видовъ, которые лѣтомъ находятъ себѣ пропитаніе и сооружаютъ свои гнѣзда въ областяхъ, покрытыхъ льдомъ, не покидаютъ этихъ областей даже въ самыя суровыя зимы. Странствующіе виды вьюрковъ появляются во время таянія снѣга и покидаютъ родину только съ водвореніемъ зимы.

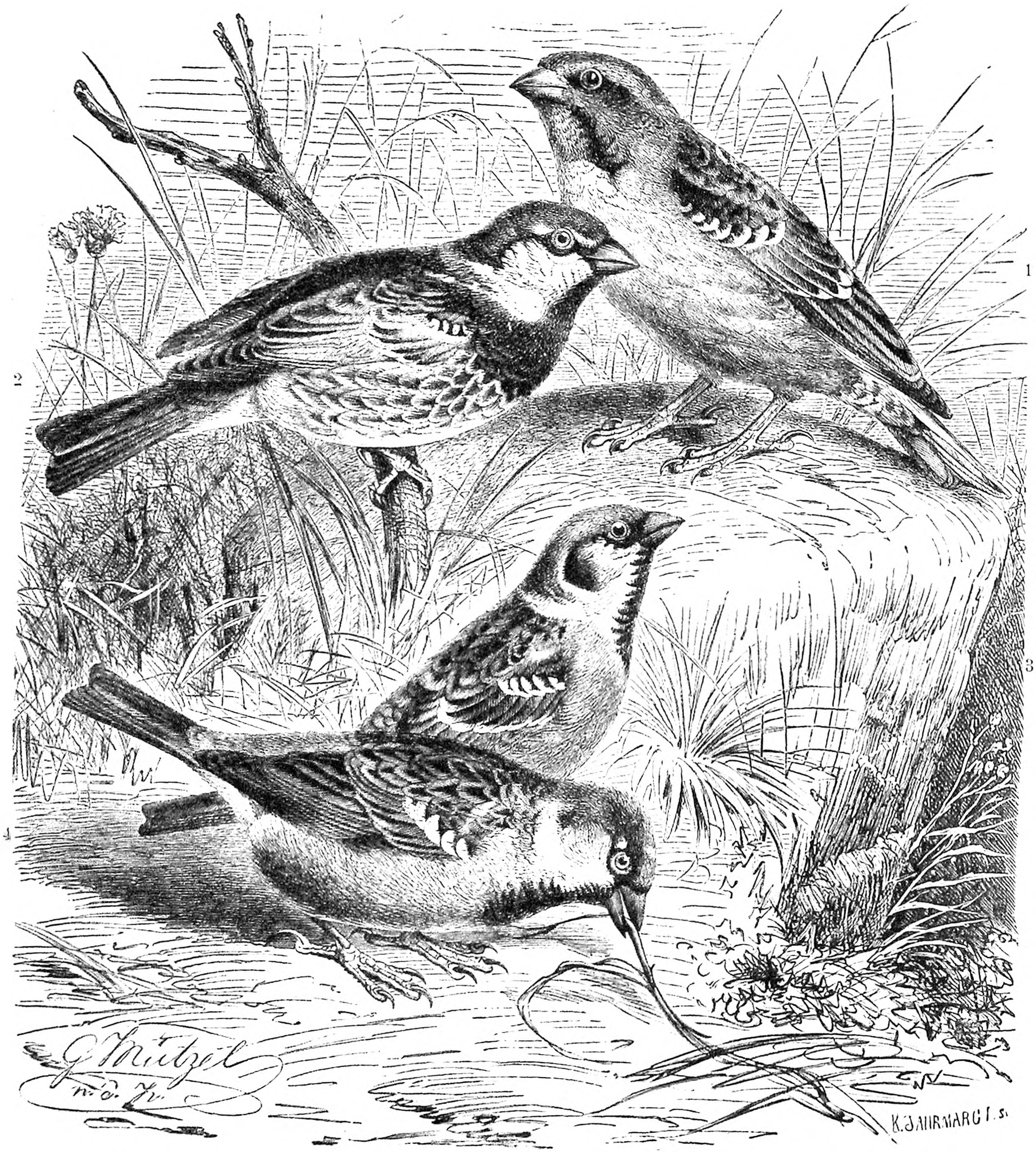
Всѣ вьюрки относятся къ хорошо одареннымъ воробьинымъ птицамъ, хотя народныя поговорки и гласятъ о нихъ иное. Вьюрки очень ловко бѣгаютъ или вѣрнѣе прыгаютъ, хорошо летаютъ и большею частью пріятно, а иногда и превосходно поютъ; органы внѣшнихъ чувствъ у нихъ развиты хорошо, а душевныя способности по меньшей мѣрѣ не уступаютъ способностямъ другихъ воробьиныхъ птицъ, а потому вьюрки умѣютъ извлекать для себя пользу изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Большинство вьюрковъ хорошо уживаются въ обществѣ; многіе же мирно живутъ между собою только осенью и зимою, тогда какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высиживаются птенцы, ссоры никогда не прекращаются. Сѣмена самыхъ разнообразныхъ растеній, а среди лѣта — насѣкомыя составляютъ пищу вьюрковъ, причемъ молодыхъ птицъ кормятъ преимущественно насѣкомыми; одновременно и въ сѣменахъ, и въ насѣкомыхъ рѣдко ощущается недостатокъ, а если это и случается, то общая нужда заставляетъ птицъ тѣснѣе сплотиться. Почти всѣ виды вьюрковъ сооружаютъ изъ различныхъ растительныхъ и животныхъ веществъ тщательно свитыя гнѣзда съ толстыми стѣнками, изящно отдѣланныя какъ снаружи, такъ и внутри, и тщательно устланныя; птенцовъ они высиживаютъ дважды въ годъ, нѣкоторые вьюрки даже трижды кладутъ 5—8 яицъ, покрытыхъ по свѣтлому фону болѣе темными крапинками и разводами, выводятъ слѣдовательно многочисленное потомство, и такимъ образомъ возмѣщаютъ тѣ массы вьюрковъ, которыя погибаютъ отъ разныхъ хищныхъ животныхъ. Человѣкъ иногда является также врагомъ вьюрковъ, спасая отъ нихъ свои посѣвы; но въ общемъ къ этимъ птицамъ относятся довольно хорошо, да и вредъ онѣ приносятъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и временно, зато приносятъ значительную пользу и къ тому же доставляютъ удовольствіе своею живостью и своимъ пріятнымъ пѣніемъ, на которое не скупятся. Благодаря своей непритязательности и легкости, съ какою они становятся ручными, вьюрки болѣе другихъ птицъ того же отряда годится для жизни въ клѣткѣ. Одинъ видъ ихъ, а именно общеизвѣстная канарейка, сдѣлалась даже настоящимъ домашнимъ животнымъ по всей землѣ и оживляетъ своимъ пріятнымъ пѣніемъ какъ самую уединенную хижину, такъ и комнатку рабочаго подъ крышей.

Первое подсемейство вьюрковъ составляютъ настоящіе вьюрки (Fringillinae).

*

Воробьи (Passer) представляютъ собою вьюрковъ съ крѣпкимъ сложеніемъ и короткимъ тѣломъ; клювъ у нихъ средней длины, крѣпкій, ноги плотныя, крылья тупыя, причемъ 2—4 маховыхъ пера образуютъ остріе ихъ, хвостъ короткій или самое большее средней длины, съ небольшой выемкой на концѣ, оперенье обильное.

Наиболѣе извѣстный видъ — это домашній воробей (Passer domesticus). Передняя часть головы и середина темени у него буровато-сѣрыя, перья на концѣ снабжены расплывчатыми, красновато-бурыми каемками, широкая полоса, идущая отъ глаза черезъ бока висковъ и шеи и доходящая до затылка, и самый затылокъ каштаново-бураго цвѣта, спина и плечи свѣтлѣе съ широкими черными продольными полосками; маленькое пятнышко у задняго края глаза, щеки,

1) Каменный воробей (Passer petronius), 2) Испанскій воробей (Passer hispaniolensis), 3) Красноголовый воробей (Passer montanus), 4) Домашній воробей (Passer domesticus). $^1/_2$ естеств. велич.

мѣста около ушныхъ отверстій и верхніе бока шеи бѣлаго цвѣта; уздечка, края глазъ и углы рта, а также большое щитовидное пятно, покрывающее подбородокъ, горло и часть головы — черные, прочія нижнія части тѣла бѣлыя, по бокамъ пепельно-сѣрыя, маховыя перья черно-бурыя съ ржаво-бурыми наружными каемками; верхнія кроющія перья крыла каштаново-бурыя, причемъ перья самаго большого ряда при основаніи черныя, а на концахъ бѣлыя, вслѣдствіе чего образуется поперечная полоска на крылѣ; хвостовыя перья, наконецъ темно-бурыя. Глаза каріе, клювъ черный, зимою свѣтло-сѣрый съ темнымъ кончикомъ, ноги желтовато-буроватыя. У самки верхнія части тѣла ржаво-желтовато-сѣровато-бурыя, спина черная съ продольными полосками, полоска, идущая отъ края глаза и

проходящая черезъ виски, ржаво-желтовато-бѣлая; щеки, бока шеи и нижнія части тѣла сѣровато-буроватыя; подбородокъ, грудь, середина брюшка и задъ свѣтлѣе, скорѣе грязновато-бѣлаго цвѣта, нижнія кроющія перья хвоста желтовато-сѣровато-ржаво-буроватыя. Клювъ рогового буроватаго цвѣта. Молодыя птицы похожи на самку. Длина домашняго воробья 16 см.

Домашняго воробья В. Маршаллъ называетъ „послѣдователемъ культуры“. „Самая популярная въ Германіи дикая птица“, пишетъ этотъ естествоиспытатель, „поселилась въ Германіи сравнительно недавно. Домашній воробей составляетъ такую же неотъемлемую принадлежность хлѣбопашества, какъ хомякъ; въ Сибири домашній воробей появился лишь въ прошломъ столѣтіи послѣ того, какъ русскіе начали сѣять культурные злаки; въ Норвегіи онъ доходитъ до 66°, до котораго распространено земледѣліе, въ Архангельскѣ его еще нѣтъ; лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ началъ появляться въ нѣкоторыхъ деревняхъ Тюрингенскаго лѣса, но прочно основался еще не во всѣхъ; въ точно такомъ же положеніи находится онъ на Гебридскихъ островахъ; въ 1864 г. онъ жилъ еще не во всѣхъ возвышенныхъ мѣстностяхъ Шварцвальда. Но домашній воробей всюду старается слѣдовать за человѣкомъ. Совершенно вѣрно говоритъ М'Гилливрей: „Городокъ безъ воробьевъ производитъ столь же грустное впечатлѣніе, какъ домъ безъ дѣтей, и большое количество воробьевъ въ одной мѣстности свидѣтельствуетъ о ея благосостояніи, ибо гдѣ нечѣмъ хорошо прокормиться, тамъ нечѣмъ и побираться.“

„По ту сторону Альпъ домашній воробей встрѣчается въ видѣ различныхъ породъ, болѣе или менѣе отличающихся отъ основного типа и другъ отъ друга; разница, впрочемъ, заключается въ усиленіи нѣкоторыхъ цвѣтовыхъ контрастовъ у самцовъ, но не у самокъ, въ нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненіяхъ соотношеній тѣла и въ нѣсколько видоизмѣненныхъ привычкахъ. Двѣ главныя породы уже поспѣшили выдѣлить въ отдѣльные виды, а именно испанскаго и итальянскаго воробья, и распространеніе какъ того, такъ и другого весьма интересно.

„Испанскій воробей, начиная съ Сиріи, водится по всѣмъ южнымъ побережьямъ Средиземнаго моря, въ Египтѣ и въ сѣверной Африкѣ, отсюда забирается въ Испанію, Сицилію и Сардинію, но не залетаетъ на итальянскій материкъ. Изъ такого страннаго распространенія пожалуй можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: виды хлѣбныхъ растеній, особенно пшеница, вѣроятно родомъ изъ западной части средней Азіи, гдѣ вѣроятно впервые появились родоначальники домашняго воробья. Земледѣліе вмѣстѣ съ человѣкомъ или вслѣдъ за нимъ направлялось къ западу — сначала въ древнія культурныя страны сѣверной Африки, отсюда, вѣроятно вмѣстѣ съ финикійскими народами, на Иберійскій полуостровъ, а также на Сицилію и Сардинію. По этому древнѣйшему пути ввоза хлѣба съ древнѣйшихъ временъ слѣдовалъ и воробей, который, поставленный въ новыя условія и отрѣзанный отъ первоначальной формы, обратился въ „испанскаго воробья“. Гораздо позднѣе, вслѣдъ за греко-италійскими народами, земледѣліе появилось на среднемъ изъ южно-европейскихъ полуострововъ и вмѣстѣ съ ними водворился тамъ „итальянскій домашній воробей, который распространился также въ Малой Азіи, въ Сициліи и въ Провансѣ, и въ двухъ послѣднихъ странахъ встрѣтился съ испанскимъ воробьемъ. Онъ также въ теченіе многихъ столѣтій нѣсколько уклонялся отъ первоначальной формы, но далеко не въ такой степени, какъ въ теченіе гораздо болѣе долгаго періода, — его юго-западный собратъ. Третій путь на западъ воробью проложили значительно позднѣе земледѣльческіе народы, населившіе Европу сѣвернѣе Альпъ: тутъ воробей появился всего позднѣе и вполнѣ еще сходенъ съ первоначальной формой, такъ что въ настоящее время эта форма, кромѣ южной Индіи и Цейлона, куда ее вѣроятно перенесли люди, Явы, Новой Зеландіи и сѣверной Америки, куда люди безъ всякаго сомнѣнія перенесли ее, населяетъ огромную область, начиная съ сѣверной Индіи, всю Азію и предъальпійскую Европу до тѣхъ предѣловъ, до какихъ доходитъ земледѣліе.“

Замѣчательно, что воробей вездѣ, гдѣ онъ ни водится, живетъ въ самой тѣсной близости съ человѣкомъ. Онъ живетъ и въ многолюдной столицѣ, и въ глухой деревнѣ, если только она окружена хлѣбными полями; его нѣтъ только въ нѣ-

которыхъ лѣсныхъ деревушкахъ, за переселенцемъ онъ слѣдуетъ во всѣ страны Азіи, гдѣ раньше не водился; улетая съ кораблей, селится на островахъ, гдѣ прежде былъ неизвѣстенъ, и на развалинахъ разрушенныхъ мѣстечекъ остается въ качествѣ свидѣтеля былыхъ болѣе счастливыхъ дней. Будучи осѣдлой птицей въ полномъ смыслѣ этого слова, воробей не улетаетъ за предѣлы города или за границу полей, окружающихъ мѣстечко, въ которомъ родился, но въ новооснованной деревнѣ или въ новомъ домѣ поселяется тотчасъ же и иногда предпринимаетъ для развѣдокъ путешествія въ мѣстности, лежащія внѣ области его распространенія. Такъ, близъ Варангеръ-фіорда почти ежегодно появляются парочки воробьевъ, летаютъ взадъ и впередъ, посѣщаютъ всѣ жилища, но затѣмъ безслѣдно исчезаютъ, находя эту мѣстность негостепріимной. Отличаясь въ высшей степени общественнымъ характеромъ, воробьи только въ періодъ вывода птенцовъ раздѣляются на пары, причемъ однако не разстаются со своимъ обществомъ. Часто одна парочка выводитъ птенцовъ возлѣ другой, и самцы, несмотря на присущую имъ ревность, ищутъ общества себѣ подобныхъ даже въ то время, пока самка сидитъ на яйцахъ. Молодыя птицы, покинувъ гнѣздо, тотчасъ же соединяются въ шайки съ другими, и шайки эти скоро разрастаются въ стаи. Какъ только старики покончатъ съ выводомъ птенцовъ, они также присоединяются къ этимъ стаямъ и раздѣляютъ съ ними радость и горѣ. Пока на поляхъ есть зерна или вообще пока еще есть зелень на деревьяхъ, воробьи ежедневно или по нѣскольку разъ въ день цѣлыми толпами отправляются изъ деревни въ поле искать корму, но послѣ всякой подобной экскурсіи снова возвращаются въ деревню. Здѣсь они отдыхаютъ послѣ обѣда въ густой листвѣ на верхушкахъ деревьевъ или еще охотнѣе въ жилыхъ изгородяхъ, и сюда же слетаются по вечерамъ съ громкимъ крикомъ, гамомъ и ссорами, спускаясь или на густую листву деревьевъ, или, въ болѣе позднее время, собираясь въ сараяхъ, овинахъ и другихъ строеніяхъ, которые должны служить имъ ночлегомъ. Зимою они устраиваютъ себѣ настоящія постели, а именно мягко и тепло выстилаютъ себѣ гнѣзда, куда забираются, чтобы защитить себя отъ холода. Съ тою же цѣлью другіе воробьи избираютъ себѣ для ночлега дымовыя трубы, нисколько не заботясь о томъ, что отъ дыму перья ихъ покрываются сажей и чернѣютъ.

Какъ ни неуклюжъ на первый взглядъ воробей, но способности у него хорошія. Онъ прыгаетъ неуклюже, но все-таки довольно быстро, летаетъ съ трудомъ, производя крыльями движенія, употребляемыя при порханіи, пролетаетъ большія разстоянія, описывая при этомъ плоскія дуги, мѣньшія разстоянія пролетаетъ прямо; передъ тѣмъ какъ сѣсть немного паритъ въ воздухѣ, неохотно поднимается вверхъ, хотя любитъ селиться высоко, но несмотря на свою кажущуюся неловкость, отлично умѣетъ со всѣмъ справляться. Одаренный хорошими душевными способностями, онъ мало-по-малу составилъ себѣ понятіе о человѣкѣ и его привычкахъ, которое можно считать изумительнымъ, и которое доставляетъ удовольствіе каждому болѣе близкому наблюдателю. Всегда и при всякихъ обстоятельствахъ воробей самымъ точнымъ образомъ приспособляетъ свои дѣйствія къ нравамъ людей, поэтому въ городѣ онъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ деревнѣ; гдѣ его берегутъ, онъ довѣрчивъ и даже нахаленъ, гдѣ его преслѣдуютъ, онъ остороженъ, боязливъ и всегда хитеръ. Отъ проницательнаго взора его ничто не можетъ укрыться, ни то, что̀ можетъ быть ему полезно, ни то, что можетъ ему повредить; опытъ его увеличивается изъ года въ годъ, такъ что между старыми и молодыми птицами замѣчается такая же разница, какъ между мудрецами и дураками. Кромѣ людей, воробей вступаетъ въ болѣе или менѣе дружескія отношенія съ другими живыми существами, довѣрчиво или недовѣрчиво относится къ собакѣ, нахально держитъ себя съ лошадью, предостерегаетъ себѣ подобныхъ и другихъ птицъ отъ кошки, вырываетъ у курицы зерно изъ клюва, хотя ему за это можетъ угрожать сильный ударъ, и ѣстъ, если это только возможно, изъ одной посудины съ самыми разнообразными животными. Несмотря на свои общественныя чувства, онъ постоянно ссорится съ другими птицами, преслѣдующими съ нимъ однѣ и тѣ-же цѣли. Только въ одномъ отношеніи эта вообще привлекательная птичка непріятна. Это несносный болтунъ и плохой пѣ-

вецъ. Призывные звуки его „шиль шельм пип“ раздаются такъ часто, что наконецъ надоѣдаютъ, а когда собирается многочисленное общество воробьевъ, то звуки, издаваемые ими сообща: „телль телль зильб дель диб шик“, становятся прямо невыносимыми. Хотя воробей выражаетъ своей самкѣ чувства нѣжности тихими звуками „дюрр“ и „дии“, но пѣніе его, въ которомъ эти звуки составляютъ главную часть наряду съ указанными раньше, не можетъ намъ нравиться, а трескучій предостерегающій звукъ „терр“ или крикъ испуга при внезапной опасности „телль терер телль телль телль“ прямо уже непріятно дѣйствуютъ на слухъ. Тѣмъ не менѣе воробей кричитъ, шумитъ и поетъ безъ устали, словно обладаетъ голосомъ соловья, и молодыя птицы уже изрядно пищатъ въ гнѣздѣ.

Такъ какъ, благодаря отношенію воробья къ человѣку, существеннымъ образомъ измѣнилась къ лучшему его судьба и существованіе его стало обезпеченнымъ, то уже въ началѣ года онъ начинаетъ вить гнѣздо и въ теченіе лѣта выводитъ птенцовъ по меньшей мѣрѣ трижды, а иногда и четыре раза. Гнѣздо помѣщается въ разныхъ мѣстахъ, смотря по обстоятельствамъ, бо̀льшею частью въ подходящихъ отверстіяхъ строеній, а также въ дуплахъ деревьевъ, въ гнѣздахъ ласточекъ, подъ нижней частью аистовыхъ гнѣздъ и наконецъ болѣе или менѣе свободно въ вѣтвяхъ низкаго кустарника или высокихъ деревьевъ, и въ зависимости отъ своего мѣстоположенія устраивается различно, но всегда строится небрежно, такъ что можетъ быть названо безпорядочной кучей соломы, сѣна, пакли, щетины, шерсти, волосъ, обрывковъ бумаги и т. п., внутри же выстилается густымъ и толстымъ слоемъ перьевъ. Когда гнѣздо свободно расположено на деревѣ, то сверху бываетъ покрыто, когда же находится въ углубленіи, то иногда покрывается, иногда не покрывается. При сколько нибудь благопріятной погодѣ уже въ мартѣ яйца бываютъ снесены; число ихъ доходитъ до 5—6, въ рѣдкихъ случаяхъ до 7—8; они гладкія, очень разнообразныя по окраскѣ и рисунку, бо̀льшею частью покрыты бурыми или пепельно-сѣрыми пятнами, точками и брызгами по буровато-голубоватому или красновато-бѣлому фону. Оба родителя сидятъ на яйцахъ поочередно, птенцы вылупляются черезъ 13—14 дней; ихъ сначала кормятъ нѣжными насѣкомыми, затѣмъ, кромѣ насѣкомыхъ, имъ даютъ зерна, размягченныя въ зобу, наконецъ, главнымъ образомъ начинаютъ кормить сѣменами и плодами; послѣ того, какъ птенцы вылетѣли изъ гнѣзда, родители еще нѣсколько дней водятъ ихъ, приготовляя къ жизни, затѣмъ покидаютъ ихъ и уже черезъ недѣлю послѣ того, какъ первые птенцы вылетѣли изъ гнѣзда, приступаютъ къ выводу вторыхъ.

Относительно пользы и вреда, приносимыхъ воробьями, существуютъ весьма различныя мнѣнія; но въ послѣднее время начинаетъ преобладать убѣжденіе, что этотъ паразитъ, живущій на счетъ человѣка, не заслуживаетъ защиты со стороны послѣдняго. На городскихъ и деревенскихъ улицахъ воробей не приноситъ вреда никому, такъ какъ питается здѣсь преимущественно отбросами; но въ большихъ помѣстьяхъ, въ хлѣбныхъ амбарахъ, на поляхъ и въ садахъ онъ можетъ причинить существенный вредъ, такъ какъ съѣдаетъ зерна, предназначаемыя для корма домашней птицы, портитъ и пачкаетъ сжатый хлѣбъ, въ садахъ срываетъ почки съ фруктовыхъ деревьевъ, а затѣмъ клюетъ и самые плоды. Въ садахъ и виноградникахъ поэтому терпѣть этой птицы нельзя. Главный же вредъ, причиняемый воробьемъ, состоитъ въ томъ, что онъ вытѣсняетъ самыхъ полезныхъ птицъ, а именно скворцовъ и синицъ и болѣе или менѣе отравляетъ пѣвчимъ птицамъ существованіе въ такихъ садахъ, гдѣ безнаказанно хозяйничаетъ. Въ сѣверной Америкѣ, гдѣ въ 1864 г. водворенъ былъ воробей, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ, сооружали ему въ паркахъ домики для гнѣздъ и на всѣ лады лелѣяли и оберегали его, уже давно нельзя услышать о немъ добраго слова. При созданныхъ для нихъ благопріятныхъ условіяхъ воробьи страшно размножились и распространились, и сельскіе хозяева уже смотрятъ на нихъ, какъ на истинное бѣдствіе. Спустя 25 лѣтъ послѣ ввоза воробья въ Америку, онъ привлеченъ къ отвѣту, и тысячи свидѣтелей показали о немъ одно дурное, вслѣдствіе чего онъ и признанъ вреднымъ для людей бездѣльникомъ.

Для клѣтки воробей птица не подходящая, хотя можетъ сдѣлаться очень ручнымъ. Служанка одного моего пріятеля, живущаго въ Каринтіи, съ гордостью показывала мнѣ своего питомца и любимца — воробья, который не только свободно леталъ по комнатѣ, вылеталъ и влеталъ въ комнату, но отдыхалъ и спалъ у служанки подъ платкомъ. Э. фонъ Листъ также разсказываетъ о воробьѣ, который, въ качествѣ вполнѣ ручного любимца, жилъ у него въ семьѣ $8^1/_2$ лѣтъ. Этотъ естествоиспытатель отнялъ молодую птичку у толпы уличныхъ мальчишекъ въ Вѣнѣ, заботливо ухаживалъ за нею, и она скоро привыкла къ нему и къ его близкимъ. Воробей, оказавшійся самкой, вовсе не помышлялъ о томъ, чтобъ улетѣть, съ удовольствіемъ искалъ близости человѣка, всегда, гдѣ бы онъ ни находился, отвѣчалъ на зовъ громкимъ крикомъ „рррр“ и былъ такъ преданъ своимъ хозяевамъ, что въ случаѣ долгаго отсутствія ихъ всегда становился печаленъ и начиналъ хирѣть.

Рохведеръ разсказываетъ, что учителю Мюкенгейму въ Зегенбергѣ удалось даже вполнѣ приручить самку воробья, не лишая ее свободы. Она прилетала на зовъ „Пиперъ“ изъ мѣстъ, окружающихъ школу, садилась на скамейку около учителя, сидѣла у него на колѣняхъ и на рукѣ. Такъ же довѣрчиво относилась она къ членамъ семьи учителя, свободно прилетала къ нему въ домъ и однажды прилетѣла даже со своими уже научившимися летать птенцами, и одного изъ нихъ преспокойно кормила на рукѣ дочери Мюкенгейма.

Нѣкоторые считаютъ упомянутаго уже испанскаго воробья (Passer hispaniolensis, рис. на стр. 126) постоянною разновидностью нашего домашняго воробья; но отъ этого послѣдняго испанскій воробей отличается такъ сильно не только окраской оперенія, но и образомъ жизни, что нельзя не считать его отдѣльнымъ видомъ. Длина его равняется 16 см. Верхняя часть головы каштаново-красновато-бураго цвѣта, спина и плечи черныя, на надхвостьѣ перья черныя, ушная область и верхніе бока шеи бѣлые, подбородокъ, горло и зобъ, кромѣ нижнихъ боковъ шеи, черные, и перья здѣсь украшены узкими сѣроватыми каемками на концахъ, „напоминая собою разстегнутое ожерелье изъ переливающагося чернаго жемчуга“, прочія нижнія части тѣла и нижнія кроющія перья крыльевъ желтовато-сѣровато-бѣлыя, по бокамъ съ широкими черными полосами на стержняхъ, маховыя перья темно-бурыя, верхнія кроющія перья крыла яркаго красно-бураго цвѣта, изъ нихъ самыя большія при основаніи черныя, а въ остальныхъ частяхъ бѣлыя, вслѣдствіе чего образуется очень свѣтлая поперечная полоса, хвостовыя перья темно-бурыя съ желтовато-сѣроватой наружной каемкой. Глазное кольцо землисто-бурое, клювъ чернаго рогового цвѣта, зимою цвѣта рога. ноги буроватыя. Самка похожа на самку домашняго воробья.

Испанскій воробей не домашній, а настоящій полевой воробей, живущій только въ Испаніи и въ сѣверной Африкѣ и преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, которыя богаты водою; вблизи человѣческаго жилья онъ встрѣчается лишь случайно. Людскихъ жилищъ испанскій воробей не избѣгаетъ, но и не ищетъ, какъ это дѣлаетъ обыкновенно домашній воробей. Какъ разъ въ Испаніи и въ Египтѣ, гдѣ домашній воробей встрѣчается такъ же часто, какъ у насъ, можно лучше всего наблюдать и сравнивать нравы обоихъ видовъ. Тамъ домашній воробей является вѣрнымъ товарищемъ человѣка; испанскій же воробей нисколько не сообразуется съ тѣмъ, что́ дѣлаетъ человѣкъ. Испанскій воробей больше всего любитъ долины рѣкъ, каналы и болотистыя поля, на которыхъ разводится рисъ, и въ такихъ мѣстахъ онъ водится въ особенно большомъ числѣ.

„Врядъ ли есть на Канарскихъ островахъ такая пальма“, говоритъ Болле, „гдѣ въ промежуткахъ между стволомъ и нижними черешками листьевъ не гнѣздились бы воробьи, и откуда уже издали не доносился бы ихъ шумный гамъ и крикъ. Въ пальмовыхъ рощахъ эти птицы живутъ обществами въ невѣроятномъ количествѣ. Такъ какъ трудно и даже безъ особеннаго терпѣнія и искусства невозможно взлѣзать на высокія деревья, возвышающія свои стволы въ видѣ мачтъ, то воробьямъ удается бо́льшею частью вырастить свое потомство въ безопасности; по-

этому и размножаются они очень сильно. Парочки, устроившія себѣ гнѣздо подъ сѣнью пальмъ, безстрашно смотрятъ, какъ пустельга рядомъ съ ними опускается на развѣвающіеся листья; ихъ чириканье и щебетанье смѣшивается съ рѣзкимъ шелестомъ твердыхъ, словно кожаныхъ листьевъ, ударяющихся другъ о друга при вѣтрѣ. Нерѣдко въ мѣстностяхъ, обвѣваемыхъ влажными вѣтрами, напр. въ канарской вегѣ (оазисѣ), природа устраиваетъ вокругъ воробьиныхъ гнѣздъ висячіе сады оригинальнѣе и прелестнѣе садовъ Семирамиды. Вѣтры постепенно наносятъ въ нѣкоторыя мѣста между листьями пыль и землю, дождь смачиваетъ ихъ, и скоро здѣсь, на высотѣ, начинаютъ зеленѣть и цвѣсти розовыя цинераріи, тонкіе папоротники съ золотисто-бурыми корневищами, древовидные безсмертники и многія другія растенія."

На Канарскихъ островахъ и въ Египтѣ періодъ высиживанія птенцовъ наступаетъ у испанскаго воробья въ февралѣ, самое позднее въ началѣ марта. На Дельтѣ въ эти мѣсяцы всѣ верхушки пальмъ усѣяны нѣсколькими дюжинами расположенныхъ другъ возлѣ друга гнѣздъ, и всѣ углубленія въ стволахъ этихъ деревьевъ населены вьющими здѣсь гнѣзда испанскими воробьями. Гнѣздо устраивается такъ же, какъ и гнѣздо домашняго воробья: это такое же небрежное и неаккуратное сооруженіе, какое обыкновенно сноситъ себѣ и сваливаетъ въ кучу нашъ домашній воробей. Яйца такъ похожи на яйца красноголоваго воробья, что привезенныя мною яйца испанскаго воробья принимались самыми лучшими знатоками за яйца красноголоваго воробья.

Испанскаго воробья нигдѣ не любятъ, и люди не безъ основанія составили себѣ о немъ дурное мнѣніе. Въ Египтѣ, гдѣ онъ водится въ огромномъ числѣ, онъ сильно опустошаетъ рисовыя поля.

Въ средней и сѣверной Европѣ, во всей средней Азіи и сѣверной Африкѣ, кромѣ домашняго воробья, живетъ еще одинъ членъ разсматриваемаго семейства, а именно красноголовый или полевой воробей (Passer montanus, рис. на стр. 126). Длина его 14 см. Верхняя часть головы и затылокъ у него красновато-бурые, щеки и верхніе бока шеи бѣлые, нижнія части тѣла буровато-бѣлыя, задняя часть шеи, спина и плечи покрыты широкими, черными продольными пятнами по ржаво-красному фону. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги красновато-рогового цвѣта.

Красноголовый воробей часто встрѣчается во всей средней Европѣ, въ юго-западной Европѣ — очень рѣдко, во всей средней Азіи онъ представляетъ собою обыкновенное явленіе, водится еще на Малаккѣ и на Явѣ, проникаетъ до полярнаго круга и замѣняетъ собою домашняго воробья въ нижнемъ теченіи Оби, въ Китаѣ, Японіи, на островѣ Формозѣ и въ Индіи. Въ противоположность домашнему воробью, воробей красноголовый какъ въ Европѣ, такъ и въ западной Сибири предпочитаетъ открытое поле и лиственный лѣсъ другимъ мѣстамъ. Къ человѣческому жилью онъ приближается зимою; лѣтомъ же онъ пребываетъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ луга чередуются съ полями и гдѣ есть старыя пустыя внутри деревья, удобныя для того, чтобы устраивать въ нихъ гнѣзда. Здѣсь красноголовые воробьи въ періодъ вывода птенцовъ живутъ парами, но притомъ обыкновенно еще и обществами. Общества эти летаютъ взадъ и впередъ по извѣстной области, примыкаютъ къ обществамъ овсянокъ, жаворонковъ, зябликовъ, зеленушекъ, коноплянокъ и т. д., посѣщаютъ поля или въ суровыя зимы дворы крестьянъ и раздѣляются на пары, когда наступаетъ весна.

По своимъ нравамъ красноголовый воробей очень похожъ на своего родственника, но не такъ уменъ, какъ домашній воробей, потому что не приходитъ въ такое близкое соприкосновеніе съ человѣкомъ и не имѣетъ случая развить свои способности. Начиная съ осени и до весны красноголовые воробьи питаются зернами и сѣменами, лѣтомъ они ѣдятъ гусеницъ, тлей и другихъ мелкихъ животныхъ. Они иногда производятъ нѣкоторыя опустошенія на поляхъ пшеницы и проса, зато плодовъ и садовыхъ растеній они не трогаютъ. Птенцовъ своихъ они выкармливаютъ насѣкомыми и хлѣбными зернами.

Этихъ птицъ иногда въ большихъ количествахъ ловятъ на птицеловномъ току, а также ловятъ ихъ при помощи прутиковъ, обмазанныхъ клеемъ, петель, силковъ, сѣтей и другихъ западней. Враги красноголовaго воробья въ сущности тѣ-же, что́ и враги домашняго.

Каменный воробей (Passer petronius, рис. на стр. 126) похожъ на самку нашего домашняго воробья. Спина у него покрыта сѣровато-бурыми, черно-бурыми и сѣровато-бѣлыми продольными пятнами; самая спина и верхнія кроющія перья хвоста сѣрыя; нижняя часть тѣла сѣровато-бѣлая, горло же красиваго сѣрнисто-желтаго цвѣта, темя сѣрое, съ боковъ покрытое оливково-бурыми полосками; надъ глазомъ проходитъ свѣтлая полоса; на концѣ хвостовыхъ перьевъ, на внутреннемъ опахалѣ, бѣлое пятно. Длина 16 см., ширина 29 см.

Каменный воробей водится въ средней и южной Европѣ, а также на островѣ Мадейрѣ, въ сѣверо-западной Африкѣ и на Канарскихъ островахъ, въ юго-западной и западной Азіи, въ восточной Сибири и въ Афганистанѣ. Въ Германіи онъ встрѣчается лишь изрѣдка въ скалистыхъ мѣстностяхъ или въ старыхъ, развалившихся зданіяхъ, а именно въ средневѣковыхъ замкахъ. Начиная съ южной Франціи, онъ встрѣчается чаще, а въ Испаніи, въ Алжирѣ, на Канарскихъ островахъ, въ южной Италіи, въ Греціи, Далмаціи, Черногоріи, Палестинѣ и Малой Азіи представляетъ собою обыкновенное явленіе, обитаетъ здѣсь во всѣхъ подходящихъ мѣстечкахъ, деревняхъ и городахъ, а также живетъ въ самыхъ уединенныхъ каменистыхъ долинахъ и по примѣру своихъ родственниковъ образуетъ цѣлыя поселенія. Въ Испаніи я встрѣчалъ его на всякомъ крутомъ откосѣ центральныхъ горъ, но также во всякомъ старинномъ замкѣ. На Канарскихъ островахъ любимымъ пріютомъ этой птицы являются башни и очень высокія зданія внутри городовъ. Людей, слѣдовательно, каменный воробей отнюдь не избѣгаетъ. но всегда старается сохранить свою свободу. На городскія и сельскія улицы онъ спускается крайне рѣдко, зато вылетаетъ часто въ поле, гдѣ ищетъ себѣ кормъ. Онъ всегда обнаруживаетъ робость и осторожность. Даже тамъ, гдѣ ему рѣдко приходится встрѣчаться съ человѣкомъ, онъ не желаетъ имѣть съ нимъ никакого дѣла.

По движеніямъ своимъ каменный воробей сильно отличается отъ своихъ родственниковъ. Онъ летаетъ быстро, махая крыльями какъ при порханіи, передъ тѣмъ какъ сѣсть паритъ нѣкоторое время, широко растопыривъ крылья, напоминая больше клеста, чѣмъ воробья. По землѣ онъ прыгаетъ довольно искусно; сидитъ онъ, принявъ смѣлую позу, и часто помахиваетъ хвостомъ. Призывъ его — это щелкающій, трехсложный звукъ „гіюиб“, съ удареніемъ на послѣднемъ тонѣ, предостерегающій крикъ похожъ на воробьиный и звучитъ вродѣ „эррр“, которое впрочемъ можно всегда узнать; пѣніе его представляетъ собою простое, часто прерываемое щебетанье и чириканье, напоминающее пѣніе снигиря, но не особенно пріятное.

Питается каменный воробей вѣроятно тѣмъ-же, чѣмъ и прочіе воробьи. Лѣтомъ каменные воробьи ѣдятъ преимущественно насѣкомыхъ, зимою сѣмена, ягоды и т. п. На проѣзжихъ дорогахъ каменные воробьи, по примѣру красноголовыхъ и домашнихъ, ищутъ себѣ зеренъ въ пометѣ.

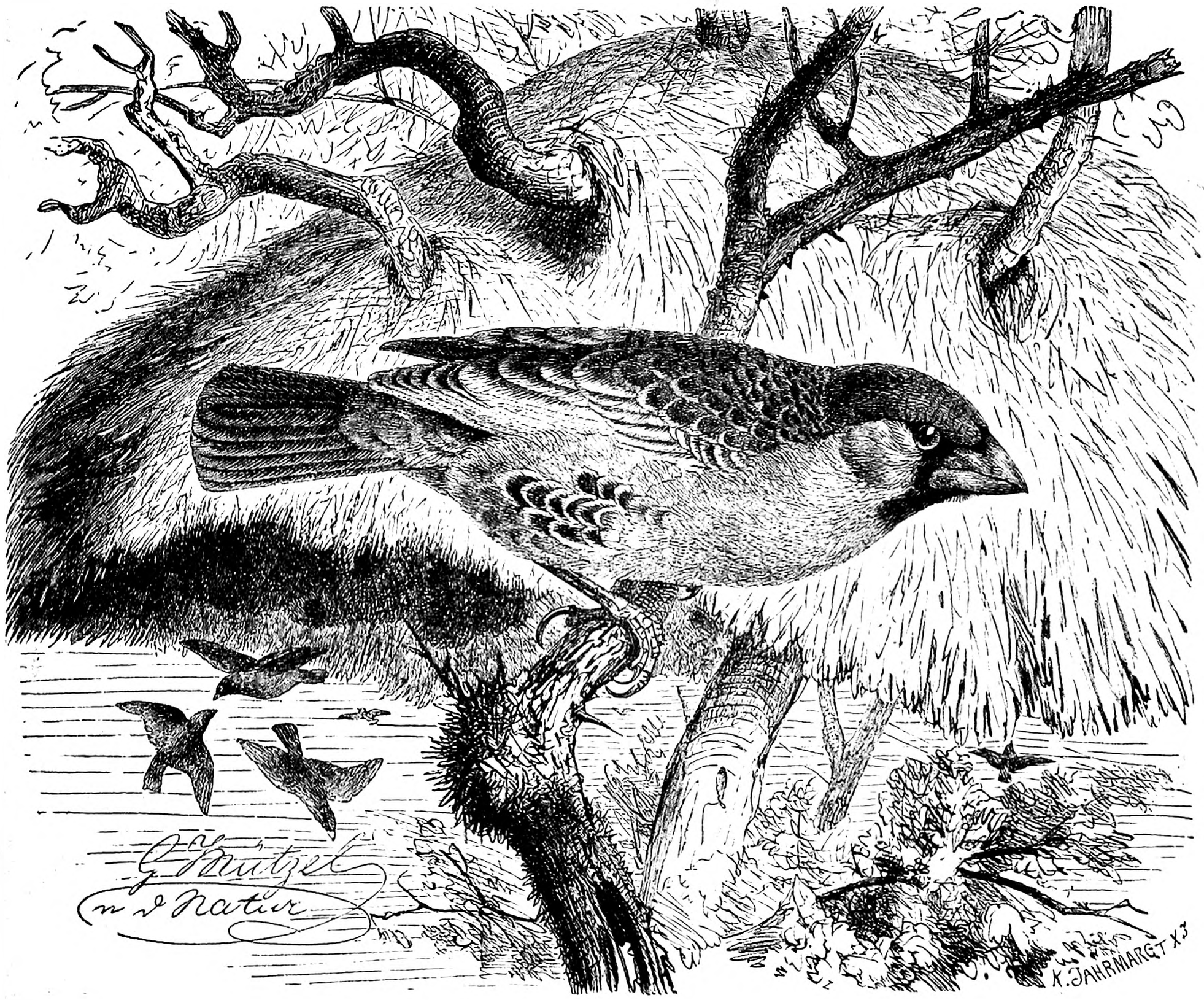
Только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ водится много каменныхъ воробьевъ, ихъ удается ловить безъ большого труда. Въ Испаніи ихъ приносятъ на рынокъ цѣлыми партіями, по нѣсколько дюжинъ каждая. Тамъ ихъ ловятъ сѣтями при помощи птицъ, обученныхъ сзывать своихъ дикихъ собратьевъ, или при помощи прутиковъ, смазанныхъ клеемъ и разложенныхъ по деревьямъ.

Въ неволѣ каменный воробей требуетъ за собой мало ухода и много доставляетъ удовольствія своимъ обладателямъ. Онъ скоро становится довѣрчивымъ, отлично уживается съ другими птицами, радуетъ человѣка своимъ милымъ нравомъ и при надлежащемъ уходѣ даже размножается.

Общественный воробей (Passer socius) принадлежитъ также къ воробьямъ, а не къ ткачамъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Перья на верхней части

головы у него бурыя, на остальныхъ верхнихъ частяхъ тѣла, на затылкѣ и на бокахъ шеи темнѣе, уздечка, мѣста около угловъ рта, подбородокъ и горло черные, бока зоба и прочія нижнія части тѣла блѣднаго желтовато-сѣровато-бураго цвѣта, маховыя и рулевыя перья, кроющія перья крыльевъ, кроющія перья надхвостья и верхнія покровныя перья хвоста темно-бурыя. Глазное кольцо окрашено въ темно-бурый цвѣтъ, клювъ и ноги въ блѣдно-бурый. Длина 13 см.

Родина общественнаго воробья — южная Африка, особенно же распространенъ онъ въ землѣ Великой Намѣ. Въ жизни этихъ птицъ особенно замѣчательно то, что онѣ сообща вьютъ свои гнѣзда подъ одной крышей. Найдя подходящее мѣсто для устройства гнѣзда и начавъ вить гнѣзда, онѣ принимаются за сооруженіе об-

Общественный воробей (Passer socius). 3/4 естеств. велич.

щей для всѣхъ крыши. Каждая парочка вьетъ и покрываетъ крышей свое собственное гнѣздо, но одно гнѣздо располагается очень близко къ другому, и когда всѣ гнѣзда готовы, то кажется, что видишь только одно гнѣздо, покрытое сверху одной крышей и имѣющее внизу безчисленное множество круглыхъ отверстій. Такія гнѣзда не употребляются для второго высиживанія, а къ старымъ гнѣздамъ снизу подвѣшиваются новыя, такъ что при второмъ высиживаніи гнѣзда бываютъ покрыты крышей и первыми гнѣздами. Такимъ образомъ сооруженіе изъ году въ годъ увеличивается и становится тяжелѣе, пока не сдѣлается настолько тяжелымъ, что вѣтка подъ нимъ ломается, а гнѣзда падаютъ на землю.

Такого рода поселенія обыкновенно встрѣчаются на большихъ, высокихъ деревьяхъ, а гдѣ подобныхъ деревьевъ нѣтъ, тамъ птицы употребляютъ для этой цѣли древовидный алоэ. Яйца, числомъ 3—4, голубовато-бѣлыя, на широкомъ концѣ покрытыя мелкими бурыми крапинками.

*

Обыкновенная дубоноска (Coccothraustes vulgaris, рис. на стр. 136) и ея родственники составляютъ отличающійся большими особенностями родъ дубоносокъ, характеризующихся очень сильнымъ, плотнымъ сложеніемъ, необычайно большимъ, толстымъ, совершенно круглымъ клювомъ, съ острыми нѣсколько согнутыми и втянутыми немного внутрь краями и съ чуть замѣтнымъ вырѣзомъ на концѣ верхней створки; ноги у нихъ короткія, но сильныя, вооруженныя острыми когтями, крылья сравнительно широкія, хвостъ очень короткій съ явственной выемкой на концѣ, а опереніе густое и мягкое. Длина обыкновенной дубоноски 18 см. Лобъ и передняя часть темени буровато-желтаго цвѣта, верхняя часть и бока головы желтовато-бурые, тонкая полоска на лбу, уздечка и горло черныя, затылокъ и задняя часть шеи пепельно-сѣрые, верхняя часть спины шоколаднаго, нижняя часть спины свѣтло-каштановаго цвѣта, зобъ и грудь грязновато-сѣровато-красноватаго цвѣта, брюшко сѣровато-бѣлое, область зада и нижнія покровныя перья хвоста чисто-бѣлаго цвѣта, маховыя перья, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, синія съ металлическимъ блескомъ, на внутренней сторонѣ при основаніи украшены бѣлымъ пятномъ, среднія хвостовыя перья при основаніи черныя, причемъ конечная половина ихъ снаружи желтовато-бураго цвѣта, на концѣ бѣлая, прочія перья при основаніи черныя, оба крайнихъ пера снаружи черныя и всѣ на концѣ снабжены бѣлой каемкой. Глаза сѣровато-красноватыя, клювъ весною синій, осенью желтаго рогового цвѣта, ноги мясного цвѣта.

Родиной дубоноски слѣдуетъ считать умѣренныя страны Европы и Азіи. Сѣверные предѣлы ея распространенія—это Швеція и западныя и южныя губерніи Европейской Россіи. Въ Германіи дубоноску можно нерѣдко видѣть даже зимою, но вѣроятно она является въ это время только гостемъ, залетѣвшимъ изъ болѣе сѣверныхъ европейскихъ странъ; дубоноски же, живущія въ Германіи, всегда принадлежатъ къ странствующимъ. Въ южной Европѣ дубоноска появляется только во время перелета. Она пролетаетъ черезъ Испанію и направляется въ сѣверо-западную Африку. Въ Сибири дубоноска появляется лѣтомъ, начиная съ верховьевъ Амура и до европейской границы. Въ средней Европѣ она встрѣчается въ однихъ мѣстахъ чаще, въ другихъ рѣже, но вездѣ извѣстна, такъ какъ во время своихъ путешествій показывается вездѣ и всякому бросается въ глаза. Лѣтомъ она селится въ холмистыхъ мѣстностяхъ съ лиственными лѣсами и высокими деревьями, на которыхъ пребываетъ весь день и всю ночь, если только не отправляется съ цѣлью грабежа въ сосѣдніе вишневые сады или не подбираетъ зерна съ земли на ближайшихъ поляхъ. Послѣ вывода птенцовъ старыя птицы бродятъ вмѣстѣ съ молодыми и иногда забираются въ фруктовые сады и огороды. Въ концѣ октября или въ ноябрѣ начинается періодъ странствованія дубоноски, а въ мартѣ она возвращается домой.

Какъ видно уже изъ самаго строенія ея тѣла, дубоноска птица нѣсколько неуклюжая и лѣнивая; полетъ ея тяжеловѣсный и шумный, но тѣмъ не менѣе быстрый. Душевныя способности ея однако развиты хорошо. Это очень осторожная и хитрая штучка, которая скоро выучивается различать своихъ враговъ и умѣетъ позаботиться о своей безопасности. „Она неохотно взлетаетъ наверхъ“, говоритъ Бремъ-отецъ, „если кто-нибудь къ ней приближается, но во время ѣды до такой степени находится на сторожѣ, что немедленно замѣчаетъ всякую опасность и старается избѣжать ее, скрываясь въ густой листвѣ, если таковая имѣется по близости. Она отлично знаетъ, удалось ли ей достаточно хорошо скрыться, ибо, скрывшись хорошо, она долго сидитъ на одномъ мѣстѣ, что́ дѣлаетъ рѣдко въ томъ случаѣ, когда ѣстъ на свободѣ. Когда деревья покрыты листвой, то можно долго слышать, какъ она щелкаетъ, и не скоро увидѣть ее. Она прячется такъ ловко, что я иногда бросалъ въ дерево камни, чтобы заставить ее перелетѣть на другія деревья, такъ какъ никакъ не могъ ея увидѣть. Если спугнуть ее, то она почти всегда садится на верхушку дерева, чтобы имѣть возможность издали подмѣтить всякую угрожающую ей опасность. Хитрость въ этой птицѣ соединяется съ большой смѣлостью.

Дубоноска всего охотнѣе ѣстъ зерна различныхъ древесныхъ породъ, заклю-

ченныя въ твердую скорлупу. „Зерна вишенъ, а также бѣлаго и краснаго бука дубоноска повидимому предпочитаетъ всѣмъ другимъ. Она откусываетъ вишню, освобождаетъ косточку отъ мясистой части плода, которую бросаетъ, разгрызаетъ косточку, выплевываетъ твердую скорлупу и глотаетъ зернышко. Все это совершается въ полминуты, много въ минуту, и притомъ такъ громко, что разгрызаніе косточки слышно на разстояніи тридцати шаговъ. Съ зернами бѣлаго бука дубоноска поступаетъ точно такимъ же образомъ. Зерна, вынутыя изъ скорлупы, проходятъ черезъ пищеводъ прямо въ желудокъ и только послѣ наполненія желудка ими наполняется и зобъ. Когда на деревьяхъ уже больше не остается зеренъ, употребляемыхъ ею въ пищу, дубоноска отыскиваетъ ихъ на землѣ; поэтому позднею осенью и зимою часто можно видѣть, какъ она прыгаетъ по землѣ. Кромѣ того она любитъ также ѣсть сѣмена овощей, поэтому лѣтомъ часто залетаетъ въ огороды и изрядно портитъ овощи. Трудно повѣрить, сколько одна единственная птица можетъ испортить различныхъ видовъ капусты и кормовыхъ травъ“. Зимою, также съ цѣлью добыванія зернышекъ, дубоноска усердно посѣщаетъ рябиновыя деревья. Кромѣ того, она поѣдаетъ древесныя почки, а лѣтомъ истребляетъ и насѣкомыхъ, особенно жуковъ и ихъ личинки.

Смотря по тому, хороша или плоха погода, дубоноска выводитъ птенцовъ однажды или дважды въ годъ, въ маѣ и въ началѣ іюля. Каждая пара избираетъ себѣ довольно большой участокъ, въ которомъ не терпитъ присутствія птицъ того-же вида. „Поэтому самецъ всегда сторожитъ свои владѣнія, сидя на верхушкѣ дерева, перелетая отъ поры до времени съ одного дерева на другое, при этомъ кричитъ, поетъ и вообще обнаруживаетъ крайнее безпокойство“. Пѣніе состоитъ изъ чириканья и рѣзкихъ звуковъ, очень похожихъ на призывной крикъ, звучащій какъ „ци“ или „цик“, и самцы предаются ему часами при всевозможныхъ движеніяхъ и поворотахъ тѣла. Гнѣздо, не отличающееся особенно толстыми стѣнками, но тѣмъ не менѣе хорошо сооруженное, широкое — что и составляетъ его характерный признакъ — помѣщается высоко или низко на слабыхъ или тонкихъ вѣтвяхъ, причемъ обыкновенно бываетъ хорошо спрятано. Нижній слой его состоитъ изъ сухихъ прутиковъ, крѣпкихъ злаковъ, корешковъ и т. п., второй слой — изъ болѣе грубаго или болѣе тонкаго древеснаго мха и лишаевъ, внутри гнѣздо выложено волокнами корней, свиной щетиной, лошадиными волосами, бараньей шерстью и т. п. веществами. Яйца, которыхъ кладется 3—5, довольно округлены и на грязноватомъ или зеленовато-желтоватомъ пепельно-сѣромъ фонѣ покрыты явственными или расплывающимися бурыми, черно-бурыми, темно-пепельно-сѣрыми, свѣтлыми и оливково-бурыми пятнышками, черточками и жилками, которыя всего гуще около тупого конца. Самка сидитъ на яйцахъ все время, за исключеніемъ обѣденныхъ часовъ, когда ее замѣняетъ самецъ. Птенцовъ выкармливаютъ оба родителя, которые очень любятъ свое потомство и долго еще водятъ и кормятъ его послѣ того, какъ оно покинуло гнѣздо, такъ какъ разгрызать твердыя вишневыя косточки молодыя птицы выучиваются лишь черезъ нѣсколько недѣль послѣ оставленія гнѣзда.

Дубоноска пользуется большой нелюбовью садовника, такъ какъ вредъ, причиняемый этой птицей вишневымъ садамъ, никакъ нельзя считать незначительнымъ. „Семья этихъ птицъ быстро справляется съ деревомъ, покрытымъ спѣлыми вишнями“, говоритъ Науманнъ. „Если хоть разъ дубоноски побывали въ какомъ-нибудь фруктовомъ саду, то всегда опять прилетаютъ туда, пока можно найти тамъ вишни; разогнать ихъ не всегда удается даже самымъ сильнымъ шумомъ, трескомъ, хлопаньемъ бичей и свистомъ; ко всякаго рода чучеламъ эти птицы быстро привыкаютъ. Единственное средство избавиться отъ нихъ — это стрѣльба, но не на воздухъ, иначе онѣ привыкаютъ и къ выстрѣламъ. Нападеніямъ дубоносокъ больше всего подвергаются обыкновенныя кислыя вишни. Въ огородахъ онѣ приносятъ много вреда уничтоженіемъ сѣмянъ и извлеченіемъ гороха изъ зеленыхъ стручковъ. Онѣ ощипываютъ и портятъ рябину и причиняютъ еще всякій другой вредъ. Онѣ были бы гораздо менѣе вредны, если бы не были такъ прожорливы и если бы не имѣли обыкновенія посѣщать извѣстныя деревья,

грядки или сады до тѣхъ поръ, пока на нихъ не останется больше плодовъ". Поэтому неудивительно, что человѣкъ по мѣрѣ силъ старается освободиться отъ этихъ непрошенныхъ гостей при помощи петель, прутиковъ, обмазанныхъ клеемъ, сѣтей, западней, огнестрѣльнаго и другого оружія.

Плѣнная дубоноска скоро привыкаетъ къ неволѣ, неразборчива въ пищѣ, легко становится ручною, но всегда остается опасной, такъ какъ въ гнѣвѣ клюетъ и больно кусаетъ все и всѣхъ кругомъ себя. У одного іенскаго студента была прирученная дубоноска, которую друзья хозяина часто поили пивомъ до-пьяна. Этого удавалось достигнуть весьма простымъ способомъ. Весельчаки наполняли срѣзанный на концѣ стволъ пера пивомъ и совали его дубоноскѣ. Какъ только птица схватывала перо, студенты поднимали его кверху, такъ что пиво текло прямо въ зѣвъ дубоноски. Довольно было повторить это нѣсколько разъ и толстоголовая птица оказывалась настолько пьяной, что при прыганьи шаталась изъ стороны въ сторону.

*

Зяблики (Fringilla) отличаются продолговатымъ строеніемъ, клювъ у нихъ средней длины, конусообразный или круглый, на ногахъ плюсна короткая и пальцы слабые, крылья сравнительно длинныя, и остріе ихъ образуется вторымъ, третьимъ и четвертымъ маховымъ перомъ, хвостъ средней длины съ небольшой выемкой на концѣ.

У обыкновеннаго зяблика (Fringilla coelebs) лобъ совсѣмъ черный, темя и затылокъ аспидно-голубого цвѣта, спина красновато-бурая, верхняя часть спины и надхвостье желтовато-зеленоватыя, уздечка, кольца вокругъ глазъ, щеки, горло и глотка свѣтлаго ржаво-бураго цвѣта, который на зобѣ и на бокахъ груди переходитъ въ красноватый мясной цвѣтъ, на серединѣ груди — въ красновато-бѣлый, на брюшкѣ и нижнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста — въ бѣлый, большія маховыя перья черныя, крайнія малыя маховыя перья оторочены свѣтло-желтой каемкой, самыя мелкія кроющія перья темнаго аспидно-синяго цвѣта, крупныя кроющія перья черныя съ широкимъ бѣлымъ концомъ, вслѣдствіе чего на крыльяхъ образуется болѣе широкая и болѣе узкая поперечная полоса, среднія хвостовыя перья темнаго аспидно-сѣраго цвѣта съ желтоватой каемкой, прочія перья черныя, оба крайнихъ на внутренней сторонѣ имѣютъ большое бѣлое клинообразное пятно Глазное кольцо свѣтло-бурое, клювъ весною синій, осенью и зимою красновато-бѣлый, ноги грязноватаго мясного цвѣта. У самки голова и затылокъ зеленовато-сѣрые, бровныя полоски, уздечка, подбородокъ и горло бѣловато-буроватые, прочія верхнія части тѣла оливково-сѣровато-бурыя, нижнія части тѣла свѣтло-сѣрыя. Длина птицы 16,5 см.

За исключеніемъ сѣверныхъ странъ, зябликъ представляетъ собою обыкновенное явленіе во всей Европѣ, на югѣ же лѣтомъ встрѣчается только въ горныхъ странахъ. Кромѣ того, онъ водится въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи, а зимою появляется иногда въ сѣверной Африкѣ.

Въ Германіи мало такихъ мѣстностей, гдѣ зяблики не встрѣчались бы въ большомъ количествѣ. Они живутъ какъ въ хвойныхъ, такъ и въ лиственныхъ лѣсахъ, въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ и въ полевомъ кустарникѣ, въ древесныхъ плантаціяхъ и садахъ и избѣгаютъ только болотистыхъ или мокрыхъ мѣстъ. Одна парочка селится непосредственно возлѣ другой; но каждая ревниво оберегаетъ избранный ею участокъ и изгоняетъ изъ него вторгающихся туда птицъ того-же вида. Только когда окончено воспитаніе птенцовъ, отдѣльныя парочки собираются въ многочисленныя общества, къ которымъ примыкаютъ другіе виды вьюрковъ и овсянокъ, образуютъ огромныя стаи и вмѣстѣ странствуютъ по извѣстной мѣстности. Въ началѣ сентября птицы, желающія совершить перелетъ, собираются въ стаи, въ октябрѣ стаи эти успѣваютъ образоваться, а въ концѣ мѣсяца онѣ исчезаютъ, за исключеніемъ немногихъ самцовъ, проводящихъ всю зиму на родинѣ. Затѣмъ зяблики населяютъ горы и долины, поля и сады, кусты и живыя изгороди

южной Европы и сѣверной Африки, встрѣчаются вездѣ и притомъ часто обществами въ знакъ того, что здѣсь они не на родинѣ, а только въ качествѣ зимнихъ гостей. Когда на югѣ наступаетъ весна, зяблики опять собираются на родину. Тогда раздается еще нѣкоторое время звонкое, громкое щелканье самца; но скоро становится тихо и пусто тамъ, гдѣ кишѣли сотни тысячъ зябликовъ, и уже въ началѣ марта зимніе гости, кромѣ самокъ, исчезаютъ. На обратномъ пути въ среднюю Европу зяблики летятъ отдѣльными стаями, самцы отдѣльно отъ самокъ и раньше ихъ, самки же на полмѣсяца позднѣе. Оба пола рѣдко постоянно живутъ вмѣстѣ, а слѣдовательно рѣдко вмѣстѣ и путешествуютъ. Въ хорошую погоду въ Германіи первые самцы появляются уже въ концѣ февраля; главныя массы прилетаютъ въ мартѣ, а послѣдніе отставшіе зяблики возвращаются лишь въ апрѣлѣ.

Гнѣздо, представляющее собою весьма искусное сооруженіе, имѣетъ почти шарообразную форму, срѣзанную только наверху. Толстыя наружныя стѣнки созидаются изъ зеленаго земляного мха, нѣжныхъ корешковъ и злаковъ, снаружи обтягивается лишаями того дерева, на которомъ помѣщается гнѣздо, причемъ отдѣльные стебельки скрѣпляются паутиной насѣкомыхъ, такъ что внѣшнія стѣнки гнѣзда становятся поразительно похожи на шишку или утолщеніе сука Внутренность гнѣзда чашкообразная и очень мягко выложена волосами, перьями, растительнымъ пухомъ и волосами животныхъ. Пока продолжается постройка гнѣзда, и пока самка сидитъ на яйцахъ, зябликъ-самецъ почти весь день безъ перерыва щелкаетъ, и каждый самецъ, находящійся по близости, съ необычайнымъ усердіемъ отвѣчаетъ на щелканье сосѣда; оба соперника, состязающіеся въ пѣніи, приводятъ другъ друга въ азартъ, и вотъ начинается бѣшеная скачка по вѣтвямъ, пока одинъ въ буквальномъ смыслѣ слова не схватитъ другого за шиворотъ и, уже утративъ способность летать, кубаремъ не упадетъ вмѣстѣ со своимъ врагомъ на землю. Самка кладетъ 5—6 маленькихъ яичекъ съ тонкой скорлупой, обыкновенно покрытыхъ по блѣдному голубовато-зеленоватому фону блѣдными красновато-бурыми, слегка расплывающимися пятнами съ черно-бурыми крапинками различной величины; впрочемъ яйца по окраскѣ и формѣ пятенъ бываютъ весьма различны. Птенцы вылупляются изъ яицъ черезъ 14 дней; на яйцахъ сидитъ главнымъ образомъ самка, самецъ замѣняетъ ее, когда она принуждена бываетъ покинуть гнѣздо и искать себѣ пищи. Молодыя птицы выкармливаются исключительно насѣкомыми, вылетѣвъ изъ гнѣзда, пользуются еще нѣкоторое время руководствомъ родителей, но скоро выучиваются сами находить себѣ кормъ. Въ молодомъ возрастѣ они издаютъ своеобразный звукъ, а выросши издаютъ призывъ стариковъ. Окончивъ воспитаніе молодыхъ, старыя птицы уже черезъ нѣсколько дней приступаютъ къ высиживанію вторыхъ птенцовъ. Оба родителя чрезвычайно сильно любятъ свое потомство. Они жалобно кричатъ, когда какой-нибудь врагъ приближается къ гнѣзду и самымъ выразительнымъ образомъ проявляютъ свой страхъ.

Зябликъ рѣзвая, живая, ловкая, проворная и смышленая птица, но притомъ запальчивая и драчливая. Цѣлый день зябликъ находится въ движеніи и только во время жаркихъ полуденныхъ часовъ бываетъ нѣсколько спокойнѣе. На вѣтвяхъ онъ сидитъ выпрямившись, на землѣ держится болѣе горизонтально; по землѣ онъ не то прыгаетъ, не то бѣгаетъ, по вѣтвямъ любитъ передвигаться въ бокъ; большія разстоянія онъ пролетаетъ на значительной высотѣ, малыя — на незначительной. Призывъ его, извѣстный звукъ „пинк“ или „финк“, издается съ различными интонаціями и благодаря этому получаетъ различное значеніе. Во время полета зябликъ чаще звука „пинк“ издаетъ сдержанный короткій звукъ „гип гип“; отъ опасности онъ предостерегаетъ свистящимъ „зи и“, на которое обращаютъ вниманіе и другія птицы; въ періодъ спариванья онъ чирикаетъ; въ пасмурную погоду онъ издаетъ скрипучій звукъ, который мальчики въ Тюрингіи передаютъ словомъ „Regen“ (дождь). Щелканье состоитъ изъ одной или двухъ правильно обособленныхъ строфъ, которыя издаются на разные лады, съ большимъ усердіемъ и очень часто и быстро повторяются; любители точно различаютъ ихъ и обозначаютъ особыми названіями. Изученіе щелканья зябликовъ сдѣлалось настоящей наукой, которая впрочемъ требуетъ особыхъ жрецовъ и всегда останется

темной для человѣка, непосвященнаго въ ея тайны. Есть въ горахъ извѣстныя мѣстности, гдѣ этой наукой занимаются больше, чѣмъ всякой другой. Любители зябликовъ въ Тюрингіи, въ Гарцѣ и въ Верхней Австріи славятся, какъ удивительные знатоки щелканья этихъ птицъ. Въ то время, какъ непривычное ухо замѣчаетъ лишь небольшую разницу въ звукахъ, знатоки распознаютъ двадцать и болѣе видовъ щелканья, названія которыхъ у несвѣдующихъ лицъ вызываютъ улыбку, хотя въ сущности подобраны хорошо и до нѣкоторой степени являются подражаніемъ самимъ звукамъ. Прежде щелкающіе зяблики цѣнились очень высоко, и ихъ покупали почти за баснословныя цѣны; въ настоящее же время эта страсть къ зябликамъ слабѣетъ.

Зябликъ приноситъ сколько нибудь ощутительный вредъ только развѣ огородамъ и посѣвамъ деревьевъ, такъ какъ съѣдаетъ сѣмена, посѣянныя на грядкахъ и не прикрытыя землей. Правда, ему вмѣняютъ въ преступленіе и то, что онъ будто бы сильно вредитъ лѣсу, подбирая осыпавшіяся сѣмена буковъ и хвойныхъ деревьевъ, но никто серьезно не вѣритъ этому обвиненію. Зябликъ поѣдаетъ сѣмена различныхъ растеній, особенно сѣмена сорныхъ травъ, кормитъ свое потомство и самъ во время вывода кормится насѣкомыми, особенно такими, которыя приносятъ вредъ полезнымъ намъ деревьямъ. Такимъ образомъ въ худшемъ случаѣ весь приписываемый ему вредъ уравновѣшивается приносимой имъ пользой. Эту птицу слѣдовало бы всячески беречь и лелѣять, а не безпощадно преслѣдовать, какъ это все еще продолжаютъ дѣлать. Число зябликовъ не уменьшается оттого, что любители ловятъ ихъ и содержатъ въ клѣткахъ. Но истребленіе этихъ птицъ цѣлыми тысячами заразъ сильно мѣшаетъ размноженію этихъ милыхъ птичекъ.

Ближайшій родственникъ зяблика изъ живущихъ въ Германіи — это настоящій вьюрокъ или сарка (Fringilla montifringilla, рис. на стр. 136). Длина этой птицы 16 см. Голова, затылокъ и спина, щеки и верхніе бока шеи совершенно черные съ синеватымъ отливомъ, въ серединѣ надхвостья перья чисто-бѣлыя, по бокамъ черныя, горло и грудь съ желтоватымъ налетомъ, уздечка, подбородокъ и бока брюшка желтовато-бѣлаго цвѣта, причемъ бока брюшка покрыты черными пятнами, маховыя перья буровато-черныя съ желтовато-бѣлыми каемками, перья на плечахъ ржаваго цвѣта, хвостовыя перья на концѣ бѣлыя съ желтоватой каемкой. Радужная оболочка темно-каряя, клювъ свѣтлаго голубовато-черноватаго цвѣта, осенью воскового желтаго цвѣта, ноги красновато-бурыя.

Сарка водится на далекомъ сѣверѣ Стараго свѣта, начиная съ 59^0 широты и по направленію къ полюсамъ ее можно встрѣтить вездѣ, гдѣ еще есть лѣса. Отсюда она зимою прилетаетъ въ болѣе южныя части Европы, забирается даже въ Испанію и въ Грецію, или въ Азіи долетаетъ до Гималаевъ, и во время этого перелета часто посѣщаетъ Германію. Уже въ августѣ эти птицы начинаютъ собираться стаями, нѣкоторое время пребываютъ въ южныхъ частяхъ своихъ родныхъ странъ и затѣмъ постепено спускаются къ югу. Въ Германіи сарка появляется въ концѣ сентября. Направленіе ея пути опредѣляется горами и свя-занными между собою лѣсными пространствами, если только стаи другихъ вьюрковъ, съ которыми сарки охотно смѣшиваются, не летятъ въ другомъ направленіи. Въ Германіи сарки всегда встрѣчаются въ лѣсахъ и на поляхъ въ обществѣ зябликовъ, конопляновъ, овсянокъ, красноголовыхъ воробьевъ и зеленушекъ.

Сарка во многихъ отношеніяхъ похожа на своего родственника зяблика. Она, какъ одиночная птица, склонна къ ссорамъ, запальчива, задорна и завистлива насчетъ корму, хотя повидимому любитъ общество. Пѣніе ея — это жалкое чириканье, лишенное благозвучности, правильности и порядка и въ сущности представляетъ собою произвольное соединеніе различныхъ звуковъ.

Въ средней Европѣ охотятся на сарокъ главнымъ образомъ ради ихъ вкуснаго, хотя и нѣсколько горьковатаго мяса и часто ловятъ ихъ въ большихъ количествахъ на птицеловномъ току. Всякія другія западни также опасны этой птицѣ вслѣдствіе ея неопытности.

Высоко на горныхъ цѣпяхъ Стараго свѣта, начиная съ Пиренеевъ и кончая Сибирью, лѣтомъ всегда выше линіи лѣсовъ живетъ родственная нашему зяблику птица — горный зябликъ (Fringilla nivalis). Отъ вышеописанныхъ видовъ онъ отличается длиннымъ, согнутымъ, шпорообразнымъ когтемъ на заднемъ пальцѣ ноги, длинными крыльями и одинаковой окраской оперенія у обоихъ половъ. Длина его равняется приблизительно 20 см. Верхняя часть головы, щеки, задняя часть шеи и бока шеи у него свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, на спинѣ перья кофейно-бурыя, на горлѣ и глоткѣ черныя, на бокахъ груди и въ пахахъ свѣтлыя желтовато-пепельно-сѣрыя, подбородокъ, грудь и середина живота грязновато-бѣлыя, первыя семь большихъ маховыхъ перьевъ черныя, снаружи и на концѣ съ буровато-бѣлыми каемками; на плечахъ перья темно-бурыя, среднія хвостовыя перья черныя съ бѣлой наружной каемкой, всѣ прочія перья бѣлоснѣжныя. Глаза темно-каріе, клювъ аспидно-черный, осенью и зимою воскового желтаго цвѣта, на кончикѣ всегда черный, ноги черныя.

Горный зябликъ водится на Альпахъ, на Карпатахъ, на Кавказѣ, въ горахъ Персіи и на Гималаяхъ. Почти такой же упорный, какъ горный тетеревъ, онъ безъ крайней необходимости не покидаетъ высшаго пояса горъ. Только очень сильный снѣгъ и суровая стужа могутъ заставить его спуститься въ долины, лежащія ниже. До наступленія зимы это случается еще чаще, нежели послѣ зимы, такъ какъ эту закаленную птицу снѣгъ и морозъ не пугаютъ до тѣхъ поръ, пока еще есть чѣмъ питаться. Даже во время самой суровой зимы горный зябликъ почти никогда не покидаетъ горныхъ странъ, и потому чрезвычайно рѣдко появляется въ предѣлахъ Германіи. Лѣтомъ онъ живетъ только на вершинахъ горъ, подъ самой линіей вѣчнаго снѣга, въ періодъ вывода птенцовъ — парами, потомъ группами и стаями, большею частью на краю склоновъ, гдѣ быстро ковыляетъ по скаламъ, отъ поры до времени поднимается на воздухъ вмѣстѣ со своими товарищами и съ тихимъ крикомъ „юп юп“ пролетаетъ нѣкоторое разстояніе, затѣмъ опять опускается внизъ и такъ же усердно, какъ и раньше, принимается разыскивать пищу. Пѣніе его, которое слышится только въ періодъ спариванья, составляется изъ множества звуковъ, и горный зябликъ считается знатоками самымъ плохимъ пѣвцомъ изъ всѣхъ зябликовъ; пѣніе его коротко, рѣзко, грубо и громко до того, что непріятно дѣйствуетъ на слухъ. Движеніями своими горный зябликъ напоминаетъ больше пуночку и жаворонка, чѣмъ обыкновеннаго зяблика, и летаетъ, подобно пуночкѣ и жаворонку, легко и паря въ воздухѣ. На горныхъ дорогахъ зимою онъ всегда подлетаетъ къ домамъ и, если увѣренъ въ томъ, что его не тронутъ, свободно влетаетъ въ жилища и вылетаетъ изъ нихъ; но преслѣдованія скоро выучиваютъ и его быть менѣе довѣрчивымъ.

*

Въ Америкѣ водится болѣе 70 видовъ вьюрковъ, похожихъ по окраскѣ оперенія на овсянковыхъ птицъ: это подорожниковые вьюрки (Zonotrichia), которые отличаются тонкимъ, конусообразнымъ, изящнымъ клювомъ съ прямымъ концомъ и слегка согнутымъ на гребнѣ, ногами съ высокой плюсной, длинными пальцами и большими когтями, причемъ задній коготь торчитъ въ видѣ шпоры, крыльями средней длины съ очень длинными малыми маховыми перьями и хвостомъ разной длины.

Эти птицы много пребываютъ на землѣ и двигаются совершенно такъ же, какъ овсянки. Иные виды живутъ въ лѣсу, избѣгая открытыхъ луговъ, другіе гнѣздятся въ богатыхъ водою мѣстностяхъ на берегахъ рѣкъ, третьи селятся на поляхъ и лугахъ, иные даже на морскомъ побережьи и нѣкоторые, наконецъ, замѣняютъ собою въ Новомъ Свѣтѣ нашихъ воробьевъ.

Сѣверъ Америки оживляетъ бѣлогорлый воробей (Zonotrichia albicollis); отъ верхней и задней части головы его, окрашенныхъ въ черный цвѣтъ, тянется узкая бѣловатая полоса по срединѣ, а надъ глазами проходитъ такая же широкая бровная полоса; щеки и ушная область у него пепельно-сѣрыя, подбо-

родокъ и горло бѣлые, нижняя сторона, за исключеніемъ буровато-сѣраго зоба и ржаво-буроватыхъ боковъ — бѣлая, причемъ бока покрыты темными продольными полосками, верхняя сторона и кроющія перья крыльевъ ржаво-бурыя, перья на спинѣ и на плечахъ съ черными пятнами на стержняхъ, маховыя и рулевыя перья оливково-бурыя. Глаза орѣхово-каріе, верхняя створка клюва бураго рогового цвѣта, нижняя створка свѣтло-голубая, ноги мясного цвѣта. Длина 17 см.

Птица эта распространена во всѣхъ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки, на сѣверѣ же этого материка появляется только во время перелета, а на югѣ — только зимою. Въ іюнѣ, въ періодъ спариванья, самецъ бываетъ чрезвычайно оживленъ и усердно распѣваетъ единственную строфу своей пѣсенки, состоящей изъ двѣнадцати различныхъ тоновъ, часто въ забавномъ видѣ передаваемыхъ народомъ, и которая поется очень однообразно, такъ что подъ конецъ надоѣдаетъ.

Въ иныхъ мѣстахъ бѣлогорлаго воробья ловятъ съ тою цѣлью, чтобы употреблять въ пищу его вкусное мясо или чтобы держать его въ клѣткѣ. Сидя въ клѣткѣ, онъ доставляетъ обладателямъ своимъ удовольствіе, тѣмъ что весною распѣваетъ обыкновенно по ночамъ, какъ привыкъ это дѣлать на родинѣ.

Другой представитель разсматриваемаго рода — снѣжный вьюрокъ (Zonotrichia hiemalis) заслуживаетъ быть упомянутымъ здѣсь, потому, что однажды прилеталъ на о. Исландію. Длина его 15 см. Голова и верхнія части тѣла у него темнаго аспидно-сѣраго цвѣта, нижнія части, начиная съ груди, бѣлыя, маховыя перья и ихъ покровныя перья темно-бурыя съ буроватыми полосками, хвостовыя перья буровато-черныя, оба крайнихъ пера бѣлыя, причемъ третье перо съ каждой стороны снабжено продолговатымъ бѣлымъ пятномъ на стержнѣ. Глаза темно-каріе, клювъ бѣлый роговой съ красноватымъ оттѣнкомъ, ноги мясного цвѣта.

Снѣжный вьюрокъ встрѣчается въ сѣверной части Соединенныхъ Штатовъ вплоть до полярнаго круга. Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ своего семейства и въ бо́льшей части Сѣверной Америки по крайней мѣрѣ временами встрѣчается часто. Это обитатель горъ и сѣвера; въ Соединенныхъ Штатахъ онъ появляется въ концѣ октября и покидаетъ ихъ около конца апрѣля. Въ одно прекрасное утро этихъ птицъ во множествѣ можно видѣть тамъ, гдѣ наканунѣ не было ни одной. Сначала снѣжные вьюрки держатся небольшими обществами въ 20—30 штукъ и пребываютъ на лѣсныхъ опушкахъ, въ жилыхъ изгородяхъ и заборахъ; затѣмъ они собираются въ болѣе обширныя толпы, а передъ бурей — въ стаи, въ которыхъ этихъ птицъ насчитываются цѣлыя тысячи. Пока земля еще не покрыта снѣгомъ, снѣжный вьюрокъ питается сѣменами травъ, ягодами и насѣкомыми, нерѣдко въ обществѣ древесныхъ куръ, дикихъ индюковъ, а также бѣлокъ, которые питаются тѣмъ же кормомъ. Когда же выпадаетъ снѣгъ и покрываетъ тѣ мѣста, гдѣ снѣжный вьюрокъ отыскивалъ себѣ пищу, то онъ начинаетъ прилетать въ крестьянскіе дворы, появляется на проѣзжихъ дорогахъ и, наконецъ, на городскихъ улицахъ, довѣряется защитѣ человѣка и ежедневно довѣріе этой птички жестоко обманывается, ее ловятъ сотнями и лишь иногда добрые люди кормятъ ее и оказываютъ ей покровительство. Снѣжный вьюрокъ довѣрчиво подпускаетъ къ себѣ прохожаго или всадника и только тогда улетаетъ, когда можетъ опасаться, что приближающійся человѣкъ задѣнетъ его. Въ началѣ весны онъ покидаетъ города и села, чтобы летѣть въ свои горы или на свой родной сѣверъ.

Вскорѣ послѣ прибытія на настоящую свою родину снѣжный вьюрокъ приступаетъ къ размноженію. Самцы сильно дерутся между собою. Въ то же время они предаются своему простому, но пріятному пѣнію, въ которомъ главную часть составляютъ нѣсколько звучныхъ и протяжныхъ тоновъ. Плѣнные снѣжные вьюрки иногда попадаютъ въ клѣтки къ европейцамъ, но не пріобрѣтаютъ симпатіи своихъ хозяевъ.

Отъ настоящихъ вьюрковъ снигиревыя птицы (Pyrrhulinae) отличаются тѣмъ, что у нихъ клювъ при основаніи окруженъ щетинками. Клювъ обыкновенно бываетъ очень короткій и высокій.

*

Лѣсная канарейка или зеленушка (Chloris hortensis, рис. на стр. 136) характеризуется крѣпкимъ сложеніемъ, короткимъ конусообразнымъ клювомъ со втянутыми, острыми краями; ноги у нея съ короткой плюсной, крылья средней длины, и остріе ихъ образуется тремя передними маховыми перьями, хвостъ довольно короткій. Длина птицы 12 см. Преобладающій цвѣтъ оперенія пріятный оливково-желтовато-зеленый; край лба, глазная полоска, задняя часть щеки, подбородокъ и верхняя часть горла болѣе яркаго и притомъ болѣе желтаго цвѣта, нижняя часть груди, брюшко, нижнія кроющія перья хвоста и край крыла яркаго лимонно-желтаго цвѣта, большія маховыя перья черныя, на концахъ сѣрыя, первыя шесть маховыхъ перьевъ снаружи, кромѣ трети, прилегающей къ кончику, яркаго лимонно-желтаго цвѣта, малыя маховыя перья и ихъ покровныя перья — черныя, снаружи окаймленныя пепельно-сѣрой каемкой, прочія верхнія кроющія перья крыла оливково-желтовато-зеленыя, всѣ маховыя перья съ внутренней стороны при основаніи снабжены бѣлой каемкой, хвостовыя перья, за исключеніемъ двухъ среднихъ, въ половинѣ, прилегающей къ основанію, лимонно-желтаго цвѣта, въ остальной части черныя. Радужная оболочка темно-каряя, клювъ и ноги красновато-сѣроватыя. Самка окрашена менѣе ярко.

За исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ частей Европы, лѣсная канарейка водится по всей Европѣ, а также живетъ въ сѣверо-западной Африкѣ и въ Малой Азіи до Кавказскихъ горъ. Очень часто она встрѣчается въ южной Европѣ, а именно въ Испаніи, но и въ Германіи не представляетъ собою рѣдкаго явленія. Эта птица всего охотнѣе селится въ плодородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ небольшія рощи перемежуются съ полями, лугами и садами, во множествѣ встрѣчается въ низменностяхъ, держится по близости отъ жилыхъ строеній, но избѣгаетъ лѣсовъ. Въ средней Европѣ эта птица странствующая, въ южной Европѣ — осѣдлая.

Только во время перелета зеленушка соединяется въ многочисленныя стаи съ родственными ей птицами — зябликами, сарками, красноголовыми воробьями, обыкновенными овсянками, обыкновенными коноплянками и др. Въ остальное время зеленушки живутъ парами или семьями. Онѣ выбираютъ себѣ постояннымъ мѣстомъ жительства небольшую рощу или садъ, здѣсь на какомъ-нибудь густомъ деревѣ ночью спятъ, и отсюда отправляются искать себѣ кормъ. Въ теченіе дня зеленушку можно видѣть преимущественно на землѣ, гдѣ она подбираетъ всевозможныя сѣмена. Завидѣвъ какую нибудь опасность, она взлетаетъ на ближайшее дерево и прячется въ листвѣ на верхушкѣ. Хотя она кажется неуклюжей, но въ сущности очень рѣзва и проворна. Походка у нея прыгающая, но довольно ловкая, полетъ довольно легкій, дугообразный. Взлетая на воздухъ, она обыкновенно издаетъ свой призывъ — короткое „чик“ или „чек“, нерѣдко часто повторяя его. Нѣжность выражается тихимъ, но далеко разносящимся звукомъ „цвуй“ или „швунш“. Тотъ же звукъ издается въ видѣ предостереженія, но въ такомъ случаѣ сопровождается мягкимъ и звонкимъ свистомъ. Тамъ, гдѣ зеленушка считаетъ себя въ безопасности, она не особенно боязлива, а въ обществѣ другихъ птицъ очень осторожна.

Сѣмена самыхъ разнообразныхъ растеній, между прочимъ и ядовитыхъ, главнымъ образомъ маслянистыя сѣмена, какъ, напр., рѣпное сѣмя, сѣмя полевой горчицы, конопляное сѣмя и т. п. составляютъ пищу зеленушки.

Она обыкновенно выводитъ птенцовъ дважды въ годъ, а въ хорошее лѣто даже трижды. Гнѣздо располагается на деревьяхъ или высокихъ живыхъ изгородяхъ, между развѣтвленіемъ сучьевъ или около самаго ствола и сооружается изъ разныхъ матеріаловъ, смотря по обстоятельствамъ. Основу гнѣзда составляютъ сухіе прутики и корешки, кусочки пырея, сухіе злаки и корешки травы; за этимъ слоемъ обыкновенно слѣдуетъ другой слой изъ болѣе тонкихъ веществъ подобнаго

же рода, смѣшанныхъ съ зеленымъ земляным мхомъ или лишаями, а также съ комочками пуха. Углубленіе выстилается крайне нѣжными корешками и стебельками, на которыхъ и между которыми раскладываются волоса лошадей, оленей, козулей, а иногда и маленькіе комочки животной шерсти. Яйца несутся въ первый разъ въ концѣ апрѣля, во второй разъ въ іюнѣ, а если потомство выводится въ третій разъ, то яйца кладутся въ началѣ августа. Яйца, числомъ 4—6, очень округленныя, съ тонкой и гладкой скорлупой и на голубовато-бѣломъ или серебристомъ фонѣ покрыты блѣдно-красными, явственными или расплывчатыми крапинками и точками, особенно обильными на тупомъ концѣ. Самка одна сидитъ на яйцахъ.

Наши мелкія хищныя животныя, а также бѣлки, землеройки, вороны, сороки, сойки и сорокопуты разрушаютъ гнѣзда зеленушекъ, ловятъ также старыхъ птицъ, если это только возможно. Тѣмъ не менѣе зеленушки скорѣе увеличиваются, нежели уменьшаются численно.

*

Водящіяся только на сѣверѣ коноплянки (Acanthis) принимаются за особый родъ. Признаки ихъ — вполнѣ конусообразный, круглый, короткій, острый клювъ, довольно длинныя, узкія, острыя крылья и вырѣзанный на концѣ, остроконечный хвостъ.

У обыкновенной коноплянки (Acanthis cannabina, рис. на стр. 136) лобъ буровато-желтовато-бѣлый, темя великолѣпнаго карминно-краснаго цвѣта, задніе бока головы и шея пепельно-сѣрые съ красновато-желтыми полосками, задняя часть спины и плечи коричнево-бурыя, горло и глотка буровато-бѣлыя съ темно-сѣрыми полосками и пятнами, середина груди, брюшка и нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя, бока груди яркаго карминно-краснаго цвѣта, перья въ пахахъ свѣтло-коричневыя, черныя большія маховыя перья снаружи и внутри бѣлоснѣжныя, на концѣ свѣтло-буроватыя, черно-бурыя малыя маховыя перья украшены болѣе свѣтлой и широкой каемкой свѣтло-коричневаго цвѣта, перья хвоста черныя, съ обѣихъ сторонъ отороченныя блестящей бѣлой полоской, верхнія покровныя перья хвоста съ черной и бѣлой каемкой. Радужная оболочка темно-каряя, клювъ свинцово-сѣрый, при основаніи темнѣе, ноги красновато-сѣрыя. Длина 13 см.

Обыкновенная коноплянка водится во всей Европѣ, въ Малой Азіи и Сиріи и появляется во время перелета въ сѣверо-западной Африкѣ, но рѣдко залетаетъ въ Египетъ. Въ Германіи ее вездѣ можно часто встрѣтить, чаще всего въ холмистыхъ мѣстностяхъ. Коноплянка избѣгаетъ высокихъ горъ, а также обширныхъ лѣсныхъ пространствъ.

На далекомъ сѣверѣ Европы коноплянку замѣняетъ желтоносъ (Acanthis flavirostris). Опереніе верхней стороны черно-бурое съ ржавыми каемками по краямъ перьевъ, надхвостье и грудь ржаво-бурыя, въ остальныхъ частяхъ своихъ нижняя сторона бѣлаго цвѣта. У самки надхвостье лишено красныхъ перьевъ. Длина 13 см.

Коноплянка — одинъ изъ самыхъ милыхъ и привлекательныхъ вьюрковъ, не говоря уже объ ея пѣніи, благодаря которому она является одной изъ любимыхъ комнатныхъ птицъ. Эта птица общительная, рѣзвая, живая, довольно робкая и всегда живущая, за исключеніемъ періода вывода птенцовъ, небольшими обществами или большими стаями. Осенью, обыкновенно уже въ августѣ, коноплянки собираются въ большія общества въ 100 и болѣе экземпляровъ. Зимою онѣ смѣшиваются съ зеленушками, съ зябликами, красноголовыми воробьями и обыкновенными овсянками. Весною, послѣ спариванья, коноплянки отдѣляются другъ отъ друга, но часто мирно выводятъ птенцовъ по сосѣдству другъ съ другомъ. Полетъ ихъ легкій, довольно быстрый, совершается какъ бы толчками, при чемъ коноплянки немного порхаютъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда готовятся сѣсть, и летая, часто описываютъ круги. Нерѣдко коноплянка во время

полета приближается къ землѣ, такъ что кажется, будто она собирается сѣсть; но часто она поднимается вверхъ и летитъ еще довольно далеко. По землѣ она прыгаетъ недурно. Распѣвая на деревьяхъ, коноплянка обыкновенно садится на самую верхушку или на одиноко торчащую вѣтку; она поетъ также на кустахъ, главнымъ образомъ на кустахъ сосенъ и елей, вообще любитъ сидѣть на верхушкѣ дерева даже и тогда, когда не поетъ.

Пѣніе ея, чуть-ли не лучшее изъ всѣхъ вьюрковъ, начинается обыкновенно звукомъ „гек гек“; къ этимъ звукамъ прибавляются пѣвучіе, звучные тона, которые поются очень разнообразно и съ большимъ увлеченіемъ. Самцы, пойманные еще молодыми, легко выучиваются пѣть пѣсни другихъ птицъ или свистать какую нибудь арію.

Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ коноплянка приступаетъ къ сооруженію гнѣзда и въ теченіе лѣта выводитъ птенцовъ по крайней мѣрѣ дважды, обыкновенно даже трижды. Гнѣздо чаще всего устраивается на лѣсныхъ опушкахъ или въ рощахъ, а также въ кустахъ, стоящихъ отдѣльно; помѣщается гнѣздо невысоко надъ землею, снаружи состоитъ изъ прутиковъ, корешковъ и стебельковъ травы, изъ вереска и т. п., причемъ матеріалы по направленію внутрь избираются все болѣе тонкіе и такимъ образомъ составляется второй слой. Въ гнѣздо кладется 4—5 яицъ, покрытыхъ рѣдкими блѣдно-красными, темно-красными и коричневыми точками и жилками по бѣловато-голубоватому фону. Высиживаетъ ихъ одна самка; птенцы вылупляются изъ яицъ черезъ 13—14 дней, и молодыя птицы, особенно птицы послѣдняго вывода, выкармливаются обоими родителями, причемъ кормомъ имъ служатъ различныя зерна, предварительно размягченныя въ зобу. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ часто подлетаетъ къ ней и усердно распѣваетъ на какомъ нибудь сосѣднемъ деревѣ. Въ противоположность зябликамъ, коноплянки въ періодъ вывода птенцовъ живутъ между собою мирно. Самцы многихъ самокъ, сидящихъ на яйцахъ по близости другъ къ другу, нерѣдко летаютъ вмѣстѣ и вмѣстѣ поютъ около гнѣздъ, не вступая въ ссоры.

Коноплянка питается почти исключительно сѣменами, но тѣмъ не менѣе нигдѣ не считается очень вредной; вредъ она приноситъ только тѣмъ, что поѣдаетъ сѣмена рѣпы, салата и другихъ полезныхъ огородныхъ растеній, но вмѣнять этого въ слишкомъ большое преступленіе этой птицѣ невозможно. Главную массу корма доставляютъ коноплянкѣ сорныя травы. Она ѣстъ сѣмена подорожника, одуванчика, сѣмена всѣхъ видовъ капусты, мака, конопли и кормовой рѣпы, а также сѣмена разныхъ травъ.

Коноплянка вполнѣ справедливо считается одной изъ самыхъ пріятныхъ комнатныхъ птицъ. Она совсѣмъ не притязательна, часто искренно привязывается къ своему хозяину, вырастившему ее, и усердно распѣваетъ почти круглый годъ.

Въ средней Европѣ часто появляется сѣверный видъ рода коноплянокъ, а а именно чечотка (Acantis linaria). У нея лобъ и темя темнаго карминно-краснаго цвѣта, задняя часть головы и прочія верхнія части тѣла тускло-ржаво-бурыя съ темно-бурыми продольными полосками, перья надхвостья блѣднаго карминно-краснаго цвѣта, верхнія покровныя перья хвоста темно-бурыя, щеки и ушная область ржаво-бурыя съ полосками потемнѣе, передняя часть щекъ, горло, зобъ и бока груди карминно-красныя, перья на серединѣ горла съ узенькой бѣловатой каемкой, прочія нижнія части тѣла бѣлыя, маховыя перья очень темнаго бураго цвѣта, на крыльяхъ двѣ свѣтлыя полосы, хвостовыя перья очень темнаго бураго цвѣта. Глаза темно-каріе, верхняя створка клюва голубого рогового цвѣта, нижняя створка желтая, ноги сѣровато-бурыя. Длина 13 см.

Водится чечотка въ холодномъ поясѣ Стараго и Новаго Свѣта до той линіи, за которой уже не растетъ лѣсъ. Отсюда чечотка ежегодно отправляется въ болѣе южныя страны и тогда во множествѣ появляется и въ Германіи.

Только исходивъ или по крайней мѣрѣ посѣтивъ лѣса далекаго сѣвера, можно понять, почему чечотка не всякую зиму въ одинаковомъ числѣ появляется въ средней Европѣ. Когда на сѣверѣ сѣмена березы были неудачны и чечотка испы-

тываетъ недостатокъ въ пищѣ, то она бываетъ вынуждена направиться въ болѣе южныя страны.

Чечотка такъ же связана съ березовыми лѣсами, какъ клестъ съ хвойными лѣсами. Чечотка среди березъ находитъ себѣ зимою сѣмена, а лѣтомъ, во время вывода птенцовъ, — насѣкомыхъ, а именно огромное количество комаровъ. Вскорѣ послѣ прибытія на мѣста высиживанія эти птицы, вообще очень общительныя, раздѣляются на пары, готовясь вить гнѣзда. Гнѣздо помѣщается большею частью невысоко надъ землей на какой-нибудь большой березѣ, по способу постройки болѣе всего походитъ на гнѣздо обыкновенной коноплянки, по формѣ напоминаетъ чашку и состоитъ изъ тонкихъ вѣточекъ, составляющихъ основу гнѣзда, изъ злаковъ, мха, лишаевъ и волосъ, образующихъ стѣнки, а внутри устлано перьями. Кладка яицъ, въ числѣ 3—5, оканчивается не раньше половины іюня; яйца испещрены темно-красными и свѣтло-бурыми пятнами и точками по свѣтло-зеленому полю.

Чечотка существо безвредное и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойное, ловкое и рѣзвое. Лазаетъ она лучше всѣхъ своихъ родственниковъ и въ этомъ отношеніи можетъ соперничать не только съ клестами, но и съ подвижными синицами. Прелестное зрѣлище представляютъ собою березы, тонкія вѣтки которыхъ покрыты множествомъ этихъ милыхъ птицъ! По этимъ вѣтвямъ качается и лазаетъ все общество въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и усердно добываетъ себѣ сѣмена изъ сережекъ. По землѣ эта птица также прыгаетъ хорошо. Призывной кликъ ея звучитъ вродѣ „чет чек“ и издается всѣми птицами, когда онѣ взлетаютъ на воздухъ; къ этимъ звукамъ часто прибавляется еще нѣжное „майн“. Пѣніе слагается главнымъ образомъ изъ этихъ двухъ звуковъ, которые соединяются безсвязнымъ щебетаньемъ и заканчиваются чѣмъ то вродѣ трели.

Попавшись въ клѣтку, эта милая птичка безъ дальнихъ затрудненій клюетъ кормъ, очень быстро становится совсѣмъ ручною, довольствуется простой пищей, забавляетъ человѣка своей подвижностью и своими гимнастическими штуками, скоро искренно привязывается къ другимъ маленькимъ птицамъ и ласкаетъ ихъ на разные лады. Общительность часто губитъ чечотку, такъ какъ, поймавъ одну птицу, нетрудно овладѣть и другими, привлекаемыми призывомъ первой.

*

Чижи. (Chrysomitris) отличаются длиннымъ, остроконечнымъ, наверху слегка согнутымъ клювомъ, короткими когтями на пальцахъ и сравнительно длинными крыльями.

У обыкновеннаго чижа (Chrysomitris spinus) вся верхняя часть головы и затылокъ черные, задняя часть шеи, спина и плечи желтовато-зеленыя съ темными продольными полосками; переднія части щекъ, горло, бока шеи, зобъ и верхняя часть груди красиваго оливково-желтаго цвѣта, нижняя часть груди, брюшко и бока почти бѣлые, верхнія кроющія перья хвоста зеленыя, маховыя перья буровато-черныя, кроющія перья крыльевъ оливково-зеленыя, хвостовыя перья желтыя съ черными кончиками. Глаза темно-каріе, клювъ мясного цвѣта съ черноватымъ кончикомъ, ноги бурыя. У самки перья верхней стороны зеленовато-бурыя, перья нижней стороны грязновато-бѣлыя съ темными пятнами на стержняхъ, крылья и хвостъ замѣтно блѣднѣе, чѣмъ у самца. Длина 12 сантим.

Чижъ водится во всей Европѣ и Азіи, пока встрѣчаются лѣсныя пространства, и на сѣверъ забирается до параллели, проходящей по серединѣ Норвегіи. Въ Германіи это бродячая птица, которая, за исключеніемъ періода вывода птенцовъ, кочуетъ по всей странѣ, но рѣдко покидаетъ предѣлы Германіи; въ сѣверныхъ странахъ — это птица странствующая и часто при этомъ заходитъ въ Германію, гдѣ проводитъ зиму. Лѣтомъ чижъ живетъ въ хвойныхъ лѣсахъ гористыхъ мѣстностей, здѣсь выводитъ свое потомство и отсюда отправляется на свои кочевки. Въ иныя зимы чижи тысячами появляются въ деревняхъ или около деревень; въ другія зимы они встрѣчаются здѣсь лишь въ одиночку, да и то рѣдко. Чижъ избѣгаетъ безлѣсныхъ мѣстностей и почти всегда пребываетъ на верхнихъ вѣтвяхъ деревьевъ.

„Жизнь животныхъ Брэма". Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ЩЕГЛЕНОКЪ, ЧИЖИКЪ и СНИГИРЬ.

„Чижикъ“, по словамъ Науманна, всегда бываетъ рѣзвъ, проворенъ и смѣлъ, перья свои всегда содержитъ въ порядкѣ, хотя большею частью они не плотно прилегаютъ къ его тѣлу, быстро двигается взадъ и впередъ, вертитъ постоянно задней частью тѣла, поднимается вверхъ и лазаетъ великолѣпно, можетъ головою внизъ привѣшиваться къ концамъ качающихся вѣтвей, быстро прыгать вверхъ и внизъ по вертикальнымъ, тонкимъ прутьямъ и въ этомъ отношеніи мало уступаетъ синицамъ. На вѣтвяхъ онъ садится на весьма различныя мѣста и нигдѣ не сидитъ спокойно, если только не ѣстъ. По землѣ онъ также легко и быстро прыгаетъ, хотя избѣгаетъ этого. „Полетъ его колеблющійся, быстрый и легкій, поэтому онъ не задумывается перелетать большія пространства и взлетать на значительную высоту. Призывъ его звучитъ какъ „треттет“ или „теттертет тет“, и какъ „ди ди“ или „дидилей“. Послѣдними звуками самецъ обыкновенно начинаетъ также свое пѣніе, не превосходное, но довольно пріятное щебетанье, къ которому на концѣ присовокупляется протяжное „дидидлидлидейдээ“. Чижикъ не подозрителенъ и довѣрчивъ, любитъ общество, трусливъ, миролюбивъ и до извѣстной степени легкомысленъ, по крайней мѣрѣ легко мирится съ неволей. Въ качествѣ комнатной птицы онъ очень пріятенъ. Онъ хорошо поддается обученію и выучивается всевозможнымъ штукамъ, почти никакихъ претензій не предъявляетъ насчетъ пищи, уживается со всякими другими птицами, въ обществѣ которыхъ ему приходится жить, къ хозяину своему привязывается беззавѣтно, пріучается вылетать и влетать въ комнату, прислушиваться къ зову и летитъ на него и при тщательномъ уходѣ выводитъ въ неволѣ птенцовъ не хуже всякой другой птицы, лишенной свободы.

Пищу его составляютъ разныя сѣмена, главнымъ образомъ сѣмена деревьевъ, молодыя почки и листья, а во время вывода птенцовъ — насѣкомыя. Молодыя птицы выкармливаются исключительно насѣкомыми, главнымъ образомъ личинками, тлями и т. д.; вскорѣ послѣ того, какъ молодыя птицы вылетѣли изъ гнѣзда, родители ведутъ ихъ въ фруктовые сады, болѣе богатые насѣкомыми, чѣмъ лѣсныя чащи.

Гнѣзда строятся не совсѣмъ одинаково, но состоятъ главнымъ образомъ изъ сухихъ прутиковъ, изъ древеснаго мха и лишаевъ хвойныхъ деревьевъ, овечьей шерсти и т. п.; эти матеріалы крѣпко сплетаются паутиной гусеницъ, а внутри гнѣздо бываетъ плотно выложено корешками, растительнымъ пухомъ, волокнами лишаевъ, стебельками мха, листиками травы и перьями. Стѣнки гнѣзда очень толстыя, а углубленіе довольно глубокое. Яйца, число которыхъ бываетъ 5—6, по формѣ, величинѣ и окраскѣ различны, они покрыты по бѣловато-голубоватому или блѣдно-зеленовато-голубоватому фону болѣе или менѣе явственными точками, пятнами и жилками. Самка высиживаетъ яйца одна, въ это время самецъ кормитъ ее измельченной въ зобу пищей; молодые чижики вылупляются черезъ 13 дней. Птенцовъ родители воспитываютъ общими силами.

Чижу приходится выносить нападенія многихъ враговъ, и часто его довѣрчивость и общительность являются причиной его гибели отъ людей и хищныхъ животныхъ.

*

Отличительными признаками всѣмъ извѣстнаго щегленка (Carduelis elegans), представителя бѣднаго видами и водящагося въ Старомъ Свѣтѣ рода щеглятъ (Carduelis) служатъ: круглый, сильно вытянутый и острый клювъ, немного загнутый книзу, короткія, плотныя ноги съ длинными пальцами и острыми когтями, острыя крылья, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ пять первыхъ длиннѣе остальныхъ, средней длины хвостъ съ небольшой выемкой и неплотно прилегающее опереніе. Опереніе очень пестрое. Узенькая полоска вокругъ клюва, уздечка, середина темени и задняя часть головы совсѣмъ черныя, лобъ, заднія части щекъ и горло ярко-карминно-краснаго цвѣта, виски и щеки бѣлые, затылокъ, плечи и спина желтоватые, зобъ и бока груди свѣтлаго красновато-бураго цвѣта, глотка, надхвостье и еще не упомянутыя нижнія части тѣла бѣлыя, маховыя

перья совершенно черныя, причемъ третья часть ихъ, прилежащая къ основанію, снаружи ярко-желтая (за исключеніемъ перваго пера); близъ конца маховыя перья украшены бѣловатымъ щиткомъ, постепенно увеличивающимся по направленію назадъ. Глаза орѣхово-каріе, клювъ красновато-бѣлый съ чернымъ кончикомъ, ноги синеватаго мясного цвѣта. Самецъ и самка такъ похожи другъ на друга, что ихъ трудно различить. Молодыя птицы лишены красныхъ перьевъ на головѣ и на хвостѣ. Длина 13 см.

Начиная съ средней Швеціи щегленокъ водится по всей Европѣ; онъ встрѣчается также на о. Мадейрѣ, на Канарскихъ островахъ, въ сѣверо-западной Африкѣ и въ значительной части Азіи, начиная съ Сиріи и до Сибири. На островѣ Кубѣ щегленокъ одичалъ, на Новую Зеландію ввезенъ и распространился тамъ успѣшно. Внутри той области, гдѣ онъ вообще встрѣчается, щегленокъ повидимому водится вездѣ; по мѣрѣ распространенія культуры плодовъ онъ увеличивается численно, прекрасно приспособляется къ различнымъ обстоятельствамъ, но далеко не вездѣ встрѣчается въ одинаковомъ количествѣ. Въ Германіи эти птицы собираются въ общества въ началѣ осени и затѣмъ иногда странствуютъ обществами въ нѣсколько сотенъ головъ. Къ зимѣ эти общества разбиваются на болѣе мелкія группы, которыя цѣлыми недѣлями живутъ вмѣстѣ. Для вывода птенцовъ щеглята избираютъ такія мѣстности, гдѣ преобладаютъ лиственные лѣса или фруктовые сады. Щегленокъ не можетъ считаться обитателемъ лѣса въ строгомъ значеніи слова; охотнѣе, чѣмъ въ лѣсныхъ пространствахъ, онъ селится въ садахъ или въ паркахъ, на дорогахъ, выгонахъ, лугахъ и т. п. мѣстахъ, и здѣсь выводитъ обыкновенно свое потомство.

Щегленокъ чрезвычайно симпатичная птица, искусно управляющая своими движеніями, безпокойная, ловкая, смышленая и хитрая, держится мило и стройно и производитъ такое впечетлѣніе, точно сознаетъ свою красоту. Какъ настоящая древесная птица, щегленокъ лишь неохотно спускается на землю и двигается по землѣ довольно неловко; зато лазаетъ онъ не хуже синицы, подвѣшивается снизу къ самымъ тонкимъ вѣткамъ на подобіе чижа, и цѣлыя минуты пребываетъ въ такомъ положеніи. Полетъ у него легкій и быстрый, притомъ волнообразный, какъ у большинства вьюрковъ; порхаетъ щегленокъ только тогда, когда собирается сѣсть. Отдыхать онъ предпочитаетъ на вершинахъ деревьевъ или кустовъ, но никогда долго не остается на одномъ мѣстѣ, такъ какъ слишкомъ для этого безпокоенъ. По отношенію къ человѣку онъ всегда остороженъ, но робокъ становится лишь тогда, когда уже подвергался преслѣдованіямъ. Съ другими птицами онъ живетъ мирно, хотя часто задѣваетъ ихъ. Призывный голосъ его напоминаетъ его нѣмецкое названіе и состоитъ изъ звуковъ „штиглит“, „пикельнит“ и „пикельник ки клейя“, которые издаются сидя и во время полета. Предостерегающій крикъ это нѣжное „май“; рѣзкій звукъ „рэрэрэрэ“ является знакомъ непріятнаго волненія. Молодые щеглята кричатъ: „циф лици ци“ и т. п. Самецъ поетъ громко и пріятно, хотя нѣкоторые издаваемые имъ тона менѣе звучны, чѣмъ тона, издаваемые коноплянкой; пѣніе щегленка отличается разнообразіемъ и притомъ такъ весело, что любители очень цѣнятъ эту птицу именно за ея голосъ. Въ неволѣ щегленокъ поетъ почти круглый годъ; на свободѣ онъ умолкаетъ только во время линянія и въ очень дурную погоду.

Пища его состоитъ изъ различныхъ сѣмянъ, особенно же изъ березовыхъ, ольховыхъ, а также изъ сѣмянъ чертополоха, репейника, лопуха и т. п. и потому тамъ, гдѣ есть эти послѣднія растенія, можно разсчитывать найти щегленка. Лѣтомъ онъ кромѣ того поѣдаетъ насѣкомыхъ и ими кормитъ своихъ птенцовъ Слѣдовательно, пользу онъ приноситъ во всякое время года, истребляя сѣмена сорныхъ растеній и уничтожая насѣкомыхъ.

Гнѣздо, представляющее собою искусное сооруженіе изъ разныхъ плотно переплетенныхъ матеріаловъ, устраивается въ рѣдкихъ лиственныхъ лѣсахъ или въ фруктовыхъ садахъ, часто въ цвѣтникахъ и въ непосредственной близости къ домамъ, обыкновенно на высотѣ 6—8 метровъ надъ землею; чаще всего оно помѣщается на раздваивающемся суку на верхушкѣ дерева и притомъ такъ ловко

бываетъ скрыто, что снизу его можно видѣть лишь послѣ того, какъ облетитъ листва. Внѣшнюю часть стѣнокъ образуютъ зеленые древесные лишаи и земляной мохъ, тонкіе корешки, сухія травки, волокна и перья, связанныя между собою паутиной насѣкомыхъ; внутри же гнѣздо выстилается пухомъ чертополоха, который придерживается тонкимъ слоемъ лошадиныхъ волосъ или свиной щетины. Архитекторомъ является самка, самецъ же во время сооруженія гнѣзда забавляетъ ее своимъ усерднымъ пѣніемъ, но рѣдко самъ благоволитъ принять участіе въ постройкѣ. Въ гнѣздо кладется 4—5 яичекъ съ нѣжной и тонкой скорлупой; по бѣлому или голубовато-зеленоватому фону они скудно покрыты фіолетово-сѣрыми точками, причемъ на тупомъ концѣ яйца крапинки располагаются въ видѣ вѣночка. Кладка рѣдко заканчивается ранѣе мая мѣсяца, и вѣроятно парочки щеглятъ выводятъ птенцовъ только одинъ разъ въ лѣто. На яйцахъ сидитъ одна самка, а птенцы вылупляются по истеченіи 13—14 дней. Слабые птенцы на первыхъ порахъ выкармливаются мелкими личинками насѣкомыхъ, затѣмъ имъ даютъ насѣкомыхъ и сѣмена; молодые птицы, вылетѣвшія изъ гнѣзда, еще долгое время находятся подъ руководствомъ родителей. Подобно коноплянкѣ, щегленокъ кормитъ своихъ птенцовъ, пока они не вырастутъ, если ихъ заключаютъ въ клѣтку раньше, чѣмъ они покинули гнѣздо.

*

Клювъ у желтыхъ снигирей (Serinus) маленькій, короткій, толстый и тупой, на верху немного выпуклый, по изогнутымъ дугообразно краямъ втянутъ, передъ кончикомъ снабженъ небольшой выемкой; ноги съ довольно короткой плюсной и съ не очень длинными пальцами, вооруженными маленькими, не сильно изогнутыми когтями, крылья умѣренной длины и острыя, въ нихъ второе и третье маховыя перья самыя длинныя, хвостъ средней длины съ довольно глубокимъ вырѣзомъ на концѣ.

Изъ представителей этого рода въ Германіи водится желтозобикъ (Serinus hortulanus). Его длина равняется 12,5 см. Преобладающая окраска оперенія — красивый зеленый цвѣтъ; задняя часть головы, спина и плечи зеленовато-желтоватыя съ расплывающимися черноватыми продольными полосками, лобъ, глазная полоска и полоса на затылкѣ, надхвостье и нижнія части тѣла блѣднаго золотисто-желтаго цвѣта, причемъ яркость окраски уменьшается по направленію къ брюшку и на нижнихъ покровныхъ перьяхъ хвоста переходитъ въ бѣлый цвѣтъ, грудь и бока брюшка покрыты большими, совсѣмъ черными продольными пятнами, большія маховыя перья черно-бурыя, малыя маховыя перья такого же цвѣта, перья на плечахъ съ широкими зеленовато-бѣлыми полосками и краями, рулевыя перья буровато-черныя. Радужная оболочка свѣтло-каряя, клювъ сѣраго рогового цвѣта, снизу красновато-сѣрый, ноги желтоватаго мясного цвѣта.

Первоначально желтозобикъ жилъ въ южной Европѣ и въ Малой Азіи, но мало по малу распространился въ болѣе сѣверныхъ странахъ, до сихъ поръ продолжаетъ пробираться на сѣверъ и поселяется въ такихъ областяхъ, гдѣ о немъ еще въ прошломъ поколѣніи не было и помину.

Въ Германіи желтозобикъ является странствующей птицей, которая аккуратно появляется весной, а именно въ послѣднихъ числахъ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля, и остается до поздней осени. По всей южной Европѣ эта птица перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто, но не предпринимаетъ настоящаго странствованія. Здѣсь она встрѣчается чаще, нежели въ Германіи, населяетъ всевозможныя мѣстности, даже довольно высокія вершины горъ. Особенно любитъ желтозобикъ селиться въ садахъ, близъ которыхъ расположены огороды; поэтому въ Германіи онъ въ иныхъ мѣстностяхъ встрѣчается очень часто, а въ другихъ, неподалеку отъ первыхъ, вовсе не встрѣчается.

Желтозобикъ хорошенькая, живая и привлекательная птичка, всегда рѣзвая и веселая, общительная и миролюбивая, пока любовь не раздѣлитъ общества на отдѣльныя пары и не породитъ вражды и борьбы. Въ Германіи сначала появляются самцы; самки прилетаютъ позднѣе. Самцы тотчасъ же обращаютъ на

себя вниманіе своимъ пѣніемъ и своей безпокойной возней, садятся на верхушки деревьевъ, опускаютъ крылышки, немножко вздергиваютъ хвостикъ, постоянно вертятся во всѣ стороны и при этомъ усердно распѣваютъ. Гофманнъ удачно сравниваетъ пѣніе желтозобика съ болѣе мягкимъ пѣніемъ лѣсной завирушки. Особенной прелестью пѣніе желтозобика не отличается: оно слишкомъ однообразно и содержитъ въ себѣ слишкомъ много чирикающихъ звуковъ; но я долженъ признаться, что мнѣ это пѣніе всегда нравилось. Оно до извѣстной степени можетъ быть передано звуками „гирнгриттерль“.

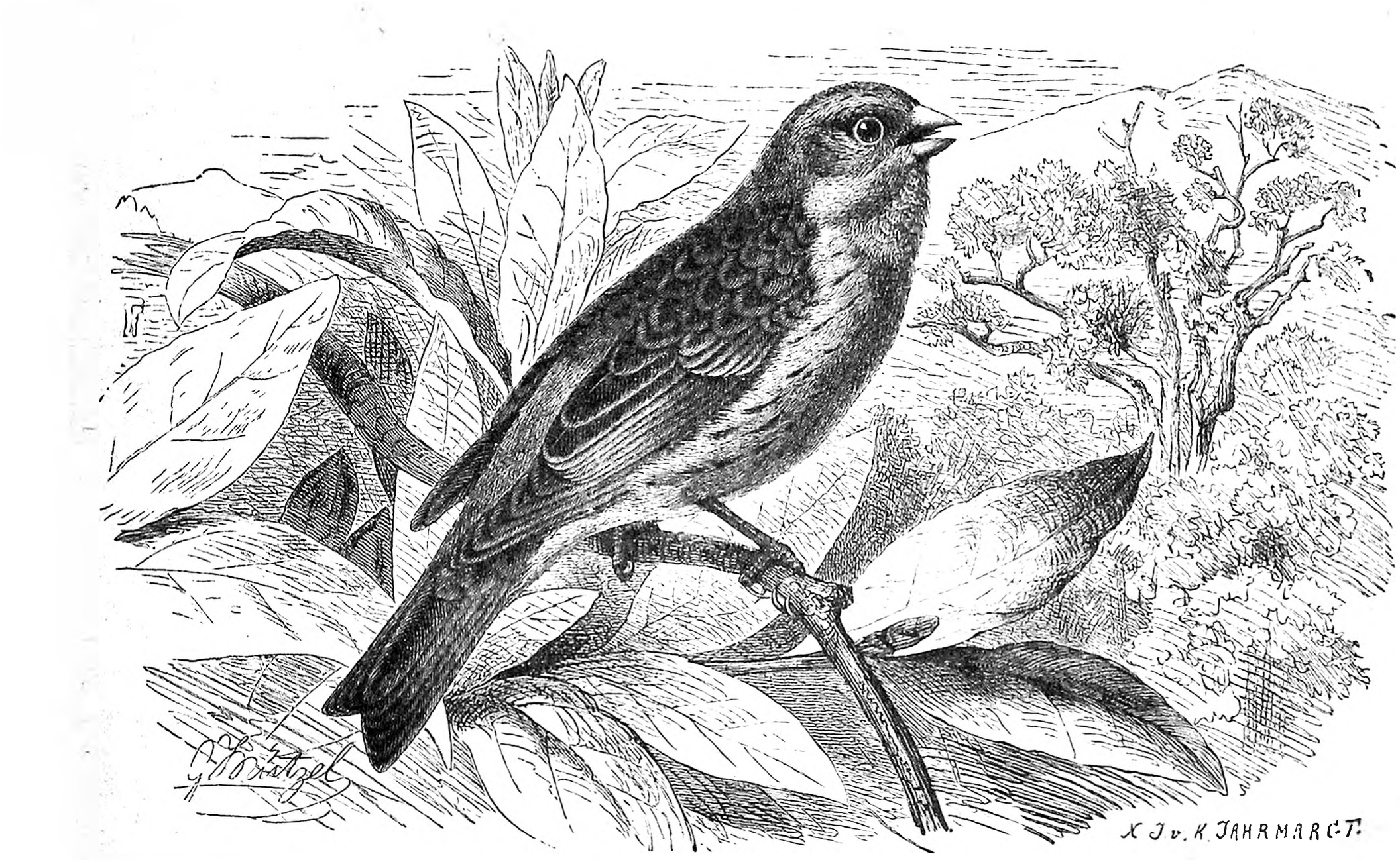
Гнѣздо, небольшое и искусное сооруженіе, болѣе всего напоминающее гнѣздо зяблика, строится изъ довольно разнообразнаго матеріала, иногда состоитъ изъ однихъ тонкихъ корешковъ, иногда изъ различныхъ травокъ, а внутри чрезвычайно мягко и тщательно выложено волосами и перьями. Оно помѣщается то выше, то ниже, притомъ по возможности скрыто въ густыхъ вѣтвяхъ куста или дерева. Яйца, числомъ 4—5, — маленькія, съ тупыми концами, и по грязновато-бѣлому или зеленоватому фону вездѣ, особенно на тупомъ концѣ, испещрены тускло-бурыми, красными, красновато-сѣрыми, пурпурово-черными крапинками, пятнышками и черточками. Въ Германіи высиживанье начинается въ половинѣ апрѣля. По всей вѣроятности одна парочка выводитъ птенцовъ дважды въ годъ.

Въ Германіи, кромѣ мелкихъ хищниковъ и немногихъ любителей, никто не посягаетъ на жизнь и свободу желтозобика, зато въ Испаніи его ловятъ тысячами на такъ называемыхъ „воробьиныхъ деревьяхъ“ и употребляютъ въ пищу. Въ клѣткѣ это птичка весьма пріятная, но не такъ вынослива, какъ кажется на первый взглядъ.

„Три столѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ канарейка, прирученная человѣкомъ, была вывезена изъ предѣловъ своего настоящаго отечества и сдѣлалась гражданиномъ всего міра“, говоритъ Болле. „Культурный человѣкъ протянулъ за ней руку, перенесъ ее на другую почву, заставилъ размножаться, связалъ ее съ своей судьбою и помощью тщательнаго ухода за многими послѣдовательными поколѣніями достигъ такихъ поразительныхъ видоизмѣненій, что мы теперь почти что склоняемся къ ошибкѣ Линнея и Бриссона, которые видѣли въ золотисто-желтой птичкѣ первообразъ вида, забывая о существованіи первоначальнаго, дикаго вида съ зеленоватымъ опереніемъ, оставшагося неизмѣннымъ и изъ котораго развился извѣстный намъ видъ канареекъ. Вѣроятно, слишкомъ ясное представленіе о ручной канарейкѣ, слишкомъ близкое знакомство съ ея нравами и особенностями, является причинами довольно скудныхъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о дикой канарейкѣ, живущей вдали отъ насъ.“

Для описанія жизни канарейки на свободѣ потребовалось изслѣдованіе такого ученаго, какъ Болле. Всѣ естествоиспытатели, жившіе раньше, за исключеніемъ одного А. Гумбольдта, повѣствуютъ намъ о дикой канарейкѣ весьма мало или такъ переплетаютъ между собой басни и истину, что трудно отдѣлить одно отъ другого. Только описаніе Болле даетъ намъ вѣрное и живое представленіе объ этой важной птицѣ. Этотъ изслѣдователь нашелъ дикую канарейку на пяти лѣсистыхъ островахъ Канарской группы, а именно на Гранъ-Канаріи, Тенериффѣ, Гомерѣ, Пальмѣ и Ферро, но полагаетъ, что раньше эта птица встрѣчалась и на многихъ другихъ островахъ, въ настоящее время лишенныхъ лѣса, а также водится на о. Мадейрѣ и на островахъ Зеленаго Мыса. На указанныхъ островахъ дикая канарейка живетъ вездѣ, гдѣ густыя деревья смѣняются кустарникомъ, главнымъ образомъ вдоль высыхающихъ въ лѣтнее время и обильныхъ въ зимнее время водою ручьевъ, густо окаймленныхъ зеленью, а также въ садахъ. окружающихъ жилища людей. Начиная съ морского берега, канарейка водится вплоть до 1500 метровъ высоты и даже выше. Тамъ, гдѣ она находитъ подходящія для себя условія, она встрѣчается часто, среди виноградниковъ на островахъ представляетъ собою явленіе обыкновенное, нерѣдко живетъ и въ сосновыхъ лѣсахъ, покрывающихъ склоны горъ; избѣгаетъ она повидимому только глубоко забираться въ тѣнистый лѣсъ, хотя селится по его опушкамъ.

Дикая канарейка, которую испанцы и португальцы на родинѣ ея называютъ Canario (Serinus canarius), замѣтно меньше и обыкновенно нѣсколько стройнѣе той канарейки, которая въ Европѣ приручается и содержится въ клѣткахъ. Длина дикой канарейки 12—13 см. У взрослаго самца спина желто-зеленая съ черноватыми полосками на стержняхъ и съ очень широкими каемками свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, который почти что является преобладающей окраской, надхвостье желто-зеленое, верхнія кроющія перья хвоста зеленыя съ пепельно-сѣрой каемкой; голова и затылокъ желто-зеленаго цвѣта съ узкими сѣрыми каемками, лобъ и широкая глазная полоса, дугообразно идущая къ затылку, зеленовато-золотисто-желтая, такого же цвѣта горло и верхняя часть груди, бока шеи — пепельно-сѣрые. Окраска груди по направленію назадъ становится свѣтлѣе, желтѣе; брюшко и нижнія перья задней части бѣловатыя, плечи красиваго желтовато-зеле-

Дикая канарейка (Serinus canarius). $^2/_3$ естеств. велич.

наго цвѣта, съ тускло-черными и блѣдно-зеленоватыми полосками, черноватыя маховыя перья снабжены узкой зеленоватой, а черновато-сѣрыя хвостовыя перья бѣловатой каемкой. Глазъ темно-карій, клювъ и ноги буроватаго мясного цвѣта.

Питается дикая канарейка главнымъ образомъ, если не исключительно, растительными веществами, мелкими зернышками, нѣжной зеленью и сочными плодами, особенно винными ягодами. „Безъ воды канарейка обходиться не можетъ. Она часто, подчасъ цѣлыми обществами, летаетъ на водопой и любитъ купаться, причемъ сильно промокаетъ — и это какъ въ дикомъ, такъ и прирученномъ состояніи.

„Спариванье и сооруженіе гнѣзда происходятъ въ мартѣ, большею частью во второй его половинѣ. Намъ никогда не удавалось видѣть гнѣзда, построеннаго ниже 2-хъ метровъ надъ поверхностью земли; часто гнѣздо помѣщается гораздо выше. Особенно охотно повидимому дикая канарейка устраиваетъ себѣ гнѣздо на молодыхъ, тонкихъ деревцахъ и изъ нихъ преимущественно выбираетъ вѣчно зеленыя или очень рано одѣвающіяся листвой. Первое изъ наблюденныхъ нами гнѣздъ мы нашли въ послѣднихъ числахъ марта 1856 г. среди запущеннаго сада виллы Оротава, на буксѣ вышиною около 4-хъ метровъ, возвышавшемся надъ мирговою изгородью. Гнѣздо, только днемъ покоясь на вѣтвяхъ, помѣщалось въ вило-

образномъ расхожденіи нѣсколькихъ вѣтвей; оно было внизу широко, наверху очень узко и съ очень тщательнымъ круглымъ отверстіемъ; постройка отличалась чистотою и правильностью, вся состояла изъ бѣлоснѣжнаго растительнаго пуха, въ который было вплетено небольшое количество сухихъ травъ. Первое яйцо было снесено 30-го марта, затѣмъ ежедневно прибавлялось по одному яйцу, пока число ихъ не возросло до пяти, составляющаго повидимому нормальную цифру. Яйца блѣднаго цвѣта морской волны, усѣяны красновато-бурыми крапинками и рѣдко бываютъ почти или совсѣмъ одноцвѣтныя. Они вполнѣ сходны съ яичками ручной канарейки. Періодъ высиживанія отъ приручения также не измѣнился; онъ и у дикой птицы длится приблизительно 13 дней. Молодыя птицы остаются въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока вполнѣ не оперятся и еще нѣкоторое время послѣ того, какъ вылетѣли изъ гнѣзда, получаютъ размягченный въ зобу кормъ отъ обоихъ родителей, главнымъ же образомъ отъ отца. Птенцы выводятся обыкновенно четыре раза въ лѣто, иногда впрочемъ только три раза.“

Всѣ гнѣзда, которыя наблюдалъ Болле, были построены также тщательно изъ растительнаго пуха; въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ я не находилъ почти ни одной травки, ни одного кусочка коры между блестящимъ пухомъ. „Пока самочка сидитъ на яйцахъ, самецъ садится неподалеку отъ нея, охотнѣе всего на не покрывшіяся еще листвой деревья. Съ такихъ мѣстъ онъ больше всего любитъ пѣть, и отсюда пѣсня его раздается дольше всего.

„Пѣніе канарейки много разъ подвергалось оцѣнкѣ. Одни ставятъ его слишкомъ высоко и не въ мѣру восхваляютъ, другіе очень строго критикуютъ. Мы не уклонимся отъ истины, утверждая, что дикія канарейки поютъ такъ же, какъ ручныя канарейки въ Европѣ. Щелканье этихъ послѣднихъ отнюдь не можетъ считаться произведеніемъ искусства, а осталось въ главныхъ чертахъ такимъ же, какимъ было на свободѣ. Пѣніе ихъ подъ вліяніемъ воспитанія измѣнилось и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развилось блестящимъ образомъ, въ другихъ отношеніяхъ сохранилось въ сравнительно большей чистотѣ и свѣжести, свойственной естественному пѣнію, но общій характеръ того и другого пѣнія остался до сихъ поръ совершенно одинаковымъ, чѣмъ доказывается, что, хотя народъ и можетъ утратить свой языкъ, однако извѣстный видъ птицъ сохраняетъ свой говоръ, несмотря на всѣ измѣненія внѣшнихъ условій. Таково непосредственное сужденіе. Сужденіе же не непосредственное подкупается безчисленными прелестями пейзажа, волшебнымъ вліяніемъ непривычныхъ условій. То, что́ мы слышимъ, красиво; но оно дѣлается еще лучше, еще звучнѣе, благодаря тому, что происходитъ не въ пыльной комнатѣ, а подъ открытымъ небомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ розы и жасминъ обвиваются вокругъ кипариса и звуковыя волны, свободно разносясь въ воздухѣ, теряютъ свою рѣзкость, которая кажется недостаткомъ пѣнія ручной птицы, такъ какъ обыкновенно мы слушаемъ ея пѣніе на недостаточно большомъ разстояніи. И все-таки мы слушаемъ не одними ушами; незамѣтно слушать намъ помогаетъ и воображеніе, и такимъ образомъ возникаютъ мнѣнія, которыя впослѣдствіи вызываютъ у другихъ лицъ разочарованіе.

„Полетъ канарейки похожъ на полетъ конопляпки. Онъ нѣсколько волнообразный и обыкновенно совершается на умѣренной высотѣ, причемъ канарейка перелетаетъ съ одного дерева на другое; когда канарейки летятъ стаями, то члены общества не тѣснятся близко другъ къ другу, а каждая птица держится на нѣкоторомъ отдаленіи отъ своего сосѣда, издавая въ то же время отрывистый, часто повторяемый призывъ.

„Ловить этихъ птичекъ очень легко, особенно молодыя канарейки попадаются почти во всякую западню, если около нея находится птица того же вида для заманиванья; это только подтверждаетъ большую общительность канареекъ. На Канарскихъ островахъ обыкновенно ловятъ канареекъ при помощи западни, состоящей изъ двухъ боковыхъ отдѣленій, собственной ловушки съ устанавливаемой въ ней дощечкой и находящейся внутри клѣтки, въ которой сидитъ заманивающая птица. Ловля канареекъ производится въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ по близости протекаетъ вода, и всего удачнѣе бываетъ раннимъ утромъ. Цѣна молодой

канарейки, уже вылетѣвшей изъ гнѣзда, если покупать нѣсколько экземпляровъ за разъ, на островѣ св. Креста не больше 12 коп. за штуку на наши деньги. Только что пойманные взрослые самцы стоятъ около 50-ти коп. На о. Канаріи, не смотря на сравнительно бо́льшую дешевизну, цѣны на канареекъ гораздо выше, чѣмъ уже доказывается, что на Канаріи этихъ птицъ водится меньше. Это безпокойныя птицы, которымъ надо много времени для того, чтобы избавиться отъ природной дикости, и онѣ такъ бьются въ клѣткѣ, что ломаютъ себѣ перья, особенно, если ихъ сажаютъ въ тѣсную клѣтку по нѣскольку штукъ. Онѣ любятъ клевать другихъ, а молодыхъ самцовъ вскорѣ можно бываетъ узнать по продолжительному громкому щебетанью. Изъ зерноядныхъ птицъ канарейка пожалуй наименѣе выносливая. Бо́льшая часть ихъ погибаетъ отъ судорогъ, второй или третій приступъ которыхъ обыкновенно влечетъ за собой смерть.“

Описывать канарейку, обратившуюся въ домашнюю птицу, мы здѣсь не будемъ, такъ какъ много уже написано о канарейкахъ, объ уходѣ за ними и о торговлѣ этими птицами.

*

Изъ немногихъ видовъ красныхъ снигирей (Pinicola) укажемъ главнымъ образомъ на два. Красный снигирь (Pinicola erythrinus) окрашенъ главнымъ образомъ въ карминно-красный цвѣтъ, задняя часть шеи и спина у него буровато-сѣрыя съ болѣе темными пятнами, отливающими карминно-краснымъ цвѣтомъ, брюшко, ляжки и нижнія кроющія перья хвоста грязновато-бѣлыя; темно-бурыя маховыя перья снаружи снабжены ржаво-желтовато-бѣлыми каемками, на плечахъ перья съ свѣтло-буроватыми каемками и карминно-краснаго оттѣнка, рулевыя перья сѣровато-бурыя и посвѣтлѣе, верхнія кроющія перья хвоста съ карминно-красной каемкой. Глаза каріе, клювъ свѣтлаго рогового цвѣта, а ноги темнаго. Длина птицы 16 см.

Въ Европѣ красный снигирь водится только на востокѣ, особенно въ Галиціи, въ Польшѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ средней и южной Россіи; кромѣ того, эта птица встрѣчается во всей средней Азіи, начиная съ Урала и до Камчатки. Отсюда красный снигирь ежегодно спускается на югъ, пролетаетъ черезъ Китай въ Индію и черезъ Туркестанъ въ Персію, не особенно рѣдко появляется также въ восточной Германіи, иногда выводитъ птенцовъ въ Силезіи и въ Шлезвигѣ и не разъ встрѣчался въ средней, западной и южной Германіи, въ Голландіи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Англіи и въ Италіи. На мѣста высиживанія птенцовъ онъ прилетаетъ въ половинѣ мая, самое раннее въ концѣ апрѣля и улетаетъ въ сентябрѣ. Селится онъ всего охотнѣе въ густомъ кустарникѣ вблизи какихъ-нибудь водъ, въ болотахъ, поросшихъ тростникомъ и кустарникомъ, но не ограничивается только низменностями, а попадается также въ холмистыхъ мѣстностяхъ и даже въ горахъ на высотѣ 2000 метровъ. Нигдѣ не наблюдается онъ часто, а всегда встрѣчается въ одиночку и лѣтомъ никогда не собирается въ многочисленныя стаи.

Какъ только прилетятъ красные снигири, можно услышать ихъ замѣчательно пріятное, разнообразное и звучное пѣніе, напоминающее щелканье щегленка, коноплянки и канарейки, но въ то-же время настолько своеобразное, что не можетъ быть смѣшано съ пѣніемъ другихъ вьюрковъ. На Камчаткѣ, по словамъ Киттлица, этому пѣнію подражаютъ словами: „Чевича видѣлъ“; чевичемъ же называютъ самый крупный видъ водящейся тамъ лососины, самую цѣнную рыбу и лучшую пищу туземныхъ жителей; рыба эта появляется на Камчаткѣ почти что одновременно съ краснымъ снигиремъ. Пѣніе этой птицы, значитъ, служитъ какъ бы возвѣщеніемъ о прибытіи лососины, и такимъ образомъ красный снигирь въ странѣ, гдѣ населеніе кормится преимущественно рыбой, является не только вѣстникомъ весны, но и вѣстникомъ изобилія пищи.“

Кормъ красныхъ снигирей состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ сѣмянъ, кромѣ того онъ ѣстъ почки листьевъ и нѣжные побѣги. На ряду съ этимъ онъ питается — по крайней мѣрѣ въ клѣткѣ — муравьиными куколками и другими

животными веществами. На зимнихъ мѣстахъ жительства онъ питается сѣменами бамбука и тростника, поэтому селится почти исключительно только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ растутъ эти растенія, и въ Индіи даже называется „тростниковымъ воробьемъ“. Какъ на родинѣ, такъ и въ мѣстахъ своихъ зимовокъ, онъ летаетъ на поля, но нигдѣ не причиняетъ большого вреда полезнымъ человѣку растеніямъ.

Плѣнные красные снигири — чрезвычайно пріятныя птички, но окраска ихъ портится быстрѣе, чѣмъ у какого-бы то ни было другого вьюрка, столь же ярко окрашеннаго. Блескъ и самое качество цвѣта уже утрачиваются отъ одного прикосновенія руки, а послѣ ближайшаго линянія эти птички облекаются прямо таки въ некрасивую одежду, и рѣдко выживаютъ въ клѣткѣ нѣсколько лѣтъ.

У щура (Pinicola enucleator) тѣло сильное, клювъ со всѣхъ сторонъ выпуклый, верхняя створка клюва согнута крючкомъ, а края ея закруглены; ноги относительно короткія, но сильныя, пальцы сильные, когти большіе; крылья, которыхъ остріе образуется вторымъ и третьимъ маховымъ перомъ, въ спокойномъ состояніи доходятъ до трети хвоста; хвостъ довольно длинный и выемчатый; опереніе очень густое и красиво окрашенное. У стараго самца преобладаетъ яркій смородинно-красный цвѣтъ; горло посвѣтлѣе, а крыло украшено двумя большими поперечными полосами. Маховыя и рулевыя перья черноватыя съ болѣе свѣтлыми каемками. Глаза темно-каріе, клювъ грязновато-бурый съ черноватымъ кончикомъ, нижняя часть клюва свѣтлѣе верхней; ноги сѣровато-бурыя Длина 22 см.

Родиной этой красивой и бросающейся въ глаза птицы являются всѣ страны, лежащія на далекомъ сѣверѣ земного шара. Насколько извѣстно, щуры нигдѣ не встрѣчаются часто; лѣтомъ они живутъ парами или въ одиночку въ предѣлахъ большого участка и лишь осенью собираются въ стаи. Стаи эти въ теченіе всей зимы бродятъ по сѣвернымъ лѣсамъ, приближаются къ одиноко стоящимъ поселеніямъ и въ началѣ весны возвращаются на мѣста высиживанія птенцовъ. Нѣкоторые щуры относятся къ странствующимъ птицамъ, и если не ежегодно, то по крайней мѣрѣ каждую суровую зиму прилетаютъ въ сѣверо-восточную Германію, а также въ Прибалтійскія губерніи, въ сѣверную Россію и въ соотвѣтствующіе пояса сѣверной Азіи и Америки; многочисленныя же стаи ихъ рѣдко появляются въ Германіи и только тогда, когда наступаютъ особенныя явленія, а именно, когда выпадаетъ очень много снѣга, вслѣдствіе чего приходится покидать нѣкоторыя мѣстности, стаи щуровъ примыкаютъ къ другимъ стаямъ и залетаютъ большими обществами въ Германію. Въ 1790, 1795, 1798 и 1803 гг. щуры такими огромными стаями прилетали въ прибалтійскія страны, что въ окрестностяхъ одной Риги ихъ въ теченіе довольно долгаго времени еженедѣльно ловили приблизительно по 1000 паръ; въ 1821, 1822, 1832, 1844 и 1878 гг. они въ несмѣтныхъ количествахъ появлялись въ Пруссіи.

Благодаря этимъ вынужденнымъ путешествіямъ щуровъ въ страны, лежащія къ югу отъ ихъ родины, мы и могли главнымъ образомъ составить себѣ понятіе объ ихъ образѣ жизни и нравахъ. Судя по тѣмъ стаямъ, которыя прилетаютъ въ среднюю Европу, это чрезвычайно общительныя птицы; днемъ онѣ держатся обществами, обществами же бродятъ, отыскиваютъ себѣ пищу и отправляются на ночлегъ. На чужбинѣ эти птицы такъ же, какъ и на родинѣ, селятся преимущественно въ привычныхъ имъ хвойныхъ лѣсахъ, особенно же въ такихъ, гдѣ много кустовъ можжевельника. Въ лиственныхъ лѣсахъ щуры встрѣчаются гораздо рѣже; по безлѣснымъ равнинамъ они пролетаютъ съ возможною поспѣшностью. Сначала они кажутся на чужбинѣ безпечными, довѣрчивыми птицами, еще незнакомыми съ людской злобой. Они спокойно сидятъ, когда наблюдатель или охотникъ приближается къ дереву, на которомъ усѣлась цѣлая стая, съ безразсудною смѣлостью сидятъ передъ дуломъ ружья и въ смущеніи не трогаются съ мѣста, если охотникъ одного за другимъ станетъ ловить или стрѣлять. Нѣкоторымъ щурамъ, занятымъ клеваніемъ пищи, съ успѣхомъ пробовали накидывать на голову петли, прикрѣпленныя къ длиннымъ прутьямъ, и нашли, что ихъ можно

ловить самыми незатѣйливыми западнями. Всѣ, наблюдавшіе щуровъ на свободѣ, разсказываютъ о ихъ трогательной привязанности къ своимъ товарищамъ. Такъ на одномъ птицеловномъ току поймали трехъ щуровъ изъ общества, состоявшаго изъ четырехъ штукъ, и съ немалымъ удивленіемъ увидѣли, что щуръ, оставшійся на свободѣ, добровольно подползъ подъ сѣть, повидимому желая раздѣлить участь трехъ прочихъ. Было бы ошибочно считать такой образъ дѣйствій этихъ птицъ доказательствомъ ихъ духовной ограниченности; ибо опытъ умудряетъ и ихъ и также дѣлаетъ ихъ недовѣрчивыми, робкими и осторожными.

По образу дѣйствій щуръ во многихъ отношеніяхъ похожъ на клеста. Это рѣшительно древесная птица, чувствующая себя прекрасно среди вѣтвей и плохо умѣющая справляться со своими нуждами на землѣ. На верхушкахъ деревьевъ онъ ловко лазаетъ съ вѣтки на вѣтку, перепрыгиваетъ черезъ довольно большія разстоянія; летая, онъ проносится по воздуху довольно быстро, причемъ по примѣру другихъ вьюрковъ описываетъ большія дугообразныя линіи и паритъ немного, только передъ тѣмъ какъ сѣсть; по землѣ же, если вообще щуръ спускается на землю, онъ прыгаетъ крайне неуклюже. Призывъ его пріятенъ, напоминаетъ звукъ флейты и похожъ на призывъ настоящихъ снигирей; пѣніе ихъ, раздающееся въ теченіе всей зимы, очень разнообразно и чрезвычайно пріятно, вслѣдствіе присущихъ ему нѣжныхъ, чистыхъ флейтовыхъ тоновъ. Въ бѣлыя лѣтнія ночи на своей настоящей родинѣ щуръ распѣваетъ особенно усердно и потому на сѣверѣ получилъ прозвище ночного сторожа. Нравъ у него мягкій и миролюбивый, и супруги относятся другъ къ другу въ высшей степени любовно и нѣжно.

На свободѣ щуръ питается сѣменами хвойныхъ деревьевъ; сѣмена эти онъ вытягиваетъ изъ подъ чешуекъ шишекъ или же подбираетъ на вѣтвяхъ и на землѣ; кромѣ того онъ охотно ѣстъ всякія другія зерна или ягоды, а древесныя почки или нѣжную зелень считаетъ лакомствомъ. Лѣтомъ онъ по всей вѣроятности поѣдаетъ также насѣкомыхъ и особенно столь многочисленныхъ у него на родинѣ комаровъ и ими же вѣроятно кормитъ своихъ птенцовъ; но относительно этого достовѣрныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

По наблюденіямъ Воллея, гнѣздо щура въ Лапландіи устраивается всегда на низкихъ соснахъ, на высотѣ около 4-хъ метровъ надъ землею. Наружныя стѣнки, часто крайне неплотно сплетенныя, составляются изъ длинныхъ, тонкихъ, гибкихъ прутьевъ; внутри же гнѣздо выложено болѣе тонкими корешками, древесными лишаями, а можетъ быть и злаками, составляющими болѣе плотную стѣнку, лишь слегка скрѣпленную съ наружной. Яицъ всегда кладется 4. По словамъ Науманна, на яйцахъ сидитъ только самка, которую самецъ въ это время забавляетъ своими чудными пѣснями.

Плѣнные щуры въ нѣсколько часовъ привыкаютъ къ клѣткѣ, безъ труда клюютъ подходящую пищу, скоро становятся столь же ручными, какъ и прочіе снигири, но рѣдко долго выживаютъ въ клѣткѣ и при первомъ линяніи въ неволѣ безвозвратно теряютъ свою великолѣпную окраску.

*

Въ послѣднее время отъ красныхъ снигирей отдѣлили одинъ видъ разсматриваемаго подсемейства, водящійся также въ Азіи, а именно сибирскаго снигиря (Uragus sibiricus), котораго стали считать представителемъ рода длиннохвостыхъ снигирей (Uragus). У сибирскаго снигиря клювъ сравнительно слабый и верхняя его створка лишь немного загибается надъ нижней, ноги слабыя, крылья, остріе которыхъ образуется четвертымъ маховымъ перомъ, тупыя, зато хвостъ такой же длины, какъ тѣло, ступенчатый и съ выемкой по серединѣ, опереніе же шелковистое и мягкое. По окраскѣ сибирскій снигирь похожъ на краснаго снигиря. Онъ обитаетъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ восточной Азіи, поросшихъ тростникомъ, а именно въ восточной Сибири, въ восточномъ Китаѣ и въ Манджуріи, а кромѣ того въ восточномъ Туркестанѣ. Позднею осенью парочки собираются въ стаи изъ 10—30 штукъ и начинаютъ бродить, причемъ

издаютъ всегда односложные свистящіе звуки. Около Иркутска эти странствующія общества появляются въ значительномъ числѣ лишь къ концу сентября. Тамъ сибирскихъ снигирей птицеловы ловятъ вмѣстѣ съ синицами, клестами, обыкновенными снигирями и пуночками; но сибирскіе снигири большею частью недолго выживаютъ въ клѣткѣ и въ неволѣ почти совершенно утрачиваютъ свою природную живость. Приблизительно до ноября ихъ можно чаще всего встрѣтить во время ихъ странствованій. Позднѣе отдѣльныя пары становятся осѣдлыми и вмѣстѣ съ обыкновенными снигирями селятся по берегамъ водъ, поросшимъ густымъ кустарникомъ и охотно держатся вблизи скирдъ хлѣба, которыя обыкновенно воздвигаются на лѣсныхъ полянахъ по склонамъ горъ. На горахъ Буреинскаго бассейна болѣе многочисленныя толпы этихъ птицъ удалось встрѣтить лишь въ концѣ сентября. Какъ и всегда, это были чрезвычайно рѣзвыя птицы. Онѣ никогда не взлетали одновременно, а всегда въ одиночку, и притомъ усердно издавали свой призывный крикъ. Полетъ совершается въ видѣ весьма плоскихъ дугъ, причемъ крылья производятъ слабый шорохъ.

Въ первой половинѣ іюня сибирскій снигирь принимается за постройку гнѣзда. Гнѣздо помѣщается на низкорослыхъ березахъ, рѣдко на кустахъ ивы и лиственницы, всегда на высотѣ 1,5—2 метровъ надъ поверхностью земли и по возможности близко къ главному стволу; свито гнѣздо настолько искусно, насколько этого вообще можно требовать отъ толстоклювой птицы, напоминаетъ гнѣздо пѣночки-пересмѣшки и состоитъ изъ всевозможныхъ сухихъ, поблекшихъ на солнцѣ злаковъ, которые переплетаются съ волокнами крапивы, ивы и другихъ растеній, а внутри тщательно и опрятно выстилается тонкими травками, волосами лошадей, козуль и зайцевъ, иногда перьями. Яицъ кладется 4, рѣже 3 или 5; они похожи на яйца краснаго снигиря, очень красивы и на темномъ голубовато-зеленомъ фонѣ покрыты рѣдкими буроватыми крапинками и черточками, которыя становятся гуще лишь на тупомъ концѣ. Во время сооруженія гнѣзда самецъ распѣваетъ свою тихую, но пріятную пѣсенку.

*

У обыкновеннаго снигиря (Pyrrhula europaea) верхняя часть головы и горла, крылья и хвостъ блестящаго чернаго цвѣта, спина пепельно-сѣрая, надхвостье и нижняя часть брюшка бѣлая, вся остальная нижняя сторона тѣла яркаго свѣтло-краснаго цвѣта. Самка отличается отъ самца пепельно-сѣрой окраской своей нижней стороны и вообще менѣе яркимъ опереніемъ. У молодыхъ снигирей нѣтъ чернаго пятна на головѣ. Крыло у всѣхъ снигирей украшено двумя сѣровато-бѣлыми полосами, которыя проходятъ въ области сустава кисти верхнихъ конечностей. Иногда встрѣчаются въ видѣ уклоненій отъ обыкновеннаго типа бѣлые, черные и пестрые снигири. Длина птицы 17 см.

Снигирь водится во всей Европѣ, за исключеніемъ восточной и сѣверной ея части, а южную часть нашей части свѣта посѣщаетъ только въ качествѣ зимняго гостя. На востокѣ и на сѣверѣ Европы, а также во всей средней Азіи его замѣняетъ такъ называемый снигирь-жуланъ (Pyrrhula rubicilla), который отличается отъ обыкновеннаго снигиря единственно только своею бо́льшей величиной, но различіе это наблюдается постоянно, и потому пришлось выдѣлить снигиря-жулана въ отдѣльный видъ. Только когда зима выгоняетъ снигиря изъ его мѣста жительства, онъ прилетаетъ обществами въ деревенскіе сады и огороды или кусты на поляхъ и здѣсь отыскиваетъ тѣ немногія ягоды и зерна, которыя оставили ему другіе вьюрки. Собираясь странствовать, самцы отдѣляются отъ самокъ, и тѣхъ и другихъ можно видѣть отдѣльно. Пока особенныя обстоятельства не принуждаютъ снигиря пускаться въ далекое путешествіе, онъ остается на родинѣ; въ иныхъ же случаяхъ онъ залетаетъ даже въ южную Испанію и въ Грецію. Странствуетъ онъ обыкновенно днемъ и по возможности перелетаетъ изъ одного лѣса въ другой.

„Снигиремъ“ (Gimpel), говоритъ Бремъ-отецъ, „нѣмцы называютъ ограниченнаго человѣка и отсюда пожалуй можно сдѣлать заключеніе о глупости этой

птицы. Нельзя отрицать того, что это простодушное существо, не умѣющее избѣгать преслѣдованій со стороны человѣка: снигиря легко поймать или застрѣлить. Но онъ далеко не такъ глупъ, какъ клесты; хотя послѣ выстрѣла, убившаго одного снигиря, остальная часть общества садится на томъ самомъ деревѣ или около того дерева, на которомъ сидѣла раньше, однако я никогда не видѣлъ, чтобы послѣ выстрѣла здоровый снигирь продолжалъ сидѣть, что случается иногда съ клестами. Если бы снигирь былъ дѣйствительно такъ глупъ, какъ полагаютъ, то какъ бы онъ могъ съ такимъ совершенствомъ выучиваться свистать цѣлыя аріи? Преобладающая черта этой птицы — любовь къ себѣ подобнымъ. Если убить одного изъ ихъ общества, то прочіе долго жалобно пищатъ и не могутъ рѣшиться покинуть то мѣсто, гдѣ потеряли своего товарища; они непремѣнно хотятъ взять погибшаго съ собою. Эта черта всего явственнѣе проявляется въ маленькихъ обществахъ. Такая искренняя привязанность часто глубоко меня трогала. Однажды изъ двухъ снигирей-самцовъ, сидѣвшихъ на живой изгороди, я застрѣлилъ одного; другой улетѣлъ такъ далеко, что скрылся съ моихъ глазъ, но потомъ опять вернулся и усѣлся на тотъ самый кустъ, гдѣ погибъ его товарищъ. Подобныхъ примѣровъ я могъ бы привести нѣсколько.

„Обыкновенный снигирь ходитъ въ припрыжку и по землѣ передвигается довольно неловко. Тѣмъ ловче эта птица на деревьяхъ. Свои чеплотно прилегающія и длинныя перья снигирь рѣдко плотно складываетъ, и потому обыкновенно кажется гораздо больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Во время полета, передъ тѣмъ какъ сняться съ мѣста, опустившись послѣ полета на вѣтку, вынимая изъ шелухи сѣмена или зерна, снигирь держится прямо и красиво; въ клѣткѣ же перья у него всегда немного висятъ. Дерево, покрытое снигирями, являетъ собою прелестное зрѣлище. Красный цвѣтъ самцовъ очень красиво выдѣляется лѣтомъ среди зелени, а зимою среди инея и снѣга. Къ холоду снигири повидимому совершенно нечувствительны, и въ самую суровую зиму бываютъ очень рѣзвы, если только не страдаютъ отъ недостатка пищи. Чрезвычайно густое оперенiе хорошо защищаетъ ихъ отъ стужи. Свойства оперенія вліяютъ также на полетъ этой птицы: полетъ снигиря легкій, но не быстрый, дугообразный и похожъ нѣсколько на полетъ зяблика. Призывный крикъ, издаваемый и самцомъ, и самкой, звучитъ какъ жалобный звукъ „юг“ или „люй“, и въ Тюрингіи снигирь получилъ прозвище „любихъ“. Крикъ этотъ чаще всего издается во время полета или передъ полетомъ, или же послѣ полета, вскорѣ послѣ того, какъ птица сѣла; этотъ же звукъ, издаваемый съ различными интонаціями, служитъ и для призыва, и для предостереженія, и для выраженія жалобы. Снигири всегда совершенно вѣрно различаютъ его оттѣнки. Изъ этого видно, какъ тонко развита у птицъ способность распознаванія, ибо видоизмѣненія призывнаго звука, почти незамѣтныя для человѣка, понимаются ими всегда въ надлежащемъ смыслѣ. Пѣніе самца не представляетъ собою ничего особеннаго; оно отличается нѣсколькими трескучими тонами и почти не поддается описанію. На свободѣ это пѣніе раздается до высиживанія и въ періодъ высиживанія птенцовъ, въ неволѣ же почти круглый годъ.

Пищу снигиря составляютъ сѣмена деревьевъ и травъ; наряду съ этимъ онъ поѣдаетъ зерна нѣкоторыхъ видовъ ягодъ, а лѣтомъ уничтожаетъ много насѣкомыхъ. Онъ не умѣетъ хорошо добывать изъ шишекъ сѣмена сосенъ и елей и потому подбираетъ эти сѣмена съ земли.

Снигирь устраиваетъ себѣ гнѣздо во всѣхъ тѣхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ большія пространства покрыты лѣсомъ съ укромными, мало посѣщаемыми дебрями. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ онъ строитъ себѣ жилище и въ паркахъ или въ большихъ садахъ. Гнѣздо сооружается на деревьяхъ, обыкновенно не высоко, между развѣтвленіями верхней вѣтки кустарника или на боковой вѣточкѣ у самаго древеснаго ствола; снаружи оно состоитъ изъ сухихъ сосновыхъ, еловыхъ или березовыхъ прутиковъ, за которыми находится второй слой изъ тонкихъ волоконъ корней и лишаевъ съ бородками; внутри же гнѣздо выложено волосами козуль и лошадей или только нѣжными листочками и тонкими частями лишаевъ. Иногда при сооруженіи внутренней стѣнки употребляются также лошадиные во-

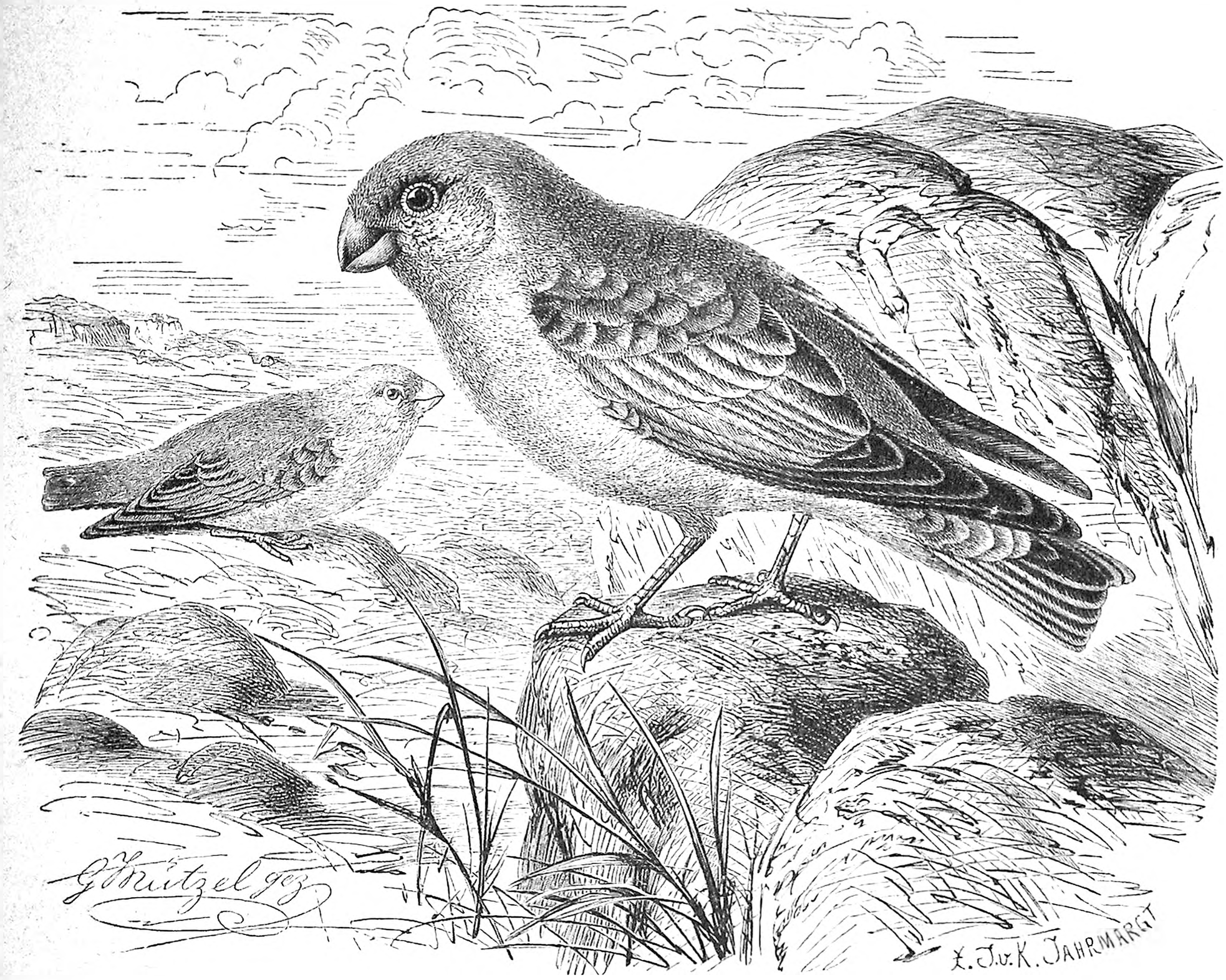
лосы и овечья шерсть. Въ маѣ въ гнѣздо кладется 4—5 сравнительно маленькихъ, кругловатыхъ яичекъ съ гладкой скорлупой, покрытыхъ по блѣдно-зеленому или зеленовато-голубоватому фону тускло-фіолетовыми или черными пятнами и красновато-бурыми крапинками, черточками и завитками. Самка высиживаетъ яйца въ двѣ недѣли; самецъ кормитъ ее, пока она сидитъ на яйцахъ. Оба родителя общими силами воспитываютъ свое потомство, чрезвычайно нѣжно любятъ его и защищаютъ его, не щадя собственной жизни. Молодымъ птицамъ сначала даются насѣкомыя, затѣмъ молодые побѣги растеній и всякія размягченныя предварительно въ зобу сѣмена, а затѣмъ одни только сѣмена.

Въ горахъ молодыхъ снигирей, еще не умѣющихъ летать, вынимаютъ изъ гнѣзда, чтобы дрессировать и учить ихъ. Чѣмъ раньше начато ученье, тѣмъ лучше даетъ оно результаты. Въ Тюрингенскомъ Лѣсу ежегодно воспитываются цѣлыя сотни молодыхъ снигирей, которыхъ затѣмъ особые торговцы птицами препровождаютъ въ Берлинъ, Варшаву, Петербургъ, Амстердамъ, Лондонъ и Вѣну и даже посылаютъ въ Америку. Обученіе снигиря начинается съ того самаго дня, какъ его поймаютъ, и главное искусство при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы учитель свистѣлъ ту пѣсню, которой хочетъ научить снигиря, по возможности чисто и равномѣрно. Пробовали обучать снигирей при помощи ручныхъ органчиковъ, но довольно неудачно. Даже флейта оказывается непригодной для этой цѣли и не можетъ замѣнить собою свиста человѣка. Нѣкоторые снигири безъ особеннаго труда выучиваются свистать 2—3 аріи, между тѣмъ какъ другіе такъ и остаются неучами; иные запоминаютъ однажды выученную пѣсню на всю жизнь, другіе забываютъ все въ періодъ линянія. Самки также выучиваются пѣть нѣкоторыя аріи, но рѣдко даже приблизительно достигаютъ той же полноты и чистоты звуковъ, какъ самцы. Самцы же иногда становятся настоящими артистами. Просто невѣроятно, до чего могутъ доходить способности снигиря. Онъ иногда заучиваетъ напѣвы двухъ пѣсенъ и распѣваетъ ихъ такъ хорошо, что никогда не надоѣстъ слушать. Кромѣ дара подражанія, снигирь отличается отъ другихъ вьюрковъ тѣмъ, что легко дѣлается ручнымъ, безпредѣльно привязывается и выказываетъ невѣроятную преданность своему хозяину, вступаетъ съ нимъ въ самую искреннюю дружбу, радуется его присутствію, горюетъ въ его отсутствіе, даже умираетъ отъ избытка радости и горя, доставляемыхъ ему его господиномъ. Безъ особеннаго труда можно пріучить снигиря вылетать изъ комнаты и снова влетать въ комнату; птенцовъ онъ выводитъ охотно и въ клѣткѣ — словомъ, соединяетъ въ себѣ цѣлый рядъ великолѣпныхъ качествъ.

Пустынный снигирь или моро (Pyrrhula githaginea) отличается великолѣпно окрашеннымъ опереніемъ, состоящимъ изъ перьевъ атласно-зеленаго и красновато-розоваго цвѣта. По мѣрѣ того, какъ птица становится старше, розовый цвѣтъ занимаетъ на тѣлѣ его больше мѣста и дѣлается ярче, а весною, когда оперені̇е достигаетъ высшей степени яркости, пріобрѣтаетъ пурпуровый оттѣнокъ, значительно болѣе яркій, чѣмъ украшающій наши поля куколь, отъ котораго эта птица получила свое научное названіе. Къ осени оперені̇е пустыннаго снигиря замѣтно тускнѣетъ и начинаетъ походить на оперені̇е самки, главная окраска которой — густая красно-желтая. Окраска этой птицы бываетъ не всегда одинаковая: иные самцы кажутся кровавыми, другіе песочно-сѣрыми. Красный пигментъ не только окрашиваетъ перья птицы, но распространяется и на верхнюю кожу, покрывающую тѣло, такъ что ощипанный пустынный снигирь является настоящимъ маленькимъ „краснокожимъ“. Длина пустыннаго снигиря 13 см.

Чтобы познакомиться съ мѣстами жительства этихъ снигирей, надо отправиться въ пустыню, такъ какъ исключительно пустынѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, принадлежитъ эта птица. По наблюденію Болле, пустынный снигирь часто выводитъ птенцовъ на Канарскихъ островахъ, главнымъ образомъ на Лансаротѣ, Фуэртавентурѣ и Большой Канаріи; не рѣже встрѣчается онъ въ бо́льшей части верхняго Египта и Нубіи до степныхъ пространствъ, гдѣ постепенно исчезаетъ. Кромѣ того, онъ живетъ въ Персіи и въ Синдѣ. Каждую зиму онъ поки-

даетъ свою родину, въ качествѣ гостя появляется на островѣ Мальтѣ и не разъ залеталъ на греческіе острова, въ Провансъ и даже въ Тоскану. Онъ отдаетъ несомнѣнное предпочтеніе мѣстностямъ, лишеннымъ деревьевъ и опаляемымъ знойнымъ солнцемъ. „Эта боязливая птица“, говоритъ Болле, „желаетъ безпрепятственно обозрѣвать равнину или холмистое пространство. Она предпочитаетъ самыя сухія и каменистыя мѣста, гдѣ столбъ воздуха, поднимающійся кверху во время полуденнаго зноя, вибрируетъ надъ горячими камнями. Чтобы пустынный снигирь чувствовалъ себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ, между камнями должно произрастать мало травы, лѣтомъ засыхающей и выцвѣтающей, и тамъ и сямъ по

Пустынный снигирь (Pyrrhula githaginea). $^5/_6$ естеств. велич.

землѣ должны быть разбросаны низкіе кустарники. Вотъ въ такихъ-то мѣстахъ живетъ эта толстоклювая птица, охотнѣе обитая среди валуновъ, нежели среди скалъ, нравами своими напоминая каменокъ, всегда общительная, пока заботы о потомствѣ не разобьютъ общества на парочки, держащаяся въ остальное время семьями или небольшими группами. Рѣзвая птичка прыгаетъ съ камня на камень или же скользитъ по воздуху, бо́льшею частью низко летая надъ поверхностью земли. Рѣдко можно услѣдить глазами за пустыннымъ снигиромъ, такъ какъ красновато-сѣрое оперенiе взрослыхъ птицъ сливается съ подобной же окраской камней, безлистныхъ стволовъ и вѣтокъ эвфорбій, а желтовато-розовый цвѣтъ молодыхъ птицъ — съ сѣровато-желтымъ пескомъ, туфомъ или известью. Пустынный снигирь очень скоро исчезъ бы безслѣдно съ нашихъ глазъ, если бы не былъ надѣленъ чрезвычайно своеобразнымъ голосомъ, по которому человѣкъ можетъ разыскать его. Чу! вдругъ въ воздухѣ раздается звукъ, похожій на звукъ маленькой трубы — звукъ протяжный, дрожащій, и если у насъ слухъ тонкій и намъ удалось услышать такой звукъ, то непосредственно до или послѣ него мы уловимъ два-

три чистыхъ серебристыхъ тона, разносящихся по пустынѣ подобно чистому звону колокольчика. Иногда же пустынный снигирь издаетъ удивительно глубокіе слоги, отчасти напоминающіе кваканье канарской зеленой лягушки, но менѣе грубые; звуки эти поспѣшно повторяются одинъ за другимъ, и на нихъ получается почти совершенно такой же, но болѣе слабый откликъ, издаваемый какъ будто чревовѣщателемъ и доносящійся очень издалека. Нѣтъ ничего безплоднѣе, чѣмъ стараніе передать буквами птичій голосъ; особенно же трудно при помощи буквъ дать понятіе о крикѣ моро. Звуки, издаваемые этими птицами, — это голоса изъ особенной сферы, независимой отъ остального міра, и нужно слышать ихъ, чтобы получить о нихъ надлежащее представленіе. Никто не станетъ ожидать настоящаго пѣнія отъ птицы, живущей въ подобныхъ мѣстностяхъ. Пѣніе у пустыннаго снигиря замѣняется упомянутыми, почти что сказочными звуками, къ которымъ онъ присоединяетъ еще цѣлый рядъ каркающихъ и шипящихъ. Звуки эти такъ изумительно гармонируютъ съ столь же своеобразной и непривычной человѣку окружающей обстановкой, что къ нимъ прислушиваешься съ удовольствіемъ и стараешься уловить ихъ, когда они замолкнутъ. Тамъ гдѣ пустыня состоитъ только изъ зыбучихъ песковъ, моро не встрѣчается. Онъ не приспособленъ къ тому, чтобы бѣгать по песку, какъ кроншнепъ или песчаный бѣгунокъ. Повидимому пустынный снигирь не особенно любитъ также крутыя, скалистыя горы; зато онъ съ особеннымъ удовольствіемъ селится на голыхъ, черныхъ застывшихъ потокахъ лавы, съ зіяющими въ нихъ на подобіе ледниковъ разсѣлинами и трещинами, на которыхъ не зеленѣетъ почти ни одной травки, но которые привлекаютъ повидимому пустыннаго снигиря обиліемъ укромныхъ мѣстечекъ въ своихъ углубленіяхъ. Никогда пустынный снигирь не садится на дерево или на кустъ. Въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ эти птицы довольно робки; но тамъ, гдѣ ихъ окружаетъ уединеніе и безмолвіе пустыни, онѣ еще довольно довѣрчивы, особенно же молодые снигири, которые иногда садятся около человѣка на камень и заглядываютъ ему въ лицо своими веселыми черными глазками.“

То-же самое происходитъ и въ странахъ, лежащихъ по Нилу. Здѣсь пустынный снигирь, начиная съ Сіута вверхъ по рѣкѣ, населяетъ скалистые берега Нила и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается въ поразительно большихъ количествахъ.

На свободѣ эта птица питается почти исключительно разнообразными сѣменами, а можетъ быть также зелеными листьями и почками; насѣкомыми повидимому пустынный снигирь брезгаетъ. Вода составляетъ для него насущную потребность. „Какъ бы скудна, мутна и тепла ни была вода въ источникѣ, но она должна находиться на такомъ разстояніи, чтобы хоть однажды въ день можно было бы долетѣть до нея, сдѣлавъ даже нѣсколько миль“. Утромъ и въ полдень пустынные снигири собираются цѣлыми обществами на водопой, пьютъ много и долго вбираютъ въ себя воду, а затѣмъ вѣроятно купаются въ болѣе мелкой водѣ.

Періодъ высиживанія птенцовъ начинается въ мартѣ. Къ этому времени птицы мужского пола облекаются въ свою великолѣпную одежду, и каждый самецъ вмѣстѣ съ избранной имъ самкой отдѣляется отъ стаи, не обособляясь въ то-же время отъ общаго союза. По словамъ Тристрама, гнѣздо пустыннаго снигиря сооружается исключительно изъ тонкихъ корешковъ и гибкихъ стебельковъ. Яицъ кладется въ гнѣздо 3—4; по фону цвѣта морской волны они усѣяны красновато-бурыми крапинками и пятнами, очень рѣдкими на остромъ концѣ, скудно покрывающими все яйцо, кромѣ тупого конца, который испещренъ тонкими завитками, зигзагами и большими красно-бурыми пятнами съ расплывающимися краями, которые обыкновенно образуютъ вѣночекъ.

Плѣнные пустынные снигири представляютъ собою рѣдкое явленіе, такъ какъ на родинѣ своей не подвергаются преслѣдованіямъ. Нравъ у нихъ очень пріятный, они непритязательны и легко становятся ручными.

*

Послѣдній родъ разсматриваемаго подсемейства снигиревыхъ составляютъ клесты (Loxia), плотно сложенные, большеголовые, нѣсколько неуклюжіе вьюрки.

Клювъ у нихъ очень сильный, толстый, съ боковъ сплюснутый, по краямъ выемчатый; верхняя створка клюва на узкомъ гребнѣ закруглена, вытянута въ видѣ удлиненнаго кончика, который слегка загибается внизъ крючкомъ: нижняя створка, которая еще крѣпче верхней, загнута въ видѣ такой же дуги вверхъ и скрещивается съ верхней створкой то справа, то слѣва.

Самый крупный видъ этого рода—это сосновикъ (Loxia pityopsittacus). Въ длину онъ достигаетъ 20-ти см. Клювъ у него поразительно крѣпкій, толстый и высокій, загнутый вверхъ и внизъ почти буквально въ видѣ полукруглыхъ дугъ, причемъ скрещиваются лишь незначительныя части створокъ. Голова, горло, глотка, грудь и брюшко болѣе или менѣе яркаго краснаго цвѣта, спереди красный цвѣтъ бываетъ свѣтлый, какъ сурикъ, и доходитъ до цвѣта красной смородины; на щекахъ опереніе сѣроватое, на горлѣ съ пепельно-сѣрымъ отливомъ, на спинѣ сѣровато-красное, въ нижней части брюшка свѣтлаго пепельно-краснаго или бѣловатаго цвѣта; маховыя перья, кроющія перья крыльевъ, покровныя и рулевыя перья хвоста сѣровато-черныя съ красно-бурыми каемками.

Еловикъ (Loxia curvirostra) меньше, клювъ у него болѣе вытянутъ и менѣе сильно загнутъ, перекрещивающіеся кончики клюва длиннѣе и ниже, чѣмъ у сосновика. Длина 17 см. Голова, затылокъ и нижняя сторона окрашены такъ же, какъ у сосновика, щеки сзади темнаго сѣровато-бураго цвѣта, перья на нижней части живота бѣловато-сѣрыя, маховыя и рулевыя перья, а также ихъ верхнія покровныя перья сѣровато-черныя съ красновато-сѣрыми каемками, нижнія кроющія перья хвоста черновато-сѣрыя съ бѣлыми кончиками, отливающими красноватымъ цвѣтомъ.

Краснопоясный клестъ (Loxia rubrifasciata), длина котораго равняется 17,5 см., отличается отъ еловика скрытымъ сѣрымъ кольцомъ на затылкѣ, черно-бурыми плечами съ красными крапинками и двумя широкими красновато-розовыми полосами на крыльяхъ.

Бѣлопоясный клестъ (Loxia bifasciata) меньше всѣхъ вышепоименованныхъ. Преобладающая окраска оперенія — великолѣпный смородинно-красный цвѣтъ, на затылкѣ и въ серединѣ нижней стороны переходящій въ сѣрый. Верхнія кроющія перья крыльевъ, какъ большія, такъ и малыя снабжены бѣлыми кончиками и образуютъ на крыльяхъ двѣ полосы; перья, покрывающія плечи, заканчиваются также бѣлыми кончиками.

Клесты относятся къ тѣмъ членамъ своего класса, которыхъ отецъ мой мѣтко назвалъ „цыганами между птицами“. Подобно цыганамъ-людямъ, они вдругъ появляются въ какой-нибудь мѣстности, остаются въ ней довольно долгое время, съ перваго дня осваиваются со своимъ мѣстопребываніемъ, размножаются и исчезаютъ такъ же внезапно, какъ появились. Странствованія ихъ зависятъ до нѣкоторой степени отъ количества сѣмянъ въ хвойныхъ лѣсахъ, но нѣтъ возможности указать какое-нибудь правило, которымъ эти птицы руководствовались бы всегда. Цѣлыми годами они иногда не появляются въ хвойныхъ лѣсахъ средней Европы, а потомъ вдругъ прилетаютъ туда во множествѣ. Только мѣстопребываніе ихъ можетъ считаться опредѣленнымъ, родина же ихъ неограниченна. Всѣ указанные виды выводятъ своихъ птенцовъ на сѣверѣ Европы, но также и на сѣверѣ Азіи, если только онъ покрытъ лѣсомъ, и довольно вѣроятно предположеніе, что Азія-то и есть ихъ первоначальная родина. Если въ находящихся между собою въ связи лѣсныхъ пространствахъ хорошо уродились сѣмена сосны и ели, то въ нихъ слышится хорошо знакомый всѣмъ птицеловамъ звукъ „гэп гэп гип гип“ или „цок цок“, издаваемый клестами, а иногда удается слышать и пѣніе самца, которое многіе находятъ очень пріятнымъ. Это значитъ, что прилетѣли клесты и расположились по домашнему. Если лѣсъ кажется имъ обѣщающимъ хорошій урожай, то они пріступаютъ къ размноженію, если же нѣтъ, то они нѣ-

которое время бродятъ съ мѣста на мѣсто и поселяются въ другомъ, болѣе подходящемъ мѣстѣ. Они скоро разыскиваютъ самыя благопріятныя для себя мѣстечки въ лѣсу, которыя должны имъ послужить для болѣе долгаго ихъ мѣстопребыванія и сюда слетаются по вечерамъ общества, въ теченіе дня снующія взадъ и впередъ; такимъ образомъ эти мѣстечки являются какъ бы настоящими мѣстами жительства этихъ птицъ.

Всѣ клесты — животныя общительныя, которыя только во время вывода птенцовъ раздѣляются на пары, но не отдѣляются отъ общаго союза; это птицы древесныя, которыя только въ крайнемъ случаѣ спускаются на землю для того, чтобы пить или добывать сѣмена изъ упавшихъ на землю шишекъ. Лазаютъ они очень ловко, придерживаясь на манеръ попугаевъ кончиками клюва и такимъ образомъ передвигаются, подвѣшиваются головой внизъ или головой вверхъ къ вѣткѣ или къ шишкѣ, придерживаясь за нее одновременно и клювомъ, и ногами, и пребываютъ въ такомъ повидимому неудобномъ положеніи въ теченіе нѣсколькихъ минутъ; летаютъ они легко и сравнительно быстро, то широко растопыривъ крылья, то вдругъ втягивая ихъ, вслѣдствіе чего полетъ совершается по волнообразнымъ линіямъ, но не любятъ улетать далеко. Днемъ, за исключеніемъ развѣ только полуденныхъ часовъ, клесты находятся въ непрерывной дѣятельности. Весною, лѣтомъ и осенью они еще до разсвѣта бродятъ по лѣсу, лазая вверхъ и внизъ по деревьямъ и переходя изъ одной рощи въ другую, съ одной горы на другую; зато зимою, особенно когда наступаетъ сильная стужа, они дольше остаются на томъ мѣстѣ, гдѣ ночевали, рѣдко начинаютъ летать до восхода солнца, но уже рано утромъ начинаютъ пѣть. Ловить и охотиться на нихъ совсѣмъ не трудно, потому что они ради любви къ обществу безразсудно ставятъ на карту свою свободу; но это служитъ доказательствомъ не столько глупости, сколько добросердечія этихъ милыхъ животныхъ. Самецъ, у котораго только что убили самку, иногда смущенный и огорченный продолжаетъ сидѣть на той же самой вѣткѣ, гдѣ погибла его подруга, или же, стараясь найти свою спутницу жизни, то и дѣло возвращается на прежнее опасное мѣсто; но постоянный печальный опытъ научаетъ клестовъ остерегаться людской злобы и дѣлаетъ ихъ чрезвычайно боязливыми. Въ неволѣ всѣ клесты скоро становятся ручными. Они быстро забываютъ о томъ, что утратили свободу, признаютъ своего хозяина за господина и повелителя, совершенно перестаютъ бояться его, даютъ себя трогать, носить на плечѣ или на рукѣ по комнатѣ и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій доказываютъ хозяину свою привязанность. Такое милое поведеніе въ неволѣ расположило въ пользу этихъ птицъ всѣхъ людей, знакомыхъ съ ними, особенно же высоко ставятъ ихъ жители горъ.

Призывъ сосновика, издаваемый птицами обоего пола, звучитъ какъ упомянутое „гэп гэп“ или „гип гип“, а также какъ „цок цок“. „Звукъ „гэп“ издается во время полета и сидя“, говоритъ мой отецъ, „и является столько же знакомъ того, что птица собирается сняться съ мѣста, сколько призывомъ другихъ клестовъ и звукомъ, имѣющимъ въ виду не дать обществу распасться; поэтому звукъ „гэп“ и бываетъ очень громкій; „гип гип“ выражаетъ нѣжность и издается обоими супругами, сидя, и притомъ такъ тихо, что слышать его можно только находясь около самаго дерева. Часто, слыша этотъ звукъ, думаешь, что птица находится очень далеко, а затѣмъ, хорошенько осмотрѣвшись кругомъ, замѣчаешь ее надъ собою. „Цок“ обыкновенно издается сидящими птицами съ цѣлью пригласить къ себѣ пролетающихъ птицъ и предложить имъ также посидѣть; но иногда этотъ звукъ издается клестами и во время полета. Этотъ звукъ отличается силою и полнотою и долженъ быть главнымъ крикомъ заманивающей птицы“. Пѣніе самца многимъ очень нравится. Обыкновенно сосновикъ поетъ лучше еловика, но пѣніе обоихъ сходно. Оно состоитъ изъ одной громкой строфы, за которой слѣдуетъ нѣсколько щебечущихъ, слабыхъ и не разносящихся далеко тоновъ.

Пищу клестовъ составляютъ главнымъ образомъ сѣмена лѣсныхъ деревьевъ. Для добыванія этой пищи имъ необходимъ ихъ крѣпкій и скрещивающійся клювъ.

Много требуется силы и ловкости для того, чтобы надламывать сосновыя или еловыя шишки и добираться до хорошо запрятаннаго въ нихъ сѣмени; но клестъ умѣетъ дѣлать это въ совершенствѣ. Онъ подлетаетъ, привѣшивается къ шишкѣ такъ, что голова находится внизу ея, или кладетъ шишку на вѣтку и садится на шишку, или же откусываетъ шишку, переноситъ ее на вѣтку и придерживаетъ ее своими крѣпкими, длинными и острыми когтями. „Очень мило глядѣть, какъ еловикъ — маленькая птичка — переноситъ еловую шишку умѣренной величины съ одного дерева на другое. Обыкновенно онъ схватываетъ шишку клювомъ такъ, что остріе шишки направлено прямо впередъ, и безъ большого труда пролетаетъ 10, даже 20 шаговъ до сосѣдняго дерева, гдѣ открываетъ свою шишку; дѣло въ томъ, что не на всѣхъ деревьяхъ есть такія вѣтки, гдѣ удобно было бы добывать изъ шишки ея содержимое. Добывается же это содержимое такъ: когда шишка крѣпко виситъ или лежитъ, клестъ кончикомъ верхней створки клюва разрываетъ по серединѣ широкія чешуйки шишки, подсовываетъ подъ нихъ слегка раскрытый клювъ и при помощи бокового движенія головы приподнимаетъ ихъ. Тогда ему уже не трудно языкомъ вдвинуть себѣ въ клювъ сѣмячко, которое уже въ клювѣ освобождается отъ придатка и шелухи, а затѣмъ проглатывается. Скрещенный клювъ при этомъ оказываетъ большую услугу еловику и другимъ птицамъ одного съ нимъ рода: стóитъ только пріоткрыть такой клювъ, чтобы онъ сталъ достаточно широкимъ и при боковомъ движеніи головы легко приподнималъ бы чешуйку.“

Еловикъ рѣдко принимается за еловыя шишки, которыя открываются гораздо труднѣе, такъ какъ не обладаютъ для этого достаточной силой; сосновикъ же безъ труда добываетъ сѣмена и изъ сосновыхъ шишекъ, сразу приподнимая всѣ чешуйки, лежащія надъ той, подъ которую онъ засунулъ свой клювъ. Пока удается находить древесныя сѣмена, клесты почти не касаются другой пищи; въ крайнемъ случаѣ они уничтожаютъ сѣмена клена, градины и бука, а также маслянистыя сѣмена, наряду съ ними и насѣкомыхъ, а именно тлей, которыхъ птицы собираютъ между прочимъ въ садахъ и въ огородахъ лѣсныхъ деревень.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что клесты возятся со смолистыми шишками и лазаютъ по смолистымъ вѣтвямъ, является то, что эти птицы пачкаются иногда очень непріятнымъ для себя образомъ. Клесты такъ же чистоплотны, какъ и большинство другихъ птицъ и тщательнымъ образомъ чистятся послѣ всякой трапезы съ цѣлью освободиться отъ всѣхъ прилипшихъ къ нимъ частицъ смолы, въ теченіе цѣлыхъ минутъ чистятъ себѣ клювъ о вѣтви, но не всегда имъ удается держать перья въ такомъ порядкѣ, какъ они того желали бы, и нерѣдко перья ихъ покрываются толстымъ слоемъ смолы. Тѣло клестовъ, долгое время исключительно питавшихся сѣменами хвойныхъ деревьевъ, до такой степени пропитывается смолою, что послѣ смерти эти птицы долгое время не подвергаются гніенію.

Общество клестовъ всегда очень украшаетъ лѣсныя деревья; особенно же хороши эти птицы зимою, когда на вѣтвяхъ лежитъ толстый слой снѣга. Тогда красныя птички рѣзко выдѣляются изъ темной зелени хвоевъ и изъ бѣлаго снѣга и превращаютъ всю верхушку дерева въ рождественскую елку, которая красивѣе всякой елки, убранной людьми. Кромѣ яркаго оперенія, большую прелесть этихъ птицъ составляютъ ихъ живость и жизнерадостность, ихъ непрерывная, но не суетливая подвижность, ихъ ловкое лазанье вверхъ и внизъ по деревьямъ, ихъ щебетанье и пѣніе.

Извѣстно, что клесты выводятъ птенцовъ во всѣ мѣсяцы года, какъ среди жаркаго лѣта, такъ и въ морозную зиму, когда деревья засыпаны снѣгомъ, и всѣ прочія птицы замолкаютъ почти совершенно. Во время постройки гнѣздъ общество распадается на отдѣльныя парочки. Гнѣздо устраивается то между сучьями торчащей вѣтки, то на толстой вѣтви около ствола, то ближе къ верхушкѣ, то дальше отъ нея, но всегда такъ, что впереди гнѣзда или надъ нимъ располагаются вѣтки, защищающія его отъ падающаго снѣга и въ то же время по возможности скрывающія гнѣздо отъ постороннихъ глазъ. Это искусное сооруженіе снаружи состоитъ изъ сухихъ еловыхъ вѣточекъ, вереска, сухихъ стебельковъ травы, но

главнымъ образомъ изъ хвойныхъ лишаевъ, древеснаго и земляного мха, а внутри выложено перьями, стебельками травъ и сосновыми иглами. Стѣнки въ толщину доходятъ до 3-хъ сантиметровъ и превосходно сплетены; углубленіе сравнительно значительное.

Въ гнѣздо кладется 3—4 относительно маленькихъ яичекъ, покрытыхъ по сѣровато или голубовато-бѣлому фону блѣдными пятнышками и черточками кроваво-буроватаго или черно-бураго цвѣта. Иногда эти крапинки располагаются въ видѣ вѣночка на тупомъ концѣ яйца, иногда покрываютъ все яйцо; но, несмотря на всѣ эти измѣненія, всегда можно отличить яйцо клеста отъ другихъ яицъ. Заботливая мать съ усердіемъ отдается выводу своихъ малютокъ, самецъ же съ своей стороны съ радостью беретъ на себя трудъ кормить самку. Птенцы, нѣжно любимые родителями, съ перваго дня своей жизни получаютъ въ видѣ корма еловыя и сосновыя сѣмена, сначала размягченныя въ зобу старыхъ птицъ и на половину ими переваренныя, затѣмъ болѣе твердыя; птенцы быстро подрастаютъ, скоро становятся очень ловкими и рѣзвыми, но долѣе всѣхъ прочихъ воробьиныхъ птицъ нуждаются въ уходѣ родителей, такъ какъ клювъ ихъ ложится крестъ на крестъ только послѣ того, какъ они вылетятъ изъ гнѣзда, а до тѣхъ поръ они неспособны открывать ни сосновыхъ, ни еловыхъ шишекъ.

Ловить и стрѣлять клестовъ не представляетъ никакой трудности. Клесты, впервые прибывшіе въ какую нибудь мѣстность, даютъ охотнику подходить къ тому дереву, на которомъ сидятъ, и не снимаются съ мѣста, остаются даже сидѣть на томъ деревѣ, гдѣ были убиты одинъ или нѣсколько ихъ товарищей. Ловить клестовъ еще легче, чѣмъ убивать, если удается поймать хоть одного. Въ Тюрингіи берутъ длинные шесты, привязываютъ къ нимъ еловыя вѣтки, а къ вѣткамъ прикрѣпляютъ обмазанные клеемъ прутики. Эти шесты, похожіе на кусты, ставятся передъ разсвѣтомъ на лѣсныхъ полянахъ, а внизу въ клѣткѣ привѣшивается заманивающая птица. Всѣ пролетающіе клесты по меньшей мѣрѣ приближаются къ этому шесту, отыскивая призывающаго ихъ товарища. Многіе садятся на кусты и прилипаютъ къ обмазаннымъ клеемъ прутикамъ.

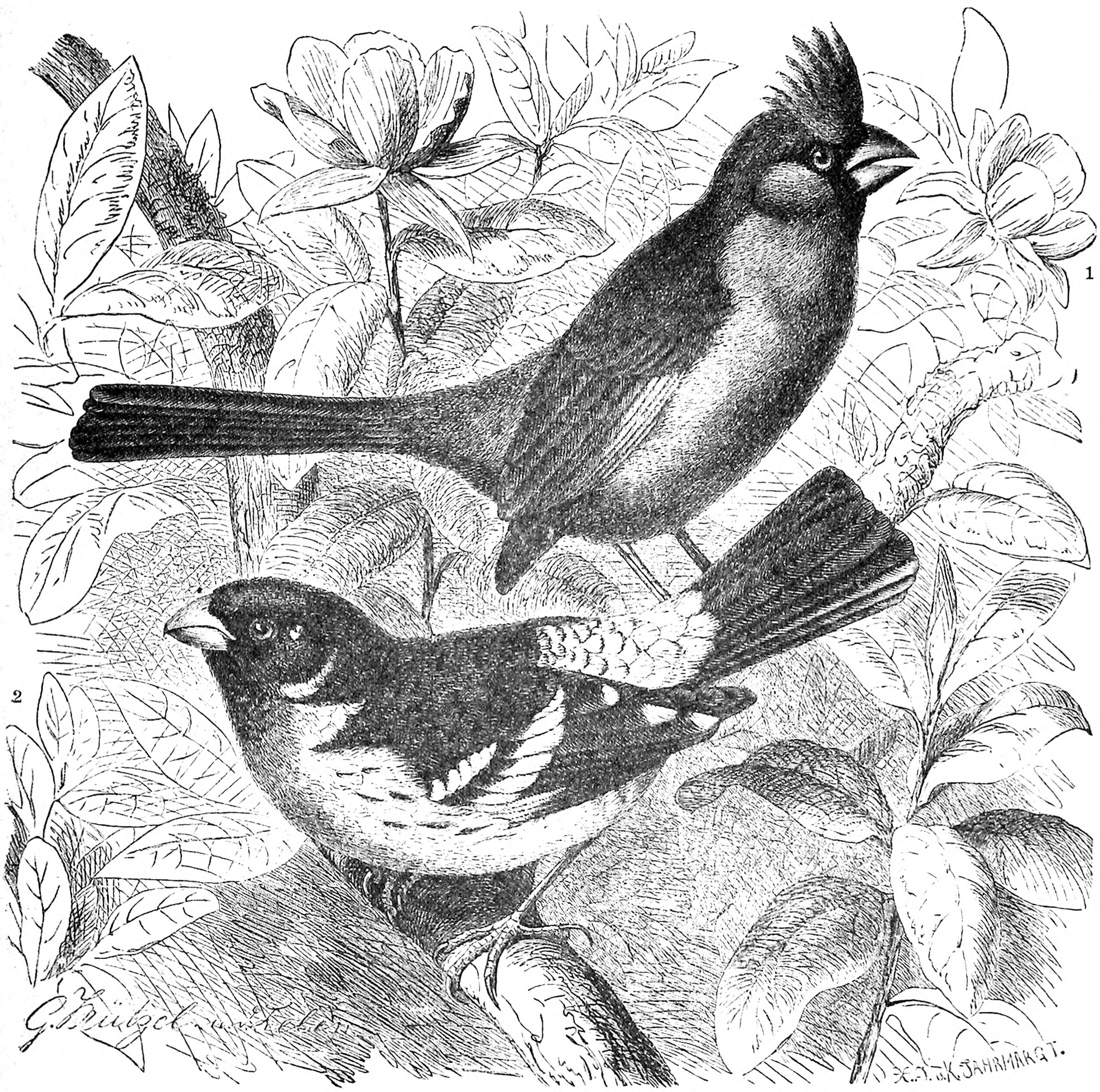
Кардиналовыя птицы (Coccoborinae) — это вьюрки съ крючковатымъ клювомъ, короткими крыльями и длиннымъ хвостомъ. Клювъ бываетъ у нихъ обыкновенно очень крѣпкій, толстый, выпукло-конусообразный, кончикъ верхней створки крючкомъ загнутъ надъ нижней, а за крючкомъ замѣчается выемка, края рта болѣе или менѣе втянуты, немного угловаты; сильныя ноги имѣютъ высокую плюсну и длинные пальцы, первое маховое перо въ крылѣ всегда значительно короче прочихъ, третье и четвертое маховыя перья обыкновенно самыя длинныя, длинный хвостъ большею частью закругленъ, рѣже усѣченъ или снабженъ выемкой, опереніе густое, мягкое, лишенное металлическаго блеска, часто одноцвѣтное сѣраго или зеленовато-оливково-сѣраго цвѣта, рѣже красновато-желтое или черное, а еще рѣже отличается яркими красками.

Большинству видовъ этого подсемейства даетъ пріютъ Южная Америка; въ Сѣверной Америкѣ эти птицы встрѣчаются сравнительно рѣдко. Кардиналовыя птицы имѣютъ много общаго съ европейскими дубоносами, а также со снигирями, селятся охотнѣе въ кустахъ и на лѣсныхъ опушкахъ, чѣмъ въ чащахъ лѣса и ѣдятъ твердыя сѣмена, ягоды и насѣкомыхъ. Большинство кардиналовыхъ — существа безголосыя, издающія самое большее краткіе призывные звуки, но есть между ними и такіе, которые прославились своимъ пѣніемъ и потому чрезвычайно охотно содержатся въ клѣткахъ.

*

„Однажды въ августѣ мѣсяцѣ“, разсказываетъ Одюбонъ, „меня застигла ночь, когда я съ трудомъ пробирался вдоль берега рѣки Могавка. Эта часть страны была мнѣ плохо знакома, и потому я рѣшилъ провести ночь тамъ, гдѣ я въ тотъ моментъ находился. Вечеръ былъ прекрасный и теплый; звѣзды отра-

жались въ рѣкѣ; издали доносилось журчаніе водопада. Скоро мой маленькій костеръ запылалъ подъ навѣсомъ скалы, а я растянулся возлѣ него. Лежа спокойно съ закрытыми глазами, я предоставилъ свои мысли свободному теченію и перенесся воображеніемъ въ сказочный міръ. И вдругъ въ душу мою проникло вечернее пѣніе какой то птицы, до такой степени мелодичное и до такой степени громкое вслѣдствіе окружающей тишины, что сонъ, уже начинавшій смежать мои вѣки, отлетѣлъ отъ меня. Никогда музыкальные звуки не доставляли мнѣ такого

1) Виргинскій кардиналъ (Coccoborus virginianus), 2) Красногрудый кардиналъ (Coccoborus ludovicianus). $^5/_8$ естеств. велич.

наслажденія. Сердце мое затрепетало, и я почувствовалъ себя счастливымъ. Мнѣ казалось, что даже сова поддалась очарованію этого чуднаго пѣнія, ибо и она въ эту ночь оставалась безмолвной. Долго еще послѣ того, какъ звуки затихли, я испытывалъ удовольствіе, вспоминая ихъ, и заснулъ преисполненный радостнаго чувства."

Птица, о которой говоритъ съ такимъ увлеченіемъ поэтъ-естествоиспытатель, это красногрудый кардиналъ (Coccoborus ludovicianus, рис. на этой стр.), представитель рода кардиналовъ (Coccoborus). Длина его 18 сантиметровъ. Верхняя сторона тѣла, крылья, хвостъ, подбородокъ и верхняя часть горла черные, прочія нижнія части тѣла бѣлыя, за исключеніемъ широкаго

алаго щита на зобу, угломъ тянущагося до середины груди; брюшко и бока ляжекъ покрыты рѣдкими черными пятнами, половина большихъ маховыхъ перьевъ, ближайшая къ основанію, бѣлая на обоихъ опахалахъ; малыя маховыя перья и ихъ кроющія перья бѣлыя, самыя большія верхнія кроющія перья крыла на концахъ также бѣлыя, плечи и нижнія кроющія перья крыла алаго цвѣта, внутреннее опахало наружныхъ хвостовыхъ перьевъ на конечной половинѣ бѣлое. Глаза орѣхово-каріе, клювъ блѣдно-желтый, ноги сѣровато-бурыя.

Водится эта птица на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ, во время своихъ странствованій забирается въ среднюю Америку до Новой Гранады. Въ указанныхъ же мѣстностяхъ птица эта встрѣчается не постоянно и всегда въ одиночку.

„Я часто наблюдалъ эту великолѣпную птицу“, говоритъ Одюбонъ, „въ нижнихъ частяхъ Луизіаны, въ Кентукки и близъ Цинциннати въ мартѣ мѣсяцѣ, когда она направляла полетъ свой къ востоку. Тогда она летала на порядочной высотѣ и лишь изрѣдка садилась на верхушку самаго высокаго дерева въ лѣсу, повидимому съ цѣлью немного отдохнуть. Я слѣдилъ за ней во время ея странствованія въ штатахъ Пенсильваніи, Нью-Іоркѣ и другихъ восточныхъ штатахъ, въ британскихъ провинціяхъ Новомъ Брауншвейгѣ и Новой Шотландіи до Ньюфаундленда, куда она часто прилетаетъ выводить птенцовъ; но никогда не видѣлъ я ея въ Лабрадорѣ, не видѣлъ также на побережьи Георгіи или Каролины, хотя она и встрѣчается въ горахъ этихъ двухъ послѣднихъ штатовъ.“ Пища ея состоитъ изъ сѣмянъ травъ и ягодъ, весною также изъ почекъ и нѣжныхъ цвѣтовъ. Въ то же время она гоняется за насѣкомыми, нерѣдко преслѣдуя ихъ на лету.

Американцы считаютъ красногрудаго кардинала за одного изъ лучшихъ и самыхъ неутомимыхъ пѣвцовъ. Пѣніе его богато напѣвами и чрезвычайно благозвучно; отдѣльные тона отличаются чистотою и полнотою. Въ хорошую погоду онъ распѣваетъ по ночамъ, причемъ пѣніе его „заключаетъ въ себѣ всѣ разнообразные, трогающіе душу тона, издаваемые соловьемъ, то разсыпающіеся дробью. громкіе, чистые и полные, то жалобные, а вслѣдъ затѣмъ жизнерадостные, и наконецъ нѣжные, мелодичные и издаваемые съ разстановкой“.

Виргинскій кардиналъ (Coccoborus virginianus, рис. на стр. 163), хорошо извѣстный также въ Европѣ, въ длину доходитъ до 20 см. Преобладающая окраска оперенія его — это яркій алый цвѣтъ; спина, плечи и надхвостье у него темные, маховыя и хвостовыя перья темно-алыя, причемъ нижнія перья хвоста блестящія. Глаза красно-каріе, клювъ красный, нижняя створка клюва у основанія черная, ноги бурыя.

Эта птица живетъ на югѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ Мексикѣ и Калифорніи. Въ теплыя зимы она изъ году въ годъ пребываетъ на одномъ мѣстѣ; въ болѣе суровыя зимы странствуетъ. Благодаря своему великолѣпному оперенію, виргинскій кардиналъ уже издали бросается въ глаза и составляетъ настоящее украшеніе лѣса. Днемъ онъ любитъ скрываться въ перепутанныхъ между собою вѣтвяхъ ползучихъ растеній и отсюда предпринимаетъ походы въ сосѣдніе поля и сады; поэтому его можно встрѣтить какъ вблизи городовъ, такъ и въ лѣсныхъ дебряхъ. Лѣтомъ эти птицы живутъ парами, осенью же и зимою — небольшими обществами. Въ сильную стужу, если виргинскій кардиналъ остается на своей родинѣ, онъ нерѣдко посѣщаетъ крестьянскіе дворы и клюетъ передъ амбаромъ зерна вмѣстѣ съ воробьями, голубями, пуночками, подорожниками и др., проникаетъ въ отворенные хлѣвы и чердаки или же ищетъ себѣ пропитанія въ садовыхъ и полевыхъ живыхъ изгородяхъ. Гнѣздо устраивается на кустѣ или на деревѣ близъ двора, среди поля, на опушкѣ или въ чащѣ лѣса. Нерѣдко гнѣздо виргинскаго кардинала можно найти въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ крестьянскимъ домомъ и часто на разстояніи лишь нѣсколькихъ метровъ отъ гнѣзда пересмѣшника. Сооружается гнѣздо изъ сухихъ листьевъ и вѣтокъ, а именно изъ колючихъ прутиковъ, соединенныхъ при помощи стебельковъ травы и виноградныхъ усиковъ, внутри же выстилается нѣжными стебельками травы. Яйца кладутся въ числѣ 4—6 и по грязновато-бѣлому фону густо испещрены оливково-

бурыми пятнами. Въ болѣе сѣверныхъ штатахъ одна парочка выводитъ птенцовъ не болѣе одного раза въ годъ, въ южныхъ же штатахъ — иногда до трехъ разъ. Родители только нѣсколько дней заботятся о своихъ птенцахъ, а затѣмъ предоставляютъ ихъ собственной участи.

Американскіе натуралисты почти что въ одинъ голосъ хвалятъ пѣніе виргинскаго кардинала; мы же, европейцы, не приходимъ отъ этого пѣнія въ восторгъ. Въ качествѣ свободнаго лѣсного пѣвца „виргинскій соловей“ быть можетъ заслуживаетъ всяческихъ похвалъ, но въ качествѣ комнатнаго пѣвца онъ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто, хотя не особенно рѣдко размножается въ неволѣ.

Четвертое и послѣднее подсемейство вьюрковъ представляютъ собою овсянковыя птицы (Emberizinae), обнимающія собою около 55 видовъ, очень похожихъ другъ на друга. Это воробьиныя птицы съ толстымъ тѣломъ, сравнительно маленькимъ короткимъ, конусообразнымъ и острымъ клювомъ, при основаніи толстымъ, съ боковъ сжатымъ по направленію впередъ, наверху болѣе суженнымъ, чѣмъ внизу, по краямъ сильно вогнутымъ, въ углу рта угловатымъ и круто спускающимся внизъ; верхняя створка клюва снабжена на деснѣ костянымъ бугоркомъ, который вкладывается въ соотвѣтствующее углубленіе нижней створки; ноги короткія, съ длинными пальцами, изъ когтей которыхъ особенно выдается удлиненный въ видѣ шпоры коготь задняго пальца; крылья средней величины, въ которыхъ длиннѣе прочихъ бываютъ обыкновенно второе и третье маховыя перья: хвостъ довольно длинный съ широкими перьями, на концѣ слегка выемчатый; опереніе неплотно прилегающее, очень различное въ зависимости отъ пола и возраста.

Овсянковыя птицы водятся главнымъ образомъ въ сѣверной половинѣ земного шара; живутъ онѣ бо́льшею частью въ низкомъ кустарникѣ или тростникѣ: это не самые подвижные и способные вьюрки, не лишенные впрочемъ пріятности нрава; онѣ очень общительны и миролюбивы, лѣтомъ питаются преимущественно насѣкомыми, осенью и зимою — мучнистыми зернами, которыя онѣ, какъ и насѣкомыхъ, отыскиваютъ на землѣ; свое незатѣйливое гнѣздо онѣ устраиваютъ на землѣ въ небольшомъ углубленіи или невысоко надъ поверхностью земли и кладутъ туда 4—6 темныхъ яичекъ, покрытыхъ крапинками и разводами; на яйцахъ сидятъ оба родителя. Благодаря вкусному, осенью очень жирному мясу, нѣкоторые виды уже съ давнихъ поръ сильно преслѣдуются; другимъ же видамъ человѣкъ не причиняетъ никакого зла тѣмъ болѣе, что очень рѣдко держитъ ихъ въ клѣткѣ.

*

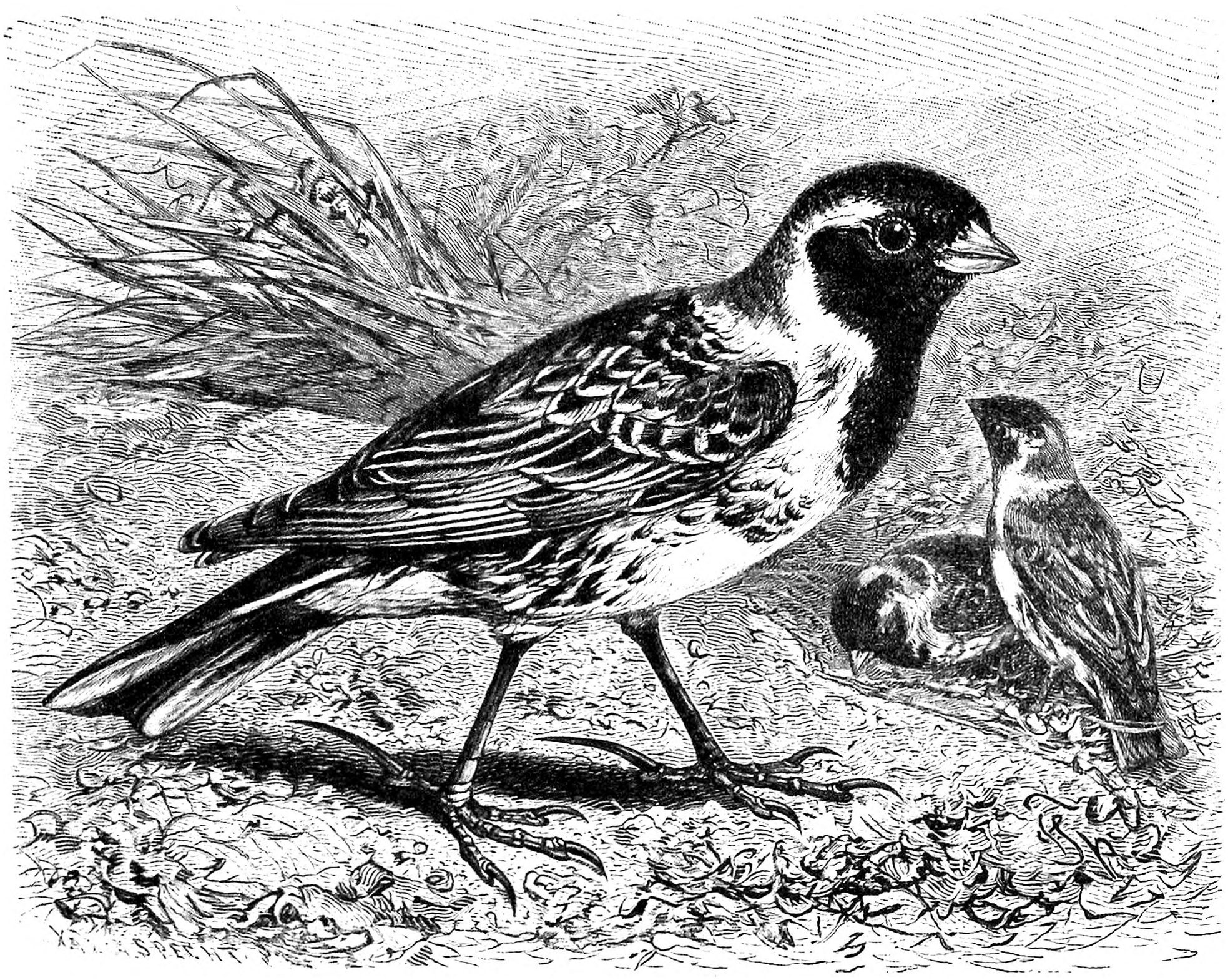
Наиболѣе развитыми членами разсматриваемаго подсемейства слѣдуетъ, можетъ быть, считать настоящихъ подорожниковъ (Calcarius). Признаками ихъ служатъ: маленькій клювъ съ малозамѣтнымъ бугоркомъ на деснахъ, сильныя ноги, употребляемыя для ходьбы, и задній палецъ которыхъ снабженъ равной ему по длинѣ шпорой, острыя крылья, въ которыхъ оба первыя маховыя пера самыя длинныя, короткій хвостъ съ выемкой на концѣ и обильное опереніе.

У лапландскаго подорожника (Calcarius lapponicus, рис. на стр. 166) голова, подбородокъ и горло чернаго цвѣта, широкая полоска надъ глазомъ и на вискахъ ржаво-бѣлая, затылокъ и задняя часть шеи коричнево-красные, прочія верхнія части тѣла ржаво-бурыя съ черными пятнами на стержняхъ, бока шеи и нижняя сторона бѣлые, послѣдняя на бокахъ украшена черными полосками на стержняхъ, которыя на груди сливаются въ одно большое пятно, маховыя перья буровато-черныя, перья хвоста черныя съ желтовато-сѣроватыми каемками. Глаза темнокаріе, клювъ соломенно-желтый съ чернымъ кончикомъ и съ синевато-чернымъ гребнемъ, ноги синевато-сѣрыя. Длина 16 см.

Лапландскій подорожникъ — дѣтище тундры, живущее на сѣверѣ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта. Отсюда зимою эта птица вынуждена далеко улетать на югъ, въ Германіи появляется только въ видѣ исключенія, еще южнѣе залетаетъ

развѣ случайно и при первой возможности снова возвращается на свою суровую родину. Здѣсь вездѣ лапландскій подорожникъ встрѣчается очень часто, не дѣлаетъ различія между горными мѣстностями и равниной, если только земля бываетъ покрыта густыми зарослями ея любимаго растенія — низкорослой березой.

По нравамъ своимъ лапландскій подорожникъ составляетъ какъ бы посредствующее звено между жаворонкомъ и овсянкой. Сидитъ онъ какъ овсянка, все равно, отдыхаетъ ли онъ на камнѣ или на качающейся вѣткѣ, полетъ же и бѣгъ его одновременно напоминаютъ овсянку и жаворонка. Переступая ногами, а не въ припрыжку, лапландскій подорожникъ быстро бѣгаетъ, летаетъ онъ легко и ловко и по примѣру жаворонковъ часто паритъ въ воздухѣ для того, чтобы пѣть.

Лапландскій подорожникъ (Calcarius lapponicus) $^1/_3$ естеств. велич.

Его печальный призывъ, гармонирующій съ пустыннымъ характеромъ его родныхъ мѣстъ приблизительно звучитъ какъ „тью тьюб“. Простая, но пріятная пѣсенка его состоитъ изъ одной единственной строфы, въ которой часто повторяется призывной звукъ, и издается только на лету, но зато чрезвычайно усердно. Гнѣздо помѣщается въ сыромъ мѣстѣ между корнями низкорослой березы, на холмикѣ, и хорошо скрыто отъ постороннихъ глазъ подъ раскидистыми пучками растеній; оно состоитъ только изъ болѣе грубыхъ и болѣе тонкихъ стебельковъ, а внутри выложено мягкими перьями бѣлой куропатки. Къ серединѣ іюня всѣ яйца, въ числѣ 5—6, уже снесены въ гнѣздо; они покрыты тонкими черточками и точками темнаго цвѣта, соотвѣтствующими цвѣту самого яйца, которое бываетъ сѣроватое, желтоватое или свѣтло-буроватое.

Ѣдятъ эти птицы во время вывода исключительно только насѣкомыхъ и главнымъ образомъ комаровъ. Зимою же лапландскій подорожникъ кормится зернами. Такъ какъ эта птица позднею осенью охотно присоединяется къ жаворонкамъ, то часто ее ловятъ вмѣстѣ съ этими послѣдними; такая судьба по-

стигаетъ лапландскаго подорожника въ Китаѣ, гдѣ этихъ птицъ иногда цѣлыми массами приносятъ на рынокъ.

Родственная лапландскому подорожнику пуночка (Calcarius nivalis) лѣтомъ бываетъ бѣлоснѣжнаго цвѣта, причемъ однако спина, плечи, большія маховыя перья и четыре среднихъ хвостовыхъ пера черныя, кромѣ узкихъ бѣлыхъ каемокъ на концахъ спинныхъ и плечевыхъ перьевъ и бѣлаго основанія большихъ маховыхъ перьевъ; зимою же у пуночки задняя и верхняя часть головы, а также ушная область бываютъ ржаво-коричнево-бураго цвѣта, плечи и спина — черныя съ коричнево-бурыми каемками на перьяхъ, поперекъ зоба и по бокамъ находятся ржаво-желтоватыя пятна, а крайнія хвостовыя перья украшены на концѣ черными пятномъ. Глаза темно-каріе, клювъ лѣтомъ черный, зимой оранжево-желтый, ноги черныя.

Родиной пуночки являются приблизительно тѣ-же самыя страны, которыя даютъ пріютъ лапландскому подорожнику. Пространство, гдѣ водятся пуночки, обширнѣе, но пространство, гдѣ онѣ размножаются, болѣе ограничено. Пуночка живетъ въ тундрѣ, распространяясь до тѣхъ предѣловъ, внутри которыхъ хоть на нѣсколько недѣль въ году сходитъ снѣгъ, и обитаетъ всегда въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ областью вѣчнаго снѣга. На о. Исландіи это самая обыкновенная птица, на Шпицбергенѣ, Новой Землѣ и на сѣверѣ Гренландіи она, насколько извѣстно, еще выводитъ птенцовъ. Зимою она долетаетъ до южной Германіи, иногда еще южнѣе, въ Азіи — до южной Сибири и средняго Китая, въ Америкѣ — до средней части Соединенныхъ Штатовъ. Селится она на склонахъ горъ и на скалистыхъ горахъ. Здѣсь она проживаетъ свое короткое лѣто, здѣсь предается любви и размножается. Гнѣздо всегда устраивается въ трещинахъ скалъ или подъ большими камнями; снаружи оно состоитъ изъ стебельковъ травы, мха и зеленыхъ лишаевъ, а внутри устлано перьями и пухомъ; входъ въ гнѣздо, если только возможно, не больше, чѣмъ это требуется для того, чтобы родители могли входить въ гнѣздо и выходить изъ него. Число яицъ бываетъ 5—6; они очень разнообразны, но обыкновенно по голубовато-бѣлому фону бываютъ покрыты темными ржаво-бурыми пятнами, точками и черточками, образующими на тупомъ концѣ вѣночекъ. Уже въ концѣ апрѣля самецъ, сидя на камнѣ, распѣваетъ свою коротенькую, но звонкую и пріятную пѣсенку. Вскорѣ послѣ окончанія періода вывода парочки вмѣстѣ съ молодыми птицами соединяются въ большія стаи, которыя еще нѣкоторое время остаются на родинѣ, а затѣмъ предпринимаютъ свое зимнее путешествіе. На мѣстахъ размноженія пуночки почти исключительно питаются насѣкомыми, особенно комарами; зимою же имъ приходится довольствоваться зернами.

Немногія птицы путешествуютъ такими огромными обществами, какъ пуночки. Германію онѣ посѣщаютъ почти всякую зиму, но только рѣдко прилетаютъ туда въ такихъ количествахъ, въ какихъ водятся на далекомъ сѣверѣ. Въ Россіи ихъ называютъ „снѣжниками“, и это названіе очень для нихъ характерно; дѣйствительно, эти птички, подобно хлопьямъ снѣга, падаютъ съ небесъ и покрываютъ дороги и поля. Подчасъ, онѣ цѣлыми массами спускаются на суда съ цѣлью отдохнуть нѣсколько мгновеній.

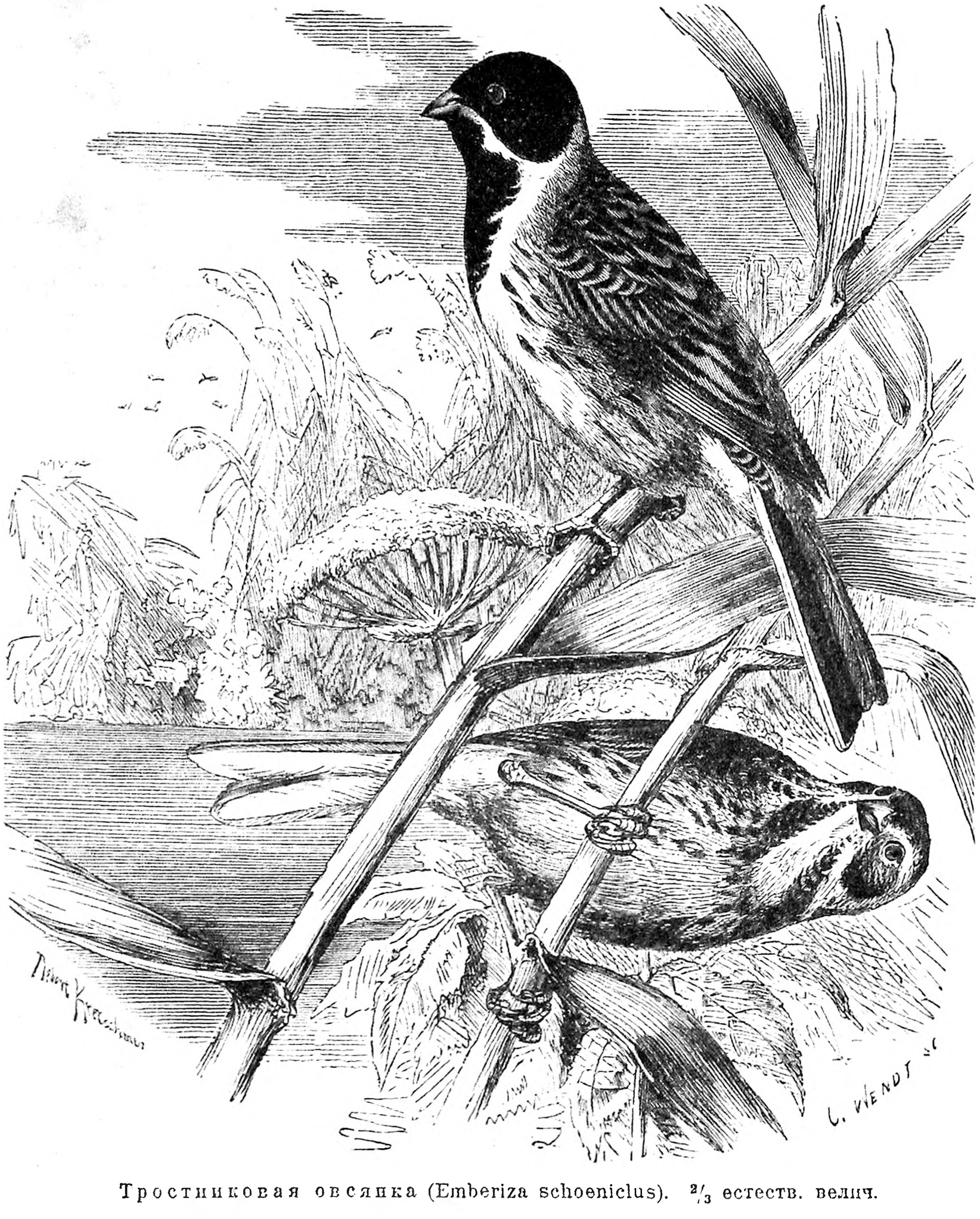
Пуночки своимъ образомъ дѣйствій напоминаютъ столько же жаворонковъ, сколько овсянокъ. Бѣгаютъ онѣ совсѣмъ какъ жаворонки, летаютъ легко и ловко, чуть-чуть порхая и описывая большія дуги; во время перелета онѣ несутся на значительной высотѣ, въ другое время охотнѣе летаютъ надъ самой землей. Общества, ищущія пищи, проносятся надъ самой поверхностью, причемъ лишь одна часть спускается на землю, а прочія птицы проносятся надъ первыми. Это безпокойныя, подвижныя птицы, не теряющія веселаго расположенія духа въ самый сильный морозъ и даже сохраняющія веселый видъ въ случаѣ несомнѣннаго недостатка пропитанія. Онѣ рѣдко въ теченіе долгаго времени пребываютъ на одномъ мѣстѣ, а охотнѣе бродятъ въ предѣлахъ извѣстной области. Когда падаетъ сильный снѣгъ, пуночки прилетаютъ на дороги и даже появляются въ городахъ; но пока есть возможность прокормиться въ полѣ, онѣ не покидаютъ полей и здѣсь

въ теченіе цѣлаго дня дѣйствуютъ, какъ было описано выше. Призывъ ихъ звучитъ какъ звонкое свистящее „фит“ и какъ звучное „цирр“; пѣніе самца представляетъ собою щебетанье, отчасти похожее на пѣніе полевого жаворонка, но отличающееся отъ пѣнія жаворонка громкими, рѣзкими и пронзительными строфами.

Плѣнныя пуночки рѣдко долгое время выживаютъ въ клѣткѣ.

*

Родъ овсянокъ (Emberiza) характеризуется клювомъ различной длины и крѣпости съ несходными створками и явственнымъ бугоркомъ на деснахъ, довольно

Тростниковая овсянка (Emberiza schoeniclus). $^2/_3$ естеств. велич.

слабыми ногами, задній палецъ которыхъ вооруженъ короткимъ, сильно загнутымъ когтемъ, крыльями средней длины, остріе которыхъ образуется вторымъ или третьимъ маховымъ перомъ и довольно длиннымъ, закругленнымъ хвостомъ.

У тростниковой овсянки (Emberiza schoeniclus) голова, подбородокъ и горло до середины зоба чернаго цвѣта, полоска, идущая отъ клюва, полоса, идущая отъ затылка и проходящая вокругъ шеи, и нижняя сторона бѣлаго цвѣта, за исключеніемъ сѣрыхъ боковъ, покрытыхъ темными продольными полосками, спина и плечи окрашены въ переходный цвѣтъ отъ сѣраго къ черно-бурому съ

хорошенькими ржаво-бурыми каемками по краямъ перьевъ, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста сѣровато-бурыя, маховыя перья буровато-черныя съ ржаво-бурыми каемками, верхнія покровныя перья крыльевъ ржаво-красныя, самыя крупныя изъ нихъ при основаніи черныя, рулевыя перья черныя, оба среднихъ рулевыхъ пера съ ржаво-красной каемкой, крайнія же перья имѣютъ бѣлое наружное опахало. Глаза темно-каріе, клювъ темно-бурый, ноги буроватыя. Длина 16 сантиметровъ.

Птица эта распространена по всей Европѣ и западной Азіи.

Внутри обширной области, гдѣ водится тростниковая овсянка, ея нельзя встрѣтить только на горахъ. Она селится исключительно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ болотистыя пространства покрыты высокими водными растеніями, тростникомъ, камышомъ, болотной травой, ивнякомъ и т. п., т. е. другими словами по берегамъ прудовъ, рѣкъ, озеръ, въ болотахъ и на топкихъ луговинахъ. Здѣсь эта птица выводитъ также свое потомство.

Гнѣздо ея бываетъ очень искусно спрятано на поверхности маленькихъ островковъ и другихъ мѣстъ, не покрытыхъ водою; помѣщается оно между корнями и травой, обыкновенно безпорядочно сооружается изъ разнообразныхъ стебельковъ, усиковъ, пустыхъ колосьевъ и листьевъ травы и внутри выстилается нѣсколькими конскими волосами или пухомъ отъ камыша или ивняка. Дважды въ годъ, въ маѣ и въ началѣ іюля, въ этихъ гнѣздахъ можно найти 4—6 хорошенькихъ яичекъ, очень разнообразныхъ съ пепельно-сѣрыми или черно-бурыми, болѣе рѣзко очерченными или болѣе расплывчатыми крапинками, точками и жилками по сѣровато-бѣлому фону, то болѣе буроватому, то болѣе красноватому. Самка такъ неподвижно и плотно сидитъ на яйцахъ, что ее почти можно схватить рукой; какъ только кто нибудь приблизится къ гнѣзду, самецъ въ испугѣ прилетаетъ и жалобно кричитъ. Молодыя птицы выкармливаются и воспитываются обычнымъ способомъ.

Тростниковая овсянка — рѣзвая, милая птичка, проворнѣе и ловче своихъ родственниковъ; она искусно лазаетъ вверхъ и внизъ по тростнику и умѣетъ удерживаться на самыхъ тонкихъ вѣточкахъ и стебелькахъ, быстро прыгаетъ по землѣ, летаетъ скоро и легко, хотя немного трепещетъ въ воздухѣ, снимаясь съ мѣста, высоко взлетаетъ вверхъ, а спускаясь, сразу бросается внизъ, иногда же летаетъ надъ камышомъ, искусно описывая дуги. Призывъ ея — это звонкое, болѣе протяжное, чѣмъ обыкновенно, „ци-и“, пѣніе похоже на лепетъ.

Въ лѣтнее время тростниковая овсянка питается почти исключительно насѣкомыми, живущими въ тростникѣ, въ водѣ и около воды; осенью и зимою кормъ этой птицы составляютъ сѣмена тростника, камыша, пырея, осоки и др. болотныхъ растеній. Вскорѣ послѣ періода вывода птенцовъ тростниковыя овсянки собираются въ небольшія стаи, посѣщаютъ отъ поры до времени поля, взбираются вверхъ по стебелькамъ проса и другихъ хлѣбныхъ злаковъ и извлекаютъ изъ колосьевъ зерна. Съ наступленіемъ холодовъ эти птицы покидаютъ сѣверныя страны и ищутъ себѣ пріюта на зиму въ тростниковыхъ рощахъ или на поросшихъ высокими травами и репейникомъ равнинахъ южной Европы. Иногда онѣ проводятъ зиму въ Греціи и въ Алжирѣ; на озерѣ Альбуферѣ близъ Валенціи онѣ появляются изъ года въ годъ. Нѣкоторыя тростниковыя овсянки зимуютъ уже въ южной Германіи.

Изъ среднеевропейскихъ видовъ этого рода назовемъ прежде всего тяжеловѣсную просянку (Emberiza calandra). Длина ея 19 сантиметровъ. Верхнія части тѣла ея покрыты по землисто-буроватому фону темными полосками на стержняхъ; полоски эти образуютъ неясную черту на бородѣ, отходящую отъ нижней створки клюва, а на серединѣ зоба сливаются въ большое темное пятно; область щекъ и ушей по буроватому фону покрыта темными продольными штрихами, подъ нею проходитъ желтовато-бѣлая полоса также съ темными штрихами, маховыя и хвостовыя перья темно-бурыя и снаружи украшены на концахъ сѣровато-желтоватой каемкой, причемъ большія маховыя перья и самыя большія кроющія перья крыльевъ образуютъ двѣ свѣтлыя поперечныя полосы. Глаза темно-каріе, клювъ желтаго рогового цвѣта, ноги блѣдно-желтыя.

Начиная съ южной Норвегіи, просянка встрѣчается во всей Европѣ и въ западной Азіи во всѣхъ мѣстахъ, удовлетворяющихъ ея потребностямъ; это птица или осѣдлая, или иногда перелетная. Перелетъ совершаетъ она въ одиночку или толпою и улетаетъ въ сѣверную Африку, нерѣдко появляясь въ Египтѣ и часто на Канарскихъ островахъ. Лѣтнимъ мѣстопребываніемъ ей служатъ обширныя, плодородныя, обработанныя равнины, любимыми же мѣстностями ея являются такія, гдѣ поля чередуются съ лугами, и гдѣ тамъ и сямъ растутъ кустики. Въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ эти птицы встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ и на горахъ. Въ сѣверной Германіи онѣ вездѣ попадаются часто; въ средней Германіи онѣ постепенно распространяются все больше и больше; на изобилующихъ хлѣбомъ равнинахъ Австро-Венгріи это, если не самая распространенная птица, то по крайней мѣрѣ самая распространенная овсянка. „Вмѣстѣ съ распространеніемъ культуры, особенно же вмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ и посѣвомъ клевера“, пишетъ Маршалль о просянкѣ, „съ востока проникаютъ на западъ меланхолическія просянки и вкусные ортоланы, но такъ какъ они не умѣютъ такъ хорошо вести борьбу за существованіе и не могутъ такъ неразрывно связать свою судьбу съ человѣкомъ, однимъ словомъ такъ какъ они не такъ нахальны, какъ воробей, то не достигли того, чего достигъ этотъ послѣдній. Обѣ птицы появились въ средней Европѣ сначала на равнинахъ, расположенныхъ сѣвернѣе, причемъ просянка появилась въ нѣсколько болѣе южныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ ортоланъ, а затѣмъ спустились въ горныя страны, лежащія южнѣе; въ южной Россіи и западной Азіи обѣ эти овсянки представляютъ собою обыкновенное явленіе и здѣсь то вѣроятно находится ихъ первоначальная родина.“

Плотное, сильное тѣло, короткія крылья и слабыя ноги дѣлаютъ просянку тяжеловѣснымъ существомъ. Она прыгаетъ по землѣ медленно и согнувшись, трясетъ при этомъ хвостомъ, летаетъ съ видимымъ напряженіемъ, шумя крыльями и описывая дуги, довольно впрочемъ быстро, и умѣетъ принимать разныя ловкія позы, которыхъ наблюдатель никакъ отъ нея не ожидаетъ. Поднимаясь вверхъ, она часто повторяетъ свой призывъ — рѣзкій звукъ „цик“, который издается часто и во время полета; предостерегающій крикъ ея звучитъ какъ протяжное „зи-и“, нѣжность выражается болѣе мягкимъ звукомъ „тик“; пѣніе ея нельзя назвать-ни пріятнымъ, ни громкимъ: оно напоминаетъ шорохъ, производимый чулочной машиной, такъ какъ вслѣдъ за повторяемымъ нѣсколько разъ звукомъ „тик тик“ раздается какое-то странное звяканье, заканчивающее собою пѣсенку. Во время пѣнія просянка принимаетъ разнообразныя положенія и по возможности старается своими движеніями помогать своему неважному пѣнію. Привлекательныхъ качествъ у этой птицы не замѣчается, это скорѣе скучное созданіе, отравляющее жизнь своихъ болѣе миролюбивыхъ родственниковъ своею сварливостью.

Гнѣздо сооружается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и помѣщается въ маленькомъ углубленіи среди травы или другихъ скрывающихъ его растеній, всегда близко къ поверхности земли. Стѣнки гнѣзда образуются изъ стебельковъ старой соломы, изъ сухихъ листьевъ травы и тонкихъ стебельковъ; внутри гнѣздо выстилается волосами или очень тонкими стебельками. Яйца, которыхъ кладется 4—6 штукъ, отличаются тонкой, тусклой скорлупой и покрыты по матово-сѣроватому или грязно-желтоватому фону красновато-синевато-сѣрыми точками, пятнышками, черточками и жилками. Молодыхъ птицъ кормятъ насѣкомыми; въ концѣ мая птенцы уже выучиваются летать; какъ только они дѣлаются самостоятельны, старики приступаютъ къ выводу вторыхъ птенцовъ; когда же и вторые птенцы подростутъ, всѣ просянки собираются въ стаи и начинаютъ свое путешествіе.

Просянку ловятъ сѣтями или стрѣляютъ изъ-за ея вкуснаго мяса, ловятъ ее также на птицеловномъ току. Въ клѣткѣ ея не держатъ.

Еще чаще встрѣчается, хотя врядъ ли распространена въ болѣе обширной области, обыкновенная овсянка (Emberiza citrinella). Длина ея 17 сантиметровъ. Голова, шея и нижняя сторона красиваго ярко-желтаго цвѣта, лобъ,

отходящая отъ него бровная полоска, идущая къ затылку, и другая продольная полоска, направляющаяся отъ задней части глаза къ вискамъ, а также задняя часть шеи оливково-сѣровато-зеленоватыя, голова и бока головы коричнево-красно-бурыя, спина и плечи сѣровато-желтовато-ржаво-бурыя, бока нижней стороны тѣла покрыты темно-бурыми, бока верхней стороны широкими черными штрихами на стержняхъ, маховыя перья черно-бурыя точно также, какъ и хвостовыя, изъ которыхъ оба наружныхъ пера на внутренней части украшены бѣлыми пятнами на концахъ. Глаза темно-каріе, клювъ темно-синій, по краямъ свѣтлѣе, ноги красновато-желтыя.

Родина обыкновенной овсянки — сѣверная и средняя Европа, а также значительная часть Азіи, а именно Сибирь. Въ Германіи нѣтъ округа, гдѣ не водилась бы эта птица; въ горахъ она добирается до пограничной линіи лѣсовъ и навѣрное встрѣчается во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ между полями, лугами и оградами растутъ невысокіе кусты.

На югѣ къ этой птицѣ присоединяется, а иногда въ предѣлахъ южной Европы ее замѣняетъ очень похожая на нее огородная овсянка (Emberiza cirlus), подчасъ встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Англіи и юго-западной Германіи.

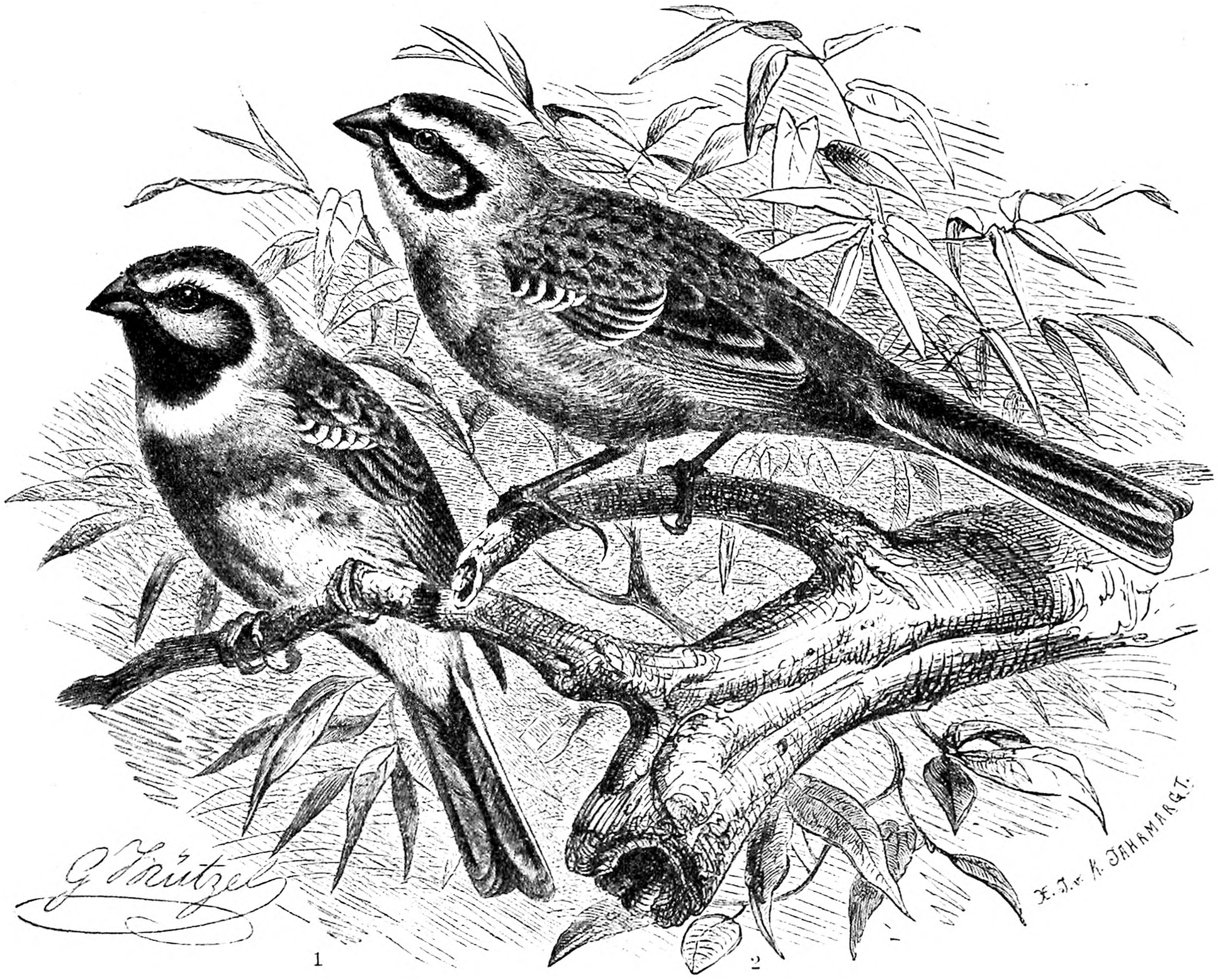
Въ теченіе лѣта всѣмъ извѣстную обыкновенную овсянку можно увидѣть парами или встрѣтить молодыхъ птицъ небольшими обществами. Какъ только наступаетъ весна, взрослыя птицы принимаются за выводъ птенцовъ. Часто уже въ мартѣ можно найти гнѣздо, которое сооружается изъ грубыхъ, полусгнившихъ сучковъ, стебельковъ травы и сухихъ листьевъ, внутри же выстилается тонкими стебельками травы и конскими волосами; помѣщается гнѣздо въ низкомъ кустарникѣ, большею частью близко къ землѣ, между стволами или среди густыхъ вѣтвей; первая кладка заканчивается самое позднее въ началѣ апрѣля. Яицъ кладется 4—5 штукъ; они отличаются тонкой скорлупой, испещрены по тускло-бѣлому или красноватому фону болѣе темными пестрыми крапинками и жилками и высиживаются обоими родителями поочередно; самецъ и самка также сообща заботятся о своемъ потомствѣ. Въ благопріятные годы обыкновенная овсянка выводитъ птенцовъ дважды, нерѣдко даже трижды въ годъ. Пока продолжается періодъ вывода, самецъ очень оживленъ, поетъ съ ранняго утра до поздняго вечера свою простую пѣсенку, состоящую изъ 5—6 почти одинаковыхъ тоновъ и заключающуюся протяжнымъ тономъ октавой выше; народъ въ Германіи передаетъ ее словами: „S'is, s'is noch viel zu früh“ (еще слишкомъ рано) или „Wenn ich 'ne Sichel hätt', wollt' ich mit schnitt“ (если бы былъ у меня серпъ, я сталъ бы жать); Мозенъ же подражаетъ этой пѣснѣ словами: Wie, wie hab' ich dich lieb“ (какъ я тебя люблю)“. Во время пѣнія пѣвецъ сидитъ на торчащей вѣткѣ и близко подпускаетъ къ себѣ человѣка, такъ что наблюдать эту птицу легко.

Послѣ вывода потомства и старъ, и младъ собираются обществами, которыя скоро становятся очень многочисленны и странствуютъ сначала по небольшой области, присоединяясь къ жаворонкамъ, зябликамъ и даже къ рябинникамъ. Въ суровыя зимы овсянка бываетъ вынуждена выпрашивать себѣ пропитаніе у человѣка и цѣлыми массами, иногда какъ желанный, иногда какъ по крайней мѣрѣ терпимый гость, прилетаетъ въ крестьянскіе дворы; весною же она опять возвращается въ свои обычныя мѣста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее ловятъ на птицеловномъ току; но хищныя животныя для нея враги гораздо болѣе опасные, нежели человѣкъ.

Еще большею извѣстностью, чѣмъ обыкновенная овсянка, пользуется ортоланъ или садовая овсянка (Emberiza hortulana, рисунокъ на стр. 173). Длина ея 16 сантиметровъ. Голова, шея и зобъ у нея тусклаго сѣро-зеленаго цвѣта, узкое глазное кольцо, подбородокъ, горло и полоска, идущая отъ нижней створки клюва внизъ — желтаго цвѣта, прочія нижнія части тѣла коричнево-ржаво-красныя, нижнія кроющія перья хвоста свѣтлѣе, верхнія части тѣла тускло-ржаво-бурыя, спина и плечи покрыты широкими темными пятнами на стержняхъ,

маховыя перья темно-бурыя, верхнія кроющія перья хвоста украшены также ржаво-бурой каемкой на концахъ, образующей поперечную полосу, хвостовыя перья темно-бурыя, крайнія въ серединѣ наружнаго опахала бѣлыя. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги красноватаго рогового цвѣта.

Ортоланъ водится въ значительной части Европы, но встрѣчается лишь тамъ и сямъ, во многихъ же мѣстностяхъ совсѣмъ не попадается или попадается очень рѣдко. Въ Германіи эта птица живетъ постоянно по низовьямъ Эльбы, въ графствѣ Маркъ и Лаузицѣ, въ Силезіи, Вестфаліи и въ прирейнскихъ земляхъ. Часто встрѣчается она въ южной Норвегіи и Швеціи и представляетъ собою обыкновенное явленіе въ южной Европѣ, птенцовъ выводитъ въ Голландіи, Англіи, Франціи и Россіи, въ средней Азіи до Алтайскихъ горъ, въ горахъ Малой Азіи и

1) Огородная овсянка (Emberiza cirlus), 2) Дурачекъ (Emberiza cia). $^5/_8$ естеств. велич.

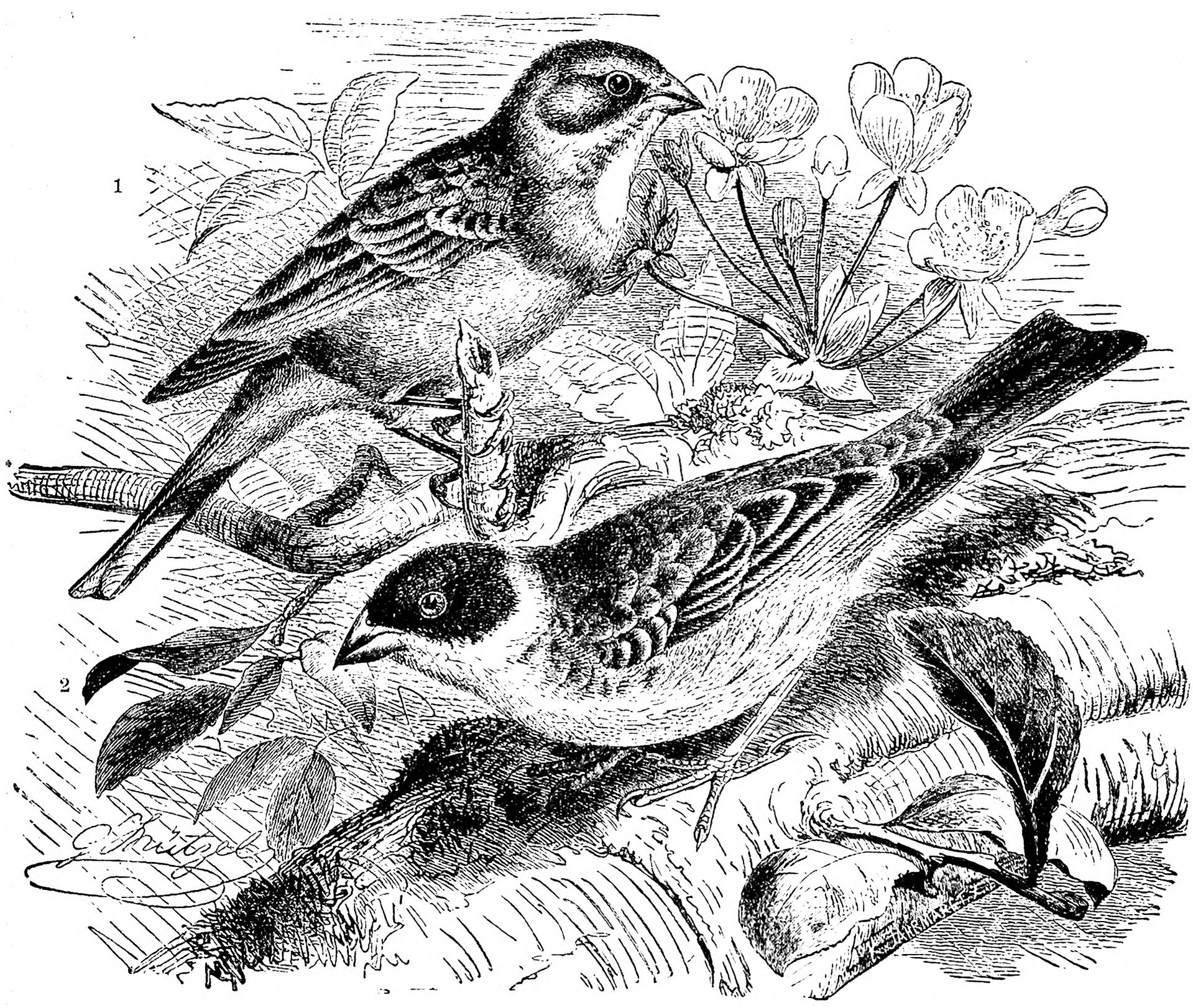
Палестины. Зимою она долетаетъ до западной и восточной Африки, селится всего охотнѣе въ горахъ и забирается на высоту 3000 метровъ.

Въ юго-восточной Европѣ, а именно въ Греціи, также въ Малой Азіи, Палестинѣ, въ западной Азіи и въ сѣверной Африкѣ къ ней присоединяется сѣроголовая овсянка (Emberiza caesia), которую удавалось застрѣлить въ южной Германіи и на о. Гельголандѣ; этотъ послѣдній видъ отличается отъ предыдущаго сѣрой головой и сѣрой поперечной полосой, проходящей черезъ зобъ, блѣдной коричнево-красной окраской горла, темнымъ коричнево-краснымъ цвѣтомъ нижней стороны, меньшими бѣлыми пятнами на концахъ крайнихъ хвостовыхъ перьевъ и кораллово-краснымъ клювомъ.

По образу жизни и по нравамъ садовая овсянка мало отличается отъ другихъ видовъ своего семейства. Она живетъ приблизительно въ тѣхъ же мѣстностяхъ, какъ и обыкновенная овсянка, очень сходна съ этой послѣдней по образу дѣйствій, но поетъ нѣсколько лучше, хотя совершенно въ томъ же родѣ. Призывъ звучитъ какъ „гиф герр“, выраженіе нѣжности — какъ мягкое „ги“ или какъ едва слыш-

ное „пик“, знакомъ непріятнаго волненія служитъ громкое „герк“. Гнѣздо и яйца сходны съ только что описанными. Гнѣздо располагается обыкновенно близко къ землѣ, среди густыхъ вѣтвей невысокихъ деревьевъ; яйца, числомъ 4—6, покрыты по красновато-сѣрому фону черновато-синеватыми пятнышками и жилками.

Уже римляне оцѣнили вкусное, нѣжное мясо ортолана и откармливали этихъ птицъ въ особенныхъ клѣткахъ, ночью освѣщаемыхъ лампами. Это и донынѣ дѣлается въ Италіи, въ южной Франціи и на греческихъ островахъ. Тамъ ортолановъ ловятъ цѣлыми массами, свертываютъ имъ голову, когда они въ достаточной мѣрѣ растолстѣютъ, варятъ въ горячей водѣ и по 200—400 штукъ складываютъ въ боченки, заправивъ уксусомъ и пряностями, а затѣмъ

1) Ортоланъ (Emberiza hortulana), 2) Черноголовая овсянка (Emberiza melanocephala). $^5/_8$ естеств. велич.

разсылаютъ въ разныя страны. Гастрономы охотно платятъ за приготовленныхъ такимъ образомъ ортолановъ большія деньги.

Одна изъ самыхъ красивыхъ птицъ своего подсемейства это такъ называемый дурачекъ (Emberiza cia, рисунокъ на стр. 172). Длина ея 18 сантиметровъ. Голова и задняя часть шеи у этой птицы пепельно-сѣраго цвѣта, бока головы, горло и зобъ немного свѣтлѣе, широкая бровная полоса, щеки и подбородокъ бѣловато-сѣрые, двѣ полоски, проходящія надъ бровной полосой и подъ нею, а также третья полоса, спускающаяся отъ угловъ рта внизъ и соединяющаяся съ двумя другими, чернаго цвѣта; спина и плечи ржаво-красно-бурыя, всѣ перья украшены темными полосками на стержняхъ, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и нижняя сторона тѣла коричнево-ржаво-красныя, на серединѣ брюшка свѣтлѣе, маховыя перья черно-бурыя, заднія большія маховыя перья и ихъ покровы съ ржаво-бурыми каемками, верхнія кроющія перья крыла темно-сѣрыя, самыя же крупныя изъ нихъ черныя съ ржаво-желтовато-сѣрыми каемками, вслѣдствіе

чего образуется поперечная полоса; хвостовыя перья, за исключеніемъ обоихъ среднихъ, темнаго буровато-чернаго цвѣта, причемъ оба крайнихъ пера имѣютъ съ внутренней стороны бѣлое опахало на ближайшей къ концу половинѣ пера. Глаза темно-каріе, верхняя створка клюва черно-бурая, нижняя — свѣтло-бурая, ноги свѣтлаго рогового цвѣта.

Въ Германіи дурачекъ, распространяющійся постепенно все дальше къ сѣверу, живетъ главнымъ образомъ въ прирейнскихъ земляхъ, а также въ юго-восточной части великаго герцогства Баденскаго; по берегамъ Рейна эти птицы обитаютъ только въ виноградникахъ, въ Баденѣ — только въ горныхъ долинахъ; столь же рѣдкое явленіе представляютъ дурачки въ Австріи. Зато часто встрѣчаются они въ южной Европѣ, а именно въ Испаніи, Италіи и Греціи, кромѣ того въ западной Азіи. Отсюда они странствуютъ по бо́льшей части Азіи до Гималаевъ, и въ извѣстное время года попадаются всегда въ западной части этихъ горъ. Это черная птичка, избѣгающая равнинъ. Любимымъ ея мѣстопребываніемъ являются склоны горъ, по возможности изобилующіе обломками горныхъ породъ. Здѣсь она живетъ себѣ на камняхъ и глыбахъ скалъ и между камнями, по образу жизни напоминая другихъ овсянокъ.

На Рейнѣ, гдѣ дурачекъ нерѣдко выводитъ птенцовъ, гнѣздо его находили въ щеляхъ и углубленіяхъ стѣнъ, окружающихъ виноградники. Яйца, числомъ 3—4, сѣровато-бѣлыя и какъ бы обмотаны сѣровато-черными и сѣрыми нитями, образующими поясокъ на серединѣ яйца; нити эти не скоро обрываются, а потому яйца дурачка нетрудно отличить отъ яицъ обыкновенной овсянки. Дурачекъ вѣроятно выводитъ птенцовъ дважды въ годъ.

Въ юго-восточной Европѣ, начиная съ Истріи, а именно въ Далмаціи и Греціи, на многихъ островахъ Адріатическаго моря, въ Малой Азіи и въ значительной части юго-западной Азіи вплоть до сѣверныхъ и западныхъ провинцій Индіи, особенно же въ Персіи, водится черноголовая овсянка (Emberiza melanocephala, рис. на стр. 173). Длина ея 18,5 см. Голова черная, верхняя сторона яркаго коричнево-красно-бураго цвѣта, вся нижняя сторона ярко-желтая; темно-бурыя маховыя перья и рулевыя перья украшены на концахъ сѣровато-желтовато-бурыми каемками, маленькія коричневыя кроющія перья крыла — каемками желтовато-сѣрыми, а буроватыя большія кроющія перья крыла — бѣлыми каемками. Глаза темно-каріе, клювъ рогового голубоватаго цвѣта, ноги буровато-желтыя. Самка лишена черной шапочки на головѣ; верхняя сторона сѣровато-ржаво-красная, горло бѣлое, прочія нижнія части тѣла бѣловато-ржаваго цвѣта.

Въ концѣ апрѣля черноголовая овсянка прилетаетъ съ мѣста своей зимовки въ Грецію и около того же времени появляется въ Истріи. Въ одно прекрасное весеннее утро всѣ живыя изгороди на морскомъ берегу буквально покрываются прибывшими ночью черноголовыми овсянками, хотя наканунѣ тамъ не было и слѣда этихъ птицъ. Затѣмъ черноголовая овсянка тотчасъ же отправляется на тѣ мѣста, гдѣ выводитъ птенцовъ, а именно въ виноградники, расположенные на равнинѣ или на необработанные холмы, поросшіе шалфеемъ и терновникомъ, сооружаетъ себѣ гнѣздо, высиживаетъ дѣтенышей, воспитываетъ ихъ и покидаетъ свою родину въ іюлѣ или въ августѣ, направляясь на мѣсто своей зимовки. Улетаетъ она однако не на юго-западъ, а на юго-востокъ. Возможно, что первоначальнымъ мѣстомъ жительства была Персія, центральный пунктъ области ея распространенія, и что только впослѣдствіи она поселилась въ Малой Азіи на Балканскомъ полуостровѣ; на мѣсто зимовки она пролетаетъ черезъ Персію, гдѣ всегда водится и часто встрѣчается до высоты 3000 метровъ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ отлета изъ Европы черноголовая овсянка появляется на Деканскомъ плоскогоріи и въ верхнихъ провинціяхъ Индостана, тамъ собирается въ крупныя стаи, производитъ большія опустошенія на хлѣбныхъ поляхъ и лишь въ мартѣ мѣсяцѣ улетаетъ обратно.

Гнѣздо устраивается на землѣ или въ колючемъ кустарникѣ, обыкновенно въ весьма сокровенномъ мѣстѣ, строится очень небрежно и занимаетъ много мѣста;

оно слагается изъ сухихъ стеблей и листьевъ, а внутри выстилается тонкими корешками, стебельками, волокнами листьевъ и лошадиными волосами; въ половинѣ мая въ такомъ гнѣздышкѣ можно найти 5—7 блѣдно-голубовато-зеленыхъ яичекъ, покрытыхъ болѣе ясными или болѣе расплывчатыми пепельно-сѣрыми, зеленоватыми или красновато-сѣрыми крапинками. Въ Персіи послѣ вывода птенцовъ черноголовыя овсянки собираются въ стаи, состоящія изъ многихъ тысячъ головъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, представляя собою бѣдствіе еще болѣе страшное, чѣмъ саранча, и еще задолго до своего перелета начинаютъ опустошать поля.

Характерными жителями Эѳіопіи являются ткачевыя птицы (Ploceidae), встрѣчающіяся, кромѣ Африки, еще только въ южной Азіи и въ Австраліи. Къ этому семейству относится около 300 видовъ весьма разнообразныхъ пѣвчихъ птицъ; общій признакъ ихъ составляетъ устройство крыла, въ которомъ всегда бываетъ 10 большихъ маховыхъ перьевъ.

Гнѣзда ткачевыхъ птицъ служатъ великолѣпнымъ украшеніемъ нѣкоторыхъ деревьевъ средней Африки и южной Азіи. Эти пернатые зодчіе особенно любятъ селиться на такихъ деревьяхъ, верхушка которыхъ одною частью своей свѣшивается надъ водою, и подобныя деревья иногда бываютъ буквально покрыты гнѣздами ткачевыхъ птицъ. Поселенія такого рода могутъ поэтому считаться характерными явленіями, свойственными только центральной Африкѣ, Индіи и Остъ-Индскимъ островамъ. Замѣчательно, что эти своеобразные строптели всегда выводятъ птенцовъ въ большомъ обществѣ. Встрѣтить на одномъ деревѣ одно гнѣздо ткачевой птицы — большая рѣдкость; обыкновенно ихъ устраивается на одномъ деревѣ 20, 30, даже 100 и болѣе. Благодаря своей изумительной прочности, эти искусныя сооруженія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ могутъ выдерживать вѣтеръ и непогоду, а потому случается, что на томъ же деревѣ, гдѣ находится поселеніе ткачевыхъ птицъ, виситъ еще три или четыре гнѣзда, сохранившихся отъ прежнихъ лѣтъ. Такое украшеніе деревьевъ наблюдается вездѣ въ области распространенія наиболѣе искусныхъ изъ ткачевыхъ птицъ, какъ на горахъ, такъ и въ равнинѣ, какъ въ лѣсахъ, такъ и на деревьяхъ, осѣняющихъ деревенскія жилища.

Нравы нѣкоторыхъ видовъ ткачевыхъ птицъ въ Нижней Гвинеѣ изображаетъ Пехуэль-Лёше такимъ образомъ: „Изъ ткачевыхъ птицъ Ploceus nigerrimus и Ploceus cinctus устраиваютъ свои гнѣзда на кокосовыхъ пальмахъ, находящихся въ деревняхъ или около деревень, или еще охотнѣе на стоящихъ свободно деревьяхъ хлопчатника. Въ густой листвѣ послѣднихъ скрываются не сотни, а тысячи крѣпко и искусно сплетенныхъ гнѣздъ, свѣшивающихся внизъ въ видѣ мѣшковъ; на пальмахъ же, на которыхъ ловкіе архитекторы уничтожаютъ совершенно перистые листья, гнѣзда ихъ тѣмъ болѣе бросаются въ глаза. Такъ какъ туземцы и не думаютъ преслѣдовать безпокойныя толпы этихъ птицъ, то птицамъ нѣтъ дѣла до людей. Онѣ настолько же довѣрчивы, насколько подвижны и прилежны и производятъ сильный, но какой то уютный шумъ и гамъ, ссорясь изъ за лучшихъ мѣстъ, высиживая и выкармливая птенцовъ и пытаясь пѣть. Гнѣзда свои они охотнѣе всего сооружаютъ изъ гибкаго и липкаго матеріала, доставляемаго имъ близъ стоящими кокосовыми пальмами, при этомъ обыкновенно избираютъ одну какую нибудь пальму, которой тогда уже изрядно достается. Дѣйствуютъ ткачевыя птицы, соблюдая большой порядокъ. Порхая, онѣ схватываютъ клювомъ край того зубца листа, который прилегаетъ къ черешку большого перистаго листа и, опускаясь внизъ, отрываютъ узкую полосу во всю длину черешка; такимъ же способомъ получается вторая, третья полоса и т. д., пока отъ всего зубца не останется только тонкій остовъ средней части. Затѣмъ птицы принимаются за второй зубецъ листа, потомъ за третій и наконецъ, когда на гигантскомъ листѣ не останется и слѣда зелени, принимаются за второй листъ. Если работаетъ очень много птицъ, то онѣ начинаютъ отрывать себѣ полосы отъ разныхъ листьевъ за лучшихъ мѣстъ, высиживая и выкармливая птенцовъ и пытаясь пѣть. Гнѣзда свои они охотнѣе всего сооружаютъ изъ гибкаго и липкаго матеріала, доставляемаго имъ близъ стоящими кокосовыми пальмами, при этомъ обыкновенно избираютъ одну какую нибудь пальму, которой тогда уже изрядно достается. Дѣйствуютъ ткачевыя птицы, соблюдая большой порядокъ. Порхая, онѣ схватываютъ клювомъ край того зубца листа, который прилегаетъ къ черешку большого перистаго листа и, опускаясь внизъ, отрываютъ узкую полосу во всю длину черешка; такимъ же способомъ получается вторая, третья полоса и т. д., пока отъ всего зубца не останется только тонкій остовъ средней части. Затѣмъ птицы принимаются за второй зубецъ листа, потомъ за третій и наконецъ, когда на гигантскомъ листѣ не останется и слѣда зелени, принимаются за второй листъ. Если работаетъ очень много птицъ, то онѣ начинаютъ отрывать себѣ полосы отъ разныхъ листьевъ

одновременно. Съ неутомимымъ трудолюбіемъ порхаютъ маленькіе строители около верхушки пальмы; несмѣтныя количества птицъ прилетаютъ и улетаютъ, унося развѣвающіяся ленты зелени; онѣ не обращаютъ вниманія на человѣка, наблюдающаго снизу, какое они производятъ опустошеніе. Не много требуется имъ времени, чтобы уничтожить роскошную главу гордой пальмы: отъ нея остается только нѣчто похожее на метлу. Затѣмъ совершается набѣгъ на вторую и третью пальму, иногда ихъ ощипывается такимъ образомъ цѣлая дюжина для того, чтобы выстроить городъ гнѣздъ.

Ткачи (Ploceinae) представляютъ собою самыхъ крупныхъ членовъ этого семейства и составляютъ ядро семейства, отъ нихъ получившаго свое названіе. Отличаясь большею частью продолговатымъ тѣломъ, ткачи характеризуются сравнительно длиннымъ и тонкимъ, но все-таки крѣпкимъ конусообразнымъ клювомъ; ноги ихъ—съ высокой плюсной и длинными пальцами, вооруженными крѣпкими, сильно загнутыми когтями, крылья длинныя, но тупыя, и въ нихъ самымъ длиннымъ бываетъ обыкновенно четвертое маховое перо, хвостъ короткій, слегка закругленный; имѣя въ виду эти признаки, трудно смѣшать ткачей съ другими членами семейства. Опереніе ихъ окрашено главнымъ образомъ въ желтый, красновато-желтый и черный цвѣтъ; есть впрочемъ ткачи, у которыхъ преобладающая окраска черная, красная, воробьино-сѣрая и бѣловатая. Голова или лицевая часть обыкновенно темнаго цвѣта; спина бо́льшею частью зеленоватая или красновато-желтая, нижняя сторона чисто-желтая, свѣтло или темно-красная.

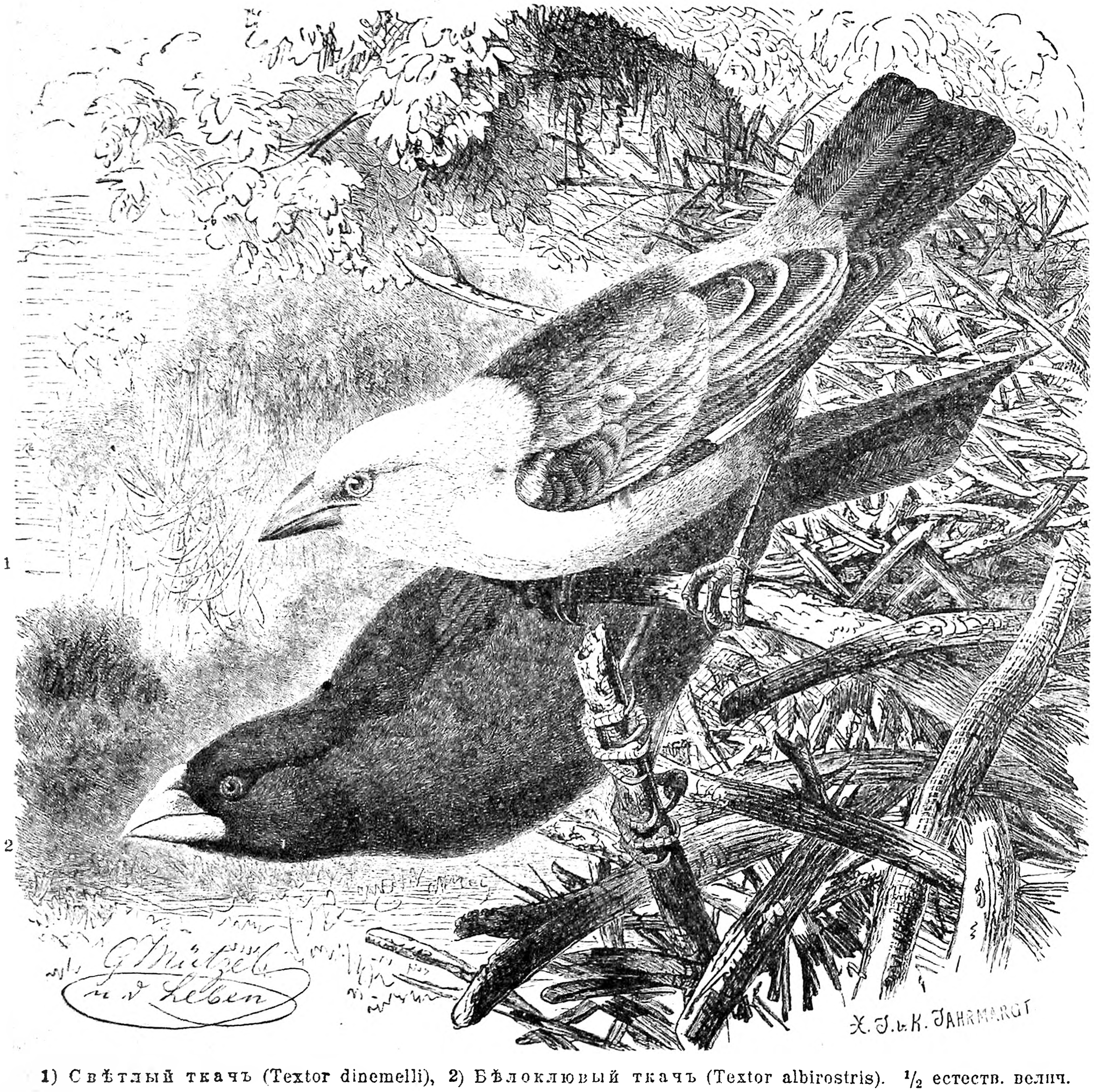
Всѣ ткачи встрѣчаются часто и отличаются общительностью, которая не нарушается въ періодъ размноженія. Послѣ вывода они соединяются въ стаи, доходящія иногда числомъ до нѣсколькихъ тысячъ и подчасъ могущія производить на поляхъ истинныя опустошенія; эти стаи довольно долгое время носятся по странѣ, линяютъ въ это время и въ концѣ концовъ возвращаются на то дерево, которое служило колыбелью ихъ птенцамъ, или, по крайней мѣрѣ, селятся по сосѣдству съ этимъ деревомъ. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кипитъ чрезвычайно дѣятельная жизнь, такъ какъ постройка гнѣзда требуетъ много времени, а ткачи такъ любятъ работать, что иногда разрушаютъ почти совсѣмъ готовыя гнѣзда и сооружаютъ новыя. Гнѣзда всѣ безъ исключенія построены съ удивительнымъ искусствомъ и складываются или сплетаются или изъ растительныхъ волоконъ, или изъ гибкихъ стеблей травы, которые повидимому еще размягчаются слюною птицъ. Вѣроятно всѣ ткачевыя птицы выводятъ потомство по нѣскольку разъ въ годъ, и этимъ быть можетъ объясняется тотъ фактъ, что даже въ довольно сходныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны въ различные мѣсяцы года можно найти новыя гнѣзда и свѣжія яйца этихъ птицъ. Птенцы въ этихъ гнѣздахъ хорошо охранены отъ всякихъ опасностей. На колеблющихся вѣтвяхъ, гдѣ висятъ гнѣзда ткачей, не можетъ удержаться ни одна мартышка, ни одно хищное млекопитающее животное, уничтожающее яйца въ гнѣздахъ птицъ; если же такое животное вздумаетъ приблизиться съ хищническими намѣреніями, то падаетъ на землю или же въ воду. Нѣкоторые виды ткачей, какъ, напр., магалійскій ткачъ, еще лучше защищаютъ свои гнѣзда отъ нападеній, вплетая въ стѣнки гнѣзда колючіе шипы, торчащіе остріемъ наружу. Значитъ, внутри своихъ гнѣздъ какъ молодымъ, такъ и старымъ ткачамъ нечего бояться своихъ обыкновенныхъ враговъ.

Жители восточной Африки равнодушно относятся къ искуснымъ постройкамъ разсматриваемыхъ птицъ; зато другія народности соединили съ этими гнѣздами различныя фантастическія представленія. Въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ, напр. удавалось находить комочки глины, и народъ объясняетъ это тѣмъ, будто ткачевыя птицы ночью прилѣпляютъ къ этимъ комочкамъ свѣтляковъ для того, чтобы они освѣщали имъ гнѣздо. По словамъ Бернштейна, прочная постройка байскаго ткача породила малайское сказаніе о томъ, что тотъ, кому посчастливится разобрать такое гнѣздо, не испортивъ ни одной травки, найдетъ внутри его золотой шарикъ.

Ткачевыя птицы: 1) Полосатая амадина, 2) Райская вдовушка, самка, 3) Райская вдовушка самецъ, 4) Амаранта, 5) Огненный вьюрокъ.

Главную пищу ткачей составляютъ всевозможныя зерна, а именно сѣмена травъ, хлѣбныхъ растеній и тростника. Кромѣ того, эти птицы очень усердно гоняются за насѣкомыми и главнымъ образомъ кормятъ ими свое подрастающее потомство, относительно довольно многочисленное. Хищническіе набѣги на поля ткачи предпринимаютъ главнымъ образомъ послѣ вывода птенцовъ, образуя для этой цѣли огромныя стаи. Тогда человѣкъ, особенно житель болѣе бѣдныхъ мѣстностей, поле котораго составляетъ его единственное достояніе, принужденъ бы-

1) Свѣтлый ткачъ (Textor dinemelli), 2) Бѣлоклювый ткачъ (Textor albirostris). $^1/_2$ естеств. велич.

ваетъ вступить съ этими птицами въ серьезную борьбу. Кромѣ людей, многочисленными и опасными врагами ткачей являются сокола и ястреба-перепелятники.

На европейскомъ рынкѣ животныхъ нерѣдко можно найти нѣсколько видовъ ткачей, хотя исключительно почти западно-африканскихъ; это живучія птицы, легко переносящія всѣ трудности, лишенія и мученія далекаго путешествія; при сносномъ уходѣ ткачи отлично выживаютъ въ клѣткѣ и, если имъ дается для этого возможность, и въ неволѣ начинаютъ ткать себѣ гнѣзда, а въ обществѣ себѣ подобныхъ — размножаться. Поэтому ихъ можно считать самыми подходящими комнатными птицами изъ всего семейства ткачевыхъ. Пѣніе ихъ, правда, не важное; зато они доставляютъ своему хозяину огромное удовольствіе сооруженіемъ на его глазахъ своихъ искусныхъ построекъ.

*

Родъ ткачей (Textor) характеризуется значительной величиной, крѣпкимъ конусообразнымъ, при основаніи расширеннымъ клювомъ, очень сильными ногами и крыломъ округлой формы, изъ маховыхъ перьевъ котораго самыя длинныя четвертое или пятое.

Къ этому роду принадлежитъ бѣлоклювый ткачъ (Textor albirostris, рис. на стр. 178). Длина его 25 сантиметровъ. Опереніе одноцвѣтное, матово-блестяще-черное, мелкія же перья у основанія бѣлыя; бѣлый цвѣтъ появляется тамъ и сямъ, маховыя перья, начиная со второго и кончая пятымъ, снаружи по срединѣ пера украшены узкой бѣловатой каемкой; глаза каріе, клювъ рогового желтаго цвѣта, по краямъ и на кончикѣ синеватый, ноги грязновато-сѣрыя.

Второй видъ этого рода свѣтлый ткачъ (Textor dinemelli, рис. на стр. 178) значительно меньше, достигая въ длину лишь 20-ти сантиметровъ. Голова и нижняя сторона у него бѣлыя. спина, маховыя перья и хвостъ шоколаднаго цвѣта, всѣ перья снабжены болѣе свѣтлыми каемками, маленькое пятно на сгибѣ пера, надхвостье и кроющія перья хвоста алаго цвѣта, уздечка же черная. Клювъ нечистаго черновато-синяго цвѣта, ноги темно-синія.

Бѣлоклювый ткачъ водится во всей средней Африкѣ, свѣтлый же ткачъ встрѣчается внутри этой части свѣта и въ Абиссиніи. Въ южной и восточной Африкѣ бѣлоклювый ткачъ замѣняется близкими своими родственниками, буйволовымъ и среднимъ ткачами, о которыхъ я упоминаю потому, что послѣдующее описаніе отчасти относится и къ этимъ двумъ птицамъ.

Родъ ткачей заключаетъ въ себѣ самыхъ замѣчательныхъ членовъ разсматриваемаго семейства. Они по нравамъ и привычкамъ сходны со своими родственниками, но во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ собою дроздовъ; это ткачевыя птицы, но гнѣзда ихъ болѣе похожи на гнѣзда нашихъ сорокъ, чѣмъ на искусныя постройки, сооружаемыя ихъ родственниками. Всѣ виды живутъ преимущественно на пастбищахъ, охотнѣе всего пребываютъ неподалеку отъ стадъ, большею частью въ обществѣ блестящихъ скворцовъ и волоклюевъ. О буйволовомъ ткачѣ А. Смитъ говоритъ слѣдующее: „Мы встрѣтили эту птицу лишь перейдя черезъ 25 градусъ южной широты; туземцы увѣряютъ, что южнѣе птица эта также рѣдко встрѣчается по той простой причинѣ, что тамъ рѣже встрѣчаются буйволы. Мы всегда видѣли ее въ обществѣ буйволовъ, у которыхъ она сидѣла на спинѣ и среди которыхъ летала. Она прыгала по этимъ животнымъ, словно волоклюй, и искала себѣ пищи, состоявшей главнымъ образомъ изъ клещей, вцѣпившихся въ буйволовъ. Это мы ясно увидѣли, вскрывъ желудокъ птицы. На землю буйволовые ткачи спускались для того, чтобы изслѣдовать пометъ буйволовъ. Кромѣ услуги, оказываемой этими птицами буйволамъ тѣмъ, что онѣ собираютъ съ нихъ паразитовъ, буйволовые ткачи полезны тѣмъ, что предостерегаютъ буйволовъ, если имъ угрожаетъ какая нибудь опасность. Тогда всѣ буйволы поднимаютъ голову и обращаются въ бѣгство. Буйволовые ткачи посѣщаютъ только буйволовъ и сторожатъ ихъ, волоклюи же являются сторожами носороговъ.“

*

Одинъ изъ видовъ рода древесныхъ ткачей (Ploceus) представляетъ собою золотистый ткачъ (Ploceus galbula); это одинъ изъ мелкихъ видовъ — длина его едва достигаетъ 13-ти сантиметровъ. Лобъ до передняго края глазъ, уздечка, бока головы и подбородокъ каштаново-красновато-бураго цвѣта, верхняя часть головы, шея и нижняя сторона желтыя, верхнія части тѣла оливково-желтыя, маховыя перья оливково-бурыя, снаружи оливково-желтыя, съ внутренней стороны украшены болѣе широкой сѣрнисто-желтой каймой, самыя крупныя верхнія кроющія перья крыльевъ на концѣ желтыя и образуютъ на крылѣ поперечную полосу, хвостовыя перья буровато-оливково-желтыя, снаружи и на концѣ украшены оливково-желтой каймой. Глаза красные, клювъ черный, ноги мясного красноватаго цвѣта.

Золотистый ткачъ встрѣчается въ Абиссиніи, начиная съ береговъ Чернаго моря до вершинъ высокихъ горъ, но водится также въ большомъ количествѣ и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ восточнаго Судана.

Древесные ткачи до нѣкоторой степени соединяютъ въ себѣ свойства различныхъ вьюрковъ. Это выражается въ общемъ ихъ характерѣ. Только общительность ткачей, не измѣняющая имъ ни при какихъ обстоятельствахъ, составляетъ ихъ отличительную черту. Утромъ и вечеромъ они цѣлыми толпами появляются на извѣстныхъ деревьяхъ, во время вывода, разумѣется, на тѣхъ, гдѣ находятся ихъ гнѣзда. Самцы сидятъ на концахъ самыхъ высокихъ вѣтвей и поютъ. Пѣніе ихъ отнюдь не можетъ быть названо хорошимъ, но оно имѣетъ въ себѣ что-то очень задушевное. Это какое то жужжанье, щелканье, трескотня и свистъ, перемѣшанные между собою и составляющіе какое-то странное цѣлое, не поддающееся описанію. Такъ проводятъ время общество въ теченіе нѣсколькихъ часовъ послѣ восхода солнца; затѣмъ оно отправляется искать себѣ пищи. Въ обѣденные часы различныя стаи, иногда состоящія изъ цѣлыхъ тысячъ головъ, собираются въ кустахъ вокругъ болотъ или въ топяхъ, образовавшихся на мелкихъ мѣстахъ рѣки, кричатъ и шумятъ тамъ вродѣ нашихъ воробьевъ, внезапно всѣ заразъ бросаются къ водѣ, пьютъ немного, а потомъ съ возможною поспѣшностью снова скрываются въ кустахъ. Они имѣютъ основаніе торопиться, когда пьютъ воду: ихъ злѣйшіе враги, перепелятники и маленькіе сокола подстерегаютъ ихъ на деревьяхъ и стрѣлою накидываются на нихъ, какъ только они покидаютъ свои кусты. Обыкновенно стая ткачевыхъ птицъ цѣлыми часами пребываетъ на одномъ мѣстѣ и въ теченіе этого времени разъ 10—20 спускается къ водѣ. Послѣ обѣда опять начинаются поиски пищи, а вечеромъ стая собирается на томъ же деревѣ, что́ и утромъ, и снова распѣваетъ такую же пѣсню. Во время линянія, которое въ восточномъ Суданѣ происходитъ въ іюлѣ и въ августѣ, ткачи собираются еще въ болѣе многочисленныя стаи, чѣмъ въ другую пору.

При постройкѣ гнѣзда сначала изъ длинныхъ стеблей травы сооружается остовъ, который прикрѣпляется къ концу длинныхъ, гибкихъ вѣтвей. Остовъ этотъ уже имѣетъ форму гнѣзда, но онъ со всѣхъ сторонъ прозрачный. Затѣмъ гнѣздо строится дальше, причемъ стѣнки его сплетаются очень тщательно. Первые стебли кладутся сверху внизъ, и такимъ образомъ созидается по возможности плотная крыша, не пропускающая дождя, а потомъ стебли пропускаются поперекъ остова. Круглое входное отверстіе оставляется сбоку, обыкновенно съ южной стороны. Теперь гнѣздо по формѣ своей походитъ на усѣченный конусъ, поставленный на полушаріе. Но оно еще не окончено: надо еще изготовить входную трубу. Труба эта прикрѣпляется къ входному отверстію, тянется вдоль всей стѣнки и плотно съ нею сплетается. На концѣ этой трубы находится отверстіе, куда влетаютъ птицы. Постройка гнѣзда завершается внутренней отдѣлкой: оно выстилается внизу чрезвычайно тонкими стебельками травы. Если самцу, который одинъ строитъ гнѣздо, кажется, что какая-нибудь вѣтка недостаточно прочна, то онъ соединяетъ двѣ вѣтки перемычкой, къ которой тогда и прикрѣпляется качающаяся колыбель. Когда гнѣздо окончено, самка снуетъ взадъ и впередъ, отдѣлывая гнѣздо внутри, гдѣ ей кажется это нужнымъ. Вслѣдъ за этимъ, а иногда еще до полнаго окончанія гнѣзда, начинается кладка яицъ. Тѣмъ временемъ самецъ усердно продолжаетъ вить, даже тогда, когда самка уже сидитъ на яйцахъ. Яицъ кладется 3—5; они на зеленомъ фонѣ покрыты бурыми пятнами.

Очень занятно наблюдать за древесными ткачами, когда они возятся около гнѣзда. Особенно подвижны бываютъ они тогда, когда самки сидятъ на яйцахъ, а еще болѣе, когда подрастаютъ молодыя птицы. Почти каждую минуту самка подлетаетъ къ гнѣзду, привѣшивается къ нему снизу и всовываетъ голову внутрь, чтобы покормить свое голодное потомство. Такъ какъ одно гнѣздо виситъ около другого и такъ какъ постоянно улетаетъ и прилетаетъ множество птицъ, то все дерево напоминаетъ собою пчелиный улей.

*

Когда въ южной Нубіи начинаетъ созрѣвать зеленая дурра, покрывающая собою всѣ воздѣланныя полосы береговъ Нила, то можно наблюдать великолѣпное зрѣлище. Вниманіе ваше привлекается простымъ, щебечущимъ пѣніемъ, раздаю-

щимся въ одной части поля, и вы видите на одномъ изъ шишковидныхъ плодовъ, торчащемъ выше другихъ, прелестную птицу, похожую на горящій огонекъ и быстро двигающуюся изъ стороны въ сторону. Это и есть пѣвецъ, пѣсенку котораго вы услышали. Простой звукъ этой пѣсенки скоро находитъ себѣ откликъ въ сердцѣ другихъ птичекъ, и вотъ тамъ и сямъ начинаютъ показываться огненно-красныя существа, по всему полю начинаютъ мелькать десятки, затѣмъ сотни птичекъ, которыя служатъ изумительнымъ украшеніемъ окружающей зелени. Каждый пѣвецъ, поднимаясь наверхъ, словно старается со всѣхъ сторонъ показать красоту своего оперенія. Онъ растопыриваетъ крылышки, вертится, поворачивается, какъ бы похваляясь своей красотой при лучахъ солнца. Исчезаетъ онъ такъ же быстро, какъ появился, но спустя нѣсколько минутъ показывается снова.

Птица, о которой я говорю, называется огненнымъ вьюркомъ (Euplectes franciscanus, рис. на стр. 177, фиг. 5). Всѣ огненные вьюрки, самцы, самки и молодыя птицы, внѣ періода спариванья, облечены въ чрезвычайно скромную одежду, вродѣ воробьиной; но къ началу періода спариванья одежда самца совершенно измѣняется и не только въ смыслѣ окраски, но и въ смыслѣ свойствъ перьевъ. Перья становятся мягкими и бархатистыми, а въ области рулевыхъ перьевъ пушистыми и замѣчательно длинными. Въ свадебномъ нарядѣ у самца верхняя часть головы, щеки, грудь и брюшко бархатисто-чернаго цвѣта, все остальное тѣло огненнаго киноварнаго цвѣта съ алымъ оттѣнкомъ, крылья темно-бурыя съ сѣровато-желтоватыми пятнами, образующимися вслѣдствіе того, что всѣ перья по краямъ окрашены свѣтлѣе, чѣмъ по серединѣ.

Огненный вьюрокъ водится во всѣхъ поляхъ дурры и догги, находящихся среди богатой водою мѣстности, начиная съ средней Нубіи до самаго сердца центральной Африки. Птица эта всегда отдаетъ предпочтеніе обработаннымъ мѣстностямъ передъ необитаемыми и только въ крайнемъ случаѣ ищетъ себѣ пропитанія на камышевидныхъ травахъ. Поле дурры для огненнаго вьюрка рай, откуда трудно его изгнать. Здѣсь онъ живетъ, по образу жизни походя болѣе на камышевокъ, чѣмъ на другихъ ткачевыхъ птицъ. Подобно камышевкамъ, огненный вьюрокъ ловко лазаетъ вверхъ и внизъ по стеблямъ, искусно пробирается черезъ болотную траву на землѣ и, въ случѣ опасности, какъ и камышевка, прячется въ чащѣ стеблей. Лишь послѣ жатвы онъ удаляется съ того поля, которое давало ему пріютъ въ періодъ вывода птенцовъ, и подобно другимъ птицамъ своего семейства, странствуетъ по извѣстной области.

Гнѣзда огненнаго вьюрка также искусно сплетаются, но строятся гораздо менѣе прочно, чѣмъ гнѣзда другихъ ткачевыхъ птицъ. Молодыя птицы вылетаютъ изъ гнѣзда еще до жатвы дурры и, соединившись въ большія стаи со старыми птицами, являются иногда настоящимъ бичомъ божіимъ въ странѣ. Тогда бѣдные нубійцы, обработывающіе всякую плодородную полосу земли, орошаемую иломъ, принуждены бываютъ неусыпно сторожить свои поля и разгонять тѣхъ самыхъ птицъ, которыя до тѣхъ поръ служили великолѣпнымъ украшеніемъ ихъ полей.

Огненнаго вьюрка часто привозятъ живымъ въ Европу, но несвѣдущіе люди не обращаютъ на него вниманія потому, что онъ лишь въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ въ году носитъ свою великолѣпную одежду. Содержаніе его въ клѣткѣ при обыкновенномъ кормѣ не доставляетъ никакихъ хлопотъ.

*

Вдовушки (Vidua) водятся въ Африкѣ, и большинство ихъ распространено по значительной части этой части свѣта, но какъ югъ Африки, такъ и востокъ и западъ ея имѣютъ свои особые виды. Вдовушки болѣе всѣхъ прочихъ ткачевыхъ птицъ напоминаютъ собою овсянокъ. Въ періодъ спариванья вдовушки живутъ парами; послѣ вывода и линянія онѣ соединяются въ большія стаи. У самцовъ вмѣстѣ съ одеждой мѣняется и нравъ. Когда они облечены въ свадебную одежду, то длинный и тяжелый хвостъ принуждаетъ ихъ принимать своеобразныя позы и дѣлать своеобразныя движенія. Сидя на вѣткѣ, они просто

опускаютъ свои длинныя перья внизъ, но во время ходьбы они должны подбирать эти перья, а потому приподнимаютъ хвость, чего въ другое время не дѣлаютъ. Хвостъ этотъ оказываетъ сильное вліяніе на ихъ полетъ: длинныя перья мѣшаютъ птицамъ двигаться такъ же быстро, какъ обыкновенно, онѣ съ видимымъ усиліемъ тащатъ свой хвостъ по воздуху; при сколько нибудь сильномъ вѣтрѣ хвостъ составляетъ даже большое препятствіе для полета. Послѣ линянія самцы вдовушекъ двигаются легко и ловко на подобіе прочихъ ткачевыхъ птицъ.

Большинство видовъ этого рода держатся, кажется, главнымъ образомъ на землѣ, гдѣ находятъ себѣ пищу. Здѣсь они, по примѣру другихъ своихъ родственниковъ, подбираютъ осыпавшіяся сѣмена травъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ насѣкомыхъ. Въ періодъ вывода птенцовъ самцы больше держатся на деревьяхъ и здѣсь ищутъ себѣ пищу, такъ какъ длинный хвостъ мѣшаетъ имъ подбирать кормъ съ земли. „Вдовушки“, пишетъ Пехуэль-Лёше изъ западной Африки, „во время періода размноженія часто парочками посѣщаютъ деревни и дворы поселянъ. На открытыхъ мѣстахъ мало замѣтная самка клюетъ на землѣ, между тѣмъ какъ самецъ, украшенный длинными, мягкими перьями на хвостѣ, отъ поры до времени на лету продѣлываетъ надъ нею свои чарующія штуки, отличающіяся чрезвычайной привлекательностью и изяществомъ движеній. Эти и другія птицы, большею частью извѣстныя въ Европѣ и нерѣдко содержимыя тамъ въ клѣткахъ, довѣрчиво прилетаютъ въ мѣстности, населенныя людьми. Люди же привѣтствуютъ ихъ, какъ желанныхъ гостей, и любуются красотою ихъ оперенія и ихъ дѣйствіями. Чтобы устроить имъ пиръ, приносятъ въ деревню грибовидныя постройки термитовъ и разбиваютъ ихъ. Тогда вдовушки слетаются со всѣхъ сторонъ и лакомятся всласть, причемъ веселятся напропалую и среди пестрой толпы иногда появляются весьма рѣдкіе посѣтители.“

Періодъ размноженія совпадаетъ съ весеннею порою на родинѣ этихъ птицъ и наступаетъ вскорѣ послѣ того, какъ самецъ облечется въ свою брачную одежду. Въ Суданѣ вдовушки выводятъ птенцовъ въ концѣ августа; въ абиссинскихъ горахъ — въ тѣ мѣсяцы, когда у насъ весна. Гнѣзда похожи на гнѣзда ткачевыхъ птицъ.

Одежда самцовъ райской вдовушки (Vidua paradisea, рис. на стр. 177, фиг. 2, 3) чернаго цвѣта; широкая полоса на шеѣ, бока шеи и зобъ оранжево-коричнево-красные, прочія нижнія части тѣла блѣднаго ржаво-желтаго цвѣта, маховыя перья темно-бурыя, съ сѣровато-желтоватыми наружными каемками. Глаза черновато-каріе, клювъ черный, ноги бурыя. Самка по окраскѣ своей напоминаетъ воробья. Длина птицы безъ длинныхъ хвостовыхъ перьевъ 15 сантиметровъ, а вмѣстѣ съ длинными хвостовыми перьями — 30 сантиметровъ.

Райская вдовушка живетъ въ средней Африкѣ, причемъ селится преимущественно въ рѣдкихъ степныхъ лѣсахъ. Къ людскимъ поселеніямъ она приближается неохотно, хотя не имѣетъ основанія избѣгать человѣка. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ средней Африки птица эта встрѣчается вездѣ, въ періодъ вывода — парами, въ другое время маленькими обществами и даже большими стаями. Въ пышную одежду свою она облекается въ періодъ дождей и носитъ ее около 4-хъ мѣсяцевъ.

Плѣнныя райскія вдовушки нерѣдко попадаютъ къ намъ въ клѣтки и выживаютъ въ неволѣ по нѣскольку лѣтъ; онѣ не притязательны, но чрезвычайно рѣдко размножаются въ неволѣ.

*

Примѣромъ тонкоклюваго ткача можетъ служить амаранта (Habropyga minima, рис. на стр. 177, фиг. 4), которую мы здѣсь вкратцѣ опишемъ. Родъ амарантовыхъ ткачей (Habropyga), къ которому принадлежитъ разсматриваемая птица, обнимаетъ собою самыхъ маленькихъ ткачевыхъ птицъ. Амаранта окрашена въ цвѣтъ краснаго вина съ пурпуровымъ оттѣнкомъ, спина и плечи у нея рыжевато-бурыя, причемъ каждое перо украшено на концѣ пурпуровой ка-

емкой, нижняя же сторона тѣла усѣяна бѣлыми крапинками. Маховыя и хвостовыя перья бурыя съ пурпурово-красной наружной каемкой. Рыжевато-бурая самочка отличается только пурпуровой уздечкой и такимъ же надхвостьемъ, на груди у нея также замѣчаются бѣлыя крапинки. Глаза темно-карiе, клювъ красный, ноги красноватыя. Длина птицы 10 сантиметровъ.

Амаранта водится во всей средней Африкѣ, отъ западнаго берега до восточнаго, между 22° сѣверной и 25° южной широты. Въ извѣстныя времена года эту птицу можно встрѣтить во всѣхъ поселенiяхъ южной Нубiи и восточнаго Судана; она посѣщаетъ также одинокiя хижины, расположенныя среди лѣса. Это одна изъ первыхъ птицъ на тропикахъ, которая бросается въ глаза путнику, направляющемуся изъ Египта въ Суданъ. Обыкновенно ее можно видѣть близъ деревень вмѣстѣ съ ея родственниками, съ которыми она образуетъ безчисленныя стаи; но амаранта живетъ также и вдали отъ людей въ пустынной степи и даже въ горахъ до 1500 метровъ высоты, хотя здѣсь встрѣчается рѣже.

Амаранта не только красиво окрашенное, но милое и привлекательное созданiе, которое можетъ доставить человѣку много удовольствiя. Птица эта дѣятельна все время, пока солнце находится на небѣ; только развѣ въ обѣденные часы она ищетъ себѣ защиты отъ палящаго зноя въ тѣнистой листвѣ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ. Въ остальное время дня амаранта безъ устали перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку и суетливо прыгаетъ по вѣтвямъ, по домамъ и по землѣ. Врядъ-ли кто-нибудь изъ родственниковъ превосходитъ ее быстротою полета, и навѣрно нѣтъ ни одной болѣе дѣятельной ткачевой птицы. Въ послѣднiе мѣсяцы засухи амаранта линяетъ и при первомъ весеннемъ дождѣ, приблизительно въ началѣ сентября, начинаетъ подумывать о выводѣ потомства. До этого времени амаранты жили обществами; теперь же общества распадаются на парочки, которыя довѣрчиво являются въ деревни и въ города и высматриваютъ себѣ подходящее мѣстечко подъ конусообразной кровлей соломенной хижины или кубической глиняной мазанки туземца. Сюда, на подходящую для этой цѣли подставку, сносится безпорядочная куча сухихъ стеблей; внутри гнѣзду придается округлая форма, но выстилается оно и внутри далеко не тщательно. Въ крайнемъ случаѣ амаранта сооружаетъ себѣ гнѣздо на деревѣ или даже близъ земной поверхности. Въ гнѣздо кладется 3—7 бѣлыхъ, почти что круглыхъ яичекъ съ гладкой скорлупой.

Амаранту пытались было ввезти въ Кайенну ради ея красиваго оперенiя и милаго нрава, но, насколько извѣстно, попытки эти не увѣнчались успѣхомъ.

*

Полосатая амадина (Spermestes fasciata, рис. на стр. 177, фиг. 1) можетъ служить наиболѣе извѣстнымъ представителемъ рода амадинъ (Spermestes). Клювъ у полосатой амадины очень крѣпкiй, въ длину врядъ ли больше, чѣмъ въ ширину и въ толщину, верхняя створка клюва на мѣстѣ гребня плоская, по бокамъ гребня въ видѣ дуги входитъ въ лобъ, нижняя створка клюва очень широкая, крылья средней длины, хвостъ короткiй и закругленный. Общая длина этой милой птички 12,5 сантиметровъ. Главная окраска самца — пріятный сѣровато-желтовато-бурый цвѣтъ; спина потемнѣе, нижняя сторона посвѣтлѣе, каждое перо украшено волнообразными черными пятнами или, какъ на груди, — черными каемками; на нѣкоторыхъ грудныхъ и боковыхъ перьяхъ есть по черному пятну, напоминающему по формѣ римскую цифру V, верхнiя кроющiя перья крыла имѣютъ на концѣ большое сѣровато-красноватое пятно, особенно рѣзко оттѣняемое полулунообразнымъ черным пятномъ; маховыя перья бурыя съ сѣровато-желтоватой каемкой, хвостовыя перья матово-черныя, внизу сѣроватыя, наружное опахало крайнихъ перьевъ бѣлое; бѣлое пятно на концѣ украшаетъ прочiя хвостовыя перья, за исключенiемъ двухъ среднихъ, которыя совершенно чернаго цвѣта. Самецъ отличается отъ самки болѣе красивымъ опереніемъ и широкой полосой великолѣпнаго карминово-краснаго цвѣта на шеѣ; полоса эта идетъ отъ одного глаза къ другому и проходитъ по бѣлой нижней части лица и по бѣлому горлу. Глаза темно-карiе, клювъ и ноги блѣдно-бурые.

Полосатая амадина уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій извѣстна намъ какъ обитательница западной Африки; но область распространенія этой птицы не ограничивается странами, лежащими на западѣ упомянутой части свѣта, а доходитъ до восточныхъ береговъ Африки. Въ странахъ, лежащихъ по Нилу, эта птица встрѣчается начиная съ 16° сѣверной широты во всѣхъ рѣдкихъ лѣсахъ степи. Настоящей пустыни полосатая амадина избѣгаетъ; на границѣ же пояса дождей она водится и, если встрѣчается, то встрѣчается часто. Въ первобытныхъ лѣсахъ ея нѣтъ, или же она прилетаетъ туда лишь на короткое время. Въ такихъ лѣсахъ она не находитъ богатыхъ сѣменами травъ и другихъ низкорослыхъ растеній, на которыхъ и среди которыхъ она разыскиваетъ себѣ пропитаніе. Плѣнныя птицы любятъ клевать плоды и т. п., и изъ этого мы вправѣ заключить, что въ извѣстныхъ случаяхъ полосатая амадина не отказывается отъ такого рода лакомой пищи. Главнымъ кормомъ однако служатъ ей зерна.

Въ сѣверо-восточной Африкѣ полосатыя амадины встрѣчаются обществами въ 10—40 головъ. Такая стая безстрашно приближается къ хижинѣ деревенскаго жителя. Въ предъобѣденные часы полосатыхъ амадинъ можно видѣть усердно занятыми подбираніемъ пищи и бѣгающими по землѣ, но никогда нельзя видѣть ихъ лазящими по низкимъ травамъ. Въ обѣденное время все общество смирно сидитъ среди вѣтвей тѣнистаго дерева и предается дремотѣ. Въ послѣобѣденное время птицы опять улетаютъ искать себѣ корма.

Выводъ птенцовъ происходитъ въ сентябрѣ и октябрѣ — по крайней мѣрѣ въ восточной Африкѣ, т. е. въ ту пору, которая соотвѣтствуетъ нашимъ послѣднимъ весеннимъ мѣсяцамъ. Въ неволѣ полосатыя амадины складываютъ себѣ гнѣздо изъ предоставляемыхъ имъ строительныхъ матеріаловъ, кладутъ 6—9 бѣлыхъ яичекъ, высиживаютъ ихъ въ теченіе 13-ти дней и сообща вскармливаютъ маленькихъ. Молодыя птицы съ самаго начала облекаются въ такую же одежду, какъ и родители.

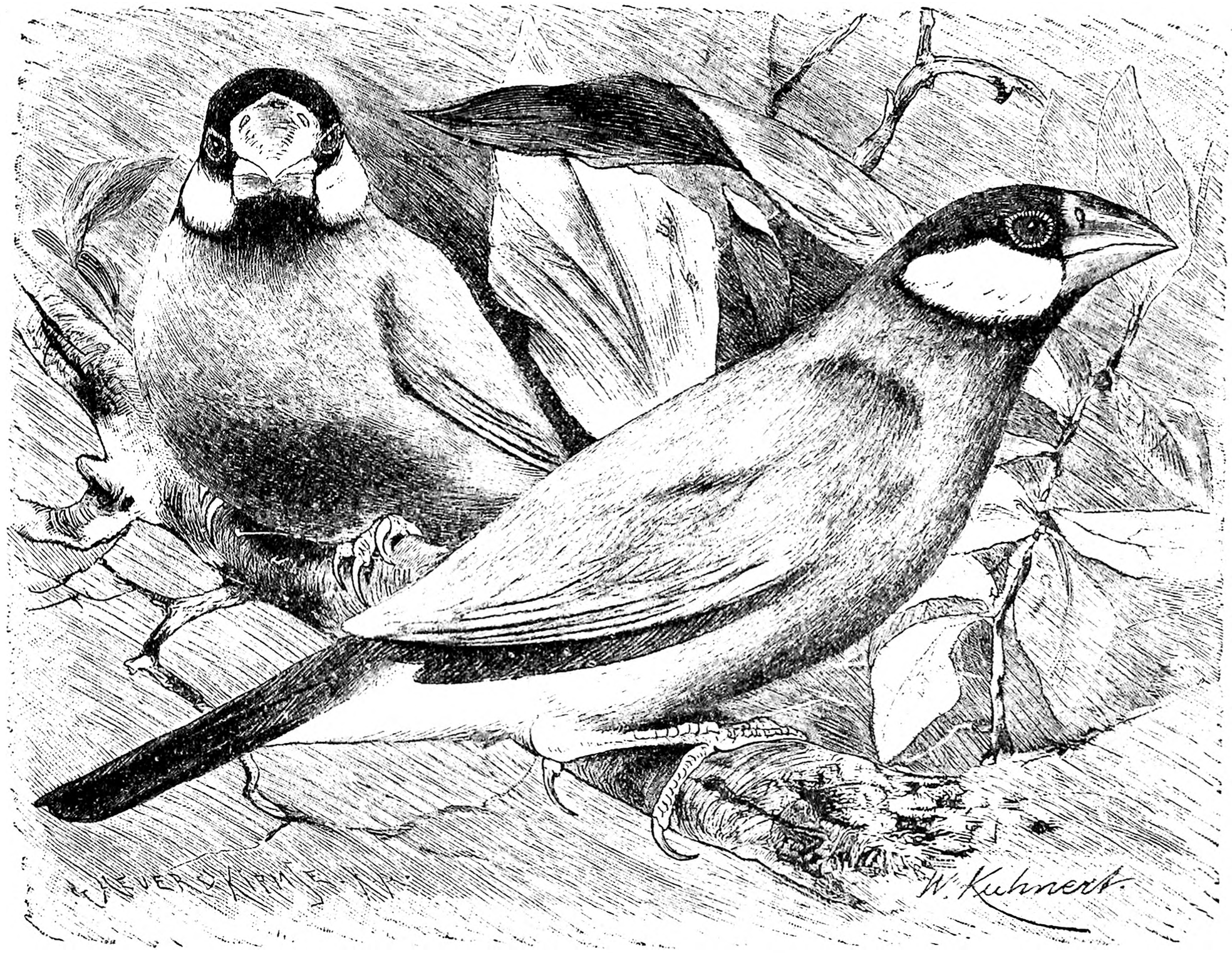
Въ земляхъ, расположенныхъ по верхнему Нилу, никто не ловитъ полосатыхъ амадинъ; въ западной же Африкѣ ихъ ловятъ очень усердно и продаютъ торговцамъ птицами въ приморскихъ городахъ. Черезъ посредство этихъ торговцевъ полосатыя амадины ежегодно цѣлыми тысячами посылаются въ Европу, такъ какъ эти птицы отлично выдерживаютъ всѣ тягости перевозки. При самомъ простомъ уходѣ полосатыя амадины хорошо выдерживаютъ неволю, всегда размножаются, если держать ихъ парами, вначалѣ нравятся всѣмъ красотою своего оперенія и изяществомъ своихъ движеній, но съ теченіемъ времени такъ же надоѣдаютъ. какъ и всѣ ихъ родственники.

Изъ азіатскихъ амадинъ наибольшею извѣстностью пользуется рисовка (Spermestes oryzivora). Ее легко узнать по красивому сѣрому цвѣту верхней стороны тѣла, по черной, большею частью бородавчатой головѣ, по нижней сторонѣ, окрашенной въ свѣтлый цвѣтъ краснаго вина, по черному хвосту и черными же верхнимъ и нижнимъ покровамъ хвоста и по красному клюву, который къ концу становится блѣднѣе. Глаза у нея каріе, вѣки же красныя, клювъ яркаго розовато-краснаго цвѣта, на кончикѣ и по краямъ жемчужно-бѣлый. Ноги красноватыя. Родиной это птицы, которая величиною съ щегленка, считается Малакка и Зондскіе острова. Настоящая же родина рисовки — это Ява. Въ новѣйшихъ сочиненіяхъ говорится, что на родинѣ своей эта птица называется „падда“, потому что она любитъ пребывать въ рисовыхъ поляхъ, а рисъ на туземномъ языкѣ называется „падда“. Правда, что птицу эту чаще всего можно встрѣтить на рисовыхъ поляхъ, но рисъ называется у туземцевъ не „падда“, а „паади“, птицу же туземцы называютъ вовсе не „падда“, а „гладикъ“.

„Подобно нашему европейскому красноголовому воробью“, пишетъ Бернштейнъ, „рисовка обитаетъ исключительно на воздѣланныхъ полосахъ земли и здѣсь представляетъ собою одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій. Въ то время, когда рисовыя поля бываютъ затоплены водою, т. е. отъ ноября до марта или апрѣля— въ тѣ мѣсяцы, когда посѣянный рисъ растетъ и зрѣетъ, рисовки парами или

маленькими семьями держатся въ садахъ, въ рощахъ и въ кустахъ и питаются разными сѣменами, небольшими плодами, вѣроятно также насѣкомыми и червями: по крайней мѣрѣ я часто видѣлъ, какъ эти птицы чего-то ищутъ на землѣ по проѣзжимъ дорогамъ и т. п., гдѣ трудно найти что-нибудь другое, и, какъ мнѣ кажется, находилъ въ ихъ желудкахъ остатки животной пищи. Какъ только однако рисовыя поля начинаютъ окрашиваться въ желтый цвѣтъ, когда вода съ нихъ отводится, и они высыхаютъ, рисовки иногда большими стаями направляются туда и часто причиняютъ чувствительный вредъ, такъ что мѣстные жители принимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы разгонять ихъ.

„Въ мѣстностяхъ, особенно страдающихъ отъ набѣговъ этихъ пернатыхъ воровъ, среди поля устраивается одна или, если поле очень большое, нѣсколько

Рисовка (Spermestes oryzivora). ½ естеств. велич.

маленькихъ сторожекъ на высокихъ бамбуковыхъ столбахъ; отъ этихъ сторожекъ проведены во всѣ стороны многочисленныя нити къ тонкимъ бамбуковымъ палкамъ, разставленнымъ по полю на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга; на нитяхъ же привѣшены большіе сухіе листья, пестрыя тряпки, куклы, деревянныя трещетки и т. п. Если туземецъ, сидящій въ сторожкѣ, словно паукъ среди своей паутины, потянетъ за нити, то въ одно мгновеніе зашуршатъ всѣ сухіе листья, задрыгаютъ куклы, затрещатъ трещетки, и непрошенные гости въ страхѣ обращаются въ бѣгство. Послѣ жатвы рисовки находятъ себѣ обильный кормъ на жнивахъ, лежащихъ подъ паромъ, до наступленія дождей, т. е. до ноября мѣсяца, такъ какъ не только на полѣ остается много колосьевъ, но и среди сухихъ стеблей съ невѣроятною быстротою выростаютъ разнообразныя сорныя травы, быстро созрѣвающія сѣмена которыхъ представляютъ для нашихъ птицъ весьма желанную пищу. Въ это время рисовки бываютъ довольно жирныя и упитанныя и представляютъ собою — особенно молодыя птицы — весьма лакомое блюдо, вслѣдствіе чего подвергаются усерднымъ преслѣдованіямъ.

„Въ клѣткахъ рисовокъ держатъ только торговцы, которые приносятъ этихъ птицъ на пристающія суда и предлагаютъ пріѣзжимъ купить ихъ.“

Гнѣзда рисовокъ Бернштейнъ находилъ то на верхушкѣ различныхъ деревьевъ, то среди многочисленныхъ ползучихъ растеній паразитовъ, покрывающихъ стволы пальмы аренги. Гнѣздо, въ зависимости отъ своего мѣстоположенія, мѣняетъ свою форму и величину. Гнѣзда, расположенныя на деревьяхъ, бываютъ обыкновенно побольше и отличаются довольно правильной полушарообразной формой; гнѣзда же, помѣщенныя между паразитами, обвивающимися вокругъ аренгъ, меньше и имѣютъ менѣе правильную форму. Но какъ тѣ, такъ и другія сооружаются изъ стебельковъ различныхъ травъ, которые однако не особенно крѣпко переплетаются, такъ что вся постройка не отличается прочностью. Яицъ кладется 6—8; они блестяще-бѣлаго цвѣта.

Рисовка распространилась въ Занзибарѣ. Въ Японіи, гдѣ эту птицу уже издавна выращиваютъ люди, существуетъ чисто-бѣлая порода ихъ, которую въ послѣднее время стали постоянно привозить на европейскій рынокъ животныхъ. Бѣлыя японскія рисовки не представляютъ бѣлаго вида этихъ птицъ, а получились путемъ долгой, трудной культуры. У этихъ бѣлыхъ птицъ глаза темные, и у нихъ легко появляются темныя перья. Пестрые экземпляры попадаются нерѣдко.

По моимъ наблюденіямъ, плѣнная рисовка не принадлежитъ къ самымъ привлекательнымъ птицамъ своего рода. Приручить ее можно только отчасти, и въ клѣткѣ она рѣдко размножается. Пѣніе ея почти что не заслуживаетъ названія пѣнія. Единственную привлекательную сторону этой птицы составляетъ ея красивое опереніе.

Трупіалы (Icteridae)—это птицы величиной отъ вьюрковъ до воронъ, продолговатаго, но плотнаго сложенія, съ тонкимъ конусообразнымъ клювомъ, сильною плюсною, крыльями средней длины и средней длины хвостомъ; опереніе у нихъ довольно мягкое, блестящее, окрашенное главнымъ образомъ въ черный, желтый и красный цвѣтъ.

Трупіалы живутъ исключительно въ Америкѣ. Всѣ виды этихъ птицъ общительны, рѣзвы, подвижны и охотно предаются пѣнію. Они обитаютъ въ лѣсахъ, питаются маленькими позвоночными животными, насѣкомыми и моллюсками, плодами и сѣменами и иногда навлекаютъ на себя ненависть людей, иногда же бываютъ имъ очень полезны. Гнѣзда ихъ, подчасъ не уступающія по своей отдѣлкѣ гнѣздамъ ткачевыхъ птицъ, а иногда превосходящія гнѣзда ткачей своимъ изяществомъ, также располагаются на деревьяхъ въ видѣ поселеній; члены же одного подрода не строятъ гнѣздъ и не высиживаютъ птенцовъ, предоставляя заботу о своихъ яйцахъ чужимъ птицамъ.

Изъ сѣверо-американскихъ видовъ этого семейства прежде всего слѣдуетъ упомянуть о балтиморскомъ трупіалѣ (Icterus galbula), какъ о видѣ, пользующемся наибо́льшею извѣстностью. Балтиморскій трупіалъ является представителемъ рода трупіаловъ (Icterus). Голова, шея, подбородокъ и горло, спина, плечи, крылья и оба среднихъ хвостовыхъ пера у балтиморскаго трупіала совсѣмъ черные, верхнія кроющія перья крыла, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и прочія нижнія части тѣла огненно-оранжеваго цвѣта, маховыя перья снабжены широкими бѣлыми наружными каймами, а большія маховыя перья—узкими бѣлыми наружными каемками на концахъ, нижнія кроющія перья крыла въ ближайшей къ концу половинѣ бѣлыя и образуютъ широкую поперечную полосу; рулевыя перья оранжевыя, около основанія украшены широкой черной полосой. Глаза каріе, клювъ черновато-свинцово-синій, ноги свинцово-синія. Длина 20 сантиметровъ.

Балтиморскій трупіалъ выводитъ своихъ птенцовъ въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки, начиная съ Канады вплоть до западныхъ плоскогорій. Зимою онъ улетаетъ отсюда въ Вестъ-Индію и въ центральную Америку. По словамъ

Одюбона, эта птица въ извѣстныхъ мѣстахъ встрѣчается очень часто, въ другихъ же мѣстахъ появляется только во время перелета. Повидимому, болѣе всего нравятся ей холмистыя мѣстности. Это лѣтняя птица, которая въ началѣ весны прилетаетъ парами и очень скоро приступаетъ къ размноженію. Гнѣздо ея, смотря по тому, теплѣе или холоднѣе страна, гдѣ она поселилась, устраивается различнымъ образомъ, но всегда привѣшивается къ тонкой вѣткѣ и очень искусно свивается. Въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки гнѣздо балтиморскаго трупіала состоитъ изъ такъ называемаго „испанскаго мха“ и притомъ сплетается такъ неплотно, что въ гнѣздо со всѣхъ сторонъ можетъ проникать воздухъ; внутри гнѣздо не выстилается никакими согрѣвающими веществами, и вся постройка помѣщается даже на сѣверной сторонѣ дерева. Въ сѣверныхъ же штатахъ гнѣздо привѣшивается къ такимъ вѣтвямъ, которыя освѣщаются солнечными лучами, и внутри выстилается самыми теплыми и тонкими веществами. Птица, вьющая гнѣздо, слетаетъ на землю, ищетъ себѣ подходящія вещества, прикрѣпляетъ ихъ однимъ концомъ къ вѣткѣ, и все это весьма искусно сплетаетъ. При постройкѣ гнѣзда балтиморскій трупіалъ подчасъ становится непріятенъ людямъ. Женщинамъ въ это время приходится зорко присматривать за своей пряжей, которую онѣ собираются бѣлить, ибо всякая птица тащитъ въ свое гнѣздо каждую попавшуюся ей на глаза нитку. Нерѣдко въ гнѣздахъ ихъ находили вплетенными цѣлые клубки шелка.

Окончивъ гнѣздо, самка кладетъ въ него 4—6 яицъ, покрытыхъ по блѣдносѣрому фону болѣе темными пятнами, точками и черточками. Птенцы вылупляются изъ яицъ черезъ 14 дней; три недѣли спустя они уже выучиваются летать. Затѣмъ, по крайней мѣрѣ въ южныхъ штатахъ, парочка выводитъ птенцовъ вторично въ теченіе того же лѣта. Прежде чѣмъ начать летать, молодыя птицы привѣшиваются къ наружной стѣнкѣ гнѣзда и то влѣзаютъ въ гнѣздо, то вылѣзаютъ изъ него, какъ молодые дятлы. Послѣ этого онѣ еще остаются съ родителями около двухъ недѣль, причемъ послѣдніе кормятъ и водятъ свое потомство въ теченіе этого времени. Когда созрѣваютъ тутовыя ягоды и фиги, балтиморскіе трупіалы прилетаютъ на покрытыя плодами деревья, какъ прежде прилетали на вишневыя и другія фруктовыя деревья, и тогда могутъ причинить довольно значительныя опустошенія. Весною же они питаются почти исключительно насѣкомыми, которыхъ или собираютъ на вѣткахъ и листьяхъ, или же преслѣдуютъ на лету и притомъ очень ловко. Перелетъ свой они совершаютъ рано. Днемъ они летятъ высоко на воздухѣ, бо́льшею частью въ одиночку, съ громкими криками и съ большою поспѣшностью. Лишь около заката солнца они опускаются на извѣстныя деревья, наскоро подкрѣпляются пищей, спятъ, завтракаютъ и затѣмъ продолжаютъ путь.

Движенія ихъ изящны и равномѣрны. Полетъ прямолинейный и продолжительный; по землѣ эти птицы ходятъ довольно хорошо. Особенное искусство птица обнаруживаетъ на вѣтвяхъ деревьевъ; здѣсь она лазаетъ не хуже синицъ.

Балтиморскаго трупіала нерѣдко держатъ въ клѣткѣ ради его красиваго опереніа. Пѣніе его хотя просто, но чрезвычайно пріятно вслѣдствіе полноты, силы и благозвучія 3, 4, самое бо́льшее 8 или 10 тоновъ.

*

Къ роду желтушниковъ (Agelaeus) относятся самые мелкіе виды разсматриваемаго семейства. Клювъ этихъ птицъ на гребнѣ прямой, края клюва въ углу рта загибаются внизъ. На большомъ пальцѣ замѣчается шпорцеобразный коготь. Опереніе молодыхъ птицъ часто бываетъ похоже на опереніе овсянокъ, старыя же птицы окрашены весьма различнымъ образомъ.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ ненавистныхъ птицъ Сѣверной Америки, рисовый желтушникъ (Agelaeus oryzivorus, рис. на стр. 188) должна быть разсмотрѣна раньше прочихъ, такъ какъ является полувьюркомъ, полутрупіаломъ.

Подродъ рисовыхъ трупіаловъ (Dolichonyx), представителемъ котораго является упомянутый рисовый желтушникъ, характеризуется сильнымъ, конусообразнымъ, сжатымъ съ боковъ и средней длины клювомъ, верхняя часть котораго уже нижней, и края котораго загнуты въ томъ же родѣ, какъ мы видѣли у овсянокъ; ноги у нихъ довольно длинныя и сильныя, тѣло плотное, голова большая, крылья средней длины. Длина рисоваго желтушника 18 сантиметровъ.

Рисовый желтушникъ (Agelaeus oryzivorus). ½ естеств. велич.

Въ свадебномъ нарядѣ у самца верхняя и передняя часть головы, вся нижняя сторона тѣла и хвоста чернаго цвѣта; затылокъ буровато-желтый, верхняя часть спины черная, причемъ каждое перо украшено широкой желтой каймой. Область плечъ и надхвостье бѣлыя съ желтымъ отливомъ, маховыя перья и кроющія перья крыла черныя, но всѣ съ желтой каемкой. Глаза каріе, верхняя сторона клюва темно-бурая, нижняя створка синевато-сѣрая, ноги свѣтло-голубыя.

Рисовый желтушникъ живетъ въ Сѣверной Америкѣ лѣтомъ, прилетаетъ и улетаетъ онъ очень правильно. По пути на югъ онъ залетаетъ въ центральную Америку и главнымъ образомъ въ Вестъ-Индію, а можетъ быть и въ сѣверную часть Южной Америки; но до Бразиліи онъ повидимому не долетаетъ. Гнѣздо свое эта птица устраиваетъ на землѣ или очень близко къ землѣ и притомъ довольно небрежно; но оно всегда помѣщается между стебельками травы или хлѣбныхъ злаковъ и является центральнымъ пунктомъ участка, занимаемаго извѣстной парочкой. Пока самки высиживаютъ яйца, самцы, задирая другъ друга, гоняются въ лѣсу злаковъ. То одинъ, то другой самецъ съ пѣшіемъ взвивается на воздухъ и выдѣлываетъ на лету всевозможныя штуки. Пѣніе одного самца подзадариваетъ другихъ, скоро ихъ поднимается на воздухъ множество, и каждый распѣваетъ свою пріятную и веселую пѣсенку. Жители Сѣверной Америки правы, отзываясь съ похвалой о пѣніи этой птицы; пѣніе ея нравится даже избалованному уху любителя среднеевропейскихъ птицъ. Звуки, издаваемые рисовымъ желтушникомъ отличаются разнообразіемъ, быстро и повидимому безъ всякаго порядка слѣдуютъ одинъ за другимъ и повторяются съ такимъ усердіемъ, что нерѣдко пѣніе одного самца можно принять за пѣніе полудюжины.

Въ послѣднихъ числахъ мая въ гнѣздѣ рисоваго желтушника можно найти 4—6 яичекъ, расписанныхъ черно-бурыми крапинками и черточками по буровато-желтому или синеватому фону. Молодыхъ птицъ кормятъ преимущественно насѣкомыми; птенцы быстро подрастаютъ, покидаютъ гнѣздо и вмѣстѣ съ другими птицами своего вида собираются въ многочисленныя стаи. Тогда-то рисовые

желтушники заявляютъ себя съ невыгодной стороны. Они начинаютъ перелетать съ одного поля на другое, появляясь въ несмѣтныхъ количествахъ, поѣдаютъ еще молочнистыя хлѣбныя зерна столь же охотно, какъ и созрѣвшія, и вслѣдствіе своей многочисленности дѣйствительно наносятъ земледѣльцу большой вредъ. Всѣ направляютъ противъ этихъ птицъ свои ружья, ихъ убиваютъ цѣлыми тысячами, но напрасно, ибо опустошенія, производимыя ими, не прекращаются. Самое большее, что удается сдѣлать, это согнать птицъ съ одного поля на другое. Сдѣлавъ свое дѣло на сѣверѣ, рисовые желтушники нападаютъ на южныя плантаціи. Такъ носятся они цѣлыми недѣлями, днемъ пребывая въ поляхъ, ночью собираясь на ночлегъ въ камышахъ. Затѣмъ они постепенно улетаютъ далеко на югъ.

Въ клѣткѣ рисовый желтушникъ безъ всякихъ затрудненій клюетъ кормъ, скоро становится столь же веселымъ и довольнымъ, какъ на свободѣ, лазаетъ, выдѣлываетъ разныя гимнастическія штуки, распѣваетъ сколько ему угодно, и лишь тогда выживаетъ только нѣсколько лѣтъ въ неволѣ, когда мало получаетъ корма.

Изъ группы коровьихъ трупіаловъ (Molothrus) самый извѣстный видъ это знаменитый коровій желтушникъ (Agelaeus pecoris, рис. на стр. 190). Голова и шея у него цвѣта буроватой сажи; все прочее опереніе буровато-черное, на груди перья съ синеватымъ блескомъ, а на спинѣ съ синеватымъ и зеленоватымъ блескомъ; глаза темно-каріе, клювъ и ноги буровато-черные. Длина 19 сантиметровъ.

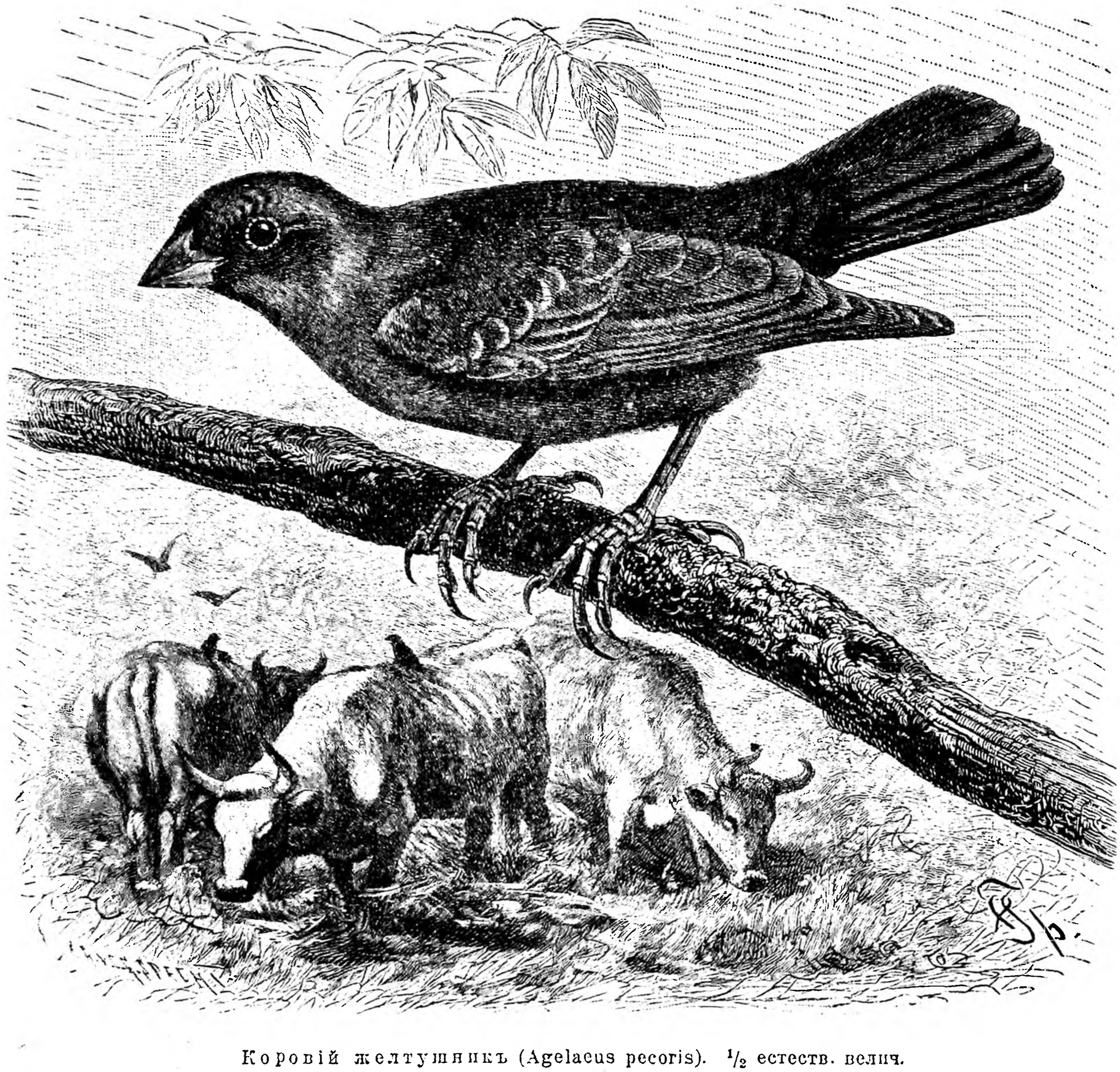
Коровій желтушникъ водится въ большей части Сѣверной Америки и по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается очень часто. Онъ также живетъ преимущественно въ болотистыхъ мѣстахъ, но любитъ пребывать и на пастбищахъ, среди коровъ и лошадей. Ночуетъ онъ въ кустахъ или въ камышѣ на берегахъ рѣкъ. На сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ онъ появляется въ концѣ марта или началѣ апрѣля и притомъ небольшими стаями. Въ концѣ сентября онъ улетаетъ, обыкновенно въ обществѣ другихъ птицъ. Пища его въ сущности та-же, которую ѣдятъ его родственники. На нашихъ скворцовъ онъ похожъ тѣмъ, что часто собираетъ со спины скота паразитовъ, присосавшихся къ коровамъ или лошадямъ.

Обо всемъ этомъ послѣ предыдущаго пожалуй не стоило бы упоминать, если бы коровій желтушникъ не обладалъ одной характерной особенностью. Эта птица, а также всѣ члены указаннаго подрода, сами не высиживаютъ своихъ яицъ, а предоставляютъ заботу о своемъ потомствѣ другимъ птицамъ; къ тому же коровьи трупіалы, подобно нашей кукушкѣ, живутъ въ многобрачіи. „Если мы станемъ наблюдать за извѣстнымъ числомъ этихъ птицъ во время періода спариванья, говоритъ Поттеръ, „то увидимъ, какъ самка покидаетъ своихъ спутниковъ, безпокойно летаетъ взадъ и впередъ и наконецъ довольно долгое время пребываетъ на такомъ мѣстѣ, откуда можетъ наблюдать за дѣйствіями другихъ птицъ. Замѣтивъ однажды, что самка такимъ образомъ чего-то ищетъ, я рѣшилъ по возможности изслѣдовать, въ чемъ дѣло, сѣлъ на лошадь и шагомъ отправился вслѣдъ за нею. Отъ поры до времени я терялъ ее изъ виду, но затѣмъ мнѣ вскорѣ опять удавалось увидѣть ее. Она залетала во всякій густой кустарникъ, чрезвычайно тщательно изслѣдовала всѣ тѣ мѣста, гдѣ обыкновенно вьютъ себѣ гнѣзда маленькія птички, наконецъ стрѣлою понеслась въ густые кусты ольхи или терновника, пробыла тамъ 5—6 минутъ и вернулась къ своему обществу, находившемуся въ полѣ. Въ чащѣ я нашелъ гнѣздо лѣсного конька или желтозобика и въ немъ яйцо коровьяго желтушника. Я думаю, нельзя сомнѣваться въ томъ, что паразитъ насильно проникаетъ въ гнѣздо другихъ птицъ и изгоняетъ ихъ изъ участка, принадлежащаго имъ по праву. Въ случаѣ необходимости, онъ тайкомъ забирается туда, куда не можетъ проникнуть силой.“

Яйцо коровьяго желтушника, какъ и яйцо кукушки, меньше, чѣмъ можно было бы предположить, имѣя въ виду величину птицы; яйца коровьяго желтушника къ тому же на блѣдно-сѣромъ фонѣ покрыты землисто-бурыми пятнами и

коротенькими черточками, особенно густыми на толстомъ концѣ. По словамъ Одюбона, коровій желтушникъ никогда не кладетъ въ одно гнѣздо больше одного яйца, но навѣрное кладетъ нѣсколько яицъ въ періодъ размноженія. Черезъ 14 дней или около того изъ яйца коровьяго желтушника вылупляется молодая птица, и пріемные родители такъ же заботятся о своемъ пріемышѣ, какъ будетъ разсказано о пріемышахъ-кукушкахъ.

Почти такъ же часто, какъ рисовый желтушникъ, встрѣчается американскій красноплечій желтушникъ (Agelaeus phoeniceus). Въ свадебной одеждѣ

Коровій желтушникъ (Agelaeus pecoris). $^1/_2$ естеств. велич.

самецъ совсѣмъ черный съ великолѣпными алыми пятнами на плечахъ. Длина птицы 22 сантиметра.

Красноплечій желтушникъ водится по всей Сѣверной Америкѣ и гдѣ водится, встрѣчается часто; на сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ онъ ежегодно выводитъ птенцовъ, на югѣ же является иногда въ большомъ количествѣ въ качествѣ зимняго гостя. Первые птенцы вылетаютъ изъ гнѣзда въ началѣ іюня; вторые — въ первыхъ числахъ августа. Къ этому времени хлѣбъ въ среднихъ штатахъ начинаетъ созрѣвать, и вотъ красноплечіе желтушники несмѣтными стаями нападаютъ на поля и заставляютъ поселянина принимать противъ нихъ серьезныя мѣры. Но обыкновенно самыя большія усилія человѣка избавиться отъ этой птицы ни къ чему не приводятъ: человѣкъ оказывается безсильнымъ передъ такимъ множествомъ

Краснoплечаго желтушника ради его красиваго оперенія часто держатъ въ неволѣ, въ клѣткѣ онъ требуетъ за собой мало ухода, прилежно поетъ, постоянно бываетъ рѣзвъ и веселъ и мирно уживается по крайней мѣрѣ съ птицами одинаковой съ нимъ силы. Общую клѣтку онъ оживляетъ самымъ пріятнымъ образомъ.

*

Въ близкомъ родствѣ съ желтушниками находятся халкофаны (Cassicus). Эти птицы, самые крупные члены своего семейства, отличаются также стройнымъ сложеніемъ; клювъ у нихъ длинный, острый, конусообразный, ноги сильныя, съ длинными пальцами, крылья довольно длинныя, остроконечныя, хвостъ длинный, съ широкими перьями, а опереніе грубое, гладкое, блестящее, черноватаго цвѣта, оттѣняемое желтыми или красными пятнами.

Халкофаны, отчасти замѣняющіе въ Америкѣ нашихъ воронъ, существа красивыя, живыя и подвижныя, живущія въ лѣсахъ и притомъ всегда на деревьяхъ. Когда начинаютъ созрѣвать хлѣбъ и плоды, они приближаются къ жилищамъ и плантаціямъ безъ всякой боязни и подчасъ становятся человѣку въ тягость. Въ лѣсу они охотятся на насѣкомыхъ, а самые крупные виды — вѣроятно и на мелкихъ позвоночныхъ животныхъ; на ряду съ этимъ, они поѣдаютъ плоды и сѣмена. Голосъ у нихъ не такъ благозвученъ, какъ у желтушниковъ, но все-таки ни въ акомъ случаѣ не лишенъ пріятности и отличается большою гибкостью. По словамъ Шомбургка, европейцы въ Гвіанѣ называютъ нѣкоторые виды этихъ птицъ „пересмѣшниками“. Халкофаны не только подражаютъ голосу всѣхъ птицъ, живущихъ по близости, но и голосу млекопитающихъ.

Эти трупіалы столь же замѣчательны своей манерой строить гнѣзда, какъ и своимъ голосомъ. Для вывода птенцовъ они устраиваютъ цѣлыя колоніи и привѣшиваютъ свои мѣшковидныя, довольно искусныя гнѣзда сообща на одно и то же дерево, причемъ часто селятся и живутъ въ мирномъ согласіи съ родственными видами, которые послѣ періода вывода идутъ своей дорогой и не думаютъ о своихъ сосѣдяхъ въ общемъ поселеніи. Гнѣзда похожи на большіе мѣшки, наполненные внизу дробью, какіе употреблялись въ старину, но притомъ такъ прозрачны, что сквозь нихъ виднѣется свѣтлый задъ птицы, сидящей на яйцахъ. Сооруженіе такого гнѣзда требуетъ много времени, труда и ловкости. Нѣкоторые виды употребляютъ только нитевидныя полосы или волокна, отрываемыя отъ льмовыхъ листьевъ.

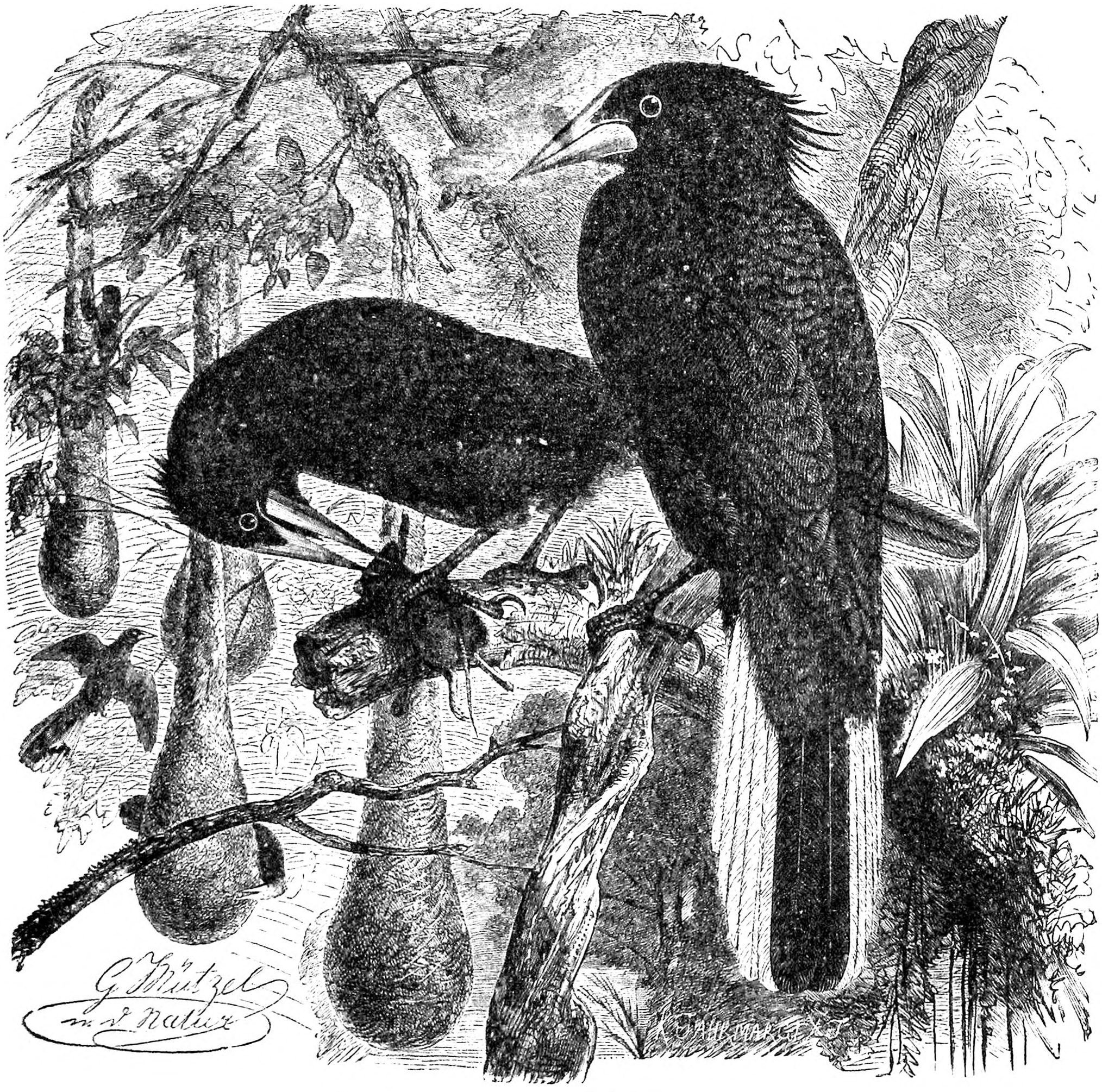
Достойнымъ представителемъ этого рода является шапу или япу (Cassicus cristatus, рис. на стр. 192). Его длина 40—45 сантиметровъ. Перья на серединѣ темени удлинены въ видѣ чуба, и все опереніе блестяще черное, за исключеніемъ пяти внѣшнихъ паръ хвостовыхъ перьевъ лимонно-желтаго цвѣта и ярко-каштановыхъ надхвостья и верхнихъ и нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста. Самка значительно меньше.

Шапу распространенъ по всей Южной Америкѣ, кромѣ западныхъ ея областей южной Бразиліи, живетъ только въ лѣсахъ и лишь тогда приближается къ плантаціямъ или человѣческимъ жилищамъ, когда они расположены около самаго лѣса.

Въ періодъ вывода птенцовъ эту птицу всегда можно встрѣтить съ другими птицами того-же вида; часто можно видѣть 30, 40 и болѣе паръ на небольшомъ пространствѣ; тогда удивительныя гнѣзда шапу висятъ почти на всѣхъ вѣтвяхъ высокихъ или развѣсистыхъ деревьевъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ.

Шапу иногда прикрѣпляетъ свое гнѣздо къ очень высокимъ деревьямъ, иногда къ деревьямъ умѣренной вышины. Гнѣздо имѣетъ форму мѣшка, шириною въ 13—17 сантиметровъ; узкое, длинное, внизу округленное, оно иногда достигаетъ въ длину 1—1,5 метра; наверху оно прицѣплено и крѣпко прикрѣплено къ довольно тонкой вѣткѣ, въ палецъ толщиною; здѣсь же находится продолговатое, ничѣмъ не защищенное входное отверстіе. Форма и составъ этого гнѣзда, стѣнки котораго похожи на гибкій, мягкій войлокъ, таковы, что гнѣздо всецѣло находится

во власти вѣтра; это игрушка вѣтровъ, даже при самомъ ничтожномъ движеніи воздуха. Птица плететъ и валяетъ свое мѣшковидное гнѣздо самымъ искуснымъ образомъ изъ нитей тилландзіи и другихъ волокошъ и притомъ такъ прочно, что лишь съ трудомъ можно разорвать его. На самомъ днѣ этого глубокаго мѣшка въ качествѣ подстилки для птенцовъ кладется мохъ, сухіе листья и лыко; сюда же помѣщается 1 или 2 яйца. Такое дерево, нагруженное гнѣздами, на которомъ эти большія, красивыя птицы суетливо снуютъ взадъ и впередъ, представляетъ

Шапу (Cassicus cristatus). $^2/_5$ естеств. велич.

для знатока птицъ и для охотника чрезвычайно привлекательное зрѣлище. Самецъ, который гораздо больше и красивѣе самки, растопыриваетъ свой великолѣпный хвостъ, машетъ крыльями, какъ лебедь, загибаетъ голову внизъ, причемъ надуваетъ зобъ и издаетъ свои своеобразные флейтовые горловые звуки.

Плѣнные шапу живутъ въ неволѣ много лѣтъ и въ клѣткѣ бываютъ рѣзвы и подвижны.

Скворцы (Sturnidae) — птицы средней величины и плотнаго сложенія, съ короткимъ хвостомъ, но довольно длинными крыльями; клювъ у нихъ такой же длины, какъ и голова, прямой, тонкій, равномѣрно суживающійся къ концу,

ноги средней длины, довольно сильныя, опереніе довольно обильное, но жесткое и очень разнообразно окрашенное.

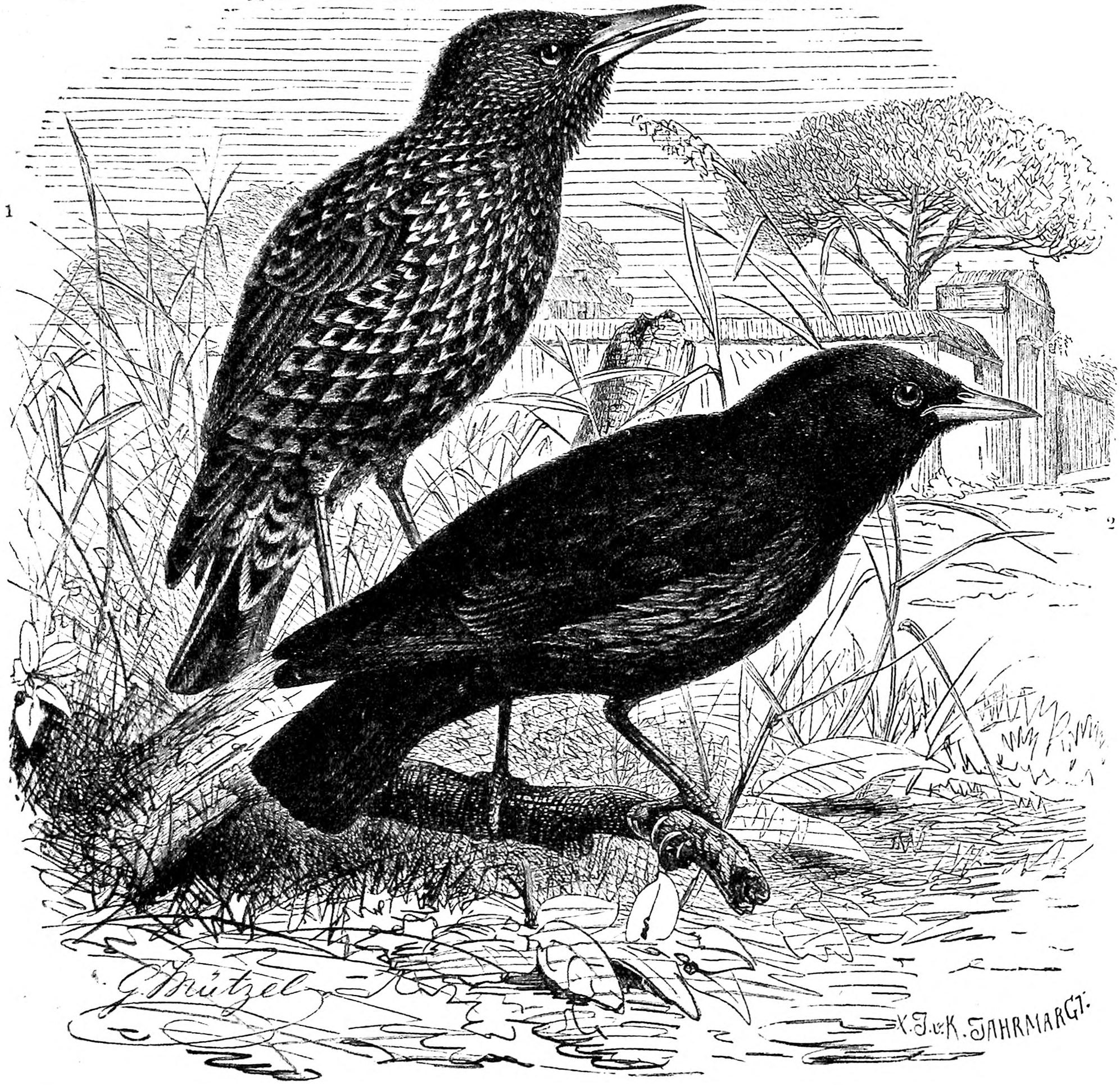
Скворцы играютъ въ Европѣ такую же роль, какъ трупіалы въ Америкѣ; это очень характерная группа птицъ, обнимающая около 150 видовъ и живущая во всѣхъ частяхъ восточнаго полушарія. Какъ и трупіалы, скворцы отличаются чрезвычайною общительностью, собираются въ бо́льшія или меньшія общества не только внѣ періода вывода птенцовъ, но и въ самый этотъ періодъ, и всѣ свои дѣла совершаютъ сообща. Ходятъ скворцы, переступая ногами, немножко ковыляя, но все-таки быстро и хорошо, летаютъ легко, ловко размахивая крыльями, быстро и шумно, и очень искусно двигаются также по вѣтвямъ дерева и въ камышѣ. Всѣ виды скворцовъ живыя, безпокойныя, вѣчно чѣмъ нибудь занятыя птицы, отдыхающія лишь короткое время, но и во время отдыха не остающіяся въ полномъ бездѣйствіи. Пищу ихъ составляютъ насѣкомыя, черви и улитки, а также плоды и другія части растеній; но никогда скворцы не бываютъ вредными. Гнѣздо, большое, неправильное сооруженіе, устраивается въ дуплахъ деревьевъ, въ углубленіяхъ скалъ, каменныхъ стѣнъ и т. п. Число яицъ, которыя кладутся въ гнѣздо, колеблется между 4 и 7. Всѣ виды скворцовъ хорошо и долго выносятъ неволю; нѣкоторые скворцы въ неволѣ становятся однѣми изъ самыхъ прелестныхъ птицъ, какихъ только держатъ въ плѣну.

Обыкновенный скворецъ (Sturnus vulgaris, рис. на стр. 194) въ различномъ возрастѣ и въ разныя времена года бываетъ различнымъ образомъ окрашенъ. Одежда стараго самца весною бываетъ черная съ зеленымъ или пурпуровымъ отливомъ, маховыя перья и хвостъ кажутся свѣтлѣе вслѣдствіе широкихъ сѣрыхъ каемокъ перьевъ; на концахъ нѣкоторыхъ перьевъ спины замѣчаются сѣровато-желтоватыя пятна. Глаза каріе, клювъ черный, ноги красно-бурыя. Совершенно другой видъ имѣетъ самецъ послѣ линянія. Тогда всѣ перья затылка, верхней части спины и груди дѣлаются на концахъ бѣлыми, и потому все опереніе кажется крапчатымъ. Въ то-же время клювъ становится темнѣе. Самка похожа на самца, но ея весенняя одежда болѣе пятнистая, чѣмъ у самца. Длина птицы 22 сантиметра.

На югѣ Европы обыкновеннаго скворца замѣняетъ очень близкій его родственникъ — черный или одноцвѣтный скворецъ (Sturnus unicolor, рис. на стр. 194). У этого скворца особенныя перья на головѣ, груди и затылкѣ — очень длинныя и узкія и къ тому же покрытыя пятнами; все же остальное опереніе аспидно-сѣрое, съ металлическимъ блескомъ, но безъ пятенъ.

Начиная съ Исландіи и Фарерскихъ острововъ, обыкновенный скворецъ встрѣчается во всей Европѣ, по крайней мѣрѣ по временамъ; то же самое можно сказать и относительно подходящихъ для этой птицы мѣстностей средней Азіи. Въ Европѣ это далеко не вездѣ осѣдлая птица. Такъ, во всѣхъ южныхъ провинціяхъ Испаніи, а также въ южной Италіи и въ Греціи скворецъ появляется только въ зимніе мѣсяцы, но еще въ Пиренеяхъ и въ южныхъ Альпахъ выводитъ птенцовъ. Онъ отдаетъ предпочтеніе низменнымъ мѣстностямъ и здѣсь любитъ селиться въ долинахъ и къ тому же въ рощахъ, но остается также и въ такихъ мѣстностяхъ, которыхъ обыкновенно только касается во время перелета, если только находитъ тамъ цѣлесообразно устроенныя скворешницы. Ленцъ пріучилъ эту птицу выводить потомство въ Тюрингенскомъ лѣсу. Изъ всѣхъ перелетныхъ птицъ въ средней Европѣ раньше всего появляется скворецъ и остается до глубокой осени. Долетаетъ онъ самое бо́льшее до сѣверной Африки; въ Алжирѣ и въ Египтѣ онъ гоститъ всякую зиму. Главная масса скворцовъ остается въ южной Европѣ и здѣсь всю зиму пребываетъ вмѣстѣ со всякими другими птицами, особенно съ воронами и дроздами. Полагая, что на родинѣ уже можно найти себѣ пропитаніе, скворцы собираются въ путь и всегда появляются въ средней Европѣ еще до таянія снѣга. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ говорятъ, скворецъ начинаетъ проводить всю зиму, именно тамъ, гдѣ люди въ тяжелыя времена облегчаютъ ему существованіе.

Нѣтъ пожалуй птицы, которая была бы рѣзвѣе, жизнерадостнѣе, веселѣе скворца. Когда онъ прилетаетъ въ Германію, погода еще очень пасмурная: съ неба падаютъ, кружась, хлопья снѣга, кормъ скуденъ, и родина принимаетъ скворца совсѣмъ не радушно. Тѣмъ не менѣе онъ уже съ перваго дня весело распѣваетъ свою пѣсенку и притомъ садится обыкновенно на самыя высокія точки, гдѣ подвергается самому сильному дѣйствію погоды. На окружающія обстоятельства скворецъ смотритъ съ философскимъ спокойствіемъ и ясностью духа и ни-

1) Обыкновенный скворецъ (Sturnus vulgaris), 2) Черный скворецъ (Sturnus unicolor). ½ естеств. велич.

когда не лишается своего хорошаго настроенія. Всякій, ближе узнавъ скворца, начинаетъ его любить, а тотъ, кто еще не узналъ его, долженъ былъ бы сдѣлать все, чтобы привязать къ себѣ эту птицу. Она можетъ сдѣлаться настоящимъ другомъ человѣка, сторицею вознаграждающимъ его за его заботы о себѣ.

Весною, тотчасъ послѣ прибытія на родину, самцы появляются на самыхъ высокихъ пунктахъ деревни или города, на церковной колокольнѣ или на старыхъ деревьяхъ и здѣсь распѣваютъ, усердно шевеля крыльями и хвостомъ. Пѣніе ихъ не представляетъ собою ничего особеннаго; это скорѣе болтовня, чѣмъ пѣніе, въ которой къ тому же содержится нѣсколько непріятныхъ трескучихъ звуковъ; но поютъ они съ такимъ увлеченіемъ и такъ весело, что ихъ пріятно слушать. Удовольствіе, доставляемое пѣніемъ скворцовъ, усиливается еще благодаря

способности этихъ птицъ къ подражанію. Всѣ звуки, раздающіеся въ данной мѣстности, скворецъ воспринимаетъ своимъ развитымъ слухомъ, заучиваетъ и передаетъ самымъ веселымъ образомъ и сдержанный свистъ иволги, и пронзительный крикъ сойки, и громкій крикъ мути, а также кудахтанье курицы, стукъ мельницы, скрипъ двери или флюгера, щелканье перепелки, трель жаворонка, цѣлыя строфы изъ пѣсни камышевки, дрозда, варакушки, щебетанье ласточекъ и т. п. Какъ вѣрно скворецъ перенимаетъ свистъ, издаваемый человѣкомъ, мы узнаемъ изъ словъ Г. Дика: „Одинъ изъ моихъ скворцовъ былъ причиной слѣдующаго забавнаго случая. Такъ какъ я страдаю горловою болѣзнью, то призываю людей, работающихъ въ саду, при помощи свистка. Не разъ случалось, что люди поспѣшно прибѣгали, хотя я не свистѣлъ, и хотя даже меня не было дома, такъ что ни я, ни рабочіе не могли понять, въ чемъ дѣло. Наконецъ оказалось, что одинъ изъ скворцовъ, свившій себѣ гнѣздо недалеко отъ дома, подслушалъ мой свистъ и сталъ довольно часто передавать его съ неизмѣнною точностью и силой.“ Скворецъ начинаетъ пѣть рано утромъ, днемъ на нѣкоторое время умолкаетъ, а вечеромъ поетъ еще дольше, чѣмъ утромъ. Періодъ спариванья и сооруженія гнѣзда начинается въ началѣ марта.

Въ лиственныхъ лѣсахъ скворецъ устраиваетъ себѣ гнѣзда во всевозможныхъ дуплахъ; если таковыхъ не оказывается, то онъ селится на строеніяхъ; чаще же всего онъ пользуется скворешницами, приготовленными для него человѣкомъ: это выдолбленные внутри куски древесныхъ стволовъ, имѣющіе въ вышину 50—60 сантиметровъ и въ поперечникѣ 20 сантиметровъ; сверху и снизу этотъ кусокъ дерева закрывается дощечкой и недалеко отъ крышки снабжается круглымъ отверстіемъ въ 5 сантиметровъ въ діаметрѣ; такія или подобныя коробки привѣшиваются къ деревьямъ, къ шестамъ или помѣщаются на карнизахъ домовъ. Наружная часть безпорядочнаго гнѣзда скворца состоитъ изъ соломы и сухихъ травяныхъ стеблей, внутри же гнѣздо выстилается гусиными, куриными перьями и перьями другихъ большихъ птицъ; въ крайнемъ случаѣ скворецъ удовлетворяется соломой и сѣномъ, а въ лѣсу — различными лишаями. Къ концу апрѣля въ такое гнѣздо кладется 5—6 продолговатыхъ яицъ, съ нѣсколько шероховатой скорлупой, но очень блестящихъ; яйца эти свѣтло-голубыя и высиживаются одной самкой. Какъ только птенцы вылупятся изъ гнѣзда, родителямъ приходится такъ много хлопотать о кормѣ, что у отца остается мало времени для пѣнія; но все-таки онъ успѣваетъ урвать часокъ для этой цѣли. Поэтому и во время выкармливанья птенцовъ можно видѣть, какъ почтенные отцы семействъ собираются и сообща распѣваютъ.

Молодыя птицы, вылетѣвъ изъ гнѣзда, 3—4 дня находятся подъ руководствомъ родителей, а затѣмъ становятся самостоятельными. Онѣ соединяются тогда съ другими птенцами въ довольно большія стаи, которыя безцѣльно снуютъ по окрестностямъ. Родители между тѣмъ приступаютъ ко второму выводу и, благополучно выкормивъ вторыхъ птенцовъ, вмѣстѣ со вторыми птенцами присоединяются къ обществу первыхъ. Съ этихъ поръ скворцы уже не прилетаютъ на ночлегъ въ свои гнѣзда, а ночуютъ или въ лѣсахъ, или въ камышѣ на берегу водъ. „Изъ-за многихъ миль“, пишетъ Ленцъ, „скворцы слетаются на такія мѣста и вечеромъ собираются въ стаи, къ которымъ со всѣхъ сторонъ присоединяются новые отряды. Если въ концѣ августа тростникъ и тростниковыя шишки въ рѣкахъ, прудахъ и озерахъ достаточно высоки и крѣпки, то скворцы летятъ на такія мѣста, днемъ улетаютъ иногда за цѣлыя мили, а вечеромъ слетаются тысячами, даже сотнями тысячъ, летаютъ цѣлыми часами то вмѣстѣ, то врозь, словно тучи, опускаются то на луга, то на камышъ, и при наступленіи ночи, жужжа, чирикая, свистя, крича, распѣвая и ссорясь, отправляются на ночлегъ, послѣ того, какъ каждый облюбовалъ и отвоевалъ себѣ мѣстечко на стеблѣ, который сгибается подъ тяжестью столь тяжеловѣсной особы. Если стебель ломается подъ бременемъ птицы, то скворецъ съ шумомъ и гамомъ поднимается и съ шумомъ и гамомъ отыскиваетъ себѣ новый стебель. Если происходитъ общее смятеніе вслѣдствіе выстрѣла или чего либо подобнаго, то вся армія съ неистовымъ шумомъ поднимается наверхъ и нѣ-

которое время носится въ воздухѣ. Въ концѣ сентября стаи скворцовъ еще продолжаютъ свою общительную, веселую жизнь; но старыя парочки возвращаются въ свои гнѣзда, распѣваютъ тамъ по утрамъ и по вечерамъ, словно зима не у порога; но затѣмъ они исчезаютъ изъ Германіи и вмѣстѣ съ молодымъ поколѣніемъ улетаютъ на югъ, какъ только наступятъ первые сильные морозы, и когда первый снѣгъ покроетъ поля и луга. Если погода благопріятная, то скворцы остаются въ Германіи до послѣднихъ чиселъ октября или до первыхъ чиселъ ноября; но затѣмъ уже они неизбѣжно улетаютъ". На мѣстахъ своихъ зимовокъ скворцы живутъ такъ же, какъ на родинѣ. Въ январѣ мѣсяцѣ можно слышать, какъ они распѣваютъ на колокольняхъ собора въ Толедо и на спинѣ буйволовъ въ Египтѣ.

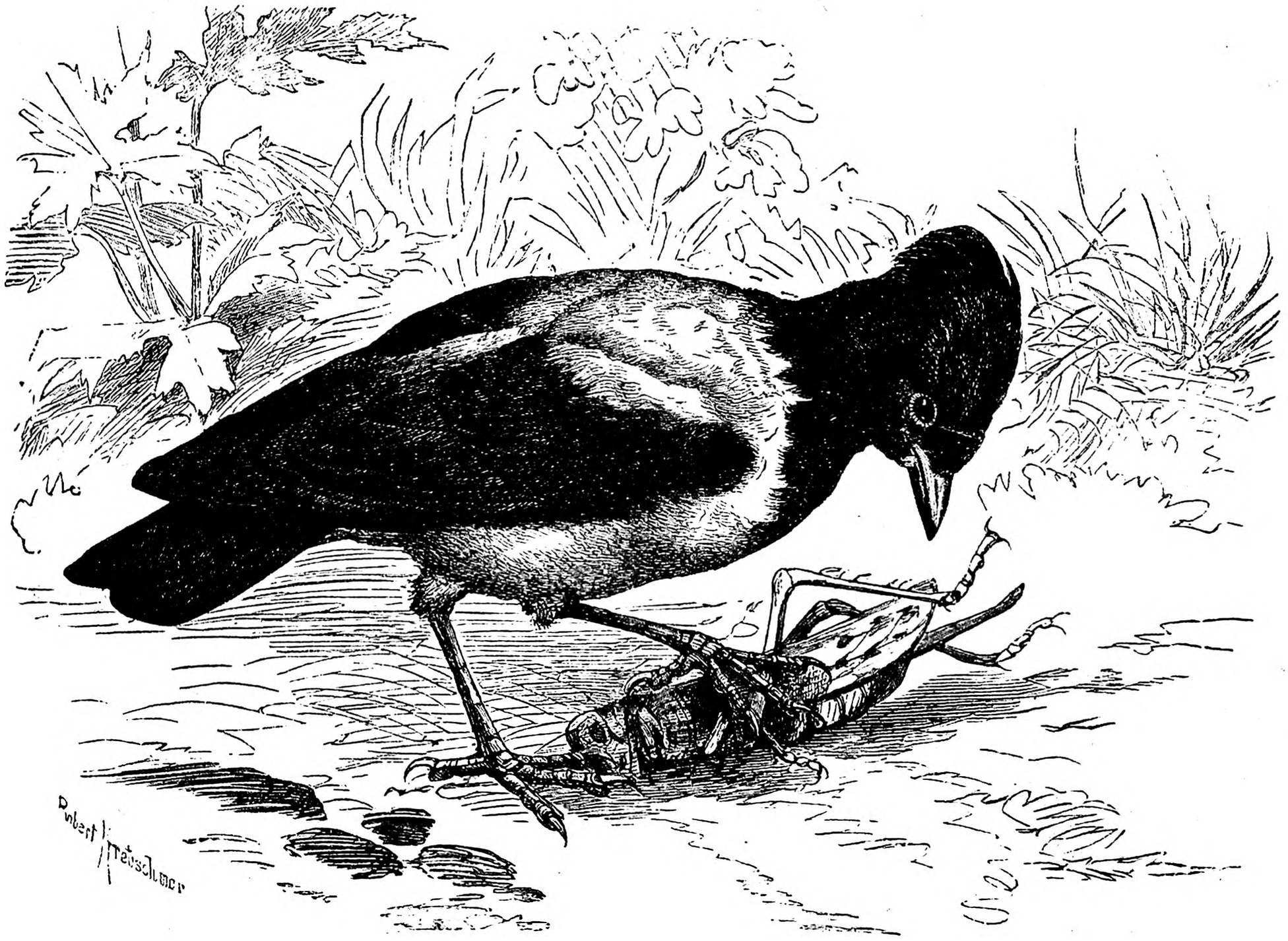
Скворецъ хотя и причиняетъ значительный вредъ виноградникамъ, портитъ иногда вишни и овощи, наноситъ человѣку нѣкоторый ущербъ тѣмъ, что ломаетъ тростникъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда массами слетается на ночлегъ, но приноситъ въ общей сложности столько пользы, что заслуживаетъ названіе лучшаго друга сельскаго хозяина. „Ни одна птица", говоритъ Ленцъ, „не приноситъ столько явной пользы, какъ скворецъ. Когда первые птенцы вылупятся изъ яйца, старики въ предобѣденное время обыкновенно каждыя три минуты подлетаютъ къ гнѣзду съ кормомъ, послѣ же полудня — каждыя пять минутъ; это составляетъ въ 7 предобѣденныхъ часовъ 140 жирныхъ улитокъ (или гусеницъ, кузнечиковъ и т. п.), въ послѣобѣденные часы — 84. На обоихъ родителей я кладу 10 улитокъ въ часъ, итого въ 14 часовъ они съѣдаютъ ихъ 140 штукъ; въ общемъ, слѣдовательно, семья ежедневно уничтожаетъ 364 жирныхъ улитокъ. Когда молодые скворцы вылетаютъ изъ гнѣзда, то имъ нужно еще больше корма; скоро появляются вторые птенцы, и когда и они покидаютъ гнѣздо, семья состоитъ изъ 12 штукъ, изъ которыхъ каждый скворецъ поѣдаетъ примѣрно по 5-ти улитокъ въ часъ; такимъ образомъ семья скворцовъ истребляетъ ежедневно 840 улитокъ. На кровляхъ принадлежащихъ мнѣ строеній, подъ карнизами и на ближайшихъ деревьяхъ находится 42 скворешницы. Если во всѣхъ этихъ скворешницахъ поселяются скворцы, и если каждая семья состоитъ ежегодно изъ 12 штукъ, то одна моя усадьба доставляетъ полямъ 504 скворца, которые убиваютъ и проглатываютъ ежедневно цѣлое полчище въ 35,280 большихъ, толстыхъ, жирныхъ улитокъ."

Скворецъ, ищущій себѣ корма, представляетъ очень милое зрѣлище. Онъ хлопотливо бѣгаетъ по землѣ, съ безпокойствомъ поворачивается то въ ту, то въ другую сторону, заботливо изслѣдуетъ всякое углубленіе, всякую щель, всякій пучекъ травы. При этомъ клювомъ онъ пользуется такъ ловко и такъ разнообразно, что нельзя безъ удовольствія наблюдать за искусникомъ, такъ всесторонне умѣющимъ употреблять столь простое орудіе. То, что ускользаетъ отъ его глазъ, выискиваетъ языкъ, то, чего не удалось найти сегодня, будетъ найдено завтра.

Враги скворцовъ — это крупные виды соколиныхъ птицъ, а именно тетеревятники и ястреба-перепелятники, а также вороны, сороки, сойки, куницы, ласки, бѣлки и сони. Большія хищныя птицы нападаютъ на взрослыхъ скворцовъ или на молодыхъ птицъ, уже покинувшихъ гнѣздо; прочіе схватываютъ еще безпомощныхъ птенцовъ, высовывающихся изъ гнѣздъ, несмотря на то, что родители отчаянно защищаютъ ихъ. Но плодовитость скворцовъ скоро возмѣщаетъ всѣ потери, и умныя птицы выучиваются избѣгать многихъ опасностей. Такъ, разыскивая себѣ пищу на поляхъ, скворецъ пребываетъ въ обществѣ воронъ и галокъ, пользуется осторожностью этихъ птицъ и обращается въ бѣгство при появленіи хищника, а именно хищной птицы, на которую храбрыя вороны сообща нападаютъ. Отъ преслѣдованій со стороны людей скворцовъ, къ счастію, спасаетъ ихъ пріятный нравъ и невкусное, почти что несъѣдобное мясо. Въ клѣткѣ скворцовъ держатъ рѣже, чѣмъ они того заслуживаютъ. Скворецъ непритязателенъ, очень уменъ, чрезвычайно понятливъ и легко поддается обученію, рѣзвъ, веселъ, любитъ играть и дразнить, выучивается напѣвать аріи и произносить слова, искренно привязывается къ своему хозяину, выживаетъ въ клѣткѣ почти столько же времени, сколько въ

среднемъ длится человѣческая жизнь, и соединяетъ въ себѣ больше прекрасныхъ качествъ, чѣмъ всякія другія комнатныя птицы подобнаго же рода.

Ближайшій родственникъ обыкновеннаго скворца въ Европѣ это розовый скворецъ (Pastor roseus). Перья его на головѣ, гдѣ замѣчается свѣшивающійся къ затылку хохолокъ, на шеѣ, спереди до груди, сзади до спины — чернаго цвѣта съ темно-фіолетовымъ металлическимъ блескомъ, крылья, хвостъ, нижнія и верхнія покровныя перья хвоста и нижнія части ляжекъ — черныя со стальнымъ зеленоватымъ отливомъ, всѣ остальныя части тѣла блѣдно-розовыя, клювъ розовый,

Розовый скворецъ (Pastor roseus). $^3/_5$ естеств. велич.

причемъ нижняя створка при основаніи рѣзко загибается внизъ, ноги красновато-бурыя. Длина 21—23 сантиметра.

Розовый скворецъ принадлежитъ къ птицамъ, ведущимъ цыганскій образъ жизни, такъ какъ въ иные годы онъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ встрѣчается во множествѣ, въ другіе же годы совсѣмъ въ эти мѣстности не прилетаетъ, хотя условія въ сущности остались тѣ же, что́ и прежде. Средоточіемъ области, въ которой водится эта птица, слѣдуетъ считать степи внутренней Азіи; отсюда розовые скворцы съ одной стороны распространяются до южной Россіи и до придунайскихъ низменностей, съ другой стороны — до Малой Азіи, Сиріи, наконецъ на востокъ до Монголіи и Китая. Розовый скворецъ гораздо безпокойнѣе обыкновеннаго скворца, ежедневно летаетъ по очень большому пространству, въ теченіе дня по нѣсколько разъ появляется на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, но остается на нихъ недолго, обыскиваетъ какую нибудь полосу, поднимается и летитъ дальше и, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, обыкновенно повторяетъ тѣ же штуки. Отъ поры до времени, особенно послѣ полудня, цѣлая стая этихъ птицъ носится въ теченіе четверти часа и долѣе по воздуху, ловя насѣкомыхъ на манеръ щурокъ; затѣмъ вся стая опять спускается на землю и принимается съ такимъ рвеніемъ искать себѣ корму, какъ будто ничего не удалось поймать на высотѣ.

Пѣніе розовыхъ скворцовъ не болѣе, какъ довольно грубая болтовня, въ которой самые благозвучные тона — призывные, всѣ же прочіе звуки трескучіе и крикливые, такъ что вся пѣсня звучитъ приблизительно какъ „эчречричрицшеррциррцвиширркирр“, причемъ чаще всего раздаются звуки „рич“ и „ширр“.

Питаются розовые скворцы всевозможными насѣкомыми, особенно же большими кузнечиками и жуками, а также ягодами и плодами. Какъ истребители весьма страшнаго врага человѣка — саранчи, эти птицы чрезвычайно полезны; татары и армяне при появленіи розовыхъ скворцовъ еще и въ наше время устраиваютъ паломничества, считая этихъ птицъ предвѣстниками появленія саранчи.

При выборѣ себѣ участка для вывода птенцовъ, одно изъ условій, необходимыхъ розовому скворцу, — это вода; поэтому въ степи эти птицы въ періодъ вывода встрѣчаются почти исключительно вблизи рѣкъ, ручьевъ или озеръ. Чрезвычайная общительность розовыхъ скворцовъ заставляетъ ихъ собираться на мѣстахъ вывода несмѣтными стаями въ нѣсколько тысячъ головъ, такъ что скоро они начинаютъ ощущать недостатокъ въ подходящихъ мѣстахъ для устройства гнѣздъ и въ мѣстахъ для ночлега. Птенцы выводятся въ углубленіяхъ, вырываемыхъ самими птицами, во всевозможныхъ трещинахъ и дырахъ на скалахъ или на каменныхъ стѣнахъ, а также въ дуплахъ деревьевъ, хотя послѣднее случается рѣже. Но такъ какъ всѣ сколько нибудь удобныя мѣста быстро оказываются занятыми, то для вывода птенцовъ выбираются кучи дровъ, камней или хвороста, и множество гнѣздъ помѣщается гдѣ попало, на защищенныхъ или незащищенныхъ мѣстахъ, въ сокровенныхъ или открытыхъ углахъ.

*

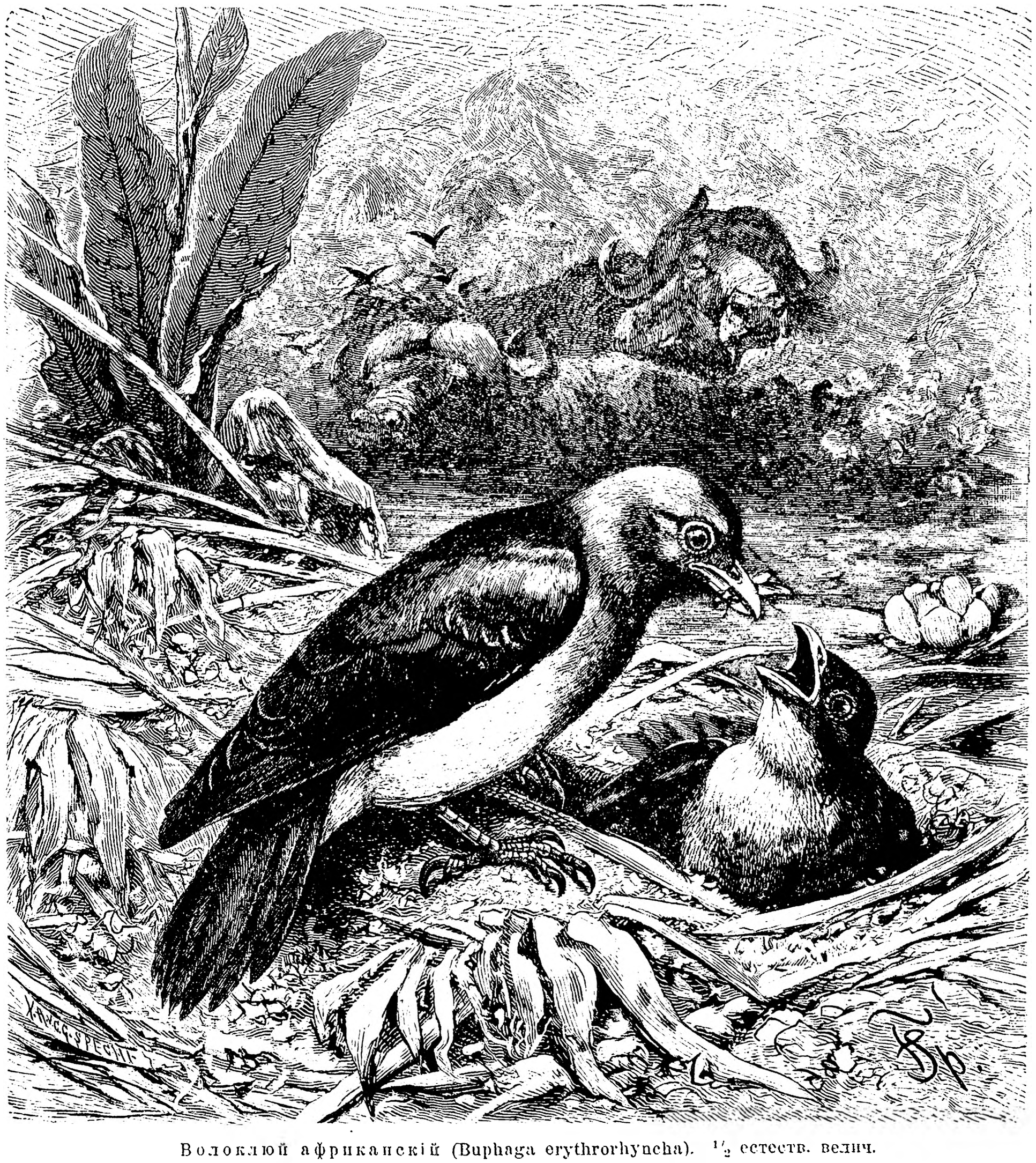
Волоклюи (Buphaga) отличаются отъ всѣхъ прочихъ скворцовъ главнымъ образомъ строеніемъ клюва и ногъ, но также и образомъ жизни.

Африканскій волоклюй (Buphaga eryhtrorhyncha), наиболѣе извѣстный изъ двухъ видовъ этого рода, отличается оливково-бурой окраской верхней стороны тѣла; бока головы, подбородокъ и горло у него свѣтлѣе, нижняя сторона окрашена въ свѣтлый ржаво-желтовато-сѣрый цвѣтъ; маховыя перья и нижнія кроющія перья крыла темно-бурыя. Радужная оболочка и голое кольцо вокругъ глаза — золотисто-желтаго цвѣта; клювъ свѣтло-красный, ноги бурыя. Длина 21 сантиметръ. Водится африканскій волоклюй по всей средней Африкѣ. Тамъ и сямъ онъ живетъ вмѣстѣ со своими родственниками.

Волоклюи встрѣчаются небольшими обществами въ 6—8 штукъ и притомъ только вблизи большихъ млекопитающихъ животныхъ, безъ которыхъ эти птицы, повидимому, не могутъ существовать. Онѣ слѣдуютъ за стадами пасущихся коровъ или верблюдовъ, на нѣкоторыхъ животныхъ садятся, причемъ каждый изъ нихъ спускается на одно опредѣленное животное. Путешественники по южной Африкѣ разсказываютъ, что волоклюи оказываютъ свои услуги не только стадамъ скота, но также слонамъ и носорогамъ. По словамъ Левальяна, эти птицы посѣщаютъ также антилопъ, т. е. вѣроятно всѣхъ крупныхъ млекопитающихъ. Особенно усердно клюютъ волоклюи на тѣхъ животныхъ въ стадѣ, у которыхъ на тѣлѣ есть раны, привлекающія мухъ. За это волоклюевъ ненавидятъ абиссинцы, думающіе, что птицы, клюя насѣкомыхъ, бередятъ раны и не даютъ имъ заживать; между тѣмъ заживленію раны мѣшаютъ главнымъ образомъ личинки различныхъ оводовъ, внѣдрившіяся въ кожу звѣрей и кровожадные клещи, привлекаемые животными. Личинокъ волоклюи умѣютъ извлекать изъ сокровенныхъ мѣстъ, а клещей — вырывать изъ всѣхъ мѣстъ тѣла, куда они присасываются. Здоровыя млекопитающія, съ дѣтства знакомыя съ волоклюями, ничѣмъ не обнаруживаютъ, что эти птицы имъ въ тягость; напротивъ, звѣри относятся къ волоклюямъ, какъ къ друзьямъ и не мѣшаютъ имъ клевать, сколько и какъ угодно, никогда не отмахиваясь отъ нихъ хвостами. Звѣри же, незнакомые съ волоклюями, приходятъ въ изступленіе, когда ихъ посѣщаетъ эта птица хотя бы съ самыми лучшими намѣреніями. Такъ, Андерсонъ разсказываетъ, что однажды утромъ въ южной Африкѣ

его волы начали уморительно скакать и бѣгать въ полномъ безпорядкѣ, когда на нихъ спустилась стая волоклюевъ.

Лошадь или верблюдъ, покрытые волоклюями, представляютъ забавное зрѣлище. Эренбергъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что птицы лазаютъ по звѣрямъ, словно дятлы по деревьямъ. Волоклюй умѣетъ обыскивать всѣ мѣста на тѣлѣ звѣря. Онъ привѣшивается снизу къ животу между ногами животнаго, лазаетъ по

Волоклюй африканскій (Buphaga erythrorhyncha). 1/2 естеств. велич.

его тѣлу головой вверхъ и головой внизъ, садится къ нему на спину, на носъ, словомъ буквально обыскиваетъ каждое мѣстечко. Мухъ и слѣпней волоклюй искусно снимаетъ со шкуры, личинокъ вытягиваетъ изъ-подъ надсѣченной имъ кожи. Но какъ бы птица ни трудилась, животныя терпятъ это совершенно спокойно, зная, что мгновенная боль принесетъ имъ пользу.

Волоклюй съ своей стороны довѣрчиво относится только къ звѣрю; человѣка онъ сильно остерегается. При приближеніи человѣка, особенно чужого, все общество волоклюевъ, сидящее на животномъ, быстро взбирается къ нему на спинной хребетъ, усаживается тамъ и искоса посматриваетъ на пришельца. Весьма по-

нятно, что дикія животныя пріучаются принимать во вниманіе предостереженіе волоклюя.

*

Самые красивые члены разсматриваемаго семейства принадлежатъ къ роду блестящихъ скворцовъ (Lamprotornis). Это плотно сложенныя птицы съ крѣпкимъ клювомъ средней длины, выпуклымъ на гребнѣ и сжатымъ съ боковъ, съ высокой плюсной ногъ, снабженныхъ довольно длинными пальцами, съ крыльями умѣренной длины, различной длины хвостомъ и съ великолѣпнымъ блестящимъ опереніемъ.

Блестящіе скворцы живутъ въ Африкѣ, оживляя самыя разнообразныя мѣстности, отличаются большою общительностью, живостью, рѣзвостью, смѣлостью и болтливостью, питаются столько же растительными, сколько животными веществами, ходятъ быстро, скорѣе переступая ногами, чѣмъ въ припрыжку, летаютъ легко, ловко, хотя нѣсколько вяло, поютъ усердно, но плохо, птенцовъ выводятъ въ углубленіяхъ или въ большихъ, небрежно сложенныхъ выпуклыхъ гнѣздахъ и кладутъ 5—6 пятнистыхъ яицъ.

Самый извѣстный видъ этого рода бронзовый скворецъ (Lamprotornis aeneus). Длина его 50 сантиметровъ. Голова, подбородокъ и верхняя часть горла у него черныя съ золотистымъ отливомъ, верхнія части тѣла и маховыя перья темнаго металлическаго зеленаго цвѣта, верхнія кроющія перья крыла украшены маленькимъ матово-бархатистымъ чернымъ пятномъ, середина горла, надхвостье, верхнія кроющія перья крыла, нижнія части тѣла и рулевыя перья, украшенныя болѣе или менѣе рѣзкими поперечными полосами потемнѣе, темно-пурпурово-фіолетоваго цвѣта, перья на серединѣ груди съ мѣдно-краснымъ отливомъ, всѣ послѣднія части и вообще все оперенiе съ великолѣпнымъ блескомъ. Глаза свѣтло-желтые; клювъ и ноги черные.

Родина этой красивой птицы — западная, средняя, восточная и южная Африка. Левальянъ разсказываетъ, что эта птица живетъ большими стаями, держится на деревьяхъ, но иногда спускается на землю для того, чтобы поискать насѣкомыхъ и червей, движется по землѣ, какъ сорока и постоянно кричитъ; но ничего другого Левальянъ о бронзовомъ скворцѣ не разсказываетъ. Парочки или стаи много пребываютъ на землѣ и двигаются здѣсь такъ же какъ сороки; сходство въ манерѣ ходить той и другой птицы особенно бросается въ глаза потому, что бронзовый скворецъ при ходьбѣ поднимаетъ свой великолѣпный хвостъ кверху совершенно какъ сорока. Ко всякимъ новымъ явленіямъ бронзовый скворецъ относится чрезвычайно недовѣрчиво; онъ боязливъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ возможность узнать человѣка только съ его хорошей стороны. Голосъ у этой птицы грубый и крикливый, но притомъ настолько своеобразный, что его трудно смѣшать съ голосомъ другой птицы; шѣніе, которое раздается, кромѣ времени линянія, до того непрерывно, что надоѣдаетъ слушателю, представляетъ собою только безконечное повтореніе и варіацію обыкновенныхъ звуковъ, а именно безконечный визгъ, карканье, скрипъ и писк.

Пища бронзовыхъ скворцовъ состоитъ изъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, зеренъ и плодовъ. Насѣкомыхъ птицы подбираютъ съ земли, ловятъ на лету, вытаскиваютъ изъ падали, зерна же и плоды подбираются и срываются, гдѣ только возможно.

Благодаря тому, что кормить плѣнныхъ бронзовыхъ скворцовъ очень легко, въ Германію нерѣдко привозятъ этихъ птицъ живыми. При хорошемъ уходѣ бронзовый скворецъ выживаетъ въ клѣткѣ цѣлые годы и даже размножается въ неволѣ.

Въ сѣверо-восточной Африкѣ довольно часто встрѣчается стальной скворецъ (Lamprotornis chalybeus). Длина его 27 сантиметровъ. Оперенiе, за исключеніемъ неяснаго пятна на ушной области и на кроющихъ перьяхъ пред-

плечія, темнаго стальнаго зеленаго цвѣта, всѣ перья плеча и самыя крупныя верхнія кроющія перья крыла на концѣ украшены кругловатымъ бархатисто-чернымъ пятномъ. Все опереніе удивительно красиво блеститъ и отливаетъ и при различномъ освѣщеніи блеститъ такъ, что словами этого передать почти невозможно. Между самцомъ и самкой разницы въ окраскѣ не замѣчается.

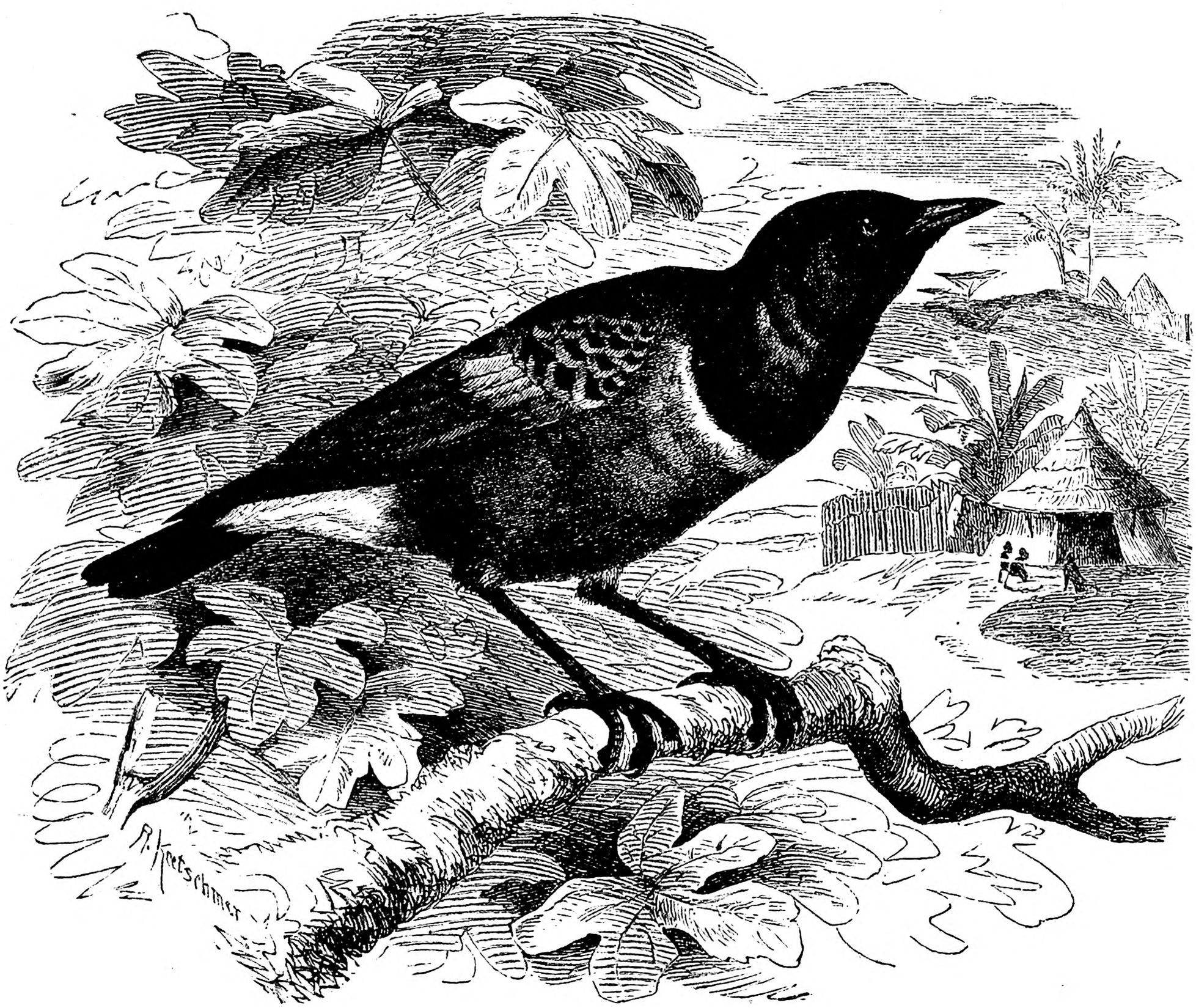
Стальной скворецъ обитаетъ въ густыхъ лѣсныхъ пространствахъ рѣчныхъ долинъ и въ болѣе рѣдкихъ лѣсахъ степей и горныхъ странъ. Живетъ онъ обыкновенно парами; только послѣ періода вывода птенцовъ эти птицы собираются въ небольшія стаи. Стаи эти пребываютъ какъ въ густомъ кустарникѣ, такъ и на обломкахъ скалъ, разбросанныхъ по равнинѣ. Стальные скворцы рѣзвы и подвижны, какъ и всѣ прочіе члены разматриваемаго семейства, подолгу держатся на землѣ и въ низкомъ кустарникѣ, къ вечеру же слетаются также на высокія деревья. Опытный глазъ на любомъ разстояніи можетъ узнать ихъ по ихъ своеобразному полету. Полетъ этотъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ бархатнымъ ихъ крыльямъ, онъ такъ же мягокъ, какъ крылья этихъ птицъ, и хотя легокъ, но не отличается быстротою, а скорѣе вялостью. Бѣгаетъ стальной скворецъ скоро, скорѣе въ припрыжку, чѣмъ переступая ногами, и притомъ безъ устали. Относительно другихъ дарованій этой птицы нельзя сказать ничего особенно лестнаго. Пѣніе врядъ-ли заслуживаетъ этого названія — это не болѣе, какъ постояннное повтореніе неблагозвучнаго и рѣзкаго призывного крика, къ которому примѣшиваются какіе то трескучіе и каркающіе звуки. Однако птицѣ нельзя не простить неблагозвучія ея пѣнія. Стальной скворецъ смышленъ, рѣзвъ, самоувѣренъ, даже кокетливъ, всегда содержитъ себя чисто, не смѣшивается съ другими птицами, за исключеніемъ полуденныхъ часовъ, постоянно бываетъ дѣятеленъ и всегда ищетъ случая проявить свои качества и способности. Этимъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ симпатію независимо отъ красоты своихъ перьевъ; перья же его такъ великолѣпны, что хочется еще и еще любоваться ими. Когда человѣкъ идетъ по лѣснымъ дебрямъ, нерѣдко случается, что вдругъ что-то свѣтлое бросается ему въ глаза, словно солнечный лучъ, отраженный отъ стеклянной или металлической зеркальной поверхности. Это свѣтлое пятно есть ничто иное, какъ отраженный отъ оперенія птицы солнечный лучъ, ибо, найдя стальнаго скворца, можно убѣдиться въ томъ, что при благопріятномъ освѣщеніи каждое движеніе его вызываетъ отраженіе лучей солнца. Тотчасъ послѣ смерти перья стальнаго скворца утрачиваютъ значительную долю своей прелести; только при жизни птицы перья ея блистаютъ полной красотой.

У абиссинскихъ пѣвцовъ и поэтовъ стальной скворецъ играетъ важную роль, такъ какъ ему приписывается изобрѣтеніе пѣнія, причемъ принимается въ разсчетъ болѣе усердіе, нежели искусство, съ какимъ онъ распѣваетъ. Тѣмъ не менѣе въ сѣверо-восточной Африкѣ никто не держитъ этой птицы въ клѣткѣ. Въ Европу онъ попадаетъ живымъ рѣже, чѣмъ его родственники.

Скворецъ великолѣпный (Lamprotornis superbus, рис. на стр. 202) въ длину достигаетъ 21 сантиметра. Верхняя часть головы и затылокъ у него чернаго цвѣта съ слабымъ золотистымъ отливомъ, верхнія части тѣла стальнаго зеленаго цвѣта, горло, передняя часть шеи и зобъ синевато-зеленые, прочія нижнія части тѣла, отдѣленныя отъ темной верхней части груди узкой бѣлой поперечной полосой, красиваго коричневаго цвѣта, нижніе покровы крыльевъ и покровныя перья хвоста, какъ обыкновенно, украшены круглыми бархатистыми пятнами, образующими двѣ поперечныя полосы. Глаза бѣлые, клювъ и ноги черные.

Великолѣпная эта птица, насколько извѣстно, водится только въ восточной Африкѣ, начиная съ 8^0 сѣверной широты до 7^0 южной широты. Относительно ея образа жизни мы знаемъ очень мало; но изъ того, что мы знаемъ, можно заключить, что нравы ея въ главныхъ чертахъ сходны съ нравами живущаго нѣсколько сѣвернѣе и родственнаго ей мѣднобрюхаго скворца (Lamprotornis chrysogaster). Оба вида принадлежатъ къ пастушескимъ птицамъ, которыя, когда только возможно, слѣдуютъ за стадами коровъ и овецъ или пребываютъ на только что покинутыхъ этими стадами пастбищахъ.

Бѣлобрюхій скворецъ (Lamprotornis leucogaster) отличается отъ своихъ родственниковъ изящнымъ, нѣсколько загнутымъ клювомъ, довольно слабыми ногами съ длинными пальцами, сравнительно короткими крыльями, средней длины хвостомъ и чешуйчатымъ опереніемъ. Вся верхняя сторона и шея до груди у него пурпурово-синяго цвѣта съ удивительно красивымъ фіолетовымъ отливомъ, грудь же и брюхо бѣлыя, маховыя перья черновато-бурыя съ фіолетовыми каемками на наружныхъ опахалахъ. Всѣ темныя мѣста оперенія при извѣстномъ освѣщеніи отливаютъ мѣднымъ металлическимъ блескомъ. Радужная оболочка окрашена въ яркій карій цвѣтъ, клювъ и ноги черные.

Великолѣпный скворецъ (Lamprotornis superbus). $^5/_8$ естеств. велич.

Бѣлобрюхій скворецъ распространенъ по всей средней Африкѣ и по нѣкоторой части западной Аравіи, обитаетъ преимущественно въ горныхъ мѣстностяхъ и встрѣчается въ Абиссиніи до высоты 2500 метровъ, иногда и выше.

Даже въ Абиссиніи, гдѣ птицы отличаются такимъ роскошнымъ опереніемъ, бѣлобрюхій скворецъ обращаетъ на себя вниманіе своею красотою. Особенно когда онъ летитъ, солнечный свѣтъ изумительно красиво сіяетъ на великолѣпныхъ перьяхъ его спины.

*

Мейны (Eulabes) отличаются очень плотнымъ сложеніемъ; клювъ у нихъ приблизительно такой же длины какъ голова, толстый, высокій, наверху закругленный, на гребнѣ сильно выпуклый, ноги сильныя и довольно короткія, оперені̀е шелковистое и блестящее; голова украшается бо́льшими или меньшими пространствами голой кожи и кожистыми складками.

Представительницей этого рода служитъ пѣвчая мейна (Eulabes religiosus). Длина ея 26 сантиметровъ. Опереніе ея совершенно черное, причемъ перья головы и шеи на концѣ украшены темно-фіолетовыми каймами, всѣ остальныя мелкія перья — каймами, отливающими зеленымъ металлическимъ блескомъ; основанія большихъ маховыхъ перьевъ бѣлыя и образуютъ замѣтную полосу на крыльяхъ. Ярко-желтыя кожистыя утолщенія начинаются позади глазъ, тянутся черезъ уши, здѣсь становятся еще толще и узкой полоской прикрѣпляются къ темени. Другое пятно подъ глазомъ также голое и окрашено въ желтый цвѣтъ. Клювъ оранжевый, ноги желтыя, глаза темно-каріе.

Пѣвчая мейна живетъ въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ южной Индіи и острова Цейлона. Это живая, смышленая и подвижная птица, по своимъ нравамъ и дѣйствіямъ болѣе всего напоминающая нашего скворца. Пѣніе ея отличается разнообразіемъ и пріятностью, хотя и въ немъ есть нѣсколько непріятныхъ звуковъ. Пѣвчая мейна обладаетъ въ высокой степени способностью подражать всякимъ тонамъ, поэтому часто приручается и, если она уже представляетъ нѣчто замѣчательное, продается въ Индіи и на островѣ Явѣ за 100—150 рублей на наши деньги. Эта птица быстро привыкаетъ къ своему хозяину, свободно летаетъ по всему дому, вылетаетъ и прилетаетъ обратно, бо́льшую часть пищи отыскиваетъ себѣ сама, вступаетъ въ дружбу съ домашними животными и доставляетъ всѣмъ удовольствіе своимъ веселымъ нравомъ, своею способностью къ обученію и даромъ подражанія. Любители увѣряютъ, что даръ подражанія у нея гораздо больше, чѣмъ у всѣхъ попугаевъ. Она не только выучивается перенимать человѣческій голосъ, но выучивается произносить цѣлыя фразы, какъ самый искусный попугай, выучивается насвистывать пѣсенки, даже пѣть ихъ, не обнаруживая при этомъ непріятныхъ свойствъ попугаевъ.

*

Австралія, Индія и Малайскіе острова являются родиной своеобразныхъ птицъ, которыхъ можно считать посредствующимъ звеномъ между скворцами, сорокопутами и ласточками, и которыя поэтому носятъ названіе ласточковыхъ скворцовъ (Artamus).

Ласточковые скворцы, которыхъ насчитывается около 20-ти видовъ, отдаютъ предпочтеніе лѣсистымъ мѣстностямъ, находящимся на высотѣ до 1000 метровъ и болѣе, и въ этихъ мѣстностяхъ селятся особенно охотно на извѣстныхъ деревьяхъ. Одинъ видъ этихъ птицъ встрѣчается напр. главнымъ образомъ тамъ, гдѣ растетъ пальмирская пальма, вслѣдствіе чего туземцы называютъ птицу пальмирской ласточкой. Одинъ видъ ласточковыхъ скворцовъ, живущій на островѣ Явѣ, выбираетъ такія мѣстности, гдѣ обширные луга или поля, поросшіе короткой травой, чередуются съ небольшими рощами и садами, или гдѣ отдѣльно стоящія деревья представляютъ необходимыя условія для пріятной жизни. Деревья служатъ мѣстами сборищъ и отдыха, и потому являются также средоточіями охотничьяго района. Бернштейнъ разсказываетъ, что видъ, живущій на Явѣ, даетъ наблюдать себя на своемъ любимомъ деревѣ, что этихъ птицъ даже трудно согнать съ этого дерева, и что онѣ постоянно снова возвращаются на него, если ихъ преслѣдуютъ. Послѣ вывода всю семью можно обыкновенно видѣть на одномъ деревѣ, и если застрѣлить одного члена семьи, то прочіе хотя тотчасъ же улетаютъ, но вѣроятно ненадолго, садятся на какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, и всегда скоро возвращаются назадъ, такъ что легко можно застрѣлить второго и даже третьяго ласточковаго скворца изъ того же общества. По окончаніи періода вывода птенцовъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ эти птицы собираются иногда въ многочисленныя общества, и тогда излюбленное ими дерево представляетъ весьма привлекательное зрѣлище. Въ обществѣ ласточковыхъ скворцовъ царитъ повидимому полная свобода. Всякая птица, какъ кажется дѣйствуетъ совершенно независимо отъ другихъ, каждая дѣлаетъ то, въ чемъ сама чувствуетъ потребность. То та, то другая покидаетъ вѣтку, гдѣ сидѣла рядомъ со своими тѣсно сплотившимися товарищами, прыгаетъ то вверхъ, то внизъ, гоняется за какимъ нибудь насѣкомымъ и затѣмъ возвращается на старое мѣсто.

Стая не всегда состоитъ изъ членовъ одного вида: ласточковые скворцы соединяются очень часто и съ другими птицами, особенно же съ птицами одного съ ними семейства или съ ласточками; различные виды одного семейства иногда даже мирно размножаются на одномъ деревѣ.

Ласточковый скворецъ (Artamus fuscus) отличается темной пепельно-буровато-сѣрой окраской головы, подбородка, горла и надхвостья, спина и плечи у него еще темнѣе, уздечка черная, нижняя сторона матоваго красновато-бураго цвѣта; аспидно-черныя маховыя перья снаружи снабжены расплывающимися аспидно-сѣрыми каймами, аспидно-черныя рулевыя перья съ бѣлыми кончиками. Глаза карiе, клювъ свинцово-синiй, кончикъ клюва черный, ноги свинцово-синiя. Длина 17 сантиметровъ.

Птица эта представляетъ собою болѣе или менѣе обыкновенное явленiе въ различныхъ мѣстностяхъ британской Индiи и встрѣчается въ Бармѣ, Сiамѣ и Китаѣ, а также на островѣ Цейлонѣ.

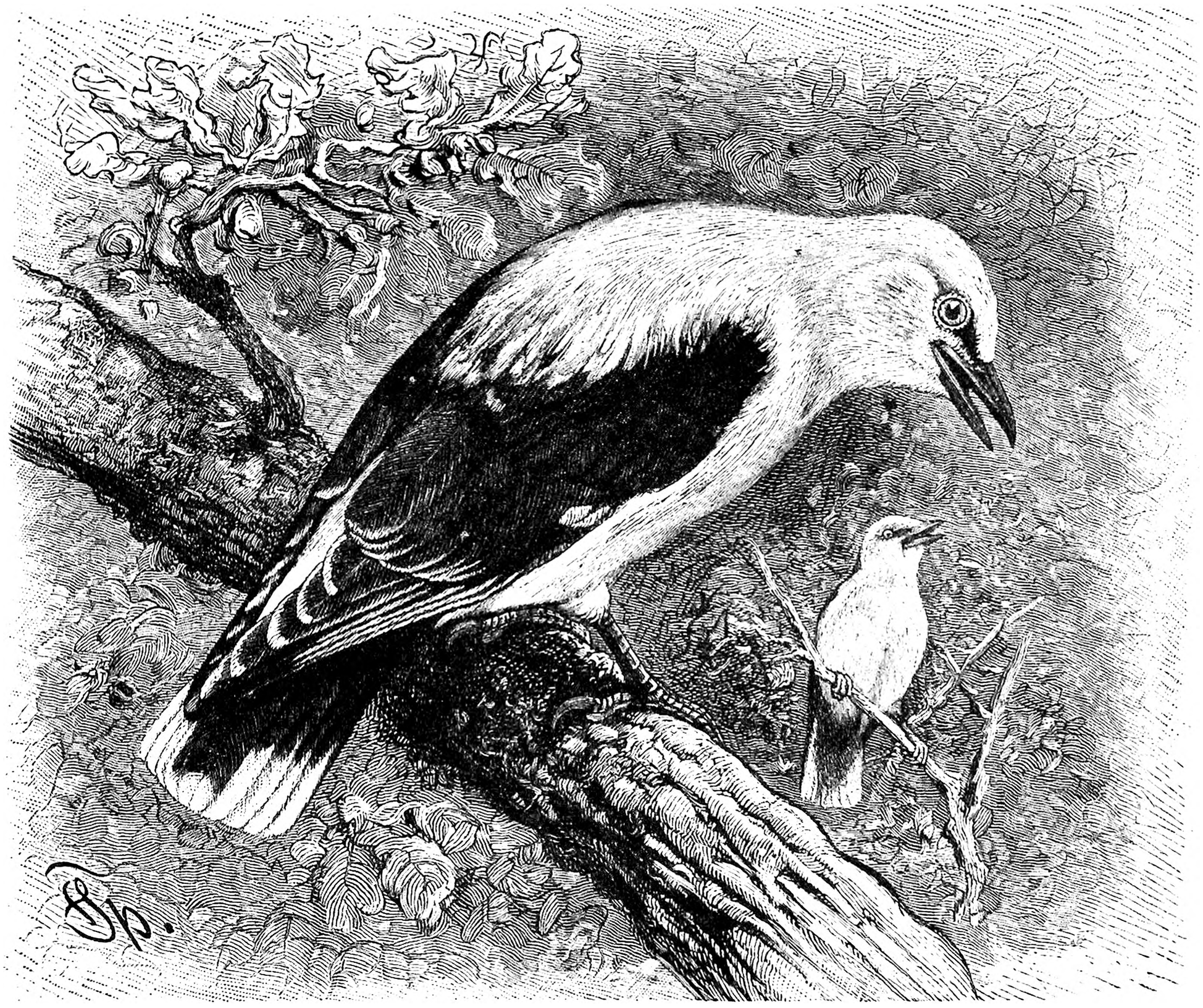
Самая сильная сторона ласточковаго скворца — это полетъ. Когда въ хорошую погоду насѣкомыя поднимаются высоко на воздухъ, можно видѣть, какъ ласточковый скворецъ продѣлываетъ на высотѣ, кружась въ воздухѣ, самыя изящныя и ловкiя штуки. Въ такихъ случаяхъ стая долгое время носится по воздуху, и тогда эти птицы очень напоминаютъ собою ласточекъ. На ласточекъ онѣ весьма похожи бываютъ и тогда, когда летаютъ взадъ и впередъ надъ поверхностью воды, тамъ и сямъ схватываютъ съ волны насѣкомое, въ теченiе нѣсколькихъ мгновенiй отдыхаютъ на прибрежныхъ кустахъ, а затѣмъ снова начинаютъ свою охоту. Звуки, издаваемые ласточковыми скворцами, также имѣютъ сходство съ призывнымъ крикомъ ласточки, но рѣзче и однообразнѣе. Пѣть ласточковые скворцы, повидимому, совсѣмъ не умѣютъ. Замѣчательно обыкновенiе одного австралiйскаго вида этихъ птицъ привѣшиваться въ видѣ гроздьевъ на подобiе пчелинаго роя. Нѣсколько ласточковыхъ скворцовъ прицѣпляются къ нижней сторонѣ сухой вѣтки, другiе прицѣпляются къ первымъ, и такимъ образомъ иногда висящiе другъ на другѣ скворцы занимаютъ объемъ цѣлаго четверика.

Иволга обыкновенная (Oriolus galbula, рис. на стр. 205) является представителемъ семейства того же названiя (иволги, Oriolidae); птицы, принадлежащiя къ этому семейству, въ числѣ 75 видовъ распространены въ восточномъ полушарiи и особенно въ тропическихъ странахъ. Наша иволга, принадлежащая къ наиболѣе богатому видами роду иволгъ, великолѣпнаго свѣтлаго оранжево или гуммигутово-желтаго цвѣта; уздечка, плечи и кроющiя перья крыльевъ окрашены въ черный цвѣтъ; маховыя перья черныя, ближайшая къ концу половина большихъ маховыхъ перьевъ желтаго цвѣта, хвостовыя перья черныя съ желтой каемкой на концахъ. Самки, молодыя птицы и годовалые самцы отличаются желтовато-зеленой окраской верхней стороны, нижняя сторона у нихъ сѣровато-бѣлая, на брюшкѣ чисто-бѣлая, ляжки и нижнiя кроющiя перья хвоста ярко-желтыя, маховыя перья оливково-черныя, хвостовыя перья желтовато-оливково-зеленыя и украшены съ внутренней стороны желтымъ пятномъ на концѣ. Глаза карминово-красныя, клювъ грязновато-красный, у самки и у молодыхъ птицъ сѣровато-черный; ноги свинцово-сѣрыя. Длина 25 сантиметровъ.

Въ Германiи иволгу называютъ „троичной птицей“ (Pfingstvogel), такъ какъ она прилетаетъ туда около Троицына дня. Иволга въ средней Европѣ является лѣтнимъ гостемъ, который недолго остается на родинѣ и уже въ августѣ мѣсяцѣ улетаетъ. Это относится впрочемъ не только къ средней, но и ко всей Европѣ, за исключенiемъ далекаго сѣвера, и къ большей части западной Азiи; эти мѣста земного шара и служатъ родиной иволги. Во время перелета иволга посѣщаетъ всю Африку, не выключая и Мадагаскара. Пребываетъ эта птица въ лиственныхъ лѣсахъ, особенно на равнинахъ. Селится она на дубахъ и березахъ, а потому

любимымъ ея мѣстопребываніемъ служатъ рощи, расположенныя среди полей, состоящія изъ вышеуказанныхъ деревьевъ.

Иволга столько же напоминаетъ собою дрозда, сколько мухоловку, отчасти похожа также на сиворакшъ, но въ то же время отличается отъ всѣхъ этихъ птицъ. „Это робкая, дикая и непостоянная птица“, говоритъ Науманнъ, „всегда старающаяся скрыться отъ взоровъ человѣка, хотя и селится часто вблизи человѣческаго жилья. Иволга прыгаетъ и порхаетъ всегда по деревьямъ съ самой густой листвой, рѣдко долгое время пребываетъ на одномъ деревѣ, а тѣмъ менѣе на одной и той же вѣткѣ: безпокойная птица не можетъ усидѣть на мѣстѣ.

Иволга обыкновенная (Oriolus galbula). $^1/_2$ естеств. велич.

Только изрѣдка спускается иволга на низкій кустарникъ, еще рѣже на землю. Если же спускается, то лишь на столько времени, сколько требуется для того, чтобы схватить насѣкомое или что-нибудь въ такомъ родѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ иволга дѣлаетъ еще нѣсколько чрезвычайно неуклюжихъ, тяжеловѣсныхъ прыжковъ, но никогда не ходитъ, переступая ногами. Это храбрая и драчливая птица. Между собою иволги постоянно кусаются, гоняются другъ за другомъ, но задираютъ также другихъ птицъ, такъ что въ ссорахъ у нихъ никогда не бываетъ недостатка. Полетъ иволги кажется тяжелымъ и шумнымъ, но на самомъ дѣлѣ довольно быстрый; когда иволга летитъ по обширному открытому пространству, то описываетъ, на подобіе скворцовъ, большія, плоскія дуги или слегка извилистыя линіи. Небольшія пространства она пролетаетъ по прямой линіи, то паря въ воздухѣ, то порхая. Летаетъ иволга охотно и часто, залетаетъ далеко, и нерѣдко можно видѣть, какъ одна иволга преслѣдуетъ другую безъ устали въ теченіе четверти часа.

Призывной голосъ иволги — звонкій звукъ вродѣ „йек-йек“ или грубый звукъ „крек“, испугъ она выражаетъ непріятнымъ трескучимъ звукомъ „кверр“ или „эрр“, выраженіемъ нѣжности служитъ мягкій звукъ „бюлов“. Голосъ самца, который мы называемъ пѣніемъ, отличается полнотою тоновъ, громокъ и удивительно благозвученъ. Нѣмецкое и латинское названіе этой птицы — звукоподражательныя и напоминаютъ ея пѣніе. Пѣсню иволги Науманнъ передаетъ звуками „дитлео“ или „гидадитлео“; на сѣверѣ Германіи крестьяне передаютъ ее словами „Pfingsten Bier hol'n; aussaufen, mehr hol'n“ (на Троицу пива принести; когда выпьютъ, еще принести) или „Hest du gesopen, so betahl och“ (если ты выпилъ, то и плати) и повидимому съ особеннымъ удовольствіемъ приписываютъ пѣнію иволги указанное значеніе. Въ Тюрингіи такое толкованіе пѣнія иволги неизвѣстно, но по всей Германіи эту птицу любятъ и встрѣчаютъ съ радостью. Это одинъ изъ самыхъ усердныхъ пѣвцовъ въ лѣсахъ Германіи: пѣсня иволги раздается еще до восхода солнца и продолжается съ небольшими перерывами до полудня, а затѣмъ слышится снова, когда солнце начинаетъ склоняться къ закату. Въ жаркіе дни иволга, въ противоположность другимъ птицамъ, также бываетъ дѣятельна и поетъ. Одна парочка этихъ птицъ способна оживлять цѣлый лѣсъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія на родину иволга принимается за постройку своего искуснаго гнѣзда, которое всегда помѣщается между изгибами тонкой вѣтки. Гнѣздо иволги состоитъ изъ полувысохшихъ листочковъ травы, стебельковъ и усиковъ, изъ мочекъ крапивы, изъ пакли, шерсти, бересты, мха, паутины пауковъ и гусеницъ и т. п. матеріаловъ; оно глубокое и внутри устлано тонкими метелочками травы или же шерстью и перьями. Обыкновенно иволга устраиваетъ свое гнѣздо на высокомъ деревѣ, но иногда помѣщаетъ его на высотѣ, равной человѣческому росту. Пехуэль-Лёше видѣлъ такое низко расположенное гнѣздо иволги передъ домомъ лѣсничаго въ Ангальтѣ, на разстояніи не болѣе 15 шаговъ отъ входной двери; птицы совсѣмъ не были робки, не смущались тѣмъ, что мимо проходили люди, а любопытныхъ старались отогнать отъ гнѣзда мнимыми нападеніями и шумомъ. Парочка эта три года подрядъ строила себѣ гнѣздо на одномъ и томъ же мѣстѣ. Сооружая гнѣздо, иволга прежде всего при помощи слюны прикрѣпляетъ къ вѣткѣ длинныя нити и нѣсколько разъ обертываетъ ихъ вокругъ вѣтки, пока не образуется остовъ гнѣзда; прочіе матеріалы вплетаются затѣмъ между нитями. Надъ сооруженіемъ гнѣзда самецъ трудится не менѣе самки. Въ началѣ іюля самка кладетъ свои 4—5 блестящихъ яичекъ съ гладкой скорлупой, испещренныхъ по чисто бѣлому фону пепельно-сѣрыми и красновато-черно-бурыми крапинками и пятнышками, и принимается усердно высиживать своихъ птенцовъ. Согнать самку съ гнѣзда трудно, ибо оба родителя чрезвычайно сильно любятъ свое потомство.

Питается иволга всевозможными насѣкомыми, особенно же гусеницами и бабочками, червями, а въ то время, когда созрѣваютъ плоды, вишнями и ягодами. Ѣстъ иволга много и потому можетъ иногда вредить нѣкоторымъ фруктовымъ деревьямъ; но польза, приносимая этой птицей, перевѣшиваетъ незначительный вредъ, причиняемый ея похищеніями въ садахъ, а потому иволга заслуживаетъ защиты, а не преслѣдованія, которымъ она, къ сожалѣнію, часто подвергается, благодаря своей красотѣ.

Плѣнныя иволги только при самомъ тщательномъ уходѣ выживаютъ нѣсколько лѣтъ въ клѣткѣ, трудно переносятъ линяніе, а послѣ него большею частью лишаются своей красоты; поэтому въ клѣткѣ этихъ птицъ держатъ только знатоки-любители.

*

Въ Африкѣ, южной Азіи и Австраліи водится родъ дронго (Dicrurus), въ составъ котораго входитъ около 32 видовъ; изъ нихъ укажемъ лишь на одинъ видъ, особенно характерный.

Этотъ видъ, носящій названіе райскаго дронго (Dicrurus paradiseus) характеризуется клювомъ средней длины, сильно расширеннымъ при основаніи,

съ выпуклымъ гребнемъ продолговатой верхней створки, а передъ выпуклостью снабженнымъ выемкой; ноги у этой птицы отличаются короткой ступней и пальцами средней длины, вооруженными крючковатыми острыми когтями, крылья длинныя, а перья жесткія и блестящія, въ углахъ рта обращающіяся въ щетины; отъ родственныхъ видовъ райскій дронго отличается хохолкомъ изъ перьевъ на передней части головы и сильно удлиненнымъ крайнимъ перомъ выемчатаго хвоста, представляющимъ собою одинъ голый стержень. Обильное опереніе равномѣрно чернаго цвѣта съ синимъ стальнымъ блескомъ, клювъ и ноги черные. Длина 36 сантиметровъ, а вмѣстѣ съ крайними хвостовыми перьями 60 сантиметровъ.

Дронго принадлежатъ къ самымъ замѣтнымъ птицамъ тѣхъ странъ, гдѣ живутъ. Начиная съ морского побережья и до высоты 2500 метровъ въ подходящихъ мѣстахъ этихъ птицъ можно встрѣтить вездѣ, однѣхъ въ открытыхъ мѣстностяхъ, другихъ въ лѣсахъ. Нѣкоторые виды встрѣчаются очень часто, другіе рѣже. Этихъ птицъ можно видѣть на сухихъ вѣткахъ стараго дерева, на крышѣ дома, на телеграфныхъ проволокахъ, на низкихъ кустахъ, на изгородяхъ, каменныхъ оградахъ, на муравейникахъ, откуда онѣ осматриваютъ окрестность. Нерѣдко дронго являются вѣрными спутниками животныхъ, живущихъ стадами, и на спину этихъ звѣрей спускаются такъ же безстрашно, какъ и на обычныя свои мѣста. Большинство этихъ птицъ цѣлый день дѣятельны; нѣкоторыя же, на подобіе башеннаго стрижа, охотятся еще долго послѣ заката солнца и даже во время полнолунія, повидимому, всю ночь, если не бываютъ дѣятельны, то по крайней мѣрѣ бодрствуютъ, ибо въ лунныя ночи слышится ихъ живая болтовня, которой нельзя смѣшать съ голосомъ другихъ птицъ. Левальянъ и другіе ученые называютъ дронго чрезвычайно хорошо одаренными животными не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи. Полетъ, представляющій собою нѣчто среднее между полетомъ мухоловки и ласточки, нельзя назвать быстрымъ; онъ совершается по волнообразной линіи, и птица, летая, рѣдко машетъ крыльями, а послѣ каждаго взмаха довольно долго паритъ, скользя по воздуху. Если же дронго чѣмъ нибудь взволнованъ, то летаетъ такъ быстро, что обгоняетъ почти всякаго врага. На землю дронго спускается лишь въ такихъ случаяхъ, когда высмотрѣлъ себѣ внизу добычу; ходить же настоящимъ образомъ онъ не умѣетъ. Пьетъ и купается онъ на лету. По вѣтвямъ онъ прыгаетъ не лучше другихъ птицъ, ведущихъ подобный же образъ жизни. Онъ выбираетъ какую нибудь легко доступную вѣтку, становится на нее и пытается удержаться въ равновѣсіи; другихъ движеній онъ дѣлать не умѣетъ.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у дронго лучше всего развито зрѣніе; глаза у нихъ большіе, всегда живые. Дронго уже издалека видитъ летающее насѣкомое, и даже въ сумеркахъ, какъ видно изъ предыдущаго, глаза не отказываются ему служить. Слухъ развитъ врядъ-ли слабѣе, чѣмъ зрѣніе, что́ доказывается пѣніемъ этихъ птицъ и ихъ способностью къ подражанію, замѣченной по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ видовъ. Обыкновенный голосъ всѣхъ дронго — это громкій, непріятный, рѣзкій свистъ или своеобразная трескотня, трудно поддающаяся описанію, но настолько характерная, что достаточно услышать ее одинъ разъ для того, чтобы никогда не забыть. Когда приближается время вывода, самцы почти всѣхъ видовъ поютъ чрезвычайно пріятнымъ образомъ.

Дронго обладаютъ еще другими хорошими качествами. Они не только болтливы, но рѣзвы, дѣятельны и въ извѣстныхъ случаяхъ въ высшей степени храбры. Царская ворона получила свое названіе за то, что имѣетъ привычку нападать на всѣхъ воронъ и даже на всѣхъ соколовъ, пролетающихъ по ея участку, и преслѣдовать ихъ. Особенно во время вывода птенцовъ, отъ мая до іюля, когда самка сидитъ на яйцахъ, самецъ проявляетъ самую большую бдительность и удивительную смѣлость. Смѣлость дронго достигаетъ высшей точки, когда одинъ изъ нихъ замѣчаетъ сову или другую бросающуюся въ глаза и повидимому безпомощную птицу. Дерзкій карликъ въ такихъ случаяхъ нѣсколько разъ подрядъ быстро поднимается на воздухъ и изо всей силы бросается сверху внизъ, издавая громкіе и рѣзкіе звуки и попеременно то растопыривая, то складывая хвостъ.

Всѣ дронго питаются исключительно насѣкомыми и преимущественно гоняются за пчелами и за ихъ родственниками. Самые крупные виды дронго поѣдаютъ также улитокъ и кузнечиковъ, стрекозъ, бабочекъ и т. п.; но жалящія насѣкомыя всегда, повидимому, составляютъ ихъ любимую пищу. Въ предгоріяхъ мыса Доброй Надежды этихъ птицъ такъ и называютъ „пчелоѣдами“ и, по словамъ Левальяна, онѣ вполнѣ заслуживаютъ это названіе. „Обыкновенно“, говоритъ этотъ наблюдатель, „дронго охотятся на пчелъ вечеромъ передъ закатомъ солнца и утромъ до восхода солнца. Для охоты обитатели одного и того же лѣса собираются на деревѣ, стоящемъ поодаль отъ другихъ, всего чаще на старомъ мертвомъ деревѣ или по крайней мѣрѣ на деревѣ, имѣющемъ много сухихъ вѣтокъ, и здѣсь подстерегаютъ пчелъ, вылетающихъ изъ своихъ лѣсныхъ жилищъ или возвращающихся домой съ запасомъ меда. О томъ, какое оживленное и шумное зрѣлище представляетъ подобное дерево, можно составить себѣ понятіе, вообразивъ себѣ около 30 птицъ, которыя непрерывно облетаютъ вокругъ дерева, производя при этомъ всевозможныя штуки, необходимыя для того, чтобы ловить пчелъ, спасающихся бѣгствомъ отъ своихъ хорошо имъ знакомыхъ враговъ. Нѣкоторые дронго, которымъ не удалось сразу схватить добычи, тотчасъ же устремляются на другую пчелу и иногда продѣлываютъ въ воздухѣ до 5—6 колебаній, направляясь то налѣво, то направо, то вверхъ, то внизъ, пока имъ не посчастливится поймать насѣкомое, или пока они не утомятся. Каждое почти движеніе сопровождается громкимъ крикомъ, и всѣ члены одного охотящагося общества кричатъ одновременно на разные тона. Подъ деревомъ можно найти множество остатковъ отъ трапезы — пчелъ, разорванныхъ пополамъ, иногда еще живыхъ, оторванныя крылья и т. п. Работа дронго кончается лишь тогда, когда вылетаютъ на охоту хищныя ночныя птицы.“

Птенцовъ — по крайней мѣрѣ нѣкоторые виды — дронго выводятъ въ разныя поры года. Гнѣзда устраиваются довольно высоко надъ землею, на подобіе гнѣзда иволги всегда привѣшиваются между излучинами сучьевъ, обыкновенно устраиваются въ открытомъ мѣстѣ, а потому подвергаются вліянію погоды; сооружается гнѣздо очень непрочно изъ нѣсколькихъ небольшихъ вѣточекъ и корешковъ, иногда даже ничѣмъ не выстилается внутри, а въ лучшемъ случаѣ выкладывается небольшимъ количествомъ волосъ. Въ гнѣздо кладется 3—4, иногда 5 яицъ, покрытыхъ по бѣлому или красновато-бѣлому фону болѣе свѣтлыми или болѣе темными красными и бурыми крапинками.

Всѣ дронго, живущіе въ Индіи, представляютъ собою излюбленныхъ у туземныхъ жителей комнатныхъ птицъ. Дронго безъ труда привыкаютъ къ неволѣ и къ простой пищѣ, становятся ручными и послушными, усердно поютъ и, подражая всевозможнымъ птичьимъ голосамъ и птичьему пѣнію, доставляютъ человѣку много удовольствія. Въ Европѣ ихъ держатъ въ клѣткѣ рѣже, чѣмъ они того заслуживаютъ.

Лишь въ послѣднія десятилѣтія мы имѣли возможность подробнѣе ознакомиться съ образомъ жизни удивительно красивыхъ птицъ, живущихъ на Новой Гвинеѣ и окрестныхъ островахъ, и которыя уже цѣлыя столѣтія тому назадъ привозились въ Европу въ видѣ изуродованныхъ чучелъ и вызвали разныя баснословныя сказанія. Птицъ этихъ называли и называютъ райскими, полагая, что онѣ непосредственно произошли изъ рая и живутъ совершенно особеннымъ образомъ. Къ намъ ихъ привозили безъ ногъ; но никто не думалъ, что это туземцы такъ калѣчили ихъ, а всѣ воображали, что эти птицы никогда ногъ и не имѣли. Своеобразное строеніе перьевъ и великолѣпная окраска ихъ давали поводъ разыгрываться воображенію, и такимъ образомъ люди вѣрили самымъ невѣроятнымъ баснямъ. „Можно себѣ представить“, говоритъ Пэпигъ, „съ какимъ изумленіемъ жители европейскаго материка, отдѣленные отъ прочихъ странъ земного шара, впервые услышали вѣсть объ этихъ чудесныхъ животныхъ, привезенныхъ въ 1522 г. въ Севилью Пигафеттой, оставшимся въ живыхъ спутникомъ Магеллана. Нельзя безъ волненія

„Жизнь животныхъ Брэма".

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

РАЙСКІЯ ПТИЦЫ.

1. Безногая (Paradisea apoda). 2. Шестиперый лофоринъ (Parotia sexpennis). 3. Царскій лофоринъ (Cicinnurus regius).

читать о томъ, что нѣкоторые рьяные натуралисты XVI-го столѣтія, обладавшіе чрезвычайно ограниченными средствами изслѣдованія, считали однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ событій своей жизни, исполненіемъ давнишней завѣтной мечты, когда имѣли случай взглянуть на обезображенную шкуру райской птицы. Поэтому простительно, что въ тѣ времена создались басни, слишкомъ долго принимавшіяся на вѣру. На птицъ этихъ смотрѣли, какъ на веселыхъ сильфидъ, родиной которымъ служитъ одно безпредѣльное воздушное пространство, которыя совершаютъ все необходимое для поддержанія своей жизни на лету и отдыхаютъ только въ теченіе нѣсколькихъ краткихъ мгновеній, привѣшиваясь своими длинными нитевидными хвостовыми перьями къ вѣтвямъ деревьевъ. Подобно высшимъ существамъ, эти птицы, какъ полагали, освобождены отъ необходимости спускаться на землю и питаются эѳирной пищей — утренней росой. Хотя самъ Пигафетта утверждалъ, что у райскихъ птицъ есть ноги, хотя другіе ученые того времени, какъ Маркграве, Клузіусъ и др. опровергали басни объ этихъ удивительныхъ животныхъ, но народъ оставался при своемъ предвзятомъ мнѣніи.“

Прошли цѣлыя столѣтія, прежде чѣмъ жизнь райскихъ птицъ стала намъ извѣстна. Различные путешественники доставляли болѣе или менѣе важныя свѣдѣнія для ознакомленія съ жизнью этихъ птицъ; но почти ни одинъ изъ этихъ путешественниковъ не былъ вполнѣ свободенъ отъ господствующей вѣры въ чудесныя свойства этихъ живыхъ существъ. Только Лессонъ, который во время своего кругосвѣтнаго плаванія провелъ 13 дней на Новой Гвинеѣ, говоритъ о живыхъ райскихъ птицахъ на основаніи собственныхъ наблюденій. Послѣ него въ послѣдніе годы цѣнныя свѣдѣнія о жизни этихъ сказочныхъ птицъ доставили намъ Беннетъ, Уоллесъ и Розенбергъ.

Райскія птицы (Paradiseidae) — это великолѣпныя пернатыя, родственныя нашимъ вороновымъ, величиной отъ сойки до жаворонка. Клювъ у нихъ различной длины, прямой или загнутый, при основаніи не покрытый щетинками, какъ у воронъ, такъ что носовыя отверстія открыты, плюсна длиннѣе клюва, ноги сильныя, съ большими пальцами, которые вооружены твердыми, острыми, крючковатыми когтями, крылья средней длины и сильно закруглены, такъ какъ шестое и седьмое маховыя перья длиннѣе прочихъ, прямой хвостъ, состоящій изъ 12-ти перьевъ, средней длины, часто имѣетъ въ себѣ удлиненныя въ видѣ проволоки перья или же бываетъ очень длиннымъ и образованъ очень просто. У многихъ видовъ перья въ пахахъ удивительно длинныя и пушистыя. Самки и молодыя птицы окрашены всегда проще, чѣмъ самцы.

Райскія птицы, изъ которыхъ намъ извѣстно около 50-ти видовъ, обитаютъ въ Австраліи, и только одинъ видъ встрѣчается на островѣ Мадагаскарѣ. Папуасы уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій торгуютъ чучелами райскихъ и другихъ птицъ съ красивымъ опереніемъ, и главнымъ образомъ голландцы обмѣнивали на нихъ свои товары. Способъ приготовленія чучелъ туземцами Розенбергъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Папуасы убиваютъ самцовъ, а иногда и самокъ стрѣлами и при помощи поперечнаго разрѣза сдираютъ кожу, которая особенно толста на спинѣ и на брюшкѣ. Затѣмъ они отрѣзаютъ ноги вмѣстѣ съ задней частью кожи брюшка, вырываютъ большія маховыя перья и полученную такимъ образомъ кожу натягиваютъ на круглую палочку, торчащую на нѣсколько сантиметровъ изъ клюва, который при помощи шнурка прикрѣпляется къ дереву. Натертыя древеснымъ пепломъ чучела вѣшаются затѣмъ внутри хижины надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ разводится огонь, чтобы они могли высохнуть и чтобы ихъ не попортило разное мелкое звѣрье. Этимъ заканчивается приготовленіе чучела. Жители Мисуля оставляютъ чучелѣ ноги и маховыя перья; аруэзцы также замѣтили, что существуетъ бо́льшій спросъ на чучелъ не изуродованныхъ, нежели на изуродованныхъ, и что за первыхъ больше платятъ, а потому понемногу оставляютъ свою старую привычку, такъ что теперь съ острововъ Ару получаются уже хорошія чучела. Купцы изъ Мангкассара, Тернате и восточнаго Серама главнымъ образомъ скупаютъ райскихъ птицъ и привозятъ къ себѣ на родину или въ Сингапуръ, откуда ихъ отправляютъ уже въ Европу и въ Китай. По словамъ этихъ

купцовъ, самыя лучшія чучела приготовляются на сѣверномъ берегу Новой Гвинеи и въ мѣстностяхъ, находящихся въ глубинѣ залива Гильвинка. Султанъ Тидорскій, вассалъ той части Новой Гвинеи, которая находится подъ властью Нидерландовъ, ежегодно получаетъ оттуда въ видѣ дани неопредѣленное количество чучелъ, цѣнность которыхъ равняется отъ 25 центовъ до 1 гульдена на голландскія деньги.

Райскія птицы распадаются на три подсемейства, изъ которыхъ первое также носитъ названіе райскихъ птицъ (Paradiseinae). Изъ птицъ, принадлежащихъ къ самому характерному роду этого подсемейства, а именно къ роду настоящихъ райскихъ птицъ (Paradisea), наиболѣе извѣстна безногая райская птица (Paradisea apoda), которую на островахъ Ару называютъ фанеамъ, а Линней обезсмертилъ старинныя сказанія, назвавъ ее „безногой“. Птица эта величиной приблизительно съ галку. Верхняя часть головы, виски, задняя часть шеи и верхнія части боковъ шеи темно-желтаго цвѣта, лобъ, бока головы, ушная область, подбородокъ и горло темнаго золотисто-зеленаго цвѣта, уздечка зеленовато-черная, прочія части тѣла, крылья и хвостъ темно-коричневые, и этотъ цвѣтъ въ области зоба сгущается почти до черно-бураго, длинныя пучкообразныя перья по бокамъ груди ярко-оранжевыя, къ пушистому концу становятся желтовато-сѣровато-бѣлыми, болѣе короткія прямыя перья въ серединѣ части, прилежащей къ основанію, темнаго каштаново-буровато-чернаго цвѣта. Глаза сѣрнисто-желтые, клювъ зеленовато-сѣровато-синій, ноги мясного буроватаго цвѣта. Самка лишена всѣхъ удлиненныхъ перьевъ, и опереніе ея темнѣе — верхняя сторона у нея буровато-желтовато-сѣрая, горло сѣровато-фіолетовое, брюшко желтовато-сѣрое.

До сихъ поръ безногую райскую птицу видѣли только на островахъ Ару.

Малая райская птица (Paradisea minor), называемая въ Доре мамбефуромъ, а также тсіанкаромъ и вумби, несомнѣнно меньше безногой райской птицы. Длина малой райской птицы равняется только 38 сантиметрамъ. Спина и плечи, а также двѣ поперечныя полосы на верхнихъ кроющихъ перьяхъ крыла оливково-желтаго цвѣта, горло, зобъ и вся остальная нижняя сторона тѣла темнаго каштаново-бураго цвѣта, пучкообразныя перья при основаніи ярко-оранжевыя, половина же ихъ, ближайшая къ концу, чисто-бѣлаго цвѣта, всѣ прочія части тѣла окрашены такъ же, какъ у безногой райской птицы.

По словамъ Розенберга тсіанкаръ живетъ во множествѣ на сѣверномъ полуостровѣ Новой Гвинеи, а также въ Мисулѣ и Іоби, но повидимому становится рѣже по направленію къ востоку.

Красная райская птица (Paradisea sanguinea и rubra), извѣстная у туземцевъ подъ названіемъ себумъ, еще меньше предыдущей: ея длина равняется 33-мъ сантиметрамъ. Отъ описанныхъ двухъ видовъ красная райская птица отличается золотисто-зеленымъ пучкомъ перьевъ на задней части головы, который можетъ подниматься и опускаться. Спина у нея блѣднаго сѣровато-желтоватаго цвѣта, полоса такого же цвѣта проходитъ по груди, горло смарагдово-зеленое; грудь и крылья красновато-бурыя, пятно вокругъ основанія клюва и пятно за глазомъ бархатисто-черныя, боковые пучки перьевъ великолѣпнаго краснаго цвѣта, на концѣ завертываются въ кружокъ, длинныя хвостовыя перья, загибающіяся кнаружи, имѣютъ болѣе широкіе стержни. Глаза свѣтло-желтые, клювъ и ноги пепельно-сѣровато-синіе. У самки передняя часть головы и горло бархатисто-бурыя, верхняя сторона и брюшко красновато-бурыя, шея и грудь свѣтло-красныя. До сихъ поръ этотъ видъ встрѣчался исключительно только на островахъ Вайгіу и Батантѣ.

По образу жизни и нравамъ всѣ три указанные вида очень похожи другъ на друга. Это живыя, рѣзвыя, умныя птицы, но любящія нравиться и повидимому вполнѣ сознающія какъ свою красоту, такъ и опасности, которыя имъ изъ за нея

угрожаютъ. Всѣ путешественники, видѣвшіе этихъ птицъ на ихъ родинѣ, говорятъ о нихъ съ восхищеніемъ. „Райская птица“, говоритъ Розенбергъ, „это птица бродячая, то появляющаяся на берегу моря, то удаляющаяся внутрь страны, смотря по тому, гдѣ можно найти больше созрѣвающихъ древесныхъ плодовъ. Во время моего пребыванія въ Доре какъ разъ поспѣли плоды лавриніи, которая росла на островѣ на недалекомъ разстояніи отъ деревни. Сильно махая крыльями, птицы, главнымъ образомъ самки и молодые самцы, прилетѣли на эти деревья и такъ мало обнаруживали страха передъ людьми, что вернулись на дерево даже послѣ

Красная райская птица (Paradisea rubra).
1/3 естеств. велич.

того, какъ ихъ спугнули нѣсколькими выстрѣлами. Въ другихъ случаяхъ райскія птицы, и особенно старые самцы, боязливы, и застрѣлить ихъ нелегко. Крикъ ихъ хриплый, но слышится издалека и лучше всего можетъ быть переданъ слогами „вук вук вук“, за которыми слѣдуетъ словно скребущій звукъ“.

Находясь постоянно въ движеніи, райская птица перелетаетъ съ дерева на дерево, никогда подолгу не сидитъ смирно на одной и той же вѣткѣ и при малѣйшемъ шумѣ скрывается въ самой густой листвѣ на верхушкѣ дерева. Уже до восхода солнца райскія птицы бодрствуютъ и дѣятельно отыскиваютъ себѣ пропитаніе, состоящее изъ плодовъ и насѣкомыхъ. Вечеромъ эти птицы собираются толпою ночевать на верхушкѣ какого нибудь высокаго дерева.

Время спариванья находится въ зависимости отъ муссона. На восточномъ и сѣверномъ берегу Новой Гвинеи періодъ этотъ наступаетъ въ маѣ, на западномъ

берегу и въ Мисулѣ — въ ноябрѣ. Самцы собираются около этого времени небольшими стаями въ 10—12 головъ; стаи эти, которыя туземцы называютъ „танцующими обществами“, садятся обыкновенно на очень высокія, раскидистыя и не густо поросшія зеленью деревья, оживленно перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку, вытягиваютъ шеи, поднимаютъ крылья и трясутъ ими, махаютъ хвостомъ, расправляютъ и складываютъ боковые пучки перьевъ и при этомъ издаютъ своеобразный писк, на который слетаются самки. Относительно гнѣздъ и яицъ этихъ птицъ пока еще ничего не извѣстно.

„Для того, чтобы поймать райскихъ птицъ“, разсказываетъ далѣе Розенбергъ, „новогвинейскіе дикари поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ охотничій періодъ, который совпадаетъ съ срединой сухого времени года, они сначала стараются выслѣдить, на какія деревья птицы слетаются ночевать — обыкновенно это самыя высокія деревья въ лѣсу. Здѣсь на вѣтвяхъ такого дерева дикари устраиваютъ себѣ маленькій шалашъ изъ листьевъ и вѣтокъ. Приблизительно за часъ до заката солнца опытный охотникъ, вооружившись лукомъ и стрѣлами, влѣзаетъ на дерево, скрывается въ шалашѣ и выжидаетъ, по возможности безшумно, прибытія птицъ. По мѣрѣ того, какъ онѣ подлетаютъ, онъ преспокойно убиваетъ одну за другою, а одинъ изъ его спутниковъ, спрятавшійся у подножія дерева, подбираетъ убитыхъ. Птицы падаютъ на землю мертвыя, если въ нихъ стрѣляютъ острыми стрѣлами, но попадаютъ въ руки охотника живыми, если въ нихъ стрѣляютъ стрѣлами, снабженными нѣсколькими остріями, которыя образуютъ треугольникъ и между которыми тѣло птицы защемляется благодаря силѣ удара“. По словамъ Лессона, туземцы ловятъ райскихъ птицъ клеемъ хлѣбнаго дерева, а по словамъ Уоллеса, себума ловятъ только петлями, которыя помѣщаются на вѣтвяхъ деревьевъ съ созрѣвающими плодами, такъ что птица должна попасть ногою въ петлю, если хочетъ добраться до плода. Другой конецъ петли свѣшивается на землю, такъ что пойманную птицу безъ труда можно снять съ дерева.

Уоллесъ первый привезъ въ Европу двухъ живыхъ райскихъ птицъ. Въ Амбоинѣ, Мангкассарѣ, въ Батавіи, Сингапурѣ и Манилѣ тсіанкара нерѣдко держали въ клѣткѣ. Одинъ китайскій купецъ въ Амбоинѣ предложилъ Лессону двухъ райскихъ птицъ, прожившихъ уже полгода въ клѣткѣ, и которыхъ кормили отварнымъ рисомъ. Торговецъ требовалъ по 500 франковъ за каждую птицу, а этой суммы въ то время не было у естествоиспытателя. Розенбергъ разсказываетъ, что штатгальтеръ нидерландской Индіи, Слоотъ ванъ де Бееле, заплатилъ за двухъ взрослыхъ самцовъ 150 голландскихъ гульденовъ. Этихъ птицъ самъ Розенбергъ привезъ съ Мангкассара на Яву. Беннетъ видѣлъ въ Китаѣ плѣннаго тсіанкара, прожившаго въ клѣткѣ 9 лѣтъ. Въ Берлинѣ также безногія и др. райскія птицы выживали по нѣскольку лѣтъ.

О нравахъ плѣнныхъ птицъ Беннетъ говоритъ слѣдующее: „Райская птица двигается легко и мило, словно играя. Она лукаво и вызывающе поглядываетъ вокругъ себя и подпрыгиваетъ и приплясываетъ, когда кто-нибудь приближается къ клѣткѣ; ибо эта птица положительно одержима желаніемъ нравиться и повидимому чувствуетъ потребность въ томъ, чтобы ею любовались. На перьяхъ своихъ она не терпитъ ни малѣйшей соринки, купается два раза въ день и часто растопыриваетъ крылья и хвостъ, чтобы оглядывать свою великолѣпную одежду. Весьма вѣроятно, что райская птица такъ рѣдко спускается на землю вслѣдствіе суетнаго опасенія запачкать свое опереніе. Особенно по утрамъ она старается показать себя во всей красѣ — въ это время она приводитъ въ порядокъ свои перья. Красивыя боковыя перья расправляются и осторожно пропускаются черезъ клювъ, короткія крылья растопыриваются, насколько возможно, и приводятся въ сотрясеніе. Затѣмъ птица поднимаетъ надъ спиною свои великолѣпныя длинныя перья, которыя, словно пухъ, взлетаютъ кверху, и при этомъ расправляетъ ихъ. Это птица продѣлываетъ въ теченіе нѣкотораго времени, затѣмъ, быстро прыгая и поворачиваясь, двигается вверхъ и внизъ. Тщеславіе и восхищеніе собственною красотою въ это время явно выражаются во всемъ поведеніи птицы. Она осматриваетъ себя то сверху, то снизу и часто выражаетъ свои чувства зву-

ками, правда только каркающими. Показавъ свою красоту съ какой-нибудь стороны, птица считаетъ нужнымъ опять привести въ порядокъ свое опереніе; это занятіе никогда ей не надоѣдаетъ, и она постоянно прихорашивается, словно суетная женщина. Только потребность въ пищѣ заставляетъ райскую птицу забыть о своемъ желаніи нравиться. Солнечные лучи повидимому ей непріятны, и она старается всячески отъ нихъ спрятаться.

Голосъ райской птицы напоминаетъ карканье воронъ, но звуки, издаваемые райской птицей, гораздо разнообразнѣе. Отдѣльные звуки издаются съ извѣстной порывистостью и часто повторяются. Иногда призывъ этой птицы звучитъ почти такъ же, какъ лай; отдѣльные тона звучатъ выше, чѣмъ обыкновенно, и притомъ издаются такъ громко, что кажутся несоотвѣтствующими величинѣ птицы. Болѣе слабые звуки можно передать пожалуй слогами „ги го гей гау“, а болѣе сильные слогами „гок гок гок гок“.

Плѣнныхъ райскихъ птицъ кормятъ отварнымъ рисомъ, смѣшаннымъ съ крутыми яйцами и растительными веществами, а также живыми кузнечиками. Мертвыхъ насѣкомыхъ птица не трогаетъ. Живую же добычу подобнаго рода она ловитъ очень искусно, кладетъ ее на жердочку, разбиваетъ ей клювомъ голову, откусываетъ лапки, крѣпко придерживаетъ ее когтями, а затѣмъ съѣдаетъ. Райская птица не отличается прожорливостью, ѣстъ свой кормъ спокойно и прилично, глотая одно рисовое зернышко за другимъ. Во время ѣды она не спускается на землю, касаясь ея только тогда, когда собирается купаться.

*

Представительницей рода лофоринъ (Lophorina) является царская лофорина (Lophorina regia). Она значительно меньше описанныхъ видовъ, величиной приблизительно съ небольшого дрозда, и отличается отъ описанныхъ родственныхъ ей птицъ слабымъ клювомъ, лишь слегка удлиненными боковыми перьями, лишенными опахала хвостовыми перьями, которыя только на концѣ снабжены круглымъ опахаломъ, образующимъ спиральный завитокъ. Верхнія части тѣла, кромѣ маленькаго четырехугольнаго чернаго пятнышка на верхнемъ краю глаза, подбородокъ и горло великолѣпнаго блестящаго вишнево-краснаго цвѣта, верхняя часть головы и верхнія кроющія перья хвоста свѣтлѣе, нижнія части бѣлыя, за исключеніемъ темной смарагдово-зеленой полосы на зобѣ, ограниченной узкой ржаво-бурой каемкой, пучки перьевъ, торчащіе по бокамъ зоба, дымчато-бурые, причемъ расширяющіяся и тупыя перья на концахъ блестящаго золотисто-зеленаго цвѣта, маховыя перья коричнево-красныя, хвостовыя оливково-бурыя съ ржавыми наружными каемками, завитокъ на обоихъ среднихъ нитевидныхъ рулевыхъ перьяхъ темнаго золотисто-зеленаго цвѣта. Глаза каріе, клювъ желтаго рогового цвѣта, ноги свѣтло-голубыя. У самки верхняя часть тѣла красновато-бурая, нижняя ржаво-желтая съ узкой бурой поперечной полосой.

По словамъ Розенберга, царская лофорина самая распространенная изъ всѣхъ райскихъ птицъ.

Епанчевая лофорина (Lophorina superba) характеризуется сравнительно короткимъ, сильнымъ клювомъ и двумя поднимающимися, широкими щитками изъ перьевъ, имѣющими форму острія стрѣлы; изъ нихъ одинъ щитокъ находится на задней части шеи и состоитъ изъ широкихъ перьевъ, другой — на верхней части груди и составленъ изъ болѣе узкихъ твердыхъ перьевъ. Длина самца равняется приблизительно 23 сантиметрамъ. Опереніе бархатисто-черное, слегка отливающее пурпурово-бурымъ цвѣтомъ, задній щитокъ блестящаго бронзоваго цвѣта, грудной щитокъ великолѣпнаго металлическаго зеленаго цвѣта, концы же перьевъ съ мѣдно-золотистымъ отливомъ; перья на носу и на уздечкѣ, поднимающіяся въ видѣ гребешка, лишены блеска, а блестящія перья на верхней части головы затылка и задней части шеи стальнаго синяго цвѣта, недалеко отъ конца украшены пурпуровой полосой, верхнія кроющія перья крыльевъ блестятъ сильнѣе, чѣмъ перья на спинѣ, маховыя и хвостовыя перья стальнаго синяго цвѣта.

перья на лицѣ темнаго мѣдно-бронзоваго цвѣта, перья нижнихъ частей тѣла отливаютъ пурпурово-чернымъ цвѣтомъ. У самки верхняя сторона темнаго черно-бу-

Черная лофорина (Lophorina nigra). $^2/_5$ естеств. велич.

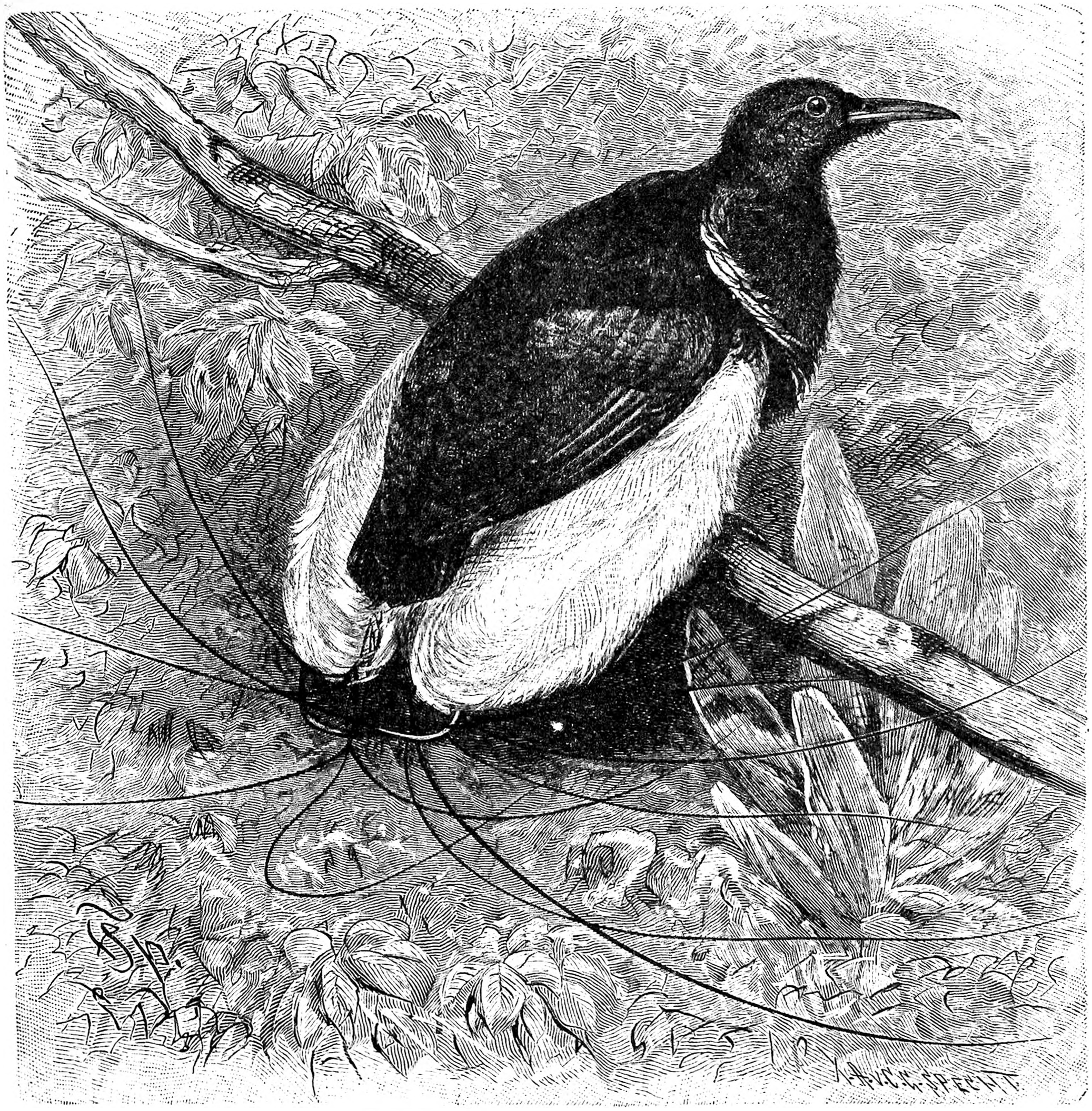
раго цвѣта, голова и затылокъ черно-бурые, нижняя сторона съ грязновато-желтовато-буровато-бѣлыми разводами.

Великолѣпная эта птица живетъ въ горахъ Новой Гвинеи и притомъ на высотѣ по крайней мѣрѣ 2000 метровъ.

Лессонъ и другіе натуралисты считаютъ невозможнымъ изобразить словами блескъ третьей представительницы разсматриваемаго рода, а именно черной лофорины (Lophorina nigra). Опереніе, которое, смотря по падающему на него освѣщенію, сіяетъ самыми яркими и чудными красками, на верхней сторонѣ пурпурово-черное съ великолѣпнымъ металлическимъ блескомъ. На темени перья цвѣта краснаго гіацинта съ смарагдово-зелеными кончиками, нижнія части тѣла малахитово-зеленыя. Отъ угла глаза спускается внизъ гіацинтово-красная полоса, оканчивающаяся въ видѣ полукруга подъ горломъ. Клювъ и ноги черные. Длина птицы около 70 сантиметровъ.

*

Одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ видовъ рода райскихъ удодовъ (Epimachus) — это черноватый райскій удодъ (Epimachus nigricans). Отличительная черта райскихъ удодовъ — тонкій клювъ, загнутый въ видѣ сабли. Длина черноватаго райскаго удода — 32 сантиметра. Бархатистыя перья головы, шеи и груди черныя съ темно-зеленымъ и пурпурово-фіолетовымъ отливомъ, удлиненныя перья по бокамъ груди окрашены точно такъ же,

Черноватый райскій удодъ (Epimachus nigricans). 1/3 естеств. велич.

за исключеніемъ смарагдово-зеленой каймы, блестящей или отливающей смарагдово-зеленымъ цвѣтомъ, длинныя пушистыя боковыя перья великолѣпнаго золотисто-желтаго цвѣта, который однако блекнетъ и обращается въ грязновато-бѣлый, если чучело хоть въ теченіе короткаго времени подвергается дѣйствію свѣта и дыма; крылья и хвостъ у этой птицы фіолетовые съ великолѣпнымъ блескомъ, и при извѣстномъ освѣщеніи на нихъ замѣчаются полосы. Самое замѣчательное украшеніе черноватаго райскаго удода—это длинныя боковыя перья. Самыя длинныя изъ нихъ свѣшиваются ниже хвоста, а послѣднія, находящіяся въ самомъ низу, обращаются въ голые стержни, толщиной съ конскій волосъ, и вначалѣ окрашены въ золотисто-

Большой райскій удодъ (Epimachus speciosus).
$^2/_5$ естеств. велич.

желтый цвѣтъ, а дальше — въ бурый. Глаза алаго цвѣта, клювъ черный, ноги мясного желтаго цвѣта. Птицы эти водятся исключительно на восточномъ и западномъ берегу Новой Гвинеи и на островѣ Салавати; но здѣсь въ гористыхъ мѣстностяхъ онѣ встрѣчаются довольно часто.

У большого райскаго удода (Epimachus speciosus), клювъ длинный, согнутый, хвостъ очень длинный, ступеньчатый. Пучкообразныя перья находятся только по бокамъ груди. Длина птицы составляетъ около 65 сантиметровъ, длина хвоста 42 см. Голова покрыта маленькими, кругловатыми чешуйчатыми перьями бронзово-зеленаго цвѣта съ синимъ и золотисто-зеленымъ отливомъ; длинныя пушистыя перья на задней части шеи бархатистыя и чернаго цвѣта; спина окрашена точно такъ же, но окраска эта разнообразится разбросанными тамъ и сямъ продолговатыми лопатообразными перьями съ толстыми бородками, отливающими синевато-зеленоватымъ блескомъ; нижняя сторона черновато-фіолетовая, большія декоративныя перья по бокамъ груди, которыя птица въ спокойномъ состояніи небрежно складываетъ сверхъ крыльевъ, сіяютъ великолѣпнымъ блескомъ.

Въ европейскихъ коллекціяхъ еще нѣтъ полнаго чучела этой удивительной птицы.

Пожалуй здѣсь умѣстно будетъ указать на небольшую группу австралійскихъ птицъ—на плащеносцевъ (Chlamydoderinae), живущихъ только въ предѣлахъ Австраліи приблизительно въ числѣ 10-ти видовъ. Величиной они съ нашу галку, клювъ у нихъ толстый, мало загнутый, ноги сильныя, крылья довольно длинныя и прямо срѣзанный или выемчатый хвостъ средней длины.

*

Самый извѣстный видъ подсемейства плащеносцевъ — это шалашникъ шелковистый (Chlamydodera holosericea). Опереніе взрослаго самца блестящее, какъ атласъ, и притомъ темнаго синевато-чернаго цвѣта; переднія и малыя маховыя перья, кроющія перья крыльевъ и рулевыя перья бархатисто-черныя, на концѣ синія. Глаза свѣтло-синіе, только зрачекъ окруженъ узкимъ краснымъ кольцомъ, клювъ свѣтло-голубоватаго рогового цвѣта, кончикъ клюва желтый, ноги красноватыя. Длина составляетъ около 36-ти сантиметровъ.

Гудъ довольно подробно ознакомилъ насъ съ образомъ жизни этихъ птицъ. Родина ихъ — бо́льшая часть австралійскаго материка, любимое ихъ мѣстопребываніе—пышный кустарникъ съ роскошной листвой, въ видѣ парковъ покрывающій внутреннія и прибрежныя пространства Австраліи.

Самое замѣчательное въ жизни этихъ птицъ то, что онѣ для своего удовольствія строятъ себѣ шалаши вродѣ бесѣдокъ, и тамъ водятся и играютъ. Гудъ впервые увидѣлъ такую постройку въ Сиднейскомъ музеѣ, куда привезъ ее одинъ путешественникъ, рѣшилъ развѣдать, для чего служатъ эти постройки и довольно долго наблюдалъ за работой птицъ. „Проходя по кедровому кустарнику въ Ливерпульскомъ округѣ“, такъ разсказываетъ Гудъ, „я нашелъ нѣсколько такихъ шалашей или увеселительныхъ бесѣдокъ. Онѣ обыкновенно строятся подъ защитой свѣшивающихся вѣтокъ деревьевъ, въ самой уединенной части лѣса и притомъ всегда на землѣ. Здѣсь изъ плотно переплетеннаго хвороста дѣлается основаніе, а по бокамъ изъ болѣе тонкихъ и гибкихъ прутьевъ и вѣтокъ воздвигается самый шалашъ. Матеріалы располагаются такъ, что концы вѣтокъ соединяются наверху. Съ каждой стороны остается свободное входное отверстіе. Особенно хороши эти шалаши потому, что украшаются всевозможными предметами яркихъ цвѣтовъ — пестрыми хвостовыми перьями разныхъ попугаевъ, раковинами слизняковъ, домиками улитокъ, камешками, побѣлѣвшими костями и т. д. Перья втыкаются между вѣтками, косточки и раковины кладутся у входа. Всѣмъ туземцамъ извѣста манера этихъ птицъ уносить блестящія вещи, и потому они прежде всего ищутъ пропавшіе предметы около птичьихъ шалашей. Я нашелъ у входа въ такой шалашъ хорошенькій обтесанный камешекъ, въ 4 сантиметра длиною, и нѣсколько лоскутковъ синей бумажной матеріи: вѣроятно птицы подобрали эти вещи въ какомъ нибудь отдаленномъ поселеніи.“

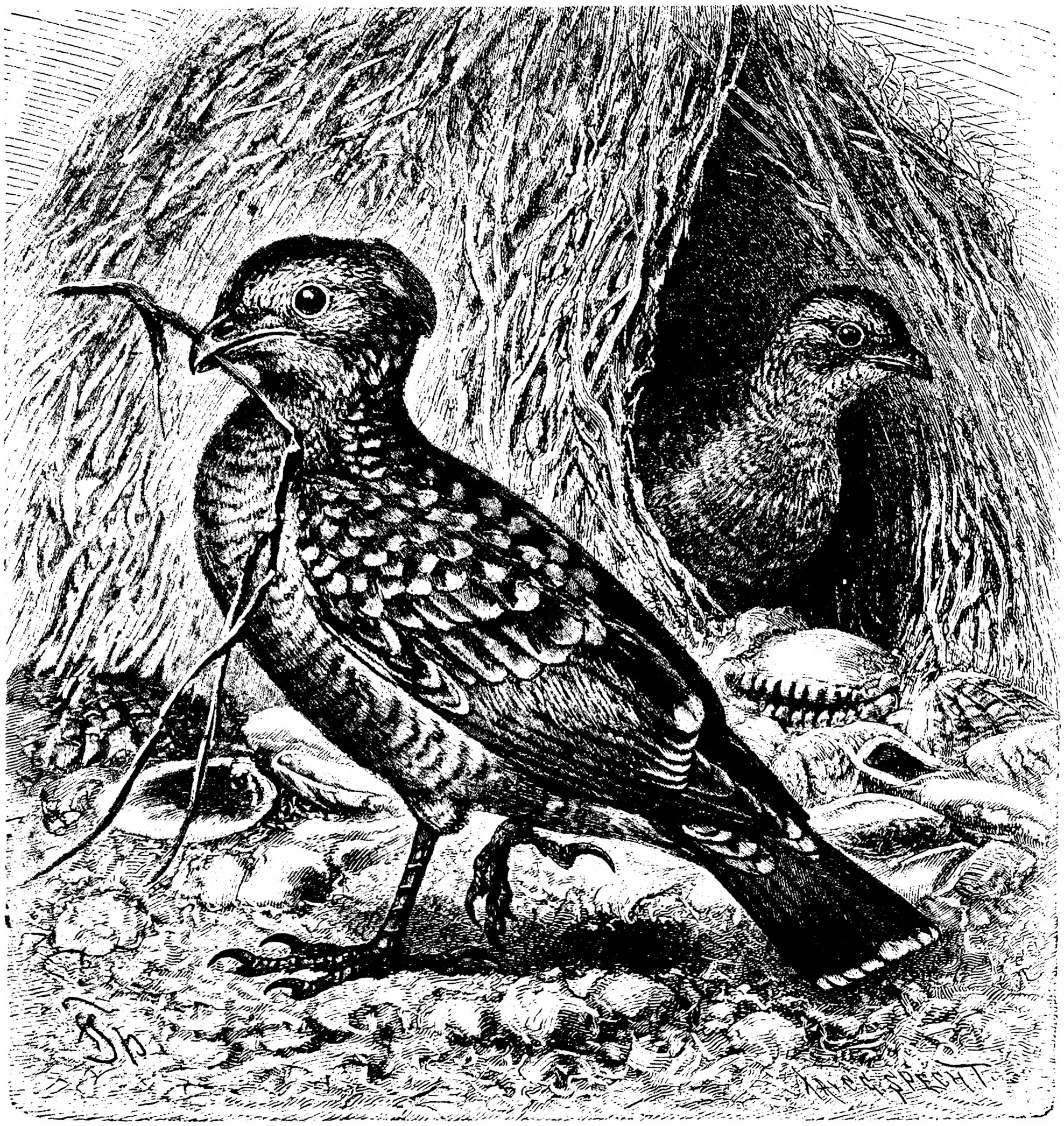
Еще не вполнѣ выяснено, для какой цѣли шалашники устраиваютъ подобныя постройки. Это во всякомъ случаѣ не гнѣзда, а лишь увеселительныя бесѣдки для обоихъ половъ птицъ, которыя, играя, пробѣгаютъ черезъ шалашъ и бѣгаютъ вокругъ него. Повидимому, шалаши служатъ для свиданій во время періода спариванья и вывода птенцовъ, и вѣроятно птицы пользуются имъ по нѣсколько лѣтъ подрядъ.

Въ неволѣ эти птицы также строятъ свои шалаши. Стрэнджъ, любитель птицъ въ Сиднеѣ, пишетъ Гуду: „Въ моей клѣткѣ сидитъ теперь пара шелковистыхъ шалашниковъ, которые, какъ я надѣялся, будутъ выводить птенцовъ, когда они въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ строили себѣ шалаши. Строятъ шалаши оба пола, но главнымъ архитекторомъ является самецъ.“

Длина шалашника пятнистаго (Chlamydodera maculata, рис. на стр. 218) достигаетъ 28 см. Перья на верхней части головы и въ области гортани,

вся верхняя сторона, крылья и хвостъ бурые, нижнія части тѣла сѣровато-бѣлыя, боковыя перья исполосованы поперекъ слабыми свѣтло-бурыми зигзагами. Красивая полоса на затылкѣ изъ удлиненныхъ перьевъ цвѣта персиковыхъ цвѣтовъ образуетъ нѣчто вродѣ вѣера. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги бурые.

Пятнистые шалашники обитаютъ исключительно во внутренней части Австраліи и здѣсь селятся во множествѣ въ низкомъ кустарникѣ, тянущемся по краямъ

Шалашникъ пятнистый (Chlamydodera maculata). $^1/_2$ естеств. велич.

равнинъ; но птицы эти очень робки, и потому путешественники часто не замѣчаютъ ихъ.

Шалаши ихъ находятся въ подобныхъ же мѣстахъ, устроены еще искуснѣе, еще лучше разукрашены, еще длиннѣе и еще болѣе сводчаты, чѣмъ шалаши уже описаннаго вида; иногда пятнистый шалашникъ устраиваетъ себѣ шалаши длиною болѣе метра, которые снаружи сооружены изъ хвороста, красиво выложеннаго длинными стебельками травы, а внутри украшены очень роскошно и разнообразно. Украшеніями служатъ двухстворчатыя раковины, черепа, кости мелкихъ позвоночныхъ животныхъ и т. п. Для прикрѣпленія травъ и вѣтокъ употребляются камни, которые очень искусно раскладываются. Начиная съ входа, они распола-

гаются съ обѣихъ сторонъ такъ, что между ними образуются тропинки, а украшенія собраны передъ обоими входными отверстіями. Около нѣкоторыхъ шалашей находили почти по полчетверика костей, раковинъ и т. п. передъ каждымъ входомъ. Такія постройки вѣроятно служили птицамъ въ теченіе многихъ лѣтъ. По разстоянію шалашей отъ рѣкъ, съ береговъ которыхъ собраны раковины, ученый заключилъ, что птицы иногда приносятъ предметы украшенія своихъ шалашей изъ за многихъ миль. При разыскиваніи матеріаловъ для украшенія своихъ бесѣдокъ шалашники, повидимому, очень разборчивы, такъ какъ берутъ только побѣлѣвшіе, бѣлые или цвѣтные предметы. Гудъ убѣдился, что шалаши многихъ пятнистыхъ шалашниковъ служатъ для любовныхъ свиданій: когда онъ однажды изъ потайного мѣста недалеко отъ постройки этихъ птицъ наблюдалъ за ними, ему удалось одного за другимъ застрѣлить двухъ самцовъ, выбѣжавшихъ изъ одного и того же входа.

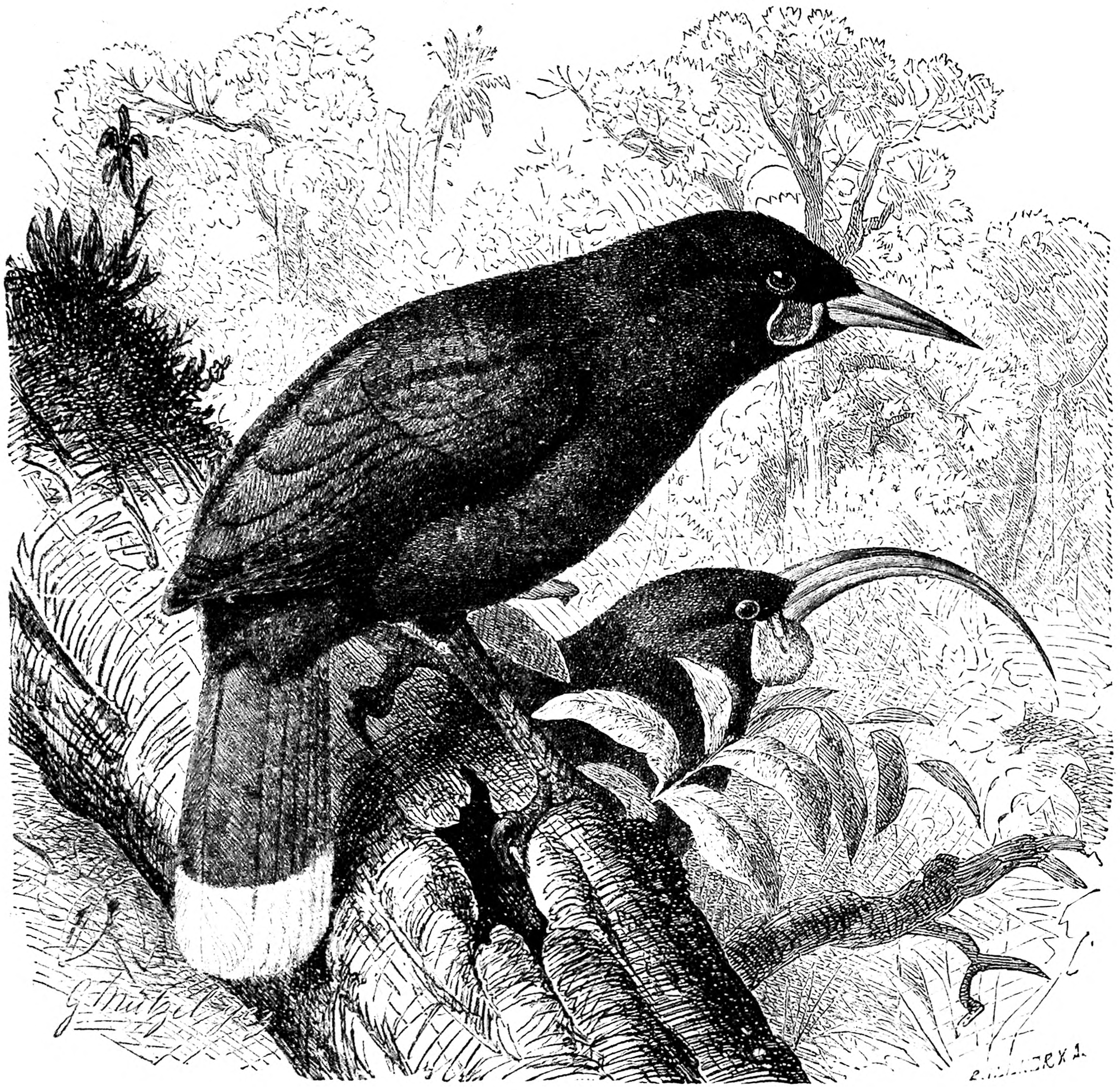
Къ семейству райскихъ птицъ относится также лапастоносецъ тонкоклювый (Creadion acutirostris рис. на стр. 220), который вмѣстѣ съ родственными родами составляетъ подсемейство лопастоносцевъ (Glaucopinae) и, подобно всѣмъ этимъ родамъ, имѣетъ у основанія клюва болѣе или менѣе развитыя кожистыя лопасти яркихъ цвѣтовъ. Лопастоносецъ тонкоклювый отличается отъ ближайшихъ своихъ родственниковъ и всѣхъ извѣстныхъ намъ птицъ тѣмъ, что клювъ самки совсѣмъ не похожъ на клювъ самца. У самца клювъ такой же длины, какъ голова, гребень верхней створки почти прямой, по бокамъ верхняя створка плоско-выпуклая, у основанія высокая, съ боковъ клювъ сильно сжатъ и вообще по направленію къ концу заостряется; у самки же клювъ по крайней мѣрѣ вдвое длиннѣе, чѣмъ у самца, слабѣе и тоньше, замѣтно загнутъ и вытянутъ въ тонкій конецъ, причемъ верхняя створка длиннѣе нижней. Длина самца — 48 сантиметровъ, а самки — 50 сантиметровъ. Опереніе одноцвѣтное, черное, съ слабымъ зеленоватымъ отливомъ, за исключеніемъ широкой бѣлой каймы на концѣ рулевыхъ перьевъ, глаза темно-каріе, клювъ бѣлый, цвѣта слоновой кости, большая кожистая лопасть въ углу рта оранжевая, ноги темнаго синевато-сѣраго цвѣта.

Свѣдѣнія наши о жизни тонкоклюваго лопастоносца на свободѣ чрезвычайно скудны, хотя эта птица, извѣстная у майорисовъ подъ именемъ хуіа, давно уже обратила на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ птицъ и поселенцевъ Новой Зеландіи. Она больше пребываетъ на землѣ, чѣмъ на вѣтвяхъ, двигается очень быстро и большими прыжками, при малѣйшемъ шумѣ или при видѣ человѣка быстро улетаетъ въ кусты или въ лѣсъ, и здѣсь обыкновенно не удается изловить ея никакими способами.

Насколько мнѣ извѣстно, эти птицы наконецъ были привезены живыми въ Лондонъ, но объ образѣ жизни ихъ сообщеній обнародовано не было; я могу поэтому сообщить только то, что говоритъ объ этихъ птицахъ Буллеръ, который держалъ ихъ у себя нѣсколько дней. Движенія ихъ по землѣ и по вѣтвямъ были милы и привлекательны; особенно красиво раскрывали они свой хвостъ на подобіе вѣера и, принимая различныя позы, съ тихимъ и нѣжнымъ щебетаньемъ ласкали другъ друга клювами, словно выточенными изъ слоновой кости. Клювами своими они все обыскивали, трогали и стукали. Какъ только онѣ открыли, что обои на стѣнахъ представляютъ собою нѣчто проницаемое, онѣ начали срывать одну полосу за другою и въ короткое время совершенно обнажили стѣны.

Такъ какъ въ желудкѣ убитыхъ лопастоносцевъ были найдены различныя ползающія по землѣ насѣкомыя, личинки, а также сѣмена и ягоды, то Буллеръ принесъ своимъ птицамъ гнилой кусокъ дерева съ большими, жирными личинками насѣкомаго, называемаго „гу-гу“. Этотъ кусокъ дерева тотчасъ же привлекъ къ себѣ вниманіе птицъ; онѣ изслѣдовали болѣе мягкія части клювомъ, а затѣмъ начали сильно ударять по гнилому дереву, пока не показались скрытыя въ немъ личинки или куколки упомянутаго насѣкомаго, которыхъ птицы и стали вытягивать. Самецъ при этомъ былъ особенно энергиченъ, стучалъ по дереву на манеръ

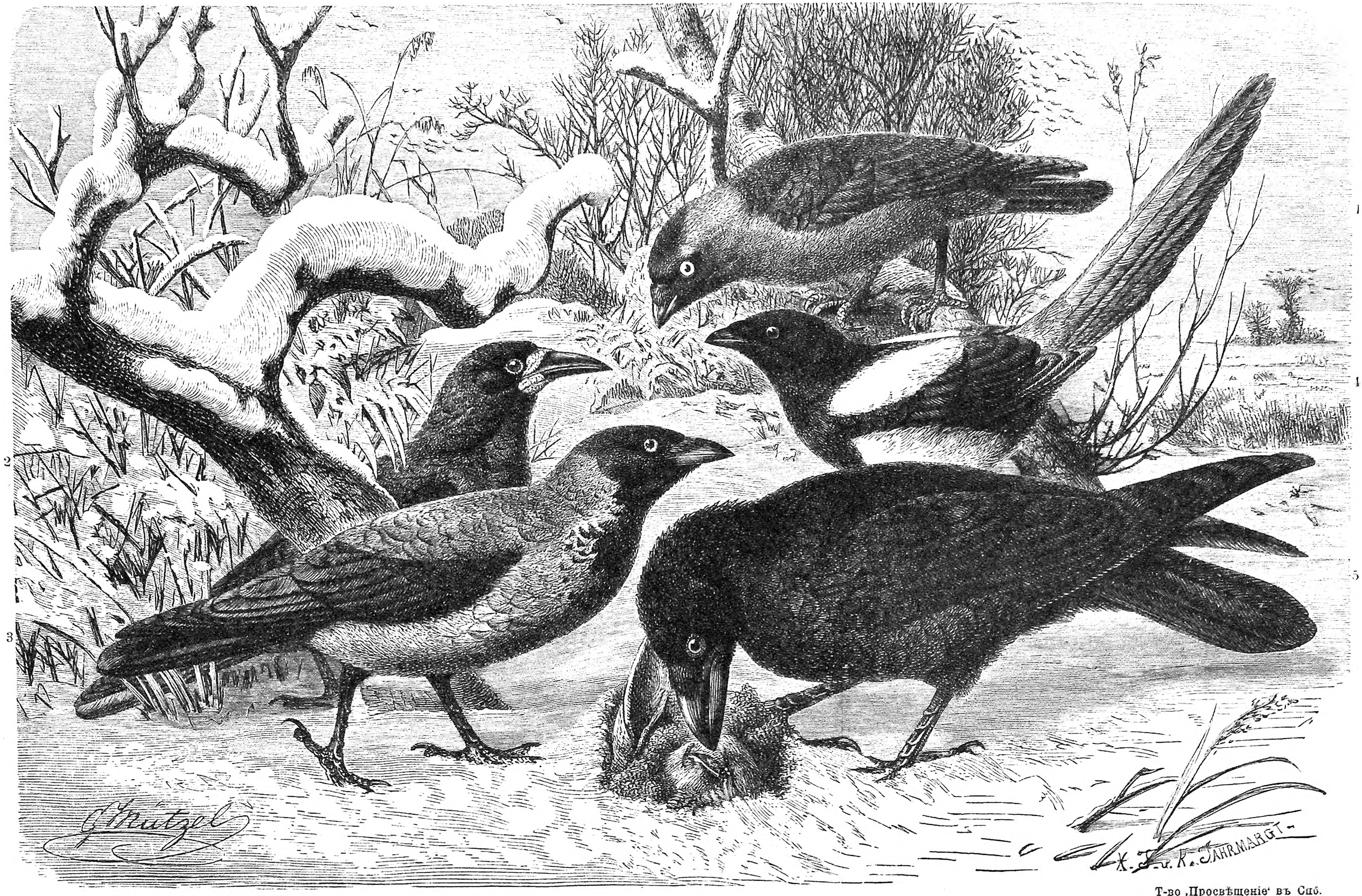
дятла, тогда какъ самка своимъ длиннымъ тонкимъ клювомъ изслѣдовала всѣ тѣ ходы, которыхъ не могъ взломать самецъ вслѣдствіе твердости окружающаго дерева. Буллеръ не разъ замѣчалъ, что самецъ напрасно пытался вытащить личинку изъ обпаженнаго мѣста; тогда на помощь ему приходила самка, которая безъ сопротивленія уступала самцу легко доставшійся ей лакомый кусокъ.

Лопастоносецъ тонкоклювый (Creadion acutirostris). 1/3 естеств. велич.

Относительно размноженія тонкоклювыхъ лопастоносцевъ Буллеръ сообщаетъ только свѣдѣнія, полученныя имъ отъ дикарей, а именно, что птицы эти устраиваютъ себѣ гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ и кладутъ мало яицъ.

Изъ пѣвчихъ птицъ ближайшими родственниками райскихъ птицъ являются вороновыя птицы (Corvidae); это плотно сложенныя, сильныя птицы съ клювомъ, загнутымъ на гребнѣ надклювья или вообще слегка загнутымъ, причемъ края клюва, верхняя створка котораго обыкновенно бываетъ длиннѣе нижней, слегка выемчатые, основаніе же клюва всегда покрыто длинными щетинками; ноги у вороновыхъ птицъ большія и сильныя, крылья умѣренной длины, хвостъ разной длины, прямо обрѣзанный или ступенчатый, опереніе густое, одноцвѣтное или пестрое.

Жизнь животныхъ Брэма. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Вороны.

1) Галка. 2) Грачъ. 3) Сѣрая ворона. 4) Сорока. 5) Воронъ.

Вороновыя птицы, которыхъ извѣстно около 160-ти видовъ, обитаютъ во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ поясахъ широты и высоты. По направленію къ экватору число видовъ ихъ значительно увеличивается; но и въ умѣренныхъ странахъ эти птицы водятся въ большомъ количествѣ и только въ холодномъ поясѣ ихъ замѣтно меньше. Огромное большинство этихъ птицъ ведутъ осѣдлую жизнь и живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ или по крайней мѣрѣ въ одной и той же области, по которой однако любятъ бродить. Нѣкоторые виды странствуютъ, другіе зимою спускаются съ значительныхъ высотъ въ болѣе низменныя мѣстности.

Кромѣ благозвучнаго пѣнія, которымъ вороновыя птицы не обладаютъ, онѣ соединяютъ въ себѣ всѣ свойства, присущія членамъ разсматриваемаго отряда. Онѣ хорошо ходятъ, летаютъ легко и долго, даже довольно быстро, внѣшнія чувства развиты у нихъ очень равномѣрно, обоняніе даже весьма хорошее; по смышленности онѣ не уступаютъ никакимъ птицамъ своего отряда, а можетъ быть никакимъ другимъ птицамъ. Это птицы всеядныя въ настоящемъ смыслѣ слова, а потому въ извѣстныхъ случаяхъ оказываются настолько-же вредными, насколько вообще полезны.

Воро́ны въ болѣе узкомъ смыслѣ (Corvinae) характеризуются большимъ, но сравнительно короткимъ, болѣе или менѣе загнутымъ черным клювомъ, покрытымъ при основаніи жесткими щетинками, сильными, черными ногами, средней длины крыльями, которыя, когда бываютъ сложены, приблизительно доходятъ до конца хвоста, хвостомъ различной длины, закругленнымъ и ступеньчатымъ, и довольно обильнымъ, болѣе или менѣе блестящимъ опереніемъ, окрашеннымъ преимущественно въ черный цвѣтъ.

*

Изъ воронъ, водящихся въ средней Европѣ, первое мѣсто слѣдуетъ отвести большому во́рону (Corvus corax, приложена картина). Это во́ронъ въ собственномъ значеніи этого слова; множество названій, которыя ему даются, не болѣе, какъ прозвища. Большой во́ронъ, вмѣстѣ съ родственниками, которые будутъ описаны ниже, является представителемъ рода полевыхъ воро́нъ (Corvus). Опереніе большого во́рона равномѣрнаго чернаго цвѣта, и только глаза каріе. Длина птицы 64—66 сантиметровъ.

Изъ всѣхъ воро́нъ большой во́ронъ, который, повидимому, является первоначальной формой и образцомъ всего семейства, распространенъ въ болѣе обширной области, чѣмъ другіе виды. Онъ водится во всей Европѣ, отъ Нордкапа до мыса Тарифа и отъ предгорій Финистера до Урала, встрѣчается также въ бо́льшей части Азіи, на востокѣ доходя до Японіи, и отъ Ледовитаго океана до Гималаевъ, Пенджаба и Синда; кромѣ того, онъ живетъ во всей Сѣверной Америкѣ до Мексики. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Сибири и Скандинавіи, а также на Фарерскихъ островахъ и на островѣ Исландіи нерѣдко попадаются во́роны съ бѣлыми пятнами.

Въ Германіи эта красивая, гордая птица въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается часто, въ другихъ она истреблена, или тамъ, гдѣ еще сохранилась, насколько возможно избѣгаетъ людей. Поэтому во́ронъ селится исключительно только въ горахъ или въ сплошныхъ, старыхъ лѣсахъ, на скалистыхъ морскихъ берегахъ и вообще въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ жить сравнительно спокойно. Около границъ нашей части свѣта онъ живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ господиномъ земли; въ Россіи и въ Сибири во́ронъ такъ мало боится человѣка, что вмѣстѣ съ сѣрой вороной и галкой не только посѣщаетъ проѣзжія дороги, но залетаетъ въ города и деревни и вьетъ себѣ гнѣздо на колокольняхъ такъ же часто, какъ галка въ средней Европѣ. Въ Россіи и въ Сибири еще донынѣ большой во́ронъ представляетъ собою обыкновенное явленіе. Онъ встрѣчается часто также и въ Испаніи, въ Греціи и въ Скандинавіи. Пара вороновъ всегда превосходно выбираетъ себѣ

мѣсто жительства. Большой воронъ властвуетъ надъ обширнымъ участкомъ и особенно цѣнитъ разнообразіе доставляемыхъ данною мѣстностью продуктовъ. Болѣе всего любитъ онъ такія мѣстности, гдѣ чередуются лѣсъ и поле, луга и воды, такъ какъ въ такихъ мѣстахъ онъ находитъ себѣ всего больше пищи.

„Большой воронъ“, говоритъ мой отецъ, „обыкновенно живетъ парами, даже зимою. Если слышится голосъ одного ворона, то всегда невдалекѣ можно увидѣть другого. Если одна пара во время полета встрѣтится съ другой, то обѣ пары соединяются и нѣкоторое время летаютъ вмѣстѣ. Въ одиночку летаютъ только еще не имѣющіе пары молодые во́роны; ибо большой воронъ принадлежитъ къ тѣмъ птицамъ, которыя, однажды соединившись въ парочку, всю жизнь живутъ вмѣстѣ, сохраняя другъ другу вѣрность. Летаетъ большой воронъ великолѣпно, почти по прямой линіи; быстрый полетъ ускоряется сильными взмахами крыльевъ, но часто большой воронъ долго паритъ въ воздухѣ, причемъ выполняетъ замѣчательно красивыя круговыя движенія, сильно растопыривая крылья и хвостъ. Видно, что полетъ не сто́итъ ему никакихъ усилій, и что онъ часто только ради своего удовольствія предпринимаетъ далекія путешествія. Во время этихъ путешествій онъ въ горахъ часто приближается къ землѣ; надъ долинами же онъ летаетъ обыкновенно на значительной высотѣ. Во время своихъ прогулокъ по воздуху, воронъ часто опускается на нѣсколько метровъ внизъ, особенно если въ него стрѣляли, такъ что стрѣлокъ, незнакомый съ привычками птицы, думаетъ, что попалъ въ нее, и что она скоро упадетъ внизъ. Зимою воронъ летаетъ въ теченіе бо́льшей части дня. Полетъ его больше походитъ на полетъ хищныхъ птицъ, нежели на полетъ другихъ воро́новъ, и притомъ такъ характеренъ, что знатокъ на любомъ разстояніи отличитъ его отъ полета родственныхъ видовъ.

„По землѣ воронъ выступаетъ съ забавной, словно напускной важностью, причемъ держитъ тѣло спереди нѣсколько выше, чѣмъ сзади, киваетъ головой и при каждомъ шагѣ покачивается изъ стороны въ сторону. Сидя на вѣтвяхъ, онъ держитъ тѣло то горизонтально, то сильно его приподнимаетъ. Перья его всегда такъ плотно прилегаютъ къ тѣлу, что онъ кажется словно вылитымъ изъ одного куска; только при волненіи у ворона перья поднимаются на головѣ и на всей шеѣ. Крылья обыкновенно немножко оттопырены. Такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ большой во́ронъ не имѣетъ ничего общаго со своими родственниками, то и не пользуется любовью со стороны другихъ видовъ воро́новъ, которыя питаютъ дружескія чувства другъ къ другу. Черныя вороны живутъ въ самой тѣсной дружбѣ съ сѣрыми воронами и сороками, галки летаютъ вмѣстѣ съ грачами, и ни одинъ изъ этихъ видовъ не причиняетъ зла другимъ; большихъ же во́роновъ родственники ненавидятъ и относятся къ нимъ враждебно“. Слѣдуетъ однако замѣтить, что бываютъ и исключенія изъ этого правила. Такъ Пехуэль-Лёше наблюдалъ въ Ангальтѣ одного большого во́рона, который долгое время преспокойно леталъ съ большой стаей воро́новъ, посѣщалъ съ ними поля и ночевалъ на тѣхъ же самыхъ деревьяхъ, что́ и прочія воро́ны, пока не былъ убитъ однимъ рьянымъ охотникомъ.

„Большой во́ронъ отличается отъ прочихъ видовъ еще тѣмъ, что всѣхъ ихъ превосходитъ робостью. Просто невѣроятно, до какой степени осторожна эта птица. Она тогда лишь спускается на землю, когда надлежащимъ образомъ покружилась по данной мѣстности и не замѣтила ничего опаснаго ни зрѣніемъ, ни обоняніемъ. Когда человѣкъ приближается къ гнѣзду съ яйцами, во́ронъ тотчасъ же улетаетъ и возвращается къ птенцамъ съ крайней осторожностью, хотя искренно любитъ ихъ. Онъ ненавидитъ филина, но еще больше остерегается его; большого ворона, вслѣдствіе его робости, очень трудно застрѣлить даже при извѣстныхъ приспособленіяхъ. Обыкновенные звуки, издаваемые самцомъ и самкой, звучатъ вродѣ „корк корк колк колк“ или какъ „рабб рабб рабб“, откуда и происходитъ нѣмецкое названіе птицы (Kolkrabe). Эти звуки издаются съ различнымъ ударе-ніемъ, такъ что получается нѣкоторое разнообразіе. При болѣе тщательномъ наблюденіи становится яснымъ, почему древніе прорицатели могли утверждать, что большой воронъ издаетъ такое множество звуковъ.“

Нѣтъ, пожалуй, ни одной птицы, которую съ такимъ же правомъ можно было бы назвать всеядной, какъ большого ворона. Можно утверждать, что онъ не брезгаетъ положительно ничѣмъ съѣстнымъ и пожираетъ количество просто невѣроятное для своихъ размѣровъ и силъ. Онъ ѣстъ плоды, зерна и всевозможныя другія съѣдобныя растительныя вещества, но въ то-же время это перворазрядная хищная птица. Воронъ ведетъ войну не только съ насѣкомыми, улитками, червями и маленькими позвоночными, но смѣло нападаетъ на млекопитающихъ и птицъ, которыя больше его, и самымъ безсовѣстнымъ образомъ опустошаетъ гнѣзда не только беззащитныхъ птицъ, но и сильныхъ чаекъ, умѣющихъ защитить себя и свое потомство. Отъ зайца до мыши и отъ глухаря до самыхъ маленькихъ птичекъ, ни одно животное не можетъ считать себя въ безопасности отъ нападеній ворона. Онъ соединяетъ себѣ дерзость съ хитростью, силу съ ловкостью, и эти свойства дѣлаютъ изъ него опаснаго разбойника. Въ Испаніи онъ нападаетъ на куръ, въ Норвегіи — на молодыхъ гусей, утокъ и на прочихъ домашнихъ птицъ; на о. Исландіи и въ Гренландіи онъ охотится на горныхъ тетеревовъ, въ средней Европѣ — на зайцевъ, фазановъ и сѣрыхъ куропатокъ; на берегу моря онъ собираетъ то, что принесъ морской прибой; въ сѣверныхъ странахъ онъ отбиваетъ у собакъ всякіе отбросы передъ жилищами. „Большой воронъ“, сообщаетъ о немъ Олафсонъ, „зимою подбираетъ себѣ кормъ на дворахъ вмѣстѣ съ кошками и собаками, въ теплое время ловитъ рыбъ на морскомъ берегу, весною клювомъ убиваетъ новорожденныхъ ягнятъ и съѣдаетъ ихъ, сгоняетъ съ гнѣздъ гагъ, выпиваетъ ихъ яйца и прячетъ въ землю тѣ яйца, которыхъ не съѣлъ. Маленькими шайками слѣдуютъ вороны за орломъ, на котораго нападать не рѣшаются, но подбираютъ остатки отъ его трапезы. Больныхъ и мертвыхъ старыхъ вороновъ или молодыхъ, выпавшихъ изъ гнѣзда, большіе вороны также поѣдаютъ. Зимою около каждаго дома располагается 2—10 большихъ ворона, и эта толпа уже не терпитъ другихъ.“

Большой воронъ слѣдуетъ за швейцарскими охотниками съ цѣлью поживиться убитыми ими сернами; говорятъ, что раковины съ твердыми створками онъ поднимаетъ высоко на воздухъ и затѣмъ бросаетъ на камень или на скалу, чтобы разбить ихъ; онъ умѣетъ искусно схватывать рака-отшельника и извлекать его изъ его домика-раковины; если же рака, спрятавшагося въ глубину раковины, вытащить ворону не удается, то онъ стучитъ домикомъ и трясетъ его до тѣхъ поръ, пока отшельникъ не выглянетъ. На большихъ животныхъ онъ удачно нападаетъ съ рѣдкимъ коварствомъ и лукавствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ большой смѣлостью, напр. нападаетъ на зайцевъ не только на больныхъ или раненыхъ, но и на здоровыхъ.

Какъ грабитель гнѣздъ, большой воронъ обнаруживаетъ не меньше смѣлости; Водзицкій видѣлъ, какъ одинъ большой воронъ унесъ даже яйцо орла-крикуна. На сѣверѣ воронъ является самымъ отвратительнымъ похитителемъ яицъ и птенцовъ, какого только можно себѣ представить. Въ Норвегіи на одной скалѣ, гдѣ сидѣло семейство молодыхъ воронятъ, которыхъ еще кормили родители, было найдено около 60-ти яицъ гагъ, чаекъ, кроншнеповъ, а также куриныя лапки, утиныя крылья, шкурки лемминговъ, пустыя раковины, остатки молодыхъ чаекъ, песочниковъ, ржанокъ и т. д. Такъ какъ четверо воронятъ все время требовали пищи, то старики не переставая приносили новую добычу на бойню. Не удивительно, что всѣ чайки, жившія по сосѣдству, съ яростью нападали на вороновъ, какъ только они показывались, и изо всѣхъ силъ боролись съ ними, не удивительно, что и обитатели ближайшихъ дворовъ проклинали этихъ птицъ и отъ души ихъ ненавидѣли!

Безъ сомнѣнія, большой воронъ, благодаря своей хищности, причиняетъ много вреда и не можетъ быть терпимъ. Но онъ приноситъ также пользу, подобно другимъ полевымъ воронамъ; однако, вредъ, причиняемый имъ, перевѣшиваетъ всѣ благодѣянія, какія онъ оказываетъ садамъ и полямъ. Поэтому нельзя не изумляться тому, что эта птица у нѣкоторыхъ народовъ пользуется любовью и уваженіемъ. Особенно цѣнятъ ворона арабы и почитаютъ его почти какъ божество, такъ какъ считаютъ его безсмертнымъ.

Изъ всѣхъ птицъ, живущихъ въ Германіи, за исключеніемъ клестовъ, большой воронъ всего раньше приступаетъ къ размноженію, уже въ февралѣ строитъ свое гнѣздо, а яйца кладетъ въ первыхъ числахъ мая. Большое гнѣздо, имѣющее 60 сантиметровъ въ поперечникѣ и 30 сантиметровъ въ вышину, стоитъ на скалѣ или же, какъ напр. въ средней Европѣ, на верхушкѣ высокаго дерева, на которое трудно или невозможно взобраться. Нижняя и наружная часть гнѣзда сооружается изъ крѣпкихъ прутьевъ, средняя стѣнка состоитъ изъ болѣе тонкихъ прутьевъ, а внутри гнѣздо мягко выстилается полосками лыка, древесными лишаями, обрывками травы, овечьей шерстью и т. п. веществами. Вороны охотно пользуются старымъ гнѣздомъ и немножко его исправляютъ. При постройкѣ гнѣзда большой воронъ также обнаруживаетъ свой умъ и свою боязливость. Яицъ кладется въ гнѣздо 5—6; они довольно велики и по зеленоватому фону покрыты бурыми и сѣрыми пятнами. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, самка одна сидитъ на яйцахъ, по другимъ же даннымъ — она чередуется съ самцомъ. Птенцовъ оба родителя выкармливаютъ дождевыми червями и насѣкомыми, мышами, молодыми птицами, яйцами и падалью; но самая обильная пища, повидимому, неспособна удовлетворить птенцовъ, которые все время кричатъ, прося корма. Оба родителя чрезвычайно любятъ свое потомство и никогда не покидаютъ птенцовъ, вылупившихся изъ гнѣзда. При благопріятныхъ обстоятельствахъ молодые вороны оставляютъ гнѣздо въ концѣ мая или въ началѣ іюня, но не покидаютъ мѣстности, гдѣ гнѣздо ихъ расположено. Лишь къ осени молодое поколѣніе становится самостоятельнымъ.

Во́роны, вынутые еще изъ гнѣзда, очень быстро становятся ручными; даже взрослые вороны привыкаютъ къ неволѣ. Умъ ворона развивается замѣчательнымъ образомъ въ обществѣ человѣка. Эта птица поддается дрессировкѣ не хуже собакъ; ворона можно натравливать на животныхъ и на человѣка, выучить самымъ забавнымъ и веселымъ штукамъ; онъ постоянно придумываетъ что-нибудь новое и становится чѣмъ старше, тѣмъ умнѣе, но не всегда благосклонность къ нему человѣка съ годами увеличивается. Вылетать изъ комнаты и возвращаться ворона научить легко; но обыкновенно скоро онъ оказывается недостойнымъ того, чтобы пользоваться большою свободой, начинаетъ красть и прятать похищенныя вещи, убиваетъ молодыхъ домашнихъ животныхъ, куръ и гусей, кусаетъ ноги людей, которые ходятъ босикомъ, а иногда даже дѣлается опаснымъ, такъ какъ нападаетъ на дѣтей. Съ собаками онъ иногда заключаетъ искреннюю дружбу, ищетъ у нихъ блохъ и оказываетъ имъ другія услуги; къ лошадямъ и коровамъ онъ также привыкаетъ и пользуется обыкновенно ихъ расположеніемъ. Онъ выучивается прекрасно говорить, правильно подражаетъ интонаціи и умно прилагаетъ эту свою способность къ дѣлу, лаетъ, какъ собака, смѣется, какъ человѣкъ, воркуетъ, какъ голубь. Мнѣ пришлось бы слишкомъ распространиться, если бы я сталъ здѣсь разсказывать всѣ тѣ исторіи, которыя извѣстны мнѣ о прирученныхъ во́ронахъ; достаточно будетъ сказать, что эта птица обнаруживаетъ „настоящій человѣческій умъ“ и умѣетъ доставлять своему хозяину столько же удовольствія, сколько злить другихъ людей. Человѣкъ, не признающій смышленности животныхъ, придетъ къ другому заключенію, если станетъ наблюдать за во́рономъ.

Два вида разсматриваемаго рода, постоянно встрѣчающіеся въ Германіи, совершенно одинаковой величины, такъ что въ оцинанномъ видѣ одну птицу почти невозможно отличить отъ другой. Нѣкоторые ученые держатся того мнѣнія, что это лишь мѣстныя разновидности одного и того же вида; это предположеніе подтверждается областями распространенія этихъ птицъ.

Черная ворона (Corvus corone) чернаго цвѣта съ фіолетовымъ или пурпуровымъ отливомъ и съ бурымъ пятномъ на глазу, въ молодости — матово-чернаго цвѣта съ сѣрымъ пятномъ на глазу. У сѣрой вороны (Corvus cornix, на картинѣ, прилож. къ стр. 221) только голова, передняя часть шеи, крылья и хвостъ черные, прочія части тѣла свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, а у молодыхъ птицъ грязновато пепельно-сѣрыя. Длина и той, и другой птицы 47—50 сантиметровъ.

Сѣрая ворона болѣе распространена, чѣмъ ея родственница; мы встрѣчаемъ сѣрую ворону не только въ Скандинавіи, въ бо́льшей части Россіи и въ сѣверной Германіи, но и въ Галиціи, Венгріи, Штиріи, въ южной Италіи, въ Греціи и во всемъ Египтѣ, начиная съ морского побережья до границъ Нубіи, а также во всей средней Азіи, отъ Урала до Японіи, въ Туркестанѣ, Персіи, Афганистанѣ и даже въ сѣверо-западной Индіи. Въ этихъ обширныхъ предѣлахъ распространенія можно по окраскѣ оперенія различить около трехъ разновидностей сѣрыхъ воронъ. Черная же ворона живетъ въ Германіи къ западу отъ Эльбы, во Франціи и въ значительной части Азіи, причемъ всегда водится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ сѣрыхъ воронъ. Такимъ образомъ одна ворона замѣняетъ другую, причемъ, однако, распространеніе ни той, ни другой не зависитъ отъ климатическихъ различій.

По образу жизни черная и сѣрая ворона не отличаются другъ отъ друга. Обѣ онѣ птицы осѣдлыя или самое бо́льшее бродячія. Онѣ держатся парами и цѣлымъ обществомъ занимаютъ бо́льшій или меньшій участокъ, изъ котораго рѣдко удаляются. Суровая зимняя стужа является исключеніемъ въ томъ смыслѣ, что пары, живущія на сѣверѣ, перекочевываютъ нѣсколько южнѣе, между тѣмъ какъ птицы того же вида въ южныхъ странахъ врядъ ли помышляютъ о кочевкахъ. Любимое мѣстопребываніе воро́нъ — это рощи среди полей; но онѣ не избѣгаютъ также большихъ лѣсовъ и селятся тамъ, гдѣ могутъ считать себя въ безопасности, даже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ, напр. въ садахъ. Это птицы въ высшей степени общительныя, хорошо развитыя какъ физически, такъ и духовно и способныя играть весьма видную роль. Онѣ хорошо ходятъ, переступая ногами, правда немного покачиваясь, но безъ всякихъ усилій, летаютъ легко и подолгу, хотя все-таки хуже большого во́рона, внѣшнія чувства, особенно зрѣніе, слухъ и обоняніе развиты у нихъ тонко, и по духовнымъ своимъ способностямъ онѣ едва-ли уступаютъ большому во́рону. Воро́ны въ маломъ масштабѣ приблизительно дѣлаютъ то-же, что́ во́ронъ въ большомъ масштабѣ; но такъ какъ онѣ опасны только для мелкихъ животныхъ, то польза, приносимая ими, перевѣшиваетъ причиняемый ими вредъ.

Можно смѣло утверждать, что черная и сѣрая воро́ны — однѣ изъ самыхъ важныхъ птицъ средней Европы, такъ какъ безъ нихъ вредныя позвоночныя животныя и насѣкомыя, вездѣ встрѣчающіяся въ большихъ количествахъ, размножились бы страшнымъ образомъ. Правда, воро́ны также опустошаютъ птичьи гнѣзда и нападаютъ на больныхъ зайцевъ и куропатокъ; онѣ причиняютъ иногда много непріятностей и порядочно-таки портятъ созрѣвающіе хлѣба, особенно ячмень; но что значатъ эти непріятные ихъ грабежи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по сравненію съ пользой, приносимой ими въ теченіе цѣлаго года!

Ежедневная жизнь воро́нъ приблизительно проходитъ такъ: еще до восхода солнца онѣ покидаютъ мѣсто своего ночлега и, прежде чѣмъ отправиться за кормомъ, собираются на извѣстномъ зданіи или на большомъ деревѣ, гдѣ еще не подвергались преслѣдованію. Отсюда онѣ разлетаются по полямъ. До обѣда онѣ усердно заняты отыскиваніемъ себѣ пищи. Онѣ бродятъ по полямъ и лугамъ, слѣдуютъ за пахаремъ, подбираютъ личинокъ, поднятыхъ плугомъ, выслѣживаютъ полевыхъ мышей, ищутъ птичьихъ гнѣздъ, обыскиваютъ берега ручьевъ и рѣкъ, сады, словомъ вездѣ находятъ себѣ дѣло. При этомъ вороны сходятся съ другими представителями своего вида и иногда производятъ свою работу общими силами. Если случается что-нибудь, достойное вниманія, то онѣ первыя замѣчаютъ это и даютъ объ этомъ знать другимъ живымъ существамъ. Хищная птица привѣтствуется громкимъ крикомъ и преслѣдуется съ такимъ рвеніемъ, что ей часто приходится отправиться во-свояси. Снелль совершенно правъ, считая полезнымъ такой образъ дѣйствія со стороны воронъ; не подлежитъ сомнѣнію, что разбойническая дѣятельность вредныхъ хищныхъ птицъ значительно ослабляется воро́нами, которыя или прямо нападаютъ на хищника, или же предупреждаютъ людей и животныхъ о томъ, что онъ близко. Около полудня воро́ны взлетаютъ на густое дерево и прячутся въ его листвѣ, отдыхая послѣ обѣда. Затѣмъ онѣ вторично отправляются искать себѣ пищи, а подъ вечеръ снова большими стаями соби-

раются на извѣстныхъ мѣстахъ словно съ цѣлью обмѣняться другъ съ другомъ событіями протекшаго дня. Послѣ этого воро́ны отправляются на ночлегъ — въ опредѣленную часть лѣса, куда слетаются всѣ вороны, живущія въ данной обширной области. Сюда онѣ прилетаютъ съ большой осторожностью, обыкновенно лишь послѣ того, какъ нѣсколько разъ выслали развѣдчиковъ. Онѣ появляются на мѣстѣ ночлега послѣ наступленія ночной темноты, тихонько подлетаютъ къ этому мѣсту и садятся такъ безшумно, что слышно только, какъ онѣ машутъ крыльями. Благодаря преслѣдованіямъ, которымъ онѣ подвергаются, воро́ны становятся чрезвычайно робкими. Онѣ скоро выучиваются отличать охотника отъ людей, для нихъ безопасныхъ, и вообще довѣряютъ лишь тѣмъ, въ доброжелательствѣ которыхъ вполнѣ убѣдились.

Гнѣздо, устраиваемое въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля на высокихъ деревьяхъ, или исправляемое, если удается найти прошлогоднее гнѣздо, походитъ на гнѣздо большого во́рона, но значительно меньше его; въ ширину оно достигаетъ самое большее 60-ти сантиметровъ, а въ вышину не болѣе 4-хъ. Въ первой половинѣ апрѣля самка кладетъ 3—5, очень рѣдко 6 яицъ, испещренныхъ оливковыми, темно-зелеными, темными пепельно-сѣрыми и черноватыми точками и пятнами по голубовато-зеленому фону. Высиживаетъ яйца одна самка, но самецъ покидаетъ ее только для того, чтобы отыскивать для себя и для нея кормъ. Птенцовъ оба родителя воспитываютъ съ величайшей любовью, кормятъ ихъ и мужественно защищаютъ.

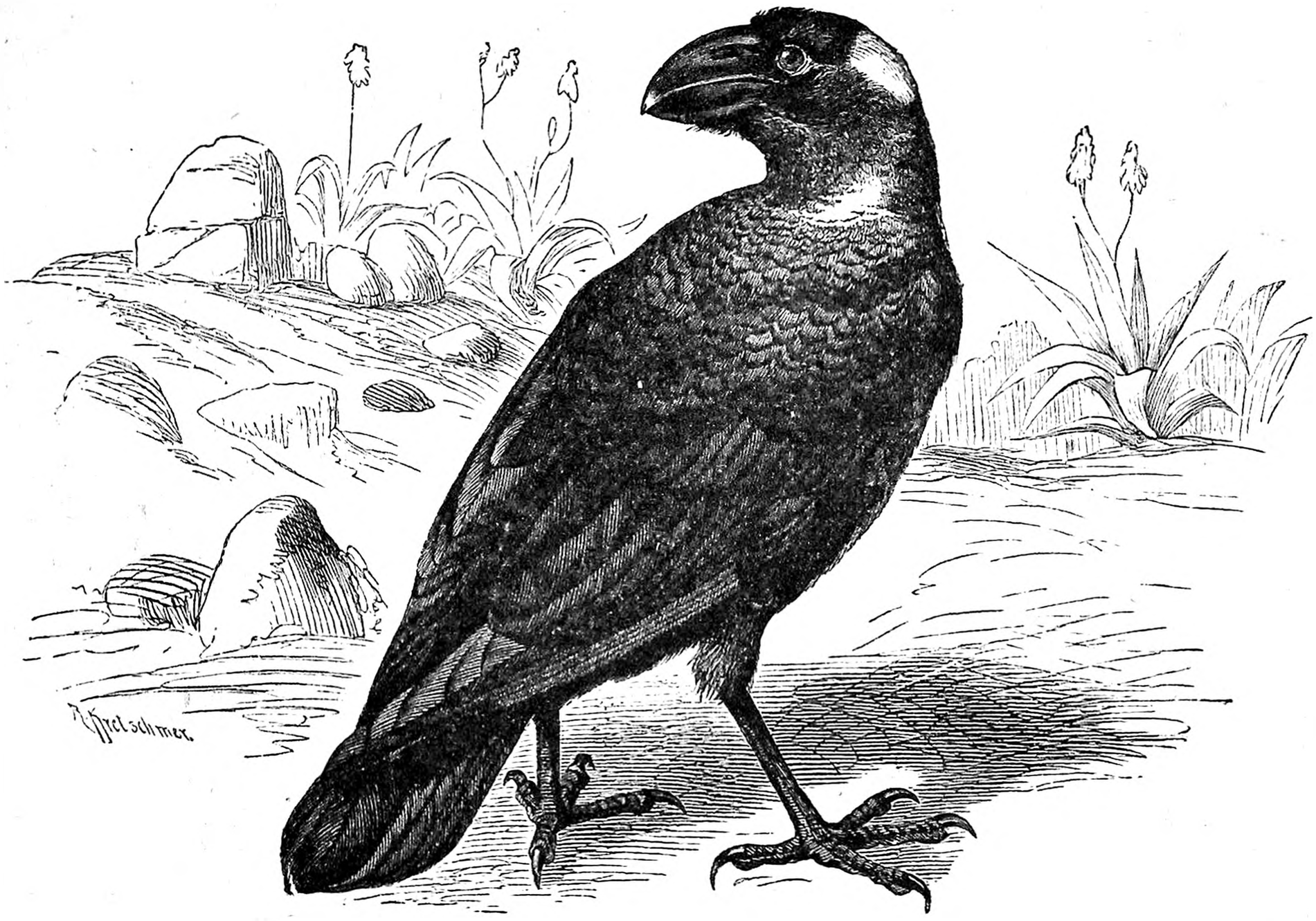
Оба вида воронъ цѣлыми годами живутъ въ неволѣ, не доставляя человѣку никакихъ заботъ; приручить ихъ также не трудно, и онѣ даже выучиваются говорить, если у учителя хватаетъ терпѣнія, необходимаго для обученія. Но врядъли можно рекомендовать воронъ, какъ комнатныхъ и домашнихъ птицъ. Въ комнатѣ ихъ неудобно держать вслѣдствіе ихъ нечистоплотности или вѣрнѣе вслѣдствіе распространяемаго ими запаха, который онѣ издаютъ даже тогда, когда клѣтка содержится въ самой большой чистотѣ; по двору и по саду имъ также нельзя позволять гулять на свободѣ, такъ какъ, подобно большому во́рону, онѣ производятъ всякія нежелательныя вещи. Какъ и ихъ болѣе слабые родственники, воро́ны подбираютъ и уносятъ блестящіе предметы, а страсть къ грабежу и убійству у нихъ такая же, какъ у большого во́рона. Онѣ нападаютъ на маленькихъ позвоночныхъ животныхъ, даже на щенятъ и котятъ, главнымъ же образомъ на домашнихъ птицъ, которыхъ убиваютъ или по крайней мѣрѣ мучаютъ. Насѣсты куръ и голубей разбойники очень скоро открываютъ и опустошаютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Лисица и куница, сапсанъ, тетеревятникъ и филинъ являются врагами воро́нъ и могутъ быть для нихъ опасными. Кромѣ того, имъ докучаютъ разные паразиты, которые гнѣздятся въ ихъ перьяхъ. Весьма вѣроятно, что филинъ пользуется со стороны воронъ явной ненавистью за то, что нападаетъ на нихъ ночью, когда онѣ совершенно безпомощны; извѣстно по крайней мѣрѣ, что филинъ большой любитель вороньяго мяса. За убійства, совершаемыя имъ ночью, вороны отплачиваютъ ему по мѣрѣ силъ. Ни филинъ, ни другія совы не смѣютъ показаться на свѣтъ Божій днемъ. Какъ только воро́ны открываютъ мѣстопребываніе какого-нибудь ночного хищника, вся мѣстность приходитъ въ сильное смятеніе. Всѣ вороны слетаются и съ безпримѣрной яростью накидываются на это чудовище въ птичьемъ образѣ. Какъ на этого ночного хищника, вороны налетаютъ и на другихъ хищныхъ животныхъ, отъ мести которыхъ ихъ въ данный моментъ спасаетъ искусный полетъ или огромное количество.

Отъ человѣка воро́намъ приходится страдать не столько прямо, сколько косвенно. Тамъ и сямъ люди систематически преслѣдуютъ ихъ изъ устроенныхъ спеціально для этой цѣли охотничьихъ шалашей, разоряютъ ихъ гнѣзда и уничтожаютъ ихъ яйца и ихъ птенцовъ; но гораздо больше вредятъ воронамъ отравленныя зерна, которыми посыпаются поля, изобилующія мышами. Въ такіе годы, когда мышей очень много, трупы воронъ встрѣчаются цѣлыми дюжинами и сотнями, и тогда эти птицы значительно уменьшаются численно. Но долговѣчность

и плодовитость ихъ скоро сглаживаютъ подобныя потери, а потому нѣтъ причины совѣтовать беречь этихъ птицъ или проповѣдывать противъ нихъ походъ съ цѣлью ихъ истребленія.

Еще полезнѣе черной и сѣрой вороны четвертый видъ воронъ, водящихся въ средней Европѣ, а именно грачъ (Corvus frugilegus, на карт., прилож. къ стр. 221). Эта птица отличается отъ своихъ родственниковъ болѣе стройнымъ сложеніемъ, сильно удлиненнымъ клювомъ, сравнительно длинными крыльями, сильно закругленнымъ хвостомъ, скуднымъ, великолѣпно блестящимъ опереніемъ и въ старости голымъ лицомъ, что́ является послѣдствіемъ того, что грачъ постоянно роетъ

Грифовая ворона (Corvus crassirostris). $^1/_5$ естеств. велич.

землю. Длина грача равняется 47—50-ти сантиметрамъ. Опереніе взрослыхъ птицъ пурпурово-синевато-черное, опереніе молодыхъ птицъ матово-черное.

Грачъ, водящійся въ менѣе обширной области, чѣмъ черная и сѣрая ворона, обитаетъ въ значительной части европейскихъ равнинъ и въ южной Сибири; въ Туркестанѣ, Афганистанѣ, въ западной части Гималаевъ и въ Пенджабѣ его можно встрѣтить только зимою. Что касается Европы, то уже въ Швеціи грачъ представляетъ рѣдкое явленіе, а въ южной Европѣ онъ появляется только во время своего зимняго путешествія. Въ противоположность своимъ родственникамъ, указаннымъ выше, грачъ ежегодно совершаетъ перелетъ и въ несмѣтныхъ количествахъ прилетаетъ въ сѣверную Африку. Мѣстопребываніемъ грача служатъ плодородныя равнины, среди которыхъ есть рощи. Въ горахъ грачи никогда не размножаются. Гнѣзда свои они устраиваютъ въ небольшихъ рощахъ съ высокими деревьями, и такія рощи часто являются средоточіемъ весьма значительнаго количества этихъ птицъ, которыя отсюда разлетаются по сосѣднимъ полямъ.

Нравы грача имѣютъ много общаго съ нравами описанныхъ его родственниковъ, но грачъ болѣе боязливъ и менѣе причиняетъ вреда, чѣмъ разсмотрѣнныя полевыя вороны. Ходитъ грачъ не хуже родственныхъ ему птицъ, полетъ его легче, внѣшнія чувства его не менѣе развиты, а по духовному развитію онъ не

уступаетъ прочимъ воронамъ; но онъ гораздо общительнѣе всѣхъ своихъ родственниковъ. Такъ, онъ охотно соединяется съ галками и скворцами, вообще съ птицами, которыя не сильнѣе или которыя слабѣе его; черной и сѣрой вороны грачъ уже избѣгаетъ, а большого ворона такъ боится, что покидаетъ даже низменность, въ которой давно обжился, если тамъ поселяется большой воронъ. Голосъ грача—это глубокій, хриплый звукъ „кра“ или „кроа“; во время полета слышится часто высокій звукъ „гирр“ или „квер“ и всегда раздается звукъ „як як“, издаваемый галкой. Грачъ безъ труда подражаетъ нѣкоторымъ тонамъ и звукамъ: говорятъ, что его можно даже научить пѣть, но врядъ-ли возможно выучить его говорить.

Если смотрѣть на грача безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, то въ концѣ концовъ признаешь, что онъ имѣетъ право на наше уваженіе. Правда, онъ можетъ быть весьма непріятнымъ, такъ какъ упорно сопротивляется всѣмъ стараніямъ человѣка прогнать его, страшно пачкаетъ во время вывода птенцовъ сады, а въ рощахъ около человѣческихъ жилищъ своей вѣчной болтовней почти оглушаетъ человѣка; правда, онъ можетъ отъ поры до времени задушить зайченка или схватить молодую, обезсилѣвшую куропатку; онъ можетъ сердить земледѣльца тѣмъ, что подбираетъ хлѣбныя зерна, а садовника тѣмъ, что крадетъ созрѣвающіе плоды; но та-же птица сторицею возмѣщаетъ причиняемый ею вредъ. Это самый лучшій истребитель майскихъ жуковъ, ихъ личинокъ и ночныхъ улитокъ, одинъ изъ лучшихъ охотниковъ на мышей, какіе только встрѣчаются въ средней Европѣ.

Грачъ преслѣдуетъ мышей съ такимъ же рвеніемъ, какъ и насѣкомыхъ. „Я пережилъ такіе годы“, говоритъ Науманнъ, „когда огромное количество полевыхъ мышей грозило погубить зеленѣющіе и созрѣвающіе посѣвы. Въ такіе годы мнѣ не приходилось убивать ни одной вороны, ни одного грача, зобъ которыхъ не былъ-бы набитъ мышами. Нерѣдко въ одной птицѣ я находилъ по 6—7 мышей. Принявъ во вниманіе такую пользу, приносимую воронами, люди пожалуй стали бы лучше обращаться съ ненавистными птицами и даже полюбили бы ихъ.“

Можно было бы предположить, что эта истина, высказанная уже 60 лѣтъ тому назадъ, будетъ признана по крайней мѣрѣ хоть крупными помѣщиками; къ сожалѣнію однако этого не произошло. Еще въ настоящее время грачъ, этотъ незамѣнимый благодѣтель полей, преслѣдуется самымъ беззастѣнчивымъ образомъ именно этими помѣщиками.

Когда приближается время вывода, тысячи этихъ черныхъ птицъ собираются на очень небольшомъ пространствѣ, чащѣ всего въ рощѣ, расположенной среди полей. Одна парочка селится возлѣ другой; на одномъ деревѣ помѣщается 15—20 гнѣздъ — столько, сколько вообще на немъ можетъ помѣститься. Вся мѣстность наполняется непрерывнымъ карканьемъ и крикомъ, и вблизи человѣческихъ жилищъ воздухъ кажется темнѣе отъ черной тучи грачей. Наконецъ, наступаетъ нѣкоторая тишина. Каждая самка положила свои 4—5 блѣдно-зеленыхъ яицъ съ темно-бурыми точками и усѣлась на яйцахъ. Но скоро вылупляются молодыя птицы, и шумъ и гамъ удваиваются, даже утраиваются; ибо птенцы желаютъ, чтобы ихъ кормили и умѣютъ весьма громко выражать свои чувства всевозможными непріятными звуками. Тогда оставаться вблизи подобнаго поселенія буквально становится невыносимо.

Какъ ни велико количество грачей, населяющихъ такого рода поселеніе, но оно не можетъ идти въ сравненіе съ тѣми массами, которыя слетаются съ цѣлью вмѣстѣ совершить свое зимнее путешествіе. Тысячи грачей соединяются съ тысячами другихъ, и толпища растутъ тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше длится перелетъ. Стаи грачей увеличиваются не только другими грачами, но и галками.

Въ южной Европѣ или въ сѣверной Африкѣ рѣдко можно видѣть такія большія стаи грачей, какъ въ средней Европѣ. Огромная стая, слетѣвшаяся со всѣхъ сторонъ, мало по малу раздѣлилась на отдѣльныя шайки, и эти послѣднія стараются на всѣ лады извлечь для себя пользу изъ различныхъ мѣстностей. Но на чужбинѣ, особенно въ Африкѣ, имъ иногда приходится очень плохо. Плодо-

родная нильская долина, повидимому, не можетъ вмѣстить и прокормить всѣхъ прилетѣвшихъ грачей. Птицы улетаютъ искать себѣ корму въ окружающихъ долину пустыняхъ, не находятъ тамъ пищи и цѣлыми сотнями погибаютъ отъ голода. Въ неволѣ грачи мало занимательны и мало привлекательны, а потому ихъ рѣже держатъ въ клѣткѣ, чѣмъ ворона и галку.

Молодыя вороны всѣхъ видовъ въ различныхъ мѣстностяхъ употребляются въ пищу болѣе бѣднымъ населеніемъ и вообще представляютъ собою довольно вкусную пищу.

Къ югу отъ 18-го градуса сѣверной широты встрѣчается маленькая ворона съ слабымъ клювомъ и чрезвычайно своеобразно окрашеннымъ опереніемъ, а именно бѣлогрудая ворона (Corvus scapulatus), живущая въ Африкѣ и на островѣ Мадагаскарѣ. Она блестяще-чернаго цвѣта, грудь же и брюшко, а также широкая полоса на нижней части затылка, у нея ослѣпительно-бѣлыя. Темное опереніе съ отливомъ, свѣтлое блеститъ, какъ атласъ. Глаза свѣтло-каріе, клювъ и ноги черные. Длина 45—50 сантиметровъ.

Другимъ африканскимъ представителемъ разсматриваемаго рода является грифовая ворона (Corvus crassirostris, рис. на стр. 227). Главные признаки ея: огромный клювъ, длиною превосходящій голову и чрезвычайно толстый, длинныя крылья и ступеньчатый хвостъ. Длина птицы достигаетъ 70-ти сантиметровъ. Черное, какъ уголь, опереніе по бокамъ шеи отличается темнымъ пурпуровымъ отливомъ, прочее опереніе — съ синевато-чернымъ отливомъ; маленькія кроющія перья на сгибѣ крыла темно-каштановыя въ перемежку съ черными; бѣлое грушевидное пятно замѣчается на головѣ и на затылкѣ. Глаза каштаново-каріе, клювъ и ноги черные, кончикъ клюва бѣлый.

Грифовая ворона обитаетъ въ горахъ сѣверной Африки, особенно въ горахъ Абиссиніи и Сомаля, къ западу, вѣроятно, распространена далеко внутрь Африки, но живетъ только начиная съ высоты 1200 метровъ вплоть до снѣговой линіи. Здѣсь, на плоскогоріяхъ, большею частью вблизи загоновъ скота или тѣхъ мѣстъ, гдѣ бьютъ скотъ, грифовая ворона живетъ парами или небольшими обществами, не обнаруживая никакого страха передъ человѣкомъ. Общительная и уживчивая, подобно большинству другихъ воронъ, грифовая ворона живетъ въ ладу съ другими птицами, питающимися падалью, но не позволяетъ имъ прогонять себя съ падали. Въ крайнихъ случаяхъ грифовая ворона ѣстъ жуковъ и другихъ насѣкомыхъ, вѣроятно питается также разными плодами; но главную ея пищу составляютъ мясные отбросы и кости. Для добыванія этой пищи она прилетаетъ въ поселенія, слѣдуетъ за стадами, а также за войсками. Вѣроятно, грифовая ворона во всѣхъ отношеніяхъ, а также и по своимъ разбойническимъ наклонностямъ похожа на свою южно-африканскую родственницу—бѣлошейную ворону (Corvus albicollis), жизнь которой описалъ Левальянъ. Эта ворона хотя и питается преимущественно падалью, но нападаетъ также на живыхъ животныхъ, особенно на барановъ и молодыхъ газелей, выклевываетъ у нихъ глаза и языкъ и разрываетъ ихъ на части. Она слѣдуетъ также за стадами буйволовъ, коровъ и лошадей, даже за носорогомъ и слономъ, которые также должны доставлять ей пищу. Если бы бѣлошейная ворона обладала необходимой силой, то могла бы быть опасной для этихъ звѣрей; но ей приходится довольствоваться тѣмъ, что она клюетъ раны, образовавшіяся вслѣдствіе работы клещей и личинокъ. Эти мучители млекопитающихъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ роятся въ такомъ множествѣ, что звѣри не мѣшаютъ воронамъ клевать свою спину, даже если послѣ этого сочится кровь, ибо ворона не довольствуется насѣкомыми, а клюетъ также гноящіяся раны.

*

Самая маленькая изъ средне-европейскихъ воронъ — это галка (Colaeus monedula, изображеніе на карт., прилож. къ стр. 221). Ея длина равняется 33 сантиметрамъ. Опереніе на лбу и на темени совершенно черное, на задней части головы и на

затылкѣ пепельно-сѣрое, на прочихъ верхнихъ частяхъ тѣла синевато-черное, на нижней сторонѣ аспидно или сѣровато-черное, глаза серебристо-бѣлые, клювъ и ноги черные. Не особенно рѣдко встрѣчаются бѣлыя или желтовато-розовато-бѣлыя галки.

Галка также встрѣчается не только въ бо́льшей части Европы, но и во многихъ странахъ Азіи, на сѣверъ она забирается до той границы, за которой уже не обрабатываются поля. Въ южной Европѣ она попадается рѣже, чѣмъ въ Германіи, но нигдѣ не водится въ такомъ множествѣ, какъ въ Россіи и въ Сибири. Въ Германіи она встрѣчается далеко не вездѣ, а лишь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, причемъ неизвѣстно, почему она предпочитаетъ однѣ мѣстности другимъ. Тамъ, гдѣ она вообще водится, она селится главнымъ образомъ на старыхъ городскихъ башняхъ и на другихъ высокихъ зданіяхъ, стѣны которыхъ представляютъ удобныя мѣста для устройства гнѣздъ; кромѣ того, галки встрѣчаются въ лиственныхъ лѣсахъ, преимущественно въ рощахъ, расположенныхъ среди полей, гдѣ есть дуплистыя деревья. Въ Россіи и въ Сибири галки населяютъ во множествѣ всѣ деревни, оживляютъ хутора и устраиваютъ себѣ гнѣзда подъ гонтовыми крышами, за ставнями и вездѣ, гдѣ находятъ подходящія мѣста для своихъ гнѣздъ.

Галка рѣзвая, живая, ловкая и умная птица. При всякихъ обстоятельствахъ она сохраняетъ свое хорошее настроеніе и умѣетъ пріятнымъ образомъ оживлять мѣстность, въ которой живетъ. Чрезвычайно общительная, она не только соединяется въ стаи съ другими птицами своего вида, но примыкаетъ также къ стаямъ воронъ, главнымъ образомъ грачей, вмѣстѣ съ ними предпринимаетъ зимнее путешествіе и ради ихъ удевольствія летаетъ по возможности медленно: ибо галка летаетъ очень ловко, и полетъ ея больше похожъ на полетъ голубя, чѣмъ на полетъ вороны. Летаетъ она съ такою легкостью, что часто забавляется продѣлываньемъ на воздухѣ разныхъ смѣлыхъ поворотовъ, поднимается вверхъ и опускается внизъ безъ всякой цѣли и причины и, летая, выкидываетъ всевозможныя красивыя штуки. Она такъ же умна, какъ во́ронъ, но имѣетъ въ себѣ лишь его хорошія стороны. Призывной голосъ ея отличается благозвучіемъ и звучитъ вродѣ „йек“ или „дьер“; въ другихъ случаяхъ она кричитъ, „крэ“ или „крійе“. Ея крикъ „йек йек“ такъ похожъ на призывъ грача, что поневолѣ эти двѣ птицы такъ часто бываютъ связаны въ представленіи человѣка. Въ періодъ любви галки премило болтаютъ, такъ какъ голосъ ихъ вообще отличается гибкостью и разнообразіемъ. Этимъ объясняется и то, что галка безъ особеннаго труда можетъ повторять человѣческія слова и выучивается подражать другимъ звукамъ, напр. пѣнію пѣтуха.

Что̀ касается пищи, то галка всего болѣе походитъ въ этомъ отношеніи на грача. Всевозможныя насѣкомыя, улитки и черви составляютъ безъ сомнѣнія ихъ главный кормъ, кромѣ того онѣ ѣдятъ хлѣбныя зерна, кончики листьевъ, луковицы, овощи какъ корнеплодныя, такъ и всякія другіе плоды, ягоды и т. п.

Галка позднею осенью улетаетъ вмѣстѣ съ грачами изъ средней Европы и вмѣстѣ съ грачами снова появляется на родинѣ; многія галки впрочемъ зимуютъ въ Германіи, особенно же въ нѣмецкихъ приморскихъ городахъ; галки также далеко не всѣ покидаютъ Россію и Сибирь, несмотря на суровость зимы. Зимнее путешествіе галокъ простирается до сѣверо-западной Африки, сѣверо-западной Азіи и Индіи. Какъ только весна дѣйствительно беретъ перевѣсъ надъ зимою, всѣ пары селятся на своихъ давнишнихъ мѣстахъ, и здѣсь начинаетъ кипѣть самая дѣятельная жизнь. Нѣкоторыя галки устраиваютъ себѣ гнѣзда среди грачей, но большинство — на зданіяхъ. Здѣсь каждая трещина въ стѣнѣ находитъ своихъ обитателей, и этихъ обитателей обыкновенно оказывается больше, чѣмъ жилищъ; поэтому изъ за подходящихъ мѣстъ для устройства гнѣзда разгорается страшный споръ, и всякая галка, желающая строить себѣ гнѣздо, старается отбить у другихъ по возможности лучшее мѣсто. Голубовато-зеленоватыя яйца съ черно-бурыми крапинками кладутся въ гнѣздо въ числѣ 4—6. Молодыхъ птицъ кормятъ насѣкомыми и червями; родители чрезвычайно нѣжно любятъ ихъ и въ случаѣ нужды защищаютъ самымъ мужественнымъ образомъ. Завидѣвъ сову, коршуна

или сарыча, все общество съ страшнымъ крикомъ бросается на него и преслѣдуетъ его въ теченіе цѣлыхъ часовъ.

Ни одну ворону не держатъ такъ часто въ клѣткѣ, какъ галку. Ея веселый нравъ, ловкость и умъ, ея привязанность къ хозяину, ея безвредность и способность къ подражанію — все это такія качества, которыя снискиваютъ ей любовь человѣка. Молодыхъ галокъ легко можно выучить вылетать изъ гнѣзда и влетать въ него. Скоро онѣ начинаютъ любить домъ своего хозяина, не покидаютъ его даже осенью или, если и совершаютъ зимнее путешествіе вмѣстѣ съ другими птицами своего вида, то нерѣдко возвращаются въ тотъ же домъ.

Въ Германіи распространено повѣрье, что галки при приближеніи холеры покидаютъ тѣ города, гдѣ въ ближайшемъ будущемъ должна распространиться эпидемія. Правда, галки иногда, повидимому, выселяются изъ извѣстнаго мѣста, но удаляются не вслѣдствіе приближенія холеры, а просто во время созрѣванія плодовъ улетаютъ на поля.

*

Сороки (Pica) это длиннохвостыя вороны, признаки которыхъ составляютъ клювъ, въ общемъ устроенный такъ же, какъ клювъ воронъ, но болѣе сильно загнутый на гребнѣ верхней створки, ноги съ высокой плюсной, короткія, закругленныя крылья, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ остріе образуется пятымъ. хвостъ, длиною превосходящій тѣло, ступенчатый, опереніе обильное.

Сорока обыкновенная (Pica rustica, на карт., прилож. къ стр. 221) въ длину достигаетъ 45—48 сантиметровъ. Голова, шея, спина, горло, глотка и верхняя часть груди у нея блестящаго чернаго цвѣта, на головѣ и на спинѣ съ зеленымъ отливомъ, плечи, поперечная полоса на спинѣ, болѣе или менѣе явственная, часто едва только намѣченная, и нижнія части тѣла бѣлаго цвѣта, маховыя перья синія, наружныя части ихъ, а также покровы большихъ маховыхъ перьевъ зеленые, внутреннія части, большею частью, бѣлыя и только кончики темные, рулевыя перья темно-зеленыя, на концѣ черныя, вездѣ съ металлическимъ, а именно съ мѣднымъ блескомъ. Глаза каріе, клювъ и ноги черные.

Водится сорока въ Европѣ и въ Азіи, начиная съ сѣвернаго пояса лѣсовъ до Персіи и Кашмира. Въ большинствѣ странъ и мѣстностей сорока встрѣчается часто, въ другихъ ея совсѣмъ нѣтъ. Такъ, во многихъ испанскихъ провинціяхъ ея совсѣмъ не видно, тогда какъ въ другихъ она представляетъ собою обыкновенное явленіе; высокихъ горъ, безлѣсныхъ равнинъ и обширныхъ лѣсныхъ пространствъ она также бо́льшею частью избѣгаетъ. Живетъ она преимущественно въ рощахъ среди полей, на опушкѣ лѣсовъ и въ садахъ. Она любитъ селиться по сосѣдству съ человѣкомъ, и тамъ, гдѣ ее щадятъ, она становится необычайно довѣрчива или вѣрнѣе назойлива. Въ Скандинавіи, гдѣ сороку считаютъ чуть-ли не священной птицей, она селится не только въ садахъ, но и на дворахъ и вьетъ гнѣзда на выступахъ, устраиваемыхъ подъ крышею нарочно для нея. Тамъ, гдѣ она встрѣчается, сорока является осѣдлой птицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Участокъ, въ которомъ она живетъ, невеликъ, но она его никогда не покидаетъ. Если сороку истребляютъ въ мѣстности, прилежащей къ извѣстной деревнѣ, то она въ теченіе многихъ лѣтъ вовсе не появляется въ этой мѣстности. Только зимою она бродитъ по болѣе обширному пространству, чѣмъ обыкновенно, хотя все-таки не выходитъ изъ ограниченныхъ предѣловъ.

По образу жизни и по своимъ нравамъ сорока, правда, во многихъ отношеніяхъ походитъ на воронъ, но въ то-же время существенно отличается отъ своихъ родственниковъ. Она ходитъ, переступая ногами, вродѣ во́рона, но держится иначе: поднимаетъ свой длинный хвостъ и подергиваетъ имъ, какъ дроздъ пли малиновка. Тяжелый полетъ ея, совершенно непохожій на полетъ настоящихъ воронъ, требуетъ частыхъ взмаховъ крыльями и при сколько нибудь сильномъ вѣтрѣ становится невѣрнымъ и медленнымъ. Воронъ цѣлыми часами летаетъ ради своего удовольствія; сорока же пускаетъ въ ходъ свои крылья только въ случаѣ необходимости. Она никогда безъ нужды не перелетаетъ съ дерева на дерево

или съ куста на кустъ. Внѣшнія чувства у нея повидимому развиты столь же хорошо, какъ у воронъ, умомъ она также имъ не уступаетъ. Она совершенно ясно умѣетъ отличить опасныхъ людей или животныхъ отъ безопасныхъ; по отношенію къ первымъ она всегда держится на сторожѣ, по отношенію къ другимъ она дерзка, а иногда жестока. Отличаясь общительностью, какъ и другіе члены ея семейства, она охотно присоединяется къ обществу вороновъ и воронъ, бродитъ также вмѣстѣ съ орѣховками, но всего охотнѣе пребываетъ въ обществѣ своихъ собратьевъ, соединяясь съ ними въ большія или меньшія стаи, которыя сообща охотятся, и вообще принимаютъ живѣйшее участіе въ радостяхъ и горестяхъ другъ друга. Обыкновенно сорокъ можно видѣть семьями. Голосъ ихъ — это рѣзкій звукъ „шак“ или крак“; звуки эти часто соединяются, такъ что выходитъ нѣчто вродѣ „шакерак“. Эти звуки представляютъ собою какъ призывной крикъ, такъ и крикъ предостерегающій и издаются съ различной интонаціей въ зависимости отъ того, какое имъ придается значеніе. Весною и въ періодъ спариванья сорока болтаетъ цѣлыми часами, произнося сходные и въ то-же время отличные другъ отъ друга звуки, откуда и возникла поговорка „болтать какъ сорока“.

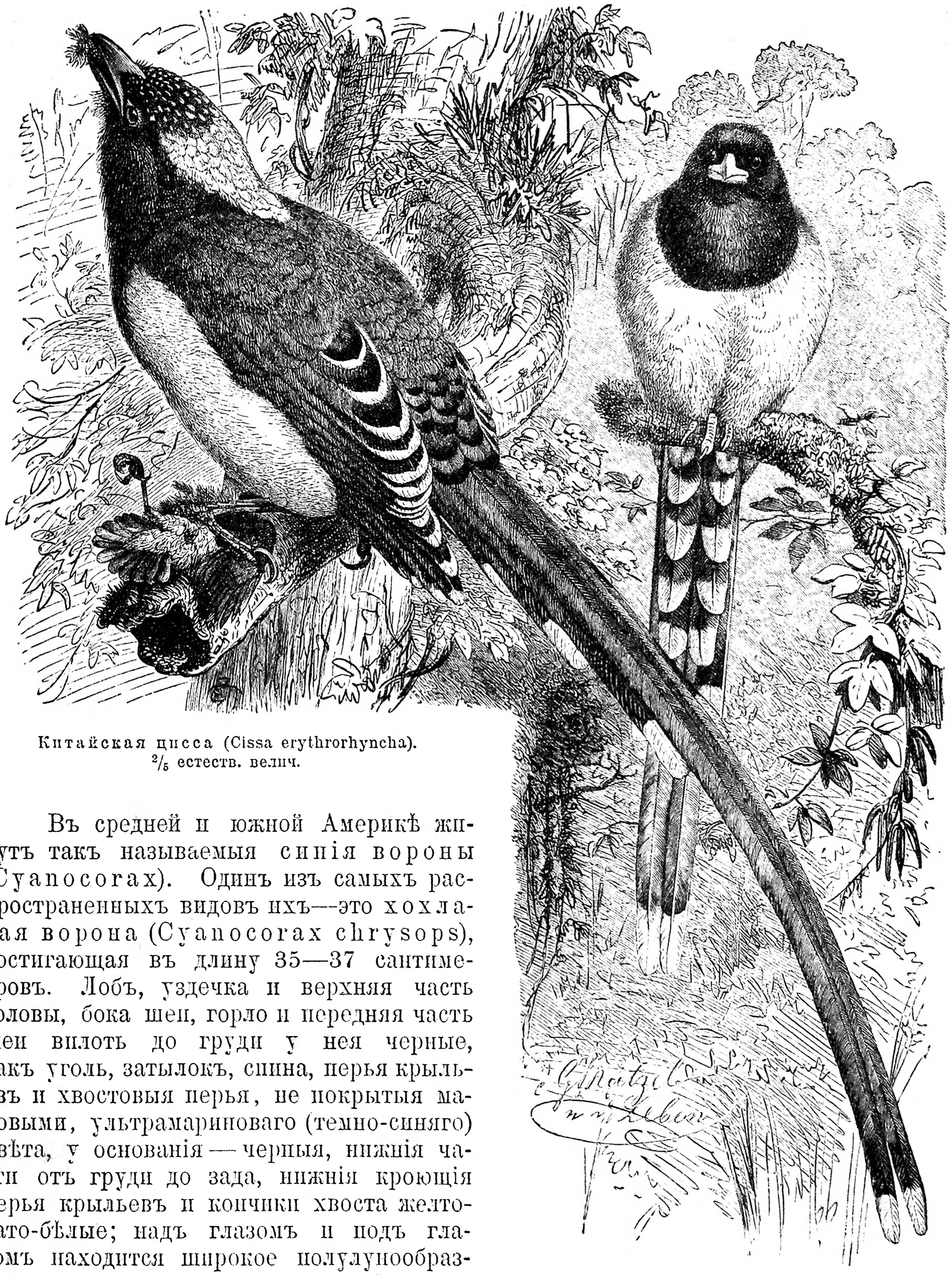
Пищу сороки составляютъ насѣкомыя и черви, улитки, маленькія позвоночныя животныя, плоды, ягоды, полевые плоды и зерна. Весною она приноситъ много вреда, такъ какъ безжалостно опустошаетъ гнѣзда всѣхъ птицъ, у которыхъ не хватаетъ силы ей сопротивляться и буквально уничтожаетъ въ садахъ ихъ многочисленныхъ пернатыхъ обитателей. Она также причиняетъ много непріятнаго лицамъ, занимающимся разведеніемъ куръ, утокъ и фазановъ, истребляетъ пернатую дичь, ловитъ даже старыхъ птицъ и притомъ часто совершенно для нихъ неожиданно, какъ говоритъ Науманнъ, такъ какъ постоянно находится въ обществѣ этихъ птицъ, которыя ея не боятся и такимъ образомъ попадаютъ въ просакъ. Точно также сорока охотится на мышей, ловитъ и истребляетъ много вредныхъ насѣкомыхъ, улитокъ и другую безполезную мелюзгу, но всегда дѣйствуетъ такимъ разбойническимъ образомъ, что несомнѣнно истребляетъ больше полезныхъ, чѣмъ вредныхъ животныхъ, а потому сама должна быть причислена къ послѣднимъ.

Норвежцы говорятъ, что сорока въ день Рождества Христова приноситъ первый сучекъ для своего гнѣзда; въ Германіи же это случается не раньше конца февраля. Гнѣздо свое она сооружаетъ на верхушкахъ большихъ деревьевъ и только тамъ устраиваетъ его въ низкомъ кустарникѣ, гдѣ считаетъ себя въ полной безопасности. Нижній слой гнѣзда состоитъ изъ сухихъ прутиковъ и колючекъ, сверхъ него кладется толстый слой глины, а затѣмъ гнѣздо очень тщательно выстилается внутри тонкими корешками и волосами животныхъ. Наверху гнѣздо снабжается колпакомъ изъ колючекъ и прутиковъ, и только сбоку оставляется входное отверстіе; колпакъ этотъ хотя прозрачный, но все-таки охраняетъ птицу, сидящую на яйцахъ, отъ нападеній хищныхъ птицъ. Яицъ кладется въ гнѣздо 7—8; они испещрены бурыми крапинками по зеленому фону. Черезъ 3 недѣли изъ яицъ вылупляются птенцы, которыхъ оба родителя кормятъ насѣкомыми, дождевыми червями и улитками. Отецъ и мать очень сильно любятъ свое потомство и никогда его не покидаютъ. Одна сорока, въ которую мы стрѣляли, продолжала сидѣть на яйцахъ съ дробью въ тѣлѣ. Немногія птицы приближаются къ своимъ гнѣздамъ съ такими предосторожностями, какъ сорока, которая употребляетъ всевозможныя хитрости, чтобы скрыть, гдѣ находится ея жилище.

Сороки, вынутыя изъ гнѣзда, становятся чрезвычайно ручными; ихъ легко выкормить мясомъ, хлѣбомъ, творогомъ, молодымъ сыромъ, нетрудно пріучить вылетать и влетать, выучить всякимъ фокусамъ, научить свистать пѣсенки и произносить отдѣльныя слова; такія ученыя сороки очень занятны, но доставляютъ много непріятностей своею страстью таскать и прятать блестящія вещи.

Человѣкъ, которому приходится воспитывать мелкую домашнюю птицу, рано или поздно становится рѣшительнымъ врагомъ сороки и безпощадно прогоняетъ ее изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она поселилась. Хитрость и коварство этой птицы часто озадачиваютъ даже самыхъ опытныхъ охотниковъ и заставляютъ человѣка ну-

скаться на хитрыя и злыя штуки. Кромѣ человѣка, на эту продувную и храбрую птицу охотятся развѣ только болѣе сильныя хищныя птицы. Самый опасный врагъ сороки это тетеревятникъ, отъ нападенія котораго ее спасаетъ только густой кустарникъ.

Китайская цисса (Cissa erythrorhyncha).
$^2/_5$ естеств. велич.

Въ средней и южной Америкѣ живутъ такъ называемыя синія вороны (Cyanocorax). Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ видовъ ихъ—это хохлатая ворона (Cyanocorax chrysops), достигающая въ длину 35—37 сантиметровъ. Лобъ, уздечка и верхняя часть головы, бока шеи, горло и передняя часть шеи вплоть до груди у нея черные, какъ уголь, затылокъ, спина, перья крыльевъ и хвостовыя перья, не покрытыя маховыми, ультрамариноваго (темно-синяго) цвѣта, у основанія — черныя, нижнія части отъ груди до зада, нижнія кроющія перья крыльевъ и кончики хвоста желтовато-бѣлые; надъ глазомъ и подъ глазомъ находится широкое полулунообразное пятно небеснаго голубого цвѣта, при основаніи нижней створки клюва замѣчается подобное же пятно; пятно около глаза наверху имѣетъ серебряную каемку. Глаза желтые, клювъ и ноги черные.

Водится эта птица во всей болѣе теплой части южной Америки и забирается на югъ до Парагвая.

*

Циссы (Cissa) представляютъ собою изящно сложенныхъ птицъ съ ярко-окрашенной одеждой.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ этого рода — это китайская цисса (Cissa erythrorhyncha, рисунокъ на стр. 233). Длина ея — 53 сантиметра. Голова, шея и грудь совсѣмъ черныя, за исключеніемъ длинной продольной полосы, проходящей по головѣ и по спинѣ и переходящей въ синій цвѣтъ, спина кобальтово-синяя, верхнія покровныя перья хвоста окрашены въ тотъ же цвѣтъ, но съ широкими черными концами, нижнія части тѣла, начиная съ груди — бѣловатыя съ красноватымъ пепельнымъ оттѣнкомъ, крылья блестящаго кобальтово-синяго цвѣта, внутреннія же опахала маховыхъ перьевъ черныя, причемъ всѣ перья имѣютъ бѣлые кончики. Глаза ало-карiе, клювъ кораллово-красный, ноги блѣднаго цвѣта киновари.

Китайская цисса встрѣчается въ западной части Гималаевъ, на востокѣ же этого хребта ее замѣняетъ близко-родственный ей видъ. Въ Китаѣ, особенно въ лѣсахъ, окружающихъ Гонгконгъ, эта птица встрѣчается часто. Это умное, внимательное существо, являющееся совѣтчикомъ другихъ птицъ и часто портящее охоту хищнымъ животнымъ. Говорятъ, что за леопардомъ она слѣдуетъ на протяженіи цѣлыхъ миль и мѣшаетъ его охотѣ. Призывный и предостерегающій звукъ циссы — рѣзкое „пинк пинк пинк“, къ которому присоединяется громкое кряканье. Пищу ея составляютъ насѣкомыя и плоды.

Въ Китаѣ эту птицу иногда держатъ въ плѣну и кормятъ ее сырымъ мясомъ, молодыми или маленькими птицами, насѣкомыми и т. п. Изъ Китая между прочимъ и въ Европу иногда привозятъ эту великолѣпную птицу живою.

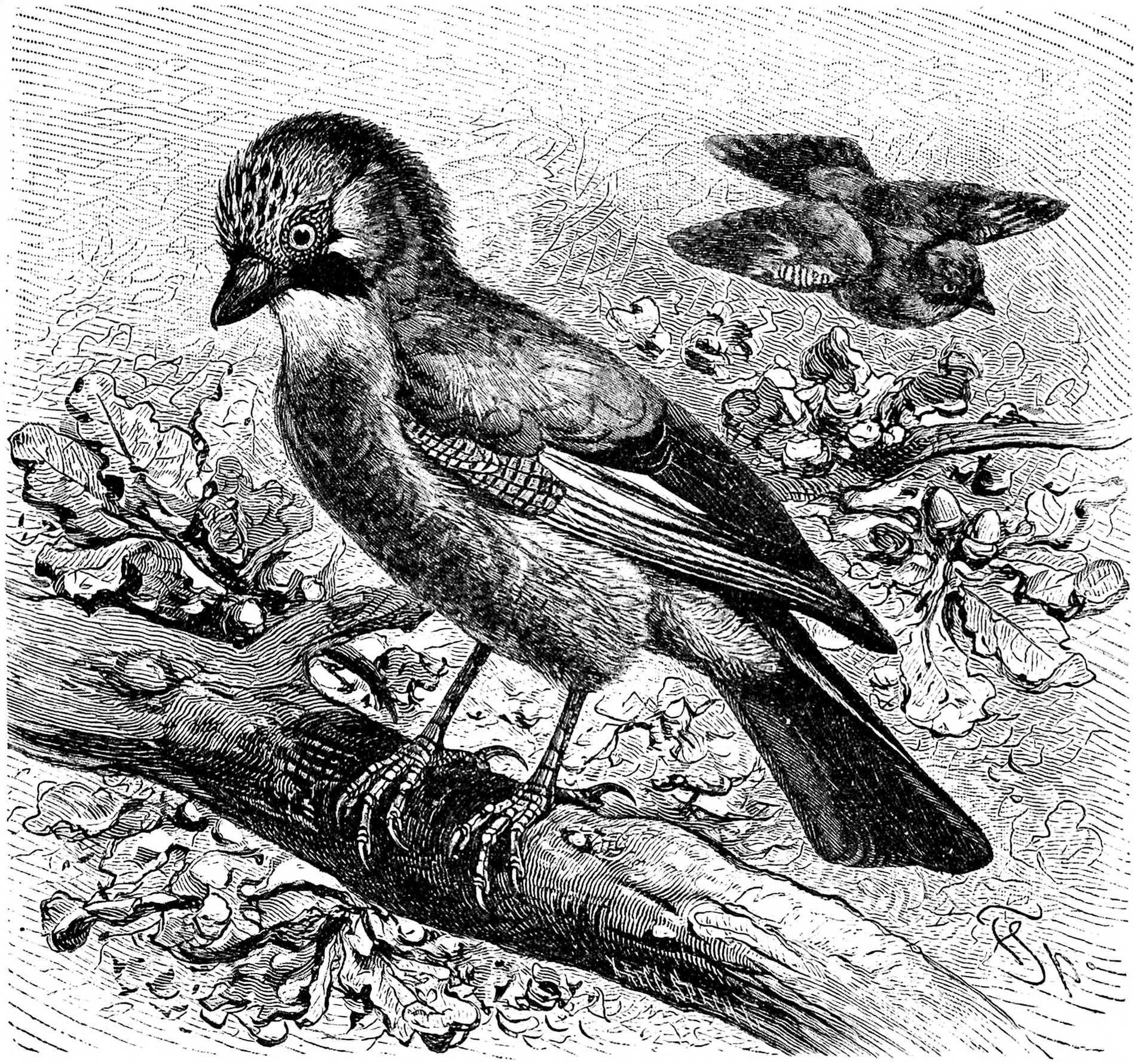
Сойковыя птицы (Garrulinae) отличаются отъ описанныхъ вороновыхъ птицъ короткимъ и тупымъ клювомъ, иногда имѣющимъ небольшой крючекъ на верхней створкѣ, слабыми рогами, очень короткими, сильно закругленными крыльями, сравнительно длиннымъ, нѣсколько ступеньчатымъ хвостомъ и обильнымъ, мягкимъ, пушистымъ и пестрымъ опереніемъ.

Всѣ птицы, принадлежащія къ этому подсемейству, гораздо больше живутъ на деревьяхъ и гораздо меньше на землѣ, чѣмъ собственно воро́ны. Очень рѣдко онѣ соединяются въ многочисленныя стаи, чаще небольшими обществами или семьями бродятъ цѣлый день по лѣсу, перелетая съ одного дерева на другое. Вслѣдствіе короткости крыльевъ полетъ этихъ птицъ менѣе вѣренъ и прямолинеенъ, чѣмъ полетъ воро́нъ; сойковыя птицы не могутъ подниматься на большую высоту и никогда не забавляются, летая. По землѣ онѣ также двигаются неловко; походка ихъ обыкновенно представляетъ собою лишь жалкое подпрыгиванье. Сфера ихъ — это вѣтви деревьевъ, и въ этой области они двигаются съ бо́льшею или меньшею ловкостью. По развитію внѣшнихъ чувствъ сойковыя птицы врядъ-ли уступаютъ воронамъ; умственныя же способности соекъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ достигаютъ той высоты, какою обыкновенно отличаются воро́ны. Нравы соекъ имѣютъ много общаго съ нравами сорокопутовъ; сойки столь же жестоки и кровожадны, какъ сорокопуты, но при этомъ не обнаруживаютъ храбрости и смѣлости, присущихъ воро́намъ. Пищу сойки употребляютъ какъ растительную, такъ и животную. Временно онѣ питаются исключительно всевозможными плодами, между тѣмъ какъ въ другія времена года онѣ безжалостно обкрадываютъ гнѣзда и уничтожаютъ яйца. Поэтому онѣ совершенно справедливо не пользуются любовью, хотя нельзя не признать, что онѣ надѣлены и привлекательными свойствами, какъ напр. большой способностью подражать различнымъ голосамъ.

*

Кукша (Garrulus glandarius), принадлежащая къ роду соекъ (Garrulus) характеризуется короткимъ, сильнымъ, нѣсколько загнутымъ на гребнѣ верхней створки клювомъ, ногами съ плюсной умѣренной длины, короткими, сильно закругленными крыльями, средней длины слегка закругленнымъ хвостомъ и очень

обильнымъ, мягкимъ, пушистымъ опереніемъ, на головѣ торчащимъ въ видѣ хохолка; преобладающая окраска оперенія — красивый красновато-сѣрый цвѣтъ, который на верхней сторонѣ темнѣе, на нижней сторонѣ свѣтлѣе; на хохолкѣ перья бѣлыя съ ланцетовиднымъ чернымъ пятномъ по серединѣ, окаймленнымъ синеватой полоской, уздечка съ желтовато-бѣлыми и болѣе темными продольными полосками, перья на горлѣ бѣловатыя, широкая и длинная полоса, спускающаяся съ обѣихъ сторонъ въ видѣ бороды и малыя маховыя перья бархатисто-черныя, большіе маховыя перья буровато-черныя съ сѣровато-бѣлыми наружными каем-

Кукша (Garrulus glandarius). 1/3 естеств. велич.

ками, большія маховыя перья въ той части, которая ближе къ основанію, бѣлыя и образуютъ гладкую поверхность, а около основанія перьевъ представляютъ собою голубоватыя чешуйки; концы большихъ маховыхъ перьевъ черные, верхнія кроющія перья крыла внутри черныя, а снаружи небесно-голубыя съ бѣлыми и черновато-синими поперечными полосами, вслѣдствіе чего образуется великолѣпный щитъ; хвостовыя перья, наконецъ черныя, причемъ половина, ближайшая къ основанію, покрыта болѣе или менѣе явственными поперечными синими полосами. Глаза жемчужнаго цвѣта, клювъ черный, ноги буровато-красновато-мясного цвѣта. Длина птицы — 34 сантиметра.

Кромѣ сѣверныхъ частей Европы, кукша встрѣчается во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Европы. Въ Германіи она водится вездѣ, какъ въ глубинѣ лѣсовъ, такъ и на опушкахъ и въ рощахъ, причемъ столь же часто живетъ въ лиственномъ, какъ

и въ хвойномъ лѣсу. Весною кукши живутъ парами, всю остальную часть года семьями и обществами и бродятъ взадъ и впередъ по ограниченной области. Такія мѣстности, гдѣ нѣтъ дубовъ, кукши покидаютъ иногда на цѣлыя недѣли, даже на цѣлые мѣсяцы; вообще же эта птица обыкновенно изъ году въ годъ селится на одномъ и томъ же мѣстѣ. Это безпокойная, живая, хитрая, даже чрезвычайно коварная птица, которая своими дѣйствіями можетъ доставить много удовольствія, но и много непріятностей. Она забавляется тѣмъ, что принимаетъ самыя разнообразныя позы и великолѣпно подражаетъ всевозможнымъ голосамъ. По вѣтвямъ она двигается въ высшей степени ловко, довольно ловка также на землѣ, но летаетъ плохо а потому боится перелетать черезъ большія пространства. Пока возможно, кукша остается въ кустахъ, а пролетая по открытымъ мѣстностямъ, пользуется всякимъ деревомъ, чтобы скрыться отъ постороннихъ глазъ. Кукша живетъ въ постоянномъ страхѣ, что на нее нападутъ хищныя птицы, которыя не могутъ схватить ея въ лѣсу, но тотчасъ же набрасываются на нее, какъ только она пустится летѣть по открытому мѣсту.

Чрезвычайно занятна по истинѣ поразительная подражательная способность кукши, которая можетъ считаться однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и занимательныхъ пересмѣшниковъ. Обыкновенный крикъ кукши — это хриплый, отвратительный звукъ вродѣ „рэтш“ или „рэ-э“, крикъ испуга — врядъ ли болѣе благозвучный звукъ „кэ-э“ или „крэ-э“. Иногда эта птица кричитъ такъ же какъ кошка „міау“ и вовсе нерѣдко произноситъ слово „маргольф“ весьма ясно, хотя и на подобіе чревовѣщателя. Кромѣ этихъ естественныхъ звуковъ, она издаетъ всѣ тѣ тона и звуки, которые слышатся кругомъ нея. Мяукающій призывъ сарыча кукша передаетъ такъ вѣрно и такъ часто, что не знаешь, издаетъ ли она свои собственные или чужіе звуки. За то, что она только подражаетъ чужимъ звукамъ, говорятъ другія наблюденія. Извѣстно, что кукша издаетъ звуки, похожіе на точеніе пилы. Науманнъ слышалъ, какъ одна кукша ржала совершенно такъ же, какъ жеребенокъ; другія кукши умѣютъ кричать, какъ пѣтухъ, и кудахтать, какъ курица. Различные звуки, слышанные то тамъ, то сямъ, иногда соединяются въ своеобразную болтовню, которая бываетъ то болѣе, то менѣе благозвучна. „Однажды осенью“, говоритъ Розегейнъ, „утомленный охотой, я сѣлъ въ лѣсу подъ высокой березой и сталъ вспоминать событія протекшаго дня. Мысли мои были прерваны щебетаньемъ какой то птицы — притомъ вовсе не непріятнымъ. Уже осень на дворѣ, подумалъ я, а въ умирающемъ лѣсу все еще раздается пѣніе! Но кто же пѣвецъ и гдѣ онъ? Я осмотрѣлъ всѣ ближайшія деревья, но пѣвца открыть не могъ; между тѣмъ издаваемые имъ сильные звуки не умолкали. Большое сходство этихъ звуковъ съ пѣніемъ дрозда навело меня на мысль, что это именно дроздъ. Но скоро раздались отрывистые и менѣе полные звуки, чѣмъ звуки, издаваемые дроздомъ; по сосѣдству со мной словно образовалось невидимое общество пѣвцовъ. Я услышалъ напр. совершенно ясно голосъ дятла и каркающій звукъ, издаваемый сорокой; потомъ услышалъ сорокопута, дрозда, скворца, даже сиворакшу. Наконецъ, высоко на деревѣ я замѣтилъ — кукшу! Она то и упражнялась во всѣхъ этихъ подражаніяхъ.“

Къ сожалѣнію, кукша обладаетъ другими свойствами, которыя отвращаютъ отъ нея сердце человѣка. Эта птица — животное всеядное въ полномъ смыслѣ слова и притомъ самый гадкій разоритель гнѣздъ, какой только водится въ лѣсахъ средней Европы. Отъ мыши и молодой птички до самаго маленькаго насѣкомаго ни одно живое существо не можетъ считать себя въ безопасности отъ кукши, которая въ то же время не брезгаетъ яйцами, плодами, ягодами и т. п. Осенью жолуди, буковые жолуди и орѣхи иногда служатъ ей пищей въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Жолуди она размягчаетъ въ зобу, затѣмъ выплевываетъ ихъ и измельчаетъ; орѣхи она разбиваетъ, хотя и не безъ труда, своимъ сильнымъ клювомъ. Воруя жолуди, кукша приноситъ нѣкоторую пользу, такъ какъ способствуетъ произрастанію лѣсныхъ деревьевъ. Кромѣ этого, она приноситъ одинъ только вредъ.

Ленцъ полагаетъ, что эта птица истребляетъ гадюкъ и подробно описываетъ, какъ она безъ дальнихъ разговоровъ пробиваетъ голову молодымъ гадю-

камъ, если только ей удастся до нихъ добраться, и затѣмъ съѣдаетъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ, какъ она одолѣваетъ даже взрослыхъ гадюкъ и избѣгаетъ при этомъ ядовитаго укушенія, такъ сильно ударяя клювомъ по головѣ змѣи, что эта послѣдняя скоро лишается сознанія, а послѣ нѣсколькихъ слѣдующихъ другъ за другомъ ударовъ умираетъ. Ленцъ за эти геройскіе подвиги ставитъ кукшу высоко и даже воспѣваетъ ее въ очень миломъ стихотвореніи; но, къ сожалѣнію, разбойническая дѣятельность этихъ птицъ не ограничивается истребленіемъ ядовитыхъ гадовъ, а главнымъ образомъ направляется на истребленіе маленькихъ полезныхъ птичекъ. Кровожадность кукши опасна и крупнымъ, и мелкимъ животнымъ. Братъ Науманна видѣлъ, какъ кукша душила стараго пѣвчаго дрозда, мать многочисленныхъ птенцовъ, принесшую себя въ жертву для спасенія своей семьи; тотъ же наблюдатель видѣлъ, какъ кукша ревностно и ловко охотилась на куропатокъ. Тринтгаммеръ и Гомейеръ осыпаютъ кукшу порицаніями въ противоположность похваламъ Ленца. „Что продѣлываетъ этотъ странствующій рыцарь, этотъ хитрецъ, этотъ красивый висѣльникъ между птицами“, спрашиваетъ Тринтгаммеръ, „въ теченіе всего періода вывода птенцовъ? Перебираясь съ дерева на дерево, съ куста на кустъ, онъ влѣзаетъ въ чужія гнѣзда, выпиваетъ яйца, проглатываетъ голыхъ птенцовъ съ кожей и пухомъ, ловитъ и разрываетъ на куски только что вылетѣвшихъ изъ гнѣзда желтоносовъ, которые по неопытности подпускаютъ къ себѣ эту птицу слишкомъ близко. Ястребъ и сорокопуты тоже изрядные разбойники, но они всѣ вмѣстѣ не причиняютъ столько вреда лѣснымъ пѣвцамъ, какъ одна кукша. Это убійца по преимуществу, который душитъ гдѣ только можетъ и за это украшенъ султаномъ и аксельбантами. Гдѣ этотъ злодѣй можетъ свободно распоряжаться, тамъ птицамъ нечего и думать о выводѣ птенцовъ. Мои обвиненія ни въ какомъ случаѣ не преувеличены.“

Кукши выводятъ птенцовъ въ первые весенніе мѣсяцы. Въ мартѣ парочка начинаетъ вить гнѣздо; въ началѣ апрѣля яйца обыкновенно уже бываютъ снесены. Гнѣздо рѣдко устраивается высоко надъ землею; оно помѣщается то на верхушкѣ невысокаго дерева, то на верхнихъ вѣткахъ болѣе высокаго дерева, то близко къ стволу, то на вѣтвяхъ. Оно не особенно велико, нижній слой состоитъ изъ нѣжныхъ, тонкихъ прутиковъ, затѣмъ слѣдуетъ слой вереска или сухихъ стебельковъ, а внутри гнѣздо выстилается тонкими корешками. Яйца, въ числѣ 5—9, на грязноватомъ желтовато-бѣломъ фонѣ покрыты сѣровато-бурыми крапинками и точками, причемъ на тупомъ концѣ обыкновенно крапинки располагаются въ видѣ вѣнка. Черезъ 16 дней приблизительно, изъ яицъ выходятъ птенцы, которыхъ сначала кормятъ гусеницами и личинками, жуками, червями и т. п., а затѣмъ главнымъ образомъ, молодыми птицами. Если ничто не помѣшаетъ кукшѣ вывести птенцовъ, то она кладетъ яйца лишь однажды въ годъ.

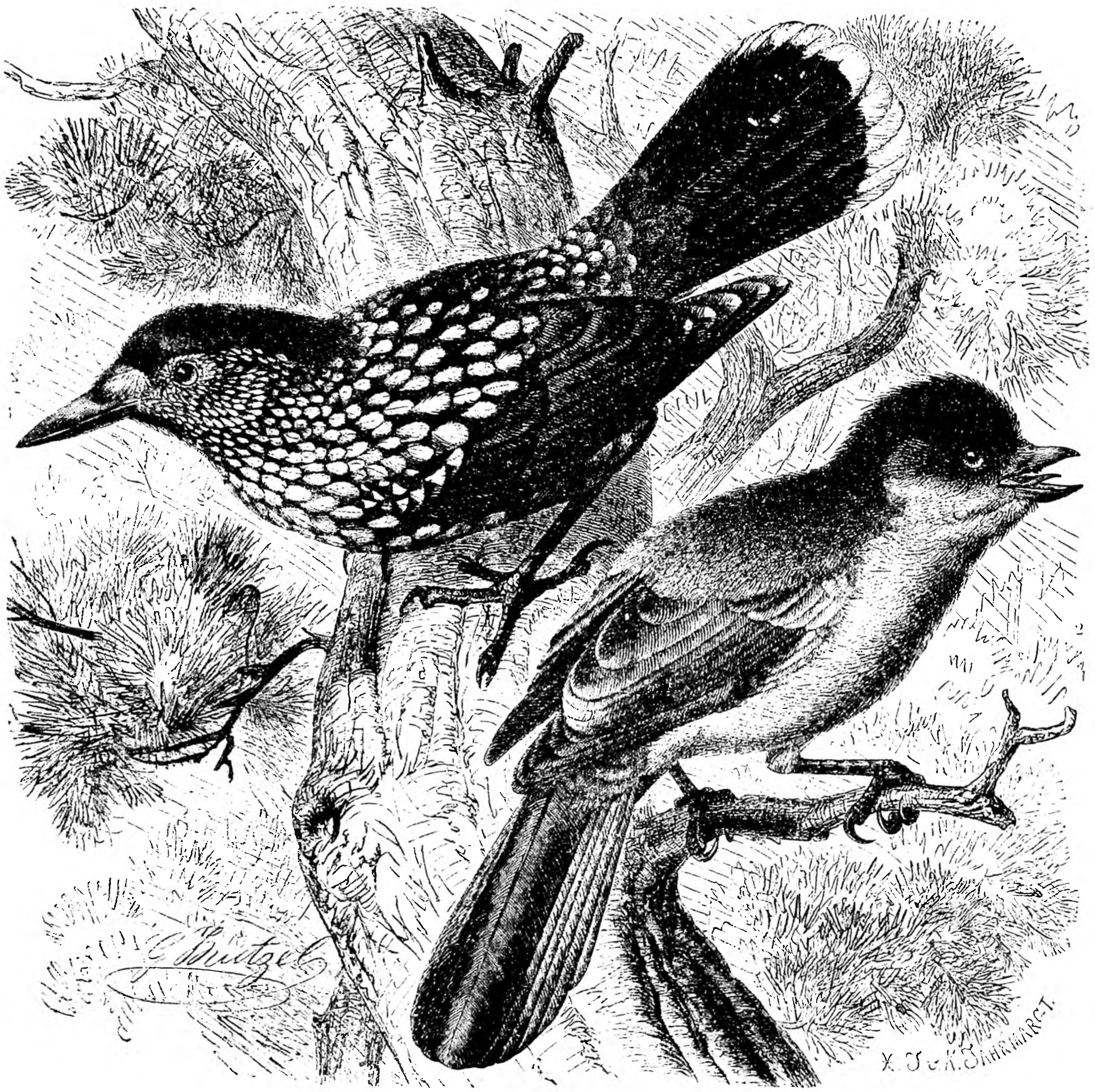
Кукши, пойманныя уже взрослыми, мало доставляютъ удовольствія человѣку, такъ какъ рѣдко удается приручить ихъ; зато молодыя кукши могутъ доставить много пріятныхъ минутъ своему хозяину. Онѣ выучиваются иногда произносить нѣкоторыя слова, чаще же — свистать коротенькія аріи. Нечего говорить о томъ, что въ общую клѣтку ихъ помѣщать немыслимо, ибо отъ хищническихъ наклонностей онѣ никогда не избавляются.

Къ сѣверу и къ востоку отъ предѣловъ, въ которыхъ водится кукша, начинается область, гдѣ встрѣчается ронжа (Garrulus infaustus). Отъ только что описаннаго родственника ронжа отличается тонкимъ, сверху и снизу болѣе согнутымъ клювомъ, короткою плюсною ногъ, нѣсколько ступеньчатымъ хвостомъ и очень мягкимъ пушистымъ опереніемъ, не удлиненнымъ на головѣ. Перья же верхней части головы и на затылкѣ бураго цвѣта сажи, на спинѣ темнаго свинцово-сѣраго цвѣта, на нижней части спины и на надхвостьѣ — рыжія, маховыя перья съ внутренней стороны цвѣта бурой сажи, снаружи буровато-сѣрыя, рулевыя перья, за исключеніемъ двухъ среднихъ свинцово-сѣрыхъ, яркаго рыжаго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черные. Длина 31 сантиметръ.

Водится эта птица начиная съ Финляндіи до острова Сахалина и отъ сѣ-

верной границы лѣсовъ до 60° сѣверной широты, въ Сибири же еще нѣсколько южнѣе. Отсюда ронжа иногда залетаетъ въ болѣе южныя широты и не разъ уже появлялась въ Германіи.

Образъ дѣйствій этой птицы въ высшей степени привлекателенъ и болѣе похожъ на образъ дѣйствія молодой кукши, чѣмъ на поведеніе взрослой кукши; полетъ совершенно не похожъ на полетъ кукши, удивительно легокъ и мягокъ: птица большею частью скользитъ по воздуху, причемъ во всей красѣ обнаружи-

1) Обыкновенная орѣховка (Nucifraga caryocatactes), 2) Ронжа (Garrulus infaustus). 1/3 естеств. велич.

ваются рыжія перья крыльевъ и хвоста. По вѣтвямъ съ помощью крыльевъ ронжа прыгаетъ очень быстро и ловко, лазая вверхъ и внизъ большими прыжками или же въ буквальномъ смыслѣ слова скользя передвигается по вѣткѣ; она ловко привѣшивается къ стволу, на подобіе дятла, хотя большею частью наклонно къ продольной оси дерева, и на стволѣ ищетъ, чѣмъ бы поживиться. Она издаетъ, между прочимъ, и жалобные звуки, за которые и получила свое нѣмецкое названіе (Unglückshäher).

Всѣ наблюдатели единогласно называютъ ронжу въ высшей степени довѣрчивымъ и любопытнымъ существомъ. Нильссонъ увѣряетъ, что она иногда садится на шляпу дровосѣкамъ; Шрадеръ разсказываетъ, что она живетъ въ самой большой дружбѣ съ лопарями, провожаетъ ихъ или ихъ стада до мѣстъ от-

дыха и всегда отличаетъ безопасныхъ пастуховъ отъ охотниковъ. Осенью и зимою главную пищу этихъ птицъ составляютъ ягоды и зерна, а именно плоды арвы и другихъ хвойныхъ растеній. Позднѣе, когда кустики ягодъ покрываются глубокимъ снѣгомъ, ронжа обращается къ шишкамъ хвойныхъ деревьевъ. Въ періодъ вывода птенцовъ она такъ же безжалостно опустошаетъ гнѣзда, какъ кукша, ѣстъ также взрослыхъ маленькихъ птицъ и маленькихъ млекопитающихъ, до которыхъ ей удается добраться, клюетъ оленье мясо, вывѣшенное сушиться, и щиплетъ тетеревовъ, попавшихся въ силокъ; говорятъ, что она не брезгаетъ даже падалью.

*

Въ сѣверной половинѣ Америки живутъ синія сойки (Cyanocitta).

Самый извѣстный видъ этого небогатаго видами рода — это хохлатая сойка (Cyanocitta cristata). Опереніе верхней части блестящаго синяго цвѣта; на хвостовыхъ перьяхъ замѣчаются узкія темныя полосы, а перья крыльевъ украшены на концѣ черными пятнами; концы малыхъ маховыхъ перьевъ, крупныхъ кроющихъ перьевъ крыла и боковыя перья хвоста, а также нижняя сторона, начиная отъ груди, бѣлаго или сѣровато-бѣлаго цвѣта; бока головы блѣдно-голубые, круглая полоса, идущая отъ задней части головы, проходящая надъ глазами и доходящая до верхней части шеи, а также узкая лобная полоска, удлиняющаяся по направленію къ глазамъ, совершенно черныя. Глаза сѣровато-каріе, клювъ и ноги чернобурые. Длина птицы 28 сантиметровъ.

Всѣ естествоиспытатели согласны въ томъ, что хохлатая сойка или Blue Jay, какъ называютъ ее американцы, является украшеніемъ сѣверо-американскихъ лѣсовъ. Не смотря на это, хохлатая сойка не съумѣла пріобрѣсти себѣ друзей. Она вездѣ извѣстна, вездѣ представляетъ собою обыкновенное явленіе, большею частью является осѣдлой птицей и только въ сѣверныхъ штатахъ это птица бродячая или странствующая. Жизнь ея напоминаетъ жизнь европейской кукши. Она предпочитаетъ селиться въ густыхъ и умѣренно высокихъ лѣсахъ, не избѣгаетъ, впрочемъ, и высокихъ лѣсовъ, иногда появляется въ фруктовыхъ садахъ, постоянно блуждаетъ съ одного мѣста на другое, на все обращаетъ вниманіе, громкимъ своимъ крикомъ предостерегаетъ другихъ птицъ и даже млекопитающихъ, подражаетъ разнымъ голосамъ, разбойничаетъ насколько ей это позволяютъ ея размѣры, словомъ во всѣхъ отношеніяхъ достойна своей европейской родственницы.

Хохлатыя сойки, вынутыя изъ гнѣзда молодыми, скоро становятся ручными; но держать ихъ приходится отдѣльно отъ другихъ птицъ, такъ какъ онѣ очень кровожадны и заклевываютъ на смерть другихъ птицъ. Одна хохлатая сойка, жившая въ общей клѣткѣ, мало по малу уничтожила всѣхъ своихъ сожителей. Старыя птицы этого вида также легко привыкаютъ къ утратѣ свободы. Въ послѣднее время хохлатую сойку стали чаще привозить въ Европу, и птицу эту можно найти почти во всякомъ зоологическомъ саду. Но до сихъ поръ не нашлось еще человѣка, который выпустилъ бы эту птицу на свободу и далъ бы ей распространиться въ Европѣ. Она навѣрное украсила бы наши лѣса; но пользы въ нихъ приносила бы такъ же мало, какъ ея европейскіе родственники.

*

Въ южной и средней Испаніи живетъ одна изъ самыхъ красивыхъ европейскихъ птицъ, а именно испанская голубая сорока (Cyanopolius cookii), представительница рода голубыхъ сорокъ. У испанской голубой сороки голова и верхняя часть затылка бархатисто-черныя, спина свѣтлаго буровато-сѣраго цвѣта, горло и щеки сѣровато-бѣлыя, нижнія части тѣла свѣтлаго блѣдно-сѣраго цвѣта, крылья и хвостъ свѣтлаго голубовато-сѣраго цвѣта, большія маховыя перья снаружи имѣютъ бѣлыя каемки. Глаза кофейно-каріе, клювъ и ноги черные. Длина птицы 36 сантиметровъ.

Голубую сороку можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ южной и средней Испаніи — тамъ, гдѣ вѣчно зеленый дубъ образуетъ сплошныя лѣсныя пространства.

Птицу эту почти что невозможно представить себѣ безъ этого дерева, густая верхушка котораго даетъ ей пріютъ и защиту, а темная листва скрываетъ ее отъ постороннихъ глазъ, несмотря на ея великолѣпную одежду. Въ сѣверо-западной Африкѣ, а именно въ Марокко, эта птица также встрѣчается; въ восточной Сибири ее замѣняетъ родственный ей видъ Cyanopolius cyanus. Тамъ, гдѣ она водится, она встрѣчается часто. Она общительна, всегда держится многочисленными стаями, но избѣгаетъ людей и только въ исключительныхъ случаяхъ ее можно видѣть близъ населенныхъ строеній. По нравамъ своимъ голубая сорока очень похожа на обыкновенную сороку. Голосъ же голубой сороки совершенно другой; она издаетъ звуки вродѣ „крри-и„ или „прри-и“, протяжные или отрывистые, а болтая кричитъ „клнккликкликклн“, вродѣ зеленаго дятла.

Время вывода птенцовъ приходится на средніе весенніе мѣсяцы; въ окрестностяхъ Мадрида голубая сорока садится на яйца не раньше начала мая. Гнѣздо похоже на гнѣздо кукши, а еще больше на гнѣзда сорокопутовъ. Яицъ кладется 5—9: на сѣровато-желтоватомъ фонѣ они покрыты болѣе темными расплывчатыми пятнами, на которыхъ разсыпаны еще оливково-бурыя крапинки и точки, которыя на толстомъ концѣ расположены вѣнкомъ.

Плѣнныя голубыя сороки рѣдкіе, но премилые обитатели нашихъ клѣтокъ, гдѣ уживаются очень хорошо и при хорошемъ отношеніи къ нимъ становятся столь же ручными, какъ и другія вороновыя птицы.

*

Обыкновенная орѣховка (Nucifraga caryocatactes, рис. на стр. 238) вмѣстѣ съ пятью другими видами является представительницею рода орѣховокъ (Nucifraga), распространеннаго въ сѣверной Европѣ, сѣверной Азіи и въ западной части Сѣверной Америки. Опереніе ея окрашено главнымъ образомъ въ темно-бурый цвѣтъ, причемъ темя и затылокъ не покрыты крапинками, а прочія перья на концѣ украшены чисто-бѣлымъ овальнымъ пятномъ; маховыя и хвостовыя перья блестящаго чернаго цвѣта, хвостовыя перья — съ бѣлымъ кончикомъ. Глаза каріе, клювъ и ноги черныя. Длина 36 сантиметровъ. Орѣховка живетъ круглый годъ въ горахъ Германіи, напр. въ Баварскихъ Альпахъ, въ Гарцѣ и Исполиновыхъ горахъ. Встрѣчается она также въ восточной Пруссіи. Чаще чѣмъ въ Германіи она встрѣчается въ Швейцарскихъ и Австрійскихъ Альпахъ, въ Скандинавіи и въ Остзейскомъ краѣ.

Орѣховка живетъ въ сплошныхъ хвойныхъ лѣсахъ, покрывающихъ горы средней Европы, а также въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ на сѣверѣ Стараго Свѣта и всегда встрѣчается тамъ, гдѣ растутъ кедры. На среднеевропейскихъ горахъ эта птица встрѣчается такъ же часто, какъ на далекомъ сѣверѣ, чаще же всего тамъ, гдѣ есть кедры. Бываютъ такіе года, когда зимою эту птицу можно постоянно видѣть въ Германіи; затѣмъ наступаетъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ нельзя увидѣть почти ни одной орѣховки. На далекомъ сѣверѣ странствованія этихъ птицъ отличаются бо́льшею правильностью, но не всегда онѣ забираются одинаково далеко, не всякую осень странствуютъ въ одинаковомъ количествѣ: только плохой урожай кедровыхъ орѣховъ заставляетъ орѣховокъ отираться съ сѣвера на югъ или спускаться съ горъ въ равнины.

Орѣховка врядъ-ли болѣе похожа на кукшу, чѣмъ на дятла. Птица кажется неловкой, даже неуклюжей, что однако не мѣшаетъ ей быть ловкимъ и рѣзвымъ существомъ, которое хорошо ходитъ по землѣ, очень ловко прыгаетъ по вѣтвямъ и кустамъ или привѣшивается къ стволу на манеръ синицъ, такъ что можно сказать, что она летаетъ по деревьямъ. Подобно дятлу, она привѣшивается къ стволамъ и къ вѣтвямъ, подобно дятлу пробуравливаетъ кору своимъ острымъ клювомъ и, отламывая кусочки ея, добирается до добычи, сидѣвшей подъ ней. Полетъ орѣховки легкій, но довольно медленный, и она довольно часто машетъ крыльями и растопыриваетъ ихъ. Голосъ ея — это хриплый, далеко разносящійся звукъ „крэк крэк крэк“, къ которому весною прибавляется еще часто повторяемый звукъ „кэрр кэрр“. Во время вывода птенцовъ, находясь очень близко отъ этой птицы, можно

услышать своеобразное, тихое, полусдержанное, какъ будто чревовѣщательное пѣніе. Внѣшнія чувства повидимому развиты у орѣховки хорошо. Умомъ она вѣроятно уступаетъ нѣкоторымъ членамъ своего семейства; но глупой птицей, какъ называютъ ее иные, орѣховку все-таки назвать нельзя. Какъ только поспѣваютъ обыкновенные орѣхи, всѣ орѣховки, живущія въ извѣстной области, собираются въ тѣхъ рощахъ, гдѣ растутъ орѣховые кусты. Все утро посвящается отыскиванью пищи; около полудня усердно работавшія до тѣхъ поръ орѣховки исчезаютъ въ лѣсу; въ послѣобѣденное время онѣ снова показываются въ кустахъ, хотя и не въ столь большомъ числѣ, какъ утромъ. Въ утренніе часы ихъ крики и ссоры не прекращаются ни на минуту. Каждое мгновеніе появляется нѣсколько орѣховокъ, привлеченныхъ криками, а другія, наполнившія свой зобъ орѣхами, улетаютъ нагруженныя и съ видимымъ усиліемъ направляются къ лѣсу, чтобы тамъ укладывать свои запасы на зиму. Въ горахъ или въ лѣсахъ далекаго сѣвера онѣ собираютъ такимъ же образомъ кедровые орѣхи. Кромѣ обыкновенныхъ и кедровыхъ орѣховъ, орѣховки ѣдятъ жолуди, плоды буковъ, сѣмена сосны и ели, хлѣбныя зерна, рябину, ягоды боярышника, бузину, землянику, чернику и бруснику, другія сѣмена и плоды, всевозможныхъ насѣкомыхъ, червей, улитокъ и разнообразныхъ маленькихъ позвоночныхъ, вообще не брезгаютъ никакой пищей и потому не терпятъ голода даже зимою. Нѣкоторое время эта птица существуетъ тѣмъ, что уничтожаетъ свои запасы; когда они истощаются, она появляется въ горныхъ деревняхъ или переселяется въ другое мѣсто съ цѣлью искать себѣ хлѣбъ насущный.

Странствующая сорока (Dendrocitta rufa). ½ естественной величины.

Относительно того, какъ выводитъ орѣховка своихъ птенцовъ, свѣдѣнія собраны только въ послѣднія два десятилѣтія. Найти гнѣздо орѣховки трудно и тогда, когда она гнѣздится въ горахъ средней Европы; главнымъ же образомъ эта птица строитъ гнѣзда въ такихъ лѣсныхъ дебряхъ, которыя недоступны даже лѣтомъ, а тѣмъ болѣе въ то время, когда орѣховка размножается. При нормальныхъ усло-

віяхъ яйца бываютъ снесены въ половинѣ марта, на сѣверѣ пожалуй лишь въ началѣ апрѣля. Яицъ кладется въ гнѣздо 3—4; они продолговатой формы и по блѣдному голубовато-зеленому фону равномѣрно испещрены фіолетовыми, зеленовато-бурыми или кожанаго цвѣта крапинками, которыя впрочемъ иногда сливаются въ вѣночекъ на тупомъ концѣ. Высиживаетъ яйца самка и притомъ съ большимъ самоотверженіемъ, тѣмъ болѣе, что ей приходится заниматься этимъ дѣломъ ранней весною; самецъ заботится о безопасности и о прокормленіи супруги, которая жадно хватаетъ приносимый ей кормъ, причемъ крылья у нея дрожатъ отъ радости.

Во время зимнихъ странствованій орѣховку безъ особеннаго труда ловятъ на птицеловномъ току или сѣтями. Она быстро привыкаетъ къ клѣткѣ и къ пищѣ, которою ее кормятъ въ неволѣ; охотнѣе всего она ѣстъ мясо, но не отказывается также отъ всякихъ другихъ съѣдобныхъ веществъ.

Вороновыя птицы съ сравнительно короткимъ, загнутымъ на гребнѣ верхней створки клювомъ составляютъ подсемейство странствующихъ сорокъ (Dendrocittinae).

Члены этого подсемейства обитаютъ въ теплыхъ странахъ Стараго Свѣта, особенно въ южной Азіи, живутъ въ лѣсахъ и ведутъ въ общемъ такой же образъ жизни, какъ обыкновенныя сороки и сойки.

*

Самый извѣстный родъ птицъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, это лѣсныя сороки (Dendrocitta), довольно большія птицы съ короткимъ, сжатымъ, сильно загнутымъ клювомъ, съ ногами умѣренной длины или прямо короткими, съ короткими, закругленными крыльями и длиннымъ, клинообразнымъ хвостомъ съ торчащими двумя средними перьями.

Представительницей этого рода можно считать странствующую сороку (Dendrocitta rufa, рис. на стр. 241). Длина ея 41 см. Голова, затылокъ и грудь цвѣта бурой сажи или черновато-бурые, нижнія части тѣла, начиная отъ груди, красноватыя или блѣдно-желтыя, плечи, спина и верхнія кроющія перья хвоста темнаго краснаго цвѣта, кроющія перья крыльевъ и наружныя опахала маховыхъ перьевъ второго порядка свѣтло-сѣрые, прочія маховыя перья черныя, рулевыя перья пепельно-сѣрыя съ черными кончиками. Клювъ черный, ноги темнаго аспиднаго цвѣта, глаза кроваво-красные.

Странствующая сорока распространена по всей Индіи и кромѣ того встрѣчается въ Ассамѣ, Тенассеримѣ, Китаѣ, а также въ Кашмирѣ, вообще въ Гималаяхъ до высоты 2000 метровъ. Она вездѣ встрѣчается часто, а живетъ главнымъ образомъ въ лѣсистыхъ равнинахъ.

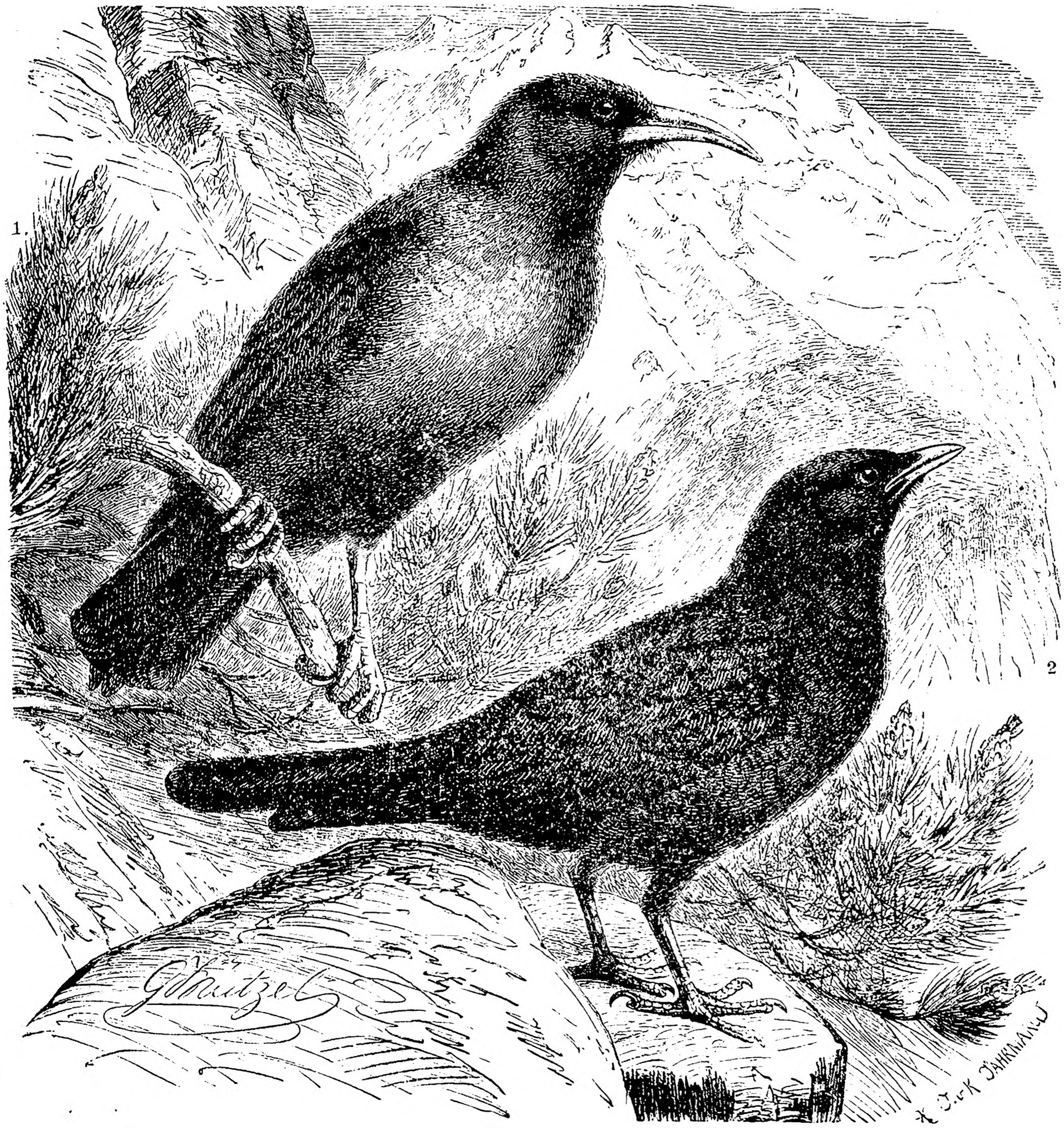
Четвертое подсемейство вороновыхъ птицъ составляютъ горныя вороны (Pyrrhocoracinae), длиннокрылыя, короткохвостыя птицы продолговатаго сложенія съ довольно слабымъ, острымъ, нѣсколько загнутымъ и большею частью ярко-окрашеннымъ клювомъ, съ изящными ногами, сравнительно длинными крыльями и блестящимъ опереніемъ.

*

Отличительнымъ признакомъ клушицы (Pyrrhocorax graculus) служитъ длинный, тонкій, дугообразный клювъ. Клювъ этотъ такъ же, какъ и средней длины ноги съ короткими пальцами, окрашенъ въ великолѣпный кораллово-красный цвѣтъ, глаза темно-каріе, опереніе равномѣрно блестящее, зеленовато или синевато-черное. Длина 40 см.

Этой привлекательной во всѣхъ отношеніяхъ и замѣчательной птицѣ даютъ пріютъ европейскіе Альпы на всемъ ихъ протяженіи, Балканъ, Пиренеи и почти всѣ прочія горы Испаніи, нѣкоторыя горы Англіи и всѣ горы, начиная съ Урала

и Кавказа и кончая китайскими хребтами и Гималаями; кромѣ того, она водится на Канарскихъ островахъ, въ горахъ Атласа и на самыхъ высокихъ вершинахъ Абиссиніи. Въ швейцарскихъ Альпахъ клушица встрѣчается рѣдко, въ Испаніи же эти птицы чрезвычайно многочисленны, особенно мѣстами. Тамъ клушица живетъ только на высокихъ горахъ, въ поясѣ, лежащемъ непосредственно подъ снѣговой линіей и часто добирается до высочайшихъ вершинъ Альповъ; въ Испаніи она встрѣчается уже на откосахъ скалъ, находящихся не выше 200—

1) Клушица (Pyrrhocorax graculus), 2) Альпійская галка (Pyrrhocorax alpinus). $^1/_3$ естеств. велич.

300 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ Рэтійскихъ горахъ эта птица еще 70 лѣтъ тому назадъ гнѣздилась на колокольняхъ и стропилахъ всѣхъ почти горныхъ деревень, въ настоящее же время, большею частью вслѣдствіе перестройки башенъ, вынуждена была вернуться въ скалистыя дебри. Клушица не зимуетъ на вершинахъ горъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ направляется на откосы скалъ, лежащіе ниже, или переселяется южнѣе. По этому случаю появляются въ извѣстную пору стаи изъ 400—600 головъ, а затѣмъ скоро исчезаютъ.

Наши наблюденія приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что клушица очень похожа на галку, но летаетъ легче и изящнѣе и еще умнѣе и осторожнѣе галки. Наблюдая за клушицами, можно замѣтить, что онѣ довольно правильно появляются на извѣстныхъ мѣстахъ и съ такою же правильностью снова ихъ покидаютъ. Въ

самые ранніе утренніе часы эти птицы вылетаютъ за кормомъ, около 9-ти часовъ утра возвращаются домой, здѣсь пребываютъ нѣкоторое время до водопоя, затѣмъ снова ищутъ корма и только въ жаркіе полуденные часы опять появляются на своей скалѣ. Во время полуденнаго зноя клушицы прячутся въ тѣнистыхъ углубленіяхъ и разсѣлинахъ скалъ, но внимательно оглядываютъ ближайшую окрестность и завидѣвъ хоть что-нибудь подозрительное, начинаютъ громко кричать. Пролетающихъ мимо орловъ все общество преслѣдуетъ долгое время и храбро нападаетъ на нихъ, но при этомъ тщательно высматриваетъ, съ какимъ видомъ приходится имѣть дѣло; ловкаго ястребинаго орла умныя птицы очень остерегаются, прячутся отъ него еще глубже въ свои разсѣлины, а на ягнятника не обращаютъ вниманія. Въ послѣобѣденные часы клушицы снова летятъ за кормомъ и только послѣ солнечнаго заката, побывавъ на водопоѣ, возвращаются на тѣ мѣста, гдѣ все общество живетъ и ночуетъ.

Замѣчательно, что клушица обитаетъ только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и не встрѣчается въ другихъ, представляющихъ, повидимому, столь же благопріятныя условія.

Какъ ловко клушица умѣетъ пользоваться своимъ дугообразнымъ клювомъ, можно оцѣнить, обративъ вниманіе на то, какую пищу она главнымъ образомъ употребляетъ. Эта птица — животное почти исключительно насѣкомоядное и только въ рѣдкихъ случаяхъ ѣстъ что-нибудь другое. Кузнечики и пауки, между прочимъ скорпіоны, составляютъ главный кормъ клушицъ въ Испаніи, и этихъ животныхъ птица умѣетъ ловить чрезвычайно искусно. Длиннымъ своимъ клювомъ она подбрасываетъ наверхъ маленькіе камешки и изъ подъ нихъ добываетъ спрятавшихся животныхъ, вырываетъ также насѣкомыхъ изъ земли или подсовываетъ свой клювъ подъ камни побольше, приподнять которые ей не подъ силу, и здѣсь также ищетъ свое любимое кушанье.

Размноженіе происходитъ весною. По изслѣдованіямъ Гиртаннера, наружный и внутренній слои гнѣзда состоятъ только изъ тонкихъ сухихъ корешковъ, которые кверху все утончаются и притомъ берутся отъ одного или отъ очень немногихъ растеній; внутри же гнѣздо выстилается крайне густымъ, прочнымъ войлокомъ, толщиною не менѣе 6-ти сантиметровъ, для приготовленія котораго всѣ горныя млекопитающія должны принести свою дань въ видѣ волосъ. Клочки овечьей шерсти, волосы козъ и козуль, большіе пучки бѣлой заячьей шерсти и волосы коровъ тщательно переплетаются и валяются. „Тамъ, гдѣ гнѣздо прилегало къ скалѣ, войлокъ поднимался въ немъ довольно высоко, чтобы по возможности уберечь мать и дѣтей отъ сырости“. Бѣловатыхъ или грязновато-сѣроватыхъ яицъ съ свѣтло-бурыми крапинками кладется въ гнѣздо 4—5. Сколько времени продолжается высиживанье — неизвѣстно. Вѣроятно, самка одна сидитъ на яйцахъ, но оба родителя съ крикомъ и гамомъ совершаютъ трудное дѣло выкармливанья своего потомства. Молодыя птицы покидаютъ гнѣздо около конца іюня, но родители еще довольно долго водятъ и учатъ ихъ.

Во время вывода птенцовъ клушицы живутъ такъ же дружно, какъ и въ остальные мѣсяцы года. Это общественныя птицы въ полномъ смыслѣ этого слова. Безъ ссоръ дѣло не обходится, и членовъ другого союза онѣ обкрадываютъ по мѣрѣ силъ и возможности; но это ужъ у всѣхъ воронъ такой обычай, который нисколько не мѣшаетъ общему согласію. Если грозитъ какая-нибудь опасность, то вся стая дружно защищается и каждая птица въ случаѣ необходимости дѣйствительно проявляетъ замѣчательную храбрость. Мы видѣли, какъ раненыхъ клушицъ съ громкимъ крикомъ окружали здоровыя, явно обнаруживавшія желаніе помочь несчастному товарищу.

Всѣ вороновыя птицы — пріятные обитатели клѣтокъ; но ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ клушицей. При сколько нибудь тщательномъ уходѣ она становится удивительно ручной и довѣрчивой, искренно привязывается къ своему хозяину, откликается на данное ей имя, приходитъ на зовъ, пріучается вылетать и влетать въ комнату и при надлежащемъ уходѣ и устройствѣ клѣтки въ неволѣ даже размножается. Изящное сложеніе этихъ птицъ,

яркая окраска ихъ клюва и ногъ, ихъ симпатичное поведеніе, живость и подвижность, любопытство и любознательность, ихъ самосознаніе, способность къ усвоенію и подражанію представляютъ собою неизсякаемые источники для пріятныхъ и поучительныхъ наблюденій. Съ теченіемъ времени клушица становится домашнимъ животнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, отличаетъ чужихъ людей отъ знакомыхъ, взрослыхъ отъ юныхъ, принимаетъ участіе во всѣхъ семейныхъ событіяхъ, почти что во всѣхъ горестяхъ и радостяхъ, вступаетъ въ дружбу съ другими домашними животными, накопляетъ мало по малу драгоцѣнный опытъ, постоянно становится умнѣе и, надо признаться, хитрѣе и наконецъ становится такимъ обитателемъ дома, на котораго нельзя не обращать вниманія.

Держать клушицу очень просто. Хотя она главнымъ образомъ питается мясомъ, но не брезгаетъ и другими кушаньями, употребляемыми въ пищу людьми. Бѣлый хлѣбъ для нея лакомое блюдо, точно такъ же любитъ она молодой сыръ; она не прочь также съѣсть маленькое позвоночное животное, хотя ей долго приходится возиться для того, чтобы убить и разорвать на мелкія части мышь или птицу. На слабыхъ птицъ она накидывается съ большой яростью, съ птицами одинаковой съ ней силы, какъ напр., съ сойками и галками, обращается очень скверно и страшно ихъ мучаетъ. Симпатію она обнаруживаетъ только къ человѣку.

Близкая родственница клушицы, альпійская галка (Pyrrhocorax alpinus, рис. на стр. 243), отличается отъ только что описаннаго вида тѣмъ, что клювъ у нея не длиннѣе головы, притомъ сильнѣе, чѣмъ у клушицы, и желтаго цвѣта, а опереніе напоминаетъ скорѣе чернаго дрозда, чѣмъ ворóну. Опереніе у взрослыхъ птицъ бархатисто-черное, у молодыхъ птицъ тускло-черное, ноги у взрослыхъ красныя, у молодыхъ желтыя. Величина клушицы и альпійской галки одинаковая, образъ жизни и нравы альпійской галки тоже почти такіе же, какъ у клушицы.

„Какъ ниву нельзя себѣ представить безъ жаворонка, море безъ чайки, хлѣва и луга безъ овсянки и безъ домовой горихвостки, амбара безъ голубя и воробья, живой изгороди безъ крапивника, лѣса изъ молодыхъ лиственницъ — безъ синицы и королька, ручья безъ трясогузки, буковаго лѣса — безъ зяблика, хвойнаго бора — безъ бѣлки“, говоритъ Чуди, „такъ горная галка или снѣжная ворона неразрывно связана съ скалистыми зубцами нашихъ Альповъ. Если путешественникъ или охотникъ не встрѣтитъ въ горахъ другихъ двуногихъ или четвероногихъ альпійскихъ обитателей, то ужъ непремѣнно увидитъ стаю горныхъ галокъ, которыя, ссорясь и крича, сидятъ на выступахъ скалъ и съ пронзительнымъ свистомъ взлетаютъ, рѣдко взмахивая крыльями, подымаются по извилистымъ линіямъ кверху, потомъ, описывая большіе круги, облетаютъ кругомъ скалъ, а затѣмъ снова садятся и осматриваютъ пришельца; ихъ можно увидѣть и на пастбищахъ выше границы лѣсовъ, и на большихъ высотахъ среди мертвыхъ склоновъ, покрытыхъ валунами, а также на голыхъ утесахъ и среди вѣчныхъ снѣговъ. Даже среди массы фирна (зернистаго снѣга), окружающаго самую высокую вершину горы Тэди на высотѣ болѣе 3500 метровъ надъ уровнемъ моря, Дюрплеръ видѣлъ двухъ такихъ галокъ, а Мейеръ, подымаясь на Финстераргорнъ, видѣлъ нѣсколькихъ на высотѣ болѣе 4000 метровъ надъ уровнемъ моря. Эти птицы, значитъ, забираются еще выше горныхъ зябликовъ и горныхъ тетеревовъ и издаютъ тамъ свой однообразный, звонкій крикъ, замѣняющій трели альпійской завирушки и оранжеваго зяблика, которыя на 1000 метровъ ниже еще такъ любезно сопровождали странника. И все-таки путешественнику пріятно видѣть среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ хоть этихъ полныхъ жизни птицъ, ищущихъ клювомъ въ фирнѣ провалившихся туда насѣкомыхъ.

„Какъ почти всѣ альпійскія животныя, альпійскія галки считаются предвѣщающими погоду. Ихъ гнѣзда, часто общія, устраиваются въ трещинахъ и пещерахъ самыхъ неприступныхъ вершинъ. Гнѣздо, взятое въ отдѣльности, большое, плоское и состоитъ изъ стебельковъ травы; въ него кладется пять яицъ, похожихъ на яйца воронъ и покрытыхъ по свѣтлому пепельно-сѣрому фону темно-

сѣрыми пятнами. Альпійскія галки въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній живутъ въ извѣстныхъ гротахъ среди скалъ, и тамъ часто покрываютъ полъ своимъ пометомъ."

„Эта птица", говоритъ Сави, „принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя всего легче приручаются и обнаруживаютъ самую искреннюю привязанность къ своему хозяину. Альпійскую галку можно держать въ домѣ цѣлые годы, давая ей свободно бѣгать и летать. Она вскакиваетъ на столъ и ѣстъ мясо, фрукты, особенно виноградъ, фиги, вишни, черный хлѣбъ, сухой сыръ и яичный желтокъ. Она любитъ молоко и иногда отдаетъ предпочтеніе вину передъ водою. Подобно воронамъ, она держитъ когтями пищу, которую собирается рвать на части, прочее же прячетъ и покрываетъ бумагой, щепками и т. д., садится сама около своей кладовой и защищаетъ ее отъ собакъ и людей. Она отличается замѣчательной страстью къ огню, часто вытягиваетъ горящій фитиль изъ лампы и глотаетъ его, зимою точно также вытаскиваетъ изъ камина угольки, не причиняя себѣ ни малѣйшаго вреда. Съ особеннымъ удовольствіемъ смотритъ она, какъ дымъ подымается кверху, а замѣтивъ гдѣ нибудь тлѣющіе угли, бросаетъ на нихъ кусокъ бумаги, тряпочку или щепку, а затѣмъ стоитъ и смотритъ на дымъ. Нельзя-ли изъ этого заключить, что альпійская галка и есть та птица, которую древніе называли Avis incendiaria, т. е. производящая пожаръ?"

Увидѣвъ змѣю или рака, альпійская галка машетъ крыльями и хвостомъ и каркаетъ совершенно какъ ворона; когда въ комнату входитъ чужой человѣкъ, то она кричитъ такъ, что всѣхъ оглушаетъ; если же ее зоветъ знакомое лицо, то она благодушно крякаетъ. Въ спокойномъ состояніи она иногда поетъ, а вылетѣвъ изъ комнаты на воздухъ, свиститъ почти такъ же, какъ черный дроздъ; ее можно даже научить свистать небольшой маршъ. Если кто нибудь возвращается послѣ долгаго отсутствія, птица бѣжитъ ему навстрѣчу, полуоткрывъ крылья, привѣтствуетъ его крикомъ, садится къ нему на плечо и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ. Если послѣ восхода солнца она находитъ дверь запертой, то бѣжитъ въ спальню, нѣсколько разъ издаетъ свой призывъ, садится на подушку и неподвижно ждетъ, чтобы другъ ея проснулся. Когда ожиданіе ужъ ей становится не въ терпёжъ, она начинаетъ кричать, что́ есть мо́чи, бѣгаетъ изъ стороны въ сторону и всячески выражаетъ свою радость по поводу того, что видитъ своего хозяина. Ея привязанность къ человѣку поистинѣ изумительна; но въ то же время она не дѣлается его рабомъ, неохотно даетъ себя брать въ руки, и всегда проявляетъ свою нелюбовь къ нѣкоторымъ лицамъ, которыхъ клюетъ и кусаетъ.

*

Къ послѣднему подсемейству вороновыхъ птицъ относятся свистящія во́роны (Streperinae), служащія вѣроятно связующимъ звеномъ между семействомъ вороновыхъ и сорокопутовыхъ. Отличительнымъ признакомъ свистящихъ воронъ является длинный, конусообразный клювъ, широкій у основанія и сжатый съ боковъ, съ гребнемъ верхней створки, врѣзывающимся въ лобъ, прямой почти до конца, на концѣ же загнутый крючкомъ; ноги у этихъ птицъ совершенно похожи на ноги воронъ, крылья длинныя и острыя, хвостъ средней длины, прямо обрѣзанный или слегка закругленный.

Родина свистящихъ воронъ — Австралія. Здѣсь онѣ живутъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, удивительно ловко бѣгаютъ по землѣ, не менѣе ловко двигаясь по вѣтвямъ, но летая не особенно легко и вѣрно. Ѣдятъ онѣ маленькихъ животныхъ различныхъ классовъ, особенно кузнечиковъ, маленькихъ позвоночныхъ, плоды, зерна и сѣмена.

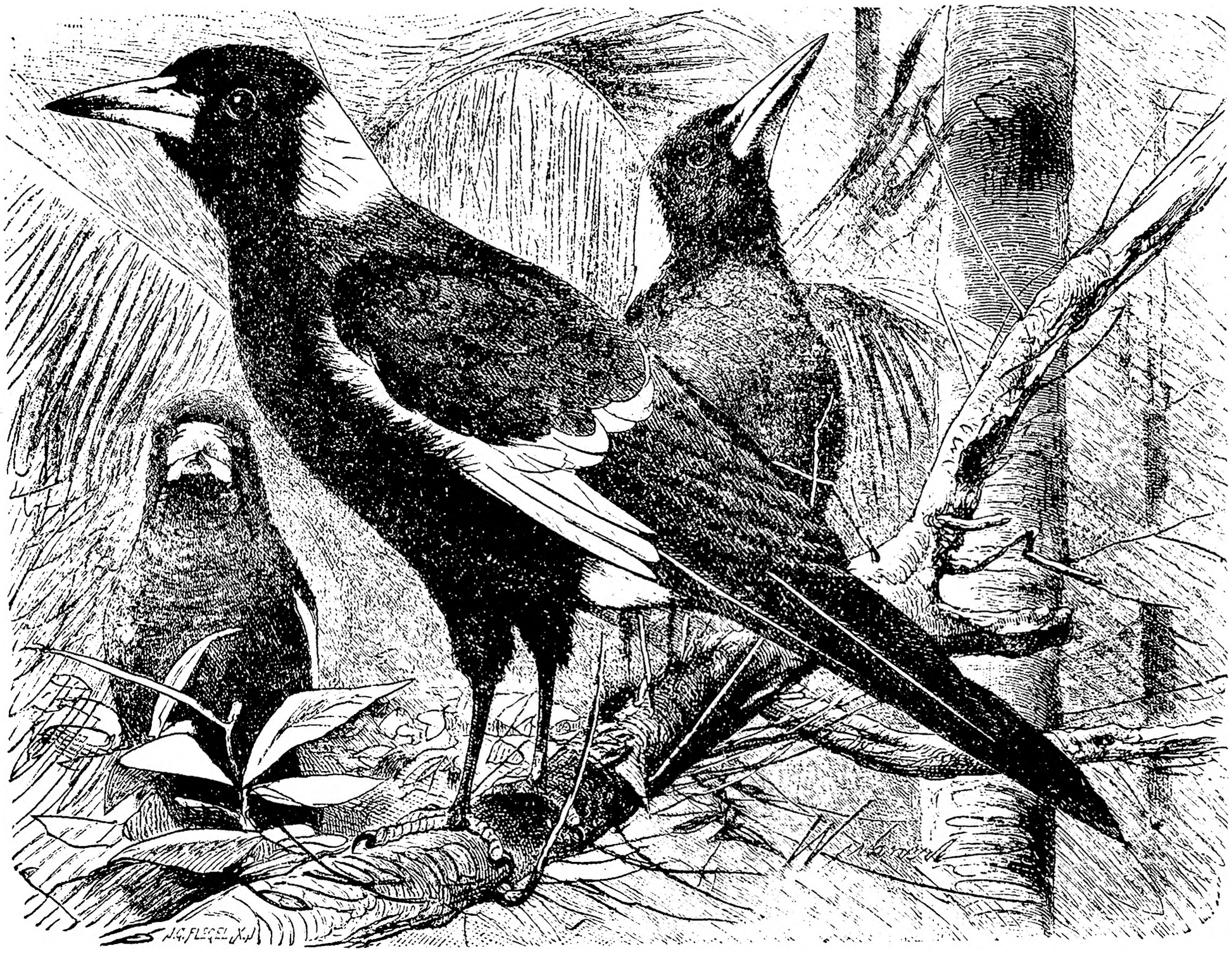
*

Флейтщикъ (Strepera tibicen), который въ послѣднее время сдѣлался обитателемъ всѣхъ зоологическихъ садовъ, по величинѣ приблизительно равенъ грачу. Длина его — 43 сантим. Опереніе по преимуществу черное, но затылокъ, нижняя часть спины, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста и переднія кроющія

перья крыльевъ бѣлые. Глаза красновато-орѣховаго цвѣта, клювъ буровато-пепельно-сѣрый, ноги черныя.

По словамъ Гуда, флейтщикъ особенно часто встрѣчается въ Новомъ Южномъ Валлисѣ; это птица, рѣзко бросающаяся въ глаза и весьма красящая поля въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея не преслѣдуютъ и не прогоняютъ; она входитъ въ сады поселенцевъ, посѣщаетъ даже жилища людей, которые относятся къ ней доброжелательно, и за оказываемую ей защиту платитъ полнымъ довѣріемъ. Пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ кузнечиковъ, которыхъ она поѣдаетъ безчисленное множество.

Когда Гудъ путешествовалъ по Австраліи, плѣнные флейтщики составляли еще рѣдкое явленіе; въ настоящее время этихъ птицъ часто привозятъ живыми

Флейтщикъ (Stepera tibicen). $^3/_{10}$ естеств. велич.

въ Европу. Многимъ очень нравятся флейтщики и въ зоологическихъ садахъ это животныя прямо-таки необходимыя. Уже безмолвствующія птицы вызываютъ къ себѣ симпатію; но особенно привлекательны становятся флейтщики тогда, когда начинаютъ пѣть свои своеобразныя пѣсни. Каждый отдѣльный звукъ, издаваемый ими, отличается полнотою и чистотою; только послѣдняя строфа болѣе трескучая и меньше напоминаетъ звукъ флейты. Птицы наши, однимъ словомъ, хорошіе исполнители, но плохіе сочинители пѣсни; часто также онѣ портятъ все дѣло всякими штуками, внезапно приходящими имъ голову. Обладая въ высокой степени способностью къ усвоенію, флейтщики безъ труда выучиваются всякимъ пѣснямъ, все равно, исходятъ ли эти пѣсни изъ искусной птичьей глотки, изъ шарманки или другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Всѣ флейтщики, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать, примѣшиваютъ къ своему пѣнію извѣстныя пѣсни, особенно же излюбленные народные напѣвы; повидимому, птицы перенимаютъ эти звуки у матросовъ во время переѣзда. Знакомыхъ лицъ флейтщики всегда радуютъ своими пѣснями, друзей же привѣтствуютъ съ извѣстной нѣжностью. Но дружбу ихъ еще

легче потерять, чѣмъ пріобрѣсти; ибо, по моимъ наблюденіямъ, эти вороновыя птицы очень вспыльчивыя, запальчивыя, даже мстительныя животныя, которыя при малѣйшемъ поводѣ пользуются своимъ клювомъ для того, чтобы причинить часто весьма чувствительную боль. Въ гнѣвѣ флейтщики ощетиниваются, растопыриваютъ крылья и хвостъ и, словно разсвирѣпѣвшій пѣтухъ, накидываются на нарушителя спокойствія. Съ себѣ подобными они постоянно ссорятся и дерутся, а на другихъ птицъ нападаютъ съ цѣлью убійства.

Держать ихъ въ клѣткѣ не стоитъ никакого труда. Имъ слѣдуетъ давать животную пищу, но они удовлетворяются и растительными веществами. Мясо, хлѣбъ и фрукты — вотъ главныя составныя части ихъ трапезы. Къ погодѣ они довольно нечувствительны, и зимою ихъ можно преспокойно держать на открытомъ воздухѣ.

Сорокопутовыя птицы (Laniidae) составляютъ семейство, въ которомъ насчитывается до 300 видовъ, и которое распространено по всему земному шару. Признаки ихъ: сильный, сжатый съ боковъ, явственно зазубренный и загнутый крючкомъ клювъ, короткія, широкія, закругленныя крылья, въ которыхъ третье или четвертое маховое перо обыкновенно бываетъ удлинено, и довольно длинный или очень длинный ступеньчатый хвостъ, состоящій изъ двѣнадцати перьевъ. Оперенiе обильное, не особенно плотно прилегающее къ тѣлу и мягкое, окраска большею частью пріятная и разнообразная, но у нѣкоторыхъ видовъ очень однообразная.

Мѣстопребываніе сорокопутовыхъ птицъ — это небольшія рощи, окруженныя полями и лугами, живыя изгороди и кусты среди полей, сады и деревья, растущія въ одиночку, а сидятъ и отдыхаютъ онѣ обыкновенно на самыхъ высокихъ вѣтвяхъ. Большинство сѣверныхъ видовъ появляются на сѣверѣ лишь лѣтомъ, всякій годъ путешествуютъ и долетаютъ до средней Африки. Жизнь и нравы этихъ птицъ столь же напоминаютъ нравы хищниковъ, какъ и нравы многихъ вороновыхъ. Несмотря на свою незначительную величину, сорокопутовыя принадлежатъ къ самымъ храбрымъ, хищнымъ и кровожаднымъ птицамъ. Способности ихъ не особенно развиты, но очень разнообразны. Голосъ ихъ монотоненъ, и пѣніе почти не стоитъ того, чтобы упоминать о немъ; летаютъ онѣ плохо и неправильно, ходятъ въ припрыжку; однако же онѣ подстерегаютъ и ловятъ болѣе ловкихъ птицъ, чѣмъ онѣ сами, а пѣніе ихъ значительно улучшается благодаря тому, что онѣ, повидимому, съ большимъ трудомъ и усиліемъ подражаютъ пѣснямъ другихъ птицъ или по крайней мѣрѣ воспроизводятъ отдѣльныя строфы и звуки, издаваемые другими птицами, а затѣмъ распѣваютъ, своеобразно соединяя и сливая заученные звуки. Вслѣдствіе этой привычки, нѣкоторыя сорокопутовыя пользуются любовью человѣка и составляютъ радость и гордость многихъ любителей.

Сорокопутовыя въ сущности птицы насѣкомоядныя; но большинство видовъ охотится на мелкихъ птичекъ и представляютъ собою тѣмъ болѣе опасныхъ животныхъ, что мелкія птицы не обращаютъ на нихъ вниманія и относятся къ нимъ съ ничѣмъ не оправдываемымъ довѣріемъ. Сорокопутовыя въ теченіе нѣсколькихъ минутъ преспокойно сидятъ среди другихъ птицъ, даже распѣваютъ вмѣстѣ съ ними и снискиваютъ себѣ полное довѣріе; но вдругъ онѣ взлетаютъ, неожиданно схватываютъ ближайшую птицу и душатъ ее, какъ настоящіе хищники. Замѣчательно обыкновеніе ихъ накалывать пойманную добычу на острыя колючки. Тамъ, гдѣ живетъ парочка сорокопутовыхъ птицъ, всегда почти можно найти сохраненныхъ такимъ образомъ насѣкомыхъ и даже маленькихъ птицъ, пресмыкающихся и земноводныхъ. Отсюда названіе „убійцы“ (Neuntöter), которое народъ далъ въ Германіи сорокопутамъ.

Гнѣздо обыкновенно устроено довольно искусно и помѣщается въ самомъ густомъ кустарникѣ или по крайней мѣрѣ среди самыхъ густыхъ вѣтвей; оно большею частью бываетъ украшено зеленью. Яицъ кладется 4—6; высиживаетъ ихъ одна самка, самецъ же въ это время беретъ на себя обязанность кормить свою супругу.

Молодыхъ птицъ родители выкармливаютъ общими силами, чрезвычайно любятъ ихъ и храбро защищаютъ отъ грозящей имъ опасности; взрослыя птицы еще нѣсколько времени водятъ своихъ дѣтей, вылетѣвшихъ изъ гнѣзда, и только поздней осенью или въ первые зимніе дни окончательно предоставляютъ ихъ самимъ себѣ.

Въ послѣднее время разсматриваемое семейство раздѣлили на группы, которыя можно назвать подсемействами. Изъ нихъ мы прежде укажемъ на сорокопутовъ (Laniinae), такъ какъ къ нимъ принадлежатъ европейскіе виды.

*

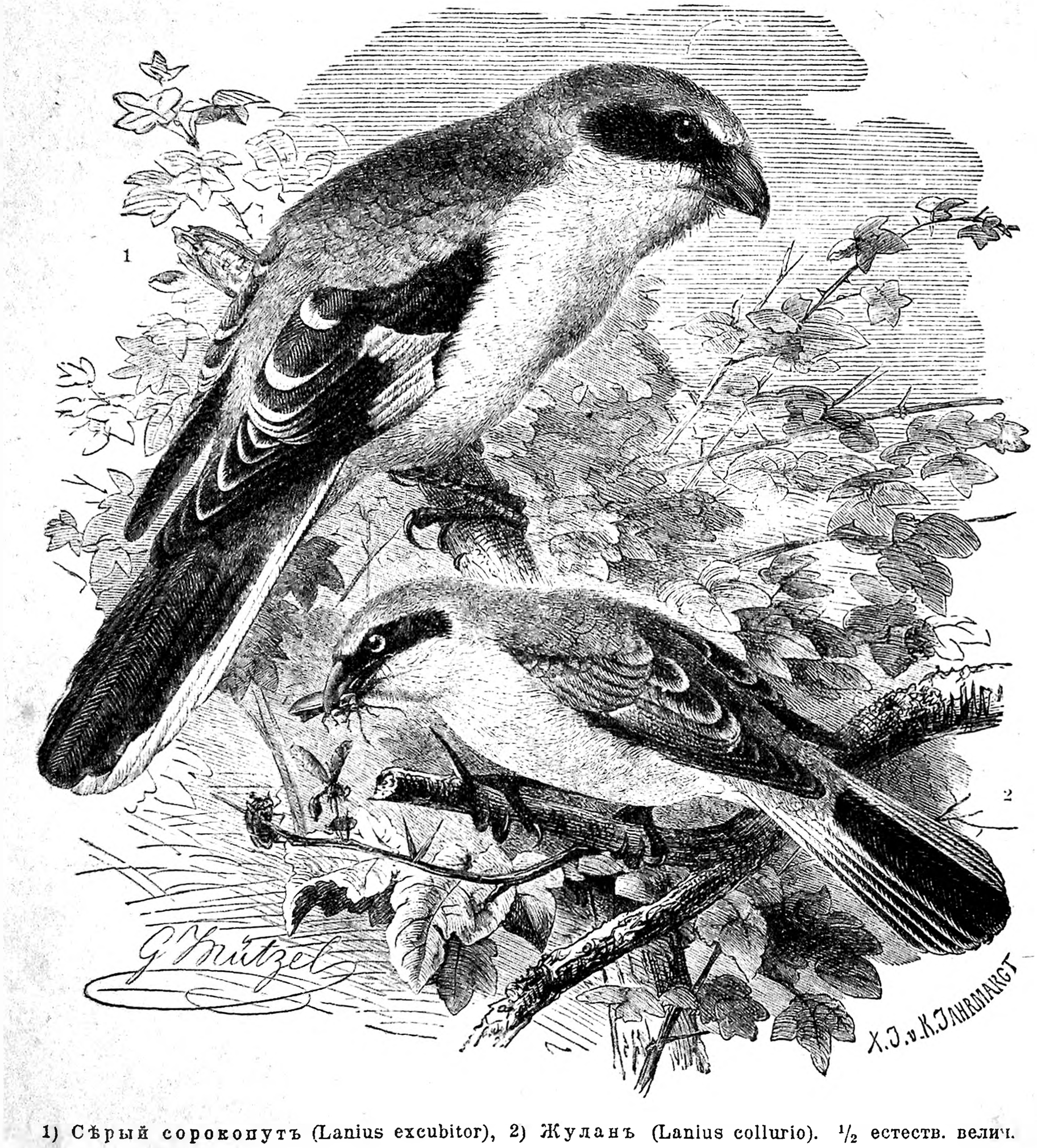
Достойнѣйшимъ представителемъ рода сорокопутовъ (Lanius) является сѣрый сорокопутъ (Lanius excubitor). Длина его 26 сантиметровъ. Оперѣніе верхней стороны, за исключеніемъ длиннаго бѣлаго пятна на плечѣ, равномѣрнаго свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, нижняя же сторона чисто бѣлая; широкая черная полоса съ бѣлой каемкой проходитъ черезъ глазъ. Крыло состоитъ изъ бѣлыхъ отъ основанія до середины большихъ маховыхъ перьевъ, бѣлыхъ при основаніи малыхъ маховыхъ перьевъ, бѣлыхъ на концѣ и на внутреннемъ опахалѣ верхнихъ большихъ маховыхъ перьевъ, всѣ прочія маховыя и кроющія перья черныя. Въ хвостѣ оба среднихъ пера черныя; остальныя хвостовыя перья мало по малу становятся свѣтлѣе, и въ нихъ начинаетъ преобладать бѣлый цвѣтъ, пятое наружное перо уже совсѣмъ бѣлое, за исключеніемъ большого чернаго пятна на серединѣ внутренняго опахала, а наружное перо совершенно бѣлое, кромѣ черной полоски на стержнѣ. Глаза каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. У самки цвѣта менѣе чистые, молодыя птицы покрыты волнообразными линіями, особенно замѣтными на груди.

На ряду съ сѣрымъ сорокопутомъ въ Европѣ живутъ его родственники, которыхъ, отчасти по крайней мѣрѣ, можно считать отдѣльными видами.

Сѣрый сорокопутъ водится во всѣхъ европейскихъ странахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ южныхъ, и въ значительной части азіатскихъ странъ, вездѣ являясь осѣдлой или бродячей птицей; въ сѣверной же Африкѣ и въ южной Азіи это птица перелетная. Начиная съ сентября и до ноября и съ февраля до апрѣля, сѣраго сорокопута можно видѣть всего чаще, такъ какъ въ это время онъ бродитъ съ мѣста на мѣсто. Зимою онъ охотно доходитъ до человѣческихъ поселеній; лѣтомъ онъ живетъ парами на лѣсныхъ опушкахъ или на деревьяхъ, одиноко стоящихъ среди полей. Рощи и опушки лѣсовъ, граничащія съ лугами или пастбищами — вотъ его любимыя мѣста; здѣсь онъ обыкновенно устраиваетъ и свои гнѣзда. Повидимому, въ горахъ онъ встрѣчается столь же часто, какъ на равнинахъ, и совершенно отсутствуетъ на вершинахъ горъ и въ болотистыхъ мѣстностяхъ. Кто разъ видѣлъ сѣраго сорокопута, тотъ уже не смѣшаетъ его съ его родственниками, отъ которыхъ онъ отличается какъ характеромъ, такъ и величиной. Обыкновенно его можно видѣть на верхушкѣ дерева или куста, откуда можно далеко озирать окрестность; онъ неподвижно сидитъ то приподнявшись и прямо опустивъ хвостъ, то держа тѣло горизонтально. Взоръ его непрестанно блуждаетъ кругомъ, и отъ него не укроется ни пролетающая мимо хищная птица, ни ползущее по землѣ насѣкомое, ни маленькая птичка, ни мышь. Каждая большая птица изъ семейства соколиныхъ привѣтствуется крикомъ, подвергается нападенію и храбро преслѣдуется. Не даромъ нѣмцы называютъ сѣраго сорокопута „сторожемъ“ (Wächter): его предостерегающій крикъ указываютъ всѣмъ прочимъ птицамъ на приближающуюся опасность.

Если онъ замѣчаетъ какое нибудь маленькое существо, то бросается внизъ и пытается схватить его, иногда даже нѣкоторое время бѣжитъ по землѣ за улепетывающею мышью. Нерѣдко можно видѣть, какъ сѣрый сорокопутъ раскачивается довольно долго на одномъ мѣстѣ и затѣмъ устремляется внизъ, словно соколъ, на высмотрѣнную добычу. Зимою сѣрый сорокопутъ часто сидитъ среди воробьевъ,

вмѣстѣ съ ними грѣется на солнышкѣ, намѣчаетъ себѣ одного изъ нихъ на обѣдъ, внезапно, сдѣлавъ крутой поворотъ, нападаетъ на него, схватываетъ его сбоку, заклевываетъ его и сдавливаетъ когтями, затѣмъ тащитъ свою жертву то въ клювѣ, то въ когтяхъ въ безопасное мѣсто и здѣсь, если онъ не очень голоденъ, привѣшиваетъ его на колючки или на острыя вѣтки, иногда и на конецъ тонкой палки. Здѣсь онъ постепенно разрываетъ свою добычу, отрываетъ себѣ такіе куски, которые ему удобно проглотить и поѣдаетъ ихъ одинъ за другимъ. Смѣлость сѣраго сорокопута такъ же велика, какъ и его дерзость. Мучимый голодомъ, онъ,

1) Сѣрый сорокопутъ (Lanius excubitor), 2) Жуланъ (Lanius collurio). ½ естеств. велич.

несмотря на свою обычную осторожность, схватываетъ свою добычу въ присутствіи человѣка и притомъ иногда такъ опрометчиво ставитъ свою безопасность на карту, что его можно поймать рукой. Если бы ловкость его не уступала его храбрости и смѣлости, то это былъ бы одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. Къ счастью для мелкихъ пташекъ ему очень часто не удается схватить намѣченной добычи; но тѣмъ не менѣе въ своемъ участкѣ онъ является опаснымъ противникомъ всѣхъ болѣе слабыхъ птицъ.

Внѣшнія чувства развиты хорошо. Особенно хорошо, повидимому, развито зрѣніе, но и слухъ у сорокопута великолѣпный: каждый легкій шумъ возбуждаетъ вниманіе осторожной птицы. Что сѣрый сорокопутъ уменъ — въ этомъ нельзя

сомнѣваться; но еще въ бо́льшей степени онъ отличается страстностью. Онъ страшно склоненъ къ ссорамъ, любитъ драться и кусаться, всякую приближающуюся къ нему птицу старается выгнать изъ своего участка и очень враждебно относится къ хищнымъ птицамъ, особенно же ненавидитъ филина.

Обыкновенный крикъ, выражающій всякое возбужденное состояніе, какъ радостное, такъ и непріятное, это часто повторяемый звукъ „гэ гэ гэ гэ“. Кромѣ того, сѣрый сорокопутъ издаетъ нѣжное „труи труи“, которое служитъ призывомъ въ ясные зимніе дни; когда дѣло близится къ веснѣ, онъ уже начинаетъ по настоящему пѣть, причемъ пѣніе его состоитъ изъ нѣсколькихъ тоновъ, различныхъ у различныхъ птицъ, и иногда звучитъ очень странно, такъ какъ представляетъ собою только подражаніе голосамъ маленькихъ пѣвчихъ птичекъ, живущихъ въ извѣстной области. Это составное пѣніе издается не только самцомъ, но и самкой. Иногда слышится звонкій пискъ, какой издаютъ мелкія птицы, находясь въ большой опасности. При этомъ сорокопутъ сидитъ совершенно смирно и можно подумать, что своимъ жалобнымъ крикомъ онъ хочетъ привлечь любопытныхъ причемъ для того, чтобы изъ ихъ числа поймать себѣ одну на обѣдъ.

Въ апрѣлѣ парочка приступаетъ къ воспроизведенію потомства. Для этой цѣли она выбираетъ себѣ на лѣсной опушкѣ, въ рощѣ, въ саду или въ кустахъ подходящее деревцо, всего охотнѣе кустъ боярышника или дикое фруктовое дерево, и сюда сноситъ сухіе стебельки травы, прутики, земляной и древесный мохъ для постройки довольно искуснаго, сравнительно большого гнѣзда, внутри имѣющаго полушарообразную форму и выложеннаго соломой, травками, шерстью и волосами. Яицъ кладется 4—7; они покрыты по зеленовато-сѣрому фону оливково-бурыми и пепельно-сѣрыми пятнами и высиживаются въ теченіе 15-ти дней. Въ началѣ мая вылупляются птенцы, и оба родителя таскаютъ имъ во множествѣ жуковъ, кузнечиковъ и другихъ насѣкомыхъ, а впослѣдствіи маленькихъ птичекъ и мышей, защищаютъ ихъ, не щадя собственной жизни, безстрашно встрѣчая всякую опасность, грозящую ихъ дѣтямъ, которыхъ долгое время еще кормятъ и водятъ до поздней осени.

Тетеревятники и ястреба-перепелятники, не уступающіе жестокостью сѣрому сорокопуту, — вотъ злѣйшіе враги разсматриваемой птицы. Сорокопутъ знаетъ своихъ враговъ и по возможности остерегается ихъ, но иногда не выдерживаетъ, кидается на одного изъ нихъ и тогда становится добычей болѣе сильнаго хищника. Кромѣ того, сорокопута мучаютъ всевозможные паразиты. Человѣкъ безъ труда ловитъ сорокопута передъ охотничьими шалашами и на птицеловномъ току. Тамъ, гдѣ на обширномъ пространствѣ нѣтъ деревьевъ, легко поймать сорокопута, прикрѣпивъ пучекъ намазанныхъ клеемъ прутьевъ къ шесту средней вышины; нетрудно также изловить эту птицу, выслѣдивъ ея любимыя мѣстечки и искусно прикрѣпивъ туда обмазанные клеемъ прутики.

Въ неволѣ сѣрый сорокопутъ скоро становится ручнымъ, скоро выучивается различать своего хозяина, привѣтствуетъ его радостнымъ крикомъ, довольно усердно распѣваетъ свои забавныя пѣсни, но держать его не такъ удобно, какъ его родственниковъ. Говорятъ, что прежде сорокопута дрессировали для охоты; но еще чаще при помощи сорокопутовъ ловили соколовъ.

Всѣ среднеевропейскія долины, гдѣ преобладаетъ лиственный лѣсъ даютъ пріютъ малому сорокопуту (Lanius minor), одному изъ самыхъ красивыхъ видовъ семейства. Опереніе у него на верхней сторонѣ свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, на нижней сторонѣ бѣлое, на груди словно съ розовымъ налетомъ; лобъ и уздечка, а также крыло черные, за исключеніемъ бѣлаго пятна, которое распространяется на ближайшихъ къ основанію половинкахъ первыхъ девяти большихъ маховыхъ перьевъ и узкой бѣлой каемки на концѣ малыхъ маховыхъ перьевъ.

Изъ нѣмецкихъ сорокопутовъ самый извѣстный жуланъ (Lanius collurio, рис. на стр. 250). Голова, задняя часть шеи, надхвостье и кроющія перья хвоста свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, прочія верхнія части тѣла краснаго буро-

краснаго цвѣта, узкая полоска на краю лба и уздечка, сверху и снизу ограниченная бѣлой полосой, черныя, щеки, подбородокъ, горло и нижнія кроющія перья хвоста бѣлаго цвѣта; прочія нижнія части тѣла блѣдно-розовыя, большія и малыя маховыя перья буровато-сѣровато-черныя съ узкой свѣтло-бурой каемкой, верхнія маховыя перья почти совсѣмъ ржаво-бурыя; у основанія каждаго малаго махового пера находится маленькое свѣтлое пятнышко, которое, когда крыло раскрыто, образуетъ замѣтную полосу; среднія перья хвоста буровато-черныя; слѣдующія при основаніи бѣлыя, а крайнія на три четверти бѣлыя и только на концѣ черныя. Глаза каріе, клювъ черный, ноги сѣровато-черныя. У самки верхняя сторона ржаво-сѣрая, нижняя сторона на бѣловатомъ фонѣ покрыта бурыми волнообразными полосками. Длина 18 сантиметровъ.

Въ Германіи жуланъ самый распространенный изъ всѣхъ сорокопутовъ. Онъ населяетъ почти всю Европу отъ Финляндіи и Россіи до южной Франціи и Греціи, а также умѣренныя части Сибири. Въ Испаніи это рѣдкое явленіе, но говорятъ, что въ сѣверо-западныхъ частяхъ этой страны онъ иногда выводитъ птенцовъ; въ Греціи онъ размножается только на болѣе высокихъ горахъ. Во время своего зимняго путешествія онъ пролетаетъ черезъ всю Африку. Въ средней Европѣ онъ рѣдко появляется раньше начала мая и остается обыкновенно только до половины августа.

Селится онъ въ кустахъ, прилегающихъ къ лугамъ и пастбищамъ, а также въ садахъ и плантаціяхъ деревьевъ. Густыя изгороди и заросли, повидимому, необходимы для его благосостоянія. Если уничтожить такія заросли, то жуланъ покидаетъ мѣстность, въ которой прежде часто встрѣчался. Но эта птица довольствуется малымъ — одного густого куста въ полѣ для нея достаточно. Тогда много лѣтъ подрядъ жуланъ вьетъ свое гнѣздо на одномъ и томъ же мѣстѣ и отстаиваетъ избранное имъ мѣстечко отъ всякихъ другихъ птицъ, а также отъ всякой парочки себѣ подобныхъ.

Жуланъ также смѣлая, храбрая, рѣзвая и безпокойная птица. Даже сидя, она постоянно поворачиваетъ голову во всѣ стороны и машетъ хвостомъ вверхъ и внизъ. Его сторожевые посты — это верхушки кустовъ и деревьевъ; отсюда онъ озираетъ свой охотничій районъ и сюда возвращается послѣ всякаго полета. Если спугнуть его, то онъ бросается съ высоты внизъ, скользитъ надъ землею и только тогда поднимается, когда снова намѣревается сѣсть. Жуланъ также неохотно далеко улетаетъ въ одинъ пріемъ, отдыхаетъ понемногу вездѣ, гдѣ только находитъ подходящее мѣсто и лишь послѣ этого продолжаетъ свой путь. Призывной голосъ его — довольно внятный звукъ „гэк гэк гэк“ или не поддающійся описанію звукъ вродѣ „зэ-э“ или „грэ-э“. Оба эти звука издаются съ различной интонаціей и выражаютъ то радостныя, то тревожныя чувства. Похожіе звуки издаются для того, чтобы предостерегать неопытныхъ молодыхъ птицъ отъ опасности. Нѣкоторые самцы вовсе и не издаютъ иныхъ звуковъ, между тѣмъ какъ другихъ можно причислить къ самымъ лучшимъ пѣвцамъ. Жуланъ также отличается поразительной способностью подражать голосамъ другихъ птицъ. „Однажды мнѣ пришлось слышать, какъ эта птица великолѣпно пѣла“, говоритъ мой отецъ. „Самецъ, около котораго не было самки, сидѣлъ на верхушкѣ куста и долгое время пѣлъ довольно громко и очень пріятно. Онъ воспроизводилъ строфы, издаваемыя полевымъ и лѣснымъ жаворонкомъ, славкой и другими пѣвцами. Тона трехъ указанныхъ видовъ часто повторялись и такъ сливались, что составляли чрезвычайно привлекательное цѣлое.“

Чѣмъ старше становится самецъ, тѣмъ больше развиваются его способности. „Если какая-нибудь птица заслуживаетъ названія пересмѣшника, такъ это жуланъ“, говоритъ графъ Гурси. „По моему, кромѣ нѣсколькихъ грубыхъ строфъ у него нѣтъ собственнаго пѣнія, а потому и птицы, воспитанныя человѣкомъ внѣ общества другихъ хорошо поющихъ птицъ, поютъ довольно плохо. Пойманные жуланы не тотчасъ же становятся ручными; но когда они дѣлаются ручными, то — если на свободѣ они были окружены хорошими пѣвцами—врядъ-ли можно имѣть въ комнатѣ болѣе пріятнаго пѣвца, чѣмъ эти сорокопуты, ибо всегда съ новымъ

удовольствіемъ вслушиваешься въ его крайне разнообразные и крайне искусные подражательные напѣвы. Жаль только, чтъ почти каждый жуланъ примѣшиваетъ къ своему пѣнію плохіе звуки. Особенно хорошо почти всѣ жуланы воспроизводятъ кваканье лягушекъ. Тотъ жуланъ, который имѣется у меня въ настоящее время, превосходная птица, которая замѣчательно хорошо и вѣрно передаетъ пѣніе соловья, полевого жаворонка, деревенской ласточки, пестрогрудки, черноголовки, обыкновенной овсянки, воспроизводитъ крикъ чернаго дрозда и сѣрой куропатки и такъ сливаетъ эти звуки, что переходъ отъ пѣнія одной птицы къ пѣнію другой совсѣмъ не замѣтенъ. Кромѣ того, онъ умѣетъ еще лаять по собачьи. Иногда онъ пѣлъ еще въ сентябрѣ и вновь начиналъ свое пѣніе 16-го ноября."

Къ сожалѣнію эта рѣзвая птица, столь способная къ пѣнію, навлекаетъ на себя ненависть за другія свойства. Это одинъ изъ самыхъ отвратительныхъ враговъ маленькихъ пѣвчихъ птичекъ. Правда, главнымъ образомъ, жуланъ питается насѣкомыми, а именно жуками, кузнечиками, бабочками, а также гусеницами, которыхъ онъ преслѣдуетъ съ рвеніемъ и убиваетъ даже тогда, когда сытъ; но онъ охотится также на всѣхъ мелкихъ позвоночныхъ, которыхъ только можетъ одолѣть, ловитъ мышей, птицъ, ящерицъ, лягушекъ и особенно много зла причиняетъ пернатымъ пѣвцамъ, которые ютятся въ садахъ и въ кустахъ. Гдѣ поселилась пара жулановъ, тамъ мало по малу исчезаютъ всѣ маленькія славки, садовыя и обыкновенныя пѣночки и даже птицы, устраивающія себѣ гнѣзда въ дуплахъ. Вслѣдствіе постояннаго страха, въ которомъ имъ приходится жить, эти птицы покидаютъ данную мѣстность или же попадаются на обѣдъ жулану. Онъ умѣетъ превосходно отыскивать гнѣзда, а найдя гнѣздо, одного за другимъ вытаскиваетъ изъ него птенцовъ. Науманнъ видѣлъ, какъ жуланъ душилъ и уносилъ съ собою молодыхъ говорунчиковъ, желтыхъ плисокъ, маленкихъ щевриц и лѣсныхъ коньковъ, какъ онъ нападалъ на птицъ, запутавшихся въ силокъ и пробовалъ вытаскивать зябликовъ изъ клѣтокъ. Другіе наблюдатели подтверждаютъ это. „Уже нѣсколько разъ", говоритъ Ленцъ, „я дѣлалъ слѣдующіе опыты: 1) Въ большомъ саду, обнесенномъ крѣпкой изгородью изъ терновника, я убивалъ всякаго сорокопута, который только селился въ саду. Такимъ образомъ, полезныя птички могли свободно выводить птенцовъ въ привѣшенныхъ мною коробкахъ и въ своихъ собственныхъ гнѣздахъ, одерживали полную побѣду надъ вредными насѣкомыми, и я получалъ огромное количество великолѣпныхъ плодовъ. 2) Въ точно такомъ же саду я предоставилъ сорокопутамъ свободу хозяйничать по своему благоусмотрѣнію. Но тогда всѣ другія птички покинули садъ — даже тѣ, которыя обыкновенно выводили птенцовъ въ привѣшанныхъ для нихъ коробкахъ; гусеницы изгрызли мои деревья такъ, что жаль было смотрѣть на нихъ, а плодовъ я совсѣмъ не получилъ. 3) Въ еще бо́льшемъ саду моего сосѣда я оставилъ сорокопутовъ въ одномъ углу сада, гдѣ находился густой колючій кустарникъ. Всѣ другія гнѣзда сорокопутовъ въ этомъ саду я уничтожалъ, какъ только они сооружались и убивалъ старшковъ. Скоро оказалось, что вокругъ упомянутаго угла всѣ фруктовыя деревья были обгрызаны гусеницами и не дали плодовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ сада урожай фруктовъ былъ хорошій."

Жулану еще болѣе, чѣмъ другимъ членамъ его семейства, свойственна привычка привѣшивать пойманную добычу на колючку или на острую вѣтку, прежде чѣмъ съѣсть ее. „Здѣсь", говоритъ Науманнъ, „онъ собираетъ, даже когда сытъ, цѣлыя трапезы и въ одинъ присѣстъ поѣдаетъ свои запасы, когда голодъ даетъ себя чувствовать. Въ хорошую погоду на колючкахъ можно найти почти однихъ только жуковъ, насѣкомыхъ и маленькихъ лягушекъ, въ холодную, вѣтренную погоду — цѣлый рядъ молодыхъ птицъ, среди которыхъ я находилъ уже вылетѣвшихъ изъ гнѣзда славокъ и ласточекъ. Мозгъ птицъ является повидимому лакомымъ блюдомъ для жулановъ, такъ какъ у большинства птицъ, впсѣвшихъ на колючкахъ, былъ прежде всего выклеванъ мозгъ. Если помѣшать жулану во время трапезы, то онъ бросаетъ свои запасы, которые засыхаютъ. Маленькія ля-

гушки, очень часто встрѣчающіяся среди запасовъ, всегда особеннымъ образомъ накалываются черезъ ротъ.“

Если ничто не помѣшаетъ парочкѣ жулановъ вывести птенцовъ, то она производитъ потомство только однажды въ годъ. Гнѣздо всегда помѣщается въ густомъ кустарникѣ, чаще всего на терновомъ кустѣ, и притомъ невысоко надъ землею. Оно большое, плотное, толстое и построено хорошо, снаружи сложено изъ крѣпкихъ стеблей и стебельковъ травъ, пырея, мха и т. п., по направленію внутрь такого же рода матеріалы становятся тоньше, тщательно складываются и переплетаются, а внутри гнѣздо выстилается нѣжными травками и тонкими корешками. Яицъ, различныхъ по величинѣ и окраскѣ, кладется, въ гнѣздо 5—6. Яйца бываютъ то продолговатыя, то нѣсколько пузатыя или даже кругловатыя и на желтоватомъ, зеленовато-сѣровато-желтомъ, блѣдно-желтомъ и желтовато-красновато-мясномъ фонѣ покрыты пепельно-сѣрыми, оливково-бурыми, кроваво-красными и красно-бурыми пятнами. Самка одна сидитъ на яйцахъ и притомъ такъ неподвижно, что ей можно класть на спину прутики, обмазанные клеемъ, и такимъ образомъ ловить. Птенцовъ выкармливаютъ оба родителя, которые сильно любятъ и храбро защищаютъ свое потомство.

Въ неволѣ жуланъ при хорошемъ уходѣ выживаетъ нѣсколько лѣтъ. Съ другими птицами этотъ убійца такъ же мало ладитъ, какъ всѣ прочіе члены его семейства, въ общей клѣткѣ нападаетъ даже на птицъ, равныхъ ему по величинѣ, замучиваетъ до смерти дроздовъ и скворцовъ, хотя эти послѣдніе защищаются по мѣрѣ силъ. Отецъ Науманна иногда держалъ нѣсколькихъ жулановъ въ маленькомъ домикѣ, выстроенномъ въ саду; въ этомъ домикѣ была устроена маленькая висѣлица, т. е. перекладина съ острыми иглами и гвоздями. Воробьи и другія мелкія птицы, которыхъ хозяинъ впускалъ въ домикъ, скоро оказывались пойманными, затѣмъ нацѣплялись на гвозди и разрывались на части. Въ концѣ концовъ, вся висѣлица была увѣшана скелетами.

Четвертый видъ, встрѣчающійся въ Германіи, это красноголовый сорокопутъ (Lanius senator, рис. на стр. 255). Длина его — 19 сантиметровъ. У самца лобъ и передняя часть головы, широкая полоса на уздечкѣ, спина, крылья и хвостъ черные, верхняя часть головы и затылокъ ржаво-красновато-бурые, пятно на боку лба, пятнышко за глазомъ, плечи, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста, всѣ нижнія части тѣла, большія маховыя перья у основанія, малыя маховыя перья и покровы большихъ на концѣ, четыре крайнихъ пары хвостовыхъ перьевъ на концѣ и у основанія — бѣлые.

Въ Германіи красноголовый сорокопутъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Тюрингіи, въ долинѣ Рейна, въ рейнской области, въ Мекленбургѣ, въ Гольштейнѣ рѣдко, въ юго-западной Германіи чаще; зато въ другихъ странахъ и провинціяхъ этой птицы совсѣмъ не встрѣчается. Въ южной Европѣ, а именно въ Испаніи и Греціи, а также въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ это самый обыкновенный изъ всѣхъ сорокопутовъ.

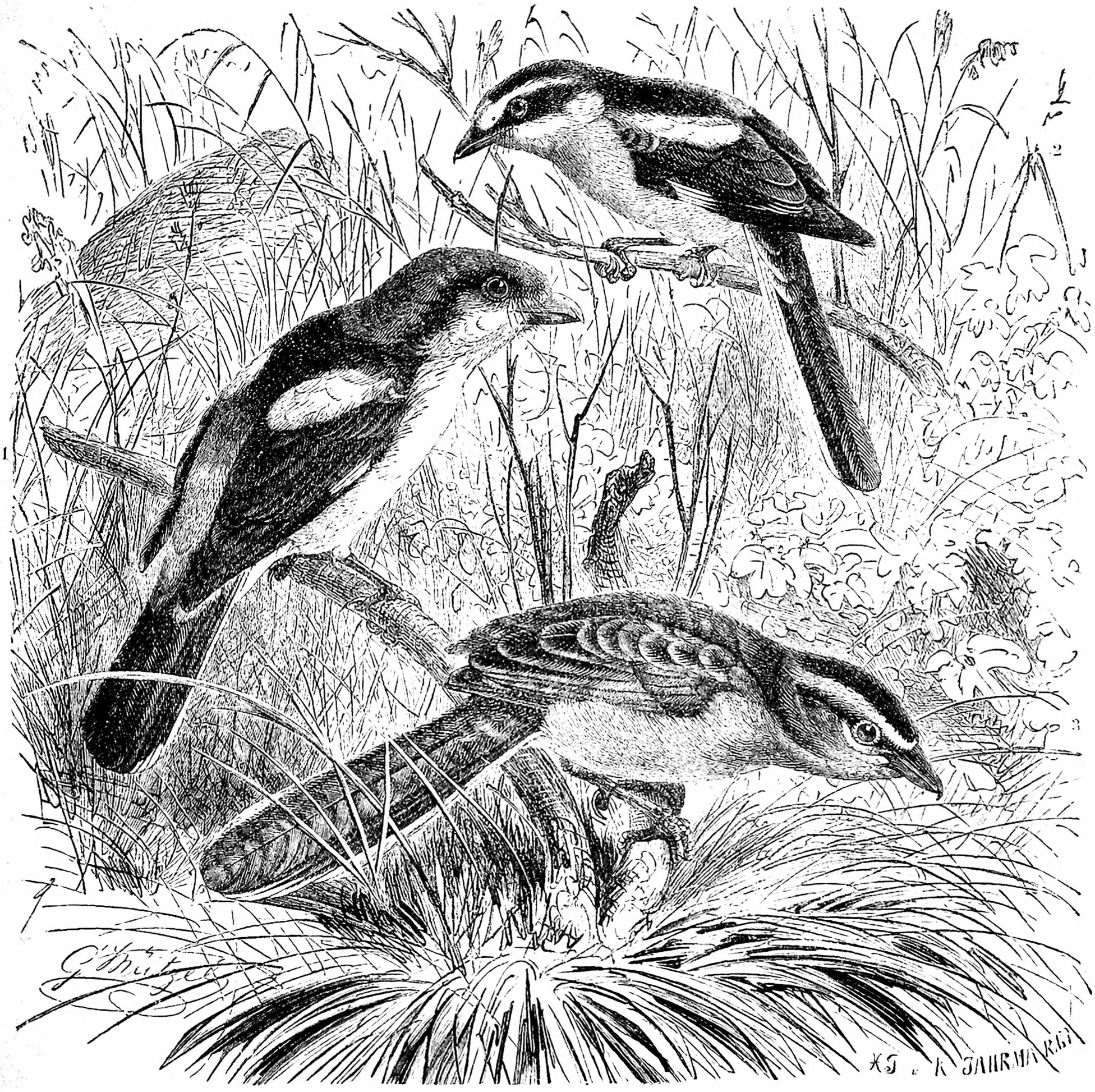
Въ Греціи, но еще гораздо чаще въ Египтѣ и въ Нубіи, кромѣ указанныхъ, живетъ еще одинъ видъ этого рода, а именно нубійскій сорокопутъ (Lanius nubicus, рис. на стр. 255). Верхняя сторона, уздечка, крылья и хвостъ у него синевато-черные, нижнія части тѣла ржаво-желтоватыя, бока ржаво-красноватые, лобъ и брови, плечи, горло и надхвостье, большія маховыя перья при основаніи, малыя маховыя и маленькія кроющія перья пястья съ бѣлой каемкой на концѣ, среднія шесть хвостовыхъ перьевъ совсѣмъ черныя, крайнія чисто-бѣлыя съ чернымъ стержнемъ, прочія перья бѣлыя съ чернымъ. Глаза каріе, клювъ и ноги черные. Длина 16 сантиметровъ.

Въ Африкѣ, Индіи и Австраліи живетъ богатое видами подсемейство лѣсныхъ сорокопутовъ (Malaconotinae). Признаки ихъ: длинный, неявственно зазубренный клювъ съ короткимъ крючкомъ, довольно слабыя ноги,

довольно длинныя крылья, короткій, мало ступеньчатый хвостъ и очень обильное опереніе, особенно сильно развитое на надхвостьѣ и часто великолѣпно окрашенное.

*

Не разъ утверждали, что изображенная на этой страницѣ чагра (Malaconotus erythropterus) также встрѣчалась въ Испаніи; но всѣ произведенныя

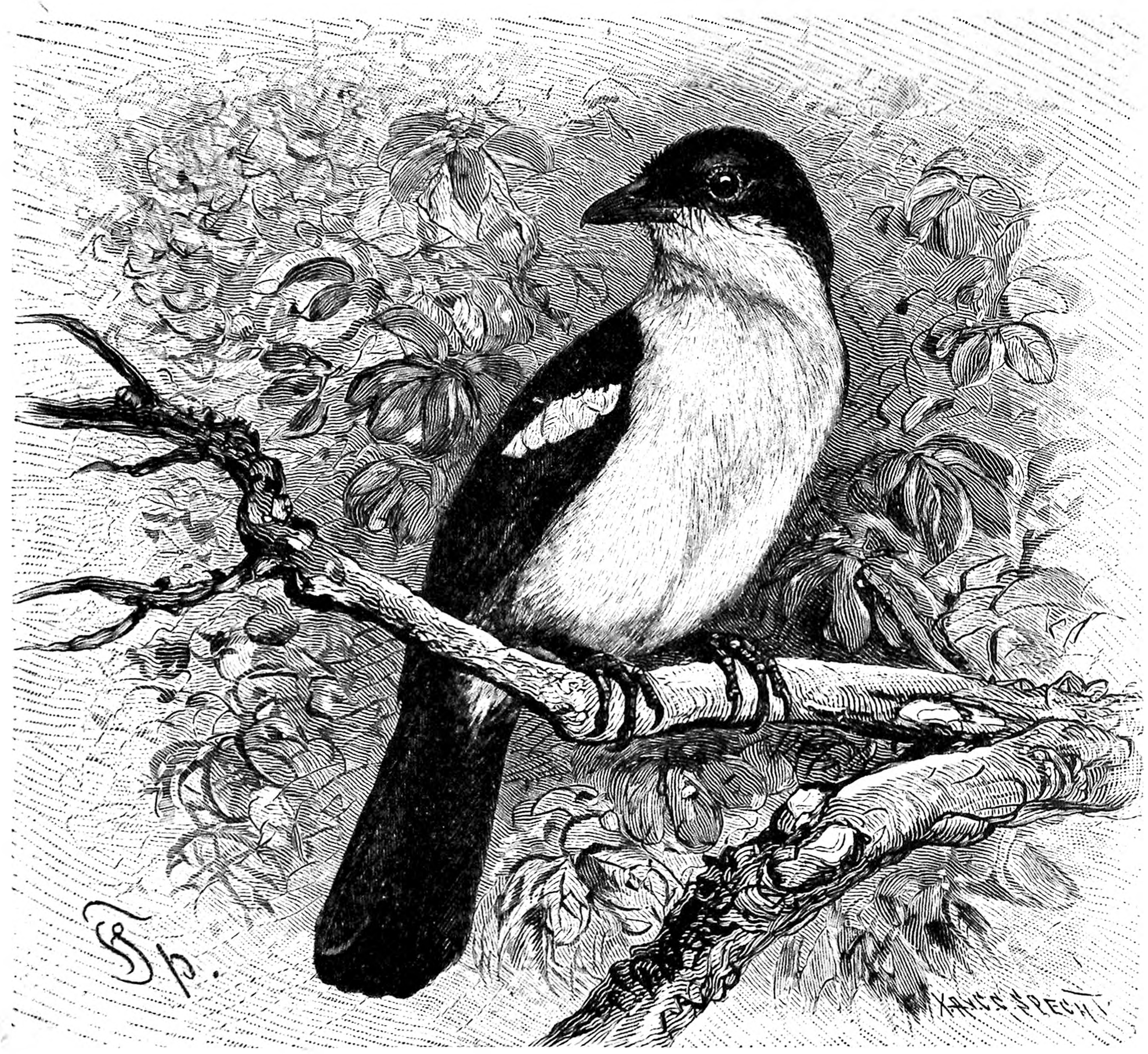
1) Красноголовый сорокопутъ (Lanius senator), 2) Нубійскій сорокопутъ (Lanius nubicus), 3) Чагра (Malaconotus erythropterus). 1/2 естеств. велич.

изслѣдованія доказали несправедливость этого предположенія. Перья у этой птицы на верхней части спины буровато-сѣрыя, на нижней сторонѣ свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта широкая полоса, проходящая по всей головѣ и другая узкая полоса, проходящая черезъ глазъ, чернаго цвѣта; между этими полосками находится полоса спереди бѣлая, а сзади свѣтло-желтая. Наружное опахало маховыхъ перьевъ сѣрое съ широкой ржаво-бурой каймой. Глаза красно-бурые, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя съ зеленоватымъ отливомъ. Длина 21 см.

Водится чагра во всей Африкѣ за исключеніемъ только сѣверо-восточной ея части. Въ горахъ Абиссиніи эта птица забирается на высоту 2000 метровъ.

Образъ дѣйствій ея существенно отличается отъ поведенія ея родственниковъ. Она живетъ только въ самомъ густомъ кустарникѣ и притомъ непосредственно надъ землею, а не на вершинахъ деревьевъ, хотя, если ее ужъ очень сильно преслѣдуютъ, то забирается и на верхушки деревьевъ. Ея охотничій районъ — это поверхность земли. Тутъ она бѣгаетъ съ такою ловкостью, какою не обладаетъ ни одинъ другой сорокопутъ. Она также живетъ парами или въ одиночку, и только послѣ вывода — маленькими обществами, вѣроятно семьями.

У пурпуроваго сорокопута (Malaconotus erythrogaster) верхняя сторона блестяще-черная, нижняя сторона, за исключеніемъ зада, окрашеннаго въ

Пѣвчій сорокопутъ (Malaconotus aethiopicus). $^2/_5$ естеств. велич.

желтоватый цвѣтъ кожи, великолѣпнаго алаго цвѣта, глаза желтые, клювъ черный, ноги свинцоваго цвѣта. Длина приблизительно 23 сантиметра.

Пѣвчій сорокопутъ (Malaconotus aethiopicus) на всей верхней сторонѣ, за исключеніемъ бѣлой полосы на крыльяхъ, окрашенъ въ черный цвѣтъ, нижняя сторона у него чисто-бѣлая съ розовымъ налетомъ, глаза красно-бурые, клювъ черный, ноги синевато-сѣрыя; длина 35 сантиметровъ.

Пурпуровый сорокопутъ встрѣчается во всей восточной части средней Африки, но водится больше въ дремучихъ лѣсахъ на равнинахъ, нежели въ горахъ. Онъ представляетъ собою истинное украшеніе лѣсовъ. Его ярко-красная грудь бросается въ глаза уже издали, мелькая между густыми вѣтвями деревьевъ, покрытыхъ роскошной зеленью; даже неопытный наблюдатель принужденъ обратить вниманіе

на эту птицу, которая не только красива, но и подвижна, и не только подвижна, но и обладаетъ хорошимъ голосомъ. Въ горахъ пурпуроваго сорокопута повидимому замѣняетъ пѣвчій сорокопутъ, который встрѣчается еще въ поясѣ, лежащемъ на высотѣ 2000 и 3000 метровъ; по крайней мѣрѣ пѣвчій сорокопутъ замѣняетъ здѣсь пурпуроваго въ смыслѣ голоса. Оба вида всегда живутъ парами. Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ они встрѣчаются очень часто; одна парочка живетъ около другой, и звонкіе флейтовые тона, которые сначала приводятъ слушателя въ восхищеніе, слышатся здѣсь такъ часто, что начинаютъ надоѣдать. Каждая пара отводитъ себѣ небольшой участокъ, имѣющій приблизительно 150 шаговъ въ поперечникѣ, отстаиваетъ его упорно и не даетъ туда забираться ни одной посторонней птицѣ. Птицы вынуждены дѣйствовать такимъ образомъ, такъ какъ, вслѣдствіе многочисленности ихъ, каждое подходящее мѣсто оказывается занятымъ, и каждая отдѣльная пара должна довольствоваться малымъ. Обыкновенно пѣвчихъ сорокопутовъ чаще приходится видѣть, чѣмъ слышать, такъ какъ они преимущественно пребываютъ въ самомъ густомъ кустарникѣ и только тогда взлетаютъ на верхушки деревьевъ, когда онѣ настолько густы, что покрываютъ птицъ сверху. Пѣвчіе сорокопуты держатся на вѣтвяхъ, густо поросшихъ зеленью, и въ сущности прятаться имъ не удается, такъ какъ яркія краски ихъ виднѣются сквозь самую густую листву, а если птицы исчезнутъ изъ глазъ, то наблюдатель всегда можетъ открыть ихъ мѣстопребываніе при помощи слуха.

Самая замѣчательная черта въ нравахъ этихъ птицъ — это ихъ манера пѣть. Это собственно не пѣсня, а лишь отдѣльные тона, удивительно благозвучные, очень часто повторяемые и издаваемые какъ самцомъ, такъ и самкой. Крикъ пурпуроваго сорокопута напоминаетъ сдавленный свистъ иволги; крикъ пѣвчаго сорокопута состоитъ изъ трехъ, рѣже изъ двухъ чистыхъ и звонкихъ, какъ колокольчикъ, звуковъ, которые движутся въ предѣлахъ одной октавы. Начинается пѣніе пѣвчаго сорокопута съ тона средней высоты, за которымъ слѣдуетъ звукъ болѣе низкій, а затѣмъ значительно болѣе высокій. Первые два тона находятся въ предѣлахъ терціи, а два послѣдніе — въ предѣлахъ октавы. Эти три звонкихъ звука, а также свистъ пурпуроваго сорокопута издаются только самцомъ; но непосредственно за этими звуками слѣдуетъ отвѣтъ самки — непріятное каркань е или визгъ, которое трудно передать, а еще труднѣе описать. Если застрѣлить самку, то визгъ тотчасъ прекращается и самецъ въ страхѣ повторяетъ свой свистъ нѣсколько разъ подрядъ. Если застрѣлить самца, то самка визжитъ или трещитъ. Наблюденіе надъ этими птицами и пѣніе ихъ вначалѣ доставляетъ много удовольствія; но постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ наконецъ становится невыносимымъ — правильность, вѣчная равномѣрность утомительны.

*

Изъ австрійскихъ сорокопутовъ слѣдуетъ указать на соколинаго сорокопута (Falcunculus frontatus). Это птица съ сильнымъ сложеніемъ и пріятно окрашеннымъ опереніемъ, длиною въ 16 сантиметровъ; она очень похожа на европейскую большую синицу, но отличается отъ нея своимъ чрезвычайно сильнымъ клювомъ. Клювъ у соколинаго сорокопута дѣйствительно напоминаетъ клювъ сокола, хотя крючекъ верхней створки и зубецъ не особенно хорошо развиты. Окраска оперенія у обоихъ половъ весьма сходная. Верхнія части тѣла оливковаго цвѣта, нижнія части тѣла ярко-желтыя, полоса, проходящая по лбу и по бокамъ головы, за исключеніемъ черной полосы, идущей къ затылку, бѣлаго цвѣта, хохолокъ, горло и часть передней части черные, переднія и малыя маховыя перья черно-бурыя съ широкими сѣрыми каймами, рулевыя перья, за исключеніемъ чисто-бѣлыхъ крайнихъ перьевъ и такихъ же концовъ прочихъ, окрашены такъ же, какъ маховыя. Глаза красновато-каріе, клювъ черный, ноги синевато-сѣрыя.

Соколиные сорокопуты водятся только на югѣ Австраліи. Главная пища ихъ состоитъ изъ ягодъ, а также изъ насѣкомыхъ, которыхъ они собираютъ съ листьевъ или вытаскиваютъ изъ подъ коры, покрывающей болѣе толстыя вѣтви. Ни одна

птица такой же величины не обладаетъ столь сильнымъ клювомъ, какъ этотъ сорокопутъ; онъ успѣшно пользуется своимъ клювомъ и для того, чтобы защищаться.

Представительницею семейства личинкоѣдовъ (Campephagidae), распространенныхъ въ Австраліи, на Малайскихъ островахъ, въ южной Азіи и въ Африкѣ, можетъ считаться красная птица (Pericrocotus speciosus). Длина самца 33 сантиметра. У самца верхная сторона, маховыя перья и два среднихъ хвостовыхъ пера блестящаго синевато-чернаго цвѣта, нижняя часть спины, широкая полоса на крыльяхъ, образуемая пятнами на наружномъ опахалѣ маховыхъ перьевъ и нѣсколькими кроющими перьями, боковыя перья хвоста и вся нижняя сторона, начиная съ груди, великолѣпнаго алаго цвѣта.

Значительная часть сѣверной Индіи, Гималайскихъ горъ до Ассама, сѣверо-западная и центральная провинціи, Бенгалія, Ассамъ и сѣверная Барма такъ же, какъ южный Китай, являются родиной этой великолѣпной птицы; пребываетъ она главнымъ образомъ въ лѣсныхъ пространствахъ до высоты приблизительно 2000 метровъ.

У мухоловковыхъ птицъ (Muscicapidae) тѣло продолговатое, клювъ сильный и короткій, у основанія шире, дальше сжатъ сверху внизъ, на гребнѣ верхней створки угловатый, кончикъ же верхней створки загибается внизъ и передъ загибомъ снабженъ выемкой, ноги короткія и слабыя, причемъ наружный палецъ срослся съ среднимъ, крылья довольно длинныя и въ нихъ самое длинное маховое перо — третье, хвостъ средней длины или прямо обрѣзанный, или же слегка выемчатый, опереніе пушистое и мягкое, вокругъ основанія клюва щетинистое, окраска же оперенія бываетъ различна въ зависимости отъ пола и возраста.

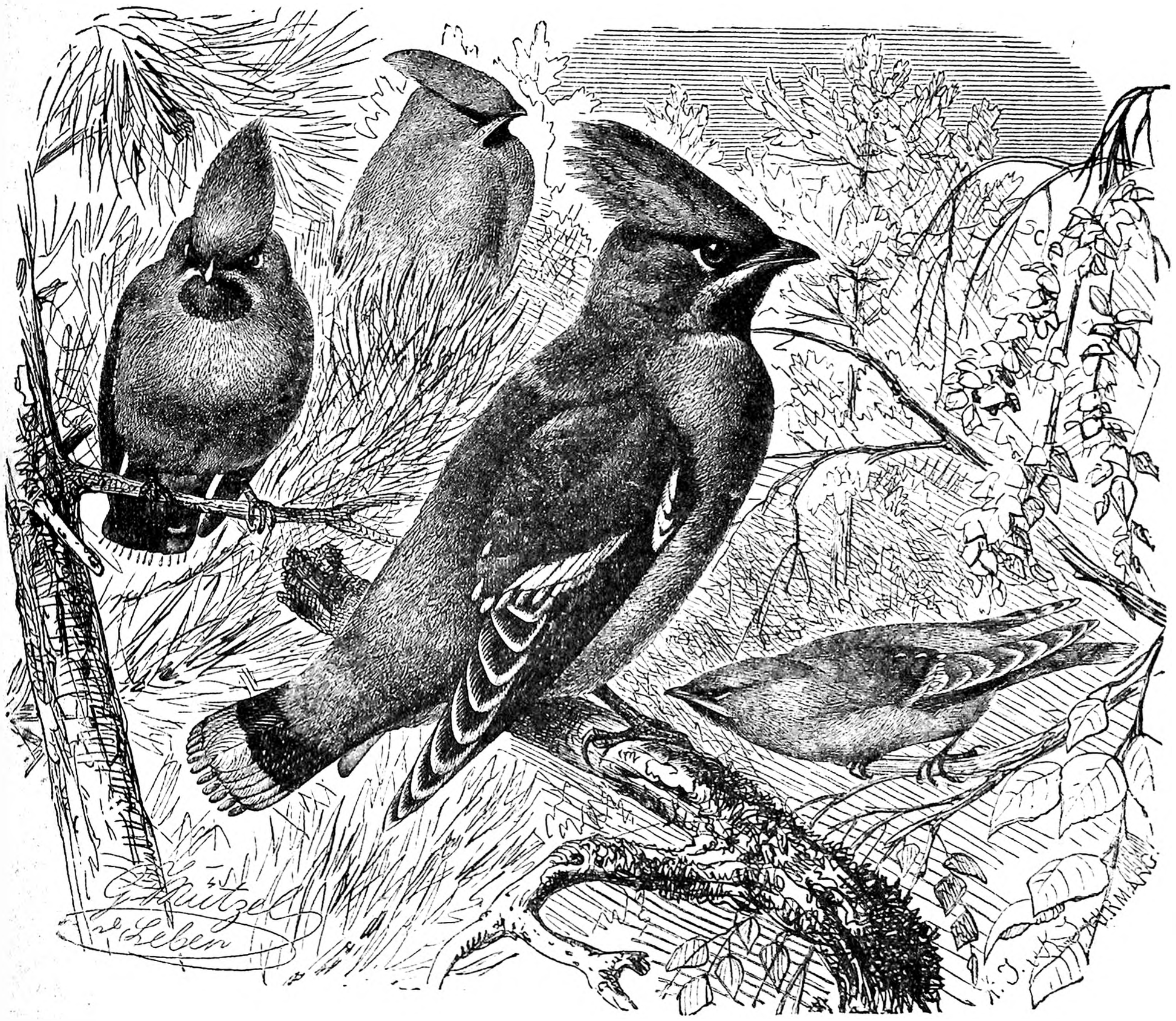
Мухоловковыя птицы, изъ которыхъ извѣстно болѣе 300 видовъ, обитаютъ въ восточной половинѣ земного шара и особенно многочисленны въ жаркомъ поясѣ; въ Америкѣ ихъ живетъ лишь нѣсколько видовъ. Онѣ водятся въ лѣсахъ и въ садахъ, больше живетъ на деревьяхъ, чѣмъ на кустахъ, и рѣдко спускаются на землю. Сидя по возможности на такой вѣткѣ, откуда можно озирать окрестность, онѣ высматриваютъ насѣкомыхъ, ловко летятъ вслѣдъ за ними, схватываютъ ихъ клювомъ, а затѣмъ обыкновенно возвращаются на прежнее мѣсто. Въ дурную погоду и особенно въ то время, когда имъ приходится заботиться о птенцахъ, онѣ собираютъ также ягоды. Онѣ почти весь день заняты, рѣзвы, безпокойны, ловки, человѣка не особенно боятся, а по отношенію къ хищнымъ птицамъ смѣлы и дерзки. Въ противоположность родственнымъ имъ птицамъ, мухоловки рѣдко издаютъ какіе-нибудь звуки; голосъ ихъ, разумѣется, всего чаще слышится въ періодъ спариванія, въ теченіе котораго самцы хоть тихонько распѣваютъ весьма незатѣйливую пѣсенку. Гнѣздо — неплотное, небрежное сооруженіе, хорошо впрочемъ выложенное внутри — устраивается или въ дуплахъ деревьевъ, или между сучками, обыкновенно близко къ стволу. Яицъ кладется въ гнѣздо 4—5, и высиживаются они обоими родителями. Когда птенцы подросли, родители еще нѣкоторое время бродятъ съ ними; затѣмъ, очень ранней осенью, мухоловковыя птицы предпринимаютъ свое зимнее путешествіе въ первобытные лѣса центральной Африки, откуда возвращаются только позднею весною.

*

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, живущая въ Европѣ обыкновенная свиристель (Bombycilla garrula, рис. на стр. 259) принадлежитъ къ этому семейству. Опереніе это птицы довольно равномѣрнаго красновато-сѣраго цвѣта, на верхней сторонѣ обыкновенно темнѣе, чѣмъ на нижней, которая переходитъ въ бѣловато-сѣрый цвѣтъ; лобъ и область зада красновато-бурые, подбородокъ, горло, уздечка и полоска надъ глазомъ черныя, большія маховыя перья

сѣровато-черныя, на концѣ наружнаго опахала съ свѣтлыми золотисто-желтыми пятнами, на внутреннемъ опахалѣ — съ бѣлой каемкой; малыя маховыя перья оканчиваются широкими роговыми или пергаментовидными отростками, окрашенными въ красный цвѣтъ; рулевыя перья черноватыя, на концѣ свѣтлаго золотисто-желтаго цвѣта; они оканчиваются такими же отростками, какъ и малыя маховыя перья. Длина 20 см., длина хвоста 6 см.

Обыкновенная свиристель водится на сѣверѣ Европы, Азіи и Америки. Обширныя лѣсныя пространства на сѣверѣ Европы, состоящія изъ однихъ хвойныхъ деревьевъ или изъ хвойныхъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ березой, являются на-

Свиристель обыкновенная (Bombycilla garulla). $^1/_2$ естеств. велич.

стоящей родиной этой птицы; эти мѣста она покидаетъ лишь тогда, когда, вслѣдствіе большого количества снѣга, ей волей-неволей приходится переселиться. Строго говоря, свиристель слѣдуетъ считать бродячей птицей, которая зимою бродитъ взадъ и впередъ внутри ограниченной области, но, вынуждаемая недостаткомъ пищи, переходитъ черезъ обычныя границы и тогда становится птицей странствующей. Во всѣхъ сѣверныхъ странахъ свиристель представляетъ собою гораздо болѣе обыкновенное явленіе, чѣмъ въ средней Европѣ. Въ лѣсахъ Россіи и Польши, а также въ лѣсныхъ пространствахъ южной Скандинавіи, свиристели появляются почти каждую зиму. Въ Германію онѣ прилетаютъ такъ неправильно, что народъ связалъ съ ними одно изъ своихъ излюбленныхъ чиселъ и говоритъ, что онѣ прилетаютъ всякія 7 лѣтъ. Обыкновенно свиристели, гонимыя суровой зимой, появляются въ Германіи лишь въ концѣ ноября и остаются до первой половины марта; въ исключительныхъ случаяхъ онѣ прилетаютъ раньше и позднѣе

возвращаются. Поэтому полагали, что нѣкоторыя парочки размножались въ Германіи; теперь же достовѣрно извѣстно, что свиристель выводитъ своихъ птенцовъ лишь позднею весною.

Въ время своей жизни на чужбинѣ, т. е. въ сравнительно болѣе южныхъ мѣстностяхъ, между прочимъ и въ Германіи, свиристели всегда бываютъ соединены въ болѣе или менѣе многочисленныя общества и болѣе или менѣе продолжительное время пребываютъ въ извѣстной мѣстности — смотря по тому, доставляетъ-ли она имъ достаточно пропитанія. Случается, что въ нѣкоторыя зимы цѣлыми недѣлями и даже мѣсяцами ихъ встрѣчается множество тамъ, гдѣ въ другія зимы онѣ появляются очень рѣдко, и вѣроятно онѣ прилетали бы чаще, если бы не подвергались такимъ безжалостнымъ преслѣдованіямъ; можно подумать, что красота ихъ кажется необразованному, грубому человѣку столь непонятной, что онъ ничего лучшаго не умѣетъ выдумать, какъ уничтожать ихъ. Возможно впрочемъ, что бѣднымъ птицамъ приходится страдать отъ стараго повѣрья. Въ прежнія времена, не умѣя объяснить себѣ неправильности появленія свиристелей, люди считали ихъ предвѣстниками тяжелыхъ войнъ, страшной дороговизны, разныхъ эпидемій и другихъ несчастій, и думали, что въ виду этого позволительно ненавидѣть и преслѣдовать этихъ птицъ.

Свиристель не принадлежитъ къ подвижнымъ птицамъ, а является скорѣе апатичнымъ, лѣнивымъ созданьемъ, которое умѣетъ только основательно ѣсть; поэтому она неохотно покидаетъ однажды избранное мѣсто. Тамъ, гдѣ можно найти кормъ, она держитъ себя очень смѣло или вѣрнѣе глупо, появляется напр. въ деревняхъ и на городскихъ бульварахъ, ничуть не тревожась тѣмъ, что дѣлаютъ люди. Но она совсѣмъ не такъ непонятлива, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, ибо постоянныя преслѣдованія и ее дѣлаютъ осторожной и робкой. Съ другими птицами она ладитъ или относится къ нимъ равнодушно; ей до нихъ повидимому дѣла нѣтъ. Съ себѣ подобными во время зимовки свиристель живетъ дружно. Обыкновенно можно видѣть все общество на одномъ деревѣ, причемъ птицы сидятъ по возможности близко другъ къ другу, многія сидятъ на одной и той же вѣткѣ, самцы бо́льшею частью на концахъ верхнихъ вѣтокъ, причемъ не двигаются съ мѣста. Въ утренніе и вечерніе часы эти птицы подвижнѣе, отправляются искать себѣ пищи и главнымъ образомъ посѣщаютъ всѣ кусты, покрытые ягодами. На землю онѣ спускаются самое бо́льшее тогда, когда чувствуютъ жажду, безпомощно прыгаютъ по поверхности земли и никогда долгое время внизу не пребываютъ. По вѣткамъ, собирая ягоды, онѣ спокойно лазаютъ вверхъ и внизъ. Полетъ совершается по большимъ дугообразнымъ линіямъ, отличается легкостью, красотою и сравнительною быстротою, причемъ крылья то приводятся въ очень быстрое движеніе, то растопыриваются.

Обыкновенный призывъ — это странная шипящая трель, которой буквами передать невозможно. Кромѣ этого звука, свиристели издаютъ иногда пѣвучій свистъ, который, по словамъ Науманна, звучитъ совершенно такъ же, какъ тихій свистъ надъ пустымъ ключомъ; этотъ звукъ повидимому выражаетъ нѣжныя чувства. Пѣніе ихъ тихое и ничего особеннаго собой не представляетъ, но издается усердно и повидимому съ усиліемъ. Самки поютъ немногимъ хуже самцовъ, но не такъ долго, какъ самцы, которые зимою привѣтствуютъ пѣсней каждый солнечный лучъ, и пѣніе которыхъ можно слышать почти круглый годъ.

На родинѣ въ лѣтнюю пору главную, если не исключительную пищу свиристелей составляютъ несмѣтныя сонмища комаровъ; зимою же этимъ птицамъ приходится довольствоваться другими питательными веществами, а именно ягодами. За насѣкомыми свиристель гоняется совершенно такъ же, какъ мухоловковыя птицы; ягоды же спокойно собираетъ съ вѣтвей, а иногда вѣроятно подбираетъ съ земли. Замѣчательно, что плѣнныя свиристели не трогаютъ насѣкомыхъ, которыхъ имъ бросаютъ. „Разнымъ видамъ дроздовъ“, говоритъ Науманнъ, „которыхъ держатъ въ неволѣ, нельзя сдѣлать бо́льшого удовольствія, какъ бросить имъ насѣкомое. Они съ жадностью глотаютъ ихъ и ловятъ мухъ, которыя садятся въ ихъ ведерко съ кормомъ. Но этого не дѣлаетъ свиристель. Мухи довольно

часто садятся на ея клювъ — и это сходитъ имъ съ рукъ. Изъ всѣхъ прирученныхъ мною свиристелей ни одна не трогала ни насѣкомаго, ни личинки насѣкомаго, ни дождевого червя". Что на свободѣ дѣло обстоитъ иначе — это мы теперь можемъ утверждать съ увѣренностью. Свиристель поистинѣ противна своею прожорливостью. Она ежедневно поѣдаетъ количество пищи, вѣсящее почти столько же, сколько ея тѣло. Плѣнныя свиристели все время сидятъ около ведерка съ кормомъ, и то ѣдятъ, то отдыхаютъ, переваривая пищу.

До послѣдняго времени вопросъ о размноженіи свиристели былъ совершенно неизслѣдованъ. Только въ 1857 г. 16-го іюня Воллею (Wolley) удалось найти гнѣздо и яйца этой птицы; но оказалось, что открытіе это уже годомъ раньше сдѣлалъ его помощникъ по охотѣ. Воллей рѣшился безъ гнѣзда свиристели не возвращаться въ Англію и не щадилъ ни трудовъ, ни расходовъ для достиженія своей цѣли. Послѣ того, какъ найдены были первыя гнѣзда, половина населенія Лапландіи повидимому принялась за поиски, и уже лѣтомъ 1858 г. было собрано, какъ разсказываютъ, болѣе 600 яицъ. Гнѣзда всегда устраиваются на хвойныхъ деревьяхъ, не слишкомъ высоко надъ землею; они хорошо спрятаны въ вѣтвяхъ и бо́льшею частью состоятъ изъ древесныхъ лишаевъ; во внѣшнюю стѣнку вплетается нѣсколько сухихъ сосновыхъ сучковъ, а внутри гнѣзда выстилаются стебельками травы и небольшимъ количествомъ перьевъ. Яицъ кладется 4—7, чаще же всего 5, и кладка оканчивается на второй недѣлѣ іюня мѣсяца. Яйца по синевато или красновато-синевато-бѣлому фону покрыты рѣдкими темно и свѣтло-бурыми, черными и фіолетовыми крапинками и точками, которыя на концѣ яйца становятся гуще и образуютъ вѣночекъ.

На птицеловномъ току или силками свиристелей можно ловить безъ труда.

Въ клѣткѣ, ничѣмъ не обнаруживая своего горя, свиристель покоряется своей судьбѣ, тотчасъ же начинаетъ клевать кормъ и доставляетъ хозяину удовольствіе какъ красотою своихъ красокъ, такъ и своимъ мягкимъ нравомъ; въ большой клѣткѣ, поставленной въ холодномъ мѣстѣ, свиристель держится много лѣтъ. Каждый имѣетъ право держать эту птицу въ клѣткѣ; но убивать ее только изъ за того, что она много ѣстъ, не имѣетъ смысла, такъ какъ на свободѣ она никогда не бываетъ вредна, скорѣе приноситъ пользу тѣмъ, что уничтожаетъ вредныхъ насѣкомыхъ и зимою служитъ большимъ украшеніемъ обнаженныхъ деревьевъ.

*

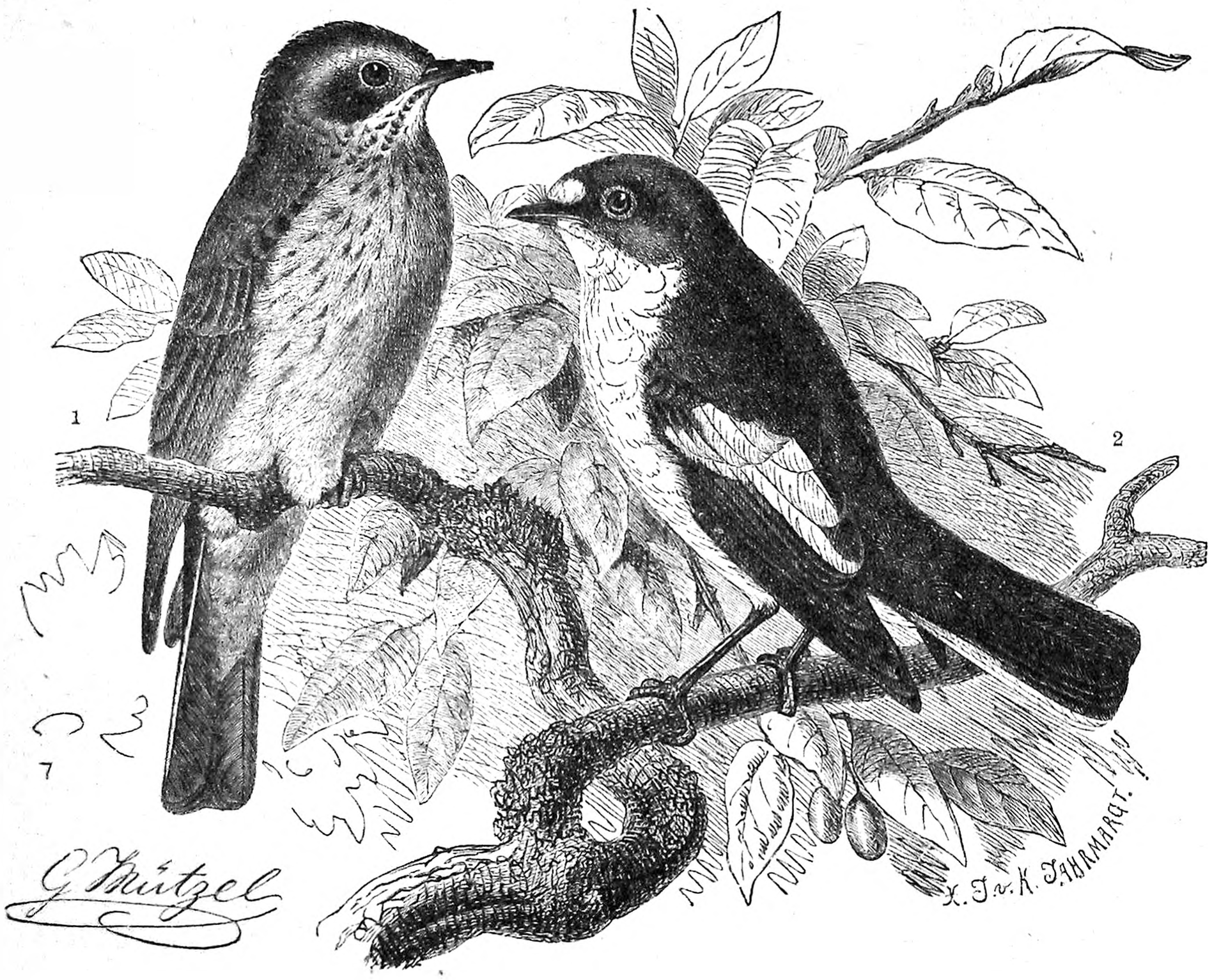
Мухоловка сѣрая (Muscicapa grisola, рис. на стр. 262) характеризуется нѣсколько продолговатымъ клювомъ и сходною у обоихъ половъ пятнистою одеждой. Верхняя сторона темно-сѣрая, темя черновато-сѣрое съ нѣсколько болѣе свѣтлыми пятнами, каждое перо имѣетъ бѣлую или темно-сѣрую каемку, вслѣдствіе чего и получается нѣсколько пятнистое опереніе; вся нижняя сторона грязновато-бѣлая, съ ржаво-желтоватымъ налетомъ по бокамъ груди, по бокамъ же горла и вдоль груди украшена темно-сѣрыми, расплывчатыми продольными пятнами; свѣтло-сѣрыя каемки на покровахъ маховыхъ перьевъ образуютъ двѣ мало замѣтныхъ полосы на крыльяхъ. Глаза каріе, клювъ и ноги черные. Длина самца 14 см.

Кромѣ дальняго сѣвера Европы, сѣрая мухоловка обитаетъ во всѣхъ европейскихъ поясахъ широты и высоты. Въ южной Европѣ она обыкновенное явленіе; на востокъ она распространена до Кавказа и Алтая; во время своего зимняго путешествія она забирается до лѣсныхъ пространствъ внутренней Африки. Птица эта совсѣмъ не разборчива, довольствуется всякимъ кустомъ, который хоть сколько нибудь отвѣчаетъ ея потребностямъ. Высокія деревья, особенно стоящія около воды, доставляютъ ей все нужное для жизни. Людей мухоловка не боится, а потому часто селится среди деревень, даже среди крестьянскихъ дворовъ, но живетъ также и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ рѣдко показывается. Смотря по тому, благопріятна погода или нѣтъ, она появляется на родинѣ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, обыкновенно парами, вскорѣ послѣ прибытія приступаетъ къ выводу птенцовъ и покидаетъ свою родину въ концѣ августа или въ началѣ сентября.

Мухоловка очень рѣзвая и безпокойная птица, цѣлый день охотящаяся за

добычей. Сидя на верхушкѣ дерева или куста, на сухомъ сучкѣ или на концѣ торчащей вѣтки, она озирается кругомъ, машетъ отъ поры до времени хвостикомъ и поджидаетъ, чтобы пролетѣло какое нибудь насѣкомое. Высмотрѣвъ таковое, она пускается за нимъ въ догонку, ловитъ его очень ловко, причемъ явственно слышно, какъ она захлопываетъ клювъ, и возвращается на прежнее мѣсто. Въ хорошую погоду, добыча достается ей почти что шутя, въ дождливую же погоду ей приходится часто, подобно ласточкамъ, терпѣть голодъ.

О любви мухоловки къ дѣтямъ Науманнъ разсказываетъ трогательный случай. „Однажды гадкій мальчикъ поймалъ самку около гнѣзда, въ которомъ сидѣло четыре полуоперившихся птенца, и отнесъ всѣхъ этихъ птицъ въ комнату.

1) Мухоловка сѣрая (Muscicapa grisola), 2) Мухоловка-пеструшка (Muscicapa atricapilla). $^2/_3$ естеств. велич.

Осмотрѣвъ окна и не найдя выхода, старая мухоловка тотчасъ же покорилась своей судьбѣ, принялась ловить мухъ, кормить птенцовъ и притомъ такъ усердно, что скоро въ комнатѣ не осталось ни одной мухи. Чтобы не дать всему семейству умереть съ голоду, мальчикъ отнесъ птицъ къ сосѣду; здѣсь комната была также скоро очищена отъ мухъ. Мальчикъ отнесъ птицъ въ слѣдующій домъ, и такимъ образомъ семейство мухоловокъ, переходя изъ комнаты въ комнату, обошло всю деревню, освобождая жителей отъ непріятнаго общества комнатныхъ мухъ. Наконецъ, очередь дошла до меня, и я изъ чувства благодарности впослѣдствіи возвратилъ всему семейству свободу. Птенцы быстро росли, такъ какъ никогда не чувствовали недостатка въ пищѣ и скоро сами научились ловить мухъ.

У мухоловки-пеструшки (Muscicapa atricapilla) свадебная одежда окрашена такъ: вся верхняя сторона темнаго черновато-сѣраго цвѣта, одноцвѣтная или съ болѣе или менѣе явственными черными пятнами; лобъ, вся нижняя сторона и щитокъ на крыльяхъ бѣлые. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черные. Длина 13 см.

Замѣтно бо́льшая мухоловка-бѣлошейка (Muscicapa collaris) часто смѣшивалась съ мухоловкой-пеструшкой, и дѣйствительно, самокъ обоихъ видовъ трудно отличить другъ отъ друга. Взрослый самецъ мухоловки-бѣлошейки характеризуется бѣлой полоской на шеѣ; у самки же нѣтъ свѣтлыхъ каемокъ на маховыхъ перьяхъ.

Мухоловка-пеструшка живетъ во всѣхъ европейскихъ странахъ южнѣе Великобританіи и средней Скандинавіи, зимою же черезъ Малую Азію, Палестину и сѣверную Африку улетаетъ въ лѣса, находящіеся по ту сторону пояса пустынь; мухоловка-бѣлошейка больше живетъ въ южной Европѣ, а именно въ Италіи и въ Греціи, оттуда залетаетъ въ юго-восточную Германію, на сѣверѣ Германіи представляетъ уже рѣдкое явленіе и улетаетъ приблизительно такъ же далеко, какъ и ея родственница.

Нравы обоихъ этихъ видовъ, столь близко родственныхъ другъ другу, повидимому совершенно одинаковы. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мухоловки-пеструшки выводятъ птенцовъ, ихъ можно привлечь въ сады или въ плантаціи деревьевъ, устроивъ для нихъ цѣлесообразные коробки, и тогда онѣ часто становятся поразительно ручными. „Одна мухоловка-пеструшка“, разсказываетъ Бальдамусъ, „высиживавшая птенцовъ въ коробкѣ, привѣшенномъ въ моемъ саду, во время моихъ наблюденій за дѣлами, относящимися къ выводу, такъ привыкла къ тому, что ее тревожатъ, что спокойно оставалась сидѣть на гнѣздѣ, когда я вносилъ коробокъ въ комнату и снималъ крышку, чтобы показать довѣрчивую птичку другимъ.“

Мухоловокъ-пеструшекъ охотно держатъ въ клѣткѣ; это однѣ изъ самыхъ пріятныхъ комнатныхъ птицъ, которыя доставляютъ удовольствіе какъ тѣмъ, что быстро приручаются, такъ и своимъ милымъ нравомъ. Если пускать ихъ летать по комнатѣ, то онѣ основательно очищаютъ ее отъ мухъ и комаровъ и становятся такими ручными, что клюютъ мухъ изъ рукъ своего хозяина.

Въ Германіи этихъ полезныхъ птицъ къ счастью никто не преслѣдуетъ; въ Италіи же, напротивъ, люди преслѣдуютъ ихъ. Во время осенняго перелета всякій старается подстеречь ихъ при помощи всякихъ сѣтей и западней, и къ сожалѣнію ловятъ ихъ очень много. На рынкѣ во время перелета можно видѣть сотни этихъ птицъ, умерщвленныхъ самымъ предательскимъ образомъ для того, чтобы получить лакомое кушанье.

На востокѣ и на юго-востокѣ Германіи живетъ еще одинъ членъ этого семейства, а именно лоцманчикъ (Muscicapa parva); у него сравнительно сильный клювъ и ноги съ высокой плюсной; это одна изъ самыхъ милыхъ птичекъ, водящихся въ средней Европѣ. Старый самецъ весною окрашенъ вродѣ малиновки. Верхняя сторона красновато-буровато-сѣраго цвѣта, темя, верхняя часть спины и верхніе покровы хвоста нѣсколько темнѣе, большія кроющія перья крыльевъ и маховыя перья съ болѣе свѣтлыми каемками; подбородокъ, горло, глотка, зобъ и верхняя часть груди ржаво-красноватыя, прочія нижнія части тѣла тускло-бѣлыя, большія маховыя перья черновато-буровато-сѣраго цвѣта съ болѣе свѣтлыми каемками. У молодыхъ самцовъ желтовато-красный цвѣтъ на горлѣ блѣднѣе, чѣмъ у болѣе старыхъ. Глаза темно каріе, клювъ и ноги черные. Длина 12 см.

Несмотря на всѣ произведенныя изслѣдованія, до сихъ поръ еще не было возможности точно опредѣлить область распространенія лоцманчика. Онъ рѣдко встрѣчается въ западной Европѣ, чаще въ восточной, водится во всей средней Азіи вплоть до Камчатки и во время своего зимняго перелета посѣщаетъ южный Китай, Формозу и Индію, а можетъ быть и сѣверную Африку; во многихъ странахъ, однако, гдѣ онъ вѣроятно водится, его не могли найти. Въ Германіи его вездѣ наблюдали въ одиночку и притомъ какъ большую рѣдкость; можно, впрочемъ, допустить, что онъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

Третье подсемейство составляютъ тропическія мухоловки (Myiagrinae), живущія въ экваторіальныхъ странахъ Стараго Свѣта.

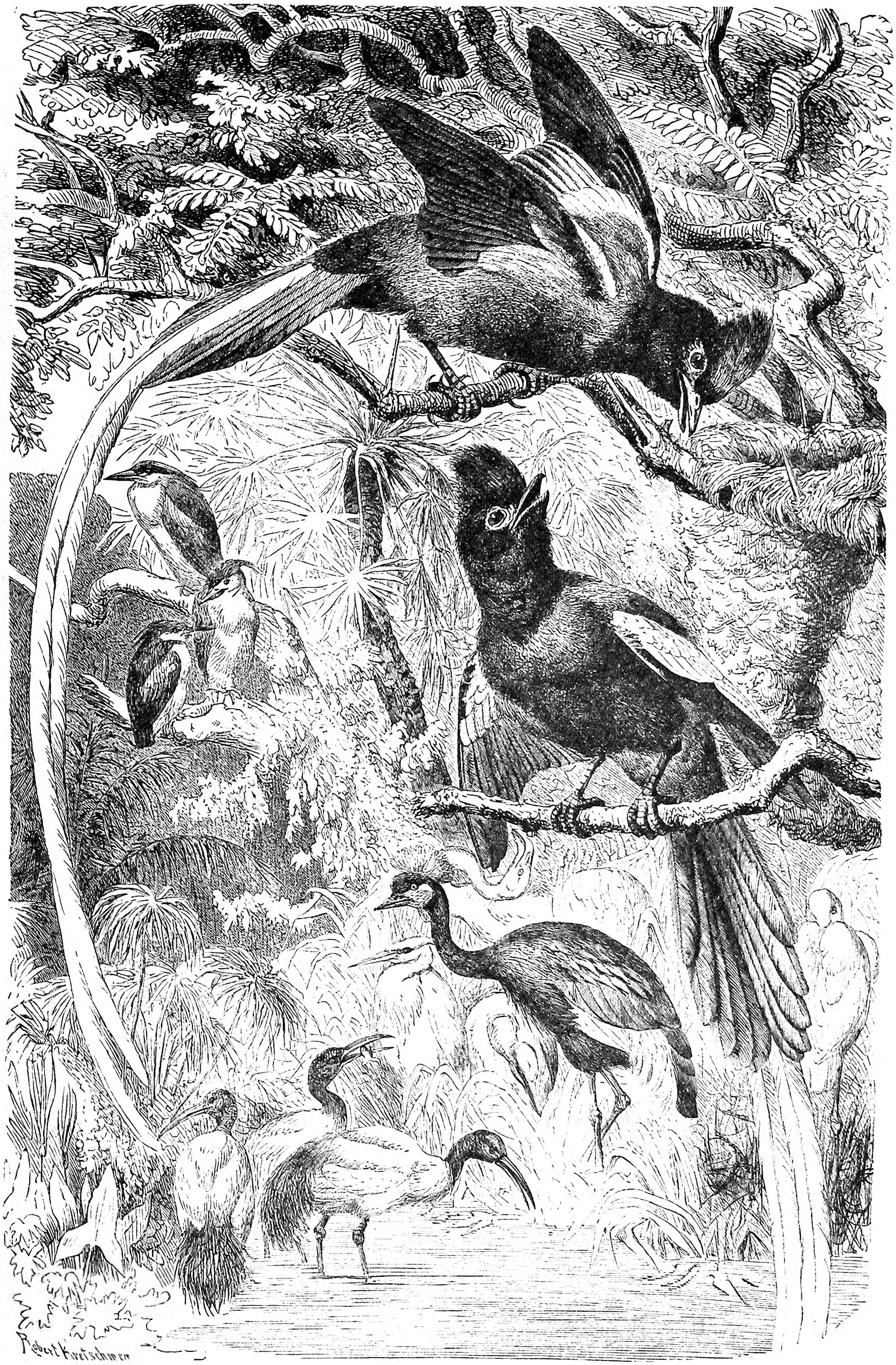
*

Сюда принадлежитъ вѣерохвостка чернобрюхая (Rhipidura melanogastra). Свадебная одежда этой красивой и живой птицы окрашена такъ: голова, шея и зобъ черные съ стальнымъ зеленымъ отливомъ, верхняя сторона, не исключая крыльевъ и хвоста, бѣлая, нижняя сторона аспидно-сѣрая; маховыя перья черныя, малыя маховыя перья съ бѣлыми наружными каемками. Глаза каріе, клювъ темно-синяго цвѣта, ноги сѣровато-синія. Въ зимнее время верхняя сторона и два среднихъ хвостовыхъ пера коричнево-каштаново-бурыя, прочія перья окрашены такъ же, какъ и въ брачномъ нарядѣ. Длина 37 см., причемъ длина обоихъ среднихъ хвостовыхъ перьевъ 27 см., а крайнихъ хвостовыхъ перьевъ — 9 см.

Вѣерохвостка черно-брюхая имѣетъ много общаго съ настоящими мухоловками, но напоминаетъ также щурокъ. Сидя на мѣстѣ, эта птица играетъ своимъ хохолкомъ и хвостомъ, который она медленно раскачиваетъ. Полетъ ея своеобразный, быстрый и легкій, когда она преслѣдуетъ насѣкомое на манеръ мухоловки или выгоняетъ изъ своего участка непрошеннаго гостя одного съ нею вида; но когда приходится пролетать большія разстоянія, то вѣерохвостка медленно паритъ, двигается по воздуху словно толчками и, повидимому, съ трудомъ. Въ своей свадебной одеждѣ эта птица удивительно красива. Въ это время она отличается также наибольшимъ оживленіемъ. Недовѣрчиво стережетъ она свой участокъ, въ которомъ ей вѣроятно предстоитъ произвести потомство, и храбро нападаетъ на всякую птицу, пролетающую по ея владѣніямъ, и даже ворона заставляетъ удалиться. Самцы ревниво преслѣдуютъ другъ друга, съ чрезвычайной горячностью и упорствомъ, иногда непрерывно въ теченіе цѣлой четверти часа. Быстро летя, они гоняются другъ за другомъ, пробираются по верхушкамъ деревьевъ и по самымъ густымъ кустамъ, и бѣлыя хвостовыя перья ихъ тянутся за ними, словно великолѣпный шлейфъ, развѣвающійся на воздухѣ.

Ласточковыя птицы (Hirundinidae) небольшихъ размѣровъ, изящнаго сложенія, съ широкой грудью, короткой шеей и плоской головой. Клювъ у нихъ короткій, плоскій, при основаніи гораздо шире, чѣмъ на концѣ, такъ что представляетъ изъ себя почти что треугольникъ; кончикъ верхней створки загнутъ въ видѣ маленькаго крючка надъ нижней, отверстіе зѣва доходитъ до глазъ; ноги короткія, слабыя, вооруженныя маленькими когтями, крылья длинныя, узкія, острыя; какъ большихъ, такъ и малыхъ маховыхъ перьевъ девять, изъ которыхъ первое длиннѣе остальныхъ, а не отсутствуетъ; хвостъ всегда выемчатый, причемъ выемка иногда бываетъ очень глубокая, опереніе короткое, плотно прилегающее и на верхней сторонѣ обыкновенно блестящее металлическимъ блескомъ. Самецъ и самка окрашены почти одинаково; молодыя же птицы нѣкоторое время носятъ одежду, отличную отъ одежды родителей.

Ласточковыя птицы, которыхъ мы знаемъ до 120 видовъ, водятся во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ поясахъ высоты и широты, хотя за полярнымъ кругомъ встрѣчаются очень рѣдко и врядъ-ли размножаются. Многія селятся на домахъ, другія на скалахъ или на обрывахъ, иныя гнѣздятся на деревьяхъ. Всѣ виды, выводящіе птенцовъ въ такихъ странахъ, гдѣ зима сильно отличается отъ лѣта,— птицы перелетныя, между тѣмъ, какъ тѣ птицы, которыя живутъ въ странахъ, гдѣ всѣ времена года болѣе или менѣе одинаковы, самое большее бродятъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Не разъ утверждали — и даже выдающіеся ученые не находили въ этомъ ничего невозможнаго — что нѣкоторыя ласточки зимуютъ въ холодныхъ странахъ, причемъ зарываются въ илъ и предаются зимней спячкѣ; но такія свѣдѣнія не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Ласточки, живущія въ средней Европѣ, улетаютъ въ центральную Африку и даже въ самыя южныя мѣст-

Вѣерохвостка чернобрюхая (Rhipidura melanogastra).

ности Африки. Что весною или осенью, при наступленіи внезапныхъ холодовъ, нѣкоторыя ласточки спасаются въ отверстія и углубленія, здѣсь до извѣстной степени коченѣютъ, а затѣмъ, благодаря своей живучести, снова оживаютъ, если ихъ принести въ теплое мѣсто, — этого вполнѣ отрицать я не могу; но говорить о зимней спячкѣ этихъ птицъ, несмотря ни на какихъ „достовѣрныхъ свидѣтелей“, совершенно невозможно.

Ласточекъ справедливо называютъ благородными животными. Онѣ хорошо одарены какъ физически, такъ и духовно. Обычное движеніе ихъ составляетъ полетъ, по землѣ онѣ ходятъ крайне неловко, но все-таки гораздо лучше, чѣмъ, повидимому, близко родственные имъ стрижи, которые по землѣ двигаются до чрезвычайности неуклюже. Для отдыха ласточки охотно садятся на деревья и для этого выбираютъ тонкія вѣтки, мало покрытыя зеленью, откуда онѣ могутъ легко улетѣть и куда снова легко прилетѣть. Всѣ настоящія ласточки причисляются къ пѣвчимъ птицамъ. Пѣніе ихъ — это премилое щебетанье, доставляющее удовольствіе каждому, а особенно деревенскому жителю, который передаетъ смыслъ пѣсни ласточки словами. Всѣ прочіе люди, слышавшіе пѣніе ласточки, любятъ эту птицу не меньше крестьянина. Не только издаваемые ею звуки, но нравы и образъ дѣйствія ласточекъ пользуются симпатіей человѣка. Это птички не только веселыя, общительныя, уживчивыя, но умныя и понятливыя, не только смѣлыя, но и храбрыя. Онѣ тщательно изучаютъ все, что ихъ окружаетъ, знаютъ своихъ друзей и враговъ и довѣряютъ лишь тѣмъ, кто заслуживаетъ довѣрія. Ихъ образъ дѣйствія кажется намъ чѣмъ то уютнымъ; ихъ довѣріе вызываетъ по отношенію къ нимъ чувство гостепріимства и желаніе оказать защиту даже со стороны болѣе грубыхъ людей.

Всѣ ласточки — птицы насѣкомоядныя. Онѣ преслѣдуютъ главнымъ образомъ двукрылыхъ, сосудистокрылыхъ и сѣтчатокрылыхъ насѣкомыхъ, т. е. преимущественно мухъ и мошекъ, но также ловятъ маленькихъ жучковъ и т. п. Охотятся онѣ только на лету; собирать сидящихъ животныхъ онѣ не умѣютъ. Пойманную добычу онѣ проглатываютъ, не измельчая ея. Онѣ на лету пьютъ, на лету купаются, когда, паря надъ поверхностью воды, вдругъ опускаются и погружаютъ въ воду или свой клювъ, или какую-нибудь часть тѣла, а затѣмъ особыми дрожащими движеніями стряхиваютъ влагу съ намокшихъ перьевъ.

Для жизни въ неволѣ ласточки не годятся.

*

Наша деревенская ласточка (Hirundo rustica) является представительницей рода касатокъ (Hirundo). Длина деревенской ласточки 18 см., причемъ длина хвоста 9 см. Верхнія части тѣла и широкая полоса на зобѣ синевато-черныя съ металлическимъ блескомъ, лобъ и горло темнаго каштановаго цвѣта, прочія нижнія части тѣла свѣтлаго ржаво-желтаго цвѣта; пять наружныхъ рулевыхъ перьевъ на внутреннемъ опахалѣ снабжены кругловатыми бѣлыми пятнами.

Птенцовъ деревенская ласточка выводитъ во всей Европѣ до полярнаго круга, а также въ западной и средней Азіи; во время перелета она посѣщаетъ Африку и южную Азію, а также большіе острова, лежащіе на югѣ Азіи. Съ незапамятныхъ временъ эта птица добровольно связала свою судьбу съ человѣкомъ, поселилась въ его жилищѣ — все равно, будь то дворецъ или хижина, лишь бы ее не прогоняли — и только тамъ, гдѣ не находитъ себѣ подходящихъ человѣческихъ жилищъ, довольствуется карнизами крутыхъ скалъ; но до сихъ поръ она тотчасъ же мѣняетъ скалы на домъ, какъ только таковой появляется въ глуши, и пробуетъ даже устроить себѣ жилище на подвижной юртѣ кочевника. Ея привязанность къ дому человѣка возбудила къ ней общую любовь, и ея появленіе и исчезновеніе издавна считаются на сѣверѣ земного шара признакомъ наступленія радостныхъ или печальныхъ дней.

Деревенская ласточка прилетаетъ въ Германію приблизительно между 1-мъ и 15-мъ апрѣля, въ исключительныхъ случаяхъ раньше, рѣдко позднѣе, и остается

на родинѣ до конца сентября или начала октября. Во время своего странствованія она даже не отдыхаетъ въ такихъ мѣстностяхъ, которыя изъ году въ годъ даютъ пріютъ ласточкамъ, а слѣдовательно заключаютъ въ себѣ все необходимое для жизни этихъ птицъ. Среди лѣта въ центральной Африкѣ крайне рѣдко можно увидѣть ласточку. Вернувшись на родину, она отыскиваетъ свое старое гнѣздо или тотчасъ же приступаетъ къ сооруженію новаго. Съ этого начинается ея лѣтняя жизнь со всѣми ея радостями и заботами. Покидая насъ, ласточка никогда не летитъ „домой“, какъ поется въ пѣснѣ, а лишь по необходимости удаляется на безотрадную чужбину, гдѣ ни одна изъ нихъ не поетъ и не рѣзвится, не предается любви и не размножается.

1) Деревенская ласточка (Hirundo rustica). 2) Городская ласточка (Chelidonaria urbica). ½ естеств. велич.

Деревенская ласточка, по словамъ Науманна, птица чрезвычайно подвижная, смѣлая, рѣзвая и милая, всегда выглядывающая нарядной, и веселое настроеніе которой нарушается только очень плохой погодой и недостаткомъ пропитанія. „Хотя по натурѣ ласточка — птица нѣжная и мягкая, но въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ ея проявляется много силы: это доказываетъ ея полетъ и поведеніе во время полета, взаимныя преслѣдованія ласточекъ и настойчивость, съ какою онѣ преслѣдуютъ хищныхъ птицъ и хищныхъ животныхъ. Изъ всѣхъ среднеевропейскихъ ласточекъ деревенская ласточка летаетъ всего быстрѣе, разнообразнѣе и искуснѣе; она скользитъ и паритъ въ воздухѣ, причемъ всегда быстро подвигается впередъ, или же летаетъ порхая, съ быстротою молніи поворачиваясь въ сторону, взлетая вверхъ и слетая внизъ; описывая короткую дугу, она приближается къ поверхности земли и воды, или точно такимъ же образомъ поднимается на значительную высоту, продѣлывая все это съ изумительной ловкостью и искусствомъ; она даже можетъ на лету кувыркаться. Съ большой ловкостью пролетаетъ она сквозь узкія отверстія, не ударившись; она умѣетъ также на лету купаться, для чего пролетаетъ надъ самой поверхностью воды, быстро окунается, оставаясь въ водѣ лишь одно мгновеніе, и затѣмъ, потряхиваясь, летитъ дальше.

Такимъ образомъ окунается она нѣсколько разъ, прерывая свой полетъ на нѣсколько мгновеній, и успѣваетъ надлежащимъ образомъ выкупаться.“

Для отдыха ласточка выбираетъ себѣ высокія мѣстечки, откуда ей легко улетѣть и куда легко вернуться; здѣсь она грѣется на солнышкѣ, приводитъ въ порядокъ свои перья и поетъ. „Она всегда имѣетъ въ это время видъ стройный и рѣзвый, почти-что хитрый; туловище держится при этомъ горизонтально. Нерѣдко она поворачиваетъ грудку то въ ту, то въ другую сторону, и въ веселомъ настроеніи духа, не переставая щебетать и пѣть, хлопаетъ крыльями или же расправляетъ свои члены и потягивается.“ На плоскую поверхность земли ласточка садится неохотно и въ большинствѣ случаевъ только для того, чтобы подбирать съ земли строительные матеріалы, или же въ первое время своей юности; ножки ея не приспособлены къ тому, чтобы сидѣть на землѣ, а еще менѣе къ тому, чтобы ходить; когда она сидитъ на землѣ или ходитъ, то „имѣетъ видъ больной и безпомощный и вовсе не похожа на ту проворную птичку, какою является во время своего смѣлаго, неутомимаго полета“.

Нѣжный звукъ „витт“, нерѣдко удлиняемый въ „виде витт“ выражаетъ благодушное настроеніе ласточки или употребляется какъ призывный звукъ; предостерегающій и боевой крикъ звучитъ какъ звонкое и громкое „бивист“; грозящая опасность объявляется слогами „девійлик“; въ смертельномъ ужасѣ издается дрожащій звукъ „цетш“. Пѣніе, въ которомъ самецъ упражняется очень усердно, не отличается ни благозвучіемъ отдѣльныхъ тоновъ, ни разнообразіемъ, но имѣетъ въ себѣ что-то удивительно задушевное и привлекательное; этому впечатлѣнію способствуютъ время года, время дня и другія обстоятельства. „Когда только сѣрая полоса на востокѣ предвѣщаетъ наступленіе дня“, говоритъ Науманнъ, „то уже слышатся первыя прелюдіи пѣнія самцовъ деревенскихъ ласточекъ, пробудившихся отъ ночного покоя. Вся дворовая птица еще находится въ полусонномъ состояніи, ни одна не издаетъ еще ни единаго звука, вездѣ царствуетъ еще глубокая тишина, и всѣ предметы подернуты еще сѣрой мглой; и вотъ самецъ-ласточка тамъ и сямъ начинаетъ свое „вирб верб“, сначала раздающееся вродѣ безсвязнаго лепета, прерываемое постоянными паузами; затѣмъ мало по малу пѣсенка становится болѣе связной, и пѣвецъ, сидя на одномъ мѣстѣ, повторяетъ ее нѣсколько разъ, потомъ взлетаетъ и, весело распѣвая, пролетаетъ по двору. Въ это время уже успѣло пройти около четверти часа, и вотъ начинаютъ просыпаться другіе пѣвцы: съ крыши доносится пѣніе горихвостки, раздается крикъ воробьевъ, голуби начинаютъ ворковать, и всѣ домашнія птицы пробуждаются къ новой жизни. Тотъ, кто часто наслаждался лѣтнимъ утромъ въ деревнѣ, долженъ согласиться, что ласточка много прибавляетъ прелести этой ранней порѣ своимъ хотя простымъ, но веселымъ, ободряющимъ пѣніемъ.“ Пѣніе это начинается съ звуковъ „вирб верб видевитт“, затѣмъ переходитъ въ довольно продолжительное щебетанье и кончается звуками „вид вейд войде церр“. Нѣмецкій народъ передаетъ пѣніе ласточки словами, которыя поэтъ Рюкертъ привелъ въ своей знаменитой пѣснѣ ласточки:

„Aus der Jugendzeit, aus der Jugendzeit
Klingt ein Lied mir immerdar etc.“ [1]

Одна строфа прямо составлена изъ выраженій, влагаемыхъ народомъ въ уста ласточки:

„Als ich Abschied nahm, als ich Abschied nahm,
War'n Kisten und Kasten schwer,
Als ich wieder kam, als ich wieder kam,
War alles leer.“ [2]

Изъ важнѣйшихъ чувствъ у ласточки лучше всего развито зрѣніе. Она замѣчаетъ уже издалека маленькое летающее насѣкомое и охотится только при помощи глазъ.

---

[1] Изъ временъ моей юности, изъ временъ моей юности, мнѣ всегда вспоминается одна пѣсенка и т. д.

[2] Когда я улетала, всѣ лари и ящики были полны; когда я вернулась, когда я вернулась, все было пусто.

Питается ласточка маленькими насѣкомыми разныхъ видовъ, преимущественно двукрылыми и сѣтчатокрылыми; пчелъ и другихъ насѣкомыхъ съ ядовитымъ жаломъ она не ѣстъ. Поэтому въ дождливую погоду, которая держится долгое время, ласточка терпитъ большую нужду, такъ какъ насѣкомыя скрываются въ свои укромные уголки, а она боязливо старается спугнуть сидящихъ насѣкомыхъ и заставить ихъ летѣть. Смотря по погодѣ и по времени дня, ласточка охотится въ болѣе высокихъ или въ болѣе низкихъ слояхъ воздуха, а потому является для народа прорицательницей погоды. Въ хорошую погоду столъ ея обиленъ, что́ еще усиливаетъ ея радостное настроеніе, въ дурную погоду она терпитъ голодъ, становится тиха и печальна. Вслѣдствіе своей подвижности, ласточка поглощаетъ много пищи и ѣстъ все время, пока летаетъ. Съѣдобное быстро переваривается; неперевариміые же остатки трапезы, какъ напр. покровы крыльевъ, щитки и лапки насѣкомыхъ, она выплевываетъ въ видѣ комочковъ.

Расположеніе и постройка гнѣзда деревенской ласточки не таковы, какъ у родственныхъ ей видовъ. Если только возможно, она сооружаетъ гнѣздо внутри строенія, такъ, чтобы оно было сверху защищено навѣсомъ. Особенно любитъ она гнѣздиться на поперечныхъ перекладинахъ въ коровьемъ хлѣву, въ сѣняхъ деревенской избы, на чердакѣ, куда не проникаетъ метла, въ такихъ мѣстечкахъ, которыя скорѣе удовлетворятъ своею живописностью художника, чѣмъ чистоплотную хозяйку, словомъ любитъ ветхія, разваливающіяся, болѣе или менѣе грязныя строенія, защищенныя отъ сквозняка и отъ непогоды. Въ такихъ мѣстахъ иногда возникаютъ цѣлыя поселенія ласточекъ. Самое гнѣздо прилѣпляется къ балкѣ или къ стѣнѣ, чаще всего къ шероховатой поверхности, подъ выступающими брусками, деревянными гвоздями и т. п. починками. Гнѣздо по формѣ похоже приблизительно на четвертушку полаго шара; стѣнки гнѣзда толще около мѣстъ его прикрѣпленія, и горизонтальный край гнѣзда около этихъ мѣстъ обыкновенно нѣсколько приподнимается. Ширина гнѣзда — приблизительно 20 см., глубина — 10 см. Сооружается оно изъ илистой или по крайней мѣрѣ жирной земли, которая въ видѣ комочковъ, покрытыхъ слюной, осторожно прилѣпляется къ стѣнкѣ. Другіе матеріалы употребляются рѣдко. Тонкіе стебельки и волосы, которые кладутся въ стѣнку, способствуютъ прочности гнѣзда; но настоящимъ связующимъ матеріаломъ является слюна. Въ хорошую погоду парочка ласточекъ созидаетъ стѣнки своего жилища въ 8 дней. Затѣмъ внутренняя часть гнѣзда выстилается нѣжными стебельками, волосами, перьями и т. п. мягкими веществами — и дѣтская колыбель готова. Гнѣздо ласточки, находящееся въ защищенномъ мѣстѣ, служитъ много лѣтъ, быть можетъ, не только построившимъ его птицамъ, но и послѣдующимъ поколѣніямъ. До начала высиживанія парочка тщательно чинитъ гнѣздо: внутренняя подстилка всегда обновляется, все же прочее остается безъ перемѣны въ теченіе всего времени, пока существуетъ гнѣздо.

Въ маѣ мѣсяцѣ самка кладетъ 4—6 яицъ съ нѣжной скорлупой, покрытыхъ по чисто-бѣлому фону пепельно-сѣрыми и красновато-бурыми точками, высиживаетъ ихъ безъ помощи самца; при благопріятной погодѣ, птенцы вылупляются черезъ 12 дней. Въ дурную, холодную и сырую погоду самкѣ иногда приходится на нѣсколько часовъ покидать яйца и искать себѣ пропитанія, и въ такихъ случаяхъ высиживаніе можетъ длиться 17 дней. Птенцы, сначала очень безобразные, съ огромными ртами, усердно выкармливаются обоими родителями, при благопріятныхъ условіяхъ быстро вырастаютъ, скоро начинаютъ выглядывать изъ гнѣзда и, если все идетъ хорошо, уже на третьей недѣлѣ своей жизни внѣ яйца могутъ слѣдовать за родителями. Нѣкоторое время родители и внѣ гнѣзда еще кормятъ молодыхъ птицъ, которыя сначала всякій вечеръ водворяются въ гнѣздо, затѣмъ имъ устраивается ночлегъ внѣ гнѣзда, и наконецъ онѣ предоставляются своей судьбѣ.

Послѣ этого, бо́льшею частью въ первыхъ числахъ августа, старики приступаютъ ко второму выводу. Въ иные годы они такъ запаздываютъ съ этимъ дѣломъ, что и старымъ, и молодымъ грозитъ опасность погибнуть; въ сѣверныхъ странахъ птенцовъ иногда дѣйствительно приходится покидать. При болѣе благопріятныхъ

обстоятельствахъ и вторые птенцы давно уже выучились летать, когда наступившая осень заставляетъ ласточекъ предпринять зимнее путешествіе. Тогда ласточки, слѣдуя за своими родителями, собираются въ камышѣ на берегу озеръ и прудовъ вмѣстѣ съ другими семьями того-же вида, съ трясогузками и скворцами, и здѣсь ночуютъ; наконецъ, наступаетъ такая ночь, когда наши милые гости всѣ улетаютъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, вскорѣ послѣ солнечнаго заката, безчисленная стая ласточекъ, еще послѣ полудня, быть можетъ сидѣвшихъ на высокой церковной крышѣ, снимается съ мѣста по знаку, даваемому нѣсколькими старыми птицами, улетаетъ и нѣсколько минутъ спустя исчезаетъ изъ глазъ.

*

Городская ласточка (Chelidonaria urbica, рис. на стр. 267) принадлежитъ къ роду воронокъ, которыя характеризуются сравнительно короткимъ, сильно загнутымъ на гребнѣ клювомъ, необыкновенно сильными ногами, на которыхъ наружные и средніе пальцы соединены между собою до перваго сустава и покрыты перьями такъ же, какъ и плюсна, крыльями съ сильными маховыми перьями, короткимъ, слегка выемчатымъ хвостомъ и гладкимъ, плотно прилегающимъ опереніемъ. Длина городской ласточки 14 см. Оперніе на верхней сторонѣ синевато-черное, на нижней сторонѣ и на надхвостьѣ бѣлое. Глаза темнокаріе, клювъ черный, ноги въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не покрыты перьями, мясного цвѣта.

Городская ласточка водится приблизительно въ тѣхъ же краяхъ, какъ и деревенская, но встрѣчается еще сѣвернѣе послѣдней. Въ Германіи городская ласточка, повидимому, предпочитаетъ города, и ея-то гнѣзда и можно видѣть на большихъ и старыхъ зданіяхъ. Кромѣ Европы, она живетъ въ неменьшемъ количествѣ въ бо́льшей части Сибири. На зиму она улетаетъ съ одной стороны во внутреннюю Африку, съ другой — въ южную Азію. Она прилетаетъ на родину бо́льшею частью нѣсколькими днями позднѣе деревенской ласточки, зато дольше остается въ Европѣ, а именно въ южной Европѣ. Во время перелета въ Африку городскую ласточку однако всегда можно видѣть въ обществѣ ея родственниковъ. Весною она прилетаетъ по одиночкѣ; передъ осеннимъ отлетомъ городскія ласточки собираются большими обществами, которыя иногда образуютъ несмѣтныя стаи, слетаются на крыши высокихъ зданій и затѣмъ, обыкновенно тотчасъ послѣ заката солнца, улетаютъ въ свое далекое путешествіе.

По характеру городская ласточка очень похожа на деревенскую; но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ обѣими отличить одну отъ другой очень легко. Призывный крикъ городской ласточки звучитъ какъ „шэр“ или „скри“, выраженіемъ страха служитъ двусложный звукъ „скіер“; пѣніе, по словамъ Науманна, представляетъ собою „постоянное повтореніе вовсе не пріятныхъ тоновъ, звучащихъ на подобіе протяжнаго, незатѣйливаго гудѣнія шарманки“. Это пѣніе — одно изъ самыхъ плохихъ, какія издаются птицами.

Относительно пищи городской ласточки можно сказать, что она ѣстъ почти то же самое, что́ и деревенская ласточка; но насѣкомыя, за которыми гоняется городская ласточка, извѣстны намъ только отчасти, а тѣ виды, которыхъ она ловитъ въ высшихъ воздушныхъ слояхъ и притомъ, повидимому, въ большомъ количествѣ, совершенно намъ незнакомы. Жалящихъ насѣкомыхъ она не трогаетъ такъ же, какъ и деревенская ласточка, ибо жало ихъ было бы для нея смертельно. „Одной сильной, голодной, уже научившейся летать молодой ласточкѣ этого вида“, разсказываетъ Науманнъ, „я подалъ обыкновенную живую пчелу; но какъ только пчела очутилась въ клювѣ птицы, ласточка была укушена въ горло, отбросила насѣкомое, пригорюнилась и менѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты испустила духъ.“

Въ Германіи городская ласточка селится почти исключительно на городскихъ и деревенскихъ зданіяхъ; въ менѣе же населенныхъ странахъ она въ огромныхъ количествахъ селится на скалахъ — и въ Испаніи, и на мѣловыхъ утесахъ острова Рюгена, и на обрывахъ скалъ въ швейцарскихъ Альпахъ. Она всегда

выбираетъ себѣ такое мѣсто, гдѣ гнѣздо защищено сверху, чтобы на него не падалъ дождь, т. е. всего охотнѣе селится на фризахъ подъ карнизами и колоннами, въ оконныхъ и дверныхъ нишахъ, подъ выступающими частями крыши, подъ навѣсами и въ подобныхъ мѣстахъ. Иногда она селится въ углубленіи стѣны и замуровываетъ его, оставляя только входное отверстіе. Гнѣздо отличается отъ гнѣзда деревенской ласточки тѣмъ, что все задѣлывается, за исключеніемъ входнаго отверстія, а слѣдовательно, закрыто и сверху. Форма гнѣзда по преимуществу полушарообразная; но гнѣздо бываетъ различно, въ зависимости отъ мѣста и условій. Постройка совершается съ усердіемъ, но требуетъ много труда и продолжается не менѣе 12—14 дней; обыкновенно множество гнѣздъ сооружается непосредственно одно возлѣ другого.

Въ гнѣздо кладется 4—6 бѣлоснѣжныхъ яичекъ съ нѣжной скорлупой, которыя одна самка высиживаетъ въ теченіе 12—13 дней. Въ хорошую погоду самецъ доставляетъ своей самкѣ необходимое количество корма; въ дурную же погоду самкѣ отъ поры до времени приходится оставлять яйца и тогда время высиживанья бываетъ продолжительнѣе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ молодыя птицы покидаютъ гнѣздо дней черезъ 16 послѣ своего появленія на свѣтъ и, подъ наблюденіемъ старыхъ птицъ, упражняютъ свои члены, пока не окрѣпнутъ настолько, что способны сами о себѣ заботиться. Вначалѣ молодыя птицы каждый вечеръ возвращаются въ гнѣздо, которое и родителямъ до тѣхъ поръ служило для ночного отдыха. „Отецъ, мать и дѣти“, повѣствуетъ Науманнъ, „тѣснятся въ гнѣздѣ, иногда число головъ доходитъ до 7—8, и мѣста въ гнѣздѣ такъ мало, что птицы долго не могутъ расположиться въ немъ надлежащимъ образомъ; удивительно, какъ гнѣздо выдерживаетъ всѣ драки птицъ, не падая и не лопаясь. Ссоры иногда бываютъ очень серьезныя, когда молодыя птицы, какъ это нерѣдко случается въ большихъ поселеніяхъ, нечаянно забираются въ чужое гнѣздо, откуда ихъ выталкиваютъ клювами и выбрасываютъ старыя и молодыя ласточки, храбро защищающія принадлежащую имъ по праву собственность.“

Самые опасные враги городской ласточки — это чеглокъ и кобчикъ. Гнѣзда ласточекъ обкрадываютъ совы и сипухи, иногда вѣроятно ласки, крысы и мыши. Только съ одной птицей городскимъ ласточкамъ приходится вести упорную борьбу, а именно съ воробьемъ, и борьба эта часто оканчивается битвами и кровопролитіемъ. „Обыкновенно“, говоритъ Науманнъ, „какъ только ласточки совьютъ себѣ гнѣздо, воробей-самецъ завладѣваетъ имъ: онъ безъ дальнихъ разговоровъ садится въ гнѣздо и дерзко выглядываетъ во входное отверстіе; ласточки же ничего другого не могутъ предпринять противъ подобнаго насилія, какъ въ обществѣ нѣсколькихъ своихъ сосѣдей съ тревожными криками летать вокругъ гнѣзда и клевать непрошеннаго гостя, не смѣя, однако, хорошенько отдуть его. Иногда ласточки борятся нѣсколько дней, прежде чѣмъ предоставить воробью гнѣздо въ полное владѣніе; воробей же, овладѣвъ гнѣздомъ, устраиваетъ его по своему, выстилаетъ его множествомъ мягкихъ матеріаловъ, такъ что изъ входнаго отверстія торчатъ длинныя нити и стебельки, свидѣтельствуя о томъ, что въ гнѣздѣ окончательно водворился новый владѣлецъ.

„Такъ какъ воробьи очень охотно селятся въ такихъ гнѣздахъ, то это часто чрезвычайно мѣшаетъ ласточкамъ выводить птенцовъ, и парочка, которую подобное несчастіе постигаетъ два раза въ лѣто, принуждена совершенно отказаться отъ вывода потомства. Однажды я видѣлъ даже, какъ воробей-самецъ пытался проникнуть въ гнѣздо, гдѣ уже сидѣли молодыя ласточки, напалъ на нихъ, прокусилъ имъ поочередно головы, выбросилъ ихъ изъ гнѣзда, которымъ и овладѣлъ, послѣ чего злодѣй надулся и старался оповѣстить птичій міръ о своемъ подвигѣ громкимъ и продолжительнымъ чириканьемъ. Полевые воробьи, когда это возможно, также охотно располагаются въ гнѣздахъ ласточекъ. Разсказъ о томъ, какъ ласточки замуровали воробья, — чистѣйшая выдумка. Воробей никогда не сталъ бы дожидаться этого. Единственное средство защититься отъ воробьевъ — это дѣлать входное отверстіе такимъ маленькимъ, что въ него могутъ съ трудомъ протѣсниться ласточки, между тѣмъ какъ для болѣе толстаго воробья это невоз-

можно; гнѣзда съ такими входами дѣйствительно не попадаютъ во владѣніе воробьевъ.“

Въ Германіи городская ласточка не подвергается преслѣдованіямъ; въ Италіи же и въ Испаніи мальчишки забавляются тѣмъ, что ловятъ этихъ птицъ при помощи тонкой удочки, къ которой въ видѣ приманки прикрѣплено перо. Ласточка старается взять это перо для своего гнѣзда, попадается на удочку и затѣмъ скверные мальчишки подвергаютъ ее самымъ ужаснымъ истязаніямъ.

*

Горный стрижокъ (Clivicola rupestris), самый крупный видъ изъ встрѣчающихся въ средней Европѣ, принадлежитъ къ группѣ земляныхъ ласточекъ (Clivicola). Длина горнаго стрижка — 15 см. Всѣ верхнія части тѣла у него тусклаго земляного цвѣта, маховыя и хвостовыя перья черноватыя, причемъ хвостовыя перья, кромѣ среднихъ и крайнихъ, украшены одинаковыми желтовато-бѣлыми пятнами, подбородокъ и горло, зобъ и верхняя часть груди грязновато-буровато-бѣлые съ тонкими черными продольными полосками, прочія нижнія части тѣла землисто-буроватыя. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги красновато-роговаго цвѣта.

Въ Германіи горный стрижокъ наблюдался не разъ, но настоящая родина этой птицы — югъ Европы, Испанія, Италія и Греція. Кромѣ того, она водится въ сѣверо-западной Африкѣ, въ средней Азіи къ востоку до Китая, Персіи и Индіи.

Гнѣзда горнаго стрижка можно видѣть тамъ, гдѣ онъ живетъ, висящими на обрывахъ скалъ, иногда не высоко надъ подножіемъ скалы, но всегда въ углубленіяхъ или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сверху они защищены выступающими камнями. Гнѣзда эти всего болѣе напоминаютъ гнѣзда нашей деревенской ласточки, но они несомнѣнно меньше и выложены животнымъ и растительнымъ пухомъ, а также небольшимъ количествомъ перьевъ.

Гораздо лучше извѣстна намъ жизнь береговой ласточки (Clivicola riparia). Это одинъ изъ самыхъ мелкихъ видовъ семейства. Длина этой птицы достигаетъ самое бо́льшее 13-ти см. Опереніе верхней стороны пепельно-сѣрое или землисто-бурое, опереніе нижней стороны бѣлое, на груди находится пепельно-сѣровато-бурая поперечная полоса.

Ни одинъ видъ ласточекъ не водится въ болѣе обширной области, чѣмъ береговая ласточка, которая выводитъ птенцовъ на всемъ земномъ шарѣ, за исключеніемъ Австраліи, Полинезіи и Южной Америки. Какъ показываетъ самое названіе этой птицы, она всего охотнѣе селится на крутыхъ берегахъ, но не всегда выбираетъ берега рѣкъ, а часто довольствуется крутымъ землянымъ обрывомъ. Гдѣ береговая ласточка встрѣчается, тамъ она обыкновенно встрѣчается часто; но нигдѣ не водится она въ такихъ количествахъ, какъ въ среднемъ и нижнемъ теченіи Оби, гдѣ есть поселенія этихъ птицъ, включающія въ себѣ многія тысячи паръ, которыя всѣ выводятъ птенцовъ. Въ Германіи также рѣдко можно встрѣтить поселенія, состоящія менѣе чѣмъ изъ 5—10 паръ; обыкновенно въ такихъ поселеніяхъ насчитывается 20—40 паръ, въ исключительныхъ случаяхъ 100 и болѣе паръ, гнѣздящихся на одномъ обрывѣ. Здѣсь эти ласточки съ большимъ трудомъ выкапываютъ себѣ для вывода птенцовъ глубокія ямы на такой высотѣ, куда не можетъ достигнуть наводненіе, всего же охотнѣе непосредственно подъ верхнимъ краемъ обрыва.

„Почти что невѣроятно и въ высшей степени изумительно“, говоритъ Науманнъ, „что такая маленькая птичка съ такими слабыми орудіями выполняетъ такое гигантское дѣло, да еще въ такое короткое время; въ 2—3 дня парочка выдалбливаетъ въ стѣнѣ обрыва трубку, имѣющую спереди 4—6 см. въ поперечникѣ, на концѣ же еще болѣе расширенную, горизонтальную или немножко приподнимающуюся, глубиною не менѣе одного, а часто и до двухъ см. Усердіе и озабоченность птицъ при этой утомительной работѣ доходятъ до смѣшного, особенно когда онѣ съ величайшимъ трудомъ выскребаютъ за собой ножками осыпавшуюся уже землю изъ внутренней части углубленія, причемъ оба супруга поддерживаютъ

другъ друга. Но почему, иногда уже доведя работу до половины, онѣ вдругъ бросаютъ ее, принимаются рыть вторую трубу и все-таки не выводятъ въ ней птенцовъ, а кладутъ яйца можетъ быть лишь въ третью — это для насъ загадка, ибо спитъ все семейство въ одномъ проходѣ, а именно въ томъ, гдѣ находится гнѣздо. Роютъ береговыя ласточки чрезвычайно усердно, и въ это время онѣ словно исчезаютъ изъ данной мѣстности, такъ какъ всѣ онѣ въ это время заняты своей работой. Если надъ вырытыми ими ходами топнуть по землѣ ногой, то всѣ птицы выскакиваютъ изъ своихъ норъ и снова оживляютъ собою воздухъ. На яйцахъ самки сидятъ еще болѣе неподвижно, чѣмъ другія ласточки, снимаются съ мѣста и улетаютъ лишь тогда, когда кто нибудь заберется въ ихъ норку, а потому ловить ихъ легко. На заднемъ концѣ хода, на разстояніи около одного метра отъ входа, помѣщается гнѣздо въ расширеніи, похожемъ на печь. Это просто слой тонкихъ стебельковъ соломы, сѣна и нѣжныхъ корешковъ, внутри тепло и мягко выложенное перьями и волосами, а также небольшимъ количествомъ шерсти.“

Береговая ласточка очень милая, рѣзвая, подвижная птичка, характеромъ своимъ напоминающая деревенскую ласточку. Особенно полетъ береговой ласточки, мягкій и скользящій, похожъ на полетъ деревенской ласточки. Обыкновенно береговая ласточка держится въ низкихъ слояхъ воздуха, бо́льшею частью летая взадъ и впередъ надъ самой поверхностью воды; на большую высоту она рѣдко поднимается. Полетъ ея такой колеблющійся, что его можно сравнить съ полетомъ бабочки, но онъ никакъ не можетъ быть названъ невѣрнымъ или однообразнымъ. Голосъ ея — это нѣжный, слабый звукъ „шерр“ или „церр“, пѣніе — рядъ подобныхъ же звуковъ, связанныхъ при помощи другихъ. Отъ поселеній своихъ береговая ласточка удаляется неохотно, охотится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними и поэтому пріятнымъ образомъ оживляетъ пустынныя рѣки, бѣдныя птицами, а вырытыя ею углубленія на однообразномъ берегу приковываютъ къ себѣ глазъ человѣка.

Къ роду древесныхъ ласточекъ (Progne) принадлежитъ пурпуровая ласточка (Progne purpurea), самый извѣстный видъ этого рода, встрѣчающійся также въ Европѣ. Длина этой птицы 19 см. Опереніе равномѣрнаго темнаго изъ-синя чернаго цвѣта съ сильнымъ пурпуровымъ блескомъ; маховыя и хвостовыя перья черновато-бурыя. Глаза темно-каріе, клювъ черно-бурый, ноги пурпурово-черныя. У самки голова буровато-сѣрая съ черными пятнами, прочія верхнія части тѣла окрашены такъ же, какъ у самца, но нѣсколько сѣрѣе и съ черными продольными полосками.

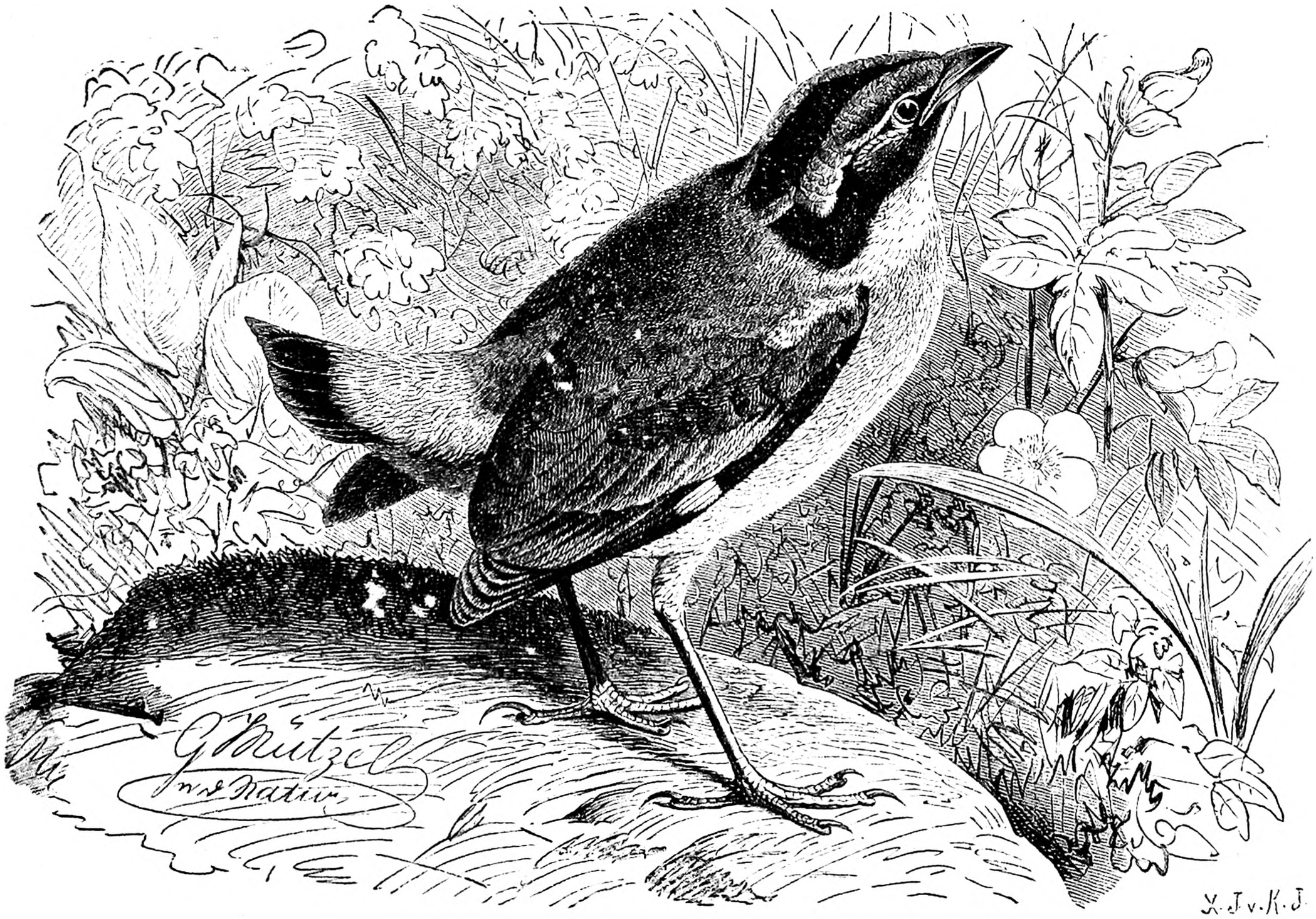
Жизнь пурпуровой ласточки подробно описана американскими натуралистами; эта птица является общимъ любимцемъ народа, и ее не только берегутъ, но всячески стараются заманить поближе къ жилищамъ. На югѣ Америки, гдѣ также встрѣчается пурпуровая ласточка, ее не охраняютъ, но и не преслѣдуютъ.

Воробьиныя птицы, о которыхъ еще предстоитъ говорить, образуютъ группу кричащихъ птицъ (Clamatores). Главный признакъ ихъ — это особенное устройство нижней гортани, которая образуется или только дыхательнымъ горломъ, или имѣетъ однѣ только боковыя мышцы.

Питты (Coloburis) представляютъ собою родъ удивительно красиво окрашенныхъ птицъ, похожихъ по строенію на оляпокъ и на гилактинъ и вмѣстѣ со своими родственниками составляющихъ семейство шерстоспинныхъ птицъ (Eriotoridae). Тѣло у питтъ плотное, клювъ средней длины, но замѣчательно крѣпкій, съ высокимъ загнутымъ гребнемъ, а передъ гребнемъ съ небольшой выемкой; ноги стройныя, съ высокой плюсной; крылья, въ которыхъ четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя, доходятъ до конца очень короткаго хвоста.

Питты встрѣчаются въ наибольшемъ колпчествѣ въ предѣлахъ Индіи, особенно же на Малайскихъ островахъ; кромѣ того, онѣ водятся еще только въ западной Африкѣ, въ Австраліи и въ жаркомъ поясѣ Америки.

Представителемъ рода можетъ считаться питта бенгальская (Coloburis bengalensis). Спина, плечи и кроющія перья крыла синевато-зеленыя, удлиненныя верхнія кроющія перья хвоста блѣдно-голубыя, бровная полоска, подбородокъ, грудь и бока шеи подъ ушами — бѣлые, нижнія части, за исключеніемъ алаго пятна на нижней части брюшка и на заду, буровато-желтыя, средняя полоса, проходящая по головѣ, и полоса на уздечкѣ, проходящая черезъ глазъ, чернаго цвѣта, маховыя перья черныя съ бѣловатымъ кончикомъ, первыя шесть большихъ маховыхъ перьевъ также съ бѣлыми пятнами, малыя маховыя перья имѣютъ синевато-зеленую

Питта бенгальская (Coloburis bengalensis). $^1/_2$ естеств. велич.

наружную каемку, рулевыя перья черныя, на концѣ темно-синія. Глаза орѣхово-каріе, клювъ черный, ноги красновато-желтыя. Длина 18 см.

Бенгальская питта распространена по всей Индіи и по Цейлону и въ подходящихъ для нея мѣстностяхъ вездѣ встрѣчается часто.

Всѣ питты отдаютъ предпочтеніе тѣмъ частямъ лѣса, въ которыхъ по возможности больше кустовъ; иныя, впрочемъ, селятся на каменистыхъ склонахъ горъ, скудно покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ. Огромное большинство пребываетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ тѣхъ острововъ, которые для европейцевъ почти-что неприступны. Это не только мѣшаетъ охотиться на этихъ птицъ, но и наблюдать за ними. „Мой лучшій охотникъ“, говоритъ Уоллесъ, „во время моего двухмѣсячнаго пребыванія на Буру часто видѣлъ одну изъ живущихъ тамъ питтъ, но никогда не удавалось ему застрѣлить ни одной изъ этихъ птицъ. Только одинъ разъ, когда онъ проводилъ ночь въ полуразвалившейся лѣсной хижинѣ, ему посчастливилось убить двухъ питтъ; но благодаря этому успѣху я на долгое время лишился охотника, ибо онъ во время охоты на питтъ такъ сильно былъ израненъ колючками, что въ теченіе двухъ недѣль былъ неспособенъ охотиться. Единственное мѣсто, гдѣ мнѣ удалось наблюдать и убить нѣсколькихъ питтъ, былъ островъ

Ломбокъ, гдѣ одинъ видъ этихъ птицъ очень часто встрѣчается на песчаной почвѣ, поросшей низкимъ кустарникомъ. Здѣсь я посвящалъ охотѣ значительную часть моего времени и терпѣливо выжидалъ удобнаго момента, чтобы застрѣлить птицу, мелькавшую въ чащѣ."

Говорятъ, что движенія питтъ чрезвычайно привлекательны. Онѣ скачутъ по землѣ большими прыжками, отъ поры до времени садятся на пень или на кустъ и летаютъ только тогда, когда ихъ преслѣдуютъ, причемъ неслышно пролетаютъ большія пространства въ прямомъ направленіи. Голосъ, который впрочемъ рѣдко удается слышать, такъ своеобразенъ, что его можно отличить отъ звуковъ, издаваемыхъ всякой другой птицей. Крикъ питтъ, по словамъ Уоллеса, состоитъ изъ двухъ свистящихъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ короче, другой длиннѣе, причемъ болѣе длинный непосредственно слѣдуетъ за болѣе краткимъ. Чувствуя себя въ безопасности, птицы издаютъ этотъ крикъ черезъ каждыя 1—2 минуты. У нѣкоторыхъ видовъ призывъ состоитъ изъ трехъ тоновъ; такъ, бенгальская питта издаетъ слоги „эвич эйя", австралійская кричащая питта внятно произноситъ слова „want a watch" (хочу часы). Пѣнія индійскихъ видовъ, повидимому, никому не удавалось слышать; но Томсонъ находитъ, что пѣніе западно-африканскаго вида пули чрезвычайно привлекательно. „Эта птица", говоритъ онъ, „пользуется такою славой у обитателей области Тимне, что они даютъ прозвище „пули" человѣку, отличающемуся поэтическимъ краснорѣчіемъ."

Питты ѣдятъ разныхъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ жуковъ и сѣтчатокрылыхъ, червей и т. п. На дроздовъ питты похожи тѣмъ, что подбираютъ свой кормъ только съ земли, на оляпокъ — тѣмъ, что часто бродятъ въ водѣ по пятки и здѣсь предаются охотѣ.

Годгсонъ говоритъ о томъ видѣ, который водится въ Непалѣ, что ловить его очень легко. На островахъ Ару мальчики-папуасы весьма успѣшно охотятся на водящихся тамъ питтъ, ловко пролѣзая между кустами и стрѣляя изъ своихъ маленькихъ луковъ. Опытный охотникъ узнаетъ о приближеніи питты сначала по шуршанью листьевъ, а затѣмъ замѣчаетъ блескъ, когда на птицу во время ея легкихъ движеній падаетъ извѣстнымъ образомъ свѣтъ. Если охотникъ сдѣлаетъ неосторожное движеніе, то блескъ этотъ, сверкнувъ, какъ молнія, исчезаетъ; это значитъ, что птица улетѣла въ безопасное для себя мѣсто.

Въ Европу, насколько извѣстно, донынѣ проникло лишь два вида питтъ.

*

„Наше общество, шедшее въ рядъ равномѣрнымъ шагомъ, вѣроятно встрѣтило впереди неожиданное препятствіе: движеніе остановилось. Я въ страхѣ побѣжалъ туда; люди, находившіеся впереди шествія, стояли передъ бурой лентой, шириною въ 4—5 см. — такой именно видъ имѣла сплоченная армія странствующихъ муравьевъ, пересѣкшая намъ дорогу. Мы не имѣли времени ждать, пока муравьи пройдутъ мимо, и должны были бѣгомъ прорваться сквозь строй насѣкомыхъ, прыгая притомъ какъ можно выше. Покрытые до колѣнъ разозлившимися насѣкомыми, мы прорвались сквозь густой рядъ ихъ; но хотя мы давили ихъ руками, топтали ногами, мы все-таки не могли совершенно избавиться отъ весьма чувствительныхъ укушеній раздраженныхъ животныхъ. Если такое войско, о которомъ никто не знаетъ, откуда оно взялось и куда оно направляется, нападаетъ на все, встрѣчающееся на его пути, то и оно имѣетъ своихъ враговъ, а именно среди птицъ, которыя всегда сопровождаютъ подобное общество въ большихъ количествахъ". Такое описаніе даетъ намъ Шомбургкъ, который вслѣдъ затѣмъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни птицъ, которыхъ я сначала изображу съ внѣшней стороны.

Муравьеловки (Formicivora), богатый родъ, въ которомъ насчитывается до 70-ти видовъ, и живущій исключительно въ Южной Америкѣ, столько-же напоминаютъ европейскихъ дроздовъ, сколько пѣвчихъ птицъ и сорокопутовъ. Эти птицы, по словамъ принца Вида, характеризуются тѣмъ, что „ноги у нихъ развиты на счетъ крыльевъ".

Главную пищу муравьеловокъ составляютъ насѣкомыя; но нѣкоторыя изъ нихъ не брезгаютъ и растительными веществами. Насѣкомыхъ птицы по преимуществу подбираютъ съ земли, перевертывая клювомъ облетѣвшіе листья; иныя же скребутся въ землѣ, какъ куры, когда хотятъ поскорѣе достигнуть цѣли. Онѣ любятъ муравьевъ, хотя нельзя сказать, чтобы это была самая излюбленная ихъ пища.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ муравьеловокъ это муравьеловка огнеглазая (Formicivora domicella). Клювъ у нея прямой, почти конусообразный, съ крючковатымъ кончикомъ и съ маленькой выемкой передъ кончикомъ, плюсна высокая, сильная, пальцы на ногахъ хотя не очень длинные, но крѣпкіе, крылья средней длины, хвостъ довольно длинный и закругленный. У самца клювъ, ноги и бо́льшая часть оперенія чернаго цвѣта, кроющія перья крыла на сгибѣ бѣлыя, а большія кроющія перья съ бѣлой каемкой. Глаза, соотвѣтственно названію птицы, темнаго огненно-краснаго цвѣта. Самка оливково-бурая, горло и затылокъ у нея блѣдно-желтые. Длина 18 см.

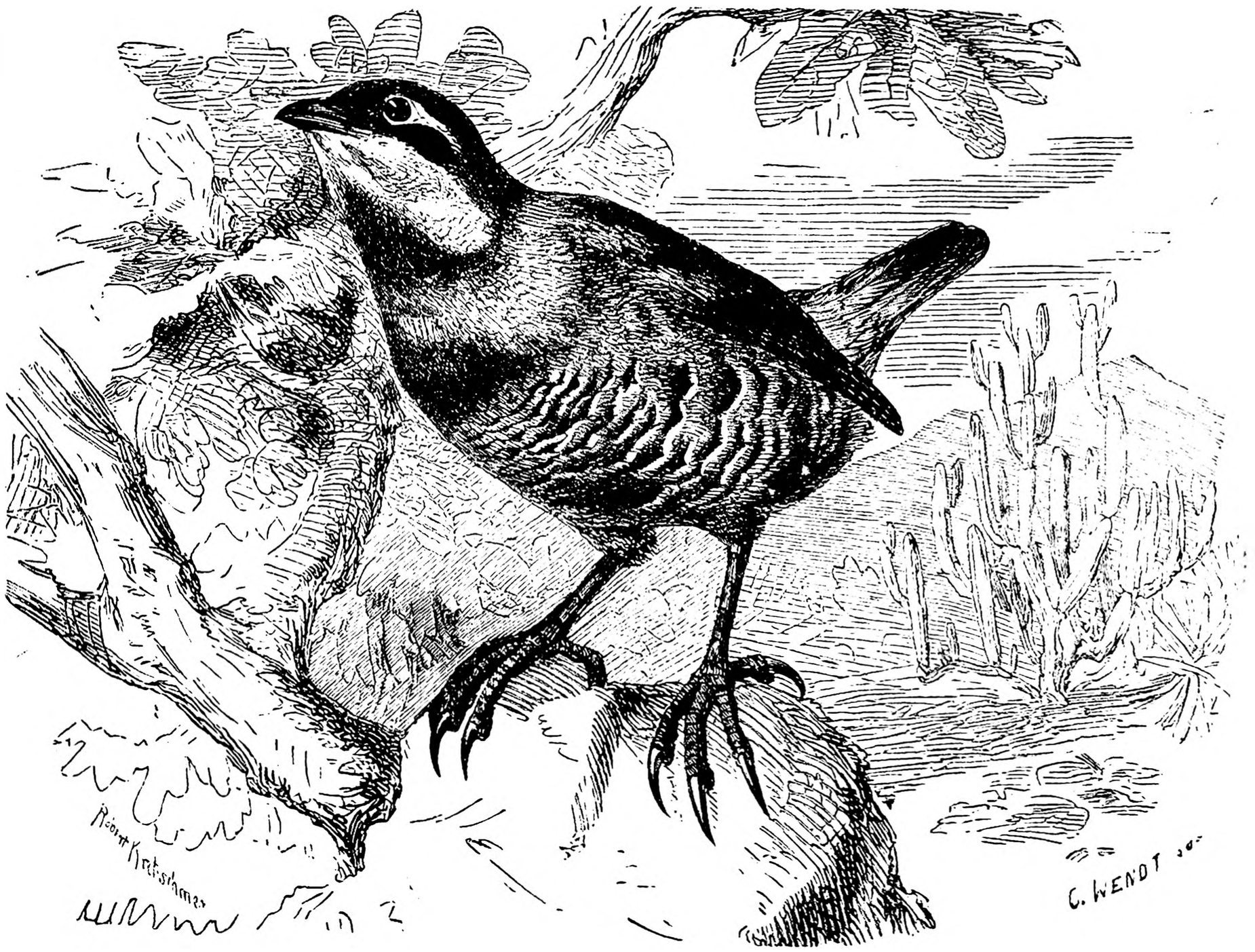
Муравьеловка огнеглазая нерѣдко встрѣчается во всѣхъ лѣсныхъ пространствахъ Бразиліи и всегда пребываетъ въ густомъ, темномъ кустарникѣ большихъ лѣсовъ. Ея огненно-красные глаза рѣзко выступаютъ изъ ея чернаго, какъ уголь, оперенія, благодаря чему птицу нетрудно замѣтить. Голосъ ея — свистящее щебетанье.

По словамъ Киттлица, эта милая птичка усердно поѣдаетъ муравьевъ. „Въ чащѣ лѣса“, разсказываетъ онъ, „я встрѣтилъ огромное сонмище большихъ черныхъ муравьевъ, которые были очень заняты около свалившихся толстыхъ бамбуковыхъ стволовъ, между тѣмъ какъ огнеглазыя муравьеловки обоего пола охотились на нихъ съ большимъ искусствомъ и жадностью. Хотя птицы и были очень пугливы и ловко умѣли увертываться отъ выстрѣла, но жадность ихъ къ муравьямъ была такъ велика, что выстрѣлами только на мгновеніе можно было разогнать ихъ. Лежа на землѣ и постоянно заряжая ружье, я не могъ разогнать птицъ шестью выстрѣлами подрядъ.

Представителями подсемейства шерстоспинныхъ, гилактиновыхъ птицъ, являются гилактины (Hylactes), изъ которыхъ наибо́льшею извѣстностью пользуется тюрко (Hylactes megapodius), извѣстный у чилійцевъ еще подъ названіемъ танаколо. Опереніе этой птицы на верхней сторонѣ темнаго оливково-бураго цвѣта, полоска на вискѣ, подбородокъ и область щекъ бѣлые, прочія нижнія части тѣла оливково-ржаво-бурыя, бока брюшка и ляжекъ покрыты узкими черноватыми и широкими бѣлыми поперечными полосками, нижнія кроющія перья хвоста украшены блѣдно-ржавыми, а середина груди и брюшка темно-бурыми поперечными полосками, хвостовыя перья темно-бурыя. Глаза темно-каріе, клювъ черно-бурый, ноги буровато-черныя. Длина приблизительно 27 см.

Образъ жизни этой птицы еще требуетъ тщательнаго изслѣдованія. „Хотя это замѣчательное существо обыкновенно скрывается“, говоритъ Киттлицъ о тюрко, открытомъ имъ близъ Вальпарайзо, „но все-таки даетъ знать всякому наблюдателю природы о своемъ присутствіи въ мѣстностяхъ, обильно покрытыхъ извѣстнымъ видомъ бамбука, посредствомъ отдѣльныхъ тоновъ, слѣдующихъ другъ за другомъ черезъ неправильные промежутки времени; звуки эти трескучіе и скрипучіе и мало по малу становятся все болѣе низкими. Тюрко и его родственники часто представляютъ самое удивительное зрѣлище, когда внезапно вылѣзаютъ изъ чащи со своими короткими крыльями, неприспособленными къ полету, помогая ими своему быстрому бѣгу, и притомъ сохраняя такое положеніе, въ какомъ мы привыкли видѣть нашего крапивника; на мгновеніе тюрко показывается на какомъ-нибудь высокомъ пунктѣ, куда онъ взбирается при помощи внезапнаго, огромнаго прыжка, при помощи такого же прыжка онъ такъ же внезапно исчезаетъ“. Болѣе подробно говоритъ объ этой птицѣ Дарвинъ. „Изъ чилійскихъ птицъ самыя замѣчательныя — двѣ гилактины. Первая, называемая жителями „тюрко“, встрѣчается

довольно часто. Она живетъ на землѣ, скрываясь въ чащѣ кустарника, которымъ тамъ и сямъ покрыты сухіе и голые холмы. Часто можно видѣть, какъ эта птица, поднявъ хвостъ, съ удивительной быстротой перебѣгаетъ на своихъ длинныхъ ногахъ отъ одного куста къ другому. Немного надо воображенія, чтобы представить себѣ, что птица сама себя стыдится и сознаетъ, какъ смѣшна ея фигура. Увидѣвъ эту птицу въ первый разъ, хочется воскликнуть: плохо сдѣланное чучело убѣжало изъ музея и опять ожило. Лишь съ величайшимъ трудомъ можно заставить тюрко летать. Она также не бѣгаетъ, а только прыгаетъ. Различные громкіе звуки, издаваемые тюрко, когда онъ скрывается въ кустахъ, столь же своеобразны, какъ и вся его внѣшность. Гнѣздо свое, какъ говорятъ, онъ устраиваетъ въ глубокой пещерѣ подъ землей. Я вскрылъ нѣсколько птицъ. Чрезвычайно

Тюрко (Hylactes megapodius). $^2/_5$ естеств. велич.

мускулистый желудокъ содержалъ въ себѣ жуковъ, растительныя волокна и маленькіе кремни. Судя по этому, по длинѣ ногъ и пальцевъ, приспособленныхъ къ тому, чтобы скрести, по кожистому покрову носовыхъ отверстій, эта птица до извѣстной степени служитъ звеномъ между дроздами и куриными птицами. Близкій родственникъ тюрко, Hylactes tarnii, называется у туземцевъ гидъ-гидъ, англичане же называютъ его лающей птицей (птица-лайка). Послѣднее названіе очень удачно, такъ какъ никто, слыша ея голосъ, не съумѣетъ сказать, не лаетъ ли въ лѣсу маленькая собачка.“

Около 300 видовъ южно- и средне-американскихъ птицъ причисляются къ семейству горшечниковъ (Anabatidae). Изъ нихъ печники (Furnarius) напоминаютъ нѣкоторыхъ дроздовъ, но не похожи ни на одну европейскую птицу.

„Переступивъ черезъ высокія горныя цѣпи Бразиліи“, говоритъ Бурмейстеръ, „отдѣляющія лѣсистую прибрежную область отъ внутреннихъ луговыхъ пространствъ, и спускаясь верхомъ внизъ по холмистой долинѣ Рio досъ Вельосъ,

по всей дорогѣ на высокихъ деревьяхъ, одиноко стоящихъ около жилищъ туземцевъ, можно видѣть большіе комки глины, по формѣ напоминающіе дыню, расположенные на толстыхъ горизонтальныхъ вѣтвяхъ и отличающіеся со всѣхъ сторонъ и сверху правильною выпуклостью. Сначала эти глиняные шары поражаютъ зрителя. Онъ принимаетъ ихъ за поселенія термитовъ, пока еще не замѣтилъ открытаго входа съ одной стороны. Но этому предположенію противорѣчитъ одинаковая форма и величина этихъ комковъ глины, такъ какъ поселенія термитовъ бываютъ очень различной формы и никогда не строятся по серединѣ вѣтки, а предусмотрительно помѣщаются въ углу, образуемомъ вѣткой. Замѣтивъ правильную форму этихъ комковъ глины, можно скоро уяснить себѣ и ихъ значеніе. Трудно не замѣтить и большого входного отверстія, которое всегда бываетъ одинаковой формы; внимательный же наблюдатель увидитъ, какъ взадъ и впередъ снуетъ небольшая красновато-желтая птица, и пойметъ, что это удивительное зданіе есть птичье гнѣздо. Это дѣйствительно гнѣздо печника, извѣстнаго каждому мѣстному жителю подъ именемъ „глинянаго Ваньки“, Joã o de Barro, и къ которому всякій туземецъ питаетъ особенное расположеніе.“

Печникъ рыжій (Furnarius rufus) на верхней сторонѣ окрашенъ въ ржаво-коричнево-буровато-красный цвѣтъ, голова и спина у него тусклѣе, маховыя перья бурыя, нижняя сторона свѣтлѣе, на серединѣ горла болѣе чистаго бѣлаго цвѣта; отъ глаза идетъ назадъ яркая ржаво-желтая полоса; маховыя перья сѣрыя, большія маховыя перья у основанія снабжены блѣдно-желтыми каемками, рулевыя перья ржаво-желтовато-красныя. Глаза желтовато-каріе, клювъ бурый, нижняя створка клюва у основанія бѣловатая, ноги бурыя. Длина 19 см.

Печникъ рыжій живетъ подобно нашимъ дроздамъ, какъ на вѣтвяхъ, такъ и на землѣ. На вѣтвяхъ онъ прыгаетъ очень оживленно и весело, причемъ часто слышится его удивительный голосъ. Печниковъ всегда можно видѣть парочками, которыя бо́льшею частью держатся отдѣльно. Питаются они насѣкомыми и сѣменами, по словамъ же Бурмейстера — только насѣкомыми, которыя подбираются съ земли; но на вѣтвяхъ печники никогда на нихъ не охотятся а еще менѣе преслѣдуютъ летающихъ насѣкомыхъ. По землѣ печникъ двигается очень ловко, большими прыжками; полетъ же вслѣдствіе короткости крыльевъ не отличается быстротою, и птица никогда не улетаетъ далеко.

Голосъ у печника вѣроятно очень своеобразный, такъ какъ всѣ наблюдатели обращаютъ на него особенное вниманіе въ своихъ описаніяхъ; одни отзываются о немъ съ похвалой, другіе менѣе благопріятнымъ образомъ. „Громкій, далеко разносящійся голосъ печника“, говоритъ Бурмейстеръ, „пронзительный и визгливый; обыкновенно оба супруга, сидя на домѣ или на деревѣ, кричатъ одновременно, но на разные тона и съ различною скоростью — самцы быстрѣе, самки значительно медленнѣе и на терцію ниже. Этотъ крикъ въ первый разъ поражаетъ, но пріятнаго въ себѣ ничего не имѣетъ, особенно въ виду того, что парочка печниковъ всегда перебиваетъ вашу рѣчь, т. е. начинаетъ кричать, если остановиться и разговаривать.“

Поражающая на первый взглядъ смѣлость печника впослѣдствіи становится вполнѣ понятной. Бразильцы считаютъ его священной птицей съ христіанскими привычками; такъ какъ о ней разсказываютъ, что по воскресеньямъ она не работаетъ надъ своимъ большимъ гнѣздомъ и притомъ всегда устраиваетъ входное отверстіе съ той стороны, которая обращена къ востоку.

„Самое гнѣздо для такой маленькой птицы дѣйствительно изумительное сооруженіе. Помѣщается оно на совершенно горизонтальной или немного поднимающейся части вѣтки, толщиною приблизительно въ 18 см. или больше. Очень рѣдко можно видѣть гнѣздо въ другомъ мѣстѣ, на крышахъ, на высокихъ балкахъ, на крестахъ церквей и т. п. Оба супруга строятъ гнѣздо общими силами. Сначала они сооружаютъ горизонтальное основаніе изъ глины, которой всегда много въ каждой деревнѣ на проѣзжихъ дорогахъ, и которая послѣ первыхъ дождей, начинающихся лишь въ періодъ вывода птенцовъ этими птицами, принимаетъ видъ мягкой грязи. Изъ такой глины печники скатываютъ круглые комки, вродѣ ру-

жейныхъ пуль, и несутъ ихъ на дерево, гдѣ распластываютъ ихъ клювами и ногами. Обыкновенно къ глинѣ примѣшиваются измельченныя растительныя вещества. Если основаніе достигло 20—22 см. въ длину, то парочка на концѣ сооружаетъ поднимающійся край, съ боковъ слегка загнутый кнаружи; на концѣ этотъ край достигаетъ наибольшей вышины (около 5-ти см.), а къ серединѣ боковъ понижается, такъ что края обоихъ концовъ образуютъ полый сводъ. Когда этотъ край оконченъ и въ достаточной мѣрѣ высокъ, то къ нему придѣлывается второй подобный же край, который уже нѣсколько болѣе загибается внутрь. И этому краю птица даетъ высохнуть, а затѣмъ продолжаетъ свою постройку въ такомъ же духѣ, пока обѣ стороны не соединятся въ одинъ куполъ. На одной сторонѣ остается круглое отверстіе, которое сначала кажется имѣющимъ форму правильнаго круга, а затѣмъ съ одной стороны задѣлывается, такъ что получаетъ форму вертикально расположеннаго полукруга. Это и есть входное отверстіе. Готовое гнѣздо похоже на маленькую хлѣбную печь и обыкновенно достигаетъ въ вышину 15—18 см., въ длину 20—22 см., а въ ширину 10—12 см. Глиняная стѣнка гнѣзда бываетъ толщиною въ 2,5 — 4 см., внутренняя полость занимаетъ, слѣдовательно, пространство въ 10—12 см. вышины, 12—15 см. длины и 7—10 см. ширины. Гнѣздо, уже почти оконченное, которое я унесъ съ собою, вѣсило 4,5 килограмма. Въ этой полости птица сооружаетъ настоящее гнѣздо, придѣлывая внутри къ прямому краю входного отверстія половинку перегородки, отъ которой идетъ небольшая перекладинка, пересѣкая поперекъ дно гнѣзда. Это-то и есть то мѣсто, гдѣ висиживаются яйца; оно тщательно обкладывается сухими стебельками травы, а внутри выстилается переплетенными между собою куриными перьями, пучками хлопка и т. д. Тогда жилище „глинянаго Ваньки“ готово. Птица кладетъ туда свои 2—4 бѣлыхъ яйца, оба родителя высиживаютъ ихъ и выкармливаютъ своихъ птенцовъ. Первая постройка сооружается въ концѣ августа, птенцы же выводятся въ началѣ сентября. Послѣ первыхъ птенцовъ выводятся вторые въ томъ же самомъ году.“

Семейство тирановъ (Tyrannidae) отличается тѣми же свойствами, какъ сорокопуты и мухоловки; это семейство состоитъ болѣе чѣмъ изъ 450 видовъ, водящихся въ Америкѣ, какъ въ Сѣверной, такъ и въ Южной.

Тиранны принадлежатъ къ тѣмъ птицамъ, на которыхъ всякій долженъ обратить вниманіе, и съ которыми всякому слѣдуетъ познакомиться, такъ какъ они отличаются отъ другихъ птицъ какъ своимъ образомъ дѣйствій, такъ и голосомъ, и безъ всякаго страха водятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ. Здѣсь мы можемъ указать лишь на нѣкоторыя формы этого богатаго видами семейства.

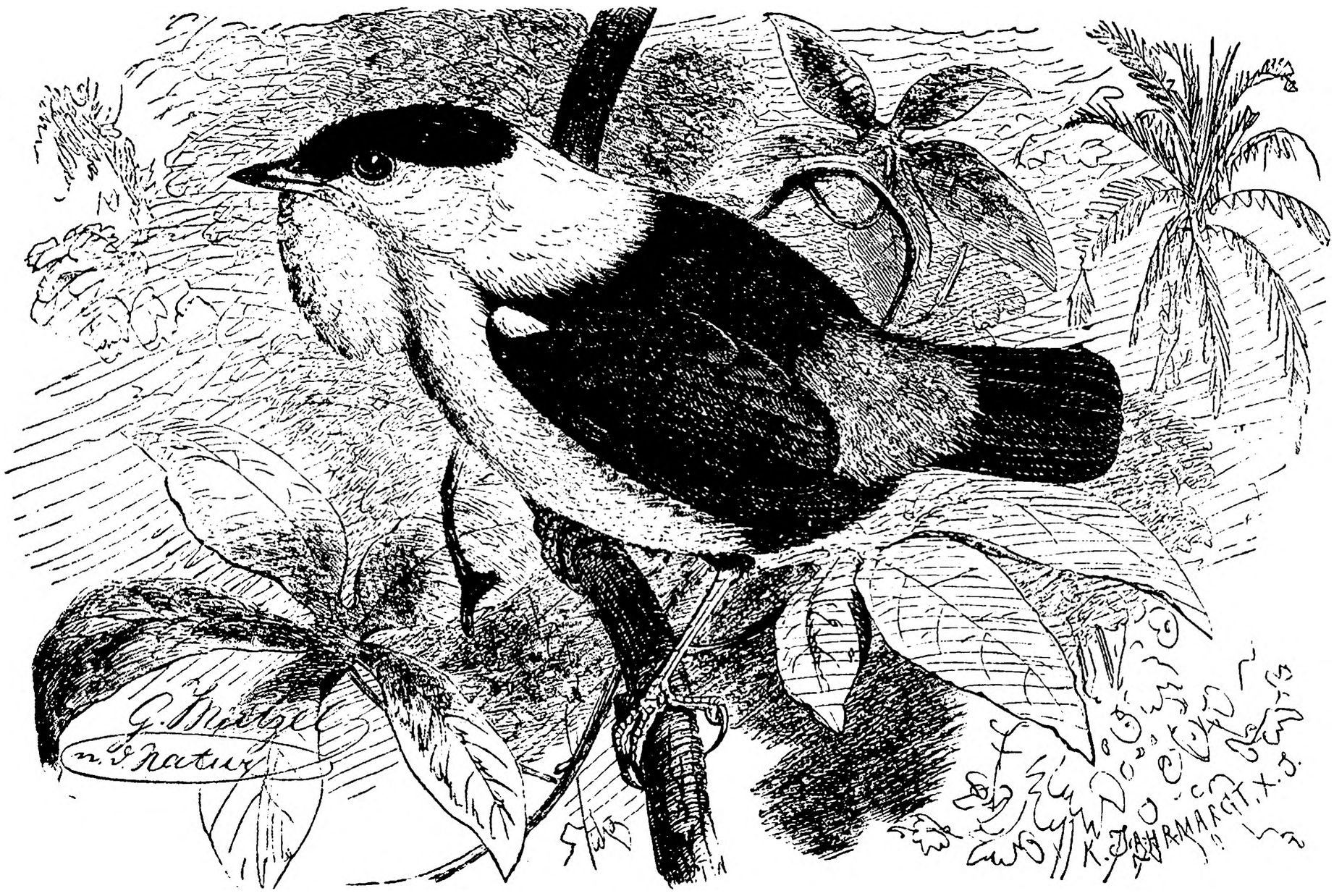
Виды пипръ (Pipra) водятся въ Южной и въ средней Америкѣ. У самцовъ преобладающая окраска черная, но въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла къ черному цвѣту присоединяются самыя яркія краски. Зато самки почти всѣхъ видовъ облечены въ одноцвѣтную сѣро-зеленую одежду, и на нихъ болѣе или менѣе похожи птенцы обоего пола.

По своему образу жизни пипры болѣе всего напоминаютъ нашихъ синицъ. Онѣ живутъ парами или небольшими семействами и обществами, прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку, ни далеко, ни высоко не летаютъ, но отличаются рѣзвостью и и подвижностью, а потому вполнѣ способны оживлять собою лѣсъ. Какъ многія другія птицы дѣвственныхъ лѣсовъ, онѣ предпочитаютъ сырые лѣса и даже съ нѣкоторымъ страхомъ избѣгаютъ всѣхъ мѣстъ, куда не падаетъ тѣнь, а также открытыхъ береговъ рѣкъ. Въ утреннія часы этихъ птицъ можно видѣть соединенными въ небольшія общества, а также въ обществѣ другихъ птицъ; около полудня эти общества распадаются, и каждая птица ищетъ себѣ уединенное и тѣнистое мѣстечко.

Пѣніе ихъ не представляетъ собою ничего особеннаго — это „тихое, но весьма пріятное щебетаніе“, призывный звукъ ихъ — это часто повторяемый свистъ.

Пипры питаются насѣкомыми и плодами; ягоды, повидимому, составляютъ главную пищу нѣкоторыхъ изъ этихъ птицъ, и для добыванія ягодъ вообще осторожныя пипры приближаются къ человѣческимъ жилищамъ. Довольно простое и незатѣйливое гнѣздо строится изъ мха и внутри выстилается растительнымъ пухомъ; яицъ кладется, повидимому, всегда 2; они очень продолговатой формы и на блѣдномъ фонѣ покрыты мелкими крапинками, которыя на тупомъ концѣ образуютъ вѣночекъ.

Манакинъ (Pipra manacus) если не одинъ изъ самыхъ красивыхъ, за то одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ видовъ разсматриваемаго рода. Темя, спина, крылья и хвостъ у этой птицы черные, надхвостье и задъ сѣрые, горло, шея, грудь и брюшко бѣлыя. Глаза сѣрые, клювъ свинцоваго цвѣта, нижняя створка бѣловатая, ноги мясного цвѣта. Длина 12 см.

Манакинъ (Pipra manacus). $^5/_6$ естеств. велич.

„Эта хорошенькая птичка“, говоритъ принцъ Видъ, „водится въ значительной части Южной Америки. Она встрѣчается въ Гвіанѣ, а на югѣ тѣхъ мѣстностей, которыя я объѣзжалъ, она представляетъ собою обыкновенное явленіе. Живетъ она въ сплошныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ и въ кустахъ, чередующихся съ открытыми мѣстами, внѣ періода спариванья маленькими, а иногда и многочисленными обществами перелетаетъ съ куста на кустъ, подобно нашимъ синицамъ, бо́льшею частью держится близко къ землѣ или на умѣренной высотѣ, очень жива и подвижна, летаетъ не подолгу, но чрезвычайно быстро и при этомъ издаетъ громкое, своеобразное жужжаніе, нѣсколько напоминающее жужжаніе веретена.“ Это жужжаніе производится движеніемъ кистевой части крыльевъ и можетъ быть вызвано даже послѣ смерти птицы быстрымъ сокращеніемъ указанной части крыла.

Когда манакинъ находится въ движеніи, то часто можно слышать его голосъ, похожій на щелканье при разгрызаніи орѣха, за которымъ слѣдуетъ трескучій, а затѣмъ низкій ворчащій звукъ. „Сперва изумляешься этимъ страннымъ звукамъ, вдругъ раздающимся и часто повторяющимся въ чащѣ. Сначала кажется, что низкій басовой звукъ издается большимъ животнымъ, пока не убѣдишься съ удивленіемъ въ томъ, что виновникъ этого звука — маленькая, странная птичка. Въ густой, живописной чащѣ темнаго лѣса я часто слышалъ въ высшей степени свое-

образные звуки, издаваемые манакиномъ, который леталъ вокругъ насъ, щелкалъ и ворчалъ, но такъ, что его самого не было видно."

Бразильцы обратили вниманіе на одну особенность манакина. Эта птица любитъ надувать область горла, вслѣдствіе чего длинныя перья на горлѣ торчатъ въ видѣ бороды. Поэтому въ Бразиліи птицу называютъ „мопо", т. е. „монахъ". Пищу манакинъ, повидимому, употребляетъ смѣшанную и ѣстъ какъ ягоды, такъ и насѣкомыхъ.

*

Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ видовъ семейства, тираннъ каролинскій (Tyrannus carolinensis, рис. на стр. 282), принадлежитъ къ птицамъ средней величины среди птицъ своего рода: длина его — 21 см. Мягкое и блестящее оперенiе, которое на головѣ удлинено въ видѣ хохолка, на верхней сторонѣ темнаго синевато-сѣраго цвѣта, по бокамъ головы всего темнѣе, а узкія перья хохолка съ великолѣпными огненными и желтыми каемками; нижняя сторона сѣровато-бѣлая съ пепельно-сѣрымъ налетомъ на груди, шея и горло чисто-бѣлыя; маховыя и рулевыя перья буровато-черныя, послѣднія къ концу темныя и на концѣ бѣлыя, такъ же какъ и кроющія перья крыльевъ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги сѣровато-синія. У самки всѣ краски блѣднѣе и темнѣе.

„Тираннъ каролинскій", говоритъ Одюбонъ, — „одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ лѣтнихъ гостей въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Луизіанѣ онъ появляется приблизительно въ серединѣ марта. Многіе остаются здѣсь до половины сентября, но бо̀льшая часть улетаетъ сѣвернѣе и распространяется по всему государству. Въ первые дни послѣ своего прибытія птица кажется утомленной и печальной; по крайней мѣрѣ она не издаетъ никакихъ звуковъ. Но какъ только возвращается ея естественная живость, то на каждомъ полѣ и вдоль лѣсныхъ опушекъ слышатся ея рѣзкія трели. Внутри лѣсныхъ пространствъ тираннъ каролинскій встрѣчается рѣдко; онъ отдаетъ предпочтеніе садамъ, полямъ, берегамъ рѣкъ, плантаціямъ деревьевъ, окружающимъ домъ плантатора. Въ такихъ мѣстахъ всего лучше можно наблюдать его."

Когда приближается время высиживанія птенцовъ, полетъ этихъ птицъ принимаетъ другой характеръ. Парочка супруговъ носится, порхая, на высотѣ 20-ти или 30-ти метровъ надъ поверхностью земли, причемъ громкій крикъ этихъ птицъ почти не умолкаетъ. Самка летитъ вслѣдъ за самцомъ, и оба, повидимому, ищутъ себѣ подходящаго мѣста для устройства гнѣзда. Въ то-же время они зорко слѣдятъ за разными насѣкомыми, отъ поры до времени отклоняются отъ своего пути, чтобы схватить ихъ и дѣлаютъ это при помощи ловкаго поворота. Эта игра прерывается тѣмъ, что оба супруга усаживаются рядышкомъ на вѣтку и отдыхаютъ. Выбравъ себѣ мѣсто для гнѣзда, счастливая парочка начинаетъ подбирать съ земли сухія вѣточки, поднимается вмѣстѣ съ ними на горизонтальную вѣтку и здѣсь кладетъ основаніе для колыбели своихъ дѣтей. На этомъ основаніи созидается гнѣздо изъ комковъ хлопка, пакли или шерсти и подобныхъ матеріаловъ, отъ которыхъ гнѣздо становится довольно большимъ, но въ то же время и довольно прочнымъ, а внутри стѣнки выстилаются довольно толстымъ слоемъ тонкихъ корешковъ и конскихъ волосъ.

Затѣмъ самка кладетъ свои 4—6 яицъ, испещренныхъ по красновато-бѣлому фону бурыми крапинками и начинаетъ ихъ высиживать. Самецъ въ это время обнаруживаетъ въ полной мѣрѣ свое мужество и усердіе. Онъ сидитъ на вѣткѣ около любимой супруги и, повидимому, только о томъ и думаетъ, чтобы защищать ее отъ всякаго рода опасностей. Поднятыя и растопыренныя перья на головѣ блестятъ на солнцѣ; бѣлая грудка виднѣется издалека. Такъ сидитъ самецъ на сторожѣ и обводитъ кругомъ своими бдительными глазами. Замѣтивъ ворону, коршуна или орла, все равно — далеко или близко, самецъ вдругъ взвивается на воздухъ, подлетаетъ къ непріятелю, иногда очень опасному, и начинаетъ яростно нападать на него. Онъ бросается на своего врага сверху, издаетъ свой боевой крикъ, нѣсколько разъ подрядъ спускается на спину сильнаго противника и ста-

рается здѣсь усѣсться. Постоянно давая своему менѣе ловкому противнику толчки клювомъ, тираннъ каролинскій сопровождаетъ его на протяженіи цѣлой версты, послѣ чего полагаетъ, что дѣло его сдѣлано. Тогда онъ оставляетъ непріятеля и спѣшитъ назадъ къ гнѣзду, по обыкновенію подрагивая крыльями и издавая свои трели.

Изъ соколовъ немногіе приближаются къ гнѣзду каролинскаго тиранна; даже кошка предпочитаетъ оставаться дома, а если появляется около гнѣзда, то малень-

1 2

1) Тираннъ каролинскій (Tyrannus carolinensis), 2) Бентови (Tyrannus sulfuratus). ½ естеств. велич

кій воинъ, не уступающій смѣлостью самому смѣлому орлу, быстрымъ и сильнымъ движеніемъ устремляется на нее и, постоянно нападая на нее съ разныхъ сторонъ, заставляетъ ее обратиться въ бѣгство и со стыдомъ вернуться домой.

Изъ своихъ пернатыхъ противниковъ тираннъ никого не боится, кромѣ пурпуровой ласточки. Хотя эта птица часто помогаетъ ему защищать гнѣздо, но иногда такъ рьяно нападаетъ на тиранна, что заставляетъ его отступить. Правда, полетъ ласточки настолько сильнѣе и быстрѣе полета тиранна, что она можетъ избѣгать ударовъ и толчковъ со стороны болѣе сильнаго тиранна.

Тираннъ каролинскій вполнѣ заслуживаетъ дружбу и расположеніе человѣка. Благодаря бдительности этой птицы, сохраняется много яицъ на птичьемъ дворѣ, которыя тираннъ защищаетъ отъ вороватой вороны, множество цыплятъ, благодаря

тиранну, уберегается отъ разбойничьихъ когтей сокола, и истребляя множество насѣкомыхъ, тираннъ приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ вреда, который причиняетъ, поѣдая небольшое количество ягодъ и фигъ. Мясо тиранна нѣжное и вкусное; поэтому — а не потому, что онѣ ѣдятъ пчелъ — многихъ птицъ убиваютъ, несмотря на приносимую ими пользу.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ тирановъ Бразиліи — это бентеви (Tyrannus sulfuratus), носящій названіе, звукоподражательное его крику. Длина его 26 см. Опереніе верхней стороны зеленовато-маслянисто-бурое, хохолокъ на серединѣ темени и нижняя сторона сѣрнисто-желтые; лобъ и бровная полоска, горло и передняя часть шеи бѣлые, остальная часть темени, уздечка и щеки черныя, кроющія перья крыла, маховыя и хвостовыя перья съ ржаво-красными краями, маховыя перья на внутреннемъ опахалѣ украшены широкими ржаво-желтыми каемками.

Бентеви, одна изъ самыхъ извѣстныхъ птицъ Южной Америки, живетъ въ сѣверной Бразиліи, въ Гвіанѣ и на Тринидадѣ и встрѣчается почти вездѣ; особенно же многочисленны эти птицы тамъ, гдѣ открытые луга чередуются съ кустами

Постоянный крикъ бентеви, издаваемый какъ самцомъ, такъ и самкой, привлекаетъ вниманіе каждаго новоприбывшаго, и давно уже поселенцы подражаютъ этому крику на разныхъ языкахъ. Въ Бразиліи онъ передается словами „ben-te-vii“, въ Монтевидео и Буэносъ-Айресѣ — „bien-te-veo“ („вижу тебя хорошо“), въ Гвіанѣ словами „qu'est-ce qu'il-dit?“ („что онъ говоритъ?“), и благодаря такому подражанію ея голосу, птица сдѣлалась очень популярна. Но она привлекаетъ къ себѣ вниманіе человѣка еще другимъ образомъ — ибо и бентеви настоящій тираннъ, не пропускающій мимо себя безнаказанно ни одной хищной птицы.

О бентеви ходитъ молва, будто онъ не довольствуется насѣкомыми, а вытаскиваетъ изъ гнѣзда и маленькихъ птичекъ; эта молва подтверждается наблюденіемъ Шомбургка, который замѣтилъ, что маленькія птички съ дикимъ крикомъ преслѣдуютъ этого тиранна.

Плѣнные бентеви не особенно рѣдко попадаютъ въ клѣтки къ европейцамъ и всегда пріобрѣтаютъ любовь своихъ хозяевъ, благодаря своей гордой самоувѣренности, благодаря баснословной ловкости своего полета, который управляется изумительно острымъ зрѣніемъ, и благодаря своей выносливости.

Уже Молина, первый, описавшій природу Чили, упоминаетъ объ одной въ высшей степени замѣчательной южно-американской птицѣ и сообщаетъ удивительныя вещи объ ея образѣ жизни. „Косецъ“, говоритъ онъ, „питается травами, но обладаетъ тѣмъ дурнымъ свойствомъ, что ѣстъ ихъ только послѣ того, какъ отпилилъ стебель у самаго корня. Часто онъ срѣзываетъ такимъ образомъ растенія только для препровожденія времени и не съѣдаетъ ни одного листочка. Поэтому жители преслѣдуютъ этихъ птицъ усердно и награждаютъ мальчиковъ, вынимающихъ яйца изъ гнѣздъ ихъ. Привыкшая къ преслѣдованіямъ птица вьетъ себѣ гнѣзда на самыхъ густыхъ деревьяхъ и притомъ въ тѣнистыхъ, мало посѣщаемыхъ мѣстахъ. Несмотря на такую осторожность, эти птицы сильно уменьшились численно, и, судя по тому рвенію, съ какимъ жители стараются истребить ихъ, можно заключить, что онѣ совершенно исчезнутъ, если ихъ потомство не оставитъ своихъ дурныхъ привычекъ.“

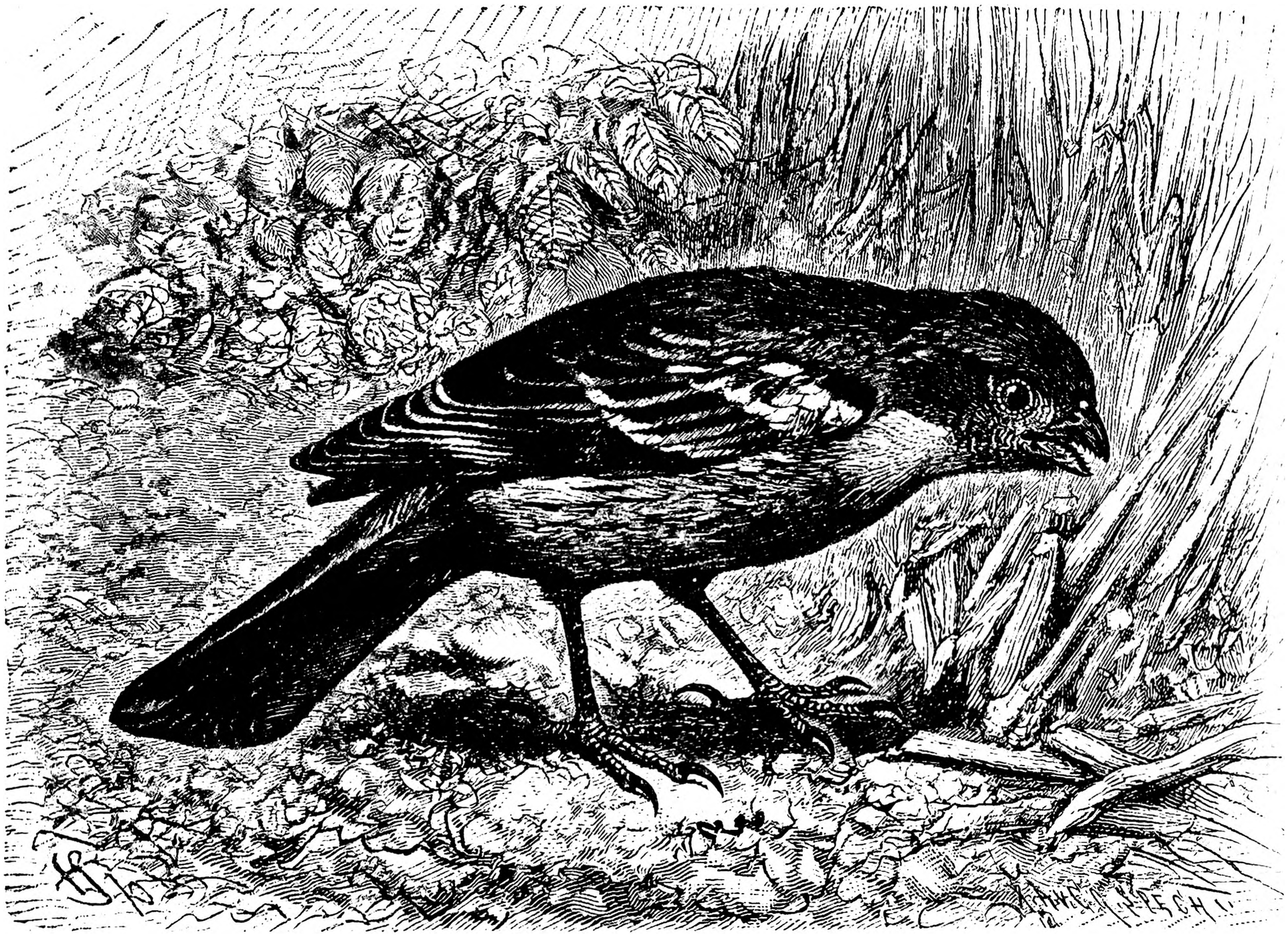
Долгое время зло, причиняемое этими птицами, считали за одну изъ басенъ, разсказываемыхъ иностранцамъ, которые обыкновенно охотно вѣрятъ всякимъ рѣсказнямъ; но новыя изслѣдованія показали, что въ этихъ разсказахъ есть по крайней мѣрѣ доля правды.

Косцы (Phytotoma) открываютъ собою семейство ампелидовыхъ птицъ (Ampelidae); они похожи на карликовыхъ попугаевъ и на нѣкоторыхъ птицъ, питающихся плодами, но и отъ тѣхъ, и отъ другихъ отличаются существенными признаками, особенно же строеніемъ клюва. Клювъ у косцовъ короткій.

сильный, одинаковой ширины и вышины, по направленію къ кончику постепенно сжимающійся, на гребнѣ выпуклый, по краямъ втянутый, а передъ краями съ явственной выемкой, въ передней же половинѣ снабженный тонкими пилообразными зубчиками; нижняя створка спереди также снабжена зубцами.

*

Молина описалъ Рариту (Phytotoma rara), водящуюся въ Чили и далъ ей имя по ея крику. Длина птицы 17 см. Верхняя сторона темнаго оливково-зеленаго цвѣта, причемъ каждое перо украшено черноватой полоской на стержнѣ и широкой желтовато-зеленой каймой, нижняя сторона желтовато-зеленая съ болѣе темными полосками вдоль стержней, лобъ ржаво-красный, голова темнѣе,

Рарита (Phytotoma rara). $^2/_3$ естеств. велич.

съ черными полосками на стержняхъ; горло и брюшко желтаго цвѣта, верхняя часть груди и хвостовыя перья снизу до темнаго кончика, занимающаго треть пера, ржаво-красныя, маховыя перья темно-сѣрыя, почти черныя, съ свѣтлыми каемками и съ двумя бѣлыми поперечными полосами, образуемыми концами кроющихъ перьевъ, наружныя опахала и концы хвостовыхъ перьевъ темные, внутреннія опахала ржаво-красныя.

„Мы часто встрѣчали косца“, говоритъ д'Орбиньи, „на восточномъ склонѣ боливскихъ Андовъ, всегда въ сухихъ, пустынныхъ мѣстностяхъ умѣреннаго пояса, на холмахъ и равнинахъ, но никогда въ теплыхъ, влажныхъ долинахъ, богатыхъ кустарникомъ, куда онъ, повидимому, никогда не спускается. Можно сказать, что онъ живетъ въ полосѣ хлѣбовъ, ибо мы никогда не видѣли его выше или ниже этой полосы. Онъ всегда пребываетъ вблизи обитаемыхъ или воздѣланныхъ мѣстъ и встрѣчается очень часто. Въ теченіе всего года его можно видѣть въ одиночку, парами или маленькими обществами среди карликовыхъ попугаевъ, вмѣстѣ съ которыми онъ посѣщаетъ виноградники и сады и опустошаетъ плантаціи, срѣзывая молодые побѣги, откусывая плоды и т. д.; это онъ производитъ чрезвычайно беззастѣнчиво, ибо до сихъ поръ люди предоставляли этому паразиту

свободу обворовывать себя, не изобрѣтая средствъ отъ него отдѣлаться. Полетъ его недолгій и низкій; далеко онъ никогда не летаетъ въ одинъ пріемъ. Мы никогда не видѣли, чтобы онъ спускался на землю. Крикъ его, часто повторяемый, непріятенъ. Онъ звучитъ вродѣ скрипа пилы." Бэкъ также указываетъ на вредъ, причиняемый косцомъ. „Его зубчатый клювъ" говоритъ онъ, „представляетъ собою страшное орудіе для уничтоженія молодыхъ побѣговъ, которые гибнутъ отъ него во множествѣ, тѣмъ болѣе, что грабежъ свой птица производитъ во время утреннихъ и вечернихъ сумерекъ. Воруетъ она главнымъ образомъ молодыя растенія, которыя скашиваетъ у самаго корня, и сокомъ которыхъ клювъ ея часто окрашивается въ зеленый цвѣтъ. Нечего удивляться тому, что ее ненавидятъ, боятся и преслѣдуютъ. Днемъ она часто сидитъ на верхушкахъ кустовъ и деревьевъ, на столбахъ и заборахъ, гдѣ ее нетрудно подстеречь и убить. На землѣ она любитъ прятаться въ щеляхъ и углубленіяхъ, причемъ прижимается къ поверхности. Если бы этихъ птицъ было такъ много, какъ другихъ вьюрковъ, то не уцѣлѣло бы ни одной овощи во всей провинціи. Пища, употребляемая косцомъ, заставляетъ его держаться близъ обработанныхъ мѣстъ. Зимою онъ улетаетъ, но куда — это мнѣ еще неизвѣстно."

Гэй судитъ объ этой птицѣ снисходительнѣе, чѣмъ другіе наблюдатели. „Эти птицы", говоритъ онъ, „производятъ нѣкоторыя опустошенія въ садахъ, но далеко не такъ вредны, какъ объ этомъ принято кричать. Въ деревнѣ почти никогда не говорятъ о томъ, чтобы причиняемый ими вредъ былъ сколько нибудь значителенъ."

Второе подсемейство составляютъ настоящія ампелиды (Ampelinae)— самые крупные виды разсматриваемаго семейства, величина которыхъ колеблется между величиной воронъ и дроздовъ. Тѣло у нихъ сильное, шея короткая, голова большая, крылья средней длины, умѣренно острыя, причемъ третье маховое перо самое длинное, двѣнадцати-перый хвостъ довольно короткій и прямо обрубленный. Клювъ нѣсколько иного устройства, чѣмъ у родственниковъ. Сочлененіе обѣихъ створокъ отодвинуто далеко назадъ, клювъ слѣдовательно образуетъ глубокую щель и напоминаетъ клювъ сиворакшъ. Ноги сильныя и короткія, приспособленныя къ сидѣнію и врядъ-ли пригодныя для ходьбы. Опереніе грубое, перья не особенно велики и плотно прилегаютъ къ тѣлу. При вскрытіи особенное вниманіе привлекаетъ нижняя часть гортани: она покрыта или большими мясистыми колоколовидными образованіями, или же развѣтвленія дыхательнаго горла надъ гортанью сильно расширены и могутъ быть еще болѣе расширены при помощи особыхъ мускуловъ. Благодаря такому устройству горла, птица можетъ издавать тѣ громкіе звуки, которые являются характернымъ признакомъ всѣхъ членовъ семейства.

Птицы эти обитаютъ въ первобытныхъ лѣсахъ Южной Америки, питаются почти исключительно или исключительно сочными плодами, живутъ обыкновенно въ одиночку и очень рѣдко обществами; онѣ лѣнивы и глупы, но робки и боязливы. Нѣкоторые виды рѣдко издаютъ какіе-бы то ни было звуки, большинство же обладаютъ очень сильнымъ голосомъ, вслѣдствіе чего эти птицы стали хорошо извѣстны туземцамъ.

*

Хохлатый головачъ (Cephalopterus ornatus, рис. на стр. 286) характеризуется большимъ пучкомъ перьевъ, которыя могутъ подниматься и образуютъ на головѣ нѣчто вродѣ шлема, а также круглымъ, кожистымъ мѣшкомъ, со всѣхъ сторонъ покрытымъ перьями, на нижней части шеи. Опереніе довольно равномѣрнаго чернаго цвѣта, хохолокъ черновато-синій. На спинѣ перья съ темными зеленовато-черными каемками, маховыя и рулевыя перья одноцвѣтныя, совершенно черныя. Всѣ болѣе мелкія перья около основанія имѣютъ бѣлые стержни.

Глаза сѣрые, верхняя створка клюва черно-бурая, нижняя — сѣровато-бурая, ноги тускло-черныя. Длина 51 см.

Хохлатый головачъ живетъ на восточныхъ склонахъ Перуанскихъ Кордильеровъ до высоты 1000 метровъ. По словамъ Чуди, онъ питается плодами различныхъ деревьевъ, по словамъ Бэтса, онъ ѣстъ и насѣкомыхъ, особенно жуковъ и пауковъ. Плоды величиною со сливу глотаются цѣликомъ, косточки выплевываются потомъ, насѣкомыя же прежде, чѣмъ быть съѣденными, измельчаются.

Хохлатый головачъ (Cephalopterus ornatus). 1/4 естеств. велич.

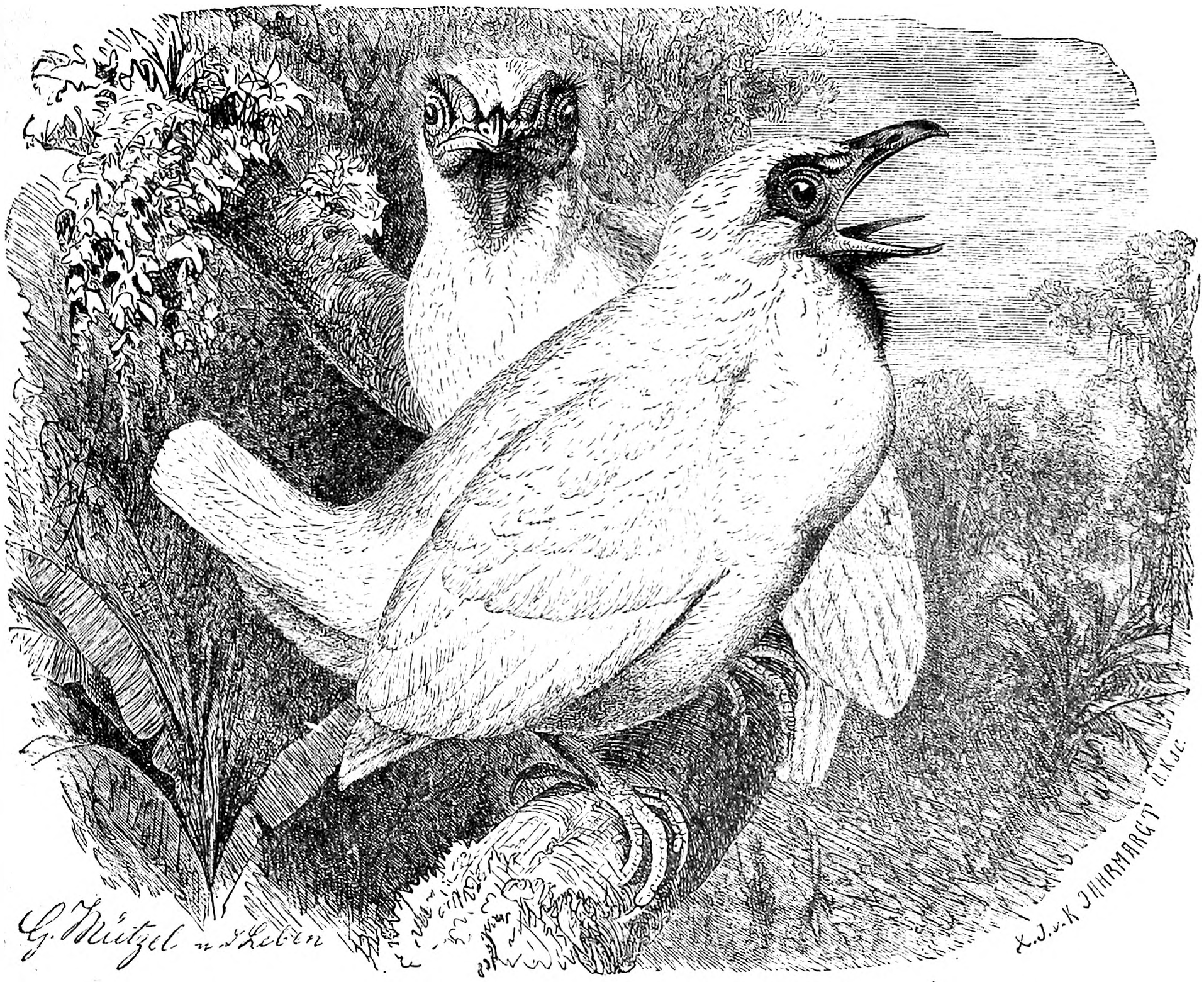
Обрабатывая такимъ образомъ свою добычу, и вообще во время ѣды и во время полета, хохлатый головачъ складываетъ свой хохолъ назадъ и такъ плотно прижимаетъ къ груди свой отростокъ, что онъ сливается съ прочимъ оперѣніемъ. Сидя же спокойно на вѣткѣ, онъ поднимаетъ хохолъ насколько возможно, грудной же отростокъ у него отвисаетъ; наконецъ, когда птица укладывается спать, то отгибаетъ голову назадъ до половины спины, втягиваетъ ноги, прячетъ такимъ образомъ голову, шею и ноги, такъ что изъ всей массы перьевъ выдѣляются и притомъ особенно рѣзко только грудной отростокъ и хохолъ.

Крикъ, издаваемый хохлатымъ головачемъ рано утромъ и около заката солнца, внушаетъ жуткое чувство и напоминаетъ отдаленный ревъ быка (поэтому хохлатаго головача называютъ „бычачьей птицей“). При ревѣ принимаетъ участіе мясистый отростокъ. Передъ тѣмъ, какъ издать крикъ, птица растопыриваетъ

свой головной хохолъ, растягиваетъ и раскачиваетъ свой грудной отростокъ, наклоняетъ голову и начинаетъ ревѣть. Если одновременно реветъ нѣсколько собравшихся въ одномъ мѣстѣ птицъ, то всякій подумаетъ, что это скорѣе стадо коровъ, чѣмъ птицы. Незатѣйливое гнѣздо, сооруженное изъ хвороста, помѣщается на верхушкѣ самыхъ высокихъ деревьевъ; въ гнѣздо кладется два бѣлыхъ яйца.

*

Болѣе подробно извѣстна намъ жизнь колокольчиковъ (Chasmorhynchus). Они принадлежатъ къ болѣе мелкимъ членамъ подсемейства — величиною

Птица-колокольчикъ (Chasmorhynchus nudicollis). $^3/_8$ естеств. велич.

они самое бо́льшее съ голубя. Они характеризуются кожистыми образованіями въ области клюва, которыя, какъ у нашихъ индюковъ, то удлиняются, то укорачиваются.

Птица-колокольчикъ (Chasmorhynchus nudicollis) бѣлоснѣжнаго цвѣта; голыя уздечки и голое горло яркаго мѣдно-зеленаго цвѣта. Глаза серебристо-бѣлые, клювъ черный, ноги мясного цвѣта. У самки, которая нѣсколько меньше самца, темя и горло черныя, верхняя сторона желтовато-зеленая, нижняя сторона желтая съ черными продольными пятнами, на шеѣ съ бѣловатыми и желтоватыми полосками. Длина 26 см.

Отъ этого вида звонарь (Chasmorhynchus carunculatus) отличается тѣмъ, что у чисто-бѣлаго самца у основанія клюва находится полый, черный, мускулистый отростокъ, покрытый нѣсколькими перышками; отростокъ этотъ можетъ произвольно втягиваться и вытягиваться, въ послѣднемъ случаѣ онъ принимаетъ видъ направленнаго вверхъ рога, а когда втянутъ, то виситъ на боку клюва подобно такъ называемому носу индюка.

Третій видъ, который мы назовемъ тѣмъ именемъ, какое даютъ ей въ южной Америкѣ, а именно арапонга (Chasmorhynchus variegatus), отличается тѣмъ, что голая область горла у нея покрыта пучками кожистыхъ трубочекъ; наконецъ, у молотобоя (Chasmorhynchus tricarunculatus) средина лба и основаніе клюва украшены съ каждой стороны кожистымъ конусомъ въ 5—7 см. длиною.

Родина колокольчиковъ — южная Америка. Птица-колокольчикъ живетъ въ Бразиліи и здѣсь очень часто встрѣчается въ лѣсныхъ пространствахъ; звонарь водится въ Гвіанѣ, арапонга на сѣверѣ южной Америки, молотобой — въ Костарикѣ.

„Эта замѣчательная птица“, говоритъ принцъ Видъ о птицѣ-колокольчикѣ, „представляетъ особенность великолѣпныхъ бразильскихъ лѣсовъ и обыкновенно сразу привлекаетъ вниманіе чужеземца какъ своимъ ослѣпительно бѣлымъ опереніемъ, такъ и своимъ громкимъ, звонкимъ голосомъ. Она распространена вездѣ, гдѣ есть первобытные лѣса, въ самыхъ темныхъ уголкахъ которыхъ эта птица повидимому болѣе всего любитъ пребывать. Но она не вездѣ встрѣчается одинаково часто и предпочитаетъ, кажется, дѣвственные лѣса въ гористыхъ мѣстностяхъ. Голосъ ея похожъ на звонъ колокольчика; звукъ этотъ раздается отдѣльно, нѣкоторое время выдерживается и повторяется нѣсколько разъ подрядъ. Тогда это напоминаетъ звуки, какіе получаются отъ ударовъ молотомъ о наковальню. Голосъ этой птицы можно слышать очень часто во всѣ часы дня, причемъ издаваемые ею звуки разносятся очень далеко. Обыкновенно въ подходящей для нихъ мѣстности селится нѣсколько такихъ птицъ, которыя взаимно возбуждаютъ другъ друга. Одна звонитъ звонко и громко, издавая одинъ простой звукъ; другая издаетъ часто повторяемые, гулкіе звуки, и такимъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много этихъ птицъ, можно слышать весьма странный концертъ.“

„Изъ недалекаго лѣса“, говоритъ Шомбургкъ, „я слышалъ удивительные звуки, какихъ не приходилось мнѣ слышать никогда раньше. Казалось, что ударяютъ одновременно въ нѣсколько гармонически настроенныхъ стекляныхъ колокольчиковъ. Вотъ я снова услышалъ ихъ, а черезъ минутную паузу они раздались опять. Затѣмъ наступилъ нѣсколько болѣе долгій перерывъ въ 6—8 минутъ, и снова раздались полные, гармоническіе звуки. Я долго стоялъ пораженный и прислушивался, не раздадутся ли опять эти сказочные звуки; но они замолкли, и я накинулся съ вопросами на брата, отъ котораго и узналъ, что это голосъ звонаря. Никакое пѣніе, ни одинъ голосъ какого бы то ни было пернатаго обитателя гвіанскихъ лѣсовъ, даже явственно выговариваемыя козодоемъ слова не приводили меня въ такое изумленіе, какъ звонъ колокольчиковъ, издаваемый молотобоемъ. Что въ Гвіанѣ птицы обладаютъ даромъ слова, — это я зналъ уже раньше; но подобныхъ звуковъ я не слыхалъ еще никогда въ жизни, и вниманіемъ моимъ всецѣло завладѣлъ этотъ изумительный пѣвецъ.

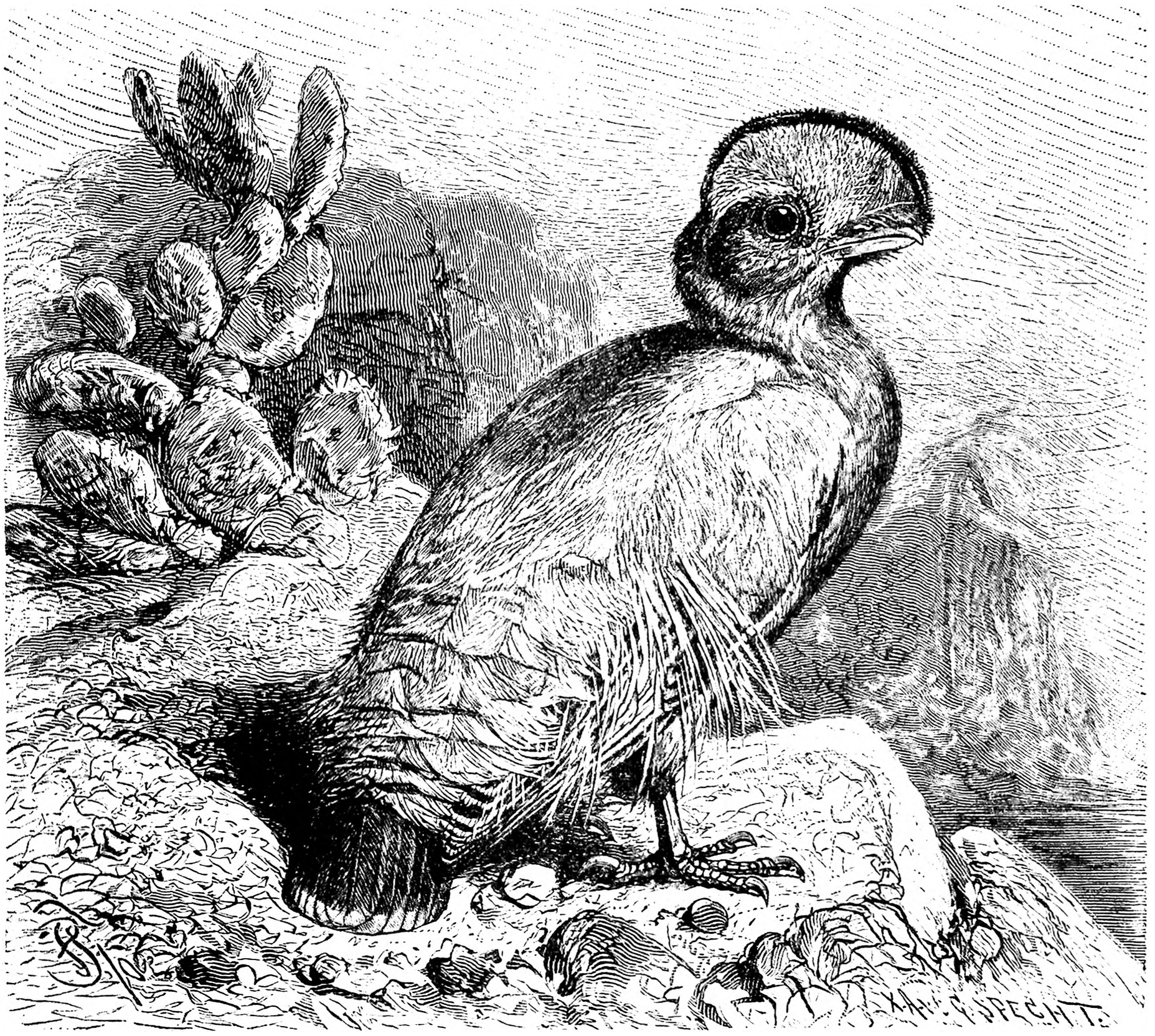
„Свои волшебные звуки, чистые, какъ звонъ колокольчика, онъ издаетъ бо́льшею частью съ самой верхушки гигантскихъ деревьевъ „мора“, которыя повидимому особенно пріятны ему, когда онъ находитъ на нихъ сухую вѣтку. Въ спокойномъ состояніи отростокъ надъ клювомъ виситъ сбоку; когда же звонарь кричитъ, то надуваетъ отростокъ, кончикъ котораго описываетъ кругъ около своего собственнаго основанія. Когда птица издаетъ только одинъ звукъ, то отростокъ тотчасъ же поднимается, но послѣ крика опять спадаетъ и приподнимается при слѣдующемъ крикѣ.“

Обычную пищу этихъ птицъ составляютъ повидимому ягоды и плоды. Плѣнные колокольчики въ послѣднее время не особенно рѣдко попадаютъ въ клѣтки къ европейцамъ, гдѣ выживаютъ по нѣскольку лѣтъ, получая простой кормъ, состоящій изъ варенаго риса, моркови и картофеля.

*

Пѣтушки (Rupicola), къ которымъ причисляются только три вида, принадлежатъ къ болѣе крупнымъ видамъ разсматриваемаго семейства.

Самый извѣстный видъ — это каменный пѣтушокъ (Rupicola crocea). Обильное опереніе самца яркаго оранжево-краснаго цвѣта; перья гребешка, находящагося на темени, темнаго пурпурово-краснаго цвѣта, большія кроющія перья крыла, маховыя и хвостовыя перья, основной цвѣтъ которыхъ коричневый, на концѣ украшены бѣловатыми каемками, кромѣ того, всѣ маховыя и хвостовыя перья при основаніи снабжены бѣлыми пятнами. Самки и молодыя птицы окрашены въ бурый цвѣтъ, нижнія кроющія перья крыла оранжево-красныя, перья на надхвостьѣ и на хвостѣ свѣтлаго красновато-желтовато-бураго цвѣта; гребень на лбу меньше.

Каменный пѣтушокъ (Rupicola crocea). $^{3}/_{10}$ естеств. велич.

Глаза оранжево-красные, клювъ блѣдно-желтаго рогового цвѣта, ноги желтоватаго мясного цвѣта. Длина самца 31 см. Самка значительно меньше.

Родина каменнаго пѣтушка — горныя мѣстности Гвіаны и сѣверо-восточной части Бразиліи; живетъ эта птица въ лѣсахъ, покрывающихъ склоны горъ и въ горныхъ долинахъ, изобилующихъ скалами. Въ равнинѣ каменный пѣтушокъ никогда не встрѣчается. Особенно охотно пребываетъ онъ вблизи водопадовъ, и чѣмъ больше трещинъ и разсѣлинъ въ руслѣ рѣки, тѣмъ больше оно повидимому нравится этой птицѣ. Въ іюнѣ и въ іюлѣ каменный пѣтушокъ покидаетъ свои утесы и переселяется въ лѣсъ, гдѣ поѣдаетъ созрѣвшіе къ тому времени плоды извѣстныхъ лѣсныхъ деревьевъ.

Многіе путешественники описывали образъ жизни этой странной птицы. А. Гумбольдъ наблюдалъ каменнаго пѣтушка на берегахъ рѣки Ориноко, братья Шомбургки видѣли его въ двухъ мѣстностяхъ британской Гвіаны, на скалистыхъ горахъ Кануку и на скалахъ Венаму, состоящихъ изъ песчаника: въ обоихъ этихъ мѣстахъ птицы эти жили обществами, но рѣшительно избѣгали всякаго сближенія

съ другими птицами. „Послѣ того, какъ мы опять поднялись на крутую возвышенность“, говоритъ Рихардъ Шомбургкъ, „почти неприступную изъ за гигантскихъ гранитныхъ глыбъ, поросшихъ мхомъ и папоротникомъ, мы набрели на небольшое, почти совсѣмъ ровное мѣсто, не покрытое ни травою, ни кустарникомъ. Знакъ, поданный мнѣ индѣйцами, заставилъ меня замолчать и спрятаться въ ближайшіе кусты, куда индѣйцы также спрятались совершенно безшумно. Пролежавъ здѣсь спокойно не болѣе нѣсколькихъ минутъ, я услышалъ довольно издалека голосъ, похожій на крикъ молодой кошки, такъ что предположилъ, что здѣсь намѣреваются ловить четвероногое животное. Какъ только звукъ умолкъ, я услышалъ, что одинъ индѣецъ, находившійся рядомъ со мной, замѣчательно вѣрно повторилъ его. Отвѣтный звукъ сталъ постепенно приближаться, на него послышались отклики со всѣхъ сторонъ. Хотя индѣецъ сказалъ мнѣ, чтобы я былъ на готовѣ выстрѣлить, но первый увидѣнный мною каменный пѣтушокъ такъ поразилъ меня, что я забылъ стрѣлять. Съ быстротой нашихъ бекасовъ эти прелестныя птицы летѣли къ намъ черезъ кусты, на мгновеніе садились, ища призывавшаго ихъ товарища, и такъ-же быстро исчезали, понявъ, что ошиблись. Намъ удалось убить семь штукъ. Но хотя я и получилъ этихъ птицъ, однако не былъ еще свидѣтелемъ ихъ плясокъ, о которыхъ мнѣ уже много разсказывали какъ мой братъ, такъ и сопровождавшіе меня индѣйцы.

„Послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ, но весьма богатыхъ наблюденіями дней пути мы наконецъ достигли мѣстности, гдѣ намъ суждено было увидѣть это зрѣлище. Во время одной краткой остановки мы услышали съ одной стороны призывъ нѣсколькихъ каменныхъ пѣтушковъ; на эти звуки тотчасъ же тихонько направились двое индѣйцевъ. Вскорѣ одинъ изъ нихъ вернулся и знаками объяснилъ мнѣ, чтобы я послѣдовалъ за нимъ. Пройдя нѣсколько тысячъ шаговъ и съ величайшей осторожностью пробираясь сквозь кусты — причемъ меня разбирало самое напряженное любопытство — я увидѣлъ другого индѣйца, лежащимъ плашмя на землѣ, и въ то же время замѣтилъ сквозь кустарникъ блестящее оранжевое оперенiе каменнаго пѣтушка. Я осторожно улегся рядомъ съ индѣйцемъ и увидѣлъ чрезвычайно привлекательное зрѣлище. Цѣлое общество этихъ прелестныхъ птицъ плясало на плоской и гладкой поверхности огромной скалы. На кустахъ, окружавшихъ скалу, сидѣло около двадцати очевидно любующихся зрителей, самцовъ и самокъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ самцовъ проходилъ по всѣмъ направленіямъ по ровной площадкѣ скалы, дѣлая при этомъ самые странные шаги и движенія. Шаловливая птица то на половину растопыривала крылья, поворачивая при этомъ голову во всѣ стороны, скребла ногами твердый камень, прыгала съ бо́льшею или меньшею скоростью съ одного и того же мѣста вверхъ, вскорѣ послѣ этого начинала вертѣть хвостомъ и, принявъ кокетливую позу, снова начинала расхаживать по площадкѣ, наконецъ, повидимому утомившись, издавала звукъ, не похожій на обыкновенный крикъ, взлетала на ближайшую вѣтку, уступая мѣсто другому самцу, который также показывалъ свою красоту и свое искусство, а затѣмъ въ свою очередь уступалъ мѣсто новому танцору“. Робертъ Шомбургкъ упоминаетъ кромѣ того о томъ, что самки, сидящія между отдыхающими самцами, неустанно слѣдятъ за этимъ зрѣлищемъ и встрѣчаютъ возвращающагося уставшаго самца крикомъ, выражающимъ одобреніе.

Плѣнные каменные пѣтушки повидимому принадлежатъ къ любимымъ птицамъ индѣйцевъ. Въ Парарумѣ Гумбольдту предлагали пріобрѣсти такихъ птицъ. Онѣ сидѣли въ маленькихъ, хорошенькихъ клѣткахъ, сдѣланныхъ изъ черешковъ пальмовыхъ листьевъ. Шомбургкъ часто видѣлъ въ клѣткѣ прирученныхъ молодыхъ птицъ, но никогда не видѣлъ самца въ брачномъ нарядѣ, и изъ этого считаетъ себя вправѣ вывести то заключеніе, что каменные пѣтушки не выносятъ продолжительной неволи. Что этотъ выводъ неправиленъ, доказывается тѣмъ, что иногда въ зоологическихъ садахъ можно видѣть старыхъ самцовъ. Великолѣпныя чучела этихъ птицъ цѣнятся вездѣ очень высоко; индѣйцы дѣлаютъ себѣ изъ нихъ фантастическій уборъ изъ перьевъ, а бразильскій императоръ въ особенно торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ плащъ, сдѣланный изъ чучелъ камен-

ныхъ пѣтушковъ. Мясо, окрашенное въ оранжево-красный цвѣтъ, пріятно на вкусъ.

Семейству рогоклювыхъ (Eurylaemidae) очень трудно отвести надлежащее мѣсто среди прочихъ птицъ.

Виды, извѣстные намъ донынѣ, представляютъ собою плотно сложенныхъ птицъ съ короткимъ, широкимъ клювомъ, довольно сильными ногами, средней длины крыльями и съ короткими или довольно длинными хвостами. Клювъ короче головы, сильный и низкій, у основанія очень широкій, къ концу быстро съуживающійся, съ явственнымъ горбикомъ на верхней створкѣ и крючковатымъ кончикомъ; края клюва вогнуты внутрь; клювъ расщепленъ почти до глазъ, а потому ротовое отверстіе почти такъ же велико, какъ у подарговыхъ птицъ. Перья окрашены въ яркіе цвѣта, распредѣленные у обоихъ половъ почти одинаково.

Родина рогоклювыхъ птицъ — Индія и Малайскіе острова. Немногіе виды, извѣстные донынѣ, обитаютъ въ темныхъ лѣсахъ, предпочитая повидимому мѣста, по возможности мало посѣщаемыя человѣкомъ.

Къ этому семейству принадлежитъ яванскій рогоклювъ (Eurylaemus javanicus). Эта птица водится главнымъ образомъ на берегахъ рѣкъ и прудовъ и здѣсь ѣстъ насѣкомыхъ и червей. Гнѣздо виситъ на вѣткѣ надъ водою. Горсфильдъ нашелъ этого рогоклюва на островѣ Явѣ, въ одной изъ самыхъ неприступныхъ мѣстностей, въ обширныхъ лѣсахъ, изобилующихъ рѣками и болотами. Объ одномъ родственномъ видѣ Гельферъ сообщаетъ, что онъ обществами, состоящими изъ 30—40 головъ, живетъ на самыхъ высокихъ лѣсныхъ деревьяхъ и притомъ такъ мало пугливъ или такъ глупъ, что можно застрѣлить одну за другою цѣлый рядъ птицъ.

Лирохвосты (Menura) вмѣстѣ съ другимъ видомъ болѣе мелкихъ птицъ, также встрѣчающихся въ Австраліи, образуютъ одно семейство лировыхъ птицъ (Pseudoscines). Лирохвосты отличаются такой своеобразной формой, что ихъ можно пожалуй сблизить съ воробьиными птицами, но нельзя соединить съ этими послѣдними въ одну группу. Очень большіе, по строенію своему напоминающіе фазановъ, съ высокою плюсной, короткими крыльями и длиннымъ хвостомъ, лирохвосты представляютъ собою совершенно особенно сложенныхъ птицъ. Клювъ прямой, на концѣ загнутый, передъ концомъ нѣсколько выемчатый, у основанія больше въ ширину, чѣмъ въ вышину; ноздри находятся посерединѣ, онѣ большія, одинаковой формы и полузакрыты кожей. Ноги съ тонкою плюсной, средній палецъ, соединенный съ крайнимъ до перваго сустава узкой перепонкой, немногимъ больше боковыхъ пальцевъ, но въ длину не больше половины плюсны, каждый палецъ вооруженъ большимъ кривымъ, но тупымъ когтемъ, длиною равнымъ пальцу. Въ очень выпукломъ крылѣ первыя пять маховыхъ перьевъ ступенчатыя, но отъ шестого до девятаго включительно перья эти одинаковой длины и притомъ самыя длинныя въ крылѣ. Очень длинный хвостъ образованъ изъ перьевъ различнаго строенія. Тѣ 12 перьевъ, которыя пожалуй можно было бы назвать собственно рулевыми, почти что не заслуживаютъ названія перьевъ, такъ какъ бородки ихъ не прилегаютъ другъ къ другу, а далеко отстоятъ другъ отъ друга, такъ что походятъ на пушистыя перья нѣкоторыхъ видовъ цапель; оба же среднихъ и оба крайнихъ рулевыхъ пера усажены прилегающими другъ къ другу бородками, первыя очень узенькими, вторыя, изогнутыя къ тому же въ видѣ буквы S, — узенькими наружными и очень широкими внутренними бородками. Такой хвостъ, составляющій лучшее украшеніе птицы, мы видимъ впрочемъ только у самца; ибо хвостъ самки состоитъ только изъ 12-ти ступеньчатыхъ рулевыхъ перьевъ обыкновенной формы. Оперенье обильное и пушистое, на туловищѣ и на спинѣ

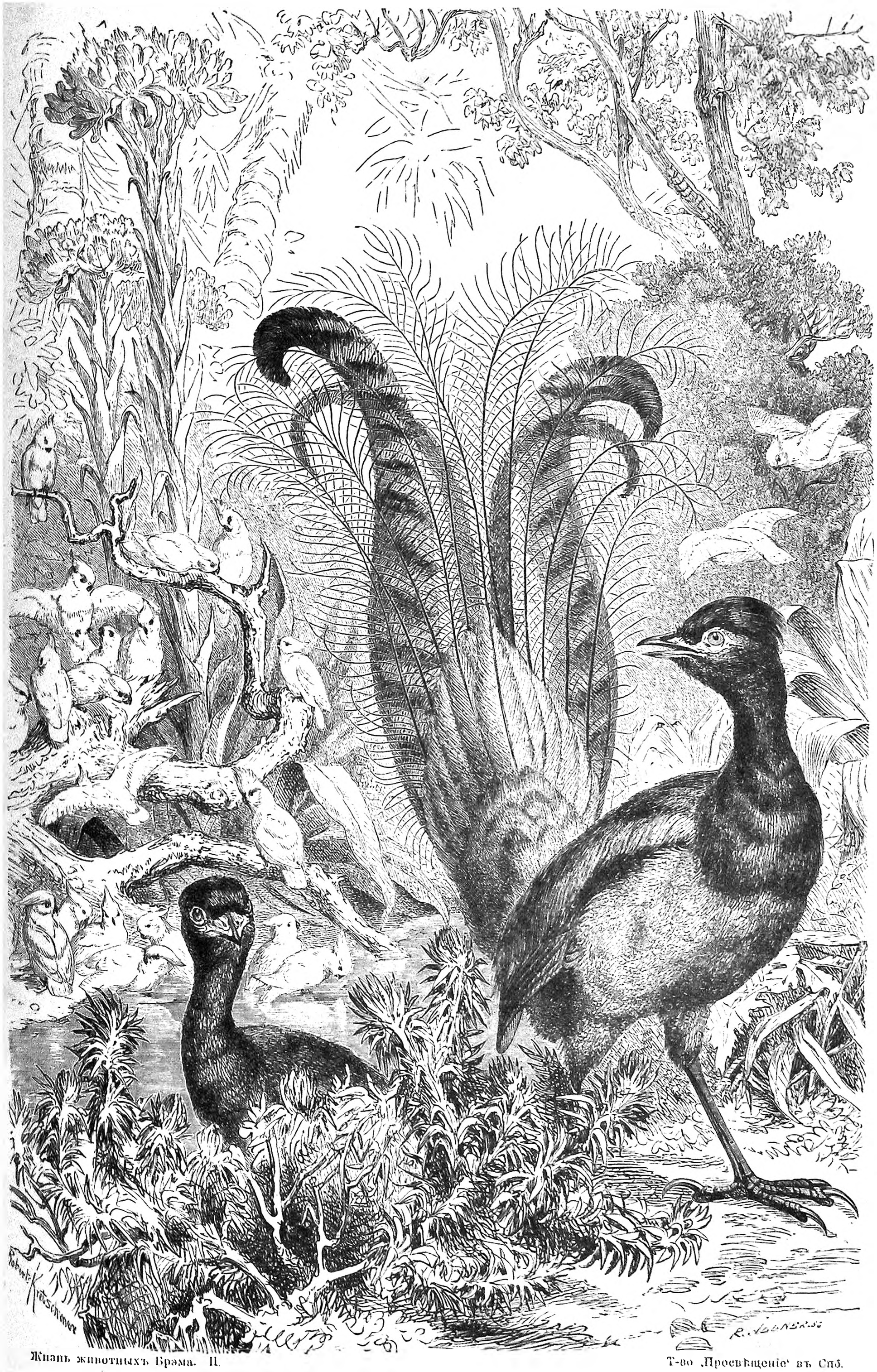
похожее на волосы, на головѣ перья удлинены въ видѣ хохолка, а вокругъ основанія клюва обращены въ щетинки.

*

Лирохвостъ (Menura superba) окрашенъ главнымъ образомъ въ темный буровато-сѣрый цвѣтъ, съ красноватымъ налетомъ на надхвостьѣ; горло и область глотки красныя, нижнія части тѣла буровато-пепельно-сѣрыя, на брюшкѣ блѣдиѣе, малыя маховыя перья и наружныя опахала прочихъ красновато-бурыя; хвостъ на верхней сторонѣ черновато-бурый, на нижней сторонѣ серебристо-сѣрый; наружныя опахала обоихъ лирообразныхъ перьевъ темно-сѣрыя, кончики ихъ бархатисто-черные, съ бѣлой бахромкой, внутреннія опахала покрыты чередующимися черно-бурыми и ржаво-красными полосами, среднія хвостовыя перья сѣрыя, остальныя черныя. Длина самца 130 см., длина хвоста 70 см. Самка значительно меньше, перья ея окрашены въ грязновато-бурый цвѣтъ, который на брюшкѣ переходитъ въ сѣрый.

Подробными наблюденіями надъ жизнью лирохвоста мы обязаны Гуду. Родина этой птицы — Новый Южный Валлисъ, къ востоку до залива Моретонъ, къ юго-западу до порта Филипиъ; пребываетъ она въ густой чащѣ кустарника, растущаго на холмистой или скалистой почвѣ. „Лазать по этимъ горамъ“, говоритъ одинъ охотникъ на лирохвостовъ, „не только трудно, но и чрезвычайно опасно. Разсѣлины и пропасти покрыты огромнымъ количествомъ полусгнившихъ растительныхъ веществъ, въ которыхъ, какъ въ снѣгу, утопаешь по колѣна. Одинъ невѣрный шагъ, — и человѣкъ исчезаетъ или, какъ клинъ, застрѣваетъ въ разсѣлинѣ. Счастье еще, если онъ можетъ владѣть оружіемъ и, пустивъ себѣ пулю въ лобъ, можетъ избавиться отъ медленнаго догоранія; ибо подать ему помощь немыслимо.“ Въ такихъ-то мѣстахъ вездѣ слышно лирохвоста, но только слышно. Гудъ цѣлые дни просиживалъ въ кустахъ, окруженный птицами, слышалъ ихъ громкій, звонкій голосъ, но увидѣть хоть одного лирохвоста ему не удавалось, и только благодаря своей изумительной выдержкѣ и крайней осторожности онъ былъ впослѣдствіи вознагражденъ за свое терпѣніе.

Въ виду того, что къ этому осторожному существу приблизиться очень трудно и оченъ трудно вступить съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, мы, несмотря на всѣ охотничьи разсказы, сообщенные путешественниками, до сихъ поръ не имѣемъ яснаго представленія объ образѣ жизни, поведеніи, привычкахъ и нравахъ лирохвоста. Всѣ наблюдатели утверждаютъ одно — что птица бо́льшую часть своей жизни проводитъ на землѣ и летаетъ лишь чрезвычайно рѣдко. Она бѣгаетъ по обширнымъ лѣснымъ пространствамъ, перелѣзаетъ черезъ лежащіе на землѣ стволы деревьевъ или черезъ вѣтки свалившихся деревьевъ, лазаетъ вверхъ по твердымъ и неровнымъ откосамъ скалъ; однимъ прыжкомъ вдругъ взбирается на три метра выше прежняго мѣста, соскакиваетъ со скалъ внизъ и прибѣгаетъ къ крыльямъ только тогда, когда хочетъ посѣтить дно какой-нибудь разсѣлины. Бартлетъ, державшій лирохвоста въ неволѣ, называетъ его одною изъ наиболѣе безпокойныхъ и подвижныхъ птицъ, а быстроту его бѣга находитъ просто изумительной, тѣмъ болѣе, что онъ пробѣгаетъ очень большія разстоянія съ невѣроятной скоростью. При быстромъ бѣгѣ лирохвостъ держится такъ же, какъ фазанъ, — тѣло у него вытянуто, голова наклонена впередъ, длинный хвостъ складывается и держится горизонтально, ибо только при этомъ условіи возможно пробираться сквозь чащу, не испортивъ этого великолѣпнаго украшенія. Утромъ и вечеромъ лирохвостъ бываетъ наиболѣе дѣятеленъ, во время же высиживанія онъ въ полуденные часы возится на особыхъ мѣстахъ, приготовленныхъ для этой цѣли. Каждый самецъ наскребаетъ маленькіе холмики и все время, на манеръ токующихъ куриныхъ птицъ, взбирается на эти холмики, держа при этомъ хвостъ вверхъ, очень красиво растопыриваетъ его, кромѣ того выражаетъ свои чувства самыми разнообразными звуками. Голосъ чрезвычайно гибокъ, какъ этого и можно ожидать въ виду того, что гортанныя мышцы развиты; обыкновенный призывъ лирохвостовъ громкій, пронзительный и слышится издалека, нѣкіе ихъ въ различ-

Лирохвостъ.

ныхъ мѣстностяхъ бываетъ различно, такъ какъ представляетъ собою смѣсь собственныхъ и чужихъ звуковъ, взятыхъ на прокатъ или украденныхъ. Собственное пѣніе лирохвостовъ представляетъ собою нѣчто вродѣ страннаго чревовѣщанія, которое можно слышать, лишь находясь на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ поющей птицы. Отдѣльныя строфы распѣваются оживленно, но безъ всякаго порядка, часто обрываются, а затѣмъ заканчиваются низкимъ, глухимъ и щелкающимъ звукомъ. „Эта птица“, говоритъ Беккеръ, который въ данномъ случаѣ не расходится съ другими наблюдателями, „повидимому обладаетъ даромъ подражанія всевозможнымъ звукамъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ далеко простирается эта способность, приведу слѣдующій примѣръ: въ Гиппсландѣ, около южнаго склона австралійскихъ Альповъ, стоитъ лѣсопильная машина. Тамъ въ тихіе воскресные дни далеко въ лѣсу можно слышать собачій лай, человѣческій смѣхъ, пѣніе и карканье многихъ птицъ, дѣтскій крикъ и въ промежуткахъ рѣжущій ухо звукъ, производимый точеніемъ пилы. Всѣ эти звуки производятся однимъ и тѣмъ же лирохвостомъ, который живетъ недалеко отъ лѣсопильни.“ Ко времени вывода его страсть къ подражанію еще значительно возрастаетъ; подобно американскому дрозду-пересмѣшнику, онъ замѣняетъ собою цѣлую толпу поющихъ птицъ. По отношенію къ чуждымъ ему существамъ лирохвость обнаруживаетъ крайнюю осторожность; людей повидимому онъ избѣгаетъ еще больше, чѣмъ звѣрей. Съ себѣ подобными онъ никогда не соединяется; его всегда видѣли парами и замѣчали, что два самца, встрѣтившись, тотчасъ же вступали между собой въ самую сильную ссору.

Пищу составляютъ главнымъ образомъ насѣкомыя и черви. Гудъ находилъ въ желудкахъ убитыхъ имъ птицъ преимущественно многоножекъ, жуковъ и улитокъ.

По словамъ Беккера, высиживаніе птенцовъ происходитъ въ августѣ; по словамъ же Рамсая, птица уже въ маѣ начинаетъ сооружать гнѣздо, а яйцо свое кладетъ въ іюнѣ, самое позднее въ іюлѣ. Любимымъ мѣстомъ для гнѣзда является густой кустарникъ на откосахъ глубокихъ и крутыхъ разсѣлинъ, которыми изобилуютъ горы, или на маленькихъ равнинахъ, лежащихъ между изгибами рѣкъ у подножія горъ. Здѣсь лирохвостъ выбираетъ себѣ молодыя деревья, густо растущія одно возлѣ другого, и стволы которыхъ образуютъ нѣчто вродѣ воронки; гнѣздо помѣщается между этими стволами, иногда также въ дуплѣ дерева или въ не слишкомъ высокомъ кустѣ папоротника, въ углубленіи скалы, въ древесномъ стволѣ, наполовину обгорѣвшемъ, бо́льшею частью невысоко, и только въ исключительныхъ случаяхъ на довольно значительной высотѣ надъ поверхностью земли; гнѣздо, смотря по тому, гдѣ оно помѣщается и какія вещества всего легче добыть, сооружается различнымъ образомъ, но всегда представляетъ собою большое, продолговатое и крытое сооруженіе, имѣющее въ длину около 60-ти см., а въ вышину около 30-ти см. Наружный слой обыкновенно состоитъ изъ крупнаго хвороста, кусковъ дерева и т. д., настоящее же шарообразное гнѣздо — изъ тонкихъ, гибкихъ корешковъ; внутри оно выложено самыми нѣжными перьями самки. Верхняя часть гнѣзда не связана плотно съ нижней, легко отдѣляется отъ нея, такъ что составляетъ крышу всей постройки и, подобно нижней части, состоитъ изъ хвороста, травы, мха, листьевъ папоротника и т. п. веществъ. Издали такое гнѣздо кажется не болѣе какъ кучей сухого хвороста. Боковое отверстіе служитъ входомъ въ повидимому безпорядочное, на самомъ же дѣлѣ очень прочное сооруженіе, часто служащее птицамъ по нѣскольку лѣтъ. Лирохвостъ высиживаетъ потомство лишь одинъ разъ въ годъ и кладетъ только одно единственное яйцо, величиною приблизительно съ утиное и по свѣтлому пепельно-сѣрому фону покрытое рѣдкими темно-буроватыми пятнами. Высиживаетъ яйцо одна самка; въ это время самецъ не только не кормитъ ее, а повидимому даже не посѣщаетъ; поэтому самка въ полуденные часы часто покидаетъ гнѣздо, и молодая птица вылупляется изъ яйца врядъ-ли раньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ.

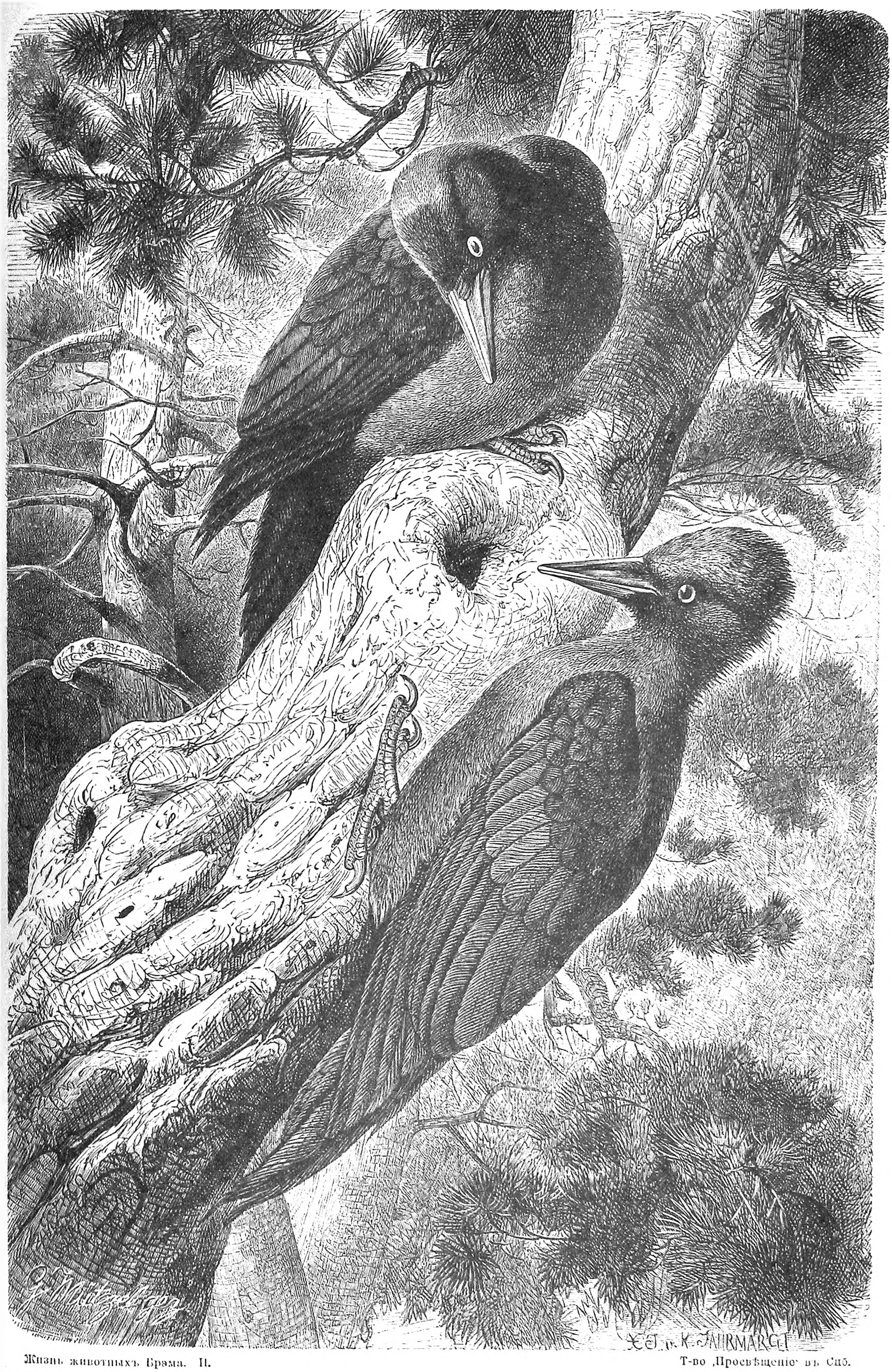
Молодая птица покидаетъ гнѣздо не раньше, чѣмъ достигнетъ 8—10 недѣль отъ роду. Одинъ птенецъ, котораго наблюдалъ Беккеръ, былъ почти не опереніъ.

и только мѣстами на немъ видны были черныя образованія, похожія на конскій волосъ. Онъ вышелъ изъ яйца съ закрытыми глазами, но вѣки были уже совершенно отдѣлены другъ отъ друга. Другой птенецъ, вынутый изъ гнѣзда позднѣе, былъ уже довольно великъ и на головѣ и на спинѣ покрытъ пухомъ. Когда его схватили, онъ громко закричалъ, и на крикъ тотчасъ же явилась мать. Крикъ его — громкій звукъ „чинг чинг“ — слышался часто; если хозяинъ отвѣчалъ ему призывнымъ крикомъ стараго самца „буллан буллан“, то птенецъ бѣжалъ на этотъ крикъ, издавая который можно было заставить молодую птицу бѣжать куда угодно. Скоро этотъ птенецъ сталъ очень ручнымъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ на восьмой день своей неволи. Другіе опыты выращиванья молодыхъ лирохвостовъ, вынутыхъ изъ гнѣзда, были удачнѣе; но лишь въ 1867 г. первая живая птица этого вида попала въ лондонскій зоологическій садъ.

Гудъ и другіе наблюдатели называютъ лирохвоста самой пугливой птицей на землѣ. Трескъ вѣтки, шуршаніе скатывающагося камешка, малѣйшій шорохъ немедленно обращаетъ лирохвоста въ бѣгство и оставляетъ охотника не при чемъ. Большую помощь охотнику можетъ оказать хорошо выдрессированная собака, дѣлающая стойку передъ птицей и отвлекающая ея вниманіе отъ охотника. Старые, опытные охотники прикрѣпляютъ къ шляпѣ цѣлый хвостъ самца, прячутся въ кусты и извѣстнымъ образомъ двигаютъ головой, а вмѣстѣ съ нею и своимъ страннымъ головнымъ уборомъ, добиваясь того, чтобы какой-нибудь лирохвостъ замѣтилъ охотника. Птица, предполагая, что въ ея владѣнія вторгся другой самецъ, появляется съ ревнивымъ намѣреніемъ охранять свой участокъ, и тогда убить ее не трудно.

Группою, наиболѣе близко стоящею къ воробьинымъ и лировымъ птицамъ Фюрбрингеръ считаетъ группу дятловыхъ птицъ (Pici), къ которымъ, кромѣ дятловъ, причисляетъ еще медоуказчиковъ, перцеядовъ и бородачей, т. е. четыре семейства мелкихъ птицъ, близость коихъ прежде всего обнаруживается въ особенностяхъ внутренняго строенія. Въ образѣ жизни этихъ семействъ замѣчается мало общаго.

Дятлы (Picidae) отличаются слѣдующими признаками: тѣло продолговатое, клювъ сильный, бо́льшею частью прямой, конусообразный или долотообразный, съ острымъ гребнемъ и съ вертикально заостреннымъ кончикомъ. Ноги короткія, сильныя и выгнутыя внутрь, пальцы длинные и разставленные попарно; передняя пара до половины перваго сустава срослась. Къ собственно-заднему пальцу, самому малому изъ всѣхъ, присоединился наружный передній палецъ, самый длинный изъ ножныхъ пальцевъ; случается впрочемъ, что задній палецъ бываетъ неразвитъ или совсѣмъ отсутствуетъ, такъ что на ногѣ остается только три пальца. Всѣ пальцы вооружены очень большими, крѣпкими, острыми, полулунообразными когтями. Крылья средней длины и нѣсколько закруглены, десять большихъ маховыхъ перьевъ узкія и остроконечныя, 9—12 малыхъ маховыхъ перьевъ нѣсколько шире, но обыкновенно не особенно короче большихъ. Изъ большихъ маховыхъ перьевъ первое очень невелико, второе средней длины, а третье или четвертое самыя длинныя. Очень своеобразенъ бываетъ хвостъ. Онъ состоитъ изъ 10-ти большихъ и 2-хъ маленькихъ боковыхъ перьевъ, которыя однако находятся не снизу, а сверху первыхъ. Оба среднихъ хвостовыхъ пера самыя длинныя и самыя крупныя. Стержни ихъ по направленію къ концу становятся тоньше и дѣлаются очень гибкими и упругими. Въ то время, какъ волокна опахалъ въ ближайшей къ основанію части пера плотно прилегаютъ другъ къ другу и переплетаются, бородавки эти къ концу становятся мало по малу свободными, дѣлаются крѣпче, мѣняютъ свое прежнее направленіе и съ обѣихъ сторонъ загибаются внизъ, такъ что перо становится похожимъ на крышу, гребнемъ которой является стержень. Подъ этой крышей находится совершенно такое же второе среднее перо, а подъ нимъ третье. Четвертое перо съ каждой стороны еще похоже на

Жизнь животныхъ Брэма. II. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Черный дятелъ.

третье; пятое, крайнее, образовано обыкновеннымъ образомъ, а шестое, кромѣ своего положенія, отличается еще особенной твердостью. Въ опереніи почти совершенно отсутствуетъ пухъ, а наружныя перья несомнѣнно преобладаютъ. Окраска, несмотря на все ея разнообразіе, все-таки весьма сходна у разныхъ видовъ; такъ, область головы украшается великолѣпнымъ краснымъ цвѣтомъ. Самки отличаются отъ самцовъ размѣрами и отсутствіемъ красныхъ перьевъ на головѣ. Дятловъ удобнѣе всякихъ другихъ птицъ можно дѣлить по окраскѣ, а потому принято говорить о зеленыхъ, черныхъ, пестрыхъ дятлахъ и т. д.

Внутреннее строеніе разсматриваемыхъ птицъ столь же своеобразно, какъ и внѣшнее. Изъ мягкихъ частей прежде всего обращаетъ на себя вниманіе языкъ. Онъ небольшой, роговой, очень длинный и съ каждой стороны усаженъ 5—6-ю короткими твердыми колючками или щетинками, которыя напоминаютъ крючки на остріѣ стрѣлы. Къ этому своеобразному строенію языка присоединяется необыкновенное развитіе обѣихъ слизистыхъ железъ. Эти железы тянутся по бокамъ нижней челюсти, подходятъ подъ ушныя отверстія, выдѣляютъ липкую слизь, которою длинный языкъ покрывается вродѣ того, какъ у муравьеѣдовъ.

Ясно, что своеобразнымъ строеніемъ ногъ, клюва, языка и хвоста обусловливается и свооебразный образъ жизни дятловъ. Своими острыми крючковатыми когтями, обхватывающими довольно большое пространство, дятелъ безъ труда прицѣпляется къ вертикальнымъ стволамъ, причемъ хвостъ поддерживаетъ его и не даетъ соскользнуть внизъ. Когда птица опирается на хвостъ, то къ стволу прижимаются не только концы восьми главныхъ перьевъ, но и почти всѣ отдѣльные концы перьевъ, сдѣлавшіеся какъ бы самостоятельными, а также упругія бородки трехъ среднихъ перьевъ съ каждой стороны и благодаря своему большому числу находятъ себѣ точки опоры въ малѣйшихъ неровностяхъ поверхности ствола. Сильный, острый клювъ прекрасно приспособленъ къ тому, чтобы долбить, и при этой работѣ хвостъ также помогаетъ, служа какъ бы пружиной. Наконецъ, тонкій, нитевидный языкъ проникаетъ во всѣ отверстія и благодаря своей удивительной подвижности можетъ забираться во всѣ изгибы хода, просверленнаго насѣкомымъ.

Дятлы, за исключеніемъ Австраліи и острова Мадагаскара, распространены во всѣхъ частяхъ свѣта, и на сѣверѣ далеко не представляютъ собою рѣдкаго явленія.

Всѣ дятлы въ сущности ведутъ одинаковый образъ жизни. Большую часть своей жизни они проводятъ лазая, даже во время сна привѣшиваются въ томъ положеніи, какое принимаютъ при лазаньи, къ внутреннимъ стѣнкамъ древеснаго дупла, т. е. къ вертикальнымъ плоскостямъ. На землю они спускаются рѣдко, а когда спускаются, то неуклюже прыгаютъ. Они неохотно улетаютъ далеко; но вѣроятно это происходитъ не столько изъ за того, что полетъ утомляетъ ихъ, сколько вслѣдствіе ихъ неутомимости, которая заставляетъ ихъ по возможности обыскивать каждое дерево на своемъ пути. Дятелъ летаетъ, описывая очень глубокія дуги. Подымающуюся вверхъ дугу одной изъ этихъ линій дятелъ описываетъ быстрыми, порхающими взмахами крыльевъ, потомъ вдругъ плотно прижимаетъ крылья къ тѣлу и по крутой дугѣ снова глубоко опускается внизъ, послѣ чего опять начинаетъ подыматься. Подлетая къ дереву, птица обыкновенно глубоко опускается внизъ и прицѣпляется къ стволу на высотѣ немногихъ метровъ надъ поверхностью земли; затѣмъ она большими, быстро слѣдующими другъ за другомъ прыжками вскарабкивается наверхъ, иногда боковымъ движеніемъ или въ видѣ спирали, иногда нѣсколько бокомъ, но иногда не свѣшиваясь головой внизъ. По горизонтальнымъ вѣткамъ дятелъ лазаетъ рѣдко, а если и лазаетъ, то не бѣгаетъ по нимъ, а всегда въ висячемъ положеніи двигается вдоль нижней части вѣтки. Привѣшиваясь, онъ отгибаетъ грудь, шею и голову далеко назадъ; во время прыжка онъ киваетъ головой.

Ударяя или долбя клювомъ, онъ, соотвѣтственно своей силѣ, отламываетъ бо́льшіе или меньшіе куски коры, раскрываетъ такимъ образомъ укромныя мѣстечки, куда запрятались насѣкомыя, вытаскиваетъ ихъ языкомъ и проглатываетъ.

Любимую пищу огромнаго большинства дятловъ составляютъ разнообразныя насѣкомыя на всѣхъ ступеняхъ развитія, которыя живутъ на деревьяхъ, скрываясь въ корѣ или въ самомъ стволѣ: нѣкоторые дятлы на ряду съ этимъ ѣдятъ также различныя ягоды и сѣмена, сами устраиваютъ себѣ кладовыя, которыя наполняютъ этими послѣдними. Относительно многихъ американскихъ видовъ дятловыхъ птицъ утверждаютъ, что они иногда опустошаютъ птичьи гнѣзда, поѣдаютъ яйца и птенцовъ или кормятъ ими свое собственное потомство.

Характеръ дятловъ кажется серьезнымъ и уравновѣшеннымъ, но на самомъ дѣлѣ скорѣе можетъ быть названъ веселымъ и жизнерадостнымъ. Таковъ нравъ всѣхъ видовъ, которыхъ держатъ въ неволѣ, и которыхъ удалось приручить настолько, что они питаютъ полное довѣріе къ своему хозяину. Всякій, знакомый съ дятлами, долженъ признать, что это умныя птицы, а всякій, державшій ихъ въ теченіе долгаго времени въ плѣну, въ комнатѣ или въ клѣткѣ, согласится съ тѣмъ, что въ этихъ птицахъ много есть забавнаго. То-же самое можно сказать о дятлахъ, живущихъ на свободѣ. Всякому было бы жаль, если бы онъ исчезъ изъ лѣсовъ. Уже одинъ голосъ дятла радуетъ наблюдателя; громкій крикъ, похожій на смѣхъ, и который слышится далеко въ лѣсу и въ полѣ, преисполненъ такой жизнерадостности, что дятловъ несомнѣнно слѣдуетъ причислить къ тѣмъ птицамъ, которыхъ человѣкъ встрѣчаетъ съ наибольшимъ удовольствіемъ.

Помимо криковъ, дятлы производятъ въ лѣсу еще другую, своеобразную музыку; они „барабанятъ, стучатъ, жужжатъ, дребезжатъ или трещатъ“, привѣшиваясь къ сухой вѣткѣ и приводя ее въ колебательное движеніе очень быстрыми ударами клюва. Этимъ способомъ они производятъ громкій шумъ, который, смотря по толщинѣ вѣтки, бываетъ то болѣе высокимъ, то болѣе низкимъ и иногда слышится въ лѣсу на разстояніи 1—1,5 километра. Гнѣздо всегда устраивается въ дуплѣ, выдолбленномъ самими дятлами и въ сущности представляетъ собою не болѣе, какъ дупло, выложенное нѣсколькими щепочками. Въ гнѣздо кладется 3—8 очень блестящихъ яицъ чисто бѣлаго цвѣта, которыя высиживаются обоими родителями. Птенцы, очень безобразныя созданія, сначала совсѣмъ не похожи на родителей, выучиваются главному своему искусству — лазанью — раньше, чѣмъ одеждой и формой начинаютъ походить на стариковъ; послѣ того, какъ они выучились летать, мать и отецъ еще нѣкоторое время водятъ ихъ, но затѣмъ безпощадно гонятъ отъ себя прочь.

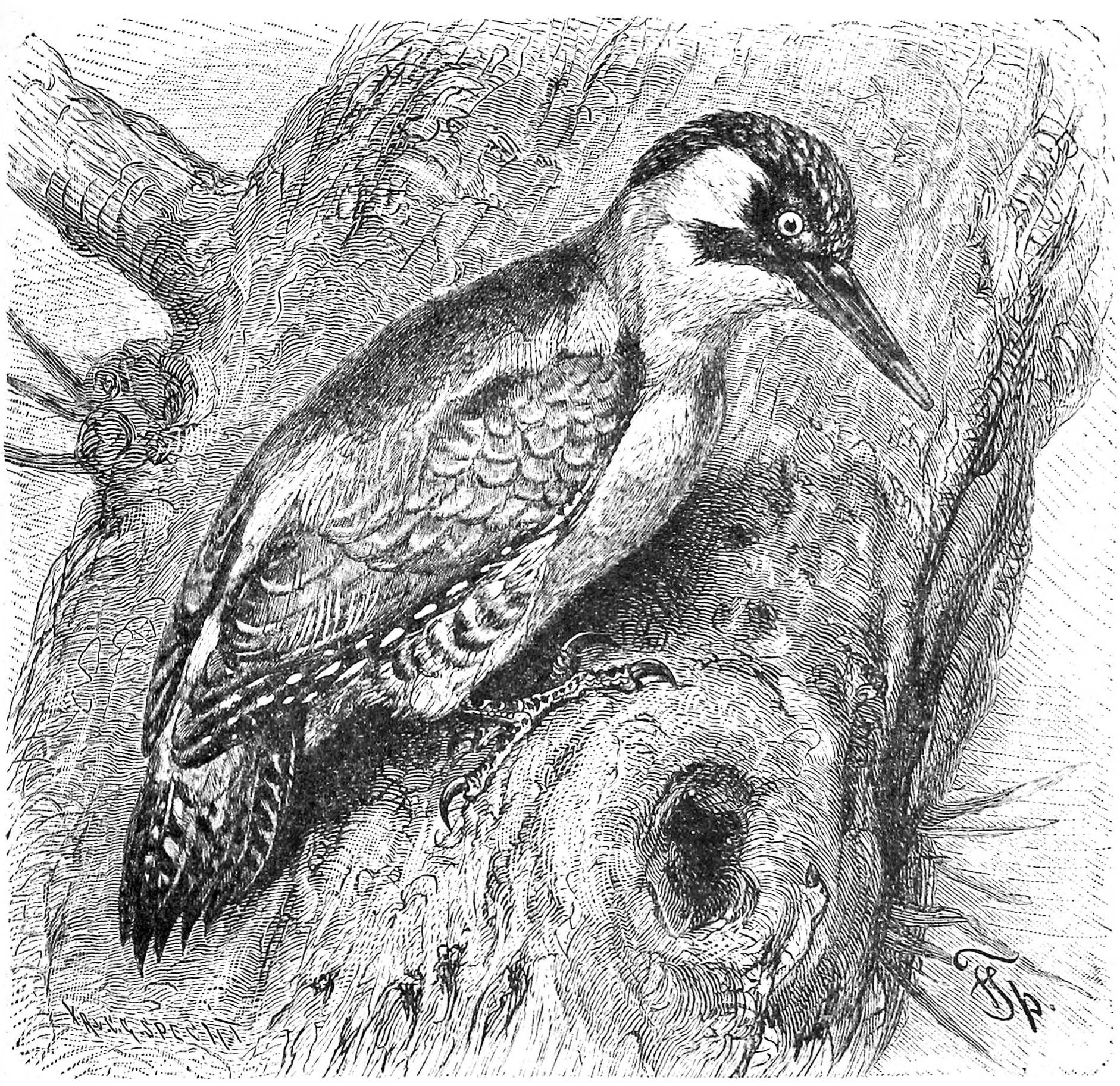
Слѣдуетъ повторять какъ можно чаще и увѣрять всѣхъ въ томъ, что дятлы приносятъ намъ пользу, а отнюдь не вредъ.

Если добросовѣстно и безъ всякихъ предубѣжденій взвѣсить пользу и вредъ, приносимые дятлами, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что пользы они приносятъ больше. Нѣкоторые дятлы могутъ надоѣсть эгоистическому человѣку, могутъ даже причинить незначительный вредъ; но ни то, ни другое не можетъ идти въ сравненіе съ пользой, приносимой этими птицами. Дятлы уничтожаютъ не безвредныхъ, а самыхъ пагубныхъ животныхъ для лѣса. Пользу, которую такимъ образомъ приносятъ дятлы, невозможно ни взвѣсить, ни оцѣнить. Но они приносятъ кромѣ прямой еще и косвенную пользу, ибо это единственныя птицы, устраивающія жилища для птицъ, которыя высиживаютъ своихъ птенцовъ въ дуплахъ.

И такъ, надо предоставлять полную свободу этимъ лучшимъ хранителямъ нашихъ лѣсовъ, защищать и беречь ихъ! У нихъ и безъ того довольно враговъ. Не только хищные звѣри и птицы охотятся на нихъ, но и неразумные люди, особенно мальчишки-стрѣлки, для которыхъ дятлы слишкомъ часто являются цѣлью выстрѣла.

Самый извѣстный представитель подсемейства зеленыхъ дятловъ — это распространенный по всей средней Европѣ зеленый дятелъ (Picus viridis). Верхняя часть головы, затылокъ и широкое пятно въ углу рта, окруженное узенькой черной каемкой, алаго цвѣта, верхнія части тѣла оливково-травянисто-зеленыя, крылья скорѣе окрашены въ расплывающійся буроватый

цвѣтъ, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста блестящаго оливково-желтаго цвѣта, ушная область, подбородокъ и горло бѣлые съ грязновато-зеленоватымъ налетомъ, бока шеи и нижнія части тѣла желтовато-зеленовато-бѣлыя, бока ляжекъ, а также нижнія кроющія перья хвоста украшены темными поперечными полосами, большія маховыя перья снаружи имѣютъ 6—7 ржаво-бѣловатыхъ поперечныхъ пятенъ, всѣ маховыя перья внутри снабжены широкими, бѣловатыми пятнами по краямъ, наконецъ, черныя хвостовыя перья — 5—7-ю оливково-бурыми расплываю-

Зеленый дятель (Picus viridis). $^2/_3$ естеств. велич.

щимися поперечными полосами. Самка отличается отъ самца широкими черными пятнами въ углу рта. Глаза у старыхъ птицъ синевато-бѣлые, у молодыхъ темно-сѣрые; клювъ грязноватаго свинцово-сѣраго цвѣта, ноги зеленовато-свинцово-сѣрыя. Длина 31 см.

Зеленый дятель — видъ очень распространенный. Въ Европѣ онъ встрѣчается вездѣ, то чаще, то рѣже, кромѣ развѣ Испаніи и сѣверной части нашей части свѣта, занятой тундрами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи зеленый дятелъ птица общеизвѣстная, въ другихъ же онъ не встрѣчается или встрѣчается самое бо́льшее во время своихъ зимнихъ кочевокъ. Эти кочевки начинаются съ той поры, какъ только молодыя птицы станутъ самостоятельны, и кончаются лишь къ слѣдующей веснѣ, когда приближается время высиживанія; но кочевки эти не отличаются правильностью и не происходятъ въ опредѣленныхъ предѣлахъ: въ иныя зимы птица совсѣмъ не бродитъ, въ другія забирается довольно далеко.

Нельзя назвать зеленаго дятла лѣсною птицей. Въ чисто-хвойномъ лѣсу онъ встрѣчается очень рѣдко, въ лиственномъ лѣсу — чаще; болѣе же всего онъ любитъ такія мѣстности, гдѣ рощи чередуются съ безлѣсными пространствами. Въ періодъ высиживанія дятелъ пребываетъ близъ того дупла, гдѣ находится гнѣздо; зимою, даже тогда, когда онъ не покидаетъ извѣстной мѣстности, онъ бродитъ по болѣе обширному пространству, чѣмъ лѣтомъ, но всякій вечеръ отыскиваетъ себѣ дупло и тамъ спитъ. Затѣмъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ его можно видѣть въ садахъ, непосредственно около жилищъ и даже въ строеніяхъ.

Зеленый дятелъ отличается такою же рѣзвостью и жизнерадостностью, такою же хитростью и осторожностью, такимъ же безпокойнымъ нравомъ и такою же неутомимостью, какъ его родственники. Онъ лазаетъ не хуже ихъ, но ходитъ лучше другихъ видовъ, водящихся въ средней Европѣ, часто пребываетъ на землѣ и здѣсь очень ловко прыгаетъ. Полетъ его тяжелый, шумный и отъ полета другихъ дятловъ отличается тѣмъ, что слагается изъ очень глубокихъ дугъ. Крикъ зелснаго дятла — это звонкій, далеко разносящійся звукъ „глюк“, который, при частомъ повтореніи, походитъ на задушевный смѣхъ; нѣжность выражается благозвучнымъ „гюк“, „гэк“ или „кипп“, выраженіемъ страха служитъ непріятный визгъ. Барабанить, какъ это дѣлаютъ многіе другіе дятлы, зеленый дятелъ повидимому не умѣетъ.

Ежедневная жизнь зеленаго дятла протекаетъ приблизительно такимъ образомъ: какъ только немножко обсохнетъ утренняя роса, зеленый дятелъ покидаетъ мѣсто своего ночлега, весело кричитъ и приготовляется къ изслѣдованію своего участка. Онъ переходитъ съ одного дерева на другое, соблюдая извѣстный порядокъ, но не съ такою правильностью, чтобы навѣрное можно было ожидать его появленія въ томъ или другомъ мѣстѣ. Деревья онъ всегда обыскиваетъ, начиная снизу и подымаясь вверхъ; на вѣтки забирается рѣже. Если приблизиться къ дереву, на которомъ онъ занятъ своимъ дѣломъ, то онъ быстро соскальзываетъ на ту сторону дерева, которая не видна наблюдателю, иногда выглядываетъ изъ-за ствола, вытягивая голову, взлѣзаетъ выше и вдругъ незамѣтнымъ образомъ покидаетъ дерево; тогда онъ обыкновенно выражаетъ свою радость по поводу удачнаго бѣгства громкимъ, радостнымъ крикомъ. До полудня приблизительно онъ находится въ неутомимой дѣятельности. Въ предобѣденные часы онъ обыскиваетъ навѣрное болѣе 100 деревьевъ и не оставляетъ безъ вниманія ни одного муравейника. По твердымъ деревьямъ зеленый дятелъ стучитъ гораздо менѣе другихъ дятловъ, зато нерѣдко продалбливаетъ большія отверстія въ балкахъ домовъ или въ глиняныхъ стѣнахъ. Лѣтомъ, послѣ сѣнокоса, онъ много бѣгаетъ по землѣ, разыскивая себѣ червей и личинокъ на скошенныхъ лугахъ; зимою онъ взлетаетъ на скаты холмовъ, откуда солнце слизало снѣгъ, и здѣсь ищетъ спрятавшихся насѣкомыхъ. Въ пищѣ онъ не разборчивъ, но всякой другой пищѣ предпочитаетъ красныхъ муравьевъ и за ними вылетаетъ далеко въ поле. Муравьевъ онъ ловитъ искуснѣе всѣхъ другихъ дятловъ, такъ какъ языкъ его сравнительно длиннѣе и, благодаря своей липкости, можетъ быть употребляемъ такъ же, какъ языкъ муравьѣда.

Въ концѣ февраля зеленый дятелъ уже водворяется на мѣстѣ высиживанія птенцовъ; но лишь въ апрѣлѣ самка начинаетъ готовиться къ высиживанью. Обыкновенно зеленый дятелъ выдалбливаетъ себѣ дупло въ такомъ деревѣ, которое внутри совершенно сгнило, или устраиваетъ гнѣздо въ поломъ стволѣ. Здѣсь онъ отыскиваетъ такое мѣсто, откуда отвалилась гнилая вѣтка, и это мѣсто только расширяется. Оба родителя работаютъ сообща и очень усердно, такъ что дупло бываетъ готово въ 2 недѣли. Круглый входъ такъ малъ, что птица только можетъ войти въ гнѣздо и выйти изъ него, внутри же полое пространство достигаетъ въ глубину 25 — 50 см., а въ ширину около 15—20 см. Если внутри дупла зеленый дятелъ наталкивается на очень твердое дерево, то бросаетъ начатую работу и предпочитаетъ вмѣсто того, чтобы долбить себѣ новое дупло, воспользоваться старымъ дуплом другого дятла одного съ нимъ вида, и если ему не мѣшали, то возвращается въ то же отверстіе, гдѣ высиживали птенцовъ въ

предшествующемъ году. Продолговатыя, гладкія, блестящія яйца кладутся въ числѣ 6—8. Оба родителя сидятъ на яйцахъ попеременно въ теченіе 16 -18 дней, самецъ съ 10-ти час. утра до 3 или 4 час. пополудни, самка всю остальную часть дня; оба поочередно согрѣваютъ слабыхъ птенцовъ и оба усердно носятъ имъ кормъ. Птенцы такъ же безобразны, какъ дѣтеныши другихъ дятловъ, развиваются такъ же быстро и уже на третьей недѣлѣ своей жизни внѣ яйца выглядываютъ изъ гнѣзда. Нѣсколько позднѣе. они вылѣзаютъ изъ гнѣзда и лазаютъ по всему дереву и наконецъ вмѣстѣ съ родителями бродятъ по всему своему участку, но въ теченіе нѣкотораго времени всякій вечеръ возвращаются въ свое дупло. Молодыя птицы мало по малу забираются все дальше и дальше, наконецъ семья, все еще не распавшаяся, перестаетъ по ночамъ возвращаться въ свое родное дупло, а ночуетъ въ какомъ-нибудь другомъ дуплѣ. Начиная съ октября мѣсяца, общество распадается: молодыя птицы уже сдѣлались самостоятельны, и каждый, не заботясь о другихъ, отыскиваетъ себѣ насущное пропитаніе.

Зеленаго дятла поймать трудно. Въ силокъ или на птицеловный токъ онъ попадется лишь случайно; скорѣе можно поймать его, развѣдавъ, въ какомъ дуплѣ онъ ночуетъ и поставивъ передъ входомъ петли. Это такая необузданная, дикая птица, что приручить стараго зеленаго дятла нечего и думать. Дѣлали уже попытки приручить его и сажали его на цѣпочку; но это всегда оканчивалось скорой смертью неукротимаго плѣнника. Возможно, что дятловъ, пойманныхъ молодыми, приручить легче.

Американскій родъ зеленыхъ дятловъ — это шилоклювые дятлы (Colaptes), состоящій изъ 40 видовъ съ довольно тонкимъ, бо́льшею частью явственно загнутымъ, плоскимъ клювомъ.

Самый извѣстный видъ этого рода — золотистый дятелъ (Colaptes auratus), водящійся въ сѣверной Америкѣ. Опереніе довольно пестрое; стержни маховыхъ и хвостовыхъ перьевъ ярко желтаго или краснаго цвѣта. Длина 32 см.

Золотистый дятелъ, начиная съ Техаса, водится во всей восточной части Соединенныхъ Штатовъ до крайней сѣверной части Новой Шотландіи; говорятъ, что его встрѣчали также въ Гренландіи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ вообще водится, онъ встрѣчается въ огромномъ количествѣ и потому можетъ быть названъ, если не самымъ обыкновеннымъ, то по крайней мѣрѣ самымъ распространеннымъ изъ всѣхъ сѣверо-американскихъ дятловъ.

Ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ дятловъ не переноситъ неволи съ такою легкостью, какъ золотистый дятелъ, который вовсе нерѣдко попадаетъ въ клѣтки къ европейцамъ. Онъ непритязателенъ на счетъ пищи, во всякомъ случаѣ не болѣе притязателенъ, чѣмъ другія насѣкомоядныя птицы; онъ довольствуется тѣмъ кормомъ, какой дается дроздамъ, если только давать ему побольше муравьиныхъ куколокъ, чѣмъ получаетъ дроздъ. Для знатока птицъ клѣтка, населенная золотистыми дятлами, представляетъ собою весьма привлекательную картину. Здѣсь можно спокойно наблюдать всѣ столь своеобразныя движенія дятловъ вообще; можно видѣть, какъ они быстро и ловко лазаютъ по стволамъ, поставленнымъ въ клѣтку, какъ крѣпко прицѣпляются къ корѣ, какъ хорошо умѣютъ удерживаться. какъ разнообразно пользуются клювомъ; можно даже изучать ихъ полетъ, ибо они довольно часто дѣлаютъ по крайней мѣрѣ попытки подниматься на воздухъ.

Въ южныхъ и западныхъ штатахъ Сѣверной Америки, кромѣ золотистаго дятла, встрѣчается также близкій его родственникъ, мѣдный дятелъ (Colaptes mexicanus). Онъ по величинѣ и по окраскѣ напоминаетъ золотистаго дятла; но у мѣднаго дятла всѣ цвѣта темнѣе и стержни перьевъ на крыльяхъ не золотисто-желтые, а оранжево-красные.

Въ то время, какъ большинство дятловъ исключительно или по крайней мѣрѣ главнымъ образомъ собираетъ свою пищу съ деревьевъ, нѣкоторые дятлы

производятъ свою охоту на землѣ. Къ нимъ принадлежитъ полевой дятелъ (Colaptes campestris), обитающій въ открытыхъ луговыхъ пространствахъ Южной Америки. Онъ питается преимущественно термитами и муравьями, которые встрѣчаются въ этихъ равнинахъ въ огромныхъ количествахъ. Здѣсь въ лѣсахъ и на лугахъ виднѣются большіе конусообразные холмы изъ желтаго суглинка, достигающіе иногда 2-хъ метровъ въ вышину и сооружаемые термитами; въ открытыхъ мѣстахъ холмики эти обыкновенно имѣютъ болѣе плоскую форму. Подобныя же гнѣзда круглой формы и черно-бураго цвѣта висятъ на толстыхъ древесныхъ сучьяхъ, а на каждомъ стволѣ кактуса ихъ непремѣнно увидишь одно или нѣсколько. На этихъ гнѣздахъ полевой дятелъ любитъ сидѣть и долбить ихъ. Поэтому онъ весьма полезенъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водится, истребляя вредныхъ насѣкомыхъ, которыя являются въ Бразиліи главными врагами земледѣлія. Въ прочихъ отношеніяхъ полевой дятелъ вполнѣ похожъ на своихъ родственниковъ. Онъ летаетъ и кричитъ совершенно такъ же, какъ европейскій дятелъ.

У красноголоваго дятла (Colaptes erythrocephalus) клювъ немного загнутъ. Голова и шея ярко-красныя, спина, маховыя перья и хвостъ черные, какъ вороново крыло. Заднія маховыя перья, надхвостье и нижняя сторона чисто-бѣлаго цвѣта. Длина птицы 24 см.

„Въ Сѣверной Америкѣ пожалуй нѣтъ птицы болѣе извѣстной, чѣмъ красноголовый дятелъ“, говоритъ Вильсонъ. „Онъ встрѣчается такъ часто, его трехцвѣтное опереніе такъ характерно, а разбойническіе нравы его такъ общеизвѣстны, что о немъ знаетъ всякій ребенокъ.“ Красноголовый дятелъ водится во всей Сѣверной Америкѣ. Замѣчательно, что, кромѣ насѣкомыхъ, онъ съ удовольствіемъ поѣдаетъ и всевозможные фрукты, особенно вишни и ягоды. По словамъ Вильсона, страшнымъ врагомъ потомства этого дятла является черная змѣя (Coryphodon constrictor). Эта змѣя часто обвивается вокругъ стволовъ самыхъ высокихъ деревьевъ, проникаетъ въ мирную дѣтскую дятла, проглатываетъ яйца или безпомощныхъ птенцовъ на глазахъ у испуганно кричащихъ и порхающихъ кругомъ родителей, а затѣмъ, если гнѣздо достаточно велико, свертывается въ немъ клубочкомъ и ждетъ, чтобы пища переварилась. Мальчишка, взобравшійся на дерево, чтобы разыскать гнѣздо дятла, нерѣдко испытываетъ большое разочарованіе, когда, засунувъ руку въ дупло, вмѣсто птенцовъ схватываетъ ужасную змѣю. Въ такомъ случаѣ ему приходится съ возможною поспѣшностью, не жалѣя своихъ членовъ и панталонъ, соскользнуть внизъ и въ страхѣ бѣжать подальше отъ дерева.

Въ Калифорніи и въ Мексикѣ красноголоваго дятла замѣняетъ его родственникъ, калифорнскій дятелъ (Colaptes formicivorus). Эта птица величиною съ европейскаго большого пестраго дятла. Край лба, уздечка, подбородокъ и верхнія части тѣла, узенькій край глаза, виски, ушная область и широкая полоса по бокамъ шеи, а также вся верхняя сторона чернаго цвѣта; передняя часть головы окрашена въ бѣлый цвѣтъ съ тускло-желтоватымъ оттѣнкомъ, темя и задняя часть головы по обыкновенію алаго цвѣта, щеки до ушной области и бока шеи, а также нижняя часть горла бѣлые, причемъ нижняя часть горла съ желтоватымъ оттѣнкомъ, зобъ и грудь черные съ продольными бѣлыми пятнами, прочія нижнія части тѣла бѣлыя, съ узкими черными полосками на стержняхъ по бокамъ и на нижнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и большія маховыя перья, начиная со второго, у основанія также бѣлыя. Глаза каріе, клювъ чернаго рогового цвѣта, ноги сѣровато-желтыя.

Водится калифорнскій дятелъ въ прибрежныхъ штатахъ Тихаго океана, въ Калифорніи, Мексикѣ и центральной Америкѣ. „Калифорнскій дятелъ“, говоритъ Геермаинъ, „самый распространенный и шумливый изъ всѣхъ дятловъ, водящихся въ Калифорніи. Съ самой высокой вѣтки дерева, гдѣ онъ обыкновенно возсѣдаетъ, онъ вдругъ бросается внизъ въ погонѣ за насѣкомымъ, схвативъ его, возвращается на свое прежнее мѣсто и, спустя нѣсколько мгновеній, начинаетъ

такую же охоту. Осенью же онъ чрезвычайно усердно занятъ тѣмъ, что пробуравливаетъ маленькія дырочки въ корѣ дубовъ и сосенъ и собираетъ туда запасы жолудей. Въ каждое отверстіе кладется по одному жолудю, который такъ плотно вкладывается въ дырку, что вытащить его можно только съ трудомъ. Иногда кора огромнаго хвойнаго дерева получаетъ такой видъ, какъ будто въ ней густо набиты бронзовые гвозди. Жолудей припасается такимъ образомъ очень много, и зимою ими кормятся не только дятлы, но и бѣлки, мыши, сойки и т. д., которые поѣдаютъ эти запасы въ большомъ количествѣ. Соссюръ былъ удивленъ тѣмъ, что встрѣтилъ эту красивую птицу въ большомъ обществѣ у подножія вулкана Пизарро, среди чахлой пустыни, лишенной деревьевъ и покрытой только агавой, артишоками и юккой. Но изумленіе его еще усилилось, когда онъ сталъ наблюдать за дѣятельностью этихъ дятловъ, которая имѣла своею цѣлью накопленіе запасовъ на предстоящую шестимѣсячную засуху, во время которой все высыхаетъ. Птица пользуется для этого полостью, которая образуется внутри и вдоль стебля послѣ того, какъ агава отцвѣтетъ; дятелъ начинаетъ съ того, что въ нижней части стебля дѣлаетъ снаружи круглое отверстіе и сквозь него просовываетъ жолуди во внутреннюю полную трубку. Затѣмъ птица пробуравливаетъ второе, третье отверстіе и т. д. выше на стеблѣ, и продолжаетъ свою работу до тѣхъ поръ, пока вся трубка не наполнится рядомъ примыкающихъ другъ къ другу жолудей. Замѣчательно, что дятлу приходится пролетать цѣлыя мили за этими жолудями. Около конца сухого времени года дятлы вытаскиваютъ жолуди изъ своихъ кладовыхъ, послѣ чего однимъ концомъ вставляютъ жолудь въ отверстіе, пробуравленное въ корѣ юкки, а затѣмъ ударами клюва раздробляютъ его на части, удобныя для проглатыванья.

Теперь обратимся къ подсемейству пестрыхъ дятловъ (Dendrocopinae). состоящему приблизительно изъ 150-ти видовъ, которые характеризуются типичнымъ для семейства дятловъ клювомъ.

*

Первый родъ составляютъ черные дятлы (Dryocopus), самые крупные и сильные виды, окрашенные преимущественно въ черный цвѣтъ и часто имѣющіе на головѣ хохолокъ изъ удлиненныхъ перьевъ. Большая часть видовъ, относящихся къ этому роду, водится въ Америкѣ.

Живущая въ Европѣ желна (Dryocopus martius, см. прилож. картину) вся одинаковаго тускло-чернаго цвѣта, но верхняя часть головы у нея ярко-карминно-красная, причемъ этотъ цвѣтъ у самца занимаетъ всю верхнюю часть головы, а у самки ограничивается только однимъ мѣстомъ на задней части головы. Глаза тусклаго сѣрнисто-желтаго цвѣта, клювъ жемчужнаго цвѣта, на кончикѣ блѣднаго аспидно-синяго цвѣта, ноги свинцово-сѣрыя. Длина 40—50 см.

Европа до границы своихъ лѣсныхъ пространствъ и Азія до сѣверной стороны Гималаевъ являются родиной желны. Въ Германіи эти птицы живутъ въ настоящее время на Альпахъ и на всѣхъ горахъ средней Германіи, а именно въ Богемскомъ Лѣсу, въ Исполиновыхъ, Рудныхъ горахъ въ Фихтельгебирге, въ Франконскомъ и Тюрингенскомъ Лѣсу, въ Рэнѣ, Гарцѣ, Спессартѣ, Таунѣ, Шварцвальдѣ, а также въ Вогезахъ и во всѣхъ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ сѣверо-германской равнины.

Желна селится въ большихъ, сплошныхъ, по возможности мало посѣщаемыхъ человѣкомъ лѣсныхъ пространствахъ, въ которыхъ есть хоть небольшое количество высокихъ деревьевъ. Изъ-за своей любимой пищи, большихъ муравьевъ, эта птица предпочитаетъ хвойные лѣса лиственнымъ, впрочемъ и въ лиственныхъ, особенно въ буковыхъ лѣсахъ не отсутствуетъ. Чѣмъ лѣсъ гуще и дичe, тѣмъ лучше себя чувствуетъ тамъ желна, чѣмъ же боръ болѣе расчищенъ, тѣмъ менѣе охотно она тамъ селится, хотя и это правило тоже не безъ исключеній.

Человѣка и его жизни желна избѣгаетъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Европы, а потому только въ исключительныхъ случаяхъ показывается вблизи человѣческихъ поселеній. Но и эта птица цѣнитъ оказываемую ей защиту и иногда вступаетъ даже въ изумительно дружескія отношенія съ человѣкомъ, благосклонно къ ней расположеннымъ. Одно единственное дуплистое дерево способно привязать желну къ извѣстной мѣстности, которую она покидаетъ только тогда, когда дерево это срубятъ. Но когда другія деревья въ этой мѣстности настолько вырастутъ, что въ нихъ желна можетъ выдолбить себѣ жилище, то она снова водворяется въ этой мѣстности.

Желна въ высшей степени рѣзвая, живая, пугливая, ловкая и сильная птица. Она появляется то тутъ, то тамъ и часто въ очень короткое время обыскиваетъ весь свой участокъ. О передвиженіяхъ птицы можно судить по ея крику, который въ теченіе немногихъ минутъ раздается въ разныхъ мѣстахъ. Она издаетъ преимущественно три звука — два во время полета и одинъ сидя. Первые два звука похожи на „кирр кирр“ и „клюк клюк“, послѣдній односложный, вродѣ „клю“, протяжный и очень пронзительный, или вродѣ „кліэ кліэ кліее“. Около гнѣзда желна издаетъ еще другіе звуки. По землѣ она прыгаетъ довольно неловко; тѣмъ не менѣе она нерѣдко спускается на землю, особено ради муравьиныхъ кучъ. Лазаетъ и долбитъ деревья она искуснѣе всѣхъ европейскихъ дятловъ. При лазаньи она всегда одновременно переставляетъ обѣ ноги, какъ и всѣ его родственники. Слѣдовательно, онъ въ сущности прыгаетъ вверхъ по деревьямъ и притомъ съ большой силой, такъ что ясно слышно, какъ птица ударяетъ когтями по дереву. По кустамъ она также лазаетъ, но рѣже, и никогда не долбитъ ихъ, какъ старыя деревья, изъ которыхъ добываетъ себѣ большихъ муравьевъ и личинокъ исполинскихъ осъ. Лазая, она отгибаетъ грудь далеко отъ дерева и закидываетъ голову назадъ.

Питается желна большими муравьями и ихъ куколками, а также всевозможными древесными червями, т. е. личинками вредныхъ для деревьевъ жуковъ, которыя держатся на хвойныхъ деревьяхъ, а также самими этими жуками. Чтобы добраться до личинокъ и древесныхъ жуковъ, этотъ дятелъ выдалбливаетъ изъ деревьевъ и кустовъ большіе куски, муравьевъ же достаетъ совершенно такъ же, какъ муравьеѣдъ, прилѣпляя ихъ къ своему липкому языку.

Періодъ спариванья, смотря по тому, благопріятна или неблагопріятна погода, наблюдается въ первую или во вторую половину марта.

Въ началѣ апрѣля желны приступаютъ къ сооруженію гнѣзда. Они устраиваютъ его въ основательно прогнившемъ деревѣ, гдѣ есть провалившееся мѣсто отъ прежней вѣтки или обломившаяся, гнилая внутри вѣтка. Здѣсь самка принимается за работу. Сначала она снаружи расширяетъ отверстіе, пока оно не станетъ достаточно большимъ для того, чтобы служить для птицы входомъ и выходомъ. Потомъ начинается выдалбливанье внутренняго помѣщенія, и это дѣлается съ большою ловкостью и усердіемъ. Выдалбливаніе это особенно трудно потому, что птица принуждена производить свои удары въ слишкомъ тѣсномъ пространствѣ. Иногда ей такъ мало мѣста, что она можетъ долбить на разстояніи не болѣе 2-хъ см. Тогда удары звучатъ глухо, а выбрасываемые кусочки дерева очень малы. Когда же внутри небольшое пространство выдолблено, то дятелъ начинаетъ отдѣлять гораздо болѣе крупные кусочки дерева. Въ подгнившей соснѣ, гдѣ желна устраивала свое гнѣздо, самыя большія щепки, выбрасываемыя ею, достигали 15-ти см. въ длину и 3-хъ см. въ ширину.

Самка работаетъ надъ гнѣздомъ только въ предобѣденные часы; послѣ полудня она ищетъ себѣ кормъ. Когда, наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и 10—14 час. работы въ день внутреннее углуленіе готово, то оно, считая отъ нижней стороны входа, имѣетъ въ глубину около 40 см., а въ поперечникѣ около 15-ти см. иногда на нѣсколько см. больше, иногда меньше. Внутри оно выдолблено такъ гладко, что нигдѣ не торчитъ ни одной щепочки. Дно представляетъ собою часть шара, но не полушаріе, и покрыто мелкими щепочками. Сюда, всегда въ половинѣ апрѣля, кладется 3—4, рѣже 5, а еще рѣже 6, сравнительно маленькихъ

яичекъ. Яички эти очень продолговатыя, наверху сильно закругленныя, въ серединѣ пузатыя, внизу притупленныя, съ совершенно гладкой скорлупой, внутри чисто бѣлыя, а снаружи красиво блестящія, какъ эмаль.

Такое гнѣздо служитъ птицамъ по нѣскольку лѣтъ, даже въ томъ случаѣ, если истребить птенцовъ или убить одного изъ стариковъ. Новое гнѣздо уже издали можно узнать по разбросаннымъ на $^3/_4$ метра кругомъ дерева щепкамъ; щепками этими густо покрыта земля, и даже около обновленнаго гнѣзда на землѣ разбросано нѣсколько щепокъ.

Самецъ во время высиживанья яицъ аккуратно смѣняетъ самку, но не всегда въ точно опредѣленное время. Извѣстно только, что самецъ сидитъ на яйцахъ или находится при птенцахъ въ полуденные и послѣобѣденные часы, самка же — всю ночь и въ теченіе утреннихъ и вечернихъ часовъ. Молодыя птицы, только что вылупившіяся изъ яйца, очень безобразны. Онѣ только на верхней сторонѣ тѣла, и то весьма скудно, покрыты черновато-сѣрымъ пухомъ, голова ихъ кажется несоразмѣрно большою, а клювъ — очень толстымъ. Оба родителя кормятъ ихъ куколками большихъ и рыжихъ муравьевъ, предварительно размягчивъ эту пищу въ зобу.

При надлежащемъ уходѣ, молодыхъ желнъ, вынутыхъ изъ гнѣзда, удается вырастить и до нѣкоторой степени приручить.

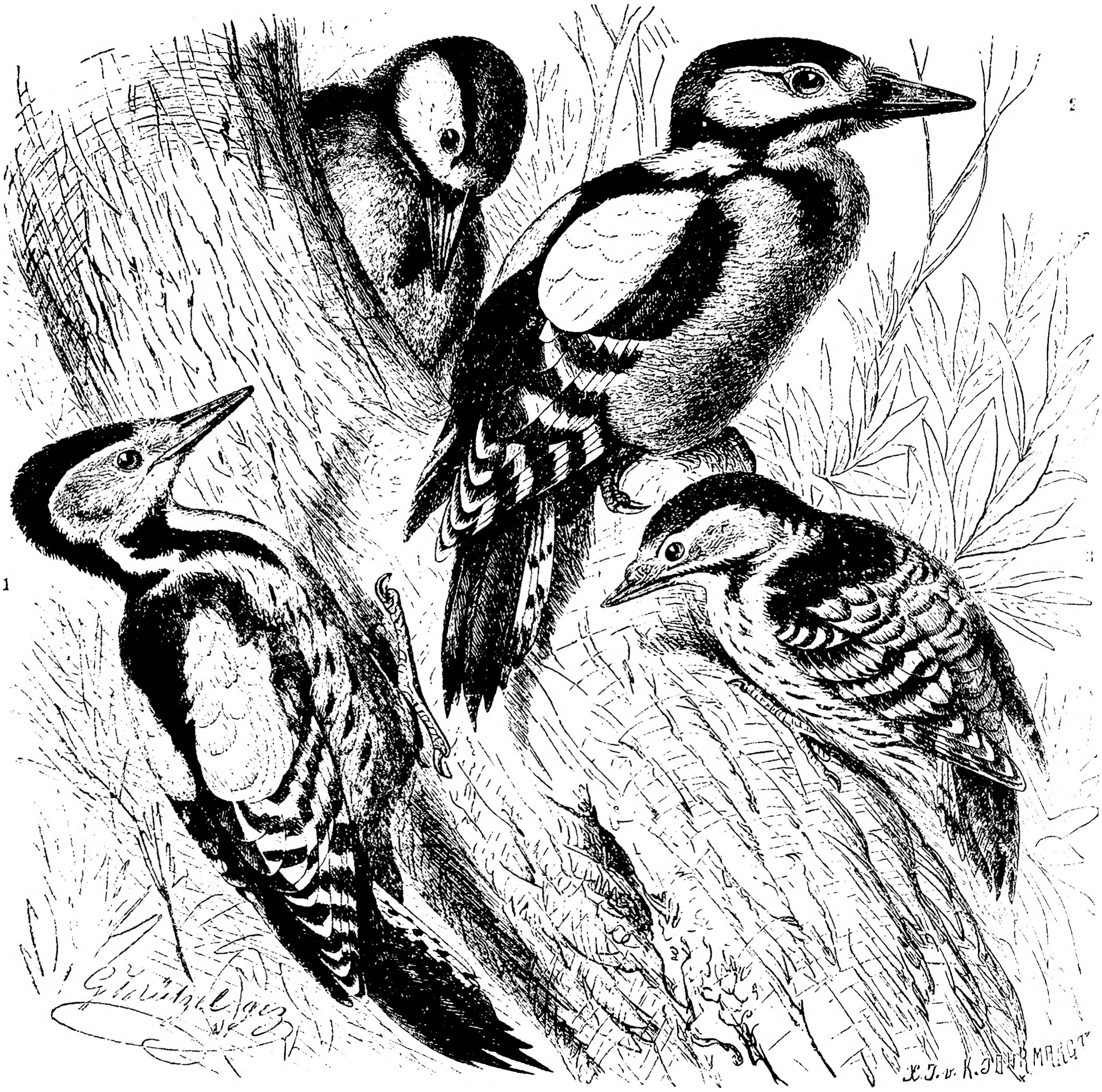
Бѣлоклювый дятелъ (Dryocopus principalis), водящійся въ Сѣверной Америкѣ, нѣсколько больше предыдущаго; длина его — 55 см. Опереніе блестяще-черное, узкая полоска, начинающаяся на серединѣ щекъ и спускающаяся внизъ по бокамъ шеи и плечъ, а также самыя заднія большія и малыя маховыя перья — бѣлыя, виски и острый длинный хохолокъ на задней части головы, а также затылокъ огненнаго алаго цвѣта. Радужная оболочка желтая, клювъ рогового бѣлаго цвѣта, ноги темнаго свинцово-сѣраго цвѣта. Бѣлоклювый дятелъ обитаетъ въ южныхъ штатахъ Американскаго Союза и на островѣ Кубѣ. Эти великолѣпныя птицы, по образу жизни похожія на европейскую желну, подвергаются усерднымъ преслѣдованіямъ, такъ какъ ихъ красные хохолки и бѣлые клювы, напоминающіе слоновую кость, употребляются индѣйцами въ видѣ украшеній и амулетовъ.

Вильсонъ пробовалъ держать бѣлоклюваго дятла въ неволѣ, но нашелъ, что это довольно трудно. Ему удалось достать стараго дятла, сначала раненаго, а затѣмъ схваченнаго. Птица кричала, какъ маленькій ребенокъ и такъ испугала лошадь Вильсона, что жизни всадника угрожала опасность. Когда Вильсонъ проѣзжалъ со своей кричащей птицей по улицамъ Вельмингтона, то всѣ женщины со страхомъ подбѣжали къ дверямъ и къ окнамъ, чтобы узнать, отчего происходитъ такой ужасный крикъ, а около гостинницы наблюдателя буквально закидали вопросами. Наконецъ, онъ водворилъ дятла въ своей комнатѣ и вышелъ съ цѣлью позаботиться о своей лошади. Вернувшись по прошествіи часа, онъ увидѣлъ, что сильная птица уже почти что вернула себѣ свободу. Она влѣзла наверху по оконному косяку и почти что насквозь продолбила стѣну. Такъ какъ Вильсонъ хотѣлъ нарисовать птицу, то онъ простилъ ей попытку къ бѣгству и, во избѣжаніе второй такой же попытки, привязалъ ее цѣпочкой къ толстой ногѣ стола изъ краснаго дерева. Затѣмъ онъ снова вышелъ изъ комнаты за кормомъ для своего питомца. Возвращаясь въ свою комнату, онъ уже на лѣстницѣ услышалъ, что дятелъ опять принялся за работу, а войдя, съ ужасомъ увидѣлъ, что столъ стоитъ уже не на четырехъ, а на трехъ ногахъ. Пока Вильсонъ присовывалъ птицу, она успѣла въ гнѣвѣ нанести ему нѣсколько ранъ и при этомъ проявила такую благородную любовь къ свободѣ, что естествоиспытатель нѣсколько разъ подумывалъ о томъ, чтобы отвезти дятла назадъ въ его родные лѣса. Принесеннаго ему корма дятелъ даже не касался, и такимъ образомъ страданія, соединенныя съ неволей, погубили его уже на третій день.

*

Пестрые дятлы (Dendrocopus) въ узкомъ смыслѣ слова считаются самыми совершенными представителями подсемейства, такъ какъ почти исключительно живутъ на древесныхъ стволахъ и только въ видѣ исключенія спускаются на землю. Они принадлежатъ къ видамъ средней и малой величины и отличаются плотнымъ сложеніемъ.

Самымъ извѣстнымъ членомъ этого рода можно считать большого пестраго дятла (Dendrocopus major). Названіе свое онъ вполнѣ заслужи-

1) Большой пестрый дятелъ (Dendrocopus major), 2) Средній пестрый дятель (D. medius), 3) Малый пестрый дятель (D. minor). ½ естеств. велич.

ваетъ, такъ какъ оперенiе его дѣйствительно очень пестрое. Верхняя часть головы и верхняя сторона тѣла, а также узкая полоска на уздечкѣ чернаго цвѣта, бока уздечки и головы до висковъ, продолговатое поперечное пятно на бокахъ шеи позади только что названныхъ частей, а также широкое продольное мѣсто на плечахъ — бѣлаго цвѣта, нижнія части тѣла тоже бѣлыя, большею частью съ грязноватымъ оттѣнкомъ, широкое пятно на задней части головы, область зада и нижнія кроющія перья хвоста яркаго алаго цвѣта, большія маховыя перья украшены пятью, малыя маховыя перья — тремя бѣлыми поперечными пятнами, которыя представляютъ собою пять поперечныхъ полосъ, когда крылья сложены, два край-

нихъ хвостовыхъ пера бѣлыя, въ ближайшей къ концу половинѣ украшены двумя черными поперечными полосами, а третье отъ края хвостовое перо съ каждой стороны имѣетъ только одно черное поперечное пятно. У самки нѣтъ красныхъ перьевъ на головѣ. Глаза буровато-красные, клювъ свинцоваго цвѣта, ноги зеленовато-сѣрыя. Длина 23—25 см.

Вся Европа и Сибирь до Камчатки, а также Японія являются родиной общеизвѣстнаго большого пестраго дятла. Это, пожалуй, самый обыкновенный изъ европейскихъ и самый распространенный изъ сибирскихъ видовъ.

Большой пестрый дятелъ любитъ лѣсныя опушки и дремучіе лѣса, встрѣчается впрочемъ и въ рощахъ среди полей, а осенью и зимою появляется въ садахъ. Онъ отдаетъ предпочтеніе тѣмъ лѣсамъ, гдѣ растутъ хвойныя деревья, тополь и ива. Лѣтомъ онъ обитаетъ въ не особенно обширномъ участкѣ; осенью и зимою онъ бродитъ по болѣе обширному пространству и живетъ обыкновенно въ обществѣ поползней, пищухъ, синицъ и корольковъ. Лѣтомъ онъ не терпитъ присутствія другихъ птицъ въ своемъ участкѣ. Разгуливаетъ онъ по деревьямъ и избѣгаетъ перелетать черезъ открытое поле. Правда, никакіе обходные пути ему неизвѣстны, такъ какъ всѣ его передвиженія имѣютъ только одну цѣль — искать себѣ по возможности болѣе обильной пищи, чѣмъ какую онъ находитъ на своемъ мѣстѣ жительства и при этомъ посмотрѣть немного на міръ Божій.

Кормъ его составляютъ разныя насѣкомыя и ихъ яички, личинки и куколки, а также орѣхи и ягоды. Особенно усердно преслѣдуетъ онъ короѣда древоточнаго, его личинокъ и поѣдаетъ его яички. Для этого онъ отламываетъ чешуйчатыя частицы коры хвойныхъ деревьевъ. Онъ ѣстъ также всевозможныхъ гусеницъ, вредныхъ для лѣсныхъ деревьевъ, и ими кормитъ своихъ птенцовъ. Это настоящій хранитель лѣсовъ, котораго слѣдовало бы беречь на всѣ лады. „Когда онъ стучитъ по тонкимъ вѣтвямъ“, говоритъ Науманнъ, „то можно замѣтить, что онъ вдругъ перебѣгаетъ на другую сторону и смотритъ, не удастся ли ему схватить потревоженныхъ и обращенныхъ въ бѣгство насѣкомыхъ, которыя поступаютъ совершенно такъ же, какъ дождевые черви, потревоженные кротомъ, взрывающимъ землю. Приближеніе своего смертельнаго врага насѣкомыя понимаютъ не хуже дождевиковъ.“

Кромѣ того, большой пестрый дятелъ питается зернами, между прочимъ, орѣхами и сѣменами хвойныхъ растеній. Орѣхи онъ срываетъ, относитъ въ щелку, приготовленную имъ для этой цѣли на деревѣ и раскалываетъ ихъ. Часто можно видѣть, какъ онъ привѣшивается къ сосновымъ шишкамъ и трудится надъ ними; еще чаще онъ откусываетъ ихъ, тащитъ ихъ на вѣтку и выклевываетъ сѣмячки.

Какъ ни искусно большой пестрый дятелъ добываетъ сѣмячки изъ сосновыхъ шишекъ, однако, онъ обнаруживаетъ мало выдержки при устройствѣ своего гнѣзда. Онъ принимается обтесывать нѣсколько дупелъ, не оканчиваетъ ни одного, и, если только возможно, отыскиваетъ такое дупло, гдѣ уже кто-нибудь изъ его родственниковъ высиживалъ дѣтенышей. Яицъ кладется 4—5, рѣдко 6; они маленькія, продолговатыя, съ очень тонкой скорлупой и блестящаго бѣлаго цвѣта. Оба супруга сидятъ на яйцахъ по очереди.

Плѣнные большіе пестрые дятлы въ высшей степени занимательны. Ихъ нетрудно пріучить къ корму, замѣняющему имъ естественную пищу. Они хорошо уживаются съ самой разнообразной пернатой мелюзгой, которую впускаютъ къ нимъ, но не ладятъ съ другими птицами одного съ ними вида. Ихъ сварливость, ссорливость и драчливость обнаруживаются уже въ ранней молодости.

Насколько большіе пестрые дятлы могутъ быть привязчивы, показываетъ слѣдующее сообщеніе Гиртаннера. „Я хотѣлъ возвратить свободу одному изъ моихъ питомцевъ, который уже былъ вполнѣ самостоятеленъ и умѣлъ отыскивать себѣ червей, личинокъ, пауковъ и т. п.; для этого я отнесъ его въ чащу высокаго лѣса и тамъ выпустилъ. Онъ тотчасъ же началъ весело взбираться на ель и казался въ отличномъ расположеніи духа, но постоянно оглядывался на меня. Когда я хотѣлъ удалиться, птица начала призывать меня, полетѣла вслѣдъ за

мною и прицѣпилась ко мнѣ. Сколько разъ я ни сбрасывалъ ее, какъ-бы далеко ни отходилъ, она всегда ухитрялась найти меня, и наконецъ мнѣ ничего другого не осталось, какъ опять взять ее домой. Другой дятелъ сталъ до того ручнымъ, что я позволялъ ему влетать въ комнату и вылетать когда угодно; такъ какъ онъ никогда не думалъ о бѣгствѣ, то его чаще можно было видѣть на деревьяхъ городскихъ садовъ, чѣмъ дома. На мой свистъ онъ всегда откликался, прилеталъ ко мнѣ и въ награду получалъ личинокъ майскихъ жуковъ. Если онъ зналъ, что въ моей жестянкѣ, которую я носилъ съ собою, есть еще такія личинки, то прогнать его не было никакой возможности."

Въ лиственнымъ лѣсахъ, на равнинахъ, кромѣ большого пестраго дятла, встрѣчается еще нѣсколько меньшій средній пестрый дятелъ (Dendrocopus medius, рис. на стр. 304); здѣсь же встрѣчается еще третій видъ разсматриваемаго рода, а именно малый пестрый дятелъ (Dendrocopus minor, рис. на стр. 304), самый малый изъ всѣхъ европейскихъ дятловъ.

Мягкохвостые дятлы (Picumninae), которыхъ извѣстно около 30 видовъ, представляютъ переходную ступень между дятлами и вертиголовками. Въ общемъ они по формѣ похожи на дятловъ, но лишены хвоста, который можетъ служить имъ опорой, и очень малы, не больше корольковъ.

*

Относящійся къ этому подсемейству карликовый дятелъ (Picumnus minutus) окрашенъ такъ: верхняя часть головы у него черная съ мелкими бѣлыми крапинками, остальная верхняя сторона сѣровато-бурая, нижняя сторона покрыта бѣлыми и черными поперечными полосами, лобъ и передняя часть темени у самца красные, у самки съ бѣлыми крапинками, какъ остальное темя. Встрѣчается карликовый дятелъ нерѣдко во всѣхъ лѣсахъ, идущихъ вдоль морского берега, начиная отъ Гвіаны и кончая Парагваемъ, появляется впрочемъ также близъ человѣческихъ жилищъ.

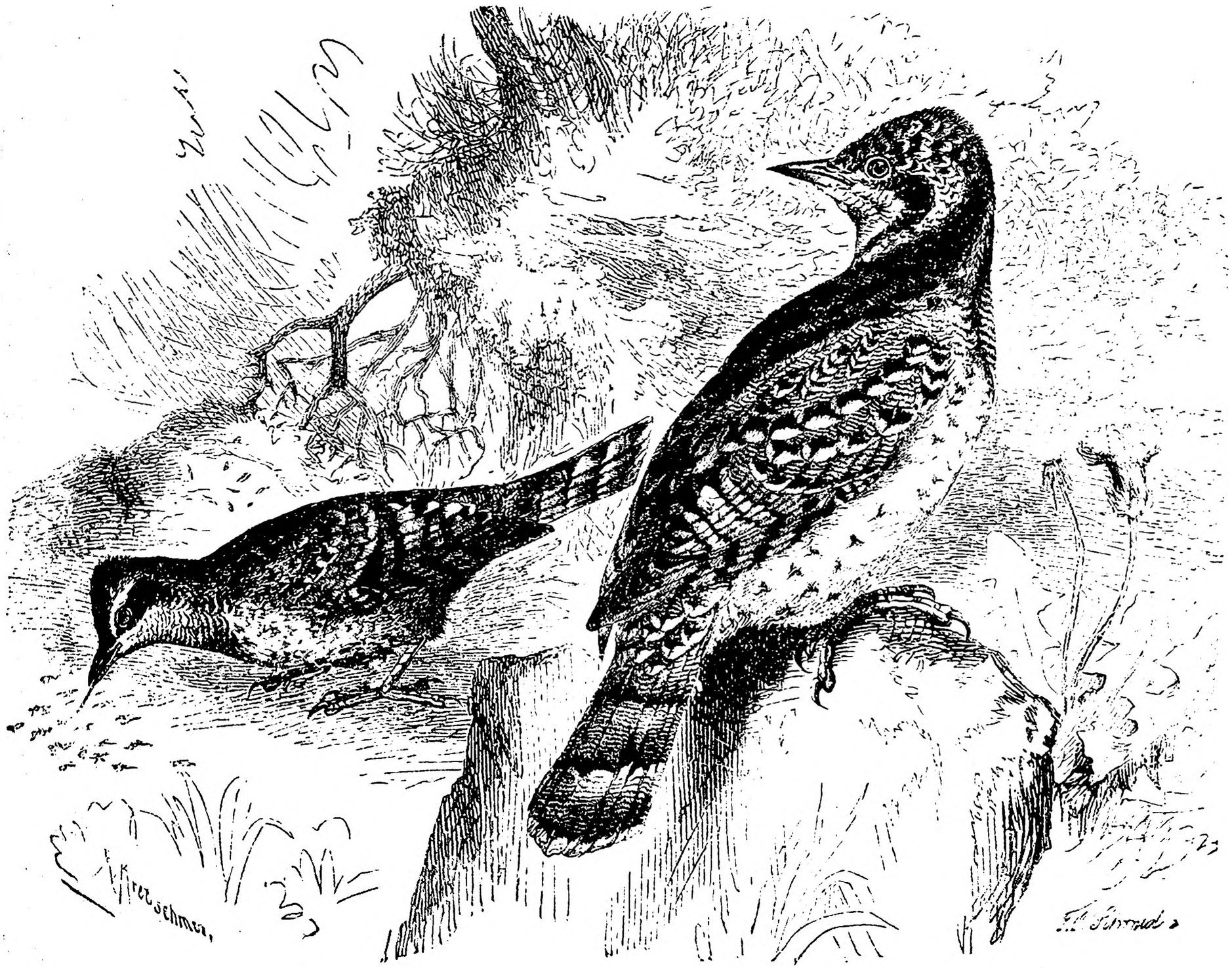
Вертиголовки (Jynginae), составляющія послѣднюю категорію дятловъ, живутъ исключительно въ Старомъ Свѣтѣ. Тѣло у нихъ продолговатое, голова небольшая, крылья короткія и тупыя, хвостъ средней длины, клювъ короткій, прямой, острый, ноги довольно сильныя, о четырехъ пальцахъ, расположенныхъ попарно, оперенiе пушистое и мягкое. Языкъ, чрезвычайно выдвижной, имѣетъ нитевидную форму, но на концѣ не снабженъ крючечками.

*

Наша вертиголовка (Jynx torquilla) на верхней сторонѣ свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, съ болѣе темными волнообразными линіями и крапинками: нижняя сторона у нея бѣлая, скудно покрытая темными, треугольными пятнами: горло и нижняя часть шеи на желтомъ фонѣ покрыты поперечными волнообразными полосками; черноватая продольная полоска тянется отъ темени до нижней части спины; окраска остальной верхней части тѣла состоитъ изъ черноватыхъ, ржавыхъ или свѣтло-бурыхъ пятенъ; маховыя перья съ красными и черно-бурыми каемками, хвостовыя перья съ мелкими черными крапинками и украшены пятью узенькими дугообразными полосками. Глаза желтовато-карiе, клювъ и ноги зеленовато-желтые. Длина 18 см.

Вертиголовка встрѣчается на половинѣ поверхности земли; родина же ея — это сѣверъ, т. е. средняя Европа и средняя Азія. Въ Германіи въ одиночку эту птицу можно встрѣтить вездѣ, но не на самыхъ высокихъ горахъ и не въ дремучихъ лѣсахъ. На сѣверѣ она распространяется до средней Скандинавіи и Финляндіи, на востокъ же до пріамурскихъ странъ. Въ средней и южной Россіи она вездѣ встрѣчается часто и даже въ степяхъ составляетъ обыкновенное явленiе. Я не

могу точно опредѣлить, до какихъ поръ простирается на югъ занимаемая ею область; но я могу сказать, что на югѣ вертиголовка встрѣчается гораздо рѣже; напр., въ Испаніи, по крайней мѣрѣ во внутреннихъ частяхъ ея, птица эта уже не выводитъ птенцовъ; то же самое можно сказать о Греціи. Причину этого я усматриваю въ томъ, что равнины Испаніи и Греціи бѣдны деревьями, хотя этому предположенію противорѣчитъ то, что вертиголовка попадается въ степяхъ. Во время перелета птицу можно видѣть во всемъ Египтѣ, Нубіи, и восточномъ Суданѣ: здѣсь она, повидимому, зимуетъ. То же самое можно сказать относительно Индіи; во всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ Индіи встрѣчали вертиголовку, но исключительно только зимою.

Вертиголовка (Jynx torquilla). $^3/_5$ естеств. велич.

Въ Германіи вертиголовка встрѣчается только тогда, когда весна вступитъ въ свои права, и покидаетъ эту страну еще до окончанія лѣта. Любимыя ея мѣста — это рощи, кустарникъ, покрывающій большое пространство, или фруктовые сады. Она не боится человѣка и часто селится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ домами, напр. въ садахъ, если хоть на одномъ деревѣ находитъ подходящее для себя дупло, которое можетъ служить ей для выхиживанія птенцовъ. Внутри занимаемаго ею участка эту птицу легко замѣтить, особенно весною, ибо голосъ ея нельзя смѣшать съ голосами другихъ птицъ, и онъ тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что самка всегда отвѣчаетъ призывающему самцу. Если пойти по звуку „віи ид віи ид“, повторяемому часто 20 разъ подрядъ, то скоро можно увидѣть эту странную птицу. Она сидитъ или на вѣткѣ дерева, иногда прицѣпившись къ стволу, или же на землѣ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ довольно спокойно, хотя не безъ движенія; ибо какъ только замѣчаетъ, что на нее смотрятъ, она повертываетъ по меньшей мѣрѣ голову, оправдывая такимъ образомъ свое названіе. Нельзя сказать, чтобы вертиголовка была тяжеловѣсна или неловка; но она апатична и двигается только тогда, когда это неизбѣжно. Неуто-

мимости и прыткости дятловъ или другихъ лазающихъ птицъ въ ней нѣтъ и слѣда. Ноги ея, приспособленныя къ лазанью, служатъ ей только для того, чтобы прицѣпляться, такъ какъ вертиголовка, повидимому, никогда не лазаетъ. По землѣ она передвитается неуклюжими прыжками, а взлетѣвъ на воздухъ по возможности скоро опять садится на дерево. Сверху она бросается внизъ, спускается почти до самой земли, пролетаетъ надъ нею, быстро махая крыльями и въ прямомъ направленіи, а затѣмъ большою плоскою дугою опять вылетаетъ наверхъ. Только когда приходится пролетать большія разстоянія, вертиголовка летитъ по слегка волнообразной линіи.

Зато птица умѣетъ поистинѣ замѣчательно поворачивать шею, и за эту свою способность на всѣхъ почти языкахъ получила одинаковое прозвище. Все непривычное заставляетъ вертиголовку выдѣлывать ужимки, которыя становятся тѣмъ болѣе изумительны, чѣмъ болѣе птица испугана какимъ нибудь явленіемъ. „Она часто сильно выпячиваетъ шею“, говоритъ Науманнъ, „поднимаетъ перья на головѣ въ видѣ хохолка и вѣерообразно растопыриваетъ хвостъ, что̀ производится съ медленными, то и дѣло повторяющимися поклонами, или же вытягиваетъ все тѣло и тихо наклоняется впередъ — особенно, если злится, вращаетъ глазами и надуваетъ горло, какъ зеленая лягушка, при чемъ своеобразно и глухо гогочетъ. Въ страхѣ — напр. когда кто нибудь хочетъ взять въ руки пойманную вертиголовку — она дѣлаетъ такія удивительныя гримасы, что человѣкъ, незнакомый съ ея нравами, если не испугается, то будетъ пораженъ. Поднявъ перья на головѣ, полузакрывъ глаза, она страшно вытягиваетъ шею и вертитъ ею, какъ змѣя, медленно поворачивая голову нѣсколько разъ кругомъ, такъ что клювъ направленъ то впередъ, то назадъ.“ Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что вертиголовка такимъ образомъ желаетъ испугать своихъ враговъ или преслѣдователей. Какъ удодъ при видѣ хищной птицы прижимается къ землѣ и старается дѣлать такія движенія, чтобы стать неузнаваемымъ, такъ и вертиголовка прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы обмануть и испугать врага. Она возлагаетъ надежду на свое невзрачное опереніе, которое почти сливается съ окраской коры или земли и, кромѣ того, подражаетъ змѣѣ, которую большинство животныхъ боится.

Кромѣ выше приведенныхъ звуковъ „віи ид віи ид“, вертиголовка рѣдко издаетъ другіе звуки. Въ гнѣвѣ самецъ кричитъ „вэд вэд“, въ страхѣ какъ самецъ, такъ и самка отрывисто издаютъ слогъ „шэк“, при особенно сильномъ волненіи по крайней мѣрѣ самка шипитъ, какъ змѣя. Молодыя птицы, сидя въ гнѣздѣ, чирикаютъ вродѣ сверчковъ.

Испанцы вполнѣ правы, называя вертиголовку „Formiguero“ т. е. муравьѣдомъ, такъ какъ, дѣйствительно, птица эта главнымъ образомъ питается муравьями, подбирая ихъ какъ съ земли, такъ и съ деревьевъ. Она поѣдаетъ всѣ мелкіе виды муравьевъ и ѣстъ куколокъ еще охотнѣе, чѣмъ вполнѣ развившихся насѣкомыхъ. При случаѣ вертиголовка вѣроятно ѣстъ также гусеницъ и другихъ личинокъ и куколокъ; но главную пищу все-таки составляютъ муравьи. Языкъ ея, который она выдвигаетъ не хуже любого дятла, оказывается ей очень полезнымъ при добываніи пищи. По примѣру муравьѣда, вертиголовка просовываетъ его въ щели и отверстія, внутрь муравейника, ждетъ, пока разсвирѣпѣвшія насѣкомыя не вцѣпятся въ мнимаго червя или не пристанутъ къ липкой слизи, а затѣмъ мгновенно втягиваетъ весь этотъ грузъ къ себѣ въ клювъ.

Относительно дупла, гдѣ устраивается гнѣздо, вертиголовка непритязательна. Она довольствуется дуплом̀ъ съ сколько нибудь узкимъ входомъ, чтобы не всякое хищное животное могло повредить ей или ея потомству. Обыкновенно дупло нѣсколько очищается отъ стараго гнилого мусора, и внизу устраивается довольно гладкое дно. Затѣмъ самка въ серединѣ мая кладетъ свои 7—12 маленькихъ, тупыхъ, чисто бѣлыхъ яичекъ съ тонкой скорлупой. Она сидитъ на яйцахъ около 14-ти дней, бо́льшею частью одна. Птенцы вылупляются изъ яицъ почти голыми или лишь скудно покрытыми сѣрымъ пушкомъ, но вырастаютъ довольно быстро, такъ какъ оба родителя всячески стараются доставлять имъ пищу въ изобилии. Но гнѣздо птенцы покидаютъ лишь послѣ того, какъ вполнѣ научились летать.

Какъ ни заботливо относятся старики къ своему многочисленному потомству, но одного и они не умѣютъ дѣлать — а именно, чистить помѣщеніе своихъ малышей. За такую нечистоплотность удодъ вездѣ подвергается нареканіямъ, но вертиголовка ни на волосъ не лучше его, ибо и ея гнѣздо въ концѣ концовъ обращается въ „вонючую лужу“.

Плѣнныя вертиголовки — самыя занимательныя изъ всѣхъ комнатныхъ птицъ. Ихъ нетрудно пріучить къ извѣстной комнатной пищѣ, и онѣ живутъ въ клѣткѣ очень долго. Нѣкоторые упрямцы, впрочемъ, не ѣдятъ ничего, кромѣ муравьиныхъ куколокъ.

Перенесенное въ комнату общество молодыхъ вертиголовокъ, вынутыхъ изъ гнѣзда, можетъ доставить еще больше удовольствія, чѣмъ старыя птицы. „Крикъ, издаваемый голодными птицами“, говоритъ Гиртаннеръ, „одинъ изъ самыхъ удивительныхъ звуковъ, и особенно поражаетъ этотъ крикъ тогда, когда таинственнымъ образомъ раздается — какъ это было у меня — изъ закрытой коробки, содержимое которой снаружи не видно. Стоитъ только слегка коснуться такой коробки, замѣняющей птицамъ гнѣздо, — и изъ нея раздается въ высшей степени странное, равномѣрное, трескучее жужжаніе, которое можно довольно хорошо передать помощью варгана, такъ что коробочка превращается въ своего рода органчикъ. Слушатели-знатоки не мало изумляются, когда открыть органчикъ, и когда вдругъ появляется общество артистовъ, уже съ такого ранняго возраста упражняющихся въ своемъ искусствѣ. Болѣе развитые птенцы приводятъ въ движеніе свои длинные, подвижные, змѣеобразные языки, съ быстротою молніи роются въ муравьиныхъ куколкахъ и съ такою же быстротою исчезаютъ вмѣстѣ съ прилипшимъ къ нимъ кормомъ“. Молодыя вертиголовки, выращенныя такимъ образомъ, дѣлаются такими же ручными, какъ домашнія животныя и все время забавляютъ своего хозяина. Съ другими птицами, съ которыми онѣ попадаютъ въ одну клѣтку, онѣ великолѣпно уживаются, а потому въ качествѣ комнатныхъ птицъ заслуживаютъ наилучшей рекомендаціи.

Послѣ дятловъ, наиболѣе развитымъ семействомъ дятловыхъ птицъ являются перцеяды или туканы (Rhamphastidae), очень легкій, но несоразмѣрно огромный клювъ которыхъ по краямъ зазубренъ въ видѣ пилы; рулевыхъ перьевъ у этихъ птицъ только 10. Уздечка и глазная область голыя. Перцеяды, приблизительно въ числѣ 60-ти видовъ, водятся въ тропическихъ странахъ Америки.

По мнѣнію Бурмейстера, образъ жизни этихъ птицъ лучше всего описанъ принцемъ Видомъ, а потому не мѣшаетъ привести здѣсь слова этого превосходнаго наблюдателя.

„Въ бразильскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ перцеяды, наряду съ попугаями, являются самыми обыкновенными птицами. Въ холодное время года ихъ вездѣ убиваютъ во множествѣ съ цѣлью употреблять ихъ въ пищу. Между тѣмъ для пріѣзжаго эти птицы представляютъ еще бо̀льшій интересъ, чѣмъ для мѣстныхъ жителей, привыкшихъ къ удивительной формѣ и къ блестящей окраскѣ перцеядовъ, которые на угольно-черномъ фонѣ бо̀льшею частью бываютъ украшены яркими, удивительно блестящими пятнами. Даже радужная оболочка глаза, ноги и гигантскій клювъ не исключены изъ этой общей яркой окраски. Несомнѣнно, что этихъ красивыхъ птицъ очень много въ лѣсахъ Бразиліи; но несомнѣнно также, какъ справедливо говоритъ Соннини, что трудно собрать точныя свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни и нравахъ, особенно же объ ихъ размноженіи. Я ни разу не видѣлъ гнѣзда перцеяда. Бразильцы же увѣряли меня, что эти птицы кладутъ два яйца въ дуплистыя деревья или сучья, и это кажется мнѣ вѣроятнымъ потому, что большинство тамошнихъ птицъ кладетъ по два яйца. Пища, употребляемая перцеядами, долгое время также представляла спорный пунктъ. Азара полагаетъ, что они опустошаютъ чужія гнѣзда, противъ чего я ничего не могу возразить, но долженъ замѣтить, что въ желудкахъ вскрытыхъ мною птицъ находилъ только плоды, зерна и т. п. мягкія массы. Ватертонъ подтверждаетъ мои наблюденія и

замѣчаетъ, что перцеяды не плотоядны. Эти птицы очень портятъ плантаціи банановъ и гуявъ, такъ какъ ѣдятъ плоды этихъ растеній. Въ прирученномъ состояніи перцеяды — всеядныя птицы, какъ я самъ имѣлъ возможность убѣдиться; я видѣлъ, какъ такая птица съ жадностью поглощала мясо, кашу изъ муки маніока и мясного бульона и разнаго рода фрукты. Уже А. Гумбольдтъ говорилъ, что перцеядъ ѣстъ рыбъ, а потому въ прирученномъ состояніи очень похожъ на воронъ, только еще гораздо прожорливѣе. Я не замѣтилъ, чтобы перцеяды имѣли привычку подбрасывать свою пищу кверху. По увѣренію дикарей, перцеяды на свободѣ питаются только плодами. Въ общемъ эти птицы повидимому очень похожи на воронъ; но на свободѣ они, можетъ быть, всеядныя птицы, по крайней мѣрѣ ѣдятъ все то, что достаточно мягко, чтобы въ цѣломъ видѣ быть поглощеннымъ ихъ слабымъ клювомъ. Они любопытны, какъ вороны, общими силами преслѣдуютъ хищныхъ птицъ и собираются толпами съ цѣлью дразнить врага. Полетъ ихъ я не назвалъ бы тяжеловѣснымъ; но этотъ отзывъ Соннини, быть можетъ, относится только къ токо, перцеяду съ самымъ длиннымъ клювомъ, котораго я никогда не видѣлъ летающимъ. Перцеяды летаютъ высоко, пролетаютъ большія разстоянія и описываютъ при полетѣ неглубокія дуги. При этомъ не замѣчается никакого особеннаго усилія или положенія, отличнаго отъ другихъ птицъ. Они держатъ шею и клювъ въ вытянутомъ горизонтальномъ положеніи, а не летаютъ тяжело, втянувъ шею, какъ утверждаетъ Левальянъ. Ватертонъ заблуждается, говоря, что большой клювъ повидимому птицѣ въ тягость, и что онъ свѣшивается всегда внизъ; меня очень часто поражало, какъ легко и быстро эти птицы со своимъ огромнымъ клювомъ продѣлываютъ на лету разныя колебанія надъ самыми высокими деревьями въ лѣсу, а затѣмъ опять спѣшатъ въ свои темныя тѣнистыя мѣстечки. Неужели токо составляетъ исключеніе изъ этого правила? Въ этомъ я сомнѣваюсь, такъ какъ клювъ перцеядовъ такъ легокъ, что повидимому не представляетъ для нихъ большаго неудобства, чѣмъ для дятловъ ихъ меньшій клювъ. Голосъ перцеядовъ у разныхъ видовъ различный. Азара говоритъ, что у наблюденныхъ имъ видовъ голосъ звучитъ какъ „рак“; у тѣхъ же видовъ, которые мнѣ пришлось наблюдать, онъ звучитъ совершенно иначе.

„Американскіе туземцы часто употребляютъ красивыя, пестрыя перья этихъ птицъ въ видѣ украшенія, особенно же оранжевую грудку, которую сдираютъ цѣликомъ и надѣваютъ на себя.“

Далѣе я изложу и новѣйшія наблюденія, насколько они мнѣ извѣстны.

*

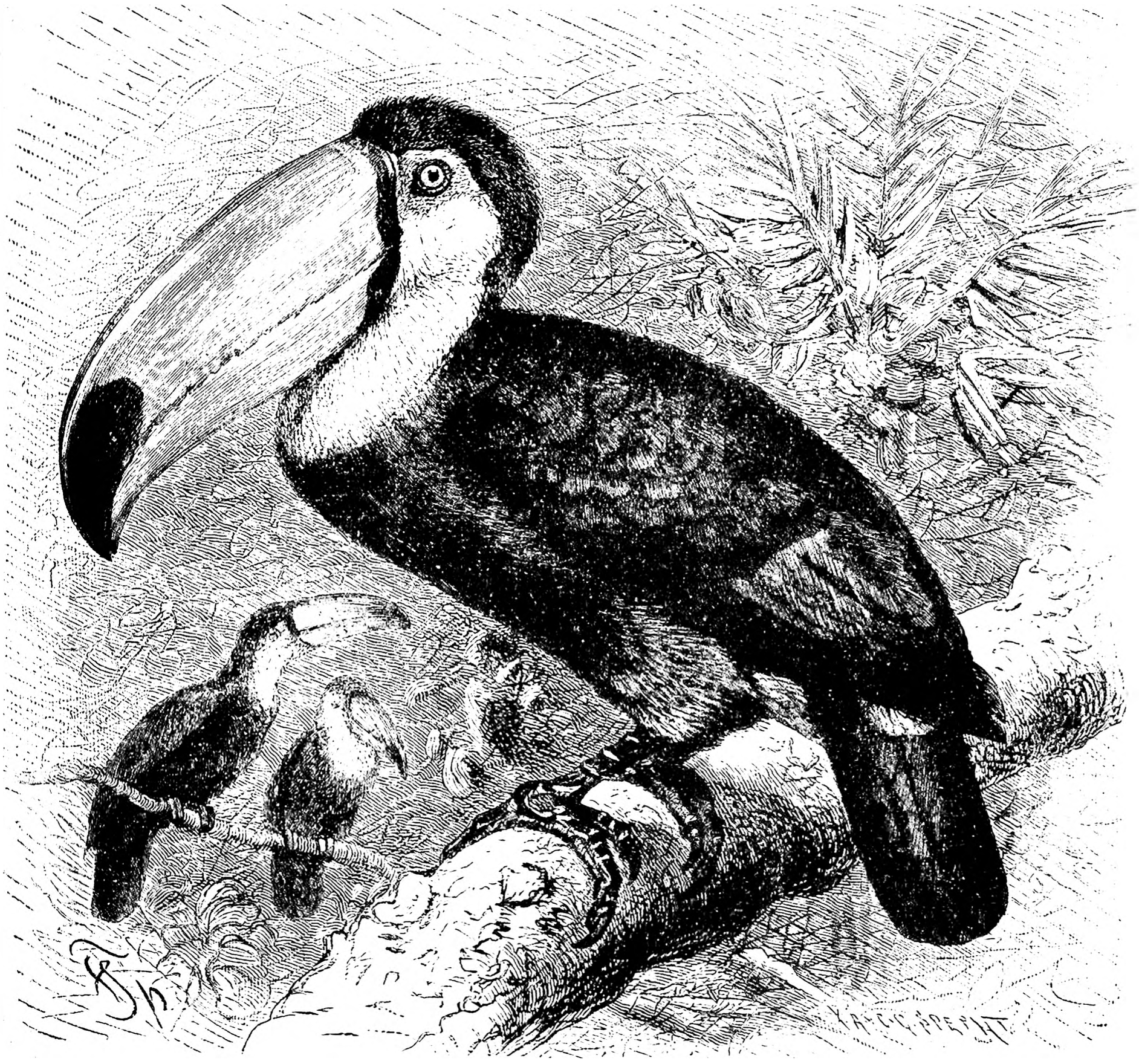
Настоящіе перцеяды (Rhamphastus) отличаются поразительно крупнымъ, у основанія очень толстымъ, къ концу значительно сжатымъ, на гребнѣ надклювья заостреннымъ клювомъ, сильными, высокими ногами, покрытыми большими плоскими чешуйками, короткимъ, широкимъ хвостомъ, длина котораго вездѣ одинакова, и короткими крыльями. Основная окраска — блестяще-черная; изъ этого общаго фона выдѣляются красныя, бѣлыя или желтыя пятна на горлѣ, на спинѣ и на надхвостьѣ.

Самый крупный видъ этого рода это большой туканъ или токо (Rhamphastus magnirostris). Оперенie у него равномѣрнаго чернаго цвѣта, надхвостье свѣтлаго кроваво-краснаго цвѣта; скулы, горло, щеки и передняя часть шеи, верхнія кроющія перья и верхнія покровныя перья хвоста бѣлыя, у живой птицы съ слабымъ желтоватымъ оттѣнкомъ. Очень большой и высокій клювъ, на краяхъ котораго замѣтно нѣсколько зазубринъ, яркаго оранжево-краснаго цвѣта, на гребнѣ и на концѣ нижней створки огненно-красный, кончикъ верхней створки и край клюва передъ головными перьями черный, треугольное пятно передъ глазомъ цвѣта яичнаго желтка, кольцо вокругъ глаза кобальтово-синее, радужная оболочка темно-зеленаго бутылочнаго цвѣта, ноги свѣтло-голубыя. Длина 57 см.

Токо населяетъ возвышенныя части Южной Америки, начиная съ Гвіаны до Парагвая, встрѣчается впрочемъ и въ центральной Америкѣ.

На сѣверѣ Южной Америки его замѣняетъ нѣсколько меньшая птица, извѣстная у туземцевъ подъ названіемъ киримы (Rhamphastus erythrorhynchus). Отъ токо кирима отличается низкимъ, большею частью алымъ, на гребнѣ и у основанія желтымъ клювомъ, широкой красной каймой на нижнемъ краѣ бѣлаго горла и желтымъ надхвостьемъ.

Въ прибрежныхъ же лѣсахъ Бразиліи живетъ оранжевый туканъ (Rhamphastus temminckii), котораго бразильцы называютъ туканой.

Токо (Rhamphastus magnirostris). 1/3 естеств. велич.

Описанія различныхъ натуралистовъ, наблюдавшихъ перцеядовъ на ихъ родинѣ, показываютъ, что образъ жизни различныхъ видовъ въ существенныхъ чертахъ сходенъ, такъ что извѣстное относительно одного вида можетъ быть отнесено и къ другому. Токо живетъ только въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, исключительно въ Саваннахъ, и здѣсь встрѣчается отчасти парами въ рощахъ и на лѣсистыхъ берегахъ рѣкъ, отчасти маленькими обществами, которыя бродятъ по открытой степи Саванъ, отыскивая созрѣвающіе въ данное время плоды; кирима — одна изъ самыхъ обыкновенныхъ лѣсныхъ птицъ и только непосредственно около самаго берега встрѣчается рѣдко, зато тѣмъ чаще попадается въ дремучемъ лѣсу; тукана, наконецъ, встрѣчается вездѣ, гдѣ есть обширныя сплошныя лѣсныя пространства. Тукана и кирима, по единогласному заявленію наблюдателей, живутъ парами, начиная съ періода выкармливанія птенцовъ и до періода линянія.

Обыкновенно перцеяды пребываютъ на верхушкахъ лѣсныхъ деревьевъ. Здѣсь, ища себѣ пропитанія, они прыгаютъ съ большею ловкостью, чѣмъ можно отъ нихъ

ожидать, или сидятъ, отдыхая на самыхъ маковкахъ высочайшихъ деревьевъ, и издаютъ оттуда свои трескучіе или свистящіе звуки. „Подчасъ“, замѣчаетъ Бэтсъ, „можно видѣть, какъ общество, состоящее изъ 4—5 головъ, цѣлыми часами сидитъ на верхнихъ вѣткахъ одного изъ самыхъ высокихъ деревьевъ, и слышать, какъ оно распѣваетъ свою странную пѣсню. Одна изъ птицъ, сидящая выше другихъ, является повидимому дирижеромъ этого неблагозвучнаго концерта; изъ прочихъ птицъ часто двѣ кричатъ поочередно на разные тона.“ Даже спрятавшись въ самой густой чащѣ вѣтвей, эти птицы часто издаютъ свой призывъ; особенно же крикливы бываютъ онѣ передъ дождемъ — какъ увѣряютъ индѣйцы — а потому являются хорошими предсказателями погоды.

Всѣ виды безъ исключенія — подвижныя, рѣзвыя, пугливыя, но въ то-же время любопытныя птицы. Съ большою предусмотрительностью избѣгаютъ онѣ человѣка, такъ что только опытнымъ охотникамъ удается подстеречь ихъ; онѣ даже дразнятъ стрѣлка, летая передъ нимъ на манеръ кукши, никогда не улетая далеко, но всегда во́ время снимаясь съ мѣста и садясь на такое мѣсто, куда трудно подойти. Но тѣ-же птицы слетаются мигомъ, когда нужно разсердить какую нибудь хищную птицу, напр. сову. Ничто, происходящее вокругъ перцеядовъ, не ускользаетъ отъ ихъ вниманія, а потому они первые развѣдываютъ, гдѣ скрывается врагъ и извѣщаютъ объ этомъ весь пернатый міръ. Какъ сильныя и хорошо вооруженныя животныя, перцеяды всегда обращаютъ въ бѣгство болѣе слабыхъ хищныхъ птицъ, главнымъ образомъ благодаря тому, что умѣютъ разсердить ихъ. Бэтсъ говоритъ, что перцеяды пугливы и недовѣрчивы, пока держатся маленькими обществами; соединившись-же въ большія стаи, они становятся поразительно неосторожными и посѣщаютъ такіе лѣса, которыхъ въ другое время избѣгаютъ. Это случается послѣ періода линянія, которое происходитъ между мартомъ и іюлемъ мѣсяцами.

Относительно пищи, употребляемой этими птицами, мнѣнія еще до настоящаго времени расходятся. Шомбургкъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что онѣ ѣдятъ только плоды, а Бэтсъ говоритъ, что плоды несомнѣнно составляютъ ихъ главную пищу, и что ихъ длинный клювъ при собираніи плодовъ служитъ имъ удобнымъ орудіемъ, такъ какъ достаетъ сравнительно далеко; Азара же, напротивъ, утверждаетъ, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не ограничиваются растительной пищей, но уничтожаютъ также много птицъ и своимъ огромнымъ клювомъ всѣмъ внушаютъ страхъ, что онѣ выгоняютъ маленькихъ птичекъ изъ гнѣздъ и поѣдаютъ яйца и птенцовъ даже такихъ птицъ, какъ арары, что въ періодъ дождей, когда твердое гнѣздо печника становится мягкимъ, нападаютъ даже на это гнѣздо, разламываютъ его и вытаскиваютъ оттуда потомство. А. Гумбольдтъ говоритъ также, что перцеяды ѣдятъ рыбъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ туканы, какихъ до сихъ поръ приходилось наблюдать въ неволѣ, не только безъ всякаго колебанія уничтожали животную пищу, но преслѣдовали маленькихъ позвоночныхъ животныхъ съ такимъ рвеніемъ, что по всей вѣроятности дѣлали при этомъ нѣчто имъ привычное. Азара прибавляетъ, что перцеяды подбрасываютъ плоды, кусочки мяса и птичекъ на воздухъ, какъ фокусникъ свои шары, и ловятъ эти предметы до тѣхъ поръ, пока не окажется удобнымъ ихъ проглотить; Пехуэль-Лёше также наблюдалъ, что птицы если не всегда, то хоть иногда принимаютъ такимъ образомъ пищу; прочіе наблюдатели не видѣли, чтобы перцеяды ѣли именно такъ: Шомбургкъ положительно утверждаетъ, что не видѣлъ такого способа схватыванья пищи ни у птицъ, живущихъ на свободѣ, ни у плѣнныхъ птицъ. „Поднять съ земли кормъ составляетъ для странно сложенной птицы нѣкоторую трудность: но разъ схвативъ кормъ, она поднимаетъ клювъ вертикально вверхъ и проглатываетъ пищу, не подбрасывая ея первоначально кверху.“

Почти точно такъ же поступаетъ перцеядъ, когда пьетъ. Онъ наполняетъ свой клювъ водой, потомъ медленно поднимаетъ голову, какъ курица, когда пьетъ, и даетъ жидкости стекать въ глотку.

Относительно размноженія подробности еще неизвѣстны. Туканы устраиваютъ себѣ гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ и кладутъ два бѣлыхъ яйца. Молодыя

птицы скоро покрываются такимъ же красивымъ опереніемъ, какъ родители, а клювъ лишь на 2-мъ или 3-мъ году жизни окрашивается въ присущій ему яркій цвѣтъ. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія объ этомъ важномъ періодѣ жизни перцеядовъ.

Всѣ перцеяды въ Бразиліи усердно преслѣдуются какъ изъ-за мяса, такъ и изъ-за красивыхъ перьевъ, а также съ цѣлью обратить этихъ странныхъ созданій въ комнатныхъ животныхъ. „Часто“, замѣчаетъ принцъ Видъ, „мы убивали въ одинъ день нѣсколькихъ перцеядовъ, а затѣмъ съѣдали ихъ мясо, напоминающее воронье.“ Бурмейстеръ увѣряетъ, что изъ мяса ихъ дѣлается очень вкусное кушанье; сваренное съ рисомъ, оно похоже на хорошій бульонъ изъ голубей и очень пріятно на вкусъ; Шомбургкъ называетъ мясо ихъ просто съѣдобнымъ. По словамъ Бэтса, всѣ жители Эги, одной мѣстности, лежащей по рѣкѣ Амазонкѣ, усердно охотятся на тукана, когда онъ большими стаями прилетаетъ въ сосѣдніе лѣса. „Всѣ жители этой мѣстности, имѣющіе въ это время какое-нибудь оружіе или хоть духовую трубу, отправляются въ лѣсъ и убиваютъ этихъ птицъ для того, чтобы съѣсть ихъ за обѣдомъ, такъ что въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ вся Эга питается почти исключительно туканами. Цѣлыми недѣлями въ каждомъ семействѣ ежедневно подается на столъ тушеный или жареный перцеядъ. Птицы въ это время чрезвычайно жирны, и мясо ихъ очень нѣжно и вкусно.“

Шомбургкъ сообщилъ намъ подробныя свѣдѣнія о томъ, на что́ употребляются декоративныя перья этихъ птицъ. Описывая встрѣчу съ племенемъ майонгконговъ, онъ говоритъ: „Ихъ самое красивое украшеніе изъ перьевъ состояло главнымъ образомъ изъ толстыхъ головныхъ повязокъ, сдѣланныхъ изъ красныхъ и желтыхъ перьевъ, растущихъ у перцеядовъ надъ самымъ основаніемъ хвоста. Такъ какъ головныя повязки и даже цѣлые плащи изъ перьевъ этихъ птицъ изготовляютъ не одни майонгконги, но также племена гвинау, уайпе и пауксана, то оба вида перцеядовъ, на которыхъ охотятся для этой цѣли, были бы очень скоро истреблены. Но дикари остроумнымъ образомъ не даютъ этимъ птицамъ вымирать, такъ какъ стрѣляютъ въ нихъ совсѣмъ маленькими стрѣлами, обмазанными весьма слабымъ ядомъ. Рана, нанесенная такой стрѣлой, слишкомъ незначительна для того, чтобы сдѣлаться смертельной, а слабый ядъ только ошеломляетъ раненую птицу. Она падаетъ, дикари вытаскиваютъ у нея тѣ перья, которыя служатъ имъ для украшенія, а спустя нѣсколько времени, птица снова поднимается на воздухъ, а потомъ, быть можетъ, опять подвергается той же участи“.

Туканы, вынутые изъ гнѣзда еще молодыми, одни изъ самыхъ привлекательныхъ плѣнниковъ. „По образу жизни и духовнымъ способностямъ“, говоритъ А. Гумбольдтъ, „эта птица похожа на ворона. Это храброе животное, легко поддающееся прирученію. Длинный клювъ служитъ ему орудіемъ защиты. Онъ распоряжается въ домѣ какъ хозяинъ, воруетъ, что только можетъ, часто купается и любитъ ловить рыбу на берегу рѣки. Купленный нами туканъ былъ очень молодъ, тѣмъ не менѣе онъ во время всего пути съ видимымъ удовольствіемъ дразнилъ печальныхъ и сердитыхъ ночныхъ обезьянъ.“ Шомбургкъ разсказываетъ слѣдующую занимательную исторію. „Изъ множества ручныхъ животныхъ, найденныхъ мною въ Вату-Тикаба, особенное удовольствіе доставлялъ мнѣ одинъ перцеядъ, присвоившій себѣ неограниченную власть не только надъ всѣми домашними птицами, но и надъ болѣе крупными четвероногими, и передъ желѣзнымъ скипетромъ котораго добровольно преклонялись и большія, и малыя животныя. Когда между ручными трубачами, гокко, пенелопами и другими крупными готовился разразиться споръ, то стоило только показаться могущественному тиранну — и всѣ птицы разбѣгались; если же въ разгарѣ борьбы онъ не былъ замѣченъ, то нѣсколько очень чувствительныхъ укушеній безобразнымъ клювомъ разъясняли разгорячившимся птицамъ, что повелитель ихъ не любитъ, когда въ его народѣ происходятъ ссоры; когда мы бросали въ густую толпу птицъ хлѣбъ или кости, то ни одинъ изъ двуногихъ или четвероногихъ подданныхъ перцеяда не рѣшался поднять ни малѣйшаго кусочка, пока перцеядъ не взялъ себѣ всего, что считалъ для себя нужнымъ. Его властолюбіе и произволъ доходили до того,

что онъ забывалъ о всякихъ народныхъ правахъ и нападалъ на каждую чужую собаку, пришедшую изъ окрестныхъ мѣстъ съ какими-нибудь индѣйцами, и безжалостно кусая ее и гоняя ее по всей деревнѣ, давалъ ей почувствовать, какъ слѣдуетъ вести себя въ его царствѣ. Несчастные подданные въ самый день моего отъѣзда были впрочемъ избавлены отъ этого тукана. Большая собака, прибывшая утромъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ и считавшая, что имѣетъ на брошенныя кости не меньше права, чѣмъ жадный и властолюбивый перцеядъ, принялась глодать ихъ, не освѣдомившись о томъ, согласна-ли на это сидящая по близости птица. Едва только перцеядъ успѣлъ замѣтить это, какъ въ гнѣвѣ бросился на дерзкую собаку и нѣсколько разъ укусилъ ее въ голову. Наказанный песъ началъ ворчать; но птица не испугалась этого и безпощадно клевала нарушителя ея желаній своимъ неуклюжимъ клювомъ и довела собаку до того, что та схватила зубами разгнѣванную птицу и такъ укусила ее въ голову, что перцеядъ вскорѣ испустилъ духъ. Мы чрезвычайно жалѣли тукана, который такъ забавно не обнаруживалъ страха даже передъ самой большой собакой и заставлялъ всякаго маленькаго непокорнаго подданнаго вести себя тихо и смирно. Къ этому послѣднему классу принадлежала между прочимъ одна носуха.“

Бэтсъ разсказываетъ о другомъ туканѣ. Гуляя однажды въ лѣсу, естествоиспытатель увидѣлъ перцеяда, сидящаго на низкой вѣткѣ дерева и безъ труда взялъ его въ руки. Птица была очень слаба и полужива отъ голоду, но при хорошемъ питаніи быстро поправилась и сдѣлалась однимъ изъ самыхъ занимательныхъ существъ, какое только можно себѣ представить. Смышленностью она не уступала попугаю. Въ противоположность общераспространенному обычаю, тукану была предоставлена свобода расхаживать по всему дому. Достаточно было вразумительнаго внушенія, чтобы отвадить птицу отъ рабочаго стола. Она ѣла все, что ѣлъ ея хозяинъ: мясо, черепахъ, рыбу, мучное, плоды и т. д. и принимала участіе во всѣхъ трапезахъ. Поѣдала она много, и ея пищеварительная способность была поистинѣ изумительна. Она отлично знала часы, когда хозяева садятся за столъ, и, спустя нѣсколько недѣль послѣ ея водворенія въ домѣ, ее трудно было выгнать изъ столовой. Ее запирали во дворѣ, окруженномъ высокимъ заборомъ, но перцеядъ перелѣзалъ черезъ заборъ, прыгалъ взадъ и впередъ около столовой и вмѣстѣ съ первымъ блюдомъ появлялся на столѣ. Впослѣдствіи онъ сталъ находить удовольствіе въ томъ, что прогуливался по улицѣ передъ домомъ. Однажды его украли, и Бэтсъ разумѣется считалъ его безвозвратно потеряннымъ. Но черезъ два дня онъ, по обыкновенію, появился въ столовой, благополучно улизнувъ отъ своего незаконнаго хозяина.

Для того, чтобы перцеяды могли проявить всю свою красоту, подвижность и живость, ихъ слѣдуетъ держать въ очень широкой и высокой клѣткѣ, гдѣ они могутъ двигаться совершенно свободно. Въ такой клѣткѣ, если только заботливо охранять ихъ отъ холоднаго воздуха, перцеяды могутъ жить много лѣтъ, дѣлаются удивительно ручными, узнаютъ своего хозяина, отличаютъ его отъ другихъ людей, даютъ ему брать себя въ руки, класть на перину, какъ попугаи, и этимъ пріобрѣтаютъ еще бо́льшую любовь человѣка, чѣмъ своей красивой и оригинальной окраской, своимъ гладкимъ опереніемъ, своею рѣзвостью и неизмѣнно хорошимъ расположеніемъ духа.

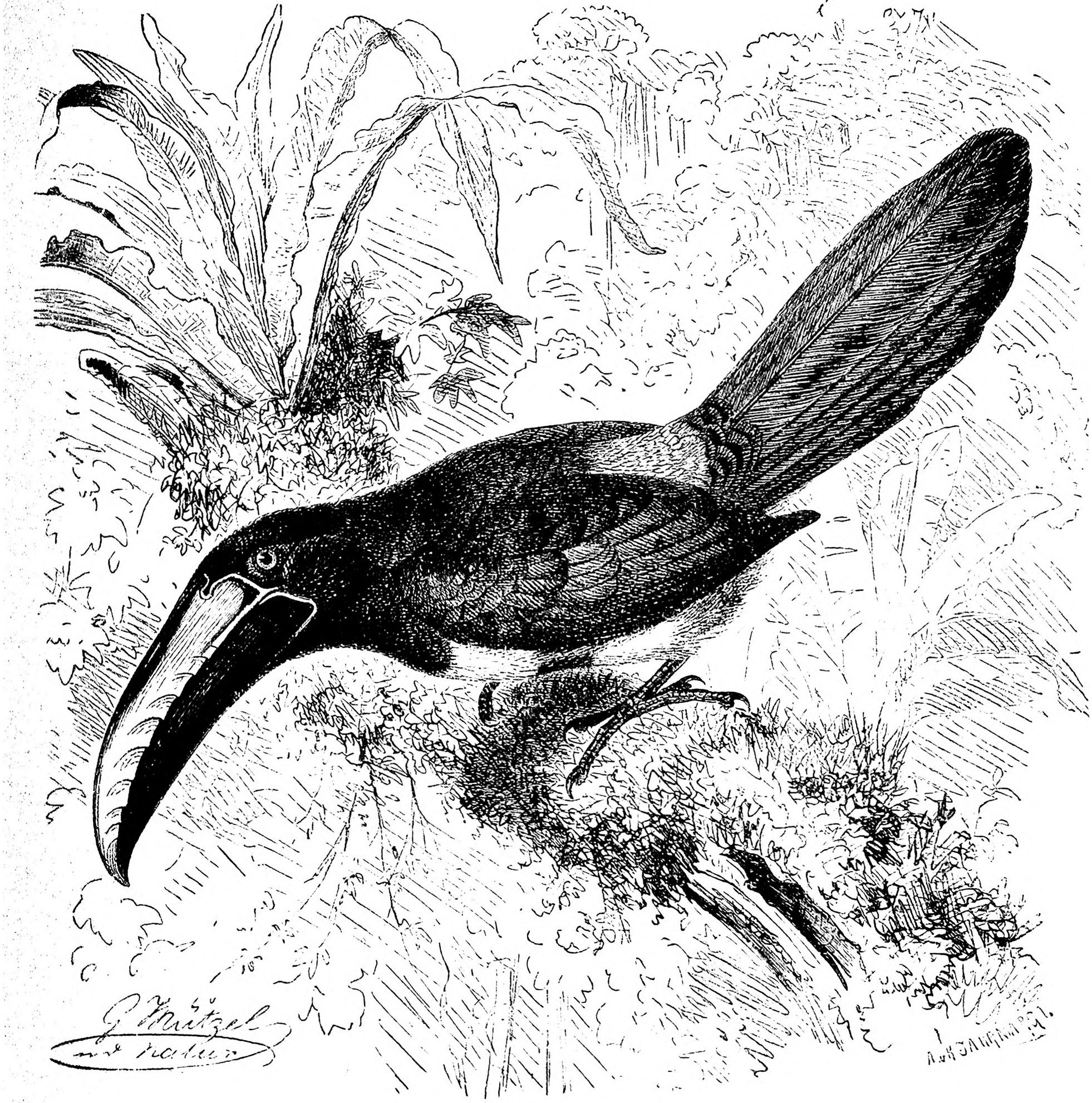
*

Подъ именемъ арасари (Pteroglossus) извѣстны тѣ виды семейства, клювъ которыхъ сравнительно не великъ, тонокъ, округленъ и менѣе сжатъ на концѣ; у основанія клювъ не выше головы.

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ видовъ этого рода — это бразильскій арасари (Pteroglossus atricollis). Основной цвѣтъ его оперенія — темный металлическій зеленый цвѣтъ; голова и шея черныя, съ темнымъ буровато-фіолетовымъ налетомъ на щекахъ, нижняя часть груди и брюшко блѣднаго зеленовато-желтаго цвѣта, полоса, проходящая по серединѣ брюха и надхвостье до самой спины

краснаго цвѣта; хвостъ, если на него смотрѣть сверху, кажется черновато-зеленымъ, снизу же — сѣровато-зеленымъ. Глаза карiе, голая глазная область аспидно-черная; верхняя створка клюва желтовато-бѣловатая, и только уголъ рта около выступающаго края клюва и желобковидный гребень его черные; нижняя же створка клюва совсѣмъ черная съ бѣлымъ краемъ у основанiя; ноги зеленовато-сѣрыя. Длина 44 см.

„Арасари“, говоритъ принцъ Видъ „живетъ во всѣхъ бразильскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ въ большомъ количествѣ и по образу жизни въ существенныхъ

Арасари (Pteroglossus atricollis). $^2/_5$ естеств. велич.

чертахъ похожъ на тукановъ. Его часто можно видѣть сидящимъ на самыхъ высокихъ твердыхъ вѣтвяхъ высокаго дерева, откуда слышится его короткiй двусложный крикъ „кулик кулик“. Онъ живетъ парами, а внѣ перiода спариванья маленькими обществами, которыя бродятъ, отыскивая себѣ плоды. Въ холодное время года, когда созрѣваетъ большинство плодовъ, онъ часто покидаетъ лѣса и приближается къ берегамъ водъ и къ плантацiямъ, гдѣ этихъ птицъ во множествѣ убиваютъ. Мясо ихъ вкусное, а въ холодное время года къ тому же жирное. Арасари летаютъ дугами и какъ бы толчками, какъ всѣ туканы, и мало машутъ крыльями. Сидя спокойно, они подергиваютъ хвостомъ, какъ наша сорока. Гнѣздо ихъ съ

двумя яйцами или птенцами помѣщается въ дуплистомъ стволѣ или въ дуплистой вѣткѣ. Они слетаются вокругъ хищныхъ птицъ и дразнятъ ихъ.“

Бэтсъ разсказываетъ, что однажды у него была странная встрѣча съ этими птицами. „Въ одномъ темномъ ущельѣ я выстрѣлилъ въ сидящаго на высокомъ деревѣ арасари. Птица упала, но только раненая, и громко закричала, когда я хотѣлъ поднять ее. Въ то же мгновеніе тѣнистое ущелье оживилось словно по мановенію волшебнаго жезла, отовсюду слетѣлись собратья пострадавшаго арасари, изъ которыхъ я раньше не видѣлъ ни одного. Прыгая съ вѣтки на вѣтку, они спустились поближе ко мнѣ, повисли на ползучихъ растеніяхъ, причемъ всѣ кричали и хлопали крыльями, какъ фуріи. Если бы у меня въ рукахъ была длинная палка, то я могъ бы нѣсколькихъ изъ нихъ сбить съ вѣтвей. Убивъ раненую птицу, я хотѣлъ было наказать дерзкихъ животныхъ; но какъ только умолкъ крикъ ихъ товарища, птицы поспѣшили снова удалиться на свои безопасныя верхушки, и всѣ исчезли, прежде чѣмъ я успѣлъ снова зарядить свое ружье.“

Къ перцеядамъ естественнымъ образомъ примыкаютъ бородачи (Capitonidae). Они отличаются мягкимъ, великолѣпно окрашеннымъ опереніемъ, которое въ области клюва обратилось въ многочисленныя щетинки.

Птицы, принадлежащія къ этому семейству, водятся въ жаркомъ поясѣ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта, но въ различныхъ частяхъ свѣта представителями семейства являются различные роды. Больше всего этихъ птицъ можно найти въ Африкѣ и въ Азіи; въ Австраліи же онѣ совсѣмъ не встрѣчаются. Большинство бородачей живыя, рѣзвыя, подвижныя птицы, любятъ общество и потому часто соединяются въ небольшія компаніи, которыя въ теченіе довольно долгаго времени дѣлаютъ свои дѣла сообща. Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ и изъ различныхъ ягодъ и плодовъ. Болѣе крупные виды иногда нападаютъ на маленькихъ позвоночныхъ, по крайней мѣрѣ въ неволѣ. Почти всѣ птицы одарены громкимъ, далеко разносящимся голосомъ, и многіе виды распѣваютъ пѣсни, въ которыхъ всѣ члены общества принимаютъ участіе.

Представителемъ азіатскихъ видовъ можетъ считаться желтозобый бородачъ (Megalaema flavigula). Опереніе у него на верхней сторонѣ темнаго маслянисто-зеленаго цвѣта; тотъ же цвѣтъ на наружныхъ каемкахъ черныхъ маховыхъ перьевъ переходитъ въ темный зеленовато-синій цвѣтъ; передняя и верхняя часть головы алыя, задняя часть и бока головы черные, узенькая полоска надъ глазомъ и широкая полоса подъ глазомъ, подбородокъ и горло сѣрнисто-желтые; подъ горломъ находится поперечная полоса темно-алаго цвѣта, а подъ ней полоса оранжево-желтая; прочія нижнія части тѣла желтовато-бѣлыя съ широкими продольными темно-яблочно-зелеными пятнами на стержняхъ. Длина 17 см.

Желтозобый бородачъ водится во всей Индіи до Кохинхины, на о. Цейлонѣ и на Малайскихъ островахъ, особенно на Суматрѣ, а также на Филиппинахъ. Эти птицы вездѣ встрѣчаются часто, гдѣ есть деревья, селятся въ лѣсахъ съ высокими деревьями, въ рощахъ, общественныхъ и частныхъ садахъ, безъ всякаго страха подходятъ къ домамъ и даже нерѣдко садятся на нихъ.

Къ бородачамъ примыкаютъ, какъ послѣднее семейство дятловыхъ птицъ, такъ называемые медоуказчики (Indicatoridae), сравнительно плотно сложенныя птицы съ длинными крыльями, короткимъ хвостомъ, крѣпкимъ клювомъ и короткими ногами.

Медоуказчики, изъ которыхъ извѣстно около 12-ти видовъ, водятся главнымъ образомъ въ Африкѣ; только два вида этого семейства встрѣчаются внѣ Африки, а именно въ Сиккимѣ и на о. Борнео. Живутъ эти птицы въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, обыкновенно парами, очень рѣдко маленькими обществами, порхаютъ съ дерева на дерево, издавая при этомъ свой сильный, благозвучный крикъ. Это

самыя популярныя птицы въ Африкѣ, ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ водятся, онѣ знакомы всякому. Уже древніе путешественники упоминаютъ объ этихъ птицахъ и о странномъ свойствѣ, которымъ всѣ онѣ повидимому обладаютъ. Все бросающееся въ глаза, подмѣченное ими, онѣ стараются сообщить другимъ животнымъ и особенно человѣку, подлетая къ нему съ поразительной смѣлостью и крикомъ и своеобразными движеніями приглашая его слѣдовать за собою. Что при помощи такихъ криковъ птицы часто приводятъ человѣка къ пчелиному рою — это извѣстно всякому туземному жителю Африки, отъ Мыса Доброй Надежды до Сенегала и отъ западнаго берега Африки до Абиссиніи.

Желтозобый бородачъ (Megalaema flavigula). $^2/_3$ естеств. велич.

Блѣдноклювый медоѣдъ (Indicator sparrmanni) отличается сѣровато-буроватой окраской верхней стороны, нижняя сторона у него бѣловато-сѣроватая, глотка черная, пятно на ушной области сѣровато-бѣлое; плечи украшены желтымъ пятномъ, а нѣкоторыя перья на ляжкахъ — черными продольными полосками; маховыя перья сѣровато-буроватыя, кроющія перья крыльевъ съ широкими бѣлыми каемками; среднія хвостовыя перья бурыя, оба слѣдующія съ каждой стороны съ бурымъ наружнымъ и съ бѣлымъ внутреннимъ опахаломъ, три крайнихъ хвостовыхъ пера совсѣмъ бѣлыя съ бурымъ кончикомъ. Радужная оболочка бурая, кольцо вокругъ глаза свинцоваго цвѣта, клювъ желтовато-бѣлый съ бурымъ кончикомъ. Длина 18 см.

Начиная съ южной оконечности Африки, этотъ видъ распространенъ по большей части этой части свѣта до 16° сѣверной широты; но повидимому эта птица и ея родственники въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ восточномъ Су-

данѣ и въ Абиссиніи, встрѣчаются только временами, т. е. являются перелетными птицами.

Первый указалъ на эту птицу, Лудольфи (въ 1681 г.). Лобо, путешествіе котораго въ Абиссинію обнародовано было въ 1728 г., также упоминаетъ о медоѣдѣ. Послѣ вышепоименованныхъ путешественниковъ, Шпаррманнъ въ концѣ прошлаго столѣтія подробно описалъ особенность и странное поведеніе „кукушекъ-медоѣдовъ“, и всѣ его наблюденія были подтверждены послѣдующими естествоиспытателями.

„Кукушка-медоуказчикъ“, говоритъ Шпаррманнъ, заслуживаетъ того, чтобы здѣсь изложить ея странный образъ дѣйствій. По величинѣ и по окраскѣ птица не представляетъ собою ничего особеннаго; на первый взглядъ она похожа на обыкновеннаго сѣраго воробья, хотя нѣсколько больше и блѣднѣе его, имѣетъ на каждомъ плечѣ по желтому пятну, а перья на заду смѣшаны съ бѣлымъ. Въ сущности птица открываетъ россомахѣ и человѣку гнѣзда пчелъ только изъ корыстныхъ разсчетовъ; ибо медъ и пчелиныя личинки — любимая пища птицы, и она знаетъ, что, когда станутъ доставать медъ, то кое-что выпадетъ и на ея долю, или что ей кое-что дадутъ въ награду за оказанную услугу.“ Левальянъ на это справедливо возражаетъ, что медоѣды, живущіе въ дебряхъ, не населенныхъ человѣкомъ, никакъ не могутъ разсчитывать на подобное вознагражденіе за ихъ услуги, а между тѣмъ существуютъ; значитъ, птица не преднамѣренно служитъ человѣку, а просто человѣкъ пользуется вышеупомянутымъ свойствомъ медоѣда для своихъ цѣлей.“ „Притомъ“, продолжаетъ Шпаррманнъ, „птица совершаетъ свое предательство съ поразительною обдуманностью. Утро и вечеръ она считаетъ для этой цѣли самымъ подходящимъ временемъ; по крайней мѣрѣ въ это время она проявляетъ наибо́льшую энергію, привлекая вниманіе россомахи или готтентотовъ своимъ трескучимъ звукомъ шерр шерр“. Тогда люди идутъ вслѣдъ за птицей, которая, не переставая кричать, летитъ съ остановками по направленію къ ближайшему пчелиному рою. Идя вслѣдъ за птицей, люди стараются не испугать своего проводника шумомъ или своею многочисленностью, а лишь отъ поры до времени отвѣчаютъ птицѣ тихимъ и сдержаннымъ свистомъ — какъ это дѣлалъ одинъ изъ многихъ хитрыхъ бушменовъ — въ знакъ того, что призывъ ея не напрасенъ. Я замѣтилъ, что, когда пчелиное гнѣздо было еще очень далеко, птица всякій разъ, пролетѣвъ довольно большое разстояніе, останавливалась, поджидала привлеченнаго ею охотника на пчелъ и снова подстрекала его идти далѣе; по мѣрѣ же приближенія къ пчелиному гнѣзду птица сокращала пролетаемыя ею разстоянія и кричала все сильнѣе и чаще. Подлетѣвъ наконецъ къ гнѣзду, гдѣ-бы оно ни находилось — въ горномъ ущельѣ, въ дуплистомъ деревѣ или въ подземномъ ходѣ — птица въ теченіе нѣсколькихъ минутъ порхаетъ надъ нимъ, затѣмъ садится, обыкновенно на сосѣдній кустъ, такъ что ея не видно, сидитъ смирехонько и глядитъ, что́ будетъ, и что́ изъ добычи перепадетъ на ея долю. Вѣроятно, птица такимъ образомъ болѣе или менѣе долгое время порхаетъ надъ гнѣздомъ, прежде чѣмъ спрятаться, хотя люди не всегда обращаютъ на это вниманіе. Какъ бы то ни было, но можно быть всегда увѣреннымъ, что пчелиное гнѣздо недалеко, когда птица умолкаетъ. Въ одной мѣстности, гдѣ мы пробыли нѣсколько дней, одна довольно пугливая „пчелиная кукушка“ нѣсколько разъ манила моихъ готтентотовъ въ одномъ направленіи, пока наконецъ они не послѣдовали за нею и не отыскали гнѣзда. Когда по указанію птицы гнѣздо найдено и медъ вынутъ, то обыкновенно птицѣ въ видѣ награды за услугу оставляютъ значительную часть болѣе плохихъ сотовъ, гдѣ сидятъ личинки, такъ какъ эти куски для птицы самые лакомые: впрочемъ, и готтентотты не считаютъ ихъ самыми плохими. Мои спутники и тамошніе поселенцы говорили мнѣ, что, отправляясь спеціально на охоту за пчелами, не слѣдуетъ въ первый разъ слишкомъ щедро награждать эту услужливую птицу, а слѣдуетъ давать ей только такое количество, которое можетъ возбудить ея аппетитъ; тогда, ожидая болѣе щедрой награды, она приведетъ людей къ другому рою, если только таковой имѣется по сосѣдству.“

Во время разбойническихъ набѣговъ на пчелъ медоѣдамъ всегда кстати оказываются густое, жесткое опереніе и толстая кожа, защищающія ихъ отъ укушенія пчелъ. Понятно, что пчелы протестуютъ противъ разоренія ихъ гнѣздъ; но никто изъ новѣйшихъ изслѣдователей ни слова не говоритъ о смертельномъ исходѣ борьбы между медоѣдомъ и пчелами, о чемъ повѣствуетъ Левальянъ. Братья Верро (Verreaux) находили яйца и птенцовъ различныхъ медоуказчиковъ, живущихъ въ южной Африкѣ, въ гнѣздахъ сорокопутовъ, дятловъ, иволгъ и т. п. птицъ. Самка кладетъ свое блестяще-бѣлое яйцо на землю и въ клювѣ несетъ его въ заранѣе намѣченное чужое гнѣздо, изъ котораго выбрасываетъ яйцо, прежде чѣмъ положить туда свое. Когда молодой медоѣдъ нѣсколько подрастаетъ, то старики начинаютъ кормить его и приглашаютъ покинуть гнѣздо пріемныхъ родителей.

Группа мелкихъ порхающихъ птицъ (Macrochires) обнимаетъ два наружно не похожихъ другъ на друга семейства, стрижей и колибри, изъ которыхъ вторые стоятъ на болѣе высокой ступени развитія. Незначительныя сходства въ строеніи и образѣ жизни этихъ двухъ семействъ будутъ изложены при описаніи отдѣльныхъ видовъ.

„Изъ всѣхъ живыхъ существъ колибри самое красивое по формѣ, самое великолѣпное по окраскѣ. Алмазы и металлы, которымъ наше искусство придаетъ ихъ блескъ, не могутъ идти въ сравненіе съ этими драгоцѣнностями природы. Эта маленькая птичка одно изъ ея мастерскихъ произведеній. Природа осыпала эту птицу всѣми дарами, которыми другія птицы обладаютъ лишь въ отдѣльности; легкость, проворство, ловкость, привлекательность и богатство украшеній — все это выпало на долю ея маленькаго любимца. Смарагдъ, рубинъ, топазъ блестятъ на его одеждѣ, которую пыль земли никогда не загрязняетъ; ибо въ теченіе всей своей жизни онъ почти ни на мгновеніе не касается земной поверхности. Онъ всегда держится на воздухѣ, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, которому не уступаетъ свѣжестью и красотой, и нектаръ котораго онъ пьетъ.

„Колибри живетъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ подъ луною, гдѣ цвѣты постоянно обновляются; ибо тѣ виды семейства, которые лѣтомъ залетаютъ въ умѣренные пояса, остаются тамъ лишь ненадолго. Эти птицы какъ будто слѣдуютъ за солнцемъ, вмѣстѣ съ нимъ передвигаются впередъ или назадъ, словно на крыльяхъ зефира, и всегда живутъ среди вѣчной весны.“

Такъ своимъ картиннымъ языкомъ изображаетъ колибри Бюффонъ; но и всѣ позднѣйшіе естествоиспытатели, и даже самые серьезные изъ нихъ, не менѣе его восхищаются этой великолѣпной птицей. „Кто не остановится съ изумленіемъ, увидѣвъ одно изъ этихъ прелестныхъ маленькихъ созданій“, спрашиваетъ Одюбонъ, „когда оно, порхая, проносится по воздуху, удерживаясь на лету словно колдовствомъ, или скользитъ отъ цвѣтка къ цвѣтку, сіяя, словно кусочекъ радуги, и столь же привлекательное для глазъ, какъ самый свѣтъ?“ — „Колибри“, говоритъ Ватертонъ, „это настоящая райская птица. Поглядите только, какъ онъ несется по воздуху съ быстротою мысли. Вотъ онъ на разстояніи какого-нибудь аршина отъ вашего лица, въ одно мгновеніе онъ уже исчезъ, а спустя еще мгновеніе онъ носится вокругъ цвѣтовъ. Теперь онъ похожъ на рубинъ, теперь на топазъ, затѣмъ на изумрудъ, а затѣмъ на блестящее золото.“ — „Нѣтъ болѣе красиво окрашеннаго, болѣе изящно сложеннаго и болѣе многочисленнаго семейства птицъ на землѣ“, говоритъ Бурмейстеръ, „чѣмъ эти во всѣхъ отношеніяхъ самыя замѣчательныя и оригинальныя изъ американскихъ птицъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить прелесть этихъ чудесныхъ существъ, надо видѣть ихъ живыми на ихъ родинѣ.“

Величина колибри (Trochilidae) колеблется въ довольно большихъ предѣлахъ; ибо иные величиною съ мелкихъ щурокъ, другіе чуть-чуть больше шмеля. Тѣло въ большинствѣ случаевъ продолговатое или по крайней мѣрѣ кажется таковымъ, такъ какъ хвостъ часто бываетъ довольно длинный; но у тѣхъ видовъ, у

которыхъ хвостъ обрубленъ, тотчасъ бросается въ глаза плотное и сильное сложеніе. Клювъ шилообразный, тонкій, стройный, съ тонкимъ остріемъ, прямой или слегка изогнутый, то гораздо длиннѣе, то не длиннѣе головы, иногда почти длиною съ туловище, рѣдко еще длиннѣе; покрытъ клювъ тонкой роговой пластинкой, вродѣ кожи, кончикъ клюва большею частью прямой, края простые, иногда же кончикъ немного крючковатый, а края на передней половинѣ снабжены мелкими зазубринками. Внутри створки клюва глубоко выдолблены; верхняя створка обхватываетъ нижнюю и вмѣстѣ съ нею образуетъ трубку, въ которой лежитъ языкъ. Назади гребень въ видѣ тупого угла подымается изъ плоскаго клюва, и около гребня проходитъ неглубокая бороздка, которую слѣдуетъ считать носовой полостью, хотя въ ней нѣтъ ноздрей; ибо ноздри, тонкія длинныя продольныя щели, лежатъ не около гребня клюва, а гораздо далѣе впереди, непосредственно около края клюва. Маленькій, узкій уголъ подбородка, заполненный голой кожей, доходитъ болѣе или менѣе до нижней створки, при короткомъ клювѣ достигаетъ приблизительно половины клюва. Замѣчательно малы и изящны ноги. Плюсна къ тому же покрыта перьями, скорѣе прилегающими, чѣмъ торчащими. Пальцы на ногахъ то совершенно отдѣлены другъ отъ друга, то при основаніи немного срослись и покрыты чешуйчатыми щитками, когти замѣчательно острые, остроконечные и почти такой же длины, какъ пальцы, въ иныхъ случаяхъ даже еще длиннѣе. Крылья длинныя, большею частью узкія и загнутыя въ видѣ серпа. Первое маховое перо всегда самое длинное, обыкновенно отличается болѣе толстымъ стержнемъ, чѣмъ прочія, и замѣчательно еще тѣмъ, что нижняя половина стержня у нѣкоторыхъ видовъ, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно расширена. Большихъ маховыхъ перьевъ насчитывается девять, чаще даже десять, а малыхъ только шесть. Четыре переднихъ малыхъ маховыхъ пера одинаковой длины, а два заднихъ короче и образуютъ ступени; но четыре переднихъ пера все-таки нѣсколько короче послѣднихъ большихъ маховыхъ перьевъ. Хвостъ всегда состоитъ изъ десяти перьевъ, но перья эти бываютъ весьма различны. У очень многихъ видовъ хвостъ раздвоенный; крайнія же перья болѣе или менѣе длиннѣе среднихъ, у нѣкоторыхъ птицъ въ шесть и болѣе разъ, у другихъ лишь немногимъ длиннѣе. Опахала хвостовыхъ перьевъ у иныхъ птицъ приблизительно одинаковыя или же къ концу обращаются въ еле замѣтный рубчикъ, а на самомъ концѣ расширяются въ видѣ круглаго щитка, такъ что хвостъ такимъ образомъ получаетъ какъ бы придатокъ. какъ это можно видѣть, напр., у венецуэльскаго знаменщика; у другихъ колибри опахала хвостовыхъ перьевъ чрезвычайно узкія, такъ что все перо кажется состоящимъ только изъ стержня, по обѣимъ сторонамъ котораго замѣтны узенькіе рубчики. Нерѣдко случается, что рулевыя перья совсѣмъ не развиваются, т. е. представляютъ собою образованія, которыя скорѣе можно назвать колючками, чѣмъ перьями. Точно также мы замѣчаемъ, что у разсматриваемыхъ птицъ хвостъ расщепленъ, но въ то же время закругленъ снаружи, такъ что каждое рулевое перо имѣетъ дугообразную форму. У другихъ, наконецъ, хвостъ просто закругленъ, и тогда среднія перья несомнѣнно самыя длинныя. Опереніе довольно жесткое и для такой крошечной птицы обильное, причемъ пухъ почти совершенно отсутствуетъ, и перья покрываютъ тѣло далеко не равномѣрно, а въ различныхъ мѣстахъ удлинены. Такъ, у нѣкоторыхъ колибри есть болѣе или менѣе длинные хохолки на головѣ, у другихъ перья удлинены на груди или на шеѣ, или торчатъ въ видѣ пучковъ на бородѣ и т. д. Вокругъ глаза довольно широкое кольцо остается голымъ. Края вѣкъ усажены вмѣсто рѣсницъ маленькими, чешуевидными перышками. Одежда бываетъ болѣе или менѣе различна, въ зависимости отъ пола и возраста и не только отличается по окраскѣ, но и по декоративнымъ перьямъ. До сихъ поръ не удалось еще точно установить, мѣняютъ-ли колибри свои перья однажды въ годъ или подвергаются линянію два раза.

Что касается внутренняго строенія колибри, то особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ удивительный языкъ. Собственно языкъ состоитъ изъ двухъ сросшихся при основаніи нитей, которыя, впрочемъ, не открыты на концѣ, а складываются въ видѣ сплющенной, почти что кожистой плоскости, снабженной по бокамъ

мелкими, тонкими зубчиками. Эти полыя внутри нити повидимому содержатъ въ себѣ только воздухъ. Сзади онѣ соединяются между собою, и здѣсь ихъ внутренняя полость наполнена неплотной клѣточной тканью. Отъ этого мѣста по направленію назадъ языкъ становится немного толще и заканчивается двумя короткими, нѣсколько расходящимися гладкими уголками. Эта часть языка всегда бываетъ такой же длины, какъ и клювъ. Непосредственно за обоими уголками, составляющими корень языка, языкъ становится мясистымъ и уподобляется короткому стержню, поверхность котораго сложена складками. Эта часть весьма постепенно утолщается до самой гортани, которая соотвѣтствуетъ подъязычной кости, а затѣмъ раздѣляется на двѣ ножки, обхватывающія гортань, проходящія около развѣтвленій нижней челюсти и поднимающіяся въ заднюю часть головы. Это отростки подъязычной кости. Они сопровождаются парой лентовидныхъ мышцъ, которыя приводятъ языкъ въ движеніе.

Въ настоящее время жизнь различныхъ колибри извѣстна намъ слишкомъ мало для того, чтобы мы могли указать на специфическія различія въ образѣ жизни того или другого вида — различія, на которыя, безъ сомнѣнія, будетъ впослѣдствіи обращено вниманіе. Всѣ появившіяся до сихъ поръ описанія даютъ изображеніе жизни всѣхъ вообще колибри. Имѣя въ виду сопоставить все извѣстное относительно колибри, намъ кажется цѣлесообразнымъ сначала описать нѣсколько отдѣльныхъ видовъ ихъ. Такъ какъ здѣсь мы должны быть кратки, то не можемъ дать полнаго описанія, а потому безразлично, опишемъ ли мы строеніе и окраску многихъ или немногихъ птицъ, которыхъ насчитывается болѣе 70-ти родовъ и около 400 видовъ.

Виды, принадлежащіе къ подсемейству гномовъ (Polytminae), довольно велики и плотно сложены. Опереніе не отличается особенной роскошью и яркостью красокъ; верхняя сторона обыкновенно бываетъ зеленоватая или бронзовая, нижняя бо́льшею частью буроватая съ продольными пятнами, боковыя перья хвоста на концѣ свѣтлѣе. Самецъ и самка мало отличаются другъ отъ друга.

*

Орлиный клювъ (Eutoxeres aquila, рис. на стр. 322) и его родственники отличаются главнымъ образомъ серповиднымъ, изогнутымъ, сильнымъ клювомъ и скорѣе клинообразнымъ хвостомъ. Верхняя сторона блестящаго сѣровато-зеленаго цвѣта, нижняя — буровато-черная. Опереніе на головѣ и маленькій хохолокъ буровато-чернаго цвѣта. Родина этой птицы Богота.

*

Солнечные колибри (Phaëthornis) характеризуются слабымъ, слегка загнутымъ, большимъ и длиннымъ клювомъ безъ выемокъ. Опереніе также еще довольно темное.

Отшельникъ (Phaëthornis superciliosus) принадлежитъ къ сравнительно большимъ колибри: его длина 18 см. Опереніе на верхней сторонѣ тускло металлически-зеленаго цвѣта, на нижней сторонѣ красновато-сѣрое. Отечество этой птицы сѣверная Бразилія и Гвіана.

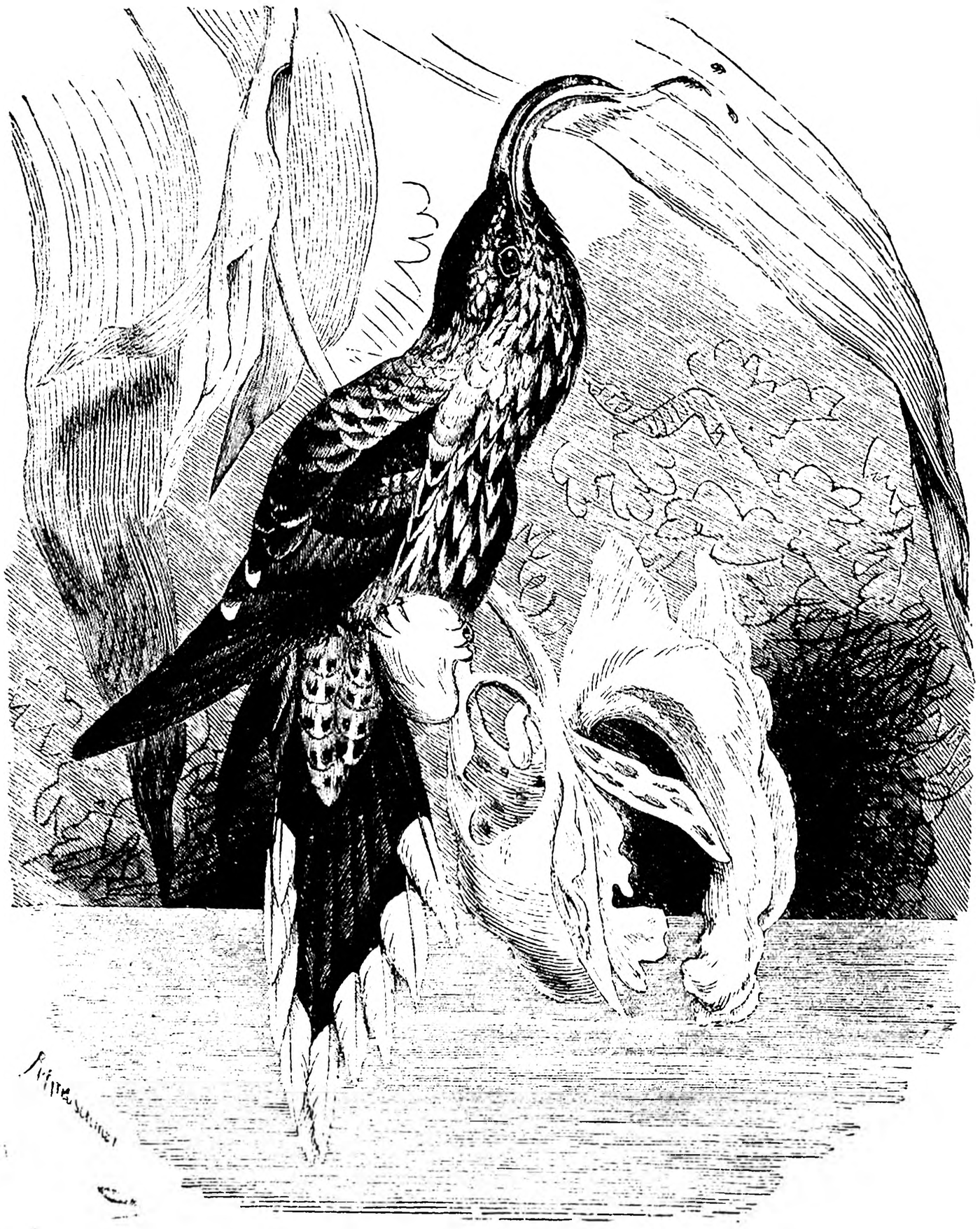
У лѣсныхъ колибри (Lampornithinae), которые сравнительно довольно велики, клювъ длиннѣе головы, прямой или слегка загнутый, съ выемкой передъ прямымъ кончикомъ. Окраска обоихъ половъ весьма различна.

*

Представителемъ этого подсемейства можетъ служить манго (Lampornis mango). Опереніе по преимуществу цвѣта зеленой руды съ мѣднымъ отливомъ, широкая полоса, тянущаяся отъ подбородка черезъ средину туловища до нижнихъ

крающихъ перьевъ хвоста, чернаго цвѣта, сбоку, начиная отъ угла рта и до сгиба крыла, она ограничена темной сапфирово-голубой продольной полосой, область зада бѣлая. Черно-бурыя маховыя перья слегка отливаютъ цвѣтомъ зеленой руды. Оба среднихъ хвостовыхъ пера зеленыя, боковыя перья хвоста пурпурово-мѣдно-красныя, наружные же края ихъ отливаютъ синевато-чернымъ цвѣтомъ.

Манго встрѣчается почти во всей Бразиліи, но водится также въ Парагваѣ, въ Гвіанѣ и на Антильскихъ островахъ; даже на Флоридѣ уже случалось убивать эту птицу.

Орлиный клювъ (Eutoxeres aquila). $^{3}/_{4}$ естеств. велич.

*

Клювъ горныхъ колибри (Oreotrochilus) самое бо́льшее средней длины, хвостъ короткій и почти прямо обрубленный, оперенiе блестящее, на верхней сторонѣ большею частью синее или зеленое, на нижней сторонѣ свѣтлѣе; все оперенiе чрезвычайно краситъ пятно на горлѣ, сіяющее самыми яркими металлическими красками.

Одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ видовъ этого рода это чимборасовый колибри (Oreotrochilus chimborazo). У самца голова и область горла блестящаго фіалково-синяго цвѣта; верхняя сторона сѣровато-оливково-бурая, нижняя сторона бѣлая, по бокамъ маслянисто-бурая. Посрединѣ горловой области находится продолговатое треугольное пятно блестящаго зеленаго цвѣта, отдѣленное отъ свѣтлой нижней стороны бархатистой черной полоской. Длина 12,5 см.

Птица вполнѣ заслуживаетъ свое названiе, такъ какъ до сихъ поръ ее видѣли только на горѣ Чимборасо и притомъ на высотѣ 4—5000 метровъ.

*

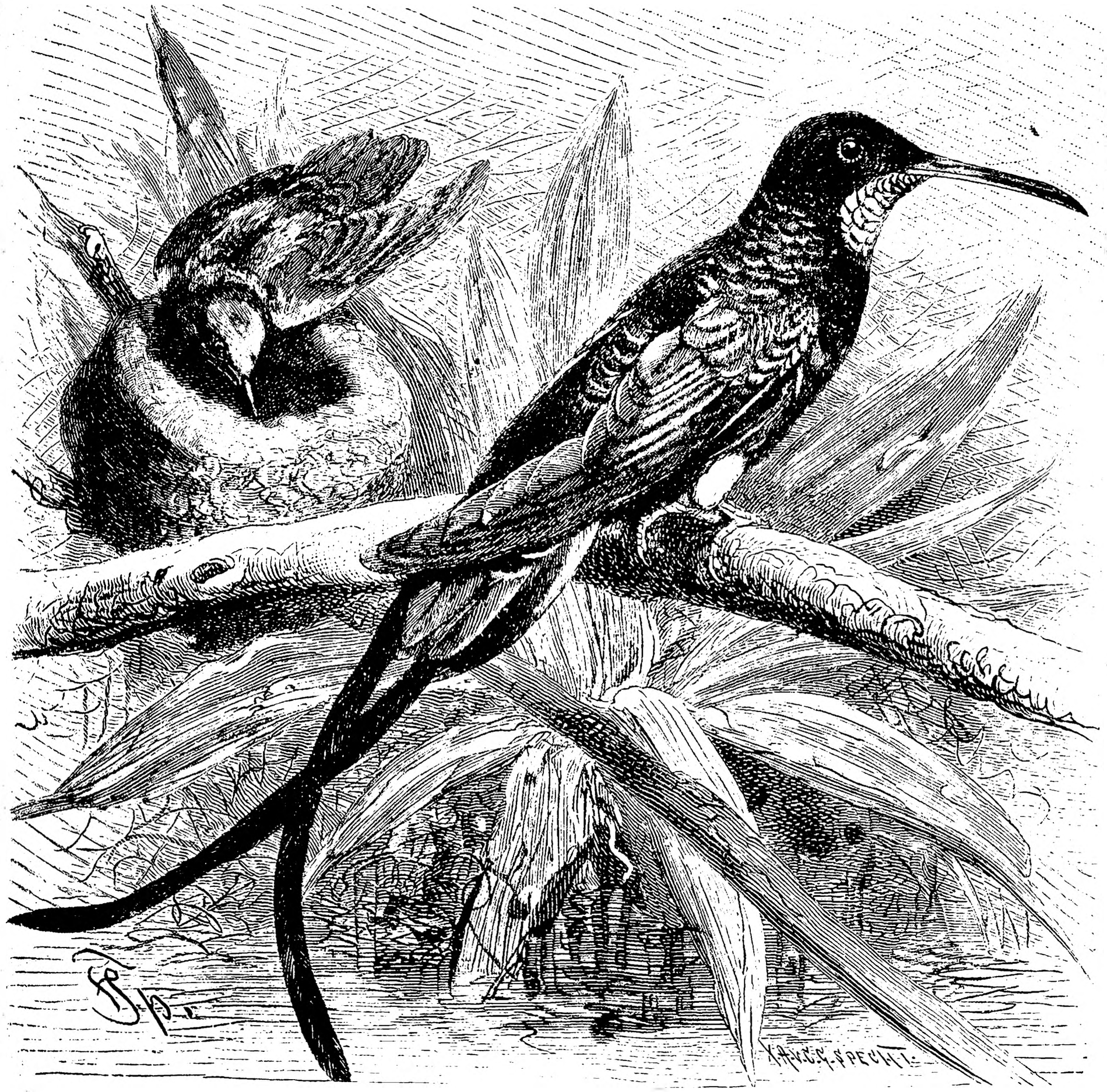
Яхонтовые колибри (Topaza) по строенiю крыльевъ похожи еще на горныхъ колибри, хотя ихъ переднiя маховыя перья не такъ широки.

Топазовый колибри (Topaza pella) по роскоши окраски можетъ поспорить со всѣми другими колибри. Темя и полоска вокругъ горла бархатисто-черныя; туловище мѣдно-красное, переходящее въ гранатово-красный цвѣтъ и съ золотистымъ блескомъ, горло золотистое, при извѣстномъ освѣщенiи съ смарагдово-зеленымъ, при другомъ освѣщенiи съ топазово-желтымъ блескомъ; кроющiя перья хвоста зеленыя, маховыя перья красновато-бурыя, внутреннiя маховыя перья ржаваго

цвѣта, среднія перья хвоста зеленыя, слѣдующія за ними каштаново-бурыя, наружныя красновато-бурыя. Длина — вслѣдствіе очень длинныхъ хвостовыхъ перьевъ — болѣе 20-ти см.

Топазовый колибри водится повидимому въ одной только Гвіанѣ. Онъ живетъ на берегахъ рѣкъ, осѣненныхъ густымъ лѣсомъ. Другой видъ, очень похожій на только что описанный, живетъ на верховьяхъ р. Амазонки.

Цвѣточные колибри (Heliotrichinae) — большею частью сильно сложенные, довольно большіе колибри, которые примыкаютъ къ только что описанной

Топазовый колибри (Topaza pella). 3/4 естеств. велич.

группѣ, благодаря своему плотному туловищу и благодаря тому, что хвостъ ихъ одинаковой длины съ сложенными спокойно крыльями.

У самаго извѣстнаго вида, ушастаго колибри (Heliothrix aurita), перья на спинѣ и на бокахъ шеи яркаго цвѣта зеленой руды, у старыхъ птицъ съ золотистымъ блескомъ, маховыя перья сѣровато-черныя съ фіолетовымъ блескомъ; нижняя сторона чисто-бѣлая, три крайнихъ хвостовыхъ пера съ каждой стороны также бѣлыя, между тѣмъ какъ среднія рулевыя перья хвоста съ стальнымъ синимъ блескомъ. Подъ глазомъ начинается бархатисто-черная полоса, которая по направленію назадъ расширяется и наконецъ теряется въ каемкѣ стальнаго цвѣта. Длина самца 15, длина самки 11 см.

По словамъ Бурмейстера, эта птица живетъ въ лѣсистой области на восточномъ берегу Южной Америки до Ріо-де-Жанейро.

Послѣднее подсемейство, на которое мы здѣсь укажемъ, обнимаетъ такъ называемыхъ настоящихъ колибри (Trochilinae), которые до извѣстной степени являются прообразомъ всего семейства. Признаки ихъ — клювъ весьма различной длины, но всегда тонкій, круглый и острый, и замѣчательная красота оперенія, которое отличается блескомъ и множествомъ всякихъ образованій, хохолками, удлиненными перьями въ ушной области и въ хвостѣ, пучками пуха на ногахъ и т. п., а также горловой щитокъ изъ чешуйчатыхъ перьевъ и другія украшенія, передъ которыми блѣднѣетъ окраска всѣхъ прочихъ колибри.

*

Къ этой группѣ принадлежитъ рубиновый колибри или просто колибри (Trochilus colubris). Оперенiе верхней стороны темнаго бронзово-зеленаго цвѣта, на подбородкѣ и на горлѣ вплоть до боковъ шеи опереніе яркаго огненно-краснаго цвѣта съ мѣднымъ оттѣнкомъ, при извѣстномъ освѣщеніи съ зеленымъ отливомъ; нижняя сторона грязновато-бѣлая, бока туловища металлическаго зеленаго цвѣта, маховыя перья и наружныя хвостовыя перья темно-бурыя съ легкимъ металлическимъ блескомъ.

Колибри живетъ главнымъ образомъ въ восточныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ, начиная съ 57 градуса широты до крайняго юга, здѣсь же распространяется отъ побережья Атлантическаго океана до побережья Тихаго; во время своего зимняго перелета онъ посѣщаетъ также центральную Америку и Вестъ-Индскіе острова.

*

Прелестныя существа — птицы, составляющія родъ эльфовъ (Lophornis). У самца особенно развиты перья на шеѣ, которыя образуютъ великолѣпный ошейникъ, состоящій изъ болѣе или менѣе узкихъ, длинныхъ, чудесно окрашенныхъ перьевъ; ошейникъ этотъ то складывается, то поднимается; на темени перья также обыкновенно удлинены.

Трудно сказать, который изъ различныхъ видовъ этого рода красивѣе: всѣ они могутъ поспорить насчетъ красоты. Опишу эльфа великолѣпнаго (Lophornis ornata). На туловищѣ опереніе у него бронзово-зеленое, удлиненныя перья на темени буровато-красныя, узкая полоска, пересѣкающая поперекъ нижнюю часть, бѣлаго цвѣта, лицевая область зеленая съ великолѣпнымъ блескомъ. Шейныя перья, удлиняющіяся постепенно, свѣтлаго красновато-бураго цвѣта, съ блестящимъ зеленымъ пятномъ на концѣ. Маховыя перья темнаго пурпурово-бураго цвѣта, хвостовыя перья темнаго буровато-краснаго цвѣта. У самки всѣ краски блѣднѣе, ошейника, хохолка и блестящаго пятна вокругъ клюва совсѣмъ нѣтъ.

*

Хвостатые эльфы (Heliactinus) отличаются отъ предыдущихъ главнымъ образомъ своимъ длиннымъ хвостомъ.

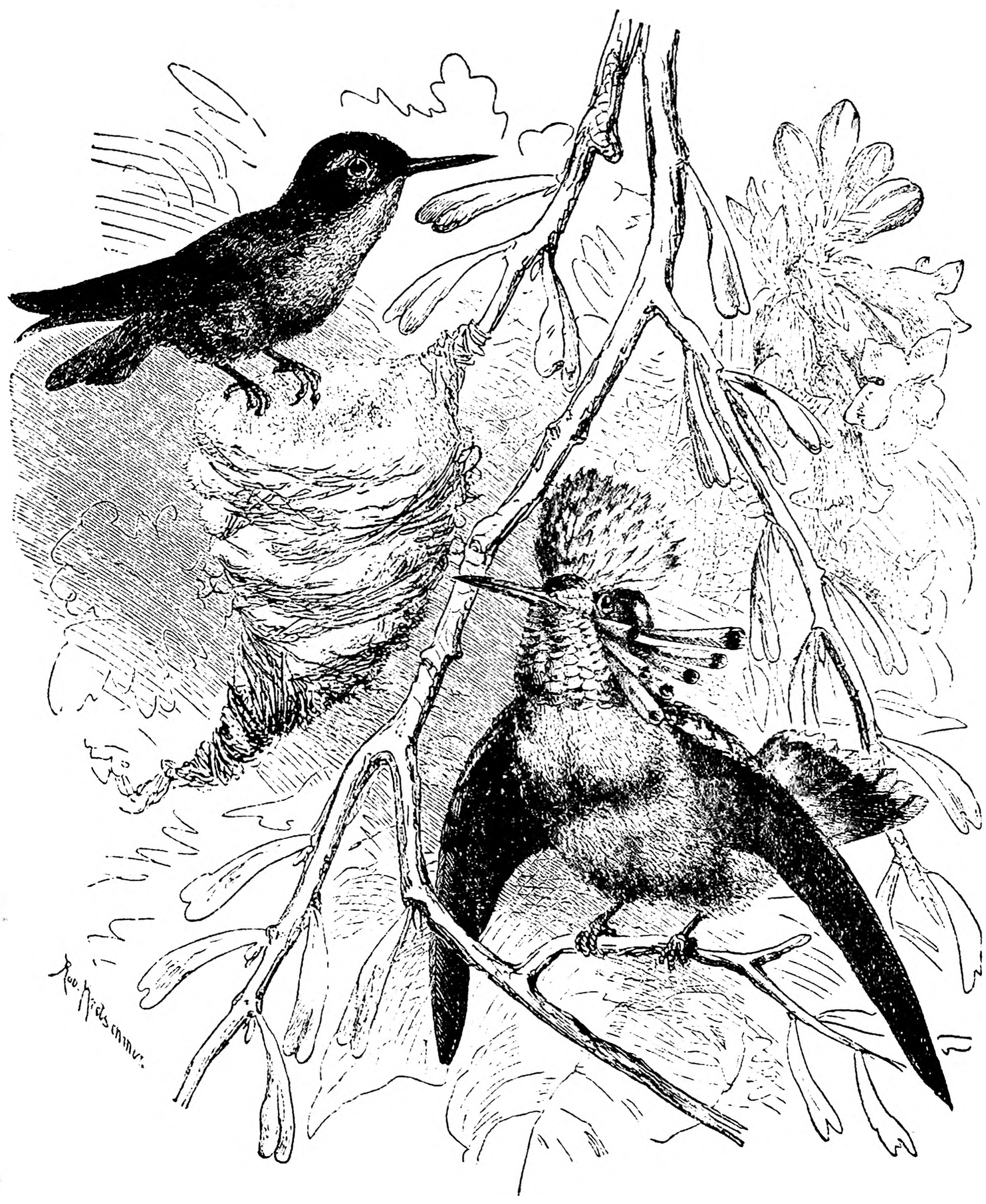
Рогатый колибри (Heliactinus cornutus, рис. на стр. 326) цвѣта зеленой руды съ слабымъ блескомъ, верхняя часть головы стальнаго синяго цвѣта; ошейникъ изъ перьевъ, начиная снаружи, переходитъ изъ фіолетоваго цвѣта въ зеленый, желтый, красный и оранжевый; горло, передняя часть шеи и щеки темнаго бархатисто-чернаго цвѣта, верхняя часть груди, средина брюшка, задъ и боковые рулевые перья бѣлые, маховыя перья сѣрыя. Длина 12 см.

Этотъ великолѣпный колибри принадлежитъ къ видамъ, часто встрѣчающимся на открытыхъ лугахъ внутри Минасъ Жераэса, въ Бразиліи.

*

У знаменщиковъ (Steganurus) оба крайнихъ сильно удлиненныхъ хвостовыхъ пера около конца безъ опахалъ, на самомъ же кончикѣ оба эти пера украшены очень широкими опахалами.

У венецуэльскаго знаменщика (Steganurus underwoodi, рис. на стр. 327) верхняя сторона, брюшко, бока и нижнія кроющія перья хвоста зеленаго металлическаго цвѣта, горло и верхняя часть груди темнаго смарагдово-золотисто-зеленаго цвѣта; маховыя перья пурпурово-бурыя, рулевыя перья бурыя, знамена на крайнихъ перьяхъ черныя съ зеленоватымъ блескомъ. Длина птицы 15 см., причемъ хвостъ равняется 9-ти см.

Великолѣпный эльфъ (Lophornis ornata). $^2/_3$ естеств. велич.

*

Вилохвостые колибри (Sparganura) отличаются главнымъ образомъ устройствомъ своего хвоста. Рулевыя перья по направленію кнаружи равномѣрно увеличиваются, образуя лѣсенку, и крайнія перья болѣе чѣмъ въ пять разъ длиннѣе среднихъ.

Сафо (Sparganura sappho) на верхней сторонѣ окрашенъ въ алый цвѣтъ, голова и нижняя сторона у него металлическаго зеленаго цвѣта, горло свѣтлѣе и притомъ блестящее, нижняя часть брюшка свѣтло-буроватая. Родина этой птицы Боливія.

*

Клювъ исполинскихъ колибри (Hypermetra) длинный или очень длинный. Оперенiе не отличается особенной яркостью окраски.

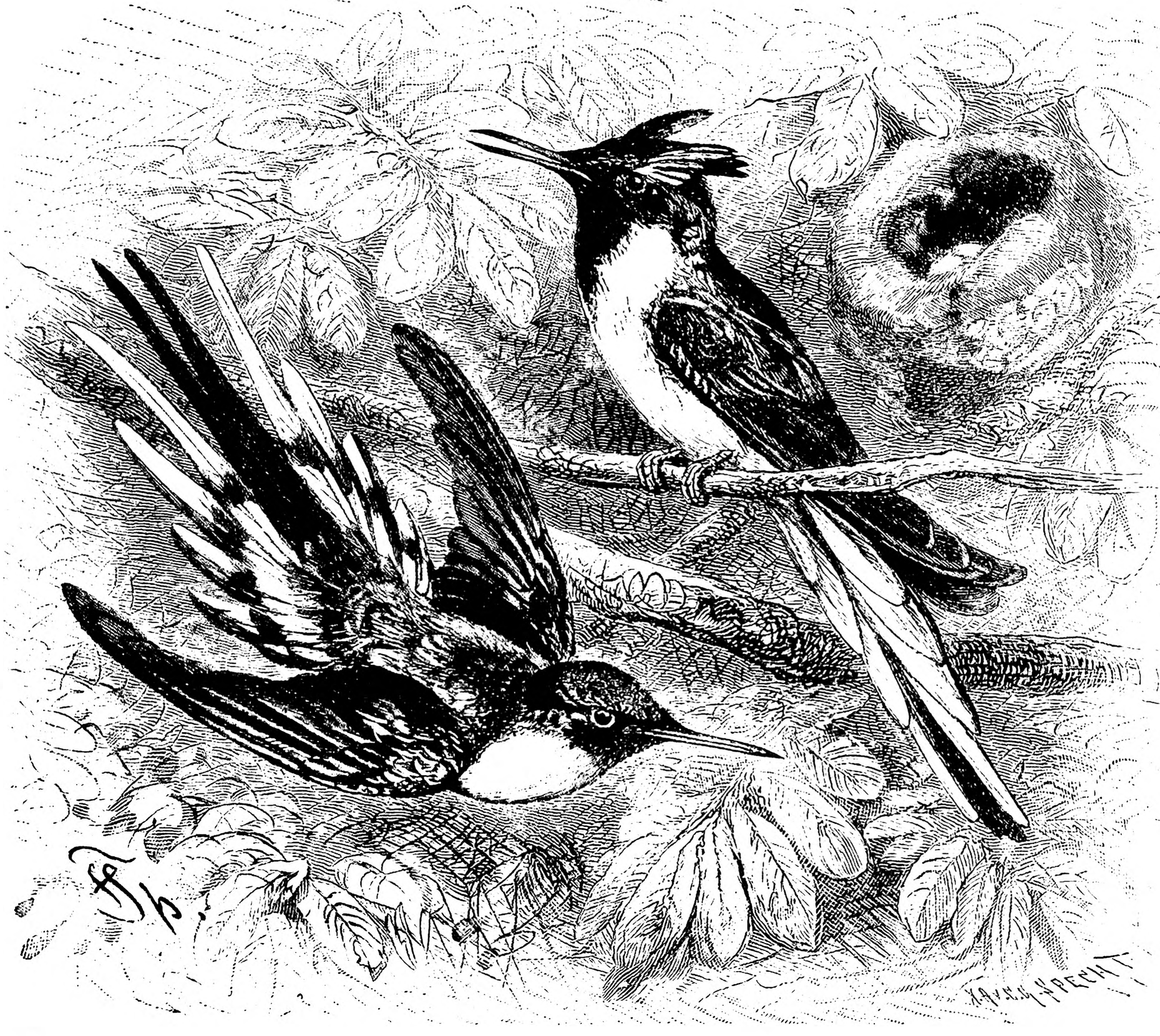
Къ этому роду относится исполинскій колибри (Hypermetra gigas), птица по величинѣ приблизительно равная нашему башенному стрижу.

Родина этого весьма замѣтнаго колибри — значительная часть юго-западной Америки.

*

Мечеклювъ (Docimastes ensifer, рис. на стр. 328) обладаетъ изъ всѣхъ колибри самымъ большимъ клювомъ, и потому эту птицу трудно смѣшать съ ка-

кою нибудь другою. Клювъ у мечеклюва почти такой же длины, какъ туловище, слегка загнутъ кверху и передъ кончикомъ нѣсколько утолщается. Опереніе верхней стороны металлическаго зеленаго цвѣта, голова мѣднаго цвѣта, нижняя сторона, область горла и средина груди бронзово-зеленаго цвѣта, бока блестящіе, свѣтло-зеленые. За глазомъ находится бѣлое пятнышко. Маховыя перья пурпурово-бурыя, рулевыя перья темно-бурыя съ металлическимъ блескомъ. Длина 22 см., изъ которыхъ 10 см. приходится на клювъ.

Рогатый колибри (Heliactinus cornutus). $^3/_4$ естеств. велич

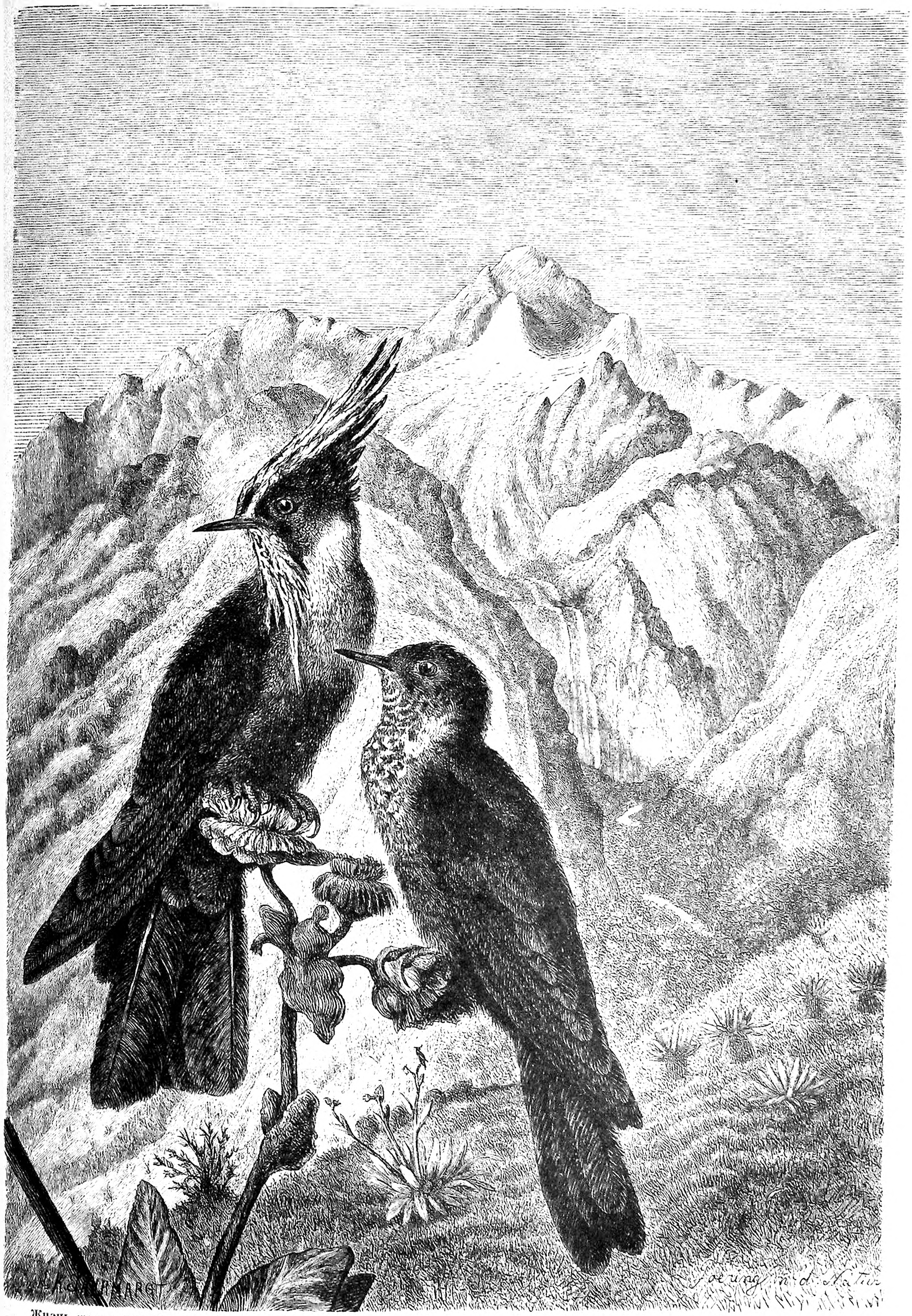
Родина мечеклюва — горы Квито и Венецуэлы.

*

Шлемовые колибри (Oxypogon) характеризуются очень короткимъ клювомъ, пучкомъ перьевъ на головѣ, болѣе широкими крыльями, прямо обрубленнымъ хвостомъ и опереніемъ, лишеннымъ блеска.

Парамскій колибри (Oxypogon lindeni), получившій свое латинское названіе въ честь Линдена, былъ найденъ въ Сіеррѣ-Невада де Мерида, въ Венецуэлѣ. Здѣсь эта хорошенькая птичка живетъ на высотѣ 3—4000 метровъ и чрезвычайно оживляетъ пустынную горную страну.

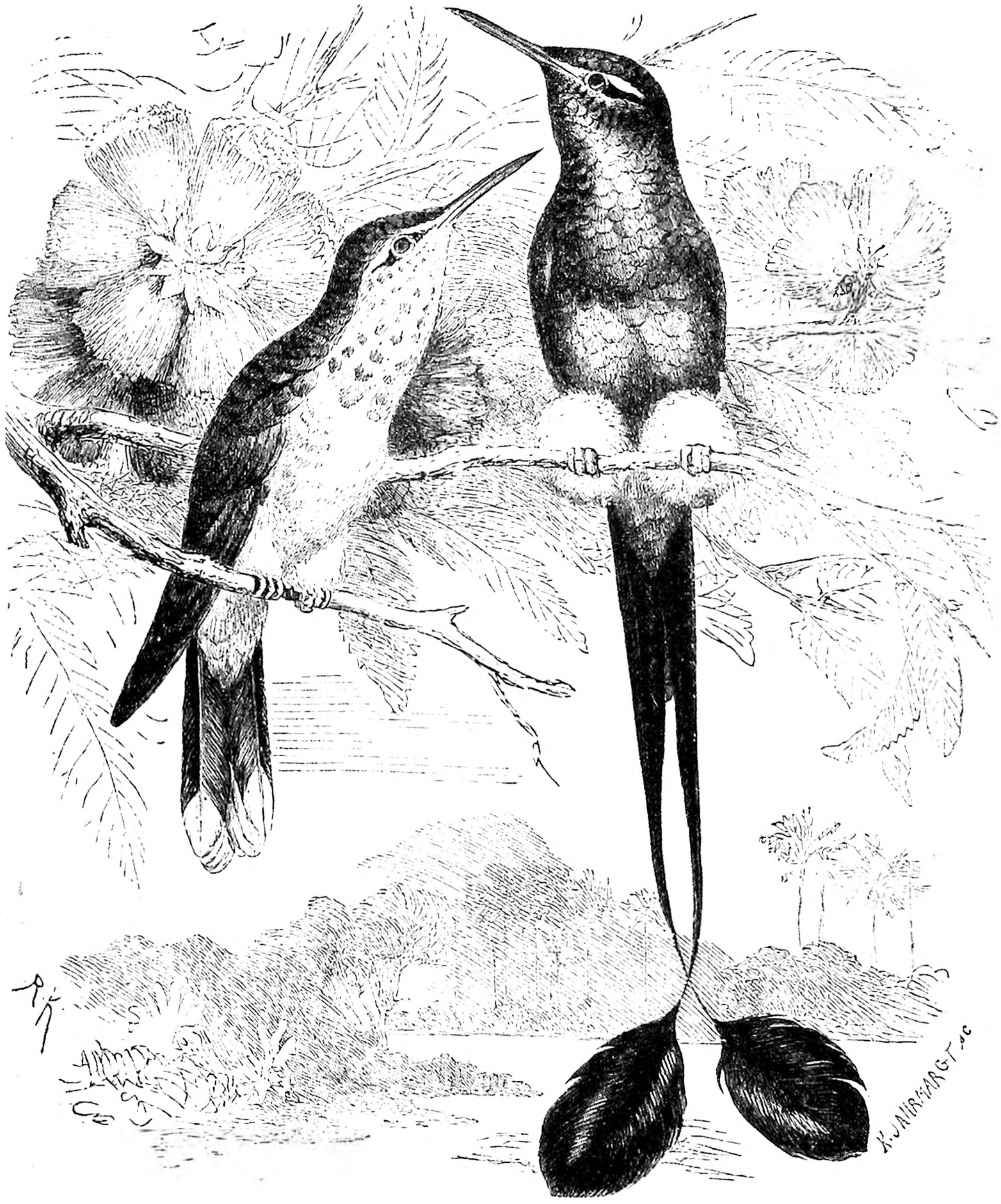
Колибри водятся исключительно только въ Америкѣ, и для этой части свѣта они характернѣе большинства другихъ птицъ. Въ Америкѣ эти птицы встрѣчаются вездѣ, гдѣ только земля способна порождать цвѣты, начиная съ Ситки до мыса Горна. Сѣверо-американскій восточный колибри наблюдался на Лабрадорѣ; одинъ

Жизнь животныхъ Брэма. II. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Шлемовые колибри.

западный видъ (Selasphorus rufus) аккуратно появляется еще на берегахъ рѣки Колумбіи и проникаетъ до рѣки Фразера и до пролива Жуанъ де Фука. Тѣхъ же самыхъ, повидимому столь слабыхъ птицъ встрѣчали на Огненной Землѣ. Онѣ не только распространяются далеко, считая по широтѣ, но и поднимаются на могучія горы Кордильерскаго хребта: онѣ порхаютъ еще непосредственно подъ снѣговой линіей на высотѣ 4000 и 5000 метровъ надъ уровнемъ моря; онѣ посѣщаютъ кратеры какъ дѣйствующихъ, такъ и потухшихъ вулкановъ, куда врядъ-ли забирается какое нибудь другое высшее позвоночное животное. На такой высотѣ находили этихъ птицъ выводящими своихъ птенцовъ, въ то время какъ человѣкъ, подстрекаемый духомъ изслѣдованія, и вокругъ котораго кружились снѣжныя хлопья, думалъ, что здѣсь онъ единственное живое существо, за исключеніемъ развѣ кондора.

Венецуэльскій знаменщикъ (Steganurus underwoodi). ⅔ естеств. велич.

Вообще можно утверждать, что каждая страна, даже каждая мѣстность, населена своими особыми видами. Горные колибри, живущіе въ горахъ на указанной высотѣ, спускаются самое бо́льшее до нижней границы этого пояса, когда ихъ принуждаетъ къ этому суровая погода, а тѣ виды, которые обитаютъ въ жаркихъ, знойныхъ долинахъ, гдѣ еле можно уловить движеніе воздуха, никогда на такія высоты не забираются. Но не только горы и долины, а также лѣса и степи и еще гораздо болѣе ограниченныя мѣстности даютъ пріютъ особымъ видамъ колибри.

Болѣе всѣхъ другихъ птицъ эти маленькія изящныя созданія или по крайней мѣрѣ огромное большинство ихъ связаны съ извѣстными цвѣтами: они находятся въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ растительному царству. Цвѣты, доставляющіе добычу однимъ колибри, никогда не посѣщаются другими, и цвѣты, питающіе одни виды, повидимому для другихъ не существуютъ.

Уже различное строеніе клюва заставляетъ предполагать, что извѣстные виды добываютъ себѣ пищу только изъ извѣстныхъ цвѣтовъ и неспособны пользоваться

Мечеклювъ (Docimastes ensifer). $^3/_4$ естеств. велич.

другими. Нѣкоторые виды, можетъ быть и не отличаются особенною разборчивостью; напр. о сѣверо-американскомъ колибри Вильсонъ говоритъ, что онъ взимаетъ дань съ половины флоры своей родины; другіе виды ограничиваются не только извѣстными деревьями, но извѣстною высотою цвѣтовъ на деревьяхъ. Одни усердно обыскиваютъ цвѣты на верхнихъ вѣтвяхъ, другіе на болѣе низкихъ, одни собираютъ себѣ кормъ среди вѣтвей, другіе достаютъ себѣ насущное пропитаніе изъ сока, выступающаго изъ ствола. О карликовомъ колибри Госсе говоритъ, что онъ собираетъ себѣ пищу только съ низкорослыхъ растеній, растущихъ надъ самою поверхностью земли; солнечныхъ колибри можно видѣть на цвѣтахъ

только въ исключительныхъ случаяхъ, да къ тому же цвѣты составляютъ рѣдкость въ тѣхъ тѣнистыхъ лѣсахъ, гдѣ живутъ эти птицы: солнечные колибри собираютъ употребляемыхъ ими въ пищу насѣкомыхъ съ листьевъ, причемъ съ неподражаемою ловкостью двигаются въ листвѣ и осматриваютъ сверху и снизу каждый отдѣльный листъ. Нечего поэтому удивляться, что иные острова даютъ пріютъ особымъ видамъ колибри, что напр. на о. Жуанъ-Фернандецъ водится одинъ видъ этихъ птицъ, не встрѣчающихся на сосѣднихъ островахъ, что карликовый колибри, живущій на Ямайкѣ, не залетаетъ на Кубу. Колибри не лишены способности совершать большія путешествія; это доказываютъ многіе виды этихъ птицъ; обратное же тому, что было только-что сказано, также наблюдается, такъ какъ нѣкоторые виды распространены по половинѣ земного шара.

Вслѣдствіе того, что колибри находятся въ такой зависимости отъ міра растеній, этихъ птицъ водится особенно много въ экваторіальныхъ странахъ Америки. Но было бы ошибкой предполагать, что чащи лѣсовъ, гдѣ растительная жизнь достигаетъ наиболѣе пышнаго развитія, являются настоящимъ раемъ для колибри. Разумѣется, великолѣпными цвѣтами, растущими въ лѣсныхъ дебряхъ, колибри не пренебрегаютъ, напротивъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, цѣлыми стаями летаютъ вокругъ нихъ и обыскиваютъ ихъ; но не количество цвѣтовъ въ одномъ мѣстѣ обусловливаетъ богатство видовъ этихъ птицъ, а разнообразіе цвѣтовъ. Судя по даннымъ, которыя накоплены въ настоящее-время, мы можемъ сказать, что наибольшее количество видовъ колибри водится въ горныхъ странахъ Южной и центральной Америки, гдѣ и можно наблюдать все богатство формъ и красокъ, какими отличаются эти птицы.

Повидимому, особенно излюбленною страною является Мексика: это родина болѣе чѣмъ пятой части всѣхъ колибри, извѣстныхъ донынѣ, и можно утверждать, что къ найденнымъ здѣсь колибри впослѣдствіи присоединится еще множество пока неизвѣстныхъ, когда эта богатая и мало знакомая страна будетъ лучше изслѣдована. Мексика соединяетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для существованія разнообразія этихъ птицъ: эта страна, изъ всѣхъ странъ Америки, соединяетъ въ себѣ самыя разнообразныя условія, въ ней встрѣчаются всѣ пояса высоты и всѣ различныя времена года или по крайней мѣрѣ соотвѣтствующія имъ различныя степени тепла. Наблюдатель, попавшій въ этотъ удивительный уголокъ земного шара, видитъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ сверкающими фигурками. Онъ встрѣчаетъ ихъ въ знойныхъ долинахъ и на ледяныхъ высотахъ, среди пышной растительности экваторіальныхъ странъ, гдѣ проявилась животворная сила воды, среди спаленной солнцемъ равнины, гдѣ произрастаетъ одинъ кактусъ, и на каменистыхъ склонахъ огнедышащихъ горъ. „Во всей своей неподражаемой красотѣ онѣ появляются даже въ разсѣлинахъ вулканическихъ развалинъ“. говоритъ Гудъ: „онѣ оживляютъ мѣстности, куда не заходитъ нога человѣка; въ глухое ухо холодной пустыни онѣ шепчутъ свои нѣжные звуки.“

До сихъ поръ не удалось еще достовѣрно опредѣлить, насколько можно считать осѣдлыми тѣхъ колибри, которые не странствуютъ. Можно предположить, что ни одинъ единственный видъ не пребываетъ изъ году въ годъ въ одной и той же мѣстности, а направляется то въ ту, то въ другую сторону въ зависимости отъ времени года или хоть отъ времени цвѣтенія цвѣтовъ, и быть можетъ перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто непрестанно, за исключеніемъ времени высиживанія. Всѣ наблюдатели, долгое время жившіе въ одномъ мѣстѣ, согласны въ томъ, что извѣстные виды показываются только въ извѣстныя времена года.

Желая познакомиться съ жизнью этихъ птицъ, слѣдуетъ прежде всего изучить ихъ полетъ. Полетомъ, такъ сказать, обусловливается вся ихъ жизнь; не обладая такимъ полетомъ, колибри не былъ бы тѣмъ, что онъ есть. Ни одна птица не летаетъ такъ, какъ колибри, а потому его и нельзя сравнивать съ другими птицами. „Какъ удивительна должна быть способность“, говоритъ Гудъ, „вызывающая дрожательное движеніе колибри на воздухѣ и дающая возможность птицѣ такъ долго удерживаться на лету! Дѣятельность колибри казалась мнѣ несравнимой ни съ чѣмъ, что я видѣлъ до тѣхъ поръ; мнѣ казалось, что я вижу

машинку, дѣйствующую въ силу могучей упругости. Особенность полета колибри произвела на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе, такъ какъ я увидѣлъ какъ разъ противоположное тому, чего ожидалъ. Птица не скользитъ по воздуху, подобно быстро несущейся ласточкѣ или башенному стрижу, а все время производитъ крыльями непрерывное дрожательное или порхающее движеніе, пока перелетаетъ отъ цвѣтка къ цвѣтку, пока пролетаетъ надъ верхушкой дерева или переправляется черезъ рѣку. Когда птица удерживается въ равновѣсіи передъ какимъ нибудь предметомъ, то двигаетъ крыльями такъ быстро, что глазъ не въ силахъ уловить отдѣльнаго движенія и видитъ только туманный неясный полукругъ съ каждой стороны тѣла."

Въ томъ же родѣ выражается Киттлицъ. „Полетъ этихъ птицъ представляетъ собою нѣчто изумительное; кажется, что это летаютъ скорѣе насѣкомыя, чѣмъ птицы. Онѣ перелетаютъ съ дерева на дерево такъ быстро, что вслѣдствіе своей малой величины почти незамѣтны; но передъ каждымъ притягивающимъ ихъ предметомъ онѣ, порхая на воздухѣ и держа тѣло прямо, такъ быстро двигаютъ крыльями, что наблюдатель видитъ только, какъ крылышки ихъ блестятъ." Еще подробнѣе и яснѣе изображаетъ Ньютонъ появленіе и исчезновеніе колибри. „Появленіе колибри", говоритъ онъ, „столь не похоже на обыкновенное появленіе птицъ, что человѣкъ, никогда не переплывавшій Атлантическаго океана, не можетъ составить себѣ объ этомъ яснаго понятія. Даже сравненіе съ порхающей бабочкой-сфинксомъ будетъ не въ пользу бабочки. Вы стоите передъ цвѣткомъ и любуетесь имъ; вдругъ между вами и цвѣткомъ появляется маленькій темный предметъ, нѣчто словно привѣшенное между четырьмя положенными крестъ на крестъ проволоками. Предметъ этотъ одно мгновеніе виднѣется передъ цвѣткомъ, спустя мгновеніе прикрѣпляется къ нему; пространство между каждой парой проволокъ кажется наполненнымъ сѣрымъ туманомъ; еще мгновеніе — и, испуская лучъ сапфироваго или смарагдоваго свѣта, маленькій предметъ быстро удаляется, такъ быстро, что глазъ не можетъ за нимъ слѣдовать, слово остается не произнесеннымъ, мысль, начинавшая шевелиться въ мозгу, остается недодуманной. Надо быть очень смѣлымъ или очень несвѣдущимъ для того, чтобы взяться за изображеніе колибри на лету. Ибо никакой карандашъ, никакая кисть не въ силахъ изобразить этой птицы во время полета. Видно только, что тѣло она держитъ вертикально, и что каждое изъ дрожащихъ крыльевъ образуетъ полукругъ."

Пока колибри держится на одномъ мѣстѣ, не слышно, какъ онъ машетъ крыльями; когда же онъ начинаетъ двигаться быстрѣе, то издаетъ удивительно рѣзкое жужжаніе, изъ-за котораго все семейство иногда называется „жужжащими птицами." Жужжаніе это различно у различныхъ видовъ, у нѣкоторыхъ же такъ рѣзко, что одну птицу можно отличить отъ другой по издаваемому ими звуку.

Относительно направленія полета, относительно линій, описываемыхъ птицей при полетѣ, еще ничего точно не установлено. Быстрота движенія такъ велика, а движущееся тѣло такъ мало, что не поддается наблюденію. Гудъ говоритъ, что колибри съ чрезвычайной точностью можетъ выполнять всякія движенія крыльями, что часто онъ поднимается наверхъ въ вертикальномъ направленіи, летаетъ задомъ, вертится на лету или, такъ сказать, танцуя перепрыгиваетъ съ мѣста на мѣсто или съ одной части дерева на другую, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, взлетаетъ выше самыхъ высокихъ деревьевъ, а затѣмъ вдругъ несется по воздуху, словно метеоръ. Часто онъ, жужжа и спокойно, пребываетъ на землѣ подъ маленькими цвѣтами; но вотъ онъ взвился надъ тонкою травкой, вотъ онъ уже на разстояніи болѣе 40 шаговъ, куда улетѣлъ съ быстротою мысли. „Эти птицы", говоритъ наблюдатель сѣверо-американскихъ колибри, „чрезвычайно порывисты и неудержимы въ своихъ движеніяхъ, что можно сказать и объ осахъ. Часто колибри въ теченіе двухъ-трехъ мгновеній порхаютъ на одномъ мѣстѣ, словно прикрѣпленные на воздухѣ, затѣмъ они внезапно стрѣлою отлетаютъ въ сторону и быстро описываютъ около дерева полукругъ, словно конькобѣжцы, послѣ чего съ другой стороны находятъ другой тюльпанъ. Нерѣдко маленькая птичка

съ верхушки дерева взвивается на небо, словно подброшенная кверху какой нибудь посторонней силой."

Невольно всякій разъ при видѣ колибри приходитъ на мысль, что это пернатая бабочка. Это слѣдуетъ понимать не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ. Гуду долго пришлось убѣждать одного господина, что онъ видѣлъ въ Англіи извѣстную бабочку „сазановый хвостъ", а не колибри, а Бэтсъ говоритъ, что лишь послѣ продолжительныхъ наблюденій онъ научился отличать живущаго по рѣкѣ Амазонкѣ хоботоносца, называемаго титаномъ, отъ извѣстныхъ колибри, и что нѣсколько разъ онъ, стрѣляя, попадалъ не въ птицу, а въ бабочку, сидящую на деревѣ; колибри похожи на бабочекъ какъ по своей манерѣ летать, висѣть на воздухѣ передъ цвѣтами, такъ и внѣшнему своему виду. Индѣйцы, негры и даже образованные бѣлые считаютъ титана и колибри животными, принадлежащими къ одному и тому же виду. Зная, что гусеница превращается въ бабочку, они отсюда заключаютъ, что вполнѣ возможно и дальнѣйшее превращеніе бабочки въ птицу.

Нѣкоторые путешественники говорили о великолѣпной игрѣ красокъ, какая замѣчается у летающихъ колибри; но свѣдѣнія, сообщаемыя ими, вѣрны лишь условно. Вся прелесть красокъ, украшающихъ эти живые алмазы, во время ихъ полета обыкновенно ускользаетъ отъ насъ; красота колибри ясно видна лишь тогда, когда они находятся въ спокойномъ состояніи — когда они, порхая, удерживаются на воздухѣ передъ какимъ нибудь цвѣткомъ или когда, отдыхая, опускаются на вѣтку.

Когда птицы утомились долгимъ полетомъ, онѣ ищутъ на вѣтвяхъ надлежащаго мѣста для отдыха. Для этой цѣли онѣ выбираютъ бо́льшею частью тонкіе сухіе сучки или по крайней мѣрѣ такія вѣточки, которыя на протяженіи нѣсколькихъ сантиметровъ не покрыты зеленью, и послѣ всякаго полета снова возвращаются на такія вѣточки.

На землѣ колибри столь же чужды, какъ стрижи, не умѣютъ по ней двигаться, такъ какъ не могутъ ходить. Несмотря на это колибри спускаются на землю, напр. садятся, когда хотятъ пить.

Издавна существуетъ мнѣніе, что колибри не умѣетъ пѣть. Въ общемъ, это пожалуй справедливо; но въ настоящее время цѣлый рядъ наблюденій доказываетъ совершенно другое. Принцъ Видъ говоритъ, что голосъ у этихъ птицъ „совершенно незначительный и невзрачный"; въ другомъ мѣстѣ тотъ же естествоиспытатель замѣчаетъ, что раздался „громкій, отрывистый призывъ колибри"; Бурмейстеръ же говоритъ: „колибри отнюдь не нѣмы; ибо, садясь гдѣ-нибудь на сухую вѣтку и отдыхая на ней нѣкоторое время, они отъ поры до времени издаютъ свой тонкій, слабый, щебечущій крикъ. Я часто слышалъ этотъ голосъ и наблюдалъ, какъ птица, сидящая подъ сѣнью листвы, послѣ каждаго издаваемаго ею нѣжнаго призыва на нѣсколько мгновеній высовывала изъ клюва приблизительно на три сантиметра свой тонкій раздвоенный языкъ." Большинство прочихъ наблюдателей упоминаетъ только о рѣзкихъ и пронзительныхъ звукахъ, издаваемыхъ колибри.

Внѣшнія чувства повидимому развиты у колибри довольно равномѣрно и хорошо. Всѣ наблюденія приводятъ къ тому несомнѣнному заключенію, что зрѣніе у нихъ особенно острое. Это видно изъ ихъ движеній во время полета и изъ того, что они схватываютъ на лету крошечныхъ, совершенно невидимыхъ для нашего глаза насѣкомыхъ. Точно такъ же, мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что слухъ ихъ не уступаетъ слуху другихъ птицъ, хотя относительно этого мы не имѣемъ точныхъ наблюденій. Чувство осязанія навѣрное очень развито; ибо въ противномъ случаѣ этимъ птицамъ было бы невозможно добывать изъ глубины цвѣтовъ то, что составляетъ главную часть ихъ корма.

Хорошо развитой, выпуклый черепъ заставляетъ предполагать, что и чисто духовныя способности колибри стоятъ на довольно высокой ступени развитія. При наблюденіи надъ ними ошибки легче, чѣмъ при наблюденіи надъ другими птицами, а потому разные изслѣдователи высказываютъ о нихъ мнѣнія весьма

различныя. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ колибри обнаруживаютъ довѣрчивость, которая часто ихъ губитъ; но это является просто слѣдствіемъ ихъ изумительной ловкости и увѣренности въ своихъ движеніяхъ.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію характера, нравовъ и образа жизни этихъ птицъ, нужно выяснить, чѣмъ онѣ питаются, ибо пищей, какъ было уже не разъ замѣчено, опредѣляется самая жизнь. Какъ извѣстно, относительно колибри царствуютъ еще во многихъ отношеніяхъ ошибочныя мнѣнія. Прежде полагали, что они питаются сокомъ цвѣтовъ или, по крайней мѣрѣ, что этотъ сокъ составляетъ ихъ главную пищу. Затѣмъ нѣкоторые изслѣдователи замѣтили ошибку этихъ старыхъ знатоковъ жизни птицъ, и Бадье (Badier) первый открылъ, что колибри питаются насѣкомыми.

Въ дополненіе замѣчу, что уже въ 1778 г. этотъ наблюдатель заявилъ, что вполнѣ понимаетъ, почему всѣ тѣ колибри въ скоромъ времени умирали, которыхъ пробовали кормить сахарной водой и сиропомъ: цвѣточный сокъ эти птицы глотаютъ развѣ только случайно, на самомъ же дѣлѣ поѣдаютъ маленькихъ жучковъ, и при томъ именно тѣхъ, которые сидятъ въ глубинѣ цвѣточныхъ вѣнчиковъ и тамъ питаются сладкимъ сокомъ цвѣтовъ. Бадье вскрывалъ разныхъ застрѣленныхъ имъ колибри и у всѣхъ нашелъ въ желудкѣ остатки жуковъ и пауковъ. Двухъ плѣнныхъ колибри онъ въ теченіе приблизительно шести недѣль кормилъ сиропомъ и сухарями; но они день ото дня становились слабѣе, наконецъ умерли, и въ ихъ перетертыхъ кишкахъ былъ найденъ сахаръ въ видѣ кристалловъ.

Буллокъ (1825 г.) совершенно раздѣляетъ мнѣніе Вильсона. „Весьма возможно“, говоритъ онъ, „что все общество питается насѣкомыми; что многіе колибри питаются насѣкомыми — это я знаю навѣрное. Я внимательно слѣдилъ за этими птицами въ то время, когда онѣ преслѣдуютъ свою мелкую добычу; наблюденія эти я производилъ въ мексиканскомъ ботаническомъ саду и на дворѣ одного дома въ Тегуантепекѣ, гдѣ одинъ колибри завладѣлъ цвѣтущимъ померанцевымъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ цѣлый день и схватывалъ всѣхъ подлетавшихъ къ цвѣтамъ маленькихъ мухъ. Я очень часто видѣлъ также, что колибри ловили на лету мухъ и другихъ мелкихъ насѣкомыхъ, и при вскрытіи находилъ этихъ насѣкомыхъ въ желудкѣ птицъ. Въ одномъ домѣ въ Юланѣ, дворъ котораго былъ въ то же время и садомъ, я часто съ удовольствіемъ присматривался къ колибри, производящимъ свою охоту среди безчисленнаго множества паутинъ. Они осторожно проникали въ сплетеніе сѣтей и нитей для того, чтобы ловить попавшихся туда мухъ; но такъ какъ большіе пауки не желали добровольно отдавать своей добычи, то часто заставляли непрошенныхъ гостей отступить. Ловкія маленькія птички, прилетѣвъ на дворъ, сначала облетали его кругомъ одинъ или два раза, словно желая хорошенько осмотрѣть мѣстность, гдѣ будутъ охотиться; затѣмъ они начинали свое нападеніе, причемъ осторожно подлетали подъ сѣть хитраго паука и потомъ вдругъ наскакивали на маленькихъ, запутавшихся въ паутинѣ мухъ. Каждое движеніе требовало величайшей осторожности, ибо часто мѣста было настолько мало, что птицы не могли двигать крыльями и при малѣйшей неосмотрительности сами могли запутаться въ сѣтяхъ паука и сильно себѣ повредить. Впрочемъ, колибри осмѣливались нападать на сѣти маленькихъ пауковъ, такъ какъ большіе при одномъ приближеніи птицъ бросались защищать свою крѣпость. Если же колибри нападали на большихъ пауковъ, то скоро можно было видѣть, какъ нападавшіе, какъ, стрѣла взвивались на воздухъ. Обыкновенно разбойническій набѣгъ колибри длился около десяти минутъ.“

Родина и мѣстность, разнообразіе цвѣтовъ, доставляющихъ пищу и другія внѣшнія условія имѣютъ слѣдовательно весьма сильное вліяніе на жизнь разныхъ колибри; но и по характеру своему различные виды не мало отличаются другъ отъ друга. Почти всѣ колибри настоящія дневныя птицы. Но есть многіе колибри, которые охотятся только въ утренніе или вечерніе часы, а въ жаркій полдень сидятъ смирно въ густой тѣни деревьевъ. Карликовый колибри, живущій на Ямайкѣ, подобно шмелю, облетаетъ низкорослыя растенія надъ самою поверхностью земли и только въ исключительныхъ случаяхъ поднимается на значительную вы-

соту, между тѣмъ какъ исполинскій колибри очень часто пребываетъ именно на высотѣ. Цвѣтущее дерево привлекаетъ къ себѣ весьма разнообразные виды, и пребывая подъ такимъ деревомъ, можно въ теченіе одного часа видѣть, какъ появляется и исчезаетъ большая часть видовъ, живущихъ въ данной мѣстности.

Нѣкоторые путешественники упоминали о стаяхъ колибри, другіе говорятъ, что колибри появляются только въ одиночку. „По собственному опыту“, говоритъ принцъ Видъ, „я долженъ сказать, что и тѣ, и другіе путешественники правы; ибо часто мы въ нѣсколько минутъ убивали очень много колибри одного вида около дерева, покрытаго цвѣтами, хотя обыкновенно въ другомъ мѣстѣ эти птицы встрѣчаются въ одиночку.“ Штедманнъ разсказываетъ, что вокругъ извѣстныхъ деревьевъ часто видѣлъ одновременно такое множество колибри, что слышалось жужжаніе словно отъ роя осъ. Впрочемъ, особенное вниманіе обращается на то, что въ такомъ множествѣ колибри собираются только тогда, когда въ началѣ цвѣтенія на деревѣ вдругъ открывается много цвѣтовъ. Обыкновенно, колибри появляются одинъ за другимъ, и каждый лишь короткое время пребываетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

„Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ“, сообщаетъ намъ Госсе, „хохлатый колибри встрѣчается чрезвычайно часто. Могу сказать, что иной разъ я видѣлъ одного за другимъ болѣе ста штукъ на небольшомъ пространствѣ въ теченіе предобѣденныхъ часовъ. Но птицы эти вовсе не отличаются общительностью: если даже двѣ или три одновременно кружатся около цвѣтовъ одного куста, то все-таки между ними не замѣчается единства. Каждый отдѣльный колибри руководится своимъ собственнымъ желаніемъ и занимается только своими собственными дѣлами. Иногда видишь однихъ самцовъ, иногда самцовъ и самокъ въ одинаковомъ приблизительно количествѣ; но настоящее единство между обоими полами замѣчается только близъ гнѣзда. Два самца одного и того-же вида никогда не бываютъ въ ладу, а при всякой встрѣчѣ немедленно начинаютъ ссориться и драться; иные даже ссорятся съ каждымъ колибри, появляющимся по близости, а также и со многими другими птицами. О драчливости колибри много уже было говорено, и въ самомъ дѣлѣ, повидимому, невозможно, чтобы два колибри одного и того же вида одновременно могли обыскивать цвѣты на одномъ кустѣ. Манго, кромѣ того, прогоняетъ еще всѣхъ прочихъ колибри, появляющихся по близости.

Сальвинъ увѣряетъ, что нѣкоторые колибри своею драчливостью часто мѣшаютъ охотѣ, такъ какъ нападаютъ на всѣхъ колибри, приближающихся къ мѣсту ихъ жительства. „Мнѣ казалось“, говоритъ онъ, „что драки и ссоры составляютъ главное занятіе колибри. Какъ только одинъ запускалъ свой длинный клювъ въ цвѣтокъ, къ тому же цвѣтку подлеталъ другой, и поединокъ начинался. Иной разъ они летали при этомъ, какъ двѣ кружащіяся искры, вылетѣвшія изъ домовой трубы, и такъ высоко взвивались на воздухъ, что исчезали съ нашихъ глазъ.“ При своихъ крошечныхъ размѣрахъ это все-таки существа въ высшей степени горячія и легко возбуждающіяся. Они вовсе не чувствуютъ себя слабыми; напротивъ, они такъ самоувѣренны, смѣлы и запальчивы, что нападаютъ на каждое животное, если только считаютъ это нужнымъ.

Кромѣ періода высиживанія, во время котораго колибри нападаютъ на всякое живое существо, приближающееся къ гнѣзду, эти птицы обнаруживаютъ по отношенію къ человѣку чрезвычайное довѣріе. Они вовсе не пугливы, даютъ наблюдать себя вблизи, безъ всякихъ колебаній пролетаютъ взадъ и впередъ мимо самыхъ глазъ наблюдателя и пока этотъ послѣдній остается спокойнымъ, нисколько не смущаются его присутствіемъ. Госсе говоритъ, что колибри очень любопытны и подлетаютъ къ предмету, бросающемуся въ глаза; по словамъ Гундлаха, они обыскиваютъ даже букетъ цвѣтовъ, который человѣкъ держитъ въ рукахъ; Сальвинъ разсказываетъ, что самецъ одной парочки, какъ разъ собиравшейся строить гнѣздо, утаскивалъ у него хлопчатую бумагу изъ подъ самыхъ рукъ; принцъ Видъ видѣлъ, какъ колибри свили гнѣздо въ комнатѣ, куда имѣли свободный доступъ.

Пока еще неизвѣстно, живутъ-ли парочки въ теченіе цѣлаго года вмѣстѣ, или же соединяются только на время постройки гнѣзда и высиживанія птенцовъ.

Этотъ періодъ въ различныхъ мѣстностяхъ приходится на различное время. У тѣхъ видовъ, которые странствуютъ, онъ совпадаетъ съ весною, у средне-американскихъ видовъ — съ временемъ цвѣтенія. Нѣкоторые виды повидимому вовсе не сообразуются съ опредѣленнымъ временемъ: Госсе рѣшительно утверждаетъ, что во всѣ мѣсяцы года находилъ новыя гнѣзда хохлатаго колибри. „Насколько мнѣ извѣстно“, говоритъ онъ, „большая часть колибри высиживаютъ птенцовъ въ іюнѣ, между тѣмъ какъ Гилль считаетъ настоящимъ временемъ высиживанія январь мѣсяцъ.“ По всей вѣроятности, большая часть видовъ высиживаетъ птенцовъ дважды въ годъ.

Всѣ виды колибри строятъ сходныя гнѣзда, и всѣ виды кладутъ только по два бѣловатыхъ, продолговатыхъ и относительно очень большихъ яйца. „Эти маленькія, изящныя гнѣздышки такъ похожи другъ на друга“, говоритъ Бурмейстеръ, „что я считаю излишнимъ вдаваться въ ихъ подробное описаніе, хотя гнѣздо каждаго отдѣльнаго вида имѣетъ свои особенности вслѣдствіе того, что разные виды употребляютъ для сооруженія гнѣзда различные матеріалы. Но эти различія можно считать только мѣстными, такъ какъ они зависятъ вѣроятно отъ того, что въ извѣстной мѣстности можно найти лишь извѣстные матеріалы.

„Въ общемъ, объ этихъ гнѣздахъ можно сказать слѣдующее: основаніе ихъ состоитъ изъ мягкаго вещества, похожаго на хлопокъ, но не изъ настоящаго хлопка, и въ это вещество вплетаются твердыя части растеній, а именно древесные лишаи, сухія, болѣе нѣжныя растительныя вещества и бурыя чешуйки папоротниковъ. Подобныя вещества можно всѣ найти въ одномъ и томъ же гнѣздѣ, въ другихъ же гнѣздахъ встрѣчаются лишь нѣкоторыя изъ этихъ веществъ. Лишаи употребляются весьма разнообразные, но каждый видъ колибри повидимому выбираетъ для своей постройки особый сортъ лишаевъ. Самое замѣчательное въ этомъ отношеніи сооруженіе — это гнѣздо одного изъ солнечныхъ колибри (Phaëtornis eurynome), который вплетаетъ бразильскій красный лишай въ свое гнѣздо, состоящее только изъ нѣжныхъ стебельковъ мха вмѣстѣ съ листочками, безъ всякой примѣси хлопка, и вытянутое внизъ въ видѣ длиннаго заостреннаго мѣшка. Вслѣдствіе примѣси краснаго лишая гнѣздо очень красиво; подъ вліяніемъ же теплоты птицы, сидящей на яйцахъ, лишай этотъ выдѣляетъ красящее вещество, окрашивающее яйца въ карминно-красный цвѣтъ, къ великому изумленію наблюдателя.

„Кромѣ различія въ постройкѣ самыхъ гнѣздъ колибри, гнѣзда эти занимаютъ различное мѣсто и положеніе. Нѣкоторые виды непремѣнно устраиваютъ свое гнѣздо на извѣстномъ мѣстѣ. Такъ, напр., гнѣздо бѣлошейнаго колибри, встрѣчающееся уже въ садахъ предмѣстій Ріо де Жанейро, помѣщается всегда на горизонтальной вилообразной вѣткѣ. Оно какъ бы вставлено между развѣтвленіями, которыя продолжаютъ идти горизонтально, или, что бываетъ рѣже, криво поднимаются вверхъ. Другой видъ всегда прикрѣпляетъ свое гнѣздо между огромными, дугообразно свѣшивающимися листьями папоротниковъ вышиною съ человѣка, которые произрастаютъ на плохой почвѣ у подножія и по склонамъ горъ и покрываютъ обыкновенно обширныя пространства заброшенной пахотной земли. Подъ этими листьями, около концовъ ихъ, птичка обыкновенно созидаетъ свое гнѣздо, крѣпко сплетая между собою соприкасающіяся части листа папоротника. Тогда гнѣздо оказывается какъ бы внутри зеленѣющей сумки. Большинство видовъ помѣщаютъ свои гнѣзда между вертикальными стебельками или тонкими вѣточками. У меня есть нѣсколько гнѣздъ, вставленныхъ между негибкими стеблями дикихъ злаковъ, соединенныхъ между собою различными стебельками, которые служатъ гнѣзду опорой. Иныя гнѣзда, впрочемъ, привѣшены очень свободно, безъ особеннаго выбора мѣста, такъ что мнѣ много стоило труда, не попортивъ ихъ, придать имъ естественное положеніе.“

О гнѣздѣ топазоваго колибри Шомбургкъ говоритъ, что оно обыкновенно помѣщается на какомъ нибудь раздвоенномъ стебелькѣ, склоняющемся надъ рѣкою, или вплетается въ ползучія растенія, которыя свѣшиваются съ вѣтокъ. „Снаружи гнѣздо имѣетъ цвѣтъ дубленой кожи, а массой своей напоминаетъ трутъ. Чтобы ни яйца, ни птенцы не могли выпасть изъ гнѣзда, когда вѣтеръ раскачиваетъ

тонкія вѣтки, предусмотрительные родители снабдили гнѣздо широкимъ краемъ, загнутымъ внутрь.

Одюбонъ говоритъ, что яйца висиживаются въ теченіе десяти дней, птенцы вырастаютъ въ недѣлю, а въ теченіе второй недѣли послѣ вылупленія родители еще кормятъ своихъ дѣтей. Эти данныя повидимому не совсѣмъ точны. Другіе натуралисты сообщаютъ намъ, что птенцы, вылупляющіеся изъ яйца голыми и слѣпыми, чрезвычайно слабы и „едва могутъ открывать свои маленькіе клювы, чтобы принимать отъ родителей пищу“. Въ теченіе слѣдующихъ дней птенцы покрываются сѣроватымъ пушкомъ, затѣмъ начинаютъ вырастать перья верхней стороны. По словамъ Бурмейстера, они выходятъ изъ яйца лишь послѣ 16-ти-дневнаго висиживанія, черезъ 14 дней послѣ вылупленія у нихъ открываются глаза, черезъ 4 недѣли они выучиваются летать, но до тѣхъ поръ не покидаютъ гнѣзда. Гнѣздо же мать расширяетъ по мѣрѣ того, какъ дѣти растутъ.

Относительно жизни колибри въ неволѣ имѣется нѣсколько наблюденій. Такъ какъ этотъ предметъ интересный для всѣхъ, то приведемъ здѣсь по крайней мѣрѣ самыя вѣрныя сообщенія. „Нѣкоторые люди“, разсказываетъ Азара, „держали колибри въ плѣну. Донъ Педро Мело, намѣстникъ Парагвая, около 4-хъ мѣсяцевъ держалъ у себя взрослыхъ колибри, свободно летавшихъ по комнатѣ. Эти птицы очень хорошо научились узнавать своего хозяина; онѣ цѣловали его и кружились вокругъ него, когда требовали себѣ корму. Тогда Мело приносилъ сосудъ съ сиропомъ, и туда колибри погружали свои языки. Отъ поры до времени онъ подавалъ имъ также цвѣты, и при тщательномъ уходѣ эти милыя птички были почти такъ же рѣзвы, какъ на свободѣ. Онѣ погибли только благодаря небрежности прислуги.“

О другихъ попыткахъ такого же рода Вильсонъ разсказываетъ слѣдующее: „Странныя свойства этихъ птицъ возбудили у многихъ людей желаніе выкармливать ихъ и пріучать къ неволѣ. Коффертъ, наблюдавшій нравы и привычки нашихъ птицъ съ большимъ вниманіемъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держалъ двухъ колибри въ клѣткѣ и кормилъ ихъ растворомъ меда. Эта сладкая жидкость привлекала къ себѣ маленькихъ мухъ и мошекъ, и птицы забавлялись тѣмъ, что схватывали ихъ и съѣдали съ такой жадностью, что насѣкомыя составляли довольно значительную часть ихъ корма. Пиль вырастилъ двухъ молодыхъ колибри. Они свободно летали по комнатѣ и часто, когда бывали голодны, опускались на плечо своего хозяина. Хозяинъ же ихъ замѣтилъ, что когда въ комнату свѣтило солнце, то колибри, на манеръ мухоловокъ, схватывали маленькихъ молей.“

„Покидая Англію“, говоритъ Госсе, „я рѣшилъ, если возможно, привезти эти блестящія созданія въ Европу живыми, и собравъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно хохлатаго колибри, я думалъ, что онъ особенно пригоденъ для такого опыта. Мои надежды не оправдались; но всѣ мои труды и старанія близко познакомили меня съ нравами и привычками этой птицы. Многія изъ этихъ птицъ были пойманы мною и моими слугами при помощи обыкновенной сѣтки, какая употребляется для ловли бабочекъ; западни же, восхваляемыя нѣкоторыми писателями, по моему, больше смысла имѣютъ въ кабинетѣ ученаго, нежели въ лѣсу. Мы часто замѣчали, что любопытство этихъ птичекъ пересиливало ихъ страхъ. Когда мы приготавливали сѣтку для ловли, онѣ часто не слетали съ мѣста, а, напротивъ, подлетали ближе и вытягивали шею, чтобы наблюдать это орудіе, такъ что намъ ничего не стоило ловить ихъ. Нерѣдко колибри, котораго мы нѣсколько разъ пытались схватить, возвращался и порхалъ надъ самыми нашими головами, заглядывая намъ въ лицо съ невозмутимымъ довѣріемъ. Но было очень трудно принести домой этихъ птицъ, пойманныхъ такъ легко; обыкновенно онѣ уже умирали прежде, чѣмъ мы успѣвали донести ихъ до дому, хотя не потерпѣли ни малѣйшаго поврежденія, а тѣ, которыхъ мы приносили домой повидимому совершенно здоровыми, всегда умирали на другой же день. Сначала я спѣшилъ какъ можно скорѣе помѣстить въ клѣтку только что пойманныхъ колибри; но и здѣсь, хотя они и не причиняли себѣ никакого вреда, они всегда

погибали. Они вдругъ падали на дно клѣтки, и здѣсь оставались лежать неподвижно и съ закрытыми глазами. Если ихъ брали въ руки, то они, повидимому, на нѣсколько мгновеній возвращались къ жизни; онѣ поворачивали свою красивую головку назадъ или трясли ею, словно испытывая сильныя боли, раскрывали крылья, открывали глаза, растопыривали перышки на груди и умирали безъ всякихъ судорожныхъ вздрагиваній. Такова была участь моихъ первыхъ опытовъ.

„Осенью я поймалъ двухъ молодыхъ самцовъ и посадилъ ихъ не въ клѣтку, а въ мою рабочую комнату, предварительно заперевъ всѣ окна и двери. Птицы были живыя, но не пугливыя, обнаруживали рѣзвость и довѣріе ко мнѣ, напр., безъ всякаго колебанія садились иногда на мой палецъ. Принесенные мною цвѣты они тотчасъ же принялись обыскивать; но я сейчасъ же замѣтилъ, что на нѣкоторые цвѣты они смотрѣли внимательно, другими совершенно пренебрегали. Поэтому я принесъ больше такихъ цвѣтовъ, которые имъ были по вкусу, и когда я вошелъ въ комнату съ букетомъ такихъ цвѣтовъ въ рукахъ, то имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ птички обыскивали цвѣты, пока я еще держалъ ихъ. Милыя созданія порхали теперь на разстояніи не болѣе 2-хъ см. отъ моего лица и самымъ тщательнымъ образомъ обыскивали всѣ цвѣты. Когда я и эти цвѣты поставилъ въ сосудъ съ водою, то птицы подлетали то къ тому, то къ другому букету, а въ промежуткахъ рѣзвились, летая по комнатѣ, или садились на разные предметы. Хотя колибри иногда и приближались къ окнамъ, но никогда не бились о нихъ. Когда они летали, я часто слышалъ, какъ они хлопали клювомъ — это означало, что они поймали маленькое насѣкомое. Спустя нѣкоторое время одинъ изъ нихъ вдругъ упалъ въ уголъ и умеръ. Другой продолжалъ сохранять свою живость. Такъ какъ я опасался, что цвѣты уже пусты, то наполнилъ небольшую банку сахарнымъ сиропомъ, закупорилъ ее пробкой, а пробку проткнулъ гусинымъ перомъ, въ которое воткнулъ большой цвѣтокъ, обрѣзанный снизу. Птица немедленно прилетѣла, прицѣпилась къ краю банки и воткнула свой клювъ въ трубочку. Угощеніе очевидно ей понравилось, такъ какъ она долго наслаждалась, а когда улетѣла, въ трубочкѣ больше соку не было. Очень скоро колибри подлетѣлъ къ перу, не украшенному цвѣткомъ, и въ теченіе дня отлично познакомился со своимъ новымъ источникомъ корма. Около заката солнца онъ усѣлся на протянутомъ шнуркѣ и заснулъ; на другое утро еще до восхода солнца онъ уже проснулся и опорожнилъ свою банку съ сиропомъ. Нѣсколько часовъ спустя, онъ вылетѣлъ въ дверь, которую я по неосторожности забылъ запереть, и исчезъ къ великой моей досадѣ.

„Три самца, пойманные въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, немедленно освоились со своимъ новымъ мѣстомъ жительства. Одинъ изъ нихъ тотчасъ же отыскалъ банку съ сахарнымъ сиропомъ и нѣсколько разъ сосалъ изъ нея. Одинъ умеръ, другіе же два стали такими ручными, что одинъ уже въ тотъ же самый день, когда былъ пойманъ, подлеталъ къ моему лицу, садился мнѣ на губы или на подбородокъ, совалъ мнѣ свой клювъ въ ротъ и лизалъ мою слюну. Онъ сталъ такъ смѣлъ и такъ часто повторялъ свои опыты, что, наконецъ, прямо таки надоѣлъ мнѣ, ибо упорно совалъ во всѣ части моего рта свой выдвижной языкъ, попадая то между челюстью и щекой, то подъ языкъ и т. д. Желая наградить его, я бралъ немного сиропу въ ротъ и тихимъ звукомъ, который онъ очень скоро научился понимать, подзывалъ его къ себѣ. Свѣжіе цвѣты, повидимому, не особенно были ему по вкусу, и даже когда я принесъ въ комнату цвѣты моринги (Moringa), къ которымъ онъ постоянно подлеталъ на свободѣ, то замѣтилъ, что птица, освидѣтельствовавъ ихъ одинъ разъ, перестала къ нимъ подлетать. Каждый колибри выбралъ себѣ особое мѣстечко на шнуркахъ, протянутыхъ поперекъ комнаты, и всегда возвращался на это мѣсто. Такимъ же образомъ, каждый выбралъ себѣ еще одно или два мѣста для временнаго отдохновенія и аккуратно посѣщалъ ихъ, не прогоняя оттуда сосѣда. Даже въ томъ случаѣ, когда одного изъ колибри силой прогоняли, онъ все-таки возвращался въ однажды избранное мѣсто, вполнѣ соотвѣтствовавшее мѣстечку, занимаемому имъ на свободѣ. Поэтому мы

могли смѣло разсчитывать, найдя такое мѣстечко въ лѣсу, что черезъ нѣсколько минутъ поймаемъ обладателя его посредствомъ птичьяго клея.

„Болѣе смѣлый изъ моихъ питомцевъ былъ большой забіяка и то и дѣло нападалъ на своего болѣе мирнаго собрата, который всегда отступалъ. Послѣ этого, забіяка садился и издавалъ веселый крикъ, звучащій вродѣ „скрип“. Черезъ день или два, преслѣдуемому надоѣла разыгрываемая имъ роль, и онъ въ свою очередь сдѣлался тираномъ, отогнавъ своего товарища отъ банки съ сиропомъ.

„Привыкнувъ немного къ комнатѣ, птицы обнаруживали неподражаемую живость. Онѣ принимали самыя разнообразныя позы, вертѣлись во всѣ стороны, даже сидя, такъ что обильное ихъ опереніе при различномъ освѣщеніи блестѣло удивительно красиво. Онѣ летали взадъ и впередъ, продѣлывая на воздухѣ самыя милыя штуки, и притомъ производили все это такъ быстро и неожиданно, что глазъ часто не могъ услѣдить за ихъ движеніями. Вотъ блестящее созданіе въ одномъ углу, но вотъ уже слышится шумъ его невидимыхъ крыльевъ въ другомъ, сзади васъ, или же вы замѣчаете его порхающимъ передъ вашимъ лицомъ, не зная, какимъ образомъ оно здѣсь очутилось.

„Начиная съ этого времени и до конца мая, у меня перебывало еще около 25-ти колибри и притомъ почти однихъ самцовъ. Одни изъ нихъ были пойманы сѣтью, другіе птичьимъ клеемъ; но изъ нихъ не мало умерло, хотя ихъ посадили въ корзинку тотчасъ же послѣ того, какъ они были пойманы. Эту внезапную смерть колибри я никогда не могъ вполнѣ хорошо себѣ выяснить. Плѣнныя птицы оставались невредимыми въ корзинкѣ, хотя часто прицѣплялись къ ея стѣнкамъ; мнѣ казалось, что сильное вліяніе оказываетъ на нихъ ужасъ, испытываемый ими, когда онѣ попадаются въ плѣнъ.

„Я долженъ замѣтить здѣсь, что характеръ у различныхъ колибри былъ весьма различный. Одни были какъ бы не въ духѣ, недовольны и непокорны, другіе очень боязливы, третьи наконецъ съ первой минуты были ласковые, смирные, ручные и довѣрчивые.

„Обыкновенный мой образъ дѣйствія для того, чтобы пріучить ихъ къ комнатѣ и къ сосуду съ сахарнымъ сиропомъ, былъ очень простъ. Когда открывали корзинку, въ которой мнѣ приносили новичковъ, то птицы вылетали и притомъ обыкновенно по направленію къ потолку, рѣже по направленію къ окну. Спустя короткое время, колибри уже летали упомянутымъ способомъ вдоль стѣнъ, отъ поры до времени касаясь ихъ клювомъ или грудью. Зорко наблюдая за ними, можно было подмѣтить, когда птицы были утомлены и уже съ трудомъ держались на воздухѣ. Тогда онѣ обыкновенно безъ сопротивленія давали брать себя въ руки и сажать на палецъ. Разъ птица уже сидѣла у меня на пальцѣ, я бралъ въ ротъ немного сахару и клалъ ея клювъ между своими губами. Иногда колибри начинали тотчасъ же сосать, иногда же приходилось приглашать ихъ къ этому по нѣскольку разъ; но всѣ они въ концѣ концовъ начинали сосать у меня изо рта, а испробовавъ это хоть разъ, всегда готовы были сосать еще. Послѣ этого перваго урока я осторожно сажалъ плѣнника на шнурокъ, и если эта птица отличалась кроткимъ нравомъ, то продолжала сидѣть на шнуркѣ. Впослѣдствіи, вмѣсто моихъ губъ, я предлагалъ птицамъ стаканъ съ сиропомъ, и отвѣдавъ изъ него сиропу разъ или два, колибри самъ отыскивалъ его на столѣ; съ этихъ поръ я могъ считать птицу прирученной. Теперь ея время дѣлилось между летаніями по комнатѣ и паузами, спокойно проводимыми на шнуркахъ. При этомъ мнѣ часто казалось, что два колибри преслѣдуютъ другъ друга на лету. Мнѣ казалось, что эти движенія отличаются дружелюбнымъ характеромъ. Послѣ болѣе тщательнаго наблюденія я убѣдился, что это постоянное слетаніе со шнурка имѣло цѣлью ловить крошечныхъ, невидимыхъ для человѣческаго глаза насѣкомыхъ. Очень часто я слышалъ, какъ птицы захлопывали клювъ, одинъ или два раза видѣлъ также, какъ была поймана муха, достаточно большая для того, чтобы человѣкъ могъ ее замѣтить.

„Когда мои плѣнные колибри пожили нѣкоторое время въ упомянутой комнатѣ, я посадилъ пятерыхъ въ большую клѣтку, одна сторона которой представляла со-

бою проволочную рѣшетку. Я очень боялся, что эта перемѣна сильно подѣйствуетъ на птицъ и потому посадилъ ихъ въ клѣтку вечеромъ въ надеждѣ, что онѣ за ночь успокоятся. Уже раньше онѣ освоились съ внутренностью клѣтки при посредствѣ сосуда съ сиропомъ, такъ что она для нихъ представляла собою уже нѣчто знакомое. Послѣ того, какъ я заперъ дверцы, колибри еще нѣкоторое время попорхали; на другой день я съ радостью увидѣлъ, что всѣ они спокойно сидѣли на жердочкахъ и пили сиропъ. Вскорѣ я впустилъ въ клѣтку еще двухъ самцовъ, а затѣмъ одну самку.

„Я сильно надѣялся, что мнѣ удастся привезти ихъ живыми въ Англію, такъ какъ полагалъ, что преодолѣлъ самыя большія трудности. Но надежды мои скоро рушились. Уже черезъ недѣлю послѣ того, какъ птицы были посажены въ клѣтку, онѣ стали погибать. Иногда въ одинъ день умирало по два колибри. На второй недѣлѣ у меня оставался только одинъ колибри, который вскорѣ послѣдовалъ за другими. Напрасно пытался я замѣнить ихъ новыми: мѣста, гдѣ я охотился на нихъ самымъ успѣшнымъ образомъ, теперь опустѣли. Причиной смерти несомнѣнно былъ недостатокъ въ съѣдаемыхъ насѣкомыхъ; ибо сиропъ, который птицы пили все время, не могъ поддержать ихъ существованія. Всѣ умершіе колибри были чрезвычайно худые, а желудки ихъ такъ съежились, что ихъ трудно было и признать за желудки. Въ болѣе обширномъ пространствѣ птицы еще могли ловить насѣкомыхъ, въ клѣткѣ же это оказалось невозможнымъ.“

Всѣ американцы любятъ колибри за ихъ изящество и красоту. Поэтому эти птицы подвергаются преслѣдованію только со стороны европейцевъ, составляющихъ себѣ коллекціи. Мелкая дробь вполнѣ пригодна для охоты на колибри, если только брать надлежащій зарядъ и цѣлиться съ надлежащаго разстоянія. Въ остальныхъ отношеніяхъ охота на колибри не представляетъ трудности и не требуетъ особенной ловкости.

Кромѣ человѣка, у колибри мало или совсѣмъ нѣтъ враговъ. Едва-ли эти птицы подвергаются нападеніямъ со стороны хищныхъ животныхъ вообще, ибо ни одно хищное животное не можетъ двигаться съ такою быстротою, какъ эти маленькія созданія. Молодые колибри могутъ зато часто дѣлаться добычей лазящихъ хищныхъ млекопитающихъ или птицъ, обкрадывающихъ гнѣзда. Въ общемъ, крылатымъ алмазамъ мало грозитъ опасности. Это доказывается уже огромнымъ количествомъ ихъ, несмотря на небольшую плодовитость. Прежде много говорили о какихъ-то сказочныхъ врагахъ, будто бы угрожающихъ колибри; съ ними приводили въ связь большого паука-птицеѣда и думали, что этотъ паукъ ловитъ ихъ такъ же, какъ крестовикъ ловитъ мухъ. Но въ настоящее время мы настолько знакомы съ характеромъ колибри, что имѣемъ полное право сомнѣваться въ правдивости подобныхъ разсказовъ, хотя и можемъ допустить, что сѣти большихъ пауковъ иногда могутъ задерживать маленькаго колибри, котораго паукъ можетъ даже немножко потрепать и покусать. Но колибри не такъ неуклюжи, какъ напр. маленькіе зяблики, изъ которыхъ Бетсъ однажды нашелъ двухъ запутавшихся въ одну и ту же паутину: колибри понимаютъ грозящую имъ опасность и умѣютъ съ успѣхомъ избѣгать ея.

Ближайшіе родственники колибри, стрижи (Cypselidae), тоже маленькія, но крѣпко сложенныя птицы съ продолговатымъ туловищемъ, короткой шеей и широкой, довольно плоской головой; клювъ маленькій, очень короткій, слабый, треугольный, т. е. расширенный сзади, а на концѣ сплюснутый, и нѣсколько дугообразный; створки клюва могутъ такъ глубоко расщепляться, что зѣвъ раскрывается очень широко. Крылья узкія и, благодаря изогнутымъ маховымъ перьямъ, изгибаются въ видѣ сабли. Хвостъ бываетъ очень различный, то короче, то длиннѣе, то съ менѣе, то съ болѣе глубокимъ вырѣзомъ. Ноги короткія и сравнительно сильныя, особенно крѣпка плюсна, короткіе пальцы снабжены сжатыми съ боковъ, сильно загнутыми и очень острыми когтями. Опереніе въ общемъ мелкое и гру-

бое, въ рѣдкихъ случаяхъ съ металлическимъ блескомъ, какъ у колибри, обыкновенно же одноцвѣтное и темное.

По словамъ Ницша, стрижи хотя похожи на ласточекъ по внѣшней формѣ и по нѣкоторымъ соотношеніямъ внутренняго строенія, но во многихъ отношеніяхъ стрижи весьма сильно отличаются отъ ласточекъ, а въ иныхъ отношеніяхъ и отъ всѣхъ птицъ.

Стрижи водятся во всѣхъ частяхъ свѣта и живутъ здѣсь во всѣхъ поясахъ широты, за исключеніемъ холоднаго, а также водятся на всѣхъ высотахъ, начиная съ морского берега вплоть до снѣговой линіи. Они встрѣчаются какъ въ лѣсахъ, такъ и въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, преимущественно же въ горахъ и въ городахъ, такъ какъ стѣны скалъ и каменныхъ домовъ представляютъ для нихъ самыя удобныя мѣста для устройства гнѣзда.

Болѣе всякихъ другихъ птицъ стрижей можно назвать обитателями воздушнаго океана. Съ ранняго утра до поздней ночи они пребываютъ въ неутомимой дѣятельности. Силы ихъ повидимому никогда не слабѣютъ, и ночью они отдыхаютъ лишь немного часовъ. Превосходныя орудія полета даютъ имъ возможность ежедневно пролетать разстоянія, которыя, вмѣстѣ взятыя, составятъ цѣлыя сотни верстъ. Въ противоположность ласточкамъ, стрижи обыкновенно летаютъ въ высокихъ слояхъ воздуха, и нѣкоторые виды взвиваются, кружась, на такую высоту, что совершенно исчезаютъ съ нашихъ глазъ. Полетъ ихъ можно узнать издалека. Крылья, когда открыты, похожи на полумѣсяцъ и приводятся въ движеніе такъ быстро и порывисто, что полетъ напоминаетъ скорѣе порханіе насѣкомыхъ и колибри, чѣмъ взмахи крыльями у другихъ птицъ. Иногда въ теченіе нѣсколькихъ минутъ стрижи управляютъ своимъ полетомъ только помощью легкаго поворачиванья крыльями и хвостомъ, посредствомъ приведенія крыльевъ въ различное положеніе, котораго мы почти или совсѣмъ подмѣтить не можемъ, и тѣмъ не менѣе стрѣлою мчатся по воздуху. Они прекрасно умѣютъ также вертѣться и кружиться на всѣ лады; но по изяществу и привлекательности движеній значительно уступаютъ ласточкамъ. На землѣ стрижи существа совершенно безпомощныя, — неспособныя ходить и почти неспособныя ползать. Зато они лазаютъ, если и не особенно искусно, но все-таки довольно ловко вверхъ по каменнымъ стѣнамъ и откосамъ скалъ и внизъ и вверхъ внутри углубленій стѣнъ или скалъ.

Вѣчная ихъ подвижность обусловливаетъ значительную трату силъ и необходимость возстановленія ихъ при помощи чрезвычайно обильнаго питанія. Стрижи гораздо прожорливѣе ласточекъ и уничтожаютъ въ день сотни тысячъ насѣкомыхъ, составляющихъ ихъ исключительную пищу; даже самые крупные виды этого семейства, по величинѣ равные приблизительно дрозду, питаются главнымъ образомъ мелкими насѣкомыми, которыя носятся высоко на воздухѣ и по всей вѣроятности намъ еще совсѣмъ неизвѣстны.

Изъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего развито зрѣніе, какъ показываютъ уже большіе глаза, лишенные рѣсницъ; второе мѣсто вѣроятно занимаетъ слухъ; о прочихъ чувствахъ мы ничего сказать не можемъ. Духовныя способности, повидимому, развиты мало. Стрижи хотя общительныя, но отнюдь не миролюбивыя созданія, а напротивъ, сварливыя и драчливыя и ссорятся не только съ себѣ подобными, но и съ другими птицами.

Всѣ стрижи, живущіе въ умѣренномъ поясѣ земного шара, птицы перелетныя; тѣ же, что̀ обитаютъ въ тропическихъ странахъ, — птицы по меньшей мѣрѣ бродячія. Перелетъ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ видовъ, совершается съ величайшею правильностью. На родинѣ своей стрижи появляются почти всегда въ одинъ и тотъ же опредѣленный день года и въ опредѣленный же день покидаютъ ее; но время, проводимое на родинѣ, весьма различно у различныхъ видовъ.

Перелетныя птицы, принадлежащія къ этому семейству, начинаютъ вить гнѣздо тотчасъ послѣ прибытія на родину; ибо они такъ недолго остаются здѣсь, что съ высиживаніемъ птенцовъ поневолѣ приходится спѣшить. Гнѣзда стрижей не похожи на гнѣзда другихъ птицъ. Немногіе виды строятъ изящныя гнѣзда, болѣе или менѣе напоминающія гнѣзда ласточекъ; многіе приносятъ въ углубленіе кучу

строительнаго матеріала и самымъ безпорядочнымъ образомъ нагромождаютъ его. Но всегда гнѣзда стрижей отличаются тѣмъ, что строительные матеріалы покрываются и скрѣпляются липкой, быстро твердѣющей слюной птицъ. У нѣкоторыхъ группъ гнѣздо состоитъ главнымъ образомъ только изъ такой слюны. Въ гнѣздо кладется только одно яйцо, или вообще мало яицъ, свѣтлыхъ и по формѣ похожихъ на валекъ. Самка одна сидитъ на яйцахъ; выкармливаютъ же птенцовъ оба родителя общими силами. Каждая парочка выводитъ птенцовъ однажды, много дважды въ годъ.

Стрижи не годятся для жизни въ неволѣ. Впрочемъ, птенцовъ, вынутыхъ изъ гнѣзда, можно вырастить въ комнатѣ. Стрижи, пойманные взрослыми, не привыкаютъ къ клѣткѣ и въ ней или безпомощно лежатъ на днѣ, или же безъ устали лазаютъ по стѣнамъ, никакой пищи не трогаютъ и погибаютъ или благодаря своей неукротимой натурѣ, или отъ истощенія. Молодымъ птицамъ, вынутымъ изъ гнѣзда, сначала приходится класть пищу въ ротъ, пока они не научатся ѣсть сами. Но настоящими друзьями человѣка стрижи никогда не дѣлаются.

*

Бѣлобрюхій стрижъ (Micropus melba или Cypselus melba) достигаетъ въ длину 22 см. Всѣ верхнія части тѣла, бока головы и нижнія кроющія перья хвоста окрашены въ темный дымчато-бурый цвѣтъ. Большое пятно, занимающее подбородокъ и горло, а также грудь, брюшко и задъ, бѣлые, такъ что на верхней части груди замѣтна только бурая полоса, которая, занимая съ обѣихъ сторонъ мѣсто между основаніемъ клюва и плечомъ, на серединѣ груди значительно съуживается. Маховыя перья черновато-бурыя съ явственнымъ металлическимъ зеленымъ блескомъ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, голыя ноги такого же цвѣта.

Центральное мѣсто, гдѣ водится этотъ красивый стрижъ, — это бассейнъ Средиземнаго моря. Отсюда область, въ которой онъ встрѣчается, распространяется съ одной стороны до прибрежья Португаліи, Пиренеевъ и Альповъ, а съ другой до Атласскихъ горъ и горныхъ цѣпей Малой Азіи и далѣе на востокъ мимо Каспійскаго и Аральскаго моря до сѣверной части Гималаевъ. Бѣлобрюхій стрижъ нигдѣ не является осѣдлой птицей; на сѣверѣ занимаемой имъ области эта птица перелетная, южнѣе по меньшей мѣрѣ бродячая.

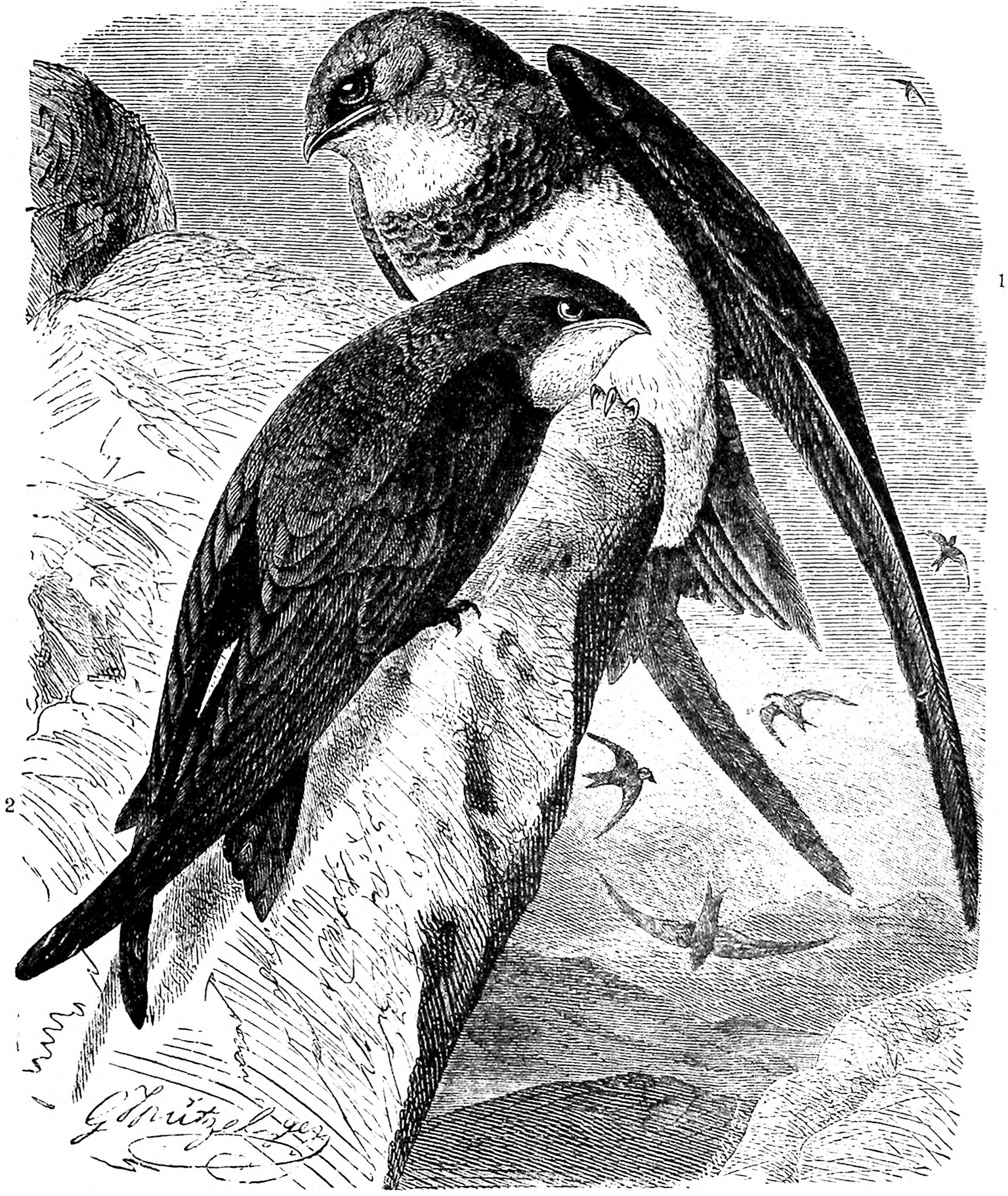
Бѣлобрюхій стрижъ появляется на южномъ берегу Средиземнаго моря гораздо раньше своего родственника, башеннаго стрижа, а именно уже около половины февраля прилетаетъ въ Сирію, въ концѣ марта въ Грецію и нѣсколько позднѣе въ Швейцарію. Здѣсь время его прибытія колеблется, въ зависимости отъ состоянія погоды, между концомъ марта и половиной апрѣля.

Во время перелета, бѣлобрюхій стрижъ нерѣдко переступаетъ сѣверныя границы области своего распространенія и потому его видѣли на сѣверѣ Германіи, въ Даніи и на Британскихъ островахъ. Во время своего зимняго путешествія онъ забирается еще гораздо дальше, чѣмъ на сѣверъ. Подобно своему родственнику, онъ буквально пролетаетъ черезъ всю Африку, всегда появляется на югѣ и юго-западѣ этой части свѣта, въ предгоріяхъ Доброй Надежды и въ Землѣ Нама, и такъ же весело носится надъ Столовыми горами, какъ надъ высочайшими зубцами горъ Сентисъ.

Бѣлобрюхаго стрижа справедливо называютъ альпійскимъ, хотя среди Альповъ онъ далеко не встрѣчается въ такихъ количествахъ, какъ на югѣ. Только здѣсь онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собирается въ огромныя скопища. Въ альпійскихъ же странахъ бѣлобрюхіе стрижи встрѣчаются въ гораздо болѣе скромномъ числѣ. Всѣ высокіе горные хребты Швейцаріи даютъ пріютъ отдѣльнымъ поселеніямъ стрижей; чаще же всего этихъ птицъ можно видѣть на югѣ Альповъ, особенно въ Валлисѣ. Къ востоку число стрижей постепенно убываетъ. Въ Тиролѣ и въ Каринтіи они гнѣздятся лишь въ немногихъ мѣстахъ, и тѣ, кто утверждаютъ, что эти стрижи выводили птенцовъ въ Германіи, впадаютъ въ ошибку.

Родственникъ бѣлобрюхаго стрижа, башенный стрижъ (Micropus apus или Cypselus apus) достигаетъ въ длину 18-ти см.; длина однихъ крыльевъ 17 см. Опереніе одноцвѣтное дымчато-буровато-черное съ черновато-зеленымъ металлическимъ блескомъ, который всего явственнѣе замѣтенъ на спинѣ и на плечахъ. Подбородокъ и горло украшены кругловатымъ бѣлымъ пятномъ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги свѣтло-буроватыя.

Башенный стрижъ съ 1-го мая до августа съ пронзительнымъ крикомъ носится по улицамъ европейскихъ городовъ или кружится вокругъ колоколенъ ста-

1) Бѣлобрюхій стрижъ (Micropus melba), 2) Башенный стрижъ (Micropus apus). ½ естеств. велич.

рыхъ церквей. Это птица очень распространенная. Отъ Скандинавіи до Малаги она встрѣчается во всѣхъ европейскихъ странахъ, а также въ бо́льшей части сѣверной и средней Азіи. Въ Персіи она мѣстами можетъ считаться одною изъ наиболѣе часто встрѣчающихся птицъ и въ огромномъ количествѣ высиживаетъ птенцовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ окрестностяхъ Шираса. Зиму онъ проводитъ въ Африкѣ и въ южной Индіи. Съ удивительною правильностью появляется башенный стрижъ въ Европѣ, такъ въ Германію прилетаетъ 1-го или 2-го мая и остается тамъ до 1-го августа. Въ Испанію башенный стрижъ прилетаетъ въ то-же время, что́ и въ Германію, и въ то-же время улетаетъ оттуда. Въ центральной Африкѣ онъ оказывается уже черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ покинулъ Европу. Повидимому, башенные стрижи всегда путешествуютъ большими обществами. Они появляются вмѣстѣ, и тамъ, гдѣ наканунѣ не было ни одного,

можно видѣть ихъ цѣлыми дюжинами или даже сотнями; покидаютъ они городъ также обыкновенно всѣ въ одну ночь.

Узнать башеннаго стрижа легко даже человѣку, мало знакомому съ птицами. Движенія, дѣйствія, характеръ и вся жизнь стрижа совершенно иные, чѣмъ у ласточки. Подобно своимъ родственникамъ, это въ высшей степени живая, безпокойная, подвижная и проворная птица. Царство башеннаго стрижа — воздухъ; здѣсь, можно сказать, проводитъ онъ всю свою жизнь. Съ перваго проблеска разсвѣта до послѣднихъ отблесковъ вечерней зари носится онъ вверхъ и внизъ, описывая большія дуги, большею частью пребывая на значительныхъ высотахъ, и только по вечерамъ или во время сильнаго дождя спускается внизъ.

Въ Германіи нѣтъ ни одной птицы, которая летала бы лучше стрижа. Полетъ стрижа отличается какъ силою и ловкостью, такъ и неутомимою выдержкой. Стрижъ не умѣетъ продѣлывать такихъ изящныхъ и быстрыхъ колебаній, какъ ласточки, но зато носится по воздуху съ неподражаемою скоростью. Своими узкими, серповидными крыльями онъ иногда двигаетъ такъ сильно и проворно, что они виднѣются лишь въ неясныхъ очертаніяхъ; затѣмъ птица вдругъ широко раскрываетъ ихъ и начинаетъ превосходно плавать и парить по воздуху, совершенно не двигая крыльями. Но только на воздухѣ стрижъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ, на землѣ же ему все чуждо. Трудно себѣ представить существо болѣе безпомощное, чѣмъ стрижъ, лишенный возможности летать и принужденный двигаться по землѣ. О ходьбѣ стрижа не можетъ быть и рѣчи: онъ даже ползать не можетъ. Говорили, что онъ неспособенъ подниматься съ земли, но это отнюдь не вѣрно. Если положить только что пойманнаго стрижа ничкомъ на землю, то онъ тотчасъ же растопыритъ крылья, сильно ударивъ ими, взвивается на воздухъ и затѣмъ пользуется крыльями съ обычной увѣренностью. Къ тому же башенный стрижъ все-таки еще умѣетъ хорошо пользоваться своими ногами. Онъ искусно прицѣпляется къ отвѣснымъ каменнымъ или деревяннымъ стѣнамъ и, кромѣ того, употребляетъ свои пальцы, вооруженные острыми когтями, для того, чтобы защищаться.

Стрижъ птица кричащая, а не поющая; голосъ ея, рѣзкій и пронзительный, лучше всего передается слогами „спи спи“ или „кри“. При волненіи стрижъ издаетъ этотъ послѣдній звукъ безъ конца, и когда по улицамъ носится цѣлое общество, то крикъ ихъ становится иногда просто невыносимымъ. Въ углубленіяхъ, гдѣ они спятъ или высиживаютъ птенцовъ, и старъ, и младъ щебечутъ непрерывно.

Относительно духовныхъ способностей башеннаго стрижа мало можно сказать лестнаго. Изъ внѣшнихъ чувствъ несомнѣнно лучше всего развиты большіе глаза; слухъ пожалуй также можетъ считаться хорошо развитымъ; прочія внѣшнія чувства повидимому развиты слабо. По характеру своему птица стоитъ на низкой ступени. Это властолюбивое, сварливое, необузданное и высокомѣрное существо, которое ни съ однимъ живымъ созданьемъ, даже съ себѣ подобными, не живетъ въ ладу и часто безъ всякаго основанія становится тягостнымъ другимъ животнымъ. Изъ за мѣстъ для устройства гнѣздъ башенные стрижи иногда ссорятся цѣлыми днями и притомъ съ громкимъ крикомъ. Ревнивые самцы въ ярости налетаютъ другъ на друга на воздухѣ, запускаютъ другъ въ друга когти и, крѣпко сцѣпившись такимъ образомъ, падаютъ, кружась, сверху внизъ и часто внизу еще продолжаютъ борьбу, во время которой ихъ можно взять руками.

Для гнѣзда мѣсто выбирается разное, смотря по обстоятельствамъ. Въ Германіи башенный стрижъ устраиваетъ свое гнѣздо на церковныхъ колокольняхъ или на другихъ высокихъ зданіяхъ, въ трещинахъ каменныхъ стѣнъ или во всевозможныхъ дуплахъ деревьевъ, рѣже въ углубленіяхъ на крутыхъ обрывахъ. То и дѣло онъ прогоняетъ скворцовъ и воробьевъ изъ коробковъ, привѣшенныхъ для нихъ, и притомъ такъ безцеремонно, что не смущается даже заставъ самку скворца или воробья сидящей на яйцахъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова бросаетъ на нее или на ея птенцовъ свое безпорядочное гнѣздо и мучаетъ ее до тѣхъ поръ, пока она не покинетъ гнѣзда. Колыбель молодыхъ стрижей состоитъ

изъ стебельковъ травы, сухихъ злаковъ и листьевъ, лоскутковъ тканей, волосъ и перьевъ, или вынутыхъ изъ воробьиныхъ гнѣздъ, или же при сильномъ вѣтрѣ подхваченныхъ на воздухѣ, рѣже подобранныхъ съ земли или съ вѣтвей деревьевъ; все это складывается безъ разбора, а затѣмъ покрывается клейкой слюною, которая твердѣетъ на воздухѣ, какъ слюна прочихъ стрижей. Въ гнѣздо кладется два, самое бо́льшее три очень длинныхъ, почти что цилиндрическихъ яйца, почти равномѣрно закругленныхъ на обоихъ концахъ. Самка высиживаетъ яйца одна, а самецъ во время высиживанья кормитъ ее. Птенцовъ кормятъ оба родителя; но молодые стрижи растутъ очень медленно и только черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего появленія на свѣтъ выучиваются летать. Яйца кладутся не раньше конца мая, птенцы вылупляются къ половинѣ іюня или къ началу іюля, а вылетаютъ изъ гнѣзда лишь въ концѣ іюля мѣсяца.

Башенный стрижъ питается очень маленькими насѣкомыми, опредѣлить которыхъ очень трудно по той причинѣ, что въ желудкѣ убитаго стрижа этихъ насѣкомыхъ всегда находили переваренными или раздавленными, такъ что нельзя было узнать ихъ. Во всякомъ случаѣ тѣ виды насѣкомыхъ, которые составляютъ главную пищу стрижей, летаютъ въ очень высокихъ слояхъ воздуха и притомъ только послѣ рѣшительнаго наступленія теплой погоды. Только этимъ и можно объяснить позднее и разновременное въ различныхъ мѣстностяхъ прибытіе башеннаго стрижа. Непрерывная почти дѣятельность этой птицы единственно и исключительно объясняется ея постояннымъ ненасытнымъ голодомъ; тѣмъ не менѣе въ случаѣ нужды башенный стрижъ можетъ изумительно долго выдерживать постъ: говорятъ, что плѣнные стрижи, оставленные безъ пищи, умирали съ голоду лишь черезъ шесть недѣль послѣ того, какъ были пойманы.

У всѣхъ видовъ стрижей враговъ мало. Въ Германіи развѣ только одинъ чеглокъ гоняется за этими птицами, которыя показываются только на лету и летаютъ такъ быстро. Человѣкъ преслѣдуетъ стрижей въ Германіи только тогда, когда они начинаютъ докучать скворцамъ и дѣлаются для нихъ опасными. Въ южной Европѣ эта полезная птица подвергается самымъ незаслуженнымъ преслѣдованіямъ. По словамъ Сави, мясо молодыхъ стрижей считается на югѣ Европы очень вкуснымъ, и потому находится много его любителей. Для добыванія этого лакомаго кусочка люди устраиваютъ для стрижей, встрѣчающихся тамъ очень часто, удобныя жилища въ видѣ углубленій на высокихъ каменныхъ стѣнахъ или башняхъ, притомъ такъ, что изнутри можно изслѣдовать и вынимать содержимое гнѣзда. Передъ тѣмъ, какъ молодыя птицы выучиваются летать, ихъ вынимаютъ и убиваютъ всѣхъ, кромѣ одной, а затѣмъ жарятъ и ѣдятъ. Близъ Каррары для стрижей спеціально выстроена на выступѣ скалы башенка, гдѣ они высиживаютъ птенцовъ.

*

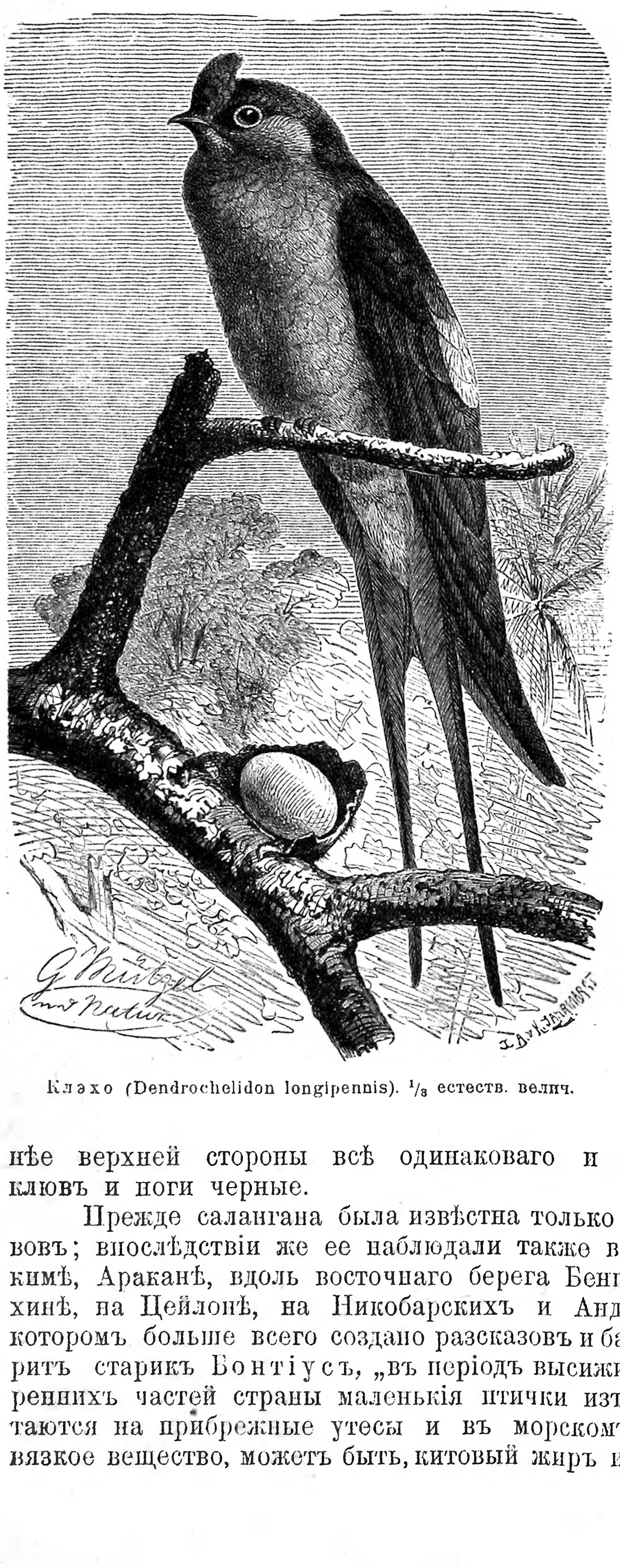
Въ Индіи и на ея островахъ, въ Австраліи и въ Африкѣ водится рѣзко обособленный родъ разсматриваемаго семейства, а именно древесные стрижи (Dendrochelidon).

Одинъ видъ этого рода, клэхо (Dendrochelidon longipennis, рис. на стр. 344), носящій названіе, напоминающее его крикъ, достигаетъ въ длину 18-ти см. Хохолокъ, торчащій на передней части головы и состоящій изъ широкихъ перьевъ, верхняя часть головы, спина, плечи и кроющія перья крыльевъ темнаго черновато-зеленаго цвѣта съ слабымъ металлическимъ блескомъ, концы кроющихъ перьевъ крыла съ стальнымъ синимъ блескомъ, маховыя перья и кроющія перья кисти верхнихъ конечностей черныя съ черновато-синимъ отливомъ, заднія большія и малыя маховыя перья съ стальнымъ зеленоватымъ блескомъ; подбородокъ, горло, зобъ, шея и бока туловища свѣтло-сѣрые, нижнія кроющія перья крыла черновато-зеленыя, рулевыя перья, образующія глубокій вырѣзъ, черныя.

Область распространенія этого вида обнимаетъ Большіе Зондскіе острова, Яву, Суматру, Борнео, Бангку и полуостровъ Малакку.

Всѣ древесные стрижи ведутъ жизнь совершенно иную, чѣмъ ихъ родственники; главную особенность ихъ составляетъ способъ высиживанія птенцовъ. Древесные

стрижи — обитатели джунглей и тому подобныхъ лѣсныхъ чащъ, расположенныхъ на равнинахъ. Они охотно сидятъ на деревьяхъ, но лазаютъ не особенно искусно. Клехо сооружаетъ на свободно торчащей вѣткѣ гнѣздо, состоящее изъ различныхъ растительныхъ веществъ, которыя скрѣпляются клейкою слюною птицы, что́ напоминаетъ устройство гнѣзда саланганъ. Гнѣздо клэхо такое маленькое, что птица, высиживая свое единственное яйцо, принуждена сидѣть на вѣткѣ и покрывать гнѣздо только брюшкомъ. Подобное же положеніе приходится принимать молодому клэхо, едва только онъ немножко подрастетъ. Клэхо встрѣчается на Явѣ вездѣ, но нигдѣ не встрѣчается часто. Это объясняется его незначительнымъ размноженіемъ.

Клэхо (Dendrochelidon longipennis). 1/3 естеств. велич.

*

Саланганы (Collocalia) — это стрижи, извѣстные уже въ теченіе многихъ столѣтій, но жизнь которыхъ мало изслѣдована до сихъ поръ, и вьющіе знаменитыя съѣдобныя гнѣзда. Признаки этого рода слѣдующіе: небольшая величина, очень маленькій, сильно крючковатый клювъ и весьма слабыя ноги, задній палецъ которыхъ направленъ назадъ, довольно длинныя крылья и средней длины прямо обрѣзанный или слегка выемчатый хвостъ. Опереніе довольно жесткое, просто окрашенное. Изъ внутреннихъ частей особеннаго вниманія заслуживаютъ сильно развитыя слюнныя железы.

Представительница этого рода, саланган а (Colocallia nidifica), врядъ ли превосходитъ величиной европейскую береговую ласточку; длина ея 13 см. Опереніе верхней части темнаго дымчатаго черно-бураго цвѣта съ металлическимъ блескомъ, опереніе нижней части дымчатаго сѣровато-бураго цвѣта. Перья очень слабо выемчатаго хвоста нѣсколько темнѣе верхней стороны всѣ одинаковаго и чернаго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черные.

Прежде саланган а была извѣстна только какъ обитательница Зондскихъ острововъ; впослѣдствіи же ее наблюдали также въ горахъ Ассама, въ Нильгири, Сикимѣ, Араканѣ, вдоль восточнаго берега Бенгальскаго залива, въ Сіамѣ, Кохинхинѣ, на Цейлонѣ, на Никобарскихъ и Андоманскихъ островахъ. Это видъ, о которомъ больше всего создано разсказовъ и басенъ. „На китайскомъ берегу“, говоритъ старикъ Бонтіусъ, „въ періодъ высиживанія птенцовъ появляются изъ внутреннихъ частей страны маленькія птички изъ породы ласточекъ; эти птицы слетаются на прибрежные утесы и въ морскомъ илѣ у подножія скалъ собираютъ вязкое вещество, можетъ быть, китовый жиръ или рыбью икру, изъ котораго строятъ

свои гнѣзда. Китайцы срываютъ эти гнѣзда со скалъ и во множествѣ привозятъ ихъ въ Индію, гдѣ ихъ покупаютъ за большія деньги, варятъ въ куриномъ или бараньемъ бульонѣ и ѣдятъ, причемъ гастрономы предпочитаютъ это лакомое блюдо всякому другому.“ Такое мнѣніе держится болѣе или менѣе до послѣдняго времени. Почти всѣ путешественники высказываютъ мнѣніе, будто вещество, изъ котораго сооружаются съѣдобныя гнѣзда, извлекается изъ моря и изъ того, что̀ водится въ морѣ. Марсденъ изслѣдовалъ вещество, изъ котораго состоятъ гнѣзда и нашелъ, что это нѣчто среднее между студнемъ и яичнымъ желткомъ. Вещество это довольно долгое время сопротивляется дѣйствію горячей воды, спустя нѣсколько часовъ растворяется, а высыхая, снова твердѣетъ, но становится хрупкимъ, такъ какъ часть студня остается въ водѣ. Прочихъ сообщеній мы не станемъ здѣсь подробно разсматривать: все это не болѣе какъ предположенія, имѣющія мало значенія. Благодаря наблюденіямъ Бернштейна, мы въ настоящее время знаемъ въ точности, изъ какого вещества состоятъ съѣдобныя „ласточкины“ гнѣзда.

„Нельзя удивляться“, говоритъ этотъ замѣчательный ученый, „что высказывались такія разнообразныя мнѣнія относительно вещества, изъ котораго состоятъ съѣдобныя гнѣзда; ибо пока вѣрили словамъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ туземцевъ и считали ихъ сообщенія вѣрными, или пока изъ внѣшняго сходства этихъ гнѣздъ съ другими, совершенно иного рода веществами, дѣлали слишкомъ поспѣшныя заключенія, — врядъ ли можно было надѣяться узнать истину. Только непосредственное наблюденіе, безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, за дѣятельностью этихъ птицъ на самыхъ мѣстахъ высиживанія, могло привести къ желанной цѣли. Это однако сопряжено со многими трудностями, такъ какъ эти животныя устраиваютъ свои гнѣзда въ темныхъ, почти неприступныхъ пещерахъ, гдѣ часто трудно бываетъ явственно различать предметы, а тѣмъ болѣе наблюдать за крайне подвижными птицами. Это впрочемъ относится только къ саланганѣ въ узкомъ смыслѣ слова. Гораздо легче наблюдать за другимъ видомъ, живущимъ на Явѣ и носящимъ тамъ названіе кузаппи, такъ какъ гнѣзда этой птицы помѣщаются въ болѣе доступныхъ мѣстахъ, или въ переднихъ, болѣе свѣтлыхъ частяхъ пещеръ, въ которыхъ обитаютъ также и саланганы, или же въ совершенно открытыхъ мѣстахъ, напр. на выступахъ скалъ и т. д. Нѣсколько разъ мнѣ посчастливилось наблюдать этотъ видъ во время самой постройки гнѣзда, тогда какъ наблюдать за салангой мнѣ удавалось рѣже, вслѣдствіе выше приведенныхъ причинъ, и никогда не удавалось этого дѣлать такъ основательно.

„Съѣдобныя гнѣзда уже давно извѣстны по своему наружному виду, и нѣсколько старинныхъ писателей дали намъ хорошія и точныя ихъ описанія. Въ общемъ они по формѣ похожи на четверть яичной скорлупы, раздѣленной по продольной оси на четыре равныя части. Сверху гнѣзда открыты, а скала, къ которой они прикрѣплены, образуетъ въ то же время заднюю стѣну гнѣзда. Само гнѣздо чрезвычайно тонко, но его верхній, свободный край расширяется по направленію назадъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно примыкаетъ къ скалѣ, образуетъ крылообразный придатокъ различной прочности, который связанъ съ камнемъ при помощи широкаго плоскаго основанія и составляетъ главную опору самаго гнѣзда. Гнѣздо это, вслѣдствіе тонкости стѣнокъ, представляетъ собою прозрачную бѣловатую или буроватую массу, вродѣ клея, на которой уже при поверхностномъ разсмотрѣніи можно явственно замѣтить поперечныя полосы. Эти поперечныя полосы идутъ волнообразно, болѣе или менѣе въ одинаковомъ направленіи и, очевидно, происходятъ вслѣдствіе того, что матеріалъ при постройкѣ гнѣзда располагался слоями. Это единственный признакъ, показывающій систему сооруженія гнѣзда. Болѣе темныя, буроватыя гнѣзда, мало цѣнимыя въ торговлѣ, я считаю за старыя, въ которыхъ птицы были выкормлены и воспитаны, бѣлыя же, болѣе дорогія гнѣзда — за только что сооруженныя. Другіе полагаютъ, что это гнѣзда двухъ различныхъ видовъ птицъ; но такъ какъ мнѣ не удалось раздобыть птицы, пойманной на буромъ гнѣздѣ, то я не могу рѣшить этого вопроса. Множество переходовъ отъ совершенно бурыхъ къ совершенно бѣлымъ гнѣздамъ, а также совершенно одинаковое строеніе говорятъ въ пользу того, что это гнѣздо одного вида. Наконецъ, и въ

тѣхъ, и въ другихъ гнѣздахъ попадаются отдѣльныя маленькія перышки, случайно приставшія къ матеріалу, изъ котораго сооружено гнѣздо.

„Въ это гнѣздо, ничѣмъ не устланное, птица кладетъ свои два блестяще-бѣлыхъ, довольно длинныхъ и остроконечныхъ яйца. Иногда въ гнѣздѣ можно найти и три яйца; но два — число болѣе обыкновенное. Въ продольномъ разрѣзѣ яйцо равняется приблизительно 20 мм., въ поперечномъ — приблизительно 14 мм.

„Гнѣздо кузапши (Collocalia fuciphaga) по внѣшнему виду вполнѣ похоже на гнѣздо салангапы, но существенно отличается отъ гнѣзда салангапы тѣмъ, что состоитъ главнымъ образомъ изъ стеблей растеній и т. п., причемъ эти вещества связываются между собою, и самое гнѣздо прикрѣпляется къ стѣнѣ при помощи упомянутой клейкой, роговидной массы. Поэтому стебельковъ и т. п. больше въ задней части гнѣзда, особенно въ упомянутыхъ крылообразныхъ или рукообразныхъ продолженіяхъ верхняго свободнаго края. Продолженія эти, впрочемъ, замѣчаются не съ такою правильностью, какъ у другого яванскаго вида, а иногда совершенно отсутствуютъ, особенно, если прочій строительный матеріалъ болѣе плотный и менѣе нуждающійся въ опорѣ. У меня есть довольно большое количество гнѣздъ этихъ птицъ; они были найдены подъ стропилами одного общественнаго зданія въ Батавіи. Гнѣзда эти сооружены всегда изъ тонкихъ, очень гибкихъ цвѣточныхъ стебельковъ, конскихъ волосъ и немногихъ стебельковъ травы, причемъ эти матеріалы расположены почти въ одинаковомъ направленіи одно надъ другимъ, не переплетаясь между собою, какъ это замѣтно на гнѣздахъ другихъ птицъ. Въ данномъ случаѣ животному, слѣдовательно, нужно было связующее вещество, а потому указанные матеріалы покрыты и соединены упомянутой массой, похожей на клей или на рогъ, и эта масса въ болѣе значительномъ количествѣ находится въ задней части гнѣзда. Еще три гнѣзда я нашелъ на выступѣ скалы. Они состояли изъ другихъ растительныхъ матеріаловъ, которые легко могутъ быть связаны и переплетены между собою. Поэтому птица въ данномъ случаѣ мало пользовалась той клейкой массой; я нашелъ ее главнымъ образомъ только въ задней части гнѣзда: растительные матеріалы только были прикрѣплены къ скаламъ помощью клея и лишь слегка покрыты ими сверху.“

Далѣе Бернштейнъ возвращается къ старымъ сказаніямъ и разсказываетъ, что часто наблюдалъ за кузапши въ то время, какъ они сооружали свои гнѣзда, держалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣну, другихъ вскрывалъ и такимъ образомъ пришелъ къ заключенію, что эта масса, похожая на клей, есть не что иное, какъ выдѣленіе самой птицы. Въ одномъ изъ своихъ предшествующихъ сообщеній Бернштейнъ уже обращалъ вниманіе на поразительное развитіе слюнныхъ железъ у этихъ птицъ, особенно подъязычной железы, и высказалъ предположеніе, что слюна и составляетъ клей, изъ котораго строятся гнѣзда. Въ этомъ онъ впослѣдствіи убѣдился во-очію и въ то-же время открылъ, что упомянутыя железы только въ періодъ высиживанія птенцовъ разбухаютъ въ видѣ двухъ опухолей, но уже во время кладки яицъ сжимаются, а затѣмъ становятся почти такими же маленькими, какъ у другихъ птицъ. „Эти железы обильно выдѣляютъ густую, тягучую слизь, которая накопляется въ передней части рта, близъ выводного протока указанныхъ железъ, подъ языкомъ. Эта слизь, которая и есть настоящая слюна, очень похожа на насыщенный растворъ гумми-арабика и притомъ отличается такою тягучестью, что ее можно вытягивать изо рта птицы въ видѣ довольно длинныхъ нитей. Если прикрѣпить конецъ такой нити къ острію палочки, а затѣмъ медленно вращать палочку вокругъ оси, то такимъ образомъ можно вытащить изо рта всю массу находящейся въ немъ въ данную минуту слюны и даже слюны, находящейся въ выводныхъ протокахъ железъ. На воздухѣ слизь быстро твердѣетъ и тогда совершенно ничѣмъ не отличается отъ матеріала, изъ котораго сооружены гнѣзда. Подъ лупой затвердѣвшая слизь тоже вполнѣ сходна съ веществомъ, послужившимъ для постройки гнѣздъ. Полоски бумаги это вещество склеиваетъ такъ-же, какъ гумми-арабикъ. Имъ можно также покрывать стебельки травы и склеивать ихъ.

„Когда птицы приступаютъ къ сооруженію гнѣзда, то онѣ то и дѣло подлетаютъ къ избранному для этой цѣли мѣсту — какъ мнѣ самому не разъ приходилось наблюдать — и кончикомъ языка прижимаютъ слюну къ камню. Это онѣ дѣлаютъ часто 10—20 разъ подрядъ, не удаляясь за это время дальше нѣсколькихъ метровъ. Онѣ не приносятъ всякій разъ съ собою строительный матеріалъ, а имѣютъ его при себѣ въ большомъ количествѣ, которое постоянно быстро возстановляется. Такимъ образомъ онѣ описываютъ вокругъ избраннаго мѣста полукругъ или подковообразную линію. Слюна, сначала представляющая изъ себя густую жидкую массу, быстро сохнетъ и образуетъ твердое основаніе для строющагося гнѣзда. Гнѣздо свое, какъ было уже сказано, кузапни сооружаетъ изъ различныхъ растительныхъ частей, которыя онъ покрываетъ и соединяетъ своей слюной, салангана же приноситъ одну свою слюну. По мѣрѣ того, какъ сооруженіе гнѣзда подвигается впередъ, салангана прицѣпляется къ постройкѣ и, двигая головою то въ одну сторону, то въ другую, кладетъ новый слой на край уже сооруженной и затвердѣвшей части гнѣзда, и такимъ-то образомъ создаются упомянутыя выше волнообразныя поперечныя полосы. При этомъ можетъ случиться, что отдѣльныя маленькія перышки, которыя мы находимъ въ гнѣздахъ, пристаютъ къ слюнѣ и прибавляются къ матеріалу, служащему для сооруженія гнѣзда, въ видѣ случайныхъ составныхъ частей. Возможно, что раздраженіе, происходящее вслѣдствіе распуханія слюнныхъ железъ, заставляетъ птицъ освобождаться отъ выдѣленія этихъ железъ при помощи тренія и нажиманія. Поэтому возможно, что эти части натираются иногда до ранъ, такъ что изъ нихъ выступаетъ нѣсколько капель крови: отсюда вѣроятно происходятъ маленькіе слѣды крови, подчасъ замѣчаемые на гнѣздахъ. Кромѣ того, я долженъ еще сказать, что выдѣленіе слюны, какъ и выдѣленія многихъ железъ, находятся въ прямомъ отношеніи къ количеству съѣденной пищи. Когда я въ теченіе нѣсколькихъ дней хорошо кормилъ птицъ, которыхъ держалъ у себя, то скоро начиналось обильное выдѣленіе слюны; напротивъ, слюны выдѣлялось очень мало, если птицы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ голодали. Это подтверждается и другими наблюденіями, напр. тѣмъ, что иногда птицы вьютъ свои гнѣзда быстрѣе, а самыя гнѣзда выходятъ больше и красивѣе, чѣмъ въ другія времена. Въ первомъ случаѣ птицы вѣроятно питались обильно, во второмъ чувствовали недостатокъ въ питаніи.“

Послѣ такихъ наблюденій, дѣло уже должно считаться выясненнымъ. Теперь мы совершенно ясно знаемъ, какимъ веществомъ лакомятся гастрономы, поѣдая знаменитыя индѣйскія птичьи гнѣзда.

Не такъ хорошо извѣстна намъ жизнь самой салангапы. Самое подробное описаніе принадлежитъ Юнггуну (Junghuhn). „Отвѣсныя скалы южнаго берега Явы“, говоритъ онъ, „представляютъ собою живописное зрѣлище. Самый пышный лѣсной кустарникъ разросся до крайней границы суши. Внизу, у подножія каменной стѣны, плещется морской прибой, который въ теченіе тысячелѣтій образовалъ углубленія въ известняковыхъ скалахъ, выступающихъ надъ этими углубленіями. Здѣсь-то и гнѣздятся салангапы. Тамъ, гдѣ прибой всего сильнѣе, гдѣ море выдолбило пещеры, можно видѣть цѣлыя стаи этихъ маленькихъ птицъ, порхающихъ взадъ и впередъ. Онѣ нарочно пролетаютъ сквозь самую густую пѣну волнъ, разбивающуюся о скалы, и очевидно находятъ въ брызгахъ прибоя свой кормъ, состоящій вѣроятно изъ крошечныхъ морскихъ животныхъ или изъ остатковъ такихъ животныхъ, которыхъ прибой, разбивъ о скалы на куски, подбрасываетъ кверху. Если отправиться на возвышенное скалистое предгоріе, находящееся къ востоку отъ Ронгкапа и сѣсть на краю каменной стѣны, то у подножія скалъ можно видѣть входъ въ пещеру. Если затѣмъ слѣдить за игрою моря, которое непрерывно колышется, то можно замѣтить, какъ входъ въ пещеру иногда совершенно скрывается подъ водою, иногда опять открывается, и какъ ласточки съ быстротою молніи влетаютъ и вылетаютъ. Гнѣзда ихъ лѣпятся въ глубинѣ скалъ, на сводчатомъ, мрачномъ потолкѣ пещеры. Птицы умѣютъ ловко пользоваться тѣмъ моментомъ, когда узкій входъ въ пещеру бываетъ открытъ и успѣваютъ влетѣть туда прежде, чѣмъ новая гора воды закроетъ имъ туда доступъ.“

Кромѣ этихъ поселеній, находящихся среди величественной природы и дающихъ обильную жатву гнѣздъ, салангана водится во многихъ другихъ мѣстностяхъ Явы, а также внутри этого острова. Въ пещерѣ Геда, край береговой стѣны находится во время отлива на высотѣ 25 метровъ надъ поверхностью моря, и выдолбленная стѣна загибается внутрь, однако образуетъ выступъ на высотѣ 8-ми метровъ надъ морскою поверхностью; до этого-то выступа отвѣсно свѣшивается внизъ съ края лѣстница изъ ротанга (испанскаго тростника), устроенная съ цѣлью добыванія гнѣздъ. Лѣстница эта состоитъ изъ двухъ боковыхъ жердей ротанга, отстоящихъ другъ отъ друга на 50 см. и соединенныхъ между собою поперечными перекладинами. Потолокъ входного отверстія въ пещеру находится на высотѣ только 3-хъ метровъ надъ поверхностью моря, которое даже во время отлива покрываетъ все дно внутренняго пространства; во время же прилива входное отверстіе совершенно закрывается каждою прибывающею волною. Собиратели гнѣздъ могутъ поэтому проникнуть внутрь пещеры лишь во время отлива и притомъ при тихой, низкой водѣ. Но и въ такомъ случаѣ это было бы невозможно, если сводъ пещеры не былъ бы изрытъ, изъѣденъ и изгрызенъ множествомъ дыръ. За эти дыры и за торчащіе между ними зубцы ухватывается самый сильный и смѣлый изъ „собирателей гнѣздъ“, какъ ихъ называютъ на Явѣ, первый забирающійся въ пещеру, и къ нимъ привязываетъ тростниковыя веревки, которыя свѣшиваются съ потолка на 1,5 или 2 метра. Къ концу ихъ прикрѣпляются другія длинныя веревки, которыя проходятъ подъ потолкомъ въ болѣе горизонтальномъ направленіи, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ вдоль неровностей и образуя какъ бы висячій мостъ внутри пещеры, ширина которой больше 50-ти метровъ.

По разсказамъ наиболѣе старыхъ и опытныхъ собирателей гнѣздъ и по собственнымъ своимъ наблюденіямъ, Юнггунъ сообщаетъ о жизни салангань слѣдующее: птицы эти, даже внѣ періода высиживанія, живутъ въ изображенныхъ выше пещерахъ, но, когда заботы о потомствѣ не задерживаютъ ихъ въ пещерѣ, послѣ восхода солнца вылетаютъ оттуда въ видѣ сплоченной стаи и исчезаютъ, такъ что въ теченіе дня ни одной изъ нихъ нельзя замѣтить ни въ кустахъ, ни надъ ручьями или прудами. Лишь поздно вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, когда летучія мыши уже готовятся вылетѣть, вся стая вдругъ возвращается и проводитъ ночь въ пещерѣ. Съ быстротою стрѣлы пролетаютъ саланганы черезъ самыя узкія щели, не зацѣпляясь за нихъ, даже и тогда, когда уже наступилъ полный мракъ. Въ бандонгскихъ пещерахъ саланганы по увѣренію собирателей гнѣздъ, высиживаютъ птенцовъ лишь однажды въ годъ, и во время высиживанья половина ихъ всегда пребываетъ въ пещерѣ. Самецъ и самка при высиживаньи яицъ чередуются, причемъ, какъ разсказываютъ, смѣняютъ другъ друга черезъ каждые шесть часовъ, и всѣ парочки выводятъ птенцовъ одновременно, такъ что одни отстаютъ отъ другихъ не болѣе, чѣмъ на 10 дней. Саланганы никогда не употребляютъ одного и того же гнѣзда дважды, а всегда для каждой новой кладки сооружаютъ новое гнѣздо, хотя вьютъ онѣ гнѣздо почти цѣлый мѣсяцъ. Старое гнѣздо начинаетъ разлагаться и падаетъ внизъ.

Гнѣзда салангань собираютъ три или четыре раза въ годъ; въ бандонгскихъ пещерахъ они въ первый разъ собираются въ апрѣлѣ или въ маѣ, во второй разъ въ іюлѣ или въ августѣ, въ третій разъ — въ ноябрѣ или декабрѣ. Когда начинается сборъ гнѣздъ, молодыя птицы успѣваютъ вылетѣть только изъ половины гнѣздъ. Въ другой половинѣ находятся частью еще птенцы, не умѣющіе летать, частью яйца. Птенцовъ ѣдятъ, яйца же выбрасываются; такимъ образомъ половина молодого поколѣнія при всякомъ сборѣ гнѣздъ погибаетъ. Тѣмъ не менѣе количество салангань не уменьшается, а тамъ, гдѣ собираютъ гнѣзда лишь три раза въ годъ, и одно поколѣніе оставляютъ нетронутымъ, количество этихъ птицъ возрастаетъ.

Шесть бандонгскихъ пещеръ ежегодно доставляютъ среднимъ числомъ 13,520 гнѣздъ, а такъ какъ сборъ производится три раза въ годъ, то всякій разъ собирается около 3380 гнѣздъ, значитъ въ нихъ живетъ по крайней мѣрѣ 6760 птицъ. Въ Каранъ-Болонгѣ ежегодно собирается до 500,000 гнѣздъ, и если принять во вни-

маніе, что гнѣзда собираются трижды въ годъ, то оказывается, что въ пещерѣ Карангъ-Болонгъ живетъ болѣе 33,000 салангант. Китайцы платятъ за пиколь (около 60-ти килограммовъ) гнѣздъ 4—5000 гульденовъ или одинъ гульденъ (75 коп.) за 2—2,5 гнѣзда, такъ что гнѣзда салангант доставляютъ около 24,000 гульденовъ доходу, послѣ вычета 10,000 гульденовъ разныхъ издержекъ.

Кромѣ Явы, гнѣзда салангант добываются и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, собственно говоря, на всѣхъ индѣйскихъ островахъ; по разсчетамъ путешественниковъ, ихъ ежегодно вывозятъ въ Китай цѣлые милліоны, такъ что общая выручка составляетъ приблизительно 3 милліона рублей на наши деньги.

Изъ мелкихъ птицъ на наиболѣе низкой ступени развитія стоятъ мышанковыя птицы (Colii), единственное семейство которыхъ, мышанки (Coliidae), водящееся только въ Африкѣ, заключаетъ въ себѣ около десяти извѣстныхъ намъ видовъ. Эти птицы отличаются отъ всѣхъ прочихъ птицъ, а потому разные изслѣдователи относили ихъ то къ тѣмъ, то къ другимъ группамъ.

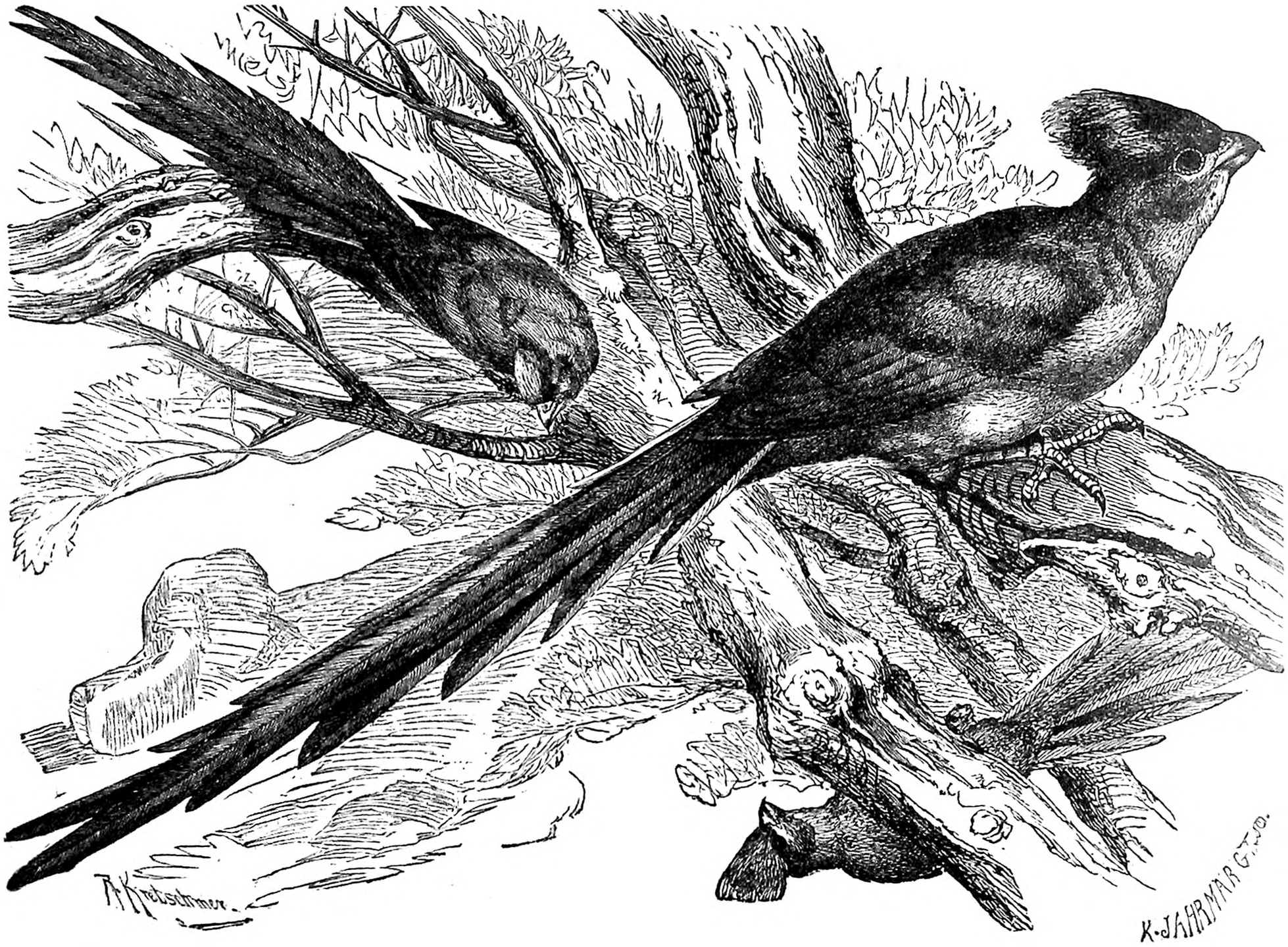
Тѣло у мышанокъ продолговатое, почти валькообразное, мускулистое, клювъ короткій, толстый, выпуклый, загнутый отъ самаго основанія, верхняя створка клюва выдается надъ нижней и свѣшивается надъ нею небольшимъ крючкомъ, ноги съ короткой плюсной, но съ длинными пальцами, крылья короткія и сильно закругленныя, хвостъ болѣе нежели вдвое длиннѣе тѣла. Особенность этихъ птицъ состоитъ въ устройствѣ ногъ и въ качествѣ оперенія. На ногахъ всѣ четыре пальца могутъ быть направлены впередъ или оба боковыхъ пальца — назадъ; оперенiе, покрывающее туловище, чрезвычайно тонкое и пушистое, такъ что перья похожи на волосы млекопитающихъ. Зато двѣнадцать длинныхъ хвостовыхъ перьевъ замѣчательны по своей жесткости. Преобладающая окраска — трудно поддающійся опредѣленію тускло-сѣрый цвѣтъ, то съ бо́льшимъ, то съ меньшимъ красноватымъ или пепельнымъ оттѣнкомъ, такъ что названіе „мышанокъ“ вполнѣ подходитъ къ этимъ птицамъ.

Мышанка длиннохвостая (Colius macrourus, рис. на стр. 350) достигаетъ въ длину 34 см., причемъ длина хвоста — 24 см. Преобладающая окраска — нѣжный желтовато-розовато-красновато-сѣрый цвѣтъ, причемъ на головѣ онъ переходитъ въ розовато-желтоватый, на подбородкѣ и на серединѣ горла въ желтовато-сѣровато-бѣлый, на нижней части груди въ розовато-сѣровато-желтый. Пятно на серединѣ затылка яркаго небесно-голубого цвѣта, плечи и крылья свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта. Маховыя и рулевыя перья въ той части, которая примыкаетъ къ основанію, окрашены въ коричнево-ржаво-красный цвѣтъ, а въ конечной части — въ землисто-бурый. Глаза красновато-карiе, голое пространство вокругъ глазъ, уздечка и основаніе клюва сургучно-красныя, кончикъ клюва черный, ноги кораллово-красныя. Самецъ и самка окрашены одинаково.

Мышанки, повидимому, водятся только въ Африкѣ. Онѣ живутъ въ средней и южной Африкѣ, но совершенно не встрѣчаются на сѣверѣ, хотя тамъ прекрасно произрастаютъ ихъ любимыя деревья; стаи этихъ птицъ можно встрѣтить лишь выйдя въ изобилующую деревьями степь. Въ настоящихъ дѣвственныхъ лѣсахъ мышанки мѣстами встрѣчаются очень часто, а въ городахъ центральной Африки и въ поселеніяхъ на Капландѣ онѣ представляютъ собою явленіе обычное.

Всѣ мышанки въ настоящемъ смыслѣ слова живутъ семьями или маленькими обществами, обыкновенно состоящими изъ шести головъ. Общества эти селятся въ саду или въ какой нибудь части лѣса и ежедневно съ извѣстною правильностью обходятъ довольно обширный участокъ. Центромъ этого участка выбирается всегда такое мѣсто, гдѣ растетъ самый густой кустарникъ. Кто не видѣлъ собственными глазами растительнаго царства въ экваторіальныхъ странахъ, тотъ съ трудомъ можетъ составить себѣ понятіе о тѣхъ деревьяхъ и кустахъ, въ какихъ нуждаются эти птицы. Дерево или кустъ, и безъ того отличающійся густой верхушкой и въ огромномъ большинствѣ случаевъ покрытый колючками, такъ густо за-

растаетъ паразитными растеніями, обвивающимися и переплетающимися около него со всѣхъ сторонъ, что отъ самаго куста или дерева развѣ только тамъ и сямъ торчитъ какая нибудь вѣтка. Сѣть, образуемая этими вьющимися растеніями, такъ густа, что сквозь нее не только человѣкъ или другія млекопитающія не могутъ проникнуть, но въ ней даже охотничьимъ ножомъ нельзя пробить насквозь отверстія; такимъ образомъ птица, садясь на такой кустъ, защищена отъ всякаго врага, даже отъ выстрѣла охотника, который лишенъ возможности взять убитую птицу, какія бы онъ къ этому ни прилагалъ старанія. Обширныя части лѣса совершенно неприступны, благодаря разросшимся ползучимъ растеніямъ, а потому тамъ образовались такія чащи, внутренность которыхъ навсегда останется тайной. Въ та-

Мышанка длиннохвостая (Colius marcourus). 1/2 естеств. велич.

кихъ-то частяхъ лѣса обитаютъ мышанки, пребывая притомъ въ самыхъ густыхъ кустахъ. Ни одна птица не можетъ проникнуть туда, куда весело пролѣзаетъ или, вѣрнѣе, проползаетъ мышанка; ибо и по своему образу дѣйствій это странное созданіе напоминаетъ то млекопитающее, отъ котораго заимствовало свое названіе. Подобно мыши, мышанка протискивается сквозь самыя маленькія отверстія, подобно мыши проникаетъ сквозь развѣтвленія, гдѣ мѣста какъ разъ достаточно для того, чтобы она съ трудомъ могла сквозь нихъ продавиться. Стая птицъ появляется близъ густого куста, образующаго стѣну, на мгновеніе прицѣпляется къ нему, и, найдя отверстіе, моментально исчезаетъ. Если вамъ удастся обойти вокругъ куста, то вы увидите, что скоро на противоположной сторонѣ его высовывается голова, за головой туловище, и наконецъ появляется вся птица. Раздается крикъ, всѣ головки высовываются, и вся стая вдругъ прямо летитъ ко второму кусту, и здѣсь исчезаетъ такимъ же образомъ. Для наблюдателя остается загадкой, какъ могли птицы проникнуть внутрь куста — для этого необходима ихъ мышиная ловкость. Самый полетъ представляетъ то порханіе, то пареніе съ широко раскрытыми крыльями и нѣсколько растопыреннымъ хвостомъ, который тянется за птицей, словно шлейфъ. Левальянъ очень мѣтко сравниваетъ стаю

этихъ птицъ съ летящими стрѣлами: мышанка дѣйствительно имѣетъ совершенно такой же видъ, какъ несущаяся по воздуху стрѣла. Летая, мышанки никогда очень высоко не поднимаются; на землю онѣ также не спускаются. При полетѣ все общество вскрикиваетъ въ одинъ голосъ, причемъ каждая птица издаетъ пронзительный звукъ вродѣ „кирр кирр“ или „три три“; но всѣ кричатъ въ одно время, такъ что эти звуки соединяются въ крикъ, не передаваемый слогами.

Левальянъ говоритъ, что мышанки во время сна комками привѣшиваются къ вѣтвямъ, туловищемъ внизъ, причемъ одна птица виситъ на другой, какъ пчелы, составляющія рой. Мои собственныя наблюденія показываютъ, что птица во время отдыха, а слѣдовательно и во время сна, принимаетъ своеобразное положеніе. Она не только сидитъ на вѣткѣ, придерживаясь ногами, а ложится всею грудью. Такъ какъ при этомъ положеніи пятка сильно сгибается, а основанія ногъ плотно прикладываются къ тѣлу, то въ самомъ дѣлѣ кажется, что птица виситъ на вѣткѣ; въ сущности же птица только лежитъ на вѣткѣ. Во время движеній мышанка часто принимаетъ такое же положеніе, какъ синицы, на короткое время подвѣшиваясь къ вѣткѣ снизу. Но это всегда дѣлается только мимоходомъ.

Пища мышанокъ, повидимому, ограничивается растительными веществами. Въ средней Африкѣ мышанки питаются главнымъ образомъ плодами терновника. Въ садахъ онѣ ѣдятъ плоды кактуса и виноградъ, лакомятся также сладкими лимонами. Ѣдятъ онѣ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, какъ наши синицы, то снизу привѣшиваясь къ вѣтвямъ, то прицѣпляясь къ плодамъ и т. д. Впрочемъ, въ средне-африканскихъ садахъ никто не жалуется на вредъ, причиняемый мышанками; въ южной же Африкѣ эти птицы иногда становятся въ тягость, такъ какъ тамъ, повидимому, водятся въ гораздо бо́льшемъ количествѣ, нежели въ центральной Африкѣ. Извѣстно только, что если эти птицы желаютъ красть, то нѣтъ никакой возможности не подпускать ихъ къ растеніямъ: онѣ всюда найдутъ двери для того, чтобы добраться до запретныхъ райскихъ плодовъ.

По словамъ Гартманна, гнѣздо состоитъ изъ степной травы, мочалы, пушистыхъ листьевъ и цвѣтовъ и внутри выстилается растительнымъ пухомъ. Въ гнѣздо кладется 2—3 яичка съ довольно тонкой скорлупой и яйцевидной формы съ тупымъ концомъ; основная окраска яйца бѣлая, и по бѣлому фону яйца испещрены немногочисленными, довольно рѣзко очерченными пятнами, штрихами и разводами ржаваго цвѣта.

Въ Капландѣ мышанокъ усердно преслѣдуютъ какъ изъ за вреда, причиняемаго ими плантаціямъ, такъ изъ за ихъ сочнаго мяса. Тамъ также ловятъ мышанокъ живыми. Новѣйшіе изслѣдователи говорятъ, что въ неволѣ мышанки отличаются рѣзвостью и занимательностью.

Зубоклювыя птицы или кукуруйки (Trogonidae) — страшные мечтатели, великолѣпное опереніе которыхъ однако примиряетъ нѣсколько съ ихъ тихимъ, скучнымъ нравомъ; это семейство, въ которомъ насчитывается до 60-ти видовъ, распространено въ тропическихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта; къ этому семейству относится родъ того же названія.

Уже издавна на великолѣпное опереніе этихъ замѣчательныхъ птицъ обратили вниманіе какъ люди ученые, такъ и неученые; впрочемъ, жизнь этихъ птицъ въ другихъ отношеніяхъ представляетъ мало интереснаго. Зубоклювыя похожи на козодоевыхъ не только своимъ глубоко расщепленнымъ клювомъ и удивительно маленькими ногами, но и мягкостью кожи и оперенія. Зубоклювыхъ птицъ также слѣдуетъ считать сумеречными; ибо лишь немногія изъ нихъ покидаютъ тѣнистые мрачные лѣса, въ чащу которыхъ не проникаютъ даже лучи солнца, находящагося въ зенитѣ. Лѣниво и задумчиво возсѣдаютъ кукуруйки на какой нибудь вѣткѣ и отсюда озираютъ окрестность. Пролетающее мимо насѣкомое заставляетъ ихъ ненадолго сняться съ мѣста; добычу онѣ преслѣдуютъ очень ловко, весьма искусно ловятъ ее, а затѣмъ снова садятся отдыхать. Пищей имъ

служатъ не только насѣкомыя, но и плоды; иные виды, повидимому, питаются исключительно растительными веществами.

Относительно размноженія кукуруекъ мы имѣемъ еще мало наблюденій. Мы знаемъ только, что всѣ виды, гнѣзда которыхъ удалось выслѣдить, гнѣздятся въ дуплахъ, найденныхъ уже выдолбленными, или же на крутыхъ земляныхъ обрывахъ вырываютъ себѣ плоскія углубленія, и что въ такія гнѣзда кладется 2—4 сильно закругленныхъ, свѣтлыхъ или бѣлыхъ яицъ.

Красота оперенія менѣе долговѣчна, чѣмъ у другихъ птицъ. Птицы покрыты словно только легкимъ налетомъ красокъ; у чучелъ онѣ исчезаютъ весьма быстро, если подвергаются дѣйствію свѣта.

*

Изъ южно-азіатскихъ кукуруекъ одна изъ самыхъ извѣстныхъ — полосатая кукуруйка, называемая индусами курна (Harpactes fasciatus). У самца верхняя сторона красновато-бурая, голова и шея черныя, кроющія перья крыла покрыты бѣлыми и черными полосками, грудь и прочія нижнія части тѣла алыя, зобъ отдѣляется отъ груди узкой бѣлой полосой, кольцо, начинающееся около уха и продолжающееся по задней части головы, такого же краснаго цвѣта, какъ грудь, голое пространство вокругъ глаза смальтово-синее; среднія хвостовыя перья окрашены такъ же, какъ спина, наружныя — черныя съ бѣлымъ. Длина 31 см.

Объ американскихъ зубоклювыхъ мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Многочисленные виды, населяющіе западную половину земного шара, въ послѣднее время подраздѣлены на нѣсколько родовъ.

Азара первый описалъ настоящую кукуруйку (Trogon surucua), длина которой достигаетъ 26 см. Самецъ дѣйствительно окрашенъ великолѣпно. Голова и шея вплоть до самой груди синевато-черныя; спина зеленая, брюшко кроваво-красное; перья головы, шеи и спины блестятъ металлическими красками, бока головы стальнаго синяго или фіолетоваго цвѣта, части спины зеленоватыя, синеватыя или золотистыя; кроющія перья крыла покрыты тонкими волнообразными черными и бѣлыми полосками, наружныя опахала украшены узенькими, внутреннія опахала широкими бѣлыми каемками.

У помпея (Trogon viridis) лобъ, щеки, горло и передняя часть шеи черныя, темя, затылокъ, бока шеи и верхней части груди великолѣпнаго стальнаго синяго цвѣта съ зеленымъ отливомъ, спина, плечи и верхнія кроющія перья крыльевъ металлическаго зеленаго цвѣта, брюхо и задъ яркаго цвѣта яичнаго желтка, наружныя кроющія перья крыла и маховыя перья черныя, послѣднія съ бѣлой каемкой, среднія хвостовыя перья зеленаго цвѣта съ черной каемкой на концѣ, слѣдующія за ними черныя съ металлической зеленой наружной каемкой, три крайнихъ пера съ каждой стороны съ бѣлымъ наружнымъ опахаломъ и съ бѣлымъ кончикомъ. Длина птицы 33 см.

Настоящая кукуруйка обитаетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ южной Бразиліи и сѣвернаго Парагвая; помпей распространенъ по сѣверной Бразиліи и Гвіанѣ. Какъ тотъ, такъ и другой видъ вездѣ, гдѣ только встрѣчается, встрѣчается часто. Вездѣ можно слышать крикъ помпея — однозвучный, довольно короткій, часто повторяемый свистъ, который постепенно изъ болѣе высокаго дѣлается болѣе низкимъ; онъ похожъ на крикъ индюшки и звучитъ вродѣ „ву ву“. Птицъ этихъ можно видѣть повсюду, ибо онѣ вовсе не пугливы и подпускаютъ къ себѣ человѣка совсѣмъ близко. Азара видѣлъ, какъ одну настоящую кукуруйку сбили палкой съ вѣтки, гдѣ она сидѣла, а принцъ Видъ считаетъ такой случай возможнымъ съ помпеемъ. Обѣ птицы часами сидятъ неподвижно на свободно торчащей вѣткѣ умѣренной вышины и, втянувъ шею и вяло опустивъ хвостъ, подстерегаютъ насѣкомыхъ.

Настоящая кукуруйка устраиваетъ свое гнѣздо въ углубленіяхъ, которыя сама себѣ выдалбливаетъ въ расположенныхъ на деревьяхъ гнѣздахъ термитовъ.

Убить эту птицу и другихъ кукуруекъ очень легко. Даже не видя кукуруйки, нетрудно заманить ее, подражая ея крику, перенять который нетрудно; она тогда усаживается вблизи охотника. Бразильцы прибѣгаютъ къ этому средству, когда испытываютъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, что́ нерѣдко случается въ безлюдныхъ лѣсныхъ пространствахъ. Говорятъ, что мясо этой птицы вкусно. Больше трудностей представляетъ убитая настоящая кукуруйка для естествоиспытателя. „Ни одна птица“, увѣряетъ Шомбургкъ, „не доставляла мнѣ такихъ хлопотъ при снятіи шкуры, такъ какъ даже при величайшей осторожности рѣдко удается получить неиспорченное чучело. Опереніе такъ нѣжно, что дѣлается уже непригоднымъ для изготовленія чучела, если застрѣленная птица, падая съ дерева, задѣла за сукъ или ударилась о твердую землю.“

*

Павлиньи кукуруйки (Calurus) — самые крупные члены этого семейства — характеризуются широкой и плоской головой, низкимъ, узкимъ, сжатымъ на кончикѣ клювомъ, на концѣ снабженнымъ весьма крючковатымъ, свисающимъ внизъ крючкомъ, и весьма развитымъ опереніемъ на крыльяхъ и на надхвостьѣ; по красотѣ опереніе павлиньихъ кукуруекъ превосходитъ опереніе всѣхъ прочихъ зубоклювыхъ, да и врядъ ли есть подобное ему во всемъ разсматриваемомъ классѣ животныхъ.

Квезалъ (Calurus resplendens), самый великолѣпный изъ всѣхъ, характеризуется густымъ хохолкомъ, состоящимъ изъ пушистыхъ перьевъ, и чрезвычайно развитыми кроющими перьями, которыя волнообразно ниспадаютъ на крылья и на хвостъ. Преобладающая окраска оперенія — блестящій смарагдово-золотисто-зеленый цвѣтъ; грудь и прочія нижнія части тѣла яркаго алаго цвѣта, маховыя перья и ихъ покровы, а также среднія хвостовыя перья черныя, прочія рулевыя перья бѣлыя. Длина 24 см., длина хвоста 22 см. Самыя длинныя кроющія перья хвоста длиннѣе рулевыхъ перьевъ на 65 см.

До послѣдняго времени намъ было извѣстно только то, что квезалъ встрѣчается въ Мексикѣ и средней Америкѣ, и здѣсь обитаетъ въ лѣсахъ горныхъ странъ; но теперь изслѣдованія Сальвина и Овена познакомили насъ съ образомъ жизни этихъ птицъ. „Квезалъ“, говоритъ Сальвинъ, „избираетъ для своего мѣстопребыванія поясъ вышиною приблизительно въ 2000 метровъ. Тутъ онъ повидимому встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ или, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, которые состоятъ изъ самыхъ высокихъ деревьевъ. Любимый сторожевой постъ птицы — это низкія вѣтки такихъ деревьевъ, находящіяся приблизительно на высотѣ второй трети дерева. Здѣсь можно видѣть, какъ она сидитъ неподвижно, самое бо́льшее медленно поворачивая голову изъ стороны въ сторону или растопыривая и складывая почти отвѣсно спускающійся хвостъ, поднимая его и приводя въ тихое движеніе длинныя свѣшивающіяся внизъ покровныя перья. Вотъ взоръ квезала упалъ на зрѣлый плодъ: птица поднимается съ своей вѣтки, одно мгновеніе держится, качаясь, на воздухѣ, срываетъ ягоду и возвращается на ту же вѣтку. Подобный полетъ совершается съ изяществомъ, не поддающимся описанію. Я часто слышалъ, какъ люди при видѣ чучелъ колибри восклицали: „Какъ хороши должны быть эти маленькія существа во время полета!“ Но этого сказать о колибри нельзя. На разстояніи 20-ти метровъ яркія краски колибри уже не видны и замѣтны развѣ только при самомъ выгодномъ положеніи. Не такъ обстоитъ дѣло съ квезаломъ. Красота его не мѣняется, какое бы положеніе онъ ни принималъ, и приковываетъ къ себѣ взоръ. Никакая другая птица Новаго Свѣта не можетъ идти въ сравненіе съ квезаломъ, ни одна птица Стараго Свѣта не превосходитъ его красотою. Таковы были мои мысли, когда я въ первый разъ увидѣлъ живого квезала. Полетъ его быстрый и совершается въ прямомъ направленіи; длинныя хвостовыя перья, которыя повидимому нисколько ему не мѣшаютъ, въ видѣ каскада струятся вслѣдъ за нимъ. Звуки, издаваемые имъ, различны. Призывный голосъ — двойной звукъ, похожій на слоги „вью вью“. Птица начинаетъ съ нѣжнаго свиста, который, постепенно усиливаясь, переходитъ въ довольно благозвуч-

ный крикъ. Часто этотъ звукъ растягивается, начинается тихо, затѣмъ усиливается, а потомъ мало по малу снова умолкаетъ. Обоимъ звукамъ нетрудно подражать. Другіе крики этой птицы грубы и неблагозвучны и могутъ быть переданы только при помощи листьевъ. Пищу составляютъ главнымъ образомъ фрукты; но случается находить и кузнечика въ желудкѣ этой птицы.

Среднее положеніе между мелкими птицами, плоскоклювыми и сиворакшевыми занимаютъ тѣ древесныя птицы, которыя составляютъ подотрядъ сидячихъ птицъ (Halcyoniformes) и распадаются на три группы — тонкоклювыхъ, рыболововъ и щурковыхъ.

Наиболѣе высокое мѣсто въ этомъ подотрядѣ занимаютъ тонкоклювыя (Bucerotes), обнимающія два семейства, птицъ-носороговъ и удодовъ, форма клюва которыхъ и манера ѣсть оправдываетъ ихъ названіе.

Птицъ-носороговъ (Bucerotidae) охарактеризовать нетрудно, такъ какъ длинный, очень толстый, болѣе или менѣе загнутый клювъ, большею частью снабженный странными наростами или такъ называемыми рогами, хотя бы форма его была весьма различна, представляетъ такой характерный признакъ, что не даетъ возможности смѣшать этихъ птицъ съ другими. Но и прочее строеніе этихъ птицъ представляетъ много замѣчательнаго.

Родина птицъ-носороговъ — это южная Азія, Малайскіе острова, средняя и южная Африка; ихъ извѣстно около 50-ти видовъ, очень похожихъ другъ на друга по формѣ, окраскѣ, нравамъ и привычкамъ. Азія, повидимому, представляетъ собою центральное мѣсто ихъ распространенія; но и въ Африкѣ встрѣчаются многіе виды этихъ птицъ. Начиная съ морского берега, онѣ встрѣчаются вездѣ въ густыхъ и высокихъ лѣсахъ, — до высоты 3000 метровъ; только болѣе мелкіе виды иногда попадаются въ лѣсахъ съ низкими деревьями. Всѣ виды живутъ парами, но въ то же время отличаются общительностью, а потому часто соединяются съ себѣ подобными, съ родственными видами и даже съ совершенно иными птицами, если только онѣ ведутъ такую же жизнь, какъ птицы-носороги.

Подобно туканамъ, птицы-носороги бо́льшую часть своей жизни проводятъ на деревьяхъ; тѣ виды, которые пребываютъ болѣе долгое время на землѣ, составляютъ исключеніе. Большинство ходитъ чрезвычайно неуклюже, но съ сравнительной ловкостью двигается по вѣтвямъ деревьевъ. Полетъ у всѣхъ видовъ лучше, чѣмъ можно было бы ожидать, но птица рѣдко улетаетъ далеко въ одинъ пріемъ, хотя трудно предположить, что она утомляется; ибо нѣкоторыя птицы часто по получасу, кружась, носятся высоко по воздуху. У большей части видовъ движеніе крыльями производитъ такой шумъ, что летящую птицу-носорога скорѣе можно услышать, чѣмъ увидѣть, и нѣкоторые виды, по единогласному увѣренію хорошихъ наблюдателей, такъ шумятъ, что ихъ слышно уже за цѣлую англійскую милю.

Внѣшнія чувства, а именно зрѣніе и слухъ, развиты хорошо, прочія по крайней мѣрѣ не атрофированы. Для правильной оцѣнки духовныхъ способностей мы не имѣемъ достаточнаго опыта; намъ извѣстно только, что почти всѣ эти птицы должны быть признаны за осторожныхъ, пугливыхъ, внимательныхъ, словомъ за умныхъ созданій. Голосъ ихъ — болѣе или менѣе глухой, односложный или двусложный крикъ, который издается съ большой настойчивостью и значительно способствуетъ оживленію лѣса.

Пищу эти птицы употребляютъ смѣшанную. Большинство птицъ-носороговъ нападаютъ, когда возможно, на маленькихъ позвоночныхъ и насѣкомыхъ, особенно являются опасными врагами маленькихъ птичекъ, вѣроятно также безпощадно опустошаютъ гнѣзда; птицы-носороги ѣдятъ также падаль, и всѣ безъ исключенія уничтожаютъ разныя ягоды, плоды и зерна. Нѣкоторыя изъ этихъ птицъ всеядныя животныя въ настоящемъ значеніи этого слова.

Весьма удивительно размноженіе этихъ птицъ. Всѣ виды, относительно размноженія которыхъ имѣются опредѣленныя и подробныя наблюденія, выводятъ птенцовъ въ помѣстительныхъ дуплахъ деревьевъ, но нѣкоторыя условія при выводѣ совершенно своеобразны и не замѣчаются ни у какихъ другихъ птицъ. Самка, сидящая на яйцахъ, замуровывается вся, такъ что для сообщенія съ нею остается лишь маленькое круглое отверстіе, а самецъ въ это время кормитъ ее сквозь упомянутое отверстіе. Гнѣздо такимъ образомъ обращается буквально въ темницу, и въ ней самка пребываетъ до тѣхъ поръ, пока молодыя птицы не покинутъ гнѣзда или не научатся летать. Въ это время самка линяетъ, по крайней мѣрѣ совершенно теряетъ перья, такъ что временно лишена возможности летать. Самецъ же безъ устали заботится о пропитаніи жены и дѣтей и при этомъ, говорятъ, такъ трудится, что къ концу періода вывода отъ него остаются только кожа да кости. Какъ всѣ умныя и осторожныя животныя, птицы-носороги, попавъ въ неволю, скоро становятся ручными и обнаруживаютъ такую искреннюю привязанность къ своему хозяину, что имъ можно предоставлять полную свободу движеній, которою онѣ злоупотребляютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Самые мелкіе виды объединяются въ одинъ особый родъ подъ названіемъ токовъ (Rhynchaceros). Клювъ сравнительно небольшой, загнутый наверху и внизу, по краямъ зубчатый и на остромъ гребнѣ нѣсколько выдающійся, но безъ всякаго рогового придатка.

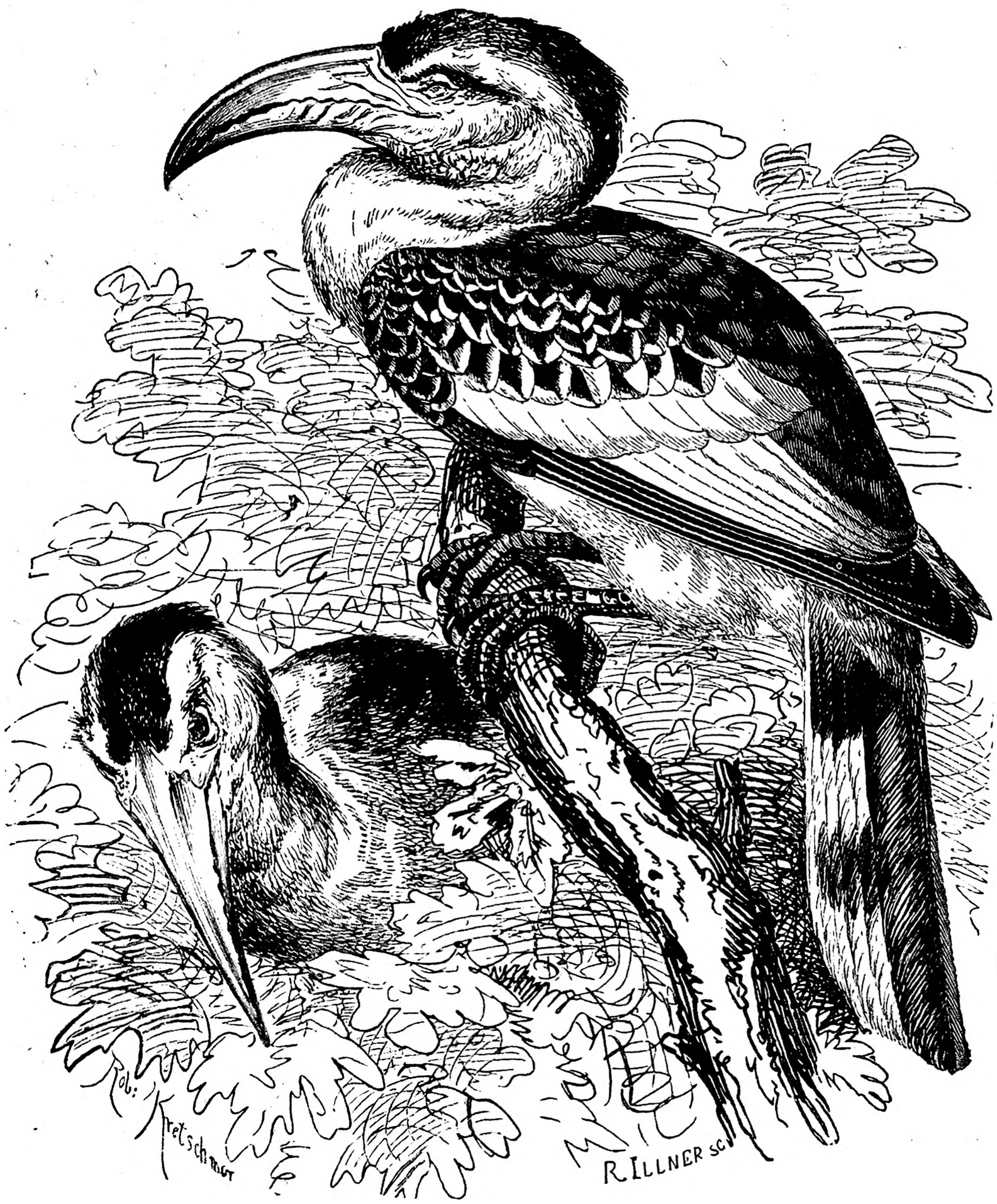
Начиная съ 17-го градуса сѣверной широты токъ (Rhynchaceros erythrorhynchus, рис. на стр. 356) распространяется къ югу по бо́льшей части Африки. Вся средина головы у него темно-бурая, широкая полоса по бокамъ шеи черно-бурая, между этой полосой и верхней частью головы проходитъ бѣлая полоса, верхняя сторона черно-бурая съ большими, клинообразными бѣлыми пятнами на концахъ маленькихъ кроющихъ перьевъ плеча и крыла. Большія маховыя перья черныя, первыя шесть украшены большими бѣлыми пятнами одинаковой формы по срединѣ внутренняго опахала, причемъ, начиная со второго и кончая пятымъ перомъ, бѣлыя пятна украшаютъ и наружное опахало; большія кроющія перья одноцвѣтныхъ бѣлыхъ маховыхъ перьевъ также бѣлыя, оба среднихъ хвостовыхъ пера одинаковаго темно-бураго цвѣта, прочія въ части, прилегающей къ основанію, черныя, въ конечной части бѣлыя, но снабженныя здѣсь черной поперечной полосой, которая на крайнихъ перьяхъ обращается въ пятно. Глаза темно-каріе, клювъ, за исключеніемъ темнаго пятна при основаніи нижней створки, кроваво-красный, ноги буровато-сѣроватыя. Длина птицы 46 см.

Во всѣхъ лѣсныхъ пространствахъ Абиссиніи, восточнаго Судана и Кордофана, а также во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ средней, западной и южной Африки токъ принадлежитъ къ тѣмъ птицамъ, которыхъ можно видѣть и слышать ежедневно. Въ горахъ онъ поднимается до высоты 2000 метровъ. Онъ не странствуетъ, а вмѣстѣ съ однимъ близкимъ родственникомъ бродитъ по окрестностямъ, забираясь иногда далеко, и посѣщаетъ даже мѣста, находящіяся по сосѣдству съ загонами скота и съ человѣческими поселеніями, которыхъ вообще избѣгаетъ.

Подобно большинству птицъ-носороговъ, токъ также настоящая древесная птица, лишь неохотно спускающаяся на землю и дѣлающая это вѣроятно только тогда, когда недостатокъ древесныхъ ягодъ и плодовъ заставляетъ ее искать пищи на землѣ. Имя птицы есть подражаніе ея голосу; ибо птица издаетъ только одинъ единственный благозвучный звукъ, который впрочемъ повторяется очень часто и черезъ короткіе промежутки времени, такъ что крикъ можетъ продолжаться цѣлыя минуты. Каждый отдѣльный звукъ сопровождается наклоненіемъ головы.

О томъ, какъ токъ выхаживаетъ своихъ птенцовъ, мы знаемъ изъ разсказа Ливингстона. „Намъ пришлось пробираться сквозь большіе мопановые лѣса", говоритъ знаменитый путешественникъ, „и мои спутники поймали множество птицъ, называемыхъ корве, въ ихъ гнѣздахъ, находящихся въ дуплахъ мопанъ. 19-го февраля мы наткнулись на гнѣздо одного корве, гдѣ какъ разъ должна была во-

двориться самка. Дупло, повидимому, съ обѣихъ сторонъ было замуравлено глиной; но оставлено было отверстіе, имѣвшее форму сердца и при томъ такой величины, что могло какъ разъ пропустить тѣло птицы. Внутри гнѣзда всегда замѣчалась довольно большая выемка наверху, и туда-то птица пробовала прятаться, когда мы ее ловили. Въ одномъ гнѣздѣ мы нашли бѣлое яйцо, похожее на гнѣздо голубя, а второе яйцо выскочило изъ птицы, когда она уже была у насъ въ рукахъ. Въ яичникѣ птицы я нашелъ еще четыре оплодотворенныхъ яйца.“

Токъ (Rhynchaceros erythrorhynchus). $^2/_5$ естеств. велич.

Въ послѣднее время токовъ не разъ привозили въ Европу. Они не могутъ быть причислены къ особенно привлекательнымъ комнатнымъ птицамъ, двигаются мало, рѣдко издаютъ какіе-нибудь звуки и врядъ-ли подозрѣваютъ, до какой степени они странныя существа.

Представителемъ видовъ разсматриваемаго семейства, живущихъ въ Индіи, можетъ считаться двурогій калао (Buceros bicornis). Родъ шлемоносныхъ калао, къ которымъ онъ принадлежитъ — самый богатый видами во всемъ семействѣ.

Жители Непаля называютъ двурогаго калао гомрай. Опереніе его по преимуществу черное; шея, кончики верхнихъ кроющихъ перьевъ хвоста, брюхо и нижнія кроющія перья хвоста, пятно на крылѣ, большія маховыя перья при осно-

ваніи, всѣ концы маховыхъ перьевъ и, наконецъ, рулевыя перья, если не считать широкой черной полосы передъ концомъ, болѣе или менѣе чистаго бѣлаго цвѣта. Глаза алые, верхняя створка клюва, не исключая нароста, краснаго цвѣта, который переходитъ въ желтый восковой, нижняя створка желтая съ краснымъ кончикомъ. Длина 1,2 метра, длина клюва 26 см.

Гомрай водится въ высокихъ лѣсахъ Индіи, отъ крайняго юга до Гималаевъ, и отъ Малабарскаго берега до Малайскаго полуострова, встрѣчается впрочемъ

Двурогій калао (Buceros bicornis). 1/5 естеств. велич.

также и на Суматрѣ. Въ Индіи онъ селится на склонахъ горъ, забирается на высоту 1500 метровъ надъ уровнемъ моря, но большею частью селится ниже; живетъ онъ обыкновенно парами, рѣже небольшими обществами.

„Птица эта“, говоритъ Годгсонъ, „избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ по возможности открытыя и засаженныя растеніями пространства, какія закладываются вблизи рѣкъ среди лѣсовъ. Живетъ она обществами и отличается какъ своими серьезными и спокойными привычками, такъ и самоувѣренностью и достоинствомъ. На вершинѣ высокаго, фантастическаго дерева эти большія, своеобразныя и самоувѣренныя птицы иногда сидятъ неподвижно цѣлыми часами, втянувъ шею, почти совсѣмъ спрятавшись между крыльями и склонивъ туловище на основаніе ногъ. Время отъ времени одна изъ нихъ ненадолго взлетаетъ, обыкно-

венно въ сопровожденіи одного или двухъ спутниковъ, и летитъ на другое высокое дерево. Бо́льшею частью по сосѣдству другъ отъ друга живетъ 20 или 30 этихъ птицъ, причемъ 6—8 селятся на одномъ деревѣ, если оно достаточно велико, и здѣсь онѣ, какъ уже было замѣчено, пребываютъ цѣлыми часами, неизмѣнно сохраняя преисполненную достоинства серьезность судьи и отъ поры до времени издавая нѣсколько полу-сдержанныхъ звуковъ, которые столь же оригинальны, какъ внѣшній видъ и нравы этихъ птицъ. Звуки эти напоминаютъ кваканье зеленой

Абагамба (Tmetoceros abyssinicus). 1/6 естеств. велич.

лягушки и врядъ-ли громче его. Если же безжалостный охотникъ подходитъ къ такому торжественному сборищу и выстрѣломъ сбиваетъ одну птицу съ дерева, не ранивъ ея на смерть, то ревъ, издаваемый раненымъ гомраемъ, приведетъ его въ крайнее изумленіе. Ибо звуки, раздающіеся въ такомъ случаѣ, нельзя сравнить ни съ чѣмъ, кромѣ рева осла.“

Годгсонъ полагаетъ, что гомрай питается почти исключительно плодами. „Что онъ по крайней мѣрѣ въ извѣстное время ѣстъ исключительно плоды“, говоритъ Годгсонъ, „это не подлежитъ сомнѣнію. Желудки 6-ти или 8-ми птицъ, убитыхъ и вскрытыхъ мною въ январѣ и февралѣ, содержали въ себѣ только плоды священной смоковницы. Но гомрай не ограничивается одними этими плодами, а при случаѣ уничтожаетъ также и другіе плоды“ Въ фруктовыхъ садахъ эти

птицы подчасъ становятся очень непріятны. Въ неволѣ же онѣ поѣдаютъ также животныя вещества. Иныя птицы являются настоящими хищными животными, которыя нападаютъ на каждое болѣе слабое живое существо, находящееся по близости и умерщвляютъ его.

Относительно того, какъ двурогіе калао выводятъ птенцовъ, имѣется нѣсколько наблюденій. „Когда самка положитъ свои 5—6 яицъ“, говоритъ Масонъ, „то самецъ такъ замуравываетъ ее глиной, что она можетъ выставить изъ отверстія только одинъ клювъ. Самецъ усердно старается приносить ей плоды“. Тикеллъ дополняетъ свѣдѣнія, сообщаемыя Масономъ. „16-го февраля 1858 г.“, разсказываетъ онъ, „я узналъ отъ жителей деревни Каренъ, что въ дуплѣ находящагося недалеко дерева сидитъ на яйцахъ большая птица-носорогъ, и что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одна и та же парочка пользуется этимъ мѣстомъ. Я осмотрѣлъ дупло и замѣтилъ, что оно находится въ стволѣ почти прямого дерева, лишеннаго вѣтвей до высоты 15-ти метровъ. Дупло было замуравлено толстымъ слоемъ глины, оставлено было только маленькое отверстіе, куда самка могла просовывать клювъ для того, чтобы принимать кормъ отъ самца. Одинъ изъ жителей деревни съ большимъ трудомъ взобрался на дерево, вбивъ въ стволъ бамбуковыя палки, и началъ вынимать глину. Пока онъ работалъ, самецъ издавалъ громкіе, хриплые звуки, леталъ взадъ и впередъ и подлеталъ совсѣмъ близко къ намъ. Туземцы повидимому боялись его и увѣряли, что онъ нападетъ на нихъ; поэтому мнѣ трудно было не дать имъ убить самца. Когда отверстіе было достаточно расширено, то человѣкъ, взлѣзшій на дерево, просунулъ въ дупло руку, но былъ такъ сильно укушенъ самкой, что быстро отдернулъ руку и чуть не упалъ съ дерева. Обернувъ руку тряпками, онъ снова просунулъ ее въ дупло и на этотъ разъ ему удалось вытащить птицу: это было существо самаго жалкаго вида, безобразное и грязное. Птицу опустили на землю и здѣсь предоставили ей свободу; она прыгала, но неспособна была летать и грозила стоявшимъ кругомъ людямъ своимъ клювомъ. Наконецъ, она взобралась на небольшое дерево и здѣсь усѣлась, такъ какъ слишкомъ оцѣпенѣла для того, чтобы пустить въ ходъ крылья и соединиться съ самцомъ. Въ глубинѣ дупла, приблизительно на 1 метръ ниже входа, лежало одно единственное, грязновато-свѣтло-буроватое яйцо на подстилкѣ изъ рыхлой земли, кусковъ коры и перьевъ. Кромѣ того, дупло было наполнено множествомъ гніющихъ ягодъ.“

Отъ поры до времени двурогіе калао попадаютъ въ европейскіе зоологическіе сады. При надлежащемъ уходѣ они цѣлыми годами выносятъ неволю и, повидимому, очень хорошо чувствуютъ себя въ клѣткѣ.

Джуланъ (Buceros plicatus) отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что складчатый наростъ на верхней створкѣ клюва замѣняетъ собою рогъ. Такъ какъ глубокія поперечныя борозды не всегда имѣются въ одинаковомъ количествѣ, то полагали, что ежегодно образуется новый поперечный наростъ, и что по числу наростовъ можно разсчитать, сколько лѣтъ прожила птица.

Джуланъ обитаетъ въ Новой Гвинеѣ и на сосѣднихъ группахъ острововъ. Замѣчателенъ своеобразный жужжащій шумъ, то болѣе сильный, то болѣе слабый, сопровождающій полетъ этой птицы, а можетъ быть и всѣхъ птицъ-носороговъ, и слышный на довольно большомъ разстояніи.

Самая знаменитая изъ всѣхъ африканскихъ птицъ-носороговъ — это абагамба (Tmetoceros abyssinicus). Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ своего семейства. Глаза и горловая область голые и окрашены очень ярко. Опереніе, кромѣ десяти желтовато-бѣлыхъ большихъ маховыхъ перьевъ, блестящаго чернаго цвѣта, глаза темно-каріе, клювъ черный, за исключеніемъ одного пятна на верхней створкѣ, спереди желтаго, а сзади краснаго, кольцо вокругъ глаза и горло темнаго свинцово-сѣраго цвѣта, причемъ горло съ широкой ярко-красной каемкой. Длина птицы 1,13 метра.

Абагамба живетъ въ сѣверо-восточной и въ сѣверо-западной Африкѣ. Она

не вездѣ встрѣчается одинаково часто, такъ какъ обитаетъ охотнѣе въ лѣсистыхъ степяхъ и въ горахъ, чѣмъ въ настоящихъ дѣвственныхъ лѣсахъ или въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ. Это не древесная птица въ настоящемъ смыслѣ слова; она, подобно воронѣ, расхаживаетъ по землѣ, отыскивая себѣ пищу и только тогда ищетъ себѣ убѣжище на деревьяхъ, если спугнуть ее, или же взлетаетъ на нихъ для отдыха.

Эта птица такъ рѣзко бросается въ глаза, что извѣстна каждому туземцу и пользуется своего рода уваженіемъ. При волненіи самецъ поступаетъ очень странно, а именно растопыриваетъ хвостъ и снова складываетъ его, совершенно какъ индюкъ, надуваетъ свой горловой мѣшокъ, тащитъ свои крылья по землѣ и вообще принимаетъ внушительный видъ. Походка ковыляющая, полетъ легкій и красивый; птица, паря въ воздухѣ, пролетаетъ большія разстоянія, но только тогда, когда взлетитъ на извѣстную высоту. Абагамба впрочемъ не любитъ пролетать большихъ разстояній и, если спугнуть ее, то скоро опять опускается внизъ. Если по близости есть деревья, то птица прежде всего взлетаетъ на нихъ и съ верхушки осматриваетъ окрестность. Если ей что-нибудь покажется подозрительнымъ, то она высоко приподнимается на ногахъ и, открывъ клювъ, со страхомъ глядитъ на приближающагося человѣка. Первый звукъ, издаваемый птицей, служитъ знакомъ цѣлому обществу для бѣгства. Птица пуглива и осторожна при всякихъ обстоятельствахъ, а потому къ ней всегда трудно подступиться. Даже отыскивая себѣ пищу, абагамба избираетъ преимущественно такія мѣста, откуда можно свободно озираться кругомъ.

Въ желудкѣ одного самца-абагамбы, кромѣ навозныхъ жуковъ, кузнечиковъ и нѣсколькихъ червей, найденъ былъ довольно большой хамелеонъ. По словамъ Гурнея, пищу абагамбы составляютъ улитки, ящерицы, лягушки, крысы, мыши, разные кузнечики, жуки и другія насѣкомыя; Монтейро же говоритъ, что эта птица поѣдаетъ земноводныхъ, птицъ, яйца, жуковъ, корни маніока и земляные орѣхи. „Она предпочитаетъ охотиться тамъ“, говоритъ Гурней „гдѣ трава была сожжена, ударяетъ своимъ сильнымъ клювомъ о твердую землю, быстро переворачиваетъ комки земли, такъ что пыль разлетается по сторонамъ, беретъ пойманныхъ насѣкомыхъ, подбрасываетъ ихъ на воздухъ, а затѣмъ проглатываетъ. Болѣе крупныхъ змѣй абагамба убиваетъ такъ: найдя подобное пресмыкающееся, птица подходитъ къ нему бокомъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ своихъ собратьевъ, растопыривъ маховыя перья и дразня ими змѣю, но въ надлежащій моментъ вдругъ поворачивается, наноситъ ей сильный ударъ клювомъ и затѣмъ снова быстро заслоняетъ себя своимъ щитомъ, т. е. крыломъ. Такого рода нападенія повторяются до тѣхъ поръ, пока змѣя не околѣетъ. Если же змѣя вздумаетъ нападать на птицу, то абагамба раскрываетъ оба крыла и заслоняетъ ими голову и наиболѣе легко уязвимыя части тѣла.“

Голосъ абагамбы — глухой звукъ вродѣ „бу“ или „ху“. Если самецъ и самка призываютъ другъ друга, то одна птица, вѣроятно самецъ, издаетъ этотъ глухой, далеко разносящійся звукъ, на который другая птица отвѣчаетъ такимъ же звукомъ, только октавой выше. Такая бесѣда супруговъ, которые почти неразлучны, часто длится непрерывно цѣлыхъ четверть часа, пока какое-нибудь внѣшнее явленіе не прерветъ ее.

Мы знаемъ, что абагамба выводитъ птенцовъ въ дуплистыхъ деревьяхъ и кладетъ маленькія, круглыя, бѣлыя яйца съ шероховатой скорлупой. Еще не извѣстно, кладетъ ли эта птица больше одного яйца, и замуровывается ли самка.

Маркизу Антинори принесли молодую абагамбу, вынутую изъ гнѣзда; онъ кормилъ ее главнымъ образомъ кусочками мяса и мышами и такъ пріучилъ къ себѣ, что она всегда прибѣгала на зовъ „абагамба“, чтобы получить свой кормъ. Привыкнувъ къ своему мѣсту жительства, птица вездѣ бѣгала свободно, иногда улетала за 200—300 шаговъ, но давала маленькому мальчику приглашать себя домой и въ припрыжку пробѣгала обратно тѣмъ же путемъ, какимъ сначала улетѣла. Абагамбу такъ легко держать и приручить, что ее можно рекомендо-

вать въ качествѣ комнатной птицы. Ловя мышей и другихъ вредныхъ животныхъ, она навѣрное оказывала бы человѣку цѣнныя услуги.

Родственное птицамъ-носорогамъ семейство удодовыхъ птицъ (Upupidae) менѣе богато видами, которыхъ въ немъ насчитывается только до 20; изъ нихъ одинъ видъ встрѣчается въ Европѣ, два въ южной Азіи, а прочіе въ Африкѣ.

Обыкновенный удодъ (Upupa epops). 1/2 естеств. велич.

Самый типичный представитель семейства, удодъ обыкновенный (Upupa epops) характеризуется продолговатымъ туловищемъ, очень длиннымъ, слегка загнутымъ, тонкимъ, сплюснутымъ съ боковъ, острымъ клювомъ, короткими, довольно сильными ногами съ короткими пальцами, вооруженными тупыми когтями, большими и широкими, сильно закругленными крыльями, средней длины прямо обрубленнымъ хвостомъ съ широкими перьями и мягкимъ, пушистымъ опереніемъ, которое на головѣ удлинено въ видѣ пучка. Опереніе на верхней сторонѣ глинянаго цвѣта, на срединѣ спины, на плечахъ и на крыльяхъ съ поперечными черными и желтовато-бѣлыми полосками, пучекъ перьевъ на головѣ ржаво-глинисто-

желтый, каждое отдѣльное перо съ чернымъ кончикомъ, нижняя сторона яркаго глинисто-желтаго цвѣта, по бокамъ брюшка съ черными продольными полосами, хвостъ черный, съ бѣлой поперечной полоской приблизительно на серединѣ. Глаза темно-каріе, клювъ чернаго рогового цвѣта, ноги свинцово-сѣрыя. Длина 29 см.

Обыкновенный удодъ обитаетъ въ средней и южной Европѣ, во всей Сибири и Китаѣ, въ западной Азіи и въ сѣверной Африкѣ, часто встрѣчается въ равнинахъ Германіи, является рѣдкимъ гостемъ въ Англіи, но иногда забирается въ сѣверную Скандинавію и на Шпицбергенъ. Въ Германіи это птица перелетная, прилетающая по одиночкѣ или парами въ послѣднихъ числахъ марта, а въ концѣ августа или въ началѣ сентября семьями медленно снова отправляющаяся на югъ; но уже въ южной Африкѣ это птица не перелетная, а самое большее бродячая. Впрочемъ, зимою удодъ встрѣчается по всей Африкѣ, а также является постояннымъ зимнимъ гостемъ въ Индіи. Въ средней Европѣ онъ селится предпочтительно на равнинахъ, которыя болѣе или менѣе густо поросли деревьями. Особенно любитъ онъ такія мѣстности, гдѣ поля и луга чередуются съ небольшими рощами, или такія, гдѣ среди полевыхъ участковъ стоитъ нѣсколько старыхъ деревьевъ. Въ южной Европѣ онъ преимущественно пребываетъ въ виноградникахъ; въ Африкѣ его можно видѣть во всякой деревнѣ, даже среди городовъ. Но пищу этому грязному существу доставляетъ не скотъ, а самъ человѣкъ. Какъ ни усердствуютъ грифы, но всѣхъ нечистотъ они не въ силахъ уничтожить, и ихъ остается достаточное количество для тѣхъ птицъ, которыя, подобно всѣмъ извѣстному, восхваляемому во многихъ сказаніяхъ Гудгуду, считаютъ навозныя кучи чрезвычайно аппетитными предметами.

Поведеніе удода оригинально, но привлекательно. Осторожный и пугливый въ Европѣ, онъ избѣгаетъ человѣка и, собственно говоря, довѣрчиво относится только къ пастуху, стадо котораго доставляетъ птицѣ пропитаніе; на югѣ же удодъ самымъ тѣснымъ образомъ подружился съ человѣкомъ и продѣлываетъ свои штуки передъ самыми его глазами. Но и здѣсь въ извѣстныхъ случаяхъ обнаруживается главная черта характера удода, безграничная трусость. Удодъ настолько уменъ, что чувствуетъ себя въ полной безопасности при видѣ обыкновеннаго человѣка или домашняго животнаго; но уже собака заставляетъ птицу призадуматься, кошка принуждаетъ ее быть на сторожѣ, пролетающая мимо ворона безпокоитъ ее, а вездѣ встрѣчающійся коршунъ-паразитъ или безвредный стервятникъ вызываетъ невыразимый ужасъ. Завидѣвъ одного изъ нихъ, удодъ медленно бросается на землю, растопыриваетъ въ видѣ круга хвостъ и крылья, отгибаетъ голову назадъ, направляетъ клювъ вверхъ и пребываетъ въ такомъ положеніи, имѣющемъ цѣлью ввести хищника въ заблужденіе, до тѣхъ поръ, пока не минуетъ всякая опасность. Обыкновенно пучекъ перьевъ на головѣ сложенъ въ видѣ острія. Но въ гнѣвѣ удодъ помахиваетъ имъ и растопыриваетъ его, спокойно сидя на деревѣ или издавая свой призывъ. Въ періодъ спариванья онъ складываетъ и развертываетъ свой вѣеръ даже тогда, когда бѣгаетъ по землѣ и иногда во время полета играетъ имъ, словно настоящимъ вѣеромъ. Ходитъ онъ по землѣ хорошо, переступая ногами, а не въ припрыжку; зато по вѣтвямъ онъ прыгаетъ мало и самое большее расхаживаетъ по болѣе толстымъ горизонтальнымъ сучьямъ. При полетѣ онъ машетъ крыльями то быстро, то медленно; поэтому полетъ кажется какимъ то боязливымъ, и летающая птица словно трепещетъ на воздухѣ. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть, она нѣсколько мгновеній паритъ и при этомъ раскрываетъ свой вѣеръ. Призывной крикъ — хриплый, трескучій звукъ „эрр“, иногда звучащій какъ „швэр“, въ хорошемъ настроеніи духа птица издаетъ глухой звукъ „квег квег“; при спариваньи издается также глухой звукъ „гуп гуп“. Весною самецъ издаетъ этотъ крикъ безпрестанно, но уже около конца іюля звуковъ этихъ больше не слышно.

Хотя въ подходящихъ мѣстахъ одна парочка обыкновенныхъ удодовъ селится возлѣ другой, но въ сущности тѣсная связь существуетъ только между членами одной семьи; сосѣди же постоянно ссорятся. Правда, до драки дѣло между

ними доходитъ рѣдко; но они весьма сердито гоняются другъ за другомъ и выказываютъ явные признаки гнѣва. Съ другими птицами обыкновенный удодъ въ дружескія отношенія не вступаетъ. Однѣхъ онъ боится, къ другимъ относится, повидимому, равнодушно. Но, несмотря на всю свою кажущуюся малую общительность, удодъ сильно привязывается къ своему хозяину, если съ малолѣтства встрѣчаетъ хорошее обращеніе, а потому ручной удодъ принадлежитъ къ самымъ занимательнымъ и пріятнымъ комнатнымъ животнымъ, какихъ только можно себѣ представить. Движенія его забавны, а его кротость и довѣрчивость приводятъ человѣка въ восхищеніе. Онъ становится ручнымъ, какъ собака, приходитъ на зовъ, клюетъ пищу изъ рукъ хозяина, слѣдуетъ за нимъ по всѣмъ комнатамъ, по двору, по саду, по окрестностямъ, не помышляя о томъ, чтобы улетѣть. Чѣмъ больше вниманія удѣляется птицѣ, тѣмъ она дѣлается общительнѣе, въ концѣ концовъ даже продѣлываетъ штуки, которыя сначала были ей прямо непріятны.

Разныя насѣкомыя, которыхъ удодъ подбираетъ съ земли или вытягиваетъ изъ щелей и дыръ своимъ длиннымъ клювомъ, служатъ ему пищей. Навозные и стервоядные жуки, мухи-жужелицы, личинки и другія насѣкомыя, возящіяся въ грязи, повидимому составляютъ любимый кормъ удода; но онъ не брезгаетъ также майскими жуками, жужелицами, бронзовками, кузнечиками, сверчками, муравьиными куколками, гусеницами и т. д. Добычу свою онъ съ большою ловкостью вытаскиваетъ изъ самыхъ сокровенныхъ уголковъ, куда часто проникаетъ съ большимъ трудомъ, долбя клювомъ подобно дятлу. „Тамъ, гдѣ удодъ обыскиваетъ пометъ скота или дичи“, говоритъ Науманнъ, „или гдѣ онъ нѣкоторое время охотился на майскихъ жуковъ, остается множество маленькихъ дырочекъ, пробуравленныхъ въ землѣ его мягкимъ клювомъ. Но этотъ клювъ служитъ ему также для того, чтобы убивать болѣе крупныхъ жуковъ и для того, чтобы отдѣлять твердые покровы перьевъ, ноги и грудные щитки. Онъ до тѣхъ поръ ударяетъ клювомъ жука, пока упомянутыя части не отскочатъ, а затѣмъ отправляетъ приготовленнаго такимъ образомъ жука къ себѣ въ глотку и проглатываетъ.“ Клювъ приспособленъ къ схватыванью; но для того, чтобы проглотить схваченную добычу, удодъ долженъ сначала подбросить ее на воздухъ. Молодымъ удодамъ, которыхъ человѣкъ воспитываетъ, приходится класть пищу въ ротъ; въ противномъ случаѣ они умираютъ съ голода, такъ какъ они буквально не въ состояніи проглотить того, что́ схвачено клювомъ. Проглатывать пищу удоды выучиваются съ теченіемъ времени.

Въ Европѣ обыкновенный удодъ всего охотнѣе устраиваетъ себѣ гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ, но не пренебрегаетъ также кажущимися ему подходящими углубленіями и трещинами въ каменныхъ стѣнахъ и въ скалахъ. Въ Египтѣ онъ почти исключительно гнѣздится въ трещинахъ каменныхъ стѣнъ и очень часто селится въ подходящихъ углубленіяхъ жилыхъ построекъ. Вообще выборомъ мѣста для сооруженія гнѣзда удодъ не особенно затрудняется. Въ Европѣ онъ довольствуется всякимъ сколько нибудь укромнымъ мѣстечкомъ на поверхности земли; въ степныхъ мѣстностяхъ онъ помѣщаетъ свое гнѣздо даже между костями падали: Палласъ нашелъ однажды гнѣздо съ семью птенцами въ грудной клѣткѣ человѣческаго скелета. Дупла деревьевъ обыкновенно ничѣмъ не выстилаются, но иногда въ нихъ кладется нѣсколько стебельковъ и корешковъ, а также немного коровьяго помета; гнѣзда же, помѣщающіяся на землѣ, созидаются изъ разныхъ сухихъ стебельковъ, тонкихъ корешковъ, дрока и украшаются коровьимъ пометомъ. Въ гнѣздо кладется 4—7 сравнительно маленькихъ, очень продолговатыхъ яичекъ, то испещренныхъ по желтовато-сѣрому фону чрезвычайно мелкими бѣлыми точечками, то совершенно лишенныхъ пятенъ, вообще очень различныхъ по окраскѣ. Рѣдко полное число яицъ бываетъ положено раньше начала мая, ибо удодъ выводитъ птенцовъ только однажды въ годъ. Яйца высиживаетъ одна самка въ теченіе 16 дней и притомъ съ величайшимъ усердіемъ, оба родителя воспитываютъ своихъ дѣтенышей съ чрезвычайной заботливостью и долго еще водятъ, учатъ и предостерегаютъ птенцовъ, вылетѣвшихъ изъ гнѣзда.

Во время высиживанія удодъ и его птенцы воняютъ дѣйствительно нестерпимо, такъ что въ Германіи они за этотъ запахъ вошли въ поговорку. Родители не въ состояніи выбрасывать изъ гнѣзда пометъ птенцовъ; поэтому птенцы, по словамъ Науманна, „сидятъ по самую шею въ собственномъ навозѣ“, который, начиная гнить, распространяетъ отвратительный запахъ. Уже самка, сидящая на яйцахъ, рѣдко даетъ себѣ трудъ выбрасывать изъ гнѣзда свой собственный пометъ; жилище же дѣтей никогда не чистится. Вонь привлекаетъ къ гнѣзду мухъ, которыя кладутъ въ навозъ свои яички, и гнѣздо такимъ образомъ кишитъ еще личинками. Птенцы, разумѣется, воняютъ всего больше; но подъ конецъ старики мало уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи, и лишь черезъ нѣсколько недѣль по оставленіи гнѣзда и тѣ, и другіе теряютъ присущій имъ запахъ. Когда птенцы становятся взрослыми, то запахъ этотъ становится такъ мало замѣтенъ, что ихъ самихъ и ихъ родителей можно ѣсть безъ отвращенія.

Изъ видовъ древесныхъ удодовъ безспорно самый привлекательный древесный удодъ (Irrisor erythrorhynchus). Главная окраска его — красивый синій цвѣтъ съ металлическимъ блескомъ, отливающій то темно-зеленымъ, то пурпуровымъ цвѣтомъ. Длина 45—47 см.

Птица эта водится въ Африкѣ не сѣвернѣе 16-го градуса сѣверной широты, южнѣе же встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ съ высокими деревьями. Кромѣ того, древеснаго удода находили вдоль всего восточнаго берега Африки до мыса Доброй Надежды, встрѣчали его, направляясь съ востока на западъ по центральной Африкѣ, и даже въ западной Африкѣ. Это житель лѣсовъ, выходящій самое большее на поляны, не покидая при этомъ деревьевъ.

Не много птицъ, живущихъ въ такой тѣсной дружбѣ, какъ древесные удоды. Охотникъ, ловко принявшійся за дѣло, можетъ застрѣлить цѣлое общество, убивая одного удода за другимъ. Когда падаетъ одна птица, всѣ члены общества слетаются на вѣтки и на стволы близъ стоящихъ деревьевъ надъ погибшимъ товарищемъ, здѣсь усаживаются или привѣшиваются, жалобно кричатъ, хлопаютъ крыльями и съ ужасомъ глядятъ на убитую птицу. Послѣ второго выстрѣла они не только не разлетаются въ страхѣ, а еще жалобнѣе кричатъ надъ своимъ собратомъ. Общество, самое большее, раздѣляется затѣмъ на двѣ партіи, изъ которыхъ одна носится надъ однимъ, другая надъ другимъ убитымъ. Какъ ни рѣдѣютъ ряды удодовъ, но даже послѣдній не покидаетъ погибшихъ собратьевъ.

Къ самымъ великолѣпнымъ птицамъ Стараго Свѣта принадлежатъ щурки (Meropes), относящіяся къ разсматриваемому подотряду и отличающіяся какъ своеобразнымъ строеніемъ, такъ красивой окраской и привлекательнымъ образомъ дѣйствій. Не узнать этихъ птицъ или смѣшать ихъ съ другими невозможно. Тѣло ихъ очень продолговатое, клювъ длиннѣе головы, при основаніи довольно толстый, острый, сверху и снизу слегка загнутый, съ острымъ гребнемъ и острыми, чуть-чуть втянутыми краями и съ нѣсколько болѣе длинной верхней створкой, которая однако не загибается надъ нижней и не имѣетъ выемки передъ кончикомъ. Ноги очень маленькія и короткія; изъ трехъ переднихъ пальцевъ ноги крайній сросся со среднимъ до второго сустава, а средній съ внутреннимъ до перваго сустава. Крылья длинныя и острыя; изъ маховыхъ перьевъ всего длиннѣе второе. Хвостъ длинный, или прямо обрѣзанный, или болѣе или менѣе расщепленный, или же наконецъ слегка закругленный; оба среднихъ хвостовыхъ пера у многихъ видовъ бываютъ иногда вдвое длиннѣе всѣхъ прочихъ рулевыхъ перьевъ. Оперенiе короткое и нѣсколько жесткое, окраска его почти всегда яркая или пестрая, хотя отдѣльныя краски занимаютъ большое пространство. Между обоими полами въ окраскѣ нѣтъ почти никакой разницы.

Щурки водятся въ теплыхъ странахъ Стараго Свѣта; только одинъ видъ этихъ птицъ встрѣчается въ Австраліи. Живутъ онѣ въ очень разнообразныхъ

мѣстностяхъ, но только не въ такихъ, которыя совершенно лишены деревьевъ.

По образу жизни эти великолѣпныя птицы болѣе всего походятъ на ласточекъ, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ напоминаютъ мухоловокъ. Въ хорошую погоду можно видѣть, какъ щурки или по крайней мѣрѣ болѣе крупные виды этого семейства гоняются за добычей высоко въ воздухѣ; въ пасмурную погоду или во время высиживанія птенцовъ онѣ любятъ сидѣть на высокихъ вѣткахъ и отсюда охотиться. На землю онѣ спускаются рѣдко, самое бо́льшее тогда, когда хотятъ схватить высмотрѣнное насѣкомое; зато онѣ часто носятся надъ самой поверхностью воды, какъ это дѣлаютъ ласточки. Ночью онѣ спятъ на вѣтвяхъ густыхъ верхушекъ деревьевъ или — во время высиживанія птенцовъ — въ своихъ гнѣздахъ.

Щурокъ никакъ нельзя не замѣтить. Онѣ умѣютъ оживлять ту или другую мѣстность. Врядъ ли есть что нибудь красивѣе этихъ скользящихъ по воздуху птицъ, полетъ которыхъ напоминаетъ то полетъ сокола, то полетъ ласточки.

Пища состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ, которыя обыкновенно ловятся на лету, въ исключительныхъ же случаяхъ схватываются съ легко доступныхъ листьевъ или даже прямо съ земли. Замѣчательно, что щурки поѣдаютъ также насѣкомыхъ съ ядовитымъ жаломъ. Произведенные разными учеными опыты показали, что укушеніе пчелы или осы для большинства птицъ смертельно; точныя наблюденія обнаружили, что почти всѣ птицы, которыя ловятъ подобныхъ насѣкомыхъ, откусываютъ у нихъ жало прежде, чѣмъ проглотить ихъ; щурки же безъ всякихъ приготовленій проглатываютъ опасную добычу.

Всѣ щурки гнѣздятся обществами и притомъ въ глубокихъ пещерахъ, горизонтально вырытыхъ въ крутыхъ земляныхъ обрывахъ. Всѣ виды даже во время высиживанія птенцовъ любятъ общество себѣ подобныхъ, а потому мѣста высиживанія почти всегда бываютъ покрыты многочисленными поселеніями. Собственно то мѣсто, гдѣ высиживаются птенцы — это пространство, расширенное въ видѣ хлѣбной печи, на заднемъ концѣ вырытаго птицами прохода. Настоящаго гнѣзда не строится, а яйца, въ числѣ 4—7, кладутся на голый песокъ. Лишь постепенно изъ откусанныхъ крылышекъ насѣкомыхъ и изъ выплевываемыхъ птицами комочковъ образуется своего рода подстилка или, такъ сказать, мягкая подушка для птенцовъ.

Держать старыхъ щурокъ въ неволѣ очень трудно; но щурки, пойманныя молодыми, скорѣе привыкаютъ къ утратѣ свободы, чѣмъ можно было бы предполагать.

Въ Европу правильно прилетаетъ въ качествѣ лѣтняго гостя только одинъ видъ семейства, золотистая щурка (Merops apiaster). Она принадлежитъ къ болѣе крупнымъ видамъ семейства. Длина ея 26 см. Опереніе на лбу бѣлое, передняя часть головы и полоска, проходящая черезъ глазъ, темно-синія съ зеленымъ отливомъ, полоска на уздечкѣ, проходящая черезъ глазъ, чернаго цвѣта; подбородокъ и горло образуютъ ярко-желтое пространство, которое снизу ограничивается узенькой черной поперечной полоской; верхняя и задняя часть головы темнаго каштановаго цвѣта, задняя часть шеи и кроющія перья крыльевъ свѣтлѣе; плечи и передняя часть спины, а также надхвостье переходятъ въ коричнево-ржаво-желтый цвѣтъ. Нижняя сторона великолѣпнаго темно-синяго цвѣта. Верхнія кроющія перья крыла, за исключеніемъ двухъ черныхъ среднихъ перьевъ, синевато-зеленыя, большія маховыя перья зеленовато-синія, нижнія кроющія перья крыльевъ ржаво-желтовато-розоватыя.

Золотистую щурку вполнѣ правильно причисляютъ къ птицамъ, живущимъ въ Германіи, такъ какъ она не только появлялась здѣсь неоднократно, но и высиживала птенцовъ. Правда, появляется она въ Германіи не аккуратно, но въ юго-восточныхъ частяхъ страны эту бросающуюся въ глаза птицу можно видѣть очень часто. На мѣстахъ высиживанія золотистая щурка появляется стаями въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая.

Близъ поселенія птицъ можно наблюдать за обычною лѣтнею жизнью разсматриваемой птицы. Въ то время, какъ всѣ болѣе мелкіе виды семейства только въ исключительныхъ случаяхъ надолго покидаютъ свои сторожевые посты, всѣ члены одного и того же общества золотистыхъ щурокъ въ хорошую погоду, особенно въ утреннie и вечерніе часы, носятся часами высоко въ воздухѣ. Такимъ способомъ онѣ пролетаютъ сообща много квадратныхъ километровъ. Во время охоты онѣ постоянно издаютъ свой призывъ — звонкое „шюрр шюрр“ или „гуэп гуэп“, созывая своихъ. Около заката солнца щурки стаей появляются вблизи поселенія, здѣсь раздѣляются на парочки и до наступленія сумерекъ собираютъ съ вѣтвей насѣкомыхъ.

Жалящія насѣкомыя повидимому являются любимымъ кормомъ золотистыхъ щурокъ, которыя разоряютъ не только пчелиные ульи, но и гнѣзда осъ, шмелей и шершней. Однако эти птицы не брезгаютъ кузнечиками, стрекозами, оводами, комарами и жуками.

Въ концѣ мая начинается забота о потомствѣ. Гнѣзда свои золотистая щурка всего охотнѣе устраиваетъ на песчаномъ или глинистомъ берегу рѣки. Здѣсь птица выдалбливаетъ круглое отверстіе въ 5—6 см. въ перпендикулярномъ направленіи горизонтальномъ или въ нѣсколько наклонномъ кверху и образуетъ такимъ способомъ проходъ, достигающій иногда 1—2 метровъ въ длину. Изъ не употребляемыхъ молодыми птицами въ пищу крылышекъ, ножекъ насѣкомыхъ и т. д., а также изъ комочковъ, выплевываемыхъ стариками, мало по малу образуется въ глубинѣ прохода настоящая подушка, такъ что молодыя птицы не вполнѣ лишены подстилки. Уже въ концѣ іюня можно видѣть, какъ молодыя птицы летаютъ вмѣстѣ со старыми, и какъ старыя кормятъ свое потомство. На первыхъ порахъ все семейство вѣроятно возвращается въ гнѣздо; спустя нѣсколько недѣль, молодыя птицы дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ старыя, а когда наступаетъ время отлета, между старыми и молодыми нельзя найти никакой разницы.

Весьма понятно, что не вездѣ относятся благосклонно къ золотистой щуркѣ. Разбойническіе набѣги этихъ птицъ на улья не могутъ быть по сердцу пчеловодамъ, которые безпощадно преслѣдуютъ щурокъ. Въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы въ Греціи убивается множество золотистыхъ щурокъ, которыя доставляютъ вкусное жаркое.

Изъ африканскихъ видовъ стóитъ упомянуть о пурпуровой щуркѣ (Merops nubicus), такъ какъ эта птица весьма замѣчательна какъ по окраскѣ, такъ и по образу жизни. Преобладающая окраска оперенія — темный алый цвѣтъ, который темнѣе на крыльяхъ и на хвостѣ, а на головѣ и на груди свѣтлѣе; надхвостье, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста яркаго бирюзоваго цвѣта. Маховыя перья съ широкими черными концами, на первыхъ большихъ маховыхъ перьяхъ передъ чернымъ концомъ замѣчается темная синевато-зеленая полоса, и всѣ маховыя перья при основаніи украшены на внутреннемъ опахалѣ коричнево-ржавыми каемками. Глаза темнаго алаго цвѣта, клювъ черный, ноги буровато-сѣрыя. Длина 34 см.

Пурпуровую щурку наблюдали въ самыхъ разнообразныхъ странахъ на восточномъ берегу Африки, иногда очень часто, иногда только въ одиночку. Характеръ ея пожалуй еще живѣе и шумливѣе, чѣмъ характеръ ея родственниковъ, на которыхъ она впрочемъ похожа своей манерой летать и вообще всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій. Въ самое жаркое время дня пурпуровая щурка старается укрыться отъ зноя на кустахъ и на деревьяхъ, которые тогда въ буквальномъ смыслѣ слова покрываются этими птицами. Такая густая толпа пурпуровыхъ щурокъ представляетъ прелестное зрѣлище.

Пока трава, покрывающая безлѣсныя пространства Судана, еще изобилуетъ насѣкомыми, пурпуровыя щурки безъ труда добываютъ свой насущный хлѣбъ, питаясь преимущественно кузнечиками. „Мы часто видили въ Кордофанѣ“, разсказываетъ Гейглинъ, „какъ пурпуровая щурка опускается на коровъ,ословъ и т. д.,

иногда даже на величественно расхаживающихъ среди высокой травы аистовъ и со спины ихъ охотится на кузнечиковъ, которыхъ вспугиваютъ эти странныя верховыя животныя. Пожаръ въ степи, кромѣ соколовъ, питающихся земноводными и насѣкомыми, привлекаетъ также щурокъ. Онѣ знаютъ, что жаръ огня нагоняетъ имъ добычу и пользуются этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ какъ нельзя лучше. Смѣлость этихъ животныхъ удивительна. Пурпуровыя щурки не задумываясь бросаются съ высоты внизъ сквозь самый густой дымъ, проносятся надъ самой границей огня, снова поднимаются, съѣдаютъ схваченную добычу и снова исчезаютъ въ клубахъ дыма.

Въ Австраліи живетъ только одна щурка, а именно щурка австралійская (Merops ornatus). Верхняя сторона ея березово-зеленая, верхняя часть головы, затылокъ и маховыя перья красновато-бурые, верхняя часть спины и надхвостье бирюзоваго цвѣта, нижняя сторона бериллово-зеленая, горло ярко-желтое и отдѣляется отъ груди совершенно черной полосой, задъ синій, уздечка бархатисто-черная съ небесно-голубой каемкой снизу. Длина приблизительно 20 см.

Нравы этой птицы имѣютъ въ себѣ столько привлекательнаго, что она пользуется въ Австраліи общей любовью. Благодаря красотѣ своего оперенія, изяществу своего сложенія и прелестному своему полету, австралійская щурка — птица очень замѣтная.

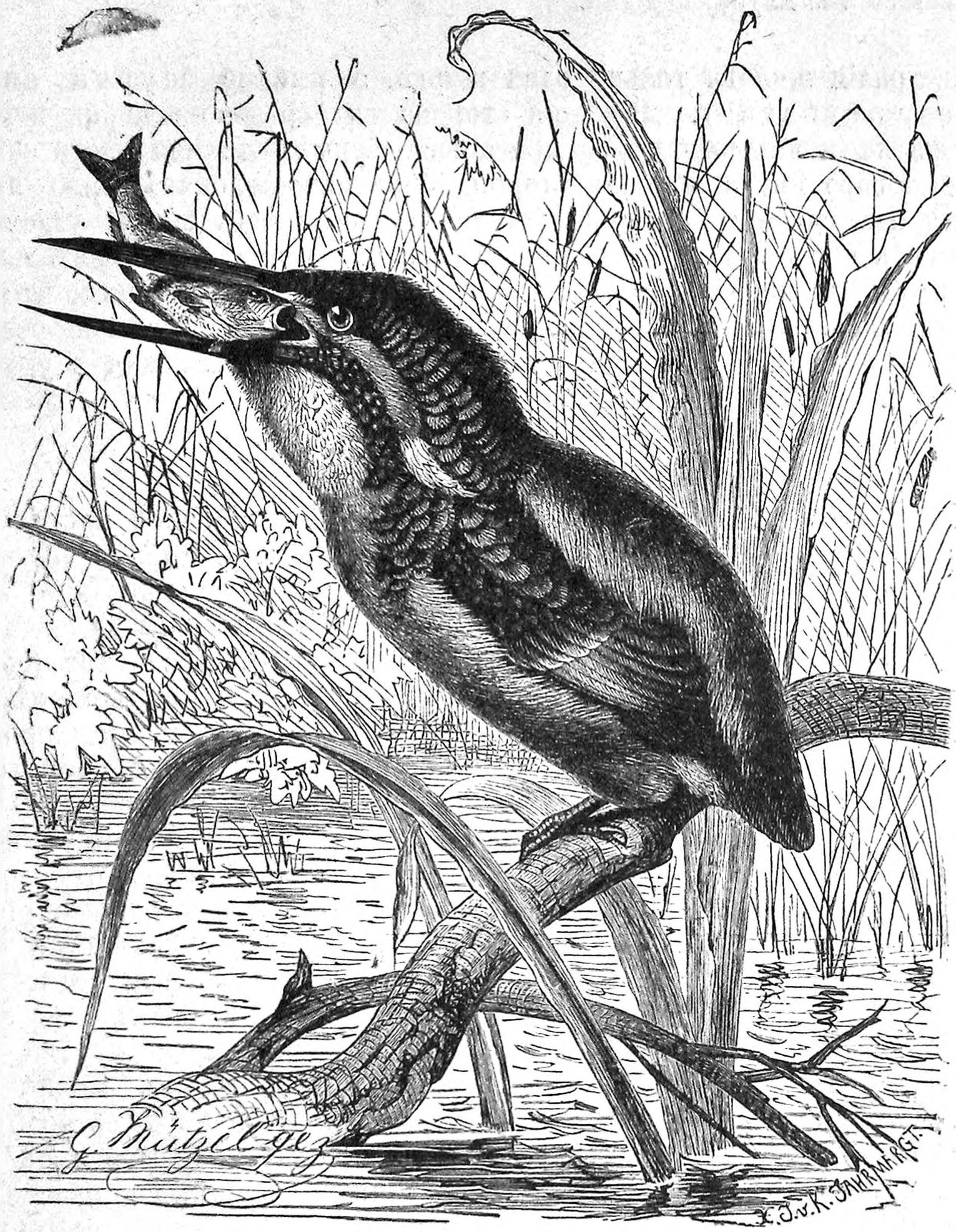
По имени одной изъ самыхъ великолѣпныхъ птицъ нашей части свѣта, воспѣтой во многихъ европейскихъ сказаніяхъ и сказкахъ, а именно зимородка, цѣлое многочисленное семейство птицъ получило неподходящее названіе зимородковыхъ (Alcedinidae), такъ какъ большая часть относящихся сюда сидячихъ птицъ живутъ въ тепломъ поясѣ земного шара и ничего общаго не имѣютъ съ зимой и морозомъ. Зимородковыя птицы отличаются сильнымъ сложеніемъ, короткой шеей, большой головой, короткими или средней длины крыльями, короткимъ или самое большее средней длины хвостомъ, длиннымъ, крѣпкимъ, прямымъ, угловатымъ, острымъ клювомъ, очень маленькими, трехъ или четырехпалыми ногами и гладкимъ, большею частью великолѣпно-окрашеннымъ опереніемъ, почти одинаковымъ у обоихъ половъ и мало измѣняющимся въ зависимости отъ возраста.

Зимородковыя птицы — граждане всего міра и распространены по земному шару довольно равномѣрно, хотя во всемъ его разнообразіи семейство это наблюдается въ настоящее время только въ предѣлахъ жаркаго пояса. Многіе виды семейства предпочитаютъ близость большихъ или малыхъ водныхъ бассейновъ, но не всѣ виды связаны съ водой; многіе, пожалуй даже большинство, являются лѣсными птицами въ настоящемъ смыслѣ этого слова, образъ жизни которыхъ вовсе не похожъ на образъ жизни ихъ родственниковъ, любящихъ водную стихію. Такъ какъ, разумѣется, различіе образа жизни находится въ связи съ особенностями строенія тѣла и съ особенными свойствами оперенія, то разсматриваемое семейство вполнѣ правильно раздѣлено на два подсемейства, изъ которыхъ одно обнимаетъ ныряющихъ зимородковъ-рыболововъ, а другое зимородковъ, живущихъ на сушѣ и носящихъ названіе алціоновыхъ птицъ.

Подсемейство зимородковъ-рыболововъ (Alcedininae) характеризуется главнымъ образомъ длиннымъ, прямымъ, тонкимъ и сплюснутымъ съ боковъ клювомъ, съ прямымъ гребнемъ и всегда очень гладкимъ, плотно прилежащимъ къ тѣлу жирнымъ опереніемъ. Всѣ виды этого подсемейства селятся вблизи водъ, вдоль водныхъ вмѣстилищъ взбираются на высокія горы до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ водятся рыбы, а также спускаются вплоть до морского берега. Вдоль водъ зимородки-рыболовы живутъ въ одиночку или самое бо́льшее парами; подобно всѣмъ рыболовамъ, это тихія, угрюмыя, завистливыя существа,

по возможности избѣгающія общенія съ себѣ подобными или съ другими птицами и считающія всякое живое существо если не конкуррентомъ, то помѣхой для своего промысла. Птицы эти остаются на одномъ мѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока ихъ привязываетъ къ нему забота о потомствѣ; въ другое время онѣ бродятъ вдоль береговъ, ловя рыбу, и при этомъ нѣкоторые виды проходятъ довольно большія разстоянія.

Способности зимородковъ-рыболововъ своеобразныя. Ходить они почти совсѣмъ не могутъ, летаютъ они также плохо и только на водѣ двигаются довольно

Обыкновенный зимородокъ (Alcedo ispida). $^2/_3$ естеств. велич.

ловко: они ныряютъ особеннымъ ооразомъ и умѣютъ немного плавать. Пищу ихъ составляютъ рыбы, насѣкомыя, раки и т. п.

Зимородки довольно плодовиты, ибо всѣ виды высиживаютъ многочисленное потомство. Для устройства гнѣзда они избираютъ себѣ крутые земляные валы и въ нихъ вырываютъ глубокіе проходы, задняя часть которыхъ расширяется въ помѣщеніе для высиживанія птенцовъ. Гнѣзда эти птицы не сооружаютъ, но мало по малу въ ихъ жилищахъ все-таки накопляется подстилка изъ комочковъ, состоящихъ главныхъ образомъ изъ выплевываемыхъ рыбьихъ костей.

Людямъ зимородки не приносятъ пользы, но въ сущности не причиняютъ и вреда. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водится много рыбы, масса истребляемаго ими

корма не идетъ въ счетъ, а видъ, живущій въ Европѣ, такъ малъ, что о приносимомъ имъ человѣку вредѣ не можетъ быть и рѣчи.

Здѣсь мы не можемъ передавать удивительныхъ и фантастическихъ ро́зсказней древнихъ объ этихъ птицахъ; но замѣчательнѣе всего то, что басни эти сохранились до новѣйшаго времени, и что до сихъ поръ имъ вѣрятъ, по крайней мѣрѣ отчасти; ибо до нашихъ дней нѣкоторые народы разсказываютъ подобныя же сказки. Какъ наши европейскіе предки полагали, что эта чудесная птица даже въ мертвомъ состояніи можетъ отвращать молнію, умножать скрытыя сокровища, придавать всякому, кто носитъ ее при себѣ, привлекательность и красоту, даровать миръ дому и укрощать вѣтры на морѣ, привлекать рыбъ и такимъ образомъ улучшать рыболовство, — такъ донынѣ у нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, напр. у татаръ и остяковъ, разсказываются о зимородкахъ удивительныя исторіи.

*

Признаки живущаго въ Европѣ обыкновеннаго зимородка (Alcedo ispida) слѣдующіе: клювъ длинный, тонкій, прямой, заостряющійся постепенно, начиная отъ широкаго основанія, на концѣ клинообразный или немного сплюснутый, съ нѣсколько втянутыми острыми краями. Ноги очень маленькія и короткія; средній изъ трехъ переднихъ пальцевъ сросся съ наружнымъ, который съ нимъ одинаковой длины, до второго сустава, а съ болѣе короткимъ внутреннимъ пальцемъ — до перваго сустава, задній же палецъ очень малъ. Крылья короткія и довольно тупыя, и въ нихъ третье маховое перо длиннѣе прочихъ. Хвостъ состоитъ изъ двѣнадцати маленькихъ, короткихъ перьевъ. Опереніе обильное, но гладко прилежащее, расщепленное, но грубое, великолѣпно окрашенное, на верхней сторонѣ съ металлическимъ, на нижней — съ шелковистымъ блескомъ. На задней части головы перья удлинены въ видѣ небольшого хохолка. Верхняя часть головы и задняя часть шеи покрыты по темному зеленовато-черному фону ярко-синими поперечными полосами, плечи, кроющія перья крыла и наружное опахало буровато-черныхъ маховыхъ перьевъ темнаго цвѣта морской волны, покровныя перья крыльевъ украшены кругловатыми ярко-синими пятнами на кончикахъ, среднія части верхней стороны краснаго бирюзоваго цвѣта, полоска на болѣе темной уздечкѣ и продолговатое пятно у нижняго края глаза, заходящее за ушную область, а также вся нижняя сторона и нижнія кроющія перья хвоста и крыльевъ — коричнево-ржаво-краснаго цвѣта, подбородокъ и горло ржаво-желтовато-бѣлые, широкая полоса, тянущаяся отъ основанія клюва и проходящая подъ коричнево-краснымъ пятномъ ушной области, концы верхнихъ боковыхъ перьевъ груди, боковыя покровныя перья хвоста и хвостовыя перья очень темнаго синяго цвѣта. Радужная оболочка глаза темно-каряя, клювъ черный, основаніе нижней створки красное, маленькія ноги сургучно-красныя. Длина 17 см. Ни съ какой другой европейской птицей смѣшать обыкновеннаго зимородка нельзя, за то онъ похожъ на другіе виды своего семейства, водящіеся внѣ Европы.

Родиной этой птицѣ служитъ вся Европа, начиная отъ Ютландіи, Даніи, Лифляндіи и Эстляндіи по направленію на югъ, а также западная часть средней Азіи. Въ Испаніи, Греціи и на греческихъ островахъ обыкновенный зимородокъ встрѣчается еще часто, на берегахъ Іордана онъ представляетъ собою обыкновенное явленіе, на Мальтѣ же попадается уже довольно рѣдко. Въ восточной Азіи онъ замѣняется близко родственнымъ ему видомъ. Въ сѣверо-западной Африкѣ онъ, вѣроятно, также высиживаетъ птенцовъ; сѣверо-восточную Африку онъ посѣщаетъ зимою, однако тамъ потомства не высиживаетъ.

Въ Германіи эту красивую птицу можно видѣть вездѣ, но всегда въ одиночку. Она бросается въ глаза какъ вслѣдствіе своего яркаго оперенія, такъ и вслѣдствіе своего своеобразнаго образа жизни и потому хорошо извѣстна, хотя всячески старается ускользнуть отъ взоровъ человѣка. Всего охотнѣе зимородокъ обыкновенный селится по берегамъ небольшихъ рѣкъ и ручьевъ съ чистою водою и вдоль этихъ береговъ поднимается въ горы, на Альпы взбирается до 1800 метровъ высоты. Рѣки или ручьи, протекающіе по лѣсамъ или по крайней мѣрѣ на обо-

ихъ берегахъ поросшіе ивнякомъ, представляютъ самыя пріятныя мѣста для зимородковъ, и если паденіе этихъ потоковъ настолько значительно, что они зимою по крайней мѣрѣ не сплошь замерзаютъ, то зимородокъ остается на ихъ берегахъ даже въ зимнее время. Если обстоятельства менѣе благопріятны, то ему приходится волей-неволей странствовать, и во все время этихъ странствованій онъ онъ иногда залетаетъ въ сѣверную Африку.

Обыкновенно удается видѣть зимородка въ тотъ моментъ, когда онъ стрѣлою несется надъ водною поверхностью; увидѣть же эту птицу сидящею можетъ только человѣкъ, хорошо знакомый съ ея жизнью. Особенно близъ населенныхъ мѣстъ или вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходитъ оживленное сообщеніе, зимородокъ садится отдыхать по возможности въ самыя укромныя мѣстечки и уголки, отыскиваетъ ихъ очень умѣло и, кажется, долго трудится, прежде чѣмъ ему удастся найти подходящее убѣжище. Что найденное наконецъ убѣжище дѣйствительно удобно, видно изъ того, что всѣ зимородки, посѣщающіе извѣстную рѣку, всегда выбираютъ себѣ для отдыха одни и тѣ-же мѣстечки. Каждый зимородокъ или, по крайней мѣрѣ, каждая парочка зимородковъ отводитъ себѣ опредѣленный участокъ и упорно отстаиваетъ свои права на него, допуская въ свои владѣнія развѣ только оляпку и бѣлую трясогузку.

Если какую нибудь птицу можно назвать „сидячею“, то это зимородка. Онъ буквально просиживаетъ на мѣстѣ по полдня, неподвижно и безмолвно глядя на воду и поджидая добычу съ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ истый рыболовъ. „Маленькія ножки зимородка“, говоритъ Науманнъ, „повидимому созданы только для сидѣнія, а не для ходьбы; ибо ходитъ онъ очень рѣдко и то дѣлаетъ только нѣсколько шажковъ, напр., по поверхности камня или столба, но никогда по голой поверхности земли.“ Если ничто ему не помѣшаетъ, то онъ мѣняетъ свой наблюдательный постъ лишь тогда, когда теряетъ надежду высмотрѣть себѣ оттуда добычу. Если же счастье ему благопріятствуетъ, то онъ проводитъ большую часть дня на одномъ мѣстѣ. Терпѣливо наблюдая за зимородкомъ, можно замѣтить, какъ онъ внезапно вытягиваетъ шею, наклоняется впередъ, такъ что клювъ принимаетъ почти вертикальное направленіе и вдругъ какъ лягушка или, вѣрнѣе, какъ стрѣла, кидается въ воду, не пользуясь при этомъ крыльями. Обыкновенно онъ совершенно исчезаетъ подъ водою, но при помощи нѣсколькихъ ударовъ крыльями снова выбирается на поверхность, взлетаетъ на свой постъ, стряхиваетъ воду съ крыльевъ, чиститъ немного перышки и принимаетъ прежнее положеніе. Попытавшись нѣсколько разъ напрасно овладѣть добычей или не замѣтивъ ни одной рыбы, онъ наконецъ рѣшается перемѣнить мѣсто. При полетѣ птица повидимому дѣлаетъ большія усилія, такъ какъ короткія крылышки лишь съ трудомъ поддерживаютъ тяжелое туловище, и ими приходится махать такъ быстро, что отдѣльныхъ движеній уловить невозможно. Не смотря на это, или именно въ виду этого, полетъ чрезвычайно быстрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма однообразный. Зимородокъ, пока возможно, летитъ по прямой линіи, держась всегда на одинаковой высотѣ надъ водою и поворачивается только при поворотѣ рѣки и лишь весьма неохотно улетаетъ въ сторону отъ рѣки или ручья. Пролетаетъ онъ такимъ образомъ не болѣе 500—600 шаговъ; если ему ничто не мѣшаетъ, то онъ никогда не улетаетъ далѣе ближайшаго сторожевого поста. Но голодъ и вообще нужда иногда заставляютъ его продѣлывать на лету такія штуки, какихъ трудно отъ него ожидать. Иногда можно видѣть, какъ онъ поднимается надъ водою, внезапно останавливается, порхая или колеблясь въ воздухѣ, заботливо высматриваетъ, что творится внизу и вдругъ съ этой высоты бросается въ воду. Такія штуки обыкновенный зимородокъ, подобно другимъ видамъ своего семейства, продѣлываетъ надъ широкими водными вмѣстилищами, на берегу которыхъ нѣтъ для него подходящихъ наблюдательныхъ постовъ, и особенно тогда, когда приходится выкармливать многочисленное потомство; эти штуки являются повидимому послѣднимъ средствомъ, къ которому прибѣгаетъ зимородокъ для добыванія себѣ пищи.

Кормится зимородокъ мелкой рыбой и раками, на ряду съ этимъ поѣдаетъ

также насѣкомыхъ, которыми выкармливаются птенцы. Насчетъ рыбы зимородокъ не разборчивъ, ловитъ всякую рыбу, которую можетъ схватить, и умѣетъ справляться съ довольно большой добычей. Добычу свою онъ подстерегаетъ такъ же, какъ кошка подстерегаетъ мышь. Ловитъ онъ рыбу только клювомъ, поэтому часто цѣлится неудачно, и иногда ему приходится долго трудиться прежде, чѣмъ онъ поймаетъ что-нибудь. Охота его такого свойства, что требуетъ умѣлаго выбора мѣста: вода, въ которой онъ ловитъ рыбу, не должна быть слишкомъ мелка, ибо въ такомъ случаѣ птица, бросаясь внизъ съ такою силой, могла бы повредить себѣ, но въ то же время вода не должна быть и слишкомъ глубока, ибо въ такомъ случаѣ въ ней бо̀льшею частью нельзя было бы найти подходящей добычи. Продолжительный дождь, отъ котораго вода становится мутной, — страшное бѣдствіе для зимородка, нерѣдко ведущее къ гибели, зима также часто является причиной его гибели: охотѣ его наступаетъ конецъ, когда онъ лишается возможности видѣть рыбу. Зимою ему приходится довольствоваться немногими открытыми мѣстами на ледяномъ покровѣ воднаго вмѣстилища; но тогда онъ рискуетъ попасть подъ ледъ и больше не найти отверстія. Такимъ образомъ нерѣдко погибаютъ зимородки. Кости рыбъ, чешуйки и прочія твердыя части зимородокъ выплевываетъ въ видѣ комочковъ.

Въ періодъ спариванья зимородокъ часто издаетъ высокій, пронзительный, часто и быстро повторяемый звукъ „тип тип“ или „зи зи“, который рѣдко слышится въ другое время, и прибавляетъ къ обыкновеннымъ звукамъ еще особые, а также ведетъ себя совершенно особеннымъ образомъ. „Какъ только зимородки въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля спарятся“, говоритъ мой отецъ, „то отыскиваютъ себѣ мѣсто для гнѣзда. Для этого всегда выбирается сухой, крутой, не поросшій травою берегъ, по которому не можетъ взобраться ни водяная крыса, ни ласка, ни другое хищное животное. Въ этомъ берегу, похожемъ на отвѣсную стѣну, на разстояніи 30—60 см. отъ верхняго края, зимородки продалбливаютъ круглое отверстіе, имѣющее обыкновенно 5 см. въ поперечникѣ и глубина котораго доходитъ до 0,5—1 метра; ходъ этотъ направленъ нѣсколько вверхъ, а внизу, при выходѣ, замѣчаются двѣ бороздки. На заднемъ концѣ отверстіе расширяется, образуя кругловатую ямку, похожую на хлѣбную печь и имѣющую 8—10 см. въ вышину и 10—13 см. въ ширину. Эта маленькая пещера выложена, словно вымощена рыбьими костями, снабжена неглубокой впадиной, внутри сухая и наверху гладкая, какъ при выходѣ. На рыбьихъ костяхъ лежатъ 6—7 очень большихъ, почти круглыхъ, блестяще-бѣлыхъ яицъ, которыя кажутся красновато-желтыми вслѣдствіе того, что просвѣчиваетъ желтокъ. Это самыя красивыя изъ всѣхъ птичьихъ яицъ, гладкія, блестящія и, если выдуть изъ нихъ содержимое, бѣлыя какъ самая великолѣпная эмаль. Величиною они съ яйцо пѣвчаго дрозда, такъ что мнѣ непонятно, какимъ образомъ зимородокъ покрываетъ и согрѣваетъ ихъ всѣ своими короткими жесткими перьями.

„При постройкѣ гнѣзда зимородокъ дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ дятелъ, съ тѣмъ только различіемъ, что дятелъ устраиваетъ себѣ гнѣздо въ гнилыхъ деревьяхъ, а зимородокъ въ сухой землѣ. Въ такомъ гнѣздѣ зимородокъ живетъ по нѣскольку лѣтъ подрядъ, если ничто ему не помѣшаетъ; если же входное отверстіе расширить, то зимородокъ навсегда покидаетъ свое прежнее жилище и никогда не кладетъ туда яицъ. Если гнѣздо употреблялось нѣсколько разъ, то это легко можно узнать по большому количеству головъ и крыльевъ стрекозъ и по необыкновенному множеству рыбьихъ костей, съ которыми головки и крылышки стрекозъ перемѣшаны; въ новомъ гнѣздѣ рыбьихъ костей значительно меньше, и среди нихъ незамѣтно остатковъ стрекозъ, пока птенцы еще не вылетѣли изъ гнѣзда. Чтобы узнать, живутъ-ли зимородки въ томъ или другомъ отверстіи, которое на первый же взглядъ можно отличить отъ норъ водяной крысы и другихъ млекопитающихъ, стоитъ только понюхать: если слышится запахъ рыбы, то можно съ увѣренностью сказать, что это новое, обитаемое гнѣздо.

„Птица сидитъ на яйцахъ или на своихъ голыхъ птенцахъ замѣчательно неподвижно. Можно стучать по обрыву сколько угодно — птица не выйдетъ;

она остается сидѣть спокойно даже тогда, когда начинаютъ расширять отверстіе, и лишь въ томъ случаѣ покидаетъ свое потомство, когда врагъ уже совсѣмъ близко отъ нея.“

Науманнъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ можно найти до 11-ти яицъ и сообщаетъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія относительно жизни птенцовъ. „Птенцы, только что вылупившіеся изъ гнѣзда, — безобразныя созданія. Они совсѣмъ голыя, нѣсколько дней даже слѣпы, и такой различной величины, что иногда одинъ птенецъ бываетъ вдвое больше другого. Они чрезвычайно безпомощны, часто трясутъ головой, отъ поры до времени открываютъ свой широкій зѣвъ, тихонько чирикаютъ, когда голодны или когда ихъ кормятъ, и ползаютъ, взбираясь другъ на друга, какъ черви. Въ это время старики кормятъ ихъ личинками насѣкомыхъ и главнымъ образомъ стрекозами, которымъ родители сначала отламываютъ крылья и голову. Впослѣдствіи молодымъ зимородкамъ даютъ также мелкую рыбу, и когда у нихъ начинаютъ понемногу отрастать перья, то они кажутся покрытыми черновато-синими колючками, такъ какъ перья сидятъ въ очень длинныхъ футлярчикахъ, которые не скоро лопаются. Вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ старыя птицы отводятъ въ самые тихіе уголки на берегу, большею частью въ кусты, въ такія мѣста, гдѣ много лишаевъ, или гдѣ есть размытые корни растущихъ на берегу деревьевъ. Еще не скоро молодыя птицы выучиваются ловить рыбу.“

Преслѣдуетъ-ли зимородка какое-нибудь хищное животное — это намъ неизвѣстно. Взрослый зимородокъ, благодаря своему образу жизни, охраненъ отъ многихъ преслѣдованій, которымъ подвергаются другія птицы. Красивое это существо не всегда удается пріучить къ неволѣ. Зимородковъ, вынутыхъ изъ гнѣзда молодыми, можно выкормить мясомъ и рыбой, и они тогда выживаютъ въ плѣну нѣкоторое время; старыя же птицы отличаются необузданностью и боязливостью, часто не трогаютъ корма и порхаютъ до тѣхъ поръ, пока не упадутъ мертвыми. Но и среди этихъ птицъ бываютъ исключенія. Если удается ихъ приручить и доставить имъ подходящее мѣсто жительства, то онѣ по истинѣ прелестны.

*

Сѣрые зимородки (Ceryle) отличаются отъ предыдущаго рода главнымъ образомъ строеніемъ крыльевъ и хвоста. Опереніе у нихъ также густое и плотно прилежащее, но уже не отличается великолѣпной окраской, даже почти лишено блеска, и у самца и самки болѣе или менѣе различно. Родъ этотъ имѣетъ многихъ представителей въ Америкѣ, но водится также въ Азіи и въ Африкѣ; одинъ видъ нѣсколько разъ наблюдался въ Европѣ, гдѣ поэтому пріобрѣлъ себѣ права гражданства. Къ этому роду относятся самые сильные, ловкіе, а потому и самые хищные члены семейства — „рыбьи тигры“, какъ называютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Fischtiger).

Намъ слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на сѣраго зимородка (Ceryle rudis, см. прилож. картину) — на того самаго, который изъ Египта и Сиріи неоднократно залеталъ въ Европу. Окрашенъ онъ весьма скромно — верхняя сторона въ бѣлыхъ и черныхъ пятнахъ, нижняя — совершенно бѣлая, за исключеніемъ двухъ-трехъ черныхъ полосъ на груди и нѣсколькихъ темныхъ пятенъ на клювѣ. По бѣлымъ бокамъ головы и шеи проходитъ широкая черная полоса, начинающаяся отъ угла рта, тянущаяся по ушной области и спускающаяся по бокамъ шеи. Глаза темнокаріе, клювъ черный, длина птицы 26 см.

Сѣрый зимородокъ водится въ обширной области. Его можно встрѣтить почти во всѣхъ странахъ Африки, въ Сиріи, Палестинѣ, Персіи, а также въ Индіи и вообще въ южной Азіи. Въ Европѣ его видѣли не разъ, но только въ Греціи и Далмаціи. На берегахъ Нила онъ представляетъ собою обыкновенное явленіе; тамъ его часто можно видѣть сидящимъ на шестѣ бадьи, причемъ бѣлая грудь его направлена къ рѣкѣ. Если у самаго берега Нила стоитъ пальма или мимоза, и если на одной изъ ея вѣтвей удобно усѣсться, то сѣрый зимородокъ располагается здѣсь; столь же охотно усаживается онъ на деревянныхъ частяхъ водочерпательнаго колеса, которое

Жизнь животныхъ Брэма. II.

Т-во „Просвѣщеніе въ Спб.

Сѣрый зимородокъ.

приводится въ движеніе волами и производитъ хорошо извѣстную всѣмъ путешественникамъ и всѣми проклинаемую „нильскую музыку“. Сѣрый зимородокъ вовсе не обнаруживаетъ той пугливости, какая замѣчается у его изящнаго родственника. У себя на родинѣ онъ чувствуетъ себя въ безопасности, ибо знаетъ, что египтянину можно довѣрять, и что его нечего бояться. Птица эта отличается многими странностями, поражающими новичка; но самая поразительная черта сѣраго зимородка — это его довѣрчивое отношеніе къ человѣку. Прямо надъ мальчикомъ, который подгоняетъ кнутомъ воловъ у водочерпательнаго колеса, и притомъ такъ, что ее можно задѣть кнутомъ, птица возсѣдаетъ такъ спокойно, словно мальчикъ приручилъ и выдрессировалъ ее, и словно она усматриваетъ въ немъ своего покровителя и защитника; около женщинъ, черпающихъ воду, и надъ ними сѣрый зимородокъ пролетаетъ такъ близко, что кажется, будто онъ хочетъ отогнать женщинъ отъ рѣки. Въ противоположность европейскому зимородку, сѣрый зимородокъ обходительная, миролюбивая птица, не завидующая корму другихъ и очень общительная. Парочка сохраняетъ вѣрность другъ другу, и гдѣ садится одинъ изъ супруговъ, туда присаживается и другой. Обыкновенно оба сидятъ на вѣткѣ рядышкомъ, высматривая добычу.

Рыбу сѣрый зимородокъ всегда ловитъ такъ, какъ обыкновенный зимородокъ, когда обычнаго способа оказывается недостаточно, т. е., другими словами, не слетаетъ съ высокой вѣтки, а колеблясь, держится надъ водой и съ высоты бросается внизъ. Полетъ совершенно не похожъ на полетъ обыкновеннаго зимородка. Крылья, хотя приводятся въ движеніе столь же быстро, но такъ, что отдѣльные взмахи не сливаются воедино и прекрасно могутъ быть уловлены глазомъ. Поэтому полетъ не столь стремительный, какъ полетъ обыкновеннаго зимородка, но гораздо болѣе ловкій, т. е. допускающій больше разнообразія. Обыкновенный зимородокъ летитъ впередъ, какъ спущенная стрѣла, сѣрый же зимородокъ летитъ почти какъ соколъ, поворачивается, когда ему угодно, держится въ воздухѣ, порхая, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, отлетаетъ въ сторону, если во время порханія ему не удалось замѣтить добычи, а затѣмъ снова начинаетъ колебаться въ воздухѣ. Нападая на добычу, сѣрый зимородокъ плотно прижимаетъ крылья къ тѣлу и въ нѣсколько косомъ направленіи съ быстротою стрѣлы устремляется въ воду, исчезаетъ въ волнахъ и, спустя нѣкоторое время, при помощи сильныхъ ударовъ крыльями снова выбирается на поверхность. Нерѣдко во время полета, а слѣдовательно подъ очень небольшимъ угломъ, сѣрый зимородокъ бросается въ воду и затѣмъ поднимается такъ быстро, что кажется, будто онъ отскочилъ отъ поверхности, какъ мячъ. Весьма вѣроятно и весьма понятно, что сѣрый зимородокъ ловче европейскаго; не смотря на это, онъ часто даетъ маху: ибо и онъ нерѣдко ошибается насчетъ глубины, на какой плыветъ замѣченная имъ рыба. Если ему посчастливится поймать рыбу, то онъ тотчасъ же летитъ на свое обычное мѣсто и проглатываетъ добычу часто лишь послѣ того, какъ ударитъ ею о вѣтку, какъ это обыкновенно дѣлаютъ другіе его родственники. Если сѣрый зимородокъ не охотится, то, равномѣрно махая крыльями, довольно низко носится надъ водой, по возможности направляясь на другой наблюдательный постъ по прямой линіи, а вблизи этого мѣста внезапно взлетаетъ кверху. Днемъ птица бываетъ спокойна, къ вечеру становится живѣе, обнаруживаетъ даже нѣкоторую шаловливость, и тогда нерѣдко можно слышать ея громкій, пронзительный, часто повторяемый крикъ.

Когда вода въ Нилѣ поднимается, сѣрый зимородокъ принужденъ бываетъ покинуть свою любимую рѣку, въ которой вода становится такъ мутна, что рыбы въ ней нельзя увидѣть. Впрочемъ, въ такомъ случаѣ рѣку сѣрому зимородку замѣняютъ многочисленные египетскіе каналы. Въ нихъ вода въ это время прозрачнѣе, а потому ловить въ нихъ рыбу можно такъ же успѣшно, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Тристрамъ сообщаетъ намъ, что сѣрыхъ зимородковъ встрѣчали также на берегу моря, даже цѣлыми дюжинами, „причемъ они колебались надъ водою приблизительно на разстояніи 100 метровъ отъ суши“.

Время высиживанья птенцовъ начинается въ Египтѣ приблизительно тогда, когда вода въ Нилѣ стоитъ всего ниже, т. е. въ мартѣ или въ апрѣлѣ. Въ Пале-

стинѣ сѣрый зимородокъ устраиваетъ цѣлыя поселенія. Одно изъ такихъ поселеній было найдено на крутомъ обрывѣ при впаденіи рѣчки Мудавары въ Генисаретское озеро. Входы въ гнѣзда находились около 10-ти см. надъ поверхностью воды и добираться до нихъ можно было только вплавь. Каждый проходъ въ длину достигалъ одного метра и сбоку расширялся въ видѣ простой пещеры. Въ гнѣздахъ съ одними яйцами нигдѣ не было найдено рыбьихъ костей, но въ гнѣздахъ съ молодыми птицами найдены гніющія кучи рыбьихъ костей и нечистотъ. Подстилкой для птенцовъ служила куча, состоявшая изъ травы и сорныхъ растеній.

Алціоновыя птицы (Halcyoninae) отличаются отъ зимородковъ-рыболововъ болѣе развитыми, у нѣкоторыхъ даже очень развитыми орудіями полета. Клювъ, въ общемъ похожій на клювъ зимородковъ, обыкновенно бываетъ гораздо шире, и ноги большею частью крѣпче и съ болѣе высокой ступней. Опереніе менѣе плотно прилегающее и не обладаетъ той жирной гладкостью, какою оно отличается у зимородковъ, зато блистаетъ яркими красками: нѣкоторые виды принадлежатъ къ самымъ красивымъ птицамъ вообще.

Африка, южная Азія и Австралія, а также острова, расположенные между этими частями свѣта, — вотъ родина этого богатаго видами и формами подсемейства. Въ Америкѣ и въ Европѣ птицъ этихъ совсѣмъ не встрѣчается. Это болѣе или менѣе лѣсныя птицы, и только немногія изъ нихъ обнаруживаютъ любовь къ водѣ. Нѣкоторыя, какъ говорятъ, ловятъ рыбу на манеръ зимородковъ; но большинство по своему образу жизни напоминаетъ бородачей. Многіе виды сдѣлались совершенно независимыми отъ воды и населяютъ самыя сухія мѣстности, если только онѣ не лишены деревьевъ, такъ какъ деревья повидимому безусловно необходимы для благосостоянія этихъ птицъ.

Обладая хорошо развитыми орудіями полета, алціоновыя птицы — существа гораздо болѣе подвижныя, чѣмъ зимородки-рыболовы; даже самыхъ лучшихъ летуновъ изъ зимородковъ алціоны превосходятъ легкостью, изяществомъ и ловкостью своего полета, похожаго на полетъ щурокъ. Алціоны съ высокаго пункта внимательно обозрѣваютъ окрестность, завидѣвъ добычу, тотчасъ же летятъ къ ней или вслѣдъ за нею, а затѣмъ снова возвращаются и садятся на прежнее мѣсто. „Алціоны любятъ пребывать на опредѣленномъ мѣстѣ степи“, пишетъ Пехуэль-Лёше, „и охотятся на насѣкомыхъ, летая взадъ и впередъ, причемъ очень рѣдко, порхая, висятъ въ воздухѣ надъ травою. Въ одно мгновеніе рѣзвый, блистающій яркостью красокъ охотникъ вылетаетъ на солнечный свѣтъ съ своего невысокаго, тѣнистаго поста на живой изгороди или въ рощѣ кустарниковъ, откуда онъ бдительнымъ взоромъ осматривалъ свой маленькій луговой участокъ, схватываетъ свою добычу и весело возвращается на свою вѣтку. Едва успѣвъ усѣсться, онъ замѣчаетъ новую жертву и снова мчится ей въ догонку.“ На землѣ алціоны чувствуютъ себя въ чуждой сферѣ. Въ водѣ онѣ ловятъ добычу далеко не такъ искусно, какъ зимородки; вѣроятно, только немногіе виды, и то въ исключительныхъ случахъ, сами вытаскиваютъ изъ воды рыбъ или другихъ водныхъ животныхъ. Голосъ алціонъ громкій и своеобразный.

Пища всѣхъ вообще алціонъ состоитъ изъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ изъ кузнечиковъ и большихъ жуковъ; болѣе сильные виды хватаютъ также краббовъ и мелкихъ позвоночныхъ животныхъ всѣхъ классовъ. Нѣкоторые виды пользуются уваженіемъ за то, что преслѣдуютъ змѣй; другихъ считаютъ грабителями гнѣздъ. По хищности алціоны не уступаютъ зимородкамъ.

Большинство алціонъ выводятъ птенцовъ въ древесныхъ дуплахъ, нѣкоторыя же въ естественныхъ углубленіяхъ на землѣ и въ камняхъ, и всѣ сооружаютъ болѣе или менѣе совершенное гнѣздо. Яицъ повидимому кладется не особенно много. Яйца чисто бѣлыя и блестящія, какъ яйца зимородковъ-рыболововъ.

Алціоны легко и долго выдерживаютъ неволю, такъ какъ легко привыкаютъ къ подходящей комнатной пищѣ, замѣняющей имъ естественный кормъ. Можно сказать, что эти птицы болѣе красивы, чѣмъ привлекательны, но не слѣдуетъ за-

бывать, что онѣ вступаютъ въ искренно дружескія отношенія съ человѣкомъ: ихъ можно довести до того, что онѣ встрѣчаютъ своего хозяина самымъ ласковымъ образомъ и относятся къ нему съ большою нѣжностью.

*

Древесная алціона (Halcyon semicoeruleus) по величинѣ мало уступаетъ сѣрому зимородку: длина ея 22 см. Верхняя и задняя часть головы блѣдно-буроватыя, затылокъ и задняя часть шеи свѣтлѣе, бока шеи и переднія части ея до самой груди бѣлые, прочія нижнія части тѣла темнаго коричнево-красновато-бураго цвѣта, спина, плечи и покровныя перья, а также маховыя перья чернаго цвѣта, причемъ наружное опахало маховыхъ перьевъ, большія маховыя перья и сгибы крыла, надхвостье и хвостъ блестящаго смальтово-синяго цвѣта. Глаза каріе, клювъ и ноги красные.

Эту птицу впервые видѣли въ западной Африкѣ, затѣмъ нашли ее на островахъ Зеленаго Мыса и во всей средней Африкѣ до самой Абиссиніи.

По нравамъ своимъ древесная алціона напоминаетъ щурокъ и мухоловокъ.

Изъ австралійскихъ видовъ разсматриваемаго рода наибольшею извѣстностью пользуется гигантская алціона (Halcyon giganteus, рис. на стр. 376), ибо эта птица не только сама даетъ о себѣ знать каждому европейцу, вступившему на берегъ Австраліи, но въ послѣднее время часто появлялась въ Европѣ. Голова, шея и всѣ нижнія части тѣла бѣлаго цвѣта съ грязновато-ржаво-блѣдно-желтымъ оттѣнкомъ, лобъ и передняя часть головы съ узкой темно-бурой полоской, уздечка и широкая полоса на ушной области, а также широкое пятно на серединѣ темени и на задней части головы, спина, плечи и кроющія перья крыльевъ бураго цвѣта, причемъ послѣднія или по крайней мѣрѣ среднія изъ нихъ съ нѣжными бериллово-синими каемками, красно-бурыя верхнія кроющія перья хвоста и хвостовыя перья съ широкими черными поперечными полосами, красноватыя же рулевыя перья украшены широкими бѣлыми каймами на концахъ. Радужная оболочка темно-каряя, верхняя створка клюва черная, нижняя блѣдно-желтая, ноги темно-бурыя. Длина 45—47 см.

Гигантская алціона бросилась въ глаза уже первымъ путешественникамъ и естествоиспытателямъ, явившимся въ Австралію, но жизнь ея стала извѣстна лишь благодаря новѣйшимъ наблюденіямъ, особенно же благодаря наблюденіямъ Гуда. „Это птица“, говоритъ Гудъ, „которую слѣдуетъ знать всякому жителю или посѣтителю Новаго Южнаго Валлиса, такъ какъ она бросается въ глаза не только своей величиной, но обращаетъ на себя вниманіе и своимъ необычайнымъ голосомъ. Кромѣ того, она отнюдь не боится человѣка, напротивъ, если что-нибудь возбуждаетъ ея любопытство, приближается, чтобы хорошенько разглядѣть предметъ. Такъ, она часто появляется на сухой вѣткѣ дерева, подъ которымъ расположились путешественники, и съ самымъ живымъ интересомъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ они разводятъ огонь или готовятъ себѣ кушанье. Тѣмъ не менѣе присутствіе птицы рѣдко замѣчается раньше, чѣмъ она начинаетъ заливаться своимъ гогочущимъ хохотомъ, который всегда вызываетъ у слушателей восклицаніе: „Ахъ, вотъ и нашъ старый другъ хохотунъ!“ Звуки, издаваемые гигантской алціоной, такъ удивительны, что всѣ, писавшіе объ Австраліи, упоминаютъ о нихъ. Кэлей (Caley) говоритъ, что громкій крикъ и смѣхъ птицы слышится издали, и что, благодаря своему крику, гигантская алціона получила прозвище хохотуна. Крикъ этой птицы, по словамъ капитана Стерта (Sturt), звучитъ словно хоръ дикихъ духовъ и пугаетъ путешественника, воображающаго себя въ опасности, между тѣмъ какъ несчастіе насмѣхается надъ нимъ. Этотъ странный каркающій хохотъ, говоритъ Беннеттъ, начинающійся тихо и усиливающійся въ высокій и громкій звукъ, часто слышится во всѣхъ частяхъ одного поселенія. Онъ слышится въ сумеркахъ и около солнечнаго заката, когда солнце склоняется къ западу и является какъ бы пожеланіемъ спокойной ночи для всѣхъ, кто хочетъ внимать ему. Подробнѣе описываетъ этотъ крикъ „старый охотникъ“

въ своихъ „Лѣсныхъ приключеніяхъ естествоиспытателя“. „За часъ до восхода солнца охотника будятъ такіе дикіе звуки, что ему кажется, будто вокругъ него носится толпа злыхъ духовъ съ шипѣніемъ, крикомъ и хохотомъ. Эти звуки — утреннее пѣніе „хохотуна“, возвѣщающаго наступленіе дня своимъ пернатымъ товарищамъ. Въ полдень слышится тотъ же самый дикій смѣхъ, который снова раздается въ лѣсу, когда солнце склоняется къ западу. Никогда не забуду я первой ночи, проведенной въ Австраліи подъ открытыхъ небомъ. Я пробудился на

Гигантская алціона (Halcyon giganteus). $^2/_3$ естеств. велич.

разсвѣтѣ отъ своего безпокойнаго сна; но я долго не могъ сообразить, гдѣ я, — такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на меня непривычными звуками. Адскій хохотъ гигантской алціоны сливался съ болѣе слабымъ флейтовымъ звукомъ „сороки“, съ хриплымъ кудахтаньемъ большеногихъ куръ, съ пронзительнымъ крикомъ цѣлыхъ тысячъ попугаевъ и съ различными голосами другихъ птицъ, такъ что получалось такое странное цѣлое, какого я никогда раньше не слышалъ. Съ тѣхъ поръ я слышалъ эти звуки сто разъ, но никогда не внималъ имъ съ такимъ чувствомъ. „Хохотунъ“ — это часы охотника. Вовсе не пугливый, скорѣе даже любящій общество, онъ въ извѣстномъ смыслѣ раздѣляетъ съ человѣкомъ палатку и поэтому, а еще болѣе потому, что преслѣдуетъ змѣй, является въ глазахъ охотниковъ священною птицей.“

Гигантской алціоны не встрѣчается въ Тасманіи или въ западной Австраліи; она водится повидимому только въ юго-восточной части Австралійскаго материка. Птица эта вовсе не связана съ извѣстною мѣстностью, а посѣщаетъ всякія мѣстности — и густой кустарникъ вдоль морского берега, и рѣдкій лѣсъ на возвышенностяхъ. Но нигдѣ птица эта не встрѣчается часто. Видѣть ее можно вездѣ, но только въ одиночку. Пища ея смѣшанная, но всегда берется изъ животнаго царства. Предпочтеніе отдается повидимому пресмыкающимся и насѣкомымъ, а также краббамъ. Гигантская алціона съ жадностью кидается на ящериць и вовсе не рѣдкость увидѣть ее возвращающеюся на свое мѣсто съ змѣею въ клювѣ. „Однажды“, говоритъ „старый охотникъ“, „я видѣлъ пару хохотуновъ, сидѣвшихъ на высохшей вѣткѣ стараго, сѣраго дерева и отсюда слетавшихъ отъ поры до времени на землю. Внимательное наблюденіе показало, что птицы убили ковровую змѣю и выражали свою радость по этому поводу болтовней и хохотомъ. Ѣдятъ-ли гигантскія алціоны змѣй, — этого я сказать не могу; ибо единственными пресмыкающимися, найденными мною въ ея желудкѣ, были маленькія ящерицы.“ Кромѣ того, гигантская алціона истребляетъ маленькихъ млекопитающихъ. Вода повидимому не составляетъ необходимой потребности этой птицы; она, какъ было уже сказано, живетъ на свободѣ даже въ самыхъ сухихъ лѣсахъ, а плѣнныя гигантскія алціоны не обнаруживаютъ особеннаго стремленія къ водѣ ни для того, чтобы пить, ни для того, чтобы купаться.

Выводятся птенцы въ августѣ и сентябрѣ. Тогда парочка отыскиваетъ себѣ подходящее углубленіе въ большомъ камедномъ деревѣ и кладетъ туда свои великолѣпныя жемчужно-бѣлыя яйца на рыхлое дно пещеры. Когда молодыя птицы вылупляются, старыя мужественно и безстрашно защищаютъ свои жилища, а на того, кто хочетъ вынуть птенцовъ, прямо-таки нападаютъ и наносятъ ему не совсѣмъ безопасныя раны клювомъ.

Въ неволѣ гигантскія алціоны не принадлежатъ къ притязательнымъ животнымъ, довольствуются очень простой пищей, а именно крупно нарѣзанными кусочками мяса, мышами и рыбой, и быть можетъ вслѣдствіе этого не особенно страдаютъ отъ потери свободы. Въ просторной клѣткѣ онѣ скоро становятся рѣзвыми и веселыми и живутъ совершенно такъ же, какъ у себя на родинѣ. Обыкновенно онѣ спокойно сидятъ на самомъ удобномъ мѣстѣ, а если держать ихъ парами, то усаживаются рядышкомъ, совсѣмъ близко другъ къ другу. При этомъ шея такъ втягивается, что голова лежитъ прямо на плечахъ, перья же вяло свѣшиваются внизъ. Въ видѣ разнообразія то одна, то другая птица растопыриваетъ крылья на головѣ. такъ что голова кажется вдвое больше, чѣмъ обыкновенно, и принимаетъ очень серьезное выраженіе; иногда птица дергаетъ хвостомъ. Несмотря на эти движенія, гигантская алціона кажется лѣнивой, недовольной и сонной; но это только такъ кажется. Кто хочетъ узнать истинный характеръ этой птицы, тотъ долженъ обратить вниманіе на ея безпокойные, хитрые, блестящіе глаза: глаза эти ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что птица все время слѣдитъ за всѣмъ окружающимъ и замѣчаетъ все происходящее вокругъ нея.

Въ клѣткѣ гигантская алціона такъ же хорошо знаетъ время, какъ и въ австралійской чащѣ кустарниковъ: она кричитъ всегда въ указанные выше часы. Но она считается и съ особенными обстоятельствами, напр. на понятный ей привѣтъ благоволитъ отвѣчать крикомъ. Вступивъ въ болѣе тѣсныя дружескія отношенія съ хозяиномъ, она привѣтствуетъ его крикомъ уже по собственному побужденію.

*

Для острововъ, находящихся между Азіей и Австраліей, характерными птицами являются райскія алціоны (Tanysiptera), которыя отличаются отъ древесныхъ алціонъ ступеньчатымъ хвостомъ и узкими средними перьями хвоста, на концѣ расширяющимися въ видѣ лопаточки.

Изъ этихъ птицъ особенно красива райская алціона (Tanysiptera galatea). Верхняя часть головы, сгибъ крыла и оба среднихъ хвостовыхъ пера

у нея блестящаго свѣтло-голубого цвѣта, между тѣмъ какъ верхняя часть спины, плечи, крылья и широкая полоса по бокамъ головы изъ-синя чернаго цвѣта; нижняя часть спины, надхвостье, вся нижняя сторона, расширенные концы обоихъ среднихъ хвостовыхъ перьевъ и прочія перья хвоста — бѣлаго цвѣта, причемъ послѣднія снабжены свѣтло-голубыми каемками. Клювъ яркаго кораллово-краснаго цвѣта. Птица эта, достигающая, подобно другимъ видамъ этого рода, такой же приблизительно величины, какъ европейскій средній пестрый дятелъ, обитаетъ въ Новой Гвинеѣ и на сосѣднихъ островахъ.

Плоскоклювыя птицы (Todidae), образующія особый подотрядъ, благодаря устройству своего клюва, принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ птицъ. Клювъ у нихъ средней длины, прямой и такъ сплюснутъ, что, строго говоря, представляетъ изъ себя двѣ тонкія, тупыя пластинки, такъ какъ гребень верхней створки почти не замѣтенъ. Если смотрѣть на клювъ сверху, то онъ кажется вытянутымъ, спереди притупленнымъ треугольникомъ. Кончикъ верхней створки прямой, т. е. не загнутъ внизъ, нижняя створка тупая; края клюва чрезвычайно мелко зазубрены; ротовая щель заходитъ за глаза.

Всѣ верхнія части у тоди (Todus viridis) окрашены въ великолѣпный травянисто-зеленый цвѣтъ, а у нижняго края глаза замѣчается очень тонкая красная каемка. На подбородкѣ и на горлѣ перья яркаго карминно-краснаго цвѣта, на концѣ же они снабжены очень тонкой серебристо-бѣлой каемкой, а по бокамъ все горловое пятно окаймлено нѣжной сѣровато-синей полоской, внизу же ограничено бѣлымъ пятномъ. Бока зоба и груди зеленоватые, бока ляжекъ, нижнія кроющія перья крыльевъ и хвоста блѣдно-желтоватыя, середина груди и брюшка желтовато-бѣлыя, наконецъ, нѣкоторыя перья на бокахъ брюшка, образующія пучекъ, окрашены на концахъ въ нѣжный розовый цвѣтъ. Радужная оболочка блѣдно-сѣрая, клювъ красноватаго рогового цвѣта, нижняя створка желтоватаго рогового цвѣта, ноги буровато-красныя или мясного цвѣта. Длина 12 см.

„Во всѣхъ частяхъ Ямайки“, говоритъ Госсе, „тоди весьма обыкновенная птица. Его блестящая травянисто-зеленая одежда и бархатисто-красное горло обращаютъ на себя вниманіе, и онъ даетъ всякому приблизиться къ себѣ: ибо это чрезвычайно кроткая птица, притомъ, повидимому, болѣе изъ равнодушія, нежели изъ довѣрчивости. Если спугнуть тоди, то онъ самое бо́льшее перелетаетъ на ближайшую вѣтку. За такую довѣрчивость птица пользуется общею любовью, и ей дали множество ласкательныхъ именъ.“

Въ неволѣ тоди дѣлается совсѣмъ ручнымъ и питается насѣкомыми, которыхъ ловитъ на лету. Гнѣздо свое онъ устраиваетъ въ пещерахъ, вырытыхъ въ землѣ, какъ и зимородки.

Ближайшіе родственники плоскоклювыхъ, пилоракши или момоты (Prionites) похожи на сиворакшъ, а еще болѣе на обыкновенныхъ зимородковъ.

Это южно-американскія лѣсныя птицы, которыхъ можно встрѣтить вездѣ, но нигдѣ нельзя встрѣтить въ большомъ количествѣ; они живутъ въ одиночку или парами и обыкновенно селятся вдали отъ человѣческихъ жилищъ.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ видовъ этого рода — это момотъ, котораго туземцы называютъ хуту (Prionites brasiliensis). Край лба, уздечка и глазная область, а также круглое пятно на темени у него чернаго цвѣта, причемъ спереди по краю лба проходитъ широкая небесно-голубая полоса, а сзади темное ультрамариновое пятно, задняя часть шеи и нижняя сторона зеленаго цвѣта съ коричнево-красно-бурымъ блескомъ, перья на затылкѣ красно-бурыя, нѣсколько удлиненныхъ, широкихъ черныхъ перьевъ на серединѣ горла снабжены узкими небесно-голубыми каемками, спина, крылья и хвостъ темнаго травянисто-зеленаго цвѣта, внутреннія опахала маховыхъ перьевъ черныя, наружныя опахала большихъ маховыхъ перьевъ зеленовато-синія, хвостовыя перья снабжены на концѣ

темно-синею каемкой, широкая выдающаяся конечная часть обоихъ среднихъ хвостовыхъ перьевъ ярче и съ черной каемкой на кончикѣ. Длина 50 см.

По словамъ Бурмейстера, момотъ обитаетъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ Бразиліи, и здѣсь пользуется общею извѣстностью. Шомбургкъ часто видѣлъ его въ Гіанѣ и имѣлъ возможность довольно долго наблюдать его. „Уже до восхода солнца изъ густыхъ первобытныхъ лѣсовъ доносится жалобный и меланхолическій, но весьма явственный крикъ момотовъ „хуту хуту“ и возвѣщаетъ дремлющей природѣ наступленіе новаго утра.“

Азара наблюдалъ и описалъ жизнь момотовъ въ неволѣ. Онъ говоритъ, что эти птицы робки и недовѣрчивы, но въ то же время любопытны. Всѣ ихъ движенія были неуклюжи и негибки, но онѣ кивали очень любезно головой или качали ею то въ ту, то въ другую сторону. Онѣ ѣли хлѣбъ и еще охотнѣе лакомились сырымъ мясомъ, которое, прежде чѣмъ проглотить, нѣсколько разъ бросали на землю, словно желая сначала убить схваченную добычу. Момотамъ приходились весьма по вкусу маленькія птички, которыхъ они долго преслѣдовали и наконецъ убивали указаннымъ способомъ.

Семейства бананоѣдовыхъ и кукушекъ въ послѣднее время стали объединять въ одну группу кукушковыхъ птицъ (Coccyges).

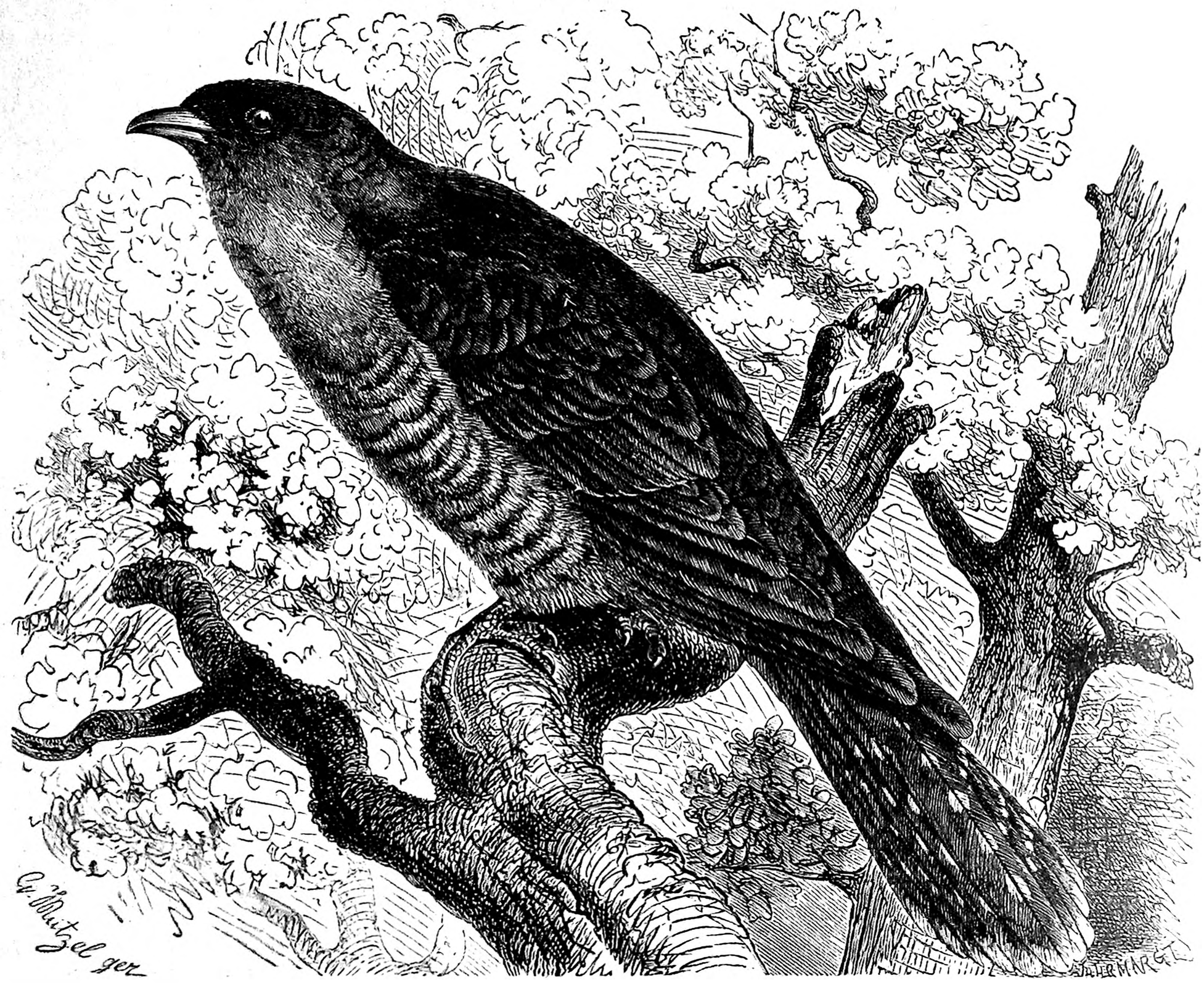
Въ Европѣ живетъ только одинъ представитель кукушекъ (Cuculidae), распадающихся на четыре подсемейства.

Древесныя кукушки (Cuculinae), образующія первое подсемейство, характеризуются клювомъ длиною съ голову, слегка согнутымъ, обыкновенно довольно тонкимъ, при основаніи расширеннымъ; ноги у нихъ короткія или, самое бо́льшее, средней длины съ парными пальцами, крылья длинныя, узкія и острыя, и въ нихъ обыкновенно третье маховое перо самое длинное; хвостъ длинный, закругленный или клинообразно заостренный, десятиперый, опереніе густое, но не особенно объемистое, не крѣпко сидящее въ кожѣ. Оба пола по окраскѣ обыкновенно мало отличаются другъ отъ друга, молодыя же птицы замѣтно отличаются отъ старыхъ.

Виды этого подсемейства, которыхъ насчитывается до 80-ти, распространены по Старому Свѣту и по Австраліи. Они особенно многочисленны въ Индіи и въ Африкѣ, на сѣверѣ же водится только одинъ видъ кукушекъ. Всѣ, безъ исключенія, кукушки живутъ въ лѣсу и только на время покидаютъ деревья. Гдѣ только есть лѣсъ, тамъ есть и кукушки, безлѣсныхъ же пространствъ онѣ совершенно избѣгаютъ. Сѣверные виды странствуютъ, болѣе южные развѣ только бродятъ по окрестностямъ. Это безпокойныя, необузданныя, вѣтряныя и пугливыя птицы, которыя избѣгаютъ общества себѣ подобныхъ и вообще неохотно вступаютъ въ сношенія съ другими птицами. Онѣ быстро пролетаютъ довольно большое пространство, обыскиваютъ деревья, слетаютъ съ нихъ на подмѣченное ими животное, даже спускаются на землю, но здѣсь остаются недолго, и такимъ образомъ, летая, крича и схватывая добычу, носятся взадъ и впередъ по своему участку. Пища состоитъ почти исключительно изъ насѣкомыхъ и особенно изъ ихъ личинокъ, главнымъ же образомъ изъ волосатыхъ гусеницъ, которыхъ не трогаютъ другія птицы. Волоски этихъ гусеницъ при пищеваренiи такъ плотно внѣдряются въ стѣнки желудка, что эти послѣднія кажутся волосатыми и приводили естествоиспытателей къ ложнымъ заключеніямъ. О болѣе крупныхъ видахъ семейства говорятъ, что они не брезгаютъ мелкими позвоночными животными, напр., земноводными, и всѣхъ кукушекъ, вѣроятно не безъ основанія, считаютъ грабителями гнѣздъ, которые не только выбрасываютъ изъ нихъ яйца, но и поѣдаютъ чужія яйца. Этотъ не совсѣмъ обыкновенный видъ воровства объясняется способомъ размноженія кукушекъ. Ни одинъ видъ разсматриваемаго подсемейства не высиживаетъ своихъ яицъ самъ, а всѣ виды возлагаютъ заботу о своемъ потомствѣ на другихъ птицъ, въ гнѣзда которыхъ кладутъ свои яйца. При этомъ кукушки

большею частью вынимаютъ одно яйцо изъ гнѣзда избранныхъ ими для своего птенца пріемныхъ родителей, и именно это яйцо иногда поѣдаютъ. Фактъ этотъ часто отрицали, но многочисленныя наблюденія показали, что онъ не подлежитъ сомнѣнію. Почему кукушка сама не высиживаетъ своихъ яицъ, — это объясняли разными причинами и пытались твердо обосновать ихъ, однако до сихъ поръ еще не указано несомнѣннаго основанія этого явленія.

Многіе сомнѣваются, слѣдуетъ ли считать кукушекъ полезными или вредными птицами. Кукушки несомнѣнно приносятъ большую пользу тѣмъ, что уничтожаютъ волосатыхъ гусеницъ, защищенныхъ отъ нападенія другихъ насѣкомоядныхъ птицъ; но несомнѣнно также, что, подсовывая свои яйца въ чужія гнѣзда,

Обыкновенная кукушка (Cuculus canorus). $^1/_2$ естеств. велич.

кукушки причиняютъ нѣкоторый вредъ, такъ какъ воспитаніе кукушки, подкинутой въ гнѣздо болѣе мелкихъ птицъ, всегда влечетъ за собою гибель ея мелкихъ пріемныхъ братьевъ. Но на это опять таки можно возразить, что, истребляя насѣкомыхъ, кукушка приноситъ больше пользы, чѣмъ пять или шесть маленькихъ пичужекъ, а потому мы будемъ вполнѣ правы, оказывая кукушкамъ всяческое покровительство.

*

У обыкновенной кукушки (Cuculus canorus) верхняя сторона пепельно-сѣровато-синяя или темнаго пепельно-сѣраго цвѣта, нижняя сторона сѣровато-бѣлая съ черноватыми поперечными волнообразными полосками; горло, щеки, глотка и бока шеи вплоть до груди чистаго пепельно-сѣраго цвѣта, маховыя перья свинцово-черныя, рулевыя перья черныя съ бѣлыми пятнами. Глаза ярко-желтые, клювъ черный, у основанія желтоватый, ноги желтыя. Длина 37 см., длина хвоста 17 см.

Въ Европѣ, Азіи и Африкѣ мало такихъ странъ или мѣстностей, гдѣ не наблюдалась кукушка. Размножается она на сѣверѣ Стараго Свѣта, отъ Китая и пріамурскихъ странъ до береговъ Португаліи и отъ Нордкапа до Сиріи, Палестины и Алжира, а также въ Персіи. Отсюда кукушка перекочевываетъ на югъ; изъ Сибири она улетаетъ до Зондскихъ острововъ и Цейлона, изъ Европы — до южной Африки. Въ Германіи она появляется обыкновенно въ серединѣ апрѣля. „Она прилетаетъ 18-го, 19-го же должна прилетѣть“, говоритъ народъ. Въ исключительныхъ случаяхъ она появляется раньше, иногда даже въ началѣ мѣсяца, независимо отъ того, стоитъ ли хорошая или дурная погода.

Въ Германіи кукушка водится вездѣ, въ южной Европѣ она встрѣчается рѣже, но все-таки еще размножается здѣсь. По направленію къ сѣверу она появляется чаще; въ Скандинавіи это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ.

Каждый самецъ-кукушка выбираетъ себѣ довольно обширный участокъ и упорно защищаетъ его отъ всякаго соперника. Если кукушку высадятъ изъ занятой ею области, то она селится рядомъ съ побѣдителемъ и почти изо дня въ день вступаетъ съ нимъ въ драку. Наблюденія показали, что извѣстная птица возвращается на одно и то-же мѣсто. Самецъ безпрерывно движется по своему участку, а потому всегда появляется ежедневно по нѣскольку разъ на однихъ и тѣхъ же деревьяхъ. О самкѣ сказать того же нельзя.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ родственныхъ видовъ обыкновенная кукушка самая подвижная, безпокойная и живая. Она находится въ движеніи съ утра до вечера, въ Скандинавіи же даже въ теченіе бо́льшей части ночи. Во время своихъ блужданій она постоянно ѣстъ, такъ какъ она столь же прожорлива, сколько подвижна и криклива. Летая легко и изящно, вродѣ сокола, но не такъ быстро, кукушка спускается на вѣтку и начинаетъ высматривать добычу. Замѣтивъ таковую, птица нѣсколькими ловкими прыжками подскакиваетъ къ ней, схватываетъ ее и возвращается на ту же вѣтку, или перелетаетъ на другое дерево, и тамъ повторяетъ то же самое.

Впрочемъ, кукушка только летаетъ хорошо, все-же прочее выходитъ у нея неуклюже. Лазать она совсѣмъ не умѣетъ, ходитъ тоже очень плохо, и по плоской поверхности можетъ передвигаться только прыжками. Больше ловкости обнаруживаетъ она на вѣтвяхъ деревьевъ, хотя и здѣсь она неохотно покидаетъ разъ избранное мѣсто, а если и покидаетъ, то улетаетъ. Весною она никогда не забываетъ, усѣвшись на дерево, издать много разъ подрядъ свой крикъ, а когда наступаетъ время любви, такъ злоупотребляетъ своимъ голосомъ, что наконецъ въ буквальномъ смыслѣ слова хрипнетъ. Кромѣ общеизвѣстнаго „ку ку,“ кукушка издаетъ еще тихій звукъ „ква ва ва“ и „хаг хаг хаг хаг“, самка издаетъ своеобразное хихиканье.

Кукушку ославили, какъ чрезвычайно немиролюбивую птицу. Но она ссорится и воюетъ только съ себѣ подобными: ко всему остальному птичьему царству она относится равнодушно, если только не приходится отражать нападенія или если она не собирается навязать какой нибудь перелетной птицѣ свое яйцо. Плѣнныя кукушки, посаженныя вмѣстѣ съ мелкими птицами, живутъ въ ладу со всѣми своими товарищами и вовсе не помышляютъ о ссорахъ и дракахъ съ ними. Но разумѣется самецъ-кукушка является сучкомъ въ глазу другого самца.

Уже древнимъ было извѣстно, что кукушка кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда. „Яйцо кукушки“, говоритъ Аристотель, „высиживаетъ и раститъ птенца та птица, въ гнѣздо которой положено яйцо. Говорятъ даже, что пріемный отецъ выбрасываетъ изъ гнѣзда своихъ собственныхъ птенцовъ и обрекаетъ ихъ на голодную смерть, между тѣмъ какъ молодая кукушка растетъ.“

Къ этому можно прибавить еще цѣлый рядъ сообщеній, которыя содержатъ въ себѣ долю правды на ряду съ предположеніями и догадками; тѣмъ не менѣе, мы должны признаться, что еще далеко не все намъ извѣстно о кукушкѣ. Факты, установленные наблюденіемъ и касающіеся размноженія кукушки, слѣдующіе: кукушка предоставляетъ высиживать свои яйца множеству различныхъ пѣвчихъ птицъ. Уже въ настоящее время извѣстно около 117 видовъ пріемныхъ родите-

лей; несомнѣнно однако, что при болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи всей области, гдѣ распространена эта замѣчательная птица, число этихъ видовъ окажется гораздо болѣе значительнымъ. Въ пріемные родители своимъ птенцамъ кукушки предпочитаютъ выбирать камышевокъ, трясогузокъ, славокъ и щевриц, гнѣздами же многихъ другихъ птицъ пользуются лишь въ случаѣ крайней нужды, а можетъ быть и по ошибкѣ.

Яйца кукушки сравнительно съ величиной птицы очень малы, врядъ-ли больше яицъ домашняго воробья; скорлупа у нихъ крѣпкая и толстая, мало блестящая; свѣжее яйцо окрашено большею частью въ болѣе или менѣе яркій желтовато-зеленый цвѣтъ, и по этому фону разбросаны фіолетово-сѣрыя или тускло-зеленоватыя пятна, а сверхъ нихъ бурыя, рѣзко очерченныя крапинки; яйца бываютъ то больше, то меньше, различной формы и такъ разнообразно окрашены, какъ ни у одной птицы, размноженіе которой намъ хорошо извѣстно. Въ различныхъ мѣстностяхъ то та, то другая окраска является преобладающей. Каждая самка кладетъ въ одно гнѣздо только по одному яйцу и то только тогда, когда въ это гнѣздо уже снесены яйца пріемныхъ родителей. Вѣроятно, кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣздо одного вида и лишь въ крайнемъ случаѣ въ гнѣзда другихъ птицъ.

Еще прежде, чѣмъ яйцо совершенно готово для кладки, самка вылетаетъ искать гнѣздъ. При этомъ самецъ не сопровождаетъ ее, ибо онъ повидимому вовсе не заботится о своемъ потомствѣ. Гнѣздо отыскивается весьма различнымъ образомъ — или на лету, или во время прыганья по кустамъ, или же кукушка намѣчаетъ себѣ гнѣздо еще въ то время, какъ оно сооружается.

Въ противоположность своей обычной пугливости, кукушка при этомъ часто появляется вблизи жилищъ, даже внутри строеній, напр. въ сараяхъ и овинахъ. Если расположеніе или устройство гнѣзда допускаетъ это, то самка, кладя яйцо, садится на гнѣздо, въ противномъ случаѣ она кладетъ свое яйцо на землю, беретъ его въ клювъ и въ клювѣ же несетъ въ гнѣздо. Не особенно рѣдко случается, что самка, кладущая яйцо, влѣзаетъ въ отверстія, куда съ трудомъ можетъ протѣсниться; иногда при этомъ удавалось ловить самокъ, которыя не могли вылѣзти изъ слишкомъ узкаго отверстія.

Положивъ яйцо, старая кукушка еще нѣкоторое время наблюдаетъ за гнѣздомъ, не разъ возвращается къ нему и выбрасываетъ изъ него яйца и даже птенцовъ, но никогда не выбрасываетъ своихъ собственныхъ яицъ. Говорятъ, будто бы пѣвчія птицы съ удовольствіемъ видятъ приближеніе самки кукушки къ своему гнѣзду и радуются, когда она кладетъ туда свое яйцо; но подобное мнѣніе не оправдывается. Замѣчательно все-таки, что тѣ-же самыя птицы, которыя не любятъ никакихъ вторженій въ свои гнѣзда и даже бросаютъ свои гнѣзда, если кто нибудь помѣшаетъ имъ высиживать, не выбрасываютъ яйца кукушки изъ своего гнѣзда и продолжаютъ высиживать яйца и послѣ того, какъ кукушка подкинула имъ свое яйцо. Пѣвчія птицы ненавидятъ кукушку, но не отказываются заботиться о ея потомствѣ.

Молодая кукушка вылупляется изъ яйца въ крайне безпомощномъ состояніи, но ее тотчасъ же можно узнать по безобразно толстой головѣ съ большими глазными яблоками. Кукушка сначала растетъ быстро, и очень безобразна, пока изъ черноватой кожи ея торчатъ одни стержни перьевъ. Несмотря на свою безпомощность на первыхъ порахъ, молодая кукушка отличается большою прожорливостью. Она требуетъ больше корма, чѣмъ могутъ ей доставить пріемные родители, и если въ гнѣздѣ есть еще другіе птенцы, клюетъ кормъ передъ самымъ ихъ носомъ; если они не погибаютъ отъ голода, и если старая кукушка не выбрасываетъ и не убиваетъ ихъ, то молодая кукушка выкидываетъ ихъ, наконецъ, изъ гнѣзда. Этимъ объясняется то, что въ гнѣздѣ всегда находятъ только одну сколько нибудь подросшую кукушку.

При выкармливаньи молодой кукушки въ полной мѣрѣ обнаруживается сострадательность маленькихъ птичекъ. Съ трогательнымъ рвеніемъ приносятъ онѣ въ изобиліи пищу прожорливому чудовищу, оставшемуся въ гнѣздѣ вмѣсто ихъ

погибшаго потомства, кормятъ его жучками, мухами, улитками, личинками, червяками и хлопочутъ съ утра до вечера, не утоляя однако голода своего питомца и не достигая того, чтобы умолкъ его вѣчный хриплый крикъ „цис цизис“. Когда кукушка вылетаетъ изъ гнѣзда, пріемные родители еще цѣлыми днями слѣдуютъ за нею, такъ какъ она не обращаетъ вниманія на ихъ указанія, а летаетъ гдѣ ей вздумается, и вѣрные воспитатели уступаютъ ей, а не она имъ. Иногда случается, что молодая кукушка не можетъ протѣсниться сквозь узкое отверстіе дупла; тогда пріемные родители ради нея остаются на родинѣ до глубокой осени и непрерывно кормятъ ее. Не разъ случалось наблюдать, что самки-трясогузки еще кормили своихъ питомцевъ въ то время, когда всѣ прочія птицы того же вида уже улетѣли на югъ. Хотя о кукушкѣ и говорили, что она неуживчива, но этому противорѣчитъ то наблюденіе, что плѣнная кукушка, помѣщенная въ одну клѣтку съ попугаями, дубоносками, кардиналами, рюмами и каландрами, удодами, съ разными пѣвцами, съ шлемоносными турако, съ рябками и т. д., а также жившая нѣкоторое время въ одной клѣткѣ съ западно-африканскими вьюрками, никогда не задѣвала ни одну изъ этихъ птицъ. Кукушки, даже пойманныя взрослыми, иногда очень быстро становятся ручными.

У взрослой кукушки мало враговъ. Искусный полетъ спасаетъ ее отъ преслѣдованія большинства соколовъ, а отъ лазящихъ хищниковъ она вѣроятно всегда успѣваетъ увернуться. Мелкія птицы часто дразнятъ кукушку, и притомъ не только тѣ виды, которымъ она подкидываетъ свои яйца, но и другіе. Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, на кукушку нападаютъ храбрыя бѣлыя трясогузки. Человѣка кукушка обыкновенно очень остерегается, и приманить кукушку очень трудно тому, кто не умѣетъ точно подражать ея голосу. Еще труднѣе изловить живую кукушку.

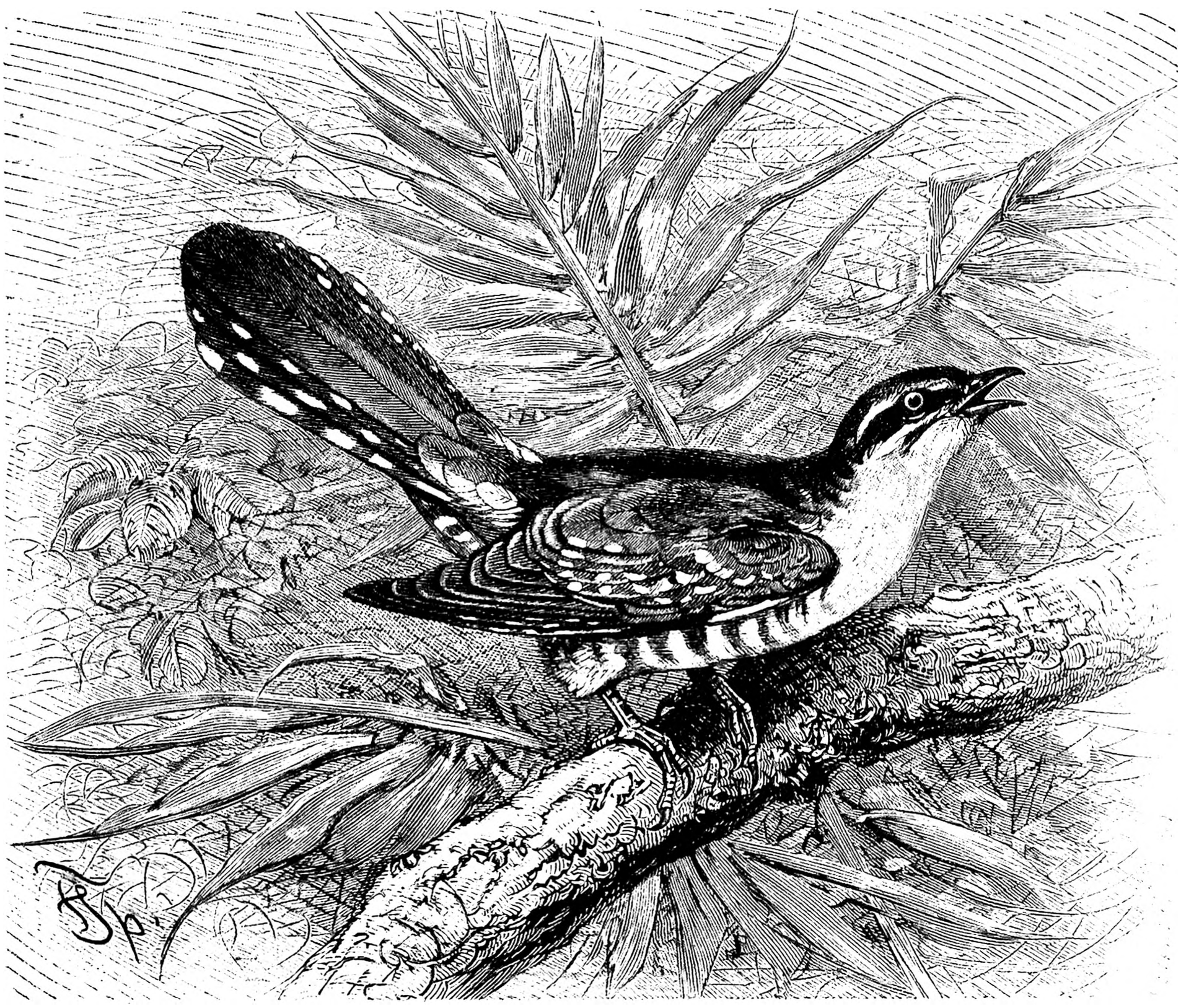
Совершенно справедливо кукушку совѣтуютъ беречь. Кукушка — необходимая принадлежность лѣса не только потому, что оживляетъ его, но и потому, что содѣйствуетъ его сохраненію. Чувство говоритъ намъ, что весна водворяется у насъ вмѣстѣ съ первымъ крикомъ кукушки; разумъ же подсказываетъ намъ, что этотъ мелодичный крикъ имѣетъ еще совершенно другое, болѣе важное значеніе. Крикъ кукушки указываетъ на прибытіе одного изъ самыхъ вѣрныхъ хранителей нашихъ лѣсовъ. Пищу кукушки составляютъ всевозможныя насѣкомыя и лишь въ исключительныхъ случаяхъ ягоды; она поѣдаетъ и такихъ насѣкомыхъ, которыя защищены отъ другихъ враговъ, а именно волосатыхъ гусеницъ. Извѣстно, что именно между волосатыми гусеницами есть страшно вредныя для лѣса; извѣстно также, что эти гусеницы иногда появляются въ несмѣтныхъ количествахъ. Въ борьбѣ съ этими гусеницами кукушка приноситъ огромную, неисчислимую пользу. Ея ненасытный желудокъ является для лѣса благодѣяніемъ, ея прожорливость является ея величайшимъ достоинствомъ по крайней мѣрѣ въ глазахъ разумнаго лѣсничаго. Для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ кукушка дѣлаетъ больше, чѣмъ можетъ сдѣлать человѣкъ.

*

Самыя великолѣпныя изъ всѣхъ кукушекъ обитаютъ въ экваторіальныхъ странахъ Африки, Азіи и Новой Голландіи. Названіе золотистыхъ кукушекъ (Chrysococcyx) еще не достаточно выразительно для того, чтобы дать понятіе о ихъ красотѣ, такъ какъ опереніе ихъ блистаетъ такими великолѣпными красками, какихъ не получается ни отъ какого соединенія металловъ.

У золотистой кукушки (Chrysococcyx cupreus или auratus, рис. на стр. 384) вся верхняя сторона, за исключеніемъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ мѣстъ, блестящаго золотисто-зеленаго цвѣта съ мѣднымъ отливомъ; но многія перья по краямъ отливаютъ еще синимъ цвѣтомъ, а на нѣкоторыхъ замѣчается по одному или по два синихъ пятна. Вдоль середины темени, впереди и позади глаза проходитъ бѣлая полоска; другая бѣлая полоска съ золотисто-зеленой каемкой, отходитъ отъ угла рта. Вся нижняя сторона свѣтло-буроватая или желтовато-бѣлая. Боковыя, хвостовыя кроющія перья, а также нижнія покровныя перья крыла зеленоватаго цвѣта,

первыя большія маховыя перья и малыя маховыя перья, а также наружныя рулевыя перья съ бѣлыми полосками по темно-зеленому фону. Глаза яркаго желтовато-каряго цвѣта, въ періодъ спариванья они становятся у самца кошенильно-краснаго цвѣта, вѣко кораллово-красное, ноги свѣтлаго сѣровато-синяго цвѣта. Длина 19,5 см., длина хвоста 8,5 см. Самка немного отличается отъ самца тѣмъ, что нижняя сторона ея пятнистая. Одежда молодыхъ птицъ очень похожа на одежду старыхъ, но нижняя сторона — съ желтымъ налетомъ, грудь и горло металлическаго зеленаго цвѣта, съ очень частыми чешуйками, перья верхней стороны съ ржаво-желтыми каемками, а маховыя перья съ ржаво-красными пятнами.

Золотистая кукушка (Chrysococcyx cupreus). 4/5 естеств. велич.

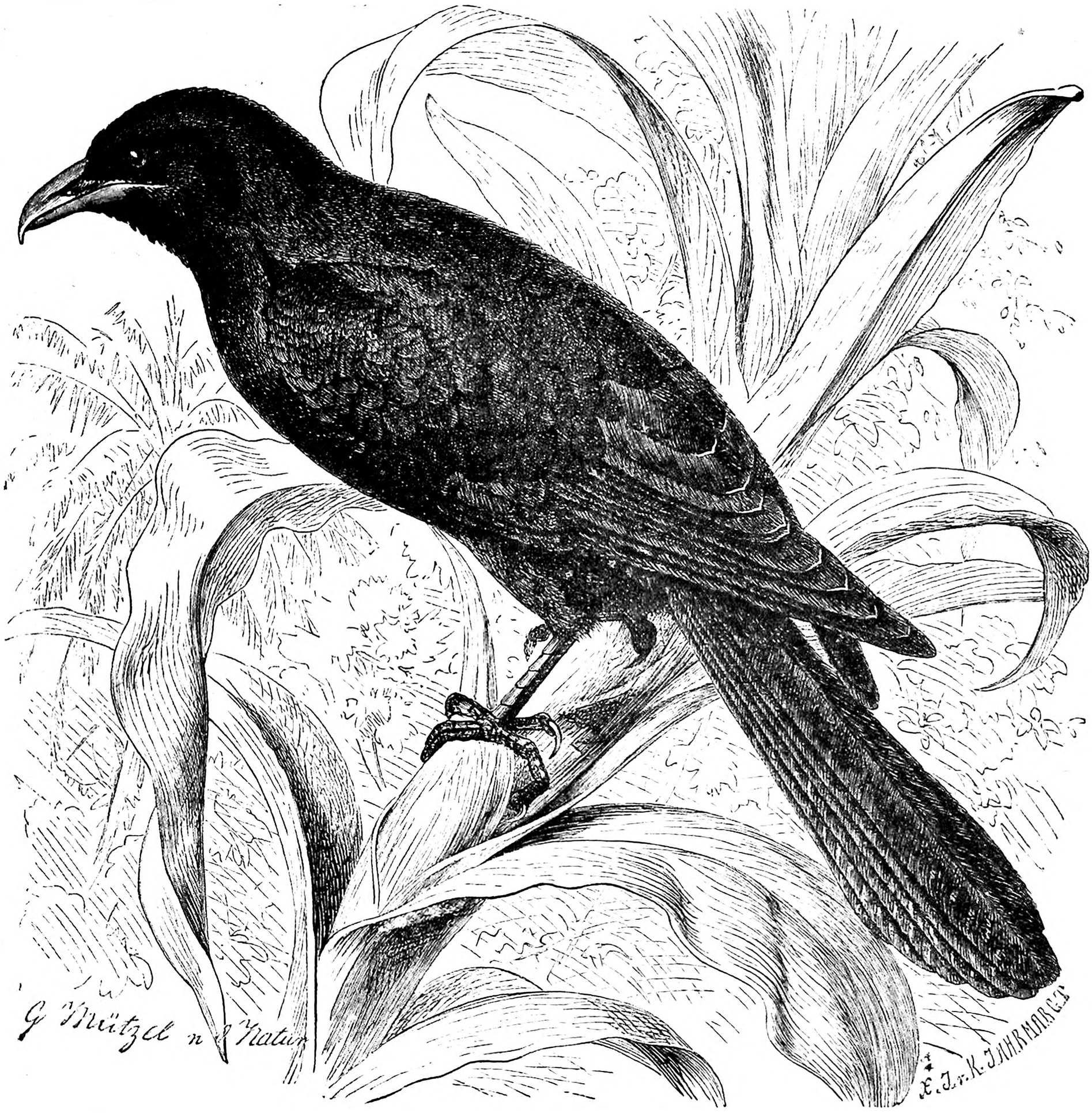
Птицу эту часто можно встрѣтить въ южной Африкѣ; менѣе обыкновенна она въ средней Африкѣ. Призывный звукъ — громкій свистъ, напоминающій флейту; его можно передать звуками „дидидидидрик“ и „хуйдхуйдхуйди“. Самка, какъ говорятъ, издаетъ только тихій звукъ вродѣ „виквик“.

Левальянъ говоритъ, что нашелъ 83 яйца золотистой кукушки въ гнѣздахъ насѣкомоядныхъ птицъ, и увѣряетъ, что самка въ клювѣ относитъ свое яйцо въ гнѣзда избранныхъ ею пріемныхъ родителей своего будущаго птенца.

Второе подсемейство составляютъ тукановыя кукушки, самый крупный членъ которыхъ, представитель рода исполинскихъ кукушекъ (Scythrops), живетъ въ Австраліи. Клювъ, благодаря которому этотъ видъ имѣетъ честь считаться посредствующимъ звеномъ между кукушками и перцеядами, въ длину больше головы, большой, толстый и крѣпкій, при основаніи довольно высокій и

широкій, съ боковъ сплюснутый, на гребнѣ сильно загнутый, и съ крючкомъ на кончикѣ.

Исполинская кукушка (Scythrops novae-hollandiae), единственный видъ указаннаго рода, отличается красивой пепельно-сѣрой окраской головы и шеи, верхняя сторона, не исключая перьевъ и хвоста, сѣро-бурая, причемъ каждое перо на спинѣ, на плечахъ, на надхвостьѣ и каждое кроющее перо хвоста съ широкой каемкой цвѣта умбры. Глаза карiе, голое глазное кольцо алаго

Кукилъ (Eudynamis nigra). Молодой самецъ. 1/3 естеств. велич.

цвѣта, клювъ желтоватаго рогового цвѣта, ноги оливково-бурыя. Длина 65 см., длина хвоста 26 см.

По своимъ нравамъ, движеніямъ, корму, по своему размноженію — это кукушка въ полномъ смыслѣ слова. Пронзительный крикъ свой она издаетъ какъ сидя, такъ и на лету, особенно же тогда, когда завидитъ хищную птицу. Въ желудкѣ исполинской кукушки, кромѣ насѣкомыхъ, были найдены плоды и сѣмена, особенно же сѣмена краснаго камеднаго и мятнаго дерева.

Относительно размноженія исполинской кукушки мы не имѣемъ пока обстоятельныхъ свѣдѣній, но, кажется, можемъ утверждать, что и эта птица ввѣряетъ свои яйца чужимъ родителямъ.

*

Острова Океаніи и южной Азіи даютъ пріютъ мелкому роду тукановыхъ кукушекъ, извѣстныхъ подъ названіемъ кукиловъ (Eudynamis).

Самый знаменитый видъ ихъ у индусовъ называется коэль, у бенгальцевъ — кукилъ (Eudynamis nigra, рис. на стр. 385). Самецъ блестящаго зеленовато-чернаго цвѣта, самка блестящаго темно-зеленаго цвѣта, верхняя сторона ея съ бѣлыми пятнами, маховыя перья и хвостъ съ бѣлыми полосками, нижняя сторона бѣлая съ черными пятнами. Длина самца 41 см., длина хвоста тоже 41 см.

Самка этой чрезвычайно популярной въ Индіи птицы кладетъ повидимому свое яйцо только въ гнѣзда обоихъ индускихъ видовъ воронъ — блестящей вороны и урубу. Говорятъ, что самка кукила, положивъ яйцо въ гнѣздо вороны, часто наблюдаетъ за этимъ гнѣздомъ съ нѣкотораго разстоянія, чтобы подстеречь, когда пріемные родители выбросятъ ея птенца. Это случается тогда, когда птенецъ кукила облекается въ свою пятнистую одежду, т. е. уже способенъ летать, и тогда настоящая мать приходитъ будто бы на помощь еще безпомощному дѣтенышу и кормитъ его.

*

Родъ сойковыхъ кукушекъ (Coccystes) составляетъ довольно многочисленную семью и имѣетъ многихъ представителей въ Африкѣ.

У принадлежащей къ этому роду хохлатой кукушки (Coccystes glandarius) голова пепельно-сѣрая, спина сѣровато-бурая, нижняя сторона сѣровато-бѣлая; горло, бока шеи и передняя часть груди красновато-блѣдно-желтые; кроющія перья крыла и малыя маховыя перья заканчиваются большими, широкими, треугольными бѣлыми пятнами. Длина приблизительно 40 см.

Въ Египтѣ и въ Нубіи птица эта мѣстами водится часто, точно такъ же въ западной Африкѣ, въ сосѣдней Аравіи и въ Палестинѣ встрѣчается по крайней мѣрѣ нерѣдко, въ Алжирѣ она также попадается, и отсюда болѣе или менѣе правильно перекочевываетъ въ Европу.

По характеру и образу жизни хохлатая кукушка имѣетъ мало общаго съ кукушкой обыкновенной. Полетъ хохлатой кукушки напоминаетъ, правда, полетъ ея европейской родственницы; но во всемъ прочемъ между обоими упомянутыми видами не замѣчается сходства. Хохлатая кукушка тоже подвижна, но, какъ показали наблюденія, довольствуется меньшимъ участкомъ; она также непостоянна, но гораздо чаще европейской кукушки возвращается на старыя мѣста. Крикъ совершенно другой, чѣмъ у нашей кукушки — это хохотъ, похожій на голосъ сороки, который можно передать слогами „кіау, кіау.“ Предостерегающій крикъ звучитъ какъ „керк керк.“

Въ желудкѣ убитыхъ хохлатыхъ кукушекъ были найдены всевозможныя насѣкомыя, а также гусеницы. Судя по достовѣрнымъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ Египтѣ и въ Испаніи, хохлатая кукушка кладетъ свое яйцо въ гнѣзда воронъ или сорокъ. Молодыхъ птицъ этого рода можно безъ труда держать въ неволѣ и кормить мясомъ.

Подсемейство кустовыхъ кукушекъ (Zanclostominae) имѣетъ особенно многочисленныхъ представителей въ Индіи и на прилежащихъ островахъ, но одинъ видъ этихъ кукушекъ встрѣчается также въ Африкѣ.

На Ямайкѣ представителемъ подсемейства является ящеричная кукушка (Saurothera vetula), называемая тамъ дождевой птицей. У нея клювъ длиннѣе головы, почти совсѣмъ прямой, тонкій, сплюснутый съ боковъ, на кончикѣ загнутый крючкомъ. Опереніе верхней части головы и затылка великолѣпнаго умброво-бураго цвѣта, опереніе прочихъ верхнихъ частей тѣла буровато-пепельно-сѣрое, нижняя же сторона красиваго коричнево-ржаво-желтаго цвѣта. Длина 40 см.

За свое глупое любопытство эта птица получила прозвище „Ѳомы-дурачка“; голосъ ея — громкое кряканье, звучащее какъ „тики тики.“ Пища состоитъ не

только изъ разныхъ насѣкомыхъ, но и изъ позвоночныхъ, а именно мышей, ящерицъ и т. п.

*

Въ Африкѣ, Остъ-Индіи, на Малайскихъ островахъ и въ Австраліи живетъ странный родъ земныхъ кукушекъ, называемыхъ шпорцевыми (Centropus), такъ какъ задній палецъ ихъ обыкновенно бываетъ вооруженъ болѣе или менѣе длиннымъ, почти прямымъ, острымъ шпорцемъ. Пребываютъ эти птицы въ низкихъ, густо-переплетающихся кустахъ, въ чащѣ камыша и даже въ густой травѣ. Здѣсь онѣ много бѣгаютъ по землѣ, съ мышиной ловкостью пробираются сквозь самыя густыя сплетенія растительнаго міра, обыскиваютъ самыя сокровенныя мѣстечки въ кустарникѣ, недоступныя другимъ птицамъ, и охотятся на большихъ насѣкомыхъ, многоножекъ, скорпіоновъ или даже на ящерицъ и змѣй, обкрадываютъ птичьи гнѣзда и вообще не брезгаютъ никакой животной пищей.

Сенегальскій кукалъ (Centropus senegalensis) съ преобладающей красной окраской оперенія, живетъ почти исключительно тамъ, гдѣ есть болѣе обширныя тростниковыя чащи. Пища состоитъ изъ разныхъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ вѣроятно изъ муравьевъ, которыми птица иногда отвратительно воняетъ. Кромѣ того, говорятъ, что сенегальскій кукалъ ѣстъ два вида мѣстныхъ улитокъ и особенно любитъ это лакомое блюдо.

Австралійская фазановая кукушка (Centropus phasianus) окрашена главнымъ образомъ въ черный цвѣтъ, причемъ выступаютъ блестящія пятна на стержняхъ. Длина 63 см.

Фазановая кукушка живетъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ, густо поросшихъ кустарникомъ, травой и тростникомъ, и здѣсь почти исключительно пребываетъ на землѣ, по которой бѣгаетъ съ легкостью. Только въ случаѣ необходимости она взлетаетъ на болѣе высокія деревья.

Очень большое гнѣздо этой птицы находится посреди густой травы, иногда подъ листьями Pandanus'a, построено изъ сухихъ травъ и на верху сводчатое, но снабженное двумя отверстіями, въ которыя самка, сидящая на яйцахъ, просовываетъ хвостъ и голову. Фазановая кукушка также безъ особеннаго труда привыкаетъ къ неволѣ и къ подходящей, легко добываемой, смѣшанной пищѣ, легко переноситъ продолжительныя путешествія, а потому уже нѣсколько разъ ее привозили живою въ Европу, особенно въ Англію.

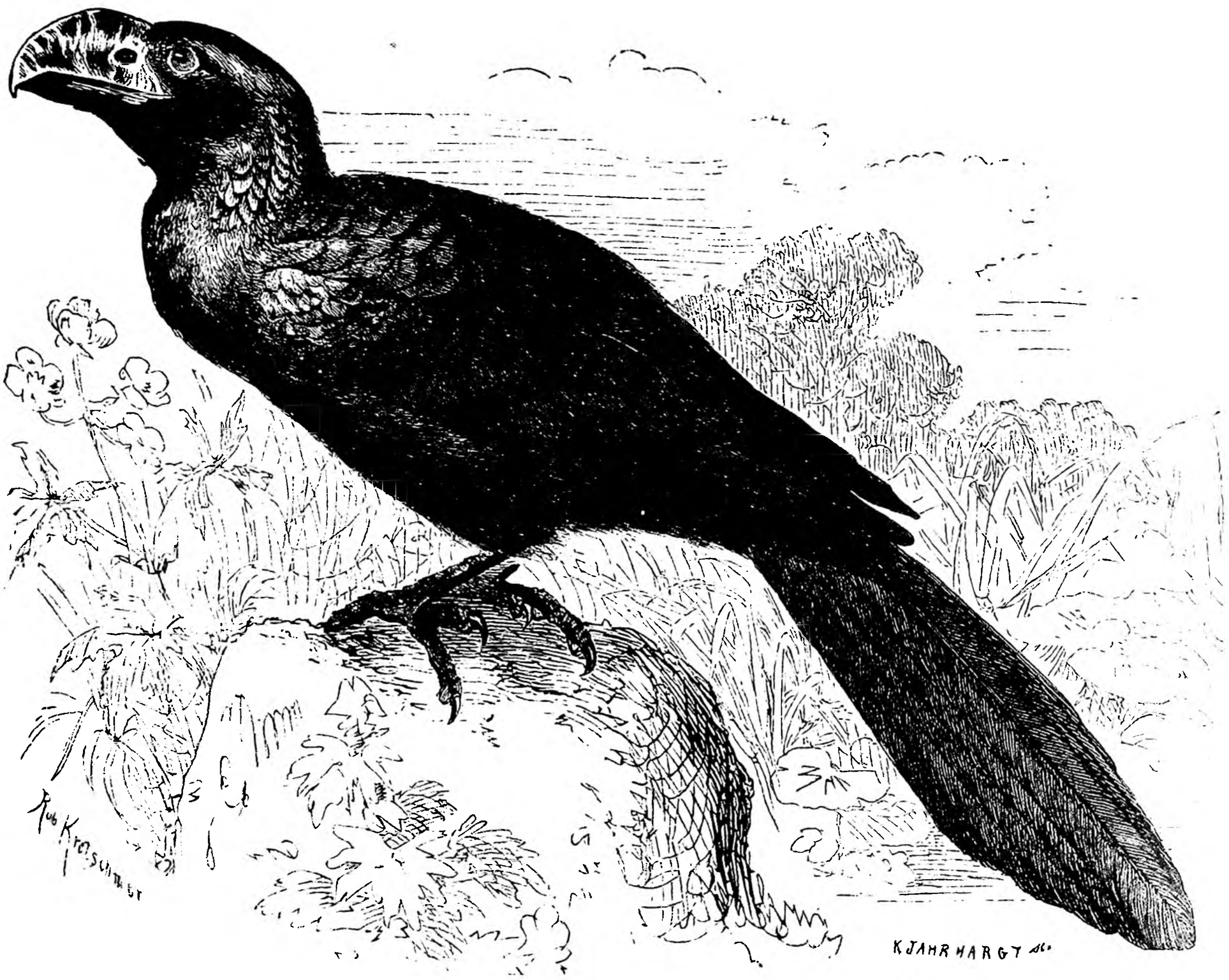
Чрезвычайно своеобразныя птицы клещеядныя кукушки (Crotophaginae), образующія бѣдное видомъ подсемейство, распространенное только въ Южной и средней Америкѣ. Птицы эти характеризуются главнымъ образомъ толстымъ клювомъ съ острымъ гребнемъ. Внутри надклювье пустое, а самое роговое вещество состоитъ изъ клѣточекъ съ очень тонкими стѣнками, вродѣ того, какъ у перцеядовъ и рогоклювовъ.

Образъ жизни этихъ птицъ замѣчателенъ; онѣ живутъ вовсе не такъ, какъ другія кукушки, а скорѣе такъ, какъ европейскія сороки и вороны, но отчасти напоминаютъ своимъ образомъ жизни перцеядовъ. Ихъ всегда можно видѣть обществами, притомъ близъ человѣческихъ жилищъ или также въ степныхъ лѣсахъ; но всего охотнѣе пребываютъ онѣ въ глубинѣ долинъ, на сырыхъ лугахъ и всегда присоединяются къ стадамъ скота. Человѣка онѣ не боятся, напротивъ, иногда обнаруживаютъ смѣлость, которая кажется намъ прямо непонятной. Размноженіе ихъ такъ же оригинально, какъ и онѣ сами. Клещеядныя кукушки не только высиживаютъ птенцовъ въ обществѣ, но даже въ одномъ и томъ же гнѣздѣ, куда многія самки кладутъ свои яйца, и здѣсь же выращиваютъ молодое поколѣніе.

*

Самый извѣстный и распространенный видъ этого рода и всего подсемейства — это ани (Crotophaga minor), водящійся въ Бразиліи. Длина его 35 см. Совершенно черныя перья его на крыльяхъ и на хвостѣ отливаютъ стальнымъ синимъ блескомъ, перья головы и шеи заканчиваются широкими каемками металлически-бураго цвѣта, перья спины и плечъ, зоба и груди — широкими каемками съ черновато-синимъ отливомъ.

Ани водится въ бо́льшей части Южной Америки къ востоку отъ горной цѣпи Андовъ. Встрѣчается онъ отъ востока Бразиліи до средней Америки включительно, между прочимъ въ Вестъ-Индіи и на Антильскихъ островахъ. Въ Бразиліи ани водится вездѣ, гдѣ открытые луга чередуются съ кустами и лѣсными опушками,

Ани (Crotophaga minor). $^1/_2$ естеств. велич.

но рѣшительно избѣгаетъ большихъ закрытыхъ лѣсовъ. На Ямайкѣ эта птица встрѣчается во всѣхъ равнинахъ, особенно въ степяхъ и на пастбищахъ, посѣщаемыхъ стадами коровъ и табунами лошадей. „Это въ высшей степени привлекательный народецъ“, говоритъ Шомбургкъ, „за хлопотливой возней котораго не устаешь слѣдить цѣлыми часами. Ловко прыгаютъ эти птицы вокругъ стада коровъ или пробираются сквозь траву, ловя насѣкомыхъ.“

Странный крикъ, раздающійся каждое мгновеніе, звучитъ какъ названіе птицы, произнесенное въ носъ, или какъ „тру-и тру-и“, или же какъ „коой“ и „аани“.

Пища ихъ смѣшанная. Пресмыкающіяся, насѣкомыя и черви составляютъ вѣроятно главный кормъ; иногда же ани почти исключительно ѣдятъ плоды. С коровъ они собираютъ паразитовъ, а потому охотно пребываютъ на пастбищахъ. Ани бѣгаютъ по спинамъ скота, который не обнаруживаетъ по этому поводу никакого неудовольствія; иногда нѣсколько птицъ одповременно прицѣпляются къ одной коровѣ — все равно, лежитъ-ли она или двигается.

Къ человѣку ани относятся различнымъ образомъ. Отъ всадниковъ они совсѣмъ не бѣгутъ или обращаются въ бѣгство лишь тогда, когда всадникъ подъѣдетъ совсѣмъ близко и особенно, когда онъ останавливается; пѣшеходамъ они меньше довѣряютъ. Тамъ, гдѣ имъ приходится имѣть мало дѣла съ господиномъ земли, смѣлость ихъ становится просто невѣроятной. Кромѣ нѣкоторыхъ кубанцевъ, которые ѣдятъ мясо ани, не смотря на его специфическій запахъ, на птицъ

Исполинскій турако (Corythaeolus cristatus). 1/3 естеств. велич.

этихъ никто не охотится. Подстрѣленный ани не всегда попадается въ руки охотника, такъ какъ живучесть этихъ птицъ прямо поразительна.

Второе семейство кукушковыхъ птицъ извѣстно подъ названіемъ банановдовыхъ (Musophagidae), хотя названіе это совсѣмъ не подходящее, такъ какъ врядъ-ли птицы, входящія въ составъ семейства, питаются бананами. Величина ихъ колеблется между величиной ворона и кукши. Тѣло продолговатое,

шея короткая, голова средней величины, клювъ короткій, толстый и широкій, рѣзко загнутый на гребнѣ, снизу загнутый нѣсколько внизъ, на краяхъ зубчатый или зазубренный, крылья средней длины, сильно закругленныя, и въ нихъ четвертое или пятое маховое перо длиннѣе прочихъ, хвостъ довольно длинный и закругленный, ноги сильныя, сравнительно высокія и непарнопалыя. Три пальца направлены впередъ, одинъ назадъ, наружный палецъ можетъ немного двигаться въ сторону. Опереніе мягкое, у нѣкоторыхъ видовъ почти совсѣмъ расчесанное и иногда отличается великолѣпной окраской.

Родина банановдовыхъ птицъ — обширныя сплошныя лѣсныя пространства средней и южной Африки. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ онѣ не встрѣчаются. Живутъ онѣ маленькими обществами, отъ 3-хъ до 15-ти головъ, подолгу пребываютъ на вѣтвяхъ деревьевъ, но часто также спускаются на землю.

Главную, если не исключительную пищу ихъ, составляютъ растительныя вещества. Онѣ ѣдятъ листовыя почки, фрукты, ягоды и зерна, которые собираютъ на верхушкахъ деревьевъ, на кустахъ и на землѣ. Поэтому онѣ оживляютъ преимущественно мѣстности, изобилующія водою, а слѣдовательно и плодами. Благодаря такой пищѣ, птицъ этихъ легко пріучить къ неволѣ, и при надлежащемъ уходѣ онѣ выживаютъ даже въ средней Европѣ цѣлые годы. Нѣкоторые виды являются самыми пріятными комнатными птицами, какихъ только можно себѣ представить. Онѣ доставляютъ удовольствіе красотой своего оперенія, рѣзвостью своего нрава и своею непритязательностью.

*

Въ тропическихъ странахъ западной Африки живетъ исполинскій турако или коко (Corythaeolus cristatus, рис. на стр. 389), единственный представитель рода турако (Corythaeolus). Птица эта величиной приблизительно съ фазана, общая длина ея 65—75 см. Блестящее опереніе на спинѣ и на шеѣ сверкающаго лазурнаго и кобальтово-синяго цвѣта, на груди зеленовато-желтое, на брюшкѣ, на ляжкахъ и на заду ржаво-красное. Хвостовыя перья при основаніи синія, на концѣ черныя съ синими каемками на кончикахъ; средину наружныхъ хвостовыхъ перьевъ занимаетъ широкая зеленовато-желтая поперечная полоса. Желтый, сжатый съ боковъ клювъ имѣетъ острый гребень.

Птица эта, обращающая на себя вниманіе своимъ образомъ жизни и своимъ голосомъ, обитаетъ въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ какъ на горахъ, такъ и на равнинахъ, иногда впрочемъ залетаетъ въ степныя рощи, когда тамъ созрѣваютъ плоды и ягоды.

Присутствіе свое исполинскій турако обнаруживаетъ громкимъ, далеко разносящимся крикомъ, за который туземцы прозвали его „коко“.

*

Въ Агрскихъ лѣсахъ на Золотомъ берегу нашли фіолетоваго турако (Musophaga violacea). „Мнѣніе мое, можетъ быть, будетъ найдено преувеличеннымъ“, говоритъ Свайнсонъ, „но я считаю фіолетоваго турако вѣнцомъ творенія въ предѣлахъ пернатаго царства. Другихъ птицъ можно назвать красивыми, изящными, блестящими, великолѣпными, но окраска фіолетоваго турако имѣетъ въ себѣ что-то царственное. Преобладающій блестящій пурпурово-черный цвѣтъ его одежды чудеснымъ образомъ оттѣняется ярко красными крыльями. Клювъ, хотя довольно большой, но не кажется несоразмѣрнымъ, ибо не имѣетъ ни такой фантастической формы, какъ у птицъ-носороговъ, ни такого безобразнаго вида, какъ у перцеядовъ; темно-желтый цвѣтъ его, переходящій въ ярко красный, еще увеличиваетъ красоту темнаго оперенія.“

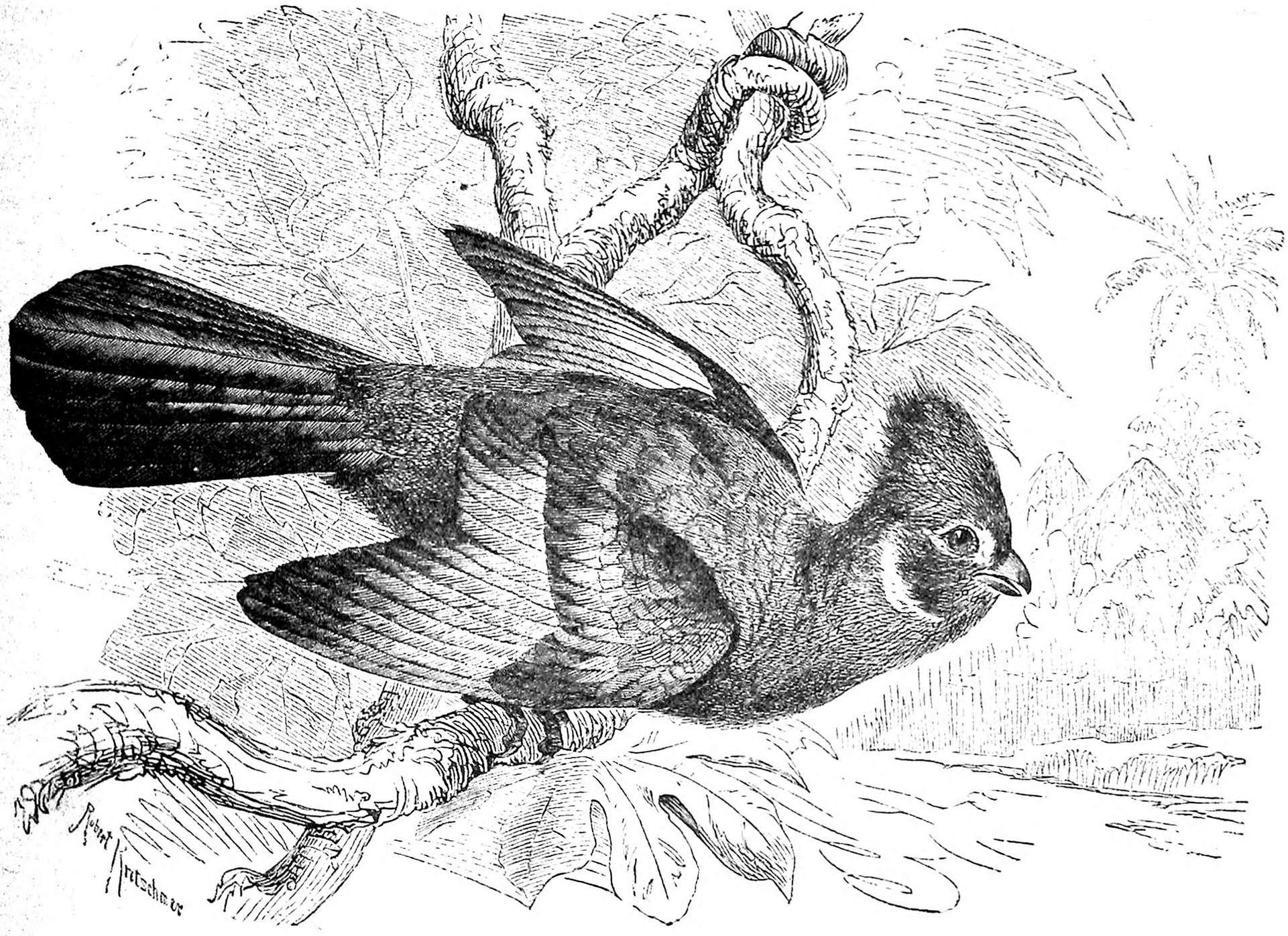
Длина фіолетоваго турако — около 50 см.

Даже въ наши дни эта птица представляетъ рѣдкость въ коллекціяхъ; но въ послѣднее время въ Европу стали привозить не только чучелъ, но и живыхъ птицъ этого вида.

*

Лучше, чѣмъ жизнь бананоѣдовъ, извѣстна намъ жизнь шлемоносныхъ турако (Corythaix). Они составляютъ ядро всего семейства и распространены во всѣхъ частяхъ вышеуказанной области. Опереніе обильное, на головѣ удлиненное въ видѣ шлема, преобладающая окраска зеленая, между тѣмъ какъ крылья всегда бываютъ окрашены въ великолѣпный пурпурово-красный цвѣтъ.

Бѣлощекій турако (Corythaix leucotis) живетъ въ Абиссиніи. Шлемъ его представляетъ собою широкій, плотно лежащій на головѣ, заостроенный по направленію назадъ пучекъ перьевъ и окрашенъ въ черный цвѣтъ съ зеленымъ отливомъ; остальная часть головы, шея, спина, плечи, крылья и нижняя сторона до брюшка красиваго цвѣта зеленаго лука, брюхо и прочія нижнія части тѣла темнаго пепельно-сѣраго цвѣта, еще не упомянутыя части верхней стороны сине-

Бѣлощекій турако (Corythaix leucotis). $^2/_5$ естеств. велич.

вато-аспидно-сѣрыя съ зеленымъ металлическимъ блескомъ, рулевыя перья черныя съ стальнымъ зеленымъ блескомъ, маховыя перья, за исключеніемъ послѣднихъ малыхъ маховыхъ перьевъ, темнаго карминно-краснаго цвѣта, пятно передъ глазомъ и другое пятно, проходящее почти вертикально черезъ ушную область и по шеѣ, — бѣлоснѣжнаго цвѣта. Кольцо изъ мелкихъ бородавочекъ коричнево-краснаго цвѣта окружаетъ свѣтло-карій глазъ. Клювъ на концѣ кроваво-красный, но кончикъ верхней створки до ноздрей зеленый; ноги буровато-сѣрыя. Длина 45 см., длина хвоста 21,5 см.

Въ Габешѣ эта птица встрѣчается довольно высоко на горахъ, въ лѣсистыхъ, изобилующихъ водою долинахъ, тамъ, гдѣ растетъ люстровая эвфорбія; живетъ бѣлощекій турако стаями или маленькими обществами приблизительно такъ же, какъ кукша. Эта птица неутомимая и безпокойная, днемъ она постоянно летаетъ взадъ и впередъ, но всегда, соблюдая извѣстную правильность, возвращается на опредѣленныя деревья своего участка, а именно на сикоморы или тамаринды, окруженныя со всѣхъ сторонъ низкорослымъ лѣсомъ. Такія деревья служатъ до извѣстной степени мѣстами сборищъ общества — на нихъ слетаются птицы, со-

ставляющія одну группу, которыя разсѣялись для отысканія пищи, и отсюда предпринимаютъ новыя странствованія.

Голосъ бѣлощекаго турако передать трудно. Онъ звучитъ вродѣ чревовѣщанія, и вначалѣ наблюдатель нерѣдко обманывается относительно разстоянія, на которомъ находится кричащая птица. Крикъ ея можно пожалуй передать слогами „яхуха — ягагуга,“ которые издаются въ связи другъ съ другомъ.

Въ желудкѣ убитыхъ птицъ найдены были только растительныя вещества, а именно ягоды и сѣмена. На нѣкоторые кусты, покрытые зрѣлыми ягодами, бѣлощекіе турако спускались очень часто, но всегда оставались здѣсь лишь короткое время. Они только лакомились немного плодами, а затѣмъ, по возможности быстро, удалялись на безопасныя для нихъ густыя верхушки деревьевъ. Абиссинецъ не преслѣдуетъ бѣлощекихъ турако, и еще менѣе приходитъ ему въ голову держать этихъ птицъ у себя въ плѣну. Поэтому, вѣроятно, эта птица не обнаруживаетъ особенной пугливости по отношенію къ европейцу. Но она становится пугливой, если подвергается преслѣдованіямъ.

Жизнь бѣлощекихъ турако въ неволѣ стала извѣстна со времени возникновенія зоологическихъ садовъ. Я не разъ держалъ у себя этихъ птицъ и считаю ихъ одними изъ самыхъ милыхъ обитателей клѣтки, какихъ доставляютъ намъ экваторіальныя страны. За исключеніемъ полуденныхъ часовъ, которые эти птицы проводятъ спокойно, онѣ непрерывно движутся, являясь при этомъ во всей своей красѣ и удивительно красятъ всякую большую клѣтку. Особенно хороши онѣ въ клѣткахъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ свободно могутъ летать. Въ утренніе и вечерніе часы онѣ всего оживленнѣе; когда солнце свѣтитъ ярче, онѣ удаляются подъ сѣнь листьевъ или въ уголокъ, защищенный отъ солнечныхъ лучей. Солнца онѣ избѣгаютъ такъ же, какъ и сильныхъ дождей, отъ которыхъ сухія перья ихъ такъ промокаютъ, что онѣ утрачиваютъ способность летать. Со своими товарищами по клѣткѣ бѣлощекіе турако ладятъ отлично или, вѣрнѣе, почти не обращаютъ на нихъ вниманія. Я держалъ бѣлощекихъ турако въ одной клѣткѣ съ самыми различными птицами, но никогда не замѣчалъ, чтобы они вступали въ ссору съ кѣмъ нибудь изъ товарищей. Даже когда одинъ изъ товарищей садится рядомъ съ ними и буквально прижимается къ нимъ, безобидность ихъ не измѣняется.

Въ неволѣ они довольствуются весьма простой пищей; она состоитъ главнымъ образомъ изъ варенаго риса, смѣшаннаго съ разными овощами и изъ небольшого количества фруктовъ. Птицы эти требуютъ много корма, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени непритязательны.

*

Отъ поименованныхъ уже бананоѣдовыхъ птицъ отличаются крикливые турако (Schizorhis); у нихъ тѣло продолговатое, крылья сравнительно длинныя, клювъ толстый, крѣпкій, сильно загнутый на гребнѣ, а по краямъ лишь слегка зазубренный; перья на головѣ у нихъ расположены иначе, а окраска темная.

Гугука (Schizorhis zonura) достигаетъ въ длину 51 см. Вся верхняя сторона довольно равномѣрнаго темно-бураго цвѣта, нижняя сторона начиная съ верхней части груди, свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта съ бурыми полосками вдоль стержней; удлиненныя и заостренныя перья на задней части головы, которыя птицы держатъ растопыренными, украшены бѣловатыми каемками, перья спины, поскольку они прикрыты, синевато-сѣрыя, маховыя перья черновато-бурыя, на внутреннемъ опахалѣ съ большимъ бѣлымъ четырехугольнымъ пятномъ, котораго не замѣчается только на первомъ маховомъ перѣ, среднія хвостовыя перья свѣтло-бурыя, четыре крайнихъ на кончикахъ такого же цвѣта, далѣе бѣлыя и на концѣ съ широкой полосой цвѣта черной сажи. Глаза сѣровато-каріе, клювъ зеленовато-желтый, ноги темнаго пепельно-сѣраго цвѣта.

Въ то время, какъ бѣлощекій турако издаетъ только тихіе чревовѣщательные звуки, гугука старается перекричать обезьянъ. Онъ часто вводитъ въ заблужде-

ніе даже опытнаго охотника и заставляетъ его предполагать, что шайка сѣровато-зеленоватыхъ мартышекъ замѣтила что нибудь ужасное и спѣшитъ оповѣстить объ этомъ весь міръ. Крикъ гугуки напоминаетъ своеобразное гоготанье или вообще крикъ указанныхъ обезьянъ и является какъ бы подражаніемъ ему. Крикъ этихъ птицъ громкій и пронзительный, вродѣ „гу гу гук ги гак гирр гирр гу-у ги гэ-э гу-у,“ но такъ какъ обыкновенно кричатъ всѣ заразъ, то крики странно сливаются въ одно сплошное гоготанье. Если пойти по тому направленію, откуда раздаются эти удивительные звуки, то скоро можно увидѣть этихъ очень замѣтныхъ птицъ, сидящихъ парами или маленькими семьями на одномъ изъ самыхъ высокихъ деревьевъ на горѣ; но и въ томъ случаѣ, когда птицы сидятъ семьями, супруги одной парочки возсѣдаютъ рядомъ. Осторожно подойдя къ птицамъ, можно хорошо наблюдать за подобными обществами. Пища состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ ягодъ, ради которыхъ гугука въ вечерніе и утренніе часы спускается на низкіе кусты. Остальное время дня птица эта пребываетъ только на высокихъ деревьяхъ, а въ обѣденные часы выбираетъ себѣ самыя тѣнистыя верхушки, и въ ихъ густой листвѣ проводитъ самое жаркое время дня.

Признаки блестянковыхъ птицъ (Galbulidae) слѣдующіе: продолговатое тѣло, длинный, высокій, шилообразный клювъ съ острыми краями, маленькія, слабыя ножки, короткія крылья, длинный ступеньчатый хвостъ и мягкое, пушистое опереніе съ золотистымъ блескомъ, которое у основанія клюва обращается въ щетинки. Подобно лѣнивкамъ, блестянковыя птицы отличаются также крайне нѣжной кожей.

У жакамара (Galbula viridis) верхнія части тѣла и грудь великолѣпнаго золотисто-зеленаго цвѣта, прочія нижнія части тѣла ржаво-красныя, боковыя перья хвоста ржаво-красныя съ зелеными кончиками; горло у самца бѣлое, у самки блѣднаго ржаво-желтаго цвѣта. Длина 21,5 см.

Жакамаръ живетъ въ лѣсныхъ пространствахъ всего побережья Бразиліи и вездѣ встрѣчается въ большомъ количествѣ. По мнѣнію принца Вида, эта красивая птица во многихъ отношеніяхъ похожа на колибри, и сходство это признается даже дикими ботокудами, которые называютъ жакамара „большимъ колибри“. Жакамаръ и его родственники живутъ одиноко и тихо въ сырыхъ лѣсахъ и въ тѣнистыхъ кустахъ, сидятъ обыкновенно на низкихъ вѣтвяхъ надъ водою, летаютъ быстро, но недалеко; это печальныя, тихія, словно недовольныя созданья, которыя повидимому избѣгаютъ всякаго движенія. Жакамаръ терпѣливо выжидаетъ, чтобы насѣкомое приблизилось къ нему, быстро схватываетъ добычу, полетѣвъ вслѣдъ за ней, и столь же быстро возвращается на прежнее мѣсто. Иногда онъ цѣлыми часами можетъ сидѣть, сохраняя лѣнивую неподвижность. Крикъ его — это громкій, звонкій, часто повторяемый звукъ. Гнѣздо какъ онъ, такъ и его родственники устраиваютъ себѣ въ какомъ-нибудь кругломъ отверстіи на берегу.

Лѣнивки (Bucconidae) — существа лѣнивыя и скучныя — составляютъ семейство, живущее исключительно въ тропическихъ странахъ Южной Америки

Всѣ лѣнивки обитаютъ въ лѣсахъ, живутъ въ одиночку или парами и развѣ только временно собираются небольшими обществами. Образъ дѣйствія ихъ крайне мало занимателенъ, такъ какъ главныя черты этихъ птицъ — лѣнь, неподвижность и глупость.

Для жизни въ клѣткѣ птицы эти врядъ-ли годятся. Кормить ихъ трудно, а онѣ ничѣмъ не вознаграждаютъ за потраченные на нихъ труды. Поэтому ихъ преслѣдуютъ только ради ихъ мяса, которое считается вкуснымъ. За ихъ невозмутимое спокойствіе португальцы прозвали ихъ „лѣсными судьями“.

По дѣленію Фюрбрингера, совиныя птицы, подарговыя птицы и сиворакши образуютъ послѣдній подотрядъ древесныхъ птицъ, а именно подотрядъ сиворакшевыхъ птицъ (Coraciiformes).

Подробное изслѣдованіе труднаго вопроса, слѣдуетъ ли отдѣлить совиныхъ птицъ (Striges) отъ соколовъ и коршуновъ и соединить съ подарговыми и сиворакшами, привело упомянутаго ученаго къ тому заключенію, что сходство совиныхъ птицъ съ указанными хищными птицами вызвано лишь ихъ одинаковымъ образомъ жизни, тогда какъ замѣчается больше родственной близости совиныхъ съ козодоями, сиворакшами и ихъ родственниками.

Совы (Strigidae) представляютъ собою весьма рѣзко ограниченное семейство. Отличительные признаки ихъ: тѣло, кажущееся толстымъ, но на самомъ дѣлѣ очень стройное, тонкое, скудно покрытое мясомъ, чрезвычайно большая, широкая сзади, густо оперенная голова съ очень большими глазами, направленными впередъ и окруженными круглымъ, пушистымъ вѣнцомъ перьевъ, широкія и длинныя, выпуклыя крылья и бо́льшею частью короткій хвостъ. Клювъ, начиная съ самаго основанія, сильно загибается внизъ, образуя короткій крючекъ, и лишенъ зубчиковъ, восковица короткая и всегда спрятанная въ длинныхъ, негибкихъ щетинообразныхъ перьяхъ при основаніи клюва. Ноги, обыкновенно покрытыя перьями до самыхъ когтей, средней вышины или довольно высокія, пальцы сравнительно короткіе и по длинѣ своей мало отличаются другъ отъ друга; но обыкновенно первый суставъ задняго пальца находится нѣсколько выше другихъ, а наружный палецъ можетъ поворачиваться какъ впередъ, такъ и назадъ. Когти большіе, длинные, сильно загнутые и чрезвычайно острые, въ поперечномъ разрѣзѣ почти совсѣмъ круглые. Каждое отдѣльное перо большое, длинное и широкое, на концѣ закругленное, весьма тонко расщепленное, а потому мягкое и гибкое, подъ руками издающее легкій трескъ; перья на лицѣ мельче и жестче и образуютъ покрывало большею частью изъ пяти рядовъ, придающее головѣ совы сходство съ головой кошки. Маховыя перья довольно широкія, на концѣ закругленныя и выпуклыя кнаружи; наружное опахало перваго, второго и третьяго махового пера, по крайней мѣрѣ у настоящихъ дневныхъ совъ, представляетъ собою странную бахрому или пилообразные зубчики, внутреннее же опахало маховыхъ перьевъ, благодаря своимъ мягкимъ придаточнымъ волокнамъ, шелковистое или шерстистое. Первое маховое перо короткое, второе нѣсколько длиннѣе, третье или четвертое длиннѣе всѣхъ прочихъ. Хвостовыя перья, которыя, на подобіе перьевъ крыла, загибаются внизъ, обыкновенно бываютъ одинаковой длины, на концѣ прямо обрублены, но въ исключительныхъ случаяхъ они ступеньчатыя, удлиняясь по направленію къ серединѣ. Обыкновенно темная окраска, въ рѣдкихъ случаяхъ еще сравнительно болѣе яркая, бо́льшею частью совершенно уподобляется цвѣту земли или коры; тѣмъ не менѣе одежда совъ бываетъ иногда украшена очень изящными и разнообразными разводами. Зѣвъ очень большой, пищеводъ не расширяется въ зобъ, желудокъ кожистый и очень растяжимый.

Органы внѣшнихъ чувствъ заслуживаютъ вниманія. Глаза чрезвычайно велики и такъ выпуклы, что похожи на полушарія, бока твердой глазной кожи, заключенной въ предѣлахъ костнаго кольца, удлинены страннымъ образомъ; самый глазъ внутри удивительно подвиженъ, такъ какъ зрачекъ расширяется или сжимается при каждомъ вдыханіи. Наружное ушное отверстіе у большинства представляетъ собою складку, которая тянется вокругъ глаза сверху внизъ и можетъ откидываться. Такимъ образомъ у совъ мы видимъ очень широкую ушную раковину, увеличенную еще торчащими во всѣ стороны перьями.

Совы, которыхъ извѣстно около 150-ти видовъ, обитаютъ во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ поясахъ, во всякихъ странахъ и мѣстностяхъ, начиная съ холодныхъ странъ, окружающихъ сѣверный полюсъ и кончая странами на экваторѣ, и отъ морского побережья до 5000 метровъ высоты. На югѣ число видовъ больше,

чѣмъ на сѣверѣ; но и сѣверъ не бѣденъ видами совъ. Мѣста жительства ихъ — это собственно лѣсныя пространства; но этихъ птицъ довольно и въ степяхъ, пустыняхъ, въ горныхъ странахъ, лишенныхъ растительности, въ населенныхъ мѣстечкахъ и городахъ. Совъ называютъ ночными хищными птицами; но это выраженіе требуетъ по меньшей мѣрѣ объясненія. Правда, огромное большинство совъ вылетаетъ за добычей только при наступленіи сумерекъ; но многія совы и днемъ не прекращаютъ своей дѣятельности и даже въ полдень ищутъ себѣ корма. Ихъ острое зрѣніе вблизи, ихъ изумительно тонкій слухъ, ихъ мягкое опереніе дѣлаютъ ихъ способными успѣшно дѣйствовать даже послѣ наступленія тьмы. Беззвучно пролетаютъ онѣ невысоко надъ землею, такъ что собственный полетъ ихъ, не производя никакого шума, не мѣшаетъ имъ слышать малѣйшій шорохъ, и, несмотря на темноту, онѣ замѣчаютъ самое маленькое млекопитающее.

Глаза совъ вовсе не такъ чувствительны къ дневному свѣту, какъ кажется. Нѣкоторые виды, правда, наполовину и даже больше зажмуриваютъ глаза при полномъ дневномъ освѣщеніи, но это дѣлается скорѣе въ знакъ удивленія или, быть можетъ, также съ цѣлью притвориться спящими, чѣмъ потому, что птицы не выносятъ свѣтовыхъ лучей; предположеніе же, будто совы днемъ ничего не видятъ, лишено всякаго основанія. Совы при яркомъ дневномъ свѣтѣ не только могутъ летать въ открытомъ мѣстѣ, но способны летать между самыми густыми деревьями, не задѣвая за нихъ.

Своеобразное устройство крыльевъ и мягкое опереніе совъ заставляетъ заранѣе предполагать, что эти птицы обладаютъ особеннымъ полетомъ. Безшумный полетъ ихъ сравнительно медленный, причемъ онѣ не то парятъ, не то скользятъ, не то порхаютъ, нѣкоторыя же дневныя совы то поднимаются, то опускаются, описывая дуги на подобіе дятловъ; такой полетъ даетъ возможность птицѣ очень быстро подвигаться впередъ, но въ то-же время скоро утомляетъ, и потому никогда долго не продолжается. Только при болѣе далекихъ странствованіяхъ совы поднимаются на высоту до 100 метровъ надъ поверхностью земли и тогда равномѣрно двигаются, часто махая крыльями или паря въ воздухѣ. По землѣ большинство двигается очень неловко; но длинноногія совы ходятъ настолько хорошо, что, правда, при содѣйствіи крыльевъ могутъ охотиться, бѣгая. На вѣтвяхъ деревьевъ всѣ совы движутся ловко: иныя лазаютъ особеннымъ образомъ, но очень быстро, прыгая и перескакивая съ вѣтки на вѣтку. Онѣ любятъ принимать самыя разнообразныя положенія, то присѣдаютъ, то вытягиваются вверхъ, поворачиваются, наклоняются и вертятъ головой удивительнымъ образомъ, представляя при этомъ чрезвычайно забавное зрѣлище для наблюдателя, и, подобно суркамъ, могутъ поворачивать лицо совершенно назадъ.

Голосъ обыкновенно громкій, но рѣдко пріятный. Душевныя движенія обыкновенно выражаются посредствомъ яростнаго хлопанья и щелканья клювомъ и хриплаго ворчанія; настоящій же голосъ совъ можно слышать только ночью или когда имъ грозитъ большая опасность. Нѣкоторые виды визжатъ отвратительно, другіе издаютъ звонкіе звуки. По душевнымъ способностямъ совы стоятъ ниже большинства дневныхъ хищныхъ птицъ. Есть нѣсколько видовъ, которые своею рѣзвостью и подвижностью могутъ ввести наблюдателя въ заблужденіе относительно своихъ душевныхъ качествъ; но въ общемъ, хотя возможны нѣкоторыя исключенія, совъ нельзя отнести къ дѣйствительно умнымъ птицамъ. Всѣ онѣ пугливы, но неосторожны, врядъ-ли умѣютъ отличать кажущуюся опасность отъ настоящей, рѣдко умѣютъ отличать друзей и смотрятъ на всякое живое существо, какъ на врага; онѣ привыкаютъ къ извѣстной мѣстности, но не поддаются никакой дрессировкѣ, требующей извѣстнаго душевнаго усилія; онѣ запальчивы, легко приходятъ въ слѣпую ярость, равнодушны и жестоки. Съ птицами одинаковаго вида онѣ живутъ въ мирѣ и въ дружбѣ, пока не возьметъ верхъ какая-нибудь страсть, напр. жадность; если же съ какимъ нибудь товарищемъ, съ которымъ онѣ мирно жили много лѣтъ, случится несчастіе, то совы совершенно спокойно съѣдаютъ его. Совы, появившіяся на свѣтъ въ одномъ гнѣздѣ, нерѣдко нападаютъ другъ на друга, и побѣжденная всегда убивается и съѣдается.

На свободѣ всѣ совы ѣдятъ лишь ту добычу, которую сами себѣ добываютъ. Самые разнообразные наблюдатели единогласно утверждаютъ, что онѣ врядъ-ли когда нибудь касаются падали. Нападаютъ онѣ прежде всего на маленькихъ млекопитающихъ; но наиболѣе сильныя совы нападаютъ также на болѣе крупныхъ млекопитающихъ, также способныхъ къ хищничеству, или же преслѣдуютъ птицъ на манеръ соколовъ; нѣкоторые виды совъ ловятъ рыбу, другіе охотятся на насѣкомыхъ. Очень немногіе вредятъ человѣку, большинство приноситъ только пользу. Тщательныя наблюденія показали, что въ Германіи совы врядъ-ли охотятся на какихъ-нибудь другихъ животныхъ, кромѣ мышей, и мы знаемъ, что дѣятельность ихъ идетъ весьма успѣшно. Когда ненавистные грызуны хозяйничаютъ всего ретивѣе, совы также принимаются за работу. Неслышно пролетаютъ онѣ надъ поверхностью земли, основательно высматриваютъ все съ высоты; замѣченная съ высоты мышь обыкновенно схватывается навѣрняка. Этому въ значительной степени способствуютъ короткіе, подвижные пальцы и острые, какъ иголка, сильно загнутые когти птицъ. Мышь, схваченная совой, погибла безвозвратно: сова закалываетъ свою добычу раньше, чѣмъ послѣдняя успѣетъ подумать о своемъ спасеніи. Овладѣвъ добычей, сова летитъ на такое мѣсто, гдѣ можетъ усѣсться и начинаетъ ѣсть. Ѣстъ она также своеобразно.

„Нѣтъ ничего противнѣе“, говоритъ мой отецъ, „чѣмъ манера совы ѣсть, ибо она глотаетъ огромные куски и притомъ давится ими. Если у другихъ животныхъ при ѣдѣ замѣчается извѣстное пр ятное состояніе, то сова, проглатывая свои большіе куски, исполняетъ точно какую то тяжелую обязательную работу. Я видѣлъ, какъ филинъ проглотилъ большую мышь, а сипуха — самца домашняго воробья цѣликомъ, съ ногами, шерстью, перьями. Сипуха схватила воробья сразу, поднесла его къ клюву такъ, что первою вошла въ зѣвъ голова, и затѣмъ начала, откидывая голову назадъ, проталкивать воробья внутрь, что́ ей и удалось, наконецъ, послѣ большихъ усилій. Когда воробей попалъ въ пищеводъ, то пищеводъ такъ выпятился, что казался отдѣлившимся отъ шеи. Я повторялъ подобные опыты нѣсколько разъ; но сова потомъ обыкновенно выщипывала перья воробья и только послѣ этого проглатывала его. Мышей сипухи проглатываютъ безъ большого труда. Если отправленное въ клювъ животное слишкомъ велико для того, чтобы пройти въ зѣвъ, то сова выплевываетъ свою добычу, сжимаетъ ее клювомъ и когтями и добивается того, что протискиваетъ ее въ пищеводъ. Мнѣ кажется, что совы, проглатывая крупные куски, даютъ понятіе о противной манерѣ змѣй глотать пищу. У очень большихъ животныхъ совы съѣдаютъ мясо на груди и мозгъ; остальное онѣ прячутъ; филинъ-пугачъ выклевываетъ мясо изъ кожи, затѣмъ свертываетъ кожу и сохраняетъ оставшееся въ ней мясо отъ высыханія. Подъ конецъ онъ проглатываетъ и кожу.“

Безъ воды большинство совъ могутъ жить цѣлыми мѣсяцами, можетъ быть потому, что крови ихъ жертвъ оказывается достаточно для утоленія жажды; впрочемъ, иногда онѣ пьютъ съ удовольствіемъ и купаются въ водѣ. Пищевареніе совершается очень энергично; ѣдкій желудочный сокъ растворяетъ всякую пищу очень быстро. Кости, перья и шерсть скатываются въ шарики и выплевываются въ извѣстныхъ мѣстахъ, причемъ совы дѣлаютъ чрезвычайно забавныя движенія. Онѣ при этомъ широко разѣваютъ клювъ, глубоко втягиваютъ голову, переступаютъ съ одной ноги на другую, зажмуриваютъ глаза, давятся, трясутъ тѣломъ и наконецъ избавляются отъ упомянутаго комка или шарика. Альтумъ изслѣдовалъ нѣсколько сотенъ такихъ комковъ, и нашелъ, что въ Германіи совы поѣдаютъ главнымъ образомъ мышей и землероекъ, а въ исключительныхъ случаяхъ крысъ, кротовъ, ласокъ, птицъ и жуковъ.

Многіе виды совъ устраиваютъ свои гнѣзда въ древесныхъ дуплахъ, другіе въ трещинахъ скалъ и каменныхъ стѣнъ, иныя въ подземныхъ ходахъ разныхъ млекопитающихъ, иныя, наконецъ, въ покинутыхъ гнѣздахъ соколовъ и воронъ. Въ такія мѣста въ лучшемъ случаѣ сносится немного дрока; но обыкновенно сова, готовящаяся высиживать яйца, не принимаетъ никакихъ мѣръ для того, чтобы исправить подстилку, а просто кладетъ свои яйца на дно гнѣзда, каково бы это

дно ни было. Число яицъ колеблется между 2-мя и 10-ю; въ видѣ исключенія, въ гнѣздѣ можно найти одно единственное яйцо. Яйца всѣхъ совъ сходны: они очень округленныя, мелкозернистаго строенія и бѣлаго цвѣта. Всѣ виды совъ сходны между собою въ томъ отношеніи, что оба родителя питаютъ нѣжную любовь къ своему потомству и проявляютъ эту любовь между прочимъ тѣмъ, что защищаютъ своихъ птенцовъ отъ враговъ съ замѣчательной храбростью. Молодыя птицы долго сидятъ въ гнѣздѣ и наполняютъ по ночамъ окрестность своимъ крикомъ.

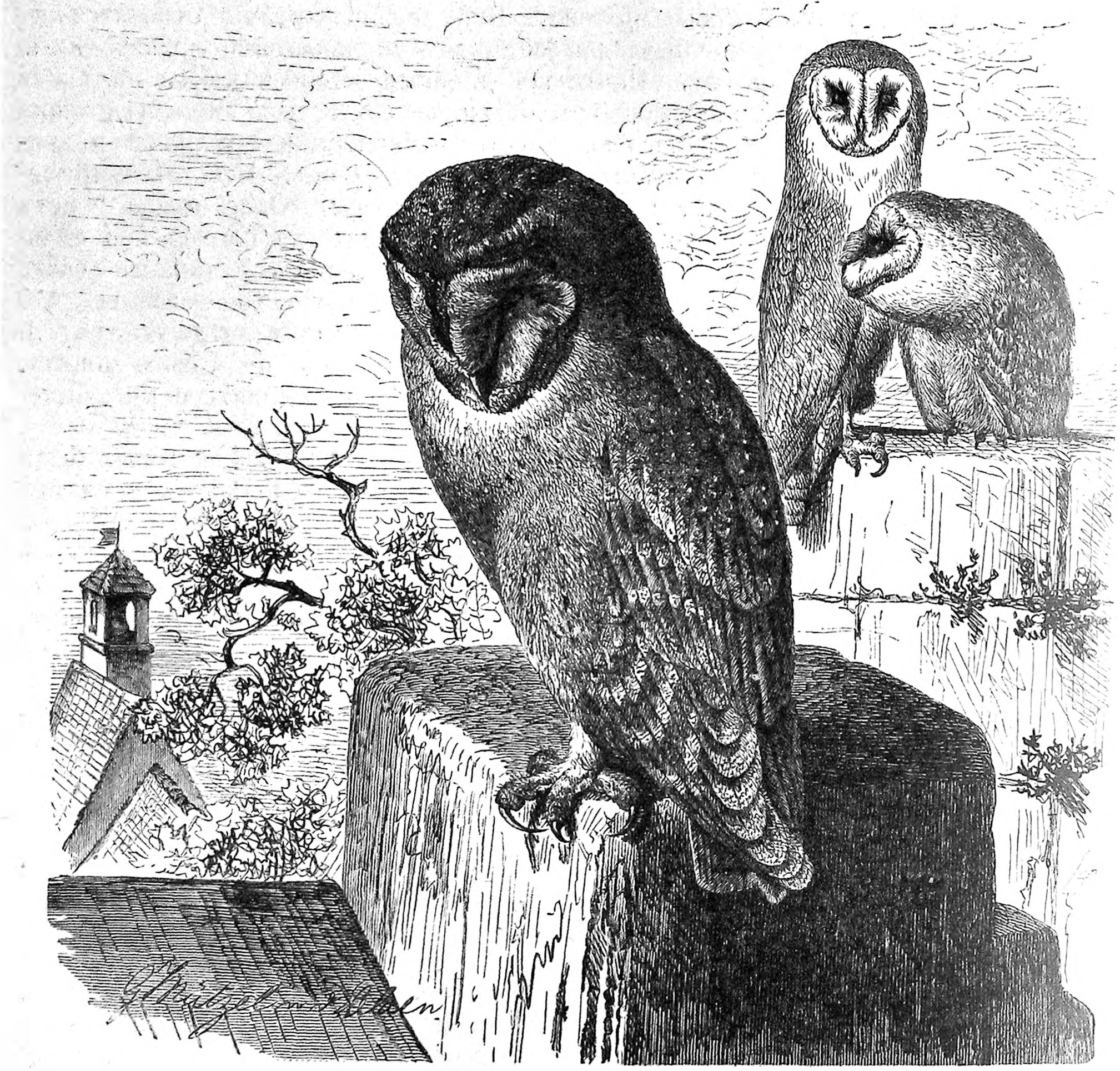
Къ сожалѣнію, у совъ много враговъ. Всѣ дневныя птицы относятся къ нимъ враждебно, словно мстя ночнымъ разбойникамъ за нападенія, производимыя на дневныхъ птицъ во время сна. Почти всѣ дневныя хищныя птицы впадаютъ въ какое то безумное состояніе, завидѣвъ большую сову. Всѣ мелкія пташки также ненавидятъ совъ и выражаютъ свои чувства оживленной болтовней и крикомъ, которые могутъ быть истолкованы, какъ брань и ругань. Весь лѣсъ приходитъ въ движеніе, когда открывается мѣстопребываніе совы. Одна птица зоветъ другую, и бѣдному любителю ночной темноты приходится тогда плохо; ибо сильныя дневныя птицы дѣйствительно задѣваютъ его. Человѣкъ слишкомъ часто также присоединяется къ указаннымъ врагамъ совъ. Многіе воображаютъ, что совершаютъ геройскій подвигъ, убивъ спящую или застрѣливъ летящую сову, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ человѣкъ беретъ эту птицу подъ свою защиту. Сельскій хозяинъ и лѣсничій должны бы были всегда присоединяться къ защитникамъ совъ и беречь ихъ, какъ священныхъ животныхъ.

Въ клѣткѣ дѣйствительно ручными становятся только тѣ совы, которыя были вынуты изъ гнѣзда очень молодыми, которыя выкормлены человѣкомъ и видятъ съ его стороны ласковое обращеніе. Совы же, пойманныя въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, или обнаруживаютъ равнодушіе, или же ведутъ себя такъ, что люди боязливые пугаются ихъ, а люди болѣе неустрашимые съ интересомъ наблюдаютъ за ними. Особенно крупные виды, повидимому, находятся во враждѣ со всѣмъ міромъ и въ каждомъ живомъ существѣ видятъ врага. Онѣ яростно вращаютъ своими большими глазами, если къ нимъ приблизиться; онѣ злобно щелкаютъ клювомъ и сердито ворчатъ, словно кошки. Маленькія же совы являются одними изъ самыхъ занимательныхъ комнатныхъ птицъ. При надлежащемъ уходѣ какъ крупныя, такъ и мелкія совы могутъ въ клѣткѣ размножаться.

Одинъ изъ самыхъ характерныхъ родовъ семейства составляютъ сипухи (Strix). Это совы съ продолговатымъ тѣломъ, широкой головой, очень большими крыльями, средней длины хвостомъ, высокими ногами и мягкимъ, шелковистымъ, болѣе или менѣе роскошно окрашеннымъ опереніемъ. Глаза сравнительно невелики и болѣе выпуклы, чѣмъ у другихъ совъ, ушная же раковина очень велика, соотвѣтствуя весьма хорошо развитому личному покрывалу. Самое же личное покрывало отличается отъ покрывала другихъ совъ тѣмъ, что оно не круглое, а имѣетъ форму сердца. Въ крылѣ первое маховое перо одинаковой длины со вторымъ и лишь немного короче третьяго, самаго длиннаго. Слабая и высокая плюсна скудно оперена, когти длинные, тонкіе и острые.

Сипуху обыкновенную (Strix flammea, рис. на стр. 398) замѣняютъ въ другихъ частяхъ свѣта, а именно въ Азіи и въ Америкѣ, столь близкіе родственники, что нѣкоторые знатоки жизни птицъ причисляютъ всѣхъ встрѣчающихся на землѣ сипухъ къ одному виду. У сипухи, живущей въ Германіи, верхняя сторона покрыта по темному пепельно-сѣрому фону, переходящему по бокамъ задней части головы и по бокамъ затылка въ красновато-желтый, чрезвычайно мелкими черными и бѣлыми продольными пятнами; верхнія кроющія перья крыльевъ очень темнаго пепельнаго цвѣта съ болѣе свѣтлыми пятнами и съ черными и бѣлыми продольными пятнышками; нижняя сторона на темномъ ржаво-желтомъ фонѣ покрыта бурыми и бѣлыми пятнами, личное покрывало ржаваго цвѣта или верхняя

половина ржаваго цвѣта, а нижняя — ржаво-бѣлаго цвѣта. Маховыя перья ржаваго цвѣта, внутреннее опахало съ бѣлыми пятнами, съ тремя или четырьмя болѣе темными поперечными полосами, наружное опахало съ темными пятнами; на ржаво-желтыхъ хвостовыхъ перьяхъ 3—4 черноватыхъ хвостовыхъ полосы и на концѣ очень темная пепельно-сѣрая широкая полоса съ бѣловатыми пятнами. Глаза темно-карiе; клювъ и восковица красновато-бѣлые, ноги, поскольку онѣ голы, грязновато-синевато-сѣрыя. Длина 32 см.

Сипуха обыкновенная (Strix flammea). $^1/_3$ естеств. велич.

Сипуха обыкновенная, распространенная по всей средней и южной Европѣ, Малой Азіи и сѣверной Африкѣ, селится всего охотнѣе, если не исключительно, на церковныхъ колокольняхъ, въ замкахъ, старыхъ зданіяхъ и башняхъ — и это какъ въ Германіи, такъ и въ остальной Европѣ; первоначальными же мѣстами жительства совъ были скалы и древесныя дупла. Начиная съ далекаго сѣвера Европы, сипуха встрѣчается вездѣ, кромѣ развѣ большихъ лѣсовъ на горахъ; точно также она избѣгаетъ высокихъ горъ надъ поясомъ растеній. Это птица осѣдлая въ настоящемъ значеніи этого слова, такъ какъ она даже не бродитъ. Тамъ, гдѣ мы теперь встрѣчаемъ сипухъ, онѣ живутъ съ тѣхъ поръ, какъ помнятъ себя люди. Только болѣе молодыя птицы иногда появляются внѣ охотничьяго района старыхъ; ибо онѣ должны еще обрѣсти постоянное мѣсто жительства, и ради этой цѣли вы-

летаютъ на поиски. Днемъ сипухи спокойно сидятъ въ темныхъ углахъ населенныхъ ими зданій, на перекладинахъ башенъ или колоколенъ, въ нишахъ каменныхъ стѣнъ, въ голубятняхъ и подобныхъ мѣстахъ. Имъ нисколько не мѣшаетъ звонъ колоколовъ вблизи мѣста ихъ отдыха, влетаніе и вылетаніе голубей изъ голубятни, гдѣ онѣ поселились; онѣ привыкли къ человѣку и къ его жизни такъ же, какъ къ шуму, производимому голубями, съ которыми сипухи находятся въ наилучшихъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ сидячемъ положеніи сипухи похожи на другихъ совъ, но отличаются отъ нихъ своимъ стройнымъ сложеніемъ и высокой фигурой, а главнымъ образомъ лицомъ, имѣющимъ форму сердца и производящимъ самыя удивительныя гримасы.

Наблюденія надъ плѣнными птицами показали, что сонъ ихъ очень чуткій. Человѣку никогда не удается застать сипуху врасплохъ, ибо она пробуждается при малѣйшемъ шорохѣ. При видѣ человѣка, сипухи обыкновенно выпрямляются и тихонько раскачиваются на ногахъ изъ стороны въ сторону. При этомъ иногда строятся гримасы; но всѣ движенія сипухъ болѣе постоянны и медленны, чѣмъ у большинства другихъ совъ. Если имъ грозитъ близкая, по ихъ мнѣнію, опасность, то онѣ улетаютъ, доказывая такимъ образомъ, что и днемъ способны хорошо видѣть. Послѣ заката солнца онѣ покидаютъ зданіе, вылетая въ опредѣленное. хорошо имъ извѣстное отверстіе, которое онѣ умѣютъ находить и которымъ ловко умѣютъ пользоваться даже днемъ, и тихо, какъ привидѣнія, покачиваясь въ воздухѣ, несутся низко надъ землею. Хриплый визгъ, который Науманнъ называетъ самымъ противнымъ звукомъ, издаваемымъ германскими птицами, и который повергаетъ суевѣрныхъ людей въ страхъ, служитъ признакомъ того, что сипухи вылетѣли изъ своихъ укромныхъ уголковъ, и если обратить вниманіе на то мѣсто, откуда доносятся эти звуки, то можно навѣрняка увидѣть эту сѣрую птицу; ибо по вечерамъ она безъ всякой боязни летаетъ вокругъ проходящихъ людей и часто, словно неотвязная тѣнь, носится у нихъ надъ самой головой. Въ свѣтлыя лунныя ночи сипухи летаютъ почти до восхода солнца, отъ поры до времени отдыхая на зданіяхъ, а затѣмъ опять усердно принимаясь за охоту; въ болѣе темныя ночи онѣ совершаютъ свои хищническія нападенія только вечеромъ или подъ утро.

Пищу сипухъ составляютъ мыши, крысы, землеройки, кроты, маленькія птички и крупныя насѣкомыя. Часто сипуху обвиняютъ въ томъ, что она производитъ опустошенія въ голубятняхъ; но этому противорѣчитъ то равнодушіе, съ какимъ голуби относятся къ своему странному товарищу. „Я очень часто видѣлъ“, говоритъ Науманнъ, „какъ сипуха влетала къ моимъ голубямъ и улетала отъ нихъ. Голуби, скоро привыкшіе къ этому гостю и переставшіе обращать на него вниманіе, всегда оставались въ спокойномъ обладаніи своими яйцами и птенцами; я никогда также не видѣлъ и слѣда нападенія сипухи на стараго голубя. Весною на моемъ дворѣ часто можно было видѣть нѣсколько вечеровъ подрядъ одну и ту-же парочку сипухъ; она, повидимому, собиралась выводить птенцовъ въ голубятнѣ и, какъ только къ вечеру начинало смеркаться, она, играя, влетала туда и вылетала оттуда, издавала почти непрерывно то внутри голубятни, то передъ самой голубятней свою фатальную ночную музыку, и ни одинъ голубь не шевелился. Взобравшись днемъ на голубятню, можно было видѣть, какъ сипухи уютно сидѣли себѣ или спали на жердочкѣ или въ углу среди голубей, и нерѣдко около хищниковъ лежала цѣлая куча мышей; ибо, послѣ успѣшной охоты и особенно чувствуя приближеніе дурной погоды, сипухи собираютъ себѣ запасы, чтобы не терпѣть голода въ темныя и бурныя ночи, когда нѣтъ возможности охотиться. Я нѣсколько разъ пытался соблазнить моихъ прирученныхъ сипухъ цѣльными или надтреснутыми куриными яйцами и яйцами другихъ птицъ: но сипухи никогда не трогали яицъ. Зато онѣ нападаютъ на спящихъ маленькихъ птицъ; въ городахъ онѣ нерѣдко душатъ висящихъ въ клѣткахъ передъ окнами жаворонковъ, соловьевъ, зябликовъ, дроздовъ и т. д.; пойманныхъ птицъ сипухи часто извлекаютъ изъ силковъ и петель, расположенныхъ по близости. Иныя сипухи очень кротки, другія очень хищны. Одинъ мой знакомый, получивъ сипуху, уже цѣлую недѣлю находившуюся въ неволѣ, посадилъ ее въ совершенно темную комнату и самъ по-

бѣжалъ за свѣчей; войдя не болѣе какъ минуту спустя со свѣчей въ комнату, онъ къ великой досадѣ своей увидѣлъ, что сипуха уже успѣла схватить сидѣвшую за печкой черноголовку, убить ее и половину съѣсть. Эта сипуха нерѣдко съѣдала по 15-ти мышей въ одну ночь. Въ тяжелыя времена сипуха не брезгаетъ также падалью."

Относительно размноженія сипухи сдѣланы весьма замѣчательныя наблюденія. Въ старыхъ книгахъ естественной исторіи говорится, что сипухи выводятъ птенцовъ въ апрѣлѣ и въ маѣ; но изъ этого правила есть и исключенія. Молодыхъ сипухъ не разъ удавалось находить въ октябрѣ и въ ноябрѣ, и въ то-же время случалось даже находить яйца, которыя старыя совы высиживали самымъ усердным образомъ. Птенцы, какъ птенцы всѣхъ совъ, сначала очень безобразны, но родители чрезвычайно сильно любятъ ихъ и въ изобиліи приносятъ имъ мышей. Желая избавиться отъ излишнихъ трудовъ, воспитывая сипухъ для жизни въ клѣткѣ, стоитъ только посадить ихъ въ клѣтку съ большими петлями въ наружной сѣткѣ: тогда старики непрерывно будутъ кормить молодыхъ въ теченіе многихъ недѣль, даже многихъ мѣсяцевъ. Если человѣкъ самъ заботится о нихъ, пока онѣ еще молоды, то онѣ скоро становятся совсѣмъ ручными, даютъ себя трогать, носить на рукѣ, даже выучиваются вылетать и влетать въ клѣтку.

Эти славныя и добродушныя животныя принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ совамъ изъ тѣхъ, какихъ вообще держатъ въ клѣткѣ. Гримасы ихъ доставляютъ удовольствіе всякому; иногда онѣ выдѣлываютъ со своимъ личнымъ покрываломъ такія штуки, что, по словамъ моего отца, получается настоящая каррикатура человѣческой физіономіи.

Подъ именемъ неясытей (Syrniinae) извѣстны совы съ большой, круглой головой безъ ушей изъ перьевъ, но съ очень большимъ ушнымъ отверстіемъ и, соотвѣтственно этому, съ очень явственнымъ личнымъ покрываломъ. Клювъ сравнительно длинный, ноги высокія или низкія, густо или скудно оперенныя, крылья обыкновенно закругленныя, хвостъ короткій или длинный, прямо обрѣзанный или закругленный.

*

Въ Германіи вездѣ встрѣчается одинъ видъ рода настоящихъ неясытей (Syrnium), а именно сѣрая сова (Syrnium aluco).

Область, гдѣ водится сѣрая сова, простирается отъ 67° сѣверной широты до Палестины. Чаще всего она встрѣчается въ средней Европѣ, рѣже на востокѣ, югѣ и западѣ Европы. Въ Германіи она живетъ преимущественно въ лѣсахъ, но также въ строеніяхъ. Лѣтомъ она сидитъ на густыхъ верхушкахъ деревьевъ, плотно прижавшись къ стволу; зимою она предпочитаетъ прятаться въ древесныхъ дуплахъ, а потому избѣгаетъ лѣсовъ, состоящихъ изъ молодыхъ, недуплистыхъ деревьевъ.

Сѣрая сова одна изъ птицъ, наиболѣе избѣгающихъ свѣта, умѣетъ однако такъ великолѣпно дѣйствовать въ самый свѣтлый полдень, что, ближе познакомившись съ ея жизнью, человѣкъ измѣняетъ усвоенное имъ ходячее предвзятое мнѣніе. Забавность маленькихъ совъ и дневныхъ неясытей у сѣрой совы совершенно отсутствуетъ; всѣ движенія ея неуклюжи и медленны; полетъ, требующій сильнаго движенія крыльевъ, хотя легкій, но колеблящійся и во всякомъ случаѣ не быстрый; голосъ — это сильный, далеко разносящійся по лѣсу звукъ „ху ху ху", который иногда повторяется такъ часто, что уподобляется какому-то ревущему хохоту; кромѣ того, сѣрая сова издаетъ визгливый звукъ „рай" и пріятный звукъ „кувитт." Не подлежитъ сомнѣнію, что и сѣрая сова принимаетъ участіе въ разбойнической охотѣ другихъ совъ.

Сѣрая сова ѣстъ почти исключительно мышей. Науманнъ, правда, видѣлъ, какъ одна изъ этихъ птицъ ночью напала на сарыча, такъ что этотъ послѣдній долженъ былъ спасаться бѣгствомъ; кромѣ того, этотъ ученый слышалъ, что сѣрая

сова на глазахъ у его отца вытащила изъ петли свиристель; мы знаемъ также, что молодые голуби при посѣщеніи сѣрою совою голубятенъ подвергаются той же участи, какъ и птицы, спящія или высиживающія своихъ птенцовъ на землѣ; тѣмъ не менѣе главную пищу сѣрой совы составляютъ мыши и притомъ преимущественно полевыя, лѣсныя мыши и землеройки. Мартинъ нашелъ въ желудкѣ одной вскрытой имъ сѣрой совы 75 большихъ гусеницъ сосновой ночной бабочки.

Сѣрая сова (Syrnium aluco). 1/3 естеств. велич.

Въ то время, когда весною бродятъ бекасы, а именно въ половинѣ марта, въ лѣсу раздается „ревущій пасмѣшливый хохотъ“ сѣрыхъ совъ. Въ это время лѣсъ оживаетъ и наполняется звуками, такъ какъ сѣрая сова даже днемъ находится въ дѣятельности. Для кладки яицъ выбирается древесное дупло, куда птица, высиживающая птенцовъ, легко можетъ имѣть доступъ, и гдѣ она защищена отъ дождя; но сѣрая сова не пренебрегаетъ также подходящими мѣстами въ каменныхъ стѣнахъ или подъ крышами населенныхъ зданій, а также гнѣздами хищныхъ птицъ, воронъ или сорокъ. Въ гнѣздѣ сѣрой совы можно найти иногда немного строительнаго матеріала, волосъ, шерсти и т. д., но нижній слой всегда таковъ, какимъ птица нашла его. Яйца сѣрой совы, числомъ 2—3, бываютъ то довольно круглыя, то продолговатыя, то яйцеобразныя, съ шероховатой скорлупой и бѣлаго

цвѣта. Самка, повидимому, одна сидитъ на яйцахъ. Самецъ помогаетъ кормить птенцовъ, къ которымъ родители вообще относятся съ величайшей любовью.

Плѣнныя сѣрыя совы иногда дѣлаются очень ручными. По словамъ Либеса, изъ всѣхъ видовъ совъ сѣрая сова наиболѣе пригодна для неволи. Свѣта она боится настолько мало, что въ полдень выбираетъ теплое, пригрѣваемое солнцемъ мѣстечко и здѣсь, производя разныя смѣшныя движенія и растопыривъ перья, даетъ солнечнымъ лучамъ согрѣвать свою кожу. Въ обществѣ людей сѣрая сова весь день сохраняетъ свою бодрость, особенно если люди играютъ съ нею, за что́ она — въ молодости по крайней мѣрѣ — относится къ нимъ съ благодарностью. Сѣрая сова, вынутая изъ гнѣзда молодою, скоро до такой степени привыкаетъ къ своему хозяину, что удѣляетъ ему всѣ тѣ ласки, сопровождаемыя разными ужимками, подмигиваньями и тихимъ пискомъ, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю только ей подобныхъ. Выраженіе лица сѣрой совы крайне перемѣнчиво въ зависимости отъ различныхъ душевныхъ состояній, и она можетъ такъ исказить свое лицо, что его узнать не возможно. Когда птица находится въ дурномъ настроеніи духа, она поднимаетъ верхнія перья лица кверху, нижнія опускаетъ внизъ, а перья надъ глазами отодвигаетъ назадъ и придаетъ физіономіи такое недовольное выраженіе, что даже для непосвященнаго становится сейчасъ же понятнымъ. Въ нѣжномъ настроеніи сѣрая сова придаетъ среднимъ и боковымъ перьямъ лица такое направленіе, что получается особенное выраженіе, знаменующее по ея мнѣнію нѣжность и получающее въ высшей степени комическій оттѣнокъ благодаря одновременному подмигиванью вѣкомъ. Съ себѣ подобными сѣрая сова и въ неволѣ ладитъ превосходно.

Другой видъ, о которомъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь, это лапландская сова (Syrnium lapponicum, рис. на стр. 403), одна изъ самыхъ крупныхъ совъ вообще. Длина ея 70 см. Сложеніемъ своимъ напоминая сѣрую сову, она стройнѣе ея, а хвостъ ея длиннѣе; лапландская сова отличается также обильнымъ опереніемъ и большимъ, совершенно круглымъ личнымъ покровомъ съ правильными очертаніями.

Живетъ лапландская сова на далекомъ сѣверѣ Стараго Свѣта, особенно же въ Лапландіи, Финляндіи, на сѣверѣ Европейской Россіи и Сибири вплоть до Охотскаго моря.

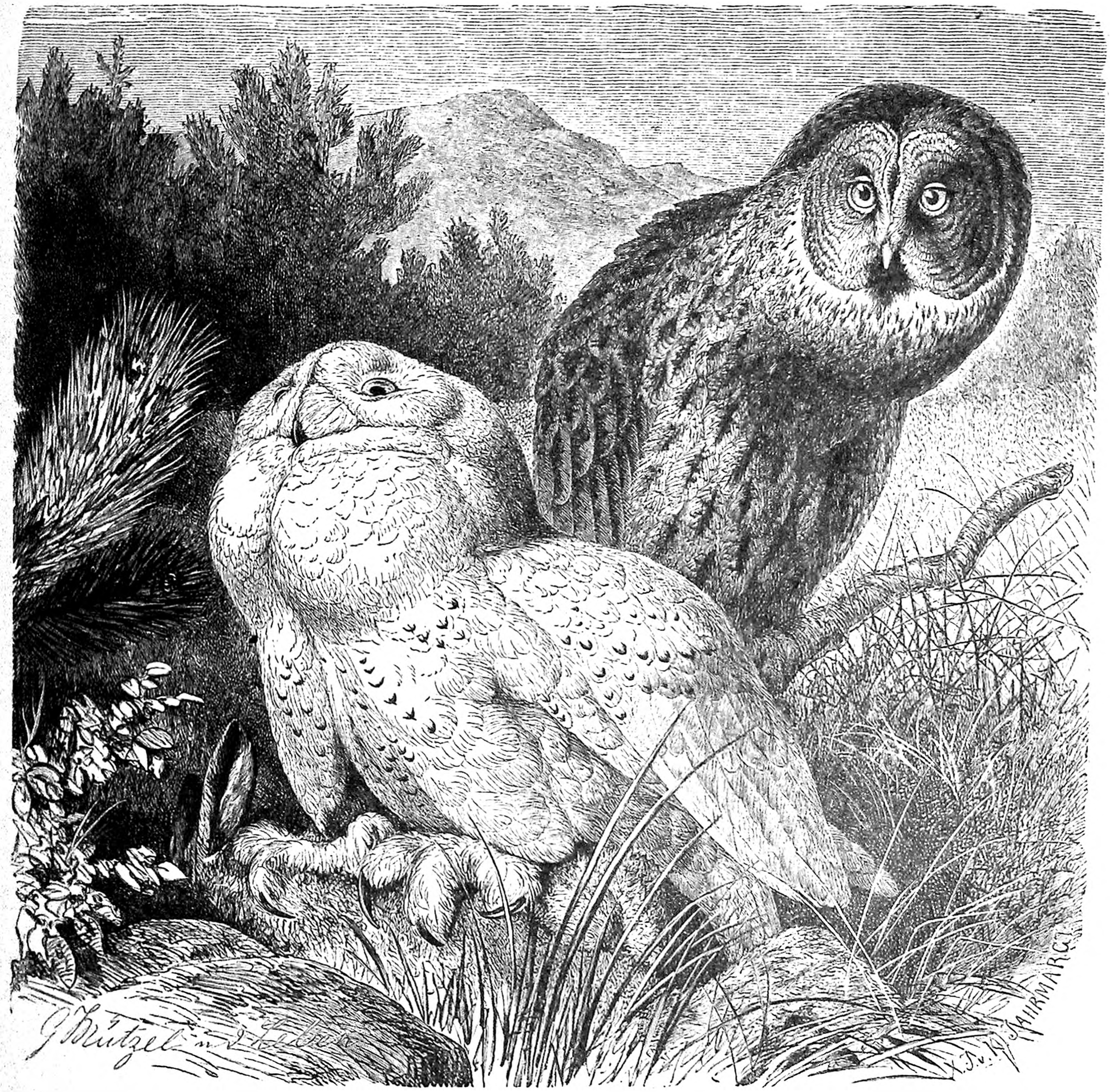
*

Сова-бѣлянка (Nyctea scandiaca, рис. на стр. 403) въ длину достигаетъ 68—71 см. Окраска въ различные возрасты бываетъ различна. Очень старыя птицы бѣлаго цвѣта, иногда почти безъ пятенъ или, самое большее, съ поперечнымъ рядомъ бурыхъ пятнышекъ на передней части головы и съ нѣсколькими пятнами на большихъ маховыхъ перьяхъ; совы-бѣлянки средняго возраста болѣе или менѣе покрыты по бѣлому фону бурыми поперечными пятнами или такими же продольными пятнами на головѣ; молодыя птицы еще болѣе пятнисты, чѣмъ птицы средняго возраста и какъ на верхней, такъ и на нижней сторонѣ буквально усѣяны крапинками. Глаза великолѣпнаго желтаго цвѣта, клювъ чернаго рогового цвѣта.

Вмѣсто того, чтобы подробно перечислять всѣ мѣстности и страны, гдѣ водится сова-бѣлянка, мы можемъ просто сказать, что это дѣтище тундры, часто наблюдавшееся на сѣверѣ до тѣхъ мѣстъ, куда проникали путешественники по направленію къ сѣверному полюсу. Совы эти встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ зависимости отъ того, много или мало лемминговъ или пеструшекъ водится въ данной мѣстности. Къ тому же, сова-бѣлянка любитъ покой и уединеніе, а потому избѣгаетъ мѣстностей, часто посѣщаемыхъ ея злѣйшимъ врагомъ — человѣкомъ. Поэтому въ Америкѣ, Лапландіи и сѣверо-западной Россіи эта птица встрѣчается чаще, чѣмъ на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири, гдѣ ее усердно убиваютъ изъ за ея мяса — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы были. Лѣтомъ сова-бѣлянка пребываетъ главнымъ образомъ

на сѣверныхъ возвышенностяхъ; зимою же она спускается въ болѣе низменныя мѣстности.

Сова-бѣлянка среди тундры представляетъ восхитительное зрѣлище. Отъ другихъ совъ ее тотчасъ же можно отличить, и вообще не трудно узнать ее на всякомъ разстояніи. Помимо ослѣпительной при дневномъ свѣтѣ окраски и значительныхъ размѣровъ, она такъ отличается отъ другихъ птицъ своими короткими, широкими, сильно закругленными крыльями, что насчетъ ея нельзя находиться въ

1) Сова-бѣлянка (Nyctea scandiaca), 2) Лапландская сова (Syrnium lapponicum). $^1/_5$ естеств. велич.

сомнѣніи. Летаетъ она какъ днемъ, такъ и ночью, и иногда въ послѣобѣденные часы бываетъ оживленнѣе, нежели въ утреніе или въ вечерніе сумерки. Смѣлостью и храбростью она повидимому превосходитъ всѣхъ прочихъ совъ. На собакъ она нападаетъ весьма рьяно, бросаясь на нихъ сверху на подобіе сокола.

Пищу совы-бѣлянки составляютъ маленькіе грызуны, особенно леммингн, кромѣ того бѣлки, пищухи, разные виды бобровъ и т. п.; но она убиваетъ также животныхъ величиною съ зайца. За стаями лемминговъ совы-бѣлянки слѣдуютъ толпами; парами или въ одиночку нападаютъ онѣ на разную пернатую дичь. Бѣлыхъ куропатокъ онѣ преслѣдуютъ со страстью, подстрѣленныхъ уносятъ на глазахъ охотника, даже вытаскиваютъ изъ охотничьей сумки; тетерева, утки и дикіе голуби обезпечены отъ ихъ нападеній такъ же мало, какъ и рыбы. „Однажды

утромъ", разсказываетъ Одюбонъ, „я сидѣлъ вблизи водопада Огіо и намѣревался стрѣлять дикихъ гусей; при этомъ я имѣлъ возможность наблюдать, какъ сова-бѣлянка ловитъ рыбъ. Она присѣла, въ выжидательномъ положеніи, на скалу, обративъ втянутую голову къ водѣ, и сидѣла такъ спокойно, что ее можно было принять за спящую. Но въ то мгновеніе, когда рыба неосторожно поднималась на поверхность воды, сова-бѣлянка съ быстротою молніи бросалась на нее, погружалась вмѣстѣ съ нею въ воду и всегда вытаскивала ловко схваченную рыбу на сушу. Охотясь, она подлетаетъ ко всякому предмету, носящемуся въ воздухѣ." „Я заставилъ однажды такую сову слѣдовать за мною на протяженіи почти четверти мили", говоритъ Гольбэлль, „то и дѣло подбрасывая на воздухъ мою фуражку."

Размноженіе совы-бѣлянки происходитъ среди лѣта. Въ іюнѣ мѣсяцѣ можно найти ея яйца, которыхъ она кладетъ больше, чѣмъ другія совы. Въ одномъ гнѣздѣ не разъ случалось находить до 7 яицъ; лопари же утверждаютъ единогласно, что сова-бѣлянка кладетъ и до 8—10 яицъ. Коллеттъ подтверждаетъ послѣднее показаніе и замѣчаетъ, что размноженіе этихъ совъ такъ же, какъ и вся жизнь ихъ, зависитъ отъ количества лемминговъ, такъ что совы-бѣлянки не только водятся въ большихъ количествахъ тамъ, гдѣ много этихъ грызуновъ, но кладутъ больше яицъ въ такіе годы, когда грызуновъ этихъ больше.

Сова-бѣлянка, содержащаяся въ клѣткѣ, представляетъ собою рѣдкость и лишь въ исключительныхъ случаяхъ выживаетъ въ неволѣ 4—6 лѣтъ. По сравненію съ другими родственниками, эти совы рѣзвѣе и даже днемъ живѣе другихъ видовъ одинаковой съ ними величины, охотно летаютъ въ клѣткѣ взадъ и впередъ и безъ особеннаго гнѣва выносятъ взгляды наблюдателя.

Въ сѣверныхъ странахъ Стараго Свѣта живетъ ястребиная сова (Nyctea ulula), которую, вслѣдствіе ея сходства съ соколомъ, называютъ также „соколиною совою" или „совинымъ соколомъ". Отличительными ея признаками являются широкая, низкая голова съ плоскимъ лбомъ и узкимъ лицомъ, безъ настоящаго личного покрывала и безъ круга перьевъ вокругъ глаза, довольно длинныя, сравнительно острыя крылья и длинный, клинообразный хвостъ. Клювъ короткій, крѣпкій, болѣе толстый, чѣмъ широкій, загнутъ отъ самаго основанія, причемъ крючекъ выступаетъ приблизительно на 9 миллиметровъ надъ нижней створкой. Плюсна оперена до пальцевъ; пальцы короткіе и вооружены острыми когтями. Глаза большіе, уши снабжены хорошо развитымъ клапаномъ, похожимъ на ушную раковину сипухи. Опереніе обильное, мягкое и блестящее, но ложится гораздо гуще, чѣмъ у большинства ночныхъ совъ. У взрослой птицы лицо бѣловато-сѣрое, полоска впереди уха и другая полоска позади уха, тянущіяся въ видѣ полумѣсяца по обѣ стороны головы, чернаго цвѣта, темя буровато-черное, причемъ на каждомъ перѣ замѣчается круглое бѣлое пятно, благодаря которому преобладающій цвѣтъ окраски свѣтлый; затылокъ и пятно за ухомъ чисто бѣлые, верхняя сторона бурая съ бѣлыми пятнами, горло бѣлое, верхняя часть груди украшена расплывающейся поперечной полосой, нижняя сторона бѣлая, нижняя часть груди, брюшко и бока покрыты черно-бурыми поперечными полосками или крапинками; маховыя и хвостовыя перья мышинаго сѣраго цвѣта съ бѣловатыми каемками. Глаза темнаго сѣрнисто-желтаго цвѣта, клювъ грязноватаго воскового желтаго цвѣта, кончикъ клюва чернаго рогового цвѣта. Длина птицы 39—42 см.

Водится ястребиная сова во всѣхъ сѣверныхъ странахъ Стараго Свѣта. Она постоянно размножается въ сѣверной Скандинавіи, въ сѣверной и средней Россіи и въ Сибири. Въ такіе годы, когда много лемминговъ, ястребиная сова не покидаетъ того участка, гдѣ высиживаетъ птенцовъ; развѣ только молодыя совы перекочевываютъ въ болѣе южныя мѣстности, и тогда ихъ можно встрѣтить въ такихъ мѣстахъ, которыя мало соотвѣтствуютъ ихъ обыкновенному мѣстопребыванію, напр. на безлѣсныхъ равнинахъ. Манерами своими ястребиная сова очень напоминаетъ сокола. Подобно соколу, это — дневная птица, соединяющая съ неслышнымъ, хотя быстрымъ полетомъ совы живость и храбрость сокола, на котораго ястребиная сова похожа также своимъ крикомъ. Врядъ ли какая-нибудь лѣсная птица можетъ

считать себя обезпеченной отъ нападеній ястребиной совы. Вильрайтъ видѣлъ, какъ она на лету убила одну несчастную кукшу, свою обычную сосѣдку, и не разъ также видалъ, какъ ястребиная сова потрошила бѣлую куропатку, вѣсомъ превосходящую сову почти вдвое. Обыкновенную пищу ястребиной совы составляютъ всевозможныя птицы, лемминги и лѣсныя мыши, а также насѣкомыя. Подобно соколу, бросается она внизъ съ своего высокаго поста, чтобы поймать маленькаго грызуна, схватываетъ его увѣренно, закалываетъ и душитъ острыми когтями, а затѣмъ несетъ на такое мѣсто, гдѣ можетъ удобно усѣсться, часто довольно долго колеблется между однимъ и другимъ мѣстомъ и, наконецъ, усѣвшись, съѣдаетъ свою добычу. Если лѣсныя птицы, особенно сойки, вороны, синицы дразнятъ ее, то она часто спокойно выноситъ это, но затѣмъ внезапно бросается въ среду своихъ противниковъ и схватываетъ одного изъ нихъ. Только съ сороками она, повидимому, ничего подѣлать не можетъ. Въ крайнемъ положеніи, напр. будучи ранена въ крыло, ястребиная сова, накрывъ спину, защищается самымъ отчаяннымъ образомъ.

Въ началѣ мая, иногда даже въ апрѣлѣ, она приступаетъ къ высиживанію птенцовъ. Гнѣздо свое она устраиваетъ или въ древесномъ дуплѣ, или въ особыхъ ящикахъ, привѣшиваемыхъ въ Лапландіи на деревья для большихъ крохалей, или же въ старомъ вороньемъ гнѣздѣ, наконецъ, сама строитъ себѣ довольно плоское гнѣздо на высокихъ деревьяхъ, главнымъ образомъ изъ сучьевъ и хвороста, и кладетъ туда 6—8 закругленныхъ, чисто бѣлыхъ яицъ, которыя немного меньше яицъ сѣрой совы.

*

Птицей Минервы была сова, а именно сиринъ, только не тотъ, который живетъ въ средней Европѣ, а одинъ изъ многочисленныхъ родственниковъ его и притомъ одинъ изъ самыхъ близкихъ родственниковъ, чрезвычайно часто встрѣчающійся въ Греціи. Сирины (Carine) — это маленькія совы съ головою среднихъ размѣровъ, съ короткимъ клювомъ, сжатымъ съ боковъ, сильно загнутымъ отъ самаго основанія, лишеннымъ зубчиковъ и съ довольно короткимъ крючкомъ; ноги у нихъ довольно высокія, пальцы сильные съ крѣпкими когтями, крылья короткія, закругленныя, достигающія самое большее до второй трети также короткаго, на концѣ прямо обрубленнаго хвоста, и имѣющія третье маховое перо длиннѣе прочихъ. Ушное отверстіе маленькое, а потому личное покрывало не такъ опредѣленно очерчено, какъ у другихъ совъ, хотя въ то же время замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ дневныхъ совъ. Перья довольно плотно прилегаютъ къ тѣлу и скудно покрываютъ особенно ноги, пальцы же покрыты только образованіями, похожими на волосы.

Живущій въ средней Европѣ сиринъ домовый (Carine [Athene] noctua, рис. на стр. 406) — одна изъ маленькихъ среднеевропейскихъ совъ; длина этой птицы 21—22 см. Верхняя сторона темнаго мышинаго сѣровато-бураго цвѣта съ неправильными бѣлыми пятнами, лицо сѣровато-бѣлое, нижняя часть тѣла бѣловатая, почти до самаго зада покрытая бурыми продольными полосками; маховыя и хвостовыя перья, окрашенныя такъ же, какъ верхняя сторона, покрыты ржаво-желтовато-бѣлыми пятнами, образующими на хвостѣ пять неясныхъ полосъ. Глаза сѣрнисто-желтые, клювъ зеленовато-желтый, ноги желтовато-сѣрыя. Молодыя птицы темнѣе старыхъ.

Начиная съ южной Швеціи, сиринъ домовый распространенъ по всей Европѣ и по значительной части Азіи до восточной Сибири. Въ Германіи эта птица не представляетъ собою рѣдкаго явленія. Тамъ, гдѣ деревни окружены фруктовыми садами со старыми деревьями, сирина домоваго можно найти навѣрное; но онъ селится также среди городовъ, на башняхъ, чердакахъ, въ сводахъ, склепахъ и т. п. излюбленныхъ имъ мѣстахъ. Въ глубину обширныхъ лѣсныхъ пространствъ онъ избѣгаетъ забираться, не любитъ также хвойныхъ лѣсовъ, за то очень любитъ рощи среди полей. Человѣка и его житья-бытья сиринъ домовый не боится. Днемъ онъ живетъ въ своемъ укромномъ уголкѣ, а ночью человѣкъ часто, несмотря на все свое

просвѣщеніе, больше боится сирина, чѣмъ сиринъ человѣка. Во многихъ мѣстахъ Германіи привлекательный домовый сиринъ считается птицей, предрекающей несчастіе. Такъ какъ онъ то тихо и низкимъ тономъ кричитъ „бу бу,“ то громко и звонко „квев квев кебель кебель“, то наконецъ „кувитт кувитт“, то народъ въ Германіи переводитъ эти звуки на свой ладъ и воображаетъ, что явственно слышитъ слова: „Komm mit, komm mit auf den Kirchhof, hof, hof“, (пойдемъ, пойдемъ со мной на кладбище) или „Komm mit, komm mit, bring' Schipp' und Spaten mit“, (пойдемъ, пойдемъ со мной, да захвати съ собой заступъ и лопату), и этого достаточно для того, чтобы возненавидѣть сирина.

Сиринъ заслуживаетъ любовь человѣка. Это премилое существо. Его нельзя назвать настоящей дневной совой, но онъ не такъ сильно боится свѣта, какъ дру-

Сиринъ домовый (Carine noctua). $^2/_5$ естеств. велич.

гія совы и отлично умѣетъ все дѣлать днемъ. Никогда не засыпаетъ онъ такъ крѣпко, чтобы можно было застать его врасплохъ; отъ малѣйшаго шороха онъ просыпается, а такъ какъ онъ превосходно видитъ и днемъ, то во́-время успѣваетъ обратиться въ бѣгство. Летаетъ онъ какъ бы толчками, описывая притомъ дуги, вродѣ дятла, но подвигается впередъ быстро и очень ловко пробирается сквозь густыя вѣтви деревьевъ. Онъ сидитъ обыкновенно согнувшись; но, завидѣвъ что-нибудь подозрительное, выпрямляется, вытягивается насколько возможно, кланяется, зорко слѣдитъ за предметомъ, привлекшимъ его вниманіе, и вообще продѣлываетъ разныя странныя штуки. Взглядъ его имѣетъ въ себѣ что-то хитрое, лукавое, но ничего злого, и всегда есть въ немъ что-то располагающее въ его пользу. Зная эту птицу, не трудно понять, почему греки могли считать ее любимымъ животнымъ мудрой богини. Духовныя способности сирина дѣйствительно не ничтожны; онъ по справедливости можетъ считаться одною изъ самыхъ смышленыхъ совъ. При этомъ онъ хорошо уживается съ другими птицами своего вида. На югѣ Европы или въ сѣверной Африкѣ его часто можно встрѣтить обществами.

Уже передъ закатомъ солнца слышится его голосъ; съ наступленіемъ же сумерекъ онъ всегда начинаетъ охотиться. Въ свѣтлыя ночи его можно видѣть въ непрерывномъ почти движеніи до утра или по крайней мѣрѣ слышать. Онъ не выходитъ изъ небольшого участка, причемъ все бросающееся въ глаза привлекаетъ его: онъ носится съ особеннымъ удовольствіемъ вокругъ костра, разведеннаго одинокимъ охотникомъ или странникомъ или подлетаетъ къ ярко освѣщеннымъ окнамъ и тогда страшно пугаетъ суевѣрныхъ людей. Гоняется онъ преимущественно за маленькими млекопитающими, за птицами и насѣкомыми. Онъ ловитъ летучихъ мышей, землероекъ и обыкновенныхъ мышей, жаворонковъ, воробьевъ, кузнечиковъ, жуковъ и т. д. Мыши составляютъ главную его добычу.

Въ апрѣлѣ или въ маѣ сиринъ домовый приступаетъ къ размноженію. Тогда онъ становится особенно безпокойнымъ, много кричитъ и шумитъ, даже въ теченіе дня. Настоящаго гнѣзда онъ не строитъ, а выбираетъ себѣ подходящее углубленіе въ стѣнахъ скалъ, подъ камнями, въ старыхъ зданіяхъ, въ деревьяхъ, въ случаѣ недостатка подходящихъ мѣстъ для размноженія ютится даже въ норкахъ кроликовъ и здѣсь кладетъ свои 4—7 почти круглыхъ яицъ прямо на землю. Потомъ онъ въ теченіе 14—16 дней высиживаетъ яйца съ такимъ усердіемъ, что его трудно согнать съ нихъ. Науманнъ говоритъ, что самка, сидящая на яйцахъ, давала себя гладить, и что онъ могъ вынуть изъ подъ нея яйцо, причемъ она не трогалась съ мѣста. Молодыхъ птицъ выкармливаютъ мышами, маленькими птичками и насѣкомыми.

Ястреба-перепелятники и тетеревятники душатъ сирина, если имъ удается поймать его; ласка уничтожаетъ его яйца; воро́ны, сороки, сойки и всѣ маленькія птицы преслѣдуютъ его своимъ крикомъ. Этимъ пользуются для особаго способа ловли птицъ, производимой главнымъ образомъ въ Италіи. Сирина выставляютъ на видномъ мѣстѣ, а вокругъ него кладутъ прутики, обмазанные клеемъ, на которые во множествѣ садятся маленькія птички. „Чтобы не было недостатка въ сиринахъ“, говоритъ Ленцъ, „итальянцы заботятся о томъ, чтобы у нихъ были хорошія, темныя мѣста для высиживанія птенцовъ подъ крышами, и чтобы входы въ эти мѣста были удобны. Изъ гнѣзда вынимаются и воспитываются человѣкомъ молодыя птицы въ такомъ количествѣ, какое требуется для дома или для продажи; прочихъ оставляютъ въ покоѣ. Ручные сирины — настоящіе друзья дома итальянцевъ, часто свободно расхаживаютъ по дому, по двору и по саду съ подрѣзанными крыльями, вездѣ ловятъ мышей; ихъ охотно сажаютъ въ сады, окруженные хорошимъ заборомъ, и тамъ они истребляютъ улитокъ и другихъ вредныхъ животныхъ, не причиняя съ своей стороны никакого вреда саду. Если по тамошнему обычаю сапожникъ, портной, горшечникъ или другой ремесленникъ работаетъ на улицѣ, то часто сажаетъ около себя на жердочку своихъ любимцевъ, 2—4 сириновъ, съ которыми часто обмѣнивается нѣжными взглядами. Такъ какъ онъ не всегда можетъ доставлять этимъ милымъ и прожорливымъ созданіямъ мясо, то пріучаетъ ихъ, въ случаѣ отсутствія мяса, довольствоваться полентой.“

Уже въ Австріи нерѣдко употребляютъ сирина („Wichtl“) для ловли птицъ, и притомъ съ большимъ успѣхомъ. Какъ при помощи филина-пугача ловятъ соколовъ, такъ при помощи сирина домоваго ловятъ мелкихъ пташекъ. Каждая птица, сознающая свое проворство, считаетъ своимъ долгомъ появиться около ненавистнаго сирина, чтобы подразнить его и посмѣяться надъ нимъ. Нападеніе соекъ и сорокопутовъ не всегда бываетъ даже безопасно для нихъ. Сорокопуты въ присутствіи сирина забываютъ всякую осторожность, часто издалека прилетаютъ одинъ за другимъ и не улетаютъ даже тогда, когда плачевная судьба постигаетъ какого-нибудь спутника ихъ. Старые голландскіе сокольничьи всегда добывали сорокопутовъ, необходимыхъ для ловли соколовъ, при помощи сирина.

Самая изящная и миловидная изъ европейскихъ совъ это сиринъ воробьиный (Carine passerina). Это хорошенькое животное прежде всего характеризуется своей малой величиной. Длина самца 17, самки — 19 см. Опереніе верхней стороны мышинаго сѣраго цвѣта съ бѣлыми пятнами, опереніе ниж-

ней стороны бѣлое съ бурыми продольными пятнами, лицо бѣловато-сѣрое, хвостъ украшенъ четырьмя бѣлыми поперечными полосами, а крылья множествомъ такихъ же полосъ, глаза ярко желтые, клювъ рогового желтаго цвѣта.

Сиринъ воробьиный также чаще встрѣчается на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, но область его распространенія простирается отъ Норвегіи до восточной Сибири и отъ сѣверной границы деревьевъ до той широты, въ которой лежитъ сѣверная Италія. Въ горныхъ лѣсахъ Скандинавіи птица эта встрѣчается нерѣдко, въ русскихъ лѣсахъ даже часто, и живетъ осѣдло въ Германіи вовсе не такъ рѣдко, какъ обыкновенно думаютъ. Кромѣ того, эту птицу наблюдали на швейцарскихъ, штирійскихъ и итальянскихъ Альпахъ, на Кавказѣ, въ лѣсахъ Буреинскаго бассейна и по Амуру.

Весною голосъ воробьинаго сирина слышится уже до наступленія сумерекъ, но послѣ восхода солнца эта птица уже не кричитъ. Подобно другимъ совамъ, сирина воробьинаго можно приманить подражаніемъ его голосу и заставить слѣдовать за подражающимъ ея крику человѣкомъ на протяженіи 1000 шаговъ и болѣе; но птица летаетъ такъ беззвучно и такъ быстро садится на вѣтку, что часто долго летаетъ вокругъ человѣка, прежде чѣмъ онъ ее замѣтитъ. Для своей незначительной величины это ловкая и храбрая хищная птица. Она убиваетъ мышей, лемминговъ, летучихъ мышей и другихъ мелкихъ млекопитающихъ, но главнымъ образомъ птицъ, доходящихъ до такой же величины, какъ и она сама, ловитъ какъ сидящую, такъ бѣгающую и летящую дичь и, преслѣдуя воробьевъ, залетаетъ иногда въ сѣни обитаемыхъ строеній. Человѣка она почти не боится, поэтому ее легко застрѣлить или при помощи приманки заманить въ западню.

*

Пещерныя совы (Speotyto), близкіе родственники сириновъ, врядъ ли крупнѣе этихъ послѣднихъ и отличаются отъ нихъ главнымъ образомъ своими высокими, короткопалыми ногами.

Въ Южной Америкѣ живетъ кроликовая сова, называемая бразильцами куруйе (Speotyto cunicularia). Опереніе ея на верхней сторонѣ красновато-сѣровато-бурое, покрытое овальными бѣлыми крапинками, нижняя часть брюшка желтовато-бѣлая, безъ пятенъ. Глаза желтые, клювъ блѣднаго зеленовато-сѣраго цвѣта, подошвы пальцевъ желтоватыя. Длина птицы 23 сантиметра.

Въ Сѣверной Америкѣ кроликовую сову замѣняетъ подземная сова (Speotyto hypogaea), которая такъ похожа на только что описанный видъ, что лишь при очень подробномъ описаніи обоихъ видовъ могутъ выясниться различія между ними. Образъ жизни и нравы обоихъ видовъ настолько сходны, что показанія различныхъ писателей можно относить какъ къ тому, такъ и къ другому виду.

Пещерныя совы — птицы, характерныя для Америки. Онѣ обитаютъ на югѣ въ пампасахъ и льяносахъ, а на сѣверѣ — въ преріяхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ вообще водятся, и гдѣ ихъ не преслѣдуютъ, онѣ встрѣчаются часто. Путешественникъ, вступающій въ безлѣсныя равнины, видитъ этихъ замѣчательныхъ птицъ сидящими попарно на землѣ, обыкновенно на холмикахъ, накиданныхъ роющими землю млекопитающими. Ходы, прорытые такимъ образомъ, и представляютъ собою настоящее жилище совъ, причемъ такая сова нерѣдко живетъ тамъ вмѣстѣ съ законнымъ владѣльцемъ или съ его самыми страшными врагами — ядовитыми змѣями. Близъ Буэносъ-Айреса пещерная сова живетъ исключительно въ постройкахъ вискахи, въ Бразиліи селится въ сооруженіяхъ муравьѣдовъ и броненосцевъ, въ Сѣверной Америкѣ ютится въ такъ называемыхъ деревняхъ или поселеніяхъ луговой собачки. Подземныя сооруженія, въ которыхъ еще живутъ млекопитающія, отличаются чистотой и порядкомъ отъ построекъ, гдѣ обитаютъ совы; въ старыхъ, заброшенныхъ постройкахъ такого рода сову можно найти почти навѣрное. Но случается также, что луговыя собачки, совы и гремучія змѣи выходятъ въ одно и то-же отверстіе, и мы знаемъ, что отношеніе между млекопитающими животными и совами весьма мирное. Каждая пара пещерныхъ совъ въ теченіе всего года дружно живетъ вмѣстѣ и днемъ всегда сидитъ

около входа въ пещеру вискахи, притомъ такъ близко другъ къ другу, что супруги почти соприкасаются. Если птицы испугаются, то или обѣ взлетаютъ, или же взлетаетъ только самецъ, а самка скрывается въ глубинѣ пещеры.

Близъ всѣхъ поселеній европейцевъ кроликовыхъ совъ очень много, и онѣ отличаются чрезвычайною довѣрчивостью: во всѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ еще охотятся индѣйцы, это совершенно другая птица. Около заката солнца слышится голосъ кроликовой совы. За короткимъ звукомъ слѣдуетъ болѣе долгій; но оба повторяются такъ часто, что пауза между каждой парой звуковъ длится не болѣе секунды. Крикъ этотъ не звучитъ ни ужасно, ни торжественно, а скорѣе мягко и печально, отчасти напоминая низкіе звуки флейты. Весной кричатъ всѣ пещерныя совы, и каждая птица отвѣчаетъ своему ближайшему сосѣду. Когда наступаетъ ночь, совы одна за другою поднимаются на воздухъ, и тогда вездѣ можно видѣть, какъ эти хорошенькія птицы, колеблясь, летаютъ надъ поверхностью земли на высотѣ около 40 метровъ. Онѣ охотятся на всякое живое существо, которое надѣятся одолѣть.

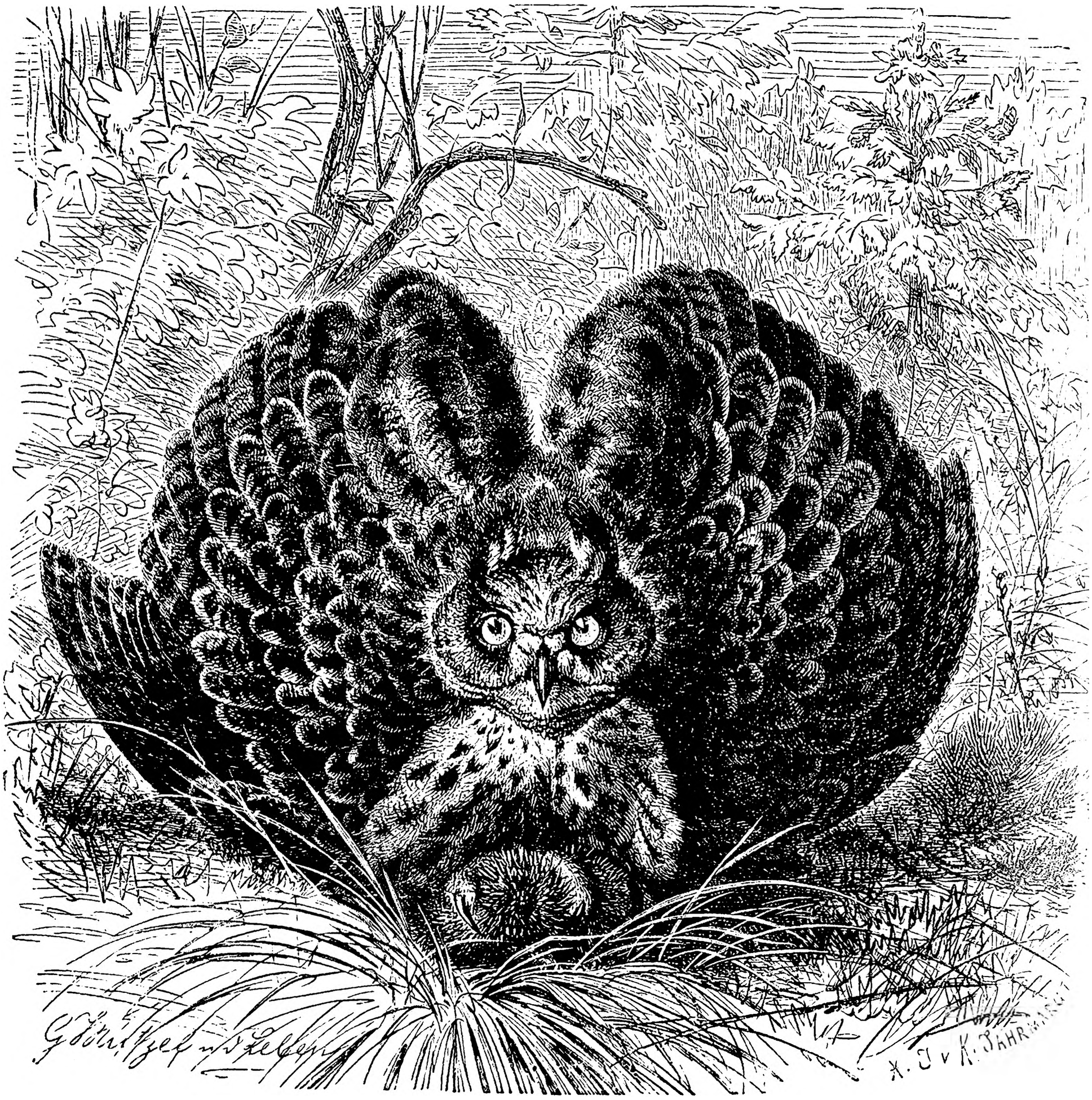
Третья, рѣзко ограниченная группа совъ характеризуется главнымъ образомъ пучкомъ перьевъ, торчащимъ надъ каждымъ ухомъ. Голова у филиновыхъ совъ (Bubonінae) обыкновенно бываетъ большая, широкая и плоская, украшенная болѣе или менѣе значительными, поднимающимися и опускающимися пучками перьевъ; личное покрывало неполное, клювъ крѣпкій, почти шузатый, на гребнѣ не сильно загнутый и съ короткимъ крючкомъ, ноги сильныя, высокія или средней вышины, пальцы очень сильные, вооруженные большими крючковатыми когтями, крылья средней длины, но тупыя, хвостъ короткій, на концѣ почти прямо обрѣзанный, опереніе очень обильное и неплотно прилегающее. Изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ вниманіе наше привлекаетъ глазъ, очень большой и плоскій, обыкновенно окрашенный въ яркій золотисто-желтый цвѣтъ.

Самымъ совершеннымъ представителемъ филиновыхъ совъ можетъ считаться филинъ-пугачъ (Bubo ignavus, рис. на стр. 410), называемый также во многихъ сказаніяхъ „царемъ ночи“. Длина этой птицы 63—77 см. Очень обильное и густое опереніе на верхней сторонѣ въ темныхъ ржаво-желтыхъ и черныхъ пятнахъ, горло желтовато-бѣлое, нижняя сторона ржаво-желтая съ черными продольными полосами; пучки перьевъ на ушахъ черные, на внутренней сторонѣ съ желтой каймой, маховыя и хвостовыя перья съ бурыми, желтоватыми и болѣе темными крапинками. Клювъ темнаго свинцово-сѣраго цвѣта, голыя чешуйки на ногахъ свѣтлаго свинцово-сѣраго цвѣта, глаза великолѣпнаго золотисто-желтаго цвѣта, наружный же край ихъ красноватый. Самка отличается только своими бо́льшими размѣрами.

Филинъ-пугачъ водится по всему сѣверу Стараго Свѣта, пока по направленію къ сѣверу встрѣчаются лѣса, а по направленію къ югу — горы. Хотя въ Германіи эта птица во многихъ мѣстностяхъ истреблена, однако живетъ еще на высокихъ возвышенностяхъ Баваріи и на горахъ средней высоты, а также въ обширныхъ и сплошныхъ лѣсныхъ пространствахъ всѣхъ германскихъ странъ и провинцій, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ государствъ. Въ Африкѣ мѣстопребываніе этой птицы ограничивается Атласскими горами. Въ Азіи же филинъ-пугачъ, а, можетъ быть, и не онъ, а блѣдный филинъ (Bubo turcomanus), котораго врядъ-ли можно выдѣлить въ отдѣльный видъ, встрѣчается отъ Малой Азіи и Персіи до Китая и отъ сѣверной границы лѣсовъ до Гималаевъ, не исключая и степей, во всѣхъ мѣстностяхъ, съ животнымъ міромъ которыхъ намъ удалось близко познакомиться.

Въ сѣверной Африкѣ и въ Малой Азіи живетъ родственникъ филина-пугача, фараоновый филинъ (Bubo ascalaphus), о которомъ стоитъ упомянуть тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчается въ Европѣ, а именно въ Греціи, гдѣ живетъ быть можетъ даже постоянно. Онъ значительно меньше филина-пугача.

Филинъ-пугачъ отдаетъ предпочтеніе гористымъ мѣстностямъ, такъ какъ тамъ находитъ самые удобные укромные уголки, но встрѣчается и на равнинахъ, преимущественно въ большихъ лѣсахъ. Особенно любитъ лѣса съ крутыми скалами, и въ нѣкоторыхъ подходящихъ для него мѣстностяхъ живетъ съ тѣхъ поръ, какъ помнятъ люди. Случается, что въ какой-нибудь мѣстности истребятъ филиновъ-пугачей, и они тамъ годами не появляются, потомъ вдругъ и обыкновенно какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде жили филины, поселяется новая

Филинъ-пугачъ (Bubo ignavus). 1/4 естеств. велич.

парочка, которая остается здѣсь до тѣхъ поръ, пока ее терпитъ человѣкъ. Но особенно рѣдко случается, что пара филиновъ селится въ близкомъ сосѣдствѣ съ поселеніями людей. Тѣмъ не менѣе филинъ-пугачъ неизмѣнно отличается осторожностью. Днемъ его рѣдко можно увидѣть, такъ какъ окраска его совершенно сливается съ окраской скалъ, а также съ древесной корой; но иногда какая-нибудь маленькая пѣвчая птичка открываетъ его мѣстопребываніе, сообщаетъ объ этомъ крикомъ всему населенію лѣса, собираетъ другихъ крикуновъ и такимъ образомъ выдаетъ филина. Ночью его можно видѣть чаще, а весною, въ періодъ любви, онъ даже очень замѣтенъ вслѣдствіе своего крика, привлекающаго вниманіе и далеко разносящагося по окрестности.

Охотиться онъ начинаетъ только тогда, когда уже водворится ночь. Днемъ

онъ неподвижно сидитъ въ углубленіи скалы или на верхушкѣ дерева, обыкновенно гладко сложивъ перья и нѣсколько пригнувъ назадъ пучки ушныхъ перьевъ; при этомъ онъ рѣдко совсѣмъ закрываетъ глаза, а обыкновенно только прищуриваетъ ихъ и находится въ состояніи полудремоты. Малѣйшаго шума достаточно для того, чтобы онъ очнулся. Тогда онъ поднимаетъ пучки ушныхъ перьевъ, поворачиваетъ голову то въ ту, то въ другую сторону, кланяется и, подмигивая, устремляетъ свой взоръ въ подозрительную сторону. Предполагая опасность, онъ моментально снимается съ мѣста и старается найти себѣ такое сокровенное мѣстечко, гдѣ можетъ спокойно отдыхать. Если день прошелъ безъ того, чтобы его потревожили, то птица оживляется около солнечнаго заката, и тогда беззвучно улетаетъ изъ своего угла, обыкновенно направляясь къ группѣ скалъ или къ высокому дереву, откуда весною раздается ея глухой, но далеко разносящійся крикъ „бугу“. Въ свѣтлыя лунныя ночи филинъ кричитъ чаще, чѣмъ въ темныя; передъ періодомъ спариванья крикъ его раздается иногда почти безпрерывно всю ночь. Этотъ крикъ, страшно разносясь по лѣсу, вызываетъ у суевѣрныхъ людей такое чувство, что, по словамъ Ленца, у нихъ волосы становятся дыбомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта птица породила нѣмецкое сказаніе о дикомъ охотникѣ, что голосъ филина-пугача боязливые люди могли принимать за собачій лай злого духа или по крайней мѣрѣ за крикъ попавшагося въ его лапы рыцаря. Крикъ филина-пугача приводитъ насъ къ тому заключенію, что эта птица находится въ дѣятельности въ теченіе всей ночи. Въ лѣсу ее можно слышать то тутъ, то тамъ почти до самаго утра. Это призывной крикъ и въ то-же время любовная пѣсня; злоба же и гнѣвъ выражаются яростнымъ хихиканьемъ, громкимъ визгомъ, сопровождаемымъ оживленнымъ ворчаніемъ и захлопываньемъ клюва. Въ періодъ спариванья можно услышать всѣ описанные звуки одни за другими, такъ что получается странная смѣсь.

Охота филина-пугача направлена на самыхъ разнообразныхъ позвоночныхъ животныхъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ. Ночью онъ столь же ловокъ, сколь силенъ и храбръ, и ничуть не боится пробовать свою силу надъ болѣе крупными существами. Летая такъ же неслышно, какъ его родственники, филинъ-пугачъ обыкновенно несется низко надъ землею, но притомъ безъ труда поднимается на значительныя высоты и движется такъ быстро, что, спугнувъ спящую птицу, всегда ловитъ ее. Мы знаемъ навѣрное, что онъ нападаетъ на зайцевъ, кроликовъ, глухарей, косачей, рябчиковъ, сѣрыхъ куропатокъ, гусей и утокъ; онъ потому причиняетъ вредъ, что онъ не щадитъ ни слабыхъ дневныхъ хищныхъ птицъ, каковы вороны и вороны, ни болѣе слабыхъ видовъ своего семейства, что онъ не боится даже колючей одежды ежа; весьма вѣроятно также, что спящихъ птицъ онъ вспугиваетъ хлопаньемъ крыльевъ или щелканьемъ клюва, заставляетъ ихъ обратиться въ бѣгство, а затѣмъ легко ловитъ на лету. Но еще большой вопросъ, можно-ли назвать его болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Очень возможно, что всего усерднѣе онъ преслѣдуетъ мышей и крысъ.

Въ началѣ года, обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ, филинъ-пугачъ приступаетъ къ высиживанію потомства. Онъ вѣрный и нѣжный супругъ. Гнѣздо его помѣщается то въ углубленіяхъ скалъ, то въ углубленіяхъ на поверхности земли, въ старыхъ зданіяхъ, на деревьяхъ или даже на плоской землѣ и въ тростникѣ. Если только возможно, онъ водворяется въ какомъ-нибудь старомъ сооруженіи, и въ такомъ случаѣ не даетъ себѣ труда починить его; если стараго гнѣзда найти не удалось, то онъ сноситъ нѣсколько сучковъ и прутиковъ, выстилаетъ ихъ довольно небрежно сухими листьями и дрокомъ, или же, не желая продѣлывать даже этого, кладетъ свои кругловатыя, шероховатыя яйца прямо на землю. Самка высиживаетъ яйца съ большимъ усердіемъ, и, пока она сидитъ на яйцахъ, самецъ кормитъ ее. Птенцамъ родители приносятъ столько корму, что они не только никогда не терпятъ недостатка, но всегда имѣютъ пищу въ избыткѣ. Если грозитъ какая нибудь опасность, то родители защищаютъ своихъ дѣтей самымъ храбрымъ образомъ, бросаясь на всѣхъ хищныхъ животныхъ и людей, приближающихся къ гнѣзду. Кромѣ того, замѣчено, что старые филины-пугачи, найдя, что ихъ гнѣздо недостаточно безопасно, относятъ своихъ птенцовъ въ другія гнѣзда.

Очень интересную исторію разсказываетъ Визе. „Одинъ главный лѣсничій въ Помераніи уже довольно долго держитъ у себя на дворѣ за темной перегородкой прирученнаго филина-пугача. Однажды весною, въ періодъ спариванья, на дворѣ дома, одиноко стоящаго среди сосноваго лѣса, послышался голосъ дикаго филина-пугача. Въ первые дни апрѣля лѣсничій, привязавъ своего филина за обѣ лапы, выпустилъ его изъ за ограды. Дикій филинъ, самецъ, очень скоро присоединился къ ручному, и что же произошло? Дикая птица каждую ночь аккуратно кормила ручную, что ясно видно было по остаткамъ и по выплевываемымъ комкамъ и несомнѣнно явствовало изъ того, что хозяинъ не кормилъ своего филина почти въ теченіе 4-хъ недѣль. Если днемъ кто-нибудь подходилъ къ ручному филину, то дикій филинъ, сидя среди ближайшихъ сосенъ, тотчасъ же издавалъ свой крикъ „угу“ или „бугу“ и замолкалъ лишь тогда, когда уже давно никого на дворѣ нѣтъ.“ Въ теченіе 4-хъ недѣль дикій филинъ принесъ 3-хъ зайцевъ, 1 водяную крысу, безчисленное множество другихъ крысъ и мышей, 1 сороку, 2 дроздовъ, 1 удода, 2 куропатокъ, 1 чибиса, 2 водяныхъ курочекъ и 1 дикую утку. Не разъ наблюдали, что старые филины-пугачи, у которыхъ отнимали дѣтей и сажали въ клѣтку, выкармливали своихъ птенцовъ до достиженія ими зрѣлаго возраста. Графъ Водзицкій слышалъ, что родители въ теченіе двухъ мѣсяцевъ кормили молодого филина-пугача, привязаннаго однимъ лѣсничимъ. Когда черезъ нѣсколько недѣль послѣ плѣненія молодого филина другой птенецъ, оставшійся на свободѣ, выучился летать, то и онъ сталъ помогать родителямъ кормить своего плѣннаго брата.

Ни одна сова не пользуется въ Германіи такою ненавистью, какъ филинъ-пугачъ. Почти всѣ дневныя птицы и даже нѣкоторыя совы дразнятъ его и насмѣхаются надъ нимъ, какъ только его завидятъ. Хищныя птицы, какъ было уже замѣчено, забываютъ всякую осторожность при видѣ филина-пугача, и вороны присоединяются къ нимъ. Но всѣ эти соперники, — не говоря о человѣкѣ — врядъ-ли представляютъ для филина какую-нибудь опасность.

Въ неволѣ филинъ-пугачъ при надлежащемъ уходѣ выживаетъ много лѣтъ. Обыкновенно онъ такъ же злобно относится къ тому лицу, которое изо дня въ день приноситъ ему пищу, какъ и ко всякому другому, подходящему къ его клѣткѣ; но все-таки возможно приручить филиновъ-пугачей, совсѣмъ молодыми вынутыхъ изъ гнѣзда, если много заниматься ими. Съ себѣ подобными плѣнный взрослый филинъ-пугачъ живетъ въ ладу; на болѣе слабыхъ птицъ онъ нападаетъ съ цѣлью убійства, душитъ ихъ и затѣмъ съѣдаетъ съ величайшимъ душевнымъ спокойствіемъ.

*

Ушастая сова (Asio otus) — это филинъ-пугачъ въ миніатюрѣ, но отличается отъ него болѣе стройнымъ сложеніемъ, болѣе длинными крыльями, въ которыхъ второе маховое перо длиннѣе прочихъ, болѣе короткими ногами, болѣе длинными пучками перьевъ на ушахъ и весьма хорошо развитыми ушными раковинами, а также весьма явственнымъ личнымъ покрываломъ. По окраскѣ ушастая сова очень похожа на филина-пугача, но опереніе ея свѣтлѣе. Клювъ черноватый, глаза ярко-желтые. Длина 34—35 см.

Начиная съ 64-го градуса сѣверной широты, ушастая сова распространена по всей Европѣ и точно также, начиная съ сѣверной границы лѣсовъ, по средней Азіи, отъ Урала до Японіи. По направленію къ югу она встрѣчается рѣже, а сѣверо-восточную Африку, Канарскіе острова и сѣверо-западную Индію посѣщаетъ вѣроятно только во время перелета. Встрѣчается она только въ лѣсу. По ночамъ она, правда, приближается къ людскимъ поселеніямъ, а въ періодъ кочеванія днемъ пребываетъ иногда въ густомъ фруктовомъ саду или даже въ открытомъ полѣ; но это случается только въ видѣ исключенія. Трудно сказать, предпочитаетъ ли она лиственный или хвойный лѣсъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ ее можно встрѣтить равно часто.

По образу жизни и по нравамъ ушастая сова довольно существеннымъ образомъ отличается отъ филина-пугача. Правда, днемъ она ведетъ себя совершенно такъ же, какъ филинъ-пугачъ, и вылетаетъ на охоту приблизительно въ то же

время и приблизительно такъ же, какъ филинъ; но ушастая сова гораздо болѣе общительна и гораздо менѣе свирѣпа, чѣмъ ея болѣе крупный родственникъ, а также рѣдко отличается пугливостью. Только въ періодъ высиживанія потомства она держится парами; когда молодыя птицы выростутъ, ушастыя совы соединяются съ себѣ подобными въ стаи, которыя иногда могутъ сдѣлаться очень многочисленными. Подъ осень эти общества бродятъ по извѣстной мѣстности взадъ и впередъ, и тогда ихъ можно встрѣтить въ подходящихъ мѣстахъ иногда даже очень часто. Охотятся ушастыя совы главнымъ образомъ на мелкихъ позвоночныхъ животныхъ и прежде всего на лѣсныхъ и полевымъ мышей, а также на землероекъ.

Ушастая сова также ненавистна всѣмъ дневнымъ птицамъ, которыя, какъ только завидятъ ее, принимаются ее дразнить. Разумный человѣкъ не трогаетъ ея и поступаетъ весьма хорошо, ибо покровительство, оказываемое ушастой совѣ, полезно для лѣса; глупый же охотникъ-мальчишка стрѣляетъ въ нее, въ доказательство своей собственной глупости пригвождаетъ съ раскрытыми крыльями къ воротамъ и еще хвалится своей храбростью. Ему слѣдуетъ внушить, что ушастая сова, пока жива, всегда приноситъ пользу. Ѣстъ она, правда, немного; но голодна-ли она, или сыта, она не можетъ видѣть равнодушно мыши безъ того, чтобы не броситься на нее, а потому эта птица больше ловитъ мышей, чѣмъ съѣдаетъ. Если же есть у нея двое, трое дѣтей, то она приноситъ имъ столько мышей, сколько только можетъ поймать; накормивъ птенцовъ, она обкладываетъ оставшимися мышами кругомъ все гнѣздо и такимъ образомъ для своей малой величины совершаетъ удивительныя дѣла.

Болотная сова (Asio accipitrinus, рис. на стр. 414) такъ похожа на ушастую сову, что часто одну смѣшивали съ другою. Первоначально обитательница тундры, она въ буквальномъ смыслѣ слова является космополиткой. Принужденная всякую осень удаляться изъ этихъ пустынныхъ мѣстъ, она посѣщаетъ всѣ три сѣверныхъ части свѣта, успѣваетъ по этому случаю перебывать во всей Европѣ и Азіи, отсюда перелетаетъ въ Африку и вѣроятно изъ Азіи перекочевываетъ на Сандвичевы острова; точно такъ же она посѣщаетъ всю Америку, начиная съ далекаго сѣвера до южной оконечности. Бурмейстеръ наблюдалъ одну изъ этихъ совъ надъ открытымъ моремъ къ западу отъ острововъ Зеленаго Мыса. Во время своихъ странствованій болотная сова ищетъ себѣ пріюта на всѣхъ безлѣсныхъ или рѣдко поросшихъ деревьями равнинахъ, но предпочитаетъ все-таки болотистыя мѣстности, днемъ скрывается между травой и тростникомъ, въ случаѣ опасности присѣдаетъ подобно курицѣ, близко подпускаетъ къ себѣ непріятеля, но во время взлетаетъ и мягко, подобно коршуну, удаляется, причемъ иногда подымается даже очень высоко. Въ Европѣ она охотится главнымъ образомъ на мышей, и только въ видѣ исключенія хватаетъ болѣе крупныхъ животныхъ, хотя разумѣется не брезгаетъ маленькими, неловкими птицами, ловитъ кротовъ въ то время, какъ они взрываютъ землю, и нападаетъ на слабыхъ еще зайцевъ или кроликовъ. Въ крайнемъ случаѣ она довольствуется насѣкомыми и лягушками.

*

Самыя мелкія совы, а именно карликовыя совы (Pisorhina) отличаются слѣдующими признаками: тѣло стройное съ довольно большой головой и сильно загнутымъ клювомъ; крылья длинныя, и въ нихъ второе маховое перо длиннѣе прочихъ; хвостъ короткій, слегка закругленный; ноги высокія, скудно оперенныя и съ голыми пальцами, оперенiе сравнительно гладко прилежащее, пестрое; пучки перьевъ на ушахъ густые и короткіе; личное покрывало мало замѣтно и соотвѣтствуетъ по своей величинѣ небольшимъ ушнымъ отверстіямъ.

Карликовая сова, или сплюшка (Pisorhina scops), достигаетъ въ длину 15—18 см. На верхней сторонѣ преобладаетъ красно-бурый цвѣтъ, смягчаемый пепельно-сѣрымъ, а вся нижняя сторона окрашена въ нѣчто вродѣ безпорядочной смѣси буровато-ржаво-желтаго и сѣровато-бѣлаго цвѣта. Личное покрывало не явственно, пучки ушныхъ перьевъ средней длины. Клювъ синевато-сѣрый, ноги темнаго свинцово-сѣраго цвѣта, глаза свѣтлаго сѣрнисто-желтаго цвѣта.

Карликовая сова представляетъ собою обыкновенное явленіе лишь въ южной Германіи и южнѣе; въ сѣверную и среднюю Германію или въ Великобританію она залетаетъ лишь ненарокомъ.

Въ Испаніи эта птица пребываетъ въ низменныхъ мѣстностяхъ, рѣдко поросшихъ деревьями, а именно на поляхъ, въ виноградникахъ, въ садахъ и аллеяхъ.

Для своей малой величины карликовая сова изрядный разбойникъ. Охотится она главнымъ образомъ на маленькихъ позвоночныхъ, а не на насѣкомыхъ. Въ

Болотная сова (Asio accipitrinus). 1/3 естеств. велич.

желудкѣ убитыхъ карликовыхъ совъ найдены были преимущественно мыши; плѣнныя же карликовыя совы нападали также на маленькихъ птичекъ и убивали ихъ.

Днемъ плѣнныя совы этого вида въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ сидятъ на различныхъ подходящихъ мѣстахъ своихъ клѣтокъ, одна гладко сложивъ свои перья, другая раздувъ ихъ въ видѣ шара. Одна птица отгибаетъ назадъ одинъ пучекъ ушныхъ перьевъ, а другой приподнимаетъ; у другой птицы торчатъ кверху оба пучка, причемъ она преуморительно подмигиваетъ наблюдателю, который можетъ совсѣмъ близко подойти къ ней — она не тронется съ мѣста. Въ клѣткѣ каждая карликовая сова отыскиваетъ себѣ укромное мѣстечко и умѣетъ такъ спрятаться, что ее часто бываетъ трудно найти. Опереніе ея буквально сливается съ окружающей средой.

*

Въ Индіи и на Малайскихъ островахъ живутъ водяныя совы (Smilonyx), отличающіяся отъ всѣхъ прочихъ внѣшнимъ видомъ и образомъ жизни. Это крупныя птицы съ большими пучками ушныхъ перьевъ.

Водяная сова, называемая въ Индіи улю или утумъ (Smilonyx ceylonensis), по величинѣ мало уступаетъ филину-пугачу. Она водится во всей Индіи, а также на островѣ Цейлонѣ, но очевидно распространена гораздо дальше, такъ какъ ее случалось убивать въ Китаѣ и въ Палестинѣ. На Малайскихъ островахъ ее замѣняетъ родственный видъ. Она живетъ главнымъ образомъ въ группахъ деревьевъ или въ небольшихъ рощахъ близъ деревень, прячется здѣсь по крайней мѣрѣ днемъ, на манеръ другихъ совъ прижавшись къ стволу на верхушкѣ густолиственнаго дерева. Нѣкоторыя плѣнныя совы ухитрялись ловить очень искусно даже днемъ ящерицъ, змѣй, крысъ и другихъ животныхъ, случайно забиравшихся въ ихъ помѣстительную и вовсе не темную тюрьму. На свободѣ онѣ, помимо этихъ животныхъ, ѣдятъ, какъ увѣряютъ туземцы, куръ и другихъ птицъ. Іердонъ однако говоритъ, что водяная сова обыкновенно направляется къ ближайшему водяному вмѣстилищу — будь то прудъ, ручей или рѣка. Здѣсь она садится на выступающую скалу или на сухое дерево и подстерегаетъ рыбъ. Туземцы говорятъ, что она нападаетъ также на кошекъ и убиваетъ ихъ.

Козодоевыя птицы (Caprimulgidae) такія своеобразныя созданія, что ихъ нельзя не узнать и нельзя смѣшать ни съ какими другими членами разсматриваемаго класса. Вездѣ, гдѣ водятся козодоевыя птицы, онѣ обратили на себя вниманіе человѣка и породили странныя мнѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ множество даваемыхъ имъ именъ и прозвищъ. Онѣ образуютъ семейство, въ которомъ насчитывается болѣе ста видовъ и которое рѣзко отграничено отъ другихъ семействъ. Нѣмецкое названіе ихъ — „ночныя ласточки“ — довольно удачно; но о сходствѣ ихъ съ ласточками можно говорить только пока дѣло касается общихъ признаковъ: болѣе детальное сравненіе этихъ различныхъ группъ показываетъ, что между козодоевыми и ласточками есть существенныя различія. Внѣшнее и внутреннее строеніе козодоевыхъ птицъ крайне своеобразно. Размѣры ихъ весьма различны. Нѣкоторые виды почти такихъ же размѣровъ, какъ воронъ, другіе врядъ-ли больше жаворонка. Тѣло продолговатое, шея короткая, голова очень большая, широкая и плоская, глаза объемистые и довольно выпуклые, клювъ сравнительно небольшой, сзади очень широкій, но очень короткій, очень скоро съуживающійся и чрезвычайно плоскій; зато челюсти очень удлинены и зѣвъ поэтому больше, чѣмъ у какой-нибудь другой птицы. Роговая часть клюва занимаетъ только кончикъ органа, служащаго для захвата пищи, является узкой, края верхней створки по бокамъ загибаются, тупой гребень нѣсколько втянутъ назадъ; около него находятся близко одно около другого носовыя отверстія, обыкновенно имѣющія форму трубочекъ. Ноги всегда слабы, съ очень короткой плюсной, сзади съ мозолью, спереди обыкновенно съ короткими щитками, наверху часто оперенныя, иногда же совсѣмъ голыя. Пальцы, за исключеніемъ сильно развитаго средняго пальца, короткіе и слабые, внутренній и средній палецъ обыкновенно соединены при основаніи перепонкой; задній палецъ направленъ внутрь, но можетъ быть повернутъ и впередъ. У всѣхъ видовъ одного подсемейства длинный средній палецъ вооруженъ длиннымъ, толстымъ и зубчатымъ когтемъ. Маховыя перья длинныя, узкія и острыя: но не первое, а обыкновенно второе и часто третье или четвертое маховое перо длиннѣе всѣхъ прочихъ. Хвостъ состоитъ изъ десяти перьевъ, которыя могутъ имѣть весьма различную форму. Опереніе похоже на опереніе совъ, перья крупныя и мягкія, обыкновенно очень тонко и изящно разрисованныя, но темныя и не бросающіяся въ глаза. Окраска оперенія всего болѣе сходства имѣетъ съ древесной корой. Слѣдуетъ обратить вниманіе на щетинки, окружающія зѣвъ, а также на короткія, тонкія и густыя рѣсницы вокругъ глазъ. У нѣкоторыхъ видовъ самцы снабжены нѣкоторыми особенными украшеніями: удлиненными перьями, иногда очень своеобразной формы, при-

чемъ эти перья берутъ начало не только въ хвостѣ, но и въ крыльяхъ, и могутъ быть разсматриваемы, какъ видоизмѣненія маховыхъ перьевъ.

Всѣ страны и всѣ мѣстности земного шара, за исключеніемъ странъ, находящихся въ холодномъ поясѣ, даютъ пріютъ козодоевымъ птицамъ. Въ Европѣ ихъ встрѣчается только два вида, на сѣверѣ Америки болѣе четырехъ; но уже въ средней Америкѣ и въ сѣверной Африкѣ число видовъ этихъ птицъ значительно возрастаетъ. То же самое можно сказать о расположенныхъ соотвѣтствующимъ образомъ странахъ Азіи; Австралія также не бѣдна этими птицами. Нѣкоторые виды распространены въ довольно обширной области, но пребываютъ только въ особенно благопріятныхъ для нихъ мѣстностяхъ. Огромное большинство всѣхъ козодоевыхъ птицъ живутъ въ лѣсу или по крайней мѣрѣ прилетаютъ въ лѣсъ для отдыха; нѣкоторые виды рѣшительно отдаютъ предпочтеніе степи, тогда какъ третьи предпочитаютъ пустыню или каменистые склоны, напоминающіе пустыню, и т. п. мѣста.

Осѣдлую жизнь ведутъ вѣроятно только тѣ козодоевыя птицы, которыя живутъ въ лѣсныхъ пространствахъ экваторіальныхъ странъ. Всѣ прочія по крайней мѣрѣ бродятъ, а всѣ сѣверные виды — птицы перелетныя. Онѣ появляются на родинѣ довольно рано и остаются до начала осени. Улетаютъ онѣ далеко: такъ, обыкновенный козодой перекочевываетъ въ центральную Африку. Только во время этихъ странствованій козодоевыя птицы обнаруживаютъ нѣкоторую общительность; на родинѣ же каждая отдѣльная пара живетъ исключительно эгоистическою жизнью и выгоняетъ каждую другую пару изъ своего участка. Размѣры этого участка повидимому, однако, незначительны, и тамъ, гдѣ птицы встрѣчаются часто, можетъ случиться, что въ большомъ саду селится нѣсколько парочекъ. Въ средней Европѣ козодоевыя птицы избѣгаютъ селиться вблизи людей, по крайней мѣрѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ по ночамъ появляются вблизи деревень; но на югѣ онѣ селятся очень близко къ деревнямъ и особенно любятъ выбирать своимъ мѣстопребываніемъ большіе сады.

Исключительную пищу огромнаго большинства козодоевыхъ птицъ составляютъ разнаго рода насѣкомыя; нѣкоторыя же изъ птицъ, относящихся къ этому семейству, питаются разными мелкими позвоночными. Всѣ виды въ высшей степени прожорливы, а потому весьма полезны для лѣсовъ. Съ ловкостью сокола или ласточки онѣ летаютъ то болѣе высоко, то болѣе низко надъ открытыми мѣстами, надъ кустами и надъ верхушками деревьевъ, кружатся надъ послѣдними, причемъ часто очень изящно колеблются въ воздухѣ и на лету схватываютъ проносящихся мимо нихъ насѣкомыхъ, клюютъ впрочемъ и тѣхъ, которыя дремлютъ на листьяхъ, на травѣ или даже на землѣ. Благодаря большому рту, онѣ могутъ глотать очень крупныхъ жуковъ, а потому тѣ виды насѣкомыхъ, которыхъ не трогаютъ другія птицы, какъ разъ подвергаются нападенію козодоевыхъ. Охота ихъ обыкновенно начинается съ наступленіемъ ночи, продолжается въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, затѣмъ на время прекращается и снова возобновляется передъ разсвѣтомъ. Еще до восхода солнца онѣ отправляются на отдыхъ. Но и изъ этого правила есть исключенія. Американскіе виды нерѣдко охотятся среди бѣлаго дня и притомъ не только въ тѣнистыхъ лѣсахъ, но и въ открытыхъ мѣстностяхъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ. Прочіе имѣютъ обыкновеніе днемъ усаживаться или вѣрнѣе ложиться на свалившійся стволъ, и т. п., или же располагаются на землѣ и на выступахъ скалъ въ темныхъ углубленіяхъ; при этомъ онѣ такъ плотно прижимаются къ тому мѣсту, гдѣ сидятъ, что кажутся гораздо больше въ ширину, нежели въ вышину.

Всѣ козодоевыя птицы бываютъ подвижны только тогда, когда летаютъ; къ вѣтвямъ онѣ точно приростаютъ, а на землѣ скорѣе лежатъ, чѣмъ сидятъ. Походка ихъ не болѣе, чѣмъ жалкое ковылянье, которое ихъ, повидимому, очень утомляетъ, и которое происходитъ не болѣе, какъ на протяженіи нѣсколькихъ метровъ, зато полетъ отличается легкостью и изяществомъ, ловкостью и привлекательностью.

Изъ органовъ чувствъ всего лучше вѣроятно развито зрѣніе, какъ показываютъ большіе глаза; послѣ зрѣнія, повидимому, лучше всего развиты слухъ и осязаніе.

Духовныя способности незначительны, хотя врядъ ли такъ плохо развиты, какъ обыкновенно полагаютъ. Полусонный козодой, какого мы можемъ наблюдать днемъ, производитъ, правда, весьма неблагопріятное впечатлѣніе, и случайно пойманная птица только и дѣлаетъ, что разѣваетъ свой огромный ротъ и хрипло ворчитъ; но бодрствующая, дѣятельная птица заявляетъ себя съ совершенно другой стороны. Правда, она обыкновенно обнаруживаетъ весьма глупое любопытство и иногда губитъ себя своею довѣрчивостью, но довольно быстро выучивается распознавать врага и прибѣгаетъ даже къ хитрости, чтобы самой избавиться или спасти свое потомство отъ его нападеній.

Настоящаго гнѣзда козодои не строятъ. Они кладутъ свои яйца на голую землю безъ всякой подстилки и даже не трудятся вырыть для своихъ яицъ хоть небольшого углубленія. Яицъ они всегда кладутъ мало; большинство козодоевъ несетъ лишь два яйца, многіе же изъ нихъ кладутъ только одно. По всей вѣроятности сидятъ на яйцахъ только самки; но оба родителя проявляютъ живое участіе къ судьбѣ своихъ птенцовъ и защищаютъ ихъ какъ только могутъ. Иныя изъ этихъ птицъ въ случаѣ опасности, по словамъ Одюбона, прячутъ свои яйца въ своихъ невѣроятно громадныхъ ртахъ и уносятъ въ другое мѣсто лѣса, кажущееся имъ болѣе безопаснымъ, и тамъ продолжаютъ высиживанье. Всѣ виды, насколько намъ извѣстно, самоотверженно любятъ своихъ птенцовъ и защищаютъ ихъ по мѣрѣ силъ.

Для неволи годятся лишь немногіе козодои; но при надлежащемъ уходѣ ихъ можно держать довольно долго въ комнатѣ или въ клѣткѣ, если только вынуть ихъ совсѣмъ молодыми изъ гнѣзда и искусственно выкормить.

Число враговъ, которые могутъ быть опасны для козодоевъ, сравнительно не велико. Человѣкъ, знакомый съ жизнью козодоевъ, не преслѣдуетъ ихъ. Но люди щадятъ ихъ вовсе не потому, что сознаютъ, какую они приносятъ пользу, а гораздо чаще потому, что считаютъ ихъ зловѣщими птицами, умерщвленіе которыхъ можетъ повлечь за собою дурныя послѣдствія. Такъ полагаютъ индѣйцы, цвѣтные обитатели и негры, живущіе въ средней Америкѣ; мнѣнія испанцевъ и многихъ африканскихъ народностей почти таковы же. Нѣмецкіе крестьяне несомнѣнно относятся къ этимъ безвреднымъ существамъ недоброжелательно, думая, что свой огромный ротъ они употребляютъ только для того, чтобы доить козъ.

Обыкновенный козодой (Caprimulgus europaeus, рис. на стр. 418) является представителемъ рода козодоевъ (Caprimulgus), общіе признаки которыхъ будутъ указаны выше. Тѣло у него продолговатое, шея очень короткая, голова большая и широкая, клювъ очень маленькій и короткій, но широкій, при основаніи узкій, на концѣ, впереди носовыхъ отверстій, загнутый внизъ, крылья длинныя, узкія, острыя, хвостъ прямо обрѣзанный. На маленькихъ низкихъ ногахъ средній палецъ значительно длиннѣе прочихъ и соединяется съ двумя ближайшими пальцами перепонкой, доходящей до перваго сустава; маленькій задній палецъ, направленный внутрь, не соединенъ съ другими. Плюсна сверху до половины покрыта маленькими перышками; остальная часть покрыта чешуйчатыми щитками. Тѣло покрыто большими перьями, очень неплотно прилегающими къ нему, весьма мягкими и чрезвычайно не крѣпко сидящими въ кожѣ.

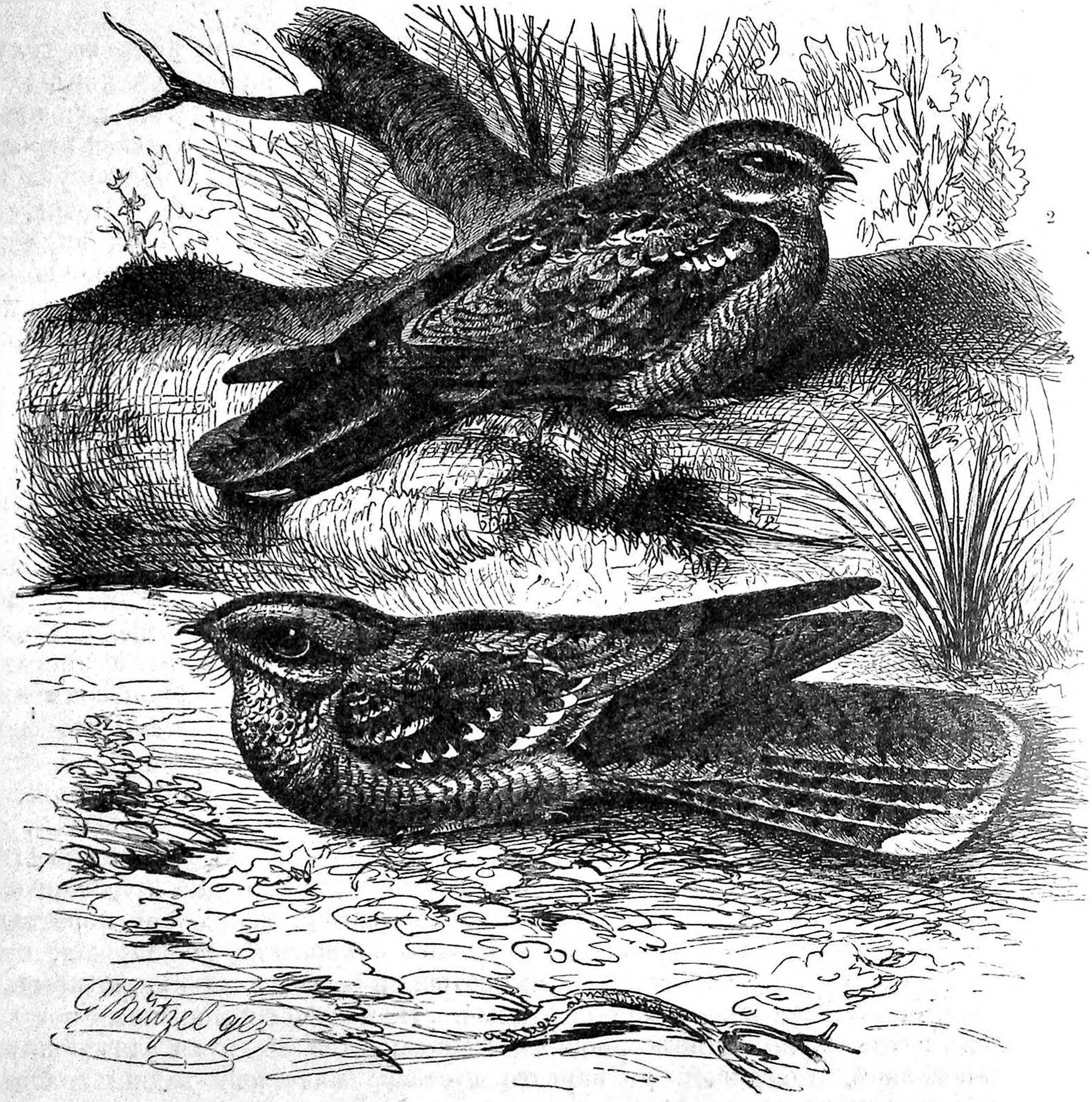
Длина обыкновеннаго козодоя 26 см., а ширина 55 см. Верхняя сторона пепельно-сѣрая съ буровато-черными и ржаво-желтыми пятнами, полосками, крапинками и разводами, нижняя сторона свѣтло-сѣрая съ черными и темно-бурыми полосками и пятнами. Надъ глазомъ и вдоль ротовой щели проходятъ бѣловатыя полоски.

Обыкновенный козодой начиная съ средней Норвегіи распространенъ по всей Европѣ и западной Азіи; зимою онъ посѣщаетъ всѣ страны Африки, такъ какъ улетаетъ, повидимому, на крайній югъ этой части свѣта.

На юго-западѣ Европы, особенно въ Испаніи, кромѣ указаннаго вида, водится еще другой, а именно рыжезобый козодой (Caprimulgus ruficollis).

Онъ замѣтно крупнѣе обыкновеннаго козодоя. Область его распространенія, кажется, довольно ограничена. Онъ высиживаетъ птенцовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ сѣверо-западной Африкѣ, но во время своихъ странствованій залетаетъ также на островъ Мальту, въ южную Францію и наблюдался даже въ Англіи.

Если не самый распространенный, то во всякомъ случаѣ самый извѣстный козодой, живущій въ Сѣверной Америкѣ, это жалобный козодой, котораго

1) Обыкновенный козодой (Caprimulgus europaeus), 2) Рыжезобый козодой (Caprimulgus ruficollis). $^2/_3$ естеств. велич.

американцы называютъ Whip-poor-will (Caprimulgus vociferus). Эта птица величиной приблизительно съ обыкновеннаго козодоя, обитаетъ въ восточныхъ Сѣверо-американскихъ штатахъ, а зимою посѣщаетъ Мексику и Южную Америку.

*

Родъ длиннохвостыхъ козодоевъ (Scotornis) отличается отъ родственныхъ родовъ клювомъ, а также очень длиннымъ, ступеньчатымъ хвостомъ, въ которомъ значительно выдаются два среднихъ пера.

Представитель этого рода — длиннохвостый козодой (Scotornis longicaudus), который замѣтно меньше, но гораздо длиннѣе обыкновеннаго козодоя. Длина его 40 см. Длиннохвостый козодой водится только въ Африкѣ и при-

томъ къ югу отъ 19-го градуса сѣверной широты, какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ западной части, а также внутри Африки. Иногда нѣкоторыя птицы залетаютъ даже въ южную Европу, а потому во всѣхъ спискахъ европейскихъ птицъ можно найти и длиннохвостаго козодоя.

*

У другихъ козодоевыхъ птицъ хвостъ самца съ очень глубокой выемкой, а хвостъ самки — съ менѣе глубокой. Виды, отличающіеся этимъ признакомъ и встрѣчающіеся лишь въ Южной Америкѣ, носятъ общее названіе водныхъ козодоевъ (Hydropsalis).

Лирохвостый козодой (Hydropsalis forcipatus) достигаетъ въ длину 68—73 см., такъ какъ крайнее хвостовое перо почти втрое длиннѣе туловища; длина хвоста доходитъ до 50—55 см. Основная окраска оперенія — темно-бурая. Верхняя часть головы покрыта съ обѣихъ сторонъ ржаво-желтыми поперечными пятнами, спина исполосована блѣдно-желтыми поперечными волнообразными линіями, имѣющими видъ зигзаговъ; на плечахъ замѣчаются широкія желтыя, кривыя и остроконечныя пятна и, кромѣ того, лежащія другъ противъ друга яйцевидныя пятна по краямъ, а также круглыя пятна; перья на горлѣ, шеѣ, груди и брюшкѣ украшены ржаво-желтыми полосами, которыя всего шире на груди, а посреди шеи обращаются въ блѣдно-желтое лунообразное пятно.

*

Наконецъ, намъ слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ козодоевыхъ птицахъ, у которыхъ странно развиты извѣстныя перья въ крылѣ и которыя поэтому называются вымпеловыми козодоями (Cosmetornis). У нихъ крылья образованы слѣдующимъ образомъ: первыя шесть маховыхъ перьевъ постепенно уменьшаются въ длинѣ, шестое нѣсколько длиннѣе предыдущаго, седьмое такой же длины, какъ первое, восьмое длиннѣе перваго почти на длину цѣлаго крыла, а девятое гораздо длиннѣе всѣхъ прочихъ.

*

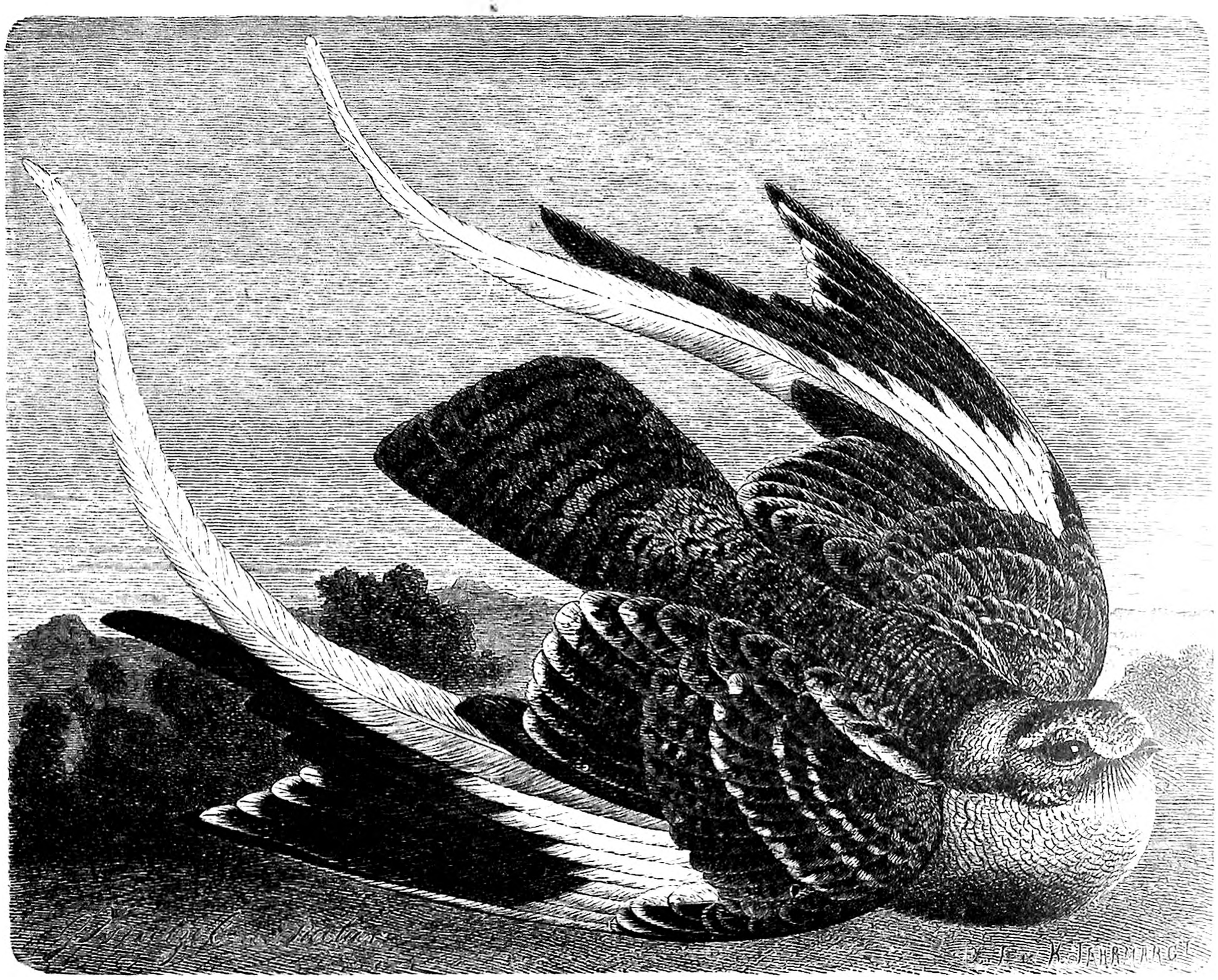
Къ козодоевымъ же птицамъ относится самый замѣчательный изъ козодоевъ, а именно четырехкрылый козодой, какъ называютъ его арабы (Macrodipteryx longipennis), представитель особаго рода, мало отличающагося отъ прочихъ родовъ семейства строеніемъ клюва и ногъ, но зато сильно отличающагося отъ всѣхъ прочихъ козодоевъ устройствомъ крыльевъ и хвоста. Хвостъ замѣчательно короткій, крылья же самца украшены бросающимся въ глаза декоративнымъ перомъ. Это перо помѣщается между большими и малыми маховыми перьями, выдается на 47 см., при основаніи лишено опахала, а на концѣ снабжено по обѣ стороны стержня довольно широкимъ опахаломъ, длиною въ 16 см. У самки декоративныя перья отсутствуютъ.

Водится эта птица во многихъ странахъ средней и западной Африки.

Жизнеописаніе выше указанныхъ козодоевыхъ птицъ въ сущности должно свестись только къ сообщенію болѣе подробныхъ свѣдѣній о разсматриваемомъ семействѣ, чѣмъ это было сдѣлано выше. Какъ уже было сказано, огромное большинство всѣхъ козодоевыхъ птицъ живетъ въ лѣсу, но только не въ густомъ, дремучемъ, темномъ дѣвственномъ лѣсу: напротивъ, эти птицы избираютъ такія лѣсныя пространства, гдѣ большія поляны чередуются съ болѣе густо заросшими мѣстами. Степныя пространства Африки, гдѣ только тамъ и сямъ растетъ дерево или кустъ, а вся прочая поверхность покрыта травою, должны казаться козодою раемъ; это подтверждается и тѣмъ, что птицы эти встрѣчаются тамъ чрезвычайно часто. Южно-европейскіе лѣса, очень часто напоминающіе собою такіе степные лѣса, также нравятся имъ гораздо больше, чѣмъ обширныя, непрерывныя лѣсныя пространства. Не даромъ козодои почти со страхомъ избѣгаютъ европейскихъ лиственныхъ лѣсовъ, хотя лѣса эти гораздо богаче насѣкомыми, чѣмъ хвойные лѣса, въ которыхъ козодои проводятъ лѣто. Во время перелета эти

птицы появляются въ рощахъ и въ садахъ, но на сѣверѣ, для вывода птенцовъ, выбираютъ только хвойные лѣса.

Можно допустить, что огромное большинство всѣхъ козодоевыхъ птицъ отдыхаютъ на землѣ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ опускаются на вѣтви деревьевъ. Ночью всѣ виды гораздо чаще садятся на деревья, чѣмъ днемъ, хотя нѣкоторые виды и день проводятъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Причину этого рѣшительнаго предпочтенія плоской поверхности земли понять не трудно: козодой предъявляетъ особаго рода требованія къ вѣткѣ, на которую опускается, такъ какъ ищетъ для отдыха такое мѣсто, которое было бы ему удобно во всѣхъ отношеніяхъ. Только если спугнуть крѣпко спящаго козодоя, передъ которымъ нахо-

Четырехкрылый козодой (Cosmetornis vexillarius). $^1/_2$ естеств. велич.

дится дерево, то онъ по примѣру другихъ птицъ опускается на вѣтку; но сидѣть тутъ ему такъ непріятно, что онъ при первой возможности ищетъ себѣ другого, болѣе удобнаго мѣста. Во время сна козодой совершенно закрываетъ свои большіе глаза; но тонкій слухъ, повидимому, во-время предупреждаетъ его о грозящей опасности. Тогда онъ, какъ сова, мигаетъ глазами изъ-за полуоткрытыхъ вѣкъ, старается уяснить себѣ, въ чемъ дѣло, и затѣмъ или улетаетъ, или еще плотнѣе прижимается къ землѣ, надѣясь на сходство своего оперенія съ кускомъ старой коры или съ самою землею.

Полетъ козодоя бываетъ очень различенъ въ разное время дня и зависитъ также отъ состоянія духа птицы въ данный моментъ. Днемъ козодой порхаетъ какъ то нерѣшительно и до нѣкоторой степени безпомощно, притомъ безъ всякой правильности; кажется, будто вѣтеръ, внезапно поднявъ на воздухъ какой-то легкій предметъ, нѣкоторое время несетъ его, а затѣмъ снова бросаетъ на землю. Совершенно иначе летаетъ козодой ночью. Когда погаснетъ вечерняя заря на западѣ, онъ вылетаетъ на охоту. Передъ этимъ онъ успѣлъ стряхнуть

сонъ, поискать нѣсколько минутъ въ своихъ перьяхъ, оглядѣться по сторонамъ — и вотъ онъ уже летитъ, быстро, проворно скользя по воздуху, надъ рѣдко поросшими лѣсомъ равнинами или надъ совершенно обнаженными низменностями. Пока птица летаетъ только ради охоты, она то легко плыветъ и паритъ въ воздухѣ, словно ласточка, причемъ держитъ крылья приблизительно такъ же высоко, какъ летящій коршунъ, то несется, какъ пуля, быстро взмахивая крыльями; при этомъ выдѣлываются также разныя штуки съ такою же почти ловкостью, какъ продѣлываетъ ихъ ласточка. Въ особенныхъ случаяхъ козодой долгое время, колеблясь, держится надъ однимъ и тѣмъ же мѣстомъ: что-то привлекло его вниманіе, и онъ старается разсмотрѣть этотъ предметъ. Такъ летаетъ онъ до тѣхъ поръ, пока не приходится прекратить охоты вслѣдствіе наступленія полной темноты. Такъ какъ птица проглатываетъ сравнительно огромные куски, напр. цѣлыми дюжинами глотаетъ майскихъ и большихъ навозныхъ жуковъ или крупныхъ ночныхъ бабочекъ, то желудокъ ея наполняется въ самое короткое время. Пока совершается пищевареніе, козодой сидитъ спокойно на вѣткѣ; но какъ только жуки, проглоченные живыми и не такъ легко разстающіеся съ жизнью, умираютъ въ желудкѣ козодоя, освобождая такимъ образомъ мѣсто для новой пищи, птица опять принимается за охоту, и такъ дѣло тянется всю ночь, если только она не слишкомъ темная или не слишкомъ бурная. Всего оживленнѣе летаютъ козодои въ утренніе и вечерніе часы.

Вылетая на охоту, козодой часто удаляется на далекое разстояніе отъ своего настоящаго мѣста жительства. Въ Тюрингіи козодой изъ сосѣднихъ лѣсовъ забирается въ деревни или пролетаетъ высоко надъ деревнями въ другой лѣсъ, въ Испаніи появляется надъ большими городами, напр. надъ Мадридомъ, изъ окружающихъ городъ садовъ, въ средней Африкѣ изъ степей залетаетъ въ жилища людей и здѣсь иногда носится въ теченіе полночи. Какъ въ человѣческихъ поселеніяхъ, такъ и въ лѣсу козодой съ извѣстною правильностью посѣщаетъ опредѣленныя мѣста и отсюда бросается въ догонку пролетающему мимо насѣкомому или издаетъ здѣсь своеобразную любовную пѣсню. Нерѣдко любопытство его привлекается особыми обстоятельствами: пробѣгающая мимо собака можетъ приковать къ себѣ его вниманіе на цѣлыхъ четверть часа. Птица нѣсколько разъ подрядъ на манеръ сокола бросается на четвероногое животное и кружится вокругъ него, залетая при этомъ далеко за границы своего участка. Точно такъ-же козодой часто долго преслѣдуетъ людей, случайно проходящихъ мимо его мѣста жительства, описываетъ вокругъ нихъ небольшіе круги и провожаетъ ихъ до опушки лѣса или еще дальше. Уже обыкновенный козодой въ періодъ любви можетъ доставить удовольствіе продѣлываемыми имъ на лету штуками. Всякое движеніе, повидимому, производится съ особеннымъ жаромъ и кажется болѣе быстрымъ, болѣе сильнымъ, болѣе гордымъ. Любовныя игры каждаго отдѣльнаго вида представляютъ собою нѣчто особенное; но всего удивительнѣе — какъ можно себѣ представить — штуки, продѣлываемыя средне-африканскими и южно-американскими видами, отличающимися особенно роскошнымъ опереніемъ. Какое поразительное зрѣлище представляетъ появленіе летящаго четырехкрылаго козодоя — это ясно выражено въ словахъ Руссегера. „Если бы я получилъ воспитаніе въ гаремѣ, то въ эту минуту подумалъ бы, что нахожусь подъ дѣйствіемъ чаръ волшебника или нечистой силы; ибо мы увидѣли на воздухѣ нѣчто поразительное. Это была птица, которая, казалось, скорѣе катилась, чѣмъ летѣла. Я видѣлъ то четырехъ птицъ, то трехъ, то двухъ, то опять только одну, которая, повидимому, дѣйствительно имѣла четыре крыла; порой это волшебное явленіе вертѣлось вокругъ своей оси, какъ воротъ, и въ глазахъ все смѣшивалось. Оба длинныхъ пера, которыя, вслѣдствіе тонкости ихъ стержней, являются игрушкой каждаго дуновенія вѣтра, съ одной стороны очень затрудняютъ полетъ птицы, а съ другой стороны, развѣваясь въ воздухѣ, тѣмъ болѣе вызываютъ всѣ упомянутыя иллюзіи, что четырехкрылый козодой летаетъ только при обманчивомъ освѣщеніи сумерекъ, и что полетъ птицы уже самъ по себѣ неправильный и невѣрный.“

Голосъ у козодоевъ бываетъ различный. Нѣкоторые виды издаютъ главнымъ

образомъ какое то ворчаніе, другіе же издаютъ болѣе или менѣе благозвучные звуки. Если вдругъ вспугнуть днемъ обыкновеннаго козодоя, то онъ издаетъ слабый, хриплый звукъ „дакдак“; когда ему грозитъ опасность, онъ тихо и слабо ворчитъ на манеръ совъ.

Особенно поразителенъ должно быть крикъ нѣкоторыхъ американскихъ козодоевъ, такъ какъ, благодаря ихъ крику, не только необразованные, но и образованные обитатели этой части свѣта или боятся этой птицы, или же даютъ ей самыя удивительныя прозвища. Шомбургкъ картинно изображаетъ голоса, раздавшіеся въ дѣвственномъ лѣсу, когда умолкло звонкое пѣніе и утихъ неудержимый хохотъ цвѣтныхъ спутниковъ путешественника. „За оживленнымъ веселъемъ послѣдовали глубоко-печальные и жалобные звуки козодоевъ, которые сидѣли на сухихъ, торчащихъ кверху вѣтвяхъ затонувшихъ въ рѣкѣ деревьевъ и издавали свои стоны среди свѣтлой лунной ночи. Эти глухіе звуки дѣйствительно такъ много заключаютъ въ себѣ мрачнаго и зловѣщаго, что я нахожу весьма естественнымъ тотъ страхъ, какой вызываютъ эти животныя. Ни одинъ индѣецъ, ни одинъ негръ, ни одинъ креолъ изъ прибрежныхъ жителей не рѣшится направить своего выстрѣла въ этихъ птицъ, въ которыхъ одни видятъ слугъ злого духа „Ябагу“ и его волшебниковъ, другіе вѣстниковъ духа „Юмбо“, а третьи несомнѣнныхъ прорицателей чьей нибудь смерти въ домѣ, какъ объ этомъ повѣствуетъ такъ занимательно Ватертонъ въ своихъ „Странствованіяхъ“. Съ деревьевъ или съ близкаго берега до меня доносилось то жалобное „ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха“, начинающееся съ звонкаго, полнаго тона и мало по малу обращающееся въ замирающій вздохъ, то съ боязливой поспѣшностью издаваемое „Who-are-you, who-who-who-are-you?!“ (Кто ты такой, кто, кто, кто ты такой?!); то раздавался повелительный „Work-away-work-work-work-away“ (Работай дальше, работай, работай, работай дальше), между тѣмъ какъ въ слѣдующее мгновеніе мнѣ слышался умоляющій голосъ, глубоко разочарованный въ жизни: „Willy-come-go-Willy-Willy-Willy-come-go“ (Вилли, уйдемъ, Вилли, Вилли, Вилли, уйдемъ); наконецъ, пятый жалобный голосъ кричалъ: „Whip-poor-Will! Whip-whip-whip-whip-poor-Will!“ (Бичуй бѣднаго Вилли, бичуй, бичуй и т. д.), пока не раздался изъ темнаго лѣса пронзительный визгъ обезьяны, потревоженной во снѣ или подвергшейся нападенію тигровой кошки.“

Даже подвижныя птицы ночью имѣютъ гораздо меньше возможности усовершенствоваться, чѣмъ днемъ, когда свѣтло, и когда всякое живое существо получаетъ множество впечатлѣній; поэтому съ общимъ врагомъ животныхъ, человѣкомъ, козодоямъ мало приходится имѣть дѣла. Этимъ объясняется любопытство этихъ птицъ. Все непривычное вызываетъ въ нихъ крайнее любопытство, и завидѣвъ что-нибудь такое, козодой прилетаетъ издалека, чтобы хорошенько разсмотрѣть предметъ, привлекшій его вниманіе. Въ уединенныхъ лѣсахъ онъ приближается къ запоздалому путнику и летаетъ вокругъ него, описывая небольшіе круги или въ теченіе четверти часа сопровождаетъ его, очевидно желая получше уяснить себѣ это необыкновенное явленіе. Неожиданные свѣтовые эффекты еще болѣе раздражаютъ птицу. Не только длиннохвостаго козодоя, но и всѣхъ вообще козодоевъ привлекаетъ къ себѣ разведенный костеръ, и они своеобразно кружатся вокругъ огня.

Всѣ козодои, повидимому, выводятъ птенцовъ только однажды въ годъ. Время вывода различно и зависитъ отъ той мѣстности, гдѣ находится родина того или другого вида, но всегда это время совпадаетъ съ весною данной страны. Послѣ того, какъ парочки соединились, и каждая отдѣльная парочка избрала себѣ мѣсто жительства, самка въ возможно лучше защищенномъ мѣстѣ, чаще всего подъ кустами, вѣтви которыхъ склоняются до самой земли, или же на поросшій мхомъ пень, въ пучекъ травы или въ т. п. мѣсто кладетъ свои 2 яйца прямо на землю, притомъ всегда ухитряется положить яйца въ такое мѣсто, гдѣ ихъ никто не станетъ искать. Обыкновенный козодой, повидимому, предпочитаетъ такія мѣста, гдѣ лежатъ мелкія щепочки срубленнаго дерева или кусочки коры, обсыпавшіяся хвои и т. п. Гнѣздо никогда не строится, и мѣсто, куда кладутся яйца, даже не очищается отъ лежащихъ на немъ веществъ. Оба родителя искренно любятъ свое потомство и, вѣроятно, поперемѣнно сидятъ на яйцахъ. При прибли-

женіи опасности козодой, выводящій птенцовъ, прибѣгаетъ къ обычной хитрости слабыхъ птицъ, порхаетъ надъ самой землей, словно раненый въ крыло, привлекаетъ на себя вниманіе врага, какъ цѣль для преслѣдованія, заманиваетъ его все дальше и дальше отъ гнѣзда, а затѣмъ вдругъ поднимается и быстро улетаетъ назадъ къ своему потомству. Если тихо и по возможности неподвижно сидѣть близъ найденныхъ яицъ, то можно замѣтить, что козодой-самка возвращается довольно не скоро, усаживается на нѣкоторомъ разстояніи отъ яицъ и осторожно и недовѣрчиво осматривается кругомъ. Наконецъ, она замѣчаетъ или узнаетъ подстерегающаго ее наблюдателя, еще разъ внимательно присматривается къ нему, что-то соображаетъ и начинаетъ двигаться. Ковыляющей походкой птица подходитъ все ближе и ближе, наконецъ подходитъ совсѣмъ близко, надувается и ворчитъ съ цѣлью испугать нарушителя спокойствія и заставить его удалиться. Этотъ образъ дѣйствія до такой степени комиченъ и занимателенъ, что Э. Гомейеръ, которому я обязанъ сообщеніемъ этого факта, никогда не упускалъ случая показать своимъ гостямъ, интересовавшимся жизнью животныхъ, яйца козодоя, выводившаго птенцовъ въ его саду и подъ его защитой, чтобы любители могли насладиться описаннымъ выше зрѣлищемъ.

Одюбонъ наблюдалъ, что взрослыя птицы одного вида козодоевъ переносятъ свои яйца или своихъ птенцовъ въ другое мѣсто лѣса, если первое гнѣздо ихъ было открыто; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что такимъ же образомъ поступаютъ и всѣ другіе козодои. Впрочемъ, птицы переносятъ яйца въ другое мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда человѣкъ касался ихъ, и продолжаютъ спокойно сидѣть на яйцахъ, если человѣкъ, открывшій гнѣздо, удалился, не тронувъ яицъ.

Молодыхъ козодоевъ, вынутыхъ изъ гнѣзда, возможно, хотя и довольно трудно выростить. Это удается лишь въ томъ случаѣ, если кормить ихъ только ночными бабочками и жуками; если же ихъ кормить исключительно мухами, то птенцы скоро погибаютъ. Они любятъ тепло, но не любятъ солнечнаго свѣта, ибо если ихъ положить на окно, ярко освѣщенное солнцемъ, то они всегда заползаютъ въ такое мѣсто, куда падаетъ тѣнь отъ косяка и тамъ усаживаются. Не только обыкновенный козодой, но и всѣ прочіе козодои для хозяйства человѣка только полезны, а не вредны, поэтому заслуживаютъ того, чтобы ихъ всячески берегли и защищали. Кто самъ наблюдалъ жизнь и нравы этихъ птицъ, тотъ непремѣнно полюбитъ ихъ, и только совершенно невѣжественный человѣкъ, во всемъ видящій какія то чудеса, способенъ повѣрить хоть одному слову изъ той сказки, которая создана невѣжествомъ и суевѣріемъ.

*

Въ Южной Америкѣ живутъ огромные козодои, а именно исполинскіе козодои (Nyctibius), самый крупный видъ которыхъ жители Гураны называютъ ибихау (Nyctibius grandis), т. е. землеядомъ. Длина его 55 см., ширина 125 см. Основная окраска оперенія свѣтлый желтовато-сѣрый цвѣтъ; кромѣ того, перья покрыты множествомъ тонкихъ бурыхъ и черныхъ поперечныхъ линій, къ которымъ присоединяются болѣе темныя полосы на стержняхъ и разбросанныя тамъ и сямъ на концахъ перьевъ треугольныя пятна.

Кажется, ибихау встрѣчается во всѣхъ южно-американскихъ лѣсахъ: его приходилось убивать какъ въ Кайеннѣ, такъ и въ Парагваѣ. Вѣроятно, это не такая рѣдкая птица, какъ обыкновенно думаютъ; но днемъ трудно открыть ея мѣстопребываніе. Въ сумеркахъ ибихау такъ же ловокъ, какъ всѣ прочіе козодои. „Невыразимо пріятныя лунныя ночи жаркихъ странъ“, пишетъ принцъ Впдъ. „часто бываютъ чрезвычайно свѣтлыя и ясныя, такъ что охотникъ довольно хорошо можетъ видѣть то, что находится даже вдали. Въ такія ночи можно замѣтить, какъ ибихау парятъ въ воздухѣ на подобіе орловъ и пролетаютъ большія разстоянія, ловя большихъ сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ. Въ Бразиліи водится множество очень крупныхъ бабочекъ, которыхъ способна поглощать только такая неимовѣрная пасть; исполинскіе козодои — самые ужасные враги этихъ

бабочекъ и поѣдаютъ ихъ въ огромныхъ количествахъ. Остатки не поглощенныхъ крыльевъ бабочекъ лежатъ массами въ лѣсахъ на землѣ.

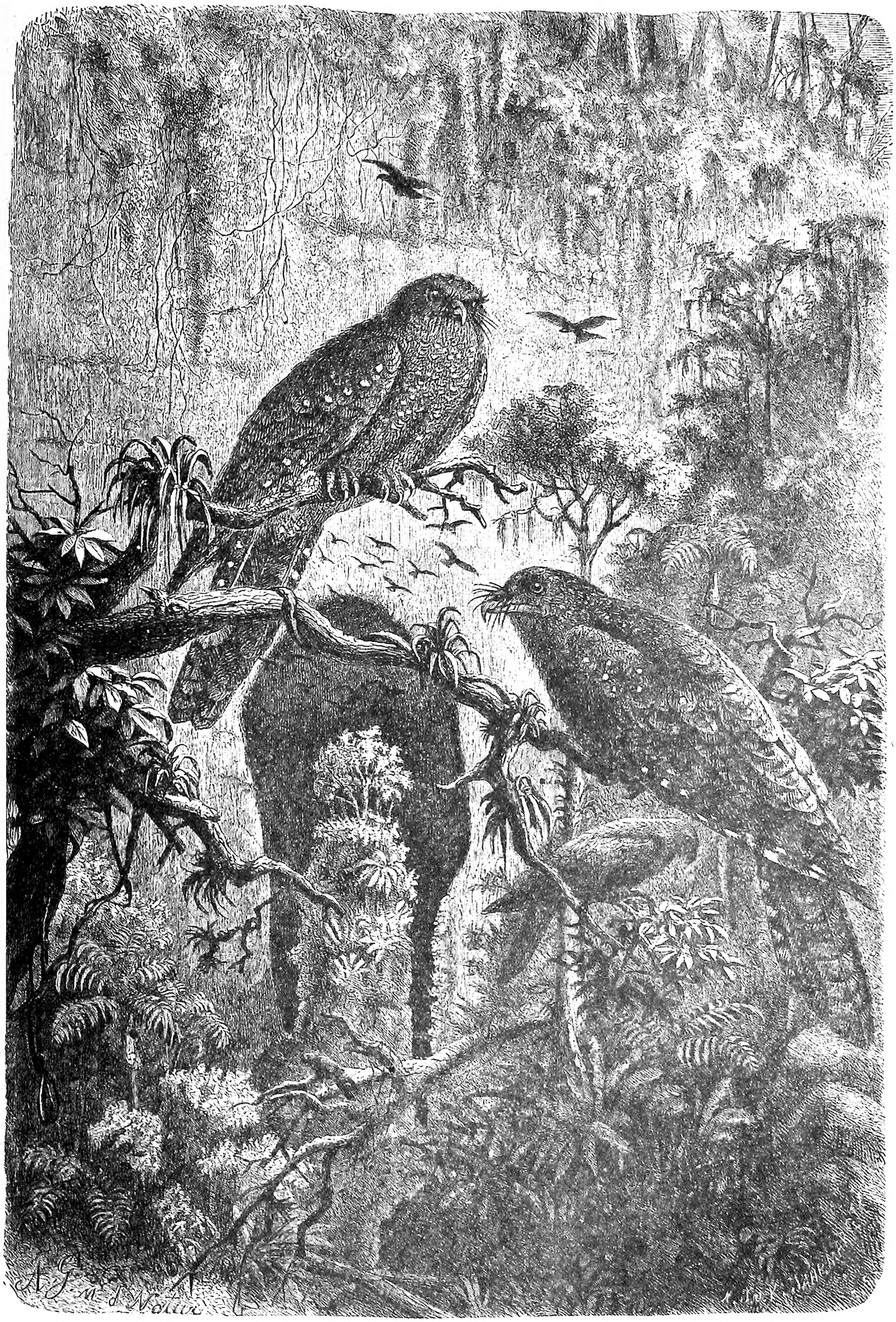
Въ глубокихъ пещерахъ и ущельяхъ средней Америки живетъ удивительная птица, по внѣшнему виду и по нравамъ похожая на козодоевъ, особенно же на исполинскихъ членовъ этого семейства, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющая своеобразный отпечатокъ; поэтому она считается первоначальнымъ представителемъ особаго семейства, извѣстнаго подъ названіемъ жирныхъ козодоевъ (Steatornithidae).

Жирный козодой, или гуахаро, какъ называютъ его жители Венецуэлы (Steatornis caripensis), достигаетъ въ длину 55 см., а въ ширину вдвое больше. Тѣло у гуахаро очень стройное, голова широкая, клювъ больше въ длину, чѣмъ въ ширину, вдоль гребня сильно загнутъ внизъ, причемъ кончикъ верхней створки выдается надъ нижней и свѣшивается внизъ, край клюва передъ кончикомъ зазубренъ, нижняя створка при основаніи выступаетъ дугообразно, на сплюснутомъ кончикѣ криво обрѣзана, ноги очень сильныя, плюсна короткая и голая, безъ щитковъ и притомъ вдвое короче средняго пальца. Хвостъ значительно короче крыльевъ, сильно закругленъ и образованъ изъ жесткихъ, на концѣ широкихъ перьевъ; прочее опереніе твердое и негибкое, въ области уздечки преобразившееся въ длинныя щетинки, которыя длиннѣе клюва, такъ что лицо, какъ у совъ, покрыто покрываломъ. Маленькія щетинистыя перышки сидятъ также на вѣкѣ и защищаютъ большой, полушарообразный глазъ. Подъ кожей лежитъ слой жира, который, кромѣ того, такъ обильно покрываетъ внутренности, что онѣ кажутся заплывшими жиромъ. Опереніе окрашено въ красивый каштановый цвѣтъ; верхняя сторона покрыта расплывающимися неясными крапинками, спина, плечи, малыя маховыя перья — болѣе темными поперечными линіями; нижняя сторона, крылья, верхнія кроющія перья хвоста украшены явственными, ланцетовидными желтовато-бѣлыми пятнами на срединѣ стержней; пятна эти на среднихъ верхнихъ покровныхъ перьяхъ крыла и на наружномъ краю обоихъ первыхъ маховыхъ перьевъ становятся больше и принимаютъ форму, болѣе похожую на каплю. На хвостовыхъ перьяхъ замѣчаются узкія черныя поперечныя полосы, оба крайнихъ пера снабжены рядомъ бѣлыхъ пятенъ вдоль наружнаго края. Глаза темно-каріе, клювъ красновато-бурый, ноги желтовато-буроватыя.

А. Гумбольдтъ наблюдалъ гуахаро въ большой Карипской пещерѣ въ 1799 году; позднѣйшіе путешественники видѣли эту птицу и въ другихъ темныхъ ущельяхъ скалъ и въ пещерахъ, часто встрѣчающихся въ горахъ. О жизни и нравахъ этой замѣчательной птицы собраны довольно подробныя свѣдѣнія; но все-таки кое что еще осталось невыясненнымъ. Несомнѣнно только, что нѣтъ ни одной птицы, которая живетъ такъ, какъ гуахаро.

„Въ такой странѣ“, говоритъ А. Гумбольдтъ, „гдѣ люди имѣютъ такую сильную наклонность къ чудесному, неисчерпаемымъ источникомъ разговоровъ и споровъ, понятно, является пещера, откуда вытекаетъ рѣка, и гдѣ живутъ цѣлыя тысячи ночныхъ птицъ, на жиру которыхъ миссіонеры готовятъ себѣ кушанье. Пещера, извѣстная у тамошнихъ жителей подъ названіемъ „жирной“, находится не въ самой Карипской долинѣ, а на разстояніи около 3-хъ миль отъ нея и притомъ къ западу-юго-западу отъ монастыря. Пещера эта выходитъ въ боковую долину, направляющуюся къ Сіеррѣ де Гуахаро.

„Если стоять у подножія высокой горы Гуахаро на разстояніи только 400 шаговъ отъ пещеры, входа въ эту пещеру еще не видно. Ручей пробѣгаетъ по ущелью, прорытому водой, и вамъ приходится проходить подъ выступомъ скалы, такъ что неба совсѣмъ не видно. Дорога извивается такъ же, какъ потокъ, и на послѣднемъ поворотѣ человѣкъ вдругъ оказывается лицомъ къ лицу передъ громаднымъ входомъ въ пещеру. Зрѣлище это имѣетъ въ себѣ нѣчто величественное даже для глазъ, привыкшихъ къ живописнымъ картинамъ высокихъ горъ: ибо

Гуахаро (Steatornis caripensis).

мощная тропическая растительность придаетъ входному отверстію такой дыры совершенно своеобразный отпечатокъ. Пещера гуахаро открывается на отвѣсной стѣнѣ утеса. Входъ обращенъ къ югу; это сводчатое пространство въ 25 метровъ

шириною и въ 22 метра вышиною. Надъ гротомъ на скалѣ стоятъ исполинскія деревья: мамей и генипа съ ихъ широкими, блестящими листьями простираютъ свои вѣтви прямо къ небу, между тѣмъ какъ листья курбариля и эритрины распространяются вширь и образуютъ густой зеленый сводъ. Потосы съ сочными стеблями, оксалисы и орхидеи странной формы растутъ въ самыхъ сухихъ разсѣлинахъ скалы, между тѣмъ какъ ползучія растенія, раскачиваемыя вѣтромъ, переплетаясь между собою, образуютъ сѣть передъ входомъ въ пещеру. Какая разница между этой пещерой и сѣверными пещерами, осѣняемыми дубами и мрачными лиственницами!

„Но эта роскошная растительность украшаетъ сводъ не только извнѣ: она проникаетъ даже въ переднюю часть самой пещеры. Съ удивленіемъ увидѣли мы, что великолѣпныя геликоніи, въ 6 метровъ вышиною, съ банановыми листьями, праговыя пальмы и древовидныя ароидеи окаймляли берегъ ручья, забираясь даже въ подземныя пространства. Растительность проникаетъ въ Карипскую пещеру такъ же, какъ въ глубокія разсѣлины скалъ въ Андахъ, гдѣ царствуетъ полумракъ и исчезаетъ лишь на разстояніи 30—40 шаговъ отъ входа. Мы измѣряли дорогу веревкой и прошли около 150 метровъ, прежде чѣмъ пришлось зажечь факелы. Дневной свѣтъ проникаетъ такъ далеко потому, что пещера представляетъ собою одинъ ходъ, тянущійся въ одномъ и томъ же направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ. Тамъ, гдѣ начинаетъ исчезать свѣтъ, слышится хриплый крикъ ночныхъ птицъ, которыя, какъ полагаютъ туземцы, только и живутъ подъ землею.

„Трудно составить себѣ понятіе о томъ страшномъ шумѣ и гамѣ, какой производятъ тысячи этихъ птицъ въ темной глубинѣ пещеры. Гамъ этотъ можно сравнить развѣ только съ крикомъ европейскихъ воронъ, живущихъ обществами въ сѣверныхъ хвойныхъ лѣсахъ и выводящихъ птенцовъ на деревьяхъ, верхушки которыхъ между собой соприкасаются. Пронзительный, рѣзкій крикъ гуахаро отражается отъ каменнаго свода и въ видѣ отголоска снова доносится изнутри. Индѣйцы показали намъ гнѣзда этихъ птицъ, привязавъ факелы къ длинному шесту. Гнѣзда были расположены на высотѣ 20—23 метровъ надъ нашими головами, въ воронкообразныхъ отверстіяхъ, которыхъ въ потолкѣ пещеры великое множество. Чѣмъ глубже мы проникали въ пещеру, чѣмъ больше птицъ вспугивали свѣтомъ копаловыхъ факеловъ, тѣмъ болѣе усиливался шумъ. Когда вокругъ насъ на нѣсколько минутъ становилось тише, то издалека доносился до насъ жалобный крикъ птицъ, выводившихъ птенцовъ въ другихъ развѣтвленіяхъ пещеры. Крики одной стаи довольно правильно смѣнялись криками другой.

„Гуахаро покидаетъ пещеру при наступленіи ночи, особенно при лунномъ свѣтѣ. Онъ ѣстъ очень твердыя сѣмена, и индѣйцы говорятъ, что гуахаро не трогаетъ ни жуковъ, ни ночныхъ бабочекъ; впрочемъ, достаточно сравнить клювъ его съ клювомъ козодоя, чтобы убѣдиться въ различіи ихъ образа жизни.

„Каждый годъ около Иванова дня индѣйцы отправляются съ шестами въ пещеру гуахаро и уничтожаютъ большинство гнѣздъ. Всякій разъ индѣйцы убиваютъ по нѣскольку тысячъ птицъ, причемъ старыя птицы, какъ бы защищая свое потомство, съ страшнымъ крикомъ кружатся надъ головою индѣйцевъ. Брюшина этихъ птицъ покрыта толстымъ слоемъ жира, и слой жира проходитъ отъ нижней части брюха къ заду, образуя утолщеніе между ногами птицы. Такое ожирѣніе зерноядныхъ птицъ, не подвергающихся дѣйствію дневного свѣта и мало упражняющихъ свои мускулы, напоминаетъ стародавній опытъ при откармливаніи гусей и скота: извѣстно, какъ темнота и спокойствіе способствуютъ ихъ ожирѣнію. Европейскія ночныя птицы — поджарыя потому, что питаются не плодами, какъ гуахаро, а существуютъ скудными результатами своей охоты. Во время „сбора жира“, какъ говорятъ въ Карипѣ, индѣйцы строятъ себѣ изъ пальмовыхъ листьевъ хижины при входѣ въ пещеру или въ ея передней части. Мы еще видѣли остатки этихъ шалашей. Здѣсь жиръ молодыхъ, только что убитыхъ птицъ, выпускается у огня и вливается въ глиняные сосуды. Жиръ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ „сала гуахаро“ или масла. Онъ полужидкій, свѣтлый и безъ запаха, притомъ настолько чистый, что его можно держать долѣе году — и онъ не горкнетъ. Въ монастыр-

ской кухнѣ въ Карипѣ не употреблялось другого сала, кромѣ сала гуахаро, и мы не замѣтили, чтобы оно придавало пищѣ сколько нибудь непріятный вкусъ или запахъ.“

Гроссъ посѣтилъ ущелье Икононцо въ Новой Гранадѣ, представляющее собою разсѣлину утеса, состоящаго изъ песчаника; длина ущелья доходитъ приблизительно до 800 метровъ, ширина — до 10—12 метровъ, а на глубинѣ 80—100 метровъ по ущелью протекаетъ дикій горный потокъ. Въ мрачной глубинѣ, изъ которой глухо доносился ревъ потока, непосредственно надъ волнами, несущимися съ бѣшеной быстротой, также живутъ гуахаро. Гроссъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ спускался внизъ, становился на узкій выступъ и тотчасъ же подвергся нападенію безчисленнаго множества ночныхъ птицъ, которыя хотѣли защищать свои гнѣзда. Животныя, похожія на привидѣнія, кружились надъ естествоиспытателемъ такъ близко, что, пролетая мимо, касались его концами крыльевъ, и крикъ сотни и тысячи этихъ птицъ былъ просто оглушительный. Герингъ также описываетъ многія пещеры, которыя онъ посѣщалъ, и изображаетъ картиннымъ образомъ жизнь разсматриваемыхъ птицъ въ слѣдующихъ словахъ: „Гумбольдтъ вполнѣ правъ, говоря, что эти птицы, повидимому, не уменьшаются численно, такъ какъ онѣ прибываютъ изъ другихъ, недоступныхъ для человѣка пещеръ. Это тѣ самыя пещеры, которыя я посѣтилъ вмѣстѣ съ хакмасами, чтобы нарисовать ихъ. Онѣ находятся на юго-востокѣ Карипы въ горахъ Терецень и Пунчересъ. Рисунокъ, дѣлать который для „Жизни животныхъ“ доставило мнѣ особенное удовольствіе, представляетъ входъ въ такъ называемую малую пещеру.

„Проникнуть въ эти пещеры дѣйствительно очень трудно. Черезъ дремучій дѣвственный лѣсъ не пролегаетъ никакой дороги, а лѣсъ этотъ покрываетъ всѣ горы съ ихъ безчисленными ущельями. Пещеры, которыя я посѣтилъ, находятся на разстояніи не болѣе шести часовъ пути отъ Карипы, если идти по прямой линіи; но намъ пришлось путешествовать цѣлыхъ два дня для достиженія Ріо-Аракуара. Уже въ первый вечеръ, проведенный въ лѣсу, мы слышали крикъ гуахаро. Съ наступленіемъ сумерекъ птицы вылетѣли изъ пещеръ. Онѣ поднялись высоко надъ гигантскими верхушками густого лѣса и наполнили воздухъ своими криками, которые казались намъ тѣмъ болѣе зловѣщими, что отражались въ видѣ тысячи отголосковъ отъ горныхъ ущелій и долинъ. Къ крику, похожему на крикъ воронъ, но гораздо болѣе громкому и пронзительному, примѣшивается быстрое хлопанье клювомъ, вслѣдствіе чего общее впечатлѣніе получается еще болѣе зловѣщее. Въ лунный вечеръ казалось, что тысячи гуахаро покинули свои подземныя жилища; ибо крикъ птицъ обратился въ такой страшный гамъ, что покрылъ всѣ прочіе ночные голоса животныхъ въ лѣсу, и намъ казалось, что надъ нами въ воздухѣ происходитъ отчаянная борьба. Адскій шумъ утихъ лишь мало по малу, ибо птицы, повидимому, опустились на верхушки деревьевъ съ цѣлью искать здѣсь плодовъ. Я по крайней мѣрѣ думаю, что гуахаро издаетъ свой крикъ только во время полета.

„Гнѣзда, видѣнныя мною, имѣли болѣе или менѣе видъ высохшаго коровьяго помета темно-бураго цвѣта. Масса эта состояла изъ рыхлой земли, добытой со дна пещеры, и изъ плодовъ, величиной съ голубиное яйцо, выплюнутыхъ птицею. Форма гнѣзда, разумѣется, зависитъ отъ щелей, углубленій и впадинъ, въ которыхъ гнѣздо устраивается. Уже извѣстно, что гуахаро встрѣчаются на островѣ Тринидадъ, и я поэтому только упомяну о томъ, что эти птицы влетаютъ иногда съ моря въ свои подземныя жилища, расположенныя по гористому сѣверному берегу острова.“

Подарговыя птицы (Podargidae) существенно отличаются отъ жирныхъ козодоевъ и козодоевыхъ птицъ; но если принять въ разсчетъ всѣ признаки подарговыхъ, то ихъ придется все-таки сблизить съ жирными козодоями, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣютъ много общаго съ послѣдними по образу жизни.

Всѣ извѣстные донынѣ виды подарговыхъ птицъ живутъ въ лѣсныхъ пространствахъ южной Азіи и Австраліи, иные на материкѣ, другіе на большихъ

островахъ этой части свѣта. Образъ жизни ихъ еще мало изслѣдованъ; извѣстно только, что онъ значительно разнится отъ нравовъ и обычаевъ козодоевъ. Но и отдѣльные виды подарговыхъ птицъ различаются между собою по своимъ дѣйствіямъ и по своему характеру, такъ что пока врядъ ли можно дать общую характеристику этихъ птицъ.

Исполинскій бѣлоногъ (Podargus australis), котораго мы можемъ назвать замѣчательнѣйшимъ представителемъ рода бѣлоноговъ, — птица величиной съ ворóну. Опереніе бурое, съ сѣровато-бѣлыми и темно-бурыми пятнами. „Въ Австраліи“, говоритъ Гудъ, „водится многочисленная группа птицъ этого вида, назначеніе которой, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы не давать слишкомъ размножаться древеснымъ кузнечикамъ. Это — трусливыя и лѣнивыя существа, которыя для добыванія себѣ пищи не пользуются быстротой своихъ крыльевъ, а ограничиваются только обыскиваніемъ вѣтвей деревьевъ. Пока онѣ не заняты ловлей насѣкомыхъ, онѣ сидятъ на открытыхъ мѣстахъ, на корняхъ деревьевъ, на перилахъ, на крышахъ, на могильныхъ камняхъ, почему суевѣрные люди считаютъ ихъ предвозвѣстниками смерти; этому мнѣнію способствуетъ также непріятный, грубый голосъ этихъ птицъ.“

Исполинскій бѣлоногъ — одна изъ птицъ, наиболѣе часто встрѣчающихся въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, а потому наблюдать ее не трудно. „Это самая сонная изъ всѣхъ живыхъ тварей и ее труднѣе разбудить, чѣмъ всѣхъ прочихъ. Пока солнце находится надъ горизонтомъ, она сидитъ и спитъ на вѣткѣ, крѣпко опираясь тѣломъ на задъ, втянувъ шею и спрятавъ голову между плечевыми перьями; притомъ она сидитъ такъ неподвижно, что кажется скорѣе шишкой на вѣтви, чѣмъ птицей. Я долженъ обратить особенное вниманіе на то, что исполинскій бѣлоногъ садится вдоль, а не поперекъ вѣтки. Но онъ такъ спокоенъ, а его темная окраска такъ сливается съ окраской коры, что даже среди бѣла дня замѣтить эту большую птицу можетъ лишь опытный глазъ, хотя она обыкновенно вовсе не прячется, а опускается прямо на голые сучья.“

Спитъ исполинскій бѣлоногъ такъ крѣпко, что можно застрѣлить одного изъ супруговъ, а другой, сидящій рядомъ, при этомъ даже не шевельнется.

Совершенно иначе держитъ себя эта птица ночью. Съ наступленіемъ сумерекъ она просыпается, потягивается, приводитъ въ порядокъ и разглаживаетъ свои перья, а затѣмъ начинаетъ свои поиски. Теперь эта птица представляетъ собою какъ разъ противоположность тому, чѣмъ была днемъ: это созданіе живое, рѣзвое, дѣятельное, проворное и ловкое во всѣхъ своихъ движеніяхъ, усердно рыщущее за добычей. Быстро бѣгаетъ исполинскій бѣлоногъ по вѣтвямъ, собирая съ нихъ кузнечиковъ и цикадъ, усѣвшихся съ цѣлью вздремнуть; подобно дятлу, онъ долбитъ клювомъ кору, чтобы извлечь забившихся подъ кору насѣкомыхъ; онъ залѣзаетъ даже въ древесныя дупла съ цѣлью и здѣсь искать себѣ пропитаніе. Нельзя сказать, чтобы исполинскій бѣлоногъ леталъ особенно хорошо: полетъ его скорѣе можно назвать краткимъ и отрывистымъ, какъ этого и можно ожидать при видѣ его сравнительно короткихъ крыльевъ; но неловкимъ его назвать никакъ нельзя, такъ какъ птица, играя, перелетаетъ для своего удовольствія съ дерева на дерево. Съ наступленіемъ ночной темноты это удовольствіе прекращается.

Голосъ самца громкій и непріятный и поражаетъ того, кто слышитъ его въ первый разъ. Говорятъ, что онъ похожъ на воркованіе голубей.

Бѣлоноги, вынутые изъ гнѣзда молодыми, скоро становятся ручными, выучиваются узнавать хозяина, садятся къ нему на голову, залѣзаютъ въ его постель, выгоняютъ оттуда другихъ животныхъ и черезъ нѣкоторое время настолько мѣняютъ свой образъ жизни, что даже днемъ ѣдятъ. Въ послѣднее время многіе такіе плѣнники были привезены въ Европу.

Карликовый бѣлоногъ (Aegotheles novae-hollandiae) по величинѣ и по характеру напоминаетъ нашихъ сириновъ. Длина его 25 см.

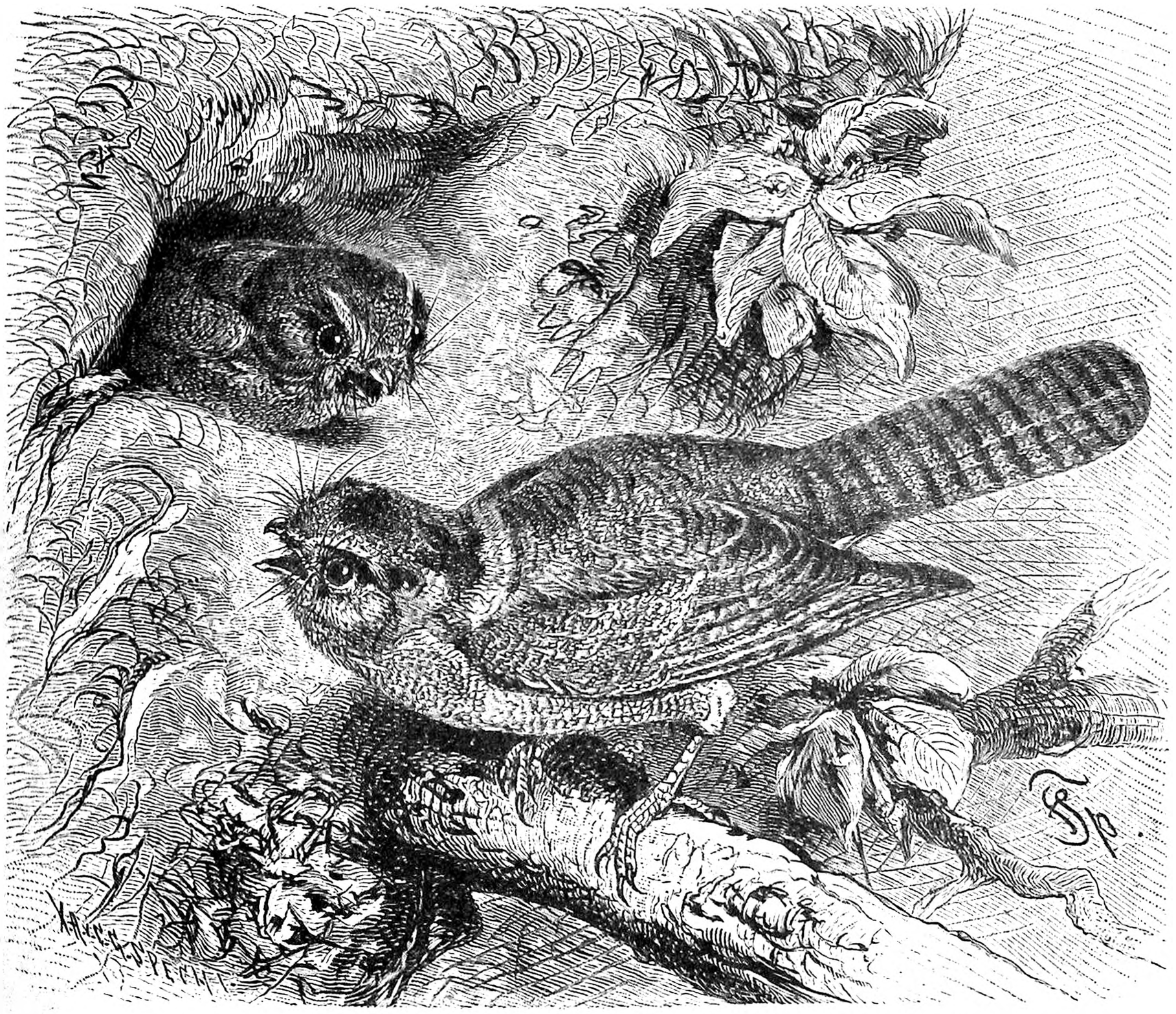
Гудъ дѣлалъ наблюденія надъ образомъ жизни этихъ птицъ. Онъ нашелъ, что по всей горной Австраліи и въ Тасманіи это — осѣдлая птица, встрѣчающаяся

Жизнь животныхъ Брэма. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Исполинскій бѣлоносъ.

какъ въ береговомъ кустарникѣ, такъ и въ лѣсныхъ пространствахъ внутри страны, рѣдко поросшихъ деревьями. Нравы карликовыхъ бѣлоноговъ похожи на нравы неясытей и козодоевъ. Днемъ карликовый бѣлоногъ пребываетъ въ древесныхъ дуплахъ, а именно въ дуплахъ камедныхъ деревьевъ, и здѣсь такъ великолѣпно прячется, что его совершенно не видно. Но знатокъ жизни птицъ можетъ узнать его по особенной привычкѣ. Если постучать по стволу любимаго дерева птицы, то маленькій обитатель дупла быстро вылѣзаетъ до входного отверстія и выглядываетъ оттуда съ цѣлью уяснить себѣ причину тревоги. Не замѣтивъ никакой опасности, карликовой бѣлоногъ снова исчезаетъ въ своемъ дуплѣ и здѣсь спокойно остается

Карликовый бѣлоногъ (Aegotheles novae-hollandiae). $^2/_5$ естеств. велич.

до тѣхъ поръ, пока его опять не потревожатъ. Когда же дѣло покажется ему слишкомъ подозрительнымъ, то онъ улетаетъ въ другое болѣе безопасное мѣсто, обыкновенно на другое дуплистое дерево, причемъ нерѣдко прячется въ густыхъ вѣткахъ его. Настоящаго гнѣзда птица эта не вьетъ; безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, она кладетъ свои 4—5 кругловатыхъ и совершенно бѣлыхъ яйца на рыхлое вещество внутри дупла.

Изъ древесныхъ птицъ на самой низкой ступени стоитъ группа сиворакшевыхъ (Coraciae).

Сиворакши (Coraciidae) — птицы довольно большія, бо̀льшею частью пестро окрашенныя; онѣ образуютъ небольшое семейство, живущее только въ восточной половинѣ земного шара. Клювъ средней длины или довольно длинный, крѣпкій, прямой, при основаніи нѣсколько расширенный, къ концу сплюснутый, съ острыми краями и на кончикѣ свѣшивающійся крючкомъ, ноги короткія, съ слабой

плюсной и короткими пальцами; маховыя перья средней длины или длинныя, притомъ довольно широкія; хвостъ обыкновенно также средней длины, но то прямо обрѣзанный, то слегка закругленный, то нѣсколько выемчатый; иногда два крайнихъ хвостовыхъ пера значительно длиннѣе прочихъ. Опереніе расчесанное, но жесткое и грубое; стержни перьевъ твердые, опахала гладкія, но неплотно скрѣпленныя; преобладающіе цвѣта перьевъ — зеленый, голубой, коричнево-бурый и цвѣта краснаго вина. Самецъ и самка мало отличаются другъ отъ друга, молодыя птицы существенно не отличаются отъ старыхъ.

Водятся сиворакши главнымъ образомъ въ экваторіальныхъ странахъ Стараго Свѣта. Необходимымъ для нихъ условіемъ являются большія деревья, стоящія въ одиночку, или стѣны скалъ, конусообразные утесы и необитаемыя зданія, откуда онѣ могутъ далеко озирать окрестность, и гдѣ въ углубленіяхъ, щеляхъ и разсѣлинахъ находятъ подходящія мѣста для вывода птенцовъ. Здѣсь обыкновенно сидятъ сиворакши и тщательно оглядываютъ свой участокъ. Пролетающее мимо большое насѣкомое ловится точно такъ же, какъ это дѣлаютъ мухоловки и щурки; сиворакши не брезгаютъ также неосторожно пробѣгающимъ по землѣ мышенкомъ, ящерицей или маленькимъ земноводнымъ. Въ извѣстные періоды сиворакши ѣдятъ также плоды, хотя вѣроятно животная пища остается преобладающей.

Всѣ сиворакши безпокойныя и непостоянныя птицы. Ихъ ловкій, быстрый и чрезвычайно легкій полетъ соединяется съ удивительными штуками, напр. съ замѣчательнымъ кувырканьемъ. Голосъ ихъ — непріятный грубый звукъ, довольно хорошо передаваемый нѣмецкимъ названіемъ птицъ (Rake).

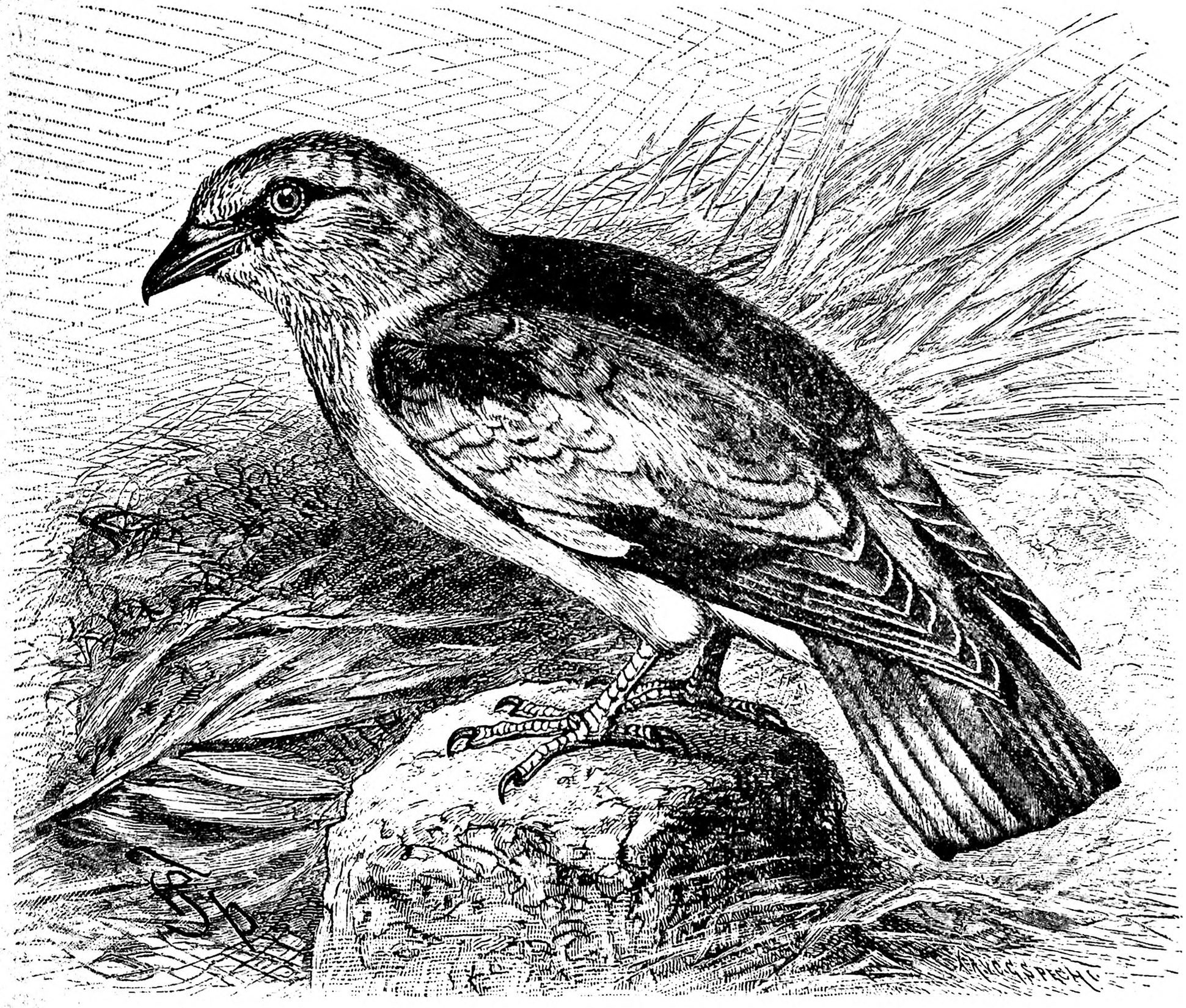
Пара сиворакшъ пребываетъ на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, пока ее привязываетъ къ нему забота о потомствѣ; до и послѣ вывода птенцовъ сиворакши бродятъ по странѣ. Гнѣздо устраивается въ весьма разнообразныхъ мѣстахъ, но всегда одинаковымъ образомъ. Въ Германіи сиворакша гнѣздится въ древесныхъ дуплахъ, а потому полагали, что всѣ прочіе виды сиворакшъ поступаютъ точно такъ же; но теперь намъ извѣстно, что гнѣздо свое эти птицы столь же часто, если не чаще, устраиваютъ въ отверстіяхъ стѣнъ, въ разсѣлинахъ скалъ, даже въ углубленіяхъ на крутыхъ обрывахъ и на строеніяхъ. Гнѣздо представляетъ собою небрежное сооруженіе, состоящее изъ злаковъ, корешковъ, волосъ и перьевъ. Число яицъ, отличающихся блестяще-бѣлымъ цвѣтомъ, доходитъ до 4—5.

Опираясь на мнѣніе Бехштейна, до послѣдняго времени думали, что сиворакши не годятся для неволи и что, слѣдовательно, ихъ нельзя держать въ клѣткѣ. Мнѣніе это пожалуй справедливо относительно сиворакшъ, пойманныхъ взрослыми, но совершенно невѣрно относительно птицъ, вынутыхъ изъ гнѣзда молодыми. Если самоотверженно и искусно ухаживать за молодыми сиворакшами, и если давать имъ возможность свободно двигаться, то изъ нихъ можно вырастить комнатныхъ птицъ, которыя своею привлекательностью и миловидностью сторицею вознаградятъ за всѣ потраченные на нихъ труды.

Сивоворонка (Coracias garrula) въ общемъ отвѣчаетъ выше приведенной характеристикѣ всего семейства. Опереніе ея великолѣпное. Голова, шея, нижняя сторона и кроющія перья крыльевъ нѣжнаго небесно-голубого цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, маленькія покровныя перья вдоль предплечья, на надхвостьѣ и верхнія кроющія перья хвоста темнаго ультрамариноваго цвѣта, спина, плечи и заднія малыя маховыя перья коричнево-бураго цвѣта, большія маховыя перья черныя, при основаніи небесно-голубыя, малыя маховыя перья черныя съ темно-синимъ отливомъ, наружное опахало въ половинѣ, прилежащей къ основанію, также небесно-голубого цвѣта, вообще маховыя перья снизу — темно-синія, оба среднихъ хвостовыхъ пера грязнаго сѣровато-буроватаго цвѣта, прочія темнаго небесно-голубого цвѣта. Длина птицы 30—32 см.

Къ югу отъ Скандинавіи сивоворонку встрѣчали въ Европѣ вездѣ; но она распространена гораздо дальше и во время своего перелета успѣваетъ побывать во всей Африкѣ и въ южной Азіи. Очень рѣдко посѣщаетъ она Англію, Голландію, Норвегію, Швецію, Финляндію и сѣверную часть Европейской Россіи; въ

Швейцарію и въ сѣверную Францію она, какъ говорятъ, заглядываетъ только во время своего перелета. Въ южной Россіи, въ Испаніи, въ Греціи, Малой Азіи и Алжирѣ она мѣстами встрѣчается очень часто; въ Греціи она устраиваетъ себѣ настоящія поселенія; въ Испаніи ее часто можно наблюдать въ видѣ многочисленныхъ обществъ. Въ Германіи сивоворонка почти со страхомъ избѣгаетъ приближаться къ человѣческимъ жилищамъ; въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ она, правда, отдаетъ предпочтеніе уединеннымъ мѣстностямъ, но не избѣгаетъ жителей, настроенныхъ въ общемъ болѣе благодушно. Это весьма непостоянная и подвижная птица, пока забота о потомствѣ не приковываетъ ее къ опре-

Сивоворонка (Coracias garrula). $^{2}/_{5}$ естеств. велич.

дѣленному мѣсту; она цѣлый день перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, съ дерева на дерево и съ верхушекъ деревьевъ или съ концовъ сухихъ вѣтвей высматриваетъ себѣ добычу. Не въ духѣ и недовольная въ пасмурную погоду, она при свѣтѣ солнца часто летаетъ высоко въ воздухѣ и при этомъ продѣлываетъ странныя штуки, напр. внезапно кидается съ значительной высоты внизъ кубаремъ, а затѣмъ тихонько взбирается ввысь, или же на подобіе голубя, быстро махая крыльями, повидимому, безцѣльно носится по воздуху, и тогда ее легко можно узнать. По вѣтвямъ деревьевъ она не прыгаетъ, а, подобно большинству другихъ сиворакшъ, перескакиваетъ только при помощи крыльевъ съ одной вѣтки на другую. Спускаться на поверхность земли она избѣгаетъ; но иногда на лету такъ приближается къ землѣ, что можетъ подобрать ползущее по землѣ животное.

Относительно духовныхъ способностей сивоворонки мнѣнія наблюдателей раздѣляются. Трудно впрочемъ отрицать, что сивоворонка заслуживаетъ названія умной птицы. Она прекрасно умѣетъ отличать настоящую опасность отъ вообра-

жаемой, но скорѣе можетъ быть названа птицей довѣрчивой, чѣмъ боязливой. Тамъ, гдѣ она убѣдилась въ томъ, что пользуется защитой со стороны человѣка, она подпускаетъ людей близко къ себѣ; тамъ же, гдѣ она подвергалась преслѣдованію, она уже издалека бѣжитъ отъ человѣка и всегда соблюдаетъ самую большую осторожность. Характеръ этой птицы не отличается, повидимому, особенной привлекательностью. Очень часто можно видѣть, какъ сивоворонки ссорятся съ себѣ подобными или съ другими птицами. Особенно сильную борьбу ведутъ онѣ изъ за мѣстъ для устройства гнѣзда; кромѣ того, свары вызываются вѣроятно также завистью къ чужой добычѣ; наконецъ, и ревность замѣшивается въ отношенія между этими птицами. Крикъ птицы похожъ на ея нѣмецкое названіе (Rake): это высокій, трескучій, постоянно повторяемый звукъ „ракер ракер ракер“; гнѣвъ выражается визгливымъ звукомъ „рэ-э“, а нѣжность — жалобнымъ, высокимъ звукомъ „крэ-э“.

Пищу сивоворонки составляютъ всевозможныя насѣкомыя и мелкія земноводныя, а именно жуки, кузнечики, черви, маленькія лягушки и ящерицы. Мышей сивоворонка также хватаетъ, не брезгаетъ также маленькими птичками. Графъ Мюле говоритъ, что въ Греціи у сивоворонокъ перья при основаніи клюва отъ сахаристаго вещества фигъ кажутся смазанными клеемъ, а Линдермайеръ прибавляетъ въ подтвержденіе этого, что сивоворонка, улетѣвъ изъ Греціи, пребываетъ еще нѣкоторое время на островахъ, „къ которымъ ее приковываютъ фиги, ея любимое кушанье, и лишь послѣ этого начинаетъ путешествіе свое въ африканскія страны.“ Вода для нея, повидимому, не составляетъ необходимой потребности: говорятъ даже, что она никогда не пьетъ и не купается, и это кажется правдоподобнымъ, когда видишь, какъ эта птица преспокойно живетъ среди безводной степи или пустыни.

Гнѣздо бываетъ различное, смотря по тому, въ какомъ мѣстѣ оно устраивается; внутри оно, однако, всегда выстилается тонкими корешками, травками, волосами животныхъ и перьями. Яицъ кладется 4—6; они блестяще-бѣлаго цвѣта. Самецъ и самка высиживаютъ яйца поочередно и притомъ съ такимъ усердіемъ, что сидящую на яйцахъ птицу можно схватить руками. Такъ какъ старики не уносятъ помета своихъ птенцовъ, то молодые птенцы сидятъ по уши въ грязи, такъ что отъ гнѣзда распространяется отвратительный запахъ.

*

Широкороты (Eurystomus) отличаются отъ сивоворонокъ короткимъ, очень низкимъ, по бокамъ широкимъ, на гребнѣ закругленнымъ и сильно загнутымъ клювомъ.

Вѣроятно, наиболѣе распространенный видъ этого рода — азіатскій широкоротъ (Eurystomus orientalis). Въ Австраліи европейцы называютъ его долларовой птицей. Птица эта приблизительно такой же величины, какъ сивоворонка, но кажется короче и болѣе плотно сложенной. Преобладающіе цвѣта въ окраскѣ этого вида зеленый, голубой и бурый.

Второй отрядъ.

Попугаи (Psittacornithes).

Богатое видами семейство попугаевъ (Psittacidae), весьма распространенное въ тропическихъ странахъ, представляетъ собою довольно высоко развитую и, несмотря на множество видовъ, тѣсно замкнутую группу. Строеніе тѣла и рѣзкое отличіе попугаевъ отъ всѣхъ другихъ птицъ свидѣтельствуютъ о ихъ глубокой древности.

Самымъ рѣзкимъ признакомъ попугаевъ является клювъ, котораго нельзя смѣшать съ клювомъ какихъ бы то ни было иныхъ птицъ, несмотря ни на какое внѣшнее сходство. На первый взглядъ, клювъ попугая кажется похожимъ на клювъ хищныхъ птицъ; но у попугая клювъ значительно толще и крѣпче, сравнительно выше и въ общемъ отличается болѣе соразмѣрнымъ строеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что на клювѣ попугая имѣется восковица, то есть неоперенная, но и нероговая пластинка, покрывающая въ видѣ сѣдла основаніе надклювья; кромѣ попугаевъ, такая восковица встрѣчается еще только у соколиныхъ птицъ и у совъ. О строеніи клюва попугаевъ предоставимъ говорить Бурмейстеру. „На верхней створкѣ клюва попугаевъ замѣчается хотя узкая, но острая полоска на гребнѣ, отъ которой по обѣ стороны свѣшиваются въ видѣ крыши умѣренно-выпуклыя поверхности. Сзади эти поверхности теряются въ короткой восковицѣ, скудно покрытой жесткими щетинообразными перьями особенно подъ носовымъ отверстіемъ и сокращающейся по направленію къ углу рта. Носовое отверстіе находится на верху въ восковицѣ, оно совершенно круглое и окружено утолщеннымъ краемъ. Края надклювья снабжены обыкновенно тупымъ, но крѣпкимъ выступомъ на серединѣ, напоминающимъ собою зубъ и образующимъ болѣе острый уголъ спереди, чѣмъ сзади. Крючковатый кончикъ клюва очень длинный и на нижней, слегка вогнутой поверхности пилообразно исполосованъ. Подклювье значительно короче, отличается своею толщиною и имѣетъ форму корзинки; нижняя створка клюва лишь немногимъ ниже, а иногда даже выше верхней и на серединѣ часто бываетъ снабжена небольшимъ продольнымъ выступомъ, которымъ образуется уголъ подбородка. Рядомъ съ этимъ выступомъ проходятъ еще на довольно значительномъ разстояніи два боковыхъ выступа, которые соединяются спереди и отграничиваютъ широкій, высокій и острый конечный край нижней створки. Передъ концомъ нижней створки край рта съ обѣихъ сторонъ, соотвѣтственно зубовидному выступу верхней створки, снабженъ глубокой выемкой, а затѣмъ постепенно поднимается вверхъ. Бока нижней створки клюва болѣе или менѣе выпуклы.“

Не менѣе характерно у попугаевъ строеніе другихъ частей тѣла и внутреннихъ органовъ. „Ноги у попугая толстыя, крѣпкія, мясистыя, но никогда не бываютъ высокими; плюсна гораздо короче средняго пальца и всегда покрыта только мелкими щетинками. Довольно длинные пальцы, изъ которыхъ наружный и внутренній повернуты назадъ, имѣютъ крѣпкую подошву, но только на концѣ снабжены особой подушечкой; верхняя часть пальцевъ такъ же, какъ и плюсна, покрыты че-

шуйками, но чешуйки эти по направленію къ концу постепенно становятся крупнѣе, и на послѣднемъ суставѣ передъ когтемъ обращаются въ коротенькія таблички или щитки. Когти не длинные, но сильно загнутые и довольно острые, не отличаются особой крѣпостью. Самый маленькій коготь бываетъ обыкновенно на внутреннемъ переднемъ пальцѣ, а коготь на большомъ пальцѣ обыкновенно лишь немногимъ больше его; самымъ крупнымъ когтемъ снабженъ передній наружный палецъ, но коготь на заднемъ наружномъ пальцѣ лишь немногимъ меньше его.“ Органы летанія въ общемъ развиты хорошо, крылья большія и острыя; маховыя перья, число которыхъ колеблется между 19 и 22, но большею частью равно 20, отличаются жесткими стержнями и широкими опахалами. Двѣнадцать хвостовыхъ перьевъ какъ по формѣ, такъ и по длинѣ бываютъ весьма различны, а потому и хвостъ имѣетъ очень разнообразную форму.

Мелкое опереніе у попугаевъ состоитъ изъ сравнительно немногихъ, а потому разбросанныхъ по всему тѣлу наружныхъ перьевъ съ большими ложными стержнями на наружной сторонѣ, и изъ пуха. Перья эти образуютъ явственно обособленныя и весьма разнообразно окрашенныя пространства. Окраска оперенія, несмотря на всѣ ея варіаціи у различныхъ видовъ, въ общемъ является весьма сходной у всѣхъ членовъ отряда. Преобладающій цвѣтъ — болѣе или менѣе великолѣпный зеленый цвѣтъ листьевъ; но есть также гіацинтово-синіе, пурпурово-красные, золотисто-желтые и темные попугаи. Характерно также распредѣленіе цвѣтовъ на опереніи: опредѣленныя поля — если можно такъ выразиться — бываютъ заняты однимъ цвѣтомъ, и часто нижняя и верхняя сторона бываютъ окрашены дополнительными или противоположными цвѣтами (синевато-фіолетовый, синій, голубой, зеленый наверху и ярко-желтый, оранжево-желтый, киноварно-красный, пурпуровый внизу), что́ иногда замѣчается даже на одномъ и томъ же маховомъ или рулевомъ перѣ; не менѣе замѣчательно и то, что яркія краски прикрываются менѣе яркими цвѣтами: такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ какаду изъ-за бѣлыхъ кончиковъ перьевъ почти совсѣмъ не видны киноварно-красныя или желтыя основанія перьевъ и пухъ. Самецъ и самка большею частью, но далеко не всегда, бываютъ окрашены одинаково.

Внутреннее строеніе попугаевъ также весьма замѣчательно и представляетъ многія особенности главнымъ образомъ въ строеніи скелета. Изъ мягкихъ частей вниманія заслуживаетъ языкъ, который не только коротокъ, толстъ и мягокъ, но иногда покрытъ безчисленнымъ множествомъ нитевидныхъ сосочковъ на концѣ. Пищеводъ расширяется въ зобъ; железистый желудокъ, отдѣляется отъ собственно желудка гладкимъ каналомъ, составляющимъ продолженіе пищевода; собственно же желудокъ имѣетъ вялыя стѣнки и внутри почти сплошь покрытъ ворсинками; желчнаго пузыря и слѣпой кишки нѣтъ; кишечникъ обыкновенно вдвое длиннѣе туловища. Дыхательное горло въ нижней части гортани снабжено тремя парами мускуловъ.

Какъ бы мы ни смотрѣли на попугаевъ, но всегда должны будемъ признать, что они составляютъ совершенно самостоятельную группу птицъ, отличную отъ другихъ членовъ разсматриваемаго класса. Самостоятельное мѣсто, занимаемое попугаями, выражается не только въ строеніи ихъ тѣла, но и въ ихъ жизни — въ ихъ образѣ дѣйствій и характерѣ, въ ихъ нравахъ и привычкахъ. Мы заранѣе уже должны быть увѣрены, что жизнь попугаевъ находится въ самой тѣсной связи съ строеніемъ тѣла, а слѣдовательно должна быть такъ же оригинальна, какъ и строеніе этихъ птицъ.

Крупные виды взлетаютъ тяжело, но затѣмъ летятъ быстро; мелкіе виды болѣе ловки. Многіе попугаи на землѣ чувствуютъ себя, повидимому, въ чуждой сферѣ и скорѣе ковыляютъ, чѣмъ ходятъ; но есть попугаи, которые такъ же быстро и искусно бѣгаютъ по землѣ, какъ прибрежныя птицы; австралійскаго земляного попугая даже сравниваютъ съ бекасомъ. Прыгать по вѣтвямъ попугаямъ трудно, что не мѣшаетъ имъ, однако, двигаться по нимъ. Болѣе обширныя разстоянія попугаи пролетаютъ, болѣе малыя перелѣзаютъ; иныя птицы оказываются довольно тяжеловѣсными. Одни попугаи пускаютъ при лазаніи въ ходъ клювъ и ноги, другіе же

обходятся при помощи однѣхъ ногъ. Одно несомнѣнно, что попугаи умѣютъ хорошо пользоваться членами своего тѣла, а двумя частями тѣла — клювомъ и ногой — даже лучше, чѣмъ всѣ прочія птицы. Клювъ имъ служитъ почти что рукой: по крайней мѣрѣ попугаи употребляютъ его какъ руку. Клювъ, замѣняющій руку большинству птицъ, у попугаевъ гораздо подвижнѣе, нежели у какихъ бы то ни было членовъ того же класса, и употребленіе клюва болѣе разнообразно, чѣмъ у другихъ птицъ. Попугай также пользуется своимъ клювомъ для того, чтобы подбирать разные предметы съ земли, чтобы срывать плоды или раскалывать ихъ, чтобы защищаться отъ нападеній; кромѣ того, клювъ для попугая играетъ такую же роль, какъ рѣзцы для грызуна — клювомъ птица отламываетъ сучья, раскусываетъ и измельчаетъ дерево, а также помогаетъ себѣ клювомъ при лазаніи.

Голосъ у попугаевъ — громкій, часто пронзительный, но не лишенъ все-таки нѣкотораго благозвучія; у нѣкоторыхъ видовъ голосъ очень гибокъ и несомнѣнно выразителенъ. Когда крупные виды живутъ обществами и кричатъ сообща, то для человѣка музыка эта прямо-таки нестерпима. Одни виды издаютъ звуки, похожіе на лай, другіе — нѣчто вродѣ свиста, третьи словно жужжатъ, четвертые какъ будто тихо ворчатъ; иные издаютъ короткій, звонкій крикъ, иные пищатъ иные пронзительно кричатъ. Нѣкоторые виды щебечутъ своимъ самкамъ такія милыя пѣсенки, что виды эти можно было бы причислить къ пѣвцамъ, если бы это не были попугаи; другіе виды выучиваются такъ чисто насвистывать аріи, что превосходятъ даже снигирей. Всѣмъ извѣстна способность попугаевъ подражать человѣческому голосу. Въ этомъ отношеніи они оказываются искуснѣе всѣхъ другихъ животныхъ; они достигаютъ изумительныхъ, невѣроятныхъ результатовъ; они не болтаютъ, а дѣйствительно говорятъ.

За исключеніемъ Европы, попугаи живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта Изъ 429 видовъ, насчитываемыхъ Маршаллемъ въ 1889 году, 161 живетъ въ Америкѣ, 213 — въ Австраліи, включая сюда же и Папуасскіе острова, Молуккскіе острова и острова Тихаго океана, 25 видовъ въ Африкѣ и 30 видовъ въ южной Азіи съ Зондскими островами включительно. Одинъ американскій видъ встрѣчается до 43 градуса сѣверной широты, другой — въ южномъ полушаріи, даже въ „непривѣтливыхъ пустыняхъ“ Огненной Земли; широкохвостые попугаи встрѣчаются и на островѣ Макари, лежащемъ на 54 градусѣ южной широты. Въ Африкѣ и въ Азіи попугаи почти что не переступаютъ предѣловъ жаркаго пояса; въ западной Африкѣ они почти никогда не забираются сѣвернѣе 16-го градуса сѣверной широты; въ восточной Африкѣ они не встрѣчаются сѣвернѣе 15-го градуса сѣверной широты; между тѣмъ въ южномъ полушаріи попугаевъ можно найти дальше отъ экватора; въ Азіи нѣкоторые виды водятся въ умѣренномъ поясѣ. Вообще говоря, попугаи связаны съ лѣсами, но это не исключительно лѣсныя птицы, такъ какъ нѣкоторые виды обитаютъ также въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ степяхъ, другіе живутъ на Андахъ выше пояса лѣсовъ до высоты 3000 метровъ, забираются на такую же высоту въ Абиссиніи, а иногда и въ Гималаяхъ. Въ сѣверо-восточной Африкѣ замѣчено, что попугаи почти что исключительно встрѣчаются тамъ, гдѣ водятся обезьяны, такъ что являются до извѣстной степени неразлучными спутниками этихъ послѣднихъ. Чѣмъ величественнѣе лѣса, то есть чѣмъ богаче растительность, тѣмъ чаще встрѣчаются попугаи. „Попугаи“, говоритъ принцъ Видъ, въ тропическихъ лѣсахъ составляютъ, пожалуй, самую значительную часть пернатаго царства.“ То же самое можно сказать объ Австраліи, о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи и отчасти объ Африкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они встрѣчаются такъ же часто и такъ же обыкновенны, какъ у насъ вороны или воробьи.

Попугаи умѣютъ быть замѣтными. Они украшаютъ лѣса и наполняютъ ихъ своимъ крикомъ. „Попугаи“, говоритъ принцъ Видъ, „своимъ роскошно окрашеннымъ опереніемъ украшаютъ тѣнистые тропическіе лѣса.“ — „Невозможно передать словами“, увѣряетъ Гудъ, „всего очарованія того зрѣлища, какое представляютъ нѣкоторые попугаи, особенно же окрашенные въ ярко-красный цвѣтъ, когда они стаями носятся среди австралійскихъ серебристыхъ акацій. Великолѣпная окраска

ихъ оперенія замѣчательно красиво выдѣляется на окружающемъ фонѣ.“ „Какаду“, восклицаетъ Митчеллъ съ восхищеніемъ, „сообщаютъ населяемымъ ими высотамъ сказочную роскошь.“ „Я видѣлъ вѣтви деревьевъ, настолько отягощенныя попугаями, на сколько это вообще было возможно“, повѣствуетъ Одюбонъ. — „Утромъ и вечеромъ“, разсказываетъ Шомбургкъ, „можно видѣть, какъ безчисленныя множества попугаевъ летаютъ съ невыносимымъ крикомъ на значительной высотѣ. Однажды, въ послѣобѣденное время, я видѣлъ, какъ такое огромное сонмище опустилось на прибрежныя деревья; вѣтви низко наклонились подъ тяжестью птицъ.“ То же самое наблюдалось и въ лѣсистыхъ частяхъ западной Африки. Изъ Лоанго Пехуэль-Лёше пишетъ слѣдующее: „Многочисленнѣе всѣхъ прочихъ обитателей тамошнихъ лѣсовъ — сѣрые попугаи, которые въ поразительномъ количествѣ встрѣчаются въ низменности Куилу. По вечерамъ, то по одиночкѣ, то слабо сомкнутыми стаями, они летятъ вдоль рѣки надъ лѣсомъ, направляясь внутрь страны къ мѣсту своего ночлега. Тогда ихъ непрестанные крики, ихъ веселая болтовня и свистъ заглушаютъ совершенно голоса всѣхъ другихъ животныхъ; только грубый, хриплый трубный звукъ, издаваемый однимъ видомъ ибисовъ выдѣляется изъ этого хаоса звуковъ.“

Внѣ періода вывода большинство попугаевъ живетъ обществами или часто весьма многочисленными стаями. Они выбираютъ себѣ для поселенія извѣстное мѣсто въ лѣсу и отсюда каждый день облетаютъ обширную область. Члены общества живутъ въ тѣсной дружбѣ между собою и дѣлятъ радость и горе. Всѣ они одновременно рано утромъ покидаютъ мѣсто своего ночлега, спускаются на дерево или на поле; пока они кормятся плодами, они выставляютъ своихъ сторожей, которые должны заботиться о безопасности всего общества, внимательно слѣдятъ за ихъ предостереженіями, всѣ одновременно или быстро одинъ за другимъ обращаются въ бѣгство, дружно защищаютъ другъ друга въ случаѣ опасности и по мѣрѣ силъ стараются оказывать другъ другу содѣйствіе; они вмѣстѣ возвращаются на мѣсто общаго ночлега, по возможности пользуются этимъ мѣстомъ всѣ и птенцовъ, если это хоть сколько-нибудь возможно, также выводятъ въ обществѣ.

Мѣста ночлега бываютъ весьма различны. Такимъ мѣстомъ можетъ служить густая верхушка дерева, дырявая стѣна утеса, деревянное дупло. „Мѣстомъ ночлега“, говоритъ Одюбонъ о каролинскомъ попугаѣ, „служитъ ему дуплистое дерево или дупло, выдолбленное для гнѣзда какимъ-нибудь болѣе крупнымъ видомъ дятловъ, если только въ этомъ дуплѣ не обитаютъ его законные владѣльцы. Въ сумеркахъ можно наблюдать, какъ большія стаи попугаевъ собираются вокругъ старыхъ дуплистыхъ сикоморъ и тому подобныхъ деревьевъ. Передъ самымъ дупломъ птицы привѣшиваются къ корѣ, и одна за другой влѣзаетъ въ дупло, гдѣ онѣ проводятъ ночь. Если такое дупло не можетъ вмѣстить цѣлаго общества, то не помѣстившіяся птицы когтями и верхней створкой клюва прицѣпляются къ корѣ передъ входомъ. Тогда кажется, что тяжесть всего туловища поддерживается однимъ клювомъ; но при помощи моей подзорной трубы я убѣдился, что дѣло обстоитъ иначе и что они поддерживаются и ногами.

Послѣ безопаснаго мѣста для ночлега, попугаи для своего благосостоянія нуждаются главнымъ образомъ въ густыхъ верхушкахъ деревьевъ. Имъ не такъ важно имѣть мѣсто, гдѣ они защищены отъ непогоды, какъ имѣть такое мѣсто, куда можно спрятаться. Правда, больше всего они любятъ тепло; но нельзя сказать, чтобы они избѣгали прохлады, а тѣмъ менѣе сырости, особенно по временамъ. „Во время тропическихъ грозъ съ сильными дождями, отъ которыхъ темнѣетъ воздухъ“, говоритъ принцъ Видъ, „можно часто видѣть, какъ попугаи неподвижно сидятъ на деревьяхъ на самыхъ высокихъ концахъ сухихъ сучьевъ, и голосъ ихъ звучитъ весело, хотя съ нихъ струится вода. По близости можетъ быть есть и густая листва, и толстые сучья, подъ которыми они могли бы спрятаться отъ дождя; но они предпочитаютъ теплый дождь и, повидимому, находятъ въ немъ удовольствіе. Какъ только дождь прекратится, попугаи стараются стряхнуть влагу со своихъ твердыхъ перьевъ.“ Иначе обстоитъ дѣло въ хорошую погоду. Тогда птицы рѣшительно предпочитаютъ самыя густыя деревья, на которыхъ

можно скрыться отъ солнечныхъ лучей и спрятаться отъ постороннихъ глазъ. Прячутся попугаи всегда, какъ только замѣчаютъ какую нибудь опасность. Они знаютъ, какъ хорошо они, окрашенные въ цвѣтъ зеленыхъ листьевъ, могутъ скрыться въ густой верхушкѣ дерева. На такой верхушкѣ нелегко замѣтить попугаевъ. Даже зная, что ихъ сидитъ на одномъ деревѣ штукъ 50, не видишь иногда ни одного. Скрываются они такъ ловко не только благодаря лиственно-зеленому цвѣту своего оперенія, но и благодаря свойственной почти всѣмъ попугаямъ хитрости.

Пищу попугаевъ составляютъ главнымъ образомъ плоды и сѣмена. Впрочемъ, многіе лори питаются почти исключительно или исключительно цвѣточнымъ медомъ, цвѣточною пылью, а можетъ быть также насѣкомыми, сидящими въ чашечкахъ цвѣтовъ; арары и клинохвостые попугаи, кромѣ плодовъ и зеренъ, ѣдятъ еще почки и древесный цвѣтъ, а нѣкоторые какаду не прочь полакомиться личинками насѣкомыхъ, червями и тому подобными животными. Вообще, весьма вѣроятно, что крупные виды разсматриваемаго отряда употребляютъ животную пищу въ гораздо бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ мы думаемъ. Это подтверждается кровожадностью нѣкоторыхъ попугаевъ, а также жадностью, съ которою плѣнные попугаи накидываются на мясную пищу, когда привыкнутъ къ ней.

Чрезвычайно занятно смотрѣть на попугаевъ во время ихъ воровскихъ набѣговъ на фруктовыя деревья и на поля. Во время этихъ набѣговъ, да и вообще по манерѣ добывать себѣ пищу, это совершенныя пернатыя обезьяны. Хитрость и коварство, съ которыми они производятъ свои разбои, бросаются въ глаза всякому наблюдателю. Дерево, покрытое зрѣлыми плодами или созрѣвшая нива притягиваютъ ихъ уже издалека. „Многіе любимые плоды“, говоритъ принцъ Видъ, „заставляютъ крайне робкихъ араръ издалека собираться на лѣсныхъ опушкахъ.“ Гудъ видѣлъ лори съ кистевидными языками только на эвкалиптахъ, цвѣты которыхъ доставляютъ птицамъ обильный кормъ; на другихъ деревьяхъ упомянутый естествоиспытатель никогда ихъ не видѣлъ. Всѣ крупные виды крайне осторожно ищутъ себѣ пропитанія; даже въ лѣсу они приступаютъ къ дѣлу такъ, какъ будто собираются воровать. „Большіе, золотисто-зеленые попугаи“, говоритъ Пэппигъ, „стаями спускаются на ярко-красныя эритрины и на желтыя тахіи, цвѣты которыхъ охотно ѣдятъ. Крикъ этихъ птицъ ужасенъ; но, благодаря своей хитрости, онѣ понимаютъ, на сколько онъ можетъ быть опасенъ въ то время, когда онѣ начинаютъ грабить зрѣющее маисовое поле. Тогда каждая птица сдерживаетъ свою наклонность къ шуму и гаму, и раздается только подавленное ворчаніе, между тѣмъ какъ разореніе подвигается впередъ съ невѣроятной быстротой. Охотнику или взбѣшенному индѣйцу не всегда удается подкрасться къ хитрымъ ворамъ; ибо двое-трое старшихъ птицъ въ качествѣ сторожей всегда высматриваютъ съ самыхъ высокихъ деревьевъ, что́ творится кругомъ. Услышавъ первый предостерегающій знакъ, потревоженные хищники отвѣчаютъ общимъ тихимъ крикомъ; при второмъ карканьи сторожа, вся толпа съ крикомъ обращается въ бѣгство, но тотчасъ послѣ удаленія врага опять начинаетъ свою разрушительную дѣятельность.“

Попугаи производятъ невѣроятнѣйшія опустошенія въ садахъ и на поляхъ, чѣмъ вполнѣ оправдывается преслѣдованіе ихъ человѣкомъ. Они не брезгаютъ ничѣмъ, и ничто не можетъ считаться защищеннымъ отъ нихъ. „Эти птицы и особенно большіе арары,“ говоритъ принцъ Видъ, „разбиваютъ своимъ гигантскимъ, крѣпкимъ, подвижнымъ клювомъ самые твердые плоды и орѣхи“; но ничуть не хуже справляются они и съ какимъ нибудь скользкимъ плодомъ или съ маленькимъ зернышкомъ. Выемки или пилообразные нарѣзы на верхней створкѣ клюва чрезвычайно облегчаютъ задерживанье гладкой или мелкой пищи, причемъ значительную помощь оказываетъ и подвижный языкъ. Въ одно мгновеніе щелкается орѣхъ, извлекаются зерна изъ колоса, сдирается кожица съ зерна. Если клюва оказывается недостаточно, то птица прибѣгаетъ къ помощи ноги и ловко подноситъ схваченную пальцами пищу ко рту. Подобно обезьянамъ, попугаи портятъ гораздо больше, чѣмъ съѣдаютъ.

Пообѣдавъ, попугаи летятъ пить и купаться. Пьютъ они много, не брезгаютъ соленой или по крайней мѣрѣ мутной водой. Кромѣ купанья подъ дождемъ, они

полощатся въ лужахъ и охотно купаются въ пескѣ, какъ куры, причемъ перья ихъ изрядно пылятся; попугаи залѣзаютъ для той же цѣли въ пещеры, вырываемыя зимородками для вывода птенцовъ. Попугаи любятъ землю, пропитанную солью, и всегда появляются близъ лѣсныхъ солончаковъ.

Размноженіе попугаевъ происходитъ въ тѣ мѣсяцы, которые на ихъ родинѣ соотвѣтствуютъ нашей веснѣ и предшествуютъ созрѣванію плодовъ. Болѣе крупные виды выводятъ птенцовъ, повидимому, однажды въ годъ и кладутъ не болѣе двухъ яицъ; австралійскіе карликовые попугаи и широкохвостые попугаи отклоняются отъ этого правила: они всегда кладутъ 3—4, иные изъ нихъ даже 6—10 яицъ, и высиживаютъ птенцовъ два-три раза въ годъ, какъ можно судить по плѣннымъ птицамъ. Какаду и другіе попугаи всегда тоже кладутъ болѣе двухъ яицъ, но выводятъ птенцовъ только разъ въ годъ. Яйца попугаевъ всегда бѣлаго цвѣта, кругловатыя и съ гладкой скорлупой.

Выводить своихъ птенцовъ попугаи предпочитаютъ въ древесныхъ дуплахъ, но иногда выводятъ потомство и въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые американскіе виды забираются для этой цѣли въ углубленія земли или скалъ; индѣйскіе попугаи, по словамъ Іердона, кладутъ яйца въ щели старыхъ зданій и т. п.; попугай калита сооружаетъ изъ толстыхъ вѣтокъ большія безобразныя гнѣзда; земляные попугаи кладутъ яйца на голую землю. Можно смѣло утверждать, что попугаи выводятъ птенцовъ большими обществами, а иногда даже собираются для этой цѣли въ несмѣтныя стаи.

Не всегда удается попугаямъ найти для вывода птенцовъ дерево, въ которомъ дупло выдолблено искуснымъ дятломъ или же образовалось благодаря какой-нибудь счастливой случайности; нерѣдко приходится попугаямъ самимъ устраивать помѣщеніе для своихъ дѣтей. Тогда они доказываютъ, какое разнообразное употребленіе умѣютъ дѣлать изъ своего клюва. При помощи клюва попугай и притомъ преимущественно, но не исключительно, самка, расширяетъ маленькую дырочку, сквозь которую виднѣется гнилая внутренность дерева. При этомъ птица проявляетъ большую ловкость, привѣшивается, какъ дятелъ къ корѣ, и скорѣе отгрызаетъ, чѣмъ отрѣзаетъ клювомъ одну щепку за другою, пока не устроитъ себѣ подобающаго жилища. Работа продолжается иногда нѣсколько недѣль; но благодаря своему терпѣнію, птица достигаетъ цѣли. Впрочемъ, главное для попугая — углубленіе; объ устройствѣ самаго гнѣзда онъ мало хлопочетъ. Даже весьма неудовлетворительнаго углубленія оказывается достаточно для непритязательнаго попугая. „На бѣломъ стволѣ пальмы иримы“, пишетъ Пэппигъ, „виднѣется блестящій хвостъ изъ небесно-голубыхъ перьевъ; это желтая арара расширяетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ отверстіе, сдѣланное дятломъ, и обращаетъ его въ гнѣздо, откуда однако даже во время высиживанья свѣшивается ея красивый хвостъ, длина котораго равняется половинѣ метра.“

Обыкновенно, оба супруга одной и той же парочки сидятъ на яйцахъ поочередно. У болѣе мелкихъ видовъ, напр. у волнистыхъ попугайчиковъ, высиживанье длится 16—18 дней; другіе попугаи, какъ показываютъ наблюденія, сидятъ на яйцахъ 19, 23, 25 дней; сколько времени высиживаютъ свои яйца арары — неизвѣстно. Молодые попугаи вылупляются изъ яйца въ крайне безпомощномъ состояніи, но развиваются поразительно быстро. Вначалѣ они бываютъ весьма скудно покрыты пухомъ; по прошествіи 5—6 дней показываются стержни первыхъ перьевъ; на 8-й или 10-й день жизни птенцы открываютъ глаза. Волнистые попугайчики, надъ которыми было произведено наблюденіе, покинули впервые гнѣздо на 33-й день жизни и два дня спустя летали уже свободно.

Оба родителя приносятъ своимъ птенцамъ кормъ и кормятъ ихъ еще нѣкоторое время послѣ того, какъ они покинутъ гнѣздо. Пищу, если она состоитъ изъ зеренъ, старики сначала размягчаютъ въ зобу, а затѣмъ кладутъ въ ротъ птенцамъ. Шомбургкъ замѣтилъ, что одна пара попугаевъ, выведшая птенцовъ въ лѣсу близъ того мѣста, гдѣ путешественникъ сдѣлалъ привалъ, кормила своихъ дѣтенышей только два раза въ день, а именно утромъ около 11-ти часовъ и въ 5 часовъ вечера. „Прилетѣвъ, попугаи сначала усаживались на вѣтку

вблизи своей дыры и, если замѣчали, что за ними наблюдаютъ, сидѣли смирно до тѣхъ поръ, пока имъ не удавалось выбрать подходящаго, по ихъ мнѣнію, момента для того, чтобы незамѣтнымъ образомъ проскользнуть въ свое отверстіе.“ Родителей нельзя упрекнуть въ недостаткѣ нѣжности къ своимъ птенцамъ. Если грозитъ опасность, то старики защищаютъ свое потомство съ самоотверженной храбростью и дѣлаютъ это также въ неволѣ, сопротивляясь даже любимому ими хозяину. Нѣкоторые виды съ такою же нѣжностью, съ какою посвящаютъ себя своимъ собственнымъ дѣтямъ, принимаютъ участіе въ судьбѣ осиротѣвшихъ птенцовъ, причемъ заботятся не только о безпомощныхъ птицахъ одного съ ними вида, но и о другихъ видахъ.

Приблизительно уже на второмъ году жизни попугаи достигаютъ полной красы своего оперенія и дѣлаются способными къ размноженію. Тѣмъ не менѣе живутъ они много лѣтъ. Удивительны наблюденія, сдѣланныя надъ плѣнными попугаями. Они значительно переживали семью, среди которой провели свою юность; одно американское сказаніе гласитъ, что попугаи видѣли, какъ погибъ постепенно и вымеръ цѣлый народъ. „Весьма вѣроятно“, замѣчаетъ А. Гумбольдтъ, что послѣдняя семья атуровъ вымерла лишь недавно; ибо въ Майпуресѣ еще живъ старый попугай, о которомъ мѣстные жители говорятъ, что не понимаютъ его потому, что онъ говоритъ на языкѣ атуровъ.“

Возможно, что большинство крупныхъ попугаевъ умираютъ отъ старости, а не погибаютъ отъ враговъ. Враги у попугаевъ также есть, но нѣтъ врага хуже человѣка. Многіе попугаи, благодаря своей смышленности, увертываются отъ хищныхъ животныхъ, а нѣкоторые могутъ, вѣроятно, давать даже отпоръ тѣмъ хищникамъ, которые способны преслѣдовать попугаевъ на той высотѣ, куда они забираются. Болѣе мелкіе виды вѣроятно часто становятся жертвами соколовъ или лазящихъ хищныхъ млекопитающихъ; болѣе крупные умѣютъ также съ успѣхомъ пользоваться клювомъ для отраженія нападеній. Но противъ человѣка имъ, разумѣется, не помогаетъ ни хитрость, ни сопротивленіе. То или другое изобрѣтеніе человѣка въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ надъ попугаями.

Попугаевъ вездѣ преслѣдуютъ и охотятся на нихъ со страстью. Дѣлается это какъ ради той пользы, какую человѣкъ извлекаетъ изъ этихъ птицъ, такъ и ради самозащиты. Защищаться же отъ попугаевъ людямъ приходится вездѣ, гдѣ плантаціи граничатъ съ лѣсами, населенными этими птицами. „Не слѣдуетъ воображать“, говоритъ Одюбонъ, „что всѣ набѣги, совершаемые попугаями, не встрѣчаютъ серьезнаго отпора со стороны плантаторовъ. Напротивъ: за свои разбойническія нападенія на владѣнія крестьянъ, эти птицы истребляются цѣлыми массами. Разъяренный поселянинъ подкрадывается къ нимъ съ ружьемъ въ рукахъ — и однимъ выстрѣломъ убиваетъ 8 или 10 разбойниковъ. Птицы, оставшіяся въ живыхъ, поднимаются, громко вскрикиваютъ, въ теченіе 4 или 5 минутъ кружатся по близости, возвращаются къ трупамъ товарищей, летаютъ вокругъ нихъ съ громкимъ, жалобнымъ крикомъ и падаютъ жертвами своей привязанности къ погибшимъ; наконецъ, ихъ остается такъ мало, что крестьянинъ жалѣетъ тратить на нихъ заряды. Въ теченіе немногихъ часовъ я уничтожилъ такимъ образомъ нѣсколько сотъ попугаевъ и наполнилъ убитыми цѣлыя корзины. Раненые попугаи, впрочемъ, умѣютъ постоять за себя и наносятъ своимъ острымъ клювомъ опасныя раны врагу.“ Мясо убитыхъ попугаевъ, хотя оно твердое и упругое, охотно употребляется въ пищу, или, по крайней мѣрѣ, изъ него варятъ крѣпкій бульонъ. Шомбургкъ очень хвалитъ бульонъ изъ попугаевъ, который ему не разъ приходилось пробовать.

Еще чаще на попугаевъ охотятся ради ихъ великолѣпныхъ перьевъ. „Нѣтъ ничего естественнѣе этого самаго простого и самаго красиваго рода украшенія“, говоритъ принцъ Видъ, „которое должно было прежде всего привлечь вниманіе дикарей. Какъ красивы грубыя работы изъ перьевъ совершенно нецивилизованныхъ народовъ, описанныя путешественниками, перебывавшими въ разныхъ частяхъ свѣта! Особенно отличились въ этомъ отношеніи многіе первобытные народы Бразиліи. Попугаи явились также причиной одного всемірно-историческаго

событія. Птицы эти, совершенно безсознательно, разумѣется, имѣли не малое вліяніе на одинъ изъ міровыхъ переворотовъ. Стая попугаевъ способствовала открытію Америки. Пинсонъ, спутникъ и подчиненный великаго генуэзца, убѣдительно просилъ этого послѣдняго измѣнить направленіе, въ какомъ до тѣхъ поръ шли корабли. „Меня словно осѣнило откровеніе, что мы должны плыть въ иномъ направленіи“, увѣрялъ Пинсонъ. „Откровеніемъ же этимъ и тѣмъ, что говорило ему сердце“, замѣчаетъ Гумбольдтъ, „Пинсонъ, — судя по тому, что говорилъ одинъ старый матросъ наслѣдникамъ Колумба, — обязанъ былъ стаѣ попугаевъ, которыхъ видѣлъ вечеромъ летящими къ юго-западу, чтобы, по мнѣнію Пинсона, переночевать въ кустарникѣ на сушѣ. Появленіе стаи птицъ никогда не имѣло болѣе важныхъ послѣдствій. Можно сказать, что отъ этой стаи зависѣло то мѣсто, гдѣ появились первыя поселенія на континентѣ, что она рѣшила первоначальное распредѣленіе въ Америкѣ романскихъ и германскихъ расъ.“

Польза, приносимая попугаями человѣку, та же, что и отъ обезьянъ. Кромѣ пользы, которую мы извлекаемъ изъ ихъ мяса и шкурокъ, мы пользуемся попугаями, какъ пріятными комнатными животными. Мы любимъ ихъ, несмотря на непріятныя ихъ выходки; мы прощаемъ имъ то, что они оскорбляютъ нашъ слухъ своимъ рѣзкимъ крикомъ и слишкомъ часто злоупотребляютъ своимъ разрушительнымъ клювомъ, который — какъ это ни невѣроятно — не щадитъ даже желѣза, и выносимъ этихъ птицъ потому, что насъ подкупаетъ ихъ великолѣпное опереніе и ихъ смышленность.

Прирученіе попугаевъ напоминаетъ до извѣстной степени порабощеніе человѣкомъ домашнихъ животныхъ. Начали приручать попугаевъ еще въ незапамятныя времена. На древнеегипетскихъ памятникахъ еще совсѣмъ не встрѣчается изображеній попугаевъ, не упоминается о нихъ и въ Библіи; зато уже Онесикритъ, полководецъ Александра Великаго, нашелъ ихъ въ Индіи, какъ комнатныхъ животныхъ, прирученныхъ туземцами, и привезъ ручныхъ попугаевъ живыми въ Грецію. Впослѣдствіи попугаи стали часто появляться въ Римѣ. За красоту и умъ римляне такъ полюбили ихъ, что за это заслужили даже публичное порицаніе. „О несчастный Римъ“, воскликнулъ строгій цензоръ Маркъ Порцій Катонъ. „до какихъ временъ мы дожили, если женщины кормятъ собакъ у себя на колѣняхъ, а мужчины носятъ на рукѣ попугаевъ!“ Попугаевъ сажали въ серебряныя, черепаховыя клѣтки, въ клѣтки изъ слоновой кости, нанимали для обученія ихъ особенныхъ учителей, учили ихъ произносить главнымъ образомъ слово „Цезарь“ и для обученія ихъ прибѣгали къ особенному инструменту. Говорящій попугай часто цѣнился дороже невольника. Овидій воспѣлъ даже одного попугая въ стихахъ; Геліогабалъ въ видѣ самаго дорогого угощенія подавалъ своимъ гостямъ головы попугаевъ. Еще при Неронѣ вѣроятно были извѣстны только индѣйскіе виды; позднѣе, можетъ быть, начали привозить въ Европу африканскихъ попугаевъ. Во время крестовыхъ походовъ богатые люди въ Германіи держали попугаевъ въ клѣткахъ и учили ихъ говорить.

Въ Америкѣ первые попавшіе туда европейцы уже встрѣтили ручныхъ попугаевъ въ хижинахъ и передъ хижинами туземцевъ. Шомбургкъ разсказываетъ, что до сихъ поръ въ Америкѣ ручнымъ попугаямъ даютъ летать свободно, не подрѣзывая имъ крыльевъ. „Я видѣлъ“, пишетъ онъ „какъ нѣсколько ручныхъ попугаевъ утромъ соединялись со стаями дикихъ, пролетавшихъ надъ деревней, а вечеромъ, при возвращеніи, снова опускались на хижину своего хозяина.“ Изъ разсказовъ Шомбургка видно, что попугаи такъ же неразрывно связаны съ лѣсными поселеніями индѣйцевъ, какъ куры съ дворами европейскихъ крестьянъ. „Замѣчательно, какъ ручные попугаи и обезьяны любятъ дѣтей. Мнѣ рѣдко случалось видѣть кружокъ играющихъ индѣйскихъ дѣтей, къ которому не присоединилась бы обезьяна или попугай. Попугаи скоро выучиваются подражать всѣмъ окружающимъ голосамъ, воспроизводить крикъ пѣтуховъ, лай собакъ, плачъ дѣтей, смѣхъ и т. д.“

По сравненію съ американскимъ ручнымъ попугаемъ, свободно летающимъ вокругъ хижинъ индѣйцевъ, судьба попугаевъ, попадающихъ въ Европу, очень печальна. Всего хуже приходится имъ прежде, чѣмъ они достигнутъ мѣста своего

назначенія. Врядъ ли больше половины попугаевъ, перевозимыхъ на суднѣ, переносятъ далекое морское путешествіе, а изъ тѣхъ, которыхъ удается привезти въ Европу живыми, многіе погибаютъ въ темныхъ, грязныхъ, зараженныхъ лавкахъ большинства торговцевъ птицами. Только когда начинаютъ надлежащимъ образомъ ухаживать за птицей, судьба ея становится лучше; но часто попугай уже успѣваетъ къ этому времени заручиться пугливостью, недовѣріемъ къ людямъ, запальчивостью и дурными привычками и утрачиваетъ свой непріятный нравъ лишь послѣ продолжительнаго ухода за нимъ.

Но онъ уменъ и скоро выучивается примѣняться къ измѣнившимся условіямъ жизни. Прежде всего, онъ привыкаетъ къ разнообразному корму. Вмѣсто сочныхъ плодовъ и зеренъ, къ которымъ онъ привыкъ въ своихъ родныхъ лѣсахъ, ему даютъ пищу, употребляемую человѣкомъ. Пища эта нравится попугаю все больше и больше по мѣрѣ того, какъ онъ знакомится съ болѣе разнообразными видами ея. Сначала онъ довольствуется конопляным или канареечнымъ сѣменемъ, но скоро начинаетъ требовать чего-нибудь другого. Такъ какъ ему постоянно даютъ сласти, то онъ становится избалованнымъ лакомкой, который уже не довольствуется простой пищей. Его можно пріучить почти ко всѣмъ веществамъ, употребляемымъ въ пищу человѣкомъ, даже къ кофе, чаю, вину, пиву и т. п.; отъ крѣпкихъ напитковъ онъ даже хмелѣетъ. Только относительно самыхъ мелкихъ видовъ разсматриваемаго отряда этого сказать нельзя: мелкіе попугаи, кромѣ зеренъ и листьевъ овощей, не трогаютъ никакого корма. Говорятъ что у ручныхъ попугаевъ вслѣдствіе того, что ихъ кормятъ мясомъ развивается одна дурная привычка: дѣло въ томъ, что многіе плѣнные попугаи сами выщипываютъ у себя перья, иногда даже всѣ до единаго. Они ревниво слѣдятъ за каждымъ вырастающимъ перомъ и вырываютъ его, несмотря ни на какія наказанія къ которымъ обыкнокенно бываютъ очень чувствительны. Нѣкоторые наблюдатели полагаютъ, что птицы дѣлаютъ это потому, что кожу ихъ раздражаютъ паразиты; другіе ученые думаютъ, что попугаи выщипываютъ свои перья просто отъ скуки, на которую обрекаются въ неволѣ эти птицы, столь дѣятельныя на свободѣ; говорятъ, что попугаевъ можно отучить отъ этой привычки, если только давать имъ всегда достаточное количество мягкаго дерева для измельченія, т. е. если доставлять имъ занятіе. Еще важнѣе повидимому надлежащій выборъ пищи. Опытъ показываетъ, что большинство болѣе крупныхъ попугаевъ можетъ довольствоваться конопляным сѣменемъ, неразваренным рисомъ, овсомъ, маисомъ, салатомъ, капустой и фруктами, болѣе мелкіе виды — просомъ, канареечнымъ сѣменемъ, салатомъ и листьями. Горькій миндаль и петрушка для попугаевъ ядъ и могутъ ихъ погубить.

Какъ среди всѣхъ высшихъ животныхъ, такъ и среди попугаевъ члены одного и того же вида иногда болѣе, иногда менѣе поддаются обученію, т. е. бываютъ то болѣе, то менѣе способны. Одинъ попугай учится быстро и усваиваетъ многое, другой — медленно и усваиваетъ мало, третій — ничему не выучивается. Но при правильномъ обученіи можно достигнуть большихъ, даже очень большихъ результатовъ. Особенно важную услугу оказываетъ при этомъ попугаямъ ихъ превосходная память. Разъ полученныя впечатлѣнія они сохраняютъ цѣлыми годами. При заучиваніи словъ, память играетъ такую же важную роль, какъ подвижность ихъ языка, благодаря которой они могутъ подражать звукамъ, издаваемымъ человѣкомъ. Они схватываютъ какое-нибудь понятіе, выучиваются произносить какое-нибудь слово; затѣмъ съ однимъ словомъ связываютъ другое, и способности ихъ растутъ по мѣрѣ того, какъ птицы упражняютъ ихъ. Необходимое условіе для успѣшнаго обученія это держать сначала птицу въ строгомъ заточеніи. По окончаніи обученія можно давать ей бо́льшую свободу.

Если же попугаи должны удовлетворять желанію настоящаго любителя, а именно если желательно, чтобы они размножались, то имъ необходимо предоставить извѣстную свободу. Размножаются попугаи въ неволѣ рѣдко только потому, что имъ не создаютъ для этого надлежащихъ условій. Опытъ достаточно ясно показалъ, что плѣнныхъ попугаевъ нетрудно заставить размно-

жаться. Первое условіе для этого — дать парочкѣ достаточно простору, спокойствіе и позаботиться о подходящемъ помѣщеніи для гнѣзда.

Слѣдуя дѣленію Рейхенова, мы различаемъ въ семействѣ попугаевъ 9 подсемействъ, изъ которыхъ первое составляютъ короткохвостые попугаи (Pioninae). Отличительный признакъ ихъ составляетъ короткій, прямой и широкій хвостъ, длиною равный приблизительно половинѣ длины крыльевъ. Большинство короткохвостыхъ попугаевъ живетъ въ тропическихъ странахъ Америки; лишь немногіе обитаютъ въ Африкѣ. Подобно большей части прочихъ попугаевъ, они также птицы общительныя.

*

Если не самый красивый, зато одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ представителей богатаго видами подсемейства короткохвостыхъ попугаевъ, — это вѣерный попугай (Deroptyus accipitrinus), единственный представитель своего рода. Опереніе задней части и боковъ шеи, всей верхней стороны и ляжекъ блестящаго темно-зеленаго цвѣта; опереніе передней и верхней части головы свѣтлаго буровато-желтаго цвѣта; широкія, значительно удлиненныя перья на задней части головы и на затылкѣ образуютъ хохолокъ, который можетъ подниматься и опускаться, и окрашены въ темный карминно-красный цвѣтъ съ темно-фіолетовымъ отливомъ; точно такъ же окрашена вся нижняя сторона, за исключеніемъ зеленыхъ перьевъ по бокамъ груди; большія маховыя перья и ихъ покровныя перья черныя, три послѣднихъ пера зеленыя, хвостовыя перья зеленыя, какъ и спина, за исключеніемъ крайнихъ, на внутренней сторонѣ черныхъ, а на наружной сторонѣ черновато-синихъ. Длина 27 см.

Насколько извѣстно, вѣерный попугай живетъ преимущественно въ лѣсахъ, окружающихъ рѣку Амазонку, въ Суринамѣ и Гвіанѣ и вездѣ встрѣчается рѣже, чѣмъ другіе попугаи.

*

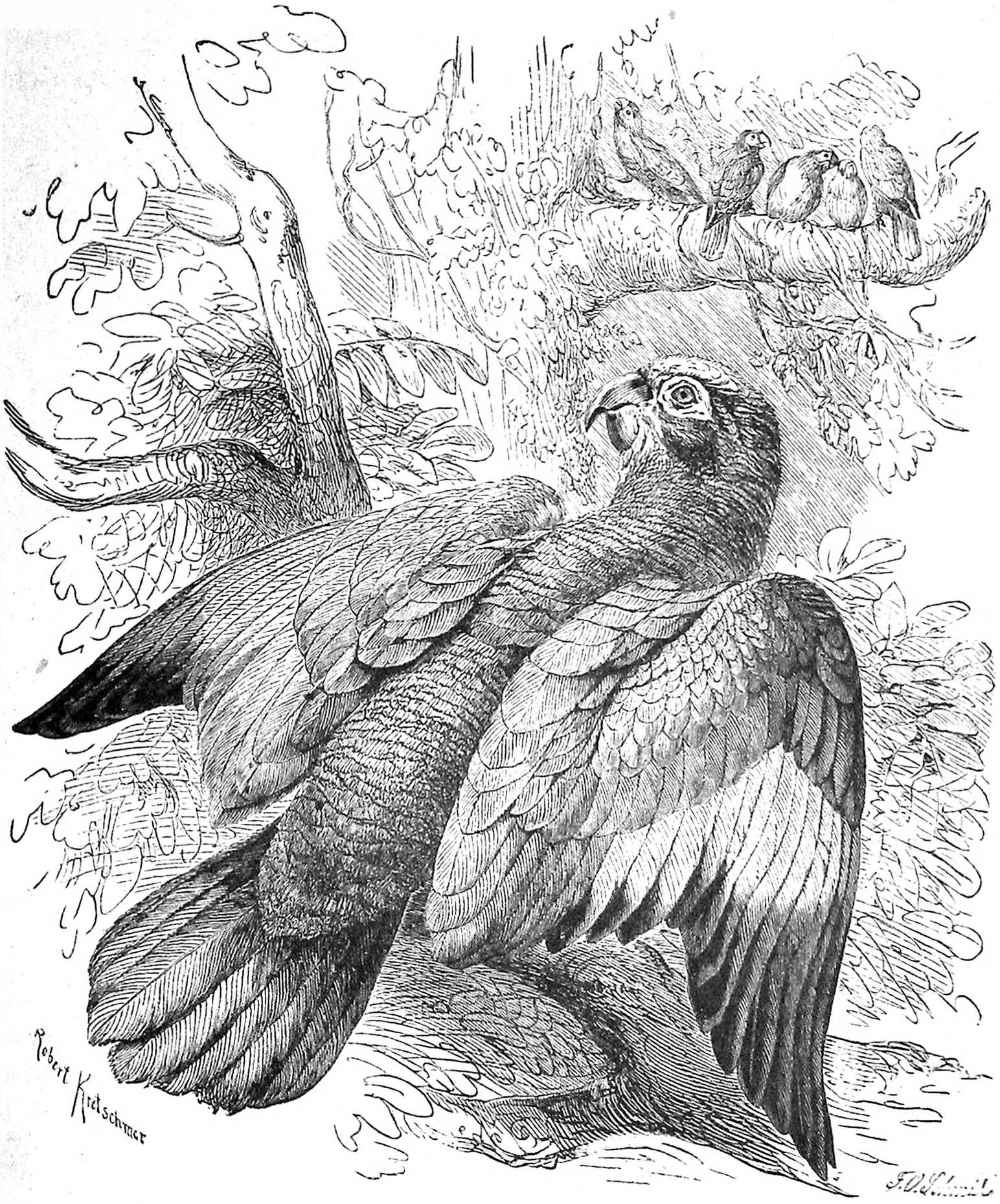
Одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ родовъ представляютъ собою амазонскіе, или зеленые попугаи (Androglossa), большія или средней величины, плотно сложенныя птицы съ очень крѣпкимъ, умѣренно загнутымъ клювомъ, гребень котораго по направленію къ основанію образуетъ острый уголъ; крылья у нихъ умѣренной длины, остріе крыла мало выдается или почти совсѣмъ не выдается; хвостъ короткій, самое большее средней длины и нѣсколько закругленный, перья мелкія, широкія, на концѣ обрубленныя, восковица и глазное кольцо обыкновенно голыя.

Водится эта группа начиная отъ штатовъ Ла-Платы до южной Мексики; центральнымъ пунктомъ ея мѣстожительства можетъ считаться рѣка Амазонка. Нѣкоторые виды встрѣчаются въ Вестъ-Индіи, и на различныхъ островахъ различные виды являются представителями одного и того же рода.

Какъ представителя рода, назовемъ амазонскаго попугая (Androglossa amazonica). Онъ относится къ среднимъ по величинѣ видамъ своего рода: длина его 35 см. Опереніе его темнаго травянисто-зеленаго цвѣта, широкая полоса на лбу лиловато-синяя; большія маховыя перья, за исключеніемъ первыхъ черныхъ, при основаніи имѣютъ наружное опахало тускло-зеленаго цвѣта, который далѣе переходитъ въ синій, цвѣта индиго; малыя маховыя перья отъ второго до четвертаго при основаніи зеленыя, въ серединѣ киноварно-красныя, на концахъ синяго цвѣта индиго; прочія, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ зеленыхъ, снаружи зеленаго цвѣта, внутри чернаго, а на концѣ синяго, нижнія кроющія перья хвоста желтовато-зеленаго цвѣта. Глаза киноварно-красные, клювъ желтаго рогового цвѣта, на концѣ темно-бурый, ноги буроватыя.

Область, въ которой водится амазонскій попугай, простирается отъ средней Бразиліи до британской Гвіаны и Тринидада и доходитъ до Боготы, Экуадора и Венецуэлы.

„Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ восточнаго берега Бразиліи, гдѣ я перебывалъ“, говоритъ принцъ Видъ, „этотъ попугай одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ. Я вездѣ встрѣчалъ его во множествѣ, гдѣ густые первобытные лѣса граничатъ съ болотами, поросшими мангровыми деревьями, и съ устьями рѣкъ; ибо птенцовъ амазонскій попугай выводитъ и тутъ, и тамъ и повидимому любитъ плоды мангровыхъ деревьевъ. Уже въ окрестностяхъ Pio де Жанейро, тамъ, гдѣ есть большіе лѣса, попугаи эти встрѣчаются во множествѣ; но мы находили ихъ и на берегахъ сѣверныхъ рѣкъ, и

Амазонскій попугай (Androglossa amazonica). 1/3 естеств. велич.

слышали ихъ громкій голосъ особенно по утрамъ и по вечерамъ въ болотистыхъ низовьяхъ рѣкъ, поросшихъ кустарникомъ, который часто заливается водою во время приливовъ. Я видѣлъ, можно сказать, безчисленныя отдѣльныя общества короткохвостыхъ попугаевъ, которые наполняли лѣса и оглашали ихъ громкимъ крикомъ. Такіе союзы между попугаями встрѣчаются часто, но не могутъ идти въ сравненіе съ огромными стаями странствующихъ голубей. Если эти попугаи садятся въ дѣвственномъ лѣсу на высокое, густое дерево, то часто бываетъ трудно ихъ замѣтить. Зеленый цвѣтъ отлично защищаетъ ихъ отъ постороннихъ глазъ; присутствіе ихъ однако можно замѣтить потому, что внизъ падаютъ скорлупа или кожица плодовъ и зерна. Во время ѣды попугаи спокойны; если же спугнуть ихъ, они тотчасъ издаютъ свой громкій крикъ. Стрѣляютъ ихъ во множествѣ, по-

тому что изъ нихъ готовится питательное кушанье: супъ изъ попугаевъ одно изъ любимыхъ блюдъ не только въ Бразиліи, но также въ Суринамѣ."

Всѣ амазонскіе попугаи, о жизни которыхъ обнародованы наблюденія, кладутъ весною 3—4 бѣлыхъ яйца въ дупла деревьевъ на щепочки, откусанныя ими со стѣнокъ дупла. Молодыя птицы, вынутыя изъ гнѣзда, дѣлаются очень ручными и выучиваются явственно говорить. Поэтому въ Бразиліи ихъ часто можно встрѣтить въ жилищахъ; ихъ во множествѣ также привозятъ въ города, гдѣ ихъ покупаютъ моряки и увозятъ съ собою въ Европу. Въ Европѣ это одни изъ самыхъ обыкновенныхъ попугаевъ. Они воспріимчивы къ обученію, которое производится ихъ владѣльцами или людьми, усердно занимающимися съ ними, отличаются довольно кроткимъ и пріятнымъ нравомъ, а слѣдовательно заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, которыми ихъ осыпаютъ.

Всѣ клинохвостые попугаи (Conurinae), кромѣ одного рода, отличаются отъ прочихъ американскихъ попугаевъ и отъ большинства попугаевъ Стараго Свѣта своимъ длиннымъ, ступеньчатымъ хвостомъ.

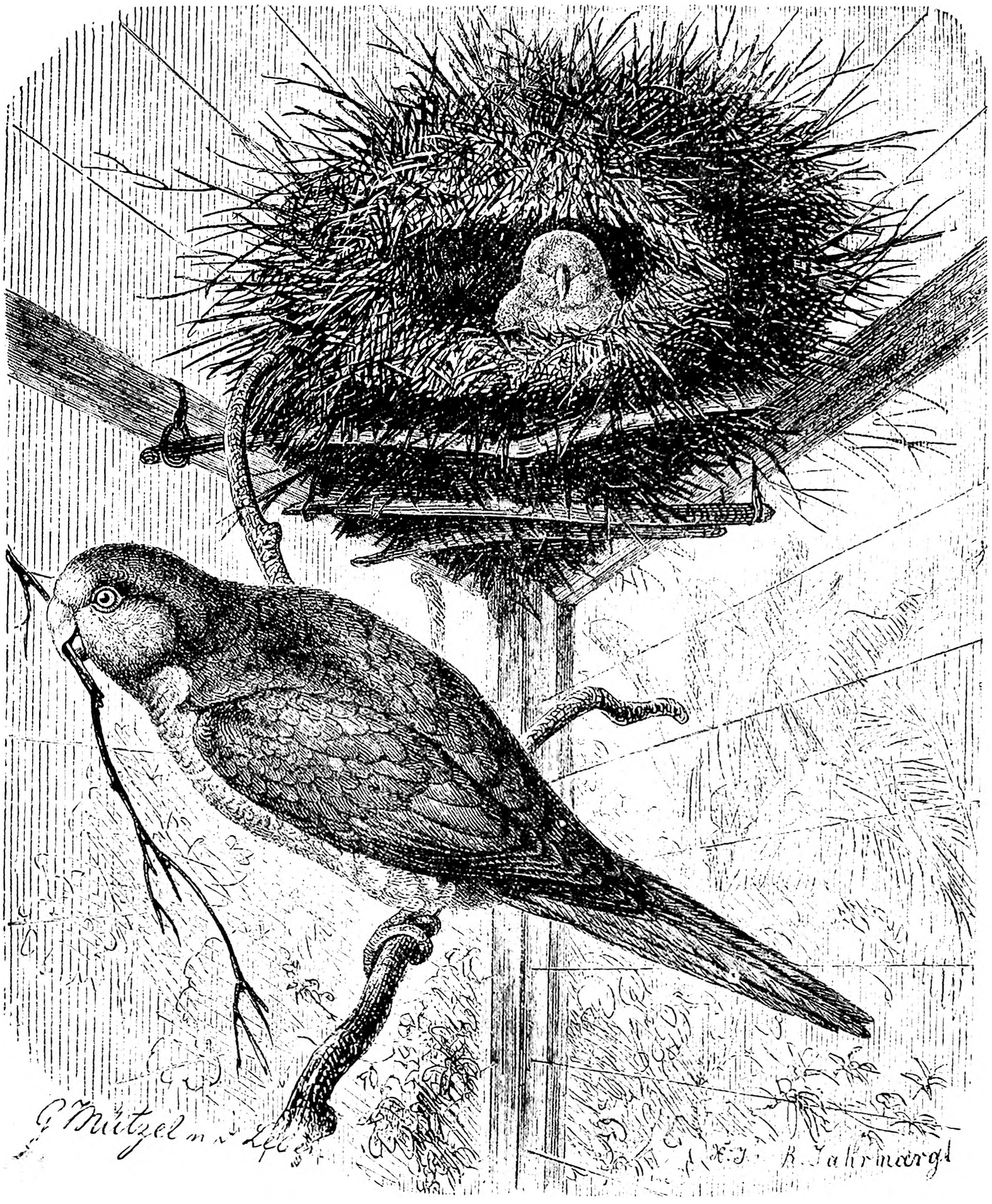
Къ толстоклювымъ попугаямъ (Bolborhynchus), обнимающимъ мелкіе виды, величина которыхъ колеблется между величиной скворца и дрозда, и которые водятся преимущественно въ западной, южной и средней части южной Америки, принадлежитъ наиболѣе извѣстный видъ этого рода, а именно калита (Bolborhynchus monachus), птица въ 27 см. длиною. Опереніе этого попугая травянисто-зеленое, спина и плечи блѣднаго оливково-буроватаго цвѣта съ сѣрыми разводами; лобъ, передняя часть головы, уздечка, щеки, шея и грудь свѣтло-сѣрые, перья на головѣ буроватыя, нижняя часть груди и брюшко одноцвѣтныя, свѣтло-сѣрыя, большія маховыя перья съ нижней стороны темнаго морского цвѣта, съ зеленоватыми разводами. Изъ немногихъ данныхъ, сообщаемыхъ путешественниками, видно, что калита одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ въ Парагваѣ и въ Восточной Бандѣ; внѣ періода вывода она бродитъ по странѣ обществами въ 50—200 головъ и тогда наноситъ сильный вредъ полямъ, особенно же маисовымъ полямъ, почему и подвергается самому безпощадному преслѣдованію.

Размноженіе калиты заслуживаетъ нашего вниманія потому, что — насколько до сихъ поръ извѣстно — это единственный попугай, сооружающій на деревьяхъ большія гнѣзда. Первое сообщеніе объ этомъ сдѣлано Азарой, который, описывая эти гнѣзда, говоритъ, что они всегда бываютъ очень большія, часто имѣютъ болѣе 1 метра въ поперечникѣ, сверху бываютъ закрыты, внутри выложены травами; онъ прибавляетъ, что часто на одномъ деревѣ такихъ гнѣздъ можно найти нѣсколько, и что однимъ гнѣздомъ пользуется нѣсколько самокъ сообща.

Въ послѣднее время мы имѣли случай наблюдать за тѣмъ, какъ калита сооружаетъ въ клѣткѣ свое своеобразное гнѣздо. Въ послѣднія десятилѣтія, калита, до тѣхъ поръ очень рѣдко попадавшій въ Европу, сталъ появляться на европейскомъ рынкѣ животныхъ въ бо́льшемъ количествѣ, и, несмотря на его пронзительный крикъ, нашлось много охотниковъ покупать его. Шмидтъ первый имѣлъ возможность сдѣлать сообщеніе о размноженіи этой птицы въ клѣткѣ. Этотъ ученый выбралъ разсматриваемаго попугая для своихъ опытовъ надъ попугаями, проводящими зиму подъ открытымъ небомъ. Опыты эти привели въ общемъ къ благопріятнымъ результатамъ, особенно же успѣшно пошло дѣло съ калитою. Въ апрѣлѣ эти птицы начали отрывать вѣтки отъ кустовъ, находившихся внутри обширной клѣтки и, вопреки ожиданіямъ наблюдателя, сносили эти вѣтки внутрь ящика, предназначавшагося для вывода птенцовъ. Ящикъ этотъ калиты внутри тщательно выложили вѣтвями и въ немъ воспитали свое потомство. Всѣ вещества, необходимыя для постройки гнѣзда, приносились неутомимымъ самцомъ: онъ выбиралъ себѣ изъ общаго запаса сухую вѣточку и вмѣстѣ съ нею взлѣзалъ на мѣсто постройки. Самка же усердно занималась тѣмъ, что прилаживала, складывала, переплетала или выбрасывала приносимые самцомъ сучки.

*

Длинноклювый попугай, извѣстный у жителей Чили подъ названіемъ чороя (Henicognathus leptorhynchus), играетъ въ своемъ семействѣ такую же роль, какъ посатый какаду среди себѣ подобныхъ: длинноклювый попугай — это птица съ удивительно длиннымъ, заостреннымъ клювомъ, а потому имѣетъ полное право считаться представителемъ особаго рода. По строенію крыльевъ и хвоста эта птица почти совершенно сходна съ наиболѣе близкими своими родственниками — клинохвостыми попугаями; клювъ же ея отличается отъ клововъ

Калита (Bolborhynchus monachus). $^2/_5$ естеств. велич.

всѣхъ другихъ попугаевъ. Клювъ этотъ средней крѣпости, тонкій и гораздо длиннѣе клюва прочихъ попугаевъ, причемъ надклювье вдвое больше въ длину, чѣмъ въ ширину; онъ очень мало загнутъ и вытянутъ въ длинный, съуживающійся, выдающійся кончикъ, имѣющій почти горизонтальное направленіе. Въ окраскѣ оперенія преобладаетъ темный травянисто-оливково-зеленый цвѣтъ, который на нижней сторонѣ тѣла переходитъ въ оливково-зеленый цвѣтъ; край лба, опереніе восковицы, уздечка и узенькій край глаза темнаго мѣдно-пурпурово-краснаго цвѣта, большія маховыя перья и ихъ покровы снаружи синевато-зеленые съ черной каемкой, рулевыя перья сверху и снизу мѣдно-пурпурово-краснаго цвѣта. Глаза съ золотисто-желтой радужной оболочкой, клювъ и ноги синевато-сѣрые. Длина всей птицы 38 см., изъ которыхъ на хвостъ приходится 17 см. Это очень обыкновенная птица; часто она соединяется въ

стаи, состоящія изъ многихъ сотенъ и тысячъ, крикъ которыхъ дѣйствуетъ оглушающимъ образомъ. Такъ какъ чорой скорѣе живетъ на землѣ, чѣмъ на деревьяхъ, то часто покрываетъ обширныя пространства пампасовъ и, къ сожалѣнію, также полей. Это одинъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ пшеничныхъ и маисовыхъ посѣвовъ; своимъ почти прямымъ клювомъ онъ такъ же хорошо вырываетъ изъ земли молодые ростки пшеницы или маиса, какъ и корешки травъ, составляющіе его первоначальную пищу. Къ великому огорченію сельскаго хозяина, чорой не ограничивается указанными разбоями, но грабитъ также фруктовые сады и срываетъ яблоки только ради косточекъ. Неудивительно поэтому, что чилійскіе крестьяне ненавидятъ и усердно преслѣдуютъ эту птицу.

*

Клинохвостые попугаи (Conurus) отличаются сильно загнутымъ клювомъ, бока котораго сплюснуты и длина котораго приблизительно равняется вышинѣ, крѣпкими ногами съ короткою плюсной и средней длины пальцами, длинными, острыми крыльями, длиннымъ, клинообразнымъ, ступеньчатымъ хвостомъ, въ сущности устроеннымъ такъ же, какъ у длинноклюваго попугая и, наконецъ, жесткимъ опереніемъ, на зеленомъ по преимуществу фонѣ котораго выдѣляются разнообразные разводы и цвѣтныя пятна.

Большинство клинохвостыхъ попугаевъ водится въ средней части южной Америки, особенно въ сырыхъ низменностяхъ, расположенныхъ по рѣкѣ Амазонкѣ и по ея притокамъ. Попугаи эти очень оживляютъ лѣсныя пространства, особенно лѣсныя дебри, гдѣ голосъ этихъ птицъ часто бываетъ единственнымъ звукомъ, издаваемымъ живыми существами. Тамъ, гдѣ близъ лѣса находятся плантаціи, клинохвостые попугаи, подобно прочимъ попугаямъ, причиняютъ вредъ; но они менѣе энергично портятъ маисъ, чѣмъ рисъ. Послѣ вывода птенцовъ они чаще появляются на лѣсныхъ опушкахъ и приводятъ съ собой молодыхъ птицъ, которыхъ кормятъ, предварительно размягчивъ пищу въ зобу, несмотря на то, что послѣднія сдѣлались уже совсѣмъ взрослыми птицами.

Гнѣздо устраивается въ дуплахъ старыхъ деревьевъ и содержитъ въ себѣ 2—3 бѣлыхъ яйца. Человѣкъ не мѣшаетъ этимъ птицамъ выращивать свое потомство, такъ какъ въ Бразиліи распространено мнѣніе, будто клинохвостые попугаи не поддаются обученію, никогда не выучиваются говорить и трудно выносятъ неволю. Только немногіе виды пользуются бо́льшею благосклонностью человѣка и часто держатся въ неволѣ, причемъ главнымъ образомъ цѣнятся за свой кроткій нравъ.

Къ клинохвостымъ попугаямъ принадлежитъ единственный попугай, встрѣчающійся въ сѣверной Америкѣ и по части той области, гдѣ онъ водится, получившій названіе каролинскаго попугая (Conurus carolinensis). Длина его 32 см., длина хвоста 15 см. Главная окраска — пріятный темный травянисто-зеленый цвѣтъ, на спинѣ по обыкновенію болѣе темный, на нижней сторонѣ болѣе желтоватый; лобъ и щеки красновато-оранжевые, тѣмъ же цвѣтомъ окрашены задняя часть головы, плечи и крылья, между тѣмъ какъ затылокъ чистаго золотисто-желтаго цвѣта.

Каролинскій попугай прежде встрѣчался въ сѣверной Америкѣ до 42 градуса сѣверной широты и повидимому легко переносилъ сравнительно суровый климатъ тѣхъ краевъ. Вильсонъ говоритъ, что былъ крайне изумленъ, увидѣвъ во время мятели въ февралѣ мѣсяцѣ стаю этихъ птицъ, летѣвшихъ съ громкимъ крикомъ вдоль береговъ Огіо. Отъ поры до времени эти попугаи встрѣчались въ одиночку еще сѣвернѣе, даже близъ Альбани. Съ тѣхъ поръ обстоятельства очень перемѣнились. Число этихъ попугаевъ убываетъ постоянно. „Сотни этихъ великолѣпныхъ птицъ“, съ укоромъ говоритъ Алленъ, „попадаются каждую зиму въ сѣти профессіональныхъ птицелововъ на верховьяхъ рѣки С-ть Джона и отправляются въ сѣверные города; цѣлыя тысячи ихъ безполезнымъ образомъ уничтожаются охотниками.“ Кромѣ того, попугаевъ этихъ за ихъ опустошительные набѣги на

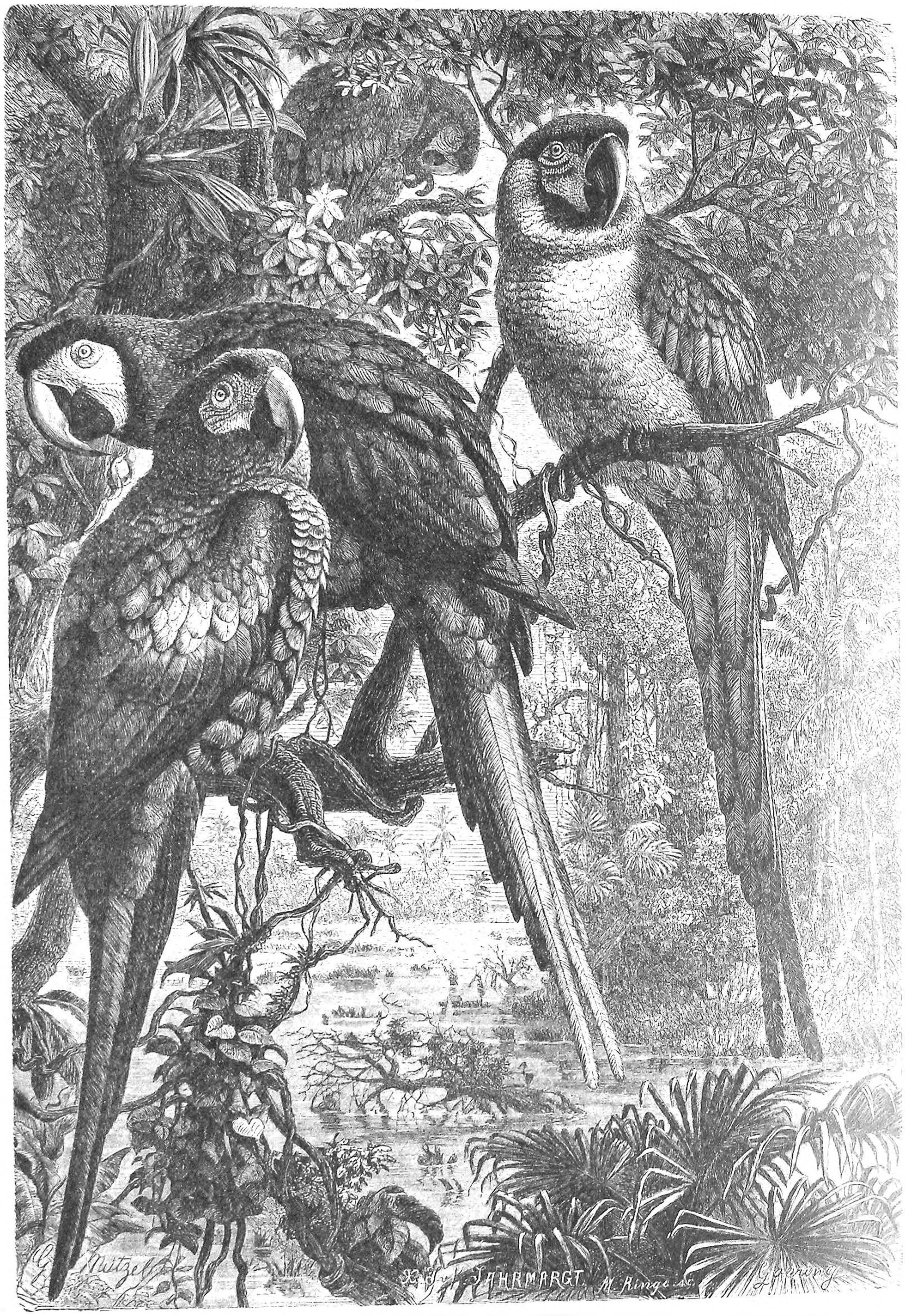
поля преслѣдуютъ еще сельскіе хозяева. Поэтому весьма понятно, что изъ многихъ мѣстностей Соединенныхъ Штатовъ каролинскій попугай исчезъ совершенно. Болѣе всего птицы эти любятъ такія мѣстности, плодородная почва которыхъ поросла сорною травою — морщиноватымъ репейникомъ; ибо плоды ея, несмотря на длинныя и густыя колючки, все-таки доступны птицамъ и доставляютъ имъ подходящую пищу. Кромѣ того, каролинскіе попугаи цѣлыми массами вторгаются въ плантаціи и часто причиняютъ большой вредъ, такъ какъ портятъ гораздо больше, чѣмъ съѣдаютъ.

О жизни каролинскаго попугая въ неволѣ Вильсонъ сообщаетъ слѣдующее: „Желая узнать, легко или трудно приручить этого попугая, я рѣшилъ взять къ себѣ одного, слегка раненаго въ крыло. Я устроилъ ему нѣчто вродѣ клѣтки на кормѣ моей лодки и давалъ ему репейникъ, который онъ сталъ ѣсть тотчасъ послѣ своего водворенія на лодкѣ. Когда я покинулъ рѣку и продолжалъ свой путь по сушѣ, я взялъ съ собою и птицу, завернувъ ее въ шелковый платокъ и не обращая вниманія на всѣ трудности, неизбѣжно сопряженныя съ такимъ предпріятіемъ Попугай очень часто выскакивалъ изъ моего кармана, заставлялъ меня слѣзать съ лошади и искать его въ чащѣ или въ болотѣ. Когда я вступилъ въ охотничій районъ индѣйцевъ, то эти послѣдніе постоянно обступали меня, и какъ мужчины, такъ и женщины и дѣти, съ громкимъ смѣхомъ и, повидимому, съ удивленіемъ осматривали моего новаго спутника. Чикказавы называли его на своемъ языкѣ „келинки“, но тотчасъ же мѣняли это названіе, когда слышали, что я называю попугая „Полли“. Впослѣдствіи, Полли (самка) сдѣлалась даже средствомъ для моего сближенія съ этимъ народомъ. Пріѣхавъ къ моему другу Дунбару, я обзавелся клѣткой и поставилъ ее подъ навѣсомъ передъ домомъ. Сюда мой плѣнникъ очень скоро сталъ сзывать пролетающія мимо стаи, и съ этихъ поръ мы каждый день видѣли вокругъ дома цѣлыя общества попугаевъ. которые вели оживленныя бесѣды съ Полли. Одного изъ нихъ, также легко раненаго въ крыло, я посадилъ въ клѣтку къ Полли, къ великому удовольствію одинокой дотолѣ птицы. Она тотчасъ же подошла къ новоприбывшему, стала шептать ему о своемъ участіи къ его несчастію, гладила его клювомъ по головѣ и по затылку и вообще вступила съ нимъ въ самую тѣсную дружбу. Новоприбывшій умеръ, и Полли въ теченіе нѣсколькихъ дней была безпокойна и неутѣшна. Я повѣсилъ тогда зеркало около того мѣста, гдѣ сидѣла обыкновенно Полли; она увидѣла свое изображеніе, и ея радость послѣ этого повидимому вернулась; по крайней мѣрѣ одно время она не помнила себя отъ восторга. Трогательно было видѣть, какъ она, съ наступленіемъ вечера, плотно прикладывала свою голову къ изображенію въ зеркалѣ и тихими криками выражала свое удовольствіе. Вскорѣ она научилась понимать данное ей имя и отвѣчала на зовъ. Она лазила также по мнѣ, садилась на мое плечо и вынимала у меня изо рта кусокъ. Безъ сомнѣнія, мнѣ удалось бы довершить ея воспитаніе, если бы она вслѣдствіе несчастной случайности не лишилась жизни. Однажды утромъ, пока я еще спалъ, бѣдная Полли вылетѣла изъ клѣтки, слетѣла съ лодки и потонула въ Мексиканскомъ заливѣ.“

*

Изъ клинохвостыхъ попугаевъ самые крупные — это арары (Sittace); величина ихъ колеблется между величиной ворона и галки; отъ всѣхъ остальныхъ попугаевъ они отличаются весьма крѣпкимъ и очень крупнымъ клювомъ. съ боковъ сплюснутымъ, на гребнѣ сильно загнутымъ и вытянутымъ въ значительно выступающій надъ нижнею створкою кончикъ, а также голымъ пространствомъ на передней части головы, обнимающимъ уздечку, глазное кольцо и переднюю часть щекъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивающимся складчатой кожей вокругъ нижней створки клюва, и кромѣ того, очень длиннымъ хвостомъ.

Арары, неправильно называемые также арами, живутъ отъ сѣверной Мексики до южной Бразиліи и Парагвая, но въ Чили уже не встрѣчаются. Въ Андахъ нѣкоторые виды забираются на высоту 3500 метровъ. Въ отношеніи характера. арары отличаются отъ прочихъ попугаевъ сравнительнымъ спокойствіемъ и извѣст-

Ара́ры. 1/8 естеств. велич.

паго рода серьезностью; по способностямъ они стоятъ на одномъ уровнѣ съ другими попугаями. Пищей имъ служатъ главнымъ образомъ разнообразные древесные плоды ихъ родныхъ лѣсовъ. Но и они совершаютъ разбойническіе набѣги

на поля и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся во множествѣ, причиняютъ, разумѣется, много вреда. Въ весенніе мѣсяцы на своей родинѣ они кладутъ въ старое прошлогоднее гнѣздо 2 яйца, которыя, повидимому, высиживаются только самкой; но оба родителя такъ же нѣжно любятъ своихъ птенцовъ, какъ и другъ друга. Молодыхъ птицъ уже издавна вынимаютъ изъ гнѣзда и воспитываютъ индѣйцы, а старыхъ какъ прежде, такъ и теперь, преслѣдуютъ ради ихъ великолѣпнаго оперенія.

Очень распространена принадлежащая къ этому роду араканга (Sittace coccinea и macao), очень красивая птица длиною въ 86 см., изъ которыхъ 32 приходится на хвостъ. Мелкія перья алыя, задняя часть спины и надхвостье, а также верхнія и нижнія кроющія перья хвоста красиваго небесно-голубого цвѣта; большія и малыя маховыя перья и покровы ихъ цвѣта берлинской лазури, самыя большія верхнія кроющія перья крыла, а также длинныя перья на плечахъ оранжево-желтыя съ зеленымъ пятномъ на концѣ; рулевыя перья алыя, на концѣ небесно-голубыя, обѣ крайнія пары темно-синія, нижнія кроющія перья крыла, а также нижняя часть маховыхъ и рулевыхъ перьевъ блестящаго алаго цвѣта. Глаза желтовато-бѣлые, голыя щеки буроватаго мясного цвѣта, верхняя створка клюва рогового бѣлаго цвѣта, на верху, у края основанія, украшена чернымъ пятномъ, нижняя створка клюва черная, ноги сѣровато-черныя.

Араканга обитаетъ на сѣверѣ южной Америки, отъ Боливіи и сѣверной Бразиліи вплоть до Гватемалы и Гондураса, встрѣчается впрочемъ въ Перу и вѣроятно въ Мексикѣ.

Другой видъ — арарауна (Sittace caerulea). У нея всѣ верхнія части тѣла, а также кроющія перья хвоста, темнаго небесно-голубого цвѣта, бока шеи и всѣ нижнія части яркаго оранжеваго цвѣта, каемка, обрамляющая щеки и подбородокъ, черная. Глаза зеленовато-сѣровато-голубоватаго цвѣта, голое мѣсто на боку головы буроватаго мясного цвѣта, клювъ черный, ноги буровато-черныя. Длина всей птицы 97 см., длина хвоста 52 см. Водится арарауна тамъ же, гдѣ и араканга.

Арары весьма характерныя птицы для первобытныхъ лѣсовъ. Любимое мѣстопребываніе ихъ въ лѣсахъ, расположенныхъ на равнинѣ и орошаемыхъ рѣками. Прежде арары жили по сосѣдству съ большими городами; въ настоящее время возрастающее населеніе этихъ городовъ заставило птицъ удалиться, и тамъ, гдѣ плантаторы вырубаютъ лѣсъ, онѣ рано или поздно исчезаютъ. Нѣкоторые виды не ограничиваются лѣсомъ, но встрѣчаются также въ тѣхъ сухихъ, возвышенныхъ мѣстностяхъ, которыя лѣтомъ подвергаются палящимъ лучамъ солнца; даже въ дикихъ, скалистыхъ горахъ провинціи Багіи крикъ ихъ служитъ развлеченіемъ, для путешественниковъ. „Плывя по рѣкамъ, орошающимъ прибрежныя лѣса“, говоритъ принцъ Видъ, „можно видѣть этихъ гордыхъ птицъ: ихъ легко узнать по голосу, по величинѣ и по длинному хвосту, когда онѣ летятъ высоко въ темно-синемъ воздухѣ, медленно махая своими большими, длинными крыльями.

„Образъ жизни этихъ красивыхъ птицъ въ общемъ сходенъ съ жизнью другихъ попугаевъ. Въ полдень, во время самаго сильнаго зноя, онѣ сидятъ и отдыхаютъ на нижнихъ крѣпкихъ вѣтвяхъ тѣнистаго дерева. Шея у нихъ въ это время втянута, а длинный хвостъ прямо свѣшивается внизъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха арары, впрочемъ, опять становятся дѣятельными. За исключеніемъ періода спариванья, онѣ держатся обществами, разыскивая себѣ разные фрукты, напр. плоды разныхъ видовъ пальмъ, плоды дерева сапукайя и др., раздробляя твердую, какъ камень, скорлупу ихъ своими мощными клювами. Хотя обыкновенно они кричатъ громко, но, подобно прочимъ попугаямъ, умолкаютъ, найдя дерево съ любимыми своими плодами и усѣвшись на него. Тогда присутствіе ихъ можно замѣтить только по падающимъ внизъ кусочкамъ раздробленной ими скорлупы плодовъ.“

Когда арары сидятъ на деревѣ и ѣдятъ, то обыкновенно все общество без-

молвствуетъ; только изрѣдка слышатся тихіе звуки, нѣсколько напоминающіе человѣческій разговоръ. Визгливый голосъ араръ слышится всегда, когда ихъ потревожишь, или когда они летятъ; громче всего кричатъ они въ томъ случаѣ, когда неслышно подкравшійся охотникъ вспугиваетъ стаю, беззаботно занятую своей трапезой. Тогда арары поднимаютъ такой крикъ, который прямо-таки можетъ оглушить человѣка. Къ этимъ птицамъ относятся слова А. Гумбольдта: „крикъ ихъ заглушаетъ ревъ горныхъ потоковъ“. Онѣ издаютъ очень рѣзкій односложный звукъ, похожій на крикъ нашей черной вороны.

Какъ и всѣ прочіе попугаи, арары очень вѣрные супруги. Для устройства гнѣзда онѣ всегда выбираютъ въ лѣсу высокое и очень развѣсистое дерево, на которомъ есть гнилая вѣтка или прогнившее отверстіе; такое отверстіе онѣ расширяютъ своимъ крѣпкимъ клювомъ до надлежащихъ размѣровъ. Сюда самка кладетъ 2 бѣлыхъ яйца, какъ и большинство другихъ видовъ попугаевъ. Во время высиживанья птицу выдаетъ хвостъ, который виситъ изъ отверстія.

Плѣнныя арары, повидимому, издавна были любимыми животными индѣйцевъ. „Съ удовольствіемъ“, говоритъ Гумбольдтъ, „смотрѣли мы на ручныхъ араръ около хижинъ индѣйцевъ; эти птицы летали по полямъ какъ наши голуби. Арары служатъ большимъ украшеніемъ индѣйскихъ курятниковъ; по красотѣ онѣ не уступаютъ павлинамъ, золотистымъ фазанамъ и гокко. Уже Колумба поразпло, что индѣйцы держатъ въ качествѣ домашнихъ птицъ попугаевъ, принадлежащихъ къ семейству, которое такъ далеко отстоитъ отъ куръ; при самомъ открытіи Америки онъ замѣтилъ, что на Антильскихъ островахъ туземцы вмѣсто куръ ѣдятъ араръ или большихъ попугаевъ.“

Впрочемъ, держать около себя араръ всегда можетъ быть нѣсколько опасно, ибо они часто пользуются своимъ страшнымъ клювомъ весьма нежелательнымъ образомъ. Только нѣкоторыя арары становятся совсѣмъ ручными. Эти птицы рѣдко выучиваются говорить такъ хорошо, какъ другіе попугаи, но не лишены способности къ усвоенію человѣческой рѣчи. Арары, за которыми ухаживаютъ надлежащимъ образомъ, достигаютъ въ неволѣ преклоннаго возраста. Азара ручается за достовѣрность того, что одна изъ этихъ птицъ прожила въ одной семьѣ 44 года, затѣмъ ослабѣла отъ старости и подъ конецъ могла переваривать только вареный маисъ.

Охотятся на араръ какъ туземцы, такъ и бѣлые съ одинаковымъ рвеніемъ; европеецъ-охотникъ также считаетъ за счастье, если ему удается выстрѣломъ положить на мѣстѣ эту великолѣпно окрашенную птицу. „Осторожно“, говоритъ принцъ Видъ, „и скрываясь за густымъ кустарникомъ или за стволами, охотникъ подкрадывается къ обществамъ араръ и иногда однимъ выстрѣломъ убиваетъ ихъ нѣсколько штукъ. Громкій голосъ ихъ, который, какъ было уже замѣчено, слышится постоянно, когда птицы летятъ или потревожены, обыкновенно обращаетъ на себя вниманіе охотника. Араръ убиваютъ крупной дробью, такъ какъ обыкновенно приходится стрѣлять на верхушки самыхъ высокихъ лѣсныхъ деревьевъ. Раненная птица своимъ крѣпкимъ клювомъ и когтями часто крѣпко прицѣпляется къ вѣтвямъ и нѣкоторое время еще пребываетъ въ такомъ положеніи. Но если охотнику удается овладѣть добычей, то онъ въ награду за труды получаетъ любимую пищу. Мясо варится подобно бычачьему; у старыхъ птицъ оно твердое, въ холодное время часто очень жирное, но даетъ крѣпкій бульонъ. Красивыя перья получаютъ различное употребленіе; каждый охотникъ, убившій арару, украшаетъ свою шляпу великолѣпными красными и синими маховыми и рулевыми перьями этого попугая. Бразильцы употребляютъ маховыя перья для писанья, многія дикія племена украшаютъ себя прочими перьями арары. Пестрыми маховыми перьями дикари всего охотнѣе украшаютъ свои стрѣлы, и еще въ настоящее время многіе дикари украшаютъ себя роскошными перьями араръ. Въ былое время племена Лингоа-гераль, теперь достигшія извѣстной степени развитія, выдѣлывали изъ такихъ перьевъ разные декоративные предметы и хранили ихъ въ полыхъ, заклеенныхъ воскомъ жестянкахъ, откуда вынимали ихъ только тогда, когда приходилось ихъ употреблять. Тупинамбы, живущіе на восточномъ берегу Америки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя

я посѣтилъ, начинаютъ торжественнымъ образомъ празднество по поводу умерщвленія или съѣденія плѣннаго воина-непріятеля. Тотъ, кто долженъ былъ совершить убійство при помощи дубины, обмазывался извѣстнымъ видомъ гуммы и обклеивался весь маленькими перьями араръ. На голову ему надѣвался вѣнецъ изъ хвостовыхъ перьевъ этихъ красивыхъ птицъ. Еще до нынѣ индѣйцы любятъ это естественное и народное украшеніе, отъ употребленія котораго іезуиты лишь послѣ долгихъ усилій отучили прибрежныя племена, теперь уже утратившія свою дикость."

Общеизвѣстная птица, жако, сѣрый попугай, (Psittacus erithacus, рис. на стр. 452), является представителемъ рода сѣрыхъ попугаевъ; изъ всего этого отряда это наиболѣе способная къ обученію птица. Описать сѣраго попугая жако нетрудно, такъ какъ, собственно говоря, онъ окрашенъ только въ два главныхъ цвѣта. Хвостъ у него алый; всѣ же прочія перья пепельно-сѣрыя съ нѣсколько болѣе свѣтлыми каемками. На головѣ и на шеѣ эти каемки выступаютъ отчетливѣе, чѣмъ на остальномъ оперенiи, и потому эти части кажутся свѣтлѣе. Если обтереть мелкую пыль, обыкновенно густо покрывающую перья жако, то перья становятся аспидно-черновато-синими. Молодой жако отличается отъ стараго только болѣе тусклой, буровато-сѣрой окраской оперенія и сѣрымъ зрачкомъ. У стараго жако зрачекъ желтый, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. Самецъ немного больше самки. Длина птицы 31 см., длина хвоста 8 см.

Водится жако въ западной Африкѣ отъ Золотого Берега до Бенгуэлы, а также на Фернандо По и на Принцевомъ островѣ, проникаетъ сквозь центральную Африку до озера Чадъ и приблизительно до водораздѣла сѣверной половины области Конго, а слѣдовательно здѣсь распространенъ почти въ той же области, гдѣ растетъ масличная пальма. Внутри извѣстной области жако встрѣчается очень часто вездѣ, гдѣ есть сколько нибудь сплошныя крупныя лѣсныя пространства или лѣса, тянущіеся длинными полосами и состоящіе изъ старыхъ деревьевъ, а потому весьма странно, что о жизни жако на свободѣ мы узнали лишь въ послѣднее время.

Въ западной Африкѣ, особенно же на Золотомъ Берегу, на дельтѣ р. Нигера, въ Камерунѣ и Габунѣ, жако встрѣчаются чрезвычайно часто; ибо здѣсь, въ неприступныхъ лѣсныхъ пространствахъ наносной земли при устьяхъ рѣкъ, природа создала для нихъ такія защищенныя и подходящія мѣста, что преслѣдованія, которымъ эти птицы подвергаются со стороны туземцевъ и немногихъ своихъ враговъ, врядъ-ли могутъ имѣть какое нибудь значеніе. Главнымъ образомъ гнѣздятся они въ мангровыхъ лѣсахъ близъ берега, причемъ ютятся въ древесныхъ дуплахъ; часто они даже расширяютъ при помощи своего крѣпкаго клюва такое дупло, чтобы устроить себѣ удобныя мѣста для вывода птенцовъ. Для ночлега они избираютъ себѣ постоянно самыя высокія въ данной мѣстности деревья и сюда слетаются каждый вечеръ. Около солнечнаго заката съ разныхъ сторонъ слетаются бо́льшія или меньшія стаи, такъ что часто набирается нѣсколько сотенъ птицъ. Такія мѣста ночлега скоро становятся весьма замѣтными. Далеко по окрестности разносится карканье прибывающихъ и разсаживающихся на деревьяхъ попугаевъ, и только послѣ наступленія темноты крикъ этотъ замолкаетъ совершенно. На слѣдующее утро крикъ возобновляется и возвѣщаетъ о томъ, что вся стая снимается съ мѣста. Съ шумомъ, карканьемъ, визгомъ, ни на минуту не умолкающими, сѣрые попугаи летятъ вглубь страны, чтобы хозяйничать по своему произволу на маисовыхъ поляхъ, которыя негры любятъ располагать на возвышенныхъ равнинахъ. Любимая пища сѣрыхъ попугаевъ это полуспѣлый маисъ; на поляхъ эти птицы производятъ страшныя опустошенія.

Вездѣ, гдѣ встрѣчается жако, туземцы ловятъ его, приручаютъ, выучиваютъ говорить, а также пользуются имъ какъ предметомъ обмѣна или торга.

Это одна изъ любимыхъ комнатныхъ птицъ, вполнѣ заслуживающая того расположенія, какимъ пользуется, ибо отличается удивительною кротостью, способностью усваивать то, чему ее обучаютъ, и привязанностью къ своему хозяину.

Жако восхваляютъ, такъ сказать, на всѣхъ языкахъ. О немъ говорится во всѣхъ книжкахъ естественной исторіи и вообще во всѣхъ тѣхъ книгахъ, гдѣ говорится хоть объ одной сторонѣ жизни животныхъ. О немъ разсказывается множество прелестныхъ исторій. Уже Левальянъ очень подробно повѣствуетъ объ одномъ изъ этихъ попугаевъ, который жилъ въ неволѣ у одного амстердамскаго купца, и расхваливаетъ прекрасныя качества этой птицы. „Карлъ — такъ звали этого попугая — говорилъ почти такъ же хорошо, какъ Цицеронъ; я могъ бы наполнить цѣлый томъ прекрасными изреченіями, которыя этотъ попугай произносилъ, и которыя онъ повторялъ мнѣ, не пропуская ни единаго слога. Повинуясь приказанію, онъ приносилъ своему хозяину ночной колпакъ и туфли, и звалъ служанку, когда она

Жако (Psittacus erithacus). $^2/_5$ естеств. велич.

бывала нужна въ комнатѣ. Особенно любилъ онъ сидѣть въ лавкѣ, и здѣсь былъ полезенъ, такъ какъ при входѣ покупателя, если хозяина не было, кричалъ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не приходилъ. Память у него была превосходная, и онъ выучивался въ точности произносить по голландски цѣлыя фразы и поговорки. Только на 60-мъ году неволи у попугая начала слабѣть память, и всякій день онъ забывалъ по немногу то, что́ уже заучилъ. Онъ никогда не повторялъ болѣе половины поговорки, причемъ иногда даже перемѣщалъ слова или смѣшивалъ слова одного предложенія со словами другого.“

Пожалуй самый замѣчательный изъ всѣхъ попугаевъ долгіе годы жилъ въ Вѣнѣ и въ Зальцбургѣ, служа предметомъ усердныхъ наблюденій. Это чудесное животное въ 1827 г. было куплено министерскимъ совѣтникомъ Андреемъ Мехлетаромъ, по порученію соборнаго капонка Іосифа Мархнера въ Зальцбургѣ, у капитана корабля въ Тріестѣ за 25 гульденовъ, и въ 1830 г. перешло во владѣніе соборнаго церемоніймейстера Ганикля. Ганикль ежедневно отъ 9 до 11 час. утра или отъ 10 до 11 час. вечера обучалъ попугая, занимался имъ много

помимо этого и такимъ образомъ добился высокаго развитія его умственныхъ способностей. Послѣ смерти Ганикля попугай былъ проданъ за 150 гульденовъ, а въ 1840 году проданъ былъ вторично за 370 гульденовъ. Другъ моего покойнаго отца, графъ Гурси Друатомонъ, первый въ 1835 году сдѣлалъ сообщеніе объ этой птицѣ въ „Изидѣ“ Окена. Сообщеніе это, по желанію Ленца, дополнилъ послѣдній владѣлецъ попугая, Клеймарнъ, и такимъ образомъ Ленцъ могъ изложить все, извѣстное ему объ этой птицѣ, въ слѣдующихъ словахъ:

„Жако обращаетъ вниманіе на все происходящее вокругъ него, умѣетъ судить обо всемъ, даетъ на вопросы правильный отвѣтъ, исполняетъ приказанія, привѣтствуетъ посѣтителей, прощается съ уходящими, говоритъ только утромъ „доброе утро“ и только вечеромъ „добрый вечеръ“, требуетъ себѣ пищи, когда бываетъ голоденъ. Каждаго члена семьи онъ называетъ по имени и къ однимъ обнаруживаетъ больше симпатіи, чѣмъ къ другимъ. Когда онъ хочетъ, чтобы я подошелъ къ нему, онъ кричитъ: „Папа, поди сюда!“ Все, что́ онъ говоритъ, поетъ и свиститъ, онъ произноситъ совершенно такъ же, какъ человѣкъ. Иногда, въ моменты воодушевленія, онъ обращается въ импровизатора, и тогда рѣчь его звучитъ какъ рѣчь оратора, котораго мы слушаемъ издали, не различая отдѣльныхъ словъ.

„А вотъ списокъ того, что Жако говоритъ, поетъ, свиститъ и т. д.: „Ваше преподобіе, доброе утро.“ — „Ваше преподобіе, дайте мнѣ миндалинку.“ — „Хочешь миндалинку? Хочешь орѣшка? Ужъ тебѣ что-нибудь дадутъ. Вотъ тебѣ.“ — „Господинъ полковникъ, здравствуйте, господинъ полковникъ.“ — „Госпожа архитекторша, вашъ покорный слуга.“ — „Мужикъ, мошенникъ, мошенникъ, мужикъ, браконьеръ, куда лѣзешь? куда лѣзешь, пойдешь-ли ты домой — да или нѣтъ? Подожди-ка, негодный!“ — „Дрянь ты этакая! Негодный ты, скверный!“ — „Славный попочка, хорошій попочка!“ — „Ты хорошій мальчуганъ, очень хорошій мальчуганъ!“ — „Получишь кукурузу, ужъ что́-нибудь да получишь.“ — „Няня! Няня!“ — „Господинъ сосѣдъ, надо повременить! Господинъ сосѣдъ, надо повременить!“ Когда кто-нибудь стучится у дверей, то Жако кричитъ очень громко, очень явственно и совершенно какъ человѣкъ: „Войдите, войдите! Приказывайте, я вашъ покорный слуга! Я радъ, что имѣю честь, я радъ, что имѣю честь.“ Онъ самъ стучится у дверей своего домика и кричитъ вышеприведенное. — Кукушкѣ онъ подражаетъ отлично. — „Дай мнѣ штрафъ, хорошій штрафъ: получишь миндалинку.“ — „Погляди-ка сюда!“ — „Выходи-ка!“ — „Иди наверхъ, иди-же!“ — „Мой милый попочка!“ — Браво, брависсимо!“ — „Молиться, пойдемте молиться!„ — „Пойдемте кушать!“ — „Пойдемте къ окну!“ — „Іероппмъ, вставай!“ — „Я иду, да сохранитъ тебя Богъ!“ — „Да здраствуетъ нашъ государь! Многая лѣта!“ — „Откуда ты? Простите, я было принялъ вашу милость за птицу.“ — Раскусывая что-нибудь или разламывая что-нибудь въ своемъ жилищѣ, онъ говоритъ: „Не кусай, перестань! Что ты надѣлалъ?“ — „Что́ ты надѣлалъ? Погоди, мошенникъ! Негодяй! Погоди, я тебя поколочу!“ — „Попочка, какъ же твое здоровье, попочка?“ — „Есть-ли у тебя кормъ?“ — „Хорошаго аппетиту!“ — „Шш! Шш! Спокойной ночи!“ — „Попочка можетъ выйти, пойдемъ же, пойдемъ!“ — „Попочка, стрѣляй, стрѣляй, попочка!“ Потомъ онъ прицѣливается и громко кричитъ „Пу-у!“ — „Гугу! Гугу! Иди домой? Пойдешь-ли домой? Ну такъ маршъ!“ — „Сейчасъ иди домой! Погоди, я тебя поколочу!“ Онъ звонитъ въ колокольчикъ, привѣшенный къ его жилищу и громко кричитъ: „Кто звонитъ? Кто звонитъ? Попочка.“ — „Какаду, какаду!“ — „Га га га га! Подожди подожди со своимъ га! Вотъ собачка, вотъ хорошенькая собачка, очень хорошенькая собачка!“ Затѣмъ онъ свиститъ собакѣ. Онъ спрашиваетъ: „Какъ говоритъ собачка?“ Вслѣдъ за тѣмъ онъ лаетъ. Потомъ онъ говоритъ: „Свисни собаку!“ и свиститъ. Если ему приказываютъ: „Стрѣляй!“, то онъ кричитъ „Пу-у!“ Затѣмъ онъ командуетъ самымъ настоящимъ образомъ: „Стой! Равняйся! Стой, равняйся! Стройся! Ура! Пали! Пу-у! Браво-брависсимо!“ Иногда онъ пропускаетъ „Пали!“ и послѣ „Цѣлься!“ кричитъ „Пу-у!“ но въ такомъ случаѣ, какъ бы сознавая свою ошибку, онъ уже не крпчитъ „Браво, брависсимо!“ — „Да хранитъ васъ Богъ, а Dio! Да хранитъ васъ Богъ!“ — такъ

обращается онъ къ людямъ уходящимъ. — „Какъ? Меня тузить? Какъ? меня тузить?“ Онъ кричитъ отчаянно, словно его тузятъ дѣйствительно. Потомъ онъ опять кричитъ: „Какъ? Меня тузить? Меня тузить? Погоди, негодный! Меня тузить?“ — „Да, да, да, вотъ каковы дѣла на свѣтѣ! Вотъ какъ, вотъ какъ!“ Потомъ онъ смѣется очень явственно. „Попочка боленъ, бѣдный попочка боленъ.“ — „Слышишь Ганса?“ — „Гугу, гугу! Вотъ попочка!“ — „Погоди, я тебя таки побью!“ Видя, какъ накрываютъ на столъ или слыша это изъ сосѣдней или изъ третьей комнаты, онъ сейчасъ же начинаетъ кричать: „Пойдемте обѣдать! Да поди же обѣдать!“ Когда хозяинъ его завтракаетъ въ сосѣдней или въ третьей комнатѣ, онъ кричитъ: „Какао! Получишь какао, ужъ что-нибудь да получишь!“

У хозяина Жако была перепелка. Когда она весною въ первый разъ издала свой звукъ „Пикервик“, попугай обернулся къ ней и воскликнулъ: „Браво! Попочка! Браво!“ Чтобы видѣть, возможно-ли научить его немного пѣть, сначала выбирали такія слова, которыя онъ и безъ того умѣлъ произносить, напр.: „Тутъ-ли славный попочка? Тутъ-ли добрый попочка? Тутъ-ли милый попочка? Да, да!“ Впослѣдствіи онъ научился пѣть пѣсенку. Онъ даетъ также тонъ аккорда и очень бѣгло и чисто свиститъ гамму вверхъ и внизъ, свиститъ также другія штучки и трели; но онъ свиститъ и поетъ все это не всегда въ одномъ тонѣ, а иногда на полтона или же на цѣлый тонъ ниже или выше, чѣмъ обыкновенно, причемъ не фальшивитъ нисколько.

„Клеймарнъ умеръ въ 1853 году. Жако, повидимому отъ тоски по своемъ любимомъ хозяинѣ, началъ прихварывать; въ 1854 г. его совсѣмъ уже слабаго положили въ маленькую постельку и усердно ухаживали за нимъ; онъ все еще прилежно болталъ, часто говорилъ грустнымъ голосомъ: „Папочка боленъ, бѣдный папочка боленъ“ — и умеръ.“

Прибавлять еще что-нибудь относительно умственныхъ способностей этихъ птицъ было бы излишнимъ. Не только надъ умомъ, но и надъ душевными качествами сѣрыхъ попугаевъ сдѣланы интересныя наблюденія. „У одного моего друга“, говоритъ Вудъ, „была птица этого вида, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была самою милою и ласковою пріемною матерью другихъ маленькихъ безпомощныхъ существъ. Въ саду ея хозяина было много розовыхъ кустовъ, оплетенныхъ проволочною изгородью и густо обвитыхъ ползучими растеніями. Здѣсь устроила себѣ гнѣздо парочка зябликовъ, которыхъ обитатели дома постоянно кормили, такъ какъ любили всѣхъ вообще животныхъ. Частыя посѣщенія изгороди скоро были замѣчены попугаемъ, котораго звали Полли; онъ видѣлъ, какъ около изгороди разсыпали кормъ и рѣшилъ послѣдовать доброму примѣру. Такъ какъ онъ пользовался свободой движеній, то скоро покинулъ клѣтку, подражалъ удивительно хорошо призывному звуку старыхъ зябликовъ и то и дѣло приносилъ птенцамъ въ клювѣ часть своего корма. Но расположеніе свое къ своимъ питомцамъ попугай выражалъ слишкомъ бурно, и испуганные родители покинули гнѣздо; тогда птенцы совершенно осиротѣли, и Полли (это была самка) могла заботиться о нихъ сколько угодно. Съ этого времени она не захотѣла возвращаться въ свою клѣтку, день и ночь оставалась у своихъ пріемышей, кормила ихъ очень усердно и выростила ихъ. Когда малютки научились летать, то садились на голову и на спину своей пріемной матери, и Полли иногда очень серьезно расхаживала со своей ношей. Но маленькія птички отплатили попугаю неблагодарностью: когда у нихъ выросли крылья, онѣ улетѣли и покинули его навсегда.“

Еще болѣе замѣчательный случай изъ жизни жако сообщаетъ Буксторъ. „Родительское чувство парочки сѣрыхъ попугаевъ, свободно летавшихъ по парку, приняло очень уродливую форму. Въ одномъ ящикѣ, поставленномъ для птицъ, устроилась кошка и тамъ кормила своихъ котятъ. Наши попугаи, вѣроятно недостаточно предпріимчивые для того, чтобы завести свою собственную семью, повидимому считали этихъ котятъ своими дѣтьми. Они постоянно ссорились со старой кошкой, и какъ только она покидала ящикъ, одинъ изъ попугаевъ забирался туда и садился около котятъ. Попугаи внимательно и напряженно слѣдили за котятами даже тогда, когда старая кошка была дома.“

При надлежащемъ уходѣ и при возможно болѣе простой пищѣ жако достигаютъ преклоннаго возраста. Попугай, принадлежавшій купцу Миннику-Гюизену въ Амстердамѣ прожилъ въ неволѣ уже 32 года, когда перешелъ по наслѣдству къ другому лицу, у котораго жилъ еще 41 годъ. Приблизительно за 4—5 лѣтъ передъ смертью онъ ослабѣлъ отъ старости и угасъ постепенно.

*

Къ самымъ красивымъ, привлекательнымъ и изящнымъ попугаямъ относятся попугайчики (Palaeornis); родъ этотъ по преимуществу водится въ южной Азіи, но встрѣчается также въ Африкѣ; различные представители видовъ этого рода имѣютъ величину, колеблющуюся между величиной дрозда и галки. Сравнительно очень крѣпкій клювъ такой же длины, какъ и вышины, кончикъ его сильно загнутъ внизъ и свѣшивается надъ нижней створкой, передъ кончикомъ на верхней створкѣ замѣчается небольшая выемка; ноги у этихъ попугаевъ короткія и сильныя, крылья длинныя и острыя, въ общемъ клинообразный, рѣзко ступенчатый хвостъ составленъ изъ перьевъ умѣренной ширины и закругленныхъ на концѣ и отличается бо́льшею частью тѣмъ, что два среднихъ пера значительно длиннѣе прочихъ.

Ожереловый попугайчикъ (Palaeornis torquatus, рис. на стр. 456) настолько же стройно сложенъ, насколько привлекательно окрашенъ и милъ. Онъ принадлежитъ къ среднимъ по величинѣ видамъ своего рода: общая длина самца равняется 35—40 см., изъ которыхъ 25 см. приходится на хвостъ. Общая окраска оперенія—очень яркій, слегка желтоватый травянисто-зеленый цвѣтъ, который всего свѣжѣе на темени, всего блѣднѣе на нижней сторонѣ, а всего темнѣе на крыльяхъ. По обѣ стороны шеи и области щекъ окраска эта переходитъ въ нѣжный лиловый или небесно-голубой цвѣтъ, который отдѣляется отъ зеленаго цвѣта шеи черной полоской на горлѣ и великолѣпной розовой полосой. Оба среднихъ хвостовыхъ пера и кончики прочихъ синяго цвѣта, нижнія части хвоста и нижнія части маховыхъ перьевъ зеленовато-желтоватыя. Зрачекъ желтовато-бѣлый, узкое глазное кольцо красное, клювъ, за исключеніемъ болѣе темнаго кончика верхней створки, ярко красный, ноги сѣрыя.

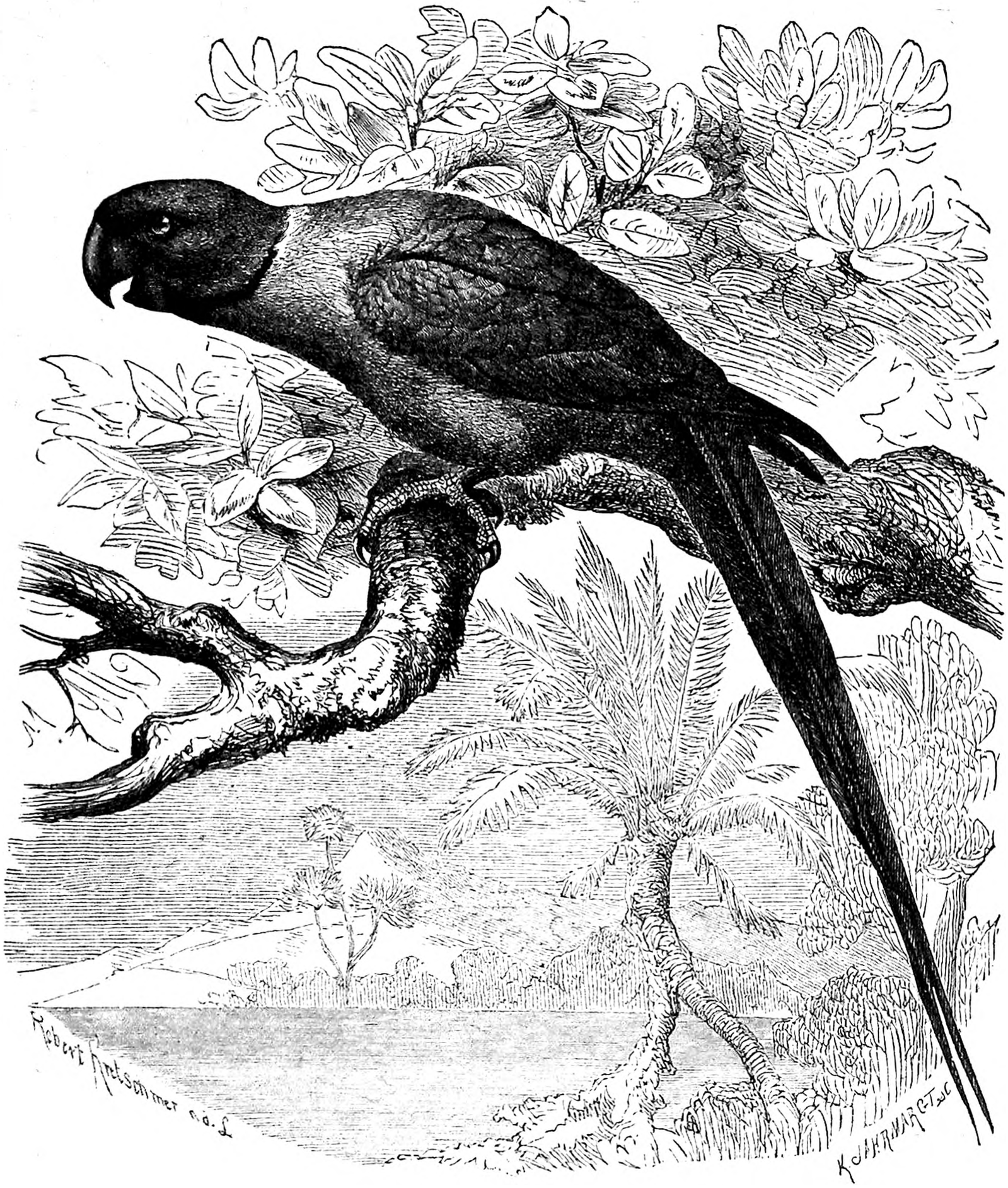
Изъ всѣхъ попугаевъ ожереловый попугайчикъ имѣетъ наибо́льшую область распространенія, ибо водится какъ въ южной Азіи, такъ и въ Африкѣ.

Въ Азіи онъ обитаетъ на полуостровѣ Индостанѣ отъ Бенгаліи до Непаля и Кашмира и отъ р. Инда до Тенассерима или Пегу, кромѣ того живетъ еще на островѣ Цейлонѣ. Здѣсь онъ предпочитаетъ всякимъ другимъ мѣстностямъ воздѣланныя пространства и поэтому является единственнымъ въ Индіи попугаемъ, который прямо-таки ищетъ возможности приблизиться къ человѣку. Во многихъ индусскихъ городахъ его можно видѣть сидящимъ на гребнѣ крыши, какъ это дѣлаютъ у насъ въ Европѣ галки; въ другихъ городахъ эти птицы избираютъ для своихъ сборищъ деревья, не обращая вниманія на рыночную толкотню внизу, и всякій вечеръ слетаются на нихъ. Поэтому ожереловые попугайчики вездѣ, гдѣ появляются, неминуемо портятъ достояніе человѣка, и только благодаря добродушію индусовъ и ихъ любви къ животнымъ, эти птицы не подвергаются такимъ безпощаднымъ преслѣдованіямъ, какъ каролинскіе попугаи. Ожереловый попугайчикъ грабитъ фруктовые сады, раззоряетъ нивы. Мѣстами онъ соединяется съ родственными видами и въ сообществѣ ихъ бродитъ по данной мѣстности.

Иначе складывается жизнь ожереловаго попугайчика въ Африкѣ. Здѣсь отъ 17-го до 8-го градуса сѣверной широты онъ живетъ во всѣхъ странахъ внутренней Африки и населяетъ всѣ удобныя для него лѣсныя пространства отъ западнаго берега до восточнаго края абиссинскихъ горъ. Онъ не всегда ищетъ обширныхъ, непрерывныхъ первобытныхъ лѣсовъ, какими въ центральной Африкѣ покрыты многія низменности; онъ часто встрѣчается и въ менѣе обширныхъ лѣсахъ, если только находитъ тамъ нѣсколько вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, густыя верхушки которыхъ во всякое время года представляютъ для него безопасный пріютъ.

Путешественнику, проѣзжающему по указаннымъ мѣстностямъ, трудно не замѣтить ожереловаго попугайчика. Они даже мало знакомому съ природой чело-

вѣку достаточно громко заявляютъ о своемъ существованіи своимъ пронзительнымъ крикомъ, который всегда пересиливаетъ всѣ лѣсные голоса и становится тѣмъ замѣтнѣе, что попугайчики всегда живутъ болѣе или менѣе многочисленными обществами. Такое общество, часто соединяясь съ подобнымъ же другимъ и образуя цѣлыя стаи, выбираетъ себѣ для житья нѣсколько тамариндъ или другихъ густолиственныхъ деревьевъ и отсюда ежедневно отправляется странствовать по окрестностямъ. Въ ранніе утренніе часы птицы еще довольно спокойны; вскорѣ же

Ожерелковый попугайчикъ (Palaeornis torquatus). $^2/_5$ естеств. велич.

послѣ восхода солнца онѣ съ крикомъ и визгомъ вылетаютъ искать себѣ пропитанія, и тогда можно видѣть, какъ цѣлыя стаи быстро проносятся надъ лѣсомъ. Африканскіе лѣса сравнительно бѣдны древесными плодами; но растительный міръ, въ изобиліи разростающійся подъ тѣнью деревьевъ, богатъ всевозможными сѣменами, ради которыхъ попугаи спускаются на землю. Только когда созрѣваютъ маленькіе круглые плоды терновника или когда становятся съѣдобными нѣжные стручки тамариндъ, попугайчики перестаютъ слетать внизъ. Вѣроятно они ѣдятъ также животную пищу; по крайней мѣрѣ, я видѣлъ, какъ они возятся около муравьиныхъ кучъ и около построекъ термитовъ, и замѣчалъ у плѣнныхъ птицъ удивительную склонность къ мясу. На поляхъ, которыя жители внутренней Африки располагаютъ по опушкѣ лѣса, попугайчиковъ удается видѣть рѣдко,

но плѣнныхъ птицъ отлично можно кормить главными видами хлѣбныхъ растеній, воздѣлываемыхъ въ этихъ мѣстностяхъ. Повидимому, попугайчикамъ больше нравятся лѣсные плоды и сѣмена, чѣмъ хлѣбныя зерна. До полудня, приблизительно, стая бываетъ занята отыскиваньемъ себѣ пропитанія; затѣмъ она летитъ на водопой, а потомъ отправляется на какую-нибудь густую верхушку дерева, чтобы здѣсь отдохнуть нѣсколько часовъ. При этомъ птицы много болтаютъ и кричатъ; общество такимъ образомъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе, но открыть его тѣмъ не менѣе трудно. То, что принцъ Видъ сказалъ объ американскихъ попугаяхъ, относится и къ попугайчикамъ; чтобы замѣтить этихъ зеленыхъ птицъ среди листвы, окрашенной точно такимъ же образомъ, надо употребить не мало усилій. Къ тому же они моментально умолкаютъ, замѣтивъ что-нибудь поражающее ихъ, или же тихо и осторожно удаляются, если опасаются преслѣдованія. Чѣмъ дольше сидѣть подъ деревомъ, съ верхушки котораго слышались сотни голосовъ, тѣмъ тише становятся попугаи, и, наконецъ, на верхушкѣ не остается ни одного: одинъ за другимъ безшумно перелетѣли они на другое такое же дерево и оттуда радостнымъ крикомъ объявляютъ о томъ, что хитрое бѣгство ихъ совершилось удачно.

Послѣ отдыха, продолжающагося нѣсколько часовъ, попугайчики вторично летятъ за пищей и питьемъ; подъ вечеръ же они собираются на своихъ любимыхъ деревьяхъ и поднимаютъ здѣсь, пожалуй, еще болѣе громкій крикъ, чѣмъ прежде; ибо теперь приходится отстаивать не лучшую вѣтку для отдыха, а искать себѣ наиболѣе безопаснаго мѣста для ночлега.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ средней Африки, которыя я самъ посѣтилъ, только европеецъ-любитель убиваетъ ожереловыхъ попугайчиковъ изъ ружья; туземецъ не трогаетъ ихъ оружіемъ и ловитъ ихъ только тогда, когда представляется случай выгодно сбыть живыхъ попугайчиковъ. Несмотря на то, что эти птицы встрѣчаются очень часто, убивать ихъ вовсе не такъ легко; благодаря своей хитрости, онѣ обманываютъ даже опытнаго охотника, такъ что всѣ его старанія часто оказываются безуспѣшными.

Ловятъ попугайчиковъ безъ всякаго опредѣленнаго плана. Молодыхъ, почти что готовыхъ къ полету птенцовъ вынимаютъ изъ гнѣзда или схватываютъ врасплохъ стараго попугайчика, забравшагося на ночлегъ въ дупло. Сѣтей и силковъ для поимки этихъ птицъ не употребляютъ, хотя туземцы умѣютъ пользоваться подобными орудіями. Въ Сенегалѣ ловля попугайчиковъ, кажется, производится въ обширныхъ размѣрахъ; оттуда и привозятъ большинство ожереловыхъ попугайчиковъ, которыхъ мы видимъ въ неволѣ.

Подсемейство лори (Trichoglossinae), распространенное въ Индіи и въ Австраліи, характеризуется волокнистымъ на концѣ языкомъ, который только у попугаевъ-нетопырей устроенъ обыкновеннымъ образомъ; форма клюва у лори своеобразная.

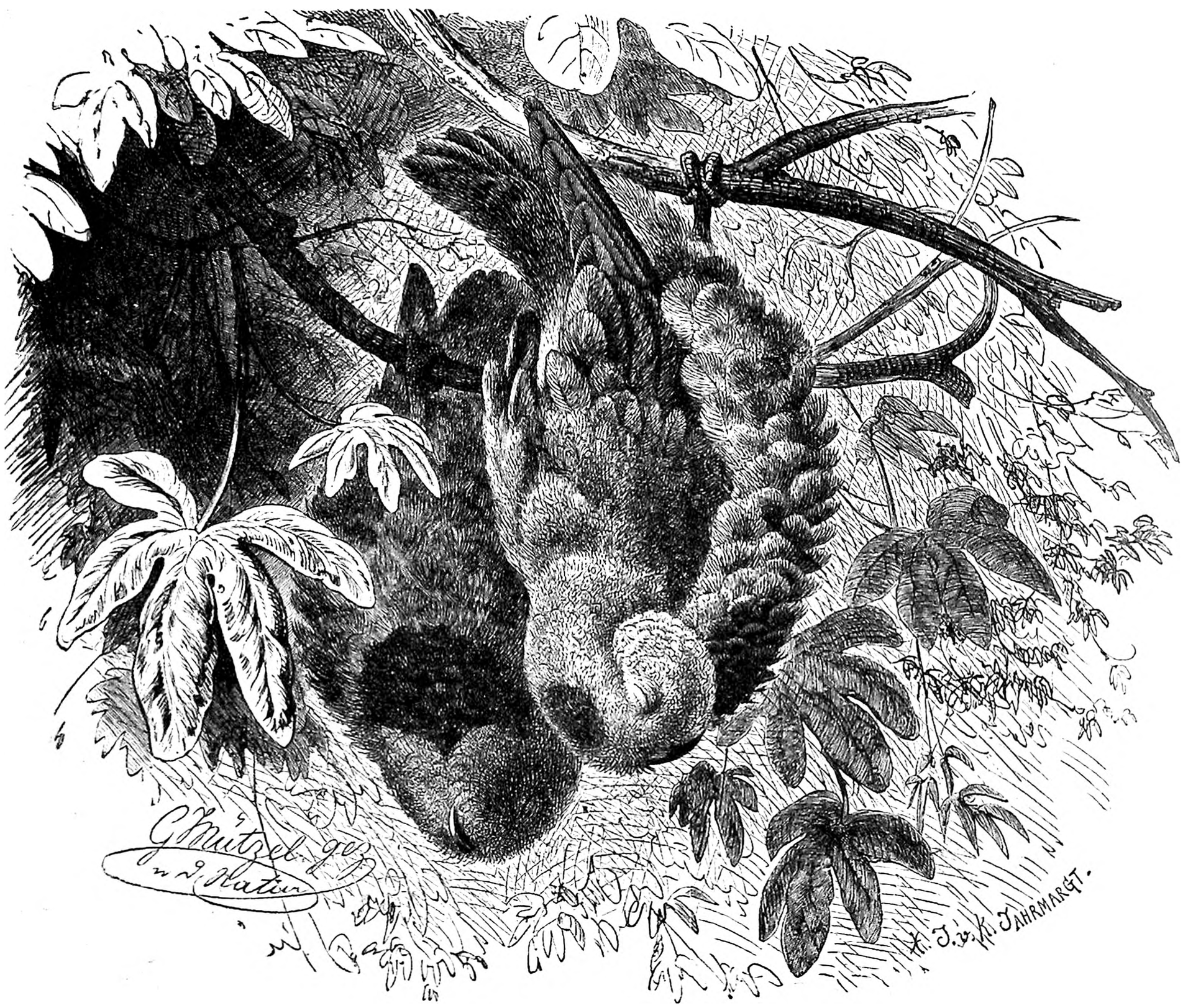
*

Попугаи-нетопыри (Coryllis), хотя и принадлежатъ къ этому подсемейству, но кистевиднаго языка не имѣютъ. Клювъ у нихъ очень слабый, въ длину гораздо больше, чѣмъ въ вышину, съ боковъ сжатый, ноги короткія и крѣпкія; крылья, если они сложены, покрываютъ болѣе половины хвоста, и, слѣдовательно, довольно длинныя, нѣсколько закругленный хвостъ коротокъ; опереніе окрашено главнымъ образомъ въ ярко зеленый цвѣтъ, и на этомъ фонѣ выдѣляются красныя, желтыя или синія пятна на верхней части головы и на горлѣ, а также всегда красное надхвостье; перья жесткія, густыя и съ длинными бородками.

Попугаи-нетопыри, которыхъ различаютъ до 20-ти видовъ, впрочемъ очень между собою сходныхъ, являются обитателями индійско-малайскихъ и папуасскихъ странъ и острововъ: водятся они отъ Цейлона до Малабара и отъ полуострова Малакки до Новой Гвинеи. Внутри этого обширнаго пространства они встрѣчаются удивительно рѣдко. Относительно ихъ жизни на свободѣ мы имѣемъ чрезвы-

чайно мало свѣдѣній; мы знаемъ только, что это — древесныя птицы, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, что живутъ онѣ часто несмѣтными стаями, питаются ягодами, древеснымъ цвѣтомъ, почками и сѣменами, во время отдыха, подобно летучимъ мышамъ, висятъ на ногахъ, головой внизъ, летаютъ мало, хотя ловко, пріятно поютъ и выводятъ своихъ птенцовъ въ древесныхъ дуплахъ. Туземцы охотно и часто держатъ ихъ въ неволѣ; но птицы эти не отличаются выносливостью и потому рѣдко попадаютъ въ клѣтки европейцевъ.

Серендакъ (Coryllis galgulus) величиною приблизительно съ нашего полеваго воробья; оперенiе его преимущественно травянисто-зеленое, круглое

Серендакъ (Coryllis galgulus). $^2/_3$ естеств. велич.

пятно на серединѣ темени темнаго ультрамаринноваго цвѣта, треугольное пятно на спинѣ, направленное концомъ внизъ, оранжеваго цвѣта, большое овальное поперечное пятно на горлѣ, а также перья надхвостья и верхнія кроющія перья хвоста яркаго алаго цвѣта; узкая поперечная полоса на нижней части спины, надъ краснымъ надхвостьемъ, а также каемки нижнихъ боковыхъ перьевъ на ляжкахъ ярко-желтаго цвѣта; маховыя перья на внутренней части черныя, а снизу, подобно хвостовымъ перьямъ, морскаго синяго цвѣта, нижнія кроющія перья зеленыя.

Насколько извѣстно до сихъ поръ, серендакъ живетъ исключительно на островахъ Борнео, Суматрѣ, Банкѣ и на южной оконечности Малайскаго полуострова. Серендаки и вообще всѣ попуган-нетопыри принадлежатъ къ самымъ привлекательнымъ членамъ своего отряда. Это премилыя существа, беззаботныя, ласковыя, подвижныя, но не необузданныя; они болтаютъ, распѣвая, или поютъ, болтая, и никогда не издаютъ при этомъ непріятныхъ пронзительныхъ криковъ и визговъ. Всѣ

движенія отличаются замѣчательной легкостью и изяществомъ. Быстро, въ припрыжку, но не ковыляя, бѣгаютъ они по землѣ; безъ всякихъ колебаній совершаютъ они прыжокъ очень значительный для ихъ короткихъ ножекъ; быстро и ловко лазаютъ они по рѣшеткѣ, одинаково дѣйствуя при этомъ клювомъ и ногами.

При отдыхѣ они только въ исключительныхъ случаяхъ пребываютъ въ обыкновенномъ положеніи, бо́льшею же частью, а во время сна всегда, принимаютъ положеніе отдыхающей летучей мыши, прицѣпляясь ногами къ потолку клѣтки или къ сухой вѣткѣ и свѣшиваясь прямо внизъ не только туловищемъ, но и головой; при этомъ спина, втянутая шея, темя и клювъ образуютъ прямую линію, между тѣмъ какъ хвостъ, чтобы не упираться въ вѣтку, отклоненъ назадъ и вверхъ, а перья немного растопыриваются. Эти хорошенькія птички въ висячемъ положеніи имѣютъ совершенно иной видъ, чѣмъ въ другое время: они кажутся вдвое толще, чѣмъ въ сидячемъ положеніи, даже прямо таки дѣлаются шарообразными. Описанное положеніе ихъ при отдыхѣ настолько характерно, что они получили названіе попугаевъ-нетопырей.

*

Дамскіе лори (Domicella) — стройно сложенные попугаи, величиной отъ воробья до галки. Окраска очень блестящая, преимущественно красная съ синими разводами, иногда же одноцвѣтная, черная или синяя; цвѣтъ клюва или ярко оранжевый, или черный, ноги всегда темныя.

Представителемъ этого рода можетъ служить видъ, наиболѣе давно знакомый намъ, а именно дамскій лори (Domicella atricapilla). Преобладающій цвѣтъ оперенія — великолѣпный алый; лобъ и плечи совсѣмъ черные, по направленію къ задней части головы переходятъ въ темно-фіолетовый цвѣтъ; широкій щитокъ на зобу, иногда тянущійся до груди, яркаго желтаго цвѣта. Сгибъ крыла синій, каждое перо украшено бѣловатой каймой на концѣ; крылья темнаго травянисто-зеленаго цвѣта, въ области плеча замѣчается расплывчатое оливково-желтовато-буроватое пятно; большія маховыя перья перваго порядка внутри сѣрнисто-желтыя, маленькія нижнія кроющія перья крыльевъ, а также перья на нижней части ляжекъ васильковаго цвѣта. Эта красивая птица обитаетъ исключительно на Церамѣ и Амбоинѣ и, подобно другимъ видамъ своего рода, не встрѣчается ни на Борнео, ни на материкѣ. На родинѣ своей дамскій лори встрѣчается часто. Онъ живетъ какъ въ уединеніи лѣсовъ, такъ и вблизи человѣческихъ жилищъ.

Пища его, кромѣ меда, собираемаго съ растеній, состоитъ изъ мягкихъ древесныхъ плодовъ, особенно изъ банановъ. Гнѣздо устраивается въ древесныхъ дуплахъ; яйца, какъ и у всѣхъ попугаевъ, блестяще бѣлыя и нѣсколько болѣе крупныя, чѣмъ у нашего дрозда.

Къ подсемейству карликовыхъ попугаевъ (Micropsittacinae) принадлежатъ дятловые попугайчики (Nasiterna) Не только между ближайшими своими родственниками, но и между всѣми вообще попугаями они обращаютъ на себя вниманіе своей малой величиной; подобно попугаямъ-нетопырямъ, это самые мелкіе виды всего отряда. Главный пунктъ, гдѣ они водятся, это Новая Гвинея; кромѣ того, они встрѣчаются еще только на сосѣднихъ островахъ.

Наиболѣе давно извѣстный намъ видъ этого рода—карликовый зеленый попугайчикъ (Nasiterna pygmaea); величиной онъ немногимъ больше нашего чижика и окрашенъ въ травянисто-желтый цвѣтъ, который на нижней сторонѣ нѣсколько свѣтлѣе, а на верхней части головы переходитъ въ желтый, и оттѣняется черными кроющими перьями крыльевъ съ зелеными каемками. Клювъ черновато-сѣрый, ноги рогового сѣровато-бураго цвѣта. Образъ жизни этой птички еще мало извѣстенъ.

*

Самый богатый видами родъ попугаевъ, въ Австраліи, это широкохвостые попугаи (Platycercus), болѣе или менѣе роскошно окрашенныя

птицы величиной отъ дрозда до воро́ны. Виды этого рода играютъ въ Австраліи и на тѣхъ островахъ, гдѣ водятся, такую же роль, какъ индѣйскіе и африканскіе попугайчики.

Свѣдѣнія наши относительно жизни этихъ великолѣпно окрашенныхъ и чрезвычайно миловидныхъ птицъ на свободѣ еще скудны и неполны. Гудъ и другіе естествоиспытатели сообщили намъ, что эти птицы, подобно большинству своихъ австралійскихъ родственниковъ, больше пребываютъ на землѣ, чѣмъ на деревьяхъ. Онѣ населяютъ въ Австраліи тѣ обширныя равнины, похожія на парки, которыя въ иные годы доставляютъ имъ обильную пищу, а въ другіе оскудѣваютъ и заставляютъ широкохвостыхъ попугаевъ предпринимать болѣе или менѣе обширныя неправильныя странствованія вмѣстѣ съ кореллами, волнистыми и зелеными попугайчиками. Широкохвостые попугаи принадлежатъ къ лучшимъ летунамъ своего отряда, бо́льшею частью они также хорошо бѣгаютъ, но лазаютъ замѣтно хуже другихъ своихъ родственниковъ. Голосъ у нихъ пріятнѣе, чѣмъ у большинства прочихъ попугаевъ. Непріятные, пронзительные, визгливые звуки издаютъ они рѣдко, большею частью они мелодично свистятъ или болтаютъ пѣвучими звуками. Высшія способности у нихъ развиты не такъ хорошо, какъ у другихъ попугаевъ. Стаи ихъ довольно неправильно бродятъ по странѣ, при этомъ подходятъ совсѣмъ близко къ поселеніямъ человѣка, входятъ даже внутрь городовъ, въ утренніе и вечерніе часы возятся на землѣ и въ это время ѣдятъ всевозможныя сѣмена травъ. Ко времени вывода птенцовъ эти общества распадаются на болѣе мелкія группы, въ зависимости отъ того, находятъ-ли они бо́льшія или меньшія дупла на деревьяхъ. Въ такое дупло самка кладетъ 4—8, а по нѣкоторымъ даннымъ, даже до 12-ти блестяще бѣлыхъ яицъ на рыхлую подстилку изъ откусанныхъ кусочковъ гнилого дерева или на легкіе строительные матеріалы, снесенные вглубь дупла, и самымъ усерднымъ образомъ высиживаетъ яйца, повидимому, безъ помощи самца. Затѣмъ оба соединяются, вмѣстѣ растятъ свое потомство и, когда молодыя птицы подростутъ настолько, чтобы слѣдовать за родителями, всѣ вмѣстѣ вылетаютъ и носятся по окрестностямъ.

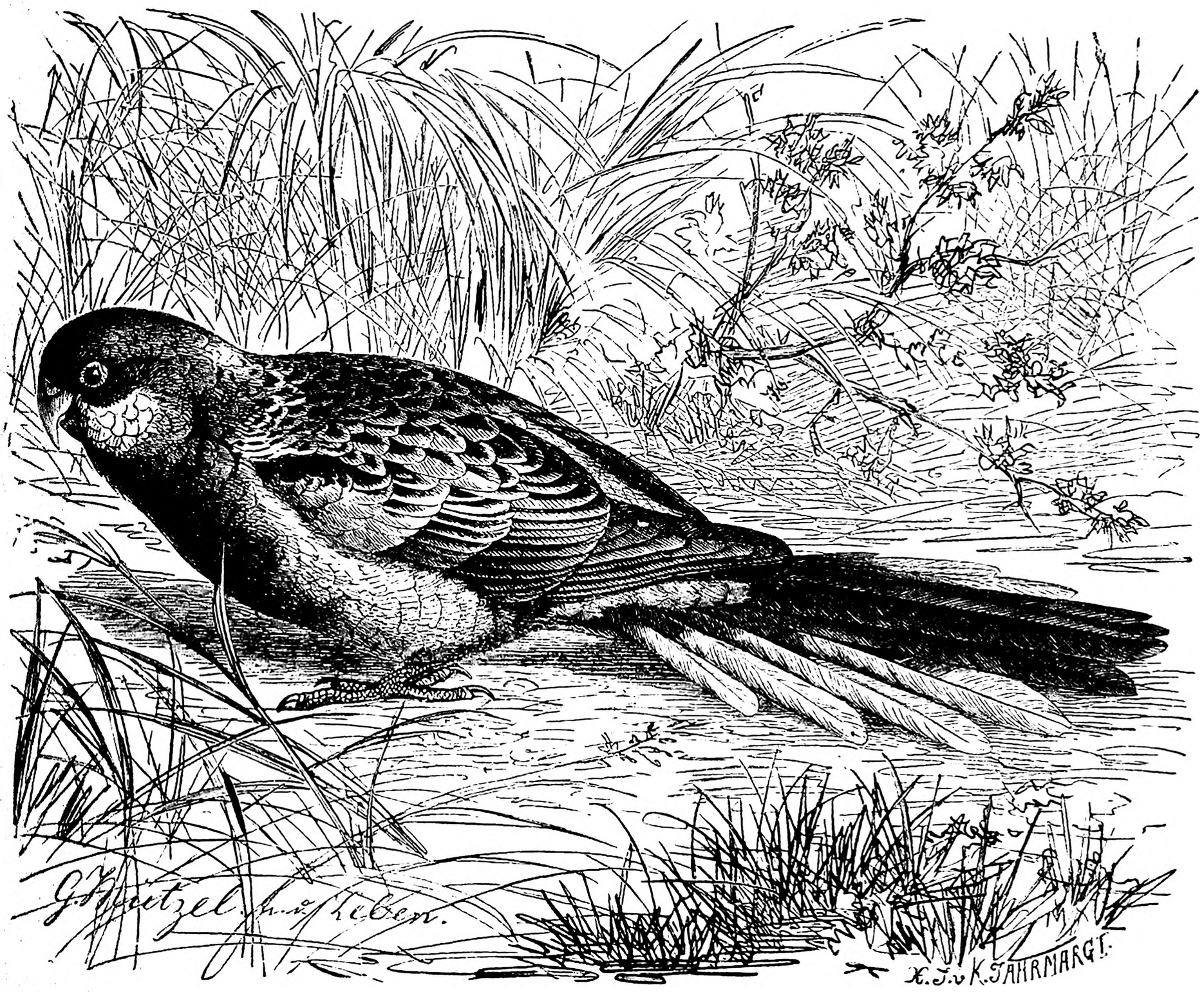
Въ послѣднія десятилѣтія на каждомъ суднѣ, прибывающемъ изъ Австраліи съ живыми птицами, привозятся въ Европу и широкохвостые попугаи. Эти красивыя, иногда даже великолѣпныя птицы всегда обращаютъ на себя вниманіе любителей. Но, однако, любители скоро убѣждаются въ томъ, что широкохвостыхъ попугаевъ очень трудно держать въ клѣткѣ или вѣрнѣе, что мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ слѣдуетъ ухаживать за этими птицами. Изъ всѣхъ попугаевъ это наименѣе выносливые.

Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей разсматриваемаго рода является розелла (Platycercus eximius), птица величиною съ дрозда. Голова, горло и грудь, а также нижнія кроющія перья хвоста яркаго алаго цвѣта, перья на задней части шеи, по бокамъ шеи, на спинѣ и на плечахъ черныя съ широкими блѣдно-желтыми каемками, перья на нижней части груди ярко-желтыя, бока груди желтые съ чернымъ пятномъ по серединѣ, брюшко, ляжки, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста краснаго свѣтло-зеленаго цвѣта съ расплывающимся блѣдно-желтымъ пятномъ; маховыя перья черно-бурыя, снаружи темно-синія, большія маховыя перья великолѣпнаго фіолетово-синеватаго цвѣта, послѣднія 3—4 малыхъ маховыхъ пера снаружи снабжены широкой свѣтло-зеленой каймой, снизу всѣ маховыя перья сѣровато-черныя; оба среднихъ хвостовыхъ пера темнаго оливково-зеленаго цвѣта, который на кончикахъ переходитъ въ синевато-зеленый, прочія въ половинѣ, прилежащей къ основанію, темно-синія, ближе къ концу свѣтлаго лиловато-синяго цвѣта, а на кончикахъ бѣлыя. Бѣлое пятно на бородѣ тянется отъ верхней створки клюва до ушной области, большое черное пятно украшаетъ область предплечья. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги темно-бурые.

Южная Австралія, Новый Южный Валлисъ и Тасманія даютъ пріютъ этому хорошенькому попугаю. Здѣсь это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ.

*

Одинъ изъ наиболѣе уклоняющихся отъ общаго типа подсемейства видовъ представляетъ **корелла** (Callipsittacus novae-hollandiae). Корелла величиной приблизительно съ крупнаго европейскаго дрозда, но, благодаря своему длинному хвосту, кажется больше. Опереніе у нея очень пестрое и красиво раскрашенное; главная окраска — темный оливково-сѣровато-бурый цвѣтъ, внизу переходящій въ сѣрый; верхняя часть головы, уздечка и щеки блѣднаго соломенно-желтаго цвѣта, перья на головѣ такія же, но съ сѣрыми кончиками; круглое пятно на ушной области шафраново-красное съ бѣлой каемкой назади; аспидно-сѣрыя большія маховыя перья отличаются темно-бурыми внутренними бородками и кончиками, малыя маховыя перья, за исключеніемъ послѣднихъ, имѣютъ бѣлые

Розелла (Platycercus eximius). $^2/_5$ естеств. велич.

наружныя опахала и буровато-черные внутреннія опахала и кончики; верхнія кроющія перья крыла буровато-черныя, нижнія, а также маховыя перья снизу черныя, рулевыя перья, за исключеніемъ двухъ среднихъ сѣрыхъ, пепельно-сѣраго цвѣта, на краю внутренняго опахала и снизу черныя, верхнія кроющія перья хвоста пепельно-сѣрыя, нижнія нѣсколько темнѣе. Глаза темно-каріе, глазное кольцо сѣрое, клювъ сѣровато-черноватый, восковица сѣрая, ноги сѣровато-бурыя.

Гудъ, который первый далъ намъ жизнеописаніе кореллы, нашелъ эту птицу въ большихъ количествахъ внутри Австраліи. На берегахъ корелла встрѣчается рѣже; по крайней мѣрѣ, по сравненію съ тѣми тысячами, какія можно видѣть на внутреннихъ равнинахъ, ихъ замѣчается лишь немного на равнинахъ, лежащихъ между большою горною цѣпью и моремъ. Послѣ вывода птенцовъ, кореллы собираются въ несмѣтныя стаи, покрывающія огромныя пространства на поверхности земли, или же спускаются на сухія вѣтки камедныхъ деревьевъ около воды. Въ сентябрѣ эти стаи предпринимаютъ странствованіе и тогда появляются на

мѣстахъ вывода; въ февралѣ и въ мартѣ онѣ снова улетаютъ на сѣверъ. Ѣдятъ онѣ сѣмена травъ, подобно большинству своихъ родственниковъ, но не могутъ обходиться безъ воды и потому принуждены пребывать недалеко отъ рѣкъ; поэтому птенцовъ онѣ выводятъ только въ лѣсахъ, расположенныхъ вдоль береговъ рѣкъ. Кореллы вовсе не робки, а потому ихъ часто убиваютъ и ловятъ какъ ради вкуснаго мяса, такъ и съ тою цѣлью, чтобы держать въ клѣткѣ, какъ очень милыхъ комнатныхъ животныхъ.

Изъ всѣхъ австралійскихъ попугаевъ кореллу, послѣ волнистаго попугайчика, чаще всего привозятъ въ Европу. При надлежащемъ уходѣ эта птица выдерживаетъ неволю лучше всѣхъ другихъ попугаевъ и легко размножается въ клѣткѣ.

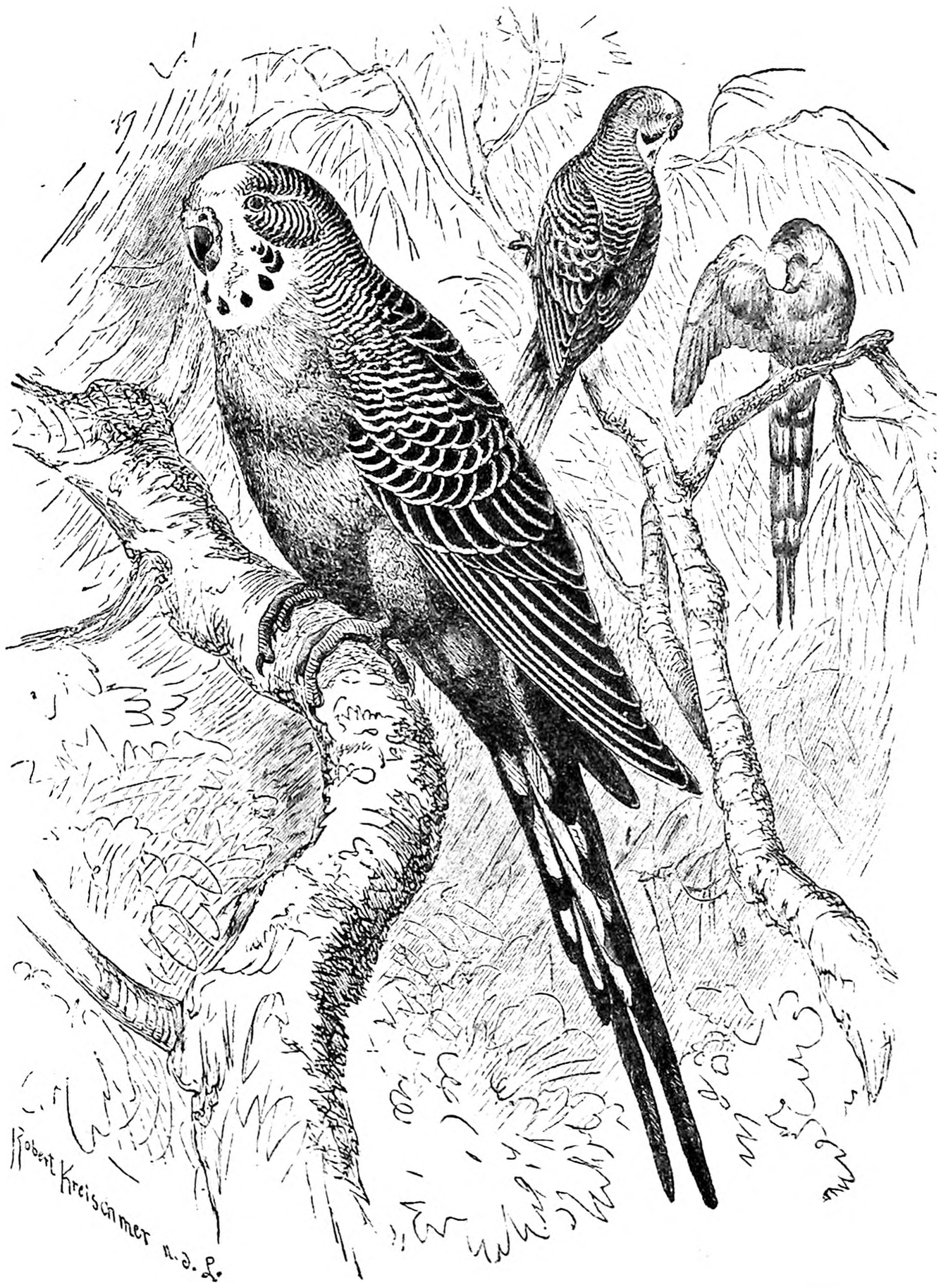
*

Изъ всѣхъ попугаевъ, которыхъ держатъ въ клѣткѣ, первое мѣсто несомнѣнно слѣдуетъ отвести одному мелкому австралійскому виду. Врядъ-ли какой нибудь другой попугай можетъ съ нимъ сравняться въ качествѣ комнатной птицы. Другіе попугаи плѣняютъ насъ великолѣпіемъ своего оперенія, волнистый же попугайчикъ, о которомъ я хочу вести рѣчь, привлекаетъ своею миловидностью и ласковостью, я готовъ сказать... своею прелестью. При этомъ онъ очень красивъ, но симпатичность его превосходитъ красоту оперенія. Онъ способенъ служить украшеніемъ всякой комнаты и покоряетъ себѣ самыя неприступныя сердца.

Волнистый попугайчикъ (Melopsittacus undulatus), единственный извѣстный до сихъ поръ представитель своего рода, принадлежитъ къ болѣе мелкимъ попугаямъ, но, благодаря своему длинному хвосту, онъ кажется больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Длина его 20—22 см., длина же хвоста доходитъ почти до 10-ти см. Сложенъ онъ очень изящно, тѣло у него стройное, клювъ въ вышину больше, нежели въ длину, по бокамъ и на гребнѣ закругленъ; верхняя створка клюва почти вертикально загнута внизъ, надклювье вытянуто въ кончикъ, значительно выступающій надъ нижней створкой, а передъ кончикомъ снабжено глубокой выемкой; нижняя створка такой же вышины, какъ и верхняя, ноги тонкія, крылья длинныя и острыя; хвостъ, оба среднихъ пера котораго значительно длиннѣе прочихъ, длинный и ступеньчатый, опереніе чрезвычайно мягкое и очень красиво окрашенное, весьма мало отличающееся у птицъ различнаго пола и возраста. Лобъ, верхняя часть головы, уздечка и область, окружающая нижнюю створку клюва, сѣрнисто-желтаго цвѣта, по бокамъ она ограничена и украшена четырьмя ярко-синими пятнами съ каждой стороны, расположенными на кончикахъ удлиненныхъ перьевъ; ушная область, задняя часть головы, задняя часть шеи, спина, плечи и бо́льшая часть кроющихъ перьевъ крыла окрашены въ зеленовато-желтый цвѣтъ, но на каждомъ перѣ замѣчается четыре тонкихъ черныхъ поперечныхъ линіи, которыя расширяются и уменьшаются до двухъ на перьяхъ плеча и на покровныхъ перьяхъ крыла; задняя часть спины, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста, а также нижняя сторона, начиная отъ подбородка, великолѣпнаго травянисто-зеленаго цвѣта; большія маховыя перья и ихъ покровы темно-зеленые съ клинообразными желтоватыми пятнами, малыя маховыя перья снаружи зеленыя, послѣднія малыя маховыя перья и послѣднія плечевыя перья буровато-черныя съ широкими желтыми каймами на концахъ; оба наиболѣе длинныхъ пера въ хвостѣ тусклаго темно-синяго цвѣта, прочія рулевыя перья зеленовато-синія съ широкимъ лимонно-желтымъ пятномъ посерединѣ, занимающимъ оба опахала, и съ широкими черными каемками при основаніи внутренняго опахала. Глаза блѣдно-желтые, клювъ рогового желтаго цвѣта, ноги синевато-зеленыя.

Въ настоящее время намъ извѣстно, что эта птица несмѣтными толпами обитаетъ во всей внутренней Австраліи, причемъ преимущественно селится въ равнинахъ, поросшихъ травою, и здѣсь питается сѣменами травъ. Всѣ наблюдатели, видѣвшіе эту птицу на свободѣ, такъ же единодушно хвалятъ ее, какъ и любители, наблюдавшіе ее въ клѣткѣ.

Когда Гудъ въ началѣ декабря посѣтилъ равнины центральной Австраліи, то онъ встрѣчалъ волнистыхъ попугайчиковъ на каждомъ шагу и рѣшилъ подольше остаться на одномъ мѣстѣ, съ цѣлью наблюдать ихъ нравы и привычки. Они появлялись стаями въ 20—100 головъ вблизи небольшой лужи, пили и отсюда въ опредѣленные часы вылетали на равнины, чтобы тамъ собирать сѣмена травъ, составляющія исключительную ихъ пищу. Большею частью они прилетали къ водѣ рано утромъ и вечеромъ, передъ наступленіемъ сумерекъ. Днемъ, во время самаго сильнаго зноя, они неподвижно сидѣли подъ листвой камедныхъ деревьевъ, въ дуплахъ которыхъ въ это самое время парочки выводили птенцовъ. Пока волнистые попугайчики спокойно сидѣли на деревьяхъ, замѣтить ихъ было трудно; когда же попугайчики собирались на водопой, они свободно и цѣлыми массами садились на сухія вѣтки камедныхъ деревьевъ или на сучья, висѣвшіе надъ водою. Движенія ихъ изумительны. Полетъ прямолинейный и стремительно-быстрый, напоминающій полетъ сокола или ласточки и почти совсѣмъ непохожій на полетъ другихъ попугаевъ; по землѣ эти птицы ходятъ сравнительно хорошо, по вѣтвямъ лазаютъ по крайней мѣрѣ не безъ ловкости. На лету они издаютъ пронзительный крикъ; сидя, они дружелюбно щебечутъ, толкуя между собою; щебетанья этого нельзя назвать пѣніемъ только потому, что немногіе издаваемые ими звуки смѣшиваются съ безчисленнымъ множествомъ звуковъ, издаваемыхъ другими птицами, и такимъ образомъ происходитъ не поддающаяся опредѣленію смѣсь тоновъ.

Волнистый попугайчикъ (Melopsittacus undulatus). $^5/_8$ естеств. велич.

По сообщенію одного нѣмца, много лѣтъ прожившаго въ Австраліи, волнистыхъ попугайчиковъ подъ вечеръ ловятъ сотнями и тысячами при помощи большихъ мѣшкообразныхъ сѣтей, запираютъ въ грубо сдѣланныя клѣтки, вѣрнѣе ящики, которые и вручаютъ торговцамъ. Болѣе заботливые торговцы птицами сажаютъ ихъ еще въ Австраліи обществами въ маленькія клѣтки, въ которыхъ жердочки и ступеньки расположены одна надъ другою, чтобы умѣстить какъ можно больше птицъ въ возможно меньшемъ пространствѣ. Такая дорожная клѣтка представляетъ собою премилое зрѣлище. Все общество рядами сидитъ на жердочкахъ, и рядъ головокъ выглядываетъ изъ за ряда другихъ головокъ; глаза

всѣхъ направлены на наблюдателя, и каждая птичка точно проситъ освободить ее изъ тѣснаго заключенія. Волнистые попугайчики тоже дерутся и ссорятся, какъ и другіе попугаи, но только въ видѣ исключенія.

Волнистый попугайчикъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ попугаевъ, которые часто хирѣютъ и умираютъ вслѣдствіе утраты товарища, но они нуждаются въ обществѣ и, понятно, прежде всего въ обществѣ птицъ одного и того же вида и притомъ другого пола. Въ крайнемъ случаѣ волнистый попугайчикъ довольствуется обществомъ маленькаго попугая другого вида; но никогда онъ не обращается съ птицей другого вида съ той ласковой нѣжностью, какую обнаруживаетъ по отношенію къ своимъ собратьямъ. Поэтому всегда слѣдуетъ держать волнистаго попугайчика парочкой; только въ такомъ случаѣ обнаруживается вся присущая ему привлекательность.

Существеннымъ преимуществомъ волнистаго попугайчика является его непритязательность. Ни одна другая комнатная птица не требуетъ такъ мало разнообразія въ пищѣ, какъ этотъ маленькій попугай. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ можетъ довольствоваться однимъ видомъ пищи. Сѣмена австралійскихъ травъ мы замѣняемъ просомъ, канареечнымъ сѣменемъ и конопляннымъ сѣменемъ; при такой пищѣ волнистый попугайчикъ чувствуетъ себя хорошо и доволенъ своей судьбою. Неоднократныя попытки пріучить его къ другимъ зернамъ не имѣли успѣха. Зато онъ ѣстъ съ удовольствіемъ сочные листья растеній, особенно же любитъ салатъ, капусту, овощи и тому подобную зелень. Фруктовъ, сахару и другихъ лакомствъ онъ вначалѣ ни за что не трогаетъ, но мало по малу его можно къ нимъ пріучить. Невольно приходитъ въ голову мысль, что эту птичку главнымъ образомъ потому такъ и любятъ, что ее очень легко держать въ клѣткѣ.

Но волнистый попугайчикъ умѣетъ завоевывать симпатію человѣка еще другимъ способомъ. Большинство другихъ попугаевъ, даже тѣ птицы, которыхъ можно назвать лучшими комнатными птицами, иногда, несмотря на всю свою привлекательность, становятся невыносимыми своимъ крикомъ. Тѣ изъ нихъ, которые разговариваютъ со своими хозяевами, часто не могутъ сдержать присущей имъ наклонности къ шуму и гаму, и среди повторяемыхъ ими словъ нерѣдко слышится отвратительный визгъ. Совершенно иначе ведутъ себя волнистые попугайчики. Они также отличаются богатыми голосовыми средствами; но никогда своимъ крикомъ не становятся въ тягость и голосомъ своимъ скорѣе привлекаютъ къ себѣ симпатію. Не преувеличивая, мы можемъ сказать, что волнистаго попугайчика-самца слѣдуетъ причислить къ пѣвчимъ птицамъ, ибо болтовня его представляетъ изъ себя нѣчто большее, нежели одно щебетанье: это хотя неказистая, но очень милая пѣсенка. Нѣкоторые волнистые попугайчики выучивались даже произносить слова.

Любитель, который держитъ волнистыхъ попугайчиковъ парочками, надлежащимъ образомъ ухаживаетъ за ними, по возможности мало мѣшаетъ имъ и устраиваетъ имъ подходящія мѣста для вывода, почти всегда будетъ имѣть удовольствіе видѣть, какъ размножаются его плѣнники. Самецъ примѣрный супругъ, а самка — примѣрная мать. Самецъ занятъ только своею избранною имъ самкой и никогда не интересуется другою, хотя бы она находилась въ одномъ съ нимъ помѣщеніи; онъ всегда горячо и внимательно относится къ своей самочкѣ. Сидя на вѣточкѣ передъ входомъ въ гнѣздо, онъ поетъ своей супругѣ свои самыя лучшія пѣсенки и кормитъ ее усердно и съ явнымъ удовольствіемъ. Никогда не бываетъ онъ печальнымъ, тихимъ или соннымъ, какъ многіе другіе попугаи, а всегда веселъ и привѣтливъ.

Гнѣздо сооружаетъ одна самка. Она до тѣхъ поръ работаетъ клювомъ надъ входнымъ отверстіемъ, пока не расширитъ его по своему желанію, потомъ отгрызаетъ внутри бо́льшія или меньшія щепочки и на нихъ черезъ двухдневные промежутки кладетъ свои 4—8 маленькихъ, кругловатыхъ, блестящихъ яичекъ. Затѣмъ она очень усердно высиживаетъ ихъ въ теченіе 16—20 дней, и все это время самецъ кормитъ ее, а потому она покидаетъ гнѣздо только въ рѣдкихъ случаяхъ. Молодыя птицы, пребывающія въ гнѣздѣ около

30—35 дней, покидаютъ его лишь послѣ того, какъ вполнѣ оперятся. Все время самка усердно старается держать гнѣздо въ чистотѣ.

Какъ только первые птенцы становятся самостоятельны, старики приступаютъ къ выводу вторыхъ, а затѣмъ обыкновенно третьихъ и четвертыхъ; въ зоологическомъ саду въ Бреславлѣ одна парочка непрерывно размножалась въ теченіе цѣлаго года! Такіе случаи составляютъ исключеніе; но два раза въ годъ птицы выводятъ птенцовъ почти всегда.

Въ заключеніе замѣтимъ, что волнистыхъ попугайчиковъ и въ средней Европѣ можно держать на открытомъ воздухѣ. Въ имѣніи одного извѣстнаго любителя животныхъ, въ Бельгіи, весною 1861 года двѣ парочки волнистыхъ попугайчиковъ улетѣли изъ клѣтки. Онѣ скоро исчезли среди верхушекъ деревьевъ большого парка, и съ тѣхъ поръ ихъ долго или совсѣмъ не видѣли или видѣли только мелькомъ. Но онѣ продолжали жить въ своемъ участкѣ и, какъ оказалось впослѣдствіи, устроили себѣ гнѣздо въ древесныхъ дуплахъ и вывели извѣстное количество птенцовъ. Самъ хозяинъ осенью засталъ цѣлую стаю въ 10—12 штукъ на овсяномъ полѣ, гдѣ птицы лакомились. Съ этихъ поръ, осторожно разсыпая кормъ, птицъ постепенно начали заманивать и еще до наступленія зимы удалось поймать десять волнистыхъ попугайчиковъ.

Между разнообразными видами попугаевъ, населяющихъ Австралію, выдающееся мѣсто занимаютъ какаду (Plissolophinae). Они составляютъ довольно рѣзко обособленную группу попугаевъ, а потому вполнѣ справедливо считаются особымъ подсемействомъ. Характерный признакъ какаду, наиболѣе рѣзко бросающійся въ глаза, это поднимающійся и опускающійся хохолокъ на головѣ, котораго нѣтъ только у несторовъ; по одному этому признаку какаду можно отличить отъ всѣхъ прочихъ попугаевъ, за исключеніемъ кореллы.

Водятся какаду отъ Филиппинскихъ острововъ до Новой Зеландіи и отъ Тимора и Флореса до Соломоновыхъ острововъ. Внутри этихъ предѣловъ почти всѣ страны и острова даютъ пріютъ какаду; нѣкоторые же виды распространены по обширнымъ пространствамъ или по нѣсколькимъ островамъ, между тѣмъ какъ большинство, повидимому, встрѣчается лишь въ рѣзко ограниченной области. Здѣсь большинство видовъ живетъ большими, часто несмѣтными стаями, которыя селятся въ различнаго рода лѣсныхъ пространствахъ, отсюда дѣлаютъ экскурсіи по лугамъ и по полямъ и всегда представляютъ изъ себя чарующее и великолѣпное зрѣлище. Даже ученые охотно присоединяются къ восторженнымъ похваламъ путешественниковъ, которые не могутъ достаточно нахвалиться красотой этого зрѣлища.

По своему характеру и образу дѣйствій какаду похожи на другихъ попугаевъ. Но какаду изъ всѣхъ попугаевъ самые привлекательные. Когда они живутъ стаями въ нѣсколько тысячъ, то непріятный крикъ ихъ иногда бываетъ такъ оглушителенъ, что человѣкъ перестаетъ относиться къ нимъ съ симпатіей; но если имѣть передъ собою только одну птицу и узнать ее поближе, нельзя не полюбить ея. Всѣ какаду смышленыя и понятливыя птицы, а большинство къ тому же птицы серьезныя и кроткія. Умственныя способности у нихъ очень развиты, любопытство ихъ такъ же велико, какъ и ихъ память, каждая отдѣльная птица замѣчательно своеобразна. Врядъ ли можно найти двухъ какаду, которые держали бы себя совершенно одинаково. Какаду охотно и искренно дружится съ человѣкомъ и отличается меньшимъ коварствомъ, чѣмъ другіе попугаи; онъ съ благодарностью относится къ человѣку за оказываемую любовь, которую, повидимому, старается снискать у всѣхъ безъ различія. Только печальный опытъ дѣлаетъ этихъ попугаевъ неласковыми и недружелюбными. Оскорбленія, нанесенныя ему, какаду съ трудомъ забываетъ или даже не забываетъ никогда, и разъ возникшее у него недовѣріе врядъ ли можно побороть. Это, пожалуй, единственная непріятная черта характера этихъ птицъ; въ общемъ, какаду существо скорѣе кроткое. Онъ стремится любить и быть любимымъ и изъявляетъ это своему хозяину на всевозможные лады. Примирившись съ неволей и привязавшись къ какому-нибудь

человѣку, какаду охотно даетъ себя гладить, съ готовностью склоняетъ голову, какъ только человѣкъ собирается его приласкать, даже прямо подставляетъ свои перья, чтобы его погладили.

Но какаду обладаетъ еще и другими достоинствами. Высокая степень его умственныхъ способностей сказывается не только въ его превосходной памяти, но и въ томъ, что онъ легко поддается обученію. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ соперничать съ самыми способными попугаями. Безъ большого труда какаду также выучивается хорошо говорить и соединяетъ разныя слова такъ, что получается извѣстный смыслъ; произноситъ цѣлыя предложенія въ подходящихъ случаяхъ, выучивается также продѣлывать разные фокусы, такъ что замѣчательный умъ его не подлежитъ сомнѣнію.

Естественный голосъ какаду — это отвратительный визгъ, не поддающійся описанію. Слово „Какаду“ и тому подобныя заученныя слова большинство выговариваетъ съ чарующею нѣжностью; такими словами эти птицы выражаютъ обыкновенно свое расположеніе или преданность хозяину.

Подобно другимъ попугаямъ, какаду на свободѣ также живутъ обществами, которыя продолжаютъ сохранять извѣстную связь даже во время вывода. Ночь какаду проводятъ, притаившись въ самыхъ густыхъ верхушкахъ высочайшихъ деревьевъ; утро они привѣтствуютъ далеко разносящимся крикомъ. Затѣмъ они снимаются съ мѣста и, легко махая крыльями, часто паря и скользя въ воздухѣ, улетаютъ на какое нибудь поле или въ другое мѣсто, гдѣ есть надежда найти себѣ пропитаніе. Участокъ свой они эксплуатируютъ насколько возможно. Плоды, зерна и сѣмена составляютъ, вѣроятно, ихъ главный кормъ; наряду съ этимъ, они поѣдаютъ также мелкіе клубни и луковицы, которые очень ловко выкапываютъ изъ земли своимъ длиннымъ надклювьемъ, ѣдятъ кромѣ того грибы и, подобно курамъ, глотаютъ маленькіе или средней величины кусочки кварца, очевидно съ тою же цѣлью, какъ и другія зерноядныя птицы, а именно съ цѣлью измельченія пищи. Гнѣздо, смотря по обстоятельствамъ, устраивается во всевозможныхъ древесныхъ дуплахъ, особенно въ полыхъ вѣткахъ, но также въ разсѣлинахъ скалъ. Яицъ кладется всегда только два, много три; яйца чисто-бѣлыя, нѣсколько заостренныя, по величинѣ равныя яйцамъ карликовой курицы, но отличающіяся отъ яицъ этой послѣдней своимъ блескомъ.

Вредъ, приносимый сельскимъ хозяевамъ часто несмѣтными стаями какаду, заставляетъ людей безпощадно преслѣдовать этихъ птицъ на ихъ родинѣ и убивать ихъ цѣлыми сотнями. Бывалые путешественники разсказываютъ, что какаду, уже подвергавшіеся преслѣдованіямъ, скоро становятся замѣчательно осторожными и совершаютъ свои разбойническіе набѣги, подобно другимъ попугаямъ и обезьянамъ, съ удивительною хитростью, вслѣдствіе чего вредъ приносимый ими полямъ трудно или невозможно устранить. Туземцы своеобразно охотятся на этихъ птицъ. „Пожалуй нѣтъ болѣе интереснаго зрѣлища“, говоритъ Грей, „чѣмъ охота австралійцевъ на какаду. Для этой цѣли они употребляютъ особое оружіе, извѣстное подъ названіемъ „бумерангъ“ — серповидное, плоское орудіе изъ твердаго дерева, которое отбрасывается рукой на 30 слишкомъ метровъ; кружась летитъ оно по воздуху и, не взирая на неоднократныя уклоненія отъ прямого пути, довольно вѣрно попадаетъ въ цѣль. Туземецъ нападаетъ на большую стаю какаду на полѣ или въ лѣсу, охотнѣе всего въ такомъ мѣстѣ, гдѣ высокія, великолѣпныя деревья окружаютъ водный бассейнъ. Такія мѣста главнымъ образомъ посѣщаются какаду, которые собираются здѣсь часто безчисленными стаями, лазая по вѣтвямъ или перелетая съ дерева на дерево. Здѣсь они обыкновенно располагаются также на ночлегъ. Соблюдая всѣ мѣры предосторожности, туземецъ подкрадывается къ такимъ прудамъ, пробирается отъ одного дерева къ другому, проползаетъ отъ куста къ кусту и всячески старается какъ можно меньше безпокоить бдительныхъ птицъ. Но какъ ни безшумно онъ ступаетъ, какаду все-таки замѣчаютъ его, и всеобщее смятеніе охватываетъ ихъ при видѣ приближающагося опаснаго врага. Птицы знаютъ, что имъ грозитъ опасность; но онѣ еще не знаютъ, какого она рода. Такимъ образомъ, австраліецъ доходитъ до воды, и здѣсь его темная, ничѣмъ не

прикрытая фигура уже становится видна птицамъ совершенно ясно. Съ раздирающимъ крикомъ стая птицъ въ видѣ бѣлаго облака поднимается на воздухъ, и въ то же мгновеніе охотникъ бросаетъ въ нихъ свое оружіе. Бумерангъ пляшетъ надъ водою, выдѣлывая самые изумительные прыжки и описывая круги, но въ то же время дугообразно поднимается все выше и выше и наконецъ оказывается среди стаи птицъ. Вслѣдъ за первымъ взвивается второе, третье, четвертое подобное же оружіе. Напрасно застигнутыя врасплохъ животныя пытаются обратиться въ бѣгство: неправильное движеніе брошеннаго куска дерева сбиваетъ ихъ съ толку и мѣшаетъ имъ бѣжать. То одна, то другая птица поражается бумерангомъ, и вслѣдъ затѣмъ падаетъ на землю, такъ какъ свистящее въ воздухѣ оружіе или свертываетъ ей шею или разбиваетъ крыло. Крича отъ боли и злобы, пораженные бумерангомъ какаду падаютъ внизъ, и только послѣ того, какъ темнокожій охотникъ достигъ своей цѣли, вся масса птицъ начинаетъ понимать, въ чемъ дѣло, въ страхѣ разлетается и ищетъ себѣ пристанища въ самыхъ густыхъ верхушкахъ деревьевъ."

Мясо убитыхъ какаду считается сноснымъ на вкусъ, а супъ, приготовляемый изъ нихъ, очень хвалятъ.

Что какаду ловить нетрудно, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что въ Европу множество этихъ птицъ привозятся живыми. При надлежащемъ уходѣ какаду живутъ въ Европѣ много лѣтъ, извѣстны примѣры, когда какаду жили въ клѣткѣ 70 лѣтъ. Держать какаду не трудно, такъ какъ онъ мало по малу пріучается къ той же пищѣ, какую употребляетъ человѣкъ

На Новой Гвинеѣ и на сосѣднихъ островахъ, а именно на Салавати, Мисулѣ, Вайгіу и на островахъ Ару, а также на сѣверной оконечности Австраліи живетъ черный какаду (Microglossus aterrimus рис. на стр. 468). Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ попугаевъ, и клювъ его самый большой изъ клюковъ всѣхъ попугаевъ Характернымъ признакомъ подсемейства является главнымъ образомъ короткій четырехугольный хвостъ и хохолокъ на головѣ, образованный впрочемъ совершенно иначе, чѣмъ у другихъ какаду. Своими голыми щеками и огромнымъ клювомъ птица напоминаетъ арараъ. Типичный видовой признакъ довольно длинный, мясистый, цилиндрическій языкъ, наверху съ выемкой, на переднемъ кончикѣ уплощенный, темно-красный, на концѣ роговой и покрытый словно чернымъ панцыремъ; птица можетъ высовывать языкъ изъ клюва довольно далеко, а также употреблять его какъ ложку, т. е. схватывать имъ измельченный клювомъ кормъ и вводить въ пищеводъ. Края языка очень подвижны и спереди могутъ какъ слѣва, такъ и справа заворачиваться кверху, такъ что схваченные куски заключаются какъ бы въ трубку, по которой легко соскальзываютъ въ пищеводъ.

Расмалосъ, какъ называютъ чернаго какаду въ одной мѣстности на Новой Гвинеѣ, сильнѣе большинства арараъ. Опереніе его окрашено въ равномѣрный совершенно черный цвѣтъ и немножко отливаетъ зеленоватымъ цвѣтомъ, но у живыхъ птицъ опереніе нѣсколько сѣроватое, такъ какъ перья покрыты мучнистою пылью. Голыя, складчатыя щеки краснаго цвѣта. Хохолокъ состоитъ изъ длинныхъ узкихъ перьевъ съ болѣе сѣроватымъ оттѣнкомъ, чѣмъ прочее опереніе

О жизни птицы на свободѣ извѣстно мало. „Черный какаду", говоритъ Розенбергъ, „нерѣдко встрѣчается на Вайгіу, Мисулѣ, Салавати и на побережьи самой Новой Гвинеи. Большею частью онъ сидитъ на верхушкѣ самыхъ высокихъ деревьевъ и тамъ постоянно движется; когда онъ сидитъ или летаетъ, сильно махая крыльями, онъ издаетъ свой хриплый крикъ, совсѣмъ не похожій на голосъ бѣлыхъ какаду. Туземцы вынимаютъ молодыхъ птицъ изъ гнѣзда, выращиваютъ ихъ и затѣмъ продаютъ торговцамъ. Въ неволѣ они всего охотнѣе поѣдаютъ плоды канарскаго дерева, преспокойно разгрызая ихъ твердую какъ желѣзо скорлупу. Черные какаду дѣлаются очень ручными. Одинъ изъ этихъ какаду, принадлежащій одному жителю Амбонны, летаетъ по всему городу и въ надлежащее время возвращается домой ѣсть и спать."

Э. Мартенсъ видѣлъ плѣннаго какаду этого вида на Маган. „Черный ка-

каду“, замѣчаетъ онъ, „комичное созданіе. Когда онъ неподвижно сидитъ со своими красными щеками, огромнымъ клювомъ и съ поднятымъ кверху хохломъ, то похожъ на стараго генерала и производитъ сильное впечатлѣніе именно своимъ безобразіемъ. Онъ спокоенъ и скученъ, но при приближеніи посторонняго лица, а иногда и въ другое время ради собственнаго удовольствія издаетъ свой скрипу-

Черный какаду (Microglossus aterrimus). 1/4 естеств. велич.

чій крикъ.“ По словамъ Розенберга, на Амбоинѣ чернаго какаду можно видѣть часто. Тамъ штука стоитъ 20—25 голландскихъ гульденовъ.

*

Ближайшими родственниками описаннаго вида слѣдуетъ считать воронovыхъ какаду (Calyptorhynchus); къ нимъ принадлежатъ бо́льшею частью очень крупные виды величиной отъ во́рона до галки, которые, благодаря своимъ длиннымъ крыльямъ, кажутся еще больше, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Поразительно крѣпкій клювъ больше въ вышину, чѣмъ въ длину; онъ загнутъ внизъ въ видѣ полукруга, а короткій кончикъ загнутъ внутрь; ноги сильныя, крылья длинныя и острыя, кончикъ крыльевъ выдается далеко, хвостъ длинный, широкій и сильно закругленный, мягкое опереніе образовано изъ широкихъ перьевъ, закругленныхъ на концѣ и на задней части головы удлиненныхъ въ отогнутый назадъ хохолокъ.

Соединительнымъ звеномъ между настоящими и вороновыми какаду можетъ служить красноголовый какаду (Calyptorhynchus galeatus). Эта птица, по величинѣ равная приблизительно среднему какаду, темнаго аспидно-чернаго цвѣта съ болѣе свѣтлыми поперечными волнообразными линіями, такъ какъ каждое перо на концѣ украшено узкой сѣровато-бѣлой каемкой; голова, затылокъ, щеки и хохолъ окрашены въ великолѣпный алый цвѣтъ; на наружныхъ опахалахъ малыхъ маховыхъ перьевъ замѣчаются темныя металлически-зеленыя каемки; нижнія кроющія перья и перья крыльевъ и хвоста снизу сѣровато-черныя.

О жизни красноголоваго какаду на свободѣ пока не имѣется подробныхъ свѣдѣній; болѣе подробныя свѣдѣнія имѣемъ мы зато относительно другихъ членовъ его рода. Наиболѣе характернымъ представителемъ ихъ можетъ считаться банксовый какаду (Colyptorhynchus banksi). Всѣхъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ какаду онъ превосходитъ по величинѣ; общая длина его составляетъ приблизительно 70 см., длина хвоста доходитъ до 30 см. Опереніе, за исключеніемъ однихъ только хвостовыхъ перьевъ, у самца блестяще черное съ зеленоватымъ отливомъ, у самки зеленовато-черное съ желтыми пятнами на головѣ, на бокахъ шеи, на кроющихъ перьяхъ крыла, а на нижней сторонѣ украшено блѣдно-желтыми полосками. Широкая алая полоса проходитъ у самца по серединѣ хвоста, причемъ однако оба среднихъ хвостовыхъ пера и наружныя опахала обоихъ крайнихъ перьевъ не захватываются ею. У самки замѣчаются широкія желтыя полосы съ красновато-желтыми крапинками на томъ же мѣстѣ; нижнія кроющія перья хвоста окрашены въ такомъ же родѣ.

Вороновые какаду водятся исключительно въ Австраліи, но здѣсь распространены въ различныхъ пунктахъ. Это настоящія древесныя птицы, питающіяся главнымъ образомъ сѣменами камедныхъ и другихъ деревьевъ, но иногда, въ противоположность другимъ попугаямъ, поѣдающіе жирныхъ личинокъ. Отъ остальныхъ какаду они отличаются тѣмъ, что живутъ маленькими обществами въ 4—8 головъ, и только иногда, а именно во время кочеваній и странствованій, образуютъ стаи.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, вороновые какаду высиживаютъ птенцовъ только въ древесныхъ дуплахъ. Для этого они всегда избираютъ самыя высокія и неприступныя деревья, обыкновенно такія, на которыя даже туземцы не могутъ вскарабкаться.

Кромѣ человѣка, вороновыхъ какаду успѣшно преслѣдуютъ, какъ кажется, хищныя сумчатыя животныя и большія хищныя птицы. Мясо этихъ какаду бѣлыми жителями Австраліи въ пищу не употребляется; зато туземцы высоко цѣнятъ его, какъ вообще все съѣдобное, что́ можно найти въ этой бѣдной странѣ.

Плѣнные вороновые какаду рѣдко попадаются на европейскомъ рынкѣ животныхъ; да и въ клѣткѣ они большею частью живутъ очень недолго.

*

Сдѣланная вначалѣ общая характеристика всего подсемейства относится главнымъ образомъ къ настоящимъ какаду (Plissolophus); это большія или средней величины птицы, размѣры которыхъ колеблются между величиной вороны и галки, и которыя отличаются очень плотнымъ сложеніемъ. Распространены эти попугаи почти вездѣ, гдѣ вообще встрѣчаются какаду; образъ жизни ихъ уже описанъ выше.

Молуккскаго какаду (Plissolophus moluccensis) можно пожалуй считать достойнѣйшимъ представителемъ своего рода. На ряду съ однимъ австралійскимъ родственникомъ, это самый крупный видъ; молуккскій какаду облеченъ въ замѣчательно красивую бѣлую одежду съ блѣдно-розовымъ оттѣнкомъ, большимъ украшеніемъ которой служатъ перья хохолка, достигающія въ длину 17 см. и окрашеныя въ красный цвѣтъ сурика. Половина маховыхъ перьевъ и хвоста, прилежащая къ основанію, снизу желтоватаго цвѣта, глаза темно-каріе, маленькое глазное кольцо сѣровато-синее или синевато-бѣлое, клювъ и ноги черные съ сѣрымъ налетомъ, а у живущихъ на свободѣ съ налетомъ цвѣта синей сливы. Молуккскій какаду водится почти что исключительно на островѣ Церамѣ. Лишь очень

рѣдко перелетаетъ онъ на расположенный двумя минутами южнѣе островъ Амбоину. Этотъ-то какаду и оживляетъ главнымъ образомъ тихій лѣсъ на берегахъ и внутри острова, вообще не богатаго птицами. Наблюденіе за дѣятельностью и жизнью этой птицы, несомнѣнно самой красивой изъ всего своего рода, можетъ доставить много удовольствія.

Можно сказать, что плѣнный молуккскій какаду по преимуществу соединяетъ въ себѣ всѣ качества своего семейства и своего рода. Это чудесная птица, которую любишь тѣмъ больше, чѣмъ долѣе имѣешь съ ней дѣло. Къ намъ молуккскій какаду попадаетъ почти всегда прирученнымъ и, хотя сначала бываетъ иногда нѣсколько сердитымъ, но, благодаря своей изумительной смышлености, скоро приміряется со своимъ новымъ положеніемъ и съ благодарностью принимаетъ всякое вниманіе и всякую ласку, отвѣчая на нихъ преданною нѣжностью. Въ то же время это живая, отзывчивая, а потому и очень подвижная птица. „Даже когда этотъ какаду спокойно сидитъ на своей жердочкѣ“, справедливо замѣчаетъ Линденъ, „онъ постояннымъ поднятіемъ и опусканіемъ своего великолѣпнаго хохла доказываетъ, что наблюдаетъ за всѣмъ, происходящимъ вокругъ него; когда же какаду приходитъ въ нѣкоторое волненіе, онъ не только поднимаетъ длинныя ниспадающія перья хохла, но оттопыриваетъ перья на шеѣ, на затылкѣ и на груди, которыя тогда отстаютъ въ видѣ большого воротника; при этомъ онъ еще раскрываетъ на половину крылья, распускаетъ хвостъ въ видѣ вѣера, и являетъ собою въ эту минуту великолѣпное зрѣлище. Красныя перья хохолка дѣлаются огненными, перья вокругъ подклювья образуютъ бороду, а растопыренныя крылья придаютъ всей птицѣ видъ существа, исполненнаго сознанія своей силы.“

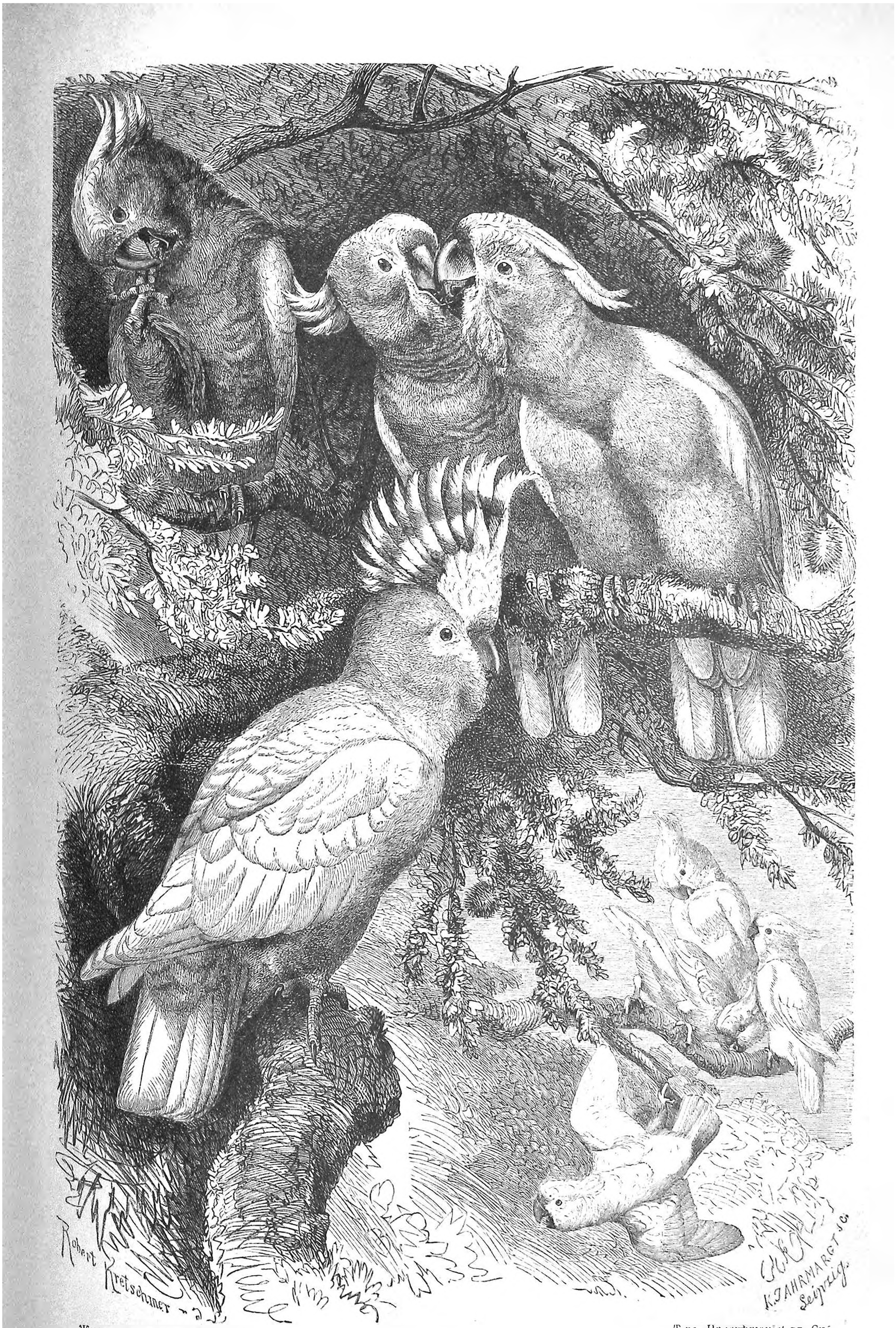
Изъ австралійскихъ видовъ какаду инка (Plissolophus leadbeateri) особенно выдается своей красотой. Бѣлыя перья его на передней части головы, на лбу и по бокамъ шеи, на серединѣ и на нижней сторонѣ крыльевъ, на серединѣ брюшка и на внутреннемъ опахалѣ той части хвостовыхъ перьевъ, которая примыкаетъ къ основанію, розоваго цвѣта, а подъ крыльями красиваго краснаго цвѣта лососины. Очень хорошъ хохолъ. Нѣкоторыя перья при основаніи ярко красныя, по серединѣ съ желтыми пятнами и съ бѣлыми кончиками. Когда хохолокъ сложенъ, видны только бѣлые кончики; но какъ только птица приподнимаетъ свой хохолъ, ярко красныя пятна ярко выступаютъ, а желтыя пятна на серединѣ перьевъ образуютъ полосу, отъ которой хохолъ дѣлается еще красивѣе.

По словамъ Гуда, эта великолѣпная птица распространена по значительной части юго-востока Австраліи, но водится преимущественно на высокихъ камедныхъ деревьяхъ и въ кустарникѣ, окаймляющемъ внутри страны берега рѣкъ, и никогда не появляется близъ морского берега.

*

Новая Зеландія, столь богатая оригинальными птицами, даетъ пріютъ въ высшей степени замѣчательному роду птицъ, а именно несторамъ (Nestor) Изъ шести извѣстныхъ намъ видовъ этого рода два вида уже совершенно истреблены, одинъ вѣроятно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а другой врядъ-ли раньше середины его; четыре уцѣлѣвшихъ вида населяютъ однако лѣсныя пространства обоихъ главныхъ острововъ въ такомъ количествѣ, что сохраненіе ихъ повидимому обезпечено на долгія времена.

Изъ представителей рода несторовъ лучше всего извѣстна птица, которую маорисы называютъ кака (Nestor meridionalis). Длина каки 47 см. Очень разнообразно окрашенное опереніе обыкновенно бываетъ бѣловато-сѣрое на лбу, на верхней и задней части головы и на уздечкахъ; бока головы и шеи, затылокъ, подбородокъ, горло, зобъ и верхняя часть груди темнаго умбро-бураго цвѣта, нижнія части щекъ и горло пурпурово-краспо-бурыя, задняя часть шеи, перья которой образуютъ бѣлую поперечную полосу, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и еще не упомянутыя нижнія части темнаго пурпурово-краснаго цвѣта. Спина, плечи и верхнія кроющія перья крыльевъ оливково-бураго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ.

Какаду Инка.

Какаду, извѣстный у туземцевъ подъ названіемъ кэа (Nestor notabilis), больше своего описаннаго родственника; онъ достигаетъ въ длину полныхъ 50-ти см. Преобладающій цвѣтъ оперенія оливково-зеленый.

Кака водится въ значительной части западныхъ (Новозеландскихъ) Альпъ, отъ подножія горъ до границы высокихъ лѣсовъ; кэа же встрѣчается только между 1500 и 2000 метровъ высоты въ южныхъ Альпахъ, и только въ суровыя зимы принуждена бываетъ спускаться внизъ. Переселенцы сдѣлали надъ кэей весьма замѣчательныя наблюденія.

Было замѣчено, что стада овецъ на горахъ безъ всякой видимой причины вдругъ заболѣваютъ какою-то дотолѣ невѣдомой болѣзнью: въ различныхъ мѣстахъ на ихъ шкурѣ появлялись раны величиною съ кулакъ, доходившія до мускуловъ; кровь, вытекавшая изъ нихъ, портила шерсть, и часто животныя умирали. Наконецъ, одинъ пастухъ замѣтилъ, что раны эти наносятся кэей. Одна изъ птицъ сѣла на намѣченную ею овцу и прогрызла ей шкуру, а глупое животное не умѣло избавиться отъ своего мучителя. Однажды обративъ вниманіе на злодѣя, пастухи, выгоняя стада въ горы, уже скорѣе стали замѣчать его продѣлки и не разъ бывали свидѣтелями подобныхъ нападеній. Кэи появлялись въ одиночку или обществами, садились на спину овцы, выщипывали у нея шерсть, наносили животному рану и пугали его до тѣхъ поръ, пока оно не покидало стада. Затѣмъ птицы преслѣдовали и мучили овцу, постоянно набрасываясь на нее, до тѣхъ поръ, пока не приводили ея въ полное смятеніе. Когда же овца въ совершенномъ изнеможеніи ложилась, стараясь насколько возможно защитить свою спину отъ укушеній, то птицы прокусывали ей бока и животъ, вслѣдствіе чего животное умирало. Съ теченіемъ времени кэа разнюхала, что вблизи поселеній находится обыкновенно доступный для нея складъ мяса. Цѣня надлежащимъ образомъ такое превосходное учрежденіе, дающее возможность въ случаѣ нужды запасаться мясомъ, кэа въ настоящее время по мѣрѣ силъ пользуется подобными складами. Съ тою же цѣлью она постоянно появляется около бойни овецъ и тамъ съѣдаетъ отбросы и особенно лакомится, при случаѣ, головами зарѣзанныхъ овецъ и барановъ. Запасы воловьяго и бараньяго мяса, благодаря прожорливости птицы, уменьшаются одинаковымъ образомъ; она не щадитъ даже сухихъ бараньихъ кожъ. Обыкновенно кэѣ приходится довольствоваться падалью. Пернатые воры большею частью появляются ночью и обыкновенно предпринимаютъ свои хищническіе набѣги сообща; по крайней мѣрѣ, нерѣдко можно видѣть гурьбу этихъ безпокойныхъ созданій на крышѣ хижины.

Совиные попугаи (Stringopinae)—это небольшое ,состоящее только изъ четырехъ видовъ, подсемейство ночныхъ птицъ, живущихъ въ Австраліи. Они главнымъ образомъ отличаются своимъ мягкимъ опереніемъ.

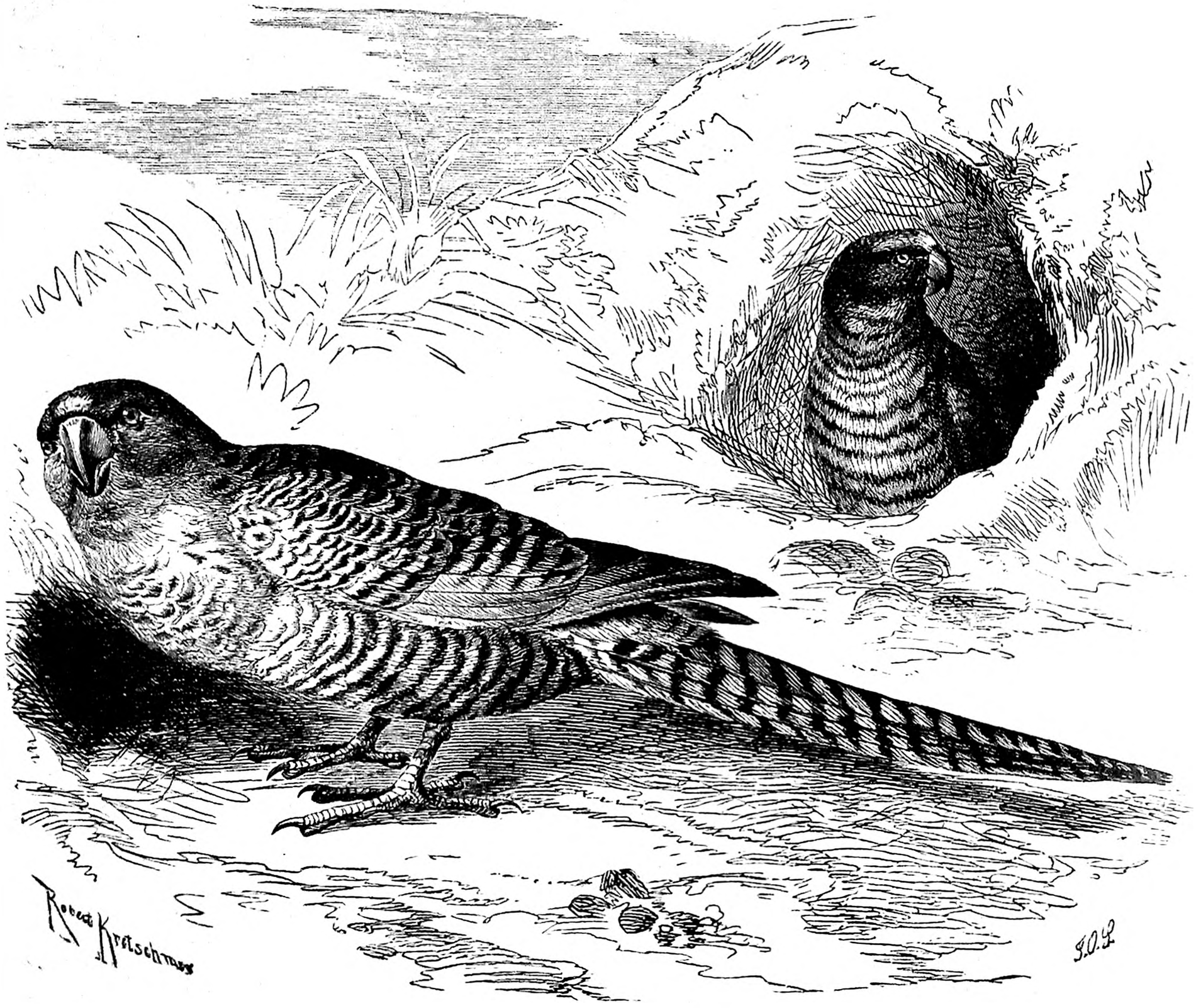
*

Земляной попугай (Pezoporus formosus, рис. на стр. 472) величиной съ дрозда и отличается довольно пестрымъ опереніемъ, хотя краски его не разнообразны. Верхняя сторона темнаго травянисто-зеленаго цвѣта, шея и грудь блѣднаго желтовато-зеленаго цвѣта, брюшко и нижнія покровныя перья крыла желтовато-зеленыя съ многочисленными черноватыми волнообразными полосками; лобъ алаго цвѣта.

Земляной попугай распространенъ по всѣмъ частямъ южной Австраліи, не исключая и Тасманіи. Въ сѣверныхъ странахъ этой части свѣта его еще не видѣли. Онъ постоянно живетъ въ извѣстной области, но почти исключительно на землѣ; на деревьяхъ земляного попугая можно видѣть очень рѣдко. Пребываетъ онъ въ безплодныхъ песчаныхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ низкою травою, или въ болотахъ, поросшихъ ситникомъ. Здѣсь онъ живетъ въ одиночку или парами и притомъ очень уединенно, а потому безъ собакъ найти его весьма трудно. Бѣгаетъ онъ по травѣ очень быстро и съ большою выдержкой, вродѣ бекаса, ловко умѣетъ пользоваться всякимъ удобнымъ укромнымъ мѣстечкомъ и, подобно курицѣ

или болотной птицѣ, крѣпко прижимается къ землѣ въ надеждѣ, что его не замѣтятъ. Только когда его внезапно спугнуть, онъ, какъ куриная птица, поднимается на воздухъ, съ стремительною быстротой летитъ надъ землею, выдѣлываетъ на воздухѣ разные повороты въ видѣ зигзаговъ, потомъ поспѣшно опускается на землю и быстро бѣжитъ дальше.

Бѣлыя яйца свои земляные попугаи кладутъ на голую землю; высиживаютъ яйца оба родителя. Молодыя птицы скоро облекаются въ такую же одежду, какъ и взрослыя, и покидаютъ родителей вскорѣ послѣ того, какъ становятся самостоятельными.

Земляной попугай (Pezoporus formosus). $^1/_2$ естеств. велич.

Плѣнный земляной попугай, привезенный живымъ въ лондонскій зоологическій садъ, днемъ тихо и спокойно дремалъ на одномъ мѣстѣ, а съ наступленіемъ сумерекъ оживлялся и тогда лишь начиналъ ѣсть. Питался онъ не только зернами, но съ удовольствіемъ отгрызалъ кончики травъ; какъ только это было замѣчено, ему стали постоянно приносить свѣжіе куски дерна.

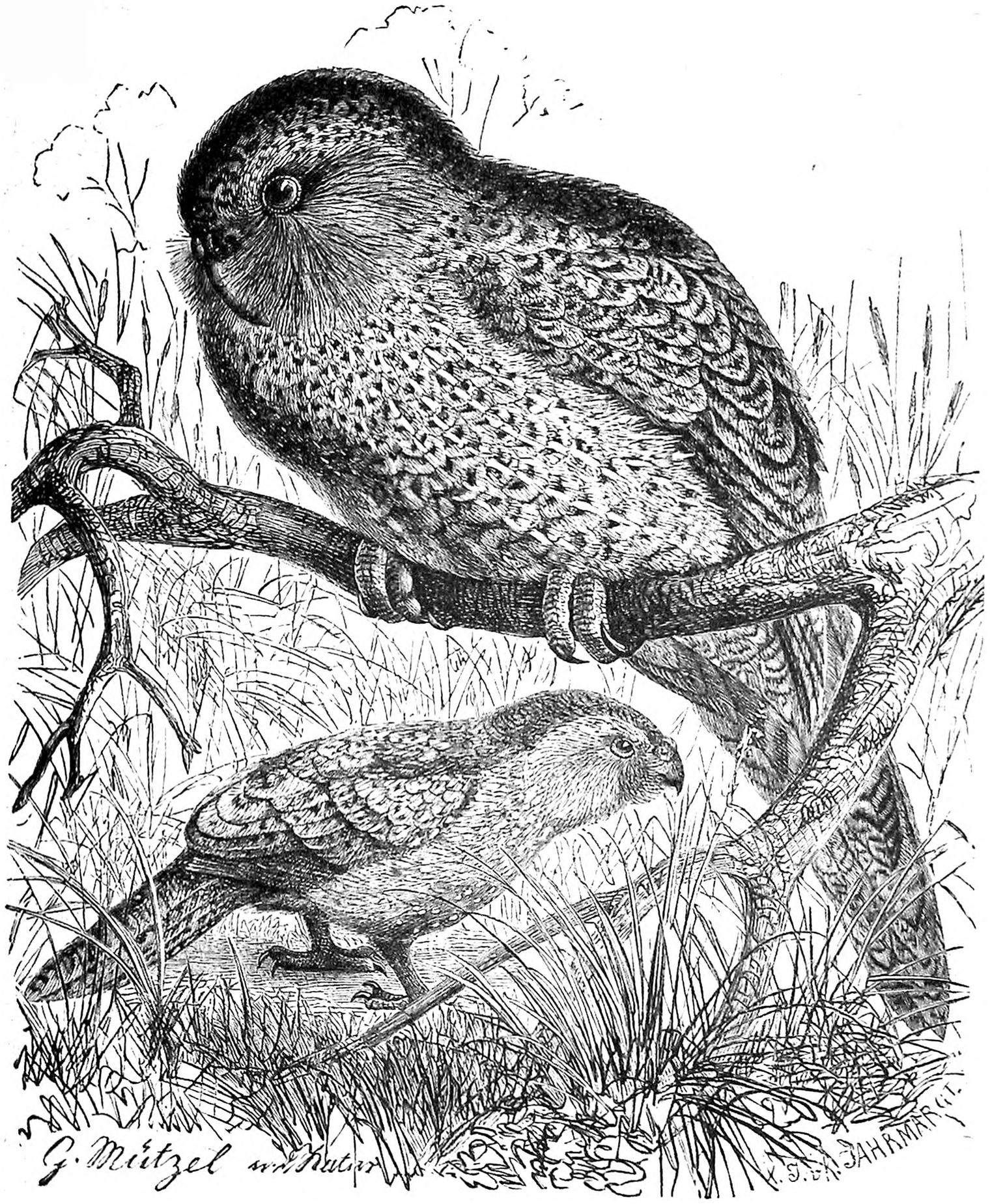
Мясо земляного попугая считается превосходнымъ; говорятъ, что оно нѣжнѣе мяса бекасовъ и на вкусъ похоже на мясо перепеловъ.

*

Самый замѣчательный изъ всѣхъ попугаевъ, какапо, ночная птица, живущая на Новой Зеландіи и удивительно похожая на сову. Отличительными признаками какапо служатъ сходство его оперенія съ опереніемъ совъ и личной покровъ. Клювъ крѣпкій, толстый, больше въ вышину, чѣмъ въ длину, ноги очень сильныя, съ длинною и толстою плюсною и вооружены сильно загнутыми, острыми когтями. крылья короткія и закругленныя, остріе крыльевъ мало выдается, довольно длин-

ный хвостъ на концѣ слегка закругленъ; опереніе жесткое, состоящее изъ широкихъ закругленныхъ на концѣ перьевъ съ длинными бородками; на лбу и на щекахъ перья узки и почти расщеплены, имѣютъ удлиненные, волосообразные стержни, окружаютъ въ видѣ лучей основаніе клюва и образуютъ родъ личного покрова.

Какапо, или тарапо (Stringops habroptilus), принадлежитъ вообще къ самымъ крупнымъ попугаямъ и, благодаря своей густой одеждѣ, имѣетъ почти

Какапо (Stringops habroptilus). 1/4 естеств. велич.

такую же величину, какъ и филинъ-пугачъ. У самца вся верхняя сторона яркаго оливково-зеленаго цвѣта, нижняя сторона зеленоватаго оливково-желтаго цвѣта, причемъ каждое перо украшено скрытыми темно-бурыми поперечными полосами. Личной покровъ, похожій на совиный, а также подбородокъ яркаго свѣтло-желтаго соломеннаго цвѣта. Наружныя опахала маховыхъ перьевъ оливково-желтовато-бураго цвѣта съ черными мраморными разводами. Оливково-желтовато-бурыя рулевыя перья съ черными мраморными разводами на внутреннемъ и наружномъ опахалѣ и нижнія кроющія перья хвоста почти одноцвѣтныя оливково-зеленыя.

Хотя Новая Зеландія уже давно была намъ извѣстна, но лишь въ послѣднее время открытъ былъ какапо и сталъ извѣстенъ его образъ жизни. Замѣчательная эта птица впервые стала извѣстна благодаря своимъ зеленымъ перьямъ,

которыя служатъ туземцамъ украшеніемъ, а также замѣчены были головы какапо, употребляющіяся дикарями для той же цѣли. Мѣстопребываніе и образъ жизни этихъ птицъ были причиной того, что долго о нихъ ничего не знали, такъ что первое чучело привезено было въ Европу лишь въ 1845 году. Въ теченіе протекшихъ съ того времени десятилѣтій мы довольно хорошо ознакомились съ какапо. О жизни его сообщаютъ, кромѣ Гааста, Ляйэль и сэръ Джорджъ Грей. „Поразительно“, говоритъ Гаастъ, „что какапо никогда не встрѣчается на восточной сторонѣ горъ, за исключеніемъ долины рѣки Макарора, образующей озеро Ванака, хотя и на востокѣ есть большіе лѣса. Ограничиваясь западной стороной главнаго хребта, онъ повидимому проникаетъ лишь сквозь низкій, поросшій лѣсомъ проходъ, ведущій отъ истоковъ рѣки Гааста къ истокамъ рѣки Макароры и, достигнувъ мѣста впаденія этой рѣки въ озеро Ванака, вѣроятно далѣе не распространяется вслѣдствіе недостатка лѣсовъ. Въ долинѣ послѣдней изъ названныхъ рѣкъ и въ лѣсу Макарора онъ встрѣчается очень часто, хотя тамъ работаетъ много дровосѣковъ. Расположившись лагеремъ на опушкѣ этого лѣса, мы непрерывно слышали его крикъ; но ни одинъ изъ рабочихъ не подозрѣвалъ, что по близости находится такая большая птица, хотя поражающій, пронзительный крикъ ея часто привлекалъ ихъ вниманіе. Въ меньшемъ количествѣ, какапо встрѣчается въ долинѣ Винки (гдѣ, замѣчу мимоходомъ, я видѣлъ слѣды дикихъ собакъ). Въ долинѣ Гунтертъ, раздѣленной только не особенно высокимъ горнымъ хребтомъ и нѣсколькими небольшими холмами, птицы этой нѣтъ и слѣда, хотя большіе буковые лѣса были бы для нея благопріятнымъ мѣстопребываніемъ“.

„Въ такихъ мѣстахъ“, говоритъ Ляйэль, „можно было замѣтить слѣды какапо. Они приблизительно шириною въ 30 см., равномѣрно вдавлены до края, который спускается въ мохъ на глубину 5—7 см., и обыкновенно пересѣкаются подъ прямыми углами. При этомъ слѣды эти удивительны тѣмъ, что иногда поразительно похожи на слѣды человѣка, и сначала мы дѣйствительно думали, что въ этихъ мѣстахъ бродили туземцы.

„Какапо живетъ въ углубленіяхъ подъ корнями деревьевъ, встрѣчается также подъ сводами нависшихъ утесовъ. Такъ какъ корни многихъ новозеландскихъ видовъ деревьевъ частью приподнимаются надъ почвой, то углубленія подъ ними вещь очень обыкновенная; но намъ казалось, что углубленія эти въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы встрѣчали какапо, были нѣсколько расширены, хотя мы напрасно искали выброшенную изъ нихъ землю.“ Часто эти углубленія имѣютъ два отверстія; иногда деревья надъ ними были по направленію кверху нѣсколько выдолблены. Увидѣть какапо днемъ можно только въ томъ случаѣ, если выгнать его изъ его пещеры. „Только при помощи собаки“, продолжаетъ Ляйэль, „намъ удавалось найти его. До ввоза собакъ, когда эта птица еще часто встрѣчалась въ обитаемыхъ частяхъ острововъ Новой Зеландіи, туземцы ловили какапо ночью при свѣтѣ факеловъ. Въ настоящее время порода полудикихъ собакъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ острова, постоянно преслѣдуетъ какапо, который въ этихъ мѣстахъ почти совершенно истребленъ.

„До сихъ поръ господствовало мнѣніе, будто какапо только по ночамъ и ищетъ себѣ пропитанія; но мнѣ кажется, что, благодаря моимъ наблюденіямъ это мнѣніе можно измѣнить въ томъ смыслѣ, что какапо бываетъ дѣятеленъ не исключительно ночью. Ибо хотя крикъ его обыкновенно слышится черезъ часъ послѣ солнечнаго заката, когда подъ густою листвой наступаетъ глубокая тьма, и хотя онъ въ это время начинаетъ свои поиски (причемъ онъ, привлеченный свѣтомъ, подходилъ къ нашей палаткѣ и былъ пойманъ нашей собакой), однако мы два раза видѣли днемъ, какъ онъ ѣстъ и очень внимательно высматриваетъ, не грозитъ ли ему опасность. Въ первый разъ это было послѣ полудня, когда небо было покрыто тучами и мы по рѣдкому лѣсу возвращались съ западнаго берега, какапо сидѣлъ тогда на свалившемся деревѣ недалеко отъ рѣки Гааста. Когда мы приблизились, онъ быстро исчезъ, но собака все-таки поймала его. Во второй разъ мы увидѣли какапо также еще въ такое время, когда было совершенно свѣтло, въ глу-

бокомъ скалистомъ ущельѣ; онъ сидѣлъ на фуксіи, на высотѣ 3-хъ метровъ надъ землею, и ѣлъ ягоды этого дерева. Замѣтивъ насъ, онъ стремглавъ ринулся на землю и исчезъ среди лежащихъ вокругъ большихъ обломковъ скалъ. Болѣе всего поразило насъ то, что птица не пускала въ ходъ своихъ крыльевъ, даже не открывала ихъ для того, чтобы легче упасть на землю. Чтобы видѣть, станетъ-ли эта птица вообще летать или порхать, если ее преслѣдуютъ, я велѣлъ посадить пойманнаго собакой совершенно невредимаго какапо на большое, открытое, каменистое мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ достаточно мѣста для того, чтобы подняться при помощи крыльевъ, если для этой цѣли ему вообще нужно было болѣе обширное пространство. Но къ моему удивленію птица пустилась бѣжать по направленію къ ближайшей чащѣ и при томъ быстрѣе, чѣмъ можно было этого ожидать отъ нея въ виду устройства ея пальцевъ и неуклюжаго сложенія; при этомъ движенія ея напоминали движенія куриныхъ птицъ“. Ляйэль все-таки видѣлъ, какъ какапо летаетъ, хотя птица пролетала лишь незначительныя разстоянія. „Во время нашей охоты“, говоритъ онъ, „мы видѣли какапо летающимъ только тогда, когда онъ лазалъ внутри полаго дерева и искалъ выхода дальше, на верхушкѣ ствола. Отсюда онъ всегда перелеталъ ниже на другое дерево, но опять быстро взлѣзалъ наверхъ, помогая себѣ при этомъ хвостомъ. Крикъ какапо — это хриплое карканье, переходящее въ неблагозвучный визгъ, когда птица взволнована или голодна. Въ желудкахъ убитыхъ нами какапо находилась свѣтло-зеленая, частью почти бѣлая однородная масса безъ всякаго признака волоконъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что пища какапо состоитъ отчасти изъ корней, отчасти также изъ листьевъ и нѣжныхъ побѣговъ разныхъ растеній.

Отличительнымъ признакомъ этихъ попугаевъ и, можетъ быть, слѣдствіемъ того, что они ѣдятъ растительную пищу, является то, что вмѣсто маслянистаго, мягкаго жиру, какой мы находимъ подъ кожей другихъ птицъ, у какапо много твердаго, бѣлаго жиру, а мясо ихъ гораздо тверже и лучше мяса другихъ видовъ попугаевъ и отличается очень пріятнымъ вкусомъ“.

О размноженіи какапо Ляйэль говоритъ слѣдующее: „Въ послѣднюю половину февраля и въ первую половину марта, проведенныя нами среди тѣхъ мѣстъ, гдѣ водятся какапо, я находилъ птенцовъ во многихъ углубленіяхъ, служащихъ имъ жилищемъ, часто лишь одного и никогда больше двухъ. Обыкновенно, хотя не всегда, въ углубленіи находили вмѣстѣ съ птенцами и старую птицу. Настоящаго гнѣзда какапо не сооружаютъ; они вырываютъ только неглубокую впадину въ сухой массѣ сгнившаго дерева. Яйцо чисто-бѣлое, величиной приблизительно съ голубиное. Птенцы, найденные нами, очень отличались другъ отъ друга по возрасту; одни были совсѣмъ оперены, другіе еще покрыты пухомъ.

„Какапо добродушная птица и очень привязывается къ тому, кто дѣлаетъ ей добро. Расположеніе свое онъ проявляетъ тѣмъ, что лазаетъ по своимъ друзьямъ и трется о нихъ; какапо также въ высшей степени общителенъ и любитъ играть. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ не былъ такъ нечистоплотенъ, это былъ бы для человѣка товарищъ лучше всѣхъ прочихъ извѣстныхъ мнѣ птицъ; ибо его манера выражать свою симпатію играми и ласками скорѣе напоминаетъ собаку, чѣмъ птицу“. „Замѣчательна склонность этой птицы къ шалостямъ“, говоритъ Зале. „Она прибѣгаетъ изъ угла комнаты, схватываетъ мою руку когтями и клювомъ, катается по полу, словно кошечка, не выпуская руки, и убѣгаетъ назадъ, дожидаясь, чтобы ее опять позвали играть. Шалости какапо иногда становятся нѣсколько грубоватыми, но малѣйшее наказаніе усмиряетъ его.“

Третій отрядъ.

Голубиныя птицы (Peliornithes).

Послѣ попугаевъ перейдемъ къ голубинымъ птицамъ, занимающимъ среднее мѣсто между поисковыми и куриными. Отрядъ голубиныхъ и единственный подотрядъ, носящій то-же названіе (Columbiformes) обнимаетъ двѣ до сихъ поръ обыкновенно раздѣлявшіяся группы — голубей, распространенныхъ по всему земному шару, и рябковъ, которые водятся только въ Старомъ Свѣтѣ.

Голуби (Columbidae) представляютъ собою почти столь же рѣзко обособленное семейство, какъ попугаи, и составляютъ единственное семейство группы голубиныхъ птицъ, носящей также названіе голубей.

Голуби птицы средней величины, съ маленькой головой, короткой шеей и опереніемъ изъ крупныхъ и жесткихъ перьевъ. Клювъ у нихъ всегда короткій и у большинства слабый; болѣе высокій, чѣмъ широкій, онъ имѣетъ втянутые края и иногда даже неплотно закрывается; у основанія онъ мягокъ и только кончикъ его роговой; кончикъ этотъ нѣсколько утолщенъ, дугообразно изогнутъ и слегка крючковатый; у нѣкоторыхъ голубей клювъ крѣпче, толще, тверже, въ исключительныхъ случаяхъ онъ бываетъ сильно изогнутъ, и нижняя часть близъ кончика бываетъ даже зазубрена; носовыя отверстія выдвинуты довольно далеко впередъ, имѣютъ видъ узкаго разрѣза и часто бываютъ покрыты выпуклой, хрящевидной чешуйкой, сверху одѣтой восковицей. Короткія ноги снабжены четырьмя пальцами, плюсна рѣдко бываетъ выше длины средняго пальца, въ исключительныхъ случаяхъ оперена только нѣсколько ниже пятокъ; пальцы, изъ которыхъ три направлены впередъ, отдѣлены другъ отъ друга или, самое бо́льшее, отчасти соединены очень короткой перепонкой, когти сильные, но короткіе, бо́льшею частью лишь слегка изогнутые; плюсна спереди покрыта короткими поперечными щитками, сзади сѣтчатыми чешуйками. Крыло состоитъ изъ твердыхъ маховыхъ перьевъ, изъ которыхъ 10 находится на кистевой части, 11—15 — на предплечіи, и изъ которыхъ второе перо длиннѣе прочихъ. Хвостъ обыкновенно состоитъ изъ 12-ти перьевъ, рѣдко изъ 14—16, бо́льшею частью онъ короткій и слегка закругленный, но иногда бываетъ длинный и въ такомъ случаѣ по бокамъ укороченъ. Жесткое и твердое опереніе прилегаетъ къ тѣлу довольно плотно; нѣкоторыя перья относительно крупны, съ широкимъ закругленіемъ и съ пухомъ при основаніи. Преобладающіе цвѣта мягкіе, но яркіе и блестящіе вовсе не исключены; а именно, шея и покровы крыльевъ часто блистаютъ самыми великолѣпными металлическими красками. Самецъ и самка у большинства видовъ по наружности мало отличаются другъ отъ друга, молодыя же птицы обыкновенно не похожи на старыхъ. Относительно величины голубей можно сказать, что великанъ изъ извѣстныхъ доселѣ голубиныхъ птицъ равняется приблизительно небольшой индюшкѣ, а карликъ — величиной съ жаворонка.

Что касается внутренняго строенія, то Ницшъ замѣчаетъ, что голуби во многихъ отношеніяхъ, а именно по строенію грудной кости, дужки, плеча, таза,

желудка, дыхательныхъ путей и т. д., представляютъ значительное сходство съ куриными птицами, но съ другой стороны весьма замѣтно отличаются отъ этихъ послѣднихъ. Пищеводъ расширяется въ настоящій зобъ, стѣнки котораго въ періодъ вывода птенцовъ утолщаются, причемъ на внутренней поверхности появляются сѣтчатыя складки и клѣточки, которыя, благодаря повышенной дѣятельности кровеносныхъ сосудовъ, выдѣляютъ похожую на молоко жидкость, составляющую первоначальную пищу птенцовъ. Насколько до сихъ поръ извѣстно, этимъ голуби отличаются отъ всѣхъ другихъ птицъ.

Голубей можно назвать хорошо одаренными существами. Они хорошо ходятъ, хотя и не особенно быстро, зато долго, но при каждомъ шагѣ киваютъ головой, такъ какъ ноги у нихъ короткія. Нѣкоторые виды бѣгаютъ по землѣ, какъ куры, и при томъ очень быстро; другіе двигаются по землѣ неловко, но зато тѣмъ большую ловкость обнаруживаютъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Тѣ голуби, которые лучше всего ходятъ, всего хуже летаютъ; но у огромнаго большинства полетъ очень скорый, сильный, ловкій, причемъ птицы способны быстро поворачиваться на лету и, разрѣзая воздухъ, производятъ громкій свистящій шумъ. Что голуби иногда добровольно плаваютъ — это я наблюдалъ въ Египтѣ; Науманнъ же и Гомейеръ видѣли, что, въ случаѣ крайности, голуби даже ныряютъ. Голосъ ихъ въ общемъ имѣетъ много сходнаго, но у нѣкоторыхъ видовъ все-таки сильно отличается отъ прочихъ Большинство голубей издаетъ отрывистые, глухіе, глубокіе звуки, среди которыхъ преобладаетъ слогъ „рук“ или „рукс“; другіе „воркуютъ“, т. е. издаютъ нѣжные дрожащіе звуки вродѣ „гирр“; немногіе воютъ, нѣкоторые гогочутъ; иные издаютъ въ высшей степени благозвучные, гармоническіе, полные звуки, другіе отвратительно ворчатъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего несомнѣнно развито зрѣніе, о чемъ свидѣтельствуютъ уже сравнительно большіе, хорошо устроенные и часто очень красиво окрашенные выразительные глаза; врядъ-ли менѣе хорошо развитъ слухъ, въ тонкости котораго нетрудно убѣдиться; вкусъ, обоняніе и осязаніе вѣроятно тоже сравнительно хорошо развиты. Духовныя способности голубей часто ставили слишкомъ высоко, такъ какъ кажущаяся, но не дѣйствительная привлекательность ихъ нрава часто подкупала человѣка. Голуби обыкновенно бываютъ пугливы и осторожны, но далеко не такъ хорошо отличаютъ настоящую опасность отъ мнимой, какъ другія птицы, а часто принимаютъ извѣстное за неизвѣстное и потому также боязливо избѣгаютъ крестьянина или пастуха, какъ и охотника. Приручить ихъ дѣйствительно нелегко, такъ какъ смышленность ихъ незначительна, а память по крайней мѣрѣ не представляетъ собою ничего выдающагося; но все-таки въ духовномъ отношеніи голуби рѣшительно выше куриныхъ и поисковыхъ птицъ.

Весь образъ дѣйствія голубей имѣетъ въ себѣ столько привлекательнаго, что они уже издревле считались образцами кротости и даже удостоились чести служить олицетвореніемъ сверхчувственныхъ понятій. Для непредубѣжденнаго наблюдателя однако характеръ ихъ представляется въ гораздо менѣе благопріятномъ свѣтѣ. Нѣкоторые, но далеко не всѣ голуби отличаются общительностью и держатся парами; но весьма сомнительно, что парочка соединяется на всю жизнь, какъ обыкновенно полагаютъ. Многіе голуби поистинѣ измѣннически поступаютъ со своимъ потомствомъ и этимъ возбуждаютъ наше отвращеніе: они покидаютъ не только яйца, но и вылупившихся уже птенцовъ, если потревожить ихъ и возбудить ихъ недовѣріе. Голубямъ нельзя также отказать въ зависти и недоброжелательствѣ; жадность заставляетъ ихъ забывать о нуждахъ своихъ товарищей: найденный кормъ они закрываютъ крыломъ, между тѣмъ какъ куры, на которыхъ сыплется столько нареканій, найдя пищу, сзываютъ своихъ товарокъ.

Голуби, которыхъ описано около 400 видовъ, являются космополитами въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Они живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ поясахъ, на возвышенностяхъ и въ низменностяхъ, но всегда по преимуществу въ лѣсу; тѣ немногіе, которые селятся на голыхъ скалахъ, составляютъ исключеніе. Голуби любятъ селиться близъ воды, избѣгаютъ безводныхъ пространствъ, хотя это не значитъ еще, что въ такихъ мѣстностяхъ ихъ

совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ, благодаря своему искусному полету, они могутъ ежедневно посѣщать далеко отстоящія водныя вмѣстилища. Всего больше водится голубиныхъ птицъ на крупныхъ и мелкихъ островахъ Великаго океана; вообще, острова даютъ пріютъ сравнительно бо́льшему числу голубей, чѣмъ материки. Зондскіе острова, Филиппины, Молуккскіе острова богаты разнообразными и великолѣпными видами голубей; значительное количество ихъ обитаетъ въ Австраліи и на Новой Гвинеѣ; въ Индіи и южномъ Китаѣ они врядъ-ли менѣе многочисленны. Въ Африкѣ хотя видовъ голубей меньше, чѣмъ въ Азіи, но зато нѣкоторые виды встрѣчаются въ поразительномъ количествѣ, даже внутри пустыни. Въ степныхъ лѣсахъ иногда каждое дерево бываетъ ими усѣяно; въ дѣвственныхъ лѣсахъ ихъ ворчаніе, воркованіе, вой и прочіе издаваемые ими звуки являются самой обыкновенной музыкой и почти что заглушаютъ всѣ прочіе птичьи голоса; какой-нибудь колодезь или лужа воды въ степи являются мѣстомъ сборищъ или по крайней мѣрѣ свиданія для сотенъ тысячъ этихъ подвижныхъ и сравнительно непритязательныхъ птицъ. Въ Америкѣ, и главнымъ образомъ въ южной, живетъ третья часть всѣхъ донынѣ извѣстныхъ голубей. Въ средней Америкѣ они встрѣчаются еще чаще, чѣмъ въ Бразиліи, такъ какъ вообще отдаютъ предпочтеніе островамъ. Относительно мѣстопребыванія голубей можно сказать, что различные виды между собой подѣлились. Въ то время, какъ одни являются исключительно древесными птицами и спускаются на землю только для того, чтобы пить, другіе проводятъ на землѣ всю жизнь или только ненадолго поднимаются на низкія вѣточки деревьевъ; въ то время, какъ одни населяютъ темный лѣсъ, другіе селятся въ рѣдкомъ кустарникѣ степей, а третьи обитаютъ только на скалахъ въ низкомъ кустарникѣ, и притомъ исключительно на маленькихъ островахъ и т. д.

Всѣ виды, живущіе на сѣверѣ, — перелетныя птицы, виды, живущіе на югѣ, — птицы кочующія или осѣдлыя. Эти послѣдніе живутъ, самое бо́льшее, маленькими обществами, но обыкновенно парами; прочіе только во время перелета соединяются въ большія стаи; иные изъ года въ годъ образуютъ многочисленные союзы, и нѣкоторые виды собираются такими огромными массами, которыя, какъ полагаютъ, значительно превосходятъ численно всѣ сборища другихъ птицъ. Улетаютъ голуби рѣдко очень далеко; наши европейскіе виды, напр., самое бо́льшее отправляются въ сѣверную Африку, бо́льшею же частью остаются на зиму въ южной Европѣ.

Пища голубей состоитъ почти исключительно изъ продуктовъ растительнаго царства. Въ зобу нѣкоторыхъ видовъ, впрочемъ, найдены были маленькія улитки, черви и гусеницы; извѣстно также, что голуби ѣдятъ своихъ собственныхъ вшей; но кормъ, доставляемый голубямъ міромъ животныхъ, крайне незначителенъ. Пищу большинства составляютъ самые разнообразные сѣмена и корневые клубни; представители нѣкоторыхъ семействъ или подсемействъ питаются ягодами и лѣсными плодами. Многіе виды любятъ землю, содержащую въ себѣ соль. Тѣ виды, которые ѣдятъ твердыя зерна, глотаютъ маленькіе кусочки кварца и другія твердыя тѣла для облегченія пищеваренія, самки-же, передъ тѣмъ какъ нестись, глотаютъ известь. Голубямъ нужно много пить не только для утоленія жажды, но и для того, чтобы твердыя зерна могли разбухать въ ихъ желудкѣ.

Насколько извѣстно до сихъ поръ, всѣ голуби выводятъ птенцовъ болѣе одного раза въ годъ. Гнѣздо устраивается въ различныхъ мѣстахъ: на вѣтвяхъ деревьевъ и кустовъ, высоко и низко надъ землею, въ углубленіяхъ скалъ и въ древесныхъ дуплахъ, на толстыхъ вѣтвяхъ или на пняхъ, рѣдко на самой поверхности земли. Это — жалкое сооруженіе изъ немногихъ сухихъ прутиковъ, небрежно и неплотно нагроможденныхъ другъ на друга и часто такъ свободно лежащихъ другъ на другѣ, что просто понять нельзя, какъ ихъ не разнесутъ вѣтеръ и непогода. Въ гнѣздо кладется два бѣлыхъ яйца. Въ періодъ спариванья самецъ очень усердно добивается благосклонности самки. Выводятъ птенцовъ оба родителя сообща, причемъ однако самецъ дѣлаетъ это не безъ ворчанія, такъ какъ сидѣть безъ движенія на яйцахъ повидимому ему непріятно и противно. Черезъ 14—20 дней

изъ яицъ вылупляются птенцы — маленькія, безпомощныя, слѣпыя созданія, скудно покрытыя желтымъ пухомъ; они остаются въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не научатся вполнѣ хорошо летать. На первыхъ порахъ ихъ кормятъ или вѣрнѣе пичкаютъ тѣмъ творожистымъ веществомъ, которое выдѣляется стѣнками зоба, затѣмъ размоченными и, наконецъ, твердыми сѣменами. Послѣ того, какъ птенцы выучатся летать, развитіе ихъ идетъ быстро, ибо большинство видовъ на второмъ году жизни уже способно къ размноженію.

Всѣ голуби, или по крайней мѣрѣ живущіе въ средней Европѣ, птицы полезныя. Посредствомъ тщательныхъ и трудныхъ наблюденій Снель убѣдился, что они хотя и подбираютъ нѣкоторыя хлѣбныя зерна, которыя безъ того сгнили бы, но главнымъ образомъ питаются сѣменами различныхъ вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ травъ и этимъ приносятъ пользу поистинѣ неоцѣненную.

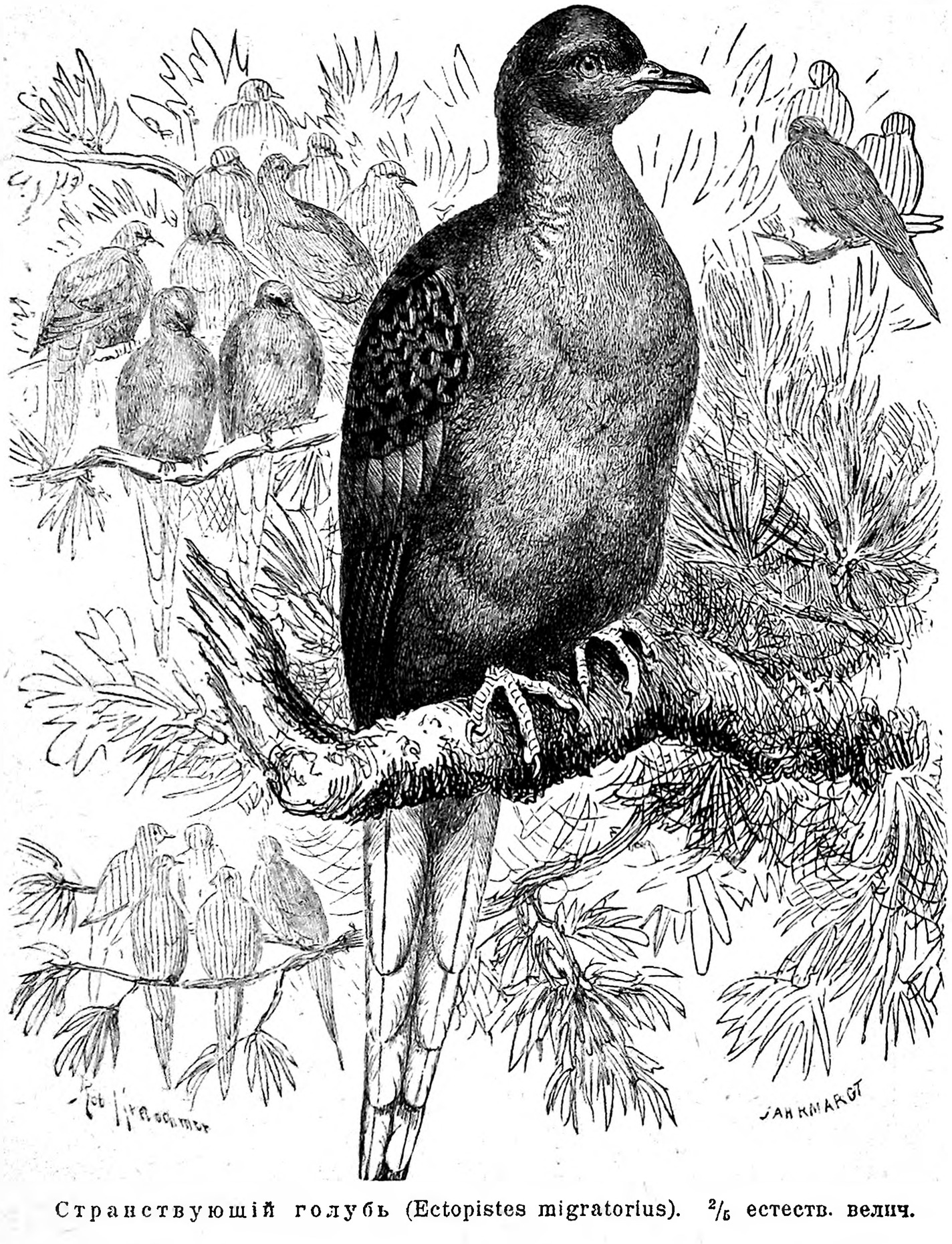
Изъ четырехъ подсемействъ голубей укажемъ прежде всего на древесныхъ голубей (Columbinae), изъ которыхъ назовемъ сначала знаменитаго странствующаго голубя (Ectopistes migratorius, рис. на стр. 480). Этотъ голубь отличается крѣпкимъ сложеніемъ, шея у него длинная, голова маленькая, клювъ средней длины, довольно тонкій, прямой, плюсна короткая, но крѣпкая, короче средняго пальца, не считая когтя; крылья у него длинныя, заостренныя, и въ нихъ второе маховое перо самое длинное; хвостъ, состоящій изъ 12-ти перьевъ, длиннѣе крыльевъ и ступеньчатый, за исключеніемъ двухъ среднихъ перьевъ, нѣсколько укороченныхъ. Общая окраска аспидно-синяя, окраска нижней стороны красновато-сѣрая; бока шеи съ пурпурово-фіолетовымъ отливомъ, брюшко и покровы зада бѣлые, маховыя перья черноватыя, съ бѣлыми каемками, среднія рулевыя перья черныя, боковыя свѣтло-сѣрыя съ буровато-краснымъ и чернымъ пятномъ при основаніи внутренняго опахала Глаза блестящаго краснаго цвѣта, клювъ черный, ноги кроваво-красныя. Длина самца 42 см.

Отъ Гудзонова залива до Мексиканскаго залива и отъ Скалистыхъ горъ до восточнаго берега, странствующій голубь, который, какъ говорятъ, иногда залеталъ даже въ Англію, водится во всѣхъ штатахъ сѣверной Америки, но вовсе не вездѣ встрѣчается въ одинаковомъ количествѣ.

„Странствующій голубь, называемый въ Америкѣ дикимъ голубемъ“, говоритъ Одюбонъ, „двигается чрезвычайно быстро и несется по воздуху, быстро махая крыльями. Странствуетъ онъ только для того, чтобы искать себѣ пищи, а не для того, чтобы спасаться отъ зимняго холода, царствующаго въ сѣверныхъ широтахъ, и не для того, чтобы искать подходящихъ мѣстъ для выживанія птенцовъ. Поэтому странствующіе голуби нигдѣ не селятся навсегда, а располагаются тамъ, гдѣ находятъ себѣ кормъ, остаются иногда цѣлыми годами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше ихъ никогда не видѣли, внезапно исчезаютъ и возвращаются лишь спустя нѣсколько лѣтъ. Благодаря силѣ своего полета, они способны на дѣла поистинѣ поразительныя. Это доказано многими фактами, хорошо извѣстными въ Америкѣ. Въ окрестностяхъ Нью-Іорка случалось убивать странствующихъ голубей, зобъ которыхъ былъ наполненъ рисомъ, — а съѣсть этотъ рисъ они могли только на поляхъ Георгіи и Каролины. Такъ какъ пищевареніе у этихъ птицъ происходитъ такъ скоро, что проглоченная пища въ 12 часовъ совершенно переваривается, то пришлось заключить, что странствующіе голуби въ 6 часовъ пролетѣли 300—400 англійскихъ миль, т. е. пролетали 1 милю въ 1 минуту. Значитъ, летя съ такою же скоростью, они могли бы прилетѣть въ Европу менѣе чѣмъ въ 3 дня.

„Осенью 1813 года, проходя по сухимъ равнинамъ ниже Гарденсборо на р. Огіо, я замѣтилъ стаю странствующихъ голубей, летѣвшихъ съ сѣвера-востока на юго-западъ. Такъ какъ число ихъ показалось мнѣ больше, чѣмъ когда бы то ни было, то мнѣ пришло въ голову сосчитать, сколько стай пролетитъ мимо меня въ теченіе часа. Поэтому я остановился, сѣлъ на возвышеніе и карандашомъ проводилъ на бумагѣ черту всякій разъ, когда мимо пролетала новая стая. Скоро

я увидѣлъ, что выполнить мою затѣю невозможно, такъ какъ птицы появлялись въ несмѣтныхъ количествахъ. Поэтому я поднялся, пересчиталъ черточки и увидѣлъ, что въ 21 минуту я сдѣлалъ ихъ 163. Я продолжалъ свой путь; но сонмища голубей становились все многочисленнѣе. Воздухъ былъ буквально полонъ голубей, и послѣобѣденное солнце было заслонено ими, такъ что сдѣлалось темно, какъ во время солнечнаго затменія. Пометъ падалъ внизъ словно спѣжныя хлопья, а шуршаніе крыльевъ оказывало на меня усыпляющее дѣйствіе. Невозможно описать, какъ красиво поворачивались голуби на воздухѣ, когда соколъ пытался выбить одного изъ общей массы. Тогда они съ грохотомъ, вродѣ громового раската, вдругъ, сплотившись въ одну массу, бросались внизъ словно живой потокъ; плотно прижимаясь другъ къ другу, они устремлялись впередъ по волнообразнымъ, ломаннымъ и остроугольнымъ линіямъ, спускались до самой земли и надъ нею летѣли съ невѣроятною быстротою; затѣмъ снова поднимались вертикально въ видѣ мощной колонны, а поднявшись наверхъ, вытягивались въ одну линію, извивавшуюся на подобіе огромной, гигантской змѣи.

Странствующій голубь (Ectopistes migratorius). $^2/_5$ естеств. велич.

„Весь народъ вооружился. По берегамъ Огіо кишѣли мужчины и мальчики и непрерывно стрѣляли въ прилетѣвшихъ издалека гостей, которые, пересѣкая рѣку, спускались нѣсколько ниже. Массы ихъ были уничтожены, цѣлую недѣлю и даже болѣе населеніе питалось мясомъ и жиромъ голубей. и только и было рѣчи, что́ о дикихъ голубяхъ. Воздухъ въ это время былъ наполненъ испареніями, свойственными этому виду.

„Можетъ быть, не лишнимъ будетъ попытаться опредѣлить число голубей, содержащихся въ такой стаѣ, и вычислить, сколько они поѣдаютъ пищи. Принявъ, что стая въ ширину достигаетъ 1 мили (чего никакъ нельзя считать преувеличеннымъ), и что съ указанной скоростью птицы безостановочно летятъ въ теченіе трехъ часовъ, мы получимъ параллелограммъ въ 180 квадратныхъ англійскихъ миль. Если считать, что на каждый квадратный метръ приходится только 2 голубя, то окажется, что стая состоитъ изъ 1,115,136,000 головъ странствующихъ голубей. А такъ какъ каждый голубь поѣдаетъ $^1/_2$ пинты корму (около $^3/_4$ обыкновеннаго стакана), то вся стая уничтожаетъ ежедневно 8,712,000 бушелей (или приблизительно нашихъ четвериковъ).

„Какъ только голуби откроютъ подходящую для себя пищу, они начинаютъ летать кругомъ съ цѣлью изслѣдованія данной мѣстности. Во время полета густая масса голубей представляетъ великолѣпное зрѣлище. При перемѣнѣ направленія, смотря по тому, поворачиваются ли птицы верхней или нижней стороной къ наблюдателю, онѣ кажутся то синими, то пурпуровыми. Летятъ голуби низко надъ лѣсами, на время исчезаютъ въ листвѣ, опять поднимаются и продолжаютъ свой путь уже въ болѣе высокихъ слояхъ воздуха. Наконецъ, они опускаются на землю. Едва усѣвшись, они начинаютъ усердно рыться въ сухихъ листьяхъ, разыскивая лежащіе кругомъ жолуди. Корму подбирается съ земли поразительное количество; притомъ ищутъ голуби такъ хорошо, что искать чего нибудь послѣ нихъ было бы напраснымъ трудомъ. Во время ѣды они иногда накидываются на пищу съ невѣроятною жадностью и, проглатывая орѣхъ или жолудь, буквально пыхтятъ, словно задыхаются. Приблизительно среди дня, насытившись, они садятся на деревья отдыхать. По вѣтвямъ они расхаживаютъ взадъ и впередъ и очень мило двигаютъ шеей впередъ и назадъ. Когда солнце сядетъ, они огромными стаями слетаются на мѣста ночлега, нерѣдко находящіяся на разстояніи цѣлыхъ сотенъ миль отъ тѣхъ мѣстъ, куда птицы прилетаютъ за кормомъ.

„Посмотримъ теперь на одно изъ такихъ мѣстъ ночлега, напр. на Зеленой рѣкѣ въ штатѣ Кентукки, гдѣ мнѣ нерѣдко случалось бывать. Мѣсто ночлега голубей находилось въ высокомъ лѣсу, въ которомъ было лишь немного низкаго кустарника. Я проѣхалъ по этому лѣсу верхомъ 40 миль и, такъ какъ мнѣ пришлось пересѣкать его въ различныхъ мѣстахъ, то я убѣдился, что шириною онъ больше 3-хъ миль. Когда я посѣтилъ этотъ лѣсъ впервые, онъ уже недѣли двѣ какъ занятъ былъ голубями. Я прибылъ за два часа до заката солнца. Голубей видно было мало; но по опушкѣ расположилось множество людей съ лошадьми и телѣгами, съ оружіемъ и запасомъ пороха. Два сельскихъ хозяина пригнали за 100 слишкомъ миль оттуда болѣе 300 свиней, чтобы откормить ихъ голубинымъ мясомъ. Вездѣ люди были заняты соленіемъ голубей, и повсюду лежали кучи убитыхъ птицъ. Пометъ ихъ покрывалъ землю на нѣсколько см. и на всемъ протяженіи мѣста ночлега лежалъ густо, какъ снѣгъ. Многія деревья, стволы которыхъ имѣли въ поперечникѣ около 60 см., были сломаны недалеко отъ корня, а вѣтви самыхъ большихъ и крѣпкихъ деревьевъ были поломаны, какъ будто въ лѣсу неистовствовалъ ураганъ. По всѣмъ признакамъ было ясно, что число птицъ, ночевавшихъ здѣсь, было несмѣтное. Когда приблизилось время прибытія голубей, то враги этихъ птицъ чуть-ли не со страхомъ готовились принять ихъ. Многіе явились съ желѣзными горшками, содержащими сѣру, другіе со смоляными факелами, третьи съ кольями, прочіе съ ружьями. Солнце зашло, однако не видно было еще ни одного голубя; но все было готово, и всѣ глядѣли на ясное небо, просвѣчивавшее между высокими деревьями. Вдругъ раздался общій крикъ: „летятъ!“. Голуби дѣйствительно приближались и, хотя были еще далеко, но летѣли съ грохотомъ, напоминавшимъ бушующую среди корабельныхъ снастей снѣжную вьюгу. Когда птицы прилетѣли, и стая пролетала надо мною, то я почувствовалъ сильное движеніе воздуха. Тысячи голубей были повалены на землю кольями, но новые все прибывали и прибывали. Раздались выстрѣлы, и глазамъ представилось грандіозное, настолько же поразительное, насколько ужасное зрѣлище. Голуби, прибывавшіе тысячами, разсаживались вездѣ, пока не облѣпили всѣхъ вѣтвей и сучьевъ деревьевъ. Тамъ и сямъ вѣтки ломались подъ ихъ тяжестью, съ трескомъ падали и давили сотни сидящихъ ниже птицъ, которыя цѣлыми комьями низвергались на землю. Все было преисполнено смятенія и безпокойства. Я считалъ совершенно излишнимъ говорить или даже кричать что нибудь близъ стоящимъ людямъ. Даже выстрѣлы были большею частью замѣтны только по вспыхиванью пороха!

„Только около разсвѣта шумъ нѣсколько утихъ. Задолго до того времени, когда можно было различать предметы, голуби уже начали улетать и притомъ совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ откуда они прилетѣли. На восходѣ солнца исчезли всѣ, которые еще были въ состояніи летать. Тогда послышались голоса волковъ, лисицъ, рысей, кугуара, медвѣдей, енотовъ и сумчатыхъ звѣрей,

которые рыскали кругомъ по землѣ; съ ними явились раздѣлить добычу множество орловъ и коршуновъ. Виновники избіенія также начали теперь подбирать мертвыхъ, умирающихъ и искалѣченныхъ голубей. Ихъ сваливали въ кучи, пока каждый не собралъ для себя желаемаго количества; потомъ выпустили свиней, чтобы онѣ истребили все оставшееся."

Совершенно такое же избіеніе происходитъ на мѣстахъ вывода странствующихъ голубей. „Выводъ птенцовъ у дикихъ голубей", разсказываетъ далѣе Одюбонъ, „и мѣста, которыя они выбираютъ для этой цѣли, заслуживаютъ нашего вниманія. — Размноженіе не всегда зависитъ отъ времени года; но мѣсто, избираемое голубями для этой цѣли, всегда содержитъ легко доступную имъ пищу въ изобиліи и находится достаточно близко отъ воды. Гнѣзда располагаются на очень высокихъ лѣсныхъ деревьяхъ. На одномъ деревѣ часто можно видѣть 50—100 гнѣздъ; я сказалъ бы еще больше, если бы не боялся, что удивительный образъ жизни этого голубя будетъ принятъ за сказку. Два яйца, которыя онъ кладетъ въ гнѣздо, кругловаты, длиною около 35 миллиметровъ, шириною около 25 миллиметровъ и чистаго бѣлаго цвѣта. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ кормитъ ее и вообще относится къ ней съ трогательною нѣжностью и любовью. Не мѣшаетъ замѣтить, что птенцы всегда составляютъ парочку. Старыя птицы кормятъ свое потомство до тѣхъ поръ, пока оно само не въ состояніи прокормиться; затѣмъ молодыя птицы покидаютъ родителей и до достиженія зрѣлости составляютъ особыя стаи. Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ вылупленія изъ яйца молодые голуби становятся способными къ размноженію. Какъ только голуби вылупятся, деспотъ природы, человѣкъ, начинаетъ истреблять птенцовъ. Онъ выходитъ съ топорами и другимъ оружіемъ и отсѣкаетъ вѣтви, нарушая такимъ образомъ спокойствіе мирныхъ обитателей лѣса. При паденіи срубленныхъ стволовъ и вѣтвей молодыя птицы выпадаютъ изъ гнѣздъ и погибаютъ во множествѣ."

Можно было бы предположить, что при такихъ избіеніяхъ странствующіе голуби должны быть скоро истреблены. „Но я убѣдился", замѣчаетъ Одюбонъ, „помощью долголѣтнихъ наблюденій, что число этихъ птицъ уменьшается только при расчищеніи лѣсовъ подъ пашню." Въ 1805 въ Нью-Іоркъ прибыли маленькіе корабли, нагруженные странствующими голубями. Голубь продавался за 1 центъ (около 2-хъ коп.). Одинъ житель Пенсильваніи поймалъ въ одинъ день силкомъ 500 дюжинъ и иногда ему удавалось накрыть сѣтью сразу до 20 дюжинъ голубей. Еще въ 1830 г. странствующіе голуби такъ часто привозились на нью-іоркскій рынокъ, что ихъ вездѣ можно было видѣть во множествѣ.

Въ неволѣ странствующій голубь при надлежащемъ уходѣ выживаетъ цѣлые годы, безъ труда размножается, но въ настоящее время очень рѣдко встрѣчается въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

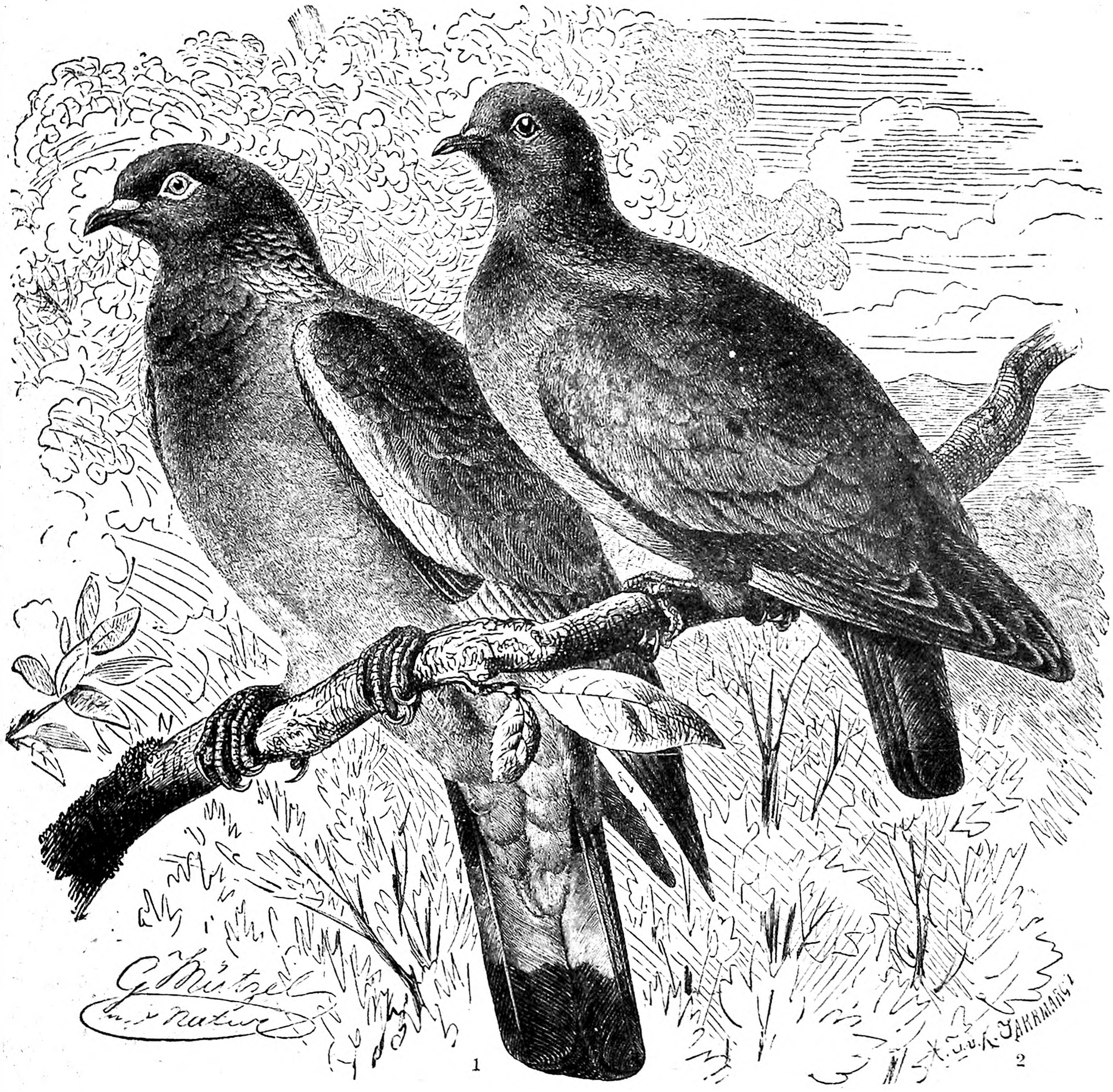
*

Къ распространенному по всей землѣ роду лѣсныхъ голубей (Columba) принадлежитъ вяхирь (Columba palumbus). У него голова и затылокъ, а также горло темнаго сизаго цвѣта, верхняя часть спины и верхняя часть крыльевъ темнаго сѣровато-синяго цвѣта, нижняя часть спины и задъ свѣтло-синіе, голова и грудь красновато-сѣрыя, остальная нижняя сторона темнаго сѣровато-синяго цвѣта, нижняя часть брюшка бѣлая; нижняя часть шеи съ каждой стороны украшена блестяще бѣлымъ пятномъ и отливаетъ металлическимъ блескомъ; маховыя перья аспидно-сѣрыя, хвостовыя перья аспидно-черныя съ болѣе свѣтлой поперечной полосой, широкая полоса на сгибѣ крыла и большое пятно на хвостовыхъ перьяхъ бѣлаго цвѣта. Глаза блѣднаго желтовато-сѣрнистаго цвѣта, клювъ блѣдно-желтый, при основаніи красный, ноги синевато-красныя. Длина 43 см.

Начиная съ 65-го градуса сѣверной широты, вяхирь распространенъ по всей Европѣ, а въ Азіи замѣняется родственнымъ видомъ. Во время своихъ странствованій вяхирь перекочевываетъ въ сѣверо-западную Африку; въ сѣверо-восточную Африку онъ не залетаетъ. Уже въ южной Европѣ онъ встрѣчается го-

раздо рѣже, чѣмъ въ средней, впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Испаніи вяхири встрѣчаются многочисленными обществами.

Вяхирь настоящая древесная птица. Въ Германіи онъ встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, какъ въ лиственныхъ, такъ и въ хвойныхъ, какъ въ горахъ, такъ и въ равнинѣ, какъ близъ деревьевъ, такъ и вдали отъ человѣческихъ поселеній; впрочемъ, повидимому, вяхирь отдаетъ предпочтеніе хвойному лѣсу — вѣроятно потому, что сѣмена елей и сосенъ составляютъ

1) Вяхирь (Columba palumbus), 2) Клинтухъ (Columba oenas). 1/3 естеств. велич.

любимую его пищу. Въ видѣ исключенія онъ селится также среди деревень или даже въ населенныхъ городахъ на одиноко стоящихъ деревьяхъ. На сѣверѣ области своего распространенія онъ — птица перелетная и съ большою правильностью улетаетъ и снова возвращается; но уже въ южной Германіи, а тѣмъ болѣе въ Испаніи и въ Италіи, это птица осѣдлая. Вяхирь въ высшей степени быстрая, подвижная и пугливая птица. Ходитъ онъ ловко, но не очень скоро, при этомъ держитъ тѣло то горизонтально, то прямо и безостановочно двигаетъ шеей. Онъ сидитъ то на верхушкѣ дерева, то глубоко забирается въ чащу вѣтвей. Есть у него нѣкоторыя любимыя деревья, на которыхъ его можно видѣть почти всякое утро; это или деревья, возвышающіяся надъ другими, или же деревья съ сухими верхушками. Полетъ вяхиря красивый, быстрый, ловкій; взлетаетъ онъ съ трескомъ, а затѣмъ со свистомъ несется по воздуху. Уже издали летящаго

вяхиря можно узнать не только по величинѣ, но и по длинному хвосту и по бѣлымъ пятнамъ на крыльяхъ.

Ночь оба супруга проводятъ вблизи гнѣзда. Еще до разсвѣта вяхири просыпаются, и самецъ отправляется на свое любимое дерево. Здѣсь еще въ сумеркахъ онъ начинаетъ издавать звуки, похожіе на крикъ полевого голубя, но болѣе сильные, вродѣ „руккуккук“ и „кукуку“ или „рукуку куку“. При этомъ птица сидитъ неподвижно на вѣткѣ, надувъ шею и шевеля ею. Каждый крикъ повторяется три или четыре раза подрядъ. Самцы вяхири, находящіеся по близости, такимъ образомъ сзываются, усаживаются на сосѣднихъ деревьяхъ и всѣ кричатъ, соперничая другъ съ другомъ. Выбравъ мѣсто для гнѣзда, оба супруга приносятъ сообща строительный матеріалъ, но постройкой занимается одна самка. Гнѣздо состоитъ изъ сухихъ еловыхъ, сосновыхъ и буковыхъ прутиковъ или изъ вѣтвей одного изъ этихъ видовъ деревьевъ, но сооружено такъ плохо и неплотно, что нерѣдко сквозь стѣнки просвѣчиваютъ яйца; гнѣздо плоское, углубленіе есть только въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ яйца, и имѣетъ 30—40 см. въ поперечникѣ. Несмотря на свое плохое устройство, оно стоитъ плотно и выноситъ всякую погоду. Начиная со второй половины апрѣля и до второй половины іюля въ гнѣздѣ можно найти два продолговатыхъ яйца, одинаково закругленныхъ съ обѣихъ сторонъ, съ тонкой и шероховатой скорлупой и блестяще-бѣлаго цвѣта. Высиживаются яйца обоими супругами. Замѣчательно, какъ мало привязанности обнаруживаетъ вяхирь къ своимъ яйцамъ. Если согнать сидящаго на яйцахъ вяхиря, то яйца его можно смѣло тотчасъ же унести съ собою, такъ какъ птица навѣрное оставитъ ихъ. Птенцовъ вяхири любятъ больше, но все-таки не такъ сильно, какъ другія птицы.

Любимая пища вяхиря — это сѣмена хвойныхъ деревьевъ; этими сѣменами лѣтомъ у него часто бываетъ наполненъ весь зобъ. Онъ не только подбираетъ ихъ съ земли, но вытаскиваетъ ихъ также изъ подъ неплотно прилегающихъ чешуекъ шишекъ. Кромѣ того, онъ поѣдаетъ хлѣбныя зерна и сѣмена травъ, въ исключительныхъ случаяхъ глотаетъ также улитокъ и дождевыхъ червей, а позднимъ лѣтомъ лакомится черникой, въ лиственномъ же лѣсу жолудями и плодами бука.

Нельзя вмѣнять вяхирю въ преступленіе того, что онъ подбираетъ на поляхъ немного зеренъ, ибо ѣстъ онъ только такія зерна, которыя безъ этого сгнили бы: это ничтожное посягательство на собственность человѣка вяхирь искупаетъ сторицею, съѣдая сѣмена разнообразныхъ сорныхъ травъ. Кромѣ человѣка, у этой осторожной птицы мало враговъ, которые могли бы быть для нея опасными. Тетеревятникъ и сапсанъ, а также крупные родственники послѣдняго ловятъ взрослыхъ вяхирей, а дикая кошка, лѣсная куница и бѣлка, быть можетъ также самка ястреба-перепелятника и ночью филинъ-пугачъ нападаютъ на молодыхъ птицъ.

Плѣнные вяхири становятся довольно ручными и много лѣтъ выживаютъ въ клѣткѣ. Ихъ нетрудно пріучить къ корму, замѣняющему имъ естественную пищу, такъ какъ они вполнѣ довольствуются смѣшанными сѣменами. Но размножаются они въ клѣткѣ только въ исключительныхъ случаяхъ.

У клинтуха (Columba oenas, рис. на стр. 483) голова, шея, верхняя часть крыла, нижняя часть спины и надхвостье сизаго цвѣта, верхняя часть спины темнаго сѣровато-синяго цвѣта, область зоба цвѣта краснаго вина, вся остальная нижняя сторона тусклаго сизаго цвѣта; маховыя перья и концы рулевыхъ перьевъ аспидно-синіе; черезъ крылья проходитъ не полная темная полоса; затылокъ съ отливомъ, вообще замѣчаемымъ у голубей. Глаза темно-каріе, клювъ блѣдно-желтый, при основаніи темнаго мясного краснаго цвѣта съ бѣлымъ налетомъ, ноги тусклаго темно-краснаго цвѣта. Длина 32 см.

Приблизительно тѣ же страны, гдѣ водится вяхирь, даютъ пріютъ и клинтуху; онъ вездѣ встрѣчается рѣже вяхиря по той простой причинѣ, что не вездѣ можетъ жить, а всегда ищетъ старыхъ деревьевъ съ подходящими дуплами. Живетъ клинтухъ во всевозможныхъ лѣсахъ, нерѣдко селится также на деревьяхъ, растущихъ въ полѣ, иногда избираетъ себѣ мѣстомъ жительства деревья вблизи деревень, но

въ средней Германіи съ каждымъ годомъ становится рѣже. Въ средней Германіи онъ появляется въ одиночку въ мартѣ мѣсяцѣ; зимовать онъ улетаетъ стаями въ половинѣ октября. Зимуетъ клинтухъ впрочемъ и въ южной Европѣ, и лишь изрѣдка небольшія стаи улетаютъ въ сѣверо-западную Африку.

Клинтухъ менѣе подвиженъ и необузданъ, чѣмъ вяхирь, но движенія у него ловче, ходитъ онъ лучше и искусно летаетъ. Голосъ клинтуха существенно отличается отъ голоса вяхиря и полевого голубя; клинтухъ кричитъ просто „гу гу гу“. Питается онъ всевозможными зернами.

Парочка клинтуховъ можетъ служить образцомъ супружеской любви и вѣрности. Самецъ искренно привязанъ къ своей самкѣ, обыкновенно проводитъ все время около нея, забавляетъ ее своимъ ворчаніемъ, пока она сидитъ на яйцахъ, и сопровождаетъ ее, если ее сгонятъ съ яицъ. Тотчасъ послѣ своего прибытія весною, парочка выбираетъ себѣ подходящее дупло и уже въ началѣ апрѣля кладетъ туда первыя свои 2 бѣлыхъ яйца. Оба родителя очень усердно сидятъ на яйцахъ. Насколько мало привязанности обнаруживаютъ вяхири къ своимъ яйцамъ, настолько велика привязанность клинтуховъ къ своимъ. Они не только очень усердно сидятъ на яйцахъ, притомъ такъ плотно, что иногда голубя, висижывающаго птенцовъ, можно взять рукою, но и съ опасностью для собственной жизни отыскиваютъ гнѣздо, откуда ихъ согнали. Самка не покидаетъ яицъ даже въ томъ случаѣ, если въ нее стрѣляютъ.

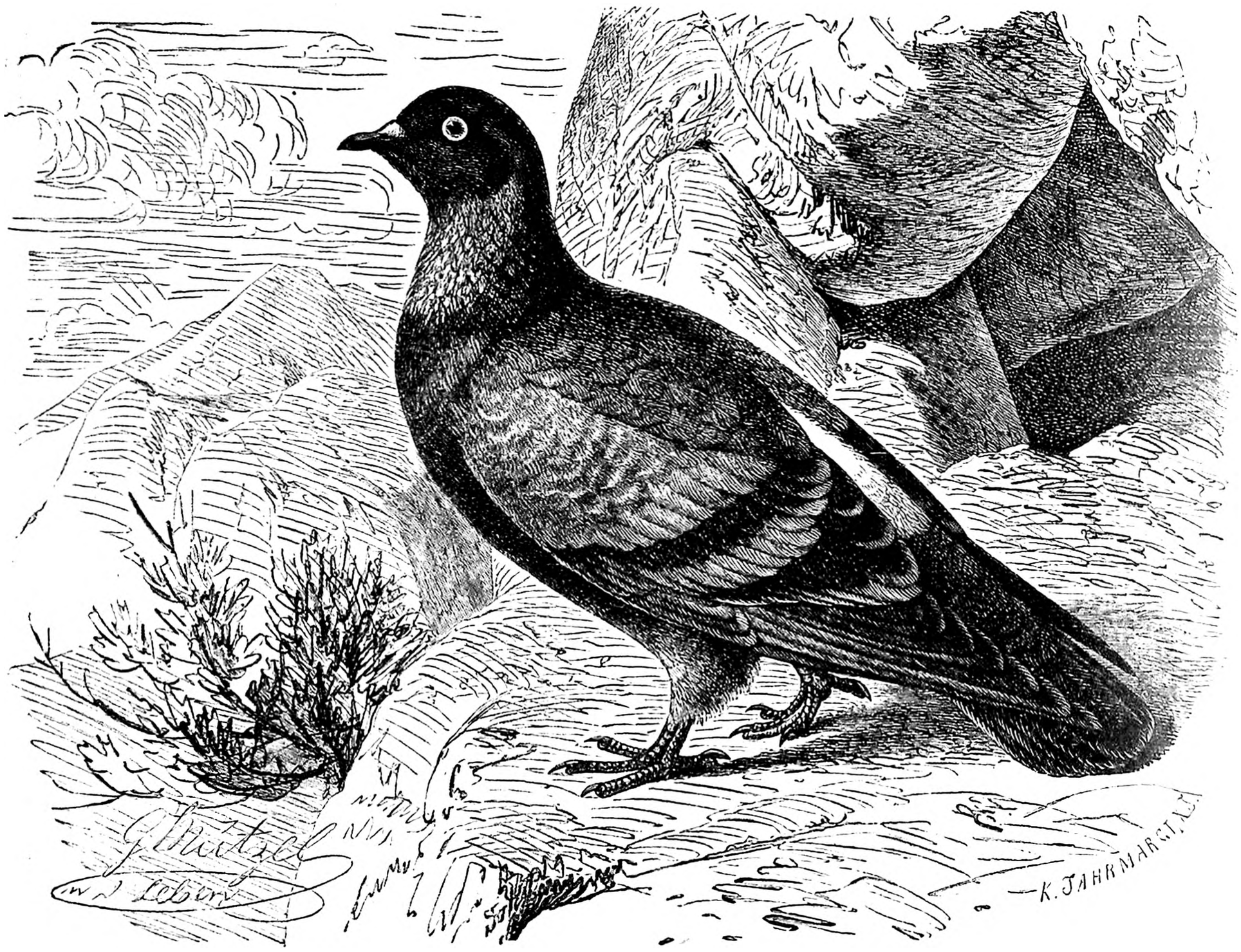
Клинтуха легче приручить, чѣмъ вяхиря; клинтухъ также добровольно присоединяется къ полевымъ голубямъ и даже, какъ говорятъ, спаривается съ ними.

Для человѣка наибольшее значеніе изъ всѣхъ голубей имѣетъ дикій полевой голубь (Columba livia рис. на стр. 486), праотецъ нашего домашняго голубя. У него верхняя сторона свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, нижняя сторона сизая, голова свѣтлаго аспидно-синяго цвѣта, шея до груди темнаго аспиднаго цвѣта, наверху съ свѣтлымъ синевато-зеленымъ, внизу съ пурпуровымъ отливомъ, нижняя часть спины бѣлая; по крыльямъ проходятъ двѣ черныхъ полосы; маховыя перья пепельно-сѣрыя, рулевыя перья темнаго сизо-сѣраго цвѣта, на концѣ черныя, крайнія перья съ наружной стороны бѣлыя. Глаза сѣрнисто-желтые, клювъ черный, при основаніи свѣтло-синій, ноги темнаго синевато-краснаго цвѣта. Самецъ и самка по окраскѣ почти не отличаются другъ отъ друга; птенцы темнѣе стариковъ. Длина 34 см.

Дикій полевой голубь, встрѣчающійся въ видѣ нѣсколькихъ постоянныхъ разновидностей, водится въ Европѣ лишь на нѣкоторыхъ сѣверныхъ островахъ и по берегамъ Средиземнаго моря, кромѣ того онъ встрѣчается почти во всей сѣверной Африкѣ, въ Палестинѣ, Сиріи, Малой Азіи и Персіи, а также въ части Гималаевъ. Его всегда можно найти вдоль западнаго берега Шотландіи, на Фарерскихъ островахъ и на скалистомъ островѣ Реннесэ близъ Ставангера; кромѣ того, онъ живетъ почти на всѣхъ подходящихъ стѣнахъ скалъ вокругъ Средиземнаго моря, начиная отъ Тріеста, въ Греціи, во всей Италіи, во Франціи и въ южной Испаніи.

Въ окрестностяхъ Тріеста дикій полевой голубь живетъ во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ, на Карстѣ обитаетъ въ подземныхъ, воронкообразныхъ пещерахъ (долинахъ), часто глубоко подъ поверхностью земли; въ Истріи, Далмаціи, Италіи, Греціи и въ Малой Азіи, а также на всѣхъ греческихъ островахъ, онъ живетъ на скалистыхъ утесахъ, у самаго моря и на высочайшихъ горахъ. Въ Египтѣ его можно видѣть большими стаями на обрывахъ скалъ, особенно вблизи рѣчныхъ пороговъ; немногія стаи встрѣчаются также среди пустыни, гдѣ невольно задаешь себѣ вопросъ, какое пропитаніе можетъ доставить скудная почва такому множеству птицъ. Далѣе, въ глубинѣ Африки, дикій полевой голубь попадается гораздо рѣже; но въ удобныхъ для него мѣстахъ его легко можно найти, и онъ ужъ непремѣнно ютится среди всякой груды скалъ съ отвѣсными стѣнами. Въ Индіи это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и наиболѣе часто встрѣчающихся птицъ; тамъ она также висижываетъ птенцовъ въ пещерахъ и углубленіяхъ скалъ и утесовъ, но

возможности поближе къ водѣ и притомъ часто въ обществѣ бѣлобрюхихъ стрижей. Здѣсь такъ же, какъ и въ Египтѣ, дикій полевой голубь живетъ въ полудикомъ состояніи и селится во всѣхъ старыхъ спокойныхъ строеніяхъ, на городскихъ стѣнахъ, въ пагодахъ, въ храмахъ, высѣченныхъ въ скалахъ, и въ т. п. зданіяхъ, или же водворяется на башняхъ, которыя для него спеціально сооружаются. Въ верхнемъ Египтѣ есть много поселеній, построенныхъ повидимому больше для голубей, чѣмъ для людей. Только въ нижнемъ этажѣ пирамидальнаго дома съ плоской крышей живетъ крестьянинъ, верхній же этажъ, обыкновенно покрытый бѣлой штукатуркой и всякими украшеніями, принадлежитъ голубямъ; кромѣ того, исключительно для этихъ птицъ созидаются высокія, куполообразныя

Дикій полевой голубь (Columba livia). ⅓ естеств. велич.

башни. Стѣны этихъ построекъ состоятъ не изъ однихъ кирпичей: начиная съ извѣстной вышины, онѣ складываются изъ большихъ яйцевидныхъ горшковъ съ толстыми стѣнками, наложенныхъ другъ на друга и скрѣпленныхъ цементомъ или, вѣрнѣе, замазкой изъ нильскаго ила. Каждый горшокъ съ наружной стороны проломленъ, но дыра въ немъ недостаточно велика для того, чтобы черезъ нее могъ проникать голубь, и она предназначается для того, чтобы пропускать свѣтъ и воздухъ. Съ другой же, внутренней стороны, каждый горшокъ легко доступенъ для голубя, который въ немъ устраиваетъ себѣ гнѣздо. Входъ въ такіе голубиные дома довольно великъ и окруженъ вдѣланными въ цементъ пучками хвороста, замѣняющаго собою жердочки. Что такое сооруженіе достигаетъ цѣли, явствуетъ уже изъ того, что дома эти всегда бываютъ заняты массою голубей.

На югѣ дикіе полевые голуби птицы осѣдлыя; на сѣверѣ суровая зима заставляетъ ихъ странствовать. Передъ отлетомъ они собираются въ многочисленныя стаи и, повидимому, не разрываютъ этихъ союзовъ и на чужбинѣ. Вѣроятно, въ средней Европѣ нерѣдко замѣчаютъ такія странствующія стаи, но не узнаютъ ихъ, а принимаютъ за стаи обыкновенныхъ полевыхъ голубей.

Образъ дѣйствій дикаго полевого голубя мало отличается отъ образа дѣйствій нашего домашняго или полевого голубя. Дикій полевой голубь ловчѣе; онъ лучше летаетъ, чѣмъ наши полевые голуби, и обыкновенно очень боится людей; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ потомки являютъ собою вѣрный сколокъ съ прародителей. Дикій полевой голубь ходитъ хорошо, но при ходьбѣ киваетъ головой, летаетъ превосходно, со свистомъ и жужжаніемъ разрѣзая воздухъ, пролетаетъ въ одинъ часъ около 100 километровъ, хлопаетъ крыльями передъ тѣмъ, какъ сняться съ мѣста, и порхаетъ передъ тѣмъ, какъ сѣсть, любитъ высоко подниматься и часто кружится подолгу въ видѣ сплоченныхъ стай. Деревьевъ онъ охотно избѣгаетъ, но иногда дѣлаетъ изъ этого правила исключеніе. Ища пищи, онъ цѣлыми часами бѣгаетъ по землѣ; когда онъ пьетъ, то иной разъ входитъ немного въ воду; египетскіе же голуби, когда хотятъ напиться, садятся на середину рѣки, качаются на волнахъ и снова поднимаются, утоливъ жажду.

Внѣшнія чувства и духовныя способности дикаго полевого голубя развиты хорошо; на свободѣ наблюдать его трудно, но всякій можетъ убѣдиться, что ручные голуби — птицы смышленыя и понятливыя.

Голосъ ихъ — всѣмъ извѣстное воркованье — состоитъ изъ глухихъ, завывающихъ и раскатистыхъ звуковъ, которые звучатъ приблизительно какъ „марукуу муркукуу маргукукуу“. Каждый крикъ сопровождается поклонами, поворотами и кивками головой.

Пищу дикаго полевого и домашняго голубя составляютъ всѣ виды хлѣбныхъ зеренъ, кромѣ того, сѣмена брюквы и полевой рѣпы, чечевица, горохъ, льняное сѣмя и т. д., главнымъ же образомъ зерна мышинаго горошка, который считается совершенно не поддающейся истребленію сорной травой. Голубей этихъ прежде считали вредными животными, такъ какъ они поѣдаютъ довольно много корма и могутъ нанести человѣку чувствительный ущербъ; но если принять во вниманіе, что они ѣдятъ только осыпающіяся зерна, то нельзя судить ихъ слишкомъ строго, тѣмъ болѣе, что причиняемый этими птицами вредъ сторицею вознаграждается тѣмъ, что онѣ поѣдаютъ сѣмена сорныхъ растеній.

Полагаютъ, что дикій полевой голубь выводитъ птенцовъ по крайней мѣрѣ два раза въ годъ; навѣрное извѣстно, что обыкновенный полевой голубь въ теченіе лѣта выводитъ птенцовъ по крайней мѣрѣ три раза. Въ началѣ весны самецъ усердно воркуетъ; воюетъ съ другими и не всегда безъ труда отвоевываетъ себѣ свою самку, къ которой относится съ величайшей нѣжностью. Черезъ нѣсколько дней самецъ пригоняетъ самку къ мѣсту вывода, гдѣ должна происходить постройка гнѣзда, улетаетъ за строительными матеріалами, приноситъ ихъ въ клювѣ, а самка сооружаетъ изъ нихъ гнѣздо. Гнѣздо представляетъ собою плоскую кучу сухихъ прутиковъ, стебельковъ, соломы и сухихъ злаковъ, сложенныхъ крайне незатѣйливо, и имѣетъ въ серединѣ небольшое углубленіе. До первой кладки яицъ проходитъ еще нѣсколько дней.

Два яйца, которыя кладетъ самка, продолговатой формы, съ гладкой скорлупой, блестящія и чисто бѣлыя. Высиживаютъ ихъ оба родителя, причемъ самка непрерывно сидитъ на яйцахъ съ 3-хъ час. дня до 10 час. утра, а самецъ только въ теченіе пяти промежуточныхъ часовъ. Ночью онъ спитъ вблизи гнѣзда, всегда готовъ по мѣрѣ силъ защищать свою супругу, не подпускаетъ къ ней даже другихъ голубей. Черезъ 16—18 дней изъ яицъ вылупляются черезъ промежутки въ 24—36 час. крайне безпомощные, слѣпые птенцы. Въ первое время оба родителя кормятъ ихъ кашицей, образующейся въ зобу; впослѣдствіи молодымъ птицамъ даются размягченныя, наконецъ твердыя сѣмена, а также камешки и кусочки глины. Черезъ четыре недѣли птенцы уже выростаютъ и вылетаютъ вмѣстѣ со взрослыми, а нѣсколько дней спустя становятся самостоятельными, и тогда родители приступаютъ къ выводу вторыхъ птенцовъ.

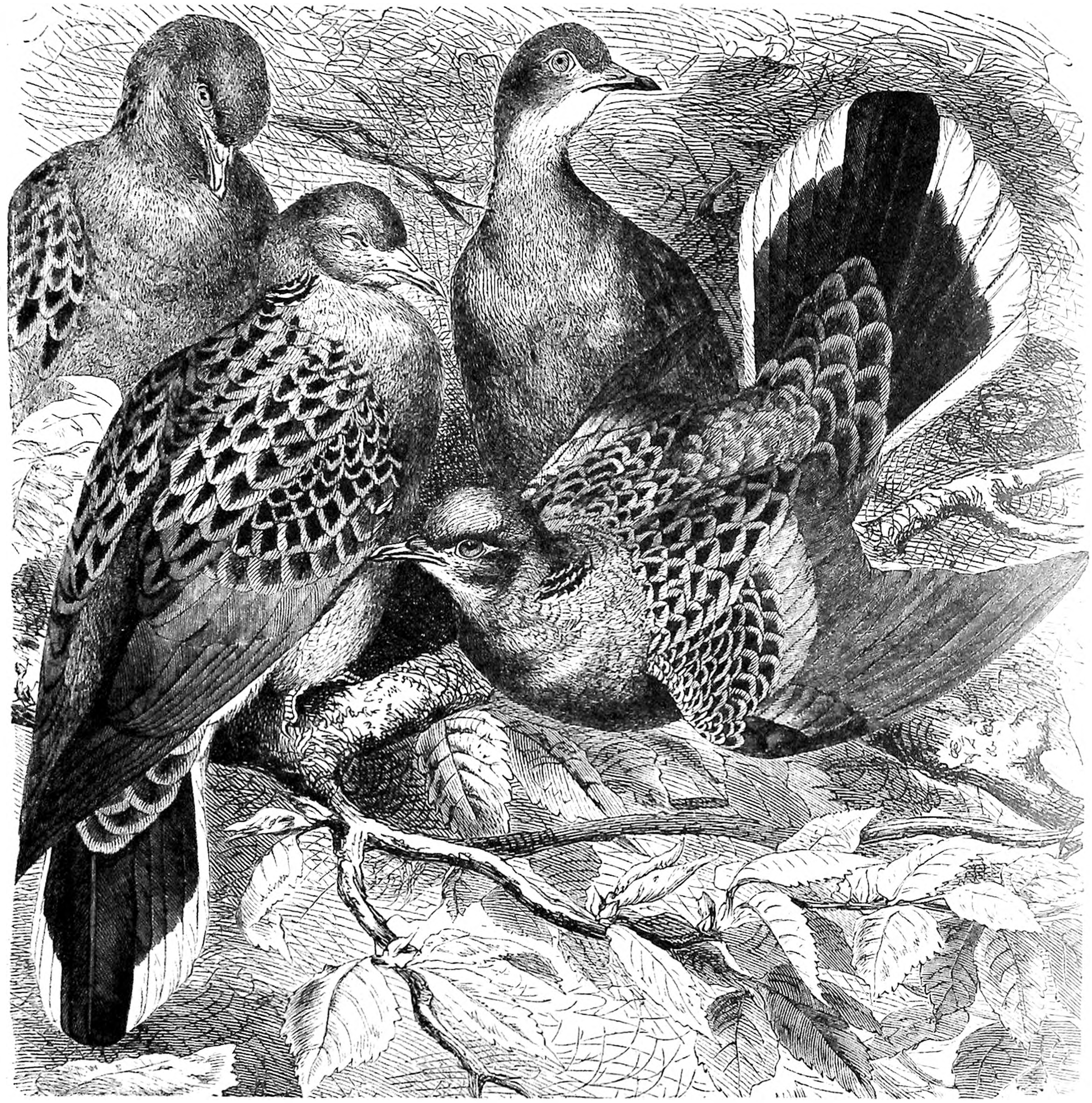
Въ средней Европѣ злѣйшими врагами голубей могутъ считаться куницы, сапсаны и тетеревятники, на югѣ Европы — родственныя имъ животныя. Извѣстно, что голуби часто ищутъ спасенія въ домахъ и при этомъ ломаютъ стекла.

Дикіе полевые голуби, вынутые молодыми изъ гнѣзда, отличаются совер-

шенно такимъ же характеромъ, какъ обыкновенные полевые голуби, привязываются къ человѣку, но никогда не обнаруживаютъ той рабской преданности, какая замѣчается у домашнихъ голубей.

*

Горлицы (Turtur) составляютъ богатый видами родъ, отличающійся притомъ большимъ единствомъ, и характеризуются стройнымъ сложеніемъ. Голова

Горлица обыкновенная (Turtur communis). $^3/_8$ естеств. велич.

у нихъ маленькая, крылья и хвостъ длинные, ноги соразмѣрной длины и приспособлены для хожденія по землѣ. Опереніе въ общемъ красноватое; полоска на затылкѣ, замѣчаемая у большинства видовъ и очень украшающая птицъ, бываетъ или совсѣмъ черная, или черная съ бѣлыми крапинками.

Горлица обыкновенная (Turtur communis), представительница рода горлицъ, отличается стройнымъ сложеніемъ, прямымъ клювомъ, нѣсколько втянутымъ на концѣ обѣихъ створокъ и съ небольшимъ подъемомъ, длинными ногами съ слабыми пальцами, длинными крыльями и продолговатымъ, замѣтно закругленнымъ хвостомъ. На верхней сторонѣ перья рыжевато-буровато-сѣрыя съ бурыми каемками, въ серединѣ съ черными и сѣрыми крапинками, темя и задняя часть шеи сѣровато-небесно-голубого цвѣта, по бокамъ шеи

расположено четыре черныхъ поперечныхъ полоски съ серебристыми каемками, передняя часть шеи, зобъ и верхняя часть груди цвѣта краснаго вина, прочія нижнія части тѣла синевато-красновато-сѣрыя, мало по малу переходящія въ сѣровато-бѣлый цвѣтъ; большія маховыя перья черновато-сѣрыя, малыя маховыя перья съ пепельно-синимъ налетомъ, плечевыя перья черноватыя съ широкими ржаво-красными каемками. Глаза буровато-желтые, глазное кольцо синевато-красное, клювъ черный, ноги карминово-красныя. Длина 30 см.

Горлица обыкновенная водится въ значительной части Европы и Азіи и въ теченіе зимы довольно далеко залетаетъ по направленіи къ югу. Въ Германіи она мѣстами встрѣчается еще довольно часто; но уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи ея вовсе нѣтъ. На Канарскихъ островахъ она живетъ во множествѣ. Болѣе всѣхъ другихъ птицъ она своимъ благозвучнымъ воркованіемъ и ворчаніемъ оживляетъ богатыя цвѣтами дебри тѣхъ ущелій, гдѣ иногда на протяженіи многихъ миль склоны горъ бываютъ покрыты бѣлоснѣжнымъ душистымъ кустарникомъ, между тѣмъ какъ въ долинахъ произрастаютъ болѣе высокіе кусты. Почти на всякой вѣткѣ, на каждомъ камнѣ сидитъ горлица. Въ сухихъ греческихъ равнинахъ эти птицы встрѣчаются почти въ такомъ же количествѣ; но число горлицъ, выводящихъ птенцовъ въ извѣстномъ мѣстѣ, — ничто въ сравненіи съ тѣми несмѣтными стаями, которыя покрываютъ поля во время перелета. Весною нѣкоторыя поля бываютъ буквально усѣяны горлицами, и ловкій охотникъ можетъ убить ихъ въ одинъ день до 50-ти штукъ. Впослѣдствіи ихъ нерѣдко можно видѣть на удобныхъ для нихъ мѣстахъ въ Египтѣ и въ Нубіи, но никогда онѣ не встрѣчаются тамъ огромными стаями.

Въ Германію горлица прилетаетъ въ началѣ апрѣля, остается до августа на мѣстахъ вывода, затѣмъ бродитъ и улетаетъ въ сентябрѣ.

„Горлица“, говоритъ мой отецъ, „птица не только красиво окрашенная, но и замѣчательная своимъ чрезвычайно милымъ характеромъ; поэтому неудивительно, что поэты и влюбленные превозносятъ ее. Она вызываетъ нашу симпатію уже своей красотой; ея нѣжныя краски пріятно переходятъ другъ въ друга и подобраны съ такимъ вкусомъ, что на нее пріятно глядѣть.“ Характеръ горлицы также привлекательный, хотя нельзя не сознаться, что ее уже черезчуръ превозносили. Ея граціозныя движенія, ея красота и нѣжное воркованье подкупаютъ наблюдателя, а при видѣ нѣжности, съ какою самецъ относится къ самкѣ, человѣкъ склоненъ провозгласить эту птицу прелестнѣйшей изъ всѣхъ. Это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ горлица имѣетъ свои слабыя стороны, и нѣжности у нея въ сущности не больше, чѣмъ у многихъ другихъ птицъ.

Чрезвычайно нѣжный и пріятный голосъ горлицы передается хорошо нѣмецкимъ (Turteltaube), а еще лучше латинскимъ названіемъ птицы. Воркованіе, строго говоря, представляетъ собою высокое, монотонное ворчаніе, которое звучитъ какъ „тур тур“ и часто повторяется; но это „тур тур“ такъ благозвучно, что всякому доставляетъ удовольствіе.

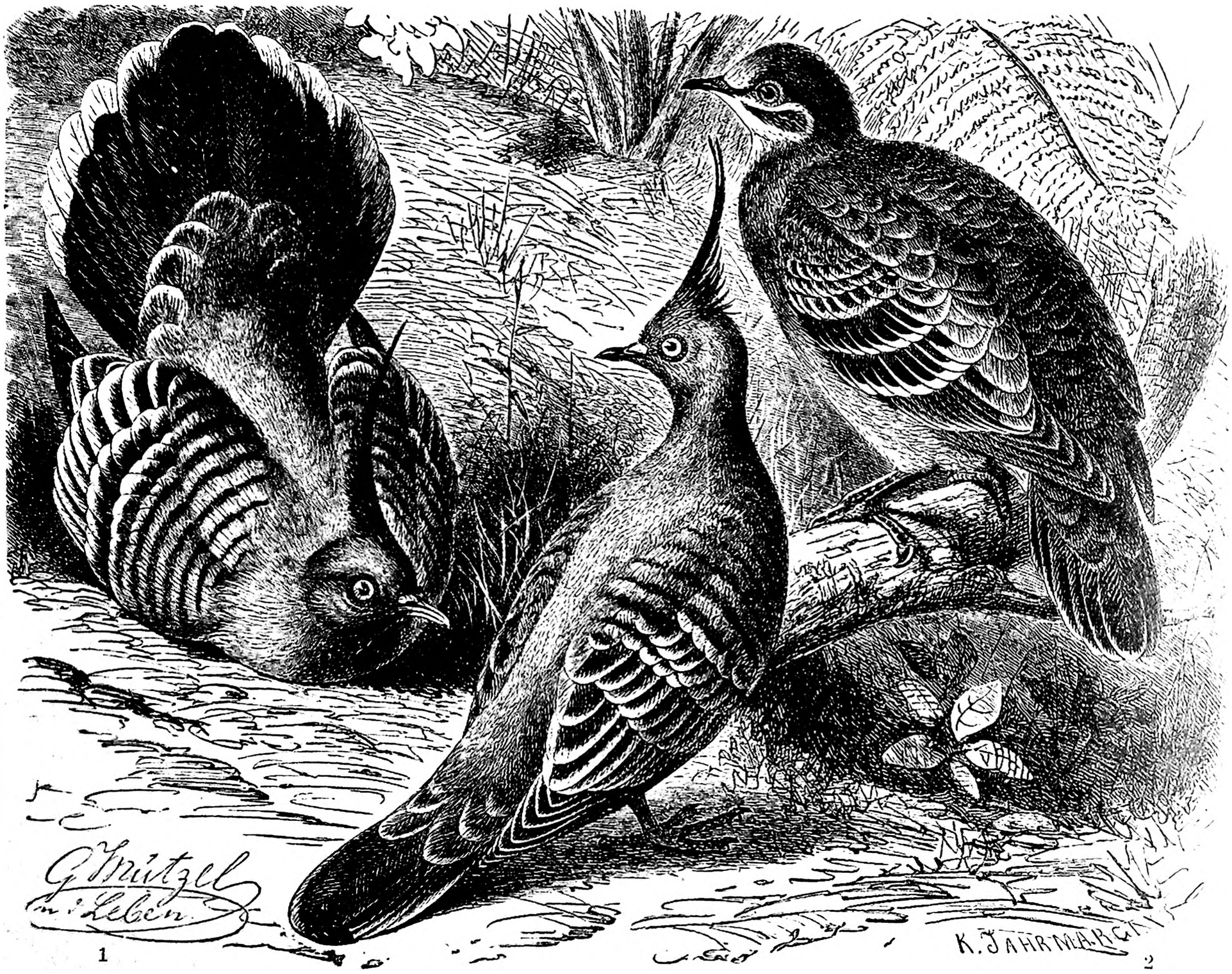
Пищу горлицы обыкновенной составляютъ сѣмена самыхъ разнообразныхъ растеній, особенно сѣмена сосны, ели, березы, мака, а осенью сѣмена молочая; наряду съ этимъ она глотаетъ также маленькихъ улитокъ. Полямъ она приноситъ пользу тѣмъ, что ѣстъ сѣмена сорныхъ травъ; вредъ же, причиняемый тѣмъ, что она подбираетъ сѣмена конопли, льна, проса, брюквы или полевой рѣпы, гороха, чечевицы и вики, нельзя принимать въ разсчетъ.

Къ выводу птенцовъ горлицы приступаютъ вскорѣ послѣ своего прибытія, въ апрѣлѣ, самое позднее въ маѣ, и занимаются этимъ дѣломъ до августа, такъ какъ горлица, при благопріятныхъ условіяхъ, также выводитъ птенцовъ нѣсколько разъ. Яйца, числомъ 2, высиживаются поочередно обоими супругами, которые не покидаютъ яицъ даже въ томъ случаѣ, если ихъ жизни грозитъ явная опасность. Кормятъ птенцовъ такъ же, какъ и у другихъ голубей.

Послѣ обыкновенной горлицы, не говоря о дикомъ полевомъ голубѣ, ни одинъ видъ разсматриваемаго отряда не приручается такъ часто, какъ близкій

родственникъ горлицы, египетскій голубь (Turtur risorius). Онъ розовато-желтоватаго цвѣта, спина темнѣе, зобъ, горло и брюшко свѣтлѣе, маховыя перья черноватыя, полоса на затылкѣ черная, глаза свѣтло-красные, клювъ черный, ноги карминно-красныя. Длина 31 см.

Родина египетскаго голубя — сѣверо-восточная Африка и Индія. Онъ болѣе всего любитъ селиться въ сухихъ, пустынныхъ степныхъ мѣстностяхъ, встрѣчается часто уже начиная съ средней Нубіи по направленію на югъ и въ центральной Африкѣ представляетъ собою самый обыкновенный видъ всего отряда. Путникъ, проѣзжающій верхомъ по Самгарѣ или по какой нибудь степной мѣстности во внутренней Африкѣ, слышитъ хохотъ и воркованье этихъ голубей почти съ каж-

1) Хохлатый голубь (Phaps lophotes), 2) Бронзовый голубь (Phaps chalcoptera). 1/4 естеств. велич.

даго куста. Въ извѣстныя времена года, незадолго до начала засухи, египетскіе голуби собираются во многихъ лѣсахъ поистинѣ несмѣтными толпами. Можно наблюдать, какъ такія стаи густой толпой летятъ непрерывно если не въ теченіе цѣлыхъ часовъ, то въ теченіе многихъ минутъ, или какъ онѣ, спускаясь на землю, покрываютъ нѣсколько квадратныхъ километровъ.

Голосъ напоминаетъ воркованье горлицы, но всегда сопровождается звуками, которые похожи на смѣхъ и звучатъ вродѣ „хи хи хи хи“. Нечего говорить, что это сравненіе не совсѣмъ точное; упомянутымъ звукамъ не хватаетъ звонкости и искренности смѣха; они звучатъ глухо и вовсе не радостно, но не имѣютъ въ себѣ ничего непріятнаго.

Если много заниматься этими птицами, то онѣ становятся совсѣмъ ручными, легко пріучаются также вылетать и влетать. Въ великолѣпномъ саду замка Мирамаръ, близъ Тріеста, египетскіе голуби живутъ во множествѣ такъ же свободно, какъ наши полевые голуби. При хорошемъ уходѣ они выживаютъ даже въ тѣсной клѣткѣ 15—20 лѣтъ.

Зеркальные голуби (Phaps) сравнительно большой величины, большею частью крѣпкаго сложенія; опереніе у нихъ пестрое и особенно отличается металлически-блестящими кроющими перьями крыльевъ.

Сюда принадлежитъ хохлатый голубь (Phaps lophotes). Характерный признакъ его составляетъ длинный, остроконечный хохолокъ, образуемый удлиненными перьями на задней части головы. Голова, лицо и нижняя сторона сѣраго цвѣта, перья на задней части головы черныя, на верхней сторонѣ свѣтлаго оливково-бураго цвѣта. Длина 35 см.

Изящество всей фигуры и удивительно граціозный хохолокъ дѣлаютъ этого голубя однимъ изъ самыхъ красивыхъ австралійскихъ голубей; въ своемъ родѣ это пожалуй даже самый красивый голубь. Онъ часто собирается въ большія стаи, и когда эти стаи въ сухое время года появляются около озеръ или на берегу рѣкъ, то избираютъ себѣ одно единственное дерево, на которое и опускаются. Тогда множество ихъ разсаживаются совсѣмъ рядышкомъ, и всѣ одновременно летятъ къ водѣ и притомъ такой густой толпой, что цѣлыя дюжины ихъ можно убить однимъ выстрѣломъ. Этого красиваго голубя привозятъ въ Европу, и въ настоящее время онъ украшаетъ собою общія клѣтки во всѣхъ европейскихъ зоологическихъ садахъ. При самомъ простомъ уходѣ онъ выживаетъ здѣсь годами и всегда почти размножается.

У второго вида разсматриваемаго рода, бронзоваго голубя (Phaps chalcoptera), верхняя сторона бурая, задняя часть головы темно-бурая, нижняя сторона цвѣта краснаго вина, кроющія перья крыльевъ украшены продолговатыми, мѣдно-бронзовыми блестящими пятнами, а два или три малыхъ маховыхъ пера — блестящими зелеными пятнами.

Бронзовый голубь принадлежитъ къ тѣмъ австралійскимъ птицамъ, которыя однѣ изъ первыхъ попали въ руки наблюдателей. Повидимому бронзовые голуби распространены по всей Австраліи, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ появляются только какъ птицы перелетныя. Сухія плоскія пространства, поросшія кустарникомъ или верескомъ, — вотъ любимое ихъ мѣстопребываніе. Всѣ путешественники, говорящіе на основаніи опыта, хвалятъ превосходное мясо этихъ голубей, которое подается и къ столу намѣстника и поѣдается дикарями внутри страны, Послѣ высиживанія птенцовъ устраиваются большія охоты, и иногда охотнику удается въ одинъ день убить до 20—30 паръ. Бронзовый голубь въ настоящее время уже не представляетъ собою рѣдкаго явленія въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

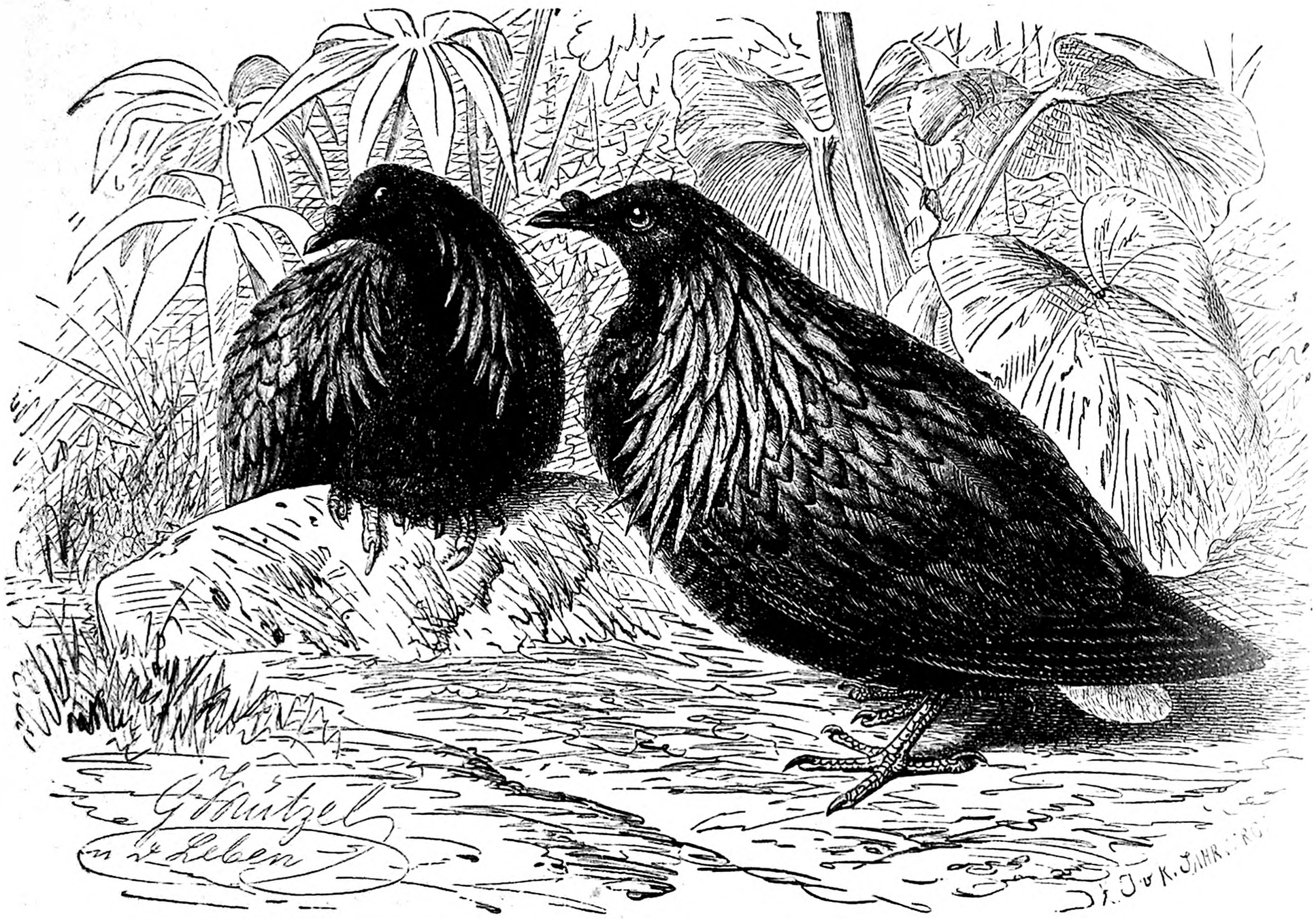
Члены другого подсемейства, отличительными признаками котораго служатъ плотное сложеніе и сильно развитыя ноги, но въ то-же время сравнительно короткія крылья, носятъ названіе бѣгающихъ голубей (Geotrygoninae).

Однимъ изъ характерныхъ видовъ, принадлежащихъ къ роду земляныхъ голубей (Geotrygon), является рябчиковый голубь (Geotrygon cyanocephala). Общая окраска въ красивый шоколадный цвѣтъ на нижней сторонѣ переходитъ въ красно-бурый и на груди отливаетъ цвѣтомъ краснаго вина; верхняя часть головы и нѣкоторыя чешуйчатыя перья подъ горломъ, по бокамъ шеи, аспидно-синія, лицо, затылокъ и горло черные, уздечка и полоска вокругъ горлового пятна чисто-бѣлаго цвѣта, маховыя перья темно-бурыя съ красно-бурой каемкой спереди и съ пепельно-сѣрымъ блескомъ снизу. Длина 31 см.

Родина этой великолѣпной птицы — островъ Куба; отсюда рябчиковый голубь распространяется къ сѣверу до Флориды, къ югу — до Венецуэлы.

Рябчиковый голубь живетъ очень уединенно въ первобытныхъ кубанскихъ лѣсахъ. Наблюдать его весьма трудно, потому ли, что постепенная расчистка лѣсовъ заставляетъ его бѣжать, или потому, что его постоянно и усердно преслѣдуютъ, такъ какъ креолы умѣютъ цѣнить его превосходное мясо и выгоду отъ продажи этихъ птицъ, вслѣдствіе чего не пропускаютъ случая истреблять ряб-

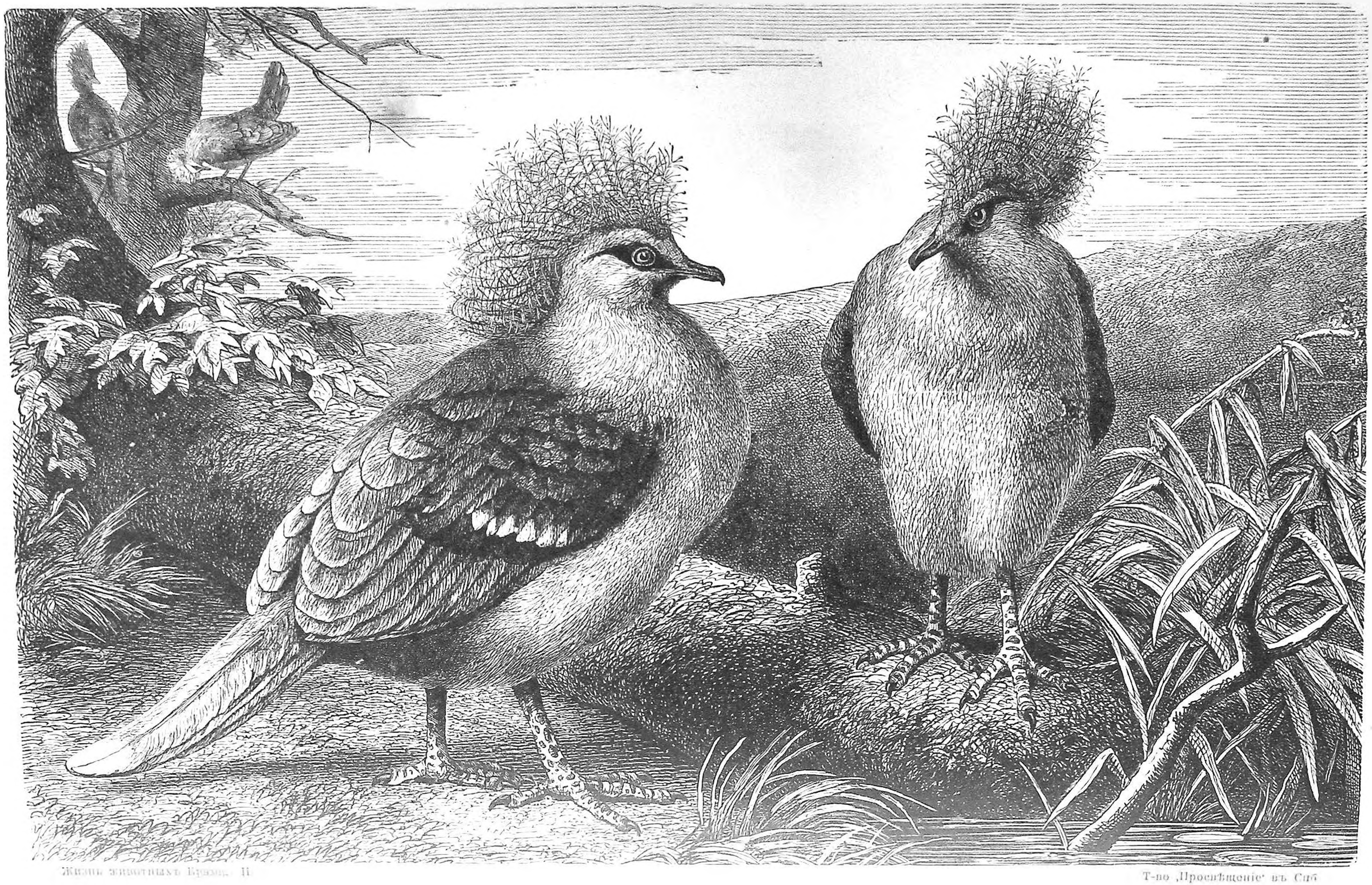
чиковыхъ голубей. Это настоящій осѣдлый житель острова Кубы, нерѣдко встрѣчающійся въ большихъ лѣсныхъ пространствахъ, особенно въ лѣсахъ съ каменистой почвой, но не попадающійся ни на поляхъ, ни въ саваннахъ. Ходитъ онъ, втянувъ шею, вздернувъ кверху хвостъ, иногда медленно выступая, и ищетъ на землѣ зеренъ, ягодъ и подчасъ маленькихъ улитокъ, роется также въ сухихъ листьяхъ, лежащихъ на землѣ. Насытившись, онъ садится отдыхать на горизонтальную вѣтку, лишенную листьевъ, или на паразитное растеніе. Отъ поры до времени онъ издаетъ свой призывной крикъ, состоящій только ихъ двухъ звуковъ „гу—уп“. Чтобы поймать его, крестьяне прибѣгаютъ къ помощи заманивающей птицы или, за неимѣніемъ таковой, къ свистулькѣ, приготовленной извѣстнымъ

Никобарскій голубь (Caloenas nicobarica) 1/4 естеств. велич.

образомъ изъ одного древеснаго плода. Призывной крикъ привязаннаго рябчиковаго голубя или звукъ свистульки привлекаетъ дикихъ птицъ; птицеловъ въ надлежащій моментъ накрываетъ ихъ сѣтью, а затѣмъ продаетъ живыми мѣстному лавочнику, который до подходящаго случая держитъ ихъ въ большихъ клѣткахъ и кормитъ. Такого рода торговцамъ мы обязаны тѣми рябчиковыми голубями, которые украшаютъ наши клѣтки. Тѣ голуби, которыхъ я видѣлъ или самъ держалъ въ неволѣ, часто подолгу сидѣли на одномъ мѣстѣ, растопыривъ крылья, двигались только по землѣ, постоянно пачкались и повидимому вовсе не такъ тщательно заботились о сохраненіи своихъ перьевъ въ чистотѣ, какъ другіе голуби. Сколько помнится, я никогда не слышалъ ни одного звука отъ моихъ плѣнниковъ; возможно впрочемъ, что они издавали звуки, но что я не замѣчалъ этого потому, что они жили среди другихъ голубей. Съ нашимъ климатомъ они, повидимому, не могли примириться: имъ было не по себѣ въ каждый болѣе прохладный лѣтній день, а въ каждый дождливый день они были почти что больны. Тѣмъ не менѣе говорятъ, что они иногда размножались въ европейскихъ зоологическихъ садахъ.

*

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

Вѣнценосный голубь.

Одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ голубей — это никобарскій голубь (Caloenas nicobarica). Онъ сложенъ очень плотно, клювъ у него сильный, съ мягкимъ, шарообразнымъ наростомъ ниже лба, ноги похожи на ноги куръ, сильныя, съ высокой плюсной и короткими пальцами, крылья очень длинныя и широкія, опереніе обильное и въ области шеи настолько удлиненное, что образуется низко свѣшивающаяся внизъ грива. Голова, шея, нижняя сторона и маховыя перья черновато-зеленыя, перья нижней стороны съ каемкой васильковаго цвѣта, самыя длинныя шейныя перья, образующія воротникъ, спина, надхвостье и кроющія перья крыльевъ травянисто-зеленаго цвѣта съ металлическимъ блескомъ, болѣе короткія перья гривы блестящія, золотистаго цвѣта, хвостовыя перья чисто бѣлыя. Глаза свѣтлаго красновато-каряго цвѣта, клювъ цвѣта черной кожи, ноги красновато-пурпуровыя. Длина 36 см.

Начиная съ Никобарскихъ острововъ до мелкихъ острововъ на сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи и до Филиппинскихъ острововъ, эту птицу находили на всѣхъ островахъ, но главнымъ образомъ на маленькихъ необитаемыхъ островкахъ, все равно, расположены ли они около большихъ массъ суши или одиноко разбросаны по морю. Никобарскій голубь принадлежитъ къ такимъ голубямъ, которые живутъ почти исключительно на землѣ, и полетъ у него тяжеловѣсный. Европейцы, поселившіеся на родинѣ этого голубя, часто держатъ его въ неволѣ; но эта птица попадаетъ въ Европу не такъ часто, какъ это было бы желательно.

Въ лондонскомъ зоологическомъ саду нѣсколько паръ не разъ размножались и благополучно выращивали птенцовъ.

*

Самые крупные изъ живущихъ въ настоящее время голубей — это вѣнценосные голуби (Megapelia). Они характеризуются своей величиной и своимъ крупнымъ опереніемъ съ длинными опахалами, главнымъ же образомъ своимъ великолѣпнымъ головнымъ уборомъ, состоящимъ изъ вѣерообразнаго хохолка, который можетъ подниматься и опускаться и состоитъ изъ расчесанныхъ перьевъ.

Къ этому роду относится пять видовъ, живущихъ въ Новой Гвинеѣ и прилежащихъ островахъ; изъ нихъ два вида не особенно рѣдко попадаютъ въ клѣтки европейцевъ.

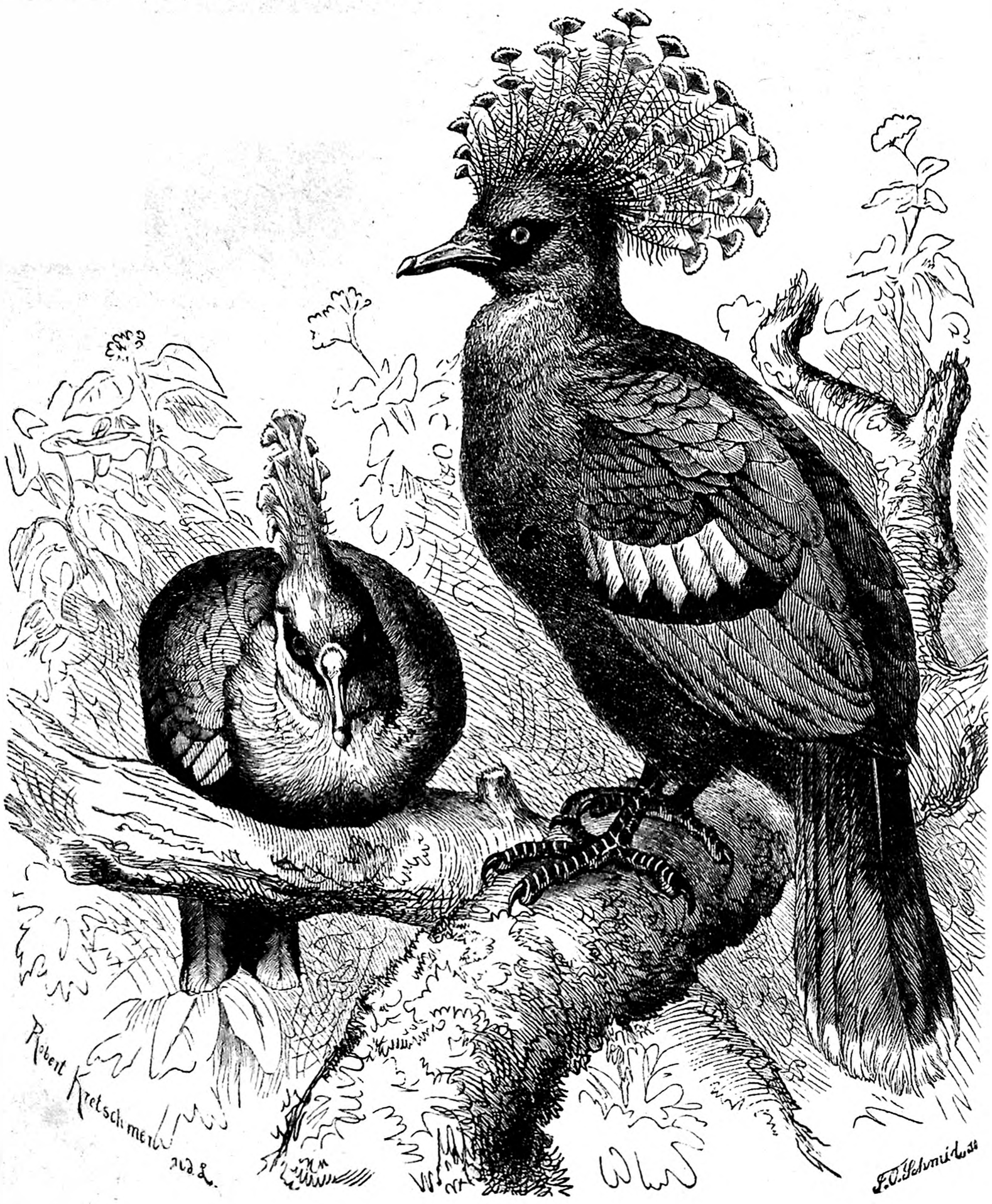
Вѣнценосный голубь (Megapelia coronata) достигаетъ въ длину 75 см. Преобладающій цвѣтъ оперенія — свѣтлый пепельно-синій, верхній покровъ, не исключая плечей, грязнаго буровато-краснаго цвѣта; большія кроющія перья крыльевъ въ серединѣ бѣлыя, вслѣдствіе чего образуется продольная полоса, при основаніи черныя, на концѣ буровато-красныя, хвостовыя перья на концѣ украшены широкой свѣтлой аспидно-сѣрой полосой. Глаза алаго цвѣта, ноги красныя съ бѣловатымъ налетомъ.

Нѣсколько болѣе крупный вѣероносный голубь (Megapelia victoriae, рис. на стр. 494) также окрашенъ главнымъ образомъ въ аспидно-синій цвѣтъ; но нижняя сторона у него красновато-каштанового цвѣта, полоса на крыльяхъ синевато-сѣрая, а широкая полоса на хвостѣ бѣловато-сѣрая; перья хохолка не просто расчесаны, а на концѣ снабжены маленькими флагами, имѣющими форму продолговатыхъ треугольниковъ. Глаза киноварно-красные, ноги мясного цвѣта.

Вѣнценосный голубь живетъ во множествѣ по берегу Новой Гвинеи, а также на островахъ Вайгіу, Салавати и Мисулѣ. По своему образу жизни онъ похожъ на фазановъ, бродитъ маленькими обществами по лѣсу и любитъ пребывать на землѣ. Уоллесъ часто видѣлъ, какъ эти голуби бѣгали на Новой Гвинеѣ по лѣснымъ тропинкамъ, ибо бо́льшую часть дня голубь этотъ проводитъ на землѣ, подбирая упавшіе плоды, и только если спугнуть его, взлетаетъ на одну изъ нижнихъ вѣтвей ближайшаго дерева, куда садится также для ночлега. Вѣнценоснаго голубя не трудно застрѣлить. Его довольно часто привозятъ живымъ на Амбонну, Банду, Яву, а оттуда привозятъ въ Европу, и это было причиной того неправильнаго предположенія, что птица эта водится на этихъ островахъ.

Вѣероносный голубь встрѣчается, повидимому, рѣже и живетъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ Новой Гвинеи.

Еще въ настоящее время живые вѣнценосные голуби всего чаще встрѣчаются въ голландскихъ зоологическихъ садахъ. Они очень хорошо сохраняются при простой пищѣ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ легко переносятъ зиму и — по крайней мѣрѣ въ лондонскомъ зоологическомъ саду — довольно правильно раз-

Вѣероносный голубь (Megapelia victoriae). 1/5 естеств. велич.

множаются. Въ другихъ зоологическихъ садахъ вѣнценосные голуби часто клали и высиживали яйца, но никогда не выращивали птенцовъ.

Одинъ голубь, привлекшій къ себѣ особенное вниманіе изслѣдователей, отличается строеніемъ своего клюва отъ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ намъ голубей. Зубчатый голубь — такъ мы можемъ называть эту птицу — является между голубями ближайшимъ родственникомъ знаменитой дронты Маврицiуса (Didus ineptus), которая, вмѣстѣ съ истребленнымъ также отшельникомъ (Pezophaps solitarius) Бурбона составляетъ уже вымершее нынѣ семейство голубиныхъ птицъ.

Зубчатый голубь (Didunculus strigirostris) считается представителемъ особаго подсемейства (Didunculinae). По внѣшнему виду зубчатый голубь похожъ на нѣсколько неуклюжаго земляного голубя. Тѣло у зубчатаго голубя

сильное, голова большая, вышина клюва болѣе значительна, чѣмъ ширина. верхняя створка его отъ основанія загибается вверхъ, а затѣмъ равномѣрно загибается внизъ, на концѣ выступаетъ надъ нижней въ видѣ остраго крючка и не имѣетъ по краямъ ни зубцовъ, ни выемки; нижняя створка клюва также загнута внизъ, по спереди косо притуплена и съ каждой стороны имѣетъ по три вырѣза въ видѣ зубчиковъ, края ея слегка выемчатые; ноги сильныя, а ступня совершенно голубиная. Голова, шея и нижнія части тѣла блестящаго стального зеленаго цвѣта, верхній покровъ, нижняя часть спины и надхвостье, верхнія кроющія перья крыльевъ и хвостовыя перья красиваго буровато-краснаго цвѣта, маховыя перья темнаго свинцово-сѣраго цвѣта. Длина птицы 33 см.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, зубчатый голубь встрѣчается исключительно на островахъ Уполу и Савайи, принадлежащихъ къ архипелагу Самоа, да и на этихъ островахъ встрѣчается только въ извѣстныхъ, ограниченныхъ мѣстностяхъ. Онъ обитаетъ въ лѣсистыхъ горныхъ мѣстностяхъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ морского берега. Въ настоящее время онъ сталъ рѣдко встрѣчаться на Уполу и не столько потому, что туземцы выучились пользоваться огнестрѣльнымъ оружіемъ, сколько вслѣдствіе любви туземныхъ жителей къ кошкамъ; кошки эти частью одичали и истребили множество зубчатыхъ голубей, которыхъ до тѣхъ поръ не трогалъ ни одинъ хищникъ. Туземцы называли зубчатаго голубя „манумеа“ (красная птица) и такъ цѣнили его превосходное мясо, что ежегодно предпринимали походъ въ горы единственно съ цѣлью охотиться на манумей и ловить ихъ. Но и на горы, куда удалились зубчатые голуби, за ними послѣдовали кошки. Полетъ этихъ птицъ похожъ на полетъ другихъ голубей, но летаютъ онѣ такъ шумно, что издалека слышно, какъ онѣ снимаются съ мѣста: отсюда поговорка туземцевъ: онъ шумитъ, какъ манумеа. Гнѣздо, какъ говорятъ, устраивается на землѣ, оба родителя сидятъ на яйцахъ попеременно и притомъ совершаютъ это дѣло такъ усердно, что ихъ можно въ это время хватать руками.

Лишь въ самое послѣднее время естествоиспытатели имѣли возможность наблюдать плѣнныхъ зубчатыхъ голубей.

Рябки (Pteroclidae), составляющіе особую группу (Pterocles), — это голубиныя птицы, приспособленныя къ жизни въ пустынѣ. Своеобразная родина рябковъ, безлѣсная и бѣдная растительностью равнина будь то пустыня или степь, пустынное поле или заброшенная пашня, отражается, такъ сказать, воплощается въ этихъ птицахъ. Она не только облекла ихъ, своихъ любимыхъ чадъ, въ одежду, окрашенную въ цвѣта пустыни, но и одарила ихъ подвижностью, дающей имъ возможность коротать жизнь въ столь скудной области.

Вслѣдствіе своихъ длинныхъ крыльевъ и длиннаго хвоста, рябки кажутся стройными, но на самомъ дѣлѣ отличаются очень плотнымъ сложеніемъ. Тѣло у нихъ короткое, грудь очень выпуклая, шея средней длины, голова маленькая и изящная, клювъ маленькій, короткій, слегка согнутый на гребнѣ. Ноги маленькія, т. е. съ довольно короткой плюсной и съ очень короткими пальцами, у видовъ одного рода страннымъ образомъ недоразвившіяся, всѣ передніе пальцы до перваго сустава и далѣе соединены перепонкой или, можно сказать, срослись и оторочены перепонками; задній палецъ неразвитъ и прикрѣпленъ высоко или же совсѣмъ отсутствуетъ; когти короткіе, слегка загнутые, тупые и широкіе. Крыло съ короткимъ предплечіемъ, крылья очень длинныя, въ нихъ маховыя перья, начиная съ перваго, равномѣрно укорочены; хвостъ, состоящій изъ 14—18 перьевъ, закругленъ, но притомъ обыкновенно клинообразно заостренъ, и оба среднихъ пера въ немъ часто бываютъ значительно длиннѣе боковыхъ. Оперепіе состоитъ изъ довольно короткихъ, широкихъ, закругленныхъ и очень жесткихъ перьевъ, которыя хотя не плотно прилегаютъ къ тѣлу, но придаютъ ему гладкій видъ. Окраска совершенно подходящая къ пустынѣ, т. е. вполнѣ соотвѣтствуетъ окраскѣ почвы, слѣдовательно въ сущности песочнаго цвѣта, и бываетъ украшена очень изящными и разнообразными рисунками.

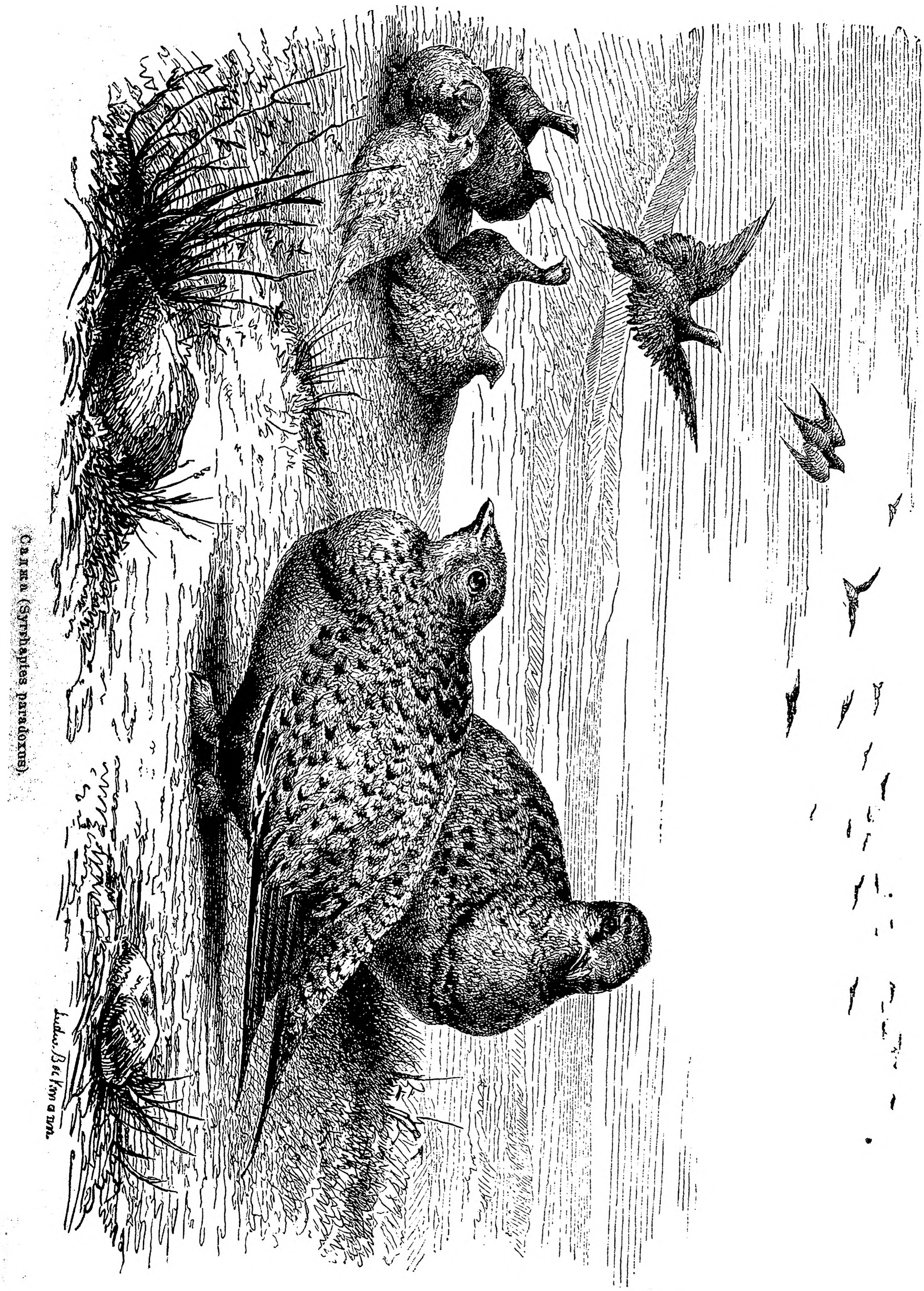
Рябки живутъ только въ Старомъ Свѣтѣ и притомъ преимущественно въ Африкѣ, хотя нельзя сказать, чтобы въ этой части свѣта встрѣчалось большое разнообразіе формъ. Родина рябковъ простирается до тѣхъ предѣловъ, гдѣ кончается пустыня; поэтому эти птицы особенно многочисленны въ Африкѣ, но водятся также въ Азіи и попадаются даже у насъ въ Европѣ, хотя здѣсь встрѣчаются только въ такихъ мѣстностяхъ, которыя напоминаютъ собою Африку. Въ каждой части свѣта, за исключеніемъ Европы, водятся особые виды; но нѣкоторые виды распространены по огромнымъ пространствамъ, во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта являются осѣдлыми птицами и иногда появляются въ такихъ странахъ, гдѣ прежде ихъ не замѣчали. Правда, почти всѣ виды изъ года въ годъ пребываютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, въ одной и той же мѣстности; но благодаря своему искусному полету, они безъ труда пролетаютъ цѣлыя тысячи километровъ и извѣстныя, еще неясныя для насъ обстоятельства заставляютъ ихъ забираться иногда далеко за предѣлы своей области.

Не многія птицы умѣютъ такъ оживлять самыя пустынныя и бѣдныя мѣстности, какъ рябки. Среди самой чахлой пустыни, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ только тихіе и легкіе песчаные бѣгунки или пустынные жаворонки съ ихъ печальнымъ призывомъ пересѣкаютъ путь странника, вдругъ передъ нимъ поднимается съ шумомъ и гамомъ разговорчивая, почти что болтливая толпа этихъ хорошо одаренныхъ созданій, представляющихъ собою жителей пустыни въ истинномъ смыслѣ этого слова. Хотя они уже изо дня въ день и съ большою правильностью летаютъ на водопой, но повидимому значительное разстояніе водныхъ источниковъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они собираютъ кормъ, мало безпокоитъ ихъ; имъ не трудно совершить прогулку передъ тѣмъ, какъ отправиться на ночлегъ — прогулку, которая для насъ составила бы цѣлый день пути и даже больше. Поэтому охотникъ или естествоиспытатель лучше всего можетъ наблюдать ихъ въ такое время, когда они летятъ утолять свою жажду; ибо когда многочисленная стая ихъ густой толпой летитъ, издавая общій всѣмъ видамъ крикъ „кхадда кхадда“, то самый невнимательный глазъ не можетъ ихъ не замѣтить, а самое тугое ухо — не можетъ не услышать ихъ. Въ другое время не всегда бываетъ легко увидѣть рябковъ: одежда такъ хорошо защищаетъ ихъ, что они невидимы даже опытному глазу.

Стаи рябковъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ живутъ вмѣстѣ, пока не приблизится періодъ спариванія. Тогда стаи распадаются на болѣе мелкія группы, а эти послѣднія на отдѣльныя парочки, изъ которыхъ каждая выбираетъ себѣ подходящее мѣсто на песчаной почвѣ, вырываетъ здѣсь неглубокое углубленіе и, послѣ того, какъ самка положитъ свои немногія яйца, усердно предается заботамъ о потомствѣ. Птенцы выводятся однажды или дважды; затѣмъ разъединившіяся птицы снова собираются и снова начинаютъ старую жизнь, если этому не мѣшаютъ особыя обстоятельства.

Очень прославился въ послѣднее время представитель степныхъ курочекъ (Syrrhaptes). По внѣшнему виду оба до сихъ поръ извѣстныхъ вида, принадлежащіе къ этому роду, очень похожи на прочихъ рябковъ, но отличаются отъ нихъ важными признаками. Въ крылѣ первое маховое перо на концѣ сильно вытянуто и страннымъ образомъ заострено на кончикѣ, такъ что эта часть пера скорѣе похожа на щетину. Основанія ступней густо покрыты кругомъ и до конца пальцевъ короткими, расчесанными перьями; пальцевъ всего три, такъ какъ заднято пальца нѣтъ вовсе; передніе пальцы очень расширены и во всю свою длину соединены перепонкой, такъ что ступня, если разсматривать ее снизу, представляетъ одну сплошную подошву, покрытую роговыми бородавками.

Саджа (Syrrhaptes paradoxus) достигаетъ въ длину 39-ти см., если не считать удлиненныхъ среднихъ хвостовыхъ перьевъ. Верхняя часть головы, полоска, которая, начинаясь отъ глаза, доходитъ до боковъ шеи, шея и область головы пепельно-сѣраго цвѣта, горло, лобъ и широкая полоса надъ

Самка (Syrrhaptes paradoxus).

глазомъ цвѣта желтой глины, грудь и бока груди, отдѣленные отъ зоба тройной или четверной полосой изъ тонкихъ бѣлыхъ и черныхъ черточекъ, — сѣровато-розовато-желтоватыя; верхняя часть брюшка буровато-черная, нижняя часть брюшка и нижнія кроющія перья хвоста свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта,

спина на глинисто-желтомъ фонѣ украшена болѣе темными поперечными полосками; маховыя перья пепельно-сѣрыя, переднія снаружи черныя, заднія внутри съ сѣроватыми каемками, плечевыя перья буроватыя, спереди съ желтоватыми, а на концѣ съ бѣлыми каемками, внутреннія покровныя перья крыла песочно-бурыя съ черно-бурыми крапинками на концѣ, хвостовыя перья на желтомъ фонѣ украшены темными полосками, перья, облекающія плюсну, блѣдно-желтовато-бѣловатыя.

Палласъ описалъ саджу въ 1770 году, но ничего не сообщилъ объ ея образѣ жизни, а замѣчаетъ только, что она встрѣчается въ восточно-татарскихъ степяхъ. Эверсманнъ говоритъ, что она живетъ въ степи только восточнѣе Каспійскаго моря вплоть до Джунгаріи, на западѣ рѣдко попадается сѣвернѣе 46-го градуса широты, на востокѣ же — гораздо сѣвернѣе, а именно еще въ возвышенныхъ степяхъ южнаго Алтая, на верхнемъ теченіи Чуи, въ области тамошнихъ китайскихъ форпостовъ. По словамъ Богданова, саджа встрѣчается по всему восточному берегу Каспійскаго моря, особенно же распространена въ Усть-Юртѣ. Лишь Раде и Свингоэ дѣлаютъ подробныя сообщенія объ этой птицѣ.

„Въ то время, когда отцвѣли термопсиды и цимбаріи и раскрылись первыя почки узколистной лиліи, животная жизнь въ степяхъ носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ весною, во время цвѣтенія иридей. Это время высиживанія птицъ и время появленія на свѣтъ бо́льшей части дикихъ степныхъ животныхъ. Чтобы изучить эту разницу, перенесемся опять въ Тарай-норъ, и притомъ въ самыя его пустынныя мѣстности, на границу, гдѣ изъ топкой, еще илистой почвы выступаетъ нѣсколько возвышенныхъ островковъ. Путешествіе къ нимъ черезъ возвышенныя степи даетъ понятіе о настоящей лѣтней картинѣ этихъ мѣстностей. Жаръ полуденнаго солнца особенно оживляетъ сурковъ; высоко въ воздухѣ большія дуги описываютъ орлы-крикуны; болѣе терпѣливый сарычъ часами сидитъ на какомъ-нибудь холмѣ; слышится пріятное щебетанье монгольскаго жаворонка; пищухи начинаютъ свои продолжительныя работы; многочисленныя стада направляются къ прѣсноводнымъ лужамъ Тарая; шума, производимаго журавлями весною, не слышно; не видно ни одной утки, ни одного гуся; лишь изрѣдка высоко въ воздухѣ пролетаетъ мимо васъ чайка, за ней на далекомъ разстояніи слѣдуетъ другая, третья. Лучистая теплота придаетъ всѣмъ предметамъ колеблющіяся, волнистыя очертанія; островки въ Тараѣ кажутся плавающими на безпрерывно волнующемся воздушномъ фонѣ. Ни одного дерева, ни одного куста не видно вдали; лишь тамъ и сямъ надъ землею словно скользятъ неуклюжія тѣла животныхъ, которыя кажутся намъ неестественно большими. Но солончаковая почва не мертва, не такъ мертва, какъ воздушное пространство. Напротивъ, одна птица, столь же замѣчательная по своему строенію, какъ по своему образу жизни и по своему распространенію, встрѣчается здѣсь поразительно часто: это саджа.

„Въ то время, когда на холмахъ возвышенныхъ степей лежитъ еще снѣгъ, а именно около половины марта, саджа перекочевываетъ сюда съ юга и живетъ здѣсь маленькими обществами, но уже разбившись на парочки. Въ менѣе суровыя зимы ее можно встрѣтить на сѣверо-восточномъ краю высокаго плоскогорія Гоби; но и послѣ суровыхъ зимъ она появляется уже такъ рано и такъ скоро принимается выводить птенцовъ, что уже въ этомъ отношеніи представляетъ собою поразительное явленіе. Яйца саджи можно найти уже въ первыхъ числахъ апрѣля, а въ концѣ мая она кладетъ яйца уже вторично. Послѣ второго вывода она, вѣроятно, часто мѣняетъ свое мѣстопребываніе и въ зимніе мѣсяцы забирается до южнаго края Гоби въ предгорія сѣверныхъ гималайскихъ плоскогорій. Летаютъ эти птицы совершенно замкнутыми стаями, на подобіе ржанокъ, весною держатся небольшими обществами, состоящими изъ спарившихся уже птицъ (4—6 паръ), но осенью часто образуютъ стаи въ нѣсколько сотъ головъ. Во время полета онѣ издаютъ довольно громкій крикъ, въ подражаніе которому монголы называютъ эту птицу „ньюптерьюнъ“. Парочки и во время полета держатся вмѣстѣ.

„Весною саджи очень правильно и въ совершенно опредѣленное время прилетаютъ къ прѣсной водѣ для питья. Тогда онѣ слетаются съ разныхъ сторонъ и начинаютъ кричать, какъ только завидятъ берегъ; на крикъ этотъ отвѣ-

чаютъ птицы, уже прилетѣвшія къ водѣ, послѣ чего новоприбывающія присоединяются къ остальной компаніи. У края воды саджи стоятъ рядами, бо́льшею частью въ 10—12 головъ. Но ихъ отдыхъ здѣсь длится недолго; онѣ скоро улетаютъ, направляясь къ бѣлѣющимся въ степной дали пластамъ соли и къ маленькимъ, поросшимъ травою холмамъ, и тамъ буквально ѣдятъ до отвала. Саджи не пренебрегаютъ молодыми, сочными побѣгами саликорній и совершенно ощипываютъ ихъ, т. е. поступаютъ съ ними такъ же, какъ дрохва съ травою. Лѣтомъ саджи любятъ грѣться на солнышкѣ. Подобно курамъ, онѣ вырываютъ себѣ плоскія углубленія въ бѣловато-сѣрыхъ, пропитанныхъ солью, небольшихъ возвышеніяхъ и усаживаются въ нихъ, стараясь подобно домашнимъ курамъ, удобно зарываться въ разрыхленную почву. Сторожей онѣ при этомъ не выставляютъ. Такъ сидятъ онѣ совсѣмъ спокойно, и ихъ почти незамѣтно, такъ какъ ихъ желтовато-сѣрое опереніе съ черными крапинками очень похоже по цвѣту на почву. Соколъ стрѣлою проносится надъ сидящими саджами; тогда онѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и скоро исчезаютъ изъ нашихъ глазъ и изъ глазъ жаднаго хищника.

„Гнѣздо очень незатѣйливо и совершенно сходно съ гнѣздами другихъ рябковъ. Нѣсколько парочекъ высиживаютъ яйца въ обществѣ, но парочекъ этихъ никогда не набирается очень много. Въ пропитанной солью почвѣ Тарай-нора, большею частью въ осушенныхъ уже много лѣтъ тому назадъ мѣстностяхъ его, гнѣздо это устраивается въ довольно плоскомъ углубленіи, имѣющемъ въ поперечникѣ около 12-ти см.; края гнѣзда выстилаются побѣгами сальзолы и травами; впрочемъ, послѣднія иногда отсутствуютъ. Число яицъ 4. По формѣ они похожи на яйца рябковъ; они отличаются своей чисто эллиптической формой, но иногда бываютъ на одномъ концѣ острѣе, чѣмъ на другомъ. Цвѣтъ фона варьируетъ между свѣтлымъ зеленовато-сѣрымъ и грязновато-буровато-сѣрымъ; этотъ послѣдній цвѣтъ болѣе обыкновенный. На этомъ фонѣ обыкновенно замѣчаются тонкіе, землянисто-бурые разводы двухъ различныхъ тоновъ.“ У себя на родинѣ саджи высиживаютъ птенцовъ дважды въ годъ, а именно въ началѣ апрѣля и въ концѣ мая.

Наши свѣдѣнія относительно жизни саджи уже давно значительно обогатились благодаря особымъ обстоятельствамъ. Уже въ 1860 году было научно установлено, что нѣсколько саджъ появилось въ средней Европѣ. Было убито нѣсколько штукъ на голландскихъ дюнахъ и въ Великобританіи; стая этихъ птицъ въ 14—15 головъ замѣчена была также близъ Мандаля въ Норвегіи, и нѣсколько штукъ изъ нихъ также были убиты. Этихъ отдѣльныхъ птицъ считали случайно залетѣвшими гостями и не придавали большого значенія тому, что посѣщенія ихъ стали повторяться. Нѣчто подобное наблюдалось осенью 1861 г. въ сѣверномъ Китаѣ. Но здѣсь появилось уже не нѣсколько заблудившихся птицъ, а цѣлое сонмище ихъ, опустившееся на равнину между Пекиномъ и Тіентсиномъ. Китайцы усердно преслѣдовали этихъ чужестранцевъ, хорошо извѣстныхъ имъ подъ именемъ „сатчи“, или песчаныхъ курочекъ, и разсказывали Свингоэ, что птицъ этихъ часто ловятъ сѣтями и убиваютъ фитильными пальниками. Послѣ того, какъ выпалъ обильный снѣгъ, ловля была такъ обильна, что тіентсинскій рынокъ былъ буквально заваленъ саджами. Птицы, однако, отличались пугливостью, особенно во время своего пребыванія на землѣ, на лету же проносились близко отъ охотника. Туземцы впрочемъ знали, что родина этихъ птицъ — обширная равнина Татаріи за знаменитой китайской стѣной.

Неизвѣстно, появлялись ли въ Европѣ саджи, кромѣ тѣхъ немногихъ, которыя наблюдались до 1863 г.; во всякомъ случаѣ замѣчательно, что до великаго переселенія этихъ птицъ въ Европу въ 1863 г., нѣсколько разъ наблюдались въ Европѣ эти до тѣхъ поръ чуждыя ей птицы. Какъ бы то ни было, но фактически извѣстно, что въ указанномъ году въ Европѣ появилась весьма значительная стая саджъ, которая распространилась по большинству сѣверныхъ странъ нашей части свѣта. Какимъ путемъ произошло это переселеніе — это можно сказать довольно увѣренно, и если бы на юго-востокѣ Европы пернатые гости были бы такъ же замѣчены, какъ въ Германіи, во Франціи, въ Нидерландахъ и въ Великобританіи, то мы могли бы совершенно точно опредѣлить путь, какимъ они прише-

тѣли. Летящихъ саджъ наблюдали отъ города Броды въ Галиціи до Нарана на западномъ берегу Ирландіи и отъ Бискаролля на югѣ Франціи до Торсгавена на Фарерскихъ островахъ.

Попытки удержать этихъ пернатыхъ чужеземцевъ въ Европѣ оказались безплодными. Они изъ большинства странъ исчезли почти также быстро, какъ появились. Въ различныхъ мѣстностяхъ нѣсколько долѣе пребывали маленькія стаи и немногіе остатки этихъ птицъ, иногда даже высиживали птенцовъ, но эти скудные остатки становились все рѣже, и къ концу 1888 г. исчезли всякіе слѣды переселенцевъ. Въ 1889 г. только тамъ и сямъ еще иногда попадалось случайно нѣсколько экземпляровъ. Очевидно, что саджи отличаются такимъ же неудержимымъ стремленіемъ къ кочеванію, какъ номады на родинѣ ихъ, и что онѣ, почувствовавъ желаніе вернуться въ родные края, улетѣли дальше. Относительно обратнаго переселенія ихъ ничего достовѣрно неизвѣстно. Повидимому, потокъ переселенцевъ съ береговъ Нѣмецкаго моря направился далѣе на западъ, ибо на Британскихъ островахъ эти птицы тогда только появились въ бо́льшемъ количествѣ, когда стало сильно уменьшаться число ихъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Переселеніе птицъ происходило, вѣроятно, такимъ образомъ: тысячи саджъ болѣе или менѣе замкнутыми обществами направляются изъ своихъ родныхъ краевъ къ западу; небольшія группы отклоняются отъ главнаго пути, по которому происходитъ переселеніе, и направляются направо въ Норвегію и налѣво въ среднюю Италію; главная же масса, численно уменьшающаяся вслѣдствіе разныхъ невзгодъ, проникаетъ до береговъ Нѣмецкаго моря, гдѣ небольшая часть всей массы отдыхаетъ болѣе или менѣе долгое время; во время перелета на острова, лежащіе далѣе къ западу, бо́льшая часть птицъ погибаетъ, а остальныя, неудержимо устремляющіяся впередъ, находятъ себѣ могилу въ океанѣ.

Плѣнныя саджи не разъ давали возможность различнымъ знатокамъ птичьей жизни подробно наблюдать нравы и характеръ этихъ птицъ. По словамъ этихъ наблюдателей, саджи легко становятся ручными, клюютъ пшеничныя зерна и пьютъ воду. Походка у нихъ своеобразная, ковыляющая. Голосъ же ихъ звучитъ не какъ „кэкерик“ — крикъ, издаваемый этими птицами на свободѣ, а скорѣе какъ „гук“ или „гелюк гелюк“. Къ холоду и къ снѣгу саджи совсѣмъ нечувствительны и даже въ суровую зиму большую часть времени проводятъ въ наружной части своей клѣтки. Хотя одна самка нѣсколько разъ клала по три яйца, но не высиживала ихъ, и поэтому пока можно только надѣяться, что когда-нибудь удастся получить отъ этихъ птицъ потомство и въ неволѣ.

*

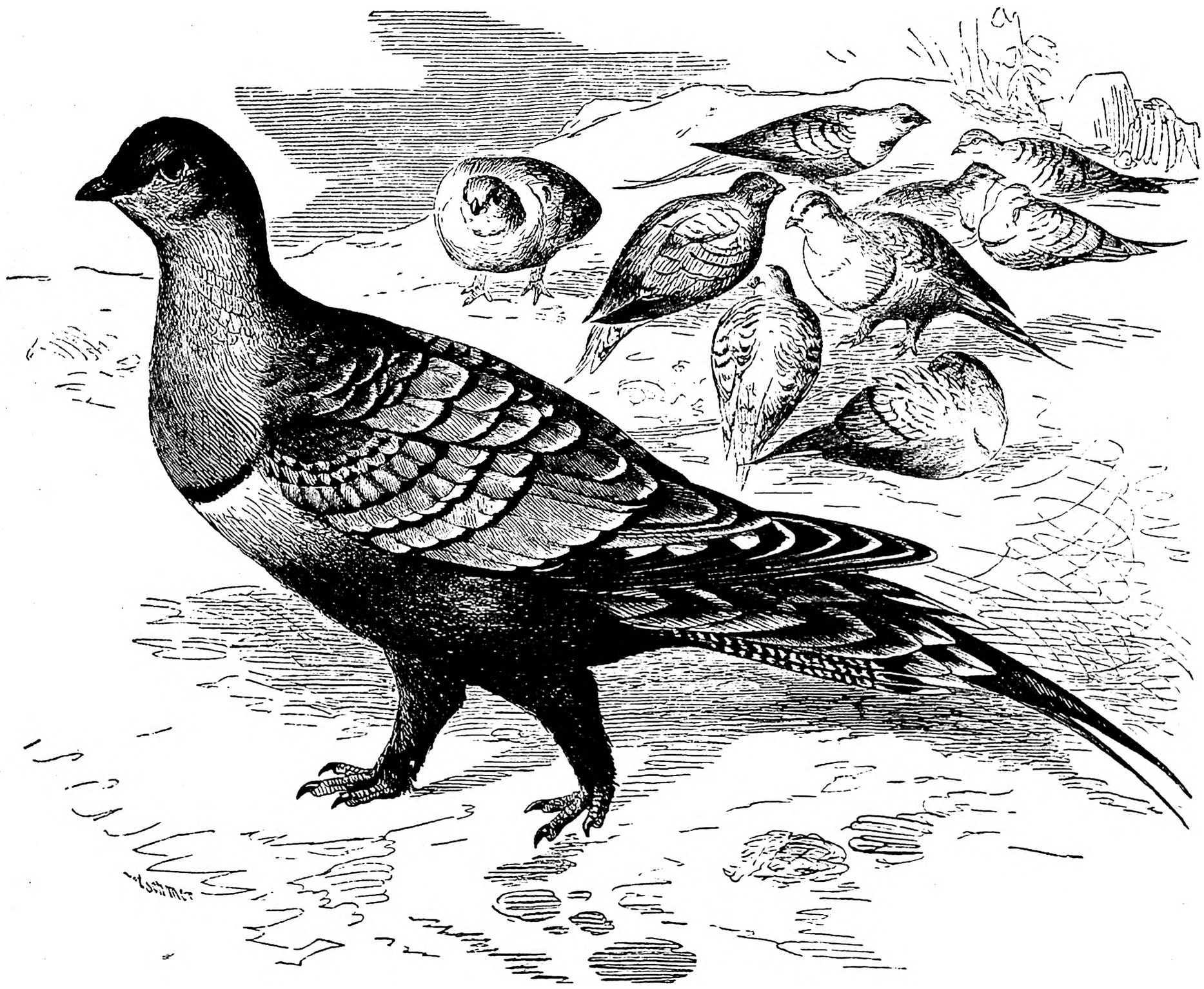
Родъ собственно рябковъ (Pterocles) отличается строеніемъ ногъ и крыльевъ. Ноги четырехпалыя, пальцы только при основаніи соединены перепонкой. Въ крылѣ первое и второе маховыя перья длиннѣе прочихъ. Самецъ и самка всегда бываютъ окрашены различно.

У ганги (Pterocles arenarius), одного изъ самыхъ крупныхъ видовъ этого рода, голова и задняя часть шеи мясного красновато-сѣраго цвѣта, верхній покровъ блѣдно или темно-желтый съ аспидными пятнами, горло охрово-желтое, полоска на горлѣ буровато-черная, грудь красновато-сѣрая, рѣзко выдѣляющаяся полоска на груди черная или буровато-черная, какъ брюшко; маховыя перья пепельно-сѣрыя или пепельно-синія, верхнія кроющія перья крыла частью чисто охрово-желтыя, безъ пятенъ, нижнія — бѣлыя, оба среднихъ хвостовыхъ пера коричнево-бурыя съ черноватыми поперечными полосками, прочія рулевыя перья пепельно-сѣрыя съ бѣлыми кончиками, верхнія покровныя перья такого же цвѣта, какъ спина, нижнія съ бѣлыми и черными пятнами. Длина 35 см.

Птица, извѣстная у арабовъ подъ названіемъ кхаты (Pterocles alchata), нѣсколько меньше ганги, но окрашена ярче. Въ общемъ и у кхаты преобладаетъ песочный цвѣтъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи можно замѣтить на ея одеждѣ множество полосокъ, каемокъ и пятенъ — черныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ, расположенныхъ такимъ же пріятнымъ для глаза образомъ, какъ и у сенегальскаго рябка,

описаніе котораго, вмѣстѣ съ рисункомъ, помѣщено ниже. Длина самца составляетъ 37 см.

Цвѣта пустыни доведены положительно до совершенства у третьяго вида разсматриваемаго рода, а именно у сенегальскаго рябка (Pterocles exustus). Общая окраска его — красивый красноватый желтовато-розовый цвѣтъ, переходящій въ болѣе яркій желтый цвѣтъ на щекахъ, на лицѣ и на кроющихъ перьяхъ крыльевъ, а на спинѣ получающій зеленоватый отливъ. Этотъ общій цвѣтъ отдѣляется узкой черной полоской отъ темно-шоколаднаго цвѣта груди и брюшка; опереніе ногъ и нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста опять желтовато-розовое; на концахъ всѣхъ мелкихъ кроющихъ перьевъ крыла замѣчается по шоколадному пятну

Сенегальскій рябокъ (Pterocles exustus). ½ естеств. велич.

въ видѣ полоски; большія маховыя перья черныя, начиная съ третьяго, съ бѣлыми кончиками и бѣлыми же внутренними опахалами, оба среднихъ, очень удлиненныхъ и вытянутыхъ на концѣ хвостовыхъ пера — желтовато-розовыя, боковыя — темно-бурыя съ свѣтло-бурыми пятнами и полосками. Глаза темно-каріе, широкое, голое кольцо вокругъ глаза лимонно-желтое, клювъ и пальцы на ногахъ свинцоваго цвѣта. Длина 33 см. Изъ европейскихъ странъ родиной собственно рябковъ можетъ считаться только Испанія; ибо хотя ганга наблюдалась во многихъ другихъ странахъ южной Европы и даже въ Германіи, но она и прочіе рябки забирались сюда очевидно случайно, между тѣмъ какъ оба названныхъ вида представляютъ собою характерныхъ птицъ Испаніи, и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Иберійскаго полуострова встрѣчаются такъ же правильно, какъ другіе или тѣ-же самые виды въ Азіи и въ Африкѣ. Значитъ, родина этихъ птицъ занимаетъ обширное пространство въ Старомъ Свѣтѣ.

Всѣ собственно рябки живутъ только въ пустыняхъ или въ степныхъ мѣстностяхъ; на поляхъ они появляются только послѣ жатвы. Любимыя мѣста ихъ — это

равнины, покрытыя сухою африканскою травою, большею частью заброшенныя поля. Въ Испаніи они живутъ совершенно въ такихъ же мѣстахъ. Лѣсистыхъ мѣстностей они старательно избѣгаютъ; зато они, повидимому, прекрасно чувствуютъ себя тамъ, гдѣ земля скудно покрыта низкорослымъ кустарникомъ, напр. въ африканскихъ степяхъ. При всякихъ обстоятельствахъ эти птицы выбираютъ для себя такія мѣста, цвѣтъ почвы которыхъ наиболѣе подходитъ къ цвѣту ихъ оперенія.

Характеръ и образъ дѣйствія собственно рябковъ чрезвычайно оригинальны. Походка у нихъ легкая и красивая, болѣе похожая на походку куриныхъ птицъ, чѣмъ голубей, но все-таки еще немного ковыляющая, а не бѣгающая, какъ у куръ. Шумный и стремительный полетъ состоитъ изъ ряда равномѣрныхъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ взмаховъ крыльями и до нѣкоторой степени напоминаетъ полетъ голубей, но гораздо болѣе похожъ на полетъ ржанокъ. Голосъ такъ характеренъ, что его нельзя смѣшать съ крикомъ другихъ птицъ. Арабское названіе „кхата“, вѣрнѣе „кхадда“, звукоподражательное и передаетъ крикъ этихъ птицъ во время полета; когда же птицы бѣгаютъ по землѣ, то издаютъ гораздо болѣе нѣжные, тихіе звуки, которые можно пожалуй передать слогами „глюк“ или „пук“ и которые приблизительно имѣютъ значеніе болтовни. Характеръ собственно рябковъ является, повидимому, смѣсью противорѣчивыхъ качествъ. Они чрезвычайно общительны, но, строго говоря, участіе принимаютъ только въ себѣ подобныхъ; съ самыми разнообразными птицами они живутъ въ величайшемъ согласіи, но иногда проявляютъ злобу и зависть, причину которой понять трудно; они мирно живутъ другъ съ другомъ, но иногда начинаются между ними поединки, которые они мужественно доводятъ до конца, хотя о вошедшей въ поговорку храброй борьбѣ пѣтуховъ у нихъ не можетъ быть и рѣчи, и они никогда не борятся на жизнь и на смерть.

Ежедневная жизнь ихъ протекаетъ очень правильно. За исключеніемъ полуденныхъ и, можетъ быть, полунощныхъ часовъ, они все время пребываютъ въ дѣятельности или по меньшей мѣрѣ бодрствуютъ. Еще до наступленія дня слышится ихъ разговоръ, а когда разсвѣтетъ настолько, что можно различать предметы, видно, какъ они бѣгаютъ между низкими пучками травы и подбираютъ кормъ. Если имъ ничто не помѣшаетъ, они непрерывно продолжаютъ это занятіе до 9 часовъ утра; затѣмъ, смотря по времени года, они нѣсколько раньше или нѣсколько позднѣе вылетаютъ на водопой. Сюда въ теченіе одного часа слетаются цѣлыя тысячи; если мѣстность бѣдна водой, то эти тысячи собираются около одной лужицы; если же страна изрѣзана рѣками, то отдѣльныя общества слетаются на всѣ подходящія для этой цѣли мѣста рѣчного берега. Послѣ утоленія жажды начинается отдыхъ, во время котораго переваривается пища, и все общество, разбившись на группы, наслаждается покоемъ въ вырытыхъ ими же небольшихъ углубленіяхъ, или просто на пескѣ; обыкновенно они лежатъ, прижавшись брюшкомъ къ землѣ, но иногда лежатъ на томъ или на другомъ боку, причемъ одно крыло раскрывается и подставляется подъ солнечные лучи.

Только тамъ, гдѣ собственно рябковъ преслѣдуютъ, они бываютъ пугливы; въ настоящей пустынѣ, гдѣ они мало приходятъ въ соприкосновеніе съ людьми, они подпускаютъ къ себѣ всадника на верблюдѣ совсѣмъ близко; даже пѣшеходъ легко можетъ подойти къ нимъ. Чтобы увидѣть ихъ, надо обладать очень острымъ зрѣніемъ. Стоитъ только рябку прижаться къ землѣ, къ цвѣту которой вполнѣ подходитъ окраска его оперенія, и онъ совершенно сливается съ почвой: отличить его отъ послѣдней становится уже невозможно.

Пища состоитъ, если не исключительно, то почти только изъ однихъ сѣмянъ. Тамъ, гдѣ близъ пустыни расположены поля, рябки, по крайней мѣрѣ временно, собирая зерна, достаютъ себѣ пищу безъ труда.

Въ южной Европѣ и въ сѣверной Африкѣ собственно рябки выводятъ потомство въ первые весенніе мѣсяцы, въ остальной Африкѣ — въ началѣ дождливаго времени года, которое замѣняетъ сѣверную весну, въ Индіи между декабремъ

и маемъ, въ средней Индіи нѣсколько позднѣе. Яйца всѣхъ извѣстныхъ донынѣ видовъ кладутся въ песокъ и очень похожи другъ на друга. Они окрашены въ тотъ же цвѣтъ, какъ и окружающіе предметы, основная окраска—свѣтлый, чистый зеленоватый или красноватый буро-желтый цвѣтъ; пятна на скорлупѣ выдѣляются изъ окраски фона и варьируютъ между болѣе свѣтлымъ и болѣе темнымъ фіолетово-сѣрымъ цвѣтомъ, разводы также мѣняются между желтовато и красновато-бурымъ.

Человѣкъ—злѣйшій врагъ собственно рябковъ; отъ большинства же хищныхъ животныхъ ихъ спасаетъ быстрый полетъ. Пока они еще не сдѣлались пугливы, убивать ихъ не трудно, ибо они ужъ слишкомъ полагаются на песочную окраску своего оперенія. Совершенно не таковы они тамъ, гдѣ уже не разъ подвергались преслѣдованіямъ. Въ такихъ мѣстностяхъ приходится разыскивать тѣ мѣста, куда они слетаются на водопой, и тамъ подстерегать ихъ.

Ловить ихъ, повидимому, еще легче, чѣмъ охотиться на нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. „Собственно рябки“, говоритъ Болле, „обладая короткими ножками, никогда добровольно не переходятъ черезъ большіе камни, а всего охотнѣе бѣгутъ по гладкой землѣ; поэтому, если проложить дорожку къ водѣ, положивъ камни въ два ряда и притомъ на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы ганга могла какъ разъ пробраться между ними, и если вдоль этой дорожки разставить силки, то можно поймать множество этихъ птицъ живыми.“

Въ неволѣ эти робкія птицы становятся очень ручными.

Четвертый отрядъ.

Куриныя птицы (Alectoridornithes).

Окенъ раздѣляетъ классъ птицъ на два главныхъ отдѣла, или „ступени“: на птенцовыхъ и выводковыхъ птицъ. „Я смотрю на то, какъ развиваются птицы“, говоритъ онъ. „Однѣ выходятъ изъ яйца голыя и слѣпыя, и потому ихъ приходится долго кормить. Такихъ птицъ я называю птенцовыми. Другія вылупляются изъ яйца уже до извѣстной степени оперенными и зрячими, и почти тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ способны бѣгать и искать себѣ пропитанія. Я называю ихъ выводковыми птицами. Первыя ходятъ въ припрыжку, вторыя шагаютъ; однѣхъ можно было бы назвать прыгающими, другихъ шагающими. Первыя пребываютъ преимущественно высоко въ воздухѣ, и главное движеніе ихъ—полетъ; вторыя всегда держатся на землѣ или на водѣ и летаютъ лишь въ случаѣ крайней необходимости; можно было бы называть однѣхъ летающими, другихъ бѣгающими. Первыя употребляютъ извѣстнаго рода пищу, ѣдятъ сѣмена или плоды съ куста, или же быстро двигающихся животныхъ, вторыя поѣдаютъ все, что́ угодно, глотаютъ осыпавшіяся сѣмена и плоды, ѣдятъ большею частью медленно ползающихъ животныхъ, какъ улитокъ и червей, рыбъ, земноводныхъ, птицъ и млекопитающихъ, а также вареное мясо и овощи; однѣхъ можно было бы назвать употребляющими однообразную пищу, другихъ всеядными. Первыя, кромѣ того, отличаются въ среднемъ малыми размѣрами, такъ что большинство ихъ не достигаетъ величины во́рона; вторыя же бо́льшею частью бываютъ крупнѣе курицы; первыя спятъ стоя, вторыя прижавшись къ землѣ и т. д.“ Нельзя отрицать, что всѣ эти различія основаны на фактахъ и весьма важны; но для составленія системы они имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Многія „шагающія, бѣгающія, всеядныя, стопоходящія, спящія въ стоячемъ положеніи“ и прочіе члены „ступеней“ Окена,—птицы вовсе не выводковыя, а птенцовыя; такимъ образомъ, если бы мы хотѣли строго держаться классификаціи Окена, то намъ пришлось бы разъединить близкихъ родственниковъ. Тѣмъ не менѣе воззрѣнія талантливаго естествоиспытателя заслуживаютъ вниманія и во всякомъ случаѣ я считаю нужнымъ заявить, что мы теперь будемъ разсматривать главнымъ образомъ выводковыхъ птицъ. Члены отряда, который мы прежде всего опишемъ, являются рѣшительно выводковыми птицами, какъ ни сильно онѣ отличаются другъ отъ друга. Весьма трудно, да и излишне для нашихъ цѣлей перечислять общіе признаки этого отряда. Фюрбрингеръ относитъ къ нему такія различныя формы, какъ куръ, скрытохвостыхъ куръ и безкрыловыхъ птицъ; каждымъ изъ этихъ названій обозначается подотрядъ куриныхъ птицъ.

Куры, или настоящія куриныя птицы (Galliformes), представляютъ собою первый подотрядъ куриныхъ птицъ и отличаются плотнымъ, даже тяжеловѣснымъ сложеніемъ. Крылья у нихъ короткія, ноги сильныя, оперені̀е обильное.

Туловище у нихъ плотное, короткое, съ высокой грудью, шея короткая, самое бо́льшее средней длины, голова маленькая. Варьирующій у различныхъ видовъ клювъ обыкновенно бываетъ короткій, вдвое короче головы, но иногда бываетъ очень длинный, почти такой же длины, какъ голова; въ первомъ случаѣ онъ широкъ и высокъ, болѣе или менѣе выпуклый, а на концѣ или свѣшивается крючкомъ, или, по крайней мѣрѣ, вытянутъ въ видѣ куполообразнаго рогового когтя; задняя часть клюва бо́льшею частью покрыта перьями, и на ней замѣчается узкая, кожистая чешуйка, закрывающая носовое отверстіе и заходящая иногда въ опереніе лба, въ исключительныхъ же случаяхъ задняя часть клюва покрыта восковицею. Ноги, самое важное орудіе передвиженія куръ, всегда очень сильныя, большею частью средней вышины, пальцы длинные, когти короткіе. Ляжки толстыя, такъ какъ къ костямъ прикрѣпляются здѣсь сильныя мышцы, плюсна крѣпкая, ступня болѣе или менѣе развита. Обыкновенно, всѣ четыре пальца бываютъ у куръ хорошо развиты; но иногда задній палецъ не развивается, а выростаетъ только коготь, который всегда имѣется на лицо. У большинства куръ, живущихъ на землѣ, задній палецъ, прикрѣпленный выше другихъ, невеликъ, у древесныхъ же куръ онъ довольно большой, а у одной группы пальцы развиты поразительнымъ образомъ. Когти, которые у нѣкоторыхъ видовъ временно сбрасываются, а затѣмъ снова выростаютъ, большею частью короткіе, широкіе и тупые, но иногда бываютъ длинные и узкіе, всегда впрочемъ мало загнутые. Крылья обыкновенно короткія и въ такомъ случаѣ сильно и щитообразно выгнутыя, въ исключительныхъ случаяхъ крылья бываютъ также очень длинныя; большихъ маховыхъ перьевъ 10 или 11, малыхъ — 12—20. Весьма различно устроенный и различной формы хвостъ состоитъ изъ 12—20 рулевыхъ перьевъ, бываетъ то короткій, то средней длины, то очень длинный и тогда съ боковъ сильно укороченъ. Вниманія нашего заслуживаетъ чрезвычайное развитіе перьевъ надхвостья и кроющихъ перьевъ хвоста, которыя служатъ нѣкоторымъ курамъ главнымъ украшеніемъ, а также удивительное развитіе и пышность малыхъ маховыхъ перьевъ у нѣкоторыхъ видовъ. Весьма обильное опереніе покрываетъ туловище и шею, а у двухъ группъ облекаетъ также основанія ногъ вплоть до пальцевъ; зато на головѣ и на горлѣ иногда бо́льшія или меньшія пространства остаются голыми. Тогда здѣсь такъ же сильно разростается кожа, какъ въ другихъ мѣстахъ перья; образуются толстые наросты, бородавки, складки, гребни, мохры и другіе придатки, даже маленькіе рожки, и всѣ эти голыя части блистаютъ самыми яркими красками. По великолѣпію и пышности красокъ куриныя птицы вообще врядъ-ли уступаютъ представителямъ другихъ отрядовъ, и многія куриныя могутъ соперничать въ этомъ отношеніи съ самыми красивыми изъ всѣхъ птицъ. Ни у какихъ другихъ птицъ нѣтъ столь разнообразной одежды, какъ у куръ; по крайней мѣрѣ, у многихъ куръ самцы по оперенію такъ рѣзко отличаются отъ самокъ, которыя окрашены скромнѣе, что несвѣдущему человѣку трудно узнать, какія двѣ птицы составляютъ парочку. Окраска молодыхъ птицъ всегда отличается отъ окраски старыхъ и въ поразительно короткое время проходитъ три ступени развитія, пока не обратится въ одежду взрослой птицы. Всѣ куры, живущія на далекомъ сѣверѣ, мельче и въ ихъ болѣе тускло окрашенномъ оперніи замѣчается больше бѣлаго цвѣта, чѣмъ у ихъ ближайшихъ средне-европейскихъ родственниковъ.

Скелетъ у куръ умѣренный и воздушныя трубки въ костяхъ невелики. Пищеводъ расширяется въ настоящій и притомъ довольно большой зобъ. Первый желудокъ съ толстыми стѣнками и богатъ железами, собственно желудокъ очень мускулистый.

Куры, изъ которыхъ извѣстно около 400 видовъ, какъ уже было замѣчено распространены по всему земному шару, но всего больше ихъ въ Азіи. Каждая часть свѣта или каждая область даетъ пріютъ болѣе или менѣе исключительно особымъ семействамъ. Излюбленнымъ мѣстопребываніемъ этихъ птицъ можно считать лѣсъ, но живутъ онѣ не только въ лѣсу; онѣ населяютъ также бѣдныя растительностью равнины, склоны Альпійскихъ горъ, скудно поросшіе кустарникомъ и травою, подъ самою снѣговою линіею и соотвѣтствующія этимъ мѣстамъ

сѣверныя степи, покрытыя мхомъ. Члены этого отряда распространены почти по всей землѣ; гдѣ одни не въ состояніи коротать жизнь, тамъ другіе находятъ себѣ насущный хлѣбъ.

Куръ нельзя назвать особенно хорошо одаренными существами. Очень немногія изъ нихъ летаютъ такъ же хорошо, какъ другія птицы; большинство изъ нихъ на деревьяхъ чувствуютъ себя въ болѣе или менѣе чуждой сферѣ, являются здѣсь совсѣмъ безпомощными, и всѣ безъ исключенія боятся воды. Царство ихъ — это плоская поверхность земли. Это бѣгуны въ полномъ смыслѣ слова; ихъ сильныя и сравнительно высокія ноги даютъ имъ возможность бѣгать не только долго, но и скоро. Если однѣхъ ногъ оказывается недостаточно, то птицы прибѣгаютъ къ содѣйствію крыльевъ, но скорѣе для удержанія тѣла въ равновѣсіи, чѣмъ для передвиженія. Летать куры рѣшаются обыкновенно только тогда, когда имъ это кажется безусловно необходимымъ, когда онѣ бѣгомъ не могутъ достигнуть цѣли своихъ стремленій достаточно скоро или не считаютъ безопаснымъ бѣжать. Полетъ большинства видовъ требуетъ множества быстрыхъ ударовъ короткими круглыми крыльями, причемъ мускулы, приводящіе крылья въ движеніе, принуждены безпрерывно работать, вслѣдствіе чего птица очень скоро утомляется. Но и изъ этого правила есть исключенія. Голосъ куръ всегда своеобразный. Не много такихъ видовъ, которые заслуживаютъ названія молчаливыхъ; большинство любитъ кричать и кричитъ много. Пріятные звуки, однако, издаются рѣдко, если не говорить о нѣжномъ обращеніи матери къ своимъ цыплятамъ, и имѣть въ виду только любовный крикъ самца. Крикъ этотъ у многихъ народовъ называется „пѣніемъ“; нѣмцы же обозначаютъ его большею частью звукоподражательными названіями, говоря, что самцы куръ „кричатъ“, „клохчутъ“, „трещатъ“, „токуютъ“, „шлифуютъ“, „щелкаютъ“, „хлопаютъ клювомъ“, „давятся“; „пѣнія“ самцовъ не признаетъ даже охотникъ, которому пріятнѣе слышать звуки, издаваемые нѣкоторыми курами, чѣмъ щелканье соловья.

Относительно высшихъ способностей куръ также нельзя сказать ничего благопріятнаго. Зрѣніе и слухъ повидимому развиты хорошо, вкусъ и обоняніе, по крайней мѣрѣ, не отсутствуютъ; относительно осязанія мы должны воздержаться отъ сужденій. Нѣкоторой доли смышлености отрицать нельзя; но при внимательномъ наблюденіи скоро становится замѣтнымъ, что умъ у куръ не Богъ вѣсть какой. У нихъ хорошая память, но способность сужденія очень невелика. Когда же приходитъ страсть, то отъ ума ихъ и слѣда не остается. Всѣ эти птицы въ высшей степени страстныя, даже тѣ, которыхъ мы считаемъ самыми кроткими и мирными. О самкахъ говорятъ, что онѣ въ этомъ отношеніи лучше самцовъ; но такой похвалы онѣ заслуживаютъ лишь отчасти: ибо и онѣ также сварливы и завистливы если не изъ-за самцовъ, то по крайней мѣрѣ изъ-за дѣтей. Тѣ самыя птицы, которыя обнаруживаютъ столько возвышенной любви къ своимъ цыплятамъ, подвергаются ради нихъ величайшей и очевидной опасности, ради нихъ голодаютъ и терпятъ лишенія, которыя даже для чужихъ существъ становятся любящей матерью, если теплотой своего сердца вызвали ихъ къ жизни, — не вѣдаютъ ни состраданія, ни жалости, ни доброжелательства къ дѣтямъ другихъ птицъ, къ цыплятамъ другихъ куръ: онѣ заклевываютъ ихъ на смерть, если только подозрѣваютъ, что чужія дѣти могутъ повредить ихъ собственнымъ. У самцовъ хорошія и дурныя свойства находятся въ еще болѣе рѣзкомъ противорѣчіи. Ни одна птица не борется со своимъ соперникомъ съ болѣе усердной злобой, и лишь немногіе борятся съ одинаковой, никогда не ослабѣвающей выдержкой.

Самецъ, если онъ отличается крупными размѣрами и яркой окраской, не заботится о судьбѣ своего потомства; если же онъ окрашенъ въ землистый цвѣтъ и похожъ на самку, то и онъ принимаетъ бо́льшее или меньшее участіе въ выводѣ и выращиваньи птенцовъ. Въ первомъ случаѣ онъ предоставляетъ самкѣ высиживать яйца и водить цыплятъ, а самъ или присоединяется къ семьѣ лишь по окончаніи этого скучнаго дѣла, и тогда водитъ и предостерегаетъ все маленькое общество, или же соединяется съ молодыми птицами, когда онѣ выростутъ; во второмъ случаѣ, онъ заботится о безопасности матери и потомства съ того момента,

когда положено первое яйцо и даже подвергается явнымъ опасностямъ, въ надеждѣ спасти свое семейство.

Огромное большинство куръ выводитъ цыплятъ на землѣ. Гнѣздо у нихъ бываетъ различное, но никогда не бываетъ искусно сооружено. Мать съ нѣкоторою заботливостью выбираетъ мѣсто для гнѣзда, но считаетъ повидимому излишнимъ сооружать самое гнѣздо. Тамъ, гдѣ мѣстность изобилуетъ кустарникомъ, небольшое углубленіе, предназначенное для яицъ, помѣщается подъ кустомъ; гдѣ же кустарника нѣтъ, углубленіе устраивается по крайней мѣрѣ въ высокой травѣ или въ хлѣбномъ полѣ, во всякомъ случаѣ въ возможно болѣе скрытомъ мѣстѣ, такъ что гнѣздо всегда бываетъ трудно найти. Многіе виды выстилаютъ углубленіе прутиками или перьями, другіе же совсѣмъ не выстилаютъ. Яицъ обыкновенно кладется много. Яйца окрашены различно, но все-таки въ одномъ родѣ. Многія куры кладутъ одноцвѣтныя, чисто бѣлыя, сѣроватыя, буровато-желтыя, синеватыя яйца, другія кладутъ яйца, которыя на такомъ же или на красноватомъ фонѣ покрыты или мелкими точечками и крапинками, или же болѣе крупными пятнами и точками темнаго, но часто и яркаго цвѣта. Мать своею преданностью и любовью къ дѣтямъ повидимому стремится замѣнить имъ любовь отца, ибо нѣтъ птицы, которая съ бо́льшимъ рвеніемъ отдавалась бы заботамъ о своемъ потомствѣ, чѣмъ самка куриныхъ птицъ, а потому прекрасная библейская картина насѣдки выбрана очень удачно. Насѣдка, сидящая на яйцахъ, едва успѣваетъ искать себѣ кормъ, забываетъ свою обычную пугливость и безъ всякаго колебанія подвергается опасности.

Молодыя куры вылупляются изъ яйца очень подвижными и сравнительно хорошо одаренными. Онѣ съ перваго дня жизни клюютъ кормъ, который отыскиваетъ для нихъ мать, бѣгутъ на ея зовъ и находятъ убѣжище у нея подъ крыломъ, если онѣ утомлены или если имъ холодно. Растутъ цыплята необыкновенно быстро. Черезъ нѣсколько дней послѣ вылупленія изъ яйца у нихъ выростаютъ маховыя перья, благодаря которымъ они могутъ летать или, по крайней мѣрѣ, порхать; въ сравнительно очень короткое время и на другихъ мѣстахъ ихъ тѣла выростаютъ перья взамѣнъ перваго пестраго пуха, всегда окрашеннаго подъ цвѣтъ почвы. Скоро маховыя перья оказались бы недостаточными для поддержанія становящагося все тяжелѣе тѣла, если бы не происходило частой смѣны ихъ, дающей возможность птицѣ всегда ими пользоваться: крыло цыпленка, впервые облекающагося въ одежду взрослой птицы своего вида, три раза мѣняется. У большинства видовъ одежда уже до истеченія перваго года уподобляется одеждѣ старыхъ птицъ; другіе виды облекаются въ одежду взрослыхъ не раньше, чѣмъ по истеченіи двухъ и даже трехъ лѣтъ. Птицы, уподобляющіяся взрослымъ на первомъ году жизни, обыкновенно спариваются уже въ первую переживаемую ими осень или весну.

У куръ такъ много враговъ, что равновѣсіе между истребленіемъ и рожденіемъ ихъ поддерживается только благодаря ихъ удивительной плодовитости. Всѣ хищныя животныя, какъ мелкія, такъ и крупныя, усердно преслѣдуютъ куръ, и человѣкъ присоединяется къ естественнымъ преслѣдователямъ въ качествѣ злѣйшаго врага. Вездѣ на куръ больше охотятся, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ птицъ, вмѣстѣ взятыхъ. Но человѣкъ очень скоро понялъ, что этими важными животными можно пользоваться совершенно другимъ образомъ. Уже въ глубокой древности онъ сталъ держать ихъ при себѣ и изъ южно-азіатскихъ лѣсовъ распространилъ по всей землѣ.

Куры распадаются на двѣ группы — на куръ въ узкомъ смыслѣ слова и на хохлатыхъ куръ.

Къ курамъ въ узкомъ смыслѣ слова и къ ихъ первому семейству, фазановымъ птицамъ (Gallidae), въ общемъ подходитъ характеристика всего отряда.

Къ первому подсемейству мы причисляемъ тетеревиныхъ птицъ (Tetraoninae). Признаки ихъ слѣдующіе: плотное, сильное тѣло, короткій, толстый,

очень выпуклый клювъ и короткія, сильныя ноги, въ которыхъ основанія ступней болѣе или менѣе оперены, короткія или самое бо́льшее сре́дней длины маховыя перья и короткій, прямо обрубленный, въ исключительныхъ случаяхъ удлиненный, клинообразно-заостренный или выемчатый хвостъ, а также обильное, густое оперéніе, оставляющее свободными только небольшія мѣстечки надъ глазомъ или на задней части шеи. Такими голыми мѣстами окруженъ глазъ, особенно же верхній его край, покрытый бородавчатыми, надувающимися наростами, въ клѣточкахъ которыхъ содержится красное, легко разложимое жирное красящее вещество.

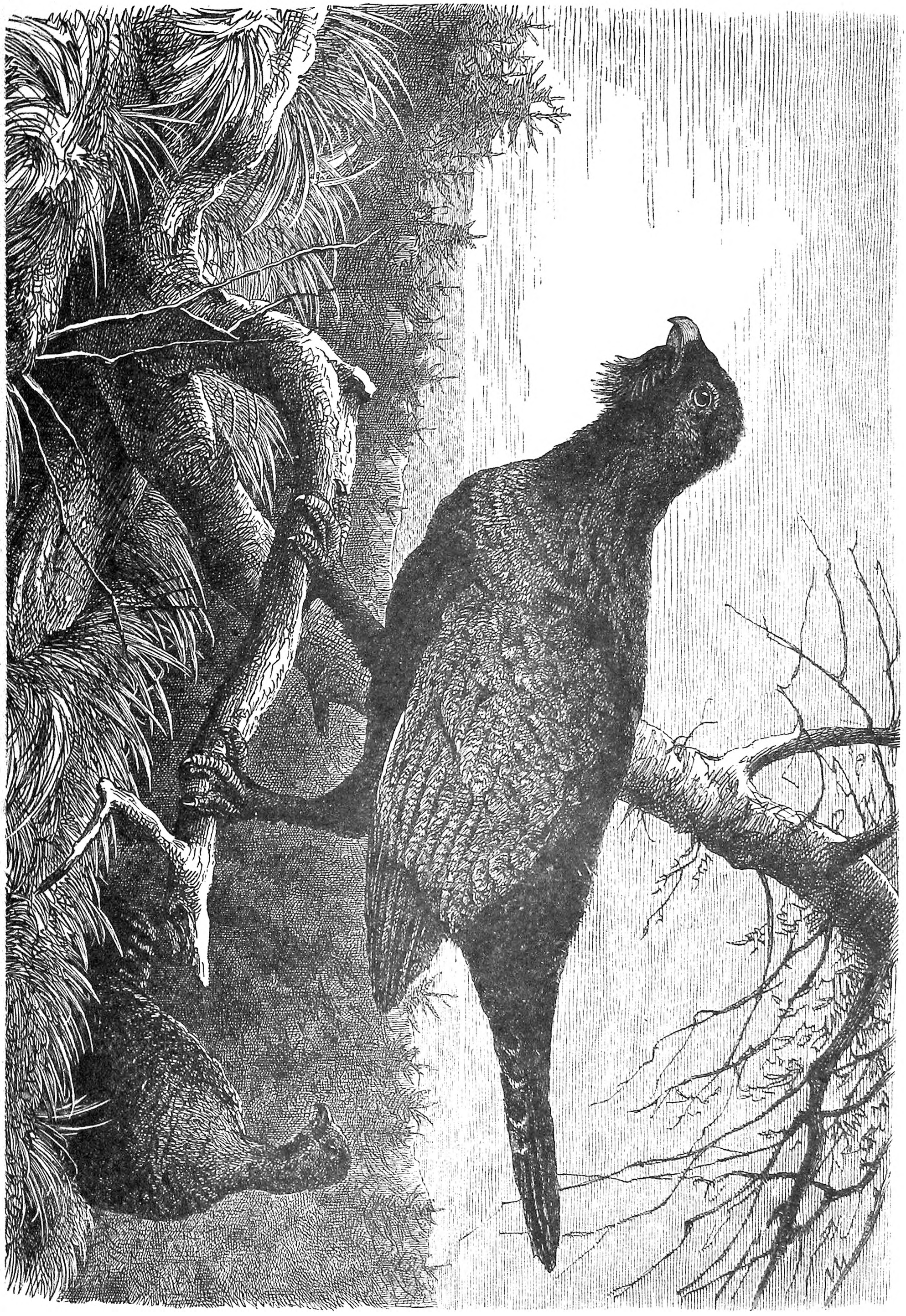
Родина тетеревиныхъ птицъ — сѣверная часть земного шара. Начиная съ Гималаевъ и восточно-азіатскихъ горъ, онѣ распространены по всей Азіи и Европѣ, совершенно отсутствуютъ въ Африкѣ, но встрѣчаются, и притомъ во множествѣ, въ сѣверной Америкѣ. Излюбленное ихъ мѣстопребываніе представляютъ лѣса; нѣкоторые виды обитаютъ въ степяхъ и въ тундрахъ, другіе — на склонахъ горъ вблизи снѣговой линіи обходятся свободно безъ кустовъ и деревьевъ. Всѣ, безъ исключенія, птицы осѣдлыя, изъ года въ годъ пребывающія въ одной и той же мѣстности и лишь очень рѣдко неправильно кочуютъ. Въ періодъ вывода онѣ живутъ парами или въ одиночку, въ другое время — всегда обществами. Пищей имъ служатъ многіе лѣсные плоды, ягоды, почки, листья, иглы хвой, сѣмена, а также насѣкомыя и ихъ личинки; иныя тетеревиныя птицы временно ѣдятъ почти исключительно листья и почки, такъ какъ ничего другого не находятъ на своей родинѣ, скудной растительностью.

Тетеревиныхъ птицъ можно назвать хорошо одаренными. Ходятъ онѣ шагая и очень быстро, летаютъ же тяжело, шумно махая крыльями и повидимому съ усиліемъ, а потому рѣдко улетаютъ далеко и никогда высоко не поднимаются. Внѣшнія чувства у нихъ острыя и особенно хорошо развиты зрѣніе и слухъ.

Нѣкоторые виды живутъ парнымъ бракомъ, другіе въ многобрачіи. Страсть къ спариванью у нихъ очень велика, и въ періодъ спариванья самцы производятъ удивительныя движенія и звуки, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣняютъ образъ жизни; дѣйствія ихъ можно было бы назвать безумными, если бы они не казались намъ столь привлекательными. Всѣ виды сильно размножаются. Самка кладетъ 8—16 очень похожихъ другъ на друга яицъ яйцевидной формы, съ гладкой скорлупой и покрытыхъ бурыми пятнами по желтоватому фону. Настоящаго гнѣзда не сооружается, а въ скрытомъ мѣстѣ самое большее вырывается небольшое углубленіе, которое безпорядочно выстилается дрокомъ, а иногда и нѣсколькими перышками. Зато самки съ большимъ усердіемъ занимаются выводомъ потомства, сходятъ съ гнѣзда только въ томъ случаѣ, когда имъ грозитъ самая явная опасность, не трогаются съ мѣста, если вблизи гнѣзда происходятъ какія-нибудь перемѣны, вообще никогда не покидаютъ своихъ яицъ или дѣтенышей, пекутся съ величайшей нѣжностью о вылупившихся молодыхъ птицахъ, пока онѣ не станутъ способны летать, и безъ малѣйшаго колебанія жертвуютъ жизнью, если думаютъ, что этимъ спасутъ свой выводокъ. Молодыя птицы выростаютъ очень быстро, но должны пройти нѣсколько ступеней развитія, явственно обнаруживающихся въ ихъ внѣшнемъ видѣ, прежде чѣмъ облекутся въ одежду взрослыхъ птицъ. Только тамъ тетеревиныя птицы пользуются столь необходимой для нихъ защитой, гдѣ заведено правильное лѣсное хозяйство; тамъ же, гдѣ эти птицы еще часто встрѣчаются, всякій крестьянинъ преслѣдуетъ ихъ безъ пощады и безъ милосердія, такъ что имъ предстоитъ вѣроятно та же судьба, какъ въ средней Европѣ: онѣ будутъ мало по малу истреблены.

*

Самый крупный и благородный видъ тетеревиныхъ птицъ — это глухарь (Tetrao urogallus), одна изъ самыхъ крупныхъ птицъ Германіи, краса лѣсовъ, радость охотника. Темя и горло у него черноватыя, шея темнаго пепельно-сѣраго цвѣта съ черными разводами, передняя часть шеи съ черновато-пепельно-сѣрыми разводами, спина на черноватомъ фонѣ съ легкимъ пепельно-сѣрымъ и ржаво-бурымъ налетомъ, верхняя часть крыла черно-бураго цвѣта съ значитель-

Глухарь (Tetrao urogallus).

ными ржаво-бурыми разводами; хвостовыя перья черныя съ немногими бѣлыми пятнами; грудь блестящаго стальнаго зеленаго цвѣта, остальная нижняя часть тѣла,

особенно же густо задъ, покрыты черными и бѣлыми пятнами. Глаза карiе, голая бровная полоска, содержащая въ себѣ красящее вещество, и голое, бородавчатое пространство вокругъ глаза сургучно-красныя, клювъ рогового бѣлаго цвѣта. Длина 90—112 см., вѣсъ 3,5—6 килограммовъ. Молодые самцы мало отличаются отъ старыхъ. Самка на треть меньше самца и очень пестрая.

Въ былыя времена, глухари несомнѣнно населяли всѣ болѣе крупныя и сплошныя лѣсныя пространства сѣверной Азіи и Европы; въ настоящее же время они совершенно истреблены во многихъ мѣстностяхъ. Но область, въ которой водится глухарь, все еще очень обширна. Отъ Малой Азіи, Греціи, отъ испанскихъ Кантабрійскихъ горъ и Пиренеевъ, они встрѣчаются до Лапландіи и Ледовитаго океана, и заходятъ далеко на востокъ, черезъ Россію до Камчатки и Китая. Въ Англіи, Ирландіи, Голландіи, Даніи, а также въ Америкѣ, Африкѣ и Австраліи глухарей совсѣмъ нѣтъ; очень мало ихъ въ сѣверной Италіи, во Франціи и въ Бельгіи, болѣе многочисленны они въ нѣмецкихъ, австро-венгерскихъ и швейцарскихъ Альпахъ и на внутреннихъ горныхъ хребтахъ этихъ странъ, въ государствахъ Балканскаго полуострова, въ Румыніи, Шотландіи (гдѣ эти птицы успѣшно распространены съ 1837 г.), а всего многочисленнѣе въ Норвегіи, Швеціи, въ Европейской и Азіатской Россіи, за исключеніемъ южной европейской ея части и Кавказа. Первоначально это была не горная дичь. Но культура постепенно оттѣснила глухарей, какъ и многихъ другихъ „горныхъ животныхъ“, въ болѣе спокойныя и лѣсистыя горныя страны, такъ что въ Германіи глухаря можно найти лишь въ немногихъ любимыхъ имъ хвойныхъ лѣсахъ, растущихъ на равнинѣ (въ Лаузицѣ, въ Тухелеръ-Гейде). Птица эта забирается до границы лѣсовъ какъ по направленію къ сѣверу, такъ и по склонамъ горъ, т. е. доходитъ до 70° сѣверной широты и до 1500—2000 метровъ надъ уровнемъ моря, между тѣмъ какъ косачъ забирается еще дальше въ обоихъ направленіяхъ, а рябчикъ не заходитъ такъ далеко. Послѣдніе два вида тетеревовъ въ настоящее время замѣтно убываютъ численно тамъ, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ человѣческой цивилизаціей; глухари же почти повсюду въ послѣднее время несомнѣнно возрастаютъ въ числѣ, что составляетъ пріятное явленіе. Въ Германіи глухари водятся въ Гардтѣ, въ Шварцвальдѣ, въ Оденвальдѣ, въ Фихтельгебирге, въ Богемскомъ и Тюрингенскомъ лѣсу, въ Рудныхъ горахъ, въ Исполиновыхъ горахъ и въ Гарцѣ, но нигдѣ не попадаются часто.

Глухарь отдаетъ предпочтеніе горнымъ лѣсамъ передъ лѣсами на равнинѣ, но не избѣгаетъ послѣднихъ. Прежде всего онъ нуждается въ сплошныхъ и обширныхъ лѣсахъ смѣшаннаго состава и возраста съ прогалинами, полянами и т. д. и съ сырой, мѣстами топкой почвой. Тамъ, гдѣ имѣются смѣшанные лѣса, онъ располагается всего охотнѣе. Это осѣдлая птица, хотя и не въ полномъ смыслѣ этого слова. Во время продолжительныхъ сильныхъ морозовъ и при глубокомъ снѣгѣ глухарь покидаетъ иногда высокія горы и спускается въ болѣе низкій поясъ, но при наступленіи болѣе теплой погоды всегда почти опять возвращается поближе къ вершинамъ; глухари же, живущіе на горахъ средней вышины или на холмахъ, иногда перекочевываютъ изъ одной области въ другую, хотя безъ всякой видимой причины. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ суровую зиму глухари иногда по цѣлымъ недѣлямъ пребываютъ на деревьяхъ, не спускаясь на землю; это легко можетъ ввести въ заблужденіе наблюдателя и навести его на мысль, что глухари измѣнили свое мѣстопребываніе.

При обычномъ теченіи вещей глухарь днемъ держится на землѣ и, если возможно, выбираетъ такія мѣста, куда падаютъ первые солнечные лучи, и гдѣ есть небольшія открытыя лужайки, смѣняющіяся чащами лѣсныхъ деревьевъ, кустовъ черники, ежевики и вереска, а также расположенныя невдалекѣ отъ чистой воды. Здѣсь глухарь бѣгаетъ между кустарникомъ и мелкими кустиками, ищетъ себѣ пищи и поднимается только тогда, когда съ нимъ случится что нибудь особенное, но прекрасно умѣетъ также невидимкой подлѣзать подъ кусты или прижиматься къ стволу дерева. Подъ вечеръ онъ встаетъ, самецъ и самка разстаются, и оба съ наступленіемъ ночи садятся на дерево, гдѣ ночуютъ. Они никогда почти не

добираются до верхушки, но обыкновенно располагаются на серединѣ дерева, здѣсь проводятъ ночь, а съ наступленіемъ утра слѣзаютъ внизъ.

Кормъ глухарей состоитъ изъ древесныхъ почекъ, листьевъ или иглъ, листьевъ клевера и травы, лѣсныхъ ягодъ, сѣмянъ и насѣкомыхъ. Самецъ довольствуется болѣе грубой пищей, чѣмъ самка и молодыя птицы. Въ виду различія вкуса у самца и самки, весьма вѣроятно, что первый питается главнымъ образомъ почками сосенъ и елей, вторая же — болѣе нѣжными частями растеній. „Глухарь“, говоритъ мой отецъ, „неуклюжая, тяжеловѣсная и пугливая птица. Ходитъ онъ быстро, но далеко не такъ скоро, какъ куропатковыя птицы, дрохвы, ржанки и бѣгуны. Онъ бѣгаетъ по землѣ, когда ищетъ пропитанія. Полетъ его тяжеловѣсный, шумный, ускоряемый быстрыми взмахами крыльевъ, почти прямолинейный и не прерываемый безъ достаточной причины. Какъ самецъ, такъ и самка обыкновенно бываютъ очень пугливы. Ихъ зрѣніе и слухъ — но не обоняніе — чрезвычайно остры, и этою тонкостью внѣшнихъ чувствъ они пользуются, чтобы издали узнавать объ опасности.“ По характеру своему глухарь настоящая куриная птица. Самецъ птица неуживчивая, сварливая и запальчивая, и если только по плѣннымъ птицамъ можно судить о живущихъ на свободѣ, онъ изъ году въ годъ ссорится съ другими птицами своего рода, а потому принужденъ вести отшельническую жизнь.

Какъ уже было упомянуто, глухарь въ періодъ спариванья обнаруживаетъ такой странный нравъ и такую возбужденность, какъ никакая другая птица; такъ какъ настоящій охотникъ убиваетъ гордую птицу только на току, то онъ долженъ изучить токованіе глухарей самымъ точнымъ образомъ, а потому мы обязаны подробнымъ описаніемъ этого явленія не только естествоиспытателямъ, но и охотникамъ. При благопріятной погодѣ токованіе начинается около половины апрѣля, какъ только утромъ показываются на востокѣ бѣлыя полосы, приблизительно около трехъ или нѣсколько послѣ трехъ часовъ утра; потому тотъ, кто желаетъ видѣть это зрѣлище, долженъ вырваться изъ объятій сна уже послѣ полуночи и, по примѣру хорошихъ охотниковъ, быть на мѣстѣ уже въ 2, самое позднее въ $2^1/_2$ часа.

Токованіе начинается съ такъ называемаго „щелканья“. Самецъ высовываетъ голову, растопыриваетъ перья на головѣ и шеѣ и начинаетъ издавать щелкающіе звуки, все быстрѣе слѣдующіе другъ за другомъ, пока не раздастся самый сильный изъ нихъ и не начнется „шлифованіе“. Оно состоитъ изъ шипящихъ звуковъ, напоминающихъ точеніе желѣзнаго инструмента и слѣдующихъ другъ за другомъ въ нѣсколько пріемовъ; послѣдній звукъ растягивается. Обыкновенно при началѣ токованія, рѣже въ серединѣ строфы, состоящей изъ щелкающихъ звуковъ, глухарь немного поднимаетъ хвостъ, раскрываетъ его вѣерообразно и оттопыриваетъ нѣсколько опущенныя крылья. Во время щелканья онъ иногда расхаживаетъ по вѣткѣ; во время шлифованья онъ растопыриваетъ почти всѣ перья и нерѣдко поворачивается кругомъ.

Особенно замѣчательна незначительная сила звуковъ. Они звучатъ такъ, какъ будто кто-нибудь ударяетъ другъ о друга двумя тонкими гладкими палочками; несмотря на слабость звуковъ, они слышатся въ лѣсу на разстояніи 200—300 шаговъ и уже сравнительно издалека могутъ быть точно различены. Строфа начинается съ медленно слѣдующихъ другъ за другомъ отрывочныхъ щелканій, перерывы же между ними съ правильною постепенностью становятся короче, и, наконецъ, одинъ звукъ такъ быстро слѣдуетъ за другимъ, что отдѣльныя щелканья какъ бы сливаются и лишь послѣ самаго сильнаго звука наступаетъ короткая пауза. „Первое щелканье“, говоритъ Гейеръ, „похоже на восклицаніе „тэд“; затѣмъ слѣдуютъ звуки „тэд тэд тэд тэд“ и, наконецъ, все скорѣе раздаются звуки „тэд эд эд эд эд эд“ и такъ далѣе, пока не раздастся такъ называемое главное щелканье, звучащее приблизительно какъ „глак“ и издающееся сильнѣе и слышнѣе другихъ. Затѣмъ начинается пресловутое шлифованье, точенье, чурыканье, токованье. Продолжается оно около $3^1/_2$, никогда болѣе 4-хъ секундъ, похоже до нѣкоторой степени на тотъ звукъ, какой мы получаемъ, проводя длиннымъ столовымъ ножомъ о косу, и звучитъ вродѣ „хейде хейде хейде хейде хейде хейде хейде хейдерей“.

Необыкновенное возбужденіе, въ какомъ находится во время токованья птица, иногда съ раной на головѣ, объясняетъ ея подчасъ невѣроятно безумные поступки. Такъ, Вильдунгенъ сообщаетъ, что одинъ глухарь вдругъ бросился на пилившихъ дровосѣковъ, началъ бить ихъ крыльями, клевать ихъ, такъ что его съ трудомъ отогнали. Другой глухарь, по словамъ того же писателя, вылетѣлъ въ поле, перерѣзалъ дорогу лошадямъ земледѣльца и напугалъ ихъ; третій не допускалъ къ себѣ никого и пытался даже вступить въ драку съ лошадьми людей, работавшихъ въ лѣсу.

Обыкновенно храбрость глухаря не доходитъ до такихъ предѣловъ; но во время токованія онъ всегда обнаруживаетъ извѣстную готовность къ борьбѣ. Старый самецъ не терпитъ присутствія молодого ближе, чѣмъ на 500 шаговъ кругомъ, не позволяетъ также молодому самцу токовать и со всякимъ соперникомъ, который ему сопротивляется, борется по рыцарски на жизнь и на смерть. Въ лучшемъ случаѣ одинъ наноситъ другому опасныя раны въ голову; но не особенно рѣдко одинъ изъ борцовъ остается мертвымъ на мѣстѣ. Молодые глухари, знающіе, что по близости есть старый токующій герой, кричатъ совсѣмъ тихо.

Токованіе продолжается до восхода солнца и бываетъ всего сильнѣе въ то время, когда наступаетъ день. Когда настаетъ день, глухарь оканчиваетъ свое занятіе и отправляется къ самкамъ, которыя возятся на нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

На третьей или на четвертой недѣлѣ токованья удовлетворенные самцы отправляются на свои обычныя мѣста, иногда находящіяся на далекомъ разстояніи отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходитъ токованье, и тогда самки приступаютъ къ сооруженію гнѣзда. Каждая изъ нихъ выбираетъ для этой цѣли подходящее мѣсто и отдѣляется отъ другихъ себѣ подобныхъ птицъ. Гнѣздо представляетъ собою небольшое углубленіе около стараго пня или около одиноко стоящей раскидистой сосны, между верескомъ или въ ягодныхъ кустахъ, и выстилается въ лучшемъ случаѣ, нѣсколькими сухими прутиками. „Къ сожалѣнію“, говоритъ Гейеръ, „самка недостаточно осторожна для того, чтобы устраивать гнѣздо въ такомъ мѣстѣ, которое было бы защищено отъ хищныхъ животныхъ и отъ злыхъ людей. Обыкновенно, она выбираетъ мѣсто совсѣмъ не защищенное, располагая гнѣздо большею частью близъ дорогъ и тропинокъ, чѣмъ и объясняется незначительное размноженіе этихъ птицъ.“ Число яицъ колеблется въ зависимости отъ возраста самки. Молодыя самки рѣдко кладутъ болѣе 6—8 яицъ, болѣе старыя 10—12 яицъ. Яйца сравнительно съ величиной птицы малы, длиною только въ 52—62 миллиметра и толщиною въ 40—43 миллиметра; на желто-буромъ или грязно-желтомъ, рѣже на буровато-желтомъ фонѣ они гуще или рѣже испещрены сѣро-желтыми, буро-грязно-желтыми, свѣтлыми и каштановыми пятнами и точками, иногда же украшены бываютъ болѣе темными разводами. Мать предается дѣлу вывода прямо таки съ трогательнымъ усердіемъ. Такъ, напримѣръ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время высиживанья, самку глухаря можно руками приподнять надъ гнѣздомъ и опять посадить, причемъ она не обнаруживаетъ никакого страха и не улетаетъ. „Такимъ образомъ дается возможность защищать всѣ гнѣзда, расположенныя въ болѣе опасныхъ мѣстахъ, окруживъ ихъ заборомъ или оградою съ отверстіемъ какъ разъ такой величины, чтобы самка могла входить и выходить. Этотъ образъ дѣйствія называется загораживаньемъ и не встрѣчаетъ сопротивленія со стороны самки.

„Вылупившись изъ яицъ, молодыя птицы, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, обсохнувъ надлежащимъ образомъ, убѣгаютъ вмѣстѣ съ матерью, и съ этихъ поръ родители пекутся о нихъ съ необычайной любовью и заботливостью. Трогательно видѣть, если случится невзначай набрести на выводокъ, съ какимъ шумомъ и гамомъ встрѣчаетъ мать всякое постороннее лицо. Въ одно мгновеніе всѣ малютки исчезаютъ, и онѣ умѣютъ такъ хорошо спрятаться, что дѣйствительно трудно замѣтить хоть одного изъ нихъ. Скрываются они такъ ловко благодаря своей окраскѣ. Печальнѣе бываетъ судьба выводка, когда его разыщетъ своимъ чуткимъ носомъ Лиса Патрикѣевна. Если удается извѣстная хитрость матери, состоящая въ томъ,

что она бѣгаетъ на разстояніи 3—4 шаговъ отъ лисицы, порхаетъ, прикидываясь, что у нея сломаны крылья, и если она успѣваетъ такимъ образомъ отвлечь кумулису отъ своихъ дѣтенышей, то птица вдругъ приподнимается, бѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ оставила маленькихъ, и извѣстнымъ звукомъ „глюк глюк“ даетъ знать о томъ, что опасность миновала; послѣ этого она со своими дѣтьми быстро удаляется въ противоположномъ направленіи; если же эта хитрость не удается, то дѣла принимаютъ печальный оборотъ, и нерѣдко ни одной молодой птицы не остается въ живыхъ.“

При благопріятныхъ обстоятельствахъ цыплята подъ любящимъ руководствомъ матери быстро выростаютъ. Пища ихъ состоитъ почти изъ однихъ насѣкомыхъ. Старая птица приводитъ ихъ на извѣстныя мѣста, скребетъ землю, сзываетъ ихъ нѣжнымъ крикомъ „бак бак“, кладетъ имъ на клювъ муху, жука, личинку, гусеницу, червяка, маленькую улитку и т. п. и такимъ способомъ пріучаетъ ихъ ѣсть. Любимую пищу ихъ составляютъ куколки всѣхъ видовъ среднеевропейскихъ муравьевъ. Когда молодыя птицы подростутъ, онѣ ѣдятъ почти все то, что̀ ѣстъ мать. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего появленія на свѣтъ они настолько оперяются, что могутъ взлетать на деревья или по крайней мѣрѣ порхать; но въ настоящую одежду взрослыхъ птицъ они облекаются лишь гораздо позднѣе.

Позднею осенью молодая семья раздѣляется по полу: самки остаются при матери, самцы же бродятъ вмѣстѣ, отъ поры до времени издаютъ свои крики, иногда борятся и въ слѣдующую весну начинаютъ вести такую же жизнь, какъ и старики.

Кромѣ лисицы и тетеревятника, глухаря преслѣдуютъ еще многіе другіе враги. Старые самцы, правда, спасаются отъ многихъ враговъ, благодаря своей осторожности и благодаря тому, что живутъ на деревьяхъ; но слабыя молодыя птицы, а еще болѣе яйца, подвергаются безпощаднымъ нападеніямъ всякихъ хищниковъ, и болѣе слабыя самки часто становятся также добычей болѣе крупныхъ хищниковъ, напр. орла или пугача. Гдѣ охота производится профессіональными охотниками въ зеленой одеждѣ, тамъ вездѣ щадятъ дичь надлежащимъ образомъ. Ни одинъ настоящій охотникъ не станетъ убивать самку глухаря: охотится онъ только на самцовъ и притомъ только во время токованья. Что такой образъ дѣйствія правиленъ, станетъ ясно тому, кто самъ хотя бы разъ въ жизни ходилъ рано утромъ слушать токующаго глухаря съ цѣлью застрѣлить его. Глухарь сто́итъ того, чтобы на него охотиться, ибо даже во время токованія обыкновенно сохраняетъ осторожность, и убить его удается только опытному охотнику. Но именно трудность охоты и дѣлаетъ ее заманчивой. Главную прелесть такой охоты составляетъ время и мѣсто. „При свѣтѣ луны, передъ утренней зарей“, говоритъ Кобелль, „идешь въ лѣсныя дебри; если небо пасмурно, зажигаешь факелъ и направляешься къ тому мѣсту, гдѣ происходитъ токованье. Путь пролегаетъ часто между старыми деревьями, которыя принимаютъ фантастическій видъ при освѣщеніи горящихъ лучинъ, или же идетъ по изрытой поверхности съ уродливымъ, кривымъ кустарникомъ, который облекается въ странныя формы, и настроеніе становится все болѣе и болѣе напряженнымъ. Отъ поры до времени прислушиваешься въ ночной тишинѣ, не раздается ли гдѣ нибудь токованья, которое пожалуй еще милѣе сердцу охотника, чѣмъ сердцу самки, ради которой оно продѣлывается. При этомъ возникаютъ всякія опасенія, вродѣ того, что самецъ пожалуй не захочетъ токовать, и это дѣйствительно нерѣдко случается. Но какъ только изъ темныхъ дебрей раздается щелканье, а затѣмъ и тихое шлифованіе, то все вниманіе охотника, въ которомъ взыграла охотничья кровь, устремляется на то, чтобы подскочить къ птицѣ во время токованья.“

Подходить къ птицѣ надо умѣючи, ибо одного необдуманнаго движенія достаточно для того, чтобы спугнуть глухаря. Послѣ всякаго громкаго щелканья, когда глухарь начинаетъ новую строфу, охотникъ приближается 2-мя или 3-мя прыжками или большими шагами и выжидаетъ затѣмъ окончанія строфы, не упуская при этомъ изъ вида всевозможныхъ предосторожностей. Такъ продолжаетъ

онъ подходитъ къ птицѣ, пока не услышитъ по ея токованью, что приблизился къ ней на разстояніе выстрѣла. Замѣтивъ наконецъ птицу, охотникъ поднимаетъ курокъ, при началѣ строфы прицѣливается, спокойно выжидаетъ окончанія строфы и затѣмъ стрѣляетъ. Если выстрѣлъ удаченъ, если глухарь, шурша, скатывается внизъ и тяжело падаетъ на землю, если удается получить такимъ образомъ мощную птицу, и первые лучи солнца озаряютъ полновѣснаго, стараго глухаря, то охотнику становится весело на душѣ, и онъ съ удовольствіемъ прикрѣпляетъ къ шляпѣ красивыя черныя лопатообразныя перья съ бѣлыми крапинками на концѣ.

Плѣнные глухари во всѣхъ зоологическихъ садахъ представляютъ рѣдкость. Ихъ не легко пріучить къ подходящей имъ пищѣ, и очень трудно вырастить маленькихъ глухарей, только что вылупившихся изъ яйца. Тамъ, гдѣ еще постоянно встрѣчаются глухари, яйца можно раздобыть безъ особенныхъ усилій, и индюшка, даже домашняя курица можетъ высидѣть ихъ, хотя ей приходится сидѣть на нихъ на 6 дней долѣе, чѣмъ на своихъ собственныхъ; но большое затрудненіе для успѣшнаго выращиванья молодыхъ глухарей, высиженныхъ курицей, состоитъ въ томъ, что они не идутъ на зовъ своей пріемной матери и убѣгаютъ отъ нея. Это вѣроятно наблюдали всѣ пробовавшіе выращивать глухарей.

Косачъ (Tetrao tetrix) сравнительно стройно сложенъ, клювъ у него средней длины и крѣпкій, ступни, наружный и внутренній палецъ которыхъ одинаковой длины, оперены не только до пальцевъ, но и на соединительныхъ перепонкахъ между пальцами, крылья короткія, но сравнительно длиннѣе, нежели у глухаря, выпуклыя, тупо закругленныя, хвостъ, состоящій изъ 18 перьевъ, у самки слегка выемчатый, у самца же съ такимъ глубокимъ вырѣзомъ, что самыя длинныя нижнія кроющія перья выступаютъ изъ за шести среднихъ, самыхъ короткихъ и одинаковой длины рулевыхъ перьевъ; по направленію же кнаружи рулевыя перья увеличиваются и загибаются въ видѣ рога или лиры, такъ что весь хвостъ принимаетъ лирообразную форму. Опереніе самца черное, голова, шея и нижняя часть спины съ великолѣпнымъ стальнымъ синимъ блескомъ, на сложенныхъ крыльяхъ замѣчаются бѣлоснѣжныя полосы, образуемыя бѣлыми при основаніи малыми маховыми перьями и крупными, лишенными блеска, черными верхними кроющими перьями крыльевъ, опереніе подъ хвостомъ чисто-бѣлаго цвѣта; маховыя перья на наружныхъ своихъ частяхъ черно-бурыя съ сѣрыми разводами и бѣлыми стержнями, рулевыя перья черныя. Глаза каріе, зрачекъ синевато-черный, клювъ черный, пальцы на ногахъ сѣровато-буроватыя, брови и голое пространство вокругъ глаза ярко-красныя. Самка похожа на самку глухаря; окраска ея болѣе темнаго опереніе является смѣсью ржаво-желтаго и ржаво-бураго цвѣта, съ черными поперечными полосами и пятнами. Длина самца 60—65 см., длина хвоста 20 см.

Косачъ водится приблизительно тамъ же, гдѣ и глухарь, но, не заходя такъ далеко на югъ, онъ забирается нѣсколько далѣе глухаря на сѣверъ. Въ Германіи косачъ живетъ еще во всѣхъ государствахъ и провинціяхъ, но не во всякихъ мѣстахъ, а только въ соотвѣтствующихъ его потребностямъ лѣсахъ какъ на равнинѣ, такъ и въ горахъ; насчетъ мѣстности косачъ разборчивъ. Болѣе или менѣе часто онъ еще встрѣчается во всѣхъ внутреннихъ германскихъ горахъ, нерѣдко въ Фогтландѣ, въ Зауерландѣ, въ Оденвальдѣ, въ Маркѣ и Лаузитцѣ, въ Силезіи, Познани, въ восточной и западной Пруссіи, Помераніи, Ганноверѣ, мѣстами въ сѣверномъ Шлезвигѣ и Ютландіи, часто также во всей области Альпъ, въ Богеміи, въ Шотландіи, очень часто въ Лифляндіи и Эстляндіи, въ Скандинавіи и въ Россіи, наконецъ въ Сибири вплоть до Пріамурскаго края. Косачъ селится въ первобытныхъ, запущенныхъ лѣсахъ, разрушенныхъ огнемъ, бурями или изъѣденныхъ насѣкомыми, плохо расчищенныхъ или лучше вовсе не расчищенныхъ, богатыхъ низнимъ кустарникомъ. Живетъ онъ на березѣ. Березовые лѣса косачъ предпочитаетъ всякимъ другимъ; хвойные лѣса онъ посѣщаетъ лишь въ случаѣ крайности. Точно такъ же любитъ онъ болотистыя мѣстности, ибо его можно

встрѣтить даже тамъ, гдѣ болотныя растенія преобладаютъ и вытѣсняютъ лѣсъ или кустарникъ; впрочемъ уже въ настоящихъ топяхъ и болотахъ косача не видно.

Въ Швейцаріи онъ живетъ столько же въ лѣсахъ на вершинахъ горъ, сколько и въ среднемъ поясѣ лѣсовъ и охотно забирается до границы деревьевъ; тамъ онъ пребываетъ на прогалинахъ, поросшихъ густымъ верескомъ, черникой, ежевикой и даже въ чащѣ сосноваго кустарника, гдѣ можетъ хорошо укрываться. „Всего болѣе косачей водится, въ предѣлахъ Швейцаріи, несомнѣнно въ Граубюнденѣ“, говоритъ Чуди, „а здѣсь — въ долинѣ Мингенъ, поросшей мрачнымъ горнымъ лѣсомъ, изобилующей темными обрывами и представляющей изъ себя рѣдко посѣщаемую боковую вѣтвь долины де Скарль въ Нижнемъ Энгадинѣ. Весною со всѣхъ сторонъ можно слышать токованье самцовъ на косматыхъ горныхъ соснахъ и въ кустахъ арвы, растущихъ въ этой мѣстности.“ Въ австрійскихъ Альпахъ косачъ всегда живетъ въ болѣе высокомъ поясѣ, чѣмъ глухарь, и здѣсь встрѣчается такъ же часто, какъ въ Карпатахъ; въ Баварскихъ Альпахъ, въ густыхъ мхахъ или болотахъ онъ также еще встрѣчается; на изрытой поверхности близъ Вейльгейма, Диссена, Розенгейма, Рейхенгалля и т. д. позднею осенью и зимою можно нерѣдко увидѣть цѣлое общество изъ 80—100 самцовъ-косачей.

Въ средней Германіи косачъ птица осѣдлая, хотя и не въ строгомъ смыслѣ этого слова; косачи же, живущіе на высокихъ горахъ и на сѣверѣ, совершаютъ довольно правильныя странствованія.

Косачъ хотя тяжеловѣсенъ, какъ и глухарь, но всѣ его движенія ловче. Бѣгаетъ онъ скорѣе глухаря и, несмотря на короткія крылья, летаетъ очень хорошо, по прямой линіи, чрезвычайно быстро махая крыльями и пролетая иногда большія разстоянія въ одинъ пріемъ; полетъ его шумный, но менѣе шумный, чѣмъ полетъ глухаря, и повидимому гораздо болѣе легкій. Внѣшнія чувства очень тонки. Онъ видитъ, слышитъ и обоняетъ прекрасно и при всякихъ обстоятельствахъ соблюдаетъ осторожность. Голосъ различный въ зависимости отъ пола. Призывной звукъ — звонкій отрывистый свистъ, выраженіемъ нѣжности служитъ мягкій звукъ „бак бак“, цыплята издаютъ тонкій пискъ; въ періодъ же токованья самецъ обнаруживаетъ такое богатство тоновъ, какого врядъ ли можно было бы ожидать отъ птицы, обыкновенно столь молчаливой.

Пища косача значительно отличается отъ пищи глухаря: косачъ всегда употребляетъ пищу болѣе нѣжную, чѣмъ глухарь. Кормъ его составляютъ древесныя почки, цвѣточныя сережки, листья, ягоды, зерна и насѣкомыя. Лѣтомъ онъ клюетъ чернику, бруснику, малину и ежевику, зимою — ягоды можжевельника и шиповника, поѣдаетъ также почки вереска, березы, осины, орѣшника, ольхи, ивы и бука, въ исключительныхъ случаяхъ питается молодыми зелеными сосновыми шишками, какъ показало изслѣдованіе содержимаго зобовъ у старыхъ самцовъ, но почти никогда не трогаетъ иглъ. Не менѣе охотно, чѣмъ растительную пищу, ѣстъ косачъ и животную: маленькихъ улитокъ, червей, муравьиныхъ личинокъ, мухъ, жуковъ и т. п.; молодыя птицы вскармливаются почти исключительно нѣжными насѣкомыми. Странствованія, предпринимаемыя этой птицей на сѣверѣ, происходятъ главнымъ образомъ ради отысканія пищи. Зерновымъ кормомъ косачъ также не пренебрегаетъ и легко привыкаетъ къ такой пищѣ въ неволѣ. Глотать кусочки кварца также составляетъ для него потребность.

Отъ глухаря косачъ отличается болѣе пріятнымъ качествомъ — общительностью. Роды косачей живутъ, каждый отдѣльно отъ другихъ, болѣе или менѣе многочисленными стаями. Даже среди охотниковъ есть такіе, которые думаютъ, что токованье косачей — самое восхитительное явленіе весны. Многое дѣлаетъ любовную пляску самца чрезвычайно привлекательнымъ зрѣлищемъ: мѣсто токованья, болѣе позднее весеннее время, множество токующихъ самцовъ, разнообразіе ихъ плясокъ, красота, ловкость плясуновъ и ихъ голоса, оживляющіе лѣсъ далеко кругомъ, а также и многое другое.

Въ Германіи токованье косачей начинается въ то время, когда наливаются почки березъ, значитъ обыкновенно во второй половинѣ марта, продолжается весь апрѣль и даже слышится еще въ маѣ. На высокихъ горахъ и въ сѣверныхъ

странахъ токованье происходитъ позднѣе и можетъ продолжаться до половины іюня, даже до іюля.

Для токованья косачъ избираетъ открытое мѣсто въ лѣсу, лужайку или пустырь, иногда участокъ обработанной земли, на которомъ молодые всходы деревьевъ еще не могутъ мѣшать ему. Тамъ, гдѣ водится много косачей, на благопріятныхъ мѣстахъ ихъ собирается для токованья большое количество, на сѣверѣ часто ихъ набирается до 30—40 головъ, иногда до 100. Въ Германіи косачъ начинаетъ токовать лишь на разсвѣтѣ, и въ это же время, по словамъ Чуди, онъ начинаетъ это дѣло и на высокихъ горахъ. „Передъ наступленіемъ утренней зари, почти за часъ до восхода солнца, на Альпахъ сначала слышится только короткая пѣсенка домовой горихвостки и одна нарушаетъ молчаніе въ теченіе нѣкотораго времени; вскорѣ затѣмъ стоголосное щелканье бѣлозобаго дрозда пробуждаетъ всю птичью жизнь, начиная отъ мрачнаго лѣса на вершинахъ горъ до послѣднихъ карликовыхъ сосенъ, и наполняетъ всѣ стѣны скалъ и горныя долины; тотчасъ послѣ этого, по крайней мѣрѣ за полчаса до восхода солнца, начинается благозвучное токованье косача и разносится далеко кругомъ; на него откликаются товарищи то тамъ, то сямъ, то съ ближайшей вершины, то съ отдаленной группы скалъ, то, наконецъ, изъ расположенной невдалекѣ чащи кривыхъ деревьевъ или изъ маленькаго лѣсочка въ горной долинѣ. На разстояніи болѣе получаса пути слышится явственно глухое клохтанье и шипящее ворчаніе каждой птицы, выдѣляющееся изъ всей массы этого ликующаго птичьяго міра.“

Токованье представляетъ собою соединеніе любовной пляски съ любовнымъ пѣніемъ. Послѣ того, какъ самецъ убѣдился, что ему не грозитъ никакой опасности, онъ начинаетъ сначала „шлифовать“ — т. е. издавать замѣчательное глухое шипѣнье, которое Нильссонъ довольно удачно передаетъ звуками „чьо-и“, хотя пожалуй лучше можно выразить его звуками „чи-хш“, и къ нему присоединяется такъ называемое клохтанье, которое Бехштейнъ передаетъ слогами „гольгольгольгольрей“, Нильссонъ же вѣрнѣе звуками „руттуру-рутту-руики-урр-урр-урр-ррруттуру-рутту-руки.“ Если самецъ очень горячится, то токуетъ непрерывно, такъ что клохтанье и шлифованье кажутся постоянно смѣняющими другъ друга и почти невозможно становится отличить начало и конецъ строфы; тогда самецъ иногда вводитъ въ свое токованье еще крикливый звукъ. Рѣдко случается, чтобы токующій косачъ, подобно глухарю, забывалъ все на свѣтѣ и обращался въ слѣпого и глухого. Движенія его во время токованья возбужденныя, оживленныя и странныя. Особенно сильны становятся движенія птицъ, когда на одномъ и томъ же мѣстѣ токуетъ много косачей: тогда плясуны обращаются въ яростныхъ борцовъ. Въ томъ случаѣ, когда борьба принимаетъ серьезный оборотъ, каждому изъ борцовъ приходится лишиться нѣсколькихъ перьевъ; но, несмотря на кажущуюся ярость, съ какою происходитъ борьба, врядъ ли когда-нибудь наносятся опасныя раны, и кажется даже, что одна птица хочетъ прогнать другую, но не желаетъ повредить ей.

Въ серединѣ мая самка косача готовится къ высиживанію. Ея гнѣздо также представляетъ собою лишь небольшое вырытое углубленіе, самое бо́льшее выложенное немного дрокомъ, въ защищенномъ по возможности мѣстѣ — между высокою травою, подъ маленькими кустами и т. д. Яицъ кладется 7—10, иногда и 12; они густо испещрены темно-желтыми, ржаво или маслянисто-бурыми и сѣрыми пятнами и точками по сѣро-желтому, блѣдно-сѣрому или красновато-желтому фону. Жизнь молодыхъ птицъ, а также перемѣна ихъ одежды, происходитъ почти такимъ же образомъ, какъ у молодыхъ глухарей. Цыплята съ перваго дня жизни искусно умѣютъ прятаться, быстро выучиваются порхать и уже по истеченіи нѣсколькихъ недѣль могутъ повсюду слѣдовать за старыми птицами. Тѣмъ не менѣе имъ приходится еще много перенести опасностей, прежде чѣмъ они окончательно вырастутъ.

Охотятся на косача всевозможные хищники, и вездѣ усердно преслѣдуетъ его человѣкъ. Въ Германіи старыхъ самцовъ убиваютъ на току, а молодыхъ позднею осенью, когда они бродятъ. На высокихъ горахъ и въ сѣверныхъ странахъ на нихъ охотятся, какъ и на глухарей, въ теченіе всего года, кромѣ періода

высиживанія. Самой заманчивой, во всякомъ случаѣ, является охота во время токованія уже по той причинѣ, что охотникъ, даже въ случаѣ неудачи, вознаграждается удовольствіемъ, какое доставляетъ подобное зрѣлище. Въ Тиролѣ и въ Баварскихъ Альпахъ косача особенно усердно преслѣдуютъ, такъ какъ его хвостовыя перья составляютъ любимое украшеніе, которое молодые парни носятъ на шляпѣ. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ прикрѣпленіе этихъ перьевъ къ шляпѣ считалось вызовомъ или признакомъ воинственнаго настроенія. По тирольскимъ сказаніямъ, дьяволъ, который нерѣдко принимаетъ образъ охотника, носитъ полпучка перьевъ косача на шляпѣ, но не на лѣвой сторонѣ, какъ охотники-христіане, а на правой, такъ что набожный человѣкъ всегда можетъ узнать лукаваго и принять мѣры противъ его опасныхъ обольщеній.

Косачи, пойманные взрослыми, при надлежащемъ уходѣ выживаютъ въ неволѣ цѣлые годы, а въ случаѣ, если они имѣютъ въ своемъ распоряженіи достаточно мѣста, то и размножаются. Молодые косачи, вылупившіеся изъ яйца, требуютъ такого же ухода, какъ молодые глухари, но, выросши, доставляютъ не больше хлопотъ, чѣмъ домашнія куры.

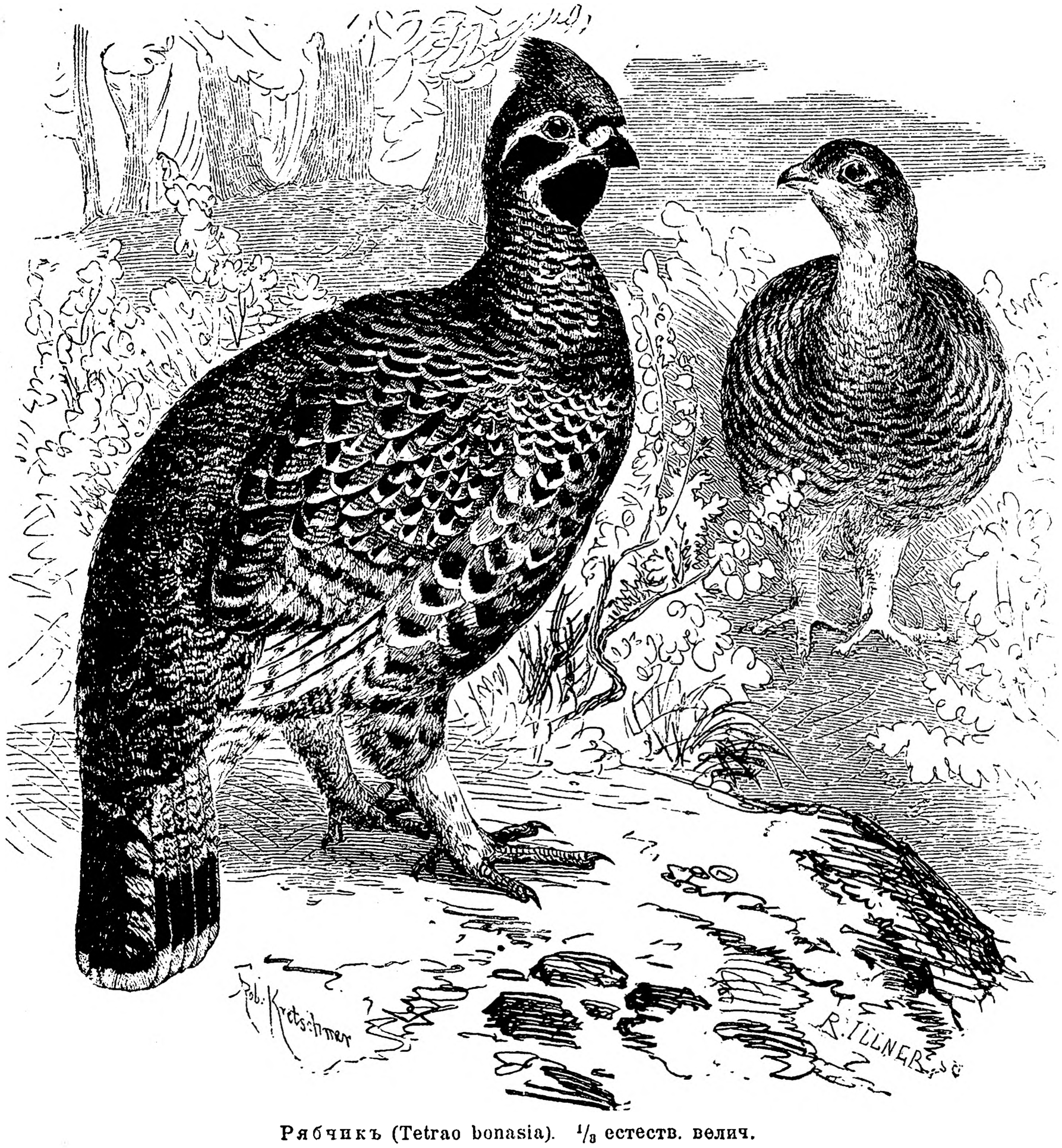
Тетеревъ-межнякъ (Tetrao urogallo-tetrix), ублюдокъ между самкой глухаря и самцомъ косача, рѣже между глухаремъ и самкой косача, по формѣ и окраскѣ представляетъ нѣчто среднее между обоими родителями. У самца верхняя сторона или совершенно черная и блестящая, или на черномъ фонѣ испещрена сѣрыми точками и тонкими зигзагами; по маховымъ перьямъ второго порядка проходитъ широкая, грязновато-бѣлая полоса и такая же каемка замѣчается на концахъ перьевъ. Самка бываетъ похожа то на самку глухаря, то на самку косача, но всегда отличается отъ первой меньшей, отъ второй — бо́льшей величиной. Длина самца 65—75 см., длина самки 55—60 см.

На ряду съ глухаремъ и косачемъ, въ европейскихъ лѣсахъ живетъ еще третій видъ разсматриваемаго рода, а именно рябчикъ (Tetrao bonasia, рис. на стр. 518). Опереніе верхней стороны ржаво-красновато-сѣрое съ бѣлыми пятнами, большая часть перьевъ разрисована черными волнообразными линіями; на верхней части крыла, окраска котораго представляетъ собою смѣсь ржаво-сѣраго и ржаво-краснаго цвѣта, ясно замѣчаются бѣлыя продольныя полосы и бѣлыя пятна; горло покрыто бѣлыми и бурыми пятнами; маховыя перья сѣровато-бурыя, съ красновато-бѣлыми пятнами на узкомъ наружномъ опахалѣ; рулевыя перья черноватыя, съ пепельно-сѣрыми переходами, а среднія съ ржавыми полосками и каемками. Глаза орѣхово-каріе, клювъ черный, ноги въ неоперенной своей части рогового бураго цвѣта. У самки нѣтъ черныхъ перьевъ на горлѣ, и окраска оперенія тусклѣе, скорѣе сѣрая, чѣмъ ржаво-красная. Длина въ среднемъ достигаетъ 45 см., длина хвоста 13 см. Самка приблизительно на одну пятую часть меньше самца.

Область распространенія рябчика простирается отъ Пиренеевъ до полярнаго круга и отъ берега Атлантическаго океана до берега Тихаго. Птица эта отдаетъ предпочтеніе гористымъ мѣстностямъ передъ равниной, но и въ горахъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пребываетъ постоянно. Въ области Альповъ, въ Баваріи, Силезіи, Познани, въ восточной и западной Пруссіи рябчикъ встрѣчается не особенно рѣдко. Любимое его мѣстопребываніе составляютъ большіе, темные, смѣшанные лѣса, особенно же состоящіе изъ дубовъ, березъ, ольхъ и орѣшника или по крайней мѣрѣ изъ хвойныхъ деревьевъ, березъ и осинъ; въ такихъ лѣсахъ онъ выбираетъ мало посѣщаемые склоны, расположенные на южной сторонѣ и примыкающіе къ каменистымъ обрывамъ, покрытымъ ягодными кустами; въ исключительно же хвойномъ лѣсу рябчики встрѣчаются рѣдко и всегда лишь въ одиночку. Въ лѣсахъ, удовлетворяющихъ его запросамъ, рябчикъ выбираетъ себѣ мѣсто жительства въ густой чащѣ и туда удаляется въ случаѣ опасности. Чѣмъ разнообразнѣе лѣсъ, тѣмъ онъ, повидимому, пріятнѣе рябчику. Въ извѣстныхъ мѣстахъ лѣса этихъ птицъ можно находить изъ года въ годъ, между тѣмъ какъ

другія мѣста рябчикъ покидаетъ на время и бродитъ по окрестностямъ. Особенно самцы осенью довольно правильно посѣщаютъ ближайшія рощи или воздѣланныя мѣста, чтобы тамъ лакомиться разными ягодами.

Рябчикъ любитъ селиться въ скрытыхъ мѣстахъ и потому мало замѣтенъ. Лишь рѣдко, и то только случайно, или тихо притаившись. можно увидѣть его въ то время, когда онъ перебѣгаетъ отъ куста къ кусту и долженъ миновать открытое пространство; въ суровое время года его можно увидѣть и сидящимъ на болѣе толстыхъ вѣтвяхъ дерева, къ которымъ онъ прижимается во всю длину

Рябчикъ (Tetrao bonasia). 1/3 естеств. велич.

и кладетъ на вѣтку вытянутую голову, такъ что становится почти незамѣтнымъ. Съ топкихъ вѣтокъ рябчикъ, если спугнуть его, бо́льшею частью быстро слетаетъ и прячется въ кустарникѣ на землѣ; если же открыть здѣсь его мѣстопребываніе, то онъ всегда взлетаетъ на ближайшее дерево и съ высоты съ глупымъ любопытствомъ глядитъ на нарушителя спокойствія. Рябчикъ удивительно проворенъ и подвиженъ, умѣетъ также превосходно прыгать. Полетъ въ сущности похожъ на полетъ другихъ тетеревиныхъ, но гораздо легче, хотя и нѣсколько медленнѣе полета косача; притомъ только когда рябчикъ снимается съ мѣста, онъ издаетъ нѣкоторый шорохъ, но не громкій шумъ, а самый полетъ совершается такъ безшумно, что летящаго рябчика почти совсѣмъ не слышно. Голоса у самца и самки довольно различные, и особенно самки издаютъ весьма разнообразные звуки. На

первомъ году жизни молодые рябчики, еще составляющіе одинъ выводокъ, издаютъ простой призывъ „пи пи пи пи“, — и этотъ крикъ свойственъ какъ самцамъ, такъ и самкамъ. Когда молодыя птицы уже способны къ спариванью, хотя все еще живутъ семьею, онѣ издаютъ звукъ вродѣ „ти“ или „тити“; впослѣдствіи онѣ присоединяютъ къ этому третій звукъ, такъ что получается нѣчто вродѣ „ти ти — тити“ или „ти ти — тите“. Взрослый самецъ насвистываетъ настоящую пѣсенку, которую пробовали передавать слогами „ти ти — тити дири“. Но этотъ крикъ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ измѣняется на разные лады. Взрослая самка сильно отличается своимъ голосомъ отъ взрослаго самца и, убѣгая, издаетъ особый крикъ, который начинается съ очень тихихъ и тонкихъ звуковъ,, становится все громче и сильнѣе и заканчивается чрезвычайно быстро слѣдующими другъ за другомъ тонами. Лейенъ пробуетъ передать этотъ крикъ слогами „тититититититититикіулькіулькіулькіулькіуль“, а Кобелль замѣчаетъ, что въ верхней Баваріи охотники передаютъ крикъ самца словами „zieh, zieh, zieh, bei der Hitz' in die Höh“ (т. е. „въ жару отправляйся ввысь“).

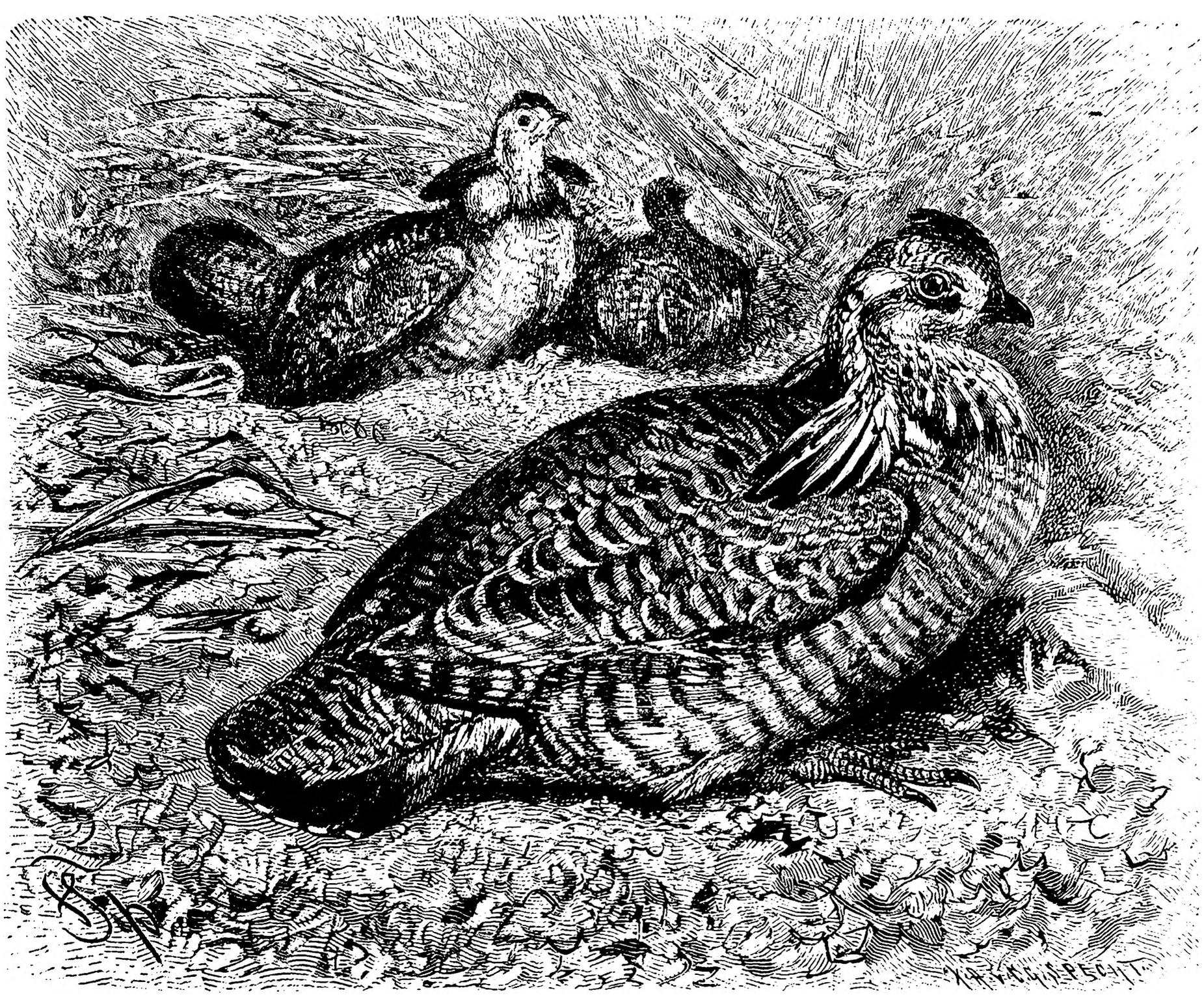
Рябчикъ не принадлежитъ къ тѣмъ куринымъ птицамъ, которыя живутъ въ явномъ многобрачіи, и бо́льшею частью держится парочками и семьями. Самецъ токуетъ такъ же, какъ глухарь и косачъ, но не исполняетъ такой выразительной пляски, какъ эти послѣдніе, а довольствуется тѣмъ, что поднимаетъ перья на темени, въ ушной области и на горлѣ и выражаетъ свои чувства къ супругѣ оживленными трелями и свистомъ. Самка отыскиваетъ по возможности хорошо скрытое мѣсто подъ кустарникомъ и хворостомъ, за камнями, въ папоротникѣ и т. д., кладетъ въ углубленіе свои сравнительно маленькія, блестящія яички съ гладкой скорлупой, которыя на красновато-буромъ фонѣ покрыты красными и темно-бурыми пятнышками и крапинками, и въ теченіе трехъ недѣль высиживаетъ ихъ съ такимъ усердіемъ, что можно подойти къ ней совсѣмъ близко, не спугнувъ ея. Гнѣздо очень трудно найти, такъ какъ мѣсто, гдѣ оно расположено, всегда выбирается съ величайшей осмотрительностью. Вылупившихся маленькихъ рябчиковъ также можно замѣтить развѣ только случайно. Послѣ появленія ихъ на свѣтъ самка еще нѣкоторое время держитъ ихъ въ гнѣздѣ, пока они не высохнутъ хорошенько; затѣмъ она спѣшитъ отвести свой выводокъ на мѣста кормежки. Какъ только грозитъ какая-нибудь опасность, мать прибѣгаетъ ко всевозможнымъ уловкамъ и увертками, свойственнымъ всѣмъ птицамъ этого семейства, а маленькіе рябчики, окрашенные совершенно подъ цвѣтъ почвы, такъ искусно присѣдаютъ между мхомъ и травками, камнями, корнями деревьевъ и т. д., что замѣтить ихъ человѣческій глазъ не въ силахъ — для этого требуется тонкое обоняніе лисицы или лягавой собаки. Когда выводокъ выучивается летать, къ семейству присоединяется и отецъ, и все это общество остается неразлучнымъ до осени.

Къ сожалѣнію, въ Германіи рябчиковъ становится годъ отъ года меньше, хотя они пользуются защитой. Хищныя млекопитающія и хищныя птицы, правда, уничтожаютъ много молодыхъ птицъ, но есть навѣрное и другіе причины этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго исчезновенія рябчиковъ. Во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде водилось много рябчиковъ, они теперь пропали, хотя нельзя сказать, почему именно. Зато въ нѣкоторыхъ лѣсахъ они начинаютъ вновь появляться. Это замѣчено въ нѣкоторыхъ лѣсахъ на южномъ склонѣ Рудныхъ горъ, гдѣ теперь уже встрѣчаются порядочныя стаи этихъ птицъ.

Тамъ, гдѣ рябчики встрѣчаются часто, ихъ убиваютъ во множествѣ, такъ какъ они представляютъ изъ себя безспорно самую вкусную дичь изъ всѣхъ куриныхъ птицъ. Охота на рябчиковъ производится или при помощи лягавой собаки, или же посредствомъ приманной дудочки, что доставляетъ охотнику больше удовольствія. Эта свистулька, замѣчательно хорошо подражающая призыву самца, привлекаетъ всякаго самца, горящаго желаніемъ вступить въ борьбу съ мнимымъ соперникомъ.

Плѣнные рябчики, хотя легко пріучаются къ пищѣ, замѣняющей имъ естественную, но рѣдко становятся ручными. Если же удается приручить ихъ, то они могутъ доставить очень много удовольствія, такъ какъ и въ клѣткѣ остаются чрезвычайно привлекательными и милыми.

Изъ сѣверо-американскихъ тетеревиныхъ птицъ особеннаго вниманія заслуживаетъ луговой тетеревъ (Tetrao cupido). Онъ отличается отъ другихъ тетеревовъ двумя длинными пучками изъ 18-ти приблизительно узкихъ перьевъ; эти пучки висятъ по обѣ стороны шеи и покрываютъ здѣсь голыя мѣста на кожѣ, подъ которыми въ свою очередь расположены кожистые мѣшки, имѣющіе видъ пузырей и находящіеся въ связи съ дыхательнымъ горломъ. Самецъ и самка окрашены почти одинаково; все внѣшнее различіе между ними заключается въ томъ, что у самца декоративныя перья длиннѣе, чѣмъ у самки. На верхней сторонѣ перья черныя, розовыя и бѣлыя, на нижней сторонѣ съ блѣдно-бурыми и

Луговой тетеревъ (Tetrao cupido). 1/4 естеств. велич.

бѣлыми поперечными полосами, такъ что происходитъ трудно поддающееся описанію смѣшеніе обоихъ этихъ цвѣтовъ. Брюшко бѣловатое. Длина 45 см.

„Когда я въ первый разъ жилъ въ Кентукки“, говоритъ Одюбонъ, „луговой тетеревъ встрѣчался такъ часто, что дичь эта цѣнилась не выше обыкновеннаго мяса, и всякій настоящій охотникъ считалъ ниже своего достоинства охотиться на эту птицу. На этихъ куръ смотрѣли съ такимъ же недоброжелательствомъ, какъ и на воронъ въ другихъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, особенно вслѣдствіе опустошеній, производимыхъ ими зимою въ фруктовыхъ и другихъ садахъ или лѣтомъ на поляхъ. Въ настоящее время лугового тетерева въ этихъ мѣстахъ почти нельзя найти. Эти птицы покинули Кентукки и, подобно индѣйцамъ, забираются все дальше и дальше, чтобы избѣжать страсти къ истребленію, обнаруживаемой бѣлымъ человѣкомъ. Въ восточныхъ штатахъ, гдѣ луговые тетерева еще водятся, они сохранились только благодаря изданнымъ для защиты ихъ законамъ объ охотѣ.“

Въ противоположность своимъ родственникамъ по семейству, описаннымъ до сихъ поръ, луговой тетеревъ живетъ только въ безлѣсныхъ равнинахъ, совер-

шенно лишенныхъ деревьевъ. Его мѣстопребываніе — это сухія, песчаныя пространства, лишь скудно поросшія кустарникомъ, но покрытыя травою.

По движеніямъ своимъ луговой тетеревъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ домашнюю курицу; во всякомъ случаѣ онъ гораздо болѣе неуклюжъ и тяжеловѣсенъ, чѣмъ рябчикъ.

Питается луговой тетеревъ какъ растительными веществами, такъ и самыми разнообразными мелкими животными. Лѣтомъ онъ ищетъ себѣ пропитанія на лугахъ и на хлѣбныхъ поляхъ, осенью въ садахъ и виноградникахъ, зимою — въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ много ягодъ.

Къ зимѣ луговые тетерева въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ водится много, собираются въ многочисленныя стаи, которыя распадаются лишь съ наступленіемъ весны. Каждое изъ такихъ обществъ выбираетъ себѣ особое мѣсто, гдѣ ежедневно собирается для исполненія начинающихся въ эту пору любовныхъ игръ и плясокъ.

Если ничто не помѣшаетъ луговому тетереву вывести потомство, то онъ выводитъ его однажды въ годъ; если же первыя его яйца будутъ похищены, то онъ старается возмѣстить эту потерю; но вторыхъ яицъ всегда бываетъ меньше, чѣмъ первыхъ. Въ августѣ цыплята достигаютъ приблизительно величины древесныхъ перепеловъ и уже хорошо порхаютъ; къ половинѣ октября они становятся совершенно взрослыми.

„Плѣнные луговые тетерева“, говоритъ Одюбонъ, „очень скоро становятся ручными и безъ труда размножаются въ неволѣ. Я часто удивлялся тому, что ихъ уже давно не обратили въ домашнихъ птицъ. Живя въ Гендерсонѣ, я купилъ 60 живыхъ луговыхъ тетеревовъ, бо́льшею частью молодыхъ, нарочно для меня пойманныхъ, обрѣзалъ имъ крылья и далъ имъ свободно бѣгать по саду, величиной въ 4 акра. Черезъ нѣсколько недѣль мои плѣники уже такъ привыкли ко мнѣ, что не пугались, когда я подходилъ къ нимъ. Я кормилъ ихъ зернами, а сами они выискивали для себя разныя другія растительныя вещества. Въ теченіе зимы они окончательно отбросили всякій страхъ, бѣгали по саду, какъ домашнія куры, смѣшивались съ этими послѣдними и ѣли чуть не изъ рукъ моей жены. Когда наступила весна, они надувались, трубили и боролись, какъ на свободѣ. Многія самки снесли яйца и высидѣли довольно много молодыхъ птицъ. Но луговые тетерева такъ портили мнѣ садъ, что я принужденъ былъ ихъ зарѣзать.“

Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ, несмотря на всѣ старанія, еще не удалось достигнуть подобнаго результата.

*

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и привлекательныхъ родовъ разсматриваемаго семейства является родъ бѣлыхъ куропатокъ (Lagopus), какъ вслѣдствіе странной и далеко еще не разъясненной надлежащимъ образомъ перемѣны перьевъ у этихъ птицъ, такъ и вслѣдствіе ихъ образа жизни. Бѣлыя куропатки отличаются очень плотнымъ сложеніемъ, маленькимъ, средней длины и средней крѣпости клювомъ, сравнительно короткими ногами, плюсна и пальцы которыхъ покрыты волосатыми перьями, средней длины крыльями, въ которыхъ третье маховое перо длиннѣе прочихъ, короткимъ, почти что закругленнымъ или прямымъ хвостомъ изъ 18-ти перьевъ, а также очень обильнымъ опереніемъ, окраска котораго мѣняется обыкновенно по временамъ года. Когти на пальцахъ сравнительно крупнѣе, чѣмъ у другихъ тетеревиныхъ птицъ, и на нихъ всего яснѣе можно наблюдать ежегодную смѣну. Самецъ и самка мало отличаются другъ отъ друга, а молодыя птицы скоро облекаются въ одежду старыхъ.

Бѣлая куропатка (Lagopus albus) по величинѣ занимаетъ приблизительно среднее мѣсто между косачемъ и сѣрой куропаткой; длина самца 40 см., длина хвоста 11 см.; самка на два сантиметра короче и почти настолько-же уже. Зимою бѣлая куропаточка облечена хотя въ простую, но все-таки въ красивую одежду. Все ея опереніе, вплоть до наружныхъ хвостовыхъ перьевъ, ослѣпительно

бѣлаго цвѣта; хвостовыя же перья совершенно черныя съ бѣлыми каемками и бѣлыя при основаніи; на наружномъ опахалѣ шести большихъ маховыхъ перьевъ замѣчается по длинной буровато-черной полосѣ. Въ брачной одеждѣ у бѣлой куропатки верхняя часть головы и задняя часть шеи ржаваго, рыжаго или ржаво-бураго цвѣта съ черными пятнами и волнообразными линіями; перья на плечахъ, на спинѣ, на надхвостьѣ и среднія хвостовыя перья черныя, наполовину съ ржаво-бурыми полосками, и всѣ снабжены бѣлыми каемками; хвостовыя перья выцвѣли, и ихъ каемки стерлись, большія маховыя перья бѣлыя, какъ зимою, малыя маховыя перья бурыя, какъ и спина; лицо, горло и глотка ржаво-красныя, обыкновенно безъ пятенъ, голова, верхняя часть груди и перья въ пахахъ ржаваго или ржаво-бураго цвѣта съ тонкими черными остріями и волнообразными линіями; перья на серединѣ груди черныя съ ржавыми и бѣлыми пятнами, а на брюшкѣ и на ногахъ бѣлыя; нижнія кроющія перья хвоста черныя съ ржаво-желтыми и бурыми полосами и зигзагами; подъ глазами и въ углахъ рта замѣчаются бѣлыя пятна. Основная окраска бываетъ то свѣтлѣе, то темнѣе; случается, что перья бываютъ украшены чернымъ рисункомъ по свѣтло-бурому фону и т. п. Въ теченіе лѣта перья выцвѣтаютъ.

Многіе изслѣдователи полагаютъ, что бѣлыя куропатки линяютъ дважды: въ первый разъ, осенью, онѣ мѣняютъ всѣ перья, во второй разъ, весною, мѣняются только мелкія перья. Но зимняя одежда вовсе не непосредственно переходитъ въ лѣтнюю, а лѣтняя — въ зимнюю. Поэтому возможно было предположеніе, будто бѣлая куропатка линяетъ четыре раза въ годъ. Между тѣмъ американскіе натуралисты думаютъ, что мелкія перья, по крайней мѣрѣ осенью, не замѣняются новыми, а просто выцвѣтаютъ, причемъ это выцвѣтаніе начинается съ концовъ перьевъ и такъ быстро распространяется, что въ 8—10 дней перья выцвѣтаютъ совершенно.

Шотландскій тетеревъ (Lagopus scoticus), котораго англичане называютъ grouse, и который населяетъ великобританскія и особенно шотландскія болота, величиной съ бѣлую куропатку и отличается отъ послѣдней тѣмъ, что зимою не бѣлѣетъ, что маховыя перья его бурыя, а ноги сѣрыя. Значитъ, шотландскій тетеревъ, за исключеніемъ указанныхъ различій, чрезвычайно похожъ на бѣлую куропатку въ лѣтней одеждѣ.

Бѣлая куропатка водится на сѣверѣ Стараго и Новаго Свѣта, но не вездѣ встрѣчается въ одинаковомъ количествѣ. Въ Германіи ее можно найти только въ самомъ сѣверо-восточномъ углу страны. Начиная съ этой границы области своего распространенія, бѣлая куропатка встрѣчается въ извѣстныхъ мѣстахъ вездѣ по направленію на сѣверъ и на востокъ въ большомъ количествѣ; такъ, во всей сѣверной Россіи, не исключая и Остзейскихъ провинцій, въ Скандинавіи, далѣе во всей Сибири и, наконецъ, на далекомъ сѣверѣ Америки. Здѣсь она живетъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится пушной звѣрь, между 50 и 70 градусомъ сѣверной широты. Внутри указанныхъ границъ это птица перелетная, которая при приближеніи зимы собирается въ многочисленныя стаи и улетаетъ къ югу, хотя еще въ самыя суровыя зимы встрѣчается во множествѣ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ подъ 67 градусомъ. Изъ Курляндіи и Литвы въ настоящее время еще каждую зиму бѣлыя куропатки перекочевываютъ въ восточную Пруссію; нѣкоторыя изъ нихъ залетаютъ даже въ Померанію. Южнѣе этого предѣла бѣлая куропатка никогда не появлялась; на самомъ далекомъ сѣверѣ, какъ на островѣ Исландіи или въ Гренландіи, она также никогда не встрѣчается.

Въ тундрѣ бѣлая куропатка селится какъ на равнинахъ, такъ и на плоскихъ холмахъ, какъ на склонахъ горъ, такъ и въ долинахъ приблизительно въ одинаковомъ количествѣ, такъ какъ всѣ эти мѣстности отличаются почти одинаковымъ характеромъ; въ Скандинавіи же птица эта водится на средней высотѣ горъ, въ долины спускается только отъ поры до времени и всегда ненадолго. Это объясняется тѣмъ, что бѣлая куропатка предпочитаетъ всѣмъ другимъ деревьямъ березу и иву, царство которыхъ начинается только за границей хвойнаго лѣса. На скандинавскихъ плоскогоріяхъ и въ тундрѣ бѣлая куропатка водится въ не-

вѣроятныхъ количествахъ, превышая численно всѣхъ прочихъ куриныхъ птицъ. Одна парочка живетъ рядомъ съ другой, и участокъ всякой отдѣльной пары такъ малъ, что рѣдко имѣетъ 500 шаговъ въ поперечникѣ. Весною самецъ ревниво защищаетъ границу своего маленькаго царства отъ всякаго посягательства на его владѣнія.

Бѣлую куропатку можно назвать относительно хорошо одаренной птицей. Это одна изъ самыхъ подвижныхъ и живыхъ куриныхъ птицъ; она ловка, а потому рѣдко бываетъ спокойна и искусно умѣетъ двигаться при различныхъ обстоятельствахъ. Благодаря своимъ широкимъ, густо опереннымъ ногамъ, она такъ же быстро можетъ перебѣгать по предательскимъ мхамъ, какъ и по свѣжему снѣгу; можетъ, вѣроятно, и плавать. Походка у нея бываетъ разная. Обыкновенно она бѣгаетъ, шагая и притомъ согнувшись, нѣсколько выгнувъ спину и свѣсивъ хвостъ; но когда ее преслѣдуютъ, она мчится почти съ невѣроятною быстротою. Полетъ у нея легкій и красивый, болѣе похожій на полетъ косача, нежели на полетъ сѣрой куропатки, но отличный отъ того и отъ другого. Перелетая черезъ небольшія разстоянія, самецъ, снимаясь съ мѣста, всегда издаетъ свой далеко разносящійся крикъ „эрр-рэк-эк-эк-эк“, а, поднявшись на воздухъ, издаетъ глухіе горловые звуки „габа-у габа-у“; самка же всегда летаетъ молча. Бѣлая куропатка не только вырываетъ себѣ въ снѣгу глубокіе ходы, чтобы добраться до своего корма, скрытаго подъ снѣгомъ, но, преслѣдуемая хищной птицей, низвергается вертикально внизъ и буквально ныряетъ въ легкій снѣжный покровъ. Въ суровую погоду она ищетъ въ снѣгу защиты отъ холодныхъ вѣтровъ; говорятъ, что иногда зарывается въ снѣгъ цѣлая стая, плотно прижавшись другъ къ другу, такъ что изъ подъ снѣга мѣстами торчатъ только головки.

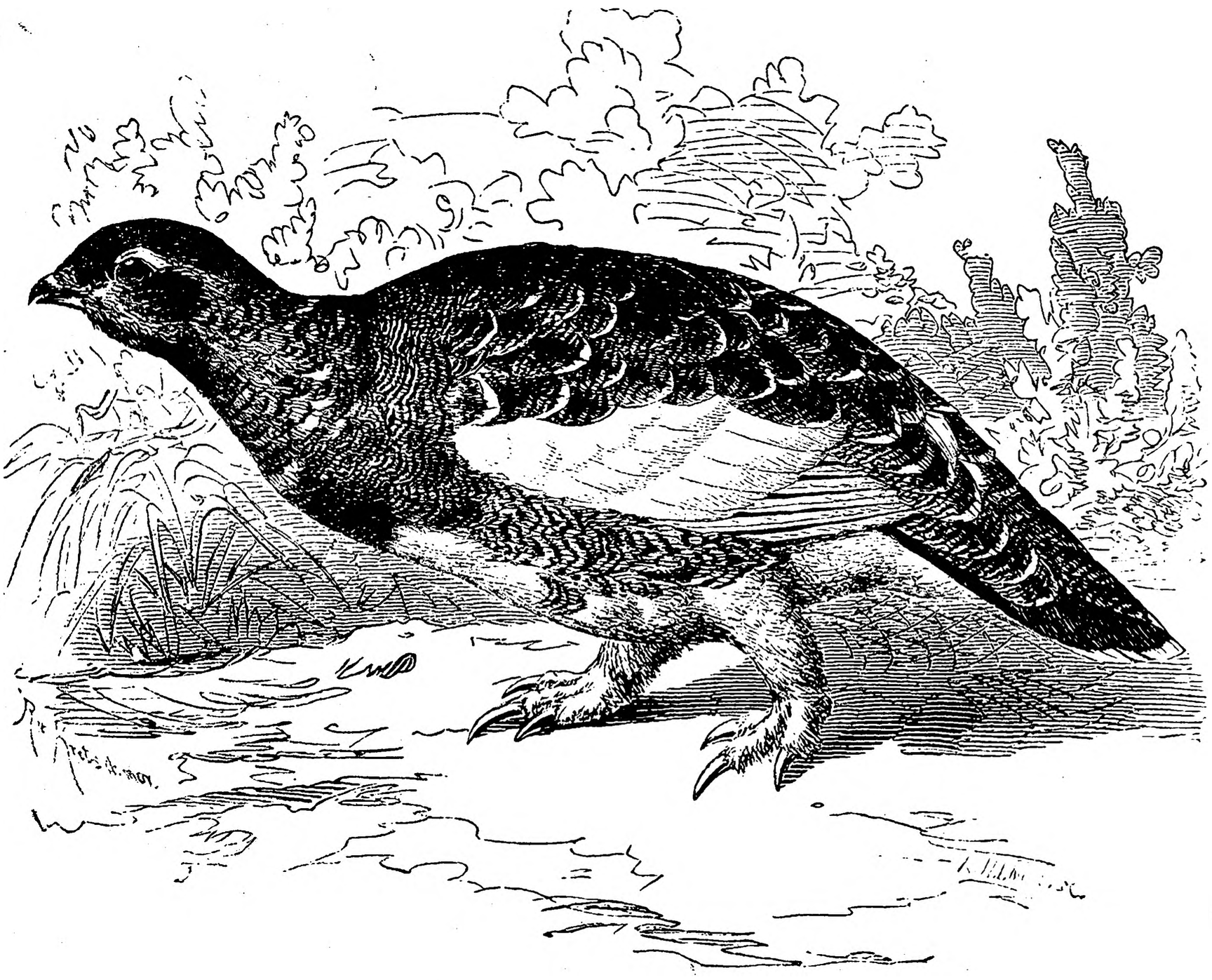
Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ, зимою почти изъ однихъ листовыхъ почекъ упомянутыхъ кустовъ и изъ засохшихъ ягодъ, лѣтомъ изъ нѣжныхъ листочковъ, цвѣтовъ, побѣговъ, ягодъ и разныхъ насѣкомыхъ, которыя при случаѣ схватываются вмѣстѣ съ растительнымъ кормомъ.

Бѣлая куропатка — пожалуй, самая цѣнная дичь для охотника. Благодаря многочисленности этихъ птицъ, охотникъ, отличающійся хоть нѣкоторою ловкостью, можетъ застрѣлить ихъ множество, и потому во многихъ сѣверныхъ странахъ охотѣ этой предаются со страстью. Охотятся на бѣлую куропатку главнымъ образомъ зимою, по той простой причинѣ, что въ это время года убитыхъ птицъ можно разсылать въ далекіе края. Вслѣдствіе дороговизны пороха, ружьемъ въ зимнее время пользуются гораздо рѣже, чѣмъ сѣтями и петлями. Зная, гдѣ пребываетъ птица, между березовыми кустами, куда куропатки приходятъ кормиться, размѣщаютъ силки, очень успѣшно дѣлающіе свое дѣло. Въ какомъ количествѣ ловятъ иногда бѣлыхъ куропатокъ — объ этомъ можетъ дать понятіе то, что на Доврефьельдѣ одинъ единственный торговецъ дичью въ теченіе одной зимы собралъ и разослалъ 40,000 штукъ. Въ настоящее время торговлю этою дичью ведутъ со Стокгольмомъ и Копенгагеномъ, а во всякую сколько-нибудь холодную зиму присылаютъ бѣлыхъ куропатокъ даже и въ Германію и Великобританію. Мясо молодыхъ бѣлыхъ куропатокъ совершенно такое же, какъ и мясо молодыхъ сѣрыхъ куропатокъ.

Въ неволѣ этихъ привлекательныхъ куриныхъ птицъ рѣдко можно встрѣтить даже въ Скандинавіи.

Горный тетеревъ (Lagopus mutus, рис. на стр. 524 и 526) встрѣчается въ различныхъ мѣстностяхъ въ видѣ болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга, но постоянныхъ разновидностей, которыя нѣкоторыми учеными принимаются за отдѣльные виды. Уже по своей лѣтней одеждѣ горные тетерева сильно отличаются другъ отъ друга. На швейцарскихъ Альпахъ, по словамъ Шинца, одежда горныхъ тетеревовъ такъ мѣняется по временамъ года, что лѣтомъ, можно сказать, всякій мѣсяцъ бываетъ различна. Во всѣ времена года у самца брюшко, нижнія кроющія перья хвоста, переднія кроющія перья крыльевъ, маховыя перья и плюсна бѣлаго цвѣта; стержни маховыхъ перьевъ черноватые, хвостъ черный. Лѣтомъ

же всѣ прочія части имѣютъ очень разнообразный видъ. Во время весенняго линянія, которое начинается въ половинѣ апрѣля, отъ поры до времени появляются черноватыя перья, такъ что птица дѣлается пестрою; въ началѣ мая голова, шея, спина, верхнія покровныя перья крыльевъ и грудь черныя, съ ржавыми и бѣлыми пятнами, отдѣльныя перья или совсѣмъ черныя съ совершенно неясными ржавыми поперечными полосками, или черныя съ свѣтлыми ржаво-желтыми и бѣловатыми полосками; на горлѣ и на бокахъ шеи бѣлый цвѣтъ выступаетъ всего рѣзче. Сами перья пестрыя, нерѣдко смѣшанныя съ нѣсколькими совсѣмъ бѣлыми; но всѣ перья мало по малу такъ выцвѣтаютъ, что въ концѣ августа или особенно въ сентябрѣ спина оказывается красиво испещренной свѣтлыми пепельно-сѣрыми и черноватыми крапинками; ржавыя полосы на шеѣ и на головѣ тогда дѣлаются

Горный тетеревъ (Lagopus mutus) въ лѣтней одеждѣ. 1/3 естеств. велич.

совершенно бѣлыми, но бо́льшею частью среди перьевъ еще попадаются, между прочимъ, неправильно расположенныя перья съ ржаво-желтыми и черными полосами. У самки всѣ эти части покрыты черными и ржаво-желтыми волнообразными линіями, полоски гораздо шире и явственнѣе. Зимою, кромѣ черныхъ рулевыхъ перьевъ, которыя въ это время украшаются бѣлой каемкой, у самца всѣ перья, не исключая составляющихъ уздечку, становятся ослѣпительно бѣлыми; но случается, что и на зиму сохраняется нѣсколько пестрыхъ перьевъ. Во время осенняго линянія, которое начинается въ октябрѣ, горные тетерева кажутся совсѣмъ пестрыми; но уже въ ноябрѣ они дѣлаются бѣлоснѣжными. Надъ глазами замѣчается красная, бородавчатая кожа съ зубчиками на верхнемъ краѣ, которая гораздо болѣе развита у самца. Глаза темно-каріе, клювъ черный. Длина 35 см.

Отъ этой формы болѣе или менѣе уклоняются горные тетерева, обитающіе на сѣверѣ, какъ по своей величинѣ, такъ и по окраскѣ лѣтней одежды; но цвѣтъ ея всегда соотвѣтствуетъ цвѣту скалъ, среди которыхъ живутъ эти птицы.

Горный тетеревъ живетъ на Альпахъ на всемъ ихъ протяженіи, на Пиренеяхъ, въ горахъ Шотландіи, на всѣхъ высокихъ горныхъ вершинахъ Скандинавіи, въ Исландіи, въ горахъ сѣверной Сибири и вообще сѣверной Азіи, на сѣверѣ

Американскаго материка и въ Гренландіи. Съ Альповъ эти птицы иногда залетаютъ въ Шварцвальдъ. Въ противоположность горной куропаткѣ, горный тетеревъ живетъ только на голыхъ мѣстахъ, не покрытыхъ кустарникомъ, а потому на Альпахъ встрѣчается всегда выше границы лѣсовъ, недалеко отъ снѣговъ и льдовъ, въ Норвегіи на обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, покрытыхъ валунами, и только на Исландіи и въ Гренландіи попадается во время вывода въ болѣе низкихъ мѣстахъ, даже на низменностяхъ, непосредственно прилегающихъ къ морскому берегу.

По образу жизни горный тетеревъ сильно отличается отъ своихъ родственниковъ, такъ какъ характеръ его спокойнѣе, а духовныя способности ниже, чѣмъ у нихъ. Бѣгаетъ и летаетъ онъ приблизительно такъ же, какъ его родственники, быть можетъ даже съ бо́льшею легкостью, чѣмъ бѣлая куропатка. Но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ горный тетеревъ улетаетъ далеко въ одинъ пріемъ, а тамъ, гдѣ его еще не преслѣдуютъ, съ нимъ этого никогда не случается. Ловкостью горный тетеревъ рѣшительно превосходитъ своихъ родственниковъ. Не разъ было замѣчено, что горный тетеревъ не только въ случаѣ крайности можетъ плавать, но иногда плаваетъ и безъ крайней необходимости. Голосъ сильно отличается отъ голоса бѣлой куропатки и весьма своеобразенъ. „Во время густыхъ тумановъ“, говоритъ Шинцъ, „или передъ выпаденіемъ дождя или снѣга горные тетерева безостановочно кричатъ „крэгэгэгээгрэ“ или же энэ-гэ энэ-гээ“. Когда же они зовутъ своихъ дѣтенышей или видятъ хищную птицу, то старики издаютъ крикъ вродѣ „гэ-гэ гагээ“, а молодыя птицы производятъ звукъ „цип цип“. Такихъ звуковъ не слышали другіе наблюдатели, которые упоминаютъ только о глухомъ, хрипломъ, глубокомъ звукѣ „аа“, съ которымъ соединяется трескучій звукъ, не поддающійся передачѣ при помощи буквъ.

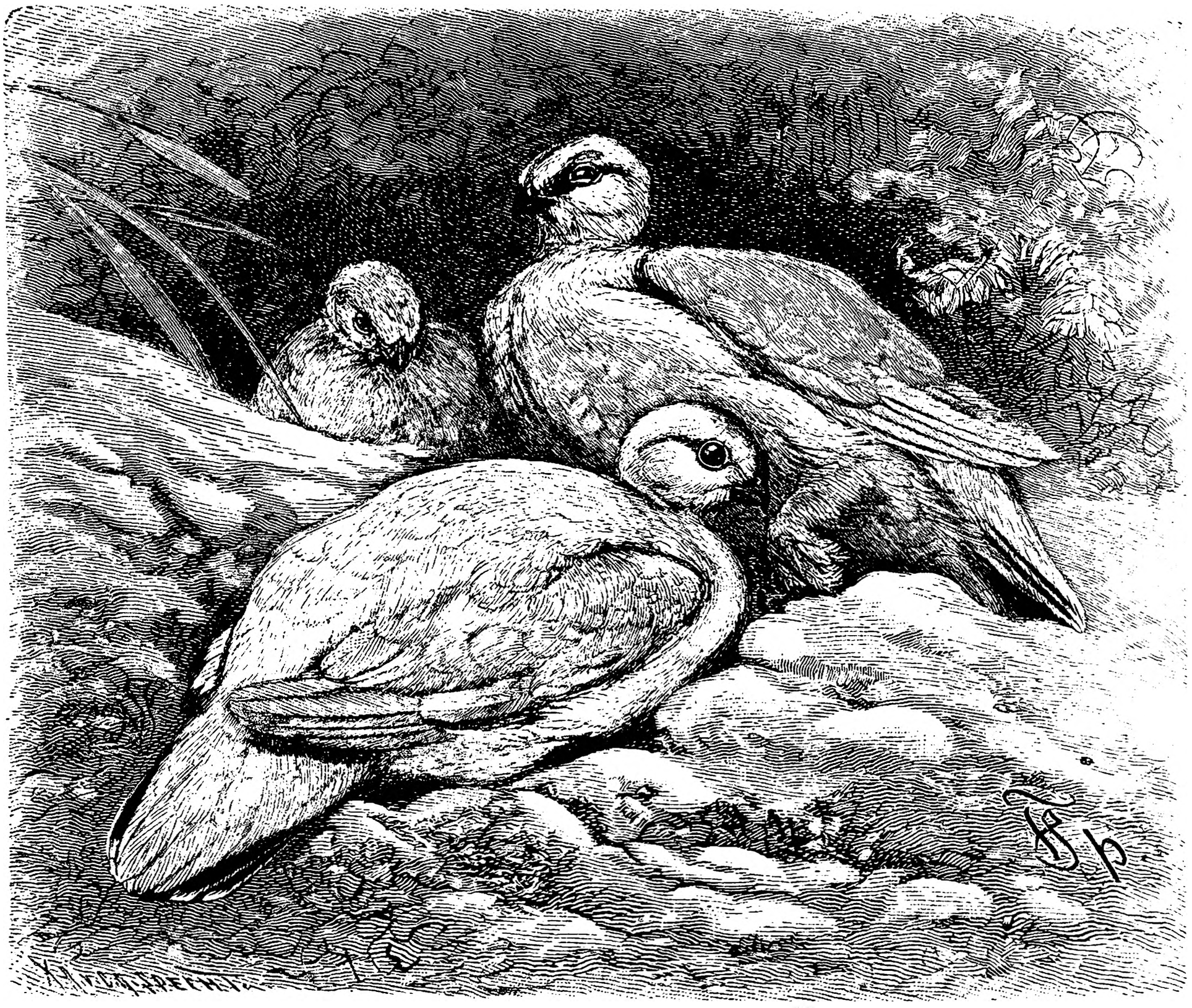
Питается горный тетеревъ преимущественно растительными веществами. У птицъ, живущихъ на Альпахъ, зобъ бываетъ набитъ листьями альпійской ивы и вереска, почками елей, альпійской розы, черникой, брусникой, разными цвѣтами и т. д.; на проѣзжихъ дорогахъ горные тетерева выклевываютъ зерна овса изъ помета лошадей и муловъ, а лѣтомъ гоняются за различными насѣкомыми.

Въ маѣ горные тетерева уже спарились, и пока длится высиживанье, самецъ и самка пребываютъ вмѣстѣ. Когда же вылупятся молодые тетерева, отецъ на время покидаетъ семью и отправляется на болѣе высокія горы, гдѣ проводитъ самое жаркое время лѣта. Прежде тихій и печальный, онъ оживляется, часто кричитъ, летаетъ очень быстро, едва двигая крыльями, ради своего удовольствія поднимаясь на воздухъ и притомъ въ косомъ направленіи, одно мгновеніе виситъ въ высотѣ, трепеща крыльями, а затѣмъ вдругъ низвергается; иногда онъ принимаетъ также позы, напоминающія до нѣкоторой степени пляски другихъ тетеревиныхъ птицъ во время токованья. Самецъ не принимаетъ участія въ выводѣ птенцовъ, не помогаетъ также самкѣ водить свое потомство. Въ половинѣ или въ концѣ іюля самка выбираетъ себѣ мѣсто для гнѣзда гдѣ-нибудь подъ низкимъ кустомъ или подъ защитой камня, вырываетъ здѣсь небольшое углубленіе, незатѣйливо выстилаетъ его увядшими листьями, кладетъ туда свои 9—14, иногда даже 16 яицъ, покрытыхъ на красновато-желтомъ фонѣ темно-бурыми пятнами и усердно принимается за высиживанье. Приблизительно черезъ три недѣли изъ яицъ вылупляются молодыя птицы.

Пухъ цыплятъ хотя очень пестрый, но окрашенъ подъ цвѣтъ почвы, какъ пухъ другихъ молодыхъ куриныхъ птицъ.

Въ Исландіи и въ Гренландіи, гдѣ горные тетерева часто выводятъ птенцовъ въ долинахъ, семьи ихъ можно еще встрѣтить въ концѣ августа внизу; въ началѣ же октября мать отправляется со своими уже вполнѣ взрослыми дѣтьми на высокія горы, и съ этихъ поръ отдѣльныя группы горныхъ тетеревовъ соединяются, образуя иногда очень многочисленныя стаи. Стаи эти пребываютъ въ горахъ обыкновенно всю зиму и ведутъ довольно правильную жизнь. Ихъ можно видѣть уже на разсвѣтѣ отыскивающими себѣ пищу, но до полудня они рѣдко летаютъ. Послѣ полудня они летаютъ, маленькими стаями слетаютъ въ долины, на берегъ моря и т. д. и опять возвращаются на горы. Если же долины не зане-

сены снѣгомъ, то птицы пребываютъ въ нихъ довольно долго; точно также онѣ спасаются бѣгствомъ внизъ, когда наверху падаетъ обледенѣвшій снѣгъ, мѣшающій имъ отыскивать себѣ пищу. При такихъ обстоятельствахъ имъ иногда приходится забираться довольно далеко и терпѣть большія лишенія. Фаберъ увѣряетъ, что изголодавшіеся горные тетерева даже заходятъ въ людскія жилища или перелетаютъ черезъ морскіе проливы, имѣющіе въ ширину нѣсколько миль, на острова, гдѣ снѣгу малу, и гдѣ они могутъ найти себѣ обильное пропитаніе. Въ Норвегіи происходитъ совершенно то же самое, въ Швейцаріи нѣчто подобное.

Горный тетеревъ (Lagopus mutus) въ зимней одеждѣ. 1/3 естеств. велич.

Нерѣдко горный тетеревъ погибаетъ вслѣдствіе того, что мѣста его жительства слишкомъ скудны и негостепріимны. Какъ ни непритязательны эти птицы, какъ ни хорошо выносятъ онѣ бурю и непогоду, но противъ всякихъ невзгодъ онѣ все таки не защищены. Если зимою цѣлыми днями падаетъ снѣгъ, но безъ вѣтра, то горному тетереву это почти нипочемъ; когда же съ горъ скатываются лавины, то многихъ горныхъ тетеревовъ раздавливаютъ массы снѣга, а когда на снѣговой покровъ ложится ледяная кора, то многія птицы погибаютъ голодною смертью. И не только природа относится жестоко, почти враждебно къ этимъ безвреднымъ птицамъ, но гораздо сильнѣе преслѣдуетъ ихъ человѣкъ и всевозможныя хищныя твари. Ежегодно ловятся тысячи и сотни тысячъ горныхъ тетеревовъ; не малое количество ихъ дѣлается добычей ружейнаго охотника, и столько же, сколько погибаетъ ихъ отъ руки человѣка, уничтожаются лисицей, россомахой, кречетомъ и совой-бѣлянкой.

Горныхъ тетеревовъ, пойманныхъ взрослыми, можно приручить, т. е. пріучить къ пищѣ, замѣняющей имъ естественный кормъ, и къ клѣткѣ; они выжи-

ваютъ въ неволѣ довольно долго; молодыя же птицы требуютъ за собой такого тщательнаго ухода, что выращивать ихъ рѣдко удается.

Куропатковыя птицы (Perdicinae), составляющія второе обособленное подсемейство куриныхъ птицъ, отличаются отъ тетеревиныхъ стройнымъ сложеніемъ, сравнительно маленькой головой и неоперенными плюснами.

За исключеніемъ далекаго сѣвера, куропатковыя птицы обитаютъ во всѣхъ странахъ Стараго Свѣта и во всякихъ мѣстностяхъ, начиная съ морского берега и кончая высочайшими горными вершинами. Правда, большинство предпочитаетъ открытыя, безлѣсныя мѣстности; но много и такихъ куропатковыхъ птицъ, которыя селятся именно въ лѣсахъ и здѣсь скрываются въ такой же глуши, какъ другія куриныя птицы. Характеръ куропатковыхъ птицъ имѣетъ въ себѣ много своеобразнаго. Онѣ ловче и проворнѣе своихъ родственниковъ по отряду, летаютъ хотя нѣсколько тяжеловѣсно, но довольно быстро, однако рѣдко поднимаются высоко, рѣдко улетаютъ далеко и избѣгаютъ, насколько возможно, опускаться на деревья. По духовнымъ способностямъ куропатковыя стоятъ, повидимому, по крайней мѣрѣ выше тетеревиныхъ. Онѣ обладаютъ тонкими внѣшними чувствами и сравнительно смышлены, легко приспособляются къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ, проявляютъ извѣстнаго рода хитрость, когда нужно избѣжать опасности, и обладаютъ храбростью и воинственностью. Насколько до сихъ поръ извѣстно, всѣ виды, принадлежащіе къ разсматриваемому подсемейству, живутъ въ единоженствѣ. Самцы принимаютъ дѣятельное участіе въ выводѣ потомства, по крайней мѣрѣ въ случаѣ необходимости заботятся о безопасности самки, сидящей на яйцахъ, а впослѣдствіи и о своихъ дѣтяхъ. Самка кладетъ въ простое гнѣздо довольно значительное количество одноцвѣтныхъ яицъ или яицъ, покрытыхъ по свѣтло-желтоватому и буроватому фону темными точками. Когда молодыя птицы подростутъ, часто нѣсколько семействъ соединяются въ многочисленныя общества. Относительно пищи куропатковыя птицы отличаются отъ тетеревиныхъ тѣмъ, что ѣдятъ только нѣжныя растительныя и животныя вещества. Иглами хвой, которыми довольствуется глухарь и т. п. дурной пищей, не питается ни одинъ членъ разсматриваемаго подсемейства; но всѣ виды усердно преслѣдуютъ всевозможныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, и большинство отдаетъ предпочтеніе передъ зернами другимъ частямъ растеній, а именно листьямъ и т. п.

Нѣтъ ни одного члена этого подсемейства, на котораго не охотились бы съ бо́льшею или меньшею страстью. Чтобы залучить ту или другую куропатковую птицу, пускаются въ ходъ всѣ средства: огнестрѣльное и другое оружіе, сѣть и силокъ, дрессированные сокола и собаки. Вездѣ ежегодно убиваютъ тысячи этихъ куръ, и почти вездѣ потери быстро возмѣщаются.

Къ неволѣ куропатковыя птицы привыкаютъ легко; многія при сколько-нибудь внимательномъ уходѣ годами выживаютъ въ клѣткѣ, и большинство въ клѣткѣ же размножается.

*

У горныхъ куропатокъ (Caccabis) тѣло сильное, шея короткая, голова сравнительно большая, клювъ продолговатый, но все-таки крѣпкій, ноги снабжены тупыми шпорцами или роговой бородавкой, крыло средней длины и въ немъ третье и четвертое маховое перо длиннѣе остальныхъ, опереніе обильное, но плотно прилегающее къ тѣлу. Преобладающая окраска — красноватый сѣрый цвѣтъ, у иныхъ переходящій въ аспидный; передняя часть шеи и верхняя часть груди, а также перья въ пахахъ отличаются яркой, выдѣляющейся изъ общаго фона окраской.

Въ предѣлахъ Германіи встрѣчается принадлежащая къ этому роду каменная куропатка (Caccabis saxatilis). Ея верхняя сторона и грудь синевато-сѣрыя съ красноватымъ отливомъ; полоса, окаймляющая бѣлое горло, и полоса, начинающаяся при основаніи клюва и проходящая по лбу, а также маленькое пят-

нышко на подбородкѣ, на обоихъ углахъ нижней челюсти чернаго цвѣта, въ пахахъ перья окрашены чередующимися желтовато-красновато-бурыми и черными полосками, прочія перья нижней стороны ржаво-желтыя, маховыя перья черновато-бурыя съ желтовато-бѣлыми стержнями и ржаво-желтоватыми полосами вдоль края наружнаго опахала, наружныя рулевыя перья ржаво-красныя. Глаза красновато-каріе, клювъ кораллово-красный, ноги блѣдно-красныя. Длина 35 см. Самка, по обыкновенію, нѣсколько меньше самца.

Въ XVI-мъ столѣтіи каменная куропатка жила на скалистыхъ прирейнскихъ горахъ, а именно въ мѣстности Санктъ Гоаръ; теперь она встрѣчается только на Альпахъ, а именно въ верхней Австріи, въ верхней Баваріи, въ Тиролѣ и въ Швейцаріи. Чаще встрѣчается она на южной сторонѣ горъ, въ южномъ Тиролѣ и въ Италіи, гдѣ она водится въ Лигурійскихъ горахъ и въ Римской провинціи. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ то время какъ на Альпахъ каменныя куропатки несомнѣнно отдаютъ предпочтеніе высокимъ мѣстностямъ передъ низменными и всего чаще встрѣчаются на озаренныхъ солнцемъ склонахъ, скудно покрытыхъ травою и щебнемъ, между границей лѣса и снѣговой линіей, — онѣ на югѣ населяютъ также и равнины.

Каменная куропатка какъ и всѣ ея родственники, отличается ловкостью, тонкостью внѣшнихъ чувствъ, храбростью и воинственностью, а также легко поддается прирученію. Голосъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ кудахтанье домашнихъ куръ.

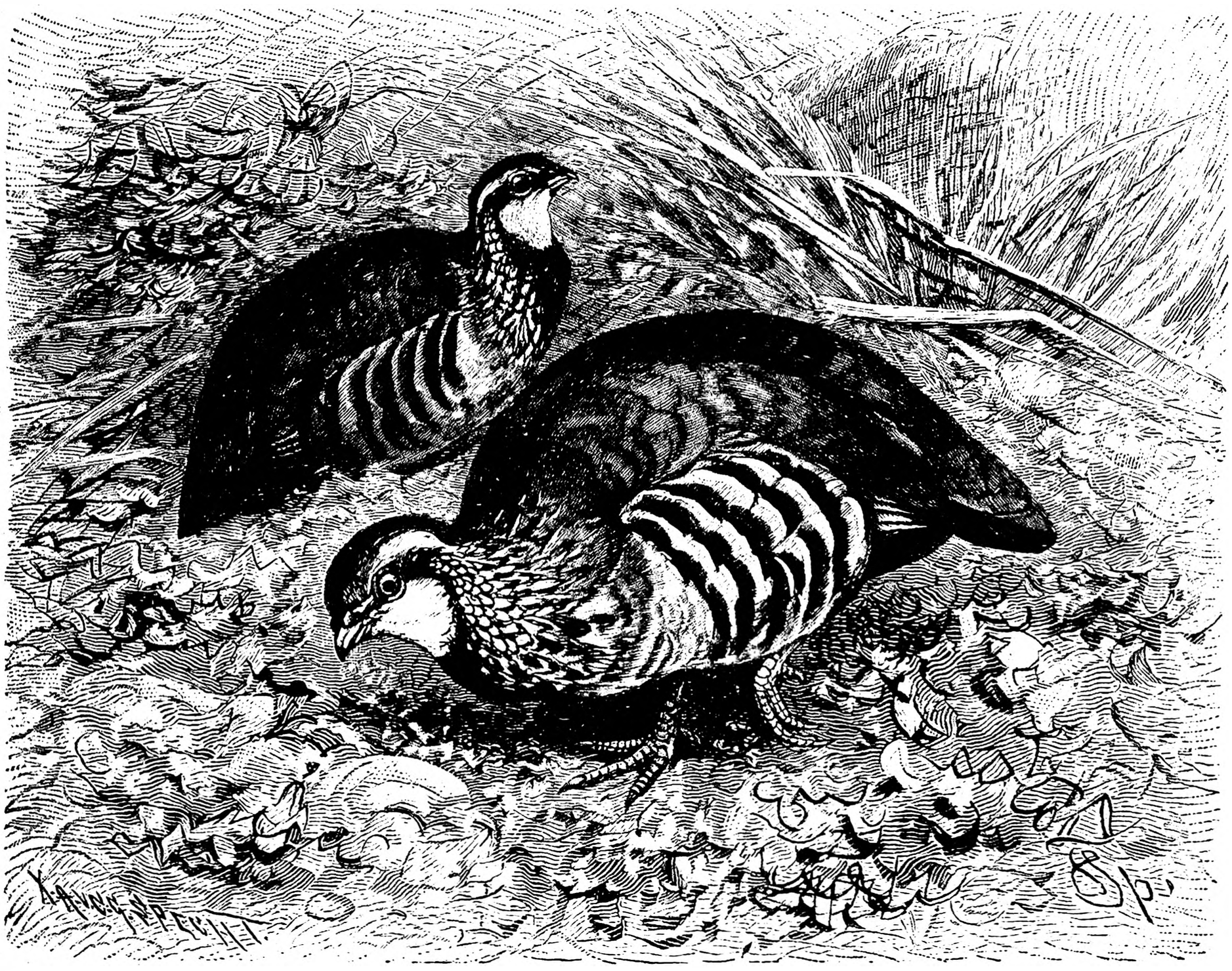
Питается каменная куропатка разными растительными веществами и многими видами мелкихъ животныхъ. На вершинахъ горъ каменныя куропатки питаются почками альпійской розы и другихъ горныхъ растеній, ягодами, нѣжными листьями и разными сѣменами, кромѣ того пауками, насѣкомыми, ихъ личинками и т. п.; каменныя куропатки, живущія въ низменности, посѣщаютъ поля, особенно въ то время, когда хлѣба еще свѣжи и низки, и тогда подчасъ ѣдятъ только кончики молодой пшеницы или другихъ зеленѣющихъ хлѣбовъ; зимою они поѣдаютъ ягоды можжевельника и даже довольствуются иглами хвой. Тамъ, гдѣ каменныя куропатки водятся въ большомъ количествѣ, многія общества часто позднею осенью соединяются въ многочисленныя стаи.

Какъ греки, такъ и швейцарцы, какъ индусы, такъ и персы отлично знаютъ, что каменныхъ куропатокъ легко приручить; поэтому именно эту птицу часто можно встрѣтить въ клѣткѣ. Парочка хорошо уживается, но два самца постоянно ссорятся, и нерѣдко одинъ заклевываетъ другого на смерть. Эта неуживчивость и воинственность каменныхъ куропатокъ была хорошо извѣстна древнимъ, которые главнымъ образомъ и держали въ плѣну самцовъ каменныхъ куропатокъ, чтобы ради удовольствія зрителей заставлять ихъ бороться между собою. Это еще въ настоящее время дѣлаютъ въ Индіи и въ Китаѣ, гдѣ каменныхъ куропатокъ приручаютъ и даже дѣлаютъ изъ нихъ настоящихъ домашнихъ животныхъ. Онѣ свободно бѣгаютъ по дому, дѣлаются настоящими членами семьи и слѣдуютъ за своимъ хозяиномъ по двору и по саду. Нѣкоторыя становятся такъ смѣлы, что на разные лады дразнятъ чужихъ или прислугу, подчиненное положеніе которой въ домѣ, повидимому, понимаютъ.

Въ юго-западной Европѣ каменную куропатку замѣняетъ красная куропатка (Caccabis rufa). Эта красивая птица отличается отъ предыдущей главнымъ образомъ преобладаніемъ красноватаго цвѣта въ окраскѣ верхней стороны и болѣе широкимъ ошейникомъ, который по направленію внизъ разбивается на пятна. Красновато-сѣроватый цвѣтъ верхней стороны всего ярче на задней части головы и на затылкѣ — здѣсь онъ почти чистый ржаво-красный и только на темени сѣроватый; грудь и верхняя часть брюшка чистаго пепельно-сѣро-буроватаго цвѣта, нижняя часть брюшка и нижнія покровныя перья хвоста жженаго желтаго цвѣта; удлиненныя перья въ пахахъ украшены по свѣтлому пепельно-сѣрому фону бѣловато-ржавыми и каштаново-бурыми поперечными полосами, рѣзче обрисованными совершенно черными черточками. Бѣлая полоска, начинаю-

щаяся на лбу, образуетъ въ продолженіи своемъ явственную бровную полосу; ярко выдѣляется почти чисто-бѣлая полоска на горлѣ, окаймленная ошейникомъ и рѣзко ограниченная съ внутренней стороны. Глаза свѣтло-каріе, глазное кольцо киноварно-красное, клювъ кроваво-красный, ноги карминово-красныя. Длина птицы 38 см.

Лишь благодаря новѣйшимъ наблюденіямъ, удалось съ нѣкоторою вѣроятностью опредѣлить родину красной куропатки; прежде эту птицу часто смѣшивали съ ея родственниками. Живетъ она только въ юго-западной части Европы, начиная съ южной Франціи, обитаетъ во всѣхъ расположенныхъ къ югу странахъ и на всѣхъ островахъ, а именно въ Испаніи, въ Португаліи, на о. Мадейрѣ и на Азорскихъ островахъ. На о. Мальтѣ красная куропатка составляетъ уже рѣдкое явленіе; далѣе по направленію къ востоку она вѣроятно совсѣмъ не встрѣчается. Лѣтъ 100 тому назадъ поселили красную куропатку въ Великобританіи, и теперь она встрѣчается тамъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ графствахъ быть можетъ чаще, чѣмъ сѣрая куропатка. Красная куропатка любитъ гористыя мѣстности, чередующіяся съ полями. Въ Испаніи ее можно найти почти на всѣхъ горныхъ хребтахъ за исключеніемъ, быть можетъ, цѣпей, расположенныхъ вдоль сѣвернаго берега; она встрѣчается до высоты 2000 метровъ надъ уровнемъ моря.

Красная куропатка (Caccabis rufa). 1/4 естеств. велич.

По своимъ движеніямъ красная куропатка имѣетъ много общаго съ сѣрой куропаткой, но можетъ быть названа и въ этомъ отношеніи болѣе граціозной и привлекательной. Бѣгаетъ она удивительно скоро и въ высшей степени ловко; она съ одинаковой быстротой мчится между обломками скалъ и камнями, очень проворно лазаетъ также по камнямъ и при этомъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ содѣйствію своихъ крыльевъ. Характернымъ свойствомъ этой птицы является то, что она охотно садится на деревья; это она дѣлаетъ не только въ случаѣ нужды, но вездѣ взбирается на деревья, гдѣ только есть таковыя, очевидно

съ цѣлью сверху убѣдиться, что ей не грозитъ опасности. Въ видѣ предостереженія какъ самецъ, такъ и самка издаютъ тихій крикъ „реб реб“, а вставая звонко кричатъ „шерб“.

Большую часть года красная куропатка живетъ обществами въ 10—20 головъ, причемъ часто нѣсколько семействъ соединяются. Общество это бродитъ по одной и той же области, хотя не совсѣмъ правильно; такъ какъ эти птицы довольствуются весьма малымъ количествомъ воды, то никогда въ опредѣленное время не собираются на водопой.

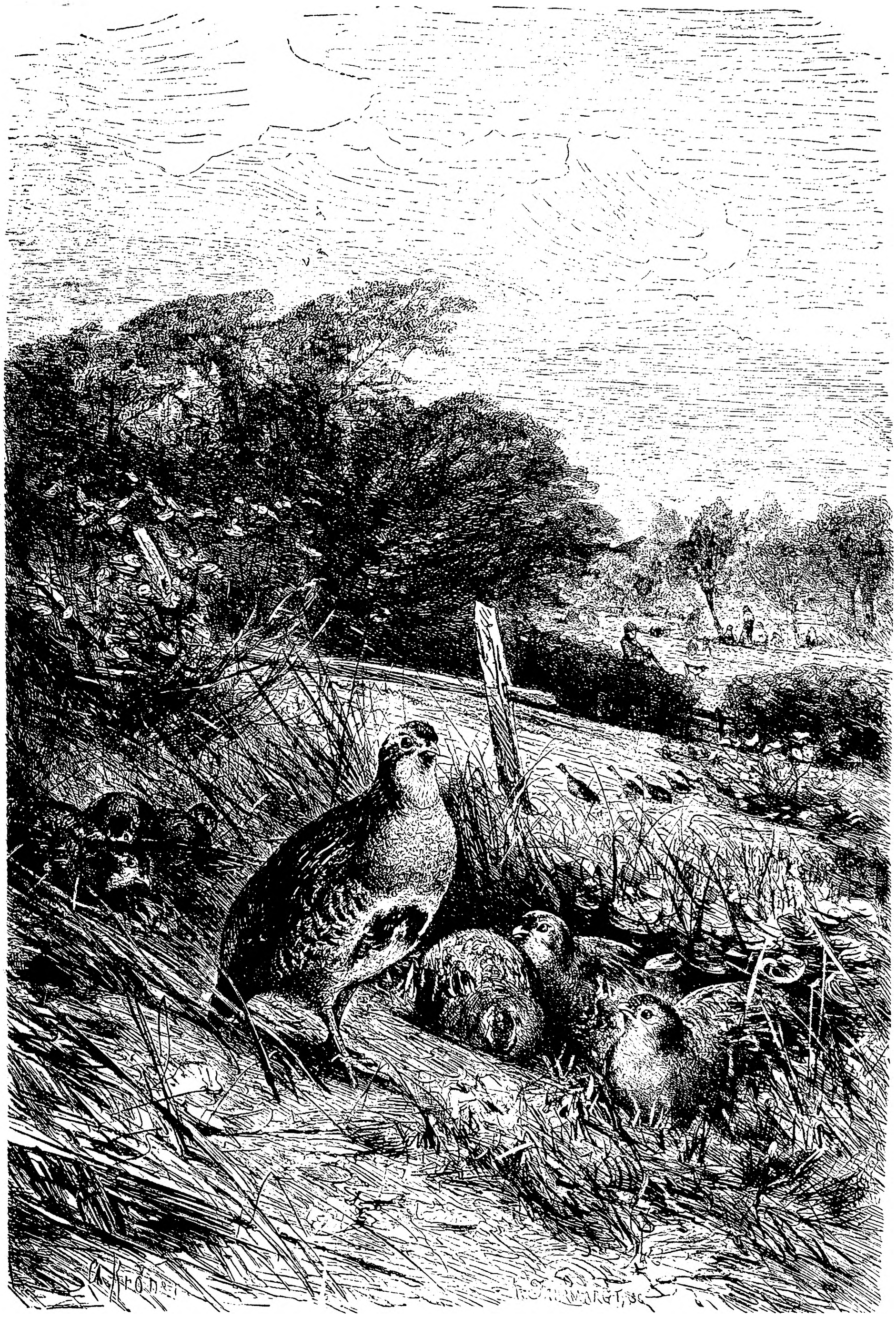
На красныхъ куропатокъ въ Испаніи усердно охотятся. Начинаютъ ихъ преслѣдовать уже тогда, когда молодыя птицы достигаютъ размѣровъ перепела. Отыскиваютъ общества красныхъ куропатокъ или при помощи лягавыхъ собакъ, или наудачу изслѣдуютъ участокъ, населенный этими птицами. Осенью успѣшно пользуются заманивающей птицей. Всего ревностнѣе производится охота въ періодъ спариванья; въ это время охота несомнѣнно самая занятная и притомъ весьма своеобразная. Охотникъ со своей заманивающей птицей „Рекламо“, которую несетъ въ такъ называемой колоколообразной клѣткѣ, отправляется туда, гдѣ, по его предположенію, должны быть красныя куропатки, и изъ лежащихъ кругомъ камней сооружаетъ стѣну, вышиною приблизительно въ 1 метръ, которая должна закрывать его; на разстояніи 10—15 шаговъ отъ стѣны ставится на возвышенное мѣсто клѣтка, которая слегка прикрывается хворостомъ, но предварительно освобождается отъ чехла, которымъ была прикрыта. Если заманивающая птица хорошо дѣлаетъ свое дѣло, то тотчасъ же начинаетъ кричать „тактак“, постоянно повторяя этотъ звукъ, а вслѣдъ за нимъ издаетъ настоящій призывной звукъ „тактерак“. Обыкновенно это продолжается нѣсколько минутъ—и уже близъ клѣтки появляется красная куропатка. Такъ какъ въ началѣ періода спариванья въ качествѣ заманивающихъ птицъ употребляютъ самцовъ, то около клѣтки собираются какъ самцы, такъ и самки, иногда приходитъ даже парочка. Они ищутъ товарища, отвѣчаютъ на его призывъ и такъ какъ свободно расхаживаютъ передъ охотникомъ, то убить ихъ нетрудно. Такая охота продолжается приблизительно двѣ недѣли. За хорошую заманивающую птицу даютъ дорого, около 200—250 руб. на наши деньги; она иногда составляетъ все богатство охотника; ибо нерѣдко въ періодъ пользованія „Рекламо“ стрѣлокъ убиваетъ до 60—80 паръ красныхъ куропатокъ.

Къ сожалѣнію, въ Германіи не отнеслись къ красной куропаткѣ съ тѣмъ вниманіемъ, какого она заслуживаетъ. Опытъ, сдѣланный въ Великобританіи, въ достаточной мѣрѣ показалъ, что эту великолѣпную, полезную дичь можно ввести въ мѣстности, первоначально ей чуждой. Къ этому слѣдуетъ стремиться и въ Германіи, такъ какъ красныя куропатки какъ разъ селятся въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ избѣгаютъ сѣрыя куропатки, и такъ какъ тогда стали бы изобиловать дичью такія мѣста, гдѣ до сихъ поръ не было никакой охоты.

На о. Сардиніи, мѣстами въ Греціи, но чаще въ Африкѣ и на Канарскихъ островахъ живетъ третій видъ разсматриваемаго рода, западная куропатка (Caccabis petrosa). Отличительный признакъ ея составляетъ ошейникъ, покрытый бѣлыми крапинками по каштаново-бурому фону.

*

Сѣрая куропатка (Perdix cinerea) отличается отъ красныхъ куропатокъ, кромѣ окраски оперенія, еще чешуйками, въ два ряда покрывающими переднюю и заднюю часть ногъ, отсутствіемъ шпорцевой бородавки и строеніемъ крыла, въ которомъ третье, четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя. Одежда сѣрой куропатки, сильно видоизмѣняющаяся въ зависимости отъ мѣстности и расположенія ея мѣста жительства, по красотѣ хотя уступаетъ одеждѣ красной куропатки, но все-таки очень привлекательна. Лобъ, широкая полоса надъ глазомъ и позади глаза, бока головы и горла свѣтлаго ржаво-краснаго цвѣта; буроватая голова украшена желтоватыми продольными полосками, сѣрая

Сѣрая куропатка (Perdix cinerea). 1/4 естеств. велич.

спина — ржаво-красными поперечными полосами, свѣтлыми черточками на стержняхъ и тонкими черными зигзагообразными линіями; широкая пепельно-сѣрая полоса, покрытая черными волнообразными линіями, украшаетъ грудь и продолжается по обѣ стороны брюшка, но здѣсь прерывается ржаво-красными попе-

речными полосами съ бѣлыми каемками по обѣ стороны; на бѣломъ брюшкѣ находится большое подковообразное пятно каштаново-бураго цвѣта. Глаза орѣхово-каріе, узкое голое кольцо вокругъ нихъ и полоса, отходящая отъ него назадъ, краснаго цвѣта, клювъ синевато-сѣрый, ноги буроватыя. Самка, отличающаяся меньшими размѣрами, похожа на самца, но менѣе красива, бурое пятно на брюшкѣ у нея не такъ велико и не такъ ясно, спина темнѣе. Длина птицы 26 см.

Сѣрая куропатка живетъ въ Германіи, Даніи, Скандинавіи, Великобританіи, Голландіи, Бельгіи и въ сѣверной Франціи, во всей Венгріи, въ Турціи, въ части Греціи, въ сѣверной Италіи, также въ Астуріи, Леоне, въ верхней Каталоніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аррагоніи, часто встрѣчается въ средней и южной Россіи, а въ Крыму, въ Малой Азіи и въ Азіи замѣняется очень сходнымъ видомъ. Въ Новой Зеландіи она разведена. При всякихъ обстоятельствахъ она предпочитаетъ равнины горамъ; въ нижней Швейцаріи, напр., она часто попадается на высотѣ 1000 метровъ надъ уровнемъ моря. Для ея благосостоянія необходимы хорошо воздѣланныя, разнообразныя мѣстности; она хотя селится въ полѣ, но для своей защиты нуждается въ чащѣ кустарника и потому любитъ такія полосы, гдѣ тамъ и сямъ есть лѣсочки, холмы, поросшіе кустами или по крайней мѣрѣ густыя живыя изгороди. Лѣса она избѣгаетъ, но любитъ его опушки, не боится также мокрыхъ болотистыхъ мѣстъ, если только они тамъ и сямъ поросли деревьями и окружаютъ маленькіе островки, нѣсколько выступающіе изъ воды.

Не много можно указать птицъ, которыя бы упорнѣе держались однажды избраннаго участка, чѣмъ сѣрыя куропатки. Опытъ показываетъ, что молодыя птицы, появившіяся на свѣтъ на какомъ нибудь полѣ, здѣсь и остаются, и если какой нибудь округъ опустѣетъ, то часто долго приходится ждать, пока въ границахъ его появятся новыя парочки и вновь населятъ покинутую мѣстность. Однако въ сѣверной Германіи замѣчено, что почти всякую осень появляются бродящія сѣрыя куропатки, иногда большими обществами. Говорятъ, что эти куропатки, которыхъ охотники называютъ странствующими, меньше такъ называемыхъ осѣдлыхъ куропатокъ.

Спокойной походкой, втянувъ шею, выгнувъ спину и согнувшись, выступаетъ сѣрая куропатка; когда спѣшитъ, она держится прямо и вытягиваетъ шею. Играть въ прятки она умѣетъ не хуже своихъ родственниковъ, пользуется всякимъ укромнымъ уголкомъ, а въ крайнемъ случаѣ присѣдаетъ на плоской поверхности земли, въ надеждѣ, что ея не замѣтятъ, такъ какъ опереніе ея окрашено подъ цвѣтъ почвы. Полетъ нельзя назвать тяжеловѣснымъ, но онъ требуетъ значительныхъ усилій и быстро утомляетъ птицу. Снимаясь съ мѣста, сѣрая куропатка взлетаетъ наверхъ, быстро махая крыльями; но разъ она достигла извѣстной высоты, она долго можетъ летать, не двигая крыльями, и только отъ поры до времени подгоняетъ себя быстрыми взмахами. Она неохотно поднимается высоко, рѣдко также улетаетъ далеко въ одинъ пріемъ, особенно же при сильномъ вѣтрѣ, который положительно отбрасываетъ ее. Подобно своимъ родственникамъ, она не садится на деревья, пока здорова, хотя иногда бываютъ и исключенія; лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ сѣрая куропатка опускается на крышу какого-нибудь строенія. Зато при извѣстныхъ обстоятельствахъ она обнаруживаетъ способность, которую у нея трудно заподозрить, а именно она умѣетъ плавать. Обыкновенный зовъ ея — громкое, далеко разносящееся „гиррхик“, которое издается какъ на лету, такъ и сидя. Старый самецъ измѣняетъ этотъ крикъ въ „гиррхэк“ и употребляетъ этотъ звукъ какъ для призыва жены и дѣтей, такъ и для вызова на бой. Въ страхѣ сѣрыя куропатки кричатъ пронзительно „рип-рип-рип-рип“ или издаютъ трескучій звукъ „тэрт“; молодыя птицы пищатъ какъ домашніе цыплята, а затѣмъ издаютъ крикъ, весьма отличный отъ крика старыхъ птицъ и звучащій вродѣ „тюпегирр тюп“. Благосостояніе выражается глухимъ звукомъ „куррук“, предостереженіемъ служитъ нѣжное „курр“.

Сѣрая куропатка умна и понятлива, осторожна и пуглива, хорошо умѣетъ различать своихъ друзей и враговъ; опытъ умудряетъ ее, и она поэтому почти всегда умѣетъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Она общительна, миро-

любива, отличается преданностью и самоотверженностью, чрезвычайно нѣжна къ супругу и къ дѣтямъ, но всѣ эти хорошія качества ея обнаруживаются болѣе внутри семьи въ строгомъ значеніи этого слова, чѣмъ по отношенію къ другимъ животнымъ или къ другимъ птицамъ одного съ нею вида. Защищая свою собственность, одинъ самецъ храбро борется съ другимъ, и когда двѣ семьи хотятъ соединиться, то безъ драки дѣло не обходится; зато семья очень часто принимаетъ участіе въ осиротѣвшихъ малюткахъ, и старыя самки, водящія дѣтей, оказываютъ чужимъ дѣтямъ столько же нѣжности, сколько своимъ.

Когда начинаетъ таять снѣгъ, у сѣрыхъ куропатокъ пробуждается стремленіе къ спариванью. Уже въ февралѣ общества, державшіяся зимою вмѣстѣ, распадаются на парочки, и каждый самецъ выбираетъ для себя подходящее мѣсто жительства. Въ утренніе и вечерніе часы можно слышать вызывающіе крики самцовъ и видѣть иногда, какъ они серьезно дерутся изъ за обладанія самкой. При этомъ оба наскакиваютъ другъ на друга и стараются повредить другъ другу когтями и клювомъ. Болѣе слабому приходится уступить, и побѣдитель радостно возвращается къ супругѣ. Говорятъ, что бракъ, однажды заключенный парочкой, нерасторжимъ.

Около конца апрѣля, обыкновенно же лишь въ началѣ мая, самка начинаетъ нестись. Гнѣздо ея представляетъ собою простое углубленіе въ плоской поверхности земли, выложенное нѣсколькими мягкими травками и часто находящееся на очень не подходящихъ мѣстахъ: Иногда оно бываетъ прикрыто кустомъ; въ большинствѣ же случаевъ оно помѣщается среди рано всходящихъ полей, а именно среди полей пшеницы, гороха, брюквы, въ клеверѣ или въ высокой травѣ на лугу, а также на только что расчищенныхъ мѣстахъ на опушкѣ небольшихъ рощъ. Яицъ кладется 9—17; полагаютъ, по крайней мѣрѣ, что тѣ гнѣзда, гдѣ находили больше яицъ, служили болѣе нежели одной самкѣ. Яйца грушевидныя, съ гладкой скорлупой, мало блестящія и блѣдно-зеленовато-буровато-сѣраго цвѣта. Самка сидитъ на яйцахъ цѣлыхъ 26 дней съ поразительнымъ самоотверженіемъ и такъ усердно, что у нея постепенно выпадаютъ почти всѣ перья на брюшкѣ; гнѣздо она покидаетъ лишь на столько времени, сколько необходимо какъ разъ для того, чтобы отыскать себѣ немного корма. Пока самка высиживаетъ яйца, самецъ все время пребываетъ вблизи, исправно сторожитъ, предостерегаетъ самку при всякой опасности, обыкновенно самъ идетъ ей на встрѣчу и, если его согнали, снова возвращается къ прежнему мѣсту. Если самца убиваютъ, то и самкѣ почти навѣрное угрожаетъ погибель. Несмотря на всю любовь сѣрыхъ куропатокъ къ своему потомству, ихъ все-таки можно постоянными преслѣдованіями согнать съ гнѣзда.

Молодыя птицы премилыя созданія уже со стороны внѣшности. Пушокъ на верхней сторонѣ представляетъ смѣсь желтовато-бураго, ржаво-желтаго, ржаво-бураго и чернаго цвѣта, между тѣмъ какъ нижняя сторона окрашена въ болѣе свѣтлые цвѣта; все тѣло разрисовано прерывающимися полосками изъ пятенъ. Маленькія сѣрыя куропатки съ перваго дня жизни искусно двигаются, покидаютъ гнѣздо, еще не успѣвъ хорошенько обсохнуть и освободиться отъ всѣхъ придатковъ яичной скорлупы, и очень скоро выучиваются слушаться наставленій родителей.

Въ воспитаніи ихъ отецъ и мать принимаютъ одинаковое участіе; отецъ охраняетъ, предостерегаетъ и защищаетъ ихъ, а мать водитъ, кормитъ и покрываетъ крыльями. Если одинъ изъ родителей лишается жизни, то другой береть на себя уходъ за маленькими, такъ что отецъ исполняетъ обязанности матери. „Трогательно видѣть“, говоритъ Науманнъ, „съ какою безпредѣльною заботливостью относятся родители къ своимъ милымъ малюткамъ. Со страхомъ высматривая, съ какой стороны грозитъ несчастіе, и нельзя ли отвратить его, отецъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ мать, издавъ короткій предостерегающій крикъ, собираетъ вокругъ себя своихъ птенцовъ, приказываетъ имъ спрятаться, быстро указываетъ каждому укромный уголокъ на нивѣ, въ травѣ, въ кустахъ, за бороздами, въ колеяхъ и т. п.; рѣшивъ, наконецъ, что всѣ спрятаны надлежащимъ образомъ,

оба родителя пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы отвратить нападеніе или помѣшать ему. Мужественно выступаютъ они противъ врага, но не нападаютъ на него, сознавая свою слабость, а стараются обратить его вниманіе на себя и тѣмъ спасти своихъ маленькихъ; такъ они поступаютъ до тѣхъ поръ, пока имъ не покажется, что они уже завели врага достаточно далеко. Тогда сначала мать летитъ къ малюткамъ, которыя тѣмъ временемъ ни на іоту не сошли со своихъ мѣстъ, и старается поскорѣе увести ихъ немного подальше. Когда же, наконецъ, отецъ убѣждается, что всѣ существа, дорогія его сердцу, находятся въ безопасности, то и онъ обманываетъ надежды преслѣдующаго его животнаго и улетаетъ. Когда кругомъ снова водворяется спокойствіе и исчезаетъ смятеніе, вызванное появленіемъ врага, отецъ издаетъ свой призывъ, на который тотчасъ же отвѣчаетъ мать, послѣ чего онъ спѣшитъ къ семьѣ. Никакое хищное животное не можетъ обмануть бдительности нѣжныхъ, заботливыхъ родителей ни днемъ, ни ночью, если только врагу не благопріятствуютъ особыя обстоятельства. Но часто приходится также изумляться безусловному послушанію и милой привязанности дѣтей къ родителямъ."

Когда цыплята немного подрастутъ, то они сами и родители ихъ мѣняютъ свой образъ дѣйствій. Если къ нимъ теперь приближается врагъ, то они поднимаются, улетаютъ на нѣкоторое разстояніе и опять опускаются на землю; если ихъ еще разъ спугнуть, то они группами или поодиночкѣ улетаютъ въ разныхъ направленіяхъ и, опустившись внизъ, или присѣдаютъ, плотно прижавшись къ землѣ, или пытаются спастись бѣгомъ или спрятаться. Когда отецъ получитъ увѣренность въ томъ, что опасность миновала, онъ начинаетъ звать своихъ; дѣти отвѣчаютъ одинъ за другимъ, и любящіе родители мало по малу снова собираютъ вокругъ себя толпу дѣтей, причемъ отецъ по одиночкѣ приводитъ цыплятъ къ матери, которая уже ведетъ всѣхъ вновь собравшихся. Впослѣдствіи молодыя птицы берутъ на себя часть заботъ отца, а именно выходятъ на форпосты и высматриваютъ окрестность. Поочередное исполненіе роли часовыхъ существеннымъ образомъ довершаетъ развитіе молодыхъ птицъ. Если онѣ теряютъ родителей, то соединяются съ другимъ обществомъ сѣрыхъ куропатокъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ сѣрыя куропатки ѣдятъ почти исключительно насѣкомыхъ, впослѣдствіи начинаютъ ѣсть растительныя вещества, которыя наконецъ почти только и употребляютъ въ пищу. До жатвы общества сѣрыхъ куропатокъ главнымъ образомъ бѣгаютъ по нивамъ; послѣ жатвы они вторгаются въ поля, засѣянныя картофелемъ и овощами, такъ какъ здѣсь всего лучше защищены. Позднею осенью они собираются на сжатыхъ нивахъ, а еще охотнѣе на перелогахъ, гдѣ хорошо могутъ прятаться въ бороздахъ. Ближайшіе луга посѣщаются охотно ради кузнечиковъ, сосѣдніе поля — ради муравьиныхъ куколокъ; ночуютъ же сѣрыя куропатки всегда въ открытомъ полѣ. Утромъ онѣ покидаютъ свой ночлегъ и отправляются прежде всего на сухія мѣста въ полѣ и здѣсь отыскиваютъ себѣ завтракъ; затѣмъ идутъ на луга, гдѣ къ тому времени уже успѣла обсохнуть утренняя роса; во время палящаго полуденнаго зноя ложатся въ кусты, купаются въ пыли; послѣ полудня отправляются снова на сжатую ниву, а подъ вечеръ улетаютъ на мѣсто ночлега. Такъ проходитъ жизнь сѣрыхъ куропатокъ до наступленія зимы. Зима для нихъ трудное время, и нерѣдко приходится имъ погибать отъ голода. Не холодъ пугаетъ ихъ, а снѣгъ, который покрываетъ кормъ и иногда становится такъ твердъ, что куропатки не въ силахъ докопаться до земли, въ которой могли бы отыскать себѣ пищу. Пока онѣ еще въ состояніи скрести почву, все идетъ хорошо, птицы хорошо знаютъ мѣста, гдѣ скрыты озимые посѣвы или брюква, и здѣсь кормятся еще довольно легко; когда же на снѣжномъ покровѣ образуется ледяная гора, то сѣрыя куропатки попадаютъ въ бѣду, ослабѣваютъ постепенно, легко дѣлаются добычей хищныхъ животныхъ или буквально умираютъ голодною смертью. Въ суровыя зимы онѣ забываютъ свой страхъ передъ человѣкомъ, приближаются къ деревнямъ, ищутъ себѣ защиты и пищи въ садахъ, заходятъ даже во дворъ, въ сѣни и жадно кидаются на зерна, брошенныя имъ рукой жалостливаго человѣка. Иногда ихъ спасаютъ зайцы, раз-

гребающіе землю и дающіе возможность куропаткамъ добраться до корма. Не въ одномъ охотничьемъ округѣ въ суровую зиму вымираютъ всѣ сѣрыя куропатки. Но бѣда, наступающая такъ быстро, не менѣе быстро можетъ принять благопріятный оборотъ. Какъ только подъ вліяніемъ теплаго вѣтра и солнца появляются тамъ и сямъ прогалины, сѣрыя куропатки спасены, а если онѣ нѣсколько дней подрядъ имѣли возможность наѣдаться до-сыта, то къ нимъ возвращается свойственная имъ жизнерадостность.

Всѣ четвероногіе хищники посягаютъ на яйца и на выводки сѣрой куропатки; тетеревятникъ и соколъ, ястребъ-перепелятникъ, сарычъ, коршунъ, воронъ, и сойка постоянно преслѣдуютъ какъ молодыхъ, такъ и старыхъ куропатокъ. Если живо представить себѣ всѣ опасности, какимъ подвергается сѣрая куропатка, прежде чѣмъ она достигнетъ зрѣлаго возраста, и если подумать, что ей приходится кромѣ того бороться съ суровой погодой, то становится непонятнымъ, какимъ образомъ вообще могутъ существовать сѣрыя куропатки. Густыя живыя изгороди или небольшія чащи, такъ называемыя ремизы, гдѣ могли бы находить себѣ убѣжище куропатки, слѣдовало бы заводить около полей и содержать наилучшимъ образомъ; кромѣ того, слѣдовало бы всячески облегчать нужду, которую приноситъ съ собою для этихъ птицъ всякая суровая зима, разсыпая вблизи этихъ ремизовъ кормъ и давая такимъ образомъ возможность голоднымъ птицамъ утолить свой голодъ. Сѣрая куропатка нигдѣ и никогда не причиняетъ вреда, значительно способствуетъ оживленію нашихъ полей, каждому доставляетъ удовольствіе своею миловидностью, даетъ случай для одной изъ самыхъ занятныхъ охотъ и приноситъ наконецъ пользу тѣмъ, что человѣкъ питается ея превосходнымъ мясомъ.

Сѣрыя куропатки, попавшіяся въ неволю молодыми, при разумномъ обращеніи становятся замѣчательно ручными, искренно привязываются къ своимъ хозяевамъ, самымъ точнымъ образомъ отличаютъ ихъ отъ другихъ, грустятъ явнымъ для всѣхъ образомъ въ отсутствіе хозяевъ, привѣтствуютъ ихъ при ихъ появленіи радостными криками, ласкаютъ ихъ и съ выразительною благодарностью принимаютъ всякую ласку, вообще ведутъ себя какъ члены семьи. Размножаются плѣнныя куропатки, однако, только въ большой, спокойной клѣткѣ, гдѣ свободно могутъ летать.

*

Соединительнымъ звеномъ между куропатками и фазанами могутъ считаться франколины (Pternistes). Они отличаются отъ куропатокъ болѣе длиннымъ клювомъ, болѣе высокими ногами съ однимъ, а иногда и двумя шпорцами, болѣе длиннымъ хвостомъ и болѣе густымъ, иногда очень пестрымъ опереніемъ.

Франколины, изъ которыхъ извѣстно въ настоящее время около 50-ти видовъ, распространенныхъ по Африкѣ, западной, южной и юго-восточной Азіи и еще недавно встрѣчавшихся и въ Европѣ, живутъ парами или семьями въ мѣстностяхъ, богатыхъ кустарникомъ, а также въ лѣсу, но не въ высокомъ лѣсу, а скорѣе тамъ, гдѣ преобладаетъ низкорослый кустарникъ, и гдѣ надъ ними тамъ и сямъ возвышаются деревья. Это птицы всеядныя въ буквальномъ смыслѣ этого слова. По способностямъ своимъ франколины мало уступаютъ другимъ членамъ своего отряда. Бѣгаютъ они превосходно, мастерски умѣютъ двигаться по самому густому кустарнику или пролѣзать между самыми безпорядочными кучами камней, и, если нужно, летаютъ легко и красиво, хотя рѣдко пролетаютъ большія разстоянія въ одинъ пріемъ.

Въ средней Африкѣ на франколиновъ ревностно охотятся, часто также ловятъ ихъ. Охота производится почти только при помощи великолѣпныхъ борзыхъ собакъ, которыя ловятъ бѣгущую дичь; иногда даже крылья не спасаютъ птицъ отъ преслѣдованія собакъ, такъ какъ послѣднія сильно подпрыгиваютъ и, такимъ образомъ, иногда схватываютъ улетающую птицу. Для поимки франколиновъ употребляются сѣти, которыя разставляются поперекъ кустовъ, и петли,

которыя прикрѣпляются къ кустамъ такъ, что пролѣзающая птица попадается въ петлю или головой, или ногами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что еще лѣтъ 40 тому назадъ во многихъ южно-европейскихъ странахъ встрѣчалась птица, принадлежащая къ разсматриваемому роду, а именно на о. Сициліи, на нѣкоторыхъ островахъ Греческаго моря и вблизи озера Альбуфера около Валенсіи. Въ настоящее время эта птица во всѣхъ этихъ мѣстахъ повидимому истреблена совершена и вѣроятно нигдѣ въ Европѣ уже не встрѣчается. Зато она живетъ еще въ довольно значительномъ количествѣ на Кипрѣ, въ Малой Азіи, а также въ Палестинѣ, Сиріи, въ Закавказьи, въ Персіи и въ сѣверной Индіи.

Турачъ (Pternistes vulgaris) очень красивая птица. Верхняя часть головы и затылокъ у него черновато-сѣрые, бока головы, подбородокъ и горло черные, ушныя перья бѣлыя, перья середины шеи, образующія широкій ошейникъ, бурыя, цвѣта корицы, перья верхней части спины на черномъ фонѣ украшены бѣлыми круглыми пятнами, при основаніи перья эти черныя, къ серединѣ частью еще бурыя и съ каждой стороны снабжены 1—3 овальными желтовато-бѣлыми пятнами; перья верхняго покрова темнаго буровато-чернаго цвѣта съ широкой желтовато-бѣлой полосой на бокахъ и съ желтоватой наружной каймой; нижняя часть спины, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста съ нѣсколькими тонкими поперечными полосами; грудь и бока совершенно черные, на бокахъ замѣчаются бѣловатыя парныя пятна, перья на брюшкѣ рыжевато-бураго цвѣта съ сѣрыми каемками, нижнія кроющія перья хвоста темно-бурыя, маховыя перья желтовато-сѣровато-бурыя, на наружномъ опахалѣ украшены круглыми глинисто-желтыми пятнами, хвостовыя перья сѣровато-черныя, украшенныя желтовато-бѣлыми поперечными полосами въ части, ближайшей къ основанію. Радужная оболочка темно-каряя, клювъ черный, ноги красновато-желтыя. Длина 34 см.

Плѣнные турачи еще лѣтъ двадцать тому назадъ не были особенно рѣдкими явленіями въ зоологическихъ садахъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время ихъ можно увидѣть лишь въ качествѣ исключеній. Это объясняется не только уменьшеніемъ количества этихъ птицъ вообще, но и чрезвычайною трудностью приученія ихъ. Если ихъ удается приручить, то, при благопріятныхъ условіяхъ, турачи въ Европѣ размножаются въ клѣткѣ.

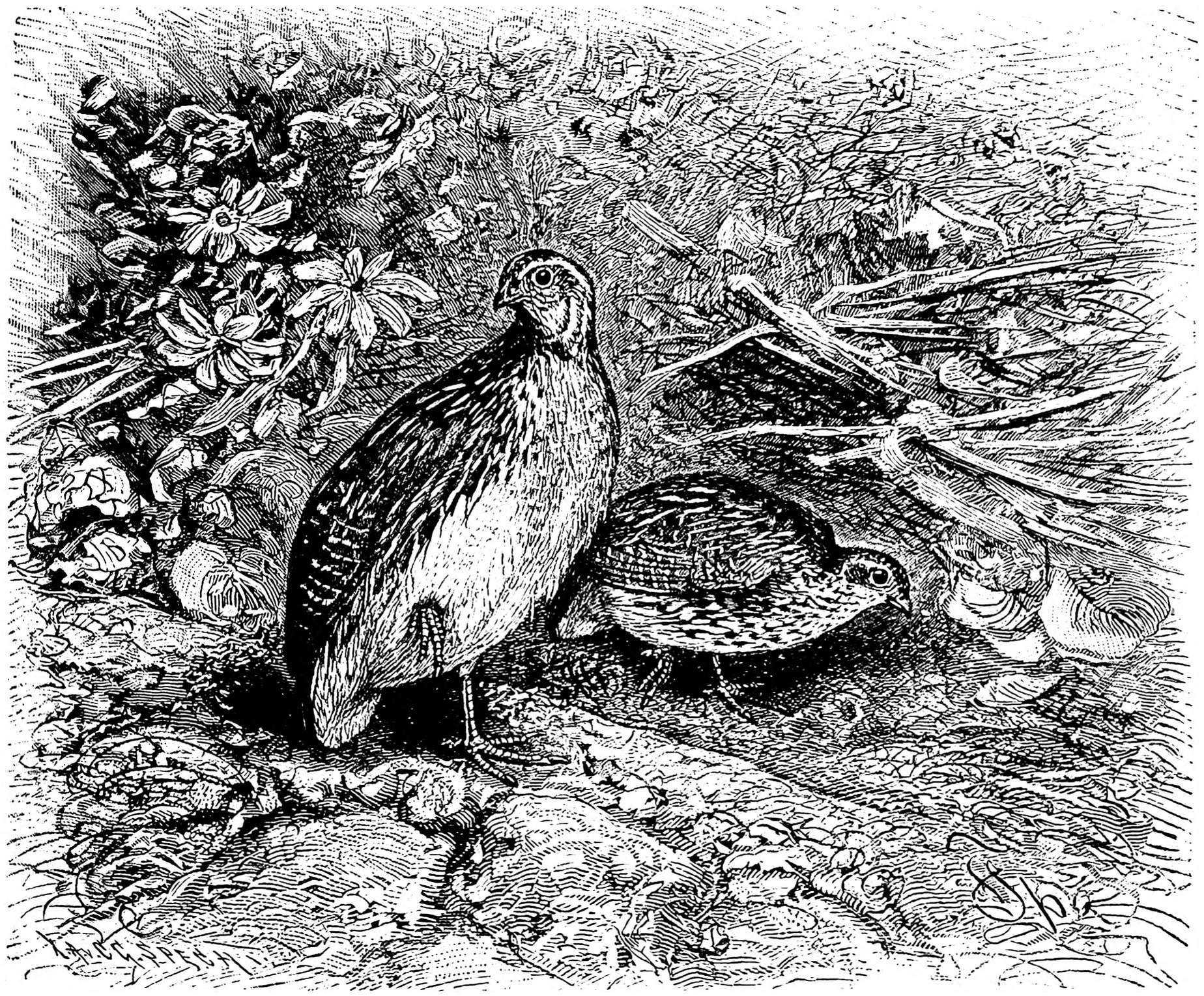
*

Самые крупные виды разсматриваемаго подсемейства это горныя индѣйки (Megaloperdix). Онѣ живутъ на высокихъ горахъ, въ Азіи; одинъ видъ впрочемъ водится на Кавказѣ и потому можетъ быть причисленъ къ европейскимъ птицамъ.

Кавказская горная индѣйка, извѣстная у грузинъ подъ именемъ цитавры (Megaloperdix caucasica), представляетъ самый мелкій видъ своего рода. Длина ея 58 см. Верхняя часть головы и задняя часть шеи у нея грязновато-сѣрыя, такого же цвѣта, какъ скалы; верхнія части тѣла, за исключеніемъ полосы на шеѣ, черновато-сѣрыя, а ушная область и бока шеи сѣрые, причемъ бока шеи украшены на концахъ кругловатыми желтыми пятнами; широкая полоса, проходящая сбоку вдоль шеи внизъ, а также горло бѣлаго цвѣта, грудныя перья очень красиво украшены бѣлыми и черными поперечными полосами одинаковой ширины, заостряющимися въ видѣ стрѣлъ по направленію къ стержню, маховыя перья бѣлыя съ черновато-сѣрыми кончиками, большія маховыя перья такія же, какъ спина, хвостовыя перья темно-сѣрыя, съ темными каштановыми наружными опахалами, а среднія — съ такими же кончиками, самыя среднія — сѣрыя и всѣ съ тонкими черноватыми каемками. Радужная оболочка красновато-каряя, клювъ желтый, ноги рогового бураго цвѣта. По окраскѣ оба пола похожи другъ на друга.

*

Нашъ перепелъ (Coturnix communis) является представителемъ рѣзко обособленнаго рода (Coturnix), къ которому относится около 20-ти видовъ, распространенныхъ по всему Старому Свѣту и по Австраліи. Признаки этого рода составляютъ маленькій, слабый, при основаніи высокій клювъ, слегка загибающійся отъ основанія къ кончику и расширенный въ углахъ, низкія ноги съ длинными пальцами и безъ шпорцевъ; сравнительно длинныя, острыя, мало выпуклыя крылья, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ обыкновенно первое бываетъ длиннѣе прочихъ, весьма короткій, выпуклый хвостъ, состоящій изъ 12-ти перьевъ, и мелкое оперенiе, очень развитое на надхвостьѣ и мало измѣняющееся соотвѣтственно полу и возрасту. У перепела верхняя сторона бурая съ ржаво-желтыми поперечными и продольными полосами, голова темнѣе спины, горло ржаво-бурое, зобъ ржаво-желтый, середина брюшка желтовато-бѣлая, бока груди и брюшка ржаво-красные съ свѣтло-желтыми продольными полосками; свѣтлая желтовато-бурая полоса, начинающаяся у основанія надклювья, проходитъ надъ глазомъ, спускается внизъ по шеѣ и окружаетъ горло, но здѣсь окаймляется двумя узенькими темно-бурыми полосками; на черновато-буромъ фонѣ большихъ маховыхъ перьевъ замѣчаются красноватыя ржаво-желтыя пятна, которыя вмѣстѣ образуютъ полосы; первое маховое перо снаружи украшено узкой желтоватой каймой; ржаво-желтыя рулевыя перья съ бѣлыми стержнями и черными пятнами, образующими полосы. У самки всѣ краски тусклѣе и невзрачнѣе; горло также мало выдѣляется. Глаза свѣтлаго буро-краснаго цвѣта, клювъ рогового сѣраго цвѣта, ноги красноватыя или блѣдно-желтыя. Длина птицы 20 см., длина хвоста 4 см.

Перепелъ (Coturnix communis). 1/3 естеств. велич.

Мало въ Старомъ Свѣтѣ такихъ странъ, гдѣ еще не наблюдали перепела. Въ Европѣ онъ встрѣчается южнѣе 60-го градуса сѣверной широты вездѣ, хотя лишь съ 50-го градуса появляется правильно; въ средней Азіи онъ живетъ въ

поясѣ, лежащемъ нѣсколько южнѣе, и въ подходящихъ мѣстахъ, напр. въ степи; здѣсь онъ встрѣчается не рѣже, чѣмъ въ Европѣ; а такъ какъ и изъ Европы, и изъ средней Азіи перепелъ предпринимаетъ странствованія на югъ, то посѣщаетъ также всю Африку и всю южную Азію.

Путешествія перепела замѣчательны во всѣхъ отношеніяхъ. Они происходятъ ежегодно, но значительно отличаются отъ перелета другихъ птицъ. Нѣкоторые перепела повидимому въ теченіе всего года странствуютъ, и даже тѣ изъ нихъ, которые лѣтомъ для вывода птенцовъ на нѣкоторое время избираютъ себѣ постоянное мѣсто жительства, покидаютъ этотъ участокъ вовсе не одновременно. Нѣкоторые перепела уже въ концѣ августа появляются въ Египтѣ; бо́льшее количество прилетаетъ туда въ сентябрѣ; но въ сентябрѣ вовсе не рѣдкость встрѣтить самокъ, сидящихъ на яйцахъ, или молодыхъ птицъ, покрытыхъ еще пухомъ. Перелетъ, впрочемъ, главнымъ образомъ происходитъ въ сентябрѣ, но продолжается весь октябрь и иногда заканчивается лишь въ ноябрѣ. Многіе перепела зимуютъ на трехъ большихъ южно-европейскихъ полуостровахъ, иногда уже въ южной Франціи, а въ теплыя зимы даже въ Германіи; но большинство улетаетъ въ экваторіальныя страны Африки и Азіи, а иные и тамъ еще не успокаиваются и улетаютъ до самой Капской земли. Передъ перелетомъ, повидимому, не происходитъ сборищъ, а отдѣльные перепела пускаются въ путь, не сообразуясь съ другими; но дорогой мало по малу одни присоединяются къ другимъ, а достигнувъ южной Европы, птицы эти успѣваютъ образовать многочисленныя стаи. Начиная съ первыхъ чиселъ сентября, на всѣхъ поляхъ вдоль берега Средиземнаго моря кишатъ перепела. „Изъ кустовъ вдоль пропастей, канавъ и луговъ, изъ каждаго кустика, изъ за каждой борозды“, говоритъ графъ Мюле о Греціи, „передъ охотникомъ взлетаетъ перепелъ, и достаточно немногихъ часовъ, чтобы наполнить свою охотничью сумку. Не разъ случается, что утромъ, послѣ того, какъ ночью дулъ вѣтеръ сирокко, не встрѣтишь ни одного перепела на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ днемъ раньше было ихъ множество; но затѣмъ вдругъ опять появляются большія стаи этихъ птицъ, и такъ продолжается до наступленія ночныхъ морозовъ, которые разгоняютъ странниковъ.“ То же самое совершенно наблюдается въ Турціи, въ южной Италіи и въ Испаніи, не иначе обстоитъ дѣло на берегахъ Чернаго и Каспійскаго моря, а также на побережьи Японскаго и Китайскаго моря.

Всѣ странствующіе перепела летятъ, насколько возможно, вдоль материковъ, а потому собираются многочисленными стаями на оконечностяхъ южныхъ полуострововъ. При неблагопріятномъ вѣтрѣ, дующемъ въ томъ направленіи, въ какомъ совершается путь, перелетъ останавливается; но какъ только наступаетъ противоположный вѣтеръ, толпа перепеловъ поднимается, летитъ черезъ море и направляется далѣе къ юго-западу. Если вѣтеръ остается постояннымъ и не переходитъ въ бурю, то путешествіе совершается благополучно. Путники летятъ своей дорогой, пока ихъ держатъ крылья; но если птицы слишкомъ утомляются, то, какъ увѣряли меня моряки, достойные довѣрія, вся толпа опускается на волны, здѣсь нѣкоторое время отдыхаетъ, снова поднимается и летитъ дальше. Другое дѣло, если мѣняется направленіе вѣтра или если вѣтеръ переходитъ въ бурю. Вѣтеръ, дующій въ направленіи пути, сильно затрудняетъ путешествіе черезъ море, а буря дѣлаетъ его невозможнымъ. При такихъ обстоятельствахъ перепела, утомленные до смерти, какъ безумные, кидаются на утесы или на палубу судовъ, здѣсь долго лежатъ безъ движенія, и послѣ такой неудачи становятся такъ пугливы и смущены, что даже когда погода мѣняется къ лучшему, а вѣтеръ опять становится благопріятнымъ, еще цѣлые дни пребываютъ въ своемъ убѣжищѣ, прежде чѣмъ рѣшатся продолжать путь. Это приходилось наблюдать; но никто не знаетъ, сколько перепеловъ падаетъ въ море и тонетъ.

Перепела нельзя назвать ни красивой, ни хорошо одаренной птицей; тѣмъ не менѣе и старъ, и младъ любятъ его. Онъ пользуется общей симпатіей изъ за своего звонкаго, далеко разносящагося крика, издаваемаго въ періодъ спариванья и звучащаго какъ „биквервикъ“; крикъ этотъ всѣ любятъ, и онъ несомнѣнно спо-

собствуетъ оживленію мѣстности. Кромѣ этого крика, перепелъ издаетъ еще нѣсколько другихъ звуковъ, которые однако издаются такъ тихо, что слышны только вблизи. Призывной крикъ обоихъ половъ звучитъ, какъ тихое „бюбиви“, любовный крикъ, какъ нѣсколько болѣе громкое „нрикик“ или „брибриб“, неудовольствіе выражается слабымъ звукомъ „гурр гурр“, страхъ — сдержаннымъ крикомъ „трилилиль трилиль“, ужасъ — также недалеко разносящимся крикомъ „триль рек рек рек“, который при сильномъ ужасѣ обращается въ писк. Крику, издаваемому самцомъ въ періодъ спариванья, предшествуетъ обыкновенно хриплый звукъ „верре верре“; за этой прелюдіей, крикъ „биквервик“ слѣдуетъ нѣсколько разъ подрядъ.“

По своимъ качествамъ и нравамъ, по своему образу жизни и поведенію, перепелъ во многихъ отношеніяхъ отличается отъ сѣрой куропатки. Ходитъ перепелъ быстро и проворно, но некрасиво, такъ какъ втягиваетъ голову и прямо свѣшиваетъ хвостъ, а потому кажется шарообразнымъ, при каждомъ шагѣ киваетъ головой и лишь рѣдко принимаетъ болѣе благородную осанку; летаетъ онъ быстро, причемъ съ шумомъ разрѣзаетъ воздухъ и подвигается впередъ толчками; полетъ перепела гораздо скорѣе и ловче сѣрой куропатки, онъ иногда выдѣлываетъ на лету очень милыя штуки, но неохотно пролетаетъ большія разстоянія въ одинъ пріемъ, поднимается только во время перелета на значительную высоту и при первой возможности снова бросается на землю, чтобы продолжать свой путь бѣгомъ. Внѣшнія чувства перепела, особенно зрѣніе и слухъ, могутъ считаться хорошо развитыми; но смышленность его, повидимому, весьма незначительна. Нельзя назвать перепела робкимъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; но онъ всегда пугливъ и боязливъ, и когда его преслѣдуютъ не на шутку, то совершаетъ поистинѣ безумные поступки; такъ, онъ, повидимому, считаетъ себя въ безопасности, если спрячетъ куда-нибудь только одну голову. Добродѣтели, свойственныя общительнымъ животнымъ, перепелу чужды; сближается онъ съ себѣ подобными не по влеченію, а по необходимости. Самка хорошая мать и съ теплою любовью принимаетъ участіе въ чужихъ сиротахъ, которыя однако безъ зазрѣнія совѣсти покидаютъ ее, какъ только перестаютъ въ ней нуждаться. Пока свѣтитъ солнце, перепелъ по возможности держится тихо между злаками и травами полей; въ полуденные часы онъ обыкновенно купается въ пескѣ и, растянувшись удобно, грѣется на солнышкѣ или спитъ; около солнечнаго заката онъ становится рѣзвѣе и подвижнѣе. Тогда крикъ его раздается почти непрерывно, онъ выбѣгаетъ или вылетаетъ изъ своихъ укромныхъ мѣстечекъ, чтобы искать пищи или общества птицъ другого пола, или же чтобы вступить въ борьбу съ соперникомъ.

Пища перепела состоитъ изъ разныхъ зеренъ, кончиковъ листьевъ, листочковъ почекъ и въ такой же мѣрѣ изъ всевозможныхъ насѣкомыхъ. Послѣднихъ онъ, кажется, всегда предпочитаетъ растительнымъ веществамъ, но насѣкомыя, повидимому, не составляютъ для него существенно необходимаго корма, такъ какъ извѣстно по опыту, что перепеловъ цѣлыми мѣсяцами можно кормить одними пшеничными зернами. Глотать мелкіе камешки, способствующіе ихъ пищеваренію, и пить свѣжую воду — составляетъ ихъ потребность; но для удовлетворенія жажды перепелъ можетъ уже довольствоваться росой на травѣ, а потому рѣдко является въ опредѣленныя мѣста на водопой.

Весьма вѣроятно, что перепелъ живетъ въ многобрачіи. Самецъ ревностью превосходитъ, если возможно, всѣхъ родственниковъ, старается изгнать изъ своего участка всѣхъ соперниковъ и на жизнь и смерть борется для поддержанія своего единовластія. Самка лишь поздно, т. е. врядъ ли раньше начала лѣта приступаетъ къ сооруженію гнѣзда, вырываетъ небольшое углубленіе, всего охотнѣе на гороховомъ или пшеничномъ полѣ, выстилаетъ его немногими сухими частями растеній и на нихъ кладетъ свои 8—14 сравнительно крупныхъ грушевидныхъ яицъ съ гладкой скорлупой, на свѣтло-буроватомъ фонѣ покрытыхъ блестящими темно-зелеными или черно-бурыми пятнами, образующими очень разнообразные рисунки. Перепелка сидитъ на яйцахъ 18—20 дней, не скоро даетъ согнать себя съ гнѣзда, а потому часто дѣлается жертвою своего самоотверженія. Молодыя

птицы, вылупившись изъ яйца, тотчасъ же убѣгаютъ съ матерью, которая заботливо водитъ ихъ и учитъ ѣсть, на первыхъ порахъ въ дурную погоду покрываетъ ихъ своими крыльями и, вообще, ухаживаетъ за ними наилучшимъ образомъ; малютки вырастаютъ поразительно быстро, скоро перестаютъ обращать вниманіе на призывъ матери и въ случаѣ необходимости сами себѣ пробиваютъ жизненный путь. Уже на второй недѣлѣ жизни маленькіе перепела порхаютъ, на пятой или на шестой недѣлѣ достигаютъ полнаго развитія и выучиваются летать настолько хорошо, что въ состояніи совершить осеннее путешествіе.

Нерѣдко еще въ концѣ лѣта можно увидѣть старую перепелку съ совсѣмъ юнымъ выводкомъ, который вслѣдствіе быстраго приближенія осени не можетъ развиться надлежащимъ образомъ. Подобные выводки вѣроятно всегда погибаютъ. Но и тѣмъ перепелятамъ, которые во-время вылупляются изъ яйца, много приходится страдать отъ всякихъ бѣгающихъ и летающихъ хищниковъ, и во всякомъ случаѣ можно считать, что изъ родившихся перепеловъ врядъ ли половина остается въ живыхъ. Перелетъ также сопряженъ съ многими опасностями, и въ это время злѣйшимъ врагомъ перепеловъ является человѣкъ. Вдоль сѣвернаго, западнаго и восточнаго берега Средиземнаго моря, при началѣ перелета этихъ птицъ, располагаются одни за другими сѣти, силки, западни. Островъ Капри прославился тѣмъ, что тамъ перепела ловятся въ огромномъ количествѣ; прежніе епископы, къ епархіи которыхъ принадлежалъ этотъ островъ, значительной долей своихъ доходовъ обязаны были ловлѣ перепеловъ. Въ Римѣ, по словамъ Ватертона, иногда въ одинъ день облагается пошлиной до 17,000 перепеловъ. На берегу Испаніи ловля перепеловъ не менѣе успѣшна, хотя производится здѣсь главнымъ образомъ весною. „Въ Майнѣ“, говоритъ графъ Мюле, „и особенно на островахъ, во время ихъ перелета, и старъ, и младъ заняты охотой и упаковкой этихъ птицъ. Ихъ ловятъ петлями, куда они попадаются головой или ногами, нитями, обмазанными клеемъ, главнымъ же образомъ птицеловною сѣтью, очень большою и сдѣланною изъ рыболовныхъ сѣтей; мальчики даже палками убиваютъ очень жирныхъ и лежащихъ безъ движенія птицъ. Перепеловъ ощипываютъ, голову и ноги имъ отрѣзаютъ, внутренности вынимаютъ, грудь надрѣзывается, затѣмъ они упаковываются, какъ селедки, и разсылаются. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ловля перепеловъ составляетъ такой значительный источникъ дохода, что бывшій министръ Колетти въ 1834 г., во время возстанія въ Майнѣ, воспротивился предложенію запретить ввозъ пороха въ эту провинцію, такъ какъ подобная мѣра лишила бы населеніе главнаго источника дохода или по крайней мѣрѣ сократила бы его заработки.“ Если принять въ соображеніе, что изъ перепеловъ, избѣжавшихъ преслѣдованія человѣка и хищныхъ животныхъ, еще цѣлыя тысячи погибаютъ въ морѣ, то трудно постигнуть, какимъ образомъ сильное размноженіе этихъ птицъ можетъ вознаграждать всѣ потери.

Плѣнные перепела не даромъ считаются пріятными комнатными птицами. Они, по крайней мѣрѣ отчасти, утрачиваютъ свою робость, держать ихъ не составляетъ труда, и они мало пачкаютъ комнату или клѣтку. Если удовлетворить ихъ первоначальныя потребности и сдѣлать имъ жизнь пріятной, то они скоро привыкаютъ къ своему огражденному мѣсту жительства и безъ труда размножаются. Въ избахъ западноевропейскихъ крестьянъ часто перепела выводятъ потомство, но лишь немногимъ удается его вырастить; зато въ общественныхъ клѣткахъ нашихъ зоологическихъ садовъ перепела нерѣдко размножаются весьма успѣшно. Но здѣсь они доставляютъ меньше удовольствія, чѣмъ въ комнатѣ, гдѣ пользуются любовью всей семьи за свой рѣзвый характеръ, за истребленіе многихъ непріятныхъ насѣкомыхъ и за свою довѣрчивость къ собакамъ, кошкамъ и къ другимъ домашнимъ животнымъ. И не только въ Европѣ любятъ перепеловъ и заботятся о нихъ. Въ Персіи и въ Бухаріи перепелъ пользуется любовью, какъ комнатная птица. Близъ гор. Чарджуя въ Бухаріи ихъ прежде не только во множествѣ держали въ клѣткахъ, но они пользовались особенною любовью нѣкоторыхъ лицъ, какъ живая игрушка, которую постоянно носили на рукахъ и ласкали.

*

Европейскимъ куропатковымъ птицамъ соотвѣтствуютъ въ Америкѣ очень на нихъ похожія древесныя куры (Odontophorinae), которыхъ также разсматриваютъ обыкновенно, какъ особое подсемейство. Это маленькія или средней величины птицы, отличающіяся изящнымъ сложеніемъ; клювъ у нихъ короткій, очень высокій, съ боковъ сжатый, по краямъ нижней створки часто зазубренный; ноги съ высокою плюсною, длинными пальцами и безъ шпорцевъ, крылья средней длины, но сильно закругленныя, и въ нихъ самое длинное маховое перо пятое или шестое, двѣнадцатиперый хвостъ средней длины или короткій, снаружи закругленный. Бородавчатыхъ ярко-окрашенныхъ бровей у членовъ этого подсемейства нѣтъ, но голое пространство вокругъ глаза замѣчается у многихъ. Опереніе обильное, у большинства видовъ не особенно яркое, но у многихъ все-таки очень красиво окрашенное и всегда привлекательно разрисованное.

Родина большинства древесныхъ куръ, которыхъ насчитывается до 50-ти видовъ, — средняя Америка; на югѣ и на сѣверѣ встрѣчается сравнительно мало видовъ. Виды эти обитаютъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ. Иные живутъ на поляхъ и на равнинѣ, другіе въ кустахъ, нѣкоторые даже въ высокомъ лѣсу; одни по своему образу жизни напоминаютъ рябчиковъ, другіе сѣрыхъ куропатокъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они заслуживаютъ своего названія. Всѣ эти птицы существа подвижныя, бѣгаютъ быстро и проворно, летаютъ легко, хотя не долго, ловко прыгаютъ по вѣтвямъ деревьевъ, видятъ и слышатъ хорошо, обнаруживаютъ смышленость при перемѣнѣ обстоятельствъ, а потому безъ особеннаго труда поддаются прирученію. Ихъ привлекательность и изящество вызываютъ любовь къ нимъ у всѣхъ, кому удалось узнать ихъ; благодаря ихъ плодовитости и безвредности, на нихъ стали возлагать большія надежды. Древесныхъ куръ, живущихъ на сѣверѣ Америки, пытаются поселить въ Европѣ и въ другихъ мѣстахъ и въ этомъ смыслѣ уже добились нѣкоторыхъ результатовъ; другіе виды пока украшаютъ хоть наши зоологическіе сады.

*

Одна птица, принадлежащая къ числу древесныхъ куръ, а именно виргинская перепелка (Ortyx virginianus), относящаяся къ роду древесныхъ перепеловъ, пріобрѣла себѣ въ Европѣ права гражданства. Всѣ перья верхней стороны у нея красновато-бурыя съ черными пятнами, крапинками, полосками и съ желтыми каемками, перья нижней стороны бѣловато-желтыя, съ красновато-бурыми продольными полосками и съ черными поперечными волнообразными линіями; бѣлая полоса, начинающаяся на лбу, черезъ глазъ проходитъ на заднюю часть шеи; бѣлое горло, черная полоска на лбу, проходящая по свѣтлой полосѣ, и черная полоска, отходящая отъ глаза и окаймляющая шею, а также бока шеи, покрытые черными, бѣлыми и бурыми крапинками, составляютъ очень хорошенькое головное украшеніе. Длина птицы 25 см.

Область распространенія виргинской перепелки ограничивается на сѣверѣ Канадой, на западѣ — Скалистыми горами, на югѣ — Мексиканскимъ заливомъ. Мѣсто жительства она выбираетъ себѣ приблизительно такое же, какъ сѣрая куропатка. Виргинская перепелка предпочитаетъ поле, но требуетъ для себя чащи кустовъ, живыхъ изгородей и т. п. защищенныхъ мѣстъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ углубляется даже въ лѣсъ. Голосъ ея звучнѣе и разнообразнѣе голоса сѣрой куропатки. Онъ состоитъ изъ двухъ звуковъ, которымъ предшествуетъ еще нѣкоторая прелюдія и которые большею частью издаются одинъ за другимъ и звучатъ вродѣ „бобвейт“. Перенять эти звуки не трудно, и въ Америкѣ народъ далъ виргинской перепелкѣ звукоподражательное прозвище „Bob White“ (Бѣлый Бобъ).

Въ началѣ весны стаи виргинскихъ перепелокъ, зимою жившихъ вмѣстѣ, распадаются. Каждый самецъ, часто лишь послѣ долгой борьбы, отвоевываетъ себѣ самку и избираетъ себѣ подходящій участокъ, гдѣ и селится парочка. Нѣсколько позднѣе, однако рѣдко въ началѣ мая, самка приступаетъ къ сооруженію гнѣзда. Въ этомъ отношеніи она оказывается заботливѣе нашей сѣрой куропатки, ибо не только съ осторожностью выбираетъ всегда мѣсто для гнѣзда, но и самое гнѣздо

съ извѣстнымъ искусствомъ вырываетъ въ землѣ и довольно хорошо выстилаетъ его травками, злаками и листьями. Яйца грушевидной формы, съ тонкой скорлупой и чисто бѣлаго цвѣта, или же съ блѣдными глинисто-желтыми крапинками. Число яицъ колеблется между 20 и 24; но случалось находить ихъ въ одномъ гнѣздѣ до 32. Оба родителя сидятъ на яйцахъ, и самецъ береть на себя, кромѣ того, еще обязанности сторожа.

Лѣтомъ виргинская перепелка питается насѣкомыми и разными растительными веществами, между прочимъ также хлѣбными зернами; осенью эти послѣднія составляютъ ея главную пищу. Пока поля зелены, и старъ, и младъ живутъ припѣваючи; но когда наступаетъ зима, то эти птицы часто терпятъ жестокую нужду, и тогда онѣ рѣшаются перекочевывать въ болѣе южныя страны. Во время такихъ путешествій многія погибаютъ, такъ какъ хищники непрерывно слѣдуютъ за ними по пятамъ, и человѣкъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы овладѣть этой лакомой дичью.

Виргинская перепелка столько же пригодна для прирученія, сколько для введенія въ такіи мѣстности, гдѣ она находитъ всѣ необходимыя для нея условія существованія. Плѣнныя виргинскія перепелки, съ которыми обращаются разумно, уже черезъ нѣсколько дней примиряются со своей судьбою, скоро утрачиваютъ всякую робость и въ поразительно короткое время привыкаютъ къ своимъ хозяевамъ. Еще легче приручить тѣхъ виргинскихъ перепелокъ, которыя выросли у человѣка на глазахъ. Если бы въ Германіи сдѣлали такой же опытъ, какой уже удачно произвели англичане, то достаточно было бы 50—100 паръ, чтобы населить этою многообѣщающею дичью сначала птичій дворъ, а затѣмъ и мѣстность, отвѣчающую потребностямъ виргинскихъ перепелокъ.

Американцы любятъ охотиться на этихъ изящныхъ куръ, мясо которыхъ считается превосходнымъ; но охотиться на виргинскихъ перепелокъ не такъ легко, какъ на сѣрыхъ куропатокъ. Виргинская перепелка не даетъ собакѣ дѣлать стойку, а при видѣ опасности старается спастись бѣгствомъ и взлетаетъ въ одиночку лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, обыкновенно изъ подъ ногъ охотника. Еще труднѣе охотиться на этихъ птицъ, когда общество ихъ благополучно доберется до лѣса, такъ какъ здѣсь всѣ взлетающія перепелки садятся на деревья и распластываются на толстыхъ сукахъ, такъ что даже при остромъ зрѣніи ихъ рѣдко удается замѣтить. Зато ихъ легко подманить, и тотъ, кто умѣетъ перенимать крикъ того или другого пола, легко овладѣваетъ богатой добычей. Въ Америкѣ гораздо охотнѣе употребляютъ сѣти и силки, чѣмъ огнестрѣльное оружіе; особенно же часто ловля производится, повидимому, сачками. Для поимки виргинскихъ перепеловъ цѣлое общество верхомъ ѣдетъ по полямъ, отъ поры до времени издаетъ приманный крикъ, развѣдываетъ, гдѣ живутъ птицы, ставитъ тамъ сѣть и, образуя полукругъ, болтая и смѣясь, наѣзжаетъ на общество перепелокъ. Птицы, по возможности прячась, бѣгутъ по землѣ и, если ихъ гонятъ умѣючи, то непремѣнно запутываются въ сѣтяхъ. Такимъ образомъ удается иногда сразу поймать 16—20 штукъ.

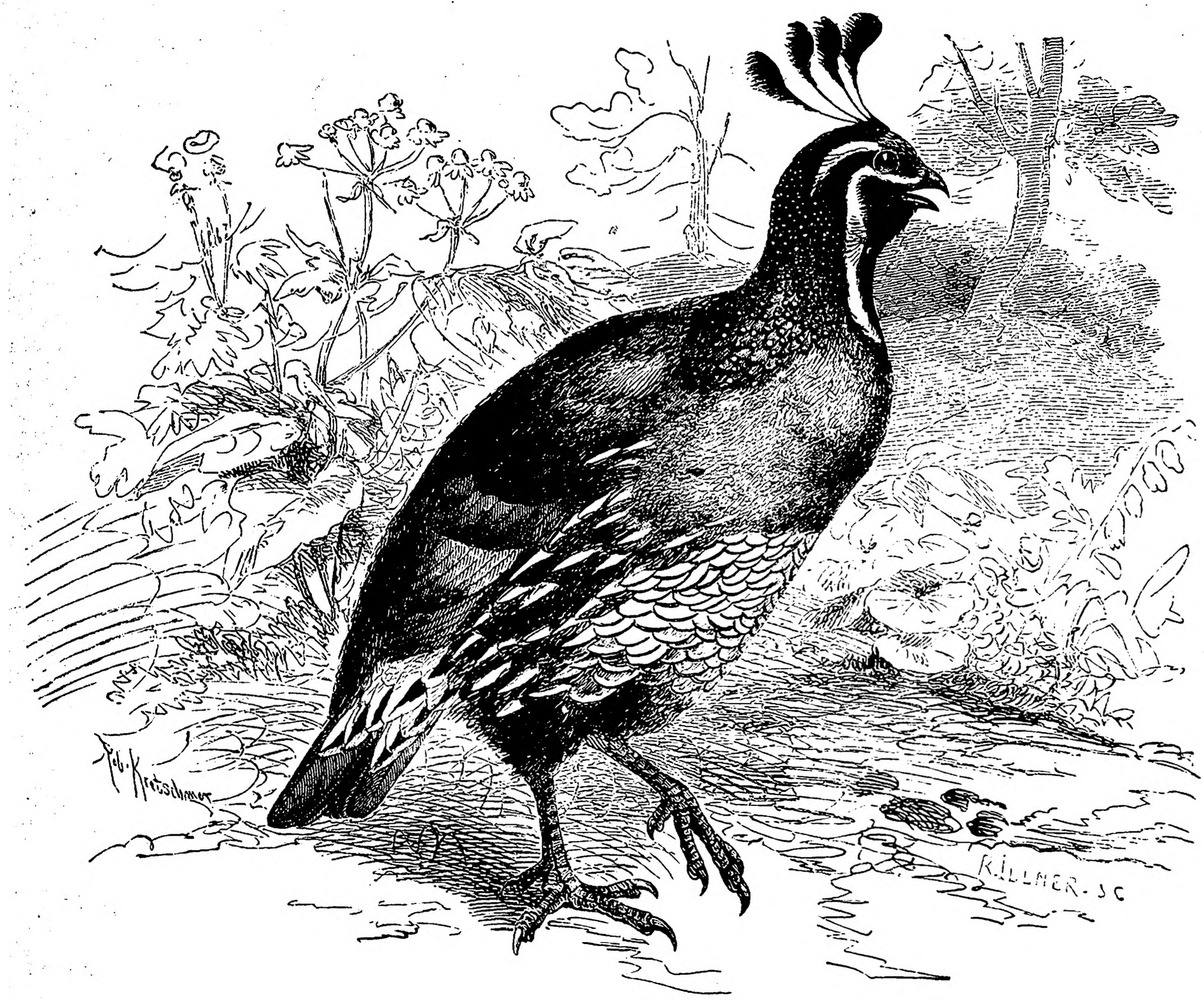
*

Второй родъ, отличающійся своимъ головнымъ уборомъ, обнимаетъ хохлатыхъ перепеловъ (Callipepla). На серединѣ темени торчатъ 2—10, обыкновенно 4—6 перьевъ, очень съуженныхъ при основаніи, но расширенныхъ на концѣ, серповидно загнутыхъ впередъ и, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе развитыхъ у самца, нежели у самки.

Наиболѣе извѣстный видъ этого рода — это калифорнскій перепель (Callipepla [Lophortyx] californica). Лобъ у него соломенно-желтаго цвѣта, причемъ каждое перо имѣетъ темный стержень, желтый цвѣтъ лба ограничивается лобною полосою, которая, удлиняясь, образуетъ бровную полосу; верхняя часть темени темно-бурая, нижняя часть темени умбро-бурая, затылокъ, покрытый удлиненными перьями, синевато-сѣрый, каждое перо съ черным стержнемъ, съ черной каемкой и съ двумя бѣловатыми пятнами на концѣ, спина

оливково-бурая, горло черное, полоса, окаймляющая его, бѣлая, верхняя часть груди синевато-сѣрая, нижняя часть груди желтая, каждое перо на кончикѣ свѣтлѣе и съ черной каемкой, такъ что образуются черныя кривыя линіи, имѣющія форму раковинъ; на бокахъ опереніе бурое съ широкими бѣлыми стержнями, нижнія покровныя перья хвоста свѣтло-желтыя съ темными стержнями; маховыя перья буровато-сѣрыя, малыя маховыя перья — съ желтоватыми каймами, рулевыя перья чисто сѣраго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги темнаго свинцово-сѣраго цвѣта. Длина птицы 24 см.

Опереніе родственнаго калифорнскому перепелу хохлатаго перепела (Callipepla gambeli) окрашено въ такомъ же родѣ; но черное поле вокругъ

Калифорпскій перепелъ (Callipepla californica). 1/3 естеств. велич.

лица больше, задняя часть головы яркаго красно-бураго цвѣта, нижняя сторона желтая, безъ раковинообразнаго рисунка, брюшко черное, а перья на бокахъ на великолѣпномъ красно-буромъ фонѣ украшены свѣтло-желтыми продольными полосками, и вообще всѣ краски болѣе блестящія.

Всѣ извѣстныя мнѣ сообщенія относительно образа жизни калифорнскаго перепела весьма скудны. „Эта великолѣпная птица“, говоритъ Гамбель, у котораго мы находимъ наибольшее количество свѣдѣній, „которая такъ часто встрѣчается во всей Калифорніи, зимою соединяется въ многочисленныя стаи, доходящія до тысячи и болѣе головъ, если только лѣсныя пространства могутъ доставить убѣжище такому множеству. Такъ же часто, какъ въ лѣсу, птицъ этихъ можно видѣть на поросшихъ кустами равнинахъ и на склонахъ холмистыхъ мѣстностей. Онѣ обнаруживаютъ такую же предусмотрительность, какъ виргинскія перепелки, но гораздо лучше бѣгаютъ и избѣгаютъ всякихъ преслѣдованій, убѣгая съ изумительнымъ проворствомъ и искусно прячась. Если эту птицу спугнуть, то она

обыкновенно взлетаетъ на ближайшія деревья и прижимается къ горизонтальнымъ вѣтвямъ, какъ бѣлка; тогда сходство ея оперенія съ древесною корою сильно затрудняетъ отысканіе ея. Гнѣздо устраивается на землѣ, обыкновенно у подножія дерева или подъ вѣтвями куста; число яицъ иногда бываетъ очень велико. Въ небольшомъ углубленіи, вырытомъ у подножія дуба и выложенномъ немногими листьями и сухими травками, но въ серединѣ ничѣмъ не выстланномъ, я нашелъ 24 яйца. Возможно, что въ одно гнѣздо положили свои яйца двѣ самки, такъ какъ обыкновенное количество яицъ одной кладки, повидимому, 15.“

Фрейбергъ, также наблюдавшій калифорнскаго перепела на его родинѣ, говоритъ, что это птица осѣдлая или только немного бродящая, что питается она травою, сѣменами, луковицами, зеленымъ лукомъ, клубными растеніями и т. п., всевозможными ягодами и насѣкомыми, что предпочитаетъ молодые лѣса или вообще густой кустарникъ всякой иной мѣстности и никогда не покидаетъ своего мѣста жительства болѣе чѣмъ на 40—50 шаговъ, т. е. вообще почти что не выходитъ изъ тѣнистой чащи, что она довольно долго выдерживаетъ стойку собаки, а когда взлетаетъ, то непремѣнно направляется на ближайшее дерево и здѣсь прибѣгаетъ къ такимъ же уловкамъ, какъ рябчикъ, зимою же вырываетъ себѣ длинные ходы подъ снѣгомъ. Въ Калифорніи въ нее стрѣляютъ маленькимъ ружьемъ, охотятся на нее также при помощи собаки, такъ какъ мясо ея очень цѣнится и нисколько не уступаетъ мясу рябчика.

„Кто хочетъ изслѣдовать нравы хохлатаго перепела“, говоритъ Кусъ, давшій намъ прекрасное жизнеописаніе этого вида, „тотъ долженъ распроститься со всѣми удобствами правильно распредѣленной жизни и пройти съ запада по направленію во внутрь страны около тысячи миль. Тогда онъ очутится въ дикой мѣстности, гдѣ все еще господствуютъ индѣйцы-апахи, и гдѣ бѣлый человѣкъ удерживается только благодаря возобновляемой изо дня въ день борьбѣ. Страна эта изрѣзана зіяющими пропастями, глубокими долинами и ущеліями, рядомъ съ которыми высятся гигантскія горы, и которыя покрыты массами лавы, выброшенной давно остывшими и до неузнаваемости измѣнившимися огнедышащими горами. Здѣсь есть рѣки, въ сухомъ руслѣ которыхъ путешественникъ можетъ погибнуть отъ жажды, есть и обширныя равнины, поросшія сухой, острой травою и низкимъ кустарникомъ, постоянно страдающимъ отъ недостатка воды. Но эта мѣстность — страна чудесъ и противоположностей. Самыя дикія горы окружаютъ прелестныя, влажныя, зеленыя и плодородныя долины; обширные лѣса, состоящіе изъ благородныхъ сосенъ, елей и кедровъ смѣняются сухими и пустынными полями, залитыми лавой; на склонахъ холмовъ растетъ дубъ, мезкита и манцанита, между тѣмъ какъ берега рѣкъ окаймлены тополями, ивами, орѣшникомъ и непроницаемыми стѣнами дикаго винограда, кустовъ крыжовника, зеленаго терновника, розъ и всякихъ другихъ ползучихъ растеній. Міръ животныхъ и растеній, даже скалы носятъ отпечатокъ чего-то страннаго, небывалаго; даже воздухъ имѣетъ тамъ какъ будто другой составъ, чѣмъ у насъ дома. Эта мѣстность и есть родина разсматриваемаго древеснаго перепела.

„Красивый для глаза, мягкій на ощупь, хорошо пахнущій и пріятный на вкусъ — хохлатый перепелъ, въ самомъ дѣлѣ, чудесная птица! Увидѣвъ его въ первый разъ много лѣтъ тому назадъ въ видѣ чучела, неуклюже прибитаго къ доскѣ съ цѣлью служить украшеніемъ для музея, я уже любовался имъ; теперь же, послѣ того, какъ я наблюдалъ его живымъ на его родинѣ и видѣлъ его тогда, когда еще не потухъ блескъ жизни въ его глазахъ, а также послѣ того, какъ я приручалъ его цыплятъ, я еще больше восхищаюсь этой птицей и полагаю, что врядъ ли найдется въ Америкѣ птица, равная ей по красотѣ. Полныя и округлыя формы хохлатаго перепела отнюдь не кажутся неуклюжими, такъ какъ шея и хвостъ у него длинные, голова маленькая, а изящно изогнутый хохолокъ придаетъ ему чрезвычайную привлекательность. Бѣгъ его, на видъ, легкій и спокойный; самецъ, гордо выступающій, поднявъ голову, съ сверкающими глазами, съ колеблющимся хохолкомъ, по лежащему на землѣ стволу, подъ которымъ спряталось все его маленькое семейство, — представляетъ собою восхитительное зрѣлище.

Онъ такъ храбръ и такъ слабъ, обладаетъ такой силой воли и такъ мало способенъ проявить ее!

„Подобно своимъ родственникамъ, хохлатый перепелъ питается главнымъ образомъ сѣменами и плодами, хотя и насѣкомыя составляютъ довольно значительную часть его корма.

„Изящный хохолокъ на головѣ, служащій большимъ украшеніемъ этого вида, образуется уже въ раннемъ возрастѣ, такъ какъ онъ замѣчается уже у цыплятъ, которымъ всего нѣсколько дней отъ роду. У нихъ онъ состоитъ, правда, только изъ одного маленькаго, коротенькаго пучка въ 3 или 4 пера, окрашеннаго скорѣе въ бурый, чѣмъ въ черный цвѣтъ; къ концу перья этого хохолка не расширяются и прямо торчатъ кверху. Только когда птица вполнѣ выучивается летать, хохолокъ загибается у нея впередъ. Число перьевъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, весьма непостоянно. Иногда въ хохолкѣ только одно перо, иной же разъ онъ образуется изъ 8—10 перьевъ.

„Охотиться на хохлатаго перепела труднѣе, чѣмъ на виргинскую перепелку. Хотя онъ не поднимается внезапно на воздухъ и летаетъ не быстрѣе виргинской перепелки, но когда цѣлое общество снимается съ мѣста, и когда убита одна или двѣ птицы, то очень трудно сдѣлать еще третій удачный выстрѣлъ. Въ большинствѣ случаевъ хохлатые перепела держатся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; если ихъ спугнуть, то они немного спустя снова усаживаются на землю, но такъ скрываются, прижимаясь къ землѣ, что больше не даютъ спугнуть себя; иногда вмѣсто этого они убѣгаютъ такъ быстро и такъ далеко, что, если вообще ихъ удается увидѣть, то только на довольно большомъ разстояніи отъ мѣста нападенія. Привычка ихъ спасаться бѣгствомъ утомляетъ не только охотника, но и собаку до такой степени, что даже отлично выдрессированный песъ мало облегчаетъ дѣло или вовсе не оказываетъ человѣку помощи. Правда, часто стрѣлку представляется случай выстрѣлить въ бѣгущаго перепела: но какой настоящій охотникъ станетъ такимъ неблагороднымъ способомъ наполнять свою охотничью сумку такою благородною дичью! Полетъ хохлатаго перепела поразительно быстрый и сильный, всегда ровный и прямолинейный, такъ что опытному охотнику не особенно трудно застрѣлить эту птицу на лету.“

Въ 1852 году во Францію было привезено шесть паръ хохлатыхъ перепеловъ. Уже въ слѣдующемъ году отъ нихъ получено было потомство, и впослѣдствіи не разъ пытались развести эту изящную птицу во Франціи, но не особенно успѣшно. Въ Германіи также производились подобные же опыты съ подобнымъ же результатомъ. Въ общемъ, на успѣхъ можно было бы разсчитывать только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ легко разводятся фазаны. Слѣдуетъ производить опыты въ возможно болѣе смѣшанныхъ лѣсахъ, гдѣ имѣются чащи тернистыхъ кустарниковъ, ивняка, высокой травы и ползучія растенія; изъ всѣхъ другихъ лѣсовъ благополучно выросшіе хохлатые перепела убѣгаютъ при первой возможности.

Къ четвертому подсемейству относятся фазаны (Phasianinae). Они также отличаются плотнымъ сложеніемъ, но тѣло у нихъ болѣе продолговатое, чѣмъ у куръ, живущихъ на землѣ; клювъ средней длины, очень выпуклый, надклювье загибается надъ подклювьемъ, кончикъ клюва иногда бываетъ удлиненъ и расширенъ въ видѣ ногтя; ноги умѣренной длины или довольно длинныя, съ длинными пальцами и у самца почти всегда со шпорцами, крылья средней длины или короткія, сильно закругленныя, хвостъ обыкновенно длинный и широкій, состоящій изъ 12—18-ти перьевъ, часть головы голая; часто голова бываетъ украшена гребнями и складками кожи, иногда даже рожками и пучками перьевъ; опереніе великолѣпно окрашенное и блестящее, всегда различное у птицъ разнаго пола и возраста.

Самый извѣстный родъ представляютъ пѣтухи (Gallus), родоначальники нашихъ домашнихъ куръ. Тѣло у нихъ сильное, клювъ средней длины, крѣпкій, надклювье выпуклое и на концѣ загибается внизъ: ноги довольно высокія и вооруженныя шпорцами, крылья короткія и сильно закругленныя; хвостъ средней длины, нѣсколько ступеньчатый и кровлеобразный, такъ какъ 14 образующихъ его перьевъ стоятъ другъ противъ друга въ видѣ двухъ соприкасающихся плоскостей. На головѣ возвышается мясистый гребень; отъ подклювья ниспадаютъ вялыя, мясистыя складки кожи; область щекъ голая. Великолѣпное опереніе обильно покрываетъ тѣло; кроющія перья надхвостья или хвоста у пѣтуха удлинены, покрываютъ собою собственно рулевыя перья и, сгибаясь серпообразно, ниспадаютъ на заднюю часть тѣла.

Родина пѣтуховъ — Индія и Малайскія страны. Шесть извѣстныхъ видовъ ихъ обитаютъ въ лѣсу и ведутъ скрытый образъ жизни, хотя всѣ они могутъ сдѣлаться очень замѣтными благодаря своему голосу.

Банкивскій пѣтухъ, называемый у малайцевъ казинту (Gallus ferrugineus, bankiva) имѣетъ вполнѣ справедливыя притязанія считаться родоначальникомъ нашей домашней курицы. Голова, шея и длинныя, свѣшивающіяся перья затылка у самца отливаютъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ; перья спины пурпурово-бурыя, въ серединѣ блестящаго оранжево-краснаго цвѣта съ желтовато-бурыми каемками; тоже удлиненныя, свѣшивающіяся верхнія кроющіяся перья хвоста по окраскѣ сходны съ перьями на затылкѣ; среднія кроющія перья крыльевъ яркаго каштаново-бураго цвѣта; большія перья отливаютъ черновато-зеленымъ цвѣтомъ, а совершенно черныя грудныя перья — золотисто-зеленымъ; большія маховыя перья темнаго черновато-сѣраго цвѣта съ болѣе блѣдными полосками, малыя маховыя перья съ ржавыми наружными опахалами и съ черными внутренними опахалами, хвостовыя перья также черныя, среднія блестящія, прочія безъ блеска. Глаза оранжево-красные, головное украшеніе красное, клювъ буроватый, ноги аспидно-черныя. Длина 65 см., длина хвоста 27 см. У самки, которая меньше, хвостъ болѣе горизонтальный, гребень и мясистыя складки только намѣчены, длинныя шейныя перья черныя съ бѣловато-желтоватыми каемками, перья верхняго покрова съ буровато-черными крапинками, нижнія части тѣла желтовато-розовыя, маховыя и рулевыя перья буровато-черныя.

Распространены банкивскіе пѣтухи по всей Индіи и по Малайскимъ странамъ. Они часто встрѣчаются на востокѣ и въ сѣверной холмистой мѣстности полуострова Индостана и представляютъ обыкновенное явленіе въ Ассамѣ, Сильгетѣ, Бармѣ, на Малаккѣ и на Зондскихъ островахъ, зато рѣдки въ средней Индіи. Странно, что объ образѣ жизни банкивскаго пѣтуха и прочихъ дикихъ куръ мы имѣемъ лишь скудныя свѣдѣнія; быть можетъ, это происходитъ оттого, что птицъ этихъ трудно наблюдать. Лѣсъ, въ которомъ онѣ живутъ, часто представляетъ непреодолимыя препятствія какъ для естествоиспытателя, такъ и для охотника. Путешествуя черезъ лѣса, часто, по словамъ Гердона, можно встрѣтить дикихъ куръ. Онѣ охотно держатся близъ проѣзжихъ дорогъ, такъ какъ находятъ для себя обильную пищу въ пометѣ стадъ или лошадей; собаки, рыская возлѣ дороги, заставляютъ многихъ птицъ взлетать на деревья; ихъ можно видѣть на поляхъ, находящихся вблизи лѣсовъ и охотно посѣщаемыхъ пѣтухами, можно, наконецъ, наблюдать ихъ и во время охоты, предпринимаемой на этихъ птицъ.

Отъ домашнихъ куръ дикія куры отличаются главнымъ образомъ своимъ голосомъ. Крикъ джунглеваго пѣтуха (Gallus stanleyi) звучитъ какъ „Джоржъ-Джойе“ (George-Joye), крикъ каркающаго пѣтуха (Gallus sonneratii) представляетъ собою весьма странный, надломленный звукъ, не совершенное, но не поддающееся описанію карканье. Всѣ эти виды куръ, вообще, въ значительной мѣрѣ способствуютъ оживленію лѣса. „Очень занятно“, говоритъ Мэкернъ, „слышать рано утромъ крикъ множества пѣтуховъ, смотрѣть на ихъ горделивыя прогулки и на ихъ драки въ то время, какъ курицы со своими цыплятами бродятъ между деревьями и кустами.“ Теннентъ также утверждаетъ, что

утро на лѣсистыхъ горахъ Цейлона получаетъ особенную прелесть, благодаря крику джунглеваго пѣтуха, начинающемуся еще ночью и продолжающемуся долгое время. Пѣтухи всѣхъ видовъ, говорятъ, такъ же воинственны, или еще воинственнѣе своихъ потомковъ, а потому приручаются туземцами, которые находятъ, что домашніе пѣтухи могутъ быть сильнѣе, но никогда не обладаютъ такой ловкостью и такимъ мужествомъ, какъ дикіе пѣтухи.

Относительно размноженія дикихъ куръ мы имѣемъ нѣсколько сообщеній. „Банкивская курица“, говоритъ Іердонъ, „кладетъ 8—12 яицъ молочно-бѣлаго цвѣта часто подъ бамбуковый кустъ или въ густой кустарникъ, гдѣ устраиваетъ грубое гнѣздо изъ нѣсколькихъ опавшихъ листьевъ и изъ сухой травы, и сидитъ на яйцахъ, смотря по мѣстности, отъ іюня до іюля мѣсяца. Каркающая курица кладетъ 7—10 яицъ и высиживаетъ ихъ нѣсколько позднѣе.“ Пѣтухъ не заботится о воспитаніи молодыхъ птицъ; курица же печется о нихъ съ такою же материнскою нѣжностью, какъ наша домашняя курица о своихъ цыплятахъ. Іердонъ рѣшительно утверждаетъ, что нерѣдко происходятъ смѣшенія различныхъ видовъ куръ, живущихъ по сосѣдству, и на этомъ основываетъ свое предположеніе, будто многія дикія куры, которыхъ описали, какъ отдѣльные виды, являются лишь ублюдками четырехъ главныхъ видовъ.

На дикихъ куръ мало охотятся, такъ какъ мясо ихъ не особенно вкусно и отличается отъ мяса домашней курицы тѣмъ, что, кромѣ бѣлаго мускула на ляжкѣ, оно бураго цвѣта. Іердонъ, однако, увѣряетъ, что молодыя дикія куры представляютъ собою превкусную дичь. Этотъ естествоиспытатель находитъ также охоту на означенныхъ птицъ въ высшей степени занимательной и говоритъ, что она особенно успѣшна бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ среди полей расположены отдѣльныя джунглевыя рощи.

Всѣхъ дикихъ куръ можно приручить, но онѣ вовсе не такъ легко привыкаютъ къ неволѣ, какъ это можно было бы предположить. „Куры, пойманныя взрослыми“, говоритъ Бернштейнъ, „никогда не дѣлаются ручными, и даже если яйца дикихъ куръ высижены домашними курами, то молодыя птицы, выросши, какъ говорятъ, убѣгаютъ при первой возможности. Размножаются ли дикія куры въ неволѣ и спариваются-ли онѣ съ домашними курами — этого я по собственнымъ наблюденіямъ сообщить не могу; но меня многіе увѣряли, что дикія куры, выращенныя въ неволѣ, не разъ клали яйца.“ Въ нашихъ зоологическихъ садахъ всѣ виды размножаются, но на размноженіе ихъ никогда нельзя съ увѣренностью разсчитывать. Поэтому для насъ остается загадкой, какимъ образомъ человѣкъ принялся обращать въ рабство свободолюбивыхъ дикихъ куръ. Ни исторія, ни народныя преданія не говорятъ намъ ничего о способѣ первоначальнаго приученія. Уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ письменности о домашней курицѣ говорится, какъ объ явленіи обыкновенномъ. Изъ Индіи куръ распространили по всѣмъ странамъ восточнаго полушарія. Первые мореплаватели, посѣтившіе острова Тихаго океана, уже нашли тамъ домашнихъ куръ; въ историческое время куръ разводили только въ Америкѣ. Особенно знаменательнымъ кажется мнѣ то обстоятельство, что домашнія куры нигдѣ не одичали. Дѣлали попытки поселить ихъ въ подходящихъ для нихъ мѣстностяхъ. т. е. въ лѣсахъ, чтобы завести въ нихъ дичь; но всѣ подобныя попытки оканчивались неудачей. Въ степныхъ деревняхъ сѣверо-восточной Африки и даже вокругъ хижинъ, расположенныхъ въ лѣсу, домашнія куры живутъ во множествѣ, почти безъ всякаго ухода со стороны человѣка, сами отыскиваютъ себѣ пищу, высиживаютъ яйца гдѣ нибудь подъ кустомъ, иногда на нѣкоторомъ разстояніи отъ хижины хозяина, и ночью спятъ въ лѣсу на деревьяхъ. Самыя разнообразныя условія куры переносятъ съ поразительною легкостью. Въ совершенно чуждомъ имъ климатѣ онѣ сохраняютъ присущій имъ нравъ, и только на очень высокихъ горахъ или на далекомъ сѣверѣ теряютъ, какъ говорятъ, до нѣкоторой степени свою плодовитость; но тамъ, гдѣ селится человѣкъ, можетъ по крайней мѣрѣ существовать и курица, которая обратилась въ полномъ смыслѣ слова въ домашнее животное.

*

Соединительнымъ звеномъ между пѣтухами и настоящими фазанами могутъ считаться фазановыя куры (Euplocomus). Признаки ихъ: продолговатое сложеніе, довольно слабый клювъ, ноги умѣренной высоты, снабженныя шпорцами, короткія, закругленныя крылья, средней длины хвостъ, составленный изъ 16-ти перьевъ и имѣющій форму крыши, голыя, бородавочныя щеки и пріятно окрашенное опереніе.

Серебряный фазанъ (Euplocomus nycthemerus) отличается отъ прочихъ фазановыхъ куръ длиннымъ, свѣшивающимся пучкомъ изъ расчесанныхъ перьевъ на головѣ и клинообразно удлиненнымъ, кровлеобразнымъ хвостомъ, средніе

Серебряный фазанъ (Euplocomus nycthemerus). 1/5 естеств. велич.

перья котораго не сгибаются вбокъ, а лишь слегка загибаются внизъ. Длинный и толстый пучокъ перьевъ на задней части головы блестящаго чернаго цвѣта, затылокъ, передъ верхней части шеи и вся остальная верхняя сторона тѣла бѣлая, покрытая поперечными черными зигзагообразными линіями; нижняя сторона черная съ стальнымъ синимъ блескомъ; маховыя перья бѣлыя съ очень узенькими черными поперечными каемками и покрыты параллельными широкими поперечными полосами; хвостовыя перья на бѣломъ фонѣ покрыты сходными полосами, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ становятся чаще и явственнѣе, голыя щеки алаго цвѣта. Глаза свѣтло-каріе, клювъ синевато-бѣлый, ноги сургучно или кораллово-красныя. Длина 110 см., длина хвоста 67 см. Перья самки, которая значительно меньше самца, покрыты по ржаво-буро-сѣрому фону очень мелкими сѣрыми крапинками. Подбородокъ и щеки бѣловато-сѣрые, нижняя часть груди и брюшко бѣловатыя съ ржаво-бурыми пятнами и черными поперечными полосами.

Намъ неизвѣстно, когда были привезены въ Европу первые живые серебряные

фазаны, но мы имѣемъ основаніе предполагать, что это было не раньше 17-го столѣтія. Родина этой птицы — южный Китай, но теперь она водится тамъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, зато во всемъ Китаѣ и въ Японіи держится какъ домашняя птица. Въ Европѣ при простомъ уходѣ серебряный фазанъ процвѣтаетъ какъ на открытомъ воздухѣ, такъ на птичьемъ дворѣ и въ большой клѣткѣ. Въ наши лѣса онъ до сихъ поръ не введенъ еще по уважительнымъ причинамъ. Его пытались поселить въ европейскихъ лѣсахъ, но неудачно. Самецъ вслѣдствіе бѣлой окраски верхней стороны такъ замѣтенъ, что хищники гораздо больше нападаютъ на него, чѣмъ на другихъ птицъ такой же величины. Но это не единственное препятствіе — другое зависитъ отъ самого фазана. Изъ всѣхъ родственныхъ ему видовъ это самая храбрая и драчливая птица. Два самца, живущіе въ одномъ участкѣ, постоянно ссорятся между собою; но серебряный фазанъ желаетъ чтобы и другія животныя чувствовали его власть, борется съ домашнимъ пѣтухомъ, а если можетъ свободно двигаться по лѣсу, то изгоняетъ всякихъ другихъ дикихъ куръ, живущихъ здѣсь, и прежде всего обыкновеннаго фазана. А такъ какъ послѣдній все-таки полезнѣе серебрянаго фазана, то, разумѣется, предпочитаютъ разводить обыкновенныхъ фазановъ.

По способностямъ къ передвиженію и по подвижности, серебряный фазанъ уступаетъ своимъ родственникамъ. Его такъ и хочется назвать лѣнивой птицей. Летать онъ рѣшается только въ случаѣ крайней необходимости, а если и поднимается на воздухъ, то летитъ очень недолго, а затѣмъ снова опускается на землю. Бѣгаетъ онъ не такъ ловко и проворно, какъ золотистый фазанъ; обыкновенный фазанъ пожалуй бѣгаетъ быстрѣе серебрянаго, но, подобно золотистому фазану, уступаетъ ему въ продолжительности бѣга. Голосъ его различенъ въ зависимости отъ времени года. Весною, въ періодъ спариванья, всего чаще можно услышать протяжный, благозвучный свистъ; въ другое время эти птицы издаютъ большею частью глухое клохтанье вродѣ „радара дукдукдук“, къ которому присоединяется свистъ лишь въ томъ случаѣ, когда птица возбуждена чѣмъ-нибудь.

Самка кладетъ 10—18 яицъ, или окрашенныхъ въ однообразный красновато-желтоватый цвѣтъ, или по бѣловато-желтоватому фону покрытыхъ мелкими буроватыми точками. Если оставить яйца самкѣ, то она сама высиживаетъ ихъ и притомъ съ большимъ самоотверженіемъ. Черезъ 25 дней вылупляются цыплята, маленькія, прехорошенькія созданія, чрезвычайно милыя въ своемъ красиво окрашенномъ нарядѣ изъ пуха. Они довольно быстро вырастаютъ настолько, что становятся способны летать или по крайней мѣрѣ порхать, но лишь на второмъ году жизни достигаютъ величины своихъ родителей и облекаются въ ихъ одежду. Въ ранней юности они предпочитаютъ питаться насѣкомыми; впослѣдствіи они поѣдаютъ главнымъ образомъ всякаго рода зелень; затѣмъ они уничтожаютъ болѣе твердыя растительныя вещества, а именно зерна, между прочимъ и хлѣбныя. Капуста, салатъ, фрукты — для нихъ лакомство.

Мясо серебрянаго фазана такъ же вкусно, какъ мясо всякаго другого фазана, но особенно вкусно бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда птица пользуется сравнительной свободой, т. е. можетъ по крайней мѣрѣ свободно ходить по двору и по саду.

*

Два весьма странныхъ фазана въ послѣднее время соединены въ одну группу, которая получила названіе ушастыхъ фазановъ (Crossoptilon), такъ какъ перья по бокамъ головы у нихъ удлинены и, поднимаясь надъ прочими перьями, образуютъ два пучка, нѣсколько напоминающіе уши совъ. Кромѣ того, эти птицы отличаются очень сильнымъ сложеніемъ и сравнительно короткимъ хвостомъ, среднія перья котораго расчесаны и свѣшиваются ниже другихъ. Эти фазаны живутъ въ Китаѣ и въ Тибетѣ.

*

Признаки настоящихъ фазановъ (Phasianus) слѣдующіе: кровлеобразный, длинный хвостъ, среднія перья котораго въ шесть или въ восемь разъ

длиннѣе крайнихъ, и удлиненныя верхнія кроющія перья котораго или округлены, или расчесаны, а вмѣсто хохолка на головѣ — удлиненныя ушныя перья, которыя, когда приподнимаются, образуютъ маленькіе рожки. Во всемъ прочемъ настоящіе фазаны похожи на другихъ членовъ подсемейства, описанныхъ выше, особенно на серебрянаго фазана. Одежда самца блистаетъ очень красивыми, часто великолѣпно блестящими красками; самка по темному фону покрыта еще болѣе темными волнообразными полосами и штрихами.

Обыкновенный фазанъ (Phasianus colchicus) окрашенъ такъ пестро, что трудно точно описать его одежду. На головѣ и на верхней части шеи перья зеленыя съ великолѣпнымъ синимъ металлическемъ блескомъ; на нижней части шеи, на груди, на брюшкѣ и на бокахъ красновато-каштановыя съ пурпуровымъ отливомъ, причемъ всѣ перья снабжены блестящей черной каймой; перья верхняго покрова украшены передъ каймой бѣлыми полулунообразными пятнами; длинныя, расчесанныя перья надхвостья темнаго мѣдно-краснаго цвѣта съ пурпуровымъ блескомъ, маховыя перья съ бурыми и ржаво-желтыми полосами, хвостовыя перья на оливково-сѣромъ фонѣ съ черными полосами и каштановыми каемками. Глаза ржаво-желтые, голое глазное поле красное, клювъ свѣтлаго буровато-желтаго цвѣта, ноги красновато-сѣрыя или свинцоваго цвѣта. Длина 80 см., длина хвоста 40 см. У самки, которая меньше, все опереніе на землисто-сѣромъ фонѣ покрыто черными и темными пятнами и полосами. На спинѣ особенно рѣзко выступаетъ темная окраска.

Обыкновенный фазанъ первоначально жилъ въ прибрежныхъ странахъ Каспійскаго моря и западной Азіи, но уже въ глубокой древности былъ переселенъ въ Европу. На р. Фазисѣ, въ Колхидѣ, греки, предпринявшіе походъ Аргонавтовъ, согласно преданію, нашли эту великолѣпную птицу и привезли ее къ себѣ на родину. Отсюда фазаны, какъ говорятъ, распространились по южной Европѣ или, вѣрнѣе, были распространены по южной Европѣ и ввезены въ южную Францію и въ Германію римлянами, которые умѣли оцѣнить ихъ вкусное мясо. Въ Австріи и въ Чехіи фазанъ живетъ совершенно какъ дикая птица; на сѣверѣ же Германіи — подъ надзоромъ человѣка въ такъ называемыхъ фазановыхъ паркахъ водятся дикіе и ручные фазаны. Онъ очень часто встрѣчается въ Венгріи и въ южной Россіи, рѣже въ Италіи, очень рѣдко въ Испаніи, а въ Греціи, гдѣ онъ прежде былъ обыкновенной птицей, постепенно истребляется.

Изъ другихъ видовъ слѣдуетъ упомянуть королевскаго фазана (Phasianus reevesii). Это самый крупный изъ всѣхъ фазановъ; длина его 2,1 метра, длина хвоста 1,6 метра.

Родина этого фазана — горы, расположенныя къ востоку и къ сѣверу отъ Пекина, а также горные хребты, отдѣляющіе Шенси отъ Гонана и Гупе отъ Сетчуана.

Всѣ фазаны избѣгаютъ сплошныхъ высокихъ лѣсовъ и предпочитаютъ рощи или густые кустарники, окруженные полями или лугами и въ достаточной мѣрѣ снабженные водою. Хвойныхъ лѣсовъ фазаны избѣгаютъ. Плодоносныя нивы, повидимому, не представляютъ для нихъ необходимой потребности, но являются весьма желательными. Цѣлый день они бѣгаютъ по землѣ, переходятъ отъ одного куста къ другому, проползаютъ черезъ тернистыя изгороди, гдѣ надѣются поживиться кормомъ, отправляются также на опушки лѣсовъ и отсюда на поля, чтобы здѣсь, смотря по времени года, клевать свѣжій посѣвъ или созрѣвающія зерна, и лишь съ наступленіемъ вечера отыскиваютъ себѣ подходящее дерево для ночлега.

Въ прежнее время думали, что слѣдуетъ отъ поры до времени сожигать въ лѣсу курево изъ опредѣленныхъ веществъ для того, чтобы сдѣлать для фазана еще пріятнѣе лѣсъ, въ общемъ отвѣчающій его потребностямъ. „Одно изъ главныхъ правилъ при разведеніи фазановъ“, говоритъ старикъ Дэбель, „это то, что дымомъ можно собрать фазановъ въ одно мѣсто и опять привлечь тѣхъ, которые разлетѣлись. Фазанъ такъ же любитъ запахъ дыма, какъ лисица запахъ дичи, изъ чего слѣдуетъ заключить, что обоняніе у него должно быть превосходное.

Но такъ какъ способъ услажденія фазановъ дымомъ представляетъ собою настоящую тайну, и такъ какъ привлеченіе фазановъ дымомъ дѣло цѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень странное, то я назову нѣсколько пригодныхъ для этой цѣли куреній.“ Затѣмъ описываются разныя „курева“, и мы видимъ, къ нашему изумленію, что курева эти состояли изъ смѣси самыхъ разнообразныхъ веществъ; для однихъ оказывались достаточными солома ячменя и овса, мякина, камфора, анисъ, стоножникъ, ивовое дерево, высушенный солодъ и лошадиный пометъ, для другихъ употребляли ладанъ, укропъ, чернушку, муравейники, сосновую смолу, солому полевого тмина и овса. Эти куренія перестали производить лишь въ послѣднее время.

Способности фазановъ не велики. Самецъ, правда, красиво выступаетъ и умѣетъ показывать свою красоту въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, но все-таки не можетъ идти въ сравненіе съ домашнимъ пѣтухомъ. Самка, повидимому, не притязательна; она держится всегда скромно. Что касается движеній, то сказанное выше о всей группѣ вполнѣ относится къ настоящимъ фазанамъ: бѣгаютъ они превосходно, а летаютъ плохо. Внѣшнія чувства повидимому развиты довольно равномѣрно; но смышленость несомнѣнно незначительна. Всѣ обыкновенные фазаны одинаково ограничены и одинаково неспособны во время принять надлежащее рѣшеніе. Изъ похвальныхъ качествъ ихъ укажемъ на ихъ безграничную любовь къ свободѣ. Фазанъ привыкаетъ къ опредѣленной мѣстности, если она отвѣчаетъ его потребностямъ, но любитъ постоянно бродить. Сознавая свою слабость и неспособность сопротивляться болѣе сильнымъ животнымъ, фазанъ прячется насколько возможно и поэтому охотно скрывается отъ глазъ своего хозяина. Поступать такимъ образомъ заставляетъ его вовсе не неблагодарность за заботы человѣка о его воспитаніи и прокормленіи, какъ полагаетъ Винкелль, а только неохота пребывать на одномъ мѣстѣ, упрямство и ограниченность. Фазанъ никогда не дѣлается дѣйствительно ручнымъ, такъ какъ не умѣетъ отличать своего хозяина отъ другихъ, и въ каждомъ человѣкѣ видитъ врага, котораго слѣдуетъ бояться; онъ не селится въ опредѣленномъ мѣстѣ, такъ какъ неспособенъ отыскать наиболѣе подходящую для себя мѣстность въ извѣстномъ округѣ, и всегда боится опасностей, такъ какъ не обладаетъ достаточною смышленостью, чтобы избавиться отъ грозящей ему бѣды.

„Трудно найти другой видъ дичи“, говоритъ вполнѣ справедливо Дитрихъ Винкелль, „которая такъ легко теряетъ голову и лишается способности принять какое-нибудь рѣшеніе. Если внезапно передъ фазаномъ появляется человѣкъ или собака, то онъ словно забываетъ, что природа дала ему крылья; онъ остается неподвижно сидѣть на томъ мѣстѣ, гдѣ его застали, присѣдаетъ и прячетъ голову или безцѣльно начинаетъ бѣгать взадъ и впередъ. Ничто не грозитъ его жизни такой опасностью, какъ разливъ какой-нибудь рѣки недалеко отъ его мѣстопребыванія. Если онъ находится на краю воды, то онъ останавливается и не сводитъ глазъ съ воды до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе прибыли воды перья его не смокнутъ и онъ не отяжелѣетъ до такой степени, что уже не въ силахъ встать съ мѣста. Въ такомъ случаѣ онъ неизбѣжно становится жертвою своей глупости.“ Одинъ фазанъ, котораго Винкелль наблюдалъ при подобныхъ обстоятельствахъ, не только не пытался спастись, но самъ все дальше входилъ въ воду. Когда онъ уже не могъ болѣе держаться на ногахъ и теченіе стало уносить его, то онъ растопырилъ крылья и покорно ожидалъ рѣшенія своей участи. При помощи багра его вытащили на берегъ и на этотъ разъ спасли отъ погибели. „Страхъ его“, говоритъ Науманнъ, „не знаетъ границъ. Онъ страшно пугается, когда мимо него пробѣгаетъ мышь, даже подползающая улитка заставляетъ самку мгновенно вскочить съ гнѣзда, а при настоящей опасности она продолжаетъ сидѣть словно мертвая.“ Благодаря такой ограниченности, фазанъ значительно меньше распространяется и размножается, чѣмъ это было бы желательно. Къ другимъ птицамъ своего вида онъ относится далеко не любезно. Онъ необщителенъ и неуживчивъ. Два самца, какъ только сойдутся, борятся до остервенѣнія, пока не полетятъ перья и не польется кровь; одинъ даже убиваетъ другого, если только въ силахъ это сдѣлать.

Половое влеченіе, которое обнаруживается въ концѣ марта, измѣняетъ также

характеръ фазана. Обыкновенно онъ очень молчаливъ и издаетъ громкій крикъ, напоминающій кудахтанье куръ и звучащій вродѣ „кукукук кукукук“, только тогда, когда садится на дерево; въ періодъ же спариванья онъ каркаетъ, но отвратительно. Крикъ этотъ похожъ нѣсколько на благозвучное „кукуреку“ нашего домашняго пѣтуха, но звучитъ коротко и хрипло, словно что то незаконченное и возбуждаетъ непріятное чувство, такъ какъ мы невольно сравниваемъ крикъ фазана съ крикомъ пѣтуха.

Самка отыскиваетъ себѣ тихое мѣстечко подъ густымъ кустарникомъ или подъ высокими растеніями, напр. на нивѣ, подъ ситникомъ или подъ луговой травою, вырываетъ себѣ небольшое углубленіе, сноситъ въ него немного дроку изъ ближайшихъ мѣстъ и кладетъ туда свои 8—12 яицъ, всегда въ промежутокъ 40—48 часовъ. Если отнять у нея яйца, то она опять несется, но рѣдко кладетъ больше 16—18. Яйца меньше и болѣе округлой формы, чѣмъ яйца домашней курицы, и просто окрашены въ желтовато-сѣровато-зеленый цвѣтъ. Какъ только снесено послѣднее яйцо, самка принимается высиживать и дѣлаетъ это дѣло съ изумительнымъ усердіемъ. Она сидитъ такъ неподвижно, что подпускаетъ къ себѣ самаго опаснаго врага совсѣмъ близко, прежде чѣмъ рѣшится уйти; но и тогда она обыкновенно не улетаетъ, а убѣгаетъ. Если она сходитъ съ гнѣзда, то слегка прикрываетъ его тѣми веществами, изъ которыхъ оно сооружено, или приноситъ нѣсколько листьевъ и былинокъ для этой цѣли. Молодыя птицы вылупляются черезъ 25—26 дней. Мать накрываетъ ихъ крыльями, пока они не обсохнутъ совершенно, а затѣмъ уводитъ ихъ отыскивать кормъ. Въ благопріятную погоду маленькіе, довольно ловкіе цыплята въ 12 дней настолько подрастаютъ, что уже могутъ порхать и, достигнувъ размѣровъ перепела, каждый вечеръ вмѣстѣ съ матерью садятся ночевать на деревья. Мать всячески охраняетъ ихъ отъ разныхъ вредныхъ вліяній, ради нихъ подвергается опасностямъ безъ малѣйшаго колебанія, но рѣдко имѣетъ удовольствіе видѣть всѣхъ своихъ дѣтей взрослыми, такъ какъ молодые фазаны принадлежатъ къ самымъ нѣжнымъ и наименѣе выносливымъ куринымъ птицамъ. До поздней осени молодыя птицы остаются при матери, затѣмъ ее покидаютъ сначала самцы, а позднѣе, къ веснѣ, и самки, которыя уже становятся способными имѣть свое собственное потомство.

Въ средней и сѣверной Германіи фазановъ рѣдко предоставляютъ самимъ себѣ, а обыкновенно помогаютъ — иногда, впрочемъ, мѣшаютъ — имъ выводить потомство. Для свѣдущаго хозяина выращиванье молодыхъ фазановъ почти не представляетъ трудностей. Дѣло это, конечно, требуетъ вниманія и тщательнаго выбора корма въ зависимости отъ возраста цыплятъ, но вовсе не требуетъ принятія такихъ чрезвычайныхъ мѣръ и приготовленія такой удивительной смѣси питательныхъ веществъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые фазановоды.

Врядъ-ли есть другая куриная птица, которая подвергалась бы столькимъ опасностямъ, какъ фазанъ. Онъ гораздо скорѣе погибаетъ отъ суровой погоды, чѣмъ всѣ его родственники, и гораздо чаще попадаетъ въ когти хищниковъ. Злѣйшій врагъ его — лиса, которая охотится, такъ же, какъ и человѣкъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, но еще лучше его умѣетъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы схватить эту вкусную дичь. Молодыхъ фазановъ уносятъ куницы и кошки; яйца, лежащія въ гнѣздѣ, поѣдаютъ ежи и крысы. Ястребъ-перепелятникъ и тетеревятникъ, красный и черный коршунъ тоже не упускаютъ случая поживиться лакомой добычей, и даже неловкій сарычъ, а также воронъ, сорока и сойка утаскиваютъ цыпленка и даже овладѣваютъ старой птицей.

„Несмотря на то, что золотистый фазанъ давно извѣстенъ въ Европѣ“, говоритъ совершенно вѣрно Бодинусъ, „однако всякій всегда любуется имъ съ одинаковымъ восхищеніемъ. Сила привычки не притупила удовольствія, доставляемаго намъ великолѣпными красками, какими блистаетъ его опереніе, а тотъ, кто видитъ эту птицу въ первый разъ, просто не въ силахъ оторваться отъ этого чуднаго зрѣлища.“ Въ самомъ дѣлѣ, золотистый фазанъ, извѣстный у китайцевъ подъ названіемъ кинки, или золотой курицы (Phasianus pictus), и, вѣроятно, у

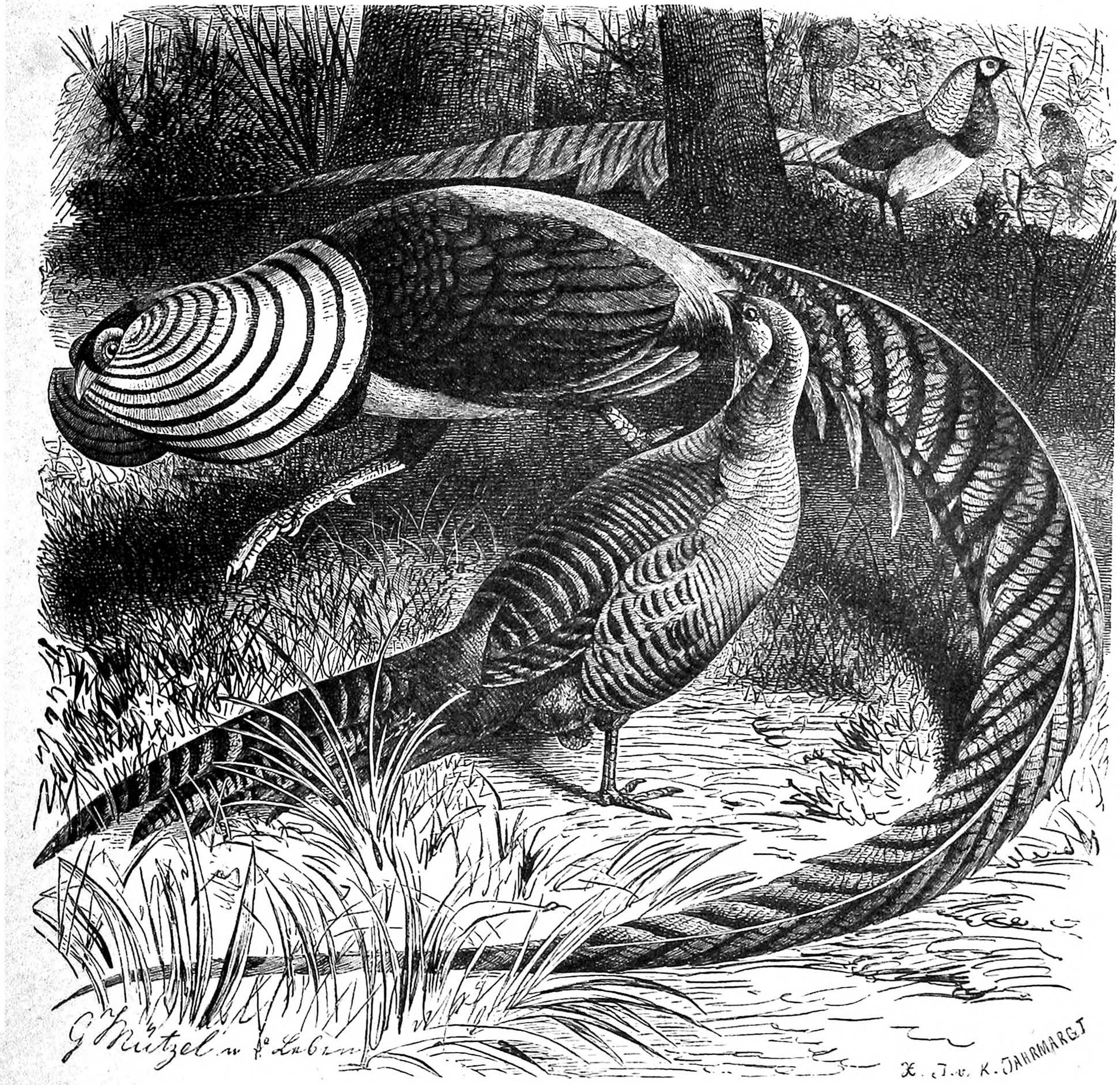

„Жизнь животныхъ Брэма".

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ЗОЛОТИСТЫЙ ФАЗАНЪ.

древнихъ носившій названіе феникса, можетъ считаться великолѣпной птицей, такъ какъ опереніе его настолько же красиво, насколько фигура его изящна. Голова самца украшена толстымъ пучкомъ изъ ярко или золотисто-желтыхъ расчесанныхъ перьевъ, ниспадающихъ на шею, нѣкоторыя перья которой главнымъ образомъ окрашены въ оранжевый цвѣтъ, но снабжены бархатисто-черными каемками, такъ что образуется рядъ параллельныхъ темныхъ полосокъ; перья верхней части спины, большинство которыхъ покрыто шейными перьями, золотисто-

Алмазный фазанъ (Phasianus amherstiae). 1/4 естеств. велич.

зеленыя съ черными каемками, что придаетъ имъ видъ чешуекъ; перья нижней части спины и верхнія кроющія перья хвоста ярко-желтыя, перья на лицѣ, на подбородкѣ и на бокахъ шеи желтовато-бѣлыя; нижняя часть шеи и брюшко яркаго шафранноваго цвѣта, кроющія перья крыльевъ каштаново-буровато-красноватыя, маховыя перья красновато-сѣро-бурыя съ ржаво-красными каймами, плечевыя перья темно-синія съ болѣе свѣтлыми каемками, хвостовыя перья на буроватомъ фонѣ съ черными, сѣтчатообразными разводами, а удлиненныя узенькія верхнія кроющія перья хвоста темно-красныя. Глаза золотисто-желтые, клювъ бѣловато-желтый, ноги буроватыя. Длина 85 см., длина хвоста 60 см. Преобладающая окраска самки — тусклый ржаво-красный цвѣтъ, на нижней сторонѣ переходящій въ ржаво-сѣровато-желтый.

Ближайшій родственникъ золотистаго фазана, названный въ честь лэди Амгерстъ, впервые привезшей его въ Европу, Phasianus amherstiae, извѣстенъ подъ именемъ алмазнаго фазана.

Родина золотистаго фазана — Забайкалье и восточная часть Монголіи приблизительно до р. Амура, а также южный и юго-западный Китай; алмазный же фазанъ водится въ восточномъ Сетчуанѣ, Юннанѣ, Куишо и въ восточномъ Тибетѣ. Обѣ птицы живутъ на горахъ; но золотистый фазанъ живетъ невысоко надъ уровнемъ моря, а алмазный — на высотѣ 2000 — 3000 метровъ надъ морскимъ уровнемъ. Это наблюдается и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ эти птицы живутъ въ одной и той же горной странѣ.

Хотя золотистый фазанъ въ существенныхъ отношеніяхъ похожъ на другіе виды своего семейства, но все-таки его можно признать болѣе ловкимъ, проворнымъ, смышленымъ и понятливымъ, чѣмъ обыкновенный фазанъ. Движенія его въ высшей степени привлекательны. Онъ можетъ совершать прыжки, поистинѣ изумительные по своей легкости и изяществу, умѣетъ пробираться между самыми густыми вѣтвями съ поразительной ловкостью, на воздухъ поднимается также гораздо лучше другихъ фазановъ. Голосъ, который, правда, рѣдко приходится слышать, представляетъ собою какое то странное шипѣніе. О большихъ дарованіяхъ золотистаго фазана также не можетъ быть и рѣчи; особенно, трусливость, присущая его семейству, повидимому и ему свойственна въ высокой степени; но можно утверждать, что золотистый фазанъ скорѣе другихъ осваивается съ измѣненіемъ обстоятельствъ и легче поддается прирученію. Золотистые фазаны, воспитанные съ юныхъ дней человѣкомъ, скоро привыкаютъ къ своему хозяину и отличаютъ его безошибочно отъ чужихъ, чего нельзя сказать о другихъ фазанахъ.

Приблизительно въ концѣ апрѣля золотистый фазанъ начинаетъ токовать. Около этого времени шипящій голосъ его слышится чаще, чѣмъ обыкновенно, птица становится подвижнѣе обыкновеннаго, дѣлается въ высшей степени воинственной и принимаетъ разныя привлекательныя позы, склоняя голову, сильно раздувая перья на шеѣ, растопыривая крылья, усиливая крикъ и производя всевозможные повороты и обороты съ чрезвычайнымъ изяществомъ.

Все, что можно сказать похвальнаго о золотистомъ фазанѣ, относится въ еще бо́льшей мѣрѣ къ алмазному фазану. Онъ еще изящнѣе, еще ловчѣе, проворнѣе, умнѣе и, главное, выносливѣе по отношенію къ европейскому климату, чѣмъ золотистый фазанъ. Ему, очевидно, предстоитъ блестящее будущее, такъ какъ онъ обладаетъ всѣми качествами, благодаря которымъ можетъ быть разведенъ въ Европѣ, насколько вообще подобное предпріятіе возможно.

Павлины (Pavo) отличаются отъ всѣхъ прочихъ куриныхъ птицъ чрезмѣрнымъ развитіемъ верхнихъ кроющихъ перьевъ хвоста, которыя поэтому должны считаться наиболѣе характернымъ ихъ признакомъ. Это самыя крупныя изъ всѣхъ куръ, сильно сложенныя, съ довольно длинной шеей, маленькой головой, короткими крыльями, длинными ногами и длиннымъ хвостомъ. Клювъ довольно толстый, съ выпуклымъ гребнемъ и съ перегибающимся кончикомъ, высокая плюсна у самца со шпорцемъ. Опереніе обильно покрываетъ тѣло, украшаетъ голову торчащимъ пучкомъ длинныхъ перьевъ, узкихъ или снабженныхъ бородками только на концѣ, но не покрываетъ области глазъ. Полной красоты своей эти птицы достигаютъ на третьемъ году жизни. Родина павлиновъ -- южная Азія.

У павлина обыкновеннаго (Pavo cristatus), котораго мы должны считать родоначальникомъ самой красивой изъ нашихъ дворовыхъ птицъ, голова, шея и передняя часть груди великолѣпнаго пурпурово-синяго цвѣта съ золотистымъ и зеленымъ отливомъ, спина зеленая, причемъ каждое перо съ каемкой мѣднаго цвѣта и съ рисункомъ раковинообразной формы, крылья бѣлыя съ поперечными полосами, середина же спины темно-синяя, а нижняя сторона черная; маховыя и

хвостовыя перья свѣтлаго орѣховаго цвѣта, перья, образующія шлейфъ, зеленыя, великолѣпно украшенныя глазками, 20—24 пера хохолка только на концѣ снабжены бородками. Глаза темно-каріе, голое кольцо вокругъ нихъ бѣловатое, клювъ и ноги бураго рогового цвѣта. Длина 110—125 см., длина хвоста 60 см.; шлейфъ доходитъ до 1,2—1,3 метра. У самки пучекъ перьевъ на головѣ значительно короче и темнѣе, чѣмъ у самца; голова и верхняя часть шеи орѣхово-бурыя, перья на затылкѣ зеленоватыя, съ бѣловато-бурыми каемками, перья верхняго покрова свѣтло-бурыя, съ тонкими поперечными волнообразными линіями, перья на горлѣ, на груди и на брюшкѣ бѣлыя, маховыя перья бурыя, рулевыя темно-бурыя съ бѣлой каймой на кончикахъ.

Павлинъ обитаетъ въ Остъ-Индіи и на островѣ Цейлонѣ, а въ Ассамѣ и на Зондскихъ островахъ, особенно на Явѣ, замѣняется двумя родственными видами. Онъ живетъ въ лѣсахъ и въ джунгляхъ, главнымъ образомъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, либо окруженныхъ открытыми мѣстами, либо прорѣзанныхъ ущельями, и рѣже встрѣчается въ мѣстностяхъ, напоминающихъ высокіе лѣса въ Европѣ. Въ Нильгири и на горахъ южной Индіи онъ поднимается на высоту 200 метровъ надъ уровнемъ моря, но въ Гималаяхъ не водится; на Цейлонѣ павлина также можно встрѣтить преимущественно въ горахъ. По словамъ Вилльямсона, любимыя мѣста павлина — это горы, покрытыя густымъ кустарникомъ или высокою травою и въ достаточномъ количествѣ снабженныя водою; столь же охотно пребываетъ онъ на плантаціяхъ, гдѣ

Обыкновенный павлинъ (Pavo cristatus).
1/7 естеств. велич.

есть возможность укрыться, и гдѣ есть нѣсколько высокихъ деревьевъ, удобныхъ для ночлега. Во многихъ мѣстностяхъ Индіи павлинъ считается священной птицей, его запрещено трогать, и умерщвленіе его въ глазахъ туземцевъ — преступленіе, за которое можетъ грозить смерть. Близъ многихъ индусскихъ храмовъ пребываютъ многочисленныя стаи полудикихъ павлиновъ, уходъ за которыми составляетъ обязанность жрецовъ; эти птицы скоро начинаютъ сознавать, что имъ оказывается покровительство, и онѣ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ индусамъ, проявляютъ не бо́льшую робость, чѣмъ павлины на птичьемъ дворѣ.

Теннентъ увѣряетъ, что нельзя составить себѣ представленія о красотѣ павлина, не видавъ его въ уединенныхъ дикихъ мѣстахъ. Въ тѣхъ частяхъ Цейлона, куда рѣдко заходятъ европейцы, и гдѣ никто ни въ чемъ не мѣшаетъ павлину, онъ встрѣчается такъ часто, что днемъ его можно одновременно наблюдать сотнями, а ночью павлины безостановочно и громко кричатъ такъ, что не даютъ спать. Особенно красивъ павлинъ, когда онъ сидитъ на деревѣ и когда длинный хвостъ его, то наполовину покрытый листьями, то развернутый, служитъ великолѣпнымъ украшеніемъ самаго дерева. Вилльямсонъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи ему случалось видѣть одновременно 1200—1500 павлиновъ, но чаще всего онъ встрѣчалъ ихъ обществами въ 30—40 головъ. Днемъ эти общества большею частью пребываютъ на землѣ, и только въ предобѣденные и вечерніе часы выходятъ на открытыя мѣста и на поля искать себѣ кормъ. Преслѣдуемый павлинъ старается, пока возможно, спасаться бѣгствомъ, и только достигнувъ извѣстнаго возвышенія, рѣшается подняться на воздухъ. Полетъ его тяжеловѣсный и шумный. Павлинъ обыкновенно поднимается не выше, чѣмъ на разстояніе выстрѣла, и рѣдко улетаетъ далеко. Вилльямсонъ говоритъ, что можно предположить, будто павлинъ, раненый въ крыло, тяжело падаетъ на землю; но съ этимъ нельзя согласиться: раненная птица, наоборотъ, обыкновенно очень скоро оправляется и такъ скоро убѣгаетъ, что въ девяти случаяхъ изъ десяти ей удается улизнуть отъ охотника, если онъ не слѣдуетъ за нею по пятамъ. Собаки и вообще большого четвероногаго хищнаго животнаго павлинъ боится гораздо больше, чѣмъ человѣка, вѣроятно, испытавъ, что значитъ имѣть дѣло съ шакалами и тиграми. Если пустить за нимъ въ догонку собаку, то онъ при первой возможности взлетаетъ на дерево и не даетъ согнать себя оттуда. Охотники, посѣдѣвшіе въ Индіи, по образу дѣйствій павлина дѣлаютъ безошибочно заключеніе о присутствіи въ данной мѣстности тигра.

Какъ истинная куриная птица, павлинъ достаетъ себѣ кормъ какъ изъ животнаго, такъ и изъ растительнаго царства. Онъ ѣстъ все, что ѣстъ наша курица, но, благодаря своей величинѣ и силѣ, можетъ также одолѣвать болѣе сильныхъ животныхъ, напр. змѣй порядочной длины, которыхъ онъ частью съѣдаетъ или по крайней мѣрѣ убиваетъ. Когда появляются на поляхъ молодые всходы, павлинъ приходитъ сюда кормиться, а когда созрѣваютъ плоды пипала, то такъ наѣдается ими, что мясо его получаетъ горьковатый привкусъ.

Смотря по мѣстности, гдѣ живетъ павлинъ, онъ выводитъ потомство раньше или позднѣе: въ южной Индіи обыкновенно къ концу дожливаго времени года, на сѣверѣ же Индіи, приблизительно, начиная съ апрѣля до октября. По словамъ Ирби, самецъ теряетъ свой шлейфъ въ сентябрѣ и снова получаетъ его въ полной его красѣ въ мартѣ, такъ что лишь въ мартѣ можетъ помышлять о спариваньи. Теперь онъ показывается самкѣ во всей своей красотѣ и вообще держитъ себя такъ же, какъ и его прирученные потомки. Гнѣздо, которое обыкновенно помѣщается на возвышенномъ мѣстѣ въ лѣсу, подъ большимъ кустомъ, состоитъ изъ тонкихъ сучковъ, сухихъ листьевъ и т. п. и сооружено такъ же небрежно, какъ гнѣздо другихъ куриныхъ птицъ. Яицъ кладется 4—15. Самка высиживаетъ ихъ съ большимъ рвеніемъ и покидаетъ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. „Я наблюдалъ дикихъ самокъ павлиновъ на гнѣздѣ въ различныхъ обстоятельствахъ“, говоритъ Гердонъ. „Если я не сгонялъ ихъ, то онѣ не двигались, даже въ томъ случаѣ, когда несомнѣнно видѣли меня.“ Молодость павлиновъ протекаетъ точно такъ же, какъ молодость другихъ куриныхъ птицъ.

Еще не установлено, когда павлинъ впервые попалъ въ Европу. Александръ Великій еще не видѣлъ его прирученнымъ, такъ какъ восхищался имъ, увидѣвъ въ первый разъ дикаго павлина во время своего похода въ Индію, и, какъ гласитъ преданіе, привезъ съ собою въ Европу прирученныхъ павлиновъ. Тѣмъ не менѣе, эти великолѣпныя птицы были распространены на западѣ гораздо раньше. „И такъ, тамъ (въ Индіи)“, пишетъ В. Генъ (Hehn) „эта птица свободно жила въ лѣсахъ и оттуда по пути финикійской морской торговли попала въ область Средиземнаго моря, какъ это показываетъ не только опредѣленное свидѣтельство, относящееся къ началу X-го столѣтія, но и сравненіе именъ. Корабли царя Соломона, снаряженные въ эдомитскихъ гаваняхъ, изъ путешествія въ Офиръ и обратно привезли въ числѣ другихъ драгоцѣнностей и павлиновъ.“ Во времена Перикла павлинъ, какъ говорятъ, такъ рѣдко встрѣчался въ Греціи, что люди пріѣзжали издалека, чтобы его увидѣть. Аристотель изображаетъ его, какъ обыкновенную и всѣмъ на его родинѣ извѣстную птицу. На пирахъ римскихъ императоровъ павлинъ игралъ выдающуюся роль. Вителлій и Геліогабалъ подносили своимъ гостямъ огромныя блюда изъ павлиньихъ языковъ и мозговъ, приправленныхъ самыми драгоцѣнными пряностями Индіи. На о. Самосѣ павлина держали въ храмѣ Геры и чеканили изображеніе его на монетахъ. Въ Германіи и въ Англіи онъ еще въ XIV и XV столѣтіи повидимому былъ весьма рѣдкимъ явленіемъ, такъ какъ англійскіе бароны въ доказательство своего богатства во время большихъ пиршествъ подавали жаренаго павлина, украшеннаго его собственными перьями и обложеннаго (тогда еще рѣдкими) сливами. Геснеръ, естественная исторія котораго появилась въ 1557 г., очень хорошо зналъ павлина и уже описываетъ его подробно.

Преобладающая черта павлина — гордость и тщеславіе, и онъ обнаруживаетъ эти качества не только передъ своей самкой, но и передъ человѣкомъ. Но кромѣ того онъ еще самонадѣянъ и властолюбивъ. На птичьемъ дворѣ павлинъ иногда становится несносенъ, такъ какъ нападаетъ на болѣе слабыхъ животныхъ даже тогда, когда его ничѣмъ не разсердили, клюетъ ихъ со злобой и даже убиваетъ.

Зима мало причиняетъ безпокойства павлину; даже имѣя теплый хлѣвъ, онъ въ самый сильный морозъ ночуетъ на высокихъ мѣстахъ, избранныхъ имъ для ночлега лѣтомъ, даетъ снѣгу падать на себя, и это не причиняетъ ему никакого вреда. Пользуясь сравнительно большой свободой, онъ оказывается непритязательнымъ, довольствуется обычнымъ кормомъ куръ, но, конечно, многое самъ отыскиваетъ себѣ во время своихъ прогулокъ по двору и по саду. Разнаго рода зелень, повидимому, ему необходима.

*

Слѣдующій родъ павлиновъ составляютъ лофофоры (Lophophorus). У этихъ птицъ хвостъ короткій и слегка закругленный, и водятся онѣ только на высокихъ горахъ южной, средней и восточной Азіи.

Высоко въ лѣсахъ Гималаевъ, начиная съ ихъ предгорій, ниспадающихъ къ Афганистану, вплоть до Сиккима и Бутана, живетъ на высотѣ 2000 и 3000 метровъ надъ уровнемъ моря великолѣпная куриная птица, пожалуй самая красивая изъ своего подсемейства, извѣстная у жителей Гималаевъ подъ именемъ монаула, или монала (Lophophorus impeyanus).

Трудно описать все великолѣпіе красокъ монаула. Голова и пучокъ перьевъ на ней, составленный словно изъ золотыхъ колосьевъ, а также горло, металлическаго зеленаго цвѣта, верхняя часть шеи и затылокъ блестящіе, пурпурово- или карминно-красные съ рубиновымъ отливомъ, нижняя часть шеи и спина бронзово-зеленыя съ золотистымъ блескомъ; верхній покровъ и кроющія перья крыльевъ, верхняя часть спины и верхнія кроющія перья хвоста фіолетово- или синевато-зеленаго цвѣта, блестящія какъ и остальное опереніе; нѣкоторыя перья на нижней части спины бѣлыя, нижнія части тѣла черныя, середина груди зеленая съ

пурпуровымъ отливомъ, брюшко темное и безъ блеска, маховыя перья черныя, рулевыя перья корично-красныя. Глаза карiе, голое пространство вокругъ нихъ синеватое, клювъ темнаго рогового цвѣта, ноги темнаго сѣровато-зеленаго цвѣта. Длина самца 65 см., длина хвоста 21 см. Самка замѣтно меньше.

Нѣкоторые охотники считаютъ мясо монаула не хуже мяса индюка, другiе утверждаютъ, что мясо монаула не съѣдобно.

Монауловъ, пойманныхъ уже взрослыми, нетрудно держать въ клѣткѣ; тѣмъ не менѣе эта роскошная птица представляетъ рѣдкость. Въ извѣстныхъ мѣстахъ въ Индiи можно получить сколько угодно монауловъ; но дѣтища горныхъ высотъ не выносятъ жары, и большинство во время пути умираетъ. Въ неволѣ они также ведутъ по возможности скрытую жизнь, охотно прячутся отъ наблюдателя, всегда остаются нѣсколько боязливыми, постоянно скребутся, все время роются въ дернѣ и скоро придаютъ своей клѣткѣ весьма не привлекательный видъ. Зиму они выносятъ такъ же хорошо, какъ обыкновенные фазаны.

*

Ближайшими родственниками лофофоръ считаются сатиры (Ceratornis). На заднемъ концѣ голаго глазного кольца у нихъ находится два маленькихъ полыхъ мясистыхъ отростка, называемые рожками и составляющiе продолженiе глазного кольца, а голое, растяжимое пространство на горлѣ съ боковъ увеличивается двумя складками кожи. Опереніе очень обильное, на задней части головы удлиненное въ видѣ хохолка, окраска перьевъ великолѣпная и украшающiе ихъ рисунки очень изящные.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ сатиры были одними изъ самыхъ рѣдкихъ птицъ въ нашихъ звѣринцахъ; въ настоящее же время въ наиболѣе богатыхъ европейскихъ зоологическихъ садахъ главнымъ образомъ можно встрѣтить два вида: сатира (Ceratornis satyra) и iевара (Ceratornis melanocephala), виды эти даже уже размножались въ неволѣ.

*

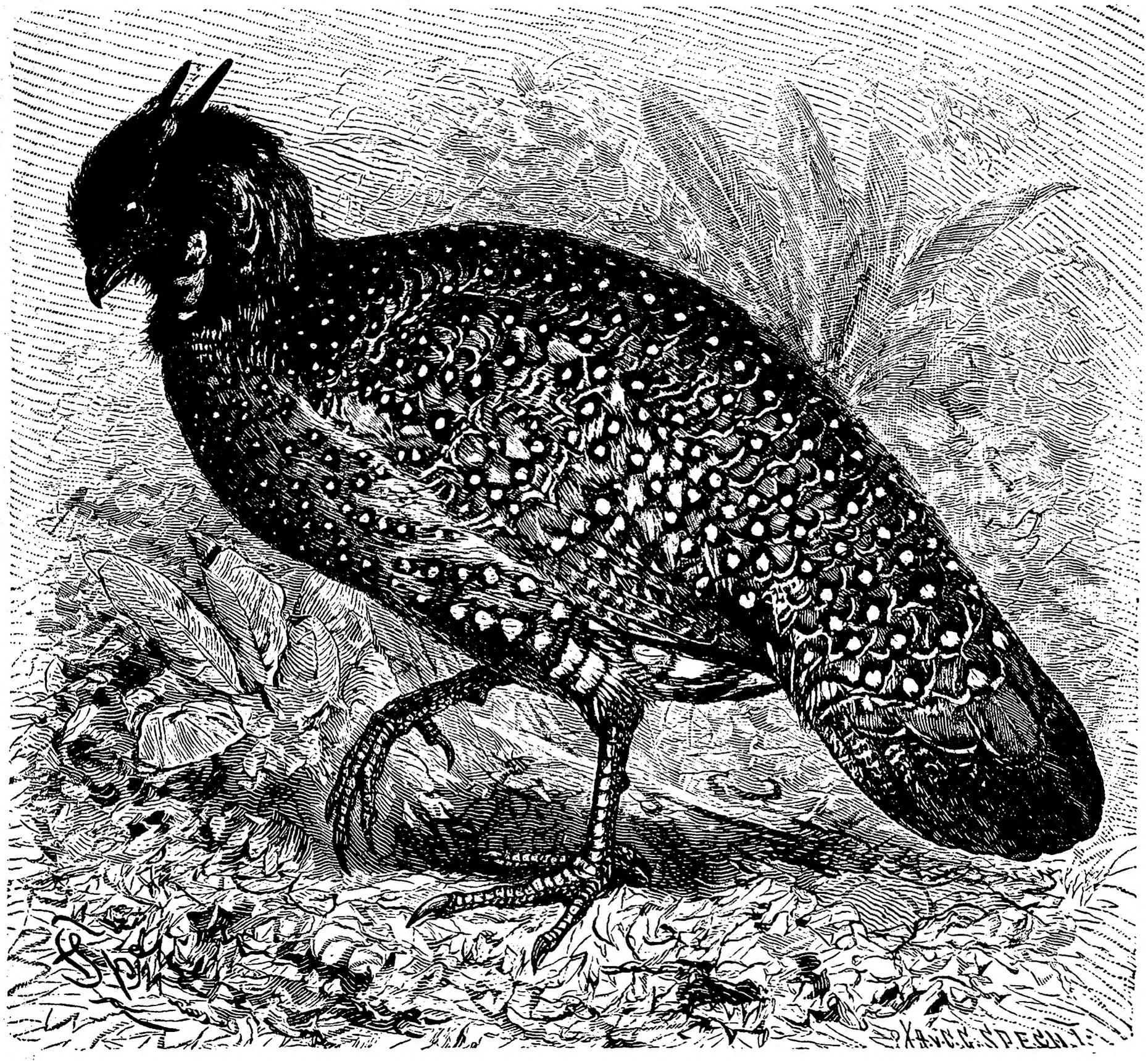
Шпорники (Polyplectron) могутъ считаться соединительнымъ звеномъ между павлинами и аргусами. Это небольшiя, стройныя птицы, опереніе самца чрезвычайно выигрываетъ отъ глазковъ, главнымъ образомъ расположенныхъ на хвостѣ, но также на верхнемъ покровѣ и на кроющихъ перьяхъ крыльевъ.

Изъ относящихся къ этому роду видовъ самый красивый чинкисъ (Polyplectron chinquis). Длина его 60 см., изъ которыхъ 25 см. приходится на хвостъ.

Водится чинкисъ въ Ассамѣ и въ Бармѣ. О жизни его на свободѣ мы не имѣемъ сообщенiй. Говорятъ, что всѣ шпорники живутъ очень скрыто въ дремучихъ лѣсахъ, много пребываютъ на землѣ и притомъ, главнымъ образомъ, въ густомъ кустарникѣ, а потому увидѣть ихъ можно рѣдко. Нравы ихъ имѣютъ больше сходства съ нравами нашихъ домашнихъ птицъ, а именно домашнихъ куръ, чѣмъ съ нравами павлиновъ.

Въ 1780 г. были привезены въ Европу первыя чучела великолѣпной птицы, о существованiи которой уже имѣлись нѣкоторыя свѣдѣнiя, и вызвали общее восхищенiе. Нѣсколько позднѣе (1785 г.) Марсденъ сообщилъ объ образѣ жизни этой птицы слѣдующее. „Куау, или знаменитый аргусъ, — птица необычайной красоты и, быть можетъ, самая красивая изъ всѣхъ птицъ. Пойманнаго въ лѣсу аргуса чрезвычайно трудно сохранить въ теченiе нѣкотораго времени живымъ. Я никогда не видѣлъ, чтобы онъ выживалъ въ неволѣ больше мѣсяца. Свѣтъ онъ ненавидитъ уже по самой своей природѣ. Находясь въ темномъ мѣстѣ, онъ бодръ и порой издаетъ крикъ, которому подражаетъ его названiе, „куау“ и который звучитъ болѣе жалобно, но не такъ рѣзко, какъ крикъ павлина. Днемъ, пока свѣтло, онъ сидитъ совершенно неподвижно. Мясо его совершенно такого

же вкуса, какъ мясо обыкновеннаго фазана.“ Одинъ старый малаецъ, когда Уоллесъ попросилъ его застрѣлить одного изъ аргусовъ, крикъ которыхъ слышится постоянно въ лѣсахъ Малакки, сказалъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ своей жизни въ качествѣ охотника никогда не застрѣлилъ ни одного аргуса и никогда даже не видѣлъ его въ лѣсу, на свободѣ. Но птицу эту ловятъ довольно часто, такъ какъ малайцы умѣютъ цѣнить ея превосходное мясо. „Въ Падангѣ, на западномъ берегу о. Суматры“, пишетъ Розенбергъ, „туземцы часто приносили мнѣ куау живымъ и оставляли мнѣ его за $1^1/_2$—2 гульдена;

Сатиръ (Ceratornis satyra). $^1/_5$ естеств. велич.

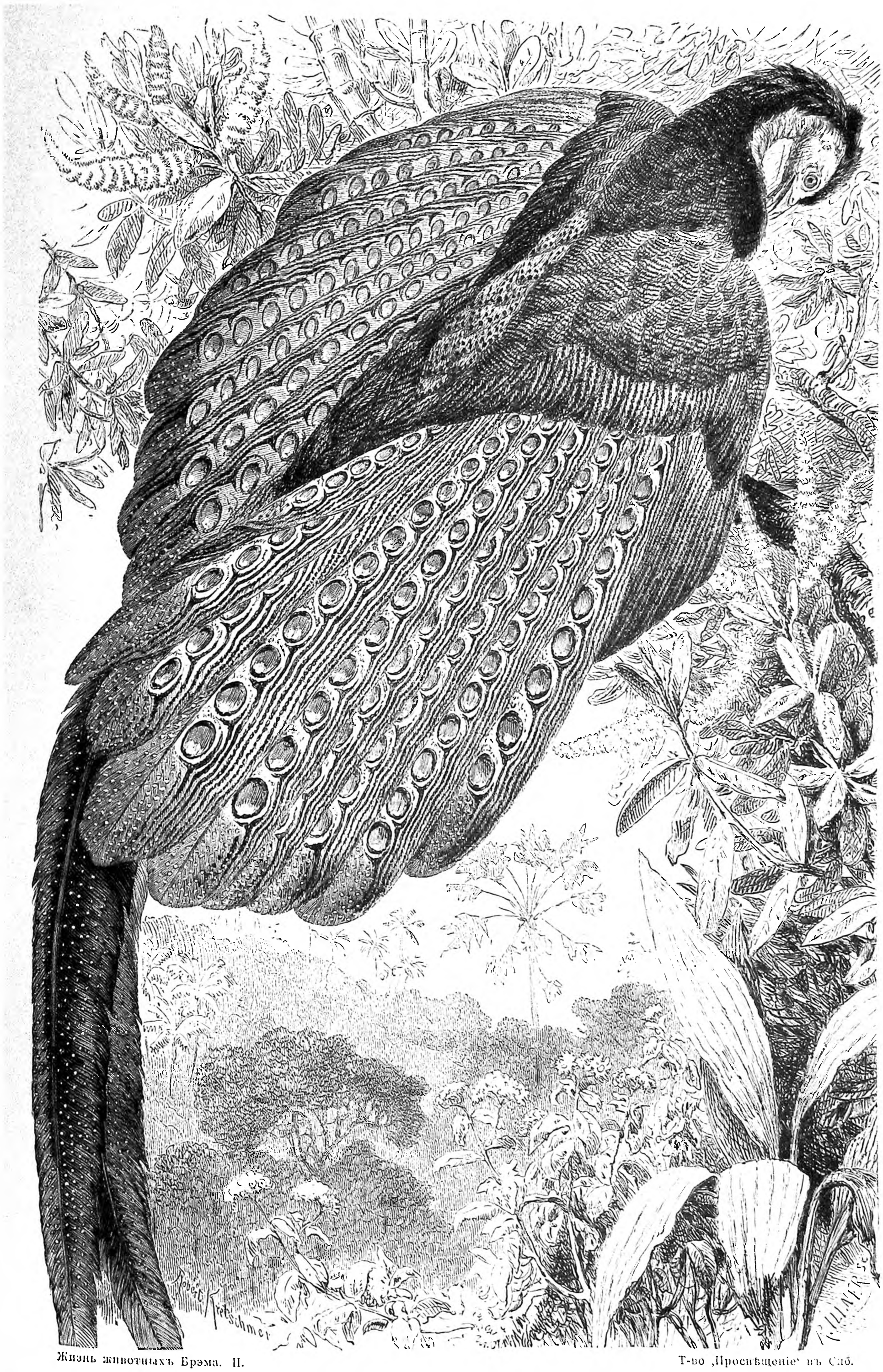
значитъ, онъ довольно часто встрѣчается въ горныхъ лѣсахъ этого острова. По увѣренію туземцевъ, птица эта живетъ въ многобрачіи. Ходитъ и держится аргусъ совершенно такъ же, какъ павлинъ: красивыя крылья плотно прижимаются къ тѣлу, а хвостъ вытягивается горизонтально. Въ періодъ же спариванья можно видѣть, какъ самецъ съ растопыренными, почти до земли опущенными крыльями, токуя, гордо расхаживаетъ по лѣснымъ полянамъ и издаетъ странный жужжащій звукъ, который долженъ привлечь самокъ, но не похожъ на звукъ „куау“ — названіе птицы. Самка, какъ говорятъ, кладетъ 7—10 бѣлыхъ яицъ, нѣсколько уступающихъ по величинѣ гусинымъ, въ незатѣйливое гнѣздо, скрытое въ самомъ густомъ кустарникѣ; самъ я этихъ яицъ никогда не видѣлъ. На свободѣ куау питается насѣкомыми, улитками, червями, почками листьевъ и сѣменами. Мои плѣнныя птицы всякой другой пищѣ предпочитали обваренный кипяткомъ рисъ. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно.

Аргусъ (Argus giganteus) отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ тѣмъ, что перья плеча и предплечья у него чрезвычайно удлинены, а къ концу расширены. Когда птица сидитъ тихо, то настоящей красоты ея оперенія не видать, за исключеніемъ глазковъ на послѣднемъ маломъ маховомъ перѣ: вся прелесть одежды аргуса проявляется лишь тогда, когда онъ раскрываетъ крылья и растопыриваетъ хвостъ. Короткія перья на темени бархатисто-черныя, на задней части шеи перья, похожія на волосы, покрыты желтыми и черными полосками; перья затылка и верхней части спины на буромъ фонѣ покрыты свѣтло-желтыми пятнами и полосками, на серединѣ спины перья украшены по желтовато-буром фону круглыми темно-бурыми крапинками, перья нижней стороны довольно равномѣрнаго красновато-бураго цвѣта съ черными и свѣтло-желтыми полосками и волнообразными линіями. На наружномъ опахалѣ малыхъ маховыхъ перьевъ находятся продолговатыя темно-бурыя крапинки, окруженныя болѣе свѣтлымъ полемъ; онѣ густо разсажены на сѣровато-красноватомъ фонѣ; внутреннее опахало въ части пера, прилежащей къ основанію, около стержня на сѣровато-красномъ фонѣ покрыто тонкими бѣлыми точками, прочая окраска внутреннихъ опахалъ похожа на окраску внѣшнихъ. На длинныхъ кроющихъ перьяхъ плеча преобладаетъ въ качествѣ основной окраски красивый темный красновато-бурый цвѣтъ; на немъ замѣчаются свѣтлыя сѣровато-красноватыя полосы, въ которыхъ заключены ряды красновато-бурыхъ пятенъ, окруженныхъ болѣе темнымъ пространствомъ, желтовато-бѣлые пятна, линіи и штрихи, буровато-красныя сѣтчатыя полоски и наконецъ, большіе, блестящіе глазки, окруженные темной полосой и свѣтлою каймою. Эти глазки расположены около самаго стержня на наружномъ опахалѣ и явственнѣе выступаютъ на перьяхъ нижней части конечностей, чѣмъ на плечевыхъ перьяхъ. Самыя длинныя хвостовыя перья черныя, стержни внутри пепельно-сѣрые, снаружи красно-бурые, оба опахала украшены бѣлыми пятнами, окруженными чернымъ пространствомъ; прочія рулевыя перья похожи на нихъ, но болѣе мелкія пятна расположены гуще и болѣе правильными рядами. Глазное кольцо красновато-бурое, клювъ бѣлый, цвѣта слоновой кости, голое лицо свѣтлаго пепельно-синяго цвѣта, ноги свѣтлаго карминово-краснаго цвѣта. Общая длина птицы 1,7—1,8 метра, изъ которыхъ на долю среднихъ хвостовыхъ перьевъ приходится 1,2 метра, длина собственно крыла 45 см., длина самыхъ длинныхъ большихъ маховыхъ перьевъ 75 см. Самка значительно меньше и отличается гораздо болѣе простымъ строеніемъ и окраской.

Индюки (Meleagrinae), представляющіе собою подсемейство фазановыхъ птицъ, живущее въ Новомъ Свѣтѣ, — это большія, стройно сложенныя куриныя птицы съ высокими ногами, короткими крыльями и короткимъ хвостомъ. Клювъ у нихъ короткій, крѣпкій, наверху выпуклый и загнутый, ступня довольно высокая и съ длинными пальцами, крылья сильно закруглены, и въ нихъ третье маховое перо самое длинное; хвостъ, состоящій изъ 18-ти широкихъ перьевъ, которыя могутъ подниматься, нѣсколько закругленъ; опереніе обильное, но грубое, каждое отдѣльное перо большое и широкое, окраска очень блестящая. Голова и верхняя часть шеи не оперены и покрыты бородавками; съ надклювья свѣшивается внизъ въ видѣ висюльки растяжимый мясистый махоръ, а съ горла — вялая складка кожи. Своеобразная особенность этихъ птицъ состоитъ еще въ томъ, что на передней части груди нѣкоторыя перья обращаются въ щетиновидныя образованія, которыя длиною значительно превосходятъ прочее опереніе. Группа этихъ птицъ водится на востокѣ и на сѣверѣ Америки.

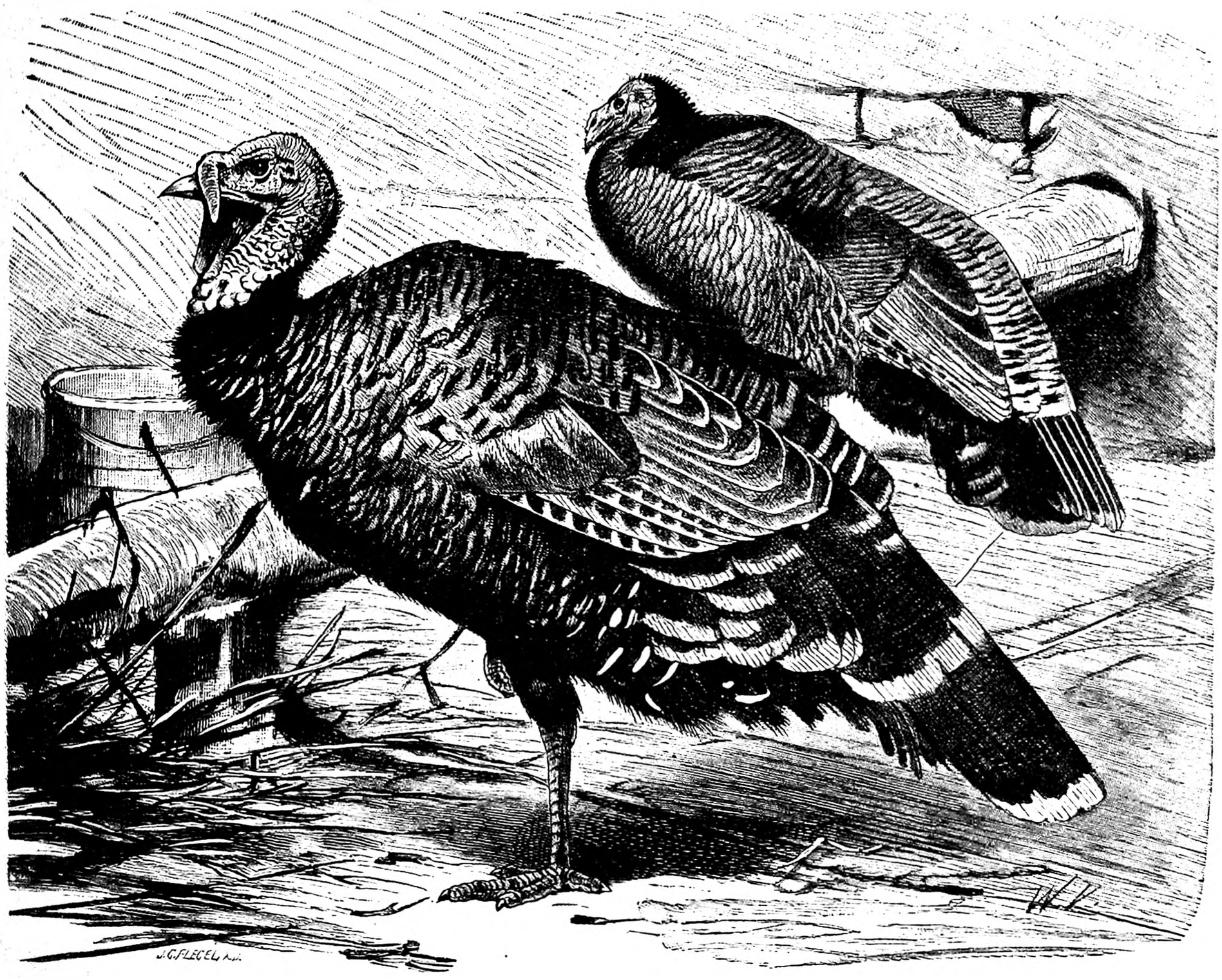
*

У индюка (Meleagris gallopavo) верхняя сторона буровато-желтая съ великолѣпнымъ металлическимъ отливомъ, каждое перо съ широкой бархатисто-черной каймой; нижняя часть спины и кроющія перья хвоста темнаго орѣхово-бураго цвѣта съ зелеными и черными полосами, грудь желтовато-

Аргусъ.

бурая, по бокамъ темнѣе, животъ и ляжки буровато-сѣрые, въ области гузка черноватая съ менѣе явственными каемками на перьяхъ; маховыя перья черно-бурыя, большія маховыя перья сѣровато-бѣлыя, малыя маховыя перья съ буровато-бѣлыми полосками, рулевыя перья на такомъ же фонѣ съ черными волнообразными полосками, полосами и мелкими крапинками, голыя части на головѣ и на шеѣ свѣтлаго небесно-голубого цвѣта, подъ глазомъ темно-синяго цвѣта, бородавки сургучно-красныя. Глаза сѣровато-синіе, клювъ бѣловатаго рогового цвѣта, ноги блѣдно-фіолетовыя или сургучно-красныя. Длина 100—110 см., длина хвоста 40 см. Опереніе самки не такъ красиво и не такъ ярко.

Индюкъ (Meleagris gallopavo). 1/8 естеств. велич.

На материкѣ средней Америки индюкъ замѣняется нѣсколько меньшимъ павлиньимъ индюкомъ (Meleagris ocellata), который, какъ показываетъ его названіе, соединяетъ въ себѣ красоту павлина съ строеніемъ индюка.

О жизни индюка на свободѣ есть много сообщеній, но никто не описалъ жизни его лучше Одюбона. Въ лѣсахъ штатовъ Огіо, Кентукки, Иллинойса и Индіаны, Арканзаса, Теннесси и Алабамы и въ наше время водится еще много индюковъ. Въ Георгіи и Каролинѣ они встрѣчаются рѣже, въ Виргиніи и Пенсильваніи попадаются рѣдко, а въ густо населенныхъ штатахъ уже истреблены. Временами индюки соединяются въ большія общества и предпринимаютъ неправильныя странствованія; подбирая кормъ, они ходятъ по лѣсамъ, причемъ днемъ пребываютъ на землѣ, а ночью отдыхаютъ на высокихъ деревьяхъ. Около октября мѣсяца, когда еще не много древесныхъ сѣмянъ упало на землю, они направляются внутрь странъ, лежащихъ по рр. Огіо и Миссисипи. Самцы составляютъ общества въ 10—100 головъ и ищутъ пропитанія только для себя; самки соединяются со своими еще не вполнѣ выросшими дѣтьми иногда въ почти столь-же многочисленныя стаи и отдѣльно отъ самцовъ направляются по той-же дорогѣ. Такъ они идутъ себѣ, все время

пѣшкомъ, пока ихъ не остановитъ охотничья собака или другой четвероногій хищникъ, или пока имъ не преградитъ путь широкая рѣка. Дойдя до берега такой рѣки, общество индюковъ собирается на самомъ высокомъ мѣстѣ и здѣсь иногда пребываетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, словно совѣщаясь, прежде чѣмъ рѣшится переправиться. Самцы надуваются и кричатъ, какъ будто набираются храбрости, самки и молодыя птицы подражаютъ имъ, насколько могутъ; наконецъ въ тихую погоду все общество предпринимаетъ это трудное дѣло и перелетаетъ черезъ рѣку. Самецъ-вожакъ издаетъ одинъ единственный звукъ „глюк“, который служитъ сигналомъ къ перелету черезъ рѣку. Старымъ птицамъ переправиться не трудно, даже если ширина рѣки доходитъ до одной англійской мили; но болѣе молодыя и менѣе сильныя птицы часто дорогой падаютъ въ воду и тогда должны добираться до берега вплавь. При этомъ онѣ крѣпко прижимаютъ крылья къ тѣлу, развертываютъ хвостъ, вытягиваютъ впередъ шею и гребутъ, что есть мочи, ногами, такъ что обыкновенно достигаютъ суши. Здѣсь же онѣ сначала бѣгаютъ, какъ ошеломленныя, и забываютъ свою обычную осторожность настолько, что легко дѣлаются добычей охотника. Придя въ мѣстность, изобилующую пищей, индюки обыкновенно разбиваются на болѣе мелкія общества, и съ этихъ поръ и старъ, и младъ становятся уже неразлучными. Это происходитъ большею частью въ серединѣ ноября. Позднѣе иногда случается, что, утомившись отъ своихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, индюки приближаются къ домамъ крестьянъ, смѣшиваются съ домашними птицами и вмѣстѣ съ ними входятъ во дворъ.

Около половины февраля пробуждается у этихъ птицъ половое влеченіе. Если одна изъ самокъ издаетъ свой призывной крикъ, то всѣ самцы немедленно откликаются на него быстро слѣдующими другъ за другомъ раскатистыми звуками. Если призывъ раздается съ земли, то всѣ самцы тотчасъ же слетаютъ внизъ и распускаютъ свой хвостъ — все равно, видна самка или нѣтъ; затѣмъ они откидываютъ назадъ голову, подергиваютъ крыльями, принимаютъ странныя позы и издаютъ разные звуки, которые мы привыкли наблюдать у ихъ прирученнаго потомства. При этомъ нерѣдко два самца вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу и борятся съ такимъ остервенѣніемъ, что обыкновенно одинъ изъ нихъ издыхаетъ подъ ударами другого.

Если весна сухая, то самка въ половинѣ апрѣля выбираетъ себѣ подходящее, по возможности сокровенное мѣсто для гнѣзда. Гнѣздо представляетъ собою небольшое углубленіе, небрежно выстланное перьями; яицъ кладется 10—15, иногда 20; они покрыты красными точками по дымчато-желтому фону. Самка всегда приближается къ гнѣзду съ величайшей осторожностью и, покидая его, тщательно прикрываетъ яйца сухими листьями, такъ что вообще очень трудно найти гнѣздо, если не согнать съ него сидящей на яйцахъ матери. Если самка, сидящая на яйцахъ, замѣтитъ врага, то плотнѣе прижимается къ землѣ и не шевелится, пока не увидитъ, что мѣстопребываніе ея открыто. Иногда нѣсколько матерей кладутъ яйца въ одно гнѣздо: Одюбонъ однажды нашелъ трехъ самокъ, сидѣвшихъ на 42 яйцахъ. Въ такихъ случаяхъ общее гнѣздо всегда охраняется одной самкой, такъ что ни одно изъ болѣе слабыхъ хищныхъ животныхъ не можетъ повредить потомству.

Такъ какъ молодыя птицы вылупляются обыкновенно подъ вечеръ, то все семейство почти всегда возвращается въ гнѣздо и здѣсь проводитъ первую ночь. Затѣмъ семейство удаляется на нѣкоторое разстояніе и выбираетъ себѣ самое возвышенное мѣсто въ данной мѣстности, такъ какъ мать совершенно справедливо считаетъ сырость самымъ большимъ зломъ для своихъ дѣтей. Уже на 14 день жизни молодыя птицы, до тѣхъ поръ прикованныя къ землѣ, становятся способны подниматься на воздухъ; съ этихъ поръ семейство подъ вечеръ всегда взлетаетъ на невысокую вѣтку и здѣсь проводитъ ночь, защищенное выпуклыми крыльями матери. Еще нѣсколько позднѣе старая птица вмѣстѣ съ индюшатами днемъ выходитъ изъ лѣсу, чтобы на открытыхъ мѣстахъ или на лугахъ ѣсть разныя ягоды и пользоваться благодѣтельнымъ вліяніемъ солнца. Съ этого времени молодыя птицы растутъ чрезвычайно быстро. Уже въ августѣ мѣсяцѣ онѣ спо-

собны защищаться отъ нападенія четвероногихъ животныхъ; молодой самецъ даже чувствуетъ въ себѣ мужественную силу, начинаетъ уже гордо выступать и издавать свои раскатистые звуки. Около этого времени старыя и молодыя птицы соединяются и приступаютъ къ своимъ странствованіямъ.

Хотя индюкъ особенно любитъ американскіе орѣхи и плоды зимней лозы и всегда встрѣчается во множествѣ тамъ, гдѣ можетъ найти эти плоды, но онъ ѣстъ также всевозможную траву и зелень, хлѣбныя зерна, ягоды, фрукты, а также насѣкомыхъ, маленькихъ кузнечиковъ и т. п.

Во время бѣга индюки нѣсколько распускаютъ крылья, какъ будто собственное тѣло представляетъ для нихъ слишкомъ большую тяжесть; затѣмъ они пробѣгаютъ нѣсколько метровъ съ широко раскрытыми крыльями или два-три раза высоко подпрыгиваютъ на воздухъ, а потомъ продолжаютъ свой путь по землѣ.

Изъ безчисленнаго множества враговъ, преслѣдующихъ индюковъ, самые опасные, послѣ человѣка, рысь, сова-бѣлянка и филинъ-пугачъ.

Охота на индюковъ и ловля ихъ вездѣ производится въ Америкѣ со страстью, но не всегда при этомъ надлежащимъ образомъ берегутъ птицъ. Самца особенно любятъ убивать на току — такъ какъ онъ иногда токуетъ, сидя на деревѣ — и тогда къ нему подкрадываются точно такъ-же, какъ къ токующему глухарю; иногда для спугиванья птицы прибѣгаютъ къ помощи собакъ, поджидаютъ индюковъ около выслѣженныхъ мѣстъ ихъ ночлега или вблизи мѣстъ, гдѣ они могутъ найти для себя много корму и т. д. Для охоты требуется умѣлый охотникъ, такъ какъ пугливость этой дичи съ самаго начала обезкураживаетъ случайныхъ охотниковъ. Гораздо легче ловить индюковъ, и способъ ловли доказываетъ глупость этихъ птицъ. Въ лѣсахъ нагромождаются другъ на друга стволы деревьевъ въ 2—3 метра длиною, какъ балки блокгауза, наверху строеніе прикрывается хворостомъ, а внизу подъ одной изъ боковыхъ стѣнъ проводится канавка такой ширины, чтобы по ней могъ пройти крупный самецъ; канавка эта ведетъ къ серединѣ западни, причемъ внутри послѣдней канавка возлѣ стѣны сверху прикрывается. Въ западню и въ канавку насыпается въ видѣ приманки маисъ. Проходящіе мимо индюки находятъ желанный кормъ, слѣдуютъ по тому пути, гдѣ онъ насыпанъ, видятъ въ западнѣ обильный кормъ и вползаютъ туда по канавкѣ; одинъ индюкъ входитъ туда за другимъ, причемъ иногда въ помѣстительномъ строеніи собирается все общество и клюетъ разсыпанныя зерна. Но вмѣсто того, чтобы опять выползти изъ середины строенія по канавкѣ, глупыя птицы бѣгаютъ вдоль стѣнъ, гдѣ канавка прикрыта, высовываютъ головы между балками и напрасно стараются такимъ образомъ вырваться на свободу. Ни одна птица не находитъ выхода, и на слѣдующее утро птицеловъ добываетъ все общество изъ западни.

Индюкъ былъ привезенъ въ Европу очень скоро послѣ открытія Америки. Первый упоминаетъ объ этихъ птицахъ Овіедо. „Въ Новой Испаніи“, пишетъ онъ, „есть крупные и очень вкусные павлины, которыхъ много привезено на острова и въ провинцію Кастилію дель Оро, и гдѣ ихъ кормили въ домахъ христіанъ. Самки невзрачны; пѣтухи-же красивы, часто развертываютъ хвостъ колесомъ, хотя хвостъ ихъ не такъ красивъ, какъ у испанскихъ павлиновъ.“ Гиллліусъ упоминаетъ объ индюкѣ, какъ о домашней птицѣ европейцевъ; но въ 1557 г. индюки были еще такъ рѣдки и такъ дороги, что венеціанскій совѣтъ рѣшалъ, когда могутъ подаваться на столъ „индѣйскіе пѣтухи“. Въ Англію индюки были привезены въ 15-й годъ царствованія Генриха VIII, или въ 1524 г., въ Германію около 1534 г., во Францію нѣсколько позднѣе. Въ настоящее время индюки вездѣ встрѣчаются въ качествѣ домашней птицы.

Въ послѣднее время индюковъ съ успѣхомъ поселили въ качествѣ дичи въ нѣмецкихъ лѣсахъ — въ Помераніи, въ восточной Пруссіи, Ганноверѣ и т. д., а также въ Австріи. Можно сказать, что эту цѣнную дичь удастся распространить вездѣ, гдѣ естественныя условія соотвѣтствуютъ ея потребностямъ.

Неутѣшныя сестры Мелеагра, оплакивавшія смерть своего брата, были обращены въ птицъ, опереніе которыхъ казалось словно обрызганнымъ слезами. Такъ гласитъ преданіе, свидѣтельствующее о томъ, что древнимъ были уже извѣстны птицы, которыхъ мы называемъ цесарковыми.

Признаки цесарковыхъ птицъ (Numidinae), образующихъ послѣднее подсемейство фазановыхъ птицъ, слѣдующіе: сильное сложеніе, короткія крылья, средней длины хвостъ, очень удлиненныя верхнія кроющія перья хвоста, вообще обильное опереніе; средней вышины ноги, обыкновенно безъ шпорцевъ и съ короткими пальцами, крѣпкій клювъ, болѣе или менѣе голая голова и шея, украшенныя пучкомъ перьевъ, хохолкомъ, брыжжами, шлемомъ и кожистыми складками; очень однообразная окраска и рисунокъ на перьяхъ, состоящій изъ свѣтлыхъ крапинокъ по темному фону и свойственный обоимъ поламъ, такъ же какъ и головное украшеніе.

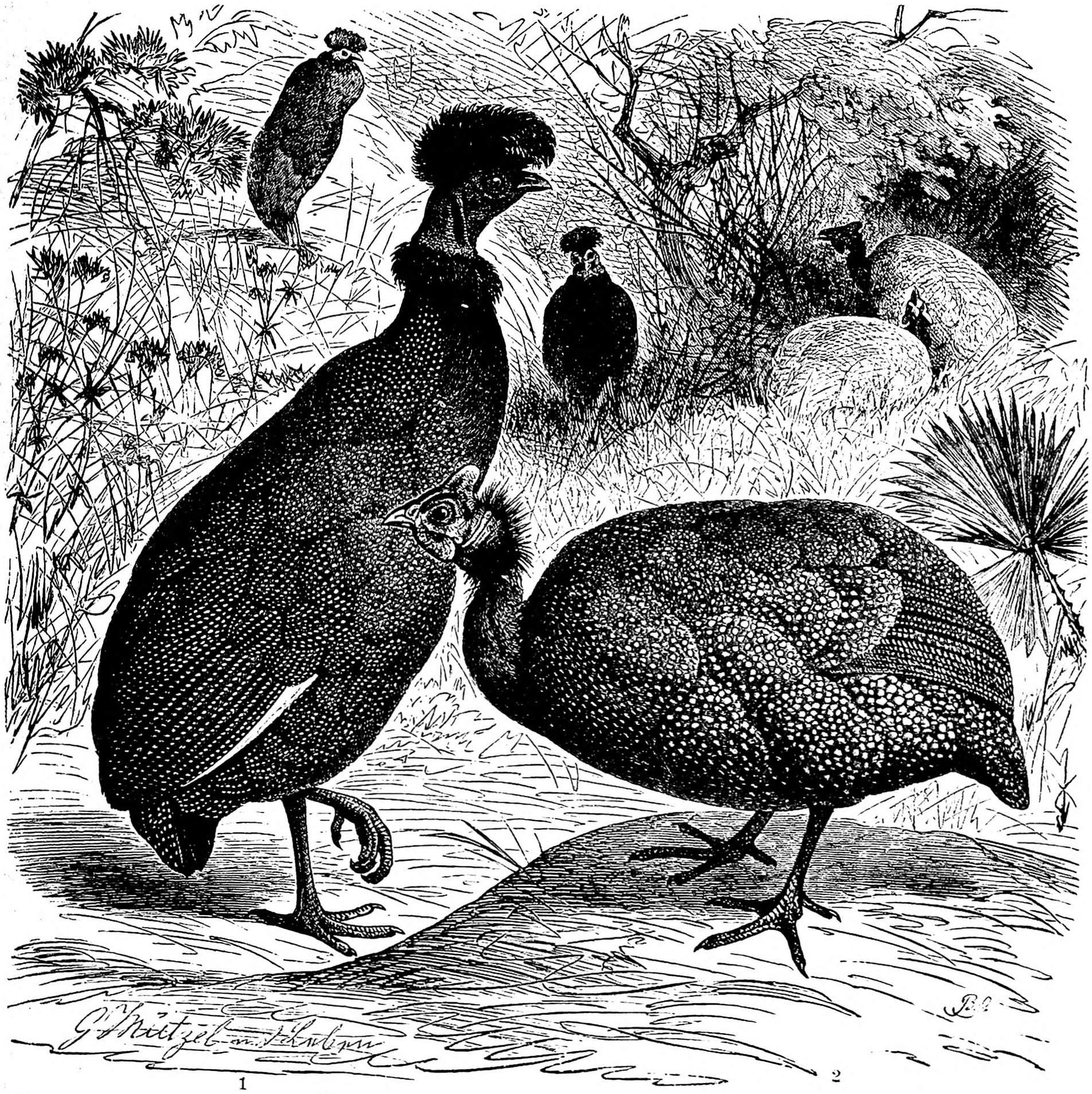
Упомянувъ мимоходомъ о двухъ менѣе извѣстныхъ видахъ, каковы великолѣпная восточно-африканская грифовая цесарка (Numida vulturina) и хохлатая цесарка (Numida cristata), перейдемъ къ описанію наиболѣе извѣстной птицы изъ этой группы.

У обыкновенной цесарки (Numida meleagris) находится на серединѣ темени болѣе или менѣе длинный рогъ и подъ нижней створкой клюва двѣ кожистыхъ или мясистыхъ складки. У этой родоначальницы нашей домашней цесарки верхняя часть груди и затылокъ безъ пятенъ, лиловаго цвѣта, спина и надхвостье по сѣрому фону усѣяны мелкими бѣлыми крапинками съ болѣе темными каемками; крапинки эти на верхнихъ кроющихъ перьяхъ крыльевъ становятся больше, отчасти также сливаются, и на наружномъ опахалѣ малыхъ маховыхъ перьевъ превращаются въ узенькія поперечныя полосы; нижнія части тѣла на сѣровато-черномъ фонѣ довольно равномѣрно усажены большими круглыми пятнами; маховыя перья буроватыя, съ бѣлыми полосками на наружномъ опахалѣ, на внутреннемъ опахалѣ съ неправильными полосками и крапинками, темно-сѣрыя рулевыя перья съ красивыми крапинками, и только боковыя отчасти украшены полосами, такъ какъ и здѣсь пятна сливаются; складки кожи широкія и довольно длинныя. Глаза темно-каріе, область щекъ синевато-бѣлаго цвѣта, гребешокъ красный, шлемъ рогового цвѣта, клювъ красновато-желтаго рогового цвѣта, наростъ при основаніи клюва, напоминающій восковицу, красный, ноги грязноватаго аспидно-сѣраго цвѣта, а выше того мѣста, гдѣ прикрѣплены пальцы, мясного цвѣта. Цесарки, выращенныя въ неволѣ и происходящія отъ ранѣе прирученныхъ птицъ, отличаются отъ дикихъ главнымъ образомъ большей величиной. Вырожденіе этихъ птицъ наблюдается часто.

Всѣ цесарки родомъ изъ Африки; обыкновенная цесарка, родина которой въ западной Африкѣ, сдѣлалась домашнимъ животнымъ и одичала въ Вестъ-Индіи и на Зондскихъ островахъ. Разные виды водятся, повидимому, только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Грифовая цесарка встрѣчается только въ прибрежныхъ странахъ восточной Африки.

Образъ жизни различныхъ видовъ, какъ кажется, весьма сходенъ, если не говорить о нѣкоторыхъ несущественныхъ уклоненіяхъ. Цесарка нуждается въ мѣстностяхъ, покрытыхъ густымъ низкимъ лѣсомъ, среди котораго попадаются поляны. Всѣмъ требованіямъ этихъ птицъ отвѣчаютъ мѣстности на равнинѣ, обильно поросшія кустарникомъ, лѣса, гдѣ земля покрыта густыми кустами, степи, въ которыхъ произрастаютъ не однѣ только травы, плоскогорія, находящіяся на высотѣ не болѣе 3000 метровъ, и отлогіе склоны горъ, усѣянные обломками скалъ и въ то же время одѣтые пышною растительностью. Въ зубчатыхъ и изборожденныхъ ущельями горахъ на островахъ Зеленаго Мыса цесарка находитъ для себя такую подходящую мѣстность, что здѣсь встрѣчается массами; чѣмъ больше и чѣмъ безлюднѣе островъ, чѣмъ неприступнѣе гористыя дебри, тѣмъ чаще встрѣчаетъ путешественникъ эту птицу. Здѣсь она оживляетъ всѣ горные хребты, встрѣчаясь многочисленными обществами главнымъ образомъ въ кустарниковыхъ лѣсахъ, состоящихъ изъ древовидныхъ молочайниковъ; они даютъ ей вѣрное убѣжище, рѣдко

кѣмъ-либо посѣщаемое. Такъ какъ на Вестъ-Индскихъ островахъ есть подобныя же мѣстности, то цесарка тамъ быстро съумѣла ускользнуть изъ подъ власти человѣка и поселиться на свободѣ. Уже шесть человѣческихъ поколѣній тому назадъ цесарки часто встрѣчались на о. Ямайкѣ; въ настоящее время онѣ тамъ такъ обыкновенны, что иногда становятся бѣдствіемъ для населенія. На Кубѣ цесарки также попадаются въ различныхъ мѣстахъ, особенно на сѣверѣ этого острова, такъ какъ здѣсь многіе хозяева покинули свои кофейныя плантаціи съ цѣлью завести

1) Хохлатая цесарка (Numida cristata). 2) Обыкновенная цесарка (Numida meleagris). $^1/_4$ естеств. велич.

новыя плантаціи въ лучшихъ мѣстахъ. На старыхъ плантаціяхъ остались ручныя цесарки, которыя размножились и совершенно одичали.

Цесарки — птицы осѣдлыя, хотя и не въ строгомъ смыслѣ этого слова. Тамъ, гдѣ онѣ часто встрѣчаются, увидѣть ихъ не трудно. Онѣ умѣютъ заявить о себѣ, хотя бы своимъ голосомъ, похожимъ на трубный звукъ: онъ раздается по утрамъ и по вечерамъ и хорошо извѣстенъ тѣмъ, кто наблюдалъ домашнихъ цесарокъ.

Цесарки всегда улетаютъ при приближеніи человѣка. Онѣ менѣе осторожны, чѣмъ пугливы; стадо коровъ спугиваетъ ихъ, при видѣ собаки онѣ теряютъ всякое самообладаніе, человѣкъ приводитъ ихъ по меньшей мѣрѣ въ

сильное волненіе. Поэтому не особенно легко наблюдать ихъ жизнь; при приближеніи къ этимъ птицамъ не слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, упускать изъ виду нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности. Если подкрасться къ обществу, крикъ котораго уже издалека слышенъ, то можно видѣть, какъ оно проходитъ по полянѣ или крадется между обломками скалъ или между кустами. Какъ индѣйцы по своимъ военнымъ тропинкамъ, цесарки бѣгутъ другъ за другомъ длинными рядами, и всѣ дѣлаютъ то же, что и первая изъ нихъ. Отдѣльныя парочки встрѣчаются очень рѣдко, семьи въ 15—20 головъ чаще, обыкновенно же можно видѣть многочисленныя общества, составленныя иногда изъ 6—8 семей. Семьи эти живутъ въ тѣсной связи, и общества также составляютъ между собою союзъ. Если семью или общество что-нибудь испугаетъ, то оно раздѣляется, такъ что, строго говоря, каждая птица идетъ своей дорогой. Всѣ бѣгутъ, мчатся, летятъ или порхаютъ съ возможной скоростью по направленію къ какому нибудь убѣжищу; но тотчасъ послѣ водворенія спокойствія самцы издаютъ свои трубные звуки и быстро сзываютъ все общество. Лишь въ томъ случаѣ, если цесарки уже подвергались преслѣдованіямъ, онѣ пытаются летать, если ихъ спугнутъ; но и тогда онѣ, пока это возможно, полагаются на свои быстрыя ноги.

Иначе поступаютъ нѣкоторые виды цесарокъ, когда ихъ преслѣдуетъ собака или какое-нибудь другое четвероногое животное. Онѣ знаютъ, что отъ такого врага онѣ не могутъ спастись ни бѣгствомъ, ни при помощи своихъ быстро утомляющихся крыльевъ. Поэтому онѣ съ возможно бо́льшей поспѣшностью взлетаютъ на деревья, откуда ихъ потомъ очень трудно согнать. Одинъ врагъ, повидимому, заставляетъ ихъ забывать о всѣхъ другихъ, ибо, взлетѣвъ на дерево, цесарки съ глупымъ безстрашіемъ подпускаютъ къ себѣ человѣка, отъ котораго въ другое время бѣгутъ; съ боязливыми движеніями стоятъ онѣ передъ дуломъ ружья, не рѣшаясь улетѣть, и тогда только поднимаются, когда раздавшійся выстрѣлъ приводитъ ихъ въ еще большій ужасъ. Но и теперь онѣ поступаютъ столь же безразсудно, какъ и раньше. При видѣ собаки онѣ не рѣшаются улетѣть подальше, а улетаютъ самое бо́льшее на ближайшія деревья, здѣсь опять садятся и во второй, въ третій, въ десятый разъ подпускаютъ къ себѣ охотника. Если ихъ вспугнетъ мирный путешественникъ или охотникъ, уже настрѣлявшій достаточное количество добычи, и если ихъ не пугаютъ выстрѣлами, то цесарки убѣгаютъ, какъ обыкновенно, и садятся на высокое мѣсто, откуда съ любопытствомъ смотрятъ на подходящаго къ нимъ человѣка, странно откидывая голову назадъ и впередъ; затѣмъ онѣ издаютъ пронзительный крикъ и продолжаютъ свое бѣгство. Для ночлега всѣ виды выбираютъ возвышенныя мѣста, гдѣ считаютъ себя въ наибо́льшей безопасности. Любимыя мѣста ночлега — это высокія деревья по берегамъ рѣкъ; точно такъ же цесарки въ горахъ подъ вечеръ взлѣзаютъ по стѣнамъ скалъ на острые края утесовъ и отыскиваютъ себѣ здѣсь для ночлега мѣста, недоступныя другимъ животнымъ, по крайней мѣрѣ четвероногимъ хищникамъ.

Пища мѣняется въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ живутъ цесарки, а также въ зависимости отъ времени года. Весною, когда идутъ дожди, главную пищу цесарокъ составляютъ, вѣроятно, насѣкомыя; позднѣе онѣ ѣдятъ ягоды, листья, почки, кончики травы и наконецъ всевозможныя зерна. На о. Ямайкѣ цесарки въ болѣе прохладные мѣсяцы многочисленными обществами выходятъ изъ лѣсовъ и разсѣиваются по полямъ, которымъ причиняютъ довольно значительный вредъ. Яицъ цесарка кладетъ 5—8, иногда и больше; яйца ея грязновато-желтовато-бѣлыя, довольно блестящія и съ чрезвычайно толстой скорлупой. Высиживаніе продолжается 25 дней. Самецъ и самка никогда не удаляются отъ своего выводка и стараются шумомъ и быстрымъ снованіемъ взадъ и впередъ обратить вниманіе человѣка на себя. Цыплята въ пуху похожи по внѣшнему виду и по своимъ ухваткамъ на молодыхъ фазановъ; послѣ вылупленія старыя цесарки скоро уводятъ своихъ цыплятъ, которые быстро растутъ и, достигнувъ половины величины своихъ родителей, повсюду слѣдуютъ за ними и уже по ночамъ взлетаютъ съ ними для ночлега на деревья.

Цесарки легче привыкаютъ къ неволѣ, чѣмъ какія бы то ни было другія

дикія куры, но почти никогда не дѣлаются совершенно ручными и только тогда размножаются, когда имѣютъ въ своемъ распоряженіи обширное пространство. Зато пойманныхъ цесарокъ можно очень скоро пріучить къ тому, чтобы онѣ не убѣгали за предѣлы двора и сада; даже во время путешествія онѣ такъ свыкаются съ неволей, что на привалахъ имъ можно позволять бѣгать около экипажа; утромъ, когда продолжается путь, онѣ всегда являются и безъ труда даютъ запирать себя въ клѣтки. Цесарки сварливы, постоянно ссорятся съ домашними пѣтухами и индюками, иногда со злобой накидываются на дѣтей и на взрослыхъ пѣтуховъ, разгуливаютъ и забираются далеко, прячутъ насколько возможно свое гнѣздо, на яйцахъ сидятъ не особенно усердно и не переносятъ сильныхъ холодовъ. Онѣ доставляютъ человѣку удовольствіе своею вѣчною подвижностью, своимъ красивымъ опереніемъ и своими своеобразными позами во время бѣга.

У цесарокъ очень много враговъ. Всѣ африканскія кошки, начиная съ леопарда и гепарда и кончая рысью, всѣ шакалы и лисицы нападаютъ какъ на старыхъ, такъ и на молодыхъ птицъ, а виверры уносятъ ихъ яйца и цыплятъ; всѣ крупныя хищныя птицы ревностно гоняются за этой дичью, овладѣть которою такъ легко, и даже пресмыкающимся цесарка нерѣдко достается на обѣдъ: въ желудкѣ исполинской змѣи, длиною въ 2,5 метра, найдена была однажды совершенно взрослая цесарка. Человѣкъ охотится на цесарокъ съ удовольствіемъ, такъ какъ ихъ можно убивать безъ большого труда, хотя онѣ, замѣтивъ, что ихъ преслѣдуютъ, скоро становятся очень робкими. На о. Ямайкѣ для нихъ разсыпаютъ зерна, размоченныя въ ромѣ и т. п.; поѣвъ такихъ зеренъ, цесарки пьянѣютъ и тогда безъ всякаго сопротивленія отдаются въ руки охотника.

Очень своеобразное семейство куриныхъ птицъ составляютъ гокко (Cracidae). Это большія или средней величины птицы, стройнаго сложенія; клювъ у нихъ обыкновенно длиннѣе, чѣмъ у большинства другихъ куриныхъ птицъ, и покрытъ сзади восковицей, которая занимаетъ всю носовую полость, обыкновенно захватываетъ также уздечки и область глазъ и покрываетъ наростъ, нерѣдко находящійся при основаніи клюва; ноги у нихъ средней толщины и средней вышины, длинныя, крылья сильно закругленныя, хвостъ очень длинный, толстый, съ боковъ нѣсколько укороченный или довольно равномѣрно обрѣзанный. Нѣкоторыя перья у этихъ птицъ широкія и закругленныя, но стержни ихъ большею частью своеобразно утолщены; они начинаются вздутіемъ у корня и лишь къ концу пера становятся тоньше. У нѣкоторыхъ видовъ это строеніе пера принимаетъ такую рѣзкую форму, что стержень въ серединѣ пера бываетъ въ десять или въ двадцать разъ толще, чѣмъ на концѣ, и въ шесть или въ десять разъ толще, чѣмъ при основаніи. Темная окраска преобладаетъ, но свѣтлые цвѣта не исключаются.

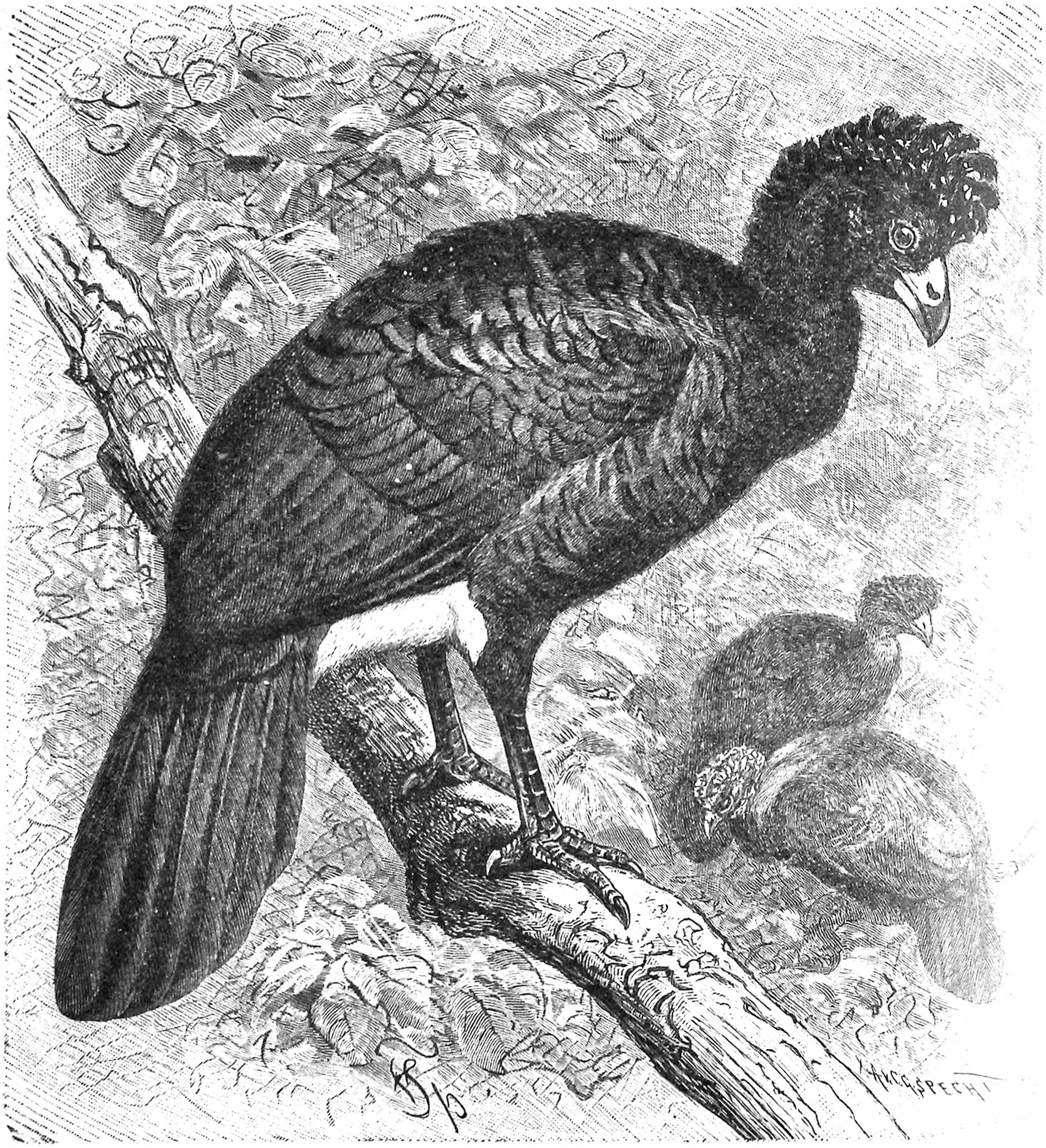
У настоящихъ гокко (Crax) клювъ высокій, сильно загнутый на гребнѣ, при основаніи всегда покрытый восковицей и украшенный наростами, которые въ періодъ спариванья надуваются; перья на темени и на задней части головы большею частью торчатъ въ видѣ гребешка, который состоитъ изъ узкихъ, жесткихъ перьевъ, слегка загнутыхъ назадъ, но на кончикѣ снова загибающихся впередъ.

У гокко (Crax alector, рис. на стр. 568), имя котораго сдѣлалось общимъ названіемъ всей группы, при основаніи клюва находится желтый мясистый наростъ; кромѣ бѣлаго брюшка, зада и бѣлой каймы на концѣ хвостовыхъ перьевъ, вся птица окрашена въ блестящій синевато-черный цвѣтъ. Глаза у нея каріе. Длина около 95 см.

Всѣ виды живутъ въ Южной и средней Америкѣ, не исключая и южной части Мексики; гокко обитаетъ внутри Бразиліи, отъ Гвіаны до Парагвая, и тамъ встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ.

Жизнь гокко связана съ деревьями, и они покидаютъ лѣсъ только на самое короткое время. Правда, этихъ птицъ часто можно видѣть на землѣ, по кото-

рой онѣ бѣгаютъ очень быстро, если почва ровная; но обыкновенно приходится видѣть ихъ на вѣтвяхъ деревьевъ, гдѣ въ періодъ спариванья онѣ сидятъ парами, а въ другое время по три, по четыре и болѣе экземпляровъ. По вѣтвямъ гокко двигаются медленно, хотя сравнительно ловко; летаютъ они низко, въ горизонтальномъ направленіи и не могутъ долго держаться на воздухѣ. Всѣ виды обращаютъ на себя вниманіе своимъ голосомъ, всегда своеобразнымъ, но у разныхъ видовъ

Гокко (Crax alector). 1/5 естеств. велич.

различнымъ. Нѣкоторые гокко ворчатъ, другіе свистятъ, третьи мурлычатъ, иные кричатъ глубокимъ груднымъ звукомъ „гу гу гу гу“, иные издаютъ звуки вродѣ „рака рака“. Голосъ гокко слышится болѣе всего въ періодъ спариванья и особенно въ раннія утреннія часы.

Пища гокко, живущихъ на свободѣ, состоитъ главнымъ образомъ и можетъ быть исключительно изъ плодовъ. Гокко и пенелопы отыскиваютъ себѣ пищу совершенно иначе, чѣмъ всѣ другіе ихъ родственники по отряду; они не скребутся, а самое бо́льшее подбираютъ кормъ или срываютъ его, какъ это дѣлаютъ голуби.

О размноженіи гокко пока извѣстно очень мало; но мы знаемъ, что они высиживаютъ яйца не на землѣ, а на деревьяхъ. „Свои плоскія гнѣзда“, говоритъ Мартіусъ, „они строятъ изъ хвороста въ углахъ между вѣтвями, помѣщая ихъ не высоко надъ землей; самка, какъ мы сами наблюдали, и какъ говорили намъ индѣйцы, кладетъ всегда только 2 бѣлыхъ яйца, крупнѣе нашихъ куриныхъ яицъ.“

Такъ какъ мясо гокко по нѣжности не уступаетъ голубиному, а по вкусу — мясу индюка, то на этихъ птицъ въ южной Америкѣ усердно охотятся, особенно въ періодъ спариванья, когда гокко выдаютъ себя своимъ далеко разносящимся крикомъ. Въ дремучемъ лѣсу, вдали отъ жилища человѣка, они, какъ говорятъ, не боятся людей. Кромѣ мяса убитыхъ птицъ, индѣйцы употребляютъ ихъ жесткія маховыя или хвостовыя перья для приготовленія вѣеровъ.

Плѣнные гокко, которые встрѣчаются почти во всѣхъ поселеніяхъ индѣйцевъ, выводятся изъ яицъ, взятыхъ въ лѣсу и высиженныхъ домашними курами; какъ говорятъ, плѣнные гокко размножаются только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ.

О легкости приручения этихъ птицъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ наблюдатели и всѣ птицеводы. Уже Азара говоритъ о томъ, что въ поселеніяхъ гокко не только живутъ какъ домашнія куры, но буквально обращаются въ комнатныхъ животныхъ. Соннини видѣлъ въ Гвіанѣ цѣлыя толпы прирученныхъ гокко, бѣгавшихъ по улицамъ: они свободно двигались по нимъ и не чувствовали ни малѣйшаго страха передъ людьми. Эти птицы посѣщали дома, гдѣ имъ давали кормъ, и хозяевъ своихъ хорошо узнавали. Для ночлега онѣ выбирали себѣ возвышенныя мѣста и въ селеніяхъ и городахъ располагались такъ же, какъ и павлины, на крышахъ высокихъ домовъ. Бэтсъ сообщаетъ объ одномъ плѣнномъ гокко, который былъ очень привязанъ къ своему хозяину и самъ, повидимому, считалъ себя членомъ семьи; онъ появлялся во время всякой трапезы, бѣгалъ кругомъ стола, переходилъ отъ одного къ другому, чтобы его покормили, и иногда терся головой о щеку или о плечо своихъ друзей. Ночью онъ избиралъ себѣ мѣсто для ночлега около гамака одной маленькой дѣвочки, которую особенно любилъ и за которой слѣдовалъ во время всѣхъ ея прогулокъ. Такая милая привязчивость должна была бы, повидимому, сдѣлать гокко общими любимцами; тѣмъ не менѣе ихъ не всегда охотно держатъ въ неволѣ. Помимо того, что это скучныя животныя, гокко имѣютъ другія непріятныя стороны, а именно то, что они глотаютъ все блестящее, напр. золотыя запонки, и портятъ ихъ, благодаря сильнымъ мускуламъ своего желудка.

Гокко вовсе не годятся для размноженія въ прирученномъ состояніи. Вообще держать этихъ птицъ не легко. Всѣ онѣ, правда, скоро привыкаютъ къ пищѣ, замѣняющей имъ естественную, и въ этомъ отношеніи не притязательны; но зимою онѣ требуютъ для себя теплаго хлѣва, ибо иначе отмораживаютъ себѣ пальцы на ногахъ или погибаютъ; къ тому же онѣ вовсе не отличаются такою уживчивостью, какъ говорили о нихъ, сильно ссорятся съ себѣ подобными и съ курами, а потому ихъ почти невозможно держать вмѣстѣ съ другими домашними птицами. Кромѣ того, гокко до нѣкоторой степени привлекательны только въ томъ случаѣ, если имѣютъ въ своемъ распоряженіи большое пространство; въ болѣе тѣсномъ мѣстѣ они чрезвычайно скучны.

*

Пенелопы (Penelope) отличаются отъ гокко своимъ продолговатымъ туловищемъ, тонкимъ и низкимъ клювомъ, при основаніи покрытымъ широкой восковицей, низкими ногами, сравнительно длиннымъ, сильно закругленнымъ хвостомъ, голымъ пространствомъ вокругъ глаза, почти голымъ горломъ, т. е. лишь скудно покрытымъ короткими кистеобразными или длинными волосообразными перьями, и опереніемъ, которое удлиняется на головѣ въ видѣ пучка или хохолка, но никогда не образуетъ гребня. Окраска оперенія сходна съ окраскою гокко въ томъ отношеніи, что на верхней сторонѣ преобладаетъ темный металлическій зеленый или бурый цвѣтъ, а на нижней сторонѣ, особенно на груди, многія перья имѣютъ свѣтлыя каемки.

Шакупемба (Penelope superciliaris) отличается сравнительно большой величиной; хвостъ у нея средней длины, переднія маховыя перья на концѣ сильно сужены, опереніе мягкое, хохолокъ на головѣ средней длины, лобъ, бока головы и горло голые. Опереніе на верхней части головы, на затылкѣ, шеѣ и груди аспидно-черное, на спинѣ, крыльяхъ и хвостѣ металлическаго зеленаго цвѣта съ бѣловато-сѣрыми и ржаво-красновато-желтыми каемками; брюшко и задъ украшены волнообразными поперечными полосами ржаво-желтовато-краснаго и бураго цвѣта или снабжены бурыми и ржаво-желтовато-красными каемками. Глаза каріе, голое пространство вокругъ нихъ черное, голое горло темнаго мясного краснаго цвѣта, клювъ рогового сѣровато-бураго цвѣта, ноги сѣроватаго мясного бураго цвѣта. Длина 62 см., длина хвоста 27 см. У самки менѣе явственно выдѣляются бровныя полоски и каемки перьевъ расплываются.

Пенелопы водятся въ средней и южной Америкѣ, отъ южнаго Техаса до Парагвая и Чили, и живутъ въ высокихъ лѣсахъ. Разные виды живутъ обыкновенно рядомъ другъ съ другомъ, иногда же вмѣстѣ, одни на берегу моря, другіе въ гористыхъ мѣстностяхъ, иные даже на высокихъ горахъ до высоты 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Шакупемба обитаетъ въ лѣсахъ на восточномъ берегу Бразиліи. Всѣ болѣе крупные виды держатся особнякомъ, болѣе мелкіе же обыкновенно большими стаями, доходящими до ста и болѣе штукъ. Такими обществами обыкновенно предводительствуетъ одинъ самецъ, которому вся стая повинуется.

Благодаря великолѣпному устройству дыхательнаго горла, пенелопы обладаютъ удивительнымъ голосомъ, о которомъ разсказываютъ всѣ путешественники. Пенелопы раньше всякихъ другихъ птицъ возвѣщаютъ наступленіе дня, но и въ болѣе позднее время часто слышится голосъ ихъ. Крикъ ихъ непріятенъ, и его нельзя хорошо передать слогами; но до нѣкоторой степени вѣрно онъ передается звуками вродѣ „шаку“, „гуан“, „парраква“, „апети“ и „абурри“. По словамъ Овена, нѣкоторые виды почти оглушаютъ путешественника производимымъ ими шумомъ и гамомъ. Одинъ изъ членовъ общества начинаетъ издавать нѣсколько бренчащихъ звуковъ, прочіе мало по малу принимаются подтягивать, гамъ все усиливается и наконецъ становится невыносимымъ для человѣческаго уха. Затѣмъ онъ слабѣетъ и хоть ненадолго совершенно умолкаетъ.

Питаются пенелопы главнымъ образомъ древесными плодами и ягодами. Принцъ Видъ всегда находилъ въ желудкѣ убитыхъ имъ пенелопъ остатки насѣкомыхъ.

Относительно размноженія этихъ птицъ имѣется нѣсколько сообщеній; но всѣхъ подробностей мы еще не знаемъ. Всѣ пенелопы сооружаютъ себѣ гнѣзда на вѣтвяхъ деревьевъ и только въ исключительномъ случаѣ на землѣ. Гнѣздо состоитъ изъ сучьевъ или покрытыхъ листьями вѣточекъ и построено довольно небрежно. Яицъ кладется 2—3, иногда и 4—6; яйца большія, бѣлыя.

Пенелопы, вынутыя изъ гнѣзда, скоро становятся ручными и безъ труда привыкаютъ къ какой нибудь опредѣленной мѣстности. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пенелопы выращены, онѣ расхаживаютъ, какъ домашнія куры, часто снова возвращаются послѣ продолжительнаго отсутствія, а потому встрѣчаются во всѣхъ почти поселеніяхъ индѣйцевъ и принадлежатъ къ ихъ любимымъ домашнимъ птицамъ, такъ какъ доставляютъ чрезвычайно мало хлопотъ. Только одному требованію человѣка пенелопы подчиняются неохотно. Ихъ трудно пріучить къ ночлегу въ хлѣву или вообще въ закрытомъ мѣстѣ, такъ какъ онѣ предпочитаютъ спать на крышахъ домовъ или на сосѣднихъ деревьяхъ. Если заняться ими, то можно сдѣлать изъ нихъ буквально комнатныхъ животныхъ. Несмотря на эти привлекательныя свойства, ихъ врядъ-ли можно ввести въ Европѣ, такъ какъ въ неволѣ онѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ кладутъ яйца, а въ клѣткѣ еще никогда не размножались. Кромѣ того онѣ, также какъ и гокко, не могутъ переносить европейскаго климата, страдаютъ отъ его суровости и часто даже погибаютъ отъ холода.

Говорятъ, что мясо пенелопъ очень вкусное; поэтому въ иныхъ мѣстностяхъ нѣкоторые виды совершенно истреблены, другіе значительно уменьшились численно.

Постоянныя преслѣдованія дѣлаютъ этихъ птицъ очень робкими. Если охотнику-индѣйцу удается набрести на общество пенелопъ, то онъ обыкновенно производитъ между ними страшныя опустошенія, такъ какъ можетъ убить изъ духового ружья 3—4 штуки, прежде чѣмъ прочія замѣтятъ его и обратятся въ бѣгство. Птица, пораженная безшумною стрѣлкою, падаетъ съ дерева; другія же пенелопы продолжаютъ свое дѣло и только вытягиваютъ головы во слѣдъ своему исчезающему товарищу и робко оглядываются вокругъ, стараясь отыскать причину его гибели.

Подъ именемъ большеногихъ куръ извѣстны куриныя птицы, обитающія въ Океаніи и особенно въ Австраліи; способомъ вывода своего потомства онѣ отличаются не только отъ всѣхъ своихъ родственниковъ, но и отъ всѣхъ живущихъ на землѣ птицъ. Всѣ большеногія куры помѣщаютъ свои необычайно крупныя яйца въ холмикахъ, насыпанныхъ изъ земли и листьевъ; въ этихъ холмикахъ, вслѣдствіе гніенія растительныхъ веществъ, развивается такая теплота, что яйцо достигаетъ полнаго развитія. Изъ яйца выходитъ птица уже совершенно оперенная и настолько самостоятельная, что способна прокормить себя безъ помощи родителей.

По строенію своему большеногія куры (Megapodiidae), которыхъ извѣстно 28 видовъ, сходны съ фазанами, но по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ по своему движенію, и особенно по манерѣ летать, напоминаютъ водяныхъ курочекъ. Это птицы средней величины, и отличительнымъ признакомъ ихъ служатъ высокія ноги съ длинными пальцами и крѣпкими когтями, т. е. ноги вполнѣ хорошо развитыя. Скелетъ ихъ только въ нѣкоторыхъ деталяхъ разнится отъ скелета другихъ куриныхъ птицъ; особенно поражаетъ ширина таза, повидимому, находящаяся въ связи съ чрезвычайно большой величиной яйца. Незначительная величина мозга, а также удивительный способъ размноженія большеногихъ куръ указываютъ на низкую степень ихъ развитія.

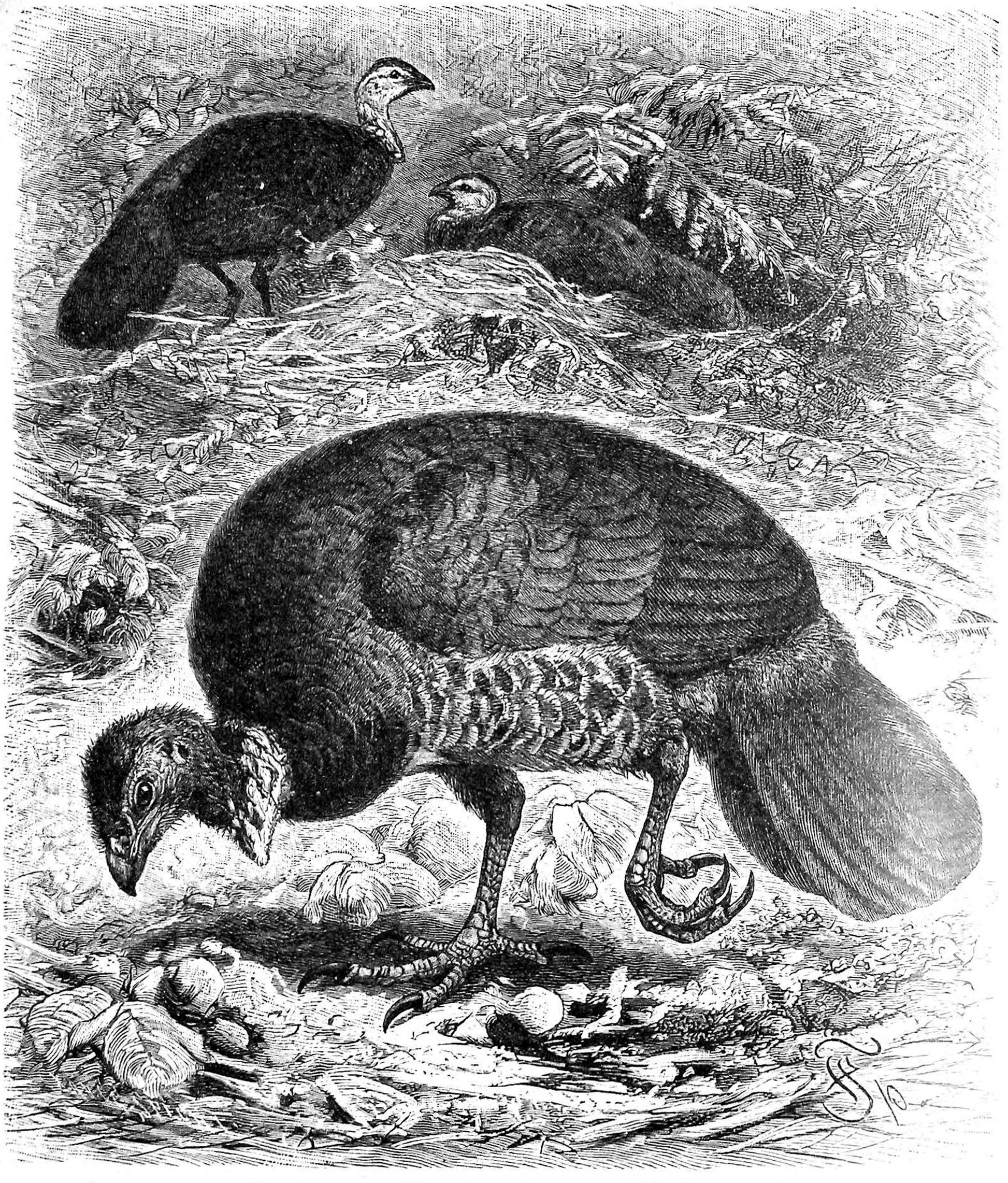
Большеноги (Megapodius) имѣютъ нѣкоторое сходство съ водяными курочками.

Большеногъ (Megapodius tumulus) величиной приблизительно съ самку фазана. На головѣ у него перья темнаго красновато-бураго цвѣта, на спинѣ и на крыльяхъ корично-бураго, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста темно-каштановыя, маховыя и хвостовыя перья черновато-бурыя, шея и вся нижняя сторона сѣрыя. Глаза свѣтлаго красновато-каряго цвѣта, клювъ немного темнѣе, ноги ярко-оранжевыя.

Мало птицъ столь пугливыхъ, какъ большеногъ, и которыхъ такъ трудно было бы убить. Онъ живетъ въ кустарникѣ, покрывающемъ берега бухтъ и вообще морское побережье. Живетъ онъ парами или въ одиночку и пищу свою подбираетъ съ земли. Кормится онъ корнями, которые безъ труда вырываетъ своими крѣпкими когтями, а также сѣменами и насѣкомыми, особенно большими жуками. Голосъ похожъ, какъ говорятъ, на кудахтанье домашней курицы, и крикъ заканчивается возгласомъ, вродѣ павлиньяго.

Холмики, куда кладутся яйца, бываютъ очень различны по формѣ, по величинѣ и по составнымъ частямъ. Большинство помѣщается около края воды и состоитъ изъ песку и раковинъ; иные содержатъ въ себѣ илъ и гнилое дерево. На Новой Гвинеѣ, по словамъ Гааке, эти холмики большеноговъ состоятъ исключительно изъ листьевъ. Жильберъ нашелъ одинъ холмъ, вышиною почти въ 5 метровъ, имѣвшій почти 27 метровъ въ окружности, и второй, занимавшій пространство окружностью приблизительно въ 50 метровъ. Весьма вѣроятно, что самые большіе изъ этихъ холмовъ являются дѣломъ многихъ поколѣній, и что ими ежегодно пользуются, вслѣдствіе чего холмъ увеличивается. Яйца кладутся въ глубь холма, на разстояніи 2-хъ метровъ подъ вершиною; они всегда ставятся вертикально, толстымъ концомъ вверхъ, по величинѣ довольно различны, но сходны по формѣ.

Подъ именемъ кустовой курицы (Catheturus lathami) извѣстенъ большеногъ, хорошо знакомый австралійскимъ поселенцамъ. У кустовой курицы верхняя сторона краснаго шоколаднаго цвѣта, нижняя сторона свѣтло-бурая съ серебристо-сѣрыми полосами и каемками, глаза свѣтло-каріе, кожа на голой головѣ

Кустовая курица (Catheturus lathami). 1/4 естеств. велич.

и шеѣ алая, свѣшивающійся махоръ ярко-желтый, клювъ свинцово-сѣрый, ноги свѣтлаго шоколаднаго цвѣта. Длина птицы 80 см., длина хвоста 25 см.

„До какихъ поръ простирается область распространенія этой птицы“, говоритъ Гудъ, „еще не достаточно хорошо изслѣдовано. Ее встрѣчали въ разныхъ частяхъ Новаго Южнаго Валлиса отъ Мыса Гове до залива Моретонъ. Я подозрѣваю, что всего чаще она встрѣчается въ густыхъ и еще мало посѣщаемыхъ кустарниковыхъ рощахъ Маннинга и Кларенса.

„Самое замѣчательное въ жизни кустовой курицы то, что она не высиживаетъ своихъ яицъ, какъ другія птицы. Въ началѣ весны кустовая курица сгребаетъ очень большую кучу изъ мертвыхъ частей растеній въ качествѣ подстилки подъ яйца и предоставляетъ послѣднимъ развиваться въ теплотѣ, вызываемой разложеніемъ этихъ растительныхъ веществъ. Холмъ, сооружаемый для этой цѣли, созидается за нѣсколько недѣль до кладки и имѣетъ форму широкаго конуса. Величина его такова, что имъ можно было бы нагрузить отъ 2 до 4 возовъ; но одно и то же сооруженіе, повидимому,—если судить по полному разложенію веществъ въ нижней его части—употребляется нѣсколько лѣтъ подрядъ и дѣлается годнымъ къ употребленію только благодаря прибавленію новыхъ веществъ. Для сооруженія холма птицы наскребываютъ ногами извѣстное количество строительнаго матеріала и отбрасываютъ его назадъ въ извѣстное мѣсто. При этомъ онѣ такъ великолѣпно очищаютъ почву кругомъ холма, что врядъ-ли оставляютъ хоть одинъ листикъ или сухую травку. Когда холмъ достигаетъ достаточной величины и когда въ немъ развивается достаточно теплоты, то въ него кладутся яйца; кладутся они въ видѣ круга въ серединѣ холма, на разстояніи 25—30 см. другъ отъ друга, на глубинѣ около аршина, и притомъ такъ, что широкій конецъ яйца обращенъ кверху; затѣмъ яйца прикрываются листьями и предоставляются своей участи. Какъ туземцы, такъ и поселенцы, вполнѣ достойные довѣрія, увѣряли меня, что изъ одной кучи иногда можно вынуть цѣлый четверикъ яицъ, и я самъ видѣлъ женщину, несшую около половины этого количества яицъ, найденныхъ въ одной кучѣ въ лѣсу. Нѣкоторые туземцы говорятъ, что самка постоянно находится по близости отъ холма, чтобы покрывать обнажившіяся яйца и оказывать помощь вылупляющимся цыплятамъ; другіе же говорятъ, что яйца только кладутся въ кучу, а цыплята уже выходятъ на свѣтъ Божій безъ всякой помощи. Одно навѣрное извѣстно, что молодыя птицы вылупляются изъ яицъ уже совершенно опереннымъ, имѣютъ довольно хорошо развитыя крылья, при помощи которыхъ могутъ взлетать на деревья, и могутъ полагаться на свои ноги точно такъ же, какъ бабочка, вылѣзшая изъ куколки послѣ того, какъ крылышки ея нѣсколько обсохнутъ.“

„Самецъ кустовой курицы“, говоритъ Склатеръ, „при приближеніи періода вывода начинаетъ собирать въ одну кучу всѣ растительныя вещества, какія имѣются въ его владѣніяхъ, откидывая ихъ назадъ ногами. Такъ какъ онъ начинаетъ свою работу всегда съ наружнаго края принадлежащей ему рощи, то вся масса отбрасывается внутрь въ видѣ круга, и мало по малу образуется цѣлая куча. Когда она достигнетъ въ вышину около 1,5 метра, то обѣ птицы принимаются ее выравнивать, а послѣ этого въ серединѣ вырѣзаютъ углубленіе. Въ углубленіе это въ извѣстное время кладутся яйца, и приблизительно на разстояніи 40 см. ниже вершины располагаются въ видѣ круга. Самецъ очень тщательно наблюдаетъ за яйцами и за развитіемъ тепла въ этой естественной печкѣ. Онъ обыкновенно покрываетъ яйца и оставляетъ только круглое отверстіе, сквозь которое необходимый воздухъ проникаетъ внутрь и сквозь которое выходитъ излишнее количество теплоты; въ жаркую же погоду онъ два или три раза въ день снимаетъ почти весь покровъ.

„Вылупившаяся изъ яйца молодая птица пребываетъ внутри холма по крайней мѣрѣ 12 часовъ, не дѣлая ни малѣйшихъ усилій для того, чтобы вылѣзти, и въ это время самецъ укрываетъ ее такъ же тщательно, какъ и яйца. На второй день цыпленокъ выходитъ оттуда уже хорошо опереннымъ, но перья его послѣ вылупленія еще обтянуты покровомъ, который скоро лопается. Молодая птица, впрочемъ, вовсе не склонна къ тому, чтобы пользоваться этими перьями, а двигается исключительно при помощи своихъ сильныхъ ногъ. Послѣ обѣда она возвращается въ кучу, куда заботливый отецъ опять зарываетъ ее, хотя уже не такъ глубоко, какъ прежде; на третій день цыпленокъ уже вполнѣ способенъ летать.“

Сообщенія Склатера вполнѣ подтверждаются наблюденіями, нѣсколько разъ повторенными въ разныхъ зоологическихъ садахъ, но новыхъ фактовъ не открыто.

Второй подотрядъ куриныхъ птицъ составляютъ скрытохвостыя куры (Crypturiformes). Тѣло у нихъ сильное, шея длинная и тонкая, голова маленькая и плоская, клювъ длинный, тонкій и загнутый; ноги съ высокой плюсной, подошва очень грубая, всегда маленькій, высоко прикрѣпленный, задній палецъ у нѣкоторыхъ видовъ такъ плохо развитъ, что отъ него остается одинъ только коготь; короткія, круглыя крылья доходятъ только до нижней части спины, хвостъ состоитъ изъ 10—12 короткихъ и узкихъ перьевъ, совершенно пропадающихъ подъ длинными кроющими перьями; иногда же хвостъ такъ плохо развитъ, что въ немъ отсутствуютъ всѣ рулевыя перья.

Скрытохвостыя куры распространены въ значительной части южной Америки и обитаютъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ; иные виды живутъ всегда въ открытыхъ мѣстахъ, другіе — только въ чащѣ лѣсовъ, одни на равнинѣ, другіе въ горахъ; нѣкоторыхъ можно найти только на высотѣ 4000 метровъ. Жизнь этихъ птицъ связана съ поверхностью земли: онѣ рѣдко летаютъ, зато быстро бѣгаютъ между кустами или въ высокой травѣ, какъ нашъ перепелъ, при испугѣ плотно прижимаются къ землѣ или прячутся въ пучкѣ травы, и только тѣ виды, которые выросли въ лѣсу, ночью взбираются на толстыя нижнія вѣтки деревьевъ. Физическія и духовныя способности этихъ птицъ не значительны. Бѣгаютъ онѣ чрезвычайно быстро, но летаютъ тяжеловѣсно и потому неохотно; при видѣ опасности совершенно теряютъ голову и вообще кажутся крайне ограниченными. Голосъ ихъ — это рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ болѣе высокихъ и болѣе низкихъ свистовъ, которые иногда чередуются въ видѣ правильной лѣстницы тоновъ и вообще такъ отличаются отъ звуковъ, издаваемыхъ другими птицами, что тотчасъ же привлекаютъ вниманіе какъ чужестранцевъ, такъ и туземцевъ. Пищу ихъ составляютъ сѣмена, плоды, кончики листьевъ и насѣкомыя. Иные виды, какъ разсказываютъ, питаются главнымъ образомъ плодами кофейнаго дерева, нѣкоторыхъ пальмъ и т. п.

Въ качествѣ дичи скрытохвостыя куры замѣняютъ въ южной Америкѣ нашихъ куропатокъ; ихъ даже прямо называютъ „куропатками“, или „перепелами“, и усердно охотятся на нихъ. Въ этомъ отношеніи съ человѣкомъ соперничаютъ всѣ хищныя животныя, какъ бѣгающія, такъ и летающія; даже ягуаръ не пренебрегаетъ охотой на нихъ; нѣкоторыя насѣкомыя, напр. муравьи, странствующія густыми сонмищами, могутъ также повредить цыплятамъ. Скрытохвостыхъ куръ убиваютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, ставятъ для нихъ западни, охотятся на нихъ верхомъ съ арканомъ или заставляютъ собакъ выслѣживать ихъ. По словамъ Чуди, индѣйцы превосходно дрессируютъ своихъ собакъ для такой охоты. Плѣнныхъ птицъ можно часто видѣть у индѣйцевъ, иногда онѣ привозятся и въ Европу. Онѣ не принадлежатъ къ тѣмъ животнымъ, которыя умѣютъ снискать расположеніе человѣка, а скорѣе могутъ быть названы скучными созданіями.

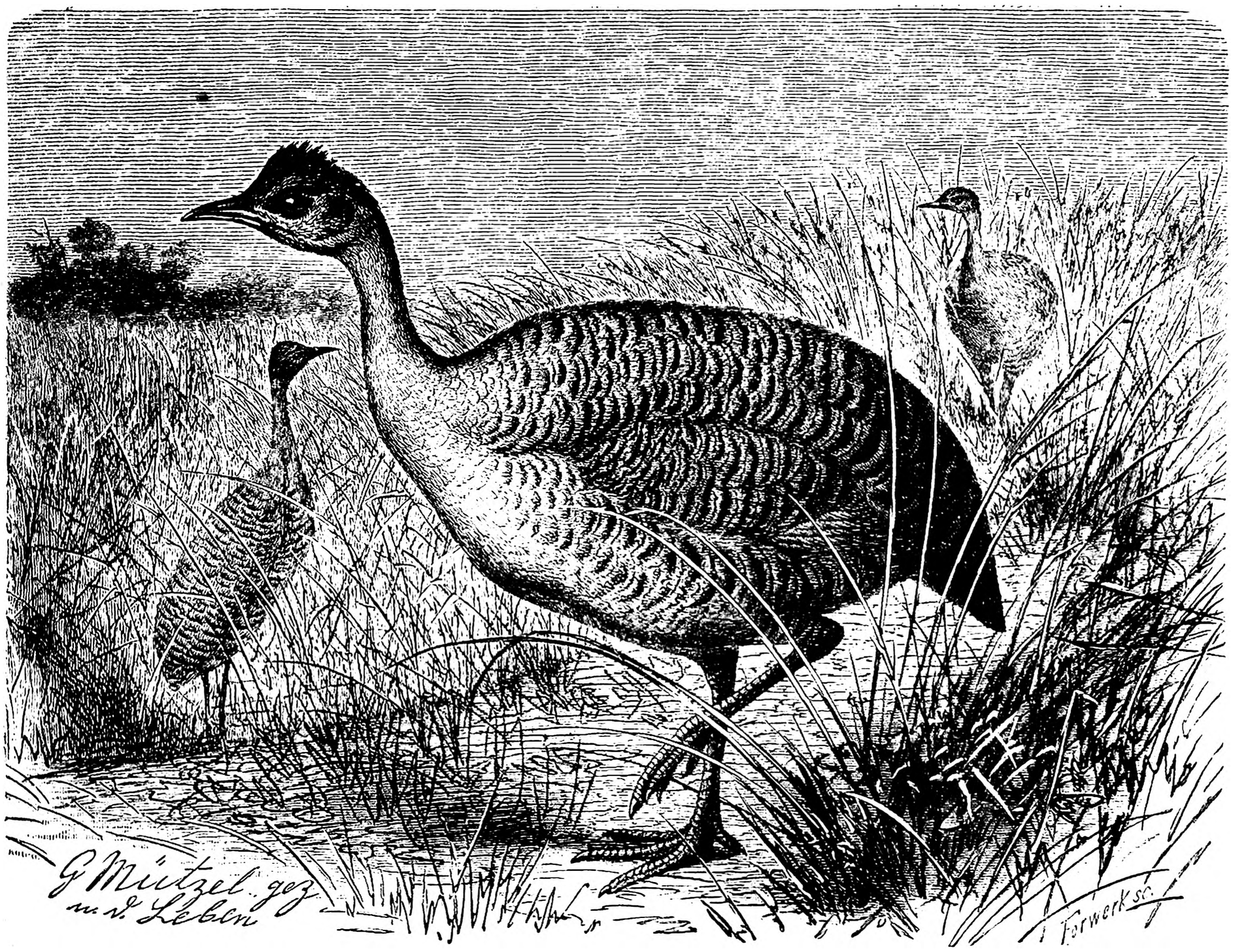
Одинъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся видовъ этого семейства, инамбу (Rhynchotus rufescens), отличается значительной величиной и въ длину достигаетъ 42 см.

Инамбу водится въ степной области средней Бразиліи, особенно въ провинціяхъ Минасъ Гераэсъ и Гояцъ, но часто встрѣчается также въ аргентинскихъ земляхъ. Онъ никогда не живетъ обществами, а всегда въ одиночку, мѣстами въ большомъ количествѣ; какъ любимая дичь охотника, онъ подвергается постояннымъ преслѣдованіямъ, а потому отличается чрезвычайною пугливостью и осторожностью. При приближеніи человѣка онъ убѣгаетъ между высокою травою, но только въ случаѣ крайней необходимости пользуется своими крыльями. Безпомощность инамбу хорошо извѣстна мѣстнымъ жителямъ. Уже мальчики охотятся на него и ловятъ множество инамбу посредствомъ весьма простого аркана. Мясо его представляетъ собою одно изъ лучшихъ жаркихъ, какія путешественникъ получаетъ въ Бразиліи и въ Аргентинѣ. По словамъ Бурмейстера, инамбу только въ сумерки выходитъ искать себѣ пищу. Гнѣздо помѣщается на

землѣ, въ густомъ кустѣ, и содержитъ въ себѣ 7—9 темно-сѣроватыхъ яицъ съ фіолетовымъ налетомъ; поверхность яицъ чрезвычайно блестящая и кажется полированной.

Плѣнные инамбу иногда попадаютъ въ клѣтки къ европейцамъ, великолѣпно выносятъ неволю, оказываются непритязательными и при надлежащемъ уходѣ размножаются.

Безкрылы (Apterygiformes), составляющіе послѣдній подотрядъ куриныхъ птицъ, имѣютъ мало внѣшняго сходства съ другими куриными. Тѣло

Инамбу (Rhynchotus rufescens). 1/4 естеств. велич.

ихъ сравнительно плотно сложено, шея короткая, но толстая, голова не особенно большая, клювъ длинный и тонкій, ноги сравнительно короткія, четырехпалыя; крылья до такой степени плохо развиты, что присутствіе ихъ видно только на скелетѣ, такъ какъ перья крыльевъ обратились лишь въ короткіе остатки съ недоразвитыми, но крѣпкими стволами; хвоста нѣтъ вовсе. Опереніе состоитъ изъ длинныхъ, ланцетовидныхъ, свободно свѣшивающихся внизъ перьевъ, которыя, начиная съ шеи, по направленію внизъ становятся длинными и снабжены нѣсколько расчесанными опахалами съ шелковистымъ блескомъ. Клювъ на первый взглядъ напоминаетъ клювъ ибиса, но отличается отъ клюва послѣдняго и вообще всякой другой птицы тѣмъ, что носовыя отверстія помѣщаются на кончикѣ клюва. На заднемъ концѣ его находится восковица, отъ которой почти до самаго кончика идутъ бороздки. Ноги очень сильныя и короткія, передніе пальцы длинные и крѣпкіе, съ сильными роющими когтями; задній же палецъ, который толще и короче, поставленъ почти вертикально и при ходьбѣ почти не касается земли; онъ снабженъ еще болѣе крѣпкимъ когтемъ и скорѣе похожъ на шпорецъ домашняго пѣтуха, чѣмъ на палецъ. Плюсна покрыта твердыми, сѣтчатообразными щит-

ками, а середина боковыхъ пальцевъ, окаймленныхъ узкой кожицей, покрыта чешуйками.

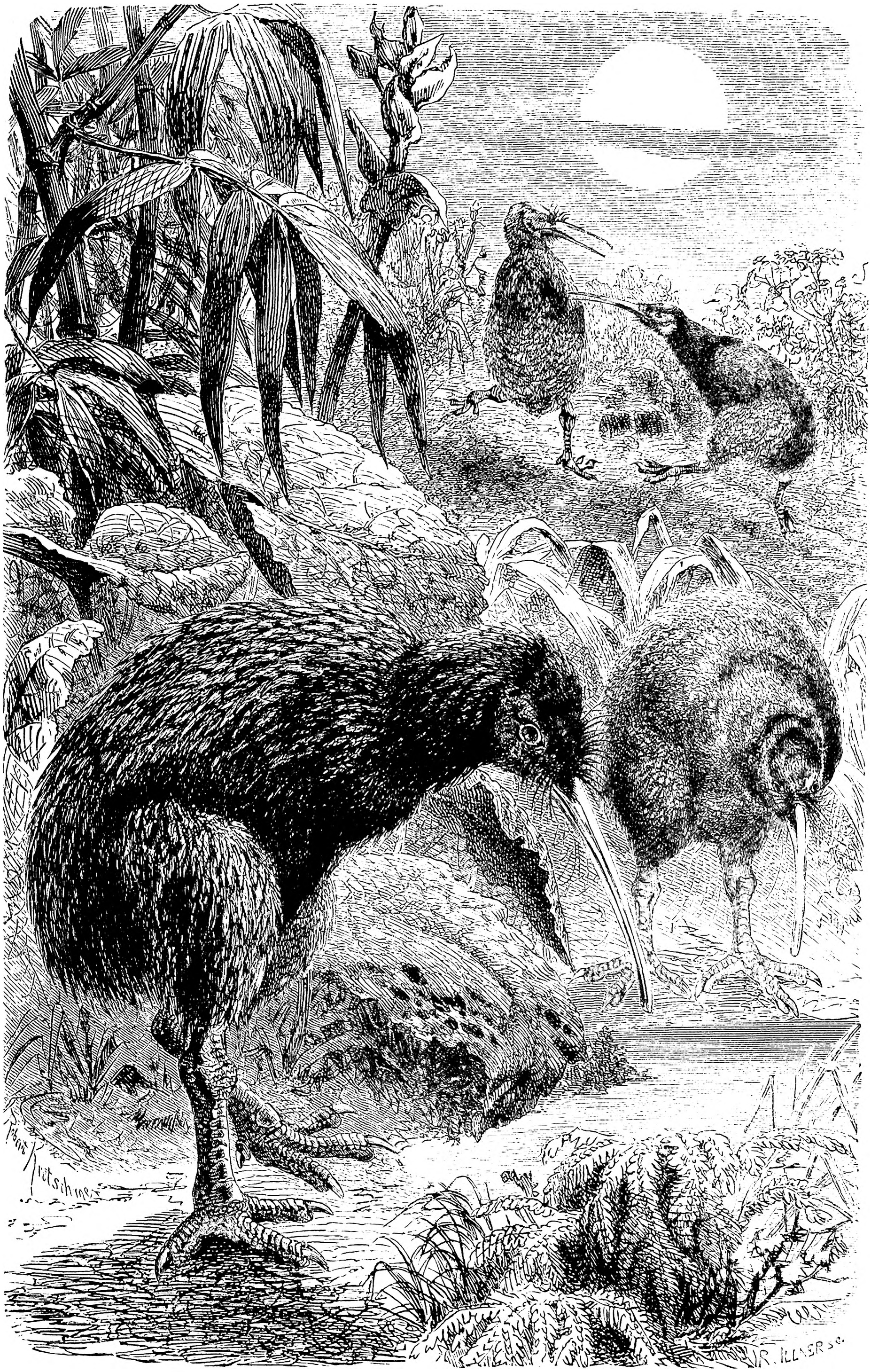
Первый безкрылъ привезенный въ Европу, получилъ названіе Apteryx australis. Птицу эту, какъ разсказывали, удалось застрѣлить въ лѣсахъ Дуски-Бея, на юго-западномъ берегу южнаго острова Новой Зеландіи. Почти всѣ тѣ безкрылы, которыхъ можно видѣть въ коллекціяхъ настоящаго времени, родомъ съ сѣвернаго острова и принадлежатъ къ другому виду, Apteryx mantelli, который мы называемъ туземнымъ именемъ киви.

Киви и теперь еще водится въ необитаемыхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго острова Новой Зеландіи, но въ населенныхъ мѣстностяхъ истребленъ совершенно, такъ что получить его вовсе не такъ легко, какъ это иногда думаютъ. „Туземцы, которыхъ я встрѣтилъ въ Коллингвудѣ близъ Золотого залива“, сообщаетъ Гохштеттеръ, „согласились за 5 фунтовъ стерлинговъ поймать для меня киви, и уже черезъ три дня принесли мнѣ двухъ живыхъ безкрыловъ, самца и самку, пойманныхъ у истоковъ Скалистой и Аспидной рѣки на высотѣ около 1000 метровъ надъ уровнемъ моря.“ Когда Скитъ въ 1861 г. изслѣдовалъ горную страну между рѣками Такака и Буллеръ въ провинціи Нельсонъ, то на поросшемъ травою кряжѣ на восточной сторонѣ рѣки Овена нашелъ такое множество киви, что съ помощью двухъ собакъ всякую ночь могъ ловить по 15—20 штукъ. Самъ онъ и его спутники питались исключительно мясомъ киви.

То, что извѣстно о жизни киви, относится, вѣроятно, къ жизни всѣхъ безкрыловъ. Это ночныя птицы, которыя днемъ скрываются въ углубленіяхъ подъ землею, всего охотнѣе подъ корнями большихъ лѣсныхъ деревьевъ, и только ночью выходятъ за добычей. Питаются они насѣкомыми, личинками, червями и сѣменами различныхъ растеній. Они живутъ парами и чрезвычайно быстро умѣютъ бѣгать и прыгать. Кромѣ человѣка, злѣйшіе враги ихъ — собаки и кошки. Туземцы умѣютъ заманивать ихъ, подражая ихъ крику, разумѣется ночью, и приводятъ ихъ свѣтомъ факеловъ въ такое смятеніе, что птицы даютъ схватывать себя руками или убивать палками; для охоты на киви дрессируются также извѣстнымъ образомъ собаки. Благодаря такимъ преслѣдованіямъ, киви уже давно пересталъ встрѣчаться въ обитаемыхъ человѣкомъ мѣстностяхъ.

Быстрота ногъ замѣняетъ киви до нѣкоторой степени крылья. Въ ночныя сумерки онъ двигается осторожно и такъ неслышно, какъ бѣгающая крыса, на которую онъ отчасти похожъ. Останавливаясь, киви втягиваетъ шею и тогда кажется совершенно круглымъ. Иногда въ этомъ положеніи онъ опирается на клювъ, которымъ касается земли. Если его потревожить днемъ, то онъ часто зѣваетъ и при этомъ весьма своеобразно и широко раскрываетъ челюсти; если его вызываютъ на бой, онъ выпрямляется, подымаетъ одну ногу до груди и деретъ ею — своимъ единственнымъ орудіемъ защиты, вовсе впрочемъ не незначительнымъ — быстро и ловко нанося удары находящемуся впереди противнику. Разыскивая пищу, киви постоянно сопитъ носомъ, словно принюхивается; но еще неизвѣстно, руководится ли онъ въ данномъ случаѣ осязаніемъ или обоняніемъ; вѣроятно, тутъ играютъ роль оба эти чувства. Наблюдать киви на свободѣ во время его охоты на червей, составляющихъ главную его пищу, чрезвычайно занимательно. Птица во время своей охоты двигается очень мало, но то и дѣло тыкаетъ клювомъ въ мягкую почву, большею частью вонзая его въ землю до самаго основанія; затѣмъ она или тотчасъ же вытягиваетъ клювъ, держа въ кончикѣ его червяка, или вытаскиваетъ его помощью медленнаго движенія головой, не двигая при этомъ туловищемъ. Никогда киви не вырываетъ червя быстрымъ движеніемъ изъ его скрытаго убѣжища, а всегда принимаетъ всякія предосторожности, чтобы не разорвать своей добычи. Положивъ, наконецъ, червяка на землю, киви рѣзкимъ толчкомъ отправляетъ его въ свой зѣвъ и проглатываетъ. Кромѣ червей, киви поѣдаетъ разныхъ насѣкомыхъ, нѣкоторыя ягоды и глотаетъ также мелкіе камешки.

О размноженіи безкрыловъ прежде высказывались удивительныя мнѣнія, и только наблюденія надъ плѣнными птицами выяснили это дѣло. Выводъ потомства этими

Безкрылъ.

птицами пожалуй лучше всего описанъ Вебстеромъ. „Лѣтъ 14 тому назадъ“, пишетъ онъ къ Лэйарду, „одинъ туземецъ нашелъ яйцо киви въ маленькой пещерѣ подъ корнями небольшого дерева каури, и, овладѣвъ яйцомъ, вытащилъ вслѣдъ за нимъ изъ глубины пещеры и старую птицу. Новозеландецъ, повидимому, знакомый съ образомъ жизни киви, увѣрялъ, что птица эта всегда кладетъ одно яйцо и притомъ всегда въ вырытую ею пещеру, обыкновенно въ сухой почвѣ подъ древесными корнями. Яйцо, какъ говорятъ, прикрывается листьями и мхомъ, и гніеніе этихъ веществъ доставляетъ необходимую для развитія яйца теплоту; молодыя птицы однако вылупляются лишь черезъ 6 недѣль. Когда молодой киви вылѣзаетъ изъ яйца, то мать, повидимому, приходитъ къ нему на помощь.“

Къ счастью, мы можемъ до извѣстной степени подтвердить эти данныя наблюденіями, произведенными надъ безкрылами въ лондонскомъ зоологическомъ саду. Здѣсь съ 1852 г. постоянно держатъ одну или нѣсколько этихъ странныхъ птицъ. Первый прибывшій безкрылъ былъ самкой; она нѣсколько разъ клала яйца, одно приблизительно мѣсяца черезъ три послѣ другого, нѣсколько разъ пыталась высиживать ихъ и не давала себя отогнать отъ нихъ. Въ 1865 году къ самкѣ присоединили самца, и въ 1867 г. оба обнаружили стремленіе спариться. Самецъ обращалъ на себя вниманіе громкимъ крикомъ, на который самка отвѣчала болѣе короткимъ и тихимъ звукомъ. 2-го января самка положила первое яйцо и просидѣла на немъ одинъ день или немного долѣе. Когда самка покинула гнѣздо, мѣсто ея занялъ самецъ, который съ тѣхъ поръ непрерывно сидѣлъ на яйцахъ. 7-го февраля самка положила второе яйцо и тотчасъ послѣ этого покинула гнѣздо. Бартлеттъ, которому мы обязаны этими данными, нашелъ яйца въ углубленіи, вырытомъ въ землѣ и въ соломѣ; яйца лежали рядышкомъ, а самецъ сидѣлъ на нихъ не вдоль, а поперекъ; иначе его узкое тѣло не могло бы прикрыть яицъ, концы которыхъ торчали изъ подъ птицы. Самецъ просидѣлъ на яйцахъ въ одномъ и томъ же положеніи до 25-го апрѣля; наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ покинулъ гнѣздо. Яйца оказались гнилыми. Они несоразмѣрно велики, ибо вѣсъ ихъ равняется почти четвертой части вѣса самки.

Пятый отрядъ.

Водяныя курочки (Phalaridornithes).

Между журавлиными и куриными птицами находится отрядъ водяныхъ курочекъ, двѣ группы которыхъ, по два семейства въ каждой, образуютъ только одинъ подотрядъ (Ralliformes). Кромѣ богатаго видами семейства настоящихъ водяныхъ курочекъ, къ этому подотряду относятся бѣдные видами коростели, пастушки и триперстковыя птицы.

Водяной пастушокъ можетъ служить представителемъ распространеннаго по всей землѣ семейства настоящихъ водяныхъ курочекъ (Rallidae); это — изящныя болотныя птицы, отличительными признаками которыхъ являются высокое, сильно сжатое съ боковъ туловище, средней длины шея, маленькая голова, различной формы клювъ, съ боковъ сжатый и рѣдко въ длину превосходящій голову; высокія ноги съ длинными пальцами и съ развитымъ заднимъ пальцемъ, довольно короткія, закругленныя крылья, не достигающія до конца сложеннаго хвоста; длинный, закругленный хвостъ, состоящій изъ 12-ти перьевъ, и обильное, но плотно прилегающее къ тѣлу опереніе.

Настоящія водяныя курочки водятся по всему земному шару и живутъ въ болотистыхъ или по крайней мѣрѣ сырыхъ мѣстностяхъ; однѣ изъ нихъ населяютъ настоящія болота или поросшіе камышомъ пруды и озера, другія — луга и поля, третьи, наконецъ, лѣса. Водяныя курочки ведутъ скрытый образъ жизни, стараются быть на виду какъ можно рѣже, лишь въ случаѣ крайней необходимости рѣшаются летать, но мастерски умѣютъ прятаться среди растеній. Бѣгаютъ онѣ превосходно; многія изъ нихъ очень недурно плаваютъ, иныя даже ныряютъ; но всѣ виды плохо летаютъ. Замѣчателенъ ихъ громкій, большею частью чрезвычайно своеобразный голосъ; онъ слышится въ вечерніе и утренніе часы и иногда долгое время раздается непрерывно. Внѣшнія чувства этихъ птицъ хорошо развиты, духовныя ихъ способности удовлетворительны, характеръ ихъ привлекателенъ. Обществами живутъ лишь очень немногіе виды; но внѣ періода спариванья нѣкоторыя водяныя курочки соединяются въ небольшія стаи, довольно долго вмѣстѣ пребываютъ на одномъ мѣстѣ или же вмѣстѣ путешествуютъ. До другихъ птицъ и вообще до другихъ животныхъ имъ нѣтъ дѣла. Пищу свою онѣ добываютъ какъ изъ растительнаго, такъ и изъ животнаго царства. Онѣ ѣдятъ много сѣмянъ, но очень охотно, а временами исключительно, питаются насѣкомыми, ихъ личинками, улитками, червями, яйцами другихъ птицъ и даже маленькими птенцами изъ гнѣздъ. Болѣе крупные виды разсматриваемаго семейства — настоящія хищныя птицы, которыя схватываютъ даже взрослыхъ мелкихъ позвоночныхъ. Гнѣздо устраивается около воды, иногда даже надъ водою въ ситникѣ, камышѣ или тростникѣ и представляетъ собою довольно искусную плетенку, въ которую вода не можетъ проникнуть; въ весеннее время года, на какіе мѣсяцы оно ни приходилось бы въ данной странѣ, водяныя курочки кладутъ 3—12 яицъ.

на блѣдномъ фонѣ покрытыхъ болѣе темными пятнами и точками; яйца высиживаются обоими родителями. Молодыя птицы, одѣтыя въ шерстистый пухъ, въ полномъ смыслѣ слова птицы выводковыя, а потому наблюдать ихъ очень трудно; извѣстно только, что онѣ очень скоро становятся самостоятельными, и что родители въ теченіе лѣта иногда выводятъ потомство дважды. На водяныхъ курочекъ сравнительно мало охотятся, такъ какъ охота на нихъ можетъ быть успѣшна только при помощи хорошей охотничьей собаки; однако при случаѣ убиваютъ ихъ, такъ какъ мясо многихъ видовъ вкусно. Больше удовольствія, чѣмъ охота на нихъ, доставляетъ содержаніе ихъ въ неволѣ. Всѣ, безъ исключенія, водяныя курочки принадлежатъ къ самымъ привлекательнымъ въ неволѣ птицамъ, но требуютъ помѣстительной клѣтки и довольно тщательнаго ухода за собой.

Подсемейство лысуховыхъ (Gallinulinae) характеризуется короткой ступней и одинаковой длины тонкими пальцами; виды этого подсемейства живутъ на богатыхъ тростникомъ озерахъ, въ большихъ болотахъ и топяхъ, на берегу прудовъ и на обильно поросшихъ растеніями берегахъ рѣкъ, но всегда селятся у прѣсной воды. Большую часть жизни эти птицы проводятъ въ тростникѣ или на поверхности воды, покрытой растеніями, и умѣютъ лучше плавать и нырять, чѣмъ бѣгать; полетъ ихъ тяжеловѣсный, невѣрный и быстро утомляющій ихъ. Лысуховыя не принадлежатъ къ числу уживчивыхъ птицъ; онѣ ревниво оберегаютъ разъ избранный ими для житья участокъ, изгоняютъ изъ него всѣхъ другихъ птицъ того же вида, а если только могутъ, то и вообще всѣхъ птицъ, и при этомъ обнаруживаютъ мужество совершенно несоотвѣтственное ихъ малымъ размѣрамъ. На мелкихъ птицъ онѣ нападаютъ съ цѣлью убійства и очень вредятъ яйцамъ и птенцамъ. Зато всѣ лысуховыя чрезвычайно нѣжные супруги и сильно привязаны къ своему потомству, по отношенію къ которому проявляютъ большое самоотверженіе. Незатѣйливое гнѣздо ихъ, свитое изъ листьевъ камыша и тростника, помѣщается или въ тростникѣ, или недалеко отъ тростника, иногда такъ, что оно плаваетъ по поверхности воды. Крапчатыхъ и пятнистыхъ яицъ съ гладкой скорлупой кладется 4—12. Молодыя птицы появляются на свѣтъ Божій въ прехорошенькой темной пуховой одеждѣ. Послѣ вывода и старыя, и молодыя птицы вмѣстѣ покидаютъ родные края и направляются или въ болѣе южныя, или въ другихъ отношеніяхъ болѣе благопріятныя страны.

Такъ какъ пищу лысуховыхъ составляютъ главнымъ образомъ растительныя вещества, то ихъ быстро можно пріучить къ корму, замѣняющему имъ естественный; онѣ довольствуются такой пищей въ теченіе многихъ лѣтъ и становятся совсѣмъ ручными.

Мясо хотя значительно менѣе вкусно, чѣмъ мясо другихъ болотныхъ и водныхъ птицъ, но если его хорошо приготовить, представляетъ собою сносное кушанье.

*

Родъ водяныхъ курочекъ (Fulica) отличается отъ всего отряда тѣмъ, что между пальцами у этихъ птицъ находятся перепонки. Тѣло у нихъ сильное, мало сжатое съ боковъ, шея средней длины, голова довольно большая; клювъ имѣетъ форму сплюснутаго конуса, мозоль на лбу большая, ноги довольно высокія, сильныя, съ боковъ сжатыя; между длинными пальцами замѣчается плавательная перепонка, крылья средней длины, хвостъ очень короткій, скрытый подъ покровными перьями, мелкія перья чрезвычайно густыя.

Общеизвѣстная представительница этого рода — это лысуха, лыска, или водяная курочка (Fulica atra). Преобладающая окраска ея оперенія — довольно равномѣрный аспидно-черный цвѣтъ, который на головѣ и на шеѣ темнѣе, а на груди и на брюшкѣ свѣтлѣе, чѣмъ на спинѣ. Радужная оболочка глаза свѣтло-красная, клювъ, не исключая и лобнаго щитка, ослѣпительно бѣлый, ноги свинцово-сѣраго цвѣта. Длина птицы 47 см.

Въ Европѣ и въ средней Азіи лысуха встрѣчается вездѣ; кромѣ того, зимою ее можно видѣть во всей Африкѣ, въ южной Азіи и въ Австраліи. Въ Германіи эти птицы живутъ около воды въ каждомъ подходящемъ мѣстѣ. Лысуха избѣгаетъ потоковъ, рѣкъ и морей и всего охотнѣе селится по берегамъ озеръ и прудовъ, края которыхъ поросли камышомъ или высокимъ тростникомъ. Зимою она водворяется близъ береговыхъ озеръ и въ изобилующихъ водою болотахъ южной Европы, сѣверной и средней Африки, все равно, находитъ-ли она тамъ прѣсную или соленую воду. Въ Германіи лысуха появляется весною, когда растаетъ снѣгъ и ледъ, значитъ то раньше, то позднѣе, и все лѣто проводитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; осенью она начинаетъ странствовать, собирается, въ противоположность своимъ родственникамъ, въ большія стаи на большихъ водныхъ вмѣстилищахъ, а въ октябрѣ и въ ноябрѣ направляется къ югу и зимуетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитъ не замерзшія воды, иногда даже въ Германіи.

Обладая приспособленными къ плаванію ногами, лысуха больше пребываетъ на водѣ, нежели на землѣ. На сушу, впрочемъ, она выходитъ нерѣдко, особенно въ полуденные часы для того, чтобы отдохнуть и почистить перья. Она еще довольно хорошо бѣгаетъ по ровному мѣсту, хотя ноги ея не вполнѣ пригодны для этой цѣли, но гораздо чаще и дольше плаваетъ. Ноги ея представляютъ собою превосходныя весла; хотя перепонки между пальцами не широки, но недостатокъ этотъ возмѣщается длинными пальцами. Ныряетъ она не хуже многихъ водныхъ птицъ, опускается на значительную глубину и при помощи крыльевъ продолжаетъ долго грести подъ водою. Полетъ у лысухи нѣсколько лучше, чѣмъ у камышницы зеленоногой, но все-таки неважный; поэтому она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшается летать; поднимается она на воздухъ съ разбѣга, причемъ мчится нѣкоторое время по водѣ, хлопая крыльями и такъ сильно шлепая по водѣ ногами, что производимый ею плескъ можно слышать издалека. Голосъ лысухи звучитъ вродѣ „кэв“ или „кюв“, которое въ возбужденномъ состояніи повторяется два или три раза подрядъ и тогда нѣсколько напоминаетъ лай маленькой собачки; кромѣ того, лысуха издаетъ короткій, рѣзкій звукъ „пиц“, а иногда у нея выходитъ нѣчто вродѣ глухого хлопанья.

По характеру лысуха во многихъ отношеніяхъ отличается отъ родственной ей камышницы зеленоногой. Лысуха не менѣе робка, но осторожна и долго присматривается, прежде чѣмъ сдѣлается довѣрчивой. На мѣстахъ своихъ зимовокъ лысухи иногда покрываютъ необозримыя пространства озеръ, гдѣ находятъ себѣ обильное пропитаніе.

Водныя насѣкомыя, ихъ личинки, черви, маленькіе скорлупняки и всевозможныя растительныя вещества, находимыя въ водѣ — вотъ пища лысухи.

Тамъ, гдѣ лысуха селится на небольшихъ прудахъ, она тотчасъ же послѣ своего прибытія принимается за постройку гнѣзда. Оно всегда обращено къ водѣ и помѣщается въ тростникѣ или около тростника; часто оно прикрѣпляется къ перегнутымъ стеблямъ и т. д., но также помѣщается иногда на водѣ въ видѣ плавучаго сооруженія. Около половины мая въ немъ можно найти 7—15 большихъ, крѣпкихъ яицъ съ тонкой скорлупой и безъ блеска; по блѣдному глинисто-желтому или по свѣтлому желтовато-бурому фону яйца эти чрезвычайно мелко испещрены темными пепельно-сѣрыми, темно-бурыми и черно-бурыми точками и пятнышками; черезъ 20—21 дней вылупляются хорошенькія молодыя птички, покрытыя чернымъ пухомъ, но съ огненно-красными головками.

Хотя мясо лысухи еще менѣе вкусно, чѣмъ мясо ея родственниковъ, но мѣстами на эту птицу усердно охотятся.

Для жизни въ неволѣ лысуха годится лишь въ томъ случаѣ, если ей отводится довольно большой бассейнъ воды или дается возможность плавать въ пруду. На водѣ она очень занимательна, такъ какъ постоянно надъ чѣмъ-нибудь возится и нравится всякому своею подвижностью, воинственностью и своей храбростью по отношенію къ болѣе крупнымъ птицамъ. Если не мѣшать ей, то она рѣшается произвести потомство, и тогда можно съ полнымъ удобствомъ наблюдать жизнь хорошенькихъ малютокъ.

Конусообразный, сжатый съ боковъ клювъ со щиткомъ на лбу и съ острыми, тонко зазубренными краями, большія ноги съ длинными, широкими на подошвѣ и перепончатыми пальцами, тупыя, широкія крылья, въ которыхъ третье маховое перо самое длинное, короткій 12-ти перый хвостъ и обильное, густое опереніе — вотъ признаки камышницы зеленоногой (Gallinula chloropus); это въ высшей степени изящное созданіе, несмотря на простоту своей одежды. Опереніе верхняго покрова и нижней части спины темнаго маслянисто-бураго цвѣта, остальное опереніе темнаго аспидно-сѣраго цвѣта съ бѣлыми пятнами въ пахахъ и съ совершенно бѣлымъ задомъ. Въ глазу ея вокругъ зрачка находится сначала желтое, потомъ черновато-сѣрое, а затѣмъ красное кольцо; клювъ при основаніи сургучно-красный, на кончикѣ желтый, ноги желтовато-зеленыя. Длина 31 см.

Камышница зеленоногая, живущая во всѣхъ частяхъ свѣта, хотя и въ качествѣ постоянныхъ разновидностей, въ Европѣ встрѣчается вездѣ; въ Германіи это птица перелетная, появляющаяся въ концѣ марта и улетающая лишь въ октябрѣ; путешествуетъ она, вѣроятно, парами и бо́льшею частью пѣшкомъ, иногда же зимуетъ и въ средней Европѣ. Весною оба супруга обыкновенно въ одну и ту же ночь прибываютъ къ тому пруду, гдѣ выводятъ потомство.

Селится камышница всего охотнѣе на небольшихъ прудахъ, по краямъ поросшихъ камышомъ или тростникомъ, или по крайней мѣрѣ окруженныхъ тростникомъ и кустарникомъ и отчасти заросшихъ плавающими водными растеніями. Каждая парочка любитъ имѣть въ своемъ распоряженіи весь прудъ, и только на болѣе обширныхъ водныхъ поверхностяхъ селится по нѣсколько парочекъ, причемъ каждая строго охраняетъ свой участокъ. Если нѣсколько прудовъ находится по близости другъ отъ друга, то воинственные самцы посѣщаютъ другъ друга, чтобы побороться; но вторгающійся въ чужой участокъ всегда бываетъ отбитъ, такъ какъ оба супруга вмѣстѣ нападаютъ на дерзкаго пришельца.

„Если лебедь являетъ собою образецъ гордой величественности“, говоритъ Либе, „то зеленоногая камышница можетъ считаться образцомъ привлекательной подвижности. Одаренная пожалуй лучше всякихъ другихъ птицъ, камышница такъ же ловко ныряетъ, какъ и порхаетъ среди тростника и камыша. Днемъ она легко и граціозно плаваетъ, почти что не хуже чайки; приподнявъ кверху короткій хвостъ и подергивая имъ, пробирается она между листьями кувшинчиковъ и водяныхъ шильниковъ, схватывая что-то то справа, то слѣва; отъ поры до времени она ныряетъ и вытаскиваетъ со дна пучекъ роголистника или тысячелистника, а затѣмъ начинаетъ искать на поверхности горошинковыя раковины или водныхъ насѣкомыхъ; по вечерамъ и по ночамъ она любитъ взбираться вверхъ по тростнику и, обхватывая своими длинными пальцами по три или по четыре стебля заразъ, лазаетъ такъ ловко, что почти нѣтъ возможности уловить производимаго ею при этомъ шороха. Въ періодъ спариванья камышница часто взбирается на верхушки ивъ, окружающихъ прудъ, и здѣсь возится цѣлыми часами. Если вспугнуть камышницу, то она, порхая, убѣгаетъ по плавающимъ листьямъ водныхъ растеній или ныряетъ и словно исчезаетъ изъ пруда.“

Особенно ловко камышница умѣетъ прятаться. Тамъ, гдѣ мало тростника, она такъ искусно залѣзаетъ куда-нибудь, что разыскать ее невозможно. Если подкараулить камышницъ во время ихъ пребыванія на поверхности воды вблизи высокой плотины, если тихонько взобраться на плотину и потомъ вдругъ вскочить на самое высокое ея мѣсто, то испуганныя камышницы моментально исчезаютъ подъ водою и больше не появляются. Если же послѣ этого тщательно осмотрѣть поверхность пруда, то можно замѣтить — и притомъ на разстояніи лишь немногихъ шаговъ, что листъ водяной лиліи или кувшинчика немного приподнятъ, и что изъ подъ него блеститъ черный глазъ камышницы, которая, не двигаясь, уцѣпилась за черешокъ листа и подъ защитой его высунула только часть своей головки надъ поверхностью воды. Повторивъ этотъ опытъ еще, можно замѣтить также тихое движеніе листа, по черешку котораго взлѣзаетъ птица и выслѣдить мгновеніе, когда она осторожно приподнимаетъ части листа. Звуки, издаваемые зеленоногой камышницей, громки и сильны. Призывной звукъ звучитъ какъ „терр

терр“, предостерегающій крикъ какъ „керр тетт“, или, если онъ обращенъ къ молодымъ птицамъ, какъ „гурр тетт гурр“. Кромѣ того, камышницы издаютъ рѣзкій каркающій звукъ или громкое „кюрг“, повидимому выражающее страхъ, а во время перелета издаютъ звонкій, далеко разносящійся крикъ „кек кек“.

Гнѣздо помѣщается обыкновенно въ пучкѣ тростника на отогнутыхъ внизу листьяхъ или между нѣсколькими пучками тростника на самой поверхности воды; рѣже оно располагается на сухомъ холмикѣ среди тростника. Для гнѣзда охотно употребляются кусочки дерева, доски, домики для утокъ и т. п., если только предметы эти плаваютъ на водѣ. Оба супруга вмѣстѣ сооружаютъ гнѣздо, иногда тщательно, но обыкновенно небрежно.

Семья этихъ птицъ можетъ доставить пріятное развлеченіе. Молодыя птицы плаваютъ рядомъ со старыми или сзади нихъ и внимательно слѣдятъ, не поймаютъ-ли для нихъ родители насѣкомаго или червяка. Тогда они спѣшатъ какъ можно скорѣе схватить лакомый кусокъ. Нѣсколько дней спустя они выучиваются сами находить для себя кормъ; родители только водятъ ихъ, предостерегаютъ и защищаютъ. Послѣ перваго предостерегающаго крика молодыя птицы моментально прячутся. Черезъ двѣ-три недѣли онѣ способны сами себя прокормить. Тогда старики начинаютъ готовиться къ выводу вторыхъ дѣтей. Если и ихъ удастся вывести, то картина получается еще болѣе привлекательная. Когда малютки отъ второго вывода появляются на поверхности воды, то къ нимъ подплываютъ уже наполовину взрослыя дѣти отъ перваго вывода, относятся ласково и предупредительно къ своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ и помогаютъ родителямъ водить ихъ. И большіе, и маленькіе, и старые, и молодые представляютъ собою, такъ сказать, одно сердце и одну душу. Большія дѣти раздѣляютъ съ родителями заботы о воспитаніи маленькихъ братьевъ и сестеръ и относятся къ малюткамъ съ любовью и вниманіемъ: они ищутъ для нихъ корма, который приносятъ имъ въ клювѣ и кладутъ передъ ними, и вообще поступаютъ совершенно такъ же, какъ прежде поступали старики по отношенію къ нимъ самимъ и какъ теперь поступаютъ относительно маленькихъ. Такая двойная семья представляетъ ни съ чѣмъ не сравнимое по прелести зрѣлище, когда она безъ страху плаваетъ по поверхности пруда и находится въ разгарѣ своей дѣятельности.

Хотя камышница зеленоногая добываетъ себѣ пищу болѣе изъ животнаго, чѣмъ изъ растительнаго царства, и поѣдаетъ главнымъ образомъ жуковъ, стрекозъ, мухъ-подёнокъ, водяныхъ клоповъ и другихъ насѣкомыхъ, а также водяныхъ улитокъ и т. п., но ее легко держать въ неволѣ и пріучить къ простой пищѣ, замѣняющей ей естественную. Она скоро покоряется своей судьбѣ, привязывается къ своему хозяину и дѣлается почти такой же ручной, какъ султанская курочка.

Въ Германіи на камышницу не охотятся, такъ какъ она пользуется общей симпатіей за свою миловидность и потому, что мясо ея такъ отзывается болотомъ, что не нравится людямъ съ избалованнымъ вкусомъ; въ южной же Европѣ птицы этой не щадятъ.

*

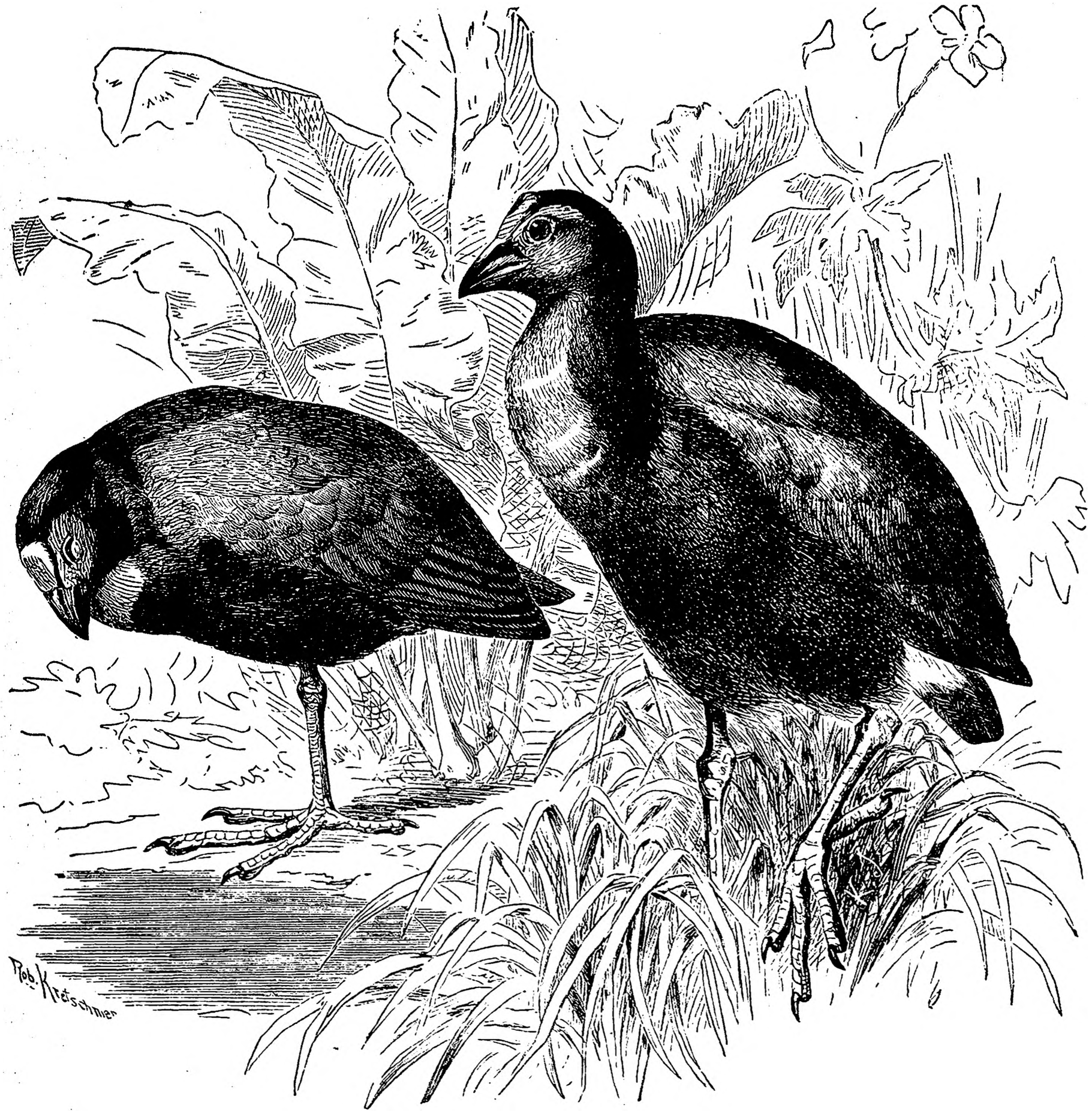
Признакомъ порфироносокъ (Porphyrio) является очень большой лобный щитокъ; живущій въ Европѣ видъ этого рода содержался древними римлянами и греками вблизи храмовъ и отдавался какъ бы подъ защиту боговъ.

У султанской курочки (Porphyrio hyacinthinus) лицо и передняя часть шеи красиваго бирюзоваго цвѣта; задняя часть головы, затылка, нижняя часть брюшка и ляжки темнаго синяго цвѣта индиго, нижняя часть груди, спина, покровныя перья крыльевъ и маховыя перья тоже индиговаго цвѣта, но ярче, область зада бѣлая. Глаза блѣдно-красные, узкое кольцо вокругъ нихъ желтое, клювъ и лобный щитокъ ярко-красные, ноги красновато-желтыя. Длина 47 сантиметровъ.

Султанская курочка живетъ въ болотистыхъ и богатыхъ водою мѣстностяхъ Италіи, Испаніи, Португаліи, южной Россіи, сѣверо-западной Африки и Палестины, нерѣдко залетаетъ въ сѣверную Италію и южную Францію.

Въ восточной Африкѣ ее замѣняетъ равная ей по величинѣ египетская порфироноска, извѣстная у арабовъ подъ названіемъ дикме (Porphyrio smaragdonotus).

Всѣ порфироноски живутъ по преимуществу въ болотахъ, вблизи которыхъ находятся хлѣбныя поля; иногда они населяютъ также рисовыя поля, которыя постянно заливаются водою, такъ что представляютъ собою настоящія болота. По манерѣ держать себя порфироноски болѣе всего напоминаютъ камышницъ, но

Султанская курочка (Porphyrio hyacinthinus). 1/4 естеств. велич.

отличаются болѣе гордой осанкой и болѣе важной походкой. Подобно камышницѣ зеленоногой, порфироноски умѣютъ полупорхая, полубѣгая, мчаться по зыбкой поверхности изъ водяныхъ растеній. Плаваютъ онѣ очень хорошо, входятъ въ воду не только въ случаѣ нужды, но, подобно камышницѣ, часто и ради собственнаго удовольствія, держатся на водѣ легко и подвигаются впередъ, мило склоняя голову. На лету онѣ очень красивы, но полетъ ихъ не отличается легкостью движеній, какъ и у родственныхъ видовъ. Порфироноска неохотно поднимается на воздухъ, и, безпомощно помахавъ крыльями въ теченіе нѣкотораго времени, опять быстро спускается на землю.

Временами порфироноски питаются только растительными веществами, а именно свѣжими побѣгами хлѣбныхъ растеній и другихъ злаковъ, листьями и раз-

ными сѣменами, главнымъ образомъ рисомъ; въ періодъ же вывода птенцовъ онѣ постоянно бродятъ по болоту и, отыскивая гнѣзда, опустошаютъ ихъ; при этомъ онѣ отнюдь не довольствуются птенцами болѣе слабыхъ птицъ, а грабятъ даже болѣе сильныхъ, и этимъ приносятъ вредъ. Какъ хищныя птицы, онѣ подстерегаютъ воробьевъ, которые собираются лакомиться остатками ихъ корма, и, какъ кошки, поджидаютъ мышей около ихъ норокъ. Одного единственнаго удара крѣпкимъ клювомъ достаточно, чтобы покончить съ жертвой; потомъ порфироноска схватываетъ ее одной ногой и крѣпко сжимаетъ, а другою отрываетъ куски и подноситъ ихъ къ клюву ногою. Рыбъ порфироноски ѣдятъ съ жадностью.

Всѣ порфироноски легко поддаются прирученію, скоро привыкаютъ ко всякой пищѣ и къ своимъ сожителямъ и живутъ въ ладу съ курами; взрослыя порфироноски бѣгаютъ по двору, по саду или по улицѣ, если пользуются большой свободой, просятъ за столомъ и дѣлаются настоящимъ украшеніемъ усадьбы; живутъ онѣ много лѣтъ и при надлежащемъ уходѣ размножаются.

Отъ лысуховыхъ болотныя курочки (Rallinae) отличаются болѣе длинной плюсной и тѣмъ, что задній палецъ у нихъ прикрѣпленъ выше.

*

Въ ясные майскіе вечера съ луговъ и полей доносится странный трескучій звукъ, похожій на тотъ звукъ, какой получается, если провести деревянной палочкой по зубьямъ гребня. Звукъ этотъ съ небольшими перерывами раздается до глубокой ночи, и съ ранняго утра до восхода солнца и даже позднѣе; рѣдко онъ доносится съ одного мѣста, а большею частью то отсюда, то оттуда, но всегда изъ опредѣленнаго участка. Трескъ этотъ производится птицей, а именно дергачемъ, или коростелью (Crex pratensis). Признаки его: высокое, съ боковъ сильно сжатое тѣло, средней длины шея и довольно большая голова; короткій, крѣпкій клювъ съ высокимъ гребнемъ и сплюснутый съ боковъ, средней длины ноги, оперенныя почти до пятокъ, выпуклыя крылья, въ которыхъ второе маховое перо самое длинное, короткій, слабый, почти скрытый подъ покровными перьями хвостъ и гладкое, но не особенно густое опереніе. На верхней сторонѣ опереніе по черно-бурому фону покрыто маслянисто-сѣрыми пятнами, которыя образуются изъ широкихъ каемокъ отдѣльныхъ перьевъ; на нижней сторонѣ, а именно на горлѣ и на передней части шеи опереніе пепельно-сѣрое, по бокамъ буровато-сѣрое съ буровато-красными поперечными пятнами; на крыльяхъ оно буровато-красное, украшенное мелкими желтовато-бѣлыми пятнами. Глаза свѣтло-каріе, клювъ красновато-сѣрый, ноги свинцово-сѣрыя. Длина 29 см.

Дергачъ живетъ въ сѣверной Европѣ и въ значительной части средней Азіи. Въ южную Европу онъ всегда залетаетъ во время своего перелета въ теплые края, но, какъ кажется, выводитъ тамъ птенцовъ лишь въ видѣ исключенія. Народъ думаетъ, что онъ властвуетъ надъ перепелами или водитъ ихъ; греческіе охотники также увѣряютъ, что каждой стаей перепеловъ предводительствуетъ „король перепеловъ“ — дергачъ (отсюда одно изъ нѣмецкихъ названій дергача — „Wachtelkönig“). Какъ сложилось у народа такое повѣрье — непонятно, такъ какъ дергачъ ничего общаго не имѣетъ съ перепелами и даже перелетъ свой совершаетъ не одновременно съ ними. Въ Германіи онъ появляется въ маѣ, а обратный путь предпринимаетъ въ концѣ августа, хотя иногда встрѣчается еще въ половинѣ октября. Путешествуетъ онъ по ночамъ и вѣроятно значительную часть пути пробѣгаетъ.

Мѣсто жительства дергача зависитъ отъ обстоятельствъ. Онъ обитаетъ въ плодородныхъ мѣстностяхъ, особенно на равнинахъ, хотя не избѣгаетъ холмистыхъ странъ; всего охотнѣе онъ селится на лугахъ, окруженныхъ хлѣбными полями или находящихся по близости отъ таковыхъ, но такъ же мало любитъ мѣста очень сырыя, какъ и очень сухія и повидимому долго ищетъ прежде чѣмъ набредетъ на подходящій уголокъ Послѣ покоса онъ отправляется на нивы, а во время

жатвы — въ кустарникъ, но дѣлаетъ это не раньше, чѣмъ его принудитъ къ этому коса.

Дергачъ скорѣе ночная, чѣмъ дневная птица; по крайней мѣрѣ въ жаркіе часы дня онъ совершенно безмолвствуетъ, зато голосъ его раздается всю ночь за исключеніемъ полуночныхъ часовъ. Но какъ днемъ, такъ и ночью онъ скрывается. Во время бѣга — а бѣгаетъ онъ съ невѣроятной быстротою — дергачъ склоняетъ голову, вытягиваетъ шею, держитъ туловище горизонтально и при каждомъ шагѣ киваетъ головой. Благодаря своему удивительно узкому тѣлу, онъ можетъ быстро бѣгать и по такимъ мѣстамъ густыхъ луговъ и полей, гдѣ нѣтъ подходящихъ для него ходовъ, такъ какъ вездѣ онъ безъ труда можетъ протѣсниться. Летаетъ онъ быстро, по прямой линіи, причемъ ноги его висятъ; высоко надъ землей онъ не поднимается и пролетаетъ только небольшія разстоянія; заставить его летѣть очень трудно.

Какъ ни милъ и ни изященъ дергачъ на видъ, но характеръ его крайне непріятенъ по отношенію къ птицамъ того же вида или къ болѣе слабымъ животнымъ. Онъ также принадлежитъ къ хищнымъ птицамъ, и, вѣроятно, это одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ грабителей гнѣздъ. Уже Науманнъ замѣтилъ, что плѣнные дергачи отличаются запальчивостью и властолюбіемъ и видѣлъ, какъ они клюютъ маленькихъ пѣвчихъ птичекъ или вьюрковъ и даже заклевываютъ ихъ на смерть и затѣмъ съѣдаютъ ихъ мозгъ; иногда онъ находилъ даже мертвыхъ мышей, схваченныхъ дергачами около миски съ кормомъ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ дергачъ весьма пригоденъ для неволи. Это изъ одна самыхъ забавныхъ и занимательныхъ птицъ, какихъ держатъ въ клѣткѣ.

Тотчасъ послѣ своего прибытія дергачъ помышляетъ о выводѣ потомства, а потому почти безъ перерыва издаетъ свое „эррп эррп эррп“ или „кнеррп кнеррп“. Нѣжными звуками „кьо кью кьэ“ онъ ласкаетъ свою самку, которая отвѣчаетъ на его любовный призывъ въ такомъ же родѣ. Строитъ гнѣздо парочка начинаетъ только тогда, когда трава достигла достаточной высоты, въ иные годы, слѣдовательно, не раньше конца іюня. Супруги выбираютъ сухое мѣсто среди своего участка и вырываютъ въ немъ углубленіе, которое выстилаютъ сухими стебельками, листьями травы, мхомъ и тонкими корешками. Число яицъ въ большинствѣ случаевъ колеблется между 7 и 9, можетъ однако дойти до 12-ти. Яйца сравнительно крупныя, красивой яйцевидной формы, съ плотной, но мелкозернистой скорлупой; поверхность яйца гладкая, блестящая и по желтоватому или зеленовато-бѣлому фону усѣяна болѣе или менѣе густо мелкими глянисто или блѣдно-красными, красновато-бурыми и пепельно-синими пятнами. Самка въ въ теченіе трехъ недѣль высиживаетъ яйца съ такимъ усердіемъ, что иногда даетъ себя взять рукою; не обращается въ бѣгство даже при видѣ косы и часто становится жертвою своей любви къ потомству. Молодыя птицы, покрытыя чернымъ пухомъ, скоро выбѣгаютъ изъ гнѣзда; мать водитъ ихъ, онѣ пискомъ отвѣчаютъ на ея зовъ, часто собираются подъ ея крыльями, при всякой неожиданности разбѣгаются, юрко шныряютъ по землѣ, словно мыши, и въ одно мгновеніе такъ ловко умѣютъ спрятаться, что найти ихъ бываетъ очень трудно.

Въ Германіи дергача только при случаѣ убиваютъ; въ Испаніи же и въ Греціи его чаще стрѣляютъ и постоянно приносятъ на рынокъ, такъ какъ мясо его считается лакомымъ блюдомъ.

*

У водяного пастушка (Rallus aquaticus) клювъ длиннѣе головы, прямой или слегка загнутый, съ боковъ сжатый, ступни довольно высокія, крылья выпуклыя, короткія, тупыя съ мягкими маховыми перьями, хвостъ очень короткій, скрытый подъ покровными перьями, опереніе весьма густое, не пропускающее воды. Верхняя часть тѣла взрослаго самца кажется покрытою черными пятнами по желтому фону; бока головы и нижняя часть тѣла пепельно-синевато-сѣрыя, въ пахахъ перья покрыты черными и бѣлыми полосками, брюшко и задъ

ржаво-сѣровато-желтые, маховыя перья тусклаго черно-бураго цвѣта, рулевыя перья черныя съ маслянисто-бурыми каемками. Глазъ грязноватаго свѣтло-краснаго цвѣта, клювъ на гребнѣ буровато-сѣрый, по краямъ верхней створки краснаго цвѣта сурика, подклювье такого же цвѣта, ноги буровато-зеленыя. Длина 29 см.

Родиной водяного пастушка является сѣверная и средняя Европа, а также средняя Азія на востокъ вплоть до Амура; южную Европу и сѣверную Африку, а также Индію онъ еще посѣщаетъ во время своихъ перелетовъ, но уже въ Египтѣ это рѣдкая зимняя птица.

Населяетъ водяной пастушокъ главнымъ образомъ непривѣтливыя болота, неохотно посѣщаемыя человѣкомъ, и сырыя дебри, гдѣ болотистая почва скрыта подъ густыми растеніями и кустарниками; часто также онъ живетъ въ расположенныхъ близъ лѣсовъ или даже внутри лѣсовъ водныхъ вмѣстилищахъ, поросшихъ въ изобиліи тростникомъ и ситникомъ, или въ топкихъ мѣстахъ, покрытыхъ ольхой; охотно онъ посѣщаетъ также ивнякъ, смѣняющійся обильнымъ камышомъ и высокими травами, среди котораго много воды и топкихъ мѣстъ, или который прорѣзывается канавами съ водой или тростникомъ. Во время перелета водяной пастушокъ выбираетъ себѣ всякія подходящія мѣстности, гдѣ можно спрятаться, останавливается въ лѣсахъ, залѣзаетъ въ живыя изгороди, въ сараи и т. д.

Водяной пастушокъ скорѣе ночная, чѣмъ дневная птица, и въ сумерки бываетъ всего рѣзвѣе. День онъ проводитъ тихо, часть дня вѣроятно спитъ. По своему образу дѣйствія онъ похожъ на маленькихъ камышницъ или лысухъ. Онъ выступаетъ граціозно и ловко, быстро бѣгаетъ по чему угодно, подъ что нельзя подползти, напр. по жидкому илу, по плавающимъ листьямъ и стеблямъ, по густымъ, сложеннымъ въ кучу вѣтвямъ и проворно пролѣзаетъ по узкимъ проходамъ, образуемымъ густыми стеблями болотныхъ растеній. Великую услугу оказываетъ ему при этомъ его узкое тѣло: даже среди густого камыша онъ пробирается, ни за что не задѣвая, и направленіе его бѣга никогда не можетъ быть обнаружено по движенію травы. Если кто-нибудь случайно набредетъ на бѣгущаго водяного пастушка, то скорѣе подумаетъ, что видѣлъ крысу, чѣмъ птицу. Плаваетъ водяной пастушокъ легко и мило, безъ всякаго принужденія; поэтому онъ продолжаетъ свой путь въ одномъ и томъ же направленіи и по болѣе глубокимъ мѣстамъ болота, гдѣ ноги его уже не касаются дна, но всегда избѣгаетъ плавать по открытой, обширной поверхности воды.

Полетъ водяного пастушка плохой, скоро утомляющій птицу, и требуетъ сильныхъ взмаховъ крыльями; онъ летаетъ къ тому же низко и въ одинъ пріемъ никогда далеко не улетаетъ. Обыкновенный призывной звукъ, всего чаще раздающійся по вечерамъ, представляетъ собою рѣзкій свистъ вродѣ свиста прута по воздуху; звукъ этотъ можно передать слогомъ „вуитт“. На лету, особенно во время перелета, издается высокій, пронзительный, но пріятный звукъ „крик“ или „крип“. Водяной пастушокъ не принадлежитъ къ богато одареннымъ видамъ своего семейства, хотя все-таки обнаруживаетъ извѣстную долю смышлености.

Плѣнные водяные пастушки скоро привыкаютъ къ утратѣ свободы и къ клѣткѣ. Вначалѣ они, правда, всячески стараются спрятаться; но скоро они становятся довѣрчивыми, а затѣмъ дѣлаются до того ручными, что клюютъ кормъ изъ рукъ хозяина и даже даютъ себя гладить. Одинъ врачъ въ Заальфельдѣ такъ приручилъ водяного пастушка, что птица бѣгала за своимъ хозяиномъ, какъ собака, понимала его жесты, зимою спала въ его постели, т. е. дѣйствительно подползала подъ одѣяло, чтобы погрѣться.

На свободѣ водяной пастушокъ питается главнымъ образомъ насѣкомыми, ихъ личинками, червями и мягкотѣлыми, затѣмъ ѣстъ также сѣмена, особенно сѣмена травы и тростника. Вѣроятно, онъ такъ же мало пренебрегаетъ случаемъ полакомиться птичьимъ яйцомъ, какъ и ближайшіе его родственники.

Гнѣздо, представляющее собою неплотное плетеніе изъ сухихъ тростниковыхъ листьевъ, ситника и травъ, имѣетъ форму глубокой чашки, помѣщается въ густой травѣ или въ тростникѣ и такъ запрятано, что его рѣдко удается найти, хотя старыя птицы выдаютъ свое мѣстопребываніе вечернею музыкой. Обыкновенно

гнѣздо находится на краю канавы съ водой, то подъ ивнякомъ, то подъ менѣе густымъ тростникомъ, очень рѣдко среди сколько-нибудь короткой травы. Яицъ кладется 6—10, иногда даже больше; они по блѣдно-желтому или зеленоватому фону довольно скудно покрыты фіолетовыми и пепельно-сѣрыми пятнами, на которыхъ въ свою очередь замѣчаются еще красноватыя или корично-бурыя пятна.

Къ настоящимъ водянымъ курочкамъ примыкаетъ семейство въ высшей степени изящныхъ птицъ, которыя прежде считались родственниками куропатокъ и перепеловъ.

Триперстковыя птицы (Turnicidae) характеризуются небольшой величиной, продолговатымъ тѣломъ, средней длины тонкимъ, прямымъ, сжатымъ, выпуклымъ на гребнѣ, къ концу слегка загибающимся клювомъ, слабыми ногами съ длинной плюсной и тремя, лишь въ исключительныхъ случаяхъ съ четырьмя пальцами, средней длины закругленными крыльями и короткимъ хвостомъ, состоящимъ изъ 10—12 слабыхъ перьевъ и почти совершенно закрытымъ покровными перьями.

Триперстковыя птицы, которыхъ извѣстно около 24 видовъ, распространены по всей восточной половинѣ земного шара, но въ западной половинѣ его совершенно отсутствуютъ. Главное мѣсто жительства этихъ птицъ, повидимому, Австралія; здѣсь встрѣчается больше видовъ ихъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, вмѣстѣ взятыхъ; здѣсь они живутъ не только на всемъ материкѣ, во всѣхъ изслѣдованныхъ частяхъ его, но распространены также на островахъ, лежащихъ недалеко отъ берега материка или даже недалеко отъ берега о. Тасманіи. Нѣкоторые виды встрѣчаются на востокѣ и на западѣ материка, между тѣмъ какъ другіе занимаютъ лишь весьма ограниченныя области. Здѣсь, какъ и вездѣ, они селятся на равнинахъ и на каменистыхъ, густо поросшихъ кустарникомъ и травою откосахъ долинъ и склонахъ горъ; но живутъ эти птицы такъ скрыто, что внѣ періода вывода ихъ можно увидѣть развѣ только случайно, если спеціально не предпринимать на нихъ охоты. По своимъ движеніямъ, по своему характеру, по своимъ нравамъ и привычкамъ они значительно отличаются отъ перепеловъ и скорѣе похожи на песочниковъ и ржанокъ. Пока возможно, они прячутся въ чащахъ травы; если ихъ спугнуть, то они вылетаютъ на воздухъ изъ подъ самыхъ ногъ нарушителя ихъ спокойствія; но поднимаются не высоко, летятъ по прямой линіи съ быстротой стрѣлы, пролетаютъ около 100 метровъ и вдругъ опять бросаются на землю.

Въ періодъ вывода эти птицы становятся живѣе, но и тогда ихъ можно только слышать, но не видѣть. Половое влеченіе крайне возбуждаетъ какъ самца, такъ и самку, и заставляетъ ихъ бороться съ другими птицами своего вида не на жизнь, а на смерть; странно, что ссорятся не одни самцы, но что и самки вступаютъ въ отчаянные поединки, а у иныхъ видовъ однѣ только самки и борятся между собою.

Изъ за такой воинственности азіаты уже съ древнихъ временъ держатъ триперстковыхъ птицъ въ клѣткѣ и устраиваютъ между ними бои. Птицы, пойманныя взрослыми, легко привыкаютъ къ неволѣ и охотно ѣдятъ подносимую имъ подходящую пищу.

Триперстка африканская, извѣстная у испанцевъ подъ названіемъ торилью, а у арабовъ подъ именемъ семмана (Turnix sylvatica), принадлежитъ къ болѣе крупнымъ видамъ своего семейства. Длина самца 15 см.; длина замѣтно болѣе крупной и на треть болѣе тяжелой самки 19 см. По окраскѣ самецъ и самка не различаются.

Эта птица, еще мало извѣстная до сихъ поръ, водится во всей сѣверо-западной Африкѣ, отъ границъ Египта до Адріатическаго моря и отъ Гибралтарскаго пролива до Сенегала, быть можетъ встрѣчается еще южнѣе и отсюда забирается

въ Испанію и на о. Сицилію. Далѣе къ сѣверу эту птицу можно видѣть лишь въ качествѣ залетнаго гостя. Такъ, говорятъ, не особенно рѣдко можно ее встрѣтить въ южной Франціи; одинъ разъ удалось даже убить ее въ Оксфордширѣ. Никогда нельзя точно опредѣлить, гдѣ собственно живетъ триперстка: она живетъ такъ скрыто и найти ее такъ трудно, что иногда нелегко опредѣлить, часто ли или рѣдко она встрѣчается въ данной странѣ. Селится триперстка всего охотнѣе въ пустынныхъ мѣстностяхъ, густо поросшихъ кустами карликовой пальмы — все равно, находятся ли онѣ у самаго морского берега, внутри страны или у подножія горъ, и эти мѣста вполнѣ соотвѣтствуютъ нравамъ и привычкамъ этой птицы, какъ они наблюдались въ Африкѣ. Питается она насѣкомыми и сѣменами, приблизительно въ равномъ количествѣ употребляя и тотъ, и другой родъ пищи. Лохе нашелъ внутри многихъ вскрытыхъ имъ экземпляровъ въ перемежку сѣмена и другія растительныя вещества, остатки муравьевъ и иныхъ насѣкомыхъ, а также мелкіе кремешки. Гнѣздо свое самка располагаетъ въ пучкѣ травы или въ густомъ кустѣ. Это не болѣе, какъ маленькое углубленіе въ почвѣ, устланное сухой травой, иногда впрочемъ ничѣмъ не выложенное, но всегда помѣщенное въ такомъ скрытомъ мѣстѣ, что найти его удается очень рѣдко. Яицъ кладется 4—5; средняя длина ихъ 24 миллиметра, а ширина 18 миллиметровъ, фонъ сѣровато или желтовато-бѣлый съ довольно густыми блѣдно-пурпуровыми или темно-бурыми крапинками. Высиживаютъ яйца птицы обоего пола поочередно, и если самку убьютъ, то самецъ беретъ на себя материнскія заботы. Какъ только молодыя птицы сдѣлаются самостоятельными, онѣ идутъ своей дорогой. Подобно большинству водяныхъ курочекъ, онѣ выбѣгаютъ изъ гнѣзда, когда обсохнутъ; какъ это наблюдается и у родственныхъ видовъ, родители сначала охраняютъ ихъ съ нѣжной заботливостью и сзываютъ тихимъ звукомъ „кру“. Кромѣ этого звука, триперстки издаютъ, особенно въ вечерніе и утренніе сумерки, очень своеобразный, глухой раскатистый звукъ, который можно сравнить съ извѣстнымъ воющимъ крикомъ выпи, только крикъ триперстки гораздо слабѣе и тише.

Шестой отрядъ.

Журавлиныя птицы (Geranornithes).

Среднее мѣсто между водяными курочками, поисковыми и боевыми птицами занимаютъ журавлиныя птицы, составляющія только одинъ подотрядъ (Gruiformes) и распадающіяся на двѣ группы — журавлинообразныхъ и солнечныхъ цапель. Журавлиныя птицы распространены по всей землѣ.

Наиболѣе благородными представителями журавлинообразныхъ (Grues) являются настоящіе журавли (Gruidae). Признаки ихъ слѣдующіе: сравнительно длинное, почти цилиндрическое, но сильное, не сплюснутое съ боковъ туловище, длинная, тонкая шея, маленькая голова красивой формы, средней толщины, прямой, открытый клювъ, нѣсколько сжатый съ боковъ и съ тупымъ гребнемъ, длиною равный головѣ или нѣсколько длиннѣе ея, при основаніи мягкій, но съ твердымъ кончикомъ и очень длинныя, крѣпкія ноги, обнаженныя гораздо выше пятокъ; ступня о четырехъ пальцахъ, изъ которыхъ маленькій, короткій задній палецъ прикрѣпляется такъ высоко, что во время ходьбы не касается земли, а наружный и средній передніе пальцы соединены толстой перепонкой, доходящей до перваго сустава, пальцы снабжены короткими, мало загнутыми когтями съ тупыми краями; крылья большія, длинныя, широкія, въ нихъ третье маховое перо самое длинное, а послѣднія перья плеча длиннѣе всѣхъ остальныхъ, нерѣдко загибаются серповидно и вообще отличаются своеобразной формой; довольно короткій или закругленный хвостъ состоитъ изъ 12-ти перьевъ, оперепіе мелкое, плотно прилежащее, жесткое, но обильное; часть головы и шеи часто остаются не покрытыми или наоборотъ снабжены великолѣпными декоративными перьями; у нѣкоторыхъ видовъ на передней части шеи перья удлиняются и становятся уже. Самецъ и самка не отличаются замѣтнымъ образомъ по окраскѣ, но отличаются по величинѣ; молодыя птицы послѣ перваго линянія облекаются въ такую же одежду, какъ и взрослыя птицы, но декоративныя перья во всей ихъ красѣ образуются лишь позднѣе.

Каждая часть свѣта даетъ пріютъ особымъ видамъ журавлей; всего болѣе видовъ встрѣчается въ Азіи. Мѣста жительства ихъ — это обширныя болота и топи; повидимому, предпочтеніе отдается болотамъ, граничащимъ съ воздѣланною землею, такъ какъ журавли ищутъ себѣ пропитанія столько же въ болотѣ, сколько на поляхъ. Ходятъ журавли, мѣрно, но граціозно выступая, любятъ подплясывать — и притомъ очень мило, всегда сохраняютъ извѣстное достоинство; они заходятъ довольно глубоко въ воду, могутъ также плавать, летаютъ легко, красиво, часто парятъ, описывая большіе круги, и, прямо вытянувъ шею и ноги, большею частью несутся высоко по воздуху; голосъ у нихъ громкій и пронзительный, они смышлены и понятливы, обыкновенно жизнерадостны, любятъ дразнить другъ друга, бороться и даже отличаются страстью къ убійству, относительно себѣ подобныхъ крайне об-

щительны, принимаютъ въ свою среду и родственниковъ по семейству; до другихъ животныхъ имъ мало или совсѣмъ нѣтъ дѣла, или же, имѣя съ другими дѣло, они присвоиваютъ себѣ надъ ними власть. Дѣятельность журавлей продолжается съ ранняго утра до поздняго вечера; но на отысканіе корма они посвящаютъ лишь немного утреннихъ часовъ, прочее время предаются общественной жизни. Во время своего перелета, улетая до тропическихъ странъ, они путешествуютъ почти непрерывно, какъ днемъ, такъ и ночью, а потому совершаютъ свои странствованія въ поразительно короткое время.

Всѣ журавли, хотя при случаѣ проглатываютъ насѣкомыхъ и червей, маленькихъ земноводныхъ и рыбокъ, иногда опустошаютъ и птичье гнѣздо, но, по-видимому, считаютъ животный кормъ только лакомствомъ. Разныя зерна, особенно хлѣбныя, почки, кончики листьевъ, корешки или клубни растеній служатъ имъ пищей.

Гнѣздо помѣщается въ низменныхъ или болотистыхъ мѣстностяхъ; въ него кладется два овальныхъ яйца, по зеленоватому фону покрытыхъ бурыми пятнами. Оба супруга сидятъ на яйцахъ поперемѣнно и сначала кормятъ птенцовъ, которые вѣроятно первые дни остаются въ гнѣздѣ и затѣмъ лишь выводятся изъ него.

У журавлей мало враговъ. Человѣкъ иногда преслѣдуетъ ихъ изъ-за ихъ мяса и вынимаетъ изъ гнѣзда молодыхъ птицъ съ цѣлью выращивать ихъ. Журавли скоро привыкаютъ къ жизни въ плѣну, вступаютъ въ искреннія дружескія отношенія со своимъ хозяиномъ и доставляютъ удовольствіе изяществомъ своихъ движеній, привлекательностью своего нрава и своей изумительной смышленостью. Ихъ нетрудно пріучить вылетать изъ дому и опять возвращаться, а также заставить ихъ размножаться въ неволѣ. Въ Японіи и въ Китаѣ журавль считается священной или является всѣми уважаемой птицей, несомнѣнно благодаря своимъ привлекательнымъ свойствамъ.

Сѣрый журавль (Grus communis, cinerea) является для насъ представителемъ своего семейства; онъ пепельно-сѣраго цвѣта, область горла и передняя часть темени у него черныя, бока шеи бѣловатые, маховыя перья черныя. Глаза буровато-красные, клювъ при основаніи красноватый, кончикъ клюва черновато-зеленый, ноги черноватыя. Длина 140 см.

Родина журавля — широкій поясъ Стараго Свѣта, начиная съ востока средней Сибири до Скандинавіи и отъ низменной тундры до широты средней Европы; отсюда онъ черезъ Китай отправляется въ Сіамъ и въ Индію или въ среднюю и западную Африку. Въ Германіи мѣста вывода журавля, вѣроятно, находятся лишь къ востоку отъ р. Эльбы.

Въ восточной Азіи къ нему присоединяется великолѣпный стерхъ (Grus leucogeranus), котораго удавалось нѣсколько разъ убивать и въ Европѣ. Эта птица, кромѣ черныхъ рулевыхъ перьевъ, совершенно бѣлая: голая голова ея кроваво-красная, глаза свѣтло-желтые, клювъ блѣдно-красный, ноги свѣтлаго карминно-краснаго цвѣта. Длина его около 120 см.

Къ европейскимъ птицамъ причисляютъ также журавля даурскаго (Grus antigone), живущаго въ Забайкальи, такъ какъ его случалось убивать въ южнорусскихъ степяхъ. Онъ отличается отъ сѣраго журавля большимъ голымъ пространствомъ на головѣ и закругленнымъ хвостомъ.

Чаще двухъ вышеупомянутыхъ видовъ посѣщаетъ Европу удивительно граціозный журавль — красавка (Grus virgo), живущій въ среднеазіатскихъ степяхъ и странствующій до южной Индіи, до средней и южной Африки. Онъ отличается отъ своихъ выше описанныхъ родственниковъ короткимъ, круглымъ клювомъ, совершенно оперенной головой, украшенной сзади двумя свѣшивающимися пучками перьевъ, удлиненнымъ опереніемъ на нижней части шеи и удлиненными верхними кроющими перьями крыла, которыя длиннѣе всѣхъ прочихъ. Оперені отличается мягкостью и имѣетъ свѣтлый свинцово-сѣрый цвѣтъ; передняя часть шеи и

украшающія ее свѣшивающіяся перья совсѣмъ черныя, головное украшеніе чисто бѣлое; маховыя перья сѣровато-черныя. Глаза яркаго карминно-краснаго цвѣта. клювъ при основаніи грязновато-зеленый, къ кончику — рогового цвѣта, на самомъ кончикѣ блѣдно-красный, ноги черныя. Длина 85 см.

Сѣрый журавль въ октябрѣ мѣсяцѣ стаями появляется въ Суданѣ и здѣсь селится на большихъ рѣчныхъ отмеляхъ, выступающихъ изъ воды. Въ то же время онъ въ значительномъ количествѣ прибываетъ въ Индію и тамъ селится въ подобныхъ же мѣстностяхъ. Въ Германіи въ началѣ октября и въ концѣ марта можно видѣть, какъ летятъ сѣрые журавли; летятъ они всегда большими обществами, высоко въ воздухѣ, въ видѣ клина, и лишь иногда, кружась, разбиваются на неправильныя группы; быть можетъ, они отъ поры до времени спускаются на землю, но нигдѣ не задерживаются надолго. Передъ осеннимъ перелетомъ они, подобно аистамъ, собираются на опредѣленныя мѣста. Пребывая на чужбинѣ, журавли всегда держатся многочисленными стаями и смѣшиваются также съ родственными видами. Съ ними вмѣстѣ сѣрые журавли каждое утро вылетаютъ на поля съ цѣлью искать себѣ пропитанія, передъ полуднемъ возвращаются, а затѣмъ весь день и всю ночь пребываютъ на островахъ, то забавляясь разными играми, то приводя въ порядокъ и очищая свои перья, такъ какъ этого требуетъ наступающій въ это время періодъ линянія. Стаями сѣрые журавли пускаются и въ обратный путь и большими обществами прилетаютъ на родину; но здѣсь толпы ихъ мало по малу разбиваются на болѣе мелкія группы, а эти группы распадаются на отдѣльныя пары, и каждая пара селится въ благопріятной для размноженія мѣстности, значительно отличающейся отъ мѣстъ зимовки. Сѣрый журавль выбираетъ въ болотахъ мѣста, поросшія низкой осокой или камышомъ, откуда всегда можно далеко видѣть во всѣ стороны.

Всякое движеніе журавля красиво, каждое проявленіе его высшихъ дарованій привлекательно. Эта большая, стройная, подвижная, проницательная и понятливая птица отлично сознаетъ свои способности и выражаетъ это самыми разнообразными дѣйствіями. Легкими, изящными, но все-таки мѣрными шагами, обыкновенно спокойно и съ достоинствомъ и только въ случаѣ нужды бѣгомъ и поспѣшно, идетъ онъ своей дорогой; безъ труда, однимъ или двумя прыжками, поднимается онъ съ земли, нѣсколькими сильными взмахами мощныхъ крыльевъ достигаетъ желательной высоты, и вотъ онъ уже летитъ, прямо вытянувъ шею и ноги, равномѣрно и безъ видимой поспѣшности, но все-таки быстро подвигаясь впередъ и рѣшительно направляясь къ опредѣленной цѣли. Но та же самая птица, если на нее найдетъ такой стихъ, забавляется веселыми прыжками, принимаетъ задорныя позы и странныя положенія, склоняетъ шею, раскрываетъ крылья и прямо-таки пляшетъ или, летая, описываетъ круги около одного и того же мѣста. Смышленость журавля поистинѣ изумительна. Онъ поразительно быстро составляетъ себѣ понятіе о данныхъ обстоятельствахъ и сообразно съ ними устраиваетъ свою жизнь. Онъ не робокъ, но въ высшей степени остороженъ, и перехитрить его поэтому очень трудно. Каждый журавль постоянно думаетъ о своей безопасности; стадо журавлей всегда выставляетъ сторожей, которые должны заботиться о безопасности всего общества: встревоженная стая высылаетъ развѣдчиковъ, прежде чѣмъ снова посѣтитъ извѣстное мѣсто, гдѣ ее потревожили.

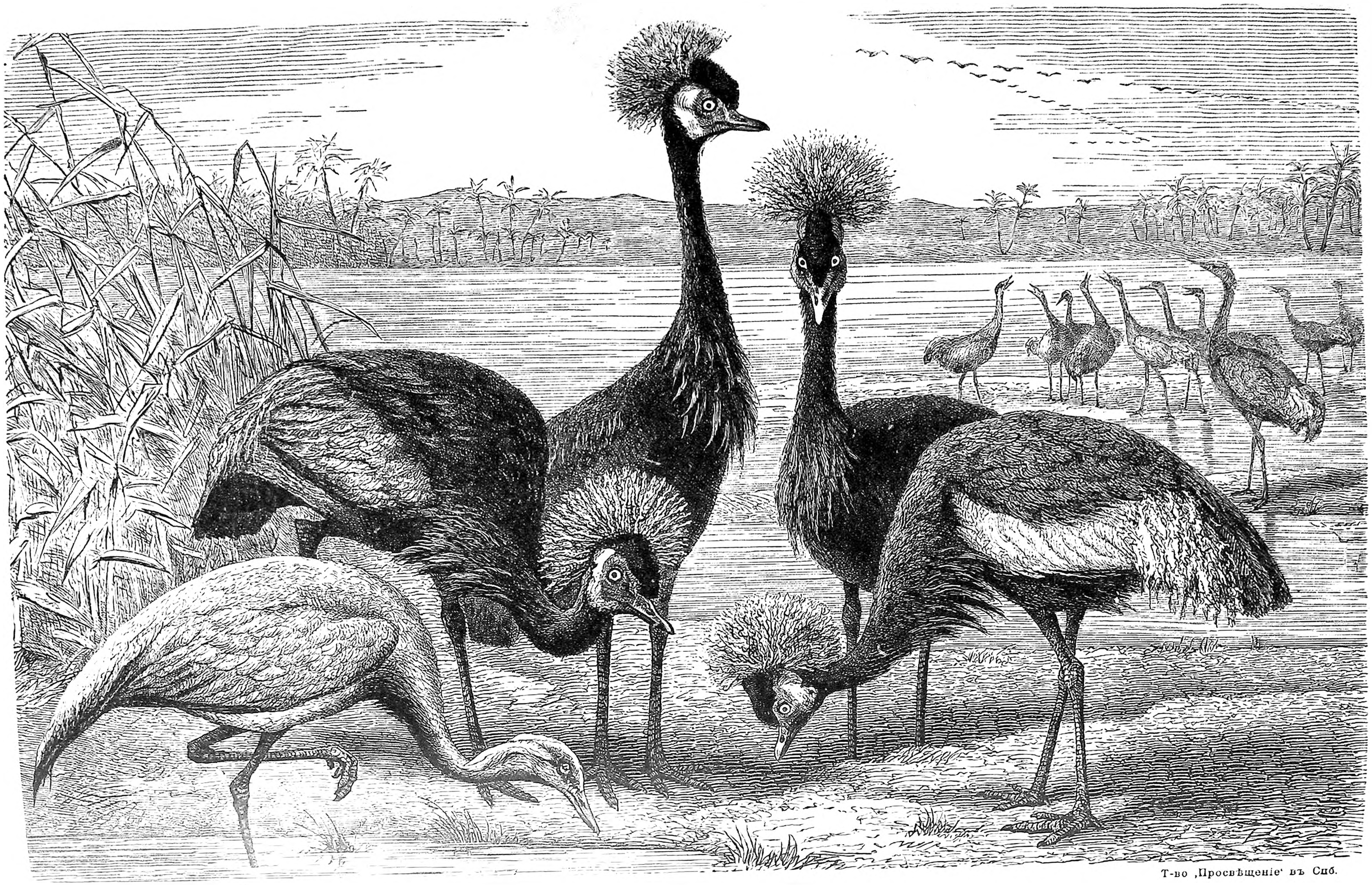
Въ сущности, журавля никогда не удается хорошо узнать во время его жизни на свободѣ; чтобы судить о немъ, надо наблюдать его въ человѣческомъ обществѣ. Какъ ни осторожно избѣгаетъ онъ человѣка на свободѣ, но, попавъ въ общество людей, журавль искренно привязывается къ нему. Кромѣ самыхъ умныхъ попугаевъ, нѣтъ ни одной птицы, которая вступала бы въ такія близкія отношенія съ человѣкомъ, которая такъ выучивалась бы понимать всякое движеніе человѣка и умѣла бы, по мѣрѣ силъ, становиться человѣку понятной и полезной. Въ хозяинѣ журавль видитъ не только кормильца, но и друга, и старается это показать. Легче всякой другой птицы пріучается онъ къ усадьбѣ,

къ дому хозяина, знаетъ каждую комнату, каждый закоулокъ, понимаетъ значеніе времени, умѣетъ оцѣнивать отношенія другихъ людей или животныхъ къ гостю, выказываетъ замѣчательную понятливость къ порядку; на птичьемъ дворѣ онъ не терпитъ ссоръ, стережетъ безъ всякаго принужденія скотъ, словно умная собака, наказываетъ бранчивымъ крикомъ или чувствительными ударами клюва и награждаетъ ласковымъ обращеніемъ, поклонами и пляской, дружится съ доброжелательными людьми и ищетъ ихъ общества, но ничего не спускаетъ и незаслуженныя оскорбленія помнитъ цѣлые мѣсяцы и даже годы. Общество, повидимому, составляетъ его потребность, но общество свое онъ себѣ выбираетъ съ разборомъ. Супруги сохраняютъ другъ другу неизмѣнную вѣрность; къ дѣтямъ своимъ журавли относятся съ самою теплою нѣжностью; относительно родственниковъ по виду, роду или семейству журавли обнаруживаютъ извѣстное почтеніе. Тѣмъ не менѣе случается, что журавли изъ за любовныхъ дѣлъ во время перелета или при другихъ встрѣчахъ начинаютъ яростно драться. Въ зоологическихъ садахъ не разъ наблюдали, что журавли иногда ненавидѣли другъ друга, и одинъ подчасъ убивалъ другого. Но такіе случаи принадлежатъ къ исключеніямъ, ибо журавли, хотя и задорны и храбры, но ни злобы, ни коварства, ни лукавства въ нихъ нѣтъ. Голосъ у нихъ очень громкій и звучитъ обыкновенно, какъ щелкающее „гру“, „кур“ или „кюрр“, издаваемое то звонко, то съ трескучимъ оттѣнкомъ; въ болотѣ или на лѣсныхъ полянахъ журавли издаютъ также такіе звуки, которые могутъ испугать непосвященнаго, ибо иногда бываютъ удивительно похожи на отчаянный крикъ о помощи.

Сѣрый журавль ѣстъ хлѣбныя зерна и посѣвы, кончики травъ и полевыя растенія, очень любитъ горохъ, поѣдаетъ также нѣкоторые плоды или гоняется за червями и насѣкомыми, особенно за жуками, кузнечиками, сверчками и стрекозами, отъ поры до времени ловитъ также лягушку или другое земноводное животное. Въ неволѣ журавль привыкаетъ къ самымъ разнообразнымъ питательнымъ веществамъ.

Тотчасъ послѣ прибытія на родину пара журавлей овладѣваетъ болотомъ, въ которомъ намѣревается выводить потомство, и въ предѣлахъ извѣстнаго участка не терпитъ присутствія другой пары, хотя пролетающую мимо стаю привѣтствуетъ крикомъ. Когда болота зазеленѣютъ, и когда покажется листва на кустахъ, журавль начинаетъ строить гнѣздо, сноситъ на свой маленькій островокъ или въ осоку, въ сломленный кустъ или въ другое высокое мѣсто, сухіе прутья, на нихъ нагромождаетъ то больше, то меньше сухихъ стебельковъ, тростниковыхъ листьевъ, камыша, ситника и травы, но особенныхъ стараній къ постройкѣ гнѣзда не прилагаетъ. Въ слегка углубленную середину этого сооруженія самка кладетъ свои 2 большихъ, продолговатыхъ яйца съ толстой скорлупой, крупнозернистаго строенія и почти совсѣмъ не блестящихъ; фонъ яицъ то сѣровато-зеленый, то буроватый, то свѣтло-зеленый, а пятна на нихъ сѣрыя или красновато-сѣрыя, сверхъ которыхъ замѣчаются еще красновато-бурые и темно-бурые пятна, крапинки и штрихи, но разрисованы яйца бываютъ весьма разнообразно. Оба родителя сидятъ на яйцахъ поперемѣнно и сообща защищаютъ свое потомство отъ приближающагося врага, если тотъ изъ родителей, который не сидитъ на яйцахъ, а сторожитъ, не можетъ одинъ справиться съ врагомъ. Никогда журавли не выдаютъ, гдѣ находится ихъ гнѣздо, напротивъ, съ удивительной ловкостью скрываются во время вывода отъ глазъ наблюдателей.

„Бросающаяся въ глаза, крупная птица“, говоритъ Науманнъ, заставляетъ наблюдателя только подозрѣвать, что гдѣ нибудь въ болотѣ находится ея гнѣздо; но мѣсто, гдѣ это гнѣздо расположено, журавль умѣетъ скрывать: онъ уже издалека подходитъ къ гнѣзду только пѣшкомъ, согнувшись и укрываясь подъ покровомъ высокихъ растеній и кустарника; если онъ сидитъ въ гнѣздѣ, то въ случаѣ приближенія чего нибудь тревожнаго также крадучись отходитъ отъ гнѣзда и лишь далеко отъ него, на открытомъ мѣстѣ болота, взлетаетъ и перестаетъ скрываться; если шумъ раздается не особенно близко отъ гнѣзда, онъ вовсе гнѣзда не покидаетъ. Поэтому найти гнѣздо не менѣе трудно, чѣмъ приблизиться къ

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Малый и павлиній журавль.

нему по окружающему болоту, если бы даже удалось его открыть.“ Въ то же время журавль употребляетъ еще другое средство, чтобы не дать себя узнать. „Однажды“, разсказываетъ Гомейеръ, „я хорошо спрятался около болота, гдѣ жила пара журавлей, и наблюдалъ за обѣими умными птицами и за ихъ привлекательными движеніями, какъ вдругъ самка, думая, что ея никто не видитъ, откинула свойственную ей, какъ птицѣ и какъ существу женскаго пола, робость и принялась совершать свой туалетъ. Она набирала въ клювъ земли изъ болота и мазала ею спину и кроющія перья крыльевъ, такъ что эти части утратили свой красивый пепельно-сѣровато-синій цвѣтъ и пріобрѣли темную землисто-сѣровато-бурую окраску. Ради научнаго интереса я убилъ красивое животное и нашелъ, что все опереніе верхней стороны пропитано красящимъ веществомъ, котораго я не могъ удалить даже помощью самаго тщательнаго мытья; такъ прочно оно окрасило перья, можетъ быть благодаря вліянію слюны. Этимъ объяснилось въ одно мгновеніе то, что въ теченіе многихъ лѣтъ было для меня загадкой: а именно своеобразная окраска журавля въ періодъ вывода. Только въ это время журавль мажется землею, ибо перья, выпавшія и выросшія позднѣе, сохраняютъ свою естественную окраску; поэтому мы не замѣчаемъ такого ржаваго цвѣта на всѣхъ сѣверныхъ журавляхъ, пролетающихъ черезъ Германію. У этихъ журавлей мелкое опереніе уже смѣнилось новымъ.“ Наблюденія эти вполнѣ подтвердились химическими изслѣдованіями.

Журавль павлиній, или вѣнценосный (Grus pavonina), характеризуется сильнымъ тѣломъ, шеей средней длины, большой головой, средней длины конусообразнымъ клювомъ, длинными плюснами ногъ и обильнымъ опереніемъ, которое на передней части темени образуетъ бархатистый пучекъ, на задней части головы обращается въ щетинистыя образованія; послѣднія закручены въ видѣ спирали, начиная съ основанія, и торчатъ вверхъ въ видѣ лучей. На шеѣ и на передней части груди опереніе удлиняется, на кроющихъ перьяхъ крыла дѣлается расщепленнымъ, щеки же съ толстыми наростами и горло остаются не покрытыми. Опереніе черное, коронка на головѣ золотисто-желтая съ чернымъ; кроющія перья крыльевъ совершенно бѣлыя, верхняя часть щекъ свѣтлаго мясного цвѣта, нижняя — ярко-краснаго, клювъ черный съ бѣловатымъ кончикомъ, ноги черновато-сѣрыя. У живого журавля на опереніи замѣчается синеватый налетъ, благодаря которому получается сѣрый оттѣнокъ перьевъ. Длина 99 см.

Родина этой птицы — средняя Африка, начиная приблизительно съ 16-го градуса сѣверной широты и далѣе къ югу и отъ Атлантическаго океана до Индѣйскаго. Въ южной Африкѣ его замѣняетъ родственный ему видъ. Здѣсь онъ парами или обществами живетъ на низменныхъ рѣчныхъ берегахъ, поросшихъ кустарникомъ, или въ рѣдкихъ лѣсахъ, но ежедневно является на рѣчные острова для того, чтобы пить и плясать. Въ періодъ дождей онъ встрѣчается парами, въ другое время — обществами, иногда заключающими болѣе 100 головъ. Эти стаи вѣроятно соединяются со стаями сѣрыхъ журавлей и красавокъ, зимующихъ въ Суданѣ.

Павлиній журавль при ходьбѣ держится прямо, причемъ спина его немного сгибается, а хохолокъ поднимается. Обыкновенно птица эта ходитъ медленно; но въ случаѣ испуга она можетъ бѣжать такъ быстро, что человѣкъ лишь съ величайшимъ усиліемъ можетъ догнать ее. Передъ тѣмъ какъ взлетѣть, павлиній журавль бѣжитъ нѣкоторое время съ открытыми крыльями и лишь послѣ этого поднимается на воздухъ. Полетъ у него медленный; крыльями онъ машетъ мѣрно; шея при полетѣ сильно вытягивается, а хохолокъ откидывается назадъ. Но именно во время полета павлиній журавль представляется во всей своей красотѣ, такъ какъ только на лету выдѣляются два основные цвѣта его — черный и бѣлый. Кто разъ видѣлъ павлиньяго журавля, тотъ никогда не смѣшаетъ его ни съ какой другой болотной птицей. Бѣгущій павлиній журавль также представляетъ собою привлекательное зрѣлище, особенно когда онъ движется по зеленой поверхности или между зелеными кустами. Чрезвычайно своеобразны и похожи на пляску движенія, которыя онъ выдѣлываетъ при всякомъ возбужденіи. Павлиньи журавли,

стоящіе на песчаной поверхности, начинаютъ плясать, какъ только увидятъ что нибудь непривычное, какъ только къ толпѣ присоединяется еще одинъ журавль и такъ далѣе. Плясунъ подскакиваетъ нерѣдко на высоту нѣсколькихъ метровъ, раскрывая при этомъ немного крылья, и затѣмъ, опускаясь на землю, танцуетъ по ней, то есть не всегда одновременно ставитъ обѣ ноги на землю, а иногда одну за другою. Голосъ его—громкій крикъ, довольно вѣрно передаваемый арабскимъ звукоподражательнымъ названіемъ птицы „рарнукъ“; крикъ этотъ слышится въ лѣсу на разстояніи 2 километровъ. Пища состоитъ почти исключительно изъ сѣмянъ, во время созрѣванія хлѣбовъ почти только изъ дурры и кафрскаго проса, въ остальное время года изъ разныхъ зеренъ, особенно изъ сѣмянъ нѣкоторыхъ видовъ травъ; кромѣ того, птица ѣстъ древесныя почки, кончики травы, плоды и насѣкомыхъ, въ видѣ исключенія глотаетъ можетъ быть слизняковъ и маленькихъ рыбокъ, но, при отсутствіи этой пищи, повидимому, лишеній не терпитъ.

Уже издавна эта красивая и замѣтная птица приручается жителями западной Африки, а потому часто привозится въ Европу. Плѣнные павлиньи журавли прекрасно уживаются съ курами и съ голенастыми птицами; хозяина они нерѣдко встрѣчаютъ веселыми плясками. Въ зоологическихъ садахъ они привлекаютъ къ себѣ посѣтителей, такъ какъ обыкновенно начинаютъ танцовать, когда услышатъ музыку.

Трубачи (Psophiidae), составляющіе второе семейство журавлиныхъ, являются въ извѣстномъ смыслѣ соединительнымъ звеномъ между серимовыми птицами и настоящими журавлями. Опереніе ихъ состоитъ изъ очень крупныхъ перьевъ; на головѣ и на шеѣ оно бархатистое, а на нижней сторонѣ — пушистое.

*

У агами (Psophia crepitans) голова, шея, верхняя часть спины, крылья, нижняя часть груди, брюшко и задъ черные, а перья на сгибѣ крыла пурпурово-черныя съ синимъ или зеленоватымъ отливомъ; плечевыя перья у молодой птицы маслянисто-бурыя, у взрослой — свинцово или серебристо-сѣрыя; нижняя часть шеи и верхняя часть груди стальнаго синяго цвѣта съ металлическимъ блескомъ. Глаза красновато-каріе, голое глазное кольцо мясного цвѣта, клювъ зеленовато-бѣлый, ноги желтоватаго мясного цвѣта. Длина 52 см.

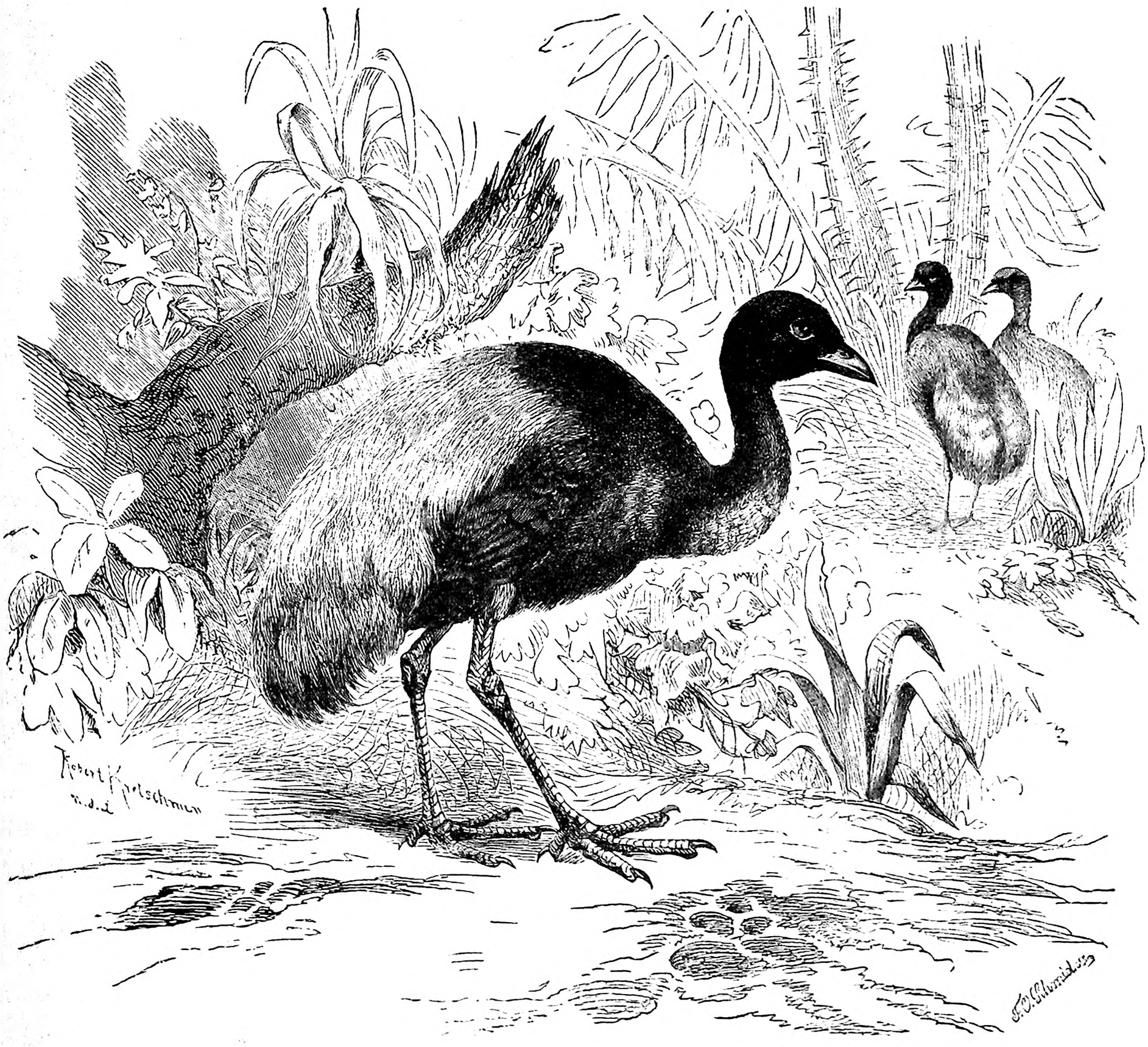
Родина агами—южная Америка къ сѣверу отъ рѣки Амазонки; по ту сторону этой огромной рѣки его замѣняютъ родственные виды. Живетъ онъ только въ лѣсу, но въ лѣсу встрѣчается вездѣ и при томъ большими обществами въ 100—200 головъ. Пока ничто ихъ не тревожитъ, стада этихъ птицъ шагаютъ медленно и съ достоинствомъ и забавляются веселыми и смѣшными прыжками; бѣгаютъ они впрочемъ очень быстро и нерѣдко прибѣгаютъ къ такого рода движенію. Если испугать агами, то можно услышать ихъ странный голосъ: сначала слышится рѣзкій, дикій звукъ, а затѣмъ глухой звукъ вродѣ барабаннаго боя; послѣдній производится съ закрытымъ клювомъ, продолжается съ минуту и затѣмъ постепенно ослабѣваетъ, почему всегда кажется, что онъ удаляется; послѣ этого звука, не лишеннаго своего рода пріятности, слѣдуетъ пауза въ нѣсколько минутъ, вслѣдъ за которой снова раздается крикъ и чревовѣщаніе. Своеобразность голоса агами совершенно правильно объясняютъ особымъ устройствомъ его дыхательнаго горла.

Питается агами плодами, зернами и насѣкомыми. Молодыя птицы предпочитаютъ червей и насѣкомыхъ, старыя привыкаютъ ко всякаго рода зернамъ и къ хлѣбу.

Агами можно встрѣтить во всѣхъ поселеніяхъ индѣйцевъ на совершенной свободѣ, обыкновенно въ качествѣ сторожей и повелителей прочихъ домашнихъ птицъ. Агами узнаетъ людей, которые имъ занимаются, привязывается къ нимъ, слушается голоса своего хозяина, слѣдуетъ за нимъ, какъ собака, ходитъ впереди его или пляшетъ вокругъ него, выдѣлывая забавные прыжки, выражаетъ сильную радость, когда хозяинъ послѣ болѣе или менѣе долгаго отсутствія возвращается, и ревнуетъ хозяина къ другимъ животнымъ, также пользующимся расположеніемъ

его господина. Плѣнный агами въ парижскомъ „Jardin d'acclimatation“ предводительствовалъ толпой куръ, словно ихъ повелитель, сзывалъ ихъ и кудахталъ. Иногда, какъ разсказываютъ, агами стерегутъ даже стада овецъ на пастбищѣ.

Третье семейство серимовыхъ птицъ (Dicholophidae) обнимаетъ серимовъ (Dicholophus), въ высшей степени странно сложенныхъ птицъ, во

Агами (Psophia crepitans). 1/4 естеств. велич.

многихъ отношеніяхъ напоминающихъ секретарей, съ которыми ихъ прежде соединяли въ одно семейство.

Оперенiе серимы (Dicholophus cristatus) сѣрое, съ мелкими свѣтлыми и темными поперечными зигзагообразными линіями; удлиненныя перья головы и шеи черновато-бурыя, маховыя перья бурыя, на внутреннемъ опахалѣ съ бѣловатыми поперечными полосками; концы большихъ маховыхъ перьевъ тоже бѣлые. Глаза свѣтлаго сѣрнисто-желтаго цвѣта, уздечка сѣроватаго мясного цвѣта, голое глазное кольцо синеватое, клювъ кораллово-красный, ноги спереди красновато-бурыя, съ боковъ кирпично-красныя. Длина 82 см.

Серима водится въ значительной части южной Америки и живетъ на обширныхъ открытыхъ лугахъ внутренней Бразиліи, гдѣ отлогія возвышенности или поросшія травою равнины чередуются съ кустарникомъ. Птицъ этихъ можно на-

блюдать парами или, послѣ періода вывода, семьями въ 3—4 штуки, но увидѣть ихъ удается лишь тамъ, гдѣ онѣ не могутъ спрятаться въ травѣ. Окраска ихъ какъ нельзя лучше служитъ имъ въ выжженныхъ солнцемъ степяхъ. Серима присѣдаетъ, заслышавъ шорохъ, лишь отъ времени до времени приподнимаетъ немного голову и затѣмъ быстро убѣгаетъ между стеблями, не показываясь наблюдателю. Аргентинскаго ея родственника, называемаго „Чунья“, также чаще можно слышать, чѣмъ видѣть; тѣмъ не менѣе Бурмейстеру удалось увидѣть его два раза. Какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ серима часто издаетъ свой громкій, далеко разносящійся крикъ. Онъ звучитъ какъ лай и тявканье молодой собаки, по словамъ же Гомейера, похожъ на крикъ хищныхъ птицъ и чрезвычайно пронзителенъ.

Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ степныхъ насѣкомыхъ; но серима истребляетъ, кромѣ того, много змѣй, ящерицъ и тому подобныхъ животныхъ. Поэтому бразильцы очень чтутъ ее, и закономъ запрещено убивать сериму.

Хотя мясо этихъ птицъ бѣлое и по вкусу не уступаетъ куриному, но охотятся на серимъ рѣдко. Охота на нихъ всего лучше удается, если ихъ преслѣдовать верхомъ рысью, не терять изъ виду и не подпускать къ кустарнику; тогда принужденная постепенно ускорять свой бѣгъ птица, наконецъ, утомляется.

Вторую группу журавлиныхъ птицъ составляютъ солнечныя цапли (Eurypygidae); къ этому семейству относятся двѣ крайне оригинальныя южноамериканскія птицы, образующія родъ солнечныхъ цапель.

Лишь путешественники новѣйшаго времени доставили намъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно жизни на свободѣ солнечной цапли (Eurypyga helias), а благодаря наблюденіямъ, произведеннымъ въ лондонскомъ и амстердамскомъ зоологическомъ саду, мы подробнѣе узнали о жизни этой птицы въ неволѣ. Птица эта, которую совершенно невѣрно сравнивали съ большою пернатою бабочкой, живетъ въ сѣверной части южной Америки отъ Гвіаны до Перу и отъ Экуадора до провинціи Гойадъ въ средней Бразиліи, на берегу моря или рѣки; всего чаще она встрѣчается по берегамъ рѣкъ Ориноко, Амазонки и гвіанскихъ рѣкъ. Прелестное опереніе, представляющее собою смѣсь сѣраго, желтаго, зеленаго, чернаго, бѣлаго и бураго цвѣта, дѣлаетъ солнечную цаплю одною изъ самыхъ красивыхъ птицъ этой мѣстности, столь богатой блестящими экземплярами пернатаго царства; особенно хороша солнечная цапля, когда она развертываетъ свой хвостъ на подобіе индюка, такъ что перья хвоста играютъ и блестятъ на солнцѣ. Встрѣчается она въ лѣсахъ на озаренныхъ солнцемъ мѣстахъ, особенно же на берегахъ рѣкъ, но всегда въ одиночку, рѣже парами. Питается она мухами и другими насѣкомыми, которыхъ преслѣдуетъ такъ ловко, что имъ рѣдко удается отъ нея улизнуть. Вѣроятно, ея нетрудно поймать и приручить, такъ какъ ее можно встрѣтить ручною во всѣхъ поселеніяхъ индѣйцевъ, а также во дворахъ поселившихся на ея родинѣ европейцевъ; какъ ручная птица, она пользуется особенною любовью. На рѣкѣ Амазонкѣ ее называютъ „паваоне“, или павлиномъ; этимъ же именемъ пользуются какъ кличкой плѣнныхъ солнечныхъ цапель, ибо послѣднія выучиваются слѣдовать за своимъ хозяиномъ, какъ собаки.

Седьмой отрядъ.

Поисковыя птицы (Charadriornithes).

Изъ десяти семействъ, до сихъ поръ принимавшихся за различные отряды, Фюрбрингеръ, на основаніи тщательныхъ анатомическихъ изслѣдованій, составилъ лишь одинъ отрядъ поисковыхъ птицъ, обнимающій лишь одинъ подотрядъ того же названія (Charadriiformes). Отрядъ поисковыхъ птицъ распадается на три группы — береговыхъ птицъ, парровыхъ птицъ и дрохвовыхъ, изъ которыхъ разсмотримъ сначала первыхъ. Начнемъ съ семейства ржанковыхъ (Charadriidae), которое опять-таки распадается на подсемейства.

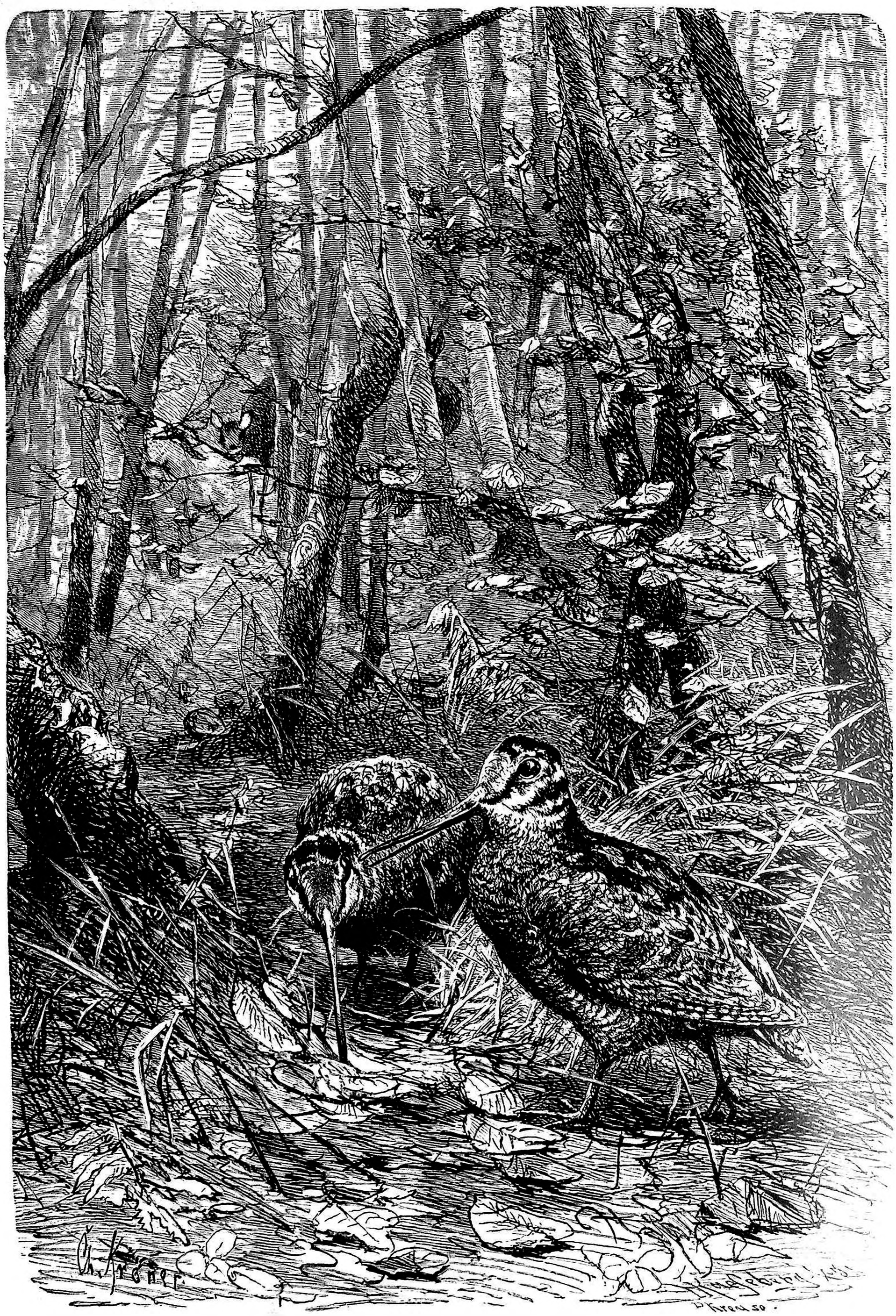
Первое подсемейство, въ составъ котораго входитъ приблизительно 30 видовъ, — это бекасовыя птицы (Scolopacinae). Признаки ихъ: цилиндрическое туловище, очень выпуклая, средней величины голова, длинный, тонкій клювъ, слабыя, стройныя ноги и острыя крылья средней длины; задній край послѣднихъ вырѣзанъ болѣе или менѣе серпообразно, а передъ первымъ большимъ маховымъ перомъ находится маленькое узенькое перышко — недоразвитое маховое перо; наконецъ, хвостъ короткій и сильно закругленный. Опереніе отличается большою мягкостью.

Всѣ птицы, принадлежащія къ этому подсемейству, обитаютъ въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстахъ, причемъ лѣтомъ живутъ парами, а осенью и зимою — обществами и, повидимому, питаютъ другъ къ другу привязанность, по крайней мѣрѣ, охотно проводятъ время вмѣстѣ; пищу бекасовыхъ составляютъ насѣкомыя и ихъ личинки, черви, скорлупняки и мелкіе раки. Въ гнѣздо кладется 4 грушевидныхъ яйца землистаго цвѣта; родители водятъ своихъ дѣтей, покрытыхъ пухомъ и скоро покидающихъ гнѣздо, до тѣхъ поръ, пока молодыя птицы сами не окажутся въ силахъ отыскивать себѣ кормъ. Всѣ виды, живущіе въ средней Европѣ, принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ; виды же, обитающіе южнѣе, — птицы бродячія.

*

Признаки бекасовъ (Scolopax) слѣдующіе: сильное, сравнительно короткое туловище, сжатая съ обоихъ боковъ голова съ высокимъ лбомъ, маленькое, уплощенное темя и большіе глаза, сидящіе замѣчательно высоко и отставленные далеко назадъ; длинный, прямой, слабый, узкій, кпереди съуживающійся, очень мягкій и гибкій клювъ, способный осязать, и кончикъ нижней створки котораго отчасти обхватывается верхнею створкой. Мелкое опереніе по окраскѣ всегда сходно съ почвой той мѣстности, гдѣ живутъ бекасы, хотя бываетъ разрисовано весьма различнымъ образомъ.

У вальдшнепа (Scolopax rusticula, рис. на стр. 598) передняя часть головы сѣраго цвѣта, верхняя, задняя часть головы и затылокъ украшены четырьмя бурыми и такимъ же количествомъ ржаво-желтыхъ поперечныхъ полосъ; прочія верхнія части тѣла покрыты ржавыми, ржаво-желтыми, сѣровато-бурыми и

Вальдшнепъ (Scolopax rusticula). 1/5 естеств. велич.

черными пятнами, горло бѣловатое, прочая нижняя сторона покрыта сѣровато-желтоватыми и буроватыми волнообразными полосами; маховыя перья по бурому, а рулевыя — по черному фону украшены ржавыми пятнами. Очень большіе глаза каріе, клювъ и ноги рогового сѣраго цвѣта. Длина 32 см.

Многіе охотники различаютъ двухъ различныхъ вальдшнеповъ, а именно большого, или совиноголоваго, и малаго, или остроголоваго. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло лишь съ однимъ видомъ.

Кромѣ нѣсколькихъ сѣверныхъ острововъ, вальдшнепа встрѣчали во всѣхъ европейскихъ странахъ, а также во всей сѣверной и средней Азіи, далѣе на о. Мадерѣ, на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, въ качествѣ рѣдкаго залетнаго гостя даже на о. Исландіи и одинъ разъ видѣли даже на о. Ньюфаундлендѣ. Въ Германіи, Англіи, Шотландіи и Ирландіи дѣтенышей высиживаютъ сравнительно немногіе вальдшнепы, большинство еще размножается въ горахъ средней или сѣверной Германіи; на сѣверѣ же ихъ можно встрѣтить лѣтомъ во всѣхъ большихъ лѣсахъ. Въ теплыя зимы они иногда изъ году въ годъ сохраняютъ свои мѣста высиживанія; большинство же каждую осень предпринимаетъ перелетъ и селится только въ юго-западныхъ областяхъ Азіи, въ южной Европѣ или въ сѣверо-западныхъ частяхъ Африки. Въ Грецію нѣкоторые вальдшнепы прибываютъ уже въ половинѣ сентября.

Смотря по погодѣ, господствующей на сѣверѣ, вальдшнепъ появляется въ Германіи то раньше, то позже. Старая нѣмецкая охотничья поговорка представляетъ дѣло довольно правильно:

„Reminiscere — nach Schnepfen suchen geh',
Oculi — da kommen sie,
Lätare — das ist das Wahre,
Judica — sind sie auch noch da,
Palmarum — trallarum,
Quasimodogeniti — halt, Jäger, halt, jetzt brüten sie.“[1]

Въ среднемъ можно сказать, что съ половины марта можно ожидать пролета вальдшнеповъ. Но опредѣленно утверждать чего-нибудь въ данномъ случаѣ нельзя, такъ какъ эта птица каждый годъ задаетъ новыя загадки охотнику, который внимательно за нею наблюдаетъ. Путь, по которому совершается перелетъ, также весьма различенъ: въ мѣстности, вполнѣ отвѣчающей всѣмъ требованіямъ вальдшнеповъ, ихъ можно видѣть очень много въ одномъ году, но въ другой годъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, не увидѣть почти ни одного. Если послѣ суровой зимы во время наступаетъ оттепель и устанавливается хорошая погода, то весенній перелетъ совершается съ наибо́льшею правильностью. Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что вальдшнепы, подобно другимъ птицамъ, не любятъ летѣть по направленію вѣтра и всего охотнѣе странствуютъ при умѣренномъ встрѣчномъ вѣтрѣ. Очень темныя или бурныя ночи задерживаютъ путешествіе, а также предчувствіе дурной погоды, напр. поздняго снѣга, приковываетъ вальдшнеповъ къ одному мѣсту. Въ большихъ, сплошныхъ лѣсныхъ пространствахъ вальдшнеповъ скорѣе можно найти, нежели въ маленькихъ рощахъ, по всей вѣроятности потому, что въ большихъ лѣсахъ они болѣе защищены, чѣмъ въ маленькихъ, которые они впослѣдствіи охотно посѣщаютъ. Въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ лѣсами, вальдшнепы нерѣдко появляются даже въ садахъ, изобилующихъ кустарникомъ и иногда въ живыхъ изгородяхъ.

Вальдшнепъ, повидимому, не отдаетъ предпочтенія никакимъ видамъ деревьевъ, ибо встрѣчается одинаково часто какъ въ хвойныхъ, такъ и лиственныхъ лѣсахъ. Главное условіе для него — это сырая, рыхлая лѣсная почва, въ которой онъ могъ бы рыться клювомъ. Необъятные лѣса сѣвера, состоящіе по большей

---

[1] Эта поговорка можетъ быть на русскомъ языкѣ передана слѣдующимъ образомъ.

„На Reminiscere — готовиться къ охотѣ на вальдшнеповъ,
На Oculi — летятъ ужъ они,
На Lätare — охота въ разгарѣ,
На Judica — охота еще туда сюда,
На Palmarum — не стоитъ и отправляться на охоту.“
На Quasimodogeniti — конецъ охотѣ, начинается высиживанье птенцовъ.

Reminiscere, Oculi, Lätare и т. д. — названія Воскресныхъ дней въ Великомъ посту.

Прим. ред.

части изъ сосенъ, во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчаютъ требованіямъ вальдшнепа, между тѣмъ какъ для него вовсе неподходящи рѣдкіе сосновые лѣса на песчаной почвѣ.

Будничную или семейную жизнь вальдшнепа наблюдать не совсѣмъ легко, такъ какъ онъ въ высшей степени пугливъ, недовѣрчивъ и робокъ. Днемъ онъ никогда не показывается въ открытомъ мѣстѣ, а если бываетъ принужденъ выйти на открытое мѣсто, то плотно прижимается къ землѣ, съ окраской которой сливается окраска его оперенія, какъ это бываетъ и съ сѣрой куропаткой. Если въ лѣсу очень тихо, то можетъ случиться, что вальдшнепъ и днемъ бѣгаетъ по землѣ; но онъ всегда выбираетъ въ такомъ случаѣ такія мѣста, гдѣ онъ по возможности скрытъ отъ постороннихъ взглядовъ и защищенъ отъ яркаго свѣта, который ему, вѣроятно, непріятенъ. Лишь съ наступленіемъ сумерекъ, вальдшнепъ становится рѣзвѣе и начинаетъ бѣгать. Въ спокойномъ состояніи онъ втягиваетъ шею, держитъ тѣло горизонтально, а кончикъ клюва наклоняетъ къ землѣ. Ходитъ онъ согнувшись, крадучись, ковыляя, не очень скоро и не долго, летаетъ же во всѣхъ отношеніяхъ превосходно. Онъ можетъ летѣть сквозь самую густую чащу вѣтвей, ни за что не задѣвъ, и сообразовать быстроту полета съ обстоятельствами, т. е. то ускорять, то замедлять его; онъ ловко поворачивается во время полета въ какомъ угодно направленіи, по желанію поднимается или опускается, но никогда, по крайней мѣрѣ днемъ, не поднимается въ высокіе слои воздуха и, пока возможно, избѣгаетъ пролетать надъ открытыми пространствами. Если вальдшнепа испугаютъ, то онъ, взлетая на воздухъ, издаетъ глухое ворчанье, по которому охотникъ всегда узнаетъ его, даже если не видитъ самой птицы. Если днемъ на вальдшнепа охотились и напугали его, то вечеромъ онъ почти вертикально поднимается и затѣмъ какъ можно быстрѣе улетаетъ. Совсѣмъ иначе летаетъ вальдшнепъ, когда, ради удовольствія самки, продѣлываетъ разныя штуки на воздухѣ. Тогда онъ раздуваетъ свои перья, такъ что кажется гораздо больше, чѣмъ обыкновенно, летаетъ чрезвычайно медленно, лѣниво машетъ крыльями и больше похожъ на сову, чѣмъ на болотную или голенастую птицу.

Увидѣвъ живого вальдшнепа, легко можно принять его за одну изъ самыхъ глупыхъ птицъ, но это было бы ошибкой: вальдшнепъ не только обладаетъ тонкими внѣшними чувствами, но противъ ожиданія отличается сообразительностью или, по меньшей мѣрѣ, хитростью. Онъ отлично знаетъ, какую защиту представляетъ для него окраска его одежды, похожая на окраску земли или коры, и великолѣпно умѣетъ, присѣдая, выбирать такое мѣсто, которое его скрываетъ. Вальдшнепъ, неподвижно сидящій среди сухой листвы, между обломками дерева, около свалившагося на землю куска коры, или возлѣ выступающаго корня, незамѣтенъ даже самому острому глазу опытнаго и бывалаго охотника и въ лучшемъ случаѣ узнается лишь по своимъ крупнымъ глазамъ. Въ такомъ положеніи вальдшнепъ пребываетъ до тѣхъ поръ, пока ему это кажется благоразумнымъ; когда же его уже раньше преслѣдовали, то онъ часто подпускаетъ къ себѣ охотника на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ и затѣмъ вдругъ поднимается на воздухъ. При этомъ онъ всегда летитъ въ противоположную сторону кустарника съ тою цѣлью, чтобы кусты и деревья скрывали его отъ глазъ стрѣлка. Спускаясь на землю, онъ часто описываетъ широкую дугу, но, достигнувъ чащи, еще дальше улетаетъ въ ней, дѣлая крюкъ; такимъ образомъ онъ старается ввести въ заблужденіе врага, вполнѣ правильно разсчитывая, что этотъ послѣдній будетъ искать его тамъ, гдѣ видѣлъ, какъ птица опустилась. Въ пользу духовныхъ способностей вальдшнепа говоритъ то, что онъ, познакомившись поближе съ человѣкомъ, мало по малу освобождается отъ своего недовѣрія. Вальдшнепа можно приручить и, если человѣкъ выращиваетъ его, то птица становится очень довѣрчивой. Издаваемые ею звуки далеко не отличаются благозвучіемъ и звучатъ хрипло и глухо вродѣ „кач“ или „дак“ и „эч“, но въ періодъ любви и при испугѣ нѣсколько видоизмѣняются, въ первомъ случаѣ обращаясь въ короткій, отрывистый свистъ вродѣ „пеш“, который часто является прелюдіей къ глухому, повидимому, исходящему изъ глубины груди звуку „юррк“, во второмъ случаѣ — въ пискливый звукъ „шэч“.

Съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ, вальдшнепъ вылетаетъ на широкія

лѣсныя дороги, на луга и на болотистыя мѣста въ лѣсу или недалеко отъ лѣса съ цѣлью искать себѣ пропитанія. Хорошо спрятавшійся наблюдатель, о присутствіи котораго птица не подозрѣваетъ, можетъ видѣть, какъ она засовываетъ свой клювъ въ старые облетѣвшіе листья и переворачиваетъ ихъ кучками, чтобы обнажить скрытыхъ въ нихъ личинокъ, жуковъ и червей, или же роетъ клювомъ въ сырой рыхлой почвѣ, пробуравливая одну дырочку около другой, насколько ей это удается сдѣлать своимъ мягкимъ, гибкимъ клювомъ. Такимъ же образомъ вальдшнепъ роется въ свѣжемъ пометѣ скота, гдѣ очень скоро начинаютъ кишѣть личинки. Обыкновенно вальдшнепъ долго не остается на одномъ мѣстѣ, а перелетаетъ съ мѣста на мѣсто. Пищу его составляютъ личинки всевозможныхъ насѣкомыхъ и сами насѣкомыя, маленькія голыя улитки, особенно же дождевые черви. Въ неволѣ, если вальдшнепу сначала давать во множествѣ дождевыхъ червей, онъ мало по малу пріучается ѣсть также булки и муравьиныя яйца, скоро начинаетъ рыться въ мягкомъ дернѣ; это онъ дѣлаетъ даже въ томъ случаѣ, если былъ вынутъ изъ гнѣзда еще въ то время, когда не имѣлъ возможности научиться на опытѣ такому способу добыванія корма.

Въ уединенныхъ, тихихъ лѣсахъ вальдшнепъ выбираетъ для высиживанія потомства такія мѣста, гдѣ густой кустарникъ смѣняется открытыми полянами. Послѣ того, какъ парочка соединилась и послѣ того какъ самецъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ссорился со своими сосѣдями, самка ищетъ себѣ подходящаго мѣстечка за небольшимъ кустикомъ, за старымъ сукомъ, между корнями, мхомъ и травою; найденное здѣсь углубленіе въ землѣ она употребляетъ для устройства гнѣзда или сама вырываетъ себѣ углубленіе, скудно и незатѣйливо выстилаетъ его небольшимъ количествомъ сухого дрока, мха и другихъ веществъ и кладетъ сюда свои 4 довольно большихъ яйца съ мало выпуклымъ тупымъ концомъ, съ гладкой и лишенной блеска скорлупой; яйца эти по блѣдному ржаво-желтому фону покрыты красновато-сѣрыми пятнами, а сверху нихъ темно-красноватыми или желтовато-бурыми пятнами, разбросанными то болѣе густо, то болѣе рѣдко; вообще, яйца по величинѣ и по окраскѣ бываютъ весьма различны. Самка въ теченіе 17—18 дней высиживаетъ яйца съ большимъ усердіемъ, подпускаетъ къ себѣ человѣка, ищущаго ея гнѣзда или случайно проходящаго мимо, на разстояніе немногихъ шаговъ, и только тогда взлетаетъ, когда врагъ очень близко подойдетъ къ ней; она даетъ даже трогать себя, улетаетъ обыкновенно недалеко, по возможности скоро возвращается къ гнѣзду и продолжаетъ высиживать, если даже унести одно яйцо. Самецъ, повидимому, мало заботится о своей супругѣ, но является къ ней послѣ вылупленія молодыхъ птицъ и оставленія ими гнѣзда. Оба родителя очень пекутся о своемъ семействѣ, при приближеніи врага испуганно взлетаютъ, прикидываются слабыми, хромыми, издаютъ боязливый крикъ „дак дак“, описываютъ на лету лишь небольшіе круги и снова опускаются на землю по близости. Между тѣмъ, молодые вальдшнепы такъ искусно прячутся между мхомъ и травою, что безъ собаки рѣдко удается найти ихъ. Многіе охотники, въ числѣ которыхъ были и весьма тщательные наблюдатели, видѣли, что старые вальдшнепы при большой опасности уносили своихъ маленькихъ въ когтяхъ, или зажавъ ихъ между клювомъ и шеей, или въ клювѣ, или, наконецъ, между верхними частями ляжекъ, поднимались со своей ношей на воздухъ и такимъ образомъ спасали птенцовъ. На третьей недѣлѣ жизни молодые вальдшнепы начинаютъ порхать и становятся самостоятельными, еще хорошенько не научившись летать.

До сихъ поръ полагали, что вальдшнепы выводятъ потомство лишь одинъ разъ въ годъ и приступаютъ ко второму выводу развѣ только въ томъ случаѣ, если первыя яйца ихъ были похищены; въ послѣднее время однако собраны наблюденія, доказывающія, повидимому, что въ благопріятные годы всѣ парочки вальдшнеповъ или по крайней мѣрѣ большинство высиживаютъ потомство дважды въ годъ.

Враги вальдшнеповъ и ихъ потомства — это дикія и домашнія кошки, куницы, тетеревятники и ястреба-перепелятники, кречеты, сойки и сороки. Настоящій охотникъ преслѣдуетъ вальдшнеповъ только во время перелета; на югѣ же на нихъ охотятся во время ихъ зимовки, несмотря на то, что тогда мясо ихъ часто бываетъ

твердое и упругое. Охота на пролетающихъ вальдшнеповъ принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ удовольствій охотника-знатока, и преслѣдованіе вальдшнеповъ также имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго.

*

Наиболѣе извѣстный въ Европѣ видъ болотныхъ бекасовъ (Gallinago) — это обыкновенный бекасъ (Gallinago caelestis). У него по буровато-черному фону верхней стороны тѣла проходитъ широкая ржаво-желтая полоса, захватывающая также середину головы, и четыре длинныхъ ржаво-желтыхъ полосы, тянущихся по спинѣ и по плечамъ, нижняя же сторона бѣлая, передняя часть шеи сѣрая, верхняя часть груди и бока покрыты бурыми пятнами. Хвостъ состоитъ изъ 14 рулевыхъ перьевъ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги темнаго рогового цвѣта. Длина птицы 29 см.

Водится обыкновенный бекасъ на сѣверѣ Европы и Азіи; потомство онъ выводитъ вездѣ, гдѣ есть большія болота, вѣроятно также на югѣ Европы и, быть можетъ, даже въ сѣверной Африкѣ. Въ сѣверной Германіи, въ Голландіи, Даніи, Скандинавіи, Лифляндіи, Финляндіи и въ южной Сибири птица эта представляетъ самое обыкновенное явленіе. Во время перелета она посѣщаетъ всѣ большія и малыя болота, топи и сырыя мѣстности, находящіеся между ея лѣтнимъ и зимнимъ мѣстопребываніемъ. Черезъ Германію она пролетаетъ, какъ только установится сколько-нибудь теплая погода, т. е. смотря по обстоятельствамъ, начиная отъ половины февраля до половины апрѣля; осенью она улетаетъ между августомъ и сентябремъ или октябремъ. Въ теплыя зимы многіе обыкновенные бекасы даже зимуютъ въ Германіи; даже въ такія зимы, которыя изобилуютъ снѣгомъ, ихъ можно найти иногда, правда въ одиночку, около такъ называемыхъ теплыхъ источниковъ. Сухія мѣстности бекасъ спѣшитъ пройти какъ можно скорѣе. Встрѣчается онъ только въ сырыхъ низменностяхъ, въ болотахъ, на топкихъ лугахъ, словомъ, въ такихъ мѣстностяхъ, которыя болѣе или менѣе похожи на настоящее болото. Существенное условіе мѣстопребыванія этой птицы — произрастаніе травъ, осоки, камыша и другихъ болотныхъ растеній; почва должна отличаться рыхлостью, чтобы бекасъ могъ безпрепятственно буравить почву. На такихъ мѣстахъ, которыя мы прямо можемъ назвать болотомъ, бекасъ, за исключеніемъ періода вывода, живетъ такъ тихо, что его совсѣмъ незамѣтно. Онъ такъ же бываетъ наиболѣе дѣятеленъ въ сумерки, но все-таки это болѣе дневная птица, чѣмъ вальдшнепъ.

Полетъ бекаса очень быстрый и отличается тѣмъ, что птица вначалѣ, едва поднявшись на воздухъ, описываетъ нѣсколько зигзагообразныхъ линій, послѣ чего неудержимо несется впередъ въ прямомъ направленіи. Почти всякій бекасъ внезапно поднимается на воздухъ и, быстро махая крыльями, улетаетъ далеко, описываетъ большую дугу, и возвращается почти что къ тому мѣсту, откуда взлетѣлъ; затѣмъ вдругъ втягиваетъ крылья и съ величайшей скоростью косо низвергается снова въ болото. Часто наблюдалось, что бекасъ умѣетъ превосходно плавать и предается этому искусству безъ особой нужды. Если же ему грозить опасность, особенно, если его преслѣдуетъ хищная птица, онъ прибѣгаетъ къ нырянію. Обыкновенный крикъ, который издаетъ бекасъ, поднимаясь на воздухъ, это хриплое „кээтш“, которое иногда повторяется нѣсколько разъ подрядъ. Во время перелета онъ издаетъ хриплый звукъ „грек гекгээ“, а подчасъ также высокій звукъ „цип“. По характеру своему бекасъ во многихъ отношеніяхъ отличается отъ вальдшнепа и другихъ бекасовъ. Обыкновенный бекасъ столь-же робокъ и боязливъ, какъ и они, но гораздо подвижнѣе и проворнѣе ихъ; онъ любитъ часто носиться по воздуху, повидимому, совершенно безцѣльно, и только, сильно разжирѣвъ, становится нѣсколько лѣнивымъ. Къ супругѣ бекасъ очень привязанъ и чрезвычайно сильно любитъ свое потомство.

Питается бекасъ насѣкомыми, червями, маленькими голыми улитками и слизняками въ тонкихъ раковинахъ. Онъ также ищетъ ихъ лишь въ сумеркахъ и по ночамъ; по крайней мѣрѣ, только въ это время онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто и иногда заходитъ въ такіе уголки, гдѣ его весь день не видно. При обильной пищѣ бекасъ очень жирѣетъ.

Уже задолго до кладки яицъ начинаются во всѣхъ отношеніяхъ удивительныя любовныя игры. „Самецъ“, описываетъ Науманнъ, „бо́льшею частью съ быстротою молніи взлетаетъ съ своего мѣста, поднимаясь сперва въ косомъ направленіи, затѣмъ по большой извилистой линіи все выше и выше и въ ясную погоду залетаетъ такъ высоко, что лишь хорошіе глаза могутъ различить въ высотѣ птицу. На такой высотѣ самецъ, летая, описываетъ круги и, съ широко раскрытыми, совершенно неподвижными крыльями носится вверхъ и внизъ, описывая вертикальныя дуги; онъ продѣлываетъ это съ такою силой, что при описываньи дуги кончики большихъ маховыхъ перьевъ приходятъ въ сотрясеніе и издаютъ дрожащій, жужжащій, ворчащій звукъ, очень похожій на блеяніе козы, почему бекаса и называютъ иногда „небесною козою“ (Himmelsziege, Haberbock) и т. п. Въ послѣднее время всѣ согласились, что блеяніе это издается не маховыми, а хвостовыми перьями.

Обыкновенный бекасъ подвергается меньшимъ опасностямъ, чѣмъ вальдшнепъ, уже благодаря своему мѣсту жительства. Европеецъ вездѣ преслѣдуетъ бекаса изъ-за вкуснаго мяса, несомнѣнно болѣе вкуснаго, чѣмъ мясо вальдшнепа, хотя не вездѣ съ особеннымъ рвеніемъ, такъ какъ бродить по болотамъ не всякому пріятно, да и не всякій умѣетъ такъ хорошо попадать въ птицу въ летъ, какъ это необходимо при этой охотѣ. Среди венгерцевъ и европейцевъ, живущихъ въ Египтѣ и въ Индіи, эта охота, которую я считаю одною изъ самыхъ занимательныхъ, имѣетъ много горячихъ приверженцевъ, и въ указанныхъ странахъ она бываетъ производительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Бекасовъ также можно держать въ неволѣ; но приручать ихъ надо умѣючи и не жалѣя трудовъ.

*

Самый мелкій видъ бекасовыхъ птицъ представляетъ гаршнепъ (Gallinago gallinula): длина его доходитъ лишь до 16 см. Уздечка, полоска подъ щеками и голова у него бурая, двѣ полоски подъ и надъ глазомъ ржаво-желтыя; перья верхняго покрова черновато-синія съ зеленымъ и пурпуровымъ отливомъ и съ четырьмя ржаво-желтыми полосами, а на горлѣ, на зобу и на бокахъ перья сѣрыя съ буроватыми волнообразными полосами и пятнами; прочія перья бѣлыя, маховыя и рулевыя перья тускло-черныя, послѣднія съ ржаво-желтыми каемками.

Въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя даютъ пріютъ обыкновенному бекасу во время весенняго и осенняго перелета, можно встрѣтить и его болѣе мелкаго родственника, хотя никогда не встрѣчается онъ въ такомъ же большомъ количествѣ. Нѣкоторыя парочки высиживаютъ потомство тамъ и сямъ въ Германіи; но настоящая родина ихъ — европейская Россія и западная Сибирь.

Гаршнепъ держится почти такъ же, какъ и родственные ему виды, бѣгаетъ приблизительно такъ же по землѣ, но летаетъ гораздо хуже, т. е. болѣе нерѣшительно, хотя все-таки движется довольно быстро и можетъ выполнять различныя штуки на воздухѣ; неохотно поднимается онъ высоко, и иногда, буквально порхая, пролетаетъ надъ болотомъ, такъ что напоминаетъ летучую мышь. Питается онъ тѣмъ же, что́ и другіе болотные бекасы; въ желудкѣ его чаще находили мелкія сѣмена, чѣмъ въ желудкахъ его родственниковъ.

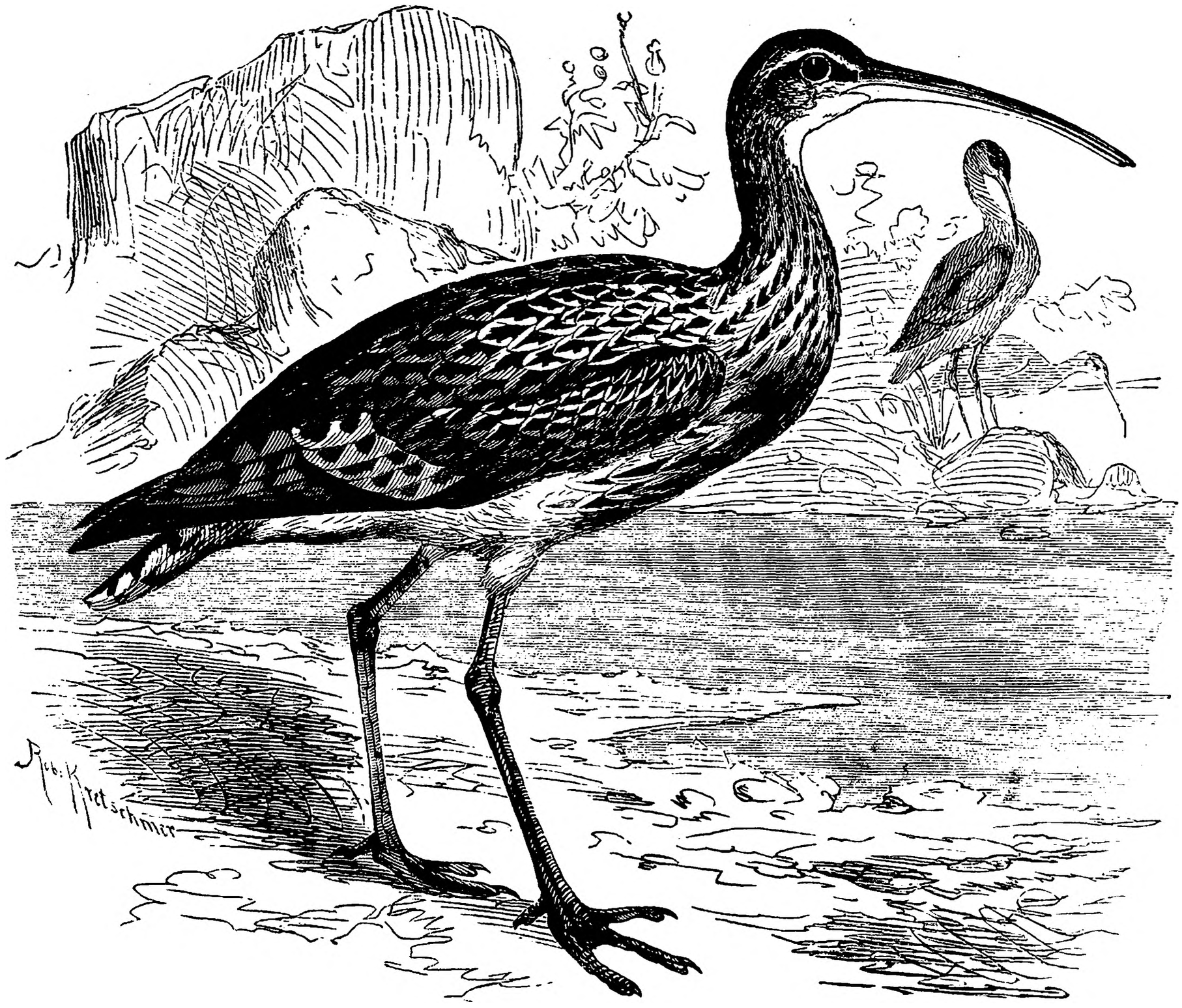
*

Къ бекасовымъ птицамъ причисляютъ обыкновенно бѣдный видами родъ бекасо-курочекъ (Rhynchaea).

Къ нему принадлежитъ обитающій въ Африкѣ золотистый куликъ (Rhynchaea capensis). Опереніе самца на верхней сторонѣ чернсвато-сѣрое; продольная полоса на серединѣ головы и бровная полоса на плечахъ съ обѣихъ сторонъ — желтоватаго цвѣта, верхняя часть крыльевъ по бурому фону покрыта черноватыми волнообразными полосками, передняя часть шеи и верхняя часть груди немного черновато-сѣраго цвѣта съ бѣлыми волнообразными полосами; прочія нижнія части тѣла бѣлыя, маховыя и рулевыя перья украшены золотисто-желтыми глазками и черными поперечными пятнами. Глаза каріе, клювъ на кончикѣ киноварно-красный, при основаніи темно-зеленый, ноги свѣтло-зеленыя. Длина самца 24 см.

Водится золотистый куликъ въ значительной части Африки и южной Азіи. Онъ живетъ въ болотахъ, топяхъ, на сырыхъ поляхъ, но также среди кустарника, даже въ тростникѣ и довольствуется очень малымъ участкомъ. По характеру эта птица похожа на бекасовъ, но еще больше на водяныхъ курочекъ.

Второе подсемейство поисковыхъ птицъ составляютъ водные бѣгуны (Totaninae) съ мягкимъ, обыкновенно до самаго кончика кругловатымъ клювомъ,

Кроншнепъ (Numenius arcuatus). 1/4 естеств. велич.

обѣ створки котораго обыкновенно бываютъ одинаковой длины, и съ плюсною умѣренной длины.

*

Первый родъ этого подсемейства обнимаетъ кроншнеповъ (Numenius), стройно сложенныхъ птицъ съ очень длиннымъ, слегка загнутымъ, высокимъ при основаніи и къ концу постепенно съуживающимся клювомъ, мягкимъ, за исключеніемъ рогового кончика; верхняя часть клюва немного длиннѣе нижней и немножко загибается надъ нею; ноги четырехпалыя, стройныя, высокія, обнаженныя гораздо выше пятокъ, съ широкою подошвой; пальцы соединены между собою явственной перепонкой.

Кроншнепъ (Numenius arcuatus) принадлежитъ къ наиболѣе крупнымъ видамъ, живущимъ въ средней Европѣ. Длина его 70—75 см. Опереніе верхней стороны бурое съ свѣтлыми ржаво-желтыми каемками, опереніе нижней части спины бѣлое, съ бурыми продольными пятнами, опереніе нижней стороны ржаво-желтоватое, съ бурыми стержнями и продольными пятнами; маховыя перья черныя, съ бѣлыми краями и бѣлыми пятнами, три первыхъ съ бѣлой каемкой на внутрен-

немъ опахалѣ, прочія съ болѣе свѣтлыми зигзагообразными пятнами, рулевыя перья на бѣломъ фонѣ покрыты черно-бурыми полосами. Глаза темно-карiе, клювъ черный, основаніе подклювья маслянисто-сѣрое, ноги свинцово-сѣрыя.

Нѣтъ въ Европѣ ни одной страны, гдѣ нельзя было бы встрѣтить кроншнепа; ибо на сѣверѣ онъ выводитъ потомство, а на югѣ является во время своего перелета. Кромѣ того, онъ встрѣчается при тѣхъ же условіяхъ въ бо́льшей части Азіи. Во время своихъ странствованій онъ правильно пролетаетъ черезъ Африку и посѣщаетъ Индію, прибывая въ сентябрѣ и оставаясь тамъ до марта. На сѣверо-западѣ Америки кроншнепъ также не принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ. Въ Германію онъ прилетаетъ въ апрѣлѣ, въ началѣ мая успѣваетъ пролетѣть черезъ эту страну, но уже въ концѣ іюля возвращается. Изъ всѣхъ бекасовыхъ птицъ это наименѣе разборчивая относительно своего мѣстопребыванія. Кроншнепъ доволенъ всякою мѣстностью, какъ морскимъ берегомъ, такъ и берегами внутреннихъ водъ, какъ равниной, такъ и холмистою страною. Отъ воды онъ перелетаетъ въ самыя сухія мѣста, отсюда на поля и луга, съ нихъ опять къ водѣ, какъ ему вздумается. Кроншнепъ всегда робокъ, остороженъ, недовѣрчивъ, самоувѣренъ и въ то же время трусливъ. Болѣе общительный, нежели другія бекасовыя птицы, онъ охотно составляетъ небольшіе союзы, и, благодаря его бдительности, вокругъ него всегда собирается множество менѣе смышленыхъ береговыхъ птицъ; но онъ обращаетъ на нихъ лишь столько вниманія, сколько ему заблагоразсудится. Голосъ его состоитъ изъ законченныхъ, полныхъ, звучныхъ тоновъ, которые можно передать слогами „таи таи“ и „тлаіид тлаіид“.

Кроншнепъ выводитъ потомство уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи; но обыкновенно онъ совершаетъ это дѣло въ болѣе сѣверныхъ странахъ и притомъ главнымъ образомъ въ тундрахъ.

Взрослые кроншнепы питаются всевозможными насѣкомыми во всѣхъ стадіяхъ развитія, червями, слизняками, ракообразными животными, а также мелкою рыбой или земноводными, наконецъ разными растительными веществами, особенно ягодами; молодые кроншнепы ѣдятъ только насѣкомыхъ, а на далекомъ сѣверѣ только комаровъ и ихъ личинокъ. Неволю кроншнепъ переноситъ хорошо, скоро привыкаетъ къ подходящей замѣнѣ естественнаго корма, къ своему хозяину, дѣлается совсѣмъ ручнымъ и этимъ доказываетъ свои духовныя способности.

Охота на этихъ птицъ не легка, и лучшей помощью для охотника является случай. Около гнѣзда всегда можно поймать кроншнепа, а часто это удается сдѣлать и на току болотныхъ бекасовъ. Въ такихъ мѣстахъ птицеловъ считаетъ кроншнепа такою же цѣнною добычей, какъ охотникъ — глухаря или оленя. Мясо кроншнепа вкусно, но далеко не такъ хорошо, какъ мясо бекасовыхъ птицъ.

*

Сукальни (Limosa), образующіе другой родъ, всего ближе стоятъ къ улитамъ; но нельзя отрицать, что они, съ одной стороны, похожи на кроншнеповъ, а, съ другой стороны, напоминаютъ также бекасовыхъ.

У лапландскаго сукальня (Limosa lapponica) темя и затылокъ свѣтлаго ржаво-красняго цвѣта съ бурыми продольными полосами, спина и плечи черныя съ ржавыми пятнами и краями; горло, бока шеи и нижнія части тѣла яркаго темно-ржаво-краснаго цвѣта, бока груди и нижнія кроющія перья хвоста съ черными продольными пятнами; маховыя перья черныя съ бѣлыми разводами подъ мраморъ, рулевыя перья съ сѣрыми и бѣлыми поперечными полосами. Глаза карiе, клювъ красноватый съ черновато-сѣрымъ кончикомъ, ноги черныя. Длина 41 см.

Лапландскій сукалень высиживаетъ потомство въ сѣверной Европѣ и въ сѣверной Азіи; во время же перелета онъ посѣщаетъ бо́льшую часть южной Азіи, всю южную Европу и сѣверную Африку вплоть до южной Нубіи и Гамбіи, а слѣдовательно появляется на побережьи Германіи и во множествѣ на берегахъ Голландіи. Настоящій перелетъ начинается въ концѣ августа и продолжается весь сентябрь; возвращаются на сѣверъ сукальни между апрѣлемъ и половиной мая.

Во время перелета они неохотно удаляются отъ моря и придерживаются песчаныхъ мелей, обнажающихся во время отлива; съ наступленіемъ прилива сукальни стаями летятъ на сушу и высылаютъ развѣдчиковъ узнать о наступленіи отлива; когда они получатъ желаемое извѣстіе, то съ страшнымъ гамомъ спѣшатъ къ водѣ и устремляются вслѣдъ за удаляющимися волнами отлива.

Сукальни ѣдятъ червей, личинокъ насѣкомыхъ или вполнѣ развившихся насѣкомыхъ, мелкія раковины, молодыхъ раковъ и рыбокъ; крупной добычи они проглотить не въ силахъ. Дѣйствительно-ли клювъ ихъ такъ чувствителенъ, какъ полагали, и могутъ-ли они отыскивать пищу безъ помощи зрѣнія — вопросъ открытый.

Въ неволѣ сукальни держатся такъ же, какъ и другіе водные бѣгуны, безъ труда пріучаются къ корму, скоро привыкаютъ къ новой обстановкѣ, умѣютъ отличать людей, ухаживающихъ за ними, и прекрасно выживаютъ въ плѣну цѣлые годы.

*

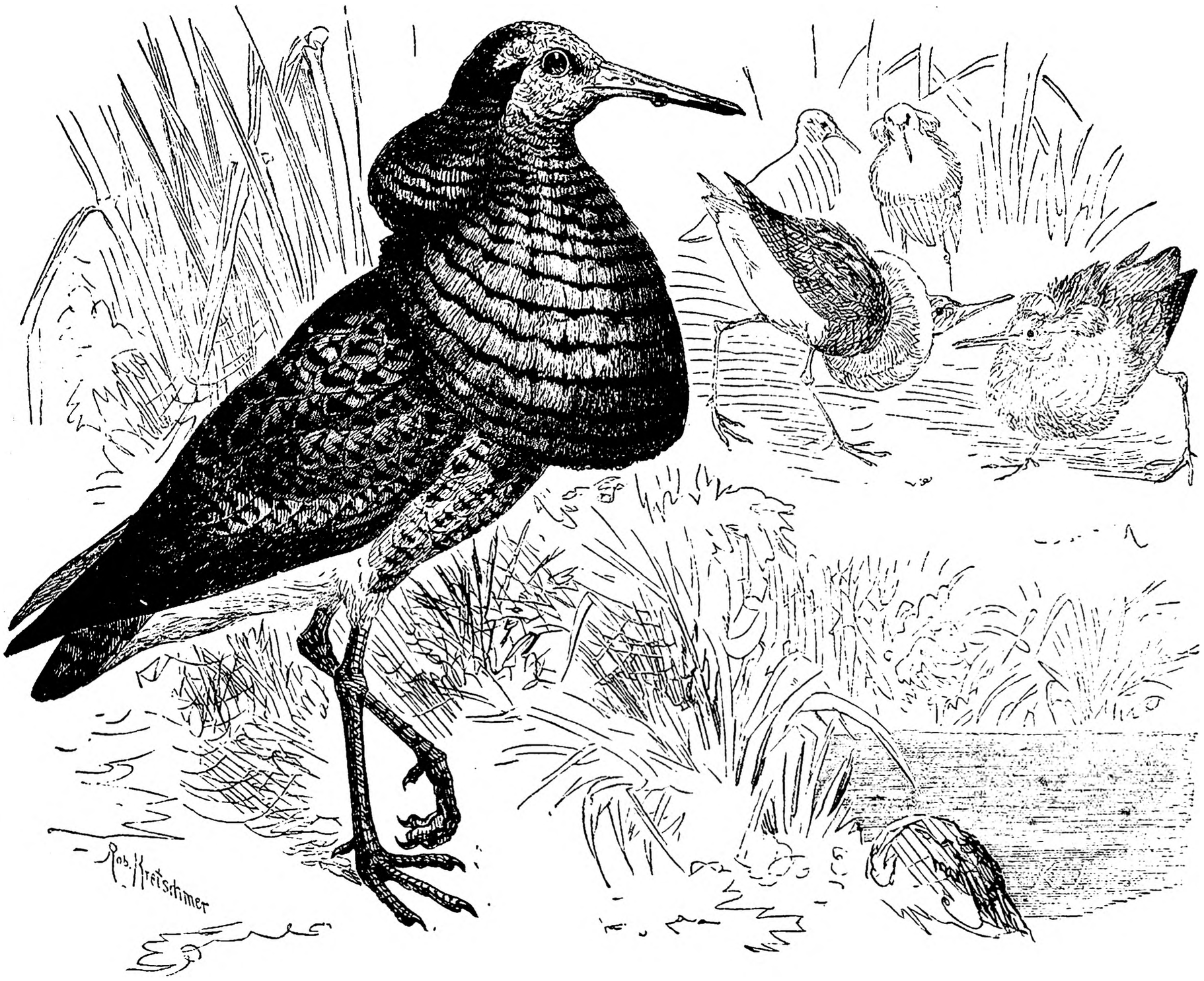
Улиты (Totanus) въ общемъ отличаются стройнымъ сложеніемъ; голова у нихъ маленькая, клювъ длинный, ноги высокія. Клювъ длиною съ голову или нѣсколько длиннѣе, начиная съ основанія и приблизительно до середины мягкій, кончикъ клюва роговой, ступня бываетъ то высокая и тонкая, то короткая и толстая, обыкновенно снабженная четырьмя, а иногда и тремя пальцами. Мелкое опереніе плотно прилегаетъ къ тѣлу и мѣняется дважды въ годъ. Самецъ и самка почти равной величины и по окраскѣ большею частью не отличаются другъ отъ друга почти ничѣмъ или даже совершенно ничѣмъ.

Подобно выше описаннымъ птицамъ, улиты бо́льшею частью птицы сѣверныя; но всѣ виды совершаютъ правильные перелеты и при этомъ посѣщаютъ самыя отдаленныя страны. Встрѣтить ихъ можно на берегахъ стоячихъ и текучихъ водъ, въ болотахъ и топяхъ, рѣже на берегу моря. Во время зимовки они соединяются со многими птицами иной разъ совершенно другихъ видовъ и родовъ, но рѣдко образуютъ такія большія стаи, какъ песочники. Характеръ улитовъ привлекательный; походка изящная, ловкая, шагающая; полетъ очень легкій и быстрый; голосъ состоитъ изъ пріятныхъ, высокихъ, флейтовыхъ, далеко разносящихся тоновъ, столь сходныхъ у различныхъ видовъ, что одинъ видъ нерѣдко отзывается на крикъ другого. Гнѣздо большею частью помѣщается на землѣ, но иногда также на деревьяхъ; яицъ кладется тоже 4, они сравнительно крупныя, грушевидныя и покрыты буровато-сѣрыми пятнами по маслянисто-сѣрому фону; высиживаетъ яйца самка.

Всѣ улиты принадлежатъ къ осторожнымъ и робкимъ птицамъ; поэтому крупные виды, соединяясь съ другими береговыми птицами, всегда беруть на себя предводительство. Охота на улитовъ далеко не всегда бываетъ удачна; ловить ихъ также не легко. Къ клѣткѣ они скоро привыкаютъ, ѣдятъ простой кормъ, замѣняющій имъ естественный, и при сколько-нибудь сносномъ уходѣ годами выживаютъ въ неволѣ.

Наиболѣе замѣчателенъ изъ всѣхъ улитовъ турухтанъ (Totanus pugnax, рис. на стр. 607). Клювъ длиною съ голову, прямой, на кончикѣ нѣсколько загнутый и не расширенный и во всю длину мягкій; ноги высокія и стройныя, оголенныя гораздо выше пятокъ, съ четырьмя пальцами, изъ которыхъ средній соединенъ перепонкой съ наружнымъ; крылья средней длины и острыя, хвостъ короткій, чуть-чуть закругленный; мелкое опереніе мягкое и густое, большею частью, плотно прилегаетъ къ тѣлу и украшено брыжжами, которыя развиваются у самцовъ весною. Самцы отличаются еще тѣмъ, что они на треть больше самокъ, въ брачной одеждѣ бываютъ окрашены самымъ различнымъ образомъ и имѣютъ на лицѣ странныя бородавки, которыя осенью исчезаютъ вмѣстѣ съ брыжжами. Описаніе, которое относилось бы ко всѣмъ птицамъ этого вида, дать невозможно. Верхняя часть крыла темнаго буровато-сѣраго цвѣта, черновато-сѣрый хвостъ покрытъ черными пятнами на шести среднихъ перьяхъ, брюшко бѣлое, прочее опереніе

окрашено и разрисовано весьма разнообразно. Послѣднее относится главнымъ образомъ къ брыжжамъ, состоящимъ изъ жесткихъ, крѣпкихъ перьевъ, длиною приблизительно въ 5 см. и окружающихъ бо́льшую часть шеи. Брыжжи покрыты по черновато-синему, черному, черновато-зеленому, темному ржаво-бурому, красно-бурому, ржавому, бѣлому или еще иного цвѣта фону болѣе свѣтлыми или болѣе темными пятнами, полосами, переходами, или бываютъ окрашены еще иначе — такъ разнообразно, что врядъ-ли можно найти двухъ сходныхъ самцовъ-турухтановъ. Опытъ показываетъ, что у одной и той же птицы каждый годъ снова появляется одна и та же окраска. Грудныя перья бываютъ окрашены или такъ же, какъ брыжжи, или иначе. То же самое можно сказать о спинѣ. Глаза карiе, клювъ

Турухтанъ (Totanus pugnax). ½ естеств. велич.

зеленоватый и зеленовато-желтый, тоже болѣе или менѣе различный, смотря по окраскѣ оперенія, ноги обыкновенно красновато-желтыя. Длина 29—32 см.

Родина турухтана — сѣверъ Стараго Свѣта; иногда, впрочемъ, турухтаны залетали и въ Америку. Во время перелета эти птицы посѣщаютъ не только всѣ европейскія и азіатскія страны, но и всю Африку: ихъ убивали какъ въ Капландѣ, такъ и на Сенегалѣ и на верховьяхъ Нила. Водится турухтанъ на обширныхъ болотистыхъ пространствахъ, какія любитъ и чибисъ; но турухтанъ не распространяется такъ далеко, какъ чибисъ. Южную Германію турухтаны посѣщаютъ только во время перелета; въ сѣверной Германіи они мѣстами селятся ежегодно. Около моря турухтана часто можно видѣть, но настоящею морскою птицей его назвать нельзя.

Въ Германіи турухтанъ появляется стаями въ началѣ мая, рѣдко въ послѣднихъ числахъ апрѣля, селится на своихъ лѣтнихъ мѣстахъ и уже въ іюлѣ и въ августѣ начинаетъ бродить или отправляется въ свое странствіе. Онъ также путешествуетъ ночью и всегда обществами, которыя располагаются во время полета клинообразными стаями. Самцы летятъ отдѣльно отъ самокъ и молодыхъ птицъ, и птицы того и другого пола живутъ отдѣльно во время зимовокъ.

До и послѣ высиживанія самки и самцы по образу дѣйствій не отличаются другъ отъ друга. Походка у нихъ граціозная: они скорѣе шагаютъ, чѣмъ ходятъ въ припрыжку, при этомъ держатся гордо, самоувѣренно; полетъ очень быстрый, причемъ птицы часто парятъ и дѣлаютъ на воздухѣ много легкихъ и быстрыхъ поворотовъ. Приблизительно до наступленія періода высиживанія турухтаны отлично уживаются между собою, отличаются общительностью и держатся вмѣстѣ. По примѣру своихъ родственниковъ, они бодры и подвижны, просыпаются еще до наступленія дня и бодрствуютъ до глубокой ночи, а въ лунныя ночи совсѣмъ не спятъ и, слѣдовательно, отдыхаютъ по бо́льшей мѣрѣ лишь въ полуденные часы. Утромъ и вечеромъ они усердно ищутъ корма, состоящаго изъ разныхъ водныхъ звѣрюшекъ, но также изъ живущихъ на сушѣ насѣкомыхъ, червей и разныхъ сѣмянъ.

Эта жизнь, однако, совершенно измѣняется съ наступленіемъ періода высиживанія. Самцы дерутся и притомъ постоянно, безъ всякой понятной причины и, можетъ быть, вовсе не изъ-за самокъ, а изъ-за какой-нибудь мухи, жука, червяка, изъ-за-мѣста, на которомъ сидитъ одинъ изъ нихъ, изъ за всего и изъ за ничего; они дерутся и тогда, когда самки находятся по близости, и тогда, когда ни одной не видно, и на свободѣ, и въ неволѣ, и спустя нѣсколько часовъ послѣ утраты свободы, и въ томъ случаѣ, если уже много лѣтъ прожили въ клѣткѣ: они борятся во всякое время дня, словомъ, при всякихъ обстоятельствахъ. На свободѣ они собираются на особыхъ мѣстахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на 500—600 шаговъ; тамъ, гдѣ эти птицы встрѣчаются часто, эти мѣста посѣщаются ежегодно и ежегодно служатъ для той же цѣли; благодаря такому постоянному пользованію ими, они нѣсколько отличаются отъ окружающей почвы. Мѣстомъ боя выбирается нѣсколько возвышенное, всегда сырое пространство, покрытое короткой травою и имѣющее въ поперечникѣ 1,5—2 метровъ, и ежедневно по нѣскольку разъ сюда является извѣстное количество самцовъ. Здѣсь каждый изъ нихъ ожидаетъ своего противника и вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Ни одинъ турухтанъ не является на мѣсто боя, пока брыжжи его не достигнутъ полнаго развитія; но облекшись въ брачную одежду, турухтанъ показывается на мѣстѣ борьбы и съ удивительнымъ упорствомъ посѣщаетъ его.

„Первый прибывшій самецъ“, пишетъ Науманнъ, „осматривается, исполненный желанія сразиться, нѣтъ-ли второго; если появляется второй, не обнаруживающій стремленія вступить въ драку, то поджидается третій, четвертый и т. д., и скоро начинается борьба. Противники находятъ другъ друга, встрѣчаются, набрасываются другъ на друга и нѣкоторое время дерутся, пока не устанутъ; затѣмъ каждый занимаетъ свое мѣстечко, чтобы отдохнуть, набраться новыхъ силъ и потомъ снова вступить въ бой. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока птицамъ не надоѣстъ бороться, и тогда онѣ удаляются съ мѣста боя, но обыкновенно съ тѣмъ, чтобы скоро вернуться. Побоища ихъ всегда въ сущности представляютъ собою поединки; никогда нѣсколько самцовъ не борятся съ нѣсколькими другими; но часто случается, когда на мѣстѣ боя соберется много самцовъ, что борятся одновременно двѣ или три пары, каждая отдѣльно, причемъ арены ихъ борьбы перекрещиваются, и происходитъ такая странная бѣготня взадъ и впередъ и совершаются такіе странные прыжки, что, наблюдая за птицами издали, можно подумать, что онѣ взбѣсились и одержимы злымъ духомъ. Когда два самца рѣшились бороться, то сначала, стоя прямо, они только дрожатъ отъ злости, киваютъ головой и низко опускаютъ грудь, такъ что задняя часть тѣла оказывается выше груди; затѣмъ прицѣливаются другъ въ друга клювомъ, при этомъ растопыриваютъ большія перья на груди и на спинѣ, поднимаютъ свой воротникъ на затылкѣ кверху, а воротникъ на шеѣ развертываютъ въ видѣ щита. Такъ набѣгаютъ и наскакиваютъ они другъ на друга, надѣляютъ другъ друга ударами клювомъ, которые отражаются отъ покрытой бородавками головы, какъ отъ шлема, и отъ густого воротника на шеѣ, какъ отъ щита; все это слѣдуетъ такъ быстро одно за другимъ, самцы при этомъ такъ горячатся, что трясутся отъ ярости; это особенно явственно замѣтно во время небольшихъ промежутковъ между атаками, которыя быстро слѣдуютъ одна за другою и извѣстное

большее или меньшее число которыхъ составляютъ нѣчто цѣльное, послѣ чего наступаетъ болѣе продолжительная пауза.

„У нихъ нѣтъ иного оружія, кромѣ мягкаго клюва съ крючечкомъ на концѣ и съ тупыми краями, — орудія очень слабаго, которымъ птицы никогда не могутъ ранить или искусать другъ друга въ кровь; поэтому во время драки турухтаны даже рѣдко теряютъ перья, и величайшее несчастіе, какое можетъ случиться съ птицей, состоитъ въ томъ, что противнику удастся схватить ее за языкъ и нѣкоторое время потаскать за него. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что клювъ турухтановъ иногда неподобающимъ образомъ сгибается при слишкомъ сильныхъ ударахъ, и возможно, что на надломленныхъ мѣстахъ клюва выростаютъ тѣ наросты, или желваки, которые часто замѣчаются на клювѣ старыхъ птицъ, самыхъ отчаянныхъ драчуновъ.“

Когда приближается время кладки, можно видѣть одного самца въ обществѣ двухъ самокъ или, наоборотъ, одну самку въ обществѣ нѣсколькихъ самцовъ, часто вдали отъ мѣста боя и вблизи того мѣста, гдѣ впослѣдствіи устраивается гнѣздо. Гнѣздо рѣдко помѣщается вдали отъ воды, часто же на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ болота, и представляетъ собою углубленіе, выложенное немногими сухими травками и соломинками. Яицъ кладется 4, рѣже 3; яйца довольно крупны и по оливково-буроватому или зеленоватому фону покрыты красновато-бурыми или черноватыми пятнами, гуще расположенными на тупомъ, чѣмъ на остромъ концѣ яйца. Самка одна сидитъ на яйцахъ въ теченіе 17—19 дней, очень любитъ свое потомство и ведетъ себя около гнѣзда, какъ другія болотныя птицы; молодыя же птицы живутъ такъ-же, какъ ихъ родственники.

Ни одной болотной птицы нельзя легче поймать и пріучить къ неволѣ, чѣмъ турухтана. Если поставить силки на мѣстѣ боя, то самцы непремѣнно попадаются въ плѣнъ; ихъ ловятъ также на току болотныхъ бекасовъ и при томъ въ значительныхъ количествахъ. Къ клѣткѣ они привыкаютъ тотчасъ же, безъ труда пріучаются къ корму и выживаютъ очень хорошо. Въ большой общей клѣткѣ они очень милы и занимательны, по крайней мѣрѣ, пока продолжается періодъ вывода; ибо и въ клѣткѣ бои ихъ происходятъ постоянно, и каждая брошенная имъ хлѣбная крошка приводитъ въ волненіе все общество. Послѣ періода спариванія наступаетъ миръ, и доблестные рыцари живутъ съ этихъ поръ тихо, согласно и спокойно, хотя иногда то тотъ, то другой принимаетъ грозныя позы.

Яйца турухтановъ собираютъ и ѣдятъ, какъ и яйца чибисовъ. Мясо у нихъ вкусное.

Изъ другихъ видовъ этого рода слѣдуетъ обратить вниманіе на большого улита (Totanus littoreus). Клювъ у него длинный, тонкій, загнутый кверху, совершенно твердый; ноги высокія, оголенныя гораздо выше пятокъ, наружный и средній пальцы соединены перепонкой. Опереніе верхней стороны буровато-черное, причемъ каемки перьевъ бѣлыя, нижняя часть спины и надхвостье чисто-бѣлыя, нижняя сторона тоже бѣлая, кромѣ груди, украшенной черными продольными пятнами и полосами; большія маховыя перья буровато-черныя, середина хвостовыхъ перьевъ чернаго цвѣта, боковыя перья хвоста покрыты бѣлыми и черными пятнами. Глаза каріе, клювъ черновато-зеленый, ноги сѣровато-зеленыя. Длина 34 см.

Большого улита встрѣчали буквально во всѣхъ частяхъ свѣта, слѣдовательно онъ является космополитомъ, но настоящая его родина это сѣверъ Стараго Свѣта. Въ Германіи онъ появляется во время своего весенняго и осенняго перелета; но еще не наблюдалось, чтобы эта птица выводила въ Германіи потомство. Летя съ сѣвера, большой улитъ появляется въ Германіи уже въ послѣднюю половину іюля, въ теченіе августа и сентября безпорядочно бродитъ по странѣ и въ концѣ сентября или въ началѣ октября предпринимаетъ настоящее путешествіе; зимніе мѣсяцы онъ проводитъ уже на многихъ островахъ греческаго архипелага или въ сѣверной Африкѣ, но продолжаетъ свой бродячій образъ жизни и такимъ образомъ

добирается до тропическихъ и еще болѣе южныхъ странъ, напр. въ южную Австралію, на о. Тасманію, въ южную Африку и въ штаты Ла-Платы въ южной Америкѣ. Въ апрѣлѣ и маѣ онъ на обратномъ пути опять показывается въ Германіи. По примѣру своихъ родственниковъ онъ отдаетъ предпочтеніе прѣсноводнымъ озерамъ и болотамъ передъ морскимъ берегомъ.

Большой улитъ соединяетъ въ себѣ всѣ свойства своего рода и отличается такою же рѣзвостью, ловкостью и подвижностью, какъ его родственники. Онъ держится прямо, пожалуй даже гордо и, держа тѣло горизонтально, легко и проворно шагаетъ; онъ любитъ входить въ воду, плаваетъ и безъ особой необходимости проплываетъ иногда довольно большія разстоянія, при опасности отлично ныряетъ и подъ водою гребетъ при помощи крыльевъ. Летаетъ большой улитъ скоро и ловко, большею частью по прямой линіи и, быстро и сильно махая крыльями, описываетъ въ воздухѣ великолѣпныя дуги; для того чтобы спуститься, онъ прямо бросается внизъ, со свистомъ разрѣзая воздухъ, и, только уже совсѣмъ близко подлетѣвъ къ землѣ, нѣсколькими медленными взмахами крыльевъ ослабляетъ скорость паденія. Голосъ его — высокій, звонкій, далеко разносящійся свистъ, который можно приблизительно передать звукомъ „тья“ и который звучитъ очень пріятно; призывной звукъ — тихое „дик дик“, а выраженіе страха — пронзительное „кри-и кри-и“; въ періодъ спариванія поется пѣсенка, напоминающая флейту и звучащая вродѣ „дагидль дагидль дагидль“; послѣднее часто повторяется, но издается только на лету. Изъ всѣхъ своихъ родственниковъ большой улитъ безусловно самый умный, осторожный и робкій, а потому весьма хорошо исполняетъ роль руководителя.

Пищу онъ употребляетъ въ сущности туже самую, какъ и другіе улиты, т. е. ѣстъ весьма разнообразныхъ мелкихъ водныхъ обитателей, главнымъ образомъ, насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, а также червей, рачковъ и молюсковъ, особенно морскихъ, также лягушечьихъ головастиковъ и маленькихъ вполнѣ развившихся лягушекъ и, наконецъ, всевозможныхъ молодыхъ рыбокъ.

Хотя большой улитъ уже выводитъ потомство на о. Рюгенѣ, а также на датскихъ и шведскихъ островахъ, но предпочитаетъ размножаться въ странахъ, лежащихъ сѣвернѣе. Для вывода онъ всего охотнѣе выбираетъ безлѣсныя пространства въ тундрѣ, часто вблизи моря, но также въ лѣсахъ съ открытыми полянами. Гнѣздо, незатѣйливо сложенное изъ стебельковъ травы, помѣщается на какомъ-нибудь поросшемъ травою холмикѣ, большею частью подъ кустомъ; въ іюнѣ мѣсяцѣ туда кладется 4 довольно большихъ яйца, украшенныхъ по блѣдному оливково-желтому фону болѣе или менѣе явственно замѣтными буровато-сѣрыми пятнами и множествомъ мелкихъ и среднихъ красно-бурыхъ крапинокъ и точекъ.

Вслѣдствіе осторожности и робости большого улита, поймать его не легко, и въ большинствѣ случаевъ онъ избѣгаетъ преслѣдованій охотника и птицелова. Если же удается изловить его, то онъ скоро привыкаетъ къ обыкновенной пищѣ, которая дается всѣмъ береговымъ птицамъ, выживаетъ въ неволѣ цѣлые годы, легко становится ручнымъ и доставляетъ человѣку особенно много удовольствія, если содержится въ общей клѣткѣ.

*

Песочники (Tringa) также небольшія, довольно стройныя птицы съ клювомъ, длиною съ голову или нѣсколько длиннѣе, прямымъ или дугообразнымъ, на концѣ едва замѣтно расширеннымъ, со стройными, четырехпалыми, оголенными гораздо выше пятокъ ногами, съ острыми крыльями средней длины и закругленнымъ или выемчатымъ хвостомъ.

Самый крупный изъ всѣхъ европейскихъ видовъ — керкунъ (Tringa canutus). Длина его 25 см. Въ лѣтней одеждѣ перья у него темнаго буровато-краснаго цвѣта, на верхней сторонѣ съ стрѣловидными черными пятнами по серединѣ и съ широкими желтовато-бѣлыми краями; перья на спинѣ и самыя длинныя плечевыя перья черныя съ бѣлыми каемками, перья на нижней части спины и на надхвостьѣ съ черными поперечными полосами по бѣлому, съ примѣсью бу-

раго, фону, большія маховыя перья черноватыя, съ бѣлыми стержнями, малыя маховыя перья сѣрыя, изъ нихъ самыя заднія съ бѣлыми каемками, хвостовыя перья сѣрыя съ узенькими бѣловатыми каемками. Въ зимней одеждѣ опереніе верхней части пепельно-сѣрое съ свѣтлыми сѣровато-желтоватыми каемками и съ узенькими полосками вдоль стержней зоба. Глаза каріе, клювъ черный, ноги сѣровато-черныя. Клювъ прямой, длиною приблизительно съ голову.

Какъ и всѣ члены того же рода, керкунъ выводитъ потомство только на далекомъ сѣверѣ Европы, но осенью и зимою посѣщаетъ, переходя съ мѣста на мѣсто, всю Европу, почти всю Азію, значительную часть Америки, также Африку; его видѣли даже на Новой Зеландіи. Во время этихъ странствованій онъ покидаетъ морской берегъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ съ цѣлью посѣщенія расположенныхъ по близости внутреннихъ водъ, а потому внутри материковъ всегда принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ. На берегу моря птицы эти собираются въ многочисленныя общества, которыя вмѣстѣ живутъ и сообща дѣйствуютъ. Многія изъ такихъ стай зимуютъ уже на сѣверѣ, а другія потихоньку путешествуютъ къ югу и дорогой останавливаются тамъ, гдѣ находятъ обильную пищу; не имѣя опредѣленной цѣли путешествія, онѣ возвращаются на родину, когда приближается періодъ вывода. На берегахъ Германіи, а иногда и внутри страны, керкунъ появляется въ августѣ и сентябрѣ, а въ маѣ уже летитъ опять на свою родину, лежащую сѣвернѣе.

*

Обыкновенный песочникъ (Tringa minuta), какъ и его ближайшіе родственники, относится къ самымъ маленькимъ изъ всѣхъ песочниковъ. Длина его 14 см.

Это также сѣверная птица, но улетаетъ она такъ далеко, что ее встрѣчали почти на всѣхъ морскихъ берегахъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Австраліи, а также на берегахъ рѣкъ и стоячихъ водъ внутри этихъ частей свѣта. Это прехорошенькія птички, въ высшей степени подвижныя, ловкія, проворныя, прекрасно бѣгающія и ловко и быстро летающія. Голосъ у нихъ пріятный и звучитъ вродѣ „диррр“ или „дирррюи“, иногда вродѣ „дирррит“.

*

Къ песочникамъ естественнымъ образомъ примыкаетъ немногочисленная группа, члены которой отличаются отъ прочихъ водныхъ бѣгуновъ тѣмъ, что великолѣпно плаваютъ и до извѣстной степени составляютъ одно цѣлое съ плавающими птицами. Птицы, принадлежашія къ разсматриваемой группѣ, привлекаютъ къ себѣ своею миловидностью и нѣжною окраской своего оперенія, но еще больше своимъ образомъ жизни. Назвали этихъ птицъ довольно удачно плавунчиками. ибо онѣ держатся на водѣ легче, чѣмъ всѣ прочія птицы. Ихъ родина также отдаленный сѣверъ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта; лишь въ видѣ исключенія плавучники спускаются въ болѣе южныя широты; они странствуютъ не на югъ, а улетаютъ въ открытое море.

Плавунчики (Phalaropus) величиною врядъ ли съ болотныхъ бекасовъ. По формѣ они похожи на песочниковъ. По образу жизни плавунчики отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ. Это премилыя существа, столь же ловкія на сушѣ, какъ и на водѣ. На сушѣ они двигаются, какъ песочники, по водѣ плаваютъ съ чрезвычайною легкостью и прелестью, и не только по гладкой поверхности прудовъ, близъ которыхъ размножаются и гдѣ селятся лѣтомъ, но и по сильно волнующемуся морю, въ самыя страшныя бури, на разстояніи многихъ миль отъ суши. Ихъ родина — море, ибо сушу они посѣщаютъ только для того, чтобы вывести своихъ дѣтенышей и вырастить ихъ. Поэтому-то жизнь ихъ для насъ во многихъ отношеніяхъ еще темна и загадочна.

Единственный видъ этого рода, размножающійся въ Лапландіи, это птица, извѣстная у исландцевъ подъ именемъ одиновой курочки (Phalaropus hyperboreus). Верхняя сторона у нея черновато-сѣрая, нижняя часть спины и плечп

съ черными и ржаво-желтыми каемками перьевъ, бока задней части шеи ржаво-красные, горло и нижнія части тѣла бѣлыя, зобъ и бока сѣрые.

Въ странахъ, расположенныхъ сѣвернѣе и западнѣе Лапландіи, этотъ видъ замѣняется нѣсколько болѣе крупнымъ плосконосымъ плавунчикомъ (Phalaropus rufus). У него верхняя часть головы, спина и плечи черныя, всѣ перья съ ржаво-желтыми краями; задняя часть шеи и надхвостье ржаво-красныя; нижняя часть спины, кроющія перья верхней части крыльевъ и бока хвоста пепельно-сѣрые, а нижняя сторона тѣла ржаво-красная.

Одинова курочка живетъ лѣтомъ на берегахъ Финмаркена, въ Исландіи, южной Гренландіи и, вѣроятно, также по сѣверному краю азіатской тундры, отсюда иногда улетаетъ въ болѣе южныя мѣстности; ее убивали въ Америкѣ, въ Германіи, въ Голландіи и во Франціи, даже въ Испаніи близъ внутреннихъ водъ, до которыхъ она добиралась въ союзѣ съ песочниками и вмѣстѣ съ ними переходила съ мѣста на мѣсто вдоль рѣкъ.

Въ желудкѣ убитыхъ найдены разныя личинки насѣкомыхъ. На Шпицбергенѣ плосконосый плавунчикъ поѣдаетъ мелкія водоросли, во множествѣ встрѣчающіяся въ болотахъ.

*

Родъ ходулочниковъ (Himantopus) характеризуется гибкимъ, какъ китовый усъ, длиннымъ и тонкимъ, на концѣ уплощеннымъ клювомъ, длинными плюснами, покрытыми только щитками, прямымъ хвостомъ и крыльями, заходящими за кончикъ хвоста.

Во всѣхъ странахъ, лежащихъ вокругъ Средиземнаго моря, живетъ замѣчательный ходулочникъ (Himantopus candidus). Клювъ у него длинный и слабый, на кончикѣ загнутый внизъ, только при основаніи мягкій; трехпалая ступня, очень длинная и слабая, обнажена гораздо выше пятокъ; наружный палецъ соединенъ со среднимъ короткой перепонкой; каждый палецъ вооруженъ маленькимъ, узкимъ, острымъ когтемъ; крылья ходулочника очень длинны и узки. Въ весеннемъ нарядѣ задняя часть головы, узкая полоска на задней части шеи и верхній покровъ чернаго цвѣта, послѣдній съ зеленоватымъ блескомъ, хвостъ пепельно-сѣрый, всѣ прочія части бѣлыя, на передней сторонѣ съ нѣжнымъ розовымъ налетомъ. Глаза великолѣпнаго карминово-краснаго цвѣта, клювъ черный, ноги блѣдно-карминовыя или розовыя. Длина 38 см.

Ходулочникъ обитаетъ въ южной и юго-восточной Европѣ, въ средней Азіи и въ сѣверной Африкѣ, но по справедливости причисляется также и къ средне-европейскимъ птицамъ, такъ какъ не только встрѣчался въ Германіи, но и выводилъ въ ней свое потомство. Въ значительномъ количествѣ онъ встрѣчается уже въ Венгріи.

Птица эта любитъ соленыя воды, но не связана съ ними. Назвать ее морской птицей нельзя. Правда, она иногда встрѣчается на морскомъ берегу и тамъ бѣгаетъ вмѣстѣ съ улитами или съ шилоклювками; но чаще всего ее можно найти около маленькихъ прудовъ или близъ лужъ, а во время вывода — въ болѣе обширныхъ болотахъ съ прѣсною или застоявшеюся водою. По общительности ходулочникъ, повидимому, превосходитъ всѣхъ своихъ ближайшихъ родственниковъ; нарочками эти птицы живутъ только въ періодъ размноженія, въ теченіе же остальной части года онѣ всегда держатся обществами по крайней мѣрѣ въ 6—12 головъ, а зимою образуютъ даже многочисленныя стаи.

Довольно продолжительное наблюденіе надъ ходулочниками показываетъ, что они принадлежатъ къ самымъ умнымъ болотнымъ птицамъ.

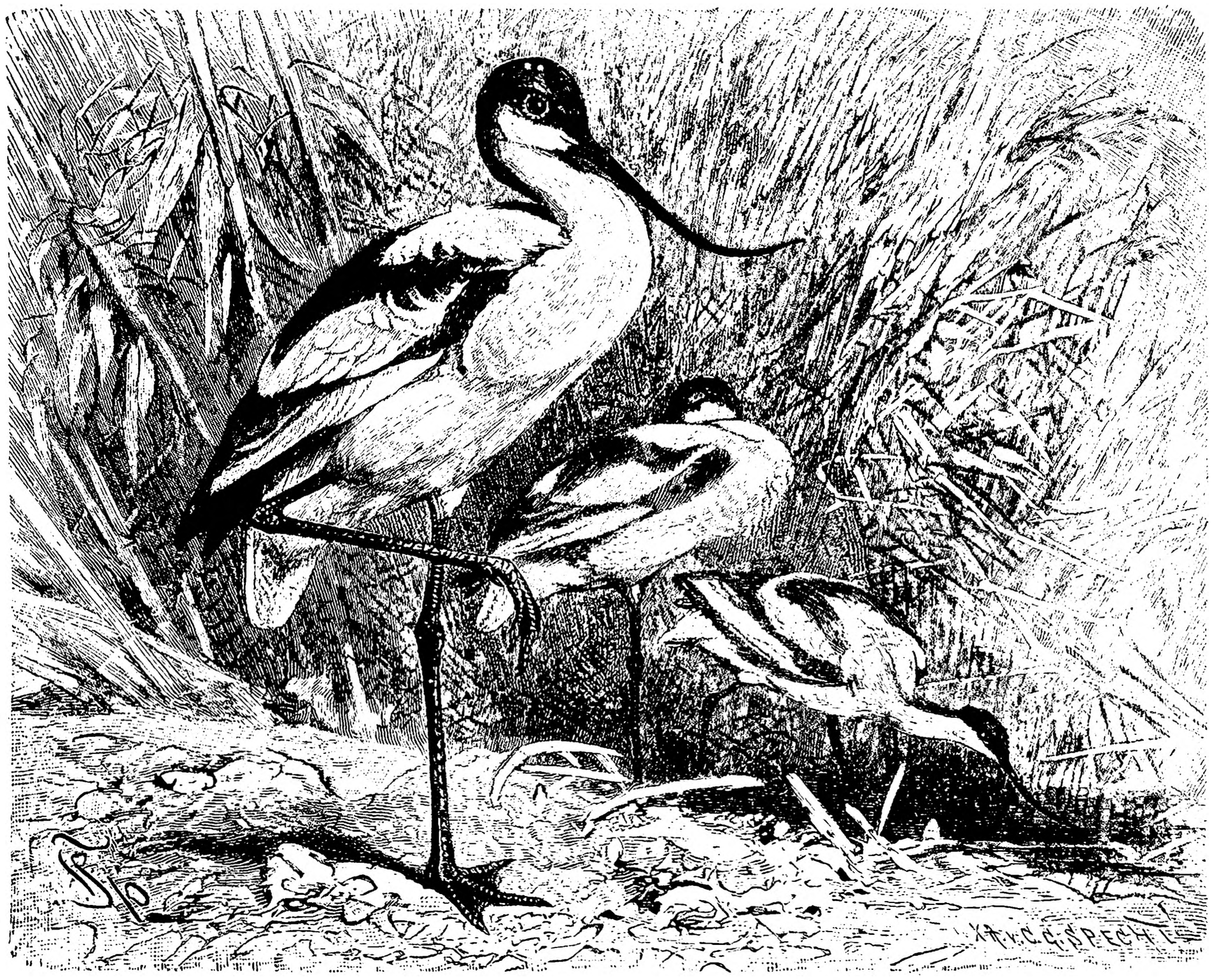
Питаются они, повидимому, исключительно насѣкомыми. Ихъ постоянно можно видѣть занятыми ловлей насѣкомыхъ, которыхъ они подбираютъ съ поверхности воды, выкапываютъ изъ ила или схватываютъ на лету.

*

Къ ходулочникамъ примыкаютъ шилоклювки, весьма своеобразныя болотныя птицы. Онѣ средней величины и имѣютъ длинныя ноги и длинный, слабый, узкій

клювъ; послѣдній имѣетъ гораздо большую ширину, чѣмъ вышину, на концѣ сильно утоненъ и загибается или просто кверху, или кромѣ того передъ самымъ кончикомъ еще и внизъ, и отличается твердостью и гладкостью; ноги четырехпалыя, очень длинныя, но сравнительно толстыя, передняя часть ступни съ плавательными перепонками.

Шилоклювка (Recurvirostra avosetta) окрашена просто, но красиво. Верхняя часть головы, затылокъ и задняя часть шеи, плечи и бо́льшая часть крыльевъ чернаго цвѣта, а два большихъ пространства на крыльяхъ и прочее оперіе бѣлаго цвѣта. Глаза красновато-каріе, клювъ черный, ноги пепельно-синія. Длина 43 см.

Шилоклювка (Recurvirostra avosetta). 1/4 естеств. велич.

Шилоклювку, начиная съ Европы, встрѣчали по всему Старому Свѣту. Она живетъ на берегу Нѣмецкаго и Балтійскаго моря, а также около соляныхъ озеръ Венгріи и средней Азіи; изъ этихъ мѣстъ она перелетаетъ въ южную Европу и Африку до Капланда, а оттуда въ южный Китай и Индію. Встрѣчается она большею частью въ значительномъ количествѣ. Въ Германіи она появляется въ апрѣлѣ, а въ обратный путь пускается въ сентябрѣ.

Это настоящая морская птица; ибо она рѣдко покидаетъ морской берегъ, а если покидаетъ, то отправляется на берегъ соленаго или солоноватаго озера. Во внутреннихъ частяхъ страны она встрѣчается рѣдко. Это одна изъ тѣхъ морскихъ птицъ, которыя бросаются въ глаза всякому, такъ какъ составляютъ настоящее украшеніе морского берега. Такъ какъ плавательныя перепонки у шилоклювки очень развиты, то она можетъ передвигаться также на довольно большой глубинѣ подъ водою; плаваетъ она легко и ловко и пускается вплавь безъ особенной нужды. Свистящій

голосъ шилоклювки звучитъ нѣсколько печально, но отнюдь не непріятно, призывный крикъ звучитъ вродѣ „кви“ или „дютт“; при спариваньи птица издаетъ жалобный крикъ, который часто и быстро повторяется и звучитъ какъ „клю“; такъ что имѣетъ сходство съ тирольскимъ пѣніемъ (Jodeln).

Обыкновенно приходится видѣть шилоклювку въ водѣ, гдѣ она стоитъ или медленно бродитъ; постоянно кивая головой и вертя ею изъ стороны въ сторону, она разыскиваетъ себѣ пищу, нерѣдко также ныряетъ, причемъ по примѣру утокъ почти что становится на голову. Странный свой клювъ она употребляетъ иначе, чѣмъ другія болотныя птицы: по словамъ Науманна, она пользуется имъ „какъ саблей, т. е. довольно быстро двигаетъ имъ вправо и влѣво и схватываетъ плавающую въ водѣ пищу, задерживаемую бороздками на внутренней поверхности клюва“. Если приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ сотни этихъ птицъ усердно заняты отысканіемъ себѣ пищи, то можно замѣтить, что при первомъ предостерегающемъ крикѣ всѣ птицы приходятъ въ тревогу и вбродъ или вплавь направляются въ болѣе глубокія мѣста, или же поднимаются на воздухъ и тогда только успокаиваются, когда убѣдятся, что находятся внѣ выстрѣла.

Вскорѣ послѣ прилета стаи распадаются на парочки и разсыпаются по мѣстамъ высиживанья, которыя находятся бо́льшею частью на плоскихъ мѣстахъ, покрытыхъ короткою травою. Гнѣздо представляетъ собою незначительное углубленіе, выложенное нѣсколькими сухими стебельками или корешками; яицъ обыкновенно кладется 4, иногда впрочемъ и 2, грушевидной или кубаревидной формы, съ тонкой скорлупой безъ блеска и съ болѣе или менѣе многочисленными черновато-сѣрыми и фіолетовыми пятнышками и точками по свѣтлому ржаво или оливково-желтоватому фону. Оба родителя сидятъ на яйцахъ поочередно, чрезвычайно заботятся о своемъ потомствѣ и съ жалобнымъ крикомъ летаютъ вокругъ человѣка, приближающагося къ гнѣзду; какъ только молодыя птицы обсохнутъ, старики ведутъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ можно спрятаться, затѣмъ отводятъ ихъ къ большимъ лужамъ и, наконецъ, когда малютки начинаютъ порхать — къ открытому морю.

Плѣнныя шилоклювки требуютъ за собою тщательнаго ухода и корма изъ личинокъ и муравьиныхъ куколокъ, и при подобныхъ условіяхъ выживаютъ въ клѣткѣ много лѣтъ.

Ржанковыя птицы (Charadriinae), въ тѣсномъ смыслѣ слова, представляютъ собою подсемейство, которое характеризуется твердымъ, прямымъ клювомъ; между представителями этого подсемейства замѣчаются значительныя различія.

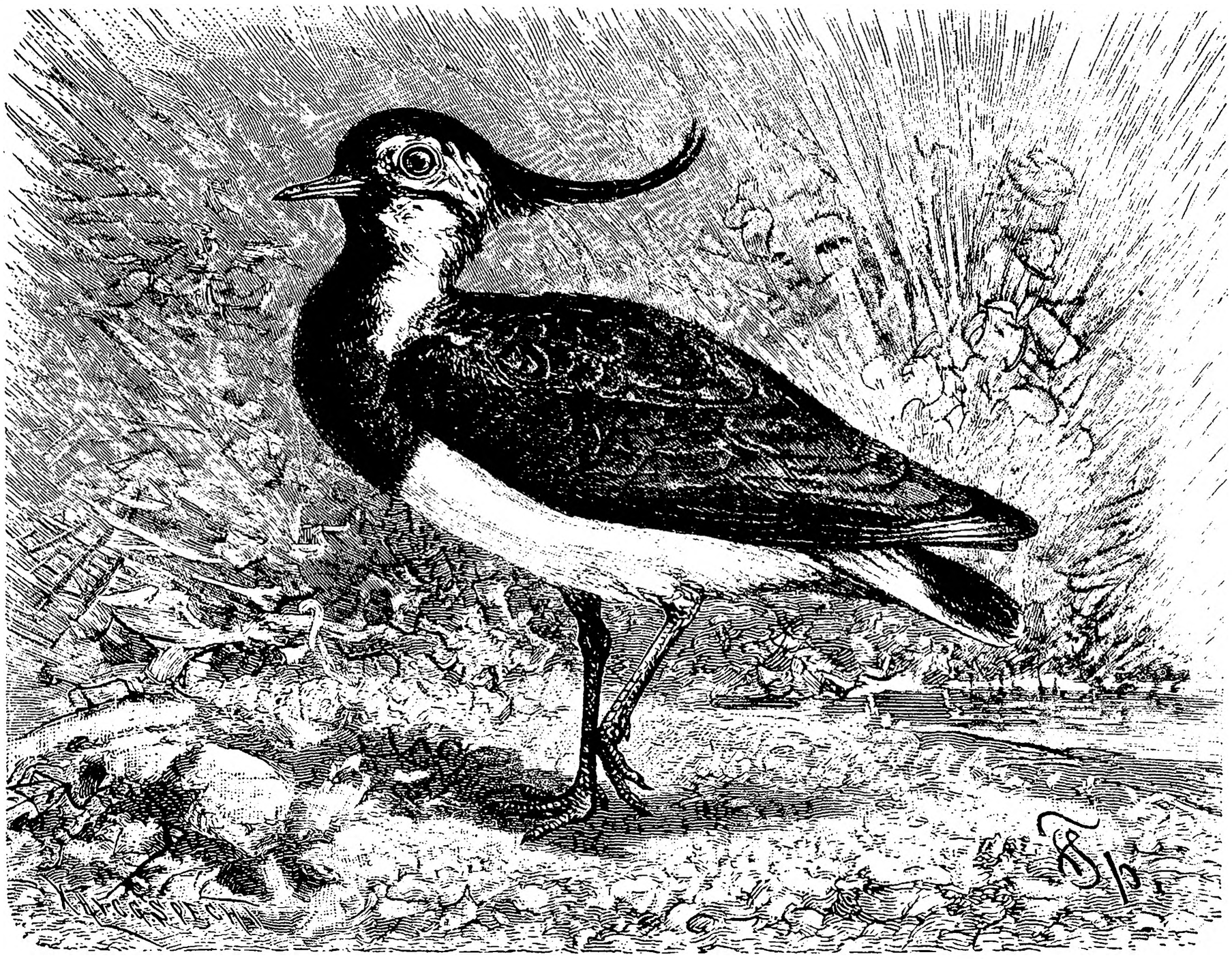
*

Обыкновенный чибисъ, или пигалица (Vanellus capella, cristatus) служитъ представителемъ рода пигалицъ, признаками котораго являются четырехпалыя ноги, тупыя крылья съ наиболѣе длиннымъ третьимъ маховымъ перомъ и хохолокъ на головѣ. У обыкновеннаго чибиса верхняя часть головы, передняя часть шеи, верхняя часть груди и половина хвоста блестящаго совершенно чернаго цвѣта, а перья верхняго покрова темно-зеленыя, съ синимъ или пурпуровымъ отливомъ; бока шеи, нижняя часть груди, брюшко и прилежащая къ основанію половина хвостовыхъ перьевъ бѣлаго цвѣта, а нѣкоторыя верхнія и нижнія покровныя перья хвоста темнаго ржаво-желтаго цвѣта; хохолокъ состоитъ изъ длинныхъ узкихъ перьевъ, образующихъ двойной кончикъ. Глаза каріе, клювъ черный, ноги грязноватаго темно-краснаго цвѣта. Длина 34 см.

Начиная съ 81 градуса сѣверной широты и кончая сѣверной Индіей и сѣверной Африкой, обыкновеннаго чибиса наблюдали во всѣхъ извѣстныхъ намъ странахъ Стараго Свѣта. Въ Китаѣ, въ подходящихъ мѣстахъ, онъ такъ же часто встрѣчается, какъ въ Великобританіи, и каждую зиму перекочевываетъ на югъ въ страны, лежащія между сѣверной Индіей и Марокко, залетаетъ также на Фарерскіе острова, въ Исландію, даже въ Гренландію. Изъ европейскихъ странъ наибольшему числу чибисовъ даетъ пріютъ несомнѣнно Голландія; это характерныя

для этой страны птицы, составляющія такую же неотъемлемую часть голландскаго пейзажа, какъ каналы, пѣгія коровы, вѣтряныя мельницы и деревенскіе домики подъ сѣнью высокихъ деревьевъ. Но и въ Германіи эта птица встрѣчается вовсе не рѣдко, а водится почти вездѣ, за исключеніемъ высокихъ горъ.

Чибисъ — это одинъ изъ первыхъ вѣстниковъ наступающей весны; онъ прилетаетъ въ среднюю Европу приблизительно въ одно время, съ рѣзвымъ скворцомъ или полевымъ жаворонкомъ, появляется на своей родинѣ даже тогда, когда еще царитъ зима, и когда ему еще приходится влачить въ родныхъ краяхъ скудное существованіе. Относительно чибисовъ чаще, чѣмъ относительно другихъ птицъ, дѣлалось наблюденіе, что раньше всего огромнаго полчища ихъ прибываютъ отдѣль-

Обыкновенный чибисъ (Vanellus capella). 1/3 естеств. велич.

ныя птицы, которыя, повидимому, являются предвѣстниками главной толпы, и располагаются на лѣтнихъ мѣстахъ жительства. Эти путешественники иногда испытываютъ горькое разочарованіе, если погода мѣняется. Снѣгъ, выпавшій позднею весною, покрываетъ источники ихъ пропитанія; они, повидимому, надѣясь на лучшія времена, не рѣшаются летѣть обратно, блуждаютъ отъ одного ручья къ другому, все болѣе и болѣе слабѣютъ, ждутъ, надѣятся и погибаютъ.

Когда толпа чибисовъ прочно основалась на родинѣ, она распредѣляется по своимъ мѣстамъ жительства, и съ этой поры начинается ихъ лѣтняя жизнь. Чибисъ не любитъ близости человѣка, поэтому избѣгаетъ, насколько возможно, его жилищъ, если только эти жилища не расположены въ болотистыхъ мѣстностяхъ. Главное условіе для мѣста выживанія — это то, чтобы оно находилось возлѣ воды. Иногда впрочемъ, хотя рѣдко, случается, что чибисы избираютъ для выживанія высокія плоскогорія; но если это случается, то можно почти навѣрное предсказать что тѣ мѣста, на которыхъ они прежде жили, въ теченіе лѣта будутъ затоплены водою. На этихъ мѣстахъ выживанія, чибиса можно видѣть или слышать во всякое время дня, несмотря на его бдительность, благодаря которой

онъ усматриваетъ во всякой живой твари, кромѣ развѣ коровъ и овецъ, опасное для себя существо. Такъ какъ чибисъ находится въ почти непрерывномъ движеніи и предпочитаетъ летать, а не бѣгать, и такъ какъ онъ для выраженія своихъ любовныхъ чувствъ или своего гнѣва, а также для разныхъ игръ, значеніе которыхъ не вполнѣ понятно, употребляетъ свои крылья, то замѣтить его не трудно. Всего оживленнѣе бываетъ чибисъ въ то время, когда его яйца лежатъ въ гнѣздѣ и пока его малютки еще неспособны взлетѣть на воздухъ при приближеніи опасности. Въ эту пору каждый человѣкъ, подошедшій къ мѣсту высиживанія, со всѣхъ сторонъ слышитъ громкій крикъ „кивит“, причемъ птицы носятся вокругъ него съ по истинѣ изумительной смѣлостью; чибисъ, который безпокоится за свое потомство, иногда пролетаетъ надъ самой головой человѣка, что̀ явственно чувствуется по движенію струи воздуха. Полетъ чибиса превосходный и, вслѣдствіе множества поворотовъ, совершаемыхъ птицей на лету, чрезвычайно извилистый. Только пролетая надъ водой, чибисъ летитъ своей дорогой, медленно махая крыльями; очутившись въ болѣе высокихъ слояхъ воздуха, онъ начинаетъ выдѣлывать разныя штуки, словно желая каждое свое чувство выразить особымъ движеніемъ. Когда ему или дѣтямъ его грозитъ несомнѣнная опасность, то онъ выдѣлываетъ самыя смѣлыя сальтомортале, бросается внизъ почти до самой земли, потомъ опять круто поднимается вверхъ, кидается то въ ту, то въ другую сторону, буквально кувыркается, спускается на землю, немного ковыляетъ по ея поверхности, затѣмъ опять подымается и снова начинаетъ прежнюю игру. Ни одна среднеевропейская птица не летаетъ такъ, какъ чибисъ, ни одна не умѣетъ производить крыльями такого множества самыхъ разнообразныхъ движеній. Странное жужжаніе и шуршаніе, происходящее при быстрыхъ взмахахъ крыльями, такъ своеобразно, что отличить летящихъ чибисовъ отъ всякихъ другихъ птицъ можно даже въ темную ночь. Походка у нихъ изящная и ловкая; бѣгать они могутъ очень скоро. Какъ на лету, такъ и при ходьбѣ это странное созданіе все время играетъ своимъ хохолкомъ, то складывая его горизонтально, то высоко поднимая его. Кричитъ чибисъ очень часто, и хотя голосъ его нельзя назвать разнообразнымъ, однако онъ умѣетъ на разные лады сочетать и видоизмѣнять нѣсколько звуковъ. Призывнымъ звукомъ служитъ упомянутое уже „кивит“, которое издается то болѣе, то менѣе протяжно, вообще съ различнымъ удареніемъ и тогда выражаетъ разныя чувства; крикъ страха звучитъ вродѣ „хрэит“; въ пору спариванья издается крикъ, состоящій изъ ряда быстро другъ за другомъ слѣдующихъ звуковъ, которые приблизительно можно передать слогами „хэ кверкхойт кивиткивиткивит кіуит“.

Чѣмъ больше наблюдаешь чибиса, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что это очень умная птица. Бдительность его дѣлаетъ ему очень много чести, хотя и сердитъ охотника. Того, чему научилъ его печальный опытъ, чибисъ никогда не забываетъ, и то мѣсто, гдѣ злая судьба постигла одного изъ нихъ, надолго остается въ памяти у другихъ птицъ. Ко всѣмъ хищнымъ животнымъ онъ относится съ глубокою ненавистью, но въ то же время обнаруживаетъ большое мужество, даже безумную храбрость при встрѣчѣ съ ними. Съ яростью бросается онъ на разнюхивающую окрестныя мѣста собаку и пролетаетъ часто надъ самой ея головой, такъ что выведенное изъ себя четвероногое старается схватить его. На Лису Патрикѣевну чибисъ накидывается съ такимъ же остервенѣніемъ, но не всегда ему удается побѣдить и прогнать ее: лисица сама нерѣдко схватываетъ самого смѣлаго задиру и убиваетъ его на глазахъ товарищей, которые въ ужасѣ разлетаются во всѣ четыре стороны и вдали отъ мѣста казни оплакиваютъ несчастнаго. Смѣло нападаетъ чибисъ на хищныхъ птицъ, чаекъ, цапель и аистовъ, относительно которыхъ онъ знаетъ, что на лету они не могутъ за нимъ угнаться; но онъ осторожно избѣгаетъ тѣхъ пернатыхъ разбойниковъ, которые летаютъ лучше его самого. Птицы, живущія на берегу водъ, слѣдятъ за образомъ дѣйствій чибиса и, благодаря его осторожности, избѣгаютъ многихъ опасностей. Поэтому греки называютъ эту птицу „доброй матерью“.

Главную пищу чибиса составляютъ, кажется, дождевые черви; кромѣ того, онъ ѣстъ личинокъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, водныхъ слизняковъ, улитокъ и т. д. Пьетъ онъ нѣсколько разъ въ день; купанье составляетъ одну изъ его потребностей.

Гнѣздо чибиса всего чаще можно найти на большихъ луговинахъ, на сырыхъ поляхъ, рѣдко около самой воды и никогда въ настоящемъ болотѣ. Гнѣздо представляетъ собою небольшое углубленіе, которое иногда тщательно выстилается нѣсколькими тонкими стебельками и нѣжными корешками. Время кладки въ благопріятные годы — послѣднія числа марта, обыкновенно же — первыя числа апрѣля. Четыре сравнительно крупныхъ яйца имѣютъ грушевидную форму и отличаются мелко-зернистымъ строеніемъ и гладкой скорлупой; по тусклому оливково-зеленоватому или буроватому фону они покрыты болѣе темными, часто черными точками, кляксами и черточками, причемъ рисунокъ бываетъ весьма разнообразный; яйца располагаются въ гнѣздѣ такъ, что острые концы яицъ соприкасаются въ центрѣ, и самка всегда размѣщаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ. Самка высиживаетъ яйца одна и сидитъ на нихъ въ теченіе 16-ти дней; молодыхъ птицъ она ведетъ въ такія мѣста, гдѣ онѣ могутъ хорошо спрятаться. Когда молодая птица присядетъ при видѣ опасности, то она совершенно походитъ на маленькое возвышеніе на землѣ.

Въ Германіи чибисовъ не особенно усердно преслѣдуютъ, такъ какъ вполнѣ справедливо считаютъ мясо ихъ невкуснымъ; южные же европейцы этого взгляда не раздѣляютъ и преслѣдуютъ зимнихъ гостей такъ же ревностно, какъ бекасовъ. Яйца чибисовъ и въ Германіи очень цѣнятся.

Плѣнные чибисы весьма занимательны и особенно тѣ, которые были пойманы еще молодыми, очень скоро свыкаются съ новыми обстоятельствами и становятся ручными и довѣрчивыми: они берутъ у хозяина кормъ изъ рукъ, слѣдуютъ за нимъ, дружатся даже съ собаками и кошками и командуютъ всѣми другими береговыми птицами. Если чибисамъ давать на первыхъ порахъ кусочки дождевыхъ червей, то они скоро привыкаютъ къ пищѣ, замѣняющей имъ естественную, а именно къ булкѣ на молокѣ, и при такомъ кормѣ выживаютъ цѣлые годы, если только при наступленіи холодной погоды ихъ переводить въ закрытое помѣщеніе.

Въ Египтѣ обыкновеннаго чибиса замѣняетъ шпорцевый чибисъ (Vanellus spinosus). Чибисъ этотъ характеризуется клювомъ настоящаго чибиса, стройными ногами, острымъ шпорцемъ, торчащимъ на сгибѣ крыла, сравнительно острыми крыльями и, наконецъ, тупымъ хохолкомъ на задней части головы.

Изъ всѣхъ египетскихъ поисковыхъ птицъ шпорцевый чибисъ самая обыкновенная. Его можно видѣть вездѣ, гдѣ есть прѣсная вода и гдѣ, слѣдовательно, присутствіе его возможно; ибо отъ воды онъ рѣдко далеко уходитъ или даже никогда не удаляется. Но онъ довольствуется малымъ и считаетъ для себя вполнѣ подходящимъ мѣстопребываніемъ даже поле, изрѣдка заливаемое водою. Морского берега онъ, повидимому, избѣгаетъ; но его можно встрѣтить около внутреннихъ озеръ, содержащихъ соленую или солоноватую воду.

Нравы шпорцеваго чибиса имѣютъ много общаго съ нравами обыкновеннаго чибиса, но шпорцевый чибисъ, кажется, менѣе общителенъ и больше держится парочками. Но одна парочка селится непосредственно возлѣ другой и охотно на короткое время соединяется съ себѣ подобными. Относительно птицъ шпорцевый чибисъ пользуется своимъ оружіемъ, внезапно бросаясь на своего противника и стараясь ранить его ударомъ крыла. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ можетъ наносить своими шпорцами весьма чувствительные удары, ибо по образу дѣйствій раненыхъ птицъ можно видѣть, какъ это имъ непріятно.

Питается шпорцевый чибисъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ и обыкновенный.

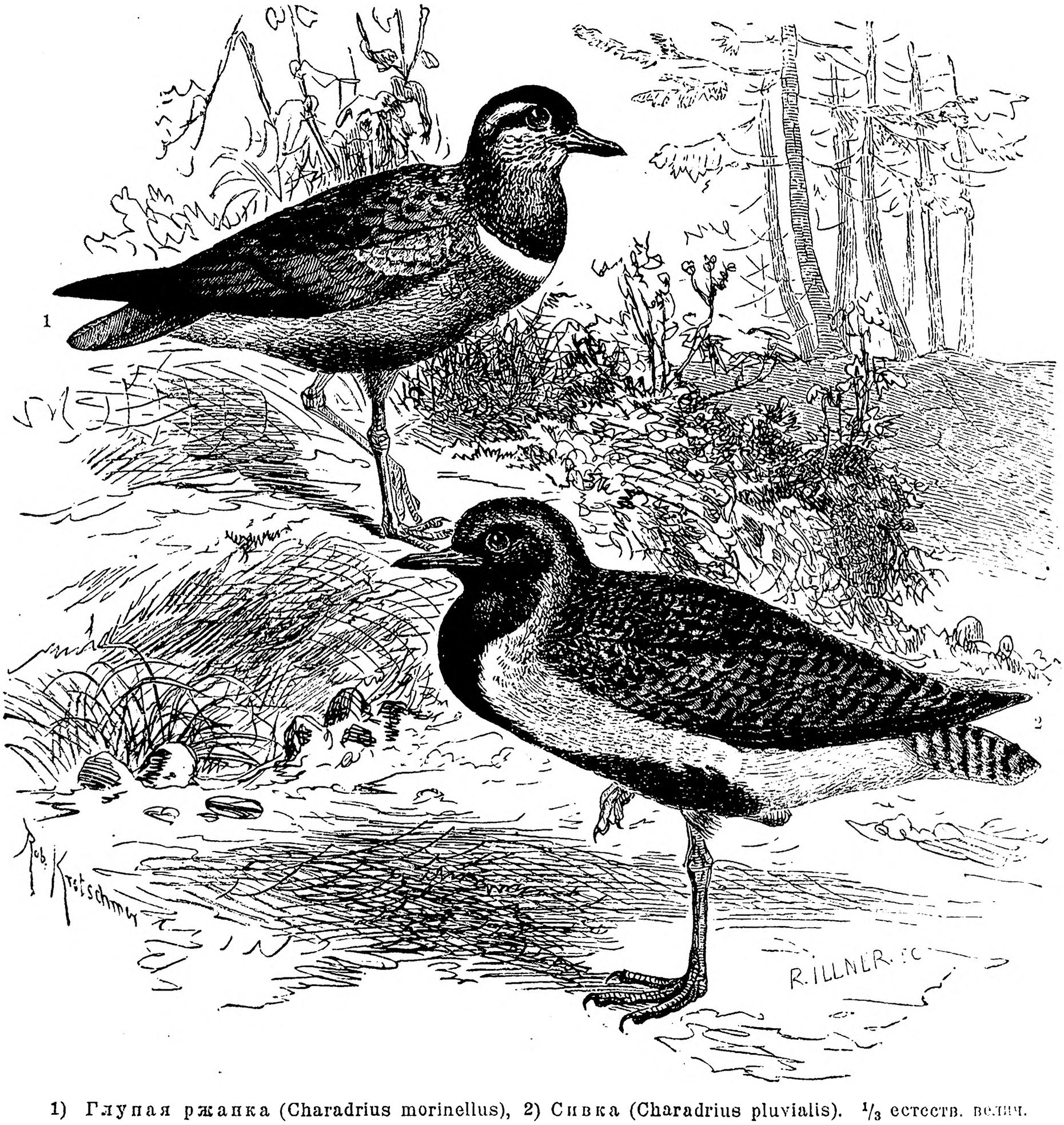
Въ сѣверномъ Египтѣ размноженіе шпорцеваго чибиса начинается въ началѣ марта, но большинство гнѣздъ можно найти въ серединѣ апрѣля, многія еще въ маѣ.

*

Ржанки (Charadrius) отличаются клювомъ умѣренной длины, различной толщины, мягкимъ при основаніи, утолщеннымъ на концѣ, довольно высокими, обыкновенно трехпалыми, почти вплоть до пятокъ оперенными ногами, острыми

крыльями, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ всего длиннѣе первое, умѣренной длины закругленнымъ хвостомъ и пестрымъ опереніемъ, мѣняющимся большею частью по временамъ года.

У сивки (Charadrius pluvialis), темя, затылокъ, задняя часть головы, верхній покровъ и спина черные, всѣ перья съ золотисто-зелеными каемками и пятнами на концахъ; лобъ, бровныя полоски, бока шеи, бока груди и брюшка образуютъ одну непрерывную бѣлую полосу, задъ и нижнія кроющія перья хвоста

1) Глупая ржанка (Charadrius morinellus), 2) Сивка (Charadrius pluvialis). 1/3 естеств. велич.

тоже бѣлаго цвѣта, маховыя перья темно-бурыя; большія маховыя перья по черному фону покрыты золотисто-зелеными поперечными полосами, нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя, а по направленію къ сгибу становятся буроватыми, плечевыя перья бѣлыя, хвостовыя перья на буровато-черномъ фонѣ покрыты 7—9 болѣе свѣтлыми полосками. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги черновато-сѣрыя. Длина 26 см.

Сивка — характерный житель тундры и составляетъ ея неотъемлемую принадлежность, какъ песчаный бѣгунокъ и рябки составляютъ принадлежность пустыни. Пробираясь по тундрамъ, занимающимъ весь сѣверъ земного шара, со всѣхъ сторонъ слышишь печальный, почти жалобный крикъ сивокъ, видишь одну парочку этихъ птицъ за другою, встрѣчаешь ихъ маленькими обществами, семьями

и многочисленными стаями, смотря по тому, въ какую пору лѣта видишь ихъ, и наталкиваешься на нихъ всюду, куда ни повернешься; такъ какъ одна парочка живетъ непосредственно возлѣ другой, то охотникъ, можетъ охотиться на нихъ непрерывно съ ранняго утра до поздняго вечера. Начиная, приблизительно, съ 57-го градуса сѣверной широты, сивки встрѣчаются рѣже, и уже въ Германіи онѣ выводятъ потомство лишь въ единичныхъ случаяхъ. Но Германію эти птицы ежегодно посѣщаютъ дважды во время своего путешествія на югъ, которое начинается въ концѣ сентября и кончается въ мартѣ. Если зима теплая, то сивка и въ мѣсяцы, находящіеся между сентябремъ и мартомъ, посѣщаетъ въ качествѣ гостя среднюю Германію; но главная толпа направляется далѣе къ югу, изъ Лапландіи и Финляндіи улетаетъ въ страны у Средиземнаго моря и въ сѣверо-западную Африку, изъ сѣверной Азіи въ Индію и Китай, а съ далекаго сѣвера Америки на югъ Соединенныхъ Штатовъ, даже въ Бразилію. Перелетъ совершается обыкновенно обществами и преимущественно по ночамъ. При этомъ ржанки летятъ очень высоко, иногда безпорядочно, но большею частью въ видѣ клина, на подобіе сѣрыхъ журавлей.

По характеру сивка мало отличается отъ другихъ птицъ своего рода и семейства. Это рѣзвая, подвижная птица, прекрасно бѣгающая, т. е. или граціозно шагающая, или чрезвычайно быстро мчащаяся и останавливающаяся ненадолго только послѣ продолжительнаго бѣга, быстро и ловко летающая; она можетъ пролетать большія разстоянія, по полету похожа на голубя и вблизи гнѣзда выдѣлываетъ разныя повороты и штуки; благозвучный, звонкій свистъ сивки, отчасти напоминающій слоги „тлюи“, звучитъ пріятно, несмотря на печальный оттѣнокъ, а въ пору любви обращается въ пѣсенку, состоящую изъ трелей и звучащую вродѣ „талюдль-талюдль-талюдль-талюдль“. Органы внѣшнихъ чувствъ и духовныя способности сивки развиты хорошо; кромѣ того, она отличается еще общительностью, миролюбіемъ, супружескою любовью, привязанностью къ потомству и еще иными хорошими качествами. Главная пища ея — черви и личинки насѣкомыхъ; лѣтомъ она почти исключительно питается комарами во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, а во время перелета — жуками, улитками, дождевиками и т. п., глотаетъ также маленькія крупинки кварца для облегченія пищеваренія. Вода ей необходима какъ для питья, такъ и для купанья.

Глупая ржанка (Charadrius morinellus) облечена въ одежду, вполнѣ соотвѣтствующую окраскѣ горнаго склона. Опереніе верхней стороны черноватое съ болѣе свѣтлымъ рисункомъ, образуемымъ ржаво-красными краями перьевъ; сѣрая голова отдѣлена отъ груди тонкимъ чернымъ и бѣлымъ пояскомъ; грудь ржаво-красная, нижняя часть груди по серединѣ черная, брюшко бѣлое; надъ глазомъ проходитъ широкая свѣтлая полоса, на затылкѣ сводящаяся на нѣтъ. Длина 23 см.

На сѣверѣ глупую ржанку можно встрѣтить въ качествѣ осѣдлой птицы вездѣ, но только въ сходныхъ другъ съ другомъ мѣстностяхъ; по направленію къ Нордкапу она попадается на низкихъ горныхъ кряжахъ, но всегда обитаетъ въ горныхъ странахъ или въ возвышенныхъ тундрахъ. Въ Германіи глупая ржанка живетъ, вѣроятно, только на кряжѣ Исполинскихъ горъ, въ Великобританіи — на шотландскомъ плоскогоріи, въ южной Сибири — на плоскогоріяхъ, достигающихъ высоты 2000—3000 метровъ. Во время своихъ зимнихъ путешествій эта птица правильно посѣщаетъ Германію, Францію, Венгрію и сѣверную Италію, но рѣдко залетаетъ дальше странъ, расположенныхъ вокругъ Средиземнаго моря.

Глупая ржанка — одна изъ самыхъ привлекательныхъ птицъ своего семейства. Держится она удивительно граціозно, походка у нея миловидная и ловкая, притомъ легкая и быстрая, полетъ чрезвычайно искусный и, если нужно, быстрый, какъ стрѣла; на лету птица выдѣлываетъ изумительныя штуки. Голосъ ея нѣжный, похожій на звукъ флейты и въ высшей степени пріятный, который можно приблизительно выразить слогами „дюрр“ или „дюрю“; характеръ этой птицы привѣтливый, миролюбивый и общительный.

Во время перелета глупой ржанкѣ грозятъ тѣ же опасности, что́ и сивкѣ; вслѣдствіе ея довѣрчивости ее еще чаще убиваютъ, чѣмъ сивку. Мясо глупой ржанки представляетъ собою самую нѣжную и вкусную дичь; оно даже вкуснѣе мяса наиболѣе высоко цѣнимыхъ бекасовъ.

На плоскихъ песчаныхъ или состоящихъ изъ гравія берегахъ рѣкъ, а также на морскомъ берегу, но всегда близъ открытыхъ водъ, а не въ болотахъ, живетъ рѣчная ржанка (Charadrius curonicus). Эта птица величиной почти что не превосходитъ жаворонка, такъ какъ въ длину достигаетъ только 17-ти см. Щеки, темя и верхняя часть тѣла у нея землисто-сѣраго цвѣта, нижняя сторона бѣлая, кромѣ рисунка на шеѣ; на лбу находится узенькая черная полоска, къ которой примыкаетъ широкая бѣлая полоса, а эта послѣдняя сзади ограничивается еще черной полоской; уздечки черноватыя, зобъ и полоса, отходящая отъ него назадъ, совсѣмъ черные. Глаза темно-каріе, довольно широкое кольцо вокругъ нихъ ярко-желтое, клювъ черный, ноги красновато-сѣрыя.

Рѣчную ржанку встрѣчали по всей Европѣ, почти во всей Африкѣ и Азіи. На сѣверѣ она почти исключительно пребываетъ на берегу внутреннихъ водъ, вдали отъ моря; зимою она отдаетъ предпочтеніе подобнымъ же мѣстамъ, но иногда встрѣчается и на берегу моря. Путешествуетъ она большими стаями и на чужбинѣ всегда держится довольно большими обществами.

*

Слѣдующій родъ обнимаетъ бѣгунковъ (Cursorius), которыхъ нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ къ семейству тиркушъ. Немногіе изъ извѣстныхъ видовъ этого рода — птицы стройныя, съ слегка загнутымъ клювомъ средней длины, при основаніи мягкимъ, на кончикѣ роговымъ и сильно расщепленнымъ; ноги у нихъ съ высокою плюсною, но съ короткими пальцами, вооруженными маленькими, хорошенькими коготками; крылья острыя, хвостъ короткій, оперенье мягкое и гладкое.

Одинъ бѣгунокъ, а именно бѣгунокъ песчаный (Cursorius gallicus) можетъ быть причисленъ къ европейскимъ птицамъ, такъ какъ онъ довольно часто изъ своей родины забирается въ Европу и иногда даже въ Германію. Длина его 23 см.

Отечество песчанаго бѣгунка — сѣверная Африка отъ Краснаго моря до Канарскихъ острововъ, а также западная Азія отъ Палестины до сѣверо-западной Индіи; пребываетъ онъ въ пустыняхъ, расположенныхъ внутри этихъ предѣловъ. Другія животныя, обитающія въ пустынѣ, выбираютъ себѣ такія части пустынныхъ областей, гдѣ скудость природы по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько смягчена; пустынный же бѣгунокъ предпочитаетъ такія пространства, безжизненность и чахлость которыхъ внушаетъ намъ даже непріятное чувство. Съ безпримѣрною быстротою, парочка какъ бы толчками мчится по землѣ, одинъ изъ супруговъ на разстояніи около 15-ти шаговъ отъ другого, рѣдко ближе или дальше другъ отъ друга. Пока птица бѣжитъ, видно только тѣло ея, ногъ же не видать, такъ какъ, благодаря быстротѣ движенія, онѣ совершенно исчезаютъ изъ глазъ; кажется, будто какая-то непонятная сила гонитъ безногую птицу надъ землею. Внезапно движеніе мѣняется; бѣгущая птица останавливается, оглядывается, схватываетъ иногда насѣкомое и затѣмъ снова мчится дальше. Тамъ, гдѣ песчаный бѣгунокъ еще не подвергался преслѣдованіямъ, онъ подпускаетъ къ себѣ наблюдателя довольно близко; но всегда онъ держится на извѣстномъ разстояніи, обыкновенно на разстояніи больше выстрѣла, а потому за нимъ долго можно слѣдовать, прежде чѣмъ онъ рѣшится взлетѣть на воздухъ. Благодаря этой невинной хитрости, его называютъ на Канарскихъ островахъ „обманщикомъ дѣтей", ибо неопытные мальчики могутъ подумать, что его можно схватить рукою, такъ какъ онъ, повидимому, и не думаетъ пускать въ ходъ своихъ крыльевъ, но жестоко обманываются, потому что сравнительно коротенькія ножки бѣгунка несутъ его такъ

же быстро, какъ и длинныя ноги мальчика. Песчаный бѣгунокъ полагается отнюдь не только на свои ноги, но также отлично летаетъ.

На Канарскихъ островахъ эту птицу ловятъ весьма простымъ способомъ. „Выставляютъ большое глубокое блюдо или вообще какую нибудь глиняную посудину“, говоритъ Болле, „и подпираютъ ее палочкой подобно тому какъ въ сѣверной Германіи это дѣлаютъ съ рѣшетомъ. Приманкой служитъ видная издалека, желтая шишка кукурузы, на которую еще кромѣ того накалывается червякъ. Песчаные бѣгунки очень рѣдко ѣдятъ зерна маиса, но ищутъ въ кукурузѣ личинокъ. Какъ только они начинаютъ клевать шишку, сосудъ захлопывается — и птица поймана.“

„Когда крокодилъ, разинувъ пасть, лежитъ на землѣ“, повѣтствуетъ Плиній со словъ Геродота, „то прилетаетъ птица трохилъ, влѣзаетъ ему въ ротъ и чиститъ тамъ. Это пріятно крокодилу, и потому онъ щадитъ птицу; онъ даже еще больше раскрываетъ пасть, чтобы птицѣ легко было изъ нея выбраться. Это небольшая птица, не больше дрозда, держится вблизи воды и предостерегаетъ крокодила отъ ихневмона, подлетая къ крокодилу и пробуждая его своимъ голосомъ или тѣмъ, что клюетъ ему морду.“ Эти свѣдѣнія, которыя такъ и хочется отнести къ разряду басенъ, на самомъ дѣлѣ вѣрны, ибо дружественный союзъ между крокодиломъ и его сторожемъ существуетъ еще по сіе время.

Египетскій бѣгунокъ (Cursorius aegyptius, рис. на стр. 622) представляетъ какъ бы переходную ступень отъ песчаныхъ бѣгунковъ къ ржанкамъ, но гораздо ближе къ песчаному бѣгунку. Верхняя часть головы, широкая полоса на уздечкѣ, соединяющаяся на затылкѣ, затылокъ, широкая полоска на груди и удлиненныя узкія перья спины чернаго цвѣта; бровныя полоски, начинающіяся надъ носовыми отверстіями и сливающіяся на задней части головы, горло, глотка и вся остальная нижняя сторона бѣлаго цвѣта, съ боковъ и около груди блѣднаго красновато-бураго цвѣта; кроющія перья верхней части крыла и плечевыя перья свѣтлаго аспидно-синяго или пепельно-сѣраго цвѣта, маховыя перья черныя, но при основаніи и передъ кончиками бѣлыя, такъ что образуются двѣ полосы, очень украшающія раскрытыя перья. Длина 22 см. Самка чуть-чуть меньше самца.

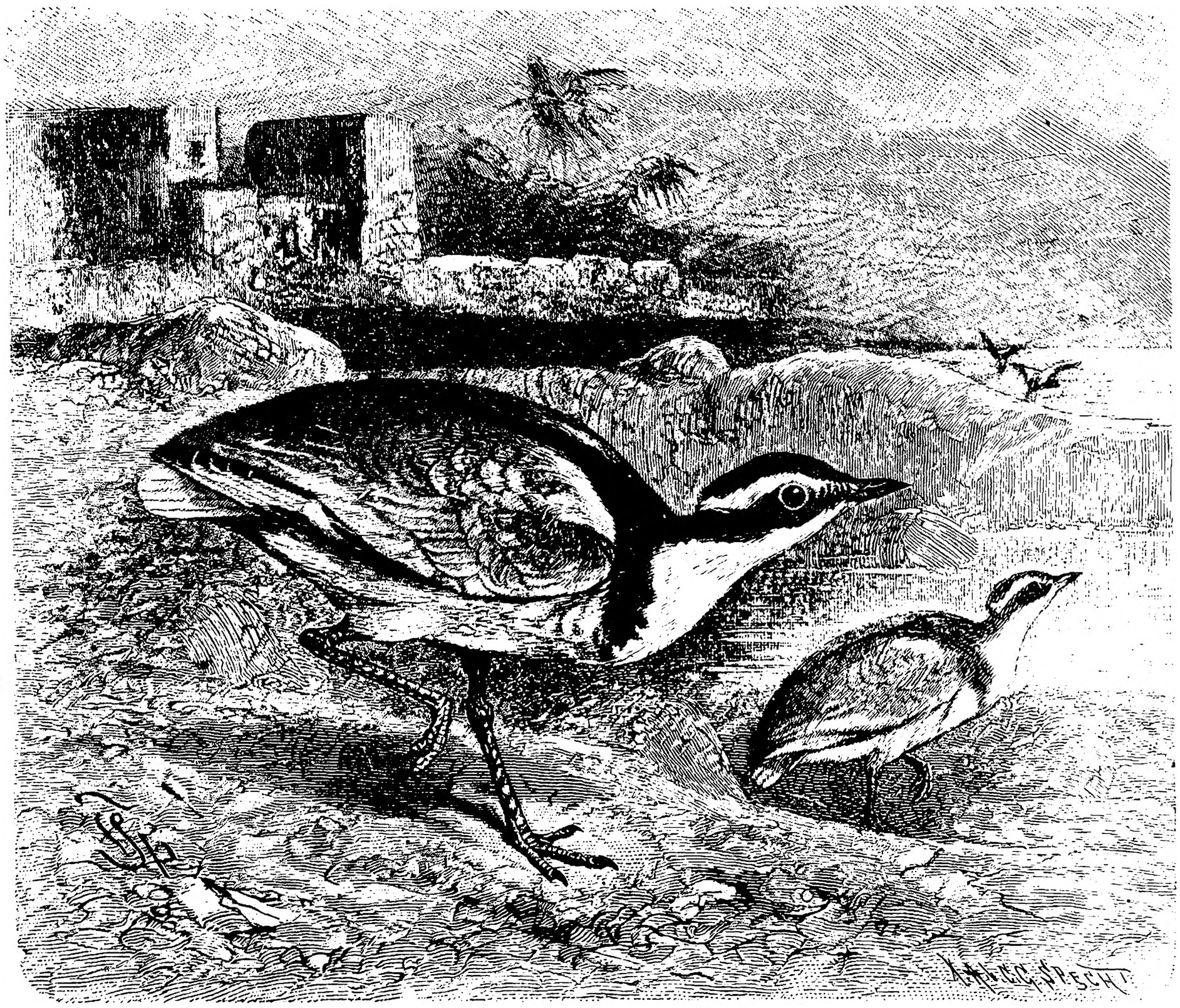
Египетскій бѣгунокъ, изображеніе котораго часто можно видѣть на древнеегипетскихъ памятникахъ, такъ какъ онъ служилъ въ іероглифической азбукѣ обозначеніемъ буквы У, — встрѣчается часто во всей области р. Нила. Отъ г. Каира вверхъ по рѣкѣ онъ встрѣчается на всѣхъ подходящихъ для него мѣстахъ береговъ Нила. Если возможно, онъ выбираетъ себѣ мѣстопребываніемъ мель и на ней остается до тѣхъ поръ, пока поднятіе уровня воды его не перегонитъ на другое мѣсто.

Врядъ-ли найдется путешественникъ, который не обратилъ бы вниманія на эту хорошенькую, живую, ловкую и крикливую птицу. Египетскій бѣгунокъ очень замѣтенъ, когда мчится съ свойственной его семейству быстротою, и еще замѣтнѣе, когда летитъ надъ водою, такъ какъ обнаруживаетъ при этомъ во всей красѣ свои крылья съ черными и бѣлыми полосами. Бѣгаетъ онъ очень ловко, но не толчками; полетъ, благодаря остроконечнымъ крыльямъ, весьма быстрый, повидимому, для птицы не утомительный, но рѣдко она далеко улетаетъ.

Египетскаго бѣгунка совершенно справедливо называютъ „сторожемъ крокодила“, но онъ сторожитъ не одного крокодила, а всѣхъ живыхъ тварей, которыя обращаютъ на него вниманіе. Каждое судно, каждый приближающійся человѣкъ, каждое млекопитающее, каждая крупная птица привлекаетъ къ себѣ вниманіе египетскаго бѣгунка, и онъ спѣшитъ оповѣстить о своихъ наблюденіяхъ громкимъ крикомъ. Онъ несомнѣнно хитеръ, проницателенъ, смышленъ и обладаетъ удивительною памятью; онъ, повидимому, ничего не боится, ибо знаетъ, какія грозятъ ему опасности, и какая цѣна имъ. Съ крокодиломъ онъ дѣйствительно живетъ въ дружбѣ, но не потому, чтобы прожорливое пресмыкающееся питало къ нему доброжелательныя чувства, а потому, что умъ и ловкость египетскаго бѣгунка гарантируютъ ему полную неприкосновенность. Обитатель мелей, гдѣ крокодилъ спитъ и грѣется на солнышкѣ, египетскій бѣгунокъ привыкъ къ этому чудовищу съ самаго ранняго возраста и знаетъ, какъ надо себя держать съ нимъ. Безъ страха бѣгаетъ

онъ взадъ и впередъ по спинѣ этого огромнаго животнаго, словно по лужайкѣ, беззаботно собираетъ тамъ насѣкомыхъ и піявокъ, присосавшихся къ крокодилу, рѣшается даже ковырять въ зубахъ у своего могучаго пріятеля, т. е. буквально вытаскивать куски, застрявшіе у него между зубами, или животныхъ, засѣвшихъ на его деснахъ. Крикъ, издаваемый египетскимъ бѣгункомъ при видѣ незнакомаго или опаснаго существа, будитъ спящаго крокодила, который считаетъ благоразумнымъ при этомъ звукѣ удалиться въ болѣе безопасныя глубины.

Возможно, что египетскій бѣгунокъ отъ поры до времени проглатываетъ зернышко; но обыкновенную свою пищу онъ добываетъ изъ животнаго царства. Онъ

Египетскій бѣгунокъ (Cursorius aegyptius). $^1/_2$ естеств. велич.

ѣстъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, а именно песчаныхъ жуковъ, мухъ, водныхъ паруковъ, червей, мелкія раковины, рыбъ и, какъ показываетъ вышеприведенное наблюденіе, кусочки мяса болѣе крупныхъ позвоночныхъ животныхъ.

Яйца кладутся въ ямку, вырытую въ пескѣ, и самка покрываетъ ихъ пескомъ, если что-нибудь потревожитъ ее при высиживаніи. Поэтому найти ямку съ яйцами можно развѣ только случайно.

*

Среди мелкихъ пташекъ, оживляющихъ морской берегъ, тамъ и сямъ встрѣчается красивая, чрезвычайно живая птичка, отличающаяся отъ прочихъ не только по формѣ, но и во многихъ отношеніяхъ по своему образу дѣйствій. Эту птицу, камнешарку, наблюдали почти что по всей землѣ, какъ на берегахъ Исландіи и Скандинавіи, такъ и на берегахъ Греціи, южной Италіи и Испаніи, въ Австраліи, въ средней Америкѣ и въ Бразиліи, въ Египтѣ и въ Капской Землѣ, въ Китаѣ и въ Индіи, вездѣ преимущественно на морскомъ берегу, и только въ пору перелетовъ

но въ очень незначительномъ количествѣ,—на берегахъ внутреннихъ водъ. Слѣдовательно, это гражданинъ всего міра въ настоящемъ смыслѣ слова.

Камнешарка (Arenaria interpres) принадлежитъ къ особому роду. У старой птицы въ лѣтней одеждѣ лобъ, щеки, широкая полоса на затылкѣ, нижняя часть спины, горло, нижнія кроющія перья крыльевъ и полоса на крылѣ чисто бѣлаго цвѣта, а полоса, начинающаяся на лбу, проходящая мимо глаза и спускающаяся вдоль шеи, передняя часть шеи, бока шеи и грудь чернаго цвѣта; перья верхняго покрова съ черными и красными пятнами, темя съ бѣлыми и черными продольными полосками, кроющія перья крыла каштаново-красныя съ черными пятнами; на надхвостьѣ замѣчается широкая бурая полоса; маховыя

Камнешарка (Arenaria interpres). ½ естеств. велич.

перья черноватыя, рулевыя — съ бѣлыми основаніями и бѣлыми кончиками и съ широкой черной полосой близъ кончиковъ. Глаза каріе, клювъ черный, ноги оранжево-желтыя. Длина 24 см.

Можно допустить, что во время перелета камнешарка летитъ вдоль морскихъ береговъ и потому такъ рѣдко посѣщаетъ внутреннія области материка.

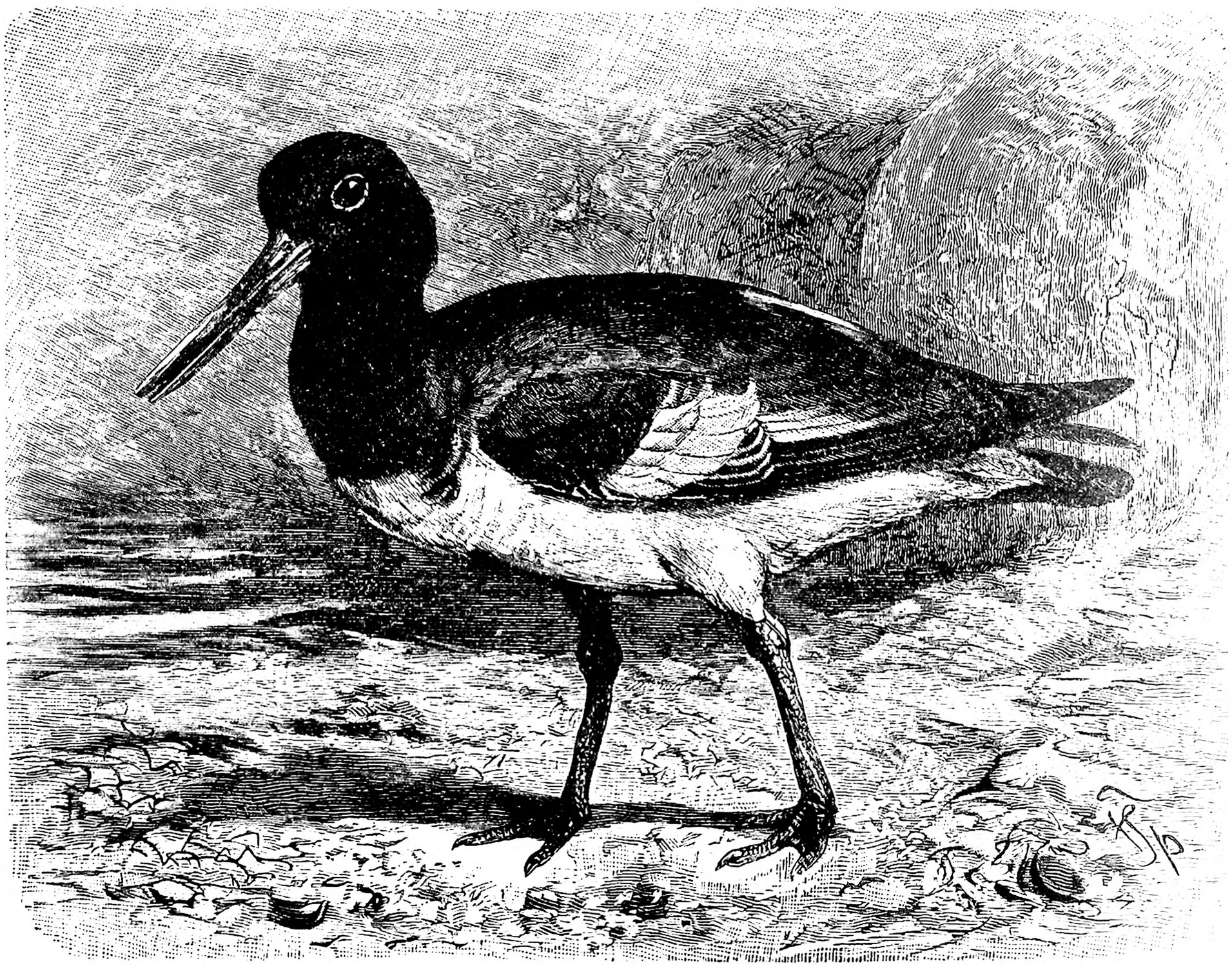
Она отличается красотою оперенія, живостью, рѣзвостью и легкостью движеній. Рѣдко можно увидѣть ее спокойной; самое большее, она дремлетъ нѣсколько минутъ въ полуденные часы, неподвижно сидя на одномъ мѣстѣ. Въ остальное время дня она находится постоянно въ движеніи, съ утра до заката солнца, часто даже ночью. Ходитъ она ковыляя, когда ищетъ пищи, и довольно медленно, но можетъ чрезвычайно быстро пробѣгать большія разстоянія, хотя имѣетъ привычку, пробѣжавъ стрѣлою нѣкоторое разстояніе, на какомъ-нибудь возвышеніи останавливаться и затѣмъ снова бѣжать. Летаетъ она такъ же мастерски, какъ и ея родственники.

Все время она дѣятельно ищетъ себѣ пищи. Пища эта состоитъ изъ

разныхъ мелкихъ морскихъ животныхъ, большею частью изъ червей и нѣжныхъ слизняковъ, которыхъ птица вырываетъ изъ песку или добываетъ переворачивая камни; отсюда и ея названіе. Насѣкомыхъ, которыя пребываютъ на берегу, камнешарка разумѣется также подбираетъ; но главнымъ источникомъ ея пропитанія является та береговая полоса, которая обнажается во время отлива и, слѣдовательно, лишь въ видѣ исключенія содержитъ въ себѣ насѣкомыхъ.

*

Кто побываетъ на берегу Нѣмецкаго моря, тотъ навѣрное познакомится съ одной береговой птицей, которая здѣсь почти вездѣ встрѣчается часто и такъ

Куликъ-сорока (Haematopus ostrilegus). 1/3 естеств. велич.

бросается въ глаза своимъ образомъ дѣйствій, что нельзя ея не замѣтить. Жители береговъ такъ же привыкли къ этой птицѣ, какъ мы привыкли къ воронѣ или къ воробью, и даютъ ей множество прозвищъ; у насъ она извѣстна подъ именемъ кулика-сороки (Haematopus ostrilegus), обращаетъ на себя вниманіе своимъ строеніемъ и, кромѣ своихъ родственниковъ по роду, никакихъ другихъ близкихъ родственниковъ не имѣетъ. У кулика-сороки тѣло плотно сложенное, голова большая съ длиннымъ, прямымъ, сильно сплюснутымъ, спереди клинообразнымъ, твердымъ клювомъ; ноги средней вышины и крѣпкія, три пальца на ногахъ короткіе, широкіе и съ большой перепонкой между наружнымъ и среднимъ пальцами, крылья средней длины, но острыя; хвостъ, состоящій изъ 12-ти перьевъ, довольно короткій и прямо обрѣзанный. Опереніе верхней стороны тѣла, передней части шеи и зоба черное, слегка блестящее, на нижней части спины и на надхвостьѣ, подъ глазомъ, на груди и на брюшкѣ — бѣлое; большія маховыя и рулевыя перья при основаніи бѣлыя, затѣмъ черныя. Глаза яркаго кроваво-краснаго цвѣта, съ оранжевымъ краемъ, голое кольцо вокругъ глаза краснаго цвѣта сурика; клювъ

такого же цвѣта, но съ болѣе свѣтлымъ кончикомъ; ноги темно-красныя. Длина птицы 42 см.

Отъ Нордкапа или отъ Финскаго залива до мыса Тарифа куликъ-сорока наблюдался на всѣхъ морскихъ побережьяхъ Европы, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ скалистый.

Хотя птица кажется неуклюжей и тяжеловѣсной, но отличается большою подвижностью. Бѣгаетъ она вродѣ камнешарки, толчками, и обыкновенно медленно шагаетъ и ковыляетъ, но въ случаѣ нужды мчится чрезвычайно быстро и можетъ удерживаться на самой зыбкой почвѣ, благодаря своимъ широкимъ подошвамъ; плаваетъ она великолѣпно, и даже иногда безъ особой нужды, и летаетъ съ большой силой, быстро; летитъ она бо́льшею частью прямо, но часто также описываетъ смѣлыя дуги и продѣлываетъ на воздухѣ разныя штуки, причемъ паритъ чаще большинства другихъ береговыхъ птицъ. Крикъ свой — свистящій звукъ „гіип“ — куликъ-сорока издаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, иногда начиная его съ протяжнаго звука „квіирррр“; иногда она издаетъ свой обычный крикъ весьма отрывисто, такъ что онъ звучитъ какъ „квик квик кевик кевик“. Во время спариванья птица издаетъ странныя трели, благозвучныя, разнообразныя и продолжительныя.

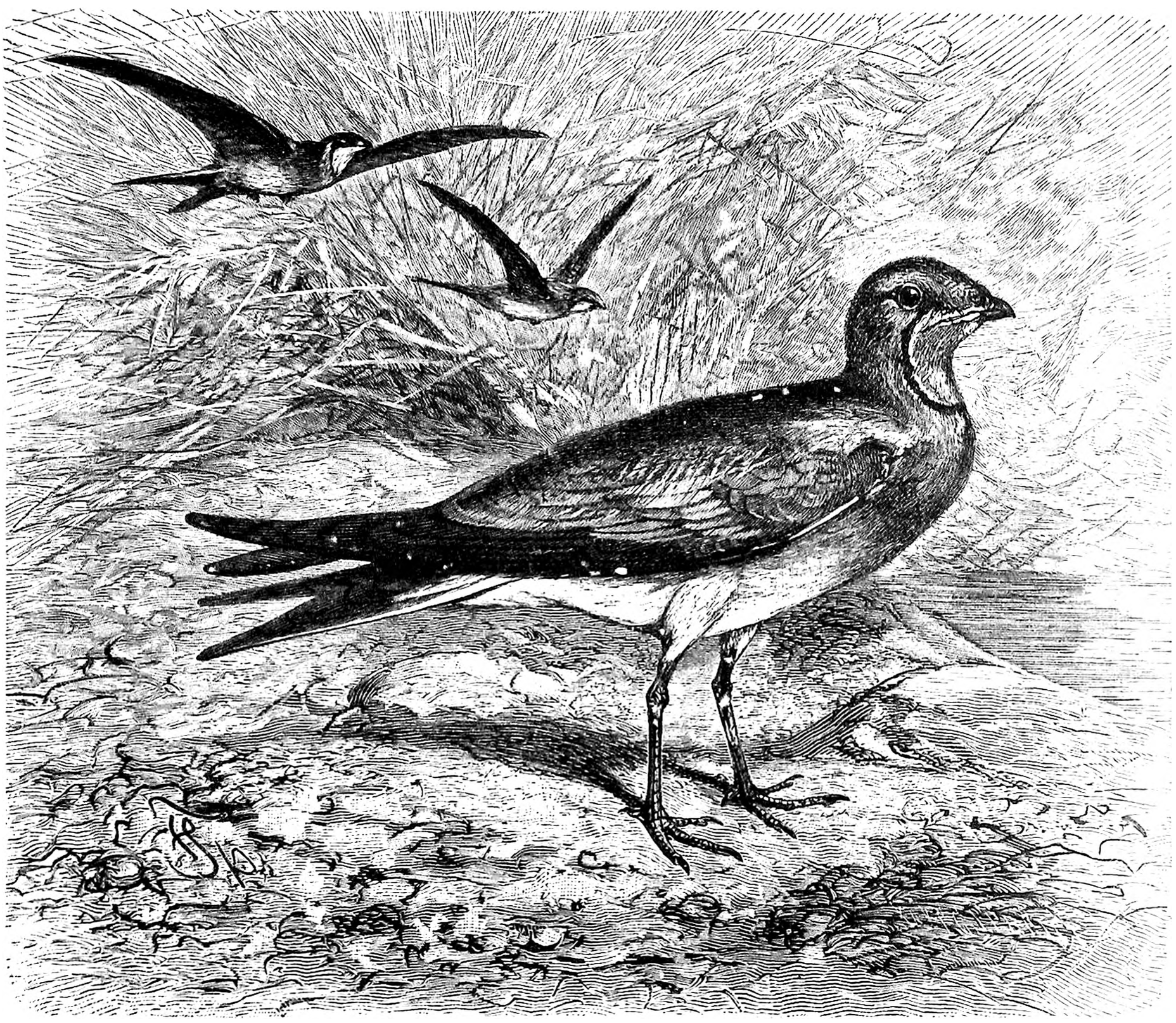
Образомъ дѣйствій этой птицы объясняется то вниманіе, какое ей вездѣ оказывается. На всемъ берегу нѣтъ птицы столь подвижной, безпокойной, храброй, запальчивой и воинственной, которая къ тому же всегда находилась бы въ такомъ хорошемъ настроеніи, какъ куликъ-сорока. Наѣвшись до́-сыта и отдохнувъ немного, онъ начинаетъ дразнить себѣ подобныхъ и гоняться за ними, ибо долго усидѣть на одномъ мѣстѣ не въ силахъ. Такія забавы иногда переходятъ въ болѣе серьезныя ссоры, такъ какъ каждая птица стремится отомстить за причиненныя ей непріятности. Гдѣ водятся кулики-сороки, тамъ онѣ главенствуютъ и распоряжаются до извѣстной степени жизнью всѣхъ прибрежныхъ мелкихъ птичекъ.

Трудно сказать, за что́ нѣмцы прозвали эту птицу „ловцомъ устрицъ“ (Austernfischer) такъ какъ устрицъ она ужъ навѣрное никогда не ловитъ. Правда, куликъ-сорока охотно глотаетъ мелкихъ мягкотѣлыхъ, выѣдаетъ иногда содержимое болѣе крупной раковины, въ мертвомъ видѣ выброшенной прибоемъ, но не можетъ открыть раковины живого молюска. Питается она по преимуществу червями, и, вѣроятно, значительную долю ея корма составляетъ червь нескожилъ. Нечего говорить, что она не брезгаетъ маленькимъ рачкомъ, рыбкой и другими мелкими морскими животными, и если возлѣ берега пасется скотъ, то ловитъ насѣкомыхъ, сопровождающихъ его. Раковины и камешки она переворачиваетъ, можетъ быть, еще чаще, чѣмъ камнешарка.

Осѣдлые кулики-сороки начинаютъ устраивать себѣ гнѣздо около половины апрѣля, перелетные же нѣсколько позднѣе. Гнѣзда свои они располагаютъ всего охотнѣе на плоскихъ мѣстахъ, покрытыхъ короткою травою; гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ они помѣщаютъ гнѣздо между водорослями, выброшенными на берегъ морскими волнами. Гнѣздо представляетъ собою небольшое углубленіе, выцарапанное самими птицами; въ него кладется 3, а часто только 2 очень большихъ остроконечныхъ яйца; послѣднія имѣютъ иногда совершенно правильную яйцевидную форму, снабжены крѣпкой скорлупой, безъ блеска, и покрыты по блѣдному буровато-ржаво-желтому фону свѣтло-фіолетовыми или темными сѣровато-бурыми и сѣровато-черными пятнами, точками, штрихами, черточками; разрисованы яйца впрочемъ весьма разнообразно. Черезъ три недѣли, приблизительно, изъ яицъ вылупляются молодыя птицы, которыхъ старики уводятъ. Оба родителя, пока водятъ маленькихъ, дѣлаются еще осторожнѣе и смѣлѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Подстеречь кулика-сороку можно всего легче, если выйти на нихъ во время ихъ послѣобѣденнаго сна; но внѣшнія чувства этихъ птицъ такъ тонки, что и во время дремоты надо подходить къ нимъ осторожно, такъ какъ онѣ слышатъ или чувствуютъ шаги приближающагося человѣка. Охота на нихъ тѣмъ болѣе трудна, что убить ихъ можно только самой крупной дробью.

Тиркуши (Glareolidae) составляютъ семейство, которое близко примыкаетъ къ предыдущему, и соединяютъ въ себѣ, такъ сказать, признаки многихъ отрядовъ. Клювъ ихъ составляетъ нѣчто среднее между клювомъ курицы и козодоя; стройныя, оголенныя выше пятокъ ноги снабжены четырьмя узкими пальцами средней длины, изъ которыхъ наружный и средній соединены перепонкой и вооружены тонкими, острыми, почти прямыми когтями; длинныя крылья ихъ напоминаютъ крылья ласточекъ, и въ нихъ первое маховое перо длиннѣе всѣхъ остальныхъ; хвостъ довольно длинный, прямо усѣченный или выемчатый и состоитъ изъ 14-ти перьевъ. Опереніе густое и мягкое, у различныхъ половъ и

Луговая тиркуша (Glareola pratincola). 1/2 естеств. велич.

въ разное время года мало измѣняющееся, но различное у птицъ разнаго возраста и очень сходное у всѣхъ видовъ.

Во всѣхъ странахъ, лежащихъ вокругъ Средиземнаго и Чернаго моря, кромѣ того въ Придунайской и Приволжской низменности, а также въ степяхъ европейской Россіи и Сибири водится луговая тиркуша (Glareola pratincola). Длина ея 26 см. Верхняя сторона окрашена въ масляниcто-бурый цвѣтъ, причемъ плечи и покровныя перья отливаютъ металлическимъ блескомъ; надхвостье, нижняя часть груди и брюшко бѣлыя; красновато-желтое горло окаймляется бурымъ кольцомъ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, въ углу кораллово-красный, ноги черновато-бурыя. Самецъ и самка похожи другъ на друга.

Луговая тиркуша превосходно бѣгаетъ, но еще гораздо лучше летаетъ. Бѣжитъ она въ припрыжку, какъ ржанки. Полетъ напоминаетъ полетъ крачекъ и отличается быстротою, красивыми рѣзкими поворотами и большимъ разнообразіемъ движеній.

Въ пору высиживанія этихъ хорошенькихъ и безвредныхъ птичекъ можно видѣть парами, когда онѣ, летая или бѣгая, охотятся на насѣкомыхъ, жуковъ, молей, клещей, стрекозъ и кузнечиковъ. Тиркуша проглатываетъ насѣкомыхъ цѣликомъ такъ же, какъ и козодой. На козодоевъ тиркуши похожи еще въ томъ отношеніи, что иногда гоняются за добычей еще поздно вечеромъ, такъ что ихъ скорѣе можно назвать сумеречными, нежели дневными птицами.

Въ Венгріи и въ Россіи безъ всякаго сожалѣнія уносятъ изъ гнѣздъ яйца тиркушъ; въ Греціи и старыхъ птицъ преслѣдуютъ ради лакомаго мяса, которое особенно осенью бываетъ очень жирно и весьма вкусно. Въ клѣткѣ этихъ красивыхъ птицъ, къ сожалѣнію, держатъ рѣдко.

Всѣ моря и бо́льшая часть прѣсныхъ водъ земного шара даютъ пріютъ птицамъ, принадлежащимъ къ семейству чайковыхъ (Laridae), изъ которыхъ описано около 150 видовъ. Общіе признаки ихъ составляютъ скорѣе плотное, нежели стройное туловище, короткая шея и средней величины голова; средней длины клювъ болѣе или менѣе сжатъ съ боковъ, снабженъ острыми краями и иногда прямымъ кончикомъ; иногда же онъ выгнутъ наверху, а внизу выступаетъ, такъ что образуется уголъ; въ исключительныхъ случаяхъ клювъ бываетъ съ неравными створками; носовыя отверстія — въ видѣ разрѣза, а три переднихъ пальца ногъ соединены плавательными перепонками; крылья длинныя и острыя, хвостъ средней длины, прямо срѣзанный или выемчатый, въ видѣ исключенія — клинообразный; опереніе густое, мягкое, очень однообразно окрашенное.

Изъ всѣхъ птицъ, принадлежащихъ къ этому семейству, лучше всего летаютъ и ныряютъ, кидаясь въ воду сверху, крачки (Sterninae) — птицы средней величины или маленькія, стройныя, съ клювомъ длиною съ голову, жесткимъ, прямымъ или слегка изогнутымъ на гребнѣ и съ густымъ, плотно прилегающимъ, мягкимъ опереніемъ; преобладающими цвѣтами въ немъ являются свѣтлый свинцово-сѣрый, черный и бѣлый, и оно почти совсѣмъ не разнообразится въ зависимости отъ пола, но сильно мѣняется въ зависимости отъ времени года и возраста птицы.

Крачки живутъ во всѣхъ поясахъ земного шара, обитаютъ около моря и близъ прѣсныхъ водъ и бродятъ по берегу морей или вдоль рѣкъ. Иные виды любятъ плоскій, голый морской берегъ, другіе — воды, изобилующія растительностью; нѣкоторые виды селятся преимущественно въ южныхъ лѣсахъ, расположенныхъ по берегу. Всѣ виды — птицы въ высшей степени безпокойныя, подвижныя и всегда занятыя чѣмъ-нибудь отъ восхода до заката солнца. Ночь онѣ проводятъ лежа на берегу, днемъ же почти непрерывно летаютъ.

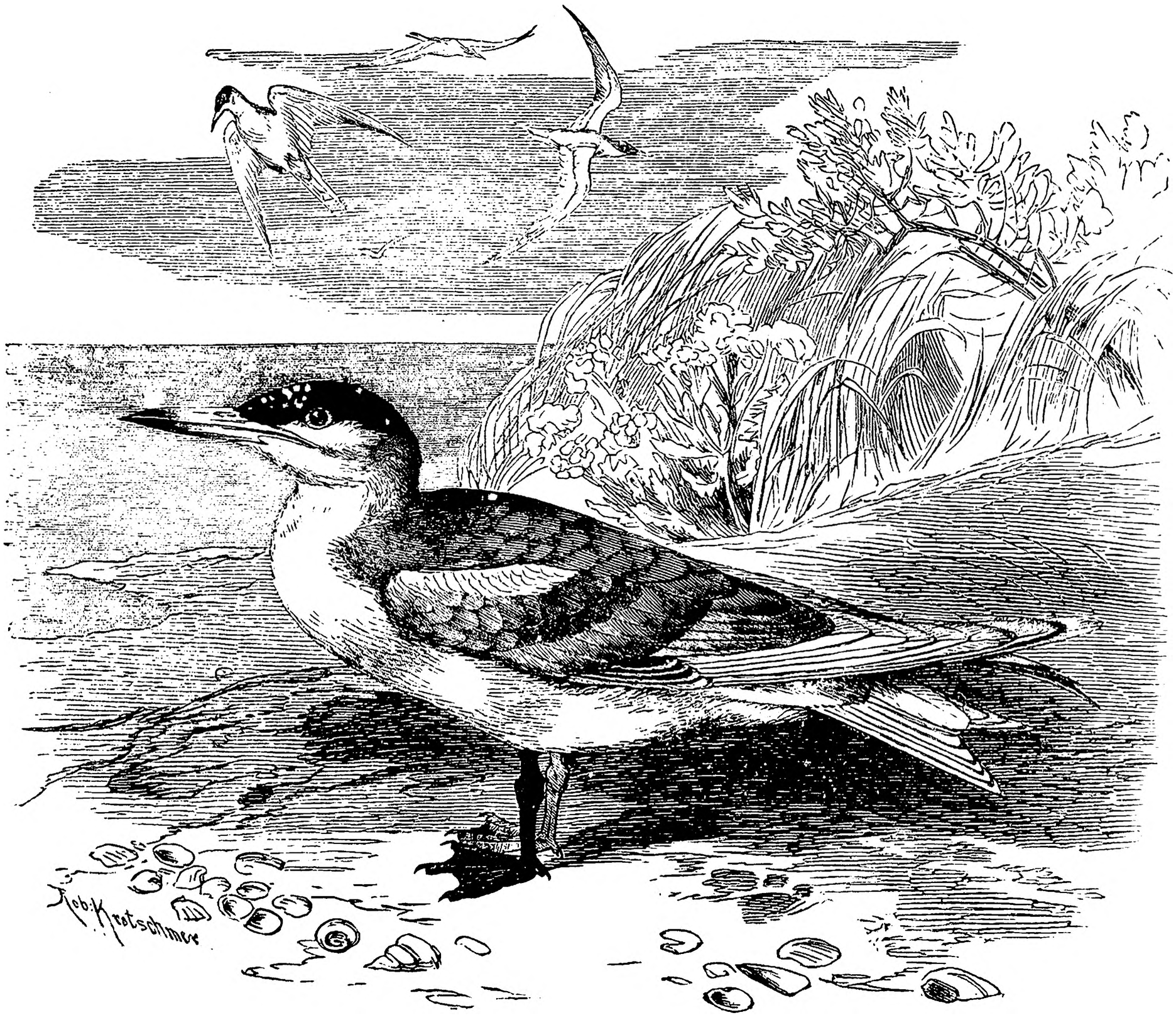
Пищу ихъ составляютъ рыбы и насѣкомыя; болѣе крупные виды пожираютъ впрочемъ и мелкихъ млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся и земноводныхъ, болѣе слабые виды ѣдятъ разныхъ червей и мелкихъ морскихъ животныхъ. При добываніи пищи крачки летаютъ на незначительной высотѣ надъ поверхностью воды и внимательно высматриваютъ добычу; замѣтивъ жертву, онѣ останавливаются, два-три мгновенія порхаютъ надъ нею, какъ бы прицѣливаясь, а затѣмъ быстро кидаются внизъ и стараются схватить ее клювомъ.

Уже за нѣсколько недѣль до кладки яицъ, крачки собираются на мѣстѣ высиживанія, по возможности изъ года въ годъ слетаясь на одно и то же мѣсто. Тѣ изъ нихъ, которыя живутъ на морѣ, выбираютъ для этой цѣли песчаныя косы, голые острова, коралловые рифы или мангровыя и т. п. лѣсныя пространства; крачки, живущія вдали отъ моря — выбираютъ подобныя же мѣста, но менѣе голыя, на берегу озеръ или въ самыхъ озерахъ и болотахъ. Всѣ четвероногіе хищники, которые могутъ пробраться къ мѣстамъ вывода, а также во́роны и болѣе крупныя чайки, посягаютъ на яйца и на потомство крачекъ, быстро же летающія хищныя птицы нападаютъ и на взрослыхъ крачекъ. Человѣкъ также является

врагомъ крачекъ, похищая ихъ вкусныя яйца. Помимо этого, крачекъ не преслѣдуютъ по той причинѣ, что ни мясо, ни перья ихъ ни къ чему не могутъ быть пригодны, а въ неволѣ ихъ держать можно только развѣ очень короткое время.

*

Первое мѣсто между крачками отведемъ крачкѣ-чегравѣ (Sterna caspia). У нея верхняя часть головы черная, бока шеи, нижняя сторона тѣла и верхняя часть спины блестящаго бѣлаго цвѣта, а верхній покровъ сѣровато-синеватый; концы маховыхъ перьевъ темнѣе, хвостовыя перья свѣтлѣе прочаго оперенія

Крачка-чеграва (Sterna caspia). $^1/_4$ естеств. велич.

верхней стороны. Глаза карiе, клювъ кораллово-красный, ноги черныя. Зимою голова окрашена въ бѣлый и черный цвѣтъ; у молодыхъ птицъ спина покрыта буроватыми поперечными пятнами. Длина 52 см.

Крачка-чеграва водится въ средней Азіи и на югѣ Европы, а въ исключительныхъ случаяхъ выводитъ потомство на островѣ Сильтѣ и на нѣкоторыхъ мѣстахъ, лежащихъ на берегу Помераніи, Голландіи и Франціи. Внутри Германіи она встрѣчается рѣдко и только въ качествѣ случайнаго гостя.

Обыкновенно можно видѣть чеграву летающею на высотѣ около 15-ти метровъ надъ поверхностью воды, причемъ голова съ блестящимъ и замѣтнымъ издалека краснымъ клювомъ направлена вертикально внизъ; птица медленно машетъ своими большими крыльями и отъ поры до времени, ныряя, исчезаетъ подъ водою.

Питается чеграва главнымъ образомъ рыбою. Она ловитъ и глотаетъ довольно крупныхъ рыбъ, при случаѣ нападаетъ также на береговыхъ и водныхъ птицъ, особенно въ то время, когда онѣ плаваютъ, и проглатываетъ ихъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ болѣе мелкіе виды ѣдятъ насѣкомыхъ. Шиллингъ

первый заподозрѣлъ чеграву въ томъ, что она подбираетъ яица птицъ, выводящихъ свое потомство на берегу: по его наблюденіямъ, чайки и крачки поднимались съ отчаяннымъ крикомъ, когда приближалась эта разбойница, съ яростью кидались на нее и старались ее отогнать: другіе наблюдатели подтвердили подозрѣніе Шиллинга.

Науманнъ посѣтилъ поселеніе этихъ птицъ на Сильтѣ, находящееся на крайнемъ сѣверѣ острова, но въ настоящее время очень мало населенное. „Яйца чегравы“, говоритъ онъ, „лежатъ на голомъ пескѣ въ неглубокой ямкѣ, вырытой самими птицами, не у самой воды, но все-таки по близости отъ нея. Гдѣ много птицъ высиживаютъ потомство, тамъ гнѣзда ихъ расположены на разстояніи не болѣе 60 см. другъ отъ друга. Въ одно гнѣздо кладется большею частью 2, рѣдко 3 яйца, не больше. По величинѣ и по формѣ они похожи на яйца домашнихъ утокъ. Изъ подъ чегравы берутъ яйца по нѣскольку разъ и даютъ птицамъ высиживать ихъ лишь за 8—14 дней до Иванова дня.“ Для неволи эта крачка не годится, такъ какъ, лишенная возможности пользоваться своими крыльями, она чахнетъ и лишь съ неудовольствіемъ ѣстъ мертвыхъ рыбъ.

*

У мартышки (Sterna hirundo) клювъ тонкій, нѣсколько дугообразный и довольно круглый, очень низкія ноги съ короткими пальцами и сильно выемчатый хвостъ. Верхняя часть головы и затылокъ черные, верхній покровъ и плечи синевато-пепельно-сѣрые; бока головы, шея, надхвостье и всѣ нижнія части тѣла бѣлые; перья выемчатаго хвоста съ сѣроватымъ наружнымъ и съ бѣлымъ внутреннимъ опахалами. Глаза темно-каріе, ноги и клювъ кораллово-красные, гребень и кончикъ клюва черноватые. Длина птицы 40 см.

Водится мартышка въ Европѣ, въ значительной части Азіи и сѣверной Америки; улетаетъ она вплоть до южной Африки. Селится она на берегахъ рѣкъ и прѣсныхъ водъ чаще, чѣмъ другіе виды, поэтому и во внутреннихъ частяхъ средней Европы не составляетъ рѣдкости и многочисленными стаями оживляетъ нѣкоторыя рѣки, напр. Эльбу.

Отъ родственныхъ видовъ мартышка отличается только бо́льшею быстротою и разнообразіемъ своего полета, но и въ этомъ отношеніи ее превосходятъ нѣкоторыя другія крачки. Обычный крикъ ея звучитъ какъ „кріээ“; страхъ выражается тихимъ звукомъ „кек“ или „крек“, который, при усиленіи опасности, часто повторяется, и превращается въ „креіик“, когда опасность уменьшается; въ гнѣвѣ птица выкрикиваетъ слогъ „крек“ такъ часто и поспѣшно, что отдѣльныхъ звуковъ почти невозможно отличить.

Дѣтенышей она выводитъ на низменныхъ островахъ и прибрежныхъ меляхъ, по возможности на такихъ, которыя состоятъ изъ гравія, а не изъ песка.

Около нѣмецкихъ внутреннихъ водъ мартышка рѣдко устраиваетъ большія поселенія; зато на морскомъ побережьи эти птицы собираются часто цѣлыми сотнями и выводятъ здѣсь свое потомство. Такое поселеніе ихъ, находящееся на берегу острова Канаріи, посѣтилъ Болле. „Чѣмъ далѣе мы подвигались впередъ“, говоритъ онъ, „тѣмъ больше поднималось парочекъ, и скоро намъ пришлось остерегаться, чтобы не давить яицъ: въ такомъ множествѣ окружили насъ птицы. Какъ только мы начали собирать ихъ яйца въ наши шляпы и корзинки, — въ страхѣ и тревогѣ поднялась на воздухъ вся необъятная масса мартышекъ, стая въ цѣлыя тысячи головъ; мы двигались словно подъ бѣлоснѣжнымъ облакомъ. Крикъ птицъ былъ оглушительный, и смятеніе ихъ еще усилилось, когда на другомъ концѣ берега появилось еще нѣсколько людей, которые тоже собирали яйца. Мы покинули это мѣсто лишь тогда, когда до краевъ наполнили наши корзины, а это намъ удалось сдѣлать менѣе чѣмъ въ часъ времени.“

У малой крачки (Sterna minuta) лобъ, нижняя сторона и рулевыя перья бѣлые, верхняя часть головы и затылокъ черные, а верхній покровъ и крылья

пепельно-сѣрые. Глаза карiе, клювъ воскового желтаго цвѣта съ чернымъ кончикомъ, ноги глинисто-желтыя. Длина 22 см.

Область распространенiя этого наиболѣе мелкаго вида семейства обнимаетъ четыре части свѣта — Азiю, Европу, Африку и Америку; на сѣверъ малая крачка забирается до 58-го градуса широты, на югъ — приблизительно до 24-го градуса. Она также живетъ преимущественно у прѣсныхъ водъ, особенно у большихъ рѣкъ, но не избѣгаетъ и морского берега. Въ Германiи эта птица появляется лишь въ маѣ, иногда не раньше середины этого мѣсяца, высиживаетъ здѣсь свое потомство и уже въ iюлѣ или, самое позднее, въ августѣ, отправляется на югъ.

Малая крачка по красотѣ не уступаетъ ни одному виду своего семейства, а малые размѣры дѣлаютъ ее еще болѣе привлекательной. По образу дѣйствiй она мало отличается отъ своихъ родственниковъ: она ходитъ и плаваетъ точно такъ же, какъ и они, и не хуже ихъ летаетъ, а можетъ быть даже немного скорѣе и легче ихъ; на воздухѣ она дѣлаетъ такiе же смѣлые повороты и такъ же разнообразитъ свой полетъ, какъ и они, и обыкновенно обнаруживаетъ миловидную ловкость; птица эта, повидимому, всегда спѣшитъ и несомнѣнно представляетъ изъ себя одинъ изъ наиболѣе живыхъ и юркихъ видовъ своего рода.

*

Болотныхъ крачекъ (Hydrochelidon) можно выдѣлить въ особый родъ. Этимъ именемъ называютъ нѣсколько видовъ плотно сложенныхъ, но красивой формы крачекъ съ чернымъ клювомъ, высокими, длиннопалыми ногами съ сильно вырѣзанными плавательными перепонками, съ очень длинными крыльями, сравнительно короткимъ, слегка выемчатымъ хвостомъ и густымъ, мягкимъ опереniемъ, значительно измѣняющимся по времени года и по возрасту; во время вывода преобладаетъ бархатисто-черный цвѣтъ.

У черной крачки (Hydrochelidon nigra) голова, затылокъ, грудь и середина брюшка бархатистаго чернаго цвѣта, верхнiй покровъ синевато-сѣрый, область зада бѣлая; маховыя перья темно-сѣрыя, съ болѣе свѣтлыми каемками, рулевыя перья свѣтло-сѣрыя. Глаза карiе, клювъ при основанiи красный, дальше сѣровато-черный, ноги буровато-красныя. Зимою только задняя часть головы и затылокъ черные, лобъ же и нижняя сторона бѣлые; у молодыхъ птицъ перья верхняго покрова и кроющiя перья крыла съ ржаво-желтыми каемками. Длина птицы 26 см.

Ближайшая родственница черной крачки, свѣтлокрылая крачка (Hydrochelidon leucoptera), почти такой же величины. Перья туловища совсѣмъ черныя, бархатныя, крылья сверху синевато-сѣрыя, надхвостье и рулевыя перья бѣлыя. Клювъ вишнево-красный, съ черными кончиками, ноги сургучно-красныя.

Бѣлощекая крачка (Hydrochelidon hybrida) — самый крупный видъ разсматриваемаго рода: длина ея 28 см. Верхняя часть головы и затылокъ окрашены въ глубокiй черный цвѣтъ и отдѣлены широкой бѣловатой полосой, расположенной на уздечкѣ, отъ темной, сѣровато-синеватой нижней части шеи. Грудь черная, верхнiй покровъ свѣтло-сѣрый, а брюшко-бѣловато-сѣрое.

Размножаются всѣ эти виды въ умѣренной части сѣверныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта. Черная крачка, описаniемъ которой мы можемъ ограничиться, появляется въ Германiи вмѣстѣ съ прочими крачками, въ то же время улетаетъ, но селится не на морскомъ берегу, не на берегахъ рѣкъ и потоковъ, а въ обширныхъ топяхъ и болотахъ и, вообще, только близъ стоячихъ водъ. Во время перелета, который она совершаетъ стаями въ 20—1000 головъ, она летитъ вдоль рѣкъ, и тамъ, гдѣ онѣ разлились и образовали топкiя мѣста, вѣроятно останавливается на болѣе продолжительное время; въ другое же время она избѣгаетъ какъ рѣкъ, такъ и морей.

Отъ другихъ родственниковъ болотныя крачки отличаются не только своимъ мѣстопребываniемъ, но и своими движенiями, своей пищей и способомъ размноженiя. Ходятъ онѣ такъ же мало и такъ же дурно, какъ и прочiя крачки, плаваютъ рѣдко и не лучше ихъ, но летаютъ менѣе бурно, съ меньшими колебанiями, мягче, спо-

койнѣе, а потому такъ легко и изящно и въ тоже время такъ разнообразно, что смотрѣть на летающихъ болотныхъ крачекъ — истинное удовольствіе. При сильномъ вѣтрѣ или въ бурю онѣ почти не могутъ летать, такъ какъ крылья ихъ еще менѣе пропорціональны ихъ маленькому тѣлу и слабымъ силамъ, чѣмъ у ихъ родственниковъ.

Для вывода болотныя крачки избираютъ себѣ подходящее мѣсто среди болота или топи. Гнѣздо, смотря по мѣсту, гдѣ оно расположено, бываетъ различно, но никогда не походитъ на гнѣзда поименованныхъ до сихъ поръ крачекъ. Все гнѣздо состоитъ изъ сухихъ листьевъ тростника и камыша, стебельковъ травы, цвѣточныхъ метёлокъ, корешковъ и т. д., набросанныхъ безъ всякаго порядка.

Въ Италіи преслѣдуютъ и болотныхъ крачекъ.

*

Многія крачки отличаются отъ вышеуказанныхъ по своему образу жизни. Изъ нихъ стоитъ назвать шелковистую крачку (Gygis alba). Она стройно сложена, опереніе у нея мягкое, какъ шелкъ, и серебристо-бѣлое, глаза черные; клювъ при основаніи темно-синій, на концѣ черный, ноги шафранно-желтыя. Длина равняется приблизительно 30 см.

Эта удивительно красивая крачка живетъ на Тихомъ и Индѣйскомъ океанѣ, иногда залетаетъ и въ Атлантическій океанъ, но обыкновенно тропиковъ не переходитъ. Она живетъ на берегахъ острововъ, лежащихъ внутри указаннаго пояса, и вездѣ встрѣчается во множествѣ. Ее назвали „волшебной крачкой“ за чистоту ея оперенія и за красоту полета. Но жизнь ея замѣчательна еще въ другомъ отношеніи. Мѣстами отдыха она преимущественно выбираетъ себѣ дремучіе, тѣнистые лѣса; здѣсь она садится на деревья или ловко летаетъ между ними, прелестно выдѣляясь на фонѣ зеленой листвы, и упорно преслѣдуетъ тѣхъ, кто вторгается въ ея тихое святилище. Яйца кладутся шелковистой крачкой на горизонтальный сукъ въ почти плоское углубленіе, котораго достаточно какъ разъ для того, чтобы яйца не были сброшены бурей. Каждая парочка кладетъ лишь одно единственное яйцо. Молодыя птицы, пока не научатся летать, принуждены пребывать въ своей опасной люлькѣ; многія изъ нихъ, падая внизъ, погибаютъ.

*

Какъ совы относятся къ сиворакшамъ, такъ къ крачкамъ относятся ножеклювы (Rhynchopsinae); послѣдніе являются птицами ночными и имѣютъ клювъ, нижняя створка котораго значительно превосходитъ верхнюю и который, начиная съ основанія, такъ сдавленъ, что его можно сравнить съ лезвіями ножницъ. Нѣсколько длинное, жирное опереніе плотно прилегаетъ къ тѣлу.

На среднемъ и верхнемъ теченіи Нила встрѣчается такъ называемый нильскій ножеклювъ (Rhynchops flavirostris). У него лобъ, лицо, хвостъ и нижняя сторона, а также кончики большихъ кроющихъ перьевъ крыла бѣлые; верхняя часть головы, задняя часть шеи, затылокъ и верхній покровъ черно-бурые. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги кораллово-красные. Длина 45 см.

Нильскій ножеклювъ, хотя и летаетъ днемъ такъ же хорошо, какъ и ночью, но дѣлаетъ это только въ томъ случаѣ, если его спугнуть. Иначе онъ неподвижно лежитъ на песчаныхъ меляхъ, обыкновенно плашмя на брюшкѣ, рѣже стоитъ на своихъ маленькихъ слабыхъ ногахъ. Послѣ заката солнца, а въ пасмурную погоду и раньше, онъ оживляется, начинаетъ шевелиться и потягиваться, поднимаетъ крылья, начинаетъ ковылять взадъ и впередъ и кричать; съ наступленіемъ ночной темноты онъ вылетаетъ искать себѣ пищи. Цехуэль-Лёше видѣлъ, впрочемъ, въ нижней Гвинеѣ, что онъ дѣлаетъ это и днемъ. Медленно махая крыльями, онъ безшумно скользитъ надъ самой поверхностью воды, отъ поры до времени опуская на нѣсколько минутъ нижнюю створку клюва въ воду и такимъ образомъ проводя по водѣ борозды; при этомъ онъ схватываетъ насѣкомыхъ, плавающихъ на по-

верхности, ибо, по крайней мѣрѣ въ странахъ на р. Нилѣ, насѣкомыя составляютъ его главную пищу.

Чайки (Larinae) представляютъ собою обособленное подсемейство. Эти хорошо сложенныя, сильныя птицы бываютъ весьма различной величины, такъ какъ самые мелкіе виды врядъ ли больше галки, а самые крупные величиной приблизительно съ орла. Тѣло у нихъ сильное; клювъ средней длины, сильно сжатый съ боковъ, до середины гребня прямой, отсюда слегка загибается крючкомъ внизъ; ноги средней вышины, со стройною плюсною и плавательными перепонками, крылья большія, длинныя, широкія, но съ узкимъ заостреннымъ концомъ; хвостъ, состоящій изъ 12 перьевъ, средней длины, широкій и прямой, рѣже немного выемчатый; мелкое опереніе очень густое, на нижней сторонѣ пушистое, мягкое и нѣжное; окраска нѣжная и красивая, въ общемъ очень однообразная, измѣняющаяся въ зависимости отъ времени года и возраста.

Чайки, которыхъ извѣстно около 80 видовъ, распространены по всѣмъ частямъ свѣта и оживляютъ всѣ моря. Большинство видовъ не удаляется далеко отъ суши, а если и улетаетъ далеко отъ нея, то всегда возвращается на берегъ; поэтому чайки, по справедливости, могутъ быть названы береговыми птицами. Для мореплавателя это самые вѣрные вѣстники земли: когда чайки начинаютъ кружиться вокругъ судна, то берегъ, значитъ, недалекъ. Еще чаще, чѣмъ въ открытое море, чайки залетаютъ внутрь страны, летя вдоль большихъ рѣкъ или перелетая отъ одного воднаго бассейна къ другому. Нѣкоторые виды даже отдаютъ предпочтеніе внутреннимъ водамъ и избираютъ берега ихъ своимъ мѣстомъ жительства, по крайней мѣрѣ въ пору вывода. Многіе виды принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ, на сѣверной родинѣ своей появляются весною, выводятъ тамъ потомство и позднею осенью отправляются въ теплые края; иныя только странствуютъ или бродятъ. Перемѣна мѣстъ жительства самымъ тѣснымъ образомъ связана съ вопросомъ о пищѣ. Всѣ чайки, безъ исключенія, особенно любятъ рыбу; но многія изъ нихъ самымъ усерднымъ образомъ охотятся на насѣкомыхъ, и эти то чайки принуждены совершать правильные перелеты, между тѣмъ какъ другія и зимою имѣютъ всегда готовый столъ тамъ, гдѣ море не замерзаетъ. На ряду съ этими двумя главными предметами пропитанія, чайки ловятъ также мелкихъ животныхъ, живущихъ въ морѣ и вообще питаются всякими животными веществами. Онѣ ѣдятъ падаль, какъ коршуны, гоняются за живой добычей, какъ хищныя птицы, и подбираютъ себѣ кормъ на берегу, какъ голуби и куры; чайки, вообще, питаются такой же разнообразной пищей, какъ и вороновыя птицы, но болѣе жадны и прожорливы; ихъ точно мучитъ вѣчный неутомимый голодъ, и онѣ положительно ненасытны.

По формѣ и окраскѣ чайки очень привлекательны, движенія ихъ милы, образъ дѣйствій занимателенъ. Держатся онѣ на сушѣ довольно гордо; ходятъ хорошо и сравнительно скоро. Плаваютъ онѣ лучше большинства членовъ своего отряда: словно комки пѣны, онѣ легко держатся на волнахъ и, благодаря своей ослѣпительной окраскѣ, такъ рѣзко выдѣляются, что поистинѣ являются украшеніемъ моря. Летаютъ онѣ, медленно махая крыльями; но такой полетъ часто смѣняется продолжительнымъ, легкимъ и красивымъ пареніемъ, которое напоминаетъ полетъ ширококрылаго сокола и происходитъ съ поразительной легкостью. Съ размаху чайки ныряютъ хуже крачекъ. У чаекъ отвратительный голосъ, состоящій изъ рѣзкихъ, пронзительныхъ и каркающихъ звуковъ, то болѣе сильныхъ, то болѣе слабыхъ, которые издаются, если только чайками овладѣло какое-нибудь волненіе, до того часто, что надоѣдаютъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего развиты зрѣніе и слухъ.

Всѣ чайки умныя, понятливыя птицы, умѣющія взвѣшивать обстоятельства и сообразоваться съ ними; по отношенію къ другимъ живымъ существамъ онѣ мужественны, самоувѣренны и нѣсколько властолюбивы, къ своимъ супругамъ и потомству очень привязаны, любятъ такъ же общество себѣ подобныхъ; но всѣ онѣ по отношенію къ другимъ птицамъ завистливы, недоброжелательны, неласковы

и безъ колебанія приносятъ дружбу въ жертву своей прожорливости. Человѣку онѣ нигдѣ и никогда не довѣряютъ; тѣмъ не менѣе, онѣ то и дѣло появляются вблизи человѣка, посѣщаютъ всякую гавань, всякое мѣстечко на морскомъ берегу и, если считаютъ это сколько-нибудь безопаснымъ для себя, кружатся вокругъ всякаго судна, выходящаго въ открытое море или приближающагося къ сушѣ, такъ какъ знаютъ по опыту, что отбросы человѣческаго хозяйства часто могутъ имъ пригодиться. Послѣ продолжительнаго наблюденія онѣ выучиваются узнавать не только мѣстность, но и отдѣльныхъ людей, чрезвычайно довѣрчиво или вѣрнѣе смѣло появляются тамъ, гдѣ часто и безпрепятственно можно поживиться, но причиненнаго имъ зла скоро не забываютъ. Пострадавшая какимъ-нибудь образомъ чайка обыкновенно всѣмъ другимъ чайкамъ сообщаетъ о постигшемъ ее несчастіи, такъ какъ между чайками царствуетъ наилучшее согласіе въ томъ случаѣ, когда приходится сообща встрѣчать опасность: на хищныхъ птицъ, поморниковъ, воронов и воронъ всѣ находящіяся по близости чайки нападаютъ одновременно и обыкновенно заставляютъ ихъ обратиться въ бѣгство.

Внѣ періода вывода можно иногда увидѣть старыхъ чаекъ въ одиночку; въ пору же вывода всѣ виды соединяются въ общества, которыя нерѣдко разрастаются въ несмѣтныя стаи. Уже въ сѣверной Германіи существуютъ чайковыя горы, гдѣ живетъ по нѣскольку сотенъ этихъ птицъ; сѣвернѣе же можно найти поселенія, гдѣ чайкамъ буквально нѣтъ числа. Здѣсь также болѣе крупные виды семейства менѣе тѣсно бываютъ сплочены, чѣмъ болѣе мелкіе; но болѣе мелкіе виды буквально покрываютъ цѣлые утесы и горы, пользуются всякимъ удобнымъ мѣстечкомъ и располагаютъ гнѣзда такъ близко одно къ другому, что сидящимъ на яйцахъ старымъ птицамъ бываетъ тѣсно. Гнѣзда устраиваются, смотря по мѣсту жительства, различно; гдѣ нѣтъ недостатка въ строительныхъ матеріалахъ, тамъ гнѣзда незатѣйливо и неплотно свиваются изъ сухихъ водныхъ и береговыхъ лишаевъ, а гдѣ такихъ матеріаловъ нѣтъ, сооружаются значительно проще. Яицъ кладется 2—4; это крупныя, правильной формы яйца съ толстой скорлупой и крупно-зернистаго строенія; по грязновато или буровато-зеленоватому, или же зеленовато-бурому фону они покрыты пепельно-сѣрыми и черновато-бурыми пятнами; самецъ и самка попеременно высиживаютъ ихъ въ теченіе 3—4 недѣль, въ дурную погоду дольше, чѣмъ въ хорошую. Оба родителя обнаруживаютъ чрезвычайно сильную привязанность къ своему потомству и забываютъ все на свѣтѣ, если ихъ дѣтямъ грозитъ какая-нибудь опасность. Молодыя птицы появляются на свѣтъ въ густой, пятнистой пуховой одеждѣ и, гдѣ это возможно, покидаютъ гнѣздо уже въ первые дни жизни, возятся на берегу и, въ случаѣ необходимости, прячутся между возвышеніями на поверхности земли или ищутъ себѣ убѣжища въ водѣ; тѣ же, которыя вылупляются на уступахъ крутыхъ скалъ, должны здѣсь выжидать того времени, когда у нихъ отростутъ крылья. Вначалѣ родители кормятъ малютокъ изо рта наполовину переваренной пищей, впослѣдствіи же имъ дается свѣжая пища въ видѣ пойманной или подобранной животной добычи. Научившись летать, маленькія чайки еще нѣкоторое время остаются въ обществѣ родителей, но затѣмъ покидаютъ мѣста вывода и разсыпаются во всѣ стороны.

На далекомъ сѣверѣ чаекъ считаютъ не только замѣчательно красивыми, но и замѣчательно полезными птицами. Для нѣкоторыхъ норвежскихъ землевладѣльцевъ яйца чаекъ составляютъ значительную часть дохода съ ихъ имѣнія; яйца эти деревенскіе жители ѣдятъ съ удовольствіемъ, пересылаютъ ихъ на далекія разстоянія и сравнительно дорого продаютъ, а перья чаекъ замѣняютъ бѣднымъ сѣверянамъ гусиныя перья и гагачій пухъ, которыми болѣе богатые набиваютъ свои постели. Мясо старыхъ чаекъ нравится лишь немногимъ изъ самыхъ сѣверныхъ народовъ; молодыхъ же птицъ охотно ѣдятъ даже на о. Гельголандѣ, на о. Исландіи и въ другихъ мѣстахъ, и, хорошо приготовленныя, онѣ дѣйствительно вкусны; но яйца и и перья чаекъ вездѣ цѣнятся выше ихъ мяса. Въ нѣкоторыхъ странахъ ежегодно устраиваются большія охоты на чаекъ, болѣе изъ кровожадности, чѣмъ для извлеченія пользы изъ этихъ птицъ; на далекомъ же сѣверѣ ихъ не преслѣдуютъ. Достаточно подбросить на воздухъ бѣлый платокъ, чтобы привлечь чайку; а когда

одна изъ нихъ убита, то не трудно заманить и другихъ, ибо всякая чайка, видя падающій въ воду бѣлый предметъ, думаетъ, что въ этомъ мѣстѣ можно поймать много добычи и съ завистью приближается, чтобы провѣрить это на опытѣ. Ловятъ чаекъ различнымъ образомъ: кладутъ силки на песчаныя мели, раскладываютъ въ видѣ приманки сѣти съ рыбой, закидываютъ удочки съ саломъ и тѣмъ или другимъ способомъ обыкновенно достигаютъ цѣли. Плѣнныхъ чаекъ держать легко, но онѣ обходятся довольно дорого любителю животныхъ, такъ какъ имъ надо давать рыбу или мясо, чтобы удовлетворить ихъ потребностямъ. Получая такую пищу, чайки скоро привыкаютъ къ неволѣ, къ новому мѣсту и къ своему хозяину, прекрасно отличаютъ его отъ другихъ людей, привѣтствуютъ его радостнымъ крикомъ и откликаются на его зовъ; онѣ могутъ сдѣлаться почти столь же ручными, какъ воронъ или ворона, и даже размножаются въ неволѣ, если въ распоряженіе ихъ предоставляется довольно большое пространство.

Бо̀льшую часть крупныхъ видовъ разсматриваемаго подсемейства составляютъ настоящія чайки (Larus).

Одна изъ самыхъ крупныхъ — это большая полярная чайка (Larus glaucus). У нея верхній покровъ и спина нѣжнаго го̀лубовато-сѣраго цвѣта, а большія маховыя перья свѣтлаго голубовато-сѣраго цвѣта; прочія части тѣла бѣлыя. Глаза соломенно-желтые, клювъ лимонно-желтый, нижняя створка украшена краснымъ продольнымъ пятномъ, ноги блѣдно-желтыя. Зимою на шеѣ замѣчаются расплывчатыя буроватыя пятна. Длина приблизительно 75 см.

Родственная ей малая полярная чайка (Larus leucopterus) отличается меньшей величиной и болѣе длинными крыльями, чисто-бѣлыми большими маховыми перьями и красноватыми ногами.

Отъ этихъ обоихъ видовъ серебристая чайка (Larus argentatus) отличается нѣсколько болѣе темнымъ голубымъ верхнимъ покровомъ; плечевыя перья и большія верхнія кроющія перья крыльевъ украшены на концахъ бѣлой каемкой; первыя два большихъ маховыхъ пера совсѣмъ черныя, а на бѣломъ концѣ украшены черной полосой; прочія большія маховыя перья по направленію къ основанію сѣрѣютъ, передъ кончикомъ окрашены въ черный цвѣтъ, а на самомъ кончикѣ бѣлыя.

Въ Нѣмецкомъ морѣ и въ южной части Ледовитаго океана серебристыя чайки водятся во множествѣ; кромѣ того, онѣ встрѣчаются на берегахъ сѣверной Америки, а во время перелета на всѣхъ морскихъ побережьяхъ Европы, часто также внутри страны и по берегамъ Средиземнаго и Чернаго моря.

Изъ чаекъ съ темной верхней стороной самая крупная большая морская чайка (Larus marinus). У нея голова, шея и затылокъ, вся нижняя сторона, нижняя часть спины и хвостъ ослѣпительно бѣлаго цвѣта, а верхняя часть спины и крылья аспидно-голубовато-черныя; кончики маховыхъ перьевъ бѣлые. Глаза серебристо-сѣрые, глазное кольцо киноварно-красное, клювъ желтый, нижняя створка передъ кончикомъ красная, ноги свѣтлаго сѣровато-желтаго цвѣта. Длина 73 см.

Родина этой чайки — сѣверная часть земного шара, между 60 и 70 градусомъ сѣверной широты. Зимою она правильно посѣщаетъ берега Нѣмецкаго и Балтійскаго моря, странствуетъ по берегамъ ихъ и иногда спускается въ южную Европу или даже еще южнѣе. Среди своихъ родственниковъ она является одной изъ самыхъ серьезныхъ и спокойныхъ птицъ, какъ это и подобаетъ ея крупному росту, но ея нельзя назвать лѣнивой ни физически, ни душевно; она, напротивъ, отличается подвижностью и живостью. Голосъ у нея глубокій и хриплый, вродѣ „ах ах ах“; волнуясь, она издаетъ звукъ вродѣ „кьяу“, которому придаетъ весьма разнообразныя интонаціи.

Главную пищу ея составляютъ рыбы разной величины; трупы млекопитающихъ или рыбъ также для нея лакомое блюдо; кромѣ того, она ловитъ леммин̀говъ и молодыхъ и больныхъ птицъ, съ которыми ей удается справиться; похищаетъ

также яйца болѣе слабыхъ морскихъ птицъ и подбираетъ на берегу разныхъ червей и букашекъ. Если скорлупа какого-нибудь рака или молюска оказывается для нея слишкомъ твердой, то она взлетаетъ вмѣстѣ со своей добычей и бросаетъ ее сверху на скалу, чтобы разбить скорлупку. Въ неволѣ эти чайки скоро пріучаются къ хлѣбу и, наконецъ, начинаютъ считать его лакомствомъ.

У черноголоваго хохотуна (Larus ichthyaëtus) голова, передняя часть шеи и затылокъ чернаго цвѣта сажи; шея, нижняя часть затылка, надхвостье, всѣ нижнія части тѣла и хвостъ бѣлые, а верхній покровъ сѣровато-синеватый, большія маховыя перья, за исключеніемъ первыхъ, бѣлыя; 5—6 первыхъ маховыхъ перьевъ передъ кончикомъ украшены широкой черной полосой, заднія малыя маховыя перья сѣровато-синеватыя, съ бѣлыми каемками на концахъ. Глаза каріе, клювъ оранжево-желтый, передъ концомъ украпенный краснымъ пятномъ, ноги желтыя. Длина 70 см.

Изъ своихъ родныхъ краевъ, а именно изъ Арало-Каспійской низменности, черный хохотунъ улетаетъ зимою на Черное и Средиземное море, затѣмъ на моря и озера сѣверной Индіи и иногда во время своего перелета попадаетъ въ западную Европу.

Несравненно болѣе распространена, а потому гораздо лучше изучена обыкновенная чайка (Larus ridibundus, рис. на стр. 636). Верхняя часть головы и передняя часть шеи у нея бураго цвѣта; затылокъ, нижняя сторона, хвостъ и маховыя перья почти до самыхъ кончиковъ бѣлые, верхній покровъ синевато-сѣрый, концы маховыхъ перьевъ черные. Глаза темно-каріе, глазное кольцо красное, клювъ и ноги сургучно-красные. Въ зимней одеждѣ голова свѣтлая. Длина 42 см.

Въ былыя времена обыкновенная чайка, жизнь которой довольно сходна съ жизнью вышеприведенныхъ родственниковъ ея, была хорошо знакомой птицей на озерахъ и прудахъ Германіи; теперь же, по мѣрѣ развитія земледѣлія, она вытѣснена изъ многихъ мѣстностей, но правильно посѣщаетъ ихъ во время своего перелета. Въ южной Европѣ она пребываетъ изъ года въ годъ; среднюю же Европу она покидаетъ въ октябрѣ и въ ноябрѣ и зиму проводитъ въ странахъ, окружающихъ Средиземное море. Море обыкновенныя чайки посѣщаютъ только зимою, и только изрѣдка онѣ выводятъ птенцовъ на какомъ-нибудь островѣ, близъ морского берега. Любимое мѣстопребываніе ихъ составляютъ прѣсныя воды, окруженныя полями.

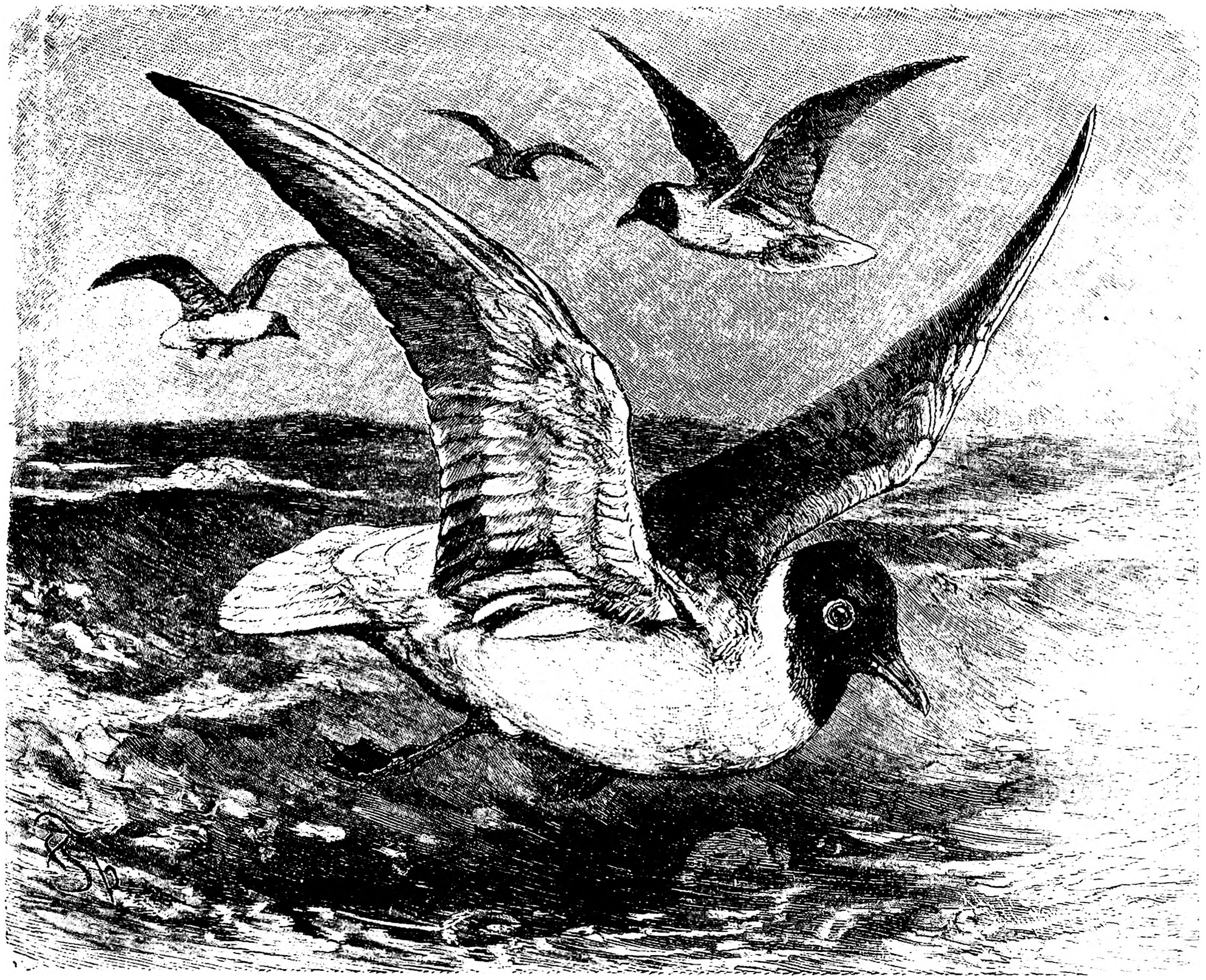
Движенія ихъ въ высшей степени привлекательны, ловки и легки. Ходитъ обыкновенная чайка быстро и долго и часто въ теченіе нѣсколькихъ часовъ слѣдуетъ за пахаремъ или гоняется за насѣкомыми на поляхъ и лугахъ; плаваетъ она чрезвычайно изящно, хотя и не быстро, и летаетъ плавно, безъ усилій. Ее слѣдуетъ назвать осторожной и нѣсколько недовѣрчивой птицей; тѣмъ не менѣе она любитъ селиться вблизи человѣка, удостовѣряется въ намѣреніяхъ послѣдняго и сообразно съ этимъ устраиваетъ свою жизнь. Во всѣхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ около водъ, на берегу которыхъ она размножается, или на берегу моря, это наполовину домашняя птица: она беззаботно посѣщаетъ поселенія людей, даже не боится человѣка, зная, что здѣсь ея никто не обидитъ. Голосъ у нея такой непріятный, что ее недаромъ сравниваютъ въ этомъ отношеніи съ вороной. Призывной крикъ звучитъ какъ „кріээ“, разговариваетъ она, издавая звуки „кек“ или „шерр“; выраженіемъ ярости служитъ визгливое „керрекекек“ или хриплое „гирр“, за которымъ слѣдуетъ большей частью обычное „кріээ“.

Главную пищу обыкновенной чайки составляютъ, вѣроятно, насѣкомыя и мелкая рыба; мышью она тоже не брезгаетъ, и падали безъ вниманія не оставляетъ.

Въ концѣ апрѣля начинается выводъ птенцовъ, когда парочки, послѣ многихъ ссоръ и долгаго галдѣнія, соединились на мѣстахъ вывода. Обыкновенная чайка никогда не высиживаетъ своихъ яицъ въ одиночествѣ, рѣдко маленькими обществами, обыкновенно же очень большими стаями въ сотни и тысячи головъ.

которыя по возможности тѣсно сплочиваются на небольшомъ пространствѣ. Гнѣзда находятся на маленькихъ пучкахъ камыша или ситника, окруженныхъ гладкою поверхностью воды или болотомъ; устраиваются они также среди старыхъ стеблей тростника или въ кучѣ снесеннаго птицами камыша, иногда въ болотѣ среди травы, но разумѣется всегда въ мало доступныхъ мѣстахъ.

На сѣверѣ Германіи существуетъ обычай въ извѣстный день выступать въ походъ противъ этихъ безвредныхъ чаекъ и избивать цѣлыя сотни и тысячи ихъ. Это безполезное кровопролитіе, извѣстное подъ именемъ „стрѣльбы чаекъ“ и составляющее народный праздникъ, напоминаетъ жестокость южныхъ европейцевъ и рѣшительно ничѣмъ не оправдывается.

Обыкновенная чайка (Larus ridibundus). 1/4 естеств. велич.

Въ плѣну обыкновенныя чайки очень милы, особенно если онѣ вынуты изъ гнѣзда въ раннемъ возрастѣ и выращены человѣкомъ. Кормить ихъ, конечно, приходится мясомъ и рыбой, но онѣ пріучаются также къ хлѣбу, такъ что кормленіе ихъ обходится ужъ не такъ дорого. Если удѣлять имъ довольно много вниманія, то онѣ скоро дѣлаются совсѣмъ ручными, бѣгаютъ по пятамъ своего хозяина, какъ собаки, радостно привѣтствуютъ его, когда онъ появляется, а впослѣдствіи летаютъ за нимъ по двору и по саду и даже вылетаютъ вслѣдъ за нимъ въ поле.

*

Признаки бѣлыхъ чаекъ (Gavia) составляютъ стройное сложеніе, длинныя крылья и длинный хвостъ, низкія ноги и короткія плавательныя перепонки; въ зрѣломъ возрастѣ опереніе этихъ чаекъ бываетъ совершенно бѣлое.

Бѣлая чайка (Gavia alba) чисто бѣлаго цвѣта, маховыя перья у нея иногда бываютъ съ розовымъ налетомъ, глаза желтые, глазное кольцо кармазиново-красное, клювъ синеватый съ красновато-желтымъ кончикомъ, ноги черныя. Длина 52 см.

Обыкновенное мѣсто жительства этой чайки — далекій сѣверъ земного шара; отсюда, но только рѣдко и въ качествѣ залетнаго гостя, она спускается въ болѣе низкія широты. Подобно всѣмъ птицамъ, живущимъ на далекомъ сѣверѣ, она очень простодушна, и поймать ее легко, такъ какъ она не знаетъ, какъ опасенъ можетъ быть человѣкъ. „Извѣстно“, говоритъ Гольбэлль, „что, привязавъ кусокъ сала къ веревкѣ и бросивъ его въ воду, можно заставить бѣлую чайку приблизиться настолько, что нетрудно схватить ее руками; одинъ гренландецъ, принесшій мнѣ молодую бѣлую чайку, говорилъ мнѣ, что заманилъ ее, высовывая языкъ и шевеля имъ, а затѣмъ убилъ ее весломъ.“ Мальгренъ повѣствуетъ о бѣлой чайкѣ обстоятельнѣе. Эта удивительно красивая чайка и буревѣстникъ-глупышъ во множествѣ собираются туда, гдѣ разрѣзаютъ моржа или тюленя; тогда эти птицы бываютъ такъ смѣлы, что, бросая имъ куски сала, можно заставить ихъ подойти къ себѣ совсѣмъ близко. Бѣлая чайка охотно лакомится трупами убитыхъ моржей и съѣдаетъ куски, остающіеся отъ трапезы бѣлыхъ медвѣдей; но главную пищу ея составляетъ пометъ моржей и тюленей. Она подолгу простаиваетъ около отверстій во льду, изъ которыхъ обыкновенно вылѣзаютъ тюлени, и терпѣливо ждетъ ихъ появленія. Около 3—5 чаекъ сидятъ вмѣстѣ вокругъ каждаго отверстія, тихо и неподвижно, головой повернувшись къ отверстію, откуда должно показаться ластоногое животное. Тогда бѣлыя чайки имѣютъ такой видъ, словно онѣ, сидя возлѣ круглаго стола, держатъ совѣтъ, и это ихъ обыкновеніе навѣрное послужило поводомъ къ приводимому Мартенсомъ прозвищу этой птицы „совѣтникъ“.

*

„Кто никогда не видѣлъ горы, усаженной трехпалыми чайками“, говоритъ Гольбэлль, „тотъ не можетъ составить себѣ настоящаго представленія о красотѣ и объ огромномъ количествѣ этихъ птицъ. Такую гору, населенную чайками, можно было бы пожалуй сравнить съ гигантской голубятней, населенной милліонами одинаково окрашенныхъ голубей. Гора Инуюатукъ, длиною въ четверть мили, во всю длину болѣе или менѣе густо покрыта различными видами чаекъ до такой высоты, что птицы, сидящія на самомъ верху, кажутся намъ маленькими бѣлыми точками.“ Короче и живописнѣе выражается Фаберъ. „На горахъ Гримсэза онѣ сидятъ на яйцахъ въ такомъ количествѣ, что, взлетѣвъ, затмеваютъ солнце и покрываютъ совершенно шхеры, когда сидятъ; онѣ оглушаютъ человѣка своимъ крикомъ и окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ зеленыя скалы, поросшія ложечной травой.“ Собираясь совершить путешествіе въ Лапландію, я, разумѣется, прочелъ оба описанія и не сомнѣвался въ ихъ вѣрности; но настоящее представленіе о томъ, что такое гора, покрытая чайками, я получилъ лишь въ незабвенный для меня день 22 іюля, когда мнѣ пришлось проѣзжать мимо мыса Свергольма, недалеко отъ Нордкапа; я получилъ это представленіе лишь тогда, когда мой любезный пріятель, капитанъ почтоваго судна, на которомъ я ѣхалъ, выстрѣлилъ изъ одной пушки, чтобы спугнуть чаекъ. Огромная стѣна высилась передо мною, словно исполинская аспидная доска, усѣянная милліонами мелкихъ бѣлыхъ точекъ; тотчасъ послѣ выстрѣла эти точечки частью отдѣлились отъ темнаго фона, ожили, обратились въ птицъ, затѣмъ въ ослѣпительно бѣлыхъ чаекъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ опускались въ море такою густою и непрерывною толпою, что мнѣ казалось, будто неожиданно поднялась снѣжная вьюга, и будто съ неба, кружась, падаютъ огромныя хлопья. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ шелъ, можно сказать, снѣгъ изъ птицъ, необозримое пространство моря покрылось ими, а темная стѣна продолжала казаться не менѣе густо усѣянной птицами, чѣмъ прежде.

Трехпалая чайка (Rissa tridactyla) является представительницей рода, который носитъ то же названіе и котораго отличительнымъ признакомъ служитъ отсутствіе или едва замѣтное развитіе задняго пальца ноги. Оперенiе головы,

шеи, нижней части спины, хвоста и нижней стороны тѣла у взрослыхъ птицъ ослѣпительно бѣлое, верхній покровъ синевато-сѣроватый; маховыя перья бѣловато-сѣрыя съ черными кончиками. Глаза каріе, глазное кольцо кораллово-красное, клювъ лимонно-желтый, въ углахъ рта кроваво-красный, ноги черныя. Длина птицы 43 см.

Трехпалая чайка тоже сѣверная птица, но зимою покидаетъ Ледовитое море, часто появляется у нашихъ береговъ и улетаетъ также въ очень южныя широты. Вдали отъ моря зимою ее можно видѣть чаще, чѣмъ другихъ чаекъ, такъ какъ она улетаетъ далеко внутрь страны вдоль по теченію рѣкъ, и иногда встрѣчается тамъ большими обществами.

Отъ своихъ родственниковъ, одинаковыхъ по величинѣ, трехпалая чайка отличается развѣ только большею общительностью и крикливостью.

Даже человѣкъ, думающій, что имѣетъ представленіе о безконечномъ богатствѣ моря, становится втупикъ, когда задаетъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ на небольшомъ пространствѣ моря могутъ кормиться милліоны этихъ птицъ? Извѣстно, что трехпалая чайка питается почти исключительно рыбою; Гольбэлль наблюдалъ также, что въ періодъ вывода сѣверный Ледовитый океанъ бываетъ переполненъ массою мелкой рыбы и что тюлени, преслѣдуя этихъ рыбъ снизу, облегчаютъ чайкамъ ловлю; этотъ изслѣдователь замѣтилъ также, что впослѣдствіи чайкамъ приходится пролетать десять и болѣе морскихъ миль для добыванія себѣ пищи; но на предложенный выше вопросъ Гольбэлль все-таки не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта и испытываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, хотя въ разрѣзъ со всѣми сомнѣніями идутъ факты. Какъ безконечно богато море, какъ щедро оно кормитъ трехпалую чайку, объ этомъ можно судить при видѣ этой птицы, когда ее заноситъ внутрь страны. Часто можно видѣть ее мертвою около воды, и, если вскрыть ея желудокъ, то онъ оказывается совершенно пустымъ. Избалованная избыткомъ, она вдали отъ моря погибаетъ отъ недостатка и умираетъ съ голода.

Всѣ горы, на которыхъ живутъ чайки, состоятъ изъ уступовъ, расположенныхъ одни надъ другими, и изобилуютъ пещерами и выступами; въ пещерахъ и на уступахъ, отъ подножія до вершины горы, расположено одно гнѣздо около другого; ни одно мѣстечко не остается незанятымъ, всякій уступъ даетъ пріютъ цѣлымъ тысячамъ паръ, выводящихъ тутъ своихъ дѣтей. Вскорѣ послѣ прибытія трехпалыхъ чаекъ можно видѣть, какъ парочки сидятъ возлѣ гнѣздъ, въ самыхъ милыхъ позахъ, ласкаютъ другъ друга, цѣлуются, какъ голуби, ищутъ другъ у друга въ перьяхъ и воркуютъ. Гора постоянно бываетъ окутана облакомъ птицъ, и все время онѣ кишатъ, снуютъ и возятся. Самое гнѣздо состоитъ главнымъ образомъ изъ водорослей, но съ теченіемъ времени изъ птичьяго помета образуются высокіе края, такъ что передъ выводомъ всякій годъ приходится лишь немного подновлять старыя гнѣзда. Молодыя птицы до половины августа остаются въ гнѣздѣ, къ этому времени успѣваютъ вполнѣ окрылиться и вылетаютъ въ открытое море, разумѣется предварительно сдѣлавъ съ своей стороны все, что возможно, для усиленія общаго галдѣнія.

Строеніе и окраска поморниковъ (Stercorariinae) даютъ намъ право считать ихъ отдѣльнымъ подсемействомъ. Семь извѣстныхъ намъ видовъ этихъ птицъ похожи на чаекъ. Тѣло у нихъ сильное, голова маленькая; клювъ, сзади покрытый восковицей, сравнительно коротокъ, но крѣпокъ, толстъ и лишь спереди сжатъ съ боковъ; гребень надклювья сильно выпуклый, а подклювье выгнуто угломъ; ноги средней вышины, и сравнительно короткіе пальцы ихъ соединены вполнѣ развитыми плавательными перепонками и вооружены сильно загнутыми, острыми когтями, крылья большія, длинныя, узкія и остроконечныя, причемъ изъ большихъ маховыхъ перьевъ первое самое длинное; средней длины хвостъ состоитъ изъ двѣнадцати перьевъ, причемъ два среднія пера длиннѣе прочихъ, опереніе обильное и густое, на нижней сторонѣ пушистое; главная окраска — темный бурый цвѣтъ, на которомъ у старыхъ птицъ рѣже, а у молодыхъ чаще замѣчаются болѣе свѣтлыя мѣста.

Поморники живутъ преимущественно въ сѣверномъ холодномъ поясѣ земного шара, большею частью въ открытомъ морѣ, размножаются же въ тундрахъ и на берегахъ острововъ. Держа тѣло горизонтально, эти птицы ходятъ быстро и ловко, нѣкоторые виды почти такъ же искусно, какъ голенастыя птицы, плаваютъ хорошо, но больше летаютъ, чѣмъ плаваютъ, ходятъ или стоятъ; притомъ полетъ ихъ отличается отъ полета всѣхъ прочихъ морскихъ летуновъ, на лету они выдѣлываютъ смѣлыя, разнообразныя, часто удивительныя штуки, то скользятъ, то подолгу порхаютъ на одномъ мѣстѣ. Голосъ ихъ представляетъ собою непріятное карканье, молодые поморники тихо пищатъ. Родственниковъ своихъ они превосходятъ какъ остротою внѣшнихъ чувствъ, такъ храбростью и смѣлостью. Какъ настоящія хищныя птицы, поморники нападаютъ на всѣхъ животныхъ, которыхъ могутъ одолѣть, а какъ настоящіе грабители, они до тѣхъ поръ мучаютъ другихъ птицъ, пока онѣ не бросятъ имъ своей добычи. Ныряютъ поморники хуже другихъ птицъ и только тогда могутъ поймать рыбу, когда она плыветъ почти на самой поверхности воды; но разбойничаютъ поморники ничуть не хуже другихъ птицъ и уносятъ не только рыбъ, но и птицъ, птичьи яйца и мелкихъ млекопитающихъ, а также безпозвоночныхъ морскихъ животныхъ; они бросаются даже на молодыхъ ягнятъ, выклевываютъ имъ глаза и мозгъ, глотаютъ все, что только можетъ послужить имъ пищей, и хватаютъ какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ животныхъ. Кромѣ того, поморники слѣдятъ за охотой чаекъ, крачекъ, олушей и т. п. морскихъ птицъ и если замѣтятъ, что кому-нибудь изъ нихъ удалось поймать добычу, то поспѣшно подлетаютъ къ нимъ и щиплютъ и мучаютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не отрыгнутъ или не выплюнутъ уже проглоченной добычи, которую поморники подхватываютъ съ неизмѣнной ловкостью прежде, чѣмъ она успѣетъ погрузиться въ море. Благодаря такому безсовѣстному вымогательству, всѣ птицы ненавидятъ поморниковъ и чрезвычайно боятся ихъ изъ за ихъ хищничества, которое ни съ чѣмъ не считается. Ни одна морская птица не станетъ выводить птенцовъ по сосѣдству съ поморниками, ни одна не остается тамъ, гдѣ поморникъ отдыхаетъ; всякая робко осматривается, когда поморникъ летаетъ кругомъ; болѣе храбрыя птицы нападаютъ на него, а болѣе трусливыя со страхомъ обращаются въ бѣгство при видѣ поморника.

Для гнѣзда поморники вырываютъ или устраиваютъ кругловатую ямку въ пескѣ или во мху тундры, кладутъ въ это незатѣйливое гнѣздо 2—3 яйца, которыя самецъ и самка высиживаютъ поочередно съ большимъ самоотверженіемъ; потомство свое они мужественно защищаютъ отъ всякаго приближающагося врага.

Сѣверные жители собираютъ также яйца поморниковъ и ѣдятъ ихъ, другой же пользы изъ этихъ птицъ не извлекаютъ, а справедливо считаютъ ихъ вредными животными и преслѣдуютъ всѣми средствами, какія находятся въ ихъ распоряженіи. Охотиться на поморниковъ не трудно, такъ какъ они попадаются во всякую западню, идутъ на всякую приманку и такъ же мало боятся человѣка, какъ и другихъ животныхъ.

*

Большой поморникъ, или скуа (Stercorarius catarrhactes, рис. на стр. 640), самый характерный видъ подсемейства, величиной почти что съ ворона; длина его 57 см. Опереніе его по сѣровато-бурому, а на нижней сторонѣ болѣе свѣтлому фону покрыто красноватыми и свѣтло-сѣрыми продольными полосами; при основаніи темныхъ маховыхъ перьевъ находится бѣлое пятно, глаза красновато-каріе, клювъ при основаніи свинцово-сѣрый, кончикъ клюва черный, ноги черновато-сѣрыя.

Родиной большого поморника считается поясъ, лежащій между 60-мъ и, 70-мъ градусомъ сѣверной широты; но эту птицу наблюдали также въ моряхъ южнаго умѣреннаго пояса. Въ Европѣ онъ живетъ на Фарерскихъ, Оркнейскихъ и Шотландскихъ островахъ, на Гебридахъ и на Исландіи, и отсюда зимою спускается до береговъ Англіи, Германіи, Голландіи и Франціи. Большая же часть помор-

никовъ и въ холодное время года остается на сѣверѣ, гдѣ море не замерзаетъ, и гдѣ они могутъ отыскивать себѣ пищу.

Отъ крупныхъ чаекъ большой поморникъ отличается разнообразіемъ, ловкостью и проворствомъ своихъ движеній. Онъ быстро бѣгаетъ, изящно плаваетъ, производя неожиданные и смѣлые повороты, напоминающіе движенія боевыхъ птицъ при полетѣ. Голосъ его — глубокій звукъ „ах ах“ или рѣзкій звукъ „ія“; нападая на врага, онъ издаетъ глухое „го-о“. Эту птицу на морѣ всего болѣе боятся, она ни съ какими другими птицами не имѣетъ дружескихъ отношеній, ее ненавидятъ, и только самыя храбрыя птицы рѣшаются на нее нападать. Какъ

Большой поморникъ (Stercorarius catarrhactes). 1/6 естеств. велич.

дѣйствуетъ на другихъ птицъ храбрость большого поморника, видно изъ того, что отъ него въ страхѣ бѣгутъ даже самыя крупныя и сильныя морскія птицы, повидимому значительно болѣе сильныя, чѣмъ самъ большой поморникъ. Подвижность его находится въ соотвѣтствіи съ его вѣчною ненасытностью; пока онъ летаетъ, онъ все время охотится. Завидѣвъ издали другихъ плотоядныхъ морскихъ птицъ, онъ летитъ въ ихъ сторону, наблюдаетъ за ними, ждетъ, пока онѣ чего-нибудь не поймаютъ, тогда быстро подлетаетъ и нападаетъ на нихъ, какъ хищникъ на свою дичь, съ такою силой, ловкостью, смѣлостью и дерзостью, что заставляютъ ихъ выплюнуть только-что схваченную добычу.

Нерѣдко большой поморникъ овладѣваетъ и самой птицей. Граба видѣлъ, какъ онъ раздробилъ черепъ одному нырцу, другіе наблюдатели — какъ онъ душилъ кайръ и чаекъ, рвалъ ихъ на части и пожиралъ. Мертвыя или больныя

птицы, плавающія въ морѣ, неминуемо попадаютъ въ когти поморника, здоровыхъ же онъ только потому не трогаетъ, что онѣ, при приближеніи его, немедленно ныряютъ. На птичьихъ горахъ онъ безъ зазрѣнія совѣсти грабитъ гнѣзда птицъ, выводящихъ тамъ свое потомство, и уноситъ яйца и птенцовъ своимъ собственнымъ дѣтямъ. „Когда этотъ смѣлый разбойникъ приближается къ такому мѣсту вывода“, говоритъ Науманнъ, „то изъ тысячи птичьихъ глотокъ одновременно раздается общій крикъ ужаса; но ни одна изъ приведенныхъ въ тревогу птицъ не смѣетъ серьезно воспротивиться злому намѣренію поморника. Онъ схватываетъ перваго попавшагося птенца, который корчится въ его клювѣ, а несчастная мать съ крикомъ летитъ нѣкоторое время вслѣдъ за улетающимъ хищникомъ, но безъ всякой пользы. Видя, что ему уже ничто не мѣшаетъ, большой поморникъ спускается на море, убиваетъ свою добычу и проглатываетъ ее, затѣмъ летитъ къ своимъ птенцамъ и, отрыгивая только что проглоченную пищу, кормитъ ихъ. Такимъ образомъ скуа является бичемъ всѣхъ птицъ, населяющихъ „птичьи горы“.

Большею извѣстностью, чѣмъ другіе виды, пользуется исправникъ (Stercorarius parasiticus). Онъ значительно меньше и стройнѣе большого поморника; на лбу у него бѣлое или желтовато-бѣлое пятно и горло такого же цвѣта, остальное опереніе или все одинаковаго бураго цвѣта сажи, или на верхней сторонѣ бураго цвѣта, горло желтоватое, нижняя сторона сѣровато-бѣлая, зобъ сѣрый. Глаза каріе, клювъ черный, восковица свинцово-сѣрая, ноги синевато-черныя. Длина, включая торчащія хвостовыя перья, доходитъ до 60-ти см.

Судя по нашимъ наблюденіямъ, исправникъ — самый обыкновенный видъ изъ всего подсемейства. Онъ также обитаетъ на сѣверѣ земного шара, начиная отъ Шпицбергена и Гренландіи вплоть до средней Норвегіи, часто встрѣчается на о. Исландіи, на Фарерскихъ островахъ и на островахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Шотландіи, а также на Лабрадорѣ, на Ньюфаундлендѣ, въ Беринговомъ и Охотскомъ морѣ; зимою онъ всегда спускается до южнаго берега Нѣмецкаго моря, а также залетаетъ и внутрь странъ, расположенныхъ вдоль его побережья. За исключеніемъ періода вывода, исправникъ живетъ только на морѣ; при этомъ онъ далеко не всегда придерживается острововъ и шхеръ и, какъ кажется, иногда по цѣлымъ недѣлямъ пребываетъ вдали отъ суши.

Семейство чистиковыхъ птицъ (Alcidae) составляется приблизительно 30-тью видами ныряющихъ морскихъ птицъ, распространенныхъ по сѣвернымъ морямъ; признаки ихъ заключаются въ сильномъ сложеніи, короткой шеѣ, толстой головѣ, въ умѣренно-длинномъ, очень различной формы клювѣ, въ умѣренно высокихъ, трехпалыхъ ногахъ съ большими плавательными перепонками, въ короткихъ узкихъ, очень мало развитыхъ крыльяхъ, въ короткомъ хвостѣ и мягкомъ, обыкновенно двухцвѣтномъ опереніи.

Всѣ чистиковыя птицы водятся въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ и въ находящихся съ нимъ въ связи заливахъ и проливахъ; по направленію къ югу онѣ лишь въ немногихъ мѣстахъ заходятъ далѣе полярнаго круга, хотя всякую зиму, во время своихъ странствованій, минуютъ его. Это настоящія морскія птицы, живущія на сушѣ только въ пору вывода, но всѣ остальныя дѣла свои обдѣлывающія въ водѣ. Онѣ плаваютъ и ныряютъ превосходно, летаютъ сравнительно еще недурно; ходятъ онѣ хотя не охотно, но довольно быстро и притомъ больше скользятъ на ступняхъ, чѣмъ опираются на пальцахъ. Внѣшнія чувства у нихъ острыя, прочія духовныя способности вовсе не такъ мало развиты, какъ обыкновенно полагаютъ, такъ какъ не принимаютъ во вниманіе того, что въ большинствѣ случаевъ эти птицы имѣютъ возможность развиваться лишь весьма односторонне. Питаются онѣ исключительно рыбою и раками, которыхъ иногда ловятъ на довольно значительной глубинѣ. Всѣ любятъ общество, любятъ сообща рыбачить, а въ пору вывода соединяются въ большія или меньшія стаи, причемъ нѣкоторые виды образуютъ

общества, состоящія, вѣроятно, изъ сотенъ тысячъ паръ. Для жителей сѣвера чистиковыя птицы, особенно кайры и гагарки, являются истиннымъ благословеніемъ небесъ.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ морскихъ птицъ — это чистикъ (Fratercula arctica), представитель рода чистиковъ; это — средней величины птица съ короткой шеей, толстой головой и крайне странно устроеннымъ клювомъ. Клювъ этотъ, разсматриваемый сбоку, имѣетъ треугольную форму; при основаніи онъ выше чѣмъ у лба и подбородка, съ боковъ сильно сжатъ, сзади окруженъ толстой кожей, которая простирается и на углы рта, а спереди снабженъ нѣсколькими бороздками; кончикъ клюва не особенно заостренъ, но снабженъ очень острыми краями. На трехпалыхъ ногахъ съ довольно большими плавательными перепонками имѣются крѣпкіе, загнутые вбокъ когти. Крылья маленькія, узкія, сзади съ закругленными, короткими кончиками, 16-ти-перый хвостъ очень короткій; мелкое опереніе на верхней сторонѣ густое, жесткое и гладко прилежащее, на нижней сторонѣ длинное и шерстистое, вездѣ расчесанное. Верхняя часть головы, полоса на шеѣ и верхняя часть спины черныя, щеки и горло пепельно-сѣрыя, нижнія части тѣла бѣлыя, бока сѣрые или черноватые. Глаза темно-каріе, глазное кольцо коралловокрасное, наростъ на клювѣ пепельно-сѣрый, кончикъ клюва блѣднаго коралловокраснаго цвѣта. Длина 31 см.

Чистикъ водится въ Нѣмецкомъ морѣ, въ сѣверной части Атлантическаго океана и въ Ледовитомъ океанѣ до 80-го градуса сѣверной широты, встрѣчается, значитъ, какъ на европейскихъ, такъ и на азіатскихъ и американскихъ берегахъ, но на сѣверѣ Тихаго океана замѣняется родственнымъ видомъ. Нѣкоторыя пары выводятъ потомство на Гельголандѣ; далѣе къ сѣверу чистики попадаются чаще, а въ Ледовитомъ океанѣ водятся поистинѣ въ несмѣтныхъ количествахъ, такъ что лѣтомъ на мѣстахъ, удобныхъ для вывода кишатъ сотнями тысячъ и милліонами. Въ европейской части Ледовитаго моря чистики составляютъ главную часть населенія всѣхъ „птичьихъ горъ“. Чистика, строго говоря, нельзя назвать перелетной птицей, хотя онъ и показывается зимою нерѣдко въ болѣе южныхъ краяхъ. Можетъ, конечно, случиться, что онъ, забираясь все дальше и дальше, попадетъ случайно даже въ Средиземное море.

Прежде всего въ этой птицѣ поражаетъ ея изумительный полетъ: летаетъ чистикъ надъ самою поверхностью моря, притомъ такъ, будто не хочетъ подниматься надъ волнами, а желаетъ только скользить по нимъ. При полетѣ чистикъ столько же пользуется ногами, сколько крыльями, и быстро передвигается отъ волны къ волнѣ, напоминая полу-плавающую, полу-летающую рыбу; то и дѣло ударяя крыльями и ногами по водѣ, онъ описываетъ одну дугу за другою и, какъ бы прижимаясь къ волнамъ, подвигается впередъ, повидимому, съ большой поспѣшностью, но съ еще большимъ усиліемъ. При этомъ клювъ разрѣзаетъ волны, такъ что полетъ очень похожъ на полетъ ножеклювовъ. Разъ взлетѣвъ на воздухъ, чистикъ летитъ прямо, быстро махая крыльями, и притомъ такъ скоро, что стрѣлокъ на первыхъ порахъ всегда мѣтится не туда, куда слѣдуетъ. Плаваетъ онъ не хуже любого представителя своего семейства. Онъ легко держится на волнахъ, опускается, когда ему вздумается, подъ поверхность воды, ныряетъ безъ видимаго напряженія и безъ всякаго шума, остается подъ водою до 3-хъ минутъ и, какъ говорятъ, можетъ опускаться внизъ на глубину 60-ти метровъ. По твердой землѣ онъ ходитъ ковыляя и качаясь, но все-таки замѣчательно хорошо, поднимается также прямо съ мѣста вверхъ и безъ всякихъ колебаній опускается изъ воздуха на сушу; сидитъ онъ обыкновенно, опираясь на всю подошву своихъ ногъ и на хвостъ, или же просто ложится плашмя на брюшко. Подобно своимъ родственникамъ, онъ, даже сидя спокойно, непрерывно шевелитъ головой и шеей и словно ищетъ чего-то или тщательно разсматриваетъ, что творится кругомъ. Голосъ его отличается только своей глубиной отъ трескотни родственныхъ птицъ и болѣе всего похожъ на голосъ гагарки; крикъ чистика звучитъ глухо и

протяжно, вродѣ „орр орр“, иногда, по словамъ Фабера, такъ, какъ зѣваніе соннаго человѣка; въ гнѣвѣ чистикъ ворчитъ на подобіе маленькой разозлившейся собачки.

Пища состоитъ изъ мелкихъ ракообразныхъ животныхъ и мелкой рыбы; послѣднею чистикъ выкармливаетъ своихъ птенцовъ. На „птичьихъ горахъ“ во время вывода онъ, какъ говорятъ, ѣстъ зеленыя части растеній, напр. листья ложечной травы.

Въ половинѣ апрѣля или въ началѣ мая, смотря по тому, раньше или позже таетъ снѣгъ, чистикъ появляется вблизи горъ и по возможности отыскиваетъ свою старую нору или выкапываетъ себѣ новую. Въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ кайръ и отъ гагарокъ, ибо никогда, вѣроятно, не кладетъ своихъ яицъ прямо на землю. Не всѣ, впрочемъ, сами роютъ себѣ ямки для вывода, такъ какъ сначала стараются приспособить для этой цѣли всякую щель въ скалѣ или темную разсѣлину, и только необходимость заставляетъ чистика приниматься за работу. Ямки чистиковъ похожи на кроличьи норки, но обыкновенно бываютъ настолько коротки, что изъ входа можно видѣть сидящую въ глубинѣ птицу. Повидимому работаютъ надъ своей норой птицы обоего пола. Для своей работы онѣ пользуются клювомъ и ногами. Роя свою пещеру, чистики всегда пылятся или, вѣрнѣе, такъ пачкаются торфяной землей, что уже почти невозможно отличить красокъ ихъ оперенія; но они освобождаются отъ этой грязи еще раньше, чѣмъ приступаютъ къ выводу. Каждая парочка кладетъ одно яйцо, сравнительно крупное, имѣющее около 70 миллиметровъ въ продольномъ поперечникѣ. Скорлупа крупнозернистаго строенія и шероховатая, окраска яйца — чисто бѣлый цвѣтъ, который впрочемъ отъ торфяной почвы становится скоро желтымъ, а затѣмъ буроватымъ. Оба родителя, какъ говорятъ, высиживаютъ птенцовъ въ теченіе 5-ти недѣль. Молодая птица появляется на свѣтъ въ длинной и густой пуховой одеждѣ чернаго, какъ уголь, и свѣтло-сѣраго цвѣта; въ первые дни своей жизни птенецъ очень жалобно пищитъ, впослѣдствіи кричитъ громче, но трескучему звуку „орр“, издаваемому родителями, выучивается лишь вполнѣ окрылившись. Оба родителя иногда изъ далекихъ мѣстъ приносятъ птенцу кормъ и, не задумываясь, подвергаются опасностямъ, если имъ кажется, что такимъ образомъ они могутъ спасти свое любимое дѣтище, а въ случаѣ необходимости защищаютъ его, яростно кусая врага.

Обладатели „птичьихъ горъ“ всегда похищаютъ, если это имъ удается, первое яйцо чистика, но обыкновенно оставляютъ родителямъ второе, а затѣмъ безъ пощады вынимаютъ изъ гнѣзда еще не окрылившагося птенца и съѣдаютъ его или солятъ на зиму. Для неволи чистиковъ не ловятъ, такъ какъ имъ невозможно доставлять необходимой для нихъ пищи.

*

Гагарки (Alca) отчасти похожи на чистиковъ строеніемъ клюва. У нихъ клювъ средней длины, очень узкій и высокій, на гребнѣ выгнутый дугообразно, нижняя створка выдвинута впередъ угломъ, сзади по бокамъ клювъ покрытъ бороздками, а загнутые края очень остры; крылья стройныя, съ длинными кончиками и по формѣ нѣсколько напоминаютъ саблю; короткій хвостъ состоитъ изъ 12-ти узкихъ перьевъ.

Во всѣхъ тѣхъ частяхъ моря, гдѣ встрѣчается чистикъ, водится и гагарка (Alca torda). Въ брачной одеждѣ у нея опереніе на верхней сторонѣ и на передней части шеи черное; узкая полоса, идущая отъ клюва къ глазу, оторочка на кончикахъ маховыхъ перьевъ второго порядка, грудь и брюшко — бѣлые. Глаза темно-каріе, клювъ черный съ бѣлой поперечной полоской, ноги также черныя. Длина 42 см.

По образу жизни, по нравамъ и привычкамъ гагарка такъ похожа на кайръ, что все, относящееся къ этимъ послѣднимъ, можетъ быть отнесено и къ ней. Это въ такой же мѣрѣ морская птица, какъ кайры, живетъ изъ году въ годъ приблизительно на одномъ и томъ же мѣстѣ, но любитъ бродить изъ одной части моря въ другую и зимою, напр., часто посѣщаетъ всѣ норвежскіе фьорды, гдѣ ея не видать лѣтомъ; довольно правильно она появляется также на берегахъ Германіи,

Голландіи и Франціи, а въ началѣ весны опять направляется на сѣверъ для вывода. Въ маѣ она вмѣстѣ съ кайрами и чистиками прибываетъ на „птичьи горы“, гдѣ обыкновенно встрѣчается въ такомъ же количествѣ, какъ вышеупомянутыя птицы. Бойе наблюдалъ такую стаю гагарокъ, которая доходила въ ширину до 1000 шаговъ и такъ долго неслась надъ его лодкой, что онъ успѣлъ десять разъ зарядить ружье и выстрѣлить; въ тѣхъ же краяхъ я видѣлъ нѣсколько подобныхъ же стай. Чтобы испробовать, на какую глубину можетъ нырять гагарка, и сколько времени она можетъ пробыть подъ водою, одной птицѣ привязали къ ногѣ очень длинную тонкую веревочку и бросили ее съ лодки въ море. Птица тотчасъ же исчезла и потянула за собою весь шнурокъ длиною въ 60 метровъ; спустя приблизительно $2^3/_4$ минуты гагарка снова показалась на поверхности, подышала и опять нырнула.

Голосъ похожъ на голосъ чистика, но еще глубже и рѣзче, вродѣ „эрр“ или „арр“; иногда гагарка издаетъ также мяукающій звукъ вродѣ „арр-ерр-кверр квеэр“.

На „птичьихъ горахъ“ гагарка всего охотнѣе завладѣваетъ трещинами и разсѣлинами скалъ; иногда гнѣздо ея можно найти подъ камнемъ, т. е. вообще въ углубленіяхъ. Каждая парочка кладетъ только одно яйцо очень значительной величины. Молодая птица вылупляется въ буровато-черной пуховой одеждѣ съ бѣловатымъ пухомъ на лицѣ; когда она едва успѣетъ вырости на половину, то, послѣ долгихъ колебаній, ободряемая громкими криками и жестикуляціями стариковъ, она или прямо низвергается съ высоты скалъ въ море, или скатывается внизъ по стѣнѣ утеса къ водѣ; родители слѣдуютъ за нею, плаваютъ рядомъ съ нею и учатъ ее нырять и искать пищу; когда птенецъ научится самъ ѣсть, то родители продолжаютъ еще нѣкоторое время водить его, но уже больше не кормятъ.

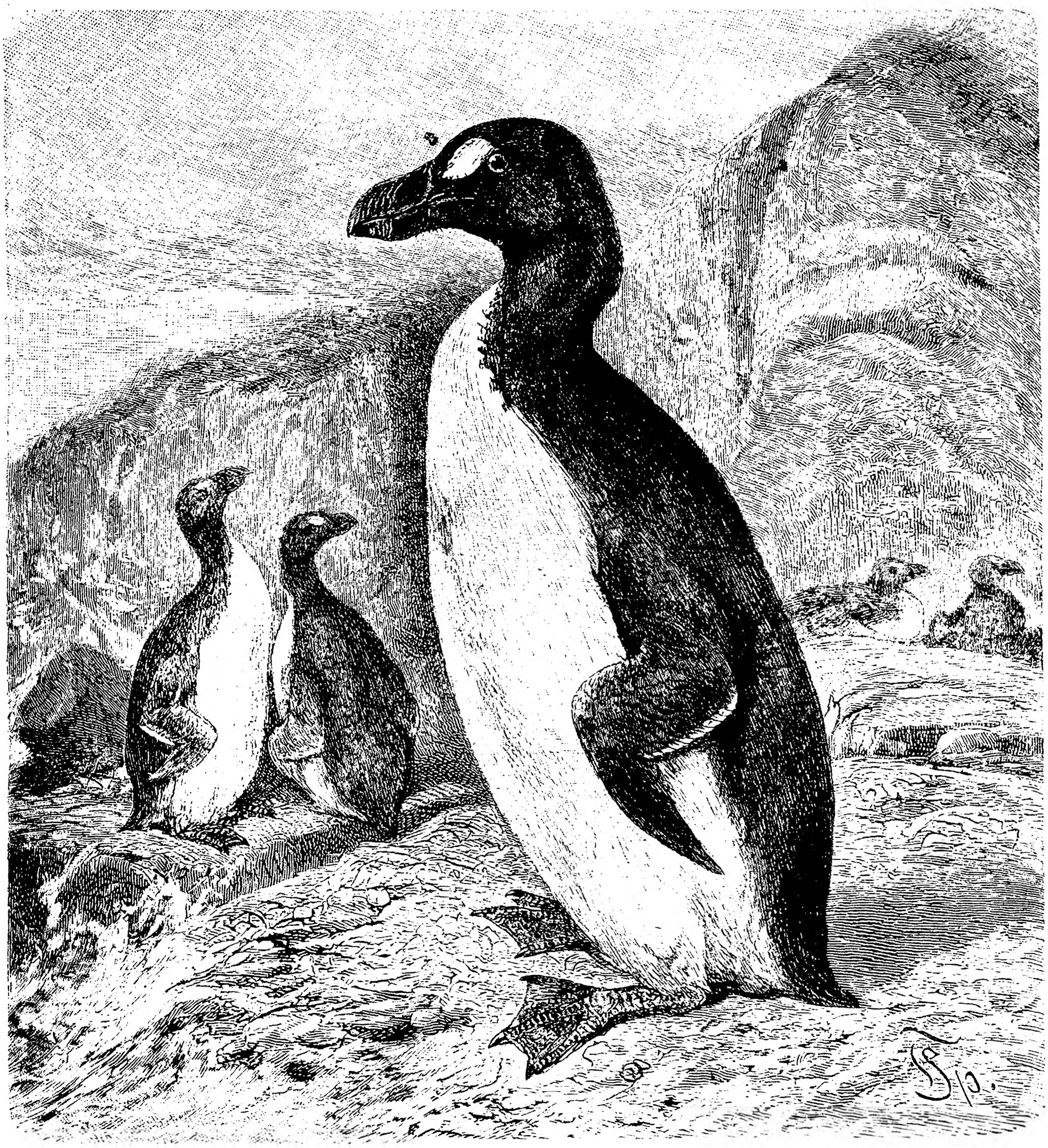
*

Еще въ началѣ 19-го столѣтія на далекомъ сѣверѣ жила удивительная птица; въ настоящее время она, вѣроятно, уже совершенно истреблена человѣкомъ. Если же она до сихъ поръ живетъ въ неизвѣстномъ намъ мѣстѣ, то, по вѣрному замѣчанію Ньютона, она снова скоро опять исчезла бы, если бы мѣстопребываніе ея стало извѣстнымъ. Прежде эта птица употреблялась въ пищу исландцами и гренландцами, теперь же чучело ея цѣнится на вѣсъ золота.

Безкрылая гагарка (Plautus [Alca] impennis) справедливо считается представительницей особаго рода, извѣстнаго подъ названіемъ безкрылыхъ гагарокъ (Plautus). Кромѣ большой величины, эта птица характеризуется крайне мало развитыми крыльями, при помощи которыхъ она не можетъ летать, хотя и имѣются на лицо всѣ порядки маховыхъ перьевъ, правда въ несовершенномъ видѣ. Клювъ вытянутый и, начиная отъ основанія до кончика, изогнутъ нѣсколько дугообразно, подклювье слегка выдолблено внутрь, очень высоко, но крайне узко; края клюва отъ угловъ рта до носовыхъ отверстій образуютъ почти прямую линію, которая далѣе нѣсколько изгибается вверхъ, а на кончикѣ клюва опять опускается; створки клюва снабжены спереди нѣсколькими бороздками, которыхъ на надклювьѣ насчитывается 6—7, а на подклювьѣ 9—10. Ноги по строенію своему не отличаются отъ ногъ гагарокъ, опереніе такое же какъ у этихъ послѣднихъ, въ хвостѣ столько же рулевыхъ перьевъ. Безкрылая гагарка величиной приблизительно съ гуся: длина ея достигаетъ около 90 см. Опереніе на верхней сторонѣ блестяще-черное, горло черновато-бурое; впереди глаза и надъ глазомъ находится бѣлое овальное пятно, нижняя сторона и каемка изъ кончиковъ малыхъ маховыхъ перьевъ бѣлаго цвѣта. Клювъ и ноги черные.

До послѣдняго времени предполагали, что эта птица жила или живетъ въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ морей земного шара; но изъ изслѣдованій Воллея и Стеенструпа явствуетъ, наоборотъ, что въ доисторическія времена безкрылая гагарка обитала въ большомъ количествѣ на берегахъ Даніи. Ничто не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы безкрылая гагарка когда-либо посѣщала Шпицбергенъ, и

еще менѣе вѣроятія, чтобы она встрѣчалась на далекомъ сѣверѣ Америки. Гольбэллъ сообщаетъ, что на берегу Гренландіи, близъ Фискернэса, въ 1815 г. была поймана послѣдняя безкрылая гагарка. Всѣ прочія данныя говорятъ въ пользу того, что эта птица жила въ болѣе южной части Ледовитаго океана и прежде, вѣроятно, въ еще бо́льшихъ количествахъ встрѣчалась на сѣверѣ Атлан-

Безкрылая гагарка (Plautus impennis). 1/6 естеств. велич.

тическаго океана или Нѣмецкаго моря. Несомнѣнно, повидимому, что прежде она для вывода спускалась до Фарерскихъ острововъ и даже, вѣроятно, посѣщала Гебридскіе острова. Въ 1790 г. поймана была одна безкрылая гагарка въ гавани Киля, такъ что эта странная птица можетъ считаться также и нѣмецкой птицей; въ 1830 г., по словамъ Науманна, мертвая безкрылая гагарка была прибита къ берегу Нормандіи. Всего чаще она, вѣроятно, встрѣчалась на Исландіи и на Ньюфаундлендѣ, но не на самихъ островахъ, а на окружающихъ шхерахъ и на маленькихъ скалистыхъ островкахъ, постоянно

омываемыхъ бурнымъ прибоемъ; здѣсь безкрылыя гагарки, какъ въ наиболѣе безопасныхъ для себя мѣстахъ, выводили потомство, и эти же мѣста до новѣйшаго времени служили имъ убѣжищемъ, благодаря своей неприступности.

Уже въ 18-мъ столѣтіи безкрылая гагарка, повидимому, здѣсь уже не встрѣчалась, въ большихъ количествахъ. Въ рукописномъ сообщеніи начала второй половины 18-го столѣтія, Ньютонъ и Воллей нашли описаніе населеннаго безкрылыми гагарками утеса возлѣ Рейкьяна; въ сообщеніи этомъ говорится о великомъ множествѣ птицъ, живущихъ тамъ на скалахъ, но приэтомъ дѣлается замѣчаніе, что безкрылыя гагарки встрѣчаются тамъ вовсе не такъ часто, какъ люди воображаютъ, что онѣ занимаютъ не болѣе шестнадцатой доли утеса, такъ какъ, вслѣдствіе своей неспособности летать, не могутъ забираться выше. Одна часть этого сочиненія даетъ точное описаніе безкрылой гагарки и ея особенностей, не исключая и яицъ, которыя авторъ рукописи изображаетъ съ точностью, на какую способенъ только спеціальный знатокъ птицъ; кромѣ того, къ рукописи приложенъ рисунокъ, изображающій утесъ и двухъ мужчинъ, занятыхъ ловлею безкрылыхъ гагарокъ. Олафсону, посѣтившему Исландію въ 1458 г., разсказывали, что въ былыя времена островитяне наполняли цѣлыя лодки яйцами этихъ птицъ, изъ чего слѣдуетъ, что въ прежнее время предпринимались на упомянутый утесъ правильныя путешествія для ловли безкрылыхъ гагарокъ и собиранія ихъ яицъ. Эти путешествія продолжались, повидимому, до начала 19-го вѣка; во времена же Фабера, т. е. въ 1822 г., обыкновеніе это было оставлено, и посѣщенія острова предпринимались развѣ только случайно. Такъ, лѣтомъ 1813 г. одинъ корабль отправился съ Фарерскихъ острововъ на Исландію за съѣстными припасами; проѣзжая мимо вышеуказанной скалы, экипажъ корабля увидѣлъ, что она покрыта птицами, взобрался на скалу, такъ какъ погода благопріятствовала этому, и убилъ нѣкоторое количество безкрылыхъ гагарокъ, изъ которыхъ нѣсколько было привезено въ Рейкьявикъ. Если свѣдѣнія, собранныя учеными, справедливы, то эти мореплаватели произвели большое избіеніе птицъ, такъ какъ они привезли съ собою не менѣе 24 безкрылыхъ гагарокъ, не считая тѣхъ, которыя уже были посолены. Въ 1814 г., по словамъ Фабера, одинъ крестьянинъ убилъ на одной маленькой шхерѣ 7 безкрылыхъ гагарокъ, а съ этихъ поръ до 1830 г. во всякомъ случаѣ ихъ было убито еще много, но никогда уже болѣе не попадались очень крупные экземпляры. Въ 1830 г. нѣкто Гоудмундсзонъ предпринялъ съ цѣлью охоты два путешествія на Эльдей или на „Мѣшокъ съ мукой“ и въ первый разъ нашелъ 12 или 13, во второй 8 безкрылыхъ гагарокъ, изъ которыхъ бо́льшая часть была сохранена для коллекцій. Въ слѣдующемъ году, подъ руководствомъ того же лица, сдѣлано было еще одно путешествіе, причемъ поймано было 24 штуки, изъ которыхъ нѣкоторыя были привезены живыми и содержались извѣстное время въ плѣну. Изъ всѣхъ этихъ безкрылыхъ гагарокъ сдѣланы были чучела одною дамою. Въ 1833 г. убито было 13 штукъ, въ 1834 г. — 9, въ 1840 или 1841 г. только 3, въ 1844 г. — 2 — послѣднія птицы, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, быть можетъ послѣдніе представители своего рода.

По многочисленнымъ сообщеніямъ старыхъ мореплавателей и по новымъ изслѣдованіямъ, удалось установить, что безкрылая гагарка встрѣчалась также часто на Ньюфаундлендѣ и на нѣкоторыхъ сосѣднихъ шхерахъ. Заслуга Стеенструпа въ томъ, что онъ собралъ старинныя, достойныя вниманія сообщенія объ изумительномъ количествѣ „пингвиновъ“, какъ называли безкрылыхъ гагарокъ на западномъ берегу Атлантическаго океана. Изъ сообщеній, относящихся къ 16-му столѣтію, видно, что безкрылыя гагарки были здѣсь очень многочисленны. Гаклюитъ разсказываетъ въ письмѣ отъ 13 ноября 1578 г., что на такъ называемомъ „Пингвиновомъ островѣ“ видѣли массу этихъ птицъ и что ихъ по доскѣ загнали въ лодку въ такомъ количествѣ, въ какомъ только было возможно. „Впослѣдствіи“, говоритъ то-же лицо, „мы увидѣли островъ, который называется „Пингвиновымъ“ въ честь птицы, которая въ невѣроятномъ количествѣ выводитъ тамъ потомство, но не можетъ летать, такъ какъ крылья ея не въ силахъ поднять ея тѣла; она очень велика, не меньше гуся, и чрезвычайно жирна. Фран-

цузы обыкновенно безъ труда ловятъ эту птицу на указанномъ островѣ и солятъ ее; если бы у насъ было достаточно времени, мы сдѣлали бы тамъ подобные же запасы.“

Въ 1883 г. Блазіусъ сдѣлалъ списокъ набитыхъ птицъ и чучелъ этого вида; всего сохраняется 74 штуки, изъ нихъ 3 въ Америкѣ и 71 въ Европѣ, а изъ этихъ послѣднихъ 21 въ Великобританіи и 20 въ Германіи.

Въ прежнія времена, въ лѣтніе мѣсяцы, рыбаки такъ часто видѣли безкрылыхъ гагарокъ на морѣ, вокругъ Исландіи, что почти не обращали на нихъ вниманія. Первыми обыкновенно замѣчали этихъ птицъ жители Киркъюефогра и Судрнеса, когда онѣ появлялись на вершинѣ горы Гафны и оттуда достигали теченія при Рейкьянѣ. Всѣ наблюдатели говорятъ, что безкрылыя гагарки плаваютъ обыкновенно, высоко поднявъ голову, и, если ихъ потревожить, всегда ныряютъ. На скалахъ онѣ всегда сидѣли выпрямившись, держась прямѣе кайръ и гагарокъ. Ходили или бѣгали онѣ мелкими шажками и держась прямо, какъ человѣкъ, а если имъ грозила какая-нибудь опасность, то кидались въ море съ высоты 4—5 метровъ. Онѣ больше пугались шума, чѣмъ зрительныхъ впечатлѣній. При испугѣ онѣ издавали слабое карканье. Никогда не было замѣчено, чтобы онѣ защищали свои яйца; если же дѣлалось нападеніе на самихъ птицъ, то онѣ защищались, отчаянно кусаясь.

Пища, какъ говорятъ, состояла изъ рыбъ различной величины. Фабриціусъ сообщаетъ, что нашелъ и растительныя вещества въ желудкѣ одной молодой безкрылой гагарки.

Единственное яйцо каждой пары самка клала въ іюнѣ мѣсяцѣ; оно имѣло форму кубаря, какъ всѣ вообще яйца гагарокъ, но отличалось отъ яицъ этихъ послѣднихъ своей крупной величиной; это было самое крупное пятнистое яйцо изъ всѣхъ яицъ европейскихъ птицъ. Длина яйца равнялась 120—130 миллиметрамъ, а наибольшая ширина — 75—80 миллиметрамъ. Самецъ и самка сидѣли на яйцахъ поочередно, какъ это доказываютъ пятна, остававшіяся на ихъ тѣлѣ отъ высиживанья, но сколько времени — неизвѣстно, можетъ быть недѣль шесть, семь. Молодая птица вылуплялась въ темно-сѣрой пуховой одеждѣ, и очень скоро родители отводили ее въ воду.

*

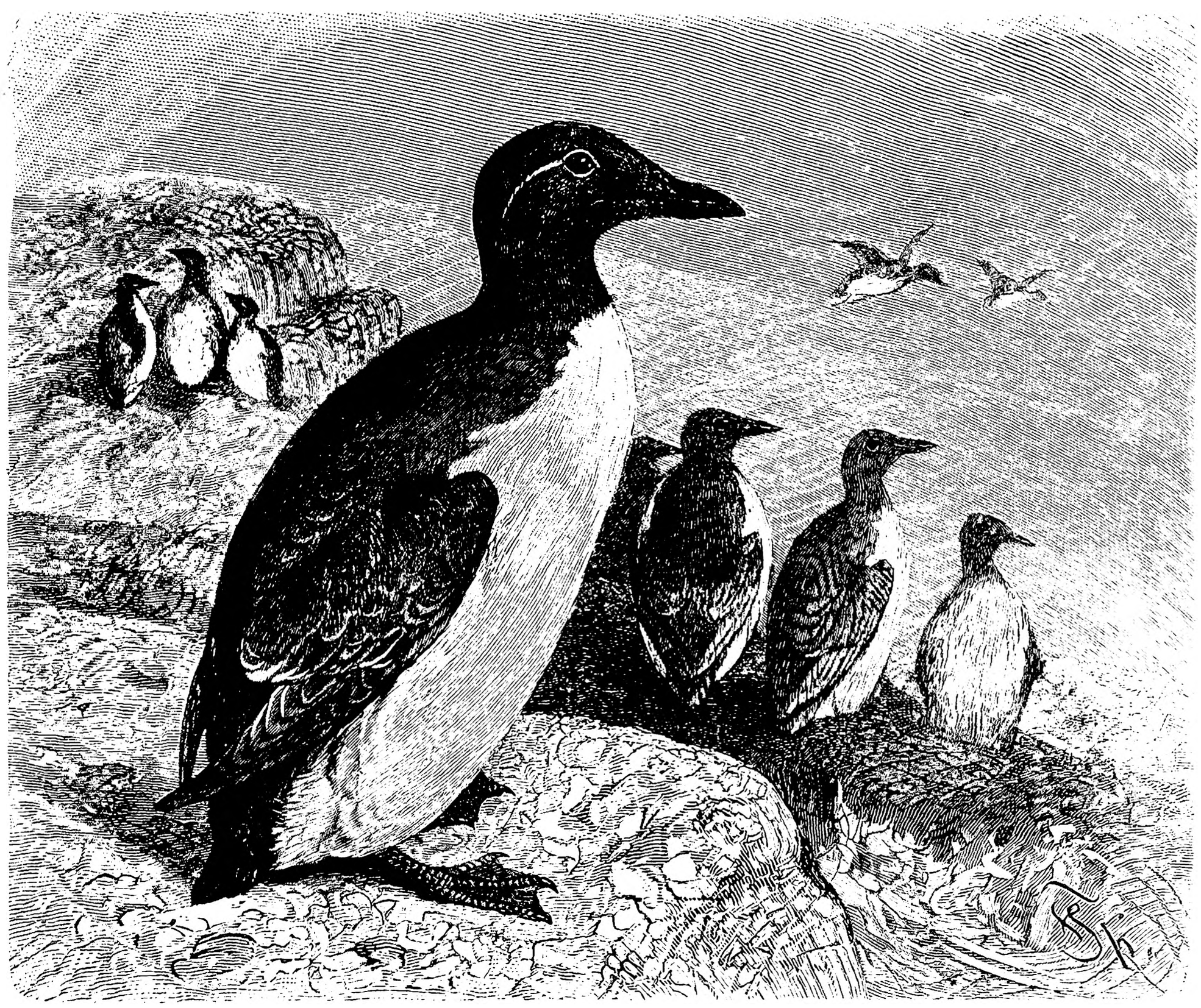
Самымъ привлекательнымъ членомъ рода, который мы теперь опишемъ, а именно рода кайръ (Uria), является атлантическій чистикъ (Uria grylle). Онъ невеликъ, клювъ у него сравнительно длинный, тонкій, прямой, загнутый внизъ только на кончикѣ верхней створки, внизу образующій еле-замѣтный уголъ; ноги у него далеко отодвинуты назадъ, крылья маленькія, узкія, остроконечныя съ сильными маховыми перьями, хвостъ закругленный, состоящій изъ 12—14-ти перьевъ и короткое, густое, расчесанное, бархатистое мелкое опереніе, которое значительно мѣняется въ зависимости отъ возраста и времени года. Въ брачной одеждѣ атлантическій чистикъ весь бархатно-черный съ зеленоватымъ отливомъ, кромѣ чисто-бѣлаго пространства на крылѣ; глаза у него каріе, клювъ черный, ноги кораллово-красныя. Въ зимней одеждѣ нижняя сторона покрыта бѣлыми и черными пятнами. Длина 34 см.

Атлантическій чистикъ распространенъ по далекому сѣверу земного шара и выводитъ птенцовъ между 80-мъ и 58-мъ градусами сѣверной широты. Въ этомъ поясѣ онъ встрѣчается часто, хотя его рѣдко можно увидѣть стаями, а больше парами или въ одиночку. Въ началѣ настоящей зимы эта птица предпринимаетъ болѣе или менѣе правильное странствованіе въ болѣе южныя области и такимъ образомъ ежегодно появляется на сѣверныхъ берегахъ Германіи.

Атлантическаго чистика всегда пріятно видѣть — все равно, сидитъ ли онъ или вѣрнѣе лѣпится на обломкѣ скалы, плаваетъ-ли, ныряетъ-ли онъ, или летаетъ. Чистикъ отличается кроткимъ нравомъ, добродушіемъ и уживчивостью. Птенцовъ онъ, однако, всегда выводитъ парочками, причемъ парочка преисполнена единодушія. До другихъ птицъ атлантическому чистику, повидимому, нѣтъ дѣла, и онъ не пугается также приближенія человѣка.

Гренландцы и исландцы ловятъ атлантическихъ чистиковъ, если только это имъ удается; норвежцы завладѣваютъ только яйцами, но самихъ птицъ не трогаютъ. Мясо ихъ отзываетъ ворванью, но его можно приготовить такъ, что оно становится по крайней мѣрѣ съѣдобнымъ; молодыхъ птицъ часто подаютъ въ Лапландіи, и съ теченіемъ времени къ этому кушанью можно привыкнуть. Кромѣ того, перьями атлантическихъ чистиковъ набиваются перины. Всего болѣе цѣнятся яйца, которыя и иностранцы находятъ очень лакомыми, если привыкнутъ къ ихъ своеобразному вкусу.

У норвежской кайры (Uria lomvia, troile), голова, передняя часть шеи и верхняя сторона бархатнаго бураго цвѣта, кончики малыхъ маховыхъ

Норвежская кайра (Uria lomvia). 1/4 естеств. велич.

перьевъ бѣлые, такъ что образуется свѣтлая полоса, нижнія части тѣла бѣлыя съ бурыми продольными полосами на бокахъ. Зимою передняя часть шеи и часть щекъ также бываютъ бѣлыми. Глаза каріе, клювъ черный, ноги свинцовосѣрыя, снаружи болѣе темныя. Длина 46 см.

Близкая родственница норвежской кайры, бѣлоглазая кайра (Uria ringvia) въ брачной одеждѣ отличается главнымъ образомъ бѣлымъ кольцомъ вокругъ глаза и бѣлой полосой, идущей отъ глаза къ задней части головы.

У кайры-гагарки (Uria bruennichii) клювъ короче и крѣпче, чѣмъ у другихъ кайръ; по краю верхней створки клюва, отъ угла рта до носового отверстія, проходитъ желтовато-бѣлая полоса.

Всѣ эти кайры живутъ въ сѣверныхъ моряхъ, но иногда высиживаютъ птенцовъ и въ умѣренномъ поясѣ, куда и спускаются всегда зимою. Только въ

періодъ высиживанія кайры выходятъ на сушу, въ остальное же время обитаютъ въ открытомъ морѣ, причемъ большинство изъ году въ годъ живутъ приблизительно въ одной и той же области. Онѣ плаваютъ очень искусно, погружая тѣло въ воду почти до границы бѣлой нижней стороны; ныряютъ онѣ мастерски, причемъ подъ водою гребутъ крыльями и ногами чрезвычайно быстро и ловко и могутъ оставаться въ глубинѣ подъ водою въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Кайры быстро летаютъ по воздуху, часто взмахивая крыльями, но неохотно улетаютъ далеко въ одинъ пріемъ; только направляясь къ своему гнѣзду, онѣ летятъ довольно высоко надъ водой, иначе же проносятся надъ самыми волнами. Издали, вслѣдствіе быстраго движенія ихъ крыльевъ, кайры кажутся большими насѣкомыми, а близъ мѣстъ вывода, особенно если гора имѣетъ конусообразную форму, невольно напрашивается сравненіе съ ульемъ, вокругъ котораго кишатъ пчелы. Только бросаясь въ воду, кайры скользятъ по воздуху почти не шевеля крыльями; такъ, напр., съ высоты своихъ горъ онѣ по прямой линіи низвергаются въ море; при этомъ всѣ, насколько возможно, кидаются въ воду подъ тѣмъ же угломъ, такъ что изъ снующихъ вверхъ и внизъ по горѣ птицъ образуется какъ бы покровъ вокругъ всей горы. Внѣ поры высиживанія кайры никогда не летаютъ такимъ образомъ, а только плаваютъ, ныряютъ и развѣ лишь ненадолго поднимаются на воздухъ, но скоро опять исчезаютъ въ волнахъ. Ходятъ онѣ обыкновенно, скользя тяжеловѣсно на подошвахъ ногъ; иногда же онѣ, словно танцуя, бѣгаютъ на пальцахъ, но въ такомъ случаѣ принуждены бываютъ прибѣгать къ помощи крыльевъ для того, чтобы удержаться въ равновѣсіи, такъ что бѣгъ ихъ скорѣе можно назвать несовершеннымъ полетомъ, чѣмъ ходьбою. Голосъ ихъ представляетъ собою протяжное кряканье и трескотню, которая однако производится съ различными интонаціями, а потому звучитъ то какъ „эрр“, то какъ „єрр“; иногда онѣ издаютъ также воющій или мяукающій звукъ. Молодыя птицы свистятъ.

Тотъ, кто посѣтитъ гору, населенную кайрами, перестанетъ удивляться тому, что этихъ птицъ называютъ глупыми. Въ самомъ дѣлѣ, это въ высшей степени простодушныя и довѣрчивыя существа, особенно когда находятся на сушѣ. Даже плавая, кайры часто близко подпускаютъ къ себѣ лодку; на мѣстахъ высиживанія онѣ почти не обращаютъ вниманія на человѣка. Здѣсь, не приводя ихъ въ смущеніе, можно подойти къ нимъ на разстояніе 6 или 4 шаговъ; можно сѣсть около нихъ, смотрѣть на нихъ, рисовать или писать около нихъ — онѣ не улетаютъ. Но внимательный наблюдатель тѣмъ не менѣе можетъ замѣтить, что кайры глупы только въ извѣстномъ смыслѣ. Человѣкъ, посѣщающій ихъ такъ рѣдко, не внушаетъ имъ опасеній; стоитъ однако появиться вдали соколу или орлану-бѣлохвосту — и всѣ птицы обращаются въ бѣгство, и гора пустѣетъ. Значитъ, и кайры хорошо знаютъ своихъ враговъ, и, если не причисляютъ къ нимъ человѣка, то только потому, что не считаютъ его врагомъ. Между собою кайры живутъ очень мирно, не ссорятся также съ другими птицами, которыя не могутъ имъ повредить.

Кто увидитъ кайръ на мѣстахъ высиживанія, не замедлитъ полюбить ихъ. Для высиживанія онѣ выбираютъ себѣ крутыя шхеры или склоны такихъ утесовъ, которые прямо обрываются къ берегу и богаты уступами, выступами и трещинами, а также удобны для рыбной ловли. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля кайры появляются большими или меньшими стаями на горахъ, гдѣ съ этихъ поръ начинаетъ кишѣть своеобразная жизнь. „Птичья гора“ по истинѣ превращается въ эту пору въ огромный улей. Надъ ней постоянно носится облако птицъ; тысячи и сотни тысячъ кайръ, обративъ свою бѣлую грудь къ морю, сидятъ рядами на всѣхъ выступахъ, углахъ, карнизахъ, вообще вездѣ, гдѣ только можно сидѣть; сотни тысячъ въ то-же время летаютъ сверху внизъ и снизу вверхъ, кромѣ того массы птицъ ловятъ рыбу и ныряютъ внизу, въ морѣ. Даже самая большая гора, самая высокая стѣна утеса переполнена бываетъ жителями; но каждая отдѣльная птица довольна своею судьбою, и около мѣстъ высиживанія никогда не происходитъ ссоръ. Каждая кайра, повидимому, старается превзойти своего сосѣда терпѣніемъ и каждая изъ нихъ стремится помогать и содѣйствовать другой, на-

сколько можетъ. Супруги самымъ искреннимъ образомъ привязаны другъ къ другу; до кладки яицъ они постоянно сидятъ рядышкомъ, ласкаютъ другъ друга клювами и трутся другъ о друга шейками; то вдругъ они взлетаютъ и вмѣстѣ устремляются въ море, сообща ловятъ тамъ рыбу, и вмѣстѣ возвращаются къ гнѣзду, гдѣ впослѣдствіи раздѣляютъ дружно всѣ заботы, связанныя съ выводомъ птенцовъ.

Самка кладетъ только одно очень большое яйцо, имѣющее форму кубаря, отличающееся толстой скорлупой и крупно-зернистымъ строеніемъ и по свѣтлому фону покрытое болѣе темными пятнами и разводами; окрашены яйца бываютъ такъ разнообразно, что изъ 100 яицъ врядъ-ли найдется два вполнѣ одинаковыхъ. Настоящихъ гнѣздъ кайры не сооружаютъ, а кладутъ яйца безъ всякой подстилки на голый камень, не очищая почвы даже отъ болѣе крупныхъ кремней. Тотчасъ послѣ кладки начинается высиживанье, причемъ не только чередуются оба супруга одной и той же парочки, но и другія птицы, такъ какъ на всѣхъ птичьихъ горахъ находится безчисленное множество добродушныхъ созданій, которыя съ истинною радостью бросаются на всякое свободное яйцо, чтобы мимоходомъ немного посидѣть на немъ. Черезъ 30—35 дней вылупляется птенецъ, который скорѣе похожъ на сѣровато-черный комокъ шерсти, чѣмъ на птицу; но онъ быстро растетъ, скоро освобождается отъ своей пуховой одежды и черезъ мѣсяцъ уже вполнѣ оперяется. Тогда молодыя птицы мѣняютъ вершину утеса на море — „перемѣна, какъ говоритъ Науманнъ, „не вполнѣ безопасная, какъ достаточно ясно показываетъ странная, боязливая суетня всей семьи взадъ и впередъ и крикъ ея при приближеніи катастрофы. Молодая кайра, подъ руководствомъ стариковъ, однимъ прыжкомъ низвергается съ края утеса въ море и тотчасъ же ныряетъ, а старики слѣдуютъ за нею; когда птенецъ показывается на поверхности, то боязливо прижимается къ родителямъ съ громкимъ свистомъ, словно ища спасенія у нихъ и словно желая укрыться на ихъ спинѣ; но ему тѣмъ не менѣе приходится познакомиться близко съ водяной стихіей, и онъ привыкаетъ къ ней послѣ неоднократнаго нырянія вмѣстѣ со стариками. Они съ перваго же раза начинаютъ учить своего малютку ловить себѣ добычу, такъ какъ съ этихъ поръ онъ долженъ самъ о себѣ заботиться; но родители все-таки еще оберегаютъ его и сопровождаютъ въ открытое море, гдѣ можно видѣть такихъ стариковъ съ ихъ на половину выросшимъ дѣтищемъ, и гдѣ обыкновенно нѣсколько семействъ вмѣстѣ борятся съ вихремъ и непогодой. Инымъ птенцамъ, бросающимся со скалы въ море, приходится солоно, если они имѣютъ несчастіе внизу упасть на камни и получить тамъ смертельные ушибы.

На птичьихъ горахъ, люди періодически производятъ грабежъ яицъ и птенцовъ, которыхъ добывается большее или меньшее количество, смотря по числу птицъ, выводящихъ потомство на данномъ утесѣ. Яйца разсылаются довольно далеко; молодыхъ птицъ солятъ и сохраняютъ на зиму. На Фарерскихъ островахъ образовался особый классъ людей, собирающихъ яйца и птенцовъ со скалъ; эти птицеловы не боятся никакой опасности и принуждены смѣло смотрѣть въ лицо смерти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такъ что врядъ-ли кто либо изъ нихъ спокойно умираетъ въ своей постели. Они взлѣзаютъ на скалы снизу или спускаются внизъ на длинныхъ канатахъ, поднимаются по нимъ до высоты въ 15 метровъ, чтобы добраться до уступа, покрытаго сидящими на яйцахъ птицами, становятся на выступы, гдѣ врядъ-ли можетъ помѣститься птица, и обращаютъ въ возможное то, что на первый взглядъ кажется немыслимымъ. Въ Гренландіи кайръ тысячами убиваютъ изъ ружья и завладѣваютъ ими еще другимъ, весьма оригинальнымъ способомъ. Птицы прилетаютъ на свои утесы прежде, чѣмъ сломается ледъ, и тамъ спятъ въ теченіе короткой ночи. Послѣ прилета кайръ гренландцы какъ можно тише отправляются къ утесу и, прибывъ туда, пугаютъ птицъ внезапнымъ крикомъ и выстрѣлами; бѣдныя кайры въ испугѣ не соображаютъ, что внизу море еще покрыто льдомъ, въ ужасѣ кидаются головой внизъ и убиваются о ледъ до смерти. Кромѣ людей, кайръ непрерывно преслѣдуютъ хищныя птицы, вороны и поморники, а подъ водою за ними гоняются хищныя рыбы. Но, не взирая на всѣ эти преслѣдованія, число этихъ птицъ не уменьшается.

На о. Гельголандѣ запрещено трогать кайръ раньше 24-го іюля; въ этотъ же день охота на нихъ сначала разрѣшается лицамъ, пріѣхавшимъ на морскія купанья, а на слѣдующій день — постояннымъ жителямъ острова.

„Островъ Гельголандъ“, пишетъ Нолль, „теперь присоединенъ къ Германіи, и мы надѣемся, что будетъ положенъ конецъ обычаю нападать на безвредныхъ и миролюбивыхъ кайръ на мѣстахъ ихъ высиживанія и убивать ихъ цѣлыми кучами. Пусть разрѣшатъ охоту на нихъ съ 24-го іюля, но не подъ самыми утесами, гдѣ выводятся птенцы, а съ моря, притомъ на опредѣленномъ разстояніи отъ острова.“

*

Наблюдатели, видѣвшіе самую маленькую изъ кайръ, а именно люрика (Mergulus alle) живымъ, единогласно заявляютъ, что эта птица принадлежитъ къ самымъ привлекательнымъ дѣтищамъ моря. Люрикъ отличается отъ своихъ родственниковъ короткимъ и толстымъ, выпуклымъ на гребнѣ клювомъ, на которомъ у старыхъ птицъ замѣчаются еще бороздки передъ овальными носовыми отверстіями, и является какъ бы соединительнымъ звеномъ между кайрами и гагарками. Опереніе на верхней сторонѣ совсѣмъ черное, на передней части шеи матово-черное, на нижней сторонѣ бѣлое; большія маховыя и рулевыя перья черныя, малыя маховыя перья на концѣ съ широкими бѣлыми каемками. Глаза темно-каріе, клювъ матово-черный, ноги синевато-черныя. Въ зимней одеждѣ горло бѣловатое, а шея темно-сѣрая. Длина 25 см.

Въ Гренландіи люрика называютъ „ледяной птицей“, такъ какъ во множествѣ онъ встрѣчается обыкновенно вблизи большихъ массъ льда.

Изъ всѣхъ чистиковыхъ птицъ, люрикъ самый подвижный, рѣзвый и ловкій. Онъ ходитъ въ припрыжку на пальцахъ, сравнительно быстро и ловко, хотя и мелкими шажками, проворно шныряетъ между камнями или, какъ мышь, ползаетъ по разсѣлинамъ скалъ, плаваетъ и ныряетъ превосходно даже для члена своего семейства, пробываетъ 2 минуты и болѣе въ глубинѣ и долгое время выноситъ всякую непогоду.

Питается онъ, повидимому, мелкими живыми рачками, живущими близъ поверхности; только изрѣдка случалось находить въ желудкѣ люрика остатки рыбъ.

На островахъ далекаго сѣвера эти птички также соединяются въ несмѣтныя сонмища. На берегахъ Шпицбергена ихъ вездѣ можно видѣть въ большомъ количествѣ, и на склонахъ горъ, гдѣ онѣ поселились, день и ночь слышится ихъ непрерывный крикъ, доносящійся за полмили отъ берега.

Хищныя птицы и рыбы истребляютъ люриковъ врядъ-ли больше, чѣмъ люди, которые на далекомъ сѣверѣ считаютъ мясо этихъ птицъ такимъ же лакомымъ блюдомъ, какъ мясо оленя. Ихъ убиваютъ тысячами, иногда однимъ выстрѣломъ кладутъ на мѣстѣ болѣе 30-ти штукъ.

Въ теплыхъ странахъ, на стоячихъ или медленно текущихъ водахъ, поверхность которыхъ покрыта большими пловучими листьями разныхъ водныхъ растеній, особенно кувшинчиками, живутъ чрезвычайно изящныя птицы, ноги которыхъ отличаются отъ ногъ всѣхъ прочихъ птицъ особенно длинными когтями. Этихъ птицъ, называемыхъ парровыми и образующихъ особое семейство, можно увидѣть въ экваторіальныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта; въ каждой части свѣта водятся свои особые виды, но всѣ виды ведутъ сходный образъ жизни. Упомянутые пловучіе листья представляютъ собою ихъ охотничій районъ; эту зыбкую поверхность онѣ покидаютъ только въ исключительномъ случаѣ, а именно когда собираются высиживать потомство.

Въ противоположность другимъ болотнымъ птицамъ, онѣ почти не испытываютъ страха передъ человѣкомъ, напротивъ, всегда спокойно показываются, подпускаютъ къ себѣ людей на лодкахъ совсѣмъ близко, наконецъ взлетаютъ, порхаютъ надъ водою и вскорѣ снова опускаются. Это въ высшей степени привлекательныя и

совершенно безвредныя птицы, которыя придаютъ прелесть и безъ того красивымъ кувшинчиковымъ и т. п. растеніямъ и нравятся всякому, хотя характеръ ихъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ производимому ими благопріятному впечатлѣнію. Хожденіе ихъ по листьямъ, на которыхъ не можетъ удержаться никакая другая птица, равная имъ по величинѣ, является какимъ-то волшебствомъ и послужило причиной возникновенія суевѣрныхъ сказаній въ нѣкоторыхъ странахъ. Внѣ сферы своихъ листьевъ, парровыя птицы кажутся неуклюжими и неловкими. Правда, онѣ умѣютъ легко ходить по жидкому илу, но врядъ-ли способны двигаться по болѣе или менѣе высокой травѣ и, кромѣ того, плохо плаваютъ и летаютъ. Голосъ, какъ говорятъ, поражаетъ своею оригинальностью и у нѣкоторыхъ видовъ звучитъ, какъ смѣхъ.

Питаются эти птицы по временамъ исключительно сѣменами указанныхъ растеній, по которымъ онѣ бѣгаютъ, но на ряду съ этимъ разнымъ мелкимъ звѣрьемъ. Гнѣздо сооружается на сушѣ, и въ него кладется 3—4 яйца.

Парровыя птицы (Parridae) характеризуются стройнымъ сложеніемъ, тонкимъ продолговатымъ клювомъ, высокими ногами съ чрезвычайно длинными и тонкими пальцами, которые, такъ сказать, удлиняются вдвое когтями; крылья у нихъ довольно длинныя, узкія и остроконечныя, хвостъ короткій, состоящій изъ узкихъ перьевъ, изъ коихъ средніе у одного вида удлинены, а опереніе нѣсколько скудное, но жесткое и всегда красиво окрашенное. У большинства видовъ передняя часть лба бываетъ украшена голою мозолью; замѣчателенъ также острый шипъ на сгибѣ крыла.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ американскихъ болотныхъ птицъ — это яссана (Parra nigra). У старой птицы голова, шея, грудь и брюшко черныя, спина, крылья и бока брюшка красновато-бурыя; маховыя перья, если не считать черныхъ кончиковъ, желтовато-зеленыя, рулевыя перья темнаго красновато-бураго цвѣта. Глаза блѣдно-желтые, клювъ красный съ желтоватымъ кончикомъ, голый наростъ на лбу и кожа въ углахъ рта кроваво-красные, ноги свинцово-сѣрыя, шпоры на крыльяхъ желтые.

Отъ Гвіаны до Парагвая, яссана водится на всѣхъ стоячихъ водахъ, мѣстами заросшихъ растеніями съ большими листьями. Ее любятъ за ея красоту и не трогаютъ, а потому она селится вблизи человѣческихъ жилищъ и оживляетъ главнымъ образомъ каналы на плантаціяхъ, и вообще всѣ болотистыя мѣста, а также влажные, топкіе луга и притомъ встрѣчается какъ на водахъ вблизи морского берега, такъ и внутри страны или среди первобытныхъ лѣсовъ. Она ходитъ по широкимъ, распластаннымъ по поверхности воды листьямъ водныхъ растеній, и легко держится на нихъ, благодаря своимъ длиннымъ пальцамъ.

Яссана питается водными насѣкомыми и ихъ личинками, не брезгаетъ также сѣменами и, повидимому, бываетъ безъ устали занята отысканіемъ себѣ корма.

Дрохвы и авдотки, по Фюрбрингеру, составляютъ группу дрохвовыхъ птицъ (Otides), принадлежащихъ къ отряду поисковыхъ. Дрохвы (Otididae) — это большія или средней величины птицы, съ тяжелымъ туловищемъ, съ толстой шеей средней длины, съ довольно крупной головой, съ сильнымъ, при основаніи уплощеннымъ, конусообразнымъ, передъ кончикомъ верхней створки нѣсколько выпуклымъ клювомъ, длиною приблизительно съ голову, съ очень сильною плюсною средней высоты и тремя пальцами на ногахъ; крылья у нихъ большія, нѣсколько выпуклыя, а изъ крѣпкихъ, широкихъ маховыхъ перьевъ самое длинное третье; хвостъ состоитъ изъ 20-ти широкихъ перьевъ, опереніе жесткое, сплошное, гладко прилежащее, часто удлиненное на головѣ и на шеѣ или по крайней мѣрѣ ярко окрашенное. Самцы всегда отличаются отъ самокъ большей величиной, обыкновенно также и болѣе красивой одеждой.

Кромѣ Америки, дрохвы живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта; особенно богаты ими Африка и Азія.

Образъ жизни ихъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ куриныхъ птицъ, но также ржанокъ и ихъ родственниковъ. Если имъ ничто не мѣшаетъ, дрохвы почти весь день пребываютъ на землѣ; въ утренніе часы онѣ ѣдятъ, кричатъ и борятся между собою, въ полдень удобно располагаются на пескѣ, подъ вечеръ опять ищутъ пищи и, наконецъ, на ночь избираютъ себѣ по возможности безопасное мѣсто для ночлега. Зерна онѣ ѣдятъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ листья, почки

Яссана (Parra nigra). ½ естеств. велич.

и клубни корнеплодныхъ растеній, но любятъ сами щипать листья и, напр., не трогаютъ рубленной капусты, хотя капусту ѣдятъ со страстью, если имъ преподнести цѣлый кочанъ. Къ хлѣбу онѣ скоро привыкаютъ и скоро начинаютъ считать его лакомствомъ.

Размноженіе совпадаетъ съ позднею весною данной страны. Большая часть наблюденій говоритъ въ пользу того, что эти птицы живутъ въ моногаміи. Самка выкапываетъ себѣ небольшое углубленіе на зеленѣющей нивѣ или среди высокой степной травы, скудно выстилаетъ его и кладетъ туда свои немногочисленныя яйца. Высиживаетъ ихъ только самка и на первыхъ порахъ одна, безъ помощи своего супруга, водитъ своихъ неловкихъ дѣтей, одѣтыхъ въ хорошенькій пушокъ; самецъ же впослѣдствіи снова присоединяется къ семьѣ и служитъ ей съ этихъ поръ вѣрнымъ сторожемъ.

Охотятся на дрохву во всѣхъ странахъ съ нѣкотораго рода страстью, такъ какъ ея чрезвычайная осторожность подзадориваетъ человѣка.

Дрохва (Otis tarda), самая большая изъ европейскихъ птицъ, живущихъ на сушѣ. Длина ея доходитъ до 1 метра и болѣе, вѣсъ до 14-ти и 16-ти килограммовъ. Голова, верхняя часть груди и часть верхней половины крыла свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, на спинѣ перья по ржаво-желтому фону украшены черными поперечными полосами, затылокъ ржаваго цвѣта; нижняя сторона тѣла грязновато или желтовато-бѣлая, маховыя перья темнаго сѣровато-бураго цвѣта, причемъ узкое наружное опахало и кончики черно-бурые, а стержни желтовато-бѣлые, перья предплечія черныя съ бѣлыми основаніями, послѣднія почти совершенно бѣлыя; рулевыя перья красиваго ржаво-краснаго цвѣта съ бѣлыми кончиками и передъ кончикомъ украшены черной полосой, наружныя рулевыя перья совершенно бѣлыя. Борода состоитъ приблизительно изъ 30-ти длинныхъ, нѣжныхъ, узкихъ, расщепленныхъ сѣровато-бѣлыхъ перьевъ. Глаза темно-каріе, клювъ черноватый, ноги сѣроватаго рогового цвѣта.

Начиная съ южной Швеціи и средней Россіи дрохва встрѣчается по всей Европѣ и средней Азіи, но лишь изрѣдка, и то только зимой, въ сѣверо-западной Африкѣ. Въ Великобританіи эта птица теперь уже истреблена, во Франціи сдѣлалась очень рѣдкимъ явленіемъ, а въ Испаніи встрѣчается лишь въ немногихъ мѣстностяхъ; зато въ Венгріи, въ Молдавіи и Валахіи, въ Румеліи и Θессаліи, въ южнорусской степи и во всей средней Азіи дрохва встрѣчается весьма часто. Во время своихъ странствованій, которыя скорѣе можно назвать кочевками, чѣмъ перелетами, дрохва не только появляется въ южныхъ странахъ, но показывается и тамъ, гдѣ обыкновенно не встрѣчается, напр. въ Голландіи и въ Швейцаріи. Въ Германіи она обитаетъ въ качествѣ осѣдлой птицы во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ сѣверной нѣмецкой равнины, а также на обширныхъ безлѣсныхъ пашняхъ средней и южной Германіи.

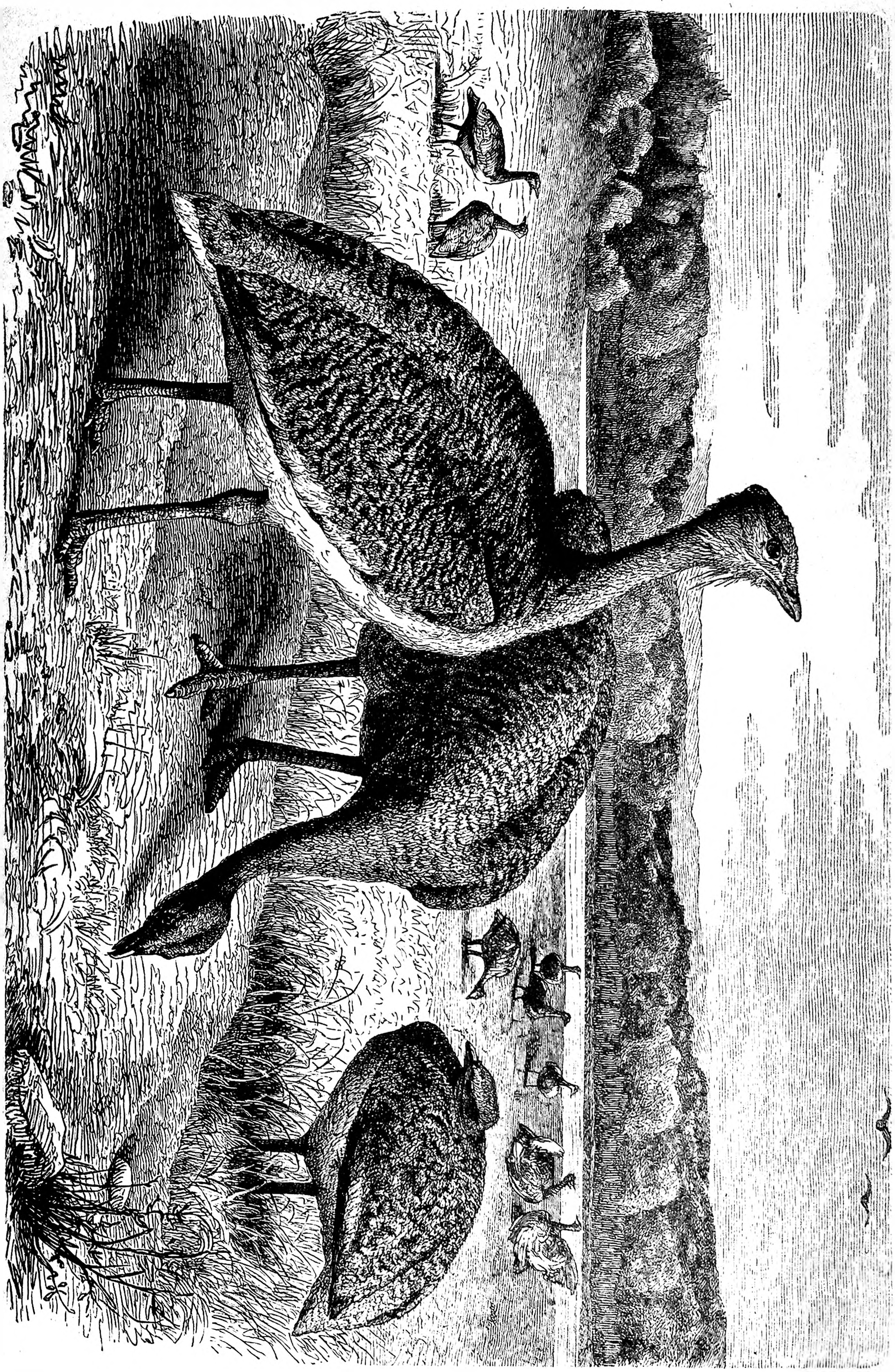
Въ Германіи это осѣдлая птица, живущая, правда, въ обширной области, но покидающая ее во время очень суровыхъ зимъ; въ Россіи же и въ средней Азіи это перелетная или по крайней мѣрѣ бродячая птица; она появляется здѣсь весною и остается только до августа на мѣстахъ вывода, слѣдовательно странствуетъ, хотя далеко не забирается.

Лѣсныхъ пространствъ дрохва всегда избѣгаетъ, такъ какъ за каждымъ кустомъ подозрѣваетъ засаду. Въ Германіи она также не рѣшается приблизиться къ обитаемымъ строеніямъ. Зимою она всего охотнѣе выбираетъ себѣ такія поля, гдѣ надѣется находить себѣ пищу, особенно такія, которыя засѣяны брюквой или озимыми хлѣбами; зимою дрохва бываетъ пожалуй еще болѣе осторожна, чѣмъ лѣтомъ, когда высокіе хлѣба даютъ ей возможность скрываться. Ночуетъ она всегда на самыхъ отдаленныхъ поляхъ, большею частью на парѣ или на сжатыхъ нивахъ, отправляется въ эти мѣста лишь послѣ наступленія сумерекъ и, повидимому, выставляетъ здѣсь сторожей, которые обязаны по очереди заботиться о безопасности прочихъ птицъ.

Ходитъ дрохва медленно и мѣрно, что придаетъ ей извѣстную солидность; но въ случаѣ необходимости, она можетъ бѣгать такъ быстро, что собака лишь съ трудомъ можетъ догнать ее. Передъ тѣмъ, какъ взлетѣть на воздухъ, она должна немного разбѣжаться, сдѣлавъ 2—3 прыжка; поднимается она на воздухъ если не быстро, то безъ особеннаго усилія и, медленно махая крыльями, взбирается все выше и выше; достигнувъ извѣстной высоты, она летитъ такъ скоро, что охотникъ, желающій застрѣлить ее изъ ружья, долженъ имѣть очень вѣрный глазъ и владѣть превосходно своимъ оружіемъ.

Звукъ, издаваемый постоянно дрохвою, трудно выразить буквами; это особенная и тихая трескотня, которая становится явственно слышна только тогда, когда птица находится очень близко.

Опытъ показываетъ, что изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ у дрохвы лучше всего развито зрѣніе. Отъ остраго взгляда этой птицы ничто не ускользаетъ. Обоняніе у нея, кажется, очень слабое; но несомнѣнно, что дрохва отлично слышитъ.

Дрохва (Otis tarda). 1/10 естеств. велич.

Взрослая дрохва питается преимущественно зелеными частями растеній, зернами и сѣменами; въ ранней же юности эта птица поѣдаетъ почти исключительно насѣкомыхъ. Она ѣстъ почти всѣ наши полевые плоды, за исключеніемъ, быть

можетъ, картофеля, котораго, обыкновенно, не трогаетъ, всего больше любитъ, повидимому, молодыя бобовыя растенія, разныя травы и капусту; но она не пренебрегаетъ сурѣпицей и горчицей и въ случаѣ нужды откусываетъ кончики обыкновенной травы. Зимою она питается главнымъ образомъ брюквой и хлѣбными зернами; лѣтомъ, на ряду съ растительной пищей, она ѣстъ всегда и нѣкоторое количество насѣкомыхъ, хотя спеціально за ними не гоняется, усердно преслѣдуетъ также полевыхъ мышей. Для облегченія пищеваренія всегда проглатываются вмѣстѣ съ пищей крупинки кварца. Жажду дрохва утоляетъ каплями росы, висящими по утрамъ на травѣ.

При приближеніи періода спариванья у самцовъ замѣчается сильное возбужденіе; они ходятъ надувшись, словно индюки, причемъ мѣшокъ кожи, имѣющійся у нихъ на горлѣ, такъ раздувается, что шея кажется вдвое толще обыкновеннаго. Между самцами происходятъ тогда сильныя драки, пока болѣе слабыя не отступятъ. Эти наблюденія говорятъ въ пользу того, что дрохвы живутъ въ единобрачіи.

Мѣсто вывода всегда выбирается осторожно, причемъ старыя парочки оказываются еще осторожнѣе молодыхъ. Когда хлѣба поднимутся настолько, что могутъ спрятать самку, сидящую на яйцахъ, то она вырываетъ въ землѣ неглубокую ямку, выстилаетъ ее нѣсколькими сухими пустыми колосьями, стебельками и злаками и кладетъ туда два, въ рѣдкихъ случаяхъ три яйца; яйца не особенно велики, имѣютъ форму короткаго овала и толстую скорлупу крупно-зернистаго строенія; яйца не блестящія и по блѣдному оливково-зеленому или тусклому сѣровато-зеленому фону покрыты болѣе темными пятнами и разводами. Дрохва всегда приближается къ гнѣзду со всякими предосторожностями, буквально подкрадывается къ нему, показывается какъ можно рѣже и, замѣтивъ кого-нибудь, плашмя кладетъ шею во всю длину на землю, хотя обыкновенно при высиживаньи держитъ шею прямо. Если приближается врагъ, то самка незамѣтно крадется по нивѣ; если она внезапно подвергается какой-нибудь опасности, то взлетаетъ на воздухъ, затѣмъ скоро опять низвергается на ниву и бѣжитъ далѣе. Молодыя птицы, вылупляющіяся изъ яицъ черезъ 28—30 дней, покрыты буроватымъ пухомъ съ черными пятнами; мать теплотою своего тѣла высушиваетъ ихъ и затѣмъ уводитъ. Старая птица любитъ своихъ дѣтей съ самоотверженною нѣжностью, въ случаѣ опасности забываетъ, противъ обыкновенія, о себѣ и отдаетъ себя во власть врага; она боязливо порхаетъ вблизи нарушителя спокойствія, прикидывается, какъ это дѣлаютъ многія самки куриныхъ птицъ, и, если ей посчастливится обмануть врага, возвращается къ дѣтямъ, которыя по возможности присѣдаютъ въ подходящемъ мѣстѣ къ землѣ, причемъ сходство ихъ одежды съ окраской почвы служитъ имъ прекрасной защитой. Первоначальную пищу молодыхъ птицъ составляютъ мелкіе жуки, кузнечики и личинки, которыхъ частью вырываетъ изъ земли, частью ловитъ мать и бросаетъ своимъ малюткамъ. Вначалѣ молодыя птицы бываютъ очень безпомощны, ходятъ плохо и ковыляя и лишь довольно поздно выучиваются отыскивать себѣ пищу, но, научившись этому, начинаютъ также ѣсть зелень.

Для приученія, этихъ птицъ надо ловить молодыми, такъ какъ старыя трудно переносятъ утрату свободы. Особенно опытные птицеводы покупаютъ у пастуховъ собранныя ими яйца и подкладываютъ ихъ подъ индюшекъ или подъ куръ. Жизни въ закрытомъ хлѣву дрохва не выноситъ, а зиму и лѣто должна проводить на открытомъ воздухѣ.

Дрохва, какъ особенно цѣнная добыча охоты, вездѣ ревностно преслѣдуется. Въ прежнія времена для охоты на нее употреблялась настоящая адская машина, состоявшая изъ нѣсколькихъ соединенныхъ ружейныхъ дулъ, но которую, вслѣдствіе ея тяжести, можно было перевозить только на телѣгѣ. Опытные охотники любятъ въ періодъ спариванья подкрадываться къ важно выступающимъ самцамъ и убивать ихъ изъ ружья; для этой цѣли охотники иногда одѣваются какъ работники на полѣ, берутъ коробъ или тачку, подъѣзжаютъ къ дрохвамъ верхомъ на рабочей клячѣ, или же идутъ сами пѣшкомъ, скрываясь за лошадью. Въ рус-

скихъ степяхъ на дрохву нерѣдко охотятся съ борзыми, въ Азіи на нихъ натравливаютъ соколовъ или ручныхъ беркутовъ. Тамъ выжидаютъ также туманной погоды, и тогда на свѣжихъ лошадяхъ выѣзжаютъ въ степь, чтобы охотиться на дрохву: при такой погодѣ крылья ея покрываются ледяной корочкой, и птицы лишаются возможности летать. Западни и силки, разставляемые тамъ и сямъ, рѣдко приводятъ къ цѣли.

На югѣ Европы, кромѣ дрохвы, встрѣчается еще принадлежащій къ тому же семейству стрепетъ (Otis tetrax). Помимо небольшой величины и различія въ окраскѣ онъ отличается отъ дрохвы еще нѣсколько удлиненными съ боковъ перьями верхней части шеи и задней части головы. У самца шея черная, украшенная бѣлымъ кольцомъ, идущимъ отъ ушей къ горлу, и широкой бѣлой поперечной полосой, тянущейся черезъ зобъ; лицо темно-сѣрое, верхняя часть головы свѣтлаго желтоватаго цвѣта съ бурыми пятнами, верхній покровъ по свѣтлому красновато-желтому фону покрытъ черными поперечными пятнами и волнообразными полосами; край крыла, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста и опереніе нижней стороны бѣлаго цвѣта; большія маховыя перья при основаніи бѣлыя, на кончикахъ темно-бурыя, верхнія покровныя перья крыла и хвостовыя перья бѣлыя, около кончика украшенныя двумя полосами. Глаза свѣтло или буровато-желтые, клювъ рогового сѣраго цвѣта съ черноватымъ кончикомъ, ноги соломенно-желтыя. Длина птицы около 50 см.

До 1870 г. стрепета нельзя было причислять къ птицамъ, выводящимъ свое потомство въ Германіи. Онъ появлялся въ Германіи только во время своего весенняго или осенняго перелета, но всегда ненадолго, а затѣмъ направлялся въ юго-западную или въ восточную Европу. Съ 1870 г. онъ началъ селиться въ безлѣсной, голой, холмистой, но плодородной области Тюрингіи, лежащей между городами Вейсензее, Кэлледа, Эрфуртомъ, Лангензальца и Грейсенъ, а затѣмъ тамъ и сямъ водворился въ Силезіи. Число птицъ, выводящихъ свое потомство въ Тюрингіи и Силезіи, постепенно увеличивалось; тѣмъ не менѣе стрепетъ принадлежитъ въ Германіи къ очень рѣдкимъ явленіямъ. Это также степная птица; настоящая область его распространенія начинается лишь тамъ, гдѣ степь или тому подобная мѣстность доставляетъ ему все необходимое для жизни. Поэтому онъ водится въ южной Венгріи и въ южной Франціи, а отсюда съ одной стороны распространяется по Турціи, Греціи, южной Россіи, по всей средней и западной Азіи, особенно часто встрѣчаясь въ Туркестанѣ, Индіи, Персіи, Малой Азіи и Сиріи, съ другой стороны—по Италіи, Испаніи и сѣверо-западной Африкѣ.

Въ противоположность своему болѣе крупному родственнику, и взрослый стрепетъ кормится главнымъ образомъ насѣкомыми и червями, особенно кузнечиками, жуками и разными личинками, но не вполнѣ пренебрегаетъ и растительными веществами. Стрепета нельзя назвать вредной птицей даже въ томъ случаѣ, если ставить ему въ вину то, что онъ иногда ощипываетъ листья клевера, а потому нужно причислить скорѣе къ полезнымъ птицамъ. Не говоря уже о томъ, что стрепеты несомнѣнно помогаютъ очищать поля отъ вредныхъ насѣкомыхъ и улитокъ, они полезны еще тѣмъ, что представляютъ изъ себя цѣнную дичь; мясо стрепетовъ, хоть не похоже на мясо фазановъ, но представляетъ собою одно изъ самыхъ вкусныхъ блюдъ, подаваемыхъ у насъ на столъ. Изъ-за этого то превосходнаго мяса на стрепета вездѣ охотятся. Въ Испаніи онъ подается подъ названіемъ „фазана“.

Къ европейскимъ птицамъ относится также вихляй (Otis macqueeni), не разъ залетавшій и въ Германію.

Часто смѣшиваемая съ нимъ дрохва-красотка (Otis undulata) очень похожа на вихляя, но нѣсколько больше его, отличается отъ него также и тѣмъ, что хохолокъ у нея совершенно бѣлый, спина же и крылья темнѣе, болѣе буроватаго цвѣта.

Вихляй встрѣчается въ равнинахъ Пенджаба и верхняго Синда, иногда заходитъ и въ другія части Индіи; онъ часто попадается также въ сухихъ, каме-

нистыхъ равнинахъ Аѳганистана и, кромѣ того, встрѣчается и въ другихъ частяхъ Азіи, а именно въ Туркестанѣ, юго-западной Сибири, Персіи и Месопотаміи. Дрохва-красотка замѣняетъ вихляя въ южныхъ странахъ, лежащихъ вокругъ Средиземнаго моря, отъ Канарскихъ острововъ до Аравіи, водится въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ и Триполисѣ, на Ливійскомъ берегу встрѣчается даже часто, но въ области Нила принадлежитъ къ очень рѣдкимъ явленіямъ.

Обѣ эти птицы предпочитаютъ горячія, сухія, песчаныя и каменистыя равнины, скудно поросшія кустарникомъ, т. е. болѣе всего любятъ настоящую пустыню.

Арабы и индусы преслѣдуютъ дрохвъ со страстью, главнымъ образомъ при помощи соколовъ. Въ Пенджабѣ и Синдѣ вихляй представляетъ собою излюбленную для соколиной охоты дичь. Говорятъ, что мясо его превкусное.

Авдотка (Oedicnemus scolopax, crepitans) — птица, длиною приблизительно въ 45 см. Опереніе всей верхней стороны окрашено такъ же, какъ у жаворонка; перья ржаво-сѣрыя, по серединѣ съ черно-бурыми полосами; лобъ, мѣстечко передъ глазомъ, полоска надъ и подъ глазомъ бѣлые, точно такая же полоска на верхней части крыла; нижняя сторона желтовато-бѣлая, маховыя перья черныя, рулевыя перья на кончикахъ черныя, по бокамъ бѣлыя. Глаза золотисто-желтые, клювъ желтый съ чернымъ кончикомъ, ноги соломенно-желтыя, глазное вѣко также желтое.

Родиной авдотки слѣдуетъ считать южную Европу, сѣверную Африку и среднюю Азію, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть настоящія пустыни или по крайней мѣрѣ степныя пространства. Во всѣхъ странахъ, расположенныхъ по Средиземному морю, въ Сиріи, Персіи, Аравіи, Индіи и т. д., авдотки водятся во множествѣ. Въ Венгріи, Австріи и Германіи въ нихъ также нѣтъ недостатка, онѣ встрѣчаются также въ Голландіи, Великобританіи, Даніи, южной Швеціи и должны считаться, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, правильнымъ явленіемъ, такъ какъ ихъ ежегодно находятъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. На югѣ Европы авдотка почти вездѣ находитъ подходящія для себя мѣста жительства, а въ Египтѣ даже забирается подчасъ въ города.

Авдотка любитъ уединеніе, о себѣ подобныхъ врядъ-ли помышляетъ, а съ другими существами вовсе не выражаетъ желанія имѣть дѣла. Днемъ ее рѣдко можно замѣтить, развѣ только случайно, ибо авдотка гораздо скорѣе замѣчаетъ приближающагося къ ней человѣка, чѣмъ человѣкъ ее. Находясь на обширной, ровной поверхности, гдѣ нѣтъ кустовъ, подъ которыми бы можно было спрятаться, авдотка плашмя ложится на землю и становится почти невидимой, благодаря своему оперенію, окрашенному подъ цвѣтъ почвы. Съ наступленіемъ ночи авдотка оживляется, безпокойно бѣгаетъ и летаетъ взадъ и впередъ, кричитъ, легко, словно шутя, поднимается на сравнительно значительную высоту и продѣлываетъ при полетѣ такіе фокусы, какихъ нельзя было бы отъ нея ожидать.

Авдотка поѣдаетъ червей, насѣкомыхъ во всѣхъ ступеняхъ развитія, улитокъ и другихъ мягкотѣлыхъ животныхъ, лягушекъ, ящерицъ и мышей; вѣроятно, она похищаетъ также яйца и птенцовъ другихъ птицъ. Полевыхъ мышей она подстерегаетъ, какъ кошка, и очень ловко ловитъ ихъ на бѣгу; она наноситъ имъ прежде всего сильный ударъ клювомъ, затѣмъ схватываетъ, нѣсколько разъ ударяетъ о землю, пока не переломаетъ имъ всѣхъ костей и, наконецъ, проглатываетъ ихъ буквально въ раздавленномъ видѣ. Она убиваетъ также насѣкомыхъ передъ тѣмъ, какъ проглотить ихъ. Для содѣйствія пищеваренію она глотаетъ крупныя зернышки песку.

Въ концѣ апрѣля можно найти гнѣздо этой птицы, неглубокую ямку въ пескѣ, и въ немъ, безъ всякой подстилки, 3—4 яйца, приблизительно равныя по величинѣ куринымъ яйцамъ.

„Жизнь животныхъ Брэма".

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ИСПОЛИНСКІЙ ПИНГВИНЪ.

Восьмой отрядъ.

Ластокрылыя птицы (Aptenodytiornithes).

Сильно отличаются отъ всѣхъ прочихъ птицъ ластокрылыя птицы, или пингвины, составляющія лишь одинъ подотрядъ и одно семейство (Aptenodytidae) и ближе всего стоящія къ буревѣстниковымъ птицамъ. Ластокрылыя, если разсматривать ихъ только съ внѣшней стороны, представляютъ, повидимому, переходъ къ дельфинамъ и къ рыбамъ. Фигуру этихъ птицъ можно назвать въ извѣстномъ смыслѣ конусообразной, такъ какъ туловище въ серединѣ почти совсѣмъ не утолщается, а почти что равномѣрно суживается по направленію снизу вверхъ. Шея средней длины, но очень толстая, голова маленькая, клювъ приблизительно длиною съ голову, прямой, толстый, твердый, съ боковъ нѣсколько сжатый, часто снабженный поперечными бороздками, съ острыми краями и нѣсколько притупленнымъ концомъ; ноги отличаются крайне своеобразнымъ строеніемъ, такъ какъ всѣ четыре пальца ноги, изъ которыхъ три соединены плавательной перепонкой, направлены впередъ, крылья такъ плохо развиты, что дѣйствительно похожи на ласты больше, чѣмъ на крылья, тѣмъ болѣе, что перья на нихъ почти что превратились въ чешуйки. Опереніе по своему образованію и черепитчатому расположенію также напоминаетъ рыбью чешую, такъ что ластокрылыя птицы поистинѣ заслуживаютъ названія птицерыбъ.

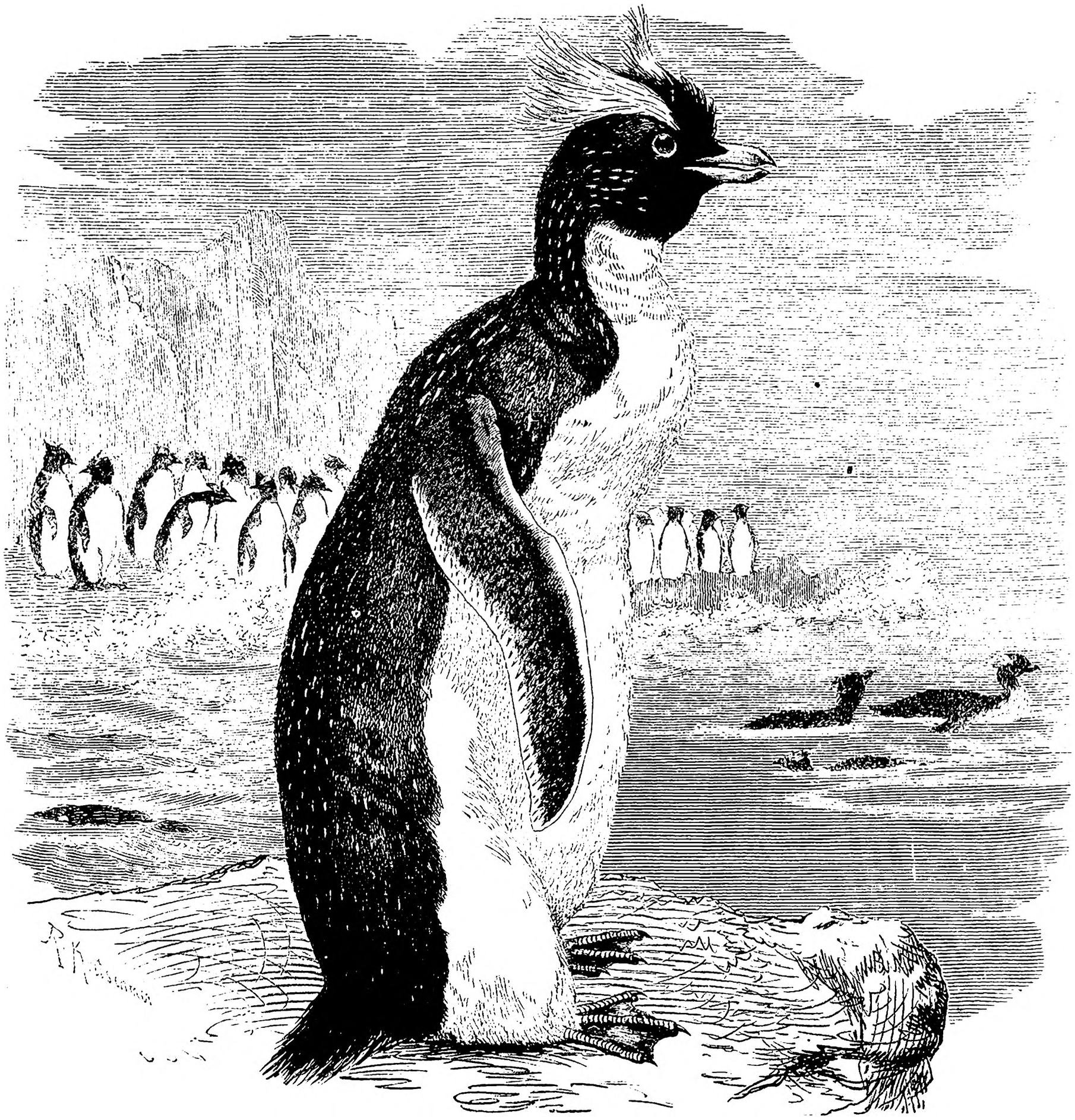
Ластокрылыя птицы, или пингвины, водятся только въ южномъ полушаріи, живутъ въ морѣ между тропикомъ Козерога и 80-мъ градусомъ южной широты, а сушу посѣщаютъ въ періодъ размноженія.

Самый замѣчательный видъ этого семейства — патагонскій пингвинъ (Aptenodytes pennantii). Признаки его составляютъ длинный, тонкій клювъ, слегка загибающійся внизъ на концѣ и оперенный при основаніи подклювья и между его обѣими половинками; плотныя, длиннопалыя ноги, вооруженныя очень длинными и крѣпкими когтями и оперенныя до самыхъ пальцевъ, длинныя, узкія, ластообразныя крылья, и хвостъ, состоящій приблизительно изъ 30-ти узкихъ, негибкихъ, упругихъ перьевъ. Голова и затылокъ, горло и область гортани темнаго буровато-чернаго цвѣта, а продолговатое, яйцеобразное, прямо поставленное пятно за ухомъ, равно какъ и узкая полоска, спускающаяся отъ него внизъ по боку шеи, а также передняя часть шеи — яркаго цвѣта яичнаго желтка; всѣ верхнія части тѣла полосатыя, желѣзисто-сѣраго цвѣта, а всѣ нижнія части, начиная съ желтоватой еще груди, бѣлыя; по бокамъ шеи и верхней части груди онѣ отдѣляются отъ верхней стороны узенькой черной полосой, маховыя перья съ продольными полосами. Клювъ рогового чернаго цвѣта, бо́льшая часть нижней челюсти, начиная съ основанія, яркаго сургучно-краснаго цвѣта, ноги буроватыя. Длина 1 метръ и болѣе.

Водится этотъ видъ, начиная отъ Патагоніи, во всѣхъ частяхъ южнаго океана вплоть до Кергуэльскихъ острововъ и острова Стюарта.

Второй представитель того же рода, златовласый пингвинъ (Aptenodytes chrysocome), птица, поистинѣ, великолѣпная, величиною съ утку; длина его около 50-ти см. У златовласаго пингвина голова, шея, спина, бока и крылья черные, пучекъ перьевъ на головѣ блѣдно-желтый, нижняя сторона и задній край крыла бѣлые; клювъ красновато-бурый, ноги сѣровато-бѣлыя.

Златовласый пингвинъ встрѣчался въ самыхъ различныхъ частяхъ Тихаго океана, а также на берегу Патагоніи, на Огненной землѣ и на о. Тристанъ

Златовласый пингвинъ (Aptenodytes chrysocome). 1/4 естеств. велич.

д'Акунья. Весьма вѣроятно, что онъ, подобно всѣмъ видамъ разсматриваемаго семейства, предпринимаетъ довольно большія странствованія; иногда случалось видѣть златовласыхъ пингвиновъ очень далеко отъ земли, среди океана.

Ластокрылыя птицы похожи на дельфиновъ; онѣ не только ведутъ сходный съ дельфинами образъ жизни, но напоминаютъ этихъ хищныхъ ластоногихъ животныхъ своими движеніями, и нѣкоторыхъ пингвиновъ можно даже издали смѣшать съ мелкими дельфинами. Строеніе ластокрылыхъ птицъ предназначено для жизни на морѣ, и въ морѣ онѣ двигаются съ неподражаемою ловкостью. Въ глубинѣ, подъ водою, онѣ передвигаются съ поразительной силой. При этомъ онѣ пускаютъ въ ходъ свои короткія крылья и плаваютъ такъ хорошо, что безъ всякаго труда справляются съ волненіемъ бурнаго моря, ныряютъ и снова пока-

зываются на поверхности даже во время самой страшной бури. При плаваніи имъ служатъ рулемъ ноги, вытянутыя назадъ. На какую глубину онѣ способны нырять — неизвѣстно, но мы вполнѣ имѣемъ право предположить, что въ этомъ отношеніи онѣ не уступаютъ никакимъ другимъ нырцамъ. По землѣ онѣ передвигаются очень неловко. Устройство ногъ заставляетъ этихъ птицъ ходить вертикально; но такъ какъ онѣ могутъ дѣлать только мелкіе шаги, то должны переставлять одну ногу за другою; поэтому во время ходьбы ластокрылыя постоянно поворачиваются изъ стороны въ сторону и подвигаются впередъ чрезвычайно медленно. Съ крутыхъ скалъ онѣ частью соскальзываютъ, частью скатываются и, лишь достигнувъ воды, могутъ считать себя въ безопасности. Съ судна можно видѣть, какъ онѣ болѣе или менѣе многочисленными обществами быстро плывутъ въ извѣстномъ направленіи. Птицы, входящія въ составъ такой стаи дѣлаютъ весьма разнообразныя движенія: то одна, то другая изъ нихъ исчезаетъ подъ водою и снова появляется на поверхности воды черезъ нѣкоторое время; между тѣмъ другія, не нырявшія птицы уже успѣли значительно опередить своего товарища, и послѣдній старается изо всѣхъ силъ наверстать потерянное время. Плавая такимъ образомъ, птицы вмѣстѣ съ тѣмъ и охотятся, такъ какъ ныряютъ за добычей. Добыча эта состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ видовъ рыбъ и разныхъ скорлупняковъ и мягкотѣлыхъ, которыхъ птицы собираютъ съ коралловыхъ рифовъ или отыскиваютъ между морскими растеніями. Нѣкоторые виды, повидимому, довольствуются одной рыбой. Нечего и говорить, что всѣ прочія свои дѣла пингвины совершаютъ плавая и что они даже спятъ, плавая; но не мѣшаетъ, какъ намъ кажется, упомянуть о томъ, что они меньше времени тратятъ на приведеніе въ порядокъ своего оперенія, такъ какъ кожа у нихъ чрезвычайно жирная и постоянно выдѣляетъ маслянистую жидкость, которая служитъ для смазыванья перьевъ.

Въ теченіе значительной части года ластокрылыя птицы занимаются высиживаніемъ потомства и замѣчательно, что въ пору размноженія даже тѣ изъ нихъ, которыя не выводятъ потомства, живутъ на сушѣ. На обычныхъ старыхъ мѣстахъ высиживанія птицы появляются въ опредѣленное время года: на Фалькландскихъ островахъ въ концѣ сентября, на другихъ островахъ раньше или позднѣе, и съ этихъ поръ начинается чрезвычайно дѣятельная жизнь. Беннеттъ, посѣтившій островъ Маккари на югѣ Тихаго океана, чрезвычайно живо описываетъ образъ жизни этихъ птицъ. „Число пингвиновъ, собирающихся на одномъ мѣстѣ“, говоритъ онъ, „невѣроятно велико“, и опредѣлить приблизительно, сколько ихъ собралось, повидимому, совершенно невозможно, такъ какъ и днемъ, и ночью постоянно по 30,000—40,000 штукъ пристаетъ къ берегу и столько же отчаливаетъ отъ него. Птицы, находящіяся на берегу и составляющія еще гораздо болѣе многочисленную армію, выстроены въ порядкѣ, на подобіе полка солдатъ, причемъ не только располагаются рядами, но и размѣщаются по возрасту. Молодыя птицы сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, линяющія — въ другомъ, самки, сидящія на яйцахъ, — въ третьемъ, а свободные самцы въ четвертомъ. Это распредѣленіе соблюдается такъ строго, что всякій пингвинъ, не принадлежащій къ какой либо кучкѣ, остается безъ мѣста.“

Нѣкоторые виды вырываютъ для своихъ яицъ глубокія норы. Для этой цѣли птицы выбираютъ себѣ ровное мѣсто и раздѣляютъ его на четвероугольники, такъ какъ линіи пролагаемыхъ птицами тропинокъ пересѣкаются почти всегда подъ прямыми углами. Каждый четвероугольникъ служитъ мѣстомъ высиживанія, и въ немъ птица дѣлаетъ углубленіе. Гнѣздо состоитъ изъ трубы, похожей на печь, и имѣетъ различную, но довольно значительную глубину, отъ 60 до 90 см. Самецъ сидитъ около высиживающей самки, и когда она покидаетъ гнѣздо, самъ влѣзаетъ туда, чтобы посидѣть на яйцѣ, такъ что оба родителя никогда одновременно не покидаютъ своего яйца. Это, повидимому, необходимо, такъ какъ ластокрылыя птицы крадутъ другъ у друга яйца. Болѣе крупные виды въ своей страсти къ материнскимъ заботамъ насильно отнимаютъ яйца у видовъ болѣе слабыхъ. Яйца пингвиновъ похожи на гусиныя и по зеленоватому фону покрыты бурыми пятнами. Всѣ пингвины высиживаютъ потомство съ усердіемъ и не покидаютъ гнѣзда при прибли-

женіи человѣка, а только со странными и смѣшными ужимками поворачиваютъ голову изъ стороны въ сторону съ цѣлью отогнать врага, пользуются для этой цѣли и своимъ клювомъ, если поворачиваніе головы оказывается недостаточнымъ. При высиживаньи самки зажимаютъ яйцо между почти соприкасающимися верхними частями ляжекъ, сросшихся съ брюшной кожей, и такъ крѣпко защемляютъ его, что, если спугнуть ихъ, то онѣ иногда довольно далеко уносятъ съ собою яйцо.

Птенцы появляются на свѣтъ въ шерстистой, сѣрой пуховой одеждѣ и получаютъ пищу въ такомъ большомъ количествѣ, что очень быстро выростаютъ.

Кромѣ человѣка, весьма мало живыхъ существъ относятся враждебно къ пингвинамъ и могутъ нанести имъ серьезный вредъ. Болѣе мелкіе виды, быть можетъ, отъ поры до времени попадаютъ въ пасть хищной рыбы, а у болѣе крупныхъ хищныя морскія птицы уносятъ иногда яйца и дѣтей; но значительныхъ потерь пингвины не терпятъ. Человѣкъ преслѣдуетъ ихъ ради ихъ мяса и ворвани, а также ради ихъ кожи, если не говорить о страсти къ избіенію пингвиновъ у грубыхъ моряковъ, которые иногда устраиваютъ настоящія побоища пингвиновъ.

Пингвиновъ, пойманныхъ молодыми, можно приручить, и они становятся довѣрчивы; но держать и выращивать ихъ весьма затруднительно. К. Штейненъ держалъ у себя трехъ молодыхъ патагонскихъ пингвиновъ, пойманныхъ во время пребыванія нѣмецкой экспедиціи на островѣ Южной Георгіи. „Шрадеръ и Виллъ“, пишетъ Штейненъ, „увидѣли 14-го мая на берегу Соловьинаго глетчера въ Литтлегафенѣ общество старыхъ патагонскихъ пингвиновъ съ шестью молодыми птицами. Молодые пингвины были немногимъ меньше старыхъ, но по сравненію со взрослыми были толсты и жирны и были похожи на маленькихъ бурыхъ медвѣдей. Единственными перьями ихъ были перья, составлявшія негибкій хвостикъ. Птицы довѣрчиво поджидали насъ, но когда мы подошли къ нимъ, онѣ сплотились и очень комично плотной толпой упорно дѣлали нѣсколько шажковъ въ сторону. Мнѣ было очень интересно сохранить живымъ въ неволѣ какого-нибудь патагонскаго пингвина, наблюдать за развитіемъ оперенія и по возможности привезти съ собою въ Европу.“ Естествоиспытатель разсказываетъ далѣе, что спустя нѣсколько недѣль поймалъ еще двухъ молодыхъ пингвиновъ, и затѣмъ продолжаетъ: „Такимъ образомъ я сталъ обладателемъ трехъ молодыхъ патагонскихъ, или королевскихъ, пингвиновъ. Такъ какъ надо было окрестить ихъ, то я назвалъ ихъ именами трехъ волхвовъ съ Востока. Старшаго звали Каспаромъ, изъ двухъ новыхъ Мельхіоръ былъ наиболѣе толстый и относительно наиболѣе покладистый, а Вальтасаръ — наиболѣе сильный и непокорный. Матросъ Виншлэгеръ изготовилъ для нихъ кожаные пояса съ дырками на боку, сквозь которыя пропустилъ „лапы“, и со шнуровкой на спинѣ. За эти зашнурованные сзади корсеты птицы были прикрѣплены къ веревкѣ, которая была пропущена черезъ низкую, уже болѣе не употреблявшуюся телеграфную проволоку около обсерваторіи. Если у нихъ являлось желаніе „тащить“, то они единодушно начинали тянуть изо всѣхъ силъ, словно клячи телѣгу, стараясь сдвинуть съ мѣста обсерваторію. Каспара, очень довольнаго новымъ обществомъ, я скоро могъ распречь — онъ не думалъ о бѣгствѣ. Разница, обнаружившаяся въ птицахъ при воспитаніи, была очень велика. Особенно Вальтасаръ отчаянно кусался и билъ крыльями при всякой попыткѣ погладить его, Каспаръ же все переносилъ благодушно.

„Кормить ихъ стоило мнѣ не мало труда. Рыбы давать имъ я не могъ, а потому имъ надо было приладить свое пищевареніе къ употребленію твердаго хлѣба, который я разваривалъ въ водѣ и немного солилъ, и къ бычачьему мясу, составлявшему наиболѣе простой изъ нашихъ мясныхъ консервовъ; лишь впослѣдствіи пингвины стали получать подходящіе кухонные отбросы, вродѣ риса, моркови и т. д. Въ первыя недѣли пингвины проявили очень сильный оппозиціонный духъ противъ новаго образа жизни. Но что-же было имъ дѣлать, когда я, сидя на ящикѣ, зажималъ ихъ между ногами, такъ что они не могли пошевельнуть крыльями, и открывъ имъ клювъ лѣвой рукой, правой рукой проталкивалъ имъ пищу до самаго почти пищевода? Послѣдняя предосторожность была необходима, ибо пока пища оставалась въ области произвольной мускула-

туры ротовой полости, то быстро отбрасывалась, помощью краткаго толчка, въ сторону. Мало по малу однако птицы такъ привыкли къ подобнаго рода кормленію, что я могъ уже свободно подносить имъ пищу на рукѣ, причемъ, впрочемъ, приходилось еще слегка открывать клювъ однимъ пальцемъ. Пингвины обращали большое вниманіе на то, чтобы кормленіе происходило во время и становились очень безпокойны, если я запаздывалъ, кричали или всячески старались убѣжать. Какъ только я показывался, раздавался громкій пискъ. Пингвины даже мало по малу полюбили меня — меня и другого подателя всякихъ благъ — синюю кастрюлю. Вслѣдъ за кастрюлей они шли, куда я желалъ — прямо, назадъ, съ поворотами въ любую сторону. Если я утромъ ставилъ синюю кастрюлю по близости отъ нихъ и самъ уходилъ, то пингвины становились вокругъ сосуда, изъ котораго валилъ паръ и жалобно кричали. Они клевали правда стѣнки кастрюли, ручку ея, но только Каспаръ, повидимому, понималъ, что главное составляетъ содержимое кастрюли и иногда безуспѣшно пытался клевать кормъ. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ мнѣ удавался съ Мельхіоромъ опытъ, поразившій всѣхъ зрителей, а именно, что голодная птица даже не дѣлала попытки схватить кусокъ хлѣба, который я подносилъ ей. Пингвинъ громко кричалъ, старался проглотить мой палецъ, когда я клалъ его птицѣ въ клювъ, и только когда я всовывалъ ей хлѣбъ въ клювъ, то кормъ быстро исчезалъ въ глубинѣ рта. Пингвины знали только меня и синюю кастрюлю. Другъ друга они иногда энергично кусали во время кормежки, хотя я соблюдалъ очередь съ строгимъ безпристрастіемъ, и одинъ пингвинъ старался оттѣснить другого отъ моихъ колѣнъ.

Каспаръ проявлялъ ко мнѣ поистинѣ дружескія чувства. Иногда, прыгнувъ съ порога, толстякъ посѣщалъ меня, усаживался у меня между колѣнями и продолжалъ сидѣть такимъ образомъ. Я сидѣлъ очень низко, такъ что онъ могъ положить мнѣ на колѣно голову; засунувъ голову подъ полу моего сюртука, онъ мирно спалъ до тѣхъ поръ, пока я не вставалъ, и, признаюсь, что я часто изъ за него просиживалъ на мѣстѣ дольше, чѣмъ хотѣлъ.“

Девятый отрядъ.

Буревѣстниковыя птицы (Thalassornithes).

Буревѣстниковыя птицы (Procellariidae) отличаются отъ всѣхъ прочихъ птицъ тѣмъ, что носовыя полости ихъ продолжаются и на надклювьѣ въ видѣ роговыхъ трубокъ. Одного этого признака достаточно, чтобы не смѣшать ихъ ни съ какими другими птицами.

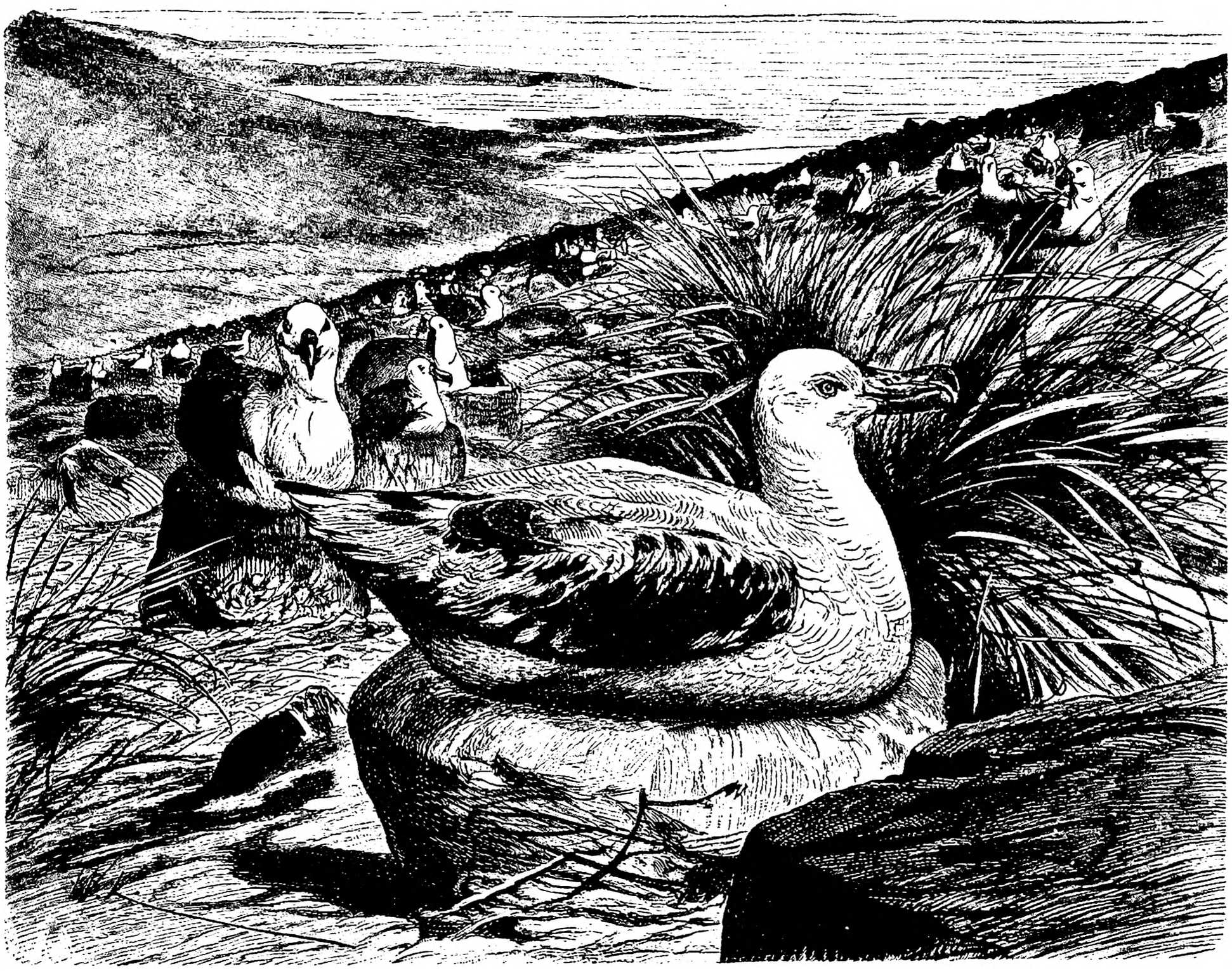
Альбатросовыхъ птицъ (Diomedeinae) мы врядъ ли можемъ считать самыми благородными членами этого семейства; тѣмъ не менѣе, отведемъ имъ здѣсь первое мѣсто. Птицы эти отличаются очень большой величиной, сильнымъ туловищемъ, короткой, толстой шеей, большой головой, огромнымъ, длиннымъ, крѣпкимъ, сжатымъ съ боковъ клювомъ съ крѣпкимъ крючкомъ и съ острыми краями; гребень надклювья нѣсколько вогнутъ, гребень подклювья довольно прямой, носовыя же отверстія оканчиваются короткими трубками, расположенными по бокамъ, и отъ этихъ трубокъ довольно глубокія борозды идутъ къ концу клюва; ноги короткія, но крѣпкія и трехпалыя съ большими плавательными перепонками, крылья очень длинныя и чрезвычайно узкія, маховыя перья сильныя и длинныя, хвостъ короткій, состоящій изъ 12-ти перьевъ, и опереніе чрезвычайно обильное, густое, съ массой пуха, но не ярко окрашенное.

Обыкновенный альбатросъ (Diomedea exulans), за исключеніемъ черныхъ маховыхъ перьевъ, совершенно бѣлаго цвѣта, въ молодости онъ по бѣлому фону покрытъ темно-бурыми крапинами и дугообразными полосами. Глаза у него темно-каріе, голыя вѣки блѣдно-зеленыя, клювъ нѣжнаго гвоздично-красновато-бѣлаго цвѣта, къ концу желтый, ноги красновато-желтовато-бѣлыя. Длина, по Беннетту, 116 см.; ширина же птицы съ раскрытыми крыльями бываетъ весьма различна: Беннеттъ увѣряетъ, что измѣрялъ альбатросовъ, ширина которыхъ доходила до 3-хъ метровъ и одного, ширина котораго была 4,25 метра. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у этой птицы крылья вообще длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ птицъ.

Родина альбатросовъ — океаны южнаго полушарія; къ сѣверу отъ тропика Козерога эти птицы, по крайней мѣрѣ въ Атлантическомъ океанѣ, встрѣчаются лишь какъ случайные гости. Мы вправѣ утверждать, что настоящее мѣсто жительства альбатросовъ находится между 30 и 40 градусами южной широты.

Всѣ наблюдатели единодушно восхищаются полетомъ этихъ морскихъ грифовъ. „Весело и пріятно видѣть“, говоритъ Беннеттъ, „какъ эти великолѣпныя птицы плавно и изящно парятъ въ воздухѣ, словно движимыя какою-то невидимой силой. Послѣ перваго взмаха мощная птица, поднявшись на воздухъ, почти не двигаетъ крыльями; наблюдатель видитъ, какъ птица поднимается и опускается, и ему кажется, что та же невидимая сила производитъ и всѣ эти разнообразныя движенія и что птицѣ вовсе не приходится напрягать своихъ мускуловъ. Альбатросъ спускается внизъ, пролетаетъ мимо самой кормы судна съ такимъ независимымъ видомъ, какъ будто онъ властитель всего находящагося подъ нимъ. Замѣтивъ

какой-нибудь предметъ, плавающій на водѣ, онъ, широко раскрывъ или разставивъ крылья, постепенно опускается внизъ, садится также на воду и плаваетъ, съѣдая свою добычу, какъ чайка или утка; потомъ онъ поднимается, бѣжитъ съ раскрытыми крыльями по поверхности моря, начинаетъ кружиться и затѣмъ снова взлетаетъ и носится по воздуху. Въ движеніяхъ альбатроса незамѣтно усилій, но замѣтна сила и выдержка, соединенныя съ неизмѣнною граціей. По истинѣ изящно плыветъ онъ по воздуху, склоняясь то въ ту, то въ другую сторону, скользя надъ самыми катящимися волнами, такъ что кажется, будто онъ окунаетъ концы своихъ крыльевъ въ воду; потомъ онъ опять взлетаетъ наверхъ съ тою же свободой и легкостью движеній. Летаетъ альбатросъ такъ быстро, что, спустя

Обыкновенный альбатросъ (Diomedea exulans). $^1/_8$ естеств. велич.

нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ онъ пронесся мимо судна, видишь его уже гдѣ-нибудь вдали качающимся на волнахъ, такъ что онъ въ самое короткое время можетъ улетѣть очень далеко. Въ бурную погоду онъ летаетъ и по вѣтру и противъ вѣтра, и въ самомъ жизнерадостномъ настроеніи паритъ во время бури надъ клокочущими и ревущими волнами; но даже тогда, когда альбатросъ летитъ въ бурю, незамѣтно никакого особеннаго движенія крыльевъ: птица только подвигается впередъ нѣсколько медленнѣе.“ Когда альбатросъ опускается, фигура его совершенно измѣняется и теряетъ всю свою привлекательность и пропорціональность. Онъ поднимаетъ крылья, откидываетъ голову назадъ, втягиваетъ спину, вытягиваетъ свои безобразно большія ноги съ растопыренными пальцами и, жужжа, падаетъ на воду. На водѣ, впрочемъ, онъ также чувствуетъ себя, какъ дома. Онъ плаваетъ по волнамъ такъ же легко, какъ пробка, и довольно быстро подвигается впередъ, но не умѣетъ нырять, и только тогда ему удается погрузить свое обильно оперенное тѣло въ воду, когда онъ кидается внизъ съ большой высоты: Беннеттъ разсказываетъ, что альбатросъ,

нырнувшій при немъ съ размаху, пробылъ 8 секундъ подъ водою. На сушѣ альбатросъ почти утрачиваетъ способность къ какимъ бы то ни было движеніямъ. Около своего гнѣзда онъ, какъ говорятъ, тяжело переваливается, какъ лебедь, точно такъ же ходитъ онъ по палубѣ судна, гдѣ, по словамъ Пехуэль-Лёше, легко заболѣваетъ морскою болѣзнью. Голосъ альбатроса нерѣдко сравнивали съ крикомъ осла; но Чуди увѣряетъ, что это неудачное преувеличеніе, и что альбатросъ издаетъ лишь громкій, въ высшей степени непріятный визгъ; по мнѣнію же Беннетта, крикъ альбатроса похожъ на крикъ лебедя.

Изъ внѣшнихъ чувствъ, безъ сомнѣнія, всего лучше развито зрѣніе, такъ какъ всѣ наблюденія показываютъ, что альбатросъ явственно различаетъ предметы, находящіеся на далекомъ разстояніи, напр. очень быстро подлетаетъ, замѣтивъ на какомъ-нибудь мѣстѣ моря болѣе мелкихъ буревѣстниковъ. Хотя альбатросъ безъ страха приближается къ человѣку и порой обнаруживаетъ безсмысленную смѣлость, но это еще не даетъ намъ права отрицать въ немъ смышлености: онъ рѣдко имѣетъ случай сталкиваться съ человѣкомъ и по отношенію къ людямъ не мѣняетъ своего образа дѣйствій; можетъ быть, онъ относился бы къ человѣку иначе, если бы имѣлъ больше опыта. То, что альбатросъ слѣдуетъ за судами, уже заставляетъ насъ предполагать у него нѣкоторую смышленость: онъ знаетъ, что съ судовъ для него часто падаетъ съѣдобный кусокъ. Какъ у всѣхъ прожорливыхъ птицъ, жадность альбатроса почти всегда беретъ верхъ надъ его осторожностью: если, вслѣдствіе бурной погоды, альбатросъ въ теченіе долгаго времени былъ лишенъ возможности что-нибудь поймать, то его можно 6—8 разъ подрядъ поймать на удочку; если же его взять на судно и снова пустить на свободу, то еще съ окровавленнымъ клювомъ онъ тотчасъ же опять хватаетъ приманку.

Насколько намъ до сихъ поръ извѣстна жизнь альбатросовъ, мы должны причислить его къ дневнымъ птицамъ; но дѣятельность его продолжается долѣе, чѣмъ дѣятельность большинства другихъ птицъ; онъ, повидимому, почти не нуждается въ отдыхѣ или же достаточно подкрѣпляется очень короткимъ отдыхомъ для дальнѣйшихъ движеній. Чувствуя себя, какъ дома, на всей обширной поверхности моря, альбатросъ летитъ своей дорогой, не заботясь о разстояніяхъ; день у него проходитъ въ отыскиваніи пищи, въ уничтоженіи ея, въ отдыхѣ и въ полетѣ. Благодаря своему быстрому полету, онъ можетъ состязаться въ скорости передвиженія съ самыми быстрыми судами.

Причина, заставляющая альбатроса пролетать такія большія разстоянія и проводить бо́льшую часть своей жизни на воздухѣ, — это его ненасытная жадность. Пищевареніе у него совершается чрезвычайно быстро, и потому онъ принужденъ постоянно отыскивать себѣ добычу; а если ему и удается когда-нибудь наѣсться до сыта, то продолжительная буря снова обрекаетъ его на постъ и на отощаніе. Еще до сихъ поръ господствуетъ ошибочное мнѣніе, будто бури благопріятны для буревѣстниковъ, ибо, какъ полагаютъ, въ бурю молюсковъ и рыбъ выноситъ на поверхность воды; между тѣмъ, во время бури, буревѣстники не могутъ находить своей обычной пищи, а потому они въ такое время болѣе обыкновеннаго приближаются къ судамъ въ надеждѣ около нихъ утолить свой голодъ. Въ тихую погоду альбатросы ѣдятъ вѣроятно только разныхъ головоногихъ и другихъ мягкотѣлыхъ, которыхъ собираютъ съ поверхности воды. Живыхъ рыбъ альбатросы ловить не могутъ; они не кидаются также внезапно въ воду за добычей, какъ ныряющія птицы, а ждутъ, пока добыча появится на поверхности воды; тогда они садятся на воду, схватываютъ добычу клювомъ и проглатываютъ ее, продолжая плавать.

Относительно размноженія альбатросовъ мы еще не имѣемъ обстоятельныхъ изслѣдованій безпристрастныхъ наблюдателей, тѣмъ болѣе, что объ этомъ вопросѣ распространены разныя басни. Альбатросъ выводитъ потомство на островахъ Аукландъ и Кампбелль въ ноябрѣ и въ декабрѣ. Для постройки своего гнѣзда онъ выбираетъ покрытые травою склоны холмовъ надъ чащами лѣсовъ. Гнѣздо состоитъ изъ тростника, сухой травы и высохшихъ листьевъ, скомканныхъ вмѣстѣ: внизу гнѣздо имѣетъ въ окружности 2 метра, наверху 70 см. въ поперечникѣ, и 50 см.

въ вышину. Обыкновенно кладется только одно яйцо. Яйца доходятъ въ длину до 12-ти см., а въ толщину — до 8 см. Уже издали можно узнать сидящаго на яйцахъ альбатроса по бѣлой головѣ, выставляющейся изъ травы. Во время высиживанія альбатросъ кажется спящимъ и часто прячетъ голову подъ крыло. При приближеніи врага онъ защищаетъ свое яйцо и упорно не покидаетъ гнѣзда, пока его къ этому не принудятъ; тогда онъ ковыляетъ, какъ потревоженная при высиживаньи гагарка, и проходитъ нѣкоторое разстояніе, не дѣлая однако попытки улетѣть. Злѣйшій врагъ альбатроса — это одинъ дерзкій поморникъ; ибо какъ только альбатросъ покинетъ гнѣздо, этотъ разбойникъ кидается на яйцо и съѣдаетъ его; но альбатросъ очень хорошо знаетъ этого поморника и, замѣтивъ его, всегда энергично щелкаетъ клювомъ.

Для того, чтобы изловить альбатроса, достаточно закинуть въ море крѣпкую удочку съ кускомъ сала или мяса. Если одинъ изъ нихъ попадется на удочку, то, пока его тащатъ, другіе альбатросы кружатся вокругъ него съ громкимъ, визгливымъ, непріятнымъ крикомъ. Птица, поднятая на палубу, совершенно безпомощна и, сознавая свою слабость, позволяетъ дѣлать съ собой, что угодно, и только иногда начинаетъ отчаянно кусаться. Твердое и пропитанное ворванью мясо альбатроса моряки ѣдятъ лишь въ томъ случаѣ, когда страдаютъ отъ недостатка съѣстныхъ приласовъ.

Чайки-буревѣстники (Procellariinae), составляютъ второе подсемейство, обнимающее, если можно такъ выразиться, ядро отряда буревѣстниковыхъ птицъ, и отличаются сильнымъ сложеніемъ; шея у нихъ короткая, голова большая, клювъ короче головы, крѣпкій и твердый, по бокамъ настолько изборожденный, что кончикъ кажется зубчатымъ; кончикъ какъ надклювья, такъ и подклювья сильно утолщенъ, такъ что на верхней створкѣ образуется сильно загнутый крючекъ; носовыя отверстія помѣщаются въ сросшейся трубкѣ на гребнѣ клюва и раздѣляются продольной перегородкой на двѣ половины; ноги средней длины, толстыя, съ короткою плюсною и сжатыя съ боковъ; три переднихъ пальца снабжены вполнѣ развитыми плавательными перепонками, задній же палецъ превратился въ небольшую бородавку; крылья похожи на крылья чаекъ, но короче и острѣе; хвостъ, состоящій изъ 12—14 перьевъ, сильно закругленъ. Очень обильное и мягкое мелкое опереніе окрашено большею частью въ темные цвѣта и мало измѣняется въ зависимости отъ возраста и пола птицы или отъ времени года.

Всѣ птицы этого подсемейства — жители океана, но обыкновенно держатся въ извѣстныхъ его предѣлахъ. Въ жаркомъ поясѣ онѣ менѣе многочисленны, чѣмъ въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ обоихъ полушарій, и въ южномъ полушаріи, имѣющемъ болѣе обширную водную поверхность, онѣ водятся въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ сѣверномъ. Чайки-буревѣстники почти неспособны ходить, плаваютъ легко и, повидимому, безъ усилій, но все-таки рѣдко, и бо́льшую часть своей жизни проводятъ летая. Всѣ животныя вещества, плавающія на поверхности моря, являются для нихъ желанной добычей; онѣ питаются падалью болѣе крупныхъ животныхъ, мертвой и живой рыбой, молюсками и т. п. мелкими животными, отличаются невѣроятной прожорливостью, жадностью, почти что ненасытностью: ибо, благодаря своей подвижности, чрезвычайно быстро переварпваютъ пищу. Наѣвшись, онѣ забываютъ о всякой опасности, и тогда ихъ можно убивать палками или даже хватать руками.

Всѣ чайки-буревѣстники высиживаютъ потомство близъ моря, по возможности на отдѣльныхъ, недоступныхъ утесахъ или шхерахъ. Настоящаго гнѣзда птицы эти не строятъ, а кладутъ свое очень большое, пузатое яйцо съ шероховатой скорлупой и притомъ бѣлое, безъ всякихъ пятенъ, на голую землю и тотчасъ послѣ кладки начинаютъ высиживать. Молодая птица появляется на свѣтъ въ сѣроватомъ пуху и медленно подростаетъ. Родители чрезвычайно нѣжно любятъ своего птенца и при видѣ врага, не колеблясь, жертвуютъ жизнью; иногда они пытаются

защитить свое дѣтище тѣмъ, что выпускаютъ на нарушителя спокойствія цѣлую струю жидкой ворвани.

*

Соединительнымъ звеномъ между альбатросами и чайками-буревѣстниками можетъ считаться исполинскій буревѣстникъ (Procellaria gigantea). У взрослой птицы верхняя сторона пятнистая, такъ какъ большинство мелкихъ перьевъ украшено тускло-бѣлыми каемками; нижнія части тѣла бѣлаго цвѣта; глаза желтовато-бѣлые, клювъ ярко-желтый, ноги блѣдно-желтыя. У молодой птицы опереніе темнаго шоколаднаго цвѣта, глаза темнаго черновато-каряго цвѣта, клювъ свѣтлаго рогового цвѣта, кончикъ — съ налетомъ цвѣта краснаго вина, ноги черновато-бурыя. Длина 90 см.

Водится исполинскій буревѣстникъ въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ южнаго полушарія.

По словамъ Гуттона, исполинскій буревѣстникъ высиживаетъ птенцовъ на островѣ принца Эдварда и кладетъ только одно бѣлое яйцо. Изъ него, послѣ продолжительнаго высиживанья, вылупляется птенецъ, первоначально облеченный въ красивую бѣлую одежду изъ длиннаго пуха; птенецъ растетъ медленно и лишь спустя нѣкоторое время облекается въ обычный нарядъ молодыхъ птицъ, покрытый бѣлыми пятнами по темно-бурому фону. Если кто-нибудь приблизится къ гнѣзду, то старая птица поворачивается въ сторону, а молодая выплевываетъ отвратительно-вонючую маслянистую жидкость на нарушителя спокойствія, причемъ струя бьетъ на разстояніе около 2-хъ метровъ.

Глупышъ (Procellaria glacialis) бѣлаго цвѣта, брюшко у него серебристо-сѣрое, верхній покровъ синевато-сѣрый; маховыя перья черноватыя. Глаза каріе, клювъ на гребнѣ блѣднаго рогового желтаго цвѣта, ноги желтыя съ синеватымъ отливомъ. Длина 50 см.

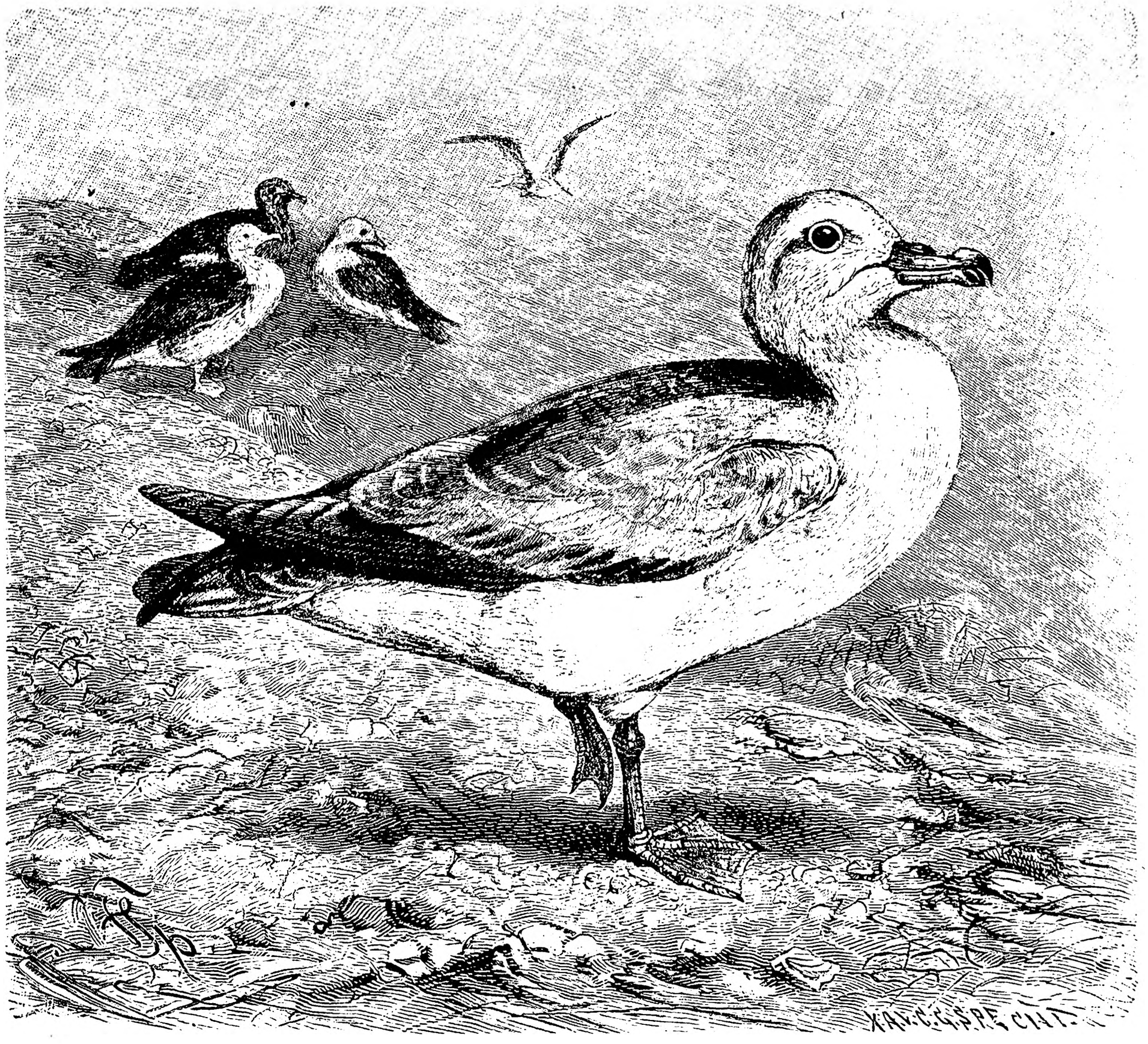
Глупышъ живетъ въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ и очень рѣдко покидаетъ его. Это житель океана, какъ и всѣ его родственники и, внѣ періода вывода, только тогда приближается къ сушѣ, если морскіе туманы ввели его въ заблужденіе или если птица совершенно ослабѣла вслѣдствіе продолжительныхъ бурь. Свое нѣмецкое (Eissturmvogel) и латинское названіе, заставляющія предполагать посѣщеніе имъ ледяныхъ массъ, глупышъ не вполнѣ оправдываетъ, такъ какъ избѣгаетъ по крайней мѣрѣ большихъ ледяныхъ глыбъ, и капитаны судовъ, окруженныхъ льдомъ, присутствіе глупыша считаютъ вѣрнымъ признакомъ того, что открытая вода недалеко.

Говорятъ, что глупышъ летаетъ вродѣ нѣкоторыхъ чаекъ, и что его полетъ особенно похожъ на полетъ бѣлыхъ чаекъ. Съ широко раскрытыми, почти неподвижными крыльями онъ легко скользитъ надъ бушующими волнами, все время держась по возможности на одинаковомъ разстояніи отъ воды, мужественно борется съ бурей и лишь изрѣдка отдыхаетъ. Плаваетъ онъ съ большимъ искусствомъ, купается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теченіе чрезвычайно стремительно, напр. между утесами, и безъ труда подвигается впередъ по водной поверхности; зато на сушѣ онъ очень безпомощенъ, и если ему приходится двигаться на ногахъ, то онъ скорѣе скользитъ на плюснѣ, чѣмъ ходитъ. Голосъ у него крякающій, крикъ звучитъ вродѣ „гэгэгэгерр“, а въ гнѣздѣ издается трескучій звукъ „карв“. По характеру своему глупышъ не отличается отъ другихъ видовъ своего семейства. Человѣка онъ не боится, не задумываясь, приближается къ судамъ и назойливо преслѣдуетъ рыбаковъ и китолововъ.

Китоловы увѣряютъ, что любимую пищу его составляетъ сало; добросовѣстныя наблюдатели нашли, что онъ ѣстъ всевозможныхъ морскихъ животныхъ, а также растущую на утесахъ ложечную траву. Фаберъ, кромѣ глупыша, не можетъ указать ни одной птицы, которая ѣла бы медузъ.

На всѣхъ островахъ далекаго сѣвера глупышъ выводитъ потомство, а въ Европѣ, главнымъ образомъ, на Санъ-Кильдѣ (Гебридскіе острова) и на Исландіи, кромѣ того на Янъ-Майенѣ и Шпицбергенѣ.

На Вестманэрѣ, близъ Исландіи, эта птица, по словамъ Фабера, высиживаетъ птенцовъ чаще всѣхъ другихъ птицъ; приблизительное понятіе о количествѣ означенныхъ птицъ можно составить себѣ по тому, что жители вынимаютъ изъ гнѣздъ по крайней мѣрѣ 20,000 птенцовъ; слѣдовательно, высиживаньемъ занято тамъ по меньшей мѣрѣ 40,000 птицъ. Но число ихъ ежегодно увеличивается, такъ какъ многихъ птенцовъ не удается достать, хотя птицеловы спускаются по стѣнамъ утесовъ при помощи крѣпкихъ канатовъ. Птенецъ вылупляется не раньше первыхъ чиселъ іюля; къ концу іюля онъ наполовину выростаетъ и покрывается

Глупышъ (Procellaria glacialis). $^1/_4$ естеств. велич

длиннымъ сѣровато-синимъ пухомъ. Уже тогда онъ не хуже стариковъ выплевываетъ на приближающагося врага жидкость, пропитанную ворванью, причемъ струя достигаетъ иногда двухъ третей метра, и птица извлекаетъ ее изъ нижней части глотки такимъ движеніемъ, какъ будто ее тошнитъ. Этотъ запасъ истощается не особенно-то скоро. Къ концу августа молодыя птицы уже становятся способны летать и дѣлаются очень жирными, но очень дурно пахнутъ. Жители Вестманэра разыскиваютъ ихъ на маленькихъ скалистыхъ островкахъ, убиваютъ ихъ тысячами и солятъ на зиму.

Всѣмъ мореплавателямъ хорошо знакомъ капскій буревѣстникъ (Procellaria capensis). У него верхняя часть головы и задняя часть шеи темнаго желѣзисто-сѣраго цвѣта, верхній покровъ, верхнія кроющія перья крыльевъ и

хвоста бѣлыя съ большими пятнами на концахъ, хвостовыя перья бѣлыя, если не считать черной полосы на концѣ. Длина 38 см.

Изъ всѣхъ морскихъ птицъ капскій буревѣстникъ самый вѣрный спутникъ судовъ. Замѣчательна область распространенія этой птицы. Въ Атлантическомъ океанѣ она живетъ по ту сторону тропика Козерога и очень рѣдко забирается въ жаркій поясъ или въ сѣверное полушаріе, напр. на западный берегъ Европы; въ Тихомъ же океанѣ она встрѣчается и сѣвернѣе экватора, по крайней мѣрѣ въ той части океана, которая омываетъ западный берегъ Америки.

Капскій буревѣстникъ плаваетъ безъ труда, но дѣлаетъ это рѣдко; онъ, какъ днемъ, такъ и ночью летаетъ и садится только для того, чтобы съ большимъ удобствомъ съѣсть что-нибудь. Въ ясную погоду эта птица довольно робка и недовѣрчива, въ бурю же, когда ее мучаетъ голодъ, она становится безумно смѣла, и тогда поймать ее очень легко. Взятая на судно, она храбро защищается клювомъ и съ замѣчательной мѣткостью пускаетъ въ лицо врагу отвратительную, грязную маслянистую жидкость.

*

Качурки (Thalassidroma) характеризуются малой величиной, стройнымъ туловищемъ, короткой шеей и сравнительно большой головой, очень длинными крыльями, похожими на крылья ласточекъ, и средней длины хвостомъ; клювъ у нихъ маленькій, слабый, прямой, на концѣ обѣихъ створокъ загибается внизъ, на верху загнутъ крючкомъ; ноги маленькія, довольно слабыя, снабжены длинною плюсною и покрыты сѣтчатыми щитками, три длинные, слабые передніе пальца соединены полной плавательной перепонкой; густое опереніе, похожее на мѣхъ, окрашено, главнымъ образомъ, въ темно-бурый цвѣтъ и покрыто бѣлыми пятнами.

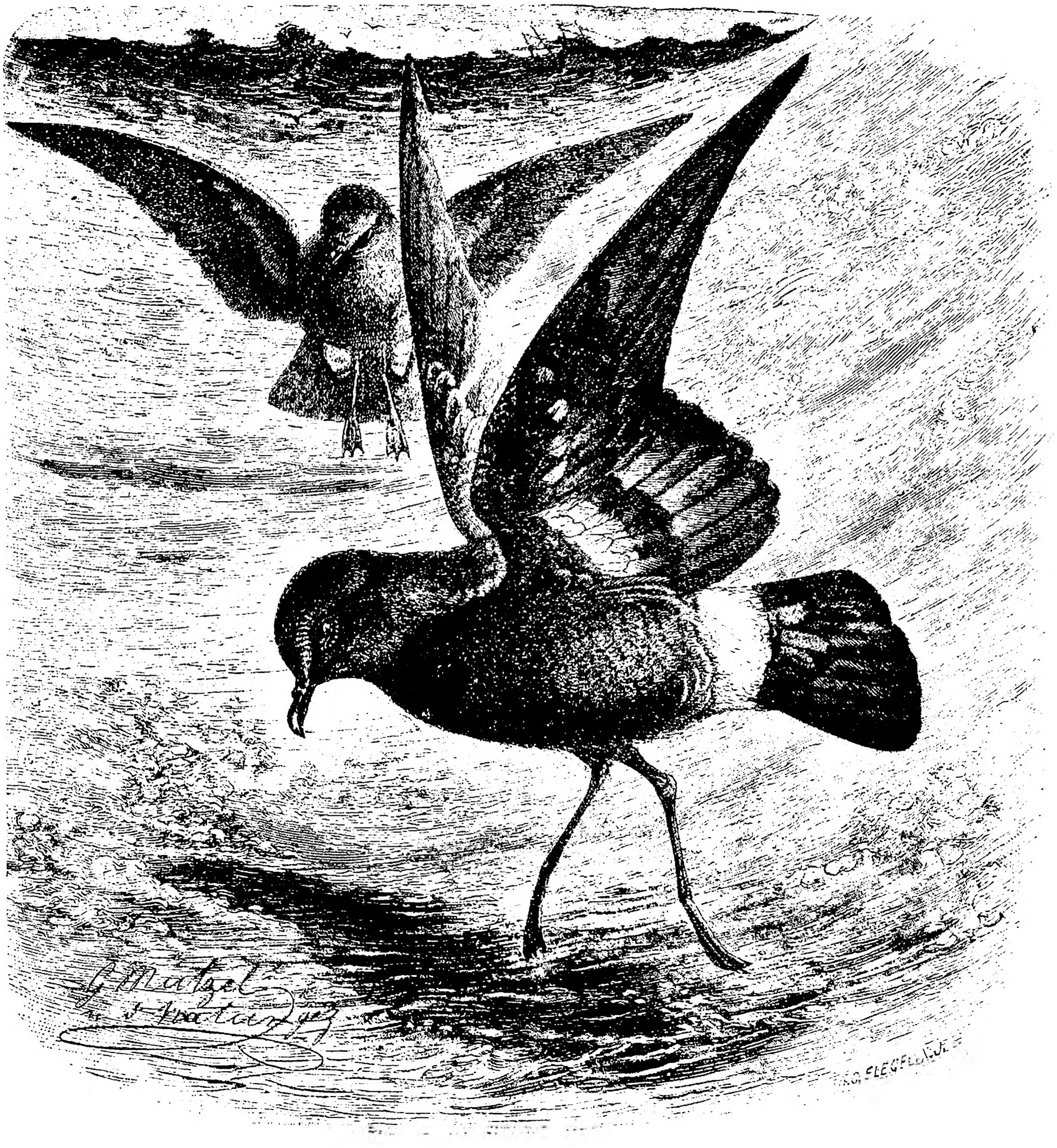
У качурки малой (Thalassidroma pelagica), которую англичане называютъ Petrel, а англійскіе моряки Mother Carey's chicken, хвостъ прямо обрѣзанный, опереніе цвѣта бурой сажи, на верхней части головы блестяще-черное, около лба буроватое, верхній же покровъ черно-бурый; концы среднихъ кроющихъ перьевъ крыла, образующіе болѣе или менѣе явственную поперечную полосу на крыльяхъ, свѣтлѣе, иногда даже тускло-бѣлаго цвѣта; надхвостье, задъ и боковыя нижнія кроющія перья хвоста, а также основанія рулевыхъ перьевъ бѣлаго цвѣта. Глаза каріе, клювъ черный, ноги красновато-бурыя. Длина 14 см.

Качурка большая (Thalassidroma leucorrhoa), которую можно узнать по ея глубоко-выемчатому, сравнительно длинному хвосту, значительно больше: ея длина 20 см. Опереніе преимущественно окрашено въ буровато-черный цвѣтъ сажи, надхвостье и боковыя нижнія кроющія перья хвоста бѣлаго цвѣта.

Всѣ качурки въ полномъ смыслѣ слова обитатели океана и потому распространены по обширному пространству. Малая качурка и большая качурка, кромѣ далекаго сѣвера, живутъ во всемъ Атлантическомъ, а также въ Тихомъ океанѣ, а потому встрѣчаются и на берегахъ Европы. Въ Нѣмецкомъ морѣ ихъ можно видѣть рѣдко, въ Балтійскомъ — еще рѣже и только въ одиночку, въ Ледовитомъ океанѣ — чаще, хотя здѣсь онѣ, повидимому, летаютъ лишь въ извѣстное время. Обыкновенно онѣ живутъ въ открытомъ морѣ, не приближаясь къ сушѣ; однако послѣ продолжительныхъ бурь ихъ можно столь же часто видѣть близъ суши, какъ во время вывода; случается даже, что цѣлыя стаи этихъ птицъ прибиваются къ берегу, подчасъ онѣ стаями же залетаютъ внутрь страны, но, конечно, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи снова вернуться къ морю. Такихъ занесенныхъ на сушу качурокъ не разъ приходилось наблюдать во внутреннихъ частяхъ Германіи и даже въ Швейцаріи.

Качурки бываютъ дѣятельными, главнымъ образомъ, ночью. Правда, ихъ можно видѣть и во всякое время дня, но особенно дѣятельными и подвижными онѣ становятся лишь при наступленіи сумерекъ, и ихъ слышно въ теченіе всей ночи.

Среди океана онѣ встрѣчаются въ одиночку, но обыкновенно бо̀льшими или меньшими обществами, какъ въ бурную, такъ и въ хорошую погоду. Цѣлыми днями летаютъ онѣ надъ волнами, то поднимаясь выше, какъ ласточки, то носясь надъ самою поверхностью воды, причемъ онѣ поднимаются и опускаются вмѣстѣ съ волнами, не касаясь однако воды. Онѣ словно прижимаются къ волнамъ и какъ будто при помощи волшебной силы держатся отъ нихъ на извѣстномъ, всегда одинаковомъ разстояніи. Крыльями онѣ машутъ рѣдко, но сильно и разнообразно.

Качурка малая (Thalassidroma pelagica). ½ естеств. велич.

Обыкновенно можно видѣть ихъ съ широко открытыми крыльями въ указанномъ положеніи, и иногда въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не удается замѣтить ни одного взмаха крыльями; потомъ вдругъ птицы поднимаются, быстро и сильно машутъ крыльями на подобіе стрижей, мастерски раскачиваются въ воздухѣ во всѣхъ направленіяхъ, косо спускаются на волны и снова принимаютъ свое прежнее положеніе. Къ замѣченной добычѣ онѣ приближаются бѣгомъ, схватываютъ ее клювомъ, а затѣмъ опять летятъ дальше. Плавать качурки рѣшаются такъ рѣдко, что даже самые тщательные наблюдатели говорили, будто онѣ никогда не плаваютъ; дѣйствительно, онѣ, кажется, только для отдыха садятся на воду, но не подвигаются впередъ.

Сила полета у нихъ огромная. Онѣ въ буквальномъ смыслѣ слова летаютъ цѣлыми днями, не отдыхая или же находя отдыхъ лишь въ перемѣнѣ положенія, напр. переходя отъ порханія къ настоящему полету и наоборотъ. Только во время продолжительныхъ бурь онѣ слабѣютъ, но не потому, что борьба съ вѣтромъ утомляетъ ихъ, а потому, что въ бурю имъ труднѣе находить кормъ, и что голодъ лишаетъ ихъ силъ. Именно вѣтеръ облегчаетъ ихъ полетъ; онѣ становятся какъ разъ противъ вѣтра, который несетъ и поддерживаетъ ихъ, если онѣ направляютъ извѣстнымъ образомъ свои крылья, похожія на паруса. Во время полета качурки рѣдко издаютъ какіе бы то ни было звуки; всего болѣе молчаливы онѣ днемъ, который для нихъ является, повидимому, порой отдыха; всего бодрѣе онѣ становятся подъ вечеръ и вскорѣ послѣ заката солнца. Тогда, если этому не мѣшаетъ вѣтеръ, можно слышать ихъ призывной крикъ, который звучитъ вродѣ „уиб уиб уиб уэ уэ“. Характеръ у нихъ, повидимому, чрезвычайно безобидный. Съ себѣ подобными качурки живутъ въ высшей степени мирно, до другихъ птицъ имъ дѣла нѣтъ. Внѣ своей стихіи онѣ словно теряютъ разумъ и становятся совершенно безпомощны; поэтому ихъ, конечно, несправедливо считаютъ глупѣйшими изъ всѣхъ птицъ. Среди матросовъ распространено мнѣніе, будто въ граціозныхъ качуркахъ живутъ души погибшихъ на морѣ моряковъ.

Питаются качурки всевозможными мягкотѣлыми животными, а также мелкими раками, можетъ быть и мелкою рыбой; онѣ проглатываютъ также жирныя вещества, напр. масло и т. п., плавающія на водѣ. Больше ничего нельзя сказать о ихъ питаніи, такъ какъ въ желудкѣ ихъ всегда находили жирную жидкость, но никогда не находили и слѣда животныхъ.

Качурка малая чрезвычайно мила во время высиживанія птенцовъ. „Когда я выразилъ своему хозяину желаніе пріобрѣсти одну „Drunquiti“, пишетъ Граба, „то у жителей стали спрашивать, не знаютъ-ли они, гдѣ находятся гнѣзда этой птицы. Одинъ мальчикъ нашелъ гнѣздо и повелъ насъ къ толстой стѣнѣ хлѣва, расположеннаго нѣсколько поодаль отъ дома, говоря, что гнѣздо помѣщается между камнями; однако онъ въ точности не запомнилъ мѣста, гдѣ находилось гнѣздо и открылъ его удивительнымъ образомъ. Онъ приближалъ ротъ ко многимъ щелямъ въ стѣнѣ и кричалъ „клюрр“, послѣ чего раздавалось въ отвѣтъ тонкое „кекереки“, повторявшееся вслѣдъ за каждымъ звукомъ „клюрр“. Здѣсь пришлось около получаса работать лопатой и ломомъ, такъ какъ камень не подавался; въ это время тонкій голосокъ замолкъ. Наконецъ показалось гнѣздо, состоявшее изъ немногихъ стебельковъ травы; но птицы не было видно; она залѣзла выше и притаилась между неплотно прилегающими другъ къ другу камнями, но наконецъ была открыта и вытащена на свѣтъ Божій. Какъ только ее вытащили, она, сдѣлавъ боковое движеніе головой и шеей, три раза подрядъ выплюнула струю желтой ворвани, причемъ первая была самая сильная. Послѣдующія попытки плевать не удались, хотя изъ горла все еще вытекало немного ворвани.

„За нѣсколько недѣль до высиживанья качурки отправляются въ углубленія и трещины недалеко отъ моря. Здѣсь они вырываютъ себѣ нору въ землѣ, часто доходящую въ глубину до 60 см., устраиваютъ гнѣздо изъ немногихъ свободно лежащихъ стебельковъ травы, и въ концѣ іюля кладутъ туда одно единственное круглое бѣлое яйцо. Еще раньше, чѣмъ положено яйцо, птица выщипываетъ у себя спереди изъ живота перья, чтобы удобнѣе было сидѣть на яйцѣ; я находилъ у качурокъ такія выщипанныя мѣста уже за 8 дней до кладки.“

Кромѣ поморниковъ, ни одна морская птица не нападаетъ на качурокъ. Когда качурокъ прибиваетъ къ сушѣ, онѣ попадаютъ въ лапы каждаго ворона, такъ какъ ожидаютъ нападенія врага, но, собственно говоря, не защищаются. Человѣкъ не преслѣдуетъ качурокъ, такъ какъ исходящій отъ нихъ запахъ ворвани такъ силенъ, что противенъ даже жителямъ далекаго сѣвера. Но еще во времена Грабы убитыхъ птицъ употребляли въ качествѣ лампъ, пропуская черезъ ихъ тѣло фитиль и зажигая его.

Послѣднее подсемейство буревѣстниковыхъ птицъ составляютъ буревые ныркн (Puffininae), которыхъ мы разсматриваемъ подъ конецъ, хотя должны признать ихъ весьма хорошо одаренными птицами.

Буревые ныркн также покидаютъ море только для высиживанья, но иногда и на болѣе долгое время, напримѣръ, довольно часто они забираются даже въ гавани. Обыкновенно они живутъ обществами въ 8—20 головъ, которыя, охотясь сообща, придерживаются извѣстной полосы; во время же высиживанья они собираются въ большія общества, которыя въ буквальномъ смыслѣ слова могутъ покрывать нѣкоторые острова.

Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбъ и головоногихъ. Поэтому въ желудкѣ ихъ нѣтъ жирной жидкости, какъ у другихъ буревѣстниковыхъ.

Изъ видовъ, живущихъ на берегахъ Европы, самый извѣстный буревѣстникъ обыкновенный (Puffinus anglorum). У взрослой птицы верхняя сторона синевато-черная, нижняя — чисто-бѣлая; бока шеи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ черный цвѣтъ отдѣляется отъ бѣлаго, чешуйчато-сѣрые, наружная часть ляжекъ съ буровато-черными пятнами. Глаза карiе, клювъ свинцово-сѣрый, ноги зеленовато-желтыя. Длина 36 см.

Буревѣстникъ обыкновенный обитаетъ въ сѣверной части Атлантическаго океана, между прочимъ въ Средиземномъ морѣ, и отъ поры до времени появляется въ Балтійскомъ морѣ.

Отъ прочихъ буревѣстниковыхъ, которыя всѣ ведутъ весьма сходный образъ жизни, обыкновеннаго буревѣстника сразу можно отличить по его своеобразному полету. Вовсе не рѣдко случается видѣть, какъ обыкновенный буревѣстникъ спокойно плаваетъ и прямо съ поверхности воды ныряетъ въ глубину; обыкновенно же можно видѣть его летающимъ, причемъ онъ не паритъ, а несется надъ волнами, какъ бы пролетаетъ черезъ нихъ. Раскрывъ широко крылья, онъ летитъ впередъ, подвигаясь при помощи чрезвычайно быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, свистящихъ взмаховъ, кружится и поворачивается не только въ сторону, но и сверху внизъ, такъ что виднѣется то его болѣе темная верхняя сторона, то свѣтлая нижняя сторона; онъ то летитъ по направленію волнъ, подымаясь на ихъ гребни и опускаясь въ промежуткахъ между гребнями, то вдругъ поднимается на высоту 3 метровъ надъ водою и затѣмъ въ косомъ направленіи бросается на воду, исчезаетъ въ ней, гребетъ, на манеръ пингвиновъ, одновременно двигая крыльями и ногами, въ теченіе довольно долгаго времени, и изъ воды снова вылетаетъ на воздухъ, часто только для того, чтобы подышать и тотчасъ же снова исчезнуть. Полетъ другихъ буревѣстниковыхъ птицъ вполнѣ справедливо можно назвать болѣе изящнымъ, но нельзя не признать, что никакой другой представитель этого семейства не летаетъ такъ разнообразно, какъ буревѣстникъ обыкновенный.

Буревѣстникъ обыкновенный въ довольно большихъ количествахъ появляется для высиживанья на о. С. Кильдѣ и на другихъ Гебридахъ и на Фарерскихъ островахъ, а именно въ началѣ мая и, по словамъ туземцевъ, только ночью, когда, какъ говорятъ, эта птица бываетъ особенно дѣятельна. Подобно многимъ ныркамъ, она вырываетъ себѣ клювомъ и когтями глубокіе ходы въ торфяномъ слою, покрывающемъ мѣста ея размноженія, причемъ ходы эти иногда достигаютъ въ длину 1 метра и болѣе похожи на сооруженіе кролика, нежели птицы. На заднемъ концѣ норы эти нѣсколько расширяются, но настоящаго гнѣзда не устраивается, яйцо же кладется прямо на землю или на нѣсколько стебельковъ травы. Одинъ изъ родителей всегда сидитъ въ норѣ, даже и послѣ того, какъ вылупился птенецъ, покрытый буровато-сѣрымъ, густымъ, длиннымъ пухомъ. Птенецъ, хотя, какъ говорятъ, и получаетъ обильный кормъ отъ старыхъ птицъ, растетъ медленно и лишь по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ настолько развивается, что можетъ покинуть нору и пуститься въ море. Во время пребыванія въ норѣ птенецъ такъ жирѣетъ, что слой жира въ сантиметръ толщиною скопляется у него на груди, а потому молодой буревѣстникъ — самое лакомое блюдо островитянъ.

Десятый отрядъ.

Боевыя птицы (Pelargornithes).

Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ классификаціи птицъ произведены разныя весьма существенныя измѣненія, и одно изъ самыхъ рѣзкихъ — это образованіе новаго отряда боевыхъ птицъ, въ которомъ соединяются плотоядныя птицы, какъ хищныя, такъ и шагающія, веслоногія птицы и фламинго, а также поганки и зубчатоклювыя птицы.

Прежде всего въ составъ отряда входятъ хищныя птицы (Accipitres) которыя, вмѣстѣ съ совами, составляли „хищныхъ птицъ“ прежнихъ системъ. Почти всѣ относящіеся сюда виды, можно сказать, исключительно питаются другими животными, усердно преслѣдуютъ ихъ и болѣе или менѣе долго гоняются за ними на воздухѣ или на землѣ, по вѣтвямъ деревьевъ или даже въ водѣ, схвативъ, убиваютъ ихъ или овладѣваютъ найденными трупами, словомъ, дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ хищныя млекопитающія.

Хищныя птицы бываютъ большія, среднія и малыя. Тѣло ихъ очень похоже на тѣло попугаевъ. Оно сильное, плотное, широкогрудое; члены тѣла, несмотря на свою подчасъ непропорціональную длину, крѣпки и отличаются избыткомъ силы. Голова крупная, хорошо закругленная, лишь въ исключительныхъ случаяхъ удлиненная, шея обыкновенно короткая и толстая, туловище короткое и сильное, особенно на сторонѣ груди; верхнія и нижнія конечности отличаются такимъ же характеромъ; такимъ образомъ хищную птицу легко узнать даже и въ томъ случаѣ, когда она лишена своего оружія и своего оперенія. И все-таки, только благодаря своему оружію, хищная птица получаетъ свой специфическій характеръ. Клювъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ клювъ попугаевъ. Онъ также короткій, сильно загнутый на гребнѣ верхней створки и свѣшивается внизъ крючкомъ, основаніе его наверху покрыто восковицей; надклювье однако шире подклювья, обхватываемаго верхней створкой, и неподвижно, крючекъ остроконечнѣе, края клюва острѣе, чѣмъ у попугаевъ. Часто края становятся еще болѣе острыми благодаря тому, что на концѣ подклювья помѣщается зубецъ; гдѣ зубца этого нѣтъ, тамъ по крайней мѣрѣ край надклювья выдается впередъ, и лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ края клюва лишены выемокъ. Ноги также похожи на ноги попугаевъ. Онѣ короткія, толстыя и длиннопалыя, но отличаются отъ ногъ попугаевъ развитіемъ когтей, которые именно дѣлаютъ ноги пригодными для хватанія. Когти болѣе или менѣе сильно загнуты и очень остры, рѣдко бываютъ мало загнуты и тупы, на верхней сторонѣ закруглены, на нижней же сторонѣ большею частью немного выдолблены, такъ что образуется два острыхъ края, а потому эти когти представляютъ собою превосходный хватательный органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное оружіе.

Оперенiе у разныхъ семействъ и родовъ бываетъ весьма различное. Перья въ общемъ крупныя и рѣдкія; но у соколовъ замѣчается какъ разъ обратное. Нѣ-

которыя мѣста головы иногда бываютъ лишены перьевъ, часто перьевъ не бываетъ на уздечкѣ и на одномъ мѣстѣ около глазъ, какъ у попугаевъ. Маховыя и рулевыя перья всегда довольно велики, число ихъ очень правильно: 10 большихъ маховыхъ перьевъ, по меньшей мѣрѣ 12, но большею частью 13—16 малыхъ маховыхъ перьевъ и почти всегда 12, попарно одинаковыхъ рулевыхъ перьевъ. Опереніе окрашено по преимуществу въ темные цвѣта; но оно не лишено гармоническихъ сочетаній цвѣтовъ и рисунковъ, пріятно дѣйствующихъ на наше эстетическое чувство. Нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ можно назвать даже красиво-окрашенными существами. Голыя мѣста кожи, гребни и складки кожи на горлѣ близъ клюва, которые тоже встрѣчаются у этихъ птицъ, а также уздечка, восковица, клювъ, ноги и глаза бываютъ иногда окрашены очень ярко.

Изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ прежде всего заслуживаютъ вниманія глаза. Они всегда большіе и благодаря присутствію гребня (pecten) обладаютъ большою внутреннею подвижностью; они видятъ одинаково хорошо на различныхъ разстояніяхъ и очень легко аккомодируются сообразно съ разстояніемъ. Слухъ у хищныхъ птицъ также тонко развитъ, органъ же обонянія, по сравненію съ глазомъ и съ ухомъ, можетъ считаться неразвитымъ.

Ограниченными въ умственномъ отношеніи можно назвать лишь немногихъ хищныхъ птицъ; въ высокомъ развитіи смышлености прочихъ сомнѣваться нельзя. Нѣкоторыя свойства приписываются этимъ птицамъ вполнѣ справедливо, напр. храбрость и самоувѣренность, но также жадность, жестокость, хитрость и даже коварство. Онѣ дѣйствуютъ, заранѣе обдумавъ свой образъ дѣйствій, составляютъ планы и приводятъ ихъ въ исполненіе. Членамъ своей семьи онѣ чрезвычайно преданы, смѣло выступаютъ противъ враговъ и противниковъ, къ друзьямъ искренно привязаны. Насколько эти птицы способны къ развитію, можно видѣть изъ того, что соколовъ, этихъ самыхъ отважныхъ разбойниковъ изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, удается легко выдрессировать для служенія человѣку.

Одного дарованія у хищныхъ птицъ не замѣчается, а именно онѣ лишены благозвучнаго голоса. Многія способны произвести одинъ, два или три простыхъ, скорѣе непріятныхъ звука.

Хищныя птицы живутъ на всемъ земномъ шарѣ, во всѣхъ поясахъ широты и долготы. Какъ птицы по большей части древесныя, онѣ по преимуществу обитаютъ въ лѣсу, но не избѣгаютъ ни безлѣсныхъ горъ, ни пустынныхъ степей, ни настоящей пустыни. Ихъ можно встрѣтить на самыхъ маленькихъ островкахъ океана или на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ, на ледяныхъ поляхъ, окружающихъ Гренландію или Шпицбергенъ и на спаленныхъ солнцемъ равнинахъ пустыни, въ чащѣ ползучихъ растеній первобытнаго лѣса и на церквахъ большихъ городовъ.

Многія хищныя птицы улетаютъ вслѣдъ за мелкими птицами въ болѣе южныя страны, когда зимою ихъ охотничій районъ пустѣетъ; но виды, живущіе именно на далекомъ сѣверѣ, только перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Во время такихъ странствованій онѣ образуютъ иногда стаи, какихъ въ другую пору не замѣчается, ибо лишь крайне немногихъ можно назвать общительными животными. Общества эти уже къ веснѣ распадаются на болѣе мелкія и, наконецъ, разбиваются на пары.

Всѣ хищныя птицы выводятъ потомство въ первые весенніе мѣсяцы, и, если ничто не помѣшаетъ выводу, то лишь однажды въ годъ. Гнѣздо располагается весьма различнымъ образомъ и соотвѣтственно съ этимъ различнымъ образомъ сооружается. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно помѣщается на деревьяхъ, часто также на выступахъ скалъ, на крутыхъ стѣнахъ утесовъ или въ щеляхъ и отверстіяхъ старыхъ строеній; очень рѣдко мѣстомъ вывода служитъ древесное дупло, всего же рѣже голая земля; въ послѣднемъ случаѣ подстилкой служитъ кучка хвороста, на которую и кладутся яйца. Всѣ гнѣзда, располагаемыя на деревьяхъ или на скалахъ, велики и широки, но низки, съ неглубокой ямкой, но большею частью употребляются нѣсколько лѣтъ подрядъ, всякій разъ исправляются и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ болѣе высокія стѣнки. Строятъ гнѣздо оба пола; самецъ, по крайней мѣрѣ, приноситъ матеріалъ. По всей вѣроятности лишь очень немногіе виды сами сооружаютъ себѣ гнѣзда. Мелкіе соколы несомнѣнно

предпочитаютъ пользоваться гнѣздами другихъ птицъ, особенно гнѣздами воронъ, другихъ хищныхъ птицъ, можетъ быть цапель, черныхъ аистовъ, или древеснымъ дуплomъ и, если вообще выстилаютъ чѣмъ нибудь свои гнѣзда, то дѣлаютъ это весьма скудно.

Спариванью предшествуютъ разныя игры, соотвѣтствующія характеру этихъ гордыхъ птицъ. Нѣкоторые виды продѣлываютъ на воздухѣ самыя разнообразныя упражненія и водятъ настоящіе хороводы высоко въ воздухѣ, иногда совсѣмъ не похожіе на обыкновенный полетъ; у иныхъ возбужденіе выражается своеобразными, пронзительными или чрезвычайно нѣжными звуками. Ревность тоже, разумѣется, играетъ роль у этихъ властолюбивыхъ птицъ: всякій, кто вторгнется въ чужой участокъ, подвергается нападенію и по возможности изгоняется, хотя бы это была птица совершенно другого вида.

Яйца кругловатыя, бо́льшею частью съ довольно шероховатой скорлупой, чисто бѣлыя, сѣроватыя или желтоватыя, или по свѣтлому фону покрыты болѣе темными пятнами и точками. Число ихъ колеблется между 1—7. У большинства хищныхъ птицъ яйца высиживаетъ одна самка, у нѣкоторыхъ самецъ отъ поры до времени смѣняетъ ее. Высиживанье продолжается 3—6 недѣль; затѣмъ вылупляются безпомощныя молодыя птицы — маленькія, круглыя существа, густо обросшія бѣловато-сѣрымъ шерстистымъ пухомъ, съ бо́льшими головами и бо́льшею частью съ открытыми глазами. Они быстро выростаютъ и скоро густо оперяются по крайней мѣрѣ на верхней сторонѣ. Родители чрезвычайно любятъ своихъ птенцовъ и заботятся объ нихъ такъ же, какъ объ яйцахъ; они никогда не покидаютъ ихъ и ради нихъ умираютъ, если чувствуютъ себя слишкомъ слабыми, чтобы отразить нападеніе. Молодыхъ разбойниковъ, вылетѣвшихъ изъ гнѣзда, родители еще водятъ нѣкоторое время, кормятъ, учатъ и защищаютъ.

Питаются хищныя птицы позвоночными животными всѣхъ классовъ, всевозможными насѣкомыми, птичьими яйцами, червями, улитками, падалью, человѣческимъ пометомъ, въ исключительныхъ случаяхъ также плодами. Добыча схватывается ногами, которыя называются поэтому „лапами“, а у обыкновеннаго кречета „руками“; для измельченія или, вѣрнѣе, для разрыванія пищи служитъ клювъ. Насѣкомыхъ птицы хватаютъ, вѣроятно, прямо клювомъ. Пищевареніе происходитъ крайне энергично. У птицъ, имѣющихъ зобъ, пища сначала смачивается слюною и частью переваривается въ зобу; ѣдкій желудочный сокъ довершаетъ дѣло. Кости, жилы и связки обращаются въ кашу, волосы и перья скатываются въ комки, которые отъ поры до времени изрыгаются. Пометъ представляетъ собою жидкую кашицу, вродѣ известки, и извергается струею. Всѣ хищныя птицы могутъ ѣсть очень много заразъ, но могутъ также очень долго голодать.

Дѣятельность хищныхъ птицъ должна быть разсмотрѣна еще съ другой, наиболѣе важной точки зрѣнія: они могутъ губить полезныхъ или вредныхъ для насъ животныхъ, а потому и сами разбойники могутъ быть для насъ вредны или полезны. Въ общей сложности хищныя птицы могутъ считаться для насъ въ высшей степени полезными; но нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ приходится преслѣдовать болѣе или менѣе безпощаднымъ образомъ, такъ какъ онѣ производятъ страшныя опустошенія среди полезныхъ намъ животныхъ. Непосредственную пользу приносятъ намъ лишь немногія хищныя птицы: услуги, которыя могутъ оказывать намъ самыя даровитыя изъ нихъ, если ихъ поймать и выдрессировать, намъ больше не нужны, а польза, приносимая птицами, посаженными въ клѣтки, многимъ непонятна, и потому для многихъ не существуетъ. Но самые ограниченные люди должны бы были сознать, какъ много косвеннаго добра дѣлаютъ намъ многіе разбойники, на которыхъ мы косимся, какъ они трудятся ради нашей пользы и какъ стараются уничтожить пагубную толпу вредныхъ грызуновъ и насѣкомыхъ. Мясо хищныхъ птицъ для насъ несъѣдобно, а перья орловъ цѣнятся только альпійскими охотниками, индѣйцами или монголами.

Кромѣ человѣка, враговъ у хищныхъ птицъ мало. Сила или ловкость спасаютъ ихъ отъ опасныхъ противниковъ, но имъ немало приходится страдать отъ мучителей-паразитовъ.

Хищныя птицы распадаются на три семейства: соколиныхъ, грифовъ и голенастыхъ грифовъ. Изъ нихъ наиболѣе развиты соколиныя птицы.

Соколы (Falconinae), составляющіе наиболѣе хорошо развитое подсемейство соколиныхъ птицъ, характеризуются явственнымъ зубцомъ на верхней створкѣ клюва, соотвѣтствующей ему выемкой на подклювьѣ, умѣренной длины плюсною и длинными, острыми крыльями, достигающими почти до конца длиннаго хвоста. Подсемейство состоитъ изъ двухъ родовъ и приблизительно 60-ти видовъ, и область его распространенія обнимаетъ весь земной шаръ. Соколы ѣдятъ только животныхъ, пойманныхъ ими самими, а быстротою и красотою своего полета превосходятъ всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ. Кидаются соколы на свою добычу такъ стремительно, что самые неукротимые изъ нихъ гоняются только за летающими птицами или за насѣкомыми. Гнѣзда соколы вьютъ на высокихъ верхушкахъ деревьевъ, на скалахъ или на башняхъ; яйца ихъ окрашены въ основной ржаво-бурый цвѣтъ и покрыты болѣе темными пятнами, чѣмъ яйца другихъ птицъ.

*

Изъ всѣхъ хищныхъ птицъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести настоящимъ соколамъ (Falco). Они играютъ среди птицъ такую же роль, какъ кошки среди хищныхъ млекопитающихъ, т. е. являются самыми совершенными изъ хищныхъ птицъ вообще. Сила и ловкость, храбрость и страсть къ охотѣ, гордая осанка и даже, пожалуй, благородный помыселъ, — вотъ свойства, которыхъ нельзя не признать въ этихъ птицахъ.

Водятся настоящіе соколы во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ странахъ. Ихъ можно встрѣтить отъ морского берега до вершинъ самыхъ высокихъ горъ, преимущественно въ лѣсахъ, но врядъ ли менѣе часто на скалахъ и въ старыхъ строеніяхъ, въ безлюдныхъ мѣстахъ и въ населенныхъ городахъ. Каждый видъ распространенъ по значительной части земного шара, а въ другихъ частяхъ замѣняется весьма сходными видами; кромѣ того, всякій видъ, бродя или странствуя, забирается весьма далеко. Многіе виды — птицы перелетныя, другія только странствуютъ, третьихъ, наконецъ, надо отнести къ бродячимъ птицамъ.

Всѣ настоящіе соколы въ высшей степени подвижны. Полетъ ихъ великолѣпенъ и отличается необычайной быстротой, продолжительностью и чрезвычайной ловкостью. Соколъ съ невѣроятною скоростью пролетаетъ большія разстоянія и иногда, при нападеніи, бросается съ значительной высоты внизъ съ такою быстротою, что глазъ не можетъ схватить его очертаній. Настоящіе соколы летаютъ, быстро взмахивая крыльями, и только изрѣдка парятъ, какъ бы скользя по воздуху; другіе соколы летаютъ медленно и чаще парятъ, причемъ они долгое время, дрожа, удерживаются въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, чего настоящіе соколы не дѣлаютъ. Во время перелета настоящіе соколы поднимаются на неизмѣримыя высоты и тогда долго парятъ, описывая великолѣпные круги и, ради собственнаго удовольствія, а также ради удовольствія самки, устраиваютъ въ воздухѣ настоящія игры. Въ другое время они обыкновенно держатся на высотѣ 60—120 метровъ надъ поверхностью земли. Такъ какъ ноги ихъ коротки, то, сидя, они принимаютъ очень прямое положеніе, а при ходьбѣ держатъ тѣло горизонтально; но на землѣ они крайне неловки и, дѣлая поочередно движенія ногами, прыгаютъ какъ то странно и безпомощно, и обыкновенно принуждены прибѣгать къ помощи крыльевъ, чтобы подвигаться впередъ.

Пищу настоящихъ соколовъ составляютъ позвоночныя животныя и главнымъ образомъ птицы, но также насѣкомыя. Настоящіе соколы ловятъ свою добычу почти всегда на лету и не могутъ схватить птицы, сидящей на землѣ. На свободѣ ни одинъ настоящій соколъ не питается падалью; всякій предпочитаетъ ѣсть пойманную имъ самимъ пищу; въ неволѣ же голодъ заставляетъ ихъ приниматься

и за мертвыхъ животныхъ. Пойманная добыча рѣдко съѣдается соколомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ удалось изловить ее, а относится въ другое мѣсто, откуда свободно можно обозрѣвать окрестность, или гдѣ соколъ, будучи самъ скрытъ, можетъ видѣть все вокругъ, и тамъ сначала ощипывается, отчасти освобождается отъ кожи и затѣмъ поглощается.

Охотятся настоящіе соколы въ утренніе и вечерніе часы. Въ полдень они обыкновенно сидятъ съ наполненнымъ зобомъ на высокомъ и спокойномъ мѣстѣ, не двигаясь и растопыривъ перья, и въ полудремотѣ совершаютъ свое пищевареніе. Спятъ они довольно долго, но засыпаютъ поздно; нѣкоторые соколы охотятся еще въ сумерки.

Настоящіе соколы не лишены общительности, но она не представляетъ для нихъ необходимой потребности. Лѣтомъ они живутъ большею частью парами въ однажды избранномъ участкѣ и не терпятъ въ немъ присутствія другой пары того же вида и даже вообще присутствія другой хищной птицы. Во время перелета соколы соединяются съ другими птицами своего вида и съ родственниками, нѣкоторые виды составляютъ тогда довольно значительныя стаи, которыя, какъ кажется, держатся вмѣстѣ цѣлыя недѣли и цѣлые мѣсяцы. Къ орламъ и совамъ эти стаи относятся съ такою же ненавистью, съ какой отдѣльныя птицы относятся къ нимъ на родинѣ. Всякій изъ этихъ хищниковъ при встрѣчѣ подвергается нападенію соколовъ, хотя часто бываетъ гораздо сильнѣе нападающихъ.

Гнѣздо настоящіе соколы устраиваютъ различнымъ образомъ, чаще всего въ подходящихъ углубленіяхъ крутыхъ утесовъ, на высокихъ строеніяхъ и на верхушкахъ самыхъ высокихъ лѣсныхъ деревьевъ; но иные виды, выводящіе птенцовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мало скалъ и деревьевъ, помѣщаютъ свое гнѣздо прямо на землѣ или избираютъ для этой цѣли помѣстительное древесное дупло. Очень охотно они овладѣваютъ гнѣздами другихъ большихъ птицъ, а именно разныхъ вороновыхъ птицъ. Особенно старательно они гнѣзда не строютъ. Гнѣздо, свитое самими соколами, всегда бываетъ плоское, и только углубленіе скудно выстилается немногими тонкими корешками. Въ гнѣздо кладется 3—7 яицъ весьма однообразнаго вида. Яйца кругловатыя, съ болѣе или менѣе шероховатой скорлупой и обыкновенно по красно-бурому фону бываютъ густо испещрены болѣе темными мелкими точками и пятнами покрупнѣе, того-же цвѣта. Сидитъ на яйцахъ одна самка.

Къ сожалѣнію, болѣе сильные изъ настоящихъ соколовъ принадлежатъ къ вреднымъ птицамъ, а потому не могутъ быть терпимы; даже не всѣ мелкіе виды могутъ считаться полезными птицами, заслуживающими пощады. Кромѣ человѣка, у соколовъ мало враговъ; взрослыхъ птицъ болѣе слабыхъ видовъ преслѣдуютъ, вѣроятно, телько ихъ болѣе крупные родственники.

Зато уже съ незапамятныхъ временъ люди пользовались настоящими соколами для своихъ цѣлей, и въ Африкѣ и въ Азіи продолжаютъ пользоваться ими и донынѣ. Это тѣ самые „сокола“, о которыхъ говорятъ поэты, и которые дрессируются для соколиной охоты. „Искусство дрессировать соколовъ для охоты уже очень старо“, говоритъ Ленцъ. „Уже за 400 лѣтъ до Рождества Христова Ктезій видѣлъ дрессированныхъ соколовъ у индусовъ; около 75 г. ѳракійцы охотились при помощи соколовъ; въ 330 г. по Р. Х. Юлій Фирмикъ Материъ изъ Сициліи говоритъ о nutritores accipitrum, falconum ceterarumque avium, quae ad aucupia pertinent (воспитателяхъ ястребовъ, соколовъ и другихъ птицъ, годныхъ для птицеловства). Около 480 г. по Р. Х. римляне, вѣроятно, еще мало занимались соколиной охотой, такъ какъ въ это время Сидоній Аполлинарій восхваляетъ сына римскаго императора Авита, Гекдиція, за то, что онъ первый ввелъ въ своей странѣ соколиную охоту. Скоро, однако, столько явилось любителей этой охоты, что на церковномъ соборѣ въ Агдѣ въ 506 г. духовнымъ лицамъ запрещено было держать для охоты соколовъ и собакъ. Въ 800 г. Карлъ Великій издалъ слѣдующій законъ, касающійся выдрессированныхъ для охоты тетеревятниковъ, соколовъ и ястребовъ-перепелятниковъ: „Кто украдетъ или убьетъ тетеревятника, убивающаго журавля, тотъ долженъ отдать нѣчто столь же цѣнное и еще шесть шиллинговъ, а три шиллинга за сокола, который ловитъ птицъ на воздухѣ. Кто украдетъ или убьетъ ястреба-перепелятника, котораго носятъ на рукѣ, тотъ должень

отдать нѣчто равное по цѣнности и еще одинъ шиллингъ.“ Императоръ Фридрихъ Барбаросса самъ дрессировалъ соколовъ, лошадей и собакъ. Императоръ Генрихъ VI былъ также большой любитель соколиной охоты. Императоръ Фридрихъ II былъ самымъ искуснымъ и страстнымъ сокольничьимъ своего времени и написалъ книгу „De arte venandi cum avibus“ („Объ искусствѣ охотиться съ птицами“), напечатанную только 1596 г. въ Аугсбургѣ. Филиппъ Августъ, король Франціи, у котораго во время осады Аккона улетѣлъ великолѣпный соколъ, напрасно предлагалъ туркамъ за возвращеніе его 1000 червонцевъ. Въ 1270 г. Димитрій, бывшій, вѣроятно, врачомъ греческаго императора Михаила Палеолога, написалъ на греческомъ языкѣ книгу о соколиной охотѣ; она была напечатана въ Парижѣ, въ 1612 г. Англійскій король Эдвардъ III распорядился наказывать смертью за убійство тетеревятника, и всякаго, вынувшаго яйца или птенцовъ изъ гнѣзда тетеревятника, сажалъ на годъ и на одинъ день въ тюрьму. Баязетъ, взявшій въ битвѣ при Никополѣ въ 1396 г. въ плѣнъ герцога Неверскаго и многихъ знатныхъ французовъ, не соглашался отпустить ихъ ни за какой выкупъ. Когда же ему, вмѣсто денегъ, предложили 12 бѣлыхъ соколовъ, присланныхъ герцогомъ Бургундскимъ, то онъ тотчасъ же отпустилъ Невера и всѣхъ прочихъ французовъ. У короля французскаго, Франциска I, былъ главный сокольничій, подъ началомъ котораго находилось 15 дворянъ и 50 младшихъ сокольничьихъ. Число его соколовъ доходило до 300. Императоръ Карлъ V отдалъ островъ Мальту въ ленное владѣніе іоаннитамъ подъ тѣмъ условіемъ, что они будутъ ежегодно доставлять ему одного бѣлаго сокола. Послѣ того, какъ духовнымъ лицамъ дѣйствительно была запрещена соколиная охота, бароны еще считали себя вправѣ во время богослуженія сажать своихъ соколовъ на алтарь.

„Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій существовала въ деревнѣ Фалькенвертѣ, во Фландріи, лучшая, а затѣмъ и единственная въ Европѣ школа сокольничьихъ. Соколовъ, которыхъ ловили на мѣстѣ, въ прежнія времена оказывалось слишкомъ мало; поэтому ловить соколовъ отправлялись въ Норвегію и въ Исландію, и на этомъ островѣ именно и добывались лучшіе экземпляры для охоты. Въ Помераніи голландскіе сокольничьи прежде въ иные годы ловили также болѣе 100 штукъ.

„Въ Фалькенвертѣ еще до сихъ поръ живетъ не мало людей, которые ревностно занимаются ловлей и дрессированіемъ соколовъ. Это мѣстечко лежитъ среди открытой степи, слѣдовательно весьма благопріятно для подобной охоты. Ловятъ соколовъ осенью. Обыкновенно берутъ только самокъ и притомъ охотнѣе всего однолѣтнихъ, такъ какъ это самыя лучшія птицы; двухгодовалыя птицы тоже считаются пригодными; болѣе старыхъ отпускаютъ на волю. Ловля происходитъ такимъ образомъ: сокольничій сидитъ, хорошо спрятавшись, въ открытомъ полѣ и держитъ шнурокъ, длиною около 100 метровъ, къ концу котораго прикрѣпленъ живой голубь такъ, что онъ свободно можетъ двигаться. На разстояніи около 40 метровъ отъ сокольничьяго упомянутый шнурокъ проходитъ сквозь кольцо, а около этого кольца находится особаго устройства сѣть, отъ которой также проведенъ шнурокъ къ сокольничьему. При приближеніи сокола голубю при помощи шнурка сообщается толчокъ, послѣ чего онъ взлетаетъ и привлекаетъ сокола, который хватаетъ его на воздухѣ. Въ тотъ моментъ, когда соколъ схватываетъ голубя, сокольничій постепенно подтягиваетъ голубя и судорожно вцѣпившагося въ него сокола къ кольцу, гдѣ оба внезапно захватываются сѣтью. Очень важно во время замѣтить появленіе въ данной мѣстности сокола, а для этого охотникъ пользуется услугами весьма усерднаго и зоркаго сторожа, а именно сорокопута (Lanius excubitor), который привязывается недалеко отъ голубя и который, завидѣвъ еще издалека сокола, издаетъ громкій крикъ. Около него находится углубленіе, куда онъ залѣзаетъ въ случаѣ нужды. Только что пойманнаго сокола три дня не кормятъ и носятъ на рукѣ по возможности съ покрытою клобучкомъ головою. Спать ему не мѣшаютъ. Къ веснѣ соколъ долженъ быть уже хорошо выдрессированъ, и тогда фалькенвертскіе сокольничьи уѣзжаютъ въ Англію къ герцогу Бедфорду, къ которому нанимаются на извѣстное время со своими соколами. Во время охоты они нерѣдко ломаютъ себѣ шею и ноги, такъ какъ приходится

скакать по камнямъ и по сучьямъ, чтобы не потерять изъ виду соколовъ. Обыкновенный соколъ служитъ не болѣе трехъ лѣтъ.

„Въ 18-мъ столѣтіи соколиная охота мало по малу вышла изъ моды. Въ настоящее время въ Европѣ съ соколами охотятся еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: во первыхъ, въ Бедфордѣ въ Англіи у герцога Бедфорда, во вторыхъ въ Дидлингтонъ-Голлѣ въ графствѣ Норфолькъ у лорда Барнарса; въ Лоо, имѣніи короля голландскаго, около 1841 года еще усердно производилась соколиная охота.

„Принадлежности соколиной охоты слѣдующія: кожаный клобучекъ, устроенный такъ, что онъ не давитъ на зрачекъ, малая привязь, большая привязь, обѣ изъ ремней и послѣдняя длиною въ 2 метра; привязи прикрѣпляются къ кожанымъ ремешкамъ, которые надѣваются птицѣ на ноги. Вабило представляетъ собою тѣло яйцевидной формы, въ которое воткнуто нѣсколько перьевъ; оно служитъ для заманиванья сокола, который издали принимаетъ его за птицу. Руки сокольничьяго должны быть защищены отъ когтей сокола крѣпкими рукавицами. Когда начинается обученіе, сокола сажаютъ на привязь въ клобучкѣ и заставляютъ голодать 24 часа, послѣ чего его берутъ на руку, снимаютъ съ него клобучекъ и даютъ ему съѣсть птицу. Если онъ не станетъ ѣсть, то ему опять надѣваютъ клобучекъ и не кормятъ еще сутки; даже если бы онъ въ теченіе пяти дней не сталъ добровольно ѣсть съ руки, то всякій разъ его безжалостно привязываютъ голоднымъ, покрывъ клобучкомъ. Впрочемъ, чѣмъ чаще съ сокола въ это время снимаютъ клобучекъ и чѣмъ чаще носятъ птицу на рукѣ, тѣмъ скорѣе она становится ручною и тѣмъ скорѣе станетъ добровольно ѣсть съ руки. Когда соколъ уже доведенъ до этого, то начинаются настоящія упражненія; передъ каждымъ изъ нихъ сокола долго носятъ безъ клобучка на рукѣ, а послѣ каждаго упражненія привязываютъ, накрывъ клобучкомъ, чтобы онъ спокойно могъ заучить то, что ему показали. Первыя упражненія состоятъ въ томъ, что птицу безъ клобучка сажаютъ на спинку стула, откуда она должна сначала прыгнуть за кормомъ на руку сокольничьяго, затѣмъ полетѣть за кормомъ, причемъ разстояніе руки отъ стула постепенно увеличивается; то-же самое повторяется затѣмъ подъ открытымъ небомъ, причемъ длинный шнурокъ, прикрѣпленный къ большой привязи, не даетъ соколу возможности улизнуть; сокольничій, кромѣ того, стоитъ такъ, что птицѣ приходится летѣть противъ вѣтра, такъ какъ соколъ, подобно всѣмъ прочимъ птицамъ, неохотно летитъ по вѣтру. Если соколъ все это продѣлываетъ хорошо, то вечеромъ ему надѣваютъ клобучекъ, сажаютъ его въ раскачивающійся обручъ и всю ночь напролетъ качаютъ, чтобы онъ не могъ уснуть; на другое утро прежнія упражненія повторяются: соколъ долженъ клевать кормъ съ руки, затѣмъ его носятъ до вечера, а потомъ опять всю ночь качаютъ на обручѣ; то же самое происходитъ на третій день и въ третью ночь; на четвертый день все повторяется сызнова, и только тогда соколу дается ночной покой. На слѣдующій день, придерживая сокола безъ шнурка, при помощи одной только большой привязи, сажаютъ его на землю, откуда онъ долженъ перелетѣть на руку за кормомъ; если онъ пролетаетъ мимо руки, то за нимъ слѣдуютъ и манятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не сядетъ на руку. Это упражненіе часто повторяютъ на открытомъ воздухѣ; птицу пріучаютъ также прилетать на руку къ охотнику, сидящему верхомъ, и не бояться ни людей, ни собакъ.

„Послѣ этого начинаются настоящія предварительныя упражненія для самой охоты. На воздухъ подбрасываютъ мертваго голубя, даютъ соколу, придерживаемому на длинномъ шнуркѣ, летѣть вслѣдъ за нимъ и въ первый разъ немножко поклевать добычу; затѣмъ у сокола всегда отнимаютъ голубя и даютъ ему немного поѣсть на рукѣ. Въ послѣдующіе дни то же упражненіе производится надъ живыми птицами съ подрѣзанными крыльями; послѣ этого при помощи лягавой собаки отыскивается по возможности одинокая куропатка, съ сокола же, какъ только она взлетитъ, быстро стягивается клобучекъ, и его пускаютъ на куропатку. Если онъ промахнется, то его манятъ назадъ живымъ голубемъ съ подрѣзанными крыльями или вабиломъ. Чтобы пріучить сокола нападать на болѣе сильныхъ

птицъ, каковы цапли и журавли, сначала заставляютъ его хватать молодыхъ птицъ этихъ видовъ или старыхъ птицъ съ подрѣзанными крыльями и чехломъ на клювѣ; при этомъ сокола по возможности заставляютъ продѣлывать все это въ обществѣ хорошаго стараго сокола. Цаплямъ и журавлямъ, которыхъ берутъ для этихъ упражненій, надѣвается на шею ошейникъ изъ мягкой кожи, чтобы они не такъ легко подвергались удушенію. Быстро поднимаясь вверхъ, соколы стараются опередить цаплю и накинуться на нее сверху; цапля же, съ своей стороны, тоже старается подниматься все выше и выше и съ поразительной быстротой противопоставляетъ нападающимъ на нее врагамъ острый кончикъ своего клюва, чтобы проткнуть ихъ. Наконецъ, цаплю схватываютъ, и она вмѣстѣ съ соколами падаетъ внизъ. Подоспѣвшіе охотники поспѣшно отцѣпляютъ соколовъ, даютъ имъ въ награду обильный кормъ и выщипываютъ у цапли лучшія перья. Затѣмъ цаплѣ надѣвается на ногу металлическое кольцо, на которомъ выгравированъ годъ и день, когда она была поймана, а послѣ того птицу отпускаютъ на волю. Иногда одна и та-же цапля попадается такимъ образомъ нѣсколько разъ, даже по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и тогда украшается нѣсколькими кольцами. Если соколъ, а именно тетеревятникъ, которымъ обыкновенно пользуются для этой цѣли, долженъ умѣть бросаться на зайца, то заставляютъ сокола нѣсколько разъ съѣсть кормъ на чучелѣ зайца, затѣмъ привязываютъ къ этому чучелѣ мясо и тащутъ его на колесикахъ сначала тихо, затѣмъ быстро, иногда заставляютъ бѣгущую лошадь тащить его вслѣдъ за собою, а сокола пускаютъ въ догонку за зайцемъ. Для соколиной охоты требуется ровная, безлѣсная мѣстность."

Наибольшихъ размѣровъ соколиная охота уже въ далекомъ прошломъ достигала въ средней Азіи. „Въ мартѣ мѣсяцѣ", говоритъ Марко Поло въ 1290 году, „Кублай-ханъ обыкновенно покидаетъ Камбалу; тогда онъ беретъ съ собою около 10,000 сокольничьихъ и птицелововъ. Эти люди распредѣляются по странѣ группами въ 200—300 человѣкъ, и все убитое ими должно быть предоставлено хану." Тавернье, прожившій много лѣтъ въ Персіи, пишетъ въ 1681 г. слѣдующее. „Персидскій шахъ держитъ болѣе 800 соколовъ, изъ которыхъ одни пріучены хватать кабановъ, дикихъословъ, антилопъ, лисицъ, а другіе журавлей, цапель, гусей, куропатокъ." Изъ появившихся въ 1827 г. очерковъ Персіи, написанныхъ Джономъ Макдональдомъ, явствуетъ, что и въ болѣе новое время соколиная охота производилась въ Персіи. „Охотятся верхомъ, съ соколами и борзыми собаками", разсказываетъ Малькольмъ. „Если спугнуть антилопу, то она бросается бѣжать съ быстротою вѣтра. На нее выпускаютъ соколовъ и собакъ. Соколы летятъ надъ землею, скоро нагоняютъ дичь, бросаются на голову антилопы, задерживаютъ ея бѣгъ, собаки же между тѣмъ подбѣгаютъ и хватаютъ ее." Въ новѣйшее время Гюгель видѣлъ, какъ въ Азіи, между Лагоромъ и Кашмиромъ, баяурійскій раджа охотился съ соколами на куропатокъ. Въ 1820 г. Муравьевъ вездѣ видѣлъ въ Хивѣ дрессированныхъ соколовъ; ихъ выпускали также на дикихъ козъ. Въ 1828 г. Эрманъ видѣлъ у башкиръ и киргизовъ соколовъ, дрессированныхъ для охоты на зайцевъ, и орловъ, дрессированныхъ для охоты на лисицъ и волковъ. Въ 1852 г. Эверсманъ видѣлъ у башкиръ дрессированныхъ беркутовъ, могильниковъ, тетеревятниковъ и ястребовъ-перепелятниковъ. Аткинсонъ нарисовалъ киргизскаго хана Бека кормящимъ своего любимаго охотничьяго орла. У киргизовъ, у которыхъ дрессированіе соколовъ еще является настоящей наукой, гдѣ соколовъ пріучаютъ бросаться на мелкую дичь, а орловъ — на крупную, хорошо обученный соколъ цѣнится такъ высоко, что владѣлецъ его скорѣе согласился бы продать свою жену, чѣмъ своего сокола.

Соколиной охотой занимаются еще правильно арабы, особенно бедуины въ пустынѣ Сахарѣ, персы, индусы, различныя народности на Кавказѣ и въ средней Азіи, китайцы и другіе монголы.

Самый благородный представитель разсматриваемаго рода — это обыкновенный кречетъ (Falco candicans), обитатель далекаго сѣвера земного шара. Онъ

отличается весьма значительной величиной; клювъ у него относительно крѣпкій, рѣзко загибающійся внизъ дугой, основанія ногъ оперены до двухъ третей ихъ длины, хвостъ же по сравненію съ крыльями длинный. Во всемъ прочемъ обыкновенный кречетъ похожъ на другихъ настоящихъ соколовъ.

Опереніе обыкновеннаго кречета совершенно бѣлаго цвѣта, украшенное бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ темныхъ черно-бурыхъ пятенъ; иногда эти пятна могутъ исчезать почти совсѣмъ и остаются только на концѣ мелкихъ перьевъ, гдѣ они имѣютъ форму крапинокъ или заострены въ видѣ кончика стрѣлы. Каріе глаза окружены голымъ зеленовато-желтымъ кольцомъ; клювъ у старыхъ птицъ желтовато-синій съ болѣе темнымъ кончикомъ, восковица желтая; ноги у взрослой птицы соломенно-желтыя, у молодой синія.

Эти соколы высиживаютъ потомство только въ самыхъ высокихъ широтахъ, напримѣръ, въ сѣверной Гренландіи и на Новой Землѣ, и только зимою появляются на югѣ Гренландіи, на сѣверѣ Исландіи, на сѣверномъ краю восточной Азіи, а также на отдаленномъ сѣверѣ Америки. Этихъ-то соколовъ главнымъ образомъ и называютъ арктическими кречетами (Falco arcticus).

Исландскій кречетъ (Falco rusticulus) это въ сущности сапсанъ въ большомъ видѣ. Верхняя сторона тѣла у исландскаго кречета темнаго сѣровато-синяго цвѣта, спина и верхній покровъ черные; на свѣтломъ сѣровато-синемъ хвостѣ замѣчаются болѣе темныя полосы, маховыя перья буровато-черныя; сѣроватая или желтовато-бѣлая нижняя сторона снабжена темными продольными пятнами, которыя на бокахъ и на ногахъ обращаются въ поперечныя.

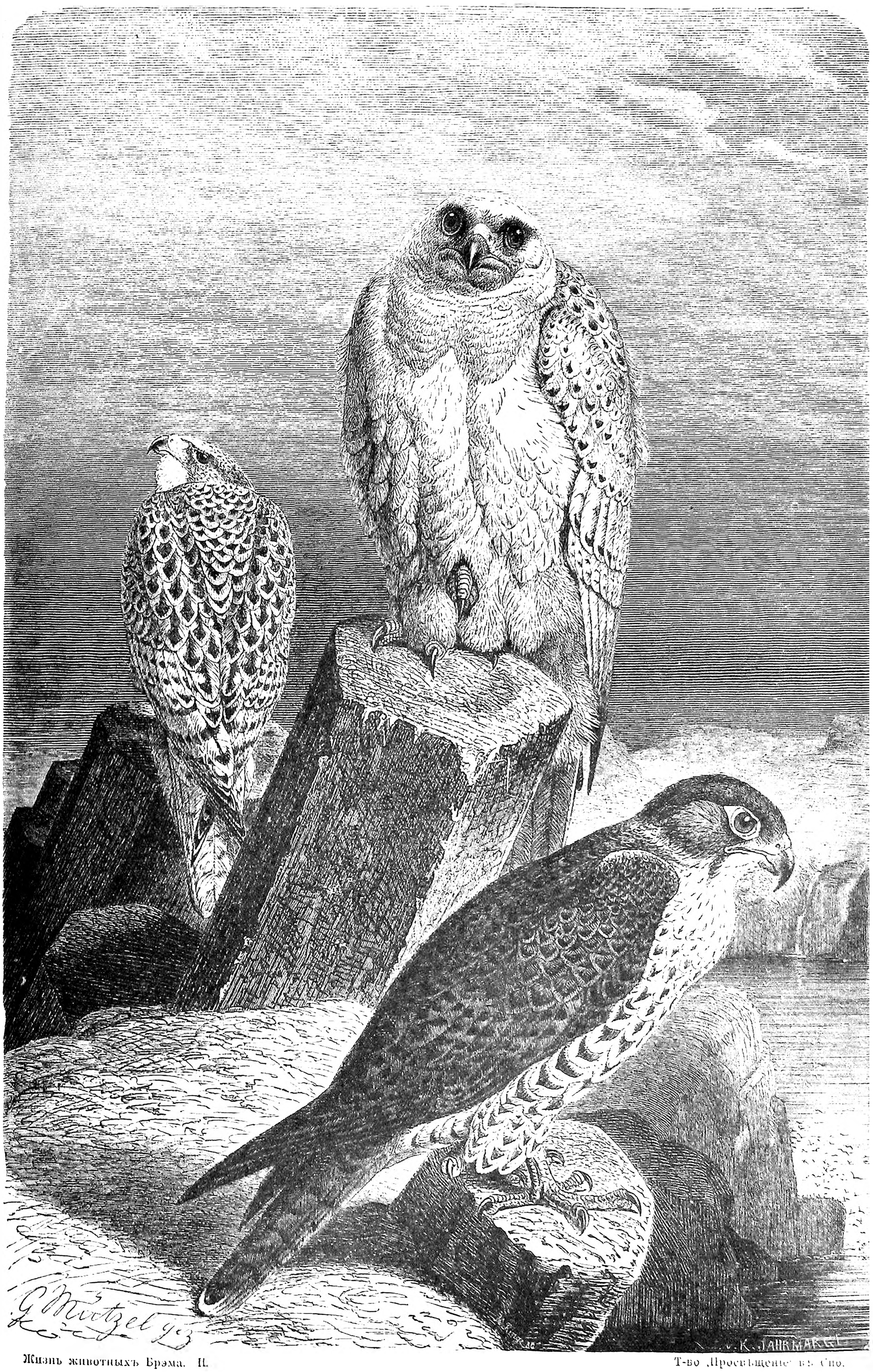
Всѣ охотничьи соколы по величинѣ почти совершенно одинаковы; исландскій кречетъ, повидимому, самый маленькій. Длина самки 60 см.

Водятся исландскіе кречеты, насколько извѣстно до сихъ поръ, только на сѣверѣ Скандинавіи, въ сѣверной части европейской Россіи и въ восточной Сибири.

Кречеты живутъ въ сѣверныхъ странахъ преимущественно на крутыхъ морскихъ берегахъ, гдѣ селятся на скалахъ, но не избѣгаютъ и лѣса. Но ихъ нельзя назвать лѣсными птицами въ такой же степени, какъ другихъ соколовъ. Всего охотнѣе кречеты селятся вблизи тѣхъ утесовъ, куда лѣтомъ слетаются милліоны морскихъ птицъ для высиживанья потомства.

Каждая парочка кречетовъ упорно старается сохранить за собою однажды избранное мѣсто жительства и, будучи изгнана, очень скоро замѣняется другою. На нѣкоторыхъ утесахъ Лапландіи исландскіе кречеты ютятся съ незапамятныхъ временъ. По образу дѣйствій и по характеру, кречеты наиболѣе похожи на сапсановъ. Только полетъ кречетовъ, пожалуй, не такой быстрый и голосъ болѣе глубокій, чѣмъ у сапсановъ.

Питаются кречеты лѣтомъ морскими птицами, а зимою — бѣлыми куропатками; кромѣ того, кречеты, какъ говорятъ, нападаютъ на зайцевъ и иногда цѣлыми мѣсяцами ѣдятъ однѣхъ только бѣлокъ. Кречеты — страшные враги пернатыхъ и наводятъ страхъ на всѣхъ обитателей „птичьихъ горъ“. Гольбэлль увѣряетъ, что самъ видѣлъ, какъ арктическій кречетъ схватилъ своими лапами двухъ молодыхъ трехпалыхъ чаекъ заразъ, по одной птицѣ каждою лапой, а затѣмъ такимъ же образомъ овладѣлъ двумя песочниками; Фаберъ же нашелъ въ открытомъ имъ гнѣздѣ кречета множество кайръ, гагарокъ, чистиковъ и трехпалыхъ чаекъ. Кромѣ морскихъ птицъ, кречеты, высиживающіе потомство, преслѣдуютъ также болотныхъ курочекъ и голубей. Послѣ высиживанья птенцовъ кречеты часто приближаются къ человѣческимъ жилищамъ, обнаруживаютъ вообще мало робости и даютъ даже приманить себя, если нѣсколько разъ подбросить кверху бѣлую куропатку или другую птицу. Зимою кречеты покидаютъ морской берегъ и взбираются на горы по слѣдамъ бѣлыхъ куропатокъ. Эти послѣднія такъ боятся своего злѣйшаго врага, кречета, что при видѣ его съ стремительной скоростью и съ неудержимой силой бросаются въ снѣгъ и зарываются въ немъ какъ можно поспѣшнѣе.

Жизнь животныхъ Брэма. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Кречетъ.

Большое плоское гнѣздо кречета помѣщается въ углубленіи неприступнаго склона скалы близъ моря. Обыкновенно исландскій кречетъ завладѣваетъ незанятымъ гнѣздомъ ворона или же силою выгоняетъ изъ такого гнѣзда его законныхъ обладателей. Только что снесенныя яйца кречета случалось находить въ началѣ мая, и даже въ концѣ апрѣля иногда число яицъ бываетъ уже полнымъ. Въ это время родина кречета еще погребена подъ снѣгомъ. Въ Новой Землѣ и, быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ далекаго сѣвера, гдѣ водится кречетъ, время высиживанья вѣроятно приходится на болѣе поздніе мѣсяцы года.

Въ былыя времена датское правительство ежегодно посылало на Исландію особое судно, называемое „соколинымъ кораблемъ“, съ цѣлью привозить оттуда настоящихъ соколовъ. Въ наши дни правительство, понятно, больше не заботится о ловлѣ соколовъ; тѣмъ не менѣе почти каждое лѣто судно, отправляющееся изъ Даніи на Исландію, привозитъ въ метрополію нѣсколько живыхъ соколовъ, и этихъ-то соколовъ мы отъ поры до времени видимъ въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

Сапсанъ (Falco peregrinus, рис. на стр. 684) отличается отъ кречетовъ меньшей величиной, сравнительно маленькимъ и сильнѣе загнутымъ клювомъ, менѣе оперенными ногами и болѣе короткимъ по сравненію съ крыльями хвостомъ. Вся верхняя сторона у него свѣтлаго аспидно-сѣраго цвѣта и украшена въ видѣ полосокъ темными аспиднаго цвѣта треугольными пятнами. Лобъ сѣрый, горло, окаймленное черными баками, а также верхняя часть груди бѣловато-желтыя; нижняя часть груди и брюшко глинистаго красновато-желтаго цвѣта, причемъ нижняя часть груди покрыта буровато-желтыми штрихами и кругловатыми пятнами, имѣющими форму сердца, на брюшкѣ замѣчаются болѣе темныя поперечныя пятна вродѣ полосокъ, особенно рѣзко выступающія на заду и на опереніи ногъ. У живого сапсана все опереніе покрыто сѣроватымъ налетомъ. У самки краски обыкновенно ярче, чѣмъ у самца. Длина взрослаго самца 42—47 см., размахъ крыльевъ 84—104 см., длина значительно болѣе крупной самки 47—52 см., размахъ крыльевъ 110—120 см.

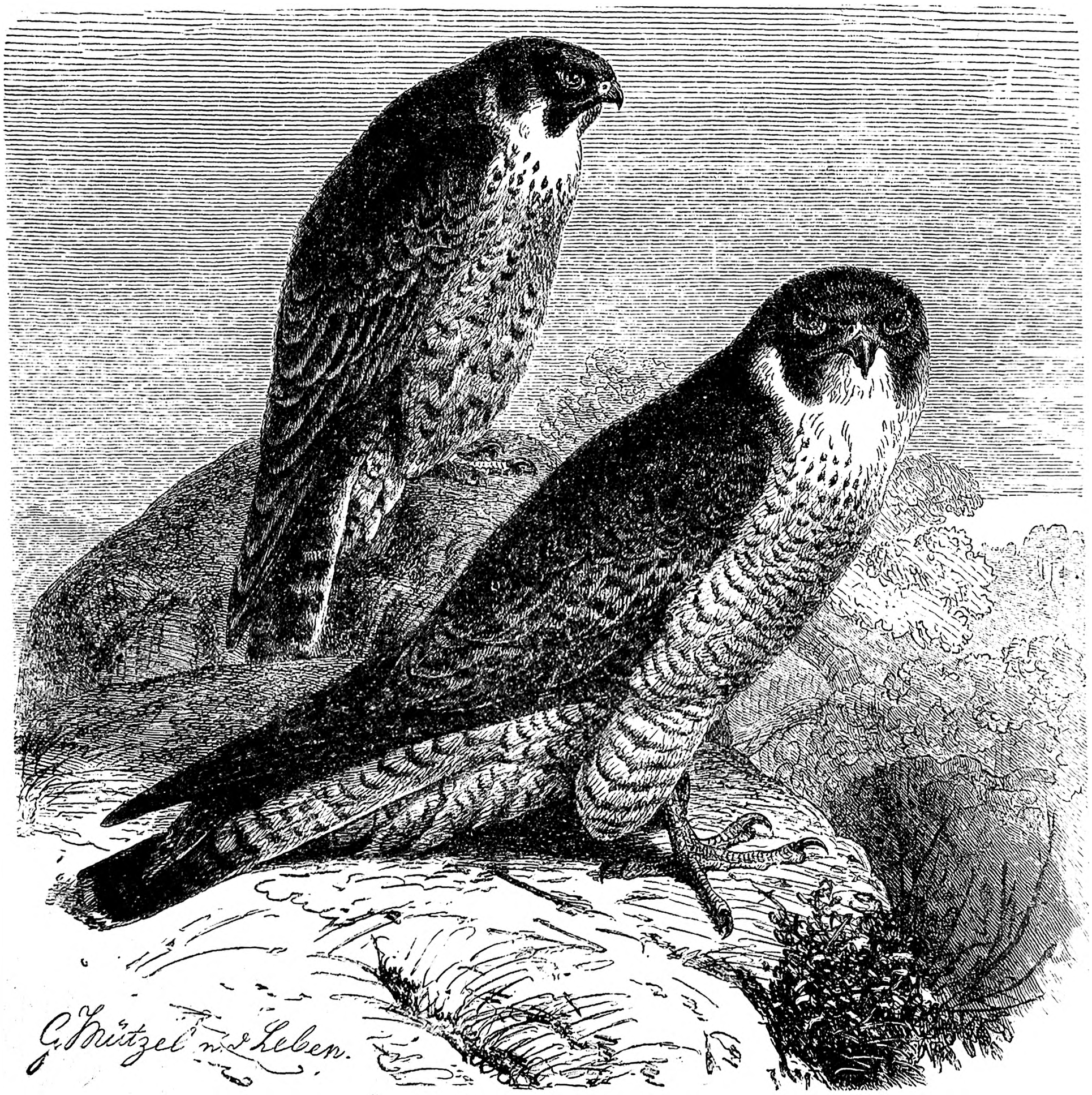
Не даромъ сапсана называютъ „странствующимъ соколомъ“ (Wanderfalke), такъ какъ онъ странствуетъ почти по всему земному шару. Во время своего перелета онъ посѣщаетъ всѣ сѣверныя страны Европы, Азіи и Америки, залетаетъ на крайній югъ Европы и здѣсь въ зимніе мѣсяцы мѣстами встрѣчается очень часто; онъ слѣдуетъ за перелетными птицами черезъ Средиземное море и по пути ихъ проникаетъ глубоко въ Африку, въ Азіи же въ этомъ случаѣ забирается въ Японію, Китай и Индію, въ Америкѣ — въ Соединенные Штаты, въ среднюю Америку и Вестъ-Индію. Въ сѣверо-восточной Африкѣ онъ зимою оживляетъ всѣ прибрежныя озера и весь бассейнъ Нила вплоть до средней Нубіи, встрѣчается во всей Индіи, начиная съ Гималаевъ до мыса Коморина, но только въ теченіе холоднаго времени года.

Въ Германіи сапсанъ живетъ въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ, всего охотнѣе въ такихъ, среди которыхъ высятся крутые утесы. Не менѣе часто встрѣчается онъ въ безлѣсныхъ горныхъ странахъ и вовсе не рѣдкость увидѣть его среди большихъ, густо-населенныхъ городовъ. На берлинскихъ колокольняхъ, на башнѣ церкви св. Стефана въ Вѣнѣ, на соборахъ въ Кельнѣ и въ Ахенѣ эта птица является болѣе или менѣе правильнымъ обитателемъ. Сапсанъ ютится особенно часто въ благопріятныхъ для него мѣстностяхъ, а именно на неприступныхъ стѣнахъ скалъ, и встрѣчается тамъ столь же часто, какъ кречетъ на „птичьихъ горахъ“ далекаго сѣвера. Извѣстный Фалькенштейнъ (соколиный камень) — скала въ Тюрингенскомъ Лѣсу — имѣетъ полное право на это названіе, такъ какъ на немъ съ незапамятныхъ временъ гнѣздится пара сапсановъ.

Сапсанъ — храбрая, сильная и въ высшей степени ловкая птица; объ этомъ съ перваго взгляда можно заключить по его крѣпкому сложенію и блестящимъ глазамъ. Голосъ у него сильный и благозвучный, крикъ звучитъ какъ слоги: „кгіак кгіак“ или „каяк каяк“.

Сапсанъ, какъ кажется, ѣстъ только птицъ. Это пугало для всѣхъ пернатыхъ существъ, начиная съ дикаго гуся и кончая жаворонкомъ.

Всѣ птицы, на которыхъ охотится сапсанъ, прекрасно знаютъ его и поскорѣе стараются спастись отъ него бѣгствомъ. Даже храбрыя воро́ны не нападаютъ на него, а, увидѣвъ его, какъ можно скорѣе улепетываютъ; для этого онѣ имѣютъ полное основаніе, ибо сапсана имъ не удается обмануть, какъ почти всѣхъ другихъ соколовъ, на которыхъ онъ нападаютъ и которыхъ долго преслѣдуютъ: сапсанъ же въ такомъ случаѣ поднимается на воздухъ надъ воро́нами, по неопытности рѣшившимися дразнить его, кидается на нихъ сверху и неминуемо поражаетъ одну изъ нихъ.

Сапсанъ (Falco peregrinus). 1/3 естеств. велич.

Схвативъ добычу, сапсанъ обыкновенно душитъ ее уже на воздухѣ; очень же тяжелыхъ птицъ, каковы тетерева и дикіе гуси, которыхъ онъ не въ силахъ тащить, онъ душитъ на землѣ, но предварительно мучаетъ ихъ на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ вмѣстѣ съ нимъ не упадутъ на землю. Преслѣдуя свою добычу, сапсанъ летитъ съ такою баснословною быстротою, что нѣтъ возможности опредѣлить скорости его движенія. Слышится жужжаніе, затѣмъ можно видѣть, что какой то предметъ низвергается по воздуху, но узнать въ этомъ предметѣ сокола немыслимо. Вслѣдствіе такой стремительности своего нападенія, сапсанъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бросается на сидящихъ птицъ. Ему грозитъ опасность при этомъ самому разбиться; и дѣйствительно, извѣстны примѣры, когда сапсанъ, ударившись во время своего стремительнаго полета о вѣтку, падалъ на землю ошеломленнымъ и даже

мертвымъ. Палласъ говоритъ, что сапсанъ часто погибаетъ въ водѣ при преслѣдованіи утокъ: онъ ударяется о поверхность воды съ такою силою, что опускается глубоко въ воду и тонетъ. Въ другихъ случаяхъ онъ рѣдко даетъ маху и схватываетъ добычу легко, словно играя. Пойманную добычу онъ относитъ на открытое мѣсто и здѣсь съѣдаетъ ее; только болѣе крупныхъ птицъ онъ начинаетъ ѣсть уже тамъ, гдѣ убилъ ихъ.

Сапсанъ всего охотнѣе устраиваетъ себѣ гнѣздо въ углубленіяхъ крутыхъ стѣнъ утесовъ, почти или совсѣмъ неприступныхъ, въ случаѣ необходимости гнѣздится, впрочемъ, также на высокихъ лѣсныхъ деревьяхъ. Самъ онъ сооружаетъ себѣ гнѣздо, вѣроятно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а большею частью пользуется гнѣздами другихъ хищныхъ птицъ, начиная съ гнѣзда орлана-бѣлохвоста и кончая полуразрушеннымъ гнѣздомъ чернаго коршуна; иногда онъ поселяется въ покинутомъ или насильно отнятомъ гнѣздѣ какой-нибудь вороновой птицы. Въ Германіи полное число яицъ можно найти въ апрѣлѣ или въ маѣ, иногда лишь въ іюнѣ; яицъ кладется 3, много 4; они кругловатыя и по желтовато-красноватому фону покрыты бурыми пятнами.

Сапсана слѣдуетъ истреблять; ибо вредъ, причиняемый имъ, весьма значителенъ. Если бы этотъ гордый разбойникъ грабилъ только для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, то можно было бы пожалуй оставить его въ покоѣ; но дѣло въ томъ, что онъ беретъ на себя заботу о пропитаніи многочисленной семьи другихъ хищныхъ птицъ. Замѣчательно, что всѣ настоящіе соколы бросаютъ только что пойманную добычу, если сами подвергаются нападенію. Это хорошо извѣстно нищимъ среди хищныхъ птицъ. „Лѣнивые и неловкіе хищники“, говоритъ Науманнъ, „сидятъ на пограничныхъ камняхъ или на полевыхъ холмахъ, внимательно слѣдятъ за соколомъ и, какъ только увидятъ, что онъ поймалъ что-нибудь, поспѣшно подлетаютъ къ нему и безъ дальнихъ разговоровъ отнимаютъ у него добычу. Соколъ, въ другое время столь храбрый и смѣлый, при видѣ приближающагося непрошеннаго гостя оставляетъ свою добычу, взлетаетъ съ часто повторяемымъ крикомъ „кья кьяк“ на воздухъ и обращается въ бѣгство. Онъ предоставляетъ свою добычу даже трусливому красному коршуну, отъ котораго мужественной куницѣ удается защитить своихъ цыплятъ.“

Безусловно вредный, сапсанъ не приноситъ никакой пользы; охотники и разводители голубей считаютъ его однимъ изъ своихъ злѣйшихъ враговъ, котораго надо истреблять всякими средствами. И все-таки не хотѣлось бы, чтобы онъ былъ истребленъ окончательно, такъ какъ онъ служитъ украшеніемъ нашихъ лѣсовъ и полей.

При заботливомъ уходѣ сапсанъ много лѣтъ выживаетъ въ клѣткѣ и ѣстъ всевозможное свѣжее мясо; но онъ требуетъ много корма.

Въ средней Африкѣ и въ Индіи представителемъ группы странствующихъ соколовъ является маленькая, очень изящная птица, о которой стóитъ упомянуть изъ за ея красоты. Это такъ называемый соколъ-турумди (Falco chiquera, ruficollis), пожалуй самый красивый изъ всѣхъ настоящихъ соколовъ. Онъ распространенъ по всей Индіи отъ сѣвера до юга, но въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ встрѣчается рѣдко, такъ какъ отдаетъ предпочтеніе открытымъ мѣстамъ, расположеннымъ близъ поселеній, садовъ и группъ деревьевъ. Охотится онъ парами и похищаетъ главнымъ образомъ мелкихъ птицъ, а именно каландръ, воробьевъ, ржанокъ и ѣстъ также полевыхъ мышей. Гнѣздо сокола-турумди помѣщается обыкновенно на высокихъ деревьяхъ и содержитъ въ большинствѣ случаевъ 4 желтовато-бурыхъ яицъ, покрытыхъ бурыми пятнами.

Иногда его приручаютъ и дрессируютъ для охоты на перепеловъ, куропатокъ, мейнъ, особенно же на индійскихъ сиворакшъ.

Чеглокъ (Falco subbuteo, рис. на стр. 686) принадлежитъ къ мелкимъ видамъ настоящихъ соколовъ. Длина его 31 см., размахъ крыльевъ 78 см.; самка на 4 см. длиннѣе, и размахъ ея крыльевъ на 5—7 см. шире, чѣмъ у самца. Вся верхняя

сторона синевато-черная, голова сѣроватая, затылокъ съ бѣлыми пятнами; маховыя перья черноватыя съ ржаво-желтыми каемками; хвостовыя перья сверху аспидно-синія, снизу болѣе сѣрыя, на внутреннемъ опахалѣ украшенныя восемью ржаво-желтовато-красными поперечными пятнами, которыя соединяются въ полосы, но отсутствуютъ на двухъ среднихъ перьяхъ. Нижняя сторона, начиная съ зоба, по бѣлому или желтовато-бѣлому фону покрыта черными продольными пятнами; перья на ногахъ, перья зада и нижнія кроющія перья хвоста красиваго

Чеглокъ (Falco subbuteo). 1/3 естеств. велич.

ржаво-краснаго цвѣта. Глаза темно-каріе, голое кольцо вокругъ глаза, восковица и ноги желтаго цвѣта, клювъ при основаніи свѣтло-синій, кончикъ клюва темно-синій.

Птенцовъ этотъ наиболѣе быстрый изъ настоящихъ соколовъ выводитъ въ Европѣ, начиная съ средней Скандинавіи, южной Финляндіи и сѣверной Россіи и кончая Греціей и Испаніей. Кромѣ того, онъ обитаетъ во всей Азіи, отъ Урала до Амура, выводитъ потомство и въ Туркменіи. Въ Германіи онъ отдаетъ предпочтеніе передъ всякими другими мѣстностями полевымъ рощамъ и особенно лиственнымъ лѣсамъ; въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ его наблюдали только во время перелета.

По своему образу дѣйствій чеглокъ во многихъ отношеніяхъ отличается отъ

другихъ настоящихъ соколовъ. Это въ высшей степени рѣзвая, смѣлая и ловкая хищная птица, которая по быстротѣ своего полета можетъ соперничать со всякою другою. Полетъ чеглока очень похожъ на полетъ ласточекъ. Подобно ласточкамъ, онъ бо́льшею частью держитъ крылья серпообразно, мало растопыриваетъ хвостъ и всей своей повадкой сильно напоминаетъ башеннаго стрижа. На землю чеглокъ садится рѣдко, а всегда опускается на деревья; добычу свою онъ поѣдаетъ какъ на землѣ, такъ и на деревьяхъ.

Голосъ его — пріятный звукъ „гэт гэт гэт“, который часто и быстро повторяется. Въ періодъ вывода слышится звонкій крикъ „гик“.

Чеглокъ всегда бываетъ робокъ и остороженъ, поэтому садится на дерево спать лишь послѣ наступленія полной темноты и почти со страхомъ избѣгаетъ всякаго человѣка. Весь его образъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о большой смышленности.

Какъ уже говорилъ Науманнъ, чеглокъ является пугаломъ полевыхъ жаворонковъ. Но онъ отнюдь не брезгаетъ другими птицами и опасенъ даже для быстрокрылыхъ ласточекъ. Обыкновенно онъ низко и скоро летитъ надъ землею. Весною, замѣтивъ его издали, жаворонки быстро взлетаютъ наверхъ на такую высоту, что человѣческій глазъ едва можетъ различить ихъ и усердно распѣваютъ свою пѣсенку, отлично сознавая, что въ высотѣ чеглокъ повредить имъ не можетъ, такъ какъ онъ, подобно соколу-турумди, бросается всегда на свою добычу сверху и потому никогда не трогаетъ птицъ, поднявшихся такъ высоко. Ему слишкомъ трудно было бы подняться выше ихъ. При приближеніи чеглока ласточки поднимаютъ большой шумъ, собираются въ стаю и, кружась, взвиваются на воздухъ. Чеглокъ охотится на ласточекъ, летающихъ въ одиночку и невысоко, и ловитъ ихъ въ открытомъ мѣстѣ, бросаясь на нихъ по 4—10 разъ; если же онъ часто промахивается, то устаетъ и оставляетъ ласточку въ покоѣ. Гнѣздо устраивается на деревьяхъ, въ горахъ оно помѣщается также на скалахъ, а въ степи подчасъ и на землѣ. Въ первомъ случаѣ чеглокъ часто присвоиваетъ себѣ старое воронье гнѣздо, которое служитъ основой для его собственнаго; но иногда случается, что онъ сооружаетъ изъ сухихъ прутьевъ совершенно новое гнѣздо и выстилаетъ его внутри волосами, щетиной и мхомъ. Яйца, числомъ 4—5, продолговатой формы, лишь въ исключительныхъ случаяхъ круглыя, и на бѣловатомъ или красноватомъ фонѣ болѣе или менѣе густо усѣяны очень мелкими, желтовато-красноватыми пятнами, а сверхъ нихъ — красновато-буроватыми крапинками.

Чеглокъ также причиняетъ не мало вреда. По разсчету Ленца, онъ уничтожаетъ ежегодно по крайней мѣрѣ 1095 маленькихъ птицъ. Зато это самый милый комнатный сожитель изъ всего этого семейства. „Ни одна птица“, говоритъ мой отецъ, „не доставляла мнѣ столько удовольствія, какъ мой ручной чеглокъ. Когда я проходилъ мимо сарая, гдѣ его держали, онъ кричалъ, еще не успѣвъ меня замѣтить, подлеталъ къ двери, затѣмъ бралъ у меня изъ рукъ птицу и съѣдалъ ее. Когда я входилъ въ сарай, онъ садился ко мнѣ на руку, давая себя гладить, и при этомъ смотрѣлъ на меня довѣрчивыми глазами. Если я относилъ его въ комнату и сажалъ на столъ, то онъ сидѣлъ спокойно, съѣдалъ даже въ присутствіи постороннихъ людей преподнесенную ему птицу самымъ невозмутимымъ образомъ. Если его дразнили или пробовали отнять у него добычу, то онъ клевался, но никогда не наносилъ ранъ когтями. Всякому, кто его видѣлъ, соколъ этотъ нравился, и всѣ любили ласкать его. Никто не пожалѣетъ, если станетъ держать въ неволѣ чеглока. Онъ знаетъ своего хозяина, умѣетъ цѣнить его любовь и какъ будто взглядомъ благодаритъ его за нее.“

*

Пустельга и ея ближайшіе родственники по своему сложенію, по строенію клюва, крыльевъ и хвоста напоминаютъ еще своихъ болѣе благородныхъ родственниковъ, но отличаются отъ нихъ болѣе длиннымъ и менѣе плотнымъ опереніемъ, болѣе короткими крыльями, болѣе длиннымъ хвостомъ, болѣе сильными ногами съ

болѣе короткими пальцами и одеждой, окрашенной различнымъ образомъ въ зависимости отъ пола.

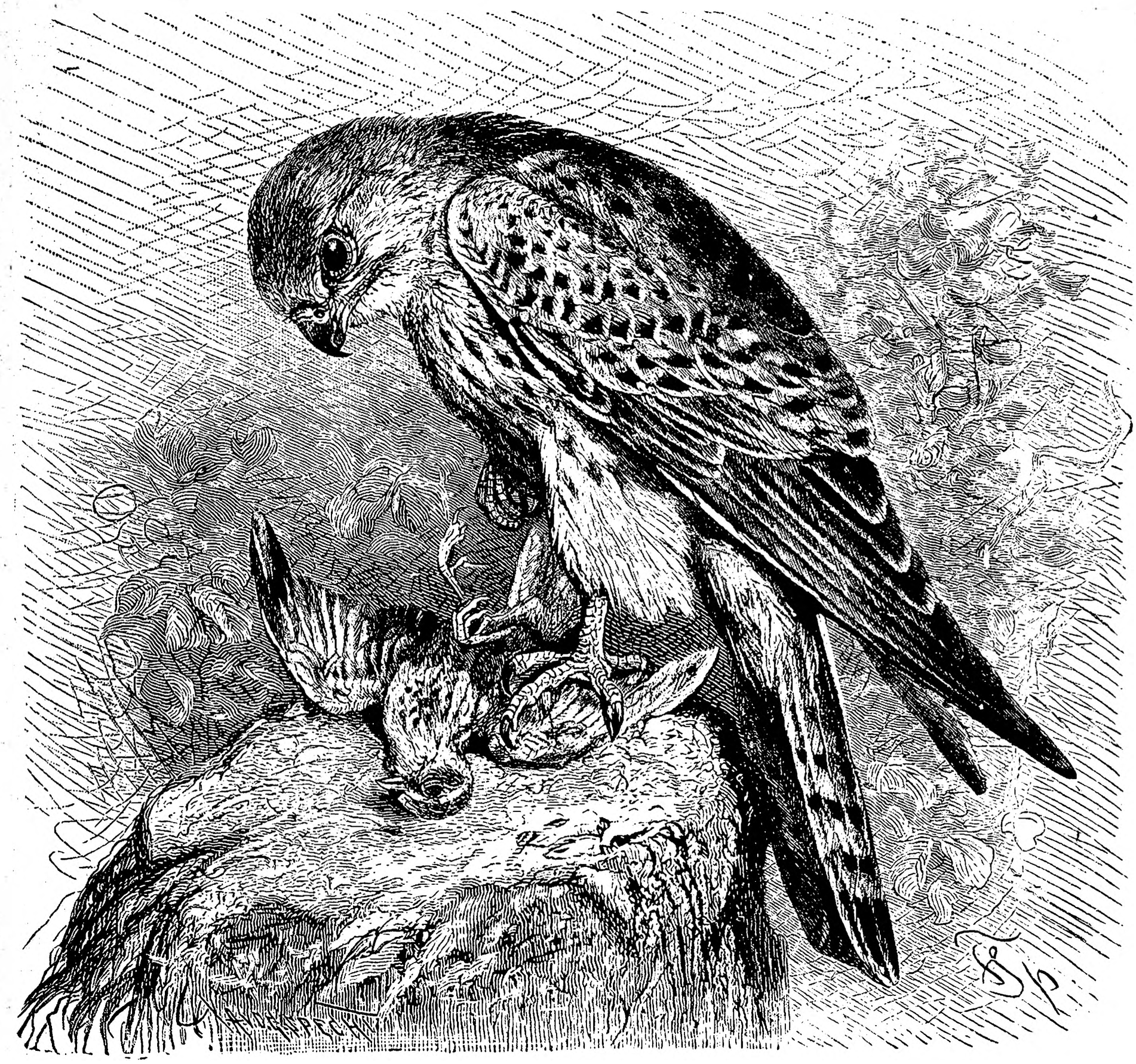
Образъ жизни и образъ дѣйствій этихъ соколовъ столь же сходны, какъ ихъ сложеніе и окраска. Сейчасъ видно, что это не столь способные представители семейства, какъ уже описанные настоящіе соколы. Полетъ ихъ, правда, еще легкій и довольно быстрый, но значительно уступаетъ полету настоящихъ соколовъ и отличается тѣмъ, что птица подолгу трепещетъ въ воздухѣ. Обыкновенно пустельги летятъ на умѣренной высотѣ надъ землею, увидѣвъ добычу, внезапно останавливаются, довольно долго, трепеща крыльями, и затѣмъ довольно поспѣшно низвергаются, чтобы схватить замѣченную добычу. Иногда же эти птицы, ради своего собственнаго удовольствія, въ ясные лѣтніе вечера поднимаются высоко на воздухъ и при этомъ выполняютъ самыя изящныя сальтомортале. Сидятъ онѣ въ болѣе небрежной позѣ, чѣмъ благородные сокола, а потому кажутся больше, чѣмъ въ дѣйствительности; но и пустельги въ исключительныхъ случаяхъ отличаются удивительно стройной осанкой. На землѣ онѣ довольно ловки; благодаря своимъ длиннымъ плюснамъ, онѣ даже ходятъ довольно легко. Внѣшнія чувства у нихъ не менѣе остры, чѣмъ у другихъ настоящихъ соколовъ; но характеръ у нихъ другой. Онѣ рѣзвѣе, веселѣе другихъ соколовъ и къ тому же смѣлы и задорны. Болѣе крупнымъ хищнымъ птицамъ онѣ часто сильно надоѣдаютъ своимъ усерднымъ преслѣдованіемъ, а филина-пугача дразнятъ, сколько имъ угодно. Даже по отношенію къ людямъ онѣ подчасъ обнаруживаютъ изумительную храбрость. Онѣ рано просыпаются и поздно засыпаютъ; часто можно видѣть, какъ онѣ еще порхаютъ въ вечернихъ сумеркахъ. Крикъ ихъ — звонкое, радостное „кли кли кли“, которое издается съ различными интонаціями, смотря по тому, выражаетъ ли оно страхъ или удовольствіе. Въ гнѣвѣ эти птицы хихикаютъ. Къ человѣку онѣ относятся различно, смотря по обстоятельствамъ. Въ средней Европѣ онѣ довольно робки и даже чрезвычайно осторожны, когда знаютъ, что ихъ преслѣдуютъ; на югѣ онѣ живутъ въ дружбѣ съ человѣкомъ, и даже красная пустельга не боится того, чье жилище дѣлается и ея собственнымъ обиталищемъ. Въ неволѣ пустельги скоро становятся совсѣмъ ручными, а если съ ними хорошо обращаются, то платятъ за это своимъ хозяевамъ искренней привязанностью. Ихъ легко можно пріучить вылетать изъ клѣтки и снова въ нее возвращаться, онѣ являются на зовъ, встрѣчаютъ своего хозяина радостнымъ крикомъ и выражаютъ свое расположеніе къ нему еще иными способами.

Пустельга (Falco tinnunculus) очень красивая птица. У вполнѣ развитаго самца голова, затылокъ и хвостъ пепельно-сѣрые и только на концѣ перья хвоста украшены синевато-черными полосами съ бѣлыми каемками; верхнія части тѣла красиваго ржаво-краснаго цвѣта, всѣ перья на концѣ украшены треугольнымъ пятномъ, нѣкоторыя перья имѣютъ черное продольное пятно на внутреннемъ опахалѣ, а на концѣ болѣе свѣтлую каемку. Радужная оболочка темно-каряя, клювъ рогового бураго цвѣта, восковица и голое мѣсто вокругъ глаза зеленовато-желтыя, ноги лимонно-желтыя. По бородѣ проходитъ полоска. Длина 33 см.

Отъ Лапландіи до южной Испаніи и отъ пріамурскихъ странъ до западнаго берега Португаліи, пустельга встрѣчается во всѣхъ странахъ, во всѣхъ округахъ Европы и Азіи. Она живетъ какъ въ равнинахъ, такъ и въ горныхъ мѣстностяхъ, все равно, лѣсистыя онѣ или безлѣсныя, ибо селится и на скалахъ, и въ лѣсу. На югѣ Европы пустельга встрѣчается чаще, нежели на сѣверѣ, но и на сѣверѣ въ ней нѣтъ недостатка. Во время своего перелета она перелетаетъ черезъ Черное и Средиземное море, въ сильныя бури ищетъ, въ случаѣ необходимости, убѣжища на судахъ, отдыхаетъ на противоположномъ берегу нѣсколько часовъ, быть можетъ даже нѣсколько дней, а затѣмъ отправляется дальше и забирается вплоть до южной Азіи и глубоко внутрь Африки. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя птицы зимуютъ иногда, хотя не вполнѣ правильно, но вовсе не рѣдко въ Германіи, чаще на югѣ Германіи или въ Австріи, напр. въ Зальцкаммергутѣ, ежегодно

проводятъ зиму въ южномъ Тиролѣ и на всѣхъ трехъ южныхъ полуостровахъ Европы.

Возвращаясь съ мѣста своей зимовки, пустельга появляется часто уже въ февралѣ, самое позднее въ мартѣ, а если осень сколько нибудь благопріятна, то остается не только до конца октября, какъ обыкновенно, но еще значительную часть ноября проживаетъ на мѣстахъ вывода. Она предпочитаетъ предгорья и средней высоты горы самымъ высокимъ вершинамъ, и въ равнинахъ вездѣ встрѣчается чаще, чѣмъ въ горахъ. Въ равнинѣ она селится въ рощахъ или даже въ

Пустельга (Falco tinnunculus). $^1/_3$ естеств. велич.

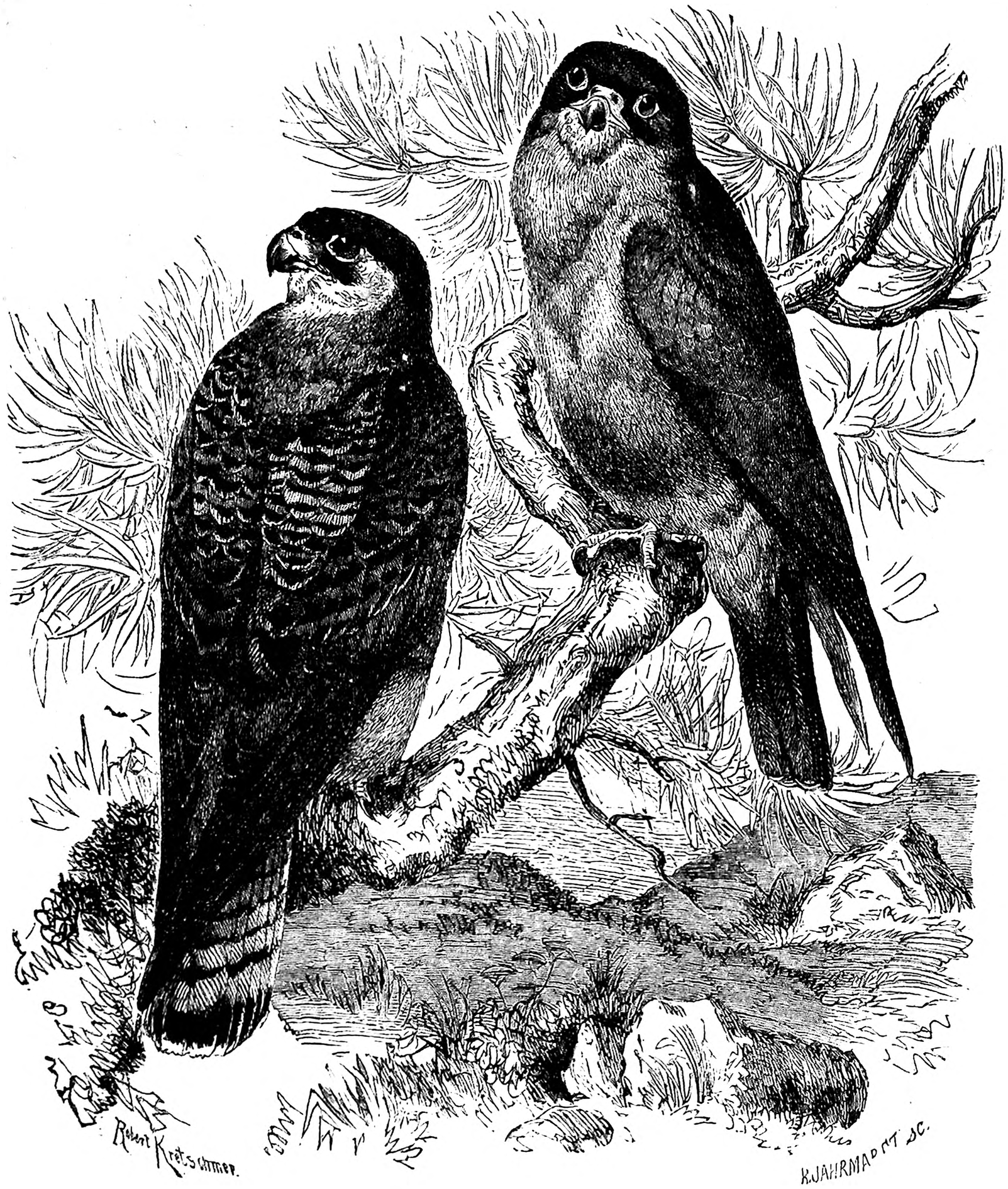
большихъ лѣсахъ, гдѣ гнѣздо устраивается на верхушкѣ высокаго дерева; не менѣе часто она избираетъ своимъ мѣстомъ жительства стѣну утеса или, особенно въ южныхъ странахъ, старое строеніе. Въ старинныхъ рыцарскихъ замкахъ почти всегда можно встрѣтить пустельгу; большинство городовъ также даютъ пріютъ этой птицѣ.

Яицъ пустельга кладетъ 4—9, обыкновенно 4—6; они довольно круглыя и по бѣлому или ржаво-желтому фону усѣяны со всѣхъ сторонъ буровато-красными пятнышками и точками; величина и форма яицъ бываютъ весьма различны.

Любимую добычу пустельги составляютъ мыши; кромѣ того, она поѣдаетъ насѣкомыхъ. Извѣстно также, что она ѣстъ мелкихъ птицъ, если только можетъ схватить ихъ, и возможно, что она иногда кормитъ своихъ птенцовъ потомствомъ жаворонковъ и щеврицъ; весьма вѣроятно, что она отъ поры до времени подхватываетъ молодого, только что родившагося зайченка и душитъ его. Но считать

въ виду этого пустельгу вредной птицей и преслѣдовать ее, вмѣсто того, чтобы оказывать ей покровительство, было бы несправедливо и неразумно.

Въ южной Европѣ наряду съ пустельгой водится близко ей родственная и болѣе красивая красная пустельга (Falco cenchris). Длина ея 32 см. У стараго самца голова, большія кроющія перья крыла, заднія маховыя перья и хвостъ синеватаго пепельно-сѣраго цвѣта, перья спины кирпично-красныя безъ

Кобчикъ (Falco vespertinus). 1/3 естеств. велич.

всякихъ пятенъ, грудь и брюшко желтовато-красноватыя съ очень маленькими пятнами на стержняхъ, иногда почти что незамѣтными; хвостовыя перья на концѣ также украшены черной полосой. Глаза, клювъ и ноги окрашены такъ же, какъ у пустельги; когти желтовато-бѣлые.

Близкимъ родственникомъ пустельги, особенно же красной пустельги, является кобчикъ (Falco vespertinus), тоже насѣкомоядная птица и притомъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ соколовъ. По величинѣ кобчикъ приблизительно равняется красной пустельгѣ. Взрослаго самца-кобчика невозможно смѣшать ни съ какимъ другимъ соколомъ. Нижняя часть брюшка, перья на ногахъ и нижнія кроющія перья хвоста темнаго ржаво-краснаго цвѣта; прочее опереніе равномѣрнаго аспидно-синяго цвѣта, только хвостъ нѣсколько темнѣе. Восковица, голое кольцо вокругъ глаза

и ноги кирпично-красныя; клювъ сзади желтый, спереди рогового синеватаго цвѣта. Радужная оболочка всегда каряя.

Кобчикъ водится на юго-востокѣ Европы и въ средней Азіи. Въ западной Европѣ онъ попадается рѣдко, но отъ поры до времени при перелетѣ появляется и здѣсь, переступая черезъ границы той области, по которой странствуетъ. Такимъ образомъ онъ не разъ появлялся въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, на о. Гельголандѣ, въ Англіи и даже въ Швеціи. Кобчикъ птица въ полномъ смыслѣ слова степная и живетъ въ степныхъ пространствахъ, начиная съ венгерской Пусты, въ степяхъ южной Россіи и всей средней Азіи вплоть до границы Китая. Соотвѣтственно этому, при перелетѣ, кобчикъ направляется, главнымъ образомъ, въ Индію, а не въ Африку. Значительную долю его пищи составляютъ насѣкомыя во всѣхъ стадіяхъ развитія, особенно же вполнѣ развитыя насѣкомыя и изъ нихъ, главнымъ образомъ, жуки; рѣже удается ему полакомиться мышкой, молодой, безпомощной птичкой или маленькой ящерицей. Кобчикъ обладаетъ всѣми хорошими качествами соколовъ и, кромѣ того, ихъ красотою. Держится онъ граціозно, характеръ у него уживчивый, хищническія наклонности невелики, такъ какъ онъ — птица насѣкомоядная. Вниманіе къ себѣ и уходъ за собою онъ умѣетъ цѣнить. Онъ хорошо знаетъ своихъ друзей и привѣтствуетъ ихъ радостнымъ возгласомъ. Его безъ всякихъ опасеній можно держать въ обществѣ другихъ птицъ и спаривать съ красной пустельгой. Кормъ ему дается такой же, какъ и дроздамъ; при этомъ кобчикъ, повидимому, чувствуетъ себя прекрасно.

*

Карликовые соколы живутъ въ южной Азіи. Это хищныя птицы величиною съ жаворонка, но имъ надо отдать справедливость въ томъ отношеніи, что по храбрости и смѣлости онѣ могутъ соперничать съ самыми сильными изъ настоящихъ соколовъ.

Эти маленькіе хорошенькіе соколы водятся въ Индіи и въ малайскихъ странахъ; тамъ ихъ можно встрѣтить около полудюжины видовъ.

Самый извѣстный видъ карликовыхъ соколовъ — это соколъ, называемый у индусовъ мути, а у яванцевъ алапъ (Hierax coerulescens); длина его не больше 20-ти см. Темя, затылокъ, хвостъ и длинныя, мягкія, какъ шелкъ, перья на ногахъ синевато-чернаго цвѣта; передняя часть головы, горло, грудь и полоска, идущая отъ угла клюва къ плечамъ, ржаво-красновато-бѣлая; прочія нижнія части тѣла ржаво-красныя. Круглыя бѣловатыя пятна въ хвостѣ образуютъ четыре изящныхъ полоски; въ такомъ же родѣ окрашены маховыя перья. Глаза каріе, клювъ буровато-черный, ноги свѣтло-синія.

Названіе „мути“ означаетъ „горсть“, и имя это дается соколу потому, что его носятъ въ кулакѣ, когда берутъ на охоту и, какъ камень, бросаютъ вслѣдъ за добычей. Его пускаютъ на перепеловъ и на другую дичь такой же приблизительно величины.

Сарычевыя птицы (Buteoninae) характеризуются короткою плюсною, большею частью не достигающею длины средняго пальца и, самое бо̀льшее, немного превосходящею его длиною; это сравнительно лѣнивыя птицы, ловкостью уступающія соколамъ и ястребамъ и охотящіяся болѣе на бѣгающую, чѣмъ на летающую дичь. Между ними есть многія, питающіяся рыбой и ловящія мышей; иныя не брезгаютъ падалью и кухонными отбросами растительнаго пропсхожденія. Добычу онѣ высматриваютъ паря, рѣдко трепеща въ воздухѣ, и схватываютъ ее, внезапно опускаясь или падая внизъ.

*

Родъ орловъ (Aquila) характеризуется совершенно оперенными плюснами и кругловатыми или яйцеобразными носовыми отверстіями; плюсна приблизительно такой же длины, какъ средній палецъ, а хвостъ наполовину короче крыльевъ.

Этотъ родъ, въ составъ котораго входитъ 15 видовъ, водится во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ южной Америки.

Беркутъ, или холзанъ (Aquila chrysaëtos),—самый крупный и сильный изъ всѣхъ орловъ, сложенный плотнѣе своихъ ближайшихъ родственниковъ; это и есть „орелъ“ въ настоящемъ значеніи этого слова, охотничья птица всѣхъ кочевыхъ народовъ внутренней Азіи, герой басенъ и прообразъ птицы, изображаемой на гербахъ, олицетвореніе силы и могущества. Длина его 80—95 см., ширина 2 метра и болѣе, длина крыльевъ 58—64 см., длина хвоста 31—36 см. Первыя цифры относятся къ самцу, вторыя къ болѣе крупной самкѣ. У старой птицы затылокъ, не исключая и задней части шеи, ржаво-буровато-желтаго цвѣта; двѣ основныя трети всѣхъ прочихъ перьевъ — бѣлаго цвѣта, тогда какъ кончики перьевъ весьма равномѣрнаго темно-бураго цвѣта; перья хвоста въ основной трети бѣлыя, далѣе снабжены черными полосами или пятнами, а конечная половина ихъ чернаго цвѣта. Перья на ногахъ бурыя, нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя.

Мы описали здѣсь только наиболѣе часто встрѣчающуюся окраску беркута и должны прибавить, что одежда этого орла бываетъ весьма различна. Нѣкоторыя старыя птицы бываютъ равномѣрнаго темно-бураго цвѣта, другія — золотисто-бураго; у третьихъ область зоба и брюхо бываютъ золотисто-бурыя, а остальныя части тѣла темно-бурыя; у нѣкоторыхъ крылья остаются одноцвѣтными до глубокой старости, у другихъ маховыя перья украшены красивыми полосами и т. д.

Беркутъ обитаетъ на высокихъ горахъ и въ очень обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ Европы и Азіи, иногда, хотя рѣдко, залетаетъ и въ сѣверо-восточную Африку. Въ Германіи онъ въ настоящее время правильно гнѣздится только на высокихъ горахъ Баваріи, а также въ обширныхъ казенныхъ лѣсахъ провинціи Восточной Пруссіи и Помераніи; остальную Германію онъ посѣщаетъ отъ поры до времени въ одиночку въ качествѣ бродячей птицы, но весьма рѣдко селится гдѣнибудь надолго. Гораздо чаще, чѣмъ въ предѣлахъ Германіи, эта гордая птица селится въ Австро-Венгріи, особенно въ горахъ Штиріи, Тироля, Каринтіи и Крайны, а также — и притомъ вовсе не рѣдко — на Карпатахъ и въ горахъ Трансильваніи, затѣмъ обитаетъ въ бо́льшей части Венгріи и на всемъ югѣ Австріи. Кромѣ того, беркутъ водится въ Швейцаріи, въ южной Европѣ, въ горахъ Атласа, въ Скандинавіи (?), во всей Россіи (?), гдѣ она покрыта лѣсами и скалами, въ Малой Азіи, въ сѣверной Персіи и средней Азіи, отъ Урала до Китая и отъ сибирскаго пояса лѣсовъ до Гималаевъ.

Не избѣгая большихъ лѣсовъ, орелъ рѣшительно предпочитаетъ селиться на высокихъ горахъ и притомъ на болѣе или менѣе трудно доступныхъ, по возможности совершенно неприступныхъ стѣнахъ утесовъ. Однажды избранный себѣ участокъ пара орловъ упорно отстаиваетъ, не покидаетъ его даже зимою, если въ данной мѣстности водится достаточное количество дичи, и даже зимою правильно посѣщаетъ гнѣзда, словно стараясь сохранить за собою права на обладаніе ими.

Съ того мѣста, гдѣ помѣщается гнѣздо, пара орловъ ежедневно вылетаетъ за добычей, причемъ часто летитъ въ одномъ и томъ же направленіи. Она покидаетъ мѣсто своего ночного отдыха лишь долгое время спустя послѣ восхода солнца и, кружась, пролетаетъ по своему участку на довольно большой высотѣ. Горные хребты служатъ въ извѣстномъ смыслѣ путями, и по направленію ихъ орелъ большею частью летитъ сравнительно низко, если горы высокія, часто поднимаясь надъ ними не выше, какъ на разстояніе выстрѣла. Сообща пара орловъ охотится и сообща съѣдаетъ схваченную добычу; но трапеза отнюдь не всегда обходится мирно: лакомое кушанье вызываетъ ссору даже между самыми нѣжными супругами-орлами. Охота продолжается приблизительно до полудня; затѣмъ разбойникъ возвращается къ гнѣзду или садится на какое-нибудь другое безопасное мѣсто, чтобы отдохнуть. Это онъ дѣлаетъ всегда, когда охота его была удачна. Тогда съ набитымъ зобомъ и съ растрепаннымъ опереніемъ онъ сидитъ долго на одномъ мѣстѣ и предается отдыху и перевариванью пищи, но и въ это время онъ не перестаетъ заботиться о своей безопасности. Послѣ такого отдыха онъ всегда уле-

„Жизнь животныхъ Брэма“.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

БЕРКУТЪ.

таетъ на водопой. Нѣкоторые утверждали, что орелъ можетъ довольствоваться для питья кровью своихъ жертвъ; но всѣ плѣнные орлы опровергали это мнѣніе. Орелъ пьетъ много и, кромѣ того, нуждается въ водѣ для купанья. Въ теплую погоду рѣдко проходитъ день, въ который бы онъ не купался. Напившись и вымывшись, онъ снова вылетаетъ за добычей; подъ вечеръ онъ обыкновенно забавляется играми на воздухѣ; при наступленіи сумерекъ онъ осторожно, безъ всякаго крика, прилетаетъ на мѣсто ночлега, которое всегда выбирается съ большой осмотрительностью. Такова, въ короткихъ словахъ, ежедневная жизнь орла.

Орелъ бываетъ красивъ и величественъ только тогда, когда сидитъ или летаетъ; бѣгаетъ же онъ такъ безпомощно и неловко, что на него смѣшно глядѣть. Летающій орелъ съ его обрубленнымъ хвостомъ такъ характеренъ, что его никакъ нельзя смѣшать съ грифомъ. Орелъ, высоко кружащійся въ воздухѣ, высмотрѣвъ добычу, обыкновенно опускается внизъ по спиральной линіи, чтобы хорошенько разглядѣть предметъ; затѣмъ внезапно складываетъ крылья и кидается внизъ по косому направленію, вытянувъ лапы и выставивъ впередъ когти; со свистомъ разрѣзая воздухъ, бросается на намѣченную жертву и сжимаетъ ее обѣими лапами. Онъ хватаетъ и болѣе сильныхъ животныхъ; замѣчено, что онъ не щадитъ даже больно кусающейся лисицы. Нельзя считать вымысломъ разсказовъ о томъ, что онъ бросался на маленькихъ дѣтей и, если могъ, уносилъ ихъ; извѣстны даже случаи, когда онъ нападалъ на взрослыхъ людей, хотя къ этому его не принуждало ни самосохраненіе, ни защита своего гнѣзда. Нордманнъ разсказываетъ слѣдующій въ высшей степени интересный примѣръ такого случая. „Я досталъ беркута“, говоритъ онъ, „котораго поймали при слѣдующихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ: голодная и безумно смѣлая птица бросилась среди деревни на большую, разгуливавшую по улицѣ свинью, громкіе крики которой всполошили деревенскихъ жителей. Одинъ мужикъ, подбѣжавъ къ свиньѣ, отогналъ орла, который неохотно оставилъ свою тяжелую добычу; поднявшись съ жирной спины свиньи, онъ тотчасъ же кинулся на кота и, схвативъ его, сѣлъ на заборъ. Раненая свинья и окровавленный котъ затянули раздирающій душу дуэтъ. Крестьянинъ хотѣлъ спасти и кота, но, боясь подойти къ сердитой птицѣ безъ оружія, побѣжалъ въ домъ за заряженнымъ ружьемъ. Когда же орелъ въ третій разъ увидѣлъ человѣка, помѣшавшаго его трапезѣ, то онъ выпустилъ кота, схватилъ и сжалъ въ лапахъ крестьянина, и тогда раздался крикъ о помощи всѣхъ троихъ — захваченнаго врасплохъ охотника, жирной свиньи и стараго кота. Тутъ подоспѣли другіе мужики, схватили орла руками и принесли связаннаго злодѣя къ моему пріятелю.“

Весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ бо́льшая часть злодѣйствъ, приписываемыхъ ягнятникамъ, совершается смѣлымъ орломъ-беркутомъ.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣхъ животныхъ, на которыхъ охотится орелъ. Изъ птицъ, живущихъ въ средней Европѣ, онъ не трогаетъ только хищныхъ птицъ, ласточекъ и быстрокрылыхъ пѣвчихъ птицъ, изъ млекопитающихъ, не говоря о хищныхъ звѣряхъ, онъ оставляетъ въ покоѣ только парно- и непарнокопытныхъ. Мы только что видѣли, что орелъ не щадитъ дѣтенышей ни тѣхъ, ни другихъ; наблюденіемъ доказано, что онъ не пренебрегаетъ мелкими животными. Въ орлиномъ гнѣздѣ селятся воробьи и живутъ тамъ, повидимому, безопасно; но орелъ при случаѣ готовъ задушить и ихъ. Это подтверждается наблюденіемъ Раддеса, который видѣлъ, какъ орелъ ловитъ жаворонковъ.

Многія животныя, защищенныя отъ орла въ мѣстахъ своего жительства, все-таки дѣлаются его добычей, такъ какъ онъ гоняется за ними до тѣхъ поръ, пока они, обезсилѣвъ, не отдаются въ его лапы. Такъ, онъ пугаетъ плавающихъ птицъ, которыя, при появленіи орла, ныряютъ, и преслѣдуетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не потеряютъ силу нырять; тогда онъ безъ всякихъ разговоровъ схватываетъ ихъ. Пойманную и убитую или по крайней мѣрѣ наполовину задушенную добычу орелъ немного ощипываетъ, прежде чѣмъ принимается ее ѣсть; начинаетъ онъ ее ѣсть съ головы, разламываетъ кости и глотаетъ ихъ, если ему удалось раздробить

ихъ. Отъ крупныхъ птицъ онъ оставляетъ одинъ только клювъ. Послѣ головы съѣдается шея, потомъ остальное тѣло. Орелъ ѣстъ съ величайшей осторожностью, отъ поры до времени осматривается кругомъ и прислушивается. Послѣ трапезы онъ весьма тщательно вычищаетъ свой клювъ. Волосы и перья представляютъ для него необходимую потребность; они, повидимому, крайне нужны для очистки его желудка. По окончаніи пищеваренія они скатываются въ комки, которые птица выплевываетъ обыкновенно черезъ каждые 5—8 дней. Если не давать орлу волосъ или перьевъ, то онъ глотаетъ сѣно или солому. Кости, которыя онъ проглатываетъ весьма охотно вмѣстѣ съ пищей, совершенно перевариваются.

Орелъ вьетъ гнѣздо обыкновенно уже въ половинѣ или въ концѣ марта. Гнѣздо имѣетъ въ поперечникѣ 1,30—2 метра, самое углубленіе 70—80 сантиметровъ; но такъ какъ гнѣздо употребляется въ теченіе долгаго времени, то растетъ изъ году въ годъ, если не въ ширину, то въ вышину, такъ что иногда представляетъ изъ себя поистинѣ гигантское сооруженіе.

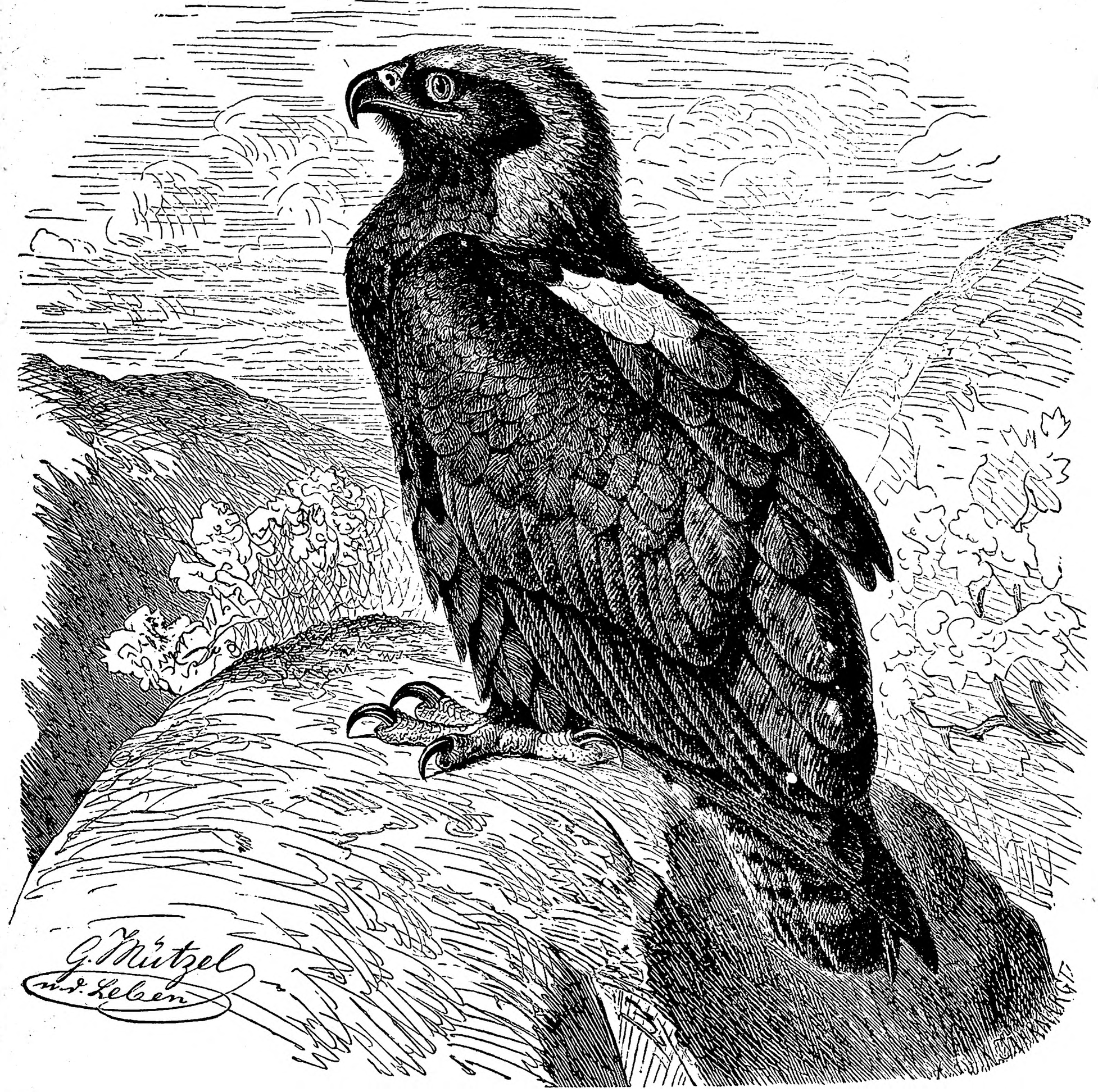
Яйца относительно невелики, очень круглой формы, съ шероховатой скорлупой и по бѣловатому или зеленовато-сѣрому фону покрыты безъ всякой правильности болѣе крупными и болѣе мелкими сѣроватыми и буроватыми пятнами и точками, которыя часто сливаются. Въ гнѣздѣ можно найти 2—3 яйца, но птенцовъ рѣдко вылупляется больше двухъ, часто только одинъ. Самка высиживаетъ яйца приблизительно 5 недѣль. Молодыя птицы, вылупившіяся изъ яйца и появляющіяся на свѣтъ Божій въ первыхъ числахъ мая, подобно другимъ хищнымъ птицамъ, густо обросли сѣровато-бѣлымъ шерстистымъ пухомъ. Оба родителя съ величайшей нѣжностью заботятся о своемъ потомствѣ, и особенно мать усердно печется объ удовлетвореніи ихъ потребностей. Къ концу періода вывода орлиное гнѣздо похоже бываетъ на бойню или на мѣсто, куда выбрасываютъ падаль. Какъ ни заботятся старики объ обновленіи строительныхъ матеріаловъ гнѣзда, однако, самымъ равнодушнымъ образомъ держатъ своихъ птенцовъ между гніющими остатками мяса, лежащими въ гнѣздѣ, и между массами привлеченныхъ мясомъ и развившихся въ немъ насѣкомыхъ. Какъ велико число жертвъ, погибающихъ ради сохраненія жизни двухъ орлятъ, видно изъ данныхъ, приводимыхъ Бехштейномъ, по которымъ вблизи орлинаго гнѣзда были найдены остатки 40 зайцевъ и 300 утокъ. Эта оцѣнка, быть можетъ, преувеличена; но пара орловъ истребляетъ достаточное количество животныхъ, живущихъ въ окрестностяхъ гнѣзда и притомъ въ окрестностяхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо замѣчено, что орелъ приноситъ въ гнѣздо цапель, пойманныхъ на разстояніи 20—30 километровъ отъ гнѣзда. Для мелкаго скота орелъ во время вывода является настоящимъ бичемъ, для пастуха же — мучителемъ; поэтому неудивительно, что владѣтель скота готовъ на все, чтобы избавиться отъ столь ужаснаго разбойника.

Орлы, попавшіе въ неволю молодыми и выращенные человѣкомъ, скоро становятся ручными, относятся хорошо къ людямъ, такъ привыкаютъ къ своему хозяину, что скучаютъ, если долгое время не видятъ его; они привѣтствуютъ его радостнымъ крикомъ, когда онъ приходитъ къ нимъ, и никогда не нападаютъ на него. При сколько-нибудь хорошемъ уходѣ они долго выживаютъ въ неволѣ. Въ императорскомъ замкѣ (Hofburg) въ Вѣнѣ, гдѣ по старому обычаю правителей изъ дома Габсбурговъ въ теченіе многихъ столѣтій держали въ неволѣ живыхъ орловъ и заботливо ухаживали за ними, одинъ беркутъ жилъ отъ 1615 до 1719 г., а въ Шенбруннѣ въ 1809 г. умеръ орелъ того же вида, проживший въ неволѣ цѣлыхъ 80 лѣтъ.

Мертвый орелъ находитъ гораздо болѣе широкое примѣненіе, нежели живой. У тирольцевъ и родственныхъ имъ верхнихъ баварцевъ отдѣльныя части орла считаются драгоцѣннымъ украшеніемъ. У китайцевъ голова и лапы орла считаются цѣнными лѣкарственными средствами, маховыя перья служатъ для приготовленія вѣеровъ и для оперенія стрѣлъ. У бурятъ маховыя и рулевыя перья орла также высоко цѣнятся, а монголы приносятъ ихъ богамъ въ видѣ жертвы.

Американскіе индѣйцы охотно вынимаютъ изъ гнѣзда большого орленка, выращиваютъ его и затѣмъ собираютъ его хвостовыя перья, которыя у нихъ высоко

цѣнятся: одно единственное перо продается за долларъ. Орлиныя перья у всѣхъ индѣйскихъ народовъ являются знакомъ ихъ геройскихъ подвиговъ, у большинства индѣйцевъ орлинымъ перомъ награждается тотъ, кто убилъ врага. Индѣйцы украшаютъ орлиными перьями свои головные уборы, причемъ перья прикрѣпляются вертикально въ видѣ длиннаго ряда къ полосѣ краснаго сукна, къ которому сверху придѣлана шапка изъ перьевъ. Къ оружію своему индѣйцы тоже часто прикрѣпляютъ орлиныя перья, или же носятъ ихъ въ волосахъ, а крыло употребляютъ въ качествѣ вѣера.

Могильникъ (Aquila melanaëtus). 1/6 естеств. велич.

Могильникъ (Aquila melanaëtus) значительно меньше беркута; длина его достигаетъ только 80—86 см., ширина 1,9—2,2 метра, длина крыльевъ 60—63 см., длина хвоста 27—29 см.; значитъ, самка могильника все-таки немного меньше самца беркута. Тѣло плотное, хвостъ сравнительно короткій, крылья же настолько длинныя, что, будучи сложенными, превосходятъ длиною хвостъ. Основная окраска взрослыхъ птицъ — очень темный и равномѣрный бурый цвѣтъ. Голова и затылокъ ржаво-бурые или блѣдно-желтые, а большое пятно на плечахъ или на самыхъ заднихъ перьяхъ крыла чисто-бѣлое; хвостъ надъ не осо-

бенно широкой полосой на концѣ по пепельно-сѣрому фону украшенъ узкими и правильными черными полосками.

Могильникъ водится въ весьма обширной области, а именно встрѣчается отъ Венгріи до Китая. Въ Германіи эта птица, судя по произведеннымъ до сихъ поръ наблюденіямъ, принадлежитъ къ чрезвычайно рѣдкимъ явленіямъ, но пролетаетъ по странѣ, быть можетъ, чаще, чѣмъ мы полагаемъ.

Чаще другихъ крупныхъ орловъ встрѣчается въ Германіи крикунъ (Aquila pomarina). Онъ значительно меньше беркута и могильника: длина его 65—70 см. Насколько до сихъ поръ извѣстно, крикунъ выводитъ птенцовъ, кромѣ сѣверной Германіи, еще только въ Польшѣ, въ западной Россіи, Венгріи, Галиціи, въ европейской Турціи и въ Греціи, залетаетъ иногда въ Голландію и Великобританію или же въ Швецію, но въ Испаніи уже не встрѣчается вовсе, а въ восточной Европѣ замѣняется двумя родственными видами, восточнымъ и степнымъ орломъ.

По характеру крикунъ стоитъ ниже своихъ родственниковъ. Это самый трусливый и безвредный изъ всѣхъ орловъ. Онъ кротокъ и гораздо болѣе напоминаетъ характеромъ сарыча, чѣмъ орла; это уже выражается въ его внѣшнемъ видѣ, въ его взглядѣ. Когда онъ сидитъ, онъ не имѣетъ въ себѣ ничего благороднаго, но имѣетъ видъ настоящаго орла во время полета.

Питается онъ мелкими позвоночными животными. Въ Германіи любимую его пищу составляютъ лягушки и, быть можетъ, еще другія земноводныя, пресмыкающіяся и мелкіе грызуны. Лягушки, вѣроятно, всегда и вездѣ служатъ ему главнымъ кормомъ, и этимъ объясняется то, что въ однѣхъ мѣстностяхъ онъ водится въ бо́льшемъ количествѣ, въ другихъ — въ меньшемъ, а въ третьихъ совершенно не встрѣчается. На болѣе высоко-развитыхъ животныхъ онъ нападаетъ развѣ только въ концѣ періода вывода. Когда его птенцы подрастаютъ и требуютъ много корму, то крикунъ грабитъ, что́ только можетъ, и тогда ему попадаются въ лапы не только молодые дрозды и скворцы, но и молодые зайцы. Гнѣздо свое онъ устраиваетъ на старыхъ, крѣпкихъ деревьяхъ и предпочитаетъ, повидимому, для этой цѣли букъ и дубъ всѣмъ другимъ деревьямъ. Самъ онъ вьетъ себѣ гнѣздо только въ случаѣ крайней необходимости, обыкновенно же завладѣваетъ удобнымъ для него гнѣздомъ сарыча или ястреба.

Крикуны, выращенные человѣкомъ, становятся столь же ручными, какъ и другія хищныя птицы; даже крикуны, пойманные уже старыми, скоро привыкаютъ къ неволѣ.

Карликовый орелъ (Aquila pennata) можетъ быть названъ самой привлекательной птицей всего рода. Длина самца 47 см., ширина 113 см. Самка на 4 см. длиннѣе и на 8 см. шире самца. У болѣе свѣтлыхъ экземпляровъ лобъ и уздечка желтовато-бѣлые, а темя, щеки и ушная область темно-бурыя; всѣ перья съ темными пятнами, затылокъ красновато-бурый, верхній покровъ и крылья черно-бурые съ мѣдно-пурпурово-бурымъ блескомъ и съ двумя болѣе свѣтлыми неявственными полосами на крыльяхъ; большія маховыя перья черно-бурыя, малыя маховыя перья темно-бурыя съ двумя расплывающимися поперечными полосами на внутреннемъ опахалѣ, нижнія части на свѣтло-желтоватомъ фонѣ покрыты бурыми пятнами на стержняхъ. Плечо украшено бѣлымъ пятномъ. Глазъ свѣтлаго металлическаго цвѣта, клювъ при основаніи свѣтло-синій, на концѣ черный, ноги лимонно-желтыя, восковица соломенножелтая. У болѣе же темныхъ экземпляровъ голова и затылокъ матоваго красновато-бураго цвѣта съ черноватыми продольными пятнами, верхній покровъ темнобурый, болѣе длинныя плечевыя перья черно-бурыя, прочія перья верхняго покрова землисто-бурыя, хвостовыя перья матово-бурыя съ 3—4 явственно черноватыми полосами и болѣе свѣтлымъ кончикомъ, нижнія же части одинаковаго очень темнаго бураго цвѣта съ едва замѣтными черноватыми штрихами на стержняхъ. Кольцо вокругъ глаза темнѣе, перья на ногахъ и нижнія крющія перья хвоста болѣе свѣтлаго бураго цвѣта, чѣмъ прочее

опереніе нижней стороны. На плечахъ также есть бѣлыя пятна. Глаза каріе, клювъ при основаніи синеватый, на концѣ черный, восковица и пальцы лимонно-желтые.

Карликовый орелъ распространенъ по значительной части юго-западной и юго-восточной Европы и Азіи. Область, въ которой онъ водится, начинаясь съ Германіи, простирается на востокъ, занимаетъ нижнюю Австрію и южную Польшу, и отсюда распространяется съ одной стороны по Галиціи, Трансильваніи, Венгріи, придунайскимъ низменностямъ, европейской Турціи и Греціи, а съ другой — по всей южной Россіи. Точно также птица эта встрѣчается и на западѣ, вьетъ гнѣздо во многихъ мѣстностяхъ Франціи и въ значительномъ количествѣ населяетъ весь Пиренейскій полуостровъ. Въ лѣсныхъ пространствахъ южнаго Урала карликовый орелъ встрѣчается нерѣдко, въ Индіи и на о. Цейлонѣ онъ еще выводитъ птенцовъ. Это настоящій благородный орелъ по своему характеру и по своимъ нравамъ, и отъ своихъ болѣе крупныхъ родственниковъ отличается только бо́льшею ловкостью и меньшею осторожностью. Полетъ у него быстрый, сильный и легкій; карликовый орелъ подолгу паритъ, а на добычу устремляется съ быстротой стрѣлы. Для собственнаго удовольствія карликовый орелъ долго очень красиво кружится на одномъ мѣстѣ, любитъ также подниматься на значительныя высоты; зато во время своей охоты онъ паритъ довольно низко надъ землею и иногда трепещетъ на одномъ мѣстѣ подобно пустельгѣ. Садится онъ рѣже на верхушки деревьевъ, чѣмъ на низкія вѣтки. Здѣсь онъ сидитъ прямо, часто подолгу не двигая ни однимъ членомъ, внимательно слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ вокругъ него и подкарауливаетъ добычу. Самецъ и самка всегда держатся вмѣстѣ, даже во время перелета.

Голосъ этихъ орловъ бываетъ различный; его передаютъ звуками: „кох кох кей кей“ или „вид вид“.

Карликовый орелъ разбойникъ въ полномъ смыслѣ слова; любимую пищу его составляютъ преслѣдуемыя имъ мелкія птички. На ряду со своей любимой дичью, онъ охотится также на мелкихъ млекопитающихъ, особенно на мышей и не брезгаетъ пресмыкающимися; въ Испаніи существенную часть его обѣдовъ составляетъ жемчужная ящерица (Lacerta ocellata). Всего охотнѣе устраиваетъ онъ свои гнѣзда въ лиственныхъ лѣсахъ, но не пренебрегаетъ и хвойными. Въ императорскомъ паркѣ (Tiergarten) близъ Шенбрунна ежегодно гнѣздятся одна или двѣ пары этихъ орловъ. Подобно крикуну, карликовый орелъ пользуется всѣми подходящими гнѣздами, которыя находитъ въ своемъ участкѣ: гнѣздомъ орлана-бѣлохвоста, сарыча, чернаго коршуна и чернаго ворона, иногда же гнѣздомъ цапли и довольствуется незначительными исправленіями этого гнѣзда. Внѣшній слой гнѣзда составляютъ вѣточки и сучки, а внутренній — липовое лыко, трава, вѣтви омелы, листья и шерсть.

Въ началѣ мая 2 яйца, которыя составляютъ всю кладку, бываютъ уже снесены. Яйца эти по желтоватому или бѣловато-зеленоватому фону бываютъ покрыты мелкими ржаво-желтыми или ржаво-красными точками и пятнами, расположенными безъ всякой правильности. По отношенію къ своимъ родственникамъ карликовый орелъ всегда отличается смѣлостью; въ пору же вывода онъ съ изумительной храбростью и съ видимой яростью нападаетъ на всѣхъ болѣе крупныхъ хищныхъ птицъ, которыя пролетаютъ близъ его гнѣзда. Птенцы вылупляются обыкновенно во второй половинѣ іюня и бываютъ одѣты въ длинный свѣтлый пухъ, мягкій, какъ шелкъ, на головѣ окрашенный въ желтоватый цвѣтъ, но скоро облекаются уже въ перья.

Къ филину-пугачу карликовый орелъ питаетъ смертельную ненависть. „Я хотѣлъ настрѣлять крикуновъ“, пишетъ графъ Лазаръ, „и потому помѣстилъ моего филина-пугача на скошенномъ лугу, а самъ, въ ожиданіи добычи, удалился за кошу сѣна. Вдругъ я увидѣлъ, какъ приближается небольшая бурая хищная птица и притомъ такъ поспѣшно, что я едва успѣлъ схватить ружье. Карликовый орелъ, котораго я скоро узналъ въ этой хищной птицѣ, изо всѣхъ силъ кинулся на пугача. Раздался выстрѣлъ, но птица улетѣла нетронутая. Однако она не исчезла, а только поднялась на высоту около 150 метровъ и въ теченіе добраго получаса кружилась надъ пугачомъ. Наконецъ, карликовый орелъ опять

опустился и приблизился ко мнѣ на разстояніе выстрѣла; но меня охватила охотничья горячка; я выстрѣлилъ вторично и — промахнулся. Когда орелъ удалился, я потерялъ надежду застрѣлить его; но черезъ десять минутъ онъ вернулся еще разъ, опять началъ кружиться, и въ третій разъ кинулся на пугача. На этотъ разъ я положилъ его мертвымъ.“

Карликовые орлы, вынутые изъ гнѣзда молодыми, при надлежащемъ уходѣ становятся такими же ручными, какъ другіе орлы. Въ Испаніи карликовыхъ орловъ дрессируютъ страннымъ образомъ. Одному изобрѣтательному лицу пришло на мысль употреблять эту птицу въ качествѣ прорицателя счастья. Для этого человѣкъ становится на оживленномъ мѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ сидятъ хищныя птицы, и предлагаетъ прохожимъ, что птица вытянетъ имъ на счастье нумеръ для игры въ лото. Соколиныя птицы, а между ними и карликовый орелъ, пріучены вытягивать клювомъ одинъ билетъ изъ кучи и такимъ образомъ производить выборъ.

Австралійская хищная птица, соотвѣтствующая нашему беркуту, отличается отъ послѣдняго своимъ вытянутымъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ клювомъ, длиннымъ, весьма ступеньчатымъ хвостомъ и длинными перьями на задней части шеи.

Клинохвостый орелъ (Aquila audax) имѣетъ въ длину 98—100 см., въ ширину около 2,3 метра. Голова, область горла, верхняя и нижняя сторона тѣла черновато-бураго цвѣта; почти всѣ перья и особенно перья крыльевъ, а также верхній покровъ хвоста, по краямъ и на концѣ блѣдно-бураго цвѣта, спина и бока шеи ржаваго цвѣта. Радужная оболочка орѣхово-бурая, восковица и голая полоса вокругъ глаза желтовато-бѣлыя, клювъ при основаніи желтоватаго рогового цвѣта, кончикъ клюва желтый, ноги свѣтло-желтыя.

Клинохвостый орелъ обитаетъ по всей Австраліи и вездѣ встрѣчается часто. Его можно найти какъ на равнинахъ, такъ и въ лѣсу, какъ парами, такъ и обществами. Всего чаще можно его встрѣтить въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водятся кенгуру; здѣсь „старый охотникъ“ (der „alte Buschmann“) убилъ въ теченіе одной зимы цѣлую дюжину. „Все, что разные писатели говорятъ о храбрости, силѣ и хищности беркута“, говоритъ Гудъ, „можетъ быть отнесено къ клинохвостому орлу. Онъ похищаетъ всѣ мелкіе виды кенгуру, которые встрѣчаются на равнинахъ и среди открытыхъ холмовъ, одолѣваетъ благородную дрохву и является злѣйшимъ врагомъ овечьихъ стадъ, въ которыхъ производитъ большія опустошенія.“ Большихъ кенгуру онъ одолѣть не можетъ, но достаточно силенъ для того, чтобы унести ихъ дѣтенышей; онъ умѣетъ даже завладѣвать тѣми изъ нихъ, которые находятся еще въ сумкѣ матери. На падаль клинохвостый орелъ бросается съ такою же жадностью, какъ грифы, которыхъ нѣтъ въ Австраліи.

Гнѣздо устраивается на самыхъ неприступныхъ деревьяхъ, не всегда высоко надъ землею, но всегда такъ, что до него почти нѣтъ возможности добраться. Во многихъ лѣсахъ можно видѣть не мало необитаемыхъ гнѣздъ, сохранившихся еще съ той поры, когда нога бѣлаго человѣка еще не вступала въ эти лѣса.

Клинохвостаго орла всего легче убить въ то время, когда онъ ѣстъ падаль, и еще легче поймать всевозможными ловушками; туземцы часто также вынимаютъ его изъ гнѣзда молодымъ, выращиваютъ въ приморскихъ городахъ и затѣмъ отсылаютъ въ Европу. Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ клинохвостый орелъ не представляетъ собою необыкновеннаго явленія.

Стройное сложеніе, сравнительно короткія крылья, концы которыхъ не доходятъ до конца очень длиннаго хвоста, длинныя, до самыхъ пальцевъ оперенныя ноги, высокія голени и большія, сильныя лапы съ длинными, плоско загнутыми когтями, наконецъ вытянутый, но все-таки крѣпкій клювъ — вотъ признаки ястребинаго орла (Aquila fasciata). Длина его 70 см., ширина 145 см., длина крыльевъ 45 см., длина хвоста 26 см. Самка больше самца. У взрослаго самца лобъ и полоска надъ глазомъ бѣлые, темя и затылокъ по бурому фону покрыты болѣе темными полосами, нижняя часть шеи и верхняя часть спины бѣлыя съ

черно-бурыми пятнами по краямъ перьевъ, перья верхняго покрова одноцвѣтныя, темно-бурыя, перья нижней части спины черно-бурыя; верхнія кроющія перья хвоста съ бѣловатыми и бурыми разводами подъ мраморъ, горло, грудь и середина брюшка по бѣлому фону покрыты черными стержневыми пятнами; перья ногъ украшены широкими, темными, зубчатыми пятнами въ видѣ полосокъ, внутренняя часть ляжекъ и опереніе плюсны съ ржаво-красноватыми и сѣрыми волнообразными полосами и съ черными продольными пятнами; маховыя перья черно-бурыя съ легкимъ пурпуровымъ отливомъ, большія маховыя перья съ темно-бурыми полосами и разводами. Глаза металлическаго желтаго цвѣта, клювъ синяго рогового цвѣта, восковица грязновато-желтая, ноги сѣровато-желтыя.

Ястребиный орелъ, котораго удавалось застрѣлить уже въ Германіи, живетъ въ южной Франціи, въ Испаніи, Португаліи, южной Италіи, Греціи и Турціи, въ сѣверо-западной Африкѣ и во всей Индіи, отъ Гималаевъ до крайняго юга. Въ Греціи и въ южной Италіи онъ встрѣчается нерѣдко, въ Испаніи и въ Алжирѣ это наиболѣе обыкновенный изъ орловъ. Селится онъ въ безлѣсныхъ горахъ съ крутыми скалистыми стѣнами; въ Индіи онъ гнѣздится преимущественно въ холмистыхъ мѣстностяхъ, поросшихъ джунглями.

Ястребиный орелъ чрезвычайно ловкій, храбрый, смѣлый, даже дерзкій хищникъ, по характеру замѣчательно похожій на ястреба, но во многихъ отношеніяхъ превосходящій его по физическимъ дарованіямъ. Полетъ его болѣе похожъ на полетъ кречета, чѣмъ на полетъ орла. Онъ соединяетъ въ себѣ быстроту сокола съ ловкостью ястреба-перепелятника и храбрость орла съ кровожадностью тетеревятника.

Охотится онъ на столькихъ же животныхъ, какъ и беркутъ. Въ Испаніи это самый опасный врагъ домашнихъ куръ, которыхъ уноситъ на глазахъ человѣка и преслѣдуетъ съ такимъ упорствомъ, что буквально истребляетъ всѣхъ куръ во многихъ уединенныхъ крестьянскихъ дворахъ. Не менѣе усердно охотится онъ на голубей. Млекопитающимъ, величиною съ зайца, онъ постоянно угрожаетъ.

Гнѣздо всегда помѣщается въ углубленіяхъ крутыхъ стѣнъ утесовъ, по возможности въ безопасныхъ мѣстахъ.

*

Въ сѣверныхъ странахъ земного шара, преимущественно же въ тундрѣ, живетъ одна сарычевая птица, отличающаяся, подобно орламъ, своими оперенными ногами, а именно канюкъ (Archibuteo lagopus). Опереніе у него неплотно прилегаетъ и въ области горла превращается въ щетину; перья крупныя и длинныя, перья, покрывающія голову и затылокъ, средней длины и закругленныя. Окраска, чрезвычайно разнообразная, представляетъ собою смѣсь бѣлаго, желтовато-бѣлаго, красновато-сѣраго, буровато-чернаго и бураго цвѣта. Длина 65 см.

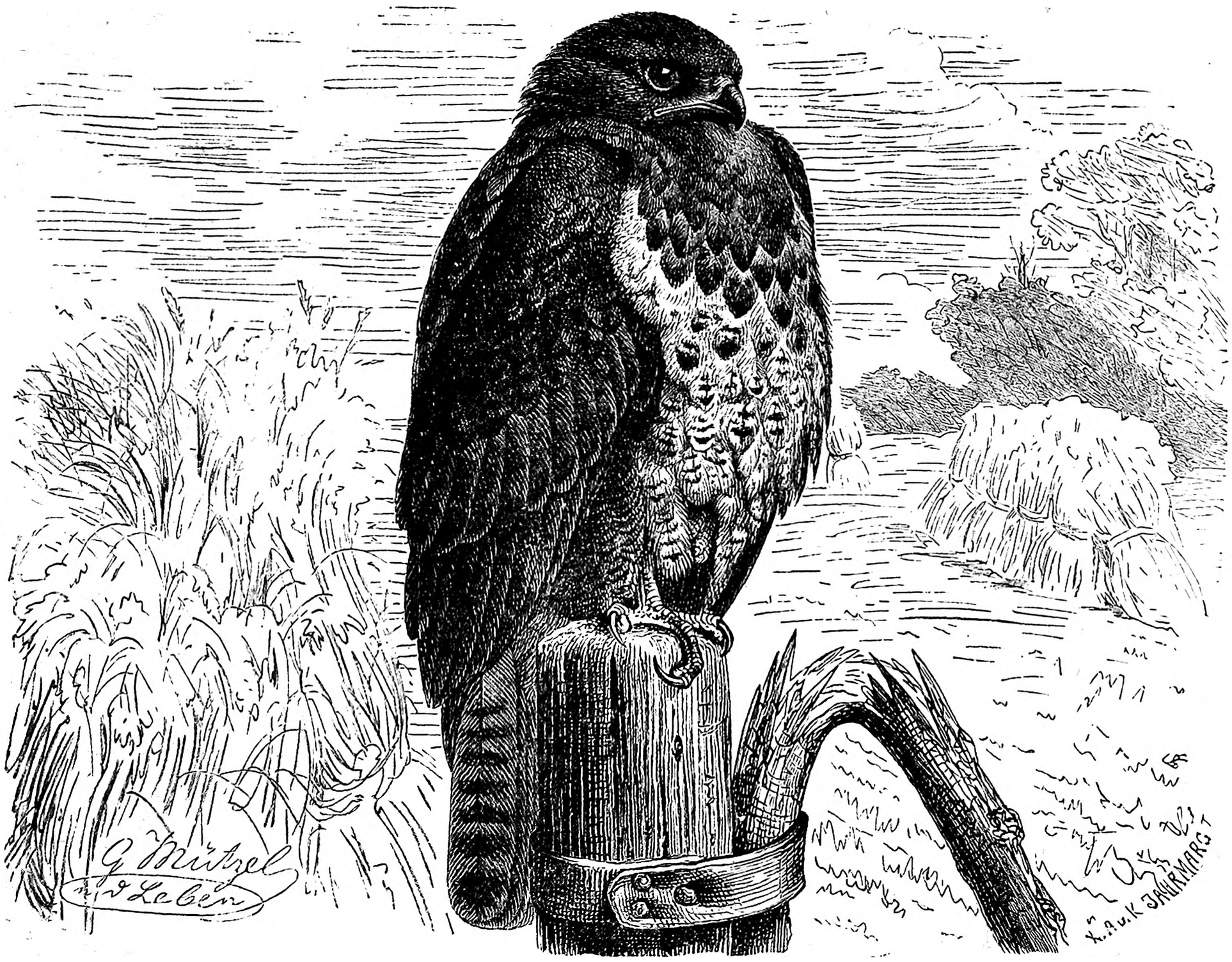
Въ Европѣ канюкъ водится, главнымъ образомъ, въ Скандинавіи и въ сѣверной Россіи, гдѣ его можно встрѣтить лѣтомъ.

Къ тундрѣ канюка привязываетъ леммингъ или другіе виды, принадлежащіе къ одному роду съ леммингомъ. Вслѣдствіе изобилія этихъ животныхъ канюкъ въ самый важный періодъ своей жизни никогда не терпитъ недостатка въ пищѣ.

Представителемъ рода сарычей (Buteo) является сарычъ обыкновенный (Buteo vulgaris, рис. на стр. 700), достигающій въ длину 50—56 см. и въ ширину 120—125 см.; длина хвоста 26 см. Относительно оперенія трудно сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ сарычи бываютъ окрашены въ высшей степени разнообразно, такъ что рѣдко удается видѣть двухъ совершенно одинаково окрашенныхъ птицъ этого вида. Иные сарычи равномѣрнаго чернобураго цвѣта съ полосой на хвостѣ, у другихъ верхняя сторона тѣла, грудь и верхняя часть ляжекъ бурыя, остальное же тѣло по свѣтлому буровато-сѣрому фону покрыто поперечными пятнами и т. д. Глаза въ молодости сѣровато-каріе, впослѣдствіи

красновато-каріе, въ старости сѣрые; восковица воскового желтаго цвѣта, ноги свѣтло-желтыя, клювъ при основаніи синеватый, на концѣ черноватый.

Область распространенія сарыча простирается далеко за предѣлы Европы. Въ южной Скандинавіи, въ сѣверной и средней Россіи, въ Даніи, Германіи, Австро-Венгріи это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ птицъ. Въ южной Германіи сарычъ остается большею частью на зиму, изъ сѣверной Германіи большинство сарычей, выведшихъ тамъ потомство, предпринимаетъ странствованія. Болѣе холодныя мѣстности сарычъ покидаетъ въ сентябрѣ и въ октябрѣ, а въ мартѣ или въ апрѣлѣ возвращается. Во время перелета сарычи составляютъ общество въ 20—100 и болѣе штукъ, которыя всѣ летятъ въ одномъ направле-

Сарычъ обыкновенный (Buteo vulgaris). 1/5 естеств. велич.

ніи, но не образуютъ одной стаи, а распредѣляются по площадямъ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ. Парочка сарычей всего охотнѣе селится въ разныхъ лѣсахъ, особенно въ рощахъ, чередующихся съ полями и лугами, но встрѣчается также въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ и поднимается высоко на горы.

Опытный наблюдатель узнаетъ сарыча съ перваго взгляда—все равно, сидитъ ли послѣдній или летитъ. Обыкновенно сарычъ сидитъ съежившись, съ неплотно прилегающими перьями, любитъ сидѣть на одной ногѣ, согнувъ другую ногу и спрятавъ ее между перьями. Камень, земляной холмъ или дерево, избранные имъ для отдыха, служатъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдательнымъ постомъ, откуда онъ осматриваетъ свой участокъ. Полетъ сарыча медленный, но легкій, почти безшумный, и птица подолгу паритъ въ воздухѣ. Во время своей охоты сарычъ часто, трепеща, довольно долго держится на одномъ мѣстѣ, самымъ подробнымъ образомъ изслѣдуя его или приглядываясь къ замѣченному имъ животному. Голосъ его похожъ на мяуканье кошки, отсюда его нѣмецкое названіе (Bussard, а „Buse“ значитъ кошка).

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая сарычъ или снова водворяется въ своемъ старомъ гнѣздѣ, или вьетъ себѣ новое. Въ послѣднемъ случаѣ онъ выбираетъ подходящее дерево въ лиственномъ или хвойномъ лѣсу и здѣсь устраиваетъ себѣ то выше, то ниже надъ землею почти всегда большое гнѣздо, которое обыкновенно помѣщается какъ можно ближе къ стволу или же между развѣтвляющимися или раздваивающимися сучьями и съ годами увеличивается въ объемѣ; иногда же сарычъ предпочитаетъ воспользоваться подходящимъ для него гнѣздомъ ворона или вороны. Въ гнѣздо кладется 3—4 яйца, покрытыхъ свѣтло-бурыми пятнами по зеленовато-бѣлому фону. Самка, кажется, одна сидитъ на яйцахъ; но птенцовъ оба родителя кормятъ сообща.

Человѣкъ относится къ сарычамъ приблизительно такъ же, какъ къ лисицѣ. Каждое сдѣланное ими похищеніе вызываетъ недовольство, а ихъ полезная дѣятельность никогда не оцѣнивается достойнымъ образомъ. Всѣ нѣмецкіе охотники считаютъ сарыча самою вредною хищной птицей въ Германіи и преслѣдуютъ его съ истиннымъ ожесточеніемъ. Правда, сарычъ, ловя мышей, крысъ и хомяковъ, змѣй, лягушекъ, насѣкомыхъ и дождевыхъ червей, иногда хватаетъ и молодыхъ зайчатъ или нападаетъ на старыхъ, больныхъ, особенно на раненыхъ зайцевъ и кормится ихъ мясомъ; вѣрно также, что онъ иногда убиваетъ куропатокъ, возможно даже, что онъ достаточно ловокъ для того, чтобы лѣтомъ и осенью убивать здоровыхъ куропатковыхъ птицъ или фазановъ; далѣе доказано, что онъ приноситъ своимъ птенцамъ, кромѣ вышеуказанной дичи, кротовъ, зябликовъ, жаворонковъ, дроздовъ и другихъ молодыхъ птицъ, которыми ему удается овладѣть; наконецъ, нельзя отрицать и того, что онъ, подобно лунямъ, лакомится утиными яйцами, быть можетъ и яйцами другой цѣнной для охотника дичи. Но главную пищу сарыча все-таки составляютъ всевозможные виды мышей, крысы, хомяки, суслики, лягушки, кузнечики и другія насѣкомыя, т. е. животныя, которыя наносятъ намъ чувствительный вредъ или же, какъ лягушки, такъ многочисленны, что уничтоженіе нѣкотораго количества ихъ не имѣетъ никакого значенія. Блазіусъ нашелъ въ желудкѣ одного сарыча 30 мышей, Мартинъ же вскрылъ нѣсколько сотенъ сарычей, доставленныхъ ему для изготовленія чучелъ, и въ зобахъ всѣхъ этихъ птицъ нашелъ только однѣхъ мышей.

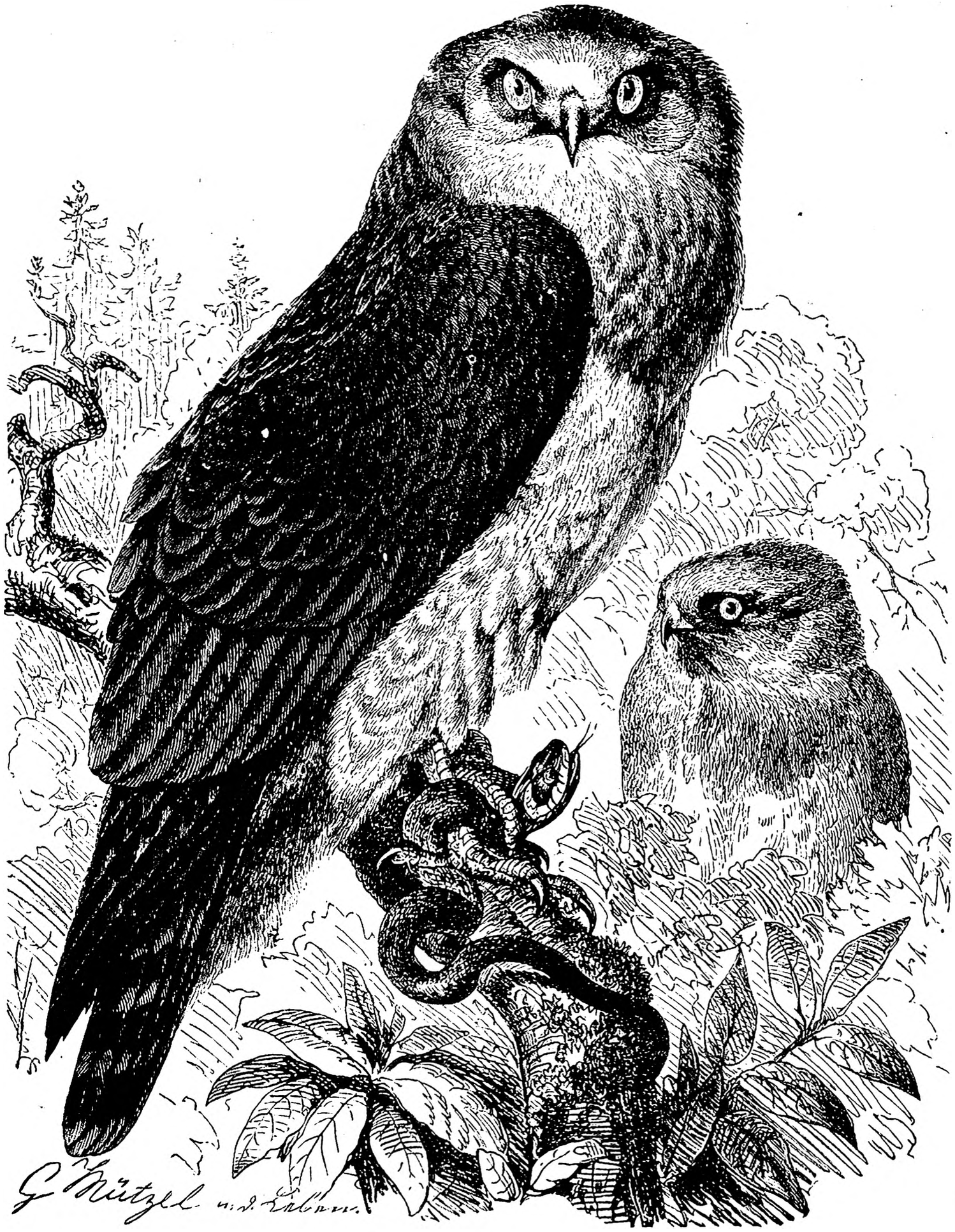
Чтобы пріобрѣсти еще нѣсколькихъ друзей сарычамъ, обращаемъ особенное вниманіе на то, что эта птица, подвергающаяся часто несправедливымъ нападкамъ и порицаніямъ, самымъ дѣятельнымъ образомъ истребляетъ гадюкъ. Ленцъ производилъ разнообразные опыты, чтобы убѣдиться въ этомъ, и очень расхваливаетъ сарыча въ этомъ отношеніи. Чтобы оцѣнить, насколько опасна борьба сарыча съ гадюками, надо знать, что онъ весьма чувствителенъ къ яду этой змѣи и умираетъ отъ укушенія, если гадюкѣ удастся укусить птицу въ такое мѣсто, гдѣ много кровеносныхъ сосудовъ. Конечно, быть можетъ, рѣдко случается, что сарычъ выходитъ изъ этой борьбы побѣжденнымъ; но иныя птицы несомнѣнно погибаютъ въ борьбѣ съ гадюками. Голландъ слышалъ весьма грустную исторію отъ своего пріятеля-лѣсничаго, вполнѣ достойнаго довѣрія. Лѣсничій этотъ влѣзъ на дерево, чтобы заглянуть въ гнѣздо сарыча, такъ какъ сарычъ, котораго лѣсничій видѣлъ снизу, не вылеталъ изъ гнѣзда. Добравшись до гнѣзда, лѣсничій увидѣлъ, что сарычъ мертвъ. Онъ приподнялъ птицу и къ великому ужасу своему увидѣлъ подъ сарычомъ живую гадюку. Сарычъ, вѣроятно, принесъ змѣю въ гнѣздо, тамъ былъ укушенъ ею и умеръ отъ этого укушенія.

*

Тѣло крачуновъ (Circaëtus) продолговатое, но сильное, шея короткая, голова довольно большая, клювъ крѣпкій, загнутый отъ самаго основанія, съ длиннымъ крючкомъ и прямыми краями; ноги высокія, покрытыя настоящимъ панцыремъ изъ чешуекъ, пальцы очень короткіе, крылья широкія и длинныя, хвостъ прямо обрѣзанный.

Въ Европѣ живетъ только одинъ видъ этого рода, крачунъ голубоногій (Circaëtus gallicus, рис. на стр. 702). Длина его 70 см., ширина 180,

длина крыльевъ 56, длина хвоста 30. Остроконечныя перья головы и задней части шеи матово-бурыя съ болѣе свѣтлыми каемками, перья на спинѣ, на плечахъ и мелкія кроющія перья крыльевъ темно-бурыя съ болѣе свѣтлыми каемками; маховыя перья чернобурыя съ тонкими свѣтло-бурыми каемками, бѣлыми краями и черными поперечными полосами; хвостовыя перья темно-бурыя съ широкими бѣлыми концами и тремя широкими черными полосами; лобъ, горло и щеки бѣловатые съ узкими бурыми штрихами, зобъ и верхняя часть груди яркаго свѣтло-коричневаго цвѣта;

Крачукъ голубоногій (Circaëtus gallicus). 1/4 естеств. велич.

прочія нижнія части тѣла бѣлыя, скудно покрытыя свѣтло-бурыми поперечными пятнами. Большіе глаза окружены кольцомъ изъ шерстистаго пуха, уздечка покрыта щетинками, направленными впередъ. Глаза желтые, клювъ синевато-черный, восковица и ноги свѣтло-синія.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія крачунъ голубоногій считался очень мало извѣстной птицей, и жизнь его была описана значительно позднѣе. Быть можетъ, эту хищную птицу, которая рѣзко бросается въ глаза, которую легко отличить отъ другихъ, смѣшивали сначала со свѣтлыми сарычами, пока не обратили на нее особеннаго вниманія. Съ этихъ поръ крачуна голубоногаго стали наблюдать по всей Германіи. Чаще встрѣчается онъ на югѣ Австрійской имперіи, въ южной Россіи, на Балканскомъ полуостровѣ, а также въ Италіи, Франціи и Испаніи.

Въ Германіи это лѣтняя птица, прилетающая въ началѣ мая и покидающая

эту страну въ сентябрѣ; зиму она проводитъ въ средней Африкѣ и въ южной Азіи вмѣстѣ съ другими поселившимися тамъ птицами своего вида. Селится крачунъ голубоногій въ обширныхъ, уединенныхъ лѣсныхъ пространствахъ и здѣсь, насколько извѣстно, ведетъ чрезвычайно тихую жизнь или же живетъ такъ, что его почти незамѣтно.

Образъ жизни, характеръ, нравы и привычки крачуна голубоногаго гораздо больше напоминаютъ сарыча обыкновеннаго, нежели какого-нибудь другого орла. Крачунъ спокойная, лѣнивая, угрюмая и сварливая птица, которой, повидимому, нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ дичи, которую она преслѣдуетъ, и другихъ птицъ своего вида, болѣе счастливыхъ въ охотѣ. Около гнѣзда крачунъ, судя по всѣмъ сообщеніямъ, бываетъ робокъ, остороженъ и иногда склоненъ кричать; въ Африкѣ онъ не издаетъ почти ни единаго звука и изъ всѣхъ тамошнихъ хищныхъ птицъ это одна изъ самыхъ неосторожныхъ. Усѣвшись на деревѣ, онъ своими большими глазами глазѣетъ на приближающагося охотника, и ему даже въ голову не приходитъ улетѣть. Но на деревьяхъ его можно видѣть лишь подъ вечеръ и въ самые ранніе утренніе часы; въ теченіе же всего дня онъ спокойно и не торопясь охотится. Кружась, паритъ онъ надъ пространствами, на которыхъ надѣется встрѣтить добычу, или неподвижно сидитъ на берегу водъ, подстерегая свою жертву. Во время полета онъ часто трепещетъ въ воздухѣ подобно своему родственнику сарычу; при нападеніи онъ медленно опускается внизъ, при помощи нѣсколькихъ взмаховъ крыльями скользитъ нѣкоторое время надъ землею и, наконецъ, широко раскрывъ крылья, устремляется внизъ, чтобы схватить намѣченное уже животное. Охотясь пѣшкомъ, крачунъ голубоногій часто ходитъ вбродъ въ мелкой водѣ и затѣмъ вдругъ одной лапой схватываетъ добычу. Замѣчательно, что онъ коснится на всѣхъ другихъ птицъ одного съ нимъ вида и нападаетъ на нихъ съ цѣлью отнять у нихъ добычу, если они были счастливѣе его на охотѣ.

Охотится крачунъ голубоногій главнымъ образомъ на змѣй. Но онъ не довольствуется ими, а подбираетъ также ящерицъ и лягушекъ, преслѣдуетъ рыбъ, гоняется даже за крысами, слабыми птицами, раками, большими насѣкомыми и многоножками. Нападаетъ онъ такъ умѣло, что даже самая опасная змѣя почти не можетъ причинить ему вреда, и ловкость, съ какою онъ охотится, повидимому, у него прирожденная. „Мой голубоногій крачунъ, выращенный мною“, пишетъ Мехленбургъ Ленцу, „съ быстротою молніи кидается на всякую змѣю, какъ бы велика и зла она ни была, схватываетъ ее одной лапой сзади около самой головы, а другой лапой нѣсколько далѣе за спину, причемъ громко кричитъ и хлопаетъ крыльями; клювомъ онъ прокусываетъ ей жилы и связки за самой головой, и тогда змѣя отдается въ его власть безъ всякаго сопротивленія. Черезъ нѣсколько минутъ крачунъ начинаетъ ѣсть ее, проглатывая еще сильно извивающуюся змѣю, начиная съ головы, и при каждомъ глоткѣ раздробляя ей позвоночникъ. До полудня въ теченіе немногихъ часовъ онъ съѣлъ трехъ большихъ змѣй, изъ которыхъ одна была очень толстая и длиною болѣе метра. Крачунъ голубоногій никогда не разрываетъ змѣи, чтобы ѣсть ее по частямъ, а чешую выплевываетъ послѣ въ видѣ комьевъ. Змѣй онъ ѣстъ охотнѣе, чѣмъ что-либо другое. Я одновременно приносилъ ему живыхъ змѣй, крысъ, птицъ и лягушекъ; но онъ, хотя бы другія животныя были къ нему ближе, всегда кидался на змѣй.“ Впрочемъ, ловкость и густое опереніе служатъ крачуну единственной защитой отъ яда змѣй, противъ котораго птица вовсе не закалена, какъ это полагали прежде. По желанію Ленца, Мехленбургъ далъ гадюкѣ укусить въ голову его крачуна: птица съ этой минуты утратила свою рѣзвость и умерла на третій день.

Гнѣздо располагается всегда на высокихъ лиственныхъ или хвойныхъ деревьяхъ, въ исключительныхъ случаяхъ и на скалахъ; птицы вьютъ новое гнѣздо или возвращаются въ старое въ началѣ мая; ибо парочка, даже въ томъ случаѣ, если у нея отнимаютъ яйца, въ теченіе многихъ лѣтъ аккуратно водворяется въ томъ же участкѣ. Въ гнѣздѣ всегда находили одно яйцо и притомъ въ первыхъ числахъ мая, вскорѣ послѣ прибытія птицъ на мѣсто вывода. Яйцо продолговато-круглое, сравнительно очень большое, съ тонкой и шероховатой скорлупой и синевато-бѣлаго цвѣта.

Голубоногіе крачуны, вынутые изъ гнѣзда молодыми, дѣлаются ручными и довѣрчивыми; но для достиженія этого съ ними много приходится возиться. При кормленіи они жадно, большимъ прыжкомъ кидаются на брошенные имъ куски мяса, садятся на кормъ, раскрывъ крылья, громко кричатъ, издавая пріятный звукъ „бли бли“, почти какъ сарычъ, и недовѣрчиво оглядываются, словно думая, что всякая другая птица хочетъ отнять у нихъ пищу.

*

Во всей Африкѣ, начиная съ 16 градуса сѣверной широты вплоть до Капской Земли живетъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ соколиныхъ птицъ, по формѣ и характеру во многихъ отношеніяхъ похожая на орла и носящая многознаменательное прозвище фигляра. Онъ отличается сильнымъ, плотно сложеннымъ тѣломъ, короткой шеей и большой головой съ голыми уздечками; клювъ у фигляра съ большимъ крючкомъ, плюсна короткая, но крѣпкая и покрытая толстыми щитками, крылья очень длинныя, хвостъ весьма короткій и опереніе удивительно обильное, состоящее изъ большихъ, широкихъ перьевъ.

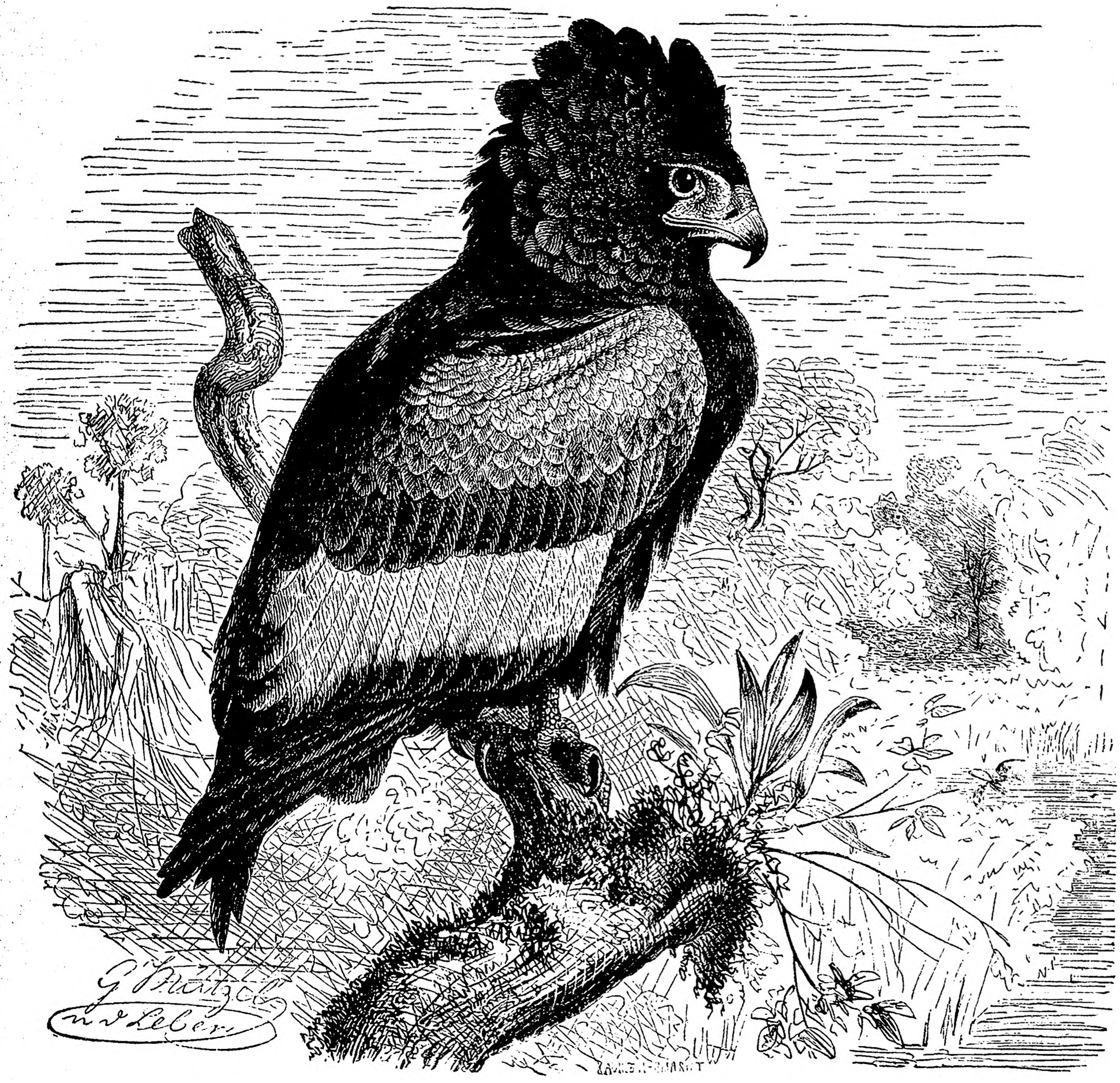
Окраска фигляра (Helotarsus ecaudatus) такъ же замѣчательна, какъ и его строеніе. Красивый матово-черный цвѣтъ головы, шеи, задней части спины и всей нижней стороны рѣзко отличается отъ свѣтло-каштановаго верхняго покрова, отъ такого же цвѣта хвоста, отъ нѣсколько болѣе свѣтлой нижней части спины и отъ широкой полосы на крыльяхъ, образуемой четырьмя послѣдними сѣровато-бурыми большими маховыми перьями съ широкой черной каймой на концѣ и всѣми малыми маховыми перьями.

Глаза красиваго каряго цвѣта съ золотистымъ блескомъ, верхнее вѣко карминово-красное; клювъ красновато-желтый при основаніи и рогового синяго цвѣта на концѣ; восковица блѣднаго кораллово-краснаго цвѣта, уздечка бываетъ отъ блѣдно-розовой до кроваво-красной, въ послѣднемъ случаѣ на ней замѣчаются красновато-желтыя пятна, нижнее вѣко бѣловатое, ноги кораллово-красныя. Длина самки 58 см., ширина 183, длина крыльевъ 58, длина хвоста только 13 см.; самецъ меньше.

Фигляръ распространенъ по значительной части Африки; онъ не встрѣчается только на сѣверѣ этой части свѣта, зато водится по всей Африкѣ отъ Сенегала до берега южной части Чермнаго моря и до южной оконечности Африки. Онъ любитъ горы, но жизнь его вовсе съ горами не связана; повидимому, въ степи онъ встрѣчается даже чаще, чѣмъ въ горныхъ странахъ.

Даже самый неопытный наблюдатель съумѣетъ отличить фигляра отъ другихъ птицъ. Внѣшній видъ его такъ бросается въ глаза, что вездѣ эта птица давала поводъ къ возникновенію басенъ. Туземные обитатели восточной Африки вполнѣ серьезно увѣряли Шпеке, что тѣнь этой птицы приноситъ зло; въ нѣкоторыхъ же частяхъ Африки на фигляра смотрятъ съ извѣстнаго рода благоговѣніемъ, такъ какъ считаютъ его птичьимъ врачомъ, который издалека приноситъ цѣлебные корни. Абиссинцы называютъ фигляра „небесной обезьяной“. Левальянъ недаромъ назвалъ его фигляромъ, ибо эта птица продѣлываетъ на воздухѣ штуки, достойныя фигляра: онъ плаваетъ, носится, играетъ, летаетъ словно только ради собственной потѣхи, а не для того, чтобы искать пищи. Упомянутый естествоиспытатель говоритъ, что иногда эта птица вдругъ падаетъ внизъ и такъ сильно хлопаетъ крыльями, что кажется, будто она сломала одно изъ нихъ и должна упасть на землю; иногда фигляръ выдѣлываетъ въ воздухѣ настоящіе прыжки. Описать полетъ фигляра невозможно; это нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Крылья часто поднимаются высоко надъ тѣломъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ птица не двигаетъ ими, а затѣмъ такъ усиленно машетъ крыльями, что при этомъ возникаетъ своеобразный, далеко разносящійся шорохъ. Только во время полета птицу можно видѣть во всей ея красѣ; въ сидячемъ положеніи она болѣе поражаетъ, чѣмъ привлекаетъ. Особенно странный видъ имѣетъ фигляръ, когда сидитъ на деревѣ. Иногда онъ такъ надувается, что имѣетъ видъ настоящаго комка перьевъ; онъ растопыриваетъ перья головы и шеи и при этомъ вертитъ и поворачиваетъ голову то вверхъ, то внизъ, совсѣмъ какъ филинъ-пугачъ. Назвать фигляра

храбрымъ въ настоящемъ значеніи этого слова нельзя, хотя онъ и участвуетъ въ самыхъ опасныхъ битвахъ; скорѣе онъ кажется довольно трусливымъ и добродушнымъ. На свободѣ онъ чрезвычайно робокъ, зато въ неволѣ скоро становится въ высшей степени ручнымъ, такъ что позволяетъ играть съ собою. какъ играютъ съ попугаемъ. Хищныя птицы не любятъ, чтобы ихъ гладили; фигляру же, повидимому, особенно пріятно, когда ему почесываютъ перья на шеѣ или когда его гладятъ. Плѣнные фигляры лишь весьма рѣдко издаютъ какіе-нибудь звуки,

Фигляръ (Helotarsus ecaudatus). 1/5 естеств. велич.

обыкновенно только тихое „ква ква“, рѣже болѣе громкое „как как“ или пронзительное „кау“; на лету же фигляръ нерѣдко издаетъ звукъ „гигиги“ или „гіагіа“, похожій на крикъ сарыча.

Добычу фигляра составляютъ самыя разнообразныя пресмыкающіяся, особенно же змѣи и ящерицы; часто можно видѣть, какъ онъ летитъ съ змѣею по воздуху. Змѣй онъ убиваетъ какъ большихъ, такъ и мелкихъ, какъ ядовитыхъ, такъ и неядовитыхъ. Какъ всѣ среднеафриканскія хищныя птицы, которыя ѣдятъ змѣй, фигляръ прилетаетъ издалека, когда зажигаютъ траву въ степи, и летаетъ, охотясь, взадъ и впередъ вдоль линіи огня; часто проносится онъ при этомъ надъ самымъ пламенемъ по густымъ облакамъ дыму съ цѣлью схватить пресмыкающееся, обращенное въ бѣгство огнемъ. Изслѣдованіе желудка фигляровъ показало, что эти птицы питаются также мелкими млекопитающими, птицами и даже кузнечиками.

Въ послѣднее время живыхъ фигляровъ не разъ привозили въ Европу, и въ настоящее время ихъ почти всегда можно видѣть во всѣхъ большихъ зоологическихъ садахъ. Но все-таки они еще принадлежатъ къ птицамъ, на которыхъ существуетъ большой спросъ и за вполнѣ развившихся птицъ платятъ большія деньги. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли какая-нибудь хищная птица такъ привлекаетъ вниманіе зрителей, какъ великолѣпно окрашенный и странный по своему образу дѣйствій фигляръ. Держать его въ неволѣ врядъ-ли представляетъ какія-либо трудности.

*

Очень распространенный и рѣзко обособленный родъ разсматриваемаго подсемейства составляютъ орланы (Haliaëtus). Относящіеся къ этому роду сарычи — большія, въ большинствѣ случаевъ даже очень большія хищныя птицы. Основную окраску ихъ составляетъ болѣе или менѣе темный, блестящій или тусклый сѣрый цвѣтъ; хвостъ обыкновенно бываетъ бѣлый, голова тоже часто бѣлая.

По всѣмъ морскимъ побережьямъ Европы нерѣдко встрѣчается орланъ-бѣлохвостъ (Haliaëtus albicilla), огромный орелъ, длиною въ 85—95 см.; ширина его доходитъ почти до 2,5 метровъ, длина крыльевъ до 65—70 см. и длина хвоста до 30—32 см. У вполнѣ развитой птицы голова, затылокъ, горло и верхняя часть шеи свѣтлаго сѣровато-желтоватаго цвѣта, а верхняя часть спины и верхній покровъ землисто-бурые; всѣ перья имѣютъ по свѣтлой желтовато-сѣроватой каемкѣ и снабжены темно-бурыми штрихами на стержняхъ; нижняя часть спины и нижняя сторона одинаковаго тусклаго землисто-бураго цвѣта, тогда какъ хвостовыя перья чисто-бѣлыя. Передъ линяніемъ перья выцвѣтаютъ и всѣ становятся желтовато-чало-сѣрыми. Глазное кольцо, клювъ, восковица и ноги горохово-желтаго цвѣта.

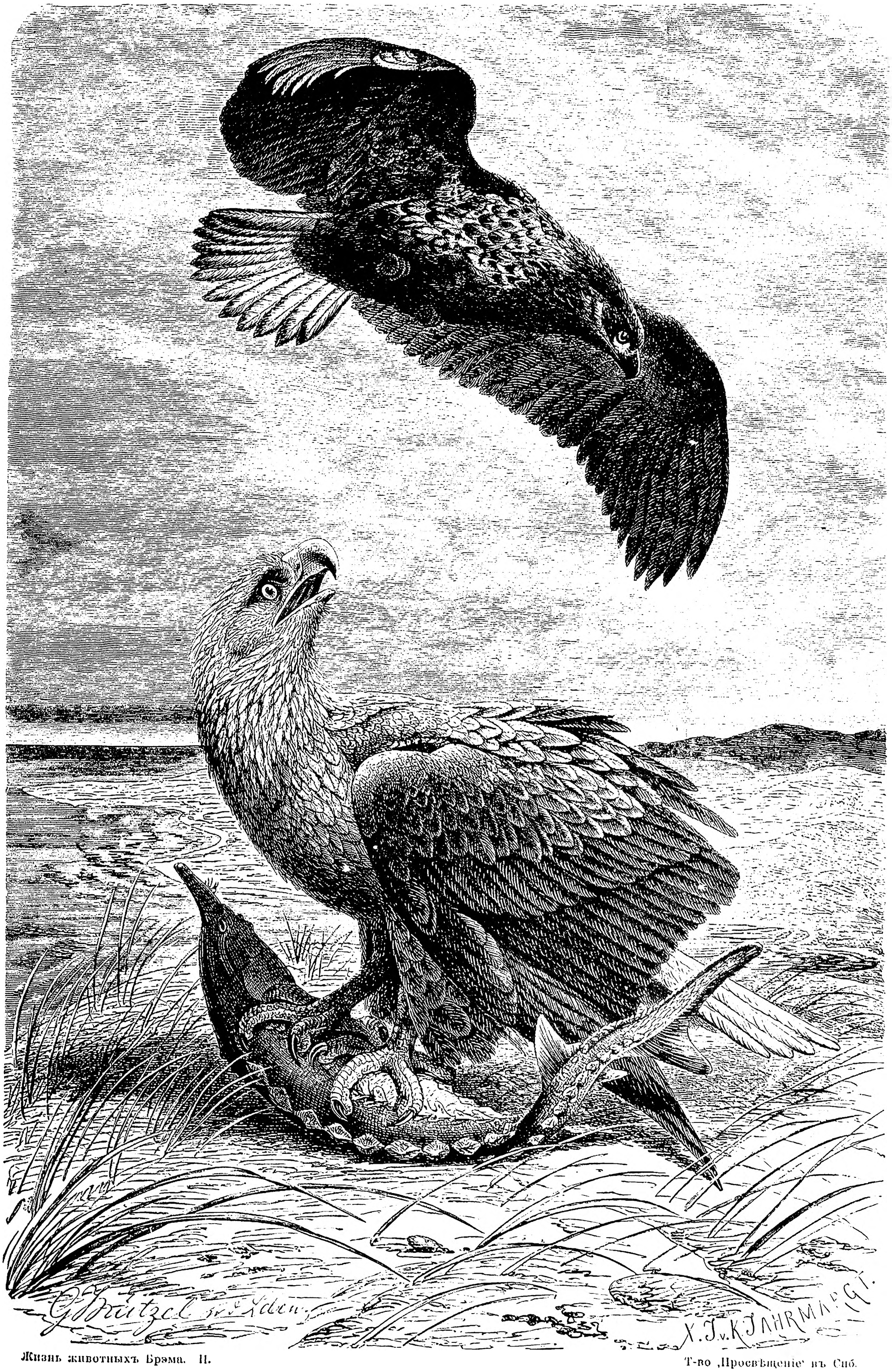
Водится орланъ-бѣлохвостъ въ той же почти области, какъ и беркутъ. Эта мощная птица обитаетъ во всей Европѣ, въ Малой Азіи, Палестинѣ и Египтѣ, по направленію же на востокъ во всей сѣверной и средней Сибири.

Сѣверо-американскій бѣлоголовый орланъ (Haliaëtus leucocephalus) замѣняетъ европейскій видъ въ Америкѣ; онъ, какъ говорятъ, не разъ залеталъ въ Европу и даже былъ убитъ въ Тюрингіи. Онъ меньше орлана-бѣлохвоста.

По своему образу жизни и характеру всѣ крупные орланы похожи другъ на друга. Это лѣнивыя, но сильныя, выносливыя хищныя птицы и притомъ самые отчаянные разбойники. Начнемъ съ приведенія поэтическаго описанія бѣлоголоваго орлана, сдѣланнаго Одюбономъ.

„Чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ этой птицы, представьте себѣ, что вы очутились на берегахъ Мисиссипи въ то время, когда приближающаяся зима пригоняетъ туда съ сѣвера милліоны водныхъ птицъ, которыя ищутъ на югѣ болѣе мягкаго климата. Тутъ вы увидите, какъ бѣлоголовый орланъ сидитъ на самой верхушкѣ самаго высокаго дерева на берегу широкой рѣки. Горящими глазами оглядываетъ онъ обширный участокъ и внимательно прислушивается ко всякому звуку, доносящемуся издалека до его остраго слуха. Отъ поры до времени взглядъ его падаетъ на землю, и отъ взоровъ птицы не ускользнетъ даже неслышно крадущійся молодой олень. Самецъ усѣлся на противоположномъ берегу рѣки и, когда все кругомъ тихо и спокойно, иногда крикомъ подаетъ какой-нибудь знакъ своей самкѣ. Въ отвѣтъ на такой призывъ послѣдняя раскрываетъ свои широкія крылья, склоняетъ свое тѣло внизъ и издаетъ звуки, напоминающіе хохотъ сумасшедшаго. Спустя мгновеніе, онъ принимаетъ прежнюю позу, и снова водворяется тишина.

„Различные виды утокъ, шилохвосты, свіязи, кряквы, быстро проносятся мимо, вдоль теченія рѣки; но орланъ не трогаетъ ихъ. Въ слѣдующее мгновеніе раздается дикій, трубный звукъ приближающагося издалека лебедя. Тотчасъ же надъ рѣкою раздается крикъ самки орлана, которая привлекаетъ вниманіе самца. Послѣдній вдругъ встряхивается и клювомъ приводитъ въ порядокъ свое опереніе. Но вотъ показывается бѣлоснѣжная птица: длинная шея ея вытянута; она озирается кругомъ, высматривая, нѣтъ ли гдѣ враговъ. Длинныя крылья, по-

Жизнь животныхъ Брэма. II. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Орланъ бѣлохвостъ.

видимому, съ трудомъ поддерживаютъ тяжесть тѣла и потому птица быстро махаетъ ими; обѣ ноги, похожія на весла, помогаютъ управлять полетомъ. Избранная орланомъ добыча приближается. Въ то мгновеніе, когда лебедь пролетаетъ мимо опасной для него пары, орланъ-самецъ поднимается со страшнымъ крикомъ, который кажется лебедю еще ужаснѣе ружейнаго выстрѣла. Наступаетъ моментъ, въ который орланъ проявляетъ всю свою силу. Онъ скользитъ по воздуху, словно падающая звѣзда, и, какъ молнія, устремляется на трепещущую добычу, которая въ смертельномъ страхѣ и отчаяніи употребляетъ всѣ усилія, чтобы спастись отъ смертоноснаго нападенія своего жестокаго противника. Лебедь поднимается, поворачивается налету и старается броситься въ рѣку, но орланъ знаетъ всѣ. хитрыя продѣлки лебедя и заставляетъ его все время держаться на воздухѣ. Лебедь теряетъ, наконецъ, надежду на возможность спасенія; страхъ одолѣваетъ несчастную птицу, и силы оставляютъ ее при видѣ смѣлости и быстроты дѣйствій врага. Еще одна отчаянная попытка бѣжать, а затѣмъ орланъ запускаетъ своей жертвѣ лапу подъ крыло и съ неотразимой силой тянетъ ее внизъ на ближайберегъ.

„Теперь можно наблюдать, до какихъ предѣловъ доходитъ жестокость этого ужаснѣйшаго врага пернатыхъ. Выпрямившись надъ добычей, которая испускаетъ подъ нимъ духъ, онъ сжимаетъ свои могучія лапы и вонзаетъ свои острые когти глубоко въ сердце умирающей птицы. Въ то мгновеніе, когда добыча находится въ предсмертныхъ содраганіяхъ, орланъ кричитъ отъ удовольствія. Самка между тѣмъ слѣдила за каждымъ движеніемъ своего супруга и не поспѣшила къ нему на помощь, чувствуя, что силы и смѣлости ея мужа вполнѣ достаточно. Теперь же самка летитъ къ самцу, оба они переворачиваютъ несчастнаго лебедя грудью кверху и принимаются за обѣдъ.“

Всѣ орланы въ полномъ смыслѣ слова морскіе орлы. Это по большей части береговыя птицы, и лишь въ видѣ исключенія они улетаютъ далеко отъ воды. Во внутреннихъ частяхъ суши взрослые орланы встрѣчаются почти только около большихъ рѣкъ или большихъ озеръ; молодыхъ же орлановъ часто можно видѣть вдали отъ моря: въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ лѣтъ, которыя проходятъ между тѣмъ временемъ когда молодыя птицы покидаютъ гнѣздо, и порой спариванья, орланы безъ всякой цѣли и правильности странствуютъ по бѣлу свѣту, и во время такихъ путешествій появляются глубоко внутри материковъ, слѣдуя по теченію большихъ рѣкъ и значительныхъ потоковъ.

Внѣ періода высиживанія орланъ живетъ большею частью обществами, и скорѣе напоминаетъ своими нравами грифа, чѣмъ орла. Удобно расположенный лѣсъ или утесъ служитъ мѣстомъ сборищъ или ночлега. Среди лѣта орланъ охотно ночуетъ на маленькихъ островкахъ, а именно на шкерахъ, а въ прибрежныхъ или расположенныхъ вдали отъ берега лѣсахъ спитъ также на высокихъ деревьяхъ. Орланъ засыпастъ очень поздно и рано утромъ, бо̀льшею частью уже до восхода солнца, улетаетъ обыскивать свой охотничій районъ.

Подобно беркуту, орланъ охотится на всякую дичь, которую можетъ одолѣть, и не упускаетъ случая половить рыбы своими неоперенными лапами, чрезвычайно удобными для этой цѣли. Ежъ столь же мало защищенъ отъ орлана своими иглами, какъ лисица своими зубами; дикаго гуся не спасаетъ его осторожность, нырца — его способность исчезать подъ водою. Нырцамъ приходится еще хуже, чѣмъ птицамъ, не умѣющимъ нырять. Послѣднія, при видѣ грознаго разбойника, быстро взлетаютъ и спѣшатъ скрыться, нырцы же часто слишкомъ полагаются на глубокую воду, спокойно выжидаютъ приближенія орлана, ныряютъ и считаютъ себя въ безопасности, между тѣмъ какъ злой врагъ только того и ждетъ, чтобы жертва его снова появилась на поверхности. Два-три раза нырцу, быть можетъ, удается избѣжать губительныхъ когтей, но когда онъ показывается на поверхности въ четвертый разъ и, почти задыхаясь, хочетъ пробыть на поверхности воды мгновеніемъ дольше, хищникъ схватываетъ его и, спустя нѣсколько секундъ, душитъ. Кромѣ смѣлости и увѣренности въ своихъ силахъ, орланъ отличается еще величайшимъ упорствомъ. Замѣчено, что орланъ иногда по нѣскольку разъ сряду бро-

сается на Лису Патрикѣевну, которая таки умѣетъ постоять за свою шкуру. Извѣстно, что орланъ крайне опасенъ для болѣе мелкихъ стадныхъ животныхъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ нападаетъ на дѣтей.

На сѣверныя „птичьи горы“ орланъ прилетаетъ правильно и съ невозмутимымъ спокойствіемъ извлекаетъ изъ гнѣздъ птицъ, живущихъ на этихъ горахъ. Онъ ловитъ гагъ, схватываетъ молодыхъ тюленей около самыхъ матерей, а рыбъ преслѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не скроются въ глубинѣ. Иногда подобныя попытки оканчиваются неудачей. Ленцъ разсказываетъ слѣдующее: „Одинъ орланъ въ поискахъ за добычей леталъ надъ р. Гавелемъ и замѣтилъ осетра, на котораго тотчасъ же и устремился; но смѣлый орланъ слишкомъ ужъ положился на свои силы: осетръ былъ для него слишкомъ тяжелъ, и орланъ не могъ вытащить своей добычи изъ воды; рыба также была не достаточно сильна, чтобы потащить орлана внизъ. Какъ стрѣла, понесся осетръ близъ поверхности воды; на немъ съ раскрытыми крыльями сидѣлъ орланъ, такъ что оба они вмѣстѣ напоминали собою парусное судно. Нѣсколько человѣкъ замѣтили это рѣдкое зрѣлище, сѣли на лодку и поймали осетра вмѣстѣ съ орланомъ, который такъ глубоко запустилъ свои когти въ тѣло рыбы, что не могъ ихъ высвободить.“

По своимъ способностямъ всѣ орланы уступаютъ орламъ. По землѣ орланы двигаются, пожалуй, искуснѣе орловъ и, какъ было сказано, до извѣстной степени умѣютъ справляться съ водной стихіей; но полетъ орлановъ не отличается той ловкостью и изяществомъ, которыми характеризуется полетъ всѣхъ настоящихъ орловъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ орланъ приступаетъ къ размноженію. Весьма вѣроятно, что пара орлановъ сохраняетъ другъ другу вѣрность въ теченіе всей жизни; тѣмъ не менѣе самцу приходится вступать въ тяжкій бой со всякимъ пролетающимъ мимо самцомъ, и въ случаѣ неблагопріятнаго исхода борьбы онъ можетъ лишиться супруги. Гнѣздо представляетъ собою огромное сооруженіе, достигающее 1,5—2 метра въ поперечникѣ и 30—100 см. и болѣе въ вышину; пара неоднократно пользуется гнѣздомъ и, благодаря ежегоднымъ обновленіямъ, оно съ теченіемъ времени становится значительно выше, чѣмъ вначалѣ. Нижній слой состоитъ изъ дубинъ, толщиною въ руку, верхній — изъ болѣе тонкихъ сучковъ; очень плоское углубленіе покрывается тонкими вѣточками и выстилается сухими травками, лишаями, мхомъ и т. п.

Въ концѣ марта, рѣдко раньше, бо́льшею частью даже нѣсколько позднѣе, заканчивается кладка; яицъ кладется въ гнѣздо 2, много 3; они сравнительно мелки и весьма разнообразны. Скорлупа у нихъ толстая, шероховатая и крупно зернистаго строенія, окраска различная; есть яйца бѣлыя, какъ известь, безъ всякихъ пятенъ, есть и такія, которыя по бѣлому фону покрыты болѣе или менѣе густо красноватыми, бурыми и темно-бурыми пятнами. Вылупившимся птенцамъ оба родителя въ изобиліи приносятъ кормъ; старыя птицы становятся тѣмъ болѣе беззастѣнчивы, чѣмъ болѣе подростаетъ ихъ потомство, и мало по малу обращаютъ гнѣздо въ настоящую живодерню, гдѣ можно найти остатки самыхъ разнообразныхъ животныхъ, главнымъ образомъ рыбъ и водныхъ птицъ. Подобравъ добычу, орланы прямо летятъ къ гнѣзду, причемъ, какъ показали наблюденія, пролетаютъ разстояніе въ 4—5 километровъ такъ быстро, что приносятъ своимъ голоднымъ дѣтямъ еще трепещущихъ рыбъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ молодые орланы могутъ покинуть гнѣздо черезъ 10—14 недѣль послѣ вылупленія, но, вылетѣвъ изъ гнѣзда, еще часто туда возвращаются. Лишь подъ осень молодыя птицы разстаются съ родителями.

Въ клѣткѣ орланъ сначала неистово бьется, бросается даже на своего хозяина, но скоро становится ручнымъ и тогда вступаетъ въ поистинѣ дружескія отношенія съ человѣкомъ. Поэтому всѣ содержатели зоологическихъ садовъ любятъ и цѣнятъ орлановъ. Эти птицы привѣтствуютъ звонкимъ и радостнымъ крикомъ появленіе своего хозяина, и особенное удовольствіе доставляютъ послѣднему тѣмъ, что прекрасно умѣютъ отличать его отъ другихъ людей.

Въ восточной Азіи водится самый крупный изъ всѣхъ орлановъ (Haliaëtus pelagicus), въ Африкѣ — самый великолѣпный (Haliaëtus vocifer). Послѣдній — одна изъ самыхъ красивыхъ соколиныхъ птицъ вообще, и служитъ истиннымъ украшеніемъ всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ она встрѣчается. У взрослой птицы голова, шея, затылокъ, верхняя часть груди и хвостъ ослѣпительно бѣлаго цвѣта; верхній покровъ и крылья синевато-черные, а край крыла, т. е. всѣ верхнія покровныя перья крыльевъ, отъ локтевого сустава до пясти, а также нижняя сторона тѣла буровато-красныя; глазное кольцо, восковица и ноги свѣтло-желтыя, верхняя и нижняя часть ляжекъ синевато-черныя. Длина птицы 68—72 см., длина крыльевъ 50 см., а длина хвоста 15 см.

Орланъ-крикунъ, какъ мы можемъ назвать эту птицу, водится въ бо́льшей части экваторіальныхъ странъ Африки или приблизительно отъ 18-го градуса сѣверной широты до Капской земли. Настоящее мѣсто его жительства представляютъ первобытные лѣса въ Суданѣ, и здѣсь-то и надо его видѣть, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить его красоту. Пара орлановъ-крикуновъ, сидящая на склонившемся надъ поверхностью рѣки и обвитомъ ползучими растеніями деревѣ, представляютъ изъ себя великолѣпное зрѣлище, и какъ бы избалованъ ни былъ глазъ естествоиспытателя въ странахъ, изобилующихъ великолѣпно окрашенными птицами, однако эта хищная птица часто поражаетъ его своей красотою.

По образу жизни и по своимъ дѣйствіямъ орланъ-крикунъ похожъ на своихъ родственниковъ. Обыкновенно онъ живетъ парами. Каждая отдѣльная пара избираетъ себѣ участокъ, имѣющій въ поперечникѣ около 3-хъ километровъ. По этому участку пара орлановъ-крикуновъ носится взадъ и впередъ въ утреннія часы; въ полдень она поднимается, чтобы поиграть, высоко на воздухъ и здѣсь кружится съ полчаса, причемъ издаетъ пронзительный крикъ, слышный издалека. Когда орланъ-крикунъ кричитъ на лету, движенія его становятся до такой степени порывистыми, что иногда кажется, что онъ вотъ, вотъ перекувырнется на воздухѣ.

Питается орланъ-крикунъ рыбою и падалью. На рыбу онъ кидается сверху, подобно рѣчной скопѣ, ныряетъ за нею глубоко въ воду и затѣмъ, при помощи могучихъ взмаховъ крыльями, тяжело вылѣзаетъ на поверхность; на падаль же онъ спускается, замѣтивъ ее на землѣ, или вытаскиваетъ ее изъ воды, когда она плыветъ по рѣкѣ. Жители Судана сообщили Гартманну, что орланъ-крикунъ вытаскиваетъ также изъ воды большія раковины и разбиваетъ ихъ о скалы. Добычу свою онъ относитъ на острова и съѣдаетъ ее здѣсь, у самаго края воды. Ливингстонъ не разъ наблюдалъ, какъ орланъ мучилъ пеликановъ до тѣхъ поръ, пока они не изрыгали изъ глотки проглоченной ими рыбы и не отдавали ее разбойнику. Зато и орлану-крикуну иногда приходится плохо. Одинъ разъ самка орлана-крикуна поймала рыбу и принялась за обѣдъ на лежащей противъ насъ песчаной мели Голубого Нила. При помощи подзорной трубы я могъ слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Съ рыбы была сначала содрана кожа, а затѣмъ она весьма тщательно была разорвана на куски. Во время этого занятія появился египетскій бѣгунокъ, приблизился къ орлану и началъ дѣлить съ нимъ трапезу. Очень занятно было наблюдать за дѣйствіями маленькаго храбраго паразита. Съ быстротою молніи подбѣжалъ онъ къ обѣденному столу, схватилъ нѣсколько мелкихъ кусочковъ и принялся поѣдать ихъ на нѣкоторомъ разстояніи. Орланъ, повидимому, преисполненный благодушія, отъ поры до времени поворачивалъ голову въ его сторону, но и не собирался напасть на бѣгунка. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что египетскому бѣгунку не грозило опасности только вслѣдствіе его ловкости и проворства. Должность, исполняемая имъ при крокодилѣ, научила его, какъ надо держать себя за столомъ у великихъ міра сего.

Въ неволѣ орланъ-крикунъ держитъ себя такъ же, какъ и прочіе его родственники. Онъ скоро становится ручнымъ и привѣтствуетъ своего хозяина громкимъ и пронзительнымъ крикомъ. Судя по произведеннымъ наблюденіямъ, онъ, повидимому, безъ труда переноситъ суровый европейскій климатъ. Въ зоологи-

ческихъ садахъ плѣнные орланы-крикуны изъ году въ годъ пребываютъ на открытомъ воздухѣ.

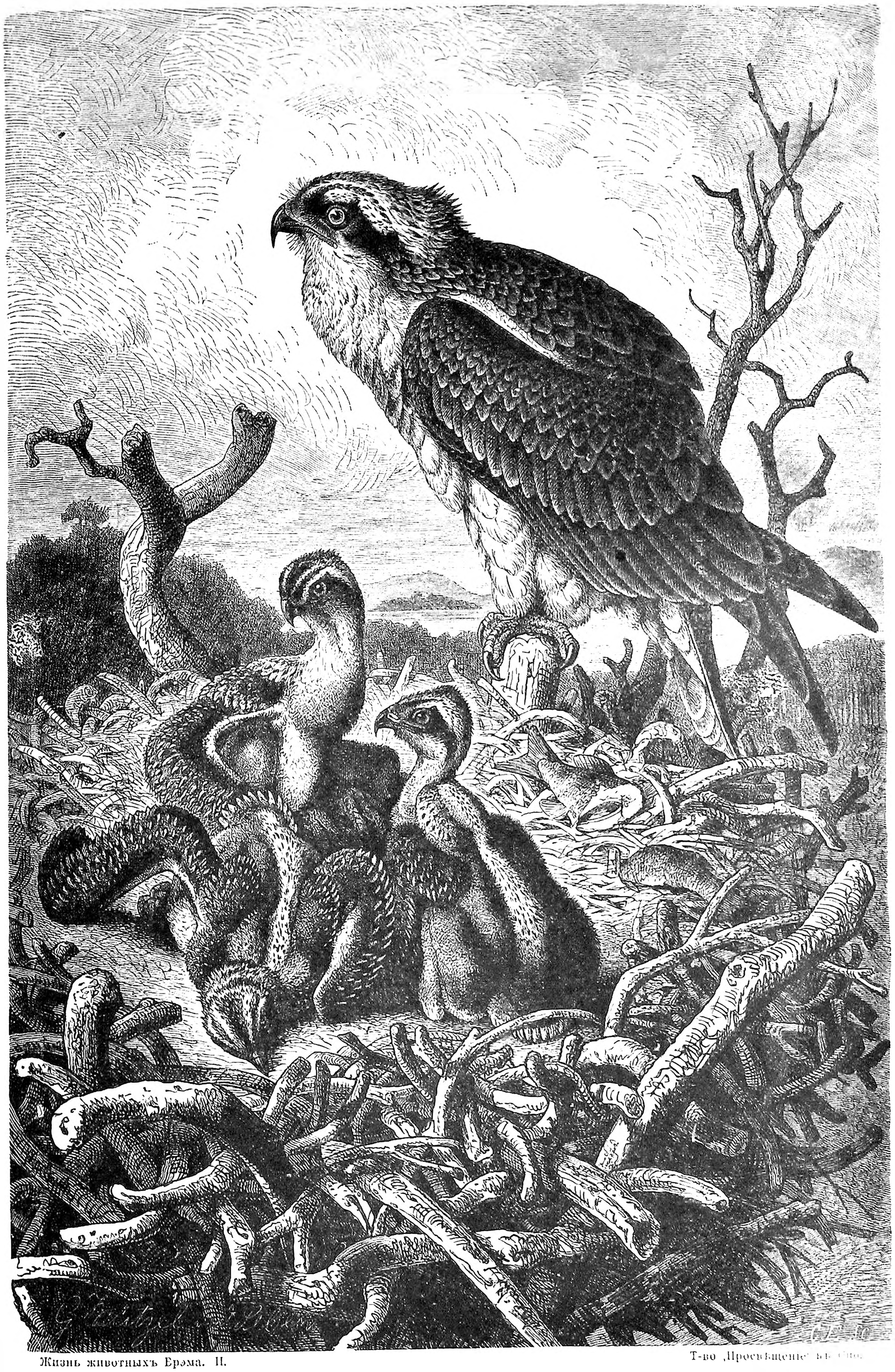
*

Признаки не менѣе характерной по строенію и образу жизни рѣчной скопы (Pandion haliaëtus) слѣдующіе: тѣло сравнительно небольшое, но коренастое, голова средней величины; довольно короткій клювъ загнутъ уже на восковицѣ и снабженъ очень длиннымъ крючкомъ, ноги крѣпкія, оперенныя не далѣе пятокъ, ступня чрезвычайно сильная; короткіе пальцы вооружены острыми, сильно загнутыми когтями, и наружный палецъ ноги можетъ поворачиваться впередъ и назадъ. Рѣчная скопа отличается, кромѣ того, еще плотно прилегающимъ жирнымъ опереніемъ. Голова и затылокъ по желтовато-бѣлому фону покрыты черно-бурыми продольными полосками, и всѣ перья здѣсь заострены; прочія верхнія части тѣла бураго цвѣта, всѣ перья съ болѣе свѣтлыми каемками, хвостовыя перья съ бурыми и черными полосами, нижняя же сторона бѣлая или желтовато-бѣлая. На груди бурыя перья образуютъ пятно или полосу, отъ глаза до средины шеи спускается темная полоса. Глаза ярко-желтые, восковица и кожа на ногахъ свинцово-сѣрыя; клювъ и когти блестяще-черные. Длина птицы 53—56 см., ширина 156—164, длина крыльевъ 50—52, длина хвоста 18—19 см.

Рѣчная скопа принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ птицъ, которыя встрѣчаются буквально на всемъ земномъ шарѣ. Правда, сдѣланы были попытки отдѣлить американскую, азіатскую и австралійскую рѣчную скопу отъ европейской; но сравненіе этихъ птицъ показываетъ, что по современнымъ понятіямъ отдѣлить ихъ другъ отъ друга нельзя. Въ Европѣ рѣчная скопа высиживаетъ потомство во всѣхъ странахъ, отъ Лапландіи, Финляндіи и сѣверной Россіи до крайняго юга, иногда также на островахъ и даже на мелкихъ островкахъ на морѣ. Въ Азіи рѣчная скопа живетъ по берегу всѣхъ болѣе крупныхъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ рѣкъ и озеръ, и здѣсь, точно такъ же какъ въ Африкѣ, селится изъ году въ годъ. Въ Америкѣ рѣчную скопу наблюдали на сѣверѣ вездѣ, гдѣ прѣсныя воды въ теченіе достаточно продолжительнаго времени остаются свободными отъ льда, и вплоть до южной Бразиліи встрѣчали эту птицу повсемѣстно. Въ Австраліи, наконецъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ рѣчная скопа водится вездѣ. На сѣверѣ это лѣтняя птица, на югѣ, повидимому, птица странствующая. Образъ жизни ея опредѣляется однообразнымъ способомъ добыванія пищи. Она питается исключительно рыбою, только въ случаѣ крайности ѣстъ земноводныхъ, никакой же иной добычи не трогаетъ.

Въ Германіи эта хищная птица пользуется справедливою ненавистью и подвергается усерднымъ преслѣдованіямъ; разумѣется, она селится только въ мѣстностяхъ, изобилующихъ водою.

Парочка довольно поздно утромъ покидаетъ свое гнѣздо, причемъ одинъ супругъ вылетаетъ вслѣдъ за другимъ; обѣ птицы строго держатся извѣстнаго направленія и летятъ къ водному бассейну, иногда находящемуся очень далеко, чтобы ловить рыбу. Длинныя крылья даютъ рѣчной скопѣ возможность легко пролетать большія разстоянія. Сначала она летитъ на значительной высотѣ, затѣмъ опускается ближе къ поверхности воды и начинаетъ свою охоту на рыбъ. Пока надъ водою стоитъ туманъ, рѣчная скопа не летаетъ надъ ея поверхностью, такъ какъ поднимающіеся изъ воды пары мѣшаютъ ей видѣть добычу. Она подлетаетъ къ водѣ, описывая въ воздухѣ круги, и, тщательно осматривая все кругомъ, убѣждается въ томъ, что ей не грозитъ никакой опасности; только тогда она спускается внизъ и носится взадъ и впередъ надъ водою на высотѣ около 20 метровъ, отъ поры до времени останавливается, дрожитъ на одномъ мѣстѣ на подобіе пустельги, вѣроятно для того, чтобы лучше приглядѣться къ намѣченной рыбѣ, а потомъ, вытянувъ впередъ свои лапы, въ косомъ направленіи быстро и ловко бросается на воду, исчезаетъ въ волнахъ; но скоро она сново выплываетъ, поднимаясь при помощи нѣсколькихъ ударовъ крыльями на поверхность, какъ можно лучше стряхиваетъ капли воды посредствомъ нѣсколькихъ сотрясеній и покидаетъ затѣмъ небольшое водное про-

Рѣчная скопа.

странство—все равно, удачна или неудачна была ея охота. Въ случаѣ удачи рѣчная скопа съ такою силою впивается обѣими лапами въ спину рыбы, что не можетъ сразу высвободить когтей; поэтому башкиры дали этой птицѣ прозвище „желѣзнаго когтя“. Довольно часто жизни рѣчной скопы угрожаетъ опасность, когда схваченная ею рыба оказывается для нея слишкомъ тяжела, тянетъ ее за собою въ глубину и топитъ. Рѣчная копа съѣдаетъ только лучшіе куски пойманной добычи, прочее же оставляетъ; она проглатываетъ часть чешуи, но никогда не трогаетъ внутренностей. Лишь въ случаѣ крайности рѣчная скопа рѣшается охотиться на другую дичь.

Съ другими птицами своего вида рѣчная скопа живетъ въ высшей степени мирно. До птицъ иныхъ видовъ ей никогда дѣла нѣтъ, и она навѣрное совершенно довольна, когда онѣ оставляютъ ее въ покоѣ. Всѣ плавающія птицы такъ хорошо знаютъ рѣчную скопу, что нисколько ея не боятся; онѣ считаютъ ее до извѣстной степени подобной себѣ и ничего не имѣютъ противъ пребыванія ея по близости отъ нихъ. Зато рѣчной скопѣ много приходится терпѣть отъ другихъ хищныхъ птицъ.

Послѣ рѣчной выдры, рѣчная скопа злѣйшій врагъ всякаго правильнаго хозяйства съ цѣлью разведенія рыбы, и потому всѣмъ обладателямъ сажалокъ ненавистнѣе всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ.

*

Европейскій осоѣдъ (Pernis apivorus, рис. на стр. 712) достигаетъ въ длину 59—62 см., въ ширину 135—140 см.; длина крыльевъ 40, длина хвоста 23 см. Опереніе очень разнообразно окрашено. Иногда одежда этой птицы бываетъ однообразнаго бураго цвѣта, голова самца — сѣровато-синяя, и только хвостъ украшенъ тремя большими и нѣсколькими мелкими бурыми полосами; часто верхняя часть тѣла бываетъ бурая, нижняя же болѣе или менѣе покрыта бѣлыми пятнами или же бываетъ бѣлая съ бурыми поперечными пятнами и штрихами на стержняхъ. Кромѣ указанныхъ варіацій въ окраскѣ, замѣчаются и другія. Цвѣтъ глазъ у европейскаго осоѣда колеблется между серебристо-сѣрымъ и золотисто-желтымъ, клювъ, черный, восковица золотисто-желтая, ноги лимонно-желтыя.

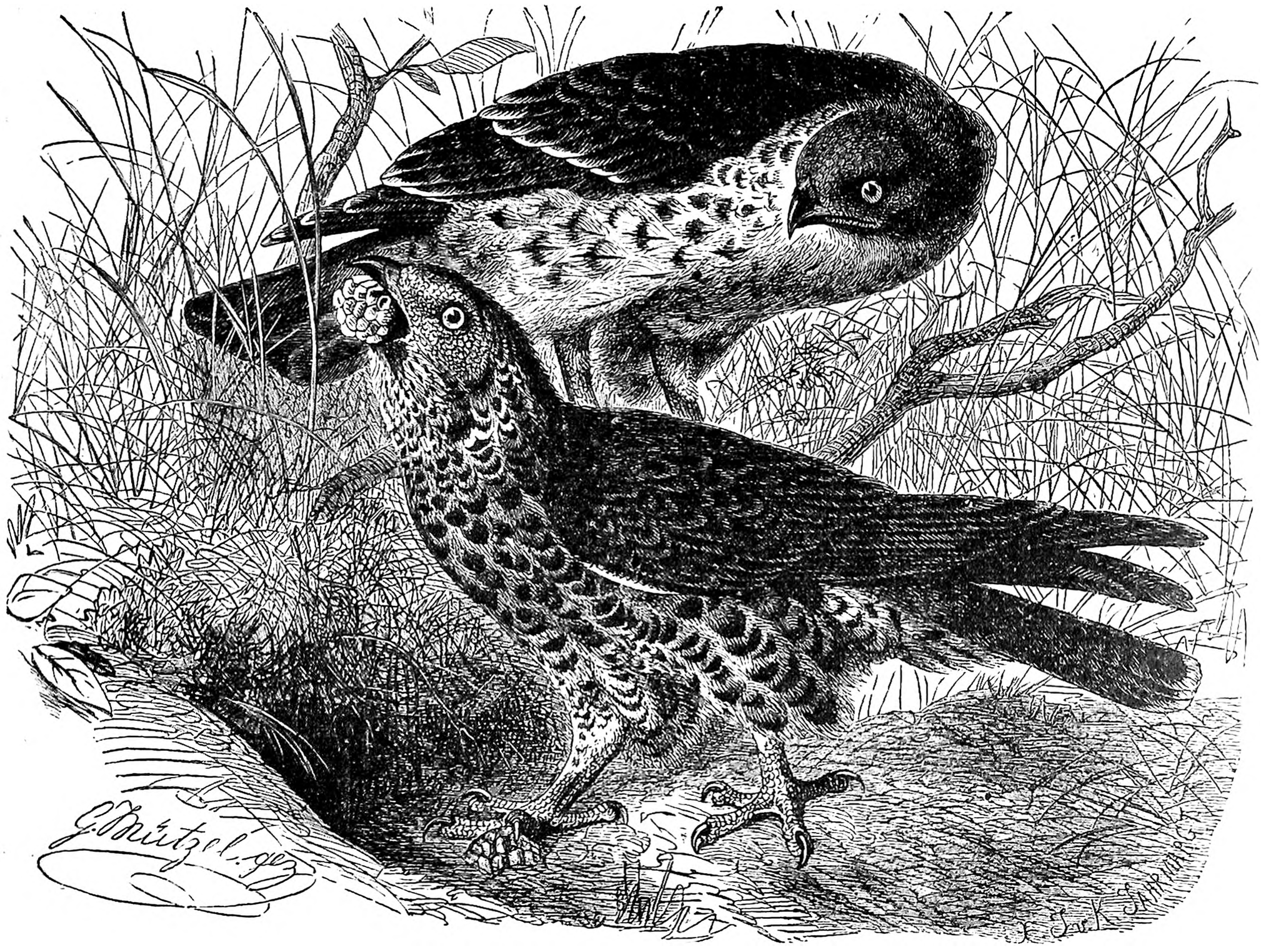
Родина европейскаго осоѣда — вся Европа, за исключеніемъ сѣверныхъ странъ. Въ Германіи онъ предпочитаетъ селиться на западѣ, но встрѣчается и на сѣверѣ. Въ равнинѣ онъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ горахъ средней вышины.

„Европейскій осоѣдъ“, говоритъ Науманнъ, „птица очень неблагородная и трусливая, и въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣхъ другихъ европейскихъ хищныхъ птицъ. Добродушіе и боязливость, а также глупое упорство—вотъ главныя черты характера осоѣда. Онъ робокъ и летаетъ медленно и тяжеловѣсно, бо́льшею частью низко надъ землей. Образъ дѣйствій его обличаетъ величайшую лѣнь. Цѣлыми часами его можно видѣть на одномъ мѣстѣ; онъ большею частью садится на пограничные камни или на одиноко растущія среди поля деревья, гдѣ и поджидаетъ свою добычу. Въ противоположность другимъ хищнымъ птицамъ онъ ходитъ довольно хорошо и очень часто преслѣдуетъ насѣкомыхъ бѣго́мъ. Голосъ его — торопливый, часто повторяемый крикъ „кикикик“, который иногда издается непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.“

Осоѣдъ не даромъ носитъ свое названіе, ибо осы и другія пчелы составляютъ главную часть его трапезъ. Но Науманнъ считаетъ его къ тому же еще грабителемъ гнѣздъ и говоритъ, что, кромѣ мышей, крысъ, хомяковъ и т. п., онъ подчасъ душитъ и молодыхъ зайцевъ. Къ тетеревятнику онъ иногда напрашивается въ гости, т. е. выжидаетъ до тѣхъ поръ, пока разбойникъ окончитъ свою трапезу, и затѣмъ лакомится остатками. Въ лѣтнюю пору осоѣдъ, какъ разсказываютъ, ѣстъ, кромѣ черники, еще бруснику и другія лѣсныя ягоды. „Зобъ его“, говоритъ Альтумъ, „бываетъ наполненъ то земляными гусеницами и мелкими травяными гусеницами, то осами и особенно молодыми шмелями, то

маленькими, голыми гусеницами пяденицъ, то лягушками, то цѣлымъ семействомъ птенцовъ, изъ которыхъ онъ, повидимому, особенно любитъ дроздовъ.“

Всѣ наблюдатели, изслѣдовавшіе найденныхъ въ зобу европейскаго осоѣда насѣкомыхъ, замѣчаютъ, что птица эта, прежде, чѣмъ проглотить какое-нибудь перепончатокрылое насѣкомое, т. е. шершня, осу, шмеля или пчелу, откусываетъ у него жало. Осоѣдъ умѣетъ искусно ловить этихъ насѣкомыхъ, и при захлопываньи клюва насѣкомое всегда оказывается лежащимъ поперекъ края клюва, такъ что при быстромъ сжатіи челюстей откусывается кончикъ задней части тѣла насѣкомаго, шириною въ нѣсколько миллиметровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жало; эти кусочки отпадаютъ, и птица, слѣдовательно, не глотаетъ ихъ, ибо жало могло бы нанести ей смертельную рану, попавъ въ роть или въ глотку. Въ такомъ видѣ проглатываются всѣ насѣкомыя, и никогда въ пищеварительныхъ органахъ птицы не было найдено жала. Во время ловли ось птица защищена жесткимъ опереніемъ и твердыми щитками на ногахъ отъ укушеній жужжащихъ вокругъ нея насѣкомыхъ.

Осоѣдъ европейскій (Pernis apivorus). 1/5 естеств. велич.

Тотчасъ послѣ прибытія на родину осоѣдъ европейскій принимается за сооруженіе или обновленіе своего гнѣзда. Самъ строитъ себѣ гнѣздо онъ рѣшается только въ крайнемъ случаѣ; гораздо охотнѣе употребляетъ онъ прошлогоднее сооруженіе сарыча или коршуна, пользуется даже старымъ вороньимъ гнѣздомъ, которое исправляетъ, насколько это ему кажется необходимымъ. Въ гнѣздо осоѣдъ кладетъ 2 яйца; яйца этихъ птицъ бываютъ весьма разнообразны по формѣ и окраскѣ. Яйца бываютъ то кругловатыми, то яйцевидными; скорлупа болѣе или менѣе блестяща и по желтовато-бѣлому или буровато-красному фону покрыта болѣе свѣтлыми или болѣе темными разводами, иногда равномѣрно, иногда на одной сторонѣ болѣе густо, чѣмъ на другой. Самецъ и самка высиживаютъ свои яйца поочередно и кормятъ другъ друга осинымъ и шмелинымъ отродьемъ, которое приносятъ въ сотахъ и часто въ большомъ количествѣ пагро-

мождаютъ въ гнѣздѣ. Молодыхъ птицъ кормятъ сначала гусеницами, мухами и другими насѣкомыми, причемъ родители сначала размягчаютъ пищу въ своей глоткѣ; впослѣдствіи же птенцамъ преподносятся соты, наполненныя молодыми насѣкомыми, и осиныя гнѣзда, а подъ конецъ старыя птицы доставляютъ своимъ дѣтямъ молодыхъ лягушекъ, птицъ и т. п.

Въ неволѣ осоѣдъ, по словамъ Берендса, въ высшей степени занимателенъ. „Самецъ, уже умѣвшій летать, по прошествіи немногихъ недѣль сталъ относиться въ высшей степени довѣрчиво къ знакомымъ ему людямъ, а также къ собакамъ, даже обнаруживалъ и къ тѣмъ, и къ другимъ привязанность, но при видѣ каждой незнакомой собаки принималъ грозную позу, раздувалъ перья и кидался на нее. Особенно полюбилъ онъ одну маленькую собачку. Когда она лежала, осоѣдъ усаживался между ея ногами, игралъ съ нею или ерошилъ клювомъ ея шерсть, что собачка переносила благодушно. Осоѣдъ бѣгалъ по дому и внѣ дома и, найдя какую нибудь дверь запертой, кричалъ изо всѣхъ силъ до тѣхъ поръ, пока ему не отпирали. Онъ откликался на кличку „Гансъ“, но являлся на зовъ только тогда, когда ему этого хотѣлось или когда онъ бывалъ голоденъ.“

„Одна самка осоѣда, пойманная уже въ зрѣломъ возрастѣ, до страсти любила молодыхъ осъ. Если ей подносили осиное гнѣздо, то она явно начинала волноваться, съ жадностью кидалась на него и съѣдала цѣлые куски. Пустыя осиныя гнѣзда она разрывала на части, разыскивая осъ. Кромѣ осъ, любимую пищу ея составляли булки и молоко. Съ домашними животными осоѣдъ прекрасно ужился. Чрезвычайно занимательно было глядѣть, какъ онъ ѣлъ изъ одной чашки съ двумя морскими свинками, скворцомъ, сивкой и двумя перепелами.“

*

Кани (Elanus) водятся во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы, но и въ Европѣ онѣ извѣстны, такъ какъ одинъ видъ ихъ не разъ залеталъ даже въ Германію. Немногіе изъ извѣстныхъ намъ видовъ этого рода чрезвычайно похожи другъ на друга. Опереніе у нихъ очень обильное, чрезвычайно нѣжное, расщепленное и мягкое, какъ шелкъ, вродѣ оперенія совъ.

У кани чернокрылой (Elanus melanopterus) верхняя сторона красиваго пепельно-сѣровато-синяго цвѣта, лобъ и нижняя сторона бѣлые, покровныя перья крыльевъ и плечъ черныя. Глаза великолѣпнаго ярко-краснаго цвѣта, клювъ черный, восковица и ноги оранжево-желтыя. Длина самца 35, ширина 78 см. Самка нѣсколько крупнѣе.

Уже въ Сиріи каня чернокрылая встрѣчается нерѣдко, въ Египтѣ же она представляетъ изъ себя явленіе обыкновенное. Отсюда она распространяется по всей Африкѣ и южной Азіи, не особенно рѣдко залетаетъ также въ Европу. Въ Индіи она встрѣчается во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можетъ производить свою охоту.

Образъ жизни кани отчасти напоминаетъ образъ жизни сарычей, отчасти луней и совъ. Полетъ кани отличается отъ полета бо́льшей части хищныхъ птицъ тѣмъ, что у кани крылья при полетѣ направлены вверхъ, т. е. кончики крыльевъ находятся значительно выше тѣла; сидящую каню можно узнать по ея ослѣпительной окраскѣ, которая блеститъ издалека въ лучахъ южнаго солнца. Въ Египтѣ она обыкновенно сидитъ на жердяхъ, прикрѣпленныхъ къ бадьямъ, изъ которыхъ крестьяне поливаютъ свои поля, а потому ее называютъ „соколомъ водочерпалки“. Главная, даже почти исключительная пища кани состоитъ изъ мышей; кузнечиковъ она ѣстъ только между прочимъ. Птенцами, сидящими еще въ гнѣздѣ, она разумѣется не брезгаетъ, подбираетъ также пустынныхъ ящерицъ, хватаетъ порой даже летучихъ мышей, на которыхъ, кромѣ нея, охотятся только еще немногія совы.

Каня чернокрылая — животное настолько же красивое, насколько милое. Въ Египтѣ она довѣряетъ человѣку, ибо дѣйствительно можетъ здѣсь довѣрять ему. Безъ страха порхаетъ она взадъ и впередъ между работающими крестьянами и безъ всякихъ опасеній вьетъ свое гнѣздо на апельсинныхъ

деревьяхъ, которыя садовникъ посѣщаетъ еженедѣльно, чтобы снимать съ нихъ плоды.

Чернокрылыя кани, вынутыя изъ гнѣзда молодыми, становятся такими же ручными, какъ чеглокъ и пустельга; но и кани, пойманныя старыми и даже попавшія во власть человѣка ранеными, скоро становятся довѣрчивыми, не пускаютъ противъ человѣка въ ходъ своихъ острыхъ когтей и только иногда грозно открываютъ клювъ, но не кусаются. Кормъ онѣ уже по истеченіи нѣсколькихъ дней берутъ изъ рукъ своего хозяина.

*

Коршуны (Milvus) — соколиныя птицы средней величины, стройныя со слабымъ, слегка загнутымъ, глубоко расщепленнымъ клювомъ, короткими, спереди мало оперенными плюснами и умѣренной величины лапами, съ очень большими крыльями, длиннымъ, вилообразнымъ хвостомъ и крупнымъ, неплотно прилежащимъ, торчащимъ опереніемъ.

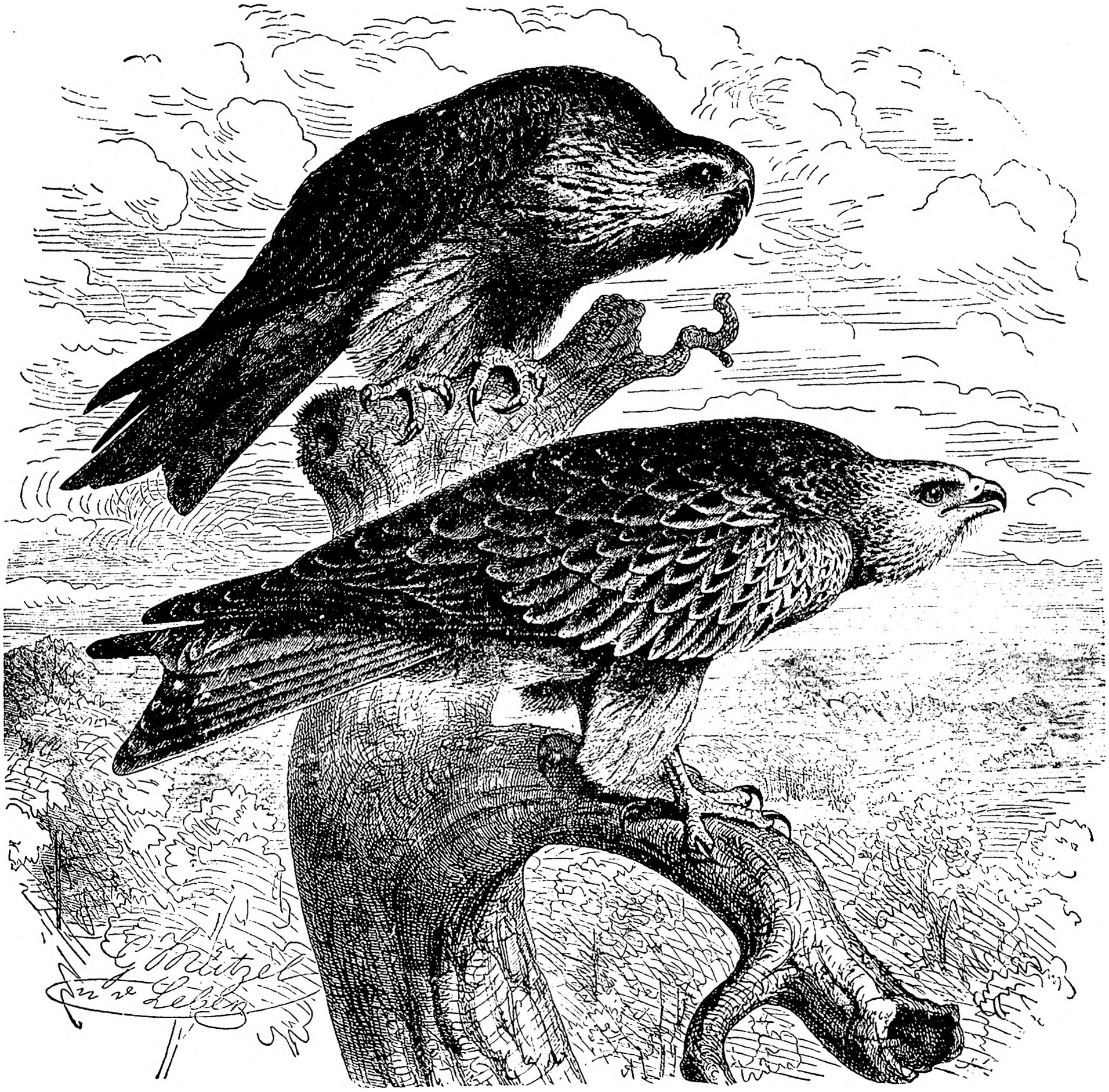
Самымъ красивымъ коршуномъ можно считать краснаго коршуна (Milvus ictinus, regalis). Это красивая соколиная птица въ 65—75 см. длиною, 140—150 см. шириною; длина крыльевъ 50 см., длина хвоста 38 см. Отъ своихъ европейскихъ родственниковъ и отъ всѣхъ другихъ коршуновъ красный коршунъ отличается тѣмъ, что выемка его хвоста доходитъ до 10 см. У стараго самца голова и горло бѣлые, всѣ перья на серединѣ тѣла украшены черно-бурой полоской на стержнѣ, головныя перья съ свѣтлымъ ржавымъ налетомъ; задняя часть шеи, затылокъ, брюшко, грудь и покровы ногъ ржаво-краснаго цвѣта; большія маховыя перья черныя съ бѣлымъ основаніемъ, среднія черныя съ ржаво-бурымъ налетомъ и съ темными, узенькими поперечными полосками, среднія хвостовыя перья ржаво-красныя, наружныя черноватыя, къ концу съ бурымъ налетомъ, а на самомъ концѣ съ узкой грязновато-бѣлой каемкой.

Родина этой неблагородной хищной птицы, которую Шиллеръ назвалъ „царемъ воздушнаго пространства“ (König der Lüfte), находится въ низменныхъ мѣстностяхъ Европы отъ южной Швеціи до Испаніи и отъ Испаніи до Сибири. Въ сѣверной Германіи она вьетъ себѣ гнѣзда вездѣ. Въ гористыя мѣстности Германіи красный коршунъ залетаетъ только во время перелета. Онъ появляется въ Германіи аккуратно въ началѣ марта и остается до первыхъ чиселъ октября; въ теплыя зимы нѣкоторые красные коршуны даже остаются въ Германіи, если думаютъ, что могутъ здѣсь просуществовать. Во время перелета красные коршуны нерѣдко соединяются въ многочисленныя стаи въ 60—200 головъ. Улетаютъ они черезъ сѣверо-западную Африку на острова Зеленаго Мыса.

Красный коршунъ не имѣетъ въ себѣ ничего царственнаго, ибо онъ лѣнивъ, довольно тяжеловѣсенъ и трусливъ до омерзѣнія. Полетъ у него медленный, но чрезвычайно продолжительный; тихо плыветъ красный коршунъ по воздуху и иногда въ теченіе цѣлой четверти часа ни разу не взмахнетъ крыльями и управляетъ своимъ полетомъ только при помощи широкаго хвоста; повидимому, безъ всякаго напряженія эта птица взвивается на неизмѣримую высоту, почти недоступную человѣческому глазу, а иногда проносится надъ самой землей, пролетая огромныя разстоянія. Ходитъ красный коршунъ плохо, скорѣе подпрыгивая, нежели шагая; сидя на деревѣ, онъ по возможности втягиваетъ шею, вслѣдствіе чего голова кажется посаженной между плечами. Смышленостью онъ не уступаетъ ни одной среднеевропейской соколиной птицѣ. Болѣе всѣхъ прочихъ, красный коршунъ сообразуетъ свой образъ дѣйствій съ обстоятельствами, прекрасно отличаетъ охотника отъ крестьянина, избѣгаетъ мѣстностей, которыхъ опытъ научилъ его опасаться, а въ другихъ мѣстахъ становится такимъ же дерзкимъ и назойливымъ нищимъ, какъ его родственники. Голосъ у него не особенно пріятный, протяжный и похожій не то на хохотъ, не то на блеяніе; крикъ его передается приблизительно слогами „хихихи-ээ“.

Ѣстъ красный коршунъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, еще не научив-

шихся летать, ящерицъ, змѣй, лягушекъ и жабъ, кузнечиковъ, жуковъ и дождевыхъ червей. Онъ иногда уноситъ цыплятъ изъ крестьянскихъ дворовъ, гусенятъ изъ гусинаго стада, возстановляетъ противъ себя охотника, такъ какъ нападаетъ на молодыхъ зайцевъ или на куропатокъ, а у настоящаго сокола безсовѣстнымъ попрошайничествомъ отбиваетъ добычу. Несмотря на всѣ эти грѣхи, онъ врядъ-ли можетъ считаться вредною птицей. Когда на полѣ сильно размножаются мыши, онъ является и въ теченіе недѣль живетъ въ свое удовольствіе. Если принять въ

1) Черный коршунъ (Milvus migrans), 2) Красный коршунъ (Milvus ictinus). 1/6 естеств. велич.

разсчетъ, сколько вредныхъ насѣкомыхъ онъ уничтожаетъ, то приходится признать, что ему, пожалуй, нельзя вмѣнять въ преступленіе похищенія зайченка или гусенка. Если бы онъ былъ менѣе дерзокъ, если бы онъ не попрошайничалъ такимъ безсовѣстнымъ образомъ и не заставлялъ, благодаря этому, соколовъ больше разбойничать, чѣмъ имъ это необходимо для удовлетворенія ихъ собственныхъ нуждъ, то мы отвели бы ему почетное мѣсто въ числѣ естественныхъ благодѣтелей нашихъ полей.

Весною, вскорѣ послѣ своего прибытія, красный коршунъ приступаетъ къ размноженію. Если это сколько нибудь возможно, онъ водворяется на прошлогоднемъ мѣстѣ высиживанія, но не всегда селится въ томъ же гнѣздѣ. Онъ охотно довольствуется старымъ воронымъ или соколинымъ гнѣздомъ; если же ему не удается найти такового, онъ самъ вьетъ себѣ гнѣздо. Гнѣздо его по способу со-

оруженія существеннымъ образомъ не разнится отъ гнѣзда сарыча или другой соколиной птицы, но отличается тѣмъ, что красный коршунъ всегда выстилаетъ гнѣздо внутри разными тряпками и бумажками, причемъ не всегда избираетъ для этой цѣли лохмотья наиболѣе чистыя.

Яйца, числомъ 2—3, въ рѣдкихъ случаяхъ 4, въ высшей степени похожи на яйца сарыча обыкновеннаго, но большею частью бываютъ нѣсколько крупнѣе. Основная окраска — бѣлый цвѣтъ съ слабымъ зеленоватымъ оттѣнкомъ; яйца покрыты пестрыми крапинками и грубыми черточками темнаго красновато-бураго цвѣта.

При надлежащемъ уходѣ красный коршунъ въ неволѣ скоро дѣлается ручнымъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Европы краснаго коршуна замѣняетъ черный коршунъ (Milvus migrans, рис. на стр. 715). Длина его 55—58 см., ширина 136—145, длина крыльевъ 44—47, длина хвоста 26—29 см. Первыя цифры относятся къ самцу, послѣднія къ самкѣ. Опереніе всѣхъ частей тѣла значительно темнѣе, чѣмъ у краснаго коршуна, а потому названіе „чернаго коршуна“ въ противоположность „красному“ находитъ себѣ оправданіе. Голова, затылокъ, подбородокъ, верхняя и нижняя часть горла по бѣловато-сѣрому фону покрыты узкими черно-бурыми продольными полосками, перья верхняго покрова темнаго землисто-бураго цвѣта съ болѣе свѣтлыми каемками; область зоба желтовато-сѣроватаго землисто-бураго цвѣта и украшена довольно широкими штрихами на стержняхъ, по обѣ стороны снабженными сѣровато-бѣлыми каемками; на груди перья красновато-бурыя, брюшко и нижнія кроющія перья хвоста болѣе или менѣе чистаго ржаво-бураго цвѣта съ легкимъ сѣроватымъ налетомъ и съ узкими черными продольными полосками; маховыя перья черно-бурыя съ мѣднымъ блескомъ, верхнія кроющія перья крыльевъ свѣтлаго землисто-сѣраго цвѣта съ болѣе свѣтлыми каемками, рулевыя перья темнаго землисто бураго цвѣта съ 8—12 расплывчатыми, но правильными полосами и съ свѣтлой желтовато-сѣрой каймой на концѣ хвоста. Глазное кольцо буровато-сѣрое, клювъ чернаго рогового цвѣта, восковица желтая, ноги оранжево-желтыя.

Область распространенія чернаго коршуна, какъ и всѣхъ его родственниковъ, довольно ограниченная. Въ средней Германіи онъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ; въ Маркѣ, а именно близъ Гавельскихъ озеръ, въ Помераніи, Мекленбургѣ, на верхнемъ Рейнѣ и въ области нижняго Майна онъ встрѣчается чаще, въ Нижней Австріи, Венгріи, въ придунайскихъ низменностяхъ, въ значительной части Европейской Россіи, а также въ Италіи и Испаніи эта птица встрѣчается регулярно, мѣстами обыкновенна и даже выводитъ потомство обществами. Будучи лѣтнимъ гостемъ въ Германіи и оставаясь здѣсь только съ марта по октябрь, черный коршунъ зиму проводитъ уже въ южной Европѣ. Селится онъ въ лѣсахъ, расположенныхъ около рѣкъ, особенно около большихъ рѣкъ, и вблизи болотъ. На высокихъ деревьяхъ онъ, впрочемъ, только вьетъ себѣ гнѣздо и спитъ. Въ теченіе дня онъ постоянно носится надъ и подъ деревьями или вдоль водъ. Весь его образъ дѣйствій и характеръ приноровлены къ ровной мѣстности и къ обилію воды.

Полетъ чернаго коршуна очень красивъ, особенно когда онъ продѣлываетъ разныя сальтомортале надъ водною поверхностью большихъ рѣкъ, чѣмъ онъ нерѣдко занимается въ теченіе цѣлой четверти часа и болѣе. Яйца бываютъ снесены приблизительно въ концѣ апрѣля; ихъ кладется 3—4; они чрезвычайно похожи на яйца краснаго коршуна и по желтоватому или сѣровато-бѣлому фону покрыты бурыми разводами и густыми крапинками. Повидимому, сидитъ на яйцахъ одна самка.

Общее мнѣніе о черномъ коршунѣ — что это одна изъ самыхъ вредныхъ хищныхъ птицъ. Больше всего вреда причиняетъ онъ безъ сомнѣнія тѣмъ, что онъ самымъ отвратительнымъ образомъ отнимаетъ добычу у другихъ хищныхъ птицъ или пристаетъ къ нимъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не бросятъ ему своей добычи, и слѣдовательно принуждаетъ ихъ грабить больше, чѣмъ сколько имъ самимъ

нужно. Самъ онъ правда хватаетъ то, что̀ можетъ, но чувствительный вредъ наноситъ свободнымъ и прирученнымъ животнымъ лишь въ послѣднее время періода вывода. Если добросовѣстно взвѣсить его полезныя и вредныя дѣйствія, то приходится сознаться, что одни уравновѣшиваются другими.

Въ клѣткѣ черный коршунъ, подобно своимъ родственникамъ, птица пріятная. Онъ мало притязателенъ и быстро свыкается съ утратой свободы, скоро сильно привязывается къ своему хозяину, привѣтствуетъ его радостнымъ крикомъ, издали завидѣвъ его, и вообще всячески старается показать свое расположеніе къ человѣку. Съ другими хищными птицами одинаковой съ нимъ величины онъ уживается превосходно. Онъ слишкомъ трусливъ, чтобы нападать на нихъ, но съ величайшимъ спокойствіемъ съѣдаетъ трупъ товарища, съ которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ мирно жилъ въ одной клѣткѣ.

Въ Африкѣ нашихъ европейскихъ коршуновъ замѣняетъ коршунъ-паразитъ (Milvus aegyptius).

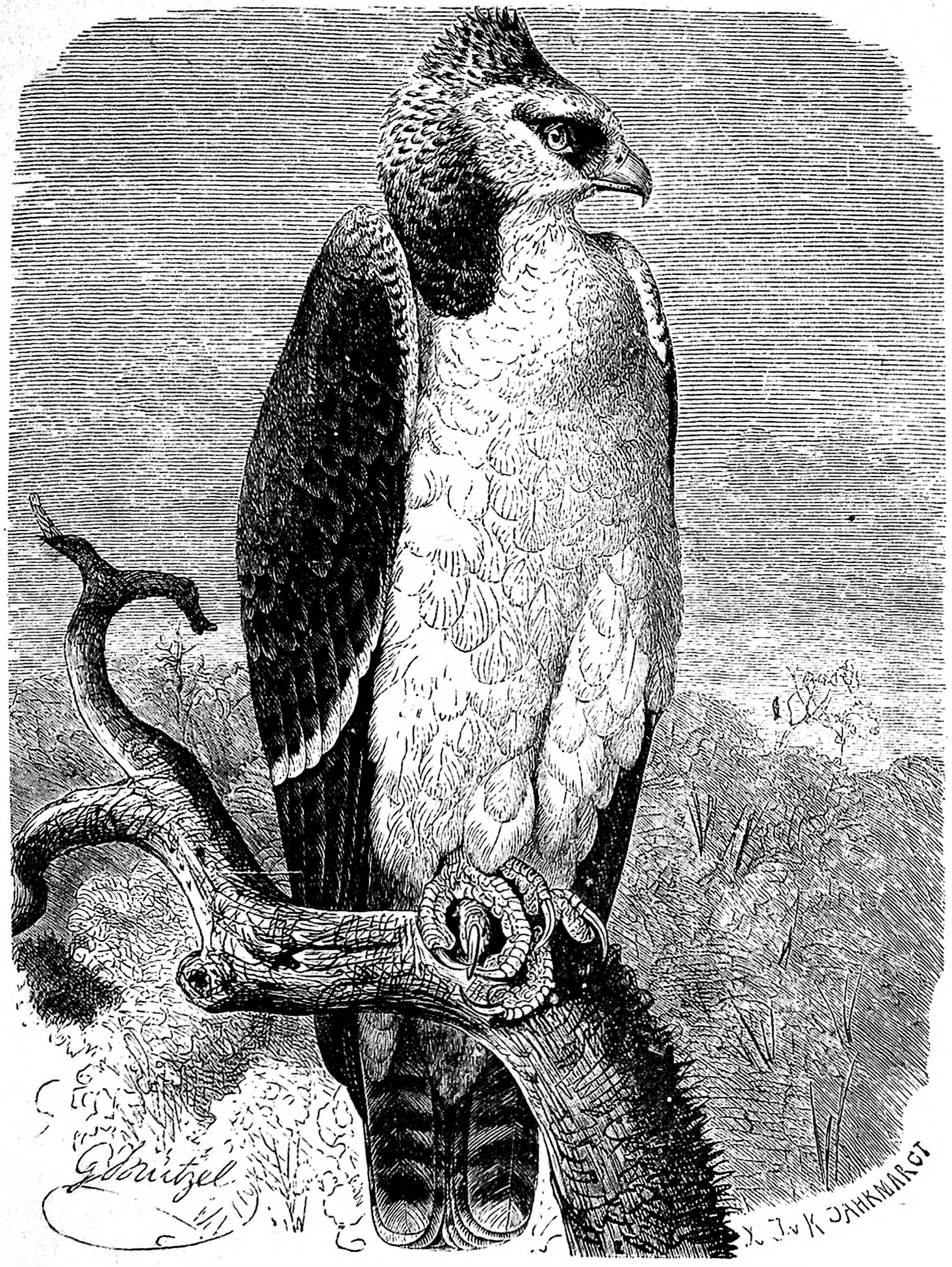
„Ястребы (Accipitrinae) отличаются отъ каракаръ вполнѣ оперенными боками головы“, пишетъ Рейхеновъ. Отъ сарычевыхъ же птицъ они отличаются длинною плюсною и длиннымъ хвостомъ, а также короткими или умѣренной длины крыльями. Только хохлатые орлы и гарпіи составляютъ исключеніе въ смыслѣ длины плюсны, которая у нихъ не превышаетъ длину средняго пальца; но и эти роды легко можно отличить отъ короткохвостыхъ сарычей по ихъ длинному хвосту. Плюсна бываетъ обыкновенно голая, и только у хохлатыхъ орловъ оперенная.

„Исключивъ луней, жизнь и строеніе которыхъ имѣютъ въ себѣ много своеобразнаго, мы можемъ дать общую характеристику существенныхъ свойствъ и и образа жизни ястребовъ, начиная съ самаго мелкаго ястреба-перепелятника и кончая самой сильной изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, гарпіей. Всѣ ястребы употребляютъ въ пищу живыхъ животныхъ, которыхъ сами ловятъ и убиваютъ, въ противоположность сарычевымъ птицамъ, не брезгающимъ и падалью. Изъ всѣхъ своихъ товарищей по отряду это самые искусные разбойники: они одинаково ловко хватаютъ какъ летающую, такъ и бѣгающую, какъ плавающую, такъ и сидящую добычу и охотятся не менѣе ловко въ открытомъ полѣ, чѣмъ въ густомъ лѣсу. Соотвѣтственно съ этимъ, способъ ихъ охоты существенно отличается отъ охоты сарычей и соколовъ. Въ то время какъ послѣдніе высматриваютъ добычу, описывая въ воздухѣ круги или, рѣже, трепеща на одномъ мѣстѣ, и затѣмъ внезапно круто низвергаются на замѣченное животное, ястребы пускаютъ въ ходъ больше хитрости, чтобы застать свою жертву врасплохъ, и это вполнѣ замѣняетъ имъ сравнительно меньшую вѣрность удара на воздухѣ, которая у соколовъ и у многихъ сарычевыхъ хищныхъ птицъ, особенно у орловъ, развита гораздо лучше. Ястребы быстро скользятъ по воздуху вдоль опушки лѣсовъ и изгородей, внезапно заворачиваютъ за рощи и строенія, пролетаютъ сквозь чащи на лѣсныя поляны и неожиданно появляются на мѣстахъ сборищъ своихъ безобидныхъ жертвъ, которыхъ схватываютъ на лету. Иногда они, подобно настоящимъ разбойникамъ съ большой дороги, подстерегаютъ пролетающую или пробѣгающую добычу въ вѣтвяхъ деревьевъ и сразу накидываются на нее. Такимъ образомъ добываютъ себѣ пищу ястребы, гарпіи и луни и доказываютъ тѣмъ самымъ, что они истинные члены разсматриваемаго подсемейства. Для постройки гнѣзда ястребы избираютъ защищенныя, скрытыя мѣста и никогда не вьютъ гнѣздъ на открытыхъ, издалека видныхъ верхушкахъ деревьевъ; гнѣзда свои они помѣщаютъ въ густомъ высокомъ лѣсу или въ трудно доступной чащѣ на болѣе низкихъ вѣтвяхъ и близко къ стволу. Яйца чисто бѣлаго цвѣта или по бѣлому фону покрыты красновато-буроватыми пятнами.“

*

Хохлатые орлы (Spizaëtus) птицы стройно сложенныя съ сравнительно короткими крыльями, длиннымъ хвостомъ и высокими, крѣпкими ногами; отличительнымъ признакомъ ихъ является болѣе или менѣе явственный хохолъ на задней части головы.

Въ Африкѣ живетъ самый крупный и сильный представитель этого рода, а именно хохлатый орелъ (Spizaëtus bellicosus)—мощная птица длиною

Хохлатый орелъ (Spizaëtus bellicosus). 1/6 естеств. велич.

въ 80—86 см. и соотвѣтственной ширины, у которой длина крыльевъ доходитъ до 60—65 см., а длина хвоста до 31—34 см. Преобладающая окраска верхней стороны—пепельный сѣровато-бурый цвѣтъ, на головѣ стержни нѣкоторыхъ перьевъ окрашены въ черно-бурый цвѣтъ; на верхнемъ покровѣ почти всѣ перья украшены болѣе свѣтлыми каемками, вслѣдствіе чего образуется на крыльяхъ полоса изъ кончиковъ болѣе крупныхъ кроющихъ перьевъ крыла. Надъ глазами проходитъ бѣловатая полоса по направленію къ задней части головы и теряется въ коротком, широкомъ хохолкѣ. Вся нижняя сторона бѣлая съ сипеватымъ налетомъ, почти безъ пятенъ. Большія маховыя перья имѣютъ черное наружное опахало, внутреннее опахало свѣтлѣе и съ болѣе темной каймой, нижнія кроющія перья крыла чисто-бѣлыя. Глаза сѣровато-карiе, восковица зеленовато-синяя, клювъ черный, лапы свинцово-сѣрыя.

Хохлатый орелъ селится на какомъ нибудь одиноко стоящемъ деревѣ, ибо онъ очень остороженъ и любитъ слѣдить за тѣмъ, что́ происходитъ вокругъ него. Отсюда пара хохлатыхъ орловъ всегда сообща обыскиваетъ обширный участокъ, въ которомъ не терпитъ присутствія другихъ птицъ того же вида и вообще присутствія другихъ хищныхъ птицъ. Обыкновенная добыча хохлатаго орла состоитъ изъ маленькихъ антилопъ и зайцевъ; но онъ навѣрное не щадитъ и многочислен-

Гребневый орелъ (Spizaëtus occipitalis). 1/3 естеств. велич.

ныхъ видовъ дикихъ куръ. Все въ немъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ такой же опасный врагъ африканскихъ животныхъ, какъ беркутъ — животныхъ европейскихъ. Во всей южной Африкѣ нѣтъ хищной птицы, которая была бы равна хохлатому орлу по силѣ и по кровожадности. Это неограниченный властелинъ въ своемъ участкѣ; въ немъ соединяются сила и смѣлость, благодаря которымъ онъ дѣлается страшнымъ врагомъ всѣхъ беззащитныхъ созданій. Полетъ очень похожъ на орлиный, но легче и быстрѣе. Крикъ его, какъ говорятъ, бываетъ то рѣзкій и пронзительный, то грубый и глухой.

„Плѣнный хохлатый орелъ“, говоритъ Левальянъ, „умѣетъ завоевать себѣ общія симпатіи, ибо это дѣйствительно въ высшей степени привлекательное животное. Дикость свою онъ, повидимому, утрачиваетъ совершенно. Онъ становится

удивительно ручнымъ и довѣрчивымъ, обнаруживаетъ поистинѣ дружескія чувства къ человѣку или, по крайней мѣрѣ, откликается на всякій зовъ. Голосъ у него поразительно звучный и мелодичный, однако тихій и мягкій, въ противоположность другимъ орламъ, крикъ которыхъ, какъ извѣстно, не можетъ назваться пріятнымъ; крикъ хохлатаго орла приблизительно можно передать слогами „гліук гліук“.

Почти въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ живетъ родственный хохлатому орлу, но гораздо болѣе мелкій тетеревятникъ, который, благодаря своему длинному хохлу, носитъ названіе гребневаго орла (Spizaëtus occipitalis, рис. на стр. 719). Основная окраска его — темный бурый цвѣтъ, брюшко темнѣе, грудь свѣтлѣе, верхняя сторона съ мѣдно-пурпурово-бурымъ отливомъ. Маховыя перья перваго порядка буровато-бѣлыя, малыя маховыя перья, бѣлыя при основаніи, украшены на обоихъ опахалахъ двумя темными поперечными полосами, хвостовыя перья съ бурымъ наружнымъ опахаломъ. Глаза ярко-желтые, клювъ рогового синяго цвѣта, на кончикѣ темнѣе, при основаніи свѣтлѣе, восковица свѣтло-желтая, ноги соломенно-желтыя. Длина 50—52 см.

Изъ африканскихъ хохлатыхъ орловъ гребневый орелъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ, если не самый распространенный изъ всѣхъ. Въ лѣсахъ верхняго Нила онъ представляетъ собою явленіе довольно частое. Здѣсь можно видѣть, какъ онъ спокойно сидитъ на верхушкѣ мимозъ возлѣ ствола и съ самымъ серьезнымъ видомъ пошевеливаетъ своимъ хохломъ. Онъ то морщитъ лобъ, наполовину закрываетъ глаза и поднимаетъ хохолъ вертикально, растопыриваетъ также нѣкоторыя перья сбоку и при этомъ топорщитъ также прочее оперенiе; то онъ снова гладко складываетъ хохолъ на затылкѣ. Этимъ важнымъ дѣломъ онъ занимается по цѣлымъ получасамъ, причемъ не двигается. Въ это время онъ являетъ собою олицетвореніе лѣни и кажется весьма мало обѣщающей хищной птицей. Но мечтатель этотъ обнаруживаетъ себя съ другой стороны, какъ только замѣчаетъ что-нибудь пригодное для охоты: мышку, полевую крысу, земляную бѣлку, воркующаго голубка или стаю ткачей. Съ быстротою молніи слетаетъ онъ внизъ, поспѣшно и отрывисто махая крыльями, пробирается сквозь самый густой кустарникъ съ ловкостью нашего европейскаго тетеревятника, гонится за намѣченной добычей и почти неминуемо схватываетъ ее. По образу дѣйствій и по характеру онъ имѣетъ много общаго съ нашимъ ястребомъ. Онъ такъ же дерзокъ, такой же хищникъ, и, по сравненію съ своей величиной, это лучшій въ лѣсу разбойникъ. Только организованное лѣсное государство обезьянъ онъ не задѣваетъ, какъ и другія крупныя соколиныя птицы Стараго Свѣта: не очень то выгодно было бы ему имѣть дѣло съ обществомъ, члены котораго заключили между собою форменный наступательный и оборонительный союзъ.

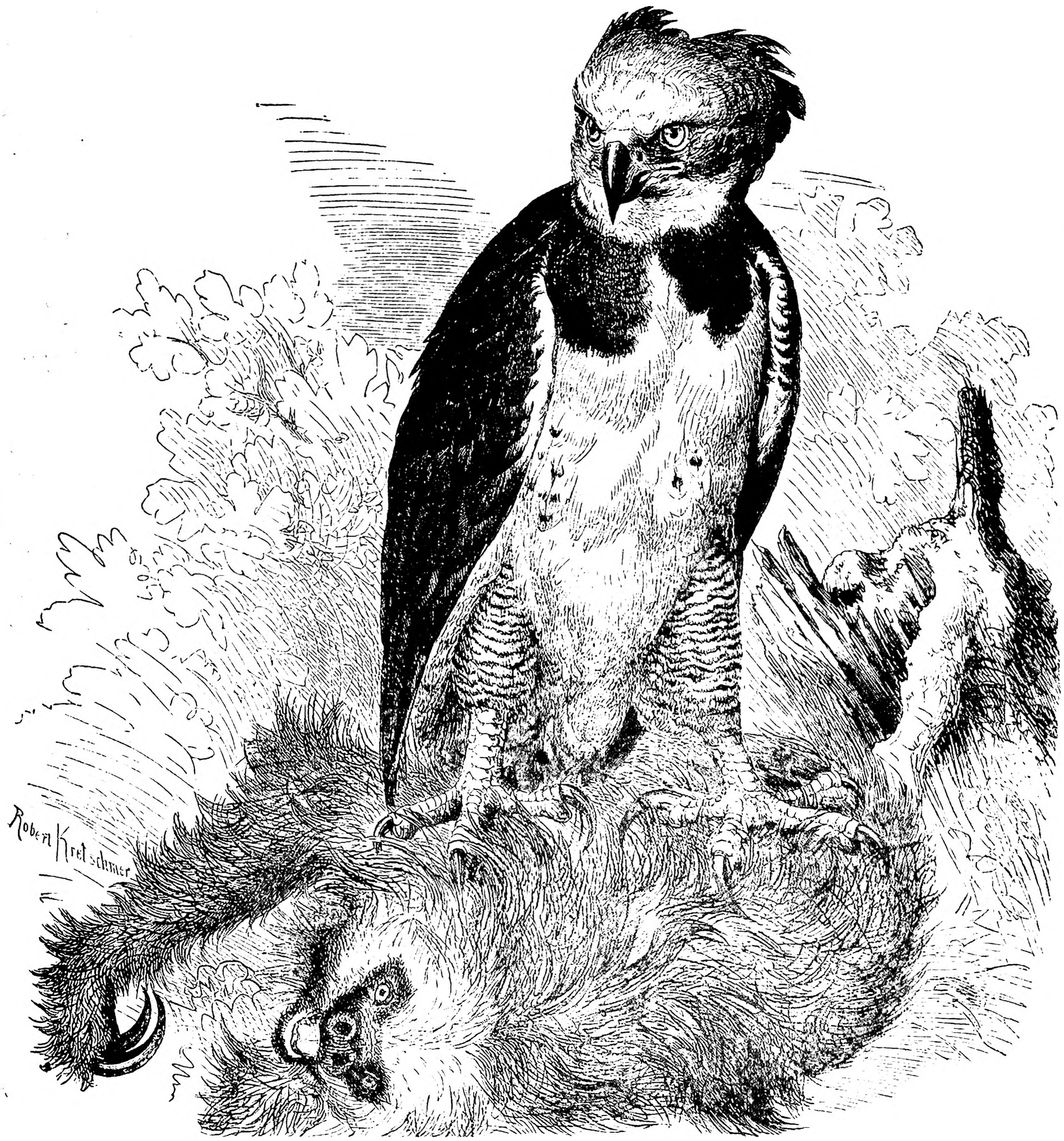
Гребневый орелъ, котораго не слишкомъ рѣдко привозили живымъ въ Европу, при надлежащемъ уходѣ выживаетъ въ клѣткѣ многіе годы, такъ какъ онъ мало чувствителенъ къ вліянію климата.

*

Бразильскіе лѣса даютъ пріютъ своеобразнымъ птицамъ, коршуновымъ орламъ (Morphnus). Величина, сила и гордая осанка у нихъ такая же, какъ у орловъ, но строеніемъ они напоминаютъ ястребовъ.

Самый извѣстный видъ этого рода — это гвіанскій перепелятникъ (Morphnus guianensis). Длина его 70, ширина 150—154, длина крыльевъ 40—42, длина хвоста 30 см. Поразительно неплотно прилегающее оперенiе похоже на оперенiе совъ; на задней части головы оно обращается въ хохолъ, длиною въ 15 см., и измѣняется съ возрастомъ птицы. Голова, шея, грудь, брюшко, задъ и ляжки бѣлые, безъ пятенъ, лишь тамъ и сямъ немного какъ бы запятнанные желтымъ; спина, плечи и кроющія перья крыльевъ блѣднаго сѣровато-красноватаго цвѣта, такъ какъ отдѣльныя перья здѣсь украшены мелкими сѣровато-красноватыми пятнышками, крапинками и разводами; маховыя перья черно-бурыя съ узкими сѣровато-красноватыми поперечными полосами, хвостовыя перья съ подобнымъ же рисункомъ.

Гвіанскій перепелятникъ распространенъ въ бо́льшей части южной Америки и водится въ прибрежныхъ лѣсахъ, въ оазисахъ степей, всего же охотнѣе на берегу рѣкъ. Его можно видѣть кружащимся въ воздухѣ и легко узнать по ослѣпительно бѣлому оперенію, рѣзко выдѣляющемуся на темно-голубомъ небѣ. По словамъ Шомбургка, эта птица отличается еще своимъ громкимъ крикомъ. Она любитъ сидѣть на высохшихъ верхушкахъ высокихъ деревьевъ, здѣсь пребываетъ

Гарпія (Thrasaëtus harpyia). 1/6 естеств. велич.

цѣлыми часами, не двигаясь, и отъ поры до времени поднимаетъ кверху свой великолѣпный хохолъ. Охотится гвіанскій перепелятникъ на млекопитающихъ и птицъ. Гнѣздо сооружается на не особенно высокихъ деревьяхъ.

Охота на гвіанскаго перепелятника, вслѣдствіе высокихъ деревьевъ, нелегка и удается почти однимъ только стрѣлкамъ изъ ружья и индѣйцамъ. „Двое сильныхъ индѣйцевъ изъ племени камаканъ“, разсказываетъ принцъ Впдъ, „недалеко отъ берега рѣки убили гвіанскаго перепелятника стрѣлою въ тотъ моментъ, когда онъ сидѣлъ на своемъ гнѣздѣ, устроенномъ изъ хвороста на самыхъ высокихъ вѣтвяхъ огромнаго дерева. Длинная, крѣпкая стрѣла попала ему снизу въ горло, тѣмъ не менѣе онъ еще достался мнѣ вполнѣ живымъ. Это, вѣроятно, смѣ-

лая, сильная птица, такъ какъ раненый гвіанскій перепелятникъ отчаянно защищался лапами и клювомъ. Къ сожалѣнію, убѣдить кого-нибудь добраться до гнѣзда было невозможно, ибо никто не хотѣлъ браться за это трудное предпріятіе.“

*

Нѣкоторыя родственныя черты съ только-что описанной хищной птицей замѣчаются у самаго огромнаго изъ всѣхъ ястребовъ, живущихъ на югѣ Америки, а именно у гарпіи (Thrasaëtus harpyia, Harpyia destructor, рис. на стр. 721). Тѣло у этой птицы очень сильное, голова большая, когти удивительно сильные; клювъ чрезвычайно высокій и крѣпкій, съ сильно закругленной верхушкой и острыми краями, на которыхъ подъ носовымъ отверстіемъ образуется выемка, а подъ нею зубецъ; ноги сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ, лапы очень длинныя и каждый изъ длинныхъ пальцевъ вооруженъ еще очень большимъ, толстымъ и сильно загнутымъ когтемъ; плюсна сзади до пятки голая, спереди до середины оперенная и на голыхъ мѣстахъ покрытая большими щитками вродѣ пластинокъ. Опереніе обильное и мягкое, почти такое же, какъ у совъ, и на затылкѣ удлиняется, образуя длинный, широкій и поднимающійся кверху хохолъ. Голова и шея сѣрыя, удлиненныя перья на затылкѣ, вся спина, крылья, хвостъ, верхняя часть груди и бока туловища аспидно-черные, рулевыя перья съ тремя бѣловатыми полосками; нижняя часть груди и задъ бѣлые, прочія нижнія части тѣла по бѣлому фону покрыты черными крапинками, ляжки по такому же фону покрыты черными волнообразными линіями. Клювъ и когти черные, ноги желтыя; глаза красновато-желтые. Длина гарпіи 1 метръ, длина крыльевъ 55 см., длина хвоста 34 см.

Отъ Мексики до центральной Бразиліи и отъ Атлантическаго до Тихаго океана, гарпія, какъ кажется, водится въ каждомъ большомъ лѣсу южной Америки. Въ горахъ она, однако, живетъ только въ болѣе низкихъ, жаркихъ долинахъ, а на высокія горы не поднимается. Вездѣ, гдѣ она встрѣчается, гарпія издавна пользуется уваженіемъ, и о жизни ея ходятъ всевозможныя басни. Уже первые путешественники, описавшіе американскія явленія природы и особенно американскихъ животныхъ, упоминаютъ объ этой птицѣ, и каждый сообщаетъ о ней невѣроятныя вещи. Такъ, Фернандецъ повѣствуетъ, что гарпія, будучи величиною почти „съ овцу“, если даже приручить ее, нападаетъ на человѣка изъ за всякаго пустяка, постоянно бываетъ дика и угрюма, тѣмъ не менѣе можетъ быть употребляема съ пользою, такъ какъ ее можно дрессировать для охоты. Далѣе разсказывали, что одного удара клюва гарпіи достаточно для того, чтобы раздробить черепъ человѣка. Лишь новѣйшіе наблюдатели разсѣяли всѣ эти заблужденія.

Гарпія обитаетъ въ сырыхъ, изобилующихъ водою лѣсахъ южной Америки въ указанныхъ границахъ и здѣсь встрѣчается преимущественно на берегахъ рѣкъ. Она водится вездѣ, но нигдѣ не встрѣчается часто, вѣроятно только потому, что перья ея издавна являются излюбленнымъ украшеніемъ индѣйцевъ, и птица изъ за нихъ подвергается жестокимъ преслѣдованіямъ. Внѣ періода спариванья она всегда летаетъ въ одиночку, словно боится, что даже супругъ можетъ помѣшать ея охотѣ. Подобно ястребу, ее рѣдко можно увидѣть сидящею на высокихъ деревьяхъ; обыкновенно она возсѣдаетъ на нижнихъ вѣткахъ. Отсюда она поднимается на воздухъ, причемъ полетъ ея длится недолго и происходитъ толчками; но тѣмъ не менѣе летаетъ она быстро, какъ стрѣла; сначала она взвивается вертикально вверхъ, нѣсколько минутъ кружится, а затѣмъ, если ей удастся замѣтить добычу, изо всей силы устремляется на нее сверху внизъ.

Различныя данныя показываютъ, что гарпія не брезгаетъ ни однимъ высшимъ позвоночнымъ животнымъ, если только оно не защищено отъ ея нападеній своей величиной или не обладаетъ достаточнымъ орудіемъ самозащиты. Нѣкоторые наблюдатели склонны думать, что гарпіи нападаютъ только на млекопитающихъ и особенно на обезьянъ и лѣнивцевъ; Чуди же наблюдалъ, что онѣ усердно преслѣдуютъ и птицъ. „Ни одной хищной птицы“, говоритъ онъ, „индѣйцы не боятся такъ, какъ гарпіи. Благодаря своей величинѣ, храбрости и дерзости,

гарпіи въ самомъ дѣлѣ одни изъ самыхъ опасныхъ враговъ перуанскихъ плантацій, а потому ихъ яростно преслѣдуютъ вездѣ, гдѣ только замѣтятъ. Во многихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ индѣйцы лишены возможности держать домашнихъ птицъ или небольшихъ собакъ, такъ какъ эта ненасытная хищница утаскиваетъ ихъ съ удивительной смѣлостью. Мы видѣли, какъ одна гарпія бросилась на куръ, въ трехъ шагахъ отъ которыхъ стоялъ индѣецъ, и одну изъ нихъ унесла. Въ лѣсахъ пищу этихъ хищниковъ составляютъ многочисленныя пенелопы и скрытохвостыя куры; среди бѣлокъ, двуутробокъ и обезьянъ гарпіи также производятъ значительныя опустошенія. Если толпа обезьянъ, особенно капуциновъ, находится вблизи гарпіи, то онѣ поднимаютъ жалобный крикъ, по возможности ищутъ спасенія на деревѣ и стараются спрятаться въ самой густой листвѣ. Эти безпомощныя животныя только и умѣютъ при видѣ врага издавать жалобные крики.“

Гнѣздо гарпія устраиваетъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ; оно величиной съ гнѣздо исполинскаго аиста и, по словамъ индѣйцевъ, служитъ птицамъ многіе годы.

А. д’Орбиньи разсказываетъ, что индѣйцы очень часто вынимаютъ молодую гарпію изъ гнѣзда, выращиваютъ ее и держатъ въ плѣну исключительно для того, чтобы добывать ея цѣнныя перья болѣе легкимъ способомъ, чѣмъ при помощи охоты. Индѣецъ, у котораго есть живая гарпія, пользуется почтеніемъ со стороны другихъ и потому считается очень счастливымъ. На женщинъ возлагается обязанность кормить этихъ птицъ и носить ихъ черезъ лѣса. Какъ только плѣнныя гарпіи получатъ окраску взрослыхъ птицъ, начинается ихъ мученіе: ибо хозяинъ два раза въ годъ вырываетъ у каждой птицы перья хвоста и крыльевъ, чтобы ими украшать свои стрѣлы или изготовлять себѣ изъ нихъ головной уборъ. Эти перья представляютъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ обмѣна у индѣйцевъ, и нѣкоторыя племена, извѣстныя за искусныхъ охотниковъ на гарпій, при помощи этой охоты пріобрѣтаютъ все, чему индѣйцы придаютъ цѣну. Въ Перу счастливый охотникъ получаетъ еще особую награду. „Если индѣйцу удастся убить гарпію“, говоритъ Чуди, „то онъ ходитъ со своей добычей изъ хижины въ хижину и собираетъ пошлину яйцами, курами, маисомъ и т. п. вещами.“ У дикарей и европейцевъ, живущихъ по берегамъ Амазонки, мясо, жиръ и пометъ гарпіи считаются лекарственными, цѣлебными средствами.

Плѣнныхъ гарпій не разъ уже привозили въ Европу, а именно въ Лондонъ, Амстердамъ и Берлинъ. Это поистинѣ гордыя, величественныя птицы. О томъ, какъ онѣ держатъ себя въ клѣткѣ, ходитъ много разсказовъ, но мы будемъ правы, если обратимъ вниманіе только на сообщеніе Пурламака. „Въ музей Pio де Жанейро привезли съ Амазонки молодую гарпію, которая едва умѣла летать; теперь ей уже восемь лѣтъ, и она величиной съ индюка. Она иногда сидитъ въ своей клѣткѣ съ величайшимъ спокойствіемъ, закинувъ голову назадъ, поводя кругомъ глазами, и тогда кажется дѣйствительно величественной; но большею частью она безпокойно бѣгаетъ взадъ и впередъ по жердямъ. Когда мимо нея пролетаетъ какая-нибудь птица, лицо гарпіи тотчасъ же принимаетъ дикое выраженіе; она оживленно двигается и при этомъ сильно кричитъ. Приведенная въ ярость, она можетъ согнуть желѣзные прутья своей клѣтки. Несмотря на долгую неволю, гарпія не стала ручною, не привязалась къ человѣку, ухаживавшему за нею, и однажды нанесла ему даже порядочную рану въ плечо. По отношенію къ зрителямъ она дика, и кто неосторожно приближается къ ней, на того она накидывается. Если подразнить ее палкою или зонтикомъ, она немедленно мститъ тѣмъ, что схватываетъ протянутый предметъ когтями и съ яростью ломаетъ. Къ животнымъ она относится съ неудержимою злобою. Такъ, одну собаку, неосторожно приблизившуюся къ ея клѣткѣ, гарпія тотчасъ же втащила къ себѣ и разорвала на куски; то же самое сдѣлала она съ молодымъ дикобразомъ. Она нападаетъ и на себѣ подобныхъ птицъ. Когда въ ея клѣтку посадили другую живую гарпію, то обѣ тотчасъ же приняли воинственныя позы. Болѣе старая птица влѣзла на верхнюю жердь и распустила крылья, молодой новичекъ при-

жался къ стѣнкѣ въ такомъ же положеніи. Сторожъ бросилъ тогда курицу въ клѣтку, и молодая птица набросилась на нее съ жадностью. Но старая гарпія тотчасъ же накинулась на молодую, вырвала у нея курицу и вмѣстѣ съ добычей взлетѣла на свою жердь. Новоприбывшая гарпія испустила крикъ, зашаталась, изъ клюва у нея потекла кровавая слизь, и птица упала мертвою. Вскрытіе показало, что у нея было пробито клювомъ сердце.

„Птица эта ненасытна и обладаетъ такою жадностью, что нападаетъ на всякихъ животныхъ, четвероногихъ и пернатыхъ, какихъ только можетъ схватить, и съѣдаетъ ихъ съ мясомъ и костями. Гарпія нуждается въ невѣроятномъ количествѣ пищи; еще будучи совсѣмъ молодою, она съѣдала въ одинъ день поросенка, индюка, курицу и кусокъ воловьяго мяса. Гарпія ни отъ чего не отказывается, и только особенно лакомые куски иногда на нѣсколько часовъ откладываетъ въ сторону. Живыхъ звѣрей она предпочитаетъ мертвымъ. Если добыча ея грязна или попорчена, то гарпія бросаетъ ее въ свою чашку съ водой, чтобы обмыть. Несмотря на свою силу, гарпія бываетъ осторожна при нападеніи. Сильныхъ птицъ она схватываетъ когтями за клювъ такъ, что онѣ теряютъ возможность сопротивляться. Во время ѣды гарпія громко кричитъ и при этомъ бьетъ крыльями. Этотъ крикъ пронзителенъ, почти оглушителенъ; когда же гарпія не бываетъ возбуждена, то пищитъ почти такъ же, какъ цыпленокъ.“

*

Европейскій ястребъ-перепелятникъ является представителемъ распространеннаго по всему лицу земли рода ястребовъ (Accipiter). Главнѣйшіе признаки этого рода: продолговатое туловище съ маленькой головой и изящнымъ клювомъ, загнутымъ въ видѣ очень остраго крючка, короткія крылья, длинный, прямо обрубленный хвостъ и очень высокая слабая плюсна съ тонкими, длинными пальцами, вооруженными крайне острыми когтями. Опереніе весьма сходно окрашено какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ птицъ.

Изъ родственныхъ имъ хищныхъ птицъ ястребы самые ловкіе и сильные. Помимо этого, они обладаютъ всѣми свойствами наиболѣе совершенныхъ представителей своего семейства.

Ястребъ-перепелятникъ (Accipiter nisus) — одинъ изъ самыхъ мелкихъ видовъ своего семейства. Длина его 32, ширина 64, длина крыльевъ 20, длина хвоста 15 см. Значительно болѣе крупная самка на 8—9 см. длиннѣе и на 12—15 см. шире самца. У старыхъ птицъ вся верхняя сторона черновато-пепельно-сѣрая, нижняя сторона бѣлая съ ржаво-красными волнообразными линіями и ржаво-красными же штрихами на стержняхъ, которые у самцовъ бываютъ окрашены ярче, нежели у самокъ. Хвостъ украшенъ 5—6-ю черными полосами и съ бѣлой каймой на концѣ. Клювъ синій, восковица желтая, радужная оболочка золотисто-желтая, ноги блѣдно-желтыя.

Въ Европѣ ястребъ-перепелятникъ встрѣчается, повидимому, повсемѣстно, и въ бо́льшей части Азіи это, вѣроятно, осѣдлая птица. Благодаря составу европейскихъ лѣсовъ, ястребъ чаще встрѣчается въ Европѣ, чѣмъ въ Азіи, но и здѣсь водится во всякой подходящей для него мѣстности. Онъ обитаетъ во всевозможныхъ лѣсахъ, особенно же въ рощахъ, расположенныхъ среди полей и преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ, но человѣка ничуть не избѣгаетъ, а напротивъ, охотно селится близъ деревень и городовъ и посѣщаетъ ихъ правильно по крайней мѣрѣ осенью и зимою; онъ охотится даже въ небольшихъ садахъ съ высокими деревьями внутри городовъ и появляется въ такихъ садахъ изо дня въ день въ опредѣленный часъ, если ему удалось здѣсь поймать хоть разъ что-нибудь; иногда онъ не даетъ себѣ даже труда далеко унести свою добычу, а поѣдаетъ ее въ укромномъ мѣстечкѣ вблизи обитаемыхъ строеній.

Со смѣлостью у ястреба-перепелятника соединяется замѣчательное присутствіе духа, хитрость и коварство. Это настоящій воръ-бродяга или разбойникъ съ большой дороги; по своему образу дѣйствій онъ существенно отличается отъ прочихъ

европейскихъ соколиныхъ птицъ, за исключеніемъ своего короткопалаго родственника и тетеревятника. Онъ умѣетъ притворяться лучше всякой другой хищной птицы. Уже Науманнъ разсказываетъ, что, желая обмануть мелкихъ птицъ, ястребъ-перепелятникъ иногда летаетъ, какъ сойка. Это страшный врагъ всѣхъ мелкихъ пернатыхъ, который впрочемъ не рѣдко отваживается нападать и на болѣе крупныхъ. Начиная съ куропатки и кончая корольком, ни одна птица, повидимому, не можетъ считать себя безопасной отъ его нападеній; маленькими млеко-

Ястребъ-перепелятникъ (Accipiter nisus). ½ естеств. велич.

питающими онъ также отнюдь не брезгаетъ. Если только ястребъ-перепелятникъ думаетъ, что можетъ одолѣть ту или другую дичь, то храбрости и хищности у него для этой цѣли навѣрное хватитъ; онъ даже рѣшается нападать, и притомъ, повидимому, безцѣльно, на животныхъ, которыя въ силахъ сопротивляться. „Однажды“, говоритъ Науманнъ, „я ходилъ по своей рощѣ и слѣдилъ за цаплей, которая спокойно летѣла надъ самыми деревьями. Вдругъ изъ густыхъ вѣтвей одного изъ послѣднихъ деревьевъ вылетѣлъ ястребъ-перепелятникъ, тотчасъ же схватилъ испуганную птицу за горло, и обѣ съ ужаснымъ крикомъ опустились внизъ. Я тотчасъ же подбѣжалъ, но ястребъ слишкомъ рано замѣтилъ меня; онъ испугался и выпустилъ цаплю, послѣ чего каждая изъ птицъ полетѣла своей дорогой. Я очень желалъ бы знать, что́ вышло бы изъ этой не-

равной борьбы, если бы я не помѣшалъ обѣимъ птицамъ. Не одолѣлъ ли бы и не убилъ-ли бы маленькій, безумно-смѣлый разбойникъ цаплю?“

Всѣ мелкія птицы знаютъ и страшно боятся своего злѣйшаго врага. Завидѣвъ его, воробьи отъ страху залѣзаютъ въ мышиныя норы, и всѣ прочія птицы спасаются отъ него по возможности подобнымъ же способомъ. Иныя птицы при этомъ обнаруживаютъ не мало смышлености. Однѣ описываютъ небольшіе круги вокругъ вѣтвей деревьевъ или вокругъ стволовъ, причемъ ястребъ, несмотря на всю свою ловкость, не можетъ за ними такъ быстро слѣдовать; такимъ образомъ, имъ удается немного опередить своего врага, и тогда онѣ съ быстротою молніи бросаются въ густой кустарникъ; другія птицы при появленіи разбойника плашмя кидаются на землю, лежатъ неподвижно, и тогда хищникъ часто не замѣчаетъ ихъ; словомъ, всякій по мѣрѣ своихъ силъ старается спастись. Наиболѣе ловкія изъ мелкихъ пернатыхъ преслѣдуютъ злодѣя громкимъ крикомъ и такимъ образомъ обращаютъ на него вниманіе другихъ птицъ и заставляютъ ихъ быть осторожными. Особенно деревенскія ласточки часто портятъ ему охоту. Добычу свою ястребъ-перепелятникъ относитъ въ скрытое мѣсто, вырываетъ у нея большія перья и затѣмъ не торопясь съѣдаетъ ее. Кости, перья и волосы онъ потомъ выплевываетъ въ видѣ комьевъ. Одно изъ его лакомыхъ кушаній составляютъ птенцы, еще не вылетѣвшіе изъ гнѣзда и упавшіе на землю; но онъ не щадитъ и яицъ.

Голосъ ястреба-перепелятника слышится рѣдко, обыкновенно только около гнѣзда. Это быстро повторяемый звукъ „ки ки ки“ или протяжный звукъ „кэк кэк“. Первый крикъ, кажется, служитъ предостереженіемъ.

Гнѣздо устраивается въ чащѣ или на высокихъ, прямыхъ деревьяхъ; рѣдко оно помѣщается высоко надъ землею, но по возможности въ хорошо скрытомъ мѣстѣ и, если это мыслимо, то на хвойныхъ деревьяхъ, близко къ стволу. Между 10-мъ мая и 20-мъ іюня въ гнѣздѣ можно найти 3—5 умѣренной величины яицъ, усѣянныхъ по известково-бѣлому, болѣе или менѣе сѣроватому или зеленоватому фону красновато-бурыми, глинисто-красными и сѣровато-синими большими и мелкими пятнами и точками. Оба родителя приносятъ своимъ птенцамъ кормъ въ изобиліи; но только самка въ состояніи надлежащимъ образомъ измельчить этотъ кормъ. Замѣчено, что молодые ястребы-перепелятники, даже получая обильную пищу, умирали съ голоду, если бывала убита мать, такъ какъ отецъ не умѣлъ сдѣлать для нихъ корма съѣдобнымъ.

Болѣе крупные изъ настоящихъ соколовъ и тетеревятники безъ всякихъ колебаній съѣдаютъ ястреба-перепелятника, если только имъ удается поймать его; мелкія птицы выражаютъ ему свою ненависть по крайней мѣрѣ тѣмъ, что преслѣдуютъ его. Человѣкъ весьма враждебно относится къ этому несомнѣнно вредному разбойнику вездѣ, гдѣ ознакомился съ его пагубнымъ образомъ дѣйствій. Эта хищная птица не заслуживаетъ пощады, а заслуживаетъ самаго упорнаго и немилосерднаго преслѣдованія. Однако, у многихъ азіатскихъ народовъ ястребъ-перепелятникъ еще донынѣ пользуется большимъ уваженіемъ и имѣетъ многихъ друзей. На южномъ Уралѣ его чаще дрессируютъ для охоты, чѣмъ другихъ соколовъ, главнымъ образомъ впрочемъ только для охоты на перепеловъ. Въ Персіи и Индіи ястребовъ-перепелятниковъ также дрессируютъ и съ успѣхомъ пользуются ихъ услугами.

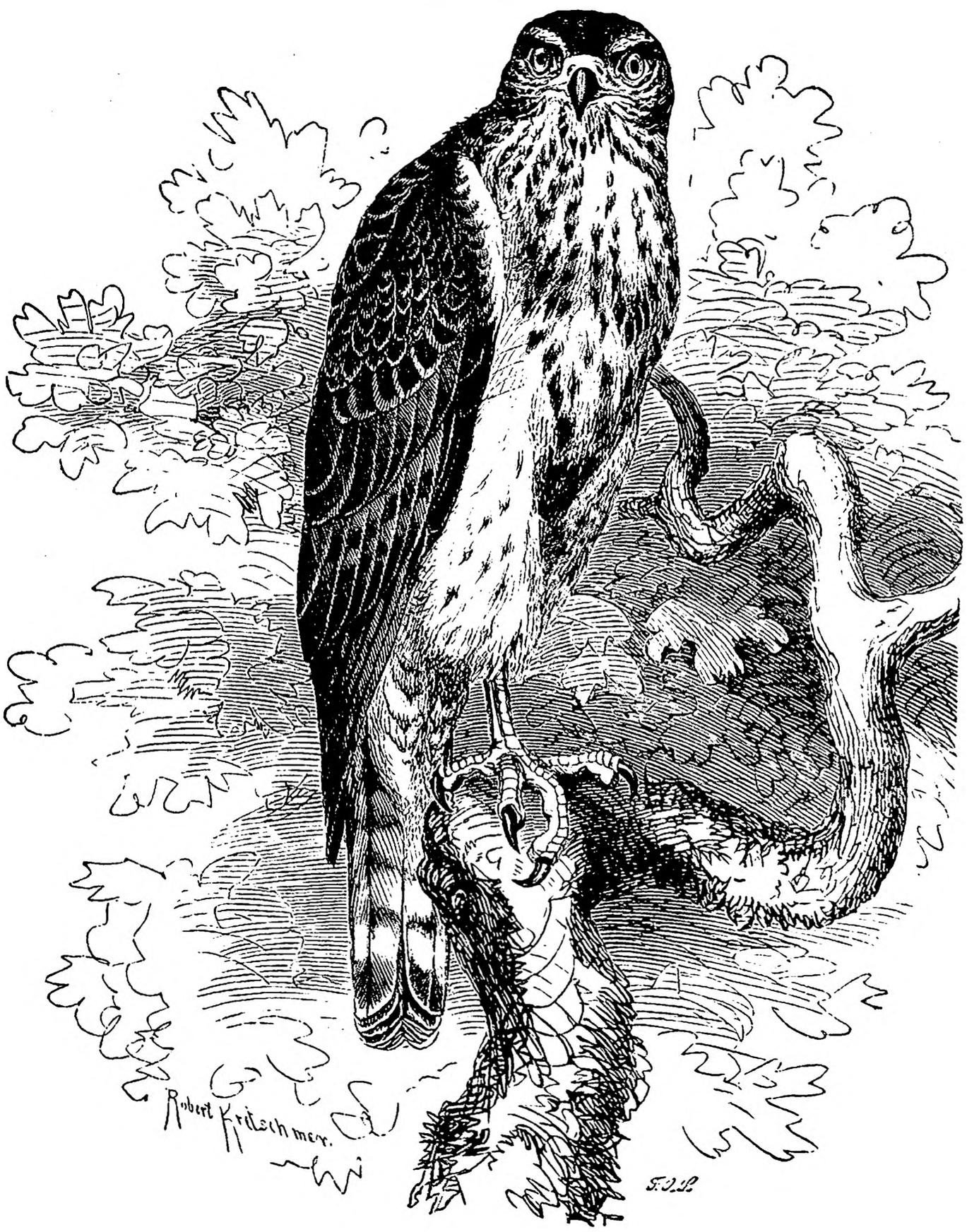
*

Европейскій тетеревятникъ (Astur palumbarius) не только по имени, но и по характеру своему является въ полномъ смыслѣ слова ястребомъ.

Это большая, сильная хищная птица длиною въ 55 см.; размахъ ея крыльевъ 1,1 метра, длина крыльевъ 31, длина хвоста 22 см. Значительно болѣе крупная и болѣе сильная самка на 12—15 см. длиннѣе и на 15—18 см. шире самца. У взрослой птицы верхняя часть тѣла черновато-сѣроватая, съ болѣе или менѣе яснымъ пепельно-синимъ налетомъ, нижняя сторона бѣлая, но каждое перо украшено буровато-черными штрихами на стержняхъ. Клювъ чернаго рогового цвѣта, восковица блѣдножелтая, глаза ярко желтые, ноги желтыя. У молодой птицы

верхняя сторона бурая, каждое перо съ ржаво-желтой каемкой и пятномъ, нижняя сторона ржаво-красноватая, впослѣдствіи ржаво-бѣловатая съ бурыми продольными пятнами. Клювъ, глаза, ноги и восковица блѣднѣе, чѣмъ у старыхъ птицъ.

Область распространенія тетеревятника занимаетъ бо́льшую часть Европы и средней Азіи. Внутри же указанныхъ предѣловъ онъ встрѣчается вовсе не вездѣ, а если и встрѣчается, то не вездѣ одинаково часто. Въ тѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ нѣтъ надлежащаго надзора за охотничьими раіонами, онъ представляетъ собою обыкновенное явленіе и скорѣе даже увеличивается, чѣмъ умень-

Тетеревятникъ (Astur palumbarius). Молодой самецъ. 1/4 естеств. велич.

шается численно, между тѣмъ какъ въ другихъ округахъ происходитъ какъ разъ обратное. Гдѣ тетеревятникъ однажды поселился, тамъ трудно изгнать его, если только условія для его жизни сколько нибудь благопріятны. Ему нуженъ густой лѣсъ, гдѣ онъ могъ бы пользоваться спокойствіемъ и откуда легко могъ бы раздобывать себѣ пропитаніе; хвойныя и лиственныя деревья ему, вѣроятно, одинаково приходятся по вкусу, особенно же любитъ онъ такіе лѣса, которые чередуются съ полями и лугами, но въ большихъ лѣсахъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ небольшихъ рощахъ.

Одинокая, необщительная птица, тетеревятникъ только въ пору спариванья и вывода пребываетъ вмѣстѣ съ супругой; это существо въ высшей степени необузданное, дикое, смѣлое, быстрое, сильное, и притомъ хитрое и осторожное. Полетъ у тетеревятника всегда быстрый; но когда онъ кидается на добычу, то летитъ стремительно и шумно и часто паритъ; при этомъ длинный хвостъ

обыкновенно немного раскрывается. Врядъ-ли какая-нибудь другая соколиная птица дѣлаетъ при полетѣ столько разнообразныхъ движеній и умѣетъ соединять быстроту полета съ внезапными, неожиданными поворотами и стремительное преслѣдованіе съ замѣчательной для такой большой птицы ловкостью. Вотъ тетеревятникъ быстро поднимается вверхъ, нѣсколько разъ паритъ, внезапно опускается внизъ, летитъ съ величайшею вѣрностью сквозь густыя деревья и появляется то наверху, то внизу. На землѣ онъ неловокъ, обыкновенно прыгаетъ и рѣдко ходитъ. Голосъ его — громкій, далеко разносящійся, противный крикъ, который. впрочемъ, слышится рѣдко. Разсерженный или недовольный тетеревятникъ издаетъ протяжный крикъ „ивіэ“; если ему посчастливилось поймать что-нибудь, онъ кричитъ „ивіэ ивіэ“; при спариваньи издается крикъ „гэк гэк гэк“, „гик гик гик“, а затѣмъ, быстро одно за другимъ „кьяк кьяк“; въ страхѣ онъ кричитъ или „віэ віэ“, или же издаетъ тихое „вис вис“.

Тетеревятника можно видѣть дѣятельнымъ во всякое время дня, даже въ полуденные часы, когда большинство остальныхъ птицъ отдыхаютъ. Онъ довольно правильно облетаетъ большой участокъ и туда, гдѣ охота у него была хоть разъ удачна, долгое время возвращается изо дня въ день. Его поразительная прожорливость заставляетъ его охотиться почти непрерывно; подобно ястребу-перепелятнику, онъ рѣдко бываетъ сытъ, чувствуетъ постоянный голодъ или, по крайней мѣрѣ, всегда бываетъ преисполненъ кровожадности. Охотится онъ на всѣхъ птицъ, начиная съ дрохвы и глухаря и кончая маленькими вьюрками, и на всѣхъ млекопитающихъ, съ которыми надѣется справиться. Онъ кидается на зайца съ цѣлью убить его, схватываетъ кусающуюся ласку съ земли, вынимаетъ изъ гнѣзда бѣлку, разбойничаетъ какъ на лету, такъ и сидя, кидается на плавающихъ птицъ и на бѣгающихъ млекопитающихъ, вытаскиваетъ свою добычу даже изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она скрылась. Безумный страхъ охватываетъ животныхъ, которыя знаютъ, что имъ грозитъ нападеніе тетеревятника; онъ часто наводитъ на нихъ такой ужасъ, что при видѣ его они въ оцѣпенѣніи не трогаются съ мѣста. Смѣлость тетеревятника превосходитъ еще его хитрость, а кровожадность его еще больше его смѣлости: пощады онъ никому не даетъ.

Онъ постоянно гоняется за домашними голубями, и одна единственная пара тетеревятниковъ можетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ истребить обитателей цѣлой голубятни. Завидѣвъ тетеревятника, голуби поспѣшно обращаются въ бѣгство; тетеревятникъ же съ быстротою стрѣлы пускается въ косомъ направленіи вслѣдъ за ними и старается схватить котораго-нибудь изъ нихъ, низвергаясь на него обыкновенно сверху. Это происходитъ съ такою быстротою, что при этомъ возникаетъ шорохъ, который можно слышать на разстояніи 100—150 шаговъ. Если тетеревятнику не удается завладѣть голубемъ при помощи преслѣдованія, то онъ прибѣгаетъ къ хитрости. „Въ моемъ подольскомъ имѣніи“, говоритъ графъ Водзицкій, „много занимались разведеніемъ голубей, и скоро ими переполнились всѣ голубятни. Скоро такое множество голубей привлекло со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ тетеревятниковъ и соколовъ, такъ какъ птицы, какъ извѣстно, извѣщаютъ другъ друга объ опасности и такимъ же образомъ приглашаютъ другъ друга на обѣдъ. Моихъ голубей начали съ этихъ поръ такъ преслѣдовать, и они стали такъ уменьшаться численно, что больше не рѣшались вылетать въ поле и искали себѣ пропитанія между строеніями. Бо́льшая осторожность голубей заставила хищныхъ птицъ прибѣгнуть къ хитрости. Голуби очень рѣдко выходили изъ своихъ укромныхъ уголковъ и никогда не удалялись далеко отъ усадьбы, причемъ всегда летали надъ самой землей. Эта странная игра продолжалась болѣе недѣли. Хищнымъ птицамъ пришлось убраться во свояси; только два хитрыхъ тетеревятника умѣли ежедневно добывать себѣ пропитаніе при помощи искусной охоты. Одинъ изъ нихъ цѣлыми часами просиживалъ, растопыривъ крылья, на соломенной крышѣ, въ довольно скрытомъ мѣстѣ; онъ не двигался, сидѣлъ, втянувъ шею, очевидно подражая позѣ совы. Голуби скоро стали довѣрчивѣе, начали садиться на ту же крышу. причемъ злодѣй не шевелился; но когда голуби влетали въ голубятню или вылетали изъ нея, онъ стрѣлою кидался на нихъ, рѣдко давалъ маху, а схва-

тивъ добычу, всегда улеталъ вмѣстѣ съ нею въ садъ, отлично зная, что тамъ никогда не стрѣляютъ, такъ какъ сады расположены между строеніями. Второй тетеревятникъ, еще болѣе смышленый, храбрый и продувной, прилеталъ каждый день въ одинъ и тотъ же часъ, пугалъ голубей, заставлялъ ихъ забираться въ голубятню, а затѣмъ начиналъ настоящую охоту съ загономъ. Онъ садился на входную дощечку, бѣгалъ вокругъ голубятни, становился затѣмъ, раскрывъ крылья, на одну сторону голубятни и до тѣхъ поръ стучалъ по дощечкамъ, танцуя на одномъ мѣстѣ, пока ему не удавалось выгнать одного голубя, вслѣдъ за которымъ онъ тотчасъ же устремлялся."

Съ такой же неутомимостью, какъ птицъ, тетеревятникъ преслѣдуетъ и млекопитающихъ. „Съ молодыми зайцами", говоритъ мой отецъ, „онъ легко справляется, но на старыхъ нападаетъ по извѣстнымъ правиламъ. Когда заяцъ хочетъ спастись бѣгствомъ, тетеревятникъ нѣсколько разъ подрядъ ударяетъ его клювомъ, затѣмъ, когда заяцъ уже раненъ или измученъ, схватываетъ его лапами и постепенно убиваетъ клювомъ и когтями."

Если только возможно, тетеревятникъ отнюдь не довольствуется одной жертвой, а убиваетъ одну за другою столько птицъ, сколько можетъ, а затѣмъ спокойно съѣдаетъ ихъ.

Весьма вѣроятно, что необщительность тетеревятника происходитъ отъ его страшной прожорливости. Замѣчено, что плѣнные тетеревятники очень склонны убивать членовъ своей собственной семьи. Болѣе сильный тетеревятникъ пожираетъ болѣе слабаго, будь то его супругъ, птенецъ, отецъ или мать.

Какъ только онъ показывается, его встрѣчаютъ съ неописуемою ненавистью. Особенно воро́ны, которыхъ онъ, вѣроятно, уноситъ иногда, когда онѣ сидятъ, преслѣдуютъ его неутомимо и бросаются вслѣдъ за нимъ, забывая о грозящей имъ самимъ опасности. „Одинъ тетеревятникъ", продолжаетъ мой отецъ, „преслѣдуемый тремя воро́нами, иногда пытался схватывать ихъ; но онѣ умѣли такъ искусно увертываться, что ему никогда не удавалось ранить ни одной. Когда вороны такъ гнались нѣсколько времени за тетеревятникомъ, этотъ послѣдній увидѣлъ на разстояніи 300 шаговъ голубей на крышѣ: онъ тотчасъ же поспѣшилъ туда и бросился внизъ съ высоты болѣе 160 метровъ, но вернулся безъ голубя. Воро́ны, казалось, были крайне удивлены тѣмъ, что онъ устремился внизъ. Пока онъ парилъ, онѣ легко могли за нимъ слѣдовать; когда же онъ началъ бросаться внизъ, то ни одна не была въ состояніи сопутствовать ему. Лишь когда онъ снова поднялся кверху, нападенія возобновились. Воро́ны снова гоняли его въ теченіе нѣкотораго времени взадъ и впередъ; вдругъ онъ сталъ спускаться внизъ по слегка наклонной, почти горизонтальной линіи, такъ пролетѣлъ 200 метровъ, поймалъ одного голубя и съ нимъ улетѣлъ. Но воро́ны очень скоро замѣтили это и такъ погнались за нимъ, что онъ долженъ былъ выпустить голубя и отказаться отъ всякой попытки поймать другого."

Гнѣздо помѣщается на самыхъ старыхъ и высокихъ деревьяхъ лѣса, большею частью на толстыхъ вѣтвяхъ близъ ствола. Въ послѣднюю половину апрѣля или въ началѣ мая самка кладетъ яйца, въ числѣ 2—4; они крупныя и по зеленовато-бѣлому фону скудно покрыты желтыми пятнами, иногда же совсѣмъ безъ пятенъ. Самка предается высиживанью съ величайшимъ усердіемъ, не покидаетъ гнѣзда даже въ томъ случаѣ, если ей нѣсколько разъ помѣшаютъ, иногда даже не взлетаетъ, если гнѣздо обстрѣливаютъ дробью. Потомство свое оба супруга защищаютъ отъ нападеній, причемъ иногда обнаруживаютъ храбрость, доходящую до безумія. Замѣчено, что тетеревятники набрасывались на людей, взлѣзавшихъ на дерево, гдѣ находилось гнѣздо; не разъ даже случалось, что тетеревятники въ пору спариванья, даже не будучи ничѣмъ раздражены, нападали на людей и даже на лошадей. Птенцы быстро растутъ, ѣдятъ, впрочемъ, невѣроятно много, и у обоихъ родителей заботъ полонъ ротъ, чтобы утолить ненасытный голодъ дѣтей. Тогда гнѣздо обращается въ сущую бойню. Оба старика тащатъ туда все, что́ только находятъ, иногда приносятъ цѣлыя гнѣзда съ птенцами, особенно найденныя ими гнѣзда обыкновенныхъ и черныхъ дроздовъ.

Тетеревятника разумѣется усердно преслѣдуютъ за то страшное зло, какое онъ причиняетъ и которое часто непосредственно касается человѣка.

Плѣнный тетеревятникъ для насъ столь же ненавистная птица, какъ и живущій на свободѣ. Его дикость и злоба, его неуживчивость и кровожадность скоро дѣлаютъ его для насъ въ высшей степени отвратительнымъ. Старые сокольничьи высоко цѣнили тетеревятника, и до сихъ поръ его цѣнятъ въ Азіи вездѣ, гдѣ дрессируютъ этихъ птицъ для охоты. За хорошо дрессированную самку тетеревятника обыкновенно платится 20—50 рупій, а за самца 10—30 рупій.

*

Въ Африкѣ европейскихъ тетеревятниковъ замѣняютъ родственныя имъ птицы, получившія названіе пѣвчихъ ястребовъ (Asturina). Отъ европейскихъ своихъ родственниковъ они отличаются болѣе стройнымъ сложеніемъ, болѣе слабымъ клювомъ, нѣсколько болѣе длинными крыльями, закругленнымъ хвостомъ и болѣе высокими, крѣпкими плюснами съ сравнительно болѣе короткими пальцами и когтями.

На югѣ Африки живетъ самый крупный видъ этого рода, пѣвчій ястребъ (Asturina musicus), въ средней Африкѣ—отличающійся отъ него главнымъ образомъ меньшими размѣрами саранчевый ястребъ (Asturina polyzona). Говорятъ, что самецъ пѣвчаго ястреба заслуживаетъ свое названіе, такъ какъ иногда непрерывно въ теченіе цѣлыхъ часовъ распѣваетъ, хотя и на свой особый ладъ, довольно хорошую пѣсенку.

*

Луни (Circus)—соколиныя птицы средней величины и стройнаго сложенія съ маленькимъ, нѣсколько слабымъ тѣломъ, съ тонкимъ, слабымъ, сильно загнутымъ клювомъ, снабженнымъ длиннымъ крючкомъ и тупымъ зубцомъ, съ очень длинными, тонкими и короткопалыми ногами, съ большими и длинными, но довольно узкими крыльями, съ широкимъ хвостомъ средней длины и мягкимъ опереніемъ съ шелковистымъ блескомъ. Въ крылѣ третье и четвертое маховое перо длиннѣе прочихъ. На лицѣ перья образуютъ личное покрывало.

Полевой лунь (Circus cyaneus) одна изъ самыхъ красивыхъ въ Европѣ соколиныхъ птицъ. У взрослаго самца верхняя сторона, за исключеніемъ затылка, покрытаго бурыми и бѣлыми полосами, окрашена въ свѣтлый пепельно-бурый цвѣтъ, вся нижняя сторона—въ бѣлый цвѣтъ. У взрослой самки верхняя сторона сѣровато-желтовато-бурая; на задней части головы, шеѣ и на верхней части крыла перья украшены ржаво-желтоватыми каемками; нижняя сторона по ржаво-желтоватому фону покрыта бурыми продольными пятнами, а хвостъ покрытъ бурыми и ржаво-желтыми полосами. Глаза, восковица и ноги лимонно-желтаго цвѣта; клювъ рогового чернаго цвѣта. Длина 46, ширина 113 см.

Въ южной Россіи, въ придунайскихъ низменностяхъ, въ Турціи и Греціи, на югѣ средней Азіи и въ сѣверной Африкѣ полевого луня замѣняетъ степной лунь (Circus macrurus), который не разъ залеталъ въ Германію и даже выводилъ тамъ птенцовъ.

Полевой лунь водится въ довольно обширной области. Онъ живетъ во всей средней Европѣ и въ значительной части средней Азіи, во время своего перелета посѣщаетъ всѣ страны сѣверной Африки вплоть до экватора и всю южную Азію, останавливаясь въ подходящихъ для него мѣстахъ. На сѣверѣ приблизительно 55-й градусъ широты составляетъ границу той области, гдѣ онъ обитаетъ. Это характерный обитатель равнинъ, особенно такихъ, гдѣ поля чередуются съ лугами и водой.

По нравамъ и привычкамъ оба указанныхъ вида луней отличаются другъ отъ друга лишь немногими несущественными мелочами; поэтому достаточно будетъ подробно разсмотрѣть одного полевого луня. Онъ въ послѣднихъ числахъ марта прилетаетъ въ Германію, поселяется въ своемъ участкѣ и начинаетъ вести такой правильный образъ жизни, что птицу эту трудно не замѣтить. Раскачиваясь

при полетѣ, колеблясь и, повидимому, невѣрно подвигаясь впередъ, онъ то паритъ, поднявъ крылья надъ тѣломъ, то вяло машетъ крыльями, и низко надъ землею летитъ своей дорогой, бо́льшею частью вдоль кустарника, ручья или канавы съ водою, иногда вдоль ряда кустовъ; часто спускается онъ внизъ, словно схватывая при этомъ всякій разъ добычу, но въ большинствѣ случаевъ поднимается вверхъ безъ таковой, затѣмъ, какъ прежде, продолжаетъ свой полетъ и, наконецъ, описывая широкія дуги, возвращается къ исходному пункту своего путешествія.

Гнѣздо, сооружаемое полевымъ лунемъ, представляетъ собою жалкую постройку. Оно всегда располагается на землѣ или въ раскидистомъ низкомъ кустѣ, среди молодыхъ древесныхъ побѣговъ или среди хлѣбныхъ всходовъ, въ высокой травѣ на болотистыхъ лугахъ и даже въ камышѣ или въ тростникѣ, но въ такомъ случаѣ всегда на возвышеніи. Въ сущности гнѣздо полевого луня представляетъ собою не болѣе какъ безпорядочную кучу сухихъ прутьевъ, стебельковъ травы и тростника, картофельныхъ стеблей, кусковъ помета и т. д.; все это хватается лапами и сносится въ одно мѣсто, здѣсь нагромождается почти безъ помощи клюва и небрежно выстилается принесеннымъ такимъ же способомъ мхомъ, шерстью животныхъ, перьями и другими мягкими матеріалами. Яйца, въ числѣ 4—5, рѣже 6, бо́льшею частью бываютъ похожи на яйца совъ, окрашены въ зеленовато-бѣлый цвѣтъ, обыкновенно безъ всякихъ рисунковъ, или же бываютъ покрыты нѣсколькими мелкими красновато-сѣрыми или желтовато-бурыми крапинками. Молодые, прехорошенькіе луни, одѣтые въ густую сѣроватую пуховую одежду, сидятъ въ гнѣздѣ, прижимаясь другъ къ другу головками; при приближеніи чуждаго существа они плашмя присѣдаютъ къ землѣ и остаются въ такомъ положеніи, словно мертвыя, пока врагъ не схватитъ ихъ или не удалится; при этомъ они молчатъ, хотя въ другое время оживленно пищатъ, вродѣ цыплятъ. Вначалѣ молодыя птицы обыскиваютъ свой участокъ вмѣстѣ съ родителями, которые учатъ дѣтей своихъ охотиться; но скоро молодые луни начинаютъ чувствовать желаніе дѣйствовать самостоятельно и еще до истеченія 3-хъ недѣль охотятся уже совершенно такъ же, какъ старики. Нельзя отрицать, что эта красивая, свѣтло-синяя птица, особенно весною, когда она летаетъ надъ зелеными полями, является истиннымъ украшеніемъ равнины; несомнѣнно также, что, поѣдая мышей и насѣкомыхъ, особенно саранчу, лунь приноситъ намъ пользу, а ловя ящерицъ и лягушекъ, кромѣ мышей, составляющихъ его главную пищу, по крайней мѣрѣ не приноситъ намъ вреда; но многочисленные разбои, совершаемые имъ, лишаютъ его права пользоваться нашей защитой и покровительствомъ. Несмотря на свою кажущуюся слабость, это столь же смѣлый, какъ и опасный врагъ всѣхъ животныхъ, которыхъ онъ можетъ одолѣть. Онъ проливаетъ кровь всякаго мелкаго млекопитающаго, начиная отъ суслика и молодого зайченка, отъ полувзрослаго фазана и куропатки до славки и уноситъ въ своихъ когтяхъ изъ расположеннаго на землѣ гнѣзда всякую молодую, еще безпомощную птицу. Вполнѣ оперившихся и хорошо летающихъ птицъ онъ, правда, ловитъ не въ состояніи; но самку, высиживающую своихъ птенцовъ на землѣ, онъ уноситъ такъ же ловко, какъ утаскиваетъ изъ гнѣзда полувзрослыхъ птенцовъ или яйца.

Съ воро́нами полевой лунь постоянно ссорится, и многое приходится ему терпѣть со стороны храбрыхъ мелкихъ пташекъ, особенно ласточекъ и трясогузокъ. Изъ людей всего опаснѣе для него былъ бы собиратель птичьихъ яицъ, ибо отъ охотника онъ въ большинствѣ случаевъ ухитряется улетѣть. Филинъ-пугачъ, помѣщенный около гнѣзда полевого луня, обыкновенно заманиваетъ только молодыхъ птицъ, а западни большею частью не достигаютъ цѣли, кромѣ развѣ тщательно прикрытой и содержащей надлежащую приманку желѣзной тарелки. Такимъ образомъ, охота на луня, въ сущности, зависитъ отъ случая.

Въ неволѣ полевой лунь, даже пойманный уже старымъ, значительно спокойнѣе другихъ соколиныхъ птицъ, кромѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Чтобы онъ остался живымъ, надо кормить его всевозможнымъ мелкимъ звѣрьемъ, а чтобы вырастить его, приходится еще измельчать эту пищу.

Въ Германіи, на ряду съ полевымъ лунемъ, водится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ луговой лунь (Circus pygargus), который въ иныхъ мѣстахъ замѣняетъ полевого луня. Длина лугового луня 44, ширина 125, длина крыльевъ 48, длина хвоста 23 см. У стараго самца, несомнѣнно самаго красиваго изъ всѣхъ живущихъ въ Германіи луней, голова, затылокъ, спина и верхняя часть груди синевато-пепельно-сѣраго цвѣта, причемъ затылокъ и спина темнаго пепельно-сѣраго цвѣта; нижняя часть груди, брюшко и перья на ногахъ бѣлыя, украшенныя узенькими ржаво-красными штрихами на стержняхъ. Маховыя перья перваго порядка черныя, маховыя перья второго порядка свѣтлаго пепельно-синяго цвѣта съ черной полосой, самыя заднія малыя маховыя перья буровато-сѣрыя; оба среднихъ хвостовыхъ пера пепельно-сѣрыя, прочія свѣтлѣе, причемъ внутреннее опа-

Камышевый лунь (Circus aeruginosus). 1/4 естеств. велич.

хало по направленію кнаружи становится шире, оба же боковыхъ пера ржаво-буроватыя, всѣ съ черной каемкой. Радужная оболочка у старыхъ птицъ ярко-желтая, у молодыхъ каряя, клювъ синевато-черный, восковица желтая, очень высокая и тонкая, ноги воскового желтаго цвѣта.

Луговой лунь водится въ столь же обширной области, какъ и разсмотрѣнные его родственники; но птица эта принадлежитъ болѣе восточной, нежели западной части сѣвера Стараго Свѣта. Въ Германіи этотъ видъ встрѣчается рѣже другихъ видовъ того же рода, но въ извѣстныхъ мѣстностяхъ всегда водится. Соотвѣтственно своему названію, луговой лунь селится въ обширныхъ лугахъ или, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, въ болотахъ, значительное пространство которыхъ высохло; поэтому онъ преимущественно встрѣчается вблизи рѣкъ и въ низменностяхъ, которыя зимою при высокомъ уровнѣ воды бываютъ залиты водою.

Послѣдній интересный для насъ видъ разсматриваемаго рода — это камышевый лунь (Circus aeruginosus). Одежда его бываетъ довольно различна не только въ зависимости отъ пола и возраста, но мѣняется и въ зависимости отъ временъ года. У стараго самца перья на лбу и на темени съ буровато-желтыми

каемками, прочія перья верхней стороны кофейнаго цвѣта, перья передней части шеи и передней части груди съ буровато-желтыми пятнами; на остальной нижней сторонѣ перья ржаво-красныя, на концѣ свѣтлѣе, большія маховыя перья черновато-бурыя, часть малыхъ маховыхъ перьевъ и большія кроющія перья крыльевъ красиваго пепельно-сѣраго цвѣта, рулевыя перья болѣе свѣтлаго сѣраго цвѣта съ красноватымъ налетомъ. У старой самки окраска всегда бываетъ менѣе яркая и болѣе однообразная, а именно пепельно-сѣрый цвѣтъ перьевъ и хвоста рѣдко бываетъ явственнымъ, хвостъ-же, при разсматриваніи сверху, кажется сѣровато-буроватымъ; голова желтовато-бѣлая, покрытая темными полосками на стержняхъ; на затылкѣ съ каждой стороны замѣчается свѣтлое пятно, плечи, личной покровъ и грудь также окрашены свѣтлѣе. У молодой птицы, въ общемъ похожей на самку, преобладаетъ однообразная темно-бурая окраска. Длина камышеваго луня 55, размахъ крыльевъ 136, длина крыльевъ 43, длина хвоста 24 см. Самка нѣсколько крупнѣе.

Начиная съ 57 градуса сѣв. широты къ югу камышевый лунь водится во всѣхъ странахъ и округахъ Европы, подходящихъ для жизни этой птицы. Кромѣ того, камышевый лунь встрѣчается во всей западной Азіи, начиная приблизительно съ той широты, на которой расположены Алтайскія горы, къ югу, но по направленію къ востоку становится все рѣже, напр. на Амурѣ и въ Китаѣ встрѣчается весьма рѣдко. Во время своего перелета камышевый лунь пролетаетъ азіатскій материкъ, а также значительную часть Африки. Болѣе всѣхъ другихъ луней онъ прикованъ къ низменности, ибо болото и вода составляютъ настолько существенную потребность его существованія, что онъ никогда, можно сказать, не теряетъ ихъ изъ виду.

По образу жизни и характеру камышевый лунь принадлежитъ къ неблагороднымъ хищнымъ птицамъ, не обладающимъ лучшими свойствами этой группы животныхъ. Благодаря своему слабому сложенію, онъ можетъ охотиться только на безсильную дичь, которую умерщвляетъ на землѣ или въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ болота. Человѣка онъ боязливо избѣгаетъ, умѣетъ также ловко спасаться бѣгствомъ въ камышъ или въ недоступныя мѣста болота, и такимъ образомъ, не будучи пугливымъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ большею частью избѣгаетъ преслѣдованія. Пища его состоитъ почти исключительно изъ водныхъ и болотныхъ птицъ, ихъ птенцовъ и яицъ, а также изъ молодыхъ птицъ, еще не покинувшихъ гнѣзда. Лишь въ случаѣ недостатка такого корма онъ довольствуется земноводными, рыбою и насѣкомыми. Старыя птицы отлично знаютъ, какъ лунь умѣетъ разнюхивать, гдѣ находятся гнѣзда, поэтому всячески стараются отогнать его отъ гнѣзда и преслѣдуютъ его жалобнымъ крикомъ и ожесточенными ударами клюва. Дикіе гуси, утки и другія плавающія птицы, покидая свои яйца, покрываютъ ихъ матеріалами, изъ которыхъ строится гнѣздо, и тщательно стараются скрыть ихъ отъ взоровъ луня.

Въ качествѣ особаго подсемейства разсматриваемъ мы каракаръ (Polyborinae), американскихъ хищныхъ птицъ съ сравнительно длиннымъ, при основаніи прямымъ, на концѣ слегка загнутымъ клювомъ, лишеннымъ зубцовъ и снабженнымъ коротким крючкомъ, съ высокими и тонкими плюснами ногъ, короткими крыльями, длиннымъ и широкимъ хвостомъ и жесткимъ опереніемъ, отъ котораго уздечки, а въ исключительныхъ случаяхъ горло и передняя часть лба, остаются свободными, и которое на задней части головы торчитъ въ видѣ остраго пучка.

Относительно родины, мѣстопребыванія, образа жизни и характера этихъ замѣчательныхъ птицъ имѣется множество подробныхъ наблюденій. Онѣ замѣняютъ не только грифовъ, но и во́роновъ, воро́нъ и сорокъ. Куда ни забредешь въ южной Америкѣ, начиная отъ морского берега до высочайшихъ вершинъ Андовъ, вездѣ встрѣтишь каракаръ. „Каракары“, говоритъ д'Орбиньи, „самые назойливые паразиты человѣка на различныхъ ступеняхъ его культуры. Вѣрные спутники странника-дикаря, онѣ сопровождаютъ его отъ одной опушки лѣса до другой, вдоль береговъ рѣкъ или черезъ равнину и располагаются временно тамъ, гдѣ онъ останавливается. Гдѣ бы въ теченіе нѣкотораго времени ни располагался

человѣкъ, гдѣ бы ни строилъ себѣ шалашъ, вездѣ появляется каракара, располагается на немъ, словно первая хочетъ завладѣть имъ, и всегда держится наготовѣ, чтобы поднять отбросы пищи, выкидываемые одинокимъ поселенцемъ. Когда человѣкъ устраиваетъ деревушку, каракара и туда слѣдуетъ за нимъ, поселяется по сосѣдству и непрерывно снуетъ между домами, около которыхъ разсчитываетъ найти обильную и безъ труда добываемую пищу. Когда человѣкъ принимается обрабатывать землю и окружаетъ себя бо́льшимъ количествомъ домашнихъ животныхъ, неутомимая каракара становится, повидимому, еще болѣе дѣятельной. Теперь существованіе ея обезпечено; она уже не боится возиться среди поселеній и пользоваться небрежностью обитателей и то схватываетъ цыпленка, то утаскиваетъ тотъ или другой кусокъ мяса, вывѣшеннаго сушиться. Подобно грифу, она нерѣдко приноситъ пользу деревенскимъ и городскимъ жителямъ поѣдая трупы животныхъ и нечистоты.“ Два вида разсматриваемаго подсемейства постоянно можно встрѣтить передъ дверью жилищъ, расположенныхъ въ степи или на опушкѣ лѣсовъ, другіе виды съ тѣми же цѣлями носятся вокругъ домовъ и горъ, третьи живутъ въ самыхъ лѣсныхъ пространствахъ, наконецъ есть и такіе, которые водятся вдоль морского берега.

Летающую каракару можно узнать издали, такъ какъ крылья ея имѣютъ форму четырехугольнаго обрубка; такая своеобразная форма крыльевъ зависитъ отъ того, что раскрытыя маховыя перья, повидимому, имѣютъ одинаковую длину.

*

Въ качествѣ представителя рода крикливыхъ луней (Ibycter) опишемъ химахиму (Ibycter crotophagus).

У старой птицы общая окраска грязновато-бѣлая; полоска, идущая отъ глаза къ задней части головы, спина, крылья и хвостъ темно-бурые, хвостовыя перья, за исключеніемъ широкаго черно-бураго кончика, по бѣловатому фону покрыты узкими черно-бурыми полосками. Самецъ и самка по окраскѣ мало отличаются другъ отъ друга. Длина самца 38, длина самки 40 см., длина хвоста 16—17 см.

Химахима водится въ значительной части южной Америки. Въ Бразиліи она вездѣ встрѣчается часто, а въ Гвіанѣ преимущественно водится только въ степи, особенно въ высохшихъ болотахъ; въ Чили это обыкновенная птица, на Чилоэ представляетъ собою весьма частое явленіе, на берегу Патагоніи и на Огненной Землѣ все еще правильно встрѣчается. Всего охотнѣе она пребываетъ въ открытыхъ, ровныхъ пространствахъ, особенно на лугахъ, служащихъ пастбищами. На Чилоэ ее можно видѣть сидящею на всякой крышѣ или слѣдующею за всякимъ плугомъ. На морскомъ берегу она также аккуратно появляется, въ горахъ же встрѣчается лишь до извѣстной высоты. Ходитъ она по землѣ увѣренно, летаетъ не слишкомъ быстро, причемъ то паритъ, то часто взмахиваетъ крыльями. Въ высшей степени сварливая, химахима постоянно ссорится съ себѣ подобными и со своими родственниками, но съ другими птицами, не принадлежащими къ одному отряду съ нею, живетъ въ довольно добромъ согласіи. По словамъ Дарвина, она ѣстъ все, даже хлѣбъ, выброшенный изъ дому вмѣстѣ съ мусоромъ, сырой картофель, который не только воруетъ около домовъ, но даже выкапываетъ изъ земли вскорѣ послѣ того, какъ его посѣяли. Эта птица послѣдняя покидаетъ скелетъ падали; химахиму часто можно видѣть въ брюшной полости коровы или лошади, гдѣ она сидитъ словно въ клѣткѣ. Черви и личинки насѣкомыхъ временно представляютъ для химахимы лакомое блюдо, и она постоянно садится на домашнихъ животныхъ, чтобы собирать съ нихъ вшей и другихъ насѣкомыхъ или ихъ личинокъ. Въ болотахъ она ищетъ улитокъ и земноводныхъ; на морскомъ берегу подбираетъ всевозможныхъ морскихъ животныхъ, выброшенныхъ прибоемъ на сушу. На птицъ и млекопитающихъ химахима, повидимому, не охотится. Всѣ изслѣдователи находили въ желудкахъ убитыхъ ими химахимъ только бѣлыхъ личинокъ и червей, улитокъ и рыбъ, но никогда не находили слѣдовъ птицъ. Химахима становится несносна своею воровскою назойливостью, еще несноснѣе ея тонкій, звонкій, часто повторяемый свистъ, который иногда прямо-таки оглушаетъ.

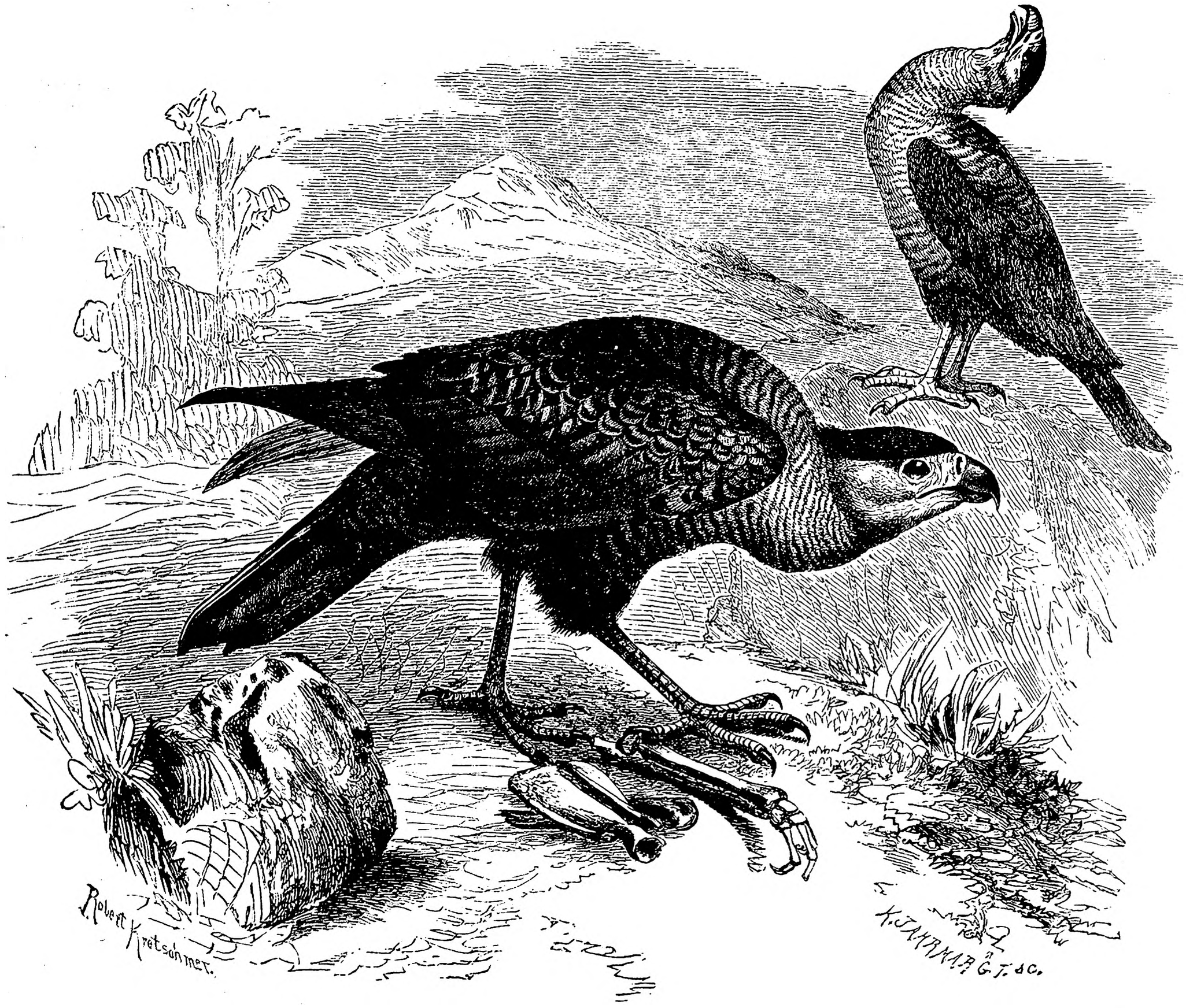
Химанго (Ibycter australis и novae-zaelandiae) хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается вмѣстѣ съ химахимой, но большею частью живетъ на южной оконечности материка. Особенно часто встрѣчается онъ на Фалкландскихъ островахъ, являющихся, повидимому, центромъ области его распространенія. „Эти хищныя птицы“, говоритъ Дарвинъ, „во многихъ отношеніяхъ сходны съ другими видами своего семейства. Онѣ питаются мясомъ мертвыхъ животныхъ и морскими существами. На нѣкоторыхъ островахъ исключительно море доставляетъ имъ пропитаніе. Онѣ вовсе не пугливы, скорѣе въ высшей степени безстрашны и ищутъ себѣ всевозможныхъ отбросовъ около самыхъ домовъ. Если компанія охотниковъ убьетъ животное, извѣстное количество этихъ птицъ собирается около трупа и, сидя на землѣ, терпѣливо выжидаетъ, не достанется-ли что-нибудь и на ихъ долю. Онѣ впрочемъ охотно нападаютъ и на раненыхъ животныхъ: одинъ раненый бакланъ, спасшійся на берегъ, тотчасъ же былъ схваченъ нѣсколькими химанго, которые убили его или, по крайней мѣрѣ, ускорили его смерть ударами своего клюва. Офицеры одного военнаго судна, посѣтившіе Фалкландскіе острова зимою, приводятъ нѣсколько примѣровъ удивительной смѣлости и хищности этихъ птицъ. Такъ, онѣ однажды накинулись на собаку, которая крѣпко спала невдалекѣ отъ одного изъ охотниковъ, а на охотѣ стрѣлки лишь съ трудомъ могли помѣшать каракарамъ схватывать на ихъ глазахъ раненыхъ гусей. У входа въ нору кролика часто, какъ разсказываютъ, сидитъ по нѣскольку химанго, а затѣмъ они сообща схватываютъ появляющееся животное. Пока судно стояло въ гавани, эти хищники постоянно летали вокругъ палубы, и надо было хорошо присматривать за ними, чтобы не дать имъ оторвать кожи отъ снастей или чтобы помѣшать имъ украсть мясо и дичь изъ кормы судна.“

*

Къ каракарамъ въ узкомъ значеніи слова (Polyborus) принадлежитъ каранхо (Polyborus brasiliensis, рис. на стр. 736). Длина его 70, размахъ крыльевъ 125 см., длина крыльевъ 38, длина хвоста 20 см. На верхней и задней части головы перья, которыя могутъ подниматься въ видѣ хохолка, темнаго буровато-чернаго цвѣта, на спинѣ перья покрыты черно-бурыми и бѣлыми поперечными полосками, крылья темно-бурыя; большія покровныя и маховыя перья крыла съ блѣдными поперечными полосками, щеки, подбородокъ, горло и нижняя часть шеи бѣлые или желтовато-бѣлые съ тонкими темными поперечными полосами, бока груди и горла покрыты такими же полосами, какъ спина; брюшко, ляжки и задъ равномѣрнаго черно-бураго цвѣта, основаніе и кончики маховыхъ перьевъ черно-бурые, середина же ихъ бѣлаго цвѣта съ тонкими темными поперечными полосами, крапинками и треугольными пятнами по краямъ и съ широкой, черно-бурой полосой на концѣ. Глаза сѣрые или красновато-каріе, клювъ свѣтло-синеватый, ноги оранжево-желтыя. Каранхо живетъ парами во всѣхъ равнинахъ южной Америки, чаще всего въ степяхъ или въ рѣдкихъ лѣсахъ. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ и въ горахъ онъ не встрѣчается. Особенно многочисленны эти птицы въ болотистыхъ мѣстностяхъ.

Пища каранхо состоитъ изъ всевозможныхъ животныхъ веществъ. Въ степяхъ каранхо, на подобіе европейскихъ сарычей, гоняются за мышами, мелкими пташками, земноводными, улитками и насѣкомыми; на берегу моря они подбираютъ все выброшенное прибоемъ. Принцъ Видъ находилъ въ желудкѣ каранхо остатки насѣкомыхъ и особенно кузнечиковъ, которые встрѣчаются во множествѣ на бразильскихъ лугахъ; Азара говоритъ, что они преслѣдуютъ нанду, ягнятъ и молодыхъ оленей. „Если стадо овецъ не охраняется хорошей собакой“, повѣствуетъ онъ, „то можетъ случиться, что каранхо станетъ набрасываться на новорожденныхъ ягнятъ и начнетъ пожирать ихъ живыми, вырывая у нихъ внутренности изъ брюшной полости. Если одна птица думаетъ, что ей не одолѣть своей жертвы, то она призываетъ еще 4 или 5 другихъ, и тогда разбои ихъ становятся опасными.“ На падаль каранхо всегда прилетаетъ. „Когда въ равнинѣ околѣваетъ какое-нибудь

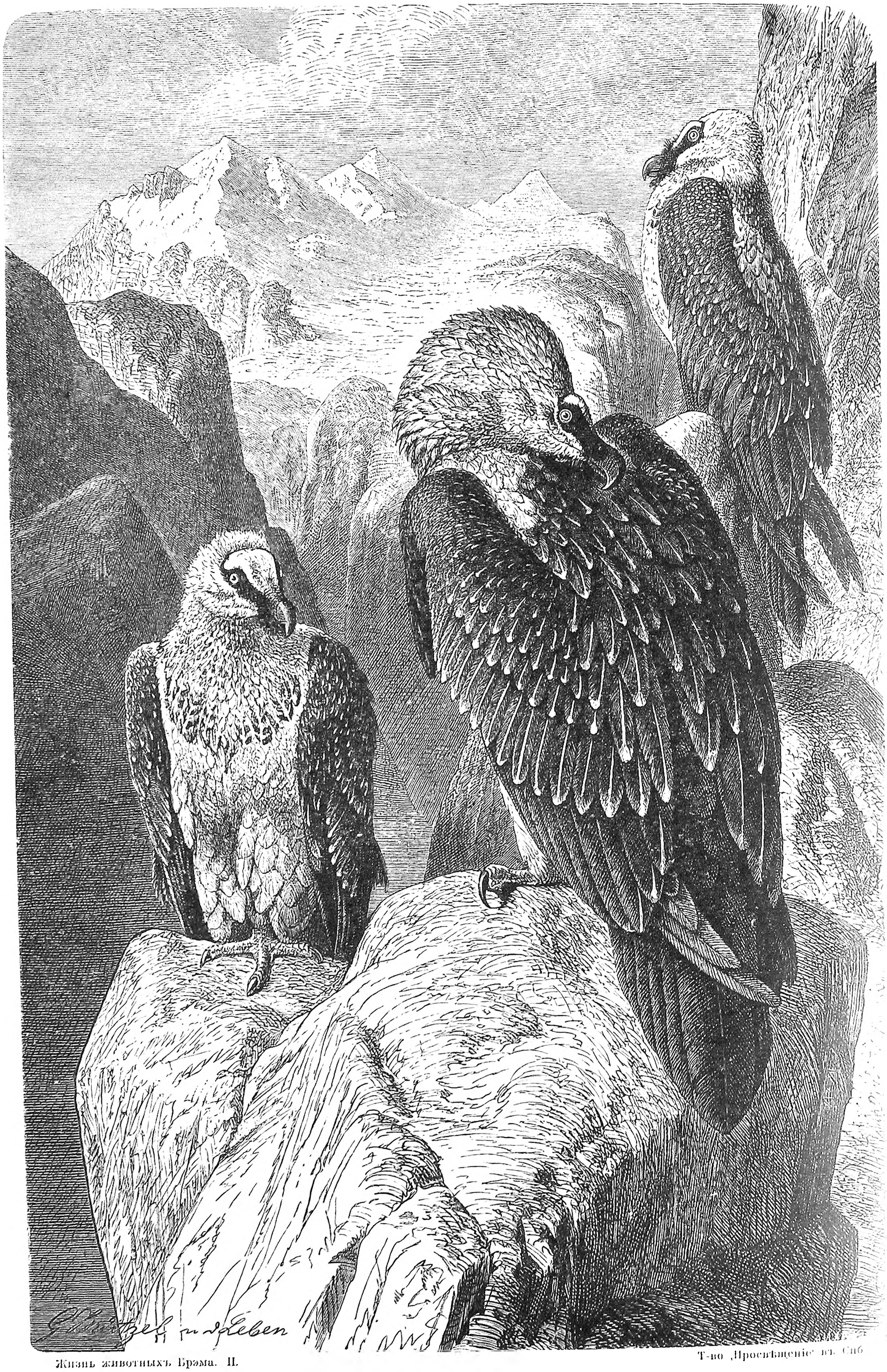
животное“, говоритъ Дарвинъ, „то пиръ начинаетъ урубу, а каранхо обчищаетъ клювомъ кости. Вдоль дорогъ въ пустынныхъ равнинахъ Патагоніи часто можно видѣть значительное количество птицъ, которыя поѣдаютъ трупы животныхъ, умершихъ отъ голода или отъ жажды.“ Деревенскіе жители ненавидятъ каранхо за то, что онъ съ величайшей дерзостью крадетъ мясо, повѣшенное сушиться, въ видѣ разнообразія очень охотно уноситъ цыплятъ или же надоѣдаетъ другимъ слабымъ и даже болѣе сильнымъ домашнимъ животнымъ. Въ теченіе дня нѣсколько каранхо всегда сопровождаютъ охотниковъ, отправляющихся на охоту съ собаками и лошадьми, и часто уносятъ убитую птицу на глазахъ стрѣлка. Каранхо слѣдуетъ также за другими хищниками и при случаѣ отбиваетъ у нихъ добычу. Зато разныя птицы дразнятъ каранхо и злятъ на всѣ лады. Даже ближайшіе родственники каранхо постоянно ссорятся съ ними.

Каранхо (Polyborus brasiliensis). 1/6 естеств. велич.

Издавая крикъ, каранхо закидываетъ голову на спину и трещитъ „трааа“, потомъ опять поднимаетъ голову и кричитъ „роо“ каркающимъ, хриплымъ голосомъ, напоминающимъ тотъ звукъ, который происходитъ, если сильно ударять или тереть по дереву. Крикъ этотъ слышенъ издалека и въ высшей степени непріятенъ.

Періодъ вывода приходится на различные мѣсяцы, мѣняясь въ зависимости отъ мѣстностей, гдѣ живетъ каранхо. Въ Парагваѣ онъ вьетъ себѣ гнѣздо осенью, въ средней Америкѣ — въ весенніе мѣсяцы. Гнѣздо, представляющее собою большое плоское сооруженіе изъ хвороста съ углубленіемъ, выложеннымъ тонкими корешками, травою и мхомъ, случалось находить какъ на очень высокихъ, такъ

Жизнь животныхъ Брэма. II.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

Бородатый ягнятникъ.

и на низкихъ деревьяхъ. Яйца, числомъ 3, самое бо̀льшее 4, часто лишь 2, окрашены весьма различнымъ образомъ, но бо́льшею частью по желтоватому фону покрыты бурыми и кроваво-красными пятнами. Птенцы появляются на свѣтъ въ бѣломъ пуху, родители выращиваютъ ихъ въ высшей степени заботливо и оказываютъ своимъ дѣтямъ помощь, пока они въ ней нуждаются; но скоро старики отвертываются отъ своего потомства или по крайней мѣрѣ относятся къ нему вполнѣ равнодушно.

Одюбонъ разсказываетъ о жизни въ неволѣ парочки каранхо, вынутыхъ еще молодыми изъ гнѣзда. Самецъ часто обнаруживалъ по отношенію къ своей сестрѣ властолюбіе и рѣдко упускалъ случай помучить ее сильными ударами клюва, причемъ обѣими издавались громкіе крики. Къ хозяину своему каранхо относились вовсе недружелюбно. Если ихъ хватали рукою, то они такъ отчаянно отбивались клювомъ и когтями, что приходилось выпускать ихъ. Ѣли они какъ мертвыхъ, такъ и живыхъ животныхъ, крысъ, мышей, куръ разныхъ видовъ и оказывались не менѣе ловкими, чѣмъ соколъ или орелъ, когда надо было унести въ когтяхъ добычу. Во время ѣды они держали свой кормъ въ когтяхъ и проглатывали оторванные куски безъ всякихъ церемоній вмѣстѣ съ мускулами, шерстью и перьями. На вторую весну они облеклись въ одежду взрослыхъ птицъ, но столь же красивыми, какъ старики, они сдѣлались лишь позднѣе.

Между описанными доселѣ соколиными и грифовыми птицами находится родъ ягнятниковъ (Gypaëtus). Они настолько сильно отличаются отъ всѣхъ прочихъ соколиныхъ птицъ своимъ удивительно продолговатымъ туловищемъ, что ихъ выдѣляютъ въ особое подсемейство. Тѣло у нихъ сильное, голова большая, длинная, крылья очень длинныя и острыя; очень длинный двѣнадцатиперый хвостъ ступеньчатъ или клинообразенъ; клювъ большой и длинный, подклювье при основаніи имѣетъ выемку въ видѣ сѣдла, ближе къ концу расширено, загнуто внизъ крючкомъ, снабжено острыми краями, края клюва безъ зубцовъ; лапы средней длины и очень слабыя съ крѣпкими, но мало загнутыми и довольно тупыми когтями; опереніе обильное и крупное. Основаніе клюва окружено направленными впередъ пучками щетинокъ, покрывающихъ восковицу и отчасти прикрывающихъ подклювье; голова покрыта короткими пушистыми и щетинообразными перьями, шея же большими перьями; прочее опереніе прилегаетъ нѣсколько плотнѣе, но на ногахъ оно весьма длинно и покрываетъ ноги до самыхъ пальцевъ.

До сихъ поръ еще не рѣшенъ вопросъ, слѣдуетъ ли причислять всѣхъ ягнятниковъ къ одному виду или относить ихъ къ разнымъ видамъ; несомнѣнно однако, что ягнятники, живущіе въ Африкѣ, сильно отличаются отъ ягнятниковъ, встрѣчающихся на европейскихъ Альпахъ. По образу жизни и характеру всѣ ягнятники похожи другъ на друга.

Бородатый ягнятникъ (Gypaëtus barbatus) доходитъ въ длину до 1—1,15 метра; размахъ крыльевъ 2,4—2,67 метра; длина крыльевъ 79—82, длина хвоста 48—55 см. Первыя цифры относятся къ самцу, вторыя къ самкѣ. Опереніе старой птицы на лбу, темени и на бокахъ головы желтовато-бѣлое, причемъ щетинообразныя перья дѣлаютъ его темнѣе; задняя часть головы и задняя часть шеи краснаго ржаво-желтаго цвѣта, спина, надхвостье, верхнія кроющія перья крыльевъ и хвоста совершенно черныя съ бѣловатыми стержнями, окруженными свѣтлой каемкой, а спереди съ желтоватыми пятнами на концахъ. Маховыя и рулевыя перья черныя, внутреннее опахало ихъ пепельно-сѣрое, стержни бѣловатые. Вся нижняя сторона яркаго ржаво-желтаго цвѣта, причемъ всего темнѣе перья на передней части шеи, а по бокамъ верхней части груди и на ногахъ перья украшены бурыми пятнами. По груди проходитъ кольцо изъ бѣловато-желтыхъ перьевъ съ черными пятнами. Отъ основанія клюва черезъ глазъ проходитъ черная полоса на уздечкѣ, которая на задней части головы поворачивается, но не сливается съ полоской другой стороны, слѣдовательно, полнаго

кольца не образуетъ. Глаза серебристо-бѣлые, наружная глазная оболочка краснаго цвѣта сурика, восковица синевато-черная, клювъ сѣраго рогового цвѣта, кончикъ клюва черный, ноги свинцово-сѣрыя.

Бородатый ягнятникъ водится въ обширной области. Въ Европѣ онъ обитаетъ на Альпахъ и на высокихъ горахъ Трансильваніи; въ небольшомъ числѣ встрѣчается на Балканахъ и въ Пиренеяхъ, а также на всѣхъ высокихъ горахъ трехъ южныхъ полуострововъ и, наконецъ, на Кавказѣ. Въ Азіи онъ водится на всѣхъ высокихъ горахъ, начиная съ Алтая и до китайскихъ пограничныхъ и внутреннихъ горъ, а отсюда распространяется до Синая, до горъ южной Аравіи и до Гималаевъ. Въ Швейцаріи, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, пересталъ размножаться, бородатый ягнятникъ, какъ достовѣрно извѣстно, жилъ болѣе или менѣе правильно на высочайшихъ вершинахъ Бернскихъ, Граубюнденскихъ, Тессинскихъ и Валлисскихъ Альповъ, въ Бернѣ и Тессинѣ, вѣроятно, выводилъ потомство, а въ Валлисъ, быть можетъ, только залеталъ. Послѣдній бородатый ягнятникъ, котораго видѣливъ Швейцаріи и который былъ извѣстенъ подъ названіемъ „s' alt Wyb“ (Старая баба), жилъ въ Лэтчентальскихъ Альпахъ въ Валлисѣ, а гнѣздо его находилось близъ Гохглейфена. Эта старая самка, чучело которой хранится въ лозаннскомъ музеѣ, зимою 1887 г. была найдена отравленной. Въ германскихъ и австрійскихъ Альпахъ птица эта почти или совершенно истреблена; но возможно, что она посѣщаетъ еще нѣкоторые горные хребты и временно тамъ пребываетъ. Въ Балканахъ бородатаго ягнятника можно найти на всякой болѣе высокой горной цѣпи; въ Испаніи, за исключеніемъ Галиціи и Леона, онъ встрѣчается такъ часто, что изъ европейскихъ странъ Испанія имѣетъ наибольшее право считаться его родиной. Наконецъ, въ Африкѣ бородатый ягнятникъ водится главнымъ образомъ по сѣверному краю этой части свѣта.

Ни одну хищную птицу средней Европы, не исключая даже орла, не описывали такъ подробно, какъ бородатаго ягнятника; и тѣмъ не менѣе можно утверждать, что жизнь его стала хорошо извѣстна лишь въ послѣднее время.

Болѣе всѣхъ другихъ членовъ своего отряда, за исключеніемъ развѣ только одного кондора, бородатый ягнятникъ можетъ считаться обитателемъ высочайшихъ горныхъ поясовъ. Но это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что онъ любитъ вершины горъ, но не избѣгаетъ и низменностей. Онъ равнодушенъ къ бурѣ и непогодѣ, ко льду и снѣгу; но и жара, господствующая въ болѣе низкихъ мѣстахъ южныхъ горъ, не дѣйствуетъ на него замѣтнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что при его стремительномъ полетѣ даже горячій воздухъ кажется ему прохладнымъ, и онъ можетъ во всякое время избѣжать тяжелой духоты и взлетѣть въ высокіе, холодные и чистые слои воздуха. Въ Испаніи бородатый ягнятникъ встрѣчается довольно часто на всѣхъ высокихъ горныхъ хребтахъ, но выводитъ птенцовъ и на горахъ вышиною въ 200—300 метровъ. То же самое можно сказать о Персіи. Судя по моимъ наблюденіямъ, бородатый ягнятникъ живетъ парами или въ одиночку, самое бо́льшее маленькими обществами. Каждая пара живетъ въ участкѣ, занимающемъ много квадратныхъ километровъ, и обыскиваетъ этотъ участокъ ежедневно и притомъ даже съ извѣстной правильностью. Поэтому эту птицу всегда можно наблюдать тамъ, гдѣ она водится.

Въ утренніе часы бородатаго ягнятника видно рѣдко или совсѣмъ не видно; лишь часа черезъ полтора послѣ восхода солнца начинаетъ онъ обыскивать свой участокъ, и самое позднее въ 5 часовъ вечера онъ снова летитъ на мѣсто своего ночлега. Оба супруга одной парочки летятъ не слишкомъ далеко другъ отъ друга вдоль главнаго горнаго хребта, обыкновенно не выше 50-ти метровъ надъ поверхностью земли. Они летятъ вдоль горной цѣпи на всемъ ея протяженіи, иногда около вершины какой-нибудь высокой горы поворачиваются и обыскиваютъ такимъ же образомъ другую сторону горы. Если главный горный хребетъ пересѣкается поперечными долинами, то птицы пролетаютъ надъ ними на той же высотѣ, на какой держались раньше, но рѣдко обыскиваютъ ихъ; надъ котловинами же ягнятникъ бо́льшею частью кружится довольно долго. Летящій бородатый ягнятникъ не особенно-то любитъ останавливаться на своемъ пути. Людей онъ также отнюдь не боится: ища

пищи, онъ часто пролетаетъ даже на разстояніи немногихъ метровъ отъ человѣка. Обыскивая свой участокъ, бородатый ягнятникъ летаетъ также чрезвычайно быстро, причемъ слышится громкій шорохъ его перьевъ, но не замѣтно движенія крыльевъ, и при этомъ фигура его кажется столь изящной, что совершенно немыслимо смѣшать его съ какимъ-нибудь грифомъ или орломъ. Только неопытный глазъ можетъ принять его за стервятника.

Во время полета онъ озирается по сторонамъ, пока чего-нибудь не замѣтитъ; тогда онъ начинаетъ вертѣться надъ замѣченнымъ предметомъ по спиральной линіи; товарищъ его тотчасъ же присоединяется къ нему, и оба пребываютъ на одномъ мѣстѣ, причемъ иногда долго кружатся, а затѣмъ продолжаютъ свое странствованіе. Если найденный предметъ стóитъ того, чтобы надъ нимъ потрудиться, то бородатые ягнятники мало по малу спускаются ниже, наконецъ спускаются на землю и, на манеръ вóроновъ, бѣгутъ къ намѣченному предмету. Спускается бородатый ягнятникъ всегда на возвышенные пункты, охотнѣе всего на зубцы утесовъ или, по крайней мѣрѣ, на площадки скалъ. Видно, что взлетать ему трудно, и что вслѣдствіе этого онъ предпочитаетъ слетать внизъ съ высокихъ предметовъ, откуда уже можетъ слѣдовать далѣе, не махая крыльями; ибо когда онъ паритъ, то малѣйшаго дуновенія въ воздухѣ достаточно для того, чтобы онъ могъ подняться на какую угодно высоту. На скалахъ, если только это возможно, онъ сидитъ довольно прямо, обыкновенно же держится горизонтально, такъ какъ этого требуетъ его длинный хвостъ. Ходитъ онъ сравнительно хорошо и при ходьбѣ шагаетъ, а не прыгаетъ.

Если спросить какого-нибудь добросовѣстнаго испанскаго охотника, чѣмъ питается бородатый ягнятникъ, то испанецъ не станетъ, подобно швейцарцу, разсказывать разныхъ страшныхъ исторій о разбояхъ птицы, нечистой силѣ, похищеніяхъ и убійствахъ, а просто скажетъ, что „раздробитель костей“ (Quebranta-huesos) ѣстъ падаль, кроликовъ, зайцевъ и другихъ мелкихъ млекопитающихъ, главнымъ же образомъ поѣдаетъ кости, которыя раздробляетъ, кидая ихъ съ значительной высоты внизъ. Когда я разспрашивалъ о птицѣ, которая уноситъ и ѣстъ козъ и овецъ, дѣтей и собакъ, мнѣ никогда не указывали на бородатаго ягнятника, а всегда называли беркута. О беркутѣ, но только объ немъ одномъ, мнѣ разсказывали столько же исторій, сколько нѣмецкіе естествоиспытатели разсказываютъ объ альпійскомъ бородатомъ ягнятникѣ. Въ общемъ, бородатаго ягнятника считаютъ въ Испаніи очень невинной птицей. Ни одинъ пастухъ не боится его, ни одинъ владѣлецъ скота не жалуется на его похищенія, но всѣ утверждаютъ, что онъ вмѣстѣ съ грифами всегда бросается на падаль и, какъ было уже замѣчено, кидаетъ кости сверху внизъ. Дѣйствительно, нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что птица такимъ образомъ разбиваетъ большія кости. Орланы и другія хищныя птицы, особенно-же вóроны и чайки, по словамъ самыхъ добросовѣстныхъ наблюдателей, дѣлаютъ совершенно то же самое. Значитъ, бородатый ягнятникъ вполнѣ справедливо носитъ свое испанское названіе.

Объ абиссинскомъ бородатомъ ягнятникѣ Гейглинъ говоритъ, „что пища его состоитъ исключительно почти изъ костей и другихъ отбросовъ боенъ, что онъ ѣстъ мясо мертвыхъ звѣрей и человѣческіе трупы, но самъ охотится лишь въ случаѣ крайней необходимости, ибо ему рѣдко удается изловить зайца или заблудившуюся больную козу. Во время походовъ царя Теодора противъ племени Галла цѣлыя дюжины этихъ птицъ неизмѣнно сопровождали войско.“

Крюперъ говоритъ слѣдующее: „Услышавъ имя ягнятника, всякій невольно представляетъ себѣ самаго смѣлаго разбойника въ птичьемъ мірѣ и содрагается — настолько ужасной представляется эта птица нашему воображенію. Но вотъ вопросъ, дѣйствительно ли ягнятникъ столь страшенъ и столь вреденъ для стадъ и людей, или же онъ незаслуженно пріобрѣлъ ту дурную славу, которая сложилась объ немъ въ ученыхъ сочиненіяхъ и среди простолюдиновъ? Въ Аркадіи, гдѣ горы не особенно высоки, область, въ которой водится ягнятникъ, начинается непосредственно у самаго моря. Что же воруетъ въ равнинѣ этотъ опасный сосѣдъ? Ищетъ-ли онъ тамъ ягнятъ, козъ или даже телятъ съ цѣлью съѣдать ихъ? Иногда можно

видѣть, какъ онъ на небольшой высотѣ кружится у подножія горы, густо поросшей кустарникомъ, и, обративъ голову внизъ, высматриваетъ добычу, а затѣмъ слетаетъ внизъ и исчезаетъ. Ужъ не схватываетъ ли онъ въ это мгновеніе добычу, не похищаетъ ли козу? Нѣтъ, онъ слетаетъ внизъ только за тѣмъ, чтобы поймать черепаху, которая должна утолить его голодъ и напитать его птенцовъ. Чтобы добраться до мяса черепахи, онъ бросаетъ ее сверху на скалу, о которую она разбивается. Англичанинъ Симпсонъ, наблюдавшій ягнятника въ Алжирѣ, подтверждаетъ эти данныя и разсказывалъ мнѣ, что у каждой птицы есть своя скала, о которую она раздробляетъ черепахъ. 14-го мая 1861 г. я посѣтилъ гнѣздо одного бородатаго ягнятника. Внизу, около стѣны утеса, лежало множество черепахъ, а также разныхъ костей.“

„Кости, содержащія въ себѣ мозгъ“, говоритъ Симпсонъ, „это тѣ лакомые куски, которые больше всего любитъ бородатый ягнятникъ, и когда другіе грифы обглодали мясо со скелета трупа, онъ появляется къ концу пира и поѣдаетъ кости или разламываетъ ихъ и затѣмъ проглатываетъ куски, если другимъ способомъ не можетъ извлечь содержащагося въ костяхъ мозга.“ „Эта птица“, по словамъ Гурнея, „проглатываетъ большія кости. Желудокъ того ягнятника, котораго я убилъ (на юго-восточномъ берегу Африки), былъ наполненъ подобными костями. Кости эти, безъ сомнѣнія, были проглочены безъ всякихъ остатковъ мяса, и я самъ видѣлъ, какъ ягнятникъ схватилъ сухую кость. Самая большая изъ найденныхъ мною костей была бычачій позвонокъ длиною въ 10 см., шириною въ 7 см. и толщиною въ 5 см. Въ желудкѣ между костями я нашелъ также множество волосъ жиряка, и это послужило для меня доказательствомъ того, что ягнятникъ похищаетъ и такого рода животныхъ, вѣроятно, когда они въ теченіе дня грѣются на солнцѣ внѣ своей пещеры.“ По сообщенію Адамса, ягнятникъ ловитъ „сурковъ, но питается не одной только живой добычей; часто можно видѣть, какъ онъ, не торопясь, спускается вдоль склоновъ горъ и ищетъ падали и другихъ отбросовъ. Въ желудкѣ одной птицы, убитой мною въ горахъ Кашмира, я нашелъ нѣсколько длинныхъ костей и копыто каменнаго барана.“

Послѣ столькихъ свидѣтельствъ, почти вполнѣ согласныхъ другъ съ другомъ, трудно считать вѣрными тѣ разсказы, какіе приводятъ швейцарскіе естествоиспытатели о силѣ, смѣлости и хищности этой птицы. Скорѣе слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что бородатый ягнятникъ представляетъ собою въ крупномъ видѣ то же самое, что́ стервятникъ въ мелкомъ: что это безсильная, трусливая, какъ физически, такъ и духовно мало одаренная птица, которая только при случаѣ схватываетъ слабое, живое позвоночное животное, обыкновенно же довольствуется въ качествѣ пищи костями и другими отбросами отъ животныхъ. Мы не должны однако умалчивать о томъ, что имѣется нѣсколько сообщеній, за правильность которыхъ ручаются добросовѣстные наблюдатели, и которыя гласятъ о томъ, что бородатый ягнятникъ съ успѣхомъ нападалъ на болѣе крупныхъ животныхъ и даже на дѣтей; но подобные случаи мы можемъ разсматривать только какъ рѣдкія исключенія.

Наши свѣдѣнія относительно размноженія бородатаго ягнятника въ послѣднее время значительно пополнились, благодаря сообщеніямъ разныхъ наблюдателей. Они довольно единогласно утверждаютъ, что и эта птица, подобно многимъ другимъ представителямъ этого семейства, по нѣскольку разъ высиживаетъ птенцовъ въ одномъ и томъ же гнѣздѣ, а на югѣ гнѣздится даже иногда среди настоящихъ грифовъ. Обыкновенно бородатый ягнятникъ выбираетъ помѣстительное углубленіе въ скалѣ, большею частью на неприступной стѣнѣ утеса, и здѣсь высиживаетъ потомство. Въ январѣ, самое позднее въ первыхъ числахъ февраля, приступаетъ онъ къ высиживанію. Въ громадномъ большинствѣ достовѣрно извѣстныхъ случаевъ самка кладетъ одно единственное яйцо. Яйца крупныя, кругловатыя и крупно-зернистаго строенія, по тускло-бѣловатому фону покрыты болѣе мелкими и болѣе крупными, иногда даже очень крупными пепельно-сѣрыми или красновато-сѣрыми пятнами и охрово-желтыми, красновато-бурыми или буровато-красными крапинками и пятнышками, которыя сгущаются въ нижней или въ средней части яйца. Сколько времени продолжается высиживанье — неизвѣстно; мы

знаемъ только, что въ началѣ марта, самое позднее въ апрѣлѣ, въ Швейцаріи, въ южной Испаніи и въ сѣверной Африкѣ замѣчены были вылупившіеся птенцы. Одно гнѣздо, найденное въ Пиренеяхъ, стояло на выступѣ скалы, врядъ ли выше 15-ти метровъ надъ подножіемъ послѣдняго гребня утеса, а потому до него сравнительно легко было добраться. Наружная часть сооруженія имѣла въ поперечникѣ около 1,5 метра, поперечникъ углубленія гнѣзда, въ 12, приблизительно, см. глубиною, равнялся 60 см., вышина гнѣзда—1 метру. Наружная часть гнѣзда состояла изъ толстыхъ и длинныхъ сучьевъ, толщиною въ руку ребенка и меньше, до толщины большого пальца; затѣмъ слѣдовалъ тонкій слой вѣтвей и сучковъ, между которыми находилось углубленіе. Оно было выложено такими же, но нѣсколько болѣе тонкими сучьями и внутри тщательно устлано полосками лыка, коровьими и конскими волосами. Вокругъ гнѣзда всѣ площадки скалы были покрыты бѣлоснѣжной корой помета. Второе гнѣздо, найденное въ Греціи, было построено изъ толстыхъ вѣтвей и заткано разными волосами животныхъ, особенно козлиною шерстью, а внутри было примято въ видѣ плоской подушки. Въ гнѣздѣ сидѣлъ трехнедѣльный птенецъ, которому принесены были на обѣдъ кости, цѣлая нога осла, черепахи и т. п. „Оба родителя приближались и отъ поры до времени издавали свистъ, довольно похожій на свистъ пастуховъ“. Впослѣдствіи старики стали еще болѣе робки; но о какой бы то ни было попыткѣ ихъ сдѣлать нападеніе въ сообщеніи ничего не говорится.

Жизнь бородатыхъ ягнятниковъ въ неволѣ не разъ наблюдалась и вполнѣ соотвѣтствуетъ тому характеру, какой обнаруживаетъ эта птица на свободѣ. Одну птицу, пойманную молодою, кормили кусочками мяса; впослѣдствіи она стала ѣсть мясо всевозможныхъ млекопитающихъ, иногда вмѣстѣ съ костями, но никогда не трогала птицъ или частей птицъ; по отношенію къ хозяину и къ знакомымъ она была очень ручная и довѣрчивая, чужихъ же кусала; воду этотъ ягнятникъ пилъ, но ему было въ высшей степени непріятно, когда его сажали въ воду и мыли. Однажды къ плѣннику принесли взрослую самку бородатаго ягнятника, у которой прострѣлено было крыло. Оба ягнятника отлично уживались другъ съ другомъ. Взрослый ягнятникъ также не трогалъ мяса птицъ, и его нельзя было заставить проглотить хотя бы самый маленькій кусочекъ птичьяго мяса. Галку, посаженную къ обоимъ ягнятникамъ, ни одинъ изъ нихъ не трогалъ; хищники выносили разныя дерзости съ ея стороны и вообще обнаруживали величайшее добродушіе. Къ этому обществу былъ присоединенъ впослѣдствіи еще беркутъ и два молодыхъ стервятника, вслѣдствіе чего общее согласіе нисколько не было нарушено; но ему немедленно наступилъ конецъ, когда къ птицамъ посадили ястребинаго орла.

Сравненіе, произведенное Гиртаннеромъ, показываетъ, что молодые бородатые ягнятники, попавшіе въ неволю, отличаются многими хорошими качествами отъ старыхъ. Старыя птицы лѣнивы, глупы, непокорны, никогда не становятся довѣрчивыми къ человѣку; зато молодыя не только гораздо подвижнѣе, но и гораздо понятливѣе старыхъ птицъ, и физически, и духовно самостоятельнѣе ихъ; онѣ довѣрчиво относятся къ людямъ, ухаживающимъ за ними, и потому даютъ возможность лучше судить о поведеніи ягнятниковъ на свободѣ, чѣмъ старыя птицы. Одинъ ягнятникъ, котораго Бальденштейнъ держалъ у себя 7 мѣсяцевъ, самымъ яснымъ образомъ умѣлъ заявлять о своемъ желаніи купаться, дѣлая крыльями движенія словно при плаваніи и подергивая хвостомъ, присѣдалъ на землю и такъ точно воспроизводилъ всѣ движенія купающейся птицы, что Бальденштейнъ тотчасъ же приносилъ ванну съ водою, куда птица немедленно устремлялась и повторяла съ величайшимъ удовольствіемъ въ водѣ всѣ тѣ движенія, которыя сначала исполняла на сухомъ мѣстѣ, окуналась съ головой и вся промокала. Если Бальденштейнъ ужъ слишкомъ дразнилъ своего ягнятника, то птица дѣлала видъ, что нападаетъ на своего хозяина, хотя была искренно къ нему привязана и явно признавала его за своего благодѣтеля. Когда ягнятникъ стоялъ на столѣ, то голова его находилась на одной высотѣ съ головой его господина, и оба бесѣдовали другъ съ другомъ. Бородатый ягнятникъ клювомъ возился въ бакен-

бардахъ своего хозяина или засовывалъ ему клювъ въ рукавъ и при этомъ издавалъ дружелюбный звукъ „гих“. Бальденштейнъ могъ гладить птицу сколько угодно, и никогда ягнятникъ не проявлялъ недовѣрія. Къ чужимъ людямъ онъ относился совершенно иначе. Другой, тоже молодой, ягнятникъ, питомецъ Амштейна, когда хозяинъ хотѣлъ срисовать его и для этой цѣли посадилъ его передъ собою, отъ поры до времени прилеталъ на плечо своего хозяина и ласкалъ его клювомъ, отлично понимая, что съ нимъ что́-то дѣлаютъ, послѣдствія чего ему не вполнѣ ясны. Но что, повидимому, въ высшей степени добродушные ягнятники иногда приходятъ въ ярость, — въ этомъ Салисъ убѣдился по одному ягнятнику, котораго цѣлый годъ держалъ въ неволѣ, и который долго былъ запертъ съ тетеревятникомъ. Когда же послѣдній однажды сталъ отнимать у ягнятника кусокъ мяса, у ягнятника загорѣлись глаза, перья у него на шеѣ оттопырились, онъ запустилъ когти въ грудь тетеревятника, и птица въ то же мгновеніе упала около него въ предсмертныхъ содраганіяхъ; убійца же продолжалъ спокойно ѣсть, словно ничего особеннаго и не приключилось.

Вредъ, наносимый человѣку живущимъ на свободѣ ягнятникомъ, незначителенъ, не можетъ, по крайней мѣрѣ, идти въ сравненіе съ вредомъ, причиняемымъ беркутомъ. На югѣ, гдѣ ягнятникъ легко можетъ добывать себѣ падаль и кости черепахъ и другихъ мелкихъ животныхъ, онъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ посягаетъ на собственность человѣка, а въ Швейцаріи онъ такъ рѣдко встрѣчался, что его разбойническія продѣлки не могли имѣть особеннаго значенія. О сколько нибудь значительной пользѣ, приносимой этой птицей, не можетъ быть и рѣчи; только туареги убиваютъ часто встрѣчающихся у нихъ ягнятниковъ ради ихъ мяса и жира, первое съѣдаютъ, а второй употребляютъ какъ средство противъ укушенія ядовитыхъ змѣй.

Объ охотѣ на ягнятниковъ и о ловлѣ ихъ можно сказать лишь немногое. Кому не благопріятствуетъ случай, кому не удается найти гнѣзда и такимъ образомъ облегчить себѣ охоты, тотъ долженъ иногда выжидать ягнятника цѣлыми днями около падали. Ловко поставленный капканъ скорѣе приводитъ къ цѣли; но капканъ слѣдуетъ хорошо укрѣплять, чтобы птица не вырвала его и не унесла съ собою. Охота на ягнятника не имѣетъ въ себѣ ничего опаснаго. Даже раненые ягнятники и не думаютъ нападать на человѣка, какъ это дѣлаютъ всегда сипы.

Грифовыя птицы (Vulturinae), которыхъ мы выдѣляемъ въ особое подсемейство соколиныхъ птицъ, являются самыми крупными представителями хищныхъ птицъ. У нихъ клювъ длиннѣе головы или по крайней мѣрѣ такой же длины, какъ голова, прямой; только передъ концомъ надклювья онъ загнутъ въ видѣ крючка внизъ, имѣетъ бо́льшую вышину, чѣмъ ширину, острые края и большую восковицу, занимающую треть, а у болѣе слабыхъ видовъ даже половину клюва. Настоящаго зубца никогда не бываетъ, но онъ замѣняется, какъ у орловъ, выступомъ на краю надклювья. У нѣкоторыхъ видовъ замѣчаются кожистые придатки на клювѣ, а именно гребневидныя возвышенія. Ноги сильныя, пальцы же слабые, когти короткіе, мало загнутые и всегда тупые, такъ что лапы въ качествѣ орудія для хватанія мало имѣютъ значенія. Крылья очень велики, но при этомъ, такъ какъ четвертое маховое перо бываетъ обыкновенно самое длинное, широки и бо́льшею частью сильно закруглены. Хвостъ средней длины, закругленъ или сильно ступеньчатъ и состоитъ изъ жесткихъ перьевъ. Пищеводъ расширяется въ довольно большой зобъ, который выступаетъ на шеѣ словно наполненный мѣшокъ.

Способности грифовыхъ птицъ односторонни, но иногда превосходны. Онѣ держатся вяло; сидя на землѣ, сильно пригибаются, крылья оттопыриваютъ и лишь рѣдко тщательно приводятъ въ порядокъ свое опереніе; ходятъ онѣ хоть некрасиво, но легко, бо́льшею частью шагаютъ, и летаютъ тихо, но удивительно долго. Внѣшнія ихъ чувства не менѣе остры, чѣмъ у другихъ пернатыхъ разбойниковъ. Зато умственныя ихъ способности кажутся, повидимому,

незначительными. Онѣ боязливы, но рѣдко бываютъ дѣйствительно осторожны, запальчивы и вспыльчивы, но не предпріимчивы, а еще менѣе смѣлы; онѣ общительны, но отнюдь не миролюбивы, сварливы и злобны, но при этомъ трусливы: онѣ не возвышаются даже до хитрости. Рѣдко привязываются онѣ, дѣйствительно, къ какому-нибудь другому существу. Всегда онѣ бываютъ неуклюжи и грубы. Имъ свойственно замѣчательное упорство при достиженіи того, что́ онѣ однажды начали. Мы называемъ ихъ лѣнивыми, такъ какъ видимъ, какъ онѣ иногда по цѣлымъ часамъ съ величайшимъ спокойствіемъ неподвижно просиживаютъ на одномъ мѣстѣ, но мы могли бы утверждать о нихъ и обратное, такъ какъ все-таки бо́льшую часть дня онѣ проводятъ летая. Характеръ ихъ представляетъ смѣсь самыхъ разнообразныхъ и, повидимому, противорѣчивыхъ свойствъ. Ихъ такъ и хочется назвать спокойными и тихими птицами, между тѣмъ какъ болѣе точное наблюденіе все-таки показываетъ, что ихъ слѣдуетъ причислить къ наиболѣе страстнымъ хищнымъ птицамъ.

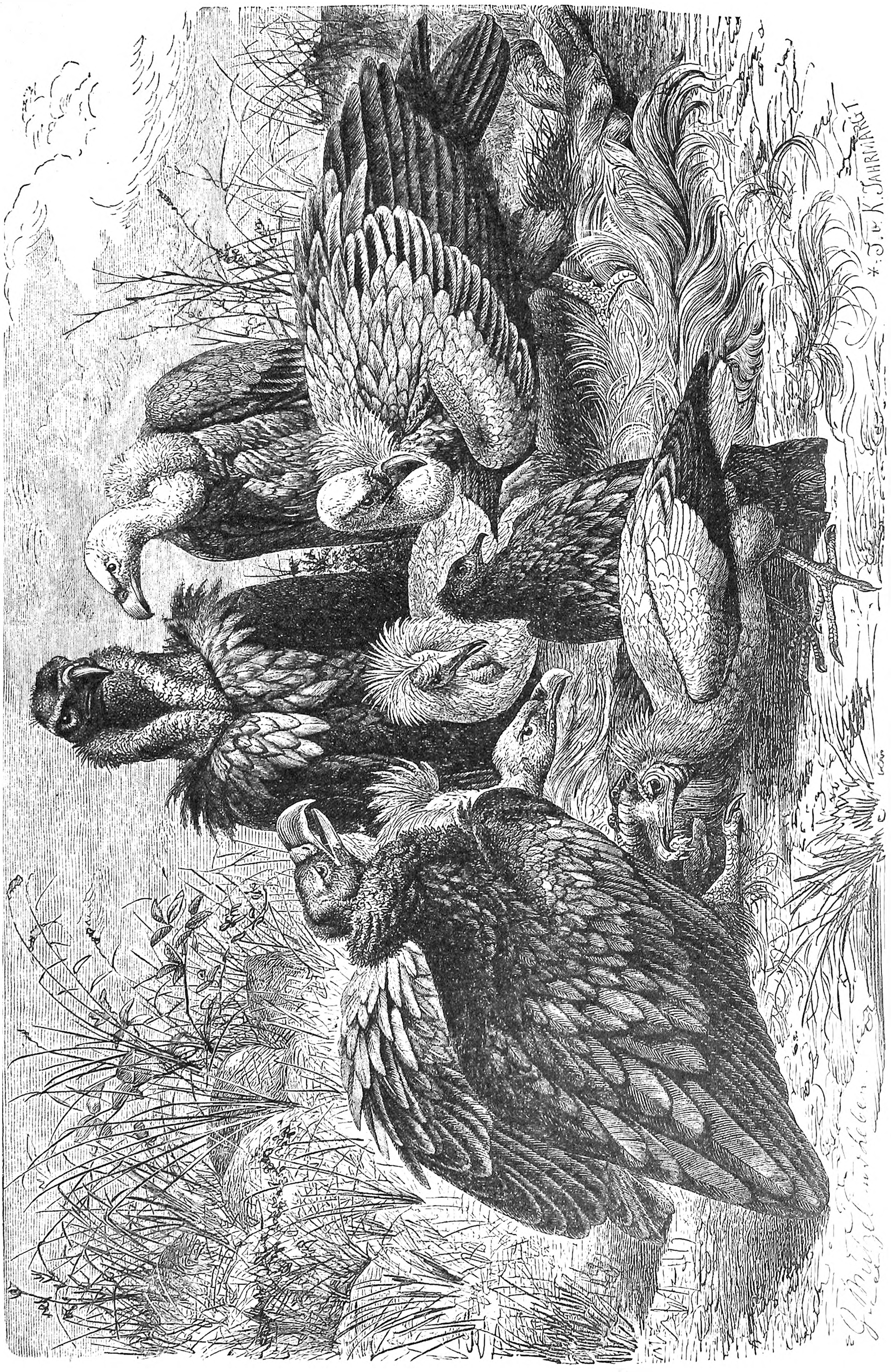
Лишь узнавъ о томъ, какъ добываютъ себѣ пропитаніе грифовыя птицы, можно составить себѣ о нихъ вѣрное понятіе. Названіе „хищныхъ птицъ“ не вполнѣ къ нимъ подходитъ. Немногіе изъ нихъ, да и тѣ, вѣроятно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ нападаютъ на живыхъ животныхъ съ цѣлью убійства; обыкновенно же грифы просто подбираютъ то, что предоставляетъ имъ благопріятный случай. Онѣ хоронятъ найденные трупы и истребляютъ замѣченныя нечистоты.

Птицы, питающіяся такимъ образомъ, могутъ жить только въ теплыхъ или умѣренныхъ поясахъ земного шара. Роскошный югъ оказывается щедрѣе сѣвера и доставляетъ грифовымъ птицамъ достаточное для существованія количество пищи. За исключеніемъ Австраліи, всѣ части свѣта даютъ пріютъ грифамъ. Нѣкоторые изъ нихъ приблизительно въ одинаковомъ количествѣ водятся въ Европѣ, Азіи и Африкѣ или замѣняются по крайней мѣрѣ близкими родственниками. Ихъ можно встрѣтить какъ въ жаркихъ, спаленныхъ солнцемъ равнинахъ, такъ и на высочайшихъ зубцахъ горъ. Эти птицы, насколько донынѣ извѣстно, поднимаются выше всѣхъ другихъ птицъ на воздухъ; онѣ способны безъ труда выносить самыя значительныя перемѣны въ давленіи воздуха. Нѣкоторые виды селятся въ горахъ и только въ исключительныхъ случаяхъ покидаютъ ихъ, между тѣмъ какъ другіе чаще обитаютъ въ равнинахъ, нежели на высокихъ горахъ. О настоящемъ мѣстѣ жительства грифовъ врядъ-ли, впрочемъ, можетъ быть рѣчь. Ихъ огромныя крылья даютъ имъ возможность пролетать большія разстоянія, а способъ пропитанія даже заставляетъ ихъ обыскивать бо́льшія пространства, чѣмъ другія хищныя птицы. Лишь въ пору размноженія забота о потомствѣ приковываетъ грифовъ къ одному участку; въ теченіе остального года они ведутъ болѣе или менѣе кочевую жизнь. Иногда они внезапно массами появляются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не показывались цѣлыми днями и недѣлями, а затѣмъ исчезаютъ безслѣдно и такъ же внезапно, какъ появились. Человѣческихъ жилищъ избѣгаютъ только нѣкоторые грифы; другіе же именно вблизи жилищъ находятъ себѣ хлѣбъ насущный легче, нежели въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыми человѣкъ, такъ сказать, еще не овладѣлъ. Именно эти птицы представляютъ собою характерныя явленія для южно-азіатскихъ и африканскихъ поселеній.

Мы составимъ себѣ наглядное представленіе объ образѣ жизни грифовъ, если изобразимъ дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ.

На южномъ краю пустыни лежитъ мертвый верблюдъ. Его истощили труды, сопряженные съ переходомъ черезъ пустыню; хотя наканунѣ еще погонщикъ снялъ съ него поклажу, и хотя верблюдъ шелъ безъ тяжести рядомъ со своимъ навьюченнымъ товарищемъ, однако не добрался до Нила и, совершенно лишившись силъ, испустилъ духъ. Хозяинъ съ неподдѣльнымъ горемъ разстался съ нимъ и не тронулъ его тѣла, такъ какъ религія запрещаетъ въ тѣхъ краяхъ человѣку пользоваться чѣмъ бы то ни было отъ умершаго животнаго, если только оно не убито съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ.

На слѣдующее утро трупъ, еще не тронутый, лежитъ на своемъ желтовато-

Европейскіе грифы: 1) Сѣрый грифъ, 2) Стервятникъ, 3) Бѣлоголовый сипъ.

сѣромъ смертномъ одрѣ. Но вотъ надъ ближайшей горной вершиной появляется во́ронъ. Проницательный взоръ его замѣчаетъ падаль; съ крикомъ приближается воронъ, быстро махая крыльями, кружится нѣкоторое время вокругъ мертваго животнаго, затѣмъ спускается внизъ и невдалекѣ отъ него садится на землю, поспѣшно подходитъ къ нему и нѣсколько разъ обходитъ кругомъ тѣла, осторожно приглядываясь къ трупу. Другіе во́роны слѣдуютъ его примѣру, и скоро собирается порядочное общество этихъ вездѣсущихъ птицъ. Затѣмъ появляются другіе плотоядные хищники. Вездѣ встрѣчающійся коршунъ-паразитъ и врядъ ли болѣе рѣдкій стервятникъ описываютъ круги надъ падалью, приближается орелъ-разбойникъ, нѣсколько зобастыхъ аистовъ начинаютъ съ головокружительной высоты по спиральнымъ линіямъ спускаться на привлекательное для нихъ кушанье. Но распредѣлителей обѣда еще нѣтъ. Прибывшее общество, правда, тамъ и сямъ отрываетъ кусочки отъ погибшаго животнаго; но его толстая кожа слишкомъ крѣпка для слабыхъ ихъ клюковъ, и они не могутъ оторвать болѣе крупныхъ кусковъ. Стервятнику удалось извлечь изъ впадины одинъ только глазъ верблюда, обращенный кверху. Однако приближается время, когда и болѣе крупные представители семейства вылетаютъ за кормомъ. Уже 10 часовъ; крупные хищники уже выспались какъ слѣдуетъ и успѣли уже одинъ за другимъ покинуть мѣста своего ночлега. Сначала они летѣли низко вдоль горнаго хребта; но такъ какъ ничего тамъ не нашли, то поднялись на воздухъ на невѣроятную высоту. Здѣсь, на высотѣ, они стали описывать болѣе широкіе круги; одинъ старается не терять ихъ виду другого, поднимается или опускается вмѣстѣ съ другимъ и, подобно своему предшественнику, поворачивается то въ ту, то въ другую сторону. Съ своего наблюдательнаго поста онъ можетъ однимъ взглядомъ обнять необозримое пространство, а зрѣніе у него такое острое, что врядъ-ли отъ глазъ его можетъ что нибудь укрыться. Замѣтивъ сборище внизу, грифъ тотчасъ же составляетъ себѣ ясное понятіе о томъ, что́ случилось, и сознаетъ, что искомая добыча найдена. Тогда онъ спускается ниже, сначала по спиральной линіи, а затѣмъ, ближе изслѣдовавъ предметъ и убѣдившись, что не ошибся, складываетъ свои мощныя крылья. Со свистомъ падаетъ онъ съ высоты 100, быть можетъ 1000 метровъ, и если бы онъ во́-время не раскрылъ наполовину крыльевъ, чтобы замедлить паденіе и придать себѣ извѣстное направленіе, то несомнѣнно бы разбился на смерть.

За первымъ грифомъ слетаются всѣ прочіе, находящіеся по близости. Спускаясь внизъ, первый грифъ даетъ этимъ знакъ собираться къ обѣду. Грифы тогда спѣшатъ со всѣхъ сторонъ на трапезу и уже прекращаютъ собственные поиски. Въ теченіе одной минуты нѣсколько разъ слышится жужжащій шорохъ, происходящій при паденіи птицы съ высоты; со всѣхъ сторонъ падаютъ сверху быстро увеличивающіяся тѣла, хотя нѣсколькими минутами раньше не замѣтно было даже въ видѣ точекъ на небѣ этихъ огромныхъ птицъ, размахъ крыльевъ которыхъ доходитъ почти до трехъ метровъ. Теперь грифамъ уже ничто не мѣшаетъ; когда одинъ изъ нихъ уже усѣлся за столъ, они не боятся никакой опасности; даже показавшійся вдали охотникъ не можетъ разогнать ихъ. Едва успѣвъ спуститься на землю, грифы, вытянувъ горизонтально шею, поднявъ хвостъ и наполовину раскрывъ и волоча по землѣ крылья, устремляются на падаль съ безпримѣрною жадностью. Они больше уже ничѣмъ не стѣсняются. Мелюзга, собравшаяся на трупъ, почтительно отступаетъ передъ ними; виды, равные по силѣ, начинаютъ бороться и драться. Трудно даже составить себѣ представленіе о томъ, какая работа тогда начинается: почти невозможно описать, какая толкотня, какія драки, ссоры и схватки происходятъ около трупа. Двумя-тремя ударами крѣпкаго клюва грифы разрываютъ твердую кожу падали, еще нѣсколькими ударами клюва отрываются слои мускуловъ, между тѣмъ какъ болѣе легко вооруженные виды засовываютъ свои длинныя шеи какъ можно дальше въ образовавшіяся углубленія, чтобы добраться до внутренностей. Съ торопливою жадностью роются эти птицы во внутренностяхъ, причемъ одна старается оттѣснить и опередить другую. Печень и легкія рѣдко вырываются, а большею частью съѣдаются еще въ брюшной впа-

динѣ, кишки же вытягиваются, вытаскиваются все больше и больше, причемъ птицы постепенно отскакиваютъ назадъ, и послѣ яростной борьбы птицѣ между собою проглатываются кусками. Сверху то и дѣло низвергаются внизъ новые голодные грифы и присоединяются къ пирующимъ съ намѣреніемъ по возможности прогнать ихъ отъ роскошнаго стола, и снова завязывается борьба, раздается шумъ и гамъ, птицы кусаютъ другъ друга и злобно кричатъ. Пока важные господа кушаютъ, болѣе слабые гости сидятъ вокругъ нихъ, не принимая участія въ трапезѣ, но весьма внимательно слѣдятъ за всѣмъ происходящимъ, зная, что иногда грифы и имъ бросятъ кусокъ, разумѣется помимо своего желанія, въ жару битвы. Орлы и коршуны парятъ въ высотѣ надъ пирующимъ обществомъ, то спускаясь ниже, то поднимаясь выше, кидаются внизъ, словно желая схватить летящую добычу, вторгаются въ среду обѣдающихъ, схватываютъ лапами оторванный грифами кусокъ мяса и уносятъ такъ быстро, что грифы не могутъ помѣшать грабежу.

Маленькое млекопитающее съѣдается такимъ прожорливымъ обществомъ въ нѣсколько минутъ, причемъ не оставляется даже черепа; даже отъ быка или верблюда послѣ одной трапезы остается очень мало. Насытившіяся птицы лишь неохотно покидаютъ мѣсто трапезы.

Не вездѣ и не всегда обѣдъ грифовъ происходитъ такъ, какъ мы это изобразили. Уже въ южной Европѣ, а тѣмъ болѣе во всей Африкѣ, къ грифамъ, поѣдающимъ падаль вблизи обитаемыхъ поселеній, присоединяются еще другіе голодные гости. Во всѣхъ южныхъ странахъ собакамъ приходится отчасти питаться падалью, а собаки, не имѣющія хозяина, только тогда и могутъ наѣсться до-сыта, когда найдутъ падаль. Далѣе вглубь Африки къ собакамъ присоединяются еще марабу. Они также не даютъ грифамъ прогонять себя, а расталкиваютъ толпу своими клинообразными клювами и очищаютъ себѣ такимъ образомъ мѣсто.

Когда грифовъ мучаетъ голодъ, они, быть можетъ, иногда нападаютъ на живыхъ животныхъ, особенно на больной скотъ; но, повидимому, всѣ виды грифовъ отдаютъ предпочтеніе падали или по крайней мѣрѣ костямъ передъ всякой другой пищей. Больше всего любятъ они падаль млекопитающихъ, но не брезгаютъ трупами птицъ, земноводныхъ и рыбъ. Въ Индіи они поѣдаютъ также трупы людей, довѣренные священной рѣкѣ Гангу, или выставленные парсами въ Бомбеѣ на „башняхъ молчанія“, какъ разсказываютъ Гарбе, Гекель и другіе. Болѣе мелкіе виды грифовъ менѣе притязательны, чѣмъ болѣе крупные. Нѣкоторые грифы, какъ кажется, долго могутъ жить безъ падали: они питаются костями, иные ѣдятъ главнымъ образомъ человѣческій калъ или пометъ животныхъ и на ряду съ этимъ ловятъ насѣкомыхъ и маленькихъ неловкихъ позвоночныхъ.

По окончаніи трапезы грифы неохотно удаляются отъ этого мѣста, бо́льшею частью часами сидятъ по близости и ждутъ, пока поглощенная пища начнетъ перевариваться. Спустя довольно долгое время послѣ ѣды они отправляются на водопой, и здѣсь также проводятъ нѣсколько часовъ. Пьютъ они много и купаются очень часто. Правда, купанье имъ, пожалуй, болѣе необходимо, чѣмъ какой бы то ни было другой птицѣ; по окончаніи своего обѣда они бываютъ покрыты грязью и нечистотами; грифы же, обладающіе длинными шеями, бываютъ совсѣмъ вымазаны кровью. Благополучно совершивъ омовеніе, грифы любятъ нѣсколько часовъ предаваться самому бездѣятельному спокойствію, при этомъ садятся на пятки и раскрываютъ крылья, чтобы ихъ хорошенько прогрѣло солнце, или же плашмя ложатся на песокъ. На мѣсто ночлега они отправляются лишь въ послѣобѣденные часы.

Передъ тѣмъ какъ взлетѣть на воздухъ, грифы нѣсколько разъ подрядъ довольно высоко подпрыгиваютъ; затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько довольно медленныхъ ударовъ широкими крыльями. Но какъ только птицы достигнутъ извѣстной высоты, онѣ двигаются впередъ, почти не махая крыльями, и, придавая своимъ крыльямъ различное положеніе, то спускаются внизъ въ не особенно низко лежащую равнину, то поднимаются наверхъ при помощи встрѣчнаго вѣтра. Такъ они взвиваются, повидимому, безъ всякаго труда на невѣроятную высоту, и натакой высотѣ летятъ, когда имъ нужно пролетѣть очень большое разстояніе. Несмотря на кажущуюся неподвижность крыльевъ, полетъ грифовъ поразительно быстрый.

Въ былое время полагали, что для отысканія падали грифы руководятся обоняніемъ. Наблюденія, однако, показали, что грифы спускаются также на падаль, когда она совершенно свѣжа и не можетъ еще распространять никакого зловонія, что и при сильномъ вѣтрѣ они слетаются на падаль со всѣхъ сторонъ, когда одинъ изъ нихъ откроетъ какую нибудь падаль; на покрытой же чѣмъ либо падали грифы появляются лишь послѣ того, какъ ее откроютъ во́роны или бѣлоголовые сипы, и когда сборище этихъ птицъ привлечетъ къ себѣ вниманіе грифовъ. Поэтому можно съ увѣренностью утверждать, что изъ всѣхъ органовъ чувствъ у грифа лучше всего развито зрѣніе, что оно наиболѣе важно для птицы, и что хорошее зрѣніе — первое условіе ея существованія.

Грифы вьютъ себѣ гнѣздо еще до наступленія весны въ той странѣ, гдѣ они живутъ, въ Европѣ, слѣдовательно, въ первые мѣсяцы года. Лишь рѣдко встрѣчающіеся виды строятъ себѣ гнѣзда отдѣльно; всѣ прочіе образуютъ поселенія. Грифы избираютъ себѣ подходящую стѣну утеса или отвѣчающій ихъ потребностямъ лѣсъ и здѣсь занимаютъ всякое удобное для себя мѣстечко. Нѣкоторые виды устраиваютъ себѣ гнѣзда только на скалахъ, другіе только на деревьяхъ, наконецъ, третьи на голой землѣ. Большинство грифовъ свободно допускаютъ въ предѣлы своихъ поселеній совершенно другихъ птицъ, напр., аистовъ, и ни въ чемъ имъ не мѣшаютъ. Гнѣздо, если оно расположено на деревьяхъ, представляетъ собою огромное сооруженіе, въ общемъ похожее на гнѣзда хищныхъ птицъ вообще. Яицъ кладется 1—2; они кругловатой формы, крупно-зернистаго строенія и по сѣроватому или желтоватому фону бываютъ покрыты болѣе темными пятнами, точками, крапинками и черточками. Молодая птица вылупляется изъ яйца въ шерстистомъ пуху; это въ высшей степени безобразное и безпомощное созданіе, которое лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего появленія на свѣтъ становится вполнѣ самостоятельнымъ.

Нѣкоторыя животныя вредятъ грифамъ, но опасныхъ враговъ у нихъ мало. Ихъ мучаютъ паразиты; орлы, соколы, вороны и другіе пернатые мучители хищныхъ птицъ бросаются на грифовъ и злятъ ихъ, какъ только ихъ замѣтятъ; на падали грифамъ приходится вступать въ борьбу съ собаками и съ марабу. Человѣкъ преслѣдуетъ этихъ крупныхъ хищниковъ, въ пользѣ которыхъ онъ убѣждается лишь тогда, когда они совращаются съ пути добродѣтели и, переставъ быть могильщиками, начинаютъ заниматься хищническими продѣлками. На большинство грифовъ люди смотрятъ съ нѣкотораго рода священнымъ ужасомъ. Настоящей дружбы человѣкъ къ нимъ не питаетъ и въ „завѣщаніяхъ богатыхъ и зажиточныхъ магометанъ“ о нихъ по крайней мѣрѣ въ наше время не упоминается. Индусъ несомнѣнно считаетъ грифовъ священными существами за то, что они съѣдаютъ тѣла его покойниковъ; житель внутренней Африки просто предоставляетъ ему свободу дѣйствій, хотя подчасъ подозрѣваетъ его въ совершеніи нѣкоторыхъ злодѣяній.

Всѣ грифы птицы выносливыя, которыя закалены противъ самыхъ сильныхъ среднеевропейскихъ морозовъ, такъ какъ привыкли, поднимаясь и опускаясь въ воздухѣ, выносить самыя различныя температуры; при этомъ они довольствуются самой плохой пищей и, если въ теченіе нѣкотораго времени хорошо кормить ихъ, могутъ выживать цѣлые дни и даже недѣли безъ корма, вслѣдствіе чего ихъ легко держать въ неволѣ. Большинство грифовъ, пойманныхъ даже старыми, скоро становятся ручными. Благодаря своему равнодушію, они легко переносятъ многія невзгоды, сопряженныя съ неволей. Иные, правда, довольно долгое время считаютъ своего сторожа врагомъ и при случаѣ стараются показать ему свою силу. Грифы становятся занимательными, когда ихъ сажаютъ въ помѣстительную клѣтку вмѣстѣ съ другими большими хищными птицами. Правда, и въ такой клѣткѣ они бо́льшую часть дня сидятъ тихо и спокойно на однажды избранномъ мѣстѣ; но въ столь пестромъ обществѣ то и дѣло предоставляется случай дѣйствовать. Кормленіе особенно вызываетъ почти неописуемое возбужденіе. Птицы борятся всякимъ оружіемъ и не брезгаютъ никакимъ средствомъ, чтобы завладѣть лучшимъ кускомъ. Но и здѣсь дѣло кончается такъ же, какъ всегда: самый сильный и

ловкій пользуется наибо́льшими правами, господствуетъ надъ другими и обижаетъ ихъ. Всего замѣтнѣе бываютъ сипы. Раздувъ перья, втянувъ длинную шею, сидятъ они съ блестящими глазами передъ мясомъ, котораго не трогаютъ, но видимо держатся наготовѣ защищать его отъ всякаго посягательства со стороны другой птицы. Втянутая шея вытягивается съ быстротою молніи и поворачивается во всѣ стороны, и каждый изъ товарищей сипа рискуетъ получить тогда ударъ клювомъ. Въ такіе моменты вся повадка сипа бываетъ поразительно похожа на ухватки ядовитой змѣи, готовящейся укусить свою жертву. Нечего и говорить, что такого рода битва не обходится безъ оживленнаго шипѣнія, безъ хихикающихъ и гогочущихъ криковъ, безъ хлопанья клювомъ и безъ маханія крыльями, т. е., что она, другими словами, возбуждаетъ адскій шумъ и гамъ. Въ такія минуты общество грифовъ въ клѣткѣ являетъ собою въ высшей степени занимательное и интересное зрѣлище.

Въ послѣдніе годы не разъ случалось, что плѣнные грифы клали яйца въ клѣткѣ. Они высиживали свои яйца очень терпѣливо, но большею частью безъ успѣха.

*

Настоящіе грифы (Vultur) характеризуются сильнымъ туловищемъ, короткой крѣпкой шеей, большой головой съ крѣпкимъ клювомъ и широкими крыльями. Голова покрыта короткимъ вьющимся и шерстистымъ пухомъ, который на задней части головы образуетъ мало выступающій хохолокъ. Задняя часть шеи и нѣкоторыя мѣста на передней части шеи голыя. Брыжжи состоятъ изъ коротькихъ, широкихъ, мало расщепленныхъ перьевъ.

Въ Европѣ живетъ одинъ представитель этого рода, а именно сѣрый грифъ (Vultur monachus, рис. на стр. 744). Это самая крупная птица нашей части свѣта. Длина самца 1,1 метра, размахъ крыльевъ 2,22 метра, длина крыльевъ 76, длина хвоста 40 см. Самка еще немного больше. Опереніе равномѣрнаго темнаго буровато-сѣраго цвѣта, глаза каріе; клювъ около восковицы синій, мѣстами краснонатый, а далѣе ярко-фіолетовый, кончикъ клюва синій; ноги мясного цвѣта съ фіолетовымъ отливомъ, шея на голыхъ мѣстахъ свѣтлаго свинцово-сѣраго цвѣта, обнаженное кольцо вокругъ глаза фіолетоваго цвѣта.

Сѣрый грифъ встрѣчается въ Испаніи, на Сардиніи и на всѣхъ горахъ Балканскаго полуострова, а также въ Славоніи, Кроаціи и въ придунайскихъ низменностяхъ вплоть до Карпатовъ, и во всѣхъ этихъ странахъ выводитъ потомство. Отсюда онъ распространяется по значительной части Азіи до Китая и Индіи. Въ Африкѣ онъ не водится, за исключеніемъ Атласскихъ горъ и части западнаго берега. Въ Германіи не разъ случалось убивать его: путешествіе изъ Венгріи въ Германію не представляетъ никакой трудности для этой птицы, отличающейся столь сильнымъ полетомъ.

Въ Испаніи сѣраго грифа можно наблюдать въ одиночку или небольшими обществами въ 3—5 экземпляровъ. Вмѣстѣ съ сипами, сѣрые грифы бросаются на падаль, но ведутъ себя гораздо спокойнѣе и пристойнѣе сиповъ. Образъ дѣйствія сѣрыхъ грифовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ большой, хорошо сформированной головѣ. Движенія ихъ болѣе медленны, чѣмъ у сиповъ, но, пожалуй, въ нихъ больше выдержки и равномѣрности. Держатся сѣрые грифы благороднѣе, болѣе напоминая своей осанкой орловъ, и въ выраженіи ихъ глазъ нѣтъ ничего злобнаго, а есть огонь и умъ. Во время трапезы сѣрые грифы прежде всего уничтожаютъ мускулы животныхъ, внутренности же ѣдятъ лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ ничего лучшаго. Они глотаютъ также кости, и всѣ горные охотники Трансильваніи въ одинъ голосъ утверждаютъ, что сѣрый грифъ хватаетъ и убиваетъ живыхъ тварей.

Сѣрый грифъ устраиваетъ себѣ гнѣздо въ уединеніи и, по крайней мѣрѣ въ Испаніи, исключительно на деревьяхъ. Его объемистая постройка располагается или на толстомъ суку, или на широкой, раскидистой верхушкѣ вѣчно зеленаго дуба, часто не выше 3—4 метровъ надъ землею. Нижній слой гнѣзда состоитъ изъ сучьевъ, толщиною въ человѣческую руку, затѣмъ слѣдуетъ второй слой болѣе

тонкихъ палокъ; въ этомъ-то слою устраивается неглубокая впадина, покрытая тонкими, сухими прутиками. Сюда въ концѣ февраля кладется бѣлое яйцо съ толстой скорлупой, величиною не больше, часто даже меньше гусинаго. Птенецъ, вышедшій изъ яйца, облеченъ въ густой, бѣлый, шерстистый пухъ и вылетаетъ изъ гнѣзда не раньше чѣмъ черезъ 4 мѣсяца послѣ своего появленія на свѣтъ. Родители кормятъ свое дѣтище падалью, но вовсе не защищаютъ съ такимъ геройствомъ, какъ это имъ обыкновенно приписывается.

Одинъ сѣрый грифъ, котораго держалъ у себя Лейслеръ, былъ вначалѣ кротокъ и добродушенъ, затѣмъ сдѣлался сердитымъ и, щадя только своего сторожа, старался нанести ударъ клювомъ и когтями всякому, кто къ нему приближался. Гніющихъ животныхъ онъ ѣлъ столь же охотно, какъ и свѣжихъ, ѣлъ ихъ съ кожей и шерстью; даже глоталъ хвосты молодыхъ лисицъ, а затѣмъ выплевывалъ комья; кости длиною въ 12—15 см. онъ переваривалъ безъ остатка. Рыбъ онъ никогда не касался, на живыхъ звѣрей не нападалъ: одинъ большой воронъ и одна черная ворона въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мирно жили вмѣстѣ съ нимъ, и хотя грифа морили голодомъ, но онъ не причинилъ никакого вреда запертому вмѣстѣ съ нимъ зайцу. Мертвыхъ кошекъ онъ поѣдалъ съ удовольствіемъ; если же къ одной изъ нихъ привязывали веревку и таскали ее изъ стороны въ сторону, то сѣрый грифъ въ страхѣ отскакивалъ, но спустя нѣкоторое время возвращался, ударялъ кошку ногой, потомъ опять быстро отскакивалъ и повторялъ этотъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не убѣждался въ томъ, что кошка мертвая.

Другой сѣрый грифъ былъ золъ, пока находился взаперти, когда же его пустили бѣгать по двору, сдѣлался веселъ и шаловливъ. „Онъ пугаетъ пѣтуховъ“, сообщаетъ графъ Лазаръ, „но не причиняетъ имъ вреда, дергаетъ свиней за хвостъ, гоняется за собаками и иногда обращаетъ ихъ въ бѣгство. Пока его не раздражаютъ, онъ живетъ со всѣми въ наилучшемъ согласіи; даже дѣти могутъ безъ страха подходить къ нему, но если на него нападаютъ, то онъ храбро защищается и сильно отбивается клювомъ. Въ гнѣвѣ онъ волочитъ по землѣ полуоткрытыя крылья, оттопыриваетъ длинныя перья на спинѣ, принимаетъ горизонтальное положеніе, сильно вытягиваетъ шею и такъ забавно ковыляетъ и подпрыгиваетъ, что, глядя на него, едва можно удержаться отъ смѣха. Онъ не менѣе прожорливъ, чѣмъ бѣлоголовый сипъ, но не можетъ такъ долго голодать, какъ этотъ послѣдній. Вода составляетъ для него необходимую потребность, ибо онъ часто пьетъ и чрезвычайно любитъ купаться. Всякому другому корму онъ предпочитаетъ мясо млекопитающихъ, но ѣстъ также птицъ. Рыбъ онъ не трогаетъ даже при самомъ сильномъ голодѣ.“

Однимъ изъ великановъ разсматриваемаго подсемейства можетъ считаться ушастый грифъ (Vultur auricularis). Признаками его служатъ: очень большой крѣпкій клювъ, высокія ноги, большія, широкія, но нѣсколько закругленныя крылья, сравнительно короткій хвостъ и своеобразное опереніе. Только на верхней сторонѣ перья такого же строенія, какъ у другихъ большихъ грифовъ, нижняя сторона покрыта густымъ, довольно длиннымъ пухомъ сѣровато-бѣловатаго цвѣта, и изъ этого пуха выдѣляется нѣсколько отдѣльныхъ, длинныхъ и узкихъ перьевъ, имѣющихъ форму сабли. На ляжкахъ и икрахъ очень скудно разсѣяны маленькія перышки обыкновеннаго строенія; эти части ногъ также покрыты пухомъ, который отличается отъ пуха на груди большею длиною и сѣровато-желтоватой окраской. Голова, половина задней части шеи и вся передняя часть шеи голыя. Подбородокъ покрытъ перьями, похожими на волосы. Самецъ длиною въ 1—1,05 метра, размахъ его крыльевъ 2,7—2,8 метра, длина крыльевъ 69—72 см., длина хвоста 134—36 см. Самка значительно больше. Преобладающая окраска ушастыхъ грифовъ — сѣровато-желтовато-бурый цвѣтъ; маховыя и рулевыя перья темнѣе, большія кроющія перья крыльевъ съ болѣе свѣтлыми каемками. Глаза темно-каріе, клювъ съ боковъ рогового цвѣта, ноги свѣтлаго свинцово-сѣраго цвѣта, голыя щеки фіолетовыя. Когда птица возбуждена, всѣ голыя мѣста на головѣ и на шеѣ краснѣютъ, за исключеніемъ темени.

Ушастый грифъ, не разъ, какъ говорятъ, залетавшій въ Европу, распространенъ по всей Африкѣ, начиная съ Верхняго Египта, и на высокія горы взбирается на высоту 4000 метровъ.

Въ Индіи эту огромную птицу замѣняетъ лысый грифъ, котораго индусы называютъ сукуни (Vultur calvus); онъ водится во всей Индіи до Бармы.

Начиная съ средней Нубіи по направленію къ югу, ушастаго грифа почти всегда можно увидѣть на всякой болѣе крупной падали. Онъ не боится людей и,

Лысый грифъ (Vultur calvus). 1/7 естеств. велич.

хотя не такъ довѣрчивъ, какъ болѣе мелкіе урубу, смѣло забирается въ деревни или на городскія бойни. На падали это самодержецъ, который отгоняетъ всѣхъ прочихъ грифовъ, кромѣ развѣ больно кусающихся сиповъ. Собакъ, которыя во всей сѣверо-восточной Африкѣ занимаются тѣмъ же промысломъ, что́ и грифы, ушастый грифъ умѣетъ держать на почтительномъ отдаленіи. Совершенно то же самое разсказываютъ о его индійскомъ родственникѣ.

Послѣ каждой трапезы ушастый грифъ отправляется къ ближайшему вмѣстилищу воды, пьетъ и моется, отдыхаетъ, укладываясь на песокъ какъ курица и грѣясь на солнышкѣ, а затѣмъ взлетаетъ, описывая круги и часто очень долго не дѣлая ни одного взмаха крыльями, и устремляется на мѣсто своего ночлега. Для ночного от-

дыха онъ не всегда выбираетъ высочайшія деревья, а довольствуется всякимъ деревомъ, которое кажется ему подходящимъ, нерѣдко опускается даже на кустъ мимозы вышиною не болѣе трехъ метровъ. Здѣсь онъ сидитъ, держась очень прямо, словно человѣкъ, втянувъ шею и вяло спустивъ хвостъ. Утромъ онъ еще по крайней мѣрѣ часа два послѣ восхода солнца пребываетъ на мѣстѣ ночлега, и въ это время такъ мало пугливъ, что его можно застать врасплохъ и даже стрѣлять въ него дробью. На падали ушастые грифы никогда не появляются раньше 10 часовъ утра, и остаются на ней самое позднее до 4 или 5 часовъ пополудни. Ихъ можно узнать по ихъ спокойному, красивому полету, но главнымъ образомъ потому, что они, открывъ падаль, отвѣсно устремляются внизъ съ высоты, превосходящей 100 метровъ, затѣмъ снова раскрываютъ крылья, вытягиваютъ ноги и совершенно косо спускаются на добычу. Съѣдаютъ они, какъ и сѣрые грифы, главнымъ образомъ мышцы; внутренностями они, повидимому, брезгаютъ.

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Хартумѣ я въ теченіе цѣлаго мѣсяца каждый день охотился на грифовъ, которыхъ заманивалъ выставленною мною падалью. Падаль эта выбрасывалась на обширную равнину за находившійся тамъ земляной валъ, такъ что мы, благодаря этому, могли подкрадываться къ пирующему обществу на разстояніе 20-ти шаговъ. Во время этихъ охотъ я собралъ всѣ вышеприведенныя наблюденія. Не разъ мнѣ удавалось при помощи быстро перемѣняемаго ружья убить нѣсколькихъ ушастыхъ грифовъ; однажды я даже положилъ на мѣстѣ четырехъ ушастыхъ грифовъ однимъ выстрѣломъ. Кромѣ того, я ставилъ также западни и притомъ самаго простого устройства; однако, онѣ дѣйствовали успѣшно. Спустя короткое время у меня набралось порядочное количество грифовъ. Въ числѣ ихъ всегда находилось нѣсколько ушастыхъ грифовъ, которые скоро сдѣлались моими любимцами. Они съ самаго начала были въ неволѣ спокойны и понятливы, меня не боялись и относились ко мнѣ въ извѣстномъ смыслѣ довѣрчиво, въ противоположность сипамъ. Всѣ грифы были привязаны веревками; но ни одному изъ нихъ не пришло въ голову испробовать силу своего мощнаго клюва для того, чтобы перегрызть свои узы. Уже на третій день своего плѣна, первый пойманный мною ушастый грифъ сталъ пить воду; на четвертый день онъ принялся за лежавшую передъ нимъ кошку, которой три дня не касался; на пятый день онъ уже ѣлъ у меня на глазахъ, и съ этихъ поръ больше не обращалъ на меня вниманія, когда я стоялъ совсѣмъ близко отъ него. Впослѣдствіи онъ бралъ у меня кормъ изъ рукъ. Въ большой общей клѣткѣ онъ держитъ себя такъ же спокойно, какъ на свободѣ. Онъ увѣренъ въ своей силѣ и ничего не спускаетъ даромъ, но никогда первый не нападаетъ. Среднеевропейскій климатъ онъ переноситъ, повидимому, легко, хотя чрезвычайно любитъ тепло.

*

Сипы, (Gyps) характеризируются вытянутымъ, тонкимъ, сравнительно слабымъ клювомъ и низкими ногами, главнымъ же образомъ своей длинной гусиной шеей, которая вся одинаковой толщины, которая постепенно переходитъ въ продолговатую голову и скудно покрыта бѣловатыми щетинками, напоминающими пухъ.

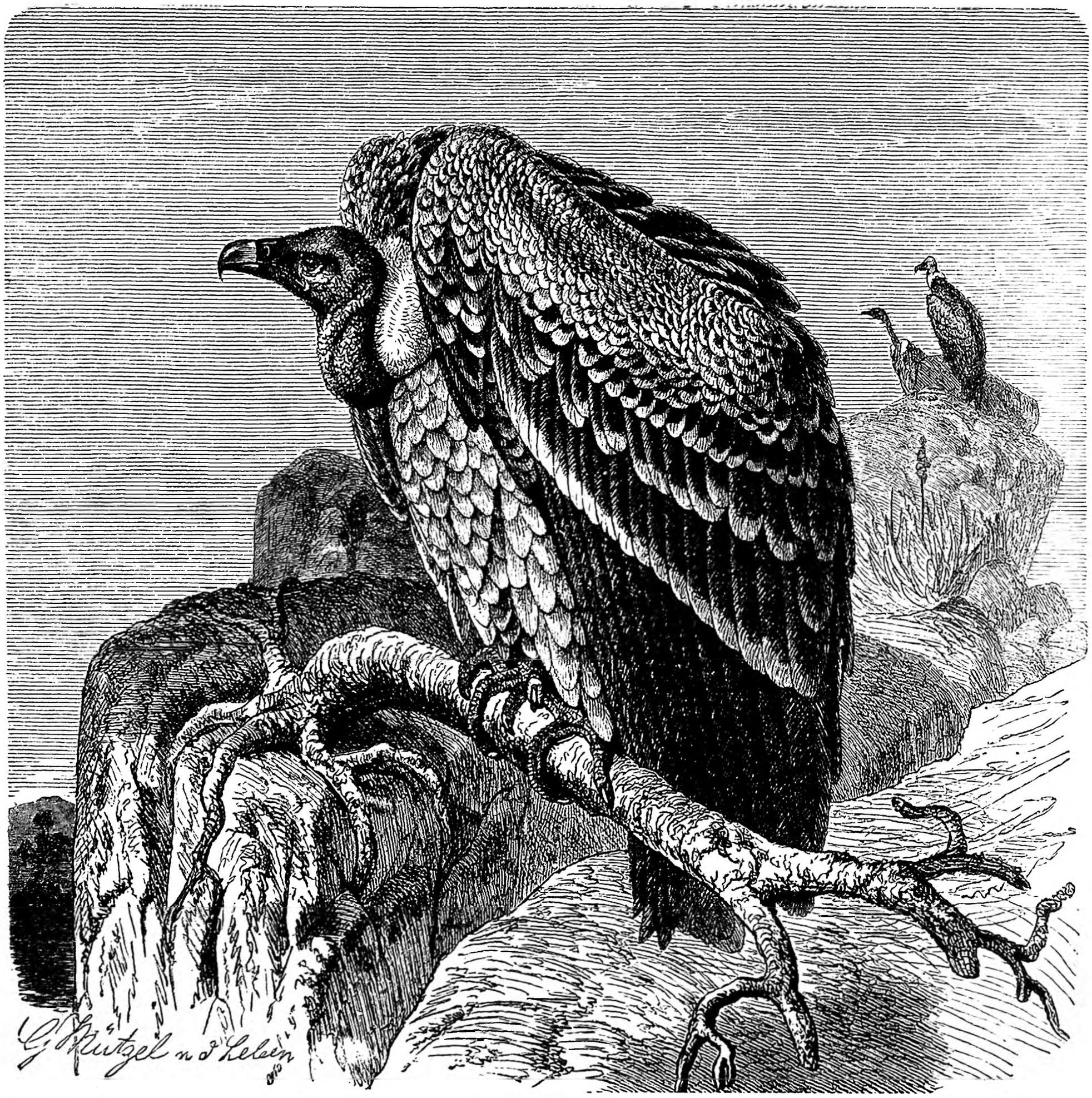
Бѣлоголовый сипъ (Gyps fulvus и vulgaris, рис. на стр. 744) имѣетъ въ длину 1,12 метра, а размахъ крыльевъ его — 2,56 метра. Опереніе весьма равномѣрнаго свѣтлаго сѣровато-желтовато-бураго цвѣта, на нижней сторонѣ темнѣе, чѣмъ на верхней, причемъ каждое перо имѣетъ болѣе свѣтлую каемку. Глаза свѣтло-каріе, восковица темнаго свинцово-сѣраго цвѣта, клювъ ржаваго цвѣта, ноги свѣтлаго буровато-сѣраго цвѣта.

Бѣлоголовый сипъ часто встрѣчается въ Трансильваніи, въ южной Венгріи и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, въ восточной, южной и средней Испаніи, на о-вахъ Сардиніи и Сициліи и не слишкомъ рѣдко залетаетъ въ Германію. Наиболѣе сѣвернымъ пунктомъ, гдѣ эта птица размножается, слѣдуетъ считать Зальцбургскія

Альпы. Еще чаще, чѣмъ въ Трансильваніи, водится бѣлоголовый сипъ во всемъ Египтѣ и въ сѣверной Нубіи, въ Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко, а также обитаетъ въ Азіи до Гималаевъ.

Въ средней Африкѣ его замѣняетъ сипъ Рюппеля (Gyps rüppellii), самый красивый представитель разсматриваемаго рода.

Всѣ сипы являются преимущественно обитателями скалъ; поэтому ихъ всего легче можно встрѣтить вблизи горъ, имѣющихъ надлежащіе крутые склоны.

Сипъ Рюппеля (Gyps rüppellii). 1/5 естеств. велич.

Образъ жизни сиповъ во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ образомъ жизни другихъ видовъ подсемейства грифовыхъ птицъ; но въ другихъ отношеніяхъ сипы довольно существенно отличаются отъ своихъ еще не описанныхъ нами родственниковъ. У сиповъ движенія легче и изящнѣе, чѣмъ у ихъ родичей; особенно, спускаясь внизъ съ большой высоты, сипы дѣйствуютъ чрезвычайно своеобразно, такъ какъ опускаются съ легкостью сокола и дѣлаютъ при этомъ разнообразные повороты, между тѣмъ какъ другіе виды, низвергаясь съ большой высоты внизъ, не двигаютъ крыльями почти до того момента, пока чуть ли не коснутся земли. Ходятъ сипы по землѣ настолько хорошо, что человѣкъ только съ большимъ усиліемъ можетъ догнать бѣгущаго сипа. Еще болѣе отличаются сипы отъ другихъ грифовъ по своему характеру, хотя и не въ свою пользу. Это самыя необузданныя, злыя и коварныя птицы изъ всего подсемейства;

живутъ онѣ большими стаями, основываютъ общія поселенія для вывода и постоянно соединяются съ другими видами подсемейства; но сипы всегда играютъ роль нарушителей спокойствія и чаще другихъ являются зачинщиками ссоръ. Если сипы находятся болѣе или менѣе долгое время въ обществѣ представителей своего подсемейства, то они присваиваютъ себѣ власть и съ безумной смѣлостью защищаются отъ всякаго, кто на нихъ нападаетъ. Если въ нихъ попадетъ пуля, они сопротивляются мужественно и яростно, бросаются на человѣка, какъ злыя собаки, подпрыгиваютъ на полметра надъ землею и, громко щелкая клювомъ, вытягиваютъ свою длинную шею по направленію къ лицу своего противника.

При уничтоженіи падали сипы большею частью выѣдаютъ внутренности. Нѣсколькими ударами клюва они прорываютъ круглую дыру въ стѣнкѣ брюшной полости и туда засовываютъ свою длинную шею какъ можно дальше. Лучшіе куски внутренностей сипы проглатываютъ внутри полости тѣла, не вынимая головы изъ отверстія, кишки же они сначала вытаскиваютъ наружу нѣсколькими сильными движеніями, потомъ ударомъ клюва разрываютъ на части и затѣмъ проглатываютъ кусками. Въ Испаніи бѣлоголовый сипъ размножается въ послѣдней половинѣ февраля или въ началѣ марта. Гнѣздо устраивается обыкновенно въ углубленіи утеса или по крайней мѣрѣ подъ выступомъ скалы и состоитъ изъ невысокаго слоя не особенно толстыхъ прутьевъ. Въ это гнѣздо самка кладетъ одно бѣлое яйцо величиной съ гусиное, съ толстой скорлупой, и высиживаетъ его сообща съ самцомъ; самецъ обыкновенно занимается высиживаніемъ въ предобѣденные и первые послѣобѣденные часы, самка же сидитъ въ гнѣздѣ остальную часть дня. На удобномъ мѣстѣ вывода всегда можно найти нѣсколько гнѣздъ на разстояніи 100—200 шаговъ другъ отъ друга. Слѣдуетъ замѣтить, что общества птицъ, выводящихъ птенцовъ на такихъ стѣнахъ утесовъ, вовсе не исключительно состоятъ изъ грифовыхъ птицъ, но что грифы спокойно терпятъ въ своей средѣ ягнятника и ястребинаго орла и даже черному аисту позволяютъ селиться около самаго ихъ гнѣзда и тамъ выводить потомство. На яйцахъ бѣлоголовые сипы сидятъ довольно прилежно, выходятъ изъ своего гнѣзда лишь на громкій крикъ, становятся на край своего жилища и съ любопытствомъ оглядываютъ нарушителя спокойствія; если этотъ послѣдній успѣлъ хорошо спрятаться, то сипъ снова ковыляетъ назадъ въ гнѣздо и только тогда покидаетъ его, когда дѣйствительно убѣдится, что ему грозитъ опасность. Съ птенцомъ, похожимъ на небольшой комокъ шерсти, оба старика обращаются съ большой любовью и заботливостью, кормятъ его сначала совершенно размягченными отъ разложенія кусками мяса, затѣмъ болѣе твердой пищей, но, конечно, всегда все-таки падалью.

Бѣлоголовый сипъ становится ручнымъ развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Одинъ мясникъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держалъ у себя на дворѣ живого бѣлоголоваго сипа. Эта птица находилась въ большой дружбѣ съ старой собакой мясника. Когда собака издохла, сипу бросили трупъ собаки; но сипъ, хотя былъ голоденъ, не тронулъ своего стараго друга, началъ скучать, съ этихъ поръ пересталъ ѣсть и на восьмой день околѣлъ подобно собакѣ.

Въ Египтѣ нерѣдко ловятъ бѣлоголоваго сипа, такъ какъ употребляютъ для разныхъ цѣлей его перья. Особенно маховыя и рулевыя перья употребляются для отдѣлки предметовъ роскоши и хозяйственныхъ принадлежностей. На о. Критѣ и въ Аравіи шкура этихъ птицъ, какъ говорятъ, продается скорнякамъ, которые подвергаютъ ее дубленію и выдѣлываютъ изъ нея дорогой мѣхъ.

*

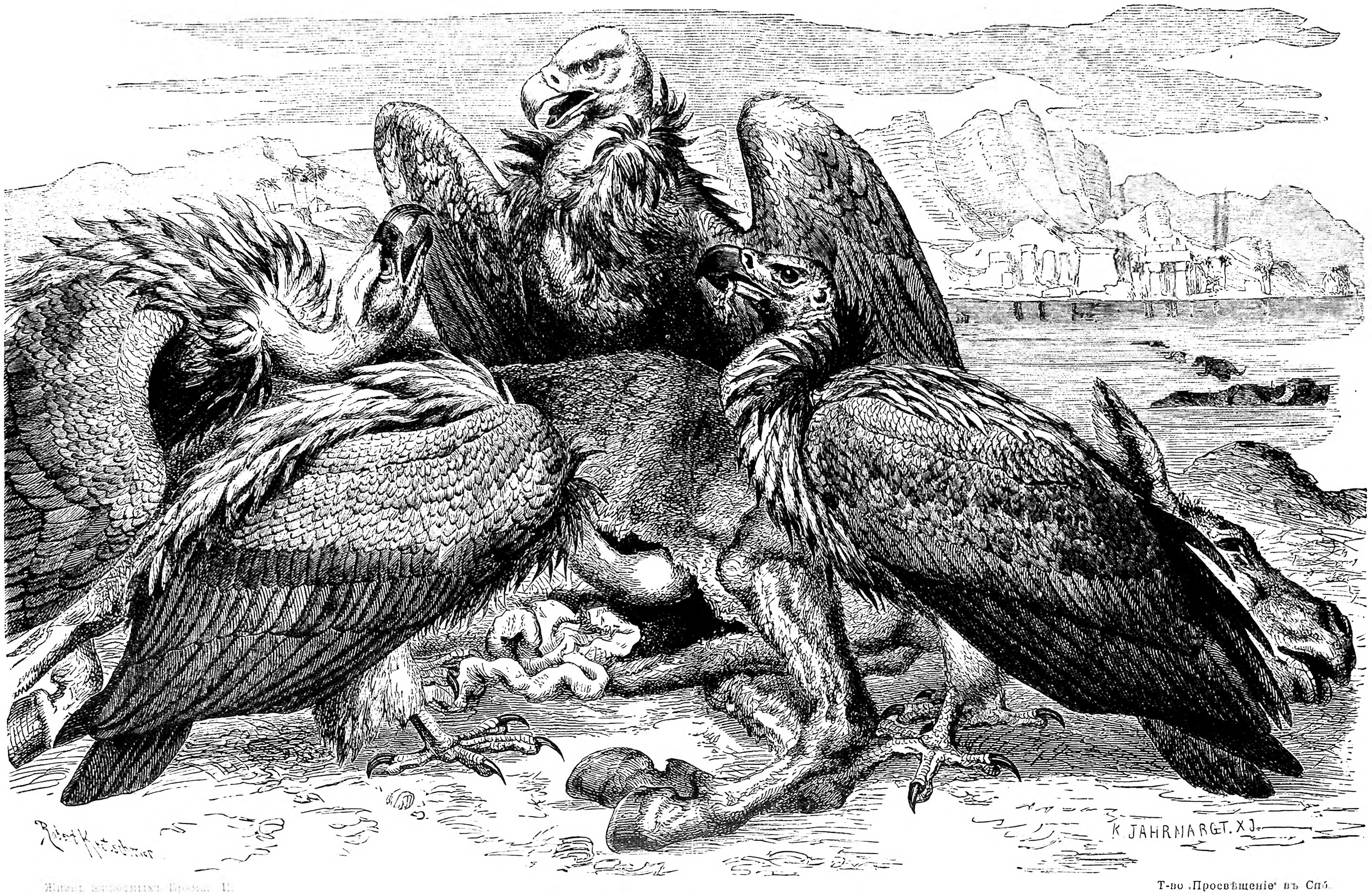
Изъ всѣхъ членовъ разсматриваемаго подсемейства ни одинъ не пользуется такою извѣстностью, какъ стервятникъ, или фараонова курица (Neophron percnopterus, рис. на стр. 744). Его изображеніе можно видѣть на древнеегипетскихъ строеніяхъ; въ глазахъ древнихъ египтянъ и евреевъ онъ служилъ олицетвореніемъ родительской любви и до сихъ поръ еще, по крайней мѣрѣ, не навлекъ на себя ихъ неуваженія. Стервятникъ отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ подсемейства своимъ сложеніемъ, напоминающимъ ворона. Преобладающая окраска

его — грязный бѣлый цвѣтъ, который въ области шеи и верхней части груди болѣе или менѣе переходитъ въ темно-желтый, на спинѣ же и на брюхѣ становится чище; большія маховыя перья черныя, плечевыя перья сѣроватыя. Глаза красновато-каріе или свѣтлаго металлически-желтаго цвѣта; кончикъ клюва синяго рогового цвѣта, прочія части клюва, а также обнаженныя части головы и пятно на зобу яркаго оранжеваго цвѣта; кожистая складка на горлѣ нѣсколько свѣтлѣе края подклювья. Длина самки 70 см., размахъ крыльевъ 160, длина крыльевъ 50, длина хвоста 26 см.

Стервятникъ причисляется къ среднеевропейскимъ птицамъ, такъ какъ его нѣсколько разъ убивали въ Германіи. Чаще попадается онъ въ Швейцаріи — близъ Женевы одна пара даже свила себѣ гнѣздо. Далѣе къ югу онъ встрѣчается въ бо́льшемъ количествѣ. На югѣ Франціи онъ еще не является въ качествѣ осѣдлой птицы, но встрѣчается не слишкомъ рѣдко; въ Италіи водится только на мысѣ Арджентаро и близъ Ниццы, въ Сардиніи же, гдѣ такъ любятъ селиться другіе грифы, страннымъ образомъ не живетъ осѣдло; въ Испаніи стервятникъ встрѣчается вездѣ, хотя и не особенно часто, въ Греціи и вообще на Балканскомъ полуостровѣ онъ распространенъ всюду. Крымъ и южную Россію, гдѣ онъ также выводитъ потомство, стервятникъ обыкновенно зимою покидаетъ; въ Африкѣ же, за исключеніемъ, пожалуй, только западныхъ побережій, и въ значительной части западной и южной Азіи это, несомнѣнно, осѣдлая птица.

Только въ южной Европѣ стервятникъ боязливъ и остороженъ. Во всей Африкѣ онъ довѣрчиво относится къ человѣку, если только ему еще не приходилось страдать отъ кровожадности европейца. Это отнюдь не глупая птица, ибо различаетъ весьма ясно то, что ей полезно, отъ того, что ей вредно, умѣетъ также при очень затруднительныхъ обстоятельствахъ съ извѣстною хитростью добывать себѣ хлѣбъ насущный. Назвать стервятника лѣнивымъ также нельзя; напротивъ, онъ очень подвиженъ и иногда цѣлыми часами летаетъ ради своей собственной забавы. Правда, что, наѣвшись, онъ подолгу сидитъ на одномъ мѣстѣ. Походка его напоминаетъ походку нашего большого ворона; полетъ же стервятника напоминаетъ отчасти нашего аиста, но въ то же время похожъ и на полетъ ягнятника, но только стервятникъ летаетъ гораздо медленнѣе и гораздо менѣе изящно, чѣмъ ягнятникъ. Однимъ прыжкомъ стервятникъ снимается съ мѣста, нѣсколькими медленными взмахами крыльевъ подвигается впередъ и затѣмъ быстро летитъ, не махая крыльями. Въ хорошую погоду онъ поднимается все выше и выше, иногда забирается въ слои воздуха, находящіеся на высотѣ 1000—1200 метровъ надъ землею. Отдыхаетъ онъ, если возможно, на скалахъ; деревьевъ онъ по возможности избѣгаетъ, а въ большихъ лѣсахъ не встрѣчается вовсе. Не рѣже, чѣмъ на скалы, опускается стервятникъ на старыя зданія, а въ сѣверной Африкѣ, Индіи и Аравіи — на храмы, мечети, гробницы и дома. Со своими родственниками онъ общителенъ. Отдѣльно удается его видѣть чрезвычайно рѣдко; чаще попадается онъ парами, чаще же всего — въ видѣ бо́льшихъ или меньшихъ стай. Такъ какъ этого требуетъ его промыселъ, онъ соединяется съ другими грифами, но только не надолго; какъ только общая трапеза окончена, стервятнику больше нѣтъ дѣла до его родственниковъ. Сознавая свою слабость, онъ миролюбивъ и уживчивъ. Въ южномъ Египтѣ и въ южной Нубіи можно видѣть многочисленныя стаи этихъ птицъ, которыя цѣлыми часами забавляются продѣлываніемъ великолѣпныхъ сальтомортале на воздухѣ, сообща выбираютъ себѣ мѣста ночлега и разыскиваютъ себѣ пищу, причемъ между ними никогда не замѣчается ни ссоръ, ни дракъ. Въ обществѣ большихъ грифовъ стервятникъ смиренно сидитъ въ сторонкѣ и со страхомъ глядитъ на ихъ дикую возню.

Стервятникъ не брезгаетъ никакой пищей. Онъ ѣстъ все, что вообще съѣдобно. Обыкновенно полагаютъ, но неправильно, что и для него падаль составляетъ главный предметъ пропитанія: стервятникъ гораздо менѣе притязателенъ. Правда, онъ всегда появляется на падали и пробуетъ поживиться ею, насколько это допускаютъ его слабыя силы, выклевываетъ глаза, прорываетъ около задняго прохода дыру и старается вытащить черезъ нее внутренности, или ждетъ, пока большіе грифы насытятся и послѣ нихъ обгладываетъ оставленныя ими кости; но подобный обѣдъ

Африканскіе грифы.

для него праздникъ. Большія рѣки или морской берегъ доставляютъ стервятнику уже больше, такъ какъ на берегъ выбрасывается падаль или по крайней мѣрѣ мертвая рыба, и здѣсь стервятникъ можетъ ловить разныхъ мелкихъ водяныхъ животныхъ. Наконецъ, отъ поры до времени и разная живая мелюзга достается ему на обѣдъ. Онъ разбойнически нападаетъ на крысъ, мышей, маленькихъ птичекъ, ящерицъ и на другихъ пресмыкающихся; онъ воруетъ яйца изъ гнѣздъ, ловко хватаетъ кузнечиковъ на лугахъ. Поймавъ одного ортолана, онъ убилъ его однимъ ударомъ клюва и тутъ же съѣлъ, не выпуская изъ лапъ. Донъ Лоренцо Маурель разсказывалъ Болле, что лишь съ трудомъ можетъ выращивать павлиновъ, такъ какъ стервятники самымъ безсовѣстнымъ образомъ уносятъ ихъ свѣжія яйца и для этой цѣли ходятъ по слѣдамъ самокъ.

Но ни разбойничьи продѣлки, ни грабежи стервятника не достаточны для его пропитанія. Къ счастью, онъ умѣетъ находить себѣ нѣчто другое. Во всей Африкѣ и даже въ южной Испаніи главной пищей ему служитъ человѣческій калъ.

Относительно того, какъ стервятникъ выводитъ птенцовъ, достовѣрныя наблюденія произведены лишь въ послѣднее время. „Стервятники любятъ устраивать свои гнѣзда по сосѣдству другъ отъ друга. Гдѣ есть удобныя мѣста для вывода на крутомъ склонѣ утеса, тамъ стервятники селятся, не обращая особеннаго вниманія, тепло въ этомъ мѣстѣ или прохладно. Вслѣдствіе накопленія помета около гнѣздъ и подъ гнѣздами, гнѣзда стервятниковъ видны издалека и бросаются въ глаза наблюдателя. Эти грифы, повидимому, не стараются ради безопасности забираться въ скрытыя мѣста, а полагаются исключительно только на неприступность избираемыхъ ими мѣстъ.“ Въ гнѣздо кладется обыкновенно 2 яйца; они продолговатыя, большею частью по желтовато-бѣлому фону украшены глинистыми или ржаво-бураго цвѣта пятнами и разводами, иногда же бываютъ покрыты болѣе крупными пятнами и полосами кроваво-чернаго цвѣта. Молодыхъ птицъ, сначала одѣтыхъ въ сѣровато-бѣловатый пухъ, родители на первыхъ порахъ кормятъ пищей, размягченной въ зобу; птенцы долго сидятъ въ гнѣздѣ, а затѣмъ еще цѣлые мѣсяцы пребываютъ въ обществѣ стариковъ.

Стервятники, пойманные молодыми, становятся очень ручными, слѣдуютъ въ концѣ концовъ за своимъ хозяиномъ по пятамъ, какъ собака, и привѣтствуютъ его появленіе радостнымъ крикомъ. Птицы, пойманныя старыми, также скоро привыкаютъ къ неволѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ переносятъ утрату своей свободы.

Въ средней и западной Африкѣ къ стервятнику присоединяется близкій родственникъ, извѣстный подъ названіемъ мохнатаго стервятника (Neophron pileatus). Птица эта по крайней мѣрѣ такъ же смѣла, какъ наша сѣрая ворона, даже почти такъ же, какъ нашъ воробей. Безъ страху бѣгаетъ мохнатый стервятникъ взадъ и впередъ передъ входными дверями дома, возится около самой кухни, а для отдыха взлетаетъ на верхушку ближайшаго дерева. По утрамъ онъ дожидается около хижинъ, чтобы люди исполнили свои потребности, и тотчасъ же чиститъ запачканныя мѣста. На всякой бойнѣ — это постоянный гость; но никогда не уноситъ онъ того, что ему не подобаетъ, никогда не схватываетъ цыпленка или другое живое домашнее животное.

Держится мохнатый стервятникъ очень изящно; это настоящій грифъ. Его почти не преслѣдуютъ, какъ и его родственниковъ. Охота на него не представляетъ никакихъ трудностей; ибо тамъ, гдѣ эта птица встрѣчается, она относится довѣрчиво къ человѣку. Ловить ее также довольно легко. Въ послѣднее время мохнатый стервятникъ сталъ появляться въ зоологическихъ садахъ, но всегда рѣдко и въ одиночку.

Самый рѣзкій признакъ американскихъ грифовъ (Sarcorhamphidae) составляютъ сквозныя, большія, яйцевидныя носовыя отверстія. Кромѣ того, эти птицы отличаются своимъ болѣе или менѣе длиннымъ крючковатымъ клювомъ.

при основаніи надклювья покрытымъ мягкой восковицей, передъ которой клювъ нѣсколько съуженъ; ноги у нихъ крѣпкія, съ толстою плюсной, крылья длинныя, заостренныя, хвостъ довольно длинный; голова и верхняя часть шеи голыя, и эти части обыкновенно бываютъ при основаніи клюва и на лбу покрыты гребневидными кожистыми образованіями, а также ярко-окрашенными наростами и складками.

Благороднѣйшими представителями этого семейства мы считаемъ гребневыхъ грифовъ (Sarcorhamphus).

Кондора (Sarcorhamphus gryphus) постигла та же участь, какъ бородатаго ягнятника. Кондора такъ же мало знали, какъ и бородатаго ягнятника, распространяли о немъ такіе же слухи и сказки и вѣрили имъ. Лишь естествоиспытатели нынѣшняго столѣтія освободили разсказы о немъ отъ примѣси баснословнаго.

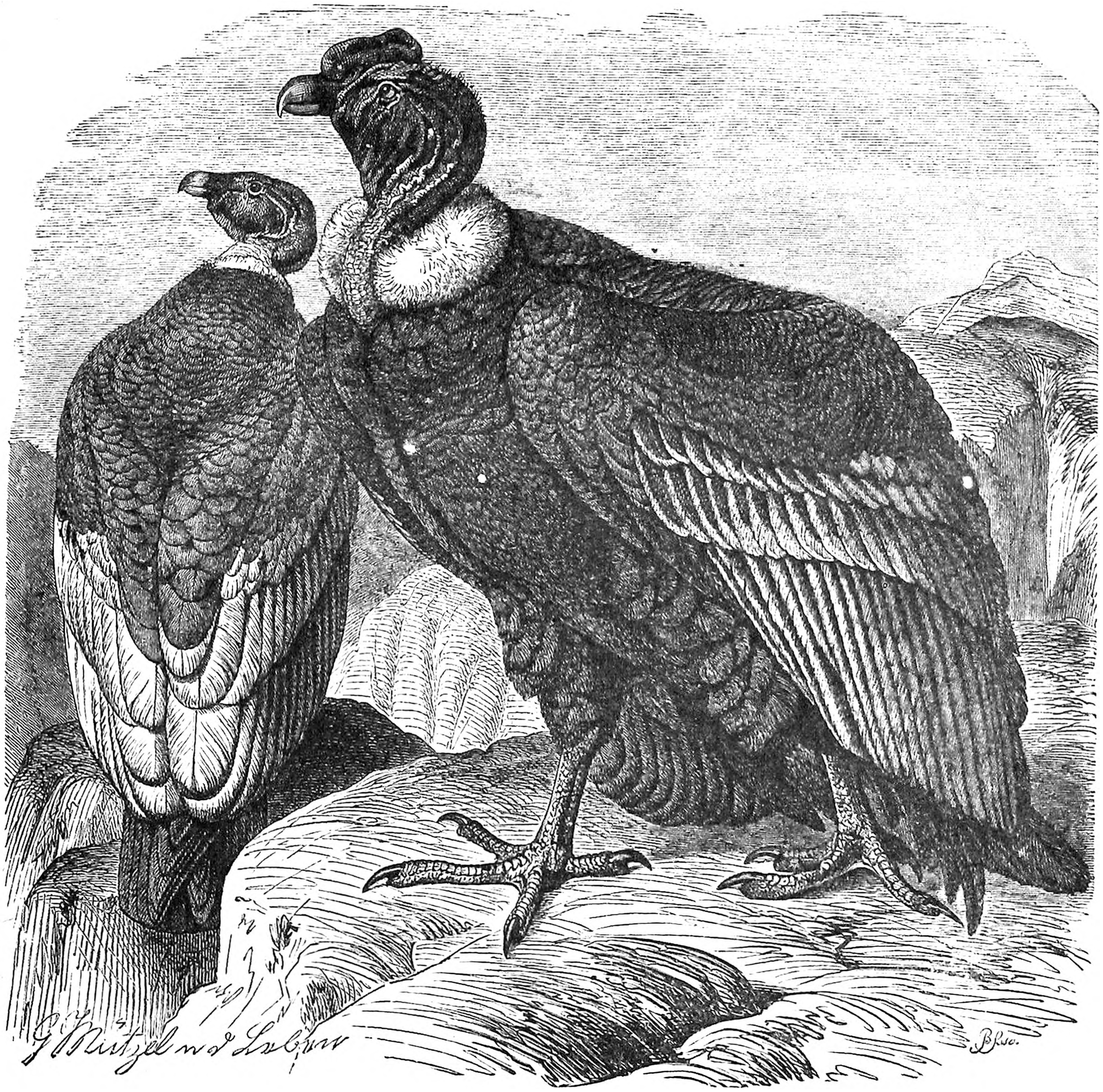
Оперенiе взрослаго кондора черное съ слабымъ темно-синимъ стальнымъ блескомъ; перья крыльевъ тускло-черныя, наружныя кроющія перья всѣхъ трехъ порядковъ, а также брыжжи, состоящія изъ мягкихъ, волосистыхъ и шерстистыхъ, но притомъ довольно длинныхъ перьевъ, бѣлыя; малыя маховыя перья на наружномъ опахалѣ снабжены бѣлой каемкой. Задняя часть головы, лицо и горло окрашены въ черновато-сѣрый цвѣтъ, узкая складка кожи на горлѣ и обѣ бородавчатыя кожистыя складки по обѣ стороны шеи самца ярко красныя, шея мясного краснаго цвѣта, область зоба блѣдно красная. Глаза огненнаго карминно-краснаго цвѣта, клювъ при основаніи и на гребнѣ рогового чернаго цвѣта, по бокамъ и на концѣ рогового желтаго цвѣта, ноги темно-бурыя. По измѣренію Гумбольдта, длина самца 1,02 метра, размахъ крыльевъ 2,75, длина крыльевъ 1,15 метра, длина хвоста 37 см., длина самки на 2,5 см., а ширина на 24 см. меньше.

Родина кондора — высокія горы южной Америки. Онъ распространенъ отъ плоскогорія Квито до южной оконечности материка. На Андахъ онъ предпочитаетъ пребывать между 3000 и 5000 метровъ высоты; по берегамъ Магелланова пролива и въ Патагоніи онъ вьетъ себѣ гнѣзда на крутыхъ утесахъ у самаго берега. Въ Перу и въ Боливіи онъ тоже часто спускается на морской берегъ, но на высокихъ горахъ встрѣчается по крайней мѣрѣ въ десять разъ чаще, чѣмъ внизу. По словамъ А. Гумбольдта, его часто можно видѣть парящимъ надъ Чимборасо, т. е. въ шесть разъ выше слоя облаковъ, лежащаго надъ равниной на высотѣ 7000 метровъ надъ уровнемъ моря.

Образъ жизни и нравы кондора въ сущности таковы же, какъ у грифовъ. Въ періодъ вывода кондоры живутъ попарно, въ другое время обществами, избираютъ себѣ для отдохновенія крутые зубцы скалъ, на которые постоянно возвращаются. Взлетаютъ кондоры при помощи медленныхъ взмаховъ крыльями, а затѣмъ уже летятъ равномѣрно, не шевеля крыльями. Если одинъ изъ нихъ замѣтитъ что-нибудь съѣдобное, то опускается внизъ, и всѣ прочіе, при видѣ этого, быстро слѣдуютъ за нимъ. „Часто бываетъ непонятно“, говоритъ Чуди, „какъ въ какія-нибудь четверть часа, или даже и того менѣе, на положенную приманку слетаются цѣлыя стаи кондоровъ, между тѣмъ какъ раньше даже самое острое зрѣніе не могло бы различить ни одного.“ Въ случаѣ счастливой находки кондоры около полудня возвращаются на свои скалы и здѣсь нѣсколько часовъ дремлютъ.

Подобно грифу, кондоръ преимущественно питается падалью. Гумбольдтъ сообщаетъ, что два кондора нападаютъ не только на андскаго оленя и на ламу, но даже на гуанако и на телятъ, убиваютъ также этихъ животныхъ, нанося имъ раны до тѣхъ поръ, пока они не упадутъ безжизненными, а Чуди подтверждаетъ, что кондоры слѣдуютъ за стадами дикихъ и домашнихъ животныхъ и въ одно мгновеніе набрасываются на издохшее животное. Иногда они кидаются на ягнятъ, телятъ, даже на усталыхъ лошадей, которыя уже не въ силахъ защищаться; кондоры выѣдаютъ у послѣднихъ мясо вокругъ раны, добираются до грудной полости и наконецъ убиваютъ ихъ. Въ то время какъ охотникъ потрошитъ уби-

тыхъ ламъ или оленей, вокругъ него всегда кружатся цѣлыя стаи кондоровъ, которые съ жадной поспѣшностью кидаются на выбрасываемыя внутренности, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшаго страха передъ человѣкомъ. Говорятъ, что кондоры точно такъ же слѣдятъ за пумой и подбираютъ остатки отъ его трапезы. „Когда кондоры опускаются“, говоритъ Дарвинъ, „а потомъ всѣ внезапно поднимаются вверхъ, то чиліецъ знаетъ, что это пума, охраняя пойманное и убитое имъ животное, отогналъ пернатыхъ разбойниковъ.“ Во время нарожденія ягнятъ

Кондоръ (Sarcorhamphus gryphus). 1/6 естеств. велич.

кондоръ также очень зорко слѣдитъ за стадами и пользуется всякимъ удоннымъ случаемъ, чтобы унести ягненка или козленка. Собаки, стерегущія стада въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водятся кондоры, пріучены выбѣгать изъ стада, пока врагъ еще на воздухѣ, глядѣть вверхъ и громко лаять. На берегу моря кондоры питаются выброшенными прибоемъ трупами крупныхъ морскихъ млекопитающихъ, которыя во множествѣ живутъ у береговъ Америки. Людскихъ жилищъ кондоры избѣгаютъ и не нападаютъ также на дѣтей. Часто дѣти засыпаютъ на горной вершинѣ, пока отцы ихъ запасаются снѣгомъ, и родителямъ нѣтъ основанія опасаться хищничества кондора. Индѣйцы единогласно утверждаютъ, что для человѣка кондоръ неопасенъ.

Ѣдятъ кондоры совершенно такъ же, какъ грифы.

Періодъ размноженія кондоровъ приходится на наши зимніе или весенніе мѣсяцы. Гнѣздо стоитъ на неприступныхъ скалахъ, иногда оно, впрочемъ, почти не заслуживаетъ названія гнѣзда, ибо часто самка кладетъ свои два яйца чуть ли не прямо на голую землю. Яйца кондора одноцвѣтныя и блестящаго бѣлаго цвѣта. У кондора чаще вылупляется два птенца, чѣмъ у бородатаго ягнятника. Они появляются на свѣтъ въ сѣроватой пуховой одеждѣ, растутъ медленно, долго остаются въ гнѣздѣ и уже окрылившіяся молодыя птицы вскармливаются родителями, которые съ большимъ мужествомъ защищаютъ свое потомство отъ опасности.

Индѣйцы ловятъ много кондоровъ, такъ какъ находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы ихъ мучить. Животъ падали наполняютъ одуряющими травами, вслѣдствіе чего кондоръ, поѣвъ мяса, шатается, какъ пьяный, и кладутъ такое мясо въ равнинахъ внутри ограды, ждутъ, пока птица не наѣстся, прискакиваютъ во всю прыть верхомъ и ловятъ пирующихъ кондоровъ своими лассо, кромѣ того индѣйцы прибѣгаютъ къ особенному способу ловли, описанному уже Молина и подтвержденному сообщеніями Чуди и другихъ. На землѣ раскладывается свѣжая бычачья шкура съ висящими на ней кусками мяса; кожа эта покрываетъ лежащаго подъ ней индѣйца, снабженнаго достаточнымъ количествомъ веревокъ. „Когда прилетятъ кондоры, индѣецъ приподнимаетъ кожу въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ кондоръ, и съ помощью веревокъ обвязываетъ ее вокругъ ногъ кондора на подобіе мѣшка. Связавъ нѣсколькихъ кондоровъ, индѣецъ выползаетъ изъ подъ кожи, другіе индѣйцы подскакиваютъ, накидываютъ на птицъ плащи и несутъ ихъ въ деревню, гдѣ хранятъ ихъ для травли быковъ. Цѣлую недѣлю передъ этимъ жестокимъ удовольствіемъ кондоровъ морятъ голодомъ. Въ назначенный день на спину каждаго быка привязывается по кондору, причемъ кожа быка сначала прокалывается въ кровь копьями. Голодная птица клювомъ рветъ мясо несчастнаго животнаго, которое, къ великой радости индѣйцевъ, дико носится по аренѣ. Въ провинціи Хуарохиринъ, на одномъ плоскогоріи есть мѣсто, гдѣ кондоровъ безъ труда ловятъ во множествѣ. Тамъ есть естественная воронка, глубиною около 20 метровъ, имѣющая въ верхней своей части столько же метровъ въ поперечникѣ. У наружнаго края этой воронки кладется мертвый мулъ или лама. Скоро на падаль слетаются кондоры, дергая добычу, сбрасываютъ ее внизъ и слѣдуютъ за нею, чтобы внизу съѣсть ее. Наѣвшись, они уже не въ силахъ подняться со дна воронки, въ ширину имѣющаго не болѣе 5 метровъ. Тогда индѣйцы, вооруженные длинными палками, спускаются внизъ и убиваютъ пронзительно кричащихъ птицъ.“

Надъ плѣнными кондорами произведены весьма разнообразныя наблюденія. Нѣкоторые изъ нихъ становятся совершенно ручными, другіе остаются дикими и злыми. Гекель довольно долго держалъ двухъ кондоровъ, которые были въ высшей степени привѣтливы. „Хозяина своего“, пишетъ Гурси, „они скоро очень полюбили. По его приказанію, самецъ прыгаетъ съ земли на жердь, оттуда на руку хозяина, даетъ себя носить и гладитъ въ это время клювомъ лицо хозяина самымъ ласковымъ образомъ. Гекель кладетъ ему палецъ въ клювъ, почти совершенно свободно садится птицѣ на спину, поднимаетъ ему брыжжи на голову и на разные лады играетъ съ нимъ, какъ съ собакой. При этомъ самка теряетъ терпѣніе, такъ какъ ей долго приходится поститься, и дергаетъ его за сюртукъ, пока не получитъ корму. Вообще, кондоры такъ ревнивы къ ласкамъ своего господина, что одна изъ птицъ часто рветъ ему платье, желая оттащить его отъ другой, съ которой онъ въ данную минуту играетъ.“ Плѣнные кондоры, посаженные вмѣстѣ со своими родственниками по семейству, умѣютъ внушить къ себѣ уваженіе и поддержать его. Когда дѣло доходитъ до драки, они пользуются своимъ клювомъ ловко, искусно и сильно, такъ что даже злые бѣлоголовые сипы почтительно уступаютъ кондору мѣсто.

„Какъ кондоръ привлекъ къ себѣ вниманіе первыхъ путешественниковъ въ Перу“, говоритъ Чуди, „такъ въ Мексикѣ и въ южной Америкѣ привлекъ къ себѣ вниманіе королевскій грифъ. Уже Гернандецъ упоминаетъ о немъ. Его яркое, красивое опереніе, какого не встрѣчается у другихъ хищниковъ, заставило дать ему прозвище Rex vulturum, король грифовъ.“ Къ тому же, подобно всѣмъ круп-

нымъ видамъ своего отряда, имѣющимъ дѣло съ болѣе мелкими, королевскій грифъ является господиномъ и повелителемъ этихъ послѣднихъ, которымъ внушаетъ величайшее почтеніе своей силой и самовластіемъ.

Королевскій грифъ (Sarcorhamphus papa) достигаетъ въ длину 84—89 см., а въ размахѣ крыльевъ 1,8 метра; длина его крыльевъ 52, длина хвоста 23 см. Взрослыя, вполнѣ развившіяся птицы облечены въ поистинѣ великолѣпную одежду. Шейныя брыжжи сѣраго цвѣта, передняя часть спины и верхнія кроющія

Королевскій грифъ (Sarcorhamphus papa). 1/5 естеств. велич.

перья крыла яркаго красновато-бѣлаго цвѣта; брюшко и нижнія кроющія перья крыла чисто бѣлыя, маховыя и хвостовыя перья совершенно черныя, причемъ маховыя перья снабжены снаружи сѣрой каемкой; темя и лицо, покрытыя короткими, жесткими, щетинообразными перьями, мясного краснаго цвѣта; кругловатыя бородавки, украшающія лицо позади глазъ и подъ глазами, а также толстая складка, направляющаяся къ задней части головы, темно-краснаго цвѣта, шея и голова свѣтло-желтыя. Глаза серебристо-бѣлые; высокій гребень черноватаго цвѣта распадается на складки и имѣется также и у болѣе крупной самки; клювъ при основаніи черный, въ серединѣ ярко-красный, на концѣ желтовато-бѣлый, восковица желтая, ноги черновато-сѣрыя. Королевскій грифъ водится, начиная отъ 32 градуса южной широты, во всѣхъ низменностяхъ южной Америки до Ме-

ксики и Техаса и, какъ говорятъ, встрѣчался даже на Флоридѣ. На горы онъ взбирается только до высоты 1500 метровъ надъ уровнемъ моря. Настоящимъ мѣстомъ его жительства являются первобытные лѣса или равнины, поросшія деревьями. Въ безлѣсныхъ степяхъ и на безлѣсныхъ горахъ онъ совсѣмъ не встрѣчается. Ночь онъ проводитъ сидя на низкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, большею частью въ обществѣ, и каждый вечеръ, повидимому, возвращается на извѣстныя мѣста ночлега; съ наступленіемъ утра онъ поднимается и паритъ вдоль лѣса или въ окрестностяхъ лѣса, высматривая, не приготовилъ-ли ему обѣда ягуаръ. Замѣтивъ падаль, королевскій грифъ, шурша крыльями, кидается внизъ съ значительной высоты, но сначала садится на небольшомъ разстояніи отъ лакомаго куска и только отъ поры до времени поглядываетъ на него. Часто онъ даетъ волю своей жадности лишь спустя $^1/_4$ или $^1/_2$ часа; ибо онъ всегда остороженъ и сначала самымъ тщательнымъ образомъ убѣждается въ своей безопасности. Онъ также иногда наѣдается до такой степени, что едва способенъ двигаться. Когда зобъ его наполненъ кормомъ, то королевскій грифъ распространяетъ невыносимый запахъ падали; если же зобъ пустъ, то птица сильно пахнетъ мускусомъ. Окончивъ свою трапезу, королевскій грифъ взлетаетъ на высокое, охотнѣе всего на засохшее дерево и здѣсь отдыхаетъ.

Обыкновенно, вездѣ часто встрѣчающіеся индюковые грифы еще раньше королевскаго грифа замѣчаютъ падаль и привлекаютъ вниманіе королевскаго грифа своимъ сборищемъ. „Хотя бы сотни грифовъ находились на падали въ самомъ разгарѣ работы“, говоритъ Шомбургкъ, „но они въ одно мгновеніе разступаются при приближеніи королевскаго грифа. Сидя на ближайшихъ деревьяхъ или, въ случаѣ отсутствія ихъ, на землѣ, они ждутъ, бросая жадные и завистливые взоры, пока повелитель ихъ не утолитъ своего голода и не удалится. Какъ только послѣдній удалится, они опять съ дикой и удвоенной жадностью бросаются на неоконченный обѣдъ и глотаютъ остатки, которыми пренебрегъ королевскій грифъ. Такъ какъ я очень часто бывалъ свидѣтелемъ такого хода дѣлъ, то могу утверждать, что ни одна птица не пользуется такимъ уваженіемъ и не встрѣчаетъ такой уступчивости со стороны мелкихъ грифовъ, какъ королевскій грифъ. Увидѣвъ издали королевскаго грифа, приближающагося къ падали, которую они уже дѣятельно уничтожаютъ, мелкіе грифы моментально отступаютъ, а когда королевскій грифъ дѣйствительно спускается на падаль, то мелкіе грифы очень своеобразно киваютъ другъ другу головой. Тогда кажется, будто они кланяются королевскому грифу; такъ, по крайней мѣрѣ, я объяснилъ себѣ то, что они вытягиваютъ свои головы, причемъ двигаютъ крыльями вверхъ и внизъ. Когда король грифовъ усядется, всѣ прочіе сидятъ смирнехонько и жадно слѣдятъ за его трапезой.“

Плѣнныхъ королевскихъ грифовъ безъ труда можно приручить, но чувство привязанности они выражаютъ только лицу, ухаживающему за ними, чужихъ же часто встрѣчаютъ весьма неласково и иногда такъ кусаются, что даже человѣка принуждаютъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ.

*

Вся Америка населена индюковыми грифами (Catharista). Изъ нихъ индюковый грифъ (Catharista aura, рис. на стр. 762) отличается сравнительно короткимъ, но толстымъ клювомъ съ далеко выдвинутой впередъ восковицей, которая какъ разъ прикрываетъ большія, овальныя, сквозныя носовыя отверстія; верхняя половина шеи у нихъ голая, хвостъ ступеньчатый, плюсна сравнительно тупая. Голова спереди голая, сзади покрытая наростами, впереди карминово-красная, назади синевато-красная, вокругъ глазъ блѣдно-красная, голая шея мясного краснаго цвѣта, оперенная часть шеи, а также верхняя часть спины и нижняя сторона черныя съ зеленоватымъ металлическимъ блескомъ. Радужная оболочка черно-бурая, клювъ свѣтлаго рогового желтаго цвѣта, ноги бѣлыя. Длина 78, размахъ крыльевъ 164, длина крыльевъ 49, длина хвоста 26 см.

Урубу, или галлинацо, называемый въ сѣверной Америкѣ черными грифомъ (Catharista atrata) характеризуется болѣе тонкимъ и длиннымъ

клювомъ, болѣе короткимъ, прямо обрубленнымъ хвостомъ и сравнительно высокими ступнями ногъ. Отъ клюва черезъ темя къ затылку проходятъ небольшія, довольно правильно расположенныя другъ за другомъ поперечныя морщины. Все опереніе, не исключая хвоста и крыльевъ, тускло-чернаго цвѣта и имѣетъ при извѣстномъ освѣщеніи темный ржаво-бурый отливъ; глаза темно-каріе, клювъ черно-бурый, кончикъ клюва рогового сѣраго цвѣта. Длина птицы 60, ширина 136 см.

Описанные два вида индюковыхъ грифовъ, къ которымъ причисляются еще три мало различающихся вида, такъ часто смѣшивали другъ съ другомъ, что трудно съ точностью сказать, къ какому именно виду слѣдуетъ отнести существующія сообщенія о жизни этихъ птицъ; впрочемъ, всѣ индюковые грифы ведутъ настолько сходный образъ жизни, что главнѣйшія наблюденія надъ ними могутъ дать довольно вѣрное представленіе о томъ, что дѣлаетъ каждый видъ.

Индюковый грифъ распространенъ, начиная отъ Саскачавана, по всей сѣверной, средней и южной Америкѣ вплоть до Магелланова пролива и отъ Атлантическаго океана до Тихаго; но не вездѣ эта птица встрѣчается одинаково часто. Урубу же водится больше на югѣ Америки, въ Соединенныхъ Штатахъ не встрѣчается на сѣверѣ Каролины, но въ странахъ, прилегающихъ къ Калифорнскому заливу, въ средней и южной Америкѣ это одна изъ наиболѣе обыкновенныхъ птицъ.

Жизнь индюковыхъ грифовъ напоминаетъ жизнь грифовыхъ птицъ; но индюковые грифы еще довѣрчивѣе послѣднихъ, такъ какъ въ бо́льшей части странъ, гдѣ водятся индюковые грифы, подъ страхомъ тяжкаго наказанія запрещено убивать этихъ городскихъ мусорщиковъ. Не вездѣ одновременно встрѣчаются оба указанныхъ вида, ибо каждый изъ нихъ отдаетъ предпочтеніе извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ, по словамъ Чуди, индюковый грифъ чаще селится на морскомъ побережьи и почти никогда во внутреннихъ частяхъ суши, между тѣмъ какъ галлинацо часто живетъ въ городахъ, а иногда и въ горахъ, но рѣдко встрѣчается на берегу моря. „Европеецъ, впервые высадившійся на берегъ Перу, приходитъ въ изумленіе при видѣ невѣроятнаго количества грифовъ, которыхъ онъ видитъ на морскомъ берегу, на всѣхъ дорогахъ, въ городахъ и деревняхъ, и удивляется смѣлости и довѣрчивости, съ какими эти птицы приближаются къ человѣку.“ Эти птицы какъ будто знаютъ, что служатъ замѣной весьма несовершеннаго въ тѣхъ странахъ санитарнаго вѣдомства. Во всѣхъ южно-американскихъ городахъ онѣ замѣняютъ нашу уличную полицію. „Не будь этихъ птицъ“, увѣряетъ Чуди, „главный городъ Перу принадлежалъ бы къ самымъ нездоровымъ во всей странѣ, такъ какъ администрація рѣшительно ничего не дѣлаетъ для удаленія нечистотъ. Многія тысячи галлинацо живутъ въ Лимѣ и кругомъ этого города, и такъ мало боязливы, что на рынкѣ прыгаютъ среди самой густой толпы людей.“

Движенія индюковыхъ грифовъ напоминаютъ грифовъ Стараго Свѣта. Индюковые грифы ходятъ, сильно выпрямившись, и потому похожи на индюковъ, отчего и получили свое названіе. Летаютъ индюковые грифы легко, часто парятъ, нерѣдко поднимаются также на большую высоту, но обыкновенно не употребляютъ особыхъ усилій для отысканія пищи, которую постоянно имѣютъ въ изобиліи.

Трапезу этихъ птицъ Бурмейстеръ описываетъ очень картинно. „Большія черныя птицы, которыя и въ Бразиліи убираютъ падаль на дорогахъ, появляются всюду. Гдѣ какое нибудь животное падаетъ мертвымъ, они въ числѣ 20, 30, 40 и болѣе спускаются на трупъ, выклевываютъ ему глаза и съ жадностью, явственно выражающейся во всей ихъ фигурѣ, ждутъ того блаженнаго мгновенія, когда газы, быстро образующіеся въ тѣлѣ подъ вліяніемъ солнца, разорвутъ гніющій покровъ брюха и когда благоухающее содержимое станетъ для нихъ доступнымъ. Происходитъ страшная толкотня, когда, наконецъ, наступаетъ желанная минута. Каждая птица схватываетъ кусокъ вылѣзающихъ внутренностей; въ одно мгновеніе мягкія, полусгнившія кишки разрываются и проглатываются. Затѣмъ наѣвшіеся грифы сидятъ, прижавшись другъ къ другу на ближайшемъ высокомъ деревѣ, не спуская глазъ съ падали, пока она не прогніетъ и не размягчится настолько, что

будетъ возможно ѣсть ее дальше. Отъ поры до времени какой-нибудь прожорливый грифъ, не успѣвшій достаточно наполнить своего желудка въ первый пріемъ, слетаетъ на выпотрошенное тѣло, пробуетъ оторвать гдѣ-нибудь себѣ кусокъ, теребитъ края ранъ и пролагаетъ путь быстро распространяющемуся тлѣнію. Если другія птицы видятъ, что его предпріятіе имѣетъ успѣхъ, то онѣ скоро слѣдуютъ его примѣру, клюютъ и рвутъ трупъ и съѣдаютъ одну часть его за другою, пока кости не окажутся начисто обглоданными. Въ два дня дѣло сдѣлано, и когда уже изъ падали нельзя ничего болѣе извлечь, то мухи принимаются за окончательную очистку костей.“

Индюковый грифъ (Catharista aura). 1/6 естеств. велич.

Впрочемъ, индюковые грифы ѣдятъ также свѣжее мясо, если только могутъ разорвать его на куски, а также, несмотря на всѣ увѣренія въ противномъ, хватаютъ и душатъ живыхъ животныхъ. Смѣлость и беззастѣнчивость ихъ становится въ тягость людямъ и животнымъ. Такъ, принцъ Видъ замѣчаетъ, что они слетаются со всѣхъ четырехъ странъ свѣта, какъ только въ лѣсу раздается выстрѣлъ. „Если намъ случалось убить на густо осѣненномъ деревьями лѣсномъ ручьѣ утку или хотя бы даже маленькую птицу, то грифы тотчасъ же являлись, и въ числѣ 8, 10 и болѣе усаживались на сосѣднія деревья и сучья. Стоило только на минуту отойти, — и застрѣленная птица уже лежала на сухомъ мѣстѣ, и грифы готовились ѣсть ее.“ Ягуара постигаетъ такая же участь, какъ и человѣка-охотника. „Близъ Іовалія“, разсказываетъ Гумбольдтъ, „мы увидѣли самаго большого ягуара, какого только намъ удавалось встрѣтить. Онъ лежалъ въ тѣни большой мимозы и только что

убилъ морскую свинку; но добыча его еще была нетронута, и на ней лежала одна изъ его лапъ. Грифы собрались стаями, чтобы съѣсть остатки отъ обѣда „тигра“. Они забавляли насъ страннымъ соединеніемъ въ нихъ дерзости и робости. Такъ, напримѣръ, они рѣшались подойти къ ягуару на разстояніе $^1/_2$ метра, но при малѣйшемъ движеніи звѣря отступали. Чтобы имѣть возможность ближе наблюдать нравы этихъ животныхъ, мы сѣли въ нашу лодку. Заслышавъ шумъ, производимый веслами, ягуаръ медленно всталъ съ цѣлью спрятаться за прибрежными кустами. Грифы попытались было воспользоваться тѣмъ мгновеніемъ, когда онъ удалялся, чтобы съѣсть морскую свинку; но „тигръ“, несмотря на близость нашей лодки, прыгнулъ въ среду грифовъ и въ гнѣвѣ, о чемъ можно было судить по его походкѣ и по ударамъ его хвоста, — поволокъ свою добычу въ лѣсъ.“

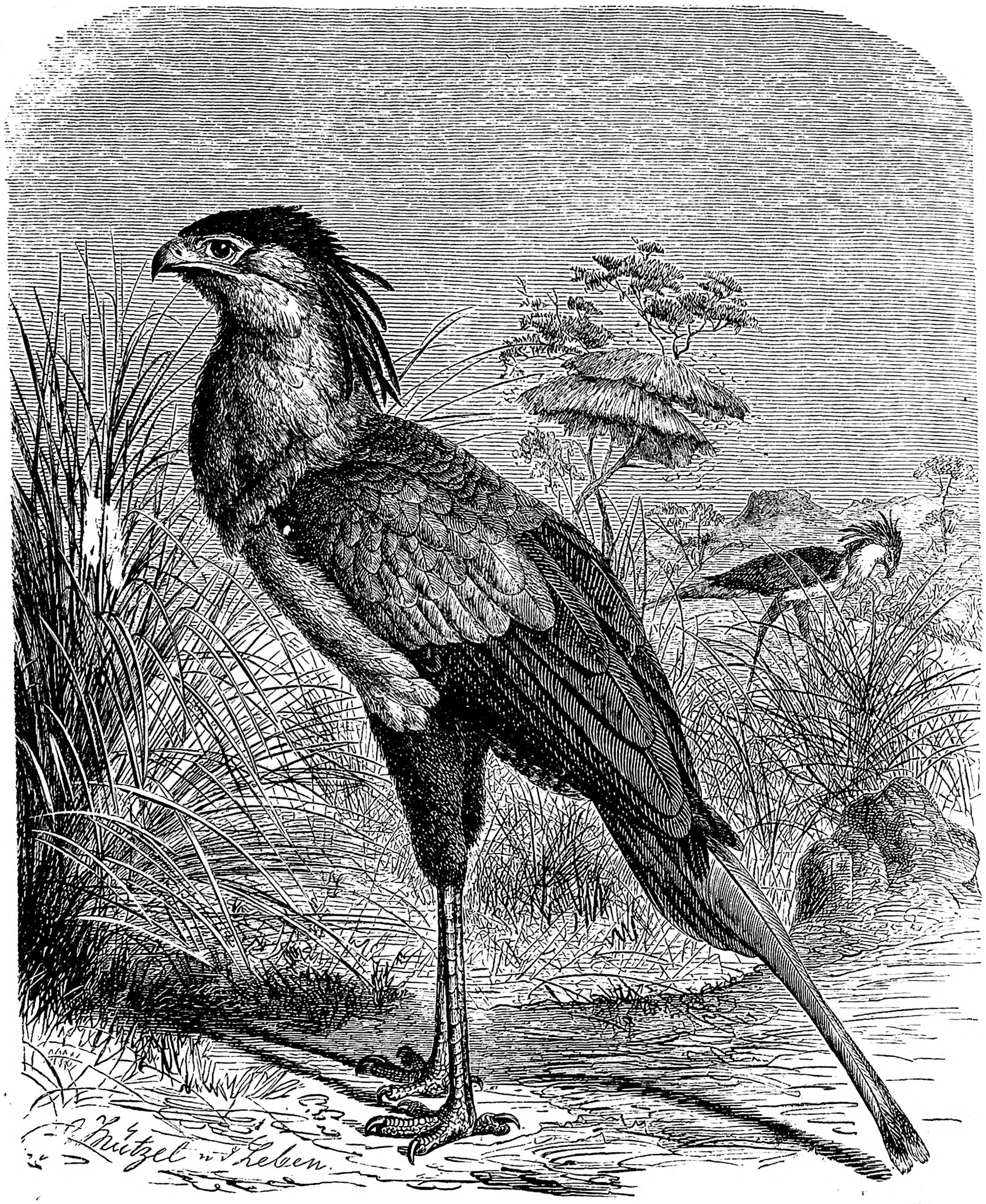
По словамъ Чуди, галлинацо устраиваетъ себѣ гнѣзда на крышахъ домовъ, на церквахъ, развалинахъ и на старыхъ высокихъ стѣнахъ; занимается онъ этимъ дѣломъ въ февралѣ и въ мартѣ. Яицъ, какъ говорятъ, кладется 3; они окрашены въ бѣловато-бурый цвѣтъ. Урубу, по сообщеніямъ того же естествоиспытателя, выбираетъ для этой цѣли песчаные гребни скалъ на морскомъ берегу или маленькіе островки вблизи морского берега, и сюда въ то же время кладетъ 3—4 яйца, которыя кругліе и свѣтліе яицъ галлинацо. Очень часто индюковые грифы выводятъ птенцовъ среди цапель и другихъ болотныхъ птицъ.

Въ настоящее время въ зоологическихъ садахъ рѣдко можно увидѣть индюковыхъ грифовъ. Азара сообщаетъ, что они могутъ сдѣлаться совсѣмъ ручными и даже обратиться въ настоящихъ домашнихъ животныхъ. Пріятель этого натуралиста держалъ одного индюковаго грифа, который вылеталъ изъ дома и влеталъ въ домъ, леталъ вслѣдъ за своимъ хозяиномъ во время его прогулокъ или охоты, сопровождая его даже во время болѣе продолжительныхъ путешествій, являлся на зовъ, какъ послушная собака и ѣлъ изъ рукъ.

Пожалуй правильнѣе будетъ выдѣлить въ особое семейство голенастыхъ грифовъ (Serpentariidae) одну боевую птицу, которую одни причисляютъ къ ястребамъ, другіе къ каракарамъ, но которая въ высшей степени своеобразна.

Секретарь (Serpentarius secretarius, рис. на стр. 764) отличается отъ всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ своими удивительно длинными основаніями ступней, вслѣдствіе чего ноги его напоминаютъ ноги настоящихъ журавлей. Онъ сложенъ стройно, голова у него довольно маленькая, широкая и на темени нѣсколько уплощенная; шея сравнительно длинная и тонкая, тѣло продолговатое, клювъ короче головы, толстый, загибающійся почти отъ самаго основанія; крылья длинныя, на концѣ же почти прямо обрѣзанныя, такъ какъ первыя пять маховыхъ перьевъ почти одинаковой длины; рѣзко ступеньчатый хвостъ замѣчательно длинный, среднее же перо съ каждой стороны гораздо длиннѣе всѣхъ прочихъ; обильное и крупное опереніе на задней части головы удлиняется въ видѣ пучка, состоящаго изъ шести паръ расположенныхъ рядомъ и другъ за другомъ перьевъ длиною около 15-ти см.; пучокъ этотъ можетъ быть поднятъ кверху, прочее же опереніе гладко прилегаетъ къ тѣлу. Окраска простая, но пріятная. Верхнія части тѣла свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта съ буроватымъ налетомъ; нѣсколько суженныя и удлиненныя перья на задней части шеи желтовато-сѣроватыя, ушная область, бока шеи и нижнія части тѣла грязнаго сѣровато-желтаго цвѣта; пучокъ перьевъ на затылкѣ, большія и малыя маховыя перья, а также кроющія перья большихъ маховыхъ перьевъ и самыя длинныя покровныя перья плеча, надхвостье, область зада и нижняя часть ляжекъ черныя, верхнія кроющія перья хвоста бѣлыя, передъ концомъ украшенныя неправильной формы пятнами; нижнія кроющія перья крыльевъ и самыя длинныя нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя, оба среднихъ рулевыхъ пера при основаніи желтовато-бѣлыя съ темными точками, въ серединѣ сѣровато-бурыя, къ концу черныя, на самомъ концѣ бѣлыя, прочія рулевыя перья въ части, прилежащей къ основанію, бѣлыя, въ серединѣ сѣровато-бу-

рыя, на внутреннемъ опахалѣ съ черной поперечной полосой, въ трети, прилежащей къ концу, черныя, а на концѣ бѣлыя. Глаза сѣровато-карiе, клювъ темнаго рогового цвѣта, кончикъ клюва черный, восковица темно-желтая, плюсна оранжево-желтая. Длина самца 1,15—1,25 метра, длина крыльевъ 62 см., длина сред-

Секретарь (Serpentarius secretarius). 1/8 естеств. велич.

нихъ хвостовыхъ перьевъ 68, вышина плюсны 29 см. Самка нѣсколько крупнѣе самца.

Секретарь водится въ значительной части Африки. Его встрѣчали отъ Мыса Доброй Надежды до 16-го градуса сѣверной широты и отъ берега Краснаго моря до Сенегала; итакъ, онъ водится въ южной Африкѣ, въ восточной Африкѣ до Самгары, въ западной Африкѣ до Гамбіи, а также въ обширныхъ областяхъ внутри этой части свѣта. Судя по своеобразному сложенію секретаря, можно

предполагать, что онъ обитаетъ только въ обширныхъ степныхъ равнинахъ. Хищная птица, отличающаяся такимъ сложеніемъ, какъ секретарь, должна отыскивать себѣ пропитаніе на землѣ и на высотѣ чувствуетъ себя въ довольно чуждой сферѣ. Онъ избѣгаетъ не только лѣса, но и близости высокихъ деревьевъ; его охотничій районъ — это степь, сухія и влажныя плоскія пространства, похожія на луга и, быть можетъ, еще тамъ и сямъ скудно поросшія деревьями поля, но не лѣса.

Благодаря своимъ высокимъ ступнямъ, секретарь ходитъ лучше и легче всѣхъ другихъ хищныхъ птицъ. Онъ шагаетъ по землѣ, выпрямившись, съ достоинствомъ и, не утомляясь, проходитъ цѣлыя мили. Во время охоты или во время бѣгства онъ бѣжитъ, наклонившись впередъ, почти такъ же скоро, какъ дрохва или другая бѣгающая птица, и лишь неохотно рѣшается пускать въ ходъ свои крылья; къ тому же, онъ долженъ предварительно разбѣжаться, чтобы подняться на воздухъ. Летать ему сначала, повидимому, трудно; но поднявшись на извѣстную высоту, секретарь летитъ легко и красиво, пролетаетъ обыкновенно большія разстоянія, не махая совершенно крыльями. При этомъ онъ протягиваетъ ноги назадъ, какъ аистъ, а шею вытягиваетъ впередъ, вслѣдствіе чего фигура летящаго секретаря становится настолько характерной, что его нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ пернатымъ хищникомъ.

Всѣ наблюдатели единогласно утверждаютъ, что секретарь живетъ парами и занимаетъ довольно обширный участокъ. Часто онъ въ сущности нигдѣ не встрѣчается, но все-таки вездѣ водится. Только при особенныхъ обстоятельствахъ собирается бо́льшее количество этихъ замѣчательныхъ птицъ. Если, напр., передъ дождливымъ временемъ года зажигается трава въ степи, и пожаръ охватываетъ многія квадратныя мили, причемъ всѣ степныя животныя приходятъ въ смятеніе и обращаются въ бѣгство, то секретарь всегда является на пожаръ въ полной увѣренности, что найдетъ богатую добычу, и цѣлыми часами летаетъ или бѣгаетъ передъ надвигающейся линіей огня.

Секретарь питается главнымъ образомъ пресмыкающимися и земноводными, но не брезгаетъ и другими позвоночными животными, если находитъ таковыхъ, а еще менѣе насѣкомыми, которыя временами составляютъ его главный кормъ. Прожорливость его поразительна: его почти можно назвать ненасытнымъ. Левальянъ вытащилъ изъ зоба убитаго имъ секретаря 21 маленькую черепаху, 11 ящерицъ и 3 змѣи, но кромѣ того нашелъ еще множество кузнечиковъ, а въ большомъ желудкѣ птицы комокъ костей позвоночныхъ животныхъ, черепашьихъ панцырей и крыльевъ насѣкомыхъ; комокъ этотъ былъ бы, вѣроятно, впослѣдствіи выплюнутъ. „Онъ рѣшается нападать на самыхъ опасныхъ змѣй“, говоритъ Левальянъ о секретарѣ, „и когда онѣ спасаются бѣгствомъ, такъ быстро ихъ преслѣдуетъ, что кажется, будто онъ несется надъ землею. Если секретарь догналъ змѣю, и если она начинаетъ защищаться, шипитъ и страшно раздуваетъ шею, то птица раскрываетъ одно крыло, прикрываетъ имъ ноги, какъ щитомъ, ударяетъ имъ нападающую на него змѣю, прыгаетъ взадъ и впередъ, выдѣлывая самые странные прыжки. Укушенія змѣи секретарь отражаетъ однимъ крыломъ и этимъ утомляетъ своего злобнаго врага, сгибомъ же другого крыла ударяетъ змѣю, ошеломляетъ ее, затѣмъ иногда еще клювомъ подбрасываетъ ее на воздухъ, прокусываетъ ей черепъ и, наконецъ, проглатываетъ ее, предварительно разорвавъ на части.“

Драйсонъ утверждаетъ, что секретарь иногда охотится и на лету. „Одна изъ этихъ птицъ паритъ на высотѣ около 60 метровъ надъ поверхностью земли, вдругъ останавливается, опускается внизъ и бѣжитъ къ замѣченной ею добычѣ, раскрываетъ свои крылья и начинаетъ наносить ей удары клювомъ, защищая свое тѣло крыльями отъ вражескихъ ударовъ; иногда она высоко подпрыгиваетъ на воздухъ, вѣроятно тогда, когда ея противникъ, злоба котораго ей извѣстна, энергично пробуетъ сопротивляться, но затѣмъ, на разстояніи около 6-ти метровъ отъ прежняго мѣста, птица снова опускается на землю и снова дѣлаетъ попытку совершить нападеніе, продолжая дѣйствовать такимъ образомъ, пока не достигнетъ

цѣли.“ Гейглинъ видѣлъ, какъ секретарь однимъ ударомъ своей могучей лапы раздроблялъ черепахъ, водящихся въ пустынѣ. Болѣе старые наблюдатели повѣствуютъ, что секретарь поднимаетъ на воздухъ большихъ змѣй, а затѣмъ съ значительной высоты бросаетъ ихъ на землю, чтобы онѣ расшиблись; правда, новѣйшіе путешественники о такихъ подвигахъ секретаря ничего не сообщаютъ; но въ сообщеніяхъ старыхъ естествоиспытателей нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ и другія хищныя птицы поступаютъ точно такъ же.

Погибаетъ-ли секретарь отъ укушенія большихъ ядовитыхъ змѣй или онъ до извѣстной степени закаленъ противъ ихъ яда, — этого въ настоящее время сказать достовѣрно еще нельзя; несомнѣнно только то, что онъ глотаетъ ядовитыхъ змѣй вмѣстѣ съ ихъ зубами, т. е. безъ всякихъ колебаній подвергаетъ себя возможности быть раненымъ этими зубами внутри и отравленнымъ.

Относительно размноженія секретаря мы имѣемъ нѣсколько вполнѣ согласныхъ между собою сообщеній. Гнѣздо помѣщается всегда на верхушкѣ высокаго и густого куста, большею частью мимозы, иногда же на одиноко стоящемъ деревѣ. Основу гнѣзда составляютъ сложенные вмѣстѣ прутики, скрѣпленные глиной; неглубокая впадина выложена растительнымъ пухомъ, перьями и другими мягкими веществами. Лишь въ августѣ самка кладетъ свои яйца, числомъ 3—4. Яйца эти величиной съ гусиныя, но круглѣе, или чисто бѣлаго цвѣта, или же скудно покрыты красноватыми крапинками. Высиживаются яйца въ теченіе шести недѣль, и въ это время самецъ кормитъ самку; затѣмъ вылупляются птенцы, покрытые бѣлоснѣжнымъ пухомъ.

При заботливомъ уходѣ секретари скоро становятся ручными, доставляютъ удовольствіе своей манерой держать себя, своей благородной осанкой, своей гордой походкой, своими красивыми, горящими глазами и игрою своихъ перьевъ на затылкѣ; но, какъ въ этомъ убѣдился Гейглинъ, секретари никогда не могутъ вполнѣ побороть своихъ наклонностей къ хищничеству, часто губятъ домашнихъ птицъ и задѣваютъ даже кошекъ и собакъ, которымъ только изъ страсти къ борьбѣ и изъ высокомѣрія наносятъ нерѣдко опасные удары ногами, причемъ всегда норовятъ попасть въ голову. Секретари удовлетворяются всякой подходящей пищей, но въ то же время прожорливы, глотаютъ огромные куски и часто не даютъ себѣ даже труда сначала разорвать на части свою добычу. Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ секретари все еще составляютъ рѣдкость, но если попадаютъ туда, то всегда привлекаютъ общее вниманіе. Въ Капской землѣ, говорятъ, прежде держали этихъ птицъ на дворѣ въ качествѣ домашнихъ, пользуясь ихъ умѣньемъ истреблять разныхъ вредныхъ животныхъ, и не жаловались на ихъ нападенія на полезныхъ животныхъ. Весьма возможно, что секретари могутъ быть полезны, истребляя змѣй, крысъ, мышей и т. д., но врядъ-ли возможно допустить, что они живутъ въ ладу съ домашними птицами.

Эту полезную птицу, которую въ Капландѣ запрещено убивать подъ страхомъ тяжелаго наказанія, хотѣли было водворить на островѣ Мартиникѣ для истребленія весьма опасныхъ ланцетовидныхъ змѣй (Trimeresurus lanceolatus), бича этого острова; но попытка эта не удалась — не потому, чтобы секретарь не могъ ужиться въ чуждыхъ ему климатическихъ условіяхъ, а вслѣдствіе черезчуръ большого усердія стрѣлковъ, изъ за котораго секретарей очень быстро перебили.

Птица эта издавна носитъ названіе „секретаря“, такъ какъ, благодаря своему пучку перьевъ на головѣ, она похожа на писаря, заложившаго перо за ухо. Арабскія названія этой птицы поэтичнѣе, но еще менѣе понятны. Въ западной части Судана ее называютъ „конемъ дьявола“, на сѣверо-востокѣ „вѣщей птицей“.

Ко второй группѣ боевыхъ птицъ, къ шагающимъ или голенастымъ птицамъ (Pelargoherodii) относятся пять семействъ: цапли, китоглавы, аисты, молотоглавы и ибисы. Всѣ они характеризуются значительной длины клювомъ и длинными ногами, задній палецъ которыхъ помѣщается на одномъ уровнѣ съ передними.

„Въ характерѣ и образѣ дѣйствій голенастыхъ птицъ замѣчается много общихъ чертъ. Голенастыя птицы живутъ въ низменностяхъ, въ болотахъ и по берегамъ водъ, на берегу моря, около лагунъ, на песчаныхъ меляхъ и близъ устьевъ рѣкъ. Ихъ можно встрѣтить на морскомъ берегу, но чаще внутри страны, на особыхъ обитаемыхъ ими мѣстахъ. Двигаются онѣ по ровной поверхности земли, причемъ всегда медленно шагаютъ. Никогда онѣ не бѣгаютъ. Онѣ часто входятъ въ воду по самую грудь, плаваютъ также болѣе или менѣе искусно, когда бываютъ къ этому вынуждены. Полетъ у нихъ спокойный и равномѣрный. У многихъ взмахи крыльевъ прерываются довольно продолжительнымъ пареніемъ. При перелетахъ онѣ располагаются въ извѣстномъ порядкѣ. За исключеніемъ развѣ только китоглавовъ, голенастыя птицы только тогда опускаются на землю, когда отправляются искать пищу, отдыхаютъ же на деревьяхъ или на скалахъ. Пища состоитъ изъ мягкотѣлыхъ, раковъ, насѣкомыхъ и позвоночныхъ, преимущественно онѣ ѣдятъ рыбъ, пресмыкающихся и земноводныхъ и ищутъ себѣ всегда пропитанія на землѣ, на лугахъ, въ болотахъ и въ мелкой водѣ. Хотя есть нѣсколько исключеній изъ общаго правила, однако вообще голенастыя птицы отличаются общительностью, которая проявляется не только во время странствованій, но и на мѣстахъ высиживанія, и не только по отношенію къ птицамъ одинаковаго вида, но и по отношенію къ родственникамъ по группѣ; голенастыя птицы терпятъ даже присутствіе гораздо болѣе отдаленныхъ родственниковъ на мѣстахъ высиживанія. Онѣ сооружаютъ обыкновенно свои гнѣзда на деревьяхъ и только тамъ, гдѣ нѣтъ деревьевъ, вьютъ себѣ гнѣзда на землѣ, въ камышѣ болотъ и озеръ и въ низкихъ кустахъ. Гнѣзда часто представляютъ собою весьма неплотныя сооруженія изъ хвороста и внутри иногда выстилаются тростникомъ. Въ гнѣздо кладется 3—5 яицъ, бо́льшею частью одноцвѣтныхъ, бѣлыхъ или голубыхъ, рѣже буроватыхъ; случается впрочемъ, что яйца бываютъ покрыты пятнами по бѣлому фону. Форма яицъ овальная или продолговатая съ острымъ концомъ. Голосъ у голенастыхъ птицъ глухой и грубый или же визгливый и пронзительный; иныя вовсе лишены голоса и только курлыкаютъ, хлопая створками клюва. Голенастыхъ птицъ можно встрѣтить на всемъ земномъ шарѣ, кромѣ далекаго сѣвера. Это птенцовыя птицы; ихъ птенцы остаются въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не научатся хорошо летать, и старыя птицы кормятъ свое потомство.

Тѣло цапель (Ardeidae), составляющихъ первое и самое богатое видами семейство (число видовъ доходитъ до 70) разсматриваемой группы, — замѣчательно слабое, съ боковъ весьма сильно сжатое, шея очень длинная и тонкая, голова маленькая, узкая и плоская; клювъ обыкновенно длиннѣе головы или по крайней мѣрѣ не короче ея, гребень надклювья и средина подклювья узкіе, втянутые нѣсколько углы рта чрезвычайно острые, близъ кончика клювъ зазубренъ, за исключеніемъ носовой полости покрытъ гладкой, твердой роговой массой; ноги средней длины, ступня снабжена длинными пальцами, коготь средняго пальца на внутренней сторонѣ зазубренъ въ видѣ гребня; крылья длинныя и широкія, спереди тупыя, такъ какъ второе, третье и четвертое маховыя перья почти одинаковой длины, хвостъ, состоящій изъ 10—12 перьевъ, короткій и закругленный; мелкое опереніе очень обильное, мягко и неплотно прилегающее, часто удлиненное на темени, на спинѣ и на верхней части груди, мѣстами расчесанное, весьма разнообразно окрашенное, нерѣдко красивое, хотя не блистающее великолѣпными цвѣтами. Оба пола отличаются другъ отъ друга только нѣсколько различной величиной; молодыя птицы облечены въ менѣе красивую одежду, нежели старыя.

Цапли обитаютъ во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ высотахъ и во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ далекаго сѣвера. Уже внутри умѣреннаго пояса онѣ встрѣчаются во множествѣ, а въ тропическихъ странахъ составляютъ главное населеніе болотъ и водъ. Нѣкоторые виды, повидимому, отдаютъ предпочтеніе морю, другіе предпочитаютъ рѣки, третьи болота; иные любятъ открытыя мѣстности, иные чащи лѣсовъ или вообще лѣса.

Цапли имѣютъ въ себѣ мало привлекательнаго. Онѣ умѣютъ принимать са-

мыя удивительныя позы, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа привлекательной; онѣ довольно подвижны, но всякое движеніе ихъ, по сравненію съ движеніями другихъ голенастыхъ птицъ, кажется нѣсколько тяжеловѣснымъ или, по крайней мѣрѣ, не отличается изяществомъ. Ходятъ цапли не торопясь, медленно и какъ бы задумчиво, летаютъ отнюдь не плохо, но однообразно и вяло. Онѣ умѣютъ ловко лазать по тростнику или по вѣтвямъ, но при этомъ держатся такъ, что кажутся неуклюжими; онѣ способны плавать, но плаваютъ такъ, что на нихъ смѣшно глядѣть. Голосъ ихъ — это непріятный визгъ или громкій, далеко разносящійся ревъ, отъ котораго иному человѣку становится жутко; молодыя птицы препротивно тявкаютъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего несомнѣнно развито зрѣніе; взглядъ красивыхъ, бо́льшею частью свѣтлыхъ глазъ имѣетъ въ себѣ нѣчто злобное, какъ взглядъ змѣи, и характеръ цапель находится въ полномъ согласіи съ выраженіемъ ихъ глазъ. Изъ всѣхъ голенастыхъ птицъ цапель можно назвать самыми злыми и коварными. Правда, онѣ часто живутъ довольно большими обществами, но все-таки ихъ трудно назвать общительными птицами: каждая цапля завидуетъ удачѣ другой и не упускаетъ случая проявить свое недоброжелательство. Большихъ животныхъ цапли боязливо избѣгаютъ, то удаляясь, то стараясь сдѣлаться неузнаваемыми при помощи принятія какой-нибудь странной позы; по отношенію къ болѣе мелкимъ птицамъ цапли кровожадны и безпощадны или, по меньшей мѣрѣ, задорны и сварливы.

Добычу ихъ составляетъ преимущественно рыба; болѣе мелкіе виды главнымъ образомъ питаются насѣкомыми; но ни одна цапля не побрезгаетъ никакимъ другимъ животнымъ, если только можетъ его одолѣть. Онѣ ѣдятъ маленькихъ млекопитающихъ, молодыхъ безпомощныхъ птицъ, всевозможныхъ земноводныхъ, за исключеніемъ, пожалуй, жабъ, а также мягкотѣлыхъ и червей, можетъ быть и раковъ. Безшумно и чрезвычайно осторожно, тщательно высматривая въ водѣ добычу, цапли крадутся вбродъ, такъ сильно втянувъ свою длинную шею, что голова покоится на плечахъ, а нижняя створка клюва — на выпяченной впередъ шеѣ; вдругъ, съ быстротою молніи, шея вытягивается во всю свою длину и, словно ловко брошенное копье, клювъ устремляется на добычу, которой, большею частью, грозитъ неминуемая гибель. Въ такомъ же родѣ защищаются цапли отъ нападеній. Отъ каждаго болѣе сильнаго врага онѣ бѣгутъ, пока могутъ; но въ случаѣ крайности съ яростью нападаютъ на него, всегда стараются нанести ударъ въ глазъ своему противнику, а потому могутъ наносить весьма опасныя раны.

Всѣ цапли охотно высиживаютъ птенцовъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, родственныхъ или не родственныхъ имъ видовъ птицъ. Гнѣзда ихъ, большія, грубо сложенныя сооруженія, находятся или на деревьяхъ, или въ тростникѣ, на сломленныхъ стебляхъ. Яицъ кладется 3—6; они безъ пятенъ, бѣлаго или голубовато-зеленоватаго цвѣта. Высиживаетъ только самка, самецъ же снабжаетъ ее кормомъ. Молодыя птицы до тѣхъ поръ или почти до тѣхъ поръ, пока не научатся летать, пребываютъ въ гнѣздѣ, послѣ оставленія гнѣзда еще нѣкоторое время получаютъ кормъ отъ родителей, но затѣмъ предоставляются своей судьбѣ.

Густо населенныя поселенія цапель являютъ собою грандіозное зрѣлище. „Дѣло происходитъ въ началѣ іюня“, такъ приблизительно описываетъ Бальдамусъ; „тростникъ достигъ въ вышину болѣе 2 метровъ и покрываетъ мутную водную поверхность болота. Куда ни обратится взоръ, онъ скользитъ по равнинѣ и ни на чемъ не можетъ отдохнуть. Но на безконечномъ зеленомъ и голубомъ пространствѣ выдѣляются чудныя желтыя, сѣрыя, бѣлыя и черныя фигуры: бѣлыя, пурпуровыя, хохлатыя цапли, кваквы, колпицы, ибисы, бакланы, крачки, чайки, гуси и пеликаны. Цапли гнѣздятся на болотныхъ ивахъ и тополяхъ, которые высятся тамъ и сямъ. Одно изъ ихъ поселеній занимаетъ пространство не болѣе нѣсколькихъ тысячъ шаговъ, и гнѣзда разбросаны только на 100—150 ивахъ; но на многихъ изъ этихъ деревьевъ помѣщается по 10—20 гнѣздъ. На болѣе толстыхъ вѣтвяхъ большихъ ивъ находятся гнѣзда сѣрой цапли, рядомъ съ ними, иногда покоясь на краю ихъ, гнѣзда кваквы; на болѣе тонкихъ и высокихъ вѣтвяхъ находятся гнѣзда нужды и карликоваго баклана, ниже же, на тонкихъ боко-

выхъ вѣтвяхъ, колеблются маленькія прозрачныя гнѣзда косматой цапли. На упомянутыхъ деревьяхъ обыкновенно всего многочисленнѣе бываютъ кваквы, затѣмъ слѣдуютъ нужды, сѣрыя цапли и наконецъ косматыя цапли. За исключеніемъ карликоваго баклана, всѣ эти птицы такъ мало боязливы, что стрѣльба, продолжающаяся цѣлую недѣлю, не можетъ согнать ихъ съ мѣста. Правда, послѣ выстрѣла онѣ слетаютъ, но скоро опять садятся на деревья и даже часто продолжаютъ сидѣть на деревѣ, на которое въ это самое время влѣзаетъ человѣкъ. Если остановить лодку подъ деревьями, то скоро начинается удивительная возня, причемъ самыя неожиданныя и разнообразныя сцены слѣдуютъ другъ за другомъ, такъ что зритель готовъ безъ конца наблюдать это небывалое зрѣлище. Сначала кваквы съ оживленнымъ крикомъ и со странными ужимками слѣзаютъ внизъ съ верхнихъ вѣтвей на свои гнѣзда, оправляютъ ихъ, перемѣщаютъ въ нихъ яйца, поворачиваются изъ стороны въ сторону и раскрываютъ свою большую красную пасть, если какой-нибудь сосѣдъ слишкомъ близко подойдетъ къ нимъ, и при этомъ хрипло каркаютъ; затѣмъ медленно прилетаютъ маленькія бѣлыя цапли, изъ которыхъ одна несетъ сухой прутикъ для гнѣзда, другая ловко перебирается съ вѣтки на вѣтку и лѣзетъ къ своему гнѣзду; среди нихъ легко, по совиному, летаютъ чудныя желтыя фигуры хохлатыхъ цапель; подъ конецъ, нѣсколько осторожнѣе, приближаются сѣрыя цапли. Шумъ, гамъ, крикъ, кряхтѣнье, трескотня, ворчанье, смѣсь бѣлоснѣжныхъ, сѣрыхъ и черныхъ крыльевъ на свѣтло-голубомъ фонѣ, и отъ всего этого получается какая-то путаница, утомляющая слухъ и зрѣніе. Наконецъ, становится тише; шумъ умолкаетъ. Огромное большинство птицъ усаживается на яйца или садится сторожить около гнѣзда, лишь немногія продолжаютъ летать взадъ и впередъ, принося строительные матеріалы. Вдругъ какой-нибудь скучающей кваквѣ приходитъ въ голову, что прутикъ изъ гнѣзда ея сосѣда очень пригодился бы для ея гнѣзда, и стихшій было шумъ возобновляется. Снова наступаетъ piano, ибо настоящихъ паузъ никогда не бываетъ. Но откуда же вдругъ раздается такое страшное fortissimo? Это оттого, что коршунъ, свившій себѣ гнѣздо въ какихъ-нибудь 50-ти шагахъ отъ этого мѣста, преспокойно схватилъ каждой своей лапой по молодой сѣрой цаплѣ. Старикъ-отецъ, съ грознымъ ворчаньемъ, сходитъ съ гнѣзда, но даетъ разбойнику спокойно удалиться съ птенцами, между тѣмъ какъ ему стоило бы только пустить въ ходъ свое опасное оружіе и свою силу, чтобы навсегда отдѣлаться отъ преслѣдованія этого и другихъ, ему подобныхъ хищниковъ. Нѣсколько кваквъ съ криками провожаютъ непрошеннаго нарушителя спокойствія; но внезапно новый, еще болѣе сильный крикъ заставляетъ ихъ вернуться. Тутъ сорока, а тамъ сѣрая ворона воспользовались ихъ отсутствіемъ, чтобы похитить нѣсколько яицъ. Сосѣди обокраденныхъ птицъ взлетаютъ съ отчаяннымъ крикомъ, а между тѣмъ другіе воры кидаются на покинутыя гнѣзда и съ быстротою молніи улепетываютъ со своей добычей. Долго еще звучитъ въ воздухѣ дикій крикъ страха и мести; но вотъ что-то зашуршало и все опять смолкло. Могучій царь небеснаго пространства, мощный орелъ пролетѣлъ мимо по направленію къ той неприступной чащѣ тростника, гдѣ столь же внезапно умолкаетъ громкое кряканье гусей и утокъ. Но вотъ на краю луга раздался выстрѣлъ, и все поселеніе, не исключая и кваквъ, поднимается и смѣшивается съ тѣми тысячами птицъ, которыхъ спугнули изъ мелкой воды и которыя теперь быстро носятся кругомъ, а затѣмъ снова опускаются внизъ.“

Въ Германіи цапель вездѣ усердно преслѣдуютъ, такъ какъ онѣ истребляютъ больше рыбъ, чѣмъ другія животныя, занимающіяся рыболовствомъ.

Завзятые любители птицъ иногда выращиваютъ и приручаютъ молодыхъ цапель. Воспитывая этихъ птицъ, можно наблюдать ихъ странныя позы, пріучить ихъ вылетать и влетать, а также отыскивать себѣ бо̀льшую часть своего корма, но особеннаго удовольствія своему хозяину цапли не доставляютъ; привлекательны только мелкіе и красиво окрашенные виды семейства, а не живущія въ Европѣ сѣрыя и пурпуровыя цапли. Въ зоологическихъ садахъ обыкновенно держатъ южные виды, которые производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ опереніемъ. Многіе виды размножаются въ клѣткѣ.

Сѣрая цапля (Ardea cinerea) является самымъ извѣстнымъ представителемъ рода дневныхъ цапель (Ardea). У сѣрой цапли лобъ и верхняя часть головы бѣлыя, шея сѣровато-бѣлая, спина пепельно-сѣрая, съ бѣлыми полосами, образуемыми удлиненными перьями, бока нижней стороны черные; полоса, начинающаяся около глаза и идущая къ задней части шеи, три длинныхъ пера на макушкѣ, тройной рядъ пятенъ на передней части шеи и большія маховыя перья — чернаго цвѣта, маховыя перья плеча и рулевыя перья — сѣрыя. Глаза золотисто-желтые, голое мѣсто на лицѣ зеленовато-желтое, клювъ соломенно-желтый. Длина 100—106 см.

Сѣвернымъ предѣломъ области распространенія сѣрой цапли служитъ 64-й градусъ широты; на югѣ она встрѣчается почти во всѣхъ странахъ Стараго Свѣта и не только во время перелета, но и въ пору высиживанія. На сѣверѣ это птица перелетная, на югѣ — по крайней мѣрѣ бродячая. Германію сѣрая цапля покидаетъ въ сентябрѣ и октябрѣ, не торопясь летитъ вдоль большихъ рѣкъ, въ октябрѣ появляется во всей южной Европѣ и, наконецъ, улетаетъ въ Африку. Въ мартѣ и въ апрѣлѣ она возвращается.

У исполинской цапли (Ardea nobilis), живущей въ Африкѣ и въ Индіи, верхняя часть головы и перья на макушкѣ, голова, сгибъ крыла и нижнія части тѣла, за исключеніемъ бѣлаго горла, каштаново-красновато-бураго цвѣта, задняя часть шеи и бока шеи свѣтлѣе; прочія верхнія части тѣла синевато-пепельно-сѣрыя, развѣвающіяся перья передней части шеи снаружи бѣлыя, внутри черныя, часто съ ржаво-бурыми стержнями. Глаза желтые, уздечка зеленая, верхняя створка клюва черная, нижняя створка на концѣ зеленовато-желтая, при основаніи фіалковаго цвѣта, ноги черныя. Длина птицы 136 см.

Всевозможныя воды, отъ моря до горнаго потока, служатъ мѣстомъ жительства и охотничьимъ райономъ сѣрой цапли, описаніемъ жизни которой мы можемъ ограничиться; единственное условіе, которому должно удовлетворять водное вмѣстилище — это то, чтобы она не была глубока. Робостью и боязливостью сѣрая цапля превосходитъ всѣ прочіе виды, — по той простой причинѣ, что ее больше всѣхъ другихъ преслѣдуютъ. Всякій громовой ударъ приводитъ ее въ ужасъ, каждый издали замѣченный ею человѣкъ внушаетъ ей опасенія. Старую цаплю перехитрить очень трудно, такъ какъ она замѣчаетъ всякую опасность и въ бѣгство обращается обдуманно. Голосъ ея звучитъ вродѣ визгливаго „крэик“, предостерегающій крикъ — вродѣ краткаго звука „ка“; другихъ звуковъ сѣрая цапля, повидимому, не издаетъ.

Пищу ея составляютъ рыбы, достигающія иногда 20 см. въ длину, лягушки, змѣи, особенно ужи, молодыя болотныя и водныя птицы, мыши, насѣкомыя, живущія въ водѣ, раковины и дождевые черви.

Сѣрая цапля и въ Германіи охотно выводитъ свое потомство въ обществѣ и мѣстами устраиваетъ цѣлыя поселенія, въ которыхъ насчитывается до 15—100 и болѣе гнѣздъ, и куда цапли, не взирая на всѣ преслѣдованія, ежегодно собираются, хотя бы поселенія эти находились отъ ближайшей воды на разстояніи 10 и болѣе километровъ. На берегу моря къ цаплямъ всегда присоединяется бакланъ, вѣроятно, потому, что онъ любитъ пользоваться гнѣздомъ цапли. Деревья и почва покрываются бѣлымъ слоемъ отъ помета птицъ, вся листва портится ими; гнилая рыба заражаетъ воздухъ, словомъ, по выраженію Науманна, тутъ „много нечистотъ и порядочная вонь“.

Настоящіе соколы и большія совы, а также нѣкоторые орлы нападаютъ на старыхъ цапель, болѣе слабые соколы, во́роны и воро́ны грабятъ ихъ гнѣзда. Дрессированіе цапель для охоты, прежде практиковавшееся во всей Европѣ, теперь можно встрѣтить только у азіатцевъ, напр. въ Индіи, а также у нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ въ сѣверной Африкѣ. Цапель легко держать въ неволѣ, кормя ихъ рыбой, лягушками и мышами, но пускать ихъ въ общество домашнихъ птицъ невозможно, такъ какъ цапли безъ дальнихъ разговоровъ схватываютъ и поѣдаютъ цыплятъ и утятъ.

Признаки бѣлой цапли (Ardea alba) — стройное тѣло и сложеніе,

длинная шея и сравнительно слабый клювъ, наконецъ, длинныя пушистыя перья на спинѣ и ослѣпительно бѣлыя перья. Опереніе этой великолѣпной птицы чистаго и ослѣпительно-бѣлаго цвѣта, глаза желтые, клювъ темно-желтый, голая кожа на щекахъ зеленовато-желтая, ноги темно-сѣрыя. Длина 104 см.

Бѣлая цапля обитаетъ въ южной Европѣ, главнымъ образомъ въ юго-восточной Европѣ, въ средней и южной Азіи, въ Африкѣ и въ Австраліи. Въ Германіи

Бѣлая цапля (Ardea alba). 1/6 естеств. велич.

бѣлая цапля встрѣчается очень рѣдко, хотя несомнѣнно, что она прежде выводила здѣсь птенцовъ; въ придунайскихъ низменностяхъ бѣлыхъ цапель стало теперь гораздо меньше, чѣмъ прежде, въ Греціи, Италіи, Испаніи онѣ также встрѣчаются не часто; въ значительномъ количествѣ эти птицы водятся въ странахъ, окружающихъ Каспійское море и въ сѣверной Африкѣ.

Нужда (Ardea garzetta) имѣетъ въ длину только 62 см. Опереніе ея также чисто бѣлое, глаза яркое-желтые, клювъ черный, ноги черныя, суставы ногъ зеленовато-желтоватые.

Водится нужда тамъ же, гдѣ и бѣлая цапля, но встрѣчается чаще послѣдней. Въ придунайскихъ, приволжскихъ низменностяхъ, въ долинѣ Нила ее нерѣдко можно видѣть, а въ поселеніяхъ цапель это одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ обитателей. Отъ многихъ родичей нужда отличается изяществомъ и болѣе привлекательнымъ характеромъ.

Подобно сѣрой цаплѣ, бѣлая цапля населяетъ всевозможныя воды, охотнѣе же всего селится въ обширныхъ болотахъ и притомъ по возможности въ спокойныхъ мѣстахъ, расположенныхъ вдали отъ людей; она вездѣ принадлежитъ къ осторожнымъ птицамъ, а тамъ, гдѣ подвергается преслѣдованіямъ — даже къ самымъ робкимъ. По своему нраву бѣлая цапля отличается отъ сѣрой въ свою пользу. Это великолѣпная птица, съ красивымъ и въ высшей степени простымъ опереніемъ, превосходящая величиною всѣхъ другихъ цапель того же цвѣта.

Бѣлая цапля выводитъ птенцовъ въ Венгріи и при томъ въ огромныхъ камышахъ болотъ, но не избѣгаетъ деревьевъ. Люди, достойные довѣрія, родомъ изъ Землина, разсказывали Науманну, что эта птица ежегодно выводитъ потомство на одномъ островѣ на Дунаѣ, тамъ постоянно занимаетъ самыя высокія деревья и устраиваетъ свое гнѣздо на самой верхушкѣ; Бальдамусъ, который посѣтилъ въ пору гнѣздованія этихъ птицъ придунайскія низменности, видѣлъ то же самое, но въ поселеніяхъ не нашелъ бѣлыхъ цапель, а открылъ ихъ гнѣзда въ тростникѣ Бѣлаго болота.

Проникнуть въ эту область очень трудно. „Въ два довольно большихъ экипажа“, разсказываетъ онъ, „усѣлось по три человѣка, съѣстныхъ припасовъ взяли съ собою на два дня и послѣ того, какъ оба валашскихъ проводника простились на всякій случай съ жизнью, мы на другой день въ 4 часа утра отправились въ путь. Хотя мы были заранѣе убѣждены въ трудности предпріятія, но оба храбрыхъ охотника и мы сами не имѣли понятія объ опасности, какой мы подвергаемся, пробираясь сквозь эту однообразную и страшную массу молодого и стараго тростника, вышиною болѣе 2—3 метровъ, между нями, торчащими подъ и надъ водою, глубина которой доходила до $1^1/_2$ метровъ, и среди вязкаго ила, откуда, казалось, не было выхода, и я долженъ признаться, что этотъ день былъ въ моей жизни самый трудный, и что безъ самыхъ усиленныхъ и разнообразныхъ трудовъ мы врядъ-ли достигли бы цѣли и снова выбрались бы на сушу.“ Бѣлую цаплю на родинѣ ея усердно преслѣдуютъ особенно ради ея великолѣпныхъ спинныхъ перьевъ, изъ которыхъ приготовляются знаменитые султаны (Reiherbüsche). Венгерцы и валахи считаютъ фокусомъ перехитрить одну изъ этихъ осторожныхъ птицъ. Въ послѣднее время великолѣпныхъ бѣлыхъ цапель можно увидѣть во всѣхъ зоологическихъ садахъ, и въ Берлинѣ удалось даже не разъ выращивать молодыхъ птицъ.

Очень красивая птица ибисовая цапля (Ardea ibis). Опереніе ея ослѣпительно бѣлое, въ брачномъ нарядѣ украшенное на верхней части головы, на передней части груди и на спинѣ длинными декоративными перьями ржаво-краснаго цвѣта. Длина птицы 50 см.

Вѣроятно, большинство путешественниковъ, посѣщающихъ Египетъ, принимаютъ эту цаплю за ибиса, въ томъ убѣжденіи, что ибисъ еще часто встрѣчается въ странѣ фараоновъ. Отсюда область распространенія ибисовыхъ цапель простирается на всю Африку, не исключая о. Мадагаскара, и на западную Азію. Европу, особенно южную, ибисовая цапля посѣщала не разъ и залетала даже въ Англію. Въ Египтѣ и въ странахъ, расположенныхъ по Нилу, это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ. Въ противоположность вышеупомянутымъ родичамъ, ибисовая цапля живетъ вблизи человѣческихъ поселеній, хотя бы они и не были расположены около воды. Обыкновенно ибисовую цаплю можно встрѣтить на поляхъ, заливаемыхъ водою, и лишь временно она пребываетъ на берегахъ рѣкъ, каналовъ и озеръ. Особенно любитъ она держаться близъ большихъ животныхъ или сидѣть на нихъ, въ Египтѣ на пасущихся буйволахъ, въ Суданѣ на слонахъ и подъ слонами. Здѣсь ибисовая цапля ловитъ паразитовъ и разныхъ насѣкомыхъ, которыя мучаютъ скотъ и составляютъ главную часть ея добычи; поэтому на спинѣ

рогатаго скота и слоновъ всегда можно увидѣть цаплю, занимающуюся охотой. Скотъ скоро привыкаетъ считать ибисовую цаплю своимъ благодѣтелемъ и, какъ волоклюю, прощаетъ ей всякія приставанія. На одномъ буйволѣ иногда собирается 8—10 этихъ бѣлоснѣжныхъ фигуръ, и надо сказать, что цапли служатъ буйволамъ большимъ украшеніемъ. Съ туземцами ибисовая цапля живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; она знаетъ, что человѣкъ никогда ея не тронетъ и потому возится среди работающихъ въ полѣ крестьянъ такъ же беззаботно, какъ домашнее животное.

Плѣнныя ибисовыя цапли уже съ перваго дня привыкаютъ къ утратѣ свободы и держатъ себя такъ, словно выросли въ комнатѣ, ловятъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, ѣдятъ бросаемую имъ пищу и черезъ нѣсколько дней становятся до такой степени ручными, что берутъ кормъ изъ рукъ своего хозяина.

*

Малыя цапли (Ardetta), представителемъ которыхъ въ Германіи и вообще въ Европѣ является малая цапля (Ardetta minuta), характеризуются небольшой величиной, тонкимъ клювомъ, низкими ногами, оперенными до суставовъ ступни, сравнительно длинными крыльями, короткимъ, слабымъ хвостомъ и не особенно обильнымъ опереніемъ, различно окрашеннымъ у различныхъ половъ и въ разномъ возрастѣ. Длина малой цапли 40 см. На головѣ, затылкѣ, спинѣ и плечахъ оперніе отливаетъ черновато-зеленоватымъ цвѣтомъ; верхняя часть крыльевъ и нижняя сторона тѣла ржаво-желтыя, бока груди покрыты черными пятнами; маховыя и рулевыя перья тоже черныя. Глаза желтые, гребень клюва бурый, прочее оперніе блѣдно-желтое, ноги зеленовато-желтыя.

Отъ средней Швеціи и Оркнейскихъ острововъ къ югу малая цапля во всей Европѣ или встрѣчается какъ перелетная птица, или высиживаетъ птенцовъ. Въ Голландіи, Австріи, Венгріи, Турціи и Греціи она является обыкновенной птицей, въ Германіи, южной Франціи и Испаніи встрѣчается, по крайней мѣрѣ, не рѣдко. На сѣверѣ она появляется въ концѣ апрѣля и исчезаетъ снова въ сентябрѣ, во время своего перелета долгое время пребываетъ въ Греціи и зимуетъ въ сѣверной Африкѣ, добираясь иногда до экваторіальныхъ странъ и даже забираясь на югъ Африки. Лѣтомъ она выбираетъ себѣ топкія мѣста, густо поросшія тростникомъ или хотя бы кустарникомъ и высокими болотными растеніями, и вообще воды, а потому въ Голландіи и Венгріи находитъ гораздо болѣе подходящія для себя мѣста жительства, чѣмъ въ Германіи.

Днемъ малая цапля сидитъ такъ тихо въ укромномъ уголкѣ камыша или на вѣткѣ дерева, что несвѣдущій человѣкъ обыкновенно принимаетъ ее не за то, что́ она есть. Она отлично умѣетъ всегда отыскивать такія мѣста, окрестности которыхъ соотвѣтствуютъ цвѣту ея одежды, и при этомъ играетъ въ прятки, принимая обманчивыя и часто чрезвычайно странныя позы. Когда ей грозитъ опасность, она тотчасъ же поднимается вверхъ по стеблямъ тростника и здѣсь двигается съ поистинѣ изумительною ловкостью. Въ видѣ опыта, Глогеръ заставлялъ ее лазать по тонкимъ и совершенно гладкимъ тросточкамъ, которыя на верхнемъ концѣ были не толще стебля тростника, и малая цапля усаживалась на нихъ, все равно, были-ли они расположены горизонтально или наклонно. „Хотя она вездѣ живѣе и привлекательнѣе, чѣмъ большинство другихъ цапель“, говоритъ Науманнъ, „однако довѣрять ея хитрому взгляду нельзя, ибо она такъ же коварна и безстрашна, какъ другія цапли. Если какое-нибудь существо слишкомъ близко подойдетъ къ ней, такъ, что она не можетъ избѣгнуть съ нимъ встрѣчи, то оно неожиданно получаетъ сильные удары клювомъ, которые цапля производитъ, чрезвычайно быстро выдвигая шею; удары эти обыкновенно направляются въ глаза, у человѣка на руки или другія обнаженныя части тѣла, и легко могутъ сдѣлаться опасными.“

Маленькія рыбы и земноводныя составляютъ, вѣроятно, главную пищу малой цапли; кромѣ того, она ловитъ червей и насѣкомыхъ во всѣхъ стадіяхъ развитія.

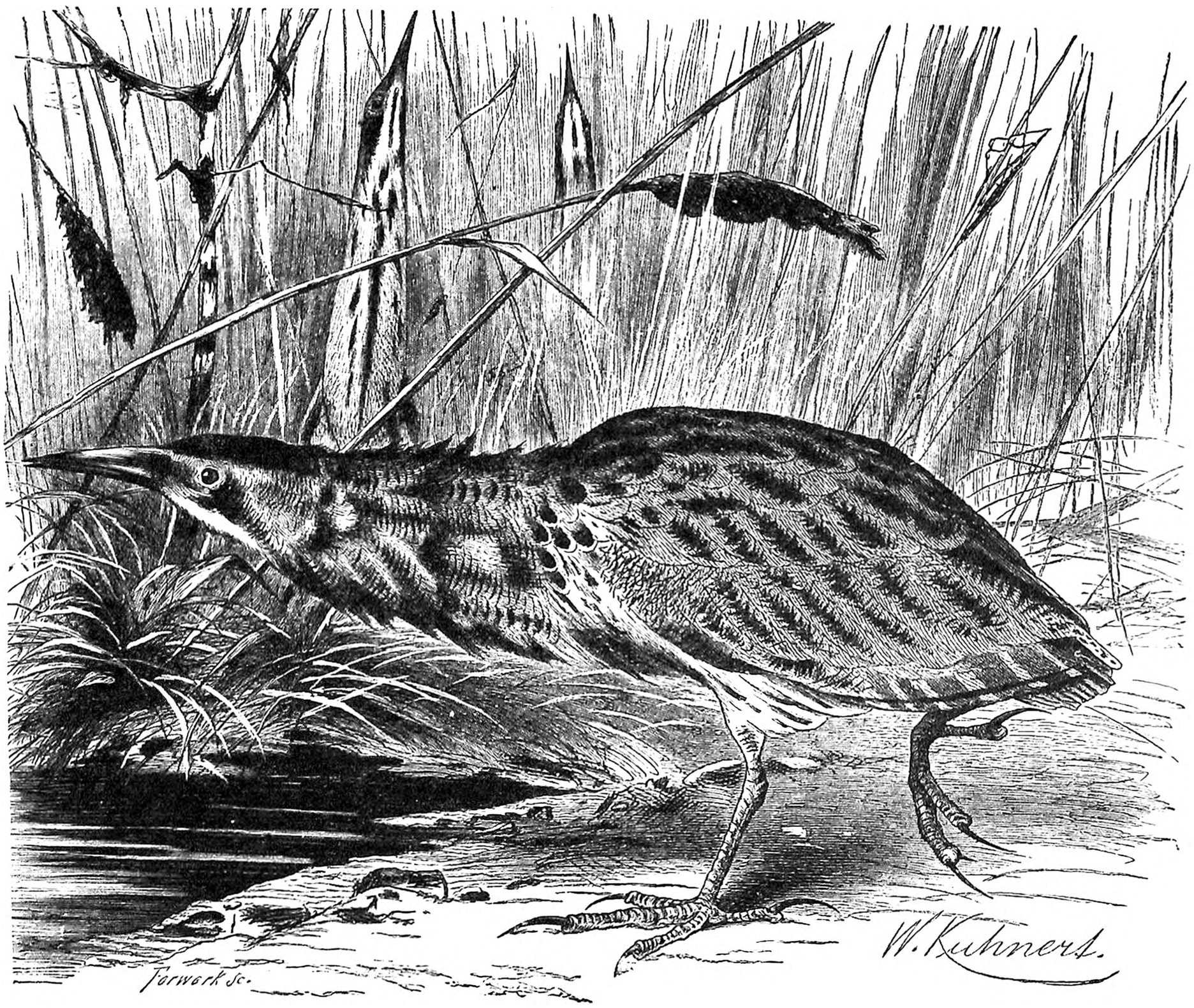
Плѣнныя малыя цапли безъ труда берутъ предлагаемую имъ пищу и доста-

вляютъ своему хозяину много удовольствія; онѣ подолгу живутъ въ неволѣ, если имѣютъ въ своемъ распоряженіи большое пространство.

Охота на малыхъ цапель нелегка, такъ какъ эти птицы умѣютъ избѣгать опасности. Науманнъ разсказываетъ чрезвычайно занятнымъ образомъ, какъ одна малая цапля была выслѣжена на небольшомъ прудѣ, какъ собаки и мальчишки хотѣли выгнать ее на встрѣчу многочисленному обществу стрѣлковъ, и какъ она съумѣла одурачить все это общество и заставила умныхъ людей, въ томъ числѣ и Науманна, вернуться домой, не солоно хлѣбавши.

*

Выпь обыкновенная (Botaurus stellaris), представительница рода выпей, отличается слѣдующими признаками: тѣло у нея плотное, шея длинная,

Выпь обыкновенная (Botaurus stellaris). ¼ естеств. велич.

но толстая, клювъ узкій, высокій, ноги, оперенныя почти до пятокъ, съ большими пальцами, крылья широкія, хвостъ десятиперый и густое, удлиненное на шеѣ опереніе, безъ всякихъ декоративныхъ перьевъ. Верхняя часть головы черная, задняя часть шеи окрашена въ сѣровато-черный цвѣтъ, смѣшанный съ желтымъ, прочее опереніе по ржаво-желтому фону покрыто черно-бурыми и ржаво-бурыми продольными и поперечными пятнами, полосами и штрихами самой разнообразной формы, образующими на передней части шеи три продольныхъ полосы. Маховыя перья по аспидному фону покрыты ржавыми полосами, хвостовыя перья по красноватому ржаво-желтому фону — буровато-черными крапинками. Глаза ярко-желтые, верхняя створка клюва буроватаго рогового цвѣта, нижняя створка клюва зеленоватая, ноги свѣтлаго зеленаго цвѣта, суставы ногъ желтоватые. Длина птицы 72 см.

Выпь обыкновенная въ Германіи встрѣчается нерѣдко, въ Голландіи часто, въ придунайскихъ и приволжскихъ низменностяхъ является обыкновенной птицей.

на востокѣ распространена по всей средней Сибири, на западѣ по южной и средней Европѣ и во время перелета посѣщаетъ сѣверную Африку, но, повидимому, глубоко внутрь Африки не забирается. Вездѣ, гдѣ выпь встрѣчается, она живетъ преимущественно на озерахъ, прудахъ или въ болотахъ, отчасти поросшихъ высокимъ тростникомъ. На сѣверѣ Германіи она появляется въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, а обратно улетаетъ въ сентябрѣ или октябрѣ; если осень теплая, то выпь дольше остается на сѣверѣ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть открытая вода и гдѣ эта птица, слѣдовательно, можетъ находить себѣ пищу, она иногда пребываетъ цѣлый годъ.

Своимъ умѣньемъ принимать самыя изумительныя позы она еще превосходитъ свою родственницу, малую цаплю. „Стоя спокойно и непринужденно, выпь обыкновенная нѣсколько приподнимаетъ переднюю часть тѣла и такъ втягиваетъ шею, что голова ея покоится на затылкѣ; во время ходьбы она больше поднимаетъ шею; въ гнѣвѣ она раздуваетъ перья, поднимаетъ перья на задней части шеи, немного раскрываетъ клювъ и приготовляется къ нападенію. Желая обмануть кого-нибудь, она садится на пятки и вытягиваетъ туловище, шею, голову и клювъ по прямой линіи косо кверху, такъ что становится болѣе похожа на старый заостренный колъ или на пучокъ мертваго камыша, чѣмъ на птицу. Ходитъ выпь медленно, не торопясь и лѣниво, летаетъ мягко, безшумно, тихо и, повидимому, неловко. Если она летаетъ ночью, то слышится ея обыкновенный призывной крикъ — громкое карканье, вродѣ вороньяго, которое можно приблизительно передать слогами „кра“ или „крау“; ибо знаменитый ревъ свой выпи издаютъ только въ пору спариванья. Свойства этой птицы — лѣнь и медлительность, боязливость и подозрительность, хитрость и лукавство, злоба и коварство. Она живетъ только для себя и, повидимому, ненавидитъ всякое другое живое существо; тѣхъ животныхъ, которыхъ она можетъ проглотить, она убиваетъ, на тѣхъ же, которыя для этого слишкомъ велики, яростно нападаетъ, если они слишкомъ близко подходятъ къ ней. Пока возможно, она отступаетъ передъ всякимъ большимъ противникомъ; будучи же прижата къ стѣнкѣ, она съ безумною храбростью наступаетъ на него и такъ ловко, коварно и быстро мѣтится въ глазъ своего врага, что даже умному человѣку надо весьма остерегаться, если онъ не хочетъ быть опасно раненымъ этой птицей. Въ неволѣ нравъ выпи не мѣняется.

Питается обыкновенная выпь рыбою, особенно пескарями, линями и карасями, лягушками, жабами и разными другими земноводными, но также змѣями, ящерицами, молодыми птицами и мелкими млекопитающими, величиною съ водныхъ крысъ. Иногда она ѣстъ только піявокъ и притомъ только конскихъ, не смущаясь ихъ острымъ сосущимъ аппаратомъ и не трудясь сначала умерщвлять ихъ. Охотится выпь только ночью, отъ самаго заката до восхода солнца, требуетъ много корму для своего насыщенія, но приноситъ очень мало вреда, такъ какъ, вслѣдствіе своихъ короткихъ ногъ, не въ силахъ охотиться въ болѣе глубокихъ мѣстахъ.

Своеобразный крикъ, издаваемый выпью-самцомъ въ періодъ спариванья, собственно ревъ, похожій на ревъ быковъ и въ тихія ночи слышный на разстояніи 2—3 километровъ, состоитъ изъ вводнаго и главнаго звука и звучитъ вродѣ „ипрумб“. Находясь очень близко отъ птицы, можно еще слышать шорохъ, напоминающій ударъ тростникомъ по водѣ. Прежде, чѣмъ птица разойдется, пѣсенка ея звучитъ приблизительно какъ „и и прумб“, а затѣмъ „и прумб и прумб и прумб“. Иногда, но рѣдко, къ звуку „прумб“ присоединяется еще звукъ „бу“. Графъ Водзицкій сдѣлалъ наблюденіе, подтверждающее старинное мнѣніе о томъ, какимъ образомъ производится такой необыкновенно сильный звукъ. „Артистъ“, говоритъ онъ, „стоялъ на обѣихъ ногахъ, держа тѣло горизонтально, опустивъ клювъ въ воду, и вотъ началось рычанье: вода разлеталась кругомъ брызгами. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ звуковъ я услышалъ начальное „и“, и тогда самецъ поднялъ голову, откинулъ ее назадъ, затѣмъ быстро воткнулъ клювъ въ воду, и тогда начался такой ревъ, что я испугался. Это показало мнѣ, что тѣ звуки, которые лишь вначалѣ такъ громки, издаются только тогда,

когда птица забрала много воды въ глотку и выплевываетъ ее съ гораздо большею силою, чѣмъ обыкновенно. Музыка продолжалась, но птица больше не откидывала голову назадъ, и я больше не слышалъ прежнихъ громкихъ нотъ. Повидимому, звукъ этотъ представляетъ собою высшую ступень токованья, и птица, удовлетворивъ свою страсть, уже больше его не повторяетъ. Плескъ воды, похожій на ударъ по водѣ тростью, самецъ производитъ клювомъ, ударяя два-три раза по водѣ и затѣмъ всовывая въ воду клювъ. Послѣднее глухое „бу“ раздается при изверженіи воды, еще находящейся въ зѣвѣ въ то время, когда клювъ извлекается изъ воды.

Въ Германіи выпь обыкновенная привлекаетъ вниманіе, а иногда и вызываетъ суевѣрный страхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не всегда можно ее встрѣтить; въ такихъ мѣстахъ эта птица, хотя и неправильно, но усердно преслѣдуется.

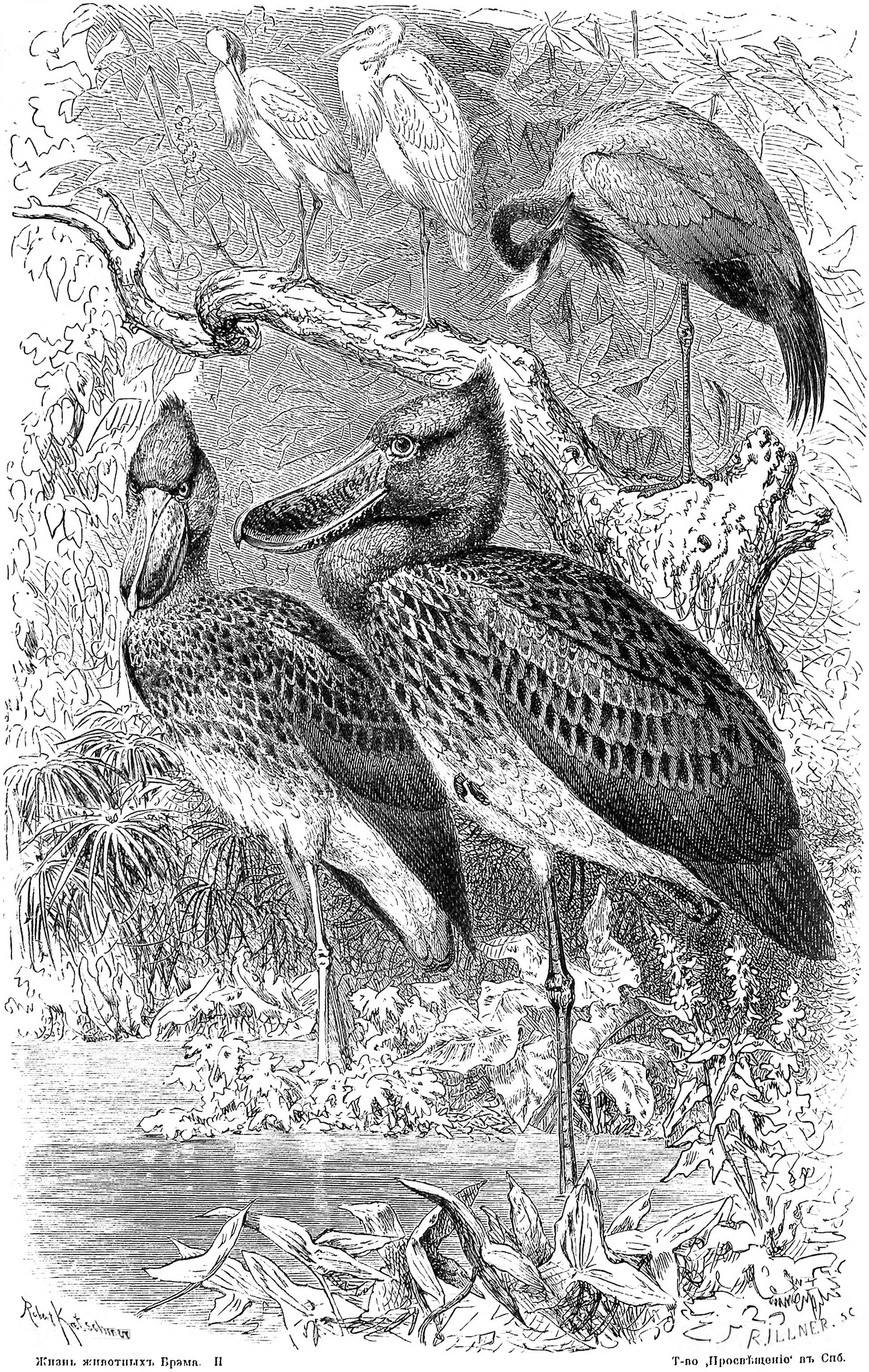
*

Если зимою кто-нибудь посѣтитъ одно изъ египетскихъ озеръ, то тамъ и сямъ наткнется на толстыя деревья, на которыхъ сидитъ многочисленное общество цапель. Эти птицы охотно избираютъ себѣ для отдохновенія сикоморы, растущія передъ деревнями или въ деревняхъ. Здѣсь цапли просиживаютъ весь день, глубоко втянувъ шею, закрывъ глаза, не двигаясь, и лишь съ наступленіемъ вечера то одна, то другая начинаютъ шевелиться. Одна на половину открываетъ глаза, поворачиваетъ немного голову вбокъ и мигаетъ въ сторону солнца, словно высматривая, насколько высоко еще оно стоитъ на небѣ, другая почесываетъ себѣ перья, третья переступаетъ съ ноги на ногу, четвертая расправляетъ крылья; словомъ, все общество начинаетъ оживляться. Между тѣмъ солнце садится, и наступаютъ сумерки. Тогда эти птицы пробуждаются, ловко прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку, все ближе къ верхушкѣ, и вдругъ по пискливому призывному крику одной птицы вся стая поднимается и улетаетъ по направленію къ первому встрѣчному болоту, чтобы здѣсь предаться своей ночной работѣ. Одно общество, повидимому, соединяется съ другимъ, и можетъ случиться, что увидишь, по крайней мѣрѣ въ пору собственнаго перелета, цѣлыя тысячи летящихъ цапель, не зная, откуда онѣ, собственно говоря, взялись. Такое зрѣлище можно, впрочемъ, наблюдать не только въ Египтѣ, но и дальше, въ глубинѣ Африки, такъ какъ эти ночныя существа, настоящая родина которыхъ находится въ юго-восточной Европѣ, забираются въ лѣса на берегахъ Голубого и Бѣлаго Нила.

Кваква, или ночная цапля (Nycticorax griseus), отличается плотнымъ сложеніемъ, короткимъ, толстымъ, сзади очень широкимъ, на гребнѣ загнутымъ клювомъ, средней длины сильными ногами, очень широкими крыльями и обильнымъ опереніемъ, нигдѣ не удлиненнымъ, за исключеніемъ трехъ нитевидныхъ декоративныхъ перьевъ въ задней части головы. У взрослой птицы верхняя часть головы, затылокъ, верхняя часть спины и плечи зеленовато-черные, прочія верхнія части тѣла и бока шеи пепельно-сѣрые, нижнія части тѣла блѣднаго соломенно-желтаго цвѣта, три длинныхъ декоративныхъ пера бѣлыя, въ рѣдкихъ случаяхъ отчасти черныя. Глаза великолѣпнаго пурпурово-краснаго цвѣта, клювъ черный, основаніе клюва желтое, голое мѣсто на головѣ зеленое, ноги зеленовато-желтыя. Длина 60 см.

Кваква также водится въ обширной области. Она все еще довольно многочисленна въ Голландіи, въ Германіи встрѣчаются рѣдко и неправильно, въ придунайскихъ низменностяхъ и въ подходящихъ для нея мѣстностяхъ вокругъ Чернаго и Каспійскаго моря водится массами, встрѣчается въ Италіи, южной Франціи и Испаніи, всякую зиму пролетаетъ по всей Африкѣ, выводитъ потомство въ Палестинѣ, въ восточной части средней Азіи, въ Китаѣ, въ Индіи и на Зондскихъ островахъ, наконецъ, встрѣчается также въ большей части сѣверной, средней и южной Америки и не найдена только въ одной Австраліи. На сѣверѣ она появляется въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая; обратно же улетаетъ въ сентябрѣ или въ октябрѣ.

Кваква любитъ мѣстности, изобилующія деревьями; ибо она спитъ на деревьяхъ и на нихъ выводитъ своихъ птенцовъ.

Жизнь животныхъ Брэма. II

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Китоглавъ.

Кромѣ поры вывода, кваква весь день спитъ или отдыхаетъ, и только съ наступленіемъ сумерокъ начинаетъ охотиться. Движенія кваквы во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ движеній другихъ цапель. Назвать квакву боязливой въ настоящемъ смыслѣ слова нельзя, хотя она всегда проявляетъ извѣстную осторожность. Но обыкновенно мы видимъ ее только днемъ и, слѣдовательно, имѣемъ дѣло съ сонной или дремлющей птицей. Та же птица ночью бываетъ рѣзва и подвижна, хотя и не особенно оживлена, и притомъ всегда осторожна, боязливо избѣгаетъ встрѣчи съ человѣкомъ, приближающимся къ ней и, если подвергается преслѣдованіямъ, становится чрезвычайно робкой. Рыбу она ловитъ приблизительно такъ же, какъ дневныя цапли и во всякомъ случаѣ совершенно безшумно. Въ одномъ отношеніи ночная цапля отличается отъ многихъ своихъ родичей: она несомнѣнно общительнѣе ихъ, по крайней мѣрѣ столь же общительна, какъ ибисовая цапля.

Пора вывода продолжается отъ мая до іюля. Въ это время кваква или селится вмѣстѣ съ родственниками въ общихъ поселеніяхъ или сама основываетъ поселенія. Въ Голландіи кваква, вѣроятно, очень часто выводитъ птенцовъ, такъ какъ оттуда можно ежегодно получать молодыхъ птицъ; въ Германіи она рѣдко вьетъ гнѣзда, но все-таки, вѣроятно, чаще, чѣмъ мы полагаемъ.

Въ прошлыя столѣтія охота на ночныхъ цапель считалась, повидимому, особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ птицы эти считались отборной дичью и мясо ихъ очень цѣнилось. Въ настоящее время стрѣлки-разбойники убиваютъ ихъ ради ихъ трехъ бѣлыхъ перьевъ на затылкѣ, называемыхъ въ Германіи „перьями Бисмарка“, изъ которыхъ дѣлаются пучки, служащіе украшеніями. Плѣнныхъ кваквъ можно видѣть въ бо́льшей части зоологическихъ садовъ. Эти птицы не принадлежатъ къ числу привлекательныхъ, такъ какъ и въ неволѣ онѣ большую часть дня спятъ.

Видъ, наиболѣе отличающійся отъ другихъ видовъ рода, это несомнѣнно саваку (Nycticorax cancrophagus, Cancroma cochlearea) — ночная цапля съ своеобразнымъ, плоско выпуклымъ надклювьемъ, напоминающимъ перевернутую ложку, съ тупыми углами на гребнѣ, на концѣ загнутымъ въ видѣ крючка и притомъ углубленнымъ внутри, съ боковъ выпуклымъ и спереди постепенно закругляющимся. Лобъ, горло, щеки и передняя часть шеи бѣлаго цвѣта, нижняя часть шеи и грудь желтовато-бѣлыя, спина свѣтло-сѣрая, задняя часть верхней части шеи и брюшко вплоть до зада ржаво-красновато-бурыя, маховыя и рулевыя перья бѣловато-сѣрыя. Глаза каріе, съ сѣрой каемкой внутри, клювъ бурый, края нижней створки желтые, ноги желтоватыя. Длина 58 см.

Саваку живетъ въ кустарникѣ и въ камышѣ на берегахъ всѣхъ лѣсныхъ рѣкъ Бразиліи и встрѣчается въ одиночку, а въ періодъ вывода — парами. Его можно увидѣть сидящимъ въ густомъ кустарникѣ на берегу рѣкъ довольно высоко надъ водою; во внутреннихъ лѣсахъ онъ попадается чаще, чѣмъ близъ моря, при приближеніи лодки онъ довольно ловко перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку и быстро скрывается. Пища состоитъ изъ всевозможныхъ водныхъ животныхъ, но не изъ рыбъ.

Одна изъ самыхъ странныхъ птицъ Африки и одна изъ наиболѣе своеобразныхъ на земномъ шарѣ — это королевскій китоглавъ (Balaeniceps rex. см. прил. карт.). Признаки его слѣдующіе: массивное тѣло, толстая шея и большая голова, огромный клювъ, который напоминаетъ своей формой неуклюжій деревянный башмакъ и широкія нижнія челюсти котораго соединены толстой кожей. Основная окраска оперенія — красивый пепельно-сѣрый цвѣтъ; края болѣе крупныхъ перьевъ свѣтло-сѣрые, маховыя и рулевыя перья сѣровато-черныя. Глаза свѣтло-желтые, клювъ рогового цвѣта, ноги черныя. Длина птицы 140 см.

Эта исполинская болотная птица живетъ въ одиночку, парами и въ видѣ разбросанныхъ обществъ, по возможности вдали отъ всякихъ человѣческихъ поселеній, въ огромныхъ, большею частью недоступныхъ болотахъ Бѣлаго Нила и нѣ-

которыхъ его притоковъ, главнымъ образомъ въ странѣ негрскихъ племенъ Кичъ и Вуэръ, между 5 и 8-мъ градусами сѣверной широты. Обыкновенно королевскаго китоглава можно видѣть здѣсь около лужъ, окруженныхъ густымъ тростникомъ и кустами папируса; среди этихъ болотъ онъ ловитъ рыбу или же стоитъ неподвижно на холмикѣ, сооруженномъ термитами на сухомъ мѣстѣ, нерѣдко на одной ногѣ и отсюда осматриваетъ окрестность или здѣсь перевариваетъ пищу. Уже издалека завидѣвъ человѣка, онъ съ громкимъ шорохомъ, боязливо и осторожно взлетаетъ и затѣмъ низко и тяжело летитъ надъ тростникомъ, за которымъ скоро скрывается.

Походка и полетъ королевскаго китоглава напоминаютъ марабу, но китоглавъ держитъ туловище болѣе горизонтально, а тяжелая голова его покоится на зобу. Во время полета китоглавъ втягиваетъ шею, какъ цапля. Единственный издаваемый имъ звукъ — это громкое хлопанье и трескотня клювомъ, напоминающія курлыканье аиста. В. Юнкеръ сообщаетъ слѣдующее объ одномъ королевскомъ китоглавѣ, котораго онъ во время своихъ путешествій по Африкѣ держалъ въ неволѣ. „На суднѣ, а впослѣдствіи на станціи Джуръ-Гаттасъ онъ намъ доставлялъ большое развлеченіе. Каждый день я приказывалъ сажать рыбъ въ мою ванну, и тогда презанятно было глядѣть, какъ эта большая птица иногда подолгу неподвижно простаивала около ванны, а затѣмъ вдругъ опускала свой массивный клювъ въ воду, съ быстротою молніи схватывала рыбу длиною почти въ футъ и безъ всякихъ видимыхъ усилій проглатывала. У этого китоглава былъ невѣроятно спокойный и флегматичный характеръ, онъ съ самаго начала почти не отличался робостью и близко подпускалъ къ себѣ людей. Много комичнаго замѣчалось въ отношеніи этой птицы къ двумъ маленькимъ шимпанзе, присланнымъ для Гесси и отчаянно боявшимся нашего китоглава. Это было намъ весьма кстати, ибо обезьяны вели себя какъ непослушныя дѣти и иногда до того скалили зубы, кусались и кричали во время нашихъ трапезъ, что прямо-таки принуждали насъ вставать и убѣгать, послѣ чего онѣ сами накидывались на полныя тарелки. Спокойная и флегматическая большая птица скоро, къ великому нашему удовольствію, сдѣлалась для насъ добрымъ блюстителемъ порядка, охранявшимъ насъ отъ назойливости нашихъ неблаговоспитанныхъ маленькихъ пріятелей. Съ этихъ поръ Гесси иначе не называлъ китоглава, какъ „полицейскимъ“. Если во время нашихъ трапезъ шимпанзе начинали вести себя неподобающимъ образомъ, визжали, топали ногами и, словно дурно воспитанныя дѣти, тянулись къ нашимъ кушаньямъ, то раздавался призывъ: Полицію! Тотчасъ же прислуживавшіе намъ мальчики-негры пригоняли нашего милѣйшаго блюстителя порядка, который останавливался невдалекѣ отъ насъ и стоялъ какъ столбъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на шимпанзе, между тѣмъ какъ обезьяны, къ общему восхищенію, съ ужимками, свидѣтельствовавшими о ихъ страхѣ, и часто оглядываясь, поспѣшно исчезали.“

Аисты (Ciconiidae) — сравнительно неуклюже сложенныя голенастыя птицы, съ толстымъ клювомъ, высокими ногами, но короткими пальцами. Клювъ у нихъ длинный, прямой, вытянутый, конусообразный и клинообразный, иногда немного загнутый вверхъ; у другихъ видовъ обѣ челюсти въ серединѣ неплотно сходятся, а клювъ на кончикѣ сжатъ съ боковъ; ноги очень длинныя, сильныя, значительная часть голени непокрыта перьями; на короткопалой ступнѣ между передними пальцами замѣчаются маленькія перепонки, пальцы вооружены толстыми тупыми когтями; крылья большія, длинныя и широкія, двѣнадцатиперый короткій хвостъ закругленъ, мелкое опереніе на головѣ и на шеѣ или узкое и продолговатое, или же короткое и закругленное, у иныхъ скудное и шерстистое, даже волосатое, у другихъ въ зрѣломъ возрастѣ отличается роговыми, ланцетовидными кончиками. Оба пола отличаются другъ отъ друга по величинѣ, а молодыя птицы окрашены тусклѣе старыхъ.

Аисты живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта, и почти во всѣхъ поясахъ. Мѣста жительства 20-ти извѣстныхъ намъ видовъ различны; но въ общемъ можно сказать, что аисты отдаютъ предпочтеніе лѣсистымъ, ровнымъ, изобилующимъ водою мѣст-

ностямъ передъ возвышенными и сухими мѣстами, а потому отсутствуютъ въ горныхъ странахъ, въ степяхъ и въ пустыняхъ. Сѣверные виды принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ и большею частью совершаютъ огромныя путешествія; южные виды — птицы бродячія. Аисты бываютъ дѣятельны только днемъ, держатся прямо, согнувъ шею, совершенно или же только слегка, въ видѣ буквы S, ходятъ шагая съ извѣстною важностью, охотно входятъ въ воду, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ рѣшаются плавать, летаютъ прекрасно, легко и бо́льшею частью высоко, нерѣдко парятъ, часто описываютъ великолѣпныя спирали; при этомъ они прямо вытягиваютъ голову и ноги и поэтому принимаютъ при полетѣ такой видъ, что ихъ издалека нетрудно узнать. Кромѣ хриплаго шипѣнья, аисты не издаютъ никакихъ звуковъ, но этотъ недостатокъ возмѣщаютъ громкимъ и выразительнымъ хлопаньемъ клюва, такъ называемымъ курлыканьемъ. Аисты преисполнены серьезности и сознанія собственнаго достоинства, очень умны и умѣютъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Многіе виды добровольно отдались подъ защиту человѣка и обратились въ домашнихъ животныхъ, при этомъ не сдѣлались рабами, а сохранили свою самостоятельность. По отношенію другъ къ другу аисты отличаются общительностью, съ крупными болотными и водными птицами живутъ въ ладу, но не въ дружбѣ; для мелкихъ животныхъ аисты опасны, ибо они по профессіи своей разбойники; они отнюдь не ограничиваются земноводными, рыбою, насѣкомыми и червями, но охотятся вообще на всѣхъ болѣе слабыхъ животныхъ и убиваютъ тѣхъ, кого могутъ одолѣть, ѣдятъ даже падаль и при этомъ въ жадности не уступаютъ гіенамъ или грифамъ. Несмотря на свои хищническія наклонности, аисты рѣдко бываютъ въ тягость или приносятъ вредъ, а скорѣе бываютъ полезны. Свои большія гнѣзда они строятъ изъ сухихъ прутьевъ и палочекъ, выстилаютъ углубленіе гнѣзда болѣе мягкими веществами и помѣщаютъ свои гнѣзда на высокихъ деревьяхъ или на строеніяхъ. Яйца большія и безъ пятенъ, но число ихъ невелико; высиживаетъ ихъ одна самка, но и самецъ очень любитъ свое потомство. Самецъ приноситъ супругѣ, сидящей на яйцахъ, необходимую пищу и впослѣдствіи принимаетъ участіе въ выращиваньи птенцовъ. Всѣ виды поддаются прирученію, кормить ихъ не составляетъ труда, и они такъ привыкаютъ къ человѣку и къ его двору, что не только вылетаютъ и влетаютъ, но и проводятъ здѣсь зиму или же, если улетаютъ въ теплыя страны, то въ слѣдущую весну возвращаются на старое мѣсто. Аисты доставляютъ человѣку удовольствіе своимъ умомъ, серьезностью и важностью своего нрава, а также своею привязанностью къ хозяину; они полезны на дворѣ, такъ какъ охотятся на всякую вредную мелюзгу, но содержаніе ихъ обходится не особенно дешево, такъ какъ они требуютъ много пищи.

Изъ видовъ, относящихся къ семейству аистовъ, прежде всего слѣдуетъ указать на бѣлаго аиста (Ciconia alba, рис. на стр. 780). За исключеніемъ черныхъ маховыхъ перьевъ и самыхъ длинныхъ покровныхъ перьевъ, опереніе его грязновато-бѣлое, глаза каріе, клювъ сургучно-красный, ноги кроваво-красныя, голое пятно вокругъ глаза сѣровато-черное. Длина 110 сантиметровъ. Самка меньше.

Кромѣ отдаленнаго сѣвера, бѣлый аистъ водится во всѣхъ европейскихъ странахъ, хотя не вездѣ выводитъ потомство. Такъ, онъ посѣщаетъ между прочимъ и Англію, но рѣдко, хотя, какъ говорятъ, прежде часто тамъ встрѣчался; точно также онъ почти совершенно исчезъ изъ Греціи, такъ какъ обитатели Мореи изгнали изъ своей страны эту птицу, которая у турокъ считается священною. Въ Испаніи аистъ въ нѣкоторыхъ вполнѣ подходящихъ для него мѣстностяхъ также встрѣчается довольно рѣдко. Помимо этого, онъ водится въ южной Россіи и кругомъ Каспійскаго и Чернаго моря, въ Сиріи, Палестинѣ, Персіи, въ бассейнѣ рѣки Аму-Дарьи и въ Японіи, а также въ странахъ, окружающихъ Атласскія горы, на Канарскихъ островахъ и „безъ сомнѣнія“ выводитъ птенцовъ въ южной Африкѣ. Во время своего зимняго путешествія онъ посѣщаетъ всю Африку и Индію. Въ средней и сѣверной Германіи аистъ появляется между по-

слѣдними числами февраля и 1-мъ апрѣля, если не считать нѣсколькихъ раннихъ и запоздалыхъ птицъ. Нѣкоторые аисты прилетаютъ уже въ половинѣ февраля, иные же лишь во второй половинѣ апрѣля. Въ южной Африкѣ аистъ появляется черезъ нѣсколько дней послѣ отлета изъ Европы. Онъ предпочитаетъ ровныя, плоскія и низменныя мѣстности, богатыя водою и особенно боло-

Бѣлый аистъ (Ciconia alba). 1/8 естеств. велич.

тами, но селится обязательно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ достигъ господства. Правда, многіе аисты селятся вдали отъ человѣческихъ жилищъ въ лѣсахъ и здѣсь на высокихъ деревьяхъ сооружаютъ свои большія гнѣзда; но большинство гнѣздится въ крестьянскихъ дворахъ или по крайней мѣрѣ на крышахъ.

Иногда можетъ посчастливится замѣтить прибытіе этого излюбленнаго гостя кровель и увидѣть, какъ парочка, въ прошломъ году жившая на извѣстномъ дворѣ, вдругъ съ неизмѣримой высоты спускается по спиральной линіи на гребень крыши,

и съ этого момента начинаетъ держать себя такъ, какъ будто никогда и не улетала. Тотчасъ послѣ прилета начинается обычное времяпрепровожденіе. Аистъ улетаетъ изъ гнѣзда, которое служитъ ему настоящимъ домомъ, вылетаетъ на поля и луга, въ топи болота, чтобы охотиться; въ обѣденные часы онъ обыкновенно возвращается, послѣ обѣда предпринимаетъ новую экскурсію, передъ восходомъ солнца прилетаетъ домой, хлопаетъ клювомъ и наконецъ отправляется спать. Такъ живетъ аистъ до наступленія поры вывода и до тѣхъ поръ, пока забота о потомствѣ не заставитъ его нѣсколько отступить отъ обычнаго образа жизни.

Аистъ держитъ себя, съ нашей точки зрѣнія, съ достоинствомъ. Ходитъ онъ медленно и мѣрно, держится прямо; полетъ его, начинающійся съ нѣсколькихъ прыжковъ, сравнительно медленный, но все-таки легкій и красивый, отличающійся великолѣпными спиральными линіями. Стоя, аистъ обыкновенно нѣсколько втягиваетъ шею и клювъ опускаетъ внизъ; но никогда не принимаетъ онъ такихъ безобразныхъ позъ, какъ бо́льшая часть цапель, и даже въ то время, когда погруженъ въ глубокій покой, онъ имѣетъ видъ пристойный. Аистъ рѣдко ускоряетъ свою ходьбу до бѣга; бѣгъ, повидимому, быстро его утомляетъ, между тѣмъ какъ онъ способенъ бродить своимъ обыкновеннымъ шагомъ цѣлыми часами. Полетъ его не утомляетъ; онъ рѣдко машетъ крыльями и не часто подрядъ, но такъ искусно умѣетъ пользоваться вѣтромъ и всякимъ дуновеніемъ воздуха, что, паря, можетъ по желанію опускаться и подниматься, а рулемъ своимъ управляетъ такъ ловко, что можетъ выдѣлывать какіе угодно повороты. Умъ аиста удивительно развитъ. „Онъ умѣетъ приспособляться къ обстоятельствамъ и къ людямъ лучше всякой другой птицы“, говоритъ Науманнъ, „и ни одной минуты не находится въ сомнѣніи относительно того, какъ настроены къ нему люди въ данной мѣстности. Онъ весьма быстро подмѣчаетъ, гдѣ его только терпятъ и гдѣ видятъ съ удовольствіемъ; аистъ, недавно прилетѣвшій изъ чужой мѣстности, всегда боязливый, осторожный, избѣгающій человѣка, ко всему относящійся съ недовѣріемъ, увидѣвъ положенное на крышу или на высокую верхушку дерева колесо, приглашающее его вить гнѣздо, тотчасъ теряетъ всякій страхъ и, овладѣвъ колесомъ, черезъ нѣсколько дней становится до такой степени довѣрчивымъ, что безбоязненно позволяетъ разсматривать себя вблизи. Скоро онъ знакомится съ человѣкомъ, оказавшимъ ему гостепріимство, и выучивается отличать его отъ другихъ людей и вообще распознавать доброжелателей своихъ отъ лицъ, недружелюбно настроенныхъ къ нему и опасныхъ для него. Онъ знаетъ, любятъ ли его люди и радуются ли при видѣ его, или же относятся къ нему равнодушно; онъ за всѣмъ внимательно наблюдаетъ, и никакое наблюденіе не пропадаетъ для него даромъ. „Вдали отъ гнѣзда аистъ столь же робокъ, какъ и всѣ его родичи. Онъ прекрасно знаетъ, что крестьяне, пастухи и дѣти люди не опасные, но избѣгаетъ охотника и всячески старается не дать ему приблизиться къ себѣ на разстояніе выстрѣла. Еще гораздо осторожнѣе и боязливѣе бываетъ аистъ во время перелета и вообще, когда онъ соединяется съ другими птицами. Въ Африкѣ онъ избѣгаетъ своихъ соотечественниковъ, европейцевъ, и ближе подпускаетъ къ себѣ туземцевъ.

Обыкновенно аиста считаютъ безвредной и добродушной птицей; однако этими качествами онъ отнюдь не обладаетъ. „Благодаря способу добывать себѣ пропитаніе“, говоритъ Науманнъ, „онъ привыкаетъ къ убійству, и эта привычка можетъ иногда обратиться на подобныхъ ему. Извѣстны случаи, когда аисты являлись изъ чужихъ краевъ, нападали на гнѣздо, бросались на птенцовъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе родителей, все-таки убивали молодыхъ птицъ: и это они дѣлали не разъ въ одной и той же мѣстности.“ Если раздражить ручного аиста, то и онъ иногда кидается на того, кто его дразнитъ; раненый аистъ храбро защищается, до послѣдняго издыханія наноситъ удары клювомъ и такъ какъ при этомъ часто мѣтится въ глазъ, то можетъ причинить большой вредъ людямъ или охотничьимъ собакамъ.

Единственный звукъ, издаваемый аистомъ, представляетъ собою хриплое шипѣніе, не поддающееся описанію. Шипѣніе это слышится рѣдко, чаще еще издается ручными аистами, желающими выразить свою радость. Обыкновенно

аистъ выражаетъ свои чувства хлопаньемъ клюва и поистинѣ искусно умѣетъ пользоваться этимъ своеобразнымъ орудіемъ; онъ курлыкаетъ то болѣе, то менѣе продолжительное время, то быстрѣе, то медленнѣе, то громче, то тише, курлыкаетъ при радостномъ и при горестномъ чувствѣ, во время голода и послѣ утоленія его, хлопая клювомъ, объясняется въ любви своей самкѣ и курлыкая ласкаетъ своихъ птенцовъ. Эти послѣдніе выучиваются удивительному, но отнюдь не бѣдному языку своихъ родителей, еще не вылетѣвъ изъ гнѣзда, и едва научившись курлыкать, выражаютъ свои чувства такимъ образомъ, хотя раньше издавали звуки, похожіе на визгъ или пискъ.

Пищу аиста составляютъ самыя разнообразныя животныя. Это — хищная птица въ полномъ смыслѣ этого слова. Повидимому, аистъ отдаетъ предпочтеніе земноводнымъ, насѣкомымъ и дождевымъ червямъ, но, вѣроятно, лишь потому, что ихъ всего легче ловить. Во время своихъ обыкновенныхъ охотничьихъ экскурсій онъ чаще всего наталкивается на лягушекъ, мышей и насѣкомыхъ и ихъ прежде всего и проглатываетъ; но онъ убиваетъ также ящерицъ, веретеницъ, ужей, даже ядовитыхъ змѣй, рыбъ ѣстъ съ такою жадностью, какъ лягушекъ, при случаѣ усердно ловитъ рыбу въ мутной водѣ и проглатываетъ рыбъ длиною съ руку взрослаго мужчины. При большой жадности онъ часто проглатываетъ маленькихъ змѣй, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій; змѣйки эти долго еще возятся у аиста въ горлѣ, а если онъ быстро нагибается, чтобы схватить другую добычу, то легко ускользаютъ, такъ что, когда передъ аистомъ на землѣ находится нѣсколько змѣй, то происходитъ очень занятная охота. Ядовитыя гадюки принадлежатъ къ числу любимыхъ блюдъ аиста; но передъ тѣмъ, какъ проглотить, онъ нѣсколькими сильными ударами по головѣ оглушаетъ ихъ. Если онъ слишкомъ быстро обработаетъ гадюку и не приметъ достаточныхъ предосторожностей, то въ теченіе нѣсколькихъ дней сильно хвораетъ, но затѣмъ опять совершенно поправляется. Онъ крадетъ яйца всѣхъ птицъ, выводящихъ свое потомство на землѣ; молодыхъ птицъ, между прочимъ и куропатокъ, онъ убиваетъ безпощадно, притаскиваетъ даже своимъ птенцамъ цѣлыя гнѣзда со всѣмъ ихъ содержимымъ; мышей онъ подстерегаетъ на поляхъ и на лугахъ около ихъ норокъ, схватываетъ мимоходомъ кротовъ и отнимаетъ зайчатъ у матери, несмотря на мужественную защиту съ ея стороны. На лугахъ, покрытыхъ цвѣтами, онъ усердно ловитъ насѣкомыхъ, причемъ хватаетъ не только сидящихъ и ползающихъ, но старается подцѣпить и летающихъ. Жабы внушаютъ ему отвращеніе; онъ ихъ такъ ненавидитъ, что убиваетъ, но никогда не трогаетъ ихъ.

Такъ какъ аистъ является помѣхой охотнику, какъ это видно изъ предыдущаго, а ловя пчелъ, посягаетъ на чужую собственность, то охотники и пчеловоды считаютъ его одною изъ самыхъ вредныхъ птицъ и стремятся истребить. Что подобныя мнѣнія преувеличены, — это врядъ-ли требуетъ доказательствъ. Даже вполнѣ признавая вредъ аиста для охоты, нельзя произнести обвинительнаго приговора этой птицѣ. Зайцевъ, куропатокъ, пѣвчихъ птицъ, лягушекъ и рыбъ онъ не истребляетъ, даже чувствительнымъ образомъ не уменьшаетъ ихъ количества, а лѣсничему и сельскому хозяину не вредитъ; послѣднее же обстоятельство имѣетъ наиболѣе важное значеніе. Поэтому какъ лѣсничій, такъ и сельскій хозяинъ правы, причисляя его къ особенно полезнымъ птицамъ и прощая ему въ благодарность за оказываемыя имъ услуги его несомнѣнныя хищническія продѣлки.

Однажды сооруженное гнѣздо ежегодно употребляется для высиживанья; извѣстны гнѣзда, въ которыхъ въ теченіе 100 лѣтъ каждое лѣто жили аисты. Всѣ наблюденія заставляютъ предполагать, что бракъ пары аистовъ заключается на всю жизнь, и что супруги сохраняютъ другъ другу вѣрность. Если ничто не помѣшаетъ парочкѣ, то вскорѣ послѣ прибытія она начинаетъ чинить старое гнѣздо, принося въ него новые сучки и прутики и нагромождая ихъ надъ старыми, отчасти попорченными, а также возобновляетъ углубленіе гнѣзда. Вслѣдствіе этого гнѣздо годъ отъ году становится выше и тяжелѣе, и это можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока нижній слой уже не въ силахъ удержать гнѣзда,

и тогда человѣкъ долженъ явиться на помощь. Самое сооруженіе отнюдь не принадлежитъ къ наиболѣе совершеннымъ. Основу гнѣзда составляютъ прутья и палки толщиною въ палецъ, а также сучья, колючки, комки зелени и куски дерна; второй слой состоитъ изъ болѣе тонкаго хвороста, стеблей, тростника и листьевъ камыша; внутренній же слой образованъ сухими почками травы, пометомъ, пустыми колосьями, тряпками, кусочками бумаги и перьями. Всѣ строительные матеріалы приносятся обоими супругами въ клювѣ; но архитекторомъ, какъ обыкновенно, является самка. Оба аиста работаютъ такъ усердно, что въ 8 дней заканчиваютъ постройку новаго гнѣзда, а старое исправляютъ уже въ 2—3 дня. Какъ только начинается постройка, у аистовъ зарождается недовѣріе, и одинъ изъ супруговъ обыкновенно стоитъ на часахъ, пока другой улетаетъ за строительными матэріалами. При этомъ, разумѣется, птицы курлыкаютъ на всѣ лады, во всѣхъ топахъ и ритмахъ и вообще ясно выражаютъ свою радость по поводу того, что имъ удалось основать или возстановить свой родной уголъ. Въ половинѣ или въ концѣ апрѣля самка кладетъ первое яйцо и, если она принадлежитъ къ числу болѣе старыхъ птицъ, то въ теченіе слѣдующихъ нѣсколькихъ дней кладетъ еще три или четыре яйца. Яйца чисто яйцевидной формы, скорлупа у нихъ тонкая, гладкая, бѣлаго цвѣта, иногда съ нѣкоторымъ зеленоватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ. Высиживанье продолжается 28—31 день. Оба супруга сидятъ на яйцахъ поочередно, но на долю самки выпадаетъ главная часть этого занятія. Зато аистъ-самецъ заботится о безопасности своей супруги.

Когда молодыя птицы вылупятся, то заботы родителей о потомствѣ удваиваются, а вмѣстѣ съ заботой удваивается и бдительность стариковъ. Вначалѣ птенцовъ кормятъ всевозможнымъ мелкимъ звѣрьемъ и насѣкомыми, дождевыми червями, піявками, личинками, жуками, кузнечиками и т. п.; затѣмъ они получаютъ болѣе твердую пищу. Птенцамъ не вкладываютъ пищи въ клювъ: съ перваго же дня своей жизни они должны сами подбирать пищу, изрыгаемую стариками. Этому искусству старыя птицы обучаютъ молодыхъ, схватывая ихъ за клювъ и тыча имъ въ кормъ. Изрыгая кормъ, кормящая старая птица снова проглатываетъ часть корма, вѣроятно, для того, чтобы сохранить въ ней извѣстное тепло или согрѣть ее. Необходимое для птенцовъ количество воды старики вмѣстѣ съ пищей приносятъ въ горловомъ мѣшкѣ и вмѣстѣ съ пищей выплевываютъ. Въ сильную жару старые аисты, какъ говорятъ, обрызгиваютъ птенцовъ водой, а также заслоняютъ ихъ отъ солнца своей собственной особой; во время же дождливой или холодной погоды родители прикрываютъ своихъ дѣтей своимъ собственнымъ тѣломъ. Семейная жизнь аистовъ являетъ собою всегда занимательное, но не всегда пріятное зрѣлище. Не только крышу они пачкаютъ самымъ отвратительнымъ образомъ, но еще сплошь да рядомъ роняютъ внизъ куски добычи, которые загниваютъ внизу крыши и распространяютъ вонь. Нерѣдко случается, къ ужасу хозяйки дома, что прилетаетъ старый аистъ съ нѣсколькими еще полуживыми веретеницами, ужами или другими гадами, чтобы ими накормить своихъ птенцовъ, но теряетъ нѣсколькихъ змѣй, которыя скатываются съ крыши во дворъ. Однако удовольствіе, доставляемое семействомъ аистовъ, все-таки превышаетъ всѣ причиняемыя ими непріятности. Птенцы въ первые дни своей жизни сидятъ на пяткахъ, впослѣдствіи они стоятъ въ гнѣздѣ, и тогда опытные родители прилаживаютъ новыя палки и прутья, чтобы не дать дѣтямъ упасть; скоро молодыя птицы знакомятся съ мѣстностью и доказываютъ, что глаза у нихъ съ самаго начала превосходные; ибо они уже издали узнаютъ летящаго къ гнѣзду и нагруженнаго добычей стараго аиста и привѣтствуютъ его сперва тѣлодвиженіями, затѣмъ курлыканьемъ, хотя вначалѣ оно еще производится очень неискусно. Ростъ птенцовъ продолжается по крайней мѣрѣ 2 мѣсяца. Къ концу этого времени молодые аисты начинаютъ пробовать свои крылья, становятся на край гнѣзда, хлопаютъ крыльями и, наконецъ, рѣшаются съ гнѣзда слетѣть на гребень крыши. Научившись довѣрять своимъ крыльямъ, они предпринимаютъ прогулки вмѣстѣ со стариками, но вначалѣ еще каждый вечеръ возвращаются въ гнѣздо и здѣсь ночуютъ. Однако привязанность ихъ къ колыбели съ теченіемъ времени все

болѣе утрачивается, ибо приближается время, когда и старъ, и младъ собираются въ далекій путь.

Передъ отлетомъ всѣ живущія въ одной мѣстности семьи аистовъ собираются на извѣстныхъ мѣстахъ, обыкновенно на топкихъ, болотистыхъ лугахъ. Число собирающихся птицъ изо дня въ день увеличивается, и собранія продолжаются все дольше и дольше. Въ концѣ іюля птицы собираются въ полномъ составѣ, и вскорѣ послѣ этого вся армія отправляется въ путь, поднимается на воздухъ, предварительно оживленно покурлыкавъ, нѣсколько время еще кружится надъ любимой родиной, а затѣмъ быстро улетаетъ по направленію къ юго-западу; дорогой къ летящимъ аистамъ, вѣроятно, присоединяются другіе, и стая такимъ образомъ постепенно разростается. Науманнъ говоритъ, что число птицъ въ стаѣ доходитъ до 2000—5000.

Аистъ, особенно если его вынуть изъ гнѣзда молодымъ, легко привыкаетъ къ неволѣ и къ своему хозяину, становится настолько ручнымъ, что ему можно позволить вылетать и влетать, привѣтствуетъ своихъ знакомыхъ курлыканьемъ и хлопаньемъ крыльями, съ благодарностью принимаетъ оказываемыя ему благодѣянія и ласки, вступаетъ въ дружбу съ крупными домашними животными, по отношенію же къ мелкимъ животнымъ позволяетъ себѣ дерзости и можетъ сдѣлаться опаснымъ для дѣтей. Если держать пару аистовъ, предоставляя ей извѣстную свободу, то птицы эти размножаются. Ручной аистъ спаривается также съ аистомъ, живущимъ на свободѣ, иногда вмѣстѣ съ нимъ даже улетаетъ на зиму, но весною возвращается и живетъ по прежнему.

Извѣстно, что иногда обыкновенная куница нападаетъ на молодыхъ аистовъ и убиваетъ ихъ, но ни одно хищное животное не трогаетъ старыхъ аистовъ, за исключеніемъ, быть можетъ, крупныхъ кошекъ и крокодиловъ, которые уносятъ изрѣдка аистовъ во время ихъ зимовокъ. Тѣмъ не менѣе число аистовъ, повидимому, не растетъ; значитъ, многіе изъ нихъ погибаютъ. Человѣкъ, къ счастью, еще нигдѣ не преслѣдуетъ ихъ такъ, какъ этого желали бы нѣкоторыя горячія головы.

Второй видъ разсматриваемаго семейства, также обитающій въ Германіи, это черный аистъ (Ciconia nigra). Средняя длина этой птицы 105 см., ширина 198, длина крыльевъ 55, длина хвоста 24 см. Голова, шея и вся верхняя сторона у него буровато-черная, съ великолѣпнымъ мѣдно- или золотисто-зеленымъ и пурпуровымъ отливомъ, нижняя сторона, начиная съ верхней части груди, бѣлая; маховыя и хвостовыя перья почти лишены блеска. Глаза красновато-каріе, клювъ кроваво-красный, ноги яркаго карминово-краснаго цвѣта.

Черный аистъ живетъ въ средней и южной, рѣже въ сѣверной Европѣ, во многихъ странахъ Азіи и зимою въ Африкѣ. Въ Германіи онъ высиживаетъ птенцовъ въ тихихъ лѣсахъ сѣверо-германской равнины; въ Австро-Венгріи онъ всего чаще встрѣчается въ средней Венгріи и въ Галиціи. Въ Скандинавіи онъ водится въ одиночку до 60-го градуса, тамъ и сямъ попадается въ Россіи и въ Польшѣ, въ Даніи вездѣ высиживаетъ птенцовъ въ подходящихъ мѣстностяхъ; нерѣдко ютится онъ также въ придунайскихъ мѣстностяхъ и въ Турціи. Въ Азіи онъ высиживаетъ потомство во всемъ Туркестанѣ и въ южной Сибири, въ Монголіи и Китаѣ.

Отъ бѣлаго аиста черный аистъ прежде всего отличается тѣмъ, что селится въ лѣсахъ и никогда не располагается въ человѣческихъ поселеніяхъ. Онъ также отдаетъ предпочтеніе равнинѣ передъ горными странами и мѣстностямъ, изобилующимъ водою, передъ безводными, однако встрѣчается какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, если только находитъ старыя, развѣсистыя деревья или деревья съ высохшими верхушками въ лѣсу, мало посѣщаемомъ людьми. На такихъ деревьяхъ онъ высиживаетъ птенцовъ и ночуетъ.

Исполинскіе аисты (Mycteria) — самые высокіе изъ всѣхъ аистовъ. Тѣло у нихъ продолговатое, шея сравнительно длинная и притомъ тонкая, голова довольно большая, клювъ очень длинный, наверху почти прямолинейный или лишь немного загнутый вверхъ, нижняя же створка сильно загибается кверху; иногда клювъ бываетъ снабженъ сѣдлообразной восковицей, а снизу украшенъ кожистыми мохрами.

Миктерія (Mycteria senegalensis) — птица огромная и великолѣпная. Голова, шея, верхняя часть крыла, плечи и хвостъ у нея черные съ металлическимъ блескомъ; прочія перья, не исключая и маховыхъ, ослѣпительно бѣлыя. Глаза ярко-желтые, клювъ при основаніи красный, затѣмъ черный, на концѣ кроваво-красный; широкая восковица, — она покоится на клювѣ, словно сѣдло, можетъ двигаться во всѣ стороны и окаймлена узкой черной каемкой изъ перьевъ — а также мохры ярко желтаго цвѣта; плюсна сѣровато-бурая, суставы пальцевъ карминово-красные. Длина самца 146 см.

Чтобы получить надлежащее впечатлѣніе отъ этой мощной птицы и въ полной мѣрѣ оцѣнить ея красоту, ее надобно видѣть живою, на свободѣ, когда она двигается и летаетъ, описывая круги надъ темнымъ лѣсомъ. При ходьбѣ этотъ великанъ держится очень гордо и прямо и, благодаря своимъ длиннымъ ногамъ, кажется еще больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Во время полета миктерія замѣчательно красива, такъ какъ бѣлыя маховыя перья составляютъ великолѣпный контрастъ съ черными кроющими перьями крыльевъ.

Въ смыслѣ пищи миктерія, вѣроятно, мало отличается отъ своего европейскаго родственника. Въ желудкѣ убитыхъ миктерій находили рыбъ, земноводныхъ и жуковъ; другіе наблюдатели считаютъ миктерію истребительницей саранчи; охотники Рюппеля убили одну миктерію на падали, Гейглинъ также убилъ одну птицу, которая дралась съ грифами и съ зобастыми аистами изъ за останковъ мертваго верблюда. Чтобы миктерія могла насытиться, ей нуженъ 1 килограммъ мяса или такое же количество рыбы. Плѣнныя миктеріи въ настоящее время нерѣдко попадаютъ въ европейскіе зоологическіе сады. Получая мясную и рыбную пищу, онѣ выживаютъ подолгу, скоро становятся столь же ручными, какъ всякій другой аистъ, узнаютъ своего хозяина и отличаютъ его отъ другихъ людей, привѣтствуютъ его курлыканьемъ, какъ только завидятъ, откликаются на его зовъ и позволяютъ ему себя трогать.

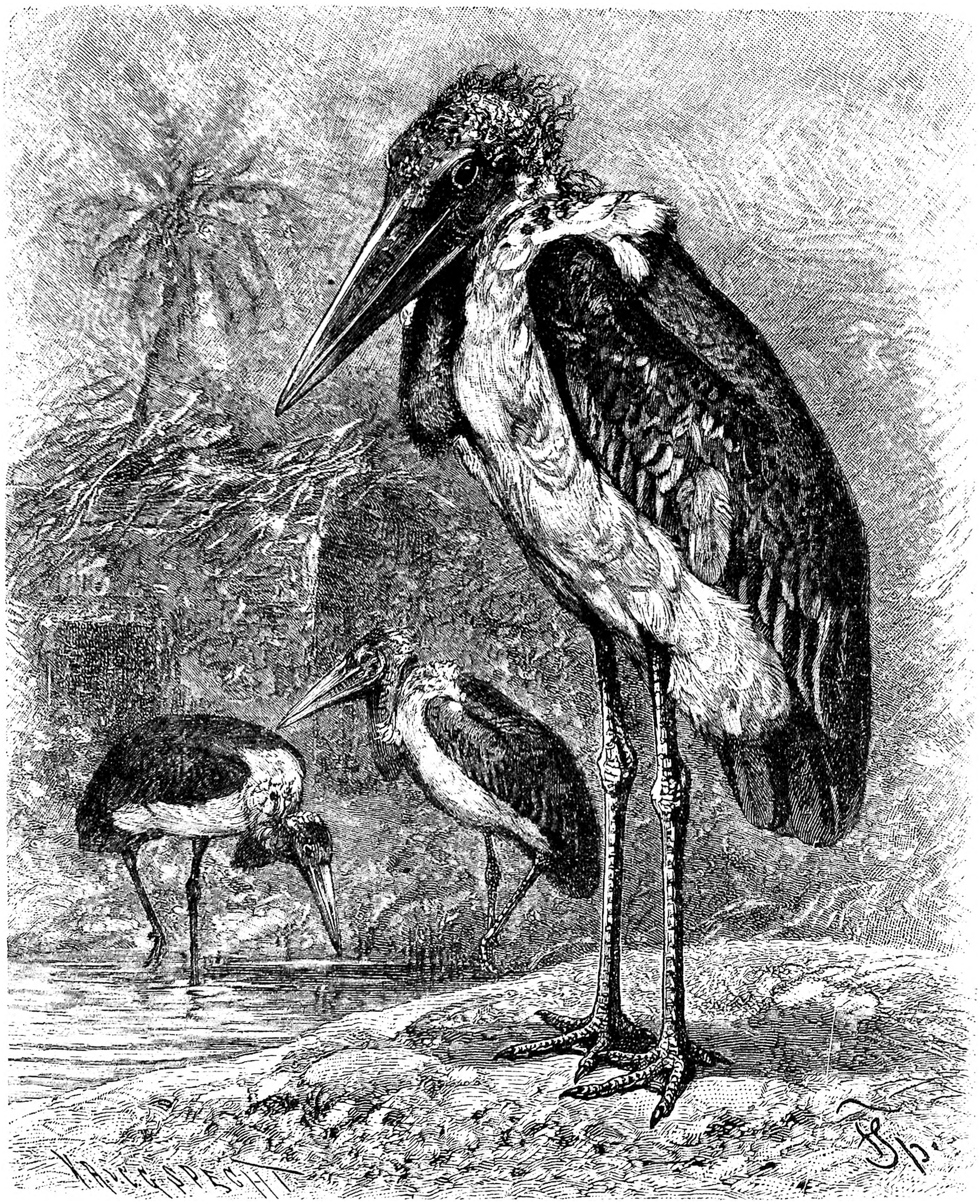
*

Самые безобразные изъ всѣхъ аистовъ называются зобастыми аистами (Leptoptilus), такъ какъ ихъ пищеводъ въ нижней части шеи расширяется въ большой мѣшокъ; хотя послѣдній мало имѣетъ сходства съ настоящимъ зобомъ, но служитъ для той же цѣли. Кромѣ того, признаки зобастыхъ аистовъ слѣдующіе: сильное, почти грубое тѣло, толстая, голая шея, голая или покрытая рѣдкими перьями, похожими на пухъ, шероховатая голова, очень толстый при основаніи, четырехугольный, спереди клинообразно заостренный, легкій клювъ, высокія ноги, огромныя, закругленныя крылья и средней длины хвостъ, нижнія кроющія перья котораго чрезвычайно развиты, начиная съ основанія тонко расщеплены и доставляютъ великолѣпныя декоративныя перья.

У марабу (Leptoptilus crumenifer, рис. на стр. 786), живущаго въ Африкѣ, голова красноватаго мясного цвѣта, скудно покрытая короткими волосистыми перьями, кожа обыкновенно негладкая, шея голая. Опереніе верхняго покрова темно-зеленое съ металлическимъ блескомъ, нижняя сторона и затылокъ бѣлые; маховыя и рулевыя перья черныя и безъ блеску, большія кроющія перья крыльевъ на наружномъ опахалѣ снабжены бѣлыми каемками. Глаза каріе, клювъ грязновато-бѣловато-желтый, ноги черныя и обыкновенно покрыты бѣлымъ слоемъ помета. Длина 160 см.

Кромѣ своей величины, птица бросается въ глаза своей странной осанкой. Въ зоологическихъ садахъ марабу всегда называютъ „тайнымъ совѣтникомъ“, и

онъ дѣйствительно похожъ на согнувшагося на долголѣтней службѣ царедворца въ черновато-синемъ фракѣ, въ узкихъ бѣлыхъ брюкахъ и въ огненно-красномъ парикѣ, постоянно робко и боязливо озирающагося на строгаго повелителя. Образъ дѣйствій марабу находится въ соотвѣтствіи съ его фигурой и осанкой, которыя невольно вызываютъ смѣхъ. Въ каждомъ движеніи этой птицы выражается невозмутимое спокойствіе. Походка марабу, даже каждый его шагъ, каждый взглядъ кажутся разсчитанными и самымъ точнымъ образомъ размѣренными.

Марабу (Leptoptilus crumenifer). 1/8 естеств. велич.

Нѣтъ, вѣроятно, птицы, равной марабу по прожорливости. Естественную пищу его составляютъ всевозможныя позвоночныя животныя, ростомъ съ крысу или съ молодого крокодила и величиной съ самую маленькую мышку; но кромѣ того, марабу ѣстъ раковины, пауковъ, насѣкомыхъ и особенно любитъ падаль.

Изъ зоба его случалось вытаскивать цѣлыя уши и цѣлыя ступни быковъ вмѣстѣ съ копытами, а также кости такой величины, что никакая другая птица не въ состояніи была бы ихъ проглотить; наблюдали, что онъ проглатывалъ залитые кровью куски земли или запятнанныя кровью тряпки, и что марабу съ простр ѣленнымъ крыломъ, убѣгая, подхватывали дорогой попавшійся имъ хорошій кусокъ. Съ грифами и съ собаками марабу постоянно ссорится. Вмѣстѣ съ грифами онъ всегда появляется на падали и умѣетъ на ней отстоять свое мѣсто.

Охота на марабу очень трудна вслѣдствіе чрезвычайной боязливости этихъ птицъ. Даже на мѣстахъ ихъ ночлега человѣку далеко не всегда удается перехитрить этихъ умныхъ созданій. Легче ловить марабу, хотя и это удается только туземцамъ, къ которымъ марабу привыкли. Баранью ногу привязываютъ къ крѣпкому длинному шнурку и бросаютъ ее между другими отбросами. Марабу проглатываетъ ее, и тогда его притягиваютъ какъ на удочкѣ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ выплюнуть проглоченную кость.

Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ обыкновенно держатъ марабу, такъ какъ онъ, благодаря своей величинѣ, привлекаетъ вниманіе публики. Его можно держать вмѣстѣ со всякими птицами, не безпокоясь за ихъ судьбу; ибо уже съ первыхъ дней марабу присвоиваетъ себѣ такую неограниченную власть на мѣстѣ кормежки, что крупныя и мелкія птицы осторожно уступаютъ ему мѣсто и даютъ первому утолить голодъ. Когда же марабу сытъ, то это самое добродушное животное на свѣтѣ и, если его не трогаютъ, ни съ кѣмъ не начинаетъ препирательствъ и сваръ. Но эту сильную птицу можно совершенно спокойно сажать и съ другими, болѣе опасными животными. Ручной марабу, бѣгавшій по нашему двору въ Хартумѣ, сумѣлъ очень скоро снискать себѣ уваженіе всѣхъ прочихъ звѣрей и даже убѣдить нашу молодую, запальчивую львицу, попытавшуюся было задорно напасть на него, что съ нимъ шутки плохи. Непосредственно послѣ нападенія, марабу повернулся къ львицѣ, храбро пошелъ на нее и началъ наносить ей своимъ огромнымъ клинообразнымъ клювомъ настолько чувствительные удары, что „Бахида“ нашла болѣе умѣстнымъ поспѣшно отступить; въ концѣ концовъ, преслѣдуемая смѣлой птицей, львица влѣзла на стѣну, чтобы спастись отъ врага.

*

У разинь (Anastomus) клювъ толстый, съ боковъ сжатый, по краямъ втянутый и отличается тѣмъ, что его тонко зазубренныя створки соединяются только при основаніи и на концѣ, а въ срединѣ не сходятся.

Африканскій разиня (Anastomus lamelligerus) величиной нѣсколько меньше обыкновеннаго аиста. Опереніе отличается отъ опереній другихъ аистовъ тѣмъ, что стержни всѣхъ перьевъ на шеѣ, брюхѣ и ляжкахъ, приблизительно какъ у свиристели или каркающаго пѣтуха, преобразовались на концѣ въ длинныя, роговидныя или хрящевидныя пластинки. Пластинки эти, такъ же какъ и стержни, съ зеленоватымъ или пурпуровымъ отливомъ и придаютъ своеобразную красоту опереніе, которое безъ этого было бы черным.

Послѣднія наблюденія показали, что разиня живетъ въ средней и южной Африкѣ, и также въ Мозамбикѣ.

Еще до разсвѣта, часто при самомъ густомъ туманѣ, разиня появляется въ топяхъ, болотахъ, на прудахъ и лужахъ, а также на берегу моря и ловитъ улитокъ и раковины, рыбу и лягушекъ. Улитки составляютъ главную его пищу; но онъ, какъ говорятъ, не пренебрегаетъ ракообразными животными, кузнечиками и червяками; его наблюдали также на падали. Улитокъ онъ ловитъ въ водѣ, раковины вытаскиваетъ изъ ила и умѣетъ ловко открывать ихъ и извлекать изъ нихъ содержимое.

Клювачъ (Tantalus ibis, рис. на стр. 788) бѣлаго цвѣта, спина у него съ розовымъ налетомъ, кроющія перья крыла и перья плечъ украшены передъ бѣлымъ кончикомъ розовымъ или пурпуровымъ поперечнымъ пятномъ съ узенькой болѣе темной оторочкой; маховыя и рулевыя перья блестящаго зеленовато-чернаго цвѣта, ниж-

нія кроющія перья крыла похожи на верхнія, но окрашены еще болѣе великолѣпно. Глаза желтовато-бѣлые, клювъ воскового желтаго цвѣта, ноги блѣдно-красныя, голое лицо киноварно-красное. Длина птицы 90—104 см.

Родина клювача — средняя Африка. Начиная съ 18-го градуса южной ши-

Клювачъ (Tantalus ibis). 1/4 естеств. велич.

роты, его встрѣчали около всѣхъ водъ внутренней Африки, а въ одиночку находили и на берегу моря. Въ свою великолѣпную одежду клювачъ облекается въ августѣ; изъ этого можно заключить, что пора вывода наступаетъ въ сентябрѣ.

Въ утренніе и вечерніе часы клювачъ охотится, повидимому, на всѣхъ мелкихъ животныхъ безъ исключенія, слѣдовательно также на млекопитающихъ и молодыхъ птицъ, хотя рыбы, земноводныя и черви, вѣроятно, составляютъ главный предметъ его пропитанія; въ полдень его можно видѣть, и притомъ многочисленными стаями, на песчаныхъ островкахъ рѣки или стоящими въ неглубокомъ

мѣстѣ въ водѣ, а также отдыхающимъ на деревьяхъ. Походка и полетъ клювача такъ похожи на походку и полетъ нашего аиста, что нельзя указать, въ чемъ именно заключается разница между движеніями этихъ птицъ.

Въ новѣйшее время нѣсколько разъ привозили молодыхъ клювачей живыми изъ западной Африки въ Европу. Держать ихъ нетрудно, такъ какъ они довольствуются тою же пищей, что и аисты. Образъ дѣйствія клювачей напоминаетъ аистовъ; но они отличаются болѣе мягкимъ нравомъ и чрезвычайною уживчивостью. По словамъ Бодинуса, въ этой птицѣ самое замѣчательное то, что она суетъ раскрытый клювъ въ воду, словно ожидая, что добыча сама должна забраться ей въ глотку. Нѣмецкое свое названіе „Nimmersatt“, ненасытный, клювачъ ни въ какомъ смыслѣ не оправдываетъ. Онъ вовсе не прожорливѣе своихъ родственниковъ.

Единственнымъ представителемъ особаго семейства голенастыхъ птицъ, а именно молотоглавовъ (Scopidae), является тѣневая птица (Scopus umbretta). Окраска у нея почти равномѣрнаго умбро-бураго цвѣта, нижняя сторона, какъ обыкновенно, нѣсколько свѣтлѣе; на рулевыхъ перьяхъ замѣчается широкая пурпурово-бурая полоса и нѣсколько неправильныхъ узкихъ полосокъ при основаніи перьевъ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги черно-бурыя или черныя. Длина 56 см.

Эту голенастую птицу наблюдали приблизительно во всѣхъ областяхъ Африки, на югѣ Африки, не исключая и Мадагаскара, а также въ южной Аравіи; но нигдѣ она, повидимому, не встрѣчается часто. Она предпочитаетъ низменности. но во внутреннихъ частяхъ Абиссиніи поднимается на горы до высоты 3000 метровъ.

Обыкновенно тѣневую птицу удается увидѣть только около лѣсныхъ ручьевъ или на берегахъ рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ подходитъ близко къ берегу. Главную составную часть ея трапезъ составляютъ рыбы; другіе наблюдатели утверждаютъ, что она ѣстъ также раковины, земноводныхъ, особенно лягушекъ, мелкихъ змѣй и ракообразныхъ, или же червей и личинокъ насѣкомыхъ. Огромное гнѣздо съ круглымъ входнымъ отверстіемъ большею частью помѣщается на нижнихъ развѣтвленіяхъ ствола или толстыхъ вѣтвей мимозъ, не высоко надъ землею; гнѣзда устраиваются также на вѣтвяхъ деревьевъ или на высокихъ кустахъ. Всѣ они искусно сооружены изъ прутьевъ и глины. Снаружи постройка имѣетъ $1^1/_2$—2 метра въ поперечникѣ и почти столько же въ вышину, такъ какъ она снабжена куполообразнымъ сводомъ. Внутри находится три совершенно обособленныхъ помѣщенія; передняя, гостиная и спальня. Эти комнаты отдѣланы такъ же хорошо, какъ и наружная часть гнѣзда, и входы въ нихъ какъ разъ такой величины, что птица можетъ проползти сквозь нихъ. Задняя комната находится выше двухъ переднихъ, такъ что, въ случаѣ необходимости, проникшая въ спальню вода можетъ стекать внизъ; но все гнѣздо такъ превосходно сработано, что даже сильные дожди не могутъ попортить его, а если оно и пострадаетъ немного, то жители тотчасъ же принимаются искусно его чинить. Спальня, самая помѣстительная комната, находится назади, и здѣсь-то самецъ и самка поочередно занимаются высиживаньемъ. На мягкой подушкѣ изъ камыша и разныхъ другихъ растительныхъ частей тамъ лежитъ 3—5 бѣлыхъ яицъ, составляющихъ кладку; средняя комната гнѣзда служитъ складочнымъ мѣстомъ для добычи: во всякое время здѣсь можно найти кости высохшихъ или сгнившихъ животныхъ, какъ доказательство обилія сносимыхъ сюда запасовъ. Въ передней, самой маленькой изъ трехъ комнатъ, стоитъ часовой; всегда находясь на сторожѣ, онъ предостерегаетъ товарищей своимъ хриплымъ крикомъ и побуждаетъ къ бѣгству.

Послѣднее семейство голенастыхъ составляютъ ибисовыя птицы (Ibidae); онѣ средней величины, красиво сложены, распространены по всему земному шару

въ числѣ 30-ти видовъ и имѣютъ довольно мягкій, лишь при основаніи твердый клювъ двухъ различныхъ формъ, общій признакъ котораго составляетъ бороздка, идущая отъ носового отверстія до кончика клюва, умѣренной вышины ноги съ передними пальцами, соединенными короткой перепонкой, и обильное опереніе. Эти птицы распадаются на два подсемейства.

Первое изъ этихъ подсемействъ составляютъ ибисы (Ibidinae), сравнительно маленькія, но крѣпко сложенныя птицы съ шеей средней длины, маленькой головой и тонкимъ, длиннымъ, серпообразно загнутымъ внизъ клювомъ. У нѣкоторыхъ видовъ лицо и шея голыя, или же своеобразно оперенныя, а заднія шейныя перья удлиненныя. Птицы разныхъ половъ мало отличаются другъ отъ друга, птенцы замѣтно отличаются отъ стариковъ.

Ибисы обитаютъ преимущественно въ тепломъ поясѣ земного шара, иные виды живутъ въ самыхъ различныхъ странахъ, другіе въ болѣе ограниченной области. Птицы, живущія на сѣверѣ, совершаютъ перелеты, прочія только бродятъ. Онѣ пребываютъ въ болотахъ, топяхъ и лѣсахъ; это дневныя птицы, вылетающія съ восходомъ солнца съ мѣстъ своего ночлега за кормомъ, днемъ дѣятельныя, отдыхающія въ полуденные часы, послѣ полудня опять отыскивающія кормъ, а вечеромъ вмѣстѣ отправляющіяся для ночлега на деревья. странствующія также только днемъ и отдыхающія даже въ свѣтлыя лунныя ночи. Голосъ ихъ лишенъ благозвучія и всегда звучитъ глухо и грубо или визгливо, жалобно и пронзительно, у нѣкоторыхъ видовъ очень странно и ни у одного члена семейства не звучитъ пріятно. Тѣ ибисы, которые живутъ большею частью на устьяхъ рѣкъ или на берегу моря, ѣдятъ главнымъ образомъ рыбъ, раковъ и мягкотѣлыхъ; тѣ же виды, которые всего охотнѣе селятся въ болотахъ, питаются рыбой, разными земноводными и мелкими водными животными. Гнѣздо всегда устраивается на вѣтвяхъ деревьевъ или кустовъ; иногда же ибисы завладѣваютъ расположеннымъ здѣсь гнѣздомъ другой птицы; одноцвѣтныхъ яицъ кладется 3—6. Для полнаго развитія молодыхъ птицъ требуется по крайней мѣрѣ два года. Охотникъ въ большинствѣ случаевъ не трогаетъ ибисовъ, хотя ихъ стоило бы стрѣлять ради вкуснаго мяса. Зато приручаютъ ибисовъ усердно, такъ какъ плѣнные ибисы не только скоро привыкаютъ къ человѣку, но, благодаря своей смышлености и привѣтливости, всегда доставляютъ ему много удовольствія.

*

Признаки короваекъ (Plegadis) слѣдующіе: длинный, дугообразный, сравнительно тонкій клювъ, средней длины ступня, довольно широкое, закругленное крыло, относительно короткій хвостъ и густое опереніе, не покрывающее только уздечекъ; въ Европѣ представительницей этого рода служитъ коровайка (Plegadis falcinellus). Опереніе ея на шеѣ, на груди, на брюшкѣ, ляжкахъ и на верхней части крыльевъ каштаново-буро-красное, на темени темно-бурое съ краснымъ отливомъ, на спинѣ черно-бурое съ фіолетовымъ или зеленоватымъ блескомъ; такой же видъ имѣютъ маховыя и рулевыя перья. Глаза каріе, голое глазное кольцо зеленовато-сѣрое, клювъ грязновато-темно-зеленый, ноги зеленовато-сѣрыя. Длина 60 см.

Всѣ пять частей свѣта даютъ пріютъ коровайкѣ. Въ Европѣ она населяетъ придунайскія низменности, Россію и южную Польшу, въ одиночку наблюдается также въ южной Италіи, южной Франціи и въ Испаніи; въ Азіи она встрѣчается во всѣхъ странахъ, окружающихъ Каспійское и Черное море, въ Малой Азіи, Персіи, Сиріи и во всей Индіи; въ Африкѣ она выводитъ птенцовъ около сѣверныхъ приморскихъ озеръ; быть можетъ также въ средней Африкѣ, на западѣ и на юго-востокѣ этой части свѣта, куда она аккуратно улетаетъ; въ Австраліи она въ подходящихъ для нея мѣстахъ встрѣчается вездѣ; въ Америкѣ она наблюдалась отъ 46-го градуса сѣверной широты до 40-го градуса южной широты. Въ Венгріи коровайка принадлежитъ къ перелетнымъ птицамъ, прилетающимъ аккуратно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая и улетающимъ въ августѣ, самое

позднее въ сентябрѣ. Здѣсь она водится во всѣхъ подходящихъ мѣстностяхъ на нижнемъ Дунаѣ, на Савѣ или Дравѣ, а именно близъ озеръ и прудовъ, расположенныхъ среди болотъ и по временамъ затопляемыхъ упомянутыми рѣками. Озерамъ, находящимся недалеко отъ береговъ, а также топямъ или илистымъ болотамъ отдается предпочтеніе; вблизи такихъ мѣстъ или на этихъ самыхъ мѣстахъ коровайка выводитъ потомство. Очень рѣдко приходится видѣть эту птицу въ одиночествѣ; почти всегда коровайки летятъ въ довольно значительномъ количествѣ, всегда несясь высоко надъ землею, причемъ вся стая располагается въ видѣ тупого клина, а еще чаще вытягивается въ видѣ одной длинной линіи, которая во всю ширину свою тянется такъ густо, что концы крыльевъ птицъ почти соприкасаются; такая стая подвигается впередъ, производя самыя изящныя, извивающіяся движенія. „Чудесное зрѣлище представляетъ такой длинный шнурокъ этихъ птицъ“, говоритъ Науманнъ, „когда лента ихъ прорѣзываетъ воздухъ. Словно нить, подгоняемая легкимъ дуновеніемъ вѣтра, паря, пересѣкаютъ онѣ воздухъ; при этомъ несутся онѣ не по строго прямой линіи, а въ видѣ изящныхъ, разнообразныхъ, мягко поднимающихся и опускающихся, постоянно измѣняющихся дугъ; линія ихъ волнами извивается по воздуху, но въ то же время остается сомкнутой, и каждая отдѣльная птица держится того же направленія, какъ и летящая рядомъ съ нею.“

Коровайки принадлежатъ къ умнымъ или понятливымъ членамъ своего семейства. Наружно онѣ держатъ себя серьезно и съ достоинствомъ, но въ сущности это веселыя, даже задорныя созданія, иногда проявляющія извѣстную запальчивость не только по отношенію другъ къ другу, но и по отношенію къ другимъ птицамъ. Осторожностью и боязливостью онѣ не уступаютъ другимъ болотнымъ птицамъ.

Смотря по мѣстности и по времени года коровайка питается различнымъ звѣрьемъ. Лѣтомъ главный кормъ ея составляютъ, повидимому, личинки насѣкомыхъ и червячки, но также вполнѣ развитыя насѣкомыя, особенно кузнечики, стрекозы, жуки и т. д.; зимою пожива ея состоитъ изъ раковинъ, червей, рыбокъ, мелкихъ земноводныхъ и другихъ водныхъ животныхъ.

Плѣнныя коровайки выдерживаютъ неволю прекрасно, живутъ въ ладу съ разными домашними птицами, дѣлаются удивительно ручными и въ клѣткѣ размножаются.

*

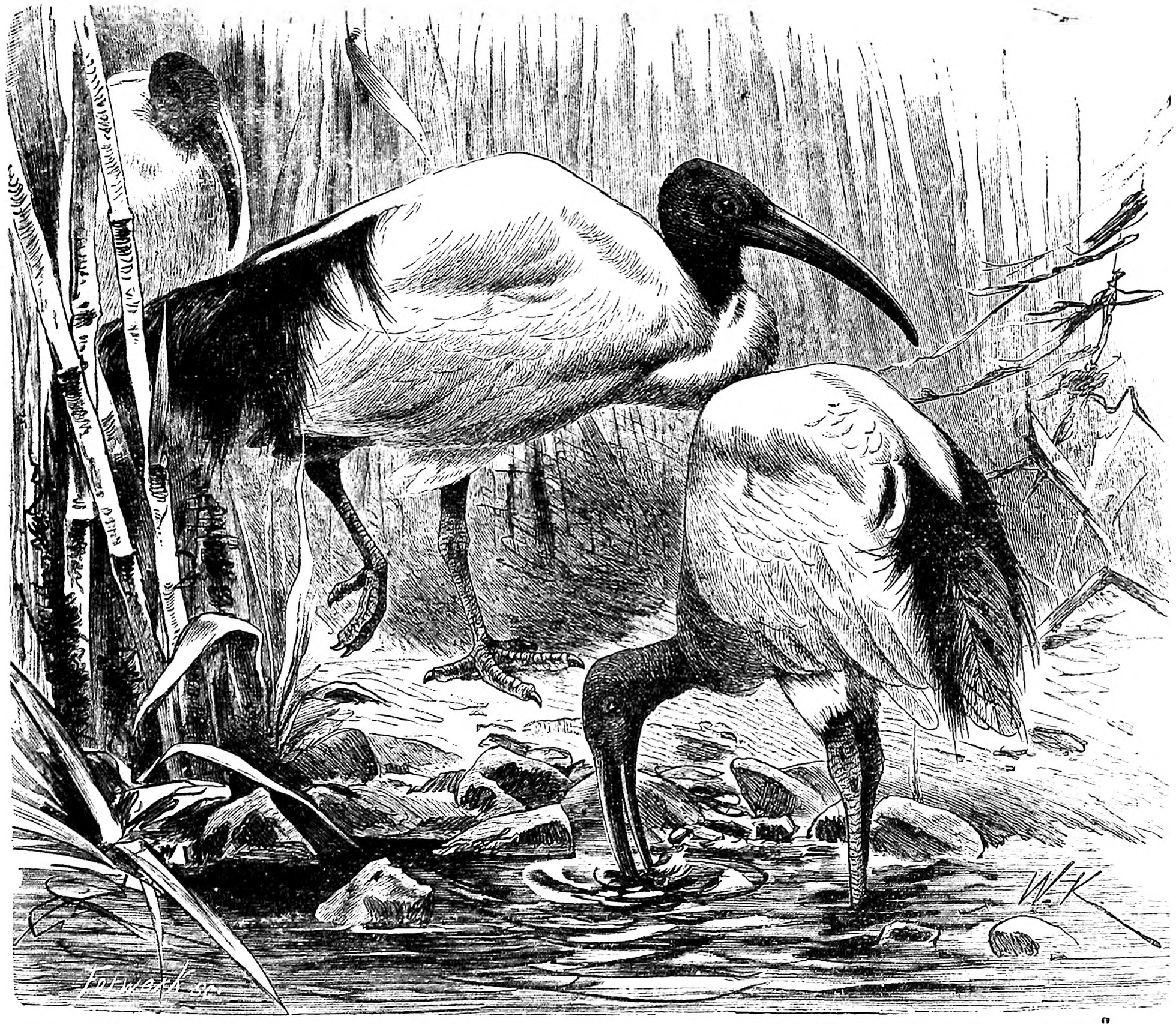
Рѣку Нилъ глубокомысленные египтяне признавали подателемъ и охранителемъ всякой жизни; поэтому и священный ибисъ, появлявшійся въ Египтѣ вмѣстѣ съ повышеніемъ уровня воды въ рѣкѣ, долженъ былъ удостоится высокаго уваженія и почитанія. Птицу эту считали священною и старались сохранить ея тѣло отъ тлѣнія на многія тысячелѣтія. Въ одной пирамидѣ въ Сахарѣ можно видѣть цѣлыя тысячи мумій этихъ птицъ, помѣщенныхъ въ урны или цѣлыми кучами нагроможденныхъ въ особыхъ покояхъ.

Ибисъ прославлялся не только египтянами, но и чужеземцами, посѣщавшими страну чудесъ. Геродотъ разсказываетъ, что ибисъ подстерегаетъ драконовъ, летающихъ змѣй и другихъ чудовищъ въ Египтѣ и убиваетъ ихъ, за что пользуется большимъ почтеніемъ со стороны туземцевъ. Другіе писатели сообщаютъ, что богъ Меркурій принялъ образъ священнаго ибиса. Овидій, описывая споръ боговъ съ великанами, заставляетъ Меркурія спрятаться подъ крыломъ ибиса. „Ибисъ имѣетъ чрезвычайно сильную склонность къ змѣиному мясу“, замѣчаетъ Белонъ, „и вообще питаетъ отвращеніе ко всѣмъ пресмыкающимся животнымъ, съ которыми всегда ведетъ самую кровавую войну, и которыхъ всегда старается умертвить, хотя бы самъ былъ сытъ.“ Цицеронъ говоритъ, что египтяне воздавали божескія почести только тѣмъ животнымъ, которыя были имъ дѣйствительно полезны; Ювеналъ же возмущается подобнымъ идолопоклонствомъ и вмѣняетъ египтянамъ въ преступленіе такое почитаніе ибиса.

Ибисъ, или священный ибисъ (Ibis aethiopica, religiosa, рис. на стр. 792),

считается представителемъ рода настоящихъ ибисовъ, отличительными признаками которыхъ служатъ сильный клювъ, голыя у взрослыхъ птицъ голова и шея и расщепленныя на концѣ плечевыя перья. Опереніе бѣлое, подъ крыльями желтоватое; кончики маховыхъ и плечевыхъ перьевъ синевато-черные. Глаза карминово-красные, клювъ черный, ноги чернобурыя. Голая черная кожа на шеѣ бархатистая и оставляетъ на рукѣ замѣтный слѣдъ. Длина старыхъ птицъ 75 см.

Странно, что въ настоящее время ибисъ больше не посѣщаетъ Египта, по крайней мѣрѣ правильно туда не прилетаетъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ выводитъ въ Египтѣ потомство. Въ качествѣ вѣстника поднятія воды въ Нилѣ онъ встрѣчается лишь въ южной Нубіи. Уже близъ Хартума нѣсколько

Священный ибисъ (Ibis aethiopica). $^1/_5$ естеств. велич.

парочекъ выводятъ птенцовъ, а далѣе къ югу ибисъ принадлежитъ къ обыкновеннымъ явленіямъ. Тотчасъ послѣ своего прибытія онъ селится на мѣстахъ вывода, которыя выбираетъ чрезвычайно тщательно. Отсюда онъ предпринимаетъ болѣе или менѣе продолжительныя экскурсіи для отысканія пищи. Его можно видѣть бродящимъ попарно или обществами по степи, гдѣ онъ ловитъ кузнечиковъ, случается замѣтить его на берегахъ рѣкъ или прудовъ, образовавшихся отъ дождей, и часто удается его встрѣтить въ обществѣ маленькой ибисовой цапли среди стадъ, гдѣ онъ не обращаетъ вниманія на пастуховъ, какъ вообще на туземцевъ, которыхъ нисколько не боится. Осанка ибиса полна сознанія собственнаго достоинства, онъ выступаетъ мѣрно, всегда шагаетъ, но не бѣгаетъ, летаетъ очень легко и красиво, вродѣ коровайки, голосъ взрослыхъ птицъ звучитъ какъ слабое „кра“ или „га“. Въ смыслѣ духовныхъ способностей его врядъ ли превосходитъ какая-либо другая болотная птица.

Священный ибисъ отдаетъ предпочтеніе одному виду мимозъ, который извѣстенъ у арабовъ подъ именемъ „харази“, т. е. защищающаго, такъ какъ онъ отличается густыми, чрезвычайно колючими, почти непроницаемыми вѣтвями. Изъ вѣтвей харази состоитъ также плоское гнѣздо разсматриваемой птицы; только внутри гнѣздо выстилается тонкими прутьями и небольшимъ количествомъ стебельковъ травы, но все сооруженіе отличается незатѣйливостью и врядъ-ли лучше сработано, чѣмъ гнѣздо вяхиря. Въ гнѣздо кладется 3—4 бѣлыхъ яйца, довольно крупно-зернистаго строенія, по величинѣ равныхъ приблизительно утинымъ яйцамъ.

Весьма вѣроятно, что ибисъ дѣйствительно глотаетъ маленькихъ змѣй, но болѣе крупныхъ и опасныхъ не трогаетъ. Въ дождливое время года онъ питается если не исключительно, то преимущественно насѣкомыми. Въ желудкѣ убитыхъ ибисовъ находили или кузнечиковъ, или разнаго рода жуковъ, особенно навозныхъ; замѣчено также, что плѣнные ибисы не брезгаютъ преподносимыми имъ мелкими земноводными, но предпочитаютъ насѣкомыхъ.

Выращивая молодыхъ ибисовъ, ихъ пробовали кормить сырымъ мясомъ, и они ѣли этотъ кормъ съ большимъ удовольствіемъ. О голодѣ своемъ они заявляли своеобразнымъ крикомъ, который можно передать звуками „цик цик цик“ или „тирр тирр тирр“, причемъ шея у нихъ дрожала, и они сильно хлопали крыльями, словно желая придать такимъ способомъ больше вѣсу своему крику. Уже спустя нѣсколько дней ибисы брали предлагаемую имъ пищу изъ рукъ, а спустя недѣлю ѣли уже все съѣдобное. Хлѣбъ они всегда тащили въ воду, откуда всего охотнѣе брали кормъ, обыскивая воду на подобіе утокъ.

Съ перваго дня своей неволи молодые священные ибисы вели себя тихо, серьезно и обнаруживали понятливость; съ теченіемъ времени они становились ручными и довѣрчивыми, приходили на зовъ и слѣдовали за своимъ хозяиномъ по всѣмъ комнатамъ дома. Эти птицы имѣютъ крайне своеобразную привычку ложиться на мягкіе предметы. Если выносили на дворъ сплетенныя изъ кожаныхъ ремней упругія постели, какія употребляются въ Суданѣ, то спустя нѣкоторое время на нихъ навѣрное можно было застать ибисовъ, лежавшихъ плашмя на животѣ, вытянувъ ноги назадъ. При этомъ они, повидимому, чувствовали себя прекрасно и не вставали, если къ нимъ кто-нибудь приближался.

Во времена древнихъ египтянъ эти священныя птицы, вѣроятно, размножались въ полуприрученномъ состояніи; теперь онѣ при хорошемъ уходѣ также не особенно рѣдко размножаются въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

Въ Суданѣ ибиса не преслѣдуютъ, хотя мясо у него вкусное. Впрочемъ, пойманнаго случайно ибиса туземцы охотно съѣдаютъ, а свободные негры вырываютъ у него его расщепленныя перья, которыя служатъ головнымъ украшеніемъ воиновъ этихъ племенъ.

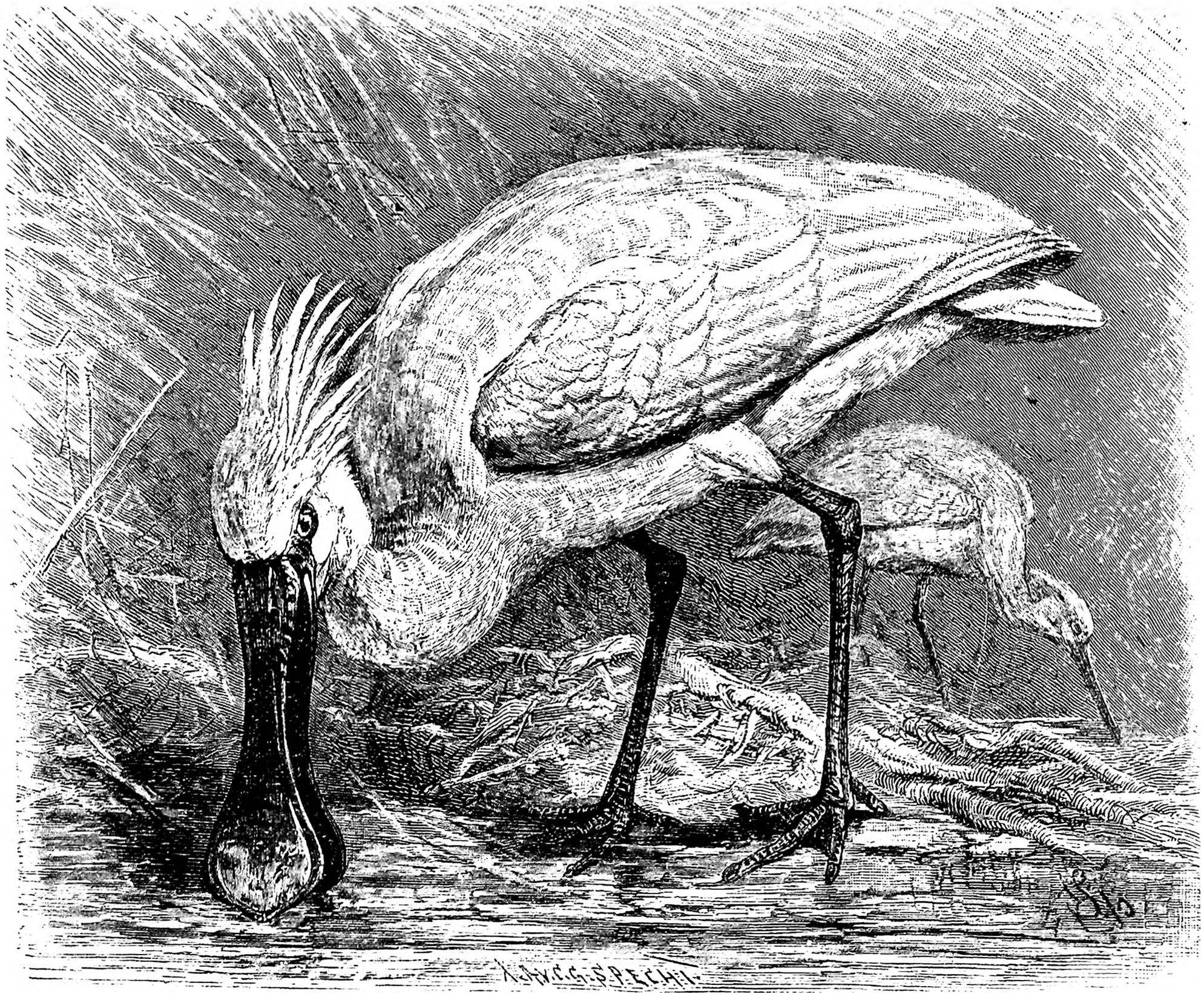
Цапли-колпицы (Plataleinae) составляютъ второе подсемейство ибисовыхъ птицъ, распространенное по обѣимъ половинамъ земного шара; птицы эти крупнѣе и сильнѣе ибисовъ. Клювъ у нихъ длинный, довольно прямой, низкій, спереди чрезвычайно уплощенный и расширенный въ видѣ лопаты; закругленный конецъ надклювья приподнятъ въ видѣ небольшого когтя. Окраска оперенія обыкновенно бываетъ очень однообразная и не мѣняется въ зависимости отъ пола, возраста и времени года.

*

Въ Голландіи, въ придунайскихъ низменностяхъ, въ южной Европѣ, во всей средней Азіи, даже еще въ средней Индіи, а также на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ живетъ и размножается колпица (Platalea leucerodia, рис. на стр. 794). Кромѣ желтоватой полосы вокругъ головы, она чисто-бѣлаго цвѣта; глаза у нея карминово-красные, клювъ черный, кончикъ клюва желтый, ноги черныя, глазное кольцо желтовато-зеленое, горло зеленовато-желтое. Длина 80 см.

Въ Индіи и вообще въ южной Азіи и въ Египтѣ колпица, вѣроятно, принадлежитъ къ числу осѣдлыхъ птицъ; въ болѣе сѣверныхъ странахъ она по-

является одновременно съ аистами, т. е. въ мартѣ и въ апрѣлѣ и снова улетаетъ въ августѣ и въ сентябрѣ. Днемъ колпицы странствуютъ въ видѣ длиннаго ряда, но, повидимому, не особенно торопятся, а во время пути останавливаются вездѣ, гдѣ находятъ себѣ пропитаніе. Мѣстомъ кормежки колпицѣ служатъ, собственно говоря, илистые края береговъ разныхъ водъ. Здѣсь она бродитъ, большею частью по водѣ, размѣренными шагами, разыскивая кормъ, низко опустивъ верхнюю часть тѣла, поводя постоянно клювомъ изъ стороны въ сторону и обыскивая такимъ образомъ воду и илъ на подобіе шилоклювки. Отъ летящей цапли колпица отличается тѣмъ, что всегда прямо вытягиваетъ шею, а отъ летящаго аиста

Колпица (Platalea leucerodia). 1/5 естеств. велич.

тѣмъ, что чаще и быстрѣе машетъ крыльями. Крикъ колпицы, простой, пискливый звукъ, слышится рѣдко и только на недалекомъ разстояніи. Въ характерѣ и образѣ дѣйствія колпицы мало общаго съ цаплями и аистами. Колпица принадлежитъ къ числу осторожныхъ и умныхъ птицъ, умѣющихъ приспособляться къ обстоятельствамъ и взвѣшивать ихъ по достоинству; она сравнительно довѣрчива тамъ, гдѣ ей нечего бояться, но чрезвычайно боязлива во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вообще преслѣдуютъ болотныхъ птицъ. Между собою колпицы живутъ въ высшей степени общительно и мирно. Подобно большинству голенастыхъ, колпица также принадлежитъ къ дневнымъ птицамъ; въ лунныя же ночи она охотно выходитъ поискать себѣ немного пищи.

Главный предметъ ея поживы составляютъ, по всей вѣроятности, рыбы. Она можетъ проглотить рыбъ длиною въ 10—15 см., очень ловко схватываетъ ихъ клювомъ, вертитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не примутъ надлежащаго положенія, т. е., головою впередъ, и затѣмъ проглатываетъ. На

ряду съ этимъ безъ сомнѣнія поѣдаются всѣ прочія мелкія водныя животныя, раки, раковины и улитки вмѣстѣ со своими домиками, земноводныя и т. д., а также насѣкомыя во всѣхъ стадіяхъ своего развитія.

Тамъ, гдѣ колпицы водятся во множествѣ, онѣ устраиваютъ поселенія и сооружаютъ на одномъ деревѣ столько гнѣздъ, сколько могутъ. Гнѣзда эти широки, неплотно и плохо сложены изъ сухихъ прутьевъ и стеблей тростника, а внутри устланы сухими листьями камыша, ситникомъ и метелками. Въ гнѣздо кладется 2—3, рѣже 4, сравнительно большихъ яицъ съ толстой скорлупой крупно-зернистаго строенія, безъ блеска и покрытыхъ по бѣлому фону множествомъ красновато-сѣрыхъ и желтыхъ пятенъ; впрочемъ, яйца колпицъ бываютъ весьма разнообразны.

Въ прежнія времена на колпицъ охотились; въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ еще производится охота ради ихъ съѣдобнаго, хотя и не особенно вкуснаго мяса.

Новѣйшія изслѣдованія отводятъ здѣсь мѣсто фламинговымъ птицамъ (Phoenicopteridae), которыхъ прежде причисляли къ плавающимъ птицамъ. Тѣло фламинговыхъ птицъ стройное, шея очень длинная, голова большая; клювъ нѣсколько длиннѣе головы, имѣетъ бо́льшую вышину, нежели ширину, но все-таки толстъ и, начиная съ середины, согнутъ подъ тупымъ угломъ; верхняя створка его гораздо меньше и у́же нижней и, что особенно замѣчательно, удивительно плоска, края же какъ надклювья, такъ и подклювья усажены зубчиками. Этотъ клювъ похожъ на табакерку, какія дѣлаются изъ раковинъ, причемъ подклювье соотвѣтствуетъ самой табакеркѣ, а надклювье крышкѣ. Надклювье при основаніи покрыто довольно мягкой кожей, на кончикѣ же оно твердо; въ подклювьи обѣ половинки нижней челюсти соединены мягкой восковицей. Ноги очень длинныя и тонкія, передніе три пальца соединены полными, хотя слегка вырѣзанными плавательными перепонками. Крылья средней длины, двѣнадцатиперый хвостъ коро́ткій, мелкое опереніе густое и плотное, очень мягкое и окрашенное въ замѣчательно красивые цвѣта.

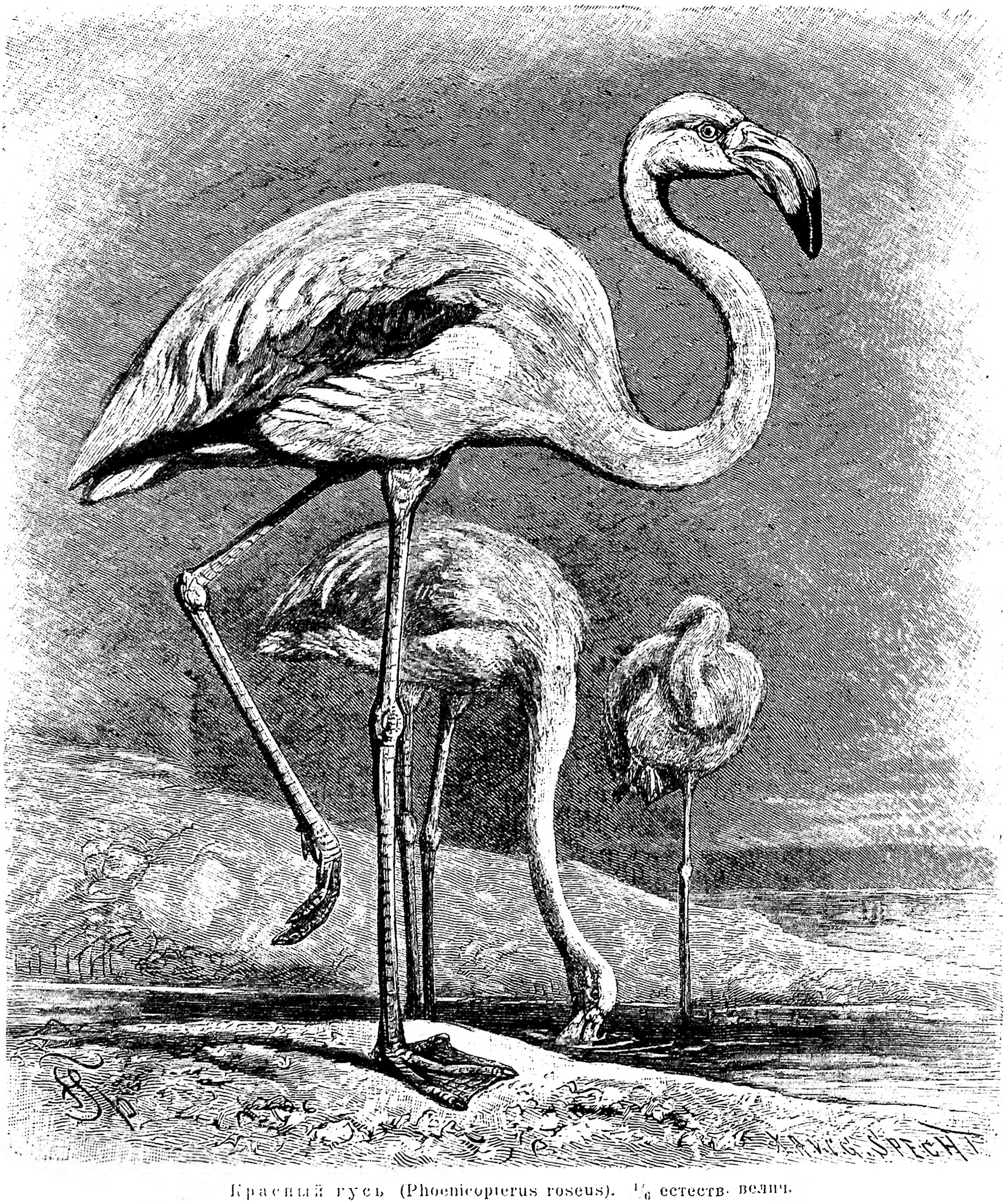
Семейство фламинговыхъ птицъ состоитъ только изъ одного рода и изъ шести видовъ, живущихъ въ Старомъ Свѣтѣ и въ Америкѣ.

Фламинго, или красный гусь (Phoenicopterus roseus, рис. на стр. 796), бѣлаго цвѣта, съ чрезвычайно нѣжнымъ и краси́вымъ розовымъ налетомъ, верхняя часть крыла карминово-красная; маховыя перья черныя. Глаза желтые, глазное кольцо карминово-красное, клювъ при основаніи розовый, на концѣ черный, ноги карминово-красныя. Длина 120—130 см. Самка значительно меньше. У молодыхъ птицъ все опереніе бѣлое, шея сѣрая, верхняя часть крыла въ крапинахъ. Лишь на третьемъ году одежда молодыхъ фламинго уподобляется одеждѣ старыхъ птицъ.

Родина фламинго — это страны вокругъ Средиземнаго и Чернаго морей. Отсюда эта птица распространяется къ югу по сѣверной части Краснаго моря, а съ другой стороны до острововъ Зеленаго мыса. Точно также онъ довольно правильно встрѣчается въ средней Азіи у большихъ озеръ и на морскихъ берегахъ южной Азіи. Со Средиземнаго моря онъ уже нѣсколько разъ залеталъ въ Германію. Въ мартѣ 1795 г. одинъ фламинго былъ у́битъ близъ Нейенбургскаго озера, въ 1728 г. на Старомъ Рейнѣ близъ Альцея; въ іюнѣ 1811 г. 27 штукъ появилось близъ Келя, изъ которыхъ 6 было у́бито; 25 іюня того же года видѣли нѣсколько фламинго пролетающими надъ Бамбергомъ; отъ 14—16 іюля двухъ фламинго наблюдали близъ Ширштейна. Всѣ эти заблудившіяся птицы были молодыя, вѣроятно, сбившіяся съ пути.

Всѣмъ мѣстамъ жительства фламинго предпочитаетъ озера, расположенныя невдалекѣ отъ морского берега съ соленой или солоноватой водою. На прѣсныя воды онъ заходитъ только случайно, живетъ близъ нихъ всегда недолго и снова исчезаетъ. Зато его часто можно видѣть на берегу моря, разумѣется только

на плоскихъ мѣстахъ, гдѣ онъ можетъ двигаться обыкновеннымъ способомъ. Фламинго причисляютъ къ бродячимъ птицамъ, но онъ переселяется съ мѣста на мѣсто, повидимому, такъ правильно, что какъ бы совершаетъ перелетъ. Фламинго улетаютъ въ Африку и прилетаютъ изъ Африки же; значитъ, вѣроятно, тѣ фламинго, которые зимою живутъ въ Италіи, выводятъ птенцовъ на прибрежныхъ

Красный гусь (Phoenicopterus roseus). 1/6 естеств. велич.

озерахъ южной части Средиземнаго моря. Здѣсь это осѣдлыя птицы, изъ году въ годъ обитающія на однихъ и тѣхъ же озерахъ.

Тотъ, кто видѣлъ въ сборѣ тысячи фламинго, придетъ въ такое же восхищеніе, какъ и прочіе наблюдатели, наслаждавшіеся этимъ грандіознымъ зрѣлищемъ. „Если утромъ изъ Кальяри смотрѣть по направленію озеръ“, говоритъ старикъ Четти (Cetti), „то они кажутся окруженными словно плотиной изъ красныхъ кирпичей, или наблюдателю представляется, что по нимъ плаваетъ множество красныхъ листьевъ. Но это на самомъ дѣлѣ фламинго, стоящіе тамъ рядами и своими ро-

зовыми крыльями вызывающіе этотъ обманъ зрѣнія. Въ болѣе чудныя краски никогда не облекалась богиня утренней зари, сады розъ Шеста не блистали такими великолѣпными цвѣтами, какъ украшеніе на крыльяхъ фламинго. Это яркій, огненный розовый цвѣтъ, цвѣтъ только что распустившихся розъ. По окраскѣ кроющихъ перьевъ крыла эта птица получила свое названіе у грековъ, римляне сохранили это названіе, и французы тоже имѣютъ въ виду огненно-красныя крылья птицы, называя ее „Flamant“ (пламенный).“ Никогда не забуду я перваго впечатлѣнія, произведеннаго на меня фламинго. Я глядѣлъ на обширное Мензальское озеро и видѣлъ передъ собою тысячи и тысячи этихъ птицъ, въ буквальномъ смыслѣ слова сотни тысячъ ихъ. Но глазъ былъ прикованъ къ длинной огненно-красной линіи удивительной, не поддающейся описанію красоты. Солнечные лучи озаряли ослѣпительно-бѣлыя и розовыя перья животныхъ, составлявшихъ эту линію, и оживляли великолѣпныя краски. Чѣмъ то спугнутая, масса вдругъ поднялась; изъ безпорядочной сутолоки, изъ живыхъ розъ, образовалась длинная, мощная стая, расположившаяся въ видѣ клина, какъ журавли, и вотъ огненная линія понеслась по синему небу. Это было восхитительное зрѣлище! Мало по малу птицы опять опустились внизъ и снова размѣстились по старому, такъ что опять казалось, что имѣешь передъ собою многочисленный отрядъ войска. Въ подзорную трубу видно, что фламинго не образуютъ линіи въ строгомъ смыслѣ этого слова, а стоятъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; издали же они кажутся расположенной въ большомъ порядкѣ арміей. Сингалезцы называютъ фламинго „англійскими солдатскими птицами“, южные американцы — прямо таки „солдатами“; А. Гумбольдтъ разсказываетъ, что жители Ангостураса однажды, вскорѣ послѣ основанія города, пришли въ величайшее смятеніе, замѣтивъ къ югу отъ своего города цапель и „солдатъ“. Они думали, что имъ грозитъ нападеніе индѣйцевъ, и хотя нѣсколько лицъ, знакомыхъ съ этимъ явленіемъ, выяснили дѣло, однако народъ вполнѣ не успокоился до тѣхъ поръ, пока птицы не поднялись на воздухъ и не понеслись по направленію къ устью р. Ориноко.

Подобныя общества почти боязливо избѣгаютъ мѣстъ, гдѣ имъ можетъ угрожать опасность. Рыбу фламинго ловятъ въ открытой водѣ, откуда во всѣ стороны можно озираться кругомъ и остерегаются главнымъ образомъ забираться въ чащу камыша. Лодки, направляющейся къ нимъ, они избѣгаютъ издалека; вообще все незнакомое, чуждое пугаетъ ихъ, и потому наблюдать жизнь фламинго на свободѣ нелегко. Ихъ можно видѣть изо дня въ день, все-таки не уяснивъ себѣ вполнѣ ихъ образа жизни, и наблюдать ихъ можно лишь при помощи хорошей подзорной трубы. Обыкновенно они стоятъ по пятки въ водѣ; рѣже они выходятъ на дюны или на песчаные острова, еще рѣже на тѣ, которые чѣмъ либо поросли. Какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ фламинго принимаютъ самыя странныя позы. Длинную шею они своеобразно извиваютъ и словно узломъ складываютъ на груди, затѣмъ голова отгибается на спину и прячется подъ плечевыми перьями крыла. При этомъ тяжесть тѣла несетъ одна нога, другая же или криво вытягивается назадъ, или складывается или притягивается къ животу. Въ такомъ положеніи фламинго обыкновенно спитъ; оно ему свойственно. При другомъ положеніи, свидѣтельствующемъ о полномъ бодрствованіи птицы, шея сгибается, какъ у цапель, въ видѣ буквы S, такъ что голова оказывается надъ самымъ затылкомъ. Только если испугать или какимъ-нибудь другимъ способомъ потревожить фламинго, то онъ поднимаетъ свою голову такъ высоко, какъ это только позволяетъ ему его длинная шея. Ловя рыбу, ходитъ онъ въ бродъ по водѣ и такъ низко сгибаетъ шею, что голова и ноги оказываются въ одной плоскости, словомъ, что клювъ, а именно подклювье, можетъ погружаться въ илъ. Такимъ образомъ фламинго обыскиваетъ дно воды, при этомъ двигается мелкими шагами взадъ и впередъ и то открываетъ, то закрываетъ клювъ, двигая при этомъ соотвѣтственнымъ образомъ языкомъ. Помощью осязанія все, попадающее въ клювъ, провѣряется и все употребляемое въ пищу отдѣляется отъ ненужнаго или, вѣрнѣе, процѣживается. Переступая съ ноги на ногу, фламинго взбудораживаетъ и приводитъ въ движеніе мелкихъ водныхъ животныхъ, которыми питается.

Полетъ кажется легкимъ послѣ того, какъ птицѣ удалось однажды подняться на воздухъ. Благодаря довольно быстрымъ взмахамъ крыльями, при полетѣ фламинго слышится такой же шорохъ, какой мы привыкли слышать при полетѣ гусей и утокъ; нѣкоторые наблюдатели находятъ сходство между шумомъ, производимымъ внезапно поднявшимся на воздухъ обществомъ фламинго, и громомъ. Голосъ фламинго — это грубый, хриплый звукъ „крак“ — карканье, издаваемое какъ будто съ трудомъ и лишенное всякаго благозвучія; оно отъ поры до времени смѣняется крикомъ, напоминающимъ гусиный, но болѣе высокимъ, а также крикомъ „крак“, похожимъ на звукъ при захлопываньи.

Фламинго питается мелкими водными животными, особенно одностворчатыми раковинами, которыя добываетъ, копаясь въ илѣ, разными червями, раками, мелкою рыбой и извѣстными растительными веществами. Плѣнныхъ фламинго можно нѣкоторое время вскармливать варенымъ рисомъ, моченой пшеницей, толченой ячменной крупой, размягченнымъ хлѣбомъ и кусочками тѣста, но для того, чтобы они чувствовали себя хорошо, имъ необходима нѣкоторая доля животной пищи. При такого рода смѣшанномъ кормѣ, фламинго, однажды привыкнувъ къ ней, выживаютъ въ неволѣ многіе годы. Слѣдуетъ замѣтить, что перья ихъ теряютъ нѣжный розовый налетъ, если ихъ въ теченіе долгаго времени кормить исключительно растительными веществами; если же давать имъ смѣшанную пищу приблизительно такого же рода, какъ пища, употребляемая ими на свободѣ, то красота ихъ оперенія возстановляется въ полной мѣрѣ.

Относительно размноженія фламинго и его родственниковъ до сихъ поръ еще собрано мало свѣдѣній. Факты, касающіеся вывода птенцовъ этими птицами, повидимому слѣдующіе: фламинго устраиваетъ себѣ гнѣздо среди самой воды на неглубокихъ мѣстахъ, а по увѣренію арабовъ, на островахъ, поросшихъ очень низкимъ кустарникомъ. Въ первомъ случаѣ гнѣздо представляетъ собою конусообразную кучу ила, который сгребается ногами, скрѣпляется, вѣроятно, водными растеніями и т. п. и нагромождается въ видѣ такой высокой кучи, что углубленіе гнѣзда находится на высотѣ 0,5 метра надъ поверхностью воды; во второмъ случаѣ гнѣздо представляетъ собою лишь неглубокую впадину, вырытую въ землѣ, въ которой находится тонкій слой камыша и листьевъ тростника. Яицъ кладется обыкновенно 2; они очень продолговатыя, большею частью съ неодинаковыми половинками, съ мягкой, мѣлообразной и гладкой скорлупой и имѣютъ видъ известково-бѣлыхъ. Фламинго высиживаетъ свои яйца, безъ сомнѣнія, сложивъ подъ собой ноги; однако, иногда онъ вытягиваетъ одну изъ своихъ ногъ назадъ и свѣшиваетъ ее изъ гнѣзда внизъ. Время высиживанья, какъ говорятъ, длится 30—32 дня, причемъ самка громкимъ крикомъ призываетъ самца смѣнить ее.

Для охоты на фламинго требуется крайняя осторожность. Днемъ эти пугливыя существа не подпускаютъ къ себѣ охотника даже на разстояніе выстрѣла; во время поисковъ пищи нѣсколько болѣе старыхъ птицъ стоятъ на часахъ и предупреждаютъ общество о приближеніи опасности. Ночью застигнуть ихъ врасплохъ легче. По словамъ арабовъ, ихъ можно ловить простымъ способомъ. Ночью между двумя барками протягиваютъ обыкновенныя рыбныя сѣти и направляютъ барки на стадо фламинго; испуганныя животныя взлетаютъ и запутываются въ сѣтяхъ, изъ которыхъ освобождаются лодочниками. Такимъ путемъ иногда можно поймать до 50-ти и болѣе штукъ. Еще болѣе страннымъ образомъ ловятъ фламинго рыбаки на Мензальскомъ озерѣ. Развѣдавъ въ точности, посредствомъ долгихъ наблюденій, гдѣ находится мѣсто ночлега стада фламинго, къ этому мѣсту крайне осторожно подплываютъ ночью на плотѣ, сооруженномъ изъ тростника, и стараются открыть сторожа. Сторожъ стоитъ прямо, между тѣмъ какъ прочіе спятъ, положивъ голову подъ крыло. Раздѣтый рыбакъ подплываетъ къ берегу и подкрадывается къ сторожу, частью подъ водою, частью надъ водою, прикрывшись пучкомъ осоки, которую онъ толкаетъ передъ собою, быстро схватываетъ птицу, сгибаетъ ея голову въ воду и сворачиваетъ ей шею; остальныхъ рыбаки берутъ руками, убиваютъ такимъ же образомъ и привязываютъ къ длинной веревкѣ.

На рынкахъ городовъ сѣвернаго Египта этихъ красивыхъ птицъ часто

можно видѣть дюжинами, такъ какъ мясо ихъ очень любятъ. Древніе писатели разсказываютъ, что римляне высоко цѣнили мясо фламинго, особенно же ихъ языки и мозги, и на своихъ пирахъ подавали цѣлыя блюда мозговъ фламинго.

Веслоногія птицы (Steganopodes) имѣютъ лишь отдаленное сходство съ только что описанными птицами; не только ноги, похожія на весла, но и все строеніе отличается отъ другихъ группъ этого подотряда.

Тѣло у нихъ продолговатое, шея средней длины, голова маленькая, клювъ разной формы и лишь въ томъ смыслѣ у всѣхъ одинаковый, что между обѣими нижними челюстями находится голая кожа, болѣе или менѣе мѣшкообразно расширяющаяся; ноги всегда съ короткой плюсной и длинными пальцами; плавательная перепонка связываетъ всѣ пальцы, чѣмъ ноги этихъ птицъ отличаются отъ ногъ всѣхъ остальныхъ; крылья длинныя и закругленныя или очень длинныя и острыя; хвостъ имѣетъ различную форму и отличается отъ хвоста другихъ плавающихъ птицъ.

Веслоногихъ также можно назвать обитателями моря, хотя только члены двухъ семействъ настолько похожи на морскихъ птицъ, что добровольно никогда не удаляются отъ моря. Прочія веслоногія забираются глубже внутрь страны и селятся въ подходящихъ мѣстахъ вдали отъ морского берега.

Можно сказать, что представители этого подотряда соединяютъ въ себѣ всѣ виды движеній плавающихъ птицъ. Между ними есть птицы, ныряющія съ размаху и ныряющія при плаваньи; летаютъ онѣ превосходно, иныя могутъ соперничать въ этомъ отношеніи съ морскими летунами; ходятъ веслоногія птицы плохо, но все-таки лучше многихъ другихъ плавающихъ птицъ и умѣютъ двигаться и по вѣтвямъ деревьевъ. Внѣшнія чувства у нихъ хорошо развиты, духовныя же ихъ способности довольно незначительны.

Гнѣздо помѣщается или на деревьяхъ, или въ щеляхъ камней, на выступахъ скалъ и на вершинахъ горъ, рѣже на островкахъ въ топяхъ и болотахъ. Гдѣ это сколько нибудь возможно, веслоногія птицы заставляютъ вмѣсто себя работать другихъ, по крайней мѣрѣ класть основаніе для своего гнѣзда, а затѣмъ уже отдѣлываютъ это гнѣздо по своему вкусу.

Веслоногія птицы уничтожаютъ поразительное количество рыбъ, и потому ихъ всѣхъ безъ исключенія пришлось бы причислить къ самымъ вреднымъ птицамъ, если бы онѣ не возвращали намъ своеобразнымъ способомъ поглощенныхъ ими морскихъ богатствъ. Имъ Перу обязано бо́льшею частью своихъ доходовъ; онѣ, можно сказать, создали многочисленный флотъ, ибо эти птицы даютъ гуано или птичье удобреніе — тѣ самыя „чистоплотныя птицы“, мирную задумчивость и великолѣпное пищевареніе которыхъ уже восхвалялъ Шеффель. Все ихъ значеніе для насъ основывается на ихъ прожорливости; онѣ уменьшаютъ количество рыбы во внутреннихъ водахъ и накопляютъ намъ богатства на пустынныхъ скалахъ. Другой пользы веслоногія птицы не приносятъ.

Первое семейство этихъ птицъ представляютъ собою бакла́новыя птицы (Phalacrocoracidae), самымъ многочисленнымъ подсемействомъ которыхъ являются бакланы. Тѣло у баклановъ очень продолговатое, но сильное и цилиндрическое, шея длинная или очень длинная, стройная или тонкая, голова маленькая, клювъ средней длины и загнутъ въ видѣ сильно изогнутаго крючка; ноги съ короткими плюснами, большими пальцами, съ боковъ сжатыя; крылья хотя длинныя, но съ тупыми концами вслѣдствіе того, что большія маховыя перья короткія, хвостъ, состоящій изъ 12—14 рулевыхъ перьевъ, средней длины или довольно длинный и слегка сводчатый.

Бакланы водятся во всѣхъ частяхъ свѣта и живутъ какъ на морѣ, такъ и на прѣсныхъ водахъ. Нѣкоторые виды обитаютъ на отдаленномъ сѣверѣ, большинство же ютится въ умѣренныхъ и жаркихъ поясахъ земного шара. Иные бакланы рѣдко удаляются отъ моря и селятся на скалистыхъ морскихъ островахъ,

другіе живутъ въ болотахъ и топяхъ, изобилующихъ тростникомъ и лѣсомъ, на рѣчныхъ озерахъ и т. п. водахъ и лишь въ видѣ исключенія забираются на морской берегъ. Вдоль большихъ рѣкъ они заходятъ глубоко внутрь суши, вообще любятъ бродить, но въ пору вывода пребываютъ на одномъ мѣстѣ. Сѣверные виды правильно странствуютъ, прочіе бродятъ.

Изъ веслоногихъ птицъ бакланы самые совершенные нырцы, но и въ другихъ отношеніяхъ они не могутъ быть названы неловкими. По ровной поверхности земли они двигаются довольно неумѣло и ковыляютъ, въ древесныхъ вѣтвяхъ двигаются удивительно ловко, летаютъ быстрѣе, чѣмъ кажется, такъ какъ полетъ имѣетъ такой видъ, что утомляетъ птицу. Онѣ пребываютъ сколько возможно въ водѣ и плаваютъ и ныряютъ съ такимъ искусствомъ и выдержкой, что поражаютъ наблюдателя. Относительно прочихъ ихъ свойствъ можно мало сказать лестнаго. Они проницательны, умны, понятливы, хитры, но сварливы, драчливы, злы и коварны въ высшей степени, живутъ, правда, между собою въ ладу, но только потому, что всякое нападеніе встрѣчаетъ одинаково отчаянный отпоръ: бакланы скверно обращаются со всѣми прочими птицами или, по крайней мѣрѣ, стараются ихъ мучить и тиранить.

Всѣ бакланы ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока въ силахъ ѣсть, и даже съ полнымъ желудкомъ жадно кидаются на добычу, если она попадется имъ на глаза. Благодаря растяжимости своего пищевода, они могутъ проглатывать очень крупныхъ рыбъ; но рыбы эти невѣроятно скоро перевариваются, и тогда желудокъ требуетъ новой пищи. Въ тѣхъ странахъ, которыя подчинилъ своей власти человѣкъ, бакланов терпѣть нельзя, такъ какъ они наносятъ очень значительный вредъ разведенію рыбъ.

Всѣ виды разсматриваемаго подсемейства выводятъ потомство въ обществѣ и всегда устраиваютъ поселенія, въ которыхъ насчитывается до нѣсколькихъ тысячъ паръ. Гнѣзда помѣщаются или на скалистыхъ островахъ, въ разсѣлинахъ утесовъ, въ углубленіяхъ, на выступахъ и т. д. или на деревьяхъ, причемъ до 40 или до 50 паръ гнѣздится на одномъ и томъ же деревѣ. Если бакланы принуждены бываютъ сами сооружать себѣ гнѣзда, то они сносятъ въ безпорядкѣ толстые прутья, внутри же незатѣйливо нагромождаютъ камышъ и другія травы, которыхъ никогда не держатъ сухими, напротивъ, внутри гнѣздо бываетъ настолько мокрое, что яйца прямо таки лежатъ въ грязи. Яйца, числомъ 2—4, сравнительно очень мелки, продолговаты, съ крѣпкой зеленовато-бѣлой скорлупой безъ пятенъ, покрытой неплотно прилегающей къ ней известковой или мѣловой оболочкой. Оба супруга сидятъ на яйцахъ поочередно и при томъ высиживаютъ усердно или, вѣрнѣе, настойчиво, и сообща занимаются также воспитаніемъ своихъ птенцовъ. Птенцы вылупляются почти голыми, впослѣдствіи облекаются въ короткій темный пухъ, а выросши наполовину, покрываются перьями; молодыя птицы долго остаются въ гнѣздѣ, затѣмъ вмѣстѣ со старыми отправляются на воду; здѣсь родители обучаютъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а затѣмъ предоставляютъ самимъ себѣ.

Плѣнные бакланы доставляютъ удовольствіе разнообразіемъ принимаемыхъ ими положеній, такъ какъ каждой птицѣ свойственны особыя позы; они нравятся человѣку своею неутомимостью и рѣзвостью, хитростью, съ какою они охотятся на все живое и съѣдобное; при хорошемъ уходѣ бакланы размножаются въ неволѣ, но держать ихъ станетъ развѣ только любитель, который не пожалѣетъ довольно значительныхъ расходовъ на содержаніе этихъ птицъ.

*

Большой бакланъ, или корморанъ (Phalacrocorax carbo рис. на стр. 802)—самый извѣстный и, быть можетъ, самый распространенный видъ рода бакла новъ. Верхняя часть головы, шея, трудь, животъ и нижняя часть спины у него блестящаго черновато-зеленаго цвѣта съ мягкимъ металлическимъ блескомъ; передняя часть спины и крылья буроватыя съ бронзовымъ блескомъ и кажутся чешуйчатыми, благодаря тому, что перья снабжены болѣе темными каемками; маховыя и рулевыя перья черныя; бѣлое пятно, начинающееся позади глаза, окружаетъ горло, другое

кругловатое пятно замѣчается въ паху. Глаза цвѣта морской волны, клювъ черный. Длина 81—92 см.

Начиная съ средней Норвегіи, большой бакланъ водится во всей Европѣ, а зимою въ изумительномъ количествѣ встрѣчается въ Африкѣ; кромѣ того, онъ часто обитаетъ въ средней Азіи, а также въ сѣверной Америкѣ, отсюда залетаетъ въ Вестъ-Индію, а изъ средней Азіи въ южную.

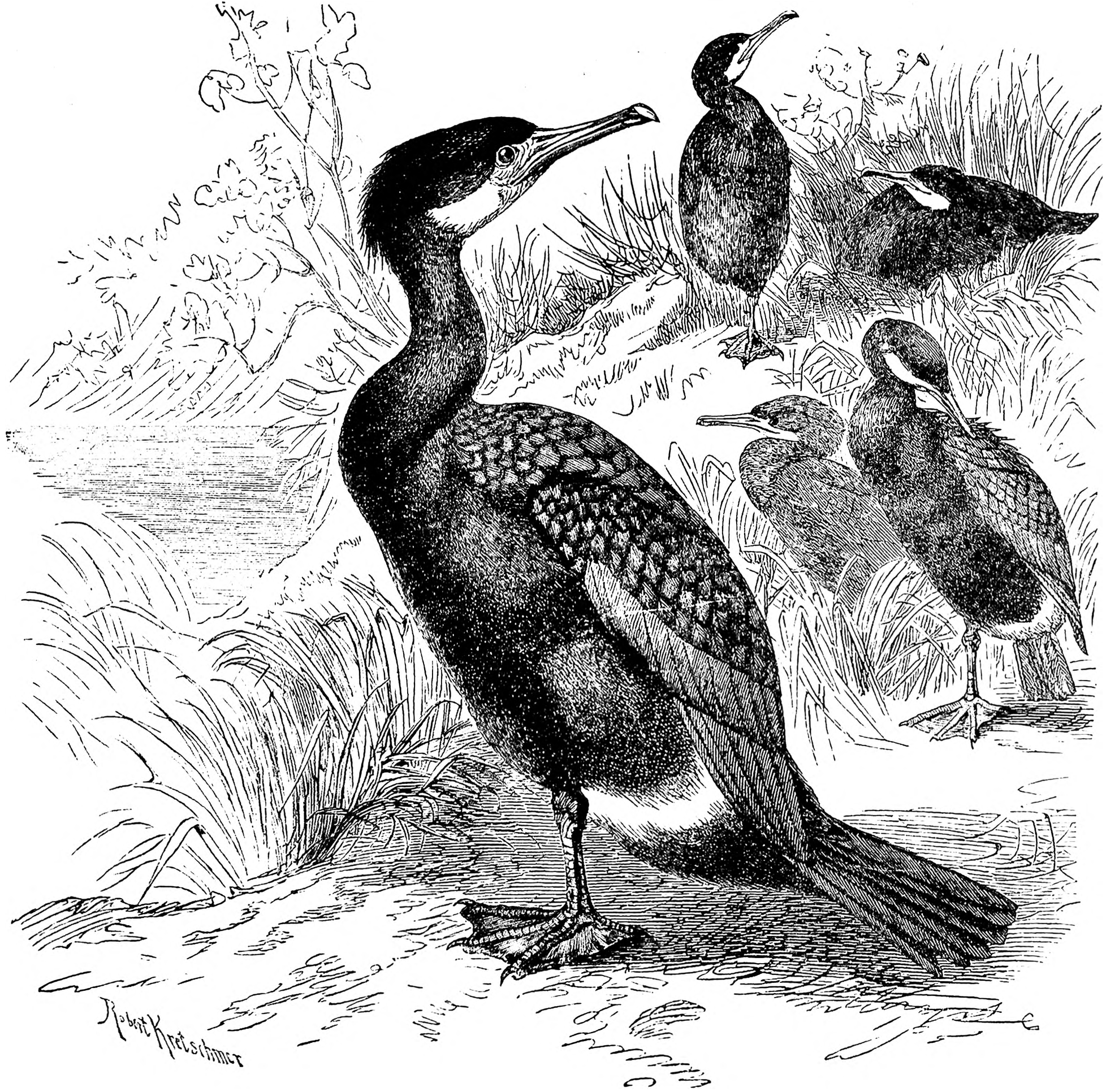
Живетъ большой бакланъ на морѣ и на прѣсныхъ водахъ, смотря по расположенію данной мѣстности. Его всегда можно найти близъ большихъ рѣкъ, окаймленныхъ лѣсами; эта назойливая и дерзкая птица селится даже вблизи человѣческихъ поселеній, и человѣку лишь съ большимъ трудомъ удается изгнать ее изъ своего сосѣдства. Извѣстны примѣры, что большіе бакланы появлялись среди города и усаживались отдыхать на церковную колокольню. Еще въ бо́льшемъ количествѣ водятся они на берегу моря, но только въ извѣстныхъ мѣстахъ, а именно тамъ, гдѣ берегъ скалистый и мало доступный, или же тамъ, гдѣ онъ окруженъ вѣнцомъ шхеръ. Въ не меньшемъ числѣ собираются они зимою на берегахъ южныхъ морей.

Большіе бакланы очень общительны и потому обыкновенно держатся бо́льшими или меньшими стаями. Въ утренніе часы они съ великимъ рвеніемъ предаются рыбной ловлѣ, въ послѣобѣденные часы отдыхаютъ и перевариваютъ пищу; подъ вечеръ большіе бакланы снова предпринимаютъ охоту на рыбъ; на закатѣ солнца они ложатся спать. Для ночлега они избираютъ внутри страны высокія деревья, стоящія на рѣчныхъ или озерныхъ островахъ, тѣ самыя деревья, на которыхъ выводятъ свое потомство, на морѣ же ночуютъ на скалистыхъ островахъ, откуда могутъ озирать окрестность, откуда легко могутъ улетать и куда безъ труда могутъ прилетать. Такіе острова уже издали можно узнать по бѣлому покрову птичьяго помета, оставляемаго на нихъ большими бакланами, и этотъ пометъ могъ бы и намъ служить въ качествѣ гуано, если бы у насъ было меньше дождя и было бы тропическое солнце, которое сушитъ это птичье удобреніе подъ перуанскимъ небомъ. Такое излюбленное мѣстопребываніе баклановъ на морѣ всегда привлекаетъ къ себѣ вниманіе мореплавателей или путешественниковъ; особенно же интересенъ подобный островъ, когда онъ бываетъ покрытъ бакланами. Расположившись рядами, вродѣ отряда солдатъ, они въ живописныхъ позахъ сидятъ на зубцахъ скалъ, всѣ обратившись къ морю въ одномъ направленіи; но лишь немногіе изъ нихъ сидятъ неподвижно, ибо большинство птицъ двигаетъ или шеей и головой, или же крыльями и хвостомъ. Маханіе и хлопаніе крыльями иногда продолжается въ теченіе цѣлыхъ четвертей часа и, повидимому, имѣетъ цѣлью высушить основательно всѣ перья; ибо впослѣдствіи птица грѣется на солнышкѣ, не шевеля крыльями. На такихъ мѣстахъ отдыха каждый отдѣльный бакланъ сидитъ на одномъ мѣстѣ уже по той простой причинѣ, что ему трудно ходить. Если мы на лодкѣ приближаемся къ скалистому морскому острову, гдѣ сидятъ сотни баклановъ, то сначала увидимъ, какъ птицы начинаютъ вытягивать шеи и двигать головой, затѣмъ безпомощно ковыляютъ взадъ и впередъ и, наконецъ, обращаются въ бѣгство. Но лишь немногія птицы поднимаются на воздухъ и улетаютъ, хлопая крыльями; большинство же прыгаютъ, почти какъ лягушки, въ море, ныряютъ и снова появляются на поверхности воды какъ можно дальше отъ того мѣста, гдѣ онѣ нырнули, устремляютъ свои умные зеленые глаза на лодку и въ случаѣ необходимости ныряютъ еще разъ, пока не достигнутъ желаемой безопасности.

Бакланы плаваютъ подъ водою такъ быстро, что лучшая лодка съ сильными гребцами не можетъ ихъ догнать, ныряютъ подолгу и глубоко опускаются, на мгновеніе показываются на поверхности, быстро дышатъ и снова исчезаютъ. Преслѣдуя добычу, они вытягиваются и гребутъ, далеко занося ноги и загребая ими воду такъ сильно, что тѣло ихъ, какъ стрѣла, несется по водѣ.

О способности корморановъ къ развитію свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что эти птицы дрессируются китайцами для рыбной ловли и своей работой вполнѣ удовлетворяютъ хозяина. Молодыхъ птицъ уже рано берутъ на воду и

тщательно обучаютъ; онѣ по приказанію хозяина прыгаютъ въ воду, ныряютъ и приносятъ пойманную рыбу въ лодку. „При высокомъ уровнѣ воды“, разсказываетъ Дулитль, „мосты въ Фу-чау бываютъ усѣяны зрителями, слѣдящими за подобной ловлей рыбы. Рыбакъ стоитъ на бамбуковомъ плоту, шириною приблизительно въ 1 метръ, а длиною въ 5—6 метровъ, приводимомъ въ движеніе при помощи одного весла. Желая заставить корморановъ ловить рыбу, рыбакъ толкаетъ или бросаетъ ихъ въ воду; если они не тотчасъ ныряютъ, то онъ ударяетъ по

Большой баклань (Phalacrocorax carbo). 1/5 естеств. велич.

водѣ весломъ, пока онѣ не исчезнутъ въ глубинѣ. Какъ только баклань поймаетъ рыбу, онъ появляется на поверхности, неся свою добычу въ клювѣ, причемъ имѣетъ намѣреніе просто проглотить ее; но этому мѣшаетъ свободно обвязанный вокругъ шеи птицы шнурокъ или металлическое кольцо, и потому баклань волей-неволей подплываетъ къ плоту. Рыбакъ какъ можно скорѣе подбѣгаетъ къ баклану, чтобы завладѣть его добычей, ибо иногда, особенно если поймана большая рыба, начинается формальная борьба между разбойникомъ и его жертвой. Если рыбакъ находится достаточно близко, то онъ накидываетъ сѣтчатый мѣшокъ, прикрѣпленный къ шесту, на баклана и притягиваетъ его на плотъ, затѣмъ отнимаетъ у него рыбу и въ награду даетъ ему немного корму, снявъ съ него кольцо и давъ ему такимъ образомъ возможность глотать. Послѣ

этого рыбакъ даетъ баклану немного отдохнуть и снова посылаетъ его на работу.“

На внутреннихъ водахъ баклановъ терпѣть невозможно, такъ какъ они страшно истребляютъ рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ. Въ морѣ бакланъ питается, вѣроятно, только рыбою, во внутреннихъ же частяхъ суши онъ преслѣдуетъ также низшихъ позвоночныхъ животныхъ. Въ вѣнскомъ зоологическомъ саду было замѣчено, что тамошніе бакланы научились ловить ласточекъ: въ жаркіе лѣтніе дни бакланы лежали на водѣ, глубоко погрузивъ въ нее тѣло, отогнувъ голову назадъ и разинувъ клювъ, и подстерегали снующихъ взадъ и впередъ ласточекъ; выждавъ благопріятный моментъ, бакланы вдругъ вытягивали шею, схватывали ничего не подозрѣвающую ласточку, прежде чѣмъ она успѣвала замѣтить опасность, сильнымъ сдавливаніемъ створками клюва убивали ее и проглатывали. На Фарерскихъ островахъ баклановъ терпѣть не могутъ, такъ какъ они нападаютъ даже на ягнятъ, выѣдаютъ куски мяса у живыхъ ягнятъ и, наконецъ, убиваютъ ихъ.

Корморапы предпочитаютъ сооружать свои гнѣзда на деревьяхъ, но въ случаѣ крайности довольствуются углубленіями на выступахъ скалъ и т. п. мѣстами. Обыкновенно бакланы, способные къ размноженію, появляются въ апрѣлѣ, и уже въ концѣ этого мѣсяца кладутъ 3—4 маленькихъ, изящныхъ яйца съ крѣпкой скорлупой, окрашенныхъ въ голубовато-зеленый цвѣтъ и покрытыхъ известковымъ налетомъ; яйца высиживаются обоими родителями поочередно въ теченіе приблизительно 4-хъ недѣль, и оба родителя сообща вскармливаютъ свое потомство. Молодыя птицы, получая болѣе чѣмъ обильный кормъ, сравнительно быстро выростаютъ; старики очень любятъ ихъ, но не защищаютъ ихъ отъ грозящей имъ опасности, по крайней мѣрѣ, отъ человѣка.

Охота на кормораповъ и вообще на баклановъ не всегда бываетъ легка, такъ какъ птицы эти такъ смышлены и осторожны, что охотникъ долженъ прилагать къ дѣлу всю свою хитрость. Легче убивать этихъ птицъ подъ деревомъ, куда они слетаются на ночлегъ, а еще легче, разумѣется, близъ гнѣзда.

Змѣешейки (Plotus) характеризуются очень продолговатымъ тѣломъ, чрезвычайно длинной, тонкой шеей, маленькой плоской головой и длиннымъ, прямымъ, слабымъ, веретенообразнымъ, очень острымъ клювомъ.

*

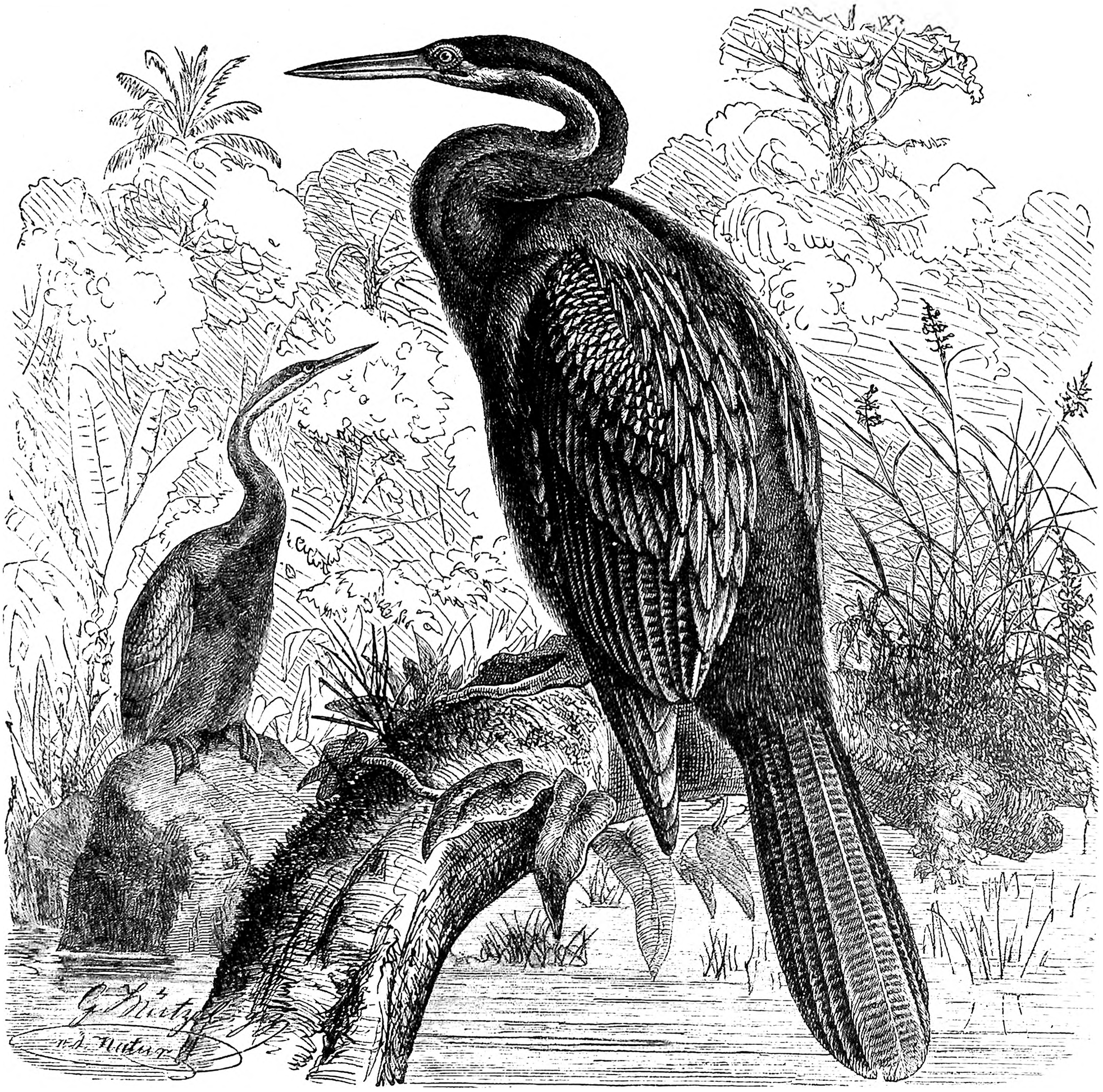
Африканская змѣешейка (Plotus levaillantii, рис. на стр. 804) окрашена главнымъ образомъ въ черный цвѣтъ съ зеленымъ металлическимъ блескомъ; спину и кроющія перья крыла очень красятъ широкія серебристо-бѣлыя полосы на серединѣ перьевъ; шея у этой птицы ржаваго цвѣта; полоска, начинающаяся около глаза и тянущаяся вдоль шеи, черно-бураго цвѣта, другая полоска подъ первой бѣлая. Глаза металлическаго или красновато-желтаго цвѣта, голое мѣсто на головѣ желтовато-зеленое, клювъ рогового цвѣта, ноги зеленовато-сѣрыя. Длина 86 см.

Африканская змѣешейка водится въ Африкѣ и здѣсь встрѣчается на всѣхъ водахъ къ югу отъ 15-го градуса широты до Капланда. Американской представительницей змѣешеекъ является американская змѣешейка (Plotus anhinga).

Змѣешейки живутъ на рѣкахъ, озерахъ и болотахъ, вблизи которыхъ есть деревья, всего же охотнѣе на водахъ, окружающихъ изобилующіе деревьями острова. Съ деревьевъ онѣ слетаютъ утромъ, начиная свою охоту, и на деревья возвращаются для ночлега или для отдыха; на деревьяхъ обыкновенно помѣщаются ихъ гнѣзда. Правда, иногда обстоятельства заставляютъ змѣешеекъ, какъ и баклановъ, отдыхать на скалахъ, но это бываетъ лишь въ томъ случаѣ, если кругомъ мало деревьевъ.

Трудно было бы подыскать для этихъ птицъ болѣе подходящее названіе, чѣмъ данное имъ прозвище змѣешеекъ. Шея ихъ дѣйствительно имѣетъ сходство со змѣею: она не только окрашена вродѣ змѣи, но вродѣ змѣи также двигается. Когда птица, ныряя, плаваетъ между поверхностью и дномъ воды, она сама стано-

вится чрезвычайно похожей на змѣю, и когда она должна защищаться или хочетъ напасть на врага, то высовываетъ свою шею съ быстротой, напоминающей нападеніе гадюки. Всѣ змѣешейки великолѣпные пловцы, еще болѣе совершенные нырцы. Бакланы по сравненію съ ними кажутся неуклюжими. Тамъ, гдѣ змѣешейки могутъ спокойно охотиться и чувствуютъ себя въ полной безопасности, онѣ плаваютъ по поверхности воды, до половины погрузивъ тѣло въ воду; но, увидѣвъ человѣка или какое-нибудь опасное животное, онѣ погружаются такъ глубоко, что изъ воды

Африканская змѣешейка (Plotus levaillantii). 1/4 естеств. велич.

высовывается только ихъ тонкая голова. Такимъ способомъ змѣешейка очень легко скрывается отъ постороннихъ взоровъ; можно пройти мимо этой птицы, не замѣтивъ ея, хотя бы она двигалась по открытой водной поверхности, а среди камыша, кустарника и т. п. она, если хочетъ, можетъ скрыться отъ самаго зоркаго глаза. Разстоянія, превышающія 60 метровъ, змѣешейка проплываетъ менѣе, чѣмъ въ минуту; повидимому, она гораздо быстрѣе плаваетъ подъ водою, нежели на поверхности воды. Походка у нея ковыляющая, но сравнительно быстрая; на вѣтвяхъ деревьевъ змѣешейка обнаруживаетъ ловкость, которую трудно въ ней заподозрить, такъ какъ она не только удерживается на сучьяхъ, но можетъ ходить по нимъ взадъ и впередъ; въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ ей приходится поддерживать равновѣсіе, растопыривая крылья и иногда опираясь на клювъ. Полетъ ея

такъ похожъ на полетъ баклановъ, что обѣихъ этихъ птицъ легко можно смѣшать.

Змѣешейки ловятъ рыбу на манеръ баклановъ, ныряя съ поверхности воды въ глубину; быстро гребя подъ водою, онѣ догоняютъ рыбу и схватываютъ ее, быстро вытягивая шею. Пищи этимъ птицамъ нужно очень много, такъ какъ онѣ очень прожорливы. Правда, змѣешейки, подобно другимъ хищнымъ птицамъ и птицамъ, питающимся рыбою, могутъ иногда цѣлые дни оставаться безъ корму; но обыкновенно имъ не приходится налагать на себя такого поста, и онѣ могутъ давать полную волю своему аппетиту.

Птенцовъ змѣешейки высиживаютъ на деревьяхъ. Ихъ гнѣзда, сооруженныя изъ сухого хвороста, устраиваются по 4—8 на высокомъ деревѣ, по возможности омываемомъ водою, и очень похожи на гнѣзда цапель. Въ гнѣздо, какъ говорятъ, кладется 3—4 свѣтло-зеленыхъ яйца, покрытыхъ известковымъ налетомъ, а высиживанье птенцовъ въ общемъ происходитъ такъ же, какъ у баклановъ.

Неволю змѣешейки, при нѣкоторомъ уходѣ, выносятъ такъ же хорошо, какъ бакланы, очень скоро становятся также до извѣстной степени ручными и, если были взяты молодыми, обнаруживаютъ искреннюю привязанность къ человѣку.

Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. мало посѣщаемыхъ людьми, змѣешейки такъ мало пугливы, что охота на нихъ врядъ-ли связана съ какими нибудь трудностями. Охотники стараются выслѣдить, на какія деревья птицы собираются ночевать, послѣ обѣда становятся подъ этими деревьями и выжидаютъ прибытія птицъ. Послѣ выстрѣла всѣ птицы, оставшіяся въ живыхъ, словно мертвыя, кидаются въ воду, ныряютъ и лишь тамъ и сямъ выставляютъ свою шею надъ поверхностью, а затѣмъ все-таки обыкновенно выбираютъ себѣ такія мѣста, гдѣ онѣ по возможности скрыты камышомъ и вѣтвями.

У подсемейства олушевыхъ (Sulinae) клювъ длиннѣе головы и сзади составленъ изъ верхняго и нижняго слоя, такъ что кажется, будто онъ сложенъ изъ трехъ частей.

*

Олушь, или глупышъ (Sula bassana), вся бѣлая, за исключеніемъ буровато-черныхъ маховыхъ перьевъ, верхняя часть головы и задняя часть шеи у нея съ желтоватымъ налетомъ; у молодыхъ птицъ верхняя сторона буровато-черная съ бѣлыми пятнами, нижняя сторона по свѣтлому фону покрыта болѣе темными пятнами и точками. Глаза желтые, клювъ синеватый, ноги зеленыя, голая кожа на горлѣ черная. Длина всей птицы 98 см., длина хвоста 26 см.

Олушь водится во всѣхъ моряхъ сѣвернаго полушарія, начиная съ 70-го градуса сѣверной широты къ югу почти вплоть до тропика. Летаетъ олушь мастерски; плавать она рѣшается рѣже, быть можетъ лишь для того, чтобы въ теченіе короткаго времени немного отдохнуть, а на сушу выходитъ, внѣ періода высиживанья, только для того, чтобы спать. Уже стоять для нея, повидимому, утомительно, по крайней мѣрѣ въ стоячемъ положеніи олушь имѣетъ видъ въ высшей степени безпомощный; походку ея почти что нельзя назвать ковыляньемъ, и плаваетъ эта птица далеко не великолѣпно, несмотря на свои мощныя весла. Полетъ у нея своеобразный, менѣе красивый, чѣмъ у буревѣстниковъ и у другихъ длиннокрылыхъ птицъ, хотя все-таки превосходный. Какъ настоящій нырецъ съ размаху, олушь добываетъ себѣ пищу только летая, низвергается съ извѣстной высоты въ воду, куда погружается съ такой силой, что иногда разбиваетъ себѣ голову о подводные камни. Голосъ ея состоитъ изъ краткихъ, отрывистыхъ, каркающихъ звуковъ, которые можно приблизительно передать слогами „раб раб раб“. Молодыя птицы, какъ говорятъ, отвратительно визжатъ.

Олуши не имѣютъ случая узнать человѣка и часто держатъ себя по отношенію къ нему такъ, что поистинѣ оправдываютъ свое названіе „глупыша“; внѣ моря онѣ совершенно теряютъ голову и затѣмъ, хотя и не безъ нѣкотораго сопротивленія,

дають продѣлывать надъ собою многое; повидимому и продолжительное преслѣдованіе со стороны человѣка не научаетъ ихъ уму-разуму. Къ другимъ птицамъ олуши относятся со злобою и больно кусаютъ ихъ, а въ большихъ обществахъ этихъ птицъ драки и укушенія происходятъ безпрерывно. Ихъ сильный клювъ представляетъ собою такое ужасное оружіе, что имъ нечего бояться какой-нибудь другой морской птицы; впрочемъ, говорятъ, что фрегаты и поморники пугаютъ олушей и заставляютъ ихъ изрыгать проглоченную пищу.

Увидѣвъ однажды олушей на мѣстахъ ихъ высиживанья, можно понять, что онѣ способны создавать цѣлыя горы гуано. „Стаи ихъ омрачаютъ солнечный свѣтъ, а голоса ихъ оглушаютъ тѣхъ, кто приближается къ мѣстамъ высиживанья.“ На островахъ, гдѣ онѣ высиживаютъ птенцовъ, олуши появляются около конца апрѣля и покидаютъ ихъ снова приблизительно въ октябрѣ. Гнѣзда свои онѣ устраиваютъ совсѣмъ рядомъ одно съ другимъ, такъ что во многихъ мѣстахъ между ними нельзя пробраться. Первыя гнѣзда, сооруженныя олушами, очень велики, позднѣйшія-же малы, такъ какъ пары, прибывшія напослѣдокъ, просто должны довольствоваться мѣстами, оставшимися между гнѣздами птицъ, прибывшихъ раньше. Стѣнки гнѣзда образованы изъ всевозможныхъ травъ, растущихъ на сушѣ и въ морѣ и нагроможденныхъ безъ всякаго порядка. Каждая самка кладетъ только одно сравнительно небольшое яйцо съ известковымъ налетомъ, которое вначалѣ кажется бѣлымъ, но во время высиживанья окрашивается строительными матеріалами гнѣзда въ грязный желтовато-бурый цвѣтъ. На островѣ св. Кильды ежегодно производится настоящая охота на молодыхъ олушей, которая въ концѣ концовъ принимаетъ характеръ безпорядочнаго избіенія. Убитыхъ птицъ бросаютъ съ высоты въ море, тамъ укладываютъ въ лодку и привозятъ въ Эдинбургъ на рынокъ, гдѣ всегда находятся охотники покупать ихъ.

Самые крупные и замѣтные члены разсматриваемой группы это пеликановыя птицы (Pelecanidae). Онѣ характеризуются прежде всего огромнымъ, своеобразнымъ, имъ только присущимъ клювомъ, который состоитъ, такъ сказать, изъ мѣшка и изъ покрывающей его крышки и играетъ роль сачка. Мѣшокъ образуется изъ подклювья, крышку же составляетъ надклювье. Крышка эта очень длинная, совершенно плоская и, начиная съ основанія до кончика, довольно равномѣрной ширины, на концѣ же закруглена; гребень тянется въ видѣ ясно замѣтнаго киля вдоль всего надклювья и на концѣ переходитъ въ крѣпкій крючекъ, похожій на коготь. Внутри или на нижней сторонѣ эта крышка усажена острыми, тонкими зазубринками и съ каждой стороны прорѣзывается полоской съ двумя лезвеями, въ которыя вкладывается рамка подклювья. Подклювье же состоитъ изъ очень слабыхъ, тонкихъ, низкихъ, гибкихъ развѣтвленій нижней челюсти, которыя соединяются только на концѣ и между которыми расположенъ чрезвычайно широкій, въ высшей степени растяжимый мѣшокъ кожи. Окраска обоихъ половъ одинаковая, окраска же старыхъ и молодыхъ птицъ весьма различна.

Пеликановыя птицы живутъ въ жаркомъ поясѣ земного шара и въ прилежащихъ къ нему частяхъ обоихъ умѣренныхъ поясовъ, встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта и занимаютъ очень обширную область.

Самый обыкновенный и распространенный видъ этого семейства, это баба-птица, или пеликанъ (Pelecanus onocrotalus), который, вмѣстѣ со своими родственниками, представляетъ собою наиболѣе крупную изъ всѣхъ плавающихъ птицъ. Опереніе, образующее на головѣ хохолъ изъ длинныхъ, закругленныхъ перьевъ, у взрослой птицы все бѣлое, за исключеніемъ бурыхъ большихъ маховыхъ перьевъ, съ розовымъ налетомъ, передняя часть груди желтая; въ юности опереніе на верхнемъ покровѣ бурое съ сѣрымъ, на нижней сторонѣ пепельно-сѣрое. Глаза ярко-красные, голое пространство кругомъ глаза желтое, клювъ сѣроватый съ красными и желтыми точками, горловой мѣшокъ съ желтовато-голубоватыми жилками, ноги свѣтлаго мясного цвѣта. Длина

птицы 140—180 см. Самецъ и самка очень замѣтно отличаются другъ отъ друга по величинѣ, и, вообще, размѣры птицъ чрезвычайно непостоянные.

Пеликанъ водится, начиная съ южной Венгріи, въ бо̀льшей части Африки и южной Азіи. Въ южную Европу онъ прилетаетъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, высиживаетъ здѣсь потомство, а въ октябрѣ снова улетаетъ. При этомъ онъ

Баба-птица (Pelecanus onocrotalus). 1/7 естеств. велич.

залетаетъ иногда за предѣлы своего участка, и потому иногда случалось встрѣчать его въ Германіи. Около Боденскаго озера появилась однажды стая въ 130 головъ.

Кто самъ не бывалъ въ Египтѣ или въ сѣверной Африкѣ и не видѣлъ той массы птицъ, которыя живутъ около тамошнихъ озеръ и ловятъ тамъ рыбу, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о количествѣ пеликановъ. Близъ приморскихъ озеръ Египта, на Нилѣ во время разлива или южнѣе, на Бѣломъ, и на Голубомъ Нилѣ и на расположенныхъ по сосѣдству озерахъ, пеликановъ иногда можно видѣть такими массами, что глазъ не въ силахъ обнять ихъ стаю. Они въ бук-

вальномъ смыслѣ слова покрываютъ нѣсколько квадратныхъ километровъ; когда они плаваютъ на озерахъ, то похожи на гигантскіе кувшинчики, а когда сидятъ на берегу и на островахъ, грѣются на солнышкѣ и чистятъ перья, то напоминаютъ длинную бѣлую стѣну; въ тѣхъ мѣстахъ, куда они слетаются на ночлегъ, они покрываютъ на маленькихъ островахъ всѣ деревья такъ густо, что издали кажется, будто эти деревья покрыты большими бѣлыми цвѣтами, а не зелеными листьями. Стаи въ 10—12 штукъ попадаются рѣдко, обыкновенно же можно видѣть общества въ сотни и тысячи птицъ. Къ веснѣ стаи до извѣстной степени разбиваются, такъ какъ многія бабы-птицы, вмѣстѣ проводившія зиму, улетаютъ въ южную Европу для высиживанья, а пеликаны, остающіеся въ Египтѣ и вообще въ сѣверной Африкѣ, не всегда находятъ такія мѣста, гдѣ могутъ всѣ сообща высиживать своихъ птенцовъ; но все-таки и тогда можно видѣть очень многочисленныя стаи молодыхъ пеликановъ.

Бабы-птицы не дѣлаютъ различія между прѣсною и соленою водою, но весьма различаютъ воды мелкія и глубокія. Вслѣдствіе того, что подъ кожей у бабы-птицы находится какъ бы подушка, наполненная воздухомъ, она не можетъ погрузить своего тѣла въ воду, а лежитъ, какъ пробка, на поверхности, и потому пребываетъ только въ тѣхъ водахъ, которыя можетъ обыскивать, опустивъ въ нихъ клювъ и шею. Для этой цѣли пеликаны собираются на болѣе мелкихъ мѣстахъ водъ, располагаются въ извѣстномъ порядкѣ на обширномъ пространствѣ и, все болѣе сплачиваясь, ловятъ рыбу въ находящейся между ними водѣ. На озерахъ и на мелкихъ частяхъ моря они образуютъ широкій полумѣсяцъ и гребутъ по направленію къ берегу или располагаются въ видѣ замкнутой окружности и мало по малу съуживаютъ ее; на узкихъ рѣкахъ или каналахъ они раздѣляются на двѣ стаи, образуютъ замкнутый рядъ съ той и съ другой стороны, плывутъ по направленію другъ къ другу и такимъ образомъ вылавливаютъ изъ извѣстной части водного вмѣстилища всю рыбу. При этомъ клювъ ихъ оказываетъ имъ незамѣнимыя услуги, такъ какъ даетъ имъ возможность легко хватать и задерживать добычу. Обыкновенно пеликаны ѣдятъ только рыбъ, но иногда преслѣдуютъ и другихъ позвоночныхъ животныхъ. Молодымъ плавающимъ птицамъ, рѣшающимся приблизиться къ пеликанамъ, всегда грозитъ опасность; пеликаны проглатываютъ даже полувзрослыхъ утятъ. Пищеводъ у пеликана такъ широкъ, что легко пропускаетъ сжатый мужской кулакъ, и не разъ у пойманныхъ пеликановъ вытаскивали рукой изъ желудка большихъ рыбъ.

Ходятъ пеликаны медленно и шатаясь, причемъ держатъ тѣло довольно прямо; назвать ихъ походку тяжеловѣсной въ настоящемъ смыслѣ этого слова нельзя; иногда они предпринимаютъ довольно большія путешествія пѣшкомъ, очень умѣло прыгаютъ по верхушкамъ деревьевъ, всегда садятся на нихъ, если они имѣются по близости, чтобы отдохнуть, погрѣться на солнышкѣ и почистить перья, плаваютъ легко, быстро и долго, летаютъ превосходно. Органы внѣшнихъ чувствъ у пеликановъ врядъ-ли развиты хуже, чѣмъ у другихъ веслоногихъ птицъ; смышленостью же бабы-птицы, повидимому, превосходятъ своихъ родственниковъ. Тамъ, гдѣ онѣ не довѣряютъ человѣку, онѣ чрезвычайно осторожны, въ другихъ же мѣстахъ настолько довѣрчивы, что вполнѣ уподобляются ручнымъ птицамъ, напр. въ гаваняхъ, находящихся въ южной части Краснаго моря, беззаботно плаваютъ между судами и клюютъ кормъ, который бросаютъ имъ моряки, какъ лебеди клюютъ кормъ, бросаемый имъ гуляющими. Но пеликаны не забываютъ никакихъ преслѣдованій и навѣрное отличатъ отъ другихъ людей человѣка, отъ котораго имъ хоть однажды грозила опасность. Плѣнные пеликаны могутъ сдѣлаться удивительно ручными и довольно легко выучиваются вылетать и влетать.

Ежедневная жизнь пеликановъ протекаетъ правильно. Ранніе утренніе часы они проводятъ на охотѣ. Приблизительно къ 10-ти часамъ утра всѣ пеликаны успѣваютъ насытиться и направляются на какую-нибудь любимую мель или группу деревьевъ, чтобы здѣсь отдохнуть, переварить пищу, почистить перья и вновь смазать ихъ жиромъ. Почти до полудня постоянно прибываютъ новые пеликаны, и собраніе растетъ съ минуты на минуту. Послѣ полудня, между 3-мя

и 4-мя часами, ряды пеликановъ снова начинаютъ рѣдѣть; цѣлыя общества улетаютъ искать новой поживы. Вторая охота продолжается до заката солнца, а затѣмъ все общество летитъ на мѣсто ночлега.

Въ южной Европѣ пеликаны устраиваютъ свои поселенія для вывода птенцовъ въ болотахъ и на озерахъ. „Тамъ, въ такихъ мѣстахъ, куда можно пробраться лишь съ невѣроятными трудностями“, говоритъ графъ Мюле, „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся пловучіе острова, на островахъ этихъ, одно рядомъ съ другимъ, помѣщаются грубо примятыя изъ тростника и камыша, большею частью, мокрыя или сырыя гнѣзда. Вся окрестность покрыта жидкимъ бѣлымъ пометомъ этихъ птицъ, который, въ соединеніи съ гніющими рыбами, выброненными во множествѣ во время кормежки, распространяетъ въ это жаркое время года отвратительный, невыносимый смрадъ.“ Яицъ, какъ говорятъ, кладется 3—5; они сравнительно небольшія, голубовато-бѣлыя, но всегда покрыты сверху толстымъ слоемъ извести. Молодыя птицы, вылупляющіяся изъ яйца черезъ 38 дней послѣ начала высиживанья, появляются на свѣтъ въ сѣромъ пуху, имѣютъ чрезвычайно глупый видъ, постоянно издаютъ хриплые и пискливые звуки и вообще созданія въ высшей степени противныя.

Если подкараулить пеликановъ на мѣстахъ ихъ ночлега или отдыха, то нетрудно избить ихъ въ какомъ угодно количествѣ; ибо у нихъ такъ мало силы сопротивленія, что ихъ можно застрѣлить даже мелкой дробью. Пеликановъ можно приручить, и они становятся очень довѣрчивыми. Одинъ пеликанъ, свободно жившій въ Санто Пауло де Лоанда, по вечерамъ охотно входилъ въ толпу прогуливающихся людей и, повидимому, любилъ слушать музыку.

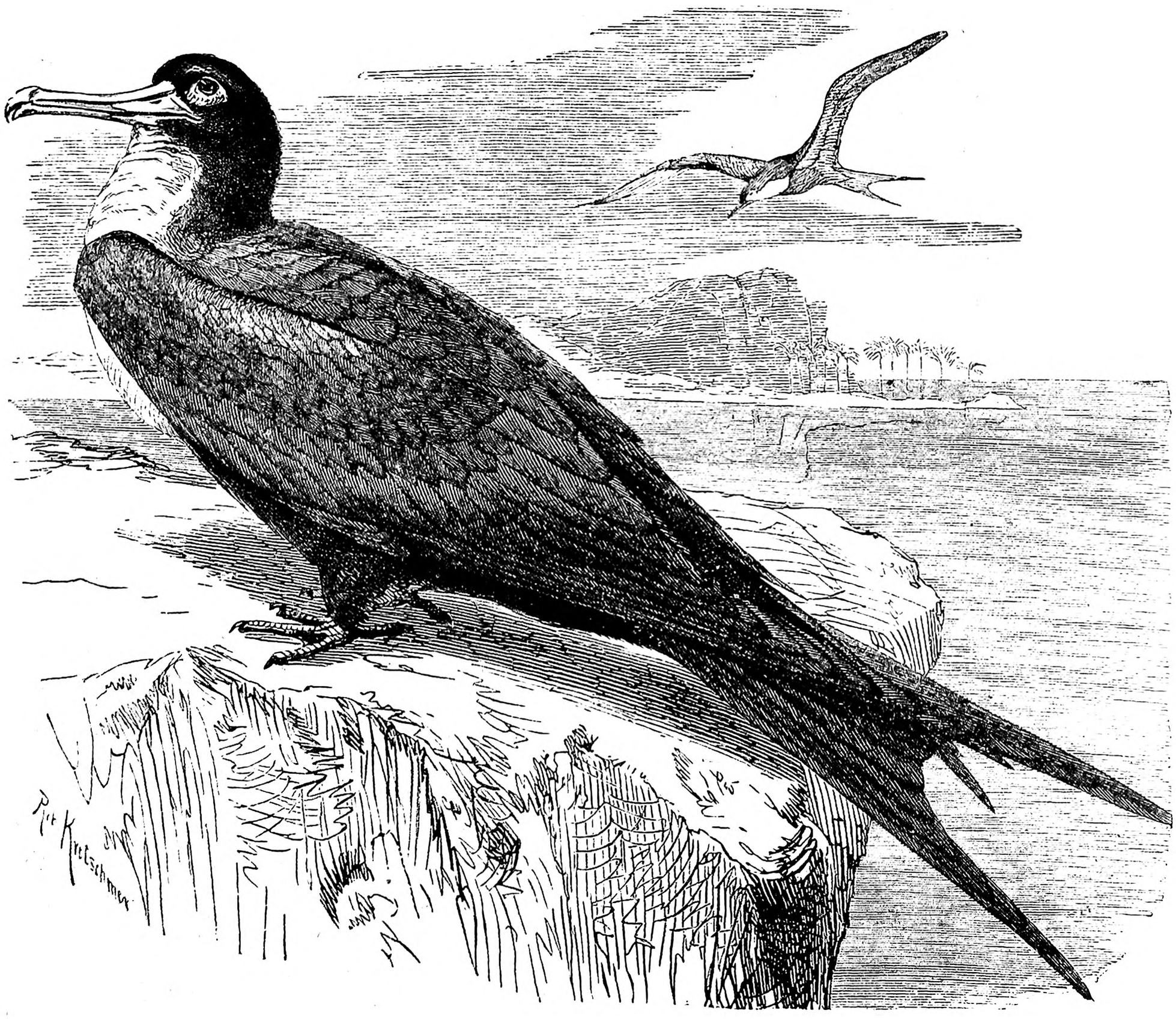
Если какая нибудь птица заслуживаетъ названія морского орла, то это фрегатъ (Atagen aquila, рис. на стр. 810), представитель рода фрегатовъ и семейства фрегатовыхъ птицъ (Atagenidae). Тѣло у фрегата стройное, шея толстая, голова умѣренной величины, клювъ на половину длиннѣе головы, загнутый крючкомъ, крылья чрезвычайно длинныя и заостренныя, первое маховое перо самое длинное, двѣнадцатиперый хвостъ очень длинный и сильно выемчатый.

Опереніе взрослаго самца буровато-черное, голова, затылокъ, спина, грудь и бока съ металлическимъ зеленымъ и пурпуровымъ отливомъ; крылья съ сѣроватымъ налетомъ, верхнія кроющія перья крыла и рулевыя перья буроватыя. Глаза темно-каріе, часто сѣровато-каріе; голое мѣсто вокругъ нихъ пурпурово-голубое, клювъ свѣтло-голубой при основаніи, въ серединѣ бѣлый, и темнаго рогового цвѣта на концѣ; горловой мѣшокъ оранжево-красный, ноги на верхней сторонѣ свѣтлаго карминово-краснаго цвѣта, на нижней сторонѣ оранжевыя. Длина 108, длина крыльевъ 65 см., зато вѣсъ лишь немногимъ превышаетъ 1,5 килограмма.

Фрегатъ водится приблизительно тамъ же, гдѣ описанный ниже „сынъ солнца“, распространенъ въ моряхъ, лежащихъ между тропиками, но рѣдко удаляется отъ берега такъ далеко, какъ фаэтонъ. Правда, фрегата случалось встрѣчать на разстояніи 200—400 морскихъ миль отъ ближайшаго берега; но обыкновенно онъ удаляется отъ земли не болѣе, какъ на 15 или 20 морскихъ миль и при каждой перемѣнѣ погоды возвращается на сушу. Когда наступаетъ утро, фрегатъ покидаетъ мѣсто своего ночлега и летитъ къ морю, то описывая высоко въ воздухѣ круги, то летя противъ вѣтра; на морѣ онъ ловитъ рыбу до тѣхъ поръ, пока не насытится, и съ полнымъ желудкомъ и пищеводомъ возвращается на сушу уже до полудня, если собирается буря; въ противномъ же случаѣ — въ послѣобѣденные часы.

Одюбонъ вмѣстѣ съ другими наблюдателями склоненъ считать фрегата за самаго быстраго летуна на морѣ. Какъ ни ловки крачки и чайки, но, по мнѣнію Одюбона, фрегату ничего не стоитъ обогнать ихъ. Онъ непрерывно слѣдитъ за дельфинами и хищными рыбами, носится надъ ними, когда они преслѣдуютъ летающихъ рыбъ и, какъ только эти послѣднія покинутъ воду, кидается на нихъ, ста-

раясь хоть одну схватить на лету или же, ныряя съ размаху, преслѣдуетъ ихъ еще въ морской глубинѣ. Поймавъ рыбу, фрегатъ два-три раза роняетъ ее, если она не попала ему надлежащимъ образомъ въ клювъ, кидается вслѣдъ за нею, всякій разъ ловитъ ее еще прежде, чѣмъ она коснется воды, и старается придать ей болѣе благопріятное положеніе. Иногда фрегаты цѣлыми часами кружатся высоко въ воздухѣ съ легкостью и свободою грифовъ и орловъ, которыхъ они вообще сильно напоминаютъ; иногда фрегаты, играя, преслѣдуютъ другъ друга, производя при этомъ самые изумительные повороты и сальтомортале; лишь во время бѣгства они медленно машутъ крыльями. На сушѣ фрегаты не умѣютъ двигаться, на

Фрегатъ (Atagen aquila). $^1/_5$ естеств. велич.

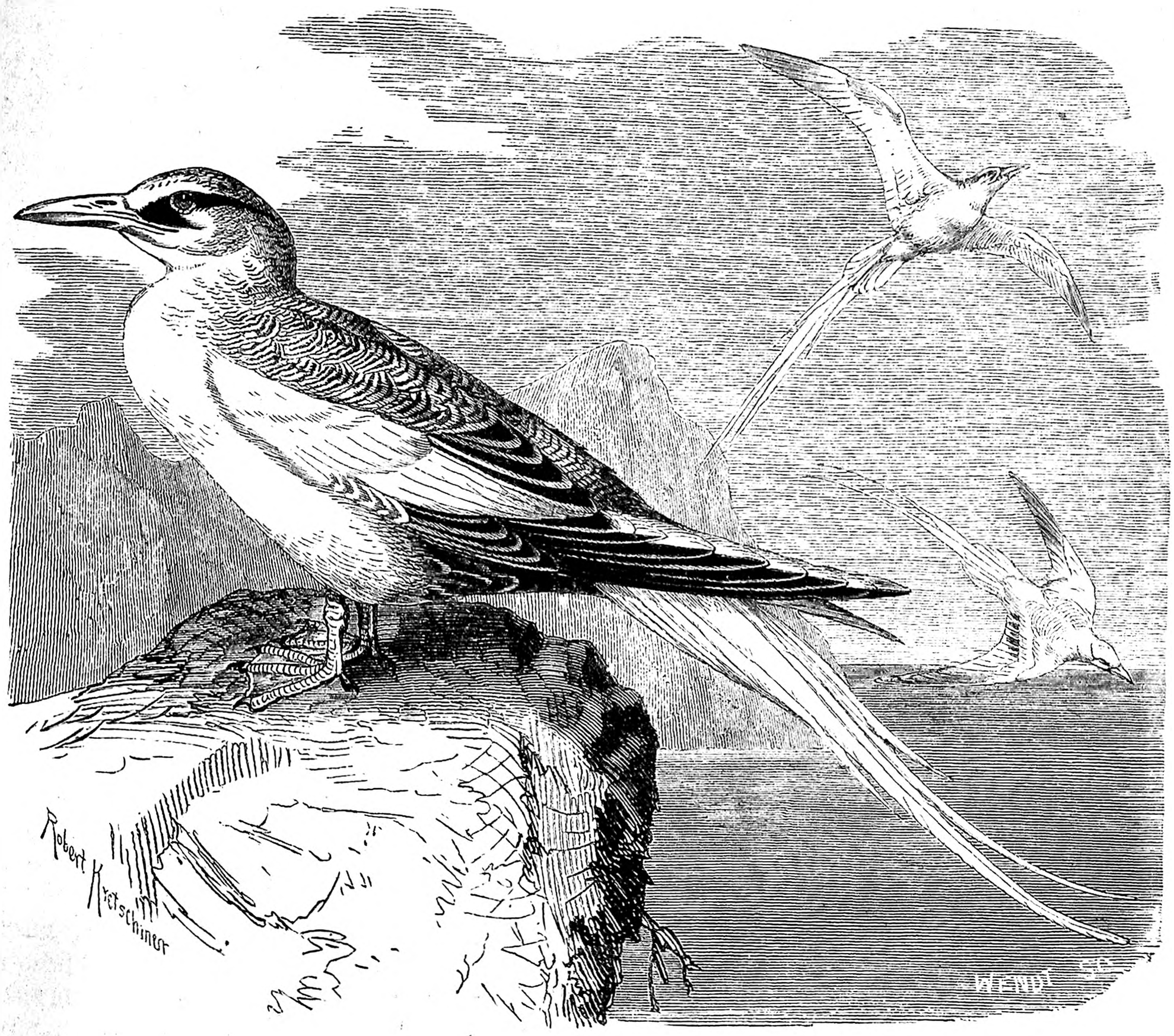
водѣ они, повидимому, столь же неловки; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ихъ плавающими не видѣли. Съ палубы судна они подняться не могутъ; на плоскомъ, песчаномъ берегу они не въ силахъ сопротивляться. Поэтому они и отдыхаютъ только на деревьяхъ, на которыхъ имѣютъ достаточно мѣста, чтобы быть въ состояніи слетѣть.

Внѣшнія чувства, судя по даннымъ, приводимымъ различными наблюдателями, вѣроятно, весьма остры, особенно же зрѣніе. Фрегатъ, носящійся высоко въ воздухѣ, можетъ, какъ говорятъ, увидѣть самую маленькую рыбку, плавающую близко къ поверхности и, вообще, держитъ въ полной своей власти большой участокъ, находящійся внизу. Странное впечатлѣніе производятъ, повидимому, на фрегата яркія краски. А. Шамиссо разсказываетъ, что фрегаты набрасывались на пестрые вымпелы корабля словно на добычу, а Беннеттъ увѣряетъ, что наблю-

далъ это нѣсколько разъ. Фрегаты, подвергшіеся нападенію, яростно защищаются и умѣютъ одолѣвать даже сильныхъ собакъ.

Главную пищу фрегата составляютъ, повидимому, летающія рыбы; но врядъ-ли онъ брезгаетъ какимъ бы то ни было маленькимъ позвоночнымъ животнымъ.

Въ сѣверныхъ частяхъ области своего распространенія фрегаты начинаютъ сооружать гнѣздо около половины мая. Въ это время они слетаются на острова, которые уже въ теченіе многихъ лѣтъ служили имъ мѣстами выживанья, и здѣсь овладѣваютъ всѣми подходящими мѣстечками; иногда на одномъ островѣ

Фаэтонъ (Phaëton aethereus). 1/3 естеств. велич.

собираются 500 и болѣе паръ. Обыкновенно гнѣзда устраиваются на той сторонѣ дерева, которая обращена къ водѣ, особенно на такихъ деревьяхъ, верхушки которыхъ находятся надъ водою, иногда на вѣтвяхъ, иногда на самой макушкѣ дерева, нерѣдко нѣсколько гнѣздъ помѣщается на одномъ деревѣ. Въ гнѣздо кладется 2—3 яйца съ толстой скорлупой, окрашенныхъ въ зеленовато-бѣлый цвѣтъ. Молодыя птицы, которыя на первыхъ порахъ имѣютъ такой видъ, какъ будто онѣ лишены ногъ, появляются на свѣтъ въ желтовато-бѣломъ пуху и остаются очень долго въ гнѣздѣ, такъ какъ для развитія ихъ крыльевъ требуется много времени.

Плѣнные фрегаты отъ поры до времени попадаютъ въ клѣтки къ европейцамъ и при надлежащемъ уходѣ живутъ въ неволѣ цѣлые годы.

Линней назвалъ „сыномъ солнца“ птицу, которая служитъ мореплавателю доказательствомъ того, что судно его достигло жаркаго пояса; ибо фаэтона лишь крайне рѣдко можно встрѣтить въ умѣренномъ поясѣ земного шара. Въ наши края иногда залетали отдѣльныя птицы, напр., говорятъ, ихъ видѣли близъ о. Гельголанда; но подобныя явленія принадлежатъ къ числу самыхъ рѣдкихъ исключеній.

Самый извѣстный и самый распространенный видъ разсматриваемаго семейства это фаэтонъ (Phaëton aethereus, рис. на стр. 811). Мелкое опереніе этой птицы бѣлое съ розовымъ налетомъ, полоса на уздечкѣ, спереди широкая, а по направленію назадъ съуживающаяся, чернаго цвѣта; наружныя опахала большихъ маховыхъ перьевъ черныя, заднія малыя маховыя перья съ бѣлыми и черными каемками; хвостовыя перья, всѣ, кромѣ среднихъ, снабженныя бѣлыми стержнями, бѣлаго цвѣта, стержни же среднихъ хвостовыхъ перьевъ къ основанію черные. Глаза каріе, клювъ кораллово-красный, ноги желтыя, за исключеніемъ черныхъ плавательныхъ перепонокъ и пальцевъ. Длина птицы 100 см. вмѣстѣ съ обоими наиболѣе длинными хвостовыми перьями, длина которыхъ доходитъ до 50—75 см., причемъ въ послѣднемъ случаѣ они превосходятъ крайнія рулевыя перья на 60 см.

Фаэтоны водятся во всѣхъ моряхъ, лежащихъ между тропиками. Разсматриваемый нами видъ, къ которому и относится послѣдующее описаніе, встрѣчается въ указанныхъ широтахъ Атлантическаго, Индѣйскаго и Тихаго океановъ. Изъ тропическихъ странъ фаэтонъ залетаетъ иногда въ умѣренный поясъ.

Обыкновенно фаэтоны летаютъ днемъ и вблизи береговъ; но иногда происходитъ и обратное. Такъ, Лессонъ видѣлъ, какъ въ тихія, лунныя ночи они летаютъ такъ же неустанно, какъ днемъ, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Беннеттъ встрѣчалъ ихъ на разстояніи цѣлыхъ 1000 морскихъ миль отъ земли. Въ общемъ, по мнѣнію моряковъ, птицы эти улетаютъ на разстояніе 300 морскихъ миль отъ берега. Всѣ путешественники, ближе узнавшіе фаэтоновъ, единодушно восхищаются ихъ красотой и привлекательностью. По словамъ Чуди, фаэтонъ на первый взглядъ вовсе не похожъ на морскую птицу; его скорѣе можно принять за обитателя суши, залетѣвшаго въ безбрежныя равнины океана. „Фаэтоны“, говоритъ Беннеттъ, „принадлежатъ несомнѣнно къ самымъ красивымъ морскимъ птицамъ и должны вызывать общее восхищеніе, когда солнце играетъ на ихъ великолѣпномъ опереніи. Характеръ ихъ настолько же привлекателенъ, насколько прелестенъ ихъ полетъ, и наблюдать за штуками, какія они продѣлываютъ на воздухѣ, истинное удовольствіе. Суда, повидимому, часто обращаютъ на себя ихъ вниманіе; птицы подлетаютъ къ судамъ, летаютъ вокругъ нихъ, спиральными линіями спускаются внизъ изъ верхнихъ слоевъ воздуха все ниже и ниже и, дрожа, нѣсколько времени держатся на небольшой высотѣ, иногда, хотя и очень рѣдко, опускаются на реи. Если птицамъ не мѣшать, то онѣ иногда сопровождаютъ судно въ теченіе цѣлыхъ дней, пока оно не выйдетъ изъ обитаемыхъ предѣловъ, или же пока птицамъ по какой-нибудь другой причинѣ не понадобится возвратиться назадъ.“

Питаются онѣ исключительно рыбами и другими морскими животными, плавающими близко къ поверхности.

Время высиживанія, повидимому, бываетъ различно и зависитъ отъ расположенія острововъ, на которыхъ фаэтоны высиживаютъ свое потомство. Замѣчено, что тамъ, гдѣ фаэтоновъ ничто не тревожитъ, они кладутъ свои яйца прямо на землю, большею частью подъ кусты; на островахъ же, посѣщаемыхъ людьми, эти птицы кладутъ свои яйца въ углубленія или въ трещины утесовъ. Единственное яйцо парочки сравнительно крупное, лишенное блеску и по свѣтло-сѣровато-глинистому, сѣровато-розовому или сѣровато-фіолетовому фону бываетъ покрыто темно-фіолетовыми пятнами, а сверхъ нихъ землистаго и ржаваго цвѣта пятнами и точками, а также черноватыми черточками, расположенными иногда вѣночкомъ. Птенцы, по выраженію Беннетта, больше похожи на кисть для пудры, чѣмъ на птицу; они круглы, какъ шары, и густо покрыты нѣжнымъ пухомъ, на верхней сторонѣ

пепельно-сѣрымъ, на лбу и на нижней сторонѣ бѣлоснѣжнымъ. На третьемъ году жизни появляется розовая окраска и въ то же время отростаютъ длинныя перья.

Жители острововъ Товарищества и другихъ острововъ южной части Тихаго океана употребляютъ эти перья въ видѣ украшенія и очень цѣнятъ ихъ. Такъ какъ добывать означенныя перья трудно, то жители указанныхъ мѣстъ придумали слѣдующее средство: они ждутъ, пока фаэтоны не усядутся на яйца, ловятъ ихъ на гнѣздахъ, вытаскиваютъ у нихъ длинныя перья и затѣмъ отпускаютъ. То же самое дѣлаютъ и европейцы на островѣ Маврикія.

Семейства гагаровыхъ птицъ и морскихъ гагаръ составляютъ особую группу (Colymbi) и особый подотрядъ (Colymbiformes) боевыхъ птицъ. Отличительные признаки ихъ — длинные передніе пальцы ноги, изъ которыхъ наружный палецъ длиннѣе всѣхъ остальныхъ, очень короткіе задніе пальцы, снабженные каемкой кожи, и сильно сжатая съ боковъ плюсна. Опереніе ногъ доходитъ до сустава ступни, хвостовыя перья короткія или совершенно отсутствуютъ. Крылья короткія; клювъ только умѣренной длины.

Прежде всего остановимся на гагаровыхъ птицахъ (Colymbidae). Тѣло ихъ поразительно широко и уплощено, шея длинная и довольно тонкая, голова маленькая, продолговатая и низкая; клювъ представляетъ собою длинный, съ боковъ сжатый конусъ съ вытянутыми, очень острыми краями, изъ которыхъ нижній нѣсколько заходитъ за верхній. Ноги посажены совсѣмъ позади тѣла и отличаются весьма своеобразнымъ строеніемъ; всѣ передніе пальцы, начиная съ основанія до перваго сустава, соединены перепонкой, отъ перваго же сустава хотя разъединяются, однако съ обѣихъ сторонъ снабжены широкими, не вырѣзанными, спереди закругленными плавательными перепонками, на которыхъ сидятъ широкіе плоскіе когти. Хвоста совсѣмъ нѣтъ — на мѣстѣ его находится лишь небольшой пучокъ расщепленныхъ перьевъ. Въ брачной одеждѣ на головѣ взрослыхъ птицъ появляется великолѣпное украшеніе въ видѣ широкаго воротника или въ видѣ раздѣленнаго на двѣ части пучка перьевъ, обыкновенно окрашеннаго въ болѣе яркій цвѣтъ, чѣмъ прочія перья.

Гагаровыя птицы живутъ въ умѣренномъ поясѣ, распространяются недалеко на сѣверъ, но и недалеко на югъ, обитаютъ въ стоячихъ водахъ или, въ видѣ исключенія, въ медленно текущихъ, окруженныхъ по берегамъ тростникомъ и камышомъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ временно появляются на морѣ. „Ни одинъ другой видъ птицъ“, говоритъ Науманнъ, „не можетъ съ такимъ правомъ считаться водными и плавающими птицами, какъ гагаровыя, ибо до сихъ поръ не извѣстно ни одной, которая хотя бы въ извѣстное время болѣе или менѣе долго оставалась на сушѣ. Лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ гагаровыя птицы выходятъ на землю; но онѣ всегда остаются около самой воды, чтобы кинуться въ нее, какъ только ихъ потревожатъ. Вся жизнь ихъ сводится къ плаванію и нырянію, и въ то время, когда другія плавающія птицы отдыхаютъ, грѣются на солнышкѣ и для этой цѣли выходятъ на сухое мѣстечко на берегу или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, гагаровыя птицы остаются на водной поверхности и достигаютъ того же, не переставая плавать.“ Плывя подъ поверхностью воды, гагаровыя птицы двигаются такъ быстро, что человѣкъ, идущій по берегу, отстаетъ отъ нихъ. При этомъ птицы вытягиваются во всю длину и гребутъ изо всѣхъ силъ ногами. Помощью легкаго толчка онѣ скрываются подъ поверхностью, помощью другого толчка снизу вверхъ снова выплываютъ. Плаваютъ онѣ, придавая своему тѣлу какое-угодно положеніе, и по желанію ныряютъ.

Насколько этимъ птицамъ легко плавать, настолько имъ трудно удерживаться въ какомъ бы то ни было положеніи на сушѣ или ходить. При этомъ онѣ принимаютъ самыя удивительныя позы и самый невѣроятный видъ.

Взлетѣть съ суши онѣ не-могутъ, но могутъ подняться на воздухъ съ воды, предварительно разбѣжавшись. Длинная шея и голова вытягиваются прямо впередъ, широкія ноги прямо назадъ и крылья приводятся въ очень быстрое порхающее движеніе.

По остротѣ внѣшнихъ чувствъ гагаровыя, вѣроятно, мало уступаютъ другимъ плавающимъ птицамъ; соотвѣтственно этому развиты и ихъ духовныя способности. Гагаровыя птицы всегда бываютъ недовѣрчивы, робки и хитры, мало по малу выучиваются отличать безопасныхъ людей или звѣрей отъ опасныхъ враговъ, но и съ самыми безопасными существами неохотно вступаютъ въ болѣе близкія отношенія и, вообще, живутъ только для себя.

Питаются онѣ мелкою рыбой, насѣкомыми, мелкими лягушками и головастиками. Онѣ вытаскиваютъ свою добычу изъ глубины, но проглатываютъ ее лишь послѣ того, какъ вынырнутъ.

Живутъ гагаровыя всегда парочками, нѣжно любятъ другъ друга, вмѣстѣ странствуютъ и вмѣстѣ возвращаются на тотъ прудъ, гдѣ раньше находили себѣ пріютъ. Здѣсь онѣ сооружаютъ себѣ пловучее гнѣздо, отличающееся отъ гнѣздъ другихъ птицъ тѣмъ, что оно состоитъ не изъ сухихъ, а изъ сырыхъ матеріаловъ, такъ что яйца лежатъ на влажной подстилкѣ, иногда даже въ водѣ. Строительные матеріалы добываются посредствомъ нырянія изъ глубины, прикрѣпляются къ нѣсколькимъ старымъ стеблямъ камыша и нагромождаются крайне небрежно, такъ что мѣсто вывода скорѣе похоже на безпорядочную кучу, чѣмъ на гнѣздо.

Яйца, числомъ 3—6, умѣренной величины, продолговатыя съ толстой или грубой скорлупой, окрашенныя въ зеленовато-бѣлый цвѣтъ, который, впрочемъ, подъ вліяніемъ грязи въ гнѣздѣ, обращается въ желтовато-красноватый или оливково-буроватый; иногда яйца покрываются также разводами подъ мраморъ. Оба пола сидятъ на яйцахъ попеременно, самка въ общей сложности занимается этимъ дѣломъ долѣе самца, который плаваетъ близъ гнѣзда въ то время, какъ самка сидитъ на яйцахъ. Если оба супруга покидаютъ одновременно гнѣздо, то сначала вытаскиваютъ со дна кучу полусгнившихъ водныхъ растеній и прикрываютъ ими яйца. Приблизительно черезъ 3 недѣли вылупляются птенцы даже изъ такихъ яицъ, которыя во время высиживанія бо́льшею частью лежатъ въ водѣ, и тотчасъ же родители ведутъ ихъ на воду. Плавать малютки умѣютъ съ перваго мгновенія своей жизни внѣ яйца, нырять выучиваются черезъ нѣсколько дней, такъ какъ въ случаѣ опасности старики берутъ ихъ подъ крылья и вмѣстѣ со своими дѣтьми опускаются внизъ; нерѣдко родители даже взлетаютъ на воздухъ вмѣстѣ съ птенцами, спрятанными у нихъ между грудными перьями. Въ гнѣздо молодыя птицы рѣдко возвращаются; желая отдохнуть, онѣ находятъ себѣ мѣстечко на спинѣ родителей, гдѣ также спятъ. Вскарабкаться на это теплое и мягкое сидѣнье было бы имъ трудно, если бы любящіе родители не облегчили имъ этой задачи. Старики подаютъ молодымъ знакъ, чтобы они тѣснѣе сплотились во время плаванія, затѣмъ родители ныряютъ и поднимаются на поверхность подъ своими малютками, такъ что послѣднія оказываются сидящими у стариковъ на спинѣ. Такимъ же способомъ старыя птицы освобождаются отъ своей ноши, когда она начинаетъ тяготить ихъ или, вѣрнѣе, когда всѣмъ грозитъ какая-нибудь опасность. Въ маленькихъ прудахъ или въ клѣткахъ съ большими бассейнами воды молодыхъ гагаровыхъ птицъ легко держать, разумѣется, если доставлять имъ достаточное количество рыбъ и насѣкомыхъ. Болѣе крупные виды удовлетворяются однѣми рыбами, болѣе мелкіе нуждаются также въ насѣкомыхъ. Ихъ постоянное нырянье и появленіе на поверхности, разнообразныя позы, принимаемыя ими, ихъ доступность и довѣрчивость доставляютъ удовольствіе всякому.

Самый красивый видъ единственнаго рода этого семейства, а именно рода поганокъ, это чомга (Colymbus [Podiceps] cristatus). Въ брачной одеждѣ на головѣ находится украшеніе, состоящее изъ раздѣленнаго на двое пучка перьевъ, такъ что образуются два рога, и изъ великолѣпнаго воротника, составленнаго изъ

длинныхъ расщепленныхъ перьевъ и окружающаго бока головы и горло. Верхняя часть тѣла блестящаго черно-бураго цвѣта съ глазками на крыльяхъ, область щекъ и горло бѣлыя, воротникъ ржаво-красный съ черно-бурыми краями, нижняя сторона блестящая, атласисто-бѣлая, по бокамъ съ ржавыми и черновато-сѣрыми пятнами, глаза карминово-красные; уздечка красная, клювъ блѣдно-красный, ноги на наружной сторонѣ темнаго рогового цвѣта, на внутренней рогового желтовато-

Чомга (Colymbus cristatus). 1/4 естеств. велич.

бѣлаго цвѣта. Въ зимней одеждѣ пучки перьевъ на головѣ и воротникъ еще не развиты; на верхней сторонѣ къ черно-бурой окраскѣ примѣшивается темно-сѣрый цвѣтъ; ржаво-красный цвѣтъ воротника и ржаво-бурый цвѣтъ боковъ тусклѣе. Длина 95 см.

Начиная съ 60-го градуса сѣверной широты къ югу, на всѣхъ подходящихъ озерахъ и водныхъ вмѣстилищахъ Европы водится чомга, нерѣдко встрѣчаясь въ Германіи, чаще на южныхъ озерахъ. Въ сѣверо-западной Африкѣ она еще встрѣчается правильно; въ Египтѣ она попадается всегда въ одиночку и притомъ рѣдко. Такъ же часто, какъ и въ Европѣ, птицу эту можно видѣть въ средней

Азіи и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ она странствуетъ отъ Сибири до южнаго Китая и Японіи, отъ сѣвера Америки до южной части Соединенныхъ Штатовъ.

Лѣтомъ чомга селится на большихъ прудахъ или озерахъ, мѣстами поросшихъ тростникомъ и камышомъ. Чомгѣ нужна довольно обширная водная поверхность, чтобы хоть на серединѣ этой поверхности ей не угрожала опасность отъ выстрѣла дробью. Эта птица еще болѣе другихъ видовъ пребываетъ на водѣ; ибо стоять и ходить ей труднѣе, чѣмъ болѣе мелкимъ ея родственникамъ. Плаваетъ и ныряетъ она отнюдь не хуже ихъ, а недостатокъ ловкости у нея замѣняется выдержкой. По наблюденіямъ Науманна, чомга проплываетъ подъ водою 60 метровъ въ $^1/_2$ минуты. Полетъ происходитъ сравнительно быстро, по прямой линіи и съ замѣтнымъ шорохомъ. Изъ всѣхъ своихъ родственниковъ по семейству чомга птица самая осторожная и боязливая. Къ другимъ птицамъ она не присоединяется или присоединяется къ нимъ на самое короткое время, въ періодъ высиживанія она даже съ другими чомгами мало имѣетъ дѣла. Случается, что нѣсколько паръ высиживаетъ потомство на одномъ прудѣ или озерѣ; но тогда каждая парочка строго охраняетъ свой участокъ и изгоняетъ изъ него всѣхъ другихъ птицъ того же вида.

Громкій, звучный, далеко разносящійся голосъ чомги звучитъ весьма различно. Оба пола бесѣдуютъ, часто повторяя звуки „кэкэкэк“; громкій звукъ „краор“ или „круор“, который какъ бы замѣняетъ пѣніе другихъ птицъ; раздается онъ по крайней мѣрѣ главнымъ образомъ въ періодъ высиживанія и звучитъ, словно усиливаясь и разростаясь отъ поверхности воды, такъ громко, что при извѣстномъ направленіи вѣтра его можно слышать на разстояніи цѣлаго часа пути. Впрочемъ, близъ гнѣзда, чомги не кричатъ или кричатъ рѣдко: онѣ слишкомъ умны и боязливы, чтобы здѣсь производить много шума. Гнѣздо устраивается вблизи тростника, камыша или ситника, всегда близко къ краю воды и далеко отъ суши, часто располагается на самой водѣ, причемъ прикрѣпляется къ нѣсколькимъ стебелькамъ. Ширина его составляетъ около 30-ти, вышина около 15 см. Углубленіе гнѣзда удивительно плоское, повидимому, впадина образуется мало по малу подъ тяжестью придавливающей гнѣздо птицы. Все гнѣздо такъ похоже на пловучую кучу гніющихъ водныхъ растеній, что неопытный глазъ никогда не приметъ этой кучи за птичье гнѣздо. Поразительно то, что на этомъ мокромъ комкѣ помѣщается не только довольно тяжелая птица, но что комокъ не переворачивается, когда птица на него взлѣзаетъ. Яицъ кладется четыре, иногда однимъ больше или однимъ меньше; они лежатъ на половину въ водѣ, сначала бываютъ окрашены въ чисто бѣлый цвѣтъ, но скоро становятся грязновато-глинисто-желтыми. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ поперемѣнно, притомъ очень усердно, и нѣжно любятъ свое потомство.

Родители сообща водятъ на первыхъ порахъ своихъ птенцовъ; но отецъ беретъ на себя главнымъ образомъ роль сторожа. Сначала птенцамъ преподносятся въ клювѣ мелкія личинки насѣкомыхъ, затѣмъ личинки эти кладутся передъ малютками на воду и въ то же время старыя птицы учатъ своихъ дѣтей нырять.

Чомга питается на свободѣ исключительно рыбою, хотя отнюдь не брезгаетъ крупными насѣкомыми. Поэтому она причиняетъ нѣкоторый вредъ на тѣхъ прудахъ, гдѣ высиживаетъ потомство; но тамъ, гдѣ держатъ большихъ рыбъ, вредъ этотъ нечувствителенъ и превышается пользою, какую приноситъ эта птица. Мясо чомги не съѣдобно, но перья ея очень цѣнятся и представляютъ собою такое дорогое украшеніе, что можно простить людямъ преслѣдованіе этой птицы.

Въ неволѣ чомга можетъ жить нѣсколько мѣсяцевъ, если доставлять ей мелкую рыбу. На небольшомъ прудѣ въ саду чомга скоро обживается, черезъ нѣсколько дней привыкаетъ къ своему хозяину и скоро дѣлается до такой степени ручною, что является на зовъ и ѣстъ бросаемую пищу, не смущаясь присутствіемъ человѣка.

Изъ гагаровыхъ птицъ въ Европѣ всего чаще встрѣчается малая поганка (Colymbus fluviatilis, minor). Въ брачной одеждѣ опереніе верхней части

тѣла блестящаго чернаго цвѣта съ буроватымъ отливомъ, опереніе нижней стороны сѣровато-бѣлое съ болѣе темными разводами; горло и мѣсто около глаза черноватыя, бока головы и шеи, а также гортань каштаново-красноватые. Глаза красновато-каріе, уздечка желтовато-зеленоватая, клювъ при основаніи желтовато-зеленый, кончикъ клюва черный; ноги на наружной сторонѣ черноватыя, на внутренней свѣтлаго рогового цвѣта. Длина 25 см.

Водится малая поганка приблизительно въ той же области, какъ и чомга; но малая поганка чаще чомги встрѣчается зимою въ Африкѣ. Въ сѣверной Германіи малая поганка появляется въ мартѣ, остается до тѣхъ поръ, пока не замерзаютъ воды, затѣмъ отправляется на югъ, но уже въ южной Европѣ находитъ себѣ подходящія мѣстности для зимовки.

Характеръ и нравы малой поганки таковы же, какъ у другихъ гагаровыхъ птицъ. Плаваетъ и ныряетъ она не менѣе мастерски, чѣмъ другіе представители того же семейства, но летаетъ плохо и потому неохотно; при полетѣ она чрезвычайно быстро и отрывисто махаетъ крыльями и почти что порхаетъ.

На морѣ поганокъ замѣняютъ морскія гагары (Urinatoridae). Эти птицы, которыхъ извѣстно только 4 вида, отличаются отъ гагаровыхъ своей болѣе значительной величиной, болѣе короткой шеей, болѣе крупной головой и болѣе толстымъ клювомъ; ноги ихъ снабжены вполнѣ развитыми плавательными перепонками, крылья короткія, съ жесткими перьями, хвостъ состоитъ изъ 16—20 перьевъ, опереніе крайне густое и плотно прилежащее, окраска замѣтно мѣняется въ зависимости отъ возраста и времени года.

Прежде всего разсмотримъ полярную гагару (Urinator glacialis). Въ брачномъ нарядѣ опереніе на верхней сторонѣ и на бокахъ совершенно черное съ бѣлыми, окончатыми пятнами, на головѣ и на шеѣ зеленовато-черное; на серединѣ шеи находится полоса, прерывающаяся сзади и спереди и составленная изъ черныхъ и бѣлыхъ продольныхъ полосокъ, и подобнымъ же образомъ окрашенной поперечной полосы, которая помѣщается на передней части шеи; бока верхней части груди покрыты черными и бѣлыми продольными полосками, вся остальная нижняя сторона атласисто-бѣлая. Глаза свѣтло-каріе, клювъ черный, ноги снаружи сѣрыя, внутри краснороватаго мясного цвѣта. Длина птицы 95—100 см.

Чернозобая гагара (Urinator arcticus) меньше, но окрашена почти такъ же, какъ и полярная.

Краснозобая гагара (Urinator septentrionalis) меньше всѣхъ прочихъ: длина ея 65 см. Опереніе ея на головѣ и на бокахъ шеи пепельно-сѣрое, задняя часть шеи покрыта черными и бѣлыми полосками; передняя часть головы каштаново-краснаго цвѣта, спина буровато-черная, нижняя сторона бѣлая, бока зоба и груди съ черными продольными пятнами. Въ зимней одеждѣ перья верхней стороны бываютъ снабжены бѣловатыми кончиками и область горла кажется бѣлою.

Полярная гагара обитаетъ на далекомъ сѣверѣ, лѣтомъ забирается приблизительно до 76-го градуса широты и спускается къ югу самое большее до 59-го градуса; живетъ она главнымъ образомъ по берегамъ Гренландіи, Шпицбергена, европейской и азіатской Россіи и нѣкоторыхъ острововъ, напр. Фарерскихъ, Оркнейскихъ и Гебридскихъ; зимою она странствуетъ и появляется на берегахъ Германіи и иногда заходитъ въ нѣмецкія рѣки. Чернозобая гагара принадлежитъ, повидимому, болѣе востоку; въ Европѣ, кромѣ сѣверной Россіи, она вездѣ встрѣчается рѣдко, зато въ Сибири она принадлежитъ къ обыкновеннымъ птицамъ; на далекомъ сѣверѣ Америки чернозобая гагара также высиживаетъ потомство, а во время зимняго путешествія она посѣщаетъ южную и западную Россію, Данію, Германію и Голландію. Краснозобая гагара водится въ тѣхъ же странахъ,

но область ея распространенія приблизительно обнимаетъ области распространенія обоихъ указанныхъ выше видовъ.

По своему характеру и образу жизни всѣ морскія гагары такъ похожи другъ на друга, что мы можемъ ограничиться описаніемъ жизни послѣдняго изъ упомянутыхъ видовъ. Эта гагара, какъ и ея родичи, является настоящей морской птицей; только въ періодъ высиживанья и зимою во время перелета посѣщаетъ она прѣсныя воды, все же остальное время проводитъ на морѣ, гдѣ усердно занимается рыбной ловлей, великолѣпно плаваетъ и ныряетъ, но также летаетъ быстро и подолгу. Всѣ морскія гагары съ величайшей легкостью проплываютъ большія разстоянія, по желанію могутъ лежать плашмя на поверхности воды или погружать свое туловище въ воду такъ глубоко, что виднѣется только узенькая полоска отъ спины; двигаются онѣ впередъ или медленно и не торопясь, или же съ поразительной быстротою, безъ видимаго напряженія и безъ всякаго шума исчезаютъ въ глубинѣ, гдѣ вытягиваются во всю длину, плотно прижимаютъ къ тѣлу перья, прикладываютъ крылья къ тѣлу и, гребя однѣми ногами, съ быстротою молніи мчатся по водѣ то въ томъ, то въ другомъ направленіи, то неглубоко подъ поверхностью, то на глубинѣ многихъ сажень. Въ быстротѣ онѣ не уступаютъ самымъ проворнымъ рыбамъ, которыя и становятся ихъ добычей; гагары начинаютъ плавать и нырять съ перваго дня своей жизни и затѣмъ дѣлаютъ это при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ какъ въ водѣ чувствуютъ себя въ бо́льшей безопасности, чѣмъ даже летая высоко въ воздухѣ. На сушѣ имъ не по себѣ. Правда, онѣ иногда вступаютъ на сушу, но несомнѣнно рѣже, чѣмъ большинство другихъ птицъ, за исключеніемъ развѣ только однѣхъ поганокъ. Къ тому же онѣ не ходятъ по сушѣ, а только выползаютъ изъ воды на сухое мѣсто; ибо ходить въ обыкновенномъ смыслѣ слова, даже прямо стоять морскія гагары неспособны. Полетъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ можно предположить, сравнивъ ихъ тяжелое тѣло съ маленькими крыльями. Правда, морскія гагары сначала должны разбѣжаться по водѣ, если хотятъ подняться на воздухъ; но поднявшись на извѣстную высоту, онѣ несутся очень скоро, хотя весьма быстро и непрерывно машутъ своими короткими крыльями. У всѣхъ морскихъ гагаръ, а также у краснозобой гагары голосъ громкій—громче, чѣмъ у другихъ морскихъ птицъ.

Относительно духовныхъ способностей морскихъ гагаръ мнѣнія еще расходятся, такъ какъ люди имѣютъ слишкомъ мало возможности вступать съ ними въ болѣе близкія сношенія. Простое наблюденіе показываетъ, что внѣшнія чувства ихъ развиты хорошо, а именно, что онѣ хорошо видятъ и слышатъ; нетрудно убѣдиться и въ томъ, что онѣ не лишены сообразительности и смышлености. Поставленныя въ безвыходное положеніе, гагары яростно защищаются и наносятъ своимъ острымъ клювомъ весьма чувствительныя раны.

Сомнительно, чтобы морская гагара ѣла что́-бы то ни было, кромѣ рыбы; на морѣ она навѣрное питается исключительно рыбою. Благодаря удивительной способности плавать и нырять, ей легко добывать себѣ необходимую пищу, тѣмъ болѣе, что ее нельзя причислять къ прожорливымъ животнымъ, а скорѣе можно назвать мало притязательной птицей.

Всѣ морскія гагары для высиживанья птенцовъ выбираютъ небольшіе тихіе прѣсные пруды недалеко отъ морского берега, иногда же высиживаютъ потомство на прудахъ, находящихся на значительной высотѣ надъ морскимъ уровнемъ. Гнѣзда располагаются на маленькихъ островкахъ или, гдѣ таковыхъ нѣтъ, на берегу, всегда очень близко къ водѣ, и небрежно сооружаются изъ сухого тростника и осоки, притомъ отнюдь не въ скрытомъ мѣстѣ, такъ что высиживающую птицу можно видѣть издали. Краснозобая гагара кладетъ два продолговатыхъ, нѣсколько блестящихъ яйца, покрытыхъ по темному маслянисто-зеленому фону темными пепельно-сѣрыми пятнами и сверхъ нихъ красноватыми буровато-черными пятнами, точками и крапинками. Оба супруга сидятъ на яйцахъ поочередно, высиживаютъ ихъ съ одинаковымъ усердіемъ и сообща водятъ своихъ малютокъ.

Пользы морскія гагары не приносятъ. Мясо ихъ кажется намъ несъѣдобнымъ, перья ихъ непригодны для употребленія. На сѣверной ихъ родинѣ этихъ птицъ никто не преслѣдуетъ.

Послѣдній подотрядъ боевыхъ птицъ составляютъ утиныя, или зубчатоклювыя птицы (Anatiformes), состоящія изъ группы и семейства, носящихъ то же названіе.

Утка представляетъ собою типъ зубчаткоклювой птицы. Самымъ важнымъ признакомъ ея является клювъ, служащій рѣшетомъ и являющійся характернымъ для зубчатоклювыхъ птицъ; при помощи его онѣ могутъ добывать себѣ пищу своеобразнымъ способомъ. Клювъ этотъ рѣдко бываетъ длиннѣе головы, обыкновенно прямой, широкій, на верхней сторонѣ плоско-выпуклый, спереди переходящій въ широкій коготь, съ боковъ усѣянный роговыми зубчиками, вродѣ зубчиковъ листьевъ, входящими въ таковые же нижней челюсти; клювъ весь, кромѣ твердыхъ краевъ, покрытъ мягкою кожей, въ которой распредѣлены развѣтвленія пятой пары нервовъ, а потому клювъ въ высшей степени хорошо можетъ осязать. Большой, мясистый, очень чувствительный языкъ, лишь по краямъ роговой и въ этихъ мѣстахъ снабженный бахромками и зубчиками, дѣлаетъ клювъ еще болѣе совершеннымъ и обращаетъ его въ великолѣпную цѣдилку, которая отдѣляетъ самые маленькіе съѣдобные кусочки отъ окружающихъ несъѣдобныхъ веществъ. Тѣло сильное, опереніе всегда очень обильное, густое и гладко прилежащее, съ богатымъ запасомъ пуха; окраска оперенія не можетъ быть названа великолѣпною, но бо́льшею частью бываетъ въ высшей степени привлекательна и часто, хотя не всегда, бываетъ различна у птицъ разнаго пола и возраста.

Область распространенія зубчатоклювыхъ птицъ болѣе ограниченна, чѣмъ область, въ которой водятся другія плавающія птицы. Зубчатоклювыя также космополиты, ибо, за исключеніемъ суши около южнаго полюса, онѣ водятся во всѣхъ частяхъ свѣта; но онѣ живутъ въ теплыхъ и умѣренныхъ поясахъ земного шара въ несравненно бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ въ холодныхъ поясахъ.

Способности членовъ разсматриваемаго семейства хотя разнообразны, но развиты весьма равномѣрно. Есть между ними нѣкоторыя птицы, которыя могутъ ходить только медленно ковыляя, вслѣдствіе того, что ноги ихъ прикрѣплены далеко сзади туловища, но нѣтъ ни одной, которая, подобно нѣкоторымъ нырцамъ, была бы обречена на ползаніе; съ другой стороны, многія зубчатоклювыя — ловкіе ходоки и ходятъ иногда цѣлыми часами безъ видимаго напряженія; иныя даже умѣютъ двигаться по вѣтвямъ деревьевъ. Плаваютъ всѣ зубчатоклювыя очень искусно и съ большой выдержкой, и врядъ-ли между ними найдется хоть одна птица, плавающая неохотно или только въ случаѣ необходимости; большинство также ныряетъ съ бо́льшею или меньшею легкостью на ту или другую глубину; нѣкоторыя ни въ чемъ не уступаютъ самымъ искуснымъ пловцамъ. Всѣ ныряющіе виды ныряютъ съ поверхности воды, но съ размаху не ныряютъ. Летаютъ зубчатоклювыя хуже другихъ плавающихъ птицъ. Почти всѣ, взлетая на воздухъ съ воды или съ земли, должны употребить значительное усиліе, а внизъ прямо-таки падаютъ, такъ что иныя не рѣшаются опускаться на землю и всегда бросаются съ высоты въ находящееся по близости водное вмѣстилище; достигнувъ же извѣстной высоты, зубчатоклювыя летятъ очень быстро и въ одинъ пріемъ пролетаютъ большія разстоянія, хотя принуждены непрерывно махать крыльями.

По смышлености зубчатоклювыя птицы, можетъ быть, уступаютъ самымъ способнымъ боевымъ птицамъ, но превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣхъ остальныхъ плавающихъ птицъ. Кто называетъ гуся глупымъ, согласно общепринятому обыкновенію, тотъ никогда не наблюдалъ его; всякій охотникъ, пытавшійся перехитрить дикихъ гусей, выскажетъ другое мнѣніе. Лебеди, гуси, утки и крохали принадлежатъ къ числу самыхъ осторожныхъ птицъ; они хитры и коварны, умѣютъ правильно судить объ обстоятельствахъ и быстро приспособляются къ измѣнившимся условіямъ, а потому особенно успѣшно могутъ быть обращены въ домашнихъ животныхъ. Характеру ихъ присуще вообще извѣстное добродушіе и извѣстная уживчивость, а также склонность къ общительности. Супруги нѣжно любятъ другъ друга и очень привязаны къ дѣтямъ; но самцы не всегда заботятся о своемъ потомствѣ. Въ случаѣ опасности самки защищаютъ своихъ дѣтей съ удивительнымъ мужествомъ. Голосъ у зубчатоклювыхъ разнообразнѣе и благозвучнѣе, чѣмъ у другихъ плавающихъ птицъ.

Зубчатоклювыя птицы питаются растительными и животными веществами. Очень немногія изъ нихъ настоящіе хищники, питающіеся только животной пищей; исключительно растительную пищу ѣдятъ также лишь немногіе.

Зубчатоклювыя птицы живутъ парами; но вѣрность ихъ другъ другу нѣсколько сомнительна. У большинства заботы высиживанья и воспитанія молодыхъ птицъ выпадаютъ на долю матери. Гнѣздо устраивается то на болѣе сухихъ мѣстахъ болота, то на сухой землѣ, то въ дуплахъ деревьевъ или въ углубленіяхъ скалъ и почвы; сооружается оно изъ разныхъ матеріаловъ, обыкновенно грубо и незатѣйливо, но внутри всегда выстилается пухомъ матери.

Зубчатоклювыхъ преслѣдуетъ безчисленное множество враговъ, хотя по крайней мѣрѣ болѣе крупныя изъ этихъ птицъ умѣютъ отражать нападенія многихъ хищниковъ. Человѣкъ преслѣдуетъ всѣ виды зубчатоклювыхъ, однихъ ради вкуснаго мяса, другихъ ради перьевъ; онъ похищаетъ у нихъ яйца, крадетъ у нихъ пухъ изъ гнѣздъ и много способствуетъ истребленію этихъ въ сущности безвредныхъ птицъ. Очень немногихъ изъ нихъ человѣкъ съумѣлъ приручить и обратить въ домашнихъ животныхъ, хотя именно съ означеннымъ подотрядомъ, вѣроятно, многое можно было бы сдѣлать въ этомъ отношеніи. Лишь въ послѣднее время люди начинаютъ удѣлять зубчатоклювымъ птицамъ должное вниманіе.

Среди зубчатоклювыхъ птицъ, которыя составляютъ только одно единственное семейство, обнимающее около 180 видовъ и распространенное по всему земному шару, первое мѣсто слѣдуетъ отвести воспѣтымъ поэтами и народными преданіями, гордымъ и величественнымъ лебединымъ птицамъ, выдѣливъ ихъ въ особое подсемейство (Cygninae). Тѣло у нихъ продолговатое, шея очень длинная, голова средней величины; клювъ, въ длину равный приблизительно головѣ, прямой, на всемъ протяженіи равной ширины, спереди закругленный, при основаніи голый или выступающій въ видѣ бугорка, къ концу плоско-выпуклый и заканчивающійся кругловатымъ когтемъ. Опереніе очень обильное, мелкое опереніе удивительно густое, мягкое и безъ блеска, на головѣ и на шеѣ бархатистое, на нижней сторонѣ толстое и пушистое, на верхней сторонѣ перья крупныя, и вездѣ много пуха.

За исключеніемъ экваторіальныхъ странъ, лебединыя птицы, которыхъ описано 10 видовъ, обитаютъ во всѣхъ поясахъ земного шара, чаще же всего въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ сѣвернаго полушарія. Область распространенія каждаго вида очень обширна, и правильные перелеты лебедей простираются очень далеко. Всѣ виды совершаютъ перелеты, но не при всякихъ обстоятельствахъ; ибо иные лебеди нерѣдко остаются всю зиму въ данной странѣ, или по крайней мѣрѣ только внутри небольшого участка бродятъ взадъ и впередъ. Селятся они на прѣсноводныхъ озерахъ и богатыхъ водою болотахъ, а пребываютъ на всевозможныхъ водныхъ вмѣстилищахъ. Гнѣздо свое лебеди всегда устраиваютъ на сушѣ; послѣ же вывода они часто пребываютъ на морѣ. Дѣятельны они бываютъ только днемъ и по ночамъ не совершаютъ даже перелета. Сфера ихъ — это вода; по землѣ они двигаются неохотно. Ноги, прикрѣпленныя далеко позади туловища, затрудняютъ ихъ ходьбу, и походка ихъ, вслѣдствіе этого, тяжеловѣсная и ковыляющая; полетъ, особенно поднятіе на воздухъ съ поверхности воды, требуетъ, повидимому, значительныхъ усилій, но, достигнувъ извѣстной высоты, птицы летятъ очень быстро. Лебеди почти что не въ силахъ подняться съ земли на воздухъ и врядъ ли могутъ рѣшиться опуститься на землю. Передъ тѣмъ какъ сняться съ мѣста они бьютъ крыльями и шлепаютъ по поверхности воды широкими ступнями ногъ, двигаются такимъ образомъ, полу-бѣгомъ, полу-летая, на протяженіи 15—20 мет., громко расплескивая воду, и только послѣ этого набираются достаточной силы для того, чтобы взлетѣть. При опусканіи они постепенно соскальзываютъ по воздуху внизъ, не махая крыльями и косо направляясь къ водной поверхности, наконецъ касаются ея и нѣкоторое время еще продолжаютъ стремиться по ней впередъ или упираются о воду вытянутыми ногами, чтобы смягчить толчокъ.

Нѣкоторые виды рѣдко подаютъ голосъ, обыкновенно же издаютъ только звукъ вродѣ трубнаго, нѣсколько похожій на крикъ журавля, а чаще всего громко шипятъ или глухо бормочатъ; у другихъ видовъ, напротивъ, голосъ громкій и сильный, иногда до извѣстной степени измѣнчивый, который издалека кажется даже благозвучнымъ. Самцы кричатъ громче, полнѣе и чаще самокъ; молодыя птицы обоихъ половъ пищатъ, какъ гусенята. Умственныя способности лебедей не хуже способностей другихъ зубчатоклювыхъ. Они умны и понятливы, сообразуются съ обстоятельствами и съ отношеніемъ къ нимъ людей, но рѣдко откидываютъ свойственную имъ робость и сдержанность. Въ характерѣ ихъ выражается самоувѣренность и сознаніе собственнаго достоинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстная злоба, которая выражается въ склонности къ дракамъ между собою и въ стремленіи властвовать надъ болѣе слабыми птицами. Къ болѣе слабымъ пернатымъ лебеди относятся недружелюбно и недоброжелательно, такъ что, повидимому, не довольствуются той неограниченной властью, которую они такъ быстро умѣютъ себѣ завоевать; нерѣдко они неотвязно преслѣдуютъ другихъ плавающихъ птицъ, злобно нападаютъ на нихъ и убиваютъ безъ всякой причины, словно только ради того, чтобы проявить избытокъ своихъ силъ.

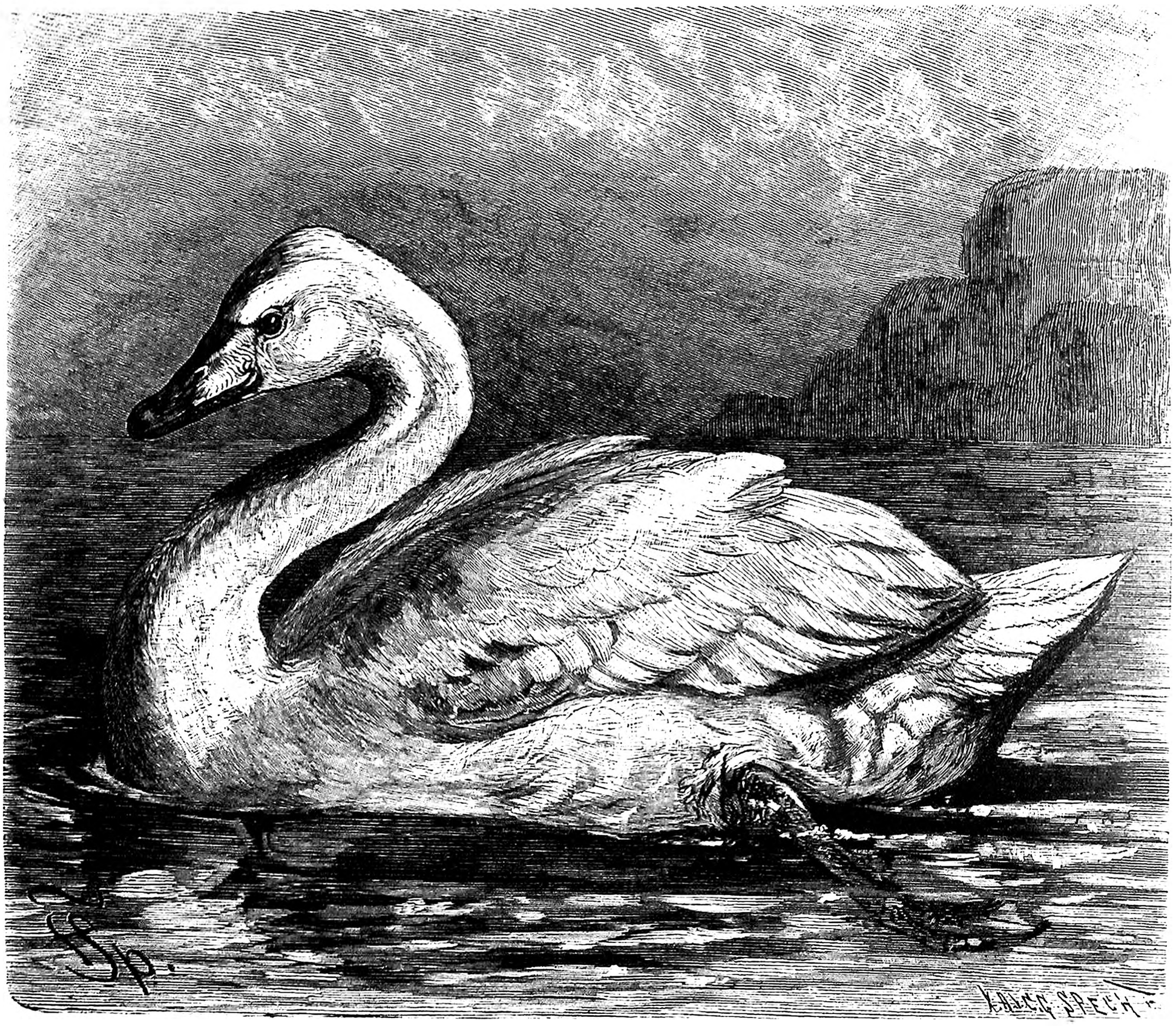
Зато супруги одной и той же пары нѣжно привязаны другъ къ другу, и однажды заключенный бракъ продолжается всю жизнь. Такъ же нѣжно относятся родители къ своему потомству; хотя самецъ самъ и не принимаетъ участія въ высиживаньи яицъ, но онъ все время вѣрно охраняетъ самку, все время остается по близости отъ нея, высматривая, не грозитъ ли какая-нибудь опасность, и развлекаетъ ее своимъ присутствіемъ. Гнѣздо представляетъ собою очень большое, незатѣйливое сооруженіе изъ разныхъ водныхъ растеній, отдѣланное и устланное сухимъ камышомъ и т. п. Тамъ, гдѣ есть маленькіе безопасные островки, самка устраиваетъ гнѣздо на нихъ; но если такого пристанища не имѣется, она сноситъ растенія въ одну большую кучу, которая, плавая по водѣ, можетъ выдержать тяжесть обоихъ супруговъ. Яйца, числомъ 6—8, снабжены толстой скорлупой и окрашены въ грязновато-бѣлый или грязновато-зеленый цвѣтъ; черезъ 5—6 недѣль изъ яицъ этихъ вылупляются молодыя птицы, въ высшей степени изящныя созданія, покрытыя густымъ пухомъ; приблизительно еще одинъ день онѣ грѣются и обсушиваются въ гнѣздѣ, затѣмъ родители ведутъ ихъ къ водѣ, учатъ отыскивать себѣ пищу, мать часто носитъ ихъ на спинѣ, по ночамъ же забираетъ подъ крылья; въ случаѣ опасности родители мужественно защищаютъ ихъ и вообще обращаются съ ними съ величайшею любовью до тѣхъ поръ, пока дѣти ихъ совершенно не оперятся и не сдѣлаются способными обходиться безъ всякаго ухода и руководства.

Питаются лебеди растительными веществами, находящимися въ водѣ или въ болотѣ, листьями и сѣменами, насѣкомыми и личинками, червями, раковинами, мелкими земноводными и рыбой.

Орланы и большіе орлы иногда хватаютъ старыхъ, чаще молодыхъ лебедей: но вообще этимъ гордымъ и способнымъ къ самозащитѣ птицамъ мало приходится страдать отъ хищниковъ. Человѣкъ преслѣдуетъ лебедей изъ за мяса и перьевъ, главнымъ же образомъ изъ за пуха. На сѣверѣ на лебедей охотятся изъ лодки, при сильномъ вѣтрѣ подплывая къ плавающимъ птицамъ или направляя на нихъ лодку такъ, чтобы она, подгоняемая вѣтромъ, набѣгала на нихъ. Тогда охотникъ можетъ надѣяться, что лебеди, поднимаясь на воздухъ, полетятъ, по обыкновенію своему, противъ вѣтра, и такимъ образомъ дадутъ охотнику возможность стрѣлять въ нихъ. Лебедей, пойманныхъ молодыми, при сколько-нибудь тщательномъ уходѣ легко вырастить, и тогда они дѣлаются столь же ручными, какъ и потомство прирученныхъ лебедей. Иные лебеди сильно привязываются къ своему хозяину; но ласки ихъ носятъ такой бурный характеръ, что, ухаживая за ними, надо принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности. Тѣмъ не менѣе ихъ красота и грація и въ настоящее время располагаетъ къ нимъ всякаго: они составляютъ самое лучшее украшеніе пруда.

*

Ручной лебедь, котораго держатъ на европейскихъ прудахъ, это лебедь-шипунъ (Cygnus olor), обитающій еще въ настоящее время на сѣверѣ Германіи и вообще Европы, а также въ восточной Сибири въ качествѣ дикой птицы. Продолговатое тѣло, стройная шея и красный клювъ длиною съ голову и украшенный чернымъ бугромъ, — вотъ отличительные признаки лебедя-шипуна; зная ихъ, нельзя смѣшать его ни съ какимъ другимъ видомъ. Опереніе его чистаго бѣлаго цвѣта, молодыя же птицы бываютъ сѣрыя или бѣлыя. Глаза каріе, клювъ красный, уздечки и бугоръ на клювѣ черные, ноги буроватыя или совершенно черныя. Длина 180 см. Самка нѣсколько меньше.

Лебедь-кликунъ (Cygnus musicus). 1/7 естеств. велич.

Отъ лебедя-шипуна лебедь-кликунъ (Cygnus musicus) отличается плотнымъ сложеніемъ, нѣсколько болѣе короткой и толстой шеей и отсутствіемъ бугра на клювѣ, хотя клювъ при основаніи все-таки утолщенъ и при основаніи желтаго, а на концѣ чернаго цвѣта. Длина 160 см.

Третій видъ, живущій въ Европѣ и сѣверной Азіи, это малый лебедь (Cygnus bewickii), отличается отъ лебедя-кликуна главнымъ образомъ своей малой величиной, тонкой шеей, очень высокимъ при основаніи клювомъ и 18-ю рулевыми перьями, составляющими хвостъ.

Лебедь-кликунъ нерѣдко встрѣчается на сѣверѣ Европы и водится также во всей сѣверной и средней Азіи вплоть до Берингова пролива, попадается и въ Америкѣ. Во время своихъ странствованій онъ всякую зиму залетаетъ въ Африку, а именно въ Египетъ и въ сѣверо-западную Африку, т. е. посѣщаетъ озера въ

Марокко, Алжирѣ и Тунисѣ. На берегу Балтійскаго моря лебеди-кликуны появляются уже въ октябрѣ; черезъ среднюю Германію они пролетаютъ въ ноябрѣ и декабрѣ, а на обратномъ пути — въ февралѣ или въ мартѣ.

По привлекательности и изяществу лебедь-кликунъ несомнѣнно уступаетъ своему родственнику, лебедю-шипуну. Зато онъ имѣетъ передъ послѣднимъ преимущество. а именно громкій и сравнительно благозвучный голосъ, впрочемъ, лишь издали похожій на звуки трубы и скрипки, съ которыми его сравниваютъ исландцы. Науманнъ передаетъ обыкновенный крикъ лебедя весьма вѣрно слогами „киллькліи“, а нѣжный звукъ, издаваемый ими, слогомъ „анг“. Оба эти звука вблизи имѣютъ мало пріятнаго, а скорѣе звучатъ рѣзко и даже пронзительно; но возможно, что они становятся благозвучнѣе, если слышатся издали и если ихъ издаетъ большое общество лебедей-кликуновъ.

Болѣе подробно говоритъ объ этихъ птицахъ Шиллингъ. „Лебедь-кликунъ приводитъ наблюдателя въ восхищеніе не только своей великолѣпной фигурой, своими вдумчивостью и умомъ — которые выражаются въ движеніи его головы и во всей осанкѣ, которою онъ отличается въ свою пользу отъ лебедя-шипуна, — но и громкими, чистыми тонами своего голоса; голосъ этотъ раздается по всякому поводу, въ качествѣ призыва, предостереженія, въ случаѣ спора, когда собираются стаи лебедей, и ради собственнаго развлеченія. Когда въ сильный морозъ воды озера кромѣ текучихъ мѣстъ со всѣхъ сторонъ замерзаютъ, и такимъ образомъ закрываются любимыя мѣстечки лебедя-кликуна, а именно неглубокія мѣста, когда эти красивыя птицы цѣлыми сотнями собираются на открытыхъ частяхъ воды и своимъ меланхолическимъ крикомъ какъ бы оплакиваютъ свое несчастіе и невозможность добыть себѣ пропитаніе изъ глубины, — въ эту пору, въ длинные зимніе вечера и въ теченіе цѣлыхъ ночей напролетъ, я много разъ слышалъ издалека, на разстояніи цѣлыхъ часовъ пути эти многоголосые жалобные звуки. Эти пѣвучіе крики напоминаютъ то колокольный звонъ, то звукъ духовыхъ инструментовъ; но въ сущности крики эти не похожи ни на то, ни на другое, а во многихъ отношеніяхъ превосходятъ ихъ, такъ какъ издаются живыми существами и больше говорятъ нашему чувству, чѣмъ звуки, издаваемые мертвымъ металломъ. Это своеобразное пѣніе и есть та лебединая пѣсня, сказаніе о которой считается вымысломъ.“ Изъ всѣхъ своихъ родственниковъ лебедь-кликунъ, пожалуй, самый вспыльчивый и задорный. Но онъ отличается смышленостью, которую обнаруживаетъ какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ. Въ Россіи его держатъ изъ-за его пѣнія и мало вниманія обращаютъ на лебедя-шипуна.

Въ болотахъ Финляндіи, сѣверной Россіи и средней Сибири, а также сѣверной Америки и Исландіи лебедь-кликунъ довольно часто выводитъ потомство. Въ Германіи иногда случается парочкѣ вывести потомство, но лишь въ видѣ исключенія.

Всѣ сѣверные народы усердно охотятся на лебедей. Для птицъ этихъ наступаетъ плохое время въ пору линянія, когда онѣ теряютъ большую часть своихъ маховыхъ перьевъ. Тогда изъ лодки ихъ убиваютъ палками. Въ это время какъ старые, такъ и молодые лебеди бываютъ очень жирны и особенно молодые доставляютъ превосходное жаркое.

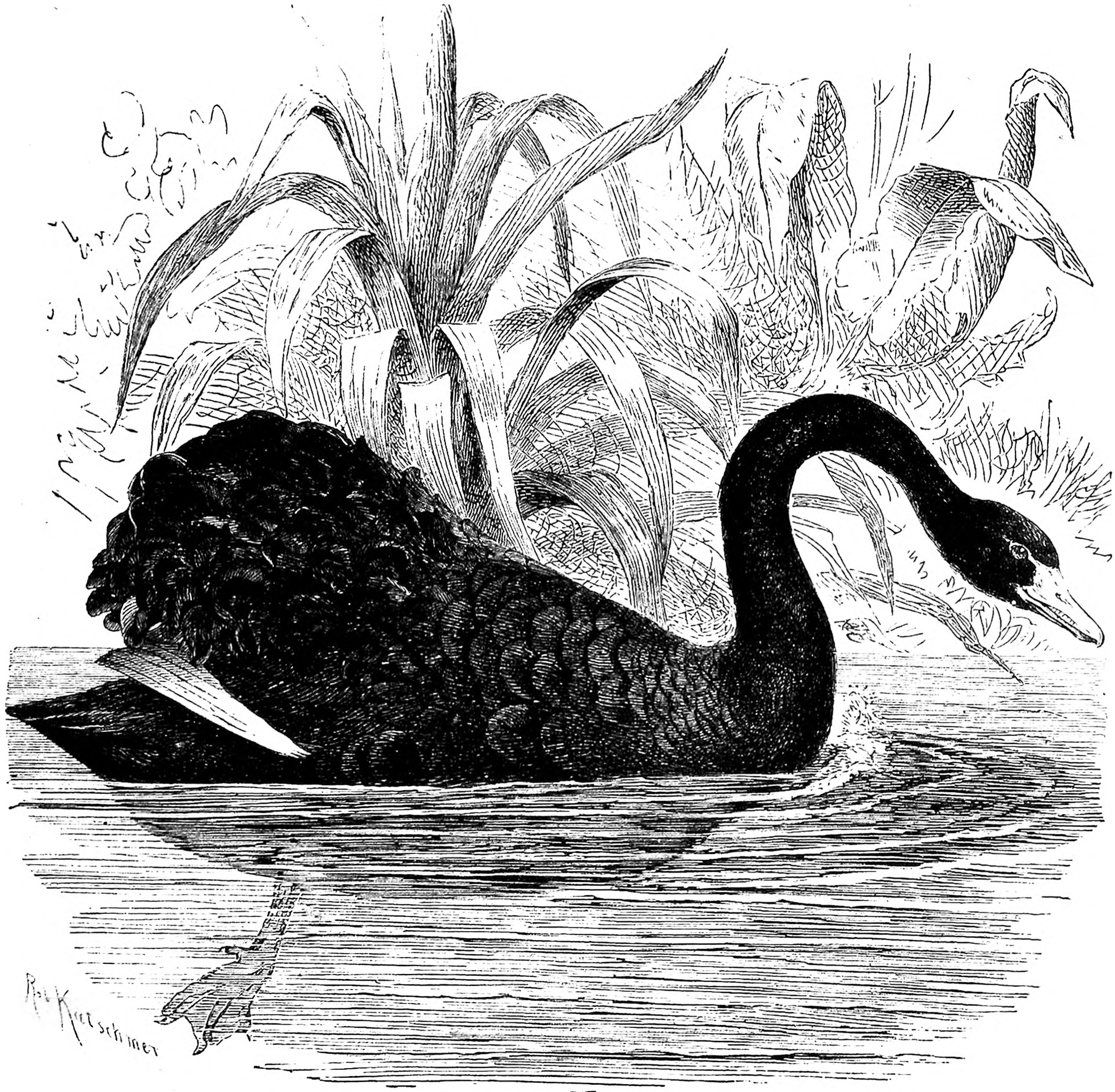
Изъ чужеземныхъ видовъ разсматриваемаго подсемейства красотою превосходитъ другихъ черношейный лебедь (Cygnus nigricollis). Оперепіе у него бѣлое; голова же, за исключеніемъ бѣлой бровной полоски, и шея сверху до середины черныя. Глаза каріе, клювъ свинцово-сѣрый, кончикъ клюва желтый, бугоръ на клювѣ и голое мѣсто уздечекъ кроваво-красные, ноги блѣдно-красныя. Длина равняется приблизительно 100 см.

Водится этотъ лебедь только на южной оконечности Америки, отъ южной части Перу до Фалкландскихъ острововъ, а отсюда вдоль восточнаго берега встрѣчается вплоть до Сантоса въ Бразиліи.

Съ начала 50-хъ годовъ черношейныхъ лебедей стали привозить живыми въ

европейскіе зоологическіе сады, гдѣ они при надлежащемъ уходѣ держатся очень хорошо. Нравомъ своимъ они напоминаютъ лебедей-кликуновъ, но слабый голосъ ихъ слышится лишь изрѣдка. Случалось, что они въ неволѣ размножались.

По красотѣ сложенія и привлекательности движеній лебедю-шипуну не уступаетъ черный лебедь (Cygnus atratus). Окраска мелкаго оперенія, почти однообразный буровато-черный цвѣтъ, который только на краяхъ перьевъ переходитъ въ черновато-сѣрый цвѣтъ, а на нижней сторонѣ становится нѣсколько свѣтлѣе, составляетъ великолѣпный контрастъ съ ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ всѣхъ большихъ маховыхъ перьевъ и большей части малыхъ маховыхъ перьевъ. Глаза алаго цвѣта, уздечка гвоздично-красная, клювъ яркаго карминово-краснаго цвѣта; полоска передъ кончикомъ надклювья и концы обѣихъ створокъ клюва бѣлаго цвѣта, ноги черныя. По величинѣ черный лебедь нѣсколько уступаетъ лебедю-шипуну.

Черный лебедь (Cygnus atratus). 1/6 естеств. велич.

Кукъ часто встрѣчалъ чернаго лебедя, извѣстнаго уже съ 1698 г., на берегу Австраліи; въ настоящее время мы знаемъ, что его часто еще можно встрѣтить на всѣхъ подходящихъ для него озерахъ, прудахъ и рѣкахъ южной Австраліи и Тасманіи. Въ мало посѣщаемыхъ мѣстностяхъ внутри Австраліи птица эта и те-

перь еще живетъ въ поразительномъ количествѣ и такъ мало пуглива, что черныхъ лебедей можно безъ труда убивать тамъ во множествѣ.

По характеру и повадкамъ черный лебедь имѣетъ много общаго со своими нѣмыми родственниками, но отличается большею крикливостью; особенно въ періодъ спариванья часто слышится его странный голосъ. Голосъ этотъ отчасти напоминаетъ глухіе трубные звуки и, слѣдовательно, трудно поддается описанію.

Для европейскихъ прудовъ черный лебедь столь же пригоденъ, какъ и всѣ прочіе члены его семейства. Онъ хорошо переноситъ суровую европейскую зиму и въ смыслѣ пищи непритязателенъ. Въ неволѣ онъ ежегодно размножается; одна единственная пара, купленная Бодинусомъ, который самъ ухаживалъ за нею, произвела болѣе 50-ти молодыхъ птицъ и населила пруды другихъ зоологическихъ садовъ.

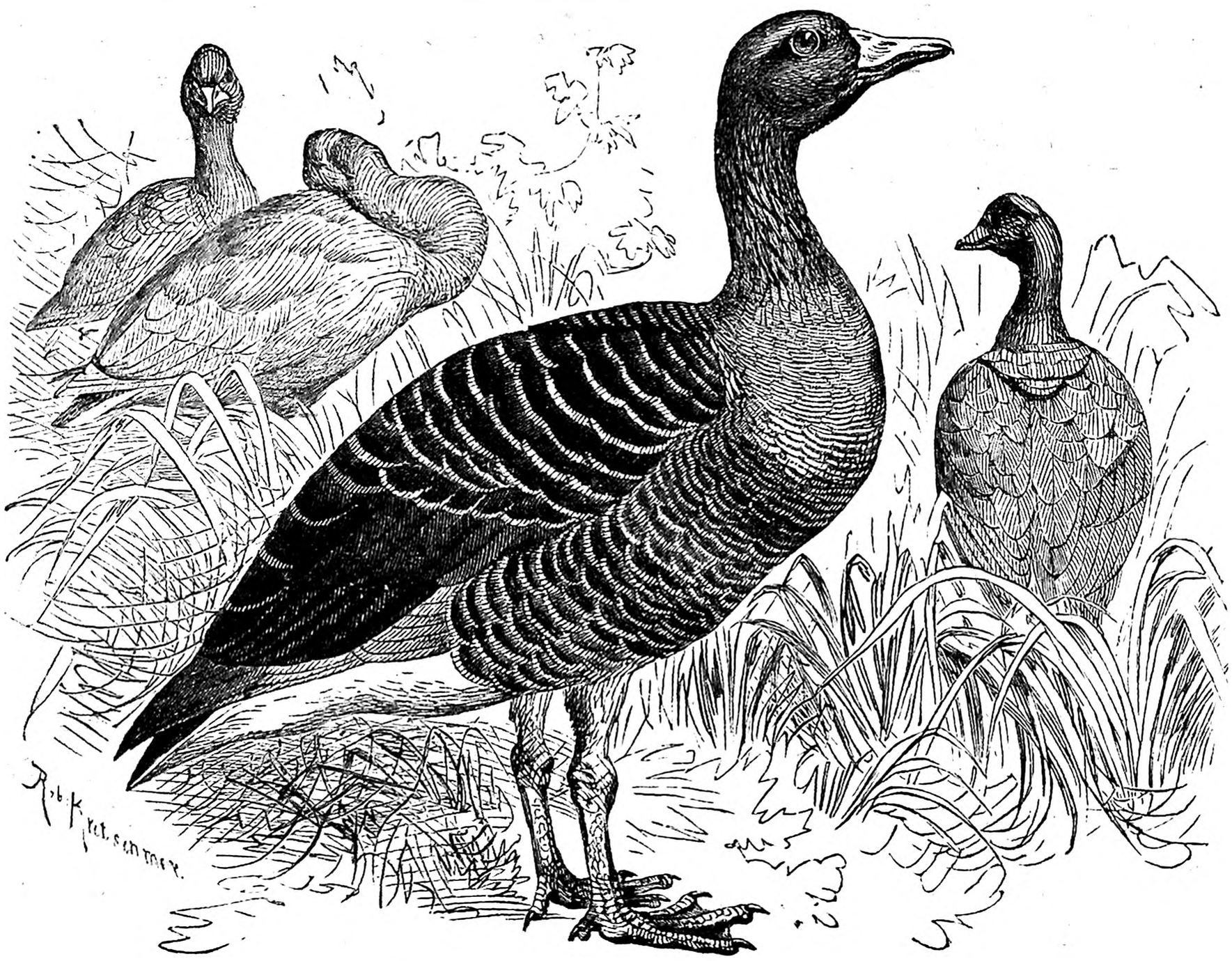
Гусиныя птицы (Anserinae), многочисленное подсемейство, обнимающее около 45 видовъ и распространенное по всей землѣ, отличаются отъ лебединыхъ плотнымъ сложеніемъ, болѣе короткой шеей, болѣе короткимъ клювомъ и болѣе высокими ногами, посаженными ближе къ серединѣ тѣла. Клювъ, длиною почти съ голову или меньше, наверху выпуклый, внизу плоскій, при основаніи очень высокій, на верху и внизу вытянутый въ широкій, выпуклый коготь съ острыми краями, по бокамъ вооруженный твердыми зубцами и покрытый на остальныхъ частяхъ мягкой кожей. Самецъ и самка замѣтно отличаются другъ отъ друга лишь въ исключительныхъ случаяхъ; но и въ такихъ случаяхъ опереніе самки по красотѣ можетъ соперничать съ опереніемъ самца. Молодыя птицы уже въ первый годъ жизни облекаются въ одежду, похожую на одежду стариковъ.

Въ каждой части свѣта водятся особые ей свойственные виды гусей. Въ Азіи и въ Европѣ многіе виды встрѣчаются одинаково часто; иные распространены по сѣверной части всего земного шара; по направленію къ югу птицы эти рѣзче отдѣляются другъ отъ друга. Онѣ меньше другихъ зубчатоклювыхъ живутъ въ водѣ, часть своей жизни проводятъ на сушѣ и даже на деревьяхъ. Въ равнинѣ гусиныя птицы встрѣчаются чаще, чѣмъ на горахъ; но и горъ онѣ не избѣгаютъ, и нѣкоторые виды попадаются именно на значительной высотѣ. Ходятъ онѣ превосходно, лучше всѣхъ прочихъ зубчатоклювыхъ, плаваютъ хотя хуже и медленнѣе утокъ и лебедей, но все-таки весьма ловко и быстро, въ юности или при опасности ныряютъ на значительную глубину; летаютъ онѣ легко и красиво, пролетаютъ въ одинъ пріемъ большія разстоянія, причемъ всегда располагаются въ видѣ клина и издаютъ жужжащій шорохъ. Многіе виды издаютъ ворчащіе звуки, другіе гогочутъ, немногіе, наконецъ, издаютъ звуки очень благозвучные и слышные издалека; въ гнѣвѣ большинство гусиныхъ птицъ шипитъ.

Почему гусей ославили, какъ глупыхъ птицъ, сказать трудно, такъ какъ наблюденіе убѣждаетъ насъ въ противномъ. Всѣ виды безъ исключенія принадлежатъ къ числу смышленныхъ, понятливыхъ, осторожныхъ и бдительныхъ птицъ. Онѣ недовѣрчиво относятся ко всякому человѣку, умѣютъ навѣрняка отличить охотника отъ крестьянина или пастуха, вообще знаютъ, какіе люди могутъ быть имъ опасными, выставляютъ сторожей и съ знаніемъ дѣла принимаютъ различныя мѣры предосторожности. Взятыя въ плѣнъ, онѣ быстро приспособляются къ измѣнившимся обстоятельствамъ и уже скоро становятся весьма ручными, вообще обнаруживаютъ способность примѣняться къ обстоятельствамъ, что только говоритъ въ пользу ихъ ума. Характеръ у нихъ также привлекательный. Нельзя отрицать свойственныхъ имъ до извѣстной степени властолюбія и сварливости; но большинство отличается чрезвычайною общительностью, хотя только между своими, и отдѣльныя семейства бываютъ нѣжно привязаны другъ къ другу. Въ періодъ спариванія дѣло не обходится безъ борьбы между самцами; но когда каждый самецъ обзавелся самкой, наступаетъ миръ, и различныя парочки выводятъ потомство рядомъ, не тревожа другъ друга. Однажды заключенный бракъ продолжается всю

жизнь; самецъ хоть не помогаетъ высиживать, но впослѣдствіи водитъ маленькихъ и служитъ всей семьѣ сторожемъ.

Гусиныя птицы преимущественно ѣдятъ растительную пищу. Онѣ откусываютъ своимъ крѣпкимъ клювомъ съ острыми краями травы и разные виды хлѣбныхъ растеній, капусту и другія овощи, сдираютъ кору съ молодыхъ деревьевъ, рвутъ листья, ягоды, стручки или колосья, послѣдніе быстро и ловко вылущиваютъ и добираются до зеренъ; мелкія воды онѣ также обыскиваютъ и не брезгаютъ подходящими частями водныхъ растеній. Немногіе виды питаются также насѣкомыми, раковинами и мелкими позвоночными. Тамъ, гдѣ гусиныя птицы встрѣчаются массами, онѣ могутъ причинить вредъ, но въ то же время приносятъ пользу превосходнымъ своимъ мясомъ и обильнымъ опереніемъ.

Сѣрый гусь (Anser ferus). 1/5 естеств. велич.

Всѣ виды подвергаются усерднымъ преслѣдованіямъ, особенно въ пору линянія, когда многіе гуси въ теченіе нѣсколькихъ недѣль становятся неспособными летать.

*

У сѣраго гуся (Anser ferus, cinereus), родоначальника нашего домашняго гуся, спина буровато-сѣрая, нижняя сторона желтовато-сѣрая, скудно и неправильно покрытыя пятнами; мелкія покровныя перья крыльевъ чистаго пепельно-сѣраго цвѣта, перья надхвостья, брюшка и нижнія кроющія перья хвоста бѣлаго цвѣта, всѣ прочія перья верхней стороны тѣла желтовато-сѣрыя съ бѣлыми стержнями; на груди и на бокахъ брюшка перья темнаго изжелта-сѣраго цвѣта, маховыя и рулевыя перья черновато-сѣрыя съ бѣлыми стержнями, рулевыя перья съ бѣлыми кончиками. Глаза свѣтло-каріе, клювъ при основаніи блѣднаго мясного краснаго цвѣта, коготь на кончикѣ клюва воскового желтаго цвѣта, ноги блѣднаго мясного краснаго цвѣта. Длина 98 см.

Сѣрый гусь единственный изъ встрѣчающихся въ Европѣ видовъ, который выводитъ потомство въ Германіи, ибо водится онъ скорѣе въ умѣренныхъ странахъ, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ. Область его распространенія тянется отъ Нор-

вегіи по направленію къ востоку черезъ всю Европу и Азію до крайней восточной оконечности этой послѣдней; по направленію къ югу 45-й градусъ составляетъ приблизительно границу той области, гдѣ выводится потомство. Въ Германіи сѣрый гусь появляется въ концѣ февраля или въ началѣ марта, т. е. раньше настоящаго таянія снѣговъ; прилетаетъ онъ семьями или небольшими обществами, заявляетъ о своемъ прибытіи веселыми криками, располагается на мѣстахъ вывода и своимъ образомъ дѣйствій показываетъ, что, прибывъ на родину, чувствуетъ себя какъ дома. Какъ только въ концѣ іюля бываетъ окончено линяніе, сѣрый гусь помышляетъ объ отлетѣ, но, по крайней мѣрѣ вначалѣ, отправляется въ путь не торопясь, словно уступая свое мѣсто улетающимъ вслѣдъ за нимъ гумменникамъ. Во время путешествія сѣрые гуси рѣдко собираются въ многочисленныя стаи; въ большинствѣ случаевъ только родители соединяются со своими взрослыми дѣтьми.

Въ былые годы сѣрые гуси выводили потомство на всѣхъ большихъ стоячихъ водахъ Германіи; въ настоящее же время въ обширныхъ топяхъ сѣверной и восточной Германіи можно встрѣтить лишь отдѣльныя парочки, большинство же изъ нихъ живетъ въ Помераніи и восточной Пруссіи. Предпочтеніе отдается болотамъ, которыя тамъ и сямъ смѣняются большими водными пространствами или окружаютъ таковыя, имѣютъ зыбкую почву и окаймляютъ мало доступные острова, поросшіе травой, тростникомъ и кустарникомъ. На этихъ островахъ послѣ своего прибытія водворяются парочки, чтобы отдохнуть, а впослѣдствіи здѣсь же устраиваютъ свои гнѣзда.

Потомки сѣраго гуся, наши домашніе гуси, почти не утратили характера и свойствъ своихъ родоначальниковъ; но дикіе сѣрые гуси, какъ всѣ дикія животныя, держатся болѣе гордо, двигаются скорѣе и производятъ на наблюдателя нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ домашніе. Дикіе гуси ходятъ очень скоро и хорошо, гораздо легче и ловче домашнихъ, плаваютъ хорошо, при большой опасности ныряютъ на извѣстную глубину, но на водѣ менѣе ловки, нежели на землѣ. Полетъ у нихъ очень хорошъ, правда, не такъ легокъ и красивъ, какъ у родственныхъ видовъ, но продолжителенъ и все-таки довольно быстръ. Когда птица снимается съ мѣста, то взмахи ея крыльевъ производятъ громкое шуршаніе, такой же шорохъ слышится, когда сѣрый гусь опускается, и къ этому присоединяется всплескъ воды, когда гусь садится на ея поверхность. Намѣреваясь пролетѣть небольшое разстояніе, парочка рѣдко поднимается на большую высоту, какъ дѣлаетъ это обыкновенно въ другихъ случаяхъ; при этомъ самка бо́льшею частью летитъ впереди самца, между тѣмъ какъ во время перелета на вершинѣ клина помѣщается то самецъ, то самка. Призывной крикъ звучитъ, какъ громкое „гакакакгак“, которое часто повторяется одно за другимъ, а когда самецъ и самка перекликаются, переходитъ въ „гикгак“; разговаривая, птицы издаютъ звуки вродѣ „тат тат тат тат тат“; возгласъ, выражающій большую радость, звучитъ какъ „тэн“; въ страхѣ слышится протяжное „кэкакак какак какакакакак“; въ гнѣвѣ оба супруга шипятъ, т. е. дикіе гуси издаютъ совершенно такіе же звуки, какъ наши домашніе.

Весь образъ дѣйствій сѣраго гуся свидѣтельствуетъ объ его смышлености. Онъ всегда бываетъ остороженъ и недовѣрчивъ; только на мѣстѣ вывода онъ при приближеніи человѣка дольше не двигается съ мѣста, чѣмъ въ другое время. Назвать сѣраго гуся общительнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова нельзя. Только домашніе гуси пользуются расположеніемъ своихъ дикихъ родичей, которые часто приближаются къ нимъ на пастбищахъ и иногда смѣшиваются съ ними. Но насколько сѣрый гусь мало интересуется чуждыми птицами, настолько близки отношенія семействъ этихъ птицъ между собою. До весны семьи не разлучаются, иногда вмѣстѣ совершаютъ обратный путь, и каждый начинаетъ жить самостоятельно лишь тогда, когда старики снова приступаютъ къ выводу.

Тотчасъ послѣ прибытія, весною, соединившіяся парочки отыскиваютъ себѣ подходящія мѣста для устройства гнѣзда. Гусыня усердно занимается тѣмъ, что собираетъ и приноситъ строительный матеріалъ. Сначала она собираетъ то, что лежитъ по близости, а затѣмъ, для постройки верхней части, тщательно вы-

бираются уже новые матеріалы, которые нерѣдко приносятся издалека. Безпорядочно и неплотно сложенный нижній слой составленъ изъ толстыхъ стеблей, прутиковъ, листьевъ камыша, тростника, ситника и т. д., углубленіе же гнѣзда устлано болѣе нѣжными веществами и толстымъ слоемъ пуха. Болѣе старыя самки кладутъ по 7—14 яицъ, болѣе молодыя по 5—6 яицъ, похожихъ на яйца домашней гусыни; яйца эти съ гладкой скорлупой, безъ блеска, довольно крупно-зернистаго строенія, зеленовато-бѣлаго или тускловато-желтоватаго цвѣта. Въ гнѣздахъ болѣе старыхъ парочекъ въ началѣ марта можно найти первое яйцо, а около середины мѣсяца, самое позднее въ концѣ мѣсяца, мать уже высиживаетъ ихъ. Приступая къ этому дѣлу, она выщипываетъ у себя весь пухъ, выстилаетъ имъ внутренній край гнѣзда и, удаляясь, всякій разъ заботливо прикрываетъ имъ яйца.

На 28-й день послѣ начала высиживанья вылупляются молодыя птицы, которыхъ еще въ теченіе одного дня держатъ въ гнѣздѣ, а затѣмъ ведутъ къ водѣ и учатъ добывать себѣ кормъ. Ряска, водныя травы и т. п. составляютъ первую пищу малютокъ. Впослѣдствіи они посѣщаютъ поля и луга. Вечеромъ и старъ, и младъ еще возвращаются въ гнѣздо; недѣли черезъ двѣ гнѣздо становится слишкомъ маленькимъ для подросшихъ малютокъ, и онѣ засыпаютъ уже въ другихъ мѣстахъ, прикурнувъ рядомъ съ матерью. Послѣ вылупленія молодыхъ птицъ гусакъ становится болѣе бдительнымъ. Мать идетъ или плыветъ впереди семьи, затѣмъ слѣдуютъ тѣсной кучкой дѣти, отецъ же составляетъ своего рода арріергардъ. Если грозитъ какая-нибудь опасность, онъ первый подаетъ знакъ къ бѣгству. „Любителю природы“, говоритъ Науманнъ, „доставляетъ огромное удовольствіе слѣдить за такими семьями дикихъ гусей, хорошо спрятавшись въ ясный майскій вечеръ, когда на закатѣ солнца на разныхъ мѣстахъ, но почти въ одно и то же время одна птица за другою вылѣзаетъ изъ камыша, выплываетъ на открытую водную поверхность, тихонько плыветъ къ заманчивому берегу, между тѣмъ, какъ отецъ, сильно озабоченный безопасностью своихъ, удваиваетъ свою бдительность, если что-нибудь подозрѣваетъ недоброе, а прибывъ на пастбище, самъ почти не рѣшается клевать; если же его тревога оказывается основательной, онъ предостерегаетъ своихъ сначала тихими звуками, а при наступленіи настоящей опасности, къ стыду своему, первый съ жалобнымъ крикомъ обращается въ бѣгство. Зато мать въ такихъ случаяхъ гораздо храбрѣе и больше заботится о спасеніи своего потомства, нежели о своемъ собственномъ.“

Сѣрые гуси, пойманные молодыми, скоро становятся ручными; даже старые, попавшіе во власть человѣка, привыкаютъ къ утратѣ свободы и считаютъ человѣка доброжелательнымъ существомъ, заботящимся о нихъ. Но даже тѣ дикіе гуси, которые высижены и выращены домашними, сохраняютъ свой характеръ. Какъ только они чувствуютъ себя взрослыми, въ нихъ пробуждается стремленіе къ свободѣ: они начинаютъ летать и, если ихъ насильственно не задерживаютъ, улетаютъ вмѣстѣ съ другими дикими гусями на югъ. Иногда нѣкоторые изъ такихъ гусей снова возвращаются на тотъ дворъ, гдѣ выросли; но такіе гуси составляютъ исключеніе. Изъ четырехъ высиженныхъ домашними гусями и выросшихъ на дворѣ дикихъ гусей, которыхъ наблюдалъ Бойе, трое мало по малу удалились изъ подъ опеки своего хозяина; но одинъ въ слѣдующую весну возвратился въ усадьбу, гдѣ выросъ, и возвращался туда въ теченіе 13-ти лѣтъ, послѣ чего исчезъ, т. е., вѣроятно, погибъ. Въ эти 13 лѣтъ онъ никогда не прилеталъ раньше 1-го и никогда позже 4-го апрѣля, т. е. являлся на нѣсколько недѣль позже, чѣмъ прочіе гуси, въ усадьбѣ былъ очень ручной, внѣ же усадьбы такъ же дикъ, какъ другіе дикіе гуси; въ первыя недѣли послѣ своего прибытія онъ обыкновенно утромъ и вечеромъ приходилъ за кормомъ, оставался во дворѣ съ полчаса или съ часъ, но затѣмъ всегда улеталъ прямо къ сосѣднему озеру, такъ что полагали, что у него тамъ было гнѣздо. Начиная съ того времени, когда у дикихъ гусей вылупляются малютки, онъ дольше оставался въ усадьбѣ, а позднѣе постоянно проводилъ тамъ время. Въ 10 часовъ вечера онъ всегда снимался съ мѣста и улеталъ въ прежнемъ направленіи, т. е. къ озеру.

Старые сѣрые гуси нерѣдко попадаются на обѣдъ крупнымъ орламъ и соко-

ламъ, иногда дѣлаются добычей лисицъ и волковъ. Человѣка они всегда очень опасаются, а потому охотиться на нихъ можетъ только опытный охотникъ. Если, подъ какимъ-нибудь прикрытіемъ, встать на томъ пути, по которому они всегда пролетаютъ, напримѣръ, засѣсть въ тростникѣ, то убить ихъ легко; удается также нерѣдко ночная охота съ загонщиками и выставленными впередъ стрѣлками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣрыхъ гусей преслѣдуютъ на лодкѣ безъ соблюденія всякихъ охотничьихъ правилъ: по примѣру лапландцевъ, въ то время, когда они не могутъ летать, заставляютъ ихъ постоянно нырять, пока они не выбьются изъ силъ и затѣмъ убиваютъ палками или изъ ружья. Мясо старыхъ дикихъ гусей твердое и упругое, мясо же молодыхъ птицъ замѣчательно вкусно. Перья сѣрыхъ гусей очень цѣнятся и справедливо считаются лучше перьевъ домашняго гуся; особенно хорошимъ считается пухъ.

Своеобразна окраска бѣлаго гуся (Anser hyperboreus). Взрослая птица вся бѣлоснѣжная, за исключеніемъ первыхъ десяти маховыхъ перьевъ; эти же послѣднія черныя, стержни ихъ при основаніи бѣлые, на концахъ же также черные. У молодыхъ птицъ опереніе только на головѣ съ бѣловато-сѣроватымъ налетомъ, на нижней сторонѣ шеи, на верхней части спины, на плечахъ, на груди и на бокахъ черновато-сѣрое, ниже оно блѣднѣе. Глаза темно-каріе, клювъ блѣднаго грязновато-краснаго цвѣта, по краямъ черноватый, ноги блѣднаго грязноватаго карминово-краснаго цвѣта. Длина 86 см.

Родина бѣлаго гуся — далекій сѣверъ Америки; но онъ водится также въ сѣверо-восточной Азіи, иногда залетаетъ въ Европу и причисляется даже къ германскимъ птицамъ. Во время своихъ путешествій черезъ Соединенные Штаты бѣлые гуси обыкновенно летятъ высоко; вслѣдствіе этого, быть можетъ, происходитъ то, что составить себѣ понятіе о количествѣ гусей, странствующихъ по сѣверной Америкѣ, можно лишь посѣтивъ ихъ на мѣстѣ ихъ зимовки. Летаютъ бѣлые гуси превосходно, ходятъ хорошо, держатся, однако, не такъ хорошо, какъ канадская казарка. Прибывъ на зимовку, бѣлые гуси относятся къ человѣку довѣрчиво; но горькій опытъ скоро дѣлаетъ ихъ очень боязливыми.

По словамъ Баренстона, этотъ гусь является на сѣверѣ Америки почти что главною дичью, и индѣйцы производятъ большія опустошенія среди странствующихъ стай. Говорятъ, что хорошему охотнику во время перелета нерѣдко удается положить на мѣстѣ цѣлыя сотни этихъ птицъ.

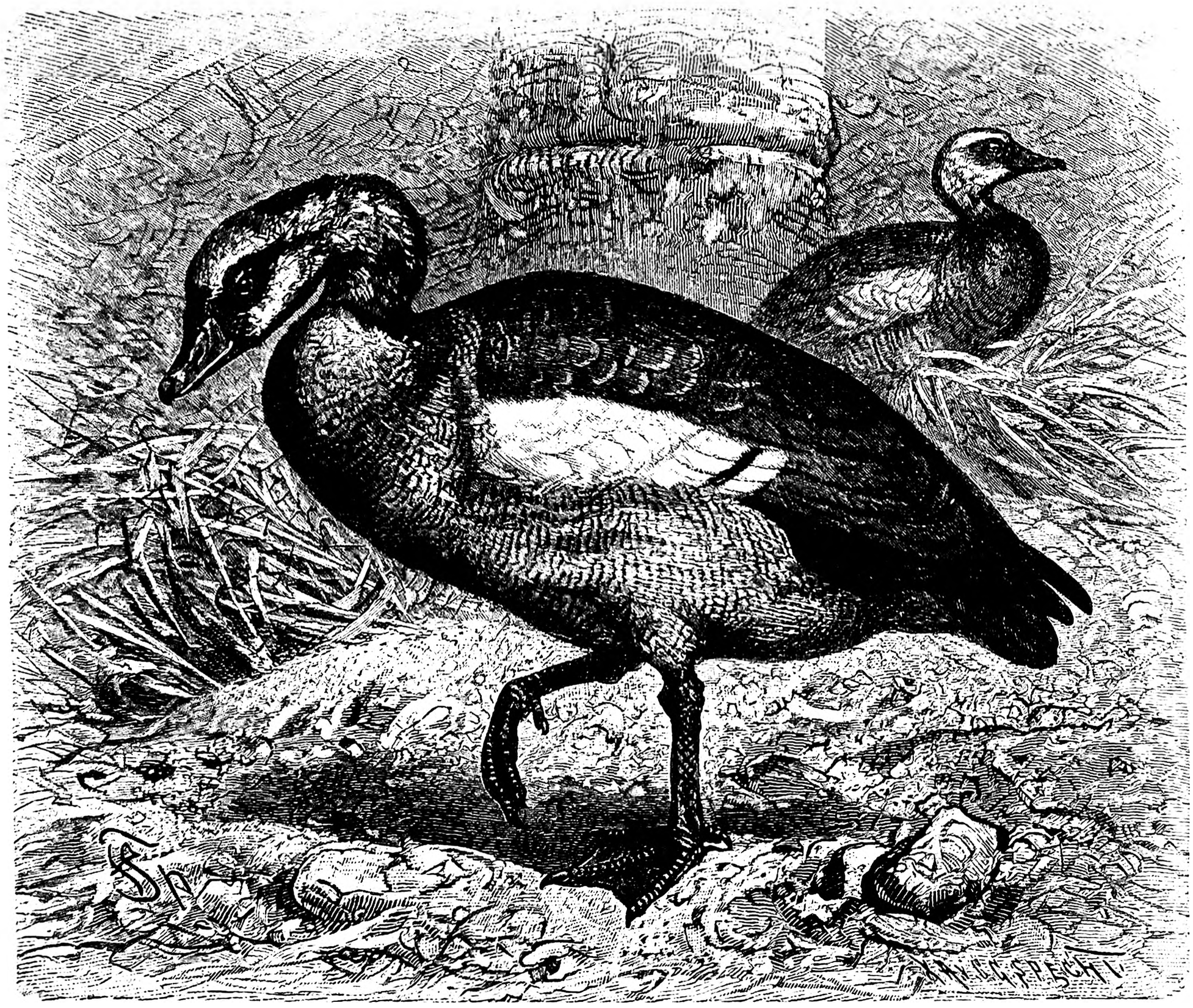
*

Казарки (Branta) — сравнительно небольшія, плотно сложенныя, но тѣмъ не менѣе изящныя птицы.

Въ Германіи водится три вида этого рода и чаще всего встрѣчается черная казарка (Branta bernicla). У нея передняя часть головы, шея, маховыя и рулевыя перья черныя, спина, грудь и верхняя часть брюшка темно-сѣрые съ нѣсколько болѣе свѣтлыми каемками, бока брюшка, область зада и верхнія кроющія перья хвоста бѣлые. По обѣимъ сторонамъ шеи находится полулунное бѣлое поперечное пятно. Длина птицы 62 см.

Родина черной казарки — отдаленный сѣверъ Стараго и Новаго Свѣта. Потомство свое она выводитъ на берегахъ и островахъ, лежащихъ между 60-мъ и 80-мъ градусами сѣверной широты. На Исландіи выводятъ потомство лишь немногія черныя казарки, на Шпицбергенѣ же очень многія. Изъ этой негостепріимной родины черныя казарки ежегодно предпринимаютъ странствованія, которыя заносятъ ихъ къ берегамъ Германіи, а иногда заставляютъ отправляться въ еще болѣе южныя страны. Въ концѣ октября или самое позднее въ началѣ ноября, цѣлыя тысячи казарокъ населяютъ всѣ плоскіе берега Балтійскаго и Нѣмецкаго моря. Куда ни обернется глазъ, всѣ мели, обнажаемыя отливомъ, бываютъ покрыты этими гусиными птицами; крикъ ихъ заглушаетъ шумъ прибоя; массы ихъ, когда онѣ взлетаютъ на воздухъ, издали похожи на густой дымъ, и даже приблизительное опредѣленіе ихъ числа, повидимому, невозможно.

Подобно своимъ родственникамъ, черная казарка птица береговая, рѣдко теряющая изъ вида море и посѣщающая внутреннія части суши лишь въ видѣ исключенія, слѣдуя по теченію крупныхъ рѣкъ. Отъ своихъ родственниковъ, болѣе обжившихся на сушѣ, черная казарка отличается изяществомъ и привлекательностью, общительностью и миролюбіемъ, отнюдь не уступая имъ остротою своихъ внѣшнихъ чувствъ. Въ неволѣ черная казарка на первыхъ порахъ бываетъ очень робка, скоро, однако, она примиряется съ измѣнившимися обстоятельствами и мало по малу искренно привязывается къ своему хозяину, является на его зовъ, проситъ у него корму и, удѣляя ей достаточно вниманія, можно пріучить ее слѣдовать за собой по пятамъ, какъ собачку.

Нильскій гусь (Chenalopex aegyptiacus). 1/3 естеств. велич.

Въ отношеніи пищи казарки отличаются отъ гусей тѣмъ, что, кромѣ травы и водныхъ растеній, поѣдаютъ еще мягкотѣлыхъ животныхъ. На далекомъ сѣверѣ онѣ срываютъ, вѣроятно, всѣ растущія тамъ растенія; южнѣе онѣ отдаютъ предпочтеніе свѣжей луговой травѣ передъ другими растеніями. Плѣнныя черныя казарки привыкаютъ ѣсть зерна, но если желательно сохранить ихъ подольше, то слѣдуетъ давать имъ другія растительныя вещества, а именно различныя зеленыя части растеній.

На далекомъ сѣверѣ эскимосы и китоловы охотятся, между прочимъ, и на черныхъ казарокъ; на южныхъ берегахъ осенью и весною ихъ избиваютъ тысячами; въ Голландіи при помощи заманивающихъ птицъ ихъ ловятъ еще въ большихъ количествахъ. Мясо ихъ считается вкуснымъ, но отзывается ворванью, что не всякому нравится. Такъ какъ этотъ привкусъ происходитъ отъ употребляемыхъ казарками въ пищу молюсковъ, то въ Голландіи пойманныхъ казарокъ нѣкоторое время кормятъ зернами, откармливаютъ ихъ и только послѣ этого рѣжутъ.

Изъ чужеземныхъ видовъ нашего вниманія заслуживаетъ нильскій гусь (Chenalopex aegyptiacus), такъ какъ онъ изъ Африки и Сиріи довольно правильно прилетаетъ въ южную Европу и не разъ забирался въ Германію. Нильскій гусь — представитель рода древесныхъ гусей и характеризуется стройнымъ сложеніемъ, тонкой шеей, большой головой, короткимъ клювомъ, высокими ногами, широкими крыльями и великолѣпнымъ опереніемъ. Бока головы и передняя часть шеи у него желтовато-бѣлые съ мелкими крапинками, пятно вокругъ глаза, задняя часть шеи и широкая полоса на средней части шеи ржаво-бурыя, опереніе верхней стороны сѣрое съ чернымъ, опереніе нижней стороны изсѣра-желтое съ черными и бѣлыми поперечными волнообразными полосами; середина груди и брюшка свѣтлѣе, причемъ грудь украшена большимъ кругловатымъ коричнево-бурымъ пятномъ, перья зада красиваго ржаво-желтаго цвѣта, кроющія перья крыльевъ бѣлыя, передъ концомъ черныя съ великолѣпнымъ металлическимъ отливомъ; концы маховыхъ перьевъ и рулевыя перья блестящаго чернаго цвѣта. Глаза желтые или оранжево-желтые, клювъ синевато-красноватый или свѣтло-желтый. Длина 70 см.

Отъ Египта до Капланда и отъ восточнаго берега до внутреннихъ частей Африки простирается родина нильскаго гуся; на западномъ берегу онъ, повидимому, отсутствуетъ. Изъ Африки онъ перебрался въ Палестину и Сирію и не разъ залеталъ въ Грецію, южную Италію и южную Испанію. Еще неизвѣстно, можно-ли считать залетными птицами тѣхъ нильскихъ гусей, которые были убиты въ сѣверной и западной Франціи, въ Бельгіи и Германіи, или же это были гуси, улетѣвшіе изъ неволи.

Въ пору вывода нильскихъ гусей можно наблюдать парами, а затѣмъ въ обществѣ молодыхъ птицъ; позднѣе можно видѣть безчисленныя сонмища ихъ, иногда на протяженіи цѣлыхъ миль покрывающія оба берега рѣкъ. Нильскій гусь, повидимому, тѣсно связанъ съ водой и притомъ съ прѣсной водой; но онъ настолько непритязателенъ, что его удовлетворяетъ уже дождевой ручеекъ, лишь тамъ и сямъ доходящій до нѣкоторой глубины. Все-таки передъ всякими другими мѣстностями онъ отдаетъ предпочтеніе поросшимъ лѣсомъ берегамъ рѣкъ, такъ какъ всего охотнѣе выводитъ потомство въ лѣсу и притомъ на деревьяхъ. Въ области сѣвернаго Нила нильскій гусь любитъ селиться на островахъ и на песчаныхъ меляхъ. Отсюда онъ вылетаетъ на поля, гдѣ щиплетъ траву, и туда собирается для отдыха или для развлеченія.

Бѣгаетъ нильскій гусь не хуже длинноногаго шпорцеваго гуся, плаваетъ очень искусно, глубоко погрузивъ грудь въ воду, ныряетъ, преслѣдуя добычу, быстро и подолгу на значительную глубину или долго плыветъ подъ водою, гребя ногами и крыльями; летаетъ съ сильнымъ шорохомъ, но все-таки легко и быстро и непосредственно одинъ за другимъ, если держится парами, если же поднимается массами, то взлетаетъ въ видѣ безпорядочной кучи, которая, однако, принимаетъ клинообразную форму, когда предстоитъ пролетѣть большое разстояніе. Голосъ у нильскаго гуся негромкій, звучитъ какъ-то странно и хрипло, дребезжитъ и нѣсколько похожъ на звуки, издаваемые плохой трубой. Особенное вниманіе обращаетъ на себя крикъ этихъ птицъ, когда онѣ чѣмъ-нибудь озабочены или когда самецъ сердится.

Нильскій гусь всегда бываетъ остороженъ, всегда заботится о своей безопасности и въ высшей степени недовѣрчивъ; если онъ подвергается преслѣдованіямъ, становится такъ же боязливъ, какъ и всякая другая гусиная птица, умѣетъ опредѣлять разстоянія и отличать чужестранца отъ туземца, котораго меньше боится. Характеръ нильскаго гуся непривлекателенъ. Онъ принадлежитъ къ самымъ властолюбивымъ и злобнымъ птицамъ и даже со своими не живетъ въ ладу, хотя вступаетъ съ ними въ союзы. Въ періодъ спариванья самцы дерутся между собою не на жизнь, а на смерть, по крайней мѣрѣ въ неволѣ.

Въ Египтѣ на нильскаго гуся охотятся турки и европейцы; въ восточномъ Суданѣ опасными врагами его являются, повидимому, только орлы и крокодилы. Мясо его не отличается по вкусу отъ мяса другихъ дикихъ гусей; мясо моло-

дыхъ гусей очень вкусно, мясо старыхъ твердо и упруго, но супъ изъ него варится превосходный.

*

Индѣйское сказаніе повѣствуетъ о томъ, что двое любящихъ были превращены въ гусей и обречены на то, чтобы провести ночь вдали другъ отъ друга на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки; съ тѣхъ поръ они постоянно перекликаются такимъ образомъ: „Чаква, прійти къ тебѣ?“—„Нѣтъ, чакви.“—„Чаква, не приходить къ тебѣ?“—„Нѣтъ, чакви.“—Сказаніе это относится къ карагаткѣ, или браминскому гусю (Tadorna casarca), представителю рода норковыхъ гусей (Tadorna). Опереніе у карагатки преимущественно ржаво-краснаго цвѣта, область щекъ желтовато-бѣлаго цвѣта, узенькая полоска на нижней части шеи, появляющаяся только въ брачную пору, зеленовато-черная; верхнія и нижнія покровныя перья крыла бѣлыя, спина стальнаго зеленаго цвѣта, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста, маховыя и рулевыя перья блестящаго чернаго цвѣта. Глаза свѣтло-каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. Длина 62 см.

Центръ области распространенія карагатки — средняя Азія. На востокѣ родина этой птицы простирается до верхняго Амура, на западъ до Марокко. Во время своего перелета она весьма правильно посѣщаетъ Грецію, южную Италію, въ одиночку залетаетъ въ Испанію, здѣсь проводитъ, вѣроятно, также зиму, но обыкновенно летитъ дальше. Во всей Индіи она хорошо извѣстна, такъ какъ въ качествѣ зимняго гостя встрѣчается во всѣхъ частяхъ полуострова Индостана. На сѣверъ и сѣверо-западъ она иногда залетаетъ и такимъ образомъ забирается и въ среднюю Германію; но здѣсь она появляется лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Тотъ, кто станетъ судить о карагаткѣ только по ея небольшой величинѣ, сочтетъ ее за утку; тотъ же, кто хорошо знаетъ ее, будетъ считать ее гусемъ. Не говоря уже о томъ, что окраска оперенія карагатки свидѣтельствуетъ о близкомъ родствѣ съ другими гусиными птицами, ея образъ жизни, нравы, походка, полетъ, манера плавать, голосъ, даже способъ вывода потомства, сходны съ свойствами, нравами и привычками гусиныхъ птицъ, а не утокъ. Живя парочками и сохраняя супружескую вѣрность, подобно другимъ гусинымъ птицамъ, карагатка больше обитаетъ около воды, нежели на водѣ, рѣшительно избѣгаетъ топей и болотъ и отыскиваетъ лужайки, луга, поросшіе сочною травою, поля съ зеленѣющими хлѣбами, гдѣ на манеръ гусей щиплетъ свой кормъ. Животной пищей карагатка отнюдь не брезгаетъ, но несомнѣнно отдаетъ предпочтеніе пищѣ растительной. Ея громкій, далеко разносящійся голосъ, звукоподражаніемъ которому является русское названіе птицы „турпанъ“, можетъ быть сопоставленъ только съ крикомъ другихъ гусиныхъ птицъ. Нигдѣ и никогда карагатка, живущая на свободѣ, не оставляетъ своей осторожности. Близъ мѣста вывода она такъ же боязлива, какъ на мѣстѣ зимовки, и такъ же мало довѣряетъ туземцамъ, какъ и чужестранцамъ.

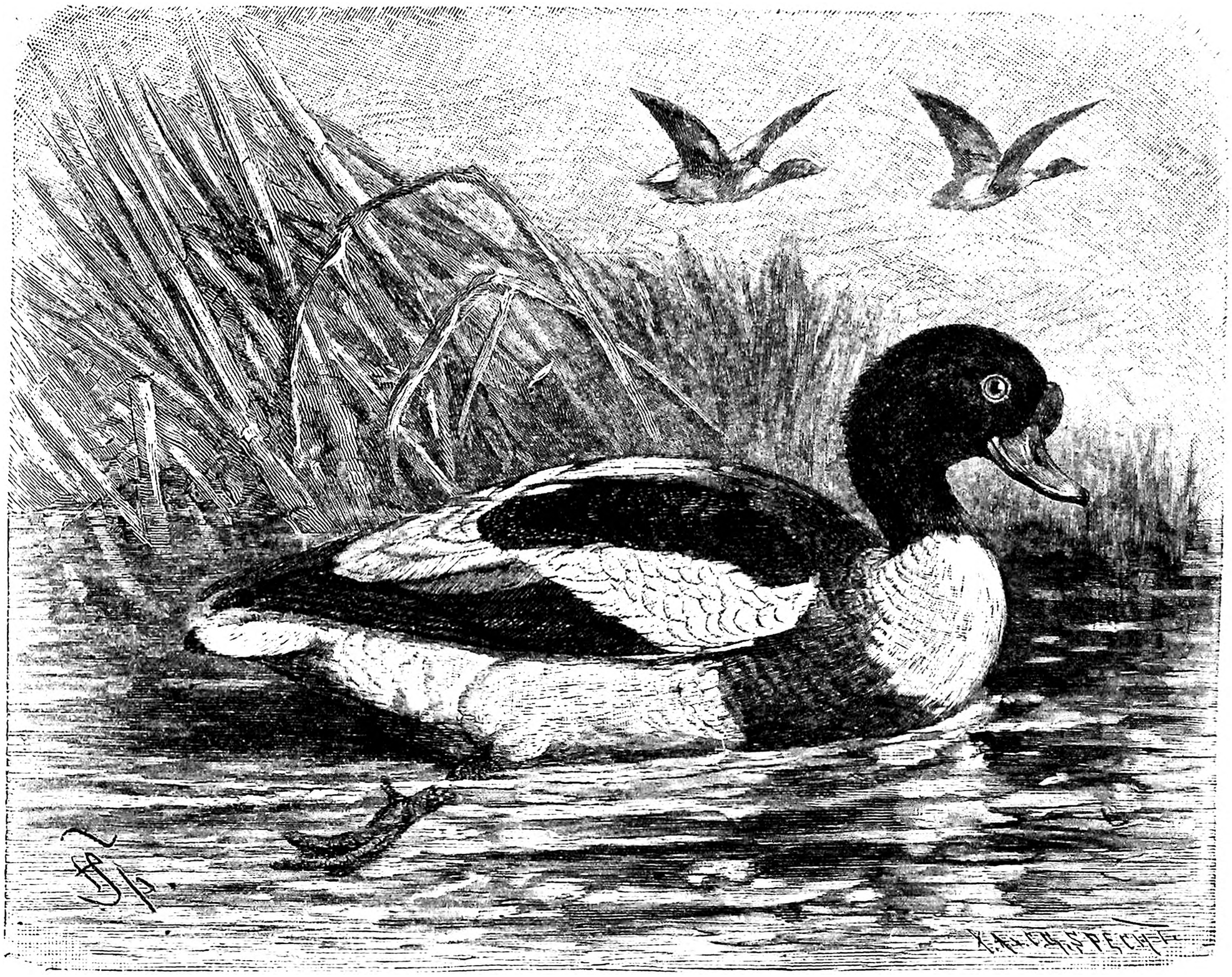
Карагатка выводитъ свое потомство только въ норахъ, и потому ей часто приходится долго искать, прежде чѣмъ она найдетъ себѣ подходящее для этой цѣли мѣсто; приходится ей также терпѣть общество весьма отличныхъ отъ нея птицъ. Самое гнѣздо сооружается изъ сухихъ листьевъ и сверху выстилается вѣнцомъ пуха; яйца, числомъ 12—15, съ тонкой скорлупой, блестящія, чисто-бѣлаго или желтовато-бѣлаго цвѣта.

Плѣнныя карагатки выживаютъ въ неволѣ не хуже другихъ представителей этого подсемейства, становятся очень ручными и при надлежащемъ уходѣ всегда размножаются.

У пѣганки (Tadorna damiatica), голова и шея блестящаго темно-зеленаго цвѣта, два большихъ пятна на плечахъ черныя, полоса на шеѣ, расширяющаяся кпереди, средина спины, кроющія перья крыльевъ, бока и хвостовыя перья почти до черныхъ кончиковъ ослѣпительно бѣлаго цвѣта, широкая полоса

на груди и нѣсколько маховыхъ перьевъ на плечѣ красиваго коричнo-краснаго цвѣта, середина груди и брюшко сѣровато-черныя, нижнія кроющія перья хвоста желтоватыя, маховыя перья черновато-сѣрыя, перья, образующія блестящую поверхность, металлическаго зеленаго цвѣта. Глаза темно-орѣховаго цвѣта, клювъ карминово-красный, ноги мясного цвѣта. Длина 63 см.

На берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго моря пѣганка является однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся видовъ своего подсемейства. На сѣверъ она распространена приблизительно до средней Швеціи, на югъ — до сѣверной Африки, гдѣ она часто попадается на всѣхъ озерахъ, а зимой встрѣчается иногда въ несмѣтномъ количествѣ. Кромѣ того, эту птицу наблюдали на берегахъ Японіи

Пѣганка (Tadorna damiatica). 1/5 естеств. велич.

и Китая, а также около всѣхъ большихъ сибирскихъ и вообще среднеазіатскихъ озеръ. Такъ какъ она отдаетъ предпочтеніе соленой водѣ передъ прѣсной, ее чаще всего можно видѣть на морѣ или на большихъ озерахъ съ солоноватой водой. По характеру и движеніямъ пѣганка похожа на карагатку, и хотя ходитъ нѣсколько тяжеловѣснѣе этой послѣдней, однако, мастерски плаваетъ. Пѣганка также боязлива и осторожна, но скоро научается узнавать, дружелюбно ли относится къ ней человѣкъ, и безъ долгихъ соображеній водворяется въ приготовленныхъ для нея гнѣздахъ-норкахъ; зато тамъ, гдѣ она имѣетъ основаніе предполагать для себя опасность, она съ большою предусмотрительностью избѣгаетъ стрѣлка. Съ другими птицами того же вида пѣганка живетъ довольно дружно, даже въ пору вывода. Питается она преимущественно растительными веществами, особенно нѣжными частями водныхъ растеній и другихъ травъ, растущихъ въ соленой водѣ, сѣменами, различными видами луговыхъ травъ и ситника, хлѣбными зернами и т. п.; однако, животная пища составляетъ необходимое условіе для ея благосостоянія, и въ этомъ особенно ясно выражается ея про-

межуточное положеніе. На свободѣ пѣганка усердно преслѣдуетъ мелкихъ рыбъ, моллюсковъ и насѣкомыхъ.

Подобно карагаткѣ, пѣганка выводитъ потомство только въ норахъ. „Кому случится путешествовать близъ морского берега“, говоритъ Бодинусъ, „тотъ не мало будетъ изумленъ, увидѣвъ, часто на разстояніи трехъ километровъ и болѣе отъ моря, эту красивую птицу въ сопровожденіи своей самки; иногда можно замѣтить даже нѣсколько парочекъ на холмѣ или на лѣсной полянѣ, откуда онѣ потомъ вдругъ исчезаютъ. Если бы путешественникъ осмотрѣлъ замѣченное мѣсто, то увидѣлъ бы, что эта блестящая водная птица спустилась въ нѣдра земли и притомъ вовсе не для того, чтобы изслѣдовать обрѣтающіяся тамъ норы лисицъ, барсуковъ и кроликовъ или чтобы занять покинутыя этими четвероногими квартиры, а для того, чтобы устроить себѣ жилища рядомъ съ этими животными. Несомнѣненъ фактъ, наблюденный и подтвержденный самыми опытными естествоиспытателями, что лиса и пѣганка обитаютъ въ одной и той же норѣ, что первая, не щадящая никакой пернатой дичи, очень рѣдко трогаетъ пѣганку. Если меня спросятъ, почему разбойница-лиса, не дающая пощады почти ни одному животному, которое можетъ одолѣть,—почему она щадитъ эту гусиную птицу, то мнѣ кажется, я могу отвѣтить, что это происходитъ благодаря удивительной храбрости пѣганки, внушающей лисицѣ уваженіе. Этою храбростью обладаютъ въ высокой степени не только старыя птицы, но и молодыя. Я видѣлъ, какъ пѣганки, лишь нѣсколько дней передъ этимъ вылупившіяся изъ яйца, сопротивлялись болѣе крупнымъ птицамъ и другимъ животнымъ, напр. небольшимъ собакамъ, кроликамъ и т. п.“

На о. Сильтѣ устраиваютъ искусственные ходы, пробуравливая горизонтальные проходы въ низкихъ наносныхъ песчаныхъ холмахъ; проходы эти въ видѣ сѣти пересѣкаются въ серединѣ холма и служатъ пѣганкамъ для устройства гнѣздъ. Если не тревожить самку, то она кладетъ 7—12 большихъ яицъ съ гладкой и крѣпкой скорлупой и начинаетъ усердно высиживать. Если же отнять у нея яйца, какъ это дѣлается на Сильтѣ, то ее можно заставить положить до 20—30 штукъ. Мало по малу самка окружаетъ свои яйца пухомъ и, уходя, всегда прикрываетъ имъ.

Для жителей Сильта и другихъ острововъ Нѣмецкаго моря пѣганка не лишена нѣкотораго значенія. Яйца, вынимаемыя изъ гнѣзда, употребляются въ пищу, хотя не всѣмъ приходятся по вкусу, а пухъ, который по окончаніи вывода извлекается изъ гнѣздъ, врядъ-ли уступаетъ гагачьему и превосходитъ его чистотою. Мясо старыхъ птицъ не считается вкуснымъ, такъ какъ имѣетъ привкусъ ворвани, горьковато и отвратительно пахнетъ.

Пѣганокъ, пойманныхъ молодыми, при надлежащемъ уходѣ безъ особеннаго труда можно вырастить; онѣ становятся очень ручными и въ неволѣ достигаютъ полной своей красоты, но рѣдко размножаются.

*

Въ 1827 г., къ великому изумленію естествоиспытателей, въ Англіи былъ убитъ шпорцевый гусь (Plectropterus gambensis), живущій въ центральной Африкѣ. Видъ этотъ отличается довольно существеннымъ образомъ отъ другихъ гусиныхъ птицъ, а потому выдѣленъ въ особый родъ. Признаки шпорцеваго гуся слѣдующіе: значительная величина, стройное сложеніе, длинная шея, большой, крѣпкій клювъ съ бугромъ при основаніи надклювья, сравнительно очень высокія ноги, длинные пальцы на ногахъ съ большими плавательными перепонками, длинныя, острыя крылья съ особенно сильно развитыми перьями плеча и роговыя бородавки, образующія большіе шпорцы. Длина 90 см.

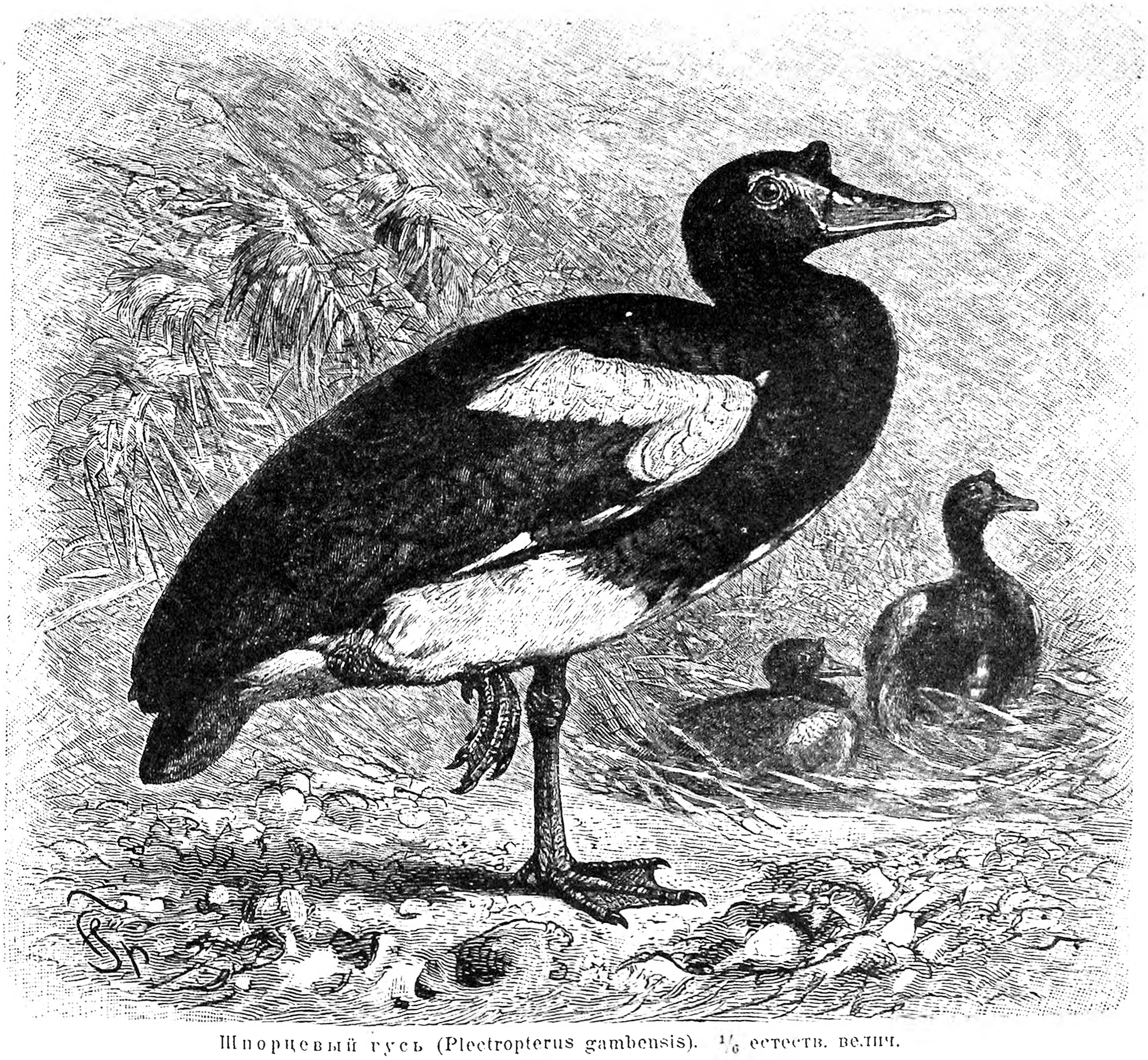
Водится шпорцевый гусь во всей средней, восточной и западной Африкѣ. Живетъ онъ или на берегахъ рѣкъ, или на прудахъ и бродитъ только взадъ и впередъ по ограниченному участку.

Шпорцевый гусь бѣгаетъ лучше всѣхъ прочихъ видовъ своего подсемейства. Въ отношеніи пищи шпорцевые гуси постольку отличаются отъ другихъ гусиныхъ птицъ, что очень охотно ѣдятъ рыбъ и вообще животныя вещества и, привыкнувъ

къ нимъ, подстерегаютъ ихъ съ такою же жадностью, какъ утки. Изъ западной Африки шпорцевыхъ гусей ежегодно привозятъ живыми въ Европу.

*

Въ Австраліи водится также своеобразная гусиная птица, а именно новоголландскій гусь (Cereopsis novae-hollandiae). Онъ окрашенъ въ красивый пепельно-сѣрый цвѣтъ съ буроватымъ отливомъ; на верхней части головы эта окраска переходитъ въ свѣтлый пепельно-сѣрый цвѣтъ, спина же птицы покрыта кругловатыми чернобурыми пятнами, расположенными близъ кончика перьевъ; конечная

Шпорцевый гусь (Plectropterus gambensis). $^1/_6$ естеств. велич.

половина малыхъ маховыхъ перьевъ, рулевыя перья и нижнія кроющія перья хвоста буровато-черныя. Длина доходитъ приблизительно до 90 см.

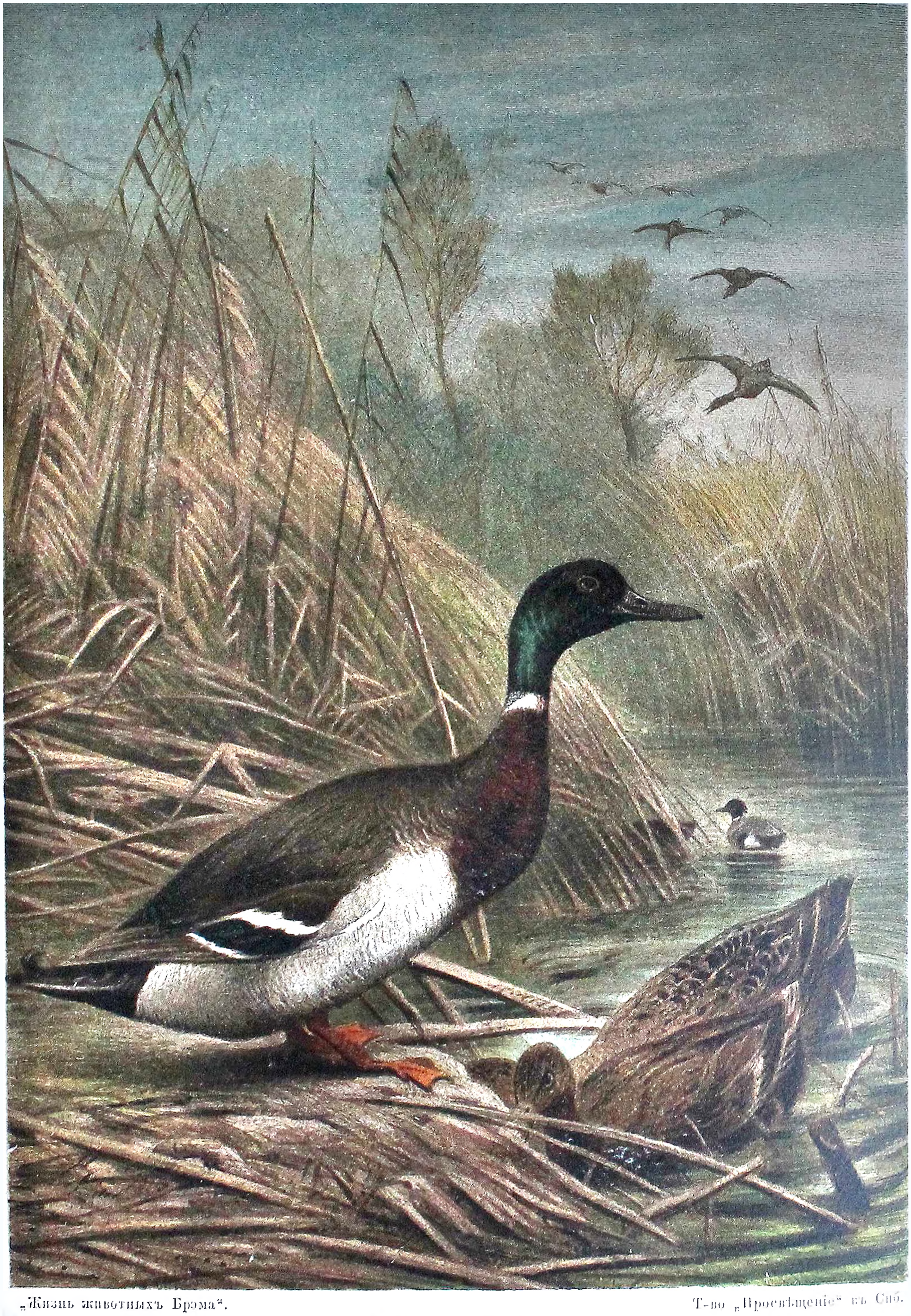
Новоголландскій гусь, соотвѣтственно своимъ способностямъ, гораздо больше живетъ на сушѣ, нежели на водѣ. Ходитъ онъ превосходно, но плаваетъ довольно плохо, а потому и неохотно, летаетъ тяжело. Своей неохотой садиться на воду, которая замѣчается и въ неволѣ, новоголландскій гусь отличается отъ всѣхъ прочихъ видовъ своего семейства. Безъ принужденія онъ плаваетъ лишь весьма рѣдко, проводитъ день и ночь на сушѣ, въ утренніе и вечерніе часы щиплетъ траву, въ обѣденные часы и ночью отдыхаетъ. Съ другими птицами новоголландскій гусь въ дружбу не вступаетъ; сварливостью и склонностью къ дракамъ онъ, пожалуй, превосходитъ еще нильскаго гуся. Къ неволѣ новоголландскій гусь привыкаетъ легко, а своего хозяина уже въ первые дни выучивается отличать отъ другихъ и привязывается къ нему. Въ прежнее время, говорятъ, этихъ гусей держали

въ Австраліи во всѣхъ большихъ усадьбахъ, но потомъ перестали приручать ихъ, такъ какъ неуживчивость ихъ становится въ тягость. Въ Европѣ размноженію ихъ мѣшаетъ еще то обстоятельство, что пора вывода, соотвѣтственно австралійской веснѣ, совпадаетъ съ послѣдними осенними мѣсяцами, и суровая зима часто уничтожаетъ всѣ надежды птицевода. Извѣстно, однако, что новоголландскіе гуси, первыя яйца которыхъ погибли отъ холода, снова неслись въ февралѣ и тогда благополучно выращивали свое потомство.

Плавающія утки (Anatinae), образующія слѣдующее подсемейство зубчатоклювыхъ птицъ, отличаются отъ гусиныхъ главнымъ образомъ своими низкими ногами, а отъ лебединыхъ — болѣе короткою шеей. Тѣло у плавающихъ утокъ короткое, голова толстая, клювъ длиною съ голову или нѣсколько короче, крылья среднихъ размѣровъ, узкія и острыя, задняя часть крыла обыкновенно очень развита, бываетъ иногда украшена перьями своеобразнаго строенія; хвостъ короткій, широкій, на концѣ закругленный или заостренный, мелкое опереніе очень густое и гладкое, пухъ обильный; окраска очень различная въ зависимости отъ пола, возраста и времени года, у самца болѣе или менѣе красивая, у самки простая и невзрачная.

Плавающія утки также распространены по всей землѣ, но въ жаркомъ и умѣренномъ поясахъ встрѣчается больше видовъ, чѣмъ въ холодномъ. Онѣ обитаютъ на морѣ и на прѣсныхъ водахъ, забираются высоко въ горы, улетаютъ въ болѣе теплыя страны, если ихъ принуждаетъ къ этому суровая зима; нѣкоторые виды улетаютъ даже очень далеко и во время перелета собираются въ огромныя стаи. Иные виды ходятъ почти что не хуже гусей, другіе тяжеловѣсно ковыляютъ; всѣ мастерски плаваютъ, но ныряютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и никогда не обнаруживаютъ при этомъ особеннаго искусства; всѣ плавающія утки хорошо летаютъ, быстро махая крыльями, ударяя ими почти такъ же, какъ при порханіи и издавая свистящіе, шуршащіе или звенящіе звуки; плавающія утки столь же легко поднимаются на воздухъ съ воды, какъ и съ суши, и несутся или низко надъ землею, или надъ поверхностью воды, или же поднимаются на высоту многихъ сотенъ метровъ. У нѣкоторыхъ видовъ голосъ благозвучный и звонкій, щелкающій или свистящій, у другихъ пискливый или трескучій, и всегда крикъ самца звучитъ иначе, чѣмъ крикъ самки. Пищу, которую плавающія утки стараются добывать главнымъ образомъ въ сумерки или ночью, онѣ употребляютъ смѣшанную. Нѣжные кончики листьевъ, клубни и всевозможныя сѣмена, болотныя и водныя растенія, разные виды травъ, злаковъ и хлѣбныхъ зеренъ, насѣкомыя, черви, мягкотѣлыя, земноводныя, рыбы, мясо крупныхъ позвоночныхъ, даже падаль поѣдаются съ удовольствіемъ, раковинки же, песчинки или мелкіе кремешки проглатываются для облегченія пищеваренія.

Всѣ плавающія утки живутъ въ единобрачіи. Самки любятъ устраивать свои гнѣзда очень близко другъ отъ друга; нѣкоторые виды устраиваютъ для вывода цѣлыя общества. Такому мѣсту вывода, гдѣ гнѣздо можетъ быть спрятано, отдается предпочтеніе передъ всѣми другими, но часто много гнѣздъ устраивается также на открытомъ мѣстѣ. Многіе виды выводятъ потомство въ норахъ подъ землею или въ трещинахъ скалъ, другіе въ дуплахъ деревьевъ, третьи на самыхъ деревьяхъ, пользуясь гнѣздомъ какой-нибудь мѣстной птицы для сооруженія нижняго слоя своего гнѣзда; прочія плавающія утки устраиваютъ при помощи разныхъ растительныхъ матеріаловъ глубокую впадину на землѣ и во время высиживанія выстилаютъ ее своимъ собственнымъ пухомъ. Яицъ кладется много, рѣдко меньше шести, а иногда и до 16-ти; время высиживанья колеблется между 21—24 днями. Если нѣсколько утокъ выводятъ потомство рядомъ, то обыкновенно воруютъ другъ у друга яйца, ибо онѣ преисполнены желанія высиживать и любви къ дѣтямъ. Молодыхъ птицъ, послѣ того, какъ тѣ обсохнутъ въ гнѣздѣ, мать ведетъ какъ можно скорѣе къ водѣ и водитъ ихъ съ большой любовью. Это съ перваго дня жизни въ высшей степени ловкія, подвижныя созданія, кото-

„Жизнь животныхъ Брэма".

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ДИКАЯ УТКА.

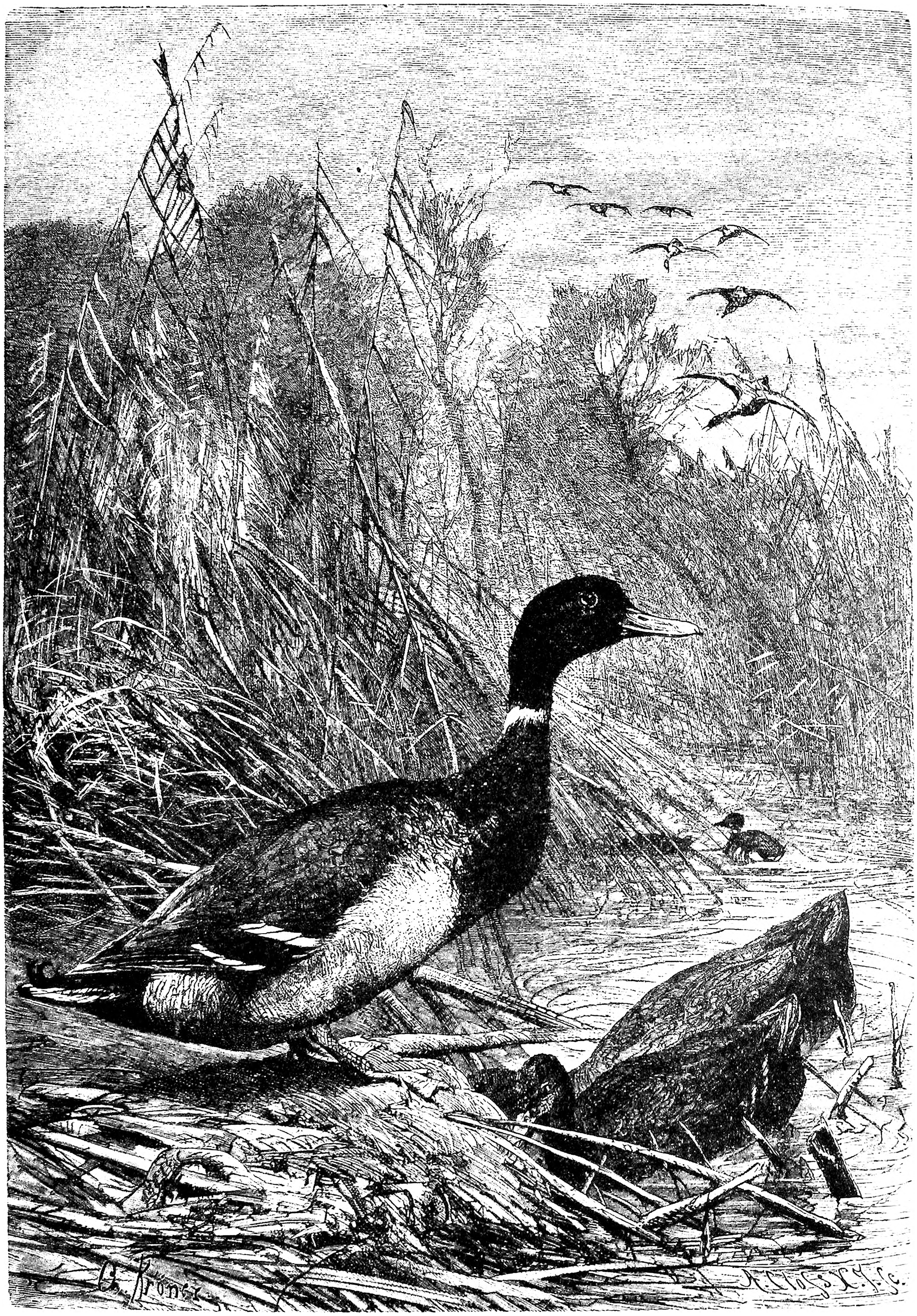
рыя искусно бѣгаютъ, плаваютъ и ныряютъ, ловко ловятъ насѣкомыхъ, ѣдятъ много, быстро выростаютъ и, облекшись въ свою первую одежду изъ перьевъ, тотчасъ же мѣняютъ ее на вторую. Когда вторая одежда разовьется, то вся семья снова соединяется съ отцомъ.

Отъ орла до самки ястреба-перепелятника или тетеревятника, всѣ быстро летающіе пернатые разбойники преслѣдуютъ старыхъ утокъ, лисицы же, куницы, ласки, крысы, во́роны, воро́ны, поморники гоняются за молодыми; кромѣ того. многія поколѣнія гибнутъ вслѣдствіе неожиданнаго поднятія уровня воды или вслѣдствіе другихъ явленій природы. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ почва о́бработана, число плавающихъ утокъ годъ отъ году уменьшается не столько вслѣдствіе преслѣдованій, сколько вслѣдствіе того, что подходящія для нихъ мѣста вывода и кормежки постепенно осушаются.

Изъ всѣхъ утокъ для насъ наиболѣе важное значеніе имѣетъ кряква (Anas boscas, рис. на стр. 838), такъ какъ отъ нея происходитъ наша домашняя утка. У самца голова и верхняя часть шеи зеленаго цвѣта, передняя часть груди бурая, верхняя часть спины ярко или сѣровато-бурая съ примѣсью болѣе темнаго цвѣта, съ бурыми и черноватыми разводами; плечи сѣровато-бѣлыя, верхнія части крыльевъ сѣроватыя, великолѣпное синее пятно на крылѣ съ обѣихъ сторонъ окаймлено бѣлыми полосками; нижняя часть спины и надхвостье черновато-зеленыя, нижнія части тѣла по сѣровато-бѣлому фону покрыты очень нѣжными черноватыми разводами; узенькая бѣлая полоска на шеѣ отдѣляетъ зеленую окраску шеи отъ каштаново-бураго цвѣта передней части груди; верхнія кроющія перья хвоста, изъ которыхъ среднія загибаются вверхъ, черновато-зеленыя, нижнія кроющія перья хвоста бархатисто-черныя, маховыя перья темно-сѣрыя. Глаза свѣтло-каріе, клювъ зеленовато-желтый, ноги блѣдно-красныя. Осенью одежда самца похожа на одежду самки, у которой голова и шея изжелта-сѣрыя съ болѣе темными точками, верхняя часть головы черновато-бурая, спина бурая съ болѣе свѣтлыми черно-бурыми. сѣрыми. бурыми и ржаво-желтовато-бурыми крапинками и съ болѣе свѣтлыми каемками, нижняя часть шеи и зобъ покрыты по свѣтлому каштаново-бурому фону черными лунообразными пятнами, прочая нижняя сторона покрыта бурыми пятнами. Длина 63 см.

Область распространенія кряквы обнимаетъ всю Европу и Азію, Америку, вплоть до Мексики, и сѣверную Африку; на сѣверѣ это птица перелетная; она совершаетъ перелеты еще въ средней Европѣ, но уже въ южной Германіи часто проводитъ зиму на мѣстѣ вывода. Въ октябрѣ и въ ноябрѣ кряквы собираются большими стаями и улетаютъ въ южныя страны. Большинство улетаетъ въ Италію. Грецію и Испанію, немногія лишь улетаютъ въ сѣверную Африку или въ соотвѣтственныя широты южной Азіи. Съ этихъ поръ на итальянскихъ, греческихъ и испанскихъ озерахъ можно видѣть тысячи и сотни тысячъ дикихъ утокъ, покрывающихъ иногда цѣлые квадратные километры водной поверхности и, при поднятіи на воздухъ, издающихъ глухой шумъ, напоминающій гулъ прибоя и издалека слышный. Уже въ февралѣ, самое позднее въ мартѣ, начинается обратный перелетъ. Какъ на родинѣ, такъ и на чужбинѣ, кряква всего охотнѣе селится на озерахъ, прудахъ и болотахъ, покрытыхъ камышомъ или тростникомъ. Особенно любитъ она воды, тамъ и сямъ свободныя отъ растеній, въ общемъ же поросшія кустарникомъ и разными болотистыми растеніями; отсюда она улетаетъ на маленькіе пруды, лужи, на канавы съ водою, на поля, чтобы разыскивать себѣ пропитаніе. На открытой водѣ кряква появляется сравнительно рѣдко, при первой возможности уплываетъ въ чащу растеній и изслѣдуетъ илъ, роясь въ немъ клювомъ и разгребая его ногами.

Кряква принадлежитъ къ числу наиболѣе прожорливыхъ изъ извѣстныхъ намъ птицъ; она поѣдаетъ нѣжные листочки или кончики травъ и разнообразныхъ болотныхъ растеній, почки, сѣмена, зрѣлыя и незрѣлыя, хлѣбныя зерна, клубни. но въ то же время усердно преслѣдуетъ всѣхъ животныхъ, начиная съ червя и

Кряква (Anas boscas). $\frac{1}{4}$ естеств. вели

кончая рыбой и земноводными, страдаетъ, повидимому, ненасытнымъ голодомъ и для утоленія его ѣстъ все время, пока бодрствуетъ и пока хоть что-нибудь находитъ съѣдобное.

По характеру, образу жизни и привычкамъ, кряква похожа на своихъ потомковъ, домашнихъ утокъ. Она ходитъ, плаваетъ, ныряетъ и летаетъ такъ же, какъ и домашняя утка, но только лучше послѣдней; голосъ у нея совершенно такой же — далеко разносящееся „квак“ самки и глухое „квек“ самца; разговариваетъ она, издавая звукъ „век век“, призывомъ служитъ звукъ „вак вак“, страхъ выражается звукомъ „рэч“ или „рэб рэб“, словомъ, издаетъ она всѣ тѣ крики, какіе мы слышимъ отъ домашней утки. Внѣшнія чувства у нея острыя, духовныя способности развиты хорошо. Она всегда проявляетъ осторожность и хитрость и, подвергаясь преслѣдованіямъ, скоро становится чрезвычайно боязливою. Въ высшей степени общительная, притомъ довольно ужившаяся, кряква охотно присоединяется къ своимъ родственникамъ и вообще охотно вступаетъ въ сношенія со всѣми птицами. Она не всегда также избѣгаетъ близости человѣка, часто селится на прудахъ, охраняемыхъ населеніемъ, напр. на гуляньяхъ или въ большихъ садахъ, скоро становится чрезвычайно довѣрчивой, съ удовольствіемъ ѣстъ предлагаемый ей людьми кормъ, высиживаетъ и выращиваетъ здѣсь свое потомство и своимъ образомъ дѣйствій напоминаетъ домашнюю птицу. Для устройства гнѣзда она выбираетъ тихое, сухое мѣстечко подъ кустомъ или подъ другими растеніями, завладѣваетъ, однако, также гнѣздами хищныхъ птицъ или воронъ, расположенными на деревьяхъ. Яйца, числомъ 8—16, продолговатыя, съ твердой и гладкой скорлупой, сѣровато-бѣловатаго цвѣта, ничѣмъ не отличаются отъ яицъ домашней утки. Въ первый день послѣ вылупленія грѣютъ молодыхъ птицъ еще въ гнѣздѣ, а затѣмъ ведутъ къ водѣ. Если утята появились на свѣтъ въ гнѣздѣ, расположенномъ на высокомъ мѣстѣ, то они просто прыгаютъ внизъ на землю, причемъ не причиняютъ себѣ вреда.

Всѣ заботы и тревоги матери не раздѣляются отцомъ. Какъ только утка садится на яйца, селезень покидаетъ ее и вмѣстѣ съ себѣ подобными соединяется въ общества, которыя съ этихъ поръ свободно плаваютъ по разнымъ водянымъ вмѣстилищамъ.

Не одна старая кряква попадается на обѣдъ лисицѣ или выдрѣ, молодыхъ нерѣдко хватаетъ хорекъ или болотная выдра; яйца и едва вылупившихся птицъ похищаютъ водныя крысы, камышовые луни и коршуны; но злѣйшими врагами дикихъ утокъ все-таки слѣдуетъ считать большихъ соколовъ, которые временами питаются исключительно утками. При видѣ такого злодѣя кряквы стараются по мѣрѣ возможности спастись при помощи ныряніе.

Мясо кряквы такъ вкусно, что на птицъ этихъ охотятся вездѣ. Для того, чтобы завладѣть ими, пускаются въ ходъ всевозможные виды охоты и ловли, и многія тысячи кряквъ уничтожаются человѣкомъ. Рынки всѣхъ городовъ Италіи, Греціи и Испаніи, а также Египта зимою бываютъ переполнены утками вообще, а въ частности кряквами.

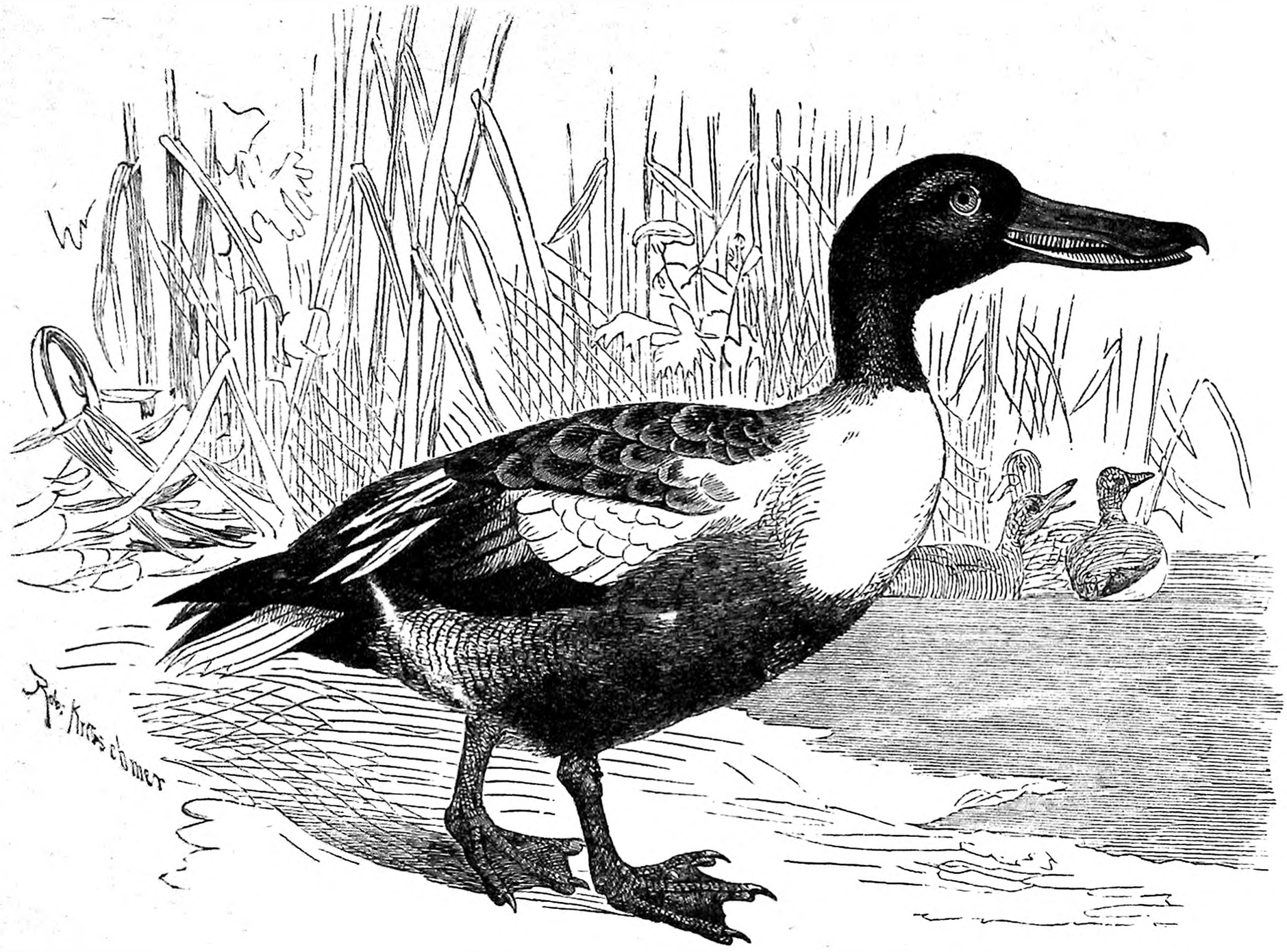
Одна изъ самыхъ пестрыхъ и замѣтныхъ утокъ средней Европы это широконоска (Anas clypeata, рис. на стр. 840), отличительнымъ признакомъ которой является большой, назади узкій, а спереди сильно расширенный и весьма выпуклый, мягкій, мелко зазубренный клювъ. Голова и верхняя часть шеи темно-зеленаго цвѣта, задняя часть шеи внизу, верхняя часть спины и короткія плечевыя перья съ свѣтло-сѣрыми каемками, нижняя часть шеи, зобъ и верхнія кроющія перья крыла бѣлые, прочія кроющія перья крыла свѣтло-голубыя; ограниченныя спереди широкой бѣлой полосой маховыя перья блестящаго металлическаго зеленаго цвѣта, нижняя часть спины и надхвостье черновато-зеленыя, грудь и брюшко каштаново-бурыя, нижнія кроющія перья хвоста черныя, маховыя перья буровато-сѣрыя, среднія рулевыя перья бурыя съ бѣлыми каемками, боковыя постепенно становятся все болѣе и болѣе бѣлыми. Глаза золотисто-желтые, клювъ черный, ноги красновато-желтыя. Длина 50 см.

Родина широконоски — умѣренный поясъ земного шара; на далекомъ сѣверѣ она встрѣчается рѣже. Начиная съ южной Норвегіи, она водится во всей Европѣ; въ Америкѣ она встрѣчается, начиная съ Канады, во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. Отсюда она зимою улетаетъ въ Мексику, изъ Европы — въ сѣверную и

среднюю Африку, изъ Азіи въ южный Китай, Индію и Австралію. Въ восточной Пруссіи, въ Польшѣ, Даніи и Голландіи эта птица представляетъ собою одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій; она встрѣчается мѣстами въ средней Германіи, а зимою во множествѣ наблюдается во всей южной Европѣ.

Отъ прочихъ среднеевропейскихъ утокъ широконоска отличается своимъ великолѣпнымъ и бросающимся въ глаза опереніемъ, замѣтнымъ уже издалека, но мало отличается своими нравами и привычками. Въ большія общества птицы эти собираются рѣдко или вовсе не собираются.

Намъ еще достовѣрно неизвѣстно, чѣмъ питается широконоска. Мы знаемъ, что она ѣстъ разныхъ мелкихъ животныхъ, насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, рыбью и лягушечью икру, мелкую рыбу, прѣсноводныхъ улитокъ и не брезгаетъ расти-

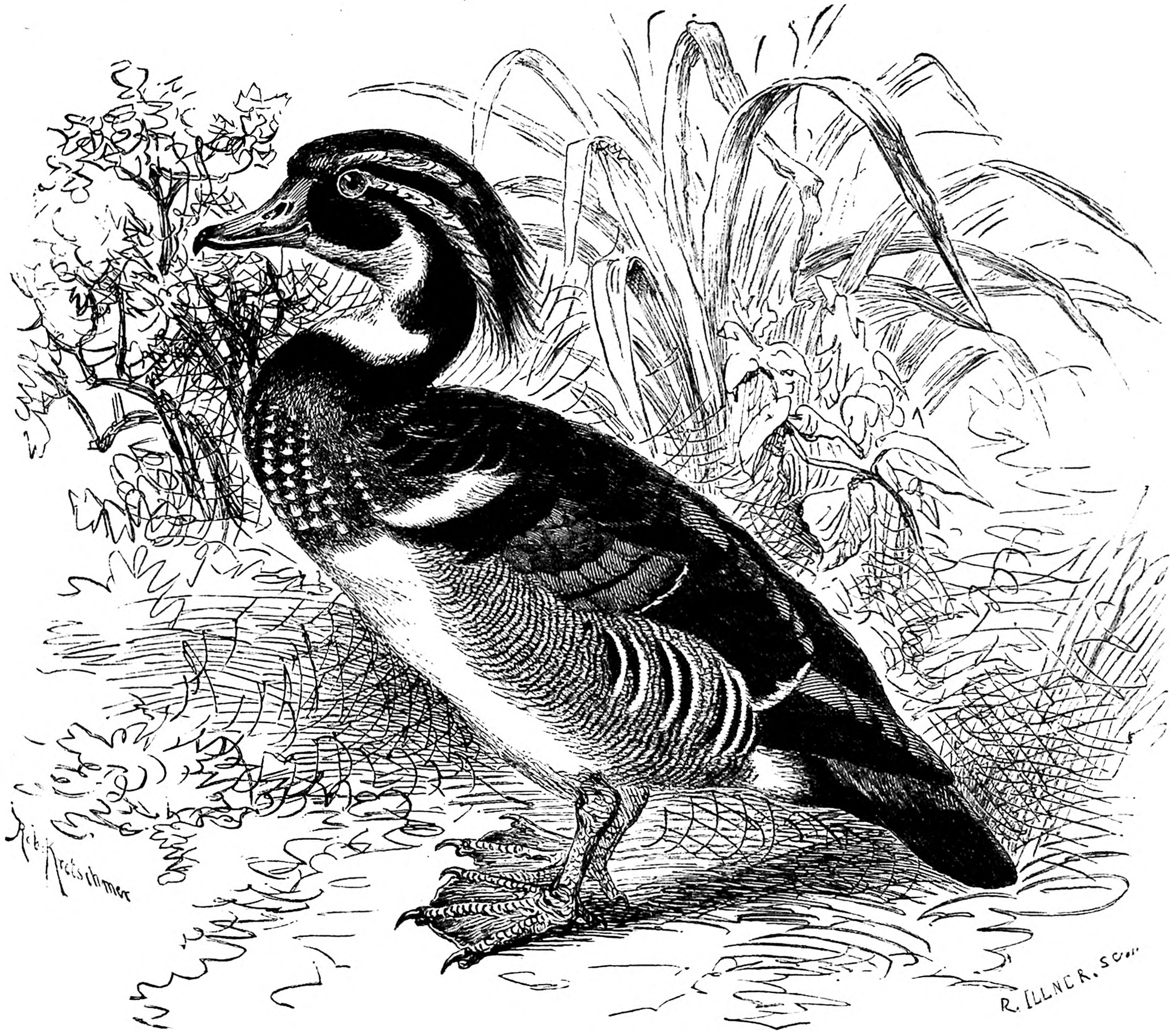

Широконоска (Anas clypeata). $^1/_4$ естеств. велич.

тельными веществами; но мы знаемъ также, что въ неволѣ широконосокъ держать труднѣе, чѣмъ другихъ утокъ, и что онѣ иногда погибаютъ при самой обильной пищѣ; но до сихъ поръ не открыто, какого питательнаго вещества онѣ лишаются въ неволѣ.

Одной изъ самыхъ красивѣйшихъ утокъ считается каролинская утка (Lampronessa sponsa), птица, распространенная по всей сѣверной Америкѣ и часто тамъ встрѣчающаяся; въ настоящее время она водворена на европейскихъ прудахъ, гдѣ пріобрѣла себѣ право гражданства. Родъ каролинскихъ утокъ отличается великолѣпнымъ, сплошь блестящимъ опереніемъ, которое на задней части головы удлиняется въ длинный ниспадающій хохолокъ; между основаніемъ надклювья и около глаза остается голая полоска. Верхняя часть головы и область щекъ между глазомъ и клювомъ блестящаго темно-зеленаго цвѣта, бока головы и большое пятно на боку шеи пурпурово-зеленые съ синеватымъ отливомъ; хохолокъ золотисто-зеленый, украшенный двумя узкими бѣлыми полосками, изъ которыхъ одна проходитъ надъ глазомъ, а другая отъ глаза отходитъ назадъ; бока верхней части шеи и верхняя часть груди по яркому каштаново-бурому фону покрыта какъ бы мелкими бѣлыми крапинками, плечевыя

перья, большія маховыя перья и рулевыя перья зеленовато-пурпурово-голубыя съ бархатисто-чернымъ отливомъ, перья между плечами, задняя часть спины и верхнія покровныя перья хвоста черновато-зеленыя, иныя изъ удлиненныхъ сбоку, узкихъ кроющихъ перьевъ хвоста красновато-оранжевыя, нижнія кроющія перья хвоста бурыя; подбородокъ, горло, полоса на верхней части шеи, средина груди и брюшко бѣлые, бока по желтовато-сѣрому фону покрыты тонкими и изящными черными волнообразными полосками, нѣкоторыя же болѣе длинныя перья черныя съ широкими бѣлыми каемками. Глаза ярко-красные, вѣко оранжево-красное, клювъ

Каролинская утка (Lampronessa sponsa). ¼ естеств. велич.

бѣловатый, въ серединѣ желтоватый, при основаніи темнаго буровато-краснаго цвѣта, кончикъ клюва черный, ноги оранжево-желтыя. Длина 45 см.

Отъ Новой Шотландіи къ югу каролинская утка живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ вездѣ и во время своего перелета аккуратно посѣщаетъ среднюю Америку и Вестъ-Индію.

Красивымъ формамъ и великолѣпной одеждѣ каролинской утки соотвѣтствуетъ и ея привлекательный нравъ. Она соединяетъ въ себѣ всѣ свойства, которыя намъ пріятно видѣть въ плавающихъ птицахъ. Къ неволѣ она привыкаетъ скорѣе всякой другой утки; даже птицы, пойманныя старыми, скоро приспособляются къ измѣнившимся обстоятельствамъ, признаютъ въ своемъ хозяинѣ доброжелательную личность, вскорѣ послѣ заключенія уже идутъ на зовъ и скорѣе прочихъ могутъ быть пріучены влетать и вылетать; въ неволѣ каролинскія утки также размножаются всегда, когда для этой цѣли имѣются на лицо благопріятныя условія.

На свободѣ каролинская утка питается зернами и сѣменами, нѣжными кон-

чиками разныхъ водныхъ и хлѣбныхъ растеній, червями, улитками и насѣкомыми, хватаетъ также мелкихъ земноводныхъ и другихъ позвоночныхъ животныхъ; въ неволѣ она довольствуется зерновымъ и рыбнымъ кормомъ, но мало по малу привыкаетъ ѣсть все, что употребляетъ въ пищу человѣкъ.

Въ большинствѣ случаевъ жилище, соотвѣтствующее всѣмъ запросамъ каролинской утки, устраиваетъ большой пестрый дятелъ; но иногда этимъ уткамъ приходится довольствоваться покинутымъ гнѣздомъ лисьей бѣлки, въ исключительныхъ случаяхъ даже трещиной скалы. Самка съ замѣчательной легкостью протискивается сквозь входныя отверстія всякихъ норъ, хотя онѣ и кажутся для нея слишкомъ маленькими, умѣетъ также отлично устраивать себѣ гнѣздо внутри такихъ норъ. Однажды найденная нора служитъ парочкѣ много лѣтъ подрядъ.

Мясо каролинской утки, отъ сентября до начала зимы, бываетъ, какъ говорятъ, превосходно; поэтому нечего удивляться тому, что ее вездѣ преслѣдуютъ, и что она всякую зиму цѣлыми тысячами попадаетъ на рынки. Держать ее въ паркахъ удобнѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ чужеземныхъ ея родственниковъ не только потому, что она красивѣе всѣхъ, но и потому, что она легче прочихъ размножается.

Ныряющія утки (нырки) (Fuligulinae) характеризуются, между прочимъ, короткими, далеко назади тѣла прикрѣпленными ногами, оперенными до пятокъ и бо́льшею частью окруженными кожей брюшка; основанія ступней съ боковъ весьма сжаты, а передніе пальцы соединены большими плавательными перепонками, захватывающими и задній палецъ въ видѣ такъ называемой крыловидной складки кожи, т. е. въ видѣ уплощенной съ обѣихъ сторонъ подошвы, образующей широкую каемку кожи.

Соотвѣтственно своей способности къ нырянію, эти утки предпочитаютъ болѣе открытыя и болѣе глубокія воды передъ мелкими и поросшими растеніями. Большинство ныряющихъ утокъ живетъ въ морѣ, но въ пору вывода селится преимущественно на прѣсныхъ водахъ, гдѣ иныя проводятъ бо́льшую часть своей жизни. Для того, чтобы погрузиться въ глубину, имъ достаточно одного толчка своими веслами вверхъ и одновременнаго взмаха хвостомъ внизъ и тѣло кувыркомъ черезъ голову опрокидывается внизъ. Ныряющія утки не могутъ, подобно гагаровымъ птицамъ, преслѣдовать замѣченную добычу подъ водою, а спускаются болѣе или менѣе вертикально ко дну и спустя минуту или болѣе снова поднимаются на поверхность почти въ томъ же мѣстѣ, откуда нырнули. Такъ какъ кормъ свой онѣ собираютъ на днѣ, то онѣ такимъ образомъ проходятъ часто довольно значительныя разстоянія и тѣ, что́ живутъ въ морѣ, какъ видно изъ изслѣдованія ихъ пищи, обшариваютъ дно иногда на разстояніи около 100 метровъ. Лишь немногія изъ ныряющихъ утокъ питаются преимущественно растительными веществами; большинство ѣстъ раковины и другихъ мягкотѣлыхъ, червей, рачковъ, рыбъ и т. п., а во время пребыванія на прѣсныхъ водахъ также насѣкомыхъ. Пища, схваченная на днѣ, тамъ же тотчасъ и проглатывается. Голосъ ныряющихъ утокъ отличается отъ голоса плавающихъ тѣмъ, что первыя издаютъ скрипучіе и протяжные, а не пискливые звуки. Внѣшнія чувства и духовныя способности, повидимому, развиты такъ же, какъ у родственныхъ видовъ.

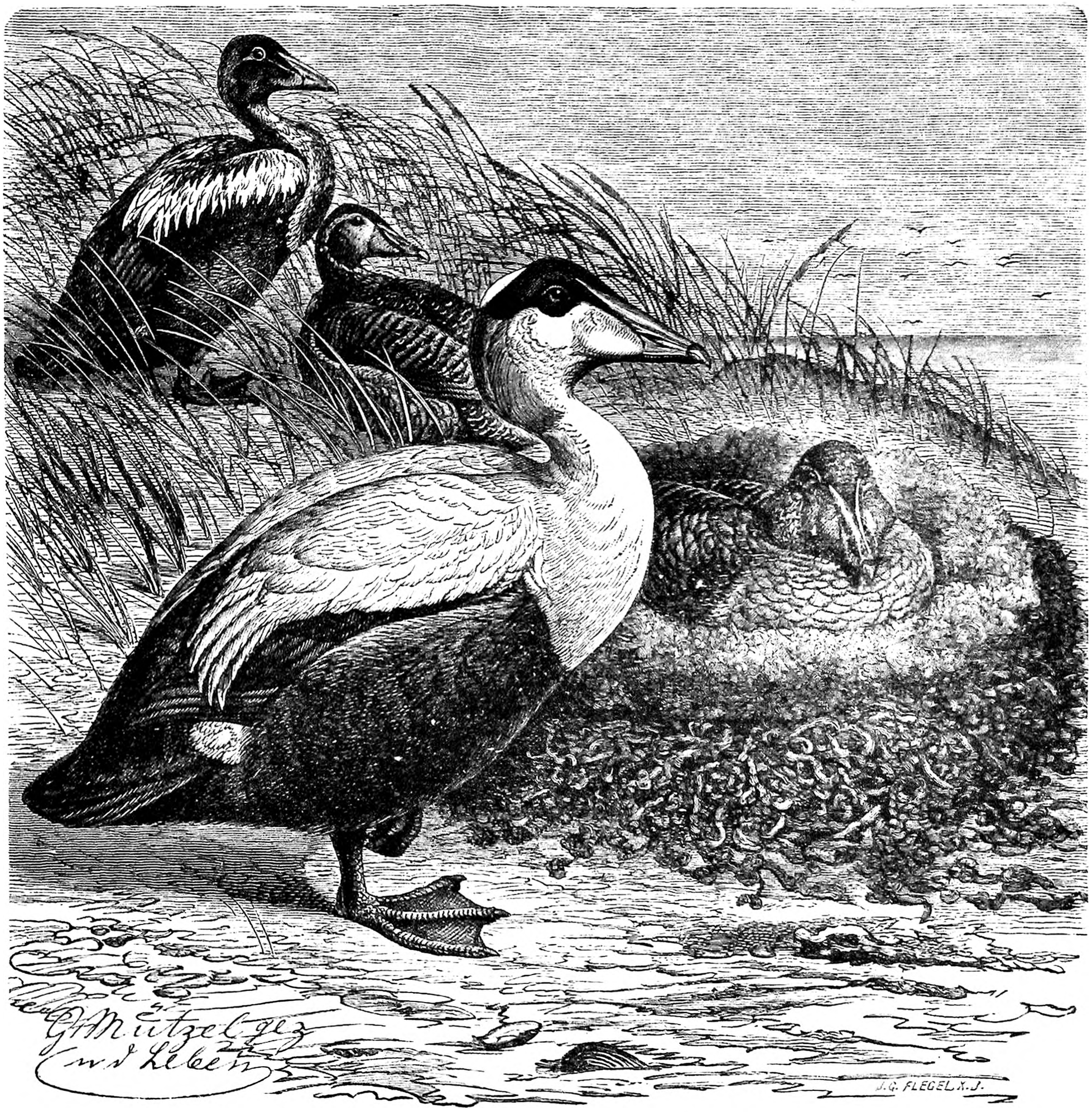
Чаще другихъ зубчатоклювыхъ ныряющія утки выводятъ потомство обществами, иногда образуя цѣлыя поселенія. Нерѣдко двѣ самки, даже принадлежащія къ различнымъ видамъ, кладутъ яйца въ одно и то же гнѣздо, сообща высиживаютъ ихъ и раздѣляютъ заботы о воспитаніи своихъ малютокъ, не дѣлая разницы между своими и чужими. Многія ныряющія утки похищаютъ другъ у друга яйца и катятъ ихъ къ своимъ собственнымъ гнѣздамъ или заманиваютъ къ себѣ уже вылупившихся птицъ, чтобы ухаживать за ними. Яйца у нихъ круглѣе и съ болѣе крѣпкой скорлупой, чѣмъ у плавающихъ утокъ, но во всемъ прочемъ очень похожи на яйца этихъ послѣднихъ.

Многія ныряющія утки приносятъ большую пользу пухомъ, которымъ онѣ выстилаютъ свое гнѣздо; другія доставляютъ намъ также вкусную дичь, но мясо

большинства, вслѣдствіе употребляемой ими пищи, получаетъ непріятный, прогорклый вкусъ или привкусъ ворвани и для избалованнаго человѣка совершенно несъѣдобно.

*

Первое мѣсто между всѣми ныряющими утками принадлежитъ гагамъ (Somateria). Не говоря о ихъ значительной величинѣ, онѣ характеризуются своимъ сильно вытянутымъ, длиннымъ клювомъ, гребень котораго заходитъ далеко

Настоящая гага (Somateria mollissima). $^3/_{10}$ естеств. велич.

въ опереніе лба, причемъ у нѣкоторыхъ видовъ клювъ снабженъ наростомъ и ярко окрашенъ, большой же коготь клюва занимаетъ весь передній край верхней створки.

У настоящей гаги (Somateria mollissima) верхняя часть головы, шея и спина, не исключая и верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла, бѣлаго цвѣта, передняя часть груди съ красноватымъ налетомъ, лобъ и область висковъ, нижняя часть спины и брюшко черные, щеки цвѣта морской волны; маховыя и рулевыя перья буровато-черныя, перья, образующія блестящее пятно на крылѣ, совсѣмъ чернаго бархатистаго цвѣта. Глаза красновато-каріе, клювъ зеленовато-желтый, ноги маслянисто-зеленыя. Длина 63 сантиметра. Самка меньше самца, ржа-

ваго цвѣта; голова и шея ея украшены бурыми продольными пятнами, прочее тѣло — черными полулунообразными поперечными пятнами, пятно на крылѣ бурое съ бѣлой каймой, нижняя сторона темно-бурая съ замѣтными черными волнообразными линіями.

Область распространенія настоящей гаги обширнѣе, чѣмъ область распространенія всѣхъ прочихъ видовъ. Настоящая гага обитаетъ на сѣверѣ всего земного шара, начиная съ ютландскихъ острововъ до Шпицбергена и отъ западнаго берега Европы на всѣхъ сѣверныхъ берегахъ земного шара до Гренландіи и Исландіи. Иногда, но лишь случайно, залетаетъ она внутрь Германіи. Самыя южныя мѣста ея вывода находятся на островѣ Сильтѣ и на маленькихъ датскихъ островахъ, на одной съ нимъ широтѣ; отсюда по направленію къ сѣверу гага, повидимому, встрѣчается все чаще и чаще. Уже въ средней Норвегіи она живетъ тысячами; тамъ береговые жители щадятъ и берегутъ ее, и она охраняется законами, къ сожалѣнію, не всѣми соблюдаемыми; на Исландіи и въ Гренландіи она также живетъ массами. Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ и странахъ области своего распространенія гага — птица осѣдлая, ибо въ Нѣмецкомъ морѣ, благодаря Гольфстрему, вода мало гдѣ замерзаетъ. Даже въ Балтійскомъ морѣ обыкновенно также остаются незамерзшія мѣста, служащія гагѣ прибѣжищемъ въ зимнее время; но если зима очень суровая, то гагѣ приходится предпринимать отсюда странствованія, которыя заводятъ ее въ Нѣмецкое море или даже въ Атлантическій океанъ. Въ Гренландіи она въ сентябрѣ и въ октябрѣ предпринимаетъ правильный перелетъ, собирается при этомъ въ невѣроятныхъ количествахъ на мѣстахъ, изобилующихъ кормомъ, и въ буквальномъ смыслѣ слова покрываетъ море на протяженіи цѣлыхъ квадратныхъ километровъ. Начиная съ апрѣля, гага также большими массами возвращается на сѣверъ.

Настоящая гага — морская птица въ истинномъ значеніи этого слова. На сушѣ она двигается лишь съ трудомъ, тяжеловѣсно ковыляя, часто спотыкается и падаетъ. Полетъ скоро утомляетъ ее, такъ какъ требуетъ постоянныхъ и очень быстрыхъ ударовъ сравнительно все-таки небольшихъ крыльевъ; гага бо́льшею частью летаетъ на небольшой высотѣ и прямо несется надъ водою. Лишь находясь въ водѣ, она обнаруживаетъ присущую ей способность передвиженія. Плаваетъ она, менѣе глубоко погрузивъ свое тѣло въ воду, чѣмъ другія плавающія утки, однако быстрѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ видовъ, ныряетъ также на гораздо болѣе значительныя глубины. Гольбэлль утверждаетъ, что иногда она добываетъ себѣ пищу съ глубины 50-ти метровъ и можетъ пробыть подъ водою до 6-ти минутъ.

Всѣ гаги выводятъ птенцовъ довольно поздно, не раньше конца мая, обыкновенно же только въ іюнѣ и въ іюлѣ. Для этой цѣли онѣ собираются вокругъ маленькихъ острововъ, куда безъ труда могутъ взобраться. Здѣсь парочки отдѣляются отъ общей толпы, и вотъ самцы и самки ковыляютъ на сушу, отыскивая себѣ подходящее мѣстечко для вывода. Главное условіе такого мѣстечка — это защищенное положеніе. Поэтому предпочтеніе отдается островамъ, отчасти поросшимъ низкимъ кустарникомъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ заботится о выводѣ потомства этими птицами, онъ дѣлаетъ приготовленія для пріема этихъ полезныхъ гостей, выставляя на берегу старые деревянные ящики, покрывая камни досками и хворостомъ и устраивая другого рода сокровенныя мѣстечки. Насколько боязлива была прежде гага, настолько довѣрчива стала она теперь. Она заранѣе увѣрена въ томъ, что человѣкъ будетъ оказывать ей покровительство, и нисколько не смущается его дѣйствіями и не боится его. Она ковыляетъ вплоть до одинокаго двора прибрежнаго жителя, входитъ даже во дворъ, въ хижину, разыскивая себѣ подходящее мѣсто для устройства гнѣзда, и нерѣдко случается, что самка-гага высиживаетъ свои яйца въ горницахъ и въ сараяхъ, въ хлѣбныхъ печахъ и т. п. мѣстахъ и изрядно таки досаждаетъ хозяйкѣ. Вначалѣ самецъ во всѣхъ этихъ странствованіяхъ сопровождаетъ самку; но когда всѣ яйца снесены, самецъ покидаетъ гнѣздо и самку и вылетаетъ на море, гдѣ соединяется съ другими самцами.

Гнѣздо состоитъ только изъ тѣхъ матеріаловъ, которые можно найти по близости, и складывается крайне небрежно то изъ тонкихъ прутиковъ, то изъ морскихъ водорослей, то изъ травы или изъ соломы и т. п. Зато очень густо и обильно гнѣздо выстилается внутри пухомъ, составляющимъ драгоцѣнную дань, которую птицы уплачиваютъ дружелюбно защищающему ихъ человѣку. Яицъ обыкновенно кладется 6—8; они чисто яйцевидной формы, съ гладкой скорлупой, грязновато или сѣро-зеленоватаго цвѣта. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ снесены яйца, самка сидитъ очень плотно на гнѣздѣ, и тамъ, гдѣ она привыкла къ человѣку, она при приближеніи его не сходитъ съ мѣста, а только прижимаетъ голову къ землѣ и немного растопыриваетъ крылья, чтобы сдѣлаться неузнаваемой. Окраска ея оперенія обыкновенно бываетъ такъ сходна съ окраской окружающей почвы, что неопытному глазу положительно трудно замѣтить птицу. На такихъ островахъ, которые находятся вдали отъ человѣческаго жилья, гаги также очень близко подпускаютъ къ себѣ человѣка, прежде чѣмъ взлетятъ на воздухъ. Тѣхъ же гагъ, которыя выводятъ потомство вблизи жилищъ, можно вынимать изъ гнѣзда, разсматривать ихъ яйца и снова сажать на нихъ, послѣ чего онѣ по прежнему остаются сидѣть въ гнѣздѣ.

Если ничто не потревожитъ самку, она обыкновенно покидаетъ гнѣздо въ утренніе часы; но сначала она очень заботливо прикрываетъ яйца пухомъ, чтобы охранить ихъ отъ всякаго вреднаго вліянія погоды. Затѣмъ она поспѣшно летитъ къ морю, въ теченіе приблизительно получаса ныряетъ, отыскивая себѣ кормъ, набиваетъ себѣ до полна зобъ моллюсками и снова возвращается въ гнѣздо. Черезъ 25—26 дней вылупляются молодыя птицы, прехорошенькія существа, облеченныя въ густую и довольно пеструю пуховую одежду; они съ перваго дня жизни умѣютъ хорошо плавать и нырять, а также довольно хорошо бѣгать, во всякомъ случаѣ лучше матери. Какъ только малютки на половину обсохнутъ, мать ведетъ ихъ къ морю и покидаетъ его лишь тогда, когда дѣти ея утомятся или во время сильнаго волненія не могутъ отдыхать у нея на спинѣ. Если старую птицу убиваютъ, пока малютки еще нуждаются въ заботахъ матери, то молодыя птицы присоединяются къ другой толпѣ дѣтей, добродушная родительница которыхъ безъ дальнихъ разговоровъ принимаетъ участіе въ сиротахъ, водитъ ихъ и заботится о нихъ, какъ о своемъ собственномъ потомствѣ. Маленькія гаги быстро выростаютъ, уже въ первыя недѣли своей жизни становятся настолько самостоятельными, что могутъ обходиться безъ всякаго ухода со стороны взрослыхъ птицъ, но тѣмъ не менѣе еще до слѣдующей весны остаются въ обществѣ своихъ родителей и еще на второмъ году жизни пребываютъ по возможности вмѣстѣ со старыми самцами. Въ ранней юности гаги питаются мелкими видами раковъ и мягкотѣлыхъ; впослѣдствіи онѣ ѣдятъ почти исключительно моллюсковъ, не брезгая однако мелкою рыбою и другими морскими животными.

Хотя гаги составляютъ главнѣйшее богатство отдаленныхъ сѣверныхъ странъ, но далеко не вездѣ онѣ пользуются разумнымъ уходомъ и покровительствомъ. Разумные обладатели „гагачьихъ холмовъ“, или мѣстъ вывода, берутъ у птицъ во время кладки нѣсколько яицъ и заставляютъ ихъ такимъ образомъ класть больше яицъ, чѣмъ онѣ бы положили, если бы ихъ не тревожили. Затѣмъ выжидаютъ окончанія поры вывода и тогда собираютъ пухъ. Такъ поступаютъ въ южной Норвегіи; иначе обстоитъ дѣло въ Лапландіи, на Исландіи, Шпицбергенѣ и въ Гренландіи. Здѣсь не щадятъ ни птицъ, ни яицъ. Несмотря на плохое мясо болѣе старыхъ гагъ, охота на нихъ производится изъ году въ годъ, причемъ убиваютъ ихъ тысячами, и, несмотря на явную выгоду, получаемую въ томъ случаѣ, если щадить сидящихъ на яйцахъ самокъ, у нихъ отнимаютъ яйцо и пухъ, гдѣ только находятъ. На Шпицбергенѣ уже очень чувствительны стали послѣдствія этого неразумнаго образа дѣйствій; ибо, если прежде пухъ добывался въ количествѣ цѣлыхъ тысячъ килограммовъ, то теперь приходится довольствоваться лишь нѣсколькими сотнями. Килограммъ очищеннаго гагачьяго пуха въ настоящее время стоитъ въ Норвегіи 16—22 руб. на наши деньги; значитъ доходъ, доставляемый густо населеннымъ птицами гагачьимъ холмомъ, не можетъ считаться ничтожнымъ.

Большіе вороны и поморники уносятъ яйца и птенцовъ гаги, кречеты и полярныя лисицы ѣдятъ какъ яйца и птенцовъ, такъ и старыхъ птицъ; человѣкъ охотится при помощи ружья и искусно разставляетъ сѣти. Осенью въ Гренландіи можно убить до 20 гагъ однимъ выстрѣломъ, если на лодкѣ близко подъѣхать къ плывующей стаѣ и выстрѣлить. Для неволи гаги годятся такъ же мало, какъ и прочія морскія ныряющія утки: онѣ погибаютъ при наилучшемъ уходѣ, даже если въ изобиліи доставлять имъ главный предметъ ихъ пропитанія — моллюсковъ. Тѣ гаги, которыхъ до сихъ поръ держали въ зоологическихъ садахъ, всегда умирали среди лѣта, обыкновенно при началѣ линянія. О размноженіи ихъ въ клѣткѣ и думать нечего.

Самый извѣстный видъ рода чернетей (Fuligula) представляетъ красноголовая черноть (Fuligula ferina). У нея голова и передняя часть шеи краснаго буровато-краснаго цвѣта, передняя часть груди черная, спина и перья въ пахахъ блѣднаго пепельно-сѣраго цвѣта съ очень нѣжными черными поперечными волнообразными полосками, область зада черная, нижняя сторона сѣровато-бѣлая; покровныя перья крыльевъ пепельно-сѣрыя, тѣ, которыя образуютъ блестящее пятно на крылѣ, свѣтло-сѣрыя, маховыя и рулевыя перья сѣрыя. Глаза желтые, клювъ при основаніи и по краямъ черный, остальныя части клюва синевато-сѣрыя. Ноги зеленовато-сѣрыя. Длина 55 см.

Отъ полярнаго круга до тропика и отъ Китая до западной Европы, красноголовую чернеть находили на подходящихъ для нея мѣстахъ вездѣ. Во всей Германіи встрѣтить ее не рѣдкость, а въ изобилующихъ водою сѣверныхъ равнинахъ она попадается даже очень часто. Появляется красноголовая чернеть въ мартѣ и покидаетъ свою родину въ октябрѣ и въ ноябрѣ, а въ теплую зиму даже и вовсе не покидаетъ Германіи. Она совершаетъ перелетъ ночью большими стаями обыкновенно въ безпорядкѣ, рѣдко располагаясь въ видѣ кривого ряда, большею частью при этомъ кричитъ или по крайней мѣрѣ трещитъ и снова появляется весною въ меньшихъ обществахъ или парами. Лѣтомъ она селится на прѣсноводныхъ озерахъ, на большихъ прудахъ или въ болотахъ, съ открытыми водными площадями извѣстной глубины, и отсюда посѣщаетъ болѣе мелкія водныя вмѣстилища, находящіяся по сосѣдству.

Изъ птицъ одного съ нею семейства красноголовая чернеть одна изъ самыхъ подвижныхъ. Голосъ ея — это глубокій хриплый звукъ, вродѣ „харр“ или „херр“. Лѣтомъ эта ныряющая утка питается преимущественно растительными веществами: клубнями корней, сѣменами, нѣжными кончиками листьевъ, цвѣтами и зернами разныхъ водныхъ растеній. На ряду съ этимъ она ловитъ насѣкомыхъ или мелкую рыбу, подбираетъ раковины, словомъ, старается обставить свой столъ какъ можно разнообразнѣе.

Потомство она выводитъ поздно, рѣдко раньше половины мая, такъ какъ всего охотнѣе располагаетъ свое гнѣздо въ ситникѣ или въ тростникѣ, на внутреннемъ озерѣ или на прудѣ, котораго края поросли камышомъ, тростникомъ или осокой. Гнѣздо сооружается изъ сухого камыша, стеблей тростника и листьевъ травы и сплетается довольно плотно; въ серединѣ гнѣзда устраивается глубокая впадина, а внутри гнѣздо обильно выстилается пухомъ. Яицъ кладется 8—10; они кругловатыя, мелко-зернистаго строенія, безъ блеску, сѣраго или маслянисто-зеленоватаго цвѣта. Молодыя птицы быстро подростаютъ, но летать выучиваются лишь достигнувъ полнаго развитія. Тогда семьи снова соединяются со старыми самцами и къ осени образуютъ болѣе многочисленныя общества.

Кромѣ хищныхъ птицъ и воронъ, сорокъ и т. д., которыя похищаютъ преимущественно только яйца, человѣкъ также преслѣдуетъ красноголовую чернеть ради весьма вкуснаго мяса; преслѣдованіе продолжается также на мѣстѣ зимовки этихъ птицъ. Молодыхъ птицъ часто убиваютъ по нѣскольку штукъ однимъ выстрѣломъ, такъ какъ во время преслѣдованія онѣ имѣютъ обыкновеніе сплачиваться въ кучу. Плѣнныя птицы скоро привыкаютъ къ неволѣ и въ неволѣ размножаются.

Не безъ основанія родъ савокъ (Erismatura) выдѣляютъ въ особое подсемейство, носящее то же названіе (Erismaturinae). Онѣ отличаются отъ всѣхъ своихъ родичей своимъ строеніемъ, главнымъ образомъ строеніемъ хвоста и являются до извѣстной степени связующимъ звеномъ между ныряющими утками и бакланами.

Савка бѣлоголовая (Erismatura leucocephala) — одна изъ самыхъ оригинальныхъ представительницъ всего отряда. Голова и щеки у нея бѣлыя, большое пятно на верхней части головы, полоса на шеѣ и горло черныя, нижняя часть шеи и зобъ каштаново-бурые съ тонкими черными волнообразными линіями; верхній покровъ и спина сѣровато-желтые съ черными разводами, нижнія части тѣла ржаво-желтыя, въ серединѣ сѣровато-бѣлыя съ черными разводами; большія маховыя перья сѣрыя, рулевыя перья черныя. Глаза ржаво-желтые, клювъ синевато-сѣрый, ноги красновато-сѣрыя. Длина 56 см.

Юго-восточная и южная Европа, южная часть средней Азіи и сѣверо-западная Африка — вотъ родина бѣлоголовой савки; въ Германію она до сихъ поръ залетала лишь въ качествѣ гостьи; въ Венгріи она также рѣдко встрѣчается, хотя въ Седмиградіи выводитъ потомство.

„Савка бѣлоголовая“, говоритъ Буври, „которую всегда можно видѣть парочками, представляетъ собою одно изъ самыхъ привлекательныхъ явленій. Ея красивый свѣтло-голубой клювъ составляетъ пріятный контрастъ съ бѣлой головой и бурымъ туловищемъ, и при плаваньи она держится очень мило. Она поднимаетъ хвостъ почти вертикально кверху и скользитъ, словно лодка, легко и быстро по поверхности. Когда ее преслѣдуютъ, она рѣдко взлетаетъ, но ею трудно овладѣть, такъ какъ она очень быстро плаваетъ.

Отъ указанныхъ зубчатоклювыхъ птицъ крохалевыя птицы (Merginae) отличаются очень продолговатымъ туловищемъ, средней длины тонкой шеей, большою головой, обыкновенно украшенной пучкомъ перьевъ или хохолкомъ, длиннымъ, прямымъ, нѣсколько загибающимся внизъ, тонкимъ, узкимъ, почти цилиндрическимъ клювомъ съ острыми краями и глубокими зубчиками, снабженнымъ къ тому же большимъ крючкомъ; низкія ноги съ большими пальцами у нихъ прикрѣплены далеко позади тѣла, заднiй палецъ, какъ у ныряющихъ утокъ, снабженъ широкой складкой кожи, крылья средней длины, очень острыя, изъ маховыхъ перьевъ самыя длинныя первое и второе, хвостъ короткій, широкій, закругленный, состоящій изъ 16—18 перьевъ, а мелкое опереніе мягкое, густое, красиво окрашенное, различное у птицъ разнаго пола и возраста и мѣняющееся по временамъ года.

Крохалевыя птицы ходятъ, немного приподнявъ переднюю часть тѣла, шатаясь и ковыляя, плаваютъ превосходно, ныряютъ съ величайшей легкостью, могутъ подолгу оставаться подъ водою, летаютъ легко, быстро, своеобразно.

Всѣ 10 извѣстныхъ намъ видовъ крохалевыхъ птицъ обитаютъ на сѣверѣ земного шара. Сильные морозы принуждаютъ ихъ покидать родину, предпринимать странствованія и залетать довольно правильно въ сѣверную Германію, рѣже въ южную Европу или въ лежащія въ соотвѣтственныхъ широтахъ страны Азіи и Америки. Смотря по мѣстности, гдѣ онѣ живутъ, эти птицы являются перелетными, странствующими или бродячими; ни одинъ видъ не забирается дальше на югъ, чѣмъ это для него необходимо. Онѣ не вполнѣ пренебрегаютъ растительной пищей и въ случаѣ нужды прибѣгаютъ къ ней. Главную пищу ихъ составляетъ рыба и другія водныя животныя, напр. мелкія земноводныя, раки и насѣкомыя. Онѣ чрезвычайно прожорливы, а потому въ хорошо культивированныхъ мѣстностяхъ могутъ наносить чувствительный ущербъ рыбоводству.

Размножаются онѣ такъ же, какъ и другія зубчатоклювыя. Человѣкъ преслѣдуетъ ихъ не вездѣ, такъ какъ мясо ихъ невкусно и отзывается ворванью, но часто отнимаетъ у нихъ яйца и пользуется ихъ пухомъ и перьями. Въ неволѣ

крохалевыхъ птицъ держатъ только большіе любители, такъ какъ содержаніе ихъ обходится довольно дорого, а настоящей пользы онѣ не приносятъ.

*

Малый крохаль (Mergus albellus) имѣетъ сходство съ нѣкоторыми ныряющими утками, особенно съ обыкновеннымъ гоголемъ. У самца брачная одежда чисто-бѣлая; пятно между глазомъ и клювомъ и полоса на затылкѣ черновато-зеленаго цвѣта, спина и бо́льшая часть крыла, двѣ узкихъ полосы на плечѣ и продольная полоса на крылѣ чернаго цвѣта, бока съ синевато-сѣрыми и черными поперечными волнообразными линіями, маховыя перья черновато-бурыя, рулевыя перья сѣрыя. Глаза голубовато-сѣрые, клювъ и ноги сѣровато-голубые. Длина 50 см.

Настоящею родиной малаго крохаля слѣдуетъ считать сѣверную Азію; отсюда онъ распространяется на западъ до сѣверной Европы, на востокъ до Америки, такъ что и этотъ видъ водится въ трехъ сѣверныхъ частяхъ свѣта. Зима заставляетъ его удаляться съ мѣстъ вывода въ болѣе южныя страны.

Ходитъ онъ, держа тѣло горизонтально, втянувъ шею, двигается, шатаясь, но все же лучше своихъ родственниковъ; при плаваніи онъ погружаетъ свое тѣло въ воду приблизительно до половины; передъ тѣмъ какъ нырнуть, малый крохаль приподнимается однимъ прыжкомъ надъ поверхностью воды, затѣмъ тотчасъ исчезаетъ подъ нею, вытягиваетъ шею во всю длину, гребетъ изо всѣхъ силъ обѣими ногами поочередно и двигается на любой глубинѣ съ поистинѣ поразительною быстротою и ловкостью, скорѣе какъ хищная рыба, нежели какъ птица; онъ очень долго можетъ оставаться подъ водою и большею частью снова появляется на поверхности воды далеко отъ того мѣста, гдѣ нырнулъ. Полетъ похожъ на полетъ мелкихъ видовъ зубчатоклювыхъ птицъ.

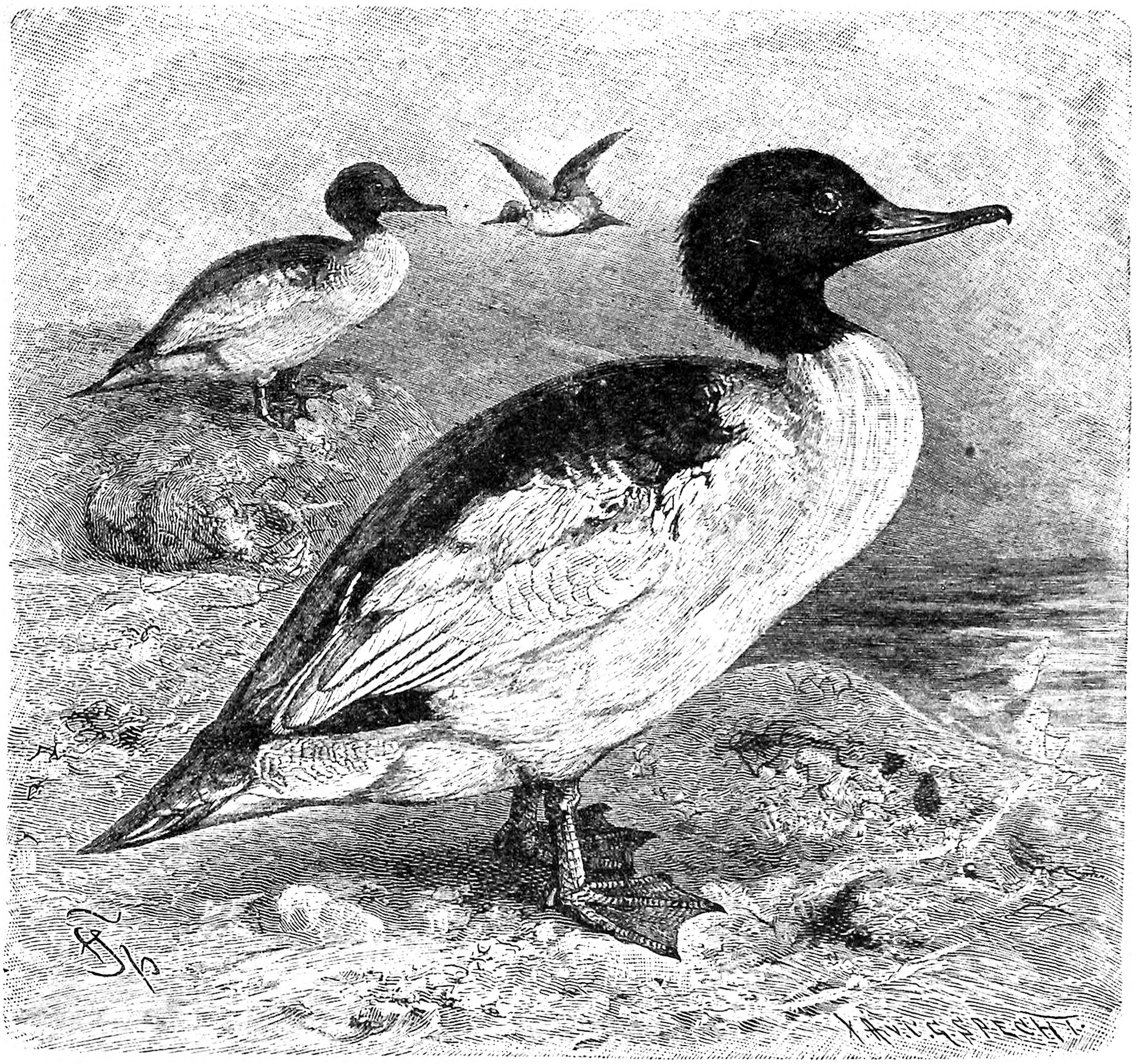
Большой крохаль (Mergus merganser) отличается отъ малаго крохаля главнымъ образомъ длиннымъ, сжатымъ съ боковъ клювомъ. Въ брачномъ нарядѣ у большого крохаля голова и верхняя часть шеи черновато-зеленыя, верхняя часть спины, плечи, края крыла и переднія плечевыя перья чернаго цвѣта, вся нижняя сторона и верхнія покровныя перья крыла красиваго желтовато-краснаго цвѣта, пятно на крылѣ бѣлое, маховыя перья черноватыя, кроющія перья нижней части спины сѣрыя съ тонкими черными волнообразными линіями, маховыя перья черныя, рулевыя перья сѣрыя. Глаза красновато-желтые, клювъ кораллово-красный, ноги блѣдно-красныя. Длина 80 см.

Большой крохаль водится на сѣверѣ Европы, Азіи и Америки и, повидимому, въ каждой изъ этихъ трехъ частей свѣта встрѣчается одинаково часто. Родиной его можно считать пояса между 52 и 60 градусомъ широты. Во время перелета, который большой крохаль совершаетъ правильнѣе прочихъ видовъ, его наблюдали во всѣхъ болѣе южныхъ странахъ Европы, а также въ сѣверной Индіи и въ южномъ Китаѣ, съ другой же стороны почти вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣкоторыя парочки, правда, выводятъ потомство и на сѣверѣ Германіи; но большинство тѣхъ большихъ крохалей, которыхъ наблюдаютъ въ Германіи, появляются около конца ноября съ сѣвера и уже въ февралѣ летятъ туда обратно.

Кромѣ полуденныхъ часовъ, которые большой крохаль охотно проводитъ, отдыхая на песчаномъ мѣстѣ берега, его почти постоянно можно видѣть на водѣ, составляющей настоящую его стихію. По сушѣ онъ тяжеловѣсно ковыляетъ, по воздуху летаетъ довольно быстро, но все-таки съ трудомъ, по водѣ же и подъ водою двигается съ одинаковою легкостью. Плавая спокойно, онъ гребетъ сильными, но медленно слѣдующими другъ за другомъ и равномѣрными ударами своихъ широкихъ ногъ, причемъ подвигается впередъ довольно скоро; когда же онъ съ завистью преслѣдуетъ другую птицу своего вида, только что поймавшую добычу и готовящуюся проглотить ее, то мчится по поверхности воды такъ быстро, что обгоняетъ всякую другую плавающую птицу и производитъ сильный шумъ. Исчезаетъ онъ подъ водой съ чрезвычайной легкостью, почти безшумно, а плаваетъ въ глубинѣ такъ быстро, что его скорѣе можно принять за

рыбу, нежели за птицу. Иногда онъ около 2-хъ минутъ пребываетъ подъ водою, обыкновенно же нѣсколько болѣе 1 минуты. Въ это время онъ, гоняясь за рыбой, т. е. иногда плавая вдоль и поперекъ, бо́льшею частью проплываетъ около 100 шаговъ. Голосъ его представляетъ собою странное кряканье, болѣе всего похожее на звукъ дудочки.

Въ умственныхъ способностяхъ большого крохаля невозможно сомнѣваться. Охотникъ очень скоро убѣждается въ остротѣ его внѣшнихъ чувствъ, благодаря которой птица замѣчаетъ все происходящее кругомъ, а наблюдатель очень скоро

Большой крохаль (Mergus merganser). 1/5 естеств. велич.

видитъ, насколько эта птица смышлена, осторожна, боязлива, хитра и коварна; всякій, кому приходилось держать большого крохаля въ неволѣ, отлично знаетъ, какъ эта умная птица умѣетъ приспособляться къ обстоятельствамъ. Въ противоположность другимъ представителямъ этого семейства, большой крохаль дружитъ только съ птицами одного съ нимъ вида. Во время перелета или въ зоологическихъ садахъ большихъ крохалей всегда можно видѣть вмѣстѣ, но скоро приходится убѣдиться въ томъ, что настоящихъ дружескихъ отношеній между ними нѣтъ и въ поминѣ, и что при всякомъ удобномъ случаѣ проявляется ихъ завистливый нравъ.

Большой крохаль, пока не бываетъ принужденъ ѣсть другую пищу, питается только рыбами и притомъ всего охотнѣе мелкими, длиною въ 10—15 см., но можетъ одолѣвать и болѣе крупныхъ. Въ исключительныхъ случаяхъ онъ подбираетъ также насѣкомыхъ и червей.

Въ Германіи большой крохаль тамъ и сямъ выводитъ потомство, всего чаще

на озерахъ сѣверной Германіи, напр., въ Помераніи, Мекленбургѣ и Гольштейнѣ. На датскихъ островахъ большой крохаль выводитъ потомство уже правильно и затѣмъ размножается на всѣхъ подходящихъ водныхъ вмѣстилищахъ, лежащихъ сѣвернѣе. Гнѣздо часто устраивается въ углубленіи почвы, между камнями или подъ кустарникомъ, иногда на утолщеніяхъ ивъ, въ старыхъ гнѣздахъ хищныхъ птицъ или воронъ и довольно часто въ древесныхъ дуплахъ. Яицъ кладется 8—14; но вынимая яйца изъ гнѣзда съ извѣстною правильностью, можно принудить самку положить двойное ихъ число.

Большимъ крохалямъ мало приходится страдать отъ преслѣдованія враговъ, угрожающихъ болѣе мелкимъ зубчатоклювымъ и вообще плавающимъ птицамъ; въ большинствѣ случаевъ большимъ крохалямъ удается улизнуть и отъ человѣка. Настоящей охоты на нихъ не производится по той причинѣ, что намъ, по крайней мѣрѣ, мясо ихъ кажется несъѣдобнымъ, а перьевъ ихъ не употребляютъ для тѣхъ цѣлей, которымъ они могли бы служить.

Одиннадцатый отрядъ.

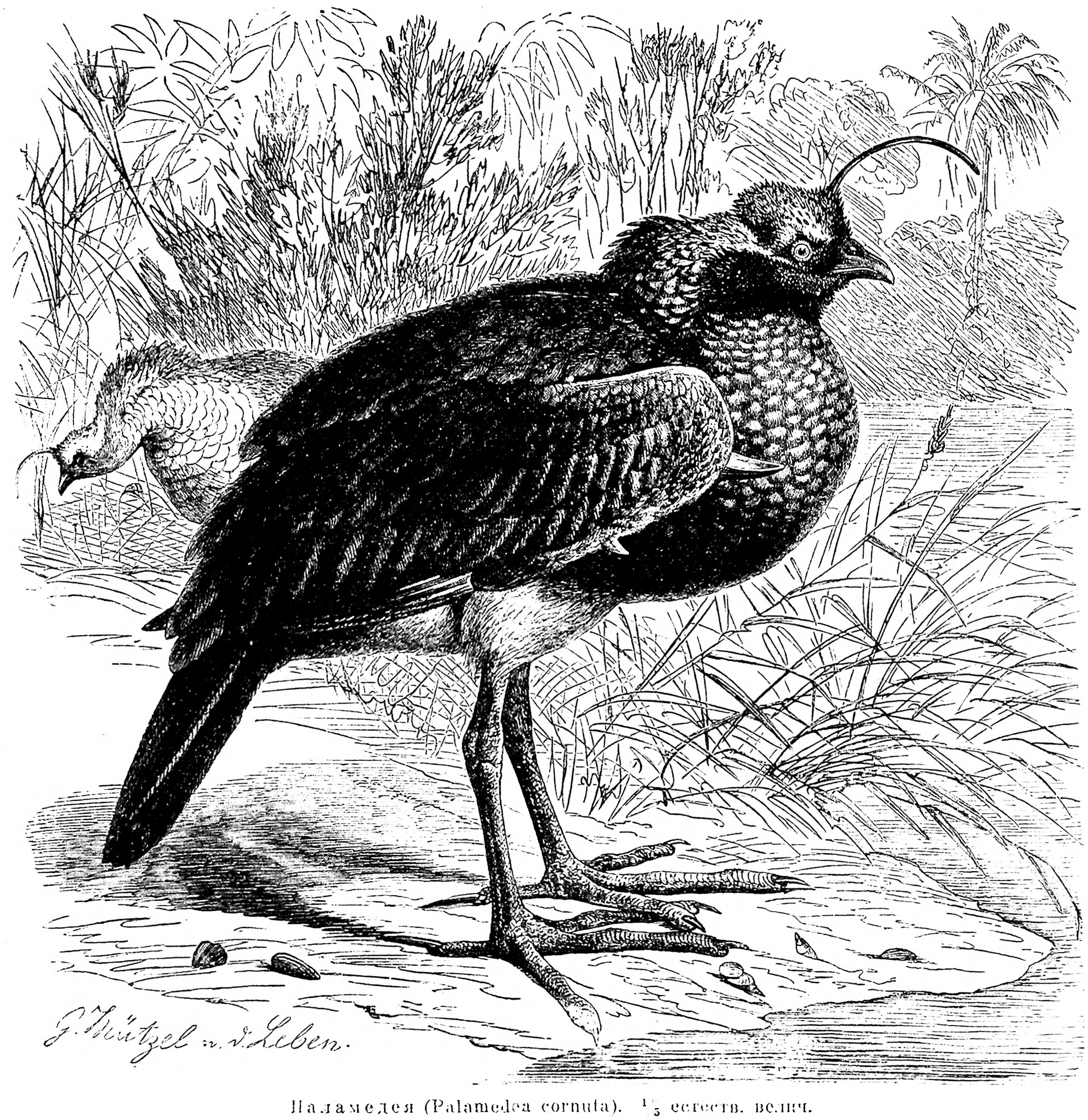
Шпорцекрылыя птицы (Palamedeornithes).

Новѣйшіе естествоиспытатели держатся того мнѣнія, что шпорцекрылыя птицы (Palamedeidae), обыкновенно причисляемыя къ пастушковымъ, не принадлежатъ къ этимъ птицамъ и находятся въ болѣе близкомъ родствѣ съ боевыми птицами, а въ болѣе отдаленномъ — съ страусовыми птицами и съ нанду. Вѣроятно, правильно будетъ выдѣлить въ особый отрядъ этихъ странныхъ птицъ, которыхъ извѣстно только три вида. Это большія тяжеловѣсныя птицы съ продолговатой шеей, маленькой головой, съ клювомъ, который короче головы и напоминаетъ клювъ куриныхъ птицъ, съ умѣренной вышины, толстыми, короткими ногами, довольно длинными и сильными крыльями, двѣнадцатиперымъ, слегка закругленнымъ хвостомъ и густымъ опереніемъ, которое на шеѣ очень мелко. Замѣчательно, что у этихъ птицъ на суставѣ крыла находятся два очень крѣпкихъ шпорца; у одного вида есть также роговидный наростъ на головѣ. Какъ у нѣкоторыхъ плавающихъ птицъ, у шпорцекрылыхъ находится подъ кожей густая сѣть воздушныхъ пузырей и ячеекъ, которые могутъ по произволу наполняться и опорожняться.

Шпорцекрылыя птицы обитаютъ во всѣхъ большихъ болотахъ южной Америки, обыкновенно небольшими обществами, въ пору вывода — парами; это въ общемъ существа мирныя, рѣдко прибѣгающія къ своему сильному оружію, при помощи котораго самцы сражаются другъ съ другомъ, а оба пола отражаютъ болѣе слабыхъ враговъ. Ходятъ онѣ, выступая гордо и съ достоинствомъ; полетъ ихъ напоминаетъ полетъ крупныхъ хищныхъ птицъ, особенно грифовъ; если ихъ спугнуть, то онѣ взлетаютъ на деревья; плавать онѣ, повидимому, не способны. Голосъ ихъ далеко разносится по лѣсу. Пища состоитъ преимущественно изъ растительныхъ веществъ; но, подобно другимъ болотнымъ птицамъ, онѣ врядъ ли пренебрегаютъ насѣкомыми, мелкими земноводными и рыбками. Посреди своихъ болотъ онѣ сооружаютъ большое гнѣздо, кладутъ туда два яйца безъ всякихъ пятенъ и тотчасъ же послѣ вылупленія малютокъ уводятъ ихъ. Выращенныя въ неволѣ, шпорцекрылыя птицы скоро привыкаютъ къ утратѣ свободы, пріобрѣтаютъ уваженіе со стороны другихъ домашнихъ птицъ, принуждаютъ ихъ къ покорности и, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляются даже въ качествѣ пастуховъ. Въ южной Америкѣ ихъ охотно держатъ въ усадьбахъ, но рѣдко пересылаютъ живыми въ Европу. Рогъ, лѣвый шпорецъ крыла, а отчасти и правый считаются у индѣйцевъ великолѣпными лечебными средствами.

Въ лѣсистой области средней Бразиліи, а также сѣвернѣе, въ Гвіанѣ и Колумбіи, живетъ паламедея, извѣстная у бразильцевъ подъ именемъ ангимы (Palamedea cornuta, рис. на стр. 852). Рогъ, укрѣпленный только въ кожѣ, торчитъ на лбу и представляетъ собою тонкое, длинное образованіе, стоящее прямо, согнутое слегка дугообразно впередъ, достигающее въ длину 10—15 см. и довольно правильно сравниваемое со струною. Верхній шпорецъ на сгибѣ

крыла треугольный, очень острый, длиною около 4-хъ см. и едва замѣтно загибающійся кнаружи; второй шпиръ, расположенный ниже, имѣетъ въ длину только 8 миллиметровъ и почти совершенно прямой, но все-таки крѣпкій. Мягкія бархатистыя перья на верхней части головы бѣловато-сѣрыя, къ концу черноватыя, на щекахъ, горлѣ, шеѣ, спинѣ, груди, крыльяхъ и хвостѣ перья черновато-бурыя, плечевыя и большія кроющія перья крыла съ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ, перья

Паламедея (Palamedea cornuta). $\frac{1}{5}$ естеств. велич.

на брюшкѣ и на заду чисто-бѣлыя. Глаза оранжевые, клювъ черновато-бурый, кончикъ клюва бѣловатый, рогъ бѣловато-сѣрый, ноги аспидно-сѣрыя. Длина 80 см.

„Паламедея“, говоритъ принцъ Видъ, „какъ большая, красивая птица, составляетъ украшеніе первобытныхъ лѣсовъ Бразиліи. Но я встрѣтилъ ее здѣсь только тогда, когда, отправляясь съ юга на сѣверъ, достигъ около рѣки Бельмонте 16-го градуса южной широты. Здѣсь эту птицу можно видѣть очень часто. Она живетъ только во внутреннихъ сырыхъ лѣсахъ, вдали отъ человѣческаго жилья. Я не встрѣчалъ ея въ открытыхъ мѣстностяхъ, а видѣлъ лишь въ глубинѣ первобытныхъ лѣсовъ на берегахъ рѣкъ. Здѣсь мы часто слышали ея громкій, странный голосъ, который имѣетъ нѣкоторое сходство съ голосомъ европейскаго вяхиря, но звучитъ гораздо громче и сопровождается нѣкоторыми другими гортанными звуками. Въ пору вывода паламедею можно наблюдать парами, въ другое время

обществами въ 4, 5 и 6 штукъ. Пища ея состоитъ, повидимому, главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ; по крайней мѣрѣ, вскрывъ 5—6 этихъ птицъ, я нашелъ въ желудкѣ ихъ только зеленые листья одного вида травъ и одного широколиственнаго болотнаго растенія.“

Прирученныя паламедеи довѣрчивы и послушны; ихъ можно держать вмѣстѣ съ курами, такъ какъ паламедеи безъ нужды не начинаютъ никакой ссоры, но отъ собакъ защищаются и такъ превосходно умѣютъ пользоваться шпорцами своихъ крыльевъ, что однимъ ударомъ обращаютъ этихъ четвероногихъ въ бѣгство.

Двѣнадцатый отрядъ.

Нанду (Rheornithes).

Мы считаемъ полетъ столь характернымъ признакомъ птицы, что птица, лишенная этого дара, кажется намъ какимъ то страннымъ существомъ. Необразованному человѣку такія птицы представляются сказочными животными, и онъ старается объяснить себѣ это чудесное явленіе. Одинъ старый шейхъ Кордофана разсказалъ мнѣ поэтическое сказаніе, гласящее, что гигантская птица Африки утратила способность летать за то, что въ безумномъ своемъ высокомѣріи хотѣла долетѣть до солнца. Солнечные лучи спалили ея крылья; она безпомощно упала на землю, до сихъ поръ лишена способности летать и до сихъ поръ носитъ на груди знакъ своего паденія. Древнѣе, хотя и менѣе поэтично сказаніе, будто та же птица есть ублюдокъ верблюда и какой то сказочной птицы пустыни. Это сказаніе передается въ древнихъ повѣствованіяхъ и удержалось въ научномъ названіи этихъ птицъ; отголосокъ того же сказанія мы видимъ и въ неправильномъ мнѣніи, по которому страусъ и другія короткокрылыя птицы считаются самыми высоко-развитыми представителями пернатаго царства и ставятся во главѣ всего класса этихъ животныхъ.

Три отряда короткокрылыхъ птицъ обнимаютъ самыхъ древнихъ и крупныхъ изъ живущихъ нынѣ птицъ; несмотря на то, что между ними сравнительно мало родственныхъ чертъ, мы все-таки, по общепринятому обыкновенію, будемъ разсматривать вмѣстѣ. Голова у нихъ, самое бо́льшее, средней величины, шея почти всегда бываетъ длинная, тѣло мощныхъ размѣровъ; клювъ довольно короткій, широкій и тупой; носовыя отверстія открываются на концѣ клюва, ноги сильно развиты, ляжки очень сильныя, съ толстыми мышцами, ступня длинная, но крѣпкая, двух- или трехпалая; крылья неразвиты, съ совершенно измѣненными, непригодными для летанія перьями, которыя столь же мало заслуживаютъ названія маховыхъ, какъ хвостовыя перья или, вѣрнѣе, перья надхвостья заслуживаютъ названія рулевыхъ; опереніе расщепленное, похожее на шерсть, такъ какъ бородки опахалъ не связаны между собою и напоминаютъ пучки волоконъ.

Изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ зрѣніе, повидимому, развито особенно хорошо, наряду со слухомъ въ равной мѣрѣ развито и обоняніе, осязаніе слабо, вкусъ, кажется, весьма тупъ. Относительно духовныхъ способностей нельзя произнести благопріятнаго сужденія. Всѣ извѣстные намъ виды чрезвычайно боязливы и обращаются въ бѣгство при приближеніи человѣка, но дѣйствуютъ безъ всякой сообразительности, гдѣ приходится имѣть дѣло съ опасностью; всѣ они, какъ существа ограниченныя, упрямы, злы и мало или даже почти вовсе не способны къ развитію. Между собою они живутъ въ ладу, пока не заговоритъ въ нихъ ревность, терпятъ также общество другихъ животныхъ, но настоящей привязанности не обнаруживаютъ ни къ себѣ подобнымъ, ни къ другимъ животнымъ. Въ неволѣ птицы эти привыкаютъ до извѣстной степени къ лицу, которое за ними ухаживаетъ, но врядъ ли отличаютъ его отъ другихъ людей.

Короткокрылыхъ птицъ нѣтъ только въ Египтѣ. Африка и западная Азія даютъ пріютъ двумъ видамъ, въ Америкѣ водится два вида, въ Австраліи и на

папуасскихъ островахъ — десять видовъ. Одни виды живутъ въ сухихъ, песчаныхъ мѣстностяхъ, скудно поросшихъ кустарникомъ и травою, словомъ въ пустынныхъ равнинахъ и степяхъ, другіе виды въ густыхъ лѣсахъ. Первые иногда образуютъ многочисленныя стаи, другіе живутъ въ одиночку и не отличаются общительностью.

Всѣ виды неподражаемо искусно бѣгаютъ, иные, какъ говорятъ, очень сносно плаваютъ; другіе роды движеній имъ чужды. Питаются они растительными веществами и мелкими животными; послѣднія составляютъ исключительную пищу молодыхъ птицъ. Назвать короткокрылыхъ птицъ прожорливыми въ настоящемъ смыслѣ этого слова нельзя; но у нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчается непреодолимая склонность къ проглатыванію всевозможныхъ предметовъ, которые безъ труда входятъ въ ихъ глотку, и къ наполненію желудка всевозможными несъѣдобными и непереваримыми веществами.

О размноженіи короткокрылыхъ птицъ мы получили понятіе лишь благодаря наблюденіямъ, произведеннымъ надъ плѣнными птицами. Еще достовѣрно неизвѣстно, всѣ ли виды живутъ въ единобрачіи и не предаются ли нѣкоторые изъ нихъ многоженству; но одно несомнѣнно, а именно, что у всѣхъ короткокрылыхъ птицъ высиживаньемъ яицъ и воспитаніемъ молодыхъ птицъ занимается главнымъ образомъ отецъ, что во многихъ случаяхъ исключительно отецъ беретъ на себя обязанности, обыкновенно выполняемыя матерью, и не позволяетъ самкѣ помогать ему.

Человѣкъ преслѣдуетъ всѣхъ короткокрылыхъ птицъ — однѣхъ ради перьевъ, другихъ ради мяса, держитъ также всѣ виды въ неволѣ и въ послѣднее время главнѣйшихъ изъ нихъ обратилъ въ домашнихъ животныхъ.

Американскія короткокрылыя птицы носятъ названіе нанду, и этимъ именемъ обозначается какъ подотрядъ, такъ и группа и семейство. Строеніе ихъ тѣла представляетъ такъ мало сходства со строеніемъ другихъ короткокрылыхъ, что въ послѣднее время ихъ выдѣлили въ особый отрядъ; крылья у нихъ еще довольно развиты и ноги трехпалыя. Плоскій, при основаніи широкій, на концѣ закругленный и снабженный небольшой роговой выпуклостью клювъ длиною приблизительно съ голову; ноги, начиная съ сустава пятки, голыя, пятки покрыты мозолями и бородавками, всѣ три пальца едва достигаютъ средней длины, при основаніи соединены короткой перепонкой, когти прямые, крѣпкіе, сжатые съ боковъ, спереди тупо закругленные, съ острымъ краемъ наверху; настоящихъ маховыхъ и рулевыхъ перьевъ нѣтъ; на концѣ крыла замѣчается когтеобразный шипъ; уздечка и область глазъ, а также кольцо вокругъ окаймленнаго щетинообразными перьями ушного отверстія неоперены и покрыты морщинистой кожей, верхняя же часть головы, горло, шея, туловище и ляжки оперены, перья на головѣ и на шеѣ мелкія, узкія и острыя, на туловищѣ крупныя, широкія, закругленныя, но мягкія, такъ что бородки опахала не связаны; на глазныхъ вѣкахъ замѣчаются большія жесткія рѣсницы, вродѣ щетинокъ. Самецъ и самка отличаются другъ отъ друга по величинѣ, но мало рознятся по окраскѣ своего оперенія.

Изъ двухъ знакомыхъ намъ видовъ этихъ птицъ самый распространенный и извѣстный нанду, или страусъ пампасовъ — (Rhea americana, рис. на стр. 857). Перья верхней части головы, верхней части шеи, затылка и передней части груди, а также щетинки на уздечкѣ, — чернаго цвѣта; перья на срединѣ шеи желтыя, на горлѣ, щекахъ и верхнихъ бокахъ шеи болѣе свѣтлаго свинцово-сѣраго цвѣта, на спинѣ, бокахъ, груди и крыльяхъ буровато пепельно-сѣрыя, а на прочихъ нижнихъ частяхъ грязновато-бѣлыя. Глаза жемчужно-сѣраго цвѣта, голая часть лица мясного цвѣта, клювъ рогового сѣровато-бураго цвѣта, ноги сѣрыя. Длина самца около 1,5 метра, ширина около 2,5 метра.

Область распространенія нанду обнимаетъ степныя мѣстности южной Америки. Настоящей родиной этой птицы можно назвать область пампасовъ между

Атлантическимъ океаномъ и Кордильерами, т. е. Штаты Рio-де-ла-Платы. Какъ настоящая степная птица, нанду избѣгаетъ горъ и первобытныхъ лѣсовъ; но въ холмистыхъ странахъ онъ встрѣчается не рѣже, чѣмъ въ равнинѣ; онъ очень охотно посѣщаетъ также болѣе рѣдкіе альгаробовые лѣса, а также расположенныя въ видѣ острововъ среди травяного моря миртовыя и пальмовыя рощи. Въ пампасахъ или въ степяхъ мало мѣстъ, гдѣ нанду совершенно отсутствуетъ.

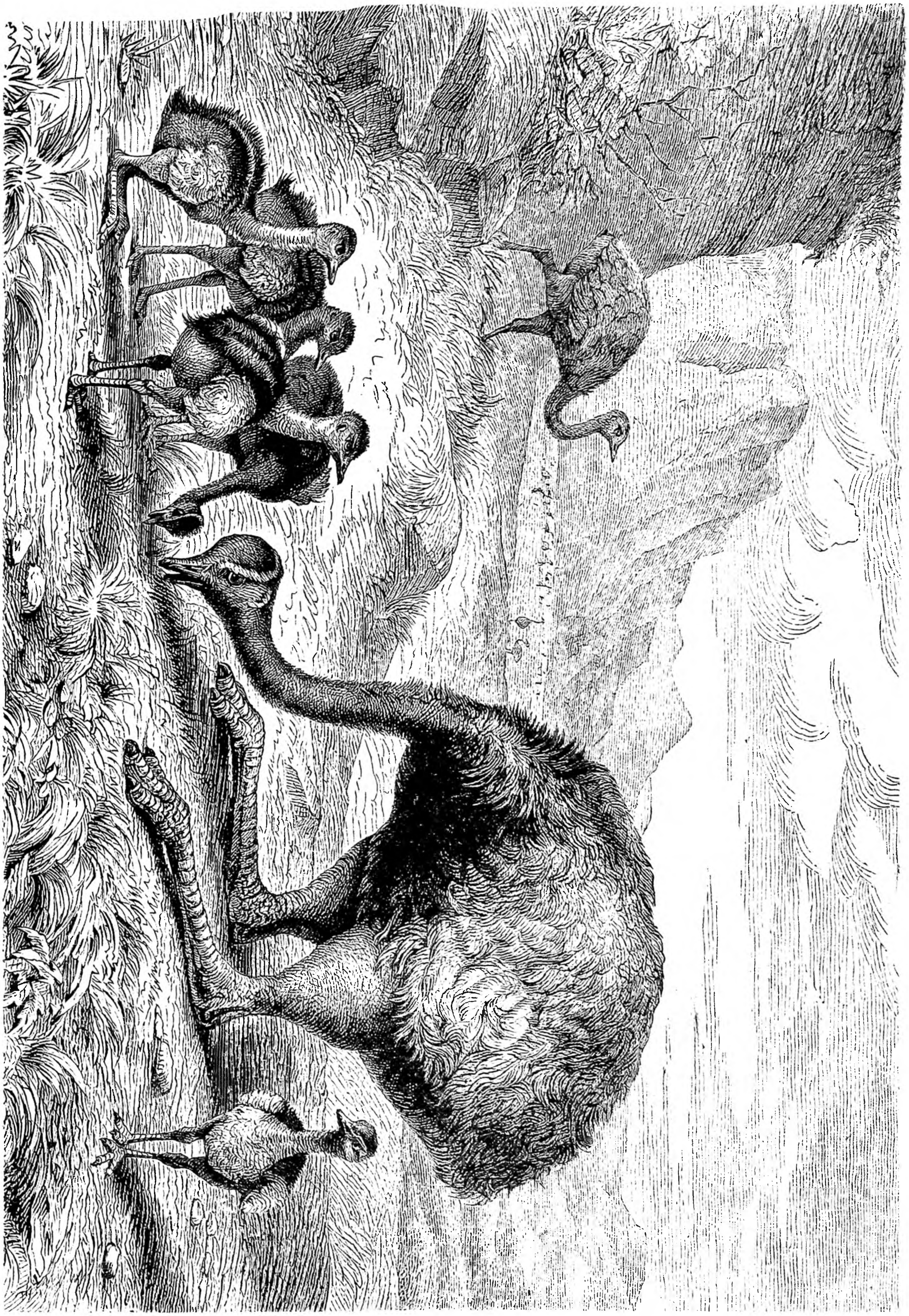
Одинъ самецъ живетъ съ 5—7 самками, рѣдко съ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ самокъ, въ видѣ обособленной семейной группы, въ избранномъ или отвоеванномъ отъ другихъ нанду участкѣ. Послѣ же вывода многія подобныя семьи соединяются, и тогда можно встрѣтить стада, состоящія изъ 60 и болѣе экземпляровъ. Насколько тѣсна связь между представителями семейства, настолько непрочент союзъ такихъ обществъ. Стаи нанду распадаются вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, и части ихъ снова примыкаютъ къ другому встрѣчному пасущемуся стаду. Впрочемъ, нанду безъ нужды, повидимому, не удаляются далѣе 2-хъ англійскихъ миль отъ мѣста своего рожденія.

Осенью нанду ходитъ по берегамъ рѣкъ и низменностямъ, поросшимъ кустарникомъ, и ищетъ здѣсь миртовыхъ и другихъ ягодъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣтъ кустарника, онъ удаляется въ чащу чертополоха; послѣдній былъ разведенъ первыми испанскими поселенцами, употреблявшими его въ качествѣ овощи и приправы къ пирогамъ, въ настоящее время разросся въ пампасахъ и, къ великому неудовольствію путешественниковъ и скотоводовъ, покрываетъ тамъ цѣлыя тысячи квадратныхъ миль, изъ году въ годъ захватывая все бо́льшія пространства. Въ зимнее время нанду охотно пребываетъ на такихъ полосахъ, куда правильно собираются стада скота, такъ какъ здѣсь трава всегда бываетъ короткая, а потому нѣжнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Въ это время любимымъ его мѣстопребываніемъ служатъ мѣста, куда со всѣхъ сторонъ ежедневно сгонялся скотъ и обильно удобрялъ почву.

Нанду превосходно бѣгаетъ, такъ что способенъ утомить и смутить лучшую лошадь, такъ какъ онъ не только мчится чрезвычайно быстро, но и умѣетъ удивительно ловко дѣлать повороты. Въ пору спариванья нанду бываетъ чрезвычайно оживленнымъ и день и ночь находится въ движеніи; во время засухи онъ, подобно всякой дичи и скоту, отдыхаетъ между 3 и 4 часами пополудни, но наверстываетъ это потерянное время въ прохладныя ночи; несмотря на это, онъ не перестаетъ быть настоящимъ дневнымъ животнымъ. Обыкновенный шагъ нанду равенъ 50—60 сантиметрамъ. Когда онъ, приподнявъ крылья, повидимому все еще небрежно, бѣжитъ рысью, то каждый шагъ равняется 1 метру; когда же его преслѣдуютъ, онъ шагаетъ широко, дѣлаетъ прыжки въ 1,5 метра и такъ быстро перебираетъ ногами, что отдѣльныхъ шаговъ различить невозможно. Воды онъ боязливо избѣгаетъ, никогда въ водѣ не купается, а валяется въ пыли, словно куриная птица.

Названіе, данное ему индѣйцами, служитъ звукоподражаніемъ далеко разносящагося крика, издаваемаго самцомъ въ періодъ токованья. Когда проходитъ пора спариванья, оба пола издаютъ свистящій звукъ, то возвышающійся, то понижающійся, который, какъ кажется, служитъ знакомъ для сбора. Молодыя птицы пищатъ, какъ индюшата.

Кромѣ вкуса, всѣ органы чувствъ у нанду острые, и умственныя способности его никакъ нельзя назвать ничтожными. По словамъ Бэкинга, эта птица — тонкій наблюдатель и умѣетъ сообразоваться съ обстоятельствами. Близъ жилищъ мирныхъ поселенцевъ, оставляющихъ его въ покоѣ, нанду становится настолько довѣрчивымъ, что разгуливаетъ среди лошадей и рогатаго скота, а съ людьми и собаками развѣ только старается не встрѣчаться. Зато при видѣ гаухо (т. е. мѣстнаго скотовода) нанду въ страхѣ обращается въ бѣгство и всю свою хитрость устремляетъ къ тому, чтобы не обратить на себя его вниманія. Около ранхо (т.-е. хижинъ или землянокъ) туземцевъ онъ никогда не появляется и со скотомъ ихъ разгуливаетъ лишь на извѣстномъ разстояніи; чаще можно видѣть его между стадами пугливыхъ степныхъ оленей, и тогда можно наблюдать, какъ то нанду, то

Нанду (Rhea americana). 1/10 естеств. велич.

олень, осматриваясь, поднимаютъ голову и какъ оба, при малѣйшемъ намекѣ на опасность, убѣгаютъ въ одномъ направленіи. Отрядъ индѣйцевъ повергаетъ нанду въ отчаянный ужасъ. Онъ убѣгаетъ отъ индѣйцевъ, бѣжитъ что есть мочи въ теченіе цѣлыхъ часовъ, сообщаетъ свой испугъ другимъ обществамъ, которыя также

принимаютъ участіе въ бѣгствѣ, и приводитъ въ смятеніе даже табуны лошадей и стада рогатаго скота.

Въ дождливое время года нанду кормится преимущественно клеверомъ и насѣкомыми: впослѣдствіи онъ разыскиваетъ, какъ было уже упомянуто, тѣ мѣста, которыя удобрены скотомъ. Во всякое время и во всякомъ возрастѣ нанду ѣстъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, по увѣренію гаухо, уничтожаетъ змѣй и другихъ небольшихъ пресмыкающихся и, ради пищеваренія, глотаетъ также камешки. Пьетъ онъ рѣдко; повидимому росы и дождя хватаетъ ему въ теченіе долгаго времени; но подходя къ водѣ, онъ забираетъ воду въ клювъ и, поднявъ голову, даетъ водѣ стекать въ пищеводъ, какъ это дѣлаютъ куры. Плѣнные нанду пьютъ правильно.

Въ началѣ весны, т. е въ южномъ полушаріи въ октябрѣ, самецъ-нанду, который по истеченіи второго года жизни становится способенъ къ размноженію, собираетъ около себя 3—7, рѣдко больше самокъ и прогоняетъ другихъ самцовъ ударами клюва и крыльевъ изъ своего участка. Передъ самками онъ исполняетъ весьма своеобразныя пляски, которыя мы можемъ наблюдать у плѣнныхъ птицъ. Съ широко раскрытыми, свѣшивающимися внизъ крыльями ходитъ онъ взадъ и впередъ, иногда вдругъ начинаетъ очень быстро бѣгать, дѣлаетъ съ неподражаемою ловкостью одинъ за другимъ три или четыре поворота, умѣряетъ свой бѣгъ и продолжаетъ выступать съ достоинствомъ, затѣмъ нагибается немного и начинаетъ прежнюю игру съизнова. При этомъ онъ издаетъ глухой ревъ и вообще обнаруживаетъ сильное возбужденіе. На свободѣ онъ проявляетъ свое мужество и свою готовность къ борьбѣ лишь по отношенію къ другимъ самцамъ; въ неволѣ онъ нападаетъ на своего сторожа или вообще на всѣхъ людей, старается нанести имъ удары клювомъ и, подобно африканскому страусу, сильно лягается. Гнѣздо всегда представляетъ собою неглубокую впадину на сухомъ мѣстѣ, которое не подвергается наводненіямъ, по возможности скрыто отъ всякихъ взоровъ и сбоку защищено чертополохомъ или высокой травой. Всего чаще гнѣздами служатъ углубленія, образованныя спинами дикаго рогатаго скота, который съ цѣлью согнать со своей кожи личинокъ мухъ ложится обыкновенно на спину и при помощи заднихъ ногъ вертится на мѣстѣ. Если самецъ не находитъ такого углубленія, то въ подходящемъ мѣстѣ выскребаетъ растенія, скудно покрываетъ дно и края углубленія нѣсколькими стебельками травы и предоставляетъ своимъ самкамъ положить въ такое гнѣздо 7—23 яицъ.

Яйца бываютъ весьма различныхъ размѣровъ, величиной отъ яйца бѣлоголоваго сипа до 13 сантиметровъ въ продольномъ поперечникѣ. Окрашено яйцо въ тусклый желтовато-бѣлый цвѣтъ, покрыто мелкими зеленовато-желтыми точечками, окружающими большія желтовато-бѣлыя пятна. Но какъ только яйцо подвергнется дѣйствію солнца, оно быстро выгораетъ и по прошествіи 8-ми дней становится бѣлоснѣжнымъ. Послѣ того, какъ въ гнѣздо снесено надлежащее количество яицъ, самецъ беретъ дальнѣйшую заботу о потомствѣ всецѣло на себя одного. Самки даже удаляются отъ него, но сами не разлучаются и не покидаютъ участка, отвоеваннаго самцомъ. Самецъ же ночью и въ утреннія часы, пока не обсохнетъ роса, сидитъ на яйцахъ, но затѣмъ черезъ неправильные промежутки времени, зависящіе отъ степени тепла, покидаетъ гнѣздо, чтобы искать себѣ пищи. Эти промежутки могутъ быть очень продолжительны, что не мѣшаетъ развитію зародыша; Бэкингъ наблюдалъ, что нанду отсутствовалъ въ теченіе 4-хъ часовъ, а впослѣдствіи узналъ, что отъ этого яйца не пострадали. На первыхъ порахъ самецъ сидитъ не плотно и при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ тихонько крадется въ сторону, а къ гнѣздо возвращается лишь послѣ того, какъ минуетъ опасность; но затѣмъ онъ высиживаетъ очень усердно и вскакиваетъ лишь чуть не передъ самымъ носомъ всадника, большею частью сильно пугая такимъ образомъ лошадь. Любовь свою къ яйцамъ онъ выражаетъ прежде всего тѣмъ, что идетъ на встрѣчу всаднику, растопыривъ крылья и ощетинивъ перья, потомъ, образумившись, медленно убѣгаетъ зигзагами и хромая, т. е. прикидывается больнымъ, какъ всѣ прочія птицы, чтобы отвлечь вниманіе отъ яицъ и привлечь

его къ себѣ. Отъ вонючекъ, сумчатыхъ крысъ и змѣй онъ, какъ говорятъ, успѣшно защищаетъ свои яйца.

На своихъ плѣнныхъ нанду Бодинусъ наблюдалъ, что самка отправлялась къ гнѣзду только во время кладки, и что заботился о яйцахъ одинъ самецъ. „Время кладки“, сообщаетъ этотъ естествоиспытатель, „начиналось въ концѣ мая. Близъ вырытаго самцомъ углубленія, скудно покрытаго стебельками травы, самки черезъ двухдневные промежутки положили 11 яицъ, которыя я отбиралъ, оставляя одно яйцо и имѣя при этомъ въ виду достигнуть того, чтобы молодыя птицы вылупились одновременно. Когда положено было 8 яицъ, я всѣ ихъ снова принесъ въ гнѣздо, а когда снесено было 9-ое, самецъ началъ высиживать послѣ многократнаго переворачиванья и передвиженія яицъ. Самка положила еще два яйца около гнѣзда, и самецъ также подсунулъ ихъ подъ себя. Онъ продолжалъ сидѣть не только при моемъ приближеніи, но не особенно тревожился, когда я вынималъ изъ подъ него яйца и разсматривалъ ихъ. Такъ какъ все время лилъ дождь, то я опасался за здоровье высиживающей птицы; но она была до нѣкоторой степени защищена кустарникомъ, около котораго было расположено гнѣздо, и вотъ по истеченіи 6-ти недѣль, вѣрнѣе 39-ти дней, появился на свѣтъ маленькій нанду. Въ первые дни онъ находилъ теплое мѣстечко подъ ногами своего папаши настолько уютнымъ, что можно было видѣть только головку, которую молодая птица отъ поры до времени выставляла между крыломъ и тѣломъ старой. Если же случалось малюткѣ вылѣзти, или если я вытаскивалъ его, то онъ поспѣшно снова убѣгалъ къ отцу. Отецъ предусмотрительно поднималъ одно крыло, и молодое животное въ одно мгновеніе забиралось подъ него. Два дня маленькое существо оставалось безъ корму. Меня это нисколько не безпокоило; я думалъ, что оно уже начнетъ искать себѣ пропитанія, какъ только этого потребуетъ его желудокъ. Такъ и случилось. На третій день птенецъ нѣсколько разъ вылѣзалъ изъ подъ крыльевъ родителя и принимался искать пищу. Онъ подбиралъ мелкія травки и песчинки и скоро принялся и за бросаемыя ему хлѣбныя крошки. Нѣсколько разъ въ день, и притомъ всегда вечеромъ, отецъ и дитя отправлялись отдыхать въ гнѣздо, и лишь позднѣе папаша ложился отдыхать гдѣ-нибудь въ саду. Молодая птица тотчасъ усаживалась въ свое теплое мѣстечко подъ крыльями старика, и какъ только происходилъ какой-нибудь шумъ, высовывала съ любопытствомъ головку.“ Молодой нанду былъ въ сѣрой пуховой одеждѣ съ темными продольными полосами, величиной былъ съ добрую куропатку, но съ болѣе длинными ногами и съ сравнительно длинной шеей.

Въ южной Америкѣ первые молодые нанду вылупляются въ началѣ февраля, на сѣверѣ нѣсколько раньше, на югѣ позже. Растутъ они удивительно быстро и уже по истеченіи двухъ недѣль достигаютъ 50-ти сантиметровъ въ вышину. Среди животныхъ у нанду мало опасныхъ враговъ. Иногда взрослый нанду дѣлается жертвой кугуара, а молодой — лисицы или орла; но подобные случаи рѣдки, и даже гнѣздо не часто подвергается опустошенію. Занятно, до какой степени американскій шпорцевый чибисъ терпѣть не можетъ нанду, хотя нанду навѣрное не причиняетъ ему никакого вреда. Когда нанду приближается къ мѣсту жительства парочки такихъ чибисовъ, то они бросаются на него съ неумолкаемымъ крикомъ, словно воро́ны на сокола. Это нѣкоторое время забавляетъ великана, и онъ увертывается отъ ударовъ, только отскакивая въ сторону или махая крыльями; но мало по малу назойливость его мучителей становится нанду въ тягость, и онъ убѣгаетъ. Болѣе чувствительнымъ образомъ мучаютъ его одинъ клещъ и одинъ кишечный глистъ, котораго можно найти у нанду во всякое время года. Злѣйшіе же враги этой птицы — огонь и человѣкъ. Какъ разъ въ ту пору, когда нанду выводятъ потомство, пастухи имѣютъ обыкновеніе при свѣжемъ вѣтрѣ зажигать степь для уничтоженія прошлогодней сухой травы. Такой степной пожаръ уничтожаетъ множество гнѣздъ разныхъ птицъ, высиживающихъ свои яйца на землѣ. Степные жители безъ зазрѣнія совѣсти подбираютъ всѣ яйца нанду, какія имъ только удастся подобрать, считаютъ каждое яйцо нанду равнымъ 15-ти куринымъ яйцамъ, выливаютъ бѣлокъ, имѣющій непріятный вкусъ, примѣшиваютъ къ

желтку немного жиру, перцу и соли и варятъ желтокъ въ скорлупѣ, постоянно мѣшая его. Чтобы сварить яйцо нанду въ крутую въ водѣ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ европейцы, требуется 40 минутъ. Мясо нанду твердо какъ конина, окрашено въ такой же цвѣтъ, какъ конина, но все-таки индѣйцы ѣдятъ его, европейцы же ѣдятъ только болѣе вкусныхъ молодыхъ нанду. Изъ шейной кожи гаухо изготовляютъ себѣ маленькіе мѣшки для различныхъ домашнихъ цѣлей; изъ очень гибкихъ стержней перьевъ, отдѣливъ отъ нихъ бородки, мальчики приготовляютъ петли для ловли скрытохвостыхъ куръ, а взрослые — красивую и крѣпкую сбрую для верховой ѣзды, дѣлаютъ изъ нихъ также красивые коврики. Кромѣ того пучки перьевъ нанду употребляются для сметанія пыли, а самыя лучшія и длинныя употребляются въ видѣ украшенія.

Охота пронзводится различными способами. Индѣйцы и гаухо преслѣдуютъ нанду верхомъ и убиваютъ ихъ лассо или травятъ собаками не столько ради самой добычи, сколько ради того, чтобы испробовать быстроту и выдержку своихъ лошадей, и испытать свою собственную ловкость въ пользованіи своимъ оружіемъ.

Въ южной Америкѣ нанду вездѣ можно видѣть бѣгающими на свободѣ, такъ какъ ихъ ловятъ молодыми и обращаютъ почти что въ домашнихъ животныхъ. Они такъ привыкаютъ къ тому мѣсту, гдѣ выросли, что всегда къ вечеру возвращаются туда. До послѣдняго времени у нихъ всегда отнимали снесенныя ими яйца и ѣли ихъ; но въ послѣдніе годы начали выращивать этихъ птицъ для того, чтобы отъ поры до времени выщипывать у нихъ перья. Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ нанду представляетъ собою обыкновенное явленіе. Держать его не трудно, такъ какъ онъ довольствуется самой простой пищей, если только получаетъ ее въ достаточномъ количествѣ, и совсѣмъ не чувствителенъ къ суровому европейскому климату.

Тринадцатый отрядъ.

Казуаровыя птицы (Hippalectryornithes).

Въ 1789 г. появилось описаніе путешествія намѣстника Филиппа въ Ботанибей, и изъ этого описанія научный міръ узналъ, что и Австралія населена короткокрылыми птицами. Видъ, называемый въ этомъ путешествіи „новоголландскимъ казуаромъ“, въ настоящее время называется эму, а этимъ послѣднимъ именемъ старые португальскіе мореплаватели обозначали гигантскую птицу, живущую на Малаккѣ.

Эму вмѣстѣ съ казуарами составляютъ подотрядъ и группу казуаровыхъ птицъ, къ которымъ въ настоящее время относятъ десять видовъ, и признаками которыхъ являются килеобразный клювъ, трехпалыя ноги и перья, снабженныя столь же длиннымъ добавочнымъ стержнемъ, какъ и главный стержень.

Казуары (Hippalectryonidae), изъ которыхъ извѣстно не менѣе 9-ти видовъ, характеризуются опереніемъ, похожимъ на шерсть. Клювъ у нихъ прямой, съ боковъ сжатый; передъ нѣсколько перегибающимся кончикомъ наверху и внизу онъ снабженъ зазубринками; на головѣ находится костяной шлемъ, который имѣетъ различную форму у всѣхъ доселѣ извѣстныхъ видовъ, на шеѣ, обнаженной на верхней половинѣ и окрашенной въ яркіе цвѣта, находится обыкновенно одинъ или два мохра; короткія, толстыя ноги о трехъ пальцахъ и внутренніе пальцы вооружены когтями, которые превосходятъ длиною прочіе когти болѣе чѣмъ вдвое; короткія крылья лишены настоящихъ маховыхъ перьевъ, на мѣстѣ же ихъ находится пять круглыхъ стержней безъ опахалъ, похожихъ на большія роговыя колючки; настоящихъ рулевыхъ перьевъ не имѣется, и образованія, покрывающія туловище, скорѣе могутъ быть названы волосами, чѣмъ перьями. Шлемъ представляетъ собою утолщеніе лобной кости и покрытъ роговидной массой.

Новоголландскій казуаръ (Hippalectryo [Casuarius] galeatus), наиболѣе давно извѣстный видъ этого рода, чернаго цвѣта, лицо у него зеленовато-синее, задняя часть головы зеленая, шея спереди фіолетовая, съ боковъ голубая, сзади сургучно-красная, глаза красновато-каріе, клювъ черный, ноги сѣровато-желтыя. Молодыя птицы буроватыя. Форстенъ видѣлъ новоголландскаго казуара въ лѣсахъ Церама, и птица эта, повидимому, водится почти только на этомъ единственномъ островѣ.

Всѣ путешественники, сообщающіе намъ о жизни казуаровъ на свободѣ, единогласно утверждаютъ, что эти птицы, въ противоположность своимъ вышеупомянутымъ родичамъ, обитаютъ въ самыхъ густыхъ лѣсахъ и ведутъ тамъ очень скрытую жизнь, при малѣйшей опасности моментально убѣгаютъ и стараются скрыться отъ взоровъ человѣка.

Всѣхъ казуаровъ, привозимыхъ въ Европу, туземцы, какъ говорятъ, ловятъ еще совсѣмъ юными и выращиваютъ. Быть можетъ, въ этомъ-то и заключается причина того, что большинство ихъ сравнительно ручные, кроткіе и довѣрчивые, между тѣмъ какъ ихъ первоначальный характеръ совершенно противоположенъ этимъ качествамъ.

Походка казуаровъ существенно отличается отъ походки другихъ коротко-крылыхъ. Они не бѣгаютъ, а трусятъ рысью, причемъ держатъ туловище горизонтально и немного оттопыриваютъ удлиненныя перья надхвостья, почему кажутся сзади выше, чѣмъ спереди. Шаги слѣдуютъ одинъ за другимъ не особенно скоро, а потому такого рода бѣгъ сравнительно медленно подвигаетъ птицу впередъ; когда же казуаръ дѣйствительно убѣгаетъ отъ опасности, то онъ бѣжитъ съ поразительною быстротою, съ изумительною ловкостью выдѣлываетъ разные повороты и можетъ дѣлать прыжки вышиною въ 1—1,5 метра. Голосъ похожъ на слабый, глубокій горловой звукъ „гу гу гу“. Звукъ этотъ всегда выражаетъ пріятное настроеніе; раздраженный же казуаръ пыхтитъ или ворчитъ на подобіе кошки или совы.

По умственнымъ способностямъ онъ уступаетъ своимъ родичамъ. Каждое непривычное явленіе, если не пугаетъ его, то приводитъ въ возбужденіе, доходящее иногда до ярости. Тогда онъ, ни на что́ не обращая вниманія, нападаетъ на противника, будь то человѣкъ или животное, яростно прыгаетъ на него и старается нанести ему вредъ какъ клювомъ, такъ и острыми своими когтями. Сторожа лондонскаго зоологическаго сада убѣдились въ томъ, что съ казуарами надо обращаться чрезвычайно осторожно, такъ какъ часто самка яростно накидывается на самца и не разъ убивала своего супруга. Сторожа всѣхъ зоологическихъ садовъ, гдѣ держатъ казуаровъ, боятся этихъ птицъ больше, чѣмъ крупныхъ видовъ кошекъ, настроеніе которыхъ видно по выраженію ихъ лица; отъ казуара же нельзя уберечься, такъ какъ во всякое данное мгновеніе можно ожидать отъ него злой продѣлки.

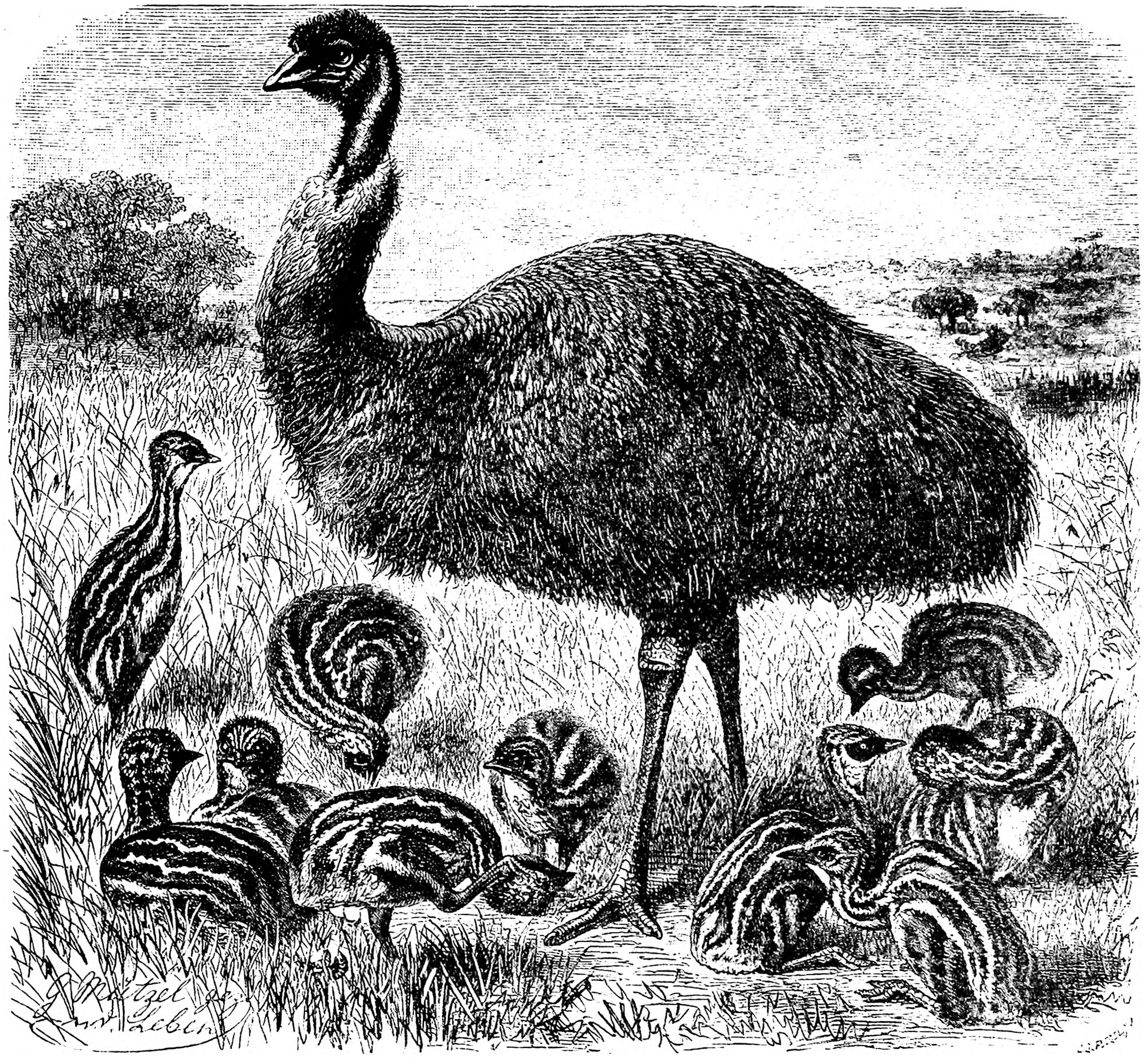
Хотя можно допустить, что казуары не пренебрегаютъ вполнѣ животной пищей, но ихъ слѣдуетъ причислять къ животнымъ, употребляющимъ растительный кормъ. Гааке нашелъ, что въ новогвинейскихъ лѣсахъ они питаются главнымъ образомъ сочными плодами, зернышки которыхъ онъ находилъ непереваренными въ пометѣ этихъ птицъ. Особенно любятъ они, повидимому, алый и кислый плодъ одного вида пальмъ. Зерна и сѣмена, которыхъ не въ силахъ измельчить ихъ органы пищеваренія, имъ повидимому незачѣмъ было бы и ѣсть. Наблюдали однако, что плѣнные казуары глотаютъ цѣлыя яблоки и апельсины и извергаютъ ихъ непереваренными. Въ зоологическихъ садахъ ихъ кормятъ смѣсью хлѣба, зеренъ, ломтиковъ яблокъ и т. п., и при такого рода пищѣ они чувствуютъ себя великолѣпно; но извѣстно также, что они безъ дальнихъ разговоровъ проглатываютъ цыплятъ или утятъ, случайно зашедшихъ въ ихъ отраду.

Относительно размноженія казуаровъ, живущихъ на свободѣ, мы все еще не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній; но можно предположить, что размноженіе ихъ не отличается существеннымъ образомъ отъ размноженія настоящихъ страусовъ. Плѣнные казуары часто кладутъ яйца; но лишь въ немногихъ зоологическихъ садахъ удалось добиться того, чтобы они вывели потомство. Молодой казуаръ — премилое существо, какъ по окраскѣ, такъ и по своему характеру. Его пуховая одежда по свѣтлому желтовато-бурому фону покрыта темно-бурыми продольными полосами, а эти полосы состоятъ каждая изъ широкой средней полосы и узенькихъ боковыхъ полосокъ, проходящихъ вдоль всего тѣла, и изъ которыхъ одна тянется также вдоль ногъ. Шлемъ намѣченъ въ видѣ пластинки на головѣ, кожистый мѣшокъ на горлѣ уже имѣется.

Эму (Dromaeus), которыхъ считаютъ представителями особаго семейства, по строенію похожи на страуса, но туловище у нихъ болѣе плотное и толстое, шея болѣе короткая, ноги короче, а потому они производятъ совершенно иное впечатлѣніе. На ногѣ три пальца, изъ которыхъ боковые равной длины, а всѣ вооружены крѣпкими когтями. Крылья такъ малы, что ихъ незамѣтно, когда они прижаты къ туловищу; опереніе ихъ не отличается отъ оперенія спины, а потому не можетъ быть и рѣчи о маховыхъ перьяхъ: столь же мало возможно говорить о рулевыхъ перьяхъ у эму. Всѣ перья отличаются значительной длиной, незначительной шириной, большой гибкостью стержней и неплотно прилегающими другъ къ другу опахалами.

Эму (Dromaeus novae-hollandiae) уступаетъ по величинѣ африканскому страусу, но зато превосходитъ нанду. Вышина его составляетъ приблизительно 1,7 метра; охотники говорятъ, что имъ удавалось убивать самокъ вышиной въ 2 метра. Окраска оперенія — очень равномѣрный тусклый бурый цвѣтъ, болѣе темный на головѣ, на срединѣ шеи и спины, на нижней сторонѣ нѣсколько свѣтлѣе. Глаза ярко-каріе, клювъ темнаго рогового цвѣта, ноги свѣтло-бурыя; голыя части лица сѣровато-голубоватыя.

Изъ сообщеній прежнихъ путешественниковъ явствуетъ, что эму встрѣчали

Эму (Dromaeus novae-hollandiae). $^1/_{17}$ естеств. велич.

во множествѣ въ Ботанибеѣ и въ портѣ Джаксонъ, а также на южномъ берегу, что онъ часто обиталъ на окружающихъ островахъ и вообще долженъ былъ броситься въ глаза всякому посѣтителю Австраліи, такъ какъ каждый неминуемо долженъ былъ его увидѣть. Но теперь эму сдѣлался на Тасманіи такимъ рѣдкимъ явленіемъ, что приходится его искать по цѣлымъ мѣсяцамъ и притомъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ острова. Точно такъ же со всего побережья эту птицу оттѣснили все далѣе и далѣе внутрь, такъ что нынѣ его часто можно встрѣтить только на обширныхъ южныхъ равнинахъ австралійскаго материка. На наши рынки животныхъ, правда, ежегодно привозится множество живыхъ эму, и за штуку платятъ ничтожную сумму; но, кажется, недалеко то время, когда эта короткокрылая птица будетъ столь же рѣдкимъ явленіемъ, какъ въ настоящее время рѣдки большіе кенгуру. Гудъ совершенно справедливо поднялъ свой голосъ въ пользу того,

чтобы власти взяли подъ свою защиту эту характерную для Австраліи птицу, преслѣдуемую со всѣхъ сторонъ.

Тамъ, гдѣ эму еще не приходилъ въ соприкосновеніе со своимъ злѣйшимъ врагомъ, бѣлымъ человѣкомъ, онъ не особенно боязливъ, и вовсе не рѣдко подходитъ близко къ палаткамъ переселенцевъ. Курри замѣчаетъ, что эму великолѣпный бѣгунъ, и потому охота на эму по крайней мѣрѣ такъ же занимательна, какъ травля зайцевъ, если не болѣе; Куннингамъ дополняетъ это сообщеніе, описывая охоту на эму, и говоритъ, что для нея употребляются тѣ же собаки, что и на кенгуру, но что не всѣ онѣ рѣшаются травить птицу, боясь ея опаснаго ляганья. Поселенцы увѣряютъ, что эму можетъ однимъ только ударомъ своей сильной ноги раздробить мужчинѣ голень или убить хищное животное. Хорошо дрессированныя собаки, поэтому, всегда наскакиваютъ на эму спереди, схватываютъ его за шею и пригибаютъ книзу. Мясо эму сходно съ твердымъ бычачьимъ мясомъ и считается хорошимъ кушаньемъ, хотя, говорятъ, имѣетъ сладковатый привкусъ. Отъ убитой птицы употребляется, впрочемъ, немного; на кухню идутъ главнымъ образомъ ляжки, которыя, правда, настолько велики, что, по словамъ Куннингама, очень трудно было нести домой на протяженіи цѣлой мили два такихъ куска.

О размноженіи эму, живущаго на свободѣ, намъ извѣстно лишь немногое. Гудъ говоритъ, что самка кладетъ 6—7 яицъ, окрашенныхъ въ красивый темно-зеленый цвѣтъ и съ бородавчатою скорлупой, въ вырытое углубленіе въ почвѣ, всего охотнѣе въ песокъ, и что оба супруга постоянно держатся вмѣстѣ, а самецъ принимаетъ дѣятельное участіе въ высиживаньи. Болѣе точныя свѣдѣнія мы пріобрѣли, наблюдая за плѣнными казуарами, которые размножаются въ неволѣ легче другихъ короткокрылыхъ птицъ.

Изъ всѣхъ короткокрылыхъ птицъ эму легче всего было бы водворить у насъ, напримѣръ, въ европейскихъ паркахъ. Въ большей части зоологическихъ садовъ съ нимъ церемонятся больше, чѣмъ слѣдуетъ. Зимою ему вполнѣ достаточно мѣста, защищеннаго отъ вѣтра, и вовсе не нужно теплаго хлѣва, куда его обыкновенно запираютъ. Кормить его нетрудно, ибо онъ принадлежитъ къ числу самыхъ непритязательныхъ животныхъ. Пищу свою онъ добываетъ преимущественно изъ растительнаго царства, хотя не пренебрегаетъ и животными веществами, и довольствуется самымъ простымъ зерновымъ кормомъ и разною зеленью. Говорятъ, что въ Австраліи онъ по временамъ почти исключительно питается плодами.

Изъ короткокрылыхъ птицъ эму самая скучная. Движенія его, осанка и характеръ однообразнѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ, а издаваемые имъ звуки не могутъ быть названы привлекательными, ибо похожи на глухой шумъ, который происходитъ, если мы станемъ низкимъ голосомъ говорить, нагнувшись къ втулочной дырѣ бочки, какъ это дѣлаютъ мальчишки ради забавы

„Жизнь животныхъ Брэма".

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

СТРАУСЪ.

Четырнадцатый отрядъ.

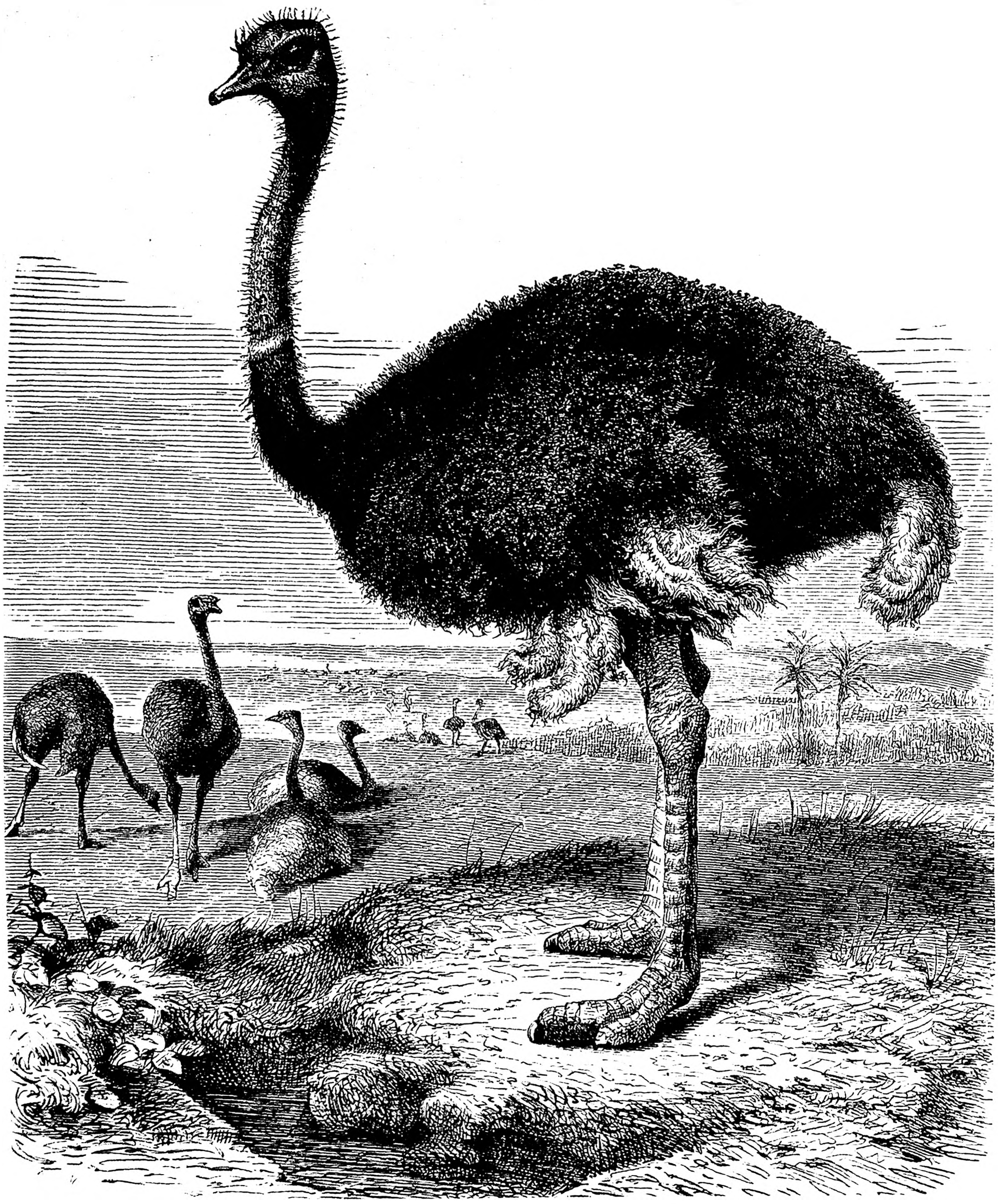
Страусовыя птицы (Struthiornithes).

Наименьшимъ сходствомъ со всѣми прочими живущими на землѣ птицами отличаются страусовыя птицы, образующія лишь одинъ подотрядъ, одну группу, одно семейство и одинъ родъ (Struthio). У обыкновеннаго страуса (Struthio camelus, рис. на стр. 866) тѣло очень сильное, шея длинная, большею частью голая, голова маленькая, плоская; глаза большіе, блестящіе, верхнее вѣко снабжено рѣсницами; уши голыя, открытыя, внутри усаженныя похожими на волосы образованіями; клювъ средней длины, тупой, спереди закругленный, на концѣ плоскій, покрытый роговымъ когтемъ, прямой, створки клюва гибкія, а ротовая щель подходитъ подъ глаза, носовыя отверстія продолговатыя, открывающіяся приблизительно въ серединѣ клюва; ноги высокія, покрытыя щетинками лишь на ляжкахъ, но помимо этого голыя; плюсна покрыта крупными чешуйками, ноги двухпалыя, причемъ внутренній палецъ вооруженъ большимъ, широкимъ и тупымъ когтемъ; крылья довольно большія, но совершенно непригодныя для летанія и снабженныя двойными шпорцами; на мѣстѣ маховыхъ перьевъ находятся длинныя, вялыя, мягкія, свѣшивающіяся внизъ перья; хвостъ довольно длинный, состоящій изъ подобныхъ же перьевъ, а опереніе довольно густое, образованное изъ вялыхъ, завивающихся перьевъ, которыя однако не покрываютъ роговой мозоли на серединѣ груди. У самца всѣ мелкія перья туловища черныя, какъ уголь, длинныя же перья крыльевъ и хвоста ослѣпительно бѣлыя; голыя части шеи ярко-красныя, ляжки мясного цвѣта. Глаза каріе, клювъ рогово-желтаго цвѣта. У самки мелкое опереніе буровато-сѣрое, только крылья и область хвоста черноватыя; маховыя и рулевыя перья нечистаго бѣлаго цвѣта. Молодыя птицы, не достигшія полнаго развитія, какъ только оперятся, окрашены вродѣ самки. Вышина взрослаго самца равна приблизительно 2,5 метра, длина отъ кончика клюва до конца хвоста самое меньшее 2 метра, вѣсъ около 75 кгр.

Страусъ водится въ степяхъ и пустыняхъ Африки и западной Азіи. Въ прежнее время онъ встрѣчался гораздо чаще, чѣмъ теперь, населялъ также такія мѣстности и страны, гдѣ въ настоящее время истребленъ; но всегда это была степная птица или житель пустыни. Онъ обитаетъ въ Сахарѣ и въ Ливійской пустынѣ, во многихъ степяхъ внутренней Африки и въ южныхъ равнинахъ этой части свѣта, но живетъ также въ обширныхъ пространствахъ западной Азіи. Европейцы, проникая все далѣе, вытѣснили страуса изъ многихъ мѣстностей Африки, гдѣ прежде онъ часто встрѣчался; тѣмъ не менѣе для него остается еще столько подходящихъ мѣстностей, что, можно сказать, онъ отсутствуетъ лишь въ немногихъ опредѣленныхъ областяхъ Африки. Область его распространенія начинается на югѣ Алжира и, охватывая восточную Африку, доходитъ до внутреннихъ частей Капской земли.

Нѣкоторые путешественники, между прочимъ Лихтенштейнъ, упоминаютъ о видѣнныхъ ими по дорогѣ значительныхъ стадахъ страусовъ; Гейглинъ также говоритъ, что осенью 1854 г. встрѣчалъ стада страусовъ, состоящія главнымъ образомъ изъ молодыхъ птицъ, число которыхъ достигало до 50—60. Это не правило, а только исключеніе. Обыкновенно страусъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Африки живетъ маленькими обществами въ 5—6 головъ, или даже семьями,

въ которыхъ обыкновенно бываетъ больше самокъ, чѣмъ самцовъ. Такое семейство селится, повидимому, на довольно обширномъ участкѣ и довольно упорно отстаиваетъ его. Первое условіе, какому должно удовлетворять такое мѣсто жительства, это присутствіе воды; тамъ, гдѣ въ пустынной мѣстности встрѣчаются

Обыкновенный страусъ (Struthio camelus). $^1/_{16}$ естеств. велич.

водныя пространства, всегда можно набрести если не на самихъ страусовъ, то на несомнѣнные признаки того, что они живутъ тутъ, на ихъ слѣды, смѣшать которыхъ со слѣдами другихъ животныхъ нельзя. Гдѣ разница между временами года не особенно велика, и гдѣ смѣна времени года не настолько сильна, чтобы принудить страуса странствовать, тамъ онъ живетъ въ избранномъ участкѣ, вѣроятно, изъ году въ годъ и рѣдко переступаетъ его предѣлы.

Сильныя и ловкія ступни хотя не замѣняютъ страусу крыльевъ, но даютъ ему возможность совершать движенія, приводящія насъ въ изумленіе. Андерссонъ увѣряетъ, что страусъ, преслѣдуемый на небольшомъ разстояніи, можетъ пробѣжать англійскую милю чуть не въ полминуты, такъ какъ ноги его, повидимому, почти не касаются земли, а каждый шагъ нерѣдко равняется 4—4,5 метра. Эти данныя навѣрное преувеличены, но несомнѣнно, что страусъ, по крайней мѣрѣ, въ прохладную погоду и при не слишкомъ продолжительномъ бѣгѣ, можетъ не только соперничать съ рысакомъ, но и обогнать его.

Наиболѣе развитымъ изъ внѣшнихъ чувствъ у страуса слѣдуетъ считать зрѣніе. Глаза у страуса дѣйствительно прекрасные и изумительно зоркіе. Всѣ наблюдатели въ одинъ голосъ утверждаютъ, что образъ дѣйствій этой исполинской птицы ясно показываетъ, какъ она обозрѣваетъ свой обнаженный участокъ и знаетъ, что творится на цѣлыя мили кругомъ. Послѣ зрѣнія, лучше всего развиты слухъ и обоняніе, осязаніе же и вкусъ очень тупы; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ образъ дѣйствій птицы. Что страусъ очень пугливъ — не подлежитъ никакому сомнѣнію; отъ всякаго непривычнаго ему явленія онъ быстрыми шагами убѣгаетъ, но врядъ-ли оцѣниваетъ опасность правильно, такъ какъ иногда безвредныя животныя могутъ всполошить его. То, что страусъ живетъ среди стадъ умныхъ зебръ и пользуется ихъ осторожностью, нисколько не говоритъ въ пользу его смышлености; ибо зебры присоединяются къ страусу, а не страусъ къ зебрамъ, и извлекаютъ для себя возможную выгоду изъ того, что эта птица, уже вслѣдствіе своей вышины призванная быть сторожемъ, улепетываетъ, какъ только замѣтитъ что-нибудь необычное. Образъ дѣйствія плѣнныхъ страусовъ свидѣтельствуетъ объ ихъ ограниченномъ умѣ. Они, правда, привыкаютъ къ человѣку, который за ними ухаживаетъ, но дрессировать ихъ ни для чего нельзя, и они слѣпо слѣдуютъ внушеніямъ своего слабаго мозга. Наказанія пугаютъ ихъ, но не исправляютъ.

Главную, но не исключительную пищу страуса составляютъ растительныя вещества. На свободѣ онъ пасется на подобіе индюковъ, щиплетъ траву и зелень, или подбираетъ съ земли зерна, насѣкомыхъ и мелкихъ позвоночныхъ; въ неволѣ онъ глотаетъ все, что только можетъ схватить. У него замѣчается непреодолимое влеченіе клевать все, что не крѣпко пригвождено, схватывать и препровождать въ свой желудокъ. Вниманіе его привлекаетъ къ себѣ обломокъ кирпича, пестрый черепокъ, камень или другой несъѣдобный предметъ, который проглатывается, словно кусокъ хлѣба. При вскрытіи одного страуса Бершонъ нашелъ у него въ желудкѣ предметы, вѣсомъ въ 4,228 кгр., песку, пакли и тряпокъ, вѣсившихъ 3,5 кгр. и 3 куска желѣза, 9 англійскихъ мѣдныхъ монетъ, 1 мѣдную дверную петлю, 2 желѣзныхъ ключа, 17 мѣдныхъ и 20 желѣзныхъ гвоздей, свинцовые шарики, пуговицы, бубенчики, кремни и т. д. Мелкихъ позвоночныхъ животныхъ страусъ поѣдаетъ охотно. Мои плѣнные страусы въ Хартумѣ съѣли нѣсколько цыплятъ, неосторожно отважившихся подойти слишкомъ близко къ этимъ гигантскимъ птицамъ; то же самое наблюдалъ Метуенъ. „Одна утка произвела на свѣтъ жизнерадостную толпу утятъ и съ материнскою гордостью водила ихъ взадъ и впередъ по птичьему двору. Здѣсь они набрели на страуса, торжественно выступавшаго по двору, и онъ проглотилъ одного за другимъ всѣхъ утятъ, словно устрицъ.“

Впрочемъ, назвать страуса прожорливымъ нельзя, такъ какъ количество поглощаемой имъ пищи пропорціонально его размѣрамъ. Въ пользу его непритязательности говоритъ уже то обстоятельство, что живетъ онъ въ мѣстностяхъ настолько бѣдныхъ, что часто непонятно бываетъ, какъ онѣ могутъ пропитать такихъ крупныхъ птицъ. Кидается страусъ на пищу съ жадностью, хотя онъ и не жаденъ. Зато воды онъ ежедневно выпиваетъ большое количество.

О способѣ размноженія страусовъ мы узнали только по наблюденіямъ, произведеннымъ надъ плѣнными страусами. Въ прежнихъ сообщеніяхъ вымыселъ соединяется съ правдой. Если же мы попытаемся отдѣлить плевелы отъ пшеницы, то увидимъ, что нѣсколько самокъ кладутъ яйца въ одно и то же гнѣздо, но что

обыкновенно сидятъ на яйцахъ не самки, а самецъ, самки же лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Смотря по мѣстности, время высиживанія наступаетъ раньше или позже, но всегда и вездѣ оно начинается незадолго до наступленія весны, когда появляется трава, служащая кормомъ для молодыхъ птицъ. Въ болѣе прохладныхъ мѣстностяхъ яйца въ теченіе дня высиживаются такъ же правильно, какъ и ночью, въ жаркихъ же мѣстностяхъ высиживающая птица днемъ покидаетъ гнѣздо на цѣлые часы, безъ всякаго ущерба для яицъ, причемъ, однако, яйца прикрываются пескомъ. „Одинъ разъ, но только одинъ единственный разъ“, говоритъ Тристрамъ, „мнѣ удалось вынуть яйца изъ страусоваго гнѣзда. При помощи нашихъ подзорныхъ трубъ мы замѣтили двухъ птицъ, которыя довольно долго стояли на одномъ мѣстѣ; мы поскакали туда. Найдя не безъ труда слѣдъ, мы прибыли на то мѣсто, гдѣ видѣли страусовъ, и нашли, что песокъ тамъ притоптанъ. Двое арабовъ начали разгребать песокъ руками и скоро извлекли четыре свѣжихъ яйца, находившіяся на глубинѣ около 60-ти см. подъ поверхностью.“

Самыя яйца бываютъ различной величины, но, что́ вполнѣ понятно, больше яицъ всѣхъ другихъ птицъ. Длина страусоваго яйца колеблется между 140 и 155 миллиметрами, ихъ поперечникъ въ самомъ толстомъ мѣстѣ достигаетъ 110—127 миллиметровъ; яйца плѣнныхъ страусовъ, которыя главнымъ образомъ попадаютъ въ торговлю, всегда гораздо меньше, чѣмъ яйца дикихъ страусовъ. Форма яицъ правильная, оба конца почти одинаково закруглены, блестящая скорлупа очень твердая и толстая, окраска желтовато-бѣлая съ свѣтло-желтыми пятнами, иногда похожими на мраморъ. Вѣсъ яицъ доходитъ въ среднемъ до 1442 граммъ, т. е. равняется вѣсу 24-хъ яицъ домашней курицы. Желтокъ вкусный, хотя гораздо менѣе вкусенъ, чѣмъ куриный. Яйца, которыя мы находимъ вокругъ гнѣзда, сносятся позднѣе тою или другой самкой въ то время, когда самецъ уже сидитъ на яйцахъ. По истеченіи 45—52 дней вылупляются молодыя птицы и, какъ только онѣ обсохнутъ, ихъ ведутъ на пастбище. Это премилыя созданія, которыя однако имѣютъ странный видъ, такъ какъ больше похожи на ежей, чѣмъ на птицъ. Покрыты они не перьями, а жесткими роговыми образованіями, похожими на иглы ежа и торчащими во всѣхъ направленіяхъ. Образъ дѣйствій молодыхъ страусовъ напоминаетъ молодыхъ дрохвъ или куръ. Тотчасъ послѣ вылупленія страусы бѣгаютъ такъ же ловко и проворно, какъ маленькія дрохвы и цыплята, и умѣютъ уже находить себѣ пропитаніе. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что отецъ окружаетъ ихъ нѣжными заботами.

Уже при высиживаньи яицъ страусъ проявляетъ искреннюю привязанность къ своему потомству, смѣло сопротивляется сравнительно сильнымъ врагамъ и прибѣгаетъ къ всевозможнымъ штукамъ для того, чтобы избавиться отъ слишкомъ сильнаго противника.

По истеченіи 2-хъ мѣсяцевъ перья, имѣющія видъ колючекъ, исчезаютъ, и молодые страусы облекаются въ невзрачную сѣрую одежду самокъ. Эта одежда остается неизмѣнной до второго года жизни; на второмъ же году самецъ уже становится черными, но только на третьемъ году одежда его окрашивается такъ, какъ у взрослыхъ самцовъ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно мѣста для свободныхъ движеній, страусъ безъ труда выноситъ неволю и даже такъ привыкаетъ къ извѣстному мѣсту, что ему можно позволить ходить кругомъ него, сколько угодно; его можно пріучить пасти скотъ; можно также брать страуса съ собою въ путешествіе. По дорогѣ въ Рать, въ странѣ Туарегъ, Дюверье видѣлъ ручного страуса, слѣдовавшаго за караваномъ. Когда птица предоставлялась самой себѣ, ноги ей спутывали, какъ верблюдамъ на пастбищѣ, чтобы она не убѣжала; никакого надзора за страусомъ не было, и онъ аккуратно являлся вмѣстѣ съ верблюдами, за которыми слѣдовалъ уже безъ путъ. Прирученные страусы Гейглина также свободно выпускались на пастбище съ лошадьми и верблюдами, и имъ позволяли свободно двигаться по улицамъ мѣстечекъ; точно такъ же страусы Эдуарда Мора безъ принужденія слѣдовали за его караваномъ въ южной Африкѣ. Въ сѣ-

верной части внутренней Африки всѣ зажиточные и знатные люди, а часто и степные деревенскіе жители держатъ страусовъ ради своего удовольствія. Въ Суданѣ прежде никто не считалъ страусовъ домашними животными, т. е. не пользовался ими для своихъ выгодъ; ихъ держали исключительно ради удовольствія и ничуть не старались разводить ихъ, не думали также о продажѣ ихъ перьевъ. Лишь въ послѣднее время были сдѣланы попытки разводить страусовъ, и притомъ довольно успѣшныя.

Начали разводить страусовъ въ Алжирѣ. Успѣхи этого дѣла въ Европѣ вызвали подражаніе. Въ Гренобльѣ разводилъ страусовъ Бутейль, въ Мадридѣ Граэллъсъ; въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ, напр. въ Берлинѣ, удалось добиться хоть того, что страусы начали нестись и высиживать свои яйца. Большое вліяніе имѣли эти результаты для Капланда. Здѣсь уже издавна на птичьихъ дворахъ и въ имѣніяхъ держали страусовъ, нѣкоторыхъ впрягали въ легкія телѣжки или даже употребляли для верховой ѣзды; но затѣмъ были сдѣланы попытки разводить страусовъ въ большомъ масштабѣ. Въ 1865 г. въ Капландѣ были разведены въ неволѣ первые страусы, а черезъ 4 года удалось вырастить уже второе поколѣніе. Одинъ обладатель 29-ти страусовъ, въ томъ числѣ 15-ти самцовъ, началъ выщипывать перья у своихъ плѣнныхъ страусовъ и изъ продажи перьевъ каждаго самца выручалъ ежегодно не менѣе 80-ти рублей. Это дало толчокъ къ разведенію страусовъ во всемъ Капландѣ, гдѣ теперь это занятіе процвѣтаетъ. По переписи, сдѣланной въ 1865 г., въ поселеніяхъ насчитывалось не болѣе 80-ти прирученныхъ страусовъ; черезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1875 г., число ихъ возросло до 21,751, а въ настоящее время разведеніе страусовъ представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ отраслей южно-африканской торговли тамъ, гдѣ южную Африку населяютъ европейцы. Въ 1880 г. оттуда было вывезено страусовыхъ перьевъ почти на 8,85 милліоновъ рублей, въ 1882 г. почти на 10,95 милліоновъ. Въ 1886 г. Дугласъ насчитывалъ въ Капской колоніи круглымъ числомъ 150,000 страусовъ. До начала 80-хъ годовъ южнымъ африканцамъ нечего было опасаться конкуренціи въ этомъ доходномъ промыслѣ. Но когда въ 1883 г. предприниматели начали вывозить страусовъ въ Австралію, Аргентину и Калифорнію, чтобы и тамъ начать разведеніе страусовъ, то въ Капландѣ стали бояться потерять до тѣхъ поръ фактически существовавшую монополію и издали законъ, по которому за каждаго вывезеннаго страуса полагалось уплачивать пошлину въ 1000 рублей, а за каждое яйцо — пошлину въ 50 рублей.

Охота на страусовъ со страстью производится во всей Африкѣ. Бедуины считаютъ эту охоту однимъ изъ самыхъ благородныхъ удовольствій, такъ какъ именно трудности ея придаютъ ей въ глазахъ этихъ людей особенную прелесть. Арабы, живущіе въ сѣверо-восточной Африкѣ, очень точно различаютъ страусовъ по ихъ полу и возрасту. Взрослый самецъ называется у нихъ „Эдлимъ“ (черный), самка — „Рибеда“ (сѣрая), а молодая птица — „Эрмудъ“ (буроватый). Такъ какъ главная цѣль охоты — добываніе перьевъ, то преимущественно преслѣдуется эдлимъ; но именно это-то и наноситъ особенно чувствительный ущербъ размноженію. Охотники выѣзжаютъ въ пустыню или въ степь на быстрыхъ коняхъ или на великолѣпныхъ верблюдахъ и разыскиваютъ стадо страусовъ. За охотниками слѣдуютъ на нѣкоторомъ разстояніи верблюды, нагруженные мѣхами съ водой; погонщики этихъ верблюдовъ во время охоты держатся по возможности ближе къ охотникамъ. Открывъ желанную дичь, охотники приближаются къ стаду до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь осторожный эдлимъ своимъ примѣромъ не подастъ сигналы къ бѣгству. Тогда каждые два или три охотника выбираютъ себѣ по одному самцу и галопомъ устремляются вслѣдъ за нимъ; пока одинъ слѣдуетъ за птицей по всѣмъ совершаемымъ ею изгибамъ, другой старается перерѣзать ей бѣгъ, затѣмъ, въ случаѣ удачи, беретъ на себя роль перваго охотника, который тѣмъ временемъ проскакиваетъ болѣе короткое разстояніе. Такъ охотники чередуются до тѣхъ поръ, пока страусъ, мчащійся съ возможною быстротою, не утомится. Обыкновенно уже спустя часъ охотники нагоняютъ страуса, заставляютъ своихъ лошадей сдѣлать послѣднее усиліе и въ концѣ концовъ наносятъ страусу сильный

ударъ по головѣ или по шеѣ, послѣ чего онъ тотчасъ же падаетъ на землю. Немедленно послѣ паденія птицы, охотникъ соскакиваетъ съ лошади и, произнося обычныя слова „Во имя Бога милосерднаго, Богъ великъ“, разрѣзаетъ страусу шейную артерію и, чтобы не дать крови запачкать перья, засовываетъ въ рану коготь его длиннаго пальца. Когда страусъ истечетъ кровью, охотникъ сдираетъ съ него кожу, вывертываетъ ее на изнанку и употребляетъ какъ мѣшокъ для сохраненія декоративныхъ перьевъ. Мяса арабъ беретъ столько, сколько ему нужно; остальное онъ вѣшаетъ на дерево, чтобы оно высохло и, быть можетъ, послужило подкрѣпленіемъ проходящимъ мимо странникамъ.

Тѣмъ временемъ подоспѣваютъ верблюды; охотникъ подкрѣпляется самъ и кормитъ лошадь, уставшую отъ напряженной охоты, отдыхаетъ нѣсколько часовъ и возвращается домой, нагруженный добычей. Здѣсь онъ сортируетъ перья, связываетъ въ пучки драгоцѣнныя бѣлыя перья, которыхъ у вполнѣ развитаго страуса бываетъ не болѣе 147, и сохраняетъ ихъ въ своей палаткѣ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ случая ихъ продать. Торговцу, скупающему перья, приходится самому отыскивать охотника, который отдаетъ ему товаръ лишь послѣ поистинѣ смѣшныхъ промедленій. Такое нежеланіе разстаться съ добычей охоты не покажется страннымъ тому, кто знаетъ, что еще въ настоящее время всѣ князья и чиновники сѣверной Африки требуютъ, какъ и во времена древняго Египта, страусовыхъ перьевъ отъ своихъ подданныхъ въ видѣ дани и не стѣсняются отнимать у нихъ эти перья черезъ своихъ подчиненныхъ. Въ каждомъ человѣкѣ, желающемъ пріобрѣсти страусовыя перья, арабъ подозрѣваетъ лицо, подосланное верховнымъ владыкой, и отдаетъ свои сокровища лишь послѣ того, какъ при помощи цѣлаго ряда самыхъ подробныхъ разспросовъ убѣдится въ честности покупателя.

Цѣна страусовыхъ перьевъ колеблется значительно въ зависимости отъ моды; не всѣ мѣстности доставляютъ также товаръ одинаковой цѣнности, такъ какъ состояніе почвы и погоды вліяетъ на чистоту перьевъ. Лучшими считаются такъ называемыя алеппскія перья, получаемыя отъ страусовъ, живущихъ въ сирійской пустынѣ; затѣмъ слѣдуютъ перья, добываемыя въ пустынѣ Сахарѣ, потомъ перья, добываемыя въ степяхъ Сенегала, въ принильскихъ странахъ, въ Марокко, южной Африкѣ и наконецъ въ южной Аравіи.

Всѣ жители южной и средней Африки употребляютъ для разныхъ цѣлей страусовыя яйца, особенно въ качествѣ сосудовъ. Ихъ окружаютъ легкимъ плетеньемъ и вѣшаютъ въ хижинахъ, наполнивъ чѣмъ-нибудь, или берутъ ихъ съ собою въ путешествіе. Въ Кордофанѣ страусовыми яйцами украшаютъ верхушку круглыхъ конусообразныхъ соломенныхъ шляпъ; въ коптскихъ церквахъ яйца эти служатъ для украшенія шнурковъ, къ которымъ привѣшиваются лампады. Яйца и мясо страусовъ употребляются въ пищу всѣми мѣстными жителями. У молодыхъ страусовъ мясо въ высшей степени нѣжное и вкусное; у старыхъ мясо тверже, а вкусомъ похоже на воловье.

Указатель.

А.

Абагамба 359.
Авдотка 658.
Авдотки 658.
Авдотковыя птицы 658.
Агами 594.
Аистъ бѣлый 779.
— черный 784.
Аисты 778.
— зобастые 785.
— исполинскіе 785.
— настоящіе 779.
Алціона гигантская 375.
— древесная 375.
— райская 377.
Алціоновыя птицы 374.
Алціоны древесныя 375.
— райскія 377.
Альбатросовыя птицы 664.
Альбатросъ обыкновенный 664.
Альбатросы 664.
Амадина полосатая 183.
Амадины 183.
Амаранта 182.
Ампелидовыя птицы 283.
Ампелиды настоящія 285.
Ангима 851.
Ани 388.
Аполлоновка 87
Араканга 449.
Арапонга 288.
Арарауна 449.
Арары 447.
Арасари 314.
— бразильскій 314.
Аргусъ 560.
Аргусы 560.

Б.

Баба-птица 806.
Баклановыя птицы 799.
Бакланъ большой 800.
Бакланы 799.
Банановѣдовыя птицы 389.
Банановѣды 390.
Безкрыловыя птицы 575.
Безкрылъ 576.
Безкрылы 576.
Бекасовыя птицы 597.
Бекасо-курочки 603.
Бекасъ обыкновенный 602.
Бекасы 597.
— болотные 602.
Бентеви 283.
Беркутъ 692.
Блестянковыя птицы 393.
Боевыя птицы 674.
Большеноги 571.
— молотковые 572.
Большеногія куры 571.
Большеногъ 571.
Бородатка 89.
Бородатки 89.
Бородачи 316.
— зеленые 316.
Бородачъ желтозобый 316.
Буревѣстники 668.
Буревѣстниковыя птицы 664.
Буревѣстникъ исполинскій 668.
— капскій 669.
— обыкновенный 673.
Бѣгунки 620.
Бѣгунокъ египетскій 621.
— песчаный 620.
Бѣгуны водные 604.
Бѣлоноги 428.
— карликовые 428.
Бѣлоногъ исполинскій 428.
— карликовый 428.
Бѣлянка, см. Сова-бѣлянка.
Бюль-бюли 101.
Бюль-бюль сѣрый 102.
— темный 102.

В.

Вальдшнепъ 597.
Варакушка бѣлозвѣздая 26.
— краснозвѣздая 25.
Вдовушка райская 182.
Вдовушки 181.
Вертиголовка 306.
Вертиголовки 306.
Вихляй 657.
Волоклюи 198.
Волоклюй африканскій 198.
Волчокъ 92.
Воробей бѣлогорлый 139.
— домашній 126.
— испанскій 130.
— каменный 132.
— красноголовый 131.
— общественный 132.
Воробьи 125.
Воробьиныя птицы 17.
Ворона бѣлогрудая 229.
— бѣлошейная 229.
— грифовая 229.
— сѣрая 224.
— хохлатая 233.
— черная 224.
Воронки 270.
Вороновыя птицы 220.
Воронъ большой 221.
Вороны 221.
— горныя 242.
— полевыя 221.
— свистящія 246.
— синія 233.
Выпи 774.
Выпь обыкновенная 774.
Вьюрки 124.
— настоящіе 125.
— подорожниковые 139.
— ткачевые 181.
Вьюрокъ огненный 181.
— снѣжный 140.
Вѣерохвостка чернобрюхая 264.
Вяхирь 482.

Г.

Гага настоящая 843.
Гагара краснозобая 817.
Гагара полярная 817.
— чернозобая 817.
Гагарка 643.
— безкрылая 644.
Гагарки 643.
— безкрылыя 644.
— малыя 651.
Гагаровыя птицы 813.
Гагары морскія 817.
Гаги 843.
Галка 229.
— альпійская 245.
Галки 229.
Ганга 500.
Гарпія 722.
Гарпія 722.
Гаршнепъ 603.
Гилактины 276.
Глупышъ 668.
Глухарь 508.
Гномы 321.
Говорунчикъ 59.
Гокко 567.
— настоящіе 567.
Головачи 285.
Головачъ хохлатый 285.
Голуби 476.
— бѣгающіе 491.
— древесные 479.
— вѣнценосные 493.
— земляные 491.
— зеркальные 491.
— зубчатые 494.
— лѣсные 482.
— никобарскіе 493.
Голубиныя птицы 476.
Голубь бронзовый 491.
— вѣероносный 493.
— вѣнценосный 493.
— дикій полевой 485.
— египетскій 490.
— зубчатый 494.
— никобарскій 493.
— рябчиковый 491.
— странствующій 479.
— хохлатый 491.
Горихвостка домовая 30.
— садовая 32.
Горлица обыкновенная 488.
Горлицы 488.
Горшечники 277.
Грачъ 227.
Грифовыя птицы 742.
Грифъ индюковый 760.
— королевскій 759.
— лысый 750.
— сѣрый 748.
— ушастый 749.
— черный 760.
Грифы американскіе 755.
— голенастые 763.
— гребневые 756.
— индюковые 760.
— настоящіе 748.
Гуахаро 424.
Гугука 392.
Гуси 826.

Гуси древесные 831.
— новоголландскіе 835.
— морковые 832.
— шпорцевые 834.
Гусиныя птицы 825.
Гусь бѣлый 829.
— красный 795.
— нильскій 831.
— новоголландскій 835
— сѣрый 826.
— шпорцевый 834.
Гуттарама 123.

Д.

Джуланъ 359.
Дергачъ 584.
Деряба 43.
Древолазы (семейство) 94.
— (подсемейство) 94.
Дроздовыя птицы 20.
Дроздъ бѣлозобый 45.
— бѣлолицый 81.
— каменный 41.
— пѣвчій 43.
— синій 42.
— черный 45.
Дрозды абиссинскіе 81.
— каменные 41.
— коротконогіе 101.
— настоящіе 43.
— пересмѣшники 73.
Дронго 206.
— райскій 206.
Дронта 494.
Дрохва 654.
— красотка 657.
Дрохвовыя птицы 652.
Дрохвы 652.
Дубоноска обыкновенная 134.
Дубоноски 134.
Дурачекъ 173.
Дятелъ бѣлоклювый 303.
— зеленый 296.
— золотистый 299.
— калифорнскій 300.
— карликовый 306.
— красноголовый 300.
— мѣдный 299.
— полевой 300.
— пестрый большой 304.
— — малый 306.
— — средній 306.
Дятловыя птицы 294.
Дятлы 294.
— зеленые 296.
— мягкохвостые 306.
— настоящіе зеленые 296.
— — мягкохвостые 306.
— пестрые (подсемейство) 301.
— — (родъ) 303.
— черные 301.
— шилоклювые 299.

Е.

Еловикъ 159.

Ж.

Жаворонки 102.
— длинноногіе 112.
— настоящіе 103.
— пустынные 112.
— ушастые 107.
— хохлатые 109.
Жаворонокъ африканскій 112.
— лѣсной 110.
— полевой 103.
— пустынный 112.
— сахарскій 112.
— татарскій 107.
— хохлатый 109.
— черный 107.
Жакамаръ 393.
Жакамары 393.
Жако сѣрый попугай 451.
Желна 301.
Желтозобикъ 147.
Желтоносъ 142.
Желтушники 187.
Желтушникъ коровій 189.
Желтушникъ краснолечій 190.
— рисовый 187
Жуланъ 251.
Журавли 589.
— настоящіе 589.
Журавлиныя птицы 589.
Журавль даурскій 590.
— павлиній 593.
— сѣрый 590.

З.

Завируха болотная 59.
Завирушка альпійская 52.
— лѣсная 51.
Завирушки 51.
Зарничка 69.
Зарянка 27.
Звонарь 287.
Зеленушка 141.
Зеленушки 141.
Зимородки 369.
— рыболовы 367.
— сѣрые 372.
Зимородковыя птицы 367.
Зимородокъ обыкновенный 369.
— сѣрый 372.
Змѣешейка американская 803.
— африканская 803.
Змѣешейки 803.
Знаменщики 325.
Знаменщикъ венецуэльскій 325.
Зубоклювыя птицы 351.
Зубчатоклювыя птицы 819.
Зубчатые голуби 494.
Зябліки 136.
Зябликъ горный 139.
— обыкновенный 136.

И.

Ибихау 423.
Ибисовыя птицы 789.
Ибисъ священный 791.
Ибисы 790.
— настоящіе 791.
Иволга обыкновенная 204.
Иволги 204.
Инамбу 574.
Индѣйка кавказская 536.
Индѣйки горныя 536.
Индюки 560.
Индюковыя птицы 560.
Индюкъ 560.
— павлиній 561.
Ипка 470.
Исправникъ 641.

І.

Іеваръ 558.

К.

Казарка черная 829.
Казарки 829.
Казуаровыя птицы 861.
Казуаръ новоголландскій 861.
Казуары 861.
Кайра бѣлоглазая 646.
— гагарка 648.
— норвежская 648.
Кайры 647.
Кака 470.
Какаду 465.
— банксовый 469.
— вороновые 468.
— инка 470.
— красноголовый 469.
— молуккскій 469.
— настоящіе 469.
— черные 467.
— черный 467.
Какапо 473.
Каландра 105.
Калао двурогій 356.
— шлемоносные 356.
Калита 444.
Каменка бѣлохвостая 34.
Каменка-попутчикъ, см. Попутчикъ.
— ушастая 35.
— черногорлая 35.
Каменки 34.
Камнешарка 623.
Камнешарки 623.
Камышевка береговая 64
— дроздовидная 62.
Камышевки 62.
— сверчковыя 65.
Камышница зеленоногая 581.
Камышницы 581.
Канарейка дикая 149.
— лѣсная 141.
Капи 713.
Канюки 699.
Канюкъ 699.
Капя чернокрылая 713.
Карагатка 832.
Каракары 733.
— настоящія 735.
Каранхо 735.
Кардиналовыя птицы 162.
Кардиналъ виргинскій 164.
— красногрудый 163.
Кардиналы 163.
Касатки 266.
Качурка большая 670.
— малая 670.
Качурки 670.
Кваква 776.
Квезалъ 353.
Керкунъ 610
Киви 576.
Кирима 311.
Китоглавовыя птицы 777.
Китоглавъ королевскій 777.
Китоглавы 777.
Клесты 158.
Клестъ бѣлопоясной 159.
— краснопоясной 159.
Клещеяды 388.
Клинтухъ 484.
Клушица 242.
Клушицы 242.
Клэхо 343.
Клювачи 787.
Клювачъ 787.
Кобчикъ 690.
Козодоевыя птицы 415.
Козодои 417.
— водные 419.
— вымпеловые 419.
— длиннохвостые 418.
— жирные 424.
— исполинскіе 423.
— четырехкрылые 419.
Козодой длиннохвостый 418.
— жалобный 418.
— жирный 424.
— лирохвостый 419.
— обыкновенный 417.
— рыжезобый 417.
— четырехкрылый 419.
Колибри 319.
— вилохвостые 325.
— горные 322.
— исполинскіе 325.
— исполинскій 325.
— лѣсные 321.
— настоящіе 324.
— обыкновенные 324.
— парамскій 326.
— рогатый 324.
— рубиновый 324.
— солнечные 321.
— топазовый 322.
— ушастый 323.
— цвѣтковые 323.
— цвѣточные 323.
— чимборасовый 322.
— шлемовые 326.
— яхонтовые 322.
Колокольчики 287.
Колпица 793.
Кондоръ 756.
Конекъ водяной 120.
— луговой 118.
— лѣсной 119.
— степной 120.
— шпорцевый 121.
Коноплянка обыкновенная 142.
Коноплянки 142.
Корелла 461.
Коровайка 790.
Коровайки 790.
Королекъ желтоголовый 69.

Королекъ краснопоголовый 70.
Корольки 69.
Коростели 584.
Коршуны 714.
Коршунъ красный 714.
— паразитъ 717.
— черный 716.
Косачъ 514.
Косцы 283.
Крапивники 76.
Крапивниковыя птицы 75.
Крапивникъ 76.
Красавка 590.
Красная птица 258.
Красный гусь 795.
Крачка бѣлощекая 630.
— малая 629.
— свѣтлокрылая 630.
— чеграва 628.
— черная 630.
— шелковистая 631.
Крачки 627.
— болотныя 630.
— настоящія 627.
— шелковистыя 631.
Крачунъ голубоногій 701.
Крачуны 701.
Кречетъ арктическій 682.
— исландскій 682.
— обыкновенный 681.
Кривки морскіе 624.
Крикунъ 696.
Кроншнепъ 604.
Кроншнепы 604.
Крохалевыя птицы 847.
Крохали 848.
Крохаль большой 848.
— малый 848.
Кряква 837.
Кузапти 346.
Кукалъ сенегальскій 387.
Кукилъ 386.
Кукилы 386.
Кукуруйка настоящая 352.
— полосатая 352.
Кукуруйки настоящія 351.
— павлиньи 353.
— огненныя 352.
Кукушка золотистая 383.
— исполинская 385.
— обыкновенная 380.
— фазановая 387.
— хохлатая 386.
— ящеричная 386.
Кукушки 379.
— древесныя 379.
— золотистыя 383.
— исполинскія 384.
— клещеядныя 387.
— кустовыя 386.
— сойковыя 386.
— тукановыя 384.
— шпорцевыя 387.
— ящеричныя 386.
Кукушковыя птицы 379.
Кукша 234.
Куликъ золотистый 603.
Куликъ-сорока 624.
Куриныя птицы 504.
— — настоящія 504.
Курица кустовая 572.
— Одинова 611.
Курочка султанская 582.
Курочки болотныя 584.
— водяныя 578. 579.
— настоящія водяныя 578
— степныя 496.
Куропатка бѣлая 521.
— западная 530.
— каменная 527.
— красная 528.
— сѣрая 530.
Куропатки бѣлыя 521.
— горныя 527.
— сѣрыя 530.
Куропатковыя птицы 527.
Куры 504.
— большеногія 571.
— древесныя 541.
— скрытохвостыя 574.
— фазановыя 548.
Кхата 500.
Кэа 471.

Л.

Лазоревка 85.
Лазутчикъ 76.
Ластокрылыя птицы 659.
Ласточка береговая 272.
— городская 270.
— деревенская 266.
— пурпуровая 273.
Ласточки древесныя 273.
— земляныя 272.
Ласточковыя птицы 264.
Лебединыя птицы 820.
Лебедь-кликунъ 822.
— малый 822.
— черношейный 823.
— черный 824.
— шипунъ 822.
Лебеди 822.
Личинкоѣды 258.
Лировыя птицы 291.
Лирохвостъ 292.
Лирохвосты 291.
Лопастоносецъ тонкоклювый 219.
Лопастоносцы 219.
Лори 457.
— дамскіе 459.
— дамскій 459.
Лофорина епанчевая 213.
— царская 213.
— черная 213.
Лофорины 213.
Лофофоры 557.
Лоцманчикъ 263.
Луни 730.
— крикливые 734.
Лунь камышевый 732.
— луговой 732.
— полевой 730.
— степной 730.
Лысуха 579.
Лысуховыя птицы 579.
Лѣнивки 393.
Лѣсные пѣвцы 113.
Люрикъ 651.

М.

Малиновка 27.
Манакинъ 280.
Манго 321.
Марабу 785.
Мартышка 629.
Межнякъ, см. Тетеревъ-межнякъ.
Медовѣдъ блѣдноклювый 317.
Медовѣды 317.
Медоуказчики 316.
Медоѣды 100.
Мельничекъ 58.
Мейна пѣвчая 203.
Мейны 202.
Менипптингъ 117.
Мечеклювъ 325.
Мечеклювы 325.
Миктерія 785.
Могильникъ 695.
Моевка 637.
Молотобой 288.
Молотоглавы 789.
Момотъ 378.
Момоты 378.
Монаулъ 557.
Моро 156.
Московка 86.
Муравьеловка огнеглазая 276.
Муравьеловки 275.
Мути 691.
Мухоловка-бѣлошейка 263.
— пеструшка 262.
— сѣрая 261.
Мухоловки 258.
— тропическія 264.
Мухоловковыя птицы 258.
Мышанка длиннохвостая 349.
Мышапки 349.
Мягкохвостка австралійская 81.
Мягкохвостки 81.

Н.

Нанду 855.
Нектарница блестящая 100.
Нектарницы 99.
Нелеты 659.
Несторы 470.
Неясыти 400.
— настоящія 400.
Нимфы 461.
Ножеклювъ нильскій 631.
Ножеклювы 631.
Носороги, см. Птицы-носороги.
Нужда 771.
Нырки буревые 673.

О.

Овсянка обыкновенная 170.
— огородная 171.
— садовая 171.
— сѣроголовая 172.
— тростниковая 168.
— черноголовая 174.
Овсянки 168.
Овсянковыя птицы 165.
Одинова курица 611.
Олуховыя птицы 805.
Олушь 805.
Ольшанка 27.
Оляпка 37.
Оляпки 37.
Органистъ фіолетовый 123.
Органисты 123.
Орель гребневый 720.
— карликовый 696.
— клинохвостый 698.
— хохлатый 718.
— ястребиный 698.
Орланъ бѣлоклювый 706.
— бѣлохвостъ 706.
— крикунъ 709.
Орланы 706.
Орлиный клювъ 321.
Орлы 691.
— коршуновые 720.
— хохлатые 718.
Ортоланъ 171.
Орѣховикъ 44.
Орѣховка обыкновенная 240.
Орѣховки 240.
Осоѣдъ европейскій 711.
Осоѣды 711.
Отшельникъ (колибри) 321.
— (голубь) 494.

П.

Павлинъ обыкновенный 554.
Павлины 554.
Паламедеи 851.
Паламедея 851.
Парровыя птицы 652.
Парры 652.
Пастушки 585.
Пастушокъ водяной 585.
Пеликановыя птицы 806.
Пеликаны 806.
Пенелопы 569.
Перепела 537.
— древесные 541.
— хохлатые 542.
Перепелка виргинская 541.
Перепель 537.
— калифорнскій 542.
— хохлатый 543.
Перепелятникъ гвіанскій 720.
Перепелятникъ, см. Ястребъ-перепелятникъ.
Пересмѣшники, см. Дрозды-пересмѣшники.
Пересмѣшникъ polyglotta 73.
Перцеядъ оранжевый 311.
Перцеяды 309.
— настоящіе 310.
Песочники 610.
Песочникъ обыкновенный 611.
Пестрогрудка 54.
Печники 277.
Печникъ рыжій 278.
Пигалицы 614.
Пилоракши 378.
Пингвины 659.
Пингвинъ златовласый 660.
— патагонскій 659.
Пипры 279.
Питта бенгальская 274.
Питты 273.
Пищуха-сверчокъ 95.
Пищухи 95.

Плавунчики 611.
Плавунчикъ плосконосый 612.
Плащеносцы 217.
Плиска желтая 116.
— желтоголовая 117.
Плиски 116.
— ласточковый 117.
Плоскоклювы 378.
Плоскоклювыя птицы 378.
Поганка малая 816.
Поганки 814.
Подарговыя птицы 427.
Подорожники настоящіе 165.
Подорожникъ лапландскій 165.
Поисковыя птицы 597.
Поморники 638.
Поморникъ большой 639.
Помпей 352.
Поползень каменный 94.
— сѣверный 92.
— ямщикъ 92.
Поползни 91.
Попугаи 433.
— амазонскіе 442.
— вѣерные 442.
— длинноклювые 445.
— земляные 471.
— карликовые 459.
— клинохвостые (подсем.) 444.
— — (родъ) 446.
— короткохвостые 442.
— нетопыри 457.
— совиные 471.
— сѣрые 451.
— толстоклювые 44.
— широкохвостые 459.
Попугай амазонскій 442.
— вѣерный 442.
— длинноклювый 445.
— земляной 471.
— каролинскій 446.
— сѣрый (Жако) 451.
Попугайчики 455.
— волнистые 462.
— дятловые 459.
Попугайчикъ волнистый 462.
— карликовый зеленый 459.
— ожереловый 455.
Попутчикъ 34.
Портниха длиннохвостая 79.
Портнихи 79.
Порфироноска египетская 583.
Порфироноски 582.
Поэ 100.
Поэ новозеландская 100.
Просянка 169.
Птица-колокольчикъ 287.
Птица-лайка 277.
Птицы-носороги 354.
Пугачъ, см. Филинъ-пугачъ.
Пуночка 167.
Пустельга 688.
— красная 690.
Пѣвуны 20.
Пѣвчія птицы настоящія 20.
Пѣганка 832.
Пѣночка корольковая 69.
— обыкновенная 68.
— пересмѣшка 66.
— печальная 68.
— сѣрая 67.
— теньковка 68.
Пѣночки настоящія 67.
— садовыя 66.
Пѣтухи 546.
Пѣтухъ банкивскій 546.
— джунглевый 546.
— каркающій 546.
Пѣтушки 288.
Пѣтушокъ каменный 289.

Р.

Разини 787.
Разиня 787.
Райская птица безногая 210.
— — красная 210.
— — малая 210.
Райскіе удоды 215.
Райскія птицы 209.
— — настоящія 210.
Райскій удодъ большой 216.
— — черноватый 215.
Рарита 284.
Ремезы 89.
Ремезъ 89.
Реполовъ 27.
Ржанка глупая 619.
— рѣчная 620.
Ржанки 617.
Ржанковыя птицы (семейство) 597.
— — (подсемейство) 614.
Рисовка 184.
Рогоклювъ яванскій 291.
Рогоклювы 291.
Рогоклювыя птицы 291.
Розелла 460.
Ронжа 237.
Рябинникъ 45.
Рябки 495.
Рябки собственно 500.
Рябокъ сенегальскій 501.
Рябчикъ 517.
Рюмъ 107.

С.

Саваку 777.
Савка бѣлоголовая 847.
Савки 847.
Саджа 496.
Салангана 344.
Саланганы 344.
Сапсанъ 683.
Сарка 138.
Сарычи 699.
Сарычевыя птицы 691.
Сарычъ обыкновенный 699.
Сатиръ 558.
Сатиры 558.
Сафо 325.
Сверчокъ полевой 65.
Свиристели 258.
Свиристель обыкновенная 258.
Секретари 763.
Секретарь 763.
Серендакъ 458.
Серима 595.
Серимовыя птицы 595.
Серимы 595.
Сивка 618.
Сивороика 430.
Сивороики 430.
Сиворакшевыя птицы 394.
Сиворакши 429.
Синица болотная 86.
— большая 83.
— малая 86.
— синяя 85.
— хохлатая 86.
Синицы 82.
— длиннохвостыя 87.
— лѣсныя 83.
Сипуха обыкновенная 398.
Сипухи 397.
— настоящія 397.
Сипы 751.
Синъ бѣлоголовый 751.
— Рюппеля 752.
Синиъ воробьиный 407.
— домовый 405.
Сирины 405.
Скворецъ бронзовый 200.
— бѣлобрюхій 202.
— великолѣпный 201.
— ласточковый 204.
— мѣднобрюхій 201.
— обыкновенный 193.
— розовый 197.
— стальной 200.
— черный 193.
Скворцы 192.
— блестящіе 200.
— ласточковые 203.
— настоящіе 192.
— розовые 197.
Скопа рѣчная 710.
Скопы рѣчныя 710.
Славка бѣлобородая 60.
— бѣлобрюхая 61.
— очковая 60.
— пересмѣшка 58.
— провансальская 61.
— пѣвчая 54.
— садовая 57.
— сардинская 61.
Славка ястребиная 54.
Славки 53.
Славковыя птицы 50.
Снигиревыя птицы 141.
Снигири длиннохвостые 153.
— желтые 147.
— красные 151.
— настоящіе 154.
Снигирь-жулапъ 154.
— красный 151.
— обыкновенный 154.
— пустынный 156.
— сибирскій 153.
Сова болотная 413.
— бѣлянка 402.
— водяная 415.
— кроликовая 408.
— лапландская 402.
— подземная 408.
— сѣрая 400.
— ушастая 412.
— ястребиная 404.
Совиныя птицы 394.
Совы 394.
— водяныя 415.
— карликовыя 413.
— пещерныя 408.
— снѣжныя 402.
— ушастыя 412.
— филиновыя 409.
Сойка хохлатая 239.
Сойки 234.
— синія 239.
Сойковыя птицы 234.
Соколиныя птицы 677.
Соколы 677.
— карликовые 691.
— настоящіе 677.
— турумди 685.
Соловей восточный (курскій) 21.
— западный 21.
Соловьи 21.
Сорока испанская голубая 239.
— обыкновенная 231.
— странствующая 242.
Сороки голубыя 239.
— лѣсныя 242.
— странствующія 242.
Сорокопутовыя птицы 248.
Сорокопуты 249.
— лѣсные 255.
— соколиные 257.
Сорокопутъ красноголовый 254.
— малый 251.
— нубійскій 254.
— пурпуровый 256.
— пѣвчій 256.
— соколиный 257.
— сѣрый 249.
Сосновикъ 159.
Сплюшка 413.
Степныя курочки 496.
Стервятники 753.
Стервятникъ 753.
— мохнатый 755.
Стерхъ 590.
Страусовыя птицы 865.
Страусъ обыкновенный 865.
Страусы 865.
Стрепетъ 657.
Стрижи 338.
— древесные 343.
— настоящіе 338.
Стрижокъ горный 272.
Стрижъ башенный 341.
— бѣлобрюхій 340.
Стѣнолазы 96.
Стѣнолазъ краснокрылый 96.
Сукалень лапландскій 605.
Сукальни 605.

Т.

Таловка 68.
Тангара красная 122
— съѣдобная 122.
Тангары 122.
Теньковка 68.
Тетерева 508.
Тетеревиныя птицы 507.
Тетеревъ горный 523.
— луговой 520.
Тетеревъ-межнякъ 517.

Тетеревъ шотландскій 522.
Тетеревятники 724.
Тетеревятниковыя птицы 717.
Тетеревятникъ 726.
Тималіи 73.
— настоящія 81.
Тималія бурая 81.
Тираннны 279.
— настоящіе 281.
Тираннъ каролинскій 281.
Тиркуша луговая 626.
Тиркуши 626.
Ткачевыя птицы 175.
Ткачи (подсемейство) 176
— (родъ) 179.
— амарантовые 182.
— древесные 179.
— огненные 181.
Ткачъ бѣлоклювый 179.
— золотистый 179.
— свѣтлый 179.
Тоди 378.
Токи 355.
Токо 310.
Токъ 355.
Травникъ 57.
Трескунчикъ 64.
Триперстка африканская 587.
Триперстки 587.
Триперстковыя птицы 587.
Трубачи 594.
Трупіалъ балтиморскій 186.
Трупіалы 186.
— коровьи 189.
— рисовые 188.
Трясогузка бѣлая 114.
— горная 115.
— черная 114.
Трясогузки 113.
Туканъ большой 310.
— оранжевый 311.
Турако 390.
— бѣлощекій 391.
— исполинскій 390.
— крикливые 392.
— фіолетовый 390.
— шлемоносные 391.
Турачъ 536.
Турумди, см. Соколъ-турумди.
Турухтанъ 606.
Тѣневая птица 789.
Тюрко 276.

У.

Удодовыя птицы 361.
Удодъ древесный 364.
— обыкновенный 361.
Удоды 361.
— древесные 364.
Улитъ большой 609.
Улиты 606.
Урубу 760.
Утка каролинская 840.
Утки каролинскія 840.
— ныряющія 842.
— плавающія 836.

Ф.

Фазановыя птицы 507.
Фазанъ алмазный 554.
Фазанъ золотистый 552.
— королевскій 550.
— обыкновенный 550.
— серебряный 548.
Фазаны 545.
— настоящіе 549.
— ушастые 549.
Фаэтоновыя птицы 812.
Фаэтонъ 812.
Фаэтоны 812.
Фигляръ 704.
Фигляры 704.
Филиновыя птицы 409.
Филинъ блѣдный 409.
— пугачъ 409.
— фараоновый 409.
Филины 409.
Флажолетовый пѣвецъ 76.
Фламинго 795.
Фламинговыя птицы 795.
Флейтщикъ 246.
Франколины 535.
Фрегатовыя птицы 809.
Фрегатъ 809.
Фрегаты 809.

Х.

Халкофаны 191.
Химанго 735.
Химахима 734.
Ходулочники 612.
Ходулочникъ 612.
Холзанъ 692.
Хохотунъ черноголовый 635.

Ц.

Цапли 767.
— дневныя 770.
— колпицы 793.
— малыя 773.
— ночныя 776.
— солнечныя 596.
Цапля бѣлая 770.
— ибисовая 772.
— исполинская 770.
— малая 773.
— солнечная 596.
— сѣрая 770.
Цесарка грифовая 564.
— обыкновенная 564.
— хохлатая 564.
Цесарки 564.
Цесарковыя птицы 564.
Цисса китайская 234.
Циссы 234.
Цистикола бѣгающая 78.
Цистиколы 78.

Ч.

Чагра 255.
Чайка бѣлая 637.
— морская большая 634.
— обыкновенная 635.
— полярная большая 634.
— полярная малая 634.
— серебристая 634.
Чайки 632.
— буревѣстники 667.
— бѣлыя 636.
Чайки настоящія 634.
— трехпалыя 637.
Чайковыя птицы 627.
Чеглокъ 685.
Чеграва, см. Крачка-чеграва.
Чекканки 33.
Чекканчикъ луговой 33.
— черноxвостый 33.
Чернети 846.
Чернеть красноголовая 846
Черноголовка 56.
Чечетка 143.
Чибисъ обыкновенный 614.
— шпорцевый 617.
Чижи 144.
Чижикъ обыкновенный 144.
Чинкисъ 558.
Чистики 642.
Чистиковыя птицы 641.
Чистикъ 642.
Чистикъ атлантическій 647.
Чомга 814.

Ш.

Шакупемба 570.
Шалашники 217.
Шалашникъ пятнистый 217.
— шелковистый 217.
Шапу 191.
Швейки 78.
Шерстоспинныя птицы 273.
Шилоклювка 613.
Шилоклювки 612.
Широконоска 839.
Широкороты 432.
— азіатскій 432.
Шпорники 558.
Шпорцекрылыя птицы 851.

Щ.

Щеврицы 117.
Щегленокъ 145.
Щеглята 145.
Щурка австралійская 367.
— золотистая 365.
— пурпуровая 366.
Щурки 364.
Щурковыя птицы 364.
Щуръ 152.

Э.

Эльфъ великолѣпный 324.
Эльфы 324.
— хвостатые 324.
Эму 863.

Я.

Ягнятники 737.
Ягнятникъ бородатый 737.
Япу 191.
Яссана 652.
Ястребъ-перепелятникъ 724.
— пѣвчій 730.
— саранчевый 730.
Ястребы 724.
— пѣвчіе 730.

Указатель латинскихъ названій.

A.

Acanthis 142.
— cannabina 142.
— flavirostris 142.
— linaria 143.
Accentor 51.
— collaris 52.
— modularis 51.
Accipiter 724.
— nisus 724.
Accipitres 674.
Accipitrinae 718.
Acredula 87.
— caudata 87.
Acrocephalus 62.
— arundinaceus 62.
— schoenobaenus 54.
Aegithalus 89.
— pendulinus 89.
Aegotheles novae-hollandiae 428.
Agelaeus 187.
— oryzivorus 187.
— pecoris 189.
— phoeniceus 190.
Alaemon 112.
— desertorum 112.
Alauda arvensis 103.
— calandra 105.
— yeltoniensis 107.
Alaudidae 102.
Alca 643.
— impennis 644.
— torda 643.
Alcedininae 367.
Alcedo ispida 369.
Alcidae 641.
Alectoridornithes 504.
Ammomanes deserti 112.
Ampelidae 283.
Ampelinae 285.
Anabatidae 277.
Anas boscas 837.
— clypeata 839.
Anastomus 787.
— lamelligerus 787.
Anatinae 836.
Androglossa amazonica 442.
Anser cinereus 826.
— ferus 826.
— hyperboreus 829.
Anserinae 825.
Anthus 117.
— campestris 120.
— pratensis 118.
— richardi 121.
— spipoletta 120.
— trivialis 119.
Aptenodytes chrysocome 660.
— pennantii 659.
Aptenodytidae 659.
Aptenodytiornithes 659.
Apterygiformes 575.
Apteryx australis 576.
— mantelli 576.
Aquila 691.
— audax 698.
Aquila chrysaëtos 692.
— fasciata 698.
— melanaëtus 695.
— pennata 696.
— pomarina 696.
Archibuteo lagopus 699.
Ardea 770.
— alba 770.
— cinerea 770.
— garzetta 771.
— ibis 772.
— nobilis 770.
Ardeidae 767.
Ardetta 773.
— minuta 773.
Arenaria interpres 623.
Argus giganteus 560.
Artamus 203.
— fuscus 204.
Asio accipitrinus 413.
— otus 412.
Astur palumbarius 726.
Asturina 730.
— musicus 730.
— polyzona 730.
Atagen aquila 809.
Athene noctua 405.

B.

Balaeniceps rex 777.
Bolborhynchus monachus 444
Bombycilla garrula 258.
Botaurus stellaris, 774.
Brachypodidae 101.
Branta 829.
— bernicla 829.
Bubo ascalaphus 409.
— ignavus 409.
— turcomanus 409.
Buboninae 409.
Bucconidae 393.
Buceros 356.
— bicornis 356.
— plicatus 359.
Bucerotes 354.
Bucerotidae 554.
Budytes 116.
— citreolus 117.
— flavus 116.
Buphaga 198.
— erythrorhyncha 198.
Buteo vulgaris 699.
Buteoninae 691.

C.

Caccabis 527.
— petrosa 530.
— rufa 528.
— saxatilis 527.
Calcarius lapponicus 165.
— nivalis 167.
Callipepla 542.
— californica 542.
— gambeli 543.
Callipsittacus novae-hollandiae 461
Caloenas nicobarica 493.
Calurus 353.
— resplendens 353.
Calyptorhynchus 468.
— banksi 469.
— galeatus 469.
Campephagidae 258.
Cancroma cochlearea 777.
Capitonidae 316.
Caprimulgidae 415.
Caprimulgus 417.
— europaeus 417.
— ruficollis 417.
— vociferus 418.
Carduelis 145.
— elegans 145.
Carine 405.
— noctua 405.
— passerina 407.
Cassicus 191.
— cristatus 191.
Casuarius galeatus 861.
Catharista 760.
— atrata 760.
— aura 760.
Catheturus lathami 572.
Centropus 387.
— phasianus 387.
— senegalensis 387.
Cephalopterus ornatus 285.
Ceratornis 558.
— melanocephala 558.
— Satyra 558.
Cereopsis novae-hollandiae 835.
Certhia familiaris 95.
Certhiidae 91.
Certhiinae 94.
Ceryle 372.
— rudis 372.
Charadriidae 597.
Charadriiformes 59.
Charadriinae 614.
Charadriornithes 597.
Charadrius 617.
— curonicus 620.
— morinellus 619.
— pluvialis 618.
Chasmorynchus 287.
— carunculatus 287.
— nudicollis 287.
— tricarunculatus 288.
— variegatus 288.
Chelidonaria urbica 270.
Chenalopex aegyptiacus 831.
Chlamydodera holosericea 217.
— maculata 217.
Chlamydoderinae 217.
Chloris hortensis 141.
Chrysococcyx 383.
— cupreus 383.
Chrysomitris 144.
— spinus 144.
Ciconia alba 779.
— nigra 784.
Ciconiidae 778.
Cinclus 37.

Cinclus merula 37
Circaëtus 701.
— gallicus 701.
Circus 730.
— aeruginosus 732.
— cyaneus 730.
— macrurus 730.
— pygargus 732.
Cissa 234.
— erythrorhyncha 234.
Cisticola cursitans 78.
Cisticolinae 78.
Clamatores 273.
Clivicola 272.
— riparia 272.
— rupestris 272.
Coccoborinae 162.
Coccoborus 163.
— ludovicianus 163.
— virginianus 164.
Coccothraustes vulgaris 134.
Coccyges 379.
Coccystes 386.
— glandarius 386.
Colaeus monedula 229.
Colaptes 299.
— auratus 299.
— campestris 300.
— erythrocephalus 300.
— formicivorus 300.
— mexicanus 299.
Colii 349.
Colius macrourus 349.
Collocalia 344.
— fuciphaga 346.
— nidifica 344.
Coloburis 273.
— bengalensis 274.
Columba 482.
— livia 485.
— oenas 484.
— palumbus 482.
Columbidae 476.
Columbiformes 476.
Columbinae 479.
Colurus resplendens 353.
Colymbi 814.
Colymbidae 813.
Colymbiformes 813.
Colymbus cristatus 814.
— fluviatilis 816.
— minor 816.
Conurinae 444.
Conurus 446.
— carolinensis 446.
Coraciae 429.
Coracias garrula 430.
Coraciidae 429.
Coraciiformes 394.
Coracornithes 17.
Corvidae 220.
Corvinae 221.
Corvus 221.
— albicollis 229.
— corax 221.
— cornix 224.
— corone 224.
— crassirostris 229.
— frugilegus 227.
— scapulatus 229.
Coryllis 457.
— galgulus 458.
Corythaeolus 390.
— cristatus 390.
Corythaix 391.
— leucotis 391.
Cosmetornis 419.
Coturnix 537.
— communis 537.
Cracidae 567.
Crateropus 81.
— leucopygius 81.
Crax 567.
— alector 567.
Creadion acutirostris 219.
Crex pratensis 584.
Crossoptilon 549.
Crotophaga minor 388.
Crotophaginae 387.
Crypturiformes 574.
Cuculidae 379.
Cuculinae 379.
Cuculus canorus 380.
Cursorius 620.
— aegyptius 620.
— gallicus 620.
Cyanecula 25.
Cyanocitta 239.
— cristata 239.
Cyanocorax 233.
— chrysops 233.
Cyanopolius cookii 239.
Cygninae 820.
Cygnus atratus 824.
— bewickii 822.
— musicus 822.
— nigricollis 823.
— olor 822.
Cypselidae 338.
Cypselus apus 341.
— melba 340.
Cypsorhinus musicus 76.

D.

Dendrochelidon 343.
— longipennis 343.
Dendrocitta 242.
— rufa 242.
Dendrocittinae 242.
Dendrocopinae 301.
Dendrocopus 303.
— major 304.
— medius 306.
— minor 306.
Deroptyus accipitrinus 442.
Dicholophidae 595.
Dicholophus 595.
— cristatus 595.
Dicrurus 206.
— paradiseus 206.
Didunculinae 494.
Didunculus strigirostris 494.
Diomedea exulans 664.
Diomedeinae 664.
Docimastes ensifer 325.
Dolichonyx 188.
Domicella 459.
— atricapilla 459.
Dromaeus 862.
— novae-hollandiae 863.
Dryocopus 301.
— martius 301.
— principalis 303.

E.

Ectopistes migratorius 479.
Elanus 713.
— melanopterus 713.
Emberiza 168.
— caesia 172.
— calandra 169.
— cia 173.
— cirlus 171.
— citrinella 170.
— hortulana 171.
— melanocephala 174.
— schoeniclus 168.
Emberizinae 165.
Enicurus 117.
— leschenaulti 117.
Epimachus nigricans 215.
— speciosus 216.
Eriodoridae 273.
Erismatura 847.
— leucocephala 847.
Erithacus 21.
— cyaneculus 26.
— luscinia 21.
— philomela 21.
— phoenicurus 32.
— rubeculus 27.
— suecicus 25.
— titis 30.
Eudynamis 386.
— nigra 386.
Eulabes 202.
— religiosus 203.
Euphonia 123.
— violacea 123.
Euplectes franciscanus 181.
Euplocomus 548.
— nycthemerus 548.
Eurylaemidae 291.
Eurylaemus javanicus 291.
Eurypyga helias 596.
Eurypygidae 596.
Eurystomus 432.
— orientalis 432.
Eutoxeres aquila 321.

F.

Falco 677.
— arcticus 682.
— candicans 681.
— cenchris 690.
— chiquera 685.
— peregrinus 683.
— rusticulus 682.
— subbuteo 685.
— tinnunculus 688.
— vespertinus 690.
Falconinae 677.
Falcunculus frontatus 257.
Formicivora 275.
— domicella 276.
Fratercula arctica 642.
Fringilla 136.
— coelebs 136.
— montifringilla 138.
— nivalis 139.
Fringillidae 124.
Fulica 579.
— atra 579.
Fuligula ferina 846.
Fuligulinae 842.
Furnarius 277.
— rufus 278.

G.

Galbula viridis 393.
Galbulidae 393.
Galerita 109.
— arborea 110.
— cristata 109.
Gallidae 507.
Galliformes 504.
Gallinago 601.
— caelestis 601.
— gallinula 603.
Gallinula chloropus 581.
Gallinulinae 579.
Gallus 546.
— bankiva 546.
— ferrugineus 546.
— sonneratii 546.
— stanleyi 546.
Garrulinae 234.
Garrulus glandarius 234.
— infaustus 237.
Gavia 636.
— alba 637.
Geotrygon 491.
— cyanocephala 491.
Geotrygoninae 491.
Geranornithes 589.
Glareola pratincola 626.
Glareolidae 626.
Glaucopinae 219.
Grues 589.
Gruidae 589.
Gruiformes 589.
Grus antigone 590.
— cinerea 590.
— communis 590.
— leucogeranus 590.
— pavonina 593.
— virgo 590.
Gygis alba 631.
Gypaëtus 737.
— barbatus 737.
Gyps 751.
— fulvus 751.
— rüppellii 752.
— vulgaris 751.

H.

Habropyga 182.
— minima 182.
Haemotopus ostrilegus 624.
Halcyon giganteus 375.
— semicoeruleus 375.
Halcyoniformes 354.
Halcyoninae 374.
Haliaëtus 706.

Haliaëtus albicilla 706.
— leucocephalus 706.
— pelagicus 709.
— vocifer 709.
Harpactes fasciatus 352.
Harpyia destructor 722.
Hellactinus 324.
— cornutus 324.
Heliothrix aurita 323.
Heliotrichinae 323.
Helotarsus ecaudatus 704.
Henicognathus leptorhynchus 445.
Hierax coerulescens 691.
Himantopus 612.
— candidus 612.
Hippalectryo galeatus 861.
Hippalectryonidae 861.
Hippalectryornithes 861.
Hirundinidae 264.
Hirundo rustica 266.
Hydrochelidon 630.
— hybrida 630.
— leucoptera 630.
— nigra 630.
Hydropsalis 419.
— forcipatus 419.
Hylactes 276.
— megapodius 276.
Hypermetra 325.
— gigas 325.
Hypolais 66.
— hortensis 66.
— opaca 67.
— philomela 66.

I.

Ibidae 789.
Ibidinae 790.
Ibis aethiopica 791.
— religiosa 791.
Ibycter australis 735.
— crotophagus 734.
— novae-zealandiae 735.
Icteridae 186.
Icterus 186.
— galbula 186.
Indicator sparrmanni 317.
Indicatoridae 316.
Irrisor erythrorhynchus 364.

J.

Jynginae 306.
Jynx torquilla 306.

L.

Lagopus 521.
— albus 521.
— mutus 523.
— scoticus 522.
Lampornis mango 321.
Lampornithinae 321.
Lampronessa sponsa 840.
Lamprotornis 200.
— aeneus 200.
— chalybeus 200.
— chrysogaster 201.
— leucogaster 202.
— superbus 201.
Laniidae 248.
Laniinae 249.
Lanius 249.
— collurio 251.
— excubitor 249.
— minor 251.
— nubicus 254.
— senator 254.
Laridae 627.
Larinae 632.
Larus 634.
— argentatus 634.
— glaucus 634.
— ichthyaëtus 635.
— leucopterus 634.
— marinus 634.
— ridibundus 635.
Leptoptilus 785.
— crumenifer 785.
Limosa 605.
— lapponica 605.
Locustella 65.
— naevia 65.
Lophophorus 557.
— impeyanus 557.
Lophorina 213.
— nigra 214.
— regia 213.
— superba 213.
Lophornis 324.
— ornata 324.
Lophortyx californica 542.
Loxia 158.
— bifasciata 159.
— curvirostra 159.
— pityopsittacus 159.
— rubrifasciata 159.

M.

Macrochires 319.
Macrodipteryx longipennis 419.
Malaconotinae 255.
Malaconotus aethiopicus 256.
— erythrogaster 256.
— erythropterus 255.
Megalaema flavigula 316.
Megaloperdix 536.
— caucasica 536.
Megapelia 493.
— coronata 493.
— victoriae 493.
Megapodiidae 571.
Megapodius 571.
— tumulus 571.
Meleagrinae 560.
Meleagris gallopavo 560.
— ocellata 561.
Meliphagidae 100.
Melopsittacus undulatus 462.
Menura 291.
— superba 292.
Merginae 847.
Mergulus alle 651.
Mergus albellus 848.
— merganser 848.
Meropes 364.
Merops apiaster 365.
— nubicus 366.
— ornatus 367.
Microglossus aterrimus 467.
Micropsittacinae 459.
Micropus apus 341.
— melba 340.
Milvus 714.
— aegyptius 717.
— ictinus 714.
— migrans 716.
Miminae 73.
Mimus polyglotta 73.
Molothrus 189.
Monticola 41.
— cyanus 42.
— saxatilis 41.
Morphnus 720.
— guianensis 720.
Motacilla 113.
— alba 114.
— lugubris 114.
— melanope 115.
Motacillinae 113.
Muscicapa atricapilla 362.
— collaris 263.
— grisola 261.
— parva 263.
Muscicapidae 258.
Musophaga violacea 390.
Musophagidae 389.
Mycteria 785.
— senegalensis 785.
Myiagrinae 264.

N.

Nasiterna 459.
— pygmaea 459.
Nectarinia metallica 100.
Nectariniidae 99.
Neophron percnopterus 753.
— pileatus 755.
Nestor 470.
— meridionalis 470.
— notabilis 471.
Nucifraga 240.
Nucifraga caryocatactes 240.
Numenius 604.
— arcuatus 604.
Numida cristata 564.
— meleagris 564.
— vulturinae 564.
Numidinae 564.
Nyctea scandiaca 402.
— ulula 404.
Nyctibius grandis 423.
Nycticorax cancrophagus 777.
— griseus 776.

O.

Odontophorinae 541.
Oedicnemus 658.
— scolopax 658.
Oreotrochilus 322.
— chimborazo 322.
Oriolus galbula 204.
Orthotomus 79.
— bennettii 79.
Ortyx virginianus 541.
Oscines 20.
Otides 654.
Otididae 652.
Otis macqueeni 657.
— tarda 654.
— tetrax 657.
— undulata 657.
Otocorys alpestris 107.
Oxypogon 326.
— lindeni 326.

P.

Palaeornis 455.
— torquatus 455.
Palamedea cornuta 851.
Palamedeidae 851.
Palamedeornithes 851.
Pandion haliaëtus 710.
Panurus 89.
— biarmicus 89.
Paradisea 210.
— apoda 210.
— minor 210.
— rubra 210.
— sanguinea 210.
Paradiseidae 209.
Paradiseinae 210.
Paridae 82.
Parra nigra 652.
Parridae 652.
Parus 83.
— ater 86.
— caeruleus 85.
— cristatus 86.
— fruticeti 86.
— major 83.
Passer 125.
— domesticus 126.
— hispaniolensis 130.
— montanus 131.
— petronius 132.
— socius 132.
Passeres 17.
Pastor roseus 197.
Pavo 554.
— cristatus 554.
Pelargoherodii 766.
Pelargornithes 674.
Pelecanidae 806.
Pelecanus onocrotalus 806.
Peliornithes 476.
Penelope 569.
— superciliaris 570.
Perdicinae 527.
Perdix cinerea 530.
Pericrocotus speciosus 258.
Pernis apivorus 711.
Pezophaps solitarius 494.
Pezoporus formosus 471.
Phaëton aethereus 812.
Phaëthornis 321.
— superciliosus 321.
Phalacrocoracidae 799.
Phalacrocorax carbo 800.
Phalaridornithes 578.
Phalaropus 611.
— hiperboreus 611.
— rufus 612.

Phaps chalcoptera 491.
— lophotes 491.
Phasianinae 545.
Phasianus 549.
— amherstiae 554.
— colchicus 550.
— pictus 552.
— reevesii 550.
Phoenicopteridae 795.
Phoenicopterus roseus 795.
Phylloscopus 67.
— rufus 68.
— superciliosus 69.
— tristis 68.
— trochilus 68.
Phytotoma rara 284.
Pica 231.
— rustica 231.
Pici 294.
Picidae 294.
Picumninae 306.
Picumnus minutus 306.
Picus viridis 296.
Pinicola 151.
— enucleator 152.
— erythrinus 151.
Pioninae 442.
Pipra 279.
— manacus 280.
Pisorhina 413.
— scops 413.
Platalea leucerodia 793.
Plataleinae 793.
Platycercus 460.
— eximius 460.
Plautus impennis 644.
Plectropterus gambensis 834.
Plegadis 790.
— falcinellus 790.
Plissolophus 469.
— leadbeateri 470.
— moluccensis 469.
Plissolophinae 465.
Ploceidae 175.
Ploceinae 176.
Ploceus 179.
— galbula 179.
Plotus 803.
— anhinga 803.
— levaillantii 803.
Podargidae 427.
Podargus australis 428.
Podiceps cristatus 814.
Polyborinae 733.
Polyborus brasiliensis 735.
Polyplectron 558.
— chinquis 558.
Polytminae 321.
Porphyrio 582.
— hyacinthinus 582.
— smaragdonotus 583.
Pratincola 33.
— rubetra 33.
— rubicola 33.
Prionites brasiliensis 378.
Procellaria capensis 669.
— gigantea 668.
— glacialis 668.
Procellariidae 664.
Procellariinae 667.
Progne purpurea 273.
Prosthemadera 100.
— novae-seelandiae 100.
Pseudoscines 291.
Psittacidae 433.
Psittacornithes 433.
Psittacus erithacus 451.
Psophia crepitans 594.
Psophiidae 594.
Pternistes 535.
— vulgaris 536.
Pterocles 495.
— alchata 500.
— arenarius 500.
— exustus 501.
Pteroclidae 495.
Pteroglossus 314.
— atricollis 314.
Puffinae 673.
Puffinus anglorum 673.
Pycnonotus arsinoë 102.
— nigricans 102.
Pyrrhocoracinae 242.
Pyrrhocorax alpinus 245.
— graculus 242.
Pyrrhula europaea 154.
— githaginea 156.
Pyrrhulinae 141.

R.

Rallidae 578.
Ralliformes 578.
Rallinae 584.
Rallus aquaticus 585.
Recurvirostra avosetta 613.
Regulus 69.
— cristatus 69.
— ignicapillus 70.
Rhamphastidae 309.
Rhamphastus 310.
— erythrorhynchus 311.
— magnirostris 310.
— temminckii 311.
Rhea americana 855.
Rheornithes 854.
Rhipidura melanogastra 264.
Rhynchaceros 355.
— erythrorhynchus 355.
Rhynchaea 603.
— capensis 603.
Rhynchops flavirostris 631.
Rhynchopsinae 631.
Rhynchotus rufescens 574.
Rissa tridactyla 637.
Rupicola 288.
— crocea 289.

S.

Sarcorhamphidae 755.
Sarcorhamphus 756.
— gryphus 756.
— papa 759.
Saurothera vetula 386.
Saxicola 34.
— leucura 34.
— oenanthe 34.
— rufescens 35.
— stapazina 35.
Schizorhis 392.
Scolopacinae 597.
Scolopax 597.
— rusticola 597.
Scopidae 789.
Scopus umbretta 789.
Scotornis longicaudus 418.
Scythrops novae-hollandiae 385.
Serinus 147.
— canarius 149.
— hortulanus 147.
Serpentariidae 763.
Serpentarius secretarius 763.
Sitta caesia 92.
— europea 92.
— neumayeri 94.
— sibirica 92.
Sittace 447.
— caerulea 449.
— coccinea 449.
— macao 449.
Sittinae 91.
Smilonyx ceylonensis 415.
Somateria 843.
— mollissima 843.
Sparganura 325.
— sappho 325.
Speotyto 408.
— cunicularia 408.
— hypogaea 408.
Spermestes 183.
— fasciata 183.
— oryzivora 184.
Spizaëtus 718.
— bellicosus 718.
— occipitalis 720.
Steatornis caripensis 424.
Steganopodes 799.
Steganurus 325.
— underwoodi 325.
Stercorariinae 638.
Stercorarius catarrhactes 639.
— parasiticus 641.
Sterna caspia 628.
— hirundo 629.
— minuta 629.
Sterninae 627.
Stipiturus malachurus 81.
Strepera tibicen 246.
Streperinae 246.
Strigidae 394.
Stringopinae 471.
Stringops habroptilus 473.
Strix 397.
— flammea 388.
Struthio 865.
— camelus 865.
Struthiornithes 865.
Sturnidae 192.
Sturnus unicolor 193.
— vulgaris 193.
Sula bassana 805.
Sulinae 805.
Sylvia 53.
— atricapilla 56.
— conspicillata 60.
— curruca 58.
— hortensis 57.
— melanocephala 61.
— nisoria 54.
— orphaea 54.
— provincialis 61.
— rufa 59.
— sarda 61.
— subalpina 60.
Sylvicolidae 113.
Sylviidae 20.
Sylviinae 50.
Syrniinae 400.
Syrnium aluco 409.
— lapponicum 402.
Syrrhaptes 496.
— paradoxus 496.

T.

Tadorna 832.
— casarca 832.
— damiatica 832.
Tantalus ibis 787.
Tanysiptera 377.
— galatea 377.
Tetrao bonasia 517.
— cupido 520.
— tetrix 514.
— urogallus 508.
— urogallo-tetrix 517.
Tetraoninae 507.
Textor 179.
— albirostris 179.
— dinemelli 179.
Thalassidroma 670.
— leucorrhoa 670.
— pelagica 670.
Thalassornithes 664.
Thrasaëtus harpyia 000.
Thraupinae 122.
Thraupis 122.
— aestiva 122.
— rubra 122.
Tichodroma muraria 96.
Timelia 81.
— pileata 81.
Timeliidae 73.
Tmetoceros abyssinicus 359.
Todidae 378.
Todus viridis 378.
Topaza 322.
— pella 322.
Totaninae 604.
Totanus 606.
— littoreus 609.
— pugnax 606.
Trichoglossinae 457.
Tringa 610.
— canutus 610.
— minuta 611.
Trochilidae 319.
Trochilinae 324.
Trochilus colubris 324.
Troglodytes parvulus 76.
Troglodytinae 76.
Trogon surucua 352.
— viridis 352.
Trogonidae 351.
Turdinae 20.
Turdus 43.
— iliacus 44.
— merula 45.

Turdus musicus 43.
— pilaris 45.
— torquatus 45.
— viscivorus 43.
Turnicidae 587.
Turnix sylvatica 587.
Turtur 488.
— communis 488.
— risorius 490.
Tyrannidae 279.
Tyrannus carolinensis 281.
— sulfuratus 283.

U.

Upupa epops 361.
Upupidae 361.
Uragus 153.
— sibiricus 153.
Uria bruennichii 648.
— grylle 647.
— lomvia 648.
— ringvia 648.
Urinator arcticus 817.
— glacialis 817.
— septentrionalis 817.
Urinatoridae 817.

V.

Vanellus capella 614.
— cristatus 614.
Vanellus spinosus 617.
Vidua 181.
— paradisea 182.
Vultur 748.
— auricularis 749.
— calvus 750.
— monachus 748.
Valturinae 742.

Z.

Zanclostominae 386.
Zonotrichia 139.
— albicollis 139.
— hiemalis 140.

Опечатки.

Стр.	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
198	eryhtrorhyncha	erythrorhyncha.
317	Медоѣды	Медовѣды.
393	Жакамара	Жакамаръ.

Каталогъ изданій

Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“

С.-Петербургъ, Невскій пр. 50.

Главное представительство для Россіи Библіографическаго Института (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ

Январь 1902 г.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знан., подъ общ. ред. *С. Н. Южакова* и проф. *П. Н. Милюкова.* Съ 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отдѣльн. приложен.: хромолитогр., карт. въ краск. и черн. картин.		
200 выпусковъ по 50 коп. — 20 томовъ въ роскошн. полукожан. переплетахъ по	6	—
Иллюстрированный Настольный Календарь Т-ва „Просвѣщеніе“ на 1902-й г.		
На полированной доскѣ, съ дугами для перелистыванія и подставкой	1	20
Въ формѣ отрывного календаря	—	80

Популярно-научныя сочиненія по исторіи литературъ.

	Р.	К.
Исторія нѣмецкой литературы съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени. Соч. проф. *Фр. Фогта* и *М. Коха.* Полн. пер. прив.-доц. Имп. Спб. унив. *А. Л. Погодина.* Съ 72 рис., 2 геліогравюр., 18 хромолитогр. и 6 черн. картин.		
15 выпусковъ по 50 коп. — Въ роскошн. полушагрен. перепл.	8	60

Популярно-научныя сочиненія по естествознанію: „Вся природа“.

	Р.	К.
Мірозданіе, общедост. астрономія, д-ра *В. Мейера,* бывш. директ. берлинск. „Урапіи“. Полн. пер. съ дополн. и библіогр. указат. по русск. астрон. литературѣ заслуж. проф. Спб. унив. *С. П. фонъ-Глазенапа.* Съ 287 рис., 10 карт. въ краск., 18 хромолитогр. и 13 черн. картин.		
Одобрено *Учен. Комит. Министерства Народн. Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебн. заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительск. библіотекъ низш. училищъ и для безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.*		
15 вып. по 60 коп. — За все изданіе 7 р. 50 к. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	8	60
Исторія земли, проф. *М. Неймайра.* Полн. пер. со 2-го, переработ. и дополн. проф. *Ульгомъ* изданія, съ обширн. дополн. по геолог. Россіи и библіогр. указат. по русск. литературѣ, подъ общ. ред. заслуж. проф. *А. А. Иностранцева.* Съ 1129 рис., 4 карт. въ краск., 22 хромолитогр. и 12 рѣз. на дер. картин.		
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.*		
30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	15	—

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Жизнь растеній, проф. ***А. Кернера фонъ-Марилаунъ.*** Пер. съ дополн. и библіографич. указат. со 2-го совершенно вновь переработ. и дополн. изданія прив.-доц. А. Генкеля и В. Трапшеля, подъ ред. заслуж. проф. *И. П. Бородина.* Съ 2100 рис., 1 карт. въ краск., 24 рѣз. на дер. картин. и 40 хромолитогр. ***Рекомендовано*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествознаніе, и* ***Одобрено*** *для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.* 30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	15	—
Народовѣдѣніе, проф. ***Фридр. Ратцеля.*** Полн. пер. съ оч. обширными оригин. дополнен. со 2-го соверш. переработ. изданія проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1103 рис., 6 карт. въ краск., 30 хромолитогр. и 26 черн. картин. 36 выпусковъ по 35 коп. — Въ 2 роскошн. полушагрен. перепл.	15	—
Происхожденіе животнаго міра, проф. ***В. Гааке.*** Полн. пер. д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. д-ра зоол. проф. *Ю. Н. Вагнера.* Съ 469 рис., 1 карт. въ краск., 9 рѣз. на дер. картин. и 11 хромолитогр. 15 вып. по 50 коп. — За все изданіе 6 руб. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	7	—
Человѣкъ, проф. ***І. Ранке.*** Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. д-ра М. Е. Ліона и д-ра мед. Берлинск. университета А. Л. Синявскаго, подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1398 рис., 6 карт. въ краск. и 35 хромолитогр. 30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 руб. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	14	20
Жизнь животныхъ Брэма. Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** Съ 1179 рис., 30-ю хромолитогр., 50 черн. картин. и 1 карт. въ краск. 60 выпусковъ по 35 коп. — Въ 3 роскошн. полушагрен. перепл. . . . . по	8	—

Новая серія роскошно иллюстриров. популярно-научн. сочиненій.

	Р.	К.
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* Составлена извѣстнѣйшими профессорами-спеціалистами подъ общ. ред. ***Г. Гельмольта.*** Полн. пер. съ значит. дополн. для Россіи избранн. русскихъ ученыхъ. Съ 220 отдѣльн. приложен., изъ нихъ 50 хромолитогр., 40 картъ въ краск. и 130 черн. картинъ. 80 выпусковъ . . . . . по	—	50

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

	Р	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. Полн. пер. подъ ред. и съ значит. дополн. по русск. зодчеству съ 9-го нѣм. изд. проф. Института Гражданск. Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 900 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. приложен. (хромолитогр. и черн. картин.). 10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . .	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. Полн. пер. съ IX нѣм. изд. подъ ред. проф. Технологич. Института Николая I ***Н. А. Гезехуса.*** Съ 950 рис. и 3 прилож. 10 выпусковъ . . . . . по	—	50
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полн. пер. подъ ред. и съ значительн. дополн. съ IX нѣм. изд. проф. Электротехн. Института Александра III ***В. В. Скобельцына.*** Съ 900 рис. и 12 прилож. 10 выпусковъ . . . . . по	—	50

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополн. проф. Спб. Лѣсного Института ***В. Я. Добровлянскаго.*** Съ 600 рис. и 9 прилож. (цвѣтн. и черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . . по	—	50
Горное дѣло и металлургія. Полн. пер. съ IX нѣм. изд. съ измѣнен. и обширн. дополн., подъ ред. проф. Спб. Горн. Института ***И. В. Мушкетова*** и ***В. И. Баумана.*** Съ 600 рис. и 12 приложен. (цвѣтн. и черн. картин.).		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . .	6	—
Технологія металловъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. съ значит. дополн. и подъ ред. проф. Спб. Горн. Института Екатерины II ***А. Н. Митинскаго.*** Съ 1600 рис. и 6 прилож. (черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . . по	—	50
Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. Института Гражданскихъ Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 1000 рис. и 3 прилож. (хромолитогр. и черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . . по	—	50

Популярно-научные альбомы картинъ по географіи и естествознанію.

	Р.	К
Альбомъ картинъ по географіи Европы. Поясните. текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. съ дополн. преподават. географіи *А. П. Нечаева,* съ предислов. *Д. А. Коропчевскаго.* 75 стр. текста и 233 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.*		
Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.*		
Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Финансовъ.*		
Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи*** *для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій* ***Императрицы Маріи.***		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	50
Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. Описательный текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Полн. пер. преподават. учительск Института въ Спб. *А. П. Нечаева,* съ предислов. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 85 стр. текста и 314 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.*		
Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.*		
Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Финансовъ.*		
Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи*** *для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій* ***Императрицы Маріи.***		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 84 стр. текста съ 258 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя читальни.* ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.* Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 76 стр. текста и 238 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. на 134 табл. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерствъ, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя читальни.* Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Полн. пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 76 стр. текста и 208 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона.* Ок. 70 стр. текста и 292 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по географіи растеній. Съ описат. текст. д-ра ***М. Кронфельда.*** Полный пер. прив.-доц. Спб. университета *А. Г. Генкеля.* Ок. 80 стр. текста и 216 отдѣльн. рѣз. на дер. и вытравл. на мѣди худож. рис. по фотогр. на 116 стр. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75

На складѣ Товарищества находятся:

Жизнь бабочекъ, проф. ***Шпандфусса.*** Пер. и дополн. подъ ред. *И. Я. Щевырева.* Съ 200 рисунковъ. *Цѣна 2 р. 50 к.*

Хрестоматія для устн. и письм. сочинен. съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели ***В. Н. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** *Цѣна 60 коп.*

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи нашихъ изданій исполнены лучшими художниками и изготовлены по нашему заказу, въ Лейпцигѣ, Библіографическимъ Институтомъ и фирмой Отто Шпамеръ.

Допускается самая широкая разсрочка платежа; условія разсрочки высылаются по требованію безплатно.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18 апрѣля 1901 г.

Типогр. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, соб. д. № 20.